

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1897

Годъ 28-й.

Малая Морская, № 22.

Оглавление „НИВЫ“ за 1897 годъ.

I. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и проч. СТРАН.

«Бѣлымъ голубемъ»... Стих. А. Будищева	636
Вернулася. Рожд. разск. Р. Базэна	1211
Волшебный кувшинъ. Корейск. сказка. М. П. Васильева	8
«Вопросъ не новъ»... Стих. Я. П. Полонскаго	1201
Воровка. Разск. А. де-Нора	392
Въ больницѣ. Разск. Фриды Шанцъ	544
Въ лапахъ. Разск. В. В. Уманова-Каплуновскаго	518
Въ лѣсу. Очеркъ Э. Вильденбруха	731
«Въ ногахъ моихъ цвѣты»... Стих. К. М. Фофанова	494
Въ оестинскихъ горахъ. Посмертн. разск. В. П. Желиховской	1105, 1130
Въ положеніи невидимки. Разск. Б. П. Никанова	968
Въ пустынь. Изъ путев. записокъ. В. А. Романова	398
Въ сорочкѣ родился. Разск. Д. Р.	224
«Въ часы раздумья рокового»... Стих. К. М. Фофанова	494
Голубой платокъ. Разск. К. К. Случевского	169, 194, 218
Грѣза. Эскизъ Н. А. Лукмановой	874
Давидъ. Рассказъ Поля Бурже	127
Добрыйна. Разск. Эрнста Ленбаха	1186
«Если-бъ смерть»... Стих. Я. П. Полонскаго	1057
Жизнь. Поэма въ прозѣ. Нины Биччи	272
«За сельской околицей тихо»... Стих. А. Н. Будищева	667
Зубная боль. Очеркъ. Б. Н-ва	612
Изъ весеннихъ пѣсень. Стих. Зои Бухаровой	446
Искатель коралловъ. Разск. В. Урбана	919, 944
Исторія одной бороды. Разск. Арпада Берчина	994
Intermezzo. Стих. С. Сафонова	344
Конецъ Трезора. Разск. Б. П. Никанова	1160
Контрабандистка. Разск. Б. Гаррисона	319
Корона съ бриллями. Разск. А. Конанъ-Дойля	440, 467
Косой заяцъ. Рассказъ К. Л. Ярославской	106
Къ звездамъ. Рождеств. рассказъ В. Я. Свѣтлова	1203
«Лодка тихо скользила»... Стих. А. М. Ведогова	40
Лих. Стих. В. В. Уманова-Каплуновскаго	1120
«Люблю я день»... (стих. А. В. Круглова	272
Мечтатель. Разск. Огюста Блонделя	200, 226
Моя сосѣдка за столомъ. Разск. В. Брафогеля	368
Муза. Очеркъ. Ф. А. Червинскаго	682
На Пескахъ. Разск. А. Фромма	1063
На пути къ счастью. Ром. въ 2-хъ ч., Вас. И. Немировича-Данченко	265, 290, 314, 337, 361, 385, 410, 434, 458, 488, 512, 536, 560, 581, 606, 630, 654, 675, 701, 722, 746, 769, 793, 818, 841, 865, 890, 913, 938
Нерѣшительность. Разск. В. Васильева	296
Не такъ страшно. Разск. Ф. Филиппа	82
Новая жизнь. Пасхальн. разск. О. Н. Чюминой	346
Новыя впечатлѣнія. Разск. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	1154, 1177
Обнять весь міръ. Рассказъ И. Н. Поталенко	Обложка № 15
Опца. Рожд. оч. И. Н. Поталенко. Обложка № 51	№ 51
«Отчего такъ ярко»... Стих. А. М. Ведорова	135
Панталоны г-на казначея. Историч. очеркъ. Г. Гербертова	638
Пара сапогъ. (Изъ разск. стараго студента). И. Н. Поталенко	251
Перчатки. Разск. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	34
Последній ширъ. Рожд. карт. Н. Н. Каразина	1202
Превращеніе. Флорент. повѣдка. Д. С. Меремжескаго	146, 176
Пѣсни любви. Стих. О. Яковлева	1239
Рождественская ночь въ лѣсу. Стих. К. М. Фофанова	1218

СТРАН.
Рыжокъ и Бѣляшъ. Разск. Ж. Рамо . 1090, 1112

Самая дурная женщина Лондона. Разск. Т. Филиппа	594
Свѣтлый праздникъ. Стих. М. М. Гербановскаго	346
«Сегодня праздникъ у меня»... Стих. А. В. Круглова	999
Слишкомъ поздно. Разск. ди-Джакомо	660
Сны. Повѣсть. Вл. И. Немировича-Данченко . . . 1, 25, 59, 74, 97, 121, 152	152
Солідный подарокъ. Святочн. разск. книг. Маріи Волконской	1225
Состязаніе. Стих. В. Жуковскаго	758
Союзъ рыжеволосыхъ. Разск. А. Конанъ-Дойля . . . 8 2,	826
Спасительная вѣсть. Стих. Д. С. Михаловскаго	807
Судъ Божій. Рассказъ (съ англійскаго)	848
Счастливыи край. Стих. В. Булгакова	1143
Тишина. Стих. К. М. Фофанова	926
Удаль. Истор. повѣсть. В. М. Михеева . . . 986, 1010, 1034, 1058.	1082
Уродь. Разск. Л. Де-Тенсо . . . 752,	778
Фалка. Стих. Д. С. Михаловскаго . . . 224	224
Шанка Ивона. Разск. Ж. Экара . . . 418	418

II. Биографіи и характеристики ко всемъ 142 помѣщеннымъ портретамъ (см. отдѣлъ XV: Живопись, рисунки, скульптура и портреты).

III. Историческіе и археологическіе очерки.

Васко де-Гама (400-лѣт. откр. морск. пути въ Индію)	807
Древнѣйшіе самовары	1238
Королева Викторія	535
Къ 25-лѣтію Московск. Политехнич. муз.я.	1170
Къ 100-лѣтію Маріинскаго института въ СПб.	1171
Молодость графа Аракчеева. Историч. очеркъ С. Н. Шубинскаго	1232
Петръ Великій въ Заандамъ	862
Последніе дни Суворова. Очеркъ А. О. Шидловскаго	14
Почаевская Успенская лавра	930
500-лѣтіе Кирилло-Бѣлозерск. монаст.	599
Романтика въ музеяхъ. Очеркъ Э. Либермейстера	496
100-лѣтіе Александро-Невской лавры	1194
300-лѣтіе Новгородск. Антошевск. монастыря.	883
Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ. Очеркъ А. О. Шидловскаго	1095

IV. Географическіе и этнографическіе очерки; путешествія.

Абессинская выставка	303
Барселона. Очеркъ Г. Диркса	709
Валдай и его окрестности	638
Два дня въ Китаѣ. И. В. Инженцаго	1166
Илецкое соляное мѣстороженіе. Н. Шо-на	446
Новая Калифорнія. Очеркъ И. М. Эйзена	1067
Памирскіе киргизы. Очеркъ М. Л. Тагѣва	895
Переселенцы въ Западной Сибири. Очеркъ И. М. Эйзена	1043
Полярные льды. Очеркъ В. Бердрова	1138
По Обоянью. Путев. набр. и замѣтки И. О. Тюменева	49
Ревель. Очеркъ И. М. Эйзена	618
Русскій домъ въ Меранъ	1171
Сахалинъ, островъ	1118
Сямъ и его король	590
Стокгольмъ. Очеркъ М. Гандольфа	568
Усть-Нарова (Гунгербургъ)	620
Черногорія. (Къ 200-лѣтію княжескаго рода)	83
Юрьевъ. Очеркъ И. М. Эйзена	241

V. Естествовѣдѣніе и астрономія.

Альбатросъ. Очеркъ А. Зейтца	447
Внутренность земного шара	902
Деревья-великаны	716

СТРАН.

Изъ жизни колошки. Очеркъ В. А. Фрея 950,	975
Летающіе раки	1191
Ловля черепахъ на Мадагаскарѣ	646
Млекопитающія, кладущія яйца	782
Можетъ ли ожить замерзшее животное?	135
Новое дѣленіе въ кольцѣ Сатурна	999
Работа рѣкъ	689
Танцующія птицы. Очеркъ Г. Тэна	63
Чѣмъ защищаются животныя отъ враговъ. Очеркъ В. Э. Иверсена	663
Ящерица-плащеносецъ	1048

VI. Новыя изобрѣтенія и технологія.

Графофонъ	713
Микрофонографъ Дюссо	643
Неографъ	139
Остеокластъ Лоренца	208
Таможенный досмотръ съ помощью X-лучей	669
«Турбинія» самое быстроходное судно	907
Штенцеля воздухоплават. снарядъ	42
Электричество и колокольный звонъ	1027
Электр. ж. д. съ подводными рельсами	90

VII. Искусства.

Выставка работъ японскихъ художниковъ	19, 110
Выставка скандинавская художественн.	1123
Выставка художественныхъ афишъ	1196
Выставка художеств. предметовъ въ д. гр. Строганова	472
Выставки художественныя	351, 374
Гоголевскіе типы въ исполненіи артистовъ-малороссовъ. Очеркъ В. В. Уманова-Каплуновскаго	1025
Дебюты на Маріинской сценѣ. В. Баснина	481
«Дочь микадо», новый балетъ	1219
Малороссійск. театръ и труппа Кропивницкаго	645
«Опрятникъ», Чайковскаго	1050
Федотовъ, П. А. Очеркъ И. Гр.	32

VIII. Текущія событія.

Англійское посольство въ Абессинія	504
Бурное засѣданіе австр. рейхсрата	1195
Варшавское техническое училище	1145
Воздушный полетъ Андрѣ	692
Въ честь дорогихъ гостей	790
Выставка пожарная, передвижная	762
Выставка сельско-хоз. и промышл. въ Кіевѣ	835
Выставка стокгольмская	548
Германская императорская чета	700
Гибель берлинскихъ воздухоплавателей	576
Гибель броненосца «Гангутъ»	622
25-лѣтіе зоологич. станціи въ Неаполѣ	528
Закладка столовой Человѣколюб. Общества	979
Катастрофа въ Парижѣ	450
Крещеніе Вел. Книг. Татьяны Николаевны	598
Крушеніе воинск. поѣзда на псковорижск. ж. д.	478
Крушеніе миноноски и гибель герцога Фридриха-Вильгельма	953
Къ пріѣзду президента Фора	763
Къ столѣтію удѣловъ. Очеркъ И. М. Эйзена	322
Маневры подъ Бѣлостокомъ	1016
Манифестъ 29-го мая	551
Мостъ Александра III въ Парижѣ	758
Наводненіе 4-го ноября въ Спб.	1098
Наши французскіе гости	745
Новое зданіе 12-ти городск. училищъ	1002
Новое зданіе консерваторіи. В. Баснина	274
11-е августа 1897 г. И. М. Эйзена	787
Оккупация Крита	302
Открытіе памятника Н. И. Пирогову	786
Памятникъ Гюи-де-Мопассану въ Парижѣ	1172
Пироговскій музей въ Петербургѣ	1163
Подарки Ф. Фора Государю Императору	905
Пожаръ въ лондонскомъ Спти	1147
Пожаръ на нефтяныхъ промыслахъ	529
Пребываніе въ СПб. императора Вильгельма. И. М. Эйзена	737

	СТРАН.
Пребывание въ С.П. императора Франца-Иосифа	423
Пребывание въ С.П. президента Фора М. М. Эйзена	810
Пребывание Ихъ Имп. Велич. въ Варшавѣ	858
Преображенскій полковой хоръ въ Парижѣ	1100
Русскій колоколъ въ Шателро	620
100-лѣтіе Вѣд. Учрежд. Имп. Маріи	475
100-лѣтіе 137-го пѣх. Нѣжинск. полка	623
Съездъ врачебный въ Москвѣ	854, 878
Съездъ статистическій въ С.П.	907
Чума и голодъ въ Индіи	299
Экскурсія студентовъ въ Великій Новгородъ	1122
Юбилей короля Оскара II	935

IX. Статьи разнаго содержания.

Блѣкуольскій подводный туннель	553
Великій филантропъ—Ф. II. Гаазъ	278
Восточно-китайская жел. дорога	161
Дома трудолюбія	830
Дѣтскіе сады въ Россіи	326
Издѣлія изъ яичной скорлупы	355
Исторія перваго велосипеда	524
Какимъ образомъ дѣтя учатся думать и говорить. К. Л. Шефера	39
Комнатное растениеводство	86
Крейсеръ «Самодѣя»	504
Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ	1001
Пасха	352
Предупрежденіе заболѣванія железъ у дѣтей	298
Слѣды всемірнаго потопа. Очеркъ Ю. Штинде	230
Успѣхи желѣзнодорожнаго дѣла	926
Храмъ Андрея Критскаго на Сибирск. жел. дор.	762
Шарманка. Очеркъ Е. Шмитта	545

X. Библиографія.

Amisons-pous! А. Богаевской	19
Астрономическая записка. Бартник-овскаго	140
Библиотека маленькаго читателя	1244
Въ лѣсу и въ полѣ	1244
Въ любовномъ чаду	117
Геніальный поморъ. А. В. Круглова	1244
Исторія искусствъ. П. Гвидича	416, 947
Календари на 1898 годъ	1243
Любимыя сказки. А. Богаевской	19
Мамины пѣсенки. А. Богаевской	19
Музыкальный календарь А. Габриловича на 1897 г.	91
На ранней зорькѣ. А. Корнифскаго	43
Натанъ Мудрый. Г. Э. Лессинга, перев. В. Крылова	909
Описание путешествія Ихъ Имп. Величествъ	284
Отрывные календари на 1897 г. Изд. Э. Гоппе	20
Отчетъ о дѣятельности дѣтск. приотвъ По Святой Землѣ. М. П. Соловьева	455
По Сѣверо-Западу Россіи. К. Случевскаго	1002
Почитать-бы! Н. И. Познякова	1243
Природа въ комнатѣ. К. Кренелина	1244
Рейнке-лѣсъ-хитродумъ. Познякова	1244
Rigascher Hausfrauen-Kalender für das Jahr 1897	20
Русскій карманный календарь для всѣхъ, на 1897 г.	20
Русскій сельскій календарь на 1897 г.	20
Сибирскій торг.-промышл. и справ. календарь на 1897 г.	20
Смленскъ и Гальске на выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ	284
Современный календарь на 1897 г., А. Д. Ступина	20
Товарищъ. Пов. Н. И. Познякова	43
«Шуть», художеств. журналъ	163

XI. Политическое обозрѣніе.

Во всѣхъ №№—съ 1 по 52.

XII. Смѣсь.

Аппетитъ паука	578
Бумажный змій	531
Вліяніе одежды на дикарей	717
Вліяніе телефонныхъ проводовъ на грозу	672

	СТРАН.
Выставка предметовъ судоходства въ С.П.	357
Газопроводныя трубы изъ бумаги	649
Гдѣ больше всего путешествуютъ?	1148
Голландская приманка для рыбъ	648
Данныя о винной монополіи	357
25-лѣтіе передвижн. худож. выставокъ	211
Дѣйствіе электричества на голоса пѣвцовъ	649
Дѣятельность госуд. сберегат. кассъ	505
Желѣзнодорожная сѣть земного шара	178
Женскій университетъ	718
Женщины-изобрѣтательницы	601
Иллюминація лонд. собора св. Павла	672
Керосинъ противъ дифтерита	718
Коллекція рисунк. и акварелей кн. Тенишевой	261
Крушеніе брига «Вальянь»	671
Къ катастрофѣ Вонискаго поѣзда	505
Морскіе гиганты	578
Новая опера («Забава Путятишна»)	260
Новое объ Эдиссонѣ	694
Опытъ надъ электрическимъ скакомъ	649
Охота на змій въ Соед. Штатахъ	672
Памятники неизвѣстнаго племени	554
Потѣеть-ли собака?	505
Работа пара	1148
Разведеніе черныхъ лисицъ	626
Разсѣиваніе градовыхъ тучъ выстрѣлами	718
Сахаръ пыльный и колотый	672
Свѣченіе стекла въ темнотѣ	555
Сіамскій король въ Швейцаріи	626
Спектакль у гр. М. Э. Клейнмихель	306
Страна, не знающая водобоязни	530
Телеграфъ безъ проволоки	625
Туберкулиновые новые препараты Коха	331
Хирургія у индійцевъ	1076
Черныя бациллы	694
Электричество при рыбной ловлѣ	601
Электротехнич. промышл. въ Соед. Штатахъ	672
Японскія женщины	505

XIII. Парижскія моды.

12 №№—съ января по декабрь ежемѣсячно.

XIV. Тиражи выигрышей и погаш. билетовъ Гос. Банка.

Стр. 45, 237, 456а, 673, 885, 1102

XV. Живопись, скульптура, рисунки и портреты.

Абессинія. Англійское посольство въ Харрарѣ	506
Августа-Викторія, императр. германск.	699
Аврамовъ, В. Я.	260
Айвазовскій, И. К.	715
Алансонская герцогиня	453
Александра, вел. герцог. мекленб.-шверинская	401
Александровскій постъ въ Приморск. области	1117
Алхимикъ. Карт. Тенирса	949
Альбатросъ. Рис. А. Шпехта	448
Альбомъ-ююскъ, поднес. В. И. Ковалевскому	353
Аляска. Переправа черезъ рѣку	1072
Аляска. Становище въ Клондейкѣ	1070
Аляска. Чилькутскій проходъ	1072
Амуръ въ дорогѣ. Карт. Ж. Обера	1113
Ангелы Сикстинской мадонны	421
Андромаша. Карт. Рошгросса	225
Андрѣ, Самуилъ	691
Анна, княжна черноморская	551
Антокольскій, М. М.	89
Арпольдсонъ, Зигридь	356
Ауэръ, Л. С.	1076
Афиши художественныя, 4 рпс.	1197
Базанова, Ю. И.	575
Баку. Пожаръ на нефтян. промыслахъ	530
Барселона. Видъ съ птичьяго полета	711
Барселона. Видъ въ монастыр. Монсератѣ	714
Барселона. Входъ въ церковь св. Маріи Морской	711
Барселона. Дворъ въ зданіи суда	711
Барселона. Задній фасадъ зданія суда	710
Барселона. Квадральный соборъ	711
Барселона. Кладбище	713
Барселона. Королевскій дворецъ	710
Барселона. Памятникъ Колумбу	707

	СТРАН.
Барселона. Продавщицы цвѣтотъ	707
Батуевъ, А. П.	188
Бѣклинъ, Арнольдъ	1238
Берлинъ. Памятникъ Вильгельму I	236
Вертенсонъ, Л. Б.	1194
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.	113
Битва у Рокруа. Карт. Руайе	678
Благовѣщеніе. Карт. Мурлыко	948—949
Блондинка. Карт. К. Е. Маковского	985
Блѣкуольскій туннель:	
1) Поперечный разрѣзъ	554
2) Продольный разрѣзъ	555
Блюдо и солонка имп. Вильгельму отъ С.П.	744 в.
Богдановичъ, Е. В.	257
Богдановъ, А. П. проф.	1169
Бона-Мейеръ, проф.	736
«Bonjour!» Рис. П. А. Фодотова	32
Борьба за счастье. Карт. Рошгросса	220—221
Брамсъ, Иоганнъ	332
Буадефрѣ, де-, франц. генералъ	761
Буренинъ, В. П.	65
Бурное засѣданіе австр. рейхсрата	1196
Буслаевъ, Ф. П.	905
Вѣсовъ Носъ и его древн. изображенія. Рис. В. Павлова	54
«Вѣсы». Украинск. сказка Данилевскаго. Рис. II. Ижакевича	1093
Вагонъ-церковь на Сибирск. жел. дор.:	
1) Внутренній видъ	185
2) Звонница	186
3) Наружный видъ	185
Валдай. 4 вида	640
Варшава. Дешевая столовая	828
Варшава. Пребываніе Ихъ Имп. Велич.:	
1) Блюдо отъ г. Варшавы	861
2) Высочайшій смотръ войскамъ	857
3) Краковское предмѣстье	860
4) Лазенковскій дворецъ	860
5) Триумфальная арка	857
Варшава. Технич. училище Завельберга	1145
Василій Галицкій находитъ икону Бож. Мат. Рис. Н. Кошелева	1237
Васко де-Гама	808
Велепольскій, С., графъ	860
Вел. кн. литовск. Александръ встрѣчаетъ свою невѣсту. Рис. Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго	5
Венеція. Соборъ св. Марка. Внутр. видъ	420
Верное воскресенье въ Аbruццахъ. Карт. Тирателли	328
Веревочный мостъ въ Тибетѣ. Рис. Крампеля	729
Веселая минута. Карт. А. Ржевской	679
Весна. Карт. Л. Вдлички	337
Весна въ Провансѣ. Карт. Э. Майона	441
Вечеръ въ Каирѣ. Карт. Э. Берлингера	229
Викторія, корол. англ., въ 1837 и 1897 гг. 2 портр.	535
Вила Боргезе въ Римѣ. Карт. М. Федера	1045
Вильгельмъ I	233
Вильгельмъ II	699
Вильгельмъ, насл. принцъ герм.	706
Владивостокъ. Общій видъ	690
Владивостокъ. Панорама его:	
1) Бухта «Золотой Рогъ»	687
2) Выходъ въ открытое море	687
3) Сѣверная часть города	684
4) Центральная часть города	686
Властовъ, Г. К., почетн. опекунъ	41
Возвращеніе волостного старшины. Карт. П. И. Геллера	365
Во-духопланат. снаряжъ Штенцели:	
1) Двигатель съ углекислотой	44
2) Общій видъ	44
Воздушный полетъ къ сѣв. полюсу	691
Волшебный кувшинъ. 2 рис. Н. Каравина къ сказкѣ	10, 11
Вортонъ, лордъ. Портр. Ванъ-Дейка	949
Встрѣча на охотѣ. Карт. Р. Френца	889
Вурмъ, В. В.	1196
Входъ въ храмъ Соломона. Карт. Бауэрн-фейнда	124
Въ бурю. Статуя Э. Мюллера	37
Въ вѣнкъ пазъ розъ. Карт. А. Зейферта	777
Въ лѣсной глуши. Карт. Бернута	769
Въ лѣтній день. Карт. Л. Дегмана	641
Въ осеннюю распутицу. Карт. Р. Френца	1081
Въ праздничномъ уборѣ. Рис. Н. Лоренца	969
Въ раздумьи. Карт. Гримберга	841

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Въ роцѣ. Карт. Амберга	500	Жетонъ, поднесенный Д. В. Григоровичу	531	Кошачьи игры. Карт. Ю. Адама	852
Въ скиту. Карт. А. Д. Муратова	437	Жмурки. Карт. А. Риччи	780—781	Красное Село. Пребываніе имп. германскаго:	
Въ сладостномъ ожиданіи. Карт. А. Гофлингера	468	Жуана Романи въ своей мастерской	293	1) Герм. офицеры у Царск. валика	744г
Въ степи. Карт. А. Вагнера	629	Заандамъ. Домикъ Петра Великаго:		2) Смотръ конвоею Его Величества	744г
Въ субботу вечеромъ. Карт. К. Шторха	393	1) Разрѣзъ	861	Красное Село. Пребываніе президента французской республики	816д
Въ Тильзитъ въ 1807 году. Карт. Ф. Гессе	273	2) Фасадъ	861	Крелленбергъ, Г. И.	65
Въ углу. Карт. Г. Каульбаха	385	Заложение Успенскаго собора. Рис. Н. Дмитриева-Орелбургскаго	100	Крестный ходъ. Карт. Н. Е. Рѣпина. 940—941	
Выездъ на охоту. Карт. Г. Бютнера	853	Заль засѣданій городской думы въ СПб. 1241		Крешение Хлодвига I въ Реймсъ. 1227—1228	
Вяземскій, Л. Д., князь	329	Запорожскій пикетъ. Карт. С. Н. Васильковскаго	364	Креть. Флаги державъ въ Канетъ	301
Гагронъ, франц. генераль	761	Затыркевичъ въ роли Хиври	1026	Креть. Эскадра державъ передъ Канеей	300
Гайдамакъ. Карт. С. И. Васильковскаго «Гангутъ», броненосецъ	514	За урокомъ. Рис. И. Ижакевича	797	Кронштадтъ. Прибытіе французскаго президента	809
Ганнибалъ у воротъ Рима. Карт. К. Шюти	997	Зенгеръ, Н. К.	1169	Кропивницкій въ роли Тараса Бульбы. 1026	
Ганого, франц. мин. иностр. дѣлъ	760	Зима. Карт. Т. Шюгга	101	Крушеніе германской миноноски S 26. 953	
Гединъ, Свейв. путешеств.	1049	Игнатій, архимандритъ	575	Крушеніе поезда на псково-рижск. ж. д.:	
Гейне, Генрихъ	1185	Идольское мольбище. Карт. В. П. Овсянникова	373	1) Братская могила убитыхъ	480
Герасимъ, патриархъ іерусалимск.	257	Издѣлія изъ яичной скорлупы	357	2) Паровозъ, сошедшій съ пути	476
«Геофонъ», герм. крейсера	737	Изяславъ предлагаетъ дружбу дядѣ своему. Рис. К. Лебедева	173	3) Похороны убитыхъ	480
Гибель берлинскихъ воздухоплавателей:		Илецкое соляное мѣстороженіе:		4) Разбитые вагоны	477
1) Корзина съ двигателемъ	577	1) Амбаръ для соли	441—445	5) Разборка обломковъ	477
2) Шаръ съ корзиною	577	2) Внутри видъ рабочей камеры	445	6) Расчетка пути	476
Глава первая. Карт. К. Цейн	511	3) Внутри видъ склада соли	445	Купанье. Карт. Э. Дефонть	77
Глазуненко въ роли пана хорунжаго	1026	4) Машина для подъема соли	444—445	Куракинъ, А. Б., князь, мин. удѣловъ	329
Гобн, Х. Я., проф.	503	5) Мельница для размолу	444—445	Курляцкии. Карт. Тенирса	948
Гогенлоз-Шиллингенфюрстъ, герм. капцлеръ	706	6) Устье шахты	444	«Курфюретъ Фридрихъ-Вильгельмъ», броненосецъ	741
«Гогенполлеритъ», яхта	737	7) Часть разносной ямы	444	Къ празднику. Карт. А. Эрдельта	348
Голенищевъ-Кутузовъ, А. А., графъ, поэтъ	574	Гмепшница. Карт. Лингстона	873	Лакомка. Карт. Т. Груста	1065
Голыцинъ, В. М., князь	1169	Имеретинскій, А. К., свѣтл. князь	89	Латышевъ, В. А.	1244
Голыцинъ, Г. С., князь	17	Индія. Башня Безмолвія. 2 рис.	303, 304	Левинскій, В. Д.	1172
Градобой. Карт. Н. А. Сергѣева	436	Индія. Драка изъ-за зерна	305	Легенда объ отрубл. рукъ дьявола. 108—109	
Гротъ, К. К., статсъ-секр.	1103	Инокентій, митр. моск.	884	«Лепора», Бюргера. Карт. Ф. Кирхбаха	60—61
Гунгербургъ:		Исаковъ, Н. В.	1169	Литке, Э. П., графъ	929
1) Берегъ моря	617	Искатель коралловъ. 4 рис. къ разск. 922, 944, 946		Льсной ручей. Карт. Филкеля	805
2) Гавань	617	Искушение. Карт. Г. Г. Мясоѣдова	490	Льтній эюдь. Рис. А. Д. Кившенка	559
3) Храмъ св. Владимира	617	Иоаннъ Грозный. Статуя Антокольскаго	81	Льтняя ночь на Рафезундъ. Карт. А. Нормана	657
Гуниъ. Статуя Э. Гёзеля	25	Иоаннъ III подираетъ грамоту ханскую. Карт. А. Кившенка	869	Любимовъ, Н. А., проф. физики	527
Густавъ, наст. принцъ шведскій	567	Иоргъ Гизе. Портретъ Гольбейна Младшаго	947	Любовь. Карт. Ю. Шмидта	522—523
Давидъ, 8 рис. къ разсказу	128—134	Иуда. Карт. Н. А. Ярошенка	703	Маленькая хозяйка Карт. Г. Каульбаха	265
Даль, В. П.	977	Иуда. Рис. И. Ижакевича	324	Маленькіе перро. Карт. Кларота	161
Дарохранительница работы Адама Крафта	947	Калифорнія Новая—см. Аляска.		Малороссійская свадьба. Карт. Пимоненка	656
Два дня въ Китаѣ:		Кановасъ-дель-Кастильо, Антонио	786	Малороссійская труппа М. Л. Кропивницкаго	645
1) Во дворѣ русскаго консульства	1168	Капитель изъ Альгамбры. 2 рис.	420, 421	Маневры подъ Влоостокомъ:	
2) Во дворѣ телеграфн. конторы	1166	Капитель изъ мечети Абу-Дата	420—421	1) Въ ожиданіи команды	1023
3) Изображеніе чудовища «Таигъ»	1168	Каракаль, отстаивающей добычу. Рис. Шпехта	1069	2) Выкатка орудія	1020—1021
4) Крѣпость въ Чугучакъ	1167	Карта восточно-китайск. жел. дор.	164	3) Главный посредникъ	1022
5) Младшіе телеграфисты	1168	Касторъ и Поллуксъ. Карт. Рубенса	420	4) Кавалерійскій бивуагъ	1019
25-лѣтіе Политехн. музея въ Москвѣ	1169	Касьяновъ, Пв. Анап., пѣвецъ былинъ	56	5) Кавалерійская схватка	1018
Дездемона. Карт. Жуаны Романи	297	Катастрофа на «Сисоѣ Великомъ»:		6) Казани на развѣдкахъ	1019
День расчета. Карт. Л. Лермита	1061	1) На братской могилѣ	333	7) Кухня Царская, походная	1017
Деревян-великаны. 2 рис.	717	2) Поврежденныя орудія	333	8) На наблюдательномъ посту	1018
Дискоболъ. Статуя Лизиппа	417	3) Траурный вельботъ	333	9) Наступленіе	1021
Догадливая сестрица. Карт. Климша	796	Кѣльскій соборъ	420—421	10) На шоссе	1018
До дому. Карт. Н. К. Пимоненка	725	Книж. Спасо-Преображ. церковь. Рис. Павлова	52	11) Отстрѣливается	1021
Додъ, Альфонсъ	1219	«Китай-городъ», П. Боборыкина. Рис. В. Табурина	609	12) Офицеры на Царскомъ завтракѣ	1022
Долина, М. П., пѣвица	73	Кіевская выставка:		13) Парадъ 27-го августа	1024
Дома трудолюбія. 7 рис.	817, 828, 829, 832	1) Зданіе комитета	836	14) Погоня!	1020
Донцетти, Газтано	954	2) Общій видъ	836—837	15) Подвозъ воды	1017
Дорога въ усадьбу. Карт. Е. Волкова	632	3) Отдѣлъ полеводства	836—837	16) Покурить захотѣлось	1020
Дорожная встрѣча. Карт. баронессы Е. Врангель	1060	4) Отдѣлъ рыбоводства	837	17) По неприятелю въ цѣпи	1020
«Дочь микадо», балетъ. 2 рис.	1221	5) Павильонъ гр. Браницкихъ	836	18) Почта и телеграфъ	1017
Древніе самовары. 2 рис.	1239	6) Павильонъ гр. Потоцкаго	837	19) Сигналь послѣ отдыха	1016
Дрезина:		7) Павильонъ Кочубея	836—837	Марія Феодоровна, императрица (1759—1828)	473
1) Гонка на дрезинахъ	525	Кіевскій домъ трудолюбія. 2 рис.	829	Масленица. Рис. Н. Каразина	153
2) Манежъ дрезинистовъ	524	Клодтъ, М. П., и его рисункъ	993	Медаль для счетчиковъ народной переписи	43
3) Способъ посадки дамъ	525	Ключевскій, В. О., проф. исторіи	44	Меланхтонъ, Филиппъ	209
4) Устройство дрезинны	525	Кнейпъ, патеръ	648	Мельница. Карт. В. Гороновича	605
Друзья. Карт. Е. Меймана	972	Ковалевскій, В. П.	353	Мендельсонъ-Бартольди, Феликсъ	1100
Душеспасительная бесѣда. Карт. А. Наумона	893	Колоколь церкви въ Шателро. 2 рис.	624	Меранъ. Русскій домъ имени Бородинной	1173
Дуэтъ. Карт. М. Фольгарта	145	Колокольный звонъ электрической. 2 рисунка	1028	Merveilleuse. Карт. Ф. Резничка	361
Дѣвочки сны. Карт. М. Бюка	581	Колошкино гнѣздо	951	Микрофонографъ Дюссо	648
Дѣвочка-цыганка. Карт. А. Харламова	105	Константинъ Константиновичъ, в. кн. 1169		Милостыня. Карт. И. А. Касаткина	608
«Евгеній Онегинъ» А. С. Пушкина. Гл. V, ст. IX. Рис. Е. Самокишъ-Судковской	4	Константинъ Николаевичъ, вел. кн. 1169		Мимоходомъ. Карт. Г. Раша	1012
Евгеній, принцъ шведскій. Карт. Бьёрка	1121	Кончина царя Феодора Алексѣевича. Карт. К. Лебедева	469	Митрополитъ Іона приводитъ дѣтей къ Василию Темному. Рис. К. В. Лебедева	268
Елена Котанеръ похищаетъ венгерскую корону. Карт. Пилоти	396	Копенгагенъ. Замокъ Фредериксборгъ. 948—949		Михайлова, М. А., пѣвица	73
Ехидна. Рис. Неймана	784	Коробова, А. И.	1074	Моленіе о чашѣ. Карт.-пикона В. Е. Маковского	317
Жакерія. Карт. Ронграсса	228	Корсовъ, Б. Б., пѣвецъ	308	Молитва. Карт. И. Брандта	97
Жерве, адмираль	761	Корякинъ, М. М., пѣвецъ	113	Молитва передъ обѣдомъ. Карт. І. Боке	1165
Жермине, команд. корабля «Поттоо»	790	Костромъ, Е. И., поэтъ	188	Молитва передъ обѣдомъ. Карт. В. Гэ	745
Жертва на монастырѣ. Карт. В. Н. Пчеллина	389				

	СТРАН.
Молодая голландка. Карт. Г. фонъ-Геслина	613
Молодость. Карт. П. Габрини	637
Мордовцевъ, Д. Л.	137
Мосанъ, С. И.	404
Москва. Политехническій музей	1169
Мравина, Е. К., пѣвица	73
Муравьевъ, М. Н., графъ	89
Мюнхгаузенъ, баронъ. Гербъ его и домъ. 3 рис.	400
На берегу Волги. Карт. В. Е. Маковского	584
Нагорная проповѣдь. Карт. М. Карбонаро	316
Нагорная проповѣдь. Карт. Ф. Удэ	201
Нагрудный знакъ для счетчиковъ народной переписи	43
На Днѣпрѣ. Карт. К. А. Фельдмана	412
Наказаніе булочника - обманщика въ Мюнхенѣ	1109
Наканунъ 19-го февраля 1861 года. Карт. Н. С. Мусина-Пушкина	169
Наканунъ Рождества. Обжиганіе бора. Рис. И. И. Ижакевича	1217
На Кубани. Карт. В. Червинскаго	653
На лонѣ финской природы. Картина Л. Ф. Лагорю	349
На лугу. Рис. Руксена	465
На медвѣдѣ. Карт. Р. Френца	1153
На пастбищѣ. Карт. Дѣба-Понсана	721
На пасѣхѣ. Рис. И. С. Ижакевича	725
На родинѣ. Карт. К. В. Лебедева	585
На стойкѣ. Карт. Шперлинга	804
Наумовъ, Д. А.	1169
Неаполь. Зоологическая станція	530
Неболсинъ, А. Г.	551
«Не надо пища глбу»... Карт. И. А. Пелевина	397
Ненасытныи. Карт. Г. Каульбаха	499
Неографъ. 2 рис.	140
Неожиданная встрѣча. Рис. Ф. Марольда	589
Николай I, князь черногорскій	84
Новая грушка. Карт. Клейншмидта	825
Новая модель. Карт. А. Шпринга	289
Новгородъ. Антоніевскій монастырь «Ну, Марѣя Петровна, пусть ихъ прыгаютъ». Рис. П. Федотова	881
Обѣдъ семи добрыхъ геніевъ	33
Обѣдъ семи добрыхъ геніевъ	112
Олимпийскія игры въ Афинахъ	204
Омальскій, герцогъ	481
Онежское озеро. Карта и видъ. Рисунокъ И. Тюменева	49
Онъ далеко, далеко... Карт. Г. Кильбурна	409
Оржевскій, П. В.	353
Орловскій домъ трудолюбія	828
Осѣщеніе церкви въ Римѣ. Рисунокъ Гозанга	341
Осенній туманъ. Карт. Руса	844
Осень. Карт. И. И. Шишкина	1057
Осеню на охоту. Рис. Н. Сверчкова	989
Осиротѣли. Карт. Л. де-Рюса	973
Оскаръ II, король шведскій. 2 портрета	567, 881
Остеокласть Лоренца	208
Офицеры 137-го Нѣжинскаго полка	621
Охота за турами. Рис. А. Чикина	988
Охотники за кодами на Алтаѣ. Рисунокъ М. Вольскаго	1140
Палеостровскій монастырь. Рисунокъ В. Павлова	52
Памирскіе киргизы:	
1) Волостной управитель	898
2) Глава аула	898
3) Жены волостного управителя	896
4) Скачка на верблюдахъ	896
5) Типы кочевого населенія	896
Памятникъ Александру II въ паркѣ нѣмецкаго пріюта въ Москвѣ	184
Памятникъ Барклаю-де-Толли въ Юрьевѣ	248
Памятникъ Гюп-де-Мопассану въ Парижѣ	1173
Памятникъ Мпцкевичу въ Варшавѣ	1001
Памятникъ Некрасову на его могилѣ	1244
Памятникъ Пирогову въ Москвѣ	785
Памятникъ Чайковскому на его могилѣ	1076
Парамидръ-Мага-Чулалонгорнъ, король сіамскій. 2 портр.	592, 596
Парвовъ, А. И., протоіерей	1025

	СТРАН.
Парижъ. Мостъ Имп. Александра III. 2 рис.	759, 760
Парижъ. Пожаръ благотвор. базара:	
1) Видъ базара до пожара	453
2) Планъ базара	450
3) Поваръ спасаетъ публику	452
4) Розыски драгоцѣнностей	453
5) Тушеніе пожара	449
Первый опытъ. Карт. С. Симони	292
Первый урокъ. Карт. Торнама	877
Первый фракъ. Карт. В. Маковского	76
«Перебендя», Т. Г. Шевченка. Рисунокъ И. Ижакевича	849
Перевозка въ распутицу. Картина К. Гейбеля	313
Передъ жилищемъ мага. Карт. Бритонъ-Ривьера	180
Переселенцы. Рис. И. Ижакевича	1181
«Переселенцы», Д. В. Григоровича. Сльдствіе. Рис. И. Ижакевича	916
«Переселенцы», Д. В. Григоровича. Фуфаяевъ, Верстанъ и Мизгирь	196
Переселенцы въ Зап. Сибири. 7 рис. 1033, 1036, 1037, 1040	1193
Петербургъ. Александро-Невск. лавра	1193
Петербургъ. Выставка въ домъ графа Строганова. 6 рис.	457, 460, 461, 464
Петербургъ. Домъ, гдѣ скончался Суворовъ	20
Петербургъ. Домъ французскаго посольства	792
Петербургъ. Женскій медицинскій институтъ	961
Петербургъ. Закладка столовой для бѣдныхъ, въ Гавани	977
Петербургъ. Зданіе вѣдомства учрежденій императрицы Маріи	473
Петербургъ. Зданіе германскаго посольства	7446
Петербургъ. Зданіе Маринскаго института	1172
Петербургъ. Зданіе 12-ти городскихъ училищъ	1004
Петербургъ. Зданіе 3-го реальнаго училища	1049
Петербургъ. Зданіе управленія уѣзловъ	332
Петербургъ. Консерваторія:	
1) Большой залъ	277
2) Общій видъ	276
3) Плафонъ зала	277
4) Церковь	276
Петербургъ. Наводненіе 4-го ноября. 4 рис.	1097
Петербургъ. Первый домъ трудолюбія	832
Петербургъ. Пребываніе императора Вильгельма II:	
1) Возложеніе вѣнка на гробницу	741
2) Освящ. флигеля съ госпиталя	744
3) Прибытіе на царскую пристань	744 а
4) У Александр. госпиталя	744
5) У германскаго посольства	744а
Петербургъ. Пребываніе императора Франца-Иосифа:	
1) Войска на Знаменской площади	424
2) Государь Императоръ здороваается со свитой	425
3) Государь Императоръ на платформѣ вокзала	425
4) Ихъ Величества на Дворцовой набережной	427
5) Обѣздъ войскъ	428
6) Прохожденіе войскъ	429
Петербургъ. Пребываніе президента франц. республики:	
1) Арка на Вас. Остр.	813
2) Вѣтъ на гробницу имп. Александра III	787
3) Закладка Троицкаго моста	816г
4) Закладка французск. госпиталя	816д
5) Зданіе франц. благот. общ.	816е
6) Молотокъ и лопатка	816е
7) Оѣходъ почетнаго караула	816
8) Отбытіе Гос. Имп. на катеръ	816г
9) Статуя Мира	812
10) Убранство Гостиного Двора	811
11) Убранство Думы	812-813
12) Убранство Невскаго просп.	789
13) Убранство Невы	789
Петербургъ. Продажа растений въ ботаническомъ саду	562

	СТРАН.
Петербургъ. Троицкій мостъ (строившійся)	788
Петергофъ. Крещеніе вел. кн. Татіаны Николаевны	597
Петергофъ. Пребываніе императора Вильгельма II:	
1) Арка у Самсоновскаго канала	744в
2) Отъѣздъ съ Царской пристани	740
3) Прибытіе на Царскую прист.	740
4) Спектакль парадный	744д
5) Театръ на Ольгиномъ остр.	744в
Петергофъ. Пребываніе президента франц. республики:	
1) Иллюминація	816а
2) Отбытіе съ Военной пристани	813
3) Прибытіе на Военную пристань	812
4) Публика приветствуетъ презид.	816
5) Театръ	815
6) Флигель подъ гербомъ	816в
7) Шахматная гора	814
Петипа, М. И., балетмейстеръ	163
Петровъ, Павелъ. фельдфебель	21
Петръ I въ Вильнѣ у императора Леопольда. Рис. Н. Дмитріева-Оренбургскаго	1108
Печальная перспектива. Карт. Ф. Ф. Бухгольца	917
Пещера преподобнаго Корнилія. Рисунокъ И. Тюменева	50
Пироговъ, Н. И.	1161
Пироговскій музей въ С.-Петербурѣ	1163
Побирушка. Карт. А. Д. Муратова	543
Повѣнецъ. Остатки доменной печи. Рис. В. Павлова	51
Повѣнецъ. Соборы. Рис. В. Павлова	55
Повѣнецъ. Трактъ на Соловки. Рис. В. Павлова	53
Подарки Ф. Форы Государю Императору (3 рис.)	904
Подвигъ японскаго унтеръ-офицера	108
Поджигатель. Карт. Т. Маттеи	664-665
Подруги. Карт. Э. Миллера	1041
Подъ рыцарской зашитой. Карт. Л. Кнауза	148-149
Подъ свѣтью креста. Карт. С. Альтамура	498
Поздравительные стихи. Грав. Гёнемана	865
Поздравляемъ! Карт. Т. Эрнста	519
Полезное съ приятнымъ. Рис. Ж. Жирарде	563
Политики. Карт. В. Е. Маковского	675
Положеніе во гробъ. Карт. М. Дегрена	325
Полонскій, Я. П.	329
Полоцкъ. Николаевскій соборъ. Рис. І. Салатко-Петрице	945
Поляки выгоняютъ боярыня изъ Кремля. Рис. К. В. Лебедева	539
Полярные льды. 5 рисунковъ, къ статьѣ	1139, 1142, 1144
Помѣщикъ въ дорогѣ (на долгихъ). Рис. К. Трутовскаго	1013
Попались. Карт. Крауса	876
Поповъ, Л. К.	137
Пора!	205
Посланіе отъ милаго. Карт. Клейншмидта	1137
Послѣдніе защитники Малаховской башни. Карт. Г. П. Кондратенка	388
Послѣдніе колосья. Карт. Ж. Бретона	756
Послѣдніе листья. Съ акв. С. Ендогурова	1009
Послѣдній кубокъ. Карт. Ф. Ф. Бухгольца	487
Послѣ обѣди. Рис. Б. Томашевича	1180
Послѣ погрома. Карт. А. Е. Архипова	495
Потѣха въ теремѣ XVII вѣка. Рис. П. Милевскаго	1236
«Потюю», франц. броненосецъ	785
Похороны въ деревнѣ. Рис. К. Трутовскаго	1157
Почаевская лавра	929
Праздничный визитъ. Карт. Барбудо	13
Праздничный визитъ. Карт. Ф. Зимма	1225
Представленіе бѣлаго сокола японскому микадо	109
Преображенскій полковой хоръ въ Парижѣ	1101
При лунномъ свѣтѣ. Карт. Гюйо	772
Пристань въ Флиссингенѣ. Карт. Петерсена-Ангельна	901
Пріемная Екатерины II. Рис. Н. Д. Дмитр.-Оренбургскаго	340

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Проводы «костромы». Рис. Н. Д. Дмитр.-Оренбургскаго	1141	Спѣнная телеграмма. Карт. Шокарнъ-Моро	749	Хлѣбъ нашъ насущный. Группа Брандштеттера	9
Прогулка по морю. Карт. Л. Вальдена	1044	Сразиш. Рис. И. Ижакевича	1084	Хольцшуръ. Портр. работы Дюрера	948
Продавецъ 4-хъ времени года. Карт. Л. де-Шривера	748	Ссора. Карт. Э. Блаза	197	Христианъ, принцъ датскій	401
Продавщица цвѣтовъ. Карт. Эйсмана-Семеновскаго	801	Старообрядч. молеельня на Волков. кладбищѣ	1157	Хрупкое созданіе. Карт. К. Е. Маковскаго	538
Проповѣдыванье буддизма	111	Старый лѣсъ. Карт. И. Шишкина	913	Цабель, А. Г., проф. муз.	932
Протасовъ-Бахметовъ, Н. А., графъ	474	Стасюлевичъ, М. М.	526	Царица бала. Карт. Г. Коппая	1233
«Прошу скорѣй назадъ». Рис. П. А. Ѳедотова	32	Статуя Мемнона	417	Царицынъ. Домъ трудолюбія (2 рис.)	817, 828
Птенчики. Карт. Зюса	352	Статуя храма Абу-Симбель	417	Церковный староста. Карт. И. Прянишниковъ	1129
Пчелоядъ, нападающій на шипоносца	661	Стефанъ, фонъ-Геприхъ	356	Цетинье. Дворецъ князя	184
Радуга. Рис. И. И. Ижакевича	820	Стокгольмъ. 15 видовъ города	567—572	Цетинье. Общій видъ	85
Разцвѣтовъ, А. П.	1169	Стокгольмъ. Выставка. Общій видъ	546—547	Цетинье. Улица	85
Раки летающіе. 4 рис.	1191, 1192	Стокгольмъ. Выставка. Общій видъ	главн. зданій	Цирцей. Рис. Ф. Каульбаха	249
Раннимъ утромъ. Карт. Мюллера	372	Стокгольмъ. Выставка. Открытіе ея	550	Цыганка. Карт. Лематта	269
Рашевскій, П. Ѳ., педагогъ	527	Стриндбергъ, капитанъ	691	Чавчавадзе, П. Г., князь, поэтъ	833
Ревель. 4 вида города	616	Стуковенковъ, М. И., проф. мед.	672	Чайковскій, П. И. Скульптура В. А. Беклемишева	369
«Ревизоръ» на солдатской сценѣ	4 рис.	Судьба перваго воздушн. шара	1068	Часть благовѣстия! Рис. И. Ижакевича	345
Рейнскій водопадъ у Шафгаузена. Карт. А. Ригера	181	Сфинксъ египетскій большой	416	Черкаскій, В. А., князь	1169
Рембрандтъ. Портретъ, писанн. имъ самимъ	57	Съ рѣчки. Рис. И. Ижакевича	1189	Черни, Ф. Ф., проф. муз.	932
Рождественская ночь. 2 рис. Н. Н. Каразина	1204, 1205	Тайкомъ въ маскарадъ. Рис. Ф. Зима	157	Черногорія. Внутренность дома воеводы	85
Рождество. Въ сторожкѣ лѣсничаго. Рис. Блуме-Зиберта	1214	Тамож. досмотръ съ пом. Х-лучей. 2 рис.	669	Черногорія. Старый дворецъ князей	84
Рождество. Дѣтское веселье. Рис. Г. Бролинга	1201	Тигрица, несущая тигренка. Карт. Ганъ-Ку	108	Черногорія съ моря	84
Рождество. Съ рождественскими подарками. Рис. Ф. Тонисэ	1209	Тина ди-Лоренцо	1220	Чернявскій, Н. Р., почтъ-директоръ	1001
Рождество. Хлопушки. Рис. А. Форестье	1212	Толвуи, 2 вида его. Рис. В. Павлова	51, 53	Члены московск. сѣзда врачей — въ Петербургѣ	880
Романтика въ музеяхъ. 14 рисунок. къ статьѣ	496, 497, 500, 501	Толстой, Л. Н., графъ	833	«Что, господа, терять драгоценное время?» Рис. П. А. Ѳедотова	33
Ронгроссъ въ своей мастерской	217	Три поколѣнія. Карт. Э. Форти	172	«Что, Машенька, какъ ты думаешь?..» Рис. П. А. Ѳедотова	33
Рыбаки. Карт. Ф. Смитъ-Гальда	1092	Тройка. Карт. П. Грузинскаго	1132	Что случилось? Карт. К. В. Лемоха	702
«Рыбаки», Д. В. Григоронича. Проводы новобрачна. Рис. Ижакевича	773	Тройницкій, Н. А.	908	«Что ты, мамеръ, такая скучная?» Рис. П. А. Ѳедотова	33
Рыбачка съ Лидо. Карт. Блаза	793	Труды препод. Сергія Радонежскаго. Карт. М. Нестерова	413	Шалуны. Рис. И. И. Ижакевича	892
Рыбачья деревня въ Голландіи. Карт. Г. Германа	965	Трусливы, какъ зайцы. Карт. Г. Каульбаха	253	Шансонетка. Рис. Л. Марольда	160
Рыжокъ и Бѣльшъ. 5 рисунковъ къ разск.	1090, 1091, 1114, 1115	«Турбинъ», быстроходное судно	905	Шарлатанъ. Карт. Ж. Доу	252
Савангъ-Вадана, королева сямская	592	У бабушки. Карт. Яковидеса	121	«Шарлотта», герм. судно	737
«Самодѣ», крейсеръ	505	У большаго учителя. Карт. Н. Богданова-Бѣльскаго	868	Шереметевъ, С. А., графъ	17
«Самодѣ»; офицеры его	506	Уголокъ музея Имп. Общ. поощр. худож. Рис. Гаухова	921	Шереръ-Кестнеръ, франц. сенаторъ	1148
Сахалинъ. Ночной ловъ рыбы	1116	Уголокъ трехъ императоровъ	28	Шидловскій, С. В., проф. гигиены	236
Сахалинъ. Постъ Дуэ	1116	У дверей школы. Карт. Н. Богданова-Бѣльскаго	633	Шишкинъ, И. И., и его рисунокъ	897
Сахалинъ. Типъ анна	1120	Уличный писецъ въ Италіи	1164	Шишковъ, М. А., декораторъ	625
Сборщикъ на храмъ. Карт. А. Д. Муратова	491	«Умереть-уснуть!» Пов. П. Боборыкина. Рис. Табурина	845	Шлемъ чеканной работы	947
Свадьба карликовъ въ 1710 г. Рис. Н. Д. Дмитр.-Оренбургскаго	964	У мирового. Карт. В. Е. Маковскаго	193	Шубертъ, Францъ, композиторъ	136
Своеобразный художникъ. Карт. Э. Гаусмана	156	У паромъ. Рис. Н. Шаховскаго	996	Шубертъ, Ф. Домъ, гдѣ онъ родился	136
Святой Варооломей. Карт. Рибейры	177	У пруда. Карт. Г. Залетина	732	Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ	1096
«Святой Гавриилъ», корабль Васко-де-Гамы	808	У пруда. Карт. Г. Кенига	1105	Шунга, село. Рис. В. Павлова	54
Сельскій праздникъ въ Испаніи. Карт. П. Салинаса	924—925	Урокъ катхизиса. Карт. Менье	757	Щеки, повелитель дьяволовъ. Карт. Хокса	109
Ситка, главн. городъ Аляски	1073	Урусовъ, Л. П., князь	1220	Щуровскій, Г. Е., проф.	1169
Сіамъ. Дворецъ короля	593	Устный счетъ. Карт. Н. Богданова-Бѣльскаго	821	Эгентальская дорога и замокъ Карнейдъ	1085
Сіамъ. Качели въ Бангкокѣ	592	Утварь по рис. Е. М. Бѣмъ	928	Экскурсія студентовъ въ Новгородъ	1121
Сіамъ. Открытіе желѣзной дороги	593	Утконосъ. Рис. Шпехта	784	Электрич. жел. дор. съ подводн. рельсамп. 2 рис.	92
«Сказка о царѣ Берендѣ», В. А. Жуковскаго. Рис. Г. Г. Шмидта	125	Утренній привѣтъ. Карт. А. С. Степанова	515	Эристовъ, Р. Д., князь, поэтъ	833
Сказки. Карт. С. Конеръ	12	Утро стрѣлцкой казни. Карт. В. Сурикова	1133	Эюдъ. Карт. Андреотти	1177
Славина, М. А., пѣвица	73	Фальшивая нота. Карт. Монтегаццы	1188	Юность. Карт. О. Лингера	1
Случевскій, В. К.	376	Фанъ-Аркъ, К. К., проф. муз.	932	Юродивый. Карт. К. Пынъева	937
Случевскій, К. К.	209	Фанъ-деръ-Флитъ, Н. Ѳ., проф.	65	Юрьевъ. Аллея парка	244
Смерть оленя. Карт. Фольна	733	Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, А. А.	1145	Юрьевъ. Анатомическій театръ	242
Смирновъ, П. А., протоіерей	1025	Флоренція. Фасадъ собора S-ta Maria	421	Юрьевъ. Астрономическая обсерваторія	242
Совершилось! Карт. Г. Макса	321	Формы Кексгольмскаго полка	554	Юрьевъ. Видъ на городъ	246
Соловей. Карт. Г. Макса	1089	Форъ, Феликсъ, през. франц. респ.	753	Юрьевъ. Памятникъ Барклаю-де-Толли	248
Сомнамбула. Карт. О. Ппрнера	683	Францъ-Иосифъ I, имп. австр.	377	Юрьевъ. Пристань на Эмбахѣ	246
Софія, королева шведская	567	Францъ-Иосифъ, принцъ баттенбергскій	551	Юрьевъ. Развалины замковой церкви	244—245
Сочиненіе письма. Карт. И. Л. Горохова	433	Фредериксъ, В. Б., баронъ	503	Юрьевъ. Развалины церкви св. Діонисія. 4 рис.	244, 245
		Фридрихъ-Вильгельмъ, герц. мекл.-шверинскій	953	Юрьевъ. Ратуша	243
		Фридрихъ-Францъ III, вел. герц. мекл.-шверинскій	377	Юрьевъ. Университетъ	241
		Фридрихъ-Францъ IV, вел. герц. мекл.-шверинскій	377	Языка поймали. Рис. И. Ижакевича	29
				Японская карикатура	112
				Ящерица-плащеносецъ. 3 рис.	10 8
				Ѳеогностъ, архіеп. новгор.	401
				Ѳеодосія. Домъ И. К. Айвазовскаго	715

XXVIII г.

№ 1

Выходитъ 4 января 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Цена этого № 25 к., съ пер. 30 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22. Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За границу	10 р.
На 1/2 года безъ дост.	1 р. 25 к.,	съ дост. въ СПб.	1 р. 75 к.,	съ перес. многог.	1 р. 75 к.,	на 1/2 года безъ дост.	3 р. 50 к.,	съ дост. въ СПб.	3 р. 50 к.

При семъ прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫИНА, т. I. (Сборникъ «Нивы» за январь); 2) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1897 г., печат. красками; 3) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ЯНВАРЬ 1897 г. съ 36 рис. и отдѣл. листъ съ 30 чертж. выкр. въ натур. велнч. и 36 рис. руководѣльн. работъ.

Юность. Съ картины Отто Лингнера грав. Геданъ.

С Н Ы.

Повѣсть Влад. И. Немировича-Данченко.

I.

Отецъ Василія Описимовича Первозерникова считался въ уѣздѣ однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Это былъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ скромные, лѣживые и недалекіе помѣщички иначе и не говорятъ, какъ высоко поднявъ брови, вытянувъ губы и издавая внушительное „о!“

— О, это замѣчательная голова! Умница!

И тутъ же прибавляютъ:

— Но и кавалья же!

Онъ пришелъ въ широкія новороссійскія степи откуда-то съ сѣвера, чуть-ли не 20-тилѣтнимъ парнемъ, почти безъ гроша въ карманѣ. И, къ роитно, дѣйствительно былъ и умницей, и кавальей, если, умирая, оставилъ болѣе чѣмъ миллионное состояніе.

На берегу степной рѣчки стоялъ большой барскій домъ въ огромномъ паркѣ, принадлежавшій вдовѣ генерала Истокова. Въ имѣніи считалось около пяти тысячъ десятинъ земли. Генеральша жила за границей, землю сдавала въ аренду. Первозерниковъ снялъ здѣсь въ первый годъ сто десятинъ, во второй и въ третій, пока успѣлъ ориентироваться и различить простаконъ отъ молодцовъ, — десятинъ по триста, потомъ тысячу, а тамъ воспользовался пріѣздомъ генеральши, сумѣлъ показаться ей честнымъ и энергичнымъ малымъ и снялъ у нея въ долгосрочную аренду все имѣніе. Онъ прожилъ тутъ до этого всего шесть лѣтъ, жилъ, правда, вироголодь, расплачивался съ рабочими не всегда чисто, продавалъ хлѣба быстро и ловко, и успѣлъ сколотить нѣсколько тысячъ, которыя и преподнесъ генеральшѣ въ

здатокъ. Въ первый моментъ обладанія арендой пяти тысячъ десятичь онъ уже опять не имѣлъ ни гроша, по зато могъ расправить крылья и повести свои дѣла сразу широко.

Затѣмъ арендная плата высылалась генеральшѣ болѣе, чѣмъ аккуратно. Стѣило ей пожелать нѣсколько тысячъ впередъ, какъ Первозерниковъ исполнялъ ея „драгоцѣнное требованіе“, какъ онъ выражался въ письмахъ къ ней, а взаи́мъ просилъ продать ему то этотъ „самый пустой“ клочокъ земли, то другой. Имѣніе генеральши было, конечно, заложено. Вскорѣ на одномъ клочкѣ земли онъ построилъ уже свой собственный винокуренный заводъ. Недальновидная генеральша проглядѣла моментъ, не зная, вѣроятно, что винокуренный заводъ бываетъ всегда жилищемъ науки и центромъ паутины.

Обыкновенная исторія съ развязкой, хорошо знакомой всѣмъ русскимъ людямъ.

Спустя лѣтъ пятнадцать по сдачѣ аренды Первозерникову, генеральша вынуждена была сама пріѣхать. Письма арендатора стали все рѣже, предупредительность его исчезла, а на драгоцѣнныя ея превосходительства требованія уже не получалось никакихъ отвѣтовъ.

По пріѣздѣ, генеральша прожила съ мѣсяць. Этого было совершенно достаточно, чтобы возмутиться и придти въ ужасъ отъ страннаго и неожиданнаго положенія обстоятельствъ, чтобы убѣдиться затѣмъ, что оно вовсе не было неожиданнымъ и увидѣть себя, наконецъ, „окруженною и задавленною Первозерниковымъ“, — „*par cet homme terrible*“, писала генеральша кому-то въ Парижъ. Затѣмъ уже совсѣмъ немного времени надо было для того, чтобы придти къ слѣдующему убѣжденію: если Россія до того уже демократизировалась, что генеральша должна приглашать *monsieur* Первозерникова садиться, — иначе онъ не является на ея зовъ, — то лучше... то лучше все продать ему же, Первозерникову. Все — и усадьбу, гдѣ соединены всѣ воспоминанія юныхъ лѣтъ, и паркъ, по которому на-сется чей-то скотъ, и землю...

Но „воспоминанія юныхъ лѣтъ“ въ глазахъ коммерческаго человѣка не стоили ничего, а потому Первозерниковъ, сдѣлавшись даже полнымъ хозяиномъ, обратилъ домъ въ амбаръ. Свой же домъ онъ уже давно выстроилъ въ верстѣ отъ усадьбы, около завода.

Онъ уже былъ женатъ и имѣлъ троихъ дѣтей.

Первозерниковъ прожилъ еще лѣтъ двадцать. За это время огромное имѣніе не только очистилось отъ всѣхъ долговъ, но и дало возможность ему сколотить большой капиталъ. Дѣла его шли превосходно. Должно-быть, ему везло. Убытки онъ терпѣлъ только въ случаяхъ поджоговъ, а ихъ у него было четыре или пять, — глухая, скрытая месть какихъ-то обиженныхъ...

Когда старикъ умеръ, его мало кто пожалѣлъ.

Послѣ него осталось огромное имѣніе, винокуренный заводъ, трехъ-этажная вальцовая мельница, нѣсколько сотъ головъ рогатаго скота, нѣсколько тысячъ овецъ и до 200 тысячъ капитала.

Его жена, вывезенная изъ губернскаго города, всю жизнь прожила съ мужемъ какъ-то молча. Молча вела молочное хозяйство, молча торговала птицами и фруктами, молча рожала и воспитывала дѣтей, молча повинувалась мужу и молча любила его. Когда же онъ умеръ, она вдругъ заговорила, да такъ ретиво, точно рѣшила продолжать дѣло покойнаго. Цѣлый день носилась она съ мѣста на мѣсто, отдавала нелѣпыя приказанія и жадно собирала деньги. Она стала немовѣрно скупа, вырывала гроши, на всѣхъ кричала, всѣми командовала. Большая, полная, съ мясистымъ носомъ, глазами, лѣзшими изъ орбитъ, черными, какъ смоль, волосами, она внушала къ себѣ со стороны служащихъ не столько ненависть, сколько крайнее неуваженіе. На

нее смотрѣли такъ, точно хотѣли сказать: ну, куда ты суешься не въ свое дѣло!

Старикъ Первозерниковъ сберегъ не только состояніе, но и честолюбіе. Онъ не дожилъ до той полосы, когда разбогатѣвшій человѣкъ страстно начинаетъ желать почета и уваженія. Очевидно, эту страсть онъ оставилъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ состояніемъ.

Вдова его, Марья Вуколовна, отдавалась ей съ комической наивностью. Встрѣчая по дорогѣ крестьянъ, она такъ и вливалась въ нихъ глазами, высовывалась изъ экипажа, ожидая поклона. И если по пути всѣ встрѣчные кланялись ей, то она пріѣзжала такая веселая, что готова была прыгать, какъ молодая жепчина. И надувалась, какъ ребенокъ, если замѣчала непочтеніе къ своей особѣ.

Другой ея страстью было получать подарки. Пріѣзжему человѣку она прежде всего смотрѣла въ руки. И если онъ привозилъ ей хоть два яблока, то она весело усаживала его и угощала чаемъ съ поскребушками меда или варенья. Если же онъ являлся съ пустыми руками, то хоть бы это былъ выгоднѣйшій покупатель — не жди отъ Марьи Вуколовны любезности.

Она не любила рѣшительно никого, даже дѣтей. Ей было совершенно все равно, гдѣ они и чтѣ съ ними. Не любила и хозяйства. Въ этомъ отношеніи она походила на покойнаго мужа. У того все велось съ единственной цѣлью быстрыхъ барышей. По всему двору была грязь и вонь. Каменный уголь — рядомъ съ мѣшками муки и стадомъ йоркширскихъ поросятъ. Бочки, барда, скотъ, брички, рабочіе — все какъ-то находилось у него въ тѣсной и общей кучѣ. Строенія — старыя, едва поддерживаемыя. Въ домѣ тоже не чисто. Спальня онъ въ кабинетѣ, гдѣ вмѣстѣ съ образцами хлѣба лежалъ табакъ, гнилыя яблоки, бутылки со спиртомъ.

У Марьи Вуколовны было то же самое. Она варила варенье пудами, но изъ скупости оставляла его нѣспенѣть. Ея масло было дорого, но горько, потому что въ молочной было грязно, и т. д.

Сынъ, однако, скоро завелъ совсѣмъ другіе порядки.

Весь кругозоръ Марьи Вуколовны ограничивался собственнымъ хуторомъ. Все, что было внѣ его, было ей чуждо и непонятно. Выйдя замужъ, она только разъ выѣзжала изъ хутора въ губернской городъ на свадьбу дочери. А кромѣ этого, вотъ ужъ лѣтъ 15, она не ѣздила даже въ старшій, заброшенный паркъ, въ верстѣ отъ хутора. Это не мѣшало ей говорить обо всемъ, послѣ смерти мужа, съ необыкновенно наивнымъ апломбомъ. Зайдетъ ли рѣчь о заторахъ завода, или о вальцахъ мельницы, о сукневальнѣ при мельницѣ, она ужасно торопилась высказать свое мнѣніе, противъ котораго не принимала никакихъ возраженій. Если же какой-нибудь оголтелый гость заводилъ разговоръ „для пріятной бесѣды“ за чаемъ о такихъ вещахъ, какихъ она и не слыхивала, о томъ, что „пишутъ въ газетахъ“, преимущественно о политикѣ, — Марья Вуколовна нѣкоторое время молчала, выкативъ глаза, потомъ вдругъ все приводила къ одному неизмѣнному знаменателю:

— И для чего только люди это выдумали!

И правда, все, что было ей не знакомо, она считала совершенно лишними вещами на свѣтѣ.

У Марьи Вуколовны были двѣ дочери и сынъ. Старшая дочь сдѣлала блестящую партію. Отецъ выдалъ ее за одного изъ главныхъ представителей большой фирмы въ губернскомъ городѣ. Очень высококал, грубо-красивая, съ большими руками и ушами, съ широкимъ посомъ, она была свѣтскою дамою, принимала губернатора, каждую весну ѣздила въ Парижъ и возвращалась студа съ новыми туалетами, на скрытую зависть мѣстныхъ дамъ изъ дворянъ, побывавшихъ ее своимъ происхожденіемъ. Матери она писала разъ въ годъ въ именины, при чемъ въ каждомъ письмѣ оговаривалась, что,

несмотря на большой домъ, у нея очень тѣсно, — на случай, чтобъ мать не вздумала прѣхать къ ней гостить.

Совершенно иначе, и очень печально, сложилась судьба другой дочери, Кати. Въ 17 лѣтъ она убѣжала изъ дома со студентомъ, товарищемъ брата, прѣхавшимъ погостить. Старикъ Первозерниковъ разсердился на студента за какое-то свободно сказанное слово и выгналъ. Студентъ уѣхалъ, но захватилъ съ собой его дочь. Въ Москвѣ они обвѣчались. Черезъ нѣсколько лѣтъ оба судились по политическому процессу. Молодой человѣкъ былъ сосланъ въ Сибирь на всю жизнь, а Катя просидѣла два года въ тюрьмѣ. Выйдя оттуда, она прѣехала къ роднымъ. Мать тайно сообщила почью объ ея прѣздѣ старику. Тотъ велѣлъ передать дочери, что она можетъ жить въ мезонинѣ, сколько ей угодно, но чтобъ не рассчитывала ни на какія его милости.

Марья Вуколовна пришла въ комнату дочери въ мезонинъ, долго молча смотрѣла на нее, словно разглядывая, какіе это бываютъ люди, сидящіе въ тюрьмѣ, нашла, вѣроятно, что эти люди — самые обыкновенные, и, опять-таки тайно, передала дочери распорядительные отдала. Катя нѣкоторое время молчала. Она, по-видимому, ждала чего-то другого, потомъ сказала „спасибо“, и больше никто не слышалъ отъ нея ни слова.

Она прожила мѣсяца два. Ея почти и не видѣли. Съ утра уходила въ забытый и запущенный паркъ и возвращалась только къ вечеру. Рабочіе и пастухи не разъ видѣли и въ степи ея стройненькую фигурку въ простенькомъ ситцевомъ платкѣ, съ платочкомъ на головѣ и съ книжкой въ рукѣ. Придетъ на лугъ, сядетъ на кончикъ сѣна, часа два смотритъ на работу, и уйдетъ. А то гдѣ-нибудь по дорогѣ, въ жаркій день, среди степи, лежитъ на небольшомъ холмѣ, приподнимаясь только для того, чтобы посмотреть на проезжающую бричку или стога.

Потомъ, въ одно утро, Марья Вуколовна такъ же тайно сообщила старику, что Катя „до свѣта“ уѣхала. Ни съ кѣмъ не простясь, не оставивъ записки, не попросивъ даже лошадей до станціи, — какъ прѣехала, никого не потревоживъ, такъ прожила оба мѣсяца, такъ и покинула родной кровъ. Съ сестрой она, кажется, не ладила. Та, вѣроятно, и ей написала, что у нея домъ хотя и большой, но тѣсный.

Пришелъ ли кому-нибудь въ голову вопросъ: о чемъ тосковала эта молодая женщина, одиноко блуждая по степи, по глухому парку и вдоль стеной рѣчки, заросшей камышомъ? Что было у нея на душѣ? Новыя ли жгучія мечты? Слезы ли по разбитомъ прошломъ?

На громадной площади въ пять тысячъ десятинъ, то медленно, то горячѣе, билась стеновая жизнь. Тамъ запахивали огромное пространство, взрывая плугами черную землю, засѣвали ее шпепицей, ячменемъ, просомъ. Воздухъ на время оглашался пѣней и криками. Потомъ землю оставляли на Божью волю до времени уборки. Хлѣба росли, зацвѣтали, поливались дождями, насаживались жаворонками и степными птицами... Рѣдко кто и заглядывалъ сюда. Въ другомъ мѣстѣ вдругъ звенѣли и блестяли сотни косъ; высокая, пахучая трава валилась и громадилась въ стога, большинство которыхъ зимовало тутъ, постепенно мѣняя свѣже-зеленый цвѣтъ на желтый, а желтый — на бурый. И стояли эти стога одиноко, испытывая всякую непогоду и хорошо знакомые только коршунамъ да степнымъ орламъ. А тамъ росъ лѣсъ кукурузы, шурша при малѣйшемъ вѣтерѣ, а тамъ шла горячая молотба, а на самомъ хуторѣ шипѣли паровыя машины, металась приводимые ремни, цѣлый день скрипѣли брачки и арбы. На хуторѣ круглый годъ жило до 200 рабочихъ. Все вмѣстѣ какъ бы были заняты однимъ общимъ дѣломъ, а каж-

дый порознь не имѣлъ времени даже подумать о томъ, хорошо ли онъ живетъ и справедливо ли съ нимъ поступаютъ.

И вотъ среди всей этой, то ползучей, то лихорадочной сутолоки, пронеслись острыя, больныя, неудовлетворенныя желанія одинокой молодой души. О чемъ она мечтала, — кому это надо знать? Кому надо знать, о чемъ мечтала прѣтокъ, выросшій въ степи, скромно питавшійся влагой и солнечными лучами, и тихо кончившій свою никому не нужную и никѣмъ не замѣченную короткую жизнь?

Посмотри на рѣзко выразившійся коммерческій умъ старика Первозерникова, на всей его семьѣ лежала печать наивности, проявлявшейся въ разныхъ видахъ. Несомнѣнно, дѣти получили ее отъ матери. И пока онъ былъ живъ, эта общая черта характера еще таилась въ нихъ, робко свѣтясь въ большихъ сѣрыхъ, нѣсколько удивленныхъ глазахъ, дѣлавшихъ сестеръ и брата похожими другъ на друга. Дочери первыя цѣпа вышли изъ-подъ его молчаливаго гнета. Марья Вуколовна и Василій Онисимовичъ оставались при немъ до конца его жизни. Какъ мать, такъ и сынъ подчинились ему безропотно, никогда не высказывали даже своихъ желаній. Они точно сдавливали до поры до времени все стремленія эгоизма, въ ожиданіи скорой свободы. И точно. Первозерниковъ умеръ, когда Василю Онисимовичу было всего 25 лѣтъ. Мраморный крестъ, купленный при жизни для себя самимъ старикомъ, былъ водруженъ надъ могилой, которая, по странному приказу его, была помѣщена въ полуверстѣ отъ хутора, въ степи, у самой проезжей дороги. Обрядъ почтительныхъ слезъ былъ оконченъ, прошли девятый, двадцатый и сороковой дни. Тогда Марья Вуколовна и сынъ сразу сбросили съ себя тяготѣвшее надъ ними иго. У старухи это проявилось, конечно, только въ пустякахъ. За тридцать лѣтъ сожительства она уже кристаллизовалась во вкусахъ мужа. Но въ Василю Онисимовичѣ не окрѣпли еще никакіе вкусы.

Прежде всего онъ привелъ въ исполненіе свою первую мечту — бросить все дѣла, забыть о существованіи хутора, завода, мельницы, лѣсопильни въ городѣ, пріобрѣтенной старикомъ чуть не накануне смерти, — бросить все и бѣжать. Началъ онъ съ губернскаго города. Тамъ принялась за него сестра. Она его шифовала, цивилизовала и вводила въ свѣтъ. Оттуда онъ скоро уѣхалъ въ Москву, изъ Москвы въ Парижъ, изъ Парижа въ Лондонъ. Черезъ годъ его нельзя было узнать. Изъ робкаго, хмураго рабочаго, не выходившаго изъ шведской куртки и высокихъ сапогъ, покрытыхъ пылью мукъ, онъ преобразился въ элегантнаго, молодого толстяка, одѣтаго у лучшихъ европейскихъ портныхъ, съ бородкой и усами послѣдней моды и порхающаго въ обществѣ быстро покупаемыхъ друзей изъ ресторана въ театръ, изъ театра въ отель и изъ отеля въ купе перваго класса.

Старѣла лѣсопильня. Это заставило его вернуться, а вернувшись, онъ почувствовалъ нервное утомленіе. Онъ поселился у сестры. Для брата, получившаго, конечно, львиную долю наслѣдства, въ тѣсномъ домѣ нашлось отличное помѣщеніе. Василій Онисимовичъ прожилъ у сестры до ранней весны съ брезгливой миной человѣка, который обкушался сладкаго. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ нарахвать. Въ обществѣ его полюбили, дамы за нимъ бѣгали, сестра подыскивала ему невѣсту. Онъ ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не спорилъ и все въ развлеченіяхъ отдавался съ видомъ рубахи-парня; въ душѣ же, тайкомъ отъ всѣхъ, воспитывалъ самую ядовитую подозрительность и скоро научился презирать всѣхъ, кто за нимъ ухаживалъ.

Ранней весной онъ вдругъ уѣхалъ. Уѣхалъ чуть не въ тотъ самый день, когда ради него готовился большой вечеръ, на которомъ сестра собиралась познако-

Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ“, А. С. Пушкина. Глава V, ст. IX.
 Оригинальный рисунокъ (собств. „Нивы“) Е. П. Самокишъ-Судковской, автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Великий князь литовский Александр встречает невесту свою Елену, дочь Иоанна III, в Вильнюс в 1495 г.
 Оригинальный рисунок (собствен. „Пивы“) Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, грав. Цехомский.

мить его съ прелестной невѣстой. Уѣхалъ на хуторъ и оставилъ всѣхъ своихъ друзей, поклонницъ, сестру, зятя пораженными и раздосадованными. Къ нему полетѣли телеграммы и письма. Сестра осыпала его упрёками въ незнаніи свѣтскихъ приличій и умоляла возвратиться. Одна дама общества, обращавшаяся къ нему на „ты“, угрожала самоубійствомъ. Въ теченіе мѣсяца каждый день изъ конторы подавали ему по одному, по два письма.

„Если ты не отвѣтишь и на эти строки, пропитанныя горькими слезами, я во всемъ признаюсь мужу и покончу съ собой! Я покончу съ собой, такъ и знай! Ты отвѣтишь за меня Богу. Я не могу жить безъ тебя!“

Василій Онисимовичъ искалъ слѣды слезъ на длинномъ письмѣ, испещренномъ восклицательными знаками, нюхалъ знакомый запахъ sachet и поджигалъ письмо съ одного конца, любуясь узоромъ пера.

„Вспомни, наконецъ, что ты мой братъ. Ты поставилъ меня въ отчаянное положеніе. Я не могу никуда глазъ показать. Ты меня перессоришь съ полъ-городомъ. Напиши, по крайней мѣрѣ, что-нибудь въ оправданіе твоего великаго поступка почтенной старушкѣ, madame...“

Василій Онисимовичъ дѣлалъ изъ письма сестры плотный шарикъ и, стоя у открытаго окна, старался пощипать этимъ комкомъ въ стволъ дерева.

„Mon cher! Ты своими сумасбродными тратами заставилъ меня влѣзть въ долги. Какъ благородный человекъ, какъ дворянинъ, я не хотѣлъ, чтобы ты платилъ за меня во время нашихъ кутежей. Будь же благороднымъ другомъ. На-дняхъ срокъ моихъ двухъ векселей. Согласись, что я въ правѣ просить тебя...“

Письмо друга летѣло недочитаннымъ въ тотъ же стволъ дерева.

„Какъ вашъ постоянный врачъ, считаю своимъ священнымъ долгомъ предупредить, что вамъ нужна жизнь разсѣянная. Вы поступили очень опрометчиво, что уѣхали, не посоветовавшись со мной. Деревенская тишина вызоветъ въ васъ реакцію, которая можетъ окончиться—ужъ извините за прямоту—прогрессивнымъ параличомъ. Возвращайтесь же скорѣе и будемъ лѣчиться...“

Этотъ докторъ бралъ у Василія Онисимовича ежедневно по 10 руб. за визитъ. „Прогрессивный параличъ“ заставилъ Василія Онисимовича перечитать письмо и чуть призадуматься, но потомъ и оно полетѣло въ лезень.

„...Juge de mon indignation, quand on m'a dit que tu t'es enfuis à la campagne pour toujours... Comment! Penser que pour te voir j'ai quitté mon Paris!.. Voyons, si tu n'arrives pas... je n'ose y songer sans frémir? A cette idée ma main tremble, mes yeux se mouillent... Ah, mon beau russe! Ah! Souviens-tu...“

Василій Онисимовичъ плоховато понималъ по-французски, но тотчасъ же вспомнилъ художавую парижанку, съ большими черными глазами.

Прилетѣла изъ Парижа? Ну, и пусть ес! Найдутся покровители!..

Весь планъ работъ на хуторѣ къ концу мѣсяца былъ имъ уже составленъ. Онъ горячо принялся за дѣло. Отцовскую систему наживы осудилъ безповоротно и рѣшилъ завести идѣальный порядокъ. Выписалъ архитектора, огромную партію каменщиковъ, кровельщиковъ, печниковъ, плотниковъ, маляровъ—и работа закипѣла. Для двора было отдѣлано 15 десятинъ. По угламъ его стояли заново отдѣланные заводъ и мельница, кругомъ же строились каменные сараи, клуньи, конюшни для рогатаго скота, конюшни для лошадей, пожарное депо и проч. Домъ также былъ отремонтированъ, окруженъ молодымъ фруктовымъ садомъ и цвѣтникомъ. Конные молотилки были замѣнены большою паровою, для подъема стоговъ выписанъ элеваторъ, въ конторѣ

посажены опытные бухгалтеры, открыто почтовое отдѣленіе, въ которомъ вскорѣ слилась корреспонденція всѣхъ селъ на тридцать верстъ во всѣ стороны. Весь капиталъ былъ убитъ на совершенное обновленіе хутора. Для служащихъ, холостыхъ и семейныхъ, были выстроены квартиры.

Постарѣвшая Марья Вуколовна какъ-то совсѣмъ осѣла. На кичучую работу она смотрѣла сначала съ недоумѣніемъ, потомъ со слезами. Ей казалось, что вотъ-вотъ каменщики начнутъ ремонтировать и ее самое.

Черезъ два года хуторъ ни однимъ угломъ не напоминалъ прошлаго. Среди широкой стены, верстахъ въ 8, въ 10 отъ другого жили, послѣ запущенныхъ усадебъ и деревенокъ изъ крестьянскихъ хатъ, крытыхъ соломой и ютившихся за вишневыми садками и высокими подсолнухами,—новый хуторъ производилъ впечатлѣніе чистенькаго, бѣлаго городка съ прочными строеніями подъ желѣзными крышами, блестящими на солнцѣ. Чистота и порядокъ повсюду такъ манили къ себѣ, что рѣдкій проѣзжій не останавливался по дорогѣ, чтобы полюбоваться на стройный и красивый хуторъ.

Василій Онисимовичъ испытывалъ чувство удовлетворенной мечты. Онъ самъ управлялъ всѣми отраслями своего большого хозяйства. Отъ „трехлѣтняго кутежа“, какъ онъ называлъ свою жизнь въ хутора, въ немъ остались мелкія воспоминанія чего-то пошлова-таго, какого-то перепоя.

Мало-по-малу онъ совершенно втянулся въ рабочую жизнь, безвыѣздно проводи ее на хуторѣ и въ свободные часы оставался совершенно одинокимъ. Уже другая мечта его была удовлетворена, по онъ безсознательно испытывалъ приступы тоски, точно утомленное воображеніе таило еще какіе-то заманчивые образы.

Въ это время онъ началъ все чаще и чаще видѣть эти страшные, и тревожные, и томительно-пріятные, сны.

II.

Сегодня опять...

Василій Онисимовичъ проспался лежа на спицѣ съ закинутыми за голову руками, раскрылъ глаза и тотчасъ же закрылъ ихъ. Передъ нимъ мелькнулъ мягкій свѣтъ лампы, тихо лившейся на иконы, и изъ ночной тьмы на мигъ выступилъ край большого портрета отца подъ стекломъ. За окнами, на хуторѣ, было совершенно тихо. Василій Онисимовичъ зналъ уже, что нѣтъ и трехъ часовъ, что они вотъ сейчасъ громко пробьютъ въ столовой, оскорбительно врываются въ ночную тишину. До утра еще долго, и ему хотѣлось поскорѣе заснуть опять, чтобы пристальнѣе всмотрѣться въ тѣ смутные образы, которые только что были такъ живы и осязательны, и уже начинаютъ убѣгать, не оставивъ по себѣ следа воспоминанія. Онъ притворился спящимъ, словно разсчитывая надуть само сновидѣніе, стараясь не прислушиваться къ тишинѣ, не слышать боя часовъ, боялся шелохнуться, чтобы малѣйшимъ движеніемъ не взволновать и не замутить то радостное, нѣжное и благоуханное, что наполняло его грудь. Все еще въ состояніи полудремы онъ, точно посторонній духъ, наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлается въ немъ самомъ, но съ досадой замѣчалъ, какъ его уже охватываетъ нервная бодрость. И эта бодрость представляется ему скопищемъ грубой силы, властно вступающей въ него и разгоняющей несчастныхъ пришельцевъ, овладѣвшихъ имъ въ теченіе ночи. Эти нѣжные мечты сна робко бѣгутъ отъ груди къ глазамъ, къ мозгу, жмутся около черепа и давятъ его. Грубая сила настагаетъ ихъ и бьетъ. Мозгъ обливается кровью, которая просачивается по какимъ-то расщелинамъ и жжетъ. Но ему все еще хочется уловить хоть одно опредѣленное очертаніе, хоть одинъ звукъ, хоть краску только-что испытаннаго наслажденія, а нѣжные мечты сна быстро испаряются,

мерцающими неувольными блестками, словно болотные огни въ голубой волнуемой мглѣ луннаго свѣта.

Переключаются послѣдніе пѣтухи, раздаются мычаніе коровы—одной, другой, третьей, заиграла свирѣль пастуха, хуторъ наполняется бодрими звуками ранняго утра.

Сна пѣтъ. Василій Онисимовичъ поворачивается на бокъ и, глядя на лампаду, старается объяснить и припомнить, что онъ видѣлъ во снѣ. Что-то прекрасное и въ то же время грустное. Не то, что онъ видѣлъ десять, двадцать ночей къ ряду, по настроенію все то же. Онъ и сейчасъ еще грустно вздыхаетъ, и глаза его влажны отъ слезъ, но въ самой грусти этой—что-то тихо-радостное. Почти то же ощущеніе меланхоліи испытываетъ онъ въ тихій вечеръ, когда лучи заката обагриваютъ бѣлыя стѣны и верхушки старыхъ вербъ на плотинѣ, когда доносятся звуки возвращающагося стада, а неясныя мечты о чемъ-то лучшемъ, чѣмъ самая лучшая дѣйствительность, рвутъ грудь на части и дразнятъ обманчивыми надеждами.

И весь этотъ сонъ такъ же неясенъ, какъ тѣ мечты. Онъ уже исчезъ окончательно, а на душѣ поднялась муть тоски и горечи.

Словно въ теченіе ночи было не одинъ Василій Онисимовичъ, а два. Одинъ такой, какимъ онъ былъ въ жизни—съ душой, загроможденной подозрѣніями, мелкими заботами, надобными разговорами, и подавленной безпросвѣтною скукой. Другой—чистый, съ душой ясной и открытой и безпредѣльно счастливый. Ничто изъ дѣйствительной жизни перваго Василія Онисимовича не касалось втораго. И въ этомъ было его счастье. Онъ жилъ всей грудью и дышалъ легко и свободно. Его любви женщины красивыя и мечтательныя, и въ ихъ любви не было того прозрачнаго расчета, прикрытаго тонкимъ кокетствомъ, который такъ опротивлялся первому Василію Онисимовичу. У него были друзья, умные и честные, и они любили его за его честность и чистоту. Первый Василій Онисимовичъ радовался, глядя на счастье втораго, и грустно вздыхалъ. Онъ говорилъ: „неужели же мнѣ никогда, никогда-таки не испытать такого блаженнаго состоянія! Такъ мнѣ и оставаться вѣчно среди людей не умныхъ, скучныхъ, не хорошихъ, измотавшихъ меня?“ А второй Василій Онисимовичъ съ удивленіемъ сказалъ: „да вѣдь я—это ты самъ, значить, и ты испытываешь блаженное состояніе.“—„Да, но вѣдь все это только сонъ!“—„Что дѣлать! И сонъ счастливый—уже счастье“. И первый Василій Онисимовичъ сливался со вторымъ, чѣмъ-то наслаждался, чего онъ теперь никакъ не могъ припомнить, потомъ что-то терялъ и плакалъ, паходилъ и снова радовался...

„Неужели мнѣ никогда въ жизни не испытать хорошаго, ничѣмъ не отравленнаго счастья?“—думалъ онъ, слѣди за тѣмъ, какъ въ комнату быстро, но неувольно проникалъ свѣтъ, а лампада то вспыхивала, то гасла.

Онъ медленно перебиралъ воспоминанія своихъ путешествій и связей, быстро пріобрѣтенныхъ друзей въ Москвѣ, за границей и въ домѣ сестры, и опять возвращался къ потускнѣвшимъ уже образамъ сна. Или дѣйствительная жизнь вся, повсюду, такъ соткана изъ пошлостей, что въ ней пѣтъ счастья чистаго, между тѣмъ какъ во снѣ—какъ въ сказкѣ?..

Въ эту минуту одна мысль заставила его бодрѣе двинуться на постели.

Опять! Опять послѣ такого сна онъ вспоминаетъ о семьѣ профессора Кашкадарова.

„Это не сирота“,—подумалъ онъ и старался припомнить тѣ ничтожныя мелочи, которыя могли остаться у него въ памяти объ этой семьѣ.

Ему тогда врядъ ли было больше восьми лѣтъ. Онъ еще бѣгалъ босоногій. Рѣшительно не можетъ припо-

мнить, какимъ образомъ попалъ въ Куцино, имѣніе Кашкадаровыхъ, верстахъ въ 15 отъ хутора. Помнитъ, что ѣздилъ на бричкѣ, не то съ приказчикомъ, не то съ ключникомъ, а можетъ-быть даже и отцу зачѣмъ-нибудь надо было къ управляющему профессору... Не очень большой, но чистенькій и аккуратный господскій домъ... аккуратный садъ, цвѣтникъ... Послѣ грязнаго отцовскаго хутора, усадьба профессора показалась ему райскою... Балконъ въ садъ, чудный солнечный день, на балконѣ обѣдали самъ профессоръ, его жена, стройная, поразительной красоты, два ангела—двѣ дѣвочки, дочери ихъ, съ бѣлокуроыми локонами, въ бѣленькихъ платицахъ, и дѣвушка, гувернантка. И всѣ они говорили не по-русски, и на всѣхъ лицахъ прелестныя, добрыя улыбки.

Какъ онъ, босоногій сынъ уже богатѣвшаго тогда Первозерникова, попалъ на балконъ,—не помнитъ. Теперь ему такъ стыдно вспоминать объ этомъ!.. Онъ былъ, наѣрное, очень грязенъ, бѣгалъ за курами, или разорялъ воробьиныя гнѣзда, когда его прихватили въ бричку...

Кажется, на балконѣ ему дали малины со сливами...

Больше ничего и не было. Но это воспоминаніе—одно изъ самыхъ рѣзкихъ впечатлѣній его дѣтства. Эти обѣдавшіе на балконѣ люди и дѣти, этотъ садъ съ большимъ прудомъ, цвѣты—все это показалось ему видѣніемъ изъ другого царства.

Помнитъ онъ, что на обратномъ пути, въ бричкѣ, или уже дома, а можетъ-быть и не въ тотъ же день, а въ другое время,—онъ спрашивалъ кого-то, что это значить „профессоръ“,—и отиѣтъ, который онъ получилъ, страннымъ образомъ слился съ тѣми впечатлѣніями, которыя производили на него большой, загороженный домъ генеральши и ея запущенный паркъ. Должно-быть, онъ слышалъ разговоры о томъ, какъ господа вынуждены бываютъ бросать свои усадьбы. И профессорская семья казалась ему выгнанною изъ такого же большого дома и такого же обширнаго парка. Кто ихъ выгонялъ, этого онъ не могъ попить, но это было что-то въ родѣ сліянія рабочихъ, денегъ, скота, громкаго голоса отца и спиртнаго запаха. А выгнали ихъ за то, что они все знаютъ, потому что „профессоръ“ это значить—человѣкъ, который все знаетъ и всему научился.

Теперь онъ припоминаетъ, что это ему объяснялъ сынъ ключника. Этотъ сынъ ключника потихоньку говорилъ ему, что прежде, при крѣпостномъ правѣ, было гораздо лучше, чѣмъ теперь, что господа никогда не заставляли такъ много работать и гораздо лучше кормили, и вообще при господахъ житье было лучше, чѣмъ у его отца, у Первозерникова.

И съ тѣхъ поръ, когда онъ забѣгалъ въ полувырубленный, запущенный паркъ, или попадалъ въ залъ дома, гдѣ лежали хомуты, хмель, кукуруза, гвозди,—онъ всегда думалъ о томъ, что и здѣсь когда-то жили люди, которые „все знали“, а ихъ выгнали. Это было ужасно.

Отлично помнитъ еще Василій Онисимовичъ, съ какимъ сочувствіемъ смотрѣлъ онъ на домикъ профессора, когда бѣгалъ въ гимназію. Дѣло въ томъ, что мальчикъ пачалъ бояться того момента, когда онъ тоже все узнаетъ. И разъ онъ вдругъ рѣшительно вообразилъ, что это уже случилось. Онъ узналъ, что поджогъ клуны былъ сдѣланъ однимъ рабочимъ, который до этого нѣсколько разъ приходилъ къ его отцу и плакалъ. Этому не зналъ никто, и никто рабочаго не преслѣдовалъ за поджогъ, а Вася зналъ. Онъ зналъ, что старшая сестра цѣловалась съ сыномъ ключника потихоньку отъ всѣхъ, а когда отецъ увозилъ ее въ городъ выдавать замужъ, сынъ ключника плакалъ, а она не хотѣла съ нимъ разговаривать. Онъ зналъ, о чемъ

такъ шепчутся въ кабинетѣ отца прѣбывшіе купцы,—они собирались „наложить арестъ“ или что-то въ этомъ родѣ. И еще много, много такого, чего ему знать не слѣдовало.

Сдѣлавши это открытіе, онъ ужасно испугался и все время старался имѣть передъ отцомъ такой видъ, какъ будто онъ ничего не знаетъ.

И вотъ однажды отецъ долго и внимательно посмотрѣлъ на него. У мальчика ноги задрожали. „Такъ и есть,—подумалъ онъ,—сейчасъ догадается, что я все знаю, и выгонитъ меня“. Такъ и случилось. Отецъ сказалъ матери: „собери-ка его совѣмъ, послѣ-завтра повезу въ городъ, въ гимназію. Пускай ученымъ выйдетъ“. Мальчикъ не выдержалъ, расплакался и сказалъ: „Такъ вѣдь если меня будутъ учить, я тогда еще больше узнаю!“ Но отецъ никогда не разговаривалъ съ нимъ, а мальчикъ такъ и не разъяснилъ этого противорѣчія.

Наконецъ, онъ помнитъ еще одинъ эпизодъ. Однажды, лѣтомъ, когда онъ, уже 17-18-лѣтнимъ юношей, гимназистомъ 5 или 6 класса, былъ на хуторѣ во время вакацій, отецъ вышелъ изъ кабинета вмѣстѣ съ гостемъ, какимъ-то „позбицникомъ“, блѣдный, какъ полотно. Это всегда было признакомъ страшнаго негодованія.

— Ладно! Узнаетъ меня господинъ Кашкадаровъ!—сказалъ онъ и выпилъ залпомъ двѣ кружки воды.

Больше онъ не произнесъ ни слова, но по тому, какъ онъ за чаемъ смотрѣлъ прищурившись куда-то вдаль, по тому, что гость бѣжалъ съ нимъ заговорить, а мать совѣмъ почти „сомлѣла“, видно было, что старикъ придумывалъ страшную месть.

Оказалось, что Кашкадаровъ на какомъ-то собраніи, или просто на именинахъ не то у предсѣдателя управы, не то у предводителя дворянства, сказалъ громовую рѣчь противъ „уѣздныхъ пауконъ, сосущихъ мужицкую кровь“, при чемъ профессоръ говорилъ такъ горячо, что всѣ, бывшіе тамъ, кромѣ рассказчика, конечно, аплодировали и говорили: „надо господамъ Первозерниковымъ оказывать явное презрѣніе, а не преклоняться передъ ихъ мощной“.

Все это Василій Онисимовичъ узналъ отъ того же гостя. На вопросъ юноши, что такъ разсердило отца, гость не безъ удовольствія посвятилъ сына во все, что говорить въ уѣздѣ объ его отцѣ.

„Что это за дрянная фигура была?“—старается Василій Онисимовичъ припомнить уѣзднаго силетника.

Это воспоминаніе заставило его покраснѣть и теперь. Какъ же стыдно должно было быть тогда?

Онъ невольно посмотрѣлъ на большой портретъ отца, уже ясно выступавшій на противоположной стѣнѣ. Худой, съ длинной, начинавшей сѣдѣть бородой, съ прилизаннымъ боковымъ проборомъ и тѣмъ неестественнымъ выраженіемъ солидности, какалъ бываетъ у людей самолюбивыхъ, не привыкшихъ къ фотографіи.

Отомстить Кашкадарову ему не удалось, если не счи-

тать, что нѣсколько разъ онъ отбилъ у него въ самое горячее время рабочихъ. Но неуязвимость профессора еще сильнѣе ожесточала Первозерникова, и объ ихъ враждѣ говорилъ весь уѣздъ. Вмѣстѣ съ этимъ рушились и надежды гимназиста попасть когда-нибудь въ домъ профессора. Зато тѣмъ сильнѣе втайнѣ манило его туда.

Какъ только Василій Онисимовичъ окончилъ курсъ (онъ былъ въ реальномъ училищѣ), отецъ взялъ его на хуторъ и заставилъ работать.

Съ тѣхъ поръ до него иногда доходили вѣсти о профессорской семьѣ, жившей зиму въ Москвѣ, а лѣто въ деревнѣ. Красавица-жена профессора умерла. Рассказывали, что Кашкадаровъ отъ отчаянія едва самъ не умеръ. Потомъ слышалъ Василій Онисимовичъ, что младшая дочь профессора, Лизавета Николаевна (онъ помнилъ ихъ всѣхъ по именамъ), вышла замужъ за молодого магистранта Дебальцева. Старшая всегда оставалась при отцѣ, особенно послѣ смерти матери.

Василій Онисимовичъ часто ловилъ себя на томъ, что не только не унаслѣдовалъ отъ отца чувства злобы къ сосѣдямъ, но всегда думалъ о нихъ, какъ о людяхъ высшаго, идеальнаго порядка. Онъ, напримѣръ, когда хлопоталъ объ открытіи у себя почтоваго отдѣленія, не переставалъ соображать, что профессору должно-быть очень выгодно имѣть почту, вмѣсто 50, въ 15 верстахъ. И заходя въ контору почты, онъ не разъ видѣлъ газеты, толстые журналы и письма, адресованные въ Куцино Кашкадаровымъ. Онъ нѣсколько разъ видѣлъ по слѣ Дебальцева, хотя никогда не видалъ его въ жизни. Онъ подходилъ къ нему съ протянутой рукой, а Дебальцевъ билъ его по этой рукѣ и говорилъ что-то ужасно обидное. Василій Онисимовичъ говорилъ ему, что онъ вовсе не такой, какимъ былъ его отецъ, а молодой магистрантъ отвѣчалъ: „знаемъ мы васъ, вы хуже вашихъ отцовъ: тѣ хоть дѣйствовали на чистоту, а вы прикрываете ваши хищные замыслы виѣшной элегантностью и поддѣльнымъ добродушіемъ. Прочь отъ насъ!“

Во второй разъ гудитъ свистокъ мельницы, въ домѣ стучать, убираютъ комнаты, мать уже два раза крикнула на кого-то, подъ окномъ — голоса, одинъ, гнусавый,—приказчика, другой, старческий,—ключника, третій, низкій, басистый, съ покашливаніями, — кажется, того скупщика скота, съ которымъ Василій Онисимовичъ вчера не сошелся въ цѣнѣ. Онъ требовалъ за 60 головъ, вскормленныхъ на бардѣ, пять тысячъ, а скупщикъ неестественно смѣялся и давалъ только четыре, потому ушелъ, какъ бы разставшись навсегда.

„Навѣрное, переночевалъ гдѣ-нибудь тутъ же на хуторѣ, каналья, и опять явился. Думалъ своимъ торгашескимъ смѣхомъ смутить молодого хозяина“.

Опять придется торговаться съ нимъ, угощать его чаемъ и водкой и пить вмѣстѣ съ нимъ!

А голова тяжелая, точно свинцомъ налитая...

(Продолженіе будетъ.)

Волшебный кувшинъ.

М. П. Васильева.

(Корейская сказка о томъ, почему собака и кошка стали врагами.)
Съ 2 рисунками И. И. Каразина.

Давно это дѣло было. У самой рѣки, на берегу, гдѣ пристаеетъ паромъ, жилъ-былъ старикъ. Онъ былъ совершенно слѣпъ, бѣденъ, но честенъ, а такъ какъ пригожъ же былъ онъ и бездѣтенъ, то самому ему приходилось заботиться о средствахъ къ жизни, для чего онъ и содержалъ винную лавочку. Лавочка его, хоть и очень маленькая, пользовалась, однако, извѣстностью и славой нѣкоторой загадочности. Дѣло въ томъ, что старикъ не зазывалъ къ себѣ покупателей, продавалъ всегда одинъ и тотъ же сортъ цѣназвѣнно хорошаго вина и паливалъ его своимъ настояннымъ потребителямъ вѣчно изъ одного и того же кувшина съ узкимъ горломъ, почернившимъ отъ не всегда чистыхъ рукъ старика.

Никто не видѣлъ, когда старикъ подливалъ вино въ кув-

шинъ, да и не изъ чего было,—въ лавкѣ, кромѣ этого кувшина, не было другихъ сосудовъ; никто не замѣтилъ также, когда вообще подновляется запасъ его вина. Кувшинъ казался неистощимымъ, сколько бы изъ него ни паливали. Самъ старикъ тоже, казалось, всегда тутъ былъ и всегда былъ такъ же старъ, но крайней мѣрѣ никто не помнилъ его другимъ, какъ никто не помнилъ, что было раньше на мѣстѣ его лавочки.

Все это давно уже перестало быть предметомъ толковъ,—старикъ былъ добрый, вино его отличное, а цѣна его та же, что у другихъ за плохое, изъ-за чего же было разговаривать?

Старикъ былъ бездѣтенъ, но не совѣмъ одинокъ,—у него жили двое друзей, замѣтившихъ ему семью, котъ и собака.

Хлѣбъ нашъ насущный. Група Брандштетера, грав. Веберъ.

Собака, большое умное животное съ веселыми глазами, шелковистой шерстью, пушистыми ушами и хвостомъ, была олицетвореніемъ всѣхъ собачьихъ добродѣтелей. Со своимъ товарищемъ, котомъ, пещь жилъ въ большой дружбѣ; оба они проявляли много ловкости и быстроты: одинъ—при ловлѣ блохъ, другой—мышей и своего собственного хвоста.

Однажды, въ видѣ шутки, котъ бросилъ мертвую мышь подлѣ самой носъ спавшей собаки; та, спросонья, не разобравши, въ чемъ дѣло, перепугалась, оцѣтшилась и зарычала на бѣд-

Волшебный кувшинъ.

Корейская сказка М. П. Васильева, рис. Н. Н. Каразина.

наго мышенка, точно на дикаго звѣря, къ великой потѣхѣ разыгравшагося кота.

Эта счастливая нарочка была очень привязана къ старикку, берегла его домъ, когда онъ парѣдка отлучался выкурить трубку съ сосѣдомъ, и ночью спала рядомъ съ нимъ*).

Пещь и котъ стали товарищами и сожителями старика съ тѣхъ поръ, какъ онъ завелъ винную лавочку; до этого онъ былъ несчастенъ и одинокъ. Много горя и нужды онъ испытывалъ на своемъ вѣку, пока не случилось событіе, совершенно невѣроятное его жизни. Однажды на дорогѣ усталый путникъ попросилъ у него шашлыкъ; старикъ подалъ ему свой кувшинъ съ остатками вина; не отнимая его отъ губъ, путникъ выпилъ залпомъ все до дна и, возвращая кувшинъ старикку, далъ ему маленькій кусокъ янтара.

— Спасибо, старикъ, — сказалъ онъ, — возьми эту вещь въ знакъ моей признательности, положи ее въ кувшинъ, и, пока она тамъ будетъ лежать, у тебя не будетъ недостатка въ винѣ.

Одѣлавъ, какъ было сказано, старикъ почувствовалъ, что кувшинъ сталъ тяжелѣе; онъ поднесъ его къ губамъ, и его просохшее горло освѣжила струя отличнаго вина. Старикъ отъ радости хлопнулъ себя по бедрамъ, захохоталъ и чуть не пустился въ плясъ; слова жадно потянувшись изъ кувшина и, вспоминая про своего благодѣтеля-странника, хотѣлъ предложить и ему глотокъ вина, но тотъ куда-то исчезъ.

„Сидѣть тутъ у дороги и пить все время нельзя, — думалъ старикъ, — напьюсь ньянъ, заснешь, а воръ и утащитъ кувшинъ; однимъ виномъ сытъ тоже не будешь; какъ бы поумнѣе воспользоваться доставшимся мнѣ чудеснымъ подаркомъ?“

По зрѣломъ размышленіи, онъ рѣшилъ завести винную ла-

вочку. Чтобы не возбуждать пристрастнаго любопытства, зависти сосѣдей и корыстолюбія властей*), онъ повелъ свое дѣло въ очень скромныхъ размѣрахъ, лишь бы хватало на его стариковскія потребности. Собака и котъ, поселившіеся у него, знали секретъ его кувшина, и постоянно по крайней мѣрѣ одна пара глазъ изъ трехъ слѣдила за его сохранностью.

Какъ послѣ самаго лснаго дня наступаютъ сумерки и ночь, такъ омрачилось и мирное существованіе счастливой тройцы, — произошло нѣчто неожиданное и по простотѣ своей ужасное.

Среди сосѣдей старика пронесся слухъ, что его запасъ вина истощился, не осталось ни капли въ его кувшинѣ, и не изъ чего было его наполнить; услышавъ печальную новость и желая въ ней убѣдиться, каждый шелъ къ старикку; тотъ, не отрицая печальной истины, ничего, однако, не говорилъ для удовлетворенія любопытства толпы и сидѣлъ, покурившись. Вѣрный пещь былъ видимо опечаленъ, повѣсивъ носъ, внимательно прислушивался къ разговору народа, наполнявшаго дворъ, и ни за что не хотѣлъ лечь. Котъ волновался и метался за всѣхъ, и въ концѣ концовъ, забравшись съ досады подлѣ крышу, задалъ знатную гошку мышамъ и крысамъ.

Всѣ сочувствовали горю старика и жалѣли, что не стало дешеваго, хорошаго вина. Старикъ не выдавалъ своего секрета; онъ полагалъ, что какъ-нибудь нечаянно вмѣстѣ съ виномъ выльетъ въ сосудъ покушателя чудесный кусокъ янтара, но кому именно—онъ и самъ не зналъ, и естественно не рѣшался спрашивать объ этомъ. Ночью онъ долго думалъ и боролся про себя о случившемся, а собака и котъ слушали и напрягали всѣ силы своихъ мозговъ, думая, какъ бы помочь въ бѣдѣ доброму старому другу; наконецъ, убитый горемъ старикъ заснулъ, а пріятели, сидя по его сторонамъ, повелли между собой бесѣду:

— Я увѣренъ, — сказалъ котъ, — что я носомъ почую пронажу, если только случайно окажусь недалеко отъ пещь; но гдѣ ее ссыскать?

Это-то и было задачей. Пещь предложилъ предпринять систематическіе поиски во всѣхъ рѣшительно домахъ, начиналъ съ сосѣднихъ и постепенно удалялся отъ дома.

— Пока я буду толковать съ собаками у воротъ, ты можешь забраться внутрь домовъ къ своимъ знакомымъ кошкамъ, поразспросить ихъ и, если чтѣ почуешь, сейчасъ же сказать мнѣ.

Согласившись, что такая система поисковъ, можетъ-быть, и медленная, но единственно вѣрная, пріятели тогда же рѣшили послѣдовать ей и съ тѣхъ поръ терпѣливо, каждую ночь, рыскали все по новымъ мѣстамъ. Иногда, гдѣ ихъ не пускали миромъ, они врывались силой, съ бою, но не пропуская ни одного дома и, спустя нѣкоторое время, обшохали рѣшительно всѣ углы по сю сторону рѣки, по—увъ!—безуспѣшно; это ихъ, однако, не привело въ отчаяніе; полагая, что янтаре попалъ за рѣку, они рѣшили дожидаться зимы, по льду перебраться на ту сторону и съ тѣмъ же терпѣніемъ и системой продолжать начатое. Наступила и зима. Цѣлыхъ два мѣсяца продолжались по ночамъ поиски двухъ друзей, и каждый день съ разсвѣтомъ они возвращались домой, все не находя слѣдовъ пронажи. Старикъ, видя неудачу ихъ поисковъ, вынулъ въ уныніе и выходилъ изъ своей хижины только за провѣіей; небольшие сбереженія прошлыхъ лѣтъ быстро шли къ концу, старикъ опасался, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣдней монеты онъ будетъ покинутъ и „вѣрными друзьями“.

Время шло къ веснѣ, ледъ на рѣкѣ потемнѣлъ и вздулся. Однажды ночью, пробирался подлѣ крышей одного изъ зарѣчныхыхъ домовъ, котъ внезапно почувствовалъ запахъ давно разыскиваемаго янтара; это такъ поразило его, что онъ чуть не свалился на спавшаго подлѣ нимъ человѣка; немного оправившись, котъ внимательно изслѣдовалъ, откуда пахнетъ, и убѣдился, что янтаре лежитъ въ ящичкѣ изъ мыльнаго камня, стоящемъ на прессѣ для платя (**). Ящичекъ былъ сильно запыленъ: очевидно, хозяинъ не зналъ цѣны и свойствъ того, что въ немъ заключалось; вѣроятно, увидѣвъ янтаре, случайно попавшій въ его сосудъ, онъ спряталъ камень и забылъ о его существованіи. Крышка ящичка была закрыта очень плотно, и снять ее коту не было возможности; столкнуть всю вещь на полъ, съ тѣмъ, чтобы разбить ее, — было сопряжено съ рискомъ разбудить спавшихъ и подвать тревогу. Котъ, выйдя на дворъ, сообщилъ пещу о находкѣ и о невозможности взять ее тотчасъ же. Умный пещь нашелся:

— Сходи, — говоритъ, — къ сосѣднему старинкѣ крысъ и обѣщай ему, что если онъ поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ, то мы обязуемся не тревожить крысъ и мышей цѣлыхъ десять лѣтъ.

— Какъ же онъ намъ поможетъ?—все еще недоумѣвалъ котъ.

— Ты тѣ сообрази, что мыльный камень не тверже дерева, и что умѣлымъ зубамъ въ немъ легко прогрызть дыру, черезъ которую мы можемъ достать наше сокровище.

Котъ, превзойдясь передъ способностью своего друга, задралъ хвостъ и помчался исполнить его планъ; но не легко было добиться свиданія съ осторожнымъ, подозрительнымъ крысиннымъ старинникомъ; послѣ многихъ увѣреній кота и клятвъ

*) Вантопничество и казнокрадство въ Корей практикуются, какъ нигдѣ.

**) Въ корейскихъ домахъ полы каменные или глиняные, покрытые толстой промасленной бумагой; отапливается долъ трубами, идущими подлѣ порога. Бѣдить, сидѣть и спать на полу. Башмаки снимаютъ при входѣ въ домъ.

въ безопасность, онъ согласился, наконецъ, подойти ко входу въ свою нору и высунуть предложение двухъ товарищей. Оно было чрезвычайъ выгодно, чтобы на него не сдаться, и условіе было заключено: крысы должны были прогрызть въ лицикѣ дыру,—послѣ того онъ могъ считать себя застрахованнымъ отъ всякихъ преслѣдованій въ теченіе десяти лѣтъ.

Пока шли эти переговоры, пёсъ разгуливалъ по улицѣ, точно важный чиновникъ; вся его фигура была пренебрежена такой заносчивости, что окрестныя дворнички не выдержали столь явно вызывающаго образа дѣйствій, и дѣлая сталъ ихъ затѣйла съ нимъ драку. Плохо пришлось бы приятелю, да на его счастье вернулся котъ и выручилъ его изъ бѣды: онъ прыгнулъ на заборъ и поднялъ такой отчаянный вой, что обитатели дома проснулись и, въ досадѣ на нарушителей ихъ покоя, разогнали всѣхъ собакъ палками.

Ледъ на рѣкѣ, между тѣмъ, тронулся, и нашими друзьями поневолѣ пришлось на время расстаться со старикомъ. Сняли они это время гдѣ попало, ѣли чтѣ придется, чаще голодали; нажили себѣ много друзей, да и враговъ не мало, такъ какъ оба были горды, не трусы и никогда не спускали грубину.

Стало ужъ тепло, когда однажды ночью котъ замѣтилъ приближающуюся къ нему большую, жирную крысу; онъ весь задрожалъ отъ волненія, попробовалъ, хорошо ли дѣйствуютъ когти, собрался, нацѣлился и ужъ готовъ былъ прыгнуть, да въ-время вспомнилъ объ условіи, заключенномъ съ крысой; жизнь ея и честь кота были на-волосъ отъ гибели. Оказалось, крыса принесла извѣстіе, что дыра въ коробкѣ прогрызена, но настолько еще мала, что достать ей содержимое нельзя, развѣ если котъ попробуетъ просунуть въ отверстіе лапу. Котъ мимоходомъ обрадовалъ собаку новостью, не теряя времени побѣжалъ и запустилъ лапу въ коробку, но янтаръ лежалъ очень далеко и достать его этимъ способомъ не было возможности. Пришлось снова прибѣгнуть къ собачьей мудрости, и на этотъ разъ оказавшейся на должной высотѣ: пёсъ посоветовалъ вступить въ отверстіе мышенка и приказать ему выкатить янтаръ. Хоть и не безъ труда, волшебный янтаръ, наконецъ, очутился во власти двухъ друзей. Обѣщавъ еще разъ крысамъ и мышамъ полный покой на десять лѣтъ впередъ, приятели разстались съ ними.

Опять пришлось ему раздумывать, какъ бы перебраться имъ на ту сторону рѣки и не потерять при этомъ найденной драгоценности.

— Возьми,—сказалъ пёсъ,—янтаръ въ ротъ, сожми зубы, садись ко мнѣ на спину и держись за шерсть на шеѣ, а я поплыву и тебя переправлю.

Сказано—сдѣлано; сѣли и поѣхали.

Дѣти, игравшія на томъ берегу, видя эту странную переправу, хохотали до слезъ, а нѣкоторые отъ избытка веселости кувыркались и катались по землѣ. Пёсъ, не обращая на нихъ вниманія, съ сознаниемъ важности своего дѣла, плылъ себѣ да отфыркивался; котъ, по своему болѣе игривому характеру, принималъ шутки дѣтей иначе: онъ дѣйствовалъ на него раздражительно, и нѣсколько разъ пёсъ чувствовалъ, какъ онъ трясся на его спинѣ отъ припадковъ душившаго его смѣха; пловецъ доставался при этомъ лишній глотокъ мутной, весенней воды, и онъ торопился къ берегу. Почти у самаго берега котъ не выдержалъ, и разразился хохотомъ, янтаръ при этомъ, конечно, выпалъ и пошелъ ко дну; видя это, пёсъ нырнулъ, забывъ про своего пассажира, но тотъ струсилъ и, захлебываясь, запустилъ ему въ шею когти. Отъ боли пёсъ, бросивъ янтаръ, стремительно вынырнулъ, да на берегъ; котъ, кое-какъ добравшись туда же, съ быстротой молнии залѣзъ на дерево, потому что недавній закадычный другъ и сподвижникъ нырнулъ на него съ такой злобой, что навѣрное растерзалъ бы его, если бы только поймалъ; да и, правда, было за что: изъ-за его легкомысленной недержанности пропалъ пловецъ столько трудовъ, лишений и хитрости! Долго котъ сидѣлъ на деревѣ въ осадномъ положеніи, благообразно выжидая ухода врага, и тогда только спустился внизъ, когда тотъ ушелъ на рѣку и вновь принялся нырять въ надеждѣ найти утонченное сокровище; всѣ его попытки, однако, оказались напрасными. Съ тѣхъ поръ котъ, при одномъ видѣ собаки, вспоминаетъ холодную ванну и ужасную сцену на берегу, шерсть на немъ становится дыбомъ, и глаза загораются страхомъ и злобой.

Потонули длинныя, скучныя дни; большую часть времени пёсъ проводилъ на берегу, погруженный въ размышленія; зима застала его на томъ же мѣстѣ и съ тѣми же двумя неотступными мыслями—какъ бы найти янтаръ и убить кота; но котъ избѣгалъ его, благообразно проводя время на крышахъ и заборахъ, а янтаръ былъ подо льдомъ.

Однажды рыбакъ пробилъ во льду лунку и сталъ ловить рыбу; пёсъ, считая себя въ правѣ наблюдать за этимъ мѣстомъ рѣки, спустился на ледъ и сталъ слѣдить за ловомъ; только была вытащена изъ воды первая пойманная рыба, знакомый духъ ударилъ по собачьему носу,—онъ схватилъ съягу съ крючка рыбу въ зубы и стрѣлой помчался къ старику. Въ-данный старикъ въ это время кончалъ послѣднюю связку денегъ*).

* Ходячая монета въ Корей, какъ и въ Китаѣ, кругъ или овалъ, бронзовая, литая, съ четырехугольной дырой по срединѣ, называется связками определенной стоимости на солому или веревку. На 1 вред. рубль идетъ 800—900 штукъ.

скоро пришлось бы ему питаться подавниемъ, а потому принесенная его вѣрными другомъ добыча пришла очень кстати; онъ тотчасъ же принялся чистить рыбу, но лишь только венероль ей живою, какъ оттуда, къ неописанной его радости, вывалился давно пропавшій чудесный янтаръ. Пёсъ не смогъ долгие сдерживать своего восторга, прыгнулъ, лаялъ, кидался на старика и лизалъ ему лицо. Придя въ себя, старикъ бережно спряталъ янтаръ въ сундукъ, откуда досталъ послѣднія свои деньги и свое парадное платье; это платье, воспоминаніе о лучшихъ дняхъ жизни, онъ уже показывалъ кое-кому съ дѣлю продать его, когда совсѣмъ не на что будетъ жить; теперь онъ его надѣлъ и, оставивъ рыбу дожариваться на угляхъ, пошелъ кушать вина для шира по случаю находки и для начала новой вишней торговли, помня снизу талисмана дѣлать самый малый запускъ—неистоцимымъ. Вернувшись, старикъ подѣлился обѣдомъ со своимъ вѣрнымъ другомъ и окончательно оправился послѣ двухъ-трехъ добрыхъ глотковъ вина, отъ котораго его горло уже успѣло было отвыкнуть.

Желая взять янтаръ, онъ открылъ сундукъ и съ удивленіемъ увидѣлъ въ немъ совершенно такое же платье, какое онъ досталъ оттуда, и такую же связку денегъ, какую онъ взял на распадъ. Старикъ догадался что свойство его талисмана—точно пополюбить убыль во всемъ, что ни находилось бы вмѣстѣ съ нимъ, будь то вино, платье или деньги, и пока-

Волшебный кувшинъ.

Корейская сказка М. П. Васильева, рис. Н. Н. Каразина.

дѣлъ, что не зналъ этого раньше, когда довольствовался продажей вина по мелочи.

Дѣйствуя сообразно сдѣланному имъ открытію, старикъ скоро сталъ несмыслино богатъ, по желанію удваивая все, что у него оказывалось, и съ особенной итѣжностью заботился о своемъ вѣрномъ псѣ, а пёсъ до конца своихъ собачьихъ дней не трогалъ крысъ, но съ ненавистной яростью кидался на всякаго всерѣшшаго кота.

Сказки. Сь картини Софії Коєрл грав. Бреддмургь.

Праздничный визит. Сь картини С. Барбудо грав. Геданъ.

Последніе дни Суворова.

Очеркъ А. Ф. Шидловскаго.
(Съ рисункомъ на стр. 20.)

Къ числу достопримѣчательныхъ мѣстъ Петербурга принадлежитъ неказистый на видъ, но славный по своимъ воспоминаніямъ домъ, гдѣ провелъ послѣдніе дни своей жизни генералиссимусъ Суворовъ. Печать времени какъ будто не смѣла коснуться мѣста, гдѣ намель себя успокоеніе герой, обезсмертившій своими подвигами лѣтописи русской исторіи. До настоящаго времени этотъ домъ *) сохранился въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ въ концѣ прошлаго вѣка; черезъ три года минетъ сто лѣтъ со дня кончины Суворова; напомятъ теперь читатели объ этомъ великомъ человѣкѣ, благо есть достойный монархъ: лѣтомъ прошлаго года была водружена мармурная доска на стѣнѣ дома, гдѣ умеръ ненѣбходимый герой; немногіе жители Петербурга знаютъ о существованіи этого историческаго мѣста.

Какъ извѣстно, съ вѣцареніемъ императора Павла I Суворовъ впалъ въ немилость и жилъ, оставленный отъ службы, въ своемъ имѣніи Кончанскомъ, недалеко отъ г. Боровичей, Новгородской губерніи. Политическія событія вызвали престарѣлаго фельдмаршала изъ уединенія; въ сентябрѣ 1798 г. онъ былъ вытребованъ императоромъ въ Петербургъ, но пробылъ здѣсь не долго; ссылаясь на свое нездоровье, онъ отказался опять вступить на службу и возвратился въ деревню, гдѣ предавался сельскимъ занятіямъ. Наступилъ 1799-й годъ. Неудачи австрійскихъ и русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ сѣверной Италіи противъ французовъ, снова напомяли о томъ, что есть полководецъ, съ которымъ войска не терпятъ пораженій. По настоятельному желанію вѣнскаго двора, императоръ Павелъ рѣшилъ поручить общее начальство надъ союзными войсками Суворову. Въ началѣ февраля 1799 г. онъ отправилъ въ с. Кончанское флигель-адъютанта Толбухина, который вручилъ фельдмаршалу собственноручное письмо государя. Престарѣлый герой немедленно явился въ Петербургъ, гдѣ былъ осыпанъ милостями монарха. Въ половинѣ марта Суворовъ былъ уже въ Вѣнѣ, гдѣ былъ встрѣченъ жителями столицы съ неописаннымъ восторгомъ; пробылъ здѣсь 10 дней, онъ въ началѣ апрѣля прибылъ въ Верону, гдѣ принялъ армію подъ свое начальство. Съ появленіемъ Суворова успѣхъ склонился на сторону союзниковъ; въ пять мѣсяцевъ были завосваны обратно отъ французовъ земли, занятія ими въ Италіи; знаменитыя переходы черезъ Альпы и побѣда, одержанная на горѣ С.-Готардѣ, были вѣдомъ славы знаменитаго полководца и, къ сожалѣнію, послѣдними его подвигами.

Двусмысленное поведеніе вѣнскаго двора побудило императора Павла разорвать союзъ съ Австріей; Суворовъ получилъ приказаніе расположить свою армію на зимнихъ квартирахъ въ Чехіи и заняться ея снаряженіемъ и обуздываніемъ, пока не кончатся переговоры относительно дальнѣйшаго участія Россіи въ европейской политикѣ; пегодуя на Австрію, императоръ не хотѣлъ окончательно остаться безучастнымъ зрителемъ событий на Западѣ; онъ рѣшилъ составить новый союзъ для спасенія Европы, потрясенной революціей. Извѣщая англійскаго короля объ измѣненіи своей политики, императоръ писалъ ему, между прочимъ: „Опасность, которой иныи подвержена Германія и еще болѣе Италія, угрожаемая не столько французами, сколько Австрією, вынуждаетъ Насъ обратить все вниманіе на честолюбивые замыслы этой державы и принять мѣры противъ нихъ. Намъ легко будетъ склонить на свою сторону Давію и Швецію; но также необходимо, чтобы король Пруссій вступилъ въ Нашъ союзъ...“; въ то же время Павелъ I началъ переговоры со всѣми сѣверными державами; вѣкорѣ, однако, возникли несогласія и съ лондонскимъ кабинетомъ; тогда императоръ рѣшилъ совершенно прекратитъ военныя дѣйствія своихъ войскъ въ дѣлахъ, не приносящихъ русскому правительству никакой пользы. Да и странно было бы продолжать жертвовать кровью русскихъ солдатъ для разныхъ видовъ европейскіхъ дипломатовъ, изъ которыхъ каждый пресѣдывалъ лишь цѣли своего государства. Въ концѣ декабря 1799 г. Суворовъ, не получая еще окончательнаго повелѣнія двинуться обратно въ предѣлы Россіи, самъ рѣшилъ выступить въ обратный походъ; 14 января 1800 г. русская армія двумя колоннами двинулась къ нашимъ границамъ. Въ Краковѣ Суворовъ получилъ повелѣніе императора Павла I сдать начальство надъ арміей генералу Розенбергу. Суворовъ, осыпанный царскими милостями и награжденный еще въ октябрѣ 1799 г. званіемъ генералиссимуса россійскихъ войскъ, спѣшилъ теперь въ Петербургъ, гдѣ императоръ съ нетерпѣніемъ ждалъ его и готовилъ ему торжественную встрѣчу. Для героя были приготовлены покои въ Зимнемъ дворцѣ; въ Гатчинѣ долженъ былъ встрѣтить фельдмаршала флигель-адъютантъ съ рескриптомъ государя. Но Суворову не суждено было видѣть торжествъ, приготовлявшихся по случаю его вѣззда; его привезли въ каретѣ больного, умирающаго.

Еще въ Краковѣ явились въ Суворова первые признаки бо-

лѣзни, называемой фликтеною; все тѣло его покрылось сыпью и водяными пузырями. Въ такомъ положеніи онъ не могъ продолжать свое путешествіе и долженъ былъ остановиться по дорогѣ въ своемъ имѣніи, Кобринѣ *). Князь Багратионъ, находившійся неотлучно при фельдмаршалѣ, послѣшилъ въ Петербургъ и черезъ генераль-прокурора Оболянина доложилъ государю о болѣзни Суворова. Императоръ немедленно послалъ къ больному своего лейбъ-медика Вейкарта съ рескриптомъ фельдмаршалу: „Князь Александръ Васильевичъ! Съ крайнимъ сожалѣніемъ вижу Я изъ донесенія вашего отъ 20-го сего мѣсяца, что здоровье ваше продолжаетъ быть разстроенымъ. Надѣюсь, что воздержанность и терпѣніе ваши, а притомъ и докторъ Мой, восстановитъ васъ непрежнему и доставитъ Мнѣ скорѣе удовольствіе васъ видѣть здѣсь. Пропайте, до свиданія. Уповайте, яко и Я, на Бога“ **). О своей болѣзни Суворовъ сообщилъ также друзьямъ своимъ, которые ждали его въ Петербургѣ: такъ, Ф. В. Растончину ***) фельдмаршалъ писалъ: „Кн. П. И. Багратионъ разскажетъ вамъ о моемъ страждущемъ тѣлѣ. Начну съ кашля, въ концѣ умножившагося... впрочемъ, естественно и столько еще крѣпко, что хотя часть, другой, вѣтру итѣтъ, то и его итѣтъ. Мѣсяць и тѣль очень мало, былъ на ногахъ. Видя отисну, крѣпко наступившую, не тѣль почти ничего 6 дней; а, наконецъ, осилѣвшую, не тѣль вовсе 12 дней, и въ постелѣ. Чувствую, что я есчуть самъ не осилѣлъ... по чѣт проку?.. Сыны съ мѣста на мѣсто переходятъ; и я отнюдь не предвижу скорого конца. Цѣль, чтобы нищи по малу прибавлять... по сомнѣнію по горячкѣ, что еще языкъ говорить. Итакъ надежда на карантинъ. Скучили я вамъ; вотъ моя маселница... Доктору Вейкарту было предписано приложить все свое почесаніе о больномъ. Въ Кобринѣ былъ присланъ по повелѣнію императора также сынъ Суворова, Аркадій Александровичъ. Всѣ эти царскія милости способствовали тому, что въ состояніи здоровья больного стало замѣчаться улучшеніе: такъ, онъ писалъ дочери своей, гр. Зубовой, въ началѣ марта: „Папаша! когда я пишу къ Дмитрію Ивановичу (Хвостову) благословеніе Божіе съ домашними, или подобно, ты естественно тутъ раздумься; слѣдственно въ особливыхъ письмахъ дальней нужды итѣтъ. По такимъ письмамъ ты вѣдаешь, какъ я здоровъ. Неужели то Д. И. такъ рѣдко къ тебѣ ишетъ? Сохрани тебя Богъ вѣреть отъ болѣзни и даруй тебѣ Свою милость! Его благословеніе тебѣ и дѣтямъ. Я одною ногою изъ гроба выхожу. Цѣлую тебѣ. А. С.“ ****).

Одновременно съ этимъ сынъ Суворова доносилъ императору, что болѣзнь отца его „по замѣчанію придворнаго медика, с. с. Вейкарта, имѣетъ видъ наклонный болѣе къ лучшему, нежели къ худшему; между тѣмъ слабость его чрезмѣрно велика, а черезъ нѣсколько дней надѣется докторъ, смогри по обороту болѣзни, сказать рѣшительно о слѣдствіяхъ оной“ *****). Несмотря на общее расслабленіе организма, Суворовъ стал понемногу поправляться, однако, не особенно слушался предписаній доктора; по случаю Великаго поста, онъ тѣль постыную нищу, ежедневно ходилъ въ церковь, итѣль на близкѣ, читалъ Апостоль, клалъ земные поклоны; дома проводилъ большую часть времени въ молитвахъ, продолжалъ переносываться со своими друзьями, диктовалъ отѣвѣтныя письма къ европейскимъ государямъ и знаменитымъ людямъ того времени, которые писали ему. Странности характера его не утратилъ съ болѣзью; онъ шутилъ надъ докторомъ, заставляя его повторить за собою молитвы и клать земные поклоны, чѣтъ непривычному къ православному обрядѣтѣ итѣмъ давалось съ трудомъ; болшой не хотѣлъ отказываться отъ постной нищи, лѣкарствъ не переносилъ: „Мнѣ надобна деревенская изба, молитва, баня, кашница, да квасъ“, -- говорилъ онъ доктору. На совѣтъ доктора одѣваться теплѣе, онъ возражалъ: „я солдатъ...“ а когда тотъ напомянулъ ему, что онъ генералиссимусъ, Суворовъ сказалъ: „Правда!.. да солдатъ съ меня примѣръ беретъ“. Лучше всѣхъ лѣкарствъ дѣйствовало на больного вниманіе государя. Когда приступы болѣзни стали ослабѣвать, фельдмаршалъ охотно разговаривалъ о пріемѣ, ожидавшемъ его въ Петербургѣ; вспомяналъ о своихъ походахъ, диктовалъ замѣтки изъ военной практики, мечталъ о будущей войнѣ. По лишь только страданія напомянали о недугѣ, онъ дѣлался печальнымъ и говорилъ: „Итѣтъ старъ я сталъ; поѣду въ Петербургъ, увижу государя—и потомъ умирать въ деревню...“ Въ столицѣ, тѣмъ не менѣе, дѣлался притомовленія для встрѣчи генералиссимуса; извѣстіе о счастлиномъ ходѣ болѣзни Суворова сдѣлалось радостнымъ событіемъ для всѣхъ, кому были дороги подвиги русскаго оружія. Въ половинѣ марта Растончинъ пи-

*) Въ настоящее время — уѣздный городъ Гродненской губерніи.

**) Фуксъ. „Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 г.“ СПб. 1826 г. ч. 3, стр. 641. „Рескриптъ императора Павла I къ Суворову“ отъ 20 (11 марта) февраля 1800 г.

***) Тамъ же, стр. 653.

****) „Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни А. В. кн. Италійскаго“, изд. Лейпцигъ. СПб. 1814. Стр. 104.

*****) Фуксъ. Ист. россійско-австрійской камп., ч. 3, стр. 661.

*) Домъ этотъ, по Кривоусу каналу № 23, принадлежитъ теперь д. с. с. И. Г. Карташевскому; на рисункѣ изображенъ фасадъ этого дома въ настоящемъ его видѣ.

саль, между прочим, своему другу: „Желать бы я всея, чтобы ваше сиятельство были сами очевидным свидетелем радости нашей, при получении известия о выздоровлении нашем. Боюсь, что недостаток в лекарствах оставит вас на произвол болѣзни; но, по счастью, предоставлено было почтенному г. Кернсоу избавить отъ смерти безсмертнаго героя Россіи“ *). Докторъ этотъ, котораго Суворовъ считалъ главнымъ виновникомъ своего выздоровленія, былъ по его представлению награжденъ чиномъ. Государь самъ отдавалъ приказанія относительно встрѣчи фельдмаршала; около Нарвы должны были ожидать Суворова придворныя кареты; войска, выстроившія по егоровамъ дороги, должны были приветствовать генералиссимуса барабаннымъ боемъ, стрѣльбою изъ орудій и криками „ура!“ Къ вечеру городъ долженъ былъ быть illumинованъ. Словомъ, императоръ готовилъ Суворову царскія почести.

Однако не суждено было герою видѣть такое выраженіе признательности императора. Въ числѣ лицъ, окружавшихъ государя, находилось не мало людей, возвысившихъ не по заслугамъ: они-то и постарались оклеветать героя, который иногда не стѣснялся говорить правду въ глаза. Зная непопулярный и извѣстный нравъ царя, завистники славы полководца успѣли поколебать въ глазахъ императора расположеніе его къ Суворову; стали распускать слухи, что Суворовъ одинъ не желаетъ подчиняться правиламъ и указамъ, Высочайше изданнымъ. Въ числѣ осуждавшихъ монаршей, указывали, что фельдмаршалъ во время войны въ Италіи назначилъ къ себѣ *дежурнаго* генерала, то-есть какъ бы равнялъ себя съ государемъ. Хотя, дѣйствительно, Суворовъ назначилъ генерала Ферстера *дежурнымъ* при себѣ въ началѣ итальянскаго похода, по это было на весьма короткое время и въ официальной перепискѣ не упоминается; только въ одномъ донесеніи ген.-лейт. Баура встрѣчается фраза: „Господинъ генералиссимусъ... *черезъ дежурнаго генерала-майора* Милородовича предписать и т. д.“ — что подчеркнута и въ подлинникѣ **). Этихъ словъ было достаточно, чтобы императоръ раздался гнѣвомъ, который и выразилъ Суворову въ рескриптѣ отъ 20 марта 1800 года: „Господинъ генералиссимусъ, князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій! Дошло до свѣдѣній Моего, что во время командованія вами войсками Моими за границею, имѣли вы при себѣ генерала, коего называли *дежурнымъ*, вопреки всѣхъ Моихъ установленій и Высочайшаго устава; то и удивились оному, повелѣваю вамъ увѣдомить Меня, что васъ понудило сіе сдѣлать...“ Грозный рескриптъ этотъ засталъ Суворова по дорогѣ въ Вильну, куда онъ вѣхалъ, направляя свой путь въ Петербургъ. Это путешествіе, предпринятое съ разрѣшенія медиковъ, было крайне медленнымъ: Суворовъ принужденъ былъ ѣхать въ каретѣ, лежа на перинѣ, не болѣе 25 верстъ въ сутки. Передъ своимъ отъѣздомъ фельдмаршалъ спросилъ, не забылъ ли онъ кого наградить, и, узнавъ, что нѣкоторые не были представлены ему къ награждѣ, потребовалъ, чтобы былъ составленъ имъ списокъ. По вѣздѣ изъ Вильны, больной почувствовалъ себя хуже; дорогой пришлось остановиться въ бѣдной литовской деревушкѣ, около крестьянской хаты. Фельдмаршала внесли на перинѣ и положили на лавку; болѣзненные припадки возобновились съ прежнею силою. „За что я страдаю?“ — произносилъ онъ съ тяжелыми стонами. Собравшись съ силами, Суворовъ продолжалъ свой путь на Ригу; дорогой онъ продолжалъ слабѣть. „Охъ!.. старъ я сталъ...“ — часто повторялъ онъ. Во время пути, при каждой остановкѣ, народъ толпился около кареты, желая взглянуть на того, чье имя было такъ дорого русскому сердцу.

Въ Ригѣ большой фельдмаршалъ остановился на нѣсколько дней для отдыха; это было въ концѣ Страстной недѣли. Наканунѣ Пасхи онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, даже всталъ съ постели; собравъ послѣднія силы, Суворовъ едва надѣлъ свой фельдмаршалскій мундиръ, въ которомъ былъ у обѣда, и потомъ заѣхалъ къ губернатору, у котораго разговаривалъ. Дальѣйшій путь до Петербурга продолжался около двухъ недѣль, такъ какъ страданія больного были настолько велики, что приходилось ѣхать шагомъ почти всю дорогу. Около Стрѣльбы встрѣтили Суворова лишь родные и знакомые. Состояніе здоровья фельдмаршала еще на пути въ Ригу внушало серьезные опасенія; такъ, Евгений Болховитиновъ (впоследствии кievскій митрополитъ) писалъ своему другу В. П. Мекедонцу, около этого времени, между прочимъ: „...Суворова мы уже, можетъ-быть, не увидимъ, ибо онъ, дохавъ до Риги, не могъ далѣе; и ему внутри приключилась гангрена...“ ***). Въ Стрѣльбѣ многіе вышли встрѣтить больного героя; дамы и дѣти подносили ему цвѣты и букеты, старики цѣловали руки умирающаго; немощный продолжительнымъ путешествіемъ, онъ слабымъ голосомъ благодарилъ всѣхъ и съ умилениемъ благословлялъ дѣтей.

20 апрѣля Суворовъ прибылъ въ Петербургъ, около 10 час. вечера. Торжественная встрѣча была отменена; только самые близкіе знакомые вѣхали приветствовать фельдмаршала; въ

числѣ ихъ былъ Багратионъ. Всѣ боялись царскаго гнѣва. Суворовъ остановился въ домѣ своего родственника, графа Д. П. Хвостова *). По приѣздѣ въ Петербургъ, Суворовъ немедленно слегъ въ постель. На другой день государь послалъ къ больному князя Багратиона узнать о его здоровьи и поздравить его съ приѣздомъ; объ этомъ посѣщеніи рассказывалъ потомъ Багратионъ: „Я засталъ Александра Васильевича лежащимъ на постели; онъ былъ сильно слабъ; впадалъ въ обморокъ, и ему терли виски спиртомъ, и давали нюхать. Пришедши въ себя, онъ взглянулъ на меня, и въ большихъ его геніальныхъ глазахъ не блестѣлъ уже взглядъ жизни. Долго онъ смотрѣлъ, какъ будто узнавая меня; потомъ сказалъ: „А!.. это... ты, Петръ!.. Здравствуй!“ и замолчалъ, забылся. Минуту спустя, онъ опять взглянулъ на меня, и я донесъ ему все, что государь повелѣлъ. Александръ Васильевичъ, казалось, оживился, но съ трудомъ проговорилъ: „Поклонъ мой... въ ноги... царю... сдѣлай... Петръ!.. Ухъ, больно...“ и заснулъ, и впалъ въ бредъ. Я донесъ государю императору обо всемъ и пробѣлъ при его величествѣ за-полночь. Всякій часъ доносили государю объ Александрѣ Васильевичѣ. Между многими рѣчами, его величество сказалъ изволилъ: „Жаль его! Россія и я, со смертію его, теряемъ много; много потеряемъ, а Европа все!“ **). Въ этотъ же день приѣхалъ къ Суворову его другъ, О. В. Рагочинскій, которому за два мѣсяца до кончины изложилъ онъ отчетъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ послѣднюю войну и который въ письмахъ своихъ сообщалъ герою о встрѣчѣ, ожидающей его въ столицѣ. Долго не могъ понять Суворовъ, зачѣмъ приѣхалъ Рагочинскій. Наконецъ, велѣлъ позвать его, и когда тотъ передалъ ему орденъ св. Лазаря и письмо короля французскаго Людовика XVIII, который жилъ тогда въ Митавѣ, Суворовъ взялъ орденъ и заплакалъ; въ письмѣ короля встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія строки: „Герой! прими аяки ордена несчастнаго государя; его алолуние знаменомъ бы, если бы онъ могъ слѣдовать за побѣдоносными знаменами великаго Суворова“ ***). Суворовъ, разорвавъ орденскую ленту, спросилъ: „Откуда прислана лента?“ и затѣмъ произнесъ съ насмѣшливой улыбочкой: „Такъ ли прочитали? Французскій король долженъ быть въ Парижѣ, а не въ Митавѣ“.

Между тѣмъ здоровье Суворова все ухудшалось; иногда онъ черезъ силу вставалъ съ постели, садился въ большое кресло, въ которомъ возлигъ его по комнатахъ; для провожденія времени продолжалъ учиться турецкому языку, который звалъ немногимъ, разсуждалъ о государственныхъ дѣлахъ. Онъ сохранилъ въ памяти всѣ подробности о походахъ противъ поляковъ и турокъ, тогда какъ при воспоминаніи о послѣднихъ побѣдахъ въ Италіи часто сбивался, забывалъ названія покоренныхъ имъ городовъ и крѣпостей, путалъ имена своихъ и непріятельскихъ военачальниковъ ****).

Чтобы успокоить больного, одинъ изъ родственниковъ Суворова просилъ у императора послать къ нему врача Грифа, который дважды въ день являлся къ фельдмаршалу, обьявляя всякій разъ, что присланъ самими государемъ, вниманіемъ котораго особенно дорожилъ Суворовъ; окружавшихъ его врачей Суворовъ просилъ поскорѣй поставить его на ноги, чтобы явиться къ императору и лично благодарить за всѣ его милости. Тѣмъ не менѣе, силы его слабѣли; однако острота и бодрость духа не покидали больного. Родственники стали даже упрекать врачей, что они ошибаются, считая положеніе его безнадежнымъ; тогда одинъ изъ докторовъ сказалъ: „Вы ошибаетесь... онъ умретъ; въ немъ расслабленіе дошло до величайшей степени; но природа одарила его такимъ быстрымъ духомъ, что дайте мнѣ полчаса времени, и я выиграю съ нимъ сраженіе“ *****).

Присутствие духа почти наканунѣ смерти у Суворова было необыкновенное. Однажды приѣхалъ къ Хвостову баронъ Бюлеръ, незадолго передъ тѣмъ получившій отъ курфюрста баварскаго большой орденъ Палатинскаго Льва, къ которому былъ представленъ фельдмаршаломъ; онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы орденъ этотъ возложилъ на него самъ Суворовъ. Подойдя къ постели больного, Хвостовъ сказалъ ему: „До васъ есть дѣло...“ Умирающій окинулъ племянника бодрымъ взглядомъ, приветалъ и произнесъ твердымъ голосомъ: „Дѣло?.. и готовъ!..“ Узнавъ, въ чемъ состояло это дѣло, Суворовъ опустилъ голову на подушку и слабо, едва вытнтымъ голосомъ произнесъ: „Хорошо... пусть войдетъ...“

Здоровье Суворова, однако, не подавало надежды, что онъ скоро поднимется съ постели; желанъ видѣть императора, больной просилъ государя удостоить его своимъ посѣщеніемъ. Раздраженный Павелъ I послалъ вмѣсто себя справиться о здоровьи фельдмаршала графа Кутайсова. Когда доложили, что приѣхалъ посланный отъ царя, Суворовъ обидѣлся. „Простите“, — сказалъ онъ и, не имѣя силъ встать, принялъ графа

*) У родной сестры Суворова, Анны Васильевны, бывшей въ замужствѣ за И. Р. Горчаковымъ, была дочь, Агриппена Ивановна, которая вышла замужъ за Хвостова. Получивъ отъ короля Карла-Эмануила IV титулъ графа Сардинскаго, Суворовъ выпросилъ графское достоинство и для мужа своей племянницы. Хвостовъ умеръ 22 октября 1843 г.

**) „Разказы стараго воина о Суворовѣ“. М. 1817 г., стр. 271.

***) „Послѣдніе дни жизни Суворова“. А. Рихтеръ) *Смѣри. Арх.*, 1822 г., ч. 2, стр. 256—263.

****) Тамъ же.

*****) Тамъ же.

*) Фуксъ. Ч. 3, стр. 662.

**) *Исторія войны въ 1799 г. полковн. Милютина*. СПб. 1853 г. Т. V, стр. 481, примѣч. 95.

***) *Русскій Архив*, 1870 г., стр. 775.

Кутайсова въ постели. Когда графъ вошелъ въ комнату больного, въ красномъ мѣлѣйскомъ мундирѣ, съ голубою лентою черезъ плечо, Суворовъ спросилъ:

— Кто вы, сударь?
— Графъ Кутайсовъ.
— Графъ Кутайсовъ?... Кутайсовъ?... Не слыхалъ. Есть графы Паини, графъ Воронцовъ, графъ Строгановъ, а о графѣ Кутайсовѣ я не слыхалъ. Да кто вы такое по службѣ?..

— Оберъ-штабмейстеръ.
— А прежде чѣмъ были?
— Оберъ-егермейстеромъ.
— А прежде?

Кутайсовъ запнулся.

— Да говорите же!..

— Камердинеромъ..

— То-есть... вы чесали и брили своего господина.

— То... точно такъ-съ.

— Проща!—закричалъ Суворовъ своему камердинеру Прокофью.—Ступай сюда, мерзавецъ! Вотъ, посмотри на этого господина въ красномъ кафтанѣ съ голубою лентою. Онъ былъ такой же холопъ, какъ и ты, да онъ турка, такъ онъ не пынца! Вотъ видишь, куда залетѣлъ! И къ Суворову его посылаютъ. А ты, скотина, вѣчно пьешь, и толку изъ тебѣ не будетъ. Возьми съ него прикѣпъ, и ты будешь большимъ баринномъ.

Кутайсовъ вышелъ отъ Суворова страшно смущенный и, воротясь, доложилъ государю, что князь въ безпамятствѣ и безъ умысла бредитъ *).

За нѣсколько дней до смерти Суворова его навѣститъ Державинъ, съ которымъ онъ издавна былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ разговорѣ съ нимъ, онъ спросилъ поэта:—«Какую же ты мнѣ напишешь эпитафію?»—«По-моему, много словъ не нужно,—отвѣчалъ Державинъ,—довольно сказать: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“.— „Помилуй Богъ, какъ хорошо“,—произнесъ герой слабымъ голосомъ, пожимая руку поэта **). Мысль эта такъ понравилась Суворову, что онъ нѣсколько разъ передъ смертью говорилъ своему племяннику:—«Милѣнъ! не черти моей гробницы стихами, а развѣ напиши только: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“ ***).

За два дня до смерти старыя, зажившія раны больного раскрылись и разлилась гангрена. Съ грудомъ родные угорчили Суворова позвать священника и причаститься Св. Таинъ; умирающій глубоко вѣрнулъ въ свое выздоровленіе. 5 мая уже не было никакой надежды; послѣднюю ночь больной провелъ безпокойно; онъ бредилъ о Гевуѣ и повѣлъ своихъ плащахъ. На другой день, чувствуя, что конецъ его близокъ, онъ позвалъ своего племянника и хотѣлъ ему, въ знакъ благодарности, вручить богатую шпагу, поднесенную ему въ даръ городомъ Туринномъ; огорченный рождественникъ не хотѣлъ принять ее, доказывая тѣмъ, что во всѣхъ заботахъ о больномъ нѣтъ руководили искренней любовью и уваженіемъ. Потому, простившись со всѣми, Суворовъ хотѣлъ что-то сказать,—но слова его замерли, смертельная блѣдность покрыла лицо умирающаго. 6 мая, во второмъ часу пополудни, тихо и въ полной памяти отошелъ въ вѣчность величайшій изъ полководцевъ, генералиссимусъ Суворовъ.

Молва о кончинѣ фельдмаршала быстро разнеслась по городу, а отсюда по всей Россіи. Любопытно, что *С.-Петербургскіи Видомости*, единственная официальная газета того времени, не обмолвилась ни единымъ словомъ объ утратѣ великаго человѣка; уже по одному этому можно заключить, что негодованіе императора на Суворова не разсѣялось даже извѣстіемъ о его смерти. Народъ стекался поклониться праху усопшаго; старики, служившіе подъ его начальствомъ, цѣловали руки покойника со слезами. Всѣ улицы около дома гр. Хвостова были заиужены толпою и экипажами.

Тѣло покойнаго лежало въ гробу, обитомъ малиновымъ бар-

хатомъ, съ золотымъ генеральскимъ позументомъ и золотыми кистями по угламъ, на высокомъ черномъ катафалкѣ. Суворовъ былъ одѣтъ въ фельдмаршальскій мундиръ съ дештою св. Андрея Первозваннаго; лицо его было сморщено, почти безъ морщинъ; только отросшая немного борода измѣнила отчасти обычные черты усоннаго. Комната, гдѣ стоялъ покойникъ, была обтянута чернымъ сукномъ съ бѣлыми карнизамъ подъ потолокъ; вокругъ катафалка стояло 18 табуретовъ, на которыхъ были разложены подушки съ орденами и фельдмаршальскими жезлами. 9 мая, въ день, назначенный для погребенія, въ квартиру гр. Хвостова съ 8 часовъ утра начали съѣзжаться генералы, сенаторы, иностранные послы. Передъ окнами дома, на набережной Крюкова канала, были разставлены батальоны пѣхоты. Послѣ совершенія литіи, въ 10 ч. утра начался выносъ. Впереди офицеры, по два въ рядѣ, несли подушки съ орденами. При выносѣ гроба, его не могли пронести въ уаки двери на лѣстницѣ; долго съ этимъ бились и, наконецъ, спустили гробъ съ балкона *). Лишь только гробъ показался, на улицѣ забили въ барабаны, солдаты взяли на молитву; затѣмъ гробъ поставили на колесницу, запряженную шестью стрыми лошадыми въ траурѣ. Надъ гробомъ возвышался на восьми столбахъ балдахинъ малиноваго бархата съ золотыми подборами; снизу его поддерживали офицеры, а лошадей подлѣ уады вели факельщики въ черныхъ плащахъ. Впереди, за орденами, шли архіерейскіе пѣвчіе, за ними бѣлое духовенство, потомъ придворные пѣвчіе въ черныхъ мантияхъ, придворные священники и архіерей съ монашествующими; потомъ шли члены синода. Гробъ сопровождали рождественники покойнаго и знакомые. Печальный corteжъ замыкали три гарнизонныхъ батальона и нѣсколько орудій. Гвардію, подлѣ предлогомъ усталости послѣ парада, не наряжали. Громадная толпа народа стояла по сторонамъ Садовой и Невскаго и шла за гробомъ; окна и крыши по пути были усеяны зрителями **).

Императоръ Павелъ, верхомъ на конѣ, на углу Невскаго, у Гостиного двора, противъ Публичной библіотеки, съ грустнымъ лицомъ ожидалъ приближенія гроба; сади государя стоялъ неотлучно находившійся при немъ г.-м. А. Д. Зайцевъ. Какъ только погребальная процессія поравнялась съ императоромъ, послѣдній отдалъ честь гробу, затѣмъ снялъ шляпу, перекрестился и промолвилъ: «Прощай!.. прости!.. миръ праху великаго!» Услыхавъ за своей спиной рыданія, государь обернулся. «Зайцевъ, вы плачете? Это похвально, это дѣлаетъ вамъ честь, вы любите его». Изъ глазъ императора канали слезы. Пропустивъ процессію, государь возвратился во дворецъ и цѣлый день былъ невеселъ... всю ночь не спалъ, требовалъ къ себѣ камердинера, который пономъ говорилъ, что онъ часто повторялъ: «жаль!» ***).

Печальная процессія подошла, наконецъ, къ воротамъ Александро-Невской лавры; шествіе остановилось, такъ какъ она-сались, что высокой балдахинъ не пройдетъ подъ воротами. «Не бойтесь, пройдетъ!.. Онъ вездѣ проходилъ!»—воскликнулъ старый унтеръ-офицеръ, и дѣйствительно траурная колесница проѣхала подъ монастырскими воротами благополучно. Для отпѣванія гробъ былъ внесенъ въ верхнюю монастырскую церковь; въ 12 часовъ началось заукопная литургія, которую совершалъ преосвященный Амвросій; послѣ отпѣванія и отданія покойному воинскихъ почестей, тѣло его было опущено въ землю. Въ лѣвомъ переднемъ углу Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры начинаеть прахъ величайшаго изъ русскихъ полководцевъ подлѣ плитой, надпись на которой гласитъ: «Здѣсь лежитъ Суворовъ».

А домъ его?.. Тяжелое чувство овладѣваетъ вами при взглядѣ на это зданіе. Тутъ бы быть музею въ память великаго полководца, тутъ бы храниться трофеямъ, напоминающимъ о русскихъ побѣдахъ, а между тѣмъ на домѣ двѣ красновѣрчивыхъ надписи: «Трактиръ» и «Огневой складъ вина и водокъ».

Къ рисункамъ.

Если рождественская елка въ нашемъ быту—обычай сравнительно новый, наносный, то празднованіе Святковъ, или двухнедѣльнаго періода между днемъ Рождества Христова и днемъ Крещенія Господня, извѣстнаго ведется на Руси. Кромѣ разгуля и веселья, общихъ всѣмъ праздникамъ, Святки имѣютъ еще свою характерную особенность, выражающуюся въ ряженіи и гаданіи. И то, и другое, являясь пережитками далекаго прошлаго, прочно укоренилось въ народѣ и въ эти веселые дни ярко выступаетъ наружу, часто выливаясь въ самыхъ поэтическихъ формахъ. Въ нашей поэзіи нѣрѣдко можно найти высоко художественныя описанія гаданій; напомнимъ читателямъ лишь «Свѣтлану» Жуковского («Разъ, въ крещенскій вечерокъ, дѣвушка гадала...»), да отрывокъ изъ Пушкинскаго «Евгенія Онѣгина», предшествующій чудесному сну Татьяны:

Морозна ночь, все небо ясно;
Свѣтила небесныхъ дивный хоръ

Течеть такъ тихо, такъ согласно..

Татьяна на широкій дворъ

Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,

На мѣсяцъ зеркальце наводитъ;

Но въ темномъ зеркалѣ одна

Дрожитъ печальная луна..

Чу... слытъ хрустнть... прохожій. Дѣва

Къ нему на цыпочкахъ летитъ,

И голосокъ ея звучитъ

Нѣжный спирьльнаго напѣва:

«Какъ ваше имя?»—Смотритъ онъ

И отвѣчаетъ:—«Агаонъ».

Иллюстраціей къ этой строфѣ и является рисунокъ г-жи Самойшиной-Судковской (стр. 4).

Съ другой стороны, Святки—праздникъ по преимуществу дѣтскій: въ это время дѣти составляютъ предметъ особой за-

*) Гречъ, Н. И. «Записки о моей жизни». СПб. 1886 г., стр. 140—141.

**) Сочиненія Державина. СПб. 1865., т. 2, стр. 344—346. Прибавленія къ стихотворенію «Свѣтланъ».

***) Письма Евгенія Болховитинова. Русск. Арх. 1870 г., стр. 776.

*) См. «Старый Петербургъ», М. И. Пылева. СПб. 1887, стр. 82.

**) О погребеніи Суворова см. «Письма Евгенія Болховитинова», Русск. Арх. 1870 г., стр. 776—779, и Гречъ, «Записки о моей жизни», СПб. 1886, стр. 141.

***) Рассказы стараго воина.

ботливости со стороны взрослых; имъ устраняють елки, для нихъ затѣваются настоящіе балы, ихъ, наконецъ, осматриваютъ подарками, какъ никогда. Между прочимъ, интересно отметить, что дѣти, едва вышедшіи изъ младенческаго возраста, — разумеется, въ грамотныхъ семьяхъ, — всякимъ игрушкамъ предпочитаютъ книгу, особенно съ картинками, и, получивъ такую книгу, дѣти хватаются за нее съ раннего утра и не расстаются до отхода ко сну: какъ на нашемъ рисункѣ „Сказки“ (стр. 12), они бросаются къ книгѣ, не успѣвъ еще одѣться, и, посмотрите, какъ горятъ при этомъ ихъ глазки, какъ жадно поглощаютъ они каждую страницу!..

Гость въ домѣ — Богъ въ домѣ, — говоритъ старинная поговорка: по особенно рады гостю въ праздникъ. И если цивилизація погубила понятие о гостеприимствѣ, въ его чистомъ видѣ, то гость все-таки остается весьма приятнымъ явленіемъ, если онъ приходитъ въ пору и обладаетъ искусствомъ занимать общество; а чтобы всѣ гости могли быть въ пору — для этого заводится приемные дни и часы. И посмотрите, какъ мило проводятъ время общество, изображенное на картинкѣ „Праздничный визитъ“ (стр. 13): нальво двѣ дамы, лукаво улыбаясь, шепчутся о чемъ-то, очевидно, очень занимательномъ; вдали, у окна, разыгрывается сцена легкаго великосвѣтскаго флирта, а старый аббатъ, умудренный опытомъ, оглохилъ газету, въ которой ему предложили прочесть великосвѣтскую новость, давно ему известную, и, въ то время какъ слуга подноситъ ему шоколада, онъ съ тонкой ироніей наблюдаетъ за флиртующей шарочкой.

Однако, и праздникъ — не въ праздникъ тому, кого постигло тяжкое горе: одна глубокая вѣра можетъ спасти тогда отъ отчаянія смятенную душу. Къ счастью, работа о „хлѣбѣ насущномъ“ помогаетъ мужественно перенести испытаніе. Вотъ передъ вами, въ группѣ Брандштеттера (стр. 9), старый рабочий; много зимъ пронеслось уже надъ его сѣдой головой, но, слава Богу, руки его еще сильны, и работа книжки въ нихъ; а вѣдь ему уже пора бы отдохнуть, — и еще недавно онъ твердо уповалъ на то, что Богъ дастъ ему тотъ заслуженный отдыхъ. Но бѣда стряслась надъ его головой: въ короткое время онъ потерялъ старуху-жену и взрослыхъ сыновъ, за ними вскорѣ легла въ могилу и невѣстка, — и на рукахъ старика остался маленький внучекъ; и опять надо тянуть старую лямку изодья-въ-день, уже ни на что не надѣясь, не видя конца работѣ. Но этотъ ребенокъ сдѣлался единственною утѣхой старости: дастъ Богъ, руки сѣдого дѣда не ослабѣютъ, пока не возрастятъ ему внука — такого же честнаго и добросовѣстнаго работника...

И мальчикъ счастливъ. Пока все его счастье — въ дѣдѣ; но придетъ время — сердце забьется шибче, будетъ искать друго-го сердца, и когда-нибудь найдеть его... Юность — что можетъ быть лучше этой поры чело-вѣческой жизни?.. Недаромъ ее искони изображали въ видѣ молодой дѣвушки, чистой, мечтательной, какъ та, которая вылилась изъ-подъ кисти Лингнера (см. стр. 1).

Безноконными сосѣдями были для старой Руси Польша и Литва; кажется, года не проходило, чтобы въ порубежной лосѣ не бывало кровопролитныхъ столкновеній между русскими и литовцами, но это все-таки называлось „миромъ“... На московскомъ престолѣ давно уже сидѣлъ великій князь Иванъ III, когда умеръ въ 1492 году король польскій и великій князь литовскій Казимиръ; Польшу и Литву подѣлили его сыновья: первую занялъ Инг-Альбрехтъ, вторую — Александръ. Послѣ смерти Казимира, на Литву нагинула бѣда сразу съ двухъ сторонъ: съ юга вторгся въ нее крымскій ханъ Менгли-Гирей, съ востока тѣснили московскіе полки. Трудно было Литвѣ отбиваться сразу отъ двухъ враговъ, и литовскіе паны начали думать о мирѣ съ Москвою, а чтобы склонить Ивана III къ уступкамъ, рѣшили предложить ему брачный союзъ одной изъ дочерей его съ великимъ княземъ Александромъ. Однако, въ Москвѣ тотчасъ же поняли, зачѣмъ было начато это сватовство, и великій князь повелѣлъ сказать, что до мира нельзя толковать о бракѣ. Тѣмъ не менѣе, литовскіе паны продолжали настаивать на сватовствѣ, хотя попрежнему неудачно; а между тѣмъ московскій войска на литовской границѣ отъ уснѣха переходили къ уснѣху. Наконецъ, великій князь Александръ, въ январѣ 1494 г., прислалъ въ Москву великое посольство, которому было довѣрено заключить миръ съ Иваномъ III и, для укрѣпленія вѣчной пріязни между обоими государями, просить для великаго князя Александра руки одной изъ княженицъ. Дѣло кое-какъ уладилось: миръ былъ заключенъ, и затѣмъ великій князь Иванъ объявилъ послать, что соглашается выдать дочь за Александра, если только ей „исволи въ вѣрѣ исбудеть“. На другой день послы отправились къ великой княгинѣ и увидѣли тутъ невѣсту, старшую княжну Елену, послѣ чего въ тотъ же день было и обрученіе: кресты съ цѣпями и перстни зѣняли. Однако, не всѣ еще затрудненія были устранены, и готовившійся бракъ грозилъ уже разстроиться изъ-за того, что великій князь Иванъ требовалъ отъ своего будущаго зятя грамоты, которую послѣдній обязался бы „не вудить“ жены къ римскому закону: „держитъ она свой греческій законъ“. — Александръ же приказалъ написать грамоту въ иной формѣ, оговоривъ въ ней, что если жена его „захочетъ принять римскій законъ, то ея воля“. Однако, въ послѣднюю минуту Александръ уступилъ и далъ требуемую грамоту.

Въ январѣ 1495 года пріѣхали въ Москву за княжну Елену послы литовскіе. 13 января великій князь Иванъ III, отслуживъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ со всѣмъ семействомъ и боярами, передалъ дочь посламъ, и они тронулись въ путь, направляясь къ Вильнѣ. Здѣсь великій князь Александръ встрѣтилъ великую княжну за три версты отъ города; онъ сидѣлъ верхомъ на лошади; отъ его коня до ганканы (экипажъ того времени) Елениной поехали красное сукно, а у ганканы послали по сукну камку съ золотомъ. Елена вышла изъ ганканы на камку, а за нею вышли и сопровождавшія ее боярыни; Александръ въ то же время селъ съ лошади, приблизилъ

С. А. Шереметевъ († 15 декабря 1896 г.).
Съ фот. автотипія „Нивы“.

Князь Г. С. Голицынъ, вновь назначенный главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ. Съ фот. автотипія „Нивы“.

танканы послали по сукну камку съ золотомъ. Елена вышла изъ ганканы на камку, а за нею вышли и сопровождавшія ее боярыни; Александръ въ то же время селъ съ лошади, приблизилъ

ся къ Еленѣ, дать ей руку, спросилъ о здоровьи и велѣлъ опять пойти въ ташкану; потомъ, давъ также руку боярынямъ, съѣлъ на коня, и вмѣстѣ въѣхали въ городъ. Пашъ рисунокъ (стр. 5) изображаетъ именно этотъ въѣздъ великой княжны Елены въ Вильну въ сопровожденіи великаго князя Александра. Въ тотъ же день происходило вѣчаніе; но уже тутъ началась разлада между молодыми: самъ Александръ и латинскій епископъ настаивали, чтобы русскій священникъ, пріѣхавшій съ Еленой, не говорилъ молитвъ, — но князь Гялоловскій, главный изъ бояръ, провожавшихъ Елену, настоялъ на томъ, чтобы былъ исполненъ приказъ великаго князя Ивана, и священникъ прочелъ всѣ положенныя молитвы.

Бракъ этотъ былъ несчастенъ; а такъ какъ Александръ не соблюлъ своего обещанія — не притѣнить жены въ вѣрѣ, — то и въ политическомъ смыслѣ онъ оказался бесполезенъ: въ 1499 году между Литвою и Москвой опять вспыхнула война, продолжавшаяся до самой смерти великаго князя Ивана III.

С. А. Шереметевъ. (Портр. на стр. 17.)

15 декабря истекшаго года скончался въ Москвѣ, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, Сергій Алексѣевичъ Шереметевъ, незадолго до своей кончины уволенный по болѣзни отъ должности главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и командующаго войсками кавказскаго военного округа.

С. А. Шереметевъ, происходившій изъ стариннаго дворянскаго рода, родился 24 марта 1836 г. Получивъ прекрасную домашнюю подготовку, С. А. поступилъ въ школу гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. По окончаніи курса въ школѣ, онъ вступилъ въ ряды одного изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ, но вскорѣ, въ 1854 г., былъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ протекла почти вся его боевая и административная дѣятельность.

Вскорѣ по переводѣ на Кавказъ, С. А. выказалъ свою храбрость и боевую распорядительность въ цѣломъ рядѣ дѣлъ противъ горцевъ. Въ награду за эти воинскіе подвиги, С. А. пожалованы были орденъ св. Георгія 4 степени, золотая сабля съ надписью „за храбрость“, орденъ св. Станислава 2 степени и чинъ полковника. С. А. принималъ дѣятельное участіе въ кампаніяхъ 1855, 1858, 1859, 1860 и 1861 гг. Въ крымскую кампанію, С. А., состоя въ александровскомъ отрядѣ, участвовалъ въ цѣломъ рядѣ боевъ съ непріятелемъ и, въ томъ числѣ, въ штурмѣ Караа. Изъ всѣхъ этихъ дѣлъ особенно прославило С. А. взятіе непокорнаго лезгинскаго аула Китурн, отившагося въ горахъ и служившаго горцамъ крѣпкимъ оплотомъ. С. А. Шереметевъ вызвалъ выбить лезгинъ изъ укрѣпленій и во главѣ третьего взвода стрѣлковой роты лезгинскаго отряда блестяще выполнилъ смѣлую атаку. Горцы были выбиты изъ нѣсколькихъ башенъ, и аулъ былъ занятъ нашими войсками. Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1861 по 1863 г., С. А. состоялъ командиромъ кубанскаго полка и вмѣстѣ съ этимъ полкомъ продолжалъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, предпринимавшихся для окончательнаго покоренія Кавказа.

Въ 1864 г. С. А. назначенъ былъ командиромъ Собственнаго Его Величества конвоя и, пробывъ въ этой должности около пяти лѣтъ, онъ перешелъ снова на Кавказъ на должность командующаго сводной кавказской казачьей дивизіей. Во главѣ этой дивизіи С. А. принималъ участіе въ послѣдней русско-турецкой войнѣ на кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, находясь въ составѣ корпуса графа М. Т. Лорисъ-Меликова. Ордена св. Анны 1-й степ. и св. Владиміра 2-й степ. были наградою за боевыя заслуги, оказанныя С. А. въ эту войну. Кроме того, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Затѣмъ, въ 1882 году, С. А. назначенъ былъ начальникомъ Кубанской области и наказнымъ атаманомъ кубанскаго казачьяго войска. Два года спустя, онъ былъ назначенъ помощникомъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и командующимъ войсками кавказскаго военного округа, а въ 1890 г., по уходѣ кн. А. М. Дондукова-Корсакова, С. А. Высочайше повелѣно было быть главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ; въ этой должности онъ пробылъ до 6 декабря истекшаго года, когда былъ уволенъ, въ виду тяжелой болѣзни, отъ занимаемой должности и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

За время управленія Кавказомъ, С. А. Шереметевъ удостоенъ былъ нѣсколькихъ Высочайшихъ наградъ — высшими орденами, до св. Александра Невскаго съ бриллиантовыми знаками включительно и чиномъ генерала-отъ-кавалеріи. Кроме того, покойный состоялъ почетнымъ казакомъ станицы Кисловодской, Пятигорскаго отдѣла, Терекской области, и числился въ спискахъ лейбъ-гвардіи кавказскаго казачьяго эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя.

Князь Г. С. Голицынъ. (Портр. на стр. 17.)

Вновь назначенный главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ, членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ, подобно

своему предшественнику, значительную часть своей дѣятельности провелъ на Кавказѣ.

Кн. Г. С. Голицынъ родился 20 декабря 1838 г. По окончаніи курса въ нажескомъ Его Величества корпусѣ, въ 1856 г., онъ выпущенъ былъ корнетомъ въ лейбъ-гвардію гусарскій Его Величества полкъ. Желая дополнить свое военное образованіе, онъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Окончивъ курсъ академіи, кн. Г. С. продолжалъ свою службу уже на Кавказѣ, гдѣ въ 1860 г. былъ назначенъ состоять при главномъ штабѣ кавказской арміи. За отличіе, оказанная имъ въ рядѣ битвъ съ горцами, онъ удостоился получить орденъ св. Анны 3 степени съ мечами и бантою.

Въ 1862 г. кн. Г. С. былъ назначенъ состоять въ распорядженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера Его Императорскаго Величества и вскорѣ переведенъ былъ въ 13-й лейбъ-гренадерскій эриванскій Его Величества полкъ. За цѣлый рядъ новыхъ отличій въ дѣлахъ противъ горцевъ, кн. Г. С. произведенъ былъ въ полковники, а въ 1865 г. получилъ въ командованіе 14-й гренадерскій грузинскій его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича полкъ. Зачисленный въ 1871 г. въ флигель-адъютанты къ Его Императорскому Величеству, кн. Г. С. назначенъ былъ въ слѣдующемъ году командиромъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка. Въ 1873 г., оставаясь въ той же должности, онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества.

Въ 1876 г. кн. Г. С. Голицынъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ Уральской области, командующимъ войсками области и наказнымъ атаманомъ уральскаго казачьяго войска. Этимъ началось административная дѣятельность кн. Голицына, длившаяся уже 20 лѣтъ и имѣвшая за собою, подобно прежней боевой, рядъ крупныхъ заслугъ. Десять лѣтъ пробылъ кн. Г. С. на этомъ посту, при чемъ, кромѣ того, въ 1880 г. исправлялъ должность командующаго войсками оренбургскаго военного округа и оренбургскаго генералъ-губернатора. Въ 1886 г. ему Высочайше повелѣно было присутствовать въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначенъ былъ почетнымъ опекуномъ и управлющимъ петербургскими больницами: Маріинскою для бѣдныхъ и Александровскою женскою. 1 января 1893 г. кн. Г. С. Голицынъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

На ряду съ этимъ послѣдовательнымъ служеніемъ въ двухъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ — Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ, кн. Г. С. Голицынъ неоднократно выполнялъ возлагавшіяся на него особыя Высочайшія порученія. Такъ, въ 1892 г., кн. Г. С., облеченный широкими полномочіями, былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Тобольскую губернію; при этомъ ему было Высочайше предоставлено пользоваться правами генералъ-губернатора, преимущественно для устройства продовольственной части, и объявлять, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, повелѣнія отъ Имени Его Императорскаго Величества. Въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, на него возложено было руководить дѣятельностью мѣстныхъ начальствъ и учрежденій гражданскаго управленія по обезпеченію народнаго продовольствія въ Шадринскомъ, Камышовскомъ и Екатеринбургскомъ уѣздахъ Пермской губерніи и въ Челябинскомъ и Троицкомъ уѣздахъ Оренбургской губерніи. Въ послѣднее время, не задолго до своего назначенія, кн. Г. С. Голицынъ былъ посланъ на Кавказъ съ особымъ порученіемъ.

Фельдфебель Павелъ Петровъ. (Портр. на стр. 21.)

2-го января 1897 года лейбъ-гвардіи московскій полкъ чествуетъ своего фельдфебеля Павла Петрова, по случаю пятидесятилѣтія его службы въ полку. Въ чествованіи скромнаго труженника-воина принимаютъ живѣйшее участіе не только всѣ чины полка, но и прежде служившіе въ полку офицеры.

Вотъ вкратцѣ служба этого ветерана послѣднихъ войнъ: Павелъ Петровичъ Петровъ происходитъ изъ крестьянъ Кадужской губерніи, Медвнскаго уѣзда, Митлевской волости, деревни Леонова. Вступивъ въ службу по жребію въ 1847 г. рядовымъ въ 1-ю моск. полкъ, Петровъ всю солдатскую науку того времени постигъ легко и въ 1852 году уже произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1858 — въ фельдфебеля. Въ 1861 г. онъ выдержалъ экзаменъ на право производства въ офицеры, но отъ производства добровольно отказался.

Въ исходѣ 1849 года, по случаю войны въ Венгрію, Петровъ находился въ походѣ гвардіи въ западныхъ предѣлахъ Иллиріи. Въ 1854 году участвовалъ въ составѣ войскъ, охранявшихъ побережье Петербургской губерніи.

Въ 1863 г. находился съ полкомъ въ составѣ войскъ Вилевскаго военного округа, принималъ участіе, въ числѣ прочихъ дѣлъ, въ крупной стычкѣ съ поляками въ Жижморскомъ лѣсу, при подавленіи польскаго мятежа. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1877 году, Петровъ выступилъ съ полкомъ въ походъ въ предѣлы Турціи, гдѣ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ и дѣлахъ полка, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть бой при деревняхъ Горный Дубнякъ и Телши, штурмъ Правецкихъ высотъ и бой подъ Арабъ-Ковакомъ, зимній пере-

ходь через Балканы и бой под Филиппополем. Ранень и контужень Петровъ не былъ.

Почти сорокъ лѣтъ состоятъ Павелъ Петровъ въ д.-гв. московской полку въ званіи фельдфебеля; много за свою службу выдалъ видовъ старый николаевскій служака и много пережилъ начальниковъ.

Личность Петрова поучительна и заслуживаетъ полнаго вниманія. Такія лица не могутъ остаться незамѣченными, такъ какъ являются лучшими представителями давно прославленнаго типа честнаго, храбраго и смѣливаго русскаго солдата.

Начальство оцѣнило Петрова, какъ за его военныя доблести, такъ и за службу въ мирное время; оцѣнили его также подчиненные и товарищи, такъ какъ Петровъ сумѣлъ заслужить ихъ любовь и уваженіе своею личною службою и теплымъ отношеніемъ къ каждому. Солдаты, любясь на старика-кавалера, увѣрены, что съ такимъ бывалымъ фельдфебелемъ нигдѣ не пропадешь. Для полной обрисовки личности Петрова слѣдуетъ добавить, что это еще хорошо сохранившійся бодрый старикъ 73 лѣтъ, хотя зрѣніе у него уже слабѣетъ за послѣднее время.

Выставка работъ японскихъ художниковъ.

Выставка работъ японскихъ художниковъ, помѣщавшаяся въ залахъ Императорской Академіи Художествъ, очень мало походила на то, что мы привыкли понимать подъ названіемъ выставки картинъ. Картины, большія картины, въ широкихъ золоченыхъ рамахъ, съ массою людей, написанныхъ порой съ поразительнымъ рельефомъ, съ совсемъ живыми глазами—нѣтъ. Это совсѣмъ нѣчто особенное, очень похожее на тѣ рисунки на японской и китайской бумагѣ, которые съ давнихъ поръ принимали къ намъ съ цибиками чая. Это особый жанръ акварельныхъ рисунковъ, жанръ, доведенный талантомъ, усидчивостью и многотысячелѣтной работой (японцы насчитываютъ около шести тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началось ихъ исторія) до высокой степени технического совершенства. Предъявлять къ произведеніямъ японскихъ художниковъ требованія современной живописи у насъ—нельзя. Они совершенно не интересуются тѣмъ, чего съ такимъ трудомъ добиваются наши художники,—подойти какъ можно ближе къ натурѣ.

Для японскаго художника исполнѣе достаточно самаго отлаженнаго намека на натуру,—ему нужно только одно, чтобы его поняли. Привыкнувъ всю свою жизнь писать и рисовать кисточкой, они владѣютъ ею съ поразительнымъ мастерствомъ и даютъ такіе мастерскіе штрихи и пятна, передъ которыми спасуетъ лучшей европейскій акварелистъ.

Живопись, какъ нѣчто самостоятельное, независимое, у нихъ почти не существуетъ; это либо иллюстраціи къ безчисленнымъ легендамъ, мифамъ и сказкамъ, либо украшеніе всевозможныхъ предметовъ первой необходимости. Главное занятіе выдающихся художниковъ Японіи—иллюстраціи.

Благодаря своему особенному положенію, благодаря тому, что свою многовѣковую жизнь японскій народъ провелъ въ борьбѣ съ такими страшными стихіями, какъ океанъ, смывающій цѣлыя прибрежныя города, и пролежалъ подъ страхомъ востолнившихся землетрясеній, наконецъ, въ борьбѣ съ дикими звѣрями и лѣвными пожарами,—въ его воображеніи все сверхъестественное занимаетъ первое мѣсто. Его пылкая фантазія все и все облекала въ особую, понятную форму. Океанъ—это вѣчно пенящийся драконъ, злой духъ, изображеніе котораго японцы всегда помѣщаютъ въ лафонѣ своихъ храмовъ; земля, съ землетрясеніями и всѣми прочими бѣдствіями—это страшный тигръ, съ вѣчно оскаленными зубами. Вѣчность—это аньшъ и сосна, и т. д. Свой разумъ, давній японцамъ возможность бороться со стихіями, японцы представляютъ въ образѣ индійскаго философа Дарума, жившагося, но предающаго, въ страну Восходящаго Солнца (какъ японцы называютъ свое отечество) одновременно съ буддизмомъ, проникшимъ сюда изъ Индіи. Образъ Дарума является символомъ разума, силы воли и энергіи, покорившихъ двѣ вышеназванныя свипенныя дѣла японца стихіи. Дарума всегда изображается шествующимъ по послушнымъ ему волнамъ, съ широко раскрытыми и устремленными впередъ глазами, какъ бы отыскивающими истину, стремленіе къ которой—завѣтъ Будды. Чтобы избавитися отъ сна, которому предается чело-вѣчество, Дарума обрѣзалъ себѣ вѣки.

Трудно указать время, когда японское искусство приняло опредѣленный характеръ; до нашихъ временъ еще дошли оригиналы, относящіеся къ эпохѣ IX вѣка, и это время принято

за отличіи, оказанныя въ дѣлахъ противъ непріятели, а также за выдающуюся службу въ мирное время Павелъ Петровъ удостоенъ слѣдующихъ наградъ. Онъ имѣетъ двѣ нашивки изъ желтой тесьмы, золотой шевронъ и серебряный темликъ за отказъ отъ офицерскаго чина, и шевроны за пребываніе на сверхсрочной службѣ; знаки отличія военнаго ордена 2-й, 3-й и 4-й степеней; медали: свѣтло-бронзовыя—за войну 1853—1856 гг., за усмиреніе польскаго мятежа въ 1863—1864 гг. и за турецкую войну 1877—1878 гг.: серебряныя—съ надписью „за усердіе“ на Аннинской лентѣ для ношенія на груди и на Александровской для ношенія на шеѣ; золотыя—на Александровской лентѣ и на Андреевской, обѣ съ надписями „за усердіе“, для ношенія на шеѣ; темно-бронзовую медаль въ память Священнаго Коронованія императора Александра III и бронзовую, какъ служившій въ парстваніи императора Николая I; кромѣ того, Петровъ имѣетъ: прусскіе золотой крестъ и серебряную медаль; кресты: австрійскій серебряный „за услуги“ и румынскій желѣзный, и персидскую золотую медаль.

считать за начало японской живописи. Время отъ времени появлялись художники, которые своимъ талантомъ и произведеніями давали особое направленіе; такими, наиримѣръ, въ XII вѣкѣ былъ Тоба-Э, внесшій юмористическій духъ. Въ XIII вѣкѣ нѣкій художникъ Тоса образовалъ такъ-называемую „привторную“ школу.

XIV вѣкъ считается временемъ упадка японскаго искусства, а XV—періодомъ возрожденія, когда впервые японцы принялись за картины большихъ размѣровъ. Семнадцатый вѣкъ—начало реальной школы, основателемъ которой явился художникъ Укіо-Э; эта школа отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что только съ появленіемъ ея японскіе художники впервые стали брать сюжетами для своихъ рисунковъ различныя событія обыденной жизни. И уже говорили, что японскіе художники вообще легко удовлетворились и удовлетворяются одними намеками на натуру, и потому появились въ началѣ восемнадцатаго вѣка школы Шиджо, придавшей огромное значеніе серьезному изученію природы,—имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи развитія японскаго искусства и того, что контурный рисунокъ сталъ строже и экспрессивнѣе, не такъ карикатурна.

Долгое время, да еще и до сихъ поръ, у японцевъ сохранился совершенно оригинальный методъ обученія рисунку и живописи. Въ то время, какъ художники у насъ при изученіи и копированіи природы доходятъ и до крайностей, чуть ли не до передачи поръ кожи, японцы обучаются рисованію на папирѣ, стремясь передать только одно общее. Въ ихъ школахъ натура не позируетъ, а лишь показывается—и этого считается исполнѣе достаточнымъ. Почти каждая школа, помимо своихъ основателей, такъ сказать, родоначальниковъ, имѣла еще и выдающихся претставителей, среди которыхъ особенно выдѣлялся Хоксай или Хокусай (Hokusai) (1760—1849 г.), за свои безчисленныя иллюстраціи и композиціи прозванный японскимъ Дорѣ. Благодаря ему, почти всѣ произведенія японской мануфактуры и кустарнаго промысла, какъ художественныя произведенія, стали несравненно выше, такъ какъ Хоксай далъ огромное количество чрезвычайно интересныхъ образчиковъ и рисунковъ, послужившихъ прекрасными оригиналами. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ около 30,000 композицій, весьма распространенныхъ въ Японіи. Къ числу такихъ же популярнѣхъ художниковъ Японіи принадлежатъ и ученикъ Хоксая, Шѣдзо Кюсай (1832—1885 г.), за свою склонность къ крѣпкимъ напнткамъ прозванный Шѣдзо, что значитъ великій выпивальщикъ. Его чрезвычайно интересныя и разнообразныя карикатуры, которыми большей частью украшались фонарики, имѣли огромный успѣхъ, и говорятъ, что фабриканты фонарей есорились изъ-за его рисунковъ. Среди знаменитостей прошлыхъ вѣковъ особенно изыстаетъ Окю, основатель школы Шиджо, потомъ Сосэнъ и Ганъ-Ку или Кини (школа его же имени), прославившіеся изображеніемъ животныхъ, и многіе другіе.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ *Нивы* будутъ воспроизведены нѣкоторые изъ находившихся на выставкѣ картинъ и рисунковъ.

И. И.

Библиографія.

Мамшины пѣсенки. Соч. А. Богаевской. Тетради I и II. Изданіе музык. магаз. И. Соколова. Цѣна каждой тетради 75 к.

Любимыя сказки. Слова и музыка А. Богаевской. Изданіе 3-е. Цѣна 1 р.

Amsons-nouve! Petits airs et petits jeux, par A. de Bogaiewsky. Цѣна 1 р.

Всѣ эти труды А. Богаевской давно уже пользуются у насъ

извѣстностью въ кругу дѣтей. Всѣ они выдержали уже нѣсколько изданій, и успѣхъ ихъ исполнѣе объясняется ихъ дѣйствительными достоинствами. Выборъ „Мамшиныхъ пѣсенокъ“ и „Любимыхъ сказокъ“ сдѣланъ съ большимъ вкусомъ и знаніемъ дѣтской души, сочиненная къ словамъ музыка исполнѣе доступна дѣтямъ по своей безыскусственности и въ то же время очень граціозна. Авторъ имѣлъ цѣлью своими пѣсками развить въ дѣтяхъ слухъ и

любовь къ музыкѣ и подбираетъ пьески въ постепенномъ порядкѣ, начиная отъ самыхъ легкихъ и кончая такими, которыя могутъ интересовать и быть полезны и подросткамъ. Въ какомъ порядкѣ эти сборники пьесъ у насъ перечислены въ заголовкѣ, въ такомъ слѣдуетъ собственно и пользоваться ими. Развлеченіе, доставляемое пьесками г-жи Богаевской, можетъ, помимо исполненія ихъ на роялѣ, быть весьма разнообразно: ихъ поютъ дѣтскимъ хоромъ подъ аккомпаниментъ рояля, пьески (сказки, напримѣръ) сопровождаются картинками волшебнаго фонаря, которыя служатъ какъ бы иллюстраціями къ сказкамъ, изъ пьесокъ составляются даже цѣлыя дѣтскія оперы. — такъ, напримѣръ, поетъ хоръ, поютъ отдѣльно Красная Шапочка, Маменька, Волкъ и т. п.; при этомъ дѣти устраиваютъ себѣ соответствующіе костюмы. Сборники пьесъ А. Богаевской удостоены медалей на всемирныхъ выставкахъ въ Чикаго и Антверпенѣ, одобрены городской училищной комиссіей для городскихъ училищъ, приняты въ школахъ Патріотическаго общества и казенныхъ средне-учебныхъ заведеній (женскихъ гимназій), и также и въ частныхъ гимназій; въ одной изъ послѣднихъ авторъ состоитъ преподавательницей дѣтскаго пѣнія. Сборникъ „Amis-sions pour!“ имѣетъ цѣлю дать малюткамъ первое знакомство съ французскимъ языкомъ и приохотить ихъ къ нему незамѣтно, путемъ забавы. Содержа въ себѣ пѣсенки и подвижныя игры, иллюстрированныя соответствующей музыкой и маленькими рисунками, сборникъ этотъ можетъ быть одинаково полезенъ и интересенъ дѣтямъ какъ дома, такъ и въ школѣ. Изданіи всѣ сборники очень изящно, „Альбины сказки“ снабжены къ тому же маленькими иллюстраціями. Смѣло можемъ рекомендовать ихъ какъ прекрасный подарокъ для дѣтей.

Русскій сельскій календарь на 1897 г. И. Горбунова-Посадова. Съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ, Москва. Цѣна 20 коп.

„Русскій сельскій календарь“ издается четвертый годъ. Составляемый очень толково, съ большимъ знаніемъ нуждъ и потребностей того громаднаго круга, для котораго онъ предназначается, календарь этотъ несомнѣнно долженъ пользоваться успѣхомъ въ сельскомъ населеніи, среди „хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ“. Въ этой средѣ населенія календарь, какъ извѣстно, подчасъ единственная книга для чтенія: въ немъ простодушный деревенскій житель ищетъ и справочныхъ календарныхъ свѣдѣній, ищетъ и матеріала для полезнаго чтенія по разнымъ хозяйственнымъ вопросамъ. На всѣ эти разнообразныя вопросы долженъ отвѣтить населенію хорошій „народный календарь“. Календарь г. Горбунова-Посадова можетъ быть названъ такимъ. Изданный чисто, даже изящно, съ недурно исполненными рисунками и картой Россіи, онъ на 80 страницахъ большаго восьмидольнаго формата даетъ массу интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній по сельскому образованію, о сельскомъ кредитѣ и общественныхъ лавкахъ, по земледѣлію, огородничеству, садоводству, лѣсоводству, скотоводству, пчеловодству и т. д. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ указываются списки соответствующихъ полезныхъ дешевыхъ книгъ. Всѣ свѣдѣнія изложены вполне доступнымъ для народа языкомъ. Въ общемъ — книга, заслуживающая широкаго распространенія.

Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 г. Годъ IV. Изданіе Ф. П. Романова въ Томскѣ. Ц. 1 р. 50 к. (безъ перес.).

Три года тому назадъ Ф. П. Романовъ сдѣлалъ первый попытъ изданія календаря, въ которомъ собраны свѣдѣнія о торговой и промышленной дѣятельности губерній и областей нашей далекой, обширной Сибири. Календарь былъ встрѣченъ сочувственно, и въ слѣдующіе годы все исполнялось и совершенствовалось. Въ настоящемъ году, по своему обширному содержанию, полнотѣ и свѣжести свѣдѣній, календарь уже можетъ быть названъ „Сибирскимъ Ежегодникомъ“, содержащимъ ежегодно новыя статьи и мо-

нографіи о Сибири, съ описаніями и отдѣльными очерками по разнымъ предметамъ, касающимся текущей жизни края. Въ этихъ описаніяхъ, въ сжатой формѣ, дается всестороннее представленіе о текущей сибирской жизни и о тѣхъ факторахъ, которые служатъ дальнѣйшему ея развитію; кромѣ того, текущая жизнь самыхъ отдаленныхъ угловъ Сибири, въ томъ числѣ и острова Сахалина, иллюстрирована для бѣдшей наглядности новой серіей рисунковъ. Въ заключеніе помещенъ большой списокъ торговыхъ фирмъ въ всѣхъ городахъ Сибири. Кромѣ того, понятно, помещены въ началѣ обычныя обще-календарныя свѣдѣнія. Къ календарю приложены портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, главноначальствующихъ лицъ Сибири и карта Россійской Имперіи, съ означеніемъ линій сибирской желѣзной дороги и мѣсторожденія золота, серебра и платины. Изданъ календарь въ Томскѣ. Изданіе очень чисто, рисунки воспроизведены отчетливо. Цѣну календаря нельзя признать высокой, если принять во вниманіе богатство его содержанія и обширные размѣры — изданіе это представляетъ большой томъ болѣе 600 страницъ компактнаго шрифта, не считая страницъ объявленій.

Современный календарь на 1897 годъ А. Д. Ступина. Москва. Ц. 15 к.

„Современный календарь“ А. Д. Ступина, за семь лѣтъ своего существованія, успѣлъ вполне зарекомендовать себя въ публикѣ разносторонностью сообщаемыхъ свѣдѣній и безусловной дешевизной. Въ настоящемъ году календарь отличается такою же полнотой, какъ и прежде. Изъ разныхъ статей съ иллюстраціями, нельзя не указать на печатавшіяся съ 1891 г. краткія біографіи русскихъ писателей съ маленькими портретами. Къ календарю приложены стѣнной календарь и карта Россіи и сибирской желѣзной дороги.

Русскій карманный календарь для всѣхъ на 1897 годъ. 23-й годъ. С. Петербургъ. Изданіе М. А. Глешки. Ц. 15 к.

Календарь г. Глешки за незначительную цѣну даетъ всѣ справочныя свѣдѣнія, требуемыя отъ карманнаго календаря. Изданъ календарь тщательно. Въ концѣ къ нему приложены планы петербургскихъ Императорскихъ и частныхъ театровъ.

Rigascher Hausfrauen-Kalender für das Jahr 1897. Herausgegeben von M. von Redellen, Redactrice der Rigaschen Hausfrauen-Zeitung. Siebenter Jahrgang. Riga. Verlag von N. Kummel.

Русскій календарь для хозяекъ издается уже шесть лѣтъ и пользуется извѣстностью въ Прибалтійскомъ краѣ. Составленный знающимъ домохозяйкою и новареннаго искусства, редактрисой рижской газеты для хозяекъ и авторомъ книги „Домъ и хозяйство“, Маріей Ределиной, календарь удачно совмѣщаетъ въ себѣ и справочныя календарныя свѣдѣнія, и расписанія меню на каждый день, всевозможныя полезныя и необходимыя въ хозяйствѣ рецепты и совѣты, таблицы времени усвоемости разныхъ видовъ пищи, таблицы пятидневныхъ разныхъ пищевыхъ веществъ, и на ряду съ этимъ рядъ маленькихъ произведеній для легкаго чтенія въ видѣ нѣсколькихъ оригинальныхъ нѣмецкихъ разсказовъ и очерковъ. Въ концѣ помещены таблички для записи бѣлья, для расчетовъ съ прислугой и т. д., также весьма практичныя и пригодныя въ каждомъ хозяйствѣ. Все это изложено кратко и содержательно и разбѣшено съ большимъ умѣньемъ. Что касается внѣшности календаря, то изданъ онъ очень тщательно и изящно, отпечатанъ на прекрасной бумагѣ и облеченъ въ красивую обертку.

Отрывные календари на 1897 г. Изданія Э. Гоппе.

I. Календарь-ежедневникъ (годъ XXVI) съ 2-мя бесплатными приложеніями: 1) Справочная книжка; 2) Табель-календарь. Цѣна безъ перес. 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.

II. Календарь для хозяекъ (годъ XV) съ 2-мя бесплатными приложеніями: 1) Совѣты матерямъ о правильномъ уходѣ за здоровыми и больными дѣтьми. 2-е исправл. и дополн. изданіе д-ромъ Н. Воронихинимъ; 2) Табель-календарь. На оборотной сторонѣ каждаго отрывающагося лѣстка напечатано меню на слѣдующій день. Цѣна безъ перес. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Домъ, въ которомъ скончался Суворовъ. (СПБ. Крюковъ каналъ. 23.)

Съ фот. грав. Шлипперъ.

Большой ежедневник (годъ IX) съ 2-мя бесплатными приложениями: 1) Справочная книжка; 2) Табель-календарь. Цѣна 1 р. 25 к., перес. за 4 фута.

Отрывные календари г. Гонне (на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ), издающіеся уже десятки лѣтъ, извѣстны всей Россіи и по справедливости считаются наиболее точными, пол-

ными и изящными. „Календарь-ежедневникъ“ и „Большой ежедневникъ“ разнятся другъ отъ друга только размѣрами, „Календарь для хозяекъ“ снабженъ весьма толково составленными маленькими руководствомъ къ уходу за дѣтьми. Всѣ календари приклеены къ изящнымъ папкамъ въ русскомъ стилѣ, по рисункамъ художника К. Брожа.

Политическое обозрѣніе 1896 г.

При всѣхъ неблагоприятныхъ теченіяхъ пережитыхъ уже Европою политическихъ событій, прошедшій годъ все же оставилъ по себѣ добрую память, какъ годъ, въ продолженіе котораго великія державы успѣли сохранить миръ для общаго блага европейскихъ народовъ.

Британская внѣшняя политика истекшаго года ознаменовалась нѣсколькими рѣзкими порывами, оказавшимися въ концѣ-концовъ безуспѣшными, благодаря бдительности заинтересованныхъ державъ. Попытка англичанъ низвергнуть трансваальское правительство совершенно неожиданно встрѣтила косвенный отпоръ со стороны Германіи, а въ англо-венедузельское столкновение вмѣшался президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки Кливлендъ. Когда же искусственнымъ раздуваніемъ армянскаго вопроса не было достигнуто желаемого эффекта во внѣшней политикѣ державъ, Англія, подъ предлогомъ восстановления европейскаго престола въ Африкѣ, поколебленнаго разгромомъ итальянцевъ при Адуѣ, — затѣяла донгольскую экспедицію на средства Египта, что вызвало протесты Франціи и Россіи, добившихся къ концу прошлаго года признанія за египетскими дѣлами международнаго значенія. Вообще Англія вслѣдствіе старалась въ теченіе прошлаго года избѣгнуть разрѣшенія поставленнаго на очередь вопроса объ Египтѣ, и цѣль не признанія факта, что британской дипломатіи удалось отложить этотъ вопросъ, который такимъ образомъ цѣлкомъ переходитъ въ наслѣдство къ новому году.

Германія мирно отпраздновала въ прошломъ году 25-лѣтіе основанія Германской имперіи цѣлымъ рядомъ торжествъ въ память заключенія франкфуртскаго договора съ Франціей. Истекшій годъ отмѣтилъ внимательство Германіи въ южно-африканскія дѣла: въ качествѣ могущественной колониальной державы въ Африкѣ, Германія дала понять Англіи, что сочувствіе нѣмцевъ — на сторонѣ трансваальской республики, испроверженіе которой было затѣяно англичанами.

Празднованіе событій франко-прусской войны не помѣшало нѣкоторому сближенію Германіи съ Франціей. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи благородныя усилія императора Вильгельма, не упускавшаго случая засвидѣтельствовать Франціи свои симпатіи. Съ другой стороны осязательныя выгоды для Германіи держаться русско-французской политики въ вопросахъ дальняго Востока, также принесли въ прошломъ году свою долю пользы въ дѣлѣ смягченія антагонизма между Германіей и Франціей. Тѣ же взгляды на текущія событія удержатъ, надо надѣяться, обоихъ соперниковъ въ одномъ лагерѣ при рѣшеніи сложныхъ вопросовъ международной политики, выпадающихъ на долю новаго года.

Относительно нашего отечества Германія имѣла, кажется, возможность убѣдиться, что Россія, отнюдь не питая враждебныхъ чувствъ къ своей западной сосѣдкѣ, домогалась отъ нея лишь признанія за Россіей того положенія, какое подобаетъ ей въ вопросахъ мировой политики, чего, повидимому, и сама Германія теперь не отрицаетъ. При взаимномъ уваженіи национальныхъ интересовъ, русскій народъ можетъ вѣкъ прожить въ дружбѣ съ нѣмцами, какъ прожилъ прошедшій годъ, мирно трудясь надъ снованіемъ благосостояніемъ.

Торжественными встрѣчами и проходами Наслѣдника Цесаревича и вдовствующей Императрицы Россійской въ началѣ прошлаго года Франція еще разъ засвидѣтельствовала свою сердечную связь съ Россіей. Вслѣдъ за этимъ французское

правительство категорически заявило, что Франція во внѣшней политикѣ находится „въ полномъ и сердечномъ согласіи съ Россіей“, стремится сохранить за Египтомъ характеръ вопроса общеевропейскаго. При упорномъ недоверіи сената къ радикаламъ, кабинетъ послѣднихъ уступилъ свое мѣсто умѣреннымъ республиканцамъ, продолжавшимъ дѣло упроченія внѣшнего положенія Французской республики. Выраженныя президенту Форю чувства соболезнованія Государя Императора, по поводу желѣзнодорожной катастрофы въ Алжирѣ, вызвали во Франціи необыкновенный подъемъ народнаго чувства, достигнутого апогея въ знаменитую „русскую недѣлю“.

Небывалая торжественность открытія осенней сессіи французскаго парламента показала политическому міру все величіе совершившагося событія, послѣдовавшія же объясненія министра иностранныхъ дѣлъ Ганото констатировали полное торжество русско-французской миролюбивой программы въ восточномъ вопросѣ.

Послѣ ряда столкновеній съ абиссинцами, Италия потеряла 19 февраля прошлаго года полную неудачу при Адуѣ, гдѣ вмѣстѣ съ рѣшеніемъ участіи Эритреи окончательно восторжествовалъ перестъ Менелли, призванный отнынѣ къ важной политической роли на великомъ пути европейскихъ державъ изъ Европы къ берегамъ Великаго Океана. Такимъ образомъ истекшій годъ положилъ для Италіи начало ликвидаціи тѣхъ непосильныхъ задачъ, которыми итальянскіе политики отвлекли вниманіе народа отъ незавиднаго положенія королевства. Въ началѣ октября Италія отпраздновала торжественное событіе — бракосочетаніе наслѣдника итальянскаго престола. Это мирное событіе дало пищу немаловажнымъ политическимъ чашнямъ итальянцевъ въ будущемъ, благодаря установившимся связямъ черезъ Черногорію съ великой славянской державой — Россіей. Въ половинѣ октября заключенъ миръ съ Абиссиніей на условіяхъ, при которыхъ Италія можетъ благородно ретироваться, покинувъ неудавшіеся колониальныя планы на берегу Чернаго моря и залившия укрупненіемъ своего пошатнушагося престола въ тройственномъ союзѣ.

Несмотря на энергичныя мѣры, Испанія не успѣла въ истекшемъ году справиться съ возстаніемъ на островѣ Кубѣ, такъ какъ существенная поддержка повстанцевъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки не прекращалась. При такомъ положеніи кубинскаго вопроса, дѣло не дошло до открытаго столкновенія Испаніи съ Соединенными Штатами, благодаря лишь практичности президента Кливленда. Но этотъ государственный дѣятель уступаетъ теперь свое мѣсто новому набравшему изъ среды республиканской партіи — Мак-Кинлею, и окончательное рѣшеніе вопроса о Кубѣ остается въ наслѣдство наступившему новому году.

Австро-Венгрія приобрѣла въ истекшемъ году нѣкоторое вліяніе на внѣшнюю политику европейскихъ державъ. По официальному заявленію делегатовъ, имперія Габсбурговъ остается „вѣрной своимъ принципамъ“. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, событія позволили австрійскому правительству авторитетно констатировать, что посягающія на ослотъ Австро-Венгрии — Боснію и Герцеговину, должны быть считаться съ австро-венгерской арміей. Больше яркая характеристика придава въ прошломъ году политикѣ Венгрии: празднованіе тысячелѣтія венгерскаго государства и юбилейная выставка въ Буда-Пештѣ подчеркнули приверженность славянъ во владѣніяхъ короля св. Стефана. Въ продолженіе торжествъ мадьяры

Фельдфебель Павелъ Петровъ (по поводу пятидесятилѣтней службы его въ полку). Съ фот. автогипія „Нивы“.

въ Угорской Русии изгнавъ изъ богослужения церковно-славянскій языкъ, а въ концѣ истекшаго года раздалась жалоба боснийцевъ и герцеговинцевъ на австрійскіе порядки, вторгавшіяся въ церковную жизнь православнаго населенія оккупированныхъ Австріей провинцій. Въ то же самое время Австрія дѣлательно работала по вопросу о порядкахъ въ Турціи, въ надеждѣ, разумеется, при удобномъ случаѣ проникнуть до Салоникъ. Съ Россіей Австро-Венгрія находилась, по официальному заявленію австрійскаго премьера, въ „отрадныхъ отношеніяхъ“ и въ то же время усердно служила цѣлямъ тройственнаго союза.

Вліяніе Австро-Венгрии не переставало сказываться въ Сербіи. Напредняцкое правительство какъ будто хотѣло выбиться изъ австрійскаго русла сербской политики, но юный король, подлѣ вліяніемъ будто бы своего отца—ек-короля, обнаружилъ стремленіе примкнуть къ тройственному союзу, съ другой стороны—давно ожидаемый возвратъ къ конституціи 1888 года создалъ ненормальное положеніе дѣлъ въ Сербіи, и министерство Цокаковича уступило мѣсто кабинету Сичича, имѣющему, по слухамъ, временный характеръ.

Румынія подпадала всецѣло вліянію Австро-Венгрии. Единичные голоса патриотовъ, въ родѣ известнаго руссофила князя Стурдзы, о необходимости держаться русской политики, остаются въ румынскомъ парламентѣ гласомъ вопіющаго въ пустыню. Маія величій толкнула Румынію въ объятія тройственнаго союза, за что она получила изъ устъ австрійскаго премьера аттестатъ „политической зрѣлости“ и удостоилась чести посылить императора австрійскаго.

Болгарія въ истекшемъ году устремила свои взоры къ Россіи. Непреодолимое желаніе быть на коронаціонныхъ торжествахъ въ Москвѣ заставило принца Кобургскаго хлопотать гораздо энергичнѣе о признаніи его всѣми державами законнымъ княземъ Болгаріи. При содѣйствіи друзей принцу удалось достигнуть этого послѣ того, какъ наследникъ болгарскаго престола князь Борисъ былъ торжественно присоединенъ къ православію. Но эта церемонія была слишкомъ показной, чтобы не вызвать сомнѣній въ православной Россіи. И еще пройдутъ годы, прежде чѣмъ выяснится дѣйствительное значеніе этого событія. А съ признаніемъ принца Кобургскаго княземъ Болгаріи и генералъ-губернаторомъ Восточной Румелии, болгарскій народъ еще очень далекъ отъ ожидавшихся благихъ результатовъ: созданный диктаторомъ Стамбуловымъ порядокъ вещей процвѣталъ еще и въ истекшемъ году.

Въ теченіе прошлаго года Турція, не исполняя обѣщаннаго,

принимала мѣры, далеко не отвѣчавшія требованіямъ обстоятельствъ и времени. Хотя Портъ и удавалось усмирять возстанія въ разныхъ кошахъ Имперіи, тѣмъ не менѣе дѣло упорядоченія страны очень мало двигалось впередъ. При частыхъ кровопролитіяхъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, европейскимъ державамъ предстояло не мало труда слѣдить за мѣропріятіями турецкихъ властей, чтобы не раздувать пожара. Пронесшая дѣломъ въ столицѣ султана рѣзня заставила державы принять энергичныя мѣры. Подобное же внимательство державъ положило начало умнотворенію Крита на условіяхъ дарованія критянамъ автономіи съ губернаторомъ-христианиномъ, назначаемымъ Портою съ согласія державъ.

Весь истекшій годъ затраченъ представителями державъ въ Константинополѣ съ одной стороны на увѣщанія Турціи привести въ исполненіе обѣщанныя реформы, а съ другой—на удержаніе христіанскихъ подданныхъ султана въ повиновеніи. Такая роль тѣлохранителя Турціи и ея жандарма преслѣдовала единственную задачу—сохранить statu quo, отерочивъ политическую смерть Оттоманской имперіи до той поры, когда ходъ событій выяснитъ, кто законный наследникъ умирающаго.

Россія въ истекшемъ году продолжала идти по пути вѣдущей политики, начертанному императоромъ Александромъ III. Въ сознаніи своей мощи наше отечество мирно преуспѣвало, создавъ этимъ обстоятельствомъ убѣжденіе въ Западной Европѣ, что Россія во время мира становится могущественнѣе, нежели послѣ побѣдоносныхъ войнъ. Но мнѣнію западно-европейскихъ авторитетныхъ кружковъ, Россія стала руководительницей державъ въ мировой политикѣ. Мирная, но твердая вѣдущая политика, основанная на древнемъ правилѣ—si vis pacem para bellum, дала уже нашему отечеству преобладающее мѣсто на дальнемъ Востокѣ: вліяніе Россіи въ Корейскомъ восстѣ восторжествовало, а дружественная политика къ Китаю принесла въ китайскомъ году русско-китайскую конвенцію о проведеніи китайской восточной желѣзной дороги отъ великаго сибирскаго пути къ Великому Океану черезъ Манчурію на условіяхъ, представляющихъ несомнѣнный успѣхъ русской политики. Такимъ образомъ, хотя предстоитъ не малый трудъ по направлѣнію турецкихъ дѣлъ къ благополучному выходу изъ нынѣшней турецкой безтолковщины, Россія съ чувствомъ благодарности можетъ помянуть истекшій годъ за его миролюбие, которое для насъ тѣмъ болѣе цѣнно, что наше отечество, оставаясь на стражѣ европейскаго мира, получило должное удовлетвореніе на дальнемъ Востокѣ.

Разныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данной на Имя Его Императорскаго Высочества московскаго генералъ-губернатора великаго князя Сергія Александровича.

Ваше Императорское Высочество.

Ознакомившись изъ Вашего доклада съ количествомъ поступившихъ пожертвованій на возведеніе въ Москвѣ памятника въ Бозѣ почившему Родителю Моему, Императору Александру Александровичу, я признаю своевременнымъ мнѣя же приступить къ предварительнымъ работамъ по изготовленію проекта памятника, согласно даннымъ Мною указаніямъ.

Торжачо принимая къ сердцу всенародное желаніе увековѣчить въ назиданіе потомству, священный образъ Великаго Монарха, я утѣшаюсь мыслью, что ближайшее руководство исполненіемъ Моей воли возлагается на Ваше Императорское Высочество, какъ московскаго генералъ-губернатора.

Вспоминая съ какою любовью и довѣріемъ Мой Неизбѣнный Отецъ призвалъ Васъ къ высшему управленію церковно-рестольною стодлицею и зная Вашу безграничную преданность высокимъ завѣщаніямъ Почившаго, я твердо увѣренъ, что подлѣ просвѣщеннымъ руководствомъ Вашего Императорскаго Высочества, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Москва, а съ нею и вся Россія возрадуется сознаніемъ исполненнаго долга благодарности Тому, Кто всѣ свои силы положилъ на служеніе Отечеству.

Привѣтую къ Вашему Императорскому Высочеству навсегда неизменно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написаво:

и сердечно любящій Васъ Имѣяицкій
НИКОЛАЙ.

Царское Село.

20-го декабря 1896 года.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Въ попеченіи Нашемъ о вѣдшемъ устроеніи и преуспѣяннѣ Государства, Мы признали за благо произвести первую всеобщую перепись населенія Имперіи.

Предстоящая перепись должна обнять всѣхъ безъ исключенія жителей на всемъ пространствѣ земель Державы Нашей и представить полное и точное численіе населенія Государства, какъ въ распредѣленіи по отдѣльнымъ областямъ и губерніямъ, уѣздамъ, городамъ и селеніямъ, такъ и по составу населенія, то-есть по возрастамъ, поламъ, состояніямъ, вѣроисповѣданіямъ, племенамъ, занятіямъ и другимъ признакамъ, указаннымъ въ переписныхъ

листахъ. Исчисленія всеобщей переписи послужать Намъ и поставленнымъ отъ Насъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ важнымъ пособіемъ для различныхъ мѣропріятій на пользу Отечества.

Утвердивъ, въ 5-й день іюня минувшаго года, разсмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ положеніе о первой всеобщей переписи населенія Имперіи, и усмотрѣвъ мнѣя изъ доклада министра внутреннихъ дѣлъ, на кого возложено общее руководство переписью, что приготовительныя къ ней мѣры уже возымѣли осуществленіе, повѣляемъ приступить, въ установленные сроки, къ произведенію переписи и приурочить ея показанія и исчисленія къ двадцати восьмому дню января наступающаго тысяча восемьсотъ девяносто седьмого года.

Привѣваемъ увѣрены, что всѣ лица, привлекаемая къ участію въ производствѣ переписи, какъ по должности, такъ и по добровольному съ ихъ стороны желанію, усерднымъ исполненіемъ возлагаемаго на нихъ труда, а каждый изъ жителей Имперіи Нашей правдивымъ показаніемъ о себѣ и своихъ близкихъ всѣхъ требуемыхъ свѣдѣній, потпастся содѣйствовать успѣшному достиженію указанной Намъ цѣли предстоящей переписи—полагаю и точнаго исчисленія населенія Государства.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ.
19 декабря 1896 года.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Императорскому русскому археологическому обществу.

Русское археологическое общество сегодня празднуетъ пятидесятилѣтіе своего существованія. Учрежденное въ 1846 году, по мысли нѣсколькихъ частныхъ лицъ, оставившихъ себѣ цѣлью разработку въ нашемъ Отечествѣ вообще археологіи и въ частности изслѣдованіе памятниковъ русской старины, оно, подлѣ председательствому сначала герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, а затѣмъ великаго князя Константина Николаевича, неуменно шло по избранному пути и ознаменовало своею полуживую дѣятельность обнаруженіемъ многихъ важныхъ и цѣнныхъ трудовъ, первенствующее мѣсто между которыми занимаютъ изслѣдованія, какъ касавшіяся русскихъ древностей, такъ и содѣйствовавшія ближайшему знакомству съ исторіею и древностями Востока.

Такая разнообразная и полезная дѣятельность общества составляетъ несомнѣнную его заслугу

передъ наукою и Отечествомъ, и въ виду этого Мы пріятно выразить русскому археологическому обществу Мое благоволеніе, въ полномъ убѣжденіи, что оно подлѣ просвѣщеннымъ руководствомъ своего настоящаго Председателя, великаго князя Константина Константиновича, будетъ и впредь такъ же неуменно и плодотворно трудиться на пользу отечественной науки.

На подлинномъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Собственною рукою начертать соизволилъ:

НИКОЛАЙ.

Царское Село.
15-го декабря 1896 года.

Директоры и главный врачъ с.-петербургскихъ больницъ—Маринской для бѣдныхъ и Александринской женской, профессоръ, д. с. с. Павловъ, Всемилостивѣе пожалованъ въ лейбъ-хирурги Двора Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

— Государь Императоръ пожаловалъ обществу русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, на устройствѣ санаторіи въ память въ Бозѣ почивающей императрицы Маріи Александровны, 400,000 руб. и дворовое имѣніе „Тайцы“, гдѣ небогатые люди безвозмездно найдутъ защиту отъ чохотки.

— Общество охраненія народнаго здоровья чествовало 22 декабря истекшаго года 100-лѣтній юбилей оспопрививанія.

СОДЕРЖАНІЕ: Сны. Повесть Влад. Ив. Немирова—Даченко.—Волшебный мушкетеръ. М. П. Васильева. Корейская сказка. (Съ 2 рис. Н. И. Карзинна).—Послѣдній дни Суворова. Очеркъ А. Ф. Шидловскаго. (Съ рис.).—Къ рисункамъ: Юность.—Литературный альбомъ. „Евгеній Онегинъ“, А. С. Пушкина. Глава V, ст. IX.—„Хлѣбъ нашъ насущный“.—Сказки.—Праздничный визитъ.—Бракъ великой княжны московской Елены Іоанновны съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ.—С. А. Шереметьевъ (съ портр.).—Князь Г. С. Голицынъ (съ портр.).—Фельдфебель Павелъ Петровъ (съ портр.).—Выставка работъ японскихъ художниковъ.—Биографія.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—О подникѣ на „Ниву“ 1897 г.—Объявленія.

При этомъ не прилагаются: 1) Сочиненія П. Д. Боборыкина, т. I (Сборникъ „Нивы“ за январь); 2) Стѣнной календарь на 1897 годъ, печатанный красками; 3) „ПАРИЖСКІЙ МОДЫ“ за январь съ 38 рис. и отдѣлъ съ 30 черт. выр. въ натур. вел. и 38 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.
Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ **1897 г.**
52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столб-
цовъ текста и 500 гравюръ).

**12 ТОМОВЪ СОБРАНИЯ РОМАНОВЪ,
ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ**

П. Д. БОБОРЫКИНА,
печат. на хорош. глазиров. бумагѣ.

Всѣ романы, повѣсти и рассказы будутъ напечатаны въ „Сборникъ Нивы“ въ томъ видѣ, какъ они были написаны авторомъ, безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній.

**12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТ.
ПРИЛОЖЕНІЙ“:** романы, повѣсти,
рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“, заключающихъ въ себѣ въ
теченіе года до 300 модныхъ рисунковъ.

12 №№ рукодѣльных и выпильныхъ работъ и выкроекъ (съ
600 рисунк. и чертежами въ теченіе года).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный красками.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА“.
С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

БОБОРЫКИНА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годовое изданіе „НИВЫ“
со всеми приложеніями:

Безъ доставки въ **5 Р.**
С.-Петербургъ .

Съ доставкою въ **6 Р. 50 К.**
С.-Петербургъ .

Безъ доставки въ
Москвѣ чр. конт.
Н. Печковской . **6 Р.**

Съ перес. во всѣ
города и мѣст-
ности Россіи . **7 Р.**

ЗА ГРАНИЦУ . . . **10 Р.**

Безплатное приложеніе на **1897 годѣ**

КЪ ЖУРНАЛУ

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧНО
ПЛАТЕНА ВЪ ДВА И ВЪ ТРИ
ОРОНА.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
**СЛАВИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА**
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ
Продается во всѣхъ аптекахъ и
является лучшимъ средствомъ въ
леченіи желудка.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ
„ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

ПОСЛЕЕ ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА въ СПБ.:
Альбомъ узоровъ
для вышиванія по канвѣ крестикомъ и гладью,
составленный по оригинальнымъ рисункамъ **В. А. ЛЕВЕНЦЕВА.**
Въ красной папкѣ съ акварелью художника **Н. БОГДАНОВА.**
Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ П. П. Гнѣдича.

Большой томъ, заключающій въ себѣ 486
стр., на велен. бумагѣ, и украшенный ма-
соч. вышивкою. Цѣна этому изданію
данію 2 р., съ пересылк. 2 р. 50 к.; въ
коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Новая книга. Библиотека Историческаго Чтенія - Р.
Смутное время и Дворцовый переворотъ въ Константинополѣ
(Абдул-Азизъ, Мурадъ V, Абдуль-Гамидъ II.) В. Теплова. Съ 24 портретами и ви-
дами. Цѣна 1 руб., съ перес. наз. пл. 1 р. 25 к. Выписывающіе отъ изд. К. Ю. Геруца,
С.-Петербургъ, Мойка, 92, за пересылку не платятъ Ц. № 9846

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ выучиваю каждаго
заочно въ 8 урокъ. Проби, письмо, коніи
отзыв. и услов. высыл. за 2-7 к. марки.
Адресъ: Одесса, Дерибасовск., д. Б. Н. № 17,
кв. № 3. Проф. каллиграфіи Ш. Круку.

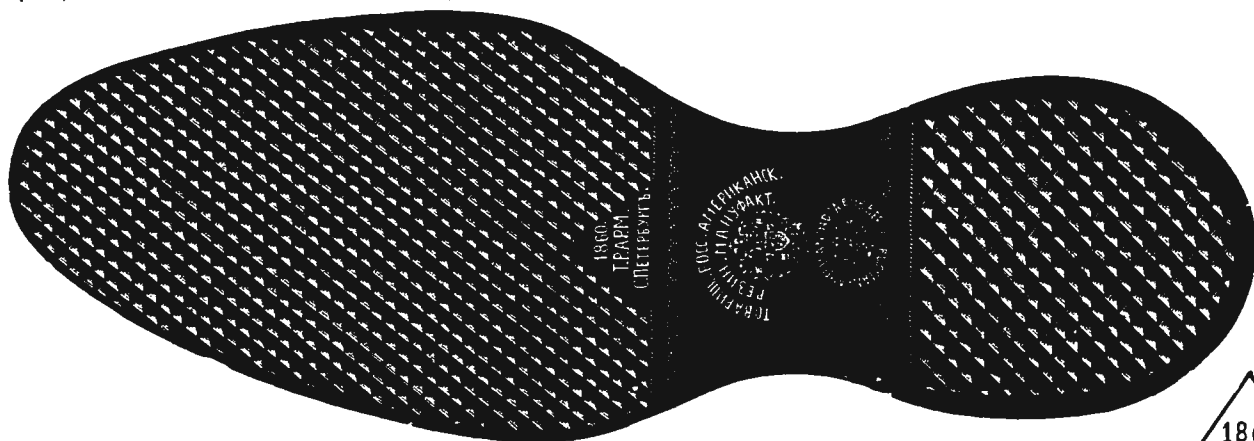
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9-51 26-1.
на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,
въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ
ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено
высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ФЕНИКСЫ-ОРГАНЫ

Очень приятного тона, прочной конструкции. Стаальные голоса. Металлическая лотка. Удобны для танцев.

16-ТОННЫЙ ОРГАНЪ-ИНТОНА.

Цена без нотъ 10 р.

Ноты по 35 к.

24-ТОННЫЙ ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Цена без нотъ 26 руб.

Ноты по 60 к.

43-ТОННЫЙ (24 двойныхъ голоса) ОРКЕСТРЪ-ФЕНИКСЪ.

Цена без нотъ 40 руб.

Ноты по 60 к.

Каталога вьсь бесплатно.

По получении заказа приблизительная стоимость заказа, требуемое выемъ заета съ надлежащими платежами и остальную сумму.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо и фабрич. музикальныхъ инструментовъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

ДУХИ — ФИАЛКА ДУСЛЕЗЭ — туалетное мыло.
ДУХИ — ЯПОНСКАЯ ФИАЛКА — туалетное мыло.
ДУХИ — ЭДЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
ДУХИ — ДАНДЫШЪ ДУСЛЕЗЭ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.

Можно получить:

Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Бренникова, Р. Шасколевскаго, у Ком-статина Герца, Лимаши и Рикса, А. Ланда, А. Англадта. Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мердизъ, въ магазинѣ „А-ла-туалета“, у гг. Брунсъ, Л. Боркардъ, Р. Келера и К^о, (Секретъ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи). Ц. № 9386 13-1
Представитель для Петербурга: Л. Керке, 2, Максимилиановскій пер.

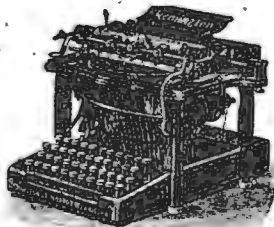
== НОВОСТЬ! ==

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896-

-1897.

НОВѢЙШАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ

ПЕЧАТЮЩАЯ
МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ
ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. ЦѢНА 325 РУБ.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕИ РОСОИ ОКЛАДЪ

Торговий Домъ **М. Блок**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

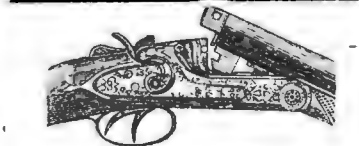
С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Екатеринбургъ, Копенгага, Ростоки и Д.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДЪЛЮКЪ!

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

ЖИРНАЯ ПУДРА ДУРИХА
ДЛЯ БЛИЗКИХЪ ЛИЦА
НЕЗАМѢТНА НА КОЖЬ
ВАСИЛІЙ ДУРИХЪ
С^{пд} ПЕТЕРБУРГЪ
КОЛОКОЛЬНАЯ 18-19

ЭКОНОМИ
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ
В. РОЖИВУ МОСКВА
ПАРСОСІЯ А. ДАБЛЕВОВА

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши издѣлостр. прейсъ-куранта, выскд. бесплатно, Оружейнаго магазина А. В. Гарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Ситова.

ЗАЙКАНИЕ

выдѣлывается основательно въ спеціальномъ заведеніи Карла Эрнста. Принимается приходящіе и ПАНСИОНЕРЫ. СПб., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство къ самообученію 3 руб. 7-4

ЧАСЫ ДЛЯ НОЧНОГО ВРЕМЕНИ

освѣщаются электричествомъ. Полное описание часовъ вмс. бесплатно. Главное депо часовъ **Б. АЛЬТШВАГЕРЪ**. С.-Петербургъ, Невскій пр., 33.

ДЛЯ ЗАРАБОТКА!!!

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ, продажи предметовъ ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНОСТРАЦИИ МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, ДОМЪ ТОЛМАЧЕВА.

ФОНОГРАФЫ ЭДИСОНА

ПОДЛИННЫЕ, ГАРАНТИРОВАННЫЕ: Электрографы отъ 500 руб. Серверные (Номе) отъ 200 р. Графофоны отъ 275 руб. Кинотопотографы системы Вернера въ Парижѣ (проектирование на экранѣ оживленн. фотограф. снѣкъ въ натуральную величину) отъ 1600 р. съ принадлеж. Фотографы—тѣ-же аппараты для домашнего употребл. и любителей, съ приспособл. для снѣжанія снѣкъ—отъ 600 р. Флуороскопы—аппараты для показыванія невидимыхъ предметовъ (новости) отъ 600 руб. П. № 9738
Громадный выборъ машинъ, тысячи фонограммъ известнѣйшихъ пѣнцовъ, расказчиковъ, оркестровъ вьсь, жюкелоговъ, кушетовъ.
Собственная мастерская. Серьезная гарантия. Безплатное обученіе. Заслуженная часть.
Адресъ для телеграммъ: Москва—Фонографъ.

ВЫГОДНОЕ ДѢЛО!!!

НОВОСТЬ! (10)
ДУХИ
БУКЕТЪ АМИРСЪ
ПОСТАВЩИКОВЪ
Высочайшаго Двора
А. РАДЛЕ И К^о
С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
Невскій пр., № 18.
МОСКВА:
Кузнецкій мостъ.

Люди. Федоров. Шмидтъзонъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковихъ,
рекомендуютъ: кипричедѣлательныя и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раштрубами, черенцы съ фальцами, брикетовыя давлен. патентов. Шаровыя желѣзныя для измельченія и разкола в одобреномъ просѣиваніи матеріаловъ любой вѣрности, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (41)

№ 4711.
Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin). Чистый запахъ фиалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ дней не выдыхающійся.
№ 4711. Savon violette du Rhin.
№ 4711. Sachets violette du Rhin.
Вѣсь одинаковаго превосходнаго Ц. № 9833 качества. 4-1
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Цѣны: 4 р., 2 р. 75, 3 р. и 1 р. 25 за флаконъ, смотря по величинѣ.

К. КОМЕТСЪ
СПЕЦ. СКЛАДЪ ЛЫЖЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЖУДАНОВСКАЯ УЛ. № 19.

НОВОСТИ! Бѣговыя и лавровыя лыжи для бѣга и лавированія на снѣжной поверхности по способу д-ра Нансена. См. рефератъ К. Кометса „О бѣгѣ на лыжахъ“ въ № 8 Нивы 1896 г. Получены: Нормальныя зимнія шапки д-ра Нансена съ откидн. козырькомъ и откидными наушниками и латыльникомъ, защита, какъ глаза отъ блиска снѣга или соли, лучше, такъ уши шеею отъ холода. Жамъ, жхон, вороты, шарфъ или башмакъ. См. рис. въ № 45 Нивы 96 г. Высш. налож. плат. Сообщить округ. гол. Цѣна 3 р. 50 к.—5 р. Эффектнѣйшій подарокъ къ Рожд. Новая книга о „Фр. Нансенѣ“, съ массою рис., 368 стр., к. 2 р. 50 к., съ зер. 3 р. Выиск. лыжи изъ склада К. Кометса за перес. не платитъ. Патентов. лыжня бутылки 2 р. 60 к.—4 р. Самоѣдскія рукавицы двойного оленьяго мѣха (волосами внутрь и наружу) 2 р. 50 к. Наставл. и прейсъ-курантъ бесплатно. Адресъ на рис.

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Поставщиковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
Лейпцигъ-Плагвицъ.
изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнонаго бѣлья. Штука только нѣсколько копѣекъ. При чемъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой несприятностей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усвоенномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Нижнеупомянутыя представители сообщатъ, по желанію, гдѣ оно продается.
Танфани и Штейдль, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Клингенландъ, Варшава. Отгонъ Вундеръ, Харьковъ.

XXVIII г.

№ 2

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содержа. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выдавъ 11 января 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 13 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 13 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.									

С Н Ы.

Повѣсть **Влад. И. Немировича-Данченко.**

(Продолженіе.)

III.

Сѣверо-западная буря рвалась такими порывами, что ежеминутно угрожала перебросить огонь черезъ улицу и охватить пламенемъ всю южную половину деревни. Третій дворъ вдоль улицы былъ уже въ огнѣ. Горѣло въ четырнадцати мѣстахъ. Всѣ стоги сѣна и прошлогодней соломы, всѣ загаты, отдѣлявшіи одинъ дворъ отъ другого, клуни съ новымъ, только что смолоченнымъ зерномъ и одна хата съ трескомъ выбрасывали снопы пламени. Широки, темно-багровыми языками съ свѣтлыми концами оно то вырывалось наружу, то пряталось, то вновь вылетало, чтобъ лизнуть не тронутый еще бокъ, снова забиралось внутрь, производило тамъ свою разрушительную работу и, наконецъ, залпомъ выбивалось со всѣхъ сторонъ такъ, что уже никакіе потоки воды не могли бы одолѣть его. Буря отхватывала горѣвшіе ключья и порывисто перебрасывала ихъ на свѣжіе стоги, на новыя крыши. Ихъ смачивали водой, покрывали рядомъ, „парусомъ“, свитками, всѣмъ, что только можно было найти въ бѣд-

Берлинская юбилейная выставка. Гунь. Статуя Эриха Гёзеля.

номъ хозяйствѣ. Мелкія дворовыя строенія, курники, сарайчики быстро сгорѣли, и изъ груды чернаго мокраго мусора метался дымокъ. Весь югъ заволокло дымомъ, ѣдкимъ, щипавшимъ глаза и затруднившимъ борьбу съ огнемъ. Народъ кидался изъ стороны въ сторону, не зная, что спасать. Вода выливалась куда попало. Мужики съ ведрами, лопатами и граблями перебѣгали отъ стога сѣна къ соломѣ, отъ тлѣвшей загаты къ клунѣ, къ хатѣ. На пожарѣ была только одна тощая труба изъ волости за три версты. Въ то время, какъ она работала въ одномъ мѣстѣ, вдругъ раздавался вопль сотни голосовъ — занялся новый стогъ, — всѣ съ криками бросались туда, тащили насосъ, гнали лошадей съ бочками. Хозяйка покидаемаго двора съ негодованіемъ силилась удержать трубу у себя, бабы осмѣли уходившихъ бранью, смѣшанной съ рыданіями.

Всѣ деревенскіе колодцы были уже осушены. За водой ѣздили къ рѣчкѣ на другомъ концѣ деревни. Одни скакали верхомъ на бочкахъ, другіе возили ихъ на арбахъ. Лошаденки неслись въ карьеръ, мужики стояли во весь ростъ, арбы громыхали и разѣзжались по сторонамъ, рискуя разлетѣться вдребезги или задавить перебѣгавшихъ черезъ улицы дѣтей. На бочки съ водой накидывались со всѣхъ концовъ и везли ихъ не туда, гдѣ вода была необходима, а куда ихъ втаскивали силой. Урядникъ растерялся. Мужики готовы были слушаться всякаго, кто сумѣетъ перекричать стоявшій на пожарѣ шумъ.

Изъ усадьбы Кашкадаровыхъ, стоявшей саженьяхъ въ ста отъ деревни, могли прислать только нѣсколько бочекъ и рабочихъ. Самъ старикъ, Николай Осиповичъ, стоялъ на углу двухъ улицъ — горѣвшей и сосѣдней — и разспрашивалъ, отчего произошелъ пожаръ.

— Кто ѣ зна! — отвѣчали ему неохотно.

Загорѣлось въ клунѣ Мирошниченка, вѣроятно, тамъ послѣ обѣда курили; вообще же этотъ вопросъ никого не интересовалъ, и на замѣчанія Николая Осиповича, до чего доводитъ небрежность и куреніе табаку, небрежно отвѣчали:

— Конэшно! Хиба-жъ можно находыться въ клунѣ съ цыгаркой!

Впрочемъ, профессоръ и самъ чувствовалъ, что вопросы его праздные и во всякомъ случаѣ несвоевременные, что въ этой огромной деревенской бѣдѣ каждую минуту нужна немедленная и реальная помощь и что его бездѣятельное присутствіе въ этомъ стихійномъ водоворотѣ, гдѣ каждый мужикъ выбивается изъ силъ, должно производить досадное впечатлѣніе. Но что жъ ему было дѣлать? По тѣмъ чувствамъ, которыя онъ испытывалъ, онъ готовъ былъ схватить ведро и вмѣстѣ съ мужиками слушаться чьихъ-то распоряженій, но ему было стыдно сдѣлать это, ему казалось, что онъ, въ шелковой чесунчовой парѣ да при неумѣломъ обращеніи съ ведромъ, можетъ вызвать только рядъ ироническихъ замѣчаній. Уйти домой, въ свою усадьбу, которой этотъ пожаръ нисколько не угрожалъ, тоже было какъ-то неловко. Разъ онъ уже уходилъ, по ощущалъ чувство, похожее на позорное бѣгство. Точно въ спину ему чьи-то глаза говорили: „ступай, ступай, ты вѣдь панъ, значить, наша бѣда не можетъ взволновать тебя“. Онъ, наконецъ, готовъ былъ подойти къ погорѣльцамъ и сейчасъ же утѣшить ихъ, сказать, что дастъ и лѣса для новыхъ построекъ, и хлѣба на сѣмена, — но какал-то душевная неловкость удерживала его и отъ этого: какъ бы они не приняли за чванлое благодѣяніе.

„Такая страшная бѣда всѣхъ уравниваетъ, — думалъ онъ, — благодѣтель здѣсь тотъ, кто помогаетъ спасти добро, свое, нажитое, а не тотъ, кто обѣщаетъ въ будущемъ“.

И вотъ онъ стоялъ съ бабами, около вороха домашней утвари, и говорилъ о томъ, что никому не было интересно.

Его зять, Борисъ Ивановичъ Дебальцевъ, красивый молодой человекъ, съ черной бородой и блѣднымъ лицомъ, не поддававшимся загару, былъ у самаго пожара. Онъ тоже хотѣлъ помочь общей бѣдѣ и тоже долго не зналъ, что дѣлать, пока одинъ мужикъ, особенно энергично хлопотавшій, не сказалъ ему своимъ хохлаткимъ акцентомъ:

— Пожалуйста, распоряжайтесь хоть вы. Идѣ вашъ Людвигъ Карловичъ? Онъ бы приказалъ, якъ намъ робить.

Управляющій имѣніемъ Кашкадарова, Людвигъ Карловичъ, какъ нарочно, былъ въ отсутствіи: Дебальцевъ рѣшилъ быть энергичнымъ. Онъ обратилъ главное вниманіе на то, чтобы огонь не перекинуло черезъ улицу. Еслибъ это случилось, то полъ-деревни сгорѣло бы неминуемо, если же спасти южную половину и вѣтеръ не переизмѣнитъ направленіе, то пожаръ можетъ ограничиться пятью дворами вдоль улицы до края деревни. Онъ поставилъ на загатахъ, черезъ каждыя три-четыре шага, мужиковъ съ готовыми ведрами съ водой, не позволивъ тратить этой воды попусту, а беречь ее на случай, если буря заброситъ къ нимъ клокъ горящей соломы. То же самое устроилъ онъ по всѣмъ дворамъ, ближайшимъ къ улицѣ. На всѣхъ крышахъ и стогахъ поставилъ мужиковъ съ водой, только чтобы они зорко слѣдили. Это отняло у него очень много времени. Приходилось объяснять каждому его обязанность и сдерживать излишнее усердіе. Когда огонь перекидывало и мужикъ съ крикомъ „рагуйте“ бросался къ взвивавшемуся дымку, къ нему сбѣгались со всѣхъ концовъ, даромъ тратили воду, а въ это время огонь перекидывало въ другомъ мѣстѣ. Дебальцевъ выходилъ изъ себя и разгонялъ народъ. Въ иныхъ мѣстахъ солома начинала тлѣть отъ жара, приходилось тратить опять воду и звать сюда новыя бочки. Это возбуждало протестъ на самомъ мѣстѣ пожара. Два мужика подступили къ Дебальцеву съ бранью. Онъ ихъ оттолкнулъ, но тѣ начали кричать, размахивая передъ нимъ руками. Борисъ Ивановичъ колебался между желаніемъ ударить одного изъ нихъ для примѣра, что навѣрное безъ страха сдѣлалъ бы Людвигъ Карловичъ, и чувствомъ уваженія къ личности. Но пока онъ колебался, бочку уже оттащили. Онъ злился на себя, на свою слабость, на свое книжное воспитаніе, на вѣчную нерѣшительность, сдѣлавшую его существованіе такимъ тягостнымъ.

Его жена уже два раза присылала за нимъ горничную.

— Баринъ, пожалуйста домой, — чуть не со слезами сказала горничная во второй разъ, — барыня очень беспокоится за васъ.

Борису Ивановичу, по его чувствамъ, какъ разъ влору было ударить горничную и обругать ея барыню, но онъ, по обыкновенію, сдержался.

— Передай барынѣ, чтобы она не беспокоилась, и не смѣй больше приходиться за мной.

И, точно на зло жепѣ, онъ отдалъ горничной свой пиджакъ и на ея глазахъ пошелъ въ самый пожаръ.

Ѣдкій дымъ слѣпилъ ему глаза, въ лицо палило жаромъ, тонкія ботинки вязли въ черной грязи, но онъ испытывалъ особое удовольствіе бороться съ бѣдой вмѣстѣ со всѣми, не думая о себѣ. Теперь, когда онъ распорядился, ему такъ хотѣлось, чтобы пожаръ поскорѣе прекратился. Иногда ему казалось, что буря стихаетъ. Дымъ такъ заволокло небо, что солнце казалось большимъ багровымъ шаромъ, повисшимъ недалеко надъ землею. На мигъ Борису Ивановичу представилось, что набѣжали тучи и что онѣ могутъ разразиться благодатнымъ дождемъ. Но буря снова крутила пламя, уносила горѣвшую солому, разметывала дымъ и открывала совершенно безоблачное, жаркое, синее небо.

Онъ видѣлъ парня лѣтъ двадцати, который, вмѣсто

того, чтобы наблюдать, не перекинуло бы огонь, стоялъ на загатѣ на колѣняхъ и, поднимая глаза и руки къ небу, громко вопилъ:

— Господи! Поверны вѣтѣрь на гору! Господи, поверны вѣтѣрь на гору! — повторяя эту фразу безконечное число разъ.

Эта молитва, произносимая съ мягкимъ малороссійскимъ г, производила на Бориса Ивановича такое подавляющее впечатлѣніе, что онъ не хотѣлъ призывать парня ко вниманію и готовъ былъ присоединить и свой голосъ къ его мольбѣ.

Около горѣвшей хаты молодая баба била себя въ грудь, покрытую только простой суровой рубахой со сползшимъ воротомъ, открывавшимъ загорѣлую, мѣднокрасную шею, и безъ слезъ завывала:

— Дѣ-жъ мѣн дѣвчата? Дѣ-жъ мѣн голубытки?..

Она не могла найти дѣтей и думала, что они сгорѣли въ хатѣ.

Среди улицы, передъ самымъ пожаромъ, валились снопы конопля. Какая-то баба глядѣла на нее и плакала.

— Это твоя конопля?—спросилъ Борисъ Ивановичъ, боясь, что снопы могутъ загорѣться и разметать огонь по улицѣ.

— Ну, да, моя.

И она начала рассказывать, что только третьяго дня мочила ее, и т. д.

Борисъ Ивановичъ собралъ коноплю въ охапку и перебросилъ ее въ чужой дворъ.

Всѣ эти сцены такъ дѣйствовали на него, что онъ съ удвоенной энергіей пошелъ распоряжаться на третьемъ горѣвшемъ дворѣ, гдѣ въ это время работала труба.

Вдругъ раздался страшный крикъ, какъ будто гдѣ-то взорвало землю и выбросило въ воздухъ сотню людей. Дебальцевъ оглянулся и увидѣлъ, что на второмъ дворѣ черезъ улицу, внутри южной половины деревни, чѣрный стогъ охваченъ пламенемъ. Онъ похолодѣлъ отъ ужаса. Стоны и вопли, начавшіе было стихать, возобновились по всей деревнѣ съ такой силой, точно всѣ обитатели ея голосили, чтобы Богъ услышалъ и пощадилъ ихъ. Все бросилось къ новому пожару, прежде чѣмъ Борисъ Ивановичъ успѣлъ опомниться и отдать какое-нибудь распоряженіе.

— Ну, теперь вся деревня сгоритъ,—услыхалъ онъ около себя.

Не прошло минуты, не успѣли еще выкатить со двора насосъ, какъ страшный крикъ повторился опять и тотчасъ же еще разъ: огонь показался на крышѣ хаты и на клунѣ четвертаго двора по горѣвшей линіи улицы. И въ тотъ же мигъ буря съ ревомъ, точно ожесточенно напрягая всѣ усилія, забушевала кругомъ такимъ вихремъ, что на огромной площади поднялся смерчъ огня, дыма и ключевъ соломы. Произошелъ неопиуемый беспорядокъ: бѣгали, толкали другъ друга, кричали, плакали, чего-то требовали...

Борисъ Ивановичъ съ тупымъ отчаяніемъ двинулся на улицу. Его схватилъ за руку Николай Осиповичъ.

— Голубчикъ! Тамъ Лизанька плачетъ. Поди, успокой ее, пожалуйста.

— Ахъ, Боже мой, ну, что такое здѣсь ея слезы! Чтò онѣ стоятъ!

— Ну, и я то же говорю. Да ты подойди. Вопъ она, на углу.

Борису Ивановичу казалось въ эту минуту, что именно жена и тестъ виноваты въ его безсиліи побороть стихію.

Лиза дрожала и плакала. Кончикъ носа у нея покраснѣлъ. Большіе синіе, васильковые глаза были полны слезъ.

— Tu ne m'aimes pas du tout, — встрѣтила она мужа, — je t'ai tant prié!..

Около нея была горничная.

Борисъ Ивановичъ молча надѣлъ пиджакъ.

Если ты меня хоть немножко любишь, не ходи въ этотъ адъ. Вѣдь ты не можешь. Развѣ съ твоими силами...

— Ну, хорошо, не пойду,—перебилъ онъ, сознавая, что онъ, дѣйствительно, ничего не можетъ сдѣлать.

— Боже мой, и на что ты похожъ. Волосы слиплись, весь въ грязи, мокрый...

Она перестала плакать, и такъ какъ онъ, скрѣпя сердце, позволилъ ей оправить ему волосы и стряхнуть съ жилета солому, — то совершенно успокоилась и нашла умѣстнымъ выразить сочувствіе „этому бѣдному люду“.

— Боже мой, Боже мой, какой ужасъ,—сказала она,— у меня просто сердце разрывается!

Мужъ съ трудомъ сдерживался. Онъ зналъ, что ея сердце способно гораздо сильнѣе разрываться оттого, что онъ часомъ раньше проснется или лишній разъ кашляетъ, зналъ, что въ ея устахъ сейчасъ это только жалкая фраза, которую она будетъ повторять еще двадцать разъ, презиралъ въ это время и ея изнѣженность, и ея презмѣрную, эгонистическую любовь къ нему, и ученость ея отца, которую она такъ гордится и которая въ этой простой, человѣческой бѣдѣ не стоитъ ломаного гроша. А больше всего ненавидѣлъ жену за то, что самъ не кинулся въ новый огонь вмѣстѣ съ мужиками, а стоитъ въ качествѣ празднаго зрителя челоуѣческаго горя.

— Тутъ никакія силы не помогутъ!—сказала Лиза.

И хотя онъ думалъ то же самое, но готовъ былъ оспаривать. Ему была противна даже эта картавость ея на л: она произносила „сивы“ вмѣсто „силы“.

А гдѣ Женни?—спросилъ онъ о старшей дочери профессора.

— Женни собрала чуть не всѣхъ деревенскихъ дѣтей и отвела ихъ въ усадьбу.

— Барышня замѣтили,—вступила въ разговоръ горничная, — что одна арба чуть не задавила дѣтей, и всѣхъ ихъ велѣли вести къ намъ въ садъ. Кажется, онѣ ихъ тамъ фруктами кормятъ.

Улица была завалена по бокамъ сундуками, корытами, ткацкими станками, горшками, подушками, тулупами, — всѣмъ скарбомъ крестьянской хаты. Бабы, съ иконами въ рукахъ, оглашали улицу воплями и безформенными молитвами. Многие уходили отъ пожара, махнувъ рукой и потерявъ всякую надежду на спасеніе. Огонь перебрасывало съ мѣста на мѣсто съ такой стремительностью, что отчаяніе могло овладѣть всѣми. На южной половинѣ уже горѣлъ весь дворъ, находившіяся притомъ же въ переулочкѣ и окруженный дворами, не защищенными даже вишневыми садиками.

Борисъ Ивановичъ уже испытывалъ приступъ анатин.

Какъ вдругъ въ деревню ворвалась съ шумомъ, съ колокольчиками и съ криками „сторонись!“ стройная пожарная команда, съ огромнымъ насосомъ, около котораго стояло восемь челоуѣкъ въ мѣдныхъ каскахъ, съ дрогами, гдѣ лежали лѣстницы и багры, и съ восьмью бочками,—яркая, вычищенная, съ здоровыми, крѣпкими лошадьми. У каждой бочки по два рабочихъ.

При видѣ новой трубы мужики оживились. Во всѣхъ концахъ назвали имя Первозерника.

Самъ Василій Онисимовичъ стоялъ у насоса, пригнувшись къ нему и держась за него обѣими руками. Такъ онъ скакалъ всѣ 15 верстъ. На серединѣ улицы, не добѣжая пожара, онъ крикнулъ, и команда остановилась. На немъ, какъ и на всѣхъ его рабочихъ, была куртка изъ солдатскаго сукна съ синимъ кантомъ и блестящая каска. Онъ приподнялся и долго осматривалъ пожаръ, бабы двинулись къ нему съ мольбой „защитить“. Всѣ лошади стояли, какъ прикованныя. Потомъ онъ рѣшительно велѣлъ повернуть на югъ. Команда медленно, точно оберегая свое достоинство, дви-

Австрія.

Росія. Уголокъ трехъ императоровъ. Съ фотографіи грав. Х. А.

Пруссія.

Языка поймали. Ориг. рисун. (собств. „Нивка“) и. Имановича, грав. Раппельскай.

нула по улицѣ мимо Кашкадаровыхъ и завернула въ переулочекъ. Всѣ принадлежности ея были окрашены въ ярко-синій цвѣтъ, на каждой бочкѣ надпись: „Вольная Пожарная Дружина В. О. Первозерникова“.

— Пара, c'est Первозерниковъ-fils, — сказала Лиза, встrepенувшись, когда услышала фамилію. — Пойдемъ отсюда, — прибавила она, обращаясь къ мужу.

— Почему?

— Ахъ, Боже мой, его отецъ былъ нашъ врагъ. Вѣдь ты слышала.

— Такъ что-жъ изъ этого! Иди, если тебѣ неловко. Я останусь.

— Ну, оставайся. А я, во всякомъ случаѣ, не такъ одѣта и не желаю, чтобъ онъ меня видѣлъ.

Лиза ушла и увлекла за собой отца.

IV.

Мѣсто пожара было оцѣнено, волостная труба вновь отправлена ко дворахъ, загорѣвшимся первоначально. Голосъ Первозерникова началъ покрывать шумъ. Для локализациі онъ установилъ тотъ же порядокъ, какъ и Дебальцевъ. Борисъ Ивановичъ съ завистью почувствовалъ только, что распоряженія Первозерникова смѣлѣе и увѣреннѣе, и его лучше слушаются. Кишка „вольной дружины“ была съ такимъ трескомъ, точно была заряжена порохомъ. Пламя, какъ бы испугавшись, начало быстро прятаться, но сильная струя, словно зная его коварство, преслѣдовала его въ самой серединѣ стоговъ и тамъ уничтожала. Опорожненные бочки быстро, но безъ суетливости, отправлялись къ рѣчкѣ за водой.

Первозерниковъ не оставилъ южной половины до тѣхъ поръ, пока пожаръ тамъ не былъ совершенно прекращенъ, при чемъ его рабочіе дѣйствовали не только трубой, но и баграми, и лопатами. Потомъ Первозерниковъ обѣгалъ всѣ дворы, вслѣдствіе поставилъ надзирателями своихъ рабочихъ. Только спустя часа полтора онъ велѣлъ перевезти трубу на линію пожара по улицѣ. Здѣсь онъ нѣсколько разъ сталкивался съ Дебальцевымъ, который снова двинулся помогать бѣдѣ.

Борисъ Ивановичъ выждалъ, когда Первозерниковъ вышелъ на улицу выйти изъ ведра, и приблизился къ нему.

— Позвольте мнѣ познакомиться съ вами, — сказалъ Дебальцевъ, называя себя.

Василій Онисимовичъ такъ быстро обернулся къ нему, что очевидно давно ждалъ этого. При этомъ его лицо откровенно просіяло.

— Чрезвычайно пріятно, — сказалъ онъ. — Я имѣю честь знать васъ. То-есть, сказать лучше, сразу догадался, что это вы... то-есть...

Ему стало досадно, что онъ такъ неловко выражался, и онъ сдѣлалъ видъ, что кашляетъ и отираетъ губы, влажные отъ воды. А вслѣдъ затѣмъ, чтобъ не подумали, что онъ сконфузился, онъ горделиво осмотрѣлъ работу на пожарѣ.

— Знаете, что не будь васъ съ вашей замѣчательной дружиной, поль-деревни неминуемо сгорѣло бы.

— Очень счастливъ, очень счастливъ.

— Но она вамъ не дешево стѣитъ?

— Какъ вамъ сказать-сь. Я такъ думаю, ежели по раскладкѣ, такъ не дороже, чѣмъ стоила бы страховка моего хутора, а пожалуй, что и не дешевле.

— Ахъ, значить, вы не боитесь имущества.

— Нѣтъ, зачѣмъ же баловаться. Пусть страхуетъ, кто не умѣетъ уберечь своего добра.

— И давно у васъ команда? Еще при вашемъ батюшкѣ была?

— Нѣтъ. Моя собственная выдумка. Я еще гимназистомъ любилъ бѣгать спасать на пожарахъ.

— Вамъ трудно поддерживать ее въ такомъ порядкѣ?

— А я чуть-что не черезъ день дѣлаю тревогу. Да вотъ еще вчера... вдругъ велѣлъ звонить въ колоколь,

такъ вѣрите ли, въ десять минутъ всѣ были на мѣстахъ. Мы бы и сюда раньше, да поздно увидели, что у васъ горитъ.

Все время Василію Онисимовичу хотѣлось произнести одну фразу, и потому онъ говорилъ медленно, точно подбирая слова. Наконецъ, нашелъ умѣстнымъ вставить ее:

— А воображаю, какъ ваша супруга и г. профессоръ испугались!

Сказалъ и покраснѣлъ.

— Да, перепугались мы всѣ, но что это стѣитъ! Помочь надо, а не пугаться. Вотъ вы можете-быть и не испугались, а сколько пользы принесли. Спасли деревню.

Солнце уже было на закатѣ. Бури стихала, вслѣдъ было ясно, что пожаръ ограничится тѣмъ, что горѣло. Работа ни на минуту не прекращалась. Первозерниковъ подозвалъ старосту и юридика и велѣлъ разбить деревню на части, чтобъ одни мужики отдыхали и замѣняли потомъ уставшихъ, а третью чтобъ явились часамъ къ 9—10 вечера для работы ночью.

— Вѣдь эта подлая солома какъ горитъ! — точно оправдываясь, обратился онъ къ Дебальцеву. — Всю ночь, да еще весь завтрашній день будетъ тлѣть. Чуть вѣтерокъ—и новый пожаръ готовъ. Безъ надзора никакъ нельзя оставить.

Въ эту минуту онъ замѣтилъ, что на углу стоятъ двѣ дамы и одна машетъ Дебальцеву. Онъ деликатно и чуть сконфуженно отошелъ.

Одна изъ этихъ дамъ была сестра Николая Осиповича, Марья Осиповна, вдова профессора. Ей было лѣтъ отъ 45 до 50, по больше 35 ей никакъ нельзя было дать. Маленькая, не очень худая, но и совсемъ не полная, съ небольшимъ румянцемъ лицомъ, круглымъ и пріятнымъ, бюжетка безъ малѣйшей сѣдины, черныя тонкія брови, каріе, мягко улыбающіеся глаза и ровный носъ съ чуть замѣтной продольной выемкой на концѣ. Говорила она быстро и прерывисто, но никогда не громко. Изъ темныхъ цвѣтовъ, по смерти мужа, не выходила, а на головѣ носила старомодную косынку.

Съ нею была старшая дочь Кашкадарова — Женни. Ей было уже 28 лѣтъ. И всякій, кто посмотрѣлъ бы на нее, сказалъ бы: этой дѣвушкѣ лѣтъ двадцать восемь. Ничто не молодило ее — ни стройная, высокая и довольно гибкая фигура, но съ плоской грудью и слишкомъ узкими для роста плечами; ни цвѣтъ лица, не особенно чистаго, изжелта-блѣдный, утомленный; ни, въ особенности, взглядъ небольшихъ, но необыкновенно милыхъ и умныхъ глазъ, смотрѣвшихъ, однако, слишкомъ печально и слишкомъ серьезно даже для такого возраста дѣвушки. Кромѣ этихъ глазъ, въ ея лицѣ не было ничего красиваго, носъ нѣсколько длинный и опущенный, линія синевагъ губъ не привлекательная, волосы слишкомъ простаго русаго цвѣта.

Женни сама знала себѣ цѣну.

— Я изъ тѣхъ, — говорила она, — про которыхъ интересные мужчины выражаются такъ: ахъ, она премілая и очень умная! Печальный аттестатъ для дѣвушки.

И точно. Съ Лизой не только интересные мужчины, но и вся ученая молодежь и старыя коллеги Николая Осиповича всегда заигрывали. Когда же они поворачивались къ Женни, ихъ лица становились серьезными и почтительными. Правда, она и не очень любила ихъ flirt. Онъ всегда былъ тяжеловатъ, ихъ комплименты или юношески-примитивны, или ужъ уснащенные историческими цитатами. Притомъ же „ухаживать“ они могли только въ высокаторжественные дни, на именинахъ или юбилеяхъ, и то послѣ нѣсколькихъ стакановъ крымскаго бордо или губонинскаго шампанскаго, и ужъ во всякомъ случаѣ послѣ всѣхъ тостовъ общественаго значенія, безъ которыхъ, конечно, не обходится ни одно ихъ собраніе. И ухаживая за дамами, какъ бы

придавая этому характеръ десерта, угловатая молодежь, привыкшая къ кабинету, очень старалась походить на тѣхъ элегантныхъ франтовъ или военныхъ, которые изошрялись въ свѣтскихъ гостиныхъ. Это ужасало въ глазахъ Женни умныхъ и хорошихъ ея знакомыхъ. Поэтому она и не очень гналась за комплиментами. Но съ годами и ей хотѣлось вниманія, какъ къ женщинѣ. Когда появился въ ихъ квартирѣ Дебальцевъ, она нашла для него въ своемъ голосѣ новыя интонаціи. Онъ былъ исключительно красивъ и „воспитанъ“. Но и его взглядъ говорилъ ей только о глубокомъ уваженіи, съ Лизой же онъ шутилъ и благополучно дошутился до женитьбы. Женни не ревновала, но затаила боль. Лиза была младшая.

„Онъ думаетъ, что найдетъ въ ней соединеніе красоты съ серьезной душой. Онъ не видитъ, что Лизка умѣетъ только казаться серьезной. Ошибется, но будетъ поздно. Пускай ихъ!“

Никто, конечно, и не узналъ о томъ, что переживала Женни въ теченіе всѣхъ свадебныхъ приготовленій сестры...

Дебальцевъ подошелъ къ дамамъ, когда Марья Осиповна смотрѣла вслѣдъ Первозерникову и говорила:

— А, уходитъ! Что жъ это Борисъ не ведетъ его сюда. Что-жъ вы не привели его къ намъ?—обратилась она къ подошедшему Дебальцеву.

— Вы хотите познакомиться съ нимъ?

— Ну, конечно, мы только для этого и пришли. Зовите его.

— Теперь неловко, — сказала Женни, глядя, прищурившись, на пожаръ.

— Отчего неловко? Что за пустяки!

— Лиза говорила, — сказала Дебальцевъ, — что его отецъ и Николай Осиповичъ были враги. Она даже поэтому убѣжала домой.

— Мало ли что было! И потомъ — когда это! Сто лѣтъ назадъ. Наконецъ, съ его отцомъ... А за сегодняшнее я готова расцѣловать его. Вѣдь правда, что безъ него почти вся деревня сгорѣла бы?

— Конечно.

— Все-таки, тети, неловко знакомиться. Можетъ-быть онъ и не хочетъ вовсе. Пойдемте домой, — сказала Женни.

— Постой, Женни. Ну, пусть Борисъ рѣшитъ. Онъ у насъ „вумпый“ и знаетъ всѣ тонкости обращенія.

— Не только не неловко, — сказалъ Борисъ Ивановичъ, — а просто необходимо. И только что собирався пригласить его въ домъ, предложить чаю или что-нибудь. Человѣкъ заморился, вѣдь онъ больше двухъ часовъ не выходитъ изъ огня. Не къ старостѣ же идти ему отдохнуть. А эта прошлая вражда, я думаю, больше въ фантазій Лизы, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Она всегда выдумаетъ что-нибудь мелодраматическое.

Пока онъ говорилъ, Марья Осиповна все время издавала утвердительный носовой звукъ, — это была ея привычка.

— Ну, вотъ... ну, вотъ... Конечно.

— Да ужъ Борисъ всегда разсудитъ!.. — какъ-то загадочно сказала Женни, все глядя въ сторону.

— Разсудитъ совершенно вѣрно. Идите и приглашайте его въ домъ. Навѣрное, будетъ радъ-радѣшекъ. А мы тутъ стоимъ.

Борисъ Ивановичъ сдѣлалъ шагъ.

— Погодите, Борисъ. Какъ вы думаете, пожаръ почти кончается, да?

— Да, дальше не пойдетъ.

— Ну, слава Богу. Измаялись несчастные мужики.

Она сказала это просто, мягко и сердечно. Борисъ Ивановичъ любилъ сестру тестя и вѣрилъ въ искренность ея чувствъ.

Борисъ Ивановичъ отыскалъ Первозерникова около пожарной кишки, которою въ эту минуту онъ самъ

управлялъ, заливая все еще горѣвшій стогъ соломы. Стогъ былъ уже наполовину меньше, весь черный, осѣвшій и упорно дымился. Дебальцевъ сталъ около Василя Онисимовича.

— Когда захотите отдохнуть, — сказалъ онъ, — милости просимъ къ намъ въ усадьбу.

У Василя Онисимовича дрогнула рука, указательный палецъ, придерживавшій струю, неловко отодвинулся, отчего струя, рѣзко треща, сразу забила сильнѣе.

— Очень вамъ признателенъ... Съ удовольствіемъ... Я сейчасъ!

— А нана, вы думаете, ничего не скажете? — спрашивала Женни тетку.

— Конечно, ничего. Такой добрякъ и будетъ помнить о какой-то старинной враждѣ! Можетъ-быть Лиза надуется. Ну, да мало ли что! Можетъ не выходить. Сказать по совѣсти, Женни, мнѣ давно хочется, чтобы Первозерниковъ бывалъ у насъ. И потомъ, что за постыдный предразсудокъ! Яблочко отъ яблони часто катится очень далеко. Ахъ, бѣдные! — вдругъ переѣхнула она тонъ, увидя цѣлую крестьянскую семью, сидѣвшую, понуря головы, на сундукахъ передъ сгорѣвшей хатой. — Пойдемъ къ нимъ, Женни.

Она пошла впередъ, Женни за нею.

Баба безъ слезъ стонала и вся раскачивалась. Мужикъ положилъ руки на колѣни, отъ усталости тяжело дышалъ и уныло смотрѣлъ въ землю. Два паробка — очевидно, сыновья — тоже тяжело дышали и тупо смотрѣли на развалины хаты. Дѣвочка, лѣтъ 10, не спускала съ матери большихъ удивленныхъ глазъ и втигивала слезы носомъ, безпрестанно утирая его длиннымъ рукавомъ рубахи. Когда Марья Осиповна и Женни подошли, встала только мужикъ.

— Сидите, сидите, — сказала Марья Осиповна и, указывая на пожарище, спросила: — это вашъ дворъ?

Онъ не сѣлъ.

— Бувъ нашъ, а темеричка кто ёго зна, чей вінъ.

— Огня, — пробасилъ одинъ изъ парубковъ.

— Вы, голубчики, вотъ что... вы не отчаивайтесь. Ты, баба, не плачь. Что дѣлать, — бѣда! У всякаго бываетъ. Выстройте новую хату, мы вамъ дадимъ лѣса. И хлѣба дадимъ, и на зиму, и на сѣмена.

Баба приподнялась и, завывая, повалилась въ поги. Мужикъ, можетъ-быть, почувствовалъ благодарность такъ же сильно, но выразилъ ее менѣе экспансивно. Заложивъ руки назадъ и грустно кивая головой, онъ произнесъ:

— Спасыби вамъ, барыня. И Николаю Осиповичу спасыби. Не оставляете насъ пропадать съ голоду.

Казалось, впрочемъ, что онъ не особенно вѣрилъ въ полное поправленіе дѣлъ.

Дѣвочка, глядя на мать, тоже начала класть земные поклоны и, вѣроятно, вспоминая церковь, принялась креститься.

— Ну, будетъ тебѣ, будетъ плакать, — уговаривала Марья Осиповна бабу. — Вѣдь мы не для благодарности дѣлаемъ. Чѣмъ можемъ, тѣмъ и должны помочь. И другимъ погорѣвшимъ скажите. Своего не хватитъ, у людей возьмемъ.

Женни взялась за дѣвочку.

Какъ разъ въ это время Дебальцевъ подводилъ Первозерникова. Имъ пришлось остановиться. Большіе сѣрые глаза Василя Онисимовича быстро оглядывали двухъ дамъ изъ той семьи, которая такъ давно манила его.

— И вамъ спасыби, — сказалъ ему мужикъ, — безъ васъ усі погорѣли бы.

— Не плачь, всѣмъ поможемъ, — продолжала Марья Осиповна. — Мы составимъ подинску, — прибавила она, обращаясь не то къ Первозерникову, не то къ Борису Ивановичу.

Дебальцевъ воспользовался минутой.

— Вотъ, позвольте вамъ представить, тетя. Женни!
— Очень, очень рада,— сказала Марья Осиповна. — Мы вамъ такъ благодарны. Безъ васъ пожаръ принялъ бы ужасные размѣры.

Женни пожала руку Первозерникова, какъ всегда, немного по-мужски, крѣпко и чуть выставивъ локоть.

Молча познакомившись, Василий Онисимовичъ вдругъ сказалъ:

— А что касается подписки, такъ я, съ своей стороны, сколько потребуете...

— Ну, вотъ видите! Какой вы добрый! — воскликнула Марья Осиповна.

— Помилуйте, что это за доброта! Мало ли приходилось швырять! И не на такое благое дѣло, а съ позволенія сказать, чортъ знаетъ на что!

Онъ съ трудомъ сдерживалъ охватившее его радостное чувство. Женни въ первый разъ услышала такой тонъ. Этотъ молодой толстякъ, весь красный и мокрый,

съ какимъ-то особеннымъ жаргономъ, какого она еще не слышала, показался ей немного смѣшнымъ. Она замѣтила, что у тетки дрогнуть уголокъ рта.

На приглашеніе въ домъ, Василий Онисимовичъ конфузливо осматривалъ себя.

— Право, ужъ и не знаю. Я въ такомъ видѣ. Можетъ, позволите въ другой разъ?

— Полноте! Не во фракъ же одѣваться въ деревнѣ. Мы люди простые, вы насъ не бойтесь. И все у насъ просто. Видите, въ какихъ мы сами туалетахъ. Пойдемте безъ церемоніи. Николай Осиповичъ будетъ очень радъ.

— Такъ ужъ позвольте мнѣ сначала распорядиться.

— Хорошо. А мы пойдемъ. Васъ Борисъ приведетъ. Слышите, Борисъ? Поручаемъ вамъ непременно привести его. Кстати,—она подождала Дебальцева и шепнула:—узнайте, какъ его зовутъ.

(Продолженіе будетъ.)

П. А. Фетотовъ.

(Съ 6-ю рисунками.)

„Жизнь его есть высокій примѣръ для насъ. Онъ показалъ намъ, какъ каждый изъ насъ, какое бы поприще ни избралъ, долженъ трудиться, какъ исполнять свой долгъ, не жалѣя

Воспоминаніе

своей жизни. Павелъ Андреевичъ Фетотовъ былъ высокій нравственный примѣръ для каждого. Жизнь его должна служить примѣромъ не для однихъ насъ, русскихъ, а для всего человѣчества. Такие люди рѣдки вездѣ. Какъ молчаливо переносилъ онъ свою нищету и поражавшіе его удары, голодный, въ холодѣ, подшучивал, вынужденный крайностью писать копіи съ своихъ собственныхъ произведеній. Трудно представить себѣ что-либо безотрадѣе, какъ копировать самого себя въ то время, когда душа рвется высказать свою тревогу, когда назрѣлъ новый плодъ, могущій сказать новое слово, обещающее избавить его отъ заѣдающей нищеты, глупости, пошлости, лицемерія и насилія, которыя въ концѣ концовъ заѣли его жизнь“.

Вотъ краткая характеристика нравственного облика этого удивительнаго художника, сдѣланная человѣкомъ, довольно близко его знавшимъ—И. М. Жемчужниковымъ*).

Какое мѣсто занимаетъ Фетотовъ въ исторіи русской живописи — это извѣстно каждому, кто хоть сколько-нибудь интересовался вопросами искусства... Всѣмъ намъ столько разъ приходилось слышать и, вѣроятно, повторить: „основатель русскаго жанра“, „Гоголь живописи“, всѣ мы знаемъ его, какъ одного изъ величайшихъ русскихъ художниковъ, но не многимъ приходилось останавливаться на его жизни, вдумываться въ нее, а между тѣмъ трудно подыскать жизнь крупнаго человѣка, которая была бы такъ замѣчательна, какъ это непримѣтное, тихое, безропотное существованіе художника, такъ много сдѣлавшаго и такъ много еще обещающаго сдѣлать.

* „Воспоминанія о П. А. Фетотовѣ“— Архивъ № 28, мартъ 1893 г.

Фетотовъ представляетъ собой рѣдкій типъ художника, поздно привившагося за живопись и все же успѣвшаго приобрести знанія и опытъ, которые выдѣлили его изъ ряда современниковъ. Главной помѣхой для его занятій живописью служила служба (онъ почти десять лѣтъ прослужилъ офицеромъ въ л.-гв. финляндскомъ полку), но была еще одна причина, не позволявшая ему бросить службу и посвятить себя всецѣло живописи, это—его неувѣренность въ себя, въ своемъ талантѣ и въ своей энергіи. Что влеченіе къ рисованію было у него уже въ дѣтствѣ, видно изъ его собственной автобіографической записки, написанной имъ въ третьемъ лицѣ въ 1848 г. и напечатанной позже Погодинымъ*).

„Книжки,—пишетъ Фетотовъ,—были оставлены имъ для карандаша, силу котораго онъ испыталъ еще въ корнусѣ, гдѣ гордо поправлялъ рисунки другихъ и за это получалъ булки. За свои же рисунки булокъ получать было не съ кого, и потому они всегда были неоконченны, за что и отмѣченъ онъ лѣнивымъ. И вотъ, первымъ опытомъ его передразнивать натуру — былъ простой и пустой видъ изъ окна; потомъ карандашъ заѣлъ и прохожихъ. Далѣе онъ упростилъ одного изъ спускательныхъ товарищей посидѣть смирно и срисовалъ его очень похоже; это возбудило охоту посидѣть смирно и въ другихъ,—похоже опять, и опять, и вотъ стали уже говорить, что портреты, которые рисуетъ Фетотовъ, всегда похожи“. Фетотовъ сталъ посѣщать классы Академіи и, наконецъ, послѣ долгой внутренней борьбы, рѣшился выйти въ отставку. Это

*Принимая скрупулезно за себя...
Видно — духи смѣло — тѣмъ же самымъ Фетотовъ*

произошло въ 1844 году, и съ этого времени Фетотовъ посвящаетъ себя всецѣло живописи. Сначала онъ еще не поры-

*) Москвитининъ, 1853 г.

Ну Марфа Петровна тутъ изъ похребца вытти.
 Вылюхайте маленького хвостъ съ бородой. -

Тотъ-то мамуръ такой скучный -
 Да мамуръка. Душии съучастие

Тотъ мамуръка какъ ты дурачокъ.
 Видишь, какъ будешь у насъ Словенъ Малый.

Тотъ Господи туритъ драгоценное время!.....

Рисунки П. А. Федотова (собственность "Нивы"). Съ оригиналовъ автотипія Ангерера и Гёшла въ Вѣнѣ.

васть связей с полковыми товарищами, но через год он уже настолько успел удалиться от всего, что напоминало ему прежнюю обстановку, что почти перестал встречаться с прежними друзьями. Единственным связующим звеном его тогдашней жизни с жизнью прошлого являлся его денщик и друг Коршунов, превратившийся в его патурчику и не покидавший его до самой смерти. С 1847 г. начинается тот период жизни Федотова, который заставляет назваться железной энергией и настойчивости художника. «До наст.—говорит Дружинин^{*)}.— доходили слухи о том, что он приступил к масляным краскам, работает утром, вечером, ночью, при лампах или при солнечном свете, в Академии или дома, — работает так, что даже смотреть страшно, не давая себе ни пощады, ни снисхождения, ни отдыха... В редкие часы свидания по блédному лицу Федотова можно было догадаться о вседневной тяжелой работе: волосы его сдвигались очень редки, глаза постоянно казались утомленными; но бодрость и веселость духа значительно увеличилась.» На последнее оказали сильное влияние похвалы, которые приходилось слышать Федотову от Брюлова, тогдашнего светила живописи. По совету Брюлова и отчасти И. А. Крылова, он бросил батальную живопись, которой начал было заниматься под руководством профессора Зауервейда, и пришелся за тот жанр, который дал ему его славу. Около четырех лет прошло уже с тех пор, как Федотов вышел из полка: большую часть его доходов, состоявших из 100 р. ассигнациями ежемесячно, выхлопотанных ему при выходе в отставку, поглощали краски, холотно, гуасы, материалы для научения анатомии и плата патурчикумъ. «Мнѣ случилось,—говорит Дружининъ,—видѣть его обѣдъ, прислаемый отъ соседнихъ кухмистеровъ за плату, рѣдко-рѣдко превышавшую 15 коп. серебромъ, случилось находить его рисующимъ в холодной комнатѣ, нѣмъ на себѣ, сверхъ платья, тулупъ и шинель. Великій знатѣ, до какой степени бывають цекотливны, тиготны свиданія съ лучшими друзьями при такихъ условіяхъ; но Федотовъ составлялъ въ этомъ случаѣ благороднѣйшее и полнѣйшее изъятіе. Онъ несъ бѣдность до такой степени тихо и просто, что всякое стѣсненіе исчезало».

Въ 1847 г. послѣ такихъ нечеловѣческихъ успѣй, среди нужды, Федотовъ окончилъ двѣ картины: «Утро чиновника, получившаго вчера орденъ» и «Разборчивую невесту», появившіяся въ томъ же году на выставкѣ и имѣвшія большой успѣхъ. Однако, настоящая популярность художника начинается съ слѣдующаго года, когда на выставкѣ было его знаменитое «Сватовство маіора»—картина, превращенная совѣтомъ Академіи въ программу и доставившая ея автору званіе академика. «Въ сватовствѣ» Федотовъ выказалъ себѣ уже вполне законченнымъ художникомъ, сильнымъ техникомъ и мастеромъ. Это была самая блестящая, радостная и счастливая эпоха жизни художника. «Начавъ азбуку своего искусства въ лѣтъ, даннаго человѣку для творчества, онъ цѣлыя пять лѣтъ держалъ бой неутомимый и безпощадный—цѣлыя пять лѣтъ, поставивъ страшную карту, ждалъ, на которую сторону она выпадетъ. Дни, мѣсяцы и годы тяжкихъ лишеній, занятые работою, способною сокрушить силы пяти юношей, могли быть проведены напрасно: проспунувшись въ одно утро, Федотовъ могъ увидѣть себя не посреди завоеванной славы, а добычей горькаго отчаянія, съ непорочною будущностью, бѣднымъ семействомъ на рукахъ и сознаніемъ того, что время труда пропущено безъ возврата! И онъ, наконецъ, дождался конца тяжелой драмы,—онъ имѣлъ право сказать, что трудился не напрасно! Потому-то въ его славу было много трогательнаго и высокаго; она оказывалась дорогимъ оружіемъ, выравнявшимъ у врага послѣ тяжелой битвы, а не щегольскимъ раззолоченнымъ трофеемъ, годнымъ на украшеніе красиваго кабинета!» (Восп. Дружинина).

Успѣхъ «Сватовства» разсѣялъ у Федотова послѣднія сомнѣнія насчетъ недостаточности таланта, и онъ еще съ большимъ рвеніемъ приступилъ къ работѣ. Этотъ страшный, непрерывный трудъ при постоянномъ напряженіи мысли и воображенія, при бѣдности, доходившей почти до нищеты, при вѣчныхъ заботахъ о злополучной семьѣ, терпѣвшей еще большую нужду, чѣмъ онъ самъ, — окончательно изнурили его силы, и весной 1852 г. онъ заболѣлъ душевнымъ недугомъ. Роковая развязка недолго заставила себя ждать, и 14 ноября 1852 г. онъ умеръ на рукахъ своего друга-денщика. Такимъ образомъ онъ всего 8 лѣтъ занимался специально живописью; нечего и говорить о томъ огромномъ дарованіи, какимъ долженъ былъ быть надѣлѣнъ человѣкъ, успѣвшій при этихъ условіяхъ создать цѣлую эпоху въ исторіи живописи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Л. М. Жемчужниковъ, хорошо знавшій Федотова въ послѣдніе годы его жизни, написалъ по просьбѣ почитателей знаменитаго художника, свои воспоминанія о немъ^{*)}. Большая часть этихъ воспоминаній, написанныхъ необыкновенно живо и сильно, относится къ 1852 году, главнымъ образомъ, ко второй половинѣ года, когда у Федотова появились признаки душевной болѣзни; затѣмъ слѣдуетъ раздражающее душу описаніе его сумасшествія и его кончины. Приводимъ его въ сокращенномъ видѣ. Еще въ началѣ лѣта ходили слухи, что Федотовъ не совсѣмъ нормаленъ; говорили, что онъ провалъ изъ города и сорить деньгами, которые получалъ за послѣднюю свою коню. «Я отправился,—пишетъ Л. М. Жемчужниковъ,—разузнать что-либо о Федотовѣ на его квартиру. Меня встрѣтилъ Коршуновъ и разсказалъ, что и онъ замѣчаетъ въ Павлѣ Андреевичѣ что-то нехорошее. Однажды вечеромъ, окончивъ свои занятія, Павелъ Андреевичъ, одѣтый бое-какъ, вышелъ; Коршуновъ слѣдилъ за нимъ. Федотовъ жилъ тогда въ 21-й линіи, близъ Большаго проспекта. Федотовъ пошелъ по направленію къ Смоленскому полю; затѣмъ, выйдя въ поле не далеко, сѣлъ на гранитный камень. Въ то время поле было завалено массой этихъ камней, заготовленныхъ для обдѣлки набережной Вольшой Певы у Васильевскаго острова. Былъ вечеръ, солнце садилось. Картина знакома. Передъ нимъ вдали видѣлось Смоленское кладбище въ видѣ лѣса. Палью, къ взморью. Галерная гавань, особый городокъ бѣдниковъ; блестяло взморье. А за стѣною былъ городъ, изъ котораго доносился гулъ экипажей. Федотовъ сидѣлъ долго, схвативъ голову руками, и зарыдалъ. Вотъ когда оборвались нагнутыя струны! Коршуновъ увелъ его на квартиру; Федотовъ плакалъ дорогой и навзрыдъ заплакалъ на квартирѣ, катаясь по полу». Когда плачь нѣсколько стихъ, Федотовъ вдругъ одѣлся и ушелъ. Его видѣли бродящимъ то по Петербургу, то въ Царевомъ Селѣ; его взяли и отдали въ больницу для душевно-больныхъ. Случаи нѣкоторое время, Л. М. Жемчужниковъ съ А. Е. Вейдеманомъ рѣшили навѣстить больного. Свиданіе было ужасно. «Коршуновъ вошелъ со свѣчой.—разсказываетъ Л. М. Жемчужниковъ,—кругъ свѣта едва обозначивалъ, и изъ темнаго угла миготала очутилась передъ нами человѣческая фигура въ больничномъ халатѣ со связанными и одѣтыми въ кожаные мѣшки руками, затянутыми ремнями и пригнутыми къ спинѣ плечами. Ноги были босы, тесемки подпашниковъ волочились. Бритая голова, страшные глаза, ротъ въ нѣмѣ, безумные, дикіе, свирѣпыя глаза и непрерывный крикъ. Узнать его было нельзя. Это былъ человѣкъ—не человѣкъ, звѣрь—не звѣрь, хуже звѣря». Федотовъ пришелъ черезъ нѣсколько минутъ въ себя и узналъ своихъ пріятелей, но потомъ вдругъ сказалъ: «Подождите, сейчасъ, сейчасъ... надо наняться...» Выгнувшись его губы, исчезъ совсѣмъ его образъ, онъ подошелъ къ стѣнѣ. Стѣны были обиты соломою и затянута черной клеенкой, на нихъ нѣстами видѣлись его чертежи и чертежи процарапанное изображеніе креста, передъ которымъ онъ иногда молился, иногда нѣлъ успокойную молитву: кругомъ вѣхъ стѣнъ, на высоту его головы, былъ протертый слѣдъ; въ углу чулана было оконечко съ желѣзной рѣшеткой—безъ стекла, безъ ставни. П. А. уперся лбомъ въ стѣну, вытянутыя губы представили нечеловѣческую образъ, онъ началъ губами втягивать въ себя воздухъ, ворчать, какъ звѣрь, и тереться лбомъ кругомъ стѣны, быстро двигаясь.

— Ну, опять началось! Оставаться опасно. Вызвать и такъ, что начинается цѣплять, ремень вретъ, удержатъ не могутъ! Надо скорѣе уходить,—сказали Коршуновъ.

«Въ ту минуту, когда Федотовъ говорилъ: «погодите, погодите, сейчасъ, сейчасъ», и, издавая звуки, подошелъ къ оконечку, какъ бы нитъ и прохладить себя, и сталъ грызть рѣшетку, громко скрипя зубами, мы быстро удалились влѣтъ съ Коршуновымъ...»

14-го ноября Федотова не стало. По разсказамъ Коршунова, «Павелъ Андреевичъ совершенно пришелъ въ себя передъ смертью, приобщился и, сидя въ вольтеровскомъ креслѣ, поджидалъ кого-либо изъ друзей, но не дождался; на рукахъ Коршунова и большаго фельдшера онъ и скончался».

Умеръ Федотовъ, канитацъ въ отставкѣ, но жить и всегда будетъ жить между нами Федотовъ-художникъ, Федотовъ—создатель русскаго жанра, великій, гениальный Федотовъ.

Издателю *Иины* удалось приобрести нѣсколько оригинальныхъ набросковъ-рисунковъ Федотова. Поднять ихъ значеніе послѣ того, что мы сказали уже о Федотовѣ—нельзя. Мы во всякомъ случаѣ довольны, что эти удивительные рисунки дали намъ прекрасный поводъ воздать еще одинъ разъ должное великому имени.

И. Гр.

Лерчатки.

Разсказъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

— Я готова нарѣ держать, что ты что-нибудь да забыла!..
— Всегда ты на меня попадаешь!
— А развѣ я не права?
— На этотъ разъ, кажется, ошиблась.

^{*)} Л. В. Дружининъ, полное собраніе сочиненій, т. VII.

— Попробуемъ пересчитать. Туфли?
(Съ легкой гордостью)—Есть...
— Шелковые чулки?
(Гордость усиливается)—Есть.
^{*)} *Архивъ*, № 28, 1893 г., мартъ.

-- Цвѣты?

(Полное торжество) — Есть.

— Перчатки?

Вѣрочка ничего не отвѣчает. На ея личикѣ цѣлой гаммой проходятъ всевозможныя ощущенія: пенугъ, недовольство, раскаянiе; наконецъ, опустивъ длинныя рѣбейцы, она произноситъ очень тихо:

— Ну, конечно, я забыла.

Сестры стоятъ другъ противъ друга.

Широко раставленные сѣрые глаза Дуся улыбаются съ ласковой насмѣшкой; темнокурная головка Вѣрочки низко склонена съ виновато-капризной мишкой.

Маленькая пауза, послѣ которой Вѣрочка очень цинично проанонсируетъ:

— Можно будетъ послать Зайчика.

Бѣдный Зайчикъ бѣгаетъ всѣ эти три дня какъ безумный, — съ легкимъ укоромъ говоритъ младшая сестра. — Ты его этакъ совсемъ замучаешь.

Вѣрочка поднимаетъ на нее глаза, искренно удивилась предположенію, что Зайчикъ можетъ устать бѣгать.

— Но вѣдь больше нѣчего, — говоритъ она. — А на завтра перчатки необходимы. И чего это противный Зайка не идетъ? Десятый часъ. Ах!... — Тутъ ея подвижное лицо принимаетъ радостное выраженіе. Она бросается навстрѣчу входящему молодому офицеру и, хватая его за блестящія пуговицы мундира, говоритъ: — Зайчикъ! Миленькій! Вы сейчасъ же должны хватить къ моей перчаточницѣ.

„Зайчикъ“ даже не пробуетъ протестовать. Онъ поворачиваетъ налѣво кругомъ и хочетъ уходить.

— Пойдите, куда же вы хотите идти? Вѣдь вы не знаете, гдѣ это! — оганавливаетъ его благоразумная Дуся.

Вѣрочка начинаетъ смѣяться.

Въ самомъ дѣлѣ, послушайте, это очень далеко, вы заблудитесь, Зайчикъ! Дайте карандашъ, я вамъ нарисую.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое сидятъ у письменнаго стола и рисуютъ планъ, начиная чуть не съ Адмиралтейства.

„Зайчикъ“ — въ просторѣчій Толя Зайцевскій — только что произведенъ въ офицеры. Онъ страшно гордъ и своимъ мундиромъ, и своими звѣздочками, и своими юными темными усиками; но это не мѣшаетъ ему попрежнему лучше всего себя чувствовать въ семьѣ Извольскихъ, куда онъ мальчикомъ приходилъ пазъ коруся на субботахъ въ отпускъ, гдѣ и теперь проводить всѣ праздники.

Онъ любитъ и строгаго, молодцоватаго полковника съ его нависшими бровями, пазъ-подъ которыхъ добродушно смѣются умные глаза, — и мягкую, лѣтнюю Марью Петровну съ ея моськами и флакончиками съ солью, и разсудительную, всегда ровно-веселую Дуся; но больше всѣхъ онъ любитъ свою былую товарку по всѣмъ шалостямъ, Вѣрочку, съ ея очаровательнымъ личикомъ чисто-неаполитанскаго типа съ двумя длинными косами, крупными золотыми кольцами въ ушахъ и строгими глазами.

Какъ она командуетъ имъ!

Онъ, кажется, скорѣе ослушался бы своего генерала, чѣмъ этой 18-лѣтней Вѣрочки. И вотъ эти два-три дня передъ праздниками онъ леталъ по ея порученіямъ, слома голову, съ Невского въ Измайловскій полкъ, отсюда на Петербургскую Строну и т. д. А теперь, только что онъ хотѣлъ, „разгрузившись“, — то-есть отдавъ сестрамъ цѣлый транспортъ шиннелъ, потъ, духовъ, хлопчатку для елки, — отдохнуть и поспать въ ихъ милой комнаткѣ, какъ его посплаютъ на Васильевскій Островъ.

Шѣдзышко сестричекъ дѣйствительно мило и уютно: мягкая мебель, розовый фонарикъ, масса вѣеровъ, портретовъ, конфетъ — особенно много конфетъ, въ шкатулкахъ, въ бомбоньеркахъ, вадафъ, даже на письменномъ столѣ. Правда, что пишутъ на немъ немного. Да и чего! Приглашенія, поздравленія, кое-когда письмо подружкѣ; что еще писать? Несложная жизнь молодыхъ дѣвушекъ сосредоточивается дома, въ тысячѣ мелкихъ радостей и горестей домашнего очага. Пана — это центры всего; всѣ живутъ для него, а онъ — для нихъ, и всѣ чувствуютъ себя хорошо. Толя почти принадлежитъ къ семьѣ; полковникъ былъ его опекуномъ, и, по старой памяти, онъ ихъ съ женой и теперь еще зоветъ дядей и тетей.

Дѣвочкамъ онъ пересталъ говорить „ты“, только когда онѣ надѣли длинныя платья, и то не по приказанію, а по своей волѣ: онъ почему-то не могъ больше говорить „ты“ Вѣрочкѣ. Но его продолжаютъ пускать въ „дѣтскую“. Сильная сестеръ до сихъ поръ называется дѣтской: и дѣйствительно, двѣ узенькія бѣлыя кровати и большой простой столъ, заваленный книгами и бездѣлушками, придаютъ ей видъ дѣтской. По одной пазъ-сѣнѣ стоитъ огромный диванъ „самосонъ“, очень ужъ потертый; не мало ему доставалось отъ трехъ паръ дѣтскихъ ногъ, весело скакавшихъ по его клеенчатой обивкѣ. Но онъ до сихъ поръ незаменимъ по удобству, и на немъ сестры обожаютъ сумерничать, забравшись на него съ ногами, слушая легкій трескъ лампадки и рассказывая другъ другу всѣ свои планы и фантазіи. Когда къ нимъ допускается „Зайчикъ“, то

хохоту не бываетъ конца: онъ рассказываетъ имъ о создателяхъ, объ ученыхъ, о лагеряхъ, и въ тишинѣ дѣвичьей комнатки странно раздаются слова: „Гауптвахла... Эзерриръ-гаузь... Па плеч-чо!.. Разъ... два... или!“

Стѣны дѣтской покрыты полками, отъ потолка до полу: на нихъ въ чинномъ порядкѣ стоятъ книги Дуся и валяются какъ попало книги Вѣрочки. Эта читаетъ любить. Книги она таскаетъ съ собой повсюду: если вы гдѣ-нибудь увидите раскрытую книгу, брошенный носовой платокъ и бумажки отъ конфетъ — значить, здѣсь сидѣла Вѣрочка. Если она вѣмѣняетъ книгамъ, то только для панино. Она учится итъ, и дѣлаетъ это съ какимъ-то физическимъ удовольствіемъ. На сцену она поступаетъ не собирается: въ ея головѣ, несмотря на кажущуюся разбѣяность, — твердые и устойчивыя взгляды на вещи, и она думаетъ, что не могла бы итъ по заказу или за плату. И теперь иногда бывають дни, когда ни одинъ звукъ не вылетаетъ изъ ея горлышка. Но всякую свою радость, всякую печаль она несетъ къ ролю, и звуки для неѣ что живое, осязательное, понятное ей. Между безчисленными потами, лежанцами на этажеркѣ, у нея есть, какъ среди людей, дорогіе друзья, просто хорошіе знакомые, такіе, которыхъ ей приятно видѣть въ минуту веселья, и такіе, которымъ хочется высказать свое горе... Когда она подходитъ къ конятру, то ей кажется, что навстрѣчу ей встають цѣлыя ряды какихъ-то невидимыхъ, но ясныхъ существъ, похожихъ на „дочерей воздуха“ изъ сказокъ Андерсена, и изъ нихъ она выбираетъ тѣхъ, которыя отвѣчаютъ ея настроенію.

Новыя ноты, которыя приносятъ ей Дуся или Толя, для неѣ кажутся чѣмъ-то одушевленнымъ: она съ лихорадочнымъ бѣшеніемъ сердца знакомится съ ними, разбираетъ ихъ и, какъ и людей, или сейчасъ же забудетъ, или за что-нибудь не полюбитъ, или заинтересовавшись, начнетъ изучать, вдумываться; и ужъ если подружится, то крѣпко и надолго.

По послѣднее время Вѣрочка сама на себя удивляется: ее пресѣдуетъ довольно банальный романсъ „Musica prohibita“, и весь день она поетъ:

„...Vorrei bacciar gli capelli neri,
Le labbre tuei, gli occhi tuoi severi!“

Вѣрочкѣ это даже немного неприятно, какъ бывають въ первое время неприятно сознавать невольное влеченіе къ человеку, въ сущности этого не заслуживающему.

Тѣни Бетховена, Глюка, Вагнера укоризненно киваютъ ей важными головами; но это не помогаетъ, и вкрадчиво сладкіе звуки итальянской пѣсни ласковыми вѣтеркомъ забираются къ ней въ сердце и немощко его дразнить, заставили розовѣть ея матово-блѣдное личико.

— Такъ понимаете, вотъ 15-я линія; потомъ нужно повернуть направо; пройдете переулокъ, еще одинъ переулокъ, перейдите черезъ улицу...

— Боже мой! — взманивается Толя. — Никогда и этого не пойму.

— Зайчикъ, вы съ ума сошли! Перейдите улицу, будетъ угловой каменный домъ, большой; потомъ еще маленькій, съ лавкой; такъ не тая, а рядомъ...

— „Такъ ты къ швей-то не заходи“ — цитируетъ Толя Гоголевскую сваху.

— Пожалуйста, безъ шутокъ! — внушительно говоритъ ему Вѣрочка.

— Вѣра Павловна, ей-Богу, я этого не найду!.

— Найдете. Войдете во дворъ, возьмете направо; потомъ налѣво, за сараи: тамъ крыльцо съ фонаремъ. Спуститесь внизъ три ступеньки, потомъ наверхъ двѣ лѣсенки, потомъ съ площадки въ коридоръ направо, а тамъ третья дверь.

— Вѣра Павловна, — говоритъ Толя, — да вы имя-то ея знаете? — Имя?... Кажется, Амалія Карловна... или, постоитъ, нѣтъ! Юзефа... или... Ну, конечно, я забыла.

— Привѣтъ, — говоритъ Дуся. — Зайчикъ, мы для неѣ сочинимъ куплеты съ привѣтомъ:

„Ну, конечно, я забыла.“

Хохотъ. Потомъ Вѣрочка принимаетъ серьезный видъ и говоритъ:

— Но, однако, не могу же я остаться безъ перчатокъ. Это будетъ трагедія. Знаете что, Зайчикъ? Мы поѣдемъ вѣдетъ.

— Давно бы такъ! — радуется Толя, уже пришедшій было въ полное отчаянiе. — Давно бы такъ!

Всѣ трое летятъ къ мамѣ, опрокидываютъ корзинку съ шерстью, пугаютъ моську, перебивая другъ друга, получаютъ разуршеніе; такъ же стремительно кидаются въ переднюю; потомъ Толя и Вѣрочка стрѣлой слетаютъ съ лѣстницы, а Дуся вся обвѣннивается бусами изъ леденцовъ и отирается доканчивая убирать елку.

Кучеръ Толи Зайцевскаго ждалъ у подъѣзда. Когда они распахнули двери на улицу, синія ночь такъ ласково улыбающаяся имъ навстрѣчу крупными звѣздами, что Вѣрочка положила ручку на рукавъ Толи и сказала:

— Зайчикъ, мы поѣдемъ покажутся.

— Съ восторгомъ! — вскрикнулъ онъ и, ловко усадивъ ее въ небольшой саночки, застегнулъ мѣховую полость и охватилъ сильной рукой ея тонкую талию.

Французская художественная выставка въ С.-Петербургѣ. Молитва. Съ картины Маркса грав. Бодъ.

Въ бурю. Со статуи Э. Мюллера грав. Бодъ.

— Пошел, Семен!

Лошадь сразу взяла хорошей рысью, и саночки помчались по направлению к набережной.

Молодые люди молчали. Они вдруг оба заметили, что въ первый раз так остались вдвоем—наедине. Как-то не случалось прежде. Это сразу настроило их серьезно: оба уж не могли почему-то болтать и дурачиться, как при всех. Примолкнув, они глядели вокруг себя.

Ночь была дивная, — все одухотворенная, сияющая, сверкающая, одна из тех покрытых дымкой поэзии ночей, которыми всему придают какую-то таинственную, важную, красивую окраску: когда природа полна образов, и легкая вереница рюмь толнится в молодом воображении.

„Тихо небо вечернее, синее;
Все застыло в серебрином шепе...“

На улицах царил непривычная тишина, — ни фад, ни суеты; все, у кого была хоть какой-нибудь уголь, сидели в этом углу; кой-где в окнах уж зажглись яркими огоньками свечечки елок; резко-редко пробьжали с легким скрипом санки или торопливо проходили пешеходы.

На набережной совсем никого не было. Надь застывшей, покрытой пушистым слоем снега, Невой стояла торжественная тишина; противоположный берег весь переливался желтыми огнями фонарей и освещенных окон; мягкий воздух ласково вливал, словно и природа в эту святую ночь хотела спалиться надь безпрютными бедняками и хоть чем-нибудь облегчить их скитания.

— Пошел здесь тихо, Семен! — приказал Толя.

Вірочка благодарно взглянула на него. Ей было приятно, что он словно отгадал ее желание: она только что хотела это сказать.

Кучер сдержал.

Теперь они совсем тихо двигались вперед. Чистый, белый снег блестял точно расколотый сахар; на этой яркой близости, еще больше сверкающей от молочно-лилового сияния электрических фонарей, резко ложились черные полосы и тени от столбов, от ограды... В проволок слышалось легкое, гармоничное гудение, словно кто-то вял на гигантском рояль аккорды и нажал на педаль, так что хотя аккорды отзвучал, но осталась тень его. Это не нарушало, а скорей подчеркивало гармоничную тишину, слитую из неслышных звуков, шелестов, бегства и темноты: надо всем этим на лилово-синеве бархатной ночного неба встала полная, круглая луна, чуть прорывавшая тонкими, узкими облачками, любовно прильнувшими к ней.

— Помните... — тихо прозвучал голос Вірочки, пониженный, словно она боялась спугнуть эту тишину. — Помните, как мы дѣтми пѣли Рождественскій гимн:

„Звѣзды горѣли
На небесахъ,
И ангелы пѣли
Въ горнихъ странахъ...“

— О, еще бы!..

— А как это хорошо было!.. Знаете, Толя... — (ей почему-то совсем не хотелось называть его „Зайчиком“) — ведь мы совсем еще не старые, правда?..

— Я думаю!.. — улыбнулся он.

— Почему же мы так всегда бываем жаль дѣтства, что оно ушло и не вернется?..

— Потому-то и жаль, что ушло и не вернется... — задумчиво ответил он.

Как всегда почти в минуты безсознательного счастья, такая же безсознательная, безотчетная грусть легким облачком налетела на их молодые лица, но и она не могла отравить этих минут, как не могло узенькое облачко, налетевшее на луну, затмить ее ровного свѣта.

Они дошли до Зимней канавки.

— Тут мы остановимся, Толя! — сказала Вірочка. — Это мое любимое мѣсто.

— Как наши вкусы сходятся!.. — Толя в сущности никогда и не думал о Зимней канавкѣ, но теперь ему казалось, что лучшего мѣста нѣтъ и не было и быть не могло.

Они остановились.

Слѣва отъ нихъ бѣжала застывшая Нѣва. Противъ дворца, гдѣ что-то строили, горѣлъ костеръ. Видѣлся черный силуэтъ человѣка на яркомъ, красномъ пламени костра, вносившемъ безпокойную поту въ близкую недвижную пейзажа. Пламя жгло, потому что оно двигалось, огненные языки лизали воздухъ, поднимался темный дымокъ: а вокругъ все застыло, все замерло въ очарованномъ снѣгѣ.

Справа, поблѣднѣвшая подъ лучами луны, желтѣла мрачная арка; въ полукруглый пролетъ ея синѣло небо, блестяли звѣзды, чернѣлись силуэты зданій; въ небольшой проходъ рядомъ съ аркой видѣлся фонарь; мостикъ, перекинутый черезъ канавку, весь былъ занесенъ снѣгомъ, засыпанъ былъ и каналъ.

Вірочка вышла изъ саней и, держа Толю подъ руку, подошла къ самымъ чугуннымъ периламъ ограды.

Они долго стояли молча.

— Мы так и кажется, что я сейчас услышу эту музыку.

— Какую?

— Помните „Пиковую Даму“? Въ сценѣ на канавкѣ? Что дѣлается въ оркестрѣ, удивительно! — сказала Вірочка, и ей до того ясно слышались печальные, мрачные аккорды оркестрового вступленія, что она закрыла глаза и начала вслушиваться въ нихъ.

Призракъ Лизы, весь въ черномъ, вставалъ передъ ее глазами; слышалась за дуну хватающая мелодія, — какое-то риданіе музыки, — послѣдняя отчаянная нота, — крикъ; потомъ черная тѣнь забѣгаетъ на мостикъ, — скрывается... плескъ воды...

Вірочка вся вздрогнула, раскрыла глаза и схватила Толю за руки.

— Что съ вами, что съ вами, Вѣра Павловна? — испуганно спросилъ онъ, встревоженный выраженіемъ ее глазъ. А она продолжала держать его за руки и лепетала:

— Толя... Толя... Мы так ясно почувдилось, какъ Лиза топится. Господи! Подумайте только — мы вдруг это пришло въ голову — что надо пережить для того, чтобы вотъ такъ, молодой, прелестной, покончить съ собой!..

И она съ ужасомъ глядела на замерзшій каналъ.

— Полноте, Вірочка! — утѣшалъ онъ ее. — Вѣдь это все фантазія, этого не было, да и Лиза-то эта не Пушкинская: та — помните — преспокойно вышла замужъ за какого-то чиновника и жила припеваючи!..

— Ахъ, нѣтъ, Толя! Я этой Лизѣ больше вѣрю, — подѣтски сказала Вірочка. — Та пошла, буржуазная, а я си не люблю! А эта такая прелесть!.. Помните, какъ она стояла у балкона и повѣрять почи свою тайну, свою любовь!..

„О ночь, волшебница, — какъ ты — прекрасенъ онъ,
Какъ ты — загадоченъ!..“

запѣла она.

— Ахъ, какъ это хорошо!..

Толя смотрѣлъ на поблѣднѣвшее при лунномъ свѣтѣ лицо Вірочки, на ее огромные глаза, въ которыхъ сверкали слезы страннаго волненія — и ему казалось, что эта совсем не та Вірочка, съ которой онъ скакалъ по диванамъ и игралъ въ разбойники, а новая, чужая — и вѣсть съ тѣмъ еще болѣе близкая, но такая же прелестная и особенная, какъ Лиза Чайковского, какъ Пушкинская Татьяна; онъ не ошибался — она и была въ этотъ мигъ героиней поэмы, чудной и чистой поэмы ихъ молодости, этой незабвенной ночи и первого, слитого чувства!..

— Вы замерзнете, стой такъ, Вірочка!.. — нарушилъ онъ, наковедь, очарованіе. — Поѣдемъ!

— Поѣдемъ, — машинально повторила она, машинально усаживаясь въ сани.

— Скорѣй! — приказалъ молодой человѣкъ.

И они помчались.

Духъ захватывало отъ быстрой ѣзды, хотѣлось всю жизнь такъ летѣть, летѣть

„Куда-то,
Откуда нѣтъ возврата,
Куда дороги нѣтъ!..“

И оба, охваченные наплывомъ здоровой, молодой поэзии, они глядѣли другъ на друга. Теперь имъ казалось, что они должны ужасно много сказать, что на Зимней канавкѣ случилось что-то большое и важное; но съ чего начать, и что это было — они не знали.

— Какъ все тихо! — сказала Толя. — Все въ домахъ теперь; видите, все окна освѣщены.

— Не все въ домахъ!.. — дрогнулъ голосокъ Вірочки.

И она указала ему на сгорбленную фигуру старикашки, протягивавшаго имъ руку и стоявшаго съ голой головой. Они ужъ его быстро обогнали, но Толя велѣлъ повернуть и, подѣхавъ къ старику, кинулъ ему цѣлую горсточку новаго серебра. Старикъ заклавился, закрестился, замамгалъ:

— Пошли вамъ Господи, красавчики! Пошли вамъ Господи съ вашей барыней!..

Они ужъ были далеко, а онъ все кланялся вѣдѣ, кивалъ лысой головой.

Это двойное благословеніе показалося имъ ужасно добрымъ знакомъ. Они улыбнулись другъ другу, и Толя, совершенно неожиданно для самого себя, взялъ руку Вірочки изъ муфты и горячо поцѣловалъ ее.

— Какая вы у меня добрая, Вірочка!..

Рука была совсемъ теплая и пахла духами и мѣхомъ. Онъ оставилъ въ своей рукѣ эту маленькую руку. Онъ чувствовалъ, какъ какой-то теплый токъ переходитъ изъ ее руки въ его сильную руку и переливается по вѣбамъ жиламъ; и этотъ невидимый токъ сблизжаетъ ихъ тѣнѣ, тѣнѣ, тѣмъ желѣзнымъ цѣпмъ, и разорвать его, нарушить — не было бы силы.

— И вотъ вѣдь... есть такіа, Толя, которые теперь стоятъ вотъ такъ, какъ Лиза, — одиноки, брошенные, несчастны — и ждуть смерти. Ахъ! подумать страшно!..

— Да, ужъ конечно есть!.. — тономъ старшаго сказала онъ. — На свѣтѣ такъ много горя!..

Мысль о чужомъ несчастіи вдругъ холоднымъ дуновениемъ пронизала ихъ. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда вдругъ въ одномъ невысказанномъ, невыясненномъ видѣніи, безъ словъ, безъ мыслей, встаютъ пугающіе призраки отчаянія, одиночества, неизбежнаго финала—смерти, и заставляютъ безумно захотѣть ваять все счастье, какое есть подъ руками, только бы не этотъ ужасъ! Вѣрочка съ легкимъ стономъ прижалась къ Толѣ, а тотъ, тоже весь дрожащій отъ волненія, крѣпко схватилъ ее въ объятія, словно защищая отъ неминуемой бѣды, и, словно повинувшись внутренней силѣ, поцѣловалъ ее.

Сердце Вѣрочки остановилось, когда она отдала ему поцѣлуй.

Сколько времени они пробыли въ этомъ забытѣи, они не знали, но все въ какомъ-то вихрѣ закружилось у нихъ передъ глазами: свѣтъ, электрическіе фонари, стѣны домовъ.

— Толя! Толя!—первою очулась Вѣрочка.

— Вѣрочка!

И онъ поднесъ ей руку къ губамъ и цѣловалъ, цѣловалъ безъ конца; и его молодое, красивое лицо сіяло радостью, а слезы блестѣли на темныхъ рѣсницахъ.

— Я люблю, люблю тебя, Вѣрочка!..

— И плачемъ оба, какъ дураки!— расхохоталась Вѣрочка сквозь слезы.

— Пошелъ домой!—крикнулъ какъ сумасшедшій Толя.—Вѣрочка! Скорѣе все скажемъ... Я люблю тебя!..

Семень, души не чаявшій въ своемъ баринѣ, такъ развеселился, что даже по синѣ его было видно, какъ онъ ухмыляется.

Да, положительно, его широкая синя улыбалась; улыбались и блестящіе свѣжинки, внезапно закрутившіяся въ мигкомъ воздухѣ, словно поднявъ плыску на радостяхъ; улыбалась и круглая луна, съ которой совсѣмъ исчезло облачко, а проводка телефона весело гудѣла:

— Поздравляю! Поздравляю!..

Черезъ нѣсколько минутъ оба были дома.

Вѣрочка прятала улыбающееся, раскраснѣвшееся лицо и заплаканные глаза на жилетѣ полковника; Толя душилъ тоже плачущую Марью Петровну и твердилъ:

— Мамочка, мама, ужъ не тебѣ теперь!

Дуся звонко хохотала, а моська прыгала и лаяла.

Когда все немного успокоилось и всѣ пришли въ себя, Дуся спросила:

— Ну, а перчатки гдѣ же?

— Перчатки?—отвѣтила сіяющая Вѣрочка, держа за руку Толю и дѣлая испуганные глаза.—Перчатки? Ну, конечно, и забыла!

Какимъ образомъ дитя учится думать и говорить.

Статья д-ра Карла Л. Шефера.

(Съ нѣмецкаго.)

Задача физиологій состоитъ въ изслѣдованіи жизни. Уже изъ этихъ словъ видно, что изученіе нашей души принадлежитъ ей по праву. И дѣйствительно, въ повѣншее время,— послѣ продолжавшагося нѣсколько столѣтій господства исключительно умозрительной психологій,— начинается выступаніе на сцену экспериментальная психологій, какъ самостоятельная вѣтвь физиологій. Одну изъ ея главныхъ задачъ составляетъ вопросъ: есть ли душа человѣка нѣчто созданное совсѣмъ законченнѣе, или же и она, подобно тѣлу, въ теченіе безчисленныхъ поколѣній зѣроподобныхъ предковъ, развивается изъ самыхъ примитивныхъ зачатковъ, какъ продуктъ постоянного строительства и наследственной передачи?

Въ № 15 седьмого тома *Естественно-научнаго еженедѣльнаго журнала*, Г. Потонье (H. Potonié) въ превосходномъ изложеніи разбираетъ „происхожденіе формъ мышленія“, по принципамъ дарвинизма. Ходъ мыслей, которому слѣдуетъ этотъ авторъ, указываетъ путь для будущей сравнительной психологій животныхъ (зоопсихологій). Но для нея не сдѣлано еще даже предварительныхъ изслѣдованій, и въ настоящее время полезнѣе и между прочимъ для успѣховъ педагогикіи практически важнѣе заняться изученіемъ развитія души ребенка.

Здѣсь тотчасъ же обнаруживается принципиальное соотношеніе развитія тѣлесныхъ и душевныхъ свойствъ. Какъ каждое молодое существо, говоря вообще, является въ мірѣ съ тѣлесными формами своихъ предковъ, пріобрѣтаетъ, въ борьбѣ за существованіе, индивидуальныя тѣлесныя способности и передаетъ ихъ въ наследство своимъ потомкамъ, такимъ же образомъ ребенокъ вступаетъ въ жизнь съ извѣстною суммой инстинктовъ и задатковъ для опредѣленныхъ чертъ своего характера, но поченіе и отвѣтственность за то, что выйдетъ изъ этого матеріала въ послѣдствіи, онъ долженъ предоставить своимъ воспитателямъ или принять на самого себя. Не правда, что душа новорожденнаго совершенно закончена и только, какъ говорятъ, еще спитъ. Постольку же вѣрнѣе и то, что душа его представляетъ чистый листъ бумаги, на которомъ только жизнь напишетъ свои знаки. В. Прейеръ, въ своемъ во всехъ отношеніяхъ классическомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Душа ребенка“ (Лейпцигъ, 1895), говоритъ: „Чѣмъ внимательнѣе мы наблюдаемъ ребенка, тѣмъ явственнѣе становится для насъ сначала непонятныя писмена, которыя онъ приносить съ собою въ мірѣ. Такимъ образомъ мы узнаемъ, какой капиталъ каждый отдѣльный человѣкъ унаследовалъ отъ предковъ“..

Въ психогенезисѣ наследственность играетъ, по меньшей мѣрѣ, такую же важную роль, какъ и собственная дѣятельность. Здѣсь ни одинъ человѣкъ не бываетъ только выскоченной, который развилъ бы свою душу единственно собственнымъ опытомъ. Скорѣе можно сказать, пережить вновь и образовать посредствомъ собственного опыта унаследованныя способности—остатки опыта и дѣятельности своихъ предковъ. Разумѣется, безъ дѣятельности чувствъ не существуетъ и никакой душевной дѣятельности; но нѣтъ таковой и безъ унаследованнаго капитала. Итакъ, рамки ума и характера, очерченія ихъ—врожденные; содержащееся въ нихъ пріобрѣтается: дитя учится мыслить. Мало того: если только органы чувствъ и мозгъ анатомо-физиологически нормальны, то дитя *должно* учиться мыслить.

Съ момента рожденія на ребенка начинается дѣйствовать его обстановка, посредствомъ возбужденій чувствъ. Первыми изъ этихъ возбужденій, которыя онъ испытываетъ, являются прикосновенія, перемены температуры и возбужденія запаха и

вкуса. Но основа всякой умственной дѣятельности состоитъ въ томъ, что возбужденія, дѣйствующія на какой-нибудь нервъ чувства, продолжаются въ немъ, доходить до мозга и тамъ воспринимаются, ощущаются и сознаются. Какъ только возбужденіе прекращается, то исчезаетъ и ощущеніе, но не безслѣдно. Въ клеточкахъ мозга, въ которыхъ оно возникло, остаются извѣстные осадки, и они имѣютъ фундаментальное значеніе для всей нашей душевной жизни, такъ какъ они суть анатомо-физиологическія субстраты памяти. Узнаваніе какого-нибудь видимаго прежде предмета основывается единственно на томъ, что въ нашемъ сознаніи вновь пробуждаются скрытые остатки перваго впечатлѣнія, какъ образъ, вызываемый воспоминаніемъ.

Воспріятіе и воспоминаніе суть первыя и, слѣдовательно, подлежащія прежде всего изученію предварительныя ступени мышленія. Но къ самому мышленію принадлежитъ нѣчто большее. Прежде всего отдѣльные образы воспоминанія должны обладать способностью быть связанными одинъ съ другимъ. Возьмемъ, для примѣра, розу въ руку—и она дастъ намъ матеріалъ для нѣсколькихъ воспріятій. Мы ощущаемъ ее среди матерьевъ, наслаждаемся ея запахомъ, удивляемся пышности ея окраски. Но прежде тѣмъ мы будемъ въ состояніи представить себѣ розу въ нашихъ мысляхъ, мы должны слить въ одно общее представленіе отдѣльныя воспоминанія о видѣ, запахѣ розы и ощущаемой нами нѣжности ея лепестковъ. Физиологическій путь, соответствующій этому сліянію, есть ассоціація, а ассоціаціямъ соответствуютъ анатомически особые пути ассоціаціи въ мозгу. Единственно способность къ ассоціаціи даетъ возможность составлять понятія, сравнивать ихъ одно съ другимъ или противопоставлять ихъ одно другому; и именно это вѣнчаніе понятій одного противъ другого, будетъ ли это касаться постановленія какого-нибудь логическаго вывода, или же выбора для совершенія того или другого дѣйствія воли—и составляетъ содержаніе мышленія въ собственномъ смыслѣ.

Извѣстное утвержденіе, что человѣкъ никогда не перестаетъ учиться, примѣняется въ полномъ своемъ объемѣ и къ мышленію. Умственный горизонтъ постоянно расширяется и измѣняется, образуются новыя понятія и ассоціаціи. Поэтому нельзя указать никакой точки времени, съ которой ребенокъ дѣлается способнымъ мыслить подобно взрослому; это невозможно тѣмъ болѣе, что мы здѣсь встрѣчаемся съ переходами, непрерывно слѣдующими одинъ за другимъ. Однакоже, руководясь изслѣдованіями Прейера, можно сказать съ увѣренностью, что по меньшей мѣрѣ первая четверть года жизни служить только къ собранію и запечатлѣнію воспріятій, и что случающіяся во время этого періода произвольныя движенія имѣютъ чисто рефлективный и инстинктивный характеръ. Только по истеченіи третьяго мѣсяца начинаются первыя самостоятельно обдуманная движенія, которыя съ своей стороны предполагаютъ образованіе ясныхъ представленій.

Вопросъ—могутъ ли существовать представленія безъ языка, несомнѣнно долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Уже выше приведенный примѣръ розы показываетъ, что понятія могутъ быть составлены безъ словъ и звуковыхъ образовъ, и поведение интеллигентныхъ животныхъ такъ же, какъ весьма недостаточная, но все-таки явственно обозначающаяся логика ранняго дѣтскаго возраста, служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ возможности мышленія безъ словъ. Убѣдительно доказательство того, что не языкъ приводитъ разумъ, а разумъ шькогда изобрѣтъ языкъ, представляется намъ въ поведеніи глухихъ отъ рожденія дѣтей, которыя, не-

Воетъ вѣтеръ... рветъ и мечетъ бури, высоко варывая къ небу сѣдые гребни волнъ. Озеро бушуетъ, какъ вспѣнившая чаша. Горе несчастному плывцу, который не успѣлъ заблаговременно скрыться въ тихой гавани!.. Но кто это рисуется смутнымъ силуэтомъ на прибрежной скалѣ, не страшась приливовъ бури (стр. 37)?.. Это она, несчастная жена рыбака: въ ночной одеждѣ, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, сидитъ она на холодномъ камнѣ, всматриваясь во влажную даль, и не сводитъ глазъ съ черной точки, мечущейся среди бѣлющихся волнъ; озеро кишитъ, сѣдая цѣна грозитъ поглотить жалкую скорлупку рыбака, отчаянно борющагося за свою жизнь, и каждую секунду сердце несчастной женщины то грозитъ разорваться отъ ужаса, то озаряется блѣдной надеждой... Помогни ему, Боже!..

Медаль для счетчиковъ по первой всеобщей переписи населенія 1897 г. (стр. 43) сдѣлана изъ темной бронзы и установлена для ношенія на груди на трехцвѣтной, составленной изъ русскихъ національныхъ цвѣтовъ, лентѣ. Медаль эта будетъ имѣть какъ бы характеръ отличія, такъ какъ будетъ даваться лишь лицамъ, принявшимъ обязанности по всеобщей переписи безвозмездно, независимо отъ того, состоятъ ли эти лица на государственной службѣ или нѣтъ; нагрудный же знакъ (стр. 43) установленъ для всѣхъ счетчиковъ и, вмѣстѣ съ выданнымъ каждому счетчику свидѣтельствомъ, будетъ служить нагляднымъ доказательствомъ участія даннаго лица въ производствѣ переписи и принятія имъ на себя обязанности счетчика.

Г. К. Властовъ.

(Портр. на этой стр.)

7 декабря истекшаго года исполнилось пятидесятилѣтне служебной дѣятельности почетнаго опекуна опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, т. с. Георгія Константиновича Властова.

Г. К. Властовъ родился въ 1827 г. Первые десять лѣтъ служебной дѣятельности Г. К. проведены были въ рядахъ войскъ. Пронзаведенный въ 1846 г. въ офицеры въ лейбъ-гвардію майловскій полкъ, Г. К. перевелся вскорѣ на Кавказъ въ кабардинскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ въ бояхъ и стычкахъ съ горцами.

Въ 1857 г. Г. К. измѣнилъ принципъ своего служенія, посвятивъ свою дѣятельность тому же Кавказскому краю, но уже въ качествѣ администратора. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ ставропольскимъ вице-губернаторомъ, а спустя четыре года, пронзаведенный въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, получилъ въ свое управленіе Мингрелію. Въ 1866 году Г. К. Всемилостивѣйше повелѣно было быть ставропольскимъ губернаторомъ. Служеніе Г. К. на Кавказѣ длилось вплоть до 1882 года, при чемъ послѣднее время онъ состоялъ при кавказскомъ намѣстникѣ, великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

Въ 1882 г. Г. К. назначенъ былъ на должность почетнаго

опекуна, и съ тѣхъ поръ въ теченіе свыше 14 лѣтъ принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ опекунскаго совѣта. Кроме того, по званію почетнаго опекуна, Г. К. поручено съ 1889 г. завѣдывать с.-петербургскимъ коммерческимъ училищемъ, и съ той поры онъ посвятилъ всего себя заботамъ объ этомъ старѣйшемъ учебномъ заведеніи въдомства учрежденій Императрицы Маріи, съ сердечной внимательностью относился ко всѣмъ его нуждамъ и потребностямъ.

Въ ознаменованіе пятидесятилѣтней достохвальной службы Престолу и Отечеству, Г. К. Властовъ удостоенъ былъ Высочайшей грамоты, въ которой Государь Императоръ, желая выразить ему Свою признательность за понесенные труды, Всемилостивѣйше пожаловалъ Г. К. знаки ордена св. Александра Невскаго съ брильянтовыми украшеніями.

Кромѣ своей служебной дѣятельности, Г. К. Властовъ извѣстенъ и какъ литераторъ. Литературная дѣятельность Г. К. началась въ 1854 г.; въ томъ году появилось въ *Русскомъ Инвалидѣ* описаніе ряда походовъ, совершенныхъ на Кавказѣ; описанію Кавказа посвятилъ онъ свои статьи въ *Nouvelles Annales de voyage*, и въ 1872 г. онъ напечаталъ во Франціи свои воспоминанія о Кавказѣ. Кроме того перу его принадлежатъ нѣсколько историческихъ и богословскихъ трудовъ. Такъ, въ 1871 г. вышелъ въ свѣтъ его трудъ „Библия и наука“, затѣмъ за время съ 1875 по 1878 г. онъ издалъ три тома „Священной лѣтописи“, четвертый томъ которой былъ выпущенъ въ свѣтъ въ 1893 г. Въ 1880 г. онъ издалъ переводъ „Исторіи фараоновъ“ Брунна, а въ 1881—1883 гг. перевелъ Гезіода; вмѣстѣ съ тѣмъ о пронзаведеніяхъ Гезіода издана была имъ брошюра на французскомъ языкѣ. Въ 1886 г. въ *Христіанскомъ Читеніи* помѣщены были его послѣдованія: „Ригъ-Веда“, „Зенда-Веста“ и „Готы“; наконецъ въ 1887 г. онъ издалъ „Опытъ изученія Евангелія св. Іоанна Богослова“.

В. О. Ключевскій.

(Портр. на этой стр.)

8 ноября истекшаго года московская духовная академія праздновала двадцатипятилѣтне ученой дѣятельности извѣстнаго историка, ординарнаго профессора московской духовной академіи и московскаго университета и предсѣдателя Императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ, д. с. с. Василия Осиповича Ключевскаго.

В. О. Ключевскій происходить изъ духовнаго званія, сынъ священника; среднее образованіе получилъ въ духовной семинаріи, въ которой учился только до философскаго класса; высшее — на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета, гдѣ кончилъ курсъ въ 1865 году. Черезъ шесть лѣтъ, въ 1871 г., онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ московской академіи и началъ читать здѣсь лекціи по русской градепской исторіи. Въ 1872 г., за свою диссертацию „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ онъ получилъ въ московскомъ университетѣ степень магистра рус-

Г. К. Властовъ (по поводу 50-лѣтія служебной дѣятельности).
Съ фот. Д. Здобнова автопортретъ „Нивы“.

В. О. Ключевскій (по поводу 25-лѣтія ученой дѣятельности).
Съ фот. М. Волкова въ Москвѣ автопортретъ „Нивы“.

жапской исторіи. Въ 1872 г., за свою диссертацию „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ онъ получилъ въ московскомъ университетѣ степень магистра рус-

ской истории и в том же году утвержден доцентом академии; в 1879 г. избран доцентом по кафедре русской гражданской истории в московский университет, а в академии получил звание экстраординарного профессора. В 1882 г., после защиты в заседании историко-филологического факультета университета своей диссертации, под заглавием „Боярская дума древней Руси“, — признан доктором русской истории; в том же году утвержден ординарным профессором академии и университета.

Кроме этих двух диссертаций, представляющих крупные научные труды и ценный вклад в русскую историю, В. О. Ключевский поместил целый ряд интересных статей в *Ученых Известиях Общества Истории и Древностей Российских* („Русский рубль XVI—XVIII в. в его отношении к нынешнему. Опыт определения мнимои стоимости старинного рубля по хлебным ценам“, „Памяти императора Александра III“), в *Богословском Вестнике* („Новооткрытый памятник по истории раскола“ и др.) и в *Русской Мысли* („Подушная подать и отмена холопства в России“, „Воспоминания о Новикове“, „Императрица Екатерина II (1796—1896)“ и др.).

Все эти труды прочно установили в ученом мире и в обществе взгляд на В. О. Ключевского, как на одного из крупнейших современных историков, дающего в своих исследованиях, наряду с богатством и тщательной критикой материалов, глубокий и редкий по своей последовательности анализ разбираемых явлений и событий отечественной истории.

Стижавший себя крупную известность, как ученый, В. О. пользуется в то же время широкою популярностью и как талантливый профессор, привлекающий к себе на лекции как в университет, так и в академии, всегда полную аудиторию, с глубоким интересом слушающую на вдохновенно речью своего профессора. Лекции В. О. Ключевского не сухие, холодные доклады слушателям, из года в год повторяющиеся с стереотипною тождественностью, а ряд ярких научных бесед, не только последовательно излагающих исторические события, но и дающих им в художественной форме строго-научное освещение. Этими и объясняется та любовь и уважение, которым пользуется В. О. среди студентов.

Осенью 1893 г. на В. О. была возложена, по Высочайшему повелению, лестная обязанность — преподавать политическую историю Его Императорскому Высочеству великому князю Георгию Александровичу. В. О. взял с этой целью в Абастумань, где занимался с Его Высочеством с ноября 1893 г. по 1 апреля 1894 г. и с декабря 1894 г. по март 1895 г.

Новый воздухоплавательный снаряд.

(Рис. на стр. 44.)

Человеческий гений, не удовлетворяясь своими побдами над природой на суше и на морях, уже с давних пор начал стремиться и к покорению себя воздушных сфер, к осуществлению возможности людям двигаться по воздуху так же произвольно, как по земле и по воде. До сих пор, к сожалению, все попытки в этом направлении не принесли желанного результата. Изобретение в 1783 году аэростата открыло многих блестящих надеждами, но разочарование стояло не за горами: аэростат дал, правда, человеку возможность проникать в воздушные сферы, исследовать их, но подчинить их своей воле, произвольно управлять аэростатом — этого даже носители долгих, упорных опытов удалось достигнуть лишь в самой незначительной степени.

Аэростат, таким образом, до сих пор пока не оправдал возлагавшихся на него вначале надежд, и человеческая изобретательность направила свои стремления на устройство механического летательного снаряда. Целый ряд изобретателей трудился над проектами такого рода аппарата, вырабатывая различные системы, но из всех этих систем только одна обратила на себя серьезное внимание знатоков дела. По этой системе летательный снаряд должен быть устроен по плану, возможно более приближающемуся к летательному аппарату птицы. Особенно убежденным и деятельным сторонником этой теории был берлинский инженер Отто Лиллиенталь, погибший недавно, 9 августа 1896 г., при опыте над изобретенной им летательной машиной. „Птичий полет“ — основа воздухоплавания — вот девиз, поставленный им себе при испытаниях. Переходя от более легкого к более трудному, он на первых порах задался лишь довольно узкою целью: достигнуть возможности летать по воздуху с помощью ветра и в зависимости от него, как это делают нередко хищные птицы, парящие по воздуху, не махая

крыльями. Первоначальный аппарат его состоял поэтому из двух больших крыльев из пертига на деревянном остове; сдерживать их в надлежащем положении и взмахивать им, когда нужно, — все это приходилось делать своими руками. Но при такой системе возможны были лишь полеты по прямой линии, и притом только по наклонной; необходимы были усовершенствования, и отважный воздухоплаватель не останавливался перед ними: устроив два пары крыльев, меньших размеров, а следовательно более удобных для управления, он мог уже совершать свободные повороты в воздухе. Все это, однако, далеко еще не разрешало задачи воздухоплавания. Иди далее, Лиллиенталь приспособил к своему аппарату двигатель, но на этом-то новом снаряде ему и было суждено погибнуть.

Лиллиенталь погиб, но не погибла с ним его идея. Нашлись последователи, решившиеся твердо и смело идти к намеченной цели. Основываясь на тех же началах, которыми держался погибший воздухоплаватель, один из его последователей, шкото Артур Штенцель из Альтона, устроил теперь новый воздухоплавательный аппарат, два рисунка которого приведены здесь на стр. 44. На первом из них изображен весь снаряд, а на втором — его двигатель с прикрепленным к нему сосудом со сжигенною углекислотой. Углекислота, как вещество чрезвычайно легко испаряющееся и дающее при обыкновенной температуре очень высокое давление пара, может служить, в этого рода снарядах, очень подходящим материалом для двигателей, замещающих газомасляные и бензиновые взрывные смеси, требующие более громоздких конструктивных частей. Ту же самую углекислоту употребляют в качестве двигательной силы и Лиллиенталь; но у него она не производила надлежащего эффекта: уже после нескольких взмахов крыльями, машина останавливалась. Штенцель устранил в своей машине этот недостаток. Его модель аппарата состоит из пары больших крыльев длиной в 6,3 метра, а площадь каждого крыла — 7 кв. метров; взмахиваются они под углом в 70 град. и имеют параболическую выпуклость в $\frac{1}{12}$. Эта гигантская птица приводится в движение упомянутою углекислотою машиной, развивающей при различных давлениях от одной до трех лошадиных сил. Подобно настоящей птице, модель Штенцеля поднимается и опускает крылья, сама приходит в движение и останавливается, ускоряет и замедляет взмахи и в любое время готова к полету. Если пускается в ход половина лошадиной силы, то снаряд действует довольно медленно; но при полной силе деятельность его уже значительно усиливается, и с каждым ударом крыльев он подвигается вперед на три метра. При работе в $\frac{1}{2}$ силы, снаряд сам, без посторонней помощи, поднимается и с каждым взмахом проходит по 4 метра. Такая быстрота достигается прежде всего благодаря полнейшей эластичности крыльев. Они сделаны из особого сорта батиста, пропитанного каучуком и натянутого на остов из бамбуковых прутьев, концы которых держатся на оси из трубчатой стали. Повороты аппарата совершаются посредством простого крестообразного руля, о форме и величии которого можно судить по рисунку.

Достигнув хороших результатов при опытах над моделью, Штенцель намерен теперь устроить большой снаряд для настоящих полетов. Вес его будет от 80 до 100 килограммов, общая площадь крыльев от 12—18 квадрат. метров, а сила двигателя — $4\frac{1}{2}$ лошадиных сил.

Покойный Лиллиенталь, как уже сказано, убедился, что с помощью одной лишь своей ловкости и силы ветра нельзя еще изучить тайну полета; но и приближаясь к слабому двигателю, он все-таки был в большой зависимости от воли ветра. Штенцель идет далее: он задумал такой двигатель, который подчинил бы себе с помощью крыльев воздух; человек же, не тратя физических сил, управляет бы аппаратом лишь силою своего разума. Он совершенно справедливо судит, говоря, что человеческой силы, в самом благоприятном случае достигающей $\frac{1}{4}$ лошадиной силы, недостаточно для того, чтобы более или менее продолжительное время выдерживать тяжесть в 160 кило; для этого нужна механическая сила не крайней меры в $4\frac{1}{2}$ лошадиной силы. Такую механическую силу представляет собою в данном случае сжигенная углекислота; дело лишь за тем, чтобы сколь возможно лучше устроить воздухоплавательный аппарат и умело применить к нему находящуюся в распоряжении человека механическую силу.

Все интересующиеся успехами воздухоплавания, с напряженным вниманием следят теперь за дальнейшим развитием дела Штенцеля.

Политическое обозрение.

Для Англии новый год начался огласкою незавидного положения дела в Индии, где начавшийся в прошлом году голод стал разрастаться до ужасающих размеров. В Калькуте состоялся национальный конгресс, который, обсуждая крайнюю нужду населения, пришел к заключению, что голод

является следствием обидчивости Индии, вызванного безумными расходами на армию и администрацию. Признавая опасность положения, конгресс высказался за неотложную помощь голодающему населению. В виду этого, проживающие в Лондоне индусы обратились с просьбою к лорду-меру, от ко-

торого, однако, получили отвѣтъ, что вице-король Индіи считает подписку въ пользу голодающихъ преждевременною. Въ дѣлахъ успокоенія общественнаго мнѣнія, вліятельная *Morning Post* поспѣшила обрушиться на упомянутый конгрессъ, назвавъ его фарсомъ, такъ какъ-де Индія — лишь географическое наименованіе завоеванной англичанами разноплеменной страны, не имѣющей никакихъ парламентскихъ учрежденій. Какъ ни умалчивалось положеніе дѣлъ въ Индіи мѣстной администраціей и британскимъ министромъ по индійскимъ дѣламъ, Англіи пришлось, наконецъ, уступить давленію несомнѣнныхъ фактовъ: въ Лондонѣ открыта, наконецъ, подписка въ пользу индусовъ.

Въ связи съ вѣстями о голодѣ, изъ Бомбея въ Европу проникли толки о страшной чумѣ, уносящей почти десятую часть населенія, такъ что Индія въ послѣднее время обратила на себя всеобщее вниманіе. Въ самой Англіи авторитетные знатоки дѣла заговорили о шаткости британскаго могущества въ Индіи, поддерживаемаго лишь безопасностью суроваго британскаго режима. Такимъ образомъ, благодаря извѣстнымъ приемамъ, всегда сопутствующимъ закону своекорыстія британскихъ интересовъ, чисто стихійныя бѣдствія, постигшія подданныхъ индійской императрицы — королевы Викторіи, приобрѣли въ международной жизни серьезное политическое значеніе.

Несмотря на то, что нѣкоторые органы парижской бульварной печати стали подчеркивать фактъ общаго перевооруженія Германіи въ дѣлахъ наступательной войны, Франція радостно и миролюбиво привѣтствовала новый годъ. Обиѣтъ поздравленій между Государемъ Императоромъ и г. Феликсомъ Форомъ отличался рѣдкою сердечностью. Президентъ французской республики съ чувствомъ благодарности отвѣтилъ пожеланіямъ Государю Императору и Его Августѣйшей Семлѣ — счастья, а Россіи — величія. Традиционный приемъ въ Елисейскомъ дворцѣ приобрѣлъ необыкновенную торжественность, благодаря тому обстоятельству, что президентъ республики привѣтствовалъ рѣчь юрусскій посоль — въ качествѣ старшины дипломатическаго корпуса. Отъ имени иностранныхъ правительствъ г. Моренгеймъ пожелалъ Франціи и ея

трети личнаго состава сената дало 69 умѣренныхъ республиканцевъ, т. е. правительственной партіи. Это первое событіе внутренней политической жизни Франціи въ наступившемъ году подтвердило настроеніе французовъ, высказавшихся еще разъ за политическую программу нынѣшняго кабинета.

Въ Турціи наступленіе новаго года не разсѣяло пока черной тучи, повисшей надъ Оттоманскою имперіей. По отзывамъ западно-европейской печати, г. Нелидовъ, послѣ аудіенціи у султана, вручилъ великому визирю двѣ промеморіи — относительно обѣщанныхъ реформъ и о финансахъ Турціи, угрожая Портѣ, въ случаѣ ея несговорчивости, рѣшеніемъ Россіи присоединиться къ желанію европейскихъ державъ установить надъ турецкими финансами общеевропейскій контроль.

Англійская печать усмотрѣла въ дѣйствіяхъ русскаго посла возникновеніе намѣренія Россіи принудить Порту, въ крайнемъ случаѣ, матеріальнымъ воздѣйствіемъ, что давно-де предлагалось нѣкоторыми державами. По мнѣнію, однако, компетентной газеты *Nord*, не Россія пошла за державами, а эти послѣдніе примкнули къ франко-русской программѣ. Относительно же воздѣйствія на Турцію Россія еще въ началѣ восточнаго вопроса предупредила Порту, что при всей нежелательности принудительныхъ мѣръ, вынуждена будетъ прибѣгнуть къ нимъ, если Турція, не сознавая серьезности положенія, будетъ продолжать пассивно противиться совѣтамъ державъ.

По свѣдѣніямъ изъ Константинополя, послы вручили Портѣ 3 января п. с. ноту съ настоятельными требованіями зачисленія иностранцевъ въ критскую жандармерію, согласно единодушному постановленію специальной комиссіи по назначенію должностныхъ лицъ. Позная амнистія армянъ допущена до сихъ поръ лишь въ видѣ исключеній, въ виду чего державы

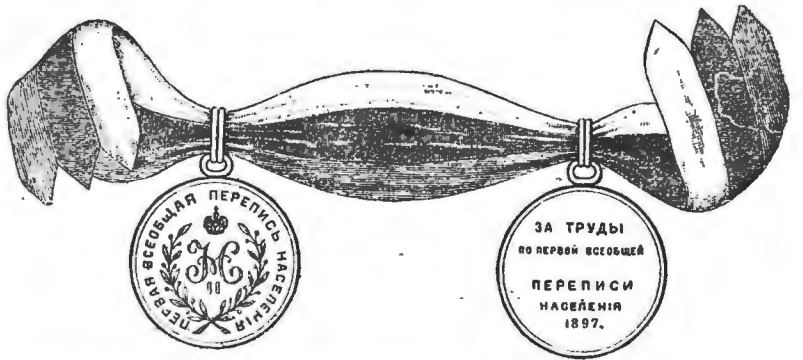

Рисунокъ нагруднаго знака для счетчиковъ.

пожелалъ Франціи и ея президенту благоденствія „при благоприятныхъ симптомахъ наступившаго года“, закончивъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы „окруженная общими симпатіями и уваженіемъ“ Франція, „содѣйствуя въ значительной степени обезпеченію величайшаго блага — мира“, увидѣла въ наступившемъ году „окончательное торжество этого святаго дѣла“.

Президентъ республики отвѣтилъ „пламенными желаніями согласія и единенія державъ“, питающихъ довѣріе къ Франціи, находящейся въ отличныхъ отношеніяхъ къ другимъ націямъ, намекинувъ при этомъ на существованіе важнаго оплота европейскаго мира.

Выборы для частичнаго возобновленія французскаго сената дали незначительную перетасовку мѣстъ, но на составъ сената не оказали вліянія: изъ 97 избранныхъ очередное обновленіе

Высочайше утвержденный рисунокъ медали для пожалованія лицамъ обоаго пола, принявшимъ на себя безвозмездно обязанности счетчиковъ по первой всеобщей переписи населенія 1897 г.

возобновили свои представленія Портѣ по этому предмету. Коллективнаго вота державъ о критской жандармеріи снова отклонена Портой. Убіство двухъ христіанъ и двухъ мусульманъ вызвало въ Канѣ паннику и взаимную блокаду христіанскихъ и магометанскихъ деревень. Продолжающіеся аресты въ Турціи побудили г. Нелидова дружески напомнить Портѣ объ опасости крайняго раздраженія среди населенія.

О благоприятныхъ результатахъ разныхъ „представленій“ Портѣ со стороны европейскихъ державъ — пока не слышно. Извѣстно лишь, что послѣ каждаго отклоненія Турціей предлагаемыхъ мѣръ послы великихъ державъ „собираются на совѣщанія“. До какихъ поръ хватитъ у европейской дипломатіи терпѣнія заниматься безконечными совѣщаніями о турецкихъ дѣлахъ — неизвѣстно.

Библиографія.

Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни Н. И. Познякова. Второе изданіе, А. Ф. Девриена, съ рисунками Т. И. Никитина. С.-Петербургъ.

Выбравъ эпитграфомъ къ своей книжкѣ тургеневскую цитату: „Будь только человекъ добръ — его никто отразить не можетъ“, авторъ старался представить своимъ читателямъ влініе истинно добраго человѣческаго сердца на окружающихъ. Въ повѣсти описывается первый годъ школьной жизни честнаго и добраго мальчика, и она съ удовольствіемъ прочтется въ томъ кругу публики, для котораго предназначена, — это доказывается уже тѣмъ, что книжка г. Познякова печатается вторымъ изданіемъ. По вѣщности книга удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ и можетъ служить прекраснымъ подаркомъ для дѣтей.

Аполлонъ Коринфскій. На ранней зорькѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Съ рисунками Н. Н. Каразина, Н. Богданова, Н. Ольшанскаго и др. Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. С.-Петербургъ. 1896. Цѣна въ накѣ 50 к., въ перепл. 70 к.

Своему сборнику стихотвореній для дѣтей авторъ предпослалъ нѣсколько характерныхъ строкъ: „Миръ дѣтей — страна фантазій, сердце — ключъ воды живою, чуть замѣтны межъ цвѣтами и травомуромъ... Сила тайная сокрыта въ каждой капелькѣ воды; но къ ручью тому не всякій знаетъ торные ходы... Миѣ лѣсовъ родимыхъ эльфы, хороводы вольныхъ фей указали путь-дорожку къ сердцу маленькихъ людей!..“ Стихотворенія г. Коринфскаго своей граціозностью и красотой формы и незатѣйливостью содержанія, можно надѣяться, найдутъ дѣйствительно дорогу къ чуткому сердцу дѣтей.

Сборникъ раздѣленъ на два отдѣла: „Малюткамъ“ и „Природа и жизнь“, и содержитъ въ себѣ болѣе 40 пьесокъ, изъ которыхъ многія иллюстрированы недурными рисунками. Издана книжка тщательно, крупнымъ, чегкимъ шрифтомъ.

Разныя извѣстія.

— 1 января, въ одиннадцатомъ часу утра, Его Величество Государь Императоръ прибылъ изъ Царскаго Села въ С.-Петербургъ и прослѣдовалъ въ Зимній Дворецъ. Въ малой церкви Дворца была со-

вершена придворнымъ духовенствомъ литургія. На богослуженіи присутствовали Его Величество Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества великія княгини и великіе князья. По окончаніи ли-

тургіи въ Концертномъ залѣ Государю Императору приносили поздравленія особы дипломатическаго корпуса, по случаю наступившаго Нового года. — Чрезвычайный посланникъ и полномочный ми-

встреть при дворѣ его величества короля датскаго. гофмейстеръ Двора Его Величества, графъ Муравьевъ назначенъ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, съ оставленіемъ гофмейстеромъ.

— Членъ Государственнаго Совѣта, финляндскій генераль-губернаторъ и командующій войсками финляндскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантерій графъ Гейденъ—Всемиловѣйше уволенъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью. отъ должностей финляндскаго генераль-губернатора и командующаго войсками финляндскаго военнаго округа, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генераль-адъютанта.

— Члену Государственнаго Совѣта, генераль-адъютанту, генералу-отъ-инфантерій князю Имеретинскому—Всемиловѣйше повелѣно быть варшавскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генераль-адъютанта.

— Членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь, сенаторъ, д. т. с. Стояновскій, удостоенъ Высочайшаго рескрипта съ пожалованіемъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

— Помощникъ управляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею, гофмейстеръ Высочайшаго Двора Тайфевъ назначенъ управляющимъ сев. канцеляріею, съ оставленіемъ гофмейстеромъ и въ прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

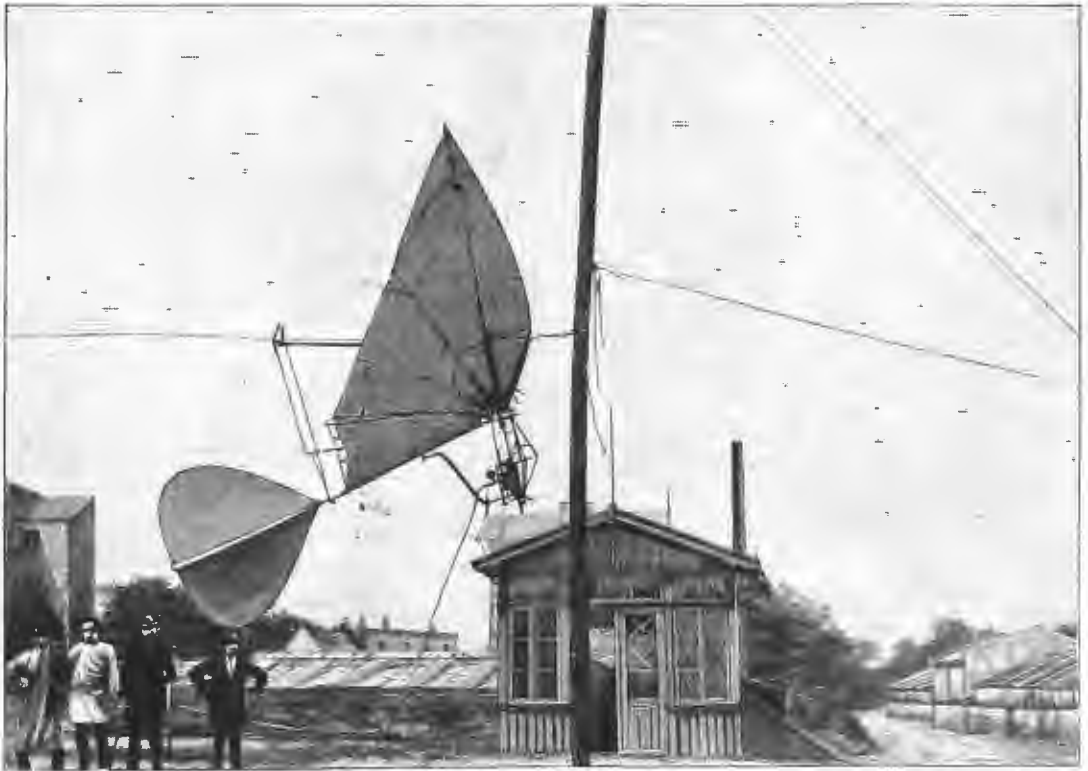
— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 11 декабря истекшаго года, Всемиловѣйше соизволилъ на открытіе повсемѣстнаго по Имперіи сбора пожертвованій, для облегченія участи бѣжавшихъ въ наши предѣлы изъ Турціи армянъ, съ тѣмъ, чтобы пожертвованія были принимаемы исключительно уполномоченными должностными лицами и учрежденіями, а собранныя суммы чрезъ мѣстныхъ губернаторовъ передавались главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ и, по его непосредственному усмотрѣнію и распоряженію, распределялись между нуждающимися.

— О. Іоаннъ Сергѣевъ (Кронштадтскій) прислалъ

письма въ живыхъ послѣ разгрома, я, изъ горячаго сочувствія къ ихъ бѣдствію и ради посильной имъ матеріальной помощи, жертвую 200 рублей, въ примѣръ и поощреніе моимъ соотечественникамъ, чтобы и они отозвались сочувственно къ своимъ братьямъ по вѣрѣ—христіанамъ. Прошу васъ, князь, оповѣ-

помѣщена въ особой витринѣ, рядомъ съ синайскомъ библіею и Остромировымъ евангеліемъ.

— Приказомъ по военному вѣдомству указано, въ напоминаніе о существующей статьѣ 7 кн. VIII Св. Воен. Пост. над. 1869 г., которая гласитъ слѣдующее: „Всѣ такъ-называемыя приношенія начальствующимъ

Новый воздухоплавательный снаряд Штенцеля. Общій видъ.

стать объ этомъ въ вашей газетѣ ради добраго дѣла.

— Къ рукописнымъ сокровищамъ Императорской публичной библіотеки присоединилось новое, которое по своей важности и цѣнности должно быть поставлено на ряду съ синайскою библіею IV вѣка и Остро-

минымъ лицамъ, какъ отъ обществъ и сословій, въ совокупности, такъ и отдѣльно, въ изъясненіе благодарности подъ какимъ бы то видомъ ни было: памятниками, выставленіемъ въ публичныхъ мѣстахъ портретовъ, адресами, вѣщами и денежными пожертвованіями, запрещаются“. Примѣчаніе: „По военному вѣдомству воспрещенъ всякаго рода сборъ съ офицеровъ или вычетъ изъ ихъ жалованья, не указанный въ законѣ или не основанный на особомъ Высочайшемъ разрѣшеніи“.

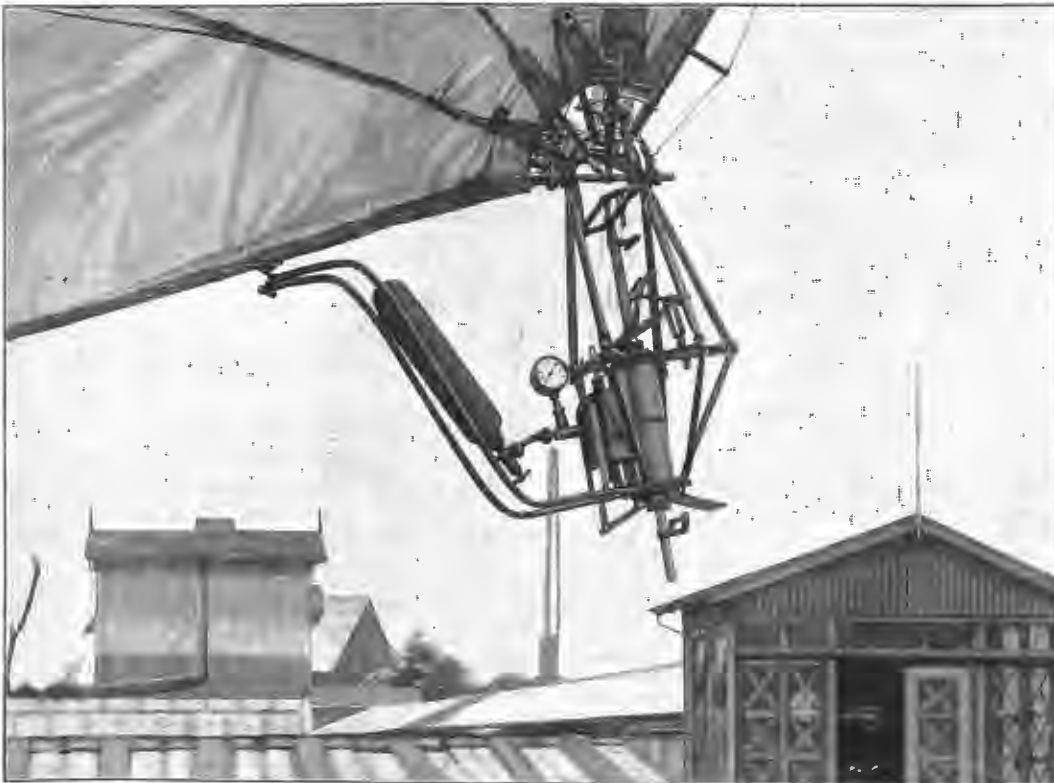
Государь Императоръ, усмотрѣвъ частыя отступленія отъ означенной статьи и примѣчанія къ ней, Высочайше повелѣлъ соизволилъ подтвердить къ безусловному исполненію надлежащій законъ.

— 1 января исполнилось двадцатипятилѣтіе существованія *Грозданина*, редактураемаго и издаваемаго кн. В. П. Мещерскимъ.

— 30 декабря истекшаго года исполнилось семидесятилѣтіе государственной службы инженера-генерала Петра Григорьевича Андреева, военнаго инженера, преподавателя и члена конференціи Николаевской инженерной академіи. Вся долготлѣтная служба маститаго юбиляра была посвящена военно-учебному вѣдомству. Онъ родился 7 іюля 1812 года, на службу поступилъ 30 декабря 1836 года, въ первый офицерскій чинъ произведенъ 1 декабря 1839 г.

— Такъ какъ опытъ назначенія женщины-врача А. С. Боголюбовской на должность окружной надзирательницы петербургскаго воспитательнаго дома съ правомъ государственной службы оказался удачнымъ, то недавно послѣдовало, по словамъ *Виржевыя Видомостей*, распоряженіе о томъ, что должность эта можетъ быть занимана женщинами-врачами.

— 2 января скончался въ Петербургѣ, послѣ продолжительной болѣзни, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, нѣвѣстный русскій историкъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣателей славянскаго общества и незабвенный организаторъ высшихъ женскихъ курсовъ, увѣковѣчившихъ его имя въ своемъ названіи.

Новый воздухоплавательный снаряд Штенцеля. Двигатель съ сгущенной углекислотой.

редактору-издателю *С.-Петербургскихъ Видомостей*, кн. Э. Ухтомскому, слѣдующее письмо (напечатано въ № 357 1896 г.): „Начтавшись въ газетныхъ извѣстіяхъ о страшныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ армянскій народъ, и о крайней нуждѣ армянъ, остав-

мировымъ евангеліемъ 1067 года. Государю Императору благоутодно было пожаловать библіотеку приобрѣтенное Его Величествомъ въ нынѣшнемъ году греческое евангеліе VI вѣка, писанное на пергаментѣ. Эта драгоценная рукопись будетъ

вѣтъ Бестужевъ-Рюминъ, нѣвѣстный русскій историкъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣателей славянскаго общества и незабвенный организаторъ высшихъ женскихъ курсовъ, увѣковѣчившихъ его имя въ своемъ названіи.

1 внутр. съ выигр. заемъ 1004 г.

04 тиражъ 2-го января 1897 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

Table with 16 columns (№ сер., № бл., Сумма) and 16 groups of lottery results.

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашения:

22, 72, 283, 624, 652, 735, 889, 864, 1122, 1418, 1453, 1529, 1543, 1993, 2185, 2321, 2381, 2517, 2597, 2995, 3445, 3449, 3661, 5895, 4101, 4494, 4602, 4664, 4909, 4904, 5081, 5610, 5664, 5972, 5997, 6007, 6052, 6147, 6225, 6368, 6663, 6753, 7039, 7371, 7379, 7468, 7509, 7585, 7615, 7667, 7806, 7948, 8063, 8289, 8499, 8677, 8687, 8705, 8967, 9005, 9071, 9223, 9258, 9266, 9375, 9556, 9661, 9673, 10105, 10214, 10260, 10634, 10760, 10832, 11286, 11373, 11378, 11544, 11649, 11870, 12180, 12330, 12349, 12353, 12422, 12749, 13012, 13252, 13540, 13583, 13936, 13969, 14433, 14517, 14594, 14881, 15016, 15170, 15523, 15658, 15693, 15765, 15967, 16184, 16219, 16548, 16773, 16933, 17094, 17527, 17662, 17922, 18024, 18364, 18459, 18610, 18662, 19063, 19751, 19786, 19863, 19971.

Всего 122 серии, составляющія 6100 билетовъ, на сумму 793,000 рублей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Смы. Поэтыя Влад. И. Мещерякова-Дамченко. (Продолженіе). — П. А. Федотовъ (Съ 6 рисунками). — Перчатки. Рассказъ Т. Л. Щевлиной-Иуперницъ. — Какимъ образомъ дитя учится думать и говорить. Статья д-ра Карла Л. Шефера. (Съ 4 рисунками). — Стихотвореніе А. М. Федорова. — Съ рисунками: Гунь, — Уголокъ трехъ императоровъ. — Вазы поимамъ. — Молитва. — Въ бурю. — Знамя и медаль для счетчиковъ. — Г. И. Вагатовъ (съ портр.). — В. О. Мичуринскій (съ портр.). — Новый воздухоплавательный снарядъ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — Тиражъ выигрышей въ Государственный Банкъ. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ А. А. Тихоноу (А. Луговой).

ОТПЕЧАТАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ для вышиванія по канвѣ крестикомъ и гладью, составленный по оригинальнымъ рисункамъ Б. А. ЛЕВЕНЕЦА. Альбомъ заключенъ въ красивую папку, украшенную печатанною въ 10 красокъ авварелью художника Н. Богданова. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Teichner's Fettwider ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незаметная на кожѣ. Косметическое средство для улучшения красоты кожи. Театральная гримировка. Жирная румяна и бѣлала. Карандаши для бровей. Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бѣлгійскихъ императорскихъ театровъ. Главнй складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18—19, С.-Петербургъ. В. № 9646 15—5

СѢМЕННОЯ ТОРГОВЛЯ А. Б. МЕЙЕРЪ, въ МОСКВѢ, Мясницкая ул., д. Кузнецова, предлагаетъ голландскія цветочныя луковички, какъ-то: глацинты, тюльпаны и др. въ отборныхъ экземплярахъ по умѣрен. цѣнамъ. КАТАЛОГЪ БЕСПЛАТНО. 2-1

№ 4711. КТО ЛЮБИТЪ ЗАПАХЪ НАСТОЯЩЕЙ ФІАЛКИ, ТОТЪ ПУСТЬ ТРЕБУЕТЪ ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“ (Violette du Rhin). Чистый запахъ фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не выдыхающійся. № 4711. Savon violette du Rhin. № 4711. Sachets violette du Rhin. Въ одинаковаго превосходнаго Ц. № 9833 качества. 4—2 Продаются во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Цѣны: 4 р., 2 р. 75, 2 р. 1 р. 25 за флаконъ, смотря по величинѣ. ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ. Скоро и основательно выуч. всякого посред. перекл., вполнѣ ланки, устное преносъ. Услов. выг. безплат. А. П. Бѣбуръ. Рѣвъ, Куля. 53. НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши извѣстнаго предъ-курьятъ, высл. безплатно, Оружейнаго магазина Я. В. Тарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Ситова. ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ. Графа Е. А. Саласа. Историческій романъ времени востановленія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ т. СИБ. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнкор. перекл. 2 руб. 75 коп., съ пересл. 3 руб. 25 коп.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ въ Г. РИГѢ. Изготавливаетъ въ большомъ количествѣ и выборъ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества. Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и ситовыхъ конторахъ. 1. № 9839 13—1

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро пишутся въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиана. За двѣ 7 коп. марки выслать условия и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Коляндарск. № 9852 10-2

ВОЛИЦНИЙ лечитъ наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 9565 13-7

PAPIER FAYARD ET BLAUN.
Бумага Фаяръ и Бляунъ.

Пластырь, разрыхленный Медицинскимъ Союзомъ. Требовать подписи Fayard et Blau. Продается въ аптекахъ.

ЦВѢТЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ

Т-ва „ГИГИЕНА“

разныхъ запаховъ, пріятны, прочны, значительно превосходятъ существующіе до сихъ поръ цвѣтчные одеколоны и туалетныя воды.

СПБ., влос. Главные склады: Александр. театра 9. — Москва, Никольская, д. Шереметев. — Варшава, Новый Свѣтъ, 37.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ. ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
А. № 9861 ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ. 26-1

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

- духи — ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
- духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
- духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
- духи — ЛАВАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. ност., Карлсруэ. Можно получить: Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вюльеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шасколинскаго, у Константина Герша, Лилана и Рикса, А. Линде, А. Энгелуда. Въ Москвѣ: у гг. Миръ и Меридианъ, въ магазинѣ „А-ля-туалетъ“, у Г. Врунса, Л. Борхарда, Р. Велера и К., Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9886 13-3 Представитель для Петербурга: А. Герке, 2, Максикалиновскій пер.

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы, **СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ** котораго известно. Для моря, приема достаточно 1 1/2 обмыки, стакана.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портретъ, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей камей воды.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ. ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ. Ц. № 9157 ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ 12-8

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Основан. въ 1886 году **КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.**

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. Полякова.

10-го января **НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА.** Программы высылаются бесплатно. Ц. № 9839 3-2

Франція. Почтенная французская семья принимаетъ 4 или 5 молодыхъ людей въ полное содержаніе. Два урока Французскаго языка ежедневно. Семейная жизнь. Первоклассная референція. Плата 250 франковъ въ мѣсяцъ. S'adresser (адресоваться): à M-r le Professeur D. de Félice, Lille, France, 2, Avenue St. Maur.

ФАБРИКА САРПИНСКИХЪ ТКАНЕЙ ВЪ САРАТОВѢ.

НОВОСТИ ЛѢТНЯГО СЕЗОНА:
Сарпинка крепъ, букле, пике и армиюръ, Сарпинка шелковая, шелковистая и батистовая, выработанныя ручнымъ способомъ.
Бѣлье: чулки и носки.

Альбомъ образцовъ высылается за 42 коп. почтовыми марками.
Торговый „АНДРЕЙ СТЕПАНОВЪ и СЫНЪ“ Домъ.
Саратовъ. Никольская, противъ Музея.
Ц. № 9757 4-4
Телеграммы: Саратовъ, Андрею Степанову.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлонурыхъ, желтая вода для brunetomъ.
Флаконъ 1 р. 75 н., большой 3 р. 50 н.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5121 (192)

Модные духи — Виола Одората Ауриха
О-де-колонъ — Виола Одората Ауриха
Жирная пудра — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Колокольная, 18/19. В. № 9724 16-4
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

МЫСЛЬ ДОВОРОЙ НАДЕЖДЫ
ПРЕМИРОВАННЫЯ КАПСКІЯ ВИНА

E. PLAUT приобрѣли высокую репутацію превосходныхъ десертныхъ. Высокаго качества капскихъ винъ E. Plaut изъ Капштата.
Доказаны наслѣдованіями научн. авторитетовъ.
Подлинность капскихъ винъ можетъ быть удостовѣрена консулствомъ южно-африканск. Оранжевой земли въ Гамбургѣ.
Главный складъ капскихъ винъ E. Plaut: вилоторгова **И. Д. РИТЦЕРЪ**, въ С.-Петербургѣ.
Главн. складъ и контора: уг. Гороховой и М. Морской, 9/12. Ц. № 9855 2-1
Магазины: у Вознесенск. моста, д. 79/23 и у Колюшен. моста, д. 1/8.
Складъ въ Москвѣ: Н. Э. Мотцгеръ преими.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE
DENTIFRICES
des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
DE
Abbaye de Soulac,
Dom **MAGUELONNE, Prieur.**
Inventés en l'an **1373** par le Prieur **P. BOURSAUD**
VENTE EN GROS:
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.
VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
GRAND PRIX Expos. Int'l. Lyon 1894. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Exp. Int'l. Bordeaux 1895.
EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR *Maguellonne*

1878 г.

1882 г.

1896 г.

ТОВАРИЩЕСТВО ШЕРСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ТОРЖАНОВЪ

въ С.-Петербургѣ.

(Фабрика существуетъ съ 1841 г.)

Имѣеть честь довести до свѣдѣнія, что имъ выпущены къ предстоящему сезону слѣдующія

ТКАНИ НОВѢЙШИХЪ РИСУНКОВЪ:

Драпы гарусные для мужскихъ и дамскихъ весеннихъ пальто, жакетовъ и проч.

Твидь для мужскихъ лѣтнихъ костюмовъ и пальто, а также дамскихъ жакетовъ, накидокъ и проч.

Регалія брючная лѣтняя.

Чевіотъ разл. качествъ для костюмовъ и верхняго платья.

Конфекціонъ } для дамскихъ платьевъ, жакетовъ и проч.
Магнолія }

Плэды мужскіе новѣйшихъ костюмныхъ рисунковъ.

» дамскіе.

» для дамскихъ накидокъ, разл. кач. и рисунковъ.

А ТАКЖЕ:

Гладніе товары, какъ-то: Твидь, Чевіотъ, Насторинъ, Казанинъ, Пальтовое разл. цвѣтовъ и меланжей.

Издѣлія Товарищества распространены по всей Россіи и имѣются во всѣхъ выдающихся мануфактурныхъ и суконныхъ магазинахъ.

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ ТОВАРИЩЕСТВА:

Въ С.-Петербургѣ: внутри Гостиного Двора, № 129.

» **Москвѣ:** Ильинка, Юшковъ пер., д. Александрова.

» **Харьковѣ:** уголъ Монастырской и Карайновскаго пер.

» **Лодзи:** Петроковская ул., д. № 15 (Новый).

В. № 9042 4-2

Всѣ издѣлія снабжены фабричными знаками съ обозначеніемъ фирмы.

Всѣ издѣлія снабжены фабричными знаками съ обозначеніемъ фирмы.

Самаго лучшего качества по дешевымъ цѣнамъ:

СЕРИПНИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 руб.
МАНДОЛИНЫ по 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 р.
КОРНЕТЫ по 12, 15, 18, 22, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 90, 100, 150 и 250 р.
ФЛЕЙТЫ по 2, 4, 6, 8, 12, 18, 25, 35, 40, 50, 60, 75, 85, 90, 120 и 180 р.
КЛАРИЕТЫ по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60, 75 и 90 р.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты и ноты въ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ, рекомендуютъ

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій м.-А. Захарьина.

КАНА, НОВѢЙШЕ СОРТА, ЦВѢТУЩЕ ВЪ РОДѢ ОРХИДЕЙ

ИТАЛІА за шт. 3 марки, АВСТРІА за шт. 1.50 мар.
Выдающаяся новость, полюбившаяся въ всемъ новомъ иллюстрированномъ **КАТАЛОГѢ** на 1897 г. овецой, дѣловыхъ и экономическихъ сѣмянъ, растений и др. только что вышедшемъ изъ печати. Высылается безплатно по требованію.

Хр. Лоренцъ, придворный по-ставщикъ, ЭРФУРТЪ ГЕРМАНІА.

Первая и лучшая сѣмяноторговля и садовое заведеніе, урочае въ 1894 году

НА РОСТОВАНІЕ И ВОССТАНОВЛЕНІЕ ВОЗРАСТАЮЩИХЪ ДЕТЕЙ

САВЕНА
60. ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ПОЖЕЛОВАТЬ СЕБѢ

НЕУЖИВНЫ ВЕЩИ

АУДИОНЪ ПО СТРАЖИМЪ ВОСОСТАВЛЕНІЮ 500

ТЕЛЕФОНЪ 1141

Новый прейсъ-курантъ иллюстр. за 1897 г. Оружейнаго Склада водъ фирмою: **«Центральное депо оружія»** Б. Коллонтаевъ, 29. Эд. Веллингъ. За приложеніемъ духъ 7 к. почт. марокъ вмѣст. безплатно. Много новостей.

Съ разъ удостоены первыя награды **СКРИПКИ**, самыя лучшія и дешовыя въ настоящее время, неподражаема по тону и качеству, отъ 6-30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ—отъ 30-200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 11-50 мар. Фугляры 31-40 мар. Цитры 18-300 мар. Гитары 6-50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Чѣмъ скрипка для ученика (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендациі отъ Вилгельми, Саразате, Сора, Зиггера и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
К. № 9869 Вейсбахъ. 5-3

За 60 к. (марками) высылается новая книга: Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять **ПАМЯТЬ.** Необходимое руководство для учащихся. Адресъ: СПб. Невскій пр., д. 108, кв. 42. В. Вельяминовъ. Ц. № 9854

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и перестройки **КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ** В. Г. Уландъ, Лейпцигъ. W. H. Umland, Leipzig. Прейсъ-кур. высылается безплатно.

ВЪНСКІЙ ШИКЪ роскошный журналъ модъ, издаваемый въ Вѣнѣ на русскомъ, французскомъ и немецкомъ языкахъ. Желающимъ подписаться высылается пробный номеръ безплатно. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій 80. Контора редакціи «Вѣнскій Шикъ».

КОРНЕТЬ-а-ПИСТОНЫ и всѣ другіе духовые мѣдные и деревянные инструменты. **РОЯЛИ, ПИАНО, ФИСГАРМОНИ.**

СИРПКИ отъ 2-100 р.
ГИТАРЫ . . . . . 3-75 р.
БАЛАЛАЙКИ . . . . . 1-20 р.
МАНДОЛИНЫ . . . . . 10-75 р.
ЦИТРЫ . . . . . 8-75 р.

и всѣ прочіе струнные а также механическіе и самограющіе инструменты и принадлежності рекомендуютъ

І. Ф. МЮЛДЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Волкова.
Требуютъ иллюстр. прейсъ-курантъ.

ЦВѢТУЧАЯ ВОДА РАЛЕ

Майскій Ландшпигъ, Изабелъ-Виллингъ, Гейдгоппель, Вера-Виллетта и т. д. Продается во всѣхъ Аптекахъ, мясныхъ Россіи, Имперіи

РЕМИНГТОНЪ
Торговій Домъ

Около 1000 машинъ Ремингтонъ въ употребленіи въ министерствахъ въ одномъ Петербургѣ. Общій сбытъ около 150,000.

Лѣчебница д-ра Эммериха для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ. **Бадень-Бадень.** 24-1
Проспекты безплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейнцда въ Берлинѣ. Завѣдыв. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзенъ.

К. Шликэizenъ, Берлинъ SO.
машинно-строительныя заводы для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (48)
Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для нечухъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляціонную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

ФРАНЦУЗСКІЕ НИКЕЛЕВЫЕ КАРМАННЫЕ ЧАСЫ
съ заводомъ безъ ключа, ремонтуаръ, американскій ходъ. Цѣна съ пересылкою только 3 р., 3 шт. 8 р. 40 к., 5 шт. 13 р. 50 к. Въ Азиатской Россіи съ прибавленіемъ части въсѣмхъ. Требования и деньги прошу адресовать: М. М. ХАЗАНОВУ, Варшава, Портв. улица, № 458. При задатѣ 50 к. почт. марками выслать и наложеннымъ платежомъ.

НЕ ТРЕБУЮТЪ КОВКИ И ДАЮТЪ ПРЕКРАСНУЮ МУБУ **ВОГЕЖСКИЕ ЖЕРНОВА ЮСИФА ТРАППА.** **ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛОЖЪ.**
НОВѢЙШЕ МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ на прочныхъ деревянныхъ станкахъ. Отдѣльными части постановъ. Ручныя и конноприводныя мельницы.
АМЕРИКАНСКІЕ СТАЛЬНЫЕ ЛОКОМОБИЛИ Сѣвер.-Амер. машинно-строительныхъ компаній, прочныя, несложныя, легкоперевозимыя, толка дровами, к. углемъ, нефтью или соломомъ. Цѣны ДЕШЕВЫЯ.
АМЕРИКАНСКІЯ ТУРБИНЫ ЛЕФФЕЛЯ съ огромной выгодой зашвыряютъ водяныя колеса. Работаютъ круглый годъ. Ц. № 9810

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невскій пр., № 97. **В. ЖУКОВСКІЙ.** 3-2

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896.
А.М. ОСТРОУМОВЪ
Москва, Дворянъ Р. С. А.
МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
МЫЛО ДѢТСКОЕ изъ ТУРАЙ ЧЕРВАМЪ
ОДЕ-СОВЕРЪ вода отъ перхоти
ВЪСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА ПРОДАЮТСЯ РЕЗДЪ

ВАЖНО ДЛЯ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ВОДЯНЫХЪ МЕЛЬНИЦЪ!
ТУРБИНЫ (двигатель, зашвыряющій съ большимъ пользой водяныя колеса) строятъ спеціально для сельскихъ мельницъ фирма **А. ТИМЕ, г. Опочка, Пск. губ.**
Турбинами премированы медали на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 года и въ Псковѣ 1894 года. 125 штукъ въ ходу. При запросѣ сообщать высоту водоема и количество воды. Брошюра о турбинахъ и цѣны безплатно. № 9771 2-2

XXVIII:

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 18 января 1897 г.

Цена гого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

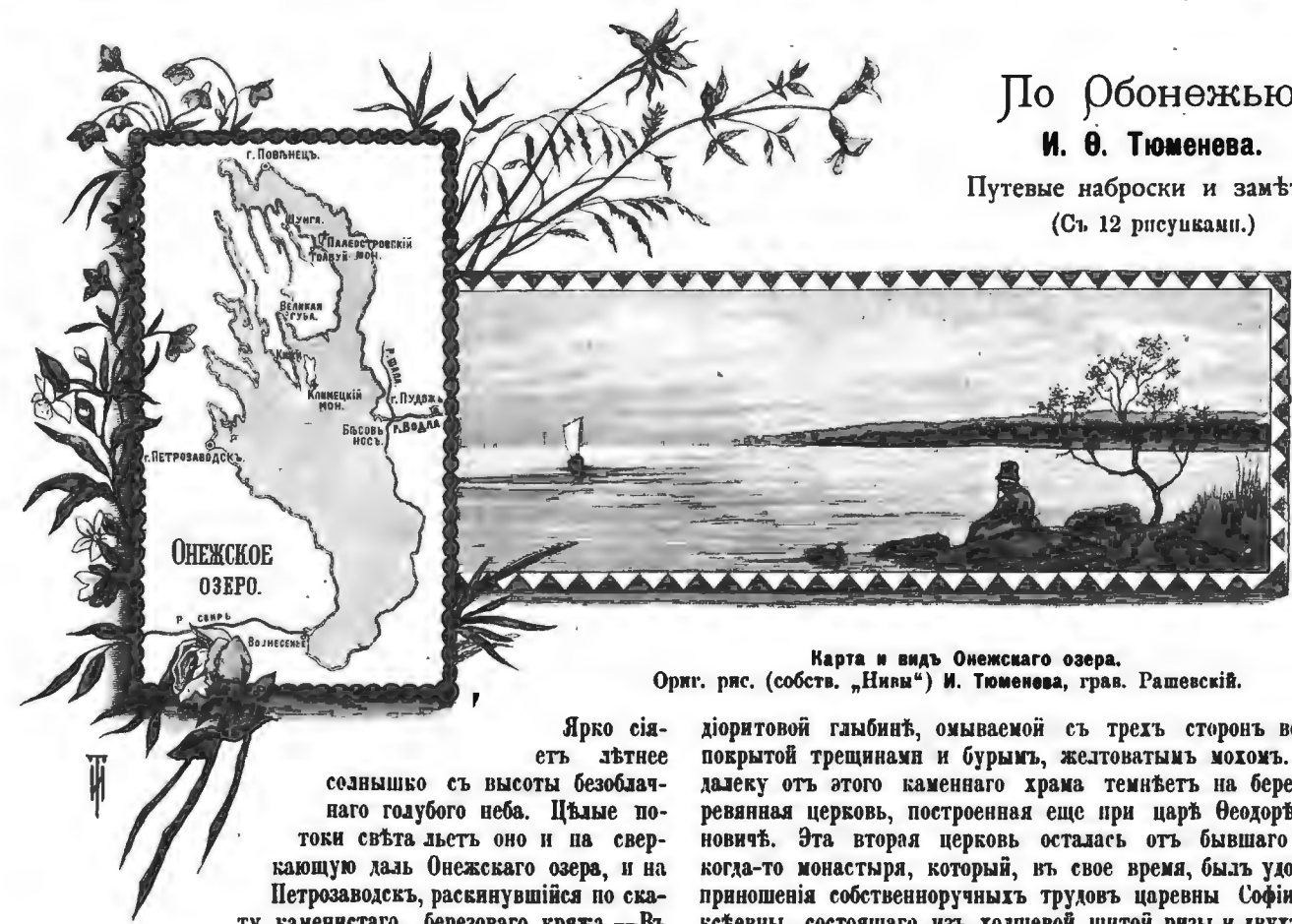
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержущихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москву чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	------	--	------	--------------------------------------	------------	---	------	---------------------	-------

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 3 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за Январь 1897 г.

По Обонежью.

И. Ө. Тюменова.

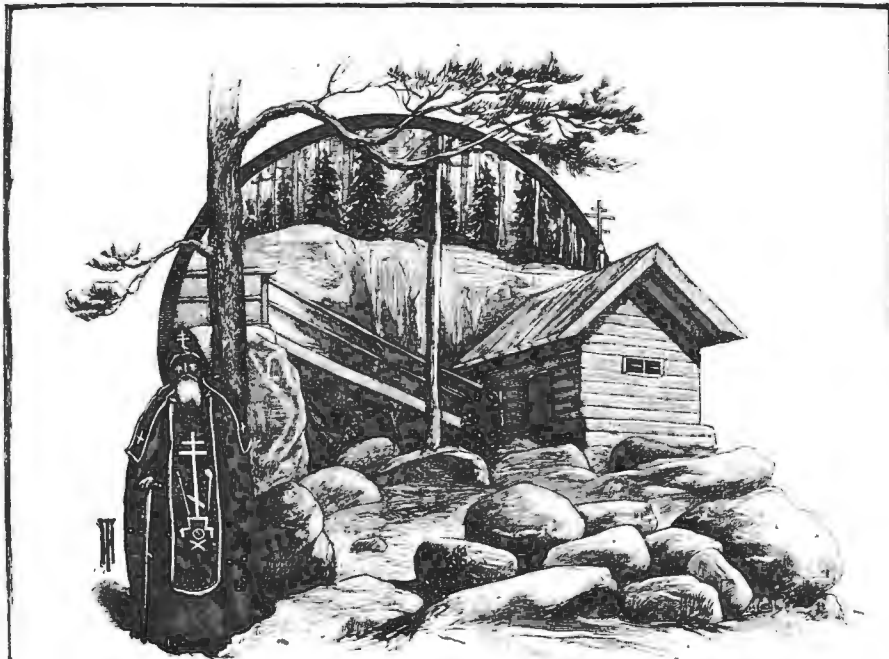
Путевые наброски и замѣтки.
(Съ 12 рисунками.)

Карта и видъ Онежскаго озера.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Тюменова, грав. Рашевскій.

Ярко сіяетъ зѣтнее солнышко съ высоты безоблачнаго голубого неба. Цѣлые потоки свѣта льетъ оно и на сверкающую даль Онежскаго озера, и на Петрозаводскъ, раскинувшійся по скату каменистаго, березоваго кража. — Въ глубинѣ Петрозаводскаго залива яркимъ пятномъ бѣлѣтъ церковь Соломенскаго погоста, созданная буквально «на камени», т. е. на громадной

діоритовой глыбинѣ, омываемой съ трехъ сторонъ водою и покрытой трещинами и бурымъ, желтоватымъ мохомъ. Неподдалеку отъ этого каменнаго храма темнѣетъ на берегу деревянная церковь, построенная еще при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Эта вторая церковь осталась отъ бывшаго здѣсь когда-то монастыря, который, въ свое время, былъ удостоенъ приношенія собственноручныхъ трудовъ царевны Софіи Алексѣевны, состоящаго изъ холщевой шитой ризы и двухъ шелковыхъ плетеныхъ поясовъ. Но если Соломенное интересно своею древностью и воспоминаніями о царевнѣ Софьѣ, то Петрозаводскъ, ровесникъ Петербурга, еще болѣе приковываетъ

наше внимание, как дело рук самого Петра. Там, где сестра видит только монастырь и жертвуетъ въ него облачение, братъ открываетъ богатая залежи металлической руды и основываетъ свой чугунный заводъ, составившій ядро, изъ котораго съ теченіемъ времени образовался нынѣшній городъ. И до нашихъ дней Петрозаводскъ еще полонъ воспоминаніями о своемъ вѣнценосномъ основателѣ. Вотъ старый деревянный соборъ, построенный Петромъ въ видѣ башни, вершина которой служила ему въ то же время и обсерваторіей, вотъ общественный садъ, въ которомъ не мало деревьевъ посажено собственными руками государя и въ которомъ стояла его поход-

Пещера преподобнаго Коримлія, близъ Палеостровскаго монастыря.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Тюменева, грав. Пястусевичъ.

ная церковь и небольшой деревянный дворцъ. Вотъ наконецъ и остатки доменныхъ печей Петровскаго завода, перенесеннаго въ послѣдствіи нѣсколько далѣе отъ берега и теперь называющагося Александровскимъ.

Отъ города, далеко вдаваясь въ заливъ, тянется длинная дамба, по которой снуютъ народъ и погромыхиваютъ стариннаго покроя извозничьи дрожки. Въ концѣ дамбы, у пристани, дымятся, готовый къ отплытію, пароходы «Петрозаводскъ». Онъ отправляется въ тотъ интересный, своеобразный край сѣвернаго и восточнаго Онежскаго побережья, гдѣ сохранилось еще такое богатство родной старины въ историческихъ воспоминаніяхъ, въ преданіяхъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, словомъ, — во всемъ складѣ жизни мѣстныхъ обитателей, о которыхъ покойный А. Ф. Гильфердингъ, извѣстный собиратель народныхъ былинъ, писалъ въ свое время: «Народа доброе, честное и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ: онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепримствомъ, сколько отсутствіемъ корысти». Народъ этотъ, потомокъ древнихъ «новгородскихъ удалыхъ добрыхъ молодежь», основавшихъ здѣсь въ царствѣ корельскаго племени свои славянскія колоніи, и по сей часъ воспоминаетъ въ пѣснѣ о своихъ предкахъ:

Были людишки тогда да не штукавыи,
Не штукавы они были, запростѣйшіи.

Вспоминаетъ, какъ они —

Придались въ подивѣрну сторонушку
На званы острова да эти книжскіи,
Во славное во общество во Толвую:
Были добры у нихъ кони пноходныи,
Были славны корабли да мореходныи.

Каковы были предки, таковы и потомки. —

Мужики живутъ здѣсь великіи смѣлугица:
Ни на морѣ не боятся непогоды,
Ни въ лѣсахъ дремучихъ звѣрей оны рыскачѣи,

Ни судей не боятся страховитыихъ.
Женщины здѣсь спалливыи (?) домовушки
И великіи страпаюшныи;
Оны страпаютъ стряпню новгородскую:
Нагольняки, сканцы, припечьяки,
Рядовики, пироги-тонки-приженки.

Здѣсь, говорить пѣсня:

Добры молодыи носитьъ поддевочку дорогныхъ суконъ,
На ножкахъ сапожки козловыи,
Кругъ сердечка кушачки шелковыи,
На головѣ шляпошки пуховыи,
Оны ходятъ-то удалы,—подтяни пога.
Красны дѣвушки рядятся въ цвѣтное, баепетое платьице,
Сарафаны новомодныи, раструбистыи;
На голову кладутъ жемчужную подвѣсочку,
По подвѣсочкѣ—розову косыночку;
Въ завивную свою косу русую
Вплетаютъ золотыи, дорогіи эти ленточки;
Во ушеньки сережки брилліантовы,
На бѣлую грудь цѣпочку золоченую.

Но отъ поэзіи до дѣйствительности существуетъ, какъ извѣстно, довольно почтенное разстояніе, и мы бы весьма ошиблись, если бы на основаніи пѣсни вообразили, что край течетъ медомъ и млеко, а жители только и знаютъ, что похаживать въ поддевочкахъ дорогныхъ суконъ и въ «новомодныхъ», раструбистыхъ сарафанахъ. Это только казюля праздничная сторона народнаго быта, на которой пѣснецъ отводитъ свою душу; другая сторона его жизни, будничная, не требуетъ стиха для своего изображенія; оно и въ прозѣ выходитъ довольно краснорѣчиво. — «Трудно передать словами, — говоритъ Гильфердингъ: — какого тяжелаго труда требуетъ отъ чловека эта сѣверная природа. Главныи и единственно-прибыльныя работы — распахиваніе «нивь», т. е. полянь, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная

ловля въ осеннее время — сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это — народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова. — Въ древнихъ помянникахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣ, — говоритъ другой писатель, г. Барсовъ: — мы постоянно встрѣчаемъ имена потопившихъ, древомъ убиенныхъ, звѣремъ растерзанныхъ, демономъ уведенныхъ». Словомъ, не легко достается здѣсь чловеку побѣда надъ суровою сѣвѣрною природою. Еще на самыхъ берегахъ Онежскаго озера крестьянину живется легче, но на сѣверъ и востокъ отъ нихъ вся сторона почти сплошь покрыта непролазными болотами и непроходимыми лѣсами. Дорогъ почти нѣтъ, и отъ деревни до деревни приходится пробираться по тропкамъ, не иначе какъ пѣшкомъ, или верхомъ. Здѣсь становится немалымъ наша обыкновенная телѣга и замѣняется лѣтомъ и зимою одними дровнями, или же особымъ приспособленіемъ, носящимъ названіе «волоковъ» и состоящимъ изъ двухъ оглобелъ, концы которыхъ волочатся по землѣ и скрѣплены дощечкою для привязыванія клады. Здѣсь не растетъ ни греча, ни капуста, ни огурцы, ни лукъ, и пищу крестьянина составляетъ часто овесъ, приготовляемый различными способами. Много и упорно приходится трудиться здѣшнему жителю; но у него, съ другой стороны, есть и свои наслажденія, которыхъ другіе почти не знаютъ. Въ длинные зимніе вечера въ избѣ его раздаются звуки могучей богатырской былины. Вѣря ей во всей простотѣ своей безхитростной, отзывчивой души, онъ на время забываетъ окружающее и въсьмъ своимъ существомъ переселяется въ туманную, таинственную даль минувшаго. Передъ его воображеніемъ встаютъ величавые образы «славныхъ могучихъ богатырей»: и старый матерой казакъ Илья Муромецъ, и

вѣжливый Добрынюшка Никитичъ, и Алеша Полювичъ, и Михайло Потыкъ, и Чурило Пленковичъ, и наконецъ самъ Красное Солнышко, ласковый Владиміръ князь. Эти образы освѣжаютъ его душу, согрѣваютъ сердце, подкрѣпляютъ на новые труды, на новые подвиги. И всего замѣчательнѣе, что все это происходитъ всего въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ дняхъ пути не отъ Кіева, или хотя бы отъ Москвы,—а отъ Петербурга, самаго европейскаго города во всей Россіи и мѣста средоточенія всякой заморской хитрости-мудрости.

Публика собирается на пароходъ, но туристы, въ числѣ пассажировъ, всего только двое, — мы съ товарищемъ, — остальные все мѣстные жители, давно уже знакомые другъ съ другомъ, такъ-что появленіе каждаго новаго лица въ рубкѣ I класса непременно сопровождается общимъ восклицаніемъ:

— А вотъ и опъ!

Или же, въ первомъ лицѣ:

— А вотъ и я!—Тѣ же и я! и т. п.

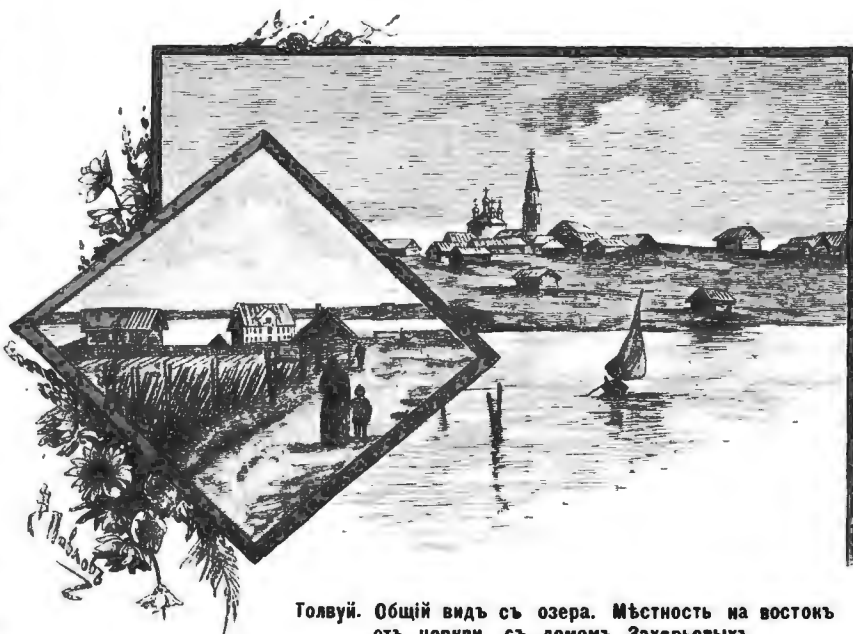
Рѣже слышится возгласъ:—Сколько лѣтъ, сколько зимъ! — но зато онъ уже сопровождается обязательными объятіями и лобзаніями.

Впрочемъ и новыя знакомства завязываются здѣсь очень просто.

Простота нравовъ чувствуется во всемъ. Въ городѣ намъ сказали, что пароходъ отправляется въ 9 часовъ утра, но вотъ уже и 10, и 11, а пароходъ все еще продолжаетъ грузиться. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не оставитъ же кладъ на пристани? А относительно того, чтобы приходить и отходить въ срокъ, такъ здѣсь не Америка.—торопиться и гнать слома голову некуда, да и не зачѣмъ. Въ рубкѣ, подъ лѣтницей въ нижнюю каюту, вносить часы и идти повидимому вѣрно. Какой-то старичокъ изъ пассажировъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на

нихъ, подошелъ, потянулся черезъ перила и подвинуть стрѣлку минутъ на 40 назадъ.—Вотъ вамъ и время выгадано!

Наконецъ нагрузка окончилась, и нашъ «Петрозаводскъ» тронулся. Мы миновали красивые Ивановскіе острова, распо-

Толвуй. Общій видъ съ озера. Мѣстность на востокъ отъ церкви, съ домомъ Захарьевыхъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Шюблеръ.

ложенные при входѣ въ Петрозаводскій заливъ и не помѣченные даже на картѣ десятиверстнаго масштаба. Намъ это нѣсколько удивило, но мѣстные жители отнеслись къ пропуску гораздо спокойнѣе; по ихъ словамъ, здѣсь и на специальныхъ-то картахъ многого не найдешь, не говоря уже о картахъ общихъ. Промѣры, правда, производятся изъ-года-въ-годъ, но пока они будутъ окончены, пока составится точная и подробная карта озера, пройдетъ не мало времени, а пока приходится ходить чуть не ощупью. Между тѣмъ дно озера крайне неровно и опасно. Достигая глубины въ 200 сажень (тогда какъ глубина Ладожскаго озера, даже въ сѣверномъ концѣ, не превышаетъ 122 сажень), капризное Онего изобилуетъ подводными лудами, скалами и пространными отмелями, усыпанными валунами. Если прибавить къ этому частыя бури и туманы, то становится вполне понятнымъ, почему жители такъ интересуются каждою новою картою, каждымъ новымъ свѣдѣніемъ относительно озера. Наверху, на штурвальной площадкѣ мы познакомились съ капитаномъ Абрамомъ Андреевичемъ Ишанинымъ, опытнымъ мореходомъ, который прекрасно знаетъ свои пути по озеру.

Вскорѣ завязался общій разговоръ о здѣшнемъ лѣсномъ «помѣщикѣ», — какъ въ шутку называютъ его народъ, извѣстнымъ въ остальной Россіи подъ именемъ генерала Топтыгина. Одинъ изъ собесѣдниковъ передаетъ недавній случай, слышанный имъ въ Петрозаводскѣ отъ нѣкоего Дмитрія. Шли они, человекъ двѣнадцать, по познюю верстахъ въ 20 отъ города: были тутъ и мужчины и бабы, народъ все городской. Идутъ они тронкою, гуськомъ. Вдругъ изъ лѣсу что-то темное показывается. Думали сначала — лошадь бѣжить. Оказывается—громдкая медвѣдица и за нею два медвѣженка. Несутся какъ разъ наперерѣзъ тропы. За Дмитріемъ сзади баба шла, несла подъ мышкою разные припасы. Медвѣдица прямо на нихъ, да какъ вскопчтъ между ними и бабой! Баба съ ногъ полетѣла и припасы ея всѣ въ разныя стороны покатылись. Къ счастью, медвѣдица чѣмъ-то была сильно сама напугана и помчалась дальше, а медвѣжата, струсивъ общаго крика, повернули назадъ къ лѣсу.

— Городскимъ-то медвѣдь диковинка, — замѣтилъ одинъ изъ слушателей, — а въ деревнѣ это дѣло обыкновенное. У насъ одинъ мужичокъ поѣхалъ за рыбой, а вернулся съ медвѣдемъ.

— Какъ такъ?

— Выѣхалъ опъ на свое озеро въ лодкѣ съ сѣтями, глядитъ — медвѣдь плыветъ. Они вѣдь прекрасно плаваютъ, —

Остатки доменной печи Петровскаго завода въ Повѣницѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Шлиеръ.

обернулся къ намъ разсказчикъ, — вереть по 12 проплыть могутъ. Вотъ хорошо. Парень-то нагналъ его да наудачу и брось на него сѣти,—попалъ. Онъ—другую, третью, да такъ его запуталъ, что тому и не поворотиться. Добили его весломъ да на буксиръ домой везеть, а отъ хозяйна дома выговоръ получили, зачѣмъ сѣти попортили.

Когда мы слушали эти разсказы, намъ невольно припомнились слова В. Л. Майнова объ отношеніяхъ мѣстныхъ крестьянъ къ медвѣдю. Отношенія эти до-нельзя просты. «Право,—говорить онъ:—медвѣдь здѣшнему крестьянину чуть развѣ пострашиѣ собаки. — Пошелъ это разъ я на рябцовъ и винтовочка-то припасена у меня такая, что для нихъ поспособиѣ,—малопульная. Иду это я такъ ввечеру, домой ужъ завернулъ,—а онъ вотъ онъ! (Народъ здѣсь никогда въ разсказѣ не скажетъ «медвѣдь», а всегда говорить или «онъ», или инымъ путемъ старается не назвать звѣря его именемъ.) Что тутъ дѣлать? Взялъ это я рогатину половчѣ, да пхнулъ ему въ подгрудь; такъ ишь она шельма не угодила! Прямотаки ему въ кость—ни впередъ, ни назадъ. Онъ лапами-то ухватилъ ее, нажимасть, а она съ кости-то никакъ не сойдетъ. Такъ полтора сутокъ мы съ нимъ сѣдѣвшисъ вокругъ березки ходили — полянку ишь ка-

кую вытоптали! Сорвалася-таки съ кости». — А вотъ другой случай: «Шель охотникъ полѣсовщикъ, а къ поясу-то у него привѣшены коппалы (тетерева). «Только слышу я, кто это

Спасо-Преображенская церковь въ Нижнѣхъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевскій.

Палеостровскій монастырь. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Шюблеръ.

у мене толконеть, да какъ копзалу-то потянетъ. Думалъ все, что за сучья цѣпляюсь, анъ глядь—онъ. Я ему: эй оставь! не твое дѣло полѣсованье! а онъ опять! Я ему: эй! брось

хранятся нѣсколько интересныя, древнихъ иконъ, но особенно замѣчательна, для глаза, непривыкшаго къ сѣвернымъ постройкамъ, обработка потолка въ видѣ многограннаго шатра,

повѣнецъ. Трантъ на Соловки.
Ориг. рис (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевскій.

лучше! не то зарублю! Нѣтъ, братецъ ты мой, такъ и тянетъ! Я его это маленько винтовкой-то опоясалъ; опять пристагъ!—Ну что же? спрашиваю.—«Что-жъ? зарубилъ, только и толку было».

Съ медвѣдей рѣчь у насъ перешла на волковъ, и Абрамъ Андреевичъ разсказалъ довольно оригинальный случай: ѣхалъ мужичокъ зимою съ сыномъ, порядкомъ навеселѣ. По дорогѣ навстрѣчу имъ бѣжить волкъ; увидалъ людей, дѣлать нечего,—спрыгнулъ въ снѣгъ,—а снѣгъ-то глубоко былъ,—и сидитъ, пережидаетъ, пока пробѣдутъ. У мужичка въ головѣ хмель бродитъ; обидно ему показалось, что волкъ не бѣжить.—«Стой, Тимошка!»—говоритъ сыну: «я его, каналья! Опъ у меня лѣтомъ двухъ барановъ зарѣзалъ, а теперь разсѣлся въ снѣгу, да поглядываетъ, точно такъ и надо!»—Да не долго думая изъ саней-то и махъ въ сугробъ!—Бросился волку на спину и схватилъ его такъ, что тому не повернуться.—«Бей, Тимошка!»—кричитъ.—Да чѣмъ? Въ саняхъ ничего не было, кромѣ бутылки съ масломъ,—бутылка-то, правда, толстая, изъподъ шампанскаго,—закупорили пробку покрѣпче, да бутылкой волка и убили.

Пароходъ, между тѣмъ, побывавъ въ Сѣнной губѣ, подходилъ ко второй своей пристани—Кижамъ.

Расположенный на островѣ Кижскій погостъ можетъ, по справедливости, гордиться своей церковью, представляющею рѣдкостный образецъ многоглаваго типа въ церковной деревянной архитектурѣ. Она построена около половины прошлаго столѣтїя и освящена во имя Преображенїя Господня (рис. на стр. 52). Въ планѣ храмъ имѣетъ форму креста, каждая сторона котораго крыта тремя уступами, и на каждомъ изъ этихъ уступовъ поставлено по главкѣ, такъ-что въ общемъ крыша вѣнчается болѣе нежели 20-ю главами. Въ самой церкви

упирающагося вершиною въ кругъ и расписаннаго изображенїями святыхъ; такая обработка носитъ здѣсь названїе «неба». Съ постройкою церкви связано преданїе о бунтѣ, бывшемъ около того времени въ Кижяхъ. «Церковь-то прежде не здѣсь ставить хотѣли,—разсказывали намъ:—вонъ пригорочекъ-то съ часовенкой, направо-то—тамъ и рѣшили, туда ужъ и бревна свезены были. Только стали въ ту пору Кижы подъ заводъ подводить. Прїѣхалъ енаралъ, прочталь указъ, а мужички-то заупрямились,—никто подписываться не идетъ. Енаралъ велѣлъ пушку навести. Солдатъ навелъ пушку.—«Много-ли народу возьметъ?»—спрашиваетъ енаралъ-то.—«Человѣкъ 75 возьметъ.—«Много».—Навели пушку повыше.—«Много-ль возьметъ?»—Человѣкъ

Толуѣй. Домъ Халтурина, 1812 г. Мѣстная телѣжка.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Шлиперъ.

25.—«Много». — Навели еще выше. — «Много-ли теперь возьмет?» — Не могу знать, — человекъ пять или семь. не больше. — «Валий!» — Какъ кровь пролилась, и выходитъ Климонъ старикъ, — борода съдая, долгая. — Я, говоритъ, желаю Богу и великой Государыни служить. — А сначала-то его за бороду: — «Ты, говоритъ, пушки послушался, а не указу». — Только ужъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кровь пролилась, церковь ставить было неловко, и перенесли ее сюда». А кижанъ и посейчасъ еще дразнить: «Не робѣй, Парамонъ: осинова пушка, ольховныя ядра, — откуда не выстрѣлено!»

Слѣдующая за Кижами остановка была въ Великой Губѣ, по выходѣ изъ которой пароходъ вступилъ въ плѣсо, называемое «Красное поле», почти сплошь устьяное островами, мелями и подводными камнями. Пароходъ поминутно дѣлалъ различные повороты, изгибы и описывал самые прихотливые зигзаги. Если бы путь его по Красному полю выразить въ линіи, то получилась бы крайне интересная иллюстрація къ характеристикѣ озера.

Въ Неподалеку отъ Краснаго поля намъ указали сѣверную вдали сѣверную оконечность Климецкаго острова, на южномъ концѣ котораго находится извѣстный во всей мѣстности Климецкій монастырь, основанный въ первой половинѣ XVI столѣтія Иоанномъ, сыномъ новгородскаго посадника Климентова.

Къ 11 часамъ вечера пароходъ пришелъ въ село Кузаранду (названное на картѣ почему-то Казаранскою выставкою). Здѣсь жила извѣстная и Петербургу вопленица старушка Фодосова, познакомившая столичныхъ жителей съ характерными запла-

чимъ чувствомъ, что вызывають невольныя слезы у слушателей.

Надъ озеромъ давно уже спустилась бѣлая июньская ночь, когда нашъ «Петрозаводецъ» тронулся далѣе. По сѣверной части горизонта тянулась алая полоска зари, — не то послѣд-

Село Шунга, на озерѣ Путкозерѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Шюблеръ.

ній отблескъ погаснаго заката, не то провозвѣстница новаго, приближающагося разсвѣта. Кругомъ стояла полная тишина. Утомившееся Онего точно заснуло въ своихъ широкихъ берегахъ; въ его зеркальной глади отражалась глубокая, безпредѣльная высь неба, и ближній берегъ, и эта дальняя свѣтлая полоска не сходящей съ горизонта зари. Взглянувъ въ послѣдній разъ на эту мирную картину торжественнаго покоя природы, мы послѣдовали примѣру другихъ пассажировъ и удалились на отдыхъ.

Въ 2 часа ночи въ нашей рубкѣ раздался голосъ матроса: «Господа, кто желаетъ Богу молиться, такъ сейчасъ монастырь; приставать будемъ.»

Пароходъ подходилъ къ Палеостровской обители, находящейся въ 160 верстахъ отъ Петрозаводска (рис. на стр. 52). (Остановка у монастыря для парохода необязательна и зависитъ отъ воли капитана). На пристани уже стояли разбуженные свисткомъ монахи, явился вскорѣ и настоятель, и лишь только пароходъ остановился, какъ всѣ пассажиры гурьбою поспѣшили на островъ поклониться мощамъ основателя обители преподобнаго Корнилія и побывать въ его пещерѣ. Извѣстно, что Корнилій былъ родомъ псковичъ, постригся уже въ зрѣломъ возрастѣ, долгое время странствовалъ по монастырямъ, избирая мѣсто для духовныхъ подвиговъ, жилъ пѣкоторое время на Валаамѣ и наконецъ поселился на этомъ островѣ, посвятивъ названіе «Пальи» или «Вепальи» отъ обилия водившейся вокругъ него рыбы — палы. Когда къ нему на островъ стала собираться братія, онъ построилъ церковь Рождества Богородицы и другую во имя Ильи Пророка съ трапезою. Управляя монастыремъ, онъ часто удалялся для уединенной молитвы въ пещеру на окраинѣ острова, гдѣ и скончался. Тѣло его было перенесено въ монастырь ученикомъ и преемникомъ его Аврааміемъ, также прославившимся строгою подвижническою жизнью. Оно поконится теперь въ соборной церкви, въ гробницѣ, которая, по словамъ Челищева, бывшаго здѣсь въ 1791 году, запе-

Бѣсовъ носъ и находящіяся на немъ древнія изображенія. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Шюблеръ.

ками и причитаваемы сѣвернаго края. Хотя здѣшнія женщины и знаютъ многія былинны и поютъ ихъ въ качествѣ «сказительницъ», но главною ихъ специальностью остается все-таки свадебная и похоронная лирика, которая часто бываетъ настолько картинна, настолько проникнута глубокимъ, искрен-

ными чувствами, что вызывають невольныя слезы у слушателей. Утомившееся Онего точно заснуло въ своихъ широкихъ берегахъ; въ его зеркальной глади отражалась глубокая, безпредѣльная высь неба, и ближній берегъ, и эта дальняя свѣтлая полоска не сходящей съ горизонта зари. Взглянувъ въ послѣдній разъ на эту мирную картину торжественнаго покоя природы, мы послѣдовали примѣру другихъ пассажировъ и удалились на отдыхъ.

чтана будто бы Петромъ Великимъ. Но если о жизни преподобнаго сохранились по преданію кое-какія скудныя свѣдѣнія, то вопросъ, въ какое время онъ жилъ и когда основанъ монастырь, остается и понынѣ открытымъ. На основаніи одной грамоты государей Иоанна и Петра Алексѣевичей время основанія монастыря можно повидимому отнести къ XII вѣку. А именно, въ ней встрѣчается слѣдующее мѣсто: «въ прошлыхъ де годахъ, тому съ пятьсотъ лѣтъ и болши новгородскіе посадники дали подъ строеніе того ихъ монастыря Палеостровскаго первоначальнику преподобному Корнилію на Онегѣ озерѣ Палей, Рѣчной и иные острова». Выраженіе «тому пятьсотъ лѣтъ и болши», употребленное въ 1691 году, которымъ помѣчена грамота, указываетъ на XII столѣтіе, какъ на время основанія монастыря. Но г. Звѣринскій, въ своемъ описаніи русскихъ монастырей, высказываетъ нѣкоторое сомнѣніе въ столь давнемъ существованіи обители. Замѣтивъ, что первое письменное о ней упоминаніе относится лишь къ 1391 году, онъ приводитъ выписку изъ описи 1582 года, въ которой, между прочимъ, сказано: «А на монастырь церкви Рождества Пречистыя Богородицы, да церковь Никола Чудотворецъ, да церковь теплая Ильи Пророкъ съ трапезою. А церкви поставлены и церковное строеніе прежняго игумена Корнилія». «Это извѣстіе, говоритъ онъ, заставляетъ усомниться, чтобъ монастырь былъ основанъ въ XII столѣтіи, такъ какъ церкви и строеніе деревянныя, построенныя Корниліемъ, едва ли могли сохраниться болѣе, чѣмъ въ теченіе 300 лѣтъ». Но тутъ же, впрочемъ, и самъ приводитъ примѣръ долговѣстннхъ деревянныхъ построекъ, указывая на древнюю церковь Муромскаго монастыря. Архимандритъ Игнатій, въ краткихъ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ говоря о преподобныхъ Корниліи и Аврааміи Палеостровскихъ, помѣщаетъ ихъ въ отдѣлъ XV вѣка и временемъ смерти Корнилія опредѣляетъ 1420 г., а нѣсколькими строками дальше замѣчаетъ, что нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій «ни о времени преставленія сихъ угодниковъ, ни о времени пришествія ихъ на островъ».

Въ XVII столѣтіи на монастырь падали лютовцы. Въ 1654 году здѣсь находился въ заточеніи Павелъ, епископъ Коломенскій, извѣстный, какъ одинъ изъ главарей раскола въ православной церкви. Въ настоящее время монастырь весьма бѣденъ, несмотря на большія угодья и лѣсныя дачи, жертвуемая ему въ разное время благотворителями и закрѣпленныя за нимъ царскими грамотами.

Отъ церкви, гдѣ предъ мощами св. Корнилія былъ отслуженъ молебенъ, мы отправились къ его пещерѣ, находящейся въ разстояніи около 200 сажень отъ монастыря, на берегу, покрытомъ скалами, камнями и рѣдкимъ ельникомъ. Деревянная лѣсенка ведетъ къ часовнѣ, составляющей преддверіе пещеры. Сама пещера настолько мала, что Челищевъ даже сомнѣвается, чтобъ преподобный могъ жить въ такой тѣсотѣ. «Тѣсная сія ущелина,—говоритъ онъ:—не имѣетъ довольно мѣста, чтобъ лечь и вытянуться человѣку, не имѣетъ ни окна, ни печки, ни горна, ниже крышки отъ дождя, снѣга и вѣтровъ». Но и въ житіи не говорится, чтобы святой жилъ здѣсь постоянно.

Онъ только удалялся сюда на время для молитвы и уединенныхъ подвиговъ, для которыхъ, конечно, никакого комфорта не требовалось (рис. на стр. 50).

На пароходѣ раздался первый свистокъ, и мы тронулись въ обратный путь къ монастырю.

Не успѣлъ нашъ «Петрозаводскъ» обогнуть Палеостровскаго мыса, какъ впереди, спускаясь по откосу кряжа, показалось на берегу селеніе Толвуй, съ пнемемъ котораго связано не одно историческое воспоминаніе (рис. на стр. 51).

Селеніе это упоминается въ грамотахъ, начиная съ XV столѣтія. Въ здѣшнемъ приходѣ родился въ небогатой крестьянской семьѣ извѣстный всей Россіи св. Зосима Соловецкій. Здѣсь же передъ уходомъ въ монастырь онъ служилъ работникомъ въ зажиточномъ домѣ семьи Захарьевыхъ, родъ кото-

Соборъ времени Бориса Годунова. Новый соборъ.
Соборы въ Повѣцѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевскій.

рыхъ и посейчасъ существуетъ въ Толвуѣ. Сюда же въ царствованіе Бориса Годунова была прислана въ заточеніе Кесія Ивановна, во инокиняхъ Марѳа, бывшая супруга боярина Феодора Никитича Романова, какъ извѣстно также постриженнаго подъ именемъ Филарета и сосланнаго въ Сійскій монастырь. Посланный съ нимъ приставъ Восейковъ былъ свидѣтелемъ, какъ сильно тосковалъ по женѣ и дѣтяхъ Филаретъ Никитичъ. «Жена моя бѣдная, паудачу уже жива ли?—говорилъ несчастный:—Гдѣ она? Чаю гдѣ-нибудь туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ. То мнѣ и лихо, что жена и дѣти; какъ помянешь ихъ, такъ словно кто рогатиною въ сердце кольнетъ!» Но нашлись добрые люди, которые, несмотря на всѣ строгости, отваживались хотя изрѣдка переносить вѣсти изъ Толвуя въ Сійскій монастырь и обратно; то были: попъ Ермолай Герасимовъ, крестьяне Глезуновы, Тарутины и другіе. И не забыла великая инокиня своихъ толвуйскихъ доброхотовъ. По вошествіи на престолъ государя Михаила Феодоровича, попъ Ермолай сдѣланъ ключаремъ московскаго Архангельскаго собора, и ему, вмѣстѣ съ сыномъ Исакомъ, пожалована вотчина въ Чезмужскомъ погостѣ. Тарутины, Глезуновы и сѣнногубскіе крестьяне Сидоровы—всѣ получили царскія объѣзныя грамоты, и потомки ихъ, до нашего времени, пользуются правами предковъ. У Ключаревыхъ въ Чезмужахъ

хранится, по слухамъ, портретъ великой инокини Марыи Ивановны, подаренный ихъ предкамъ вѣроятно еще въ Москвѣ.

Въ Толвуѣ мы познакомились съ мѣстнымъ старожиломъ Халтуриннымъ, домъ котораго составляетъ также своего рода достопримѣчательность. Выстроенный въ 1812 г., онъ является типичнымъ представителемъ мѣстныхъ построекъ стараго типа. Тамъ же неподалеку мы зачертили и образецъ мѣстной тележки, похожей скорѣе на продолговатую тачку съ колесами, вырѣзанными изъ цѣльнаго куска дерева (рис. на стр. 53).

Мѣсто терема царицы-инокини показываютъ на сѣверъ отъ церкви въ огородѣ, гдѣ и посейчасъ еще видны остатки какаго-то фундамента, заросшаго травою. Но трудно утверждать, что это остатки именно того дома, въ которомъ томилась въ заключеніи узница. Во-первыхъ, по замѣчанію Халтурина, въ Толвуѣ прежде было три церкви, и фундаментъ могъ остаться отъ одной изъ этихъ церквей; во-вторыхъ, каменные дома въ здѣшнихъ селахъ и въ настоящее время составляютъ величайшую рѣдкость, а въ началѣ XVII вѣка здѣсь не могло и быть другихъ построекъ кромѣ деревянныхъ. Въ свою очередь, Халтуринъ слышалъ отъ дѣда, которому было 90 лѣтъ, преданіе, что домъ находился не на сѣверѣ, а на востокѣ отъ церкви, въ полѣ, гдѣ теперь стоитъ небольшая крестьянская баня.

На полѣ у бани, конечно, никакихъ слѣдовъ не осталось. Впередѣ виднѣлся заливъ, огнибающій Толвуйскій полуостровъ, на берегу стояли два дома, одинъ изъ которыхъ принадлежитъ древнему роду Захарьевыхъ. Мы зачертили въ альбомъ этотъ унылый сѣверный пейзажъ, эту узкую полоску земли, на которой въ былое время трудился св. Зосима, этотъ заливъ и эти дали, на которыхъ останавливались когда-то унылые взоры томившейся здѣсь царственной затворницы.

Разставаясь съ Толвуемъ, замѣчу, что въ 7-ми верстахъ отъ селенія и посейчасъ еще существуютъ два небольшихъ поселка: Ближнее Царево и Дальнее Царево, получившіе будто бы свои названія отъ времени пребыванія здѣсь царицы-инокини. Въ ближнемъ Царевѣ есть родникъ, изъ котораго она, по преданію, пила воду. Вода въ родникѣ отличается и теперь еще чистотою и приятнымъ вкусомъ.

Отъ Толвуя пароходъ направился къ Повѣнцу, но по дорогѣ зашелъ еще въ Шунгу, играющую здѣсь роль мѣстнаго торговаго центра (рис. на стр. 54). На ея ярмаркахъ производился главный торгъ поморскими мѣхами, рыбою и дичью. Изъ мѣховъ сюда привозятся лисьи, бѣличьи, заячьи и оленьи и расходятся большими партиями: лисица—въ Петербургъ, бѣлка—въ Каргополь и Вологду, заяцъ—въ Ростовъ, олень—въ Архангельскъ. Между привозимою въ Шунгу дичью главное мѣсто занимаютъ рябчики, между рыбою—сухая треска. Еще не такъ давно обороты Крещенской ярмарки въ Шунгѣ доходили до 1.000.000 р.,

теперь они сократились болѣе чѣмъ на половину, благодаря тому, что рыба стала направляться на сентябрьскую ярмарку въ Архангельскъ, и дичь стали возить обозами прямо въ Петербургъ. Селеніе лежитъ на берегу Путъозера, въ полутора верстахъ отъ пристани, и издала, особенно съ высокаго горизонта окружающихъ холмовъ, представляеть очень красивую панораму. Отсюда озеро къ Повѣнцу считается не болѣе 30 верстъ.

«Повѣнецъ—миру конецъ»,—гласитъ мѣстная поговорка, и дѣйствительно городъ находится въ самомъ дальнемъ сѣверномъ краю озера. Берегъ, на которомъ онъ расположенъ, до того низокъ, что строения издали кажутся стоящими наполовину въ водѣ.

— Должно-быть отъ большого груза почва осѣдаетъ,—состригъ Абрамъ Андреевичъ.—Вѣдь въ городѣ, шутка ли, каменный домъ есть.

Онъ былъ правъ: во всемъ городѣ мы

нашли только одинъ небольшой каменный домикъ—убѣдное казначейство, остальные постройки всѣ безъ исключенія деревянные.

Впередѣ города расположенъ небольшой островокъ съ часовенкой,—это Поворотный островъ, съ которымъ связано преданіе о Петрѣ I. Совершивъ Нюхотскій походъ и достигнувъ Повѣнца, Государь, несмотря на бурное время, хотѣлъ, не теряя времени, тронуться далѣе, но буря и волны на озерѣ были такъ сильны, что даже Петръ принужденъ былъ повернуть обратно. Возвратясь въ Повѣнецъ, онъ отслужилъ напутственный молебенъ въ старомъ соборѣ передъ иконою св. Петра и Павла и шутливо замѣтилъ окружающимъ, что

Пѣвецъ былинъ Иванъ Аникиевичъ Касьяновъ.

Орис. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Пястухевичъ.

Портрет Рембрандта, писанный имъ самимъ. Грав. Бодъ.

повѣнецкій Петръ, сильнѣе московскаго. Преданіе прибавляетъ, что послѣ молебна буря вскорѣ утихла, и государь могъ безпрепятственно продолжать путь.

Пароходная пристань находится подлѣ соборовъ, стараго и новаго,—въ самомъ центрѣ городка. Соборы освящены оба во имя Петра и Павла (рис. на стр. 55). Новый соборъ построенъ сравнительно недавно, именно въ 1868 году, старый же относится ко временамъ Бориеа Годунова, и годомъ его построения считается 1600 годъ. Но Повѣнецъ, или, какъ тогда говорили,—Повѣнды, существовалъ еще при Грозномъ и принадлежалъ новгородскому Вязицкому монастырю. Къ 1680-му году торговля здѣсь успѣла настолько расширяться, что въ селеніи учреждена таможня, и само оно вскорѣ получаетъ названіе Повѣнецкихъ рядковъ. Въ 1703 году Петръ основалъ здѣсь небольшую чугуно-литейный заводъ, а въ 1782 году Повѣнецъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ.

По краю городка протекаетъ быстрая, вѣчно шумящая, порожистая рѣчка Повѣничанка, почти сплошь усеянная камнями и по слухамъ заключающая въ себѣ рѣчной жемчугъ. На противоположномъ отъ города берегу ея находится лѣсопильный заводъ и громадныя лѣсные склады купца Лебедева, а впереди ихъ, надъ самою рѣкою — остатки доменной печи Петровскаго завода. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, здѣсь плавилъ чугуны и отливалъ орудія, какъ въ Петрозаводскѣ, но есть указанія, что здѣсь же обрабатывалась и мѣдная руда, которую изобилуетъ сѣверное Заонежье. Заводъ до 1726 г. управлялся казною, и потомъ переданъ въ частное пользованіе нѣкимъ предпринимателямъ Мартыанову и Колчѣ, но они, проработавъ 10 лѣтъ, отказались отъ завода, и съ той поры онъ былъ окончательно заброшенъ. Теперь о немъ напоминаютъ только жалкіе остатки разрушенной доменной печи, которые чья-то добрая рука обнесла небольшимъ палисадникомъ (рис. на стр. 51).

Противъ завода, на городской сторонѣ, стоитъ небольшая часовня, и отъ нея, съ окраины города, начинается довольно широкая дорога, вскорѣ исчезающая въ ближнемъ перелѣскѣ. Дорога эта—трактъ на Соловки, по которому то и дѣло движутся толпы богомольцевъ обоюго пола (рис. на стр. 53). Говорятъ, что отъ Повѣнца до Сумскаго посада, находящагося уже на Бѣломъ морѣ, считается 187 верстъ, а изъ посада въ Соловки ѣдутъ уже на пароходѣ. Переходъ моремъ продолжается часовъ около десяти,—а на парусахъ,—прибавляютъ жители:—хаживали туда и въ шесть часовъ.

Но Соловецкій трактъ интересенъ для насъ и по другой причинѣ: онъ проходитъ почти въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія, была проложена Петромъ знаменитая въ здѣшнемъ краѣ «Государева дорога». Задумавъ прорубить окно въ Европу и зная, что вся Ингерманландія и берега Финскаго залива прекрасно укрѣплены ожидавшими его съ той стороны шведами, Петръ задумалъ смѣлое, почти невозможное предпріятіе: напасть на шведовъ съ сѣвера, откуда, благодаря непроходимымъ болотамъ и невообразимой глуши лѣсовъ сѣвернаго края, совершенно не допускавшимъ какого либо передвиженія войскъ, его никакъ невозможно было ожидать. Но шведы плохо знали Петра. Явившись въ августѣ 1702 г. на Бѣломъ морѣ, онъ высадился съ войскомъ на берегъ и отъ деревеньки Нюхчи началъ свой знаменитый походъ къ берегамъ Онежскаго озера, прорубая проѣздки среди дремучихъ лѣсовъ, заваливая бревнами топи, прокладывая себѣ дорогу черезъ непроходимыя мхи и болота, ведя 4000 человекъ войска и волока на каткахъ два фрегата. Хотя при совершеніи этого богатырскаго подвига Петръ имѣлъ прекраснаго помощника въ лицѣ преображенскаго сержанта Щепотева, но народъ помнитъ только труды своего Царя-богатыря и сохранилъ о немъ много преданій, слышанныхъ г. Майновымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ пролегаетъ Государева дорога. «У Нюхчи, а потомъ и вездѣ по ямамъ первую мостовину, благословясь, клалъ самъ Осеударъ,—разсказываетъ народъ:—а вторую давалъ класть сыну своему возлюбленному, а тамъ и бояръ на это дѣло потреблялъ. Нѣмчинамъ одинъ не захотѣлъ мостовины класть, такъ разсерчалъ на него Осеударъ—приказалъ ему позади послѣдняго солдата стать и на ямахъ солдатамъ за стянуху

рыбницу варить.» «Тутъ подѣ Пулозеромъ выдалась рѣчка, да такая-ли бурливая, да такая-ли бѣдовая, что не выгораетъ дѣло—никакъ не возможно по середкѣ свайку вбить. Кто ни сунется съ лодкой—Богъ вѣсть куда унесетъ его и съ лодкой-то! Долго приглядывался Осеударъ, а тамъ съѣлъ въ лодку, да прямо на середку-то и держитъ, бояре было за нимъ, въ его лодку суются, такъ: «не надо мнѣ васъ, и безъ васъ, Богъ дастъ, спорандаю.»—Только онъ на середку-то выплылъ, да принялся было первую свайку налаживать—гляди—къ нему пароду съ сотню ужъ собралось, кто въ лодкѣ, а кто и плавью, барахтаются, чуть-чуть противъ воды держатся. Поглядѣли на народъ-отъ Осеударъ, поглядѣли, покачалъ головою, да тряхнулъ кудрями своими:—«Эхъ вы, проговорилъ, народъ христьянскій, дѣтки вы мои родные!—лиха бѣда первому оленю въ гарь (лѣсной пожаръ) кинуться, остатни въ тамъ же будутъ.» Отъ дер. Возмосальми на берегу Выгозера, благодаря болѣе плотной почвѣ, работа стала легче, дѣло пошло быстрѣе, и подѣ вечеръ 26 августа въ Повѣницѣ, со стороны нынѣшняго Соловецкаго тракта, показался Петръ съ своими войсками, тншущими два фрегата, которые съ торжествомъ были спущены на воды Онежскаго озера. Отсюда, наутетвуемый благословеніемъ «Повѣнецкаго Петра», московскій Петръ отправился на взятіе Шлиссельбурга и на основаніе своей новой, сѣверной столицы.

На обратномъ пути отъ Повѣнца къ Петрозаводску мы, благодаря любезности мѣтнаго мирового судьи г. Коляеникова, имѣли случай познакомиться съ извѣстнымъ здѣсь пѣвцомъ былинъ, Иваномъ Анникіевичемъ Касьяновымъ, съ которымъ провели около двухъ сутокъ (рис. на стр. 56). Размѣры статьи не позволяютъ передать всего того, что мы отъ него за это время узнали, услышали и записали. Скажу только, что Иванъ Анникіевичъ обладаетъ замѣчательною памятью, благодаря которой владѣетъ почти непостижимымъ запасомъ былинъ, старинныхъ пѣсенъ, мѣстныхъ легендъ, преданій, разнаго рода стихотворныхъ «сказовъ» частью нравоучительнаго, частью юмористическаго содержанія. Въ качествѣ любознательнаго человѣка, онъ отыскалъ въ корельскомъ языкѣ объясненіе непонятныхъ для русскаго названій деревень и селеній и объяснилъ намъ имена мѣстностей, которыя мы проѣзжали. Такъ, напримѣръ, имя лежащаго на сѣверѣ Толвуя, по его словамъ происходитъ отъ корельскаго: Толви — зима, а названіе Кижъ, находящагося южнѣе, отъ Кези—лѣто.—Кузаранда должна бы была называться по-русски Еловымъ боромъ, такъ какъ происходитъ отъ корельскихъ словъ: куза—ель и ранда—боръ. Отъ него же узнали мы интересную подробность о корелахъ, съ незапамятныхъ временъ составляющихъ коренное населеніе края. У нихъ совершенно отсутствуетъ то, чѣмъ такъ богато пришлое русское племя—народныя пѣсни. Когда же они начинаютъ пѣть, то поютъ по слуху наши же напѣвы и слова, зачастую сами не понимая ихъ смысла.

Много интереснаго передать намъ Иванъ Анникіевичъ, по подробный разсказъ о знакомствѣ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ и о записанномъ отъ него матеріалѣ я надѣюсь передать когда-нибудь въ особой статьѣ, а теперь, въ заключеніе, скажу нѣсколько словъ объ одной достопримѣчательности, находящейся на восточномъ берегу озера, неподалеку отъ уѣзднаго города Пудожа. Городъ этотъ, какъ извѣстно, лежитъ на рѣкѣ Волдѣ, которая за нѣсколько верстъ до впаденія въ озеро принимаетъ имя своего притока Шалы, и рыбацья деревенька, раскинутая при ея впаденіи, называется уже Шальскимъ устьемъ. Почти рядомъ съ этимъ устьемъ далеко выдвигается въ озеро поросшія густымъ лѣсомъ мысъ, носящій названіе «Бѣсова носа». Мысъ круто спускается къ водѣ и заканчивается плоскою, гладкою лудою, впереди которой, какъ бы оторванная отъ нея, торчитъ изъ воды большая гранитная глыба. Народъ разсказываетъ, что на этомъ мысѣ въ незапамятныя времена жилъ бѣсъ, а на другомъ, ближайшемъ къ нему,—бѣсика. Однажды бѣсъ захотѣлъ повытянуть свои владѣнія подалше въ озеро. Онъ свилъ крѣпкую веревку и сталъ тянуть оконечность мыса въ воду; но, какъ онъ ни старался, ничего подѣлать не могъ, а оторвалъ только гранитную глыбу, которая и упала въ озеро саженьяхъ въ 30 отъ носа. Какъ

бы въ подтвержденіе существованія здѣсь бѣса, наверху полуостровка находится деревня—Бѣсовецъ. Всѣ эти названія и вышеприведенное преданіе основаны, по всей вѣроятности, на томъ обстоятельстве, что на людѣ, составляющей крайнюю оконечность мыса, сохранились какія-то изображенія, начертанныя неизвѣстно чьими руками и неизвѣстно въ какое время; жители принимаютъ эти фигуры за бѣсовъ.

Любезный Абрамъ Андреевичъ доставилъ намъ возможность побывать на людѣ и зачертить вырубленные на ней изображенія. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ человѣческія фигуры, затѣмъ встрѣчаются изображенія животныхъ, повидимому пушныхъ, и птицъ, похожихъ на лебедей; есть и небольшая рыбка, сдѣланная очень отчетливо, но по всей вѣроятности принадлежащая болѣе позднему времени. Грубѣе всего изображены люди. На самой большой человѣческой фигурѣ, съ подогнутыми ногами и растопыренными руками, очевидно принимаемой за главнаго бѣса, какимъ-то благочестивымъ человѣкомъ вырублено изображеніе креста, какъ бы приковывающее бѣса къ людѣ и не дающее ему возможности дѣлать лихо на озерѣ (рис. на стр. 54).

С Н Ы.

Повѣсть Влад. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе.)

V.

Былъ одиннадцатый часъ, когда вся семья профессора вышла проводить Первозерникова.

— А знаете что? — сказала Женни. — Пойдемте, посмотримъ теперь на мѣсто пожара.

— Ну, вотъ! Въ такую тьму! — откликнулась Лиза.

— Пойдемте, — сказалъ Дебальцевъ.

— Папочка, пойдемъ, — обратилась Женни къ отцу.

Старикъ согласился, и всѣ двинулись къ деревнѣ. Лиза тоже присоединилась къ нимъ.

Сначала казалось, что вся деревня уже спитъ. Вещи втащены обратно, въ хатахъ темно, собаки лѣниво лаютъ. Но чѣмъ ближе къ мѣсту пожара, тѣмъ замѣтнѣе становилось движеніе. Навстрѣчу попало нѣсколько бочекъ, медленно двигавшихся къ рѣчкѣ за водой. Августовская ночь была темна. На улицѣ около пожара начали выступать тѣни мужиковъ, точно внезапно появившіяся изъ земли. Урядникъ со старостой были выпивши и, завидѣвъ господъ, полѣзли къ нимъ съ разговорами. Въ погорѣвшихъ дворахъ было грязно, около кучъ соломы толпились съ ведрами и граблями тѣ же темныя тѣни. Иногда вдругъ изъ самой середины мусора вырвется пламя и разомъ освѣтитъ смуглыя, бородастыя лица и почти черныя холстяныя рубахи, черныя тѣни на время озарятся багровымъ свѣтомъ. На пламя лилась вода, и все опять погружалось въ еще болѣе густой мракъ. Пожарная труба волости все еще работала около большого стога, не переставшаго дымиться. Запахъ гари разносился далеко за деревню.

Въ одной изъ сгорѣвшихъ хатъ Женни увидела свѣтъ и подошла къ окошечку.

— Василій Онисимовичъ, посмотрите, — сказала она полупшопотомъ, — онъ собирается спать тамъ.

Крыша хаты сгорѣла совершенно, сгорѣла и дѣлая половина, гдѣ помѣщался хлѣбъ, а часть осталась дѣлая, и потолокъ въ ней дѣлъ, и даже почти безъ копоти. Но горница была пуста. Только на табуреткѣ стояла зажженная лампа и лежалъ недоѣденный кусокъ хлѣба, да на полу было приготовлено что-то въ родѣ постели: лежала свитка, а вмѣсто подушки какой-то узелокъ. Пожилой мужикъ стоялъ среди хаты и, лицомъ къ востоку, молился, истово крестясь и кладя земные поклоны.

— Бѣдный! — продолжала шептать Женни. — Навѣрное, ему предлагали гдѣ-нибудь переночевать, наконецъ, онъ могъ на дворѣ; отчего-жъ онъ ложится въ

По поводу этихъ таинственныхъ изображеній г. Барсовъ, въ своемъ рефератѣ объ олонекскихъ древностяхъ, замѣчаетъ: «Полагаютъ, что въ этихъ очертаніяхъ изображенъ финскій легендарный герой Вайнемайневъ, управляющій водами и сушей и раздѣляющій власть со своей супругой. Но принимая въ соображеніе низкій уровень нравственнаго развитія жившихъ здѣсь финскихъ племенъ, трудно допустить, чтобы эти изображенія, отличающія болѣе или менѣе развитую мифологию, принадлежали этимъ аборигенамъ; начертаніе такихъ образовъ, какъ, напримѣръ, циркуля, пилы и чего-то въ родѣ зеркала, находящихся здѣсь, скорѣе должно быть приписано болѣе развитому новгородскому племени, лишь только въ болѣе отдаленный періодъ». Какъ бы то ни было, эти изображенія принадлежатъ къ числу весьма немногочисленныхъ остатковъ подобнаго рода, сохранившихся въ нашемъ отечествѣ, и заслуживали бы болѣе обстоятельнаго и подробнаго изслѣдованія.

Въ Вознесенѣ мы простились съ «Петрозаводскомъ» и въ послѣдній разъ взглянули на широкую гладь озера, которое еще тѣшито ждетъ любознательныхъ туристовъ на свои гостеприимные и интересные во многихъ отношеніяхъ берега.

сгорѣвшей хатѣ, которая къ тому же можетъ и развалиться?

Первозерниковъ не сразу отвѣтилъ. Онъ быстро подумалъ, что раньше никогда бы не обратилъ вниманія на этотъ пустой фактъ, а теперь и ему это кажется нѣсколько страннымъ, — онъ какъ бы начиналъ смотреть глазами своихъ новыхъ знакомыхъ. Однако, сейчасъ же сообразилъ, что недоумѣніе Женни объясняется незнаемъ мужицкой жизни.

— Да вѣдь это только намъ съ вами такъ кажется, что хата его вовсе пропала и въ ней нельзя даже переночевать. Они и жить будутъ въ ней. Не разстанутся, пока хоть что-нибудь будетъ дѣло. Васъ это удивляетъ, потому что вы... какъ бы это сказать... вы сами вѣдь не строили... то-есть, я не то хотѣлъ сказать... видите ли, вѣдь каждый кирпичъ дѣлалъ онъ самъ, или его жена, или сыновья съ женами. Они не покупали готовые на кирпичномъ заводѣ, а сами дѣлали тамъ вонъ, гдѣ-нибудь у рѣчки... Видѣли, небось, какъ они дѣлаютъ „деглы“? Собственными ногами мѣсятъ въ ямахъ.

— Да, да, видѣла не разъ.

— Вотъ онъ и дѣлать хату по-своему. Тамъ въ каждомъ кирпичѣ его собственный трудъ. Понимаете?

— Понимаю, понимаю. Мнѣ это никогда не пришло бы въ голову.

— Какъ же! Обратили вниманіе во время пожара. У нихъ только хата и застрахована... въ 45 рублей, кажется... хлѣбъ, сѣно не страхуется. А между тѣмъ они больше всего защищаютъ отъ огня именно хату...

Марья Осиповна, слышавшая этотъ разговоръ, шепнула Женни:

— Онъ просто умница, этотъ Василій Онисимовичъ, я тебя увѣряю.

Вскорѣ Первозерниковъ простился со всѣми и сѣлъ въ шарабанъ, присланный за нимъ съ хутора.

Лошадью правилъ ѣхавшій съ нимъ рядомъ конюхъ. Василій Онисимовичъ отдался размышленіямъ. Глаза у него слипались и отъ утомленія, и оттого, что лицо горѣло. Оборванные мысли путались подъ давленіемъ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній. То онъ вспоминалъ тонъ кого-нибудь изъ новыхъ знакомыхъ, то отдѣльную фразу, то предполагалъ, какое онъ самъ произвѣдъ впечатлѣніе во время пожара или за чаемъ...

„Сонъ въ руку“ — повторялъ онъ мысленно въ двадцатый разъ за вечеръ. То, что ему только грезилось во снѣ, случилось на-яву. И онъ съ наслажденіемъ смо-

Литературный альбомъ. „Ленора“, баллада Бюргера. Съ картины Ф. Кирхбаха грав. Кнезигъ.

трѣлъ внутрь себя и видѣлъ, какъ тамъ все радостно. Это ужъ не сонъ, что онъ провелъ нѣсколько часовъ среди „лучшихъ на свѣтѣ“ людей, и эти люди были съ нимъ ласковы, благодарили его.

Лучшіе люди на свѣтѣ? Да, онъ нисколько не заблуждается. Все подтверждаетъ, что это—самые лучшие люди, „соль земли“. Во-первыхъ, если вѣрить простому чутью... Не замѣчательно ли, что въ этотъ вечеръ, чуть ли не въ первый разъ въ его жизни, его подозрительность могла спокойно дремать. Ей не было мѣста, ей нечего было наблюдать. Эти люди такъ просты, что не посятъ никакихъ масокъ. Кромѣ Бориса Ивановича, у всѣхъ у нихъ такой видъ: вотъ, молъ, я весь тутъ; правлюсь тебѣ, вѣтъ ли, мнѣ рѣшительно все равно; если не правлюсь,—тѣмъ хуже для тебя. Начать съ...

Василій Описимовичъ рѣшительно не зналъ, кому въ семьѣ отдать предпочтеніе. Кажется, что больше всѣхъ ему правился самъ Николай Осиповичъ.

„Кристалль, а не человѣкъ,—думалъ онъ,—сколько мягкости, деликатности и какой-то славной конфузливости.“

Василій Описимовичъ припоминалъ встрѣчу, когда онъ чуть не ахнулъ. Передъ нимъ былъ старикъ, не особенно сѣдой, но очень лысый, съ бородой, почти не стриженной, сутуловатый. А онъ разсчитывалъ встрѣтить того, который когда-то смотрѣлъ съ улыбкой, какъ его жена кормила босоногого мальчика малиной со сливками. Совершенно забылъ, что съ тѣхъ поръ прошло двадцать слишкомъ лѣтъ.

— Вотъ спасибо вамъ, спасибо,—заговорилъ Николай Осиповичъ, пожимая ему руку,—спасли деревню. А то мы тутъ не знали, что и дѣлать. Ну, согласитесь, что я могъ сдѣлать? Миѣ, знаете, даже какъ-то совѣстно было. Последній паробокъ полезнѣй меня былъ на пожарѣ. Я передъ нимъ—бездѣльникъ. Даже стыдно было.

Эта мысль точно шарахнула Первозерникова.

— Помилуйте, всякій въ своемъ дѣлѣ. Ваша польза—высшая. Она тутъ совѣмъ не къ мѣсту. Этакъ разсуждать, такъ величайшій поэтъ міра тоже хуже паробка.

Николай Осиповичъ улыбнулся горячности, съ какою тотъ взялся защищать его.

— Да, такъ, такъ. Я и самъ понимаю. А все-таки, знаете, я бы больше уважалъ себя, если бы, несмотря на всю мою ученость, могъ броситься въ огонь и дѣйствовать вмѣстѣ со всѣми.

И Николай Осиповичъ началъ совершенно искренно разсказывать все, что думалъ и чувствовалъ на пожарѣ. И разсказывая, какъ-то конфузился, такъ-что Женни расхѣлялась и, цѣлуя его, сказала:

— Ахъ, папочка, какой вы смѣшной!

Эта прямота, искренность, отсутствіе всякой важности, неловкая, угловатая суетливость сразу обдали Василія Описимовича необыкновеннымъ обаяніемъ, которое не покидало его до конца вечера. Онъ видѣлъ даже, что Николай Осиповичъ, разговаривая съ нимъ, не забывалъ, или вспоминалъ иногда объ его отцѣ. Можетъ-быть, этого и не было. Можетъ-быть, это подсказывала ему только его подозрительность, бывшая еще на-сторожѣ. Но все равно, это его уже не обижало. Онъ какъ-то разомъ повѣрилъ, что Кашкадаровы должны его полюбить. Подчасъ Николай Осиповичъ, слушая другихъ, внимательно смотрѣлъ на него, точно думая разгадать, что онъ за человѣкъ. Въ эти минуты Василій Описимовичъ смущался, но потомъ оказывалось, что Николай Осиповичъ просто-напросто ничего не слушалъ, а уносился въ свои историческія работы.

— Папочка! Гдѣ вы?—спрашивала Женни.

Онъ, какъ бы отгоняя неотвязную мысль, сжималъ вѣки и сейчасъ же широко раскрывалъ ихъ, потомъ улыбался и цѣловалъ руку дочери.

— Извините, пожалуйста, — сказать онъ разъ при этомъ Первозерникову, — я не слыхалъ, что вы сейчасъ разсказывали.

Всѣ расхотались, такъ какъ Василій Описимовичъ передъ этимъ около десяти минутъ не произнесъ ни слова.

И опять Николай Осиповичъ сконфузился.

И это большой человѣкъ? Да, большой. Нѣтъ грамотнаго человѣка, который не знаетъ бы его имени, если не знаетъ его „историческихъ біографій“.

За чайнымъ столомъ былъ разсказанъ любимый анекдотъ семьи о разсѣянности Николая Осиповича. Лиза поспорила съ „покойной мамой“, что она войдетъ къ папѣ, почти какъ Богъ создалъ, и онъ этого не замѣтитъ.

— Надо вамъ сказать, что папа и въ деревнѣ дѣлный день работаетъ, какъ мы ни уговариваемъ его отдыхать,—разсказывала Лиза,—а въ 10 часовъ кто-нибудь изъ насъ приноситъ ему стаканъ молока или яичъ всмятку. Вотъ я и взялась нести. Подала ему, спросила — не нужно ли ему еще чего, онъ поцѣловалъ меня, я вышла изъ кабинета. За обѣдомъ мы нарочно заводимъ рѣчь о томъ, что папа совѣмъ не замѣчаетъ нашихъ туалетовъ. Онъ протестуется. Тогда я спрашиваю: въ такомъ случаѣ, скажите, въ какомъ платьѣ я приносила вамъ утромъ молока? Папа хитрый! Думаетъ, если спрашиваютъ, должно-быть, не въ томъ, въ какомъ я была за обѣдомъ. Онъ и назвалъ, кажется, сиреневое,—единственное, которое онъ почему-то запомнилъ. Понятно, мы всѣ засмѣялись, я захопала въ ладоши, кричу: „пари выиграно“. Представьте изумленіе папа. Какое пари? Ну, мы ему и преподнесли, что я входила къ нему...

Лиза замялась.

— Въ одной сорочкѣ! — подхватила Марья Осиповна.

Николай Осиповичъ улыбается, а его добрые глаза смущенно бѣгаютъ.

— Да, да, правда! Былъ такой случай, — подтверждаетъ онъ...

Темень непроглядная. Едва виденъ задъ лошади. Чтобъ не сбиться съ пути, все время ѣдутъ почти шагомъ. Но Василію Описимовичу это нравится. Можно, не закрывая глаза, припоминать и лица, и обстановку. Душно. Гдѣ-то на горизонтѣ вѣтъ-вѣтъ и блеснетъ зарница. Кучеръ поясняетъ, что это не молнія, а „отъ жару“. Со скошенныхъ полей на бѣлую шляпу Василія Описимовича, также присланную съ хутора, бросаются какъ на свѣтъ крѣпкіе черные жуки, быстро ползутъ по шеѣ, забираются въ волосы, въ бороду. Онъ сбрасываетъ ихъ и чувствуетъ ихъ кислый запахъ. Шарбанъ вдругъ запрыгалъ. Кучеръ бормочетъ что-то, слѣзаетъ, зажигаетъ спички, отыскиваетъ потерянную дорогу, находитъ, вновь влѣзаетъ въ шарбанъ, бьетъ лошадь за то, что она сбилась, но тутъ же оправдываетъ ее тѣмъ, что въ Куцино съ хутора никто не ѣздитъ.

„А вотъ теперь будутъ лошади бѣгать туда часто“ — быстро соображаетъ Василій Описимовичъ, но ему хочется скорѣе вернуться къ воспоминаніямъ.

Столовая небольшая, простенькая; окна на балконъ открыты, съ потолка спускается лампа, закоптѣлая, повѣшенная лѣтъ 15—20 назадъ. Около нея вьются мотыльки, они ползаютъ по блюдечкамъ, попадають въ чай. За самоваромъ, тоже старымъ, — Марья Осиповна. У всѣхъ свои особенныя чашки или полстаканники. Николай Осиповичъ въ креслѣ. Онъ никогда не куритъ. Женни около него, голова на его плечѣ, онъ ее обнималъ. Дебальцевъ сидитъ, какъ тѣ молодые люди, изъ чиновниковъ особыхъ порученій, какихъ Василій Описимовичъ встрѣчалъ у сестры. Онъ играетъ ложечкой въ стаканѣ. Чай допить. Лиза, откинувшись, перебираетъ ленту на платьѣ. Марья Осиповна откровенно

положила весь локоть на столъ и подпираетъ рукою голову.

Часто наступаетъ молчаніе, но это никого не смущаетъ, и Василию Онисимовичу не хочется уходить. Опъ грязенъ и отъ него пахнетъ гарью. Достанетъ носовой платокъ—и тотъ пропитанъ запахомъ дыма. Въ гостиной сестры, въ будуарѣ любовницы, въ кабинетѣ пріятеля—не мыслимо было бы оставаться въ такомъ видѣ. И чай тамъ былъ бы сервированъ и почище, и побогаче. Но Василій Онисимовичъ не взялъ бы ничего за обмѣнъ.

Никогда еще и никому онъ не вѣрилъ такъ, какъ этимъ людямъ. Чѣмъ они этого достигли? О чемъ говорили? Ни о чемъ необыкновенномъ. О томъ же, о чемъ всѣ говорятъ въ деревнѣ: о мужицкой бѣднотѣ, объ урожаѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, о погодѣ, о мелкихъ случаяхъ. И не то чтобы говорили какъ-нибудь особенно красиво. Только Лиза всегда точно старается выражаться книжно. Но было во всѣхъ этихъ разговорахъ что-то такое, что внушало Василию Онисимовичу довѣріе къ благородству ихъ образа мыслей.

„Да, вотъ именно—благородство образа мыслей“—повторилъ онъ про себя, найдя точное опредѣленіе.

И во все время въ немъ было непоколебимое убѣжденіе, что эти люди не способны не только на проступки, но даже на мелочность и пошловатость, на дрянную ложь, на искусственное стремленіе нравиться. При всей ихъ простотѣ, чувствовалось, что человѣку порочному среди нихъ нѣтъ мѣста, что они допускаютъ къ себѣ только людей безукоризненно честныхъ.

Василию Онисимовичу было почти страшно. Стоитъ ли онъ такого знакомства? Опъ уѣхалъ изъ Кущина увѣренный, что нашелъ истинныхъ друзей. Не слишкомъ ли онъ занесся? А ну, какъ ему въ одинъ прекрасный день дадутъ понять, что съ посконнымъ рыломъ въ калашный ридъ не суются? Напомнятъ ему три безпутныхъ года, пороются въ жизни его и его отца и покажутъ ему эту жизнь въ такомъ свѣтѣ, что онъ будетъ готовъ провалиться сквозь землю. „Нѣтъ,—скажутъ,—голубчикъ, если у тебя есть деньги, Богъ знаетъ какъ добытыя, да завелъ ты пожарную команду, то это еще не даетъ тебѣ правъ на нашу дружбу.“

Ступай-ка своей дорогой. Много на свѣтѣ есть господъ, которые не спрашиваютъ, на какія деньги ихъ угощаютъ. Они тебѣ охотно подарятъ свою дружбу“.

При такихъ размысленіяхъ, Василій Онисимовичъ тосковалъ, и ему, какъ мальчику, хотѣлось подвиговъ. Вдругъ онъ вспомнилъ вопросъ Жени и густо покраснѣлъ.

„— У васъ только одна сестра?“

Да, на этомъ вопросѣ онъ совсѣмъ провалился. Онъ даже не зналъ, гдѣ теперь Катя. Годъ назадъ послалъ, по ея просьбѣ, 500 рублей, и съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. А между тѣмъ о ней онъ говорилъ бы у Кашкадаровыхъ охотнѣе, чѣмъ о другой сестрѣ.

Жени, между тѣмъ, точно почувяла что-то, такъ какъ не переставала допрашивать о Катѣ. Извѣстіе о томъ, что его сестра просидѣла два года въ тюрьмѣ, возбудило огромное вниманіе. Но опъ даже не могъ отвѣтить, по какому процессу она судилась! Какой стыдъ! Опъ смутился, послѣдовало странное молчаніе. Что если они подумали, что Катя судилась вовсе не по политическому процессу, а просто за мошенничество или скандалъ? Какой срамъ! Бѣдная Катя!.. Нѣтъ, они этого не смѣли думать. Молчаніе проще объяснить тѣмъ, что это—человѣкій предметъ для разговора. Съ одной стороны, они не довѣряли ему,—чего ради пустятся съ нимъ въ откровенныя сужденія. Съ другой—они считали не деликатнымъ касаться такого семейнаго горя...

Семейнаго горя! Когда оно было? Кто горевалъ? Отецъ, мать, или онъ, или старшая сестра?

Да, многое есть въ его жизни, въ чемъ стыдно было бы признаться передъ этими чистыми людьми!..

— Теперичка скоро!—говоритъ кучеръ.

— Что?

— Скоро хуторъ.

— А это что?—вдругъ спрашиваетъ Василій Онисимовичъ.

Что-то бѣлое мелькнуло во тьмѣ справа отъ дороги.

— А могила!

Да! Бѣлый крестъ надъ могилой отца, среди стени... у дороги...

(Продолженіе будетъ.)

Танцующія птицы.

Г. Тана.

Многія породы птицъ обладаютъ даромъ пѣнія; но не многимъ извѣстно, что птицы умѣютъ также и танцовать, въ особенности самцы, которые во время сидѣнья птицъ на лѣщахъ не только приимаиваютъ самокъ криками, но и стараются поправить имъ разными танцевальными позами и фигурами, что у нѣкоторыхъ птицъ выпонизается очень красиво, по своего рода эстетическимъ законамъ. Какъ на одинъ изъ видовъ танца, можно указать, напимѣръ, на то, когда нависши хотить взадъ и впередъ передъ своею самкой, съ распушеннымъ въ видѣ колеса хвостомъ, подстунаетъ къ ней и широко раскидываетъ свой хвостъ такимъ образомъ, что его тѣнью почти закрываетъ ее и совершенно наполняетъ ея горизонтъ. Еще явственнѣе тотъ же мотивъ выражается во время спариванія въ позѣхъ глухого тетерева, и еще дальше онъ идетъ у рыбчика. По желаніе выразить свое удовольствіе посредствомъ оживленныхъ движеній проявляется у птицъ и въѣ времени спариванія, и тогда часто можно замѣтить въ нихъ склонность не только къ разнымъ оживленнымъ позамъ, но и къ тому, чтобы продѣлывать ихъ съ извѣстною правильностью. Птицами, очевидно, руководитъ чувство, подобное тому, которое овладѣваетъ людьми, когда ритмическое движеніе кажется имъ болѣе высокимъ выраженіемъ ихъ жизне-радостнаго настроенія, чѣмъ движеніе беспорядочное. Птицы уподобляются намъ также и въ томъ, что ихъ веселость бываетъ полною только тогда, когда она проявляется въ обществѣ. Но птицы умѣютъ для своихъ движеній болѣе обширный кругъ и поэтому могутъ предаваться своимъ общественнымъ забавамъ въ областяхъ, недоступныхъ для человѣческихъ танцевъ. Правильныя движенія группами должны быть причислены къ танцеванію, хотя бы они производились въ исключительно воздушной сферѣ. Съ этой точки зрѣнія, напимѣръ, вечерніе круговые полеты нашихъ ласточекъ, вѣроятно, пред-

ставляютъ собою тоже танцы. Лѣтомъ ихъ можно наблюдать почти у каждой деревенской колокольни. Ласточки летаютъ стадами, описывая большіе круги въ воздухѣ, съ безустанными криками „ги-ги“. Въ это время онѣ не ловятъ мухъ,—это онѣ дѣлаютъ безъ крика,—онѣ просто предаются удовольствію полета по довольно правильнымъ воздушнымъ путямъ и при поворотахъ соблюдаютъ тоже приблизительно одинаковое разстояніе другъ отъ друга. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь воздушный вальсъ, съ сопровождающими его пѣніями,— только обороты крылатыхъ танцоровъ гораздо шире нашихъ, такъ какъ 100 метровъ воздушнаго пространства для нихъ значатъ не болѣе, чѣмъ для насъ какой-нибудь метръ паркетнаго пола. Подобное же значеніе имѣютъ, вѣроятно, и разныя другія движенія птицъ, летающихъ дѣлами обществами. Но болѣе извѣстны,— такъ какъ на нихъ было обращено болѣе вниманія,—ташцы, выполняемые птицами на ровной землѣ. Ручной журавль встрѣчаетъ своего хозяина и другихъ людей, которыхъ онъ любитъ (а также и то четвероногое животное, съ которымъ онъ находится въ особенно хорошихъ отношеніяхъ), распус- стивъ крылья и ходя вокругъ него присѣдающими шагами. Въ обществѣ эти птицы танцуютъ такимъ же образомъ другъ около друга и проходятъ черезъ ряды другихъ. Въѣ времени перелета — журавлей можно видѣть болѣею частью парами, у другихъ же голенастыхъ, живущихъ болѣе многочисленными стадами, хореографическое искусство развито въ болѣе степени. Одинъ натуралистъ много разъ наблюдалъ раннимъ утромъ бѣлую цаплю (*Ardea alba*) у Багеры. Эти птицы выбрали какое-нибудь укромное мѣстечко на низменномъ берегу: одна изъ нихъ начинала, а за нею слѣдовали другія. Онѣ распускали крылья, откидывали назадъ шею, подходили попарно другъ къ другу, дѣлали кинесены, стремительно пробѣгали сквозь ряды другихъ и затѣмъ снова дѣлали поклоны, пока ихъ

представлений не прерывала какал-нибудь помѣха. Нѣчто подобное можно видѣть иногда въ нашихъ зоологическихъ садахъ, и нѣкоторыя птицы сопровождаютъ свои танцы веселыми криками, которые нашимъ ушамъ кажутся, большею частью, негармоничными, но безъ сомнѣній, очень нравятся имъ самимъ. Нѣкоторыя породы птицъ исполняютъ воздушные танцы, похожіе на танцы ласточекъ. Вечеромъ, когда они летятъ домой, всю стаю внезапно овладеваетъ какъ бы припадокъ безумнаго веселья. Одни възмахаютъ они съ изумительною быстротою спускаются съ воздушной высоты на землю, кувыркаются, снова взлетаютъ въ вышину, кружатся, перелетываютъ другъ съ другомъ, и наполняютъ криками всю окрестность.

Очень красивое зрѣлище описываетъ также Биггъ-Уайтерсъ, изъ южной Бразиліи. Однажды утромъ онъ услышалъ въ густомъ первобытномъ лѣсу какое-то необычное пѣніе птицъ. Его спутники тотчасъ обратили на это вниманіе и просили его пойти на эти звуки, говоря, что онъ увидитъ нѣчто замѣчательное. Осторожно пробравшись черезъ кустарникъ, они дошли до одной прогалины, окаймленной каменистою площадкой. Тамъ частью на камняхъ, частью на кустахъ, сидѣли маленькія птички, величиной съ синицу, прекраснаго голубого цвѣта съ красными хохолками на головахъ. Одна изъ нихъ совершенно спокойно сидѣла на вѣткѣ и весело пѣла, между тѣмъ какъ другія махали въ тактъ ея пѣнію крыльями и въ то же время аккомпанировали ей щелтаніемъ. Биггъ-Уайтерсъ оставилъ это зрѣлище съ убѣжденіемъ, что птички задавали настоящий балъ съ концертомъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ общественный танецъ птицъ представляется почти осмысленнымъ выраженіемъ искренней веселости. Но у другихъ породъ онъ принимаетъ форму серьезной церемоніи. Замѣчательнѣйшій примѣръ этого сообщаетъ орнитологъ Гудсонъ изъ Ла-Платы. Птица, о которой идетъ рѣчь, — пинголида; совершенно сходная съ европейскою пинголидой, но больше ея на одну треть, она имѣетъ перья болѣе яркаго цвѣта и вооружена покрывными шпорами. Эти пинголиды живутъ парами и вообще не позволяютъ другимъ птицамъ вторгаться въ ихъ кругъ. Туземцы называютъ ихъ представленія „серьезнымъ танцемъ“ или кадрилию. Но въ исполненіи ея участвуютъ не четыре, а три птицы, — особенность, которая, насколько это извѣстно до сихъ поръ, представляетъ единичное явленіе. Птицы, говоритъ Гудсонъ, находятъ въ своемъ танцѣ такъ много удовольствія, что наслаждаются имъ круглый годъ, не только днемъ, но и въ ясные лунныя ночи. Наблюдая одну какую-нибудь пару въ теченіе нѣкотораго времени, можно замѣтить, что чужая пинголида, принадлежащая къ живущей по соседству парѣ, взлетаетъ на воздухъ и затѣмъ дѣлаетъ визитъ первой парѣ. Последняя принимаетъ гостью не съ выраженіями неприянія, которыми встрѣтили бы въ подобномъ случаѣ каждую другую птицу, а съ привѣтливymi криками и съ другими знаками удовольствія. Оба супруга идутъ навстрѣчу посѣтителю и становятся позади ея; затѣмъ всѣ трое начинаютъ скорый маршъ, издавая при этомъ громкіе звуки, похожіе на барабанные. Чета, идущая

позади, издаетъ частые звуки, подобныя барабанной дробіи, между тѣмъ какъ гость, выступая впередъ, ритмически издаетъ отдѣльные звуки. Затѣмъ маршъ прекращается; гость поднимаетъ крылья и стоитъ неподвижно при продолжающихся громкихъ крикахъ. Оба супруга, растопыривъ перья, стоятъ другъ врозь позади гостя, наклонясь впередъ такъ, что кончики ихъ клювовъ прикасаются къ землѣ; ихъ голоса постепенно понижаются до шепота, и въ этомъ положеніи они остаются еще нѣкоторое время. Затѣмъ церемонія оканчивается. Чужая птица улетаетъ и присоединяется къ своему товарищу, ожидая отвѣтнаго визита со стороны посѣщенной ею пары.

Сильная любовь къ танцамъ замѣчается также у рупиколы или каменнаго пѣтушка (*Rupicola scroea*). Эта птица, шкуру которой индійцы часто носятъ въ видѣ украшенія, живетъ въ Гвианѣ и въ сѣверной Бразиліи; она величиною съ голубя и имѣетъ великолѣпныя оранжево-красныя перья. Ея танцы много разъ наблюдались путешественниками. Одинъ изъ нихъ описываетъ танецъ этихъ птицъ слѣдующимъ образомъ: „Во время одного изъ страстнѣйшихъ по окрестностямъ озера Амюкю (Бразиліанская Гвиана) мой проводникъ обратилъ мое вниманіе на небольшую площадку среди великолѣпнѣйшей растительности, — площадку, на которой не было ни одного стебелька травы. Въ этомъ мѣстѣ почва была такъ гладка, какъ будто она была выровнена человѣческими руками. На мой вопросъ по поводу этого удивительнаго обстоятельство, проводникъ объяснилъ, что мы видимъ здѣсь передъ собою мѣсто для танцевъ каменныхъ пѣтушковъ, и что крылатые танцоры, вѣроятно, незадолго передъ тѣмъ оставили его, почуввавъ наше приближеніе. Затѣмъ мы осторожно спрятались въ ближайшихъ кустахъ, въ надеждѣ, что компанія танцоровъ вернется для продолженія своего „бала“. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ мы услышали своеобразное щелтанье рупиколы. Одна за другою начали возвращаться оранжево-красныя птички и размѣстились вокругъ мѣста танцевъ или на ближайшихъ вѣтвяхъ. Затѣмъ одинъ изъ самцовъ выпорхнулъ на середину площадки, началъ расправлять крылышки, подыалъ голову и распустилъ хвостъ колесомъ, какъ павлинъ. Потомъ съ важнымъ видомъ онъ нѣсколько разъ пролетѣлъ вокругъ, цараяя почву. Все это сопровождалось грациозными скачками. Остальныя птицы во время этого представленія сидѣли почти неподвижно, — онѣ, очевидно, были восторженными зрителями. Наконецъ танцоръ, повидному, утомился: онъ издалъ своеобразный захлебывающійся горловой звукъ, который какъ бы извѣщалъ объ окончаніи своего представленія, отошелъ въ сторону, и его мѣсто занялъ другой самецъ. Такъ поочередно выступали на „сцену“ три самца, и всѣ они возвращались вѣтвямъ къ остальнымъ съ самымъ гордымъ видомъ. Но только-что хотѣлъ выступить на сцену четвертый танцоръ, какъ шумъ неосторожно вышумленной мною изъ руки вѣтки, которую я нагнулъ, чтобы удобнее наблюдать это рѣдкое зрѣлище, спугнулъ птицъ, и онѣ улетѣли. Мы насчитали во всей этой компаніи 18 самцовъ и 3 самокъ.

Къ рисункамъ.

Рембрантъ — безспорно крупнѣйшій и оригинальнѣйшій представитель голландской школы. Имъ написано около 1,500 историческихъ картинъ, портретовъ и ландшафтовъ, и одной изъ самыхъ богатыхъ произведеніямъ Рембрандта галлерей считается папѣ Эрмитажъ; въ немъ 54 картины этого гениальнаго художника, натуралиста-гиганта, соперника великаго Корреджіо. Глубокій реализмъ лежитъ въ основѣ его живописи, заключающей въ себѣ въ то же время и едва брезжащія черты сѣвотинизма, и таинственность въ замыслѣ, и фантастичность въ способѣ отдѣлки, и, наконецъ, глубокое изученіе природы, въ которой свѣтитесь выраженіе внутренней, заставшей силы, не прорвавшейся наружу, но приведшей человека къ тихой созерцательности. Рембрантъ и Корреджіо — эти два одинаково великихъ мастера двухъ разныхъ школъ — противоположны другъ другу по самому характеру своего письма — у Корреджіо тѣмъ пронизывается лучомъ свѣта, у Рембрандта, наоборотъ, — на яркомъ свѣту играютъ тѣни. Эту яркую особенность письма Рембрандта можно прослѣдить и на его картинахъ, историческихъ и библейскихъ, и на его многочисленныхъ портретахъ. Изъ громадной галлерей его знаменитыхъ портретныхъ этюдовъ нельзя не выдѣлить портреты, писанные имъ съ самого себя. Этихъ портретовъ хранится около 40 въ лучшихъ картинныхъ галлерейхъ и музеяхъ Европы. При оцѣнкѣ этихъ портретовъ Рембрандта не слѣдуетъ упускать изъ виду, что великій художникъ, рисуя ихъ, вовсе не задавался цѣлью дать сколь возможно вѣрное свое изображеніе; нѣтъ, онъ и въ нихъ всегда руководился задачами искусства, стремился въ придать какое-либо особое выраженіе лицу, то уловить и выразить въ лицѣ извѣстное настроеніе души, то блеснуть какинъ-нибудь новымъ эффектомъ освѣщенія, то красиво написать костюмъ и т. д. Потому-то во всѣхъ его портретахъ можно сразу узнать черты его лица, но очень

немногіе изъ нихъ даютъ намъ полное портретное сходство. Этимъ объясняется, что сохранилось много его портретовъ, изображающихъ художника въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, разныхъ покрововъ шляпокъ и беретовъ, и даже въ костюмѣ суроваго воина, въ плащѣ и воинскихъ доспѣхахъ. Къ числу такихъ портретовъ слѣдуетъ причислить воспроизведенный здѣсь, на стр. 57. Портретъ этотъ былъ выставленъ въ музеѣ города Гаги и составляетъ собственность герцогини Софіи Саксенъ-Веймарской.

Въ наше время баллады вышли изъ моды, но въ концѣ прошлаго столѣтія онѣ занимали еще видное мѣсто среди другихъ родовъ поэзіи, да и до сихъ поръ какое молодое сердце не увлекается ими при чтеніи старыхъ авторовъ?.. Въ этомъ номерѣ *Нивы* мы помѣщаемъ (стр. 60 и 61) иллюстрацію къ балладѣ Бюргера *Ленора*, такъ неподражаемо хорошо переведенной В. А. Жуковскимъ. Вы помните содержаніе этой баллады: женихъ Леноры ушелъ на войну вѣдѣ за королемъ Фридрихомъ II; но вотъ война кончилась, волею возвращаются назадъ; горожане выходятъ имъ навстрѣчу, за строемъ строй проходитъ полки, но жениха Леноры нѣтъ. Несчастная дѣвушка проклинаетъ міръ Божій; напрасно утѣшаетъ ее мать: ей „жизнь — не жизнь, а скорбь и зло“, она громко ронцаетъ на Бога:

„Угаси ты, противный свѣтъ!
Погибни жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Леноры!..“

рыдаетъ она. Тщетно мать увѣщаетъ дѣвушку смириться передъ волею Божіей, указываетъ на райскую награду для смиренныхъ и на адскія муки для богохульниковъ, — ничто не помогаетъ.

„О, другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вѣсть — все небесный рай;
Съ нимъ розно — все мученье...“

Настала ночь... и вдругъ вдаль раздался конскій топотъ; къ дому Леноры примчался всадникъ; еще моментъ — и въ комнату ся очутился женихъ. Ленора глазамъ своимъ не вѣрить, а тотъ ее торопитъ ѣхать: „я ѣду издадека, — говоритъ онъ, — не медли, другъ, сойди скорѣй; путь дологъ, мало срока“. Не помогаютъ указанія невесты на вѣтеръ и ночь, на дальность пути: — „Гладка дорога мертвецамъ, — отвѣчаетъ онъ, — мы скачемъ, не боимся; до свѣта мы дойдемъ“; его пріютъ — далеко: „пять, шесть досокъ... прохладный, тихій, темный“; тамъ мѣсто есть обонимъ нмъ, и все готово тамъ: пора на повоселъе.

Ленора, наконецъ, рѣшилась; садятся они на коня и помчались съ головокружительной быстротой. Дѣвушку охватываетъ страхъ, но женихъ успокаиваетъ ее: „Мѣсяцъ свѣтитъ намъ; гладка дорога мертвецамъ“, — однако, это постоянное упоминаніе о мертвецахъ еще больше тревожитъ Ленору. По дорогѣ они встрѣчаютъ похороны, и женихъ Ленору приглашаетъ къ себѣ на свадьбу пастора и хоръ, который тутъ же побѣжалъ за ними тѣнью черной; дальше они ѣдутъ мимо висѣлицы, гдѣ „воздушныхъ рой, свѣисъ кольцомъ, кружится, плещетъ, вѣетъ“; ихъ тоже приглашаетъ женихъ къ себѣ на пиръ, и легкій рой пустился вслѣдъ за ними...

Но ночь свѣжѣетъ. Оконченъ путь: пріѣхали, невеста!

„Иъ воротамъ конь во весь опоръ
Прямчавшись, сталъ и топнулъ;
Бѣдокъ бичомъ стегнулъ затворъ, —

В. П. Буренинъ. (По поводу 35-лѣтія литературной дѣятельности.)

Съ фотогр. Мрозовской автотипиліи „Нивы“.

В. П. Буренинъ.

(Портр. на этой стр.)

Недавно столичная печать отмѣтила исполнившееся тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Виктора Петровича Буренина, безъ указанія, впрочемъ, точной даты этого юбилея.

Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ В. П. Буренина была публицистическая статья, помѣщенная въ полбртѣ 1861 года въ одномъ заграничномъ журналѣ; затѣмъ въ іюлѣ 1862 года появился въ „Искрѣ“ и „Днѣ“ его стихотворенія, которыми и начинается собственно литературная его дѣятельность.

Если на вопросъ: „у кого въ Россіи больше всего враговъ?“ — мы отвѣтимъ: „у Буренина“, — то едва ли мы ошибемся. И своей громадной извѣстностью В. П. Буренинъ обладалъ, кромѣ своего таланта, едва ли еще не больше своихъ врагамъ, нежели своимъ друзьямъ. Но сатирикъ, обличающій пороки или просто слабости и недостатки преимущественно тѣхъ, представителей современнаго общества, которыми не удается быть или казаться безпорочными или полными достоинствъ, совершенно естественно долженъ каждамы своимъ словомъ возбуждать въ комъ-нибудь неудовольствіе или настоящую злобу; являясь борцомъ за интересы мнупты и самъ защищаясь отъ нападеній, онъ даже не задумывается надъ тѣмъ, что въ разгарѣ полемики хлещетъ по правому и виноватому. Пусть его потомъ судитъ судъ исторіи и потомства, а теперь ему важно только, чтобы къ его голосу прислушались, — и Буренинъ достигалъ этого больше, чѣмъ кто-либо.

Можно написать сотни листовъ умнѣйшихъ статей и все-таки остаться не прочитаннымъ или прочитаннымъ только ограниченнымъ кружкомъ единомышленниковъ. Многие изъ самыхъ

Затворъ со стукомъ
лопнулъ;
Они кладбище видятъ
тамъ...
Конь быстро мчится
по гробамъ;
Лучи луны сіяютъ,
Кругомъ кресты
мелькаютъ“.

А потомъ
„...въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за
кускомъ
Слетѣлъ съ него,
какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на
костяхъ;
Безглазый черепъ на
плечахъ;
Нѣтъ каски, нѣтъ
колета;
Она — въ рукахъ
скелета“...

И вдругъ... передъ
Ленорой все разсыпалось пылью: и вой и стонъ на вышинѣ, и крикъ въ подземной глубинѣ. „Лежитъ Ленора въ страхѣ, пол-мертва на прахѣ“, а въ лунномъ блескѣ надъ ней летаетъ тол-

Н. О. Фандоръ-Флитъ († 27 ноября 1896 г.). Съ фот. Левицкій и сынъ автотипиліи „Нивы“.

на тѣней, и сурово звучитъ ихъ пѣснь:

Терни, терни, хоть поетъ грудь:
Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
Твой трупъ сойди въ могилу,
А душу Богъ помилуй!“

Г. М. Крелленбергъ. (По поводу 45-лѣтія служебной дѣятельности.)

Съ фотогр. А. Вяткина въ Казани автотипиліи „Нивы“.

Даже мы, современники, не можемъ не замѣтить, что дѣятельность его имѣла вліяніе на все русское общество, хотя очень многие склонны видѣть одиѣ только отрицательныя стороны этого вліянія; наши ближайшіе потомки быть-можетъ ясиѣ насъ увидятъ въ перспективѣ времени его положительную сторону: едва ли

кто-либо в русской литературе сдѣлалъ столько для истинной свободы и независимости общественной мысли, сколько косвеннымъ образомъ сдѣлалъ Буренинъ. Его критика, подорвавъ вѣру во всякаго рода оракуловъ, научила публику относиться критически и къ самой критикѣ.

Дать сколько-нибудь обстоятельную характеристику Буренина немислимо въ короткой юбилейной замѣткѣ: о немъ можно написать цѣлую книгу и, пожалуй, озаглавить ее, какъ писали, бывало, въ старые годы: „Буренинъ и его время“. Укажемъ здѣсь только на одну изъ отличительныхъ чертъ его критико-сатирической дѣятельности; это—неожиданность его нападеній, доходящая иногда до того, что стрѣлы его сатиры и удары его бича поражаютъ такихъ авторовъ, которые всего менѣе ожидали этого, ошибочно считая себя если не друзьями Буренина, то, по крайней мѣрѣ, его единомышленниками, такъ какъ они, въ свою очередь, нападали на тѣхъ, съ кѣмъ полемизировалъ Буренинъ, или только-что пѣли ему самому хвалебные гимны. Перечислять все такіе случаи, когда Буренинъ, не взирая на личныя отношенія и ополчаясь за то, что онъ считалъ высшей правдой, принималъ сторону своихъ антагонистовъ и указывалъ подлежащее мѣсто своимъ панегиристамъ, значитъ перечислять множество его фельетоновъ изъ той 100-й, которую онъ за 35 лѣтъ своей литературной дѣятельности написалъ. И вотъ за такіи-то всыншкіи негодования настоящаго литератора, въ истинномъ смыслѣ этого слова, враги Буренина нерѣдко прощали ему много его вины передъ нимъ, а его дѣйствительные и истинные друзья съ опаской оглядывались на самихъ себя: вѣтъ ли-де и за ними какой-либо прорухи?

Яркая критико-сатирическая дѣятельность Буренина совершенно заслонила собой его дѣятельность какъ драматурга и, въ особенности, какъ поэта, дѣятельность, еще жаждущую безпристрастной критической оцѣнки. Какъ бы ни было дѣльно и достойно само по себѣ вниманіе то, что Буренинымъ написано въ двухъ сейчасъ названныхъ родахъ литературы, этого, конечно, оказалось бы недостаточно, чтобъ составить автору такое же громкое литературное имя, какое Буренинъ прибрѣлъ, какъ критикъ и публицистъ-сатирикъ; но все его чистохудожественныя произведенія показали, прежде всего, многосторонность его таланта и его право быть строгимъ при разборѣ произведеній авторовъ, претендующихъ на замѣтное мѣсто на Парнасѣ: Буренинъ часто съ необычайной легкостью писалъ пародіи болѣе художественныя и содержательныя, чѣмъ многие вымученныя, quasi-глубокомысленныя плоды художественнаго творчества, подлежашіе его критическому разбору. Заимствуемъ изъ *Новаго Времени* слѣдующія біографическія свѣдѣнія:

„В. П. Буренинъ родился въ Москвѣ 22 февраля 1841 г. Отецъ его былъ популярнымъ архитекторомъ въ Москвѣ, гдѣ имъ выстроено до 20 церквей, и къ той же профессіи онъ готовилъ сына, помѣстивъ его, когда минуло ему 11 лѣтъ, въ московское архитектурное училище, которое онъ окончилъ въ 1859 году. Съ успѣхомъ занимался своей архитектурной спеціальностью, В. П. тогда же выказалъ влеченіе къ литературѣ. На двѣнадцатомъ году онъ сталъ писать стихи и уже въ то время въ опытахъ его юной мѣзы сказались сатирическое направленіе. Между прочимъ, онъ переложилъ въ стихи цѣлую страницу курса строительнаго искусства. Вскорѣ потомъ ему посчастливилось попасть въ кругъ московскихъ литераторовъ. Въ имѣніи Нарышкиной, въ селѣ Александровскомъ (Калужской губерніи), онъ завѣдывалъ постройкою церкви и тутъ, въ домѣ владѣльца названнаго селца, онъ познакомился съ писателями. А въ Марьино (Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи), гдѣ онъ занимался постройками, В. П. сблизился съ поэтомъ и беллетристомъ сороковыхъ годовъ С. О. Дуровымъ. Тогда же онъ съ увлеченіемъ принялся переводить Барбье и написалъ нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній. Н. А. Некрасовъ обратилъ вниманіе на его юмористическое стихотвореніе, появившееся въ *Искрѣ* („Шабашъ на Лысой горѣ“), и пригласилъ молодого автора сотрудничать въ *Современникѣ*. Въ томъ же году В. П. провелъ 4 мѣсяца за границей, въ Германіи, Швейцаріи и въ Парижѣ, а по возвращеніи въ Москву сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ журнала *Зритель*, гдѣ съ перваго номера въ 1863 г. помѣстилъ цѣлый рядъ стихотвореній—оригинальныхъ и переводныхъ, а также юмористическихъ статей въ стихахъ и прозѣ. Съ того времени русская литература обогатилась его мастерскими переводами произведеній Барбье, Томаса Гуда, Виктора Гюго, Гейне, Байрона, Альфреда де-Мюссе, Альфреда де-Виньи, Карла Гудкова, Кальдерона, Леонарди, Ариосто и друг. Со второй половины 1863 г. В. П. переселился въ Петербургъ. Здѣсь онъ, занимаясь литературой, первое время не покидалъ и своей архитектурской профессіи. Состолъ помощникомъ инженеръ-архитектора Соколова при клиникѣ баронета Виллие, онъ поселился тогда на Выборгской сторонѣ, и въ *Спб. Вид.* (Корша) стали появляться его остроумные фельетоны подъ псевдонимомъ Выборгскаго Пустынника, а подъ псевдонимомъ Мастытаго Беллетриста печатавъ тамъ же свои рассказы и повѣсти. Съ 1866 г. въ той же газетѣ, подъ буквою Z, онъ ежедневно помѣщалъ критическіе фельетоны по поводу литературныхъ

явленій въ нашей журналистикѣ. Одновременно онъ, какъ поэтъ и юмористъ, участвовалъ въ *Современникѣ*, *Библиотекѣ для Читенія* (П. Д. Боборыкина), *Рус. Слово* (Благосвѣтлова), *Невскомъ Сборникѣ*, а позднѣе—въ *Дѣль*, *Вѣстникѣ Европы* (съ 1868 г.), *Отечественныхъ Запискахъ* (Н. А. Некрасова), въ *Искрѣ*, *Будильникѣ* и *Развлеченіи*. Съ 1876 г. онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ *Новаго Времени* и принимаетъ ближайшее участіе въ редакціи газеты. За послѣднее двадцатилѣтіе произведенія В. П., вышедшія отдѣльными книгами, выдержали по нѣскольку изданій. Таковы: „Литературная дѣятельность И. С. Тургенева“, „Критическіе этюды“ (о Гоголѣ, Гончаровѣ, Достоевскомъ, гр. Л. П. Толстомъ, Лермонтовѣ, Пушкинѣ и Глѣбѣ Успенскомъ); „Критическіе очерки и памфлеты“; „Очерки и пародіи“; собраніе стихотвореній—„Былое“, „Стрѣлы“, „Пѣсни и шаржи“, „Голубые звуки и бѣлыя поэмы“; трагедія „Смерть Агриппины“; памфлеты и пародіи: „Мертванъ прага“ и „Романъ въ Кисловодскѣ“, „Хвостъ“, „Пипа и Пуся“ и другія.

Сотрудники *Новаго Времени* поднесли В. П. по случаю исполнившагося 35-лѣтія его дѣятельности бронзовую статую „Фрина“, а затѣмъ дали въ честь его обѣдъ, на который изъ постороннихъ были приглашены только близкіе знакомые В. П. Буренина.

Н. О. Фанъ-дербъ-Флитъ. (Портр. на стр. 65.)

Николай Федоровичъ Фанъ-дербъ-Флитъ, скончавшійся отъ болѣзни почекъ 27 ноября истекшаго года въ Петербургѣ, пользовался заслуженною извѣстностью въ Россіи, въ особенности, на югѣ, какъ выдающійся общественный дѣятель. Н. О. Фанъ-дербъ-Флитъ—сдѣлалъ очень много для русской торговли и промышленности, въ качествѣ директора Русскаго общества пароходства и торговли, и очень много работалъ для земскаго дѣла, для экономическаго и умственнаго развитія народа.

По происхожденію Н. О.—голландецъ, но уже отецъ его приходился на русской службѣ, по тому же вѣдомству, что и сынъ,—по министерству финансовъ. Н. О. родился въ 1840 г., въ Островскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Воспитаній въ истинно-русскомъ духѣ (мать его была русская), Н. О. получилъ образованіе въ Императорскомъ Александровскомъ лицей. По окончаніи курса въ лицей, онъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ. Начало его служебной дѣятельности совпало съ эпохой 1860-хъ годовъ, эпохой могущественнаго подъема общественныхъ силъ. Н. О. принялъ дѣятельное участіе въ общей кипучей работѣ. Не мало погрузился онъ, между прочимъ, для комитета грамотности, и дѣломъ, и материальными средствами, которые тратилъ на народныя изданія. За его выдающіяся заслуги въ дѣлѣ народнаго образованія возноэкономическое общество присудило ему золотую медаль. Энергичный и дѣятельный, онъ быстро выдѣлился изъ ряда своихъ сослуживцевъ, и въ 1862 г. былъ командированъ въ Лондонъ для устройства русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ, въ 1864 г. объѣзжалъ рядъ губерній Царства Польскаго съ цѣлью введенія въ нихъ единства кассы государственнаго казначейства, а затѣмъ занялъ должность секретаря ученаго комитета министерства финансовъ. На государственной службѣ онъ пробылъ до 1877 г.

Какъ знатокъ сельскаго хозяйства, Н. О. принималъ дѣятельное участіе въ образованной въ 70-хъ годахъ, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, комиссіи для послѣдованія условій сельскаго хозяйства. Свои знанія онъ проводилъ на дѣлѣ въ своемъ имѣніи Быстрецовѣ, Псковской губерніи, гдѣ съ раннихъ лѣтъ занимался сельскимъ хозяйствомъ. Когда введено было земское положеніе, Н. О. явился однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ борцовъ за нужды и интересы земства. Онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей, членомъ ревизионной комиссіи земства, почетнымъ директоромъ многихъ школъ и больницъ. Желая дѣйствовать на общество личнымъ примѣромъ, онъ основалъ въ своемъ имѣніи, на свои средства, образовую народную школу, учредилъ одно изъ первыхъ сельскихъ сеудо-сберегательныхъ товариществъ, устроилъ народную бібліотеку, ввелъ цѣлый рядъ полезныхъ преобразованій въ мѣстной земской больницѣ и т. д. Болѣе 25 лѣтъ работалъ онъ на пользу земства, и до послѣднихъ минутъ жизни, даже въ тяжкой болѣзни, не переставалъ о немъ заботиться, не прерывалъ связи съ своими земскими учрежденіями, съ своей быстрецовской школой, со старшими учениками которой онъ терпѣливо велъ, съ каждымъ порознь, постоянную переписку, даже и тогда, когда онъ жилъ въ Одессѣ и Петербургѣ.

Передъ началомъ послѣдней русско-турецкой войны, когда адмиралъ Н. М. Чихачевъ былъ назначенъ начальникомъ обороны черноморскаго побережья, Н. О. былъ избранъ въ замѣстители его по должности директора Русскаго общества пароходства и торговли. Къ дѣламъ Русскаго общества онъ былъ причастенъ уже давно, такъ какъ отецъ его былъ акціонеромъ общества. До 1885 г. Н. О. былъ временнымъ управляющимъ, а затѣмъ избранъ былъ въ директоры, и въ этой трудной и отвѣтственной должности главы крупнѣйшаго и важнѣйшаго пароходнаго предпріятія въ Россіи пробылъ до 1894 года. За время его управленія, общество было совершенно преобразовано и колоссальными размѣрами своей дѣятельности обязано

главным образом покойному. Онъ выработалъ и ввелъ новый уставъ общества, въ который между прочимъ, по его настоянію, внесенъ былъ параграфъ объ ежегодномъ отчисленіи изъ прибыли общества 40,000 руб. въ вспомогательно-сберегательную кассу служащихъ; въ числѣ его постоянныхъ заботъ о своихъ служащихъ нельзя не указать на его стремленія къ поднятію въ моряхахъ торговаго флота, шкиперахъ и штурманахъ, образовательнаго цѣна, какъ въ интересахъ ихъ собственныхъ, такъ и въ интересахъ самаго дѣла. При немъ общество обогатилось 31 новымъ пароходомъ для пассажирскаго и грузового сообщенія (изъ нихъ нѣсколько было приноворено для дальняго океанскаго плаванія) и тремя нефтяными пароходами; онъ руководилъ постройкой въ мастерскихъ и верфяхъ общества военныхъ броненосцевъ и канонерокъ. За эти работы онъ былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія и Высочайшей награды; пересоздавъ старые типы судовъ общества соотвѣтственно современнымъ требованіямъ техники и развитію торговыхъ сношеній, онъ добился того, что тоннажъ и скорость пароходовъ общества удвоились, а въ силу этого и возросла до колоссальныхъ размѣровъ дѣятельность общества. Одновременно съ дѣятельностью въ Русскомъ обществѣ пароходства и торговли, Н. О. состоялъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ председателемъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ, и на этомъ поприщѣ также не мало удѣлилъ трудовъ на пользу экономическаго благосостоянія и развитія торговли и промышленности на югѣ Россіи.

Всѣ эти труды подорвали силы Н. О., и въ 1894 г. онъ долженъ былъ оставить должность директора и переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ снова занялся земскими дѣлами и участвовалъ въ качествѣ вице-предсѣдателя въ комитетѣ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ кассахъ и товариществахъ. Одной изъ его крупныхъ работъ за послѣднее время можно назвать выработанный подъ его руководствомъ проектъ устава союза промышленныхъ и потребительныхъ товариществъ, рассмотрѣнный на послѣднемъ сѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

На ряду съ общественной, нельзя не упомянуть и о немъ широкой благотворительной дѣятельности Н. О. Фандеръ-Флита. И въ своемъ родномъ земствѣ, и въ главномъ пунктѣ своего служенія—Одессѣ, и, наконецъ, въ Петербургѣ, всюду принималъ онъ дѣятельное участіе въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и своимъ средствами, и знаніями, и связями, и какъ въ этихъ учрежденіяхъ, такъ и вездѣ, гдѣ протекла его неутомимая общественная дѣятельность, сохранилась о немъ память, какъ о талантливомъ, энергичномъ дѣятелѣ и добромъ, отзывчивомъ человѣкѣ.

Г. И. Крелленбергъ. (Портр. на стр. 65.)

Въ рядахъ скромныхъ провинціальныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія найдется не мало такихъ, вся жизнь и дѣятельность которыхъ могла бы служить высокимъ примѣромъ для подражанія. Къ сожалѣнію, столичной печати, по разнымъ причинамъ, рѣдко приходится отмѣчать ихъ имена. Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ мы въ этомъ номерѣ портретъ Генриха Ивановича Крелленберга, одного изъ самыхъ популярныхъ педагоговъ на всемъ сѣверо-востоцѣ Россіи, центромъ котораго является Казань. Здѣсь Г. И. Крелленбергъ прослужилъ 45 лѣтъ безмѣрно въ 1-й казанской гимназій, изъ нихъ 36 лѣтъ директоромъ этой гимназій, получившей при немъ, въ 1868 году, титулъ „Императорской“. За время его 45-лѣтней службы въ гимназій, окончилъ въ ней полный курсъ 1,026 учениковъ, и изъ нихъ едва ли найдется хоть одинъ, который не вспомнилъ бы Генриха Ивановича съ любовью и глубокимъ уваженіемъ. Многие изъ его учениковъ занимаютъ теперь и сами болѣе или менѣе замѣтные мѣста въ разныхъ сферахъ общественной и государственной дѣятельности, и несомнѣнно для многихъ изъ нихъ образъ Генриха Ивановича является однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ.

Строгий къ себѣ и къ другимъ во всемъ, что касалось исполненія долга, и въ то же время чуждый педантизма и форма-

лизма, добрый, сердечный человѣкъ, Г. И. всегда былъ любящимъ и любимымъ отцомъ учениковъ всѣхъ возрастовъ и добрымъ другомъ родителей. Въ его обращеніи, удивительно ровномъ со всѣми, несмотря на званіе и положеніе, была какая-то неподражаемая „добродушная суровость“, привлекавшая къ нему всѣ сердца и заставлявшая учениковъ не только слушаться его „не за страхъ, а за совѣсть“, но и любить строгое исполненіе своихъ обязанностей, прямѣромъ котораго являлся самъ Генрихъ Ивановичъ.

Въ сентябрѣ минувшаго года Г. И. оставилъ свою службу въ Императорской казанской гимназій къ великому сожалѣнію всѣхъ, кто видѣлъ въ немъ связующій элементъ между семьей и школой. По иллія его, конечно, останется навсегда незабвеннымъ въ Казани. По случаю выхода его въ отставку, на память о его дѣятельности и въ знакъ глубокаго уваженія къ нему, преподаватели гимназій основали иныѣ при ней стипендію его имени; такую же стипендію основало казанское общество. Въ одномъ изъ засѣданій казанской городской думы Г. И. Крелленбергу была выражена гласными думы горячая признательность за его полувѣковую дѣятельность по воспитанію и просвѣщенію юности. Основанное по его инициативѣ общество вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ при Императорской 1-й казанской гимназій набрало его, за его 14-лѣтнюю дѣятельность на пользу этого общества, своимъ почетнымъ членомъ. О заботливости Г. И. о бѣднѣйшихъ ученикахъ гимназій свидѣтельствуетъ то, что онъ образовалъ изъ собранныхъ имъ отъ разныхъ лицъ суммъ капиталъ въ 43,000 рублей для стипендій и передалъ обществу вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ болѣе 10,000 руб., проценты съ которыхъ идутъ на стипендіи, на взносы платы за право ученія и вообще на матеріальную поддержку немущихъ учениковъ.

Г. И. Крелленбергъ происходитъ изъ сословія потомственныхъ почетныхъ гражданъ г. Пернова, Инфляндской губерніи, гдѣ и получилъ въ высшемъ учебномъ заведеніи первоначальное образованіе; затѣмъ онъ окончилъ курсъ въ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ институтѣ съ званіемъ старшаго учителя гимназій и медалью съ надписью: „Достоинѣйшимъ изъ будущихъ образователей російскаго юношества“. Тогда же, въ августѣ 1851 года, онъ былъ назначенъ учителемъ латинскаго языка въ первую казанскую гимназій, черезъ нѣтъ лѣтъ былъ определенъ инспекторомъ, а въ 1860 году—директоромъ той же гимназій. Кроме трудовъ по званію директора гимназій, Г. И. заведывалъ еще педагогическою школою для приготовленія учителей въ народныя училища, учрежденною при казанской 1-й гимназій, и заведывалъ въ теченіе 11 лѣтъ всѣми частными учебными заведеніями въ Казани, т.-е. школами и пансіонами для первоначальнаго обученія. Въ 1867 году онъ былъ назначенъ членомъ почетнаго и председателемъ педагогическаго совѣта Маріинской женской гимназій, въ которой онъ прослужилъ 27 лѣтъ. Въ 1870 году Г. И. былъ, по постановленію казанской городской думы, избранъ наблюдателемъ городской общественной бібліотеки и главнымъ руководителемъ ея, а въ 1881 г. назначенъ инспекторомъ классовъ и членомъ совѣта въ Родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ состоитъ на службѣ и до сихъ поръ. Кроме неоднократнаго выраженія полной признательности отъ министерства и окружнаго начальства за добросовѣстное исполненіе возложенныхъ на него различныхъ обязанностей, кромѣ перѣчисленныхъ и довольно крупныхъ денежныхъ наградъ и чиновъ (послѣдній чинъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ), Г. И. Крелленбергъ имѣетъ слѣдующія награды: бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 гг.; ордена: св. Станислава 2-й ст., св. Анны 2-й ст., съ Императорской короною, св. Владимира 3-й ст., св. Станислава 1-й ст., св. Анны 1-й ст., св. Владимира 2-й ст.; знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ и перстень съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени Его Императорскаго Величества иныѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Можно только пожелать, чтобы у насъ было побольше такихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, а настоящему педагогу еще на долгіе годы бодрости и здоровья.

Политическое обозрѣніе.

Британскій министръ по индійскимъ дѣламъ Гампльтонъ упрекнулъ недавно всю европейскую печать въ раздуваніи, будто бы, бѣдствія индусовъ съ цѣлью создать пеловкость положенія высшей администраціи Индіи, такъ что даже сама вліятельная англійская печать отмѣтила странность политики по отношенію къ Индіи. Въ то же время вице-король Индіи поразилъ англичанъ донесеніемъ о хлѣбныхъ запасахъ, достаточныхъ, будто бы, для прокормленія населенія въ теченіе нѣлаго года. Между тѣмъ подробные отчеты англійской и иностранной печати подтвердили страшные размѣры голода въ Индіи. По свѣдѣніямъ изъ Лондона, отъ 4 января, вице-король Индіи призналъ, наконецъ, что нѣтъ голодъ превосходитъ своимъ размѣрамъ всѣ подобныя бѣдствія за предшествующіе годы. Большой митингъ въ Калькутѣ заявилъ въ своей резолюціи, что всякая помощь, откуда бы она ни явилась, будетъ

принята съ благодарностью. Въ лондонской городской ратушѣ состоялся подъ предѣлательствомъ лорда-мера митингъ для обсужденія вопроса о голодѣ въ Индіи. Послѣ горячей рѣчи герцога Коннаутскаго принята резолюція, которая одобряетъ дѣйствія индійскаго правительства, призываетъ англійское общество къ помощи индусамъ. Митингъ, однако, не обошелся безъ инцидента: изъ залы собранія насильственно былъ выведенъ одинъ изъ ораторовъ, доказывавшій, что голодъ въ Индіи является слѣдствіемъ истощенія этой страны ежегодными излеченіями изъ ея казны двадцати милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ пользу Англій, а потому де слѣдовало бы теперь употребить эту сумму на помощь голодающимъ.

Какъ сообщаютъ изъ Лондона отъ 2 января, чума въ Бомбей произвела ужасныя опустошенія, вслѣдствіе чего торговля парализована, суды закрыты, уцѣлѣвшее населеніе спасается

бѣгствомъ, распространивъ эпидемію въ окрестностяхъ Бомбей. Подхваченная европейскою печатью неутѣшительныя извѣстія объ эпидеміи заставили европейскія державы приступить къ оживленному общему мнѣнію относительно предохранительныхъ мѣръ противъ занесенія чумы въ Европу. Въ державы, за исключеніемъ лишь Англій, издали соответствующія санитарныя постановленія.

Въ виду того, что эпидемія можетъ проникнуть въ Европу изъ Индіи на англійскихъ судахъ, не признающихъ, по обыкновенію, санитарныхъ предосторожностей, а руководящихся исключительно корыстною цѣлью—скорѣе доставить и выгрузить товары, привозимые въ иностранныя порты изъ зараженныхъ мѣстъ,—европейскимъ державамъ придется потребовать отъ Англій принятія серьезныхъ мѣръ противъ занесенія заразы. Такимъ образомъ, угрожающая всей Европѣ опасность выдвигаетъ новый политическій вопросъ.

Состоявшееся 1 января назначеніе графа Муравьева на постъ управляющаго нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отмѣнено всею западно-европейскою печатью, какъ выдающееся событіе, имѣющее немаловажное значеніе для внѣшней политики Россіи. Особенно горячо отнеслась къ этому назначенію французская печать, единодушно привѣтствовавшая графа Муравьева, какъ „друга Франціи“. Такъ, газета *Liberte*, которой приписываютъ связи съ официальными кружками, выразилась, что если бы въ Россіи существовали политическія партіи, графъ принадлежалъ бы, можетъ-быть, къ французской партіи, но въ Россіи господствуетъ воля Царя, которая графу хорошо известна. По мнѣнію газеты *Temps*, не состарившіяся на высокихъ постахъ графъ чуждъ роковой рутинѣ и, зная въ совершенствѣ оба полюса европейской политики—Парижъ и Берлинъ, расположенъ къ культивированію и упроченію сердечнаго согласія Россіи съ Франціей. Выражая полное сочувствіе графу, *Temps*, полагаетъ, однако, что дѣйствительнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ и есть самъ Царь. Вѣрность же молодого русскаго Монарха миролюбивой франко-русской политикѣ доказана блистательнымъ образомъ.

Въ Лондонѣ также отозвались съ симпатіями къ графу Му-

равьеву. *Times* заявилъ, что англичане, искренно привѣтствуя новое назначеніе, относятся къ нему съ довѣріемъ. По мнѣнію газеты *Standard*, общественное мнѣніе Англій дѣлится это назначеніе, такъ какъ русско-британскія отношенія станутъ-де еще болѣе искренними и сердечными: англичане не ждутъ расширенія русскихъ владѣній въ Средней Азій и на дальнемъ Востокѣ, напротивъ, поступательное движеніе Россіи въ Азій содѣйствуетъ развитію британской торговли. Австро-венгерскій офиціозный органъ *Fremdenblatt* полагаетъ, что, при всеобщемъ нерасположеніи всѣхъ монарховъ, народовъ и государственныхъ дѣятелей къ войнѣ, Россія окупаетъ ту же потребность въ мирѣ, и новый министръ ея будетъ безспорно исполнителемъ предначертаній своего Государя, охраняющаго общій миръ, которому Россія обязана успѣхами въ Азій, увеличеніемъ своего богатства и возрастаніемъ политическаго вліянія.

Германская печать высказалась довольно сдержанно, ссылаясь, до полученія положительныхъ данныхъ, подождать съ сужденіями о будущей дѣятельности графа Муравьева—опытнаго дипломата и энергичнаго чловѣка въ дѣлѣ службъ. По мнѣнію газеты *Post*, графъ—русскій чловѣкъ—русскій патриотъ, который будетъ блюсти интересы своего отечества, и въ самомъ худшемъ случаѣ нѣтъ основанія высказывать опасенія изъ-за французскихъ симпатій графа, такъ какъ назначеніе его не можетъ оказать существеннаго вліянія на добрососѣдскія русско-германскія отношенія, характеръ которыхъ опредѣляется обоюдными интересами.

Въ этой иностранной характеристикѣ русскаго государственнаго дѣятеля звучитъ отрадная для русскаго слуха нота, что новый управляющій нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ—русскій чловѣкъ—русскій патриотъ. Едва ли нужно пояснять, насколько важно именно теперь, чтобы блюстителемъ внѣшнихъ интересовъ Россіи былъ только русскій чловѣкъ. Какъ справедливо отмѣчено иностранною печатью, внѣшняя политика нашего отечества, мощно начертанная покойнымъ императоромъ,—въ рукахъ Его Государя Преемника, и русскій народъ отъ всей души порадуется, видя у Престола блюстителемъ внѣшнихъ интересовъ Россіи русскаго патриота.

Разныя извѣстія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШЕЙ УКАЗЪ Нашему министру финансовъ.

Для устранения нѣкоторыхъ, силою обстоятельствъ и времени возникшихъ, недостатковъ денежнаго обращенія Имперіи, Мы повелѣли вамъ внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта выработанную въ особомъ комитетѣ предложенія объ установленіи новыхъ, соответствующихъ измѣнившимся условіямъ, основаній нашей монетной системы и правилъ выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ.

По своей важности и сложности, дѣло это можетъ еще потребовать продолжительнаго обсужденія.

Иныя, въ виду оказывавшейся настоятельной необходимости возобновить чеканку золотой монеты, а также въ цѣляхъ устраненія поводовъ къ сомнѣніямъ, порождаемымъ въ населеніи несоответствіемъ нарицательнаго достоинства золотой монеты ея цѣль, опредѣленной для обмѣна на кредитные билеты, Мы признали за благо, впредь до принятія нами окончательнаго рѣшенія по разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ дѣла сего,—чеканить золотую монету съ означеніемъ на ней цѣны, установленной Высочайшимъ повелѣніемъ Нашимъ 8-го августа 1896 года.

Вслѣдствіе этого и согласно съ представленіемъ нашимъ, въ особомъ комитетѣ разсмотрѣннымъ, повелѣваемъ:

1) оставивъ золотую монету безъ всякаго измѣненія въ содержаніи чистаго золота, пробѣ, вѣсѣ и размѣрахъ, установленныхъ закономъ (уст. мон., ст. 8, 9, 12, 17, 19 и 21),—чеканить такую въ означеніемъ на имперіалѣхъ цѣны 15 рублей и на полуимперіалѣхъ цѣны 7 рублей 50 копѣекъ, согласно описанію, одновременно съ симъ нами утвержденному.—и

2) по изготовленіи золотой монеты, на основаніи п. 1-го сего Указа, выпускать оную въ обращеніе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Царское Село.

3-го января 1897 года.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Описание внѣшняго вида золотой монеты.

Лицевая сторона золотой монеты представляетъ профилное, вѣло обращенное, изображеніе Государя Императора съ надписью вокругъ: „Божіею милостию Николай II Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій“. Обратная сторона монеты представляетъ государственный гербъ съ надписью внизу: на имперіалѣхъ—15 рублей и голъ чеканки и на полуимперіалѣхъ—7 рублей 50 копѣекъ и голъ чеканки. На ребрѣ монеты изображаются углубленными буквами содержаніе въ ней чистаго металла.

— Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великою княжною Ольгою Александровною, 3-го сего января, изволила переѣхать на жительство изъ Гатчины въ С.-Петербургъ, въ Собственный Его Величества Аничковскій дворецъ.

— 6-го января, въ день Богоявленія Господня, состоялся въ Зимнемъ дворцѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, крещенскій народъ. Въ 11 часовъ начался Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ покоевъ Зимняго дворца въ соборъ. Его Императорское Величество пошелъ въ формѣ лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка и въ лентѣ ордена св. Андрея Первозваннаго. У дверей собора Его Величество былъ встрѣченъ придворнымъ духовенствомъ, во главѣ съ высокопреосвященнымъ Антоніемъ, архіепископомъ финляндскимъ, съ крестомъ и св. водою. Затѣмъ началась Божественная литургія. По окончаніи Божественной литургіи былъ совершенъ крестный ходъ на Иорданъ. Государь Императоръ, сопровождаемый Августѣйшими Главнокомандующимъ, великими князьями и Свитой, проследовалъ за духовною процессіею. При погруженіи св. креста въ воду загремѣлъ пушечный салютъ. По совершеніи водосвятія знамена и штандарты были окроплены св. водою. По возвращеніи съ Иордана, Государь Императоръ, проводивъ крестный ходъ до дверей собора, изволилъ затѣмъ присутствовать при отношеніи знаменъ и штандартовъ, послѣ чего, выразивъ Свою благодарность войскамъ, отбылъ въ внутренніе покои.

— Старшему совѣтнику министерства иностранныхъ дѣлъ, гофмейстеру Высочайшаго Двора, графу Владиміру Ламадорфу—Всемилоостивѣе поведѣно быть товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ придворной должности.

— Государь Императоръ Всемилоостивѣе соизволилъ на образованіе, при пріемѣ пожертвованій деньгами и хлѣбомъ голодающимъ надусамъ и для направленія жертвуемаго хлѣба по назначенію, трехъ комитетовъ: одного—въ Москвѣ, по усмотрѣнію Его Императорскаго Высочества московскаго генералъ-губернатора; другого—въ С.-Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ с.-петербургскаго губернатора, и третьяго—въ Одессѣ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго градоначальника, при представительствѣ отъ вѣдомствъ министерства финансовъ и путей сообщенія, а равно другихъ лицъ, участіе коихъ будетъ признано полезнымъ. Независимо отъ того, въ виду возможности поступленія пожертвованій для той же цѣли, кромѣ столицы, въ другихъ городахъ Имперіи, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы начальники губерній и областей были уполномочены принимать приношенія хлѣбомъ и деньгами и направлять первый въ Одессу, на имя коммерческаго агентства юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, для дальнѣйшей отправки въ Индію на пароходахъ добровольнаго флота, а деньги—въ ближайшій комитетъ.

— 1 января исполнилось 250-лѣтіе дня кончины приспомятнаго работара за православіе въ юго-западной Русіи—киевскаго митрополита Петра Могила. Онъ отстоялъ права западно-русской церкви, поруганныя латинянами и униатами, онъ мужественно зашнцаль ея въ продолженіе всего своего архіепископскаго служенія; онъ основалъ въ Кіевѣ высшее учебное заведеніе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на ходъ образованія не только въ южной, но и въ сѣверной Русіи; возстановилъ изъ развалинъ древнѣйшіе киевскіе храмы; записалъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, очищеніемъ и систематизаціею церковной обрядности; издалъ знаменитый требникъ, составилъ не менѣе знаменитый катехизисъ.

СОДЕРЖАНІЕ: По Обонемью. И. В. Тюменева. Путевые наброски и замѣтки. (Съ 12 рисунками.)—Смы. Новѣсть Влад. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе).—Танцующія птицы. Г. Тэнъ.—Къ расулкамъ: Портретъ Рембрандта, писанный имъ самимъ.—Литературный альбомъ. „Ленора“, баллада Бюргера.—В. П. Буренинъ (съ портр.).—И. В. Физъ-дѣрь-Флякъ (съ портр.).—Г. И. Крауленбергъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—О перемѣнѣ адреса.—О подпискѣ на „Ниву“ 1897 г.—Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературы. прилож.“ за Январь.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1897 г.

(Подробности см. на 1-й страницѣ.)

1878 г.

1882 г.

1896 г.

ТОВАРИЩЕСТВО ШЕРСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ТОРЖАТОЖЪ

въ С.-Петербургѣ.

(Фабрика существуетъ съ 1841 г.)

Имѣеть честь довести до свѣдѣнія, что имѣ выпущены къ предстоящему сезону слѣдующія

ТКАНИ НОВѢЙШИХЪ РИСУНКОВЪ:

Драпы гарусные для мужскихъ и дамскихъ весеннихъ пальто, жакетовъ и проч.

Твидъ для мужскихъ лѣтнихъ костюмовъ и пальто, а также дамскихъ жакетовъ, накидокъ и проч.

Регалія брючная лѣтняя.

Чевіотъ разл. качествъ для костюмовъ и верхняго платья.

Конфекціонъ } для дамскихъ платьевъ, жакетовъ и проч.
Магнолія }

Плэды мужскіе новѣйшихъ костюмныхъ рисунковъ.

» дамскіе.

» для дамскихъ накидокъ, разл. кач. и рисунковъ.

А ТАКЖЕ:

Гладніе товары, какъ-то: **Твидъ**, **Чевіотъ**, **Касторинъ**, **Казакинъ**, **Пальтовое** разл. цвѣтовъ и меланжей.

Издѣлія Товарищества распространены по всей Россіи и имѣются во всѣхъ выдающихся мануфактурныхъ и сунонныхъ магазинахъ.

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ ТОВАРИЩЕСТВА:

въ С.-Петербургѣ: внутри Гостиного Двора, № 129.

» **Москвѣ**: Ильинка, Юшковъ пер., д. Александрова.

» **Харьковѣ**: уголь Монастырской и Карайновскаго пер.

» **Лодзи**: Петроковская ул., д. № 15 (Новый).

Н. № 9842 4-3

Всѣ издѣлія снабжены фабричными знаками съ обозначеніемъ фирмы.

Всѣ издѣлія снабжены фабричными знаками съ обозначеніемъ фирмы.

Вышло новое издание Ф. ПАВЛЕНКОВА.

БЕЗСМЕРТИЕ

ПО ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ.

Популярная лекция Сабатте, читанная в Женеве. Перев. съ французскаго В. Остронова. 160 стр. больш. формата. Цена 80 к.

Большая золотая медаль Парижа.

МАССА БЛАГОДАРЯ ПОЧЕТУ ОТВѢТНОСТИ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ БУХГАЛТЕРИИ

и городовых и московских посредствъ лекцій корреспондентскія вопросы лекцій устной преподаваніе. — ПЛАТА УМЕРЕНАЯ.

С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ.

Условія — просятъ на листочкѣ. Высылаются на деньгахъ. **МОСКВА** безплатно.

Больш. Вутырская ул. д. № 27.

ИЗМѢНЯ

всѣхъ министерствъ и ведомствъ, готовя и на заказъ, собственной изготовления. Заказывающимъ отъ 25—50 руб. дается съ прейсъ-куранта 50% скидки, свыше 50 руб. 10%. По требованію подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. При заказѣ шитья проситъ обозначать объемъ верста на сантиметры или вершинъ.

Магазинъ **„МОРИСЪ“**.

СПб. Невскій 43—1, уголъ Троицкой.

ПРОПЕДИТАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛЕТОВАТЬ ему

НЕУЖИВШИЕ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ ПО ВТОРИКАМЪ

БОСОПИТАНІЕ 500 акад.

ТЕЛЕФОНЪ 1672

ТЕЛЕФОНЪ 1141

СТОЛИЧНОЕ МЫЛО

Т-ва „ГИГИЕНА“

Приятный освѣжающій ароматъ, обильная нѣжная бархатистая пѣна. При каждомъ кускѣ 4 вида обильнѣе столичнѣе.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Главные склады: СПб. Пляцъ Александр. театра, 9. **МОСКВА**. Никольская, д. Шереметова. **ВАРШАВА**, Новый Свѣтъ, 37.

1897 г. 88-й г.

„НУВЕЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

„Нувелистъ“ съ 1 января вступаетъ въ 88-й годъ своего существованія, дастъ подписчикамъ въ теченіе года до 100 номеровъ музыки: салонныхъ вѣсѣ, танцевъ, русскія романсовъ, легкихъ пѣсень для дѣтей для фортепиано и для скрипки, дѣтскихъ пѣсеночекъ и проч.

ПРЕМИА

Полная опера или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80 номеровъ. Портреты знаменитыхъ музыкантовъ. Дѣтской Подаренная книга въ годъ. 3 руб. Съ доставкой и пересылк. 3 руб.

Подписка принимается въ СПб. въ Главной Конторѣ при музыкальномъ магазинѣ **М. ВЕРНАРДА**, В. Морская, 26.

Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ П. Юргенсона. № 9868

ВѢНСКІЙ ШИКЪ

роскошный журналъ модъ, издаваемый въ Вѣнѣ на русскій, французскій и нѣмецк. языкахъ. Желающимъ подписаться высылаются пробный номеръ безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій 80. Контора редакціи „Вѣнскій Шикъ“.

ПЛАТОНОВЪ. Ром. изъ современн. жизни П. В. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 3 р. 30 к.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саласа.

Историческій романъ времени восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПб. Цена 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коллектор. пересл. 2 руб. 75 коп., съ пересл. 3 руб. 25 коп.

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО

ВЕЗДѢ

ВАЖНО для ДАМЪ!

КАЛОДЕРМА Ц. № 9873 11-1

Ф. ВОЛЬФЪ и Сынъ.

НЕЗАМѢНИМА для холи кожи.

Продама въ лучшихъ гарфеюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

для ТАНЦЕВЪ! реком. въ большомъ выборѣ и по умѣр. цѣнамъ всевозможн.

механическіе инструменты:

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ 6 р., ИМТОНА 10 р., ДОЛЬЦИМА 10 р., СЕРАФИОНЪ 14 р., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 20 р., ГЕРОФОНЪ 25 р., КАЛІСТОНЪ 40 р., МАНОПАНЪ 55 р., ПІАНО-МЕЛОДИНО 70, 75 и 40 руб., самоиграюще съ моторомъ 225 р., ОРГАНЫ съ деревянн. панно на которомъ можно играть руками и посредствомъ перченія руки, 550, 600, 850, 700 руб.

МЕХАНИЧ. ПІАНИНО на которомъ можно играть руками и посредствомъ перченія руки, 550, 600, 850, 700 руб.

СИМФОНІОНЫ съ ручкой 5 руб., самоиграюще въ 10, 20, 28, 40, 70 и 100 руб.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. Москва, Петровка, домъ Волкова.

◆ Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. ◆

ВЯЗАНОЕ ДЖУТОВОЕ БѢЛЪЕ (БУМАЖНОЕ)

ОЧЕНЬ ПРОЧНОЕ, особенно рекомендуется лицамъ, не носящимъ шерстяного бѣлья.

ФУФАЙКИ КАЛЬСОНЫ

ТОННІЯ	— 88 к.	ЛЕГНІЯ	1 р. 18 к.
СРЕДНІЯ	1 р.	ПЛОТНІЯ	1 р. 50 к.
ПЛОТНІЯ	1 р. 20 к.	ТОЛОТНІЯ	1 р. 78 к.

Гг. иногороднимъ высылаются на суму не менѣе 1 рубля. Цѣны безъ пересылки.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ БѢЛЪЯ.

С.-Петербургъ, № 5, Владимирская, № 5, близъ Графскаго.

Для ширки сдѣдуетъ указать: Ц. № 9710 (6)

Для кальсонъ: объемъ вокругъ ногга (талія) и длину отъ пояса до подолки.

Для фуфайки: объемъ вокругъ груди подъ мышками.

Дополнительный прейсъ-курантъ высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

Знаменитое бѣлье

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Поставщиковъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ,

Лейпцигъ - Плагвицъ.

извѣсно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго золотниковаго бѣлья. Шкура-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неудобствъ. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безкоррозивно сидищее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при увеличивомъ погнѣи. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и хозяевамъ. Нижесказанные представители сообщать, по желанію, сдѣ оно продается.

Тауфанин и Штейдль, Москва. Карль Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тинбенинъ, Рига. Фабианъ Клингенландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

КРАСИВО и СНОРО ПИСАТЬ изучаю какъ долго значю въ 8 урок. Пробн. писмо, копій отдамъ и угол. выписъ, за 2-7 к. марш. Адресъ: Одесса, Дерибасовск., д. Ж. Н. № 17, кв. № 3. Проф. каллиграфія Ш. Круку.

ТРЕБУЙТЕ

иллюстрированные каталоги снимки и замѣдлительскія орудія фирмъ И. ВАСИЛЕВСКАГО въ Варшавѣ, Медовая, 16, заключающіе много интереснѣхъ и заслуживающихъ рекомендаціи новостей. Пересылка безплатно по обратной почтѣ.

НОВОСТЬ для Гг. КУРАЩИХЪ.

Патентованная машинка для набивки крученыхъ папирсовъ, разн. величинамъ, „ВОЛГА“ практична и легка.

10 шт. папирсовъ въ 1 минуту.

Цѣна безъ пересылки 7 рублей.

Можно получить:

Складъ новыхъ изобрѣтеній, Б. Морская, 39. К. Чернышевскій, Гост. Дворъ, Зеркальня лн., 35.

Гл. представители: К. А. Роде, С.-Петербургъ, В.-Подъясная, 23.

А. Е. КУЛАКОВЪ

С.-Петербургъ, Садовая ул., 33.

Привилегированная **ЦИТРА**

„МОНОПОЛЬ“

самый легкій инструментъ для изученія; съ помощью 6 готовыхъ аккордовъ получается аккомпанементъ; можно играть свободно какъ угодно нѣсомъ, не зная нотъ. Мелодичный тонъ, изящная окраска.

Цѣна съ самоучителемъ 7 рублей.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно по полученію 2 руб. задатка.

Фабрика торговаго дома музыкальныхъ инструментовъ

А. Е. КУЛАКОВЪ

С.-Петербургъ, Садовая ул., 33.

Подробный юбилейный роскошный иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальн. инструменталъ вмсѣд. безплатно.

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружья, не прочитавши иллюстр. прейсъ-курантъ, вмсѣд. безплатно, Оружейнаго магазина А. В. Тарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Сытова.

КИТАЙЦЫ

и ихъ цивилизація. И. Коростовск. Бывающаго секретаря Импер. российск. миссіи въ Пеннѣ. Новая книга. Магазины Хедерле, Невскій пр., 42. № 9871

Леод. Бедеров. Шлиссейбергъ, Москва,

Мясницкая ул., д. Ермаковнхъ, рекомендуетъ: приличдавательныя и торфяныя машинки, прессы для выдѣлки грубъ съ раструбами, черепки съ фальцами, брикетовъ; дѣль: патентов. Шаровыя мельницы для измельченія и разкола в одновременнаго простѣанія матеріаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. н. (42)

ЦАРТ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром. хрон XVIII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. Полякова.

10-го января НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно. Ц. № 9839 3 3

РУССКОЕ ОВЩЕСТВО
для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**
въ г. Ригѣ
изготавливаетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.
Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ. Д. № 9859 13-2

„АРМИНЪ“
порода для ХОЛИ и МЯГКОСТИ усомъ и бороды, можно получить въ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ и у парикмахеровъ Россійской Имперіи.
Цена баночки 50 коп. с.
„Арминъ“ безъ № 237 разр. Мед. Уралъ. Безвѣстная подделка.
Магазинъ Г. ПОПА, Пассажи, № 52.
За перес. отъ одной до трехъ баночекъ — 40к.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **С. ПАВЛЕНКОВА:**

ЖИВОПИСНАЯ АСТРОНОМІЯ

К. Фламмаріона.
Популярное описаніе вселенной, увѣнчанное преміей отъ Французской Академіи Наукъ. Переводъ съ послѣд. изданія Е. Протеченскаго. 696 страницъ большого формата съ 383 картинками и раскрашенными рисунками. Цена 3 руб. № 9867

МЫСЛЬ ДОВОРОЙ НАДЕЖДЫ

ПРЕМИРОВАННЫЯ КАПСКІЯ ВИНА

Е. PLAUT приобрѣлъ высокую репутацію превосходныхъ десертныхъ. Высокаго качества капскихъ винъ Е. Plaut изъ Нимитата

ДОКАЗАНЫ наслѣдованіями научн. авторитетовъ.
Подлинность капскихъ винъ можетъ быть удостовѣрена консульствомъ южно-африканск. Оранжевой земли въ Гамбургѣ.
Главный складъ капскихъ винъ Е. Plaut: виноторговецъ **И. Д. РИТЦЕРЪ**, въ С.-Петербурѣ.
Имев. складъ и контора: уг. Гороховой и М. Морской, 9/12. Ц. № 9855 2-2
Магазины: у Вознесенск. моста, д. 79/23 и у Конюшен. моста, д. 1/8.
Складъ въ Москвѣ: Н. Э. Метцгеръ преемн.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнаты № 6412 (62)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ La Violette—Muguet
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ

на Всероссийской выставкѣ 1893 г. за „Мыло Диспозе“ П. Н. Виноградова.

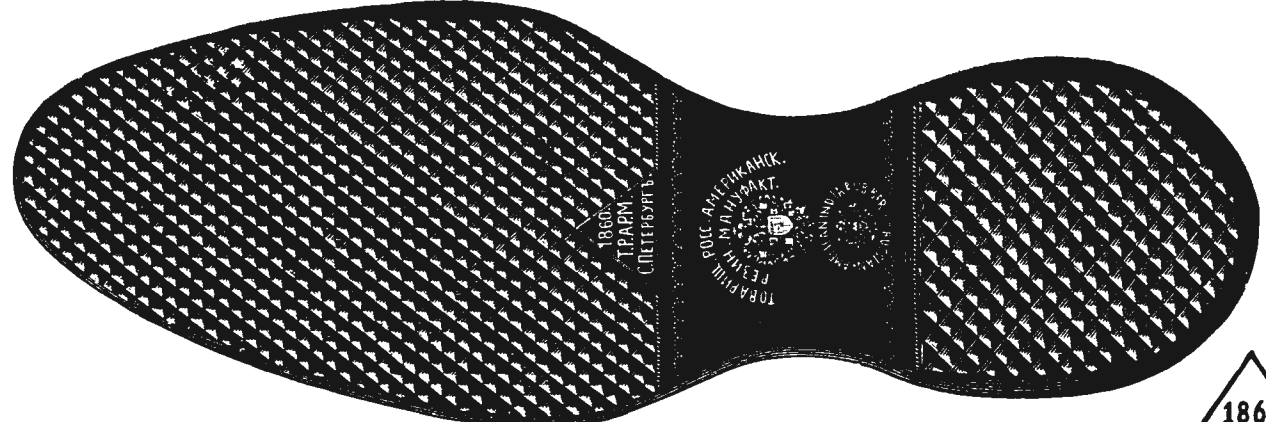

ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ имѣлъ на оберткѣ и на мылѣ штампъ „Мыло Диспозе“. БѢЛѢ получается замѣчательно чистымъ. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуется ВЪ ТРИ РАЗА МЕНШЕ простого. Совершенно безвредно для тканей бѣлыя. Удостоивъ за № 3780. Экономично для бани. Продажа всездѣ. Оут. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 9870 4-1

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9361 26-2
На Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).
На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ПРИЯТНОГО ТОНА ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

ЦИТРЫ
8, 12, 15, 20, 30, 40, 60, 80, 100 и 125 р.
Школа-самоучитель 2 р. и 3 р.

НАРОДНАЯ ЦИТРА
с патентованными подкладными листами, на которой каждый незнающий с членением нот может тотчас же играть по подкладным листам. Цена без листов 9 руб. Подкладные листы по 20 коп. рекомендуются.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо и фабрика музыкальных инструментов.
С.-Петербург, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкий м., д. Захарьина.

ЗАИКАНИЕ
лѣчится въ лѣчебномъ учрежденіи П. П. Гимплера. Москва, Земляной валъ, Яколевскій пер., д. Душаньиной. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ**
Условія высылаются бесплатно.

НОВОСТЬ: ДУХИ ВЪ ЧЕСТЬ КОРОНАЦИИ
поставщиковъ высочайшаго двора **А. РАДЛЕ И К°.**
Москва, Кузнецкій мостъ, С.-Петербургъ, Невскій, № 18. (11)

БЕЗЪ ЗНАНІЯ НОТЪ
и безъ учителя каждому можно выучиться играть въ самое коротк. время на 7-ми струнн.

ГИТАРЪ ПО НОВОМУ
САМОУЧИТЕЛЮ по цифровой системѣ, соч. И. ДЕННЕРЪ-ШЕННЬ. Ц. 1 р.
Продолженіе: Тетрадь I. Альбомъ пьесъ II. Альбомъ пьесъ. III. Альбомъ оперъ. IV. Альбомъ романсовъ и пѣсенъ. V. Альбомъ танцевъ. Каждый по 1 р.
Письма и издатели **Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ**
С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40. Москва, Кузн. м., д. Захарьина.
Каталогъ нотъ для гитары бесплатно. Вмс. съ наз. платеж.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ
споро и основательно изуч. всякаго посред. переп., вводѣ замѣн. услов. впреход. Услов. вмс. безплат. А. П. Бобырь. Невск. Кузн. 53.

Бильць. ГИГИЕНИЧЕСК. ЛѢЧЕБНИЦА.
Санаторія Дрезденъ-Радебиль (Герм.).
2 врача. Особенно приспособлена для осени, и зимняго лѣченія. Одна изъ самыхъ большихъ и прекрасн. гигиенич. лѣчебницъ Германіи. Лѣченіе болѣзней женск., нерви., желудочн., груди., накомж., полов. орган., астмы, ревмат., ожирѣн., малокр., и т. п. Подр. объявленія—бесплатно. Владѣлецъ лѣч.—Ф. Е. Бильць, авторъ преширов. соч.: «Бильць. Гигиеническ. лѣченіе».

СЪМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ, въ МОСКВѢ,
Мясницкая ул. д. Кузнецова, предлагаетъ голландскія цвѣточныя луковички, какъ-то: гиацинты, тюльпаны и др. въ отборныхъ экземплярахъ но умѣрен. цѣнамъ.
Каталогъ **БЕСПЛАТНО.**
Ц. № 9862

— НОВОСТЫ! —
ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896— **НОВЫШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ** **ПИШУЩАЯ МАШИНА.** —1897.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ
МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.
РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 руб.
Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ. Единотвенный для всей Россіи складъ
Торгов. Домъ **М. Блокъ**
ГЛАВНАЯ КОНТОРА **МОСКВА.** ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛОНЪ | КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ
духи — **ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.
духи — **ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА** — туалетное мыло.
духи — **ЭДЕЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
духи — **ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудъ пост., Карлеруэ.
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Билеръ, Э. Бранникова, Р. Шаскольскаго, у Константина Герца, Лимана и Рикса, А. Ланде, А. Зиглуна. Въ Москвѣ: у гг. Мюль и Мерляндъ, въ магазинѣ «А-ла-туалетъ», у Г. Брунса, Л. Борхардъ, Р. Кельеръ и Б°. Оскаръ Петлицъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9836 13-3
Представитель для Петербурга: Э. Герце, 2, Максикалиновскій пер.

На Всероссийской выставкѣ въ Минимъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены **ГОСУДАРСТВЕННОГО ГИРВА**

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика **РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО**
основанная въ 1810 году С.П.Б., Владимірская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 600 и 500 рублей, **ПИАНИНО** въ 650, 500 и 450 р.
Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.
В. № 9588 13-7

САМОУЧИТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА
въ 2-хъ частяхъ, съ 2-ми табл. чертеньми.
Продолженіе къ самоучителю безъ уплаты лѣтующу **ПРИНОСИТЕЛЬ** на каждомъ листѣ **ЕЖЕМѢСЯЧНО**
ОТЪ 50 до 250 р.
не требующихъ изнѣтн. быстро изучающихъ, легкнхъ, доступнхъ всякому кошельку и кошт.
Цена съ пересылкой: За марш и налогъ плат. **Андрѣемъ 60 п.** не высылать.
Редакція: Александръ Мельниковъ, Александръ Давыдовъ, Александръ Золотниковъ, Москва, Кузнецкій мостъ, докт. Захарьина, № 34, № 89.

№ 4711.
Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin).
Чистый запахъ фіалки, яркій, даже въ теченіе нѣсколькихъ дней не выдыхающійся.
№ 4711. Savon violette du Rhin.
№ 4711. Sachets violette du Rhin.
Всѣ одинаковаго превосходнаго качества. Ц. № 9833 4-3
Продаются во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Цѣны: 4 р., 3 р., 2 р., 1 р. и 1 р. 25 за флаконъ, смотря по величинѣ.

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ КОЛОКОЛЬНАЯ 18-19
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
для полнокрѣпкой зубной десны и ослѣпленія рта
С. ПЕТЕРБУРГЪ

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЪ-ПРЕМІУМЪ“
Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія.
Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
Пишущая машина **„КОСМОПОЛИТЪ“**. Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полнораз. лѣтъ въ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.
ОТЪВЪТЪ Ф. РЕХТЕРЪ. С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

Новый прейсъ-куррантъ иллюстр. въ 1897 г. Оружіе и складъ подъ фирмою: **„Центральное депо оружія“** В. Кошункина, 29. Эд. Венгъ. За приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ вмс. безплатно. Много новостей.

МОСКВА „ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“
Театральная площадь.
Центръ столицы. 200 №№ отъ 1 р. Ц. № 8708 и дороже. 26-27

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 4

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выдана 25 января 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на 1897 годъ. Подробности см. въ концѣ этого №.

М. А. Славина. М. И. Долина. Е. К. Мравина. М. А. Михайлова.
Опера Верди „Фальстафъ“ на сценѣ Маринскаго театра. Съ фотогр. автотипія Ангерера и Гёшли въ Вѣнѣ.

С Н Ы.

Повѣсть Влад. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе.)

VI.

— Ты спишь, Женни?
 — Нѣтъ, тети.
 — Да гдѣ ты?
 — Здѣсь, на окнѣ. Неужели такъ темно, что не видно?
 — Теперь вижу. Но, въ самомъ дѣлѣ, какая тьма! Да ты еще и не раздѣвалась?
 — Нѣтъ еще.
 — Отчего?
 — Сама не знаю. Подошла къ окну, думаю—закрывать его на ночь или нѣтъ, а оттуда цвѣтами запахло: я присѣла на подоконникъ, да и забылась. А вы что, тетя? Книгу вамъ какую-нибудь?
 — Ну, вотъ еще! Я по ночамъ не читаю. Зашла поговорить съ тобой. Думаю, навѣрно, не спитъ, вотъ и угадала. О чемъ ты думала сейчасъ?
 — А сама не знаю.
 — Ой, такъ ли?
 — Тетя, что съ вами? Вамъ что-нибудь показалось во мнѣ особенное?
 — Нѣтъ, къ сожалѣнію, этого не могу сказать...
 — Къ сожалѣнію?
 — Да. Если бы мнѣ, какъ ты говоришь, показалось въ тебѣ что-нибудь, легче было бы мнѣ начать съ тобой бесѣду.
 — Ничего не понимаю. Вы меня начинаете пугать.
 — Нѣтъ, Женни, не двигайся. Сиди на подоконникѣ, а я возьму стулъ... Не уронить бы тутъ у тебя століка съ графиномъ... Ну, вотъ... и подсяду около тебя... вотъ такъ... Теперь я даже вижу твое лицо... Ну, давай бесѣдовать!
 — Давайте, тетя, хотя рѣшительно не понимаю, о чемъ такъ торжественно.
 — Такъ-таки и не понимаешь? Что-жъ молчишь?
 — Да думаю.
 — Ну, что-жъ, и не понимаешь?
 — Вы такъ пристааете, съ такими подходами, да въ 12 часовъ ночи, что я начинаю догадываться, хотя, если и не ошибаюсь, то—не скрою—очень удивлена.
 — Нѣтъ, милушка, не ошибаешься. Я ужъ и давно собираюсь поговорить съ тобой, что называется, по душамъ, а разъ выналь хороший случай...
 — Хорошій случай?
 — Конечно. Вотъ, милушка моя, пришла я въ свою комнату, тоже, вотъ какъ ты, подошла къ окну съ вопросомъ, заперать его на ночь или нѣтъ...
 — Вы въ капотѣ, тетя?
 — Да, ужъ раздѣлась было, стояла передъ окномъ полураздѣтая, и на меня пахнуло цвѣтами и свѣжесть отъ рѣчки обняла... Ты чувствуешь, какъ оттуда тянетъ прохладой?
 — Да.
 — Вдохни хорошенько, чтобъ я слышала. Вотъ такъ. Ахъ, хорошо! Мнѣ сорокъ седьмой годъ, и то я подумала о „милѣмъ дружкѣ“...
 — Тетя!
 — Смѣйся, только тише, а то кто-нибудь, пожалуй, и услышитъ.
 — Кто теперь можетъ быть въ саду?
 — Почему знать! Хотъ бы Борисъ. Онъ такой скрытный, а скрытные люди любятъ бродить по ночамъ.
 — Его Лиза не пуститъ. Ну, итакъ вы подумали о „милѣмъ дружкѣ“. Тетя, тетя! въ ваши годы!
 — Пойми, дурочка, что это... какъ бы сказать... своего рода рефлексъ. Я думала о тебѣ, думала, что именно ты должна въ эту минуту мечтать о „милѣмъ

дружкѣ“. Такъ ясно почувствовала твою психологію, какъ будто сама ее переживаю.

Вотъ что!

— Тише смѣйся и говори полупропотомъ, какъ я. Да, милушка, давно я думаю о тебѣ въ этомъ направленіи. Сама-то я, ты хорошо знаешь, считаю свою жизнь конченной, свою личную жизнь.

— И я, тетя.

— И ты?

— Да. Что смолкли?

— Отчего я смолкла? Какъ тебѣ объяснить?... Не смѣю сказать, что не вѣрю тебѣ, а ты сама себя обманываешь. Правда, тебѣ 28 лѣтъ, но это еще не тѣ годы, когда дѣвушка перестаетъ навсегда мечтать о личномъ счастьѣ. И ты, моя милушка, просто не отдаешь себѣ отчета. Я женщина опытная и, ты хорошо знаешь, не мелочная и не пустая. Не способна находить душевныя тревоги тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и въ поминѣ. И не обижайся на меня, я ничего обидного не говорю тебѣ. Ты такая серьезная и, какъ бы сказать, строгая къ самой себѣ, что если и чувствуешь иногда порывы къ личному счастью, то у тебя это не выражается такъ пошло, какъ у свѣтскихъ барышень, которымъ надо во что бы то ни стало выйти замужъ. Имъ больше нечего дѣлать, какъ выходить замужъ,—онѣ больше ни къ чему не приготовлены. Положимъ, это только доказываетъ, что онѣ именно менѣ всего приготовлены къ браку. Но тамъ на замужество иначе смотреть; у тебя же это серьезный запросъ природы, а съ нею шутки плохи, она не прощаетъ насилія надъ собой. Мнѣ кажется, я всю твою душу вижу, Женничка. Сколько разъ я ловила твой взглядъ... можетъ-быть, ты вовсе не думала въ это время о милѣмъ дружкѣ, даже навѣрное не думала. Но въ этомъ взглядѣ... въ этомъ взглядѣ... какъ будто твоя природа бунтовалась, а ты прислушивалась, какъ она ворчитъ: „все трудъ и самоотверженная преданность, вся жизнь для другихъ, а для меня-то, для себя лично, такъ ничего въ жизни и не будетъ.“ Ты прислушивалась къ этому ропоту въ твоей груди и не находила возраженій, не смѣла возражать,—ропотъ былъ справедливъ. Тебѣ оставалось только глубокимъ вздохомъ подавить его, точно говоря: „что-жъ мнѣ дѣлать, я безсильна!“ Ты меня слушаешь? Все время смотришь куда-то въ садъ. Тамъ темно, ничего не видно, милушка.

— Слушаю, тетя.

— Въ самомъ дѣлѣ, переберемъ твою жизнь. Отецъ принесъ въ жертву своей наукѣ не только всего себя, съ головой, но и тебя. Онъ, можетъ-быть, правъ, что наука стѣнитъ такихъ жертвъ, но тебѣ-то отъ этого не легче. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между твоимъ отцомъ и какимъ-нибудь кулакомъ, который насильно выдаетъ дочь замужъ за своего компаньона ради усиѣха ихъ общаго коммерческаго предпріятія, чтобы сильнѣе закрѣпить фирму общаго торговаго дома. Твой отецъ и мой братецъ точно такъ же насильно выдаетъ тебя за свою науку. Ему-то хорошо, онъ ее любитъ больше всего на свѣтѣ, въ ней онъ находитъ все свое личное счастье. А каково тебѣ? Ты буквально по цѣлымъ днямъ возишься въ библиотекѣ, отыскиваешь источники, дѣлаешь краткія изложенія, онъ приноситъ тебѣ кипы какихъ-то древнихъ рукописей и хочеть, чтобы ты относилась къ нимъ нѣжно, чѣмъ къ поцѣлуямъ любимаго мужчины, думаетъ, что какъ для него, такъ и для тебя одинъ видъ этихъ каракуль мнѣе ласковыхъ взглядовъ добраго мужа. Ты по три раза переписываешь его статьи и лекціи, и

онъ увѣренъ, что онъ замѣняютъ тебѣ твоихъ дѣтей. Этотъ чудовищный эгоизмъ изо-дня-въ-день становится безпощаднѣе. Если еще не дошло до того, то скоро дойдетъ, что онъ безъ тебя будетъ, какъ безъ рукъ, и тогда онъ не отдастъ тебя, хотя бы за тебя сватался сказочный принцъ. И всегда такъ бываетъ въ жизни. Самые порядочные люди теряютъ чувство справедливости, если отдаются чему-нибудь страстно. Чѣмъ безропотнѣе кляча таскаетъ тяжести, тѣмъ чаще ее запрягаютъ. Отчего онъ не подѣлилъ твоихъ обязанностей между обѣими дочерьми? Оттого, что Лиза дѣвушкой лѣнилась и закидывалась, а теперь у нея есть ребенокъ, она должна заботиться о его воспитаніи. Но вѣдь заботиться о своемъ ребенкѣ—самое большое счастье женщины, а перебирать караули приказныхъ XVI вѣка—сучиный трудъ. Ты молчишь, родная, потому что... Pardon, я ушибла тебѣ колѣно?

— Нѣтъ, ничего.

— Ты молчишь, потому что все это правда. Тебѣ кажется, что все это говорю не я, а что-то поднимающееся въ твоей собственной душѣ. Я бесѣдую съ тобой, Женни, какъ самый близкій другъ. У тебя нѣтъ друга твоихъ лѣтъ—возьми стараго, сорокасемилѣтняго. Онъ, видишь, еще умѣетъ понимать, что чувствуетъ дѣвушка у окна, открытаго ночью въ садъ, откуда тиснется запахъ цвѣтовъ. Милая! Постою, дай, я подсяду къ тебѣ еще ближе и обвиню за талію, вотъ такъ... А ты закинь руку сюда... такъ... Теперь темно, никто не увидитъ тебя въ объятіяхъ съ старой теткой... А старая тетка будетъ напѣтывать тебѣ дружескія рѣчи... Можетъ-быть я слишкомъ ужъ тихо говорю? Ты слышишь меня?

— Слышу, тети, все.

— Ну, вотъ, по тому, какъ ты прижимаешься ко мнѣ, я чувствую, что ты мнѣ вѣришь. Мало того, чувствую, что играю на самыхъ больныхъ струнахъ твоего сердца... Ахъ, милушка, я его такъ хорошо знаю, это бѣдное, сиротливое сердечко! Всегда оно одиноко, никто и никогда еще не раздѣлялъ его тайныхъ болей и не заглядывалъ въ него. Ты сама всегда давила все, что въ немъ было трогательнаго. Чуть оно начнетъ постукивать сильнѣе—ты вспоминала объ архивныхъ дѣлахъ отца и усмирляла себя. И всегда его обижали, потому что игнорировали. И больше всѣхъ—этотъ чудеснѣйшій изъ людей, твой отецъ. Никто не любитъ тебя такъ сильно, какъ онъ; зато и обижаетъ онъ, какъ никто. Все я знаю, моя милуша. А когда Борисъ сдѣлалъ предложеніе Лизѣ, я чувствовала заодно съ тобой. Да, да, моя родная. Отъ того, кто тебя любитъ такъ, какъ я, не скроешься. Ты и до сихъ поръ не смотришь ему въ лицо, а все какъ-то мимо, и никогда не улыбаешься. Не дрожи такъ. Я же не говорю, что ты его любишь. Боже сохрани! Ну, конечно, нѣтъ. Но онъ обидѣлъ тебя больнѣе всѣхъ потому, что больше всѣхъ ты рассчитывала именно на него. И обида была тѣмъ тяжеле, что ты не смѣла ее обнаружить. Надо было употребить весь характеръ, чтобы стиснуть, сжать ее въ груди... Ты все дрожишь; можетъ-быть, тебѣ холодно?

— Нѣтъ.

— Или тебѣ неприятно, что я заговорила объ этомъ?

— Нѣтъ... ничего...

— Ну, такъ...

— Я васъ крѣпко люблю, тети!..

— Ну, ну, милуша моя! Ну, родная, не надо... зачѣмъ же?.. Ахъ, ты, моя бѣдняжка...

— Ну, вотъ мы и поплакали. Ужъ я знала, что безъ слезъ не обойдется. Успокоилась?

— Да, тетя.

— Я-то, старая дура, съ чего? Очень накопилось во мнѣ, Женичка. Мнѣ бы давно съ тобой поговорить

вотъ такъ, дружески. Ну, будетъ! Давай разговаривать, какъ умники. И вотъ изъ-за тебя потеряла нить. Всѣ мысли расплозились по сторонамъ... Гдѣ у тебя графинъ съ водой?

— На столикѣ у кровати. Вы не найдете.

— Найду, найду. Сиди на окошкѣ... Вотъ и нашла. Тебѣ дать?

— Дайте.

— Ну, теперь будемъ хладнокровны. Такъ вотъ въ чемъ дѣло, милуша. Еще года два, и тогда ужъ хороши навсегда свои дѣвическія мечты. Ничего нѣтъ забавнѣе старой дѣвы, мечтающей выйти замужъ,—а ты не такая дѣвушка, чтобъ смѣшнить людей. Года два у тебя еще есть. Бываютъ, конечно, такіе, которые и въ тридцать два и въ тридцать три кажутся дѣвочками,—очень рѣдко, но бываютъ,—но ты не изъ нихъ; отъ архивныхъ „дѣлъ“ не расцвѣтешь. Ты-то не замѣчаешь, а мнѣ со стороны виднѣе. У тебя вонъ и талія стала какъ-то пошире, нѣтъ прежней гибкости, и грудь посуше, а самое главное—въ глазахъ уже нѣтъ прежней увѣренности, все чаще проглядываетъ тревога... Ахъ, это самое обидное! И такъ понятно. Каждый лишній день сокращаетъ жизнь и уноситъ по кусочку надежды, съ каждымъ днемъ все упорнѣе становится мысль: неужели же моя судьба—остаться Христовой невѣстой? Какое поэтическое прозвище, и какъ мало желающихъ пріобрѣсти его! И эта мысль заставляетъ смотрѣть на всякаго новаго мужчину совсѣмъ не такъ, какъ прежде, когда жизнь казалась безконечною, а потому и выборъ—огромнымъ. Въ глазахъ уже вопросъ: не этотъ ли?

— Тетя! Вы ужъ клеветаете на меня. Сегодня и хоть бы разъ подумала объ этомъ. Не вѣрите? Готова побожиться.

— Не боись. Ты сама не знаешь, когда объ этомъ думаешь. Это происходитъ помимо твоего сознанія. Не спорь, родная, повѣрь моему опыту, посмотрѣлась и на дѣвусекъ въ твои годы: иная такъ умно распорядится своей судьбой, устроится вполне независимо; но эта мечта жить для кого-то одного, помимо всѣхъ общественныхъ задачъ—въ нашей крови, и ничего съ этимъ не подѣлаешь. Боязнь остаться всю жизнь нелюбимой едва ли не сильнѣе стремленія быть независимой. Ты знаешь многихъ моихъ молодыхъ друзей, знаешь, какъ онѣ всѣ молодцомъ устраиваются, видѣла не разъ, съ какимъ напоромъ онѣ защищаютъ свою независимость; что это—какъ не женская гордость? Она борется съ этимъ страхомъ, съ этой боязнью остаться нелюбимой, и часто побѣждаетъ его. Но чего стоить эта борьба?

— Я тоже сумѣю побѣдить.

— Да, моя родная, конечно, сумѣешь. Но я смотрю на тебя, какъ мать, а мнѣ кажется, что ни одна мать не захочетъ дочери такой судьбы. По крайней мѣрѣ я... пусть меня бранятъ... если бы моя малютка осталась жива, я ее непременно выдала бы замужъ; пусть ошибется въ выборѣ, пусть вскочитъ на дурного человека, перестрадаетъ, проклинаетъ,—всѣ эти несчастія лучше, чѣмъ не испытать ничего. Моя обязанность только была бы сдѣлать ее самостоятельной, чтобъ въ случаѣ неудачи она не растерялась и не проявляла малодушія.

— Не понимаю, почему.

— Не понимаешь? Какъ мнѣ тебѣ объяснить разницу между женщиной любившей и дѣвушкой, которая подавила въ себѣ все женское? По-моему, та узнала... трепеть самой жизни... Это кладетъ особенный отпечатокъ на ея умъ, взгляды, на всю душу, дѣлаетъ ее воспримчивѣй и къ горю, и къ радости, смягчаетъ ея характеръ. А дѣвушка, прожившая безъ этого, становится суха, нечувствительна или мелочно-слезлива, сентиментальна. Пойми, родная, что та жила, а эта только мечтала; та вынесла опытъ изъ самой жизни, а эта только—изъ теоріи ея.

Первый фракъ. Съ партыи В. Е. Маковского грав. Палловъ.

Французская выставка въ С.-Петербургѣ 1896 г. Купанье. Съ карт. Э. Дефонгъ граф. Геданг.

— Да, правда.

— То-то и есть.

Тетя, милая, я васъ поняла совсѣмъ, но вѣдь вы говорите о любви, а не просто о замужествѣ.

— Жевичка! ты на меня не обидишься?

— Нѣтъ. Что такое?

— Видишь ли, дружокъ, твое сердце ужъ не можетъ быть такъ разборчиво, какъ было прежде, и позволъ спросить, чѣмъ онъ хуже Бориса, напримѣръ?

— О, тетя!

— По-твоему, хуже? Не понимаю. Онъ очень добръ, это видно въ каждомъ его движеніи; здоровъ, силенъ, богатъ. Единственные его минусы—это то, что онъ мѣщанинъ и мало образованъ. Но на первое, падѣюсь, ты не обращаешь вниманія, а что касается второго—это дѣло наживное. Ну, да вотъ что, вѣдь я же не сватать пришла, а только посовѣтовать. Не будь ты съ нимъ секретаремъ папаши,—въ секретарей не влюбляются,—будь немножко женщиной, вотъ и все, что я совѣтую, а тамъ увидишь сама. Не бѣгай отъ возможности выйти замужъ. Ты смѣешься? Ну, и отлично, смѣйся и повеселись, худого изъ этого, во всякомъ случаѣ, ничего не выйдетъ.

— Папаша мнѣ такого замужества задасть!

— Ну, да, будемъ мы еще его спрашивать! Да я съ нимъ, если понадобится, сама поговорю. Ахъ, Женюшка! Я готова головой ручаться, что это будетъ чудный мужъ. Вѣдь онъ и сейчасъ уже влюбленъ, я не разберу только, въ кого—въ тебя или въ твоего отца, или въ обоихъ вмѣстѣ. Но эта его непосредственность, наивность—просто обворожительны.

— Тетя! Да вы сами влюбились въ него!

Я? То-есть, знаешь что, Женюшка? Будь я на твоемъ мѣстѣ,—черезъ мѣсяць была бы наша свадьба.

— О!

— Черезъ мѣсяць максимум, а то и раньше!

— И это говорить тетя! Вотъ ужъ никогда бы не повѣрила. Да погодите, вы ли это? Не подмѣнили ли мнѣ тетю?

— Шуты, шуты, а твоя старая тетка говоритъ правду. Надо, милая, жить, а не киснуть. Я какъ пришла къ себѣ, какъ представила тебя его женой, съ состояніемъ, съ огромнымъ вліяніемъ на него, съ умѣніемъ направить его вкусы на доброе,—не выдержала, пошла къ тебѣ. Иду и думаю: охъ, трудненько будетъ разговаривать съ нею; воспитана на принципахъ, все ей надо „обосновать“. Съ Лизой дѣло сладилось бы гораздо проще. Но, кажется, я все-таки не даромъ приходила. Пись, личико-то какъ горитъ, вотъ теперь и ложись спать. О, до чего мы договорились. Видишь, ужъ за садомъ чуть-чуть свѣтаетъ. И тебя я вижу теперь, милаша ты моя! Ну, теперь спать! Дай, я тебѣ перекрещу...

VII.

Изъ дневника Бориса Ивановича.

... августа 189* г.

У насъ въ домѣ происходитъ что-то курьезное.

Вчера, подходя къ кабинету Николая Осиповича, я услышалъ слѣдующій разговоръ:

Марья Осиповна. А по-моему, съ твоей стороны это чудовищный эгоизмъ.

Николай Осиповичъ. Эгоизмъ? Да вѣдь онъ—хамъ, пойми ты—хамъ!

Марья Осиповна. Не понимаю, съ чего ты это взялъ?

Николай Осиповичъ. Съ того, что онъ другимъ и не можетъ быть. Какая это пара Женни? Она—дѣвушка образованная, а онъ—невѣжественный человѣкъ. Она привыкла къ труду умственному, а онъ...

Мнѣ больше нечего было подслушивать, я понялъ все и потому вошелъ въ кабинетъ. Мой тестъ сразу остановился среди комнаты. Видимо, онъ былъ очень взвол-

нованъ. Передъ этимъ онъ, очевидно, ходилъ и размахивалъ руками, тетка сидѣла на тахтѣ. При мнѣ они не говорили на эту тему, значить—секретничаютъ.

Итакъ, тетка хочетъ выдать Женни за Первозерникова. А сама Женни? Вотъ чѣмъ объясняется то, чего я не понимаю дѣлюю недѣлюю. Женни не узнаваема. Она старательнѣе одѣвается и причесывается. За обѣдомъ отецъ сконфузилъ ее. Нѣсколько дней уже, какъ она перемѣнила прическу—на лбу появились завитки, какъ у Лизы. Раньше Николай Осиповичъ, конечно, не замѣчалъ этого. Къ обѣду онъ пришелъ сердитый, сѣлъ на свое мѣсто, развернулъ салфетку и внимательнѣе осмотрѣлъ дочь. Она, кажется, хотѣла спросить: „что вы, папочка, такъ смотрите на меня“, но не рѣшилась. Онъ былъ недоволенъ осмотромъ и сердито издалъ нѣсколько разъ: „хм! хм!“ После супа онъ опять посмотрѣлъ на ея завитки и зло улыбнулся. Когда же вставалъ съ обѣда, то, уже не сдерживаясь, при всѣхъ насъ, когда она подошла къ нему съ обычнымъ поцѣлуемъ, взмахнулъ рукой по ея волосамъ на лбу и сказалъ:

— Это тебѣ не идетъ, совсѣмъ не идетъ! Уродство!

И ушелъ, сердито хлопнувъ дверью.

Это было безпощадно. Я взглянулъ на бѣдную дѣвушку, и мнѣ стало стыдно за нее. Она такъ густо покраснѣла, какъ я никогда не видалъ. Кажется, она едва сдержалась, чтобъ не расплакаться.

Втайнѣ, однако, я на сторонѣ тестя. Умѣть нравиться, когда захочешь—это большой талантъ, которымъ обладаетъ рѣдкая женщина. Женни въ этомъ отношеніи совершенно бездарна. У такихъ, какъ она, желаніе нравиться бросается въ глаза и должно быть смѣшно. Результатъ получается диаметрально-противоположный. Я думаю, что и Первозерникова, какъ онъ ни простъ съ виду, не поймать на эту удочку. Онъ, вообще, кажется, прехитрый малый, то-есть, то, что называется—себѣ на умѣ. Держится простоватымъ, а въ сущности прекрасно понимаетъ все. Я такихъ люблю. По дѣломъ людямъ, если такіе въ душѣ подсмѣиваются надъ ними: не думайте, что другіе глупѣе васъ.

Впрочемъ, можетъ-быть, я и ошибаюсь на его счетъ. Надо его „пошпынять“, какъ онъ выражается.

... августа 189* г.

Вчера на ночь Лиза посвящала меня въ тайны Женни. Марья Осиповна и она, въ самомъ дѣлѣ, рѣшили „поймать“ Первозерникова. Употребляю выраженіе Лизы. По отношенію къ Женни оно мною непріятно. Лиза вѣрить въ успѣхъ и, кажется, завидуетъ тому, что ея сестра будетъ очень богата. При этомъ Лиза безсовѣстно разоблачила мнѣ самые сокровенные секреты Женни, подробно описывала ея плохое сложеніе, какія-то женскія страданія, тайны ея туалета. Сообщила даже, что Женни была немного влюблена въ меня, но она, Лиза, „ни капли“ не ревновала, такъ какъ слишкомъ увѣрена въ своихъ преимуществахъ.

— Ты бы отъ такой жены черезъ годъ сбѣжалъ, или завелъ бы любовницу.

Не могу передать, какъ мнѣ противно было слушать. Рѣдко моя сдержанность обходилась мнѣ такъ дорого. Если бы я только намекнулъ Лизѣ, что считаю ее безтактной, то это завело бы меня такъ далеко, что намъ въ пору было бы совсѣмъ разѣхаться.

Кажется, Милъ сказалъ, что если женщина не подниметъ нравственную личность любимого мужчины, то непременно понизитъ ее.

Я часто вспоминаю эту фразу, но думаю, что она не совсѣмъ вѣрна. Женщина можетъ не имѣть ни малѣйшаго вліянія на человѣка, съ которымъ живетъ. Часто она дѣлаетъ все возможное, чтобы опозлить его, и онъ, повидимому, поддается. Но только повидимому. Внутренно онъ не перестаетъ упираться обѣими руками и не понижается ни на одинъ вершокъ.

Что можетъ быть пошлѣе мелочной женской откоро-

венности съ мужчиною! Интимничали бы съ тетками, съ сестрами, съ горничными, наконецъ, заводили бы себѣ подругъ, если ужъ не могутъ обойтись безъ болтливости. Но моя Лиза, воспитанная на принципахъ равноправія, поняла ихъ совершенно по-своему и порѣшила разъ навсегда, что мужъ и жена должны замѣнять другъ другу все: товарищей, друзей, собутыльниковъ. Она мнѣ рассказываетъ все, что только знаетъ. Мнѣ известны ея дѣтскія наблюденія изъ интимныхъ отношеній между ея отцомъ и покойной матерью. У всякаго мальчика есть такія наблюденія, но онъ ихъ хранить до конца жизни, какъ тайну, подслушанную въ жилищѣ боговъ. Можно ли представить себѣ двухъ мужчинъ-приятелей, рассказывающихъ другъ другу тайны ихъ родителей? Никогда! Это было бы невѣроятное уродство. А двѣ приятельницы, перебирающія по косточкамъ интимную жизнь ихъ матерей и отцовъ — явленіе самое обыкновенное.

Изъ десяти женщинъ — девять нравственно грубѣе мужчины и только одна — мягче, тоньше и деликатнѣе его. Надо только послушать, какими реальными причинами объясняетъ моя жена тотъ фактъ, что ея отецъ былъ, что пазывается, подъ башмакомъ у ея матери. Она была сильная, здоровая и красивая, онъ — черезчуръ углубленный въ свои занятія, стало-быть, какъ мужчина, разсѣянный и малосильный.

Я еще зналъ Софью Николаевну. Царства ей небеснаго! Но она принадлежала къ тому типу полуинтеллигентной женщины, несноснѣе котораго я не знаю. Едва нахватавшись верховъ, она уже не довольствуется при мужѣ ролью жены, т.-е. матери и хозяйки, а вмѣшивается во всѣ его связи, даетъ совѣты, удерживаетъ отъ добрыхъ порывовъ, вноситъ въ его жизнь мелочныя, шкурныя заботы и опошляетъ лучшія мечты. Какъ-то, помню, одинъ милый и откровенный человекъ сказалъ, что жена не можетъ замѣнить мужу друзей, потому что не можетъ ходить съ нимъ на охоту, пьянствовать, не можетъ даже по-мужски спорить, такъ какъ въ концѣ концовъ непременно заплачетъ и скажетъ: „ты меня не жалѣешь“, — словомъ, наговорилъ много умныхъ и вѣрныхъ вещей. И что же? Какой шумъ подняли наши дамы! И ретроградъ-то онъ, и мизогинъ, и всякая чепуха! А фактъ тотъ, что всѣ, кого я знаю, кому жена замѣнила друзей, стали робки и зависимы духомъ.

Мой тесть поразительно безкорыстный и чистый человекъ. Но сколько разъ я присутствовалъ при томъ, какъ Софья Николаевна удерживала его отъ смѣлыхъ, добрыхъ и красивыхъ поступковъ потому только, что они могли нанести ущербъ его личному благополучію. У него при этомъ всегда бывало такое лицо, какъ будто его заставляли проглотить какую-то дрянь. И все-таки онъ или уступалъ ей, или, въ лучшемъ случаѣ, обманывалъ, то-есть дѣлалъ добро потихоньку, тайкомъ отъ жены, а потомъ ходилъ кругомъ нея съ виноватымъ видомъ.

На его счастье, Софья Николаевна, вѣроятно, только въ первые годы брака мечтала стать для него всѣмъ, что только ему было нужно — не только женою и другомъ, но даже архивомъ историческихъ свѣдѣній, въ которомъ онъ нуждался. Потомъ, должно-быть, почувствовала, что выслушивать всѣ его лекціи и читать статьи въ рукописяхъ немножко скучно, и выдѣлила область его научныхъ работъ изъ подчиненнаго ей вѣдомства. Благодаря этому, студентамъ хоть остался славный профессоръ. Зато она навсегда оставила за собой право контролировать всѣ его связи, и потому въ отношеніяхъ къ людямъ, къ университетскому начальству, къ самой жизни, Николай Осиповичъ былъ робокъ, какъ школьникъ.

Не досадно ли! Человеку было уже 50 лѣтъ, заслуженный профессоръ и въ самомъ буквальномъ смыслѣ —

подъ башмакомъ у жены, женщины, можетъ-быть, и хорошей, то-есть, честной и относительно доброй, но совершенно ординарной! Почему? Потому что она берегла его покой? Потому что въ тяжелую минуту раздѣляла его горе?

Не согласенъ. Шутъ съ нимъ и съ покоемъ!..

А все-таки Лиза отравила меня насчетъ Женни...

Да, отравила.

... августа 189* г.

Вотъ что сейчасъ произошло. Я сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ и смотрѣлъ черезъ открытое окно въ садъ. День сегодня теплый, но не жаркій. Небо синее, кругомъ все залито солнцемъ. По землѣ — мои любимыя тѣни отъ деревьевъ и солнечныя пятна, по которымъ золотятся опавшіе листья. Прудъ — точно кусокъ зеркала. За нимъ горка съ тремя старыми тополями и небуранныя копны жита. Спутанная лошадь стоитъ у берега и методично, какъ маятникъ, машетъ головой. Тихо-тихо. Одинъ изъ такихъ дней, когда человекъ не знаетъ, что лучше — жизнь или нирвана.

Вдругъ, нѣсколько крупныхъ капель ударили по листьямъ клена около моихъ оконъ — и опять стихло. Даже трудно было повѣрить, что это — дождь. Но на листьяхъ заиграли алмазы. Взглянуть я на небо: точно, надъ садомъ повисла тучка, словно задумалась, летѣть ли ей дальше, или рассыпаться здѣсь, и не будетъ ли это слишкомъ дерзко передъ такимъ чистымъ небомъ и такимъ спокойно-яркимъ солнцемъ. Но, точно убѣдившись, что ни небо, ни солнце не обращаютъ на нее никакого вниманія, она внезапно разлилась шумнымъ, прямымъ ливнемъ, и всего-то на нѣсколько секундъ, но такимъ сильнымъ, что водосточныя трубы вмгнѣ зашумѣли, и по дорожкамъ сада побѣжали ручьи. Потомъ тучка подхватила свои разстрепавшіяся клочья и быстро-быстро понеслась дальше, а за нею, точно вдогонку, поднялся цѣлый вихрь. Деревья закачались и зашумѣли, вода на пруду зарыбила, въ воздухѣ заметались желтые листья, а съ моего стола полетѣли въ комнату листы диссертаци. Такое движеніе поднимается въ муравейникѣ, когда нечаянно наступишь на него. Не прошло и полминуты, какъ все опять стихло.

Моя жена бѣжала домой. Во время вихря ея свѣтлое платье мелькало въ аллеѣ. Но когда она подбѣжала къ балкону, небо уже было попрежнему чисто, солнце все такъ же ярко. Она остановилась съ лицомъ до того недоумѣвающимъ, что трудно было удержаться отъ улыбки. Юбку платья она забросила сзади на голову, чтобы дождемъ не замочило завитушекъ на лбу: вся фигура ея приняла презабавный видъ. Стоитъ и осматривается, и, навѣрное, шепчетъ: „ахъ, какъ это удивительно!“ А тучки ужъ и помина нѣтъ: точно школяръ подобрался украдкой къ дѣду, хлопнулъ его по лысину и далъ стрекача.

Жена взглянула на мои окна. Мнѣ угрожало, что она подойдетъ подѣлиться со мной сильнымъ впечатлѣніемъ. Она очень любитъ дѣлиться впечатлѣніями и видеть въ этомъ залогъ супружескаго счастья. Я поспѣшилъ сдѣлать видъ, что ужасно занятъ. Лиза, разумѣется, принесла свой порывъ нѣжности въ жертву моему покою и тихонько скрылась.

И опять одинъ и даже вздохнулъ отъ удовольствія. Скоро наступитъ часъ обѣда — еще наговоримся вволю!

... августа 189* г.

Вчера мы всѣ, кромѣ Николая Осиповича, были въ гостяхъ у Первозерникова. Теперь ужъ не проходитъ дня, чтобы мы не видѣлись.

Вотъ кому я завидую. Отъ всего сердца! Молодъ, богатъ и одинокъ. Одинокъ! Это надо умѣть цѣнить.

Его мать — какая-то обалдѣлая. Точно ее смолоту ударили, и она всю жизнь думаетъ — за что? Женни пристально разглядывала ее. Да-съ, Евгенія Николаевна, подумайте о будущей свекрови.

Но, Боже, какую колоссальную глупость сдѣлаетъ Васенька, если женится! Я готовъ быть предателемъ и остановить его.

Осматривали весь хуторъ. Людвигъ Карловичъ приходилъ въ нѣмецкій восторгъ отъ необыкновенныхъ коровъ и еще болѣе необыкновенныхъ черныхъ свиней и поросятъ, а ихъ тамъ нѣсколько сотъ. Людвигъ Карловичъ говорилъ о нихъ такъ почтительно, какъ будто въ нихъ текла кровь хозяина хутора.

Лиза смотрѣла на все, немного покусывая губки. Она положительно завидуетъ сестрѣ. Я думаю, что скоро она будетъ мечтать о томъ, какъ было бы хорошо, если бы я какимъ-нибудь способомъ исчезъ съ лица земли, а Васенька влюбился въ нее.

Я, кажется, начинаю злиться не на шутку. Это мнѣ доставляетъ удовольствіе.

У Васеньки прекрасная сервировка, но поваръ плохой. Ужинъ былъ прямо не важный.

Могила Васенькинаго отца стоитъ на самой дорогѣ, далеко отъ хутора. Оказывается—воли покойнаго. Вотъ посмертное честолюбіе!..

... августа 189* г.

Теперь я понялъ все.

Однако!

Готовится что-то очень серьезное, гораздо серьезнѣе, чѣмъ женитьба Первозерникова на Женни. Въ этомъ не было бы ничего неожиданнаго, по крайней мѣрѣ, для меня до вчерашняго дня.

Теперь я вижу, что происходитъ странное и тяжелое недоразумѣніе, способное привести къ очень печальному концу—и ужъ никакъ не къ свадьбѣ. Долженъ я разсѣять это недоразумѣніе или нѣтъ?—вотъ вопросъ, и я не могу рѣшить его.

Вчера я съ Васенькой былъ на охотѣ. Я почти никогда не охотился и не привыкъ къ этому занятію. Но сговорился почти на зю женѣ. Она глупо и безтактно удерживала меня, боясь, что я, стрѣляя въ куропатку, попаду въ самого себя, или что дрофа стаей бросится на меня. Меня это, наконецъ, взбѣсило. Я поѣхалъ. Притомъ же мнѣ хотѣлось присмотрѣться къ Васенькѣ поближе. Когда онъ бываетъ у насъ, его слишкомъ окружаютъ дамы.

Охоты почти никакой не было, а обѣдали мы на маленькомъ хуторѣ, гдѣ работаетъ паровая молотилка, верстахъ въ 12-ти отъ главнаго хутора Первозерникова. Послѣ обѣда мы лежали на снѣгѣ, и онъ изливалъ передо мною душу. Этого-то мнѣ и хотѣлось.

Говорить, никогда не слѣдуетъ слишкомъ всматриваться въ человѣка, если хочешь его понять. Если черезчуръ дифференцировать объектъ наблюденій, то легко утратить чутье къ цѣлому. Муха со своими двѣнадцатью или 24-мя глазами видитъ не человѣка, а движущіяся молекулы массы.

То же случилось и со мной. Я потерялъ образъ Первозерникова, который представлялся мнѣ довольно яснымъ.

Добрый малый, себѣ на умѣ, русская, какъ говорится, непочатая природа, не глупъ, но и звѣздъ съ неба не хватаетъ.. Все это, можетъ-быть, и вѣрно, и совершенно достаточно для опредѣленія характера, но для меня этого уже слишкомъ мало. Помилуйте, полтора-два года кутилъ за границей, растранирилъ до ста тысячъ, имѣлъ любовницъ среди дамъ общества, которая восхищалась его „непосредственностью“, причѣмъ онъ отлично понималъ, чѣмъ плѣнилъ ихъ, чуть не женился на свѣтской барышнѣ, и самъ же, самъ не захотѣлъ этого, имѣетъ сестру, которая принимаетъ губернатора, и пренебрегъ и ея дружбой, и ея салономъ (такъ и выразился—„салонномъ“), и ея знатными знакомыми, убѣжалъ на хуторъ, ходитъ въ рабочей курткѣ и—вотъ что поразительно—видитъ какіе-то трогательные сны. Это—сны міроѣда! Какъ собрать все

эти данныя въ одно цѣлое? И что можетъ опредѣлить ничего не значащее выраженіе „русская, непочатая природа“?

Говорить онъ, дѣйствительно, съ купеческимъ колоритомъ, но при этомъ способенъ быть трогательно задумчивымъ и нѣкоторые вопросы задаетъ такіе, которые лѣзутъ въ самую глубь вещей.

Я не могу отдѣлаться отъ того, что онъ на меня произвелъ огромное впечатлѣніе. Теперь я понимаю, отчего дамы увлекаются имъ, и даже Женни, — наша Женни, „секретарь профессора“, которая начала чуть ли не шутя,—не можетъ слушать о немъ безъ заразительнаго блеска въ глазахъ.

НВ. Прежде Женни избѣгала смотрѣть на меня. Послѣ откровенностей жены, я знаю—почему. Теперь она говоритъ со мной совершенно просто. Значитъ, излѣчилась! И слава Богу!

Да, Васенька Первозерниковъ точно поколотилъ меня. Я съ своей скрытной душонкой кажусь передъ нимъ, въ моихъ собственныхъ глазахъ, пустымъ фанфарономъ.

Онъ не способенъ анализировать, онъ только чувствуетъ и дѣйствуетъ. Всѣ мы такъ заѣдены принципами, что отсутствіе ихъ и дѣлаетъ его обворожительнымъ. Границы между добромъ и зломъ у него въ душѣ, очень чуткой, а не въ принципахъ. Оттого, вѣроятно, и эти сны. Онъ не умѣетъ сочинить себѣ иллюзій и эмоцій для ума, онъ мечтаетъ во снѣ.

Итакъ, мы его осчастливили.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ вашимъ семействомъ,—сказалъ онъ мнѣ вчера,—я считаю, что счастливѣй меня нѣтъ на свѣтѣ человѣка.

Не странно ли? Мы съ нимъ однихъ почти лѣтъ, а до чего мы разные люди и съ разными „снами“...

Мы сдѣлали его счастливымъ. Мы ли? Не Женни ли?—подумалъ я сразу. Я не могъ поставить вопросъ ребромъ, однако подвелъ его къ отвѣту довольно удачно. Вотъ тутъ-то онъ мени и удивилъ! Тутъ же я съ грустью подумалъ и о Женни и ея печальномъ заблужденіи.

Во всемъ его увлеченіи нашимъ домомъ, Женни играетъ роль не больше, чѣмъ я, чѣмъ Лиза, чѣмъ тетка, и во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ самъ профессоръ. Истиннѣ, влюбленъ онъ только въ самого профессора. Въ Женни онъ цѣнитъ выше всего ея самоотверженную преданность отцу и его работамъ. Любить въ ней секретари ученаго человѣка! Онъ проговорилъ убійственный для Женни слова:

— Не можете себѣ представить, Борисъ Ивановичъ, сколько для меня красоты въ этомъ... какъ бы выразиться... въ томъ, что Евгенія Николаевна даже отказалась навсегда отъ брака, потому что она нужна такому большому человѣку, какъ ея отецъ! Это прямо—чистая поэзія. Ради одной Евгеніи Николаевны простишь всѣмъ женщинамъ ихъ мелкія каверзы!

Я былъ озадаченъ, подавленъ, охваченъ такимъ чувствомъ, что въ пору было летѣть скорѣе домой и сказать: „Женни! Бѣдная дѣвушка! Не мечтайте о бракѣ съ Первозерниковымъ. Вы заблуждаетесь. Онъ любитъ не васъ, а дочь ученаго!“

— Почему же вы думаете,—спросилъ я все-таки,— что Женни отказалась навсегда отъ брака?

— Нѣтъ. Какъ же можно! Мнѣ вѣдъ и Николай Осиповичъ и Евгенія Николаевна разсказывали. Онъ безъ нея прямо потеряется теперь. Онъ мнѣ откровенно говорилъ, что покойница супруга никогда не была такъ необходима ему, какъ Евгенія Николаевна. Ну, а выйдетъ она замужъ, привяжется къ мужу, дѣти пойдутъ... Нѣтъ!

— Да, но знаете, дѣвушка все-таки всегда мечтаетъ выйти замужъ. И согласитесь сами, что вѣчно жить интересами отца и не имѣть своихъ личныхъ—не больно-то сладко.

Юаннъ Грозный. Статуя М. М. Антокольскаго. По рисунку В. Шпака грав. Матюшинъ.

И такъ какъ Первозерниковъ молчалъ, то я прибавилъ:

— Надо вѣдь и дѣвушку пожалѣть. Вы только вникните въ ея жизнь, вѣдь она все равно, что заключена въ монастырь наѣвки.

Я говорилъ медленно, выпѣживая каждое слово, потому что, во-первыхъ, съ большимъ трудомъ скрывалъ волненіе, а, во-вторыхъ, боялся неосторожнымъ словомъ скомпрометировать Женни, возбудить въ немъ подозрѣнія.

Онъ смотрѣлъ на меня своими большими сѣрыми, наивными глазами. Когда я кончилъ, онъ долго молчалъ и—помню—грызъ длинную соломинку. Вѣроятно, онъ представлялъ себѣ Женни недовольною своей скромной судьбой, Женни колеблющеюся между долгомъ и жаждой любви.

— Нѣтъ, — произнесъ онъ рѣшительно и отбросилъ соломинку, — нѣтъ, Евгенія Николаевна не такая. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — повторилъ онъ, точно упирался противъ того, что я говорилъ. — Все это вѣрно относительно разныхъ другихъ дѣвушекъ, а на нее не похоже. Вы говорите—все равно, что въ монастырь. Ну, да! Такъ въ этомъ-то и красота, и сила. Она вѣритъ и служить отцу, какъ монашка вѣритъ и служитъ Богу. Вотъ и какъ понимаю ее и—прямо сказать—преклоняюсь.

Я молчалъ. Я не смѣлъ больше говорить.

Такъ вотъ что, милая Женни. Если можеть вѣрующему человѣку придти въ голову жениться на монашкѣ, тогда вы выйдете замужъ за Первозерникова.

Подумайте только! Онъ считаетъ, что вы уже приняли большой постригъ, готовы прикладываться къ вамъ, какъ къ рясофорной,—а вы принариживаетесь передъ нимъ, завиваете волосы. Женитьба на васъ въ его глазахъ все равно, что жепитьба на иконѣ, на пятилѣтнемъ ребенкѣ, а вы...

Фу! Меня морозъ по кожѣ деретъ.

Болѣе оскорбительнаго заблужденія пельзя было выдумать.

Я долженъ ее выручить. Но какъ? Предупредить ее черезъ Лизу? Двойная обида. Лиза не удержится отъ маленькаго злорадства. Самому сказать? Какъ? Въ какой формѣ? Какъ бы тонко я ни заговорилъ объ этомъ, она пойметъ, что мнѣ ея жалъ, и будетъ сконфужена, тѣмъ болѣе сконфужена, что услышитъ это все отъ меня! Черезъ Марью Осиповну? Эта милая tante, кажется, всю кашу заварила. Она мнѣ начинаетъ не нравиться. Во мнѣ бурлитъ желчь, когда я о ней думаю. Сказать ей, — она перевернетъ все по-своему, нану-таетъ еще хуже.

Не знаю, что дѣлать.

Предоставить все естественному теченію?

Нѣтъ, выжду удобной минуты и скажу самъ. Надо, конечно, надавить. Я чувствую бодрость. Меня толкаютъ добрыя мысли. Я сумѣю такъ повести бесѣду, что она не обидится. Напротивъ, это даже укрѣпитъ нашу дружбу.

Рѣшено!

(Продолженіе будетъ.)

Не такъ страшно.

Разсказъ Ф. Филиппа.

(Съ англійскаго.)

Лавка была большая, богатая, съ зеркальными стеклами и электрическимъ освѣщеніемъ, и выходила на широкой переулокъ. Владѣлецъ ея, мистеръ Гардингъ, началъ когда-то съ очень скромнаго. Существовало даже преданіе, что онъ ходилъ съ лоткомъ на головѣ; но теперь „лавка Гардинга“ не пыляла конкурентовъ. „Гардингъ“ служилъ какъ бы межевымъ столбомъ, по которому пѣшеходамъ указывали дорогу:—„Сейчасъ за Гардингомъ“, или: „Не доходи до Гардинга, по другой сторонѣ“; мелкіе торговцы дрожали при имени Гардинга, и не даромъ. Мясо у него было на цѣлый пенсъ дешевле, чѣмъ у сосѣднихъ мясниковъ. Цѣна, по которой онъ продавалъ хлѣбъ, доводила ближайшихъ хлѣбонекъ чуть не до рабочаго дома. Полусаножки, матеріи и разныя мелкія товары были у него помѣчены такими цѣнами, которыя наполнили ужасомъ и отчаяніемъ сердца конкурентовъ поскромнѣе. Но Гардингу ни до чего не было дѣла. Единственное, что интересовало его въ жизни, помимо денегъ, была его дочь. Она была у него одна. Матью Гардингъ былъ толстъ и неуклюжъ; Сибилла была тонка и граціозна. Мистеръ Гардингъ былъ некрасивъ, съ маленькими, жадными, пронзительными глазами; Сибилла была прелестнѣйшая дѣвушка, а глаза ея походили на кусочки голубого неба. М-ра Гардинга всѣ ненавидѣли; Сибиллу всю любили. И, несмотря на все это, отецъ и дочь были очень привязаны другъ къ другу. Отецъ выкашивалъ себя съ самой лучшей стороны относительно обожаемой имъ дочери; а Сибилла находила его самымъ добрымъ, самымъ великодушнымъ человѣкомъ, котораго никто не утѣетъ цѣнить,—но только до тѣхъ поръ, пока не влюбилась. Влюбилась же она въ Чарли Борроуса, сына мелкаго торговца письменными принадлежностями по сосѣдству съ Гардингомъ, и мистеръ Гардингъ объявилъ дочери, что скорѣе увидитъ ее въ могилѣ, чѣмъ выдастъ за сына мелкаго лавочника, не имѣющаго кредита и на сотню фунтовъ стерлинговъ.

Вѣроятно, Сибилла унаслѣдовала твердый характеръ отца,— тотъ самый характеръ, который привелъ его отъ лотка къ магазину; какъ бы то ни было, она объявила, что никогда не разлюбитъ Чарли и готова ждать того момента, когда онъ въ состояніи будетъ прокормить жену.

— Я не памѣню своего слова, — сказала она.

— И я не памѣню своего, — мрачно возразилъ отецъ. — Лучше мнѣ видѣть тебя мертвою. Помни это, сударыня!

Отецъ и дочь сидѣли въ гостиной, по обѣимъ сторонамъ пылающаго камина, какъ обыкновенно сидѣли по вечерамъ. На столѣ, возлѣ Гардинга, была приготовлена бутылка виски, котелокъ съ водою, лимонъ и сахаръ. Онъ имѣлъ обыкновеніе готовить себѣ на ночь стаканъ грогу и вынимать его за послѣдней трубкой. Чтобы положить конецъ разговору, онъ

принялъ кипятить воду. Дѣвушка встала съ мѣста, подошла къ отцу и опустилась передъ нимъ на колѣна.

— Папа, — сказала она ласково, — позволь мнѣ выйти за Чарли. Вѣдь я люблю его!..

— Вздоръ!.. — воскликнула Матью сердито. — Любишь, такъ разлюбись! Мало ли жениховъ на свѣтѣ, и жениховъ со средствами!..

— Я никогда не разлюбю его, и онъ тоже не разлюбитъ меня. Папа, вѣдь въ твоихъ рукахъ счастье всей моей жизни!.. Не будемъ спориться. Обдувай хорошенько!..

М-ръ Матью ударилъ кулакомъ по столу съ такою силою, что все зазвенѣло.

— Я скавалъ уже разъ, — закричалъ онъ, — не быть тебѣ за Борроусомъ, клинъ небомъ. А если выйдешь безъ моего согласія, такъ живи, какъ хочешь!.. Можешь умирать съ голоду, вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово!.. Она поднялась съ полу блѣдая, со стиснутыми зубами.

— Нѣтъ, я выйду за него, — сказала она:— это мое послѣднее слово.

И она ушла изъ комнаты.

Мистеръ Гардингъ сдвинулъ брови и устремилъ глаза на котелокъ съ водою. Онъ зналъ, что у дочери рѣшительный характеръ; зналъ, что Чарли любить ее. Старикъ Борроусъ еще утромъ приходилъ просить его согласія. Какъ помѣнать этому браку? какимъ образомъ?.. Мистеръ Гардингъ все медленно и медленно затигивался трубкой, строилъ различные планы. Ему ни на минуту не приходило въ голову, что онъ поступаетъ жестоко, что доводи его—самаго низменнаго и презрѣннаго свойства. Онъ только думалъ и думалъ, и наконецъ придумалъ!..

Съ этого дня онъ поставилъ себѣ цѣлью убитъ торговлю старика Борроуса всеми средствами. Зеркальныя окна „Гардинга“ наполнились письменными принадлежностями, чернильницами и альбомами видовъ. Стоило бѣдному старику присутствію какой-нибудь предметъ до шести пенсовъ, чтобы Гардингъ назначалъ за такой же четыре пенса съ половиной. Борроусъ пожелалъ выставить и у себя четыре съ половиной пенса, но Гардингъ опять понижалъ цѣну. Свои убытки онъ безъ труда наверстывалъ на чемъ-нибудь другомъ, но для отца Чарли дѣло становилось слишкомъ серьезно. Для отца Чарли это значило полное разореніе.

Старикъ не вынесъ удара и умеръ. Онъ привыкъ открыто смотрѣть въ глаза каждому, всю жизнь не имѣя долговъ, и не могъ перенести позора банкротства. Онъ умеръ, и его сынъ, который при иныхъ условіяхъ унаслѣдовалъ бы честное дѣло, принужденъ былъ поступить искомъ къ адвокату, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ скромнаго жалованья.

Сибилла же покинула родной кровъ, поговоривъ отцу такихъ словъ, которыя ни онъ, ни она никогда не забудутъ.

— Ты причиной смерти старика Борроуса,—сказала она.— Его смерть на твоей совѣсти!.. Я не хочу долѣе оставаться подъ твоимъ кровомъ; не хочу носить тѣхъ платьевъ, которыя ты даешь мнѣ, не хочу ѣсть твоего хлѣба. Я лучше умру съ голоду вмѣстѣ съ Чарли, чѣмъ пользоваться всею этою роскошью, которою ты окружаешь меня.

Мистеръ Гардингъ шумѣлъ, бранился; она стояла на своемъ: — Я не останусь; и не могу остаться.

Такимъ образомъ, результатъ получился обратный: своими просяками Матью только ускорила бракъ дочери съ Чарли Борроусомъ. Но, вмѣсто скромнаго довольства, которое могло бы окружать молодую чету, ей пришлось начинать жизнь на чердакѣ, при пятнадцати шиллингахъ въ недѣлю, которые зарабатывалъ Чарли. Сибилла же цѣлые дни писала письма по объявленіямъ и искала работы.

Но работу не такъ легко найти. Рабочій рынокъ переполненъ предложеніемъ даже опытныхъ рукъ, а дочь Гардинга была далеко не опытна. Однако ей удалось въ концѣ концовъ найти мѣсто въ фотографіи, гдѣ она вела книги, заведывала корреспонденціей, принимала посетителей и получала за это одинъ фунтъ стерлинговъ въ недѣлю. Такимъ образомъ молодые люди просуществовали около года.

Къ концу года случилось обстоятельство, вынудившее Сибиллу покинуть мѣсто. У ней родилась дочь. Три недѣли молодая женщина пробыла между жизнью и смертью. Не рѣшаясь идти въ больницу, она цѣлые дни лежала и стояла одна, на своемъ чердакѣ, въ узенькомъ, мрачномъ переулкѣ, въ зависимости отъ хозяйки, жившей внизу. А Чарли сидѣлъ у себя въ конторѣ и съ разбитымъ сердцемъ думалъ о женѣ.

Онъ уже заложилъ все, что могъ. Онъ отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобы доставить женѣ лучшую пищу; но на пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю далеко не уйдешь. Когда нужно заплатить и доктору, и за лѣкарства, и за квартиру, трудно позволить себѣ какія-нибудь прихоти. Чарли съ ужасомъ видѣлъ, что силы жены падаютъ съ каждымъ днемъ.

Сибилла умирала. Желаніе отца ея на половину сбылось: она умирала отъ нищеты, всего черезъ годъ послѣ свадьбы!.. Однажды вечеромъ она открыла глаза и долго смотрѣла на мужа.

— Чарли!..—позвала она.

Онъ подошелъ къ кровати, стараясь казаться веселымъ и спокойнымъ.

— Что скажешь, душа моя?

— Чарли, когда я умру, кто будетъ заботиться о нашей дѣвочкѣ?

— Сибилла, перестань!..

Изъ груди его вырвалось рыданіе. Ужасно было чувствовать свое безсиліе. Но, можетъ-быть... можетъ-быть, можно еще спасти ее. Можетъ-быть, мистеръ Гардингъ проститъ Чарли забытыя о своей гордости, о своемъ самолюбіи.

Поздно вечеромъ онъ поднимался, уже вмѣстѣ съ тестемъ, по узкой лѣстницѣ въ свою квартиру.

Ему пришлось долго и горячо просить мистера Гардинга. Старикъ долго оставался холоденъ и непреклоненъ. Но вдругъ раскаяніе валило свое, и Гардингъ разразился рыданіями.

Онъ живо представилъ себѣ, что его дочь лежитъ на смертномъ одрѣ, и что онъ, ея отецъ, причина всѣхъ ея страданій.

— Господи, прости меня!..—проговорилъ онъ.—Ведите меня къ ней, скорѣе, скорѣе!..

Въ порывѣ раскаянія ему казалось, что пазовчикъ никогда не доведетъ его и Чарли до узкаго переулка, гдѣ жила дочь. Но наконецъ они пріѣхали.

Они долго, долго взбирались по узкой, темной лѣстницѣ. Наконецъ Чарли открылъ какую-то дверь. Въ комнатѣ тоже было темно. Старикъ съ трудомъ разсматривалъ на кровати лежащую фигуру дочери.

— Ради Бога, зажгите свѣчку, поскорѣе свѣчку!..—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.

Чарли вмѣстѣ съ нимъ наклонился къ больной. Руки ея лежали на одѣялѣ. Отецъ потихоньку прикоснулся къ рукамъ и вскрикнулъ, въ ужасѣ. Рука была холодна.

Онъ упалъ на колѣна, дрожа и задыхался. Борроусъ опустился съ нимъ рядомъ, стараясь уловить бѣшеніе сердца молодой женщины. Но пульсъ не бился — губы не дышали. Она была мертва!..

Гардингъ протянулъ руки къ ребенку, лежавшему воатѣ матери: но и ребенокъ былъ холоденъ, какъ мраморъ. Старикъ въ ужасѣ взглянулъ на Чарли и понялъ все: ребенокъ тоже умеръ. Гардингу и на ребенка не удалось склонить своей вины передъ дочерью. Раскаяніе его явилось слишкомъ поздно. Матью хотѣлъ подняться на ноги, но тутъ велъ комната пошла кругомъ; потолокъ опустился, стѣны сдвинулись, полъ заколыхался. Старикъ простеръ руки къ небу; что-то оборвалось у него въ груди, и—онъ проснулся.

Котелокъ кипѣлъ черезъ край; виски, лимонъ и сахаръ стояли на прѣжнемъ мѣстѣ. Въ комнату вошла Сибилла.

Мистеръ Гардингъ выпрямился и протеръ глаза, влажные отъ слезъ. Онъ едва могъ говорить отъ волненія.

— Я видѣлъ страшный сонъ, Сибилла, очень страшный сонъ. Иди... если хочешь... къ старика Борроусу, и скажи ему и Чарли, что я согласенъ. Я согласенъ... душа моя. Можешь выходить за него.

Черногорія.

(Къ двухсотлѣтію княженія рода Петровичей-Нѣгошей. Съ портретомъ и 6-ю рисунками.)

2 января праздновалось въ Цетиньѣ исполнившееся въ сентябрѣ истекшаго года двухсотлѣтіе княженія въ Черногоріи рода Петровичей-Нѣгошей. Этотъ день избранъ былъ для праздника потому, что 2-го января, по принятому въ Черногоріи обычаю, въ Цетиньѣ собирается со всего княжества масса народа, воеводы и старѣйшины, для принесенія князю поадрвалейшій съ Новымъ годомъ. Князь, не желая, въ виду постигшаго Черногорію страшнаго наводненія, устранять себѣ празднованіе двухсотлѣтія княженія своего рода, рѣшилъ придать ему скромный національный характеръ, приурочивъ празднованіе именно ко 2-му января.

Празднованіе ограничилось, по словамъ телеграммъ, тѣмъ, что въ присутствіи княжеской фамиліи, дипломатическаго корпуса и государственныхъ сановниковъ была отслужена заупокойная литургія и панихида по основателю династіи Петровичей-Нѣгошей, владыкѣ Даниилѣ I, брѣнные останки котораго были выставлены наканунѣ въ кафедральномъ соборѣ. Послѣ панихиды члены княжескаго дома и генералы пронесли гробъ съ прахомъ князя Даниила I къ памятнику, воздвигнутому въ честь его. По пути слѣдованія процессія была построена войска. Окропивъ гробъ святой водою, митрополитъ сказалъ слово, въ которомъ отмѣтилъ высокія добродѣтели основателя династіи. Послѣ благодарственнаго молебна, отслуженнаго митрополитомъ, князь Николай обратился къ народу съ рѣчью, въ которой напомнилъ о духовнѣйшей борьбѣ, увѣчавшейся великимъ успѣхомъ благодаря братскимъ чувствамъ, связывающимъ князя съ народомъ. Затѣмъ князь торжественно объявилъ пребывать пензѣмъ вѣрнымъ завѣтамъ предковъ, молить Бога о неиспаданіи благословенія Черногоріи, благодарить могущественный братскій русскій народъ за его благоволеніе и покровительство, равно какъ и дружественныхъ государей и народы, и въ заключеніе далъ обѣщаніе посвятить свою жизнь своему народу. Рѣчь князя вызвала неописуемый энтузіазмъ.

Исторіи Черногорскаго княжества не заходитъ въ вѣка глубокой древности. Въ началѣ Черногоріи, подъ именемъ княжества Зента, находилась въ зависимости отъ Сербіи, и эта зависимость длилась до пораженія Сербіи турками въ 1389

году. Послѣ того сербскіе князья припуждены были удалиться въ неприступныя горы, гдѣ въ 1485 г. князь Иванъ, сынъ Стефана, основалъ монашескія Цетиньѣ, иныишнее мѣстопребываніе князя. Въ этихъ неприступныхъ горахъ, окруженное порабощенными мусульманскому игу народностями, затерянное славянское орлиное гнѣздо, сумѣвшее отстоять свою независимость даже и тогда, когда всѣ его сородичи, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, подчинились туркамъ. Болѣе трехъ столѣтій мужественно боролись черногорцы съ Оттоманскою имперіей, охраняли каменные твердыни своего княжества, и дожили, наконецъ, до полнаго разложенія этой имперіи. За время этой борьбы въ Черногоріи смѣнилось нѣсколько княжескихъ родовъ: Черновичи, Радоничи и, наконецъ, Нѣгоши-Петровичи. Въ 1696 г., по кончинѣ владыки Саввы I, въ преемники ему былъ избранъ народнымъ собраніемъ Даниилъ Петровичъ, въ міру носившій имя Нико Петровичъ Штенчевичъ. Какъ извѣстно, въ прежнія времена глава черногорскаго княжества, владыка, былъ въ то же время главою церкви, судей и военачальникомъ. Впервые измѣнилъ этотъ порядокъ князь Даниилъ I, который былъ только свѣтскимъ правителемъ.

Съ перваго князя изъ дома Петровичей начались дружескія сношенія Черногоріи съ Россіей. Петръ Великій, передъ неудачнымъ прусскимъ походомъ, приглашалъ всѣхъ православныхъ на Балканскомъ полуостровѣ войти войной на султана. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ двинулись на турокъ черногорцы и многія соседнія славянскія племена. Потерявъ нѣсколько пораженій отъ черногорцевъ, турки воспользовались неудачей русскихъ войскъ на р. Прутѣ и вторглись со всѣми своими силами въ Черногорію. Борьба завязалась неравная,—горсть отважныхъ юнаковъ билась съ цѣлой неприятельской арміей и, понатно, не могла устоять подъ сильнымъ патискомъ турокъ, опустошившихъ всю страну, вплоть до Цетиньѣ. Населеніе, лишившееся своихъ главарей, панически заманенныхъ въ турецкій лагерь и тамъ умерщвленныхъ, вынуждено было скрываться въ скалахъ и пещерахъ. Петръ I, чувствуя, что черногорцы понесли эти бѣдствія отчасти по его винѣ, и глубоко скорбю о томъ, приказалъ по всѣмъ русскимъ церквамъ и монастырямъ молиться о пострадавшихъ за вѣру Христову

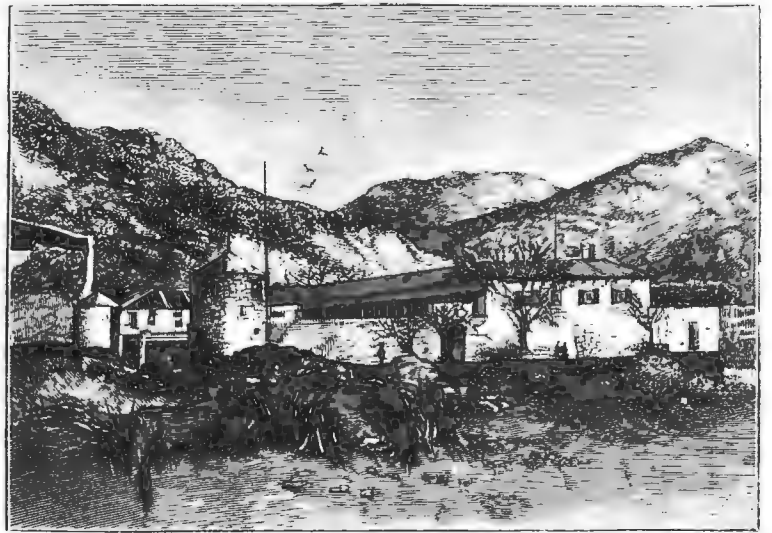
Князь черногорскій Николай I.

и послалъ 160 золотыхъ медалей со своимъ изображеніемъ, 5,000 р. для раздачи наиболее пострадавшимъ и 5,000 р. владикъ, на покрытие хотя бы части надержекъ, и, кромѣ того, посылалъ въ теченіе трехъ лѣтъ по 500 р. для цетиньскаго монастыря.

Не мало прошло времени, пока Черногорія могла оправиться отъ этого разгрома. Много способствовало восстановленію силъ Черногоріи Петръ Петровичъ I Нѣгошъ, родившійся въ 1754 г. Онъ правилъ Черногоріей 60 лѣтъ (съ 1770

Черногорія съ моря. По рис. I. I. X. грав. Шюблеръ.

Старый дворець князей черногорскихъ. По рис. I. I. X. грав. Шюблеръ.

Дворецъ князя черногорскаго въ Цетиньѣ. По рис. I. I. X. автотипія „Нивы“.

Черногорія. Улица въ Цетинье. По рис. I. L. X. грав. Шюблеръ.

по 1830 г.) и, пользуясь сильным покровительствомъ Россіи, въ лицѣ Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I, успѣлъ упрочить независимость своей родины.

Преемникомъ Петра Петровича I былъ Петръ Петровичъ II, возведенный въ санъ черногорскаго владыки въ 1830 г., въ Петербургѣ. За время своего 20-лѣтняго владычества, онъ успѣлъ мирно, безъ шума и грохота орудіи, сдѣлать много добраго для своихъ подданныхъ. Въ 1861 г., по кончинѣ Петра II, ему наследовалъ его племянникъ Данилъ I, который вступилъ въ упорную борьбу съ турками, принявшюю характеръ болѣе наступатель-

ный, чѣмъ оборонительный, и въ концѣ концовъ принудилъ ихъ бросить мысль о покореніи Черногоріи. Блестательная побѣда черногорцевъ подъ Гроховымъ, въ 1858 году, окончательно упрочила независимость Черногоріи. 12 августа 1860 г. князь Данилъ I палъ отъ руки убійцы (подкупленнаго, какъ тогда говорили, Турціей).

Князю Данилу, умершему бездѣтнымъ, наследовалъ его племянникъ, сынъ Мирко Петровича, нынѣ правящій Черногоріей князь Николай I. Въ настоящее время князю Николаю 55 лѣтъ; образованіе получилъ онъ въ Парижѣ, въ collége Louis le Grand; этимъ объясняются его горячіи симпатіи къ Франціи.

Внутренній видъ дома черногорскаго воеводы.
По рис. I. L. X. грав. Шюблеръ.

Черногорія — одно изъ самыхъ небольшихъ государствъ въ мірѣ—представляетъ большой интересъ и по своимъ географич-

Цетинье, столица Черногоріи. По рис. G. грав. Шляперъ.

чекимъ условіямъ, и по оригинальному политическому и социальному строю, и по характерному быту народа, — спокойному, суровому, напоминающему добрыя времена патриархальной жизни.

Черногорія занимаетъ площадь въ 9,475 кв. километровъ; почти вся она гориста. Населеніе Черногоріи достигаетъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, около 200,000 душъ, т. е. 22 человека на квадрат. километръ. За исключеніемъ почти 15,000 магометанъ албанскаго и сербскаго происхожденія и 5,000 албанцевъ-католиковъ, все остальное населеніе исповѣдуетъ православіе.

При князѣ, какъ абсолютномъ монархѣ, состоятъ пять министровъ и государственный совѣтъ изъ четырехъ членовъ; судъ ввѣренъ сенату и 40 судьямъ. Во главѣ автокефальной церкви стоитъ митрополитъ цетиньскій; католическій архіепископъ съ 1886 г. живетъ въ Антверпѣ (портъ, отошедшій къ Черногоріи по берлинскому трактату). Интересная особенность относительно католичества въ Черногоріи: католическій клиръ получилъ отъ папы разрѣшеніе употреблять при богослуженіи старославянской языкъ. Въ Черногоріи имѣется и верховный муфтіи магометанъ, проживающій въ Подгоричѣ.

Столица князя, Цетинье—самая маленькая столица въ мірѣ: въ ней всего около 2,000 жителей. Цетинье расположено амфитеатромъ, среди горъ, въ Цетиньской долинѣ. Мѣстоположеніе города въ углу долины очень неудобно, такъ какъ мѣшаетъ стокъ воды, которой много набирается во время таянья снѣга. Особенно тяжело въ такихъ случаяхъ приходится жителямъ нижнихъ этажей. Большая часть домовъ въ городѣ—одноэтажные, но понадеется не мало и простыхъ глиняныхъ мазанокъ съ соломенной крышей. Черногорскіе дома, называемые „кучами“, хотя построены изъ камня, но камни набросаны другъ на друга безъ всякаго цемента. Нерѣдко жилища всего о трехъ только стѣнахъ, четвертою же прислонены къ утесу. Они очень шпакли, съ наклонною крышей, безъ трубы и печей. Когда готовить кушанье, дымъ наполняетъ всю хату, стелаясь по потолку, пока не найдетъ себѣ выхода въ растворенную дверь. Внутренность жилища такъ же незатѣйлива и скромна, какъ и внѣшній видъ его: одна, двѣ комнаты; стѣны увѣшаны оружіемъ: въ переднемъ углу образъ; въ разныхъ мѣстахъ шезельки, за которыми обѣдаютъ, и кровати изъ букового дерева; вотъ все убранство комнаты. Таково оно у простаго черногорца, и мало чѣмъ отличается оно у воеводы. Эта простота обстановки и условій жизни въ Цетинье, а также и въ другихъ городахъ Черногоріи, вполне гармонируетъ съ характеромъ этого народа, мало ушедшаго отъ первобытной жизни, почти незагруженнаго вѣнными культурами. Каждый черногорецъ—охотникъ и воинъ въ душѣ и въ жизни. Торговли и промышленности въ современномъ европейскомъ значеніи черногорцы не знаютъ. Главное занятіе черногорцевъ—скотоводство, оно вполне по душѣ черногорцу, такъ какъ не требуетъ никакого утомительнаго чернаго труда. Скотоводство даетъ Черногоріи главнѣйшіе предметы вывоза на 2,000,000 гульденовъ въ годъ.

Во все время своего существованія Черногорія безпрестанно воевала, отстаивая свою самостоятельность, и не удивительно, что и до сихъ поръ столица ея—Цетинье, какъ вѣрно выразился одинъ французскій путешественникъ.—не городъ, не деревня, а просто укрѣпленный лагерь. Вся Черногорія—это одна непрестанная крѣпость, князь—ея комендантъ, а Це-

тинье—не болѣе, какъ резиденція этого коменданта. Военственный въ душѣ, по самому складу исторіи своей страны, черногорецъ презираетъ мирный трудъ; работаютъ только женщины. Женщины въ Черногоріи занимаются и всѣми полевыми работами, и имъ, главнымъ образомъ, страна обязана тѣмъ, что небольшіе клочки земли, попадающіеся на крутыхъ опротахъ и среди скалъ, превращаются въ плодородныя поля. Культура до сихъ поръ не могла поколебать этой вѣковой непривычки народа къ ремесленному труду.

Княгиня Милена, дочь воеводы Петра, славилась до сихъ поръ своей красотой, въ домашней жизни ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ черногорокъ. Подобно всѣмъ матерямъ-черногоркамъ, она—полная хозяйка дома и безконтрольно самолично управляетъ хозяйствомъ.

Наслѣдникъ престола, княжичъ Данилъ, 25 лѣтъ отъ роду, состоятъ имѣть начальникомъ недавно основанной военной школы въ Подгоричѣ. Княжичъ живетъ въ своемъ собственномъ дворцѣ, построенномъ въ современномъ стилѣ.

Кромѣ княжича Данила, у князя Николая еще два сына—княжичъ Мирко, 17 лѣтъ, и княжичъ Петръ, 7 лѣтъ. Изъ шести дочерей князя двѣ состоятъ въ замужествѣ за членами нашего Царствующаго Дома: княгиня Анастасія Николаевна за герцогомъ Георгіемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ и княгиня Милица Николаевна за великимъ княземъ Петромъ Николаевичемъ. Княгиня Елена недавно сочеталась бракомъ съ принцемъ Неаполитанскимъ.

Княжеская семья, состоящая еще изъ трехъ княженъ—Анны, Ксении и Вѣры, живетъ съ недавняго времени въ новомъ дворцѣ, тоже построенномъ въ современномъ стилѣ. Прежде князь съ семьей жилъ въ простомъ домикѣ, въ которомъ теперь помѣщаются правительственныя учрежденія. Дворецъ—двухэтажный; позади его обширный садъ; передъ нимъ площадь, на которую ведетъ главная улица Цетинье. Остальные улицы въ Цетинье расходятся въ стороны отъ главной подъ прямымъ угломъ. Комнаты во дворцѣ высоки, свѣтлы и обширны. Въ салонахъ стѣны украшены портретами главнѣйшихъ европейскіхъ монарховъ, при чемъ русскій Императорскій Домъ имѣется тутъ въ полномъ составѣ. Тутъ же висятъ портреты владыки-поэта Петра II и князя Данила, предшественника князя Николая. Что касается жизни княжеской семьи, то она мало чѣмъ отличается отъ жизни прочихъ черногорскихъ семей. Все просто, даже патриархально. Утромъ князь принимаетъ доклады секретарей и министровъ и дѣлаетъ распоряженія по текущимъ дѣламъ, затѣмъ выслушиваетъ просителей—каждый черногорецъ имѣетъ доступъ къ своему князю и всегда найдетъ у него защиту себѣ. Затѣмъ князь работаетъ и въ свободное время предпринимаетъ прогулки верхомъ или въ экипажѣ. Впрочемъ, въ экипажѣ князь сталъ ѣздить лишь съ недавняго времени. Главная причина этому та, что въ Черногоріи не было дорогъ въ истинномъ значеніи слова; онѣ начали устраиваться только съ 1880 года, и другъ, въ одинъ прекрасный день, жители Цетинье увидѣли своего князя съ семьей въ роскошной коляскѣ и не вѣрили своимъ глазамъ. Этотъ экипажъ съ богатой упряжкой былъ подаренъ князю императоромъ австрійскимъ Францемъ-Иосифомъ. Но князь предпочитаетъ ѣздить верхомъ, и ежедневно можно видѣть его въ окрестностяхъ Цетинье, въ сопровожденіи сына или кого-либо изъ министровъ.

Комнатное растеніеводство.

Почва.

Въ *Нивѣ* уже были напечатаны двѣ замѣтки, посвященныя общимъ вопросамъ комнатнаго растеніеводства, или цвѣтоводства, какъ его обыкновенно называютъ, именно: о пересадкѣ растеній и о ихъ поливкѣ. Дадимъ теперь такія же краткія, основныя повитія о почвѣ, о землѣ, въ которой эти растенія воспитываются.

Растеніе на волѣ имѣетъ въ своемъ распоряженіи почти неограниченное количество (объемъ) почвы. Источникъ непосредственно прилегающіе участки, оно можетъ вытнуть свои корни по всѣмъ направленіямъ и начать эксплуатацію болѣе отдаленныхъ участковъ; случается, что нѣкоторые растенія, какъ, напримеръ, люцерна, пускаютъ корни на нѣсколько футовъ въ глубь земли, и этимъ свойствомъ—посылая корни за пищу—обладаетъ большинство растеній. Другое дѣло—комнатное растеніе, посаженное въ горшкѣ. Дѣятельность его корней ограничена предѣлами посуды, и потому, для благополучнаго развитія, надо въ этомъ горшкѣ дать растенію въ достаточномъ количествѣ и въ удобо-усвоенной формѣ все, что оно, по своей натурѣ, требуетъ отъ почвы.

Посѣтите въ лѣтнее время огородъ, лѣсъ, торфяникъ, песчаное побережье, взгляните въ покрывающія эти разные участки почвы дикія растенія, и вы легко убѣдитесь, что песокъ, перегной, торфъ, глина, словомъ—каждая почва имѣетъ свою особую характернейшую флору. Далеко не каждое растеніе можетъ благополучно развиваться, напримеръ, на тучномъ черноземѣ, несмотря на огнѣнныя питательныя свойства этой

земли; напротивъ, многія растенія вовсе его не выносятъ, какъ другія не выносятъ песчаной, глинистой, сухой, влажной и т. п. почвы. Другими словами, почва должна соответствовать растенію; надо знать, какую почву любитъ данное растеніе, и такую именно и дать ему при его комнатной культурѣ. Продавецъ цвѣтовъ или любое руководство укажутъ вамъ эту почву.

Прежде чѣмъ разсматривать отдѣльные виды почвы, бросимъ взглядъ на общія правила подготовки всякой почвы для посадки на ней растеній. Прежде всего всякую почву надо привести въ однородное состояніе и притомъ, насколько возможно, размельчить. Песокъ, глина, торфъ, естественный черноземъ нуждаются только въ размельченіи и удаленіи постороннихъ крупныя примѣсей. Но искусственный черноземъ (перегной), получаемый отъ негнѣванія всякихъ растительныхъ остатковъ, требуетъ особенно заботливой подготовки; надо удалить изъ него все крупныя, неистлѣвшія части, а остальную массу тщательно перемять, перемять и просѣять черезъ крупное рѣшето. Такъ же поступаютъ съ дерново-землею, которая, какъ извѣстно, вся связана въ комочки пересушенными корешками дернины.

Любители, разводящіе лишь небольшое число комнатныхъ растеній, могутъ приобретать почву изъ садовыхъ заведеній; отсюда они получаютъ уже вполне подготовленную землю, которую останется только пересмотрѣть, пропустить черезъ рѣшето, на всякій случай. Если же приобрести почву покупкою, не отсюда, то надо добыть ее самому. Гдѣ именно достать данный сортъ почвы, объ этомъ будетъ сейчасъ упомянуто, при описаніи отдѣльныхъ типовъ почвы.

Наилучшая, самая тучная и питательная почва, это—перегной, т.-е. почва, содержащая в себѣ значительную примѣсь сгнивших растительныхъ веществъ. Типомъ такой почвы служитъ нашъ русскій черноземъ, залегающій вь средней полосѣ Россіи. Основую его можетъ быть песокъ, глина, суглинокъ или супесокъ (т.-е. смѣсь песка съ глиною, съ преобладаніемъ либо первой, либо второй); къ этой основной минеральной массѣ можетъ быть примѣшано 5—10 и болѣе процентовъ перегноя. Перегной употребляется либо въ чистомъ видѣ, либо въ смѣси съ глиною, пескомъ, смотря по тому, какими свойствами обладать онъ въ натурѣ: слишкомъ вязкій, плотный перегной иногда надо разрыхлить, и тогда къ нему примѣшиваютъ песокъ; слишкомъ рыхлый перегной, наоборотъ, связываютъ и уплотняютъ глиною. Для горшечной культуры наиболѣе подходящимъ считается перегной съ еще не вполне истлѣвшими частями растений; онъ рыхлъ, упрѣгъ и содержитъ запасъ растительнаго вещества, которое, постепенно разлагаясь, все время продолжаетъ доставлять растеніямъ новые запасы питательныхъ веществъ. Въ средней Россіи очень легко добыть прекрасный черноземъ прямо съ поля; въ другихъ мѣстахъ хорошій перегной имѣется во всякомъ благоустроенномъ огородѣ. Въ природѣ вообще, кромѣ собственно чернозема, встрѣчается три вида естественной перегнойной почвы, именно: торфъ или болотный перегной, лѣсной и вересковый перегной. Разсмотримъ каждую изъ этихъ натуральныхъ почвъ въ отдельности.

Торфъ почти весь сплошь состоитъ изъ истлѣннаго органическаго вещества. Цѣлыя поколѣнія болотныхъ растений, отживъ свой вѣкъ, остаются въ окружающей ихъ влажной массѣ, раѣе погибшихъ своихъ предшественниковъ, постепенно истлѣваютъ и, перемѣниваясь, образуютъ однородную темную массу—торфъ. Эта почва почти вовсе лишена минеральныхъ частицъ, потому что вода, все время окружающая болотную растительность, извлекаетъ изъ нея, когда она гибнетъ и загниваетъ, все содержащееся въ ней минеральныя соли. Случается, что разложение торфяной массы происходитъ глубоко подъ водою, безъ доступа воздуха, который не можетъ проникнуть къ мѣсту тлѣнія; тогда въ торфѣ образуются нѣкоторые кислыя вещества, вредныя для растительности; этотъ торфъ не годенъ для воздѣлыванія растений. Но когда случается, что залежь торфа освобождается отъ назлившей воды, выступивъ изъ-подъ нея, и разложение торфяной массы будетъ идти при доступѣ воздуха, то образуется очень пригодный для культурныхъ растений перегной. И такъ, желая запастись торфомъ, надо найти такую залежь его, которая долгое время оставалась на воздухѣ, не слишкомъ мокра, не обладаетъ особымъ кислымъ болотнымъ запахомъ. Чѣмъ торфъ суше, рыхлѣе, чѣмъ болѣе въ немъ окажется еще не вполне истлѣннаго растительнаго волокна, тѣмъ онъ можетъ считаться выше по качествамъ. Если, по своему состоянію, торфъ возбуждаетъ сомнѣнія въ его пригодности, то надо, насытивъ его обильный запасъ, положить его рыхлою кучею на вольномъ воздухѣ и дать ей полежать съ годъ. Кисловатый торфъ, въ крайнемъ случаѣ, можно поправить прибавкою извести или нечистой золы, соблюдая, однако, при этомъ большую экономію въ придаточномъ веществѣ; къ этому приему, вообще, нельзя посоветовать малоопытнымъ любителямъ прибѣгать безъ крайней въ томъ необходимости. Торфъ совершенно сухой, растраивающійся въ мелкій порошокъ, не стоить брать для горшечной культуры: онъ слишкомъ бѣденъ питательными веществами. Рыхлый же, сыроватый, изобилующій еще не совсемъ сгнившими растительными остатками торфъ представляетъ наилучшую почву для орхидныхъ растений и разныхъ папоротниковъ.

Лѣсная и вересковая почвы различаются между собою лишь по мѣсту нахождения, а по составу очень между собою сходны, часто совсѣмъ одинаковы по достоинству. Та и другая почва могутъ обладать большими достоинствами, или не обладать ни малѣйшими, смотря по ихъ образованію. Если лѣсная или вересковая заросль покрываетъ песчаную почву, то палый древесный листъ или вересковый прутьникъ, скопившись на почвѣ изъ года въ годъ толстымъ слоемъ, довольно быстро разлагается и даетъ превосходный легкій перегной, въ основѣ котораго лежитъ песокъ,—примѣсь, вообще говоря, почти всегда полезная при всякомъ перегноѣ. Чѣмъ толще слой перегноя въ лѣсной или вересковой заросли, тѣмъ выше по качествамъ этотъ перегной, тѣмъ онъ богаче органическимъ веществомъ, однороднѣе. Если почва лѣса или вересника известковая либо каменистая, то на такой почвѣ никогда не образуется хорошаго перегноя; известь слишкомъ быстро разлагаетъ перегной, и продукты его разложения смываются атмосферными водами, не успѣвъ сжаться, образовать хорошо сопротивляющійся дождю слой. Въ поискахъ за лѣснымъ перегноемъ надо обращать особенное вниманіе на впадины и низины, въ которыхъ лѣсная почва, согнанная сюда вѣтрами и дождями, залегаётъ особенно плотнымъ и мощнымъ пластомъ. Порода лѣса оказываетъ, разумеется, большое вліяніе на качества лѣсной почвы. Дубъ и каштанъ даютъ изъ своей обильной и крупной листвы наилучшій перегной; не дурна земля буковыхъ лѣсовъ, хотя она и уступаетъ первой; почва смѣшаннаго лѣса обладаетъ уже посредственными достоинствами, а хвойный лѣсъ совсѣмъ не

даетъ годной въ дѣло почвы; въ этихъ лѣсахъ лишь нарѣдка можно найти залежи перегнившей хвои въ глубокихъ впадинахъ, нижніе слои которыхъ даютъ еще болѣе или менѣе удовлетворительную добычу. Что касается вересковъ, то, если они покрываютъ сухое мѣсто, подъ ними образуется недурной перегной; но надо, чтобы онъ образовалъ толстый пластъ, иначе онъ не надеженъ. Вересники мокрыхъ мѣстъ даютъ перегной тѣмъ ближе схожій съ торфомъ, чѣмъ мокрѣе мѣсто подъ зарослью.

Песчаная почва въ натуральномъ видѣ не употребляется въ комнатномъ цвѣтоводствѣ. Въѣсто нея берутъ другую почву, къ которой примѣшиваютъ песокъ, по мѣрѣ необходимости. Надо запасаться по возможности чистымъ рѣчнымъ пескомъ. Если такого песку трудно достать, то великій, даже и очень нечистый песокъ, можно поправить очень простой операціей,—отмучиваніемъ. Надо насыпать песокъ въ просторную посуду, облить водою, тщательно разболтать, слить воду, которая унесетъ всю легкую нечисть; опять налить воды, и такъ продолжать, пока вода не будетъ стекать съ песка чистая и свѣжая, или съ незначительною лишь мелкою мутою. Песокъ—не химическая (т.-е., не прямо, непосредственно, питательная) составная часть почвы, а чисто механическая; онъ рыхлитъ слишкомъ вязкую, плотную почву и въ этомъ качествѣ незаменимъ. Впрочемъ, онъ употребляется и въ чистомъ видѣ; въ него садятъ черенки, сбѣивъ сѣмена, вообще, следовательно, употребляютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда растеніе для своего развитія еще не нуждается въ питательныхъ веществахъ почвы, а требовать только влаги: черенки—для того, чтобы пустить корни, а сѣмена—чтобы набухнуть и дать всходы. Такимъ образомъ, песокъ, несмотря на его несомнѣнное безплодіе, играетъ очень существенную роль въ растеніеводствѣ.

Почти такая же роль мха. Садоводы употребляютъ свѣжій, не разложившійся мохъ, чаще всего либо бѣлый, торфяной, либо зеленый, встрѣчающійся въ лѣсахъ, напр., на сучьяхъ деревьевъ. Мохъ не мѣшаетъ очистить промыскою, а затѣмъ высушить при высокой температурѣ, которая убиваетъ разныхъ слизней и червячковъ, любящихъ въ немъ гнѣздиться. Болотный мохъ—это тотъ самый бѣловатый сфагнумъ, который послѣдніе годы входитъ въ употребленіе, какъ денежный и хорошій матеріалъ для посыпки въ лѣвахъ, столахъ и другихъ мѣстахъ скошенія отбросовъ. Его надо тщательно перебрать, отдѣляя все погнившія части. Мохъ идетъ на покрывку тѣхъ черепочковъ, которыми накрываютъ нижнія отверстія (донныя дырки) въ цвѣточныхъ горшкахъ. Много мха идетъ для устройства терраріевъ. На немъ выращиваются многія орхидныя и папоротники; имъ окружаютъ корни корей, обвиваютъ живыя части пальмовыхъ стволовъ, чтобы скорѣе развивались ихъ корни. Иногда мохъ, подобно песку, употребляется въ примѣсь къ почвѣ, для того, чтобы взрыхлить ее, если она слишкомъ плотна; при этомъ его мелко крошатъ. Мохъ жадио вбираетъ воду и, будучи примѣшанъ къ почвѣ, сильно повышаетъ ея влагоемкость. Наконецъ, подобно песку, рубленый мохъ очень удобенъ для посѣва въ него сѣмянъ и посадки черенковъ.

Изъ натуральныхъ почвъ едва ли не наиболѣе пригодною, а—главное—повсемѣстно распространенною, является глинистая, рыхлая, луговая, т.-е. задерѣлѣная земля. Надо только быть внимательнымъ въ томъ, что она не содержитъ большого количества извести: на это послѣднее обстоятельство прежде всего даютъ указаніе дикія растенія; изъ нихъ характеристична для известковой почвы весьма известная мать-мачиха (*Tussilago farfara*). Известковая почва обыкновенно сильно вскипаетъ, если ее облить кислотою (напримѣръ, крѣпкимъ уксусомъ). Въ ней обыкновенно достаточно перегноя, потому что луговые растенія, годъ изъ года, отмирая, оставляютъ въ ней свои корни и стебли, дающіе съ теченіемъ времени залежь разложившихся остатковъ. Если она слишкомъ плотна,—бѣда не велика, потому что ее легко улучшить прибавкою песка. Часто въ ней оказываются цѣлыя колоніи нежелательныхъ жильцовъ—червей, слизней, букашекъ; для уничтоженія ихъ надо крѣпко нагрѣть подожрѣваемую землю—градусовъ до 80—90. Луговая земля содержитъ въ достаточномъ количествѣ, а—главное,—въ строго гармоническомъ сочетаніи всѣ нужныя для растеній минеральныя и органическія питательныя вещества, и поэтому она годна почти для любого сухопутнаго растенія. Надо только сдобривать ее (извѣстью, пескомъ, глиною, торфомъ), смотря по индивидуальной потребности разводимаго растительнаго вида. Лучшее всего, если луговая земля будетъ имѣть чистый черный, а въ сухомъ состояніи—нейтральный, тѣсно-сѣрый цвѣтъ; однако, легкій ржавый оттѣнокъ, указывающій на ея желѣзистость, не вредитъ дѣлу, особенно, если видно было, что дикія растенія на ней прорастаютъ благополучно. Обыкновенно верхній слой дернины снимается съ такой почвы, и въ дѣло идетъ нижележащій пластъ, толщиной въ 6—8 дюймовъ, пронизанный корешками. Можно брать землю и выѣсть съ дерниною, но тогда надо дать почвѣ полежать на воздухѣ, пока дернь не разложится. Дерновалъ земля—превосходная почва для камелий и вообще для японскихъ, многихъ азиатскихъ и американскихъ растеній; часто она бываетъ слишкомъ плотна, и амерыканскіе садоводы указали подручное средство для смягченія этого недостатка.—песокъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о садовой землѣ. Она можетъ быть и превосходна, и мало пригодна. Если почва въ саду легка, суглинистая или супесчаная, и не сильно пользовалась ручнымъ удобреньемъ, то садовая земля будетъ виолитъ подобна луговой. Если же почва была обильно удобряема (что относится, между прочимъ, и къ огородной, грядовой землѣ, которая, напримеръ, подл огурцы, мѣстами уваживается до пресыщенія), то надо разбавлять ее глиною или пескомъ,

или тощимъ черноземомъ, смотри по ея тучности и плотности. Многя комнатныя, особенно обильно цвѣтущія растенія развиваются на огородной землѣ, повидимому, роскошно, даютъ богатѣйшую зелень, силою унижаются цвѣточнымъ покровомъ; по этому не надо увлекаться: тучная земля очень быстро, особенно при обильной поливкѣ, загниваетъ, закисаетъ и губитъ растенія; за нею нуженъ тщательный надзоръ, и растенія, въ ней разводимыя, требуютъ частой пересадки.

Къ рисункамъ.

Кто не знаетъ великолѣпную фигуру Фальстафа, гениально описаннаго Шекспиромъ въ „Виндзорскихъ кумушкахъ“, въ „Генрихѣ IV“ и „Генрихѣ V“. Сколько разъ вдохновлялъ онъ художниковъ разныхъ національностей. Теперь Верди взялъ его для оперы. Нашъ рисунокъ изображаетъ веселыхъ „Виндзорскихъ кумушекъ“, только-что получившихъ любовныя признанія отъ стараго толстяка **Фальстафа** (стр. 74), написаннаго обильнъ мисенъ, Фордъ и Пэдждъ, одинаковаго содержания пьесы. Онѣ сравниваютъ ихъ между собой, смѣются надъ старымъ ловеласомъ и рѣшаются одурочить его хорошенько. Фордъ и Пэдждъ (на Маринской сценѣ исполнили эти партіи г-жи Мравина и Долина) обдумываютъ планъ и рѣшаютъ пригласить Фальстафа на свиданіе къ мистрисъ Фордъ, а приглашеніе беретъ передать ему Квикли (г-жа Славина). Эта сцена одна изъ лучшихъ комическихъ сценъ, достаточно характерно выраженная музыкой, хотя послѣднія во многомъ напоминаетъ квартетъ въ саду въ оперѣ „Мефистофель“ составителя либретто, композитора Арриго Бойто, воспользовавшагося, какъ извѣстно, и кое-какими сценами изъ обихъ „Генриховъ“, въ которыхъ также появляется Фальстафъ. Опера Верди прошла у насъ нѣсколько разъ. Четвертое лицо, участвующее въ квартетѣ— мистрисъ Фордъ, Анна (г-жа Михайлова). Бойто почему-то напелъ пужнымъ (безъ всякой необходимости для оперы) сдѣлать ее дочерью Форда, а не Пэдждъ; впрочемъ, въ либретто мелкихъ отступленій отъ шекспировской комедіи много.

Жанровая живопись пользуется наибольшою любовью публики,—да это и понятно: вѣдь для того, чтобы получить полное наслажденіе отъ картинъ историческаго характера, надо обладать зачастую солидными историческими познаніями, что у насъ— съ грустью приходится сознаться,— встрѣчается далеко не такъ часто; неизлѣжно требуетъ отъ зрителя искренней любви къ природѣ, — а развѣ нашъ горожанинъ знаетъ природу?—наконецъ портретная живопись удостоивается вниманія лишь немногихъ истинныхъ знатоковъ и дилителъ. Между тѣмъ жанръ виолитъ походить, близокъ сердцу каждаго зрителя и пользуется его предпочтительною любовью.

Нашъ несравненный жанристъ, профессоръ В. Е. Маковскій, въ своей картинѣ „Первый фракъ“ (стр. 76) неподражаемо изобразилъ тотъ моментъ, когда молодой человекъ впервые одѣлъ этотъ торжественный костюмъ. Дѣло, очевидно, происходитъ въ гостиной большого провинціального города, въ семьѣ зажиточнаго чиновника. Молодой чиновникъ—надо думать, женихъ— самъ въ восторгѣ отъ своего фрака, хотя по непривычкѣ чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко въ немъ, и вышелъ показаться сестрамъ, которые, какъ видно, находятъ его въ этомъ костюмѣ неотразимымъ... Картина написана съ поразительною жизненностью и правдивостью; всѣ лица отличены рѣдкою выразительностью, невольно захватывающею зрителя...

Въ концѣ прошлаго года мы помѣстили въ *Нивѣ* подробный отчетъ о бывшей въ Петербургѣ выставкѣ картинъ французскихъ художниковъ, а въ предъидущемъ номерѣ нашего журнала воспроизведена гравюра одной изъ картинъ, бывшихъ на этой выставкѣ— „Молитва“. Съ „Нупаньемъ“ Дефонта наша публика также познакомилась на французской выставкѣ. Это— жанръ на тему, такъ часто служащую сюжетомъ художникамъ всѣхъ временъ и народовъ: материнская любовь, занимающая столь важное мѣсто въ жизни каждаго человека, не менѣе важное мѣсто занимаетъ и въ искусствѣ. Картина исполнена очень хорошо и не страдаетъ тѣмъ отфѣнкомъ сентиментализма, который часто является недостаткомъ произведеній этого рода.

М. М. Антокольскій. (Портр. на стр. 89.)

„Вы спрашиваете меня, въ чемъ заключаются заслуги Антокольскаго передъ русскимъ искусствомъ вообще и скульптурою въ частности. Объ этомъ можно много говорить. Я ограничусь здѣсь нѣсколькими строками. Его заслуги въ области скульптуры тѣмъ болѣе значительны, что, войдя въ эту область, онъ не нашелъ ни опредѣленнаго направленія, ни выработанныхъ приемовъ, ни установившихся стремленій. Русской скульптуры, какъ школы, почти не существовало. Пименовъ и бар. Клодтъ— вотъ все, что напелъ Антокольскій, войдя въ область русской скульптуры. Но Пименовъ не выходилъ изъ предѣловъ классической условности, а бар. Клодтъ сосредоточилъ почти всю свою дѣятельность на монументальной скульптурѣ и на изобра-

женіи животныхъ. Антокольскому, такимъ образомъ, пришлось работать одному, не встрѣчая поддержки въ окружающей средѣ и не имѣя передъ собою образцовъ достойныхъ изученія. Изъ этого труднаго положенія Антокольскій вышелъ побѣдителемъ“.

Такъ выразился покойный И. П. Крамской въ письмѣ къ И. С. Тургеневу. Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ,—пятидцать лѣтъ неутомимаго творчества Антокольскаго; цѣлымъ рядомъ выдающихся скульптурныхъ произведеній онъ завоевалъ себѣ европейскую извѣстность. При появленіи каждаго новой его крупной работы критика русская и европейская отдавала должную дань его таланту. Особенно ярко выразился о его работахъ извѣстный датскій критикъ Георгъ Брандесъ (въ журналѣ *Natur und Welt*): „Антокольскій пишетъ въ своихъ статуяхъ не простыхъ линий, не гармоніи, а нравственнаго типа. Его мраморъ такъ же глубокъ по содержанію, какъ портреты Рембрандта. Онъ психологъ въ скульптурѣ, какъ Рембрандтъ былъ психологомъ въ живописи“.

Эти два отзыва двухъ такихъ знатоковъ кратко опредѣляютъ и заслуги, и значеніе М. М. Антокольскаго въ искусствѣ.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій родился въ Вильнѣ, въ 1842 году, и былъ сначала простымъ рѣзчикомъ, но въ 1863 г. онъ поступилъ въ Академію Художествъ, и два года спустя, награжденный уже малой и большою серебряными медалями, былъ назначенъ стипендіатомъ Его Величества. Въ 1868 году онъ отправился за границу, и черезъ три года извѣлъ первую свою статую „Юаннъ Грозный“, сразу обратившую на молодого скульптора всеобщее вниманіе. Совѣтъ Академіи прямо призналъ его за эту статую академикомъ. Императоръ Александръ II повелѣлъ вылить ее изъ бронзы для Императорскаго Эрмитажа, а гипсовый экземпляръ передать музею Академіи Художествъ. Кроме того, на долю М. М. Антокольскаго выпала небывалая для русскаго скульптора честь— знаменитый Кенсингтонскій музей въ Лондонѣ, въ которомъ хранятся гипсовые снимки съ извѣстѣйшихъ мировыхъ образцовъ скульптуры, включилъ въ число ихъ и гипсовую копію „Юанна Грознаго“. Годъ спустя М. М. Антокольскій вылѣпилъ свою также всѣмъ извѣстную колоссальную статую „Петръ I“, крадующуюся въ Петергофѣ. Одновременно съ нею М. М. работалъ надъ фигурами „Ярослава Мудраго“, „Дмитрія Донскаго“ и „Ивана III“. Въ 1874 г. М. М. окончилъ свою новую работу „Христосъ передъ народомъ“, пріобрѣтенную Государемъ Императоромъ Александромъ II. Слѣдующей его выдающейся работой былъ „Мефистофель“. Въ 1877 г. былъ вылѣпленъ „Послѣдній вздохъ“ (Христосъ на крестѣ), въ слѣдующемъ году— „Голова Юанна Крестителя“. Въ 1878 г. всѣ произведенія выстѣлъ, выставленныя на всемирной парижской выставкѣ, удостоены были высшей награды— почетной медали, а своему автору доставили кавалерскіе знаки Почетнаго Легиона. Съ этой всемирной выставки была окончательно упрочена европейская извѣстность Антокольскаго.

Въ 1880 г. устроена была въ залахъ нашей Академіи Художествъ выставка его 27 оконченныхъ работъ и 5 эскизовъ. Эта выставка доставила М. М. званіе профессора скульптуры.

Въ 1880 г. М. М. Антокольскій окончательно поселился въ Парижѣ, гдѣ продолжалъ неутомимо работать надъ цѣлымъ рядомъ задуманныхъ имъ фигуръ, въ числѣ которыхъ была цѣлая серия выдающихся дѣтелей русской исторіи.

Въ 1893 году, когда исполнилось двадцать пять лѣтъ художественной дѣятельности М. М. Антокольскаго, была устроена въ Академіи Художествъ выставка его 18 новыхъ произведеній. Изъ этихъ работъ особенно выдѣлялись двѣ его скульптуры: „Ермакъ“ и „Несторъ“. Тогда же была отраздвоена въ Петербургѣ четверть вѣка художественной дѣятельности М. М. Антокольскаго.

Въ концѣ же истекшаго года, 29 декабря, состоялось новостествованіе Антокольскаго, по поводу исполненнаго двадцатипятилѣтняго его извѣстности, именно двадцатипятилѣтняго появленія статуи „Юанна Грознаго“.

Чествованіе это состоялось совершенно неожиданно для М. М. Антокольскаго, недавно прибывшаго въ Петербургъ съ двумя своими новыми работами. Мѣстомъ чествованія былъ залъ Императорскаго общества поощренія художествъ, куда собрались выдающиеся представители литературы, съ маститыми Д. В. Григоровичемъ и А. П. Майковымъ во главѣ, нѣвные художники: И. Е. Рѣпинъ, В. Е. Маковскій, А. И. Кунинджъ, Альб. П. Бенуа, М. П. Богкинъ, П. П. Соколовъ и много друзей и почитателей таланта Антокольскаго изъ раз-

ныхъ сферъ общества. М. М. Антокольскій, вошедшій въ залъ подъ руку съ В. В. Стасовымъ, былъ привѣтствованъ Д. В. Григоровичемъ, прочитавшимъ рескриптъ Августѣйшей предсѣдательницы общества, Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгении Максимиліановны Ольденбургской, слѣдующаго содержанія:

„Маркъ Матвѣевичъ!

„На всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ моемъ, по званію предсѣдателя Императорскаго общества поощренія художествъ, о награжденіи васъ, за вашу двадцатипятилѣтнюю плодотворную дѣятельность на художественномъ поприщѣ, Государю Императору благоугодно было положить слѣдующую Собственно-ручную резолюцію: „Наградить чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника“.

„Поздравляя васъ съ такою Монаршею Милостію, выражаю вамъ при этомъ пожеланіе, отъ имени предсѣдательствуемаго мною учрежденія, дальнѣйшихъ усилійъ на избранномъ вами пути“.

Привѣтствіе отъ alma mater М. М. принесъ вице-президентъ Академіи Художествъ, графъ И. И. Толстой. Въ своей рѣчи графъ Толстой заявилъ, что М. М. Антокольскій—гордость того учрежденія, которое его воспитало, что онъ великій художникъ не только въ Россіи, но и передъ лицомъ всей Европы. Какъ бы подтвержденіемъ его словъ была прочитанная имъ привѣтственная телеграмма отъ директора парижской художественной школы. Привѣтственный адресъ отъ художниковъ прочелъ В. Матз. Кроме того, были поднесены адреса и прочтаны привѣтствія: отъ русскихъ женщинъ (съ рисунками г-жъ Бемъ и Польновой), отъ общества русскихъ акварели-

многочисленныхъ адресовъ заключилъ собою адресъ отъ публики, прочитанный В. В. Стасовымъ.

Графъ М. Н. Муравьевъ.

(Портр. на этой стр.)

Новый глава нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, гофмейстеръ Двора Его Величества графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ — внукъ извѣстнаго виленскаго Муравьева, главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края. Онъ родился 7-го апрѣля 1845 г., среднее образованіе получилъ въ полтавской губернской гимназій и затѣмъ слушалъ лекціи въ гейдельбергскомъ университетѣ. Служебная дѣятельность графа Муравьева началась въ 1864 г., именно въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; притомъ, служба графа Муравьева на дипломатическомъ поприщѣ протекала вся за границей, гдѣ онъ послѣдовательно прошелъ всю іерархическую лѣстницу, начиная съ должности младшаго секретаря при посольствѣ и кончая постомъ посланника. За время съ 1864 по 1877 годъ графъ Муравьевъ состоялъ сначала при миссіи нашей въ Берлинѣ, затѣмъ младшимъ секретаремъ миссіи въ Стокгольмѣ, Штутгартѣ и Берлинѣ; послѣ того, пробывъ въ некоторое время, сверхъ штата, при миссіи въ Карлсруэ, онъ состоялъ при посольствѣ въ Парижѣ, старшимъ секретаремъ миссіи въ Стокгольмѣ и затѣмъ переведенъ на ту же должность въ Гагу.

Въ 1877 г. графъ Муравьевъ отправился, въ качествѣ уполномоченнаго общества „Краснаго Креста“, на театръ военныхъ дѣйствій, и на этомъ тяжеломъ и отвѣтственномъ посту много поработалъ на пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, выка-

Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графъ М. Н. Муравьевъ. Съ фот. автотипія „Нивы“.

Варшавскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками варшавскаго военнаго округа, свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій. Съ фот. автотипія „Нивы“.

ставъ, отъ дамскаго художественнаго кружка, отъ общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи; серію

М. М. Антокольскій (по поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности). Съ фотогр. Газетти автотипія „Нивы“.

завъ при этомъ недвижимую энергію и распорядительность. Въ 1880 г. графъ Муравьевъ вступилъ, снова на дипломатическую службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Библиотека „Руниверс“

ческий поприще, получить видный постъ первого секретаря посольства въ Парижѣ. Состоит секретаремъ при тогдашнемъ послѣ, князь Орловъ, графъ Муравьевъ былъ правою рукою посла во всей его дипломатической дѣятельности, вмѣстѣ съ нимъ дѣлилъ симпатіи Франціи, и вмѣстѣ же съ княземъ Орловымъ переведенъ былъ затѣмъ и въ Берлинъ, уже въ качествѣ совѣтника посольства. Пребываніе гр. Муравьева при дворѣ въ Берлинѣ, какъ при князѣ Орловѣ, такъ и затѣмъ при пресмыкнѣ послѣднего, графѣ П. А. Шуваловѣ, — выдвинуло молодого, талантливаго дипломата въ рядъ выдающихся нашихъ политическихъ дѣятелей. Результатомъ этой тринадцатилѣтней его дипломатической дѣятельности, исполненной большого политическаго такта и въ то же время твердаго и неуклоннаго преслѣдованія ближайшихъ, существеннѣйшихъ задачъ своего правительства, было постѣдованіе въ 1893 г. назначеніе гр. Муравьева на самостоятельный постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при королѣ датскомъ. Четырехлѣтнее пребываніе гр. Муравьева при константинопольскомъ дворѣ, связанномъ тѣснѣйшими родственными узлами съ нашимъ Императорскимъ Домомъ, ознаменовало этого опытнаго дипломата, „знающаго въ совершенствѣ оба полюса европейской политики, Парижъ и Берлинъ“, со всѣми даже сокровенными задачами русской политики въ этомъ ея первоисточникѣ. За время своего пребыванія на такомъ выдающемся посту, гр. Муравьевъ снискалъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокія симпатіи при королевскомъ дворѣ, ярко сказавшіяся теперь на прощальномъ обѣдѣ, данномъ графу Муравьеву датскимъ королевскимъ домомъ.

На новомъ ответственномъ посту управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графу Муравьеву предоставлено наиболѣе широкое поле дѣятельности, и весь политическій міръ, какъ удостовѣрила европейская печать, приветствуя назначеніе гр. Муравьева, дѣйствительно ожидаетъ отъ него крупныхъ плодовъ его долготѣйшей дипломатической опытности. Нашъ политическій органъ *Journal de St.-Petersbourg* полагаеть, что „на зарѣ новаго царствованія, когда передъ Россіей открываются большія перспективы, можно считать счастливымъ предзнаменованіемъ пребываніе во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ дипломата въ полной силѣ возраста, могущаго посвятить всю свою энергію на служеніе Императору и странѣ. Близко знакомый со всѣми вопросами, которые занимали европейскую дипломатію послѣднихъ времени, графъ Муравьевъ доказалъ свою твердость, не исключаяющую стремленій къ соглашенію, при руководствѣ самыми широкими задачами. Облеченный довѣріемъ Монарха, онъ — вѣрный истолкователь той политики міра, которая основана на уваженіи правъ, на охранѣ русскихъ интересовъ, и которая является постоянной традиціей Императорскаго кабинета“.

Свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій. (Портр. на стр. 89.)

Вновь назначенный на постъ варшавскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военного округа, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій — одинъ изъ доблестныхъ русскихъ воиновъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ административныхъ дѣятелей, вполне освѣдомленный съ военными дѣлами въ теоріи и на практикѣ и хорошо знакомый съ привислинскимъ краемъ, высшее управленіе которымъ ему Высочайше ввѣрено.

Князь А. К. Имеретинскій родился 24 сентября 1837 г. По окончаніи курса въ пажескомъ Его Величества корпусѣ, онъ вступилъ на службу 11 іюня 1855 г., но, желая довершить свое образованіе, поступилъ затѣмъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, гдѣ и окончилъ курсъ по первому разряду.

Боевая дѣятельность А. К. началась уже во время кампаніи 1857 г. ишла себѣ достойное продолженіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, наградами за которые ему были чины штабсъ-капитана и затѣмъ капитана.

Военно-административнал карьера кн. А. К. Имеретинскаго началась въ 1863 г., именно въ Привислинскомъ краѣ, посвятивъ тогда названіе Царства Польскаго. Въ чинѣ капитана генеральнаго штаба онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба гвардіи варшавскаго отряда и принималъ участіе въ подавленіи польскаго мятежа. Двѣнадцать лѣтъ прослужилъ кн. А. К. въ Царствѣ Польскомъ, при чемъ съ 1869 г. занималъ уже должность помощника начальника штаба варшавскаго военного округа, а съ 1873 года и начальника штаба этого округа. За время этой неутомимой двѣнадцатилѣтней дѣятельности кн. А. К. Имеретинскій усилъ прекрасно изучить жизнь, населеніе и нужды края и, дѣйствуя всегда съ непреклонной твердостью и въ то же время со строгой корректностью, усилъ снискаеть себѣ глубокое уваженіе населенія. Военно-административная дѣятельность кн. А. К. Имеретинскаго обратила на себя вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе высшаго правительства и была удостоена ряда Высочайшихъ наградъ: въ 1863 г. онъ произведенъ былъ за боевое отличіе въ капитаны, въ 1864 г. — въ полковники, въ 1867 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству, въ 1869 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ въ свиту Его Величества, а въ 1873 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст.

Въ 1875 году кн. А. К. оставилъ службу въ Царствѣ Польскомъ въ виду назначенія его на должность помощника инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ.

Въ 1877 году, когда возгорѣлась война, кн. А. К. во главѣ второй пѣхотной дивизіи отправился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ выказалъ такое же необычайное мужество, энергію и распорядительность, что и на мирномъ поприщѣ. Выдающіеся боевыя заслуги кн. А. К. Имеретинскаго въ этой войнѣ сразу отвоевали ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нашихъ извѣстнѣйшихъ военачальниковъ, не только руководившихъ ходомъ военныхъ дѣйствій, но увлекавшихъ своимъ личнымъ примѣромъ, храбростью и неустрашимостью дѣлые полки гроевъ. Имя кн. Имеретинскаго красуется въ дѣтонискахъ послѣдней русско-турецкой войны на ряду съ славными именемъ М. Д. Скобелева. Незабвенные въ военной исторіи послѣдніе августовскіе дни 1877 года, дни знаменитой осады Плевны — дни главныхъ военныхъ подвиговъ кн. А. К. Имеретинскаго объ руку съ покойнымъ М. Д. Скобелевымъ. Закончилъ кампанію кн. А. К. Имеретинскій начальникомъ штаба дѣйствующей арміи, удостоенный за боевыя отличія чиномъ генералъ-лейтенанта, орденами св. Георгія 4-й и 3-й степени.

По окончаніи войны, кн. А. К. Имеретинскій, уже въ чинѣ генералъ-адъютанта Его Императорскаго Величества, назначенъ былъ начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа. Пробывъ въ этой должности до 1881 г., кн. А. К. занялъ затѣмъ постъ начальника главнаго военнаго управленія и главнаго военнаго прокурора. За годъ до оставленія имъ этого поста, въ 1891 г. кн. Имеретинскій произведенъ былъ въ генералъ-отъ-инфантеріи. Съ 1 января 1892 г. кн. А. К. состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Кн. А. К. Имеретинскій числится по генеральному штабу, въ спискахъ 5-го пѣхотнаго калужскаго полка и по терскому казачьему войску.

Электрическая желѣзная дорога съ подводными рельсами между Брайтономъ и Реттингдиномъ, въ Англій. (Рис. на стр. 92.)

Въ концѣ прошлаго года, 16 ноября, состоялось торжественное открытіе новой электрической желѣзной дороги между двумя приморскими городами — Брайтономъ и Реттингдиномъ, расположенными на югѣ Англій, по берегу Даманша. Разстояніе между этими двумя городами оригинальный поѣздъ этой желѣзной дороги прошелъ съ изумительною быстротой, употребивъ на пробѣгъ туда и обратно всего часъ съ небольшимъ.

Эта желѣзная дорога — пока единственная въ мірѣ, такъ какъ она идетъ по рельсамъ, проложеннымъ вблизи берега по дву моря, которое во время прилива покрываетъ ихъ настолько, что тогда рельсы находятъ на глубинѣ 14—18 футовъ подъ уровнемъ воды. Представляя выдающійся интересъ, въ смыслѣ успѣховъ электротехники и инженернаго дѣла, эта новая дорога даетъ возможность каждому совершить небольшое морское путешествіе безъ малѣйшей опасности подвергнуться морской качкѣ при всякой, даже бурной погодѣ, такъ какъ волны не въ состояніи поколебать равнаго движенія поѣзда. Первый же поѣздъ по этой дорогѣ сопровождали царова яхта и нѣсколько нарусныхъ лодокъ, устроенъ, такимъ образомъ, импровизированное состязаніе въ скорости передвиженія. Но несомнѣнно, что эта желѣзная дорога выдержитъ всякую конкуренцію; у нея нѣтъ ни одного изъ неудобствъ морскаго путешествія и есть всѣ ея пріятныя стороны; съ другой стороны, представляя всѣ удобства желѣзнодорожнаго пути, она не имѣетъ ея неудобствъ въ видѣ духоты въ вагонахъ, пыли, копоти и т. п.

Полотно дороги состоитъ изъ двухъ паръ рельсовъ; обѣ пары рельсовъ отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 18 футовъ, а каждый рельсъ въ парѣ отстоитъ отъ другою въ 2 футахъ 8½ дюйм. Рельсы прочно прикрѣплены къ каменному дву пролива особыми стальными клиньями. Самый же поѣздъ представляетъ изъ себя легкую платформу, съ извѣстными крытымъ помѣщеніемъ, по образу салоновъ на яхтахъ. Вагонъ-платформа вмѣщаетъ въ себѣ до 150 пассажировъ. Платформа расположена надъ водой на высотѣ 24 футовъ и покоится на четырехъ крѣпкихъ стальныхъ столбахъ; столбы эти внизу примыкаютъ къ четыремъ колоколамъ, внутри которыхъ, въ каждомъ, находится по четыре колеса, касающихся по рельсамъ; назначеніе этихъ колоколовъ, имѣющихъ форму опрокинутыхъ лодокъ, очищать путь отъ камней и обломковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранять отъ порчи колеса. Каждая пара этихъ предохранителей соединена трубчатой перекладной, соединяющейся, въ свою очередь, для большей устойчивости, съ скрѣпленіями, протянутыми между устоями.

Поѣздъ приводится въ движеніе электричествомъ. Электрической двигатель, въ 30 лошадиныхъ силъ, находится въ поѣздѣ. Токъ проходитъ по проволокамъ, протянутой на столбахъ, укрѣпленныхъ подъ водой; въ этомъ отношеніи строителъ этой новой желѣзной дороги, инженеръ Джорджъ Муръ, воспользовался системой американскихъ электрическихъ трамваевъ.

Эта замѣчательная желѣзная дорога, идея устройства которой принадлежитъ мистеру Матусу Фальку, возбуждаетъ огромный интересъ во всей Англій, и въ Брайтонѣ, посѣщаемемъ до сихъ норъ публичной ради его морскихъ купаній, стекается теперь масса англичанъ и туристовъ, чтобы прокатиться по морю по рельсамъ.

Разныя извѣстія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШЕЙ УКАЗЪ Правительствующему Сенату.

Въ двѣнадцатый день сего января супруга Его Императорскаго Высочества великаго князя Александра Михайловича, Ея Императорское Высочество великая княгиня Ксения Александровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Андреемъ.

Повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать распоряженіе, чтобы новорожденный князь Императорской крови, по принадлежащему ему, какъ правнуку Императора, титулу, во всёхъ, гдѣ причлещтветуется, случаяхъ быть именуемъ Высочествомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписанъ:

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ.

12-го января 1897 года.

— По послѣднему бюллетеню, подписанному лейб-акушеромъ проф. Оттомъ, отъ 16 января: „Возстановленіе здоровья Ея Императорскаго Высочества великой княгини Ксении Александровны идетъ вполне успешно при нормальной температурѣ и пульсѣ и отличномъ самочувствіи. Высоконовожденный также находится въ отдаленномъ состояніи здоровья.“

— Въ видахъ предупрежденія занесенія въ яши пределы чумной заразы и борьбы съ нею, въ случаѣ появленія ея въ имперіи, Государь Императоръ, признавъ необходимымъ учредить особую, на одобреніи Его Величествомъ основанную, комисію. Всемилостивѣйше повелѣлъ Его Высочеству принцу Александру Петровичу Ольденбургскому быть председателемъ этой комисіи.

— Въ № 13 *Правительств. Вѣстн.* опубликовано Высочайшее повелѣніе о послѣдовавшемъ 13 января утвержденіи Его Величествомъ главныхъ основаній дѣйствіи особой Высочайше учрежденной комисіи о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумной заразой.

— Ея Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна, удостоившая особеннаго Всемилостивѣйшаго вниманія вопросы о благотворительности и видя въ развитіи специальной отечественной литературы по этому предмету способъ, могущій принести существенную пользу на поприщѣ дѣль человеколюбія, 3 ноября 1896 г. соизволила признать за благо назначить изъ Собственныхъ Ея Величества средствъ 20,000 рублей на образованіе особаго, неприкосновеннаго на вѣчныя времена, фонда Августѣйшаго Ея Императорскаго Величества Имени, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этого капитала выдавались преміи Имени Ея Величества за лучшія сочиненія по вопросамъ благотворительности; въ ознаменованіе Всемилостивѣйшаго Своего благоволенія къ попечительству о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ. Ея Величество Государыня Императрица благоугодно было выразить желаніе, чтобы названная премія учреждена была при комитетѣ попечительства, которому Ея Величество поручила рассмотреть выработанный въ канцеляріи Государыни Императрицы проектъ правилъ объ этой преміи и со своимъ заключеніемъ представить къ утвержденію Ея Императорскаго Величества. Затѣмъ, во исполненіе Августѣйшей воли Ея Императорскаго Величества, вышеупомянутый проектъ правилъ о преміи былъ рассмотрѣнъ въ двухъ экстрен-

ныхъ засѣданіяхъ, происходившихъ 16-го и 22-го января, подъ председательствомъ вице-председателя комитета попечительства о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ, и проектъ этотъ, въ окончательной своей редакціи, удостоившій Всемилостивѣйшаго Государыни Императрицы одобренія, повергнутъ былъ временіюуправлявшимся Собственною Его Императорскаго Величества канцелярією на Высочайшее Государя Императора благозачтеніе. Его Императорское Величество, 30 ноября минувшаго года, на учрежденіе преміи Августѣйшаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Имени и на утвержденіе правилъ объ этой преміи Высочайше соизволилъ. Правила эти опубликованы въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ статс-секретаря Шишкина объ особомъ международномъ заслуживъ, оказанныхъ главноуполномоченнымъ русскаго общества Краснаго Креста, составившій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ запасѣ конной артиллеріи, ген.-майоромъ Шведовымъ — при подачѣ медико-санитарной помощи больнымъ и раненымъ абиссинскимъ воинамъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему орденъ св. Станислава 1-й степени.

— Абиссинскій негусъ, присоединяясь къ женеваской конвенціи и учредивъ у себя общество „Краснаго Креста“, установилъ, по словамъ *Нов. Вр.*, особый знакъ отличія за подачу медицинской помощи раненымъ и больнымъ.

— Цензурю с.-петербургскаго цензурнаго комитета дѣйствительному статскому совѣтнику Косовичу, Всемилостивѣйше повелѣно быть председателемъ того же комитета.

— Въ 1895 г. въ Севастополѣ освящено зданіе музея севастопольской обороны, въ которомъ должны быть сосредоточены все предметы, относящіяся къ безпримѣрной одиннадцатимѣсячной оборонѣ почти не укрѣпленнаго города противъ многочисленныхъ союзниковъ. Среди старыхъ севастопольцевъ и ихъ наследниковъ, во всей вѣроятности, имѣется много вещей и записокъ, связанныхъ со славной севастопольской эпохой. Разбросанные въ частныхъ рукахъ, эти дорожки для каждаго русскаго памятника нашей славы остаются никому неизвѣстными и со временемъ безслѣдно пропадутъ, тогда какъ собраныя въ севастопольскомъ музее они будутъ вѣчными достояніемъ потомства, составляя живую исторію славной эпохи. Высочайше утвержденный комитетъ по устройству музея, приступая къ окончательной его отдѣлкѣ, обращается ко всемъ севастопольцамъ и ихъ наследникамъ съ покорной просьбой доставить въ распоряженіе музея все, имѣющее хотя какое-либо отношеніе къ эпохѣ севастопольской борьбы. Жертвованное будетъ помѣщено въ зданіи музея. Съ предметовъ же, которые севастопольцы не желаютъ отдать въ полное распоряженіе музея, будутъ сняты копіи, фотографіи или слѣданы модели, ностъ чего они въ цѣлости будутъ возвращены обратно. Выслаемые вещи слѣдуетъ адресовать: „Въ гор. Севастополь, въ музей севастопольской обороны.“

— 1 января с. г. исполнилось 35-лѣтіе журнальн дѣятельности редактора газеты *Петербургскій*

Листокъ, Николая Александровича Скроботова. Сотрудники газеты чествовали по этому поводу своего редактора обѣдомъ, на которомъ присутствовало также много лицъ изъ общества, друзей и почтателей юбиляра.

— Нашъ официальный органъ на Кавказѣ, газета *Кавказъ*, издается съ 1 января н. г. подъ редакціей извѣстнаго писателя В. Л. Велічко.

— Петербургскому книгопродавцу А. Ф. Цинзерлингу разрѣшено издавать русское прибавленіе къ международному журналу *Cosmopolis*, издаваемому въ Парижѣ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Редакторомъ русскаго прибавленія утвержденъ С. Н. Сыроматниковъ (Сигма).

— Недавно утвержденъ, по сообщенію *Нов. Вр.*, уставъ „Союза взаимопомощи русскихъ писателей“ при русскомъ литературномъ обществѣ. Согласно уставу, Союзъ начинаетъ функционировать при наличности не менѣе 100 членовъ. Въ настоящее время число ихъ составляетъ только 60. Въ виду этого, 15 января созвано было общее собраніе учредителей для выбора недостающаго числа членовъ. Временію же функционируетъ особо выбранная комиссія изъ слѣдующихъ шести членовъ: К. К. Арсеньева, П. Д. Боборыкина, Н. И. Карѣева, Н. К. Михайловскаго, Л. Е. Оболенскаго и В. Д. Спасовича. Союзу, по уставу, представляются весьма широкія права: издавать собственный органъ, созывать съѣзды литераторовъ и т. п.; ему вѣнчается въ обязанность разрѣшать недоразумѣнія въ средѣ литераторовъ, представлять и заботиться объ интересахъ, касающихся литературнаго дѣла и т. д. Особенно интереснымъ учрежденіемъ при Союзѣ является судъ чести, состоящій изъ 7 выборныхъ членовъ и 2 кандидатовъ къ нимъ. Этому суду чести предоставляется разрѣшать недоразумѣнія между членами союза и посторонними лицами, если обо стороны обратятся къ суду чести или одна изъ сторонъ откажется отъ третейскаго суда. Каждая изъ сторонъ можетъ отвести двухъ судей, и судьи могутъ отвести самихъ себя. Хотя Союзъ и существуетъ при русскомъ литературномъ обществѣ, но функционируетъ вполне самостоятельно.

— Въ февралѣ н. г. состоялся на александринской сценѣ бенефисъ извѣстнаго артиста К. А. Варламова, въ виду исполняющагося въ настоящемъ году 30-лѣтія его артистической дѣятельности. Свою артистическую дѣятельность К. А. Варламовъ началъ въ 1867 г. въ кронштадтскомъ театрѣ, который тогда держала извѣстная артистка А. М. Читау. Прослуживъ восемь лѣтъ на провинціальной сценѣ, талантливый артистъ поступилъ на Императорскую сцену, украшеніемъ которой служилъ вотъ уже 22 года. Въ бенефисъ свой К. А. Варламовъ ставилъ „Великаго банкира“, въ переводѣ А. Н. Островскаго, и „Севильскаго цирюльника“ Бомарше.

— 6 января скончался въ больницѣ при Александровской общинѣ сестеръ милосердія предѣлатель управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, инженеръ путей сообщенія, д. с. с. Павелъ Петровичъ Василевскій. П. П. Василевскій скончался отъ огнестрѣльной раны, нанесенной ему однимъ изъ уполномоченныхъ служащихъ закавказской желѣзной дороги И. Захаровымъ, окончившимъ съ собою на мѣстѣ же преступленія, въ зданіи управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Библиографія.

Музыкальный календарь А. Габриловича. Справочная и записная книжка на 1897 годъ. Годъ третій. С.-Петербургъ. 1897. Цѣна въ коленкоромъ переплетѣ 1 р.

Музыкальный календарь А. Габриловича по своей полнотѣ и содержательности представляетъ собою очень полезное изданіе для каждаго музыкальнаго дѣятеля. Отдѣливъ половину календаря для обще-календарныхъ свѣдѣній и для записной книжки на каждый день года, составитель помѣстилъ во второмъ отдѣлѣ „музыкальный адресъ-календарь“, въ которомъ помѣщены списки музыкальныхъ учреждений и дѣятелей въ обѣихъ столицахъ и почти 100 провинціальныхъ городахъ; списокъ учителей музыки и пѣнн въ учебныхъ заведеніяхъ Россіи и свѣдѣнія о музыкальныхъ учрежденіяхъ и дѣятеляхъ въ главнѣйшихъ городахъ иностранныхъ

государствъ. Третій отдѣлъ представляетъ справочную музыкальную книжку и содержитъ въ себѣ рядъ узаконеній о правѣ музыкальной собственности, о судопроизводствѣ по музыкальнымъ дѣламъ, положенія о вознагражденіи сочинителей, о постановкѣ на сцену драматическихъ и музыкальныхъ пьесъ, консерваторскія правила и условія, правила о музыкальныхъ конкурсахъ, списокъ композиторовъ и музыкальныхъ періодическихъ изданій, планы театровъ и т. д., однимъ словомъ — масса справочныхъ свѣдѣній, необходимыхъ каждому музыканту. Редактированъ календарь толково, справочный матеріалъ расположенъ очень удобно. Изданъ календарь чисто, на хорошей бумагѣ и, представляя собою томикъ въ 350 съ лишнимъ страницъ, облеченный въ коленкорый переплетъ, не дорогъ.

Политическое обозрѣніе.

При открытіи англійскаго парламента 7-го января, тронною рѣчью королевы заявлено лордамъ и джентльменамъ обѣихъ палатъ, что отношенія Великобританіи со всеми державами хороши; извѣстія христіанъ въ Турціи обратили на себя вниманіе всѣхъ великихъ державъ, такъ что о нынѣшнемъ положеніи Оттоманской имперіи начались особыя совѣщанія послать въ Константинополь; борьба съ суданскими дервишами усѣбна; съ Венеціею недоразумѣнія закончились миролюбивымъ соглашеніемъ, а съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки заключенъ договоръ о рѣшеніи спорныхъ вопросовъ общими третейскимъ судомъ; договоръ этотъ, надо надѣяться, послужитъ примѣромъ для другихъ державъ къ предотвращенію опасностей войны; возстаніе мадоннъ и матабелей въ южной Африкѣ подавлены; индійское правительство старается облегчить бѣдствія голода и чумы; мировое положеніе побуждаетъ британское правительство заботиться объ оборонительныхъ средствахъ.

Во время преній по поводу отвѣта на тронную рѣчь, 8 ян-

варя, въ палатѣ лордовъ маркизъ Салisbury призналъ ошибочность британской политики за послѣднія сорокъ лѣтъ. Созналъ капитальный промахъ, сдѣланный въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, либеральнымъ министерствомъ, отвергнувшимъ предложеніе Россіи о раздѣлѣ Турціи, нынѣшнее британское правительство съ величайшею готовностью отнеслось бы къ подобному предложенію Россіи, такъ какъ Турція не оправдала возлагавшихся на нее со стороны Англии надеждъ. Документы „Синей книги“ убѣдятъ-де палату въ согласіи державъ относительно необходимости дѣйствовать сообща, пѣтская средства спасти Турцію. Хотя во взглядахъ державъ и существуетъ незначительная разниа, возможно, однако, рѣшительное давленіе на султана. По убѣжденію маркиза Салisbury, гибель Турціи нельзя будетъ отсрочить надолго, и всѣ державы пришли-де къ заключенію, что слѣдуетъ ожидать самыхъ скверныхъ послѣдствій, если не будутъ приведены въ исполненіе серьезныя реформы турецкой автократіи.

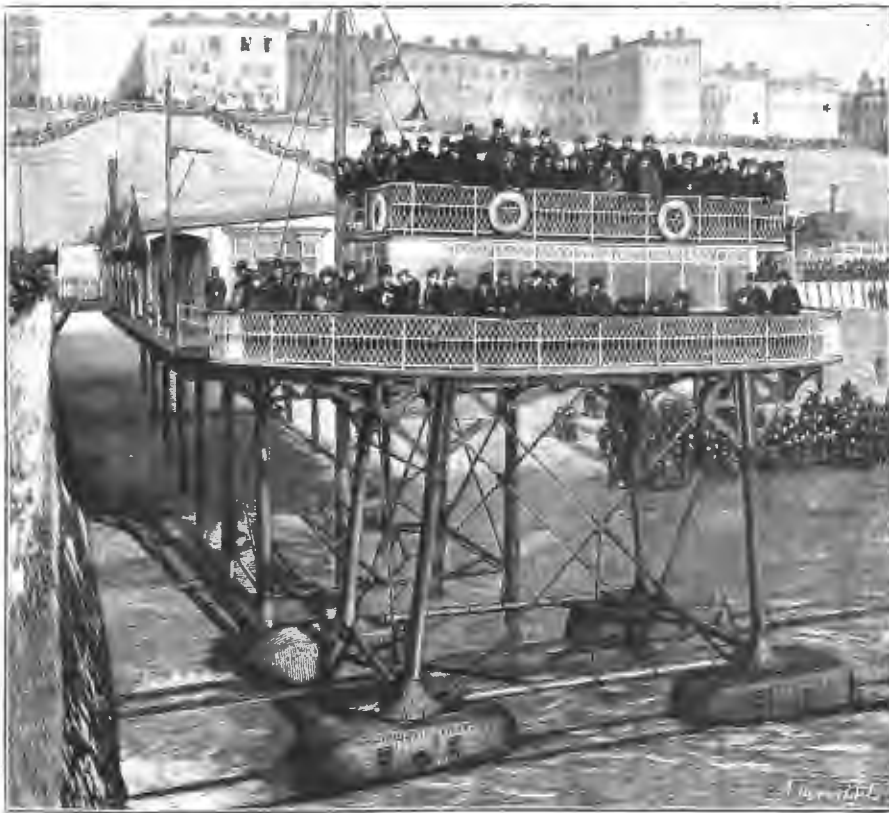

Прения въ палатѣ депутатовъ вызвали заявление правительства, что суданская экспедиція не усложняетъ египетской политики Англии: не египетскій вопросъ заставляетъ усиленно вооружаться, а мировое положеніе и необходимость предотвратить столкновенія съ сосѣдями британской имперіи въ различныхъ частяхъ свѣта. Для уплаты позанмствованной изъ египетской кассы суммы на суданскую экспедицію, правительство потребуетъ особаго кредита на заемъ Египту. По турецкому вопросу есть еще надежда, что совместное дѣйствіе державъ дастъ благотѣльные послѣдствія для Турціи, и европейскій миръ не будетъ нарушенъ. Вопросъ о части государственныхъ расходовъ, належащихъ на Ирландію, будетъ разсѣдованъ особой комиссіей вслѣдъ за принятіемъ парламентомъ отвѣта на тронную рѣчь. Въ виду заявления правительства, ирландцы-націоналисты отказались отъ внесенія своихъ поправокъ въ адресъ королевы, выразивъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе дѣйствовать въ парламентѣ заодно съ ирландцами-унионистами.

Побѣдѣ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ для присутствованія, какъ казалось, на недавнемъ берлинскомъ кавалерскомъ празднествѣ ордена Чернаго Орла, приписывается вліятельной западно-европейской печатью характеръ выдающагося событія, особенно послѣ продолжительной аудіенціи графа Голуховскаго у императора Вильгельма. По отзыву компетентной австрійской печати, присутствіе графа Голуховскаго въ Берлинѣ вызвано послѣднимъ теченіемъ европейской политики въ восточномъ вопросѣ, вслѣдствіе чего являється-де необходимымъ упрочить союзъ Германіи съ Австріей: возможность вслѣдствіе этого осложненія изъ-за Турціи заставляетъ-де австрійское правительство заблаговременно обмѣняться взглядами съ Берлиномъ, на случай рокового похода всѣхъ дипломатическихъ „совѣщаній“ представителей европейскихъ державъ въ Константинополь. Вотъ почему авторитетный *Pester Lloyd* категорически заявляетъ, что на побѣдку графа Голуховскаго въ Берлинѣ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на многозначительное политическое событіе.

По повѣстямъ *Köln. Zeitung*, неожиданный пріѣздъ ех-короля

Милана въ Бѣлградъ произвелъ въ сербскомъ народѣ неблагоприятное впечатлѣніе, повредивъ въ значительной степени кабинету Симича. Отмѣнивъ загадочность прібытія ех-короля,

Электрическая желѣзная дорога съ подводными рельсами между Брайтономъ и Реттингдиномъ, въ Англии. У пристани. Грав. Шляперъ.

политическіе кружки объясняютъ поступокъ Милана его намѣреніемъ повліять на юнаго короля Сербіи не въ смыслѣ ожидаемаго сербами восстановленія нормальнаго порядка въ странѣ путемъ пересмотра конституціи королевства, а въ смыслѣ ея окончательнаго упраздненія. Въ одномъ лишь церковно-политическомъ вопросѣ сербы вполне одобряютъ итропріятія вышшняго правительства: по послѣднимъ повѣстямъ, сербскій посланникъ въ Константинополь энергично требуетъ отъ Порты и вселенской патриархіи назначенія митрополитомъ въ Ускюбъ серба, вмѣсто грека Амвросія, угрожалъ, въ противномъ случаѣ, провозглашеніемъ независимости сербской церкви въ предѣлахъ Турціи отъ вселенскаго патриарха и учрежденіемъ сербскаго экзархата.

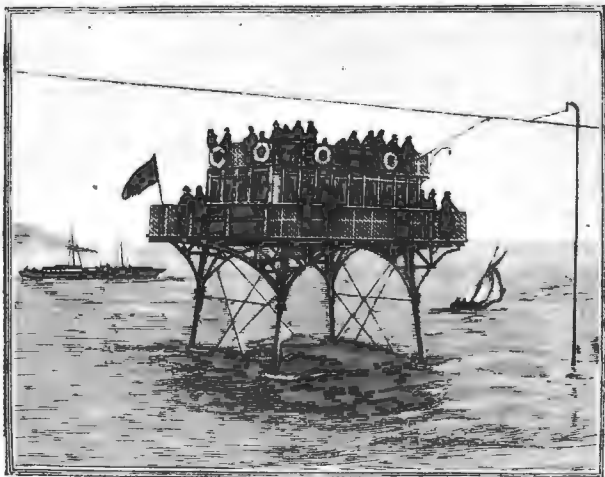
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Сны. Повѣсть Влад. М. Немировича-Данченко. (Продолженіе.) — Не такъ страшно. Рассказъ Ф. Филиппа. (Съ англійскаго.) — Черногорія. (Изъ двухъ столбцовъ выписки рода Петровичей-Нѣгошей. Съ портретомъ и 6 рисунками.) — Комнатное растениеводство. — Въ рисункахъ: Опера Верди „Фальстафъ“ на сценѣ Маринискаго театра. — Первые франц. — Купанье. — Юванъ Грозный. — Ш. М. Антокольскій (съ портр.). — Графъ М. Н. Муравьевъ (съ портр.). — Князь А. Н. Шереметинскій (съ портр.). — Электрическая желѣзная дорога съ подводными рельсами между Брайтономъ и Реттингдиномъ, въ Англии (съ 2 рис.). — Разная лѣвѣстія. — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — О перемѣнѣ адреса. — О подпискѣ на „Ниву“ 1897 г. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

Электрическая желѣзная дорога съ подводными рельсами между Брайтономъ и Реттингдиномъ, въ Англии. Въ пути. Грав. Рашевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 Г

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложениями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ Н. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р. Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, 6 р. Съ доставкой въ Петербургъ 6 р. 50 к. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7 р. 10 к. За грав. изда. 10 р. На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 35 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 30 к., съ дост. въ СПб. 2 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

1878 г.

1882 г.

1896 г.

ТОВАРИЩЕСТВО ШЕРСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ТОРЖАТОЖЪ

въ С.-Петербургѣ.

(Фабрика существуетъ съ 1841 г.)

Имѣеть честь довести до свѣдѣнія, что имъ выпущены къ предстоящему сезону слѣдующія

ТКАНИ НОВѢЙШИХЪ РИСУНКОВЪ:

Драпы гарусные для мужскихъ и дамскихъ весеннихъ пальто, жакетовъ и проч.

Твидъ для мужскихъ лѣтнихъ костюмовъ и пальто, а также дамскихъ жакетовъ, накидокъ и проч.

Регалія брючная лѣтняя.

Чевіотъ разл. качествъ для костюмовъ и верхняго платья.

Конфекціонъ } для дамскихъ платьевъ, жакетовъ и проч.

Магнолія }

Плэды мужскіе новѣйшихъ костюмныхъ рисунковъ.

» дамскіе.

» для дамскихъ накидокъ, разл. кач. и рисунковъ.

А ТАКЖЕ:

Гладкіе товары, какъ-то: Твидъ, Чевіотъ, Касторинъ, Казанинъ, Пальтовое разл. цвѣтовъ и меланжей.

Издѣлія Товарищества распространены по всей Россіи и имѣются во всѣхъ выдающихся мануфактурныхъ и суконныхъ магазинахъ.

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ ТОВАРИЩЕСТВА:

Въ С.-Петербургѣ: внутри Гостиного Двора, № 129.

» **Москвѣ**: Ильинка, Юшковъ пер., д. Александра.

» **Харьковѣ**: уголъ Монастырской и Карайновскаго пер.

» **Лодзи**: Петроковская ул., д. № 15 (Новый).

В. № 9842 4-4

Всѣ издѣлія снабжены фабричными знаками съ обозначеніемъ фирмы.

Всѣ издѣлія снабжены фабричными знаками съ обозначеніемъ фирмы.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержаше
 нислотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
 А. № 9861 **ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.** 26—2

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
 для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**
 въ г. РИГѢ
 изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ
 перьевъ превосходнаго качества.
 Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и
 оптовыхъ конторахъ. Д. № 9859 13—3

Leichner's Fettmilder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
 Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтна на кожѣ. Косметиче-
 ское средство для улучшенія красоты кожи.
 Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.
 Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бельгийскихъ императорскихъ театровъ.
 Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18—19, С.-Петербургъ.
 В. № 9846 15—6

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE
DENTIFRICES
 des RR. PP.

BÉNÉDICTINS
 DE
 l'Abbaye de Soulac,
 Dom MAGUELONNE, Prieur.

Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
 LES BONNES PARFUMERIES,
 PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
 Expos^{ion} Int^{ernationale} Lyon 1894.
 HORS CONCOURS
 MEMBRE DU JURY
 Exp^{osition} Int^{ernationale} Bordeaux 1895.

Добронач: ственныя сѣмена огорода, и цвѣ-
 точныхъ растений предлагаю выписывать отъ
 П. Л. Елина, изъ г. Камина, Тв. губ. Цѣны
 дешевыя. Пр.-кур. безплатно. При сѣменахъ
 даются даромъ книжки объ уходѣ за огоро-
 домъ, за цвѣт. и о разведеніи ягодн. вустовъ.

ФАБРИКАНТЪ
АРИСТОТИПНОЙ И МАТОВОЙ БУМАГИ,
 бывший ранѣе компаніономъ одной нѣмец-
 кой фабрики, издѣлія которой пользуются
 спросомъ и иремированы въ Россіи, желаетъ
 учредить такую же фабрику въ Россіи и
 проситъ лицъ, интересующихся этимъ дѣ-
 ломъ, обращаться по адресу:
 С. 3621. Rudolf, Mosse, Köln.

СЪМЯННОЙ КАРТОФЕЛЬ
ПОЛЕВОЙ КУЛЬТУРЫ.

Списокъ желающимъ высылается.
 Москва, Ильинская ул., близъ Брест-
 скаго вокзала, д. № 41. Василю
 Александровичу Полякову.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ
 „Малютка“ 5 р. с.
 „Унионъ“ 7 р. с.
„СИЛОСЪВѢТЪ“
 по 8 р., 10 р. и 12 р. с., въ за-
 висности отъ велич. объек-
 тива. Перес. на счетъ покуп.
 „Силосъвѣтъ“ лучший бинокль
 нашего времени, преимущества его: 1) гро-
 мадное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе,
 3) незначительное поглощеніе свѣта.

ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ.
 Новый адресъ:
 27. Большая Морская 27.
 Сокращенные прейсъ-курранты бесплатно.

№ 4711.

Кто любитъ запахъ настоящей фіал-
 ки, тотъ пусть требуетъ
эссенціи
„РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“
 (Violette du Rhin).
 Чистый запахъ фіалки, крѣпкій, даже
 въ теченіе нѣсколькихъ дней не вы-
 дыхающійся.
 № 4711. Savon violette du Rhin.
 № 4711. Sachets violette du Rhin.
 Всѣ одинаковаго превосходнаго
 Ц. № 9833 качества. 4—4
 Продаются во всѣхъ аптекарскихъ и
 парфюмерныхъ магазинахъ.
 Цѣны: 4 р., 2 р. 75, 2 р. и 1 р. 25 за
 флаконъ, смотри по величинѣ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОРГАНИЗМЪ
 Рене Вормса,
 Редактора Междунар. социологической бібліотеки и журнала „Revue
 Intern. de Sociologie“. Переводъ съ франц. подъ редакціей и съ пре-
 дислов. профессора А. Грачевскаго. Цѣна 75 коп.

ВАЖНО для ДАМЪ!
КАЛОДЕРМА Ц. № 9875
 11—2
Ф. ВОЛЬФЪ и Сынъ.
НЕЗАМѢНИМА для холи кожи.
 Продана въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ
„ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
 для фотографовъ и любителей фотографіи. Масса художественныхъ приложеній. Особое
 прилож.: интернац. образцовъ портр. снимки исполнены нов. ротацион. способомъ
 непосредств. съ негатива. Съ ноября 1896 по ноябрь 1897 г. Цѣна съ пер. 4 р. въ годъ.
 Ред. изд. А. Ф. Рейне, Москва, Кузнецкій мостъ, № 3.
 Первый номеръ вышелъ. Второй выходятъ къ праздникамъ. № 9887

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
 Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ объи-
 маетъ эпоху правленія и низложенія Царевны
 Софьи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р.
 50 коп.; въ колѣнкор. пересл. 2 р. 75 к.,
 съ перес. 3 руб. 25 коп.

ВОЛНИЦЫ лечитъ наружныя, внутреннія
 болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7.
 Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 9565 13—8

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро-
 ро выучиваю въ 6 уроковъ
 заочно. Методъ удостоенъ золотой медали
 и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ
 7 коп. марки высылаю условія и пробное
 писмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф.
 кал. Э. Конидарисъ. № 9852 10—2

Открыта подписка на журналъ
Библіографическія Новости.

12 №№ въ годъ. Ц. съ перес. 70 к., можно
 почт. марками. Книжный складъ Н. Аскар-
 ханова. С.-Петербургъ, Троицкая, 6.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться
 писменно: Банкирскій домъ Генинскій
 Блоскн. С.-Петербургъ, Невскій, 59.

ЗАБАВА.
 Новыя ноты
 Сборникъ 40 легкихъ пьесъ и 40 этюдовъ
 для начинающихъ (мотивы изъ новѣйшихъ
 оперъ и опереттъ, націон. танцы, пѣсни и
 друг. пьески). Цѣна 1 руб. Прод. во всѣхъ
 муз. магаз. столицъ и губ. городовъ.

PARIER FAYARD ET BLAUN.
 Бумага Фаяръ и Блэнъ.
 Пластикъ, разрѣшенный Медицинскимъ Со-
 вѣтомъ. Требовать подписи Fayard et Blaun.
 Продается въ аптекахъ.

САДОВОЕ
ЗАВЕДЕНІЕ
И. И. ДАУГУЛЯ
 существуетъ съ 1822
 года въ г. Юрьевѣ
 (Дерптѣ), Лиельяндской губ. и
 высылаетъ безплатно и Франко
НАТАЛОГЪ СЪМЯНАМЪ
 огороднымъ, цвѣточнымъ и эконо-
 мическимъ, 600 сорт. РОЗАНАМЪ,
 грунтовымъ и оражерейнымъ,
 Георгинамъ, Гвоздикамъ, цвѣточн. лукович-
 камъ, лавдышамъ, воудуши, и тепличн. расте-
 ниямъ, фруктовымъ и украсительнымъ
ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ,
 клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гѣздамъ,
 растительн. гирометрамъ (предсказыв. пере-
 мѣну погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц.
 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ краѣв. цѣны.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
Москва. * Рига. * СПбургъ.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ПОДЪ
фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.

Обращать вниманіе на писменное и красное клеймо (звезда) съ фирмой.

Главное представительство Т-ва Проводникъ: Николай З. Швейтцель, Москва, Никольская, № 7.

Ш. № 9900 7-1

КАНА, НОВѢЙШЕ СОРТА, ЦВѢТУЩЕ ВЪ РОДѢ ОРХИДЕЙ

ИТАЛІА
за шт. 3 марки.
АВСТРІА
за шт. 1.50 мар.
Выдающиеся новости,
вновь описанныя въ
моихъ новомъ иллю-
стрированномъ
КАТАЛОГѢ
на 1897 г.
овощей, цвѣточныхъ
и экономическихъ съ-
мнѣн, растений и др.,
только что вышед-
шемъ изъ печати.
Высылается безплатно
по требованію.

Хр. Лоренцъ,
придворный по-
ставщикъ,
ЭРФУРТЪ
ГЕРМАНІА.
Первая и лучшая
сѣмяноторговля и
садовое заведеніе,
учрежд. въ 1834 году.

ИСТОРИЯ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. М. Скабичевского.
3-е изданіе, исправленное и дополненное, съ 52 портретами въ текстѣ.
Цѣна 2 рубля.

ВОЗЗВАНІЕ. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вѣсто сгорѣвшаго въ 1891 г. отъ удара молніи въ сѣдѣ нашемъ, Полевой-Березовкѣ, Подольской Епархіи, приходскаго храма, съ Божіею помощію и при особомъ Христолюбивыхъ благотворителей въ 1895 г. окончены постройки новыя приходскія храмы во имя св. Николая Чудотворца и св. Николая Мирликийскаго. Но храмъ нашъ не отдалъ ниут, а; внаружи только верхи оконченъ, на главѣхъ его поставлены временныя деревянные кресты; необходимы для новаго храма нашего св. Никои, приличный иконостасъ и утварь церковная. Между тѣмъ средства прихожанъ въ конецъ истощились и вѣтъ надежды, чтобы можно было на нихъ произвести оставшася работы по окончанію новаго храма нашего, снабженію его иконостасомъ и достаточною утварью церковною. Но если мало у насъ надежды на мѣстныхъ средства, то надежда на Христолюбивыхъ благотворителей не покидаетъ насъ. Православныя христіане и благотворители! Просимъ васъ во имя Господа: помогите намъ въ Святыхъ дѣлѣхъ внутренняго украшенія нашего св. храма-памятника иконостасомъ, образами и утварью церковною, наружной оградкѣ его и поставкѣхъ на его главѣхъ св. крестовъ. Вѣчно будемъ молить Господа и Его Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла о благотворителяхъ.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
Зачное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій-корреспонденцій, по модѣ, легчайшему и понятному для каждаго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются **БЕЗПЛАТНО**. Преподавательница **Е. Д. Ашмарина**. Невск. Б. Житомирская, № 4.

Карлъ Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ,
сими имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
Каталоги сѣмянамъ и пр. на 1897 г.
изданы и высылаются по требов. безплатно.
Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

Новый прейскурантъ иллюстр. за 1897 г. у ружейнаго склада подъ фирмой: „Центральное депо оружія“ Б. Конопковал, 29. Эд. Велик. За приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ высыл. безплатно. Много новостей.

ПИСЬМЕННОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ДВОЙНОЙ И ПРОСТОЙ БУХГАЛТЕРІИ.

Ручается за отличные успѣхи; проспекты и пробныя письма высылаются безплатно. № 9885
Обращаться къ Вас. Вас. РАУЭРТУ въ Либавѣ.

Модные духи — Виола Одората Ауриха
О-де-колонь — Виола Одората Ауриха
Жирная пудра — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Коколольная, 18/19. В. № 9724 10-5
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІИ
годъ 3-й.
Подписной годъ начи-
нается съ 15 ноября
1896 года по 15 ок-
тября 1897 года.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1897 годъ
самыя распространенныя въ Россіи
ежемесячныя музыкальныя журналы
„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

Подписная цѣна на годъ
безъ дост. 4 р., съ дост.
и перес. по всей Россіи
5 р., за границу 6 р. До-
пускается разсрочка.

ПѢНІА, ОДНОГОЛОСНАГО И ХОРОВОГО, ФОРТЕПИАНО И ДРУГ. ИНСТРУМЕНТОВЪ.
Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учебно-классныхъ, старшаго и средняго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній кадетскихъ корпусовъ для приобретенія въ фундаментальныя библиотекы. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадями по 44 страни. большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ и даетъ своимъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальныхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ соразмѣрно рублей. Въ журналѣ „Музыка и Пѣніе“ помѣщаются выдающіяся музыкальныя новости, исполняемыя въ концертахъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Вышелъ № 3-й. Содержаніе: Отдѣлъ I, текстъ: 1) Музыка и пѣніе на Всероссийской Выставѣ 1896 г. 2) Объясненіе къ нотному танцу „Pas de quatre“. 3) Разрѣшеніе спорнаго вопроса о дѣлѣ рожденія Шопена. 4) Фортепиано, какъ посobie для композиторовъ. 5) Два музманта. 6) Новый методъ преподаванія музыки. 7) Благого дѣло. Отдѣлъ II, пѣніе: 8) Россійск. Молитва изъ оп. „Моисей“ на 1 гол. съ форт. 9) Томе. На 2 гол. 10) Томе. На 3 гол. Пѣсни на 1 гол. съ форт. вр. Н. П. Баранскій: 11) Ахъ, чтойъ ты, мой смилъ голубчикъ. 12) Занякъ, косачи. 13) На быстрой рѣкѣ. 14) Ахъ, удика, удика широкая. 15) Страдала, А. Знаменитая арія, на 1 гол. съ форт. Отдѣлъ III, легкія пѣсмы для форт.: 16) Гурганъ, К. Почта. 17) Еро-же. Воскресное утро. 18) Еро-же. Въ деревнѣ. Отдѣлъ IV, пѣсмы для фортепиано среди, трудн.: 19) Лутцъ, М. Pas de quatre. Новыя танцы. 20) Grieg, Ed. Arietta. 21) Еро-же. Вальсъ. 22) Gillet, Et. Patrouille Enfantine. 23) Durand, A. 5-й вальсъ. 24) Wuman, A. Les Ondes argentines. 25) Мендельсонъ, Ф. Свадебный маршъ. Отдѣлъ V, для форт. въ 4 руки: 26) La Marche Ilaire. Отдѣлъ VI, для разн. инструм.: 27) Мендельсонъ, Ф. Свадебный маршъ, для скрипки съ форт. 28) Томе. Для флейты съ форт. 29) Томе. Для виолончели съ форт. 30) Томе. Для трубы съ форт. Этотъ маршъ можно исполнять какъ дуетъ, трио, квартетъ и квинтетъ. 31) Приложеніе: Карасевъ, А. Н. Нотная грамота. Опись самообученія пѣнію. 32) Объясненія. Цѣна № въ отдѣльной продажѣ 50 к., съ перес. 71 к., съ налож. плат. 81 к. Подробныя объясненія, содержанія 1-го и 2-го года изданія и начала методѣхъ высылаются безплатно. Подписка принимается въ главномъ конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, прот. Гостиного двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селверстова. Редакторъ-издатель **П. СЕЛВЕРСТОВЪ**.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахи во рту. № 5421 (91)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ“
наилучшія въ настоящее время ручныя гармоніи. Отличаются замѣчательной легкостью, пріятнымъ тономъ, удобной игрой, новыми патеж. граффити и метал. удили у шкотовъ; однорядн. даяская 5 руб.; обыкновенн. 8, 10 и 14 р.; двухрядная 20 и 30 р.; трехрядная 40 руб.
„КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ“
послѣдняя новостъ въ ручныхъ гармоніяхъ съ чрезвычайно пѣвучимъ тономъ. 10 клас. въ 8, 10 и 12 руб. 19 клас. 16 руб. Самоучитель Алексѣевъ 1 руб.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Подробное описаніе и полный иллюстр. прейскурантъ безплатно. Ц. № 9670 3-8

„КОЛЬЦО „БИЖУ“ — золото 56-ой пробы, съ искусственн. имит. брилліантовъ, шифовна корого замѣчательно тонкая, придаетъ блескъ, такъ что трудно отличить отъ настоящаго брилліанта. Фасонъ кольца итальянскій, какъ его теперь поносятъ ювелиры; требуется только штирпа нальва. 1 шт. 4 р. 65 к., 2 шт 9 р. 10 к., 3 шт. 13 р. 20 к. Большой выборъ золотыхъ надулѣхъ въ предстоящихъ празднѣннхъ съ Пасхи.
Всѣмъка наложенимъ платеніемъ. В. № 9684 5-1
ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей,
С.-Петербургъ, Невскій пр., 82.
Иллюстрированныя прейскуранты высылаются безплатно.

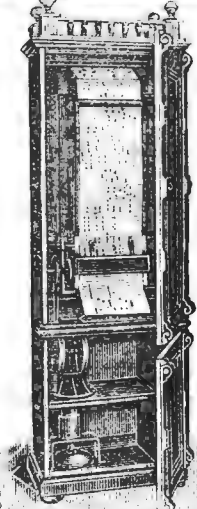

НОВОСТЬ!
ДУХИ
БУБЕГЪ АМИРИСЪ
ПОСТАВИКОВЪ
Высочайшаго Двора
А. РАЛЛЕ И К^о.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
Невскій пр., № 18.
МОСКВА:
Кузнецкій мостъ.

К. Шликэйтень,
Берлинъ SO.

машино-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (49)
Дальше: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, дитейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу.
Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

Самоиграющій
ШАНО-ОРКЕСТРІОНЪ

механическій музыкальный инструментъ со струнами, исполняетъ дѣля увертюры, большія поурри, концертныя и салонныя пьесы, а также всѣ танцы.

Оригинально пѣвучій тонъ. Приводится въ дѣйствіе маленькимъ двигателемъ, дѣйствующимъ грѣтвѣмъ воздухомъ (безъ воды), обращеніе съ которымъ не представляетъ затрудненія и совершенно безопасно.

Цѣна 225 руб. и 250 руб. Ноты по 60 коп. метръ.
Списокъ пьесъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное дело и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

- ДУХИ — ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
- Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ,** привѣд. пост., Карлеруэ.

Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вюлеръ, Э. Бразанскаго, Р. Шаскопскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Рикса, А. Инде, А. Энгелунди. Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерилизъ, въ магазинѣ «А-ла-туалетъ», у Р. Брунсъ, Л. Горхардъ, Р. Келеръ и К^о, Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9336 13 4
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилианскій пер.

МОСКВА.
Тверская, домъ Толмачева.
ДЕПО
настоящихъ американскихъ
ФОНОГРАФОВЪ
Эдисона

отъ 200 руб. до 600 руб. съ принадлежностями и пьесами.
НОВОСТЬ — Edison Home Phonograph для дома, котторъ и пр. 225 руб.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ЛУЧШИХЪ **ФОНОГРАММЪ.**
Запасная часть.
Собственная мастерская.

КИНЕМАТОГРАФЫ
проекции на экранѣ оживленныхъ фотографій въ натуральную величину.

КИНЕТОСКОПЫ
оживленныхъ фотографій въ миниатюрѣ.
ИКСЪ-ЛУЧИ
демонстрація невидимыхъ предметовъ.
Тверская, домъ Толмачева.

УСЛОВІЯ ВЫГОДНЫЯ
Для выписки въ 1897 году
свѣжихъ цвѣточныхъ и огородныхъ
сѣмянъ. Требуется бесплатно новый КАТАЛОГЪ
сѣмянной торговли А. Я. Черенина, въ
гор. Кашинѣ, Тверской губ.
Съ прилож. пакета **БЕСПЛАТНО.**
цвѣточн. сѣмянъ
Цѣны дешевыя.

ВЫИГРЫШ-
Ныѣ 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, С.П.Б. 10-1

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши иллюстр. прейсъ-куранта, высл. бесплатно, Оружейнаго магазина А. В. Гарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Сытова.

ФАБРИКА ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ
БОЛЬШОЙ
ВЫБОРЪ
тростниковыхъ
СУНДУКОВЪ,
неисчерпающъ и
проч. вышшаго
качества.
Ю. МЮЛЛЕРЪ,
С.П.Б., Б. Морская, 16-8.

ТРЕБУЙТЕ
иллюстрированные каталоги сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій фирмы И. ВАСИЛЕВСКАГО въ Варшавѣ, Меховалъ, 16. заключающіе много интересныхъ и заслуживающихъ рекомендаціи новостей. Переписка бесплатно по обратной почтѣ.

НА ВОСПИТАНІЕ И УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫМЪ ДѢТЯМЪ
СНАБЖЕН
66
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
ПРОСИТЪ
АДЪЮКА АЛЕКСАНДРА
ЖЕЛТОВА
сему
НЕОУЖИВЪЕШИ
АДЪЮКА
ПО ВТОРИКАМЪ
ВОСПИТАНІЕ
500
ТЕЛЕФОНЪ 3672

РЕМИНГТОНЪ
Торговый Домъ **И. Блокъ**

Около 1000 машинъ Ремингтонъ въ употребленіи въ министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.
Ц. № 9524 Общій сбытъ около 150,000. 10-9

7 разъ удостоены первыиъ премій.
СКРИПКИ,
виолончели и пр.
неподражаемая по тону и качеству. Старин. итальянскіе инструменты въ громаднѣмъ выборѣ.
ЦЕНТРЫ,
всемірно-извѣстныя по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Всѣ другіе музыкальные инструм. иллюстр. каталоги высылаются бесплатно.
Братья ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструмен. Крейцнахъ.

Лѣчебница д-ра Эммериха
для нервныхъ, морфинистовъ и т. н. больныхъ.
Бадень-Бадень. 24-2
Проспекты бесплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Шейнида въ Берлинѣ. Завѣдыв. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзенъ.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896г.
А. М. ОСТРОУМОВЪ
МОСКВА, АРМАНЫ П. С. Д.
МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
МЫЛО ДѢТСКОЕ
изъ ТРАВЪ ЧЕРЕДАНЫ
Авс. 35 + 25 коп.
О-ДЕ-СОВЕРЪ вода отъ перхоти
Фил. 2р. 1/2
ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ

D.O.M + D.O.M
BENEDICTINE
de l'Abbaye de Fécamp
La Meilleure des Liqueurs
Se defier des contrefaçons.
Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville
D.O.M + D.O.M

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ банкирскаго конторы Генриха Блокъ въ С.П.Б.

XXVIII.

№ 5

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежем. книг „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусков ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.
Выданъ 1 февраля 1897 г. Цена этого № 20 к., съ пер. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложениями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, со-
держащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Лите-
ратурныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москву чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу	10 р.
На 1/2 года безъ дост.	1 р. 25 к.,	съ дост. въ СПб.	1 р. 75 к.,	съ перес. иногор.	1 р. 75 к.,	на 1/2 года безъ дост.	2 р. 50 к.,	съ дост. въ СПб.	3 р. 50 к.
				съ перес. иногородн.	3 р. 50 коп.				

При семъ предлагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. II (Сборникъ «Нивы» за февраль); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ФЕВРАЛЬ 1897 г. съ 28 рис. и отдѣл. листъ съ 27 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 28 рис. вышивальныхъ работъ.

С Н Ы.

Повѣсть Влад. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе.)

... августа 189^г.

Нѣтъ, Женни, не отъ меня вамъ ждать помощи и утѣшенія!

Вамъ нуженъ здоровый и добрый другъ. А я вмѣстѣ съ дружескими чувствами питаю не только къ вамъ, но и ко всѣмъ какое-то озлобленіе.

Медитв. Съ картини І. Брандта грав. Геданъ.

Я просто больной человек, расположенный, должно быть, к прогрессивному параличу. На меня иногда находят полосу отчаянного мрака, когда я никого не люблю, никого не хочу видеть. Это повторяется все чаще и чаще. Во мне накаплиется напор раздражения. Против кого? За что? Не понимаю. Все эти люди, так расположенные ко мне, пришли бы в ужас, если бы узнали мои настоящие чувства. Начали бы любить меня,—потому что не может здоровый человек в одно время переживать такие мрачные ощущения и сохранять на лице такую благопристойную улыбку. Когда меня зовут к обеду, я иду с таким чувством, точно меня приглашают в застенок. Чего бы я не дал за возможность быть всегда одиноким! Я часто вспоминаю, как одно время, студентом, ходил в кухмистерскую где-то на Бронной. Там за 15 копеек передо мной ставилась большая миска хлеба и груды черного хлеба. Я был сыт и совсем не мечтал о комфорте, какой испытываю теперь.

Жена часто, и в эти дни в особенности, говорит мне, что я очень блѣден и что, вероятно, утомлю себя работой. Если бы она знала, что эта блѣдность—результат мучительной сдержанности! Только ложь бывает блѣдна, а искренность всегда румянит лицо!

Мне хочется ответить ей: «оставьте меня в покое, и уже от этого одного мое лицо станет розовее!» Но я говорю:

— Пить, дорогая моя! Это тебе так кажется.

Обед у нас тянется час, ужин—час, вечерний чай—час, гулем мы все вместе тоже с час—и все это время я испытываю сдавленность. И их не люблю никого. Если бы судьба внезапно вырвала меня отсюда навсегда, я никогда не заинтересовался бы, где они, что с ними, живы ли? Они мне чужие. Говорят, люди, живущие вместе, по привычке ассимилируются. До чего же мало во мне этой склонности к ассимиляции! И не нахожу между нами ни одной родственной черты!

Странно, как будто, зачем же я лгу? Отчего я не пытаюсь вырваться из этой обстановки, если она так не по душе мне?

Ничего пить странного. Как ни как, меня любить. Уйдя я—эти люди испытали бы горе. А хороши ли они, дурны ли—все, во всяком случае, лучше меня. Горе, которое я причинил бы Лизе, ее отцу—не велико, по и его чѣмъ я не куплю? Я весь, каковъ есть, ни къ чему не пригоденъ. Я—мелокъ и дрянень. Такъ лучше же для маленькаго—если не счастья, то хоть—спокойствіи людей терять мѣду и лгать.

И в этих мучениях мой единственная радость. Все-таки я сознаю в себе чувство правды. Перифраз гегелевского выражения о свободе: «пока я чувствую, что лгу,—я еще правдив». Когда же перестану мучиться—буду купаться во лжи, как сыр в масле. Тогда буду счастлив, потому что ложь уже не будет мучить меня. Это счастье непременно наступит, и оно мне заранѣе отвратительно. А оно темъ болѣе неизбежно, что у меня есть сынъ. Для него надо поддерживать, культивировать ложь, скрываться съ нею.

Нечего сказать, славно устроилась моя жизнь! Я посвятилъ ее наукамъ—и не было ни одного дня, когда бы увлекался ими. Не провалившись ни на одномъ экзаменѣ, и всегда добросовѣстно тосковалъ. Профессора и учителя ставили мне пятерки, но ни одинъ изъ нихъ никогда не любилъ меня. Тестъ, навѣрное, считаетъ меня немножко тушцею. Когда я былъ въ гимназій, меня любили старушки за то, что я не шалилъ. Я былъ панькой, заботился о пятеркахъ и окончилъ курсъ съ медалью. Въ университетѣ избѣгалъ студенческихъ сходовъ и пирушекъ; у меня не было ни одного обыска, и не помню, чтобы я напивался въ компании. Разъ былъ пьянъ и то въ совершенномъ одино-

чествѣ: безъ всякой видимой причины зашелъ въ грязный трактиръ, выпилъ очень много водки и о чемъ-то поплакалъ. Врача не исключительно въ обществѣ старшихъ. Стремился понасть въ домъ одного изъ популярѣйшихъ профессоровъ. Сталъ еще болѣе панькой. Кончилъ университетъ, оставленъ при немъ и женился на двушкѣ безъ всякой любви.

И вотъ мне скоро тридцать лѣтъ, а я—самый заурядный магистрантъ и компиляторъ умныхъ статей съ французскаго и немецкаго. И часто вспоминаю о людяхъ «моей генераціи», какъ любить выражаться Николай Осиповичъ. Они возбуждаютъ во мне позывъ къ дѣятельности. Тогда я хожу по кабинету крупными шагами и вѣрю въ себя. Возбужденный, усаживаюсь передъ столомъ, придвигаю листы бумаги, книги, беру перо. Но стоить мне погрузиться въ исторію римскихъ диктаторовъ, которыхъ и потревожилъ для своей диссертации, какъ ко мне быстро подползаетъ тупое равнодушіе къ диктаторамъ, преторамъ, магистратамъ и ихъ эдиктамъ, и къ моей диссертации, и къ профессорской кафедрѣ... Моя рукопись, наполненная умничаньемъ и испещренная всевозможными *leges, decreta, jus civile, jus gentium*, цитероновскими изречениями, кажется мне мертвечиной, заражающей меня трупнымъ ядомъ.

И пока все думаютъ, что я усердно занятъ работой, пока Лиза, къ которой я мысленно придираюсь и которую критикую на каждомъ шагу, старательно охраняетъ мой покой,—я смотрю на деревья, на прудъ, на изрытые временемъ тополя, да веду этотъ дневникъ, раскрывающій мою гнусную душонку.

... августа 189* г.

Не могу понять, что вчера со мной произошло? Вероятно, скончившіеся за дѣлкую недѣлю въ моей душѣ мракъ и желчныя мысли вдругъ нашли себѣ лазейку и вырвались въ такой уродливой формѣ.

Вечеромъ, къ чаю, къ намъ прѣхалъ предѣдатель управы Грабовъ. Это очень честный и порядочный господинъ, но неисправимый шестидесятникъ, всегда раздражающій меня своими нападками на современную молодежь. Обыкновенно я съ нимъ не спорю; темъ болѣе, вероятно, изумила всехъ моя выходка.

Мы сидѣли въ саду. Первозерниковъ тоже былъ у насъ. Темнѣло. Грабовъ затянулъ свою заунывную пѣсню о современной молодежи. У него это, очевидно, манія. Я вдругъ почувствовалъ, что сегодня мне не сдержаться, и произойдетъ катастрофа. Помню, что у меня мелькнуло сравненіе съ идиотомъ Достоевскаго передъ его эпилептическимъ припадкомъ. Мне темъ болѣе хотѣлось побѣдить себя, заставить себя молчать. А Грабовъ точно поддразнивалъ меня. И идеалы-то наши мелки, какъ уличные булыжники, и читаемъ-то мы только легкую литературу, и никакого-то у насъ внутренняго «я» нѣту, и наше міровоззрѣніе напоминаетъ мебельную лавку Ферраоптова, изъ гимназій и въ университетѣ—простая зубрежка, по окончаніи—карьеризмъ, оперетка и чортъ знаетъ что!

Помимо Грабова, меня, точно черная точка съ боку глаза, раздражала Женни. Ни о чемъ не догадываясь, она неловко и угловато ухаживала за Первозерниковымъ. Лиза и тестъ, кажется, поддерживали Грабова.

— Да вотъ вамъ молодые люди,—неделикатно обратился Грабовъ ко мне и къ Васенькѣ,—почему они молчатъ? Да мы бы, въ такомъ разѣ, закатили такой монологъ, что тѣнъ Чацкого содрогнулись бы отъ зависти. Правду я говорю или лѣть, Борисъ Ивановичъ? Будьте справедливы.

Я началъ сдержанно, сколько еще было во мне силы.

— Не знаю, право, какъ назвать то, что вы говорили,—неправдой, или клеветой, легкомысленной и не простительной въ устахъ порядочнаго человека.

— Ого!—воскликнулъ Грабовъ и расхохотался.

— Вотъ вамъ и ого!—грубо сказалъ я.—И лжете вы

очень выгодно для себя, потому что за пань счетъ, такъ сказать, рисуете себя какими-то рыцарями идеи.

— Но, мой другъ, это голословная фраза, — сказалъ Николай Осиповичъ.

Въ то же время я услышалъ голосъ Лизы: „Боря, Боря!“ Но я ужъ не останавливался.

— Конечно, голословная, хотя не болѣе, чѣмъ все, что я сейчасъ слышалъ. Вся вина современной молодежи только въ томъ и заключается, что она не такая, какова была четверть вѣка назадъ. По „дина“ еще вовсе не значить „хуже“. Ваши заунывные мелодіи доклинаютъ лишь вашу старость, когда отъ воспоминаній молодости отделяетъ все плохое, а остаются одни розовые образы. Подумаешь, право, что вся тысяча, полторы студентовъ вашего времени состояла изъ однихъ Тургеневыхъ да Щедриныхъ. Оставимъ карьеризмъ, оперетку и легкое чтеніе: все это только орнаменты вашихъ тирадъ, не стоящіе серьезнаго возраженія.

— Однако, позвольте, — хотѣлъ перебить Грабовъ.

— Да-съ, пустые орнаменты. Карьеризмъ процвѣталъ среди извѣстной части молодежи во все время. И въ ваше время къ университетскому подвѣзду подлетали студенты на собственннхъ рысакахъ и увлекались, если не опереткой, еще не вошедшей, можетъ-быть, въ моду, такъ балетомъ, и если не занимались легкимъ чтеніемъ, такъ ничего не читали. Такіе бывали во все время, и не о нихъ, конечно, идетъ рѣчь. Удивительно было бы справедливо изъ своего времени брать лучшіе образцы, а изъ нашего — отбросы, которые не оставить въ нашей культурѣ никакого слѣда! Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, то мы относимся къ самимъ себѣ гораздо строже и добросовѣстнѣе, чѣмъ относились къ себѣ вы. И въ этомъ разница, и въ этомъ наше преимущество передъ вами.

— Вы къ себѣ добросовѣстнѣе? — взвизгнулъ Грабовъ.

— Да, неизмѣримо. Вы только гордо радовались новымъ идеаламъ, которые тогда цѣлымъ потокомъ охватили васъ и которые были еще не усвоены обществомъ. Вы легко отдались имъ, вамъ еще не было надобности забираться во все изгибы жизни, и вы, какъ трубадуры, бросали свои приговоры, гдѣ только могли: это подло, а это честно; это гуманно, а это не достойно человѣческой личности. А мы получили эти приговоры отъ васъ въ наслѣдство и путемъ страданій, слышите ли — страданій, мучительныхъ сомнѣній, разбираемся въ тѣхъ противорѣчійхъ, которые ваши идеалы внесли въ жизнь.

Тутъ меня подхватила волна тѣхъ терзаній, которыя я всегда испытываю, когда разматриваю свою собственную душу. И мнѣ захотѣлось бросить мои мѣки въ лицо Грабову и тестю. Ошибочно или нѣтъ — еще не знаю, — но въ эту минуту мои мученія казались мнѣ самой лучшей стороной души современнаго молодого человѣка.

— Постарайтесь быть хоть немного объективнымъ, — заговорилъ я съ тяжелой сдержанностью, — посмотрите въ душу современнаго человѣка отъ 25 до 30 лѣтъ. Она вся избѣдена мучительными вопросами. Все ваше обвиненіе заключается въ томъ, что мы не доверились вамъ слѣпо, не ходимъ по улицамъ съ вашими знаменемъ и не расцѣваемъ заученныхъ мотивовъ. Вы забыли, что, не отказавшись отъ вашего наслѣдства, мы должны добросовѣстно расплатиться и съ вашими долгами. А ихъ оказалось гораздо больше, чѣмъ вамъ кажется. Тутъ ужъ не до гордыхъ воспѣваній идеаловъ. Тутъ мелкая, мучительная работа надъ тѣмъ, что еще не ясно. И прежде всего — врачу, исцѣлится самъ! Прежде всего осмотри себя, такъ ли ты чистъ и безукоризненъ, какъ требуешь того отъ другихъ. Мы не желаемъ слѣпыхъ теорій, обратившихся въ прописи, и тоже стремимся оставить нашимъ дѣтямъ частичку самихъ себя. Но мы — живые люди, въ насъ тоже играетъ молодая

кровь. Почему вы знаете стремленія моей натуры? Я вотъ провожу лѣто въ хорошей усадьбѣ и въ приличномъ обществѣ, а можетъ-быть, меня тиветъ шлеться по городскимъ трактирамъ. Имѣю видъ джентльмена, а мои настоящіе стремленія — смѣшаться съ богемой. Во время бесѣды, или, какъ по-вашему, „обмѣна мыслей“, я защищаю ваши „твердые принципы“, впадаю въ антипатичный мнѣ ригоризмъ, а въ то же время въ моей душѣ готово сочувствіе самой отчаянной безпринципности, порывамъ безумія и всему тому, что возбуждаетъ презрѣніе въ порядочно устроенномъ обществѣ. Да, мы робки и осторожны (я болѣзненно кричалъ), по эта робость, эта мучительная сдержанность — результатъ честной работы надъ своей собственной личностью. Мы ищемъ правды съ большими страданіями, чѣмъ искали ее вы. Это вы называете отсутствіемъ внутренняго „я“? То, что мы не хотимъ слѣпо вѣрить вамъ, сами ищемъ своего бога, эту глухую, трудную и скромную работу надъ самимъ собой, потому что она не блещетъ яркими красками, — вы называете безличностью? Какъ же я не правъ, говоря, что вы легкомысленно клеветаете на насъ? Смѣете вы сказать, что мы не имѣемъ чутья къ пошлости? Да вотъ вамъ, возьмите его (я указалъ на Васеньку). Онъ и въ университетѣ не былъ, и родился въ семьѣ, думавшей только о наживѣ, онъ, можетъ-быть, половины не понимаетъ изъ того, что я говорю. Но онъ даже во слѣ видить какую-то сказочную жизнь, гдѣ нѣтъ пошлостей. Онъ ошибется. Жизнь грубо и безопадно обманетъ его, потому что будь вы хоть ангеломъ во плоти, — въ томъ, что васъ окружаетъ, всегда найдется зерно пошлости. И прежде чѣмъ полюбить жизнь, какова она есть, онъ перестрадаетъ, и за одни эти страданія вы не смѣете считать его мразью.

Я уже стоялъ, дрожалъ весь; помню, что Лиза съ одной стороны, — а Васенька съ другой, удерживали меня. Уговаривали перестать; Грабовъ уже поднялся съ видомъ человѣка, готоваго отказаться отъ всего, что онъ говорилъ, — но я хотѣлъ кончить.

— Если ваши идеалы боролись съ насиліемъ сильныхъ міра сего надъ слабыми, что васъ возмущало, то мы боремся съ пошлостью во всехъ насъ самихъ, что насъ возмущаетъ не меньше. Извините-съ, это не такъ мелко, какъ вамъ кажется съ высоты вашего олимпійскаго величія.

Вѣроятно, даже навѣрное, я говорилъ совсѣмъ не такъ, какъ записалъ сейчасъ. Помню только общее содержаніе. Это былъ, дѣйствительно, припадокъ. И хотя мнѣ пришлось выпить залпомъ стаканъ воды, который принесла, кажется, Марья Осиповна, тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ удовлетвореніе. Оно было бы даже полнымъ, если бы не остатокъ какого-то клокотанья въ груди, которое всегда испытываешь послѣ горячаго спора, когда кажется, что ты высказался или не весь, или не совсѣмъ ясно.

Но замѣчательно, что, несмотря на припадокъ, охватившій меня, я все время замѣчалъ, что дѣлается кругомъ. Я отлично помню, что Настя (горничная) шла докладывать объ ужинѣ и на полдорогѣ остановилась въ смущеніи, а главное — помню лица Васеньки и Жени, когда я заговорилъ о томъ, что жизнь обманетъ Васеньку съ его мечтами. Оба были испуганы. Мнѣ положительно кажется, что оба догадались, куда я кинулъ камешекъ. Если я не ошибаюсь, то это ужасно, что я натворилъ. Женни пусть догадалась бы. Это удержало бы ее отъ неловкихъ заигрываній съ Первозерниковымъ и избавило бы отъ обиднаго недоразумѣнія. Но если понялъ все и онъ!

За ужинкомъ я успокоился. Грабовъ говорилъ: „Однако, какой же вы горячій!“ Лиза со страхомъ поглядывала на меня. Но мы, конечно, не возобновляли разговора. Да я и не могъ бы, меня ужъ забрала апатія.

Заложеніе Успенскаго собора и перенесеніе мощей св. Петра, покровителя Москвы, Іоанномъ III.
 Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Д. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Мульгановскій.

Зима. Съ карт. Т. Шютца грав. Брендамуръ.

А Женни и Первозерниковъ были положительно смущены. Оказавъ ей услугу, нечего сказать!

... августа 189* г.

Нѣтъ, я положительно правъ. Не смѣютъ они порицать современную молодежь. Они просто были счастливые пастъ. Историки, въ родѣ моего тестя, запишутъ ихъ имена, какъ записываютъ они главнокомандующихъ арміей, игнорируя тѣ тысячи солдатъ, которые создаютъ имъ славу.

VIII.

Уже нѣсколько дней тянутъ сѣверный вѣтерокъ. Это предсказывало дожди и холода.

Николай Осиповичъ сказалъ за обѣдомъ:

— Свѣжо становится. Намъ пора бы обѣдать въ комнатахъ.

А черезъ нѣкоторое время прибавилъ:

— По календарю, въ этомъ году холода наступятъ раньше обыкновеннаго. Придется пораньше уѣзжать въ Москву.

Одинъ Борисъ Ивановичъ замѣтилъ, какъ тонкія губы Женни сложились въ едва уловимую усмѣшку. Она точно ждала, что отецъ скажетъ это. Между нею и старикомъ все послѣднее время была скрытая вражда. Она не перестала заниматься у него въ кабинетѣ, но онъ безпрестанно ворчалъ и придирался. Трудно было угодить ему.

— Конечно, если голова не тѣмъ занята!.. — слышала Женни отъ него по нѣскольку разъ на день.

Но она молчала. Ему, можетъ-быть, хотѣлось, чтобъ она сказала:

„И, папочка, какая была, такою навсегда и останусь“.

А Женни на всѣ его иридрики только поднимала на него „холодные, какъ сталь“ глаза.

Онъ разъ вспыхнулъ:

— Право, ты смотришь на меня такими глазами, какъ будто я несправедливъ къ тебѣ, и какъ будто тебѣ до тошноты надоѣли всѣ эти занятія. Скажи прямо. Неужели ты полагаешь, что я не обидусь безъ тебя? Це молчи, не дѣлай стальныхъ глазъ.

Женни не проронила ни слова. Она стояла передъ его письменнымъ столомъ и молча смотрѣла въ окно.

— Хм! Точно каменная стала,—ворочалъ Николай Осиповичъ.

— Какъ же мнѣ переписывать это? — спросила она, указывая на старые, изсиня-желтые листы и повторяя вопросъ, съ которымъ раньше подошла къ отцу.

— Какъ сумѣешь,—коротко отвѣтилъ Николай Осиповичъ.

Онъ все еще разсчитывалъ, что она начнетъ объясняться по поводу того, что его мучить.

Но Женни медленно и молча ушла съ листами къ своему столу.

Она, дѣйствительно, стала холоднѣе съ отцомъ. Старалась не раздражать его, вернулась даже къ прежней прическѣ, но прежней ласки уже не было.

Первозерниковъ сразу пересталъ бывать у Кашкадаровыхъ. Съ того вечера, когда Борисъ Ивановичъ такъ рѣзко поспорилъ съ предсѣдателемъ управы, прошло болѣе недѣли—и за все это время Василій Описимовичъ не заѣхалъ ни разу. Со времени ихъ знакомства этого еще не случалось, не проходило двухъ дней, чтобъ онъ не пилъ у нихъ чаю. Николай Осиповичъ отлично замѣчалъ его отсутствіе и началъ успокаиваться, онъ даже сталъ нѣжнѣе относиться къ Женни, раза два уже попрѣжнему подѣловалъ ей руку. Женни, напротивъ, становилась все нервнѣе. Если слышался стукъ экипажа, всѣ замѣчали, какъ ея умные глаза тревожно блеснули, и на всемъ лицѣ отражалось напряженное ожиданіе.

Когда всѣ вставали изъ-за стола, Борисъ Ивановичъ обыкновенно благодарилъ Марью Осиповну, какъ хозяйку, и уходилъ къ себѣ.

На этотъ разъ она задержала его руку и тихо спросила:

— Вы не знаете, что съ Первозерниковымъ? Отчего его не видно?

Онъ пожалъ плечомъ.

— А вы бы съѣздили къ нему. Можетъ-быть, онъ боленъ. А? Съѣздите, право.

Борисъ Ивановичъ хотѣлъ отказаться. Уже нѣсколько дней онъ находился „въ періодѣ здоровой полосы“, какъ опредѣлили самъ: не велъ дневника, не критиковалъ жены и ея родныхъ, и усердно занимался своей диссертацией. Отдохнувъ послѣ обѣда съ часъ, онъ уже садился за работу и не отрывался отъ нея до вечера. Точно запоемъ отдался ей, точно, послѣ спора съ Грабовымъ, хотѣлъ возвысить себя въ собственныхъ глазахъ. Это такъ отвлекло его отъ романа Женни съ Первозерниковымъ, что онъ сталъ относиться къ нему равнодушно.

Но Марья Осиповна своимъ особеннымъ взглядомъ и этимъ таинственнымъ полупошотомъ всколыхнула въ немъ мучительное ощущеніе. Его самого беспокоилъ вопросъ, почему Первозерниковъ пересталъ бывать; хотѣлось убѣдиться, не догадался ли тотъ, на что онъ намекалъ во время спора съ Грабовымъ. Притомъ же, у Женни за обѣдомъ было особенно печальное лицо. Она даже перво расширяла глаза, словно отгоняя головную боль.

— Хорошо,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Ты будешь отдыхать и потомъ работать? — спросила его Лиза, переодѣвая ребенка, и, не дожидаясь отвѣта, продолжала: — Не можешь себѣ представить, какъ онъ быстро начкаетъ платье. Просто не успѣваютъ стирать на него.

— Я въ нескѣтнѣ игрался,—оправдался голубоглазый и бѣлокурый мальчикъ.

— Нельзя же такъ мазаться. Такъ ты будешь отдыхать?

— Нѣтъ, я поѣду къ Первозерникову.

— Зачѣмъ это?.. Ну, иди и не смѣй начкать платья! Слышишь?

— Свѣсу.

Мальчикъ, повидимому, собирался унаслѣдовать отъ матери печистое произношеніе буквы л.

— Зачѣмъ ты поѣдешь къ Первозерникову?

— Ахъ, Лиза, ну, что тутъ неестественнаго! Человѣкъ цѣлую недѣлю не былъ, можетъ-быть, боленъ.

— Это Женни попросила тебя?

— И не думала. Я съ нею двухъ словъ не сказала.

Лиза начала перво убирать грязное платье мальчика.

— Поѣзжай! Я тебя не держу. По-моему, только портишь свою репутацію.

— Чѣмъ это?

— Съ какой радости ты ѣдешь первый къ какому-то Первозерникову!

— А, вздоръ какой!

Часа черезъ два въ шарбанѣ Людвига Карловича, въ которомъ тотъ развѣзжалъ по полю, Борисъ Ивановичъ подѣзжалъ къ хутору. Ему было пеловко. Онъ уже жалѣлъ, что поѣхалъ.

„Въ концѣ концовъ выйдетъ такъ,—подумалъ онъ,—точно я самъ хлопочу объ этомъ бракѣ“.

Онъ вспомнилъ, какъ на сѣновалѣ говорилъ Первозерникову: „Надо же и дѣвушку пожалѣть, такая жизнь— все равно, что монастырь“. Первозерниковъ, навѣрное, не забылъ этихъ словъ.

Лучше всего, если бы онъ, дѣйствительно, былъ въ отъѣздѣ!..

Борисъ Ивановичъ крикнулъ первому встрѣчному рабочему:

— Что, Василій Описимовичъ дома?

Рабочій, простой мужикъ, остановился, снялъ шапку не столько для того, чтобы поклониться, сколько по-

чесать затылокъ, помолчать, точно рѣшая трудный вопросъ, поглядѣть въ сторону по дорогѣ и, наконецъ, отвѣтить:

— Дома.

Во дворѣ Борисъ Ивановичъ опять спросилъ; ему сказали, что „хозяйинъ“ въ конторѣ. Идти было все равно мимо, поэтому Борисъ Ивановичъ поднялся на крыльцо, падъ которымъ висѣла вывѣска: „Контора“. Онъ нашелъ Василия Описимовича въ первой же комнатѣ, уставленной пѣсколькими ясеневыми конторками. Тотъ стоялъ спиной ко входной двери и не громко, но впушительно говорилъ:

— Да нѣтъ же! Я васъ прошу доставлять мнѣ еже-недѣльно составленные отчеты въ простыхъ и ясныхъ рубрикахъ. Эта двойная бухгалтерія очень хороша для подробной провѣрки. И я для васъ даже изучилъ ее. Но рыться во всѣхъ 12-ти книгахъ каждую недѣлю и не могу. На отдѣльномъ листѣ общія цифры, — вотъ и все, что мнѣ нужно.

Договаривая послѣднія слова, онъ уже повернулся и точно не сразу узналъ Бориса Ивановича. По крайней мѣрѣ, хотѣлъ ждать, что онъ или радостно улыбнется, или, наоборотъ, сконфузится. А Василий Описимовичъ и бровью не повелъ.

— А! Борисъ Ивановичъ! — сказалъ онъ, чуть прищурившись, и еще проговорить, обернувшись къ бухгалтеру: — Такъ, пожалуйста, какъ я просилъ.

Затѣмъ уже онъ подошелъ къ гостю.

— Давно ли прѣехали? Что же вы за мной не при-слали, а сами пожаловали?

— Мнѣ сказали, что вы здѣсь... Я вамъ не помѣшалъ?

— Помилуйте, что за снѣжныя дѣла у меня!

Они вышли изъ конторы и двинулись черезъ дворъ къ дому.

— Всѣ ли здоровы у васъ? — спросилъ Василий Описимовичъ.

— Благодарю васъ. Вы какъ? Давно васъ не видно.

— Слава Богу.

Борисъ Ивановичъ готовъ былъ выдумать, что ѣхалъ мимо, или что прѣехалъ за почтой. Тонъ Первозерникова рѣшительно не располагалъ его къ любезностямъ. Сразу какъ-то повѣяло отъ него холодкомъ. Онъ шелъ по двору, внимательно наблюдая, что дѣлается по сторонамъ.

— Все хозяйничая. Дѣла теперь пропасть. Моло-тимъ. Какъ у васъ? Жито кончили? Ну, вотъ. Я вѣдь говорилъ Людвигу Карловичу, что четвертей по восьми соберете. Онъ у васъ на все смотритъ мрачно. Ну, у меня похуже. Въ большой экономіи трудно собрать по восьми.

Они подошли къ дому, окруженному высокими де-ревями.

— Пожалуйте, — сказалъ Василий Описимовичъ, про-пуская Бориса Ивановича впередъ. — Эй! кто тамъ есть? — крикнулъ онъ въ боковую дверь.

Выбѣжала босоногая дѣвушка лѣтъ пятнадцати.

— Спиши пальто барину. Пожалуйте въ кабинетъ. Чего прикажете? Чаю, или пива, или, можетъ, холод-ной воды съ вареньемъ? А то квасъ есть хорошій.

Борисъ Ивановичъ попросилъ пива.

Василій Описимовичъ ушелъ и громко сказалъ въ со-седней комнатѣ:

— Маменька! Борисъ Ивановичъ у меня. Пришлите пива, да холодненькаго.

Пока онъ уходилъ, Дебальцевъ осматрѣлъ кабинетъ съ турецкими диванами, арматурой по бѣлымъ, по оклееннымъ обоями, стѣнамъ, съ большимъ венециан-скимъ окномъ, закрытымъ ставнями. Свѣтъ проникалъ въ оставленную щель.

— Садитесь, Борисъ Ивановичъ, — сказалъ Первозер-никовъ, входя. — Темновато. Да можно ужъ и открыть ставню.

Онъ толкнулъ окно и ставни.

— Маменька у меня вдругъ на старости лѣтъ за-тѣяла войну съ мухами. Всегда терпѣла, а теперь цѣ-лый день только и занята, что травить ихъ, давить, гонить полотенцемъ. Ну, мухи въ одно окно вылетаютъ, въ другое влетаютъ. Смѣшная старуха!

Рѣшительно тонъ у него былъ не прежній. Онъ го-ворилъ, точно нарочно, о вещахъ совершенно не ин-тересныхъ. Борисъ Ивановичъ вдругъ ощутилъ, не-ожиданно для себя, новое чувство — негодования. Эта холодность Первозерникова начинала злить его и такъ же захлаживать. Ему вдругъ захотѣлось показать этому „мѣщаниншикѣ“, какъ онъ подумалъ, что никто въ немъ не нуждается, и что съ этихъ „тоновъ“ можно вѣдь легко и сбить малаго.

— А я всѣ эти дни до того много работалъ, — заго-ворилъ онъ, разваливаясь на тахтѣ, — что почувство-валъ потребность немного прокатиться. Выѣхалъ — и не собирался къ вамъ. Такъ какъ-то повернулъ въ вашу сторону.

— И очень хорошо сдѣлали.

— Впрочемъ, я на четверть часа. Вотъ выпью ста-капъ пива и уѣду.

— Куда же такъ скоро? Чайку выпьемъ, погуляемъ.

— О, нѣтъ! Мнѣ надо работать.

— Все диссертация?

— Да. Пора ее кончать. Три года пишу.

— Дай вамъ Богъ удачи.

Первозерниковъ сѣлъ въ кресло около тахты, поло-жилъ руки на колѣна и задумчиво закивалъ головой.

— Дай Богъ, дай Богъ! — повторилъ онъ. — Зимой и защищать будете?

— Н-ну, не знаю. Пока отпечатаютъ, пока оппоненты познакомятся... Къ Великому посту — и то бы хорошо.

— Да, большое дѣло кончите, — опять задумчиво сказалъ Василій Описимовичъ. — А скоро собираетесь изъ деревни?

— Да. Къ началу сентября. Теперь ужъ скоро.

— Вы проститесь-то заѣдете? — спросилъ Борисъ Ивановичъ такимъ тономъ, какъ будто это никого не занимало. И уютнѣе подложилъ подушку подъ локоть.

— А какъ же, помилуйте. Непремѣнно заѣду, не-премѣнно.

Василій Описимовичъ вдругъ засуетился и побѣжалъ торопить, чтобы подавали пиво. Теперь Борисъ Ива-новичъ окончательно рѣшилъ, что Первозерниковъ сму-щенъ. Очевидно, рѣшилъ прекратить сближеніе съ Кашкадаровымъ. Но какъ онъ пришелъ къ такому рѣ-шенію — вотъ что любопытно. Думалъ ли онъ, что его просто-напросто хотѣли поймать, и убѣжалъ отъ этого? Или вообразилъ, что Женни влюбилась въ него, и де-ликатно отступилъ? Или на что-нибудь обидѣлся?

Подали пиво.

— Будьте здоровы. Усиѣха вашему труду, — сказалъ Василій Описимовичъ.

Отпили, крякнули, отерли заблѣвшіе отъ пѣны усы. Борисъ Ивановичъ нашелъ у себя ловкій тонъ и спро-силъ:

— Да, вотъ что, Василій Описимовичъ. Помните... какъ бы это сказать... мой припадокъ... съ Грабовымъ?

— Какъ же, еще бы не помнить.

— Я тогда что-то сказалъ, указывая на васъ. Вы не обидѣлись? Можетъ-быть, я пеловко выразился...

Но Первозерниковъ уже былъ около него на диванѣ и обѣими руками жаль его руку.

— Что вы, что вы! Господь съ вами! Помилуйте, да вы тогда очень лестно выразились про меня.

— Да, но я, кажется, сказалъ: онъ половины не понимаетъ изъ того, что я говорю.

— Ну, вотъ! Что за бѣда! Вѣдь это же правда. Я на правду никогда не обижаюсь, Борисъ Ивановичъ.

Итакъ, не обидя. Значитъ, Женни.

— А я, знаете, до сихъ поръ не могу простить себѣ моей горляности. Съ чего „взъерепенился“ — одному Аллаху вѣдомо.

Первозерниковъ зашагалъ по кабинету.

— Ахъ, нѣтъ, что вы! Это было очень хорошо, прекрасно! — и, точно вспомнивъ еще что-то, прибавилъ: — Удивительно хорошо!

— Вамъ понравилось? — покровительственно спросилъ Борисъ Ивановичъ. Ему было удобно держаться такого тона.

— Да, очень. Главное, вы отлично объяснили, что пошлость забла насъ. Видите ли, я съ тѣхъ поръ все время думаю объ этомъ. Точно угадалъ самого себя. Чтѣ бы я ни дѣлалъ, съ кѣмъ бы ни разговаривалъ, — съ простымъ ли человѣкомъ, съ кѣмъ ли поинтеллигентнѣе, — все время... словно слѣжу и за собой, и за нимъ. Ахъ, Борисъ Ивановичъ! Неужели же вся жизнь такая?..

— Вы пришли къ этому выводу?

Василій Онисимовичъ простодушно развелъ руками.

— Къ какимъ же выводамъ и могу придти! Развѣ мнѣ осилить?

— Да, трудно.

— Я, Борисъ Ивановичъ, умѣю только чувствовать и — не считайте за нахальство — ужасно вѣрю тому, чтѣ чувствую.

— Вотъ какъ! Ну, это вы слишкомъ много о себѣ думаете. Можете и ошибиться, и даромъ обидѣть человѣка.

Василій Онисимовичъ внимательно посмотрѣлъ на него, какъ бы думая о другомъ.

— Да, да, — отвѣтилъ Борисъ Ивановичъ на его взглядъ, — мало ли чтѣ вы можете, „почувствовать“!

— Я вѣдь не высказываю...

— Да все равно. Вы въ душѣ оскорбите человѣка. Да, наконецъ, это сейчасъ же и скажется. Это очень опасный путь — довѣряться своему чутью. Взгляните на вопросъ посерьезнѣе, съ научной точки зрѣнія, что ли. Вы думаете, что чутье — это какой-то особенный даръ? что-то мистическое? Пустяки! Оно зависитъ отъ самыхъ простыхъ вещей — отъ вашего здоровья, отъ того, какъ вы снади, отъ вашего пищеваренія, отъ прилива крови къ мозгу. Нѣтъ, батюшка, чутье вовсе не входило въ мою защиту современной молодежи. Иначе это просто было бы возвратомъ къ давно минувшимъ временамъ. Вы изволили плохо понять меня. Наблюденія и изученіе жизни безъ научныхъ основаній ни черта не стоятъ. Если мнѣ будутъ доказывать, что самая лучшая форма правленія — монархизмъ, или наоборотъ республиканская, на основаніи историческаго изученія народа и его свойствъ, — я буду слушать, буду и спорить. А если ваши доводы основаны только на чутьѣ да какихъ-то метафизическихъ соображеніяхъ, такъ кушайте это блюдо одни. Намъ оно не нужно. Я, конечно, далеко хватилъ. Но все равно, это одинаково относится и къ изученію отдѣльныхъ личностей. И тутъ вы не обойдетесь хотя бы безъ самыхъ элементарныхъ научныхъ знаній, ну хоть послѣдственности, что ли, воспитанія, расовыхъ свойствъ. Могутъ ли я характеризовать васъ безъ отношенія къ вашему отцу и матери, къ вашему дѣтству и т. д.? Мнѣ многое было бы непонятно въ васъ. Чутье! Вчера ваше чутье поденказывало вамъ, что я васъ люблю и отношусь къ вамъ безкорыстно, а сегодня вы плохо спали, васъ обманулъ приказчикъ, и вамъ уже кажется, что я пріѣхалъ съ скрытой цѣлью занять у васъ денегъ. — Борисъ Ивановичъ подиался. — Нѣтъ, батенька, это рискованная штука — чутье!

Онъ отпилъ еще пива и сказалъ:

— Ну, однако, и до свиданья!

Василій Онисимовичъ взглянулъ на него, точно чего-то испугался, сейчасъ же отвелъ глаза и целовко засуетился.

— Надо велѣть запрячь вашу лошадь.

— Нѣтъ, ее не распрягали. Я приказалъ. До свиданья! Тотъ пожалъ ему руку сначала слабо, потомъ, словно спохватившись, слишкомъ горячо, обѣими руками, и при этомъ забормоталъ:

— Поклонъ вашимъ... я самъ непремѣнно... надняхъ же.

Борисъ Ивановичъ ничего не отвѣтилъ.

Съ дурнымъ чувствомъ бѣжалъ онъ домой. На душѣ слѣды лжи.

„Какъ легко, — думалъ онъ: — придать характеръ вранья самымъ очевиднымъ истинамъ. Все, чтѣ и говорить, было справедливо, но потому, что говорить-то я съ хитрымъ умысломъ, все вышло силошнымъ враньемъ и подлостью. Васенька повѣрилъ своему чутью и узналъ правду. Меня это взбѣсило, и вотъ я захотѣлъ затуманить его, запутать. Я началъ колотить его фразами, заранѣе увѣренный, что ему не отвѣтитъ мнѣ. Чтѣ можетъ, въ самомъ дѣлѣ, какое-то „чутье“ отвѣтить „научнымъ основаніямъ“? Да еще чутье человѣка простого — научнымъ основаніямъ магистранта! Чтѣ можетъ отвѣтить семилѣтній мальчикъ, слышавшій стопы матери, отцу, увѣряющему его, что его новорожденная сестра найдена ночью въ канустѣ? Подло... Не думаю, однако, чтообъ Васенька оказался простакомъ. Въ концѣ концовъ, навѣрное, разгадаетъ всѣ мои манипуляціи и эквивоки. И я же останусь въ дуракахъ! По дѣломъ! Не суйся въ бабьи дѣла!“

Василій Онисимовичъ, проводивъ гостя, зашагалъ по кабинету и началъ въ сотый разъ добросовѣстно припоминать всѣ тѣ мелочи, изъ которыхъ выросло его убѣжденіе...

Женни, какою онъ видѣлъ ее въ первый разъ, прижавшася къ креслу отца, со спокойнымъ взглядомъ, устремленнымъ на лампу, и Женни потомъ, съ нимъ, съ Василиемъ Онисимовичемъ, какакая-то неловкая, съ неестественной улыбкой, съ пугливыми и взволнованными глазами, съ этими завитушками на лбу, — какаа громадная разница! На ту хотѣлось молиться, эта возбуждала чувство жалости, такой жалости, отъ которой у Василія Онисимовича даже сейчасъ, при воспоминаніи, тоскливо сжимается сердце...

Отношенія Николая Осиповича къ нему сначала — простыя и даже сердечныя, и потомъ — суховатія, даже рѣзкія, словно къ коршуну, вьющемуся надъ куритникомъ... За что? Чѣмъ онъ ихъ вызвалъ?..

Ухаживанія Марьи Осиповны, подозрительная усмѣшка Лизы и потомъ, самое главное — эти намеки Дебальцева!.. „Надо и дѣвушку пожалѣть... Всѣ онѣ хотять замужъ... Во всякой семьѣ есть зерно пошлости... Сны обманчивы...“

Второе утро Василій Онисимовичъ проснулся съ противнымъ ощущеніемъ. Онъ видѣлъ во снѣ, будто вѣбирался на какую-то громаду, срывался и летѣлъ въ пропасть.

Все посѣщеніе Дебальцева оставило въ немъ тяжесть. Вѣдь ясно, что онъ пріѣзжалъ допытаться, почему Первозерниковъ дѣлую недѣлю не показывался. И ясно даже, что онъ догадывается, почему именно. И всѣ эти нападки на его чутье!..

Какіе все прекрасные, честные люди, а сколько хитросплетеній, такъ хорошо знакомыхъ Василію Онисимовичу! Случись это въ другомъ мѣстѣ, — плюнулъ бы на все и шабашъ. Но у Кашкадаровыхъ!.. Вѣдь онъ передъ ними „мразь“, какъ выразился тогда Дебальцевъ! Жалкій, маленький человѣчекъ! Какъ же ему поступить? Какъ онъ можетъ отнестись къ этимъ людямъ съ презрѣніемъ?

Онъ вовсе не предполагалъ сразу оборвать всѣ сношенія съ Кашкадаровыми. Пока онъ терзался вопросомъ, какъ ему быть, день за днемъ летѣли, и онъ все откладывалъ рѣшеніе.

Дѣвочка - цыганна. Съ карт. А. А. Харламова грав. Жакобъ. (Изъ коллекціи Киркпатрика.)

Если бы онъ могъ полюбить Жепни! Но развѣ такихъ любятъ? Кто-то сказать, что жалѣть — значитъ любить. Можетъ-быть, это вѣрно относительно любви женщины. Да и то не любовь. Онъ даже не можетъ себя представить, какъ онъ поцѣловалъ бы эту дѣвушку, какъ онъ приблизился бы къ ней съ объятіями мужа. При этой мысли ему становится вдвойнѣ жалко ея.

А она? Полюбила она его въ самомъ дѣлѣ, или такъ только... хочеть выйти замужъ, вырваться изъ надоѣвшей обстановки? Кто ихъ разберетъ, женщинѣ, какія у нихъ побужденія!

Задумываешься надъ этимъ вопросомъ, стыдно станеть за нее и опять-таки жалко. Ужъ лучше бы, если бы

Косой заяцъ.

Разсказъ И. Л. Ярославской.

Крестилъ его батюшка Васильемъ, но и Васькой-то его не долго величали: очень ужъ къ лицу ему было прозвище Косой заяцъ!

Труслявъ былъ, бѣдный, пожалуй еще хуже „косого“; тотъ по крайней мѣрѣ присядеть иной разъ хоть на минутку вонъ тамъ, на краю дороги, ланкой мордочку поглядитъ, взглянетъ на вась, а потомъ ужъ и летитъ, сломя голову, къ себѣ въ кусты, закинувъ на спину уши. А Васька даже и не могъ взглянуть ни на кого прямо; глаза у него совсѣмъ скосились.

Деревенскіе мальчишки дразнили Ваську безпощадно: „Эй, косой! Эй, гляди-ка сюда! Да гляди въ оба!“ то и дѣло кричать да гогочуть ему вслѣдъ, даже камешками въ него кидали. Ребята не отъ злости жестоки, имъ и въ голову не приходило, что другому больно. Васька не отвѣчала, не защищался, — значитъ, и не чувствовалъ. Попробуйте сказать ребешку, что стрекотѣ больно, когда онъ отрываеетъ у нея крылья одно за другимъ, — съ какимъ удивленіемъ онъ на вась взглянетъ! Но рѣдкій ребенокъ вскорѣ поестъ этого непонятнаго для него замѣчанія рѣшится опять привыкъ за тотъ же омытъ, — пока не забудетъ.

Косого зайца рѣдко видно было на улицѣ; чаще всего, бывало, пробрается онъ по заднимъ дворамъ, тихонько, какъ воръ, то притаится за угломъ, выматриваеетъ, какъ бы проити незамѣченными, то скользнетъ въ ветлахъ, какъ ящерица на солищѣ, то опять схоронится гдѣ-нибудь, — и такъ до конца гурьмень, а тамъ пустится подъ гору къ рѣчкѣ, только пятки сверкаютъ! Врядъ ли кто изъ деревенскихъ ребятъ могъ бы обогнать его на бѣгу, — но онъ ни съ кѣмъ въ перегонку не бѣгалъ.

Рѣчка не долго текла изъ-подъ моста между ровными берегами: она сворачивала вправо и бѣжала шаговъ на сто между двумя крутыми скатами, а потомъ опять извилистой, серебристой лентой вытекала въ лугъ. Въ тоиъ мѣстѣ, гдѣ съ обнѣихъ сторонъ тѣснили ее откосы, вода исчезала подъ кустами, нависшими съ береговъ, и подъ высокой травой, только слышно было, какъ она журчала, переливаясь по невидимымъ камешкамъ. Вся эта лощина — была Васькино царство. Приблизитъ онъ подъ гору, къ мосту, сперва осмотрится, не видитъ ли его кто-нибудь, а потомъ принадлеетъ къ самой землѣ и скоро-скоро подползаетъ подъ развѣсистую ракигу, у которой вѣтки спускались до самой воды; проползти на брюхѣ надо шаговъ десять, между цѣпкихъ травъ и вѣтокъ, а тамъ можно и на ноги стать. Здѣсь Васька „у себя“; его никто не видитъ, никто его убѣднѣ не знаетъ, и здѣсь ему ничего не странно! Мѣсто было совсѣмъ гладкое, ровное, еще лѣтешной, отъ овиновъ, и устроилъ себѣ постель. Какъ только вползаетъ онъ сюда, въ свои хоромы, — куда робость дѣнется! Посмотрите на него: широкая улыбка красить его неокрасное, веселушное лицо; рыжки ключья на головѣ и тѣ какъ будто мягче ложатся, а оба глаза такъ и бѣгаютъ, оба врозь, точно торонятся каждый по-своему обозрѣть свое царство. Стоитъ Васька, широко разставивъ босяи ноги, на когорныхъ висятъ едва прикрывающія ихъ локмоты старыхъ, дыривыхъ штанишекъ; обѣ руки въ прорѣхи засунетъ (кармановъ уже давно нѣтъ); властелиномъ осматриваеетъ, улыбаеетъ, свою вотчину и киваеетъ головой направо и налево, точно здороваетея съ любимыми вѣстожи. Потомъ разляжется на соломѣ и лежитъ цѣлыми днями на спинѣ, гляди, какъ бѣлая будто пухъ облака плывутъ по голубому небу, прислушиваеетъ, какъ вода бѣжитъ и журчитъ, какъ малиновка поестъ въ кусту бузины, у самой его головы; гнѣздо у нея тутъ, но она „косого“ не бонится, они давно знакомы: не первое лѣто она выводила своихъ дѣтей на этомъ самомъ мѣстѣ.

Иной разъ Васька начнеетъ осматривать свои сокровища. Чего-чего только не было у него понапаскано сюда! Точно грачъ въ гнѣздо, собираетъ онъ къ себѣ подъ кусты всякую вся-

она его полюбила. Но можно ли представить, чтобы такая умная, образованная, воспитанная совсѣмъ въ иной средѣ, полюбила его, Василія Онисимовича?..

„Такъ ли, иначе ли, а вѣхать къ нимъ необходимо“, — рѣшилъ Первозерниковъ. Не смѣетъ онъ не только быть небрежнымъ, но даже обнаруживать своихъ подозрѣній. Это вѣдь не сестрины друзья губернскаго города! Надо съѣздить и разъ, и два, какъ ни въ чемъ не бывало... а потомъ они уѣдутъ въ Москву, все и кончится.

И сны окончатся! Тамъ дальше работа, работа, и ничего, кромѣ работы!..

(Продолженіе будетъ)

чину; придетъ и начнеетъ рыться въ соломѣ, гдѣ у него спрятаны его богатства; одно за другимъ вынетъ, осмотритъ, обдуеетъ, улыбаеетъ или прищельивая языкомъ, и начнеетъ развѣшивать, разставлятъ по вѣткамъ, по кустамъ, вокругъ своей постели.

— Красота-то, красота кака! — шепчеетъ онъ въ восхищеніи.

Когда Васька говорилъ самъ съ собой, то говорилъ гладко а съ людьми заикался.

Тутъ у него были бузажки съ конфетъ, кусочки ситцу, особенно одинъ, кумачевый лоскутокъ считался самымъ цѣннымъ; откуда-то попала старая, разорванная модная картинка — у нея верхняя часть была оторвана, головъ не было, только юбки остались, но, кажется, Васька этого не замѣчалъ, — модная картинка, вмѣстѣ съ кумачевымъ лоскуткомъ, были его главныи сокровища, онъ на нихъ и дуетъ, и разглаживаеетъ рукой, — не наглядитъ: было у него и нѣсколько кусковъ простой печатной бумаги, коробки отъ свичекъ, обломанный деревянный конь безъ ногъ и безъ головы, — его „мамка“ съ барскаго двора принесла. Васькина мать „но миру“ ходила, отца онъ не помиля. Почти каждый день она приносила ему, вмѣстѣ съ черствыми кусками чернаго хлѣба, какую-нибудь забаву, въ родѣ пестрой тряпочки или клочка бумаги. Васька на другое же утро несъ новое сокровище въ свой дворецъ и, разложивъ, развѣсивъ все прежнее по мѣстамъ, присоединялъ и новое приобрѣтеніе. Перѣдко имъ овладевали такой порывъ восторга и счастья, что онъ кидался на землю, клалъ земные поклоны, усленно крестился, и, захлебываясь отъ радости, шепталъ: „Слава Тебѣ, Господи!“

Васька самъ понималъ, что онъ дуракъ. Развѣ „умные“ такіяи бывають — Господи помилуй!

Подъ самый Ильинъ день съ Васькой случилось происшествіе. Дяди Андрей „съ того края“ — приѣхалъ домой изъ Москвы и навезъ столько гостинцевъ, ребята говорили, — что страсть! Какъ ни трусливъ былъ Васька, а захотѣлось ему взглянуть, какія-такія чудеса привезъ дяди Андрей? Въ самый полдень, когда на улицѣ никого нѣтъ, жара, всѣ по избабамъ сидятъ, кто обѣдаеетъ, а кто на сѣновалѣ спать легъ, — Васька тихонько подкрался къ дому дяди Андрея. Окошки всѣ настежь отворены, онъ по заваленкѣ тихонько ползаетъ... не увидать бы кто! Сердце колотится, точно по мосту кто ѣдетъ. Притихъ Васька, слышитъ, ложками по краямъ чашки ударяють, слышитъ — хлѣбають, а вотъ кто-то заговорилъ, жуеетъ, значитъ — обѣдають Андреевы. „Гдѣ-жъ это гостинцы у нихъ? посмотрѣтъ бы только, чтъ такое?“ Васька поползъ дальше: у нихъ сбоку окошко прорублено, какъ разъ противъ огорода тетки Анныи выходятъ; такъ и есть, — отворено! Чтѣ-жъ это на окошкѣ-то? Вотъ онъ, никакъ, самый гостинець-то и есть! Коробка, какъ та, у Васьки, изъ-подъ свичекъ, только гораздо больше. Господи! вотъ красота-то! Горитъ она вся какъ жаръ, ни дать, ни взять, какъ кумачъ, а черезъ нее, словно поносекъ, золотая ленточка. Васька знаетъ, что это золотого, — въ церкви на иконахъ, мамка сказала, золотого.

Стоитъ Косой заяцъ и дышать бонится, глядитъ, а въ ухахъ звенитъ. Чтѣ съ нимъ сталося? Никогда ничего чужого въ руки не бралъ... Чтѣ валется гдѣ- ваятъ можно, мамка говорила, а тутъ... Васька оглянулся кругомъ — ни души. Въ набѣ, съ этой стороны, за перегородкой, тоже нѣтъ никого. Въ одну минуту Васька схватилъ руками за подокошникъ, повнѣе, приподнялся, болтая босями ногами, схватилъ коробку и несильно срыгнувъ опять въ траву. Коробка открылась, изъ нея посыпались папирсы. Васька остолбѣлъ. Онъ вытрясеетъ ихъ всѣ тутъ же на землю, потомъ захлопнулъ коробку, сунулъ ее за пазуху своей дыривой рубашонки, придерживая ее рукою, и собрался бѣжать, — но въ это самое время въ набѣ послышались шаги; ни живы, ни мертвы, Васька присѣлъ у стѣны, совсѣмъ съ головой ушелъ въ высокую крапиву; крапива жгла больно, но онъ не чувствовалъ боли: ему казалосъ, что вотъ сейчасъ дяди Андрей его увидитъ, схватитъ и крикнетъ: чтѣ онъ съ нимъ

сдѣлать? выпороть? вѣтъ, мало, пожалуй въ пруду утопнѣть, и то можеть быть. Шаги приблизились къ окну; Васька услыхалъ голосъ старшаго сына дяди Андрея, Филиппа, солдата, который на побѣвку прѣбѣжалъ.

— Вѣдь вотъ, ребята проклятые! Все папирасы разсыпали!.. Васька видѣть сквозъ крапавку, какъ Филиппъ наклонился въ отворенное окно.

— И коробку-то увнесли! Вотъ дьяволы! Гляди-ка-сь, все папирасы въ огородъ побросали! Сенька, сбѣгай, подбери ихъ, подай сюда.

Васька вдругъ понялъ, что въ слѣдующую же минуту Сенька появится тутъ, подъ окномъ, за папиросами, и что ни секунды терять нельзя; Сенька онъ боялся больше всехъ деревенскихъ ребятъ. Пока Сенька сбѣгалъ съ крыльца и обѣжалъ кругомъ избы, Косой зайцъ ужъ летѣлъ со всехъ ногъ по огородамъ и усадьбамъ, но заданъ, къ рѣкѣ. Кое-кто видѣлъ его изъ деревенскихъ, но никто не удивился: „Экъ несетъ нелегкая „ко-сого!“ Должно-быть кто спужалъ его!“

У дяди Андрея никто ничего не замѣтилъ; Сенька подобралъ подъ окномъ папиросы, а коробка изъ-подъ нихъ солдату не нужна была.

Васька добѣжалъ къ себѣ, въ свою берлогу, кинулся на солому и долго не могъ отдышаться. Кажется, привычное дѣло ему было бѣгать, но такъ, какъ сейчасъ, никогда, ничего не билось. Ему все казалось, что за нимъ гонятся. Онъ долго не рѣшался взглянуть на свою добычу, все прислушивался, не идетъ ли кто; но кроме стука его собственнаго сердца, ничего не было слышно. Наконецъ, онъ понемножку пришелъ въ себя и посмотрѣлъ на коробку. Ничего еще въ своей жизни онъ не видалъ такого красиваго. Навѣрное дорогихъ денегъ стѣбитъ. Какъ тамъ ея, небось, высказался! У кого она? На кого подумаютъ? А она,—вотъ она гдѣ!

Украсть онъ ее, Васька-то, вѣдь воровъ сталъ! Что-жъ теперь будетъ? Мамка сказывала ему, на ворѣ шанка горять,—всѣкому видно, а сгорать, должно, не сгораетъ. И невольнымъ движениемъ Васька схватился за голову, но на головѣ у него шанки не было. Онъ вздохнулъ свободнѣе и тутъ же рѣшилъ совсѣмъ и не надѣвать ея больше никогда, чтобы она не горѣла, не выдала его. „Авось такъ оно и пройдетъ,“—подумалъ онъ; и сталъ придумывать, гдѣ бы устроить надежное мѣстечко для своего сокровища. За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ притащилъ конецъ доски,—вотъ и пригодится! Заржавленнымъ обломкомъ отъ косы онъ принялся раскалывать доску, чтобы выстроить шалашикъ подъ кустомъ: туда и дождикъ не зальетъ, и не выдѣтъ сразу.

Дни шли за днями, попрежнему все въ деревнѣ своимъ порядкомъ, только Косой зайцъ сталъ еще нугливѣе прежняго. Его никто не видалъ теперь нигдѣ, и домой даже, къ матери, онъ, озираясь, прѣбѣгалъ только тогда, когда на улицѣ стемнѣетъ и скотину пригнать, и въ деревнѣ всѣ сидятъ за ужинами.

— Чтѣ ты это, Васютка, спуженный какой?—говорила мать, съ тоской глядя на блѣдное, худое лицо мальчика и замѣчая, какъ онъ тяжело дышитъ. —Али кто обидѣлъ? Говори, касатикъ, матери-то!

Но Васька увѣрялъ, что его никто не обидѣлъ.

— А если кто обидѣлъ, ты, сынокъ, скажи: „спаси его Господи! грѣха на немъ не взыщи за меня, сироту“.—И мать крестилась на иконы: —Да добрыхъ людей спаси, Господи, что насъ не забываютъ, помереть намъ не дають съ голоду.

Утомленная скитаниями „по міру“ въ теченіе цѣлаго дня, она, помолвившись, засынала прѣбикнулъ спомъ. Но Васька плохо спалъ со дня происшествія съ коробкой; то ему чудилось, что кто-то ходитъ, шаритъ кругомъ ихъ ветхой пѣзубки; ужъ не его ли ищутъ все за коробку? То онъ съ тревогой прислушивался, не идетъ ли дождь, и припоминалъ, хорошо ли укрылъ свое сокровище, не попортило бы его какъ, не промокло бы. А то одинъ разъ заснулъ онъ, наконецъ, и презрѣлъ ему, что онъ въ праздникъ пошелъ въ церковь, а тамъ лики съ иконой на него пальцемъ показываютъ: „Воръ-то, воръ-то! Вотъ кто у солдата коробку стащилъ, православные! Вы его въ церковь не пуцайте!“ Весь мокрый отъ страха, проснулся Васька, сталъ мать звать,—та не слышитъ, спитъ, умялась.

Васька даже заплакалъ, весь дрожитъ, насилу успокоился. Чтѣ ты будешь дѣлать? Бѣда!

Около того времени егали говорить въ деревнѣ, что въ селѣ, въ Медвѣдахъ, трактирщикъ Никита Мартыновъ завелъ у себя въ трактирѣ органъ. Много толковали про диковинную машину,—солдатъ Филиппъ у дяди Андрея, ужъ на что виды видалъ, и тотъ говорилъ, что въ Москвѣ такой пречудесной музыки нѣтъ; и откуда Никита Мартыновъ такую добылъ? Говорили, что больше сотни онъ далъ за нее,—все дивились! Кто не вѣрилъ, кто головой покачивалъ, а кто прямо осуждалъ: „Лучше бы на церковь Божію пожертвовалъ“. Зато, какъ завелъ органъ, трактиръ биткомъ набитъ народомъ. Даже изъ деревень всѣ побѣжали, послушать ходили. Бабушка Сергѣевна лѣтъ десять съ печки не слѣзала, и та съ двумя пальцами поползла въ село, насилу къ ночи догнала; дочь, ишь, ей навѣститъ охота пришла! А всякій понималъ, что и

ей органа послушать захотѣлось. Хотя и дичился Васька людей, а слухъ объ органѣ невѣдомо какъ и до него дошелъ и властно завладѣлъ его мыслями. По обыкновенію лежа у себя подъ кустами на спинѣ, подложивъ руки подъ затылокъ и глядя между вѣтокъ на небо, онъ только и думалъ объ этомъ „ворганѣ“; какой-токой можеть быть ворганъ? и какая отъ него музыка? па что похожа? Кроме гармоникъ, онъ никакой не слышивалъ,—но про ворганъ говорили, что ужъ очень больша штука, больше печки у дяди Степана въ повой набѣ. Значитъ, сколько же гармоникъ въ такой штуки? Звучно должно быть! А пуще всего, что само играетъ, ключомъ заводитъ, говорятъ. Васька терялся въ соображеніяхъ и ничего придумать не могъ. Неотвязно стала его мучить мысль—сходить въ село!.. Но какъ онъ пойдетъ, когда онъ и своихъ-то боится? А вѣдь въ Медвѣдкахъ онъ только разъ въ годъ и ходитъ, когда ярмарка тамъ въ Спасе-Преображенъе бываетъ; да и не близко, версты четыре будетъ, а то и всѣ илы. И какъ въ трактирѣ войти? Но какъ Васька ни вертелся, а желаніе послушать органъ до того овладѣло имъ, что онъ по цѣлымъ днямъ не смотрѣлъ на свои сокровища, вовсе даже не вынималъ ихъ изъ шалашка, а только думалъ, думалъ съ тоской и страстной жаждой, думалъ день и ночь, какъ бы ему сбѣгать въ Медвѣдки. Ночью онъ совсѣмъ спать пересталъ, до свѣту ворочался на лавкѣ,—глаза у него горѣли, какъ въ жару, а утромъ, какъ только прибрѣжнть къ себѣ подъ кусты, оцупаетъ только, тутъ ли его коробка, и не поглядитъ на нее—сейчасъ лизеть на спину и начнетъ думать объ органѣ. Странно ему идти въ Медвѣдки, такъ странно—кажется, умереть легче! Не одному идти страшно—онъ этого не боялся,—а народъ!.. Опять же и за коробку!—Ну какъ вотъ тутъ—его за нее и схватятъ! Онъ ужъ совсѣмъ порѣшилъ, что невозможно дѣло идти, потому безъ шанки въ село нельзя, а шанку надѣнешъ—загоритесь!.. Но па его бѣду соседскій Мишка,—его Косой не боялся, потому что онъ былъ маленькій и убогій, хроменькій.—Мишка вечеромъ разсказалъ ему, что онъ съ теткой Дарьей увязался въ Медвѣдки: та ѣздила по деревнямъ горшки продавала, а Мишка ей былъ крестникъ, она его довезла въ село на возу,—и пришлось и ему слышать, какъ органъ играетъ,—такъ Мишка думалъ—не въ царствіи ли небесномъ такая музыка бываетъ?—Васька уши развѣсилъ.

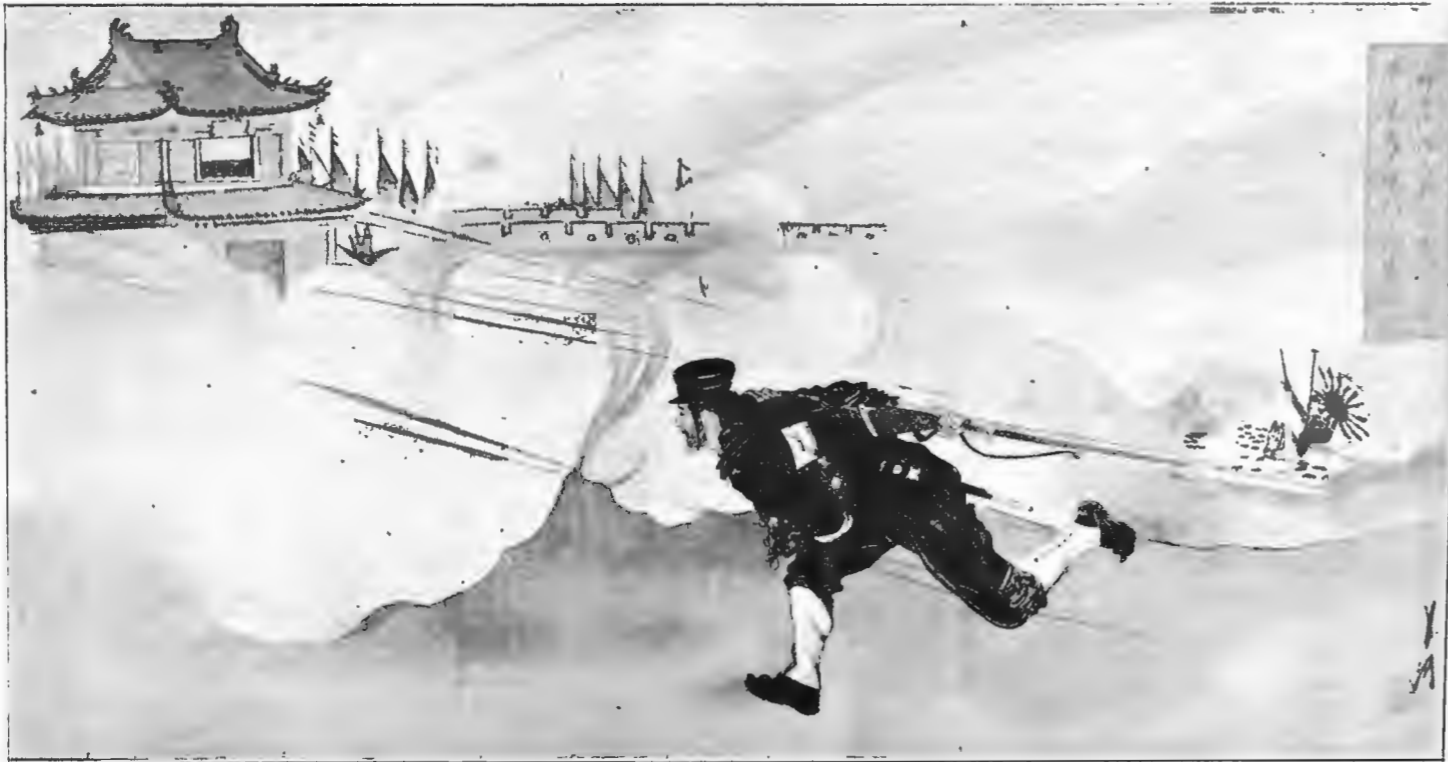
— А какъ-какъ же ты въ т-трактиръ вошелъ?—спросилъ онъ, усленно заикаясь отъ охватившаго его волненія.

— Зачѣмъ въ трактиръ?—отвѣчалъ Мишка.—Я на заваденкѣ прѣсѣлъ подъ оконкомъ, окошко растворено,—все-е слышно!

— Должно—громко?

— Такъ громко, просто не надо громчѣе!—заявилъ Мишка. Дѣло оказалось легче; можно было, значитъ, снаружи гдѣ-нибудь притащиться, не надо идти въ трактиръ, все равно услышишь. Да еще Мишка зналъ, что вечеромъ поздно играетъ, такъ что у нихъ, въ деревнѣ, ужъ народъ спитъ, а въ Медвѣдахъ еще гуляютъ.—И вотъ Васька рѣшился. Когда скотину пригнали, въ деревнѣ все стихло, онъ домой не пошелъ, а прямо, мимо овниновъ пустялся бѣгомъ по дорогѣ въ село; картузъ свой онъ уже съ утра взялъ, но теперь бѣжалъ безъ картуза и наяривался надѣть его только въ случаѣ необходимости, уже въ селѣ. Онъ летѣлъ по полю безъ оглядки, не слышалъ, какъ дергачъ кричалъ въ лоцинѣ, не видѣлъ, какъ туманъ поднимался надъ рѣкой бѣлыми клубами. Ему не страшно было, онъ привыкъ ко всему, чтѣ бываетъ въ полѣ ночью, онъ только людей боялся,—а людей въ этотъ часъ не встрѣчалось ни души. Долго онъ бѣжалъ, ничего не помы и не чувствуя усталости; вѣтеръ свистѣлъ мимо его ушей, то сыростью нахлѣтъ въ лицо, то онѣтъ тенѣмъ,—онъ не сознавалъ ничего!.. Вотъ едали стали сверкать огонѣки, это—село! И какъ разъ здѣсь, съ краю, при вѣдѣ стонгъ трактиръ Никиты Мартыныча! Васька остановился духъ перевести—сердце ужъ больно стучало!—Чтѣ такое?—Вездѣ тихо, но издали какъ будто въ сиромъ и темномъ воздухѣ что-то чудиде слышно! Васька сразу не понялъ, чтѣ это такое и откуда. Да неужели это самый онъ-то и есть, „ворганъ“-то? Тихонько, на цыпочкахъ, боясь проронить малѣйшій звукъ, сталъ Васька подвигаться къ селу. Вотъ чудеса-то какія! Далеко вѣдь, съ полверсты будетъ, а все какъ есть слышно! Но вдругъ какъ оборвало все, замолкло. Бубенчики гдѣ-то звенять, ямички *нукаеть*,—дергачъ опять въ полѣ. Неужели все кончено, больше не будетъ? Васька опять побѣжалъ впередъ, и шанку надѣлъ, темно совсѣмъ было. Но когда онъ уже тихимъ шагомъ поровнился съ первымъ овномъ, вдругъ, сразу—точно что съ неба сорвалось—ему показалось—носыпалось, зазвенѣло, загудѣло, заиграло—у Васьки въ глазахъ потемнѣло! Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, стоя на мѣстѣ, на чѣмъ-то огорождѣ, у самаго угла трактира, и по щекамъ у него текли слезы. Чтѣ въ немъ творилось, Богъ его знаетъ!.. въ груди лопило такъ, что онъ обѣими ручонками изо всей силы сжималъ ее, а дышнуться никакъ нельзя было,—сладко па-сердцѣ было,—даже лучше, чѣмъ въ церкви было въ тотъ разъ, когда кунца хоронили и пѣвчіе изъ Москвы пѣли, а похоже на то было у него тогда на сердцѣ—и долго-долго онъ то помнилъ, и сейчасъ не забываетъ.

Подвиг японского унтер-офицера.

Представление бѣлаго сокола японскому микадо.

Тигрица, несущая тигренка. Съ карт. Ганъ-Ку.

Легенда объ отрубленной рукѣ дьявола.

Японская выставка въ С.-Петербурѣ. Съ оригиналовъ автотипія „Нивы“.

Щени, повелитель дьяволовъ. Съ карт. Хонсаю.

Васька стоял теперь, приклонясь къ углу дома, изрѣдка шептала: „Господи помилуй, Господи помилуй!“ — и крестился. Долго ли онъ стоялъ — неизвестно; ему казалось, что не долго; органъ смолкъ и потомъ опять игралъ; но вотъ онъ смолкъ совсѣмъ... Васька ждалъ, ждалъ, ждалъ... напрасно! Много подвода отъѣхало отъ крыльца. Васька рѣшился заглянуть въ окно, — половые въ синцевыхъ и въ бѣлыхъ, грязныхъ рубашкахъ убрали и перебрали, въ оную минуту совершенно трактирѣ. Конечно, значитъ!.. Тихимъ шагомъ направился Васька домой, качался точно пьяный. О чемъ онъ думалъ? — онъ не сознавалъ — онъ только изрѣдка крестился и глубоко, тяжело вздыхалъ. Потомъ онъ пересталъ креститься и шелъ въ раздумьи, а въ ушахъ стояли слышанные звуки. Перейдя мостъ подъ горкой, Васька вдругъ остановился, широко раскрывъ глаза, потомъ вдругъ испуганно бѣжать, — съ нимъ что-то творилось странное! Онъ бѣжалъ, не переводя духъ, почти что до своей деревни; онъ вспомнилъ, что семья дяди Андрея нынче ночью непременно будетъ на току розъ обмочачивать для посѣва, — говорили объ этомъ, онъ слышалъ. Такъ и есть, вонъ они! — онеки мелкасть около овина... Васька сталъ подбѣгать ближе, всѣхъ ужъ различить можетъ. Не останавливаясь, на бѣгу и шапки не снимая, перелазитъ Косой черезъ шоломаншый плетень и очутился на току. Андреевы только домолотили розъ на посѣвъ и стали собираться.

— Дядя Филиппъ, а дядя Филиппъ! — окликнулъ вдругъ Васька солдата; тотъ даже вздрогнулъ.

— Чего ты, дѣшій! — сказалъ онъ, оглядываясь въ темноту, гдѣ стоялъ Васька. — Да это Косой зайцъ!.. Ты чего, Косой?

Остальные члены семьи подошли ближе, съ фонаремъ, и всѣ раскрыли рты отъ удивленія. Васька обѣими руками держался за грудь и дрожалъ, лицо его было блѣдно, а глаза смотрѣли

почти прямо и сверкали какими-то блестками; онъ едва переводилъ духъ.

— Дядя Филиппъ, — заговорилъ онъ тихимъ голосомъ, но не заикаясь, — воръ-то, вотъ онъ-то! Я самый! Коробку-то я укралъ! Солдатъ ничего не понималъ; Ваську окружили и всѣ глядѣли на него. — „Что онъ за чудой сталъ!.. Гляди, Косой-то! Никакъ умомъ рехнулся! Что за притча!“ — слышалось кругомъ.

Но Васька не смущался.

— Изъ-подъ напросъ твою коробку, — повторилъ онъ, — красную, золотую, я укралъ!

Солдатъ наконецъ пошелъ, въ чепъ дѣло.

— Ты коробку стащилъ? — спросилъ онъ, — и папирсы раскидалъ?

— Я.

— И все молчалъ?

— Молчалъ.

— А сейчасъ что-жъ заговорилъ?

Васька вдругъ измѣнился въ лицѣ, растерянно глянулъ въ первый разъ по сторонамъ, глаза у него опять скопились, и онъ, заикаясь, какъ-то нерѣшительно произнесъ:

— Въ Медвѣдкахъ *в-в-вортанъ* очень хорошо играетъ!

Солдатъ руками оперся на оба колѣна и покатился со смѣху, за нимъ разсмѣялись всѣ остальные.

— Вотъ такъ Косой зайцъ!

Васька стоялъ и тревожнымъ взглядомъ перебѣгалъ съ одного на другого, — онъ все какъ будто съежился, точно ожидал, что его сейчасъ будутъ бить, но не трогался съ мѣста. Мелкая улыбка расплывалась по его лицу; онъ самъ не понималъ, что онъ сдѣлалъ, и надъ чѣмъ смѣются.

— Вотъ такъ дуракъ! дуракъ и есть! — слышалъ онъ возгласы возлѣ себя. Да онъ и самъ знаетъ, что онъ дуракъ! Развѣ умные такіе бывають — Господи помилуй!

Выставка работъ японскихъ художниковъ.

(Съ 8 рисунками.)

Въ № 1 *Нивы* помѣщена была статья по поводу устроенной г. Китаевымъ выставки работъ японскихъ художниковъ. Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ общіяныя нами снимки съ нѣкоторыхъ изъ этихъ интересныхъ работъ.

Подвигъ японскаго унтеръ-офицера.

Во время послѣдней японско-китайской войны, при ваятн замка „Кикъ-Шю-Джо“, отличился унтеръ-офицеръ, по имени Оюгучи Токудзи. Онъ представилъ бѣгущимъ подъ жаркимъ неприятельскимъ огнемъ, чтобы подвести мину подъ крѣпкія ворота неприступнаго замка. Ворота были взорваны, и японскій войска ворвались въ крѣпость.

Представленіе бѣлаго сокола японскому микадо, въ г. Хирошима. Во времена давно минувшія, первый предокъ микадо, Джиму-Тенно, сражался съ врагами; его войны уже замучились, а неприятель все приближалъ и приближалъ. Вдругъ на лукъ микадо прилетаетъ золотой соколъ и блеститъ ярче солнца. Дрогнули враги подъ дружнымъ натискомъ японскихъ воиновъ, увидѣвшихъ въ этомъ соколѣ явное знаменіе небесъ, благословляющихъ священную особу ихъ предводителя.

Въ память этого золотого сокола, добраго вѣстника победы, нѣсколько лѣтъ назадъ учрежденъ орденъ „Золотого сокола“, соответствующій нашему ордену св. Георгия, жалуюмому за храбрость. Послѣдняя японско-китайская война украсила этимъ орденомъ многихъ японскихъ офицеровъ и солдатъ.

Во время морского боя, гдѣ японцы одержали рѣшительную победу надъ китайскимъ флотомъ, на мачту адмиральскаго корабля сѣлъ бѣлый соколъ; этотъ случай, напомнившій собою древнее преданіе, сильно поднялъ духъ японцевъ, а добрый вѣстникъ победы — бѣлый соколъ — былъ поиманъ, и высшеіе сановники государства представили его императору. Рисунокъ изображаетъ микадо, остановившагося у стола взглянуть на бѣлаго сокола, помѣщеннаго на особой жердочкѣ. Слева, вдали, сановники, докладывающіе императору о томъ, какъ былъ пойманъ этотъ соколъ.

Тигрица, несущая тигренка. Картина художника Ганъ-Ку. Японцы любятъ картины, представляющія тигра и дракона. Для нихъ тигръ — эмблема суши и львовъ, съ которыми приходится вѣчно бороться. Но съ львомъ они не могутъ сладить, это съ океаномъ, и рядомъ съ эмблемой суши, они помѣщаютъ эмблему водной стихіи — дракона, перенесшаго къ нимъ изъ Китая. Въ самой Японіи никогда не водилось тигровъ, и художники брали ихъ образъ съ китайскихъ картинъ; но въ среднѣхъ прошлаго столѣтія, въ числѣ своей дани, Корей прислала Шегуну или Танкуну (свѣтскому властителю) тигра и тигрицу. Онъ подарилъ ихъ Ганъ-Ку, который выпустилъ ихъ въ небольшой садикъ, обнесенный надежной желѣзной рѣшеткой и здѣсь, наблюдая свои модели, онъ надумалъ изобразить, какъ тигрица переноситъ тигренка черезъ бурный потокъ, схвативши его осторожно своими зубами.

Легенда объ отрубленной рукѣ дьявола.

Однажды одного изъ древнихъ японскихъ императоровъ началъ безнравить дьяволъ; онъ прилеталъ по ночамъ и производилъ страшный шумъ у воровъ дворца. Никто не рѣшился

проходить подъ нимъ, пока не пашелся храбрецъ Ватапабе-Цуна, который подкараулил нечистаго и отсѣкъ ему руку; но когда онъ принесъ ее домой, то каждую минуту долженъ былъ опасаться, чтобы дьяволъ не похитилъ ее; поэтому онъ заперъ ее въ надежный сундукъ и самъ сѣлъ рядомъ ради охраны. Вдругъ въ комнату входитъ почтенная дряхлая старушка и умоленно проситъ его показать ей трофей его победы.

Онъ уважилъ просьбу, открылъ сундукъ...

Въ то же мгновенье старуха выхватила руку и звилась съ нею, принявши обликъ страшной вѣдьмы.

Такъ былъ обманутъ наружнымъ видомъ старухи амазонитый Цуна, побѣдитель дьявола.

Щени, повелитель чертей. Картина Хоксай.

Древнему китайскому императору однажды приснилось, что надъ всѣми дьяволами владычествуетъ особое существо, носящее названіе Щени. Это преданіе, вмѣстѣ съ буддизмомъ, проникло въ Японію, и японскіе художники любятъ брать сюжетомъ для своихъ картинъ обращеніе этого строгаго начальника со своими подчиненными. Хоксай наравнѣ съ другими собратьями по искусству изобразилъ, какъ рассерженный Щени вразумляетъ провинившагося дьяволенка.

Проповѣдыаніе буддизма.

Подъ огромнымъ зонтикомъ въ богатомъ костюмѣ, окруженная святой, шествуетъ знаменитый поэтеса Зигоудай. Она не вѣритъ ученію милостиваго Шика-Сама (такъ японцы называютъ Сакіа-Муни, т. е. Будду), а навстрѣчу къ ней идетъ прославленный проповѣдникъ буддизма. Въ его рукахъ на налѣкѣ качается черепъ, напоминая о предстоящей смерти и Nirvanѣ! — вѣчною усюкоеніи, которое предстоитъ людямъ. Проповѣдь подѣйствовала, и бонза Иккіо приобрѣлъ Буддѣ новую страстную поклонницу.

Карикатура, появившаяся въ Японіи послѣ войны съ Китаемъ.

Уплата контрибуціи, уничтоженіе флота и крѣпостей разстроили финансы Китая настолько, что богдыханъ остался въ одномъ легкомъ паридѣ. Ли-Хунъ-Чаунгъ держитъ надъ нимъ зонтикъ, чтобы предохъ нять отъ палящихъ лучей солнца и проливнаго дождя.

Карикатура на китайскія робость и любопытство.

Выправка японскихъ солдатъ, ихъ европейское вооруженіе крайне интересно для китайскихъ воиновъ; они съ любопытствомъ украдкой смотрятъ на враговъ, но сами придерживаютъ себя за косы, чтобы не перейти границы безопасности. **Обѣдъ семи добрыхъ геніевъ или счастливейшихъ существъ японскаго Олимпя.**

Первымъ слѣва сидитъ *Хоттей*, геній веселости, покровительствующій дѣтямъ, въ обществѣ которыхъ онъ чаще всего и изображается. Его костюмъ, едва прикрывающій тѣло, вѣдетъ индійскій покрой, такъ какъ преданіе о немъ пришло изъ Индіи въ Китай, а потомъ перешло и въ Японію. Оттуда же явился и его сосѣдъ *Бишамонъ*, геній военнаго искусства. Когда онъ рисуетъ одинъ, въ его рукахъ изображающіе оружіе и нагоду, онъ какъ бы охраняетъ буддизмъ. Рядомъ съ Бишамономъ — *Дорроджинъ*, геній счастья и долговѣчности, въ

образъ старика-китайца; обычнымъ атрибутомъ ему служить бѣлый олень. Посрединѣ помѣстился *Фукуроку Дзю*, гений ума, съ высокимъ лбомъ; въ обыкновенное время у него свитокъ въ одной рукѣ и посохъ въ другой; рядомъ съ нимъ художники обыкновенно рисуютъ анта, предсказывающаго и ему долгую жизнь. Слѣдующій — гений богатства — *Дайкоку* — обыкновенно возсѣдаетъ на двухъ мѣшкахъ риса, который всегда бѣлѣ главнымъ богатствомъ страны. Въ его рукахъ изображаютъ магическій молотокъ, которымъ Дайкоку постукиваетъ въ землю, чтобы сокровища все больше и больше стеклись въ его мѣшки. Атрибутомъ его служатъ крысы, уничтожающія по временамъ накопленные имъ богатства. Покрови-

тель рыболовства, сидящій рядомъ съ Дайкоку, носитъ названіе *Эбусу*, онъ рисуется съ удочкой въ одной рукѣ и съ рыбой подъ другой рукой. По древнему сказанію это былъ принцъ, родившійся хромымъ. Его налюбленнымъ занятіемъ было ужение рыбы, онъ оказалъ большія услуги рыбакамъ, и они возвели его въ божеское достоинство, при чемъ изображение этого покровителя составляетъ украшеніе дома каждаго рыболова. Седьмой — гений добра — имѣетъ женскій обликъ и поспѣтъ имъ богини *Бэнтенъ*. Это покровительница музыки, воплощеніе красоты. Японецъ, желая сказать комплиментъ своей дамѣ, восхищается ея сходствомъ съ музыкальной богиней. Чаще всего сама богиня изображается съ гитарой въ рукахъ.

Къ рисункамъ.

Иосифъ Брандтъ — одинъ изъ талантливейшихъ современныхъ польскихъ художниковъ. Онъ — воспитанникъ мюнхенской школы, до сихъ поръ проживающій въ Мюнхенѣ; и отличается разносторонностью таланта. Онъ пишетъ и батальныя картины, и жанры, и даже пейзажъ. Но при этомъ всё его картины заимствуются изъ жизни русскихъ областей: мѣсто дѣйствія ихъ — Польша, Украина, иногда Кавказъ. Особенно любитъ онъ жизнь запорожцевъ, которую воспроизводитъ чаще, чѣмъ что-либо другое. На картинѣ „Молитва“, помѣщаемой въ этомъ номерѣ *Нивы* (стр. 97), представленъ одинъ моментъ изъ той же казачьей жизни: передъ нами обочъ казаковъ, переселяющихся на „новыя земли“ — вѣроятно, спасаясь отъ преслѣдованій польской шляхты. Наступила ночь, и переселенцы стали на молитву, чтобы отдохнуть затѣмъ для трудовъ завтрашняго дня: на возу поставлена икона Богоматери, передъ нею укрѣпленъ узорчатый дѣтній фонарь-лампада, — вѣроятно, добыча одного изъ старыхъ набѣговъ за польскій рубежъ, — и всѣ путники благоговѣйно склонились передъ иконой, проси спокойнаго сна и избавленія отъ враговъ. Вся картинка проникнута этимъ молитвеннымъ настроеніемъ и должна быть причислена къ лучшимъ произведеніямъ художника.

До XV вѣка Москва представляла очень жалкій видъ: борьба съ татарами и заботы о собираніи Руси отнимали у московскихъ великихъ князей все вниманіе, и не было у нихъ времени думать объ украшеніи города. Наконецъ, въ царствованіе Іоанна III, Москва сдѣлалась столицею обширнаго государства, средства великаго князя увеличились, и началось

строительство, скоро придавшее Москвѣ надлежащее великолѣпіе. Особенныя заботы прилагалъ Іоаннъ къ сооружеиію Успенскаго собора, такъ какъ къ этому времени соборная Успенская церковь, построенная при Калитѣ, совершенно обветшала, и надо было подумать о построеніи другой церкви.

Какъ извѣстно, храмъ Успенія Божіей Матери былъ воздвигнутъ еще въ 1326 г. по волѣ Іоанна Даниловича Калиты и по совѣту митрополита московскаго Петра. „Если ты успокоишь мою старость, — сказалъ митрополитъ великому князю, — и воздвигнешъ здѣсь храмъ Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей, и родъ твой возвеличится“. Въ этомъ же храмѣ и пошелъ себѣ митрополитъ Петръ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Митрополитъ Петръ родился на Волынѣ и провелъ тамъ первые годы жизни. Семь лѣтъ отданъ былъ онъ въ наученіе грамотѣ, а двѣнадцать лѣтъ уже привилъ иночество. Въ митрополитѣ всероссійскіе онъ рукоположенъ былъ изъ игуменовъ Ратскаго монастыря патріархомъ константинопольскимъ Аѳанасіемъ. Въ 1313 г. онъ ѣздилъ въ Орду вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, гдѣ исходатайствовали у хана Узбека льготную грамоту для руссійскаго духовенства, въ которой было указано: „да никто обидитъ въ Руси церковь соборную Петра митрополита и его духовенства; кто возьметъ у духовныхъ что-нибудь, заплатитъ вѣрою; кто дерзнетъ порнать въру русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню, да умретъ“.

Въ 1325 г. митрополитъ Петръ, привлеченный благоразуміемъ князя Іоанна Даниловича Калиты, перенесъ въ Москву свя-

Японская выставка въ С.-Петербургѣ. Проповѣдываніе буддизма. Съ оригинала, автогипсія „Нивы“.

тительскую кафедру изъ Владимира, что и послужило основанием къ возвышенію Москвы надъ остальными княжествами. Святитель скончался 21 декабря 1326 г. и былъ похороненъ въ гробу, зарытъ имъ, его же руками, приготовленною.

Спустя почти полтора вѣка построения перваго храма Успенія Божіей Матери, въ 1472 г. митрополитъ Филиппъ призвалъ двухъ мастеровъ, Кривоша и Мошкина, и поручилъ имъ постройку новаго соборнаго храма. Для пріобрѣтенія средствъ на работы, митрополитъ назначилъ большой сборъ серебра со всѣхъ священниковъ и монастырей, кромѣ того, поились пожертванія, — и постройка началась. Заложили церковь, по словамъ Карамзина, съ торжественными обрядами. съ колокольнымъ звономъ, въ присутствіи всего Двора (стр. 100); перенесли въ нее изъ старой церкви гробы князя Георгія Даниловича и всѣхъ митрополитовъ (*самъ Государь, сынъ его, братья, младшіе люди несли мощи св. Чудотворца Петра, особеннаго покровителя Москвы*). На третій годъ стали уже сводить своды, какъ вдругъ зданіе рухнуло, какъ впоследствии оказалось, отъ плохого раствора извести. Великій князь вызвалъ тогда изъ Венеціи итальянскаго мастера, Аристотели Фіоравенти, которому и были поручены работы. Аристотель разбилъ уцѣлѣвшія стѣны собора и началъ постройку съ начала, заимствовавъ характеръ сооружений собора Богоматери во Владимирѣ. Присутствуя къ постройкѣ въ 1475 году, онъ окончилъ соборъ въ 1479 году, и тогда же соборный храмъ былъ освященъ. Освященіе собора было отпраздновано съ большою пышностью. Іоаннъ III велѣлъ раздать милостыню на весь городъ, угостилъ обѣдомъ митрополита, епископовъ, архимандритовъ и всѣхъ бояръ, а бѣлое духовенство столицы семь дней ѣло и пило на дворѣ великокняжескомъ.

Съ тѣхъ поръ и понышѣ Успенскій соборъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду другихъ кремлевскихъ храмовъ.

Зимняя природа, новидному, такая однообразная и монотонная, въ дѣйствительности полна такого же разнообразія, какъ и картины жгучаго лѣта, вѣжной весны или томной осени. Но разработка зимняго пейзажа дана не всѣмъ художникамъ, — только сѣверинцы понимаютъ и любятъ нашу зиму, съ ея снѣгами, вихрями и морозами, и потому только у русскихъ, скандинавскихъ да нѣмецкихъ художниковъ можно встрѣтить прекрасныя воспроизведенія ея. Взгляните хоть на эту „Зиму“ (стр. 101): какъ мила эта картинка съ ея снѣжной дорожкой, поднимающейся незамѣтно наверхъ, къ маленькой деревушкѣ, первые долины которой виднѣются на холмѣ; развѣ не знакома вамъ эта рѣчущка, воды которой не успеютъ еще сковать морозъ?.. Кто изъ насъ не знаетъ и не любитъ этого свѣжаго, яснаго, морознаго утра, когда въ прозрачномъ воздухѣ нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка, когда дышится такъ легко и свободно?.. Да, но для этого нужно быть сѣверинцомъ: французъ или итальянецъ не найдутъ прелести въ нашей зимѣ.

Японская выставка въ С.-Петербургѣ. Японская карикатура. Съ оригинала, автотипія „Нивы“.

Японская выставка въ С.-Петербургѣ. Обѣдъ семи добрыхъ гениевъ. Съ оригинала, автотипія „Нивы“.

Нашъ соотечественникъ, художникъ А. А. Харламовъ давно пользуется завидной извѣстностью и за границей—главнымъ образомъ въ Парижѣ, этомъ художественномъ центрѣ всего міра. Произведенія г. Харламова много разъ приобретались иностранцами, и его „Двѣочна-цыганка“, которая воспроизведена на стр. 105 *Нивы*, находится въ коллекціи англичанина любителя А. I. Киркпатрика. Эта головка дѣйствительно прелестна, и если ея оригиналъ илѣнился художника, то что же удивительнаго, если воспроизведеніе ея талантливою кистью очаровало тонкаго знатока-любителя, увезшаго свое приобретение въ туманный Лондонъ?..

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

(Портр. на этой стр.)

Пастунившій новый годъ ознаменовался тяжкою утратою для русской исторической науки. 2-го января скончался, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, ординарный академикъ по кафедрѣ русской исторіи, Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ. Покойный академикъ былъ довольно рѣдкимъ явленіемъ въ средѣ русскихъ ученыхъ. Обладая превосходнымъ, рѣдкимъ въ наше время, образованіемъ, онъ былъ отличнымъ знаткомъ исторіи всеобщей и русской, тонкимъ критикомъ и талантливымъ публицистомъ, умѣвшимъ живо и правдиво относиться къ нашимъ общественнымъ вѣщямъ. Живой и воспримчивый, постоянно всѣмъ интересовавшійся, страстно слѣдившій за ходомъ развитія литературы и журналистики русской и европейской, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ не обладалъ усидчивостью сухого кабинетнаго ученаго, и потому оставилъ намъ не много трудовъ; но все, что выходило изъ-подъ его пера, было всегда превосходно и вполне закончено. Такихъ именно и являются его два важнѣйшихъ труда: исследование „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.“ и его „Русская исторія“ (къ сожалѣнію, не доконченная), представляющая превосходный критическій обзоръ всего сдѣланнаго по русской исторіи до времени Грознаго (включительно). Кроме этихъ двухъ крупныхъ трудовъ покойнаго академика, его литературная дѣятельность выразилась въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей, которыя онъ помѣщалъ въ различныхъ журналахъ, начиная съ 1867 года. Изъ весьма значительнаго числа этихъ статей, до сихъ поръ еще никому не собранныхъ воедино, выдаются въ особенности статьи К. Н. Бестужева-Рюмина „О славянофильскомъ ученіи и его судьбахъ въ Россіи“, помѣщенные въ *Отечеств. Записки* и доставившія автору почетную извѣстность.

Благодаря именно тѣмъ обширнымъ свѣдѣніямъ по исторіи, которыя К. Н. Бестужевъ-Рюминъ выказалъ въ цѣломъ рядѣ своихъ критическихъ статей, онъ получилъ въ началѣ 60-хъ годовъ предложеніе отъ с.-петербургскаго университета — занять кафедру по русской исторіи, только-что покинутую Костомаровымъ. За представленное имъ исследование о русскихъ лѣтописяхъ онъ былъ удостоенъ степени почетнаго доктора, миная магистерскую степень, и уже съ весны 1865 г. началъ чтеніе лекцій, постоянно привлекая массу слушателей. Лекціи его отличались замѣчательною жизненностью отношеній къ нашему прошлому, большимъ умѣньемъ пользоваться историческими матеріалами и глубокимъ пониманіемъ историческихъ характеровъ. Одновременно съ лекціями въ университетѣ, покойный К. Н. принималъ живое участіе въ занятіяхъ археографической комис-

сін, читалъ одно время лекціи по русской исторіи и въ филологическомъ институтѣ, и въ высшихъ женскихъ курсахъ, въ учрежденіи которыхъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ и которыми завѣдывалъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1878 по 1882 годъ. Эта дѣятельность К. Н. останется незабвенной въ исторіи русскаго общества, и его имя не даромъ слилось съ этими курсами въ самомъ ихъ названіи — „бестужевскихъ“. Одновременно съ тѣмъ, онъ былъ съ 1878 по 1882 г. и председателемъ Славянскаго благотворительнаго общества, которое въ ту пору переживало самый трудный и самый славный періодъ своего существованія. Въ 1882 году К. Н. Бестужевъ-Рюминъ жестоко заболѣлъ; на время онъ долженъ былъ даже оставить всѣ свои занятія и уѣхать за границу. Въ 1890 г. онъ былъ избранъ въ ординарные академики по 2-му отдѣленію, и дѣятельно принималъ участіе въ засѣданіяхъ и трудахъ отдѣленія до послѣднихъ дней жизни.

Въ личныхъ сношеніяхъ покойный отличался рѣдкимъ добродушіемъ, сердечностью и правдивостью; бесѣда съ нимъ доставляла высокое наслажденіе и поражала обиліемъ и новизною свѣдѣній, которыя К. Н. постоянно пополнялъ своимъ обширнымъ и разнообразнымъ чтеніемъ... Онъ умеръ еще не старымъ (род. 1829 г.) годами, дивно-юный душою и свѣжей умомъ, глубокимъ и яснымъ. Миръ его праху. П. Полевой.

М. М. Корякинъ.

(Портр. на этой стр.)

Нашъ Маринскій театръ понесъ на этихъ дняхъ большую утрату; внезапно умеръ Михаилъ Михайловичъ Корякинъ, послѣ недолгой болѣзни; послѣднее время онъ страдалъ отъ грудной жабы. На одномъ изъ представленій „Тангейзера“ онъ почувствовалъ себя дурно; доктора посоветовали ему оставить на время Петербургъ, и... 19 января не стало этого прекраснаго артиста и человека. Званіе его лично отзываются о немъ съ самой лестной стороны, какъ о человѣкѣ добросердечномъ, отзывчивомъ и всегда готовомъ придти на помощь своимъ словомъ, содѣйствіемъ. Достаточно, впрочемъ, вспомнить его охотное участіе въ благотворительныхъ концертахъ, чтобы присоединиться къ голосу его друзей и знакомыхъ. Смерть его поразила всѣхъ любителей русской оперы и его товарищей по сценѣ въ osobенности.

М. М. Корякинъ родился въ 1850 г. въ г. Чугуевѣ, Харьковской губерніи, гдѣ отецъ его имѣлъ довольно большое помѣстье. Музыкальные способности онъ сталъ обнаруживать очень рано; еще будучи ученикомъ владимірской гимназіи, Корякинъ нерѣдко дирижировалъ церковнымъ хоромъ. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ въ московскій университетъ, который и окончилъ въ 1879 г. по медицинскому факультету, если не ошибаемся, въ одно время съ консерваторіей, гдѣ онъ обучался пѣнію у г-жи Александровны-Кочетовой, обратившей особенное вниманіе (вѣсть съ директоромъ консерваторіи Н. Г. Рубинштейномъ) на выдающійся и рѣдкій по силѣ и красотѣ звука голосъ Корякина. По настоянію покойнаго Рубинштейна, М. М. дебютировалъ на московской сценѣ Большаго театра въ роли Сусанина („Жизнь за Царя“), оставшейся на всю его жизнь его короной артиста.

Послѣ блестящаго его успѣха въ Москвѣ, М. М. перешелъ въ Петербургъ, гдѣ дебютъ его былъ такъ же удаченъ, какъ и въ первопрестольной, и съ тѣхъ поръ (1880 г.) онъ исполнилъ

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ († 2 января 1897 г.).
Съ фот. К. Шапиро автогипсия „Нивы“.

М. М. Корякинъ († 19 января 1897 г.).
Съ фотографіи Здобнова автогипсия „Нивы“.

у пасть всё главным басовым партим, какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ операхъ. Голосъ его былъ поистинѣ изумительнымъ по своей мощи и въ тоже время мягкости; такіе голоса не легко поддаются обработкѣ; тѣмъ же менѣе, у него была серия партим, которую онъ отлично исполнялъ. Припомнимъ въ русскомъ репертуарѣ партим: Сусанна, Мельника („Русалка“), Добрыня Никитича („Рогнеда“), Князя Гудала („Демонъ“), Кончака („Князь Игорь“), Кичиги („Чародѣйка“), Чулубея („Купецъ Калашниковъ“) и мн. др. Онъ не былъ изъ тѣхъ артистовъ, которые заботятся лишь о томъ, чтобы выдвинуть себя; для лучшаго ансамбля М. М. никогда не отказывался и отъ второстепенныхъ ролей.

Изъ его партим въ иностранномъ репертуарѣ слѣдуетъ упомянуть, какъ о прекрасныхъ: Марсезъ („Гугеноты“), Донъ-Базиліо („Севиальскій цырюльникъ“), Джеропимо („Тайный бракъ“ Чимарозы), Битгерольфъ („Тангейзеръ“) и др. За все время пребывания Корякина на Марининской сценѣ (ему ужъ немного оставалось дослужить до пенсіи) мы не припомнимъ ни одной роли, которую этотъ артистъ испортилъ бы, а это уже говорить за безусловную талантливость его. Но лучшимъ украшеніемъ этого таланта, потеря котораго вызываетъ печаль всѣхъ посѣтителей Марининскаго театра,—была его скромность, отсутствие всего того, что бьетъ на эффектъ, что заставляетъ говорить о себѣ, что бросается въ глаза, и именно это такъ подкупало въ немъ. Врагъ всякой рекламы и лишняго шума, М. М. отнесся къ искусству съ искренней любовью артиста, ставшаго дѣломъ прежде своего „я“; такихъ артистовъ не много, и потери каждаго изъ нихъ очень чувствительна; тѣмъ болѣе, что смерть Корякина была такъ неожиданна для всѣхъ.

В. Баскинъ.

„Ревизоръ“ на сценѣ солдатскаго театра.

(Рис. на стр. 116.)

Въ послѣднее время солдатскіе спектакли становятся все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ. Голоса певцовъ и противниковъ ихъ, утверждавшихъ, что постановка такихъ спектаклей вредитъ дисциплинѣ, смолкли почти окончательно. Къ сожалѣнію, репертуаръ драматическихъ произведеній, исполняющихся низшими чинами, до сихъ поръ былъ очень однообразенъ. Почему-то установились традиціи, что содержаніе этихъ пьесъ должно ограничиться тѣснымъ кругомъ солдатской жизни. Иногда дѣйствіе переносится въ деревню, но и тамъ, хоть одно изъ дѣйствующихъ лицъ непременно оставалось, или приходилъ на побывку, солдатъ. Считается, что только при выполнении этого условія пьеса будетъ понятна, какъ зрите-

лямъ, такъ и исполнителямъ. Но, если признать вѣрность такого положенія, то, по справедливому замѣчанію Ив. Щеглова*), придется для кунцовъ ограничиваться репертуаромъ пьесъ Островскаго, чиновникамъ показывать одного „Ревизора“ и т. д. Приятнымъ исключеніемъ изъ этого рода солдатскихъ спектаклей и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящимъ опроверженіемъ рутиннаго взгляда на нихъ, является спектакль, устроенный въ 4-й ротѣ 1-го сапернаго баталіона, въ день ея рожднаго праздника, 6 декабря минувшаго года. На сценѣ, устроенной въ самомъ помѣщеніи роты, были даны 1-е и 2-е дѣйствіе безсмертной комедіи Гоголя „Ревизоръ“. Исполнителями явились исключительно нижние чины сапернаго баталіона, превосходно справившіеся съ возложенною на нихъ задачей. Довольно тонкое пониманіе типовъ, вѣрное, полчасъ художественное выполненіе невольно назумляли зрителей. Не разъ приходилось спрашивать: неужели это солдаты? И, къ удивленію, мы слышали въ отвѣтъ, что некоторые изъ нихъ два, три года тому назадъ были простыми хлѣбонашцами, часто не знавшими даже грамоты. Въ высшей степени живая игра актеровъ, естественныя грустныя, масса движеній у дѣйствующихъ лицъ, даже не занятыхъ разговоромъ,—все это невольно заставляло вспомнить любительскіе спектакли, гдѣ интеллигентные исполнители страдали какъ разъ отсутствіемъ указанныхъ выше достоинствъ. Конечно, большую часть достигнутаго успѣха надо отнести къ заслугамъ режиссера, ставшаго спектакль, артиста Императорскихъ театровъ М. Г. Шевченко, отнесшаго съ большою любовью къ взятому на себя дѣлу и не пожалѣваго умѣнья и силъ. Но, по словамъ самого М. Г. Шевченко, матеріалъ, которымъ онъ располагалъ, оказался выше его ожиданій. Некоторые изъ исполнителей съ первыхъ репетицій брали вѣрный тонъ и манеры.

Особенно выдѣлялись своею игрою: рядовой Кузнецъ (Осинъ), очевидно копировавшій К. А. Варламова, музыкантъ Дементьевъ (городничій), музыканты Михайловъ и Будаевъ (Добчинскій и Бобчинскій), музыкантъ Кордесъ (Хлестаковъ) и унт.-оф. Прокловъ (Ликкинъ-Тяпкинъ). Вся обстановка, костюмы, гримъ не оставляли желать ничего лучшаго и явились кошмемъ исполненія на Императорской сценѣ.

Зрители-солдаты совершенно вѣрно поняли смыслъ представленія. Великій авторъ комедіи и въ простыхъ солдатикахъ очевидно вызывалъ, сквозь видимый міру смѣхъ, невидимыя ему слезы.

Отъ души привѣтствуемъ прекрасный починъ гвардейскихъ саперъ, который, надо надѣяться, не пройдетъ незамѣченнымъ и вызоветъ достойныя подражанія въ другихъ войсковыхъ частяхъ.

Политическое обозрѣніе.

Важнѣйшимъ событіемъ политической жизни Австріи является въ настоящее время состоявшееся 11 января распушеніе рейхстага и ожиданіе новыхъ выборовъ, которые, какъ сообщаетъ министерскій органъ *Fremdenblatt*, будутъ произведены въ началѣ марта; въ концѣ того же мѣсяца созванъ будетъ новый рейхстагъ. Австрійскій рейхстагъ, по національнымъ и вѣросповѣднымъ разнородностямъ своего состава, представляетъ собою безпримѣрный парламентъ въ Европѣ. Въ силу этой особенности, австрійское правительство вынуждено всегда искать опоры въ той или иной національной группѣ парламента. Появлявшаяся въ рейхстагѣ, сравнительно недавно, сплоченная группа младо-чеховъ создала министерству рядъ затрудненій. Убѣдившись въ невозможности управлять страной при поддержкѣ прежнихъ сильныхъ парламентскихъ группъ и главнымъ образомъ партим вѣмецкихъ либераловъ, правительство затѣло избирательную реформу, вводящую новую курію избирателей изъ плательщиковъ мелкихъ податей, что встрѣтило въ массѣ народнои полное сочувствіе. Реформу эту проектировалъ еще покойный премьеръ Таафе, но сильная оппозиція, считая избирательный проектъ радикальнымъ, заставила министерство отложить свои планы по этому вопросу до болѣе благоприятнаго момента. Наконецъ, шнѣшнему министерству графа Бадени удалось провести избирательную реформу невадолго до истеченія парламентскихъ полномочій, когда оппозиція не рѣшилась выступить противъ министерскаго проекта изъ желанія обезпечить за собою сочувствіе избирателей въ массѣ населенія.

По общему мнѣнію, новый парламентъ положить начало новой эрѣ парламентской жизни Австріи, такъ какъ преобладающее мѣсто займетъ славянское большинство, а вѣмецкіе либералы будутъ отодвинуты на задній планъ. Помимо вступленія свѣжаго элемента, въ силу избирательной реформы, парламентъ обновится еще благодаря тому обстоятельству, что многие выдающіеся депутаты намѣрены окончательно удалиться въ частную жизнь; въ виду этого послѣднее засѣданіе рейхстага имѣло характеръ рѣднаго прощальнаго событія, заставшаго забыть въ этотъ день всякую политическую рознь. На прощальномъ обѣдѣ представителей феодальной группы, одивъ изъ видныхъ политическихъ дѣятелей отмѣтилъ предстоящее направленіе австрійской политики и выступилъ убѣ-

жденнымъ сторонникомъ историческихъ правъ Чехии. Понятно, что младо-чехи въ своемъ органѣ *Narodni Listy* горячо привѣтствовали эту „многозначительную манифестацію“, призывая всѣхъ чешскихъ феодаловъ ратовать за государственныя права чешскаго народа. Чехи восприняли духомъ: ожидаютъ признанія чешскаго языка официальнымъ въ Чехии и Моравіи, открытія чешскаго университета и политехникума въ Моравіи, предоставленія министерскихъ портфелей чехамъ и, наконецъ, надѣются, что императоръ Францъ-Иосифъ вѣнчается чешскою короною св. Вячеслава. Въ политическихъ кружкахъ полагаютъ, что всѣ эти надежды чеховъ поддерживаются официальными органами печати, чтобы правительство могло заручиться содѣйствіемъ чеховъ при пересмотрѣ соглашенія Австріи съ Венгріей о расходахъ на общегосударственнымъ потребностяхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, мадьяры, усматривая въ новомъ направленіи австрійской политики посягательство на исключительное положеніе Венгрии въ имперіи Габсбурговъ, предостерегаютъ чеховъ не вредить крайугольному камню дуалистической системы габсбургской монархіи, такъ какъ Венгрія не намѣрена-де отказаться отъ своего правового положенія и государственной самостоятельности.

Такимъ образомъ, послѣ упорной борьбы славянское большинство Австріи и, главнымъ образомъ, чешская народность завоевываетъ себя, наконецъ, роль рѣшающаго фактора въ дѣлахъ габсбургской монархіи. Насколько ожиданія чеховъ оправдаются хоть отчасти — покажетъ недалекое будущее, пока же всѣ австрійскія національныя группы дѣятельно готовятся къ предстоящимъ выборамъ.

Управляющей нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, выѣхавшій за границу для врученія своихъ отъѣздившихъ грамотъ датскому королю, отправился изъ Копенгагена въ Парижъ. Западно-европейская печать отмѣтила пріѣздъ графа Муравьева въ Парижъ, какъ безпримѣрный случай въ европейской дипломатіи: до вступленія въ отправленіе своихъ высшихъ обязанностей графъ вступилъ въ личныя сношенія съ высшими представителями французскаго правительства. По мнѣнію французскихъ газетъ, хотя торжественной встрѣчи русскаго сановника не было, тѣмъ же менѣе пріѣздъ графа былъ

*) См. статью И. Щеглова въ недавно вышедшемъ сборникѣ „Народный театръ“.

праздникомъ для Франціи; этимъ визитомъ обдуманно и сознательно подтверждена франко-русская политика, вотъ почему визитъ этотъ—манifestація исключительной важности.

Неоднократныя свиданія графа съ г. Ганото, съ президентомъ республики, дипломатическіе завтраки и обѣды, парадный обѣдъ и блестящія рауты въ Елисейскомъ дворцѣ—придали вполнѣ праздничный видъ двухдневному пребыванію графа Муравьева въ столицѣ Франціи.

За завтракомъ у г. Ганото въ честь гостя, 17 января, присутствовали всѣ министры и представители дипломатическаго корпуса. Поднимая тостъ въ честь графа Муравьева, г. Ганото высказалъ „искреннѣйшія пожеланія отъ имени дружественнаго правительства и дружественнаго народа“ и—увѣренность, что графъ Муравьевъ „будетъ долго споспѣшествовать славіи и благоденствію царствованія Е. В. Императора Николая II, добрыми международными отношеніями, существующими между державами, и ихъ общими усиліями, наравненными къ величайшему благу—миру и гуманности“.

Отвѣчая здравницей за г. Ганото, графъ выразилъ убѣжденіе, что „тѣсныя отношенія между обоими странами будутъ попрежнему служить самымъ прочнымъ залогомъ мира“.

Разныя извѣстія.

— „Союзъ взаимомощи русскихъ писателей“ уставъ котораго недавно Высочайше утверждёнъ, создастъ соборю, наконецъ, надо надѣяться, учрежденіе, объединяющее всѣхъ писателей, какъ представителей самостоятельной профессіи, какъ особой корпорации работниковъ пера, официально признанной Высочайшимъ указомъ 13 января 1895 г. Союзъ этотъ, являясь связующимъ члѣномъ для всѣхъ безъ различія литературныхъ труженниковъ, долженъ послужить для нихъ со временемъ и нравственной, и матеріальной опорой. На это прямо указываетъ уставъ „Союза“, перечисляющій семь основныхъ цѣлей Союза:

а) объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессиональныхъ интересовъ, для установленія постоянного между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати; б) посредничество между авторами, сотрудниками периодическихъ изданій и переводчиками, съ одной стороны, издателями и редакторами—съ другой, какъ въ отношеніи спроса и предложенія, такъ и для разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ, въ случаѣ возникновенія таковыхъ; в) посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами Союза, а также между ними и посторонними членами; г) представительство на русскихъ и иностранныхъ съездахъ и въ другихъ случаяхъ, когда Союзъ признаетъ это нужнымъ, совместно съ Русскимъ Литературнымъ обществомъ или независимо отъ него; д) ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей; е) ходатайство и посредничество передъ учрежденіями и обществами, вѣдающими помощь писателямъ и ихъ семействамъ, а также содѣйствіе этимъ учрежденіямъ въ видахъ объединенія и развитія ихъ дѣятельности; ж) матеріальную помощь своимъ сочленамъ въ тѣхъ формахъ, которыя будутъ признаны цѣлесообразными. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности Русскаго Литературнаго общества, союзъ можетъ продолжать существовать, какъ самостоятельное общество.

Для достиженія этихъ цѣлей Союзу предоставляется:

а) собираться для обсужденія докладовъ и соображеній по предметамъ профессиональнаго интереса, а также для рѣшенія всѣхъ дѣлъ, касающихся союза; б) устраивать бюро справокъ по предмету спроса и предложенія литературнаго труда; в) учреждать кассы пенсіоніями, страхования и взаимомощи, санаторіи—пріюты для престарѣлыхъ и хроническихъ больныхъ писателей, потребительныя товарищества и т. п., съ разрѣшенія подлежащей власти; г) выдавать изъ оборотныхъ своихъ средствъ единовременныя пособія и суды своимъ членамъ; д) устраивать литературные вечера, концерты и чтенія; е) принимать порученія отъ членовъ общества и органовъ печати по дѣламъ, касающимся ихъ профессиональныхъ интересовъ и ходатайствовать по этимъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; ж) имѣть судъ чести, дѣйствующій по правиламъ, указаннымъ ниже; а) выпускать въ свѣтъ печатныя изданія и сборники, а также издавать периодическія органы; и) имѣть свою библиотеку и читальню; і) приобретать для своихъ надобностей, а также по дареніямъ, завѣщаніямъ, или отчуждать недвижимую собственность, для цѣлей общества; к) соизволять съ надлежащаго разрѣшенія съѣзды дѣятелей печати; л) принимать мѣры и изыскивать средства къ охраненію могилъ и памятниковъ писателей; м) имѣть свою печать.

Членами Союза могутъ быть, безъ различія направленія, всѣ лица, заявившія себя трудами въ области литературы, науки и периодической печати, а также редакторы и сотрудники повременныхъ изданій.

Средства Союза будутъ состояться изъ ежегодныхъ десятирублевыхъ членскихъ взносовъ, сборовъ

отъ устраиваемыхъ Союзомъ литературныхъ вечеровъ и чтеній, доходовъ отъ продажи изданій общества, доходовъ отъ его имущества и изъ пожертвованій. Дѣлами Союза будутъ завѣдывать: общія собранія членовъ; комитетъ изъ 12 членовъ, съ 4 кандидатами; судъ чести изъ 7 лицъ, съ 2 кандидатами; ревизионная коммиссія изъ 5 лицъ, съ 2 кандидатами. Общія собранія созываются: годовыя, обыкновенныя и чрезвычайныя.

Всѣми дѣлами Союза и его имуществомъ завѣдуетъ комитетъ, руководствуясь инструкціями собраній и утвержденной съмотой и представляя ежегодно отчеты о своихъ дѣйствіяхъ и состояніи кассы годовому собранію. Лица, желающія вступить въ члены Союза, подають о томъ въ комитетъ заявленіе. Они избираются общимъ собраніемъ по предложенію комитета. Если комитетъ отказывается сдѣлать это предложеніе общему собранію, желающіе вступить въ члены Союза могутъ потребовать баллотировки въ общемъ собраніи. Въ этомъ случаѣ выборъ считается состоявшимся, если при баллотировкѣ за кандидата было подано не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ изъ наличнаго состава собранія.

Организуемый уставомъ, въ цѣляхъ охраненія добрыхъ нравовъ между лицами, занимающимися литературой и журналистикой, судъ чести будетъ разсматривать дѣла какъ между членами Союза, такъ, въ случаяхъ, касающихся профессиональной дѣятельности членовъ Союза, по заявленіямъ частныхъ лицъ—если обѣ стороны обратятся къ нему, или—одна изъ сторонъ откажется отъ третейскаго суда, а другая обратится къ суду чести. Члены суда чести избираются общимъ собраніемъ безъ кандидатамскаго списка, обязательнаго для избирателей, но комитетъ можетъ указывать кандидатовъ въ неопределенномъ числѣ, для свѣдѣнія общаго собранія. Каждая сторона можетъ отвѣсти не болѣе двухъ членовъ суда чести безъ объясненія причинъ; каждый членъ суда можетъ устранить себя отъ разсмотрѣнія даннаго дѣла. Для дѣятельности засѣданія достаточно трехъ членовъ. Для каждого дѣла наличные судьи избирають изъ своей среды председателя присутствія. Судъ чести приглашаетъ для объясненій обѣ стороны. Членъ Союза, не явившійся по такому приглашенію безъ достаточныхъ причинъ, считается выбывшимъ изъ Союза. Если примиренія сторонъ не состоялось, судъ чести постановляетъ рѣшеніе, которое по желанію одной изъ сторонъ или обѣихъ—можетъ быть опубликовано чрезъ комитетъ, буде этотъ послѣдній не найдетъ къ тому препятствій. Въ случаѣ непріобрѣтѣнія одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ судъ чести, помимо послѣдствій, налагаемыхъ на члена, выслушиваетъ явившуюся сторону и, разсмотрѣвъ ея доводы и доказательства, высказываетъ свое мнѣніе, которое можетъ быть опубликовано съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ условий. Комитетъ можетъ передать на разсмотрѣніе суда чести поступки члена Союза, если въ нихъ усматривается противодѣйствіе членамъ Союза, плагиатъ, контрафакція, клевета или вообще что-либо противное чести писателя. Если поступокъ члена Союза будетъ единогласно признанъ судомъ чести несовмѣстимымъ съ дальнѣйшимъ пребываніемъ члена въ составѣ Союза, судъ чести предлагаетъ ему отказаться отъ званія члена, а если такого согласія не послѣдуетъ, доводитъ о томъ до свѣдѣнія комитета, который отмѣчаетъ члена выбывшимъ.

О лицахъ, избранныхъ въ составъ комитета, суда чести и ревизионной коммисіи будетъ сообщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ *Ины*.

— Чинovníкъ особыхъ порученій V класса, сверхштата, при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, главный редакторъ газеты *Правительственный Вѣстникъ*, членъ особаго отдѣла учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, причисленный къ главному управленію государственнаго коннозаводства, въ званіи камергера Высочайшаго Двора, д. с. с. Службескій—византенецъ членомъ совѣта министра вну-

На обратномъ пути изъ Франціи графъ Муравьевъ былъ на аудіенціи у императора Вильгельма въ Кляй и навѣстилъ германскаго имперскаго канцлера въ Берлинѣ.

По отъѣздѣ западно-европейской печати, предметомъ „совѣщаній“ Петербурга съ Парижемъ и Берлиномъ былъ турецкій вопросъ.

Какъ сообщаетъ *Nordd. Allg. Zeitung*, представители державы условились представить султану проектъ реформъ до начала Рамазана, чтобы дать надшаху время въ теченіе тридцатидневнаго мусульманскаго праздника обсудить проектъ и дать положительный отвѣтъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, грозная туча надъ Оттоманскою имперіей все болѣе и болѣе сгущается, предвѣщая роковую непасть, устраненіе которой всеми мѣрами стремится европейская дипломатія. Во многихъ малоазіатскихъ городахъ мусульмане сильно возбуждены противъ реформъ. На Критѣ опять начались кровавыя столкновенія христіанъ съ турками, среди которыхъ ведется сильная агитація съ цѣлью подорвать миролюбивыя мѣропріятія державъ. Словомъ, въ Турціи господствуетъ порядокъ вещей, отъ котораго въ политическихъ кружкахъ не ждутъ ничего утѣшительнаго.

тренихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи, въ занимаемыхъ имъ должностяхъ главнаго редактора и члена особаго отдѣла и причисленнымъ къ означенному главному управленію.

— 19 января исполнилось десятилѣтіе со дня кончины поэта С. Я. Надсона.

— По представленію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣно въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ на содержаніе городского и сельскаго духовенства, отпускать изъ государственнаго казначейства, съ 1 января с. г., по 500,000 р. въ годъ.

— Постоянная коммиссія по техническому образованію, состоящая при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ, выработаны различныя типы школь для подростковъ, оканчивающихъ курсы въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Одна изъ такихъ школь учреждается при первой школѣ печатнаго дѣла и будетъ носить полупрофессиональный характеръ, служба подготовительнаго для учениковъ школь печатнаго дѣла.

— Съ 7 января я. г. испытаніе на званіе учителя или учительницы начальныхъ училищъ, согласно утвержденнымъ недавно министромъ народнаго просвѣщенія правиламъ и общей программѣ этого испытанія, будетъ состоять изъ письменныхъ испытаній по русскому языку, арифметикѣ, географіи и исторіи Россіи и чистописанію, и изъ устныхъ испытаній по Закону Божію, по упомянутымъ выше предметамъ, по геометріи (для желающихъ получить право преподавать въ двухклассныхъ начальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія) и цѣнню (не обязательную). Желающіе экзаменоваться на означенное званіе въ испытательномъ комитетѣ с.-петербургскаго учебнаго округа могутъ получать правила и подробныя программы этого испытанія въ шестой с.-петербургской гимназій (близъ Чернышева моста).

— Во время Великаго поста Русскимъ театральнымъ обществомъ, состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, созывается въ Москвѣ первый всероссійскій съездъ сценическихъ дѣятелей. Съездъ имѣетъ цѣлью всестороннее выясненіе нуждъ и потребностей театральнаго дѣла въ Россіи въ его современномъ положеніи и дѣйствуетъ въ предѣлахъ утвержденной правительствомъ программы. Членами съезда могутъ быть: а) члены Русскаго театральнаго общества; б) члены всѣхъ разрывшихъ въ имперіи драматическихъ, музыкальныхъ и т. п. обществъ; в) настоящіе и бывшіе сценическіе дѣятели, какъ-то: артистки и артисты, режиссеры, антрепренеры, капельмейстеры, музыканты, композиторы, декораторы, хористки и хористы и другіе профессиональные дѣятели сцены, а также любители сценическаго искусства, если они принадлежатъ къ драматическимъ и т. п. кружкамъ и обществамъ; г) драматическіе писатели и представители органовъ печати; е) представители искусствъ и литературы; ж) уполномоченныя и представители правительственныхъ и общественныхъ (городскихъ и земскихъ) учреждений. Лица, желающія быть членами съезда и удовлетворяющія упомянутымъ условиямъ, заявляютъ о томъ до конца февраля 1897 г. коммисіи Русскаго театральнаго общества по организационнаго перваго всероссійскаго съезда сценическихъ дѣятелей (С.-Петербургъ, Кирочная, 25, домъ Русскаго театральнаго общества), а послѣ февраля 1897—въ канцелярію съезда въ Москвѣ, съ указаніемъ: а) своего имени, отчества и фамиліи, б) рода занятія и в) точнаго адреса. При заявленіи прилагается членскій взносъ—три рубля. Члены Русскаго театральнаго общества освобождаются отъ взноса. Председателемъ коммисіи по организационнаго съезда состоитъ А. А. Потѣхинъ, товарищемъ председателя А. Е. Молчановъ и членами: М. Г. Савина, К. В. Бравчикъ, П. П. Гидьчикъ, Е. П. Карповъ, Н. А. Корневъ, П. М. Медвѣдевъ, М. И. Писаревъ, Н. А. Селивановъ и В. Д. Шемаевъ. Секретарь коммисіи Ан. Н. Кремлевъ.

Библиографія.

Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ и принадлежащихъ къ вѣдомству учре-

жденій Императрицы Маріи за 1890—1894 гг. СПб. 1896. Желающіе ознакомиться съ полезною дѣятельностью дѣтскихъ пріютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ

„Ревизоръ“. Дѣйствіе I, явленіе III.

„Ревизоръ“. Дѣйствіе II, явленіе X.
„Ревизоръ“. Б. Булга автогипія „Нива“.

„Ревизоръ“. Дѣйствіе I, явленіе I.

„Ревизоръ“. Дѣйствіе II, явленіе VI.
„Ревизоръ“, Н. В. Гоголя, на сценѣ солдатскаго театра. Съ фотогр. К. Булга автогипія „Нива“.

Величье покровительстве и принадлежати къ вѣдомству Императрицы Маріи, въ ихъ прошломъ и настоящемъ, мы можемъ указать на недавно вышедшій, весьма обстоятельно составленный, отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ за 1890—1894 гг. Идея устройства пріютовъ принадлежитъ попечителю Демидовскаго дома „для призрѣнія трудящихся“, И. Д. Черткову, по мысли котораго въ 1837 г. было устроено при названномъ домѣ первое въ Россіи „убѣжище для дѣтей, оставляемыхъ матерями, иудими на заработки“. Идея дѣтскихъ пріютовъ, при своемъ практическомъ осуществленіи оказавшаяся какъ нельзя болѣе плодотворной, пустила въ сознаниіи общества настолько глубокіе корни, что уже въ слѣдующее году въ Петербургѣ было открыто, кромѣ Демидовскаго, еще четыре пріюта, обратившіе на себя Августѣйшее вниманіе и принятые императрицей Александрой Феодоровной подъ непосредственное покровительство. Первоначально пріюты давали только дневное призрѣніе дѣтямъ на время отлучекъ ихъ родителей на работы, но съ 1846 г. дѣятельность ихъ начинаетъ постепенно расширяться: прежде всего при пріютахъ открываются сиротскія или почтенныя отдѣленія, затѣмъ совершается рядъ преобразованій по воспитательной части, открываются ремесленные классы, мастерскія и руководныя отдѣленія, школы кулинарнаго ремесла и даже самостоятельныя ремесленные училища, наконецъ необходимость призрѣнія бездомныхъ новорожденныхъ младенцевъ приводитъ къ открытію яслей, воспитательныхъ пріютовъ и домовъ. Быстро развиваясь такимъ образомъ, дѣтскіе пріюты въ теченіе полулѣтска развиваются въ цѣлое благотворительное вѣдомство, дѣятельность котораго заслуживаетъ тѣмъ большаго къ себѣ вниманія, что она раз-

вивается исключительно на средства частной и общественной благотворительности, „не обременяя, какъ выражается отчетъ, государственнаго казначейства“. Это фактъ чрезвычайно отрадный. Можно пожелать, чтобы и впредь, отнрсья внимательно къ своимъ нуждамъ, общество съ живымъ сочувствіемъ откликнулось на нихъ и продолжало энергично развивать въ себѣ ту благотѣтельную инициативу, безъ которой немислимо никакое движеніе впередъ, никакой прогрессъ.

Въ любовномъ чадѣ. Эпизодъ изъ жизни извѣстнаго артиста Эрнесто Росси. Переводъ съ французскаго И. М. Булацель. С.-Петербургъ. 1897.

Толпа всегда съ любопытствомъ знакомится съ интимною жизнью талантовъ, а изъ числа этихъ послѣднихъ жрецы искусства, во всѣхъ его проявленіяхъ, особенно интересуютъ публику,—да притомъ и самая жизнь ихъ гораздо богаче различными событиями экстраординарнаго свойства, чѣмъ жизнь людей науки или техники. Въ этой книжечкѣ рисуется исторія любви Эрнесто Росси къ пѣвицѣ Амели Даше,—любви, длившейся шесть лѣтъ и принесшей знаменитому трагику много горя,—и притомъ исторія этой любви расказываетъ самъ Росси, въ письмѣ къ одному изъ самыхъ близкихъ ему людей, расказываетъ въ приподнятомъ тонѣ, вызывающемъ иногда улыбку, иногда прямо непріятное чувство. Росси пользовался у насъ, въ Россіи, такими живыми симпатіями публики, что поклонники его таланта навѣрное не пожалѣютъ, познакомившись съ этимъ эпизодомъ его жизни, хотя мы не можемъ рекомендовать эту книжку для семейнаго чтенія.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Сны. Повесть Влад. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе.)—Мосей зацѣ. Разсказъ И. Я. Ярославской.—Выставки работъ японскихъ художниковъ. (Съ 8 рисунками.)—Бъ рисункамъ: Молитва.—Заложеніе Успенскаго собора и перенесеніе мощей св. Петра, покровителя Москвы, Іоанномъ III.—Зима.—Дѣвочка-цыганка.—И. Н. Бестужевъ-Рюминъ (съ портр.).—М. М. Морянинъ (съ портр.).—„Ревизоръ“ на сценѣ солдатскаго театра (съ 4 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Библиографія.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія. При этомъ не прилагаются: 1) сочиненія П. Д. Боборыкина, т. II (Сборникъ „Нивы“ за февраль); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за февраль съ 28 рис. и отдѣломъ съ 27 черт. выир. въ натур. вел. и 23 рис. выпальныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

Только что отпечатано и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ,
соч. П. А. Вильдерлинга.

Въ двѣнадцать бесѣдъ П. А. Вильдерлинга посвящены вопросу о подѣмѣ производительности земли путемъ правильнаго удобренія и использованию ея. Среди полу-беллетристическаго текста бесѣдъ, на соответствующихъ мѣстахъ, приведено нѣмъ обстоятельное руководство къ устройству опитнаго показательнаго поля, а также дѣльный рядъ рисунковъ, наглядно иллюстрирующихъ результаты различнаго рода удобреній. Въ бесѣдахъ измѣнено такое множество практическихъ соображеній, что книга эта для занимающихся земледѣліемъ имѣетъ крупный практическій интерес. Но, по своей ясности, общепонятной и убѣдительной формѣ, она имѣетъ интересъ и вообще для всѣхъ, кто не чуждъ еллія ознакомиться съ основными правилами земледѣлія. Изданіе заключаетъ въ себѣ 102 страницы и 80 и снабжено 18 рисунками въ текстъ.
Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.

съ требованіями обращаться къ конторѣ изданій А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, 22.

ОПЕЧАТАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ

для вышиванія по канвѣ крестикомъ и гладью, составл. по оригинальнымъ рисункамъ Б. А. ЛЕВЕНЦА.

Альбомъ заключенъ въ красивую папку, украшенную печатанною въ 10 красокъ. аварелью художника И. Богданова.
Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Карлъ Ивановичъ Вагнеръ,

Садовое заведеніе въ Ригѣ, съимѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что Каталоги сѣмянъ и пр. на 1897 г. издали и высылаются по требов. безплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

Православные Христіане!

Въ селѣ Березовѣ Рязенскаго уѣзда Рязанской губерніи, деревенный храмъ отъ времени пришелъ въ такую ветхость, что грозитъ полному разрушенію. Уловаи на милость Божию и на добрыя сердца православныхъ христіанъ, мы съ благословенія Нископреспасищеннаго Архіепископа нашего Іустина, Епископа Рязанскаго и Зарайскаго, рѣшили воздвигнуть новый храмъ. Почему и приобѣгаемъ къ милостивымъ добрымъ людямъ Во имя Господа Иисуса Христа, заповѣдающаго: „просищему дай“ — не откажати, добрые христіане, въ послѣдней помощи намъ осуществить начатое нами великое и святое дѣло, кто какъ и чѣмъ можетъ. Божественный Учитель Нашъ имѣетъ съ сими сказалъ, что дающаго рука не оскудѣетъ, и мы, увѣренные въ щедрость добрыхъ людей, прибавимъ отъ себя, что всаго пожертвованіе будетъ принято нами съ сердечною благодарностью и съ возношеніемъ Господу Богу Нашему постоянныхъ и горячихъ молитвъ за всякаго жертвователя. № 9914 2—1
Святые небесные дѣлатели, чудотворцы и безсребренники Косма и Даміанъ, во имя которыхъ рѣзрѣшено строить храмъ, будутъ наши дѣлатели въ вашихъ недугахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, нашии заступниками въ напастяхъ и бѣдахъ.
Просимъ высылать деньги и вещи по слѣдующему адресу: Рязанской губерніи, почтовая станція село Урусово, —кладѣзную Предсѣдателя Строительнаго Комитета Николаю Михайловичу Елютину, или иѣскому священнику Николаю Пернову.

Вышелъ въ свѣтъ и разсылается подписчикамъ
ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ
„ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ“
П. П. ГНѢДИЧА.

Содержаніе: Глава III. Эллада (окончаніе).—Глава IV. Римъ.—Глава V. Древне-христіанская эпоха (начало).—Стран. 161—320.
Въ выпускѣ помѣщено 122 рисунка и 3 раскрашенныхъ таблицы.
Подписка продолжается: за 12 выпусковъ (3 тома in quarto съ 2000 рисунковъ и 30 раскрашенными таблицами) 12 руб., съ перес. 14 руб. Допускается расрочка.
Пробные экземпляры перваго выпуска (Египетъ, Передняя Азія и Эллада) продаются по 1 руб.

Для любителей особо роскошныхъ изданій

отпечатано только 50 нумерованныхъ экземпляровъ
на слоновой бумагѣ. Цѣна этого роскошнаго изданія—50 руб., съ перес. 55 руб.
Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса: С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

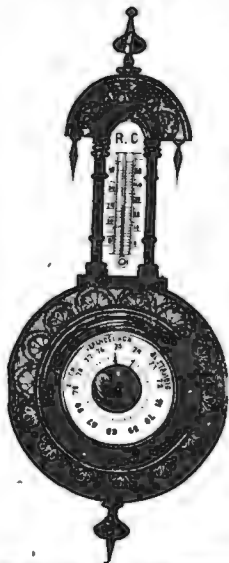
НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
горькая вода источника
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ.
Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ, въ Булацелѣ.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ
на Всероссийской выставкѣ 1896 г. за „Мило Диспозе“ Н. Н. Виноградова

НОВОЕ ИЗОБР. МЫЛО ДИСПОЗЕ

ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ БЕЗЪ ПАРКИ

ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ имѣлъ на оберткѣ и на мизѣ штампъ „Мило Диспозе“. ВѢДЬЕ получается замѣчательно чистымъ. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуется ВЪ ТРИ РАЗА МЕНѢе простого. Совершенно безвредно для тѣлесной бѣлы. Устойчивъ. за № 3780. Экономично для бани. Продажа вождѣ. Опт. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 9870 4—2

ВАРОМЕТРЫ — Ано-
рождъ съ термометра-
ми, провѣренныя, въ раз-
ныхъ оправахъ, 47 см.
длины, отъ 8 рублей.

ВИНОКЛИ для театра
и поля, съ большимъ по-
лемъ орбіи и сильнѣмъ
увеличен., отъ 8 р. 50 к.
до 80 рублей.

ОЧКИ и ПЕНСНЕ съ
лучш. стеклами, сталь-
ные 1 р. 25 к.; Double
(накладного золота), не
отличающіеся отъ золо-
тыхъ и не чернѣющіе,
4 рубля.

ОЧКИ и ПЕНСНЕ золотыя 56 пр. отъ 7 р.

В. ПРЕТЦЕЛЬ,

преминикъ **КАРЛЪ БОРХАРТЪ.**

Москва, Рождественка, домъ № 5.

ВЯЗАНОЕ ДЖУТОВОЕ БѢЛЪЕ (ХЛОПЧАТО-БУМАЖНОЕ)

ОЧЕНЬ ПРОЧНОЕ, особенно рекомендуется лицамъ, не носящимъ шерстяного бѣлья.

ФУФАЙКИ КАЛЬСОНЫ

ТОНИЯ	— 88 к.	ЛЕГКІЯ	1 р. 15 к.
СРЕДНІЯ	1 р. —	ПЛОТНІЯ	1 р. 30 к.
ПЛОТНІЯ	1 р. 20 к.	ТОЛСТІЯ	1 р. 75 к.

Гг. выгородники высылается на сумку по кѣтѣ 1 рубль. Цѣны безъ пересылки.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ БѢЛІЯ.

С.-Петербургъ, № 5, **ВЛАДИМИРСНАЯ**, № 5, близъ Графскаго.

Для жѣнъ слѣдуетъ указать:
Для кальсоны: объемъ вокругъ пояса (талия) и длину отъ пояса до подошмы.
Для фуфайки: объемъ вокругъ груди подъ мышцами.
Дополнительный прѣсь-куррантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

Инженерное училище въ Цвейбрюкенѣ,

въ Рейнфальцѣ.

Высшее машиностроительное и электротехническое училище.

6-2

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — **ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.
духи — **ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА** — туалетное мыло.
духи — **ЭДЭЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
духи — **ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прѣдв. пост., Карлсруэ.

Можно получить:

Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вольеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Ко-
нстантина Герца, Лимана и Риска, А. Ланде, А. Энглуанда. Въ Москвѣ: у гг. Миръ
и Меридиэ, въ магазинѣ „А-ля-туалетъ“, у Г. Брунса, А. Борхарда, Р. Келера и Б.
Оскара Гетлингъ и во всѣхъ крупнѣхъ городахъ Россіи. Ц. № 9336 13-5
Представитель для Петербурга: Д. Герве, 2, Максимиліановскій пер.

На Южномъ берегу Крыма

близъ Алупки, въ нѣвнѣй г.г. Мальдонихъ „Сименъ“, у берега моря, сдаются въ дол-
госрочную аренду подъ постройку дачъ,
участки земли отъ 100 и болѣе квадрат-
ныхъ саженой, вполнѣ обезпеченные родни-
ковой водой.

Объ условіяхъ можно узнать отъ
управляющаго нѣвнѣмъ

А. П. КОССОВА.

Почтовый адресъ:
Алупка, Таврической губерніи.

КАРАМЕЛЬ

изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени въ Кіевѣ.
Цѣны коробки 25 коп. Малая коробка
15 коп.

Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕН-
ЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продается во всѣхъ аптекахъ и автока-
рскихъ магазинахъ Россіи. 12-7

НА ВОСПИТАНІЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО КОМПАНИИ ДИТЕЙ ВЪЗРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНІЯ

СВѢДѢНІЯ

ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЪ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
ЖЕЛѢТЕЛЯХЪ
ему

НЕОУЖИВЪЕ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ
ПО ВОСПИТАНІЮ
ВОСПИТАНІЕ
500 руб.

ТЕЛЕФОНЪ 141

Бильць. ГИГИЕНИЧЕСК. ЛѢЧЕБНИЦА.

Санаторія Дрезденъ-Радевицъ (Герм.).
2 врача. Особенно приспособлена для осени, и зимняго лѣ-
ченія. Одна изъ самыхъ большихъ и прекрасн. гигиенич. лѣче-
бницъ Германіи. Лѣченіе болѣзней женск., нервн., желудочн.,
грудн., назоносл., полов. орган., астмы, ревмат., ожирѣн., малокр.
и т. п. Подр. объявленія—**бесплатно.** Владѣлецъ тѣв.—Ф. К.
Бильць, авторъ преміи. соч.: «Бильць. Гигиеническ. лѣченіе».

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-
Румынск. Придворн. Поставщикомъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
Лейпцигъ-Плагвицъ.

нѣжно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ дѣ-
шаго полотнонаго бѣлья. Штука-только въ нѣсколько копѣекъ. При
немъ нѣтъ сморщиванія со стиркой и испорченности. После употре-
бленія его брасуютъ. Ностоянно новое, безупрочнѣе-идеальное бѣлье.
Прешедши сохраняетъ даже при употребленіи потѣнн. Необходимо
для военнѣхъ, путешественнѣхъ, и холостяковъ. Ниженоименованныя
представители сообщаютъ, по желанію, гдѣ оно продается.
**Таифани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Пе-
тербургъ, Садовая 18. Максъ Титшбейнъ, Рига. Фабианъ
Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.**

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1810 году
Сиб., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работъ
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700,
600 и 550 рублѣй
ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 р.
Прѣсь-куррантъ высылается
бесплатно.

Дело въ Москвѣ: Юл. Генр. Цаммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына; въ Ригѣ:
О. Энгельманъ; въ Варонѣ: Р. Т. Шугана; въ Бану: Ф. И. Шрейберъ; въ Тиф-
лисѣ: Б. М. Мириманіанъ. 13-8

СЪМЕННОЯ
ТОРГОВЛЯ

А. Б. МЕЙЕРЪ.

Москва, Мясницкая, д. Кузнецова,
противъ дома ОБИДИНО.

СЪМЕНА
НАИЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
и испытанной всхожести
по убрѣн. цѣн.
Каталоги безъ
платно.

НАРОДНАЯ
ЦИТРА

очень любимый и легко изучаемый музич-
еский инструментъ.

Въ 1 часъ можно выучиться играть,
Звукъ очень ясный и пріятельный.
Подробное описаніе высылается бесплатно. 7-ми пе-
далями, съ присоед. для настройки толькѣ
6р., лучш. работъ и сильнѣе въ толь 8 р.
Ноты—14 альбомовъ по 50 коп.
Пересылка за 15 фунт. 3-3

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Велиова.

Большая золотая медаль Парижъ.

МАССА БЛАГОДАР. и ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
и многоруднѣхъ и московскнѣхъ
ПОСРЕДСТ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
вполнѣ замѣняющнѣхъ устное препода-
ваніемъ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
преподаватели совѣтующнѣхъ наукъ
С. Я. ДИДЕНТАЛЬ.
УСАДЬБА ПЕТРОВЪ * МОСКВА * высылается
БЕЗПЛАТНО.

Болш. Бутырская ул., д. № 27.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВѢДЕНІЕ
для устройста и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhlанд, Leipzig.

Прѣсь-кур. высылается бесплатно. Ц. № 706

БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,
страхуетъ

билеты 11-го 5% съ выигр. займа отъ
тыража 1 марта 1897 г.
ПО 1 Р. 15 К.

МОСКВА
„ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“
Театральная площадь.
Центръ столицн. 200 №ѣ отъ 1 р.
и дороже. Ц. № 706

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПБургъ.
 Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛОНЪ! Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Главное представительство Т-ва Проводникъ: Николай Э. Шейтцъ, Москва, Никольская, № 7.

Ш. № 9908 7-1

== НОВОСТЬ! ==
 ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.
 1896— —1897.
 НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА.
РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ
 МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.
РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.
 Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.
 Единственный для всей Россіи СКЛАДЪ
 Высочайше утв. Товарищество
 М. Блок
 ГЛАВНАЯ КОНТОРА МОСКВА.
 ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кованъ, Ростовъ н/Д.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣлокрутыхъ, желтая вода для брюнетовъ.
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.
 № 5120 (93)

СПЕЦ. ТЕХНОХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
 „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ } ТУАЛЕТНЫЯ
 „МЮСКЪ“ } МЫЛА.
 „ПОДЪСПАНЬ“ }
 Своими прекрасными достоинствами заслужили полное одобреніе со стороны многочисленныхъ потребителей. Ц. № 9671
 ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ: СПБ., Площ. Александр. театра, 9.—МОСКВА, Никольская, д. Шереметова.—ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 37. 5-3

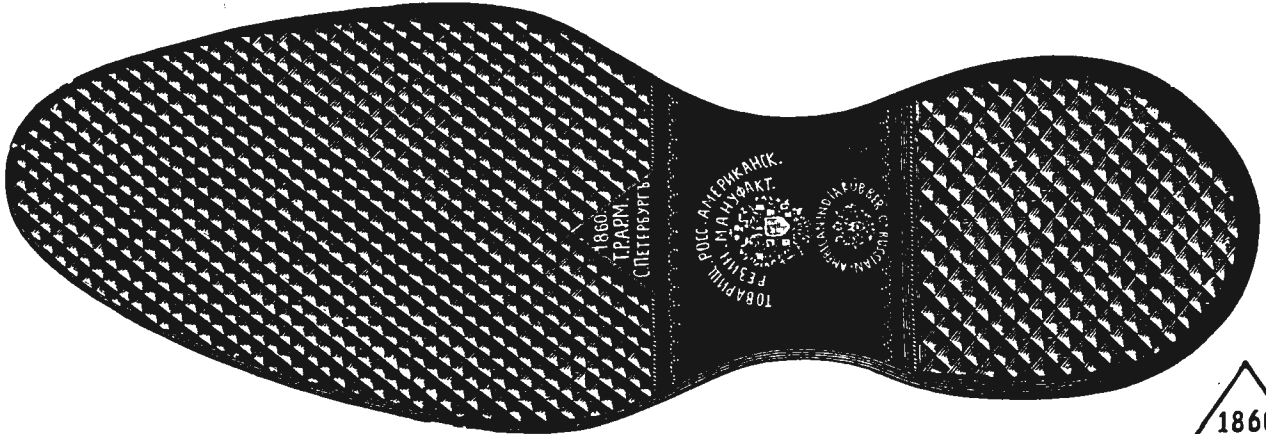
ВАЖНО для ДАМЪ!
КАЛОДЕРМА Ц. № 9875 11-3
 Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ.
 НЕЗАМѢНИМА для ХОЛИ КОЖИ.
 Продана въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9-51 26-3
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ПВѢЮЧНАЯ ВОДА

РАПЛЕ

(Сахарная вода)

Майонн Ландшт., Иланг-Иланг, Гейлорп, Вера-Вюлетта и т. д. Продаются во всѣхъ Агентахъ, имеющихъ Россію, Имперію

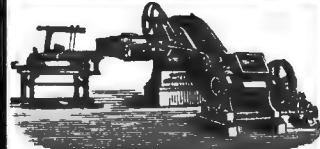
ФИСГАРМОНИИ

Американскія, французскія и знаменитой фабрики Шидмайера, рекомендованныя Главачемъ, Гензольтомъ, Листомъ и др., въ 85, 100, 110, 130, 185, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1000 р. Самоучитель Пахе 2 р. Играть на фисгармоніи можно выучиться легко.

Прейсъ-курвантъ бесплатно.

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО и ФАБРИКА музыкальныхъ инструментовъ С.-Петербургъ, Б. Морская, 34. Москва, Кузнец. м., д. Захарьина.

Людв. Бедоров. Шлиммэйзенъ, Москва,

Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ. рекомендуютъ: кирпичедѣлательныя и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черепицы съ фальцами, брикетовыя; дабы: пагетовъ. Шаровыя мельницы для измельченія и размола и одновременного просѣиванія материаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (43г)

ДЛЯ ЗАРАБОТКА!!!

СПЕЦИАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

продажи предметовъ ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, ДОМЪ ТОЛМАЧЕВА.

ФОНОГРАФЫ ЭДИСОНА

ПОДЛИННЫЕ, ГАРАНТИРОВАННЫЕ:

Электрическіе отъ 500 руб.

Ресорные (Ноты) отъ 200 р.

Графофоны отъ 275 руб.

Кинематографы системы Вьерера въ Парижѣ (проектирование на экранѣ оживленн. фотограф. сценъ въ натуральную величину) отъ 1600 р., съ принадлеж.

Фактографы—тѣ-же аппараты для домашнего употребл. и любителей, съ приспособл. для сниманія сценъ—отъ 600 р.

Флуороскопы—аппараты для показанія невидимыхъ предметовъ (полюсы) отъ 600 руб. П. № 9831

Промышленн. выборъ машинъ, тысячи фонограммъ известнѣйшихъ пѣнцовъ, расказчиковъ, оркестровыхъ пьесъ, монологовъ, кулетовъ.

Собственная мастерская. Серьезная гарантія. Безплатное обученіе. Записанія частн.

Адресъ для телеграммъ: Москва—Фонографъ. 5—

ВЫГОДНОЕ ДѢЛО!!!

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

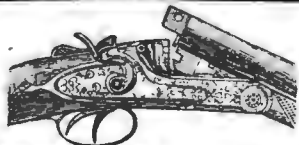

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣстѣ Cold cream (кожидъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. P. № 9803 18—7

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружья, не прочитавши инструкціи. Прейсъ-курвантъ, высылка, безплатно Оружейнаго магазина А. В. Гарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Ситова.

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К°. ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ! ПАРФЮМЕРІЯ МАДАМЪ „САНЪ-ЖЕНЪ“. Духи. Пудра. Мыло. ПАРФЮМЕРІЯ „РОЗА ДА-ФРАНСЪ“. О-де-колонъ. Духи. Мыло. „ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДРАЖАНІЙ“.

РУССКОЕ ОВЩЕСТВО для производства СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ въ Г. РИГѢ

наготовить въ большомъ количествѣ и выборъ всѣхъ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ числѣбукашнхъ мягачнхъ и оптовыхъ центрахъ. Т. № 9859 13—4

ЛЕОНГАРДИ

достохвално-извѣстна, единственно настоящія

Алидариновыя чернила для письма и копирования

(мѣлѣнсто-орншкова 1-го класса по отзивамъ государственныхъ учрежденій), 20—2

ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ВОПЛЕВЪ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ:

для книгъ, актовъ, документовъ и писемностей всякаго рода, можно получить почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди въ Дрезденъ, изобрѣтатель и единственный фабрикантъ. ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛКЪ.

ВЫИГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ, 59, Невскій, Спб. 10—3

Покупайте галоши съ металлич. обшивкой „РУССИКА“.

Продаются въ магазинахъ торгующ. резины. галошами. Единственный складъ для всей Россіи: Спб., Невскій, 92.

Эконом. обмундированіе

формен. платья для гг. офицеровъ и гражд. чиновъ всѣхъ министерствъ и ведомствъ, а также для гг. воспитанниковъ Имп. Алекс. Лицея, учил. Правовѣдѣнія и всѣхъ формъ для гг. студентовъ, готового и на заказъ. Цѣны дешовыя.

43-1. „МОРИСЪ“. 43-1. Невскій, уголъ Троицкой ул.

По воскреснымъ днямъ магаз. открытъ отъ 12 до 7 ч.

ПРАСИВО И СПОРО ПИСАТЬ выучиваю каждаго заочно въ 8 урокъ. Пробн. письмо, коніи отамъ и услов. высыл. за 2—7 к. марка. Адресъ: Одесса, Дерибасовск. д. Ж. Н. № 17, кв. № 3. Проф. каллиграфія Ш. Круку.

Жирная Пудра АУРИХА для бѣлизны лица НЕЗАМѢТНА НА КОЖѢ ВАСИЛІЙ АУРИХЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ Колокольная 18-19

ЗАИКАНІЕ

выдѣляется основательно въ спеціальному заведеніи Карла Эрнста. Принимаются приходящіе и ПАНСИОНЕРЫ. Спб., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство къ самообученію 3 руб. 7—5

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирсій домъ Генрихъ Блокъ. С.-Петербургъ, Невскій, 59.

МАЛОСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXVIII т.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 6

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ, съ приложеніемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ еженѣдн. литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выходитъ 8 февраля 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

Подробности см. въ концѣ этого №.

„У бабушки“. Съ карт. Г. Якобидеса грав. Іерике.

С Н Ы.

Повѣсть **Влад. И. Немировича-Данченко.**

(Продолженіе.)

IX.

Отъ небольшого, но тѣнистаго, сада Кашкадаровыхъ шла длинная аллея высокихъ пирамидальныхъ тополей. Она заканчивалась лужайкой на берегу рѣчки. Тутъ стояло нѣсколько скамеекъ, поставленныхъ лѣтъ 25 назадъ, теперь изъѣденныхъ червемъ. Сюда была обычная прогулка Кашкадаровыхъ съ гостями.

Было около восьми часовъ вечера. Августовская луна свѣтила особенно мертво.

Женни сидѣла на скамейкѣ, низко опустивъ голову и тяжело дыша. Ей казалось, что она сходитъ съ ума,—до того дико и необыкновенно было то, что происходило.

Василій Онисимовичъ стоялъ передъ нею и точно задыхался. Вся его полная фигура нервно вздрагивала.

— Вы молчите?—говорилъ онъ глухо, какъ будто горло у него пересохло.—Какъ мнѣ понимать ваше молчаніе? Говорятъ, молчаніе — знакъ согласія. Значитъ, такъ? Ну, вотъ и превосходно. Сію же минуту я отправлюсь къ вашему батюшкѣ и буду просить у него вашей руки. Рѣшено? Да что-жъ я допытываю. Разъ вы не отвѣчаете, стало-быть, согласны. Будьте покойны, изъ меня выйдетъ отличный мужъ. Во всякомъ случаѣ, не сомнѣвайтесь въ моей деликатности. А ужъ о васъ я не говорю. Вы — ангель, а не

дѣвушка. Я васъ давно такъ понимаю. До свиданья. Иду къ вашему батюшкѣ.

Онъ быстро пошелъ по аллеѣ къ дому. Женни приподнялась, хотѣла его остановить, что-то сказать, но не могла произнести ни слова и оплть опустилась на скамейку.

Что жъ это такое? Случилось то, чего она хотѣла, а она не только не испытываетъ ни малѣйшей радости, но сконфужена и подавлена. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе, но, кажется, никогда въ жизни она еще не чувствовала себя до такой степени оскорбленной. А вѣдь онъ не сказалъ ей ни одного обиднаго слова.

„Вы — ангель, а не дѣвушка“ — Женни ухватила за эти слова. Онъ произнесъ ихъ вполнѣ искренно, даже какъ-то особенно горячо. — „Я васъ давно такъ понимаю“.

Можетъ-быть, она смущена и сконфужена только отъ неожиданности или оттого, что она не привыкла къ подобнымъ объясненіямъ? Можетъ-быть, всѣ дѣвушки въ ея положеніи испытываютъ то же самое? Но отчего же всѣ его слова произвели на нее такое впечатлѣніе, точно онъ проговорилъ ихъ черезъ силу? Даже эти слова „вы—ангель, а не дѣвушка“ были произнесены съ какимъ-то большимъ порывомъ, точно онъ хотѣлъ утѣшить ее.

Нѣтъ, она просто до того *устарѣла* для подобныхъ объясненій, что сбита съ толку.

Женни готова была проклинать себя. Другая на ея мѣстѣ отдалась бы теперь радости, побѣжала бы къ сестрѣ, къ теткѣ. Вѣдь произошло то, о чемъ она только и мечтала все послѣднее время. А она боится встать, войти въ аллею. Если бы она услышала, что кто-нибудь приближается къ ней, она спряталась бы вонъ въ томъ темномъ камышѣ. О разговорахъ съ отцомъ или съ теткой она не можетъ подумать безъ ужаса.

Не вернется ли онъ хоть еще разъ спросить, согласна ли она быть его женой?.. Вернулся бы,—она отказала бы.

Женни заглянула въ аллею. Сквозь деревья видны два освѣщенныхъ окна дома и кусокъ бѣлой стѣны, кажущейся подъ луннымъ свѣтомъ зеленоватою. Слышно, какъ хлопнула балконная дверь. Должно-быть, это онъ вошелъ въ домъ. Сейчас спроситъ у Насти — „гдѣ Николай Осиповичъ“, пройдетъ къ нему въ кабинетъ... Отецъ чуть поблѣднѣетъ и почти со слезами скажетъ: „она не дѣвочка, можетъ сама распоряжаться своей судьбой“... Тотъ поблагодаритъ его и уйдетъ, а старикъ положитъ обѣ руки на столъ, задумается и заплачетъ. Непремѣнно заплачетъ!..

„Можетъ распоряжаться своей судьбой“... Госпожа Первозерникова, — вотъ судьба. Что такъ манило ее стать госпожю Первозерниковою? Ну, вотъ она скоро ею будетъ, — въ чемъ же собственно радость? Ощущаетъ она близость какого-то счастья, о которомъ мечтала? Нѣтъ. Напротивъ, никогда на душѣ не было еще такъ спутано и пехорошо. Даже когда Дебальцевъ сдѣлалъ предложеніе ей сестрѣ. Тогда все-таки впереди что-то было... Въ такомъ случаѣ, чего же она хотѣла?

Чего хотѣла? Прежде всего — любви. Любить ли она его? Ей казалось, что—да. Она начала привыкать къ нему, безъ него положительно скучала. Какъ-то совѣстно признаться даже самой себѣ, но она мечтала о немъ, какъ о мужчинѣ (Женни густо краснѣетъ и оглядывается въ темпотѣ). Ей нравились и его большіе сѣрые глаза, и низкій, грудной голосъ, и борода, и усы, и хорошо сидящее лѣтнее платье, и алая полныя губы. Мысленно она уже не разъ цѣловала ихъ.

Кажется, она что-то сказала сегодня ему объ его губахъ, — Боже, какой стыдъ! Навѣрное, это была пеклюжал игривость. Кажется, его это смутило...

Женни сбросила съ плечъ плюшевую, стального цвѣта, накидку. Вечеръ былъ холодный, но ее поминутно бро-

сало въ жаръ. Она хотѣла бы уйти въ свою комнату, запереться, уткнуться головой въ подушки, но даже не могла подумать о встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ.

А что если всѣ начнутъ поздравлять ее, за ужиномъ пить за здоровье жениха и невѣсты. Ни за что! Ни за что она не допуститъ!

— Но вѣдь я сама этого хотѣла!—съ сдержаннымъ вошемъ произнесла она.

Ей во второй разъ пришло въ голову, что она сходитъ съ ума.

Какъ все это произошло?

Она начала быстро припоминать всѣ подробности дня.

Онъ не прѣзжалъ и вчера, хотя Борисъ третьяго дня былъ у него. Борисъ говорилъ о немъ какъ-то странно, ничего нельзя было понять. Ночь она провела почти безъ сна. Желаніе выйти за него замужъ расширилось въ какое-то болѣзненное напряженіе. Кажется, она уже давно не отдавала себѣ отчета, чего именно искала въ бракѣ. Не помнить, когда перестала „соображать“ и „разсчитывать“. Да это продолжалось и недолго. Бесѣды съ тетей по ночамъ такъ взвнчивали воображеніе, что очень скоро она была охвачена лихорадочнымъ возбужденіемъ. Переходъ произошелъ въ ней совершенно незамѣтно. Когда они ѣздили къ нему на хуторъ, она уже была больна этимъ. Съ тѣхъ поръ работа валилась изъ рукъ, разговоры интересовали только тѣ, которые касались его. Потомъ онъ на недѣлю исчезъ.

Боже мой, подумать, что нѣсколько разъ она серьезно хотѣла пойти туда на хуторъ одна, потихоньку отъ всѣхъ. Если бы хуторъ былъ ближе, это навѣрное случилось бы.

Сегодня съ утра она была, какъ полоумная. Отецъ заявилъ категорически, что черезъ три-четыре дни надо ѣхать въ Москву. Она написала два письма Первозерникову и изорвала ихъ. Рѣшила твердо, что если онъ и сегодня не прѣдетъ, — завтра пошлетъ ему записку. Чтобы забыться, — усердно занялась этимъ дѣломъ Деревнина, въ рукахъ котораго оказались письма царицы Прасковьи къ фавориту Юрьеву. Даже увлеклась работой. Помнить, что приходила въ ужасъ отъ того, что Прасковья продѣлывала съ этимъ несчастнымъ Деревнинимъ.

Онъ сидѣла, читала, а Людвигъ Карловичъ на своемъ ломаномъ языкѣ говорилъ ей отцу, что пора копать картофель, а что въ кассѣ у него всего 20 рублей, и что надо нанять дивчатъ. Въ это время Насти вошла и сказала:

— Василій Онисимовичъ.

Даже не слышно было, какъ онъ подѣхалъ. Старикъ нервно забарабанилъ по столу, она вышла и въ проходной комнаткѣ между кабинетомъ и столовой остановилась. Сердце такъ билось, что подкашивались ноги.

Первозерниковъ былъ въ столовой одинъ. Когда она къ нему вышла, онъ съ испугомъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы ужасно блѣдны,—сказалъ онъ вмѣсто „здравствуйте“.

Она не могла ничего отвѣтить.

Что это—любовь или все то же лихорадочное возбужденіе? Неужели это надо называть любовью? Похоже ли это чувство на то, которое внушала ей когда-то Борисъ? Нѣтъ, нисколько не похоже. То было радостное, здоровое чувство. Тамъ нечего было стыдиться. О замужествѣ подумала ли она тогда хоть разъ? Врядъ ли. А если и думала, то между прочимъ, какъ о вѣшной формѣ, которая только разрѣшитъ громко сказать „люблю“. Здѣсь же наоборотъ. Всѣ мечты сводились къ замужеству, а слово „люблю“, произнесенное даже мысленно, звучало фальшиво и искусственно. Зачѣмъ скрывать самой передъ собой, что она заставляла себя

вѣрить этому слову! А въ то же время страхъ потерять *что-то*, навсегда лишиться какой-то надежды быть такъ силенъ, что туманилъ мысли и обманывалъ само сердце.

Какой-то мучительный миражъ, черная точка, „бзикъ“, какъ говорятъ поляки. Болѣзненно-напряженное скопление всѣхъ мыслей около одного образа, около одной мечты, уже безъ малѣйшей критики ея. Неужели это тоже любовь? Любовь пожилой дѣвушки, уже не способной къ тому чистому и радостному чувству, которое принято называть этимъ прекраснымъ словомъ? Но вѣдь хоть какое-нибудь удовлетвореніе оно должно дать? А его нѣтъ даже сейчасъ, когда мечта близка къ осуществленію.

Любовь безъ взаимности?

Безъ взаимности!

(Женни опять надѣла пакидку, ей стало холодно.)

Зачѣмъ же опъ сдѣлалъ предложеніе, если не любить ея? Зачѣмъ же эти слова: „вы—ангелъ, а не дѣвушка“?

Да, она опять отвлеклась отъ воспоминаній дня. Если прослѣдить его немощко хладнокровно, она, можетъ быть, пойметъ, что такое случилось.

Какъ это было? Все время она вела себя постыдно. Сначала за чаемъ. Василий Онисимовичъ сидѣлъ съ такимъ видомъ, что вотъ-вотъ встанетъ и простится. А ей надо было во что бы то ни стало удержать его. О чемъ говорилось кругомъ, — не помнитъ, не слушала. Придумывала способы отклонить его стѣздъ. Два раза сказала: „вотъ послѣ чаю пойдемъ, и я вамъ покажу“ — сначала видѣ, котораго онъ еще не зналъ, за рѣчкой, потомъ — какая-то мелкая выдумка, — кажется, тыквы необычайной величины на баштанѣ.

Наконецъ, они пошли гулять. Всѣ, кромѣ отца, вмѣстѣ. Ей хотѣлось остаться съ нимъ наединѣ, но Лиза, какъ нарочно, разспрашивала его о жизни въ губернскомъ городѣ. Женни не постыдилась шеннуть теткѣ, чтобы та устроила какъ-нибудь...

И вотъ они одни въ этой аллеѣ. Онъ нѣсколько разъ оглянулся. Женни банальнымъ тономъ барышни замѣтила:

— Вы ищете сестру? Вамъ хочется къ ней, со мной скучно? Такъ пойдемте назадъ.

Какой избитый пріемъ!

Онъ, конечно, пробормоталъ: „что вы, помилуйте“ и т. д.

Она долго не знала, съ чего начать. Къ счастью, разговоръ съ Лизой о губернской жизни еще какъ бы продолжалъ звучать, — какъ бываетъ, когда колокольчиковъ давно уже не слышно, а въ ушахъ все еще колеблется ихъ звонъ. Легко было возвратиться къ нему, а тамъ ужъ... всегда можно найти случай заговорить, о чемъ хочется.

Женни сказала, стараясь быть кокетливой и подражая единственному образцу—сестрѣ:

— Вы мнѣ никогда не рассказывали о своихъ побѣдахъ. Сознаться, что и въ городѣ у васъ ихъ было не мало.

Ахъ, какое прозрачное „и“! Оно должно было вызвать вопросы. Но Василий Онисимовичъ точно не замѣтилъ хитро вставленнаго союза. Онъ сказалъ, что „объ этомъ предметѣ“ у него нѣтъ никакой охоты бесѣдовать съ нею, что она выше такихъ разговоровъ... Потомъ что еще? да! что его никто и никогда не любилъ.

— Какъ это?

— Такъ. Ни отецъ, ни мать, ни сестры, ни друзья, ни... тѣ дамы. Любили мои деньги. А если и меня, такъ за какія-то особенныя качества. Очень, видите ли, я оригиналенъ. Русскій паренъ. Ну, значить, для тѣхъ дамъ во мнѣ была особенная новизна.

Пока онъ говорилъ, она умышленно и безстыдно смотрѣла на его красивый ротъ.

(При этомъ воспоминаніи Женни опять густо покраснѣла и заметалась на скамейкѣ, точно ее жгли досадныя мысли.)

Она взялась защищать его поклонницъ. Онъ былъ къ нимъ несравненно подозрительнѣе, вѣроятно, правился самъ по себѣ...

И когда Василий Онисимовичъ искренно и даже досадливо воскликнулъ:

— Да, помилуйте, чѣмъ я могу правиться?

Она почти нагло осмотрѣла его, улыбнулась и сказала:

— Униженіе паче гордости. Такихъ, какъ вы, не много.

И это была она, Женни? Женни, презиравшая пошлую и безнравственную болтовню барышень *semi-vieilles*? Такъ говорила и, главное, такъ смотрѣла та самая Женни, къ которой съ такимъ почтеніемъ относились даже старики-профессора, товарищи ея отца?

Ей и тогда было стыдно, она насилывала себя, чтобы казаться развязной и интересной. Теперь же отъ стыда она готова броситься въ воду.

Ей уже не хочется припоминать, когда и какъ сказала она о его красивомъ ротѣ. Фуи!

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, — и это поистинѣ ужасно, — что ему не правился ея тонъ. Мало того, что не правился, онъ страдалъ за нее. Каждая ея выходка вызывала на его лицѣ болѣзненное выраженіе.

Они сѣли на этой скамейкѣ. Женни рѣшила взять себя въ руки и прекратить эту гадкую комедію, которую вела, пока они медленно прошли всю аллею. Какъ только она овладѣла собой, своей возбужденностью, ей стало грустно. Не спрашивая, какъ обыкновенно, хочетъ ли онъ сѣсть, она опустилась на скамейку, облокотилась о столъ и попила головой. Въ эту минуту она готова была каяться передъ нимъ въ своемъ поведеніи, сумасбродномъ, непростительномъ и антипатичномъ. И никогда еще ей не хотѣлось такъ сильно, чтобы онъ любилъ ее. И чѣмъ яснѣе сознавала она, что этого нѣтъ, тѣмъ горячѣе она желала этого. Она испытывала такое чувство, какъ-будто катится въ пропасть. И если онъ не скажетъ ей сейчасъ, именно въ этотъ вечеръ, ничего рѣшительнаго, то завтра ужъ не вернется, и тогда она окончательно упадетъ въ пропасть и разобьется вдребезги. Она чувствовала себя совершенно несчастной и одинокой. Ей казалось, что она уже припесла ему въ жертву все — и близость къ отцу, и свой стыдъ. И безъ его ласки ей больше не зачѣмъ жить.

Если и это не любовь, то жестокая, беспощадная иллюзія любви...

Не замѣчая, сѣлъ онъ около нея, или все еще стоялъ, Женни спросила:

— Отчего вы у насъ не были такъ долго?

Прошло много времени, — минута, двѣ, можетъ-быть цѣлыхъ пять, а можетъ-быть всего нѣсколько секундъ. Женни показалось, — хотя она знаетъ, что этого, на вѣрное, не было, — что при ея вопросѣ Василий Онисимовичъ вздрогнулъ и тотчасъ же замеръ, точно застылъ на мѣстѣ. Онъ не произнесъ ни слова, такъ что она подняла голову и посмотрѣла на него. Несомнѣнно, что ему трудно было отвѣтить на вопросъ. Говорить онъ не хотѣлъ, а правды сказать не могъ, или тоже не хотѣлъ.

Женни не повторила. Хотя они еще продолжали молчать, но для обоихъ было ясно, что этотъ вопросъ не возобновится.

— Знаете, отчего я была такъ блѣдна, когда вышла къ вамъ? — снова заговорила Женни.

И опять Василий Онисимовичъ не сразу отвѣтилъ. Опъ сначала вздохнулъ, потомъ тихо сѣлъ на ту же скамью передъ столомъ, гдѣ сидѣла она, и такимъ тономъ спросилъ: „Отчего?“ — точно не хотѣлъ никакого разъясненія.

Входъ въ храмъ Соломона. Съ карт. Вауерфелнда грав. Клаосъ.

Литературный альбомъ. „Сказна о царѣ Берендеѣ и Кошеѣ безсмертноѣ“, В. А. Жуковскаго.
Ориг. рис. (собств. „Шивы“) Г. Г. Шмидта, граф. Шлиеръ.

Женни зло засмѣялась.

— Не скажу. Вы спрашиваете такъ, какъ будто вамъ, въ сущности, совершенно все равно, и какъ будто вамъ, вообще, ужасно скучно.

Она опять промолчала. Женни стало такъ больно, что она боялась расплаваться.

— Знаете, что?— сказала она:— идите къ нашимъ и оставьте меня.

Въ эту минуту она подумала: „ну, и пусть уходитъ, все равно“. — И ее охватила такая тоска, что въ голосъ дрогнули слезы.

— Ступайте же, — сказала она рѣзко. — Не бойтесь оставлять меня одну. У насъ такихъ церемоній не со-блюдается.

Тутъ вдругъ ею овладѣлъ приступъ раздраженія, смѣшаннаго съ отчаянiемъ („точно одержимая бѣсомъ“), подумала Женни при воспоминаніи объ этой минутѣ).

— Идите же, — почти крикнула она. (Василій Онисимовичъ опять съ испугомъ посмотрѣлъ на нее).— Или вамъ угодно все-таки получить отвѣтъ, почему я была блѣдна? Извольте, я вамъ скажу, только съ условіемъ. Только съ условіемъ!—ей пришлось повторить, потому что Василій Онисимовичъ былъ ужъ такъ напуганъ, вѣроятно, ея лицомъ, что всталъ съ мѣста и хотѣлъ остановить ее, а она стремилась договорить: — какъ только я вамъ скажу, вы сію же минуту уйдете отсюда и не произнесете ни слова, ни одного звука! Извольте— я была блѣдна, потому что ждала васъ, потому что вчера два раза хотѣла писать вамъ...

Но тутъ сразу все смѣшалось. Это былъ всего одинъ мигъ, но теперь, при воспоминаніи, онъ кажется Женни полонъ столькихъ подробностей, какъ будто продолжался очень долго. Ее еще не покинулъ охватившій пароксизмъ. Она испытывала такое чувство, какъ будто переживала моментъ самоубійства, и въ этотъ моментъ бесконечно жалѣла себя и ненавидѣла весь міръ, который считала виновникомъ своихъ страданій. А большіе, испуганные и скорбные глаза Василія Онисимовича такъ приблизились къ ней, какъ будто были у самаго ея лица. Весь онъ былъ въ лунномъ свѣтѣ— и его мертвенно-блѣдныя щеки, и дрожавшія отъ волненія губы, и темныя мелкія полоски на бѣлой англійской фланели его жакета. Онъ стиснулъ ея руку и заговорилъ быстро, точно захлебываясь:

— Зачѣмъ же такія мученія! Евгенія Николаевна! Родная! Неужели я не понимаю?..

Онъ дѣлалъ ей предложеніе. Она съ усиленіемъ вырвала руку, закрыла лицо и, тяжело дыша, отвернулась отъ него.

X.

Женни проснулась очень рано. Въ гостиной осторожно передвигали мебель. Очевидно, Настя убирала комнаты. Значить, не болѣе шести часовъ.

Весь вчерашній вечеръ сразу поднялся въ памяти. Голова начала работать такъ, какъ будто мозгъ ни минуты не отдыхалъ, а все тѣло было точно сковано апатіей, какъ послѣ лихорадочнаго дня.

„Надо, однако, придти къ какому-нибудь рѣшенію“, — подумала она, но сейчасъ же почувствовала, что рѣшеніе уже готово, остается только сообщить его.

Вчера ей удалось пробраться къ себѣ въ комнату, вѣкъмъ не замѣченной. Сначала она подкралась къ балкону. Нѣсколько разъ хлопали дверьми: и ей приходилось прятаться въ тѣни. Если бы вышли и позвали ее, она, навѣрное, убѣжала бы въ конецъ сада. Дверь и два окна, выходившія на балконъ, были притворены. Сквозь гардины видно все. Столъ къ ужину накрытъ. По столовой прохаживались Лиза и Марья Осиповна. Лиза безпрестанно поглядывала въ сторону, гдѣ находился кабинетъ отца; разъ даже подошла къ притворенной двери въ маленькую проходную и прислуша-

лась. По ихъ лицамъ Женни догадалась, что Василій Онисимовичъ еще не выходилъ изъ кабинета.

По ступенямъ балкона послышались мягкіе шаги. Женни чуть вскрикнула и оглянулась. Къ пей приблизился старый, слѣпой на одинъ глазъ, пестъ Джумъ. Она тихо прогнала его.

Настя черезъ столовую шла къ кабинету—вѣроятно, доложить, что ужинъ готовъ. Марья Осиповна остановила ее. На лицѣ Насти появилось сначала недоумѣніе, потомъ веселая улыбка и высоко поднятыя брови. Она фамильярно дѣлаетъ предположеніе, что Первозерниковъ сватается, и это ее радуетъ.

Настя тоже дѣвушка въ годахъ. Женни не разъ шутила съ нею, что онѣ обѣ—Христовы невѣсты.

— Нѣтъ, барышня,—говорила горничная,—и выйдутъ замужъ.

— За кого же?

— А за перваго порядочнаго, который посватается.

— Не любя?

— Какъ не любя? Коли человекъ честный да полюбить меня,—отчего же мнѣ его не любить!..

Лиза чего-то сердится и жестикулируетъ. Похоже, что шепчетъ съ негодованіемъ: „зачѣмъ вы говорите раньше времени? Точно Василій Онисимовичъ не могъ пойти къ намъ просто посидѣть съ нимъ!..“

Вдругъ дверь изъ проходной раскрывается, и въ столовую быстро входитъ Первозерниковъ. Настя исчезаетъ. Женни прижалась къ стѣнѣ балкона, обвитой дикимъ виноградомъ, но не спускаетъ глазъ съ Василія Онисимовича. Такимъ она никогда не видѣла его. Онъ красный, серьезный и какъ бы отчаянно-рѣшительный, а взглядъ растерянный. Онъ кусаетъ губы и ни на кого не смотритъ, точно стараясь быстро сообразить что-то. Какъ разъ въ ту минуту, когда онъ дѣлаетъ поворотъ къ противоположной балкону стѣнѣ, Женни замѣчаетъ на ломберномъ столѣ его мягкую сѣрую шляпу. Онъ ее взялъ, стоитъ, говоря о чемъ-то постороннемъ, и все что-то соображаетъ. Должно-быть, ему предлагаютъ отужинать вмѣстѣ,—онъ отказывается.

Сколько мелкой лжи въ обыденной жизни людей! У Лизы и тетки такія лица, какъ будто онѣ ничего не знаютъ, ничего не предполагаютъ.

Нѣкоторое время онъ еще стоитъ на мѣстѣ, кусая губы. Неужели это лицо—влюбленнаго жениха? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Никогда Женни не было такъ ясно, какъ въ эту минуту, что онъ только жалѣетъ ее!

Пойдетъ онъ отыскивать ее или нѣтъ? Долженъ же онъ сообщить ей о бесѣдѣ съ отцомъ!

Нѣтъ, онъ прощается, взглядываетъ на окна балкона, какъ бы спрашивая:—„а гдѣ Евгенія Николаевна“, — а можетъ-быть:—„а гдѣ Борисъ Ивановичъ“, и идетъ въ гостиную.

Вѣроятно, когда онъ вышелъ въ столовую, то велѣлъ Настѣ позвать его кучера.

Женни пользуется тѣмъ, что и Марья Осиповна, и Лиза пошли за нимъ, выжидаетъ удобной минуты и проскальзываетъ черезъ столовую въ свою комнату. Здѣсь она сразу чувствуетъ себя въ безопасности, запирается на ключъ и быстро закрываетъ окно и ставню.

Она сѣла въ темной комнатѣ на кровать и прислушивалась.

Убѣхалъ. Маленькій фэтонъ, парой, мягко пока-тилъ отъ дома, собаки съ лаемъ бросились за нимъ. Вонъ и низкій, старый басъ Джума, не желающаго отставать отъ молодежи.

Сначала по комнатамъ послышалось усиленное движеніе, потомъ все стихло. Марья Осиповна и Лиза пошли въ кабинетъ. Прошло по крайней мѣрѣ съ часъ. Почти все время было такъ тихо, что слышно тиканье часовъ въ столовой. Людигъ Карловичъ подошелъ къ окну кухни и ворчливо спросилъ:

— Можетъ-быть, сегодня ми не будемъ ужинаить?

Хохлушка кухарка что-то отвѣтила.

— Такъ прислай мнѣ въ мой кабинетъ. Я не могу дожидаться. Мнѣ въ четыре часа уже бить на ногѣ. И опять тихо. Кучеръ, двигаясь отъ кухни къ конюшнѣ, зѣвнулъ такъ громко, что какая-то собака зарычала.

Быстрые шаги Лизы на свою половину. Она вошла къ мужу въ кабинетъ. Слѣдомъ за нею Марья Осиповна выходитъ на балковъ и зоветъ Женни. Ея голосъ звучитъ пссело. Она спускается въ садъ и продолжаетъ звать. Потомъ возвращается.

— Настя, давать ужинать.

— Сейчасъ.

— Ты не видѣла Еленю Николаевну?

— Нѣтъ, не видѣла.

Тетка подходитъ къ двери и хочетъ ее открыть.

— Женни, ты здѣсь?

— Что такое? Что вамъ, тетя?—откликается она.

— А я тебя ищу по всему саду. Что ты заперлась? Иди къ намъ.

— Я не буду ужинать. У меня голова болитъ.

— Вотъ такъ! Ну, не бѣда,—Марья Осиповна тихо засмѣялась,—до свадьбы заживетъ. Пусти же меня, по крайней мѣрѣ. Отпри дверь.

— Тети! Я уже легла, мнѣ тяжело вставать. Завтра поговоримъ.

— Ну, какъ знаешь,—обидчиво сказала та.—Только это очень странно. Ты и съ отцомъ не хочешь повидаться?

— Я думаю, онъ и самъ радъ не видаться со мной.

— Удивительно странно!

Марья Осиповна отошла.

Женни легла, не раздѣваясь, и закинула руки за голову. Въ комнатѣ было полутемно. Свѣтъ проникалъ изъ коридора черезъ щель подъ дверь. Женни прислушивалась, какъ Настя проходила мимо то въ столовую, то обратно, какъ тамъ стучали тарелками, ложками и пожами, и гудѣли голоса. Словъ нельзя было разобрать. Въ то же время она не переставала перебирать все, что произошло тамъ, въ концѣ аллеи.

Послѣ ужина Марья Осиповна приходила еще разъ.

— Ну, что, легче твоей головѣ?

— Нѣтъ.

— Что за фантазія, право, запереться, когда намъ всѣмъ такъ хочется видѣть тебя.

— А мнѣ не хочется никого, — сказала Женни и улыбнулась своей дерзости.

— Да? Это совсѣмъ ново.

Потомъ къ двери подбѣжала Лиза.

— Женичка! Мнѣ необходимо сейчасъ же передать тебѣ кое-что.

— Завтра, Лиза.

— Не завтра, а сейчасъ, сію минуту. До завтра у меня это выдохнется. Надо именно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

— А если выдохнется, значитъ—пустяки.

— Фу, какая недобрая. Заважничала!

Но и этимъ не кончилось. Черезъ четверть часа Лиза опять подошла.

— Я начинаю понимать твое поведеніе, Женни.

Та ничего не отвѣтила.

— Слышишь ты меня?

Женни опять промолчала.

Наконецъ, по всему дому постепенно начало стихать. Заперли двери и ставни, въ буфетѣ кончили мыть посуду; пробрела, зѣвая и крестясь, няня ребенка. Гдѣ-то въ послѣдній разъ хлопнула дверь.

Женни прождала еще и, когда ей показалось, что всѣ уже спятъ, тихо открыла окно. Ее охватила свѣжая ночь. На скошенномъ полѣ трещали сверчки. Далеко, въ чужомъ селѣ, лѣниво лаяла собака.

Женни почувствовала, какъ ея овладѣвало состояніе покоя. Нервная возбужденность быстро замѣнялась тихой грустью. Она сидѣла на окнѣ, смотрѣла на небо, осыпанное звѣздами, и припоминала всю свою жизнь, съ самаго дѣтства; вспомнила мать и горько заплакала.

Успокоившись, Женни снова вернулась къ дикой сценѣ съ Первозерниковымъ. На минуту ей захотѣлось не думать больше объ этомъ, постараться скорѣе забыть все, но потомъ, съ озлобленіемъ на самое себя, она сказала:

„Нѣтъ, напротивъ, думать безъ конца, при каждомъ воспоминаніи краснѣть, измучить, истерзать себя стыдомъ,—тогда только можно окончательно излѣчиться!“

И она осуждала все свое поведеніе и мысленно казнила себя.

Уже совсѣмъ свѣтало, когда Женни почувствовала, что страшно озябла, закрыла окно и легла спать, но рѣшеніе было готово: замужъ за Первозерникова она не пойдетъ. И когда она окончательно рѣшила, ей стало легко. Она какъ бы избавлялась отъ кошмара, душившего ее въ теченіе всего этого времени. Въстѣ съ тѣмъ ей уже было и не такъ стыдно и легче простить свое безразсудное поведеніе.

Засыная, она думала:

„Человѣкъ страдаетъ, когда отклоняетъ свою жизнь отъ того, что считаетъ хорошимъ. Эти страданія нельзя искупить никакими радостями. Надо остановиться и повернуть назадъ, пока еще возможно.“

За одинъ этотъ день Женни перестрадала больше, чѣмъ за всю свою жизнь.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Давидъ.

Разсказъ Поля Бурме.

(Съ французскаго. Съ 8 рисунками.)

Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ всѣ мы завидовали необыкновенному счастью скульптора Ива Клауэ. Говори мнѣ, я имѣю въ виду кружокъ писателей и художниковъ, изъ которыхъ каждый теперь говоритъ я. Какъ бы то ни было, люди, рядомъ плечо къ плечу, пробивавшіе себѣ дорогу, въ трудныя времена начала жизненной карьеры, не перестаютъ слѣдить другъ за другомъ, если не всегда доброжелательно, то по крайней мѣрѣ всегда съ живымъ интересомъ. Впрочемъ, относительно Ива Клауэ, и наименѣе памятливые имѣли основаніе вспоминать о немъ; и этимъ основаніемъ служилъ непрерывный рядъ превосходныхъ произведеній, которые отвели скульптору особое мѣсто въ современной школѣ, начавшая съ его „Прозерпины, срывающей гранату“, — первый его вещь, выставленная, въ 1877 году, въ Салонѣ, — и кончая „Гробницей Альбы Стено“, выставленной въ прошломъ маѣ. Да, счастье поразительное, необычайное! Имѣть въ двадцать лѣтъ наружность молодого патриція временъ италіанскаго Возрожденія, сохранить эту красоту и въ тридцать пять—въ такой мѣрѣ, что женщины оборачиваются на улицѣ

и въ театрахъ; пользоваться, по выходѣ изъ коллежа, широкой матеріальной независимостью, избавляющей человѣка отъ рабской, ремесленной работы; обладать талантомъ сильнымъ и мягкимъ, тонкимъ и могучимъ, одинаково очаровывающимъ и толпу, и тонкихъ цѣнителей; жениться, въ молодыхъ еще годахъ, по любви, на молодой дѣвушкѣ, красотою и безупречностью формъ напоминающей античную Венеру, и въ этой Венерѣ найти тѣ рѣдкія качества, которыя необходимы женѣ великаго художника: безусловную преданность, умъ и понимание, способное поддержать духъ, скромность, покорность и всѣ тѣ свойства, которыя придаютъ тихому домашнему очагу жгучую поэзію страсти... Нерѣдко мы, разговаривая въ кругу товарищей о Клауэ, высказывали такіе сужденія:

— Изъ всѣхъ насъ одинъ Ивъ сумѣлъ устроить свою жизнь...

А такъ какъ счастье другого не всегда вызываетъ пріятное ощущеніе, то сейчасъ же слѣдовали несовсѣмъ сочувственные комментаріи.

— ...Не штука имѣть успѣхъ, разъ станешь любимцемъ публики,—говорилъ строгій рецензентъ, получающій по пяти

лундоровъ за каждую брань въ одной газетѣ, живущей шантажемъ въ свѣтскихъ и финансовыхъ кругахъ.

— Можно всего достигнуть, когда итъ ни на грошъ сердца... — подхватывала другой, музыкантъ, жена котораго, брошенная имъ, умерла съ горя и нищеты.

— Увидимъ, что изъ него выйдетъ черезъ двадцать лѣтъ, — заканчивала третій, эстетикъ изъ ливныхъ, не выставившій ни единой картины и не издавшій на своемъ вѣку ни одной книги, но тѣмъ не менѣе называвшій себя, въ подражаніе англичанину Уильяму Бэку, о которомъ онъ гдѣ-то прочелъ, — „художникомъ-писателемъ“...

Эти насмѣшки, и еще болѣе злыя, въ формѣ статей, доходили до знаменитаго скульптора, не нарушая его яснаго настроенія. Кромѣ всѣхъ прочихъ счастливыхъ свойствъ, онъ былъ безконечно чувствителенъ къ похваламъ и совершенно нечувствителенъ къ порицанію. Это бываеъ съ очень убѣжденными артистами. Зависть, печатная или высказанная, только забавляла его, и онъ весело смѣялся, показывая изъ-за сочныхъ, цунцовыхъ губъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, безъ малѣйшаго признака золота.

— Завистники даютъ такую же вѣрную мѣрку нашему таланту, какъ тѣнь — нашему росту, — говаривалъ онъ.

Что касается до меня лично, то мнѣ кажется, что я ни-

живъ. Ему, до послѣдняго времени, недоставало лишь „млека человѣческой любви“, о которомъ говоритъ поэтъ. Идеаль Ива выражался въ силѣ и здоровьѣ, въ поклоненіи свободной природѣ, въ ясномъ животномъ міросозерцаніи, что такъ рѣзко отличается отъ моихъ собственныхъ идеаловъ. Можно было подумать, что этотъ человекъ, съ ранней молодости жившій въ великолѣпной обстановкѣ, среди чудесъ искусства, которыми домъ его наполненъ, какъ музей, — что человекъ этотъ даже не подозреваетъ о существованіи страданій. Сколько разъ, въ то время, какъ онъ, одѣтый въ бархатъ, съ гордостью показывалъ мнѣ свои находки по части тосканской скульптуры; какъ напримеръ „Благовѣщеніе“ Нинно да Фезоле, или „Святого Севастьяна“ Чивитале, служащаго извѣстнымъ отвѣтомъ на „Св. Севастьяна“ Лукка, или „Юанна“ Микелоццо, — сколько разъ я говорилъ себѣ, что у него не хватаетъ одного чувства: чувства скорби, мучительнаго чувства слезъ, сожалѣнія, что въ мірѣ есть что-то, кромѣ красивыхъ и здоровыхъ формъ, роскошныхъ тканей, чеканнаго оружія и художественныхъ ювелирныхъ произведеній. Когда намъ случалось иногда спорить о задачахъ эстетики, — этотъ великій исполнитель въ то же время и теоретикъ, — онъ не разъ забавлялъ споръ, пожимая могучими плечами и говори:

— Это ужъ изъ области литературы!.. Сраданіе и мысль,

можетъ-быть, все это входитъ въ вашу писательскую сферу, хотя и сомнѣваюсь!.. А нашъ, художниковъ, удѣлъ — красота, то, что доставляетъ удовольствіе уму чрезъ посредство чувства прекраснаго...

— Христосъ умеръ не за тебя, — говорилъ я, шутя.

— Я думаю, что итъ, — отвѣчалъ онъ почти серьезно. Въ это время, въ его поклоненіе языческой красотѣ входило дѣйствительно религиозное, идеопоклонническое чувство. Вотъ этотъ искренній и, если можно выразиться, набожный элементъ въ его ливчествѣ, при всемъ его тщеславіи до в о л ь с т в ѣ жинью, и облагораживалъ его. Довольство такъ

легко переходить въ вульгарность. Но развѣ можетъ быть вульгаренъ человекъ, любящій искусство такъ, какъ Ива любилъ свое, проводящій по шести часовъ безъ перерыва за утомительной работой моделировки и совершенно равнодушный къ успѣху, послѣ того какъ позналъ всѣ его упоенія?.. Это героизмъ, достигнутое немногими художниками... Въ Ивѣ оно было естественно и натурально, какъ его свѣтлые зрачки на смугломъ лицѣ араба, какъ черные волосы и коротенькая, курчавая борода, — признакъ аристократизма въ физиономіи, — которая дѣлала его совершеннымъ подобіемъ превосходнаго луврскаго портрета: „Человекъ съ перчаткой“.

— Какъ жаль, — говорилъ онъ иногда съ великолѣпной самоувѣренностью художника, видящаго въ себѣ самою такую же „натуру“, какъ и во всякомъ другомъ, — какъ жаль, что Тицианъ не зналъ меня!..

И это было настолько вѣрно, что даже не вызвало улыбки.

Четыре года тому назадъ великаго удачника постигло еще болѣе высокое счастье, — онъ получилъ надежду стать отцомъ! Въ первые годы женитьбы онъ не разъ высказывалъ мнѣ удовольствіе по поводу того, что его бракъ бездѣтенъ. Онъ боялся, что появленіе ребенка могло бы нарушить дивную красоту формъ женщины, составившей гордость его домашняго очага. Такой взглядъ черезчуръ согласовался со всѣми воззрѣніями

когда не испытывалъ, въ виду этой удивительной удачи, того сквернаго, завистливаго чувства, которое Ива, не безъ основанія, считалъ своего рода похвалой. Итъ; какъ ни странно можетъ показаться это ощущеніе, послѣ всего сказаннаго, но Ива Клау viuшалъ мнѣ скорѣе чувство боязни, страха, почти сожалѣнія. Изъ всѣхъ моихъ жизненныхъ опытовъ, ни одинъ не повторялся съ такой настойчивостью, какъ тотъ, что свидѣтельствуешь о великомъ законѣ, который древніе олицетворяли въ мнѣ: о Немезидѣ, богинѣ искупленія. Я вѣрю глубоко, непоколебимо, въ равенство судьбы для всѣхъ, въ то, что за каждый счастливый моментъ наступаетъ расплата. Когда я встрѣчаю человека, которому, повидимому, во всемъ везетъ, я готовъ поступить такъ, какъ поступалъ египетскій царь относительно пресловутаго Поликрата: узнавъ исторію съ кольцомъ, брошеннымъ въ море тираномъ Самоса и спова найденнымъ въ рыбѣ, онъ порвалъ дружбу съ Поликратомъ, „не желая, какъ говоритъ Геродотъ, — связывать въ чьемъ-либо свою судьбу съ человекомъ, которому такое необычайное счастье предвѣщаетъ страшныя бѣдствія...“ Каждый разъ, когда я думаю о Клау, я вспоминаю эту легенду. Я не безъ страха ждалъ, съ какой стороны судьба нанесетъ ударъ великому художнику, къ которому, признаюсь, питалъ въ то время болѣе удивленія, чѣмъ любви. Отличительной чертой Клау было дѣйствительно язычество, легкое и жизнерадостное, какъ и вся его

и характеромъ этого человѣка, чтобы можно было занозорить его искренность. Ивъ былъ не менѣе искрененъ и въ той глубокой, вѣрной радости, которую вызвала въ немъ перспектива сдѣлаться отцомъ. Онъ самъ высказывалъ мнѣ причины такой кажущейся нелогичности, въ письмѣ, изъ котораго я приведу здѣсь отрывокъ, безъ всякихъ комментариевъ съ своей стороны, за исключеніемъ указанія на число, въ которое оно было написано. Это письмо лучше всякихъ разглагольствованій объяснить особенности и, если хотите, аномалии души этого человѣка, по ошибкѣ родившагося въ нашъ вѣкъ. Ему слѣдовало бы жить при дворѣ какого-нибудь Людовика Мора или Альфонса д'Эсте. Письмо это поможетъ также намѣрить глубину той раны, которую готовилась нанести вѣчная Немезида сердцу, прекисновенному гордыхъ надеждъ. Оно сдѣлаетъ вѣстѣ съ тѣмъ болѣе понятнымъ и тотъ странный видъ утѣшенія, которымъ скульпторъ попытался заглушить свое тяжелое горе. Но я лучше приведу его собственныя слова:

«...Я долженъ признаться тебѣ, — писалъ онъ, — въ одномъ чувствѣ, которое, можетъ-быть, покажется тебѣ мелкимъ; но это не такъ. Я не могу перенести мысли, что долженъ состариться, и жена моя тоже. Она была — да и до сихъ поръ — такъ хороша собой, что одна мысль о малѣйшемъ нарушеніи этой красоты заставляетъ меня страдать, какъ, помнишь, въ Лондонѣ, когда мы вѣстѣ осматривали ту залу британскаго музея, гдѣ находится процессія „Панаѳней“. А самъ я? Вѣдь ты знаешь, какой режимъ я смолоду установилъ для своего тѣла, какъ я увлекался всѣми физическими упражненіями, какъ я былъ трезвъ, водержанъ, какую правильную вель жизнь — все для того, чтобы выработать изъ себя, подобно древнимъ атлетамъ, великолѣпное животное человѣческой породы. Я не боюсь твоей улыбки. Мы такъ охотно хвалимся успіями, которыми дѣлаемъ для развитія и поддержанія своихъ умственныхъ силъ; отчего же мнѣ не похвалиться своими стараніями къ поддержанію силъ физическихъ? Но противъ времени гдѣ средства?.. Уже въ тридцать пять лѣтъ у меня нѣтъ прежней стройности, нѣтъ этой линии бедеръ, дивной, гибкой, божественной, которую съ такой смѣлостью воспронзавели нѣкоторые изъ художниковъ пятнадцатаго вѣка; ты помнишь Синьорелли, Монть-Оливе или Фиоренцо, Лоренцо ди-Перуза?.. Черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ, и я и Лаура будемъ лишь обезображеннымъ подобіемъ того, чѣмъ мы были. Такъ вотъ тебѣ настоящая причина, почему теперь я желаю быть отцомъ; и желаніе это не менѣе сильно, чѣмъ страхъ, который раньше внушала мнѣ подобная перспектива. Въ нашемъ ребенкѣ мы оживемъ, помолодѣемъ снова; онъ продолжитъ насъ — и, пойми не только наша наше сердце, это мы, то таинственное нѣчто, которое значитъ боль-»

ше, чѣмъ самъ человѣкъ, потому что оно означаетъ породу, а человѣкъ есть только одинъ моментъ этой породы. Когда я смотрю на себя въ зеркало, я вижу моего отца, смягченнаго моею матерью. Мой сынъ, — у меня будетъ сынъ, я это чувствую, — будетъ я самъ, смягченный моею женой. Но я желаю большаго. Я хочу, чтобы великіе художники всѣхъ временъ и народовъ участвовали въ созданіи этого великаго живого произведенія. Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю о существованіи ребенка, ты не можешь себѣ представить, какія я принимаю предосторожности для того, чтобы жена моя получала только впечатлѣнія прекраснаго. Она проводитъ тѣ же часы у меня въ мастерской, гдѣ, кромѣ извѣстныхъ тебѣ мраморовъ, я расположилъ снимки съ благороднѣйшихъ произведеній древности: „Гермеса“ Олимпійскаго, „Ваадниковъ“ Фидія. Если мы выходимъ изъ дому, то только за тѣмъ, чтобы идти въ Лувръ. Вечера мы проводимъ за музыкой, и она исполняетъ для меня и для *нею* лучшія странницы Бетховена, Глюка, Вагнера, — исполняетъ съ той торжественной искренностью, которая, какъ ты знаешь, присуща ей игрѣ. Потому мы читаемъ стихотворенія Гюго, Готье, Ронсара, а также Шекспира и Гомера. Я хочу, чтобы до этого ребенка, черезъ посредство чувствъ его матери, доходили одни лишь возвышенныя и вѣрныя тренетанія жизни; я хочу, чтобы слѣды ихъ сохранились въ его глазахъ, въ его улыбкѣ, какъ мечтательный ореолъ, окружающій его красоту. Это будетъ статуя, какъ и великай другая, но только одухотворенная, — и этотъ духъ, подобно Пигмалиону, вдохну въ него я...»

Письмо это лежитъ теперь передо мной. Оно помѣчено 9 мая 1891 года; а 14 мая, то-есть ровно пять дней спустя, г-жа Клауэ, сходя съ лѣстницы, ведущей изъ мастерской въ дѣтскую, оступилась и упала такъ несчастливо, что черезъ нѣсколько часовъ разрѣшилась раньше времени сыномъ, которому лучше было бы не оставаться въ живыхъ. Теперь ему четыре года, но это несчастный карликъ, горбунъ, жалкій недоносокъ, съ огромной головой, глубоко ушедшей въ плечи. Немезида нанесла скульптору двойной ударъ: докторъ, присутствовавшій при появленіи на свѣтъ ребенка, объявилъ, что г-жа Клауэ не будетъ больше имѣть дѣтей.

Когда я встрѣтился съ Клауэ, прошло три года съ рожденія несчастнаго ребенка. За это время я лишь мимоходомъ былъ въ Парижѣ, между своимъ долгимъ путешествіемъ на Востокъ и не менѣе долгимъ путешествіемъ въ Америку. Ива тогда не было въ Парижѣ. За весь этотъ промежутокъ времени онъ ни разу не писалъ мнѣ, что, впрочемъ, ничуть не удивляло меня, такъ какъ я зналъ, что онъ не любитъ писать. Съ другой стороны, я отлично понималъ, какъ сильно онъ долженъ страдать отъ катастрофы, разрушившей всѣ его надежды, и потому не рѣшался самъ разспрашивать его. Нашъ общій знакомый, сообщившій мнѣ о несчастномъ случай съ г-жою Клауэ, правда, говорилъ мнѣ, что нашъ старый товарищъ не можетъ примириться съ существованіемъ урода-сына; но я полагалъ, что это просто разочарованіе, сожалѣніе, собственное всѣмъ намъ, артистамъ, о прекрасной вещи, которая могла бы быть и которой нѣтъ. Я зналъ силу, энергію Клауэ, его увлеченіе искусствомъ, и говорилъ себѣ, что нѣтъ такого гора, котораго не разогналъ бы одинъ часъ работы въ мастерской... Но я понималъ, какъ сильно я ошибался, въ первое же свое посѣщеніе отеля въ авеню Сегюръ, гдѣ Ивъ жилъ съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ нимъ. Эта вилла — прелестный уголокъ по ту сторону Инвалидовъ, прелестное убѣжище для рѣзъ и работы, утопавшее въ зелени деревьевъ. Многіе изъ нашихъ товарищей завидовали роскоши убранства этойвиллы не менѣе, чѣмъ славѣ самого скульптора. Увы! Какъ часто наша зависть неживаетъ то счастье, которое вызвало ее, и какалъ лишняя горечь для человѣка, противъ котораго направлена эта ненависть и злоба, сознавать, что того счастья, которое послужило ей причиной, уже нѣтъ.

Ива не было дома. Я спросилъ, дома ли г-жа Клауэ. Лакей отвѣтилъ не сразу. Въ прежнее время, двери молодой хозяйки были всегда открыты для друзей ея мужа, и уже одно колебаніе лакея свидѣтельствовало о перемѣнѣ въ обычаяхъ этого дома, отъ личнаго прежде простотой, добродушіемъ, слегка безалабернымъ, и вообще артистическими нравами, которые такъ обворожительны, когда къ нимъ присоединяется извѣстная порядочность. Лакей, однако, ваялъ мою карточку и вернулся съ отвѣтомъ, что барыня принимаетъ. Я вошелъ въ гостиную. Съ одного взгляда я повилъ, что хозяйка этого кокетливаго жилища уже не та, какою я ее оставилъ. Это не было уже то счастливое, улыбающееся созданіе, жившее,

как цветочек, въ растительномъ спокойствіи, въ естественной гармоніи съ землей и воздухомъ, съ дождливыми и солнечными днями, и не знающее другихъ заботъ, какъ расти и расцвѣтать. Горе тронуло прелестное молодое существо, а вмѣстѣ съ горемъ—и мысль. Г-жа Клуэ была не менѣе красива, чѣмъ прежде, но какой-то смлгченной, трогательной красотой, какъ бы помятой жизнью. Двѣ складки легли по угламъ ея губъ, въ которыхъ замѣтны были слѣды долгихъ, одинокихъ и грустныхъ размышленій. Вѣки ея казались усталыми, въ углахъ видѣлись слѣды слезъ. Все тѣло ея какъ будто тоже пострадало подъ ударомъ той же судьбы. Когда и видѣлъ ее въ послѣдній разъ, у нея былъ пышный, даже нѣсколько тяжеловатый станъ, какъ у тѣхъ дебелыхъ венеціанокъ, которыхъ воспроизводитъ Бонифаціо и Джорджоне въ своихъ сельскихъ концертахъ. Навязчивая мысль какъ будто сдѣлала ее тоньше, воздушнѣе, словно одухотворила ее. Въ ея густыхъ, черныхъ волосахъ появились серебряныя нити. Она сидѣла,—несмотря на то, что это было въ концѣ апрѣля,—у горнистаго камина, воалъ котораго игралъ несчастный ребенокъ, съ такой гордостью ожидавшійся родителями—какой-то гномъ, съ чрезвычайъ большими и выразительными глазами, со стар-

я въ то же время противостоять желанію узнать подробности душевной драмы, слѣды которой я видѣлъ и на лицѣ г-жи Клуэ, и на всемъ ее окружающемъ?.. И я началъ задавать вопросы, не подозрѣвая, что эти самыя и вызову распросы и съ ея стороны,—распросы, на которые такъ трудно будетъ отвѣчать.

— Весьма естественно,—проговорила я,—что Ивъ говорилъ мнѣ о своемъ сынѣ. Почему это такъ удивляетъ васъ?

— Почему? почему? — повторила она глубокимъ голосомъ, взглянувъ на меня такимъ взглядомъ, что сердце у меня сжалось отъ боли.—А чтб онъ писалъ вамъ?—начала она расширивать.

Я не рѣшался отвѣтить, смущенный не столько самымъ вопросомъ, сколько лихорадочнымъ волненіемъ молодой женщины.

— Да!.. Вы слишкомъ добры,—проговорила она.— Вы не хотите, не можете повторить того, чтб я, увѣ!.. знаю отлично сама. Да и къ чему спрашивать?..

— Увѣрю васъ,—отвѣчалъ я,—Клуэ никогда не писалъ мнѣ ничего такого, чего я не могъ бы повторить вамъ. Я не понимаю въ сущности, чтб такъ мучитъ васъ, но вижу, что невольно коснулся большого мѣста въ вашемъ сердцѣ. Простите меня!..

— О нѣтъ!.. — воскликнула она тономъ отчаянія,— въ моемъ сердцѣ нѣтъ большого мѣста. Все мое сердце страдает!.. Не вы, а я должна просить васъ извинить меня,—прибавила она, съ раздражающей улыбкой.— Съ перваго вашего посѣщенія я посвящаю васъ въ горести, которые вы безъ труда угадываете,—прибавила она и положила свои прекрасныя исхудавшія руки, съ которыхъ соскальзывали кольца, на голову ребенка. Мальчикъ поднялъ на нее свои выразительные глаза.— Иди, играй,—сказала она, и мальчикъ пошелъ въ уголокъ гостиной, перелистывая книжку съ картинками, съ той мрачной покорностью слишкомъ послушныхъ дѣтей, въ которыхъ не бьетъ ключомъ богатый источникъ

чекимъ лицомъ и выраженіемъ безконечной жалости, какъ бы предчувствіи неудачной, унижительной будущности. Въ три года Альберъ Клуэ—сынъ великолѣпнаго атлета, жизненной энергіи котораго и такъ завидовалъ, и этой Венеры Милосской, прекрасной еще и теперь въ своей грусти—былъ немногимъ больше шестилѣтняго ребенка, а огромная голова, ушедшая въ плечи, дѣлала его настолько уродливымъ, что на него тяжело было смотрѣть. Робкое движеніе, которымъ онъ прижался къ матери при моемъ появленіи, свидѣтельствовало о рано проснувшейся способности къ страданію, точно такъ же, какъ жестъ руки матери, ласкавшей его золотисто-рыжіе волосы—единственную красоту будущаго горбуна,—доказывалъ глубокую, страстную привязанность молодой женщины къ ребенку. Я замѣтилъ, что она съ мучительнымъ любопытствомъ старается уловить на моемъ лицѣ первое впечатлѣніе, произведенное ея сыномъ, и никогда не забуду того свѣта, который загорѣлся въ ея глазахъ, когда я, съ своей стороны, сталъ гладить волосы мальчика, говоря, чтобы нѣсколько приручить его:

— Поздоровайся со своимъ старымъ знакомымъ, котораго ты еще не знаешь, Альберъ. Ты увидишь, что я буду баловать тебя не менѣе другихъ!..

— Вы помните, какъ его зовутъ,—проговорила г-жа Клуэ.— Значитъ, Ивъ говорилъ вамъ иногда о немъ въ своихъ письмахъ?

Могъ ли я отвѣтить правду на такой вопросъ, произнесенный къ тому же тѣмъ умоляющимъ тономъ, которымъ несчастныя женщины какъ бы просятъ обмануть ихъ?.. Могъ ли

жизни. Наступило молчаніе. Первая прервала его г-жа Клуэ.

— Я обязана вамъ объясненіемъ, обязана вашей старой дружбѣ къ нашему дому,—произнесла она съ нѣкоторой торжественностью,—но я не знаю, имѣла ли бы я силы говорить съ вами, если бы не думала, что вы можете оказать мнѣ, оказать *мнѣ* большую услугу. Сколько разъ я хотѣла писать вамъ, но не рѣшалась. Изъ всѣхъ своихъ пріятелей, мой мужъ всегда отдавалъ предпочтеніе вамъ. И потомъ, другіе почти не приходятъ больше!..

— Такъ, значитъ, Ивъ очень измѣнился?—спросилъ я.

— Очень!..—возразила она,—и по какой причинѣ!.. Вѣдь вы знаете,—голосъ ея сдѣлался глуше,—какъ страстно онъ желалъ имѣть сына. Вы помните, какъ онъ ожидалъ, какъ оба мы ожидали появленія этого ребенка!.. Я много размышляла съ тѣхъ поръ и поняла многое, чего не понимала раньше. Я поняла, что вы, я и мой мужъ, черезчуръ гордились нашей молодостью, нашими силами и нашей любовью. Я поняла, что черезчуръ гордилась его талантомъ, а онъ—я могу теперь говорить объ этомъ, когда посѣдѣла отъ горя,—а онъ слишкомъ гордился моей красотой, и мы желали еще большаго!.. Мы требовали у судьбы идеальнаго сына, котораго Ивъ описывалъ мнѣ восторженно, и я раздѣляла его восторгъ!.. Этого было слишкомъ, слишкомъ много!.. Вы знаете, какъ мы были наказаны за наше счастье!.. Мы расплатились за все сразу, въ ту минуту, когда Ивъ взялъ на руки это бѣдное, маленькое существо, посмотрѣлъ на него, потомъ на меня, и отдалъ его мнѣ такимъ движеніемъ, которое чуть не убило меня на мѣстѣ!.. Она схватила меня за плечо, нервнымъ, конвульсивнымъ дви-

женіемъ, и проговорила съ горящимъ взоромъ, угасшимъ голосомъ:—Я поняла въ ту минуту, что Ивъ возненавидѣлъ ребенка.

— Полноте!..—воскликнула я,—это невозможно, вы ошибаетесь. Вы мать, у васъ болѣе нѣжная, болѣе мягкая натура, чѣмъ у мужчинъ, въ особенности болѣе общительная...

— Когда вы увидите Клуэ въ присутствіи ребенка, вы поймете, насколько я права,—перебила она.—Послушайте,—продолжала она рѣзко и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе тихо, какъ бы боясь, чтобы ребенокъ не услышалъ ея и не понялъ.—Вамъ кажется чудовищнымъ, невѣроятнымъ, не правда ли, чтобы такое страшное, незаслуженное несчастье не могло тронуть родового отца!.. Родится маленькое существо, которое не просило, чтобы его производили на свѣтъ; роковая судьба досылаетъ ему съ первой минуты испытаніе, которое будетъ тяготѣть на немъ во всю жизнь!.. Казалось бы, надо любить его вдвойнѣ, надо впередъ заплатить ему любовью за ту радость жизни, которой онъ будетъ лишень въ послѣдствіи!.. Такъ вѣтъ же, нѣтъ!.. Ивъ никогда не могъ простить ему... Я хорошо знаю его. Когда онъ входитъ въ комнату и видитъ ребенка, я читаю въ его глазахъ ужасъ, который я не могу перенести!.. Не могу!.. Мнѣ кажется, что рядомъ съ бѣднымъ, ни въ чемъ не повиннымъ малюткой, онъ ясно, живо, видитъ того *другого*, того, о которомъ онъ мечтаетъ... Вы помните, мы говорили о немъ, какъ о чемъ-то живомъ. Боже мой!.. Какъ мы любили этого сына; но онъ не явился на свѣтъ!.. Онъ не явился, а явился этотъ!.. Скажите, развѣ не сумасшествіе, развѣ не жестокость, не преступленіе — не любить ребенка, который живетъ, дышитъ, страдаетъ!.. И за что? Ивъ-за идеи, изъ-за фантазій, которая никогда не существовала!.. Такъ вотъ!.. Въ этомъ сумасшествіи повиненъ Клуэ со дня рожденія его сына; въ этой жестокости, въ этомъ преступленіи, которое онъ совершаетъ ежедневно, ежечасово!..

— Успокойтесь, — сказала я. — Вы чувствуете ко мнѣ довѣріе; обещаю вамъ, что я поговорю съ нимъ, попытаюсь вернуть вамъ его, вставлю его опомниться!.. Онъ былъ всегда такъ добръ и великодушенъ!.. Вѣроятно, онъ сталъ жертвой навязчивой идеи!.. Нѣкоторые потрясенія производятъ такое дѣйствіе на нервную, артистическую душу, какъ его душа... Наконецъ, время все улаживаетъ, время и работа!..

— Вотъ уже три года, какъ онъ не работаетъ,—перебила г-жа Клуэ.

Въ глазахъ ея, при этой фразѣ, отразилось еще болѣе грусти. Я знала, какъ она восхищалась талантомъ своего мужа, знала, съ какимъ наивнымъ восхищеніемъ она принимала участіе въ его творчествѣ, и понимала, какъ тяжела для нея сказанная ею фраза. Я и самъ слишкомъ удивлялся, слишкомъ завидовалъ вѣчному воодушевленію Ива Клуэ, легкости и смѣлости его творчества, и потому тайно внезапной его инертности невольно смущала меня.

— Три года не работаетъ! — повторила я.—Этого не можетъ быть!..

— А между тѣмъ это такъ, — возразила она.—Онъ пытался работать. Онъ всегда будетъ дѣлать попытки. Но у него какъ будто какой-то болѣзнь, которая внушаетъ ему отвращеніе ко всему, за что бы онъ ни валился!.. Помните, прежде, у него были точно волшебныя руки. Каждая идея выливалась въ форму, каждая мечта осуществлялась!.. Если онъ начиналъ какую-нибудь группу и чувствовалъ, что она плохо ему дается, онъ тотчасъ же мѣнялъ свой планъ, даже въ глинѣ, даже въ мраморѣ. Однимъ разъ онъ уже рѣзкомъ передѣлалъ въ Бахуса статуя, которая должна была изображать нимфу; это та статуя, которая стоитъ въ паркѣ Монсо, можетъ-быть, лучшее его произведеніе... Теперь эта увѣренность и смѣлость какъ бы угасла въ немъ; она разбилась, какъ сломанная пружина. Не думайте, что талантъ его ослабѣлъ!.. Когда вы увидите оставленные имъ наброски, вы сами убѣдитесь, что онъ утратилъ не талантъ, а способность доводить начатое до конца, способность, которую онъ всегда считалъ обязательной для художника!.. Если бы вы знали, сколько разъ я пробовала помянуть на него. Не въ первый годъ!—тогда я была не менѣе его несчастлива, — но въ послѣдствіи, когда я замѣтила, что характеръ его портится, что онъ не можетъ придти въ себя, что онъ все менѣе и менѣе находитъ удовольствія въ работѣ, и что она на минуту останавливается, какъ бы въ нерѣшимости — онъ ищетъ недостойныхъ его развлеченій!.. Одно время онъ про-

водилъ всѣ вечера въ клубѣ, за игрой!.. Но я готова простить ему все, все,—повторила она страстно,—исключая ненависти къ собственному ребенку!..

— Все это очень странно,—возразила я.—Но, скажите, пробовали ли вы имѣть объясненіе съ Клуэ? Говорили ли вы ему то, что сейчасъ сказали мнѣ?

— Нѣтъ, не могла. Я пробовала. Но онъ въ первый разъ отвѣтилъ мнѣ шути, съ тѣмъ дѣланымъ легкомысліемъ, которое такъ оскорбительно для женщины, охваченной горемъ. Во второй разъ онъ опять отвѣтилъ шути. Въ третій разъ онъ такъ разсердился, что я никогда не забуду этого, и потому дѣлю недѣлю не говорилъ со мной!.. Я не рѣшалась больше. Мнѣ было странно. Я боялась, что въ четвертый разъ онъ уйдетъ, покинетъ меня, покинетъ *насъ*!.. И несмотря на все, — сказала она, помолчавъ, — я въ послѣднее время опять

начала падѣяться. Да, недѣли двѣ тому назадъ, онъ опять привалился за работу, съ прежнимъ лихорадочнымъ увлеченіемъ. Онъ уже не уходилъ каждое утро и каждый день, какъ уходилъ послѣдніе мѣсяцы, а запирается у себя въ мастерской!.. Но онъ никого не пускаетъ туда!.. Вы бы хотѣли, чтобы я объяснилась съ нимъ? Вы увидите изъ послѣдней моей попытки, какія чувства онъ питаетъ ко мнѣ!.. Онъ не сказалъ мнѣ ни слова о томъ произведеніи, которымъ теперь занятъ, ни одного слова!.. Третьего дня, замѣтивъ у него за завтракомъ прежній взглядъ, — вы помните, какъ его чудные глаза блестяли талантомъ, послѣ пятичасовой работы, когда онъ ясно *видѣлъ* передъ собой свою идею, — я подошла къ нему въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ-за стола, и спросила: „Ты, кажется, началъ новую работу?“ — „Да“, — отвѣтилъ онъ и покраснѣлъ. — „Что же, это группа или отдѣльная фигура?“ — Онъ промолчалъ. — „Самъ еще не знаю“, — проговорилъ онъ нерѣшительно. — „Развѣ ты не покажешь мнѣ наброски? Не скажешь, какой сюжетъ?“ — Онъ покраснѣлъ еще сильнѣе. — „Послѣ!.. Потомъ!..“ — проговорилъ онъ, и послѣдно вышелъ изъ комнаты, какъ будто мой вопросъ былъ ему неприятенъ... Боже мой!.. — продолжала бѣдная женщина, сжимая руки. — Если бы вы

звали, как пугает меня его молчаніе!.. Может-быть, то, что я скажу вамъ, нелипо, но мнѣ показалось, что въ ту минуту, когда онъ говорилъ „послѣ, потомъ!“—онъ съ ненавистью взглянулъ на Альбера... Общайте мнѣ, что вы постараетесь увидѣть, надѣчь онъ работаетъ,—вамъ онъ покажетъ,—и, если любите его, повліяйте, убѣдите его довести дѣло до конца!.. Мнѣ кажется, если онъ опять окончитъ что-нибудь, мы будемъ спасены...

— Общай, — проговорилъ я почти торжественно.

По своей профессіи романиста, мнѣ приходилось выслушивать не мало признаній, — и иногда очень странныхъ, — настолько велика въ насъ потребность рассказывать, чтобы развлечь себя или другихъ. Во времена глубокой вѣры, души, отягощенные грѣхомъ или несчастьемъ, обращались

сыпавшіи въ писателѣ. Вотъ почему, два дня спустя послѣ посещения улицы Сегюръ, я снова отправился туда. Но на этотъ разъ я принялъ мѣры предосторожности и заранѣе написалъ Иву, выражая вѣтеринѣ увидѣть его новыя работы. Мнѣ показалось хорошими признакомъ, что онъ немедленно отвѣтилъ мнѣ, обещая показать свою мастерскую. „Ты не найдешь въ ней много новаго, — писалъ онъ, — но мнѣ очень хотѣлось бы услышать твое мнѣніе объ одной работѣ, которую я расчитываю окончить сегодня. Это единственное произведение, доведенное мною до конца за три года. *Приходитъ старость*“. Записка была написана менѣ твердымъ почеркомъ, чѣмъ прежде; послѣднія слова были подчеркнуты. Какъ бы то ни было, я узнаю то, что хотѣла знать г-жа Клуэ. Горе ея произвело на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, измѣнилъ великому правилу мужского франмасонства и послалъ ей письмо ея мужа, написавъ въ заголовкѣ: „Надѣйтесь!“ Это былъ крикъ моего сердца сердцу этой женщины, пораженной въ своихъ чувствахъ жены и матери. Я убѣдился, однако, что ядъ глубже проникъ въ рану ея сердца, чѣмъ я думалъ. Г-жа Клуэ, увидѣвъ меня изъ окна, сама открыла мнѣ дверь, блѣдная, дрожащая.

— Вы ничего не скроете отъ меня изъ того, что онъ скажетъ вамъ? — проговорила она, сжимая руки, — даже если онъ будетъ говорить объ Альберѣ!.. Лучше мнѣ знать всю правду...

И вошелъ въ мастерскую, глубоко тронутый послѣднимъ воплемъ материнскаго сердца, но, говоря откровенно, прежде всего заинтересованный таинственной нравственной драмой, вывавшей этотъ вопль. Я давно зналъ, что поклоненіе красотѣ видоизмѣняетъ въ нѣкоторыхъ художникахъ простѣйшія человѣческія чувства; но чтобы это видоизмѣненіе доходило до исчезновенія родительскихъ чувствъ и замѣны ихъ ненавистью, — этому я не могъ повѣрить! Возможно ли, съ другой стороны, чтобы разочарованіе настолько парализовало плодотворную фантазію артиста, творившаго съ такой легкостью, и поразило его безсиліемъ? Всѣ эти вопросы тѣснились въ моей головѣ, а видъ Ива Клуэ, встрѣтившаго меня въ обширной мастерской, не могъ успокоить моего любопытства. Если въ г-жѣ Клуэ я замѣтилъ глубокую перемену, то въ немъ она была еще очевиднѣе. Я оставилъ его спокойнымъ, улыбающимся атлетомъ, гордымъ своей силой и ненужнымъ жизнью, — а нашелъ безпокойнаго, нервнѣйшаго неропата, постарѣвшаго на десять лѣтъ, съ раздраженіемъ во взглядѣ и нервными движеніями. Волосы и у него посѣдѣли, щеки провалились. Этотъ счастливецъ, этотъ осыпанный благами человекъ, въ первый разъ встрѣтилъ въ жизни нѣчто суровое. Я исподомнилъ его былыя теоріи, дерзкое счастье современнаго язычника, посылающаго вызовъ судьбѣ, и понималъ, какъ тяжело ему было перенести такой ударъ своей гордости и тщеславію. Я заговорилъ съ нимъ прямо. Какъ ни измѣнился Ивъ въ нѣвѣстныхъ отношеніяхъ, въ одномъ онъ остался тѣмъ же: въ отвращеніи ко всякимъ недомолвкамъ и намекамъ. Лучшее средство узнать, что онъ думаетъ о сынѣ, было прямо спросить его.

Относительно всякаго другого, такой приемъ былъ бы, можетъ-быть, рѣзокъ; относительно его это было только деликатностью.

— Я знаю, ты перенесъ большой ударъ, — началъ я, — и если я не писалъ, то единственно потому, что для нѣкоторыхъ бѣдъ стивіи не существуетъ словъ утѣшенія.

— А если я не писалъ, то тоже потому, что мое горе не выразить словами. Лаура говорила мнѣ, что ты былъ третьяго дня... Ты видѣлъ мальчика...

Онъ произнесъ эти слова съ такой стремительностью и страстностью, что я былъ смущенъ, хотя и зналъ его обычную откровенность.

— Видѣлъ, — отвѣтилъ я, чувствуя, что краснѣю. — Бѣдняжка!.. Какое онъ долженъ внушать тебѣ состраданіе, дорогой Ивъ!.. Какъ ужасно для человѣческаго существа начинать жизнь при такихъ условіяхъ...

— Да! состраданіе... состраданіе... — повторилъ онъ. Я видѣлъ, какъ глаза его потухли, и въ лицѣ выразилась жестокая, сухая боль несправедливой вражды, въ которой гнѣвъ сѣнилъвается съ раскаяніемъ. — Да, ты правъ, — продолжалъ онъ. — Состраданіе — единственное чувство, которое можетъ внушать этотъ ребенокъ!.. Мой ребенокъ!.. Если бы ты зналъ, какъ

туда, куда бы имъ слѣдовало обратиться и теперь, — то-есть къ Богу или Его служителямъ. Теперь мы измѣнили все это, и авторы, специальность которыхъ — анализировать чувства, сдѣлались присяжными выслушателями, во-первыхъ, влюбленныхъ обоюдо, а во-вторыхъ, многочисленныхъ эгоистовъ, одаренныхъ фантазіей, для которыхъ ощущеніе тогда только становится полнымъ, когда вылетаетъ въ словахъ. Да, не мало призваній пришлось мнѣ выслушать, и я несколько не жалуюсь на это, потому что на тысячу все-таки приходится шесть-семь нескранныхъ и три-четыре трогательныхъ. Въ самомъ первомъ ряду послѣднихъ я ставлю призваніе, сдѣланное мнѣ г-жой Клуэ, сдѣланное не для того, чтобы дать мнѣ тему для романа, а потому, что бѣдняжка имѣла какую-то вѣру въ мою власть надъ ея мужемъ. Власть эта была очень проблематична, потому что, если скульпторъ и оказывалъ мнѣ въ юности горячее расположеніе, то только потому, что я безпрекословно признавалъ захватывающее господство его личности. Тѣмъ не менѣе, я не оселся равнодушнымъ къ просьбѣ г-жи Клуэ. Впрочемъ, и самой аномалии чувствъ, встрѣченной въ моемъ старомъ товарищѣ, было совершенно достаточно, чтобы заинтересовать элементъ любопытства человѣческой натуры, впрочемъ не за-

тяжело отцу сознавать, что его сын всегда, до самой своей смерти, останется предметом общаго состраданія! Ты знаешь, что я всегда дрожалъ отъ негодованія при мысли, что кто-нибудь можетъ пожалѣть мени... Это гордость, если хочешь, но человѣкъ только и держится гордостью. Я готовъ перенести все, что угодно, только не состраданіе, даже со стороны друга, даже со стороны жены!.. Я питаю отвращеніе къ такому рода милостынѣ; и, что дѣлать? можетъ-быть, это чудовищно, можетъ-быть, безчеловѣчно!.. Но я самъ не способенъ подавать такую милостыню!.. Я не могу жалѣть даже этого несчастнаго ребенка!.. Не могу и не хочу...

Эго слова, въ которыхъ сказывалось въ жесткой формѣ все то же несокрушимое язычество, были брошены съ такой мучительной горечью, что я не могъ сомнѣваться въ ихъ искренности. Художникъ дѣйствительно возмущался противъ самаго христіанскаго чувства, совмѣстимаго съ гордостью, но въ то же время наименѣе эстетическаго и наименѣе интеллектуальнаго. Однако человѣкъ состоитъ не изъ одной гордости; подъ разочарованнымъ художникомъ, не умиющимъ примириться съ унизительнымъ уродствомъ сына, съ безобразіемъ этой плоти отъ его плоти, чувствовалось истинночеловѣческое существо. Голосъ крови слышался сквозь ропотъ возмущившейся гордости. Самая ненависть его къ ребенку, чудовищная, преступная, отвратительная, свидѣтельствовала о внутренней, страстной борьбѣ, о возможности полнаго возврата для его истерзанной души. Между тѣмъ онъ продолжалъ свою исповѣдь, составлявшую поразительный противовѣсъ исповѣди его жены. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по мастерской, посреди которой вниманіе мое останавливала какая-то фигура, закрытая мокрымъ холстомъ. Это была несомнѣнно та таинственная статуя, о которой г-жа Клуэ желала знать, будетъ ли она доведена до конца, и, по мѣрѣ того, какъ скульпторъ говорилъ, это видѣніе изъ глины и холста начинало жить для меня еще болѣе загадочной жизнью.

— Ты не видишь ничего новаго у меня въ мастерской, а прежде сколько работы я могъ бы показать тебѣ за такой промежутокъ времени!.. Страданіе поражаетъ человѣка въ его сокровенныхъ силахъ. Моя сила была въ искусствѣ, и вотъ уже три года, —пойми, три года,— я былъ лишень этой силы. Ты никогда не испыталъ ничего подобнаго: ты не знаешь, что значить навличивая идея, которую нельзя стряхнуть съ себя, какъ нельзя выбросить сломанный клинокъ изъ раны; идея, которая не позволитъ остановиться ни на чемъ другомъ, ни на мысли, ни на мечтѣ, ни на желаніи. И потому, со времени рожденія мальчика. У меня явилось какое-то страшное чувство: мнѣ стало казаться, что я долженъ искупить все свое бывшее счастье, что никакое предпріятіе не удастся мнѣ болѣе, что на моемъ артеломъ возрастъ тяготѣетъ вѣчто роковое... Ты не понимаешь этого? А между тѣмъ и посильнѣе меня таланты гибли, развитые мыслью, что вмѣстѣ съ молодостью умираетъ и талантъ. Мюссе ничего не написалъ послѣ тридцати лѣтъ!.. А тѣ изъ насъ, которые продолжаютъ работать съ сѣдыми волосами, развѣ они, ты думаешь, не испытали кризиса сомнѣнія, когда почувствовали, что уходитъ молодость, святая молодость!.. Этотъ кризисъ былъ бы для меня еще чувствительнѣе потому, что я не сознавалъ, не вѣрилъ, что старѣю. Ты сочтешь меня за безумца, но, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, я, какъ говорить многіе на Востоку, не зналъ своихъ лѣтъ!..

Онъ произнесъ эти слова съ такимъ волненіемъ, что мнѣ даже въ голову не пришло улыбнуться. Вся сокровенная трагедія, жертвою которой сдѣлался этотъ человѣкъ, мало-по-малу высклалась передо мною.

— Я понимаю, —сказалъ я.—Несчастіе поразило тебя двоякимъ: во-первыхъ, само по себѣ, и, во-вторыхъ, въ виду той эпохи въ твоей жизни, когда оно случилось; ты ощутилъ его сильнѣе, потому что вмѣстѣ съ нимъ почувствовалъ потерю остальнаго, почувствовалъ неизбежное теченіе лѣтъ, необходимость примириться съ неизбежнымъ банкротствомъ, необходимость примѣниться къ нему. Но у тебя такъ много осталось въ жизни, и прежде всего—твоя милая жена...

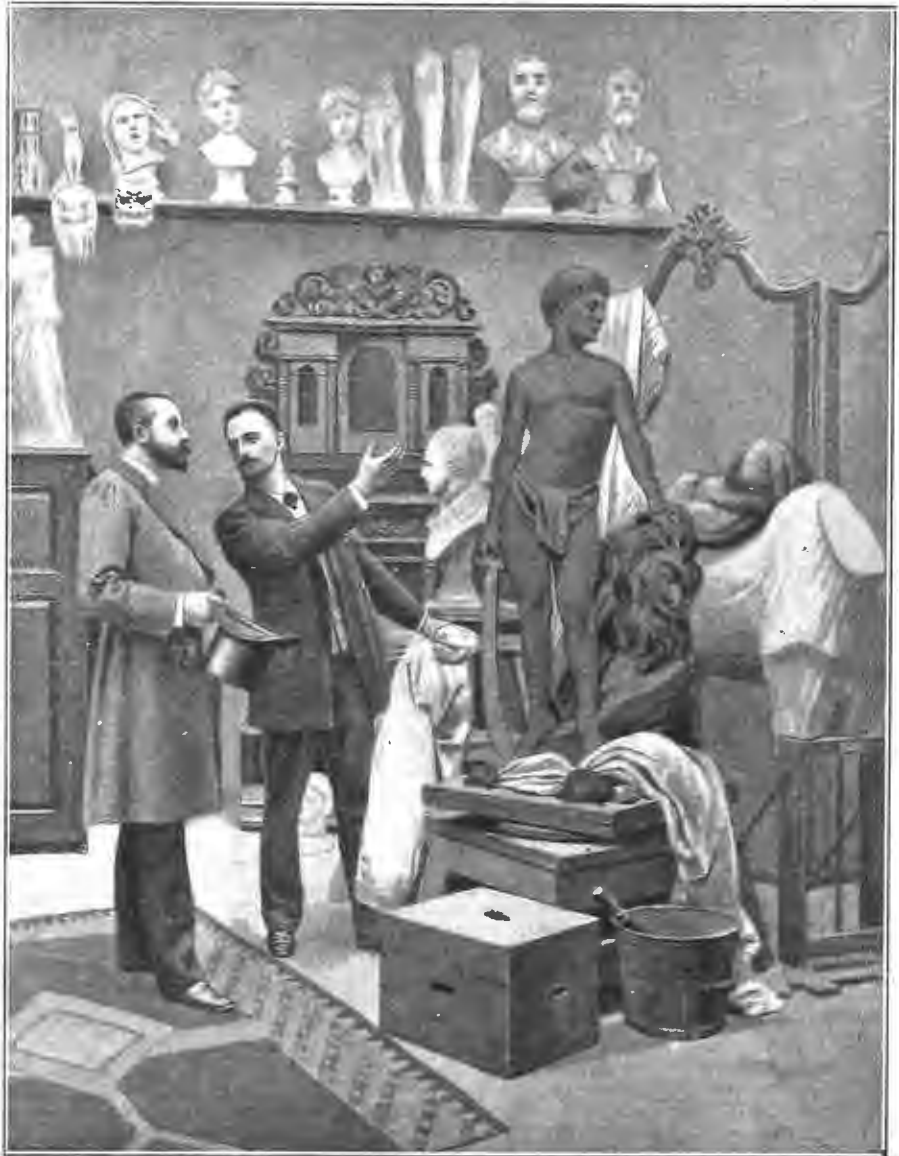
— Это самое худшее, —перебилъ Клуэ съ живостью.—хотя

такъ же безмысленно, какъ и все остальное. Ты знаешь, вѣдь я не могъ простить ей!.. Да, не могъ простить, зачѣмъ она унала; это случилось вотъ здѣсь, въ двухъ шагахъ отсюда.

И онъ указалъ на дверь, ведущую въ садъ.

Показалось ли мнѣ, или это было дѣйствительно, по драпировка, скрывавшая дверь, открытую въ этотъ теплый лѣтній день,—замевелась, какъ будто кто-нибудь скрывался за ней.

— Я не могъ простить ей, —продолжалъ Ивѣ, —зачѣмъ она недостаточно жалѣетъ *того ребенка*, нашего, настоящаго. Я не могъ простить, что она такъ сильно любитъ этого!.. Не могъ простить, что и ея коснулись годы; не могъ простить ни ея словъ, ни ея молчанія!.. Я говорю тебѣ, что во все эти годы я былъ глубоко несчастен!.. Ничего не сдѣлать... ничего, ни одной вещи!.. Какъ будто эти годы меня не существовало вовсе...

— Ну, а теперь? —спросилъ я, указывая на блѣдую фигуру, на которую и онъ поднялъ глаза. Въ нихъ снова блеснула искра гордости.

Со внезапностью, свойственной этимъ натурамъ, состоящимъ изъ однихъ нервовъ, физиономія его вдругъ преобразилась. Я увидѣлъ того Клуэ, котораго зналъ въ молодости, способнаго воодушевляться красотой, искренняго, горячаго. Онъ посмотрѣлъ на меня не то торжественно, не то какъ преступникъ, и произнесъ съ дрожью въ голосѣ:

— А теперь я опять сталъ работать. Я сдѣлалъ вещь, которую ты сейчасъ увидишь, ты первый!.. Мѣсяцъ тому назадъ и рано утромъ гулялъ у себя въ саду. Солнце свѣтило, птицы пѣли, листья трепетали на деревьяхъ, и розы начинали распускаться. На мигу у меня явилось сознаніе несокрушимой силы весны, которое въ молодости ослѣпляло меня, какъ вино. Я сѣлъ на мраморную скамью въ глубинѣ сада, которую я когда-то вытѣкъ самъ, и началъ гладить рукой амуровъ съ гирляндами дѣвѣтъ, которые изображаютъ ручки скамейки. Мною съ паразитной ясностью овладѣло воспоминаніе о томъ времени, когда я дѣлалъ эту скамейку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поворъ моего падевія. Да, я стыдился за себя передъ старыми

деревьями, которыя еле давали листьа, передь старыми кустами розъ, пронзавдвшихъ довые бутоны, передь этии уголкамъ вѣчной природы, въ которомъ всемирная жизнь продолжала работать, бороться, созидать!.. Я впалъ въ мечтательное

настроение, свойственное, вѣроятно, вѣтвямъ деревьевъ, когда въ нихъ циркулируютъ соки, а дерево продолжаетъ стоять неподвижно, и стволъ не подумываетъ о той работѣ, которая совершается въ его вѣтрахъ, о томъ цвѣткѣ, который подготавливается подь его корою и скоро распухнет!.. Передо мной мелькнула идея статуи, сначала смутно, неопредѣленно, потомъ съ тою же ясностью какъ листьа на деревьяхъ, какъ розы на кустахъ. Я не могъ бы видѣть ее съ болшей опредѣленностью, если бы она вдругъ выросла передо мной на лужайкѣ, выстѣ съ пьедесталомъ!.. Это была статуя сына, котораго я такъ страстно хотѣлъ имѣть, котораго я имѣлъ до этого ужаснаго паденія. Онъ стоялъ передо мной пятнадцатилѣтнимъ отрокомъ, выстѣченный изъ мрамора, въ великолѣпной юношеской наготѣ: молодого бога. Онъ имѣлъ мои собственные формы тѣла, но связки, руки и ноги своей матери. Отъ матери же онъ получилъ овалъ лица, подбородокъ, уши, лобъ, улыбку щекъ и немого вздутыя губы—дивныя губы греческихъ головъ шестого вѣка, въ которыхъ еще сказывается Египетъ. Волосы его падали завитками на лобъ, а подь бровями была благородная, глубокая впадина, которая придаетъ глазамъ Лауры такое строгое и мягкое выражение!.. Словомъ, это былъ *нашъ* сынъ, и я рѣшилъ попробовать дѣйствительно выстѣпить его!.. Какимъ образомъ эта мысль не пришла мнѣ раньше въ голову? Какъ и почему она съ такой силой овладѣла мною именно въ эту минуту и на этомъ мѣстѣ? Я не знаю. Я знаю только, что поднялся со скамейки съ бьющимся сердцемъ и дрожащими руками. Не сумѣю передать тебѣ, съ какимъ волнениемъ я вошелъ къ себѣ въ мастерскую,— съ волнениемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ и восторгомъ, съ надеждой и недоверіемъ. Я спрашивалъ себя: найду ли и въ себѣ тѣ силы, которыя необходимы для этого произведенія? Если судьба не допустила меня имѣть этого сына въ плоти и крови, будетъ ли мнѣ дано имѣть его въ другомъ матеріалѣ, кажушемся мертвымъ? Но, когда ему придана форма, онъ живетъ, живетъ болѣе высокой жизнью, потому что онъ неповиновенъ смерти. И я началъ лѣпить главу съ трепетомъ, съ благоговѣніемъ. О, если бы ты могъ представить себѣ первые сеансы этой единственной работы, волненія, восторги, разочарованія и ту минуту, когда *онъ* дѣйствительно стоялъ передо мной, занимающа пространство, когда я могъ опустить его мускулы, прикоснуться къ вѣзнямъ его членамъ, встрѣтить его взглядъ!.. Послушай!.. Я жаловался на свои страданія; вглянусь, эти радостныя мгновенія вновь пскупили ихъ!.. Но вотъ, по-смотри самъ!..

Воодушевленіе охватило его всего. Руки его дрожали въ то время, какъ онъ снималъ съ фигуры мокрый холстъ.

— Я изобразилъ его аллегорически, Давидомъ,— продолжалъ Ивъ,— ради одной фразы въ Библии, которую я всегда страстно любилъ: *Erat autem rufus, et pulcher aspectu, decoraque facie, et ait Dominus: Surge, ungue eum, ipse est enim.* („И былъ онъ рыжеволосъ, красивъ осанкой и съ благороднымъ лицомъ. И Господь сказалъ: Возставьте и умастите его маслами, *ибо се онъ!*“). Эти три слова я хочу выгравировать на подножьѣ статуи: *Ipse est enim—ибо се онъ!*.. Вотъ, смотри!..

Онъ снялъ послѣдній холстъ, и статуя явилась передо мной въ той искренности непосредственной лѣпки, гдѣ видно прикосновение вала, гдѣ чувствуется рука художника, его духъ, его лихорадочное волненіе. Никогда, въ лучшіе свои дни, Ивъ такъ не приближался къ совершенной красотѣ, какъ въ этомъ произведеніи, о необыкновенномъ и тяжеломъ значеніи котораго онъ такъ подробно рассказывалъ мнѣ. Знаменитой Триптолемъ аѳинскаго музея, между Деметрой и Персефоной, не превосходить по изяществу этого якобы Давида. Юноша былъ представленъ стоящимъ на правой ногѣ, выставивъ лѣвую цемного впередъ, какъ въ древнихъ статуяхъ, а сила и въ то же время граціозное изящество погъ, упругій изгибъ бедеръ, худоба плечъ, съ едва обозначенными мускулами, тонкая линия живота, придавали юношеской фигурѣ характеръ мужественной стройности и энергіи, тогда какъ тонкость рукъ и ногъ, и въ особенности ибжныя черты лица, образленная волосоми, вьющимися въ стилѣ Леонарда, сообщали ей прелестную, чисто женственную тоимость. Художникъ дѣйствительно задумалъ и передалъ сліяніе двухъ красотъ. Я зналъ, какой грустной фантазіи этотъ Давидъ служилъ выраженіемъ: я узнавалъ въ немъ жесты самого Клуэ, его сложеніе, его осанку, узнавалъ улыбку, грацію и взглядъ

его жены, и для меня статуя явилась какимъ-то виднѣемъ и, сознался ли, почти кощунствомъ. Нѣтъ, это былъ не Давидъ, не царь, которому предстоитъ царствовать и побѣждать; это былъ молодой герой, которому не суждено жить, Эвриалъ,

котораго тщетно будетъ приывать его Никтъ, Икаръ, который погибнетъ въ ненасытномъ океанѣ, Орфей, котораго разорвутъ жестокия руки Менадь, существо безъ надеждъ на будущее, но столь героически, столь грустно прекрасное!.. Я былъ такъ растроганъ, что едва могъ выразить свое восхищеніе, прии-

тое художникомъ съ наивною гордостью, весьма понятной послѣ такого творчества. Не мы создаемъ подобныя прозвѣденія: они создаются въ насъ сами, почти помимо нашей воли... Мы оба молчали,—и вдругъ мы услышали изъ-за двери, ведущей въ садъ, на порогъ которой мать Альбера упала передъ его появленіемъ на свѣтъ, какіе-то стоны, сначала тихіе, сдержанные, потомъ болѣе громкіе, прерываемые рыданіями, отчаянными рыданіями, разрывавшими мое сердце!.. Мы съ Ивою переглянулись.

На лицѣ его, только что вдохновенномъ и преображенномъ восторгомъ, легла скорбь, точно раскаяніе въ совершенномъ преступленіи. Намъ не было надобности откидывать драпировку, закрывавшую дверь: мы и безъ того поняли, что это плакала Лаура. Движимая непреодолимымъ любопытствомъ, она спустилась въ садъ, но не рѣшилась войти въ мастерскую, и слышала весь нашъ разговоръ—съ какими чувствами, о томъ достаточно свидѣтельствовали ея рыданія. Они становились все громче и громче, и лицо Ива все мѣнялось и мѣнялось, пока, наконецъ, двѣ крупныя слезы не скатились по его ввалившимся щекамъ. И вдругъ, обращая на мое присутствіе столько же вниманія, какъ если бы я былъ однимъ изъ слѣпиковъ, вислицихъ на стѣнѣ, онъ бросился къ дверямъ, откинулъ драпировку и увидѣлъ на ступеняхъ лѣстницы свою жену. Она, рыдая, прижимала къ груди несчастнаго урода, къ кото-

рому его отецъ питалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ такую непонятную ненависть. Въ страстномъ порывѣ, который и у меня вызвалъ на глаза слезы, Ивъ бросился передъ женой на колѣни, прижималъ ее къ своей груди и обнималъ маленькаго горбуна.

— Прости меня!—повторялъ онъ,—прости... Я чувствую, что люблю его. Клянусь тебѣ, я уже люблю его, и ты не будешь болѣе страдать. Смотри... Смотри же...

И онъ осыпалъ маленькаго Альбера страстными поцѣлуями, между тѣмъ какъ мать, обезсилѣвъ отъ внезапнаго волненія, опустила голову на плечо мужа, и рыданія ея становились все тише, все спокойнѣе. И поцѣлы, — и факты доказали съ тѣхъ поръ, что я не ошибся,—я понялъ, что Клаузъ искрененъ, и что онъ дѣйствительно можетъ полюбить несчастнаго ребенка теперь, когда у него есть въ мастерской другой сынъ, тотъ, о которомъ онъ мечталъ. Въ группѣ этихъ трехъ существъ, въ иѣсколькихъ шагахъ отъ глиняной статуи, неподвижно стоявшей на своемъ пьедесталѣ, я видѣлъ символъ благотворнаго дѣйствія искусства. Оно выступило передо мной еще съ болѣе яркостью, когда мать подняла голову и, продолжая прижимать къ груди дрожащими руками живого сына, улыбнулась тому, другому сыну, котораго она *могла и должна была иметь*, — благотворному произведенію искусства, возвратившему ей мужа.

*
*
*

Отчего такъ ярко въ полночи морозной
На небесномъ сводѣ звѣздочки горять?
Не у нихъ ли занялъ этотъ пламень звѣздный
Твой, любовью полный, лучезарный взглядъ?

Ты ко мнѣ такъ робко, трепетно прильнула.
Сердцемъ слышу сердца безпокойный стукъ.
Все вокругъ безмолвно, все вокругъ уснуло.
Не тревожитъ слуха ни единый звукъ.

Ночь неотразимымъ дышитъ обаяньемъ.
Мечуть искры свѣта снѣжные поля.
Насъ околдовали небеса сіяньемъ,
Насъ заворожила тишиной земля.

И молчимъ мы оба и тѣснѣй сближаемъ
Полнымъ любовью юныя сердца
И на крыльяхъ ночи, мнится, улетаемъ
Къ этимъ яркимъ звѣздамъ, въ бездну безъ конца.
А. М. Федоровъ.

Можетъ ли ожить замерзшее животное?

(Съ нѣмецкаго.)

Уже не разъ затрогивался вопросъ о вліяніи холода на жизнедѣятельность какъ дѣлаго организма, такъ и отдѣльныхъ органовъ; не разъ производились изысканія, съ цѣлью выясненія, можетъ ли замерзая вода въ тканяхъ животнаго, и насколько она можетъ замерзнуть, не вызывая омертвѣнія соответствующаго органа или всего организма. Однако ни къ какому окончательному результату всѣ эти работы еще не привели. А между тѣмъ для возвращенія къ жизни людей и животныхъ, подвергшихся полному или частичному замерзанію, было бы чрезвычайно важно знать въ точности процессы, совершающіеся въ тканяхъ, такъ какъ ими однимъ опредѣлились бы надлежащія мѣры для возвращенія къ жизни. Надъ этимъ вопросомъ особенно много работала нѣмецкій натуралистъ Кохсъ.

Кохсъ еще раньше доказалъ, что животныя, у которыхъ въ дѣствие охлажденія кристаллизуется вся содержащаяся въ сосудахъ тѣла вода, не могутъ быть возвращены къ жизни. Совершенною замерзаніемъ воды въ тканяхъ тѣла называется полное высыханіе, выдѣленіе всѣхъ газовъ, растворенныхъ и находящихся въ непрочныхъ химическихъ соединеніяхъ, и кристаллизація солей. Вдѣствие этого наступаетъ разрушеніе структуры протоплазмы, т. е. ея химическаго и физическаго строенія. Это-то разобіеніе составныхъ частей живой матеріи и ведетъ организмъ къ смерти. Что сильное охлажденіе само по себѣ не смертельно, видно хотя бы на примѣрѣ пивовъ, которыя отлично переносятъ температуру воды, охлажденной до $-4,5^{\circ}$. Лишь когда вода начинаетъ кристаллизоваться вокругъ животнаго, и этотъ процессъ переходитъ на ихъ обилующія водой ткани, пивки надыхаютъ.

Прежнимъ выводамъ противорѣчитъ тотъ фактъ, что нѣкоторымъ натуралистамъ, на примѣръ, знаменитому бовискому физиологу *Пфлюгеру*, удалось вернуть къ жизни животнаго, замерзшихъ до такой степени, что они казались кускомъ льда. Когда Кохсъ снова принялся за опыты, на этотъ разъ съ соблюденіемъ необходимыхъ предосторожностей (медленное охлажденіе и медленное оттаиваніе), ему также удалось оживить замерзшую до степеней льда лягушку, на основаніи чего онъ и задался вопросомъ: какъ связать этотъ фактъ съ высказаннымъ выше, несомнѣнно справедливыми положеніями о процессахъ при замерзаніи животнаго?

Проводя опыты надъ образованіемъ кристалловъ въ водныхъ растворахъ, Кохсъ нашелъ, что растворъ поваренной соли замерзаетъ труднѣе растворовъ другихъ солей; почти изъ всѣхъ этихъ растворовъ вода вымерзаетъ гораздо легче, чѣмъ изъ растворовъ хлористаго натрія или хлористаго кальция.

Изъ бѣлковыхъ растворовъ вода также трудно вымерзаетъ,

и только при очень низкой температурѣ, какъ показываетъ слѣдующій опытъ нашего натуралиста. Онъ вылилъ въ рюмку сырое яйцо, не повредивъ желтка, налилъ сверху воды и подвергъ содержимое рюмки въ теченіе трехъ часовъ температурѣ въ -10° . Вода очень скоро замерзла лучеобразно отъ стѣнокъ къ оси сосуда. Выдѣлившіеся газы скопились въ шельхахъ внутри трубочкахъ льда. Бѣлокъ оставался совершенно жидкимъ, принявъ форму параболоида, рѣзко ограниченаго со всѣхъ сторонъ прозрачнымъ льдомъ. Черезъ 10 часовъ, при заключительной температурѣ въ -16° , все яйцо представляло крѣпкую, окруженную льдомъ, массу. Въ то время, какъ ледъ уже раскалывался, личный желтокъ и бѣлокъ еще свободно можно было рѣзать; среди хаоса маленькихъ ледяныхъ иглъ они оставались тягучими жидкостями. Растворъ бѣлковыхъ можетъ замерзнуть вполне, лишь будучи сильно разбавленъ водою, такъ какъ масса льда въ данномъ случаѣ перевѣшиваетъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что образование льда, другими словами—замерзаніе во внутреннихъ тканяхъ животнаго (или растенія) идетъ тѣмъ легче, чѣмъ обильнѣе эти ткани водою. Животное съ очень большимъ содержаніемъ воды въ тканяхъ можетъ замерзнуть до твердости камня, не лишившись такого количества воды, чтобы вслѣдъ за замерзаніемъ наступило описанное выше смертельное разрушеніе протоплазмы. Если разрѣзать замерзшее до такой степени животное, то между проходящими сквозь ткани ледяными иглами можно видѣть, и безъ помощи микроскопа, инертную подвижную жидкость; можно ли вернуть къ жизни замерзшее подобнымъ образомъ животное?—это зависитъ, очевидно, отъ медленности оттаиванія и количества воды въ животномъ организмѣ, обратившейся въ ледъ.

Если подъ микроскопомъ подвергнуть дѣйствию тенла тонкіе слои замерзшихъ тканей, то можно видѣть, какъ ледяныя иглы превращаются въ капельки дистиллированной воды. Между ними и концентрированными растворомъ крови и сукровицы тотчасъ же возникаютъ сильныя диффузионныя токи, посредствомъ которыхъ, въ особенности если они возникаютъ одновременно вслѣдъ, происходитъ такое разрушеніе болѣе мелкихъ кѣлочекъ, что жизнедѣятельность перестаетъ быть возможной.

Въ виду этого оттаиваніе замерзшихъ тѣлъ должно происходить какъ можно медленнѣе. Окружающую температуру нужно очень осторожно, исподволь, доводить до 0° , въ противномъ случаѣ наступаетъ быстрое, безусловно смертельное оттаиваніе всѣхъ ледяныхъ кристалловъ. Это вполне подтверждаетъ старое правило, что замерзшіе члены нужно растирать снѣгомъ и не вносить замерзшаго челоуѣка въ натопленную ком-

вату; при пренебреженіи эгнии мѣрами предосторожности, спасеніе возможно крайне рѣдко, лишь въ случаяхъ совѣтъ легкихъ степеней отмораживанія. Такимъ образомъ, растенія часто страдаютъ меньше отъ мороза, чѣмъ отъ внезапнаго перехода къ теплу, почему садовники совершенно основательно защищаютъ растенія больше отъ лучей зимняго солнца, чѣмъ отъ ночного холода. Морозъ всего опаснѣе весной, когда сокъ уже началъ подниматься; тогда даже незначительный морозъ можетъ имѣть самое пагубное вліяніе на растенія.

Послушаемъ теперь, какъ Кохсъ старается объяснить медленное замерзаніе тканей съ физико-химической точки зрѣнія. Вымерзаніе воды изъ животныхъ тканей производить прежде всего сгущеніе бѣлковыхъ частей сукровицы. Но такъ какъ для растворовъ коллоидальныхъ тѣлъ, соответственно наблюдаемому у нихъ весьма слабому осмосу, точки замерзанія и кипѣнія мало чѣмъ отличаются отъ точекъ замерзанія и кипѣнія мало чѣмъ отличаются отъ точекъ замерзанія и кипѣнія воды, то бѣлковые части сукровицы едва ли могутъ вызвать существенное пониженіе точки замерзанія. Нашъ натуралистъ находитъ разясненіе скорѣе въ солесодержаніи крови. У человека оно равно 0,85%, при чемъ перевѣсъ на сторонѣ поваренной соли и двууглекислой соды. Поваренной соли въ сукровицѣ человека 4.92 на 1000, или почти 0,5%. „Извѣстно, что морская вода, содержащая круглымъ числомъ 3% солей, изъ которыхъ 2,5% поваренной, начинаетъ замерзать лишь при -3° . Нужно, однако, принять въ соображеніе, что, вслѣдствіе вымораживанія прѣснаго льда, концентрація оставшейся подъ льдомъ морской воды замѣтно не возрастаетъ, въ виду большой массы воды, подвергающейся вымораживанію. Когда же ледъ образуется въ сокахъ тканей, концентрація соляного раствора сейчасъ же значительно повышается, а съ нею точка замерзанія падаетъ такъ, что скорѣе дальнѣйшее образование льда прекращается“.

Этими доводами, какъ полагаетъ Кохсъ, вполне разяснены процессы, происходящіе при замерзаніи животного. Однако, имѣть ничего невозможнаго въ томъ, что физико-химики (Ледюкъ и др.), въ послѣднее время много занимающіеся изученіемъ замерзающихъ растворовъ, внесутъ въ эту теорію какіе-либо поправки. Но, что бы ни дала намъ наука въ будущемъ, фактъ оживанія замерзшихъ до твердости льда животныхъ, при воздѣйствіи на нихъ постепеннаго повышенія температуры, не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Само собой разумѣется, здѣсь дѣло не — въ „анабіозѣ“, т.е. возрожденіи, но въ продолженіи никогда вполнѣ не прерывавшихся живенческихъ процессовъ.

Къ рисункамъ.

Рѣдкая мать умѣетъ сдерживать въ границахъ благообразія вѣншія выраженія любви къ своимъ дѣтямъ; почти каждая мать балуетъ дѣтей, и балуетъ въ гораздо болѣе степеніи, чѣмъ отецъ; однако, есть существо, въ сравненіи съ которымъ блѣднѣетъ и баловство матери,—и существо это—бабушка. Въ ея глазахъ, каждый ея внукъ и внучка — истинное божество; всѣ его желанія должны быть немедленно исполняемы, всѣ прихоти требуютъ немедленнаго удовлетворенія. Старушка приходитъ въ удивленіе уже при одномъ видѣ внуковъ, и потому имѣть ничего мудренаго, что быть въ гостяхъ у бабушки (стр. 121) для ребенка — истинное наслажденіе: тутъ для него готовы всякія игрушки, тутъ найдется для него самый лакомый кусочекъ, тутъ все проникнуто обожаніемъ его...

Святой городъ Иерусалимъ являлся святыней не для однихъ

христіанъ; мусульмане, уже много вѣковъ владѣющіе имъ, тоже почитаютъ его своею святыней. Не надо забывать, что мусульмане признаютъ Иисуса Христа пророкомъ, подъ именемъ Иссы, который принесъ съ неба второй коранъ (третій и послѣдній коранъ принесенъ по ихъ ученію Магометомъ), такъ-что въ мусульманскомъ іерархическомъ порядкѣ Иса занимаетъ второе мѣсто, непосредственно за Магометомъ, а потому Иерусалимъ считается у мусульманъ второю послѣ Мекки святыней, и сюда ежегодно стекаются тысячи паломниковъ со всего мусульманскаго Востока. Главнѣйшая святыня Иерусалима— это храмъ Соломона (стр. 124), именующійся нынѣ мечетью Омара, которая стоитъ на вершинѣ горы Морія, гдѣ царь Давидъ поставилъ скинию завета, а Соломонъ воздвигъ храмъ Богу Израили. И христіане, и евреи до сихъ поръ видятъ въ этой мечети Омара древній храмъ Соломоновъ, въ который, однако, нынѣ входъ для нихъ почти недоступенъ, или сопряженъ съ величайшими затрудненіями.

Нельзя отрицать, что эта колоссальная мечеть отчасти состоитъ изъ старыхъ стѣнъ іерусалимскаго храма, которому пришло въ шестидесятилетіи много превратностей судьбы. Великолѣпный храмъ Соломона, подробно описанный въ Библии, простоялъ нерушимъ до нашествія Навуходносора съ его полчищами, когда былъ разрушенъ чуть не до основанія; однако, недолго продолжалось вавилонское илѣніе евреевъ, и, возвратившись на родину, они отстроили іерусалимскій храмъ съ прежнимъ великолѣпіемъ. Послѣ вторичнаго разрушенія, его возстановилъ царь Иродъ, но затѣмъ онъ снова былъ разрушенъ Титомъ, и возникъ уже при императорѣ Адрианѣ, на этотъ разъ въ видѣ храма Юпитеру Капитолійскому.

Впрочемъ, храмъ этотъ скорѣе пришелъ въ упадокъ и превратился чуть не въ развалины, когда Палестиной овладѣли арабы, и халифъ Омаръ переделалъ его въ мечеть, какою онъ остался и нынѣ. Было, правда, время, что и въ немъ возносились молебны христіанскому Богу; это случилось во время крестовыхъ походовъ, когда крестоносцамъ удалось овладѣть не только Иерусалимомъ, и они освятили древнія стѣны, какъ христіанскій храмъ, поставивъ мраморный престолъ тамъ, гдѣ стоялъ когда-то жертвенникъ скинии завета. Однако, султанъ Аладинъ отбилъ у крестоносцевъ Иерусалимъ, и храмъ Соломоновъ вновь былъ обращенъ въ мечеть. Теперь эта мечеть окружена развалинами—наминками древней старины, въ которой смѣшались еврейскіе, римскіе и арабскіе остатки.

* Сказка о царѣ Берендѣ (стр. 125),

наложенная въ стихахъ В. А. Жуковскимъ, составляетъ одинъ изъ вариантовъ сказки о „Кашей безсмертномъ“. Содержаніе ея, вѣроятно, извѣстно всѣмъ. Царь Берендѣ, объѣзжая свое государство, девять мѣсяцевъ уже былъ въ отлучкѣ, когда, повернувъ домой, сталъ въ одинъ злойный день приваломъ въ степи. Было жарко, царю захотѣлось выпить студеной воды, и, по счастью, онъ нашелъ колодезь и прильнулъ губами къ его водѣ; но въ это время въ борозду ему вцѣпился Кашей безсмертный, и отпустилъ лишь тогда, когда царь обѣщалъ отдать ему „то, что есть у него и чего онъ не знаетъ“. Думая: „чего-жъ и не знаю, я знаю все“,—царь обѣщалъ. Но коварство Кашей открылось, когда царь вернулся въ столицу; оказалось, что въ его отсутствіе царица принесла ему сына, Ивана-царевича... Сильно горевалъ вначалѣ царь по поводу своего необдуманнаго слова, но никому о немъ не сказалъ,—а время шло, царевичъ подрасталъ, и наконецъ царь позабылъ обо всемъ, что случилось... Разъ царевичъ, забавляясь охотой, заѣхалъ въ густую чащу; смотреть—

Франц Шубертъ (по поводу столѣтія со дня рожденія).

Домъ, гдѣ родился Шубертъ.

ему вцѣпился Кашей безсмертный, и отпустилъ лишь тогда, когда царь обѣщалъ отдать ему „то, что есть у него и чего онъ не знаетъ“. Думая: „чего-жъ и не знаю, я знаю все“,—царь обѣщалъ. Но коварство Кашей открылось, когда царь вернулся въ столицу; оказалось, что въ его отсутствіе царица принесла ему сына, Ивана-царевича... Сильно горевалъ вначалѣ царь по поводу своего необдуманнаго слова, но никому о немъ не сказалъ,—а время шло, царевичъ подрасталъ, и наконецъ царь позабылъ обо всемъ, что случилось... Разъ царевичъ, забавляясь охотой, заѣхалъ въ густую чащу; смотреть—

... все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ: дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ: вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ, съ бороδοю зеленою, съ глазами
Также зелеными.—Здравствуй, Иванъ-царевичъ, сказалъ онъ,
Долго тебя дожидались мы; пора бы насъ вспомнить.
— Кто ты? царевичъ спросилъ.—Объ этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклонъ отнеси; да скажи отъ меня:
не пора ли,
Царю Берендею, должно заплатить? Уже
давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До
свиданья!—И съ этимъ
Исчезъ бородатый старикъ...

Рассказалъ отцу про эту встрѣчу (она-то и изображена на нашемъ рисункѣ) Иванъ-царевичъ, и царь, въ испугѣ, признался сыну въ своемъ промахѣ. Но дѣлать было нечего: Иванъ-царевичъ вооружился и поѣхалъ... Еще по дорогѣ къ Кащей ему удалось встрѣтиться съ Марьей-царевной, младшей дочерью Кащея; она провела его къ отцу, въ его подземное царство, научила его, какъ избѣгать гнѣва Кащея, помогала ему выполнить задачи, которыя давалъ ему Кащей, и, наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ бѣжала отъ отца, при чемъ, опять-таки только благодаря ея помощи, Ивану-царевичу удалось спастись отъ погони. Конецъ сказки—известный: подъ влияніемъ простого любопытства, Иванъ-царевичъ не послушался Марьи-царевны, забывая ее и уже готовился жениться на другой, по въ послѣднюю минуту, уже за свадебнымъ столомъ, случайно вспомнилъ о ней, бросилъ невѣсту и вмѣстѣ съ Марьей-царевной вернулся домой, гдѣ и была справлена свадьба.

Францъ Шубертъ. (Портр. и рис. на стр. 136).

По поводу столѣтія дня рожденія.

„Бетховенъ въ своемъ полетѣ возноситъ насъ до небесъ, а внизу раздаются пѣсни; спуститесь на землю, вѣдь и тутъ хорошо; эту пѣсню поетъ намъ Шубертъ“,—такую параллель проводитъ въ своей книгѣ „Музыка и ея представители“ Рубинштейнъ и какъ нельзя вѣрнѣе опредѣляетъ великое значеніе обоимъ гениальнымъ композиторамъ, жившимъ въ одно время, въ одномъ и томъ же городѣ (Вѣна) и почти не знавшимъ другъ друга. Бетховенъ лишь за нѣсколько времени до своей смерти познакомился,—и то уступивъ просьбамъ Шиндлера, съ пѣснями Шуберта; но познакомившись, не могъ ужъ оторваться отъ нихъ; „въ этомъ человѣкѣ есть божественный огонь“,—сказалъ онъ; „велико будетъ значеніе его между людьми“. Шубертъ же, обожавшій всю свою жизнь Бетховена, могъ одинъ только разъ посѣтить умирающаго гения. Объясняется это обстоятельство условіями жизни обоихъ композиторовъ. Бетховенъ, окончательно оглохшій, велъ замкнутую жизнь, а арена дѣятельности Шуберта—была улица и кофейня; первый вращался въ высшихъ кругахъ, а второй—въ низшихъ. Смерть объединила ихъ; они похоронены почти рядомъ на Веринговомъ кладбищѣ въ Вѣнѣ.

Не многимъ пережилъ Шубертъ Бетховена и умеръ на тридцать первомъ году отъ истощенія силъ, подобно Моцарту; въ творчествѣ ихъ, какъ и въ жизни, много сходнаго. Творчество обоихъ было вѣнцомъ; истощеніемъ оказались только ихъ физическія силы; оба пѣли свои пѣсни, какъ птицы небесныя, не заботясь о завтрашнемъ утрѣ и не пользуясь никакими благами земными. Судьба дала этимъ гениямъ двухъ снотниковъ,—голодъ и нужду,—съ которыми они никогда не разставались; и такъ ужъ они привыкли къ нимъ, что даже не особенно старались отдѣлаться отъ нихъ. Жестокое поступила судьба съ ними, и въ особенности съ Шубертомъ, никогда не знавшимъ ни радостей, ни сердечной женской привязанности, ни матеріальнаго обезпеченія, ни поклоненія толпы, ни восторговъ публики,—словомъ, ничего изъ того, что можетъ утѣшить человѣка въ горѣ. „Произведенія, созданныя моими

страданіями,—нищеть онъ въ своемъ дневникѣ (1824 г.).—оставляютъ другимъ удовольствіе, но никто не захочетъ понять моего горя и *страдать* вмѣстѣ со мною“.

Одному изъ своихъ пріятелей онъ однажды писалъ: „Представь себѣ человѣка, всѣ лучшія надежды котораго рухнули,—человѣка, для котораго даже любовь и дружба доставляютъ одно лишь горе,—и скажи: не долженъ ли я считать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ?“ И дѣйствительно, Шубертъ не извѣдалъ въ своей жизни ничего отраднѣе; со дня рожденія (31/19 января 1797 г.) и до самой смерти (19/7 ноября 1828 г.) не видалъ онъ ничего такого, что могло бы ему доставить пріятное; только предъ самой смертью онъ разъ испыталъ удовольствіе, когда вѣнская публика выражала ему свои восторги въ концертѣ изъ его произведеній, которыми онъ самъ дирижировалъ, но это ужъ было тогда, когда силы его были надорваны и когда ужъ всѣ свои пѣсни, а вмѣстѣ съ ними и чувства, отдалъ человѣчеству. Своими словами въ письмѣ къ отцу: „я никогда не насытлю себя, а пишу лишь подъ влияніемъ неотразимой потребности моей души назваться въ звукахъ“—онъ, какъ нельзя болѣе, точно опредѣлилъ свое profession de foi; пилить свои чувства было потребностью его души, такъ богато одаренной отъ природы.

И чего-чего только не писалъ Шубертъ! Оперы (семь), симфоніи (семь), камерную музыку (квинтеты, квартеты, трио, фортепианные произведенія, концерты для сольных инструментовъ), мессы, Stabat Mater, пѣсни (однѣхъ пѣсенъ написано имъ 600, а по мнѣнію А. Г. Рубинштейна—800); просто невѣроятно, что одинъ человѣкъ могъ столько написать въ теченіе 15—16 лѣтъ своей творческой дѣятельности; онъ дѣйствительно писалъ всюду: дома, въ своей мансардѣ, заваленной исписанной потной бумагой (хорошо уже было, если были крейсеры на приобрущеніе потной бумаги), во время прогулокъ, въ кофейнѣ, за дружеской попойкой и пр. Все въ жизни давало ему поводъ и матеріалъ для безсмертныхъ твореній (и въ этомъ сходство съ творчествомъ Моцарта). Издатели отказываютъ печатать даромъ известную его пѣсню „Erklohnig“,—Шубертъ продолжаетъ писать, не обращая никакого вниманія на эту неудачу (онъ къ нимъ достаточно привыкъ). Прибавимъ кстати, что одинъ изъ этихъ издателей, Диабелли, выручилъ впоследствии за одну пѣсню „Der Wandereger“—27 тысячъ гульденовъ, а авторъ... голодалъ.

До сихъ поръ не приведены въ положительную известность *все* (безъ исключенія) произведенія Шуберта; онъ не имѣлъ обыкновенія помѣчать ихъ датой, а затѣмъ многія изъ его рукописей находятся въ частныхъ рукахъ и хранятся, какъ рѣдкости. По списку произведеній, приводимому Ла-Мара, считается 173 оркестра, а неопубликованныхъ оркестровъ—43; въ числѣ ихъ находятся и такія, которыя заключаютъ въ себѣ по 50 произведеній, по 40 пѣсенъ, по 14 и т. д. Чтобы составить себѣ понятіе о быстротѣ творчества и плодовитости Шуберта, достаточно перечислить только написанное имъ за одинъ 1815 годъ: болѣе ста пѣсенъ, пьесы большаго или меньшаго объема для многоголоснаго пѣнія, сочиненія для фортепiano и смычковыхъ инструментовъ, двѣ симфоніи (B-dur и C-dur), двѣ мессы (G и B), Stabat Mater (B), большое Magnificat, Salve regina и много мелкихъ духовныхъ произведеній и наконецъ семь оперъ и опереттъ! И все это безъ малѣйшей надежды увидѣть свои произведенія на сценѣ или услышать ихъ въ концертномъ залѣ,—безъ малѣйшаго матеріальнаго вознагражденія, которое соответствовало бы труду или обезпечивало бы хоть грядущій день. Припомнимъ кстати эпизодъ съ его оперой „Альфонсъ и Эстрелла“.

Шубертъ послалъ эту оперу къ Веберу, инвентарю въ то время такую большую роль въ Дрезденѣ. Просмотрѣвъ партитуру, Веберъ обещалъ ее поставить. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ онъ въ Вѣну ставить свою „Эврианта“, не имѣвшую успѣха въ Дрезденѣ. Шубертъ далъ о ней неодобрительный

Д. Л. Мордовцевъ (по поводу сорокалѣтія литературной дѣятельности).
Съ фот. Везенбергъ и К^о грав. Шюблеръ.

А. Н. Половъ (по поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности).
Съ фотогр. Шалиро автотипія „Нивы“.

соответствовало бы труду или обезпечивало бы хоть грядущій день. Припомнимъ кстати эпизодъ съ его оперой „Альфонсъ и Эстрелла“.

отзыв, который конечно не замедлили передать Веберу. „Прежде чѣмъ судить о моей музыкѣ, — сказалъ авторъ „Эврианта“, — глупецъ долженъ поучиться“. Обиженный такимъ приговоромъ, Шубертъ отправился со своей партитурой „Альфонса и Эстреллы“ къ Веберу; послѣдній, полагая, что имѣеть дѣло съ новичкомъ (Шубертъ былъ очень молодъ) и что видѣть предъ собою первый опытъ ученика, раздражительно сказалъ ему: „скажу вамъ, милѣйшій мой, что первая опера, какъ первый ценякъ, надо тончить“. Само собою разумѣется, что послѣ такого разговора опера Шуберта въ Дрезденѣ поставлена не была (равно, какъ и въ Вѣнѣ; впервые опера Шуберта увидѣла свѣтъ въ 1858 г., когда она была поставлена, благодаря стараніямъ Листа, въ Веймарѣ). Не лучшее отношеніе видѣлъ къ себѣ Шубертъ и со стороны великаго Гёте; болѣе пятидесяти стихотвореній его положено было Шубертомъ на музыку; когда же онъ ихъ отпиривалъ творцу „Фауста“, послѣдній даже не удостоилъ его своимъ отвѣтомъ.

Только два лица принимали участіе въ этомъ необыкновенномъ талантѣ, — это престарѣлый композиторъ Сальери, самъ занимавшійся съ нимъ, — и извѣстный въ то время Фогль, исполнявшій его пѣсни и такимъ образомъ пропагандировавшій ихъ въ своемъ превосходномъ исполненіи. Съ этимъ Фоглемъ Шубертъ объѣзжалъ Германію и Венгрію въ качествѣ аккомпаниатора и вездѣ знакомился съ національными пѣснями, дававшими ему обильный матеріалъ для его произведеній. Но это случилось потомъ, когда имъ ужъ было очень много написано; до знакомства же съ этимъ пѣвцомъ, расколювавшимъ современникамъ великое значеніе творчества Шуберта, послѣдній буквально прозябалъ, но, какъ бы наперекоръ своей печальной судьбѣ, не переставалъ писать во всѣхъ родахъ музыкальнаго искусства. Шуберту даже не къ кому было обращаться за поддержкой.

Отецъ его, сельскій учитель въ Лихтенгаузѣ (возлѣ Вѣны), былъ обремененъ многочисленною семьей; у него было четырнадцать человѣкъ дѣтей отъ первой жены и пятеро отъ второй; могъ ли онъ на получаемыя имъ скудныя средства содержать семью въ довольствѣ? Какія дѣтскія радости могъ видѣть Францъ Шубертъ у себя дома? Шести лѣтъ его отдаютъ въ школу, и учитель его, Гольперъ, при встрѣчѣ съ отцомъ, говоритъ ему: „этотъ мальчикъ весь сотканъ изъ музыки“. Нужно при этомъ замѣтить, что какъ отецъ, такъ и братья композитора, очень любили музыку и сами играли; этимъ и объясняется отчасти то, что Францъ Шубертъ написалъ такую массу камерной музыки; онъ имѣлъ дома исполнителей. Когда же онъ, одиннадцатилѣтній, поступилъ въ придворную канцелярію, то руководителемъ его, Ручицекъ, въ такихъ выраженіяхъ доложилъ о немъ придворному канцелямейстеру, Сальери: „онъ, кажется, учился у самого Господа Бога“. Тринадцатилѣтній Шуберту уже приходилось иногда управлять оркестромъ вмѣсто своего учителя, и онъ ужъ былъ авторомъ многихъ произведеній.

Къ наукамъ Шубертъ не питалъ особенной склонности, равно какъ и къ сухимъ музыкальнымъ формуламъ престарѣлаго педагога Сальери; по выходѣ изъ школы, въ которой онъ не захотѣлъ оставаться долѣе, ему пришлось *volens-nolens* поступить помощникомъ отца въ школу; три года онъ терпѣливо исполнялъ свои обязанности, хотя и чувствовалъ къ нимъ отвращеніе; отецъ, уговаривавшій его посвятить себя какой-либо другой дѣятельности (не композиторской, разумѣется), былъ очень недоволенъ, когда Францъ рѣшилъ лишиться и послѣднихъ скудныхъ средствъ и выйти изъ тѣготнаго его положенія преподавателя. Съ этихъ поръ начинается его „самостоятельная“ жизнь, полная тяжелой нужды и лишеній. Съ 18 лѣтъ Шубертъ былъ предоставленъ самъ себѣ и въ теченіе своей кратковременной жизни не переставалъ творить, изливая свое горе въ *пѣсню*. Мы говорили въ „дѣтскихъ“, потому, во-первыхъ, что въ нихъ онъ достигъ такой же высоты, какъ Бетховенъ въ инструментальной музыкѣ, — а вторыхъ, потому, что и въ инструментальной музыкѣ Шубертъ великъ своими пѣснями, мелодіями, непрерывно льющимися у него.

Вотъ что писалъ о Шубертѣ знаменитый Шуманъ, весьма мѣтко охарактеризовавшій его значеніе: „Послѣ Бетховена Шубертъ первый. Если онъ оригинальнѣе въ своихъ пѣсняхъ, чѣмъ въ инструментальныхъ композиціяхъ, то эти послѣднія не менѣе цѣнны съ ихъ специально-музыкальной стороны. Онъ одинаково владѣетъ звуками для выраженія какъ тончайшихъ оттѣнковъ чувства и мысли, такъ и различныхъ жизненныхъ положеній, встрѣчъ и пр. Какъ разнообразны мысли и поступки человѣка, такъ разнообразна музыка Шуберта! Что видѣть онъ глазами, до чего касается рукой, все у него превращается въ музыку; изъ камней, которые онъ бросаетъ, выходятъ, какъ у Дебюсси и Пирри, живыя человѣческія существа. Онъ — первый послѣ Бетховена и, какъ смертный врагъ филлистерства, понимаетъ музыку въ ея истинномъ, высшемъ значеніи...“

Столѣтній юбилей Шуберта отпраздновали у насъ St. Katharinen-Gesangverein и Русское музыкальное общество, устроившія вечера, посвященные исключительно произведеніямъ Шуберта. На обоихъ вечерахъ было много публики, въ особен-

ности въ квартетномъ собраніи, въ которомъ г-жа Есинова и гг. Ауэръ и Вержбиловичъ такъ мастерски исполнили знаменитое Es-dur'ное тріо.

В. Басинъ.

Д. Л. Мордовцевъ. (Портр. на стр. 137.)

20 декабря истекшаго года чествовали товарищи по перу, друзья и почитатели извѣстнаго писателя Давида Лукича Мордовцева по поводу исполнившагося сорокалѣтія его литературной дѣятельности.

Д. Л. Мордовцевъ казацкаго рода, родился въ Области Войска Донскаго (куда предки его переселились съ Украйны во время смуты послѣ Мазепы), въ слободѣ Давиловкѣ, 7 декабря 1830 г. Росъ онъ подъ надзоромъ матери, — отца онъ лишился еще груднымъ ребенкомъ, — и на шестомъ году уже былъ обученъ грамотѣ. На четырнадцатомъ году онъ опредѣленъ былъ въ саратовскую гимназію, гдѣ близко сошелся съ двумя товарищами, — А. Н. Пышнымъ и П. А. Ровнискимъ, изъ которыхъ первому суждено было также занять выдающееся мѣсто въ русской литературѣ. Въ сообществѣ съ ними Д. Л. сталъ писать стихи. На ряду съ этой страстью къ писанію онъ старался всѣми силами пополнить гимназическое образованіе и сталъ усердно заниматься такими предметами, какъ астрономія, а также изучалъ восточныя языки. Такимъ образомъ, когда онъ, окончивъ курсъ гимназіи, поступилъ въ казанскій университетъ, онъ представлялъ собою уже человѣка, ясно сознававшего свои задачи и стремленія, много уже поработавшаго надъ своимъ самообразованіемъ. Избравъ словесный факультетъ, онъ ревностно занялся филологіей и славянскими нарѣчіями. Со второго курса Д. Л. перешелъ изъ казанскаго въ петербургскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1854 г., удостоившись еще на третьемъ курсѣ золотой медали за сочиненіе „О языкѣ Русской Правды“.

Сейчасъ же по окончаніи курса, Д. Л. занялъ должность редактора *Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостей*. Въ Саратовѣ написалъ онъ и первый свой ученый трудъ „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка“, въ это же время онъ дѣятельно занимался статистикой и работалъ въ архивахъ; эти работы дали ему обильный и цѣнный матеріалъ для его выдающихся насѣдованій по исторіи Малороссіи, Польши, самозванщины и пугачевщины. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести: „Самозванецъ Іоаннъ“, „Выдержки изъ исторіи Польши 1770—1772 г.“, „Паденіе Польши“, „Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности“, „Самозванцы“ и „Гайдамачина“.

Въ одинъ изъ прѣѣздовъ Д. Л. въ Петербургъ ему была предложена каедръ въ университетѣ, но онъ отказался. Оставивъ къ концу семидесятихъ годовъ службу въ Саратовѣ, гдѣ онъ былъ въ послѣднее время правителемъ канцеляріи губернатора, онъ окончательно поселился въ Петербургъ и сталъ еще дѣятельнѣе работать въ журналахъ, главнымъ образомъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Съ этого времени начался какъ бы второй періодъ его литературной дѣятельности — дѣятельности романиста-историка. Главной темой его повѣстей и романовъ послужили опять-таки событія изъ исторіи его родной Малороссіи, причемъ на ряду съ историческими актами, записками и другими документами онъ всегда черпалъ богатѣйшій матеріалъ для своихъ произведеній изъ неиссякаемой сокровищницы народныхъ думъ и пѣсней. Этотъ матеріалъ изъ области народнаго творчества, положенный въ основу его повѣстей и романовъ, и придалъ имъ особую колоритность, поэтичность и задумчивую простоту, очаровывающую читателя. Въ этомъ умѣнн схватить духъ народнаго пѣсна, духъ того народа и того края, исторію котораго живоисцуетъ авторъ, кроется усилокъ такихъ талантливыхъ произведеній Д. Л. Мордовцева, какъ его романы „Сагайдачный“, „Царь и гетманъ“, „Великій расколъ“, „Лжедмитрій“, „Господинъ Великій Новгородъ“, „Мамаево побоище“, „Соловецкое сидѣнье“, „Двѣнадцатый годъ“.

На ряду съ длиннымъ рядомъ беллетристическихъ, историческихъ и публицистическихъ произведеній Д. Л., перечислить которыя немисливо въ небольшой биографической замѣткѣ, маститый писатель нашъ не мало обогатилъ своими произведеніями и малороссійскую литературу, въ которой онъ по праву занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Его „Оповіданія“, „Дзюнаръ“, „Солдатка“, которую ставили на ряду съ „Катериной“ Шевченко, создали ему широкую извѣстность на Украйнѣ.

Этой второй стороны дѣятельности Д. Л. Мордовцева, какъ украинскаго писателя, и касалось, главнымъ образомъ, чествованіе его, состоявшееся 20 декабря минувшаго года, за обѣдомъ, на которомъ присутствовало много писателей и ученыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ были депутаты отъ кievской „громады“: г. Науменко, редакторъ *Кievской Старины*, и одесской — г. Чикаленко. Кромѣ того, собралось почти все своего маститаго писателя много петербургскихъ украинцевъ и учащейся молодежи. Привѣтствовали юбиляра адресами и телеграммами; адреса были поднесены Д. Л. отъ петербургскихъ малороссовъ, кievскихъ, черниговскихъ, одесскихъ, изъ чешской Праги, изъ Львова: отъ ученаго общества имени Т. Г. Шевченко, отъ редакціи украин-

скаго журнала *Заря*, отъ общества „Руська Бесѣда“, „Просвѣта“, „Клуб Русинок“, „Баянъ“, отъ педагогическаго института, „Академической громады“, отъ учащихся галицкихъ богослововъ, отъ общества „Січ“ (въ Вѣнѣ), адресъ отъ петербургской кассы взаимопомощи литераторовъ, прочитанный Г. К. Градовскимъ; много телеграфныхъ поздравленій и привѣтствій было прислано отъ украинцевъ изъ Петербурга, Киева, Харькова, Полтавы, Чернигова, Одессы, Кишинева, съ Кавказа, изъ Аваньева и многихъ другихъ уѣздныхъ городовъ Украины и Галиціи.

Чествованіе открылось пѣніемъ въ честь Д. Л. известной малороссійской пѣсни „Слава нашимъ козаченькамъ“, дружно исполненной молодежью. Послѣ сѣдовавшаго затѣмъ чтенія упомянутыхъ адресовъ и телеграммъ, началась „вечѣра“ (ужинъ), за которой было пропѣано много рѣчей и тостовъ, прославлявшихъ сорокалѣтніе неустанные труды Д. Л. на поприщѣ и малороссійской, и общерусской литературы. Очень сильное впечатлѣніе произвела на присутствовавшихъ „покута“ (покаяніе) Д. Л., какъ бы въ отвѣтъ на всѣ привѣтственныя въ честь его рѣчи. Въ своей скромной „покутѣ“ онъ высказалъ, что трудился на родной нивѣ не такъ, какъ нужно бы, и не столько, сколько ожидалъ отъ него родной край; при чемъ, въ заключеніе, обратился къ молодежи съ совѣтомъ трудиться на пользу родного слова и родного народа, трудиться неунынно на родной нивѣ. „Нехай чапою ясою буде, — сказалъ онъ, — або за столомъ, або на столі! — за столомъ, рукъ не покладючи зъ перомъ у руди доти, доки не положуть, павхрестъ зложивши, и не скажуть: земля перомъ!“

Пожелаемъ отъ души нашему маститому писателю еще много лѣтъ продолжать работать „рукъ не покладючи зъ перомъ у руди“.

Л. К. Поповъ. (Портр. на стр. 137.)

6 января исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Лазаря Константиновича Попова, талантливаго научаго обозрѣвателя *Новаго Времени*, известнаго болѣе подъ псевдонимомъ „Эльпе“.

Л. К. Поповъ родился 22 февраля 1851 г., въ г. Мариуполѣ, Екатеринославской губерніи. Отецъ его былъ любитель-садоводъ, и всю свою любовь къ природѣ вселилъ еще съ дѣтства въ душу сына. Отданный въ московское коммерческое училище, Л. К. пробылъ въ немъ пять лѣтъ и, дошедши до предпоследняго класса, вынужденъ былъ по болѣзни глазъ выйти изъ училища. Затѣмъ, оправившись, онъ отправился продолжать свое образованіе въ Харьковъ, а оттуда въ Петербургъ. Здѣсь онъ весь отдался своей страсти къ изученію естествознанія, посѣдая лекціи по физикѣ, ботаникѣ и физиологій въ университетѣ, и по физиологій и анатоміи — въ медико-хирургической академіи. Затѣмъ онъ поѣхалъ за границу и слушалъ лекціи въ іенскомъ, бернскомъ, цюрихскомъ и женевскомъ университетахъ. Въ концѣ 1871 г. Л. К. вернулся въ Петербургъ и продолжалъ серьезно заниматься естествознаніемъ, главнымъ образомъ біологіей.

Первой работой Л. К. была вышедшая въ январѣ 1872 г. книжка его „Механическая теорія теплоты, основанная на вращательномъ движеніи молекулъ“. Затѣмъ Л. К. сталъ сотрудничать по научнымъ вопросамъ въ журналахъ и газетахъ. Такъ, статьи его помѣщались въ 1876 — 77 гг. въ сборникѣ *Природа*, въ 1878 — 79 гг. въ журналѣ *Природа и Люди*, съ 1879 по 1882 г. въ *Русской Рыцѣ*, въ 1882 г. въ *Голосѣ*, въ отдѣлѣ „Научныя бесѣды“, и въ *Наблюдатель*. Съ 1883 же года Л. К. состоитъ постояннымъ сотрудникомъ въ *Новомъ Времени*, и за послѣдніи четырнадцать лѣтъ помѣстилъ въ этой газетѣ болѣе пятисотъ научныхъ фельетоновъ, подъ заглавіемъ „Научныя письма“. Эти еженедѣльные фельетоны, написанные талантливо и живо, всегда на интересную тему, доставили Л. К. известность въ обширномъ кругу читателей.

Кромѣ журнальныхъ статей, Л. К. издалъ отдѣльно цѣлый рядъ трудовъ — „Изъ первобытной жизни человѣка“, „О происхожденіи домашнихъ животныхъ“, „Жизненная единица и свѣтъ“, „Жизнь, какъ движеніе“, „Въ чемъ сила жизни“, „Жизнь животныхъ. Кошка“, „Обиходная репутатура“ (три серіи), „Калейдоскопъ“; кромѣ того, подъ редакціей Л. К.

изданъ былъ А. С. Суворовнымъ русскій переводъ сочиненія „Млекопитающія въ описаніяхъ Карла Фохта и картинахъ Шпехта“.

Неографъ. (Рисунокъ на стр. 140.)

Болѣе или менѣе сильное стремленіе къ удобствамъ жизни составляетъ отличительную черту современнаго цивилизованнаго человѣчества. Навстрѣчу этому стремленію всегда выступалъ и выступаетъ цѣлый рядъ изобрѣтателей, окружающихъ насъ плодами своей изобрѣтательности, облегчающихъ намъ трудъ и сношенія между собою. Всякая новинка, дающая возможность иногда и пальцемъ не пошевеливать тамъ, гдѣ прежде требовалось не мало труда, — всякая такая новинка быстро завоевываетъ успѣхъ. Въ послѣднее время обратилъ на себя общее вниманіе только что изобрѣтенный неографъ.

Такова ужъ природа человѣческая, что взаимное недобѣріе, въ особенности въ дѣловыхъ отношеніяхъ, пользуется среди людей всѣми правами гражданства. Явленіе это вызвало изобрѣтеніе цѣлаго ряда контрольных аппаратовъ; не ограничиваясь, однако, провѣркой, съ помощью этихъ аппаратовъ, дѣйствій другихъ лицъ, люди болѣе аккуратные, любящіе соблюдать полнѣйшій порядокъ въ дѣлахъ своихъ, почувствовали потребность въ нѣкоторомъ родѣ автоматически провѣрять и самихъ себя, провѣрять весь ходъ своего дѣла. „Неографъ“, два рисунка котораго мы помѣщаемъ здѣсь на стр. 140, удовлетворяетъ этой потребности. Приборъ (рис. 2) состоитъ изъ небольшого пишутра, который или ставится на столъ, или прикрѣпляется къ стѣнѣ. Сверху и снизу верхней доски пишутра — двѣ поперечныя щели. Изъ нижней щели видны двѣ ленты изъ безкочечной бумаги, наложенныя одна на другую; обѣ ленты эти исходятъ отъ помѣщенной внутри пишутра, въ нижней части его, катушки А (рис. 1), на которую онѣ наматываются обѣ вмѣстѣ; ясно, что онѣ вмѣстѣ же и сматываются съ катушки, когда мы потянемъ одну изъ нихъ, разложимъ ее по верхней доскѣ аппарата, а конецъ продѣнемъ въ верхнюю щель, черезъ которую онѣ и будутъ наматываться на барабанъ В. На эту бумажную полосу нужно теперь положить листъ копировальной цвѣтной бумаги, плотно закрѣпивъ его боковыми фальцами пишутра, а поверхъ него наложить другую полосу бумаги, оставивъ конецъ ея свободнымъ и продѣвъ его только подъ линейку F. Будучи приведенъ въ такое положеніе, аппаратъ готовъ къ дѣйствію.

Нужно ли намъ написать какую-нибудь замѣтку, письмо ли, счетъ, или записать фонограмму, — стоитъ только начать писать на верхней полоскѣ бумаги, и, благодаря копировальной бумагѣ, вся надпись съ буквальной точностью отпечатывается и на нижней слобѣ бумаги. Верта рукоятку G, которою заканчивается ось барабана В, мы ставимъ наматывать на послѣдній нижнюю полоску бумаги; подвигаемъ впередъ, она, въ свою очередь, вытягиваетъ и верхнюю полоску, давая все новое и новое чистое мѣсто для письма, между тѣмъ какъ конецъ верхней полоски спускается за линейкой и за край пишутра на столъ. Допишавъ нужную намъ бумагу, отрѣзаемъ ее ножницами отъ остальной ленты и припишемся за другое писаніе.

Такимъ образомъ, не тратя ни минуты времени на копированіе бумагъ мокрымъ способомъ или на записываніе дѣлъ въ журналъ, мы понутно, вмѣстѣ съ самою работой, составляемъ самую точную, самую подробную запись всѣхъ текущихъ дѣлъ за день. Стоитъ подѣ конецъ дня запереть аппаратъ на ключъ, и никто, даже изъ самыхъ близкихъ лицъ, не въ состояніи будетъ сдѣлать ни малѣйшаго измѣненія въ какой-либо бумагѣ. Контроль достигается совершенно автоматически и неизгладимо.

Что примѣненіе этого аппарата можетъ быть до крайности разнообразно, — настолько очевидно, что нѣтъ и надобности перечислять всѣ его выгоды. Понятно также, что въ большихъ торговыхъ предпріятіяхъ или на фабрикахъ новый снарядъ можетъ оказать громадную услугу, служа точнымъ показателемъ всего совершившагося за день, въ строго послѣдовательномъ порядкѣ. Такимъ образомъ дневной отчетъ можетъ быть составляемъ и гораздо правильнѣе, и безъ лишняго замедленія.

Политическое обозрѣніе.

По свѣдѣніямъ изъ Лондона отъ 22 января, французскій и русскій представители въ Каирѣ протестовали противъ намѣренія египетскаго правительства занять у Англіи деньги на суданскую экспедицію. По этому вопросу послѣдовало 24 января въ англійской палатѣ общинъ заявленіе товарища министра иностранныхъ дѣлъ, что британскому правительству чрезвычайно-де лишь по слухамъ объ официальном запросѣ Франціи и Россіи, сдѣланномъ ими египетскому правительству по поводу его желанія воспользоваться денежною помощью Англіи, при чемъ упомянутыя державы напомнимъ Египту, что, въ силу дѣйствующихъ декретовъ, ему сѣдовало бы обращаться въ подобныхъ случаяхъ ко всѣмъ державамъ.

Одновременно съ этимъ канцлеръ казначейства Гиксъ-Бичъ

внесъ въ палату предложеніе о разрѣшеніи ею перваго взноса для уплаты суммы, взятой Египтомъ изъ долговой кассы на догольскую экспедицію. Направившись къ Хартуму, британское правительство ведетъ-де въ долину Нила правильную политику, которую и намѣрено проводить постепенно. Во избѣжаніе, однако, такихъ неожиданностей, какъ приговоръ александрійскаго суда, признавашаго позанмствование денегъ изъ долговой кассы неправильнымъ, — въ будущемъ году, при разсмотрѣніи вопроса о составѣ смѣшаннаго суда, Англія возбудитъ споръ о компетенціи и полномочіяхъ этого суда. Въ настоящее же время Египту остается выплатить занятую на экспедицію сумму, Англіи же — дать на это деньги. По заключенному съ правительствомъ хедива соглашенію, Египетъ обязуется платить по

2½%, при чемъ оба правительства будутъ отъ времени до времени сообща рѣшать вопросъ, въ состояніи ли Египетъ погашать самый капиталъ. Гарантія по займу не представлено, но вѣдь въ настоящее время Египетъ оккупированъ Англіей, а выдающая правительство хедива сумма будетъ способствовать продленію оккупации, отказъ отъ которой сталъ невозможнымъ со времени Гладстона. Главная причина такого положенія дѣла заключается въ томъ, что Франція не даетъ Англіи свободы дѣйствій, хотя и возлагаетъ на британское правительство отвѣтственность за спокойствіе Египта. И въ будущемъ британское правительство намѣрено держаться прежней политики, пока въ долині Нила до Хартума распространится власть, относящаяся враждебно къ Египту. Въ виду этого предстоитъ обезпечить сообщеніе съ покоренною уже областью, а затѣмъ приобрести цѣнные въ будущемъ стратегическіе пункты, ради которыхъ въ скоромъ времени послѣдуетъ египетскій походъ на югъ. При громкихъ кликахъ одобренія, правительственный ораторъ закончилъ свою рѣчь увѣренностью, что такая политика соответствуетъ интересамъ значительнаго большинства англичанъ.

Возражая противъ заявленія канцлера казначейства, парламентская оппозиція усмотрѣла въ этомъ заявленіи вызовъ противъ Франціи и Россіи, который можетъ поставить на очередь вопросъ объ искренности англійскаго намѣренія очистить Египетъ. Во всякомъ случаѣ, нывѣшнее тревожное время неудачно выбрано для экспедиціи, опасный же товъ правительства по адресу Франціи и Россіи пресудительнъ, такъ какъ за подобный вызовъ можно-де поплатиться многими милліонами. Тѣмъ не менѣе, правительство потребовало вотированія кредита на догольскую экспедицію, что и принято палатою большинствомъ 169 голосовъ противъ 57.

Это заявленіе британскаго правительства вызвало въ Парижѣ сильное негодованіе. Въ палатѣ депутатовъ, 27 января, одинъ изъ ораторовъ оппозиціи, признавшей заявленіе британскаго правительства оскорбительнымъ для Франціи и Россіи, предложилъ г. Ганото сообщить палатѣ документы объ Египтѣ, такъ какъ парламентъ не допустить послателства на интересы Франціи, право которой на Египетъ должно установить разъ навсегда. Отвѣчая на этотъ запросъ, г. Ганото сообщилъ поуту, врученную египетскому правительству. Не касаясь рѣчей, произнесенныхъ въ англійскомъ парламентѣ, такъ какъ не подобнымъ де обижать словъ рѣшаются международные вопросы, г. Ганото выразился о предсказаніяхъ скората пересмотра компетенціи египетскаго смѣшаннаго суда, что это „чрезмѣрная поспѣшность“ англичанъ: учрежденіе, вызванное къ жизни неотложной и постоянной потребностью, въ цѣляхъ охраны населенія иностранныхъ колоній, заслуживаетъ особой внимательности, поэтому къ установленному порядку, давшему Египту благоденствіе, должно прикасаться съ особой осторожностью. Дон-

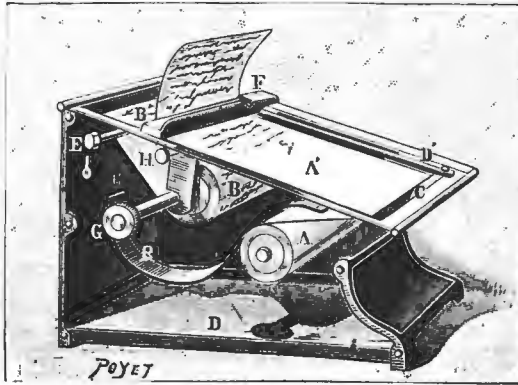
гольская экспедиція создала полное основаніе тревожиться за будущность египетскихъ финансовъ, контроль надъ которыми вѣренъ европейскимъ державамъ. Суданъ всегда былъ гибелью для Египта, въ виду этого Франція, воспользовавшись свопчъ полномочіемъ, сдѣлала предостереженія египетскому правительству, что его влекутъ на опасный путь приключеній, грозящій дефицитомъ изъ-за постороннихъ Египту интересовъ. При настоящихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ Европѣ важнѣе, чѣмъ когда-либо, въ точности опредѣлить, что, вопреки разнымъ парламентскимъ заявленіямъ, въ международномъ отношеніи ничего не намѣнилось. Франція имѣетъ твердое намѣреніе не признавать нарушенія правъ, основанныхъ на публичныхъ актахъ, на многократныхъ обѣщаніяхъ, на признанномъ интересѣ Египта и, самое главное, на соглашеніи державъ въ силу договоровъ, о нарушеніи которыхъ не можетъ быть и рѣчи.

При громкихъ рукоплесканіяхъ на всѣхъ скамьяхъ палаты депутатовъ инцидентъ былъ исчерпанъ. Однако, тревожное настроеніе въ Парижѣ не уменьшилось, тѣмъ болѣе, что восточный вопросъ снова принялъ острый характеръ. Въ западно-европейскихъ политическихъ кружкахъ не безъ основанія западаариваютъ въ обостреніи восточныхъ событій британскую интригу: по общему убѣжденію, при полной неудачѣ армянскаго движенія, Англія сосредоточила свои козни на Критѣ, подталкивая къ тому же и Грецію, гдѣ въ горячихъ головахъ рьяныхъ агитаторовъ недостатка никогда не чувствовалось.

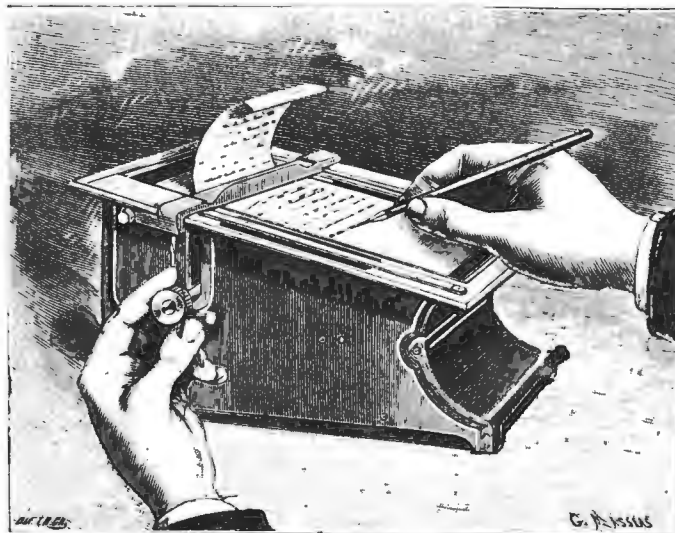
Въ палатѣ депутатовъ, 25 января, г. Ганото сообщилъ, что безпорядки на Критѣ возобновились и быстро разрослись: происходятъ ожесточенныя схватки между христіанами и турками. Иностранцы морями тушатъ сильный пожаръ; французскіе граждане нашли убѣжище на судахъ, а моряки охраняютъ консульство, миссію и телеграфъ.

По свѣдѣніямъ изъ Каненъ отъ 26 января, повсемѣстно начались пожары; оживленныя перестрѣлки между христіанами и мусульманами не прекращаются; консулы потребовали присылки военныхъ судовъ. Множество агитаторовъ изъ Греціи

усиливаютъ возбужденіе умовъ. Греческія суда поддерживаютъ сообщеніе съ критскими берегами, снабжая повстанцевъ оружіемъ и боевыми припасами. Въ разныхъ пунктахъ острова готовятся запасы оружія, чтобы ранней весной начать открытое движеніе. Около Халепо повстанцы подняли греческое знамя, провозгласивъ присоединеніе Крита къ Греціи. Западнo-европейская печать высказываетъ мнѣніе о необходимости преподать Греціи совѣты благоразумія. Генераль-губернаторъ Крита потребовалъ подкрѣпленій, но совѣтъ министровъ въ Константинополѣ рѣшилъ пока не отправлять войска на Критъ, чтобы не раздувать дѣла. По мнѣнію державы, мѣстныхъ средствъ на Критѣ пока хватитъ для поддержанія порядка. Тѣмъ временемъ военныя суда европейскіхъ державъ направляются въ критскія воды.

Неографъ. Рис. 1. Внутренній видъ.

Неографъ. Рис. 2. Внѣшній видъ.

Вышелъ въ свѣтъ и расылается подписчикамъ

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ

„ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ“

П. П. ГНѢДИЧА.

Въ выпускѣ помѣщено 122 рисунка и 3 раскрашенныхъ таблицы. Подписка продолжается: за 12 выпусковъ (3 тома in quarto съ 2000 рисунк. и 33 раскраш. таблицами) 12 р., съ перес. 14 р. Допускается расценка. Первый выпускъ, для ознакомленія съ изданіемъ, продается и высылается отдѣльно (изъ которыхъ изданій А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, 22) за 1 руб., который можно прислать почтовыми марками въ казенныхъ письмахъ. Лица, выписавшія 1-й выпускъ „Исторіи Искусствъ“, могутъ подписаться на все изданіе со 2-го выпуска, уплачивая одинъ рубль въ мѣсяцъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

І. А. Бартиковский. Астрономическая записка о новомъ у насъ, въ Россіи, времяисчисленіи. Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Москва. 1896. Цѣна 20 к.

„Новое у насъ, въ Россіи, времяисчисленіе“, о которомъ говорится въ заголовкѣ этой брошюрки,—это новый ядъ, какъ авторъ предлагаетъ его назвать, въ честь нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, „Николаевскій“ стиль. Авторъ полагаетъ, что для реформы нашего календаря не требуется никакихъ скачковъ, какъ это дѣлалось въ другихъ государствахъ при переходѣ отъ стараго стиля къ новому: для этой цѣли онъ предлагаетъ лишь писать съ опредѣленнаго дня всѣ числа мѣсяца вдвойнѣ, по но-

вому и старому стилю, но не менше как въ продолженіе 12 дней, на которые мы отстали отъ новаго стиля,—а затѣмъ далѣе можно предоставить такъ дѣлать только для желающихъ, какъ это дозволено было въ свое время Петромъ Великимъ: „Державный Преобразователь, действительно, разрѣшилъ это при измѣненіи лѣтосчисленія міра въ счисленіи отъ Рождества Христова. Далѣе авторъ указываетъ, что „худого отъ того никому не будетъ, а между тѣмъ компрометирующая насъ передъ всею Европою календарная ошибка

канетъ въ вѣчность“. Надо согласиться, что такой способъ перехода къ новому стилю не только ничуть не хуже всѣхъ другихъ предлагавшихся способовъ, но по своей простотѣ и безобидности даже лучше ихъ, съ той развѣ только оговоркою, что не 12 дней слѣдовало бы обозначать всѣ числа по обонимъ стилямъ, а гораздо больше, чтобы пріучить публику къ новому счисленію. Въ общемъ, брошюрку г. Бартиковскаго съ любопытствомъ прочтеть всякій, кто интересуется нашимъ „календарнымъ вопросомъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОВОРЫКІНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р. Безъ доставки въ Москву чр. контору Н. Н. Починковой, чр. Петровскія торговыя лавки. 6 р. Съ доставкой по Петербургу 6 р. 50 к. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7 р. 30 к. За 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 25 к., съ перес. иногород. 1 р. 25 к., на 1/4 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ перес. въ СПб. 3 р. 30 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Смы. Повесть Влад. И. Мещерячкова-Данченко. (Продолженіе). — Давидъ. Разсказъ Поля Бурме. (Съ французскаго. Съ 8 рисунками). — Стихотвореніе А. М. Федорова. — Помоги ли омитъ заморское животное? (Съ японскаго). — Въ расужденіи: У бабушки. — Входъ въ храмъ Соломона. — Литературный альбомъ. — Знамя в царѣ Берендѣт и Намѣтъ безсмертносѣ. В. А. Жуковскаго. — Францъ Шубертъ (съ портр. и рис.). — А. Л. Мердольдъ. — А. Н. Поповъ (съ портр.). — Неграфъ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — О подпискѣ на „Ниву“ 1897 г. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ П. П. Гнѣдича.

Большой томъ, заключающій въ себѣ 480 стр., на велен. бумагѣ, и украшенный масляной вышивкой. Цѣна этому изданію изданію 3 р., съ пересылк. 3 р. 50 к.; въ колѣнч. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Многo откр. кондитерское заведеніе, заказъ исполн. немедленно, отъ к. въ розн. Адресъ: Торговая ул., соб. д. И. Е. Ковришину въ Ельцѣ.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“

Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей. Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЬ“.

Самый преле. шрифты. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Изобрет. выдана въ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ образъ машинъ выслаются бесплатно.

Оптикъ Ф. РИХТЕРЪ. С.-Петербургъ, Адмиралтейская просп., № 4.

Новое собраніе нотъ ЗА 1 РУБЛЬ на 1897 г. 12 тетрадей для родка въ 2 руки.

НОТЫ (для танцевъ, салонной игры и пѣнія), въ томъ числѣ весьма удобная и практичная

Фортепьянная клавиатура для легкаго и нагляднаго обученія игры ПО НОТАМЪ. Всѣ ноты продаются по номиналу дешевой цѣнѣ — ОДИНЪ РУБЛЬ, а съ пер. по почте 1 р. 85 к. Ц. № 9920

Музыкальный магазинъ Ю. ГИЛЬКЕНЕРЪ, Москва, Тверская д. Варягина.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ „Малютка“ 5 р. с. „Умюнъ“ 7 р. с.

„СМОСЪТЪ“ по 8 р., 10 р. и 12 р. с., въ зависимости отъ величины объектива. Перес. на счетъ выкуп. „Смосътъ“ лучшей бинокль нашего времени, преимуществъ его: 1) громадное поле зрѣнія, 2) сильное яркое освѣщеніе, 3) незначительное поглощеніе свѣта.

Оптикъ Г. ШТРАУСЪ. Новый адресъ: 27. Большая Морская 27.

Сокращенная прейсъ-куррантъ бесплатно.

Популярно-науч. книга, доказывающая СЧАСТЛИВЫЕ №№ Выпущ. бнл. 1, 2 и 3 а. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. СПб., Вербейская, 54, кв. 9, Красильниковъ. 2 лнв. сего года на доклав. №№ надо 289 выпущ. на 576 тыс. р. Мюнхенъ міра. Новый котловъ. Отдѣленіе съ котеломъ. Ц. съ пер. 40 к. Наволодонъ Г. Его бурная молодость, кончая изгнаніемъ изъ Борскія, какъ измѣнника отечеству. Ц. съ пер. 40 к.

Дрезденъ. Королевская музык.-театральная консерваторія.

Въ 42-омъ учебномъ году 1895/96 состоялось 987 учениковъ, исполнившихъ 65 концертовъ и представленій, и 102 преподавателя, въ томъ числѣ: г.г. Дорингъ, Дрезденъ, Ферманъ, г-жа Фалькенбергъ, Гальдебрандъ-фонъ-деръ-Остенъ, г.г. Геннеръ, Янсенъ, Иффертъ, г-жа фонъ-Кокелю, г.г. Крауцъ, Кювертъ, Мангъ, г-жа Ортега, Раппольдъ-Кареръ, г.г. Ремингъ, Рингштеръ, Риттеръ, Шмоле, фонъ-Шрейнеръ, Шульцъ-Бейтсонъ, Шервудъ, Штарке, Ад. Штергъ, Феттеръ, Тизонъ-Вольфъ, Вилгъ, Вольтеръ, выдающіеся члены королевской капеллы, во главѣ съ г-нъ Раппольдъ, Грощмакеронъ, Фейгерманъ, Бирнгольцъ, Фризе, Габлеромъ и др. Пріемъ учениковъ и учащихся — во всякое время. Главные пріемы: 1-го апрѣля (пріемъ испитаній 1-го апрѣля и ст., отъ 8 до 1 ч.) и 1-го сентября кон. ст. Программы и списки преподавателей выслаются

Директоръ, профессоръ Евгений Крауцъ.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ

заочно. Методъ удостоенъ золотой медалі Заочное обученіе шитью и кроить посред. и благодарности короля Эдварда. За двѣ ствомъ лекцій - корреспонденцій, по пошлѣ 7 коп. марки высылка учебника и пробное шитье, легчайшему и пошлѣному для каждаго письма. Одесса, Екаторинская, № 7. Проф. методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончан. Э. Кокидарисъ. № 9852 10 - 3 чашки курса свидѣтельство. Условія и программы выслаются БЕЗПЛАТНО. Преподавательница Е. А. Ашмарина. Нива, В. Житомирская, № 4.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!

Семь разъ удостоены первыя награды СКРИПКИ, самая лучшая и дешевая въ настоящее время, понабраныя по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ, знаменитыя мастеровъ—отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1/2—50 мар. Фугляры 3/4—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовыя инструменты. Итальянскія струны для ушей (собств. изобрѣт.). Мастерская для починковъ. Рекомендация отъ Вице-губернатора, Саратова, Сора, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куррантъ бесплатно. Бр. ВОЛЬФЪ. Фабрика струнныхъ инструментовъ. В. № 9669 Кривойнъ. 5—4

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896 г.

А. М. ОСТРОУМОВЪ

МЫЛО ГОЛОВНОЕ ПЕРУИИ

МЫЛО ДѢТСКОЕ

ИЗЪ ТРАВЪ ЧЕРЕДАИ

ОДЕ СОВРЪ

ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА ПРОДАЮТСЯ ВЪЗДЪ.

КОЛЬЦО „БИЖУ“ — золото 58-ой пробы, съ искусственно унизъ бриллиантомъ, шифона котораго замѣчательно тонкая, придаетъ блескъ, такъ что труднее отличить отъ настоящаго бриллианта. Фасонъ кольца англійскій, какъ это теперь повсюду носятъ; требуется только нѣрба пальца. 1 шт. 4 р. 65 к., 2 шт 9 р. 10 к., 3 шт. 13 р. 20 к. Большой выборъ золотыхъ нарядъ въ предостоящихъ праздникахъ св. Пасхи. Выслка наложеннымъ платежомъ. В. № 9884 5—2

ГЕРШАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей, С.-Петербургъ, Невскій пр., 82. Иллюстрированный прейсъ-куррантъ новостей бесплатно.

РЕМИНГТОНЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Около 1000 машинъ Ремингтонъ въ употребленіи въ министерствахъ въ одномъ Петербургѣ. Общій сбытъ около 150,000.

Ц. № 9524 10 - 10

ПРИГЛАШАЮТЪ 7

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Валтерскій домъ Гемрикъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59.

PAPIER FAYARD ET BLAUX.

Бумага Фаяръ и Блауъ. Пластикъ, разрѣшенный Медицинскимъ Советомъ. Требовать подписи Fayard et Blaux. Продается въ аптекахъ.

Карлъ Ивановичъ Вагнеръ, Садовое заведеніе въ Ригѣ, снмъ нѣботъ чество до свидѣнія любителей, что Каталогъ стѣнамъ и пр. на 1897 г. издаванъ и высылается по требов. бесплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

НА ВОСПИТАНІЕ И МУДРОСТЬ БОЖІЮ ДИТЕЙ ВЪ СВОЕЙ ТЕЛЕФОНЪ 1360

ТОПЕНАТЪ ОБЩЕСТВО

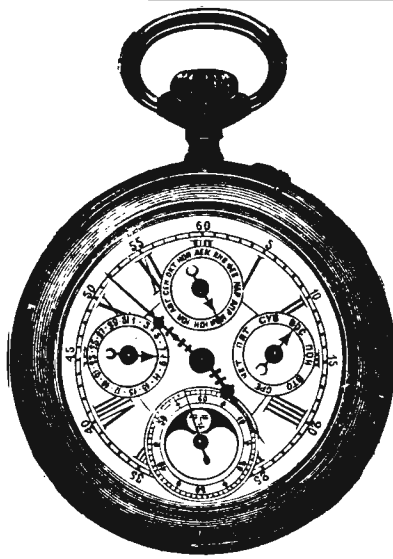
ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛѢСОВАТЬ СЕБѢ

НЕОУЖНЫЯ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ ПО СТОИМОСТИ ВОСПИТАНІЕ 500

ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 141

На Южномъ берегу Крыма близъ Алуки, въ вѣнѣ г. Малдовикъ „Сименъ“, у берега моря, сдѣланы въ долгорочную аренду водъ ностройку дачъ, — участіе земли отъ 100 и болѣе квадратныхъ сажень, выкупъ обязательные родниковой водой. Обѣ условія можно узнать отъ управляющаго имѣніемъ А. П. КОССОВА. Почтовый адресъ: Алука, Таврической губерніи.

Благодаря большому обхвату и новому усовершенствованному способу изготовления часов из новой японской фаянсовой, а также возможность продавать с 1-го января с. г. самые практичные, прочные и изящные парижские МУЖСКИЕ ЧАСЫ, черные вероюной стали, открытые, анкеръ 18 лини., съ вѣчным календаремъ и изящной цѣпной американскаго золота chateleine, съ браслетомъ, цѣною 15 руб.

Только за 10 р.

Часы эти отличаются весьма вѣрными ходомъ и, кроме обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни, числа и фазы луны.

Письменное ручательство на четыре года.
Внимая ко получению заказа 2 р., остальное по наложен. платеж.

ШАРЛЬ ГЕЙДЕРЪ

фабричный складъ женскихъ часовъ въ Варшавѣ.
Множество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
DE **Abbaye de Soulac,**
Dom MAQUELONNE, Prieur.
Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.
VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX EXPOS. INT'L. LYON 1889. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY EXP. INT'L. BORDEAUX 1895.

ИСПРАВЬТЕ СВОЙ ПОЧЕРКЪ.
Красиво писать по послѣднему усовершенствованному методу „КАЛЛИГРАФЪ“ въ 15 уроковъ съ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ ЗА УСПѢХЪ выучивается всякій за 1 руб. 50 коп.
Самый дурной почеркъ превращается въ блестяще красивый съ ПОЛНОЮ ОТВѢТСТВЕННОСТЮ за успѣхъ.
Методъ „КАЛЛИГРАФЪ“ легчайшій и успѣвнѣйшій самоучитель чистосердечнаго теоретическаго и практическаго, состоящій изъ 4-хъ отдѣловъ на 112 страницъ для всѣхъ желающихъ въ короткое время исправить свой дурной почеркъ въ блестяще красивый и для употребленія какъ руководство въ учебныхъ заведеніяхъ, даетъ возможность всѣмъ безъ исключенія научиться красиво писать, безъ помощи учителя, въ 10—15 уроковъ и при ничтожной затратѣ на его приобретение суммъ.
Заглавіе это не голословное, а подтверждается отзывами учебнаго начальства и высокопоставленныхъ лицъ. Часть вторыхъ напечатана въ газетѣ 1896 г.: „О-Петербургскія Вѣдомости“ № 345; „Свѣтъ“ № 348; „Новости Дня“ № 4871 и другихъ.
Цена за весь курсъ исправленія дурнаго почерка, состоящій изъ 112 стр. въ 4-хъ отдѣлахъ, съ пересылкою 1 руб. 50 коп., съ полною гарантіею за успѣхъ. Также высылается наложен. платежкомъ. № 9916
Адресъ склада изданій: Полтава, Типо-литогрѣя Д. Н. Подземнаго, соб. дошъ.

СЪМЕННОЯ ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ.
Москва, Мясницкая, д. Кузнецова, противъ дома овицкой.
СЪМЕНА
НАИЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
и испытанной всхожести по умѣрен. цѣн.
Каталоги безъ платы.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ
духи — ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
духи — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, привв. пост., Карлеруэ.
Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Виллеръ, В. Брезинскаго, Р. Шасольскаго, у Константина Герца, Ланана и Рисса, А. Ланда, А. Заглава. Въ Москвѣ: у гг. Моръ и Мердана, въ магазинѣ „А-де-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Л. Борхардъ, Р. Келеръ и К°, Оскаръ Геттингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9836 13—6
Представитель для Петербурга: Л. Герце, 2, Маломошавскій пер.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА
служитъ интересамъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Передаютъ статьи, торговые сообщенія отъ своихъ корреспондентовъ (свыше 300), данія о положеніи поставокъ, биржевыя корреспонденціи, уроки акціонернаго дѣла, фельетоны, обзоръ техническихъ новостей, колоссальный перечень торговъ и выставокъ и ихъ результатовъ и проч.
Газета первое въ Россіи изданіе по количеству собственныхъ телеграммъ, ихъ точности, полнотѣ и своевременности. № 9926
6 Торгово-Промышленная Газета, являясь единственнымъ большимъ коммерческимъ газетомъ въ Россіи, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія и программы большихъ промышленныхъ газетъ.
6 рубль 4 рубля 2 рубль На изд-е Разрочка: 3 р. при подпискѣ, въ годъ. три рубль 3 р. въ мартѣ, 3 р. въ іюль. по полгода. 75 к. Редакція и контора: С.-Петербургъ, Галерная улица, уголъ Заватина пер., д. Министертва Финансовъ.

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ МЪЖСКИЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩИЕ СВОЙ ЗАПАХЪ. Эссенція высшего качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Ресница мудра козавѣдана и неослабна.
ED. PINAUD
PARIS

Лѣчебница д-ра Эммериха
для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Бадень-Бадень. 24—3
Проекты безплатно. Сп. сов. д-ра Эммериха: Излеченіе хроническаго морфинизма безъ принуденія и мученій. Складъ изд-у Швейцарія въ Берлинѣ. Завѣдущ. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герценъ.

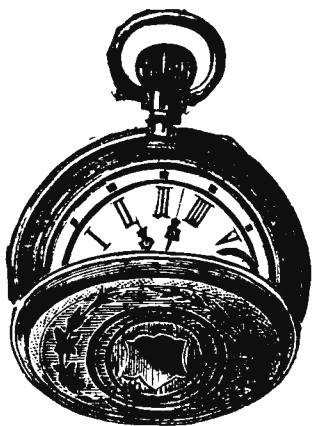
ДЛЯ ЗАРАБОТКА!!!
СПЕЦИАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
продаетъ предметовъ
ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОСТРАЦИИ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, ДОМЪ ТОЛМАЧЕВА.
ФОНОГРАФЫ ЭДИСОНА
подлинныя, гарантированныя:
Электрическіе отъ 500 руб.
Ресорные (Нова) отъ 200 р. } съ пр-мъ, наложен. платежъ.
Графофоны отъ 275 руб. }
Кинетографы системы Вернера въ Парижѣ (проектированы на издрѣжъ славнѣйш. фотографіи съевъ въ натуральную величину) отъ 1600 р., съ принадлеж.
Экраногрѣфы — тѣ же аппараты для домашняго употребл. и любителей, съ приспособо. для слайдн. съевъ — отъ 600 р.
Экраноскопы — аппараты для показанія подвижныхъ предметовъ (новость) отъ 600 руб. Ц. № 9881
Громадн. выборъ машинъ, тысячи фонограммъ, граммофонныхъ пластинокъ, резонаторовъ, оркестровыхъ плеевъ, монограммовъ, кушетокъ.
Собственная мастерская. Серьезная гарантія. Безплатное обученіе. Зависима часть.
Адресъ для телеграммъ: Москва — Фонографъ. 5—3

ВЫГОДНОЕ ДѢЛО!!!

CRÈME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)
Crème Simon преледнаго запаха, никогда не портится, озвужитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (жидк. крема).
Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.
J. Simon, 13, Rue Grange, Парижъ
Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Р. № 9602 13—8
РУССКАЯ ПОЧТОВАЯ МАРКА
болѣе рѣдка, бичица и не бывающа въ употребленіи, также польскія и финляндскія, какъ и рѣдкіе цѣльные конверты восточно пошукую. Продолженіе только тогда принимая во вниманіе, когда обещаніемъ дѣли или приложеніи образки. Уплата немедленно по полученіи. Г. Нейманъ. Имперское Германское Консульство. Ревель.

НОВОСТЬ ПРЕЛЕСТНАЯ **НОВОСТЬ**
НОВОСТЬ ВЪ ПАМЯТЬ **НОВОСТЬ**
КОРОНАЦІИ.

ВЪ
 ПАМЯТЬ
 КОРО-
 НАЦІИ.

ВЪ
 ПАМЯТЬ
 КОРО-
 НАЦІИ.

Прелестные карманные часы, серебряные, 84 пробы, крытые, анкеръ, на 15 каннахъ, особенно прочные, съ хорошимъ механизмомъ, вѣрный ходъ, вѣтъ 8 крышки серебр. 84 пробы (величина часовъ почти вдвое больше обыкновеннаго рисунка), на наружной крышкѣ композиция художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II.

Цена за упомянутые часы вмѣстѣ съ прелестною цѣпочкою и браслетомъ

только 14 руб. 85 коп.

Вышеупомянутые часы выкупаются во всѣхъ мѣстахъ Россіи по полученіи только 8 руб. задатка, а остальная сумма (съ пересчетомъ) уплачивается при полученіи часовъ. Требования и деньги слѣдуетъ посылать по слѣдующему адресу: въ г. НАРВУ, С.-Петербургскаго губ., въ главное депо часовъ.

**Купцу ВЕНАМИНУ ДАВИДОВИЧУ
 МИХАЙЛОВСКОМУ.**

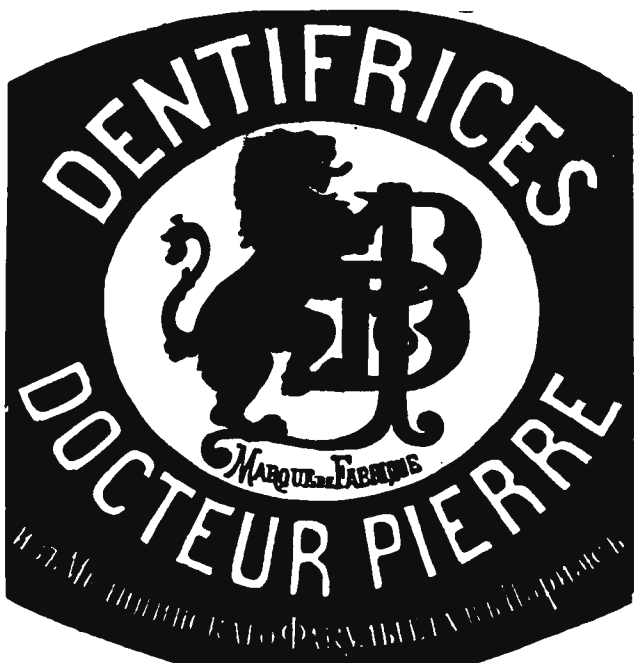
Модные духи — Виола Одората Ауриха
О-де-колонь — Виола Одората Ауриха
Жирная пудра — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Колокольная, 18/19. В. № 9734 16-6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

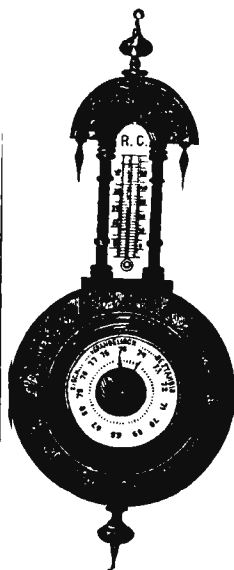
16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

А. № 9861

26-2

ВАРОМЕТРЫ — Анероидъ съ термометрами, провѣренные, въ разныхъ оправахъ, 47 см. длины, отъ 8 рублей.

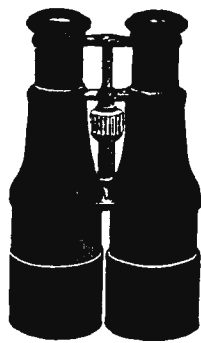
ВИНОКЛИ для театра и поля, съ большимъ полемъ зрѣнія и сильнымъ увеличен., отъ 8 р. 50 к. до 30 рублей.

ОЧКИ и ПЕНСНЕ съ лучш. стеклами, стальныя 1 р. 25 к.; Double (накладного золота), не отличающіеся отъ золотыхъ и не чернѣющіе, 4 рубля.

ОЧКИ и ПЕНСНЕ золотые 56 пр. отъ 7 р.

В. ПРЕТЦЕЛЬ,

преемникъ **КАРЛЪ БОРХАРТЪ.**
 Москва, Рождественка, домъ № 5.

ВАЖНО для ДАМЪ!

КАЛОДЕРМА

Ц. № 9375
 11-4

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ.

НЕЗАМѢНИМА для ХОЛИ КОЖИ.

Продана въ лучшихъ парюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платьевъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
 Бриллианты — Духи для кончатъ № 6412 (63)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ La Violette — Muguet

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придверный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ВИСБАДЕНЪ.

Лѣчебница д-ра Деера и купанья Нероталь.

Санаторія для страдающихъ болѣзнями крови, нервными, ревматическими и т. п.
 В. 9930 8-1 **Д-ръ Шубертъ.**

НЕ ТРЕБУЮТЪ КОВКИ и ДАЮТЪ ПРЕКРАСНУЮ МУКУ

БОГЕМСКІЕ ЖЕРНОВА ЮСИФА ТРАППА.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛЮКЪ.

НОВѢЙШІЕ МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ

на прочныхъ деревянныхъ станинахъ.

Отдѣльныя части поставовъ.

Руками и конноприводными мельницами.

АМЕРИКАНСКІЕ СТАЛЬНЫЕ ЛОКОМОБИЛИ
 Сѣвер.-Амер. машинно-строительныхъ компаній, прочныя, несложныя, легкоперевозимыя, тонка дровами, и углемъ, нефтью или соляномъ. Цены ДЕШЕВЫЯ.

АМЕРИКАНСКІЯ ТУРБИНЫ ЛЕФФЕЛЯ

съ огромной выгодой замѣняютъ водяныя колеса.

Работаютъ круглый годъ. Ц. № 9810

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Невскій пр., № 97.

В. ЖУКОВСКІЙ.

3-3

Складъ фотографическихъ и оптическихъ принадлежностей

И. И. КАРПОВА

СПБ., Михайловская ул., д. № 1-7, Европейск. Гост.
 Доводитъ до свѣдѣнія Гг. покупателей, что съ 1-го января сего года, для упрощенія, у него производится отпускъ товара по метрической системѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ проценты составовъ уже давно вѣдуются лишь по метрич. системѣ.

Получена большая партія американскихъ

ФОНОГРАФОВЪ,

которыя можно не только производить звуки но готовить фонограммы, но и самому приготавливать фонограммы. Имѣется выборъ музыкальныхъ дисковъ, шашкетныхъ, монетныхъ и пр., а также чистые цилиндры для приготавливанія фонограммъ. Принимаются испорченные цилиндры въ обочку.

№ 9925 2-1

ТОВАРИЩЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбургъ.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ
 фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ.

Обращать вниманіе на тисненное и красное клеймо (звезда) съ фирмой.

Главное представительство Т-ва Проводникъ: Николай Э. Ше-итцель, Москва, Ниль-вская, № 7.

Ш. № 9900 1-2

Лучшаго качества
СКРИПКИ

въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
 Смычки для скрипки въ 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
 Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
 Струны, канфоли и всѣ другія принадлежности.

ВИОЛОНЧЕЛИ
 по 20, 30, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
 Смычки для виолончели по 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 руб.
 Контрабасы по 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
 Смычки для нихъ по 2, 3, 5 и 10 р.
 Прейсъ-курантъ безплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
 Складъ нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
 Москва, Кузнецкій и. Д. Захарьина.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о

ИЗБОРТАТЕЛИ
 „Цветочнаго о-де-колона“,
 Духовъ „Персидская сирень“,
 „Глицериновой пудры“,
 усовершенствованнаго
 „Глицериноваго мыла“.
 № 9922 3-1
 «Остерегайтесь подражаній».

РУССКОВОЩЕСТВО
 для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**
 въ Г. РИГѢ
 изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.
 Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ числѣбукашскихъ магазинныхъ и оптовыхъ конторгахъ.
 Л. № 9859 13-5

ВЫИГРЫШ-
 НМЕ 1, 2 и 3 займа продаетъ
БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, СПб. 10-3

НОВОСТЬ!
ДУХИ
 ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОНАЦІИ
 поставщиковъ
 ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАДЛЕ и К^о.
 Москва, Кузнецкій
 ходъ.
 С.-Петербургъ, Нев-
 скій, № 18. (12)

ЛАНКЕРЪ
 высшаго
 качества
 ВОССТАВЛЕНА
 ПРИЯТНАГО
 ВКУСА.

Имеется вездѣ. Депо фирмъ въ Москвѣ.
 Лубанская пл., д. Стр. О-ва „Россия“.

Leichner's Fettender
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
 Цена коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незаменима на кожѣ. Косметическое средство для уменьшенія пористости кожи.
 Театральная гримировка. Жирный румяна и бѣлзна. Карандаши для бровей. Издѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 А. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, составляетъ бельгийскихъ минераторскихъ театровъ.
 Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ.
 В. № 9846 15-7

БУХГАЛТЕРІЮ можно изучать скоро и основательно заочно за 15 руб. у М. П. Чернышова, издѣющаго на преподаваніе разр. Мин. Нар. Просв. Видѣется свидѣтельство. Приготовляетъ счетоводовъ по казенной продажѣ вина. С.П.Б., Лавровская, 19. На отвѣтъ прилагать марки.

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши излостр. прейсъ-курантъ, высыл. безплатно, Оружейнаго магазина А. В. Гарповальскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Сытова.

ТРЕБУЕТСЯ
 для свѣченій
КОЖИЦА ИРУНЬ
КРЕМЪ ОРИЗА
 пр. В. ШМОЛЬ
 ЧИСТ. 2052. ПРИЯТНА ВЕЗДЪ

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
ВЕЗДЪ

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
СОЦІАЛЬНОЕ РАЗВИТІЕ
 Вениамина Кидда.
 Съ предисловіемъ профессора Вейсмана. Переводъ И. Ченниской. Ц. 75 коп.

К. Шликѣйзенъ, Берлинъ SO.
 машино-строитель, заводъ для кирпичи, торфяного, гончарнаго и известнаго производства, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (5-5)
 Датье: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для лечныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клееныхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу.
 Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

СТОЛИЧНОЕ МЫЛО
 Т-ва „ГИГИЕНА“
 Приятный освѣжающій ароматъ, обильная нѣжная бархатистая пѣна. При каждомъ кускѣ 4 вида обѣихъ столицъ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ.
 Главные склады: СПб. Площ. Александр. театра, 9. МОСКВА. Николаевск. д. Шереметова. ВАРШАВА. Новый Свѣтъ, 37.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ
 на Всероссийской выставкѣ 1896 г. за „Мыло Диспозе“ П. Н. Виноградова.

НОВОЕ ИЗОБРЕДЕНІЕ
ДИСПОЗЕ
 для стирки бѣлья въ теплой водѣ безъ парки

ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ мыла на оберткѣ и на низѣ штаникъ „Мыло Диспозе“. Бѣлье получается замѣчательно чистымъ. ЖЕЛТИЗНА и пятнышки уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуются ВЪ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ простого. Слѣдовательно безплатно для тѣсной бѣлки. Удостовер. за № 3780. Экономично для бани. Продажа вездѣ. Оут. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 9870 4-3

ВОЛКІЙКІЙ хѣтитъ нарушима, шутреніи В. болѣши электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 3-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 9565 13-9

БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
 С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,
 страхуетъ
 билеты II-го №/о съ выигр. займа отъ тиража 1 марта 1897 г.
по 1 руб. 15 коп.

При этомъ же предлагается для гг. городскихъ подличниковъ извѣщеніе о трактѣ „кузница“ отъ А. Л. Богумова въ Бутылькѣ.

XXVIII г.

№ 7

Выдаётся 15 февраля 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежемб. книг „Сборника“ соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусков ежемб. литературных приложений, 12 №№ „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

г. XXVIII

1897

Цена этого № 15 к. с пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цена за годовое издание „Нивы“ со всеми приложениями за 1897 г.: 19 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 19 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. многог. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 3 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. многог. 3 р. 50 коп.									

При этомъ № подписчикамъ предлагается выискать «Ежемесячн. литерат. приложения» за февраль 1897 г.

Дуетъ. Съ карт. Макса Фольгарта грав. Брендамуръ.

Превращеніе.

Флорентинская новелла XV вѣка.

Д. С. Мережковского.

Тѣ, кто бывали во Флоренціи, помнятъ величественный куполъ собора Марія-дель-Фіоре — истинно-божественное созданіе человѣческаго духа. Со времени грековъ и римлянъ, ничего во всей Европѣ не было построено столь свѣтлаго и разумнаго. Замысль купола, какъ бы повѣшеннаго въ воздухѣ волей строителя, рѣшающаго надъ городомъ на странной высотѣ, легкаго, прекраснаго и неизблемо утвержденаго по вѣчнымъ законамъ механики, казался такимъ дерзновеннымъ и неисполнимымъ, когда былъ предложенъ въ собраніи опытныхъ строителей, что архитектора, придумавшаго этотъ планъ, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско сочли безумцемъ. Чтобы исполнить свой замысль, Филиппо долженъ былъ всю жизнь бороться съ ненавистью и презрѣніемъ глупцовъ, съ боязнью и упорствомъ умныхъ людей, не смѣвшихъ повѣрить въ законы собственнаго разума.

Великій строитель съ виду былъ важенъ, мраченъ и тихъ. Но подъ грубою корою, въ сердцѣ его таились родники неистощимаго веселья. Эта свобода и веселье — въ куполѣ Санта-Марія-дель-Фіоре, въ свѣтлыхъ, открытыхъ солнцу loggi, въ легкихъ, какъ бы воздушныхъ аркахъ и колоннахъ построенныхъ имъ галлерей, въ новой, эллипсой обнаженности простыхъ и чистыхъ линий созданной имъ архитектуры. Свобода и веселье были и въ жизни Филиппо. Всѣ эти строгіе, молчаливые, дѣловитые флорентинцы съ нахмуреннымъ челомъ любили смѣхъ и при всякомъ удобномъ случаѣ предавались шалостямъ, какъ рѣзвые школьники, вырвавшіеся на волю.

Я хочу рассказать одну изъ такихъ шалостей знаменитаго архитектора, того, чья жизнь была непрерывнымъ трудомъ, страданіемъ, борьбою съ людьми и напряженною мыслью.

Однажды въ городѣ Флоренціи, въ 1409 году, воскреснымъ вечеромъ собралось къ ужину общество молодыхъ людей въ домѣ одного вельможи, по имени Томмазо де-Пекори, человѣка благороднаго и умнаго, любившаго повеселиться.

Когда послѣ ужина убрали со стола, подали лакомства и лучшее вино, и всѣ стали громко и непринужденно разговаривать о томъ и о другомъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ собраніяхъ, одинъ изъ собесѣдниковъ произнесъ:

— Почему, скажите на милость, сегодня вечеромъ чудакъ Манетто Амманнатини ни за что не хотѣлъ придти сюда, и его никакъ нельзя было убѣдить?

Этотъ Манетто Амманнатини славился, какъ превосходный художникъ-столяръ, мастеръ деревянныхъ инкрустаций; лавка его или, какъ во Флоренціи говорятъ, „боттега“ находилась на площади Санъ-Джованни. Манетто всѣ любили за веселый нравъ и весьма почитали его талантъ, ибо въ прекрасномъ столярномъ искусствѣ не было ему равнаго мастера. Но въ житейскихъ дѣлахъ былъ онъ доверчивъ, простъ и неопытенъ, какъ ребенокъ: его обманывали, надъ нимъ потѣшались, что не нарушало его добродушной веселости. Славный былъ человѣкъ Манетто Амманнатини, котораго въ пріятельскомъ кружкѣ за неуклюжесть и высокой ростъ попросту звали Верзилою. Лѣтъ 28, громадный, широкоплечій, съ ясными глазами, съ вѣчно разсѣянной улыбкой, съ волосатыми, мозолистыми, запачканными лакомъ и клеємъ, руками столяра, изъ которыхъ выходили тонкія, небесныя лица херувимовъ, веселья, дерзкія рожи сатировъ изъ точенаго кипариса и дуба, — Верзила былъ неисправимымъ чудачкомъ: несмотря на обычную общительность, вдругъ находила

на него внезапная прихоть, припадокъ черной меланхолии, — и тогда онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, смотрѣлъ, какъ волкъ, на лучшихъ друзей, огрызался, когда его спрашивали, что съ нимъ, и уже никакими силами нельзя его было затащить въ пріятельскій кружокъ. Потомъ нелѣпое чудачество проходило само собою, и Верзила возвращался къ друзьямъ добродушнѣе и беззаботнѣе, чѣмъ когда-либо.

Къ великому прискорбію и досадѣ собесѣдниковъ, которые считали его пріятнымъ и любезнымъ членомъ своего общества, одно изъ этихъ чудачествъ напало на столяра какъ разъ въ тотъ воскресный вечеръ, когда они собрались къ ужину въ прекрасный палаццо сэра Томмазо де-Пекори.

— Этого такъ оставить нельзя, — воскликнулъ одинъ изъ гостей, немного подвыпившій, ударяя кулакомъ по столу, — надо проучить Верзилу!

— Но можетъ-быть у него дѣла, — заступился другой. — Я слышалъ, что наемныя герцогиня Мантуанская заказала ему свадебный сундукъ...

— Вздоръ! Я знаю дѣла его, какъ свои пять пальцевъ. Что за работа въ воскресенье вечеромъ? Это у него опять меланхолія. Сидитъ теперь гдѣ-нибудь одинъ въ тавернѣ и пьянствуетъ. Или, еще хуже, лежитъ въ постели и дрыхнетъ. Говорю вамъ, что слѣдуетъ наконецъ хорошенько проучить его за эти чудачества, для его же собственнаго блага, чтобы онъ уже болѣе никогда не смѣлъ пренебрегать друзьями, изъ-за какихъ-то дурацкихъ бредней.

— А чѣмъ могли бы мы проучить Верзилу, — усомнился третій. — Побить его, что ли? Такъ вѣдь шкура у него дубленая — ничѣмъ не проймешь. И притомъ въ рукахъ такая сила, что ежели сдачи дастъ, не поздоровится. Или надуть его, чтобы заплатилъ за всѣхъ по счету въ гостиницѣ, — такъ вѣдь какой это урокъ? Надъ нами же онъ посмѣется. Денегъ Верзила не жалѣетъ.

Тогда заговорилъ, бывший въ этомъ веселомъ кругу, другъ и почитатель Верзилы, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, славный архитекторъ Санта-Марія-дель-Фіоре. Лицо у него было и теперь, какъ всегда, строгое, почти суровое, сумрачное, взоръ холодный, и только на гладко выбритыхъ тонкихъ губахъ играла хитрая, проницательная усмѣшка, и по этой усмѣшкѣ собесѣдники тотчасъ же поняли, что наступаетъ истинное веселье, такой смѣхъ, отъ котораго животика подведетъ. У юношей, особенно лакомыхъ до всякихъ шалостей, даже глаза разгорѣлись, и всѣ притихли, замерли и ожидали благоговѣйно, что-то выйдеть изъ устъ этого новаго оракула. Тогда Филиппо, не торопясь, обвелъ всѣхъ глубокомысленнымъ взглядомъ, какъ будто рѣчь шла о важномъ дѣлѣ, и молвилъ:

— Любезные друзья, вотъ что я сейчасъ придумалъ. Мы можемъ сыграть съ Верзилою забавную штуку, которая, полагаю, доставитъ намъ не малую утѣху. Штука моя заключается въ томъ, чтобы убѣдить столяра Манетто, что онъ — не онъ, а совсѣмъ другой человѣкъ.

Тогда многіе стали возражать Филиппо, утверждая, что это невозможно. Но, по своему обыкновенію, онъ съ математическою ясностью, какъ будто дѣло шло объ изящной теоремѣ, привелъ имъ свои доказательства и сумѣлъ ихъ убѣдить, что этотъ замысль исполнимъ.

Все подробно до послѣдней мелочи обсудили они и составили заговоръ противъ злополучнаго Верзилы. И этотъ заговоръ съ тѣмъ большею легкостью могъ имъ удался, что во Флоренціи всѣ, отъ мала до велика,

отъ важнаго сѣдовласаго пріора, засѣдающаго въ Palazzo Vecchio, до босоногаго уличнаго мальчишки, который спускаетъ бумажные кораблики въ дождевые ручьи, находятся какъ бы въ непрерывномъ, безмолвномъ заговорѣ и всегда готовы помочь другъ другу, чтобы посмѣяться надъ простодушнымъ человѣкомъ. Нѣтъ такого суроваго блюстителя законовъ, нѣтъ такого тяжеловѣснаго купца, состарившагося надъ счетными книгами, который при всякомъ удобномъ случаѣ съ радостью не пожертвовалъ бы временемъ, трудомъ, даже деньгами, чтобы учинить своему ближнему какую-нибудь веселую школьническую шалость, „bessere“, какъ они тамъ говорятъ. Флорентинцы смѣются надъ лучшими своими друзьями, и тѣ не думаютъ сердиться, а только въ свою очередь ждутъ удобнаго случая пересмѣять насмѣшника. Такими создалъ ихъ Богъ, такой у нихъ воздухъ въ Тосканѣ: недаромъ есть пословица: „тосканцы бѣдовый народъ—не клади имъ пальца въ ротъ“. Они иногда и рады бы не смѣяться, да не могутъ. Смѣхъ въ крови флорентинцевъ, какъ соль въ морской водѣ. Вотъ почему великій искусникъ въ такихъ шалостяхъ, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, съ полной увѣренностью составилъ заговоръ и зналъ, что каждый знакомый и незнакомый будетъ ему всячески служить и способствовать, и онъ могъ обдѣлать это дѣльце на чистоту такъ, что и комаръ носа не подточилъ бы.

Рѣшено было, что на слѣдующій день, въ понедѣльникъ вечеромъ, начнется Овидіево превращеніе, или метаморфоза Манетто Верзилы.

Въ тотъ часъ, когда солнце заходитъ, желтые пески Арно розовѣютъ, и ремесленники запираютъ потемнѣвшія мастерскія, Филиппо зашелъ въ боттегу своего друга, столяра Манетто, на площади Санъ-Джованни, и весело болталъ съ нимъ до тѣхъ поръ, пока расторопный мальчуганъ,—какъ было условлено,—не прибѣжалъ въ мастерскую и не спросилъ, запыхавшись и торопясь, какъ будто дѣло было важное и спѣшное:

— Не въ эту ли боттегу заходитъ иногда Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, и не здѣсь ли онъ теперь?

Филиппо выступилъ, назвалъ себя и спросилъ посланнаго, чего онъ желаетъ.

— Идите-ка скорѣе домой, мессеръ,—произнесъ мальчуганъ,—часа два тому назадъ съ теткой вашей приключилось недоброе, и она при смерти. Васъ всюду ищутъ. Бѣгите же, не медлите!

Филиппо притворился пораженнымъ дурною вѣстью и воскликнулъ:

— Господи, помоги!. Этого еще не доставало!..

И тотчасъ же попрощался съ Верзилою, который, какъ человѣкъ добрый и услужливый, молвилъ съ дружескимъ участіемъ:

— Пойду-ка и съ тобою, Филиппо. Быть-можетъ, на что-нибудь пригожусь. Знаешь, въ такихъ случаяхъ всегда полезно имѣть около себя друга.

Немного подумавъ, Филиппо отвѣтилъ:

— Теперь ты мнѣ не нуженъ. Но, если что-либо понадобится, я сюда прилечу за тобою.

Филиппо пошелъ какъ будто по направленію къ своему дому, но когда Манетто уже не могъ его видѣть, повернулъ за уголъ и направился къ дому Верзилы, находившемуся въ узкомъ переулкѣ, какъ разъ наискосокъ отъ церкви Санта Репарата. Онъ искусно отомкнулъ запертую дверь, безъ ключа, тонкимъ лезвіемъ перочиннаго ножа, вошелъ въ домъ и крѣпко, желѣзнымъ болтомъ, заперъ дверь изнутри такъ, чтобы никто не могъ войти. Съ Верзилою жила мать, которая на эти дни уѣхала въ загородное мѣстечко Полверозу, гдѣ у нихъ было имѣніе,—на ежемѣсячную большую стирку, которую домовитыя флорентинскія хозяйки, для удобства и дешевизны, устраиваютъ за городомъ.

Тѣмъ временемъ Верзила, заперевъ боттегу, прошелся, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, нѣсколько разъ взадъ и впередъ по площади Санъ-Джованни: изъ головы его не выходила мысль о Филиппо, и сердце было исполнено сочувствіемъ къ другу, передъ великимъ гениемъ и умомъ котораго онъ преклонился.

Спустя часъ послѣ солнечнаго заката, когда наступили сумерки, и площадь опустѣла, Верзила подумалъ:

„Филиппо такъ и не послалъ за мною: теперь ужъ я, должно-быть, ему не нуженъ.“

И онъ рѣшилъ вернуться домой. Подошелъ къ своей двери, поднялся на двѣ ступени, которыя къ ней вели, и, по обыкновенію, хотѣлъ ее отпереть, но какъ ни старался, это ему не удалось. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что дверь крѣпко-накрѣпко заперта изнутри желѣзнымъ болтомъ. Верзила постучалъ и позвалъ:

— Эй, кто тамъ наверху? Отоприте!

Филиппо, подстерегавшій его внутри дома, спустился съ лѣстницы, подошелъ къ двери и сказалъ:

— Кто тамъ?

Онъ говорилъ голосомъ Верзилы, ибо весьма искусно умѣлъ подражать всевозможнымъ голосамъ. Но тотъ закричалъ:

— Отопри же!

Филиппо притворился, что принимаетъ стучащаго въ дверь за Маттео, въ котораго Верзила,—какъ они сговорились,—долженъ былъ превратиться; самъ же Филиппо притворился Верзилою и молвилъ такъ:

— Эй, Маттео, ступай-ка съ Богомъ. Я очень разстроень: у меня въ мастерской только что былъ Филиппо сэръ ди-Брунеллеско; когда ему пришли сказать, что тетка его при смерти. Это меня опечалило на весь вечеръ: я просто самъ не свой. Зайди, братецъ, какъ-нибудь въ другой разъ.

И потомъ, обернувшись къ лѣстницѣ, какъ будто говорилъ съ тѣмъ, кто внутри дома, прибавилъ:

— Мона Джіованна (ибо такъ звали мать Верзилы), соберите скорѣе поужинать. Что это, право, за безпорядки? Вы общались бытѣ здѣсь два дня тому назадъ, а возвращаетесь только сегодня ночью.

И онъ еще немного поворчалъ, все время подражая голосу Верзилы.

Верзила, не только услышавъ свой собственный голосъ, но и видя во всемъ, что произносилъ этотъ голосъ, отраженіе своихъ затаеннѣйшихъ мыслей и чувствъ, какъ въ зеркалѣ, не могъ придти въ себя отъ изумленія и думалъ:

„Это еще что такое? Не чудится ли мнѣ, будто тотъ, кто тамъ у двери—я самъ, и будто онъ мнѣ же, моимъ собственнымъ голосомъ, рассказываетъ, что Филиппо только что былъ у меня въ мастерской, когда пришли сказать, что тетка его заболѣла?.. И кромѣ того, онъ разговариваетъ съ моной Джіованной. Экая пакость! Видно, со мной творится неладное. Голова совсѣмъ кругомъ пошла...“

Верзила спустился съ двухъ ступенекъ крыльца и немного отошелъ, чтобы крикнуть въ окна дома. Въ это же время приблизился къ нему, какъ было условлено, знаменитый флорентинскій скульпторъ Донателло, создатель бронзовой статуи Іоанна Крестителя, тоже искусный насмѣшникъ, участвовавшій въ заговорѣ, другъ Верзилы. Какъ бы случайно проходя въ сумеркахъ, Донателло взглянулъ на него и сказалъ:

— Доброй ночи, Маттео!

— Не Маттео, а Манетто,—крикнулъ ему Верзила. Но Донателло, не останавливаясь, быстро прошелъ и сказалъ, какъ будто не разслышавъ:

— Да, да,—я зайду къ тебѣ завтра поутру, Маттео,—и скрылся во мракѣ.

— Фу, ты, пропасть!—воскликнулъ Верзила,—сговорились они, что ли, называть меня Маттео! И померещится же человѣку этакая дрянь. Надо пройтись, освѣ-

Подъ рыцарской защитой. Съ карт. Г. Клауса грав. Гренхмури.

ДОПРИНТИ "ВОН"
BY FERRELL, LINDENBERG

житья, и главное—не думать объ этомъ. Тогда все пройдетъ. А то, чортъ возьми! этакъ вѣдь и спать не мудрено...

И Верзила, понуривъ голову, медленными шагами удалился отъ своего дома. Стемнѣло. Улицы опустѣли. Ночь была безвѣтренная, жаркая и душная. Какъ это нерѣдко бываетъ въ Тосканѣ лѣтомъ, землю сжигала засуха. Перепадали капли скуного дождя, но прекращались, и блѣдное, изнеможенное небо не имѣло силы разразиться грозой. Въ эту ночь надъ холмами Фиезоле громоздились тяжелыя тучи, и, какъ судорожныя крылья подстрѣленной птицы, блѣдныя зарницы трепетали беззвучно и безнадежно надъ черепичными кровлями домовъ. Черный мракъ былъ жарокъ и душнень, какъ черный мѣхъ, и отъ него вѣялъ такой же запахъ, какъ лѣтомъ отъ мѣховой шубы. Слабый дальній громъ напоминалъ глухіе раскаты злого, сумасшедшаго, тихаго смѣха. Кровь ударила въ виски, нечѣмъ было дышать.

Верзила остановился, чтобы отереть потъ съ лица. Въ это время изъ подворотни выскочила и шарахнулась ему въ ноги черная кошка. Онъ задрожалъ, поблѣднѣлъ, ибо былъ суевѣренъ, и, перекрестившись, началъ бормотать: „Ave Maria“. А кошка или, можетъ быть, вѣдьма, отвратительно млукнувъ, скрылась.

Верзила слышалъ, какъ сердце у него въ груди колотится тяжкими, мѣрными ударами, точно молотъ о наковальню. Вдругъ въ мертвой тишинѣ донесся издали, должно-быть изъ предместья Санъ-Сеполкро, протяжный, злобщій вой собаки.

„Поскорѣй бы домой,—подумалъ Верзила,—да въ постель, да головой подъ одеяло! А то эта ночь—не хорошая, не благословенная... Въ этакую ночь всякая нечисть по землѣ шляется...“

На душѣ его было скверно. Ему хотѣлось не то плакать, не то кричать и бить кого-нибудь, а лучше всего зарыться въ холодную, сырую землю, какъ слѣпые кроты зарываются, и тамъ замереть такъ, чтобы никто его не видѣлъ и не слышалъ.

Онъ вернулся на площадь Санъ-Джованни, гдѣ находилась его боттега. Здѣсь было легче дышать. Верзила поднялъ голову и увидѣлъ межъ тучъ, вверху, открытое небо и робкія звѣзды. Онъ обрадовался имъ. Оттуда сверху, какъ будто отъ звѣздъ, вѣяло тихое, едва уловимое дуновение неземной свѣжести.

„Чего это я такъ перепугался, дуракъ,—подумалъ онъ, ободрившись,—оборотень я, что ли? Какое мнѣ дѣло до Маттео? Я Верзила—Манетто Амманпатини, столляръ,—вотъ и боттега моя. Мало ли что иной разъ почувдится? На это не надо обращать вниманія... Само собою пронесетъ, какъ рукой сниметъ!.. Вотъ я похожу здѣсь немного, подышу чистымъ воздухомъ, а потомъ вернусь домой, отопру дверь ключомъ, который у меня здѣсь въ карманѣ... Это еще что за новости, чтобы не пускать человѣка въ его собственный домъ?.. Что я—старый шутъ Каландрино?.. Смѣяться надъ собой позволю?.. Нѣтъ, шалишь, братъ!.. Отопру и войду!.. И хотѣлъ бы я посмотрѣть на такого человѣка, который помѣшаетъ мнѣ сдѣлать это сейчасъ же!..“

Онъ уже собирался вернуться домой, какъ услышалъ на площади шаги. Верзила обрадовался живымъ людямъ и подумалъ:

„Навѣрное, встрѣчу знакомыхъ, они назовутъ меня Верзилою,—и все объяснится“.

При свѣтѣ смоляныхъ факеловъ увидѣлъ онъ, что это были городскіе стражники флорентинскаго торговаго суда. Съ ними былъ нотаріусъ и кредиторъ того самаго Маттео, въ котораго бѣдникъ Верзила ни за что не хотѣлъ превратиться. Кредиторъ приступилъ къ Верзилѣ и сказалъ нотаріусу и стражникамъ, вооруженнымъ алебардами:

— Вотъ мой должникъ Маттео!.. Держите его!.. Ага,

голубчикъ, наконецъ-таки попался мнѣ въ руки. Не боюсь, теперь не убѣжишь!

Стражники суда и нотаріусъ крѣпко схватили его за руки и собирались увести.

Тогда Верзила обернулъ свое блѣдное, растерянное лицо къ тому, кто называлъ его своимъ должникомъ, и воскликнулъ:

— Я тебя не знаю и никогда не имѣлъ съ тобою никакихъ дѣлъ. Скажи сейчасъ же, чтобы они меня отпустили!.. Ты принимаешь меня за другого... Слышишь?.. Ты отвѣтишь передъ судомъ за тяжкое оскорбленіе, наносимое незнакому человеку... Я—столляръ Верзила, и никакого Маттео знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Съ этими словами онъ попробовалъ освободиться отъ стражниковъ, ибо обладалъ большою силою. Но ихъ было много, они держали его крѣпко за руки и не отпускали. Кредиторъ подошелъ къ нему вплотную, заглянулъ прямо въ глаза и молвилъ:

— Какъ? Тебѣ пѣтъ до меня никакого дѣла? Неужели я не знаю Маттео, должника моего, и не сумѣлъ бы его отличить отъ столяра Манетто Амманпатини, по прозвищу Верзила?.. Ну, нѣтъ, братецъ, дудки! Этими ты отъ меня не отвертешься. Долгъ твой записанъ въ моей счетной книгѣ, и вотъ уже дѣльный годъ, какъ я имѣю по нашему дѣлу рѣшеніе торговаго суда. Конечно, тебѣ выгодно отречься и говорить, что ты не Маттео: но теперь ты не выскользнешь, и я заставлю тебя заплатить весь долгъ до послѣдняго сольдо, и не помогутъ никакія превращенія. Ведите-ка этого оборотня,—мы сейчасъ увидимъ, тотъ ли онъ, за кого мы его считаемъ, или кто-нибудь другой!..

Верзила похолодѣлъ отъ ужаса: онъ вспомнилъ и черную кошку, и вой собаки, и старую косоглазую нищенку, похожую на вѣдьму, которая дня два тому назадъ посмотрѣла на него „дурнымъ глазомъ“, когда онъ отогналъ ее отъ порога, не подавъ милостыни. Звонъ стоялъ у него въ ушахъ, сердце билось, какъ будто твердило ему: „быть худу, быть худу, ой, смотри, Верзила, быть худу!“

Крича и споря, стражники повели его въ торговый судъ, и такъ какъ время было позднее, то во дорогѣ не встрѣтили ни одного знакомаго Манетто. Бѣдняга былъ такъ пристыженъ и растерянъ, что не сообразилъ, что въ такой часъ, когда добрые люди, поужинавъ, ложатся спать, въ торговомъ судѣ не можетъ быть никакого засѣданія, кромѣ шуточнаго. Теперь все казалось ему возможнымъ. Мысли мѣшались въ его головѣ, и онъ встряхивался и щипалъ себя, чтобы проснуться. Но не такъ-то было легко проснуться: чары проклятой ночи тиготѣли надъ нимъ, морозъ пробѣгалъ по кожѣ, и онъ думалъ:

— Чего только на свѣтѣ не бываетъ?.. Что, если со мною случилось такое несчастье отъ дурного глаза,—и я взялъ, да и обернулся въ Маттео?..

Въ торговомъ судѣ нотаріусъ написалъ минимую бумагу о заключеніи Маттео въ долговую тюрьму и сдѣлалъ видъ, что прикладываетъ къ бумагѣ судебную печать. И его повели въ тюрьму.

Верзила вступилъ въ залу съ высокими сводами и рѣшетчатыми окнами и увидѣлъ многочисленныхъ товарищей по заключенію. Одни разговаривали, другіе пѣли, третьи играли въ шанки, въ карты, въ кости, при свѣтѣ оплывшихъ сальныхъ огарковъ. Иные просто лежали на постеляхъ, наслаждаясь праздностью. Все это былъ веселый, разбитной народъ, какъ будто стоило только попасть въ общество несостоятельныхъ должниковъ, чтобы хлебнуть воды изъ Леты и сразу освободиться отъ всѣхъ человѣческихъ заботъ и неприятностей. Одинъ уморительный, подвынвиншій стариканша, по прозвищу Вислоухій, прилясывалъ и притоптывалъ подъ звуки самодѣльной скрипичи, ко всеобщему удо-

вольствию, исполняя модную тогда испанскую пляску „равина“. Хотя часъ былъ поздній, но, повидимому, спать еще никто не думалъ, такъ всѣмъ было весело и отраднo на душѣ.

Увидѣвъ входящаго Верзилу, они загалдѣли съ еди-нодушнымъ восторгомъ:

— Новичокъ, смотрите, братцы новичокъ!

Верзилѣ казалось, что онъ умеръ, и душа его по-пала въ адъ. Заключенные спросили стражниковъ, какъ зовутъ новаго товарища, и когда узнали его имя, то загалдѣли еще громче:

— Добраго вечера, Маттео! Какъ ты себя чувствуешь, Маттео? За какія добродѣтели, Маттео, попалъ ты къ намъ въ царствіе Божіе?

Такъ называли они свою тюрьму.

Верзила стоялъ растерянный, блѣдный, шурился на свѣтъ, беспомощно моргалъ глазами, улыбался изъ вѣжливости и не зналъ, какъ отвѣчать на привѣтствія. Ему казалось неприличнымъ и даже зазорнымъ отречься отъ имени Маттео, которое, повидимому, крѣпче пристало къ нему, чѣмъ колючій репейникъ къ ослиному хвосту. Онъ рѣшилъ покориться плачевной участи, разыгрывать роль ненавистнаго Маттео, и робко, запинаясь и путаясь, объяснилъ повымъ товарищамъ, что попалъ сюда потому, что не успѣлъ въ-время заплатить долга одному кредитору, но что онъ питаетъ надежду завтра утромъ освободиться.

Тогда заключенные сказали:

— Ступай ужинать, Маттео. А потомъ, если у тебя есть два-три сольда, мы испытаемъ, хорошо ли ты играешь въ кости. Ночь проведешь съ нами, а утромъ иди съ Богомъ. Только мы можемъ сказать тебѣ по опыту, что утро вечера мудренѣе, и что отсюда выйти не такъ легко, какъ оно кажется съ перваго взгляда.

Когда наступилъ часъ отходить ко сну, Вислоухій, который оказался человѣкомъ сердобольнымъ, уступилъ Верзилѣ часть своей постели.

Потушили огни, все утихло, и раздался ровный, едиподушный храпъ, ибо несостоятельные должники спали сномъ праведниковъ. Но Верзила всю ночь не могъ уснуть и лежалъ съ открытыми глазами. Удушливый мракъ июльской ночи опять навалился на него, какъ тяжелая, черная мѣховая шуба. Теперь онъ уже не видѣлъ собственного тѣла и, обливаясь холоднымъ потомъ отъ ужаса и отвращенія, чувствовалъ ясно, какъ весь, съ головы до ногъ, и внутри, и снаружи неудержимо превращается въ проклятаго Маттео Верзила казался ему другимъ человѣкомъ, отличнымъ отъ него, какъ прежде Маттео.

— О, Господи, помоги! стоналъ онъ въ отчаяніи.— Только бы мнѣ узнать положительно и твердо, кто же я, наконецъ. Манетто или Маттео? Я не могу, не хочу быть въ одно и то же время обоими. Ну, хорошо, положимъ, я не Верзила, а Маттео, какъ это ясно изъ всего, что со мной происходитъ. Чтѣ же, однако, мнѣ въ такомъ случаѣ предпринять? Вѣдь, если я пошлю домой къ моей матери монѣ Джіованнѣ, и Верзила обажется тамъ, у нея, то всѣ надо мной будутъ смѣяться и скажутъ, что я сошелъ съ ума. А съ другой стороны, мнѣ все еще кажется, что я—Верзила!

Такъ бѣдный столяръ—какъ говорится—заблудился между двумя соснами.

Въ темнотѣ, гдѣ-то надъ его головой, муха въ паутинѣ однообразно, безконечно ныла и жужжала все тоньше и жалобнѣе. И ему иногда казалось, что это не муха, а сердце его ноетъ, бьется и замираетъ въ паутинѣ, изъ которой нѣтъ выхода.

Наконецъ, стало свѣтать. Верзила, не безъ тайнаго опасенія, взглянулъ на свое тѣло и увидѣлъ съ радостью, что оно нисколько не измѣнилось за ночь. Онъ смотрѣлъ внимательно на жилистыя руки съ веснушками, на каждый палецъ, на каждый волосокъ, и убѣ-

ждался, что это руки несомнѣнно Верзилины, и погн его, и грудь. Онъ ощущалъ на щекѣ своей родинку, и родника была Верзилина. Все это его нѣсколько ободрило.

„Можетъ-быть, — подумалъ онъ, — вмѣстѣ съ океанною ночью разсѣялись и дьявольскія чары. Только бы мнѣ увидѣть знакомаго человѣка, который знаетъ меня въ лицо и скажетъ всѣмъ, что я—Манетто, а не Маттео. Тогда сейчасъ же все объяснится, и меня выпустятъ.“

Между тѣмъ должники проснулись и опять заговорили весело, продолжая называть Верзилу — Маттео, чтѣ, впрочемъ, было неудивительно, такъ какъ среди нихъ никто съ нимъ раньше не былъ знакомъ.

Онъ вышелъ на дворъ, сталъ къ небольшому окну, продѣланному въ тюремной двери, и началъ смотрѣть, ожидая съ нетерпѣніемъ, не пройдетъ ли мимо кто-нибудь изъ знакомыхъ. Къ зданію торговаго суда, соединеннаго въ тѣ времена съ долговою тюрьмою, подошелъ одинъ знатный флорентинскій юноша, по имени Джіованни ди Мессеръ Франческо Ручеллаи, который участвовалъ въ шуточномъ заговорѣ, составленномъ Филиппо сэръ ди-Брунеллеско. Джіованни, хорошій знакомый Верзили, недавно заказалъ ему рѣзной балдахинъ изъ дерева для Пречистой Дѣвы Маріи. Еще на-медни заходилъ онъ въ мастерскую столяра, просилъ поскорѣе кончить работу, и Верзила общалъ, что дня черезъ четыре балдахинъ будетъ готовъ. Проходя къ торговому суду по узкому переулку, мимо долговой тюрьмы, Джіованни заглянулъ въ окошко и увидѣлъ столяра лицомъ къ лицу. Верзила тоже посмотрѣлъ и разсѣялся; тогда Джіованни съ удивленіемъ, какъ будто прежде никогда его не видывалъ, произнесъ:

— Чего ты смѣешься, любезный?

— Такъ себѣ смѣюсь, наша милость,— молвилъ добродушный Верзила, падѣясь, что Джіованни сейчасъ его узнаетъ.— Скажите мнѣ, пожалуйста, не знаете ли вы нѣкогого столяра Верзилу: его мастерская на площади Санъ-Джіованни.

— О да,—отвѣтилъ Джіованни,—я его знаю. Мы съ нимъ друзья, и я сейчасъ отсюда иду въ его боттегу, чтобы поговорить насчетъ одного заказа.

Когда Верзила услышалъ эти слова, увидѣлъ, что Джіованни смотритъ ему въ лицо и не думаетъ узнавать, то сердце у него такъ и ёкнуло, ибо онъ понималъ, что и при свѣтѣ дня злыя чары продолжаютъ дѣйствовать и отнюдь не разсѣваются, какъ онъ сперва надѣялся. Мало было ему радости въ томъ, что самому себѣ казался онъ прежнимъ Верзилою, если лучше друзья все-таки принимали его за другого.

— Не окажете ли вы мнѣ одной услуги, мессеръ?— продолжалъ Верзила вѣжливо, преодолевъ смущеніе.— Вы вѣдь сейчасъ идете въ мастерскую Манетто: передайте же ему, что здѣсь, въ долговой тюрьмѣ, находится одинъ изъ старыхъ друзей его, что онъ проситъ Манетто забѣжать сюда на минутку, чтобы переговорить о важномъ дѣлѣ.

Джіованни еще разъ пристально посмотрѣлъ въ лицо Верзилѣ, едва удерживаясь отъ хохота.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу,— молвилъ онъ, и пошелъ по своимъ дѣламъ.

А Верзила остался у тюремнаго окна и, едва не плача, говорилъ себѣ такъ:

— Конечно, теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія: я превратился въ Маттео. О, да будетъ проклятъ день рожденія моего! Ежели я открою то, чтѣ со мною произошло, люди назовутъ меня глупцомъ, уличные мальчишки будутъ указывать на меня пальцами. А если промолчу, то могутъ произойти еще тысячи недоразумѣній такихъ же, какъ вчера вечеромъ, когда меня задержали... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ будетъ мнѣ плохо... Посмотримъ, однако, придетъ

ли сюда Верзила... Ежели придетъ, то я расскажу ему все, и увидимъ, что значить эта притча.

Онъ прождалъ у воротъ еще нѣкоторое время; но, убѣдившись, что надежда его тщетна, съ тяжелымъ

вздохомъ отошелъ, уступилъ окно другому заключенному и сталъ въ упыши бродить взадъ и впередъ по мощеному тюремному двору.

(Окончаніе будетъ.)

С Н Ы.

Повѣсть Влад. И. Немировича-Данченко.

(Овоцаніе.)

XI.

Встала Женни раньше обыкновеннаго. Ей хотѣлось уйти въ садъ прежде, чѣмъ кто-нибудь выйдетъ къ утреннему кофе. Но она и не торопилась. Ей было приятно слѣдить за собой и замѣчать, что всѣ движенія у нея спокойны и увѣренны. Она знала за собой эту особенность: иногда встанетъ нервная, точно послѣ плохо проведенной ночи,—тогда все у нея не ладится, падаетъ изъ рукъ, является досадная забывчивость; а иногда, наоборотъ, какъ проснется—чувствуетъ себя какъ бы уравновѣшенной, съ яснымъ сознаниемъ; и тогда, не спѣша, уснѣваетъ дѣлать все аккуратно и своевременно. Такъ, какъ сегодня, она уже давно не вставала. Между шестью и восемью часами ей удалось еще заснуть, и часъ сна необыкновенно освѣжилъ ее.

Она довольно долго сидѣла передъ большимъ квадратнымъ серебрянымъ зеркаломъ, доставшимся ей по смерти матери. Лицо было блѣдное, но не слишкомъ утомленное. Женни разсматривала его и словно бесѣдовала съ нимъ:

„Забудь теперь ужъ навсегда, что существуютъ какіе-нибудь поцѣлуи, кромѣ родственныхъ. Никто и никогда не цѣловалъ тебя иначе, никто никогда и не будетъ цѣловать. Не стойшь ты этого. А отчего? Это надо спросить у сердца мужчины. Я не знаю“.

Женни съ удовольствіемъ умылась холодной водой и, одѣваясь, старалась, чтобъ вся ея вѣѣшность напомнила отцу прежнюю Женни.

Лиза уже звала няню. Женни тихо вышла черезъ балконъ въ садъ.

Она обдумывала разговоръ съ отцомъ и письмо Первозерникову.

Къ концу августа Николай Осиповичъ не вставалъ раньше девяти. Какъ всегда, онъ прямо съ постели шелъ купаться и потомъ сейчасъ же садился за работу. Кофе ему подавали въ кабинетъ.

Женни знала, въ какой часъ пройти къ нему кругомъ, чтобъ не встрѣтить ни тетку, ни Лизу. Она выжидала этого, видѣла уже, какъ отецъ съ полотенцемъ черезъ плечо задумчиво прошелъ къ купальнѣ.

— Женни!—услыхала она за собой.

Къ ней подходилъ Борисъ. Пришлось остановиться и подождать его.

— Добраго утра!—сказать онъ, стараясь весело улыбаться.

Она сію же минуту замѣтила искусственность его улыбки и молча пожала ему руку.

— Мнѣ хотѣлось первому поздравить васъ... какъ бы выразиться... съ чѣмъ это поздравляютъ въ такихъ случаяхъ?... съ перемѣной судьбы, что ли...

— Хорошо,—сказала Женни, не глядя на него,—только пойдите подалше отъ дома, а то меня увидятъ, и всѣ соберутся поздравлять меня... съ перемѣной судьбы.

Она двинулась впередъ, Борисъ пошелъ за нею. Ея тонъ онъ сейчасъ почувствовалъ, но не понялъ.

— А вы развѣ избѣгаете этого? И въ самомъ дѣлѣ избѣгаете. Вчера заперлись у себя, сегодня такъ рано ушли. Это странно. Обыкновенно, человекъ—въ особенности, женщина—любитъ носить свое счастье всѣмъ напоказъ. Вотъ какъ никогда нельзя угадать всѣ мелочи будущаго. Я нѣсколько разъ хотѣлъ представить себѣ васъ въ качествѣ невесты и ожидать всего,

чего хотите, кромѣ того, что произошло на самомъ дѣлѣ. Никакъ я не думалъ, что вы будете заираться.

— Вы говорите: нельзя угадать „мелочи“ будущаго,—а вообще развѣ вы предвидѣли?

Женни смотрѣла или себѣ подъ ноги, или въ сторону отъ Бориса Ивановича.

— Да, конечно. То-есть...—спохватился онъ и нѣсколько замаялся.

Женни незамѣтно улыбнулась.

— Если хотите знать правду—нѣтъ, я и вообще не угадалъ будущаго. Такой развязки я не ждалъ.

— Развязки чего?

— Боже мой, того, что не трудно было замѣтить. Не отказывайте мнѣ въ такой ничтожной наблюдательности.

„Не трудно было замѣтить“,—повторила Женни.

Вдругъ она остановилась, повернулась къ нему и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Борисъ! Можете вы мнѣ отвѣтить на одинъ вопросъ совершенно откровенно?

Онъ смутился.

— Судя по тому, какъ вы приступаете къ вопросу, отвѣтить, очевидно, будетъ трудно.

— Нѣтъ, не очень. Во всякомъ случаѣ, вы тутъ ни при чемъ,—прибавила Женни сухо, между тѣмъ, какъ въ ея глазахъ блеснула гордость, которую Борисъ Ивановичъ не разъ замѣчалъ именно по отношенію къ себѣ.

— Хорошо. Отвѣчу откровенно.

Женни опять пошла.

— Вы бывали у Василія Онисимовича. Помните, разъ даже говорили, что онъ „изливалъ передъ вами свою душу“...

Она помолчала, какъ бы ожидая подтвержденія.

— Да, правда,—сказалъ Борисъ Ивановичъ.

— Ну, такъ вотъ. „Изливая свою душу“, признавался онъ вамъ... въ своихъ чувствахъ ко мнѣ? Ну, хоть намеками?

Борисъ Ивановичъ задерживалъ отвѣтъ. Женни прибавила:

— Ну, если даже намеками онъ не признавался, такъ вы сами, человекъ наблюдательный, замѣтили въ немъ хоть что-нибудь въ этомъ родѣ? Вы понимаете, конечно, что я говорю не объ уваженіи, а о другихъ чувствахъ.

Борису Ивановичу было трудно. Онъ началъ понимать, что она сомнѣвается въ искреннихъ побужденіяхъ Первозерникова. Его отвѣтъ, дѣйствительно, можетъ имѣть для нея значеніе. Онъ съ удовольствіемъ соглашалъ бы, но ея тонъ не позволялъ ему лгать.

— Нѣтъ,—твердо сказалъ онъ,—ни Василій Онисимовичъ не признавался мнѣ, ни я не замѣчалъ въ немъ того, о чемъ вы спрашиваете.

Борисъ Ивановичъ почувствовалъ, что отвѣчать оказалось даже труднѣе, чѣмъ онъ только что предполагалъ. Ему захотѣлось смягчить свой отвѣтъ шутливой фразой: „видите, выходитъ, что я, и вправду, не очень-то наблюдателен“, но что-то серьезное и правдивое удержало его.

— А онъ очень добрый, правда? Очень?—спросила Женни.

— Да, кажется, добрякъ. Впрочемъ, какъ съ кѣмъ...

Женни перебила его.

— Ну, вотъ. Мой вопросъ оказался вовсе не такъ

Масленица. Ориг. рис. (собств. „Илвы“) Н. Н. Каразина, автогипія „Илвы“.

трудолюбиво проговорила она, тотчас же опять остановилась и прибавила, глядя въ сторону: — А теперь идите домой. Будутъ искать васъ и наткнутся на меня.

— Гоните? А какъ бы мнѣ хотѣлось разговориться съ вами, Женни!

— Идите, идите,—мягко, но настойчиво повторила она.—Я хочу остаться одна.

Борисъ Ивановичъ покорно кивнулъ и пошелъ по направленію къ дому.

Николай Осиповичъ считалъ утро лучшими часами своей работы, поэтому дорожилъ каждой минутой. Женни одна знала, что онъ, кромѣ того, назначалъ себѣ извѣстныя „порціи“, и если не успѣвалъ окончить заданнаго, то разстраивался. И никто, кромѣ Женни, не входилъ къ нему безъ важнаго повода.

Но когда въ это утро она тихо отворила дверь, Николай Осиповичъ еще и не приступалъ къ работѣ. Онъ стоялъ среди комнаты, закинувъ руки назадъ, и смотрѣлъ въ одну точку гдѣ-то передъ собой на полу. На Женни онъ посмотрѣлъ, точно не сразу узнавъ ее. Потомъ, какъ бы немного сконфузившись, пробормоталъ: „А! Это ты!“ и сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ. Женни успѣла замѣтить, что вѣки у него, у самыхъ рѣсницъ, были совершенно красныя,—признакъ того, что онъ очень мало спалъ. А можетъ-быть и плакалъ ночью?

Женни плотно притворила дверь и медленно-медленно приблизилась къ отцу.

— Здравствуйте, папочка,—тихо сказала она.

— Здравствуй, здравствуй!

Онъ по привычкѣ подаль ей руку; она потянула ее къ себѣ, поцѣловала, не выпуская руки, вплотную приблизилась къ креслу и, высоко поднявъ голову, подавила приливъ слезъ. Николай Осиповичъ съ удивленіемъ заглянулъ ей въ лицо. Тогда Женни тихо опустилась около него на колѣни и снова прижалась къ его рукѣ. Старикъ растерялся.

— Женни, Женичка! Что съ тобой? Чего ты?

— Ничего. Позвольте мнѣ такъ постоять.

Онъ не узналъ голоса дочери. Такъ тихо и нѣжно говорятъ только глубоко-несчастные.

— Ну, полно, полно.—Николай Осиповичъ поцѣловалъ ея волосы.—Жаль покидать стараго отца? Да? Что-жъ дѣлать! Надо мнѣ было ожидать. Сестра права. Я поступалъ съ тобой эгоистично. Да, да, приходится сознаться. Молодость у тебя отняла. Поживи хоть теперь для себя. Ты имѣешь полное право на свое, личное счастье.

Онъ гладилъ дочь по головѣ и смотрѣлъ въ окно, къ которому бокомъ примыкалъ письменный столъ.

— Конечно, я виноватъ передъ тобой. Что дѣлать! Не сумѣлъ. Будь твоя мать жива, развѣ она позволила бы мнѣ!..

По щекамъ его поползли крупныя капли слезъ. Женни опять взяла его руку и снова прижалась къ ней. Старикъ откашлялся, чтобы скрыть слезы, и лѣвой ладонью старался незамѣтно отереть ихъ; но чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ быстрее текли онѣ.

— Положимъ, мнѣ тогда не такъ тяжело было бы разставаться съ тобой... Ты не должна обижаться на меня за то, что я въ послѣднее время былъ не справедливъ къ тебѣ... Пойми и меня. Вѣдь я тебя теряю... Постой-ка, милая... Гдѣ тутъ у меня платокъ?

Онъ освободилъ руку и всталъ, конфузливо пряча отъ дочери лицо.

Женни приподнялась и сѣла на другое кресло у стола. Отецъ трогалъ ее до глубины души. Она никакъ не ожидала найти его такимъ, думала встрѣтить хмурого, раздраженнаго. И его слезы такъ облегчали ее, что она не спѣшила сообщать ему свое рѣшеніе.

Николай Осиповичъ искалъ платка на кругломъ столѣ съ журналами, на диванѣ подъ подушкой и,

наконецъ, нашелъ его въ карманѣ пиджака, который былъ на немъ. Онъ старательно высморкался и началъ ходить по кабинету. Шаги его были всегда не крупныя, держался же онъ еще болѣе сутуловато, чѣмъ обыкновенно.

— Только бы сумѣли тебя оцѣнить... Я ужъ не знаю... Я до такой степени считаю себя виноватымъ передъ тобой, что ужъ не хочу ни во что вмѣшиваться... Кромѣ того, я чувствую, что положительно пристрастенъ къ тебѣ. Ну, да къ чему это? Не будемъ больше говорить.—Онъ опять высморкался и заговорилъ нервно.—Нельзя же, однако, чтобы люди до того казались мнѣ не подходящими другъ къ другу! Лиза и Борисъ—это все-таки одной семьи, одного воспитанія, а тутъ!.. Нѣтъ, не будемъ говорить. Извини, пожалуйста. Дѣло вѣдь рѣшеное.

— Ничего, папочка, не рѣшено.

Николай Осиповичъ остановился передъ дочерью въ двухъ шагахъ.

— Какъ не рѣшено?

Женни только закивала головой.

— Онъ же мнѣ говорилъ вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты сидишь, что ты дала согласіе.

— Это недоразумѣніе.

— Какъ! Онъ солгалъ? — Николай Осиповичъ, кажется, готовъ былъ воспользоваться случаемъ, чтобы унижить Первозерникова.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не солгалъ, но... словомъ, это недоразумѣніе.

— Я тебя не понимаю, Женни. Вѣдь онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе? Наконецъ, онъ просилъ меня.

— Да, но... Я, папочка, не пойду замужъ.

Николай Осиповичъ сдержалъ радостное чувство. Онъ тихо, какъ бы даже осторожно сѣлъ на прежнее мѣсто и на минуту задумался.

— Неужели изъ-за...

Женни угадала вопросъ и быстро перебила:

— Нѣтъ, нѣтъ, не изъ-за васъ. Не мучьтесь этимъ. Даю вамъ честное слово.

— Такъ какъ же это? Отчего же ты?..

— Оттого, что онъ меня не любитъ,—едва слышно сказала она. И хотя она уже не испытывала прежняго стыда, тѣмъ не менѣе ей было тяжело. Она опустила голову и закусила губу.

Николай Осиповичъ внимательно смотрѣлъ на нее.

— Какъ же не любить? — переспросилъ онъ тоже вполголоса.—Зачѣмъ же онъ дѣлаетъ предложеніе?

— Это... недоразумѣніе.

— Не понимаю, Женни.

— Мнѣ очень тяжело, папочка. Не спрашивайте, очень стыдно...

Николай Осиповичъ задумался. Онъ сидѣлъ безъ движенія, положивъ локти на ручки кресла. Женни продолжала кусать губы.

— Значитъ, ты окончательно рѣшила, что не выходишь за него замужъ?—уже почти шопотомъ спросилъ Николай Осиповичъ, подаваясь нѣсколько въ ея сторону.

— Окончательно.

Николай Осиповичъ улыбнулся.

— Я ужъ право не знаю, радоваться мнѣ или вдвойнѣ горевать.

Женни посмотрѣла на него взглядомъ выздоравливающаго больного.

— Радоваться, папочка. Зачѣмъ же горевать?

Онъ подвинулъ къ ней кресло.

— Такъ, голубчикъ мой... Если бы я что-нибудь понималъ во всемъ этомъ!

Женни выпрямилась и энергично заговорила:

— Ну, такъ понимайте. Ваша дочь вздумала на старости лѣтъ кокетничать...

— Ну, ну, ужъ ты скажешь! — испугался Николай Осиповичъ.

— Вот видите, вы даже не вѣрите.

— Ну, да, можетъ-быть, такъ, чуть-чуть...

— То-то и есть, что не чуть-чуть, а черезчуръ. Ахъ, папочка, ну зачѣмъ я вамъ буду рассказывать о нашихъ мелкихъ женскихъ глупостяхъ! Право же, это совсѣмъ не интересно. Однимъ словомъ, я была скверная, дрянн, вела себя постыдно...

— Ну, Женичка, нельзя же такъ...

— Постыдно, постыдно!

Она уже встала.

— Непростительно! Если бы вы знали все, вы бы отказались отъ своей дочери. А теперь я одумалась и опять ваша, какая была прежде.

Она снова быстро опустилась передъ нимъ на колѣни.

— И если вы не прогоните вашего секретаря, такъ онъ будетъ при васъ всю жизнь, всю жизнь! И никого мнѣ не надо, кромѣ васъ, папочка! Никого.

Николай Осиповичъ уже совершенно растерялся. Онъ и радовался, и недоумѣвалъ, и готовъ былъ цѣловать дочь, ни о чемъ не спрашивая, и боялся, что все-таки "забѣдаетъ вѣкъ" дочери.

— Да что жь это такое? Я ничего не понимаю. Ишь глазенки какъ искрятся!.. Да какъ же это случилось? Какъ? Пойми, что я все чего-то боюсь, и мнѣ потомъ въ голову будутъ приходиться Богъ знаетъ какія мысли!

Женни чуть приподнялась, обняла отца и быстрымъ шопотомъ проговорила ему на ухо:

— Я была жалка, ухаживала за нимъ, а онъ подумалъ, что я полюбила его, и пожалѣлъ меня. Вотъ и все.

Женни вскочила.

Николай Осиповичъ слушалъ ея шопотъ съ устремленными впередъ глазами и боялся проронить звукъ изъ ея признанія. И все-таки ничего не понялъ. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы какой-то Первозерниковъ осмѣлился не полюбить Женни, если она этого хотѣла!

— Такъ и ты его не любила?—спросилъ онъ, окончательно теряясь.

— Нѣтъ,—быстро сказала Женни и сейчасъ же перебила себя.—Но онъ очень добрый. Ну, теперь всею этому конецъ!—Она почувствовала, что ее опять подхватила пароксизмъ, подобный вчерашнему. Но теперь она отдавалась ему съ радостью, а не съ мученіями.—Всею конецъ, папа! Больше это никогда не повторится. Вотъ!—Она стала передъ большимъ портретомъ матери, красивой женщины съ старомодной прической.—Клянусь памятью мамы, что это не повторится! Слышите, папа?—И, снова повернувшись къ портрету, прибавила:—И до конца моей жизни не брошу папочку. Вотъ!

Николай Осиповичъ весь дрожалъ и плакалъ, какъ ребенокъ.

Спустя полчаса Женни писала письмо Василию Онисимовичу, а Николай Осиповичъ уже взволнованно поводилъ себя по лысинѣ и поглядывалъ на часы: ему такъ хотѣлось скорѣе приступить къ работѣ, чтобъ окончить сегодняшнюю "порцію".

Письмо Женни было очень короткое:

„Многоуважаемый Василий Онисимовичъ! Между нами произошло недоразумѣніе. Надо ли намъ разьяснять его? Во всякомъ случаѣ, я очень цѣню ваше доброе сердце.

„Въ этомъ сезонѣ намъ не удастся больше увидѣться. Мы на-дняхъ уѣзжаемъ въ Москву. Желаю вамъ всего хорошаго“.

Настя несла это письмо кучеру, чтобъ онъ сейчасъ же сvezъ по адресу. Лиза взяла его у Насти и долго вертѣла. Ей стоило большихъ усилій, чтобъ не вскрыть его „нечаянно“.

XII.

Актовый залъ старѣйшаго русскаго университета былъ переполненъ.

Василій Онисимовичъ, въ черной сюртучной парѣ моднаго покроя, сидѣлъ въ девятомъ ряду съ праваго края. Кругомъ него почти сплошь были молодые оживленные лица мужчинъ и женщинъ. Въ заднихъ рядахъ, въ проходахъ, около высокихъ узкихъ оконъ прямо противъ каѳедры, между громадными бѣлыми колоннами и вдоль стѣнъ, и справа, и слѣва—все были студенческія формы.

Еще вблизи, въ длинной, полутемной швейцарской, Василій Онисимовича охватило особенное, новое чувство, все время не покидавшее его. Онъ очутился въ толпѣ, какой не встрѣчалъ раньше нигдѣ, ни въ какихъ театрахъ или собраніяхъ. Онъ хорошо зналъ нестрое сборище людей, пришедшихъ развлечься—крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, служащихъ во всевозможныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ частныхъ акціонерныхъ обществахъ и банкахъ, военныхъ и полуввоенныхъ съ форменными погонами, едва мелькающіе между ними типы педагоговъ, напоминавшихъ его прежнихъ учителей гимназій, дамъ наряженныхъ, наполняющихъ бенуаръ и бель-этажъ, и дамъ, одѣтыхъ скромнѣе—по заднимъ рядамъ кресель. Его глазъ уже привыкъ къ такой пестротѣ формъ, туалетовъ и даже выраженной лицъ, точно всякій приносилъ въ театръ или собраніе всѣ особенности своихъ домашнихъ интересовъ.

Ничего подобнаго здѣсь не было. Прежде всего совершенно отсутствовала именно пестрота. Ему казалось, что всѣ эти люди, снимавшіе около него шубы и шинели, поднимавшіеся по широкой лѣстницѣ, наполнявшіе ряды стульевъ въ залѣ—всѣ были одного общаго типа. И то онъ, смотрѣлъ на него, какъ на совершенно не знакомый ему, то ему представлялось, что старики всѣ похожи на Николая Осиповича, молодые—на Бориса Ивановича, дамы—на Женни, Лизу и покойную Софью Николаевну, какую онъ воображалъ ее. Темные цвѣта туалетовъ какъ-то еще болѣе объединяли этихъ людей въ его представленіи. Были кромѣ фраковъ и сюртуковъ—пиджаки, но даже на дамахъ ничего свѣтлаго. Мало того—и на всѣхъ лицахъ какъ бы отпечатокъ однихъ общихъ интересовъ. И благодаря такой цѣльности общаго впечатлѣнія и свѣжести его, Василій Онисимовичъ чувствовалъ, какъ его сдвливаетъ огромная, внушительная сила, внушительная своею непоколебимой убѣжденностью и вѣрой, прочно слившаяся въ одно изъ элементовъ, —сила, съ которой всякая борьба была бы нецѣльна, потому что всѣ ея элементы крѣпко держатся другъ за друга ради однихъ и тѣхъ же стремленій, чистыхъ, безкорыстныхъ и правдивыхъ. Понималъ Василій Онисимовичъ, что здѣсь собрались не одни интересующіеся новой диссертацией по римскому праву. Все, что дорожить наукой вообще, сошло здѣсь въ надеждѣ услышать хоть одну новую мысль, которая могла бы пригодиться для стройки этого колоссальнаго зданія, незримо обнимающаго весь міръ. Если даже этотъ круглый залъ не озарится сегодня свѣтомъ новой мысли, то пусть будутъ повторены великія старья, и отъ этого одного колоссальное зданіе науки выиграетъ въ своей крѣпости. Пусть это будетъ крохотный, едва замѣтный плодъ многолѣтняго добросовѣстнаго труда,—всѣ эти собравшіеся люди и за то скажутъ спасибо. Ихъ цѣли такъ необъятны, что множество жизней скромно приносятся въ жертву ихъ задачамъ.

Около полукруглой каѳедры краснаго дерева подъ голубымъ низкимъ сводомъ—нѣсколько рядовъ кресель, стоявшихъ поперебъ, были заняты людьми, преимущественно пожилыми. Среди нихъ—во фракахъ и въ вицмундирахъ. Но были тамъ и возраста Дебальцева. Въ первомъ ряду были также старые профессора, но больше все дамы.

Своеобразный художникъ. Съ карт. Э. Гаусмана грав. Ость.

Тайномъ въ маскарадъ. Рисунокъ Ф. Зимма.

Съ большимъ любопытствомъ посмотрѣлъ Василій Онисимовичъ на отставнаго генерала, лысаго, съ большими черными усами съ подусниками, и на сидѣвшаго во второмъ ряду совершенно бѣлаго старика съ густой шапкой сѣдыхъ волосъ и круглой купеческой бородой. Василій Онисимовичъ обратилъ на нихъ вниманіе, потому что около него кто-то сказалъ, что это извѣстный въ Москвѣ лица, не принадлежащій къ наукѣ, но глубоко-преданный ей.

Лиза была въ нарядномъ черномъ шелковомъ платьѣ, дѣлавшемъ ея фигурку красивою, и въ черной же маленькой шляпѣ съ перомъ. Женни тоже въ черномъ, но гораздо проще сестры. Онѣ были въ первомъ ряду и сначала почтительно поздоровались съ нѣсколькими пожилыми дамами, которыя встрѣчали ихъ приветливой улыбкой. Одна изъ нихъ, полная, съ сильной просѣдью, говорившая безъ стѣсненія на всю залу, спросила Лизу:

— Волнуетесь?

Лиза зажмурилась и кивнула головой. Несмотря на волненіе, она, однако, вся сіяла и смотрѣла побѣдительно.

Женни была блѣдна, какъ всегда, и еще болѣе похудѣла. Она долго стояла около своего мѣста и съ мягкой улыбкой кланялась многимъ изъ публики. Василій Онисимовичъ, съ чувствомъ безпокойства, смотрѣлъ на нее въ упоръ, но она его не замѣчала.

Повидимому, всѣ, бывшіе въ первыхъ рядахъ, были знакомы съ Кашкадаровыми. Лиза и Женни то и дѣло здоровались и обмѣнивались нѣсколькими словами. И всѣ лица имъ улыбались. Подошелъ къ нимъ и высокій, съ бѣлокурой бородой, въ вицмундирѣ, державшійся суховаго и какъ бы строгаго. Съ нимъ Лиза и Женни поздоровались особенно почтительно.

Марья Осиповна — Василій Онисимовичъ не скоро нашелъ ее взглядомъ — была съ краю второго ряда и, тоже улыбалась, бесѣдовала со многими. На всѣхъ лицахъ впереди былъ какъ бы праздничный отпечатокъ. Сутуловатая фигура Николая Осиповича въ черномъ, разсегнутомъ сюртукѣ быстро мелькала то около дочерей, то около товарищей, заслуженныхъ профессоровъ.

Самого Дебальцева долго не было видно. Но наконецъ замѣтилъ Василій Онисимовичъ и его, послѣ того, какъ услышалъ около себя:

— Вонъ Дебальцевъ. Вонъ, красивый, во фракѣ, брюнетъ.

Василій Онисимовичъ нашелъ, что фракъ, прекрасно сидѣвшій на широкихъ плечахъ Бориса Ивановича, очень идетъ ему, и носить онъ его лучше всѣхъ. Вообще у Василія Онисимовича мелькало наблюденіе, что одѣваются здѣсь плохо и бѣдно, но онъ не хотѣлъ останавливаться на этомъ. Ему даже было неловко въ сюртукѣ лучшаго портного.

„Можетъ-быть, я здѣсь и самый богатый человекъ, — подумалъ онъ, — а все-таки самый незамѣтный. Вонъ на томъ бѣломъ старикѣ тоже сюртукъ сидитъ плохо-вато. Онъ, вѣрно, никогда и не заботился объ этомъ, а съ какимъ уваженіемъ говорятъ о немъ кругомъ“.

Въ залѣ стоялъ громкій говоръ и шелестъ афишъ съ тезисами диссертациі Дебальцева, пока послѣ какого-то звонка не наступила полная тишина.

Студенты встрѣтили Дебальцева, входившаго на кафедру, аплодисментами...

Защита диссертациі продолжалась часа два. Дебальцевъ говорилъ не больше получаса, сорока минутъ. Сначала онъ слишкомъ волновался, говорилъ медленно и подбирая выраженія, но очень скоро освоился и почти не заглядывалъ въ лежавшую передъ нимъ тетрадь и книгу. Окончилъ онъ какъ-то незамѣтно, и вообще Василій Онисимовичъ ожидалъ рѣчи, болѣе сильной и горячей. Дебальцевъ почти не повышалъ тона и какъ бы только повторялъ вещи уже извѣстныя. Вся

его рѣчь носила характеръ официальнаго доклада. И когда онъ налилъ изъ графина въ стаканъ воды, отпилъ ее и молча ждалъ возраженій; Василій Онисимовичъ догадался, что онъ копчилъ. Однако, тотчасъ же догадался, что вся суть защиты впереди.

Справа отъ Дебальцева, отъ большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, послышался голосъ оппонента. Василій Онисимовичъ вмѣстѣ съ своими сосѣдями вытянулъ шею, чтобы разглядѣть говорившаго. Это былъ красивый, высокій, пожилой господинъ съ черной бородой съ просѣдью. Около кафедры чуть начинали уже сгущаться сумерки, такъ что Василію Онисимовичу трудно было хорошенько рассмотреть официальнаго оппонента.

Тотъ началъ съ большихъ похвалъ диссертациі и назвалъ ее цѣннымъ вкладомъ въ литературу исторіи римскаго права.

— Но мнѣ кажется не ленымъ...

Василій Онисимовичъ не понималъ рѣшительно ничего. Онъ воспринималъ внѣшнія впечатлѣнія, и по тону, какимъ дѣлались возраженія и произносились защита, хотѣлъ догадаться, кто правъ. Голоса безъ всякаго напряженія гулко отдавались въ стѣнѣ надъ его головой, и почти каждое слово онъ слышалъ по два раза. Прислушивался къ тишинѣ, царившей въ залѣ. Очевидно, если и кромѣ него тутъ есть лица, мало понимающія въ спорѣ, то никто не скучаетъ, а съ усиленнымъ вниманіемъ старается уловить ту ноту не только законной, но и истинной справедливости, которая отзовется правдой въ душѣ каждаго.

Раза два защита показала Василію Онисимовичу слабой, потому что оппонентъ сказалъ: — „Нѣтъ, это все-таки требуетъ болѣе обоснованной доказательности“, — и уже, не выслушивая Дебальцева, переходилъ къ дальнѣйшимъ подробностямъ диссертациі.

Зато одинъ разъ Дебальцевъ такъ рѣшительно и горячо защищалъ какое-то положеніе, что хотя оппонентъ и остался неудовлетвореннымъ, однако, чутье Первозерникова было на сторонѣ Бориса Ивановича. Ему показалось, что и публика заволновалась во время этого спора, точно почувствовала, что мысль, которую защищалъ диссертантъ, особенно дорога ему, свѣжа и оригинальна, искренно пережитая имъ, носить въ себѣ зародышъ будущей борьбы съ научной рутинной и, по причинѣ всего этого — важнѣе для науки, чѣмъ вся диссертациі.

Официальный оппонентъ былъ недоволенъ горячностью Дебальцева, тѣмъ не менѣе копчилъ опять похвалами, что „несмотря на всѣ эти легко устранимыя неясности и несовершенства труда“ и т. д.

Гораздо громче, увѣреннѣе и смѣлѣе заговорилъ частный оппонентъ, еще молодой человекъ, лѣтъ 35, съ небрежно закинутыми назадъ волосами, съ небольшою бородкой и въ пенснэ, которое онъ все время поправлялъ. По его тону, какъ онъ началъ, можно было ожидать, что онъ собирается разбить Дебальцева на всѣхъ пунктахъ. На дѣлѣ же онъ попросилъ разъясненія нѣкоторыхъ подробностей, затѣмъ по самому горячему тезису заявилъ, что „присоединяется къ мнѣнію предыдущаго глубокоуважаемаго оппонента“ и, наконецъ, произнесъ фейерверкъ комплиментовъ по адресу „научнаго труда, представляющаго цѣнный вкладъ“ и т. д.

Василій Онисимовичъ не могъ побороть въ себѣ подозрительность, что молодой человекъ выступилъ оппонентомъ больше ради собственной популярности.

Еще одно тихое и скромное замѣчаніе маленькаго старичка, скорѣе палеваго, чѣмъ сѣдого, которому Борисъ Ивановичъ возразилъ съ особенной почтительностью, — и былъ прочитанъ протоколъ, конимъ Дебальцевъ признавался достойнымъ докторской степени. Посыпался градъ аплодисментовъ, нѣсколько разъ возобновлявшихъ

ся во все время, пока Василий Онисимовичъ двигался въ волнѣ справа налѣво въ передній уголъ, къ выходу.

Когда Первозерниковъ приблизился къ первымъ рядамъ, онъ увидѣлъ, что Борису Ивановичу со всѣхъ сторонъ жмутъ руки, многіе съ нимъ цѣлуются; Лизу, Николая Осиповича, Женни и ея тетку также поздравляютъ почти всѣ, проходящіе мимо нихъ. Съ нѣкоторыми они сговаривались ѣхать, — какъ понялъ Василий Онисимовичъ, — въ какой-то ресторанъ обѣдать.

Было уже почти темно. Василий Онисимовичъ долго колебался, подойти ли къ Камкадаровымъ тутъ же въ залѣ, или подождать ихъ выхода въ сосѣдней проходной приѣмной. Но толпа его вытѣснила туда. Онъ прослѣдилъ, какъ студента проводили аплодисментами официального оппонента и потомъ такъ же дружно снова зааплодировали Дебальцеву. Нѣкоторымъ изъ нихъ, стоявшимъ впереди, Борисъ Ивановичъ пожималъ руки.

— Боже мой! Кого я вижу! — сказалъ Борисъ Ивановичъ. — Какими судьбами?

Лиза, Марья Осиповна и Женни, окружавшія его, оглянулись. Василий Онисимовичъ конфузливо здоровался со всѣми.

— Да вотъ... нечаянно попалъ на ваше торжество и отъ души радовался. Поздравляю.

Онъ скрылъ, что приурочилъ свой выѣздъ изъ хутора какъ разъ ко времени защиты Дебальцева, о которой узналъ изъ газетъ.

— Какъ же это вы покинули ваши мельницы, коровъ, поросятъ?

Борисъ Ивановичъ говорилъ громко, улыбаясь, съ апломбомъ человѣка, имѣющаго успѣхъ. Но Первозерникову вопросъ показался умышленно-злымъ, и въ первый разъ ему пришло въ голову, что Борисъ Ивановичъ—человѣкъ не добрый, а для такихъ, простаковъ—степныхъ провинціаловъ, какъ онъ,—даже страшный.

Онъ ничего не отвѣтилъ и спросилъ Женни о Николаѣ Осиповичѣ.

При видѣ Василия Онисимовича лицо Женни какъ полымемъ обдало, но потомъ оно сейчасъ же приняло обычную блѣдность. На вопросъ Василия Онисимовича она обернулась назадъ и сказала:

— Я не знаю, онъ съ кѣмъ-то задержался. Вонъ онъ идетъ.

— Пойдемъ же, Борисъ! — сказала Лиза. Она была съ Первозерниковымъ очень суха. — Женни! Такъ ты съ папой пріѣдешь?

Женни утвердительно кивнула.

— До свиданія, Василий Онисимовичъ! — крикнулъ Дебальцевъ. — Можетъ-быть еще увидимся?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ повелъ подъ руку жену внизъ по лѣстницѣ.

— Je crois, qu'il fallait l'inviter, — шепнула Марья Осиповна Женни.

Та ничего не отвѣтила.

Радужнѣе всѣхъ встрѣтилъ Первозерникова самъ Николай Осиповичъ. Онъ еще издали крикнулъ ему:

— А! Первозерниковъ! Здравствуйте.

Такъ какъ Василий Онисимовичъ не отнималъ у него дочь, то онъ готовъ былъ даже обнять его. Онъ не задавалъ никакихъ вопросовъ, — „когда вы пріѣхали“, „надолго ли“ и т. д. Они ему не приходили въ голову. Въмѣсто всего этого онъ взялъ Первозерникова подъ руку и, отводя его по площадкѣ надъ лѣстницей, тихо сказалъ:

— Вы не нашли, что... (онъ назвалъ фамилію частнаго оппонента, совершенно не знакомаго Первозерникову) въ сущности, ничего не сказалъ? — Бросивъ его руку, Николай Осиповичъ отошелъ на шагъ и сказалъ громче: — Рѣшительно ничего! — Затѣмъ опять приблизился и заговорилъ уже о вещахъ, совершенно непонятныхъ Василию Онисимовичу, и опять шопотомъ: — Онъ яко бы хотѣлъ срѣзать его на эдиктахъ. А тутъ дѣло простое..

Кажется, Николай Осиповичъ вообразилъ, что передъ нимъ—специалистъ по римскому праву, и началъ передавать ему всѣ свои соображенія относительно послѣдней части защиты диссертациі.

Василию Онисимовичу было неловко, и умилень онъ былъ до глубины души.

„Кристаллъ, а не человѣкъ“ — вспомнилъ онъ первое впечатлѣніе, какое сдѣлалъ на него Николай Осиповичъ.

Женни перебила отца.

— Папочка! Намъ надо ѣхать, — сказала она, стараясь, чтобъ ей тонъ былъ какъ можно мягче и не обидѣлъ Василия Онисимовича.

— Да, да, поѣдемъ, — спохватился Николай Осиповичъ, какъ будто вспомнилъ, что впереди ему предстояло еще что-то очень важное.

И пошелъ, не простившись съ Первозерниковымъ. Но тотъ не обидѣлся.

Женни же молча и крѣпко пожала ему руку.

Выходя на подѣздъ, онъ еще разъ столкнулся съ Дебальцевымъ и Лизой. Они ждали извозчика. Шелъ дождь, смѣшанный съ хлопьями мокраго снѣга. Борисъ Ивановичъ спросилъ:

— А что ваши сны? Прекратились?

Василию Онисимовичу не хотѣлось отвѣчать на вопросъ. Онъ улыбнулся, какъ улыбаются шуткѣ, поклонился и вышелъ въ широкій дворъ университета.

Въ гостиницѣ, гдѣ онъ остановился, къ этому часу его должна была ждать сестра Катя.

КОНЕЦЪ.

Къ рисункамъ.

Широкая масленица... Для русскаго человѣка съ этими двумя словами связывается представление о широкомъ разгулѣ, о цѣлой недѣлѣ, посвященной главнымъ образомъ чревоугодію, о блинахъ, обильно поливаемыхъ вслѣдствіемъ винами. Во всякомъ домѣ стоитъ блинный чадъ, на улицахъ замѣчается необыкновенное движеніе; всѣ рестораны и трактиры биткомъ набиты посѣтителями..

Въ Западной Европѣ масленица отчасти напоминаетъ наши святки; тамъ это время — время буйнаго веселья, базовъ и, главнымъ образомъ, маскарадовъ. Гдѣ позволяетъ климатъ — тамъ эти маскарады переносятся даже на самую улицу, которая пріобрѣтаетъ фантомаго невиданнаго оживленія.

Всѣ увеселительныя мѣста горятъ огнями, въ театрахъ яблочно негдѣ унасть, — такъ все переполнено; въ крупныхъ и мелкихъ кафе-концертахъ публики набивается вчетверо больше обык-

новеннаго. Вотъ на сцену выпархиваетъ изъ-за кулисъ хорошенькая шансонетная пѣвица, ее встрѣчаютъ рукоплесканія: это — любимца публики; она раскланывается, начинаетъ пѣть, но на этотъ разъ публика слышитъ не тотъ репертуаръ куплетовъ, который она привыкла слышать здѣсь ежедневно, пѣтъ—пѣвица поетъ веселую шансонетную (стр. 160) въ честь бога Карнавала, который безраздѣльно царитъ теперь надъ землею. Этотъ веселый божокъ всѣхъ опьяняетъ своимъ дурманомъ и кружитъ головы старому и малому, заставляя выдѣлывать мальчишескіи проделки самыхъ серьезныхъ людей. И толпа, настроенная на самый масленичный ладъ, единодушно вызываетъ свою любимицу.

Но рестораны и кафе еще не даютъ понятія о карнавальномъ весельѣ: ядѣ здѣсь, въ концѣ концовъ, творится теперь то же, что бываеетъ и въ каждый праздникъ, когда большинство горожанъ, пользуясь свободнымъ вечеромъ, жадно ищетъ развлеченія вѣдъ дома. Чтобы видѣть карнавалъ, надо выйти

на улицу и проинкнутъ въ тѣ залы, гдѣ даются маскарады. А улицы въ эти дни какъ будто совершенно перерождаются, особенно подъ вечеръ: къ однообразнымъ, давно паскучившимъ глазу, городскимъ костюмамъ приишнваются теперь яркія маскарадныя платья; скромный буржуа идетъ рядомъ съ величественнымъ средневѣковымъ рыцаремъ, блѣдная мѣщаночка сталкивается съ пышной дамой эпохи Людовика XIV, а въ толпѣ свуютъ гномы, волшебники, панцы, всевозможныя маски животныхъ. И все это постоянно перемѣщается, въ воздухѣ стоитъ веселый гулъ, слышны остроты, болѣе или менѣе колкія замѣчанія, варывы смѣха, покрываемыя громкими возгласами дѣтей.

Да и дѣти играютъ въ этомъ весельи не одну роль артистическую; часто они тоже являются героями маскарада. Возьмите хоть эту парочку маленькихъ пьерро (стр. 161); развѣ вы не видите, какъ они довольны теперь собою? Въ ихъ лукавыхъ глазкахъ вы свободно можете прочесть, что для нихъ далеко не тайна то впечатлѣніе, какое они производятъ на всѣхъ окружающихъ; они прекрасно чувствуютъ, что всѣ проходящіе невольно обращаютъ на нихъ вниманіе, любятъ ихъ маленькими личиками, ихъ костюмамъ, красиво и ловко сидящими на нихъ. Дѣти умѣютъ беззавѣтно отдаваться веселью, и, благодаря этому, они часто увлекательно дѣйствуютъ на взрослыхъ, и ихъ заражая своимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ.

Однако, идемъ дальше. Впрочемъ, далеко идти не приходится: черезъ нѣсколько шаговъ мы наталкиваемся на сцену нѣсколько драматическаго характера: среди улицы, и нестрѣящей всяческими карнавальными костюмами, взоры наши останавливаются на небольшой группѣ дѣтей, центръ которой составляютъ дѣвочка въ костюмѣ сестры милосердія и около нея мальчикъ въ рыцарскомъ вооруженіи. По бокамъ видѣются страшная маска уроды-негра и не менѣе страшный гномъ — горный духъ съ длинной сѣдой бородой. Оба эти чудища съ двухъ сторонъ приближаются къ сестрѣ милосердія, пугая ее своими гримасами и какъ будто собираясь разорвать ее въ куски. Семилѣтняя крошка дрожитъ отъ ужаса, но не даромъ находится она подъ рыцарскою защитой (стр. 148 и 149): ей кавалеръ долженъ оказывать ей покровительство и отогнать отъ нея непріятелей. И юный рыцарь ясно сознаетъ свой долгъ, — не на-

расно прижимается къ нему его спутница: несмотря на то, что навопливые враги старше и сильнѣе его, несмотря на то, что они ишли себѣ союзника въ особѣ уличнаго мальчишки, главнѣйшаго на эту сцену, рыцарь храбро обнажаетъ мечъ въ защиту своей дамы, и хотя этотъ мечъ скоро летитъ въ землю, хотя положеніе черезъ минуту оказывается критическимъ, и у рыцаря готовы уже брызнуть изъ глазъ слезы отъ грозящаго ему пораженія, — онъ до послѣдней минуты отстаиваетъ свою

честь и съ храбростью отчаянія отражаетъ нападенія враговъ... пока въ окнѣ не поплыветъ „старая“, но надежная защита, грозящая палецъ которой оказывается дѣйствительнѣе рыцарскаго меча.

И много еще разныхъ сценъ покажетъ намъ въ эти дни улица. Но все-го не услѣдишь, да и къ тому же сумерки ступаютъ, въ воздухѣ вѣетъ рѣзкая свѣжесть, — пора уйти подъ крышу. Заглянемъ въ маскарадъ.

Задолго до начала его начинаются приготовления: падо еще разъ осмотрѣть всѣ принадлежности костюма, подумать о томъ, чтобы не хватить-ся чего-нибудь въ послѣднюю минуту, прииричь еще и еще разъ, хорошо ли сидитъ все... Что-жъ мудренаго, если сборы начинаются тотчасъ же послѣ обѣда?.. Вдобавокъ, всякаго одолеваетъ нетерпѣніе. И вотъ, наконецъ, костюмъ надѣтъ, все оказывается въ порядкѣ, но часовыя стрѣлки ужасно медленно подвигаются впередъ, и до начала маскарада остается еще дѣлнй часъ... Не раздѣваться же теперь, когда все такъ хорошо налажено!.. Тогда придумывается что-нибудь, чтобы убить этотъ несносно-скучный часъ. Для человѣка одинокаго время этого ожиданія тянется особенно медленно.

Вотъ взгляните сюда (стр. 145): передъ вами — средневѣковый шутъ; костюмъ его выдержанъ до послѣдней подробности, и если на этомъ ма-

скарадѣ, куда онъ собирается идти, будутъ раздаваться призы, то судьи навѣрное оценятъ этотъ костюмъ и отличатъ его наградою, тѣмъ болѣе, что и загримированъ хозяинъ его превосходно. Толмный скукою ожиданія, онъ беретъ мандолину и отъ нечего дѣлать перебираетъ струны. Но музыка, какъ извѣстно, не всегда правится другу человѣка — собакѣ, и собака нашего шута тоже не принадлежитъ къ числу ее поклонницъ; съ жалобными воемъ вытѣзала она изъ-подъ стола, гдѣ мирно дремала послѣ обѣда, — и начался дуть. Собачій аккомпани-

Шансонетта. Рисунокъ Л. Марольда, грав. Штейнманъ.

Маленькіе пьерро. Съ карт. Кламрота грав. Бодуэнъ.

ментъ, повидимому, пришелся по-душѣ и музыканту, изъ-подъ проворныхъ пальцевъ котораго полились игривыя мелодіи... Но чу!—бьютъ часы... пора наконецъ въ маскарадъ... Мандолина летитъ въ сторону, собака съ недоумѣніемъ смотритъ на своего хозяина, но его уже нѣтъ въ комнатѣ: онъ быстро спускается съ лѣстницы, сѣвшя туда, гдѣ теперь всѣ отдались необузданному веселью.

Другія сцены происходятъ въ тихихъ дѣвичьихъ комнатахъ: не одно дѣвическое сердечко усиленно бьется при мысли о маскарадѣ, но есть семьи, гдѣ на это развлеченіе смотреть не очень благосклонно, и дѣвушка не рѣшается даже высказать своего желанія попасть въ маскарадъ. А между тѣмъ соблазнъ великъ, и потому многія, не рѣшаясь быть откровенными, стараются попасть въ маскарадъ тайкомъ (стр. 157). Для этого костюмы приготавливаются задолго, въ сторонѣ отъ родныхъ, прячутся въ комнатѣ горничной (пожалуйста не подумайте, что это у насъ — это все за границей!), и лишь въ послѣднюю минуту извлекаются на свѣтъ: подъ предлогомъ носѣщенія подружки, дѣвочки вторюхъ одѣваются гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку и, всѣ дрожая отъ волненія, сѣшаютъ незамѣченными прокрасться на улицу.

Но вотъ мы и въ маскарадѣ. Ослѣпительный свѣтъ льется отъ электрическихъ люстръ. Въ обширныхъ залахъ медленно движется многотысячная толпа народа. Костюмы историческіе, бытовые, фантастическіе перемежаются съ черными фраками, военными мундирами и женскими домино. Направо, налево, спереди, сзади,—всюду слышатся обрывки веселыхъ разговоровъ, всюду ведется натрига,

болѣе или менѣе пикантная, болѣе или менѣе остроумная. Надѣвъ маски, всѣ какъ будто бы переродились, оторвались отъ однообразной, скучной обыденной жизни, точно перенесли въ иной міръ — міръ лихорадочнаго веселья, искрищагося, какъ искрится въ бокалѣ ибнистое шампанское. Подъ этою пѣной исчезаетъ маскарадная мишура,—богъ Карнавалъ весело паритъ надъ своими минутными подданными, закрывая маскою всѣ мрачныя стороны жизни...

Но этотъ старикъ, этотъ своеобразный художникъ (стр. 156), этотъ крупный, но невидимый дѣятель карнавала, хорошо знакомъ со всѣми мрачными сторонами нашей жизни, и теперь эти дни общаго веселья только ярче отбѣиваютъ его неудачи... Когда-то онъ мечталъ быть жрецомъ чистаго искусства... Но жизнь безжалостно раздавила всѣ его мечты и оборвала всѣ листья съ вѣнца безсмертія, который виталъ уже надъ его головой въ его юношескомъ воображеніи. Спускался со ступеньки на ступеньку, онъ въ старости долженъ былъ взяться, ради куска насущнаго хлѣба, за свое нѣвысшее занятіе: онъ разрисовываетъ маски—этогъ существеннѣйшій атрибутъ карнавала... За гроши поставляетъ ихъ старикъ купцу, но дорого обходится онѣ покупателю. И думалъ ли кто-нибудь изъ насъ, надѣвая маску, о томъ бѣдномъ художникѣ, подъ пальцами котораго появилась она на свѣтъ Божій?..

*

Малиновымъ звономъ заливаются колокольчики, бренчатъ бубенцы, вихремъ мчится бѣшеная — и на этотъ разъ не совсемъ обыкновенная — тройка: это широкая масленица (стр. 153) совершаетъ свой торжественный въѣздъ съ блинною оцарой, съ иерою и семушкой, съ груздочками и рыжичками, съ бутылками „русскаго добра“. Безъ масокъ является она къ намъ, на Русь: маски остались далеко позади, ихъ сожгли еще наканунѣ Крещенья; зато теперь гуляетъ душа въ хмельномъ угарѣ, и звонко скрипятъ по свѣжной улицѣ полозья саней съ веселящимся народомъ.

*

Но пройдутъ шальные дни, изъ балныхъ залъ и буфетовъ, гдѣ происходили разгульные маскарады, выметутъ весь соръ,—и увядшіе букеты, и потерянные вѣера, и разбитые бокалы, и стоитанные балныя башмаки, — а по улицамъ, вмѣсто веселаго звона бубенчиковъ и колокольчиковъ, раздастся мѣрный звонъ церковнаго колокола, призывающаго къ покаянію и молитвѣ. Великій постъ наступаетъ...

М. И. Петипа. (Портр. на стр. 163.)

8 декабря истекшего года на сцене Марининского театра торжественно чествовалось пятидесятилетие артистической деятельности Мариуса Ивановича Петипа, являющегося поистине гордостью русского балета. Особенно ценны заслуги М. И. Петипа, как балетмейстера, и в этом отношении его имя занимает одно из первых мест в истории балета.

М. И. Петипа родился 11 марта 1822 года, в Марсели. Балет был призванием и его отца, Жана Петипа—первого танцовщика и балетмейстера в Брюсселе, и брата, Люциана, известного парижского танцора и хореографа. Балет, как известно, продолжает быть призванием и всей семьи М. И. Петипа, из которой особенно прославились супруга М. И. и дочь его, М. М. Петипа, юные украшающая нашу балетную сцену. Подготовленный отцом, М. И. Петипа впервые выступил на балетной сцене одного из провинциальных французских театров шестнадцатилетним юношей. Через три года он поехал на парижскую сцену, но вскоре затѣм отправился опять в провинцию, а оттуда приглашен был в Мадрид. За три года пребывания его в Испании, он успел сдѣлаться известностью, но затѣм рѣшил удалиться за Пиринеи и притом направиться в далекую, холодную страну, которой суждено было сдѣлаться его второй родиной. 24 мая 1847 года М. И. прибыл в Петербург и прямо отправился представиться директору Императорских театров, А. М. Геденову, который принял его очень ласково. Съ этого дня, собственно, и началась артистическая деятельность М. И. Петипа в Россіи.

Как артист-танцовщик, М. И. Петипа сразу занял выдающееся место, выказав не только блестящую технику, но и большой мимический талант.

Съ 1858 г. началась другая, главнѣйшая деятельность М. И. Петипа,—дѣятельность балетмейстера, сочинителя хореографических произведений. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что ставил балеты М. И. началъ еще до прѣзда въ Петербургъ, за границей, гдѣ было поставлено имъ 7 балетовъ. За время пятидесятилетнего служения М. И. балетному искусству онъ сочинилъ и поставилъ у насъ болѣе 40 своихъ балетовъ, изъ которыхъ многие считаются своего рода классическими. Кроме того, М. И. вложилъ много своей неистощимой фантазіи и поэтического дара въ чужіе балеты, освѣжая и разнообразя въ нихъ танцы и даже сочиняя для нихъ новыя танцы. Много украсилъ М. И. и оперу своими изящными вставными танцами и грациозными хореографическими картинами.

При обзорѣ артистической дѣятельности М. И. необходимо указать еще на одну сторону этой дѣятельности,—какъ на выдающагося руководителя и преподавателя танцевъ. Цѣло созвѣдіе крупнѣйшихъ балетныхъ вѣждъ засіяло на горизонтѣ балетнаго искусства, благодаря М. И. Петипа, благодаря его умѣлому руководству и въ его же образцовыхъ балетахъ, служившихъ имъ и школой, и путемъ къ известности.

Заслуги М. И. Петипа въ области хореографіи были достойно почтены 8 декабря, и артистамъ, и публикой, на первомъ представленіи новаго балета юбилея—„Синяя борода“. М. И. Петипа привѣтствовали рѣчами и адресами артисты балетной труппы, воспитанники театрального училища, артисты русской оперы, оркестръ, артисты императорской французской труппы, русскіе драматические артисты, московская балетная труппа и много другихъ депутацій. М. И. получилъ массу цвѣтовъ и цѣнныхъ подарковъ отъ публики.

За полюбѣемое служеніе искусству М. И. Высочайше пожаловано званіе солиста Двора Его Величества.

Восточно-китайская желѣзная дорога.

(Карта на стр. 164.)

Восточно-китайская желѣзная дорога, сооруженіе которой съ Высочайшаго утвержденія взяло на себя частное акціонерное общество, должна замѣнить собою одинъ изъ участковъ строящейся сибирской желѣзной дороги, представляющей въ техническомъ отношеніи огромныя трудности для строительныхъ работъ,—именно участокъ отъ Стрѣтенска до Хабаровска, длиною въ 1667 верстѣ. Кроме сокращенія издержекъ по сооруженію сибирской дороги почти на 100 милліоновъ рублей,—восточно-китайская линія, направляя великій сибирскій путь изъ Забайкалья къ Владивостоку чрезъ Манджурію, сократитъ магистральный путь до Владивостока на 514 верстѣ и удешевитъ и ускоритъ этимъ перевозку по этой дорогѣ. Благодаря этой новой линіи, отдаленный погостъ отъ центра Россіи, главный пунктъ русской дальней окраины, Владивостокъ, которому предстоитъ въ будущемъ, быть-можетъ даже недалекомъ, очень крупная роль, будетъ соединенъ съ Европейскою Россіей двумя желѣзнодорожными путями: однимъ сплошнымъ—чрезъ Манджурію и другимъ—паровозно-пароходнымъ,—при посредствѣ пароходства по Амуру, судоходному отъ конечнаго пункта забайкальскаго участка сибирской дороги—Стрѣтенска до начальнаго пункта уссурійскаго участка—Хабаровска.

Направленіе восточно-китайской желѣзной дороги намѣчено слѣдующее: отъ станціи сибирской желѣзной дороги (зabay-

кальскаго участка)—Опоявъ на Цурухайту и оттуда, пересѣкая нашу границу, уже въ предѣлахъ Манджуріи на Цидикарь, Хулавъ-чень, Нингуту и конечный пунктъ—станція Никольское, находящаяся въ уссурійскомъ участкѣ сибирской дороги. Вся эта линія—длинною 1920 верстѣ, изъ нихъ 495 находится въ предѣлахъ Сибири, а 1425 верстѣ—въ Манджуріи.

Противъ этого направленія линіи нѣкоторые спеціалисты, знающіе мѣстные условія, сильно возражаютъ, ссылаясь на рядъ громаднѣхъ трудностей, съ которыми придется бороться при проложеніи дороги во всемъ обширномъ районѣ, начинающемся отъ Никольскаго по направленію къ Нингуту и далѣе въ долину р. Сунгари. Въ виду этого, чтобы набѣгнуть работу въ непродоходливой тайгѣ, пересѣкающей горными хребтами и скалистыми долинами, проектируется другое направленіе этой линіи, болѣе сѣверное (на Сань-Синь и на сѣверо-западный уголъ озера Ханка), обѣщающее болѣе благоприятныя природныя условія для проведенія желѣзнодорожнаго пути.

Измѣненіе направленія въ такомъ случаѣ начинается съ Цидикаря, отъ котораго линія, минуя р. Нонь, должна идти на Сань-Синь, возлѣ него перейти р. Сунгарю, ниже впаденія въ нее р. Мудавъ-Дэлинь, и затѣмъ далѣе къ сѣверо-западному углу оз. Ханка, по имѣющемуся тамъ пути на постъ Турій-Рогъ. Изъ этого поста предлагаются опять-таки на выборъ два направленія: одно, длиною почти въ 100 верстѣ,—по сѣверному берегу озера Ханка на постъ № 3, отсюда на р. Сунгарю и на станцію Шмакова,—пунктъ, въ которомъ линія прикнетъ къ уссурійской желѣзной дорогѣ. Но въ этомъ направленіи вся почти линія пройдетъ по китайской территоріи, что нельзя считать преимуществомъ, и, кроме того, пройдетъ по низкой и болотистой мѣстности, что представляетъ уже огромныя недостатки, такъ какъ обрекаетъ впередъ линію на размывъ полотна и сползаніе грунта, благодаря скопленію въ этой мѣстности обильныхъ ливней, вызывающихъ время отъ времени опустошительныя наводненія. Какъ известно, наводненіемъ затопило въ 1895 году лежащее въ низинѣ урочище Ауучино и всѣ поселенія по р. Дауби-ха, а также падало останется памятникомъ страшное наводненіе, залившее въ концѣ прошлаго года долину р. Суифуна, богатѣйшую по земледѣлю мѣстность въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Поэтому гораздо удобнѣе второе направленіе—по западному берегу оз. Ханка, на станцію Михайловское или прямо на Никольское. Хотя оно удлинитъ самую линію на 70 верстѣ, зато оно въ значительной мѣрѣ избавитъ дорогу отъ указанныхъ неудобствъ и опасностей, а къ тому же оно сократитъ общее протяженіе линіи на Владивостокъ на 120 верстѣ. Для того, чтобы еще болѣе обезопаситъ линію въ этомъ направленіи отъ наводненія, совѣтуютъ обойти долину р. Москолъ возможно западнѣе, держась направленіи на деревню Жаринову и поселокъ Нестереву, такъ какъ долина эта тоже весьма нерѣдко затопляется.

Помимо всѣхъ указанныхъ преимуществъ, второй проектъ линіи на Сань-Синь имѣетъ еще громадную выгоду въ политическомъ отношеніи: въ сѣверной Манджуріи нѣтъ особенно цѣнныхъ для Китая пунктовъ, и потому нѣтъ основаній для опасеній, что Китай будетъ съ постоянной подозрительностью слѣдить и за постройкой, и за эксплуатацией желѣзно-дорожной линіи, а въ южной части, черезъ которую преимущественно должна пройти первая проектируемая линія, есть такой важный для Китая пунктъ, какъ Нингута, считающийся родиною манджурской династіи. Непосредственное соприкосновеніе желѣзнодорожной линіи съ такимъ пунктомъ можетъ вызвать вѣрный рядъ политическихъ осложненій и мало обѣщаетъ выгоды для распространенія русскаго вліянія.

Въ общемъ, новая восточно-китайская желѣзная дорога обѣщаетъ для государства значительныя экономическія выгоды. Эта линія явится несомнѣнно посредникомъ нашей торговли съ Китаемъ не только въ отношеніи русскихъ товаровъ, но и по отношенію къ мѣстнымъ произведеніямъ; благодаря этой дорогѣ открывается для насъ возможность разработки природныхъ богатствъ, лежащихъ въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ желѣзно-дорожной линіи; кроме того, имѣется полное основаніе ожидать, что на новой линіи будетъ значительное пассажирское движеніе, такъ какъ ею будутъ пользоваться путешественники изъ Китая, Японіи и даже съ острововъ Восточнаго океана. Въ виду этого, можно утверждать, что дорога эта въ теченіе 80 лѣтъ, на которыхъ дана концессія, покроетъ своимъ доходомъ и всѣ затраченныя на нее суммы.

Несмотря на всѣ техническія трудности, вся дорога будетъ построена въ теченіе 5 лѣтъ. Провести дорогу въ этотъ срокъ обязались передъ акціонернымъ обществомъ восточно-китайской желѣзной дороги главный инженеръ дороги А. О. Юговичъ и его помощникъ инженеръ Игнаціусъ; притомъ вся часть линіи, находящаяся въ русскихъ предѣлахъ, должна быть закончена чрезъ 1½ года. Центромъ главнаго управленія постройки восточно-китайской желѣзной дороги будетъ Цидикарь, городъ въ Манджуріи, имѣющій до 100.000 жителей. Съ весны настоящаго года начнутся работы по постройкѣ дороги и имѣетъ съ тѣмъ главный инженеръ дороги на мѣстѣ опредѣлить, въ какомъ изъ проектируемыхъ направленій дорога будетъ проведена.

Политическое обозрѣніе.

Движеніе на Критѣ обострилось до неожиданныхъ размѣровъ. Въ отпоръ приготовленіямъ христіанъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, мусульмане, разграбивъ во многихъ мѣстахъ военныя склады, начали со своей стороны фанатическія нападенія на христіанъ. Главнымъ виновникомъ этого движенія считается въ Западной Европѣ бывшій генералъ-губернаторъ Крита Махмудъ-Джелаледдинъ-паша—нынѣшній турецкій министръ, пользующійся благоволеніемъ султана и поддерживающей оживленную переписку съ вліятельными бейли Крита. По мнѣнію же газеты *Тетс*, въ критскихъ событіяхъ послѣдняго времени виновата европейская дипломатія, не обратившая вниманія на турецкія проволокки и полумѣры, удовлетворившись лишь теоретическимъ рѣшеніемъ критскаго вопроса, тогда какъ противодѣйствіе Порты поощрилось отсутствіемъ тѣснаго согласія державъ относительно мѣръ воздѣйствія на Турцію. Въ то же самое время „байроновское общество“ въ Лондонѣ, вполне схожее по своей дѣятельности съ англо-армянскимъ комитетомъ, обратилось съ воззваніемъ къ грекамъ и славянамъ, обращая ихъ вниманіе на Македонію.

Однако, по увѣреніямъ газеты *Nord*, которой приписываютъ офиціозный характеръ, великія державы исполнены твердаго намѣренія, не допуская дальнѣйшихъ безпорядковъ, направить свои усилія къ достиженію полного умиротворенія Крита и восстановленію законнаго порядка вещей на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи. Въ скоромъ-де времени на Критѣ начнетъ дѣйствовать жандармерія, составъ которой набравъ изъ разныхъ странъ; если же эта мѣра окажется недостаточной для водворенія порядка, державы прибѣгнутъ къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ.

И, повидимому, можно было ожидать, что критскій вопросъ опять приметъ свое нормальное теченіе, но на-дняхъ возникло событіе, привлечшее на себя вниманіе всей Европы.

Чрезвычайный совѣтъ министровъ въ Аеннахъ, подъ предсѣдательствомъ короля Георга, принявъ рѣшеніе отправить въ критскія воды греческую эскадру. Премьеръ-министръ Деліанисъ былъ противъ демонстраціи, которая можетъ втиснуть королевство въ войну и во всякомъ случаѣ вынудитъ державамъ соимѣніе въ миролюбію греческаго правительства и его коректности по отношенію къ критскому вопросу. Но король заявилъ совѣту министровъ, что необходимо выказать состраданіе къ бѣдствію христіанъ, различая политику отъ долга человѣколюбія; кромѣ того, Греція не въ силахъ справиться съ нуждою критянъ, нашедшихъ убѣжище въ королевствѣ; наконецъ, если премьеру не желательно брать на себя отвѣтственность, то самъ король беретъ ее на себя, о чемъ и упоминиваетъ премьеръ доложить парламенту. Деліанисъ согласился, но съ условіемъ, что эскадра будетъ держаться у критскихъ береговъ наблюдательнаго положенія. На протесты турецкаго посланника премьеръ заявилъ, что отвѣтственность за послѣдствія ложится всецѣло на турецкихъ иривителей Крита, стремящихся создать Греціи немаловажныя затрудненія.

Въ бурномъ засѣданіи греческаго парламента Деліанисъ сообщилъ депутатамъ, что Греція стремится присоединить Критъ, ради чего слѣдуетъ дѣйствовать съ осмотрительностью, не исключаящей, однако, отлагки.

Командованіе эскадрой поручено королевичу Георгію, воспитавшему пан-эллинскими убѣжденіями еще въ прошломъ году, въ разгаръ критскаго движенія. Какъ только это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ въ Аеннахъ, несмѣтная толпа населенія устроила шумныя оваціи королевской семьѣ. Проводы королевича приняли необычайно торжественный видъ. Изъ Пирея вышли три броненосца, одна канонерская лодка

и три миноноски, направляясь къ Криту. Командиру эскадры поручено, по прибытіи въ Милосъ, вскрыть пакетъ съ инструкціей—войти въ критскія гавани подъ греческимъ флагомъ, безъ салюта турецкому флагу, во избѣжаніе-де паники отъ пушечной пальбы. Греческому посланнику въ Константинополѣ предписано объяснить Портѣ умиротворяющій характеръ демонстраціи.

Тѣмъ временемъ въ греческихъ городахъ начались манифестаціи въ пользу присоединенія Крита; посыпались адресы королю и совѣты правительству дѣйствовать энергично. Национальная лига, прокламаціей къ критянамъ, приглашаетъ ихъ присоединиться къ королевству. Вообще по всей Греціи начался усиленный подъемъ пан-эллинскаго патриотизма.

По свѣдѣніямъ *Berliner Tageblatt*, отъ 28 января, во многихъ пунктахъ Крита провозглашено присоединеніе острова къ Греціи. Недалеко отъ Канеи поднятъ греческій флагъ и на многолюдной сходѣ принято единогласно рѣшеніе—пригласить короля Георга вступить во владѣніе островомъ, какъ неотъемлемой частью греческаго королевства, а пока учредить временное правительство.

Греческая эскадра подошла къ Канеѣ и, не давъ салюта турецкому флагу, расположилась вблизи британской эскадры, адмиралъ которой тотчасъ сдѣлалъ визитъ греческому командиру.

Посланники великихъ державъ въ Аеннахъ сдѣлали 2-го февраля представленіе греческому правительству по поводу его дѣйствій, противныхъ международному праву и грозящихъ европейскому миру. Греческій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что „Греція займетъ Критъ“.

По свѣдѣніямъ изъ Парижа, отъ 3-го февраля, Россія высказалась категорически противъ образа дѣйствій Греціи. На представленіи иностранныхъ посланниковъ король Георгъ отвѣтилъ, что онъ вынужденъ дѣйствовать въ согласіи съ чувствами націи, иначе ему и всему королевскому семейству пришлось бы выѣхать совсѣмъ изъ Греціи.

Беровичъ-паша увѣдомилъ Порту и иностранныхъ представителей о своемъ рѣшеніи покинуть свой постъ генералъ-губернатора Крита. Хотя Порты не согласилась на отставку генералъ-губернатора, тѣмъ не менѣе, Беровичъ-паша съ тридцатью вооруженными черногорцами перешелъ на русское военное судно, чтобы отплыть на австрійскомъ пароходѣ въ Триестъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, греческая эскадра уже начала враждебныя дѣйствія: турецкое судно, прибывшее съ войскомъ въ Канею, повернуло назадъ, спасаясь отъ преслѣдованій греческаго военного судна.

Въ виду возникшей новой угрозы европейскому миру, за поддержаніе общаго дѣла Европы взялся и германскій императоръ съ присущей ему энергіей: выслушавъ въ Берлинѣ 2 февраля подробный докладъ имперскаго канцлера, императора Вильгельма посылитъ русскаго, австрійскаго и англійскаго пословъ, которые, немного спустя, съѣхались въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. На слѣдующій день получено извѣстіе, что 3 февраля, съ согласія турецкихъ властей, Канея занята отрядомъ изъ 100 человекъ русскихъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и 50 человекъ австрійцевъ подъ начальствомъ итальянскаго офицера; второй десантъ такого же состава, подъ начальствомъ французскаго офицера, готовится къ высадкѣ. На городскихъ укрѣпленіяхъ поднятъ флаги націи, вошедшихъ въ составъ оккупационнаго отряда. Командиру греческой эскадры дано знать объ оккупации Канеи съ предложеніемъ удалиться, а инсургентамъ—прекратить непріязненныя дѣйствія и ждать рѣшенія державъ.

М. Н. Петипа (по поводу 50-лѣтія артистической дѣятельности).
Съ фот. Мартини и К° автотипія „Нивы“.

Библиографія.

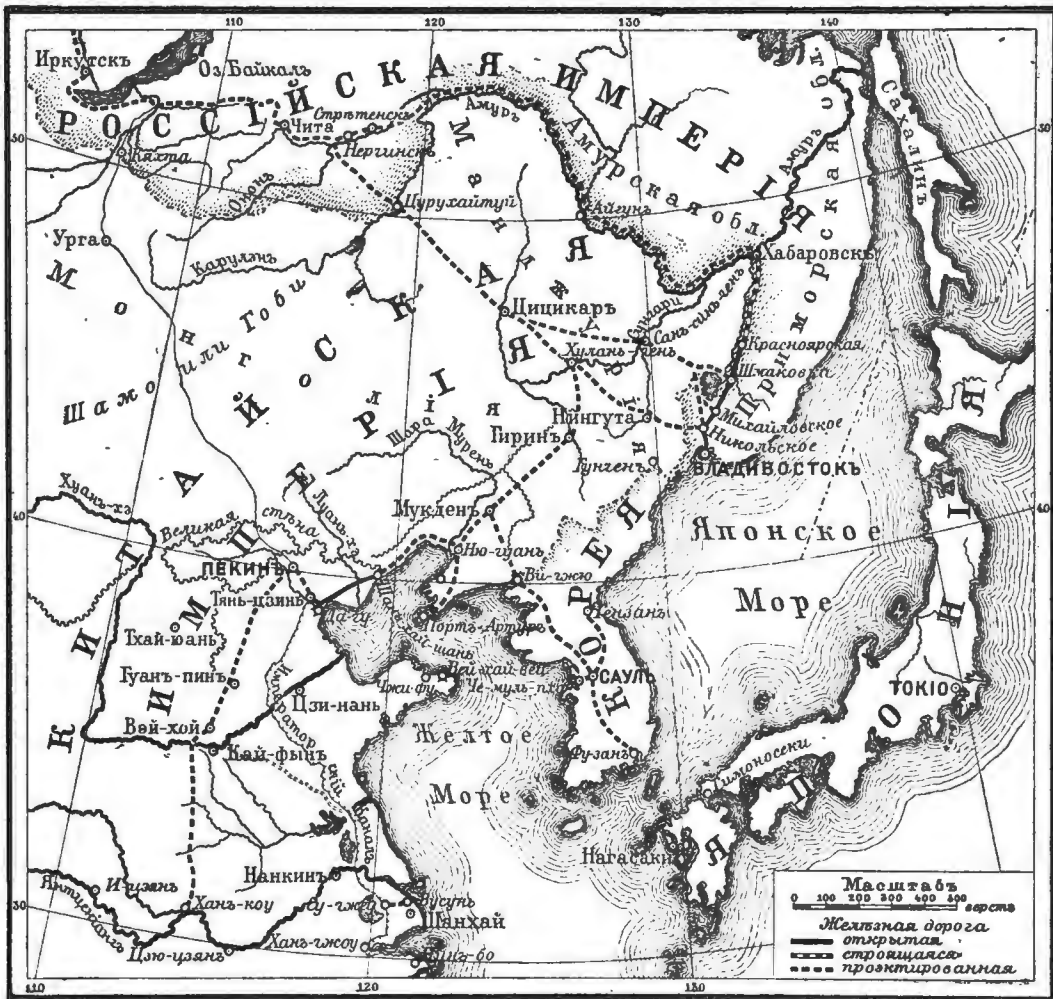
„Шуть“. Художественный журналъ съ картинками. Годъ изданія XIX. Цѣна въ годъ 7 р.

Комарнестическій журналъ *Шуть* вступилъ съ настоящаго года на совершенно новый путь, ставъ настоящимъ художественнымъ журналомъ съ картинками, выделяясь въ этомъ отношеніи надъ прочими комарнестическими журналами. Желая придать себѣ европейскую окраску, журналъ даже сталъ выходить одновременно на

русскомъ и французскомъ языкахъ, — сложивъ въ гардеробъ старинный свой кафтанъ русскаго шута гороховаго, онъ облекся во фракъ съ бѣлыми галстукомъ, не опасаясь притомъ нисколько потерять свою русскую душу“. Не знаемъ, можетъ-быть, это смѣшеніе языковъ отчасти и расширить кругъ читателей журнала, но важнѣе всего то, что журналъ обновился, не застылъ на одномъ мѣстѣ, а старается совершенствоваться главнымъ образомъ съ ху-

дожественной стороны. Этот прогресс в издании русского юмористического журнала достоин горячаго сочувствія, и нельзя не пожелать, чтобъ и другіе наши органы литературы и искусства, каждый въ своей области, обновлялись въ такой же мѣрѣ, въ какой это сдѣлалъ въ этомъ году *Шутъ*.

Мы до сихъ поръ не цѣнимъ юмористики, не сознаемъ ея значенія,—того, что юмористъ въ образѣ шута есть тотъ органъ мірозданія, который Правда избрала для проявленія себя въ мѣрѣ, послѣ неудачной попытки выходить въ народъ изъ колодца, въ костюмѣ Евы. Съ какинто непростительнымъ пренебреженіемъ относимся мы всегда къ юмористическимъ журналамъ, между тѣмъ какъ въ нихъ, право, встрѣтишь не меньше ума, чѣмъ во многихъ умныхъ книгахъ и журналахъ, притомъ ума тонкаго, живого. Не говоря уже объ иностранныхъ юмористическихъ журналахъ, занимающихъ почетное мѣсто въ „шестой части свѣта“—прессѣ, даже наши немногочисленные юмористические журналы сослужили свою службу литературѣ и обществу,—и въ ихъ рядахъ зародилось и возросло нѣсколько видныхъ литературныхъ талантовъ, которые могутъ съ благодарностью вспомнить пройденную ими юмористическую школу. Для того, чтобы достойно нести свою службу обществу, юмористическій журналъ долженъ столько же давать пищу уму, сколько и ласкать взоръ, быть, какъ въ своихъ карикатурахъ, такъ и по своему тексту, всегда художественнымъ. Къ этому именно, очевидно, стремится обновленный *Шутъ*,—если судить по вышедшимъ первымъ пяти номерамъ. Нѣкоторые рисунки, помѣщенные въ журналѣ, прямо-таки превосходны; къ такимъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ отнести цѣлныя иллюстраціи къ сказкѣ „Конекъ-Горбунокъ“ А. Афанасьева,

Карта восточно-китайской желѣзной дороги.

давно уже работающаго въ *Шутѣ* и *Осколкахъ*, и своими яркими набросочными рисунками давно снискавшаго себѣ извѣстность. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про помѣщаемые въ журналѣ портреты-карикатуры современныхъ дѣателей — въ нихъ слабо уловлено сходство и исполнены они плохо. Литографскій способъ воспроизведенія цѣлныхъ рисунковъ доведетъ въ *Шутѣ* до совершенства, что должно быть поставлено въ заслугу его издателя Р. Голике, исполняющаго въ то же время и обязанности редактора.

Разныя извѣстія.

— Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, отправляясь въ путешествие по Средиземному морю, 2 февраля, въ 1 часъ дня, изволилъ отбыть изъ Абастумана и того же числа въ 5 час. 30 мин. пополудни прибылъ въ Боржомъ. 6 февраля Его Высочество отбылъ изъ Ватума на собственной яхтѣ „Зарница“ въ Константинополь.

— 6 февраля, въ малой церкви Зимняго Дворца, совершено таинство Святаго Крещенія Его Высочествомъ князя Андрея Александровича. Восприимниками были: Государь Императоръ, Государыня Императрица Марія Феодоровна, великая княжна Ольга Александровна и великіе князья Михаилъ Николаевичъ и Николай Михайловичъ.

— Министерствомъ Финансовъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ законопроектъ объ отмінѣ взаимныхъ съ видовъ на жительство въ пользу казны сборовъ. Предполагается сборъ съ паспортовъ отмінный, бланки паспортовъ выдавать бесплатно, а за паспортныя книжки взимать только заготовительную стоимость въ размѣрѣ 15 коп. Выстъ съ тѣмъ, по сообщенію *Торж.-Пром.-Газ.*, предложено отмінить: выдачу мѣщанамъ, ремесленникамъ и сельскимъ обывателямъ паспортовъ срокомъ на три и шесть мѣсяцевъ, платныхъ билетовъ на отлучку, а равно мѣсячныхъ и двухмѣсячныхъ билетовъ.

— 2 февраля въ помѣщеніи судебныхъ установленийъ состоялось чествованіе извѣстнаго юриста-цивилиста, присяжнаго повѣреннаго А. Я. Пассовера, по поводу исполнявшагося двадцатилѣтія его адво-

катской дѣятельности. Привѣтствовать А. Я. Пассовера явился весь совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ и около 150 членовъ сословія. Предсѣдатель совѣта г. Листинъ прочелъ адресъ А. Я. отъ совѣта, другой адресъ былъ прочитанъ г. Никольскимъ отъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ два свѣтла нашей адвокатуры, В. Д. Спасовичъ и К. К. Арсеньевъ, привѣтствовали своего коллегу устно. Рѣчь В. Д. Спасовича была посвящена характеристикѣ А. Я. Пассовера, какъ адвоката и человѣка. К. К. Арсеньевъ познакомилъ собраніе съ своими воспоминаніями о дѣятельности А. Я. Пассовера. Въ заключеніе своихъ воспоминаній, г. Арсеньевъ заявилъ, что совѣтъ, чтобы увѣковѣчить имя А. Я. Пассовера, называя этимъ именемъ одну изъ конференцій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Но г. Арсеньевъ нашелъ это недостаточнымъ и выразилъ пожеланіе, чтобы рѣчи А. Я. Пассовера появились въ отдельномъ изданіи. Дѣйствительно, изданіе этихъ рѣчей какъ нельзя лучше можетъ увѣковѣчить дѣятельность А. Я., всегда отличавшагося скромностью и не искавшаго ни славы, ни популярности. А. Я. Пассоверъ ознаменовалъ 25-лѣтіе своей дѣятельности пожертвованіемъ на нужды своего сословія 3,000 руб.

— Извѣстный московскій благотворитель В. А. Вахрушинъ пожертвовалъ, по словамъ *Нос. Врем.*, для безплатныхъ квартиръ бѣднякамъ гор. Москвы огромный домъ на Волотой площади, обставивъ этотъ домъ мастерскими, школами и т.п., затратить на это дѣ-

ло до милліона рублей. Теперь въ этомъ благоустроенномъ домѣ уже проживаетъ 200 вдовъ и 600 сиротъ.

— Въ состоявшемся 24 января с. г. общемъ собраніи членовъ-учредителей „Союза взаимной помощи русскихъ писателей“ при „Русскомъ литературномъ обществѣ“, избранъ въ составъ комитета: Н. Ф. Анненскій, П. Д. Боборыкинъ, М. А. Загуляевъ, П. И. Исаковъ, Н. И. Карѣевъ, Д. Н. Маминъ, Н. К. Михайловскій, Л. Е. Оболенскій, Л. Ф. Пастелъзовъ, В. И. Семевскій, А. М. Скабичевскій и князь Э. Э. Ухтомскій. Въ послѣдовавшемъ того же числа засѣданіи, комитетъ избралъ изъ среды своей на 1897 годъ—предсѣдателемъ П. И. Исакова, товарищемъ предсѣдателя—Н. К. Михайловскаго, секретаремъ—Л. Е. Оболенскаго и казначеемъ—Л. Ф. Пастелъзова. Въ общемъ собраніи 7 февраля избраны были кандидаты въ членовъ комитета: П. И. Вейсбергъ, С. А. Венгеровъ, Я. Г. Гуревичъ и М. В. Крестовская. Въ члены суда чести избраны: К. К. Арсеньевъ, В. Г. Короленко, В. А. Манасонъ, А. Н. Бекетовъ, Вл. С. Соловьевъ, В. Д. Спасовичъ, Н. А. Потанинъ; въ кандидаты къ нимъ П. П. Фальцъ-Фетъ и Я. П. Полонскій. Въ члены ревизионной комиссіи избраны: В. Г. Яроцкій, А. М. Калмыкова, Г. К. Градовскій, В. П. Острогорскій, Н. А. Рубакинъ; въ кандидаты къ нимъ избраны: В. В. Воронцовъ и С. Н. Южаковъ.

— 2 февраля, въ Черниговской губерніи, на своемъ хуторѣ Мотроновкѣ, скончался извѣстный историкъ Малороссіи и писатель, другъ Гоголя, Пастелъ-Ильмонъ Александровичъ Кузашъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

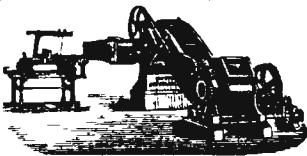
Котора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. игородскихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволить представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Превращеніе. Флорентинская новелла XV вѣка. Д. С. Мережковскаго. — Сны. Повесть Влад. И. Немировича-Данченко. (Окончаніе). — Въ рисункахъ: Дуэль. — Подъ рыцарской защитой. — Масленица. — Самообразный художникъ. — Тайкомъ въ маскарадъ. — Масленица. — Маленькіе пьерро. — М. И. Петина (съ портр.). — Восточно-китайская желѣзная дорога (съ картой). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — О перемѣнѣ адреса. — Объясненія. При этомъ № прилагается выпускъ „Еженѣдн. литературы. прилом.“ за Февраль.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

Въ залахъ Главнаго Управленія
ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА,
Инженерная ул., д. 9,
ОТКРЫТА
АБИССИНСКАЯ ВЫСТАВКА.
Входъ 30 коп., по понедѣльникамъ
1 р. въ пользу Краснаго Креста.

Людв. Федоровъ Шликъиземъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,
рекомендуетъ: кирпичедвигательныя
и торфяныя машины, прессы для вы-
дѣлки трубъ съ расрубками, чере-
панцы съ фальцами, брикетовыя; дабы:
патентов. Шаровыя мельницы для
измельченія и размала и одновремен-
наго просѣиванія материаловъ любой
крьпости, какъ-то: шпалотъ, цементъ,
шлакозъ, руды, костей, стекла, фос-
форитовъ и т. п. (44)

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ
СЛУЧАЙНЫЯ ВЕЩИ:
Мебель, картины, кіанки, рѣдкости, пол-
ныя обстановки и все проч.
А. Генке и К^о.
Москва, Пассаажъ Солодовникова (ходъ
отъ Неглиннаго).

МОСКВА
„ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“
Театральная площадь.
Центръ столицы. 200 ММ отъ 1 р.
Т. № 8706 и дороже. 26-29

ШИТЬЯ
всѣхъ министерствъ и ведомствъ, го-
товля и на заказъ, собственной золо-
тошвейной. **Заказываемыя отъ 25—**
50 р. дѣлаются съ прейс-куранта
3% скидки, свыше 50 р. 10%. По тре-
бованію подробный прейс-курантъ
вyslается бесплатно. При заказѣ
шитья просить обозначать объемъ ве-
рота на сантиметры или вершки.
Магазинъ
„МОРСЪ“ Спб., Невскій, 43-1,
уголъ Троицкой.

Карль Ивановичъ Вагнеръ,
Задовое заведеніе въ Ригѣ,
къ избѣть честь довести до свѣдѣнія
любителей, что
Каталоги сѣменяемъ и пр. на 1897 г.
зданы и выслаются по требов. бесплатно.
Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

CRÈME SIMON
(КРЕМЬ СИМОНЪ)
Crème Simon пре-
длестнаго запаха, не-
когда не портится,
служить для смягче-
нія кожи. Онъ упо-
требляется вмѣсто
Cold cream (кольды
крема).
Пудра Симонъ (la
poudre Simon) и мыло Симонъ (le
savon à la Crème Simon) имѣютъ
отъ же запахъ и дополняютъ его
дѣйствія.

Simon, 13, Rue Grande, Парижъ
Въ розницу продается у парик-
махеровъ, парфюмеровъ и анто-
реевъ.
P. № 9802 13-9

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
86
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ
въ Г. РИГѢ
изготавливать въ большихъ количествахъ и выборѣ всѣ сорта стальныя
перья превосходнаго качества.
Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ лавочкахъ и
автоныхъ конторахъ. Д. № 9859 13-6

Бильць, Гигиеническ. Лѣчебница.
Санаторіи Дрезденъ-Радобиль (Герм.).
2 врача. Особенно приспособлена для осени, и зимнаго лѣ-
ченія. Одна изъ самыхъ большихъ и прекрасн. гигиенич. лѣчеб-
ницъ Германіи. Лѣчение болѣзней женск. нервн., желудка.,
груди., назожи., полов. орган., астмы, ревмат., ожирѣн., малокр.
и т. п. Подр. объявленія—бесплатно. Владѣлецъ гѣв.—Ф. Е.
Бильць, авторъ преміров. соч.: «Бильць. Гигиеническ. лѣчение».

ВАЖНО для ДАМЪ!
КАЛОДЕРМА П. № 9875
11-5
Ф. ВОЛЬФЪ и Сынъ.
НЕЗАМѢНИМА для холи КОЖИ.
Продама въ лучшихъ пареюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Складъ фотографическихъ и оптическихъ принадлежностей

И. И. КАРПОВА
Спб., Михайловская ул., д. № 1-7, Еропейск. Гост.
Доводитъ до свѣдѣнія Гг. покупателей, что съ 1-го января сего года, для упрощенія,
у него производится откупъ товара по метрической системѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ
рецензи составовъ уже давно нинутся лишь по метрич. системѣ.
Получена большая партія американскихъ
ФОНОГРАФОВЪ,
которыми можно не только производить звуки по готовымъ фонограммамъ, но и самому
приготовить фонограммы. Имѣется выборъ музыкальныхъ пьесъ, максиметекъ, моно-
логовъ и пр., а также частые цилиндры для приготовленія фонограммъ. Принимаются
испорченныя цилиндры въ обточку. № 9925 2-2

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ ТОЛЬКО
ПУДРА „ГИГИЕНА“ РОСНОШНАГО
ЗАПАХА. 5-3
„ТОВАРИШЕСТВА ГИГИЕНА“ СПБ., Плом. Александр. театра, 8.
Москва, Никольская, д. Шерешетова.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37. ПРОДАЕТСЯ БЕЗЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на литературный сборникъ
„ПРИЗЫВЪ“

Подписная цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 60 к.
Въ Сборникѣ принимаютъ участіе выдающиеся силы литературы, науки, артисты
Императорскихъ театровъ, а также и частныхъ сценъ. Заглавный листъ работы про-
фессора Императорской Академіи Художествъ В. Е. Мавооскаго.
За вычетомъ расходовъ на издаваніе, треть выручки отъ продажи Сборника посту-
паетъ въ состояніе подлѣ **АВГУСТАЙШИМЪ** покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Русское Театральное Общество въ
Петербургѣ на образованіе импературъ, согласно § 3 Устава Общества.
Предсѣдатель Общества А. А. Потѣхинъ.
Дѣй треть въ состояніе подлѣ **АВГУСТАЙШИМЪ** покровительствомъ ИХЪ ИМПЕ-
РАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ Великаго Князя **СЕРГѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА** и Великой
Княгини **ЕЛЕНАВЕТЪ ОБОДОРОВНЫ** Обществомъ для пріобрѣтін престоарьныхъ и ле-
щенимыхъ способностей къ труду артистовъ и въ сенебствѣ въ Москвѣ, по слѣду-
ющему: одна треть поступаетъ въ основную капиталъ, согласно 12 статьи Устава Об-
щества, другая на особый фондъ, образующійся изъ спеціальныхъ пожертвованій на
содержаніе и пріобрѣтѣ въ „Убѣжищѣ“ артистовъ частныхъ русскихъ сценъ (статья
16 того же Устава).
Предсѣдатель Общества П. И. Пчельниковъ.

Сборникъ печатается въ ограниченномъ количествѣ и выдѣтъ Великимъ kostenъ
текущаго года. Но выдѣтъ въ свѣтъ, цѣна будетъ поминюна.
Подписка принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ:
Въ ТЕАТРАЛЬНОМЪ БЮРО по Тьер-
скому бульвару, уголь Ситанскаго пере-
улка, д. Арбатскаго, и въ книжномъ ма-
газинкахъ:
М. О. ВОЛЬФА. Кузнецкій мостъ, д.
Демидовыхъ.
Н. ГЛАЗУНОВА. Уголь Кузнецкаго и
Петровка.
Н. КАРВАСНИКОВА. Моховая, д. быв-
шей Кохъ.
М. КЛЮКИНА. Моховая, д. Беневендорфа.
Бр. САЛАЕВЪМЪ. Уголь Маслицкой и
Фурмановскаго пер.
А. СУВОРИНА. Магазины „Новаго Вре-
мени“, уголь Кузнецкаго моста и Неглин-
наго пробада, д. Шорной.
Въ книжномъ магазинѣ „ТРУДЪ“ на
Тверской.
Назаванія фирмъ любезно согласились
принимать подписку на Сборникъ „При-
зывъ“ безъ уступки % въ свою пользу.
Кромѣ того подписка принимается въ
конторѣ и редакціи журналовъ „ТЕАТРАЛЬ“,
на Страстной бульварѣ.
Въ редакціи и главной конторѣ „НО-
ВОСТЕЙ СЕЗОНА“. Москва, Петровка, д.
Пискарева.
Въ редакціи и конторѣ „ТЕАТРАЛЬ-
НЫХЪ ИЗВѢСТІЙ“. Москва, Тверской
бульваръ, Ситанскій переулочъ, д. Цо-
ляскаго. № 9859

Издатель Сборника Д. Гарниъ-Виндингъ.

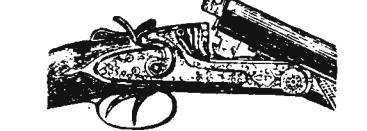
КРАСИВО вмучивается искій значимо
(посредствомъ переливомъ)
въ 15 уроковъ у
ПИСАТЬ профессора каллиграфіи
А. КОССОДО.
Методъ апробированъ на Парижской
всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ
золотой медалл.
За 2 семиклѣвочныя марки выслаются
пробное письме и условія, а за 4 семиклѣ-
вочныя марки высл. пробное письмо
ширистовъ, подробныя условія и образцы
исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ:
Профессору каллиграфіи Адольфу Мос-
содо въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

НОВО! ОРИГИНАЛЬНО!
ПРАКТИЧНО!

Особенно реком. изъ
предст. графид. Св.
Паска. Фотографіи,
портреты, сходства, въ
видѣ почтовыхъ ма-
рокъ, съ любого ори-
гинала, да маленыя
на аметы., подра-
вн., приглас., уфдомъ
карточка, на членск. и
почеты. билетм, да
медальоновъ и т. п.

25 шт. 2 р. 50 к., 50 шт. 4 р.
Фотографіи возвращаются. Магазины
А. КУНДЕРЪ, Невскій, 49/2,
уг. Владимирск. просп.
Приглашаются дѣят. агенты на выгодныхъ
условіяхъ. № 9949

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши на-
ружест. прейс-курантъ, высл. бесплатно.
Оружіевое магазинъ А. В. Тарновскаго,
Москва, Мясницкая ул., домъ Ситова.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.
Графа Е. А. Саласъ.
Историческій романъ времени воссо-
ствія на престолѣ и началѣ царствованія
императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч.
СПБ. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.;
съ коллѣктор. переизд. 3 руб. 75 коп., съ
пересыл. 3 руб. 25 коп.

НАКЛЮЧИШЬ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ
2 шт. 3 р. 75 к.
1 шт. 2 р.
ПОРТМОНЪ съ ШТЕМПЕЛЕМЪ.

изъ наилучшей черной оловяной загранич-
ной змѣлки, съ изысканн. дѣловъ съ 6
отдѣленіями, 1 внутреннимъ карманомъ
для записокъ и однимъ особо за-
крытымъ для денегъ. Корпусъ изъ одного
кусокъ съ механич. затворомъ, содержа-
ющимъ научучоный штмпелъ, съ подуш-
кой для краски.

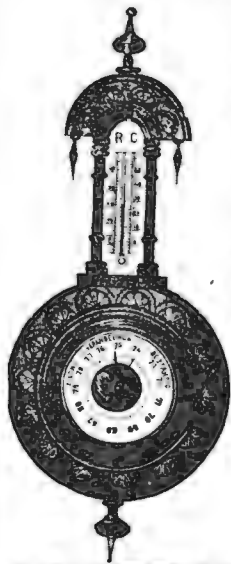
Въ штмпелѣ можно копѣвать нмъ, от-
чество, фамилію и знаніе, по желанію и по-
року. Наружная велич 2 1/4 X 1 1/2 вер-
Также дамскій, изыскан., разитростъ
1 3/4 X 1 1/2 вершка по тѣмъ же мѣрамъ.
Тѣ же изъ настоящей титановой стальной
материала. кожи шт. на 60 в. дѣрже.
БУМАЖНИКИ, изъ коихъ только добротъ
разныхъ сор. по слѣдующимъ мѣрамъ:

Прейс- курантъ сумма	Разм. сумм.		Цѣна въ руб.	Цѣна въ коп.
	Длина	Шир.		
Бюджетный	3	2 1/2	6	225
Купонный	3 1/2	2 1/2	7	250
Среднородный	4	3	9	350
Крупный	4 1/2	3	11	500
			5	700

Всѣ цѣны съ пересылкою въ Европейск.
Россію, въ Азіатск. же—съ прибавленіемъ
цѣны вѣзочн. Съ вложенными платоч-
ками на 10 коп. болѣе.

Въ контору фабрики
Америк. катуш. штмпеловъ
М. ФИШМАНЪ
ВАРИШАВА
БѢЛЫНСКАЯ 23.

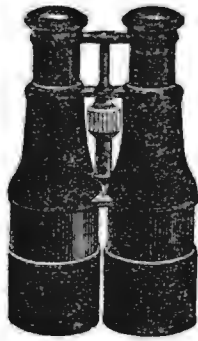

ВАРОМЕТРЫ-Ане-
роидъ съ термометра-
ми, провѣренные, въ раз-
ныхъ операвахъ, 47 см.
длины, отъ 8 рублей.

ВИНОКЛН для театра
и поля, съ большимъ по-
лемъ зрѣнія и сильнымъ
увеличен., отъ 3 р. 50 к.
до 80 рублей.

ОЧКИ и **ПЕНСНЕ** съ
лучш. стеклами, сталь-
ные 1 р. 25 к.; Double
(накладного золота), не
отличающіеся отъ золо-
тыхъ и не чернѣющіе,
4 рубля.

ОЧКИ и **ПЕНСНЕ** золотые 56 пр. отъ 7 р.

В. ПРЕТЦЕЛЬ,

премниъ **КАРЛЪ БОРХАРТЪ.**

Москва, Рождественка, домъ № 5.

ВЯЗАНОЕ ДЖУТОВОЕ БѢЛЪЕ
(ХЛОПЧАТО-БУМАЖНОЕ)

ОЧЕНЬ ПРОЧНОЕ, особенно рекомендуется лицамъ, не посещающимъ перестыного бѣлья.

ФУФАЙКИ КАЛЬСОНЫ

ТОННІЯ	- 85 к.	ЛЕГКІЯ	1 р. 15 к.
СРЕДНІЯ	1 р. -	ПЛОТНІЯ	1 р. 50 к.
ПЛОТНІЯ	1 р. 20 к.	ТОЛОТІЯ	1 р. 75 к.

Гг. иногороднимъ высылается за сумку по мѣрѣ 1 рубль. Цѣны безъ пересылки.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ БѢЛІЯ.

С.-Петербургъ, № 5, **ВЛАДИМИРСКАЯ**, № 5, близъ Графскаго.

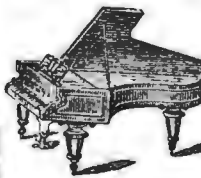
Для жѣнъ слѣдуетъ указать: Ц. № 9710 (8)
Для кальсоновъ: объемъ вокругъ носа (талия) и длину отъ носа до подошвы.
Для фуфайки: объемъ вокругъ груди подъ мышками.
Дополнительный прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

на Всероссийской выставкѣ въ Мининемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННАГО ТИТРА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1810 году
СНБ., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700,
600 и 550 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 600 и 480 р.
Прейсъ-куранты высылаются
бесплатно.

Дело въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захаркина; въ Ригѣ:
О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугана; въ Бѣлѣ: Ф. И. Шрейберъ; въ Тиф-
лисѣ: Б. М. Минималианъ. 13-9

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩІЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшего качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго
запаха. Раскатыльный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовый
кудръ неувядающій и неослабляющій.

ED. RINAUD
PARIS

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

С.-Петербургская Химическая
Лабораторія
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 21.

о-де-Колонъ двойной о-де-Колонъ тройной о-де-Колонъ тройной

Создана въ С.-Петербургѣ въ 1845 году. Прислуживаясь Императорскому двору, мы имеемъ честь и нынѣ служить высочайшему обществу.

НЕВСКІЙ ПР. № 21. НЕВСКІЙ ПР. № 21.

== НОВОСТЬ! ==
ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896-1897.

НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.

Популярѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ для ВСЕЙ РОССІИ ОНЛАДЪ

Высочайше ува. Товарищество **М. Блок**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА МОСКВА. ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Ковна, Ростовъ н/Д.

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Поставщиковъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
Лейпцигъ-Плагвицъ.

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго водонянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копеекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой непріятностей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при увеличенномъ потѣннн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Нижеспомянутые представители сообщаютъ, по желанію, гдѣ оно продается.

Тапфани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тимбейнъ, Рига. Фабианъ Кнингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

РУССКІЙ ПОДПИСКА на 1897 г. (III-я г. нѣд.)
роскошное иллюстриров. ежемѣсячное изданіе
ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

подъ редакціей Е. П. Головина и при участіи: Г. Анненкова, Л. Бергольца, А. Гершуна, А. Ермеева, проф. В. Курдюмова, В. Стрельцова, Ф. Шрадера, графа Турати, В. Турани, С. Юрковского и др.

Отдѣлы «Р. Ф. Ж.»: 1) Научно-популярныя и спеціально-техническія статьи по всѣмъ отраслямъ фотографіи и ея приложеніямъ. 2) Новыя изобрѣтенія. 3) Обзоръ иностранной литературы. 4) Сообщенія (отчеты объ экспедиціяхъ, экспедиціяхъ и т. п. - Выставки, - Хроника и др.). 5) Критика и библиографія. 6) Художественныя и литературныя приложенія. 7) Спросы и предложенія (въ этомъ отдѣлѣ обязанности фотографовъ пишущихъ и предлагающихъ мѣста печатаются бесплатно). 8) Отдѣлы редакціи.

Въ литературныхъ приложеніяхъ съ перваго № печатается: Условія и пріемы фотографированія портретовъ, А. К. Ермеева (со мног. иллюстр. въ цвѣтныхъ краскахъ). № 9953

Подписная цѣна: съ перес. и доставк. - 5 р. Подписка принимается въ конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Мошайская, 31 (исключ. для иногороднихъ); въ ея отдѣленіи, Денисовъ пер., д. 2, при магаз. А. Эбергардъ (бывш. Р. Ниле).

«Гунади Яносъ» представляетъ собою продуктъ природы.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА

СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго извѣстно.

Для нори. пріема достаточно 1/2 обмы. стакана.

Просимъ обра- щать вниманіе на нашу предо- хрантел. марку портрета, кото- рая неизменно находится на этикеткѣ каждой бутылки настоя- щей нашей воды.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

Ц. № 9157 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-9
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

НОТЫ всѣхъ дешевыхъ издавій русскихъ и иностранныхъ выслаются съ первой почтой. Переслана по почтѣ бесплатно.
у Ю. ГИЛЬНЕРЪ, Москва, Тверская, д. Варгина. П. № 9941

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOUZE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (92)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣловыхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Цесвай, 59.

ТРЕБУЙТЕ НА КАЖДОЙ ЖЕСТИЯНКѢ
АНТИПАРАЗИТЪ
ОТЪ КЛОПОВЪ
ТАРТАНОВЪ МЕТЪ
Л. СТОЛКИНДА
Продается въезд. Главн. складъ Москва, Алевский проездъ д. Смольянинова. Нижегород. Ярмарка, Главн. домъ №157. Л. А. СТОЛКИНДА.

П. № 9881 5-4

МОСКВА.
Тверская, домъ Толмачева.
ДЕПО настоящихъ американскихъ **ФОНОГРАФОВЪ Эдисона**
отъ 200 руб. до 600 руб. съ принадлежностями и нъсами.
НОВОСТЬ—Edison Home Phonograph для дома, конторъ и пр. 325 руб.
ГРОМДН. ВЫБОРЪ ЛУЧШИХЪ **ФОНОГРАММЪ.**
Запасныя части.
Собственная мастерская.
КИНЕМАТОГРАФЫ
проектир. на экранѣ оживленныхъ фотографій въ натуральную величину.
КИНЕТОСКОПЫ
оживленные фотографіи въ миниатюрѣ.
ИЕСЪ-ЛУЧИ
демонстрація новизненныхъ предметовъ.
Тверская, домъ Толмачева.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ.
ДЛЯ ВСКАРМЛИВАНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ
суррогатъ материнскаго молока.
Цѣна жестянки 1 р. 50 к.
СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.
Цѣна жест. 1 руб. 10 коп. 6-3
Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*
Оптовый складъ въ централ. депо пореззочныхъ и хирургич. матеріаловъ торговаго дома **АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ** въ С.-Петербургѣ, Горьковая, 33. Въ С.-Петербургѣ можно получить во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ
ДУХИ — ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
ДУХИ — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
ДУХИ — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
ДУХИ — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлсруэ.
Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Емлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Герца, Ламана и Ракса, А. Динке, А. Зиглунда. Въ Москвѣ: у гг. Миръ и Мордига, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Бруссъ, Д. Борхардъ, Р. Калеръ и К^о, Оскаръ Готлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. П. № 9886 13-7
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимиліановскій пер.

ЯИ ЛЮЛИ
САМОЙ ВАНИЛИ
ВЪ ПЕРВЪ КЛАССѢ
АССОРТИВЪ АНГЕРА.
ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРИЯТНАГО ВКУСА.
Общества *Берманъ и Сынъ*
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Ихъется въезд. Депо фирмы въ Москвѣ, Лубянская пл., д. Стр. О-ва „Россия“.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9851 26-4
на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).
На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Гербъ.
1860 Т.РА.РМ. С.ПЕТЕРБУРГЪ

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Спбурга.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪВЛОНЪ!

Обращать вниманіе на клеймо (звезда) съ фирмой.

Главное представительство Т-ва Проводникъ: Николай Э. Швейцаръ, Москва, Никольская, № 7.

Ш. № 9908 7-2

(Фабрики Карпентера въ 160 руб.)

ФИСГАРМОНИИ

известныхъ фабрикъ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ хорошихъ фабрикъ въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1000 руб.

Прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ВЫГРЫШ.

НМЕ 1, 2 и 3 займа продаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,** 59, Невскій, Спб. 10-4

РУССКІЯ ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

богѣ рѣдкія, бышія и не бышія въ употребленіи, также польскія и финляндскія, какъ и рѣдкіе цѣльные конверты постоянно покупаю. Предложенія только тогда принимаю во вниманіе, когда обозначены цѣны или приложены образцы. Уплата немедленно по полученіи. Г. Нейманъ. Имперское Германское Консульство. Ревель.

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПБ. Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
 Часы нѣмецкія отъ 3 р. 50 до 15 р.
 Часы французскіе отъ 11 до 25 р.
 Часы итальянскіе отъ 12 до 50 р.
 Часы швейцарскіе отъ 25 до 50 р.
 Регуляторы дежуриемъ на часъ.
 Завода отъ 17 до 50 р.
 Выслаю наложен. платежѣмъ. Иллюстр. прейсъ-куранты бесплатно.

Фабрика научныхъ инструментовъ и часовъ
И. Д. Левинсона
 въ Варшавѣ, Электротральная ул., № 17. Заказы исполняются скоро и аккуратно. Иллюстрированный прейсъ-курантъ по требованію бесплатно.

Большая золотая медаль Парижъ.
МАССА БЛАГОДАРЪ И ПОЧТИ ОТЗЫВОВЪ:
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ
 иногородныхъ и московскихъ **ВОСПРЕДѢТЬ. ЛЕКЦІИ. КОРРЕСПОНДЕНЦІИ** **ВНЕДѢЛО ЗАПЯТЫЮЩИХЪ УСТНОЕ ВРЕМЯ ДАВАНІЕ.** — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. **ПРОДАВАТЕЛЬ СОВѢЩАТЕЛЬСКИХЪ НАУКЪ С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ.**
 * МОСКВА * * БЕЗПЛАТНО *
 Большая Вутырская ул., д. № 27.

МАГАЗИНЪ, РАЗВѢСНА И СКЛАДЪ ЧАЕВЪ
 мосновскаго купца

И. Е. ДУБИНИНА.

(Фирма существуетъ съ 1886 года).

Москва, Покровка, д. Тяжелова (близъ новаго Курскаго вокзала).

Прейсъ-курантъ развѣснымъ чаямъ:

ЧАЙ КИТАЙСКІЙ:

	Цѣна розничн.	Цѣна оптова.
Фамильный	1.30.	1.10.
Фамильный душистый	1.40.	1.22.
Семейный высочій	1.60.	1.28.
Хуны ароматическій	1.80.	1.44.
Царская Роза бухтемія	2.	1.60.
Высокій Пуданговъ	2.20.	1.76.
Черный Ласингъ — зачаточный	2.50.	1.90.
Необычная рѣдкость (верки съ цвѣточ.)	2.80.	2.20.
Вогдиханскій любительскій	3.20.	2.50.

Чай для трапировъ, буфетовъ и лавочъ:

Кяхтинскій, съ сильными настоенъ	1.60.	1.25.
Кяхтинскій ароматическій	1.80.	1.35.
Особый любительскій съ цвѣточкомъ	2.	1.60.

ЧАЙ ЦЕЙЛОНСКІЙ:

(собственной выписки съ острова Цейлона.)

Розанетскій съ сильными настоенъ	1.60.	1.35.
Буветамъ чрезвычайно ароматный	2.	1.60.
Буветъ Ландина, рѣдкій сортъ	3.80.	2.20.

ЧАЙ ЯПОНОСКІЙ:

(единственное представительство для всей Россіи.)

Чай Броковъ съ сильными настоенъ и буветомъ	1.60.	1.35.
Чай Конгу мягкій и розанетскій	2.	1.60.
Чай Пенко самый высочій ароматный	3.80.	2.20.

Мы первые предлагаемъ вниманію русской публики японскій чай какъ новостъ и новостъ такого рода, которая стоитъ особаго вниманія любителей хорошаго чая.

Японскій чай по своимъ свойствамъ можетъ быть названъ среднимъ чаемъ между китайскимъ и цейлонскимъ, и, по нашему мнѣнію, лучше того и другого, потому что сильнѣе и ароматичнѣе китайскаго, и мягче и вкуснѣе цейлонскаго. Японскій чай чрезвычайно экономиченъ, скоро разваривается и даетъ продолжительный и вкусный настой. Бромъ того, онъ хорошо выдерживается вслѣдствіе воздуха, какъ колодезную, прудовую и рѣчную — на всякой водѣ одинаково хорошо.

По оптовой цѣнѣ чай высылается не меньше какъ три фунта разныхъ сортовъ китайскаго, цейлонскаго и японскаго или всѣхъ вмѣстѣ и какого угодно разбѣса. Японскій чай развѣсаны на 1 ф., 1/2, 1/4, 1/8 и даже по 6 и 3 золотника.

Для желающихъ познакомиться съ сортами нашихъ чаевъ мы отстраняемъ всякій рискъ, потому что какой же можетъ быть рискъ при выпискѣ трехъ фунтовъ да еще по оптовой цѣнѣ? При выпискѣ чая по оптовой цѣнѣ переслать идетъ на счетъ покупателя. При выпискѣ чая не меньше 50 ф. — особо выгодными условіями. Подробный прейсъ-курантъ и условія и описаніе японскаго чая желающихъ высылаются бесплатно.

Для научной экспедиціи въ Центральную Азію

просить поход. челоу. — 1000 руб., срокомъ на 2 года. Залогъ: золотки, но золотникъ (штычки, зѣны, etc.) — до 1500 №№, науки, и друг. книги — 3000 №№ и лѣтъ рукописей. Адресъ: С.-Петербургъ, Дѣловая, Староварожская просп., № 43. Натуралисту В.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ И К°.
 ПОСЪДІЯ ДЛЯ НОВОСТІ!
 ПАРФЮМЕРІА
ШАДАШЪ „САНЪ-ЖЕНЪ“.
 ♦ Духи. ♦ Пудра. ♦ Мыло. ♦
 ПАРФЮМЕРІА
„РОЗА ДА-ФРАНСЪ“.
 ♦ О-де-колонъ. ♦ Духи. ♦ Мыло. ♦
„ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДРАЖАНІЯ“.
 № 9909 3-2

ФОНОГРАФЫ, КИНЕТОГРАФЫ.

Складъ всѣхъ новостей Эдисона, большой выборъ пластинокъ напечатанъ и музыкальныхъ лучшихъ исполненій, громадный выборъ лентъ-картинъ для кинетографовъ и всѣ принадлежности. Прейсъ-курантъ бесплатно. Москва, Мясницкая, домъ Тульская подворья. 2-1

РИХАРДЪ ЯКОВЪ.

„ВЪ ЛЮБОВНОМЪ ЧАДУ“
 Эпизодъ изъ жизни артиста
ЭРНЕСТО РОССИ,
 перев. съ франц. И. М. Булацель.
 Складъ: Литейная, 49, Типографія „Надежда“.
 Цена 60 коп. Цена 60 к. п.

Новый прейсъ-курантъ иллюстр. за 1897 г.
 Оружіянаго Склада подъ фирмою: „Центральное депо оружія“
 Б. Коношенина, 29. Эд. Великъ. За приложеніемъ дается 7 к. почт. марокъ высыл. бесплатно. Много новостей.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
 С.-Петербурга, Невскій пр., № 25,
 страхуетъ
 билеты II-го Б°/о съ выигр. займа отъ тиража 1 марта 1897 г.
 по 1 руб. 15 коп.

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
 КОЛОКОННАЯ 18-19
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
 ДЛЯ ПОЛОСКАНІЯ ЗУБОВЪ
 И ДЕСЕННЫХЪ СЪВЪЖЕНІЯ РТА
 С. ПЕТЕРБУРГЪ

Большое депо часовъ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 НЕВСКІЙ ПР. № 42.
 С. ПЕТЕРБУРГЪ
 Прейсъ-кур. высыл. безплл.

Коллекція огорода: 25 к.
 50 к., 1 р. и до 4 руб. **СВѢЯТОТОРГОВАЯ ЕЛІНА**, г. Ивановъ, Та. губ., высылаетъ большіе прейсъ-куранты и образцы **СВѢЯНЪ**. См. объявленіе „Нива“ № 4. Коллекція кнѣжочныхъ: 1 р., 2 р., 3 р. и до 5 руб.
 Цѣны сощадоступныя, исполненіе скорое.

К. И. МЕЙЕРЪ
 ПЛОДОВЫЙ ПИТОМНИКЪ И САДОВОДСТВО
 Невск. Смыръ, соб. домъ. Весенній иллюстр. описательный каталогъ. Крупноцвѣтныя, вѣтвистыя георгинны, магноліи и пр. растениямъ высылаетъ и высылается по требов. бесплатно. Цѣны значительно пониженны. Также высыл. бесплатно Главн. или опис. каталогъ фруктовъ, деревьевъ, испол. земляники и пр. растений.

XXVIII г.

№ 8

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Выданъ 2-го февраля 1897 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на 1897 годъ. Подробности см. въ концѣ этого №.

„Наканунѣ 19 февраля 1861 г.“—Императоръ Александръ II у гробницы императора Николая I. Съ картины Н. С. Мусина-Пушкина (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) грав. Шюблеръ.

Голубой платокъ.

(Изъ записокъ выздоровѣшаго.)

Разсказъ

К. К. Случевского.

Есть ли что на свѣтѣ пріятнѣе чувства выздоровленія? Вѣроятно, что-либо подобное должна испытывать куколка гусеницы, становящаяся бабочкой: тяжкій грузъ всякихъ оболочекъ опадаетъ съ возрождающагося организма, и то, отчего куколка или больной не могли отдѣлаться ни во спѣ, ни на яву, ни въ чудовищныхъ скитаніяхъ мысли, руководимой бредомъ, спадаетъ, ссыпается долой, какою-то шелухой, становящеюся совершенно чуждою вамъ. Вы взглянули! На дворѣ опять весна, опять цвѣты, опять вѣянія надежды, и вы не робкій ползунъ, не безпомощный волосатикъ, — вы способны воспринять весну во всю ширь и свободу вашего полета, вы можете двигаться ей навстрѣчу, тогда какъ въ бреду вы не имѣли никакой воли, не могли шевельнуться и, что еще хуже, вы сознавали это свое безсиліе.

Но, во сколько разъ выше, лучше, несравненно лучше, отдѣлаться не отъ простой болѣзни, а отъ психологическаго разстройства, признать себя опять полноправнымъ человѣкомъ и смѣнить свой сѣрый больничный халатъ на обычное людское платье. Я сказалъ бы даже, что если бы быть увѣреннымъ въ выздоровленіи, то

можно бы временно сойти съ ума, только для того, чтобы познать всю цѣлу жизни, вернувшись къ ней изъ безумія.

Исторія моего сумасшествія очень проста: молодость, любовь, препятствія, борьба съ неожиданнымъ исходомъ, а затѣмъ долгая болѣзнь и счастливое выздоровленіе. Кажется, очень не много основныхъ элементовъ: пять или шесть, но вѣдь и красокъ или цвѣтовъ въ солнечномъ свѣтѣ столько же, а какое разнообразіе всего того, что существуетъ, и всего того, что существовало за всѣ вѣка. Могущество Бога видно ярче всего въ безконечности сочетаній; что передъ ними неисчислимость міровъ и видовъ животныхъ и растений и все болѣе и болѣе уменьшающееся количество простыхъ тѣлъ; если такъ много возникало, возникаетъ и возникнетъ во вѣшности міра изъ сочетаній семи красокъ солнечнаго спектра, то сколько способны произвести сочетанія въ семь разъ большаго количества простыхъ тѣлъ?

Вотъ уже третій годъ что я совершенно здоровъ. Прежде, ближе ко времени выздоровленія, я не любилъ думать и, тѣмъ болѣе, говорить о моемъ сумасшествіи, но теперь, чувствуя себя совершенно обезпеченнымъ отъ всякаго повторенія болѣзни, я даже люблю думать о прошедшемъ.

Въ рукахъ у меня дневникъ, который я вель, будучи сумасшедшимъ. Интересная вещь. Я писалъ его будучи „№ 3“ въ отдѣленіи спокойныхъ, и писалъ очень старательно, хотя и недолго. Главный врачъ, Иванъ Андреевичъ, недавно умершій, чудеснѣйшій, сердечнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, иногда просилъ меня прочесть ему что-либо изъ моихъ писаній, и я читалъ ему отрывки.

— Очень, очень вы меня радуете!—говорилъ онъ мнѣ.

— А что?

— Да то, что мы съ вами скоро на волю выйдемъ, и чудесно проживемъ.

— А куда же я голову-то съ голубымъ платкомъ дѣну?—спрашивалъ я.

— Да, да... голову... въ голубомъ платкѣ... помню, помню я эту голову!—договаривалъ за меня докторъ.— А развѣ голова эта все такъ же часто, какъ прежде, является къ вамъ?

— Ахъ, докторъ, да вѣдь я сколько разъ говорилъ вамъ, что она ко мнѣ вовсе не является, а что она постоянно гдѣ-нибудь подлѣ меня, и не въ одномъ мѣстѣ, а въ нѣсколькихъ,—гдѣ только есть какое-нибудь остріе, чтобы ей можно было приткнуться. Да, вотъ, посмотрите: видите я держу перо, а на немъ... однако ея сегодня нѣтъ почему-то,—договаривалъ я, ощупывая верхній конецъ пера рукою.

— Такъ видите ли, голова иногда уходитъ отъ васъ?—отвѣтилъ докторъ, покачивая своею головою.— Это хорошо, хорошо...

— Да... кажется, иногда исчезаетъ, какъ сейчасъ; этого прежде не бывало.

— Уйдетъ, уйдетъ совсѣмъ! повѣрьте намъ!—проговорилъ онъ, вставая, чтобы покинуть меня.

— А не замѣчаете ли вы, что голова все меньше становится.

— Меньше?

— Да, сообразите и скажите мнѣ объ этомъ завтра.

Помню очень хорошо, что, желая послушать любимаго доктора, котораго я цѣнилъ какъ друга, какъ брата, я, видя передъ собою голову, не разъ думалъ, какъ бы мнѣ измѣрить ее? а что, если онъ правъ, и она въ самомъ дѣлѣ уменьшается? вѣдь это выздоровленіе?

Теперь я этой головы больше не вижу; это была голова той дѣвушки, которую я любилъ и которая такъ мощно повліяла на всю мою жизнь. Голова эта теперь не появляется...

Надобно вамъ сказать, что дневникъ свой началъ я уже будучи „№ 3“. Перечитывая его, я замѣчаю, что въ немъ много неопредѣленности, потому что то и другое казалось мнѣ въ то время до того простымъ,

понятнымъ, обыкновеннымъ, что я вовсе даже не упоминалъ о немъ. Если, напримѣръ, писатель захочетъ описать какой-нибудь обѣдъ, то онъ непременно скажетъ о томъ, что столъ былъ накрытъ, кто и какъ собрались на обѣдъ, а я „№ 3“ считалъ послѣднее совершенно излишнимъ, само-собою разумѣющимся: если обѣдъ, такъ, значить, есть и накрытый столъ, и обѣдающіе. Мнѣ кажется, что логика сумасшедшихъ быстрѣ логики здравыхъ людей: они перескакиваютъ черезъ нѣкоторыя переходныя заключенія мысли, и если они иногда сердятся чаще здоровыхъ, такъ это потому, что они обижаются ихъ непонятливости.

I.

Прежде чѣмъ раскрыть читателю нѣсколько страницъ моего дневника, я, все-таки, долженъ ознакомить его въ общихъ чертахъ съ его происхожденіемъ и съ тѣмъ, что было причиною того, что дневникъ появился на свѣтъ.

Мнѣ было девятнадцать съ небольшимъ лѣтъ, когда я, кончая коммерческое училище и давно уже готовясь войти въ торговья дѣла отца, влюбился. Мой отецъ принадлежалъ къ міру торговому: онъ былъ маклеромъ и, какъ таковой, жилъ не бѣдно. Большинство нашихъ знакомыхъ были русскіе и иностранные коммерсанты или купцы, но я помню также очень хорошо двухъ военныхъ генераловъ, игравшихъ на биржѣ не хуже любого биржевого зайца; лицо одного изъ нихъ, и его фамилія, были, несомнѣнно, еврейскаго происхожденія и на вискахъ его нѣчто въ родѣ пейсиковъ.

Влюбился я въ молодую и хорошенькую гувернантку, взятую къ намъ въ домъ для моихъ сестричекъ. Жилъ я у отца и имѣлъ особое съ особеннымъ входомъ помѣщеніе. Гувернантка поправилась мнѣ при первомъ взглядѣ на нее. Ее звали m-me Тереза. Парижанка, невысокаго роста, очень миловидная, словно выточенная изъ слоновой кости, снабженной розовымъ самосвѣщеніемъ. Голубые глазки смотрѣли довѣрчиво, говорила она немного нараспѣвъ, имѣла прелестный голосокъ и распѣвала хорошенькія пѣсенки. Помню, что особенно хорошо слагались онѣ у нея, когда она пѣла безъ аккомпанемента фортепіано; это отличительная черта жителей деревни, сельчанъ, которые поютъ въ поляхъ и лѣсахъ какъ птицы небесныя, не таская съ собой ни фортепіано, ни гитары. Почему обладала этою способностью Тереза, не знаю, но пѣла она безъ аккомпанемента лучше.

Это было первое, что подѣйствовало на меня. Долженъ сказать, что опернаго пѣнія, пѣнія хороваго я не люблю, но одиночная, одноголосная, или двухголосная пѣсенка легко одолеваетъ меня.

Конечно, это было опущеніемъ или недосмотромъ со стороны моихъ родителей, что они, имѣя въ домѣ взрослага сына, взяли хорошенькую гувернантку, а взявъ ее, не предполагали никакой опасности. Какъ-то очень скоро, чуть ли не недѣли три спустя послѣ водворенія въ нашей семьѣ Терезы, я уже прискивалъ случая оставаться дома и ловилъ возможность быть подлѣ нея. Я уже началъ даже, чего никогда не дѣлалъ прежде, клеить корбочки и лошадокъ моимъ младшимъ сестричкамъ; Тереза клеила очень хорошо и при этомъ распѣвала пѣсенки, которыхъ я заслушивался.

На дворѣ стоялъ іюнь мѣсяцъ. Мы жили на дачѣ на Крестовскомъ, въ то далекое время не особенно людномъ. О пароходахъ не было и рѣчи, и даже не возникалъ еще знаменитый Тайвани, со своими, никогда не исполнявшими срочныхъ рейсовъ пароходами, пыхтѣвшими во всю Неву; особенно звучно пыхтѣлъ, какъ я помню, снабженный огромною трубою „Петръ I“. Сообщались тогда съ Крестовскимъ только при посредствѣ извозчиковъ или своихъ лошадей, и кто ѣздилъ туда на дачу, тотъ отдѣлялся отъ города довольно

таки основательно, не то что теперь. У самого моста, если съѣхать на Крестовскій съ Елагина, стоялъ на правой сторонѣ огромный деревянный трактиръ, сгорѣвшій при послѣднемъ большомъ пожарѣ; о Крестовскомъ садѣ не было и помина, о роскошныхъ дачахъ—тоже; Излеръ только еще основался въ своемъ длинномъ деревянномъ баракѣ на мѣстѣ нынѣшней Аркадіи.

Но все, что касается собственно острововъ, всей роскоши Невы, бѣгущей отдѣльными рукавами вдоль исѣхъ чудесныхъ насаждений и парковъ дворцоваго вѣдомства,—все это уже имѣлось налицо и высылось почти такъ же, какъ теперь. Въ нихъ было тихо, сравнительно съ прошедшимъ, когда тутъ, на Крестовскомъ островѣ существовала знаменитый увеселительный садъ графа Разумовскаго, а на Выборгской Сторонѣ имѣлись сады Строганова и Безбородко, а на Елагиномъ островѣ, называвшемся до того Мельгуновымъ, владѣльцемъ былъ гофмаршалъ И. П. Елагинъ.

Надобно вамъ сказать, что этими историческими свѣдѣніями обязанъ я покойному отцу моему, любившему, помимо своихъ обязательныхъ биржевыхъ дѣлъ, изслѣдованія старины. Къ великому сожалѣнію, въ тѣ далекіе дни, ни о *Русскомъ Архивѣ*, ни объ *Историческомъ Вѣстникѣ*, ни о *Русской Старинѣ* и помина не было, а то отецъ мой сталъ бы зачитываться ими.

Говорить, что въ теперешнее время многія французженки и швейцарки ѣздятъ въ Россію только повидимому и для педагогическихъ цѣлей, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы такъ или иначе устроиться, сдѣлать карьеру. Я думаю, что это ложь, потому что въ совсѣмъ юныхъ дѣвушкахъ расчеты, подобные этому, были бы ужаснымъ развратомъ мысли. Но, что очень юные годы, удаленіе отъ родины, сравнительная свобода и, наконецъ, всемогущество и безкопечный космополитизмъ молодой любви должны вліять на процентное содержаніе многихъ печальныхъ исторій съ гувернантками, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Жизнь на Крестовскомъ въ тотъ годъ была для меня восхитительна, и если бы не страхъ переэкзаменовки, являвшійся мнѣ всюду помѣхою, то, конечно, эти два три мѣсяца были бы самыми розовыми. Я помню очень и очень хорошо, что съ самыхъ первыхъ проявленій моей любви къ Терезѣ, дѣвушка эта никогда не представлялась мнѣ иначе, какъ моею будущею женою. Можетъ-быть, въ тѣ далекіе годы, юноши по двадцатому году, кончавшіе образованіе, думали и мечтали чище, чѣмъ юноши нынѣшніе. Въ общемъ, это, вѣроятно, такъ, потому что многихъ воспитательныхъ элементовъ послѣдняго времени не существовало, и, чтобы не быть длиннымъ въ доказательствахъ, стоить сказать, что даже оффенбаховской оперетки еще не нарождалось, а скромный Поль-де-Кокъ считался романистомъ развратнымъ. Тереза представлялась мнѣ, какъ я сказалъ, моею будущею женою; какъ и почему такъ скоро,—объяснить трудно, но фактъ несомнѣненъ.

Строгость въ домѣ нашемъ была большая, въ особеннѣе со стороны мамы, на половину нѣмки и пуританки до конца ногтей. Сначала ей и въ голову не приходило предполагать что-либо между ея старшимъ и единственнымъ сыномъ и гувернанткою. По правдѣ сказать, намъ и скрывать-то было нечего, но тѣмъ не менѣе, изъ боязни чего-то, мы наши взаимныя сочувствія отъ другихъ все-таки скрывали. Особенно долгихъ, душевныхъ бесѣдъ съ Терезой и имѣть не могъ, но переписка дополняла остальное. Почталономъ служила одна изъ щелей уединенной скамейки на Елагиномъ острову, въ которую мы прятали свои письма и назначали, гдѣ и какъ можно видѣться. Когда я, чтобы получить подобное письмо, подходилъ къ скамьѣ, садился на нее и, просунувъ руку подъ сидѣнье, къ боковой ножкѣ скамьи, ощущивалъ бумажку, сердце во мнѣ стучало сильно-сильно. То

же самое заявила и Тереза въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Не знаю, какъ и что случилось бы дальше, если бы не два препятствія сразу, два черныхъ генія въ розовомъ свѣтѣ нашей молодой, чистой любви. Эти два черныхъ генія хорошо характеризуются въ слѣдующихъ двухъ сценкахъ.

Моя двоюродная сестрица Маша, лѣтъ восемнадцати, недурненькая собою, очень шустрая, уже недѣли двѣ послѣ прибытія къ намъ въ домъ Терезы, имѣла со мною слѣдующій разговоръ:

— Ну, что, милый кузень, какъ дѣла?—спросила она однажды, выйдя со мною послѣ обѣда въ садъ и гуляя по одной изъ прямыхъ дорожекъ.

— Какія, Маша, дѣла?—спросилъ я.

— Какія? Ну, конечно, сердечныя.

— У меня—сердечныя дѣла!

— Охъ, скажите, какой невинный! Ужъ лучше бы вы не скрывали.

— Да я ничего рѣшительно не скрываю, Маша,—отвѣтилъ я и при этомъ почувствовалъ, какъ быстро и сильно прилила кровь къ моимъ щекамъ.

— Ага! покраснѣлъ, покраснѣлъ!—проговорила она скороговоркою.—Зачѣмъ покраснѣлъ? Зачѣмъ?

— Однако, Маша, я не знаю, что ты за вздоръ говоришь!..

— Нѣтъ, не вздоръ!.. Честь и мѣсто уступаю,—проговорила она, завиди Терезу, подходившую съ двумя сестричками изъ боковой аллеи, къ намъ наперерѣзъ.

Сдѣлавъ реверансъ на половину мнѣ, на половину въ сторону Терезы, она юркнула назадъ и, какъ я видѣлъ, быстро присѣла къ нашимъ старшимъ, усѣвшимся послѣ обѣда передъ балкономъ, къ сторонѣ Невы.

„Чего же это она, въ самомъ дѣлѣ?—думалось мнѣ.— Съ какого права? На какихъ основаніяхъ? Ужъ не ревность ли?“

О другомъ черномъ геніи узналъ я отъ самой Терезы, очень скоро вслѣдъ за этимъ. Въ двѣ недѣли разъ она имѣла право уходить на одно изъ воскресеній къ своимъ роднымъ. Живя въ городѣ, я пользовался, по возможности, этими днями, чтобы, хотя на часокъ, на два, погулять съ нею; здѣсь, на дачѣ, это было невозможно.

Наступило одно изъ свободныхъ воскресеній, и я печально сообразилъ, что болѣе сутокъ не буду видѣть ея, не буду подлѣ нея. Она уходила обыкновенно послѣ завтрака, часу въ первомъ. Такъ было это и теперь, но, къ великому моему отчаянію, она прошла мимо меня, не остановившись, какъ обыкновенно, и глаза ея были заплаканы.

— Что же такъ холодно провожаете ее?—спросила вдругъ кузина Маша, подскочившая ко мнѣ, видимо ожидавшая ея ухода, пожелавшая видѣть, какъ мы простимся, и подошедшая ко мнѣ со стороны крыльца.

— Да вамъ то что за дѣло, Маша?!—рѣзко проговорила я и думалъ было, не стѣсняясь ничѣмъ, пойти вслѣдъ за Терезой и спросить ее о причинѣ слезъ, но, сдѣлавъ шага три, остановился какъ вкопанный.

Я быстро осилилъ себя.

— Ну, бѣгите! бѣгите!—говорила Маша.

Сдержавъ себя отъ дальнѣйшаго и видя, что отрицать дѣйствительность будетъ безцѣльно, я все-таки коварно уязвилъ кузину. Тихонько подойдя къ ней и наклонясь надъ ухомъ, я промолвилъ:

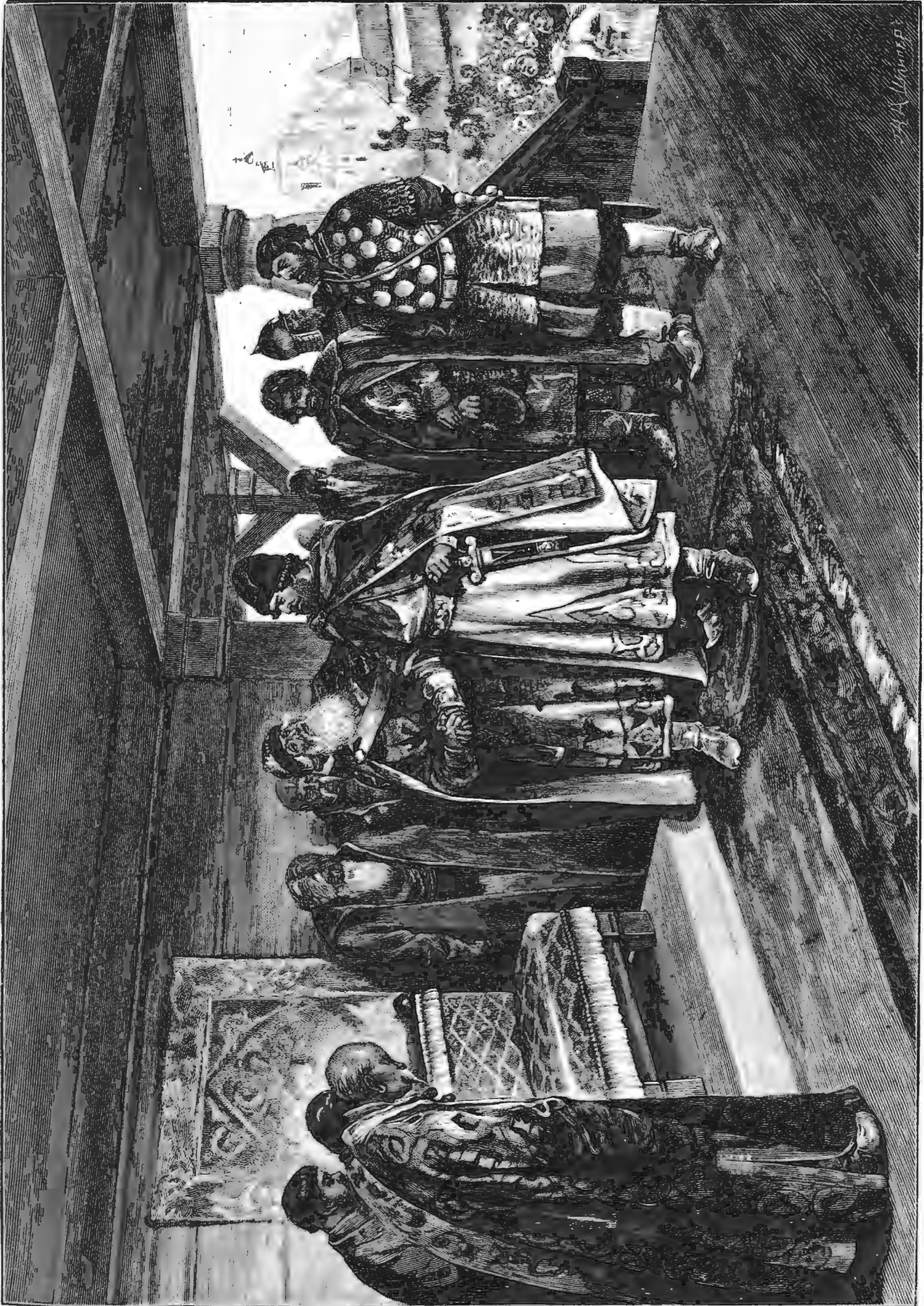
— Ревнуете!

Слово было направлено мѣтко и ядовито. Но, все-таки, надобно сказать, что Маша была первымъ, а не вторымъ чернымъ геніемъ нашихъ розовыхъ дней; вторымъ была горничная, соглядатай мамы.

Проводивъ глазами Терезу и увидѣвъ, что она направляется на мостъ, то-есть, непремѣнно къ нашей завѣтной скамьѣ, я порѣшилъ, что письмо ко мнѣ бу-

Три покоління. Сь картини Э. Форги грав. Цехомскій.

Князь Изяславъ Мстиславичъ предлагаетъ миръ и дружбу дядѣ своему Вячеславу.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) К. А. Лебедева, грав. Шляперъ.

дети и что тогда краснота ее глаз и необычность прощания объяснятся. Надо было выждать. Во дворе у нас поднималась голубятня, и я направился к ней. Голубей очень любила матушка, и у нас были экземпляры превосходные; хвалить голубей при ней, — значило ей понравиться. Хотя все голуби состояли на особом попечении хозяйки дома, но, в видъ исключительнаго благоволенія, ключъ отъ голубятни имѣла въ своемъ распоряженіи, кромѣ мамы, ея горничная, Агаѣя, жена камердинера отца, женщина лѣтъ сорока, невысокаго роста, очень юркая, ловкая, не имѣвшая дѣтей.

Когда я подошелъ къ голубятнѣ—Агаѣя находилась въ ней и, вооруженная граблями и щеткой, перетирала жерди и чистила гнѣзда; голубей въ голубятнѣ не виднѣлось, кромѣ двухъ большихъ, одного изъ которыхъ подшибъ ястребъ. Агаѣя улыбалась.

„Отчего это та плакала, а эта улыбается? — вдругъ мелькнуло у меня по мысли.—Тоже черныи геній!“ — думалось мнѣ.

Спросивъ о какихъ-то пустякахъ Агаѣю, пройди затѣмъ на конюшню и задавъ нѣсколько глупѣйшихъ вопросовъ кучеру, я вышелъ съ задняго двора въ переулокъ. Неожиданно встрѣтилъ я отца, возвращающагося съ рыбной ловли и, такъ какъ въ сѣткѣ его поблескивала рыба, то я зналъ, что онъ въ духѣ. Вообще онъ былъ гораздо добрѣе матери и никакого страха къ себѣ не возбуждалъ; воли у него не было никакой, и онъ привыкъ подчиняться матушкѣ безпрекословно и даже хвасталъ этимъ.

— Куда ты? — спросилъ онъ.

— Да такъ себѣ, самъ не знаю, — отвѣтилъ я, думая о скамьѣ.

— А не хорошо, братъ, ты дѣлаешь! — быстро сказалъ отецъ, остановившись передо мною и опустивъ удилще и сѣтку съ плеча. — Зачѣмъ бѣдную дѣвушку портишь?

— Какъ, портишь, папаша! Какую дѣвушку?

Мой вопросъ былъ, конечно, глупъ, но естественъ.

„Такъ вотъ куда зашло? — думалось мнѣ. — Такъ скоро! Неужели кузина? Но, вѣдь это подло!“

— Я, собственно, — говорилъ отецъ, — давно замѣчалъ что-то, но все сквозь пальцы смотрѣлъ. Мамаша зорче меня и, надобно тебѣ сказать, не хорошо, не хорошо... Ты бы лучше о переэкзаменовкѣ думалъ.

— Но что же я сдѣлалъ, папаша? Что же она-то сдѣлала?

— А вотъ ты у мамы спроси, она лучше меня отвѣтитъ.

— Но плакать-то зачѣмъ заставлять? — быстро проговорилъ я, вовсе не понимая непрактичности и неумѣстности моего вопроса.

— Кого плакать заставлять? Кого? — спросилъ отецъ. Я молчалъ.

— Нѣтъ, ты, братъ, лучше это дѣло брось. Вотъ и кузина замѣчаетъ... Вѣдь эти все французенки, вѣдь онѣ вашего брата ловить, ну, и она тебя ловить...

— Кузина, папаша, ловить меня, а не она! — рѣзко отвѣтилъ я.

— Кузина? Мама? Да ей тебя ловить не зачѣмъ! Она тебѣ, а не ты ей лакомый кусокъ, потому что пятьсотъ тысячъ денегъ на улицѣ не валяются, а опекуны и, и у меня онѣ сквозь пальцы не уйдутъ. Не хорошо, не хорошо! — повторилъ отецъ и, поднявъ на плечо удилще и сѣтку, пошелъ къ дому.

„Ну, теперь, — думалось мнѣ, — можно идти, времени прошло достаточно, и, прежде всего, къ объясненію причины слезъ“.

Я двинулся въ путь къ парку по переулку, мимо трактира, и шелъ необычайно медленно для того, чтобы никто и подумать не могъ, что я иду въ погоню за Терезой.

„Бѣдная Тереза! — думалось мнѣ. — Если мнѣ такъ

тяжело, такъ вѣдь ей, бѣднягѣ, дѣвушкѣ, на чужбинѣ, сиротинкѣ—еще хуже“.

Направляясь къ скамейкѣ, я нѣсколько разъ останавливался и оглядывался: не слѣдятъ ли, въ особенности кузина? По правдѣ сказать, я ужасно боялся того, чтобы Тереза почему-либо не вздумала остановиться и, еще много хуже, чтобы она не ожидала меня на скамейкѣ. Я соображалъ даже, какъ это будетъ ужасно, если придетъ моя мать и насъ застануть. Я рѣшился бы тогда на многое, это несомнѣнно, но, тѣмъ не менѣе, почувствовалъ себя очень довольнымъ, когда замѣтилъ издали, что наша скамейка пуста, и что далеко кругомъ по дорожкамъ никого не видно. Мелькнула также во мнѣ одна мысль: „вѣдь могла бы Тереза ждать меня, должна была бы ждать!“ Но эта мысль немедленно погасла.

Вотъ она скамья! Скорѣе къ щели... Письмо есть— вотъ оно. Выдернувъ его, оглядѣвшись и раскрывъ, я прочелъ написанное, объяснившее мнѣ ехидную улыбку Агаѣи. Она наговорила мамашѣ Богъ знаетъ что, даже совершенно небывалое, о какихъ-то хожденіяхъ моихъ по ночамъ подъ окномъ гувернантки, и мамаша предупредила Терезу, что ей, при такихъ условіяхъ, оставаться въ домѣ нельзя.

„Значить, прогнали! — думалось мнѣ. — Пожалуй, не вернется! Я тогда тоже убѣгу изъ дому... я брошу училище... я прямо-таки женюсь...“

Подъ грохотъ осаждавшихъ меня мыслей, я—были такія мгновенія — лишался всехъ внѣшнихъ чувствъ своихъ и весь уходилъ въ соображеніе.

Сидя на скамьѣ, я опустилъ голову и глядѣлъ на песокъ. Вдругъ, волею-неволею, я вздрогнулъ, почувствовавъ на плечѣ моемъ какую-то тяжесть, и поднялъ голову: надо мною стояла милая Тереза, съ голубымъ, хорошо знакомымъ мнѣ, платкомъ-пледомъ на плечахъ. Въ тѣ дни, довольно далекие, ношеніе пледовъ смѣнило ношеніе турецкихъ и персидскихъ шалей, и пледы были не такіе, какъ сегодня, но болѣе яркихъ, простыхъ цвѣтовъ.

Наши отношенія съ Терезою оставались такъ чисты, что мнѣ и въ голову не вошло броситься къ ней, расцѣловать, обнять. Я только схватилъ ее руку и, не вставая со скамьи, жарко, учащенно цѣловалъ ее. Я былъ такъ счастливъ, такъ счастливъ...

— Садитесь! — проговорила я.

— Нѣтъ, некогда, и не слѣдуетъ. Вы видите, извозчикъ ждетъ меня; я нарочно нашла его и подѣхала съ другой стороны, чтобы въ каждую минуту имѣть возможность уѣхать. Я возвращусь къ вамъ въ домъ, но съ меня взяли слово, что дальнѣйшихъ сношеній у насъ не будетъ. Ухаживайте за кузиною—это нужно, а что дальше будетъ—увидимъ. По рукамъ, да или нѣтъ, мой дорогой? — договорила она.

— Ухаживать за кузиной, для отвода глазъ!.. По рукамъ!

Мы простились; перейдя съ нею поперекъ газона на дорогу, я посадилъ ее на извозчика и, безконечно счастливый, вернулся домой. Только подходи къ воротамъ, сообразилъ я, что мнѣ надобно быть скучнымъ, и я сталъ скучнымъ. Не легко было также начать ухаживать за кузиною, но я обѣщалъ.

Близилась осень, и въ концѣ августа почти весь Крестовскій съѣхалъ съ дачи. Крестовскій лѣсъ и Елагинскій паркъ, и Каменный островъ значительно опустѣли, и гуляющихъ даже по праздникамъ оказывалось мало. Скоро предстояла мнѣ переэкзаменовка, и я, благодаря тому, что больше всего любилъ сидѣть дома, имѣлъ полную возможность подготовиться къ ней. Я и Тереза сознательно избѣгали встрѣчъ и разговоровъ, но тѣмъ искреннѣе шла переписка, при посредствѣ скамьи. Не дурно, очень не дурно, такъ казалось мнѣ, обращался я по-

вымъ способомъ съ кузиною: я, дѣйствительно, ухажи-
вала за нею, и какъ безконечно дорогъ былъ мнѣ
взглядъ Терезы, украдкою бросаемый на меня, съ мол-
чаливымъ одобреніемъ. Повидимому, не поддавалась
нашему обману только одна суровая мамаша, относив-
шаяся къ Терезѣ и ко мнѣ чрезвычайно холодно; Агаѣя
продолжала появляться то тутъ, то тамъ, и ехидно
улыбалась. Но кузина Маша положительнѣйшимъ обра-
зомъ торжествовала и, гордая своею побѣдою, даже не
бросала на Терезу обычныхъ язвительныхъ взглядовъ.

Какъ теперь помню день 26 августа; это былъ ка-
пунъ нашего отъѣзда. Часу въ четвертомъ направился
я къ заветной скамейкѣ, ожидая найти письмо, весьма
для меня важное, такъ какъ въ немъ намѣчалась про-
грамма: какъ и гдѣ видѣться намъ предстоящею осенью
и зимою. Я долженъ былъ найти это письмо въ скамѣ
еще вчера, но не нашелъ его, и это меня немного без-
покоило. Значительно порѣдѣвшая листва давала воз-
можность видѣть по парку гораздо дальше, чѣмъ лѣ-
томъ, и такъ какъ день былъ совершенно безоблачный,
блестящій, то я и замѣтилъ, къ великому моему недо-
вольствію, что мнѣ навстрѣчу, по дорожкѣ, отъ скамьи,
идеть кузина Маша. Когда мы поровнялись съ нею,
она остановилась.

— Вы лгунъ!—быстро и рѣзко произнесла она, упорно
глядя мнѣ въ глаза; легкая судорога пробѣжала по ея
хорошенькимъ губамъ, а рука торопливо повертывала
красный зонтикъ, лежавшій на ея плечѣ.

Я молчалъ и не зналъ что отвѣтить.

— Эта скамейка хорошо знакома вамъ, милый ку-
зень!—проговорила она, оглядываясь въ сторону скамьи,
мимо которой она только что прошла и къ которой я
направлялся.

— Я васъ не понимаю!

— Ну, такъ поймете! У меня въ карманѣ письмо
Терезы къ вамъ, вполне достаточное, чтобы погубить
дѣвушку, если она намѣрена остаться честною. Если
бы я хотѣла погубить ее, мнѣ стоило бы только на-
править это письмо куда слѣдуетъ и когда слѣдуетъ,
въ Парижъ, или въ то мѣсто, куда она вамъ назна-
чаетъ будущую зиму на свиданія приходить!

— Я пойду туда! я буду тамъ!—рѣзко прогово-
рилъ я.

— Нѣтъ, вы не пойдете!

— Пойду.

— Васъ въ Петербургѣ не будетъ!

— Какъ такъ: меня не будетъ?—отвѣтилъ я, дѣй-
ствительно озадаченный.

— Очень просто: вы уѣдете за границу. Да, вы по-
ѣдете за границу или, иначе, Тереза будетъ опозорена,
и сумѣю опозорить ее, послѣ того безсовѣстнаго обмана
вашего, который, какъ оказывается, пустили вы со мною
въ ходъ, по ея сочиненію и въ ея видахъ... Я имѣю
право опозорить ее!

— Какъ?! И вы посмѣете?..

— О! когда оскорблено мое самолюбіе такъ, какъ
оскорбили его вы, съ наущенія m-He Терезы, то о сред-
ствахъ не думаютъ... Слушайте, кузень: что я васъ
люблю, я думаю, вы это давно замѣтили, но то, что
я люблю васъ такъ, чтобы не уступить кому-либо дру-
гому, въ этомъ вы можете быть увѣрены съ настоя-
щей минуты, когда я говорю вамъ это. Выбирайте!..

— Если бы то, что совершалось со мною, имѣло мѣсто
раньше, я, вѣроятно, сдержалъ бы себя и свои выра-
женія, но теперь, когда сердце и воля во мнѣ давно
наболѣли, когда я мучился судьбою приближавшейся
зимы, когда мнѣ все чаще и чаще стала приходить въ
голову ужасная мысль о томъ, что, вѣдь, я могу ли-
шиться Терезы, что она, милая, умная, красивая и крот-
кая, легко можетъ встрѣтить человѣка болѣе свобод-
наго и болѣе рѣшительнаго, чѣмъ я, и тогда все кон-
чено... я сдержать себя не могу.

— Если я лгунъ,—отвѣтилъ я,—то вы... вы...

— Безчестна, не такъ ли?—договорила кузина.

— Да!—громко отвѣтилъ я.

Немного покачавъ головою, кузина пошла по дорож-
кѣ, и я двинулся рядомъ съ нею.

— Ваше письмо нашла я вчера на дорожкѣ, почти
подъ этою скамьею; я цѣлыя сутки думала о томъ, что
мнѣ дѣлать.

— Вы сказали кому-нибудь о немъ?

— Пока-что нѣтъ, но дальнѣйшее будетъ зависѣть
отъ васъ. Я много передумала.

— Что же я долженъ сдѣлать?

— Вы должны сдать экзаменъ и немедленно уѣхать
отсюда.

— Но вѣдь я еще не кончаю курса.

— Это ничего, это вы потомъ сдѣлаете!.. Папаша
пошлетъ васъ теперь въ Лейпцигъ, на практику, къ
одному изъ крупныхъ тамошнихъ коммерсантовъ; вы
останетесь за границею ровно годъ... Тереза должна
остаться здѣсь, именно въ вашемъ домѣ.

— Но какъ же я заставляю ее?

— Вы предложите ей на выборъ способъ дѣйствія.

— Но вѣдь это ужасно будетъ, это будетъ для неѣ
пыткой!

— Какъ хотите... впрочемъ, она можетъ и не оста-
ваться у васъ въ домѣ, если хочетъ, это мнѣ все равно...

— Ну, а черезъ годъ?—спросилъ я.

— Черезъ годъ совершится то, что нужно, и если
вы дѣйствительно поймете нечестность вашего образа
дѣйствій относительно меня, то поправите ошибку вашу.

— А если нѣтъ?

— Если нѣтъ, то письмо, находящееся у меня въ
карманѣ, будетъ отправлено въ Парижъ, къ родителямъ
Терезы... Выбирайте!

— Дайте мнѣ подумать,—пробормоталъ я.

— До завтра?

— Можетъ-быть немного подольше...

Дальнѣйшій путь къ дому шли мы молча и не замед-
лили встрѣтить Терезу съ обѣими сестричками, быстро
побѣжавшими къ намъ навстрѣчу.

— Можете теперь же поговорить съ Терезой, — не-
ожиданно сказала кузина, — я отведу дѣтей въ сто-
рону.

Я чувствовалъ, что мысли мои начинаютъ путаться;
я вполне сознавалъ, что кузина обращается со мною
какъ съ мальчишкою, и изъ-за Терезы не прекословилъ
ей и повиновался такъ, какъ повинуются ребенокъ стро-
гой нянькѣ. У меня сіяла въ полной ясности одна
только мысль: спасти Терезу во что бы то ни стало.

Моя милая Тереза была до крайности поражена,
когда я, подойдя къ ней, немедленно сообщилъ, что мнѣ
нужно съ нею говорить и что кузина взялась на это
время присмотрѣть за дѣтьми. Могу себѣ представить,
какъ забилося сердце Терезы!

Сообщивъ ей суть всего совершившагося, я спро-
силъ ее:

— Тереза! любите ли вы меня?.. Любите ли такъ,
какъ я васъ?

Она опустила голову, смотрѣла молча въ землю и,
ничего не отвѣчая, подняла свои глаза въ сторону къ
кузинѣ, занимавшей чѣмъ-то дѣтей.

— А любить ли она васъ?—тихо проговорила она,
глядя на кузину. — Если она васъ дѣйствительно лю-
бить... оставьте меня теперь же... оставьте, потому что
я не въ силахъ мучиться больше, и потому что, вѣ-
роятно, мы не суждены другъ другу...

— Любить она, или не любить меня,—отвѣтилъ я,—
это мнѣ все равно, но я-то ненавижу ее.

— Правда?

— Клянусь.

— Но вѣдь она очень богата!

— Богъ съ нимъ, съ богатствомъ.

— И на ваши слова можно рассчитывать?—спросила Тереза, поднявъ на меня свой глубоко-бархатный взглядъ.

— Да! навсегда!

— Вѣрно это?

— Вѣрно.

— Тогда вы должны ѣхать за границу... на годъ, не больше, я отпускаю васъ... я думаю ждать васъ какъ слѣдуетъ, но, конечно, не въ вашемъ домѣ...

Такого быстрого и рѣшительнаго заключенія я никакъ не ожидалъ, и оно словно рѣзнуло меня по сердцу. Мгновенно и одновременно, и каждое съ полною силою, заговорили во мнѣ многія-многія чувства; слышались въ нихъ: и досада, и ревность, и сомнѣніе, и безконечное обожаніе, и многое другое, и я былъ потрясенъ, глубоко потрясенъ. Послѣ краткаго молчанія я проговорилъ не громко:

— А потомъ что... черезъ годъ?

— А потомъ: или мы будемъ счастливы, или мы разойдемся съ вами, и навсегда...

— Но, вѣдь, цѣлый годъ, это ужасно, вы подумайте!

— Мнѣ будетъ тяжело, чѣмъ вамъ, — отвѣтила Тереза.

— Васъ заклюютъ... васъ продадутъ... васъ обманутъ... воскликнулъ я.

— Никогда... поѣзжайте на годъ. Это нужно, чтобы сохранить васъ для вашей семьи. Я не хочу входить

въ семью съ тѣмъ, чтобы увести съ собою одного изъ дѣтей ея... васъ!

— Но будете ли вы мнѣ вѣрны? — быстро проговорилъ я, съ горячностью, свойственною очень молодымъ годамъ, и заключилъ въ этихъ немногихъ словахъ всю суть противорѣчивыхъ чувствъ, меня одолевавшихъ.

Теперь, когда я пишу это и скоро представлю выписки изъ дневника моего, который я велъ, будучи психически больнымъ, когда прошло много, много лѣтъ, я вспоминаю съ благоговѣніемъ тогдашнюю прямолинейность и естественность моихъ чувствъ къ милой Терезѣ. Въ концѣ концовъ меня страшило больше всего не то, что я покидалъ дѣвушку, любимую мною, что ей будетъ очень тяжело, что наступитъ тяжелыя минуты одиночества, что я, наконецъ, много виноватъ въ этомъ ближайшемъ будущемъ, а то, что не измѣнить ли она мнѣ. Да вѣдь и измѣнить-то, собственно говоря, было нечему; мало ли кто кому правится, но изъ этого ничего не выходитъ, и въ отношеніяхъ моихъ къ Терезѣ не было никакихъ темныхъ пятнышекъ.

Я ожидалъ отвѣта на мой послѣдній вопросъ.

— Кончили вы, наконецъ, говорить! — закричала намъ издали кузина.

Вмѣсто отвѣта мы направились навстрѣчу къ ней по той дорожкѣ, по которой пришли, и молча, не говоря ни слова, дошли тихонько до дому, разговаривая иногда только съ бѣгавшими подлѣ насъ дѣтьми.

(Продолженіе будетъ.)

Превращеніе.

Флорентинская новелла XV вѣка.

Д. С. Меремновскаго.

(Окончаніе.)

Въ числѣ несостоятельныхъ должниковъ, въ тюрьмѣ находился одинъ старый, почтенный человекъ, по имени Паоло ди-Санта-Кроче, бывший судья, опытный легистъ, славившійся глубокой ученостью по многимъ отраслямъ человѣческаго знанія, главнымъ же образомъ по церковному и гражданскому праву. Паоло раньше не былъ знакомъ съ Верзилою, но, видя его мрачнымъ, постоянно вздыхающимъ, погруженнымъ въ раздумье, вообразилъ, что бѣдняга сокрушается о долгахъ, и пожелалъ нѣсколько утѣшить его:

— Ты такъ горюешь, Магтео,—молвилъ онъ,—какъ будто дѣло идетъ о твоей жизни; а между тѣмъ, судя по тому, что я слышалъ,—долгъ твой ничтожный. Въ несчастіяхъ никогда не слѣдуетъ терять присутствіе духа. Отчего ты не пойдешь за кѣмъ-нибудь изъ друзей своихъ или родственниковъ и не попробуешь заплатить кредитору, или, по крайней мѣрѣ, войти съ нимъ въ соглашеніе, чтобы тебѣ выпустили на волю, и чтобы тебѣ совсѣмъ не впасть въ отчаяніе?

Когда Верзила услышалъ, съ какой добротой утѣшаетъ его судья, то рѣшился открыть ему свое горе. Онъ отвелъ ученаго мужа въ сторону, въ дальній уголъ двора, гдѣ никто не могъ ихъ слышать, и здѣсь, то и дѣло боязливо оглядываясь, обратился къ нему съ таинственнымъ видомъ:

— Хотя вы не знаете меня, досточтимый сеньоръ, я, однако, слышалъ о васъ и знаю, что вы—человекъ ученый и благородный. А потому я рѣшилъ открыть вамъ причину моей горести. Не думайте, пожалуйста, что меня сокрушаетъ забота о какомъ-нибудь пустякомъ долгѣ, о нѣтъ! Тутъ, видите ли, дѣло иного рода...

И, обливаясь слезами, какъ ребенокъ, рассказалъ онъ ему съ начала до конца все, что съ нимъ произошло со вчерашняго вечера, и заключилъ свою необыкновенную исповѣдь двумя просьбами: во-первыхъ, чтобы Паоло ни съ кѣмъ не говорилъ о его признаніи, во-вторыхъ, чтобы онъ далъ ему какой-либо добрый советъ или оказалъ помощь.

— Я знаю,—прибавилъ Верзила,—что вы цѣлые годы изучали право въ Болонскомъ университетѣ и прочли множество книгъ, въ которыхъ рассказывается о всякихъ чудесахъ и приключеніяхъ. Скажите же мнѣ на милость, случалось ли вамъ читать во всѣхъ этихъ книгахъ о чемъ-либо подобномъ?

Бѣдный Верзила, ожидая отвѣта, смотрѣлъ на стараго законовѣда широко открытыми, недоумѣвающими глазами, полными слезъ и надежды. Паоло, услышавъ это признаніе и обдумавъ все про себя, пришелъ къ тому заключенію, что надо допустить одно изъ двухъ: или что онъ имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ, или что все это (какъ оно и было на самомъ дѣлѣ) злая флорентинская шутка. И въ томъ, и другомъ случаѣ судья считалъ благоразумнымъ не противорѣчить Верзилѣ, а потому немедленно отвѣтилъ, что неоднократно читалъ въ старыхъ книгахъ о подобныхъ превращеніяхъ одного человека въ другого, и что это случай обыкновенный.

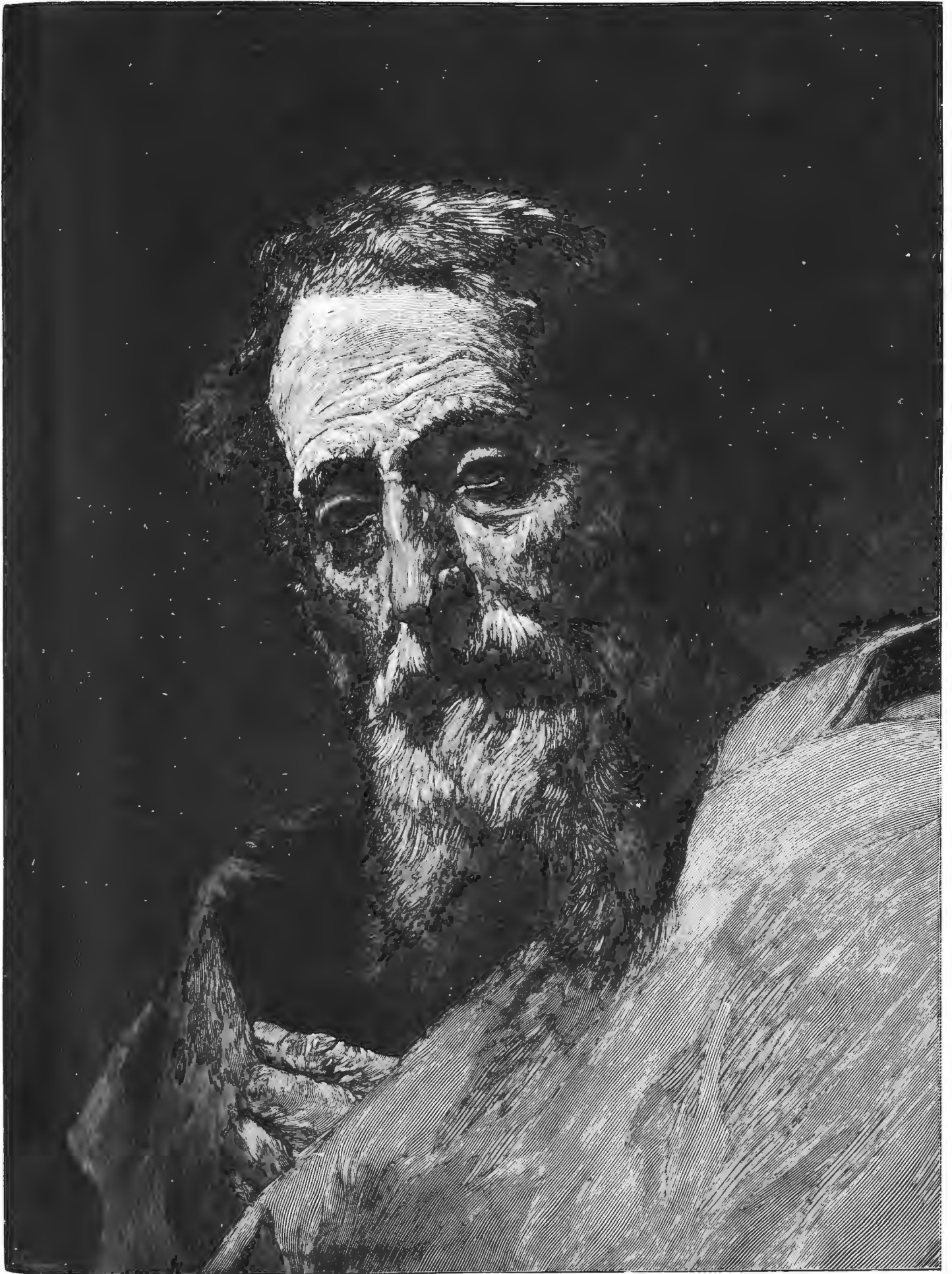
— Собственными глазами,—прибавилъ онъ,—видѣлъ я однажды романьолскаго поселенина, съ которымъ приключилась точь-въ-точь такая же неприятная исторія, какъ съ тобой.

Верзила поблѣднѣлъ и не находилъ, что отвѣтить.

— Божественный Гомеръ,—продолжалъ ученый невозмутимо,—рассказываетъ о такомъ же превращеніи спутниковъ Улисса и многихъ другихъ, которыхъ очаровала колдунья Цирцея. По знаменитой поэмѣ латинскаго поэта Овидія Назона о „Метаморфозахъ“ видно, съ какою необычайною легкостью люди превращаются не только въ звѣрей и въ растения, но и въ неодушевленные предметы, какъ, наиримѣръ, въ скалы, планеты, рѣки и тому подобное.

Верзила слушалъ, выпучивъ глаза, открывъ ротъ, затаявъ дыханіе, и можно было подумать, что съ нимъ начинается Овидіева метаморфоза, и онъ сейчасъ превратится въ дерево или статую.

— Впрочемъ, ты не предавайся безмѣрному отчая-

Св. Варооломей. Съ картини Рибера грав. Гусманъ.

нию,—успокаивалъ Паоло бѣдпягу,—судя по тому, что я слышалъ и читалъ, если только память мнѣ не измѣняется, случается иногда, что потерпѣвшій метаморфозу возвращается къ прежнему образу. Но, конечно, довольно рѣдко, и тѣмъ меньше надежды, чѣмъ дольше пребываетъ онъ въ своей новой оболочкѣ.

— Скажите, пожалуйста, — полюбопытствовалъ Верзила,—ежели я превратился въ Маттео, то что же случилось съ нимъ, со старымъ Маттео?

— Несомѣнно,—отвѣтилъ ученый,—Маттео превратился въ Верзилу.

— Ну, хорошо,—молвилъ столяръ,—мнѣ, однако, было бы интересно увидѣть, каковъ-то этотъ новый Верзила.

Среди такихъ разговоровъ наступило послѣобѣденное время. Двое братьевъ Маттео пришли въ долговую тюрьму и спросили нотаріуса-казначея, не находится ли въ заключеніи ихъ братъ, по имени Маттео, и какъ великъ долгъ, за который его задержали, ибо они, молъ, его братья и желаютъ заплатить, чтобы Маттео выпустили на свободу. Нотаріусъ, участвовавшій въ разговорѣ, такъ какъ онъ былъ закадычнымъ другомъ Томмазо Пекори, отвѣтилъ, что дѣйствительно Маттео находится въ тюрьмѣ, сдѣлавъ видъ, что перелистываетъ тюремныя книги, и сказалъ:

— Онъ посаженъ въ долговую тюрьму за такую-то и такую-то сумму, по требованію такого-то и такого-то кредитора.

Все это Верзила слышалъ и видѣлъ со двора.

— Мы желали бы,—сказали братья,—поговорить съ Маттео, а потомъ доставить деньги.

И, подойдя къ тюрьмѣ, попросили одного изъ заключенныхъ, который смотрѣлъ въ окошко:

— Будь добръ, скажи Маттео, что пришли братья, чтобы освободить его изъ тюрьмы. Мы желали бы съ нимъ переговорить.

И, заглянувъ въ окошко, они узнали судью Паоло ди-Санта-Кроче, который бесѣдовалъ съ Верзилою. Услышавъ, что его спрашиваютъ братья, онъ спросилъ законовѣда, что случилось съ его романолюскимъ поселенникомъ, и когда Паоло сказалъ, что превращенный уже никогда не возвращался къ своему первоначальному виду, то Верзила еще болѣе опечалился, подошелъ къ рѣшеткѣ и поздоровался съ гостями.

Старшій изъ братьевъ молвилъ такъ:

— Ты помнишь, Маттео, какъ часто мы совѣтовали тебѣ бросить дурную жизнь, которая несомнѣнно приведетъ и тѣло, и душу твою къ гибели. Бывало, то и дѣло, предостерегали мы тебя: „ой, смотри, Маттео, что ни день, навязываешь ты себѣ на шею все новые и новые долги, сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ, никому не платишь, и вслѣдствіе безумныхъ тратъ, до коихъ доводитъ тебя игра и другіе скверные пороки, у тебя нѣтъ въ кармапѣ ни одного солда“. Видишь, любезный, то, что мы предсказывали, исполнилось. Кредиторы упрятали тебя въ долговую тюрьму... Легко ли это намъ, братьямъ... а? Какое пятно для честнаго нашего имени!.. Слушай, вотъ мы говоримъ въ послѣдній разъ, Маттео, и ты хорошенько заруби себѣ это на носу: на гадкія прихоти ты уже расточилъ цѣлое сокровище, а потому, если бы не заботы о нашемъ добромъ имени и о твоей бѣдной матери, которая молить за тебя и не даетъ намъ покоя, мы оставили бы тебя здѣсь покорнѣе, чтобы ты нѣсколько пришелъ въ себя и опомнился. Но ужъ такъ и быть, еще на этотъ разъ мы тебя освободимъ и уплатимъ долгъ; но смотри, ежели ты опять сюда попадешь, то придется тебѣ посидѣть здѣсь дольше, чѣмъ хочется. Пока объ этомъ довольно. Мы придемъ за тобой сегодня вечеромъ къ Ave Maria, въ сумерки, когда на улицахъ мало народу, для того, чтобы какіе-нибудь знакомые не увидѣли насъ въ тюрьмѣ, и чтобы не было лишнихъ

свидѣтелей нашего стыда и намъ не пришлось еще болѣе краснѣть за тебя.

Верзила, сдѣлавъ видъ раскаявшагося грѣшника, отвѣтилъ имъ благоразумными словами и торжественно обѣщалъ исправиться, измѣнить жизнь и отказаться отъ гадкихъ расточительныхъ привычекъ, чтобы болѣе не причинять такого стыда ихъ честному дому. Онъ умолялъ ихъ ради Христа не покидать его въ долговой тюрьмѣ и придти въ условленный часъ. Они повторили обѣщаніе и удалились, а Верзила отошелъ въ сторону и молвилъ такъ законовѣду:

— Все болѣе удивительныя вещи происходятъ со мною, мессеръ Паоло: только что были здѣсь двое братьевъ того самаго Маттео, за котораго меня всѣ принимаютъ, говорили со мною, какъ съ Маттео, и прочли мнѣ цѣлое нравоученіе, пообѣщавъ сегодня, въ сумерки, къ Ave Maria, придти сюда и освободить меня. Но вотъ вопросъ,—прибавилъ онъ въ горькомъ недоумѣніи,—если меня отсюда выпустятъ, куда же я дѣнусь? Въ мой домъ я уже не могу вернуться, ибо тамъ живетъ Верзила, и начни я только съ нимъ объясняться,—меня непремѣнно сочтутъ за помѣшаннаго и подымутъ на смѣхъ, ибо я вѣдь знаю, какой бѣдовый народъ эти флорентинцы. Съ ними надо держать ухо востро. А съ другой стороны, мнѣ теперь кажется несомнѣннымъ, что Верзила живетъ въ моемъ домѣ, у Санта Репарата, ибо если бы его тамъ не было, то, конечно, моя матушка стала бы меня всюду искать, и только потому, что видитъ Верзилу, не замѣчаетъ она своей горестной ошибки.

Паоло съ трудомъ удержался отъ смѣха, и эта великолѣпная, истинно флорентинская шутка, въ которой онъ узнавалъ руку большого мастера, какимъ и былъ на самомъ дѣлѣ строитель Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско, доставила ему не малую утѣху.

— Не ходи въ свой домъ,—посоветовалъ онъ Верзилѣ,—а ступай за тѣми, которые считаютъ себя твоими братьями. Слушайся ихъ и дѣлай, что они тебѣ скажутъ. Ужъ если, братъ, на то пошло, то теперь главное—окончательно и, такъ сказать, чисто-на-чисто превратиться въ Маттео, чтобы въ тебѣ отъ Верзилы и духу не осталось!

Верзила покорно, но тяжело вздохнулъ: ему было жаль себя; какъ ни какъ, а онъ, все-таки, любилъ Верзилу: ему казалось, что этотъ новый столяръ Манетто ни за что не окончитъ, какъ слѣдуетъ, начатаго херувима въ рамѣ изъ чернаго дерева и, пожалуй, перепортитъ всю работу. Онъ готовъ былъ плакать отъ грустной нѣжности къ старому Верзилѣ.

Наступилъ вечеръ, пришли братья Маттео и сдѣлали видъ, что удовлетворяютъ кредитора, уплачиваютъ тюремной кассѣ и получаютъ расписку. Тогда нотаріусъ всталъ, взялъ связку ключей, подошелъ къ двери и спросилъ въ окно:

— Кто изъ васъ Маттео?

Верзила выступилъ впередъ и произнесъ:

— Съ вашего позволенія, мессеръ, я самый и есть Маттео...

Нотаріусъ посмотрѣлъ на него пристально и сказалъ:

— Вотъ эти твои братья уплатили долгъ: ты свободенъ, Маттео.

И онъ открылъ ворота тюрьмы, выпустилъ Верзилу и молвилъ:

— Ступай съ Богомъ!

Такъ какъ было уже темно, то мнимые братья поскорѣ повели его въ свой домъ у Санта-Феличита, въ переулкѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ подъемъ къ Санъ-Джіоржіо. Они вошли съ нимъ въ комнату нижняго этажа, вровень съ землею, и сказали:

— Посиди-ка здѣсь до ужина, Маттео.

И притворились, что дѣлаютъ такъ, не желая пускать

сына на глаза больной матери, чтобы не разстраивать ее на ночь.

Одинъ изъ братьевъ остался посидѣть съ Верзилою, а другой, тѣмъ временемъ, пошелъ къ приходскому священнику Санта-Феличита, ихъ духовному отцу, который былъ немного простоватъ, но человѣкъ прекрасный. И братъ сказалъ ему такъ:

— Я прихожу къ вашей милости съ полнымъ довѣріемъ, какъ это водится между добрыми сосѣдями. Надо вамъ сказать, что насъ у матери трое братьевъ, изъ которыхъ одного зовутъ Маттео. За нѣкоторые неплаченные долги посадили вчера этого самаго Маттео въ тюрьму, и заключеніе должно-быть такъ сильно подѣйствовало на него, что мы боимся, не сошелъ ли онъ съ ума. Впрочемъ, у него только одно большое мѣсто, а во всемъ остальномъ онъ еще прежній Маттео: онъ, видите ли, вообразилъ, что превратился въ другого человѣка, и ни за что не хочетъ отказаться отъ этой нелѣпой мысли. Слыхали вы когда-нибудь о такой странной выдумкѣ? Маттео утверждаетъ, что онъ болѣе не Маттео, а столяръ Верзила, у котораго боттега на площади за церковью Санъ-Джованни, а домъ недалеко отъ Санта-Марія-дель-Фиоре. И въ этомъ мы не могли его разубѣдить никакими доводами. А потому поспѣшили взять изъ тюрьмы, привели домой, посадили въ отдѣльную комнату, чтобы по городу не начали говорить о его сумасшествіи, тѣмъ болѣе, что онъ еще, можетъ-быть, и придетъ въ себя: ибо вы вѣдь знаете, кто разъ по этой дорожкѣ прошелся, на того потомъ всегда смотрятъ какъ-то косо, если даже къ нему и вернется разсудокъ. Кромѣ того, мы не хотѣли бы, чтобы наша мать узнала о его помѣшательствѣ: изъ этого могутъ выйти неприятности. Женщины такъ легко пугаются, она же старая и больная. А потому и рѣшили мы просить вашу милость—изъ состраданія къ намъ, зайти въ нашъ домъ, чтобы поговорить съ братомъ и попробовать, нельзя ли какъ-нибудь разубѣдить его въ этой нелѣпой мысли. За услугу были бы мы вамъ по гробъ благодарны.

Священникъ, какъ человѣкъ добрый, охотно согласился, отвѣтилъ, что поговорить съ Маттео, сейчасъ увидитъ, въ чемъ тутъ дѣло, и представитъ ему такіе ясные доводы, что съ Божьей помощью надѣется вытащить этотъ гвоздь, какъ бы крѣпко онъ ни засѣлъ въ его голову. Тогда братъ Маттео привелъ его къ себѣ въ домъ и вошелъ съ нимъ въ ту комнату, гдѣ находился Верзила. Когда Верзила, погруженный въ свои мрачныя мысли, увидѣлъ входящихъ, то тотчасъ же всталъ, а священникъ молвилъ:

— Доброй ночи, Маттео!

— И вамъ также доброй ночи, — отвѣтилъ Верзила.—Что скажете, отецъ?

— Я пришелъ, любезный Маттео, чтобы кой-о-чемъ поговорить съ тобой.

Священникъ сѣлъ и сказалъ Верзилѣ:

— Сядь-ка вотъ здѣсь, рядомъ со мною, и я тебѣ скажу, кака я у меня къ тебѣ надобность.

Верзила, чтобы не противорѣчить, усѣлся рядомъ, и священникъ началъ такъ свое увѣщаніе:

— Причина, по которой я сюда пришелъ, Маттео, есть одно дѣло, весьма меня огорчающее. Судя по тому, что я слышалъ,—памедни тебя посадили въ тюрьму за долги, и, говорятъ, ты такъ принялъ это къ сердцу, что легко можешь лишиться разсудка. Между прочими глупостями, которыя ты дѣлалъ или дѣлаешь, ты утверждаешь, что ты—уже болѣе не Маттео, а другой человѣкъ, нѣкій столярныхъ дѣлъ мастеръ, по прозвищу Верзила. Не похвально, сынъ мой, весьма не похвально, что изъ-за ничтожной неприятности допустилъ ты въ сердце свое такое безмѣрное отчаяніе, которое сдѣлаетъ тебя, вслѣдствіе твоего упрямства и неразумія, жалкимъ посмѣшищемъ людей. И все это изъ-за какихъ-то шести

дукатовъ... Ну, стоитъ ли, почтенный, такъ сокрушаться? Тѣмъ болѣе, что они уже уплачены!

Священникъ ласково пожалъ ему руку и продолжалъ такъ:

— Любезный Маттео, злого я тебѣ не посоветую: оставь-ка ты эту прихоть, говорю тебѣ, какъ родному сыну; общай мнѣ, что отнынѣ ты уже не станешь возвращаться къ своимъ глупостямъ и опять примешься за обычныя дѣла, какъ подобаетъ человѣку здравомыслящему, и какъ поступаютъ прочіе люди, чѣмъ ты доставишь великое утѣшеніе братьямъ своимъ, мнѣ и каждому, кто только желаетъ вамъ добраго. Развѣ этотъ Верзила такой удивительный мастеръ, что ли? Или такой богачъ, что ты лучше хочешь быть имъ, чѣмъ собою? Ну, кака я тебѣ въ этомъ корысть? Допустивъ даже, что онъ—человѣкъ достойный и богаче твоего,—а вѣдь это не такъ, судя по тому, что я слышалъ отъ твоихъ братьевъ,—утверждая, что ты въ него превратился, ты тѣмъ самымъ не приобретаешь ни его достоинствъ, ни его денегъ. А между тѣмъ, если въ городѣ узнаютъ, что ты сошелъ съ ума, то ужъ, конечно, ты—человѣкъ погибшій: хотя бы ты потомъ и выздоровѣлъ, и сдѣлался мудрѣе царя Соломона, все-таки люди будутъ говорить, что ты помѣшанный. Короче сказать, опомнись, будь человѣкомъ, а не скотомъ, и брось все эти пустяки свои,—убѣдительно прошу тебя объ этомъ! Какою тамъ Верзила или не Верзила? Послушайся меня, тебѣ же будетъ лучше!

И старикъ смотрѣлъ ему въ глаза съ отеческою добротою. Когда Верзила услышалъ совѣтъ, хорошенько взвѣсилъ въ умѣ своемъ и обдумалъ каждое слово священника, то уже болѣе не сомнѣвался, что онъ—Маттео, и, не размышляя, отвѣтилъ, что готовъ сдѣлать все, чтобы быть пріятнымъ священнику, который, какъ онъ это ясно видитъ, заботится о его благѣ. Онъ обѣщаль употребить все силы, чтобы болѣе не допускать въ свой умъ мысли, что онъ—не онъ, т. е. не Маттео, и чтобы окончательно забыть Верзилу такъ, какъ будто его никогда не существовало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ, какъ о единственной милости, если это возможно, въ послѣдній разъ поговорить съ Верзилою, чтобы ужъ совсѣмъ убѣдиться.

— Это принесло бы тебѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы,—возразилъ священникъ.— Я вижу, что эта нелѣпая мысль все еще не вышла изъ твоей головы. Ну, посудн самъ, для чего тебѣ говорить съ Верзилою? Какія-такія у тебя съ нимъ могутъ быть дѣла? Чѣмъ больше ты будешь говорить, чѣмъ больше будетъ свидѣтелей твоего безумія, тѣмъ болѣе позоръ ты навлечешь на своихъ братьевъ.

Такъ убѣждалъ онъ Верзилу, пока, наконецъ, тотъ не согласился и не отказался отъ своего желанія переговорить въ послѣдній разъ съ Верзилою. Тогда священникъ вышелъ и рассказалъ братьямъ, какъ онъ убѣдилъ Маттео, и какъ тотъ обѣщаль ему не настаивать болѣе на своей нелѣпой мысли. Затѣмъ онъ попросился съ ними и пошелъ домой. Одинъ изъ братьевъ, пожимая ему руку, вложилъ въ нее серебряный гроссо для того, чтобы сдѣлать все это еще болѣе вѣроятнымъ. Тѣмъ временемъ, пока священникъ убѣждалъ Верзилу, въ домъ потихоньку вошелъ Филиппо диссертъ-Брунеллеско, и въ отдаленной комнатѣ, среди безконечнаго смѣха и веселья, братья рассказали ему, какъ привели Верзилу изъ тюрьмы, что говорили ему по дорогѣ, и все прочее. Филиппо налилъ большой кубокъ вина, подсыпалъ въ него снотворнаго порошка и сказалъ одному изъ братьевъ:

— Надо, чтобы Верзила во время ужина выпилъ это вино—напитокъ безвредный, отъ котораго онъ успеть такъ крѣпко, что не почувствуетъ въ теченіе двухъ часовъ, если бы его стали сѣчь розгами. Часамъ къ пяти я снова навѣдаюсь, и мы тогда устроимъ все.

Передъ жилищемъ мага. Съ картины Бритонъ Ривьера грав. Джонстонъ.

Рейнскій водопадъ у Шафгаузена. Съ картины А. Ригера грав. Гейеръ и Кирхле.

Братья вернулись въ комнату Верзилы и сѣли за ужинъ, когда уже прошелъ третій часъ по закатѣ солнца. Во время ужина, поднесли ему усыпительнаго напитка такъ ловко, что онъ не замѣтилъ, какъ проглотилъ его. Скоро лѣкарство начало дѣйствовать, и Верзила съ большимъ трудомъ держалъ глаза открытыми, такъ захотѣлось ему спать. Тогда братья сказали ему:

— Маттео, ты, кажется, падаешь отъ усталости. Должно-быть, эту ночь ты плохо спалъ?

Они угадали вѣрно.

— Признаюсь,—молвилъ Верзила,—мнѣ никогда во всю мою жизнь не хотѣлось такъ спать. Кажется, какъ будто я цѣлыхъ два мѣсяца не спалъ. Лягу-ка я въ постель...

Онъ началъ раздѣваться, но едва имѣлъ силу снять обувь и броситься въ постель, какъ тотчасъ же захрипѣлъ. Въ условленный часъ вернулся Филиппо ди-сэрв-Брунеллеско съ шестью товарищами и вошелъ въ комнату, гдѣ спалъ Верзила. Они потихоньку взяли его, положили на носилки вмѣстѣ со всѣми одеждами и отнесли въ домъ его, который стоялъ совершенно пустынь, такъ какъ мать еще не возвращалась изъ имѣнія. Здѣсь уложили его въ кровать, рядомъ бросили платье на то мѣсто, на которое онъ обыкновенно его клалъ, но самого Верзилу повернули головой туда, гдѣ должны были находиться его ноги. Потомъ взяли ключи отъ боттеги, которые висѣли на крючкѣ въ спальнѣ, отперли лавку, вошли въ нее, перебрали, перебрали всѣ его столярные инструменты, повынимали изъ плотничьихъ струговъ всѣ желѣзные языки, положили ихъ, повернувъ острыми концами вверхъ, а толстыми внизъ. То же самое продѣлали они со всѣми молотками и топорами, и во всей мастерской произвели такой безпорядокъ, такую путаницу, какъ будто здѣсь перебивало сто тысячъ дьяволовъ. Потомъ опять заперли лавку, отнесли ключи на прежнее мѣсто въ спальню, заперли и тамъ двери, вернулись домой и легли спать. Верзила, одурманенный снотворнымъ зельемъ, проспалъ всю ночь, ни разу не просыпаясь. На слѣдующее утро, къ часу Ave Maria въ соборѣ Санта-Марія дель-Фіоре, — кончилось дѣйствіе усыпляющаго напитка, онъ проснулся, открылъ глаза и при свѣтѣ солнца, проникавшаго въ окна, узналъ собственную спальню, мало-по-малу сталъ припоминать все, что съ нимъ приключилось, и когда понялъ, что онъ опять въ своемъ домѣ, на своей постели, то великое изумленіе и радость овладѣли имъ. Припомнилъ онъ также священника и домъ Маттео, гдѣ онъ вчера уснулъ, и вдругъ на него напало сильное сомнѣніе, тогда ли ему это снилось, или теперь. Правдою казалось ему то одно, то другое; сонъ сливался съ дѣйствительностью, проникалъ въ нее, смѣшивался, и невозможно было провести границы между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что снилось.

За ночь прошла гроза. Воздухъ освѣжился. Голубое небо видѣлось въ облакахъ, такое нѣжное и радостное, что Верзила, несмотря на всѣ свои сомнѣнія, почувствовалъ веселье. Онъ соскочилъ съ постели, одѣлся, взялъ ключи боттеги, побѣжалъ туда, отперъ и увидѣлъ мастерскую въ безпорядкѣ, всѣ желѣзные инструменты перевернутыми и перепутанными, чему весьма удивился. Мало-по-малу, привелъ онъ все въ порядокъ, поправилъ и положилъ на обычное мѣсто. Въ это время въ боттегу вошли двое братьевъ Маттео, и одинъ изъ нихъ сказалъ Верзилѣ такъ, какъ будто раньше никогда его не видѣлъ:

— Добраго утра, маэстро.

Верзила обернулся, узналъ ихъ, покраснѣлъ, но тотчасъ же отвѣтилъ:

— Добраго утра и добраго года. Съ чѣмъ приходите, господа?

Тогда одинъ изъ братьевъ молвилъ:

— Я сейчасъ объясню тебѣ все. Есть у насъ братъ, по имени Маттео: намедни его посадили въ долговую тюрьму, и отъ горя онъ едва не сошелъ съ ума. Между прочимъ, утверждаетъ, что онъ — уже болѣе не Маттео, а хозяинъ этой мастерской, котораго зовутъ Верзилою. Мы его плечески уговаривали образумиться и вчера вечеромъ привели къ нему приходскаго священника, которому Маттео обѣщалъ отказаться отъ своей нелѣпой выдумки, такъ что, чувствуя себя недурно и поужинавъ, онъ при насъ легъ спать. Но сегодня утромъ онъ незамѣтно убѣжалъ, никто не знаетъ, куда. Вотъ почему мы и пришли въ эту лавку, чтобы провѣдать, не заходилъ ли онъ сюда, или, по крайней мѣрѣ, не можетъ ли Верзила что-нибудь сообщить намъ о немъ.

При этихъ словахъ, у бѣднаго Верзилы въ глазахъ потемнѣло, холодный потъ выступилъ на тѣлѣ:

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите,—возразилъ онъ дрожащимъ голосомъ, — и чего вамъ отъ меня нужно. Никакого Маттео здѣсь не было, и ежели онъ, въ самомъ дѣлѣ, выдаетъ себя за меня, то съ его стороны это большая наглость. Клянусь спасеніемъ души моей, если только когда-нибудь я съ нимъ повстрѣчусь, то спишъ его придется испробовать Верзилиныхъ кулаковъ, и тогда мы увидимъ достоверно, я ли—онъ, или онъ — я! Что это еще за чертовщина происходитъ въ послѣдніе дни, отъ которой нельзя никуда дѣваться?

Съ этими словами онъ схватилъ плащъ, яростно захлопнулъ дверь боттеги, повернулъ спину двумъ братьямъ, корчившимся отъ безмолвнаго хохота, и большими шагами, все время грозя и ворча себѣ подъ носъ, направился въ соборъ Санта-Марія дель-Фіоре.

Здѣсь, онъ началъ ходить взадъ и впередъ, какъ разъяренный левъ, такъ былъ озлобленъ всѣмъ, что съ нимъ происходило. Туда же въ соборъ зашелъ случайно товарищъ его, который вмѣстѣ съ Манетто учился столярному и токарному ремеслу у знаменитаго маэстро Пеллегрини въ Терма. Этотъ молодой человекъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уѣхалъ изъ Флоренціи, переселился въ Венгрію и здѣсь сталъ получать много заказовъ, благодаря покровительству другаго флорентинца — Филиппо Сколари, который въ то время былъ главнымъ военачальникомъ въ арміи Сигизмунда, сына чешскаго короля Карла. Этотъ Филиппо Сколари благосклонно принималъ всѣхъ пріѣзжихъ флорентинцевъ, которые отличались знаніями или искусствомъ, и оказывалъ имъ всяческую помощь, такъ какъ былъ человѣкомъ великодушнымъ, любилъ земляковъ своихъ и заслуживалъ ихъ любовь, оказывалъ имъ многія благодѣянія.

Въ то время пріѣхалъ во Флоренцію столяръ, товарищъ Верзилы, поселившійся въ Венгрію, рассчитывая найти и взять съ собой какого-нибудь флорентинскаго мастера, который помогалъ бы ему въ работѣ, такъ какъ онъ имѣлъ столько заказовъ въ Венгрію, что уже не могъ одинъ справиться. Неоднократно приглашалъ онъ Верзилу, объясняя ему, какъ легко имъ было бы въ нѣсколько лѣтъ разбогатѣть въ этой странѣ.

Увидѣвъ его въ соборѣ, Верзила сказалъ:

— Ты уже много разъ приглашалъ меня поѣхать въ Венгрію, но я отказывался. Теперь, вслѣдствіе одного страннаго приключенія и нѣкоторыхъ несогласій съ моею матерью, я окончательно рѣшилъ принять твое предложеніе, если, впрочемъ, ты еще, попрежнему, желаешь меня взять съ собою. Мнѣ хотѣлось бы уѣхать завтра же утромъ, ибо, въ случаѣ замедленія, что-нибудь снова могло бы мнѣ помѣшать.

Молодой человекъ отвѣтилъ, что онъ весьма радъ, но завтра утромъ не можетъ выѣхать, такъ какъ у него есть еще нѣкоторыя дѣла во Флоренціи, но ничто не мѣшаетъ Верзилѣ завтра же отправиться въ

Болонью и подождать его тамъ, куда и онъ подоспѣетъ черезъ нѣсколько дней. Верзила согласился, и они ударили по рукамъ. Манетто вернулся въ боттегу, взявъ свои инструменты, нѣкоторыя мелочи, которыя удобно было увезти съ собою, пошелъ въ предмѣстье „борго“ Санъ-Лоренцо, навѣлъ лошадь и на слѣдующее утро направился въ Болонью, оставивъ письмо своей матери, въ которомъ значилось, что она можетъ взять себѣ въ подарокъ все, что есть въ его мастерской, и продать, чтобы выручить деньги, и что онъ, побуждаемый большою, неминуемою опасностью, грозящею ему въ родномъ городѣ, на нѣкоторое время уѣзжаетъ въ Венгрію.

Такъ Верзила уѣхалъ изъ Флоренціи, дождался въ Болоньѣ своего товарища и вмѣстѣ съ нимъ отпра-

вился въ Венгрію, гдѣ ихъ дѣла такъ хорошо устроились, что черезъ три, четыре года, благодаря покровительству названнаго Филиппо Сколари, они разбогатѣли.

Впослѣдствіи Верзила, женившись на красивой венгеркѣ, достигнувъ славы и преуспѣянія, воплѣ довольный своею судьбою, вернулся во Флоренцію, которую онъ все-таки любилъ съ нѣжностью, какъ родную мать, и считалъ прекраснѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и зажилъ здѣсь припѣваючи. Онъ навсегда излѣчился отъ припадковъ черной меланхоли, и однажды, въ бесѣдѣ съ Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско, — когда тотъ разспрашивалъ его, по какой причинѣ онъ переселился въ Венгрію, — Верзила откровенно и подробно рассказывалъ ему о своемъ чудесномъ превращеніи.

Къ рисункамъ.

Великая годовщина 19 февраля 1861 г. навѣки останется однимъ изъ величайшихъ нашихъ народныхъ праздниковъ.

Дѣло освобожденія крестьянъ было главнѣйшею заботою императора Александра II съ перваго же дня его царствования, оно составляетъ лучшую страницу его исторіи, но Царь-Освободитель совершилъ въ этомъ случаѣ, лишь то, къ чему стремились его предшественники. Императоръ Александръ I въ самомъ началѣ своего царствования имѣлъ намѣреніе дать свободу крѣпостнымъ людямъ, императоръ Николай I также много и долго занимался этимъ вопросомъ, такъ что къ императору Александру II крестьянская реформа перешла по наследству. Это, конечно, немало не умаляетъ заслуги монарха; но это служить поясненіемъ того состоянія духа, подъ вліяніемъ котораго Царь-Освободитель, — какъ намъ извѣстно, со словъ одного изъ приближенныхъ къ нему лицъ, — пріѣхалъ наканунѣ 19 февраля 1861 года (рис. на стр. 169) въ Петропавловскій соборъ и тамъ, склонившись передъ гробницей императора Николая, долгое время провелъ въ глубокомъ раздумьѣ и молитвѣ, какъ бы ожидая совѣта и поддержки... Освобожденіе крестьянъ, какъ извѣстно, было любимымъ мечтою императора Николая Павловича, но въ виду противодѣйствій большей части привилегированнаго сословія и административныхъ дѣятелей того времени, государь подходилъ къ этому вопросу исподволь, хотя не разъ откровенно высказывался о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Такъ, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 30 марта 1842 г., государь, предлагая на обсужденіе Совѣта проектъ закона объ обязанностяхъ крестьянъ, прямо сказалъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ, есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное“. Однако, государь находилъ, что приступать въ то время къ освобожденію крестьянъ было бы дѣломъ еще болѣе гибельнымъ, хотя ясно сознавалъ, что такое положеніе долго продолжаться не могло. Въ виду этого императоръ еще въ 1842 г. считалъ необходимымъ „приготовить — по его же собственнымъ словамъ — пути для постепеннаго перехода къ другому порядку вещей и, не устрашаясь передъ всякою переменою, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія“. И не явись 1848 годъ съ его революціонными идеями, смѣнившійся затѣмъ столь тяжелымъ для Россіи первымъ пятилѣтнимъ пятидесятихъ годовъ, — кто знаетъ, не увѣличало ли бы освобожденіе крестьянъ конецъ царствованія Николая I, этого рыцаря на тронѣ, пламенно любившаго свое отечество, которому онъ служилъ — какъ мы читаемъ въ его завѣщаніи — „по крайнему своему разумѣнію вѣрой и правдой“, сожалея только, что „не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ“. — „Смыслъ мой мени замѣнить“, — писалъ императоръ въ этомъ завѣщаніи, — и императоръ Александръ II дѣйствительно исполнилъ ту реформу, о которой такъ много мечталъ императоръ Николай I. Воспроизведенная въ этомъ номерѣ, на стр. 169, картина, написанная свободнымъ художникомъ Н. С. Мусинымъ-Пушкинымъ, принадлежитъ бывшему флигель-адъютанту покойнаго императора Александра II, И. И. Толстому.

*

Память о незабвенномъ Царѣ-Освободителѣ свято чтится въ Россіи не только всѣми русскими, но и иностранцами, живущими въ Россіи, — въ особенности русскими нѣмцами, преклоняющимися предъ величіемъ дѣяній монарха, близкаго, родного имъ своими тѣсными родственными узами съ ихъ великимъ монархомъ Вильгельмомъ I, объединителемъ Германіи. Выраженіемъ этого благоговѣнія русскихъ нѣмцевъ къ памяти Царя-Освободителя можетъ между прочимъ служить памятникъ императору Александру II (рис. на стр. 184), недавно воздвигнутый нѣмецкой колоніей въ Москвѣ, въ паркѣ нѣмецкаго пріюта имени Фридриха-Вильгельма-Викторія, учрежденнаго въ 1879 г. Памятникъ воздвигнутъ на средства одного изъ

учредителей пріюта г. Бернгарда Келлера и исполненъ по проекту проф. М. С. Чижова. Покойщійся на гранитномъ пьедесталѣ, въ 3 аршина вышины, бронзовый бюстъ живо воспроизводитъ благородныя черты монарха. Въ общемъ наметникѣ, и по формѣ, и по своимъ размѣрамъ, совершенно тождественъ съ воздвигнутымъ въ томъ же паркѣ памятникомъ императору Вильгельму I.

*

Въ 1150 г. борьба между удѣльными князьями за Кіевъ, достигнувшая крайнихъ предѣловъ, вступила въ чрезвычайно любопытный періодъ. Коренное, родовое старшинство оказывалось уже недостаточнымъ для того, чтобы имѣть право на столь великокняжескій въ Кіевѣ; старшинство давали уже не одни только права, но и личные качества князя. Такъ, напр., видимъ, что въ это время всѣ права принадлежали слабодумному и доброму князю Вячеславу Владиміровичу (сыну Мономахову); но всѣ очень хорошо понимали, что ему не управить Кіевскимъ княженіемъ, и притязанія на завидное положеніе великаго князя шли съ двухъ сторонъ, которыя не могли предъявить никакихъ правъ, но зато имѣли за собою болѣе значительнаго достоинства. И вотъ, съ одной стороны Кіевского стола добивался хитрый, умный и могущественный князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій (тоже Мономаховъ сынъ и родной братъ Вячеслава), а съ другой стороны — талантливѣйшій изъ князей того времени, вундъ Мономаха, Изяславъ Мстиславичъ, извѣстный своими воинскими доблестями, беззаветно храбрый, любимый кіевлянами и уважаемый всѣми. Долго Юрій боролся съ Изяславомъ, долго пытался сломить упрямство племянника; но всѣ его успѣхи не приводили ни къ чему. Наконецъ, коварный Юрій пошелъ на миръ и, повидимому, рѣшилъ тяжбу справедливо, уступивъ Кіевъ Вячеславу, который — какъ мы говорили выше — имѣлъ на него полное право. Изяславъ не проговорился дядѣ — и миръ былъ заключенъ. Но оказалось, что Юрій и не думаетъ исполнить условій мира; и самъ изъ Кіева не уѣзжаетъ, и брата въ немъ не сажаетъ. Тогда Изяславъ вновь пошелъ на Юрія войною и двинулся къ Кіеву, откуда Юрій долженъ былъ поспѣшно бѣжать. Этой особенной воспользовался Вячеславъ; онъ явился въ Кіевъ со своею дружиною и сѣлъ на столѣ великокняжескомъ. Но Изяславъ въ это время уже приближался къ Кіеву съ войскомъ, и кіевляне, открывъ ворота города, толпами стремились навстрѣчу своему любимому князю. Изяславъ, вступивъ въ Кіевъ, былъ встрѣченъ радостными криками народа: „будь ты нашимъ княземъ! Не хотимъ ни Юрія, ни Вячеслава!“ Тогда князь Изяславъ пошелъ сказать дядѣ, чтобы онъ ѣхалъ въ свой Вышгородъ и очистилъ ему столь Кіевскій. Но дядя хотѣлъ настоять на своемъ и приказалъ отвѣтить племяннику: „убей меня здѣсь, — живого отсюда не выгонимъ!“ Однакоже упрямство старика не могло привести ни къ чему хорошему. Вскорѣ князь Изяславъ, побывавъ въ Софійскомъ соборѣ, двинулся къ дворцу великокняжескому, окруженный своею суровою дружиною и толпами ликующихъ кіевлянъ. Князь Вячеславъ смотрѣлъ на его приближеніе съ снѣнъ, гдѣ онъ, попрежнему, сидѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Грозные крики раздавались изъ толпы... Дружинники и ближайшіе къ князю Изяславу бояре совѣтовали силой свести Вячеслава со стола; многие кричали даже, что слѣдуетъ подрубить столбы подъ снѣнми... Но великодушный Изяславъ не допустилъ насиія надъ старикомъ-дядей: „не дай мнѣ того Богъ! — сказалъ онъ, — я не убійца братн своей; а этого дядю я чту какъ отца, и самъ къ нему пойдю!“ И взявъ съ собою немногихъ дружинниковъ, поднялся на снѣнъ къ Вячеславу, и поклонился ему. Вячеславъ всталъ ему навстрѣчу... Князь обнялся и поцѣловался. Тогда Изяславъ Мстиславичъ предложилъ Вячеславу (рис. на стр. 173) удалиться въ Вышгородъ только до того времени, когда уляжется народное волненіе, обѣщавъ признать его старшинство

и раздѣлить съ нимъ власть, окончателно отбивъ Кіевъ у Юрія. Вячеславъ являя благоумному совѣту, простился съ племянникомъ и выѣхалъ изъ Кіева; а Изяславъ сдержалъ свое слово и до смерти почиталъ и берегъ своего стараго дядю.

Мы—въ домѣ богатаго римлянина. Обширный атриумъ, убранный съ панциною простотой; на полу разостланъ мягкій коверъ, и на немъ барахтается ребенокъ, забавляясь игрою; на кушеткѣ, стоицей тутъ же, расположились двѣ женщины: это—мать ребенка и ея сестра; обѣ слѣдятъ за каждымъ движеніемъ малютки, переживая всѣ переходы его опущеній. Мальчикъ старается попасть шаромъ въ цѣль—широко-раскрытый ротъ куклы. Весело летаютъ шары, и, занятые игрой, ни ребенокъ, ни молодыя женщины не замѣтили, какъ въ комватѣ появилось новое лицо: это—дряхлый старикъ, дѣдъ маленькаго римлянина. Гордый патрицій, онъ съ любовью смотритъ на младшій отпрыскъ своего рода. Три поколѣнія (рис. на стр. 172) собрался въ одной залѣ: одно—на порогѣ гроба, второе—въ расцвѣтѣ силъ и красоты, третье—все въ будущемъ; и этому третьему поколѣнію пока посвящены всѣ заботы двухъ остальныхъ. А что дастъ ему будущее?..

Рейнъ по справедливости считается красивѣйшею рѣкой Западной Европы, и немногіе путешественники мигаютъ его въ своихъ поѣздкахъ. Но изъ всѣхъ рейнскихъ красотъ всего больше привлекаетъ туристовъ Шафгаузенскій водопадъ. Этотъ водопадъ, низвергающійся вскорѣ послѣ выхода Рейна изъ Боденскаго озера, находится, собственно, довольно далеко отъ города Шафгаузена, именно, въ разстояніи часа ѣзды отъ него, почти у самой желѣзнодорожной станицы Нейгаузенъ. Рѣка низвергается здѣсь съ вышины 11½ сажень; русло рѣки стѣснено скалами, всего до 80 сажень, и масса воды съ шумомъ и ревомъ падаетъ внизъ, превращаясь въ густую пѣну. Самый видъ на водопадъ открывается снизу—съ площадки у подножія утеса, на которомъ стоитъ древній замокъ Лауфенъ и который, вмѣстѣ съ тремя другими такими же утесами, мощно выдвигается среди моря пѣны, окружающей ихъ со всѣхъ сторонъ и какъ будто вѣчно стремящейся похоронить ихъ подъ собою. Рейнскій водопадъ (рис. на стр. 181) не разъ былъ описываемъ русскими писателями, и наилучшее его описаніе безусловно принадлежитъ Н. М. Карамзину. Кстати замѣтимъ, что хотя эта мѣстность издавна была извѣстна древнимъ культуртрегерамъ европейскаго Запада—римлянамъ, однако ни одинъ изъ римскихъ писателей не говоритъ о рейнскомъ водопадѣ, и онъ впервые упоминается лишь въ 960 году. Это обстоятельство дало поводъ предположить, что водопадъ близъ Шафгаузена возникъ лишь около тысячи лѣтъ назадъ, равнѣ же русло Рейна пролегло нынѣшнымъ путемъ, минуя Боденское озеро, именно черезъ озера Валенское и Цюрихское, не образуя водопада.

Памятникъ императору Александру II въ паркѣ нѣмецкаго пріюта имени Фридриха-Вильгельма-Викторія въ Москвѣ. Съ фот. авторитива „Нива“.

Мощно выдвигаются къ себѣ стѣны индійскаго храма; широко открыты двери его для молящихся; взоръ всюду встрѣчаетъ рѣзныя колонны, мраморное кружево, золото и другія драгоценности. Жилище боговъ все проникнуто духомъ ихъ суроваго могущества, повергающаго въ трепетъ смертныхъ. Сурово божество, суровы и жрецы его, посредники между нимъ и людьми. Тутъ же, въ зданіи храма, живутъ и жрецы. Стбить только обогнуть храмъ и подойти къ нему со стороны, противоположной главному фасаду, чтобы очутиться передъ жилищемъ мага (рис. на стр. 180). Но какой дерзновенный отважится войти въ него? Тутъ—та же роскошь, тѣ же великолѣпныя колонны, та же рѣзба, золото, драгоценности, чудная мозаика,—но у самаго входа, прикованные дѣнями къ колоннамъ, держатъ стражу двѣ гордыя наутеры. Эти часовые

лучше всякаго воина охраняютъ спокойствіе маговъ-жрецовъ, и если найдется смѣльчакъ, отважившійся черезчуръ близко подойти къ порогу жилища жрецовъ,—горе ему! Горячая кровь тотчасъ же обогрѣетъ мраморныя ступени, и никто не помѣшаетъ, непрощенный, религиознымъ упрямцевымъ служителямъ мрачнаго божества.

Хосе де-Рибера, прозванный „Спяльетто“, — одинъ изъ выдающихся художниковъ испанской школы XVII вѣка. Родомъ онъ испанецъ (р. 12 янв. 1588 г. въ Хативѣ, нынѣ Сапъ-Фелипе), но художественная его дѣятельность протекла въ Италіи, въ Неаполѣ; поэтому его слѣдуетъ причислить къ итальянской школѣ. Въ Неаполѣ Рибера состоялъ придворнымъ живописцемъ вице-короля Донъ-Педро и его преемниковъ; онъ былъ главой неаполитанской школы, а въ 1628 г. былъ признанъ въ Римѣ академикомъ. Скопчался Рибера въ 1656 г. Темы для своихъ картинъ онъ черпалъ, главнымъ образомъ, изъ священной исторіи, дѣяній апостольскихъ и житій священномучениковъ. Картины его поражаютъ силою моделировки, глубокимъ знаніемъ анатоміи, но теплотѣ же и свѣтловой смѣлкой красокъ онъ напоминаетъ Тиціана. Извѣстѣйшая картина Рибера — „Спятіе со креста“ (находится въ церкви Санъ-Мартинио въ Неаполѣ). Изъ учениковъ Рибера извѣстны Сальваторе Роза и Лука Джордано. Помѣщенная здѣсь картина его „Св. Вароламей“ (рис. на стр. 177) художественно воспроизводитъ образъ этого апостола, распространявшаго святое ученіе Христова въ Индіи и умершаго мученическою смертью на берегахъ Каспійскаго моря.

Въ виду громадной потребности въ церквахъ въ переселенческихъ поселкахъ Сибири и невозможности полного ея удовлетворенія насчетъ сравнительно ограниченнаго суммъ частныхъ пожертвованій на дѣло церковнаго строительства въ районѣ сибирской желѣзной дороги, пришлось возводить церкви только въ поселкахъ многолюдныхъ или лежащихъ вблизи другихъ селеній. Но сильный наплывъ переселенцевъ и разбросанность поселковъ на обширномъ пространствѣ Сибири

Вагонъ-церковь на Сибирской желѣзной дорогѣ. Внутренний видъ.
Съ фотогр. Ренца и Шрадера въ С.-Петербургѣ автотипія „Нивы“.

вынудили увеличить число церквей, и комитетъ сибирской желѣзной дороги, въ цѣляхъ экономіи средствъ, рѣшилъ соорудить такъ-называемыя церкви-школы, которыя служатъ одновременно и домами молитвы, и школьными помѣщеніями. Но все это еще въ незначительной степени удовлетворило потребность сибирскаго населенія въ „храмахъ Божіихъ“, и вотъ, какъ на одну изъ дальнѣйшихъ попытокъ къ этому хотя бы частичному удовлетворенію, слѣдуетъ указать на „вагонъ-церковь“ (стр. 185 и 186) сибирской желѣзной дороги, изображенія котораго помѣщены въ этомъ номерѣ.

Освященный 11 июля 1896 г. въ Петергофѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, вагонъ-церковь во имя Св. Великой Княгини Ольги для западно-сибирской желѣзной дороги имѣетъ 15 метровъ длины и 2,01 метра ширины. Внутри онъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: алтаря длиной въ 3,10 метра и солен—1,41 метра; на другомъ концѣ вагона съ небольшою (0,5 метра ширины) тормазной площадкой въ храмъ ведетъ коридоръ длиной въ 1,35 метра, по сторонамъ котораго помѣщаются: направо—ризница, налѣво—приснособленіе для отопленія храма. Средняя часть вагона (7,32 метра) оставлена для молящихся. Надъ тормазной площадкой, въ небольшой звонницѣ, подвѣшены 3 колокола.

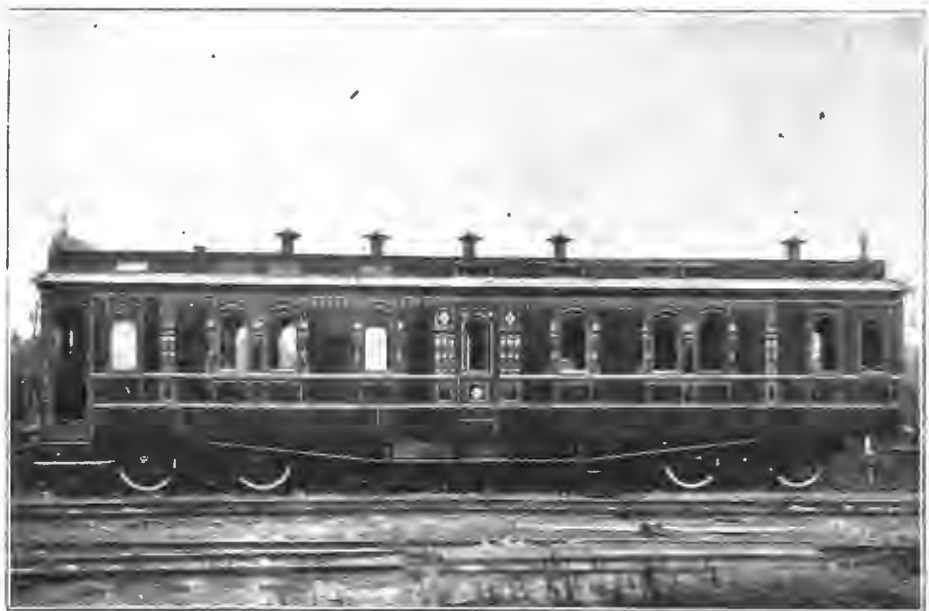
На ассигнованные на постройку этого храма 9,000 р. оказалось возможнымъ построить только кузовъ вагона. Вся же чрезвычайно изящная внутренняя отделка — даръ Путиловскаго завода, на которомъ строился этотъ второй *) въ Россіи передвижной храмъ.

При церкви назначенъ состоятъ иеромонахъ Стефанъ.

3 ноября на Николаевскомъ вокзалѣ въ вагонѣ была отслужена литургія, и въ тотъ же день вечеромъ вагонъ былъ отправленъ въ Челябинскъ. Въ настоящее время вагонъ уже прибылъ на западно-сибирскую желѣзную дорогу, и въ немъ совершается богослуженіе.

Значеніе такой подвижной церкви весьма существенно, если принять во вниманіе, что разстояніе между поселками въ Сибири достигаетъ перѣдко 70, 100 и болѣе верстъ; благодаря такой подвижной церкви, тысячи христіанъ будутъ имѣть возможность хотя перѣдка помолиться въ церкви и исполнить свои духовныя требы. Къ сожалѣнію, сибиряки-старожилы волей-неволей свыклись уже съ тѣмъ, что подолгу не бывають въ церкви, крестятъ дѣтей чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія, покойниковъ отпѣвають послѣ преданія землѣ. На такую же тяжелую для каждаго православнаго христіанина участь обречены пока и десятки тысячъ переселенцевъ, искони на родинѣ исполнявшихъ уставы нашей церкви. Новоселы первое время по прибытіи несутъ часто почти непосильныя траты по устройству своихъ новыхъ хозяйствъ. Они готовы отдать и отдають для постройки церкви свой трудъ, но лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ могутъ жертвовать деньгами. Предоставленныя своей участи, подъ гнетомъ тяжелейшихъ экономическихъ условій, они могутъ такъ же охладѣть къ дѣламъ вѣры, какъ охладѣли съ теченіемъ времени, по той же причинѣ, мѣстные сибиряки. Поэтому великую пользу приносятъ тѣ жертвы, которыя поступаютъ на дѣло церковнаго строительства въ Сибири. Памятны должны быть

*) Одинъ существуетъ на закавказской желѣзной дорогѣ.

Вагонъ-церковь на Сибирской желѣзной дорогѣ. Наружный видъ.
Съ фотогр. Ренца и Шрадера въ С.-Петербургѣ автотипія „Нивы“.

въ этомъ отношеніи слова въ Божѣ почившаго императора Александра III, начертанныя на всеподданнѣйшемъ отчетѣ обер-прокурора Святѣйшаго Синода за 1883 годъ, по поводу упоминанія о недостаткѣ церквей въ Сибири: „На это слѣдуетъ

Вагонъ-церковь на Сибирской желѣзной дорогѣ. Звонница. Съ фотогр. Генца и Шрадера въ С.-Петербургѣ августинъ „Нивы“

обратить вниманіе жертвователей; тутъ действительно можно жертвовать съ пользою“...

Жертвованія принимаются въ канцеляріи Комитета Министровъ (С.-Петербургъ, Маринскій дворецъ).

А. П. Батуевъ. (Портр. на стр. 188).

Въ концѣ истекшаго года въ далекой Вяткѣ разыгралась тяжелая драма, глубоко возмущавшая весь мѣстный край, а вслѣдъ затѣмъ и всю Россію: какимъ-то сумасшедшимъ убитъ былъ предсѣдатель вятской губернской земской управы Авксентій Петровичъ Батуевъ, одинъ изъ выдающихся земскихъ дѣятелей, оставившій своей энергичной, хотя и кратковременной дѣятельностью глубокій слѣдъ въ земскомъ дѣлѣ.

Кратковременна была дѣятельность А. П. Батуева, коротка была и его жизнь. Онъ родился 17 августа 1863 г. Происходилъ онъ изъ образованной купеческой семьи и воспитаніемъ получалъ въ г. Малмыжѣ. Богатая бібліотека въ домѣ отца зародила въ немъ стремленіе къ литературѣ, которое постепенно все росло и росло, на ряду съ практическою земскою дѣятельностью. Въ 1882 г. онъ окончилъ курсъ въ гимназіи и поступилъ на юридическій факультетъ, а четыре года спустя, по окончаніи курса университета, записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго въ г. Казани. Адвокатура послужила А. П. Батуеву звеномъ, скрѣпившимъ его съ народомъ, и вслѣдъ за тѣмъ открыла ему народныя нужды. Адвокатству въ Малмыжѣ, онъ главнымъ образомъ велъ крестьянскія дѣла и, понятно, преимущественно, безъ всякаго вознагражденія. Четыре года этой безкорыстной дѣятельности, честнаго отстаиванія интересовъ крестьянства передъ судомъ, выдвинули его на арену болѣе видной общественной дѣятельности—онъ былъ избранъ гласнымъ малмыжскаго уезднаго земства.

Малмыжское земство, находившееся въ сильномъ упадкѣ, быстро обновилось, ожило при А. П. Батуевѣ, завоевавшемъ вскорѣ широкую популярность. Избранный въ губернскія гласные отъ малмыжскаго уѣзда, онъ въ декабрѣ 1891 г. уже удостоился избранія на должность предсѣдателя губернской земской управы. Своей дальнѣйшей дѣятельностью А. П. широко оправдалъ тѣ надежды, которыя на него возлагались. Всѣмъ,—и мѣстнымъ земцамъ, и всѣмъ обществомъ, и лучшей его выразительницей—печатью, мѣстной и столичной,—всѣмъ единодушно признается, что наилучшіе со времени избранія А. П. Батуева на эту должность составляютъ одну изъ болѣе блестящихъ страницъ въ исторіи не одного только вятскаго земства, но и всего русскаго земскаго дѣла.

Учрежденіе трехъ тысячъ народныхъ бібліотекъ, основаніе бесплатной мѣстной *Вятской Газеты* и дѣятельное въ ней участіе, основаніе капитала въ 50,000 р. для бесплатной раздачі населенію книгъ, тщательно, до мельчайшихъ подробностей, разработанный проектъ учрежденія въ губерніи 600 новыхъ начальныхъ школъ,—вотъ наиболѣе крупныя результаты дѣятельности А. П. Батуева на пользу народнаго образованія, которое было особенно близко его сердцу.

Организація дѣятельной помощи кустарнымъ производствомъ путемъ устройства кустарнаго музея и склада, съ отдѣленіями въ уѣздахъ, и учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствамъ, цѣлый рядъ мѣръ къ укрѣпленію народнаго хозяйства въ видѣ расширенія дѣятельности агрономическаго института, учрежденія сельско-хозяйственныхъ учебныхъ фермъ, выдачи бѣднѣйшимъ крестьянамъ въ ссуду рабочаго скота съ погашеніемъ въ рассрочку, устройства образцовыхъ настилокъ, сельско-хозяйственныхъ выставокъ, учрежденія должности аграрныхъ старостъ, объѣзжавшихъ деревни съ земскими молотилками и вѣялками для лучшей сортировки хлѣба, снабженія крестьянъ (въ широкихъ размѣрахъ) сельско-хозяйственными орудіями съ казеннаго Воткинскаго завода,—вотъ чѣмъ ознаменовало свою дѣятельность вятское земство подъ руководствомъ и по почину Батуева, вотъ что служитъ лучшимъ ему памятникомъ.

Вѣра въ народныя силы, въ плодотворность своихъ стремленій и плановъ была въ Батуевѣ какаго-то совершенно особая, какаго-то идеально-юношеская, непоколебимая. И Батуевъ невольно привлекалъ къ себѣ этихъ всѣхъ,—и товарищей по земской дѣятельности, и высшую губернскую администрацію, цѣпившихъ его благія задачи и любившихъ его открытую, честную душу, всегда о комъ-либо болѣвшую, всегда за кого-нибудь хлопотавшую. Батуева даже сравнивали съ Ленинымъ изъ „Евгенія Онегина“, и вполне удачно. Мягкія, пріятельскія черты молодого лица, задумчивый, мечтательный взоръ, длинные волосы съ сильно замѣтной уже сѣдиною (это въ 34 года)—придавали ему дѣйствительно видъ романтика-мечтателя тридцатыхъ годовъ... Трудно было какъ-то согласить эту наружность съ такой желѣзной энергіей, съ такими широкимъ починкомъ, съ такимъ глубокимъ, практическимъ знаніемъ земской жизни.

И этого рѣдкаго дѣятеля, рѣдкой души человека сразу же самый расцвѣтъ дѣятельности шальная пуля шабалина Шабалина. Большая это утрата для русскаго общества.

Возмутительна обстановка самаго убійства. Въ 11 ч. вечера 25 октября, по окончаніи засѣданія агрономическаго съѣзда, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ, А. П. Батуевъ вышелъ вмѣстѣ съ агрономомъ изъ губернскаго управы. На улицѣ, при вечернемъ освѣщеніи, стоялъ полупомѣшанный дворянинъ Шабалинъ и внимательно всматривался въ проходившихъ мимо него агрономовъ.

Этотъ Шабалинъ давно уже преслѣдовалъ Батуевыхъ, сначала предсѣдателя малмыжской уездной управы В. А. Батуева, а затѣмъ и А. П. Да и не только Батуевыхъ; онъ преслѣдовалъ своими угрозами „убить“ всѣхъ, къ кому обращался съ просьбами, исполнить которыя было бессмысленно. Къ сожалѣнію, почему-то не придавали значенія этимъ угрозамъ. Въ упомянутый день онъ уже нѣсколько разъ, во время засѣданія, заходилъ въ управу и спрашивалъ Батуева. Никто на это не обращалъ вниманія, такъ какъ, по словамъ *Вятскаго Края*, „настойчивость Шабалина и его постоянныя посященія управы сдѣлались явленіемъ обычнымъ“. Увидѣвъ Батуева, Шабалинъ пошелъ къ нему и пошелъ съ нимъ рядомъ, повторяя свои „настойчивыя просьбы“.

Батуевъ и Шабалинъ уже были около окружнаго суда, когда вдругъ послѣдній выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ два раза, одинъ разъ почти въ упоръ Батуеву, а другой на разстояніи. На улицѣ не было ни души. Батуевъ, тяжело раненый, съ трудомъ перешелъ черезъ улицу и, лица скорѣйшей помощи, сильно повзвонилъ у ближайшаго подъѣзда, но отворившій сторожъ убоился „пронсшествія“ и сейчасъ же снова захлопнулъ двери. Напуганъ послѣдніи усилія, несчастный направился дальше по улицѣ, пока, наконецъ, не нашелся другой сторожъ, который проводилъ Батуева домой. На слѣдующій день положеніе Батуева уже было безнадежно, и въ 7 часовъ вечера онъ умеръ.

Когда Батуева не стало, общество поникло, кого оно лишилось въ его лицѣ,—весь городъ, все вятское земство, весь край наперерывъ другъ передъ другомъ выражали свои глубокія чувства уваженія къ его свѣтлой личности и его благимъ трудамъ. Нѣсколько померовъ *Вятскаго Края* было заполнено телеграммами съ выраженіями соболезнованія, присланными со всѣхъ концовъ Россіи и главнымъ образомъ изъ Вятской губерніи. Въ этой широкой отзывчивости общества къ постигнутой вятское земство утратѣ можно видѣть не только оценку благой дѣятельности А. П. Батуева, но и постепенно разрастающееся въ обществѣ сознаніе полезности земскаго дѣла вообще. Это сознаніе должно хоть нѣсколько утѣшить русское общество въ его тяжелой утратѣ.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ. (Портр. на стр. 188.)

9 декабря истекшаго года исполнилось 100 лѣтъ со дня кончины скромнаго дѣятеля на поприщѣ поэзии екатерининскихъ временъ, Ермила Ивановича Кострова. Въ настоящее время творения его забыты; не многимъ даже извѣстно имя его; однако, при изученіи исторіи нашей литературы XVIII вѣка нельзя обойти молчаніемъ имя Кострова и не выдѣлать его изъ среды современнѣхъ ему стихотворцевъ. Біографическія данныя о Костровѣ слишкомъ скудны, чтобы можно было уяснить личность этого человѣка вполне; остается ограничиться лишь нѣкоторыми отрывочными указаніями, которыя сохранились о немъ въ разсказахъ лицъ, знавшихъ его.

Костровъ родился въ половинѣ прошлаго вѣка; точно годъ рожденія его неизвѣстенъ; но нѣкоторымъ свидѣніемъ—1750 г., до другимъ—1752 г.; родители его были государственные крестьяне Вятской губерніи. По словамъ Вяземскаго, Костровъ называлъ себя сыномъ дьячка; однако, первый стихотворный опытъ его, отпечатанный въ 1773 г. при Императорскомъ московскомъ университетѣ, носитъ слѣдующій заголовокъ: „Стихи Святѣйшаго Правительствующаго Синода ко второму члену, Новоспасскаго ставропигіальнаго монастыря высокопреподобѣйшему господину отцу архимандриту Іоанну, которые въ чаяніи милостиваго благопріятія и отеческаго милосердія къ несчастнымъ любителямъ наукъ дерзаетъ принести вятской семинаріи ученикъ, воловѣтской экономической крестьянинъ Ермилъ Костровъ“. Посланіе это, въ которомъ авторъ, указывая на свои способности къ наукамъ, сѣтуетъ на тяжелое свое положеніе и стремится къ знанію, имѣло успѣхъ; Костровъ былъ принятъ въ число студентовъ московской славяно-греко-латинской академіи. Въ 1778 г. мы видимъ Кострова уже студентомъ московскаго университета, а въ слѣдующемъ году онъ былъ произведенъ кураторомъ университета И. И. Шуваловымъ въ бакалавры; это показываетъ, что Костровъ былъ въ числѣ лучшихъ студентовъ, окончившихъ университетскій курсъ. Въ 1782 г. онъ былъ произведенъ въ провинціальныя секретари и оставался въ этомъ чинѣ до конца своей жизни; онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, сохраняя связи съ Шуваловымъ и Жерасковымъ, а слѣдовательно и съ университетомъ, такъ какъ оба эти лица были кураторами его; черезъ нихъ онъ познакомился съ Новиковымъ, который издалъ въ своей типографіи, переведенный Костровымъ, романъ Апулея „Золотой Оселъ“. Жерасковъ, по словамъ Пушкина, цѣнилъ талантъ Кострова, который сдѣлался вскорѣ официальнымъ стихотворцемъ университета; кромѣ стиховъ, которые писались въ ознаменованіе торжественныхъ случаевъ въ самомъ университетѣ, Костровъ написалъ не мало стихотворныхъ произведеній, посвященныхъ лицамъ и событіямъ того времени. Какъ переводчикъ, онъ первый познакомилъ русскую публику съ „Иліадой“ Гомера, которую перевелъ съ французскаго, но не разбромъ греческаго подлинника, что сдѣлалъ впоследствии Гиббичъ. Переводъ поэмы Гомера, сдѣланный Костровымъ, при появленіи его въ свѣтъ заслужилъ вниманіе современниковъ и лестные отзывы тогдашнихъ критиковъ въ журналахъ; въ печати при жизни Кострова появились лишь первая и послѣдняя поэмы, и уже впоследствии въ бумагахъ его были найдены другія поэмы, однако, не всѣ. Черезъ пять лѣтъ послѣ „Иліады“ явился въ печати новый стихотворный трудъ Кострова, переводъ поэмы Оссиана, посвященный, по словамъ Фукса, Суворову, съ которымъ поэтъ былъ въ перепискѣ; собраніе поэмы шотландскаго барда было любимымъ чтеніемъ великаго полководца, который не расставался съ переводомъ

Кострова во всѣхъ своихъ походахъ. Суворову были также посвящены: „Ода на побѣду при Фокнапахъ“ и „Эпистола на взятіе Иаммаха“; по характеру этихъ произведеній, сравнительно съ другими, видно, что Костровъ былъ друженъ съ великимъ полководцемъ; говорятъ, у нихъ была общая черта—эксцентричность.

Жизнь Кострова, какъ мы уже сказали, остается лишь въ памяти немногихъ его современниковъ по немногимъ фактамъ и носитъ въ себѣ характеръ анекдотической; видимо, она не улыбалась поэту, который, создавая въ себѣ дарованія, долженъ былъ сдѣлать толпѣ нѣтъ того времени, изощряя талантъ на писаніе напыщенныхъ одъ. Сознаніе превосходства надъ другими, желаніе выделиться изъ круга посредственности, съ одной стороны; пренебреженіе, весьма часто насильски—съ другой—довели Кострова до пагубной страсти къ вину, что послужило поводомъ Государыне написать эпиграмму „На Хмельнипа“; походы же Кострова дали Кукольникову сюжетъ для его драмы въ стихахъ: „Ермилъ Ивановичъ Костровъ“. По словамъ М. А. Дмитриева, когда Костровъ жилъ въ домѣ Шувалова, окружающіе относились къ поэту, какъ къ „домашней кошкѣ“, мало обращая вниманія на безобиднаго и добродушнаго стихотворца, который саживалъ иногда въ дѣвичьей, помогая горничнымъ въ ихъ работѣ господамъ. Тотъ же Дмитриевъ разсказываетъ, что „Костровъ хаживалъ къ Ивану Петровичу Бекетову, двоюродному брату моего дяди. Тутъ была для него всегда готова чаша съ пуншемъ“. По словамъ Пушкина, Костровъ сталъ извѣстенъ своими произведеніями императрицѣ Екатерины, которая дала ему званіе „университетскаго стихотворца“ съ жалованьемъ 1500 руб. въ годъ; кромѣ того, онъ нѣсколько разъ получалъ отъ нея подарки, которые или принималъ, или отдавалъ первому встрѣтившемуся бѣднику, забывая совершенно свои нужды. Сохранился разсказъ, что, получивъ отъ императрицы за переводъ Оссиана 150 рублей, Костровъ отправился въ трактиръ помянуть о томъ, какъ онъ поѣдетъ въ Петербургъ; среди его мечтаній за бутылкой вина въ трактирѣ входятъ два офицера, изъ которыхъ одинъ разсказываетъ другому, что ему грозитъ судъ за промажу казенныхъ денегъ. Костровъ отдаетъ ему всѣ свои деньги. Когда государыня пріѣхала въ Москву, она приказала Шувалову привести знакомаго ей по одамъ поэта; но Костровъ, по причинѣ нетрезваго состоянія, не могъ явиться къ своей покровительницѣ. По словамъ Пушкина, когда „наступали торжественныя дни, Кострова искали для сочиненій стиховъ по всему городу, и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ“. Несчастная страсть къ вину довела Кострова до состоянія, близкаго къ „бѣлой горячкѣ“. Незадолго передъ кончиной онъ болѣлъ перемежающейся лихорадкой; эти недуги преждевременно свели его въ могилу; Костровъ умеръ 9 декабря 1796 г., и, по разсказамъ стариковъ, похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Извѣстный въ то время профессоръ П. И. Страховъ, знавшій Кострова, говоритъ: „Если бы Костровъ, какъ онъ желалъ всегда, занялъ мѣсто по способностямъ при университетѣ, мы бы еще не лишились его такъ рано, и поэзіи бы наша двинулась цѣлымъ вѣкомъ впередъ“. Въ „Посланіи къ другу-стихотворцу“, Пушкинъ упоминаетъ въ числѣ поэтовъ, которыхъ гонитъ судьба:

„...Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ.“

Портретъ Кострова, помѣщенный въ этомъ номерѣ, воспроизведенъ по чрезвычайно рѣдкой гравюрѣ 1825 г.

А. Ф. Шидловскій.

Разныя извѣстія.

— Настѣдникъ Цесаревичъ прибылъ 10 февраля, въ 1 ч. 30 м. пополудни, въ Кавказъ, на яхтѣ „Зарница“. Его Императорское Высочество былъ встрѣченъ посольской яхтой „Колхидя“, гдѣ находился посоль. Съ турецкихъ укрѣпленій произведенъ былъ установленный салютъ и были выстроены войска съ хорамъ музыки. „Зарницу“ сопровождала по Босфору „Колхидя“. 12 февраля Его Императорское Высочество благополучно прибылъ въ Патрасъ. 13 числа яхта „Зарница“ вышла въ Катанію.

— 9 февраля состоялось торжественное освѣщеніе и открытіе „перваго дома трудолюбія петербургскаго попечительнаго о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ общества“. По сообщенію *Новостей*, на сооруженіе дома ассигновано комитетомъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ попечительства о домахъ трудолюбія 40.000 р., а земля для дома безвозмездно отведена городскимъ общественнымъ управленіемъ. Новый домъ трудолюбія представляетъ большое трехэтажное зданіе, расположенное на вѣстимость 250 человекъ; въ нижнемъ этажѣ девять комнатъ: уборныя, кухня, столовыя и кладовыя; во второмъ этажѣ: канцелярія, приемный

покой и четыре зала для мастерскихъ; верхній этажъ также отведенъ подъ мастерскія. На обширномъ дворѣ будутъ построены: прачечная, дезинфекціонная камера и баня. Каждый бѣднякъ можетъ найти здѣсь работу; за полный рабочий день (съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера, съ двухчасовымъ промежуткомъ) онъ получаетъ по 15 коп., съ удержаніемъ 7 к. за обѣдъ и чай.

Торжество открытія началось молебствомъ, совершеннымъ высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладожскимъ, въ сослуженіи о. Іоанна Кронштадтскаго, архимандритовъ Гедсона и Корниля, при хорѣ лаврскихъ пѣвчихъ. По окончаніи молебствія, управляющій канцеляріей Его Императорскаго Величества гофмейстеръ А. С. Таишевъ прочелъ телеграмму отъ Августѣйшей покровительницы попечительнаго Государыни Императрицы Александры Феодоровны:

„Предстоящее открытіе перваго общирнаго и приспособленнаго къ нуждамъ столицы дома трудолюбія Меня искренно радуетъ. Я увѣрена, что подлѣ опытнымъ руководствомъ ген.-маіора Клейфельса это учрежденіе утѣшитъ и направитъ къ честной трудовой жизни многихъ несчастныхъ, нуждающихся

въ поддержкѣ: поручаю вамъ передать всѣмъ принимающимъ участіе въ этомъ полезномъ дѣлѣ Мои пожеланія полнаго успѣха. *АЛЕКСАНДРА*.“

Въ верхнихъ мастерскихъ дома трудолюбія былъ сервированъ завтракъ для гостей, а внизу, въ столовыхъ, въ это же время были открыты столы для бѣдныхъ, которымъ роздано было 500 бесплатныхъ обѣдовъ и по бутылкѣ пива каждому. Когда бѣдняки вошли въ столовую, градоначальникъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы Александры Феодоровны, по волю Которой сооружено это благое учрежденіе, и всего Царствующаго Дома. Долго несмолкавшіе крики „ура“ встрѣтили этотъ тостъ. Второй тостъ г. градоначальникъ провозгласилъ за здоровье петербургскихъ бѣдняковъ и рабочихъ, страдающихъ домъ трудолюбія. Громкое „ура“ встрѣтило этотъ тостъ, на который олимпъ изъ бѣдняковъ, поднявъ стаканъ пива, провозгласилъ тостъ отъ имени петербургскихъ бѣдняковъ за здоровье г. градоначальника, благодаря заботамъ котораго они будутъ теперь имѣть возможность зарабатывать честнымъ трудомъ копейку, не прибѣгая къ ищенству.

Политическое обозрѣніе.

Въ политическихъ событіяхъ послѣднихъ дней, Греція продолжаетъ оставаться героемъ дня: въ Англии, Франціи и Италіи началась усиленная агитація въ пользу грековъ, сопровож-

жаемая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уличными демонстраціями. Въ Аѳинахъ же населеніе окончательно потеряло голову отъ патріотическаго восторга послѣ благополучнаго высадки гре-

чекских войск на Критъ. Оказалось, что почти одновременно съ заявленіемъ международными войсками Канен, въ восьми километрахъ къ западу отъ этого пункта, у мѣстечка Платанія, подъ прикрытіемъ греческой эскадры, высадились отрядъ въ 1,500 человекъ подъ командою полковника Вассоса — фангель-адъютанта короля Георга. Восторженные клики по аэнискимъ улицамъ, шумныя оваціи передъ королевскимъ дворцомъ дали просторъ патриотическому пылу грековъ, перешедшему и въ другіе города королевства. По официальнымъ сообщеніямъ, полковнику Вассосу приказано вступить во владѣніе Критомъ отъ имени короля Георга и, изгнавъ турокъ, занять крѣпости. О военной оккупации острова Вассосъ издалъ въ Платаніи прокламацію къ критскимъ инсургентамъ, пригласивъ ихъ повиноваться королевской власти и обѣщая отъ имени короля охранять честь, жизнь и имущество жителей безъ различія религіи и національности.

Проводя, повидному, серьезную программу оккупации Крита, греческое правительство предприняло вооруженіе королевства съ лихорадочною поспѣшностью. Созданы резервисты, начата отправка войска на турецкую границу. Съ артиллерійскимъ полкомъ, выступившимъ въ Лариссу, выѣхалъ другой королевичъ, Николай, при горничныхъ манифестаціяхъ аэнискаго населенія. Военныя приготовления въ полномъ разгарѣ.

Въ Лондонѣ сперва питали надежду, что Греція вполне будетъ вознаграждена присоединеніемъ къ ней Крита за приверженность ея къ Англии, политикѣ которой греки оказываютъ поддержку въ Средиземномъ морѣ. Векорѣ, однако, въ бри-

танскому настроеніи пропозшла переѣма подъ влияніемъ убѣжденія, что Россія не допуститъ нарушенія неприкосновенности Турціи и установившагося равновѣсія на Востоку, затѣмъ—Англія принудилась считаться съ энергическимъ вмѣшательствомъ императора Вильгельма и сверхъ того—принять въ соображеніе достовѣрныя извѣстія съ Крита, что значительное большинство критскихъ христіанъ, стремясь къ широкой автономіи своей родины и не желая подпасть подъ грабительскій режимъ чиновниковъ греческаго королевства, рѣшительно не желаютъ присоединенія Крита къ Греціи.

Въ виду непосредственнаго вмѣшательства державъ въ критскія дѣла, въ европейской печати пошли толки о ближайшей судьбѣ Крита, остановившіеся въ некоторое время на предположеніи о широкомъ автономномъ управленіи острова, во главѣ съ героемъ греческой морской демонстраціи — королевичемъ Георгіемъ.

Сообщенія авторитетной *Kölnische Zeitung* отъ 6 февраля поспѣшили разсѣять это предположеніе: придерживались взгляда о необходимости исправленія крупнаго нарушения Греціей международного права, Германия, по откровенному заявленію державамъ, считаетъ ниже своего достоинства вступать съ греческимъ правительствомъ въ переговоры до тѣхъ поръ, пока войска и суда Греціи не возвратятся къ себѣ домой; до

тѣхъ же поръ и вопросъ о судьбѣ Крита является преждевременнымъ; предполагаемое назначеніе королевича было бы продолженіемъ содѣянаго правонарушенія и одобреніемъ поступка Греціи, чего не допуститъ германское правительство. По увѣреніямъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* отъ 8 февраля, Германия, оставаясь при высказанномъ ею взглядѣ, намѣрена дѣйствовать по критскому вопросу совместно съ державами на слѣдующихъ условіяхъ: 1) вопросъ о присоединеніи Крита къ Греціи, какъ не представляющій никакихъ гарантій благоустройства острова и создающій лишь опасный прецедентъ для прочихъ балканскихъ государствъ, должно оставить въ сторонѣ, и 2) до начала переговоровъ о будущемъ управленіи Критомъ слѣдуетъ положить конецъ образу дѣйствій Греціи, угрожающей европейскому миру.

Для восстановленія правъ Турціи на Критъ Германия предложила державамъ блокировать Пирей. Англія возразила контръ-проектомъ о дарованіи Криту полной автономіи по приѣзду острова Самоса, настаивая на предварительномъ рѣшеніи этого вопроса. Такимъ образомъ началась расчистка почвы для соглашенія державъ призвать Грецію къ порядку. При этомъ, во избежаніе осложненій на Балканскомъ полуостровѣ и въ виду желанія болѣе выдающейся части населенія Крита, предположеніе о присоединеніи этого острова къ Греціи, преслѣдуемой ею задачей, отвергнуто державами единодушно.

Международный десантъ занимаетъ въ настоящее время пять пунктовъ на сѣверномъ побережьи Крита. Командующему греческимъ отрядомъ и инсургентамъ дано приказаніе командующаго европейской эскадры прекратить военныя операціи; одновременно, по требованію державъ, вопреки протестамъ греческаго консула, въ Канѣ снушенъ греческій флагъ.

Вассосъ, однако, продолжаетъ дѣйствовать внутри острова, намѣреваясь завладѣть важными стратегическими позиціями. Малочисленные турецкіе гарнизоны стойко выдерживаютъ натискъ грековъ. Адмиралы международной эскадры увѣдомили свои правительства о необходимости рѣшительныхъ мѣръ. Вопреки многократнымъ протестамъ адмираловъ, инсургенты начали дѣлать 9 февраля, наступленіе, завязавъ перестрѣлку съ турецкими аванпостами у Канен. Въ виду этого, по соглашенію адмираловъ, по инсургентамъ открытъ былъ огонь, прекращенный лишь послѣ того, какъ греческій флагъ былъ снушенъ. Огонь открытъ былъ германскимъ фланговымъ судномъ „Kaiserin Augusta“, затѣмъ стрѣляли англійскія, австрійскія и русскія суда, до французскихъ и итальянскихъ судовъ очередь не дошла, за прекращеніемъ огня. Произведено международной эскадрой 70 выстрѣловъ, отъ которыхъ человѣческихъ жертвъ не оказалось. Такимъ образомъ, внушительное воздѣйствіе державъ послѣдовало. Теперь едва ли можетъ быть сомнѣніе, что судьба Крита въ рукахъ державъ.

А. П. Батуевъ († 26 октября 1896 г.).
Съ фот. П. Г. Тихонова въ Вяткѣ, авторія „Нивы“.

Е. М. Костровъ (по поводу столѣтія со дня кончины).
Съ гравюры, помѣщенной въ „Дамскомъ журналѣ“ 1825 г. № 17,
авторія „Нивы“.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ 7 р. Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чрезъ конг. объявл. Н. И. Печковской, Петровск.
Торг. лив. 6 р. Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 7 р.
За границу 10 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Голубой платокъ. (Изъ записокъ выздоравливаемаго.) Рассказъ Н. И. Случевского. — Превращеніе. Флорентинская новелла XV вѣка. Д. С. Меремновскаго. (Окончаніе.) — Къ рисункамъ: „Маминичъ 19 февраля 1881 г.“ Императоръ Александръ II у гробницы императора Николая I. — Три поклоны. — Князь Изяславъ Мстиславичъ предлагаетъ миръ и дружбу дядѣ своему Вячеславу. — Св. Варволоней. — Передъ жилищемъ шага. — Рейсній водопадъ у Шафтаузена. — Памятникъ императору Александру II въ парижскомъ саду имени Фридриха-Вильгельма-Викторія въ Москвѣ. — Вагонъ-чертово на Сибирской желѣзной дорогѣ. — А. П. Батуевъ (съ портр.). — Ермилъ Ивановичъ Костровъ (съ портр.). — Газета навѣсла. — Полтъя. — О подпискѣ на „Ниву“ 1897 г. — Объявленія

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

van Houtens Cocoa

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ.

Потребление какао Ванъ-Гутена, какъ пріятнаго напитка, растетъ съ каждымъ днемъ. Это—наилучшій шоколадъ для питья.

Въ пользу Краснаго Креста **АВНОСИНСКАЯ ВЫСТАВКА** открыта отъ 10 час. утра до 10 час. вечера

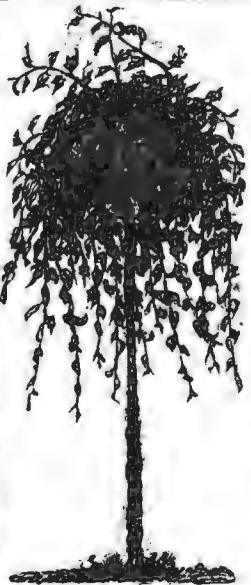
въ залахъ Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста. Инженерная ул. д. № 9. Входъ 30 коп., по понедельникамъ 1 руб.

ВОЛНИЦЫИ хвѣтъ наружныи, внутреннии болѣзньи электротер. Невскій. 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. № 9563 13—10

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896г.

А. М. ОСТРОУМОВЪ
МЫЛО ГОЛОВНОЕ ПЕРУВИИ
МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЪ ЧЕРЕДАИ
О-ДЕ СОВѢРЪ ОДА ОТЪ ТЕРЕНА
ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА ПРОДАЮТСЯ ВЪСѢ

ОНЛАДЪ Н. О. АОНАРХАНОВА,
Петербургъ, Троицка, 6.
Выслать СПОРО КНИГИ, приборы, классную мебель и проч.
Продолжается подлеса: „Библиографическія Новости“, 12 №№ въ годъ. Ц. 70 к. съ перес.
Энциклопедическій словарь
кодъ редака. П. И. Вейнберга, 6 вых. 8 р., съ пер. 8 р. 1 и 2 вых. выйдутъ выхотѣ въ мартѣ или апр. Допуск. разсрочка. Первыиъ 2000 подписч. безплатна ПРЭМІИ портретъ Государя (продается по 5 р.) или Альбомъ Св. Борнозаванія. Допускается разсрочка. Высмл. подробное объясненіе.
АЗБУКА въ 31 карт. красками. Ц. 75 к.
СНАЗНИ ТОПЕЛІУСА (12—15 вых. съ рис. по 10 к.) Вых. I—IV. Ц. за каждою по 10 н., за перес. по 3 к. и за заказъ 7 н. всего.
МААДЪ СОЛОМОНА. Р. Гаггара. Съ агла. 29 рис. Ц. въ колонк. перекл. 1 р. 50 н., золот. обрѣзъ 1 р. 75 к.
РОБИНЗОНЪ и РОБИНЗОНА. П. Маэль. На зеленев. бум. 39 рис. Ц. въ кол. пер. 1 р. 50 н., золот. тлещ. 1 р. 75 н., зол. обрѣзъ 2 р.
ДѢТИ РАБОТНИНИ. Разск. Н. Жеденова 129 стр. 5 рис. Ц. 30 н., съ перес. 40 к.

СЪМЕНА И САЖЕНЦЫ

лѣсныхъ, парковыхъ и плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ

РЕКОМЕНДУЕТЪ

Управленіе лѣсовъ и питомниковъ въ Подзамгѣ

почт. ст. Соболевъ, Сѣдлецкой губ.

Иллюстрированные прейсъ-курранты саженець и отдѣльные прейсъ-курранты сѣмянъ высылаемъ бесплатно и franco. № 9957

Ф. Ф. РОЖИНСКІЙ.

ПРОДАЖА

МЫЛО ЖЕЛЕ ПУДРА
35к. 35к. 35к.

ФИЛОДЕРМИНЪ ЛЕМЕРСЪЕ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ БЪЛЗИНЫ КОЖИ РУКЪ И ЛИЦА

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ У Ф. ШАБЕРТЬ МОСКВА, ПОКРОВКА Д. СОБОЛЕВА

Для научной экспедиціи въ Центральную Азію
просить молод. чело. — 1000 руб., срокомъ на 2 года. Залогъ: коллекц. по зоологій (птицы, змѣя, etc.) — до 1500 №№, научн. и друг. книги — 3000 №№ и вещи рукописей.
Адресъ: С.-Петербургъ, Лѣсной, Староаргозовск. просп., № 43. Натуралисту В.

CRÈME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъкрема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его хлѣбствіа.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

Р. № 9602 13—10

ВАЖНО для ДАМЪ!

КАЛОДЕРМА

Ф. ВОЛЬФЪ и Сынъ.
НЕЗАМЪНИМА для холи кожи.
Продажа въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и перестройки КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Umland, Leipzig.
Прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ зачине. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За дѣт. 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Еваториинская, № 7. Проф. кал. Э. Кошдарасъ. № 9852 10—4

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Православные Христиане!

Въ селѣ Березовѣ Рязанскаго уѣзда Рязанской губерніи, деревенскій храмъ отъ времени пришелъ въ такую ветхость, что грозитъ полнымъ разрушеніемъ.
Уповаю на милость Божию и на добрыя сердца православныхъ христіанъ, имъ съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Архидіакона нашего Іустина, Епископа Рязанскаго и Зарайскаго, рѣшиши воздвигнуть новый храмъ. Почему и призываю къ милостямъ добрыхъ людей.
Во имя Господа Іисуса Христа, заповѣдаваго: „просящему дай“ — не откажи, добрыя христіане, въ послѣдней помощи намъ осуществить начатое нами великое и святое дѣло, что какъ и чѣмъ можете. Божественный Учитель Намъ выветъ съ нами сказать, что давшаго руку не осушдвѣютъ, и ми, увѣреніе въ щедрости добрыхъ людей, прибавивъ отъ себя, что великое пожертвованіе будетъ принято нами съ сердечною благодарностью и съ возношеніемъ Господу Богу Намому востолннхъ и горячихъ молитвъ за всякаго жертвователя. № 9914 2—2
Святые небесные пѣлители, чудотворцы и безсребренники Босма и Даміанъ, во имя которыхъ рѣзрѣшено строить храмъ, будутъ вашими пѣлителями въ вашихъ недугахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, вашии вступниками въ напастяхъ и бѣдахъ.
Просимъ выслать деньги и вещи по слѣдующему адресу: Рязанской губерніи, почтовой станціи село Урусово.—владѣльцу Предсѣдателью Строительнаго Комитета Николаю Михайловичу Кляпину, или хлѣстоному священнику Николаю Перцову.

ДРАХМЪ

изъ чисто-серебряной шерсти, цѣнѣ натуральной, серошнѣ.
Цѣна, для означеннаго кубика, составляетъ только по 1 р. 50 н. за арш.
Шарна 3 арш. Для дамскихъ тѣлесъ, проталовъ, кофточекъ, платковъ, мушкетъ, нарядовъ, оловячнхъ куртокъ, аршавовъ и дѣтскихъ вещей. Незамѣннмъ по теплотѣ, легкости и прочности.
Можно получить и выслать по почте и въ розницу вслѣдствіемъ въ фабрично-розничномъ магазинѣ

А. ИВАНОВЪ.
Москва, Тверская, писемъ Почтаголова. Выслать каталогъ писемъ по первому требованію. 2—10

БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,
страхуетъ.
билеты по 100 р. съ выигр. займа отъ 1 марта 1897 г.
по 1 руб. 15 коп.

ФОТОГРАФЫ, КИНЕТОГРАФЫ.
Складъ всѣхъ новостей Эдисона, большой выборъ записокъ вывѣстныхъ и музыкальныхъ лучшихъ исполненій, громадный выборъ лентъ-картанъ для кинетографовъ и всѣ принадлежности. Прейсъ-куррантъ бесплатно. Москва, Мясницкая, домъ Тульскаго подворья. 2—2
РІКАРДЪ ЯКОВЪ.
ИЗЪВѢСТНОЕ Рем. изъ современн. машинъ Вс. Селенскаго. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 20 н.

И. № 9881 5-5

МОСКВА.
Тверская, домъ Толмачева.

ДЕПО
настоящихъ американскихъ
ФОНОГРАФОВЪ
Эдисона

отъ 200 руб. до 600 руб.
съ принадлежностями и въерами.

НОВОСТЬ—Edison Home Phonograph для
дома, конторъ и пр. 225 руб.

ГРОМКИЙ ВЫБОРЪ ЛУЧШИХЪ
ФОНОГРАММЪ.
Зависимы части.
Собственная мастерская.

КИНЕМАТОГРАФЫ
проекции на экранъ или маленькия фото-
графы въ натуральную величину.

КИНЕТОСКОПЫ
оживленные фотографии въ миниатюрѣ.

ИКСЪ-ЛУЧИ
демонстрація новыхъ предметовъ.
Тверская, домъ Толмачева.

PARFUMERIE ORIZA

L. LEGRAND

11, Place de la Madeleine, 11
PARIS

СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Violette du Czar

Parfums de l'Aigle Russe.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВИНКА Parfums Grande-Duchesse.

Находятся въ продажѣ у главн. парфюмер. въ РОССИИ

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Н. Н. ДАГУЛЯ

въ Юрьевѣ
(Дерптѣ), Лифляндской
губ., существующее съ
1822 г.,

высвѣтаетъ безплатно

франко

КАТАЛОГЪ СЪМЯНЪ И

РАСТЕНІЙ,

а именно: сѣмянъ огородныхъ, цвѣ-
точныхъ, древесныхъ и полевыхъ,
превосходнаго качества и смѣтной цѣны
ископости, 500 сортамъ грунтовыхъ
и оранжерейныхъ розъ, шпиконки
для прививки, георгинъ, гвоздикъ,
дѣтскихъ луковичъ, ландшей и корне-
вищъ, растений воздушныхъ, оранжерейныхъ
и тепличныхъ, ПЛОДОВЫХЪ ДЕРЕВЬЕВЪ
и КУСТАРНИКОВЪ, какъ-то: аблокъ, грушъ,
сливъ и вишенъ, кривовишка и спородимъ,
малины, клубники, смородины, ДЕКОРАТИВ-
НЫХЪ ДЕРЕВЬЕВЪ И КУСТАРНИКОВЪ,
хвойныхъ деревьевъ, рослыхъ деревьевъ для
аллей, плакучихъ деревьевъ, кустарниковъ
для живыхъ изгородей и кустарниковъ вы-
сокихъ, шампионовыхъ гнѣздъ, заморскихъ
древесныхъ, ГИГРОМЕТРОВЪ (предсказывающъ
переходъ погоды за 24 часа впередъ; цѣна
2 р.), колодки для уничтоженія вредныхъ
раффинъ, индѣйской мочалы, садовыхъ инстру-
ментъ и пр. съ обозначен. крайнихъ цѣнъ.

Модели изъ бумаги и ВЫКРОЙКИ

для предстоящаго осенняго и лѣтняго
сезоновъ 1897 г. Мужскія, дамскія и
дѣтскія для нижняго и верхняго платья
ПОЛУЧЕНЫ ВЪ БОЛЬШОМЪ

МАГАЗИНѢ МОДНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ
И. А. ПОЗИНА,
Москва, Тверская, пассажъ Постни-
кова, № 30/45.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на всѣ загранич. модные журналы.
Каталогъ высыл. безплатно.
Допускается налож. платежомъ.

ВЫИГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 займа продаютъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СІВ. 10-5

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES

des RR. PP.

BÉNÉDICTINS

DE
l'Abbaye de Soulac,
Dom MAGUELONNE, Prieur.

Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
Expos. Int. Lyon 1889.
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Exp. Int. Bordeaux 1895.

РУССКОЕ ОВЩЕСТВО

для производства СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ
въ г. РИГѢ
готовить въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ
перьевъ превосходнаго качества.
Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинныхъ и
оптовыхъ конторахъ. Л. № 9859 13-7

Teichner's Fettender

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, помагитъ на кожу. Косметиче-
ское средство для улучшения красоты кожи.
Теплая жирная помада. Жирная помада и бѣлая. Карандаши для бровей.
Используютъ во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, настоящихъ бѣльгійскихъ императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: В. Ауркичъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ.
В. № 9646 15-8

МУЗЫКАЛЬНЫМИ НОВОСТЯМИ
въ изданіяхъ П. ЮРГЕНСОНА въ
Москвѣ.

Аренскій, А. ор. 4. Четирѣ этюда
для фортепьяно въ одной тетради 1 р. 20 к.
отдѣльно по 40 коп.

Аренскій, А. Фугата для ф. п. . . . . 40 к.

Бакъ, І. С. 25 маленькихъ прелюдій
и фугъ . . . . . 75 к.

Зальтеръ, Н. Русскіе романсы для
виолончели съ ф. п. Албѣева, Вар-
ламова, Глинки, Даргомыжскаго,
Моцарти . . . . . 1 р. 50 к.

Ковальскій, Г. ор. 10. Deux morceaux
pour Piano . . . . . 60 к.

Рахманиновъ, С. ор. 15. Шесть хор-
ровъ для женскихъ или дѣтскихъ
голосовъ: 1. Славься. 2. Ночка. 3.
Сосна. 4. Задремалъ. 5. Неволя. 6.
Ангелъ. Ц. каждого номера 40 к.,
каждый голосъ отдѣльно по 10 к.

Рахманиновъ, С. ор. 16. Six moments
musicaux pour Piano . . . . . 2 р.
№ I. 60 к. II. 60 к. III. 40 к. IV.
50 к. V. 40 к. VI. 75 к.

Рубинштейнъ, А. ор. 30. Первая Бар-
карелла въ 4 руки 60 к. 2-я Бар-
карелла 60 к.

Рубинштейнъ ор. 82, № 7. Полька
игр. Гофманомъ въ 2 руки 50 к.,
въ 4 руки 50 к.

Москва у П. ЮРГЕНСОНА.
СІВ. у І. Юргенсона. Варшава, І. Зепевальдъ.

ФАБРИКА ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ
БОЛЬШОЙ
ВЫБОРЪ
ТРОСКИ И НОВЫХЪ
СУНДУКОВЪ,
сесесеровъ и
проч. высшаго
качества.

Ю. МЮЛДЕРЪ,
СІВ., В. Морская, 16-8.

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
В. Семадени въ Киевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка
15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН-
ЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар-
скихъ магазинахъ Россіи. 12-8

ТРЕБУЙТЕ
НА КАЖДОЙ МЕСТНОСТИ
АНТИПАРАЗИТЪ
ОТЪ
КЛОПОВЪ
Л. СТОЛКИНДА

Продается безплатно.
Главный складъ Москва
Лѣвѣнскій проездъ, Смольнинова
Нижегород. Ярмарка, главный домъ № 57.
Л. А. СТОЛКИНДА.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
и СКЛАДЪ СЪМЯНЪ
И. Г. КАРЛСОНЪ въ Воронежѣ.
По требованію высвѣтаетъ немедленно безплатно: 1) большой иллюстрированный ка-
талогъ всякаго рода сѣмянъ, георгинъ, са-
довыхъ инструментовъ и книгъ и 2) боль-
шой, обстоятельно составленный и изданно
иллюстрированный въ текстѣ множествомъ
рисунковъ, каталогъ плодовыхъ и декора-
тивныхъ деревьевъ и кустарниковъ, розъ,
растений грунтовыхъ, тепличныхъ, оран-
жерейныхъ и комнатныхъ и голландскихъ цвѣ-
точныхъ луковичъ.

Новый
прекъ-
нурный
иллюстр.
за 1897 г.
Оружей-
наго Склада
въ фирму:
«Центральное депо оружія»
Б. Кошюженная, 29. Эд. Венигъ. За
приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ
высыл. безплатно. Много новостей.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
Зачное обученіе шитью и проѣктъ несо-
стоятъ лекцій-корреспонденцій, но поѣз-
жену, легчайшему и понятному для каждо-
го. Полная гарантія въ успѣхѣ! По окон-
чаніи курса свидѣтельство. Условія и про-
граммы высвѣтаетъ БЕЗПЛАТНО.
Преподавательница Е. А. Амшарина.
Низь, В. Житомирская, № 4.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ, ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержаще кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫЕ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ. А. № 9861 26-4

ИЗДАНИЕ годъ 33-й. Подписной годъ начинается съ 15 ноября 1896 года по 15 ноября 1897 года.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1897 годъ самый распространенный въ Россіи еженеделный музыкальный журналъ "МУЗЫКА И ПѢНІЕ"

Подписная цѣна на годъ безъ дост. 4 р., съ дост. и перес. по всей Россіи 5 р., за границу Фр. Допускается разсрочка.

ПѢНИИ, ОДНОГОЛОСНАГО и ХОРОВОГО, ФОРТЕПИАНО и ДРУГ. ИНСТРУМЕНТОВЪ. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учебныхъ, старшихъ и среднего возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Редактированъ Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній. Издается въ корпусахъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныхъ библиотекъ. Журналъ "Музыка и Пѣніе" выходитъ еженеделно тетрадами по 44 страницъ. Большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ и даетъ своимъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальныхъ произведеній во всѣхъ отрасляхъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешовымъ цѣнамъ сорочъ рублей. Въ журналѣ "Музыка и Пѣніе" помѣщаются выдающіяся музыкальныя новости, исполняемыя въ концертахъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Вышелъ № 4-й. Содержаніе: Отдѣлъ I, текстъ: 1) Францъ Шубертъ. Биографическій очеркъ. 2) Музыка и пѣніе на Всероссийской Выставкѣ 1896 г. 3) Звуки и краски. 4) Поэтизованія въ музей М. Н. Глинки. Отдѣлъ II, пѣніе: 5) Могола, Е. Хоръ народа изъ оп. "Лосифъ", для свѣтъ хора. 6) Шубертъ, Ф. "Миръ вамъ" Рах. volicum, на 1 гол. съ форт. 7) Тоже. На 2 гол. 8) Тоже. На 3 гол. съ форт. Пѣніи на 1 гол. съ форт. ар. Н. П. Бранскимъ: 9) Ахъ, ты степь ли. 10) По горамъ, по горамъ. 11) Ал, сборы Грушевыя. 12) Фонтенель, Г. Цѣлѣтъ въ книгѣ. На 1 гол. съ форт. 13) Брамсъ, И. Колыбельная пѣсня. На 1 гол. съ форт. 14) Коматъ, Ф. Одиночество. На 1 гол. съ форт. Отдѣлъ III, легкія пѣснь для форт.: 15) Гурантъ, К. Сцена на армякѣ. 16) Его-же. Охота. 17) Behr, F. Benedade Maugouque. 18) Boismortier. Les reveleuses partiales. Отдѣлъ IV, пѣснь для фортепиано средн. трудн.: 19) Maassenet, I. Eau dormante. Impromptu. 20) Ганцъ, X. Гусарскій вальсъ. 21) Grieg, E. Wachterlied. 22) Его-же. Elfentanz. 23) Ivanovici, I. Le plaisir du bal. Mazurka. 24) Мендельсонъ, Ф. Весенняя пѣснь. Отдѣлъ V, для форт. въ 4 руки: 25) Шубертъ, Ф. Военный маршъ. Отдѣлъ VI, для разн. инструм.: 26) Мендельсонъ, Ф. Весенняя пѣснь, для скрипки съ форт. 27) Тоже. Для флейты съ форт. 28) Тоже. Для корнета съ форт. 29) Тоже. Для валторны съ форт. Эту пѣсню можно исполнять какъ дуэтъ, трио, квартетъ и квинтетъ. 30) Приложене: Карасевъ, А. Н. Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію. 31) Объявленіе. Цѣна № въ отдѣльной продажѣ 50 к., съ перес. 71 к., съ налог. плат. 81 к. Подробныя объясненія, содержанія 1-го и 2-го года изданія и начала методѣ выслаются безплатно. Подписка принимается въ главномъ конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, прот. Гостиного двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова. № 9867 Редакторъ-издатель П. СЕЛИВЕРСТОВЪ.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской выставкѣ 1896 г. за "Мыло Диспозе" П. Н. Виноградова. НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ МЫЛО ДИСПОЗЕ ЗАВАНІЕ. ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ БЕЗЪ ПАРКИ. ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ мыла на оберткѣ и на мылѣ штамъ "Мыло Диспозе". ВЪ ЛѢЕ получается замѣчательно чистымъ. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуетса ВЪ ТРИ РАЗА МЕНШЕ простого. Совершенно безвредно для тканей бѣлыхъ. Удостовер. за № 3780. Экономично для банн. Продажа всездѣ. Омг. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 9870 4-4

СРУЩЕННОЕ СОЛОДОВОЕ ПИВО Стрѣльнинскаго пив. завода И. А. Брунсѣ. Главный складъ при магазинѣ К. Ф. ДЕПРЕ, Мойка, № 42, у Подкопѣеваго моста.

ИНЖЕНЕРНАЯ ШКОЛА ВЪ ЦВЕЙБРЮКЕНЪ (Рейнпфальцъ). Высшая школа машиностроенія и электротехники. Преподаваніе ведется по двумъ учебнымъ планамъ, А и Б, заключающимъ въ себѣ 5 семестровъ. Учебн. планъ А. Подготовка учениковъ въ машиностроительные и электро-инженеры. Условія пріема: Окончаніе курса реальнаго училища. Учебн. планъ Б. Подготовка учениковъ въ машиностроительные и электро-техники. Условія пріема: Хорошая подготовка въ низшемъ учебн. заведеніи и не менѣе годовой практики на какой-либо фабрикѣ или механической мастерской. Пріемъ новыхъ учениковъ производится въ первой половинѣ апрѣля и октября. Подробная программа школы высылается, по требованію, безплатно. Директоръ Пауль Виттзакъ.

Модные духи — Виола Одората Ауриха О-де-колонь — Виола Одората Ауриха Жирная пудра — Виола Одората Ауриха ВАСИЛІЙ АУРИХЪ Колокольная, 18/19. В. № 9734 16-7 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА: Повѣсти и рассказы И. Н. ПОТАПЕНКО Томъ XI. СОДЕРЖАНІЕ: Подвальныи этажъ. Минусинскъ. Рѣшился. Гастролиръ. Октава. Тысяча талантовъ. Кращенскіе дни. Постная колбаса. Дѣвизадатый. Письмо. Позвиз. Цѣна 1 руб. № 9955

D.O.M + D.O.M BÉNÉDICTINE de l'Abbaye de Fécamp MONACHORUM. La Meilleure des Liqueurs Se defier des contrefaçons. Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville. D.O.M + D.O.M

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LONSE Бѣлая и розовая вода для бѣломурыхъ, желтая вода для брюнетовъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к. МЫЛО ЛОЗЕ "LILIENMILCH" ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5133 (961)

Лѣчебница д-ра Эммериха для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ. Бадень-Бадень. Проспектъ безплатно. См. соет. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ едк. у Штейншца въ Берлинѣ. Завѣдыв. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герценъ. 24-4

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва * Рига * СПбургь.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ПОДЪ
 фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕНУЮ И КРАСНУЮ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЮ.

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай Э. Швейцгеръ, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: Швейцгеръ, Москва.

Лучшаго качества: СКРИПКИ

№ 2 4
 0, 8, 10
 12, 15
 20, 25
 30, 40, 50
 60, 75, 100 р.
 и дороже.
 Смычки для скрипки из
 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3,
 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
 Футляры для скрипки
 по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
 Струны, канфоли и вся другая принадлежность.

Скрипки 2 1/2, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ же цѣнамъ, какъ и большія.
 Альты по 6, 12, 20, 30, 50, 75 и 100 р.
 Смычки для альты по 2, 4, 6, 10 и 15 р.

ВИОЛОНЧЕЛИ

по 20, 30, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
 Смычки для виолончели по 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 руб.
 Контрабасы по 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
 Смычки для нихъ по 2, 3, 5 и 10 р.
 Прейск-курантъ безплатно.

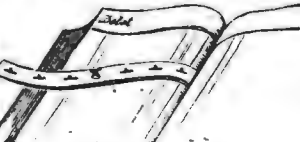
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное дело и фабрика музыкальных инструментовъ.
 Складъ нотъ.
 С. Петербургъ, Б. Морская, № 31 и 40.
 Москва, Бульварный м., Д. Захарьина.

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К^о

ИЗОБРЕТАТЕЛИ
„Цвѣточнаго о-де-колона“,
Духовъ „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“,
„Глицериновою пудры“,
 усовершенствованнаго
„Глицериноваго мыла“.
«Остерегайтесь подражаній».

Гибкая линейка „Практикусъ“

изъ английской стали, нацѣно никелированная, имѣетъ всегда хорошей блескъ и служитъ лучшимъ украшеніемъ письменнаго стола.
 Казковъ совсѣмъ не выводитъ. Почти всѣ конторы пользуются линейками „Практикусъ“, а также по хозяйственной части во многихъ полкахъ.
 1 шт. 1 р. 25 к., 3 шт. 3 р. 6 шт. 5 р. 70 к.

Вислица валжоннымъ платкомъ.
Германъ Рейхель, Складъ новостей
 С.-Петербургъ, Невскій пр., 82. В. № 9976 3-1

К. Шликэizenъ, Берлинъ 80.
 машино-строительн. заводъ для кирпичи, торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (81)
 Датье: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красящихъ, клеевыхъ, шловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу.
 Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

ЦВѢТОЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ

Т-ва „ГИГИЕНА“
 разныхъ эссенцій, приятны, прочны, значительно превосходятъ существующіе до сихъ поръ цвѣточные одеколаны и туалетныя воды.
 Главные склады: СПб., площ. театра 9. — Москва, Никольская, д. Шереметова. — Варшава, Новый Светъ, 37.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИСЪ 1889

ИЗЪОБРЕТЕНІЕ
 УТВѢРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗЪ МАЙЛОВСКОГО ПР-ТЪ.

ХИННАЯ ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

С.-ПЕТЕРБ., ВРАЧЕВЪ, УПРАВЛ. ИЗОТОВЪ, И ПРОДАЖА ВЫШЕ-ОМАНЧЕНОЙ ВОДЫ КАКЪ НЕ СОДЕРЖ. въ своемъ составѣ брѣны, ядовъ, ящ., ядовъ, на оны, основанъ, тогъ.
 Вода Филлордъ, Шампунъ (Мыльн. эссен.)
 Тоническая вода. Для мытья головы.

МАГАЗИНЪ въ Москвѣ, въ ХОЗЯЙСТВЕННУЮ КОСТЮМНУЮ И ПУТЕШЕСТВЕННУЮ

НА ВОСПИТАНИЕ И УХОДЪ ЗА ДѢТЯМИ ВЪ СЕМЬИ

СВѢДѢНІЯ
 60
 ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКАГО
 ОБЩЕСТВА
 ПРОСИТЪ
 ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
 ЖЕЛЕТОВАТЬ
 ЕМУ

НЕУЖИВЪНЫ ВЕЩИ

АВЛЮНЪ
 ВОСПИТАНИЕ
 500

МАР. СЕВЕР. ПОСРЕДСТВОМЪ

ТЕЛЕФОНЪ 45 3672

ТОЛЬКО ЗА ОДИНЪ РУБЛЬ
 Книжный магазинъ М. Абрамовича (Римельовская ул., д. № 31, Одесса) высылаетъ Полный курсъ

== МЕМОТЕХНИКИ ==
 въ 2-хъ частяхъ. Блага эта даетъ возможность быстро и легко урѣвнать и приобрести хорошую память и тѣмъ избѣгнуть дорогаго стоимости курсы у изобретателей. № 9974

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
 въ Гогенгеймѣ. В. № 9970 2-1
 1-й курсъ 1897 г. начинается въ среду, 21-го апрѣля с. г. Программы и расписанія лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заводенія высылаются изъ канцелярской дирекціи по желанію безплатно.
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
 Гогенгеймъ, февраль 1897 г.

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА

РАЛЛЕ

(Вальжоннымъ платкомъ)

Майоннѣ Ландинъ, Дланъ-Кланъ, Гелогротъ, Вера-Бюлетъ и т. д.
 Продаются во всѣхъ Агек. магазинахъ, Россіи, Имперіи

Остерегаться поддѣлокъ
 ПРОВИЗОРЪ

Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОВОЕ МЫЛО

ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
 ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ

БЛАГОУВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

1/2 кг. 50 к. 1/2 кг. 30 к.

PRECIOSA VIOLETTE

ПРЕЛЕСТНЫЕ НЕЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩІЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незаменимая и неослабляемая.

ED. RINAUD
 PARIS

PIERRE FAYARD ET BLAUN.
 Вуага-Фаяръ и Влянъ.
 Глазурь, развѣренный Медицинскій Софт-чъ. Требуется водки въ Fayard et Blaun. Продаются въ аптекахъ.

Новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ЮЗГОВАЯ РАБОТА И ПЕРУТОМЛЕНІЕ.
 Д. Влѣкка.
 Переводъ съ англійск. Цѣна 30 к.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

ДУХИ — ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
 ДУХИ — ЯХОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
 ДУХИ — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
 ДУХИ — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудъ пост., Карлеруэ.
 Можно выгнать:
 въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вилеръ, Э. Брезискаго, Р. Шаскольеваго, у Константина Герца, Динама и Ракса, А. Ланде, А. Филлуда. Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мердизъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Бурисъ, Л. Борхардъ, Р. Велеръ и К^о, Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9936 13-8
 Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Малая Садовая ул.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ
 для всевозможн. картинъ
НА БУМАГѢ.
 Изобрѣтенія полковника Малюковскаго. Специальная мастерская С. И. Анисимовъ. Москва, Арбатъ, д. 40. Шольнъ. Фоп. 15-33 р. и дор. Подробн. каталоги 2 над. фонарей, книгъ для шмолъ и фолькы и картинъ бумажныхъ съ отъавами печати и друг. за 20 к. марк.
ДИПЛОМЪ
 за ВСЕРОССІЙСКУЮ ВЫСТАВКУ 1896 г.

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 9

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, соерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выдасть 1 марта 1897 г.

Цена этого № 30 к., съ пер. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1897 г.: 13 книгъ Сборника „Нивы“, соержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 13 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печювской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ доставкою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	---	-------------	---------------------------------	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

На 1/2 года безъ дост. 1 р. 35 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. ииогор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. ииогореди. 3 р. 50 коп.

При семъ прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. III (Сборникъ «Нивы» за Мартъ); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА МАРТЪ 1897 г. съ 27 рис. и отдѣл. листъ съ 32 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 42 рис. руководьльныхъ работъ.

У мирового. Съ карт. В. Е. Маювскаго грав. Шюблеръ.

Голубой платокъ.

Изъ записокъ выздоровѣвшаго.)

Разсказъ
К. К. Случевского.

(Продолженіе.)

II.

Время, о которомъ я рассказываю, — время далекое; тогда не существовало еще Варшавской желѣзной дороги, и за границу имѣлось только два торныхъ пути. Одинъ, это путь весенній, моремъ изъ Кронштадта, другой, преимущественно зимній — по Варшавскому шоссе семь сутокъ на Варшаву, до которой уже доходилъ заграничный рельсовый путь.

Въ концѣ октября рѣшено было, что я ѣду за границу, въ Лейпцигъ. Тереза покинула нашъ домъ и, временно, до получения мѣста, пристроилась въ одну семью учителя французскаго языка и давала уроки. Переписка между нами шла очень дѣятельно. Жена учителя была скоро посвящена во всѣ наши отношенія и, по секрету отъ своего мужа (очень можетъ быть, только по кажущемуся секрету), дозволила мнѣ заходить къ Терезѣ, что я и исполнилъ нѣсколько разъ, такъ какъ отъѣздъ близился, и онъ былъ неотвратимъ. Все тяжелѣе становилось у меня на сердцѣ, въ особенности потому, что я замѣчалъ въ Терезѣ большую перемену; она поблѣднѣла, стала молчаливою, постоянно куталась въ свой теплый голубой платокъ и очень часто плакала.

Я помню очень хорошо, какъ, именно въ эти дни, приближавшіе насъ къ разлукѣ, я, чувствуя надъ собою невыносимый гнетъ, словно какой-то физическій гнетъ, сталъ дѣлать безсознательно нѣкоторые глупости. Такъ, напримѣръ, постоянно трусливый относительно суровой матери моей, я, однажды, въ присутствіи гостей, — нарочно, въ присутствіи гостей, — сознательно и убѣжденно объяснилъ, когда рѣчь зашла о моемъ близкомъ путешествіи, что я, уѣхать уѣду, но вернувшись, непременно женюсь на Терезѣ. Пораженная неожиданностью моей выходки, мать моя предложила мнѣ тогда же выйти вонъ изъ комнаты, что я и исполнилъ, и пропалъ изъ дому на цѣлый день. Но въ другой разъ сдѣлалъ я нѣчто, уже совершенно не нормальное.

Послѣ двухъ, трехъ совершенно бессонныхъ ночей, съ болью въ головѣ и какою-то дикою рѣшимостью совершить что-нибудь крупное, рѣшительное, и совершить непременно теперь же, сейчасъ, я, часу въ девятомъ утра, зная, что отецъ уже сидитъ въ своемъ кабинетѣ, а матушка еще не выходила изъ спальни, пришелъ къ отцу. Должно-быть, что видъ мой былъ не вполне суразенъ, потому что отецъ, увидѣвъ меня, быстро спросилъ:

— Что съ тобою?

— Ничего, папаша, — отвѣтилъ я, — только у меня есть намѣреніе, исполнить которое вы можете помочь мнѣ.

— Что такое?

— Видите ли, папаша: кузина украла нѣсколько писемъ ко мнѣ Терезы; она обѣщала мнѣ послать ихъ къ ея отцу, если я не поѣду за границу... Такъ какъ я этого не хочу, то и ѣду за границу...

— Ну, хорошо! что же дальше? — спросилъ отецъ, вставъ съ кресла и отойдя отъ стола.

— Ты помоги мнѣ вернуть эти письма, и тогда я за границу не поѣду.

— То-есть какъ вернуть?

— Достать ихъ!

— Но, во-первыхъ—это не мое дѣло, а во-вторыхъ, какъ это сдѣлать?

— Если не отдастъ добромъ, такъ взять силою.

— Силою!?

— Ну, если не силою, такъ украсть ихъ, но письма мнѣ нужны, непременно нужны, въ особенности одно изъ нихъ, — добавилъ я весьма рѣшительно.

Отецъ, очень любившій меня, былъ видимо потрясенъ всѣмъ сказаннымъ.

— Да ты, сумасшедшій? — проговорилъ онъ не громко, подойдя ко мнѣ, поднявъ на лобъ мой свою руку и глядя мнѣ въ глаза. Повидимому это смотрѣніе мнѣ въ глаза подѣйствовало па отца очень неуспокоительно. Вопросъ о томъ: сумасшедшій ли я, былъ, конечно, тоже исполнѣн неумѣстенъ и могъ быть объясненъ только крайнею неожиданностью того положенія, въ которое я поставилъ отца.

Я не совсѣмъ ясно помню, что и какъ произошло за это время, что отвѣтилъ мнѣ отецъ, что совершилось въ этотъ и въ ближайшіе дни. Помню только очень ясно, что съ отъѣздомъ моимъ стали торопиться, что призывали какого-то доктора, что мнѣ прописали какое-то лѣкарство, которое я вышвырнулъ. Очень ясно помню я сквозь глубокую неурядицу впечатлѣній одинъ разговоръ мой съ матерью. Призвавъ меня къ себѣ въ спальню, въ которой я уже засталъ отца, она быстро и рѣзко спросила меня:

— Кузина говорила мнѣ, будто ты отказываешься ѣхать за границу?

— Я?... развѣ я говорилъ это?

— Ты предлагалъ отцу своему помочь тебѣ достать отъ кузины какія-то компрометирующія Терезу письма?

— О да! эти письма были бы мнѣ дороги.

— И ты дѣйствительно любишь Терезу?

Пораженный неожиданнымъ оборотомъ рѣчи матушки, я не сразу нашелся отвѣтить ей и молчалъ; она повторила свой вопросъ. Я все-таки молчалъ. На изнуренный, измученный мозгъ мой этотъ вопросъ оказалъ какое-то удручающее дѣйствіе. „Сомнѣваться въ моей любви?“ думалось мнѣ, но я, все-таки, ничего не отвѣчалъ.

— Такъ ты дѣйствительно любишь ее? Ну, такъ видишь ли, какое мы, съ отцомъ твоимъ, приняли рѣшеніе. Если ты черезъ годъ, по возвращеніи изъ-за границы, останешься при этомъ, если Тереза, за которою мы будемъ слѣдить, окажется не аферисткою...

— Аферистка Тереза! — почти вскрикнулъ я, точно ужаленный; руки мои дрожали, колѣни подкашивались, въ глазахъ потемнѣло.

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать, — поспѣшила объяснить мать моя.

— Не то, не то, конечно, — добавилъ отецъ.

— Я хотѣла сказать, что она, конечно, не аферистка... что, можетъ-быть, и даже я думаю, что она любитъ тебя, и въ такомъ случаѣ, черезъ годъ, когда ты вернешься...

— Когда ты вернешься, — договорилъ отецъ, — мы позволимъ тебѣ жениться на ней...

Что лучше: осторожность или неосторожность со стороны родителей въ такихъ случаяхъ, какой имѣлъ тогда мѣсто? Если мозгъ юноши патруженъ, если онъ болѣетъ, — хорошо ли задавать ему новую работу? А если не задавать, если предоставить его самому себѣ, не будетъ ли это умышленнымъ ослабленіемъ его дѣятельности, не будетъ ли это допущеніемъ затхлости въ мозгу? Конечно, ни отецъ, ни мать, не были психіатрами и дѣйствовали въ силу самыхъ простыхъ доводовъ, но отъ этого не было легче мнѣ, болѣвшему, и

и отнесся къ словамъ матери съ наивнымъ прямодушиемъ. Миѣ и въ голову не приходило видѣть въ этомъ ея предложеніи какое-либо ехидство, простое средство заставить меня уѣхать, а тамъ, дальше, будь что будетъ...

Послѣ этого состоялось у меня съ Терезой еще одно свиданіе, но не въ квартирѣ, а согласно ея настоятельному желанію,—на улицѣ, и именно, подъ колоннадою Казанскаго собора. Я передалъ ей слова матери, къ которымъ она отнеслась почему-то очень холодно. Она была чрезвычайно блѣдна и малоразговорчива, и сообщеніе о словахъ матери и возможности свѣтлаго будущаго вызвало на ея губахъ какую-то странную улыбку.

— Все это очень хорошо,—проговорила она, наконецъ,—но не поздно ли? Увидимся ли мы снова?

— Какъ увидимся ли? — быстро отвѣтилъ я и, схвативъ ее за обѣ руки, крѣпко сжалъ ихъ въ своихъ рукахъ.—Какъ увидимся ли? Но вѣдь ты любишь меня? Вѣдь я люблю тебя... Вѣдь ты подумай, что я, для писемъ твоихъ, чтобы ихъ получить, расстаюсь съ тобою... Вѣдь ты подумай, какаа радость ждать насъ въ будущемъ... Вѣдь это все, дастъ Богъ, будетъ!

Она освободила свои руки изъ моихъ и только промолвила:

— Будетъ ли?

Безконечнымъ страхомъ и холодомъ пахнули на меня эти слова ея, и блѣдиѣ прежняго свѣтилось ея лицо. Ужасная, тлетворная мысль нашла себѣ поводъ возникнуть въ моемъ, видимо мутившемся сознаніи.

„А что, если она покончитъ съ собою? Что-то фатальное видится миѣ въ ея слегка подергивающихся чертахъ лица! Она хочетъ плакать, но воздерживается! О, какъ хотѣлъ бы я быть съ нею теперь наединѣ, а не на улицѣ! Я сказалъ бы ей, обнявъ ее, какъ дитя: „Плачь, плачь, Тереза, плачь безъ страха предъ кѣмъ бы то ни было! Я осушу твои слезки! Хочешь ли, я самъ буду плакать съ тобою...“

И, думая это, я молчалъ и не зналъ самъ, что миѣ говорить, что дѣлать?

— Когда ты ѣдешь?—наконецъ, проговорила она.

— Послѣзавтра, утромъ, со вторымъ пароходомъ, въ 11 часовъ, въ Кронштадтъ, а затѣмъ, оттуда, уже послѣзавтра, чуть снѣтъ, утромъ, на какомъ-то датскомъ пароходѣ,—въ Киль.

— Конечно, всѣ твои будутъ провожать тебя?..

— Къ несчастію...

— Но вѣдь къ отходу парохода, на зарѣ, послѣзавтра, ихъ не будетъ?

— Думаю, что нѣтъ.

— Ну, такъ я буду,—рѣзко проговорила она.—А черезъ годъ?..

— Черезъ годъ опять увидимся... Я буду писать тебѣ каждый день, ты—миѣ... Годъ пройдетъ незамѣтно, и тогда, тогда...

Разговоръ между нами происходилъ все время на ходу; мы останавливались только изрѣдка, когда, дойдя до конца одной изъ колоннадъ собора, должны были повернуть обратно. Случилось такъ, что какъ разъ въ то время, когда мы находились у главнаго входа,—подлѣ котораго толпились нищіе, потапывавшіе ногами и переминавшіеся, въ виду быстро и неожиданно наступившаго мороза,—и когда уже значительно стемнѣло, намъ пришлось совершенно одновременно увидѣть отца моего, выходившаго изъ собора съ непокрытой головой и съ посовымъ платкомъ у глазъ... Онъ плакалъ.

Отецъ былъ всегда чрезвычайно набоженъ и, поэтому, посѣщеніе имъ Казанскаго собора, въ такую тяжелую минуту жизни, какъ время моего отъѣзда, являлось совершенно естественнымъ. Онъ немедленно увидѣлъ насъ и подошелъ.

— Богородица поможетъ вамъ, дѣтки, Богородица...

Я васъ не вижу, не встрѣчалъ и ничего не знаю, ничего не знаю...

Говоря это, отецъ оглядывался по сторонамъ, видимо боясь неожиданнаго прихода матушки, конечно, а никого другого. Несомнѣнно, что онъ боялся этого больше, чѣмъ боялся я, и ни для кого изъ насъ не было тайною, что мамаша производила на него какое-то не то удручающее, не то нервное впечатлѣніе, и отецъ, чувствуя надъ собою, не первый пятюкъ лѣтъ, какую-то факсинацію матушки, сжился съ этимъ, какъ съ чѣмъ-то неотклоннымъ и вполне правильнымъ.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ со мною,—быстро проговорилъ отецъ.—А вы, Тереза,—сказалъ онъ, обращаясь къ ней,—вѣдь вы въ Бога вѣрите?... Ну, конечно, вѣрите... Надѣйтесь, надѣйтесь. А теперь прощайте... Ну, а съ нимъ, конечно, вы не прощаетесь, потому что навѣрно провожать будете... Будете?... такъ ли?..

Мы простились съ Терезой, пожавъ другъ другу руку и обѣщавъ видѣться еще разъ. Уходя съ отцомъ, я часто оглядывался. Тереза стояла въ голубомъ платкѣ неподвижно, словно изваяніе между колоннъ, и затѣмъ какъ-то сразу исчезла.

„Милая! чудесная!“—думалъ я, идя съ отцомъ по направленію къ нашему дому. Мысли мои путались до такой степени, что я, были мгновенія, не соображалъ: завтра ли въ дорогу, или еще не завтра, и при чемъ тутъ Казанскій соборъ, и точно ли встрѣтили мы отца моего?

III.

Описывая теперь, на разстояніи многихъ лѣтъ, эти тяжкіе дни, именно со времени того, что имѣло мѣсто подлѣ колоннадою Казанскаго собора, въ памяти моей событія сохраняются, какъ я сказалъ, не вполне ясно и послѣдовательно, а какими-то урывками, клочками. Помню я очень хорошо, что въ день отъѣзда изъ Петербурга въ Кронштадтъ, въ самомъ концѣ октябрі, наступили очень ранніе морозы; помню, что мы поѣхали въ Кронштадтъ утромъ и шли въ невѣроятнo густомъ туманѣ; помню, что меня провожали отецъ и мать, кузина и еще двое изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, и что на всѣхъ ихъ были мѣховые воротники. Очень ясно вспоминаю я, что я хранилъ все время глубокое молчаніе, и что въ мысляхъ у меня совершалась какая-то болѣзненная, именно болѣзненная, то-есть, съ ощущаемою болью, работа. Со мною много разъ заговаривали, но я упорно молчалъ.

Пароходъ, на которомъ я долженъ былъ плыть, назывался „Occident“, стоялъ въ купеческой гавани, вплотную къ береговому граниту, и что въ немъ больше всего меня поразило, такъ это высота его красной ватерліній: она поднималась даже въ уровень съ верхнимъ краемъ берегового гранита. Тогда же объяснилось, что, въ виду наступившихъ заморозковъ, всѣ рѣшительно торговые пароходы уже покинули Кронштадтъ, что „Occident“ оставался послѣднимъ и торопился уйти даже безъ балласта, совершенно не нагруженнымъ. Это представлялось опаснымъ, какъ говорили, но это пропускалъ я мимо ушей.

Съ какимъ чувствомъ радости душевной остался я на пароходѣ одинъ-одинѣшенекъ послѣ того, какъ всѣ провожавшіе меня сошли на берегъ, торопясь поспѣть къ послѣднему пароходу, отходившему въ Петербургъ. Тѣмъ наступила очень быстро, прежде чѣмъ я ознакомился съ пароходомъ; ознакомиться съ нимъ, при свѣтѣ пѣсколькихъ тусклыхъ, керосиновыхъ фонарей и свѣчей, кое-гдѣ мелькавшихъ,—было трудно; капитанъ видимо экономничалъ на освѣщеніи, а со мной, такъ какъ я былъ единственнымъ пассажиромъ 1-го класса, да еще очень молодымъ человекомъ, церемониться было нечего, и пароходъ оставался ночью почти совсемъ окутаннымъ тьмою.

Литературный альбомъ. „Переселенцы“, романъ Д. В. Григоровича. Фуфаевъ, Верстанъ и дядя Мизгирь.
Ориг. рис. (собств. „Пшны“) и. и. Имакевича, грав. Павлова.

Ссора. Съ карт. Э. Блава по гравюрь Боуга автотипил „Нивы“.

Капитанъ, краснолицый датчанинъ, безъ усомъ и бакебардъ, но съ плотною бородкой подъ подбородкомъ, говорилъ кое-какъ по-нѣмецки, и мы могли съ нимъ объясняться. Его помощники и прочій персоналъ говорили только по-датски. Пассажировъ, какъ я сказала, не было ни одного, и только мелочная работа съ погрузкою дровъ и прочаго свидѣтельствовала о томъ, что на пароходѣ есть жизнь. Одиночество и тьма были мнѣ по-сердцу. Я весь ушелъ въ ожиданіе: когда же увижу я ее?.. Сегодня?.. Завтра? Она легко можетъ опоздать!

И я разспрашивалъ капитана о томъ: дѣйствительно ли мы выйдемъ чуть свѣтъ?

— Ну, это не такъ ужъ необходимо, мы не будемъ торопиться.

Благодѣтельно подѣйствовали эти слова на состояніе моего надломленного духа. Хотя, при здоровомъ разсужденіи, Тереза должна была непремѣнно и въ настоящую минуту быть уже въ Кронштадтѣ, иначе ей не посидѣть на утро, но ясно было мнѣ, что въ потемкахъ, въ почти безлюдную гавань, не зная ни стоянки парохода, ни пути къ нему,—она не придетъ. Тѣмъ не менѣе, я до почи ожидалъ ее, и заходилъ по временамъ въ каюту только для того, чтобы обогрѣться и снова выйти на рубку и разглядѣть что-либо во тьмѣ.

Помню, что я всю ночь не спалъ, помню, что при первыхъ признакахъ свѣта я былъ уже на рубкѣ и ждалъ, сравнительно, спокойно, потому что капитанъ объявилъ мнѣ, что раньше десяти часовъ онъ не тронется, такъ какъ къ нему пришло распоряженіе: ожидать на утро присылки какого-то пакета изъ датскаго посольства, весьма важнаго и спѣшнаго.

Часовъ въ восемь утра стоялъ я на рубкѣ и увидалъ Терезу. Бѣдняга, вѣроятно, не запаслась еще теплымъ платьемъ, такъ какъ, благодаря морозу, она накупила на кофту свой голубой платокъ. Погода стояла совсѣмъ дурная; рѣзкій, порывистый восточный вѣтеръ поднималъ вокругъ тяжелую, заунывную музыку и хлесталъ довольно небрежно подвязанными снастями парохода; не то снѣжокъ, не то снѣжная пыль носились въ воздухѣ и настолько затемняли безсвѣтный денегъ, что саженихъ въ пятидесяти трудно было отличить что-либо. На пароходѣ поднималась даже рѣчь о томъ, что, можетъ-быть, въ виду туманности, придется не выходить сегодня вовсе; капитанъ былъ положительно противъ этого, такъ какъ къ окончанію навигаціи онъ долженъ былъ непремѣнно зазимовать въ Килѣ.

Быстро, необычайно быстро, сбѣжалъ я по трапу съ парохода на берегъ и, подбѣжавъ къ Терезѣ, сжалъ обѣ ея руки. Она, видимо, продрогла, и я немедленно повелъ ее къ себѣ на пароходъ. Всѣ каюты были въ моемъ распоряженіи, равно какъ и главный салонъ.

Я посадилъ Терезу на бархатный диванъ, я грѣлъ ея руки, велѣлъ подать чаю, самъ снялъ съ нея голубой платокъ, шапочку, и былъ счастливъ, счастливъ до невѣроятія. Собственно говоря, я еще ни разу не оставался съ Терезою наединѣ такъ свободно, безъ свидѣтелей, и, сравнительно, долго—какъ теперь, потому что въ нашемъ распоряженіи было, по крайней мѣрѣ, три часа времени.

Не знаю, такъ ли безупречно, какъ мы, проводятъ такое время другіе молодые люди. Предстояла годовая разлука; любовь несомнѣнно имѣлась налицо; имѣлось налицо даже какое-то особенное, жгучее, небывалое веселье и нашла мѣсто разговорчивость. Особенно ободрило меня и радовало состояніе духа Терезы: она, видимо, превозмогла что-то, что-то осидила, къ какому-то рѣшенію пришла, и она такъ глубоко смотрѣла мнѣ въ глаза.

Я умолялъ ее взять денегъ на шубку; у меня ихъ было довольно, такъ какъ въ этомъ отношеніи родители не поскупились. Но Тереза упорно и многократно отказывалась.

— Милая, дорогая Тереза,—говорилъ я ей,—ради Бога, возьми, возьми, сколько хочешь; ну, возьми половину!

— Нѣтъ, не возьму!

— Ну, хоть что-нибудь!

— Нѣтъ, дорогой мой,—отвѣтила она, улыбаясь,—ни за что не возьму; тамъ, куда ты ѣдешь, вѣдь будутъ же и другія дѣвушки...

— Другія!—перебилъ я ее,—другія! Да какъ могла ты сказать это, какъ могла подумати!

— Ну, не сердись, не сердись!—прервала она меня,—а вотъ, хочешь ли, я держу съ тобою пари, что отъ моего подарка ты не откажешься... я тебѣ дамъ что-то на память... вотъ моя фотографія...

Сказавъ это, она вынула изъ кармана небольшой медальонъ и подала его мнѣ; фотографіи въ то время были новостью и смѣяли дагерротипы.

— О! дорогая моя... спасибо, спасибо.

И я цѣловалъ поданный мнѣ медальонъ, никогда не дерзнувъ коснуться моимъ поцѣлуемъ оригинала.

— Постой, постой!—сказала она,—вѣдь ты на фотографіи прическу испортишь.

Я спряталъ медальонъ въ свой кошелекъ и крѣпко пожалъ руку Терезы.

Время проходило быстро. Мы переговорили о всемъ рѣшительно, много мечтали, многое вспоминали; условлено было, какъ и когда писать. Но какъ ни чудны были эти три часа, проведенные вмѣстѣ, пришлось разлучиться. Туманъ сталъ разсѣваться, и капитанъ рѣшилъ идти въ море; вѣтеръ не стихалъ и не становился ровнѣе, и пароходъ даже на причалахъ покачивался. Капитанъ объявилъ, что черезъ четверть часа мы тронемся и что моей гостьѣ пора сойти на берегъ. Тереза стала одѣваться. Въ салонѣ не было никого.

— А если бы... если бы...—сказала она неожиданно,—если бы мы съ тобою никогда больше не увидѣлись, вѣдь это возможно!

— Невозможно!—почти вскрикнулъ я, и почувствовалъ, въ одно мгновеніе ока, что въ мозгу моемъ опять что-то физически заболѣло, точно кто ущемилъ его.

Только что промелькнувшія минуты безусловнаго, небывалаго счастья забылись мгновенно; самыя черты лица Терезы какъ будто затемнились передо мною, и это была больше не Тереза, а только ея фотографія, да, да, фотографія не въ краскахъ, а черная съ бѣлымъ, тонкія тѣни и свѣтъ, трауръ, вотъ и все.

— И ты, дѣйствительно,—продолжала Тереза,—никогда, никогда не забудешь меня? Будешь помнить?!

— Да... вѣрюсь...—отвѣтилъ я ей.

Совершенно неожиданно кинулась мнѣ Тереза на шею... Какъ это сдѣлалось, не помню, но только я обнялъ ее, обнялъ со всей силой, остававшейся во мнѣ, и мы поцѣловались...

Наступила минута разставанья.

— Такъ ты простишь меня за это...—сказала Тереза, направляясь къ трапу.

— За что?

— За это...

— О! за твой поцѣлуй... простить...

— И не помянешь меня лихомъ? и не проклянешь?..

— Тереза...

Вотъ единственное, что могъ я ей отвѣтить.

Мы одѣлись и вышли изъ салона. Холодный, порывистый вѣтеръ завывалъ по сторонамъ и сильно ударялъ въ пароходъ, шумно разводившій пары. Мгла, которая съ утра облекла весь горизонтъ непрерывною завѣсою, благодаря вѣтру, была разорвана на клочья, и вдаль можно было смотрѣть только въ ея просвѣты.

Но вотъ сошла Тереза на берегъ, и я съ нею вмѣстѣ. Народу было мало, стыдиться было некого, и я обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Такъ ты простишь меня!—проговорила она со слезами на глазахъ,—не помянешь лихомъ?

Я тоже плакалъ и ничего не отвѣчалъ. Начали убирать сходни, и мнѣ пришлось возвратиться на пароходъ. Пока снимали причалы, Тереза стояла противъ меня, на берегу, шагахъ въ шести, не болѣе, а между тѣмъ, можетъ-быть, между нами лежала цѣлая вѣчность. Наконецъ, причалы были свята, трапъ поднять, раздались свистки, команда капитана, и колеса дали первый оборотъ. Пароходъ сталъ давать кругъ, немедленно и разстояніе между мною и Терезою быстро увеличивалось. Я помню, что, глядя на нее, я соображалъ, что скоро, пожалуй, мы войдемъ въ слой тумана, и она закроется отъ меня, и голубой платокъ, ясно видный мнѣ, тоже исчезнетъ, какъ и все остальное... Я продолжалъ смотрѣть упрямо, усиленно въ одну точку: въ голубой платокъ...

Затѣмъ... обманъ ли глазъ... или что-то иное... я уже не соображалъ... вижу, что голубой платокъ какъ бы взвѣвается, виситъ въ воздухѣ, опускается... еще немного... и онъ въ водѣ... внизу...

О! какая это была минута! Ясно, ясно зазвучали у меня въ ушахъ послѣднія слова Терезы: „ты не поминешь меня лихомъ и не проклянешь“... а теперь... не прошло и минуты... она... она... Тереза... утопленница... изъ-за меня... А этотъ поцѣлуй, еще горящій на губахъ моихъ... а эти слова... „ты не проклянешь меня“... Господи!.. Господи!.. А пароходъ уходилъ все дальше и дальше... казалось бы, можно еще руку подать, но тутъ уже цѣлая вѣчность и безопечность разлуки!

Мнѣ говорилъ какъ-то потомъ капитанъ, что я почему-то зарыдалъ. Они не смотрѣли на берегъ и не поняли, отчего я рыдаю? Но пароходъ движется... колеса работаютъ быстрѣе... тьма окончательно заволокла берегъ. Я ни одного мгновения не думалъ о томъ, чтобы просить остановить пароходъ... вѣдь мы были еще на рейдѣ. Я чувствовалъ себя до такой степени осилненнымъ какою-то неумолимою судьбою, сильною выше всякихъ человѣческихъ силъ, что я не думалъ сопротивляться. Пароходъ — это судьба... а я... а она... помню, помню, что я очень много и долго плакалъ, и мозгъ мой отказывался работать и въ немъ что-то щемило меня, и этотъ голубой платокъ... и поцѣлуй... и „ты не помянешь меня лихомъ“... О! я! я бѣдный, бѣдный, безпомощный, несчастный... а голубой платокъ все-таки передъ глазами! Да не было ли это обманомъ зрѣнія, не было ли все совершившееся обманомъ зрѣнія? Можетъ-быть, Тереза не утопленница, можетъ-быть, она теперь уже на пароходѣ по пути въ Петербургъ?..

Я сидѣлъ въ одной изъ каютъ уже нѣсколько часовъ подъ рядъ. Помню, что капитанъ самъ позвалъ меня обѣдать... я пошелъ... но я держалъ себя прилично и даже что-то ѣлъ. Капитану и его помощнику, обѣдавшему съ нами, не было до меня никакого дѣла, и я былъ очень радъ этому.

Погода крѣпчала не на шутку, и пароходъ покачивался во всѣ стороны.

Теперь, доведя мое повѣствованіе до отъѣзда моего изъ Кронштадта и до страшной катастрофы съ голубымъ платкомъ, опустившимся на моихъ глазахъ въ море, доведя его до той минуты, какъ я себя помню, я помѣщу нѣсколько выдержекъ изъ моего дневника, веденнаго въ домѣ умалишенныхъ, когда я значился въ немъ подъ № 3.

1.

Февраль. № 3.

Это все-таки ужасно! Они хотятъ теперь доказать мнѣ, что Тереза жива! Помилуйте, я самъ видѣлъ, какъ она бросилась въ воду, и видѣлъ пльвшій трушъ ея! Чего же больше... Особенно старательно говоритъ объ этомъ мамаша, которая вдругъ проявила ко мнѣ особенную нѣжность. Но какое это было ужасное время.

Пароходъ отчаливаетъ... морозный туманъ облакаетъ мѣстность... порывистый вѣтеръ! Только-что поцѣловала меня Тереза... я ее вижу... и затѣмъ голубой платокъ мелькаетъ... она бросается въ воду... и затѣмъ туманъ густой, непроглядный...

Первымъ дѣломъ было остановить пароходъ... я къ капитану: „Остановите... выпустите меня... я заплачу вамъ, много заплачу!“ Но капитанъ, видимо, не понимаетъ въ чемъ дѣло.

— Но вѣдь она бросилась въ воду, я долженъ вернуться!

— Кто бросился?—удивленно спрашиваетъ онъ.

— Она! Тереза!

— Гдѣ бросилась?

— Тамъ, на берегу! Развѣ вы не видѣли?

Подходилъ его помощникъ, заинтересованный рѣзкостью моихъ рѣчей.

— Остановите! остановите!—продолжалъ я взывать, должно-быть, очень дикимъ голосомъ.

Капитанъ объяснилъ что-то по-датски своему помощнику, и оба весьма непривѣтливо посматривали на меня.

Пароходъ, выходящій въ море, подхватывается громадными волнами, и такъ какъ онъ не догруженъ, то качались мы невообразимо. Съ каждымъ оборотомъ колеса, я удаляюсь отъ тонущей Терезы... Она теперь уже потонула... но холодъ воды, конечно, ранѣе смерти оковалъ ее... она теперь опускается ко дну, и ее такъ же, какъ и меня, покачиваетъ. Я вижу, вижу, какъ она колыхается, опускаясь ко дну. Бросили ли веревки? Кинулся ли кто-нибудь за нею?

— Остановите пароходъ, остановите! Спустите меня!—продолжаю я кричать и почти бѣгу къ кормѣ парохода, которая все-таки ближе къ Терезѣ, чѣмъ рубка. Матросы, на свистки капитана, подходятъ съ разныхъ сторонъ и меня схватываютъ. Я не сопротивляюсь, потому что если мнѣ сопротивляться, то я уже никакъ не помогу Терезѣ. Капитанъ что-то приказываетъ и меня ведутъ въ каюту. Когда я прохожу мимо него, я останавливаюсь и говорю:

— А развѣ въ Ревелѣ или гдѣ-нибудь мы не остановимся?

— Остановимся, остановимся!—отвѣчаетъ капитанъ, качаетъ головою, и меня сводятъ въ каюту.

2.

Воскресенье и среда.

Вотъ уже второй день, что мы плывемъ. Буря все сильнѣе, и капитанъ бросилъ якорь у острова Сескара. Я даже и не зналъ о существованіи такого острова. Холодно, морозъ, буря. Холодно также и бѣдной Терезѣ.

За мною присматриваютъ и одного на палубу не пускаютъ. Если бы не бросили якорь, то черезъ два дня мы были бы въ Килѣ, и я не былъ бы отрѣзанъ отъ всего міра, я могъ бы узнать! А теперь?! Теперь—безсиліе, ужасъ, одиночество... и постоянно она на глазахъ, она, моя дорогая, мое все...

Пароходъ стоитъ за вѣтромъ, но пастъ все-таки сильно качаетъ; волны высоки и, разрѣзываемыя носомъ парохода, бѣгутъ съ обѣихъ сторонъ выше бортовъ. До берега сажень сто. Островъ покрытъ соснами. Слышалъ я, что тутъ есть маякъ. Можетъ-быть, на маякѣ можно будетъ узнать что-нибудь. Холодъ такъ великъ, что пробѣгающія вдоль бортовъ волны оставляютъ ледяной слѣдъ; льдомъ блестятъ и снасти...

Мнѣ дали какое-то лѣкарство, и я долго спалъ, въ первый разъ спалъ, но Тереза и тутъ покачивалась передо мною, опускалась на дно... А они, въ особенности мамаша, хотятъ доказать мнѣ теперь, что она жива, и что я ее увижу. Да я и безъ того каждую секунду ее вижу. Въ особенности ясна мнѣ ея голова; она всегда со мною... мертвая голова.

3.

14-е число.

Помню утро. Пароходъ стоитъ на якоряхъ, но вдругъ онъ ужасно вздрагиваетъ, срывается съ якорей, и его быстро несетъ на берегъ. Капитанъ и всѣ остальные странно перепуганы... бѣгаютъ... кричатъ... а мнѣ-то что: я даже радуюсь, потому что буду на землѣ, а не на водѣ, на которой я отрѣзанъ отъ цѣлаго міра... За мною даже не наблюдаютъ... Мы все ближе къ землѣ, ближе... Вотъ уже и пески близки и пароходъ, переставъ двигаться по направленію къ нимъ, останавливается и начинаетъ клониться на бокъ; что если опрокинется...

Мы стали на мѣстѣ, какъ вкопанные. Я заявляю желаніе съѣхать сейчасъ на берегъ. Опять между капитаномъ и его помощникомъ идутъ какіе-то тантвенные переговоры.

На берегу появились какіе-то люди—чужны; между ними старикъ-офицеръ въ морской формѣ. На берегъ передали канаты и закрѣпили ихъ. Пароходъ лежитъ совсѣмъ на боку, но онъ неподвиженъ; ходить по немъ очень трудно. Вѣтеръ еще сильнѣе и холоднѣе прежняго; на обнаженныхъ скалахъ—ледъ, по берегу кое-гдѣ бѣлые снѣговые наносы.

Скорѣй на берегъ, скорѣй... Вѣдь это земля, не вода; правда, что только островъ, но все-таки земля, твердая земля, а не отвратительная влага, въ которой тонуть и которая отрѣзываетъ людей отъ міра.

Я сошелъ на берегъ... хорошо... но надо скорѣе ѣхать. Капитанъ передалъ мнѣ старику морскому офицеру. Это смотритель маяка. Я услышалъ русскій языкъ—какое счастье! Прошли сквозь невысокій лѣсъ и прибыли на маякъ. Тамъ старушка, жена смотрителя...

Ахъ, какіе они хорошіе люди... Я имъ скоро все рассказалъ, и они все, все рѣшительно поняли... Вѣдь вотъ, она не мать мнѣ, а какъ ласкова, какъ добра. Они оба полюбили Терезу заглазно, а когда я имъ показалъ фотографію, то тогда они ее еще больше полюбили...

Сегодня, когда я написалъ эти строки, ко мнѣ пришелъ старшій докторъ больницы, нашъ Иванъ Андреевичъ, котораго всѣ очень любятъ, даже совсѣмъ сумасшедшіе любятъ. Онъ меня поразилъ.

— Покажите,—говорилъ онъ мнѣ,—вашу заветную фотографію Терезы.

— А что? — быстро отвѣтилъ я, схватившись за карманъ, въ которомъ держалъ эту фотографію, изъ боязни, чтобы ее у меня не отняли; вѣдь я привыкъ къ разнымъ насиліямъ и думаю, что съ ними не остановятся.—Вѣдь я много разъ уже показывалъ ее вамъ!

— Да, вы показывали... но я бы хотѣлъ посмотреть еще разъ... Мнѣ кажется, будто въ самомъ дѣлѣ я встрѣтилъ особу, очень на нее похожую.

Докторъ зорко смотрѣлъ на меня.

— Гдѣ встрѣтили вы ее?

— На Елагиномъ.

— Гдѣ, гдѣ?

— А если сойти съ Крестовскаго моста — пойти по шоссе налѣво, потомъ взять вправо къ мостику на прудъ...

— Да, да, къ скамейкѣ, — быстро перебилъ я доктора и, вынувъ изъ кармана фотографію, далъ ее ему.

Докторъ пристально посмотрѣлъ на меня, а затѣмъ сталъ глядѣть на фотографію.

— Да, да, или я очень ошибаюсь, или я видѣлъ именно ее...

(Окончаніе будетъ.)

„Мечтатель“.

Разсказъ Огюста Блонделя.

(Съ французскаго.)

Долгая тряска въ вагонѣ совершенно ошеломила Вердье, и онъ радъ былъ, что почувствовалъ подъ ногами твердую почву, когда ступилъ наконецъ на дебаркадеръ Нюрнбергскаго вокзала.

Въ первую минуту ему показалось, что у него галлюцинація, — до того оригинальна была открывшаяся передъ нимъ картина.

Уже смеркалось, и нѣжно-розовой дымкой было подернуто все окружающее: и станція, будто перенесенная сюда прямо изъ среднихъ вѣковъ, богатыхъ готическимъ здѣчествомъ; и сѣ узкія, сводчатые окна, и видѣвшіяся поблизости стѣны и укрѣпленія, рвы и бастионы, отъ которыхъ вѣяло петровутой стариною...

Переѣхавъ мостъ, навозчикъ свернулъ въ сторону, и, оглушительно грохоча, легкій экипажъ покотился по узкой мостовой какого-то свода. Его высокія гранитныя стѣны грозно отражали малѣйшій звукъ, парушавшій ихъ вѣковое, мрачное безмолвіе.

За нимъ потянулись улицы; но не наши, современные, протянутыя въ струночку, а кривыя, узкія, Богъ вѣсть почему сворачивающія то въ ту, то въ другую сторону. На неспомъ фонѣ сумерекъ, по обѣ стороны дороги, фантастичными, неровными группами мелькали островерхія старинныя постройки, церкви и дома. Будто кружевные, стройно подымались въ воздухѣ колокольни самаго причудливаго типа. Портники соборовъ и большихъ церквей поражали своими мрачными величіемъ. Между рѣшетчатыми перилами мостовъ, далеко внизу, сверкали неподвижныя, потемнѣвшія воды рѣки, отражав-

шей неопредѣленныя очертанія прибрежныхъ домовъ и домишекъ.

Послѣ довольно долгаго переѣзда то вверхъ, то внизъ по холмистой дорогѣ, навозчикъ осадилъ лошадь передъ готическимъ выступомъ въ видѣ балкона. Привѣтливая хозяйка, еще не старая и недурная собою пѣвка, встрѣтила гости на крыльцѣ и повела его прямо въ номеръ своего „пансіона“. Пороху она, повидному, не выдумала бы; но, какъ практичная и добросердечная женщина-хозяйка, была незамѣнима. Стѣно ей только подмѣтить, что тому или другому изъ ея жильцовъ угрожаетъ насморкъ или вообще нездоровье, — какъ она, съ материнской заботливостью, принималась его лѣчить. Потогонныя и слабительныя средства, цѣлебныя мази и т. п., такъ и мелькали у нея въ рукахъ, и всѣмъ этимъ она предобросовѣстнѣйшимъ образомъ принималась дунуть своего случайнаго пациента.

Фрау Демаишъ живо водворила пріѣзжаго на его новомъ пенелницѣ, и такъ же живо передъ нимъ появился своеобразный обѣдъ, — правда, не особенно вкусный, но зато приправленный такимъ ароматнымъ, пѣнистымъ пивомъ, что оно въ глазахъ Вердье смѣло искупало всѣ недостатки.

Подмѣтивъ въ своей почтливой хозяйкѣ вѣкоторую наклонность къ сентиментальной общительности, онъ предпочелъ бы пойтн прогуляться по городу. Но усталость ваяла свое. Онъ радъ былъ, что добрался до постели, хотъ, повн-

Нагорная проповѣдь. Съ карт. Ф. фонъ-Удэ грав. Крей.

дному, она была ука и неудобна, и вскорѣ заснул крѣпкимъ сномъ.

Въ семь часовъ утра, его разбудилъ шаловливый лучъ яркаго солнца. Недолго думая, Вердье вскочилъ на ноги, одѣлся и очутился на улицѣ среди причудливой формы домовъ, кирпичныя стѣны которыхъ казались еще красивѣе подъ августовскимъ солнцемъ.

Вердье былъ отчасти озабоченъ. Пользуясь трехмѣсячными каникулами, онъ—студентъ университета.—пріѣхалъ въ Нюрнбергъ съ исключительной цѣлью научиться нѣмецкому языку и, конечно, хотѣлъ бы какъ можно скорѣе приступить къ этому дѣлу. Прогулка чрезвычайно зашла его, и его благодушное настроеніе стало еще благодушнѣе, когда его хозяйка объявила ему, что за скромное вознагражденіе Францъ Ледербахъ, студентъ-филологъ и знатокъ Нюрнберга и его древностей, предлагаетъ свои услуги въ качествѣ учителя, компаньона и чичероне.

Получивъ адресъ этого благодѣтеля, Вердье поспѣшилъ отправиться къ нему. Ничего не зная объ исторической прелести двѣнадцати холмовъ, на которыхъ стоитъ Нюрнбергъ, онъ попиралъ ихъ ногами, снѣжна назъ одного живописнаго квартала въ другой, и не обращая особаго вниманія на прелестные виды, открывавшіеся со старинныхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ рѣчку Пегницъ и ея притоки.

Францъ Ледербахъ жилъ на одномъ изъ островковъ, которые ютились между ними. Большой и разнообразный по своимъ вышнимъ очертаніямъ, домъ, гдѣ находилась квартира студента, частью стоялъ на твердой землѣ, частью же висѣлъ надъ водою. Глубокая впадка въ его фундаментѣ и въ нижнемъ этажѣ служила сводомъ, подъ который стремились журчали воды рѣчки. Рядомъ съ домомъ возвышался старая башня, и въ ея трещинахъ виднѣлись живописные пучки мховъ, зеленой травы и даже алой полевой гвоздики. Вердье мысленно одобрилъ выборъ своего будущаго преподавателя и компаньона: онъ и самъ былъ бы не прочь поселиться въ такомъ захолустномъ уголкѣ, гдѣ ото всего вѣтъ типичной, отжившей, но еще живой старинно.

Филолога не оказалось дома, и его квартирная хозяйка предложила гостю зайти въ трактиръ „Bratwurstglöcklein“, гдѣ особенно часто и охотно бывалъ ея постоялецъ. И въ самомъ дѣлѣ: Вердье не трудно было тамъ разыскать его. Въ это время дня, Францъ былъ единственнымъ гостемъ этой странной, приземистой лачужки. Иного названія и нельзя было бы подобрать къ невысокой деревянной постройкѣ, напоминавшей, въ общемъ, типъ шинка XVI—XVII вѣка. Въ ширину, въ ней было едва ли болѣе полутора сажени, а въ длину немного больше двухъ. На выпуклой вывѣскѣ, изображавшей небольшой колоколъ, готическими буквами красовалась надпись: „Bratwurstglöcklein“.

Тѣсное и душное помѣщеніе съ закоптѣлыми балками на потолкѣ, но всей вѣроятности, помнило еще средніе вѣка: до того неперенны были его низкія стѣны полустертymi надписями и полувыцвѣтшими картинами.

Францъ Ледербахъ скоро сошелся съ новымъ знакомымъ, и, пока онъ говорилъ не снѣша, поныхивая своей короткой глиняной трубкой, Вердье успѣлъ прекрасно разглядѣть его.

Это былъ рослый, рыжеволосый и круглолицый малый съ блѣдно-голубыми глазами. Когда же онъ всталъ, пріѣзжій не могъ удержаться отъ восклицанія: ноги нюрнбержца были сверхъестественной длины. Но,—что было всего страннѣе,—въ душѣ у этого длинноногаго и длиннорукаго великана была неистощимый запасъ самыхъ вѣжныхъ чувствъ и сантиментальныхъ возрѣвій. Всю свою жизнь онъ всецѣло посвятилъ изученію поэзій и историческимъ изслѣдованіямъ: это было просто его страстью.

— Вы и не подозреваете, какое это счастье, что вы попали къ намъ въ Нюрнбергъ!—восторгался словоохотливый нѣмецъ.—Я самъ живу здѣсь уже седьмой мѣсяцъ, и мое восхищеніе все увеличивается. Да вотъ, для примѣра, возьмемъ хоть эту комнату. И у ней есть, вѣдь, своя исторія. Въ этихъ самыхъ стѣнахъ по-просту,—вотъ какъ мы съ вами,—вѣкогда спививалъ за кружкой пива великій Альбрехтъ Дюреръ съ Гансомъ Заксомъ, знаменитымъ поэтомъ. Вонъ на той полкѣ, какъ свитыня, хранится жестяная кружка съ ихъ вспелыми. Гениальный скульпторъ Адамъ Крафтъ тоже принималъ участіе въ ихъ бесѣдахъ...

Францъ, разъ понавъ на свою любимую тему, могъ говорить безъ конца; но это было только пріятно для его новаго знакомаго. Благодаря словоохотливости Франца, онъ могъ быть увѣренъ въ разнообразіи и неискаемости разговоровъ на нѣмецкомъ языкѣ. Молодые люди порѣшили, что утро они будутъ проводить въ бібліотекахъ, гдѣ Францъ изучалъ неизданные документы XIV, XV и XVI столѣтій, расчитывая воспользоваться ими для своей диссертаци.

Францъ Ледербахъ недаромъ родился нѣмцемъ: онъ въ высшей степени добросовѣстно относился къ своимъ новымъ обязанностямъ. Сверхъ того, онъ дѣйствительно былъ знатокомъ своего роднаго языка и достопримѣчательностей Нюрнберга.

Скоро и Вердье увлекся старинно. Ему нравилось спускаться въ подземелья, взбираться на зубчатые стѣны рыцарскихъ замковъ, сидѣть подъ сѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ тихаго, древняго кладбища. День отъ дня, онъ все болѣе сочувствовалъ своему новому товарищу и другу; но въ послѣднемъ любовь къ старинѣ почти граничила съ помѣшательствомъ. Онъ жилъ въ мірѣ гревъ, въ мірѣ героевъ и идеаловъ рыцарскаго вѣка, и оставалось только найти подходящую пищу сантиментальной части его натуры, чтобы любовь зашла въ его душу. И за этимъ дѣло не стало.

Францъ вдругъ сталъ разсѣянъ и даже раза два-три являлся, что не можетъ идти, какъ обыкновенно, на прогулку со своимъ другомъ: у него завелись какія-то „неотложныя дѣла“.

— Я, право, готовъ объ закладъ побиться, что ваши „неотложныя дѣла“ ходятъ въ юбкахъ и называются, по нашему, „смазливой рожицей“!—воскликнулъ однажды Вердье.

Францъ вспыхнулъ, какъ красная дѣвица, и, чтобы переменить разговоръ, предложилъ:

— Ну, хотите, пойдѣте сегодня на кладбище? Этой рѣдкости Нюрнберга вы еще не видали. Я особенно люблю тамъ бывать.

— Это на васъ похоже, голубчикъ! Понимаю теперь, почему у васъ такой грустный видъ... А скажите ка лучше: не найдутъ ли мы тамъ могилы Альбрехта Дюрера?

— Найдѣте, конечно. Но вы, кажется, надо мной смѣетесь? Постойте, вотъ мы заберемъ туда, и вы сами убѣдитесь, что это кладбище—прелестное мѣсто.

И друзья отправились въ путь.

Погода была прекрасная. Къ кладбищу св. Іоанна, расположенному за городомъ, вела дорога, которую украшали барельефы, наивныя по исполненію, но трогательныя по содержанию: они представляли шестіе Христа на Голгоу. Войдя за желѣзную ограду, покрытую ржавчиной, молодые люди очутились въ узкой аллеѣ, окаймленной продолговатыми каменными плитами, на которыхъ, вмѣсто вѣщавшихъ надписей, красовались самые равнообразные металлическіе плиты съ гербами и съ обозначеніемъ именъ и вѣнчій покойниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были замѣчательны своей красотой и тонкостью отдѣлки. Несмотря на всю прелесть яснаго, солнечнаго дня, сыростью и глубокой грустью вѣяло отъ этихъ старыхъ камней и щитовъ, мѣстами потрескавшихся и позеленѣвшихъ.

Францъ тихо шелъ впереди, Вердье — за нимъ слѣдомъ и читалъ мимоходомъ надписи на бронзовыхъ доскахъ:

— 1480 г.; 1505 г.; 1510 г...

Вдругъ Францъ остановился и оглянулся на друга.

— Вотъ мы и пришли! — проговорилъ онъ, краснѣя. — Отъ васъ у меня вѣтъ секретовъ; передъ вами мнѣ нечего таить: я, дѣйствительно, влюбленъ! Я люблю дѣвушку, которую видѣлъ только два раза въ жизни и видѣлъ ее—здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ. Послѣ того, сколько разъ и ужъ приходилъ сюда опять... но напрасно! Она исчезла, какъ видѣнье, какъ несбыточный сонъ; и я увѣренъ... и чувствую... исчезла навсегда!

И смѣшно, и трогательно было видѣть огорченное, сантиментальное выраженіе лица и унылую позу великана, голосъ котораго звучалъ венодѣльной грустью.

Апри былъ тронуть; ему жаль стало товарища.

— Расскажите мнѣ все по порядку: мнѣ дорого и близко все, что васъ касается!—проговорилъ онъ.

— О, это такъ коротко и просто!.. Ну, такъ слушайте... Мнѣ силъ два тому назадъ, въ одно изъ воскресеній (какъ сейчасъ помню: это было 26 іюня), я зашелъ сюда и замѣтилъ, надали двѣ женскія фигуры въ траурѣ. Подойдя поближе, я увидѣлъ, что одна изъ женщинъ, постарѣвъ, сидѣла ноги на этой самой плитѣ; другая — молодая и стройная — стояла, прислонившись къ дереву, и поразила меня своей красотой... Вы и представить себѣ не можете чистоту ея очертаній, прелесть формы ея большихъ темно-синихъ глазъ, блосвѣтный оттѣнокъ ея дивнаго лица, достойнаго кисти безсмертнаго Дюрера!.. Ея осанка была царственно-прекрасна, а взглядъ... Ея взглядъ не даетъ мнѣ покоя: я вижу, я чувствую его на себѣ и днемъ, и ночью! Какал-то невѣдомая сила потянула меня къ нимъ. Я подошелъ, и вдругъ глаза молодой дѣвушки встрѣтились съ моими. Въ одинъ этотъ мигъ, мнѣ почудилась цѣлая жизнь безоблачнаго, безграничнаго счастья объ руку съ этимъ прелественнымъ созданіемъ. Никогда не забуду я этого мгновенья!.. Но дѣлать нечего, приходилось молча пройти мимо, чтобы не показаться дамамъ невѣжей или нахаломъ. Когда я возвращался назадъ тою же дорогой, обѣихъ женщинъ тамъ уже не было. Сколько ни бѣгалъ я по кладбищу, въ какіе уголки его ни заглядывалъ, — нигдѣ не нашелъ ихъ и слѣда. Какъ объяснить вамъ, что за перемѣна произошла въ моей душѣ и въ моихъ номыслахъ за этотъ краткій мигъ? Какое чудное, блаженное смущеніе...

„Чортъ побери, любезный другъ! Положимъ, и считалъ, что ты сантиментальнаго десятка, но такой прыти, признаюсь, никакъ не ожидалъ!“ подумалъ про себя Вердье.

— Три педѣли подъ рядъ,—продолжалъ влюбленный,—я былъ

самъ не свой. Ежедневно приходилъ я сюда, въ надеждѣ снова увидѣть ее. Я не могъ работать, думалъ только о ней, о ея идеальной красотѣ и прелести... И вотъ, наконецъ, я опять встрѣтилъ ее здѣсь, у этой могилы! Я подошелъ поближе... Въ эту минуту, ея спутница позвала ее... Она исчезла, по, уходя, два раза оглянулась на меня, и я могъ въ восхищеніи любоваться ея дивными чертами, могъ ушиться взглядомъ ея чудныхъ, прѣжныхъ глазъ. Теперь я уже былъ увѣренъ, что послѣдую, кто эти дамы и откуда явились. На бѣду, мнѣ попался навстрѣчу одинъ изъ нашихъ профессоровъ, и мнѣ поневолѣ пришлось перекинуться съ нимъ двумя словами. Тѣмъ временемъ, мои незнакомки ушли и пропали безслѣдно... Съ ними вмѣстѣ пропалъ и мой душевный покой, и то счастье, которое—я твердо увѣренъ!—я нашелъ бы съ нею!

— Полно, дружище! Вы преувеличиваете. Все это ничего не доказываетъ, или, вѣрнѣе говоря, доказываетъ, что у васъ слишкомъ пылкое воображеніе. Почему она непременно должна быть (какъ вы говорите) идеаломъ Альбрехта Дюрера, а не какой-нибудь простенькой прѣжей вѣской или иностранкой? Я думаю, вы и сами-то не могли бы себѣ этого объяснить. Два два она случайно заглянула сюда, и вы съ нею встрѣтились. Развѣ не можетъ случиться, что вы опитъ, здѣсь же или на улицѣ, увидите ее?

Но Францъ только молча и неутѣшно качалъ головой.

Между тѣмъ, Вердье поклонился къ могильной плитѣ и вслухъ прочиталъ надпись на ея бронзовомъ щитѣ:

„Ида Геттисхеймъ.
1498—1516.“

— Ида? Вы говорите: Ида?!—вскричала влюбленный. — Да вѣдь мою незнакомку зовутъ тоже Ида! Что за странное совпаденіе!.. И къ чему ей было навѣщать эту могилу?

— Ну, пошли опять бредить наяву!—заворчалъ на него пріятель.—Теперь вамъ остается только вообразить, что ваша красавица-незнакомка — тѣнь той самой невѣдомой дѣвушки, которая ужъ давнымъ-давно истлѣла подъ этой плитой, лишь восемнадцать разъ встрѣтивъ весну на землѣ?.. Или вотъ еще чтѣ (и это еще возможно): не родственница ли она, — эта живая Ида Геттисхеймъ—той, средневѣковой своей тезкѣ? Для васъ, знатока и любителя старины, пустяка стѣнитъ докопаться и узнать, насколько мое предположеніе можетъ оказаться вѣроятнымъ. Ну, полно же грустить, и принимайтесь за дѣло! Пожалуй, съ помощью такой путеводной нити, какъ эта могила, вамъ и удастся еще свидѣться съ вашей волюбленной?

Францъ вздрогнулъ.

— Да, да: вы правы! Въ библиотекѣ я открылъ не мало документовъ XV и XVI вѣка. Почему знать? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ, я въ нихъ найду исторію Иды Геттисхеймъ?.. Идемъ скорѣе: мнѣ ужъ не терпится скорѣе засѣсть за работу!

Вернувшись домой, Францъ долгие обыкновеннаго не могъ уснуть и, прислонившись къ открытому окну, подъ которымъ капилась мутная вода, предавался своимъ несбыточнымъ грѣзамъ.

Передъ нимъ вставалъ образъ давно умершей дѣвушки, блѣдный, какъ тѣнь минувшаго, постепенно соединялся въ его воображеніи съ образомъ живой красавицы—Иды, и оба они сливались въ одно нераздѣльное, неосиаемое, но прелестное цѣлое...

*

Студентъ французъ и не радъ былъ, что подзадирилъ студента вѣсца. Тотъ безъ устали рылся въ пыльныхъ бумагахъ и ветхихъ пергаментахъ, и даже въ своемъ многомъ шикѣ „Bratwurstglöcklein“ проводилъ всего по полчаса въ день, а порой и того меньше.

Дни шли за днями. Блѣдный Францъ—здоровикъ, хоть куда—замѣтно поплѣдилъ и осунулся; подъ глазами у него легли темныя тѣни; выраженіе лица его было грустно и растерянно. Однажды въ немъ произошла замѣтная перемена.

— По лицу вижу, что дѣло идетъ на ладъ!—воскликнулъ

Анри, удивленный, что другъ его опять куритъ свою трубку съ прежнимъ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! *Пока* — я еще ничего не могу вамъ сказать опредѣленнаго. Скажу только, что я, наконецъ, набрелъ на интересную хроникъ; ведетъ ее какой-то богатый кунецъ города Нюрнберга, современникъ Крафта и Дюрера, т.-е. какъ разъ того времени, которое меня такъ интересуетъ. Вчера я принался ее разбирать... Ради Бога, не распрашивайте меня ни о чемъ! Если я ошибусь въ своихъ ожиданіяхъ... ужъ и не знаю, чтѣ со мной будетъ?!

— А будетъ то, милый другъ, что вы плюнете на всѣ эти бредни, на всю эту пресловутую „поззію“, и вернетесь къ житейской „прозѣ“. Вы опять заживете простой, дѣйтельной жизнью; приметесь за свои лекціи и за уроки нѣмецкаго языка, которымъ вамъ не мѣшало бы, сколько-нибудь позаниматься со мной...

Не успѣли послѣднія слова слетѣть у него съ языка, какъ Вердье уже пожалѣлъ объ этомъ.

На лицѣ Франца отразилась искренняя грусть.

— Вотъ видите! Вы уже считаете меня лѣтнимъ и сумасшедшимъ,—проговорилъ онъ печально.—Простите! Я, дѣйствительно, за послѣднее время отнесся небрежно къ вамъ и къ своимъ обязанностямъ. Но, право же, я самъ не свой. Не сплю по ночамъ, работаю безъ отдыха и совершенно не пригоденъ къ должности проводника и собесѣдника. Позвольте, я дамъ вамъ адресъ одного товарища, студента, который можетъ вполне замѣнить меня...

Но Вердье только горячо потрясъ руку пріятелю.

— Полно, дружище! Не придавайте моимъ словамъ обиднаго значенія. Если я и сказалъ что-нибудь неладное, такъ это единственно изъ любви къ вамъ. Никого мнѣ въ учителя, кромѣ васъ, не надо, и потому... отправляйтесь-ка себѣ въ библиотеку. А тамъ—посмотримъ!

Францъ ушелъ растроганный, со слезами на глазахъ.

Ни на слѣдующее утро, ни весь слѣдующій день Вердье не дождался своего друга; не видалъ онъ его и въ шикѣ въ обычное время, и, встревоженный не на шутку, отправился къ нему на домъ.

Въ сумеркахъ еще мрачнѣе казались мутныя волны рѣки, и уныло качались надъ ними гибкія, косматыя вѣтви плачущей ивы. Иарѣдка мелькавшіе въ домахъ огоньки отражались въ водѣ, какъ одинокія, слабыя звѣздочки въ бурномъ, туманномъ небѣ. Тяжелое впечатлѣніе произвела теперь на молодого француза та самая обстановка, которая пріятно поразила его въ первый разъ, при угрѣненіи, солнечномъ освѣщеніи.

Онъ постучался.

— Кто тамъ?—раздался за дверью знакомый голосъ.—А, это вы, Вердье! Ну, голубчикъ, сегодня и никого къ себѣ не пускаю, а васъ—и подавно. Работа у меня теперь такъ и кипитъ... и кинитъ-то она, главнымъ образомъ, для васъ. Завтра вы сами похвалите меня... завтра вамъ все будетъ извѣстно!

Но отъ Анри не такъ-то легко было отдѣлаться.

— Не воображайте, что я такъ на этомъ и уснокоюсь,—возразилъ онъ горячо!—Говорю вамъ прямо и рѣшительно: не отворите вы мнѣ сію же минуту,—и я уйду, но ужъ никогда больше, во вѣки вѣчные, вы меня въ глаза не увидите!

Дверь порывисто распахнулась, и Францъ бросился къ другу на шею, обнимая его и восторженно лепеча:

— Ну, полно же, полно!.. Я все узнала... все! О, что это за чудная, трогательная исторія! Мнѣ хотѣлось завтра привести въ порядокъ свои выписки и прочесть вамъ все въ отдѣланномъ видѣ. Тѣмъ хуже для васъ, если у васъ не хватило терпѣнія подождать до утра: садитесь и слушайте, какъ ни попало!

— Вотъ и чудесно! Я и этимъ буду доволенъ. Начинайте только скорѣе: я готовъ слушать васъ хоть всю ночь напролетъ!

— Дѣло просто и ясно. Вотъ рукописная хроника, авторъ которой, торговецъ Юганъ Вальтеръ, приступилъ къ ней 5-го іюня 1516 года. Къ сожалѣнію, въ моей передачѣ тернется картинная прелесть и выразительная простота его поэтичнаго, стариннаго слога.

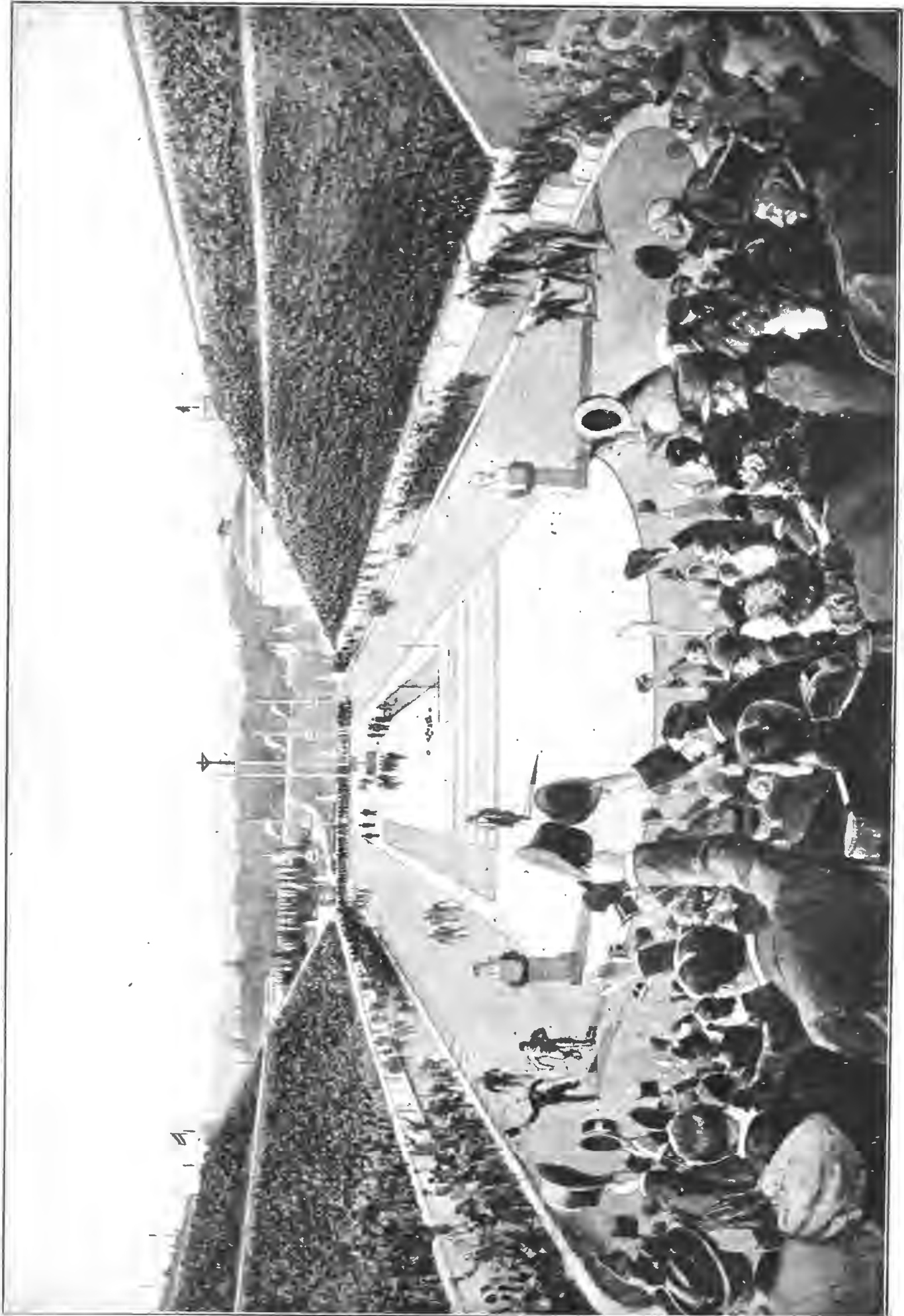
(Окончаніе будетъ.)

Къ рисункамъ.

*

Жанровыя картины В. Е. Маковского не даромъ пользуются такою широкою извѣстностью, онѣ дышатъ жизнью и правдой, въ нихъ говоритъ каждое лицо, и каждое лицо полно своего особаго выраженія. Возьмите хоть эту сцену *передъ камерой мирового судьи* (рис. на стр. 193): развѣ не прямо изъ жизни выхваченъ этотъ „ходатай“, съ важностью дающій совѣтъ старой вдовѣ-чиновницѣ съ Песковъ или изъ Коломны? Или его крайняя противоположность — этотъ адвокатъ, толкующій со старикомъ-мѣщаниномъ, развѣ вы не знаете его?.. Да и прочія лица, выведенныя художникомъ, развѣ они не знакомы вамъ—и этотъ отставной чиновникъ въ шинели, вмѣстѣ съ дворянскомъ прислушивающійся къ рѣчамъ адвоката, и скромная, сконфуженная дѣвушка, стоящая около вдовы-чиновницы, и ребята у двери, и наконецъ суровый бюститель помянутого, на вытяжку стоящій у той же двери, „доброу и злу внимая равнодушно“?..

Стень... Широкая грунтовая дорога, послѣ долгихъ дождей размокшая и вся покрытая лужами и лужицами... По дорогѣ бредутъ трое слѣпыхъ съ новодыремъ: это — Евдокимъ Фуфаевъ, Верстанъ и дядя Мингиръ, герои романа Д. В. Григоровича „Переселенцы“ (рис. на стр. 196). Изъ нихъ, правду сказать, слѣбъ только первый, остальные лишь притворятся слѣпыми для лучшаго „заработка“. Фуфаевъ—весельчакъ, и „странное противорѣчіе представляя ухмыляющіяся, можно сказать, прыгающія отъ веселости черты его съ бѣловатыми, неподвижно-мертвыми зрачками. Но такіе-то полнымъ довольствомъ сіяло толстое, красное лицо его, такъ забавно вздергивался маленькій, какъ пуговица, носъ, такъ пассивно и передвигались губы, едва-закрывая рѣдкія волосы, что невольно исчезало неприятное впечатлѣніе, производимое зрачками. Въ самой фигурѣ его, неуклюжей, коротенькой, напомилавшей медвѣжонка, даже

Возобновленіе олімпійських ігоръ въ Афинахъ. Прибытіе побѣдителя въ бѣгъ на 40 кілометровъ.
По рис. Ш. Л. Н. автотипія „Нивы“.

„Пора!“ По рис. Старіс автоніа „Нивы“.

въ его приемахъ было что-то скоморошное, комическое.“ Другой, Верстанъ, „человѣкъ около 55 лѣтъ, исполненнаго роста, атлетическаго сложенія, съ чернымъ лицомъ, какъ у цыгана, мрачно нахмуреннымъ и грубымъ“; „его короткіи мускулистыи руки, пальцы съ пучками волосъ между суставами и могучая шея показывали страшную силу“; „говорилъ онъ отрывисто, и голосъ его звучалъ, какъ изъ бочки.“ Третій, дядя Мизгиръ, „былъ тѣлодушный, низенькій старичокъ, согбенный годами; ему безошибочно можно было дать восемьдесятъ лѣтъ; на сморщенномъ лицѣ его всѣ черты какъ будто прищуривались: оно сохраняло самое жалкое, униженное, полазничное выраженіе.“

*

Картина Е. Блаза, о которомъ уже не разъ было говорено въ *Нивѣ*, „Ссора“ (стр. 197)—воспроизводитъ передъ нами очень характерную сцену изъ итальянской народной жизни. Всѣ южане вспыльчивы, быстро вскипаетъ у нихъ кровь, сейчасъ же появляются ожесточенныя жесты кулаковъ, и дѣлается потокъ словъ, рѣзкихъ, колкихъ, бранныхъ, срывается съ ихъ устъ. Южанки далеко не исключеніе изъ этого правила,—онѣ также въ минуту страсти очень мало наминаютъ собой нѣжную голубку, слабое созданіе. Посмотрите, какъ онѣ кричатъ и бранятся, какъ онѣ грозно жесты кулаковъ и злобно перекашиваютъ лицо. Такъ и кажется, что обѣ красавицы, съ такой изумительной быстротой работающія своими острыми язычкомъ, сейчасъ пустятъ въ ходъ и свои красивыя, крѣпкія ручки.

*

Если въ наши дни, когда техника въ живописи такъ сильно двинулась впередъ, когда такъ много стало виртуозовъ, и такъ трудно выбиться въ первые ряды, то надо обладать талантомъ совершенно исключительнаго порядка, чтобы при этомъ основать новое направленіе, создать дѣльную школу, породить десятки и сотни подражателей. Такую школу создалъ Фрицъ фонъ-Удэ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ современныхъ нѣмецкихъ художниковъ. На берлинской юбилейной выставкѣ прошлаго года была его картина „Благословеніе дѣтей“, обратившая на себя общее вниманіе; въ ожиданіи, когда намъ удастся воспроизвести ее въ *Нивѣ*, мы воспроизводимъ другую его картину изъ той серіи его картинъ на евангельскіе сюжеты „Нагорная проповѣдь“ (стр. 201) и пользуемся этимъ случаемъ, чтобы поговорить объ этомъ оригинальномъ художникѣ и его живописи.

Къ какому роду живописи отнести его картины? Есть ли это живопись религиозная? Онъ самъ избобрѣлъ свой родъ живописи: это—живопись религиозно-бытовая, живопись религиознаго чувства, религиознаго настроенія. Васнецовъ—тоже художникъ религиознаго настроенія, но его творчество не имѣетъ ничего общаго съ картинами Удэ. Въ то время, какъ первый производитъ такое неопредѣленное впечатлѣніе благодаря неподдѣльному, теплому религиозному чувству, которымъ онъ проникнутъ самъ, и благодаря тому особому стилю, который такъ идетъ къ его ангеламъ и святымъ, Удэ болѣе разсудоченъ, его картины являются скорѣе логическими умозаключеніями, психологическими построеніями. Онъ беретъ евангельскіе сюжеты и трактуетъ ихъ въ современной обстановкѣ, беретъ теплоту, чистоту, любовь евангельскихъ мотивовъ и воплощаетъ ихъ въ различныхъ сценахъ современнаго быта. Онъ вездѣ старается передать религиозное настроеніе, какое онъ получалъ отъ даннаго евангельскаго текста, и въ большинствѣ случаевъ это ему удается.

Но вотъ вопросъ: какъ пришелъ онъ къ тому, чтобы изображать евангельскіе мотивы въ современной обстановкѣ, и зачѣмъ ему это понадобилось? Для чего онъ написалъ фигуру Христа, окруженнаго дѣтьми изъ какой-нибудь голландской приморской деревеньки? Для того, чтобы понять Удэ, необходимо вспомнить о томъ своеобразномъ положеніи, въ которомъ находился религиозная живопись въ Германіи въ первую половину XIX столѣтія. Въ это безсвѣтное въ искусствѣ время наслѣдство классицизма нигдѣ не сумѣло пустить такихъ основательныхъ корней, какіе оно пустило въ Германіи. Картины писались только историческаго и религиознаго содержанія, и притомъ не иначе, какъ по разѣ данному рецепту. Главную роль играла красота композиціи, красота движеній, складокъ, театральность. Еще Гёте говорилъ про это время: „Библейскіе мотивы, благодаря холодному облагоустройству и оконченной церковной „умѣренности“, лишены своей простоты и правдивости и отторгнуты отъ участливаго сердца“. Дѣйствительно, за красивыми движеніями и стройными складками не оставалось уже и тѣни религиознаго чувства.

Когда, подъ вліяніемъ событій на Востока, въ 30-хъ годахъ въ Европѣ возбудился интересъ къ Востоку, начали появляться картины изъ восточной жизни, а влѣдѣ за тѣмъ и религиозная живопись обратила свой взоръ на Востокъ. Мутеръ*), посвятившій очень много мѣста въ своемъ трудѣ этому движенію въ религиозной живописи, считаетъ первымъ вѣстникомъ новаго теченія анименитаго Ораса Верне. Въ 1839—1840 г. онъ

предпринялъ путешествіе въ Сирію и въ Палестину, и съ ужасомъ узналъ, какъ ложно понимали до тѣхъ поръ Библію. „Иерусалимъ, Дамаскъ, Назаретъ,—въ дѣйствительности все это было совсѣмъ не такъ, какъ этого заставляли ожидать картины старыхъ мастеровъ. Дѣйствіе воздуха, условія растительныя, геологическія, архитектура—ничто не подходило. Даже одежда, въ которой изображали библейскихъ лицъ, была апокрифическая“. Востокъ консервативенъ въ своихъ модахъ, и Верне увидѣлъ, до какой степени забавны были подражатели дѣятели Cinquecento, драпируя свои фигуры въ красивыя и синія мантіи. Верне посѣщилъ подѣлится своими заключеніями въ 1848 г. съ институтомъ и предлагалъ переодѣть всѣхъ дѣйствующихъ лицъ Священнаго писанія въ новыя костюмы. Къ счастью, этому переодѣванію не повезло, и когда въ 40-хъ годахъ на сцену начали выступать въ религиозной живописи этнографія и исторія культуры, то отъ этого самая живопись не стала выше, чѣмъ была въ дни Беато Анжелико и Рембрандта. „Духъ былъ мертвъ, только буква оставалась живою“. Къ типу такихъ картинъ относится и „Христосъ передъ Пилатомъ“ Мункачи. Въ это время явился въ Германіи Эдуардъ фонъ-Гебгардтъ. Утомленный псевдоидеалистическимъ направленіемъ своего времени, идеализмомъ формы, красотой складокъ и полнымъ отсутствіемъ характеровъ, жизни, онъ обратился къ средневѣковымъ нѣмецкимъ художникамъ, къ Вавъ-Эйку, Дюреру, Гольбейнамъ, и сдѣлалъ попытку написать библейскія фигуры въ костюмахъ среднихъ вѣковъ. Новаго, такимъ образомъ, онъ не сдѣлалъ ничего: все это было сдѣлано нѣмецкими и голландскими мастерами эпохи Возрожденія не хуже, если не лучше. Но значеніе Гебгардта чрезвычайно важно; онъ сбросилъ гнетъ *идеализма формы*, далъ болѣе живыхъ, реальныхъ людей, не позирующихъ деревянныхъ актеровъ, и пришелъ къ *идеализму мысли*. Когда съ появленіемъ реалистовъ на мѣстѣ исторической живописи появились картины изъ современной жизни, и влѣдѣ красавицы эпохи ренессанса начали фигурировать рабочіе нашихъ дней, тогда нѣкоторые изъ художниковъ пришла въ голову—довольно поспѣдовательно—мысль взять нѣсколько моментовъ изъ жизни Христа и обработать ихъ такъ, какъ будто они сами сегодня или вчера ихъ пережили. Въ эпоху увлеченія либеральными идеями выдвинулся на сцену еврейскій вопросъ и появились попытки изображать Христа въ видѣ необыкновенно добраго, честнаго, безкорыстнаго, умнаго, идеальнаго еврея. Такимъ его изображали Менцель, Гофманъ. Нѣкоторые (напримѣръ, Либерманъ) пошли дальше, и типы австрійско-польскихъ евреевъ, съ совершенно не эстетическимъ видомъ грязныхъ, оборваныхъ, жалкихъ фигуръ, слишкомъ опошляли страницы Евангелія. Это чувствовалъ Удэ и современныя евреямъ противопоставилъ современнаго Христа. Это было въ 1884 г., когда онъ выставилъ картину, находившуюся въ прошломъ году на берлинской юбилейной выставкѣ. До этого времени онъ много работалъ и не разъ уже выставлялъ.

Фрицъ фонъ-Удэ родился 22 мая 1848 г. въ Волькенбургѣ, въ Саксоніи, въ семьѣ старинныхъ дворянъ. Въ 1867 г. онъ поступилъ въ саксонскій гвардейскій кавалерійскій полкъ, въ 1870 г. участвовалъ во франко-прусской войнѣ и въ 1876 г. въ чинѣ ротмистра, вышелъ въ отставку. Съ этихъ поръ онъ переселился въ Мюнхенъ, чтобы заняться живописью, и, по выраженію Мутера, „утоналъ въ колоритъ въ вкусѣ Макарта“. Въ 1879 г. мы его видимъ уже за молбертомъ Мункачи въ Парижѣ. Въ 1880 г. появились въ Салонѣ его первыя картины „Пѣвица“ и „Семейный концертъ“. Въ томъ же году онъ побывалъ въ Голландіи, и результатомъ его поѣдки явилось нѣсколько картинъ изъ быта голландскихъ рабочихъ. Послѣ этого не проходило года, чтобы на выставкахъ не появлялись вещи, подписанныя именемъ Удэ; то были жанровыя сценки, этюды, портреты. Однако, наибольшій успѣхъ и значеніе имѣютъ не эти его произведенія, а картины на евангельскія темы. „Благословеніе дѣтей“ надѣлало страшный шумъ. Говорили по большей части противъ смѣлаго автора, нанесли на него изъ различныхъ, часто самыхъ противоположныхъ лагерей, не было недостатка ни въ остроуміи, ни въ злобѣ. И однако Удэ спокойно и смѣло шелъ своей дорогой. Она за другой появлялись его картины: „Приди, Госноди, будь нашимъ гостемъ“, „Тайная вечеря“, „Нагорная проповѣдь“, „Святая ночь“ (Дрезденская галерея), „Христосъ у крестьянъ“ (Люксембургскій музей въ Парижѣ), „Путешествіе въ Виллемс“ (Новая Библиотека въ Мюнхенѣ) и т. д. Когда мы смотримъ на мастеровъ Возрожденія (нидерландцевъ, нѣмцевъ) и видимъ апостоловъ и ангеловъ въ голландскихъ и нѣмецкихъ костюмахъ, или у Веронеза въ костюмахъ венеціанскихъ, то насъ это нисколько не шокируетъ. У послѣдняго не было религиознаго чувства въ его „Бракѣ въ Канѣ Галилейской“, но у нѣмцевъ, несмотря на странныя костюмы, картины дышали самымъ теплымъ религиознымъ настроеніемъ. Посмотрите теперь на „Нагорную проповѣдь“ (стр. 201): неужели шокируетъ васъ что-нибудь въ этой удивительной, съ такой любовью написанной картинѣ? Неужели есть здѣсь какое-нибудь другое чувство, кромѣ чувства евангельской любви, кротости. Эти смиренныя лица, эти благоговѣнно глядящіе на Христа глаза, то навниолюбопытныя, то робко-смущенныя,—производитъ самое отрад-

*) „Geschichte der Malerei im XIX Jahrhundert“, авторъ, котораго намъ не разъ уже приходилось упоминать.

ное, умиротворяющее впечатлѣніе. Несмотря на не евангельскіе костюмы, вы чувствуете здѣсь присутствіе истиннаго евангельскаго настроенія; если нѣтъ здѣсь буквы, то тутъ есть больше: есть духъ Евангелія. „Неутомимо стремясь къ своеобразному развѣшенію стародавняго вопроса,—говоритъ Мутеръ,—Удэ и современный костюмъ взялъ только для того, чтобы устранить всякій отводъ глазъ отъ сути дѣла,—наеврѣ, практиковавшійся путемъ историческихъ костюмовъ (Мункачи, Пилоти),—и чтобы такимъ образомъ не отклоняться отъ духовной сути мотива никакимъ внѣшнимъ побужденіемъ антикварнаго свойства; для оправданія такого взгляда и пониманія онъ можетъ призвать на помощь всѣхъ старыхъ мастеровъ германскаго поколѣнія и даже итальянцевъ нерафаэлевскаго времени“. „Святая ночь“ полна еще большаго религіознаго настроенія, нежели „Благословеніе дѣтей“ и „Нагорная проповѣдь“. Это—лучшее созданіе художника и въ настоящее время служитъ украшеніемъ знаменитой Дрезденской галлерей. Его Богородица не красива въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято считать красивыми лица, но она дивно красива той особенной красотой, которая скрывается за материнской любовью. Лиллэ говоритъ: „Если бы мнѣ надо было написать мать, я сдѣлалъ бы ее красивой только благодаря одному взгляду, который она бросаетъ на свое дремлющее дитя“. Удэ сдѣлалъ свою Мадонну красивою этимъ взглядомъ. Удивительны ангелы, славословіе Христа, напravo, съ крыльями, съ дѣтскими въ волосахъ. Надо видѣть картину, чтобы понять, какъ художественно она знана, какъ красиво освѣщены фигуры, какъ полна, деликатна вся ея живопись. Необыкновенно много настроенія также въ „Тайной вечерѣ“, и тихое счастье, теплое чувство разлиты въ картинѣ „Христосъ у крестильни“.

Надо сказать, что Удэ еще сравнительно мало оцѣненъ своими современниками, и его ждетъ будущее гораздо болѣе блестящее, чѣмъ его настоящее: его будутъ изучать, и имя его съ гордостью будетъ переходить изъ уста въ уста его потомковъ.

*

Весной прошлаго года вся Европа интересовалась возобновленіемъ въ Афинахъ древнихъ олимпійскихъ игръ. Такъ какъ возобновленіе этихъ игръ не было случайнымъ, а, напротивъ, имѣется въ виду устранить ихъ ежегодно въ видѣ постоянныхъ международныхъ состязаній, то мы считаемъ умѣстнымъ помѣстить теперь рисунокъ, который обстоятельства помѣстили намъ помѣстить въ прошломъ году. Это—прибытіе побѣдителя въ бѣгѣ на 40 километровъ (стр. 204). Вотъ что написалъ намъ одинъ изъ русскихъ очевидцевъ этого торжества:

„Грандіозный наанапейскій стадіонъ, возстановленный во всемъ своемъ античномъ величій, переполненъ народомъ. Онъ вмѣщаетъ въ себя до 60 тысячъ зрителей, но на этотъ разъ онъ тѣсепъ для всей той массы народа, которая выслыала изъ города, движимая интересомъ предстоящаго состязанія. Густая толпа покрываетъ сосѣдніе холмы. Здѣсь все афинское населеніе и всѣ прибывшіе на игры иностранцы. И весь этотъ народъ въ волненіи: всѣ взоры обращены на одинъ пунктъ, съ выраженіемъ захватывающаго интереса; всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, жестикулируютъ, машутъ шапками, платками. Что же заставило этотъ народъ собраться сюда въ такомъ множествѣ, и что приводить его въ волненіе? Сегодня, 29 марта, день „марафонскаго бѣга“, капитальный день игръ. Въ 2 часа дня, изъ Марафона, когда-то свидѣтели греческой славы, вышѣ скромнаго мѣстечка въ 40 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Афинъ, по сигналу стартера, отправились бѣгомъ 18 атлетовъ разныхъ національностей. Конечный пунктъ ихъ бѣга въ стадіонѣ, передъ королевской трибуной.—Картина изображаетъ моментъ прибытія въ стадіонъ побѣдителя, обогнавшего всѣхъ своихъ конкурентовъ.

„Что толпа склонна къ зрѣлищамъ, дающимъ сильные ощущенія, склонна до жестокости, что она восторженно и слѣпо привѣтствуетъ всякій успѣхъ и въ то же время безпощадна ко всякой неудачѣ,—это повѣстно. Марафонскій перебѣгъ способенъ возбудить въ ней всѣ эти инстинкты. Пробѣжать взапуски 40 километровъ по неровной, каменистой дорогѣ—огромное и рискованное предпріятіе, въ которомъ будутъ не только отсталые, но и ослабѣвшіе до изнеможенія, но въ заключеніе котораго тѣмъ съ большимъ блескомъ предстанетъ передъ зрителями побѣдитель. Тутъ будутъ герои,—могутъ быть и жертвы.

„Но не такъ слѣдуетъ толковать здѣсь это восторженное настроеніе толпы. Предстоящее ей зрѣлище далеко отъ того, чтобы возбудить въ ней одну только стихійную жажду сильныхъ ощущеній. Это не бой римскихъ рабовъ-гладиаторовъ, „идущихъ на смерть“ на потѣху черни; это не матчъ въ одномъ изъ тѣхъ жестокихъ видовъ профессиональнаго спорта, въ которыхъ ни во что ставится и человѣческая жизнь, и человѣческое достоинство, въ которыхъ, какъ игральная кость или какъ карта въ азартной игрѣ, человѣкъ является только выразителемъ извѣстнаго „куша“. Нѣтъ, изображенное здѣсь зрѣлище иного рода. Оно возбуждаетъ въ этой толпѣ гораздо болѣе благородныя чувства, и въ этомъ отношеніи оно—даже воспитательное зрѣлище для этой толпы.

„Прежде всего, выходящая тутъ на арену молодежь показываетъ себя не за деньги. Она фигурируетъ тутъ добровольно и не ищетъ никакой матеріальной выгоды. Толпа не имѣетъ права ничего „требовать“ отъ нея, она можетъ только „ожидать и надѣяться“. Далѣе,—это не профессиональные атлеты. Эти молодые люди, все это будущіе дѣятели на общественномъ, научномъ, художественномъ и другихъ поприщахъ. Упражненія, въ которыхъ они участвуютъ, это не ихъ „профессія“, это ихъ „школа“, въ которой они учатся быть сильными, бодрыми, мужественными, энергичными и твердыми. Ту массу физической и нравственной энергій, которую они развиваютъ въ состязаніи, они не отдадутъ всецѣло только этому дѣлу, какъ единственному дѣлу своей жизни,—они воспитываютъ ее въ себѣ только какъ драгоценный капиталъ для приложенія ко всякому дѣлу на пользу своей родины и всего человѣчества. Эта молодежь, это—не каста атлетовъ, это дѣти и братья собравшейся здѣсь толпы, ея надежда, выразители ея духовныхъ и физическихъ качествъ. Поистинно, съ какою симпатіей и съ какою гордостью должна смотрѣть на нихъ толпа въ томъ случаѣ, когда успѣхомъ своимъ они отвѣчаютъ ей „ожиданіямъ и надеждамъ“.

Въ этихъ именно особенностяхъ кроется высокое этическое значеніе древне-греческихъ игръ дѣтскаго періода, и, конечно, этими особенностями оправдывается также возобновленіе подобныхъ игръ въ наше время.

„Но есть и еще одно обстоятельство, возвышающее энтузіазмъ толпы на помѣщаемой нами картинѣ. Мы видимъ здѣсь состязаніе „международное“.

„Вопросъ о томъ, какая нація дастъ побѣдителя въ марафонскомъ бѣгѣ, волновала весь городъ задолго до состязанія. Международные атлеты не многочисленны, но они сильны. Они показали уже свою силу въ другихъ видахъ спорта. Греки, съ своей стороны, имѣютъ преимущество знакомства съ мѣстностью и предварительной тренировки на самомъ пути перебѣга.

„Чувство международнаго соревнованія—очень сильное чувство. Вотъ почему въ день состязанія толпа въ такомъ множествѣ я задолго до ожидаемаго прибытія атлетовъ собралась въ стадіонъ; вотъ почему она съ волненіемъ и даже съ трепетомъ ожидала какого-нибудь предварительнаго извѣстія съ пути бѣга и такъ нервно отзывалась на всякое движеніе, на всякій звукъ у входнаго конца стадіона, и вотъ почему теперь она въ такомъ неопытномъ восторгѣ. Это—греческая толпа, и побѣдителемъ явился—грекъ! Имя его Луисъ; онъ человѣкъ простаго званія, земледѣлецъ; ему 24 года. Онъ сдѣлалъ этотъ перебѣгъ съ невѣроятной скоростью—въ 2 часа 58 минутъ.

„Встрѣча его въ стадіонѣ, тотъ порывъ, съ которымъ кинулись къ нему прежде всего королевскіе принцы и готовъ былъ кинути весь народъ, это было радостное и чистое волненіе, чуждое какихъ бы то ни было низменныхъ сторонъ народныхъ зрѣлищъ,—волненіе сознанія народной силы и патріотическаго удовлетворенія.

„Какъ онъ самъ смотрѣлъ на это дѣло, можно заключить изъ того, что въ недѣлю передъ состязаніемъ онъ говѣлъ, накануне приобщился и, уходя, сказалъ отцу, что либо вернется побѣдителемъ, либо совсѣмъ не вернется. А. Д. Бт.“

*

Чрезмѣрное напряженіе умственной дѣятельности и пренебреженіе къ физическому развитію ведетъ къ вырожденію общества,—да; безъ здоровья не можетъ быть счастья,—да; всѣ попытки послѣдняго времени поднять путемъ ручнаго труда, гимнастическихъ упражненій, игръ и спорта физическія силы подрастающихъ поколѣній слѣдуетъ горячо привѣтствовать,—да, и еще разъ да. Спортъ является въ этомъ дѣлѣ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ двигателей, возбуждая соревнованіемъ энергію, которая иначе, при безцѣльности и безсмысленности многихъ изъ этихъ упражненій и игръ, могла бы ослабѣть,—да. Но посмотрите и на обратную сторону медали. Такъ ли ужъ человѣчество духовно развито и умственно занято, чтобы нужно было умѣрять его рвеніе въ этомъ направленіи; не происходитъ ли и самое вырожденіе отъ недостатка умственнаго развитія общества и цѣлесообразнаго приложенія его умственныхъ и тѣлесныхъ силъ къ разумной дѣятельности, обезнечивающей истинное, человѣческое, а не животное благополучіе и счастье и живущимъ, и будущимъ поколѣніямъ?.. Если спортъ въ бѣгаваніи, лазаньи, греблѣ, вадѣ на велосипедѣ, борьбѣ и т. п. приведетъ къ увеличенію нашихъ физическихъ силъ, которыя мы затѣмъ будемъ растрачивать на спортъ кулачный, точный, бутылочный и т. п., то, право, не стоитъ такъ много хлопотать объ этомъ. Въ работахъ о физической силѣ не слѣдуетъ ни на минуту забывать, что роль ея—только служебная, и что умаленіе умственнаго и нравственнаго развитія ради тѣлеснаго можетъ привести къ еще горшему вырожденію *человѣка*, чѣмъ то, которое мы видимъ теперь.

Воспроизведенная въ этомъ номерѣ картина можетъ дать ясное представленіе о томъ, до какого духовнаго вырожденія доводитъ людей культъ грубой силы. Дѣйствіе происходитъ въ Англіи—странѣ передовыхъ идей, свободныхъ учрежденій,

ярких контрастов и... бокса. Передь нами арена, на которой только-что бились два профессиональных атлета, нанося друг другу тяжеловѣсные удары, пока одинъ изъ двоихъ не свалился безъ чувствъ и, быть-можетъ, съ переломленнымъ ребромъ, на землю. А кругомъ арены толпа ихъ поклонниковъ, ихъ *друзей*, державшихъ между собой азартныя пари за успѣхъ того или другого. Посмотрите на эти звѣрскія лица. Есть ли на нихъ хоть проблескъ состраданія къ павшему или сомнѣнія въ гнусности этой забавы? До того ли имъ! Вы видите этихъ напичканныхъ, безстрастныхъ джентльменовъ въ центрѣ картины? Это судьи. Одинъ изъ нихъ вынулъ часы и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за скачками секундной стрѣлки. Тутъ прежде всего—точность. Живъ или нѣтъ боксеръ, свалившійся отъ удара противника, это дѣло второстепенное,—важно то, чтобъ сосчитать ровно 30 секундъ съ момента его паденія. Если онъ до тѣхъ поръ не встанетъ, чтобъ продолжать состязаніе, его противникъ будетъ провозглашенъ побѣдителемъ, а сторонники побитаго заплатятъ изрядныя кушны шиллинговъ и фунтовъ за проигранное пари. Этому господину судья въ цилиндрѣ хорошо такъ спокойно считать свои секунды; но тѣ, кто съ такимъ азартомъ держали пари, въ надеждѣ выиграть, употребляютъ теперь отчаянныя усилія, чтобъ заставить унававшего подняться, пока судья еще не произнесъ рѣшительнаго слова: «пора!» Одинъ срыскиваетъ полумертваго боксера водой, другой подбодритъ его прямо наизусть. Но старанія ихъ напрасны. Ударъ былъ мѣтокъ и силенъ, секунды бѣгутъ такъ же быстро, какъ всегда, и вопъ этого старичника направо, съ такимъ скверно-радостнымъ выраженіемъ лица,—очевидно, одинъ изъ выигравшихъ пари,—уже торопитъ побѣдителя поскорѣ сѣсть на приготовленный для него стулъ, не дожидаясь звѣтнаго возгласа: «пора!» (стр. 205). Не правда ли, какая привлекательная картинка! Не будь она нарисована англійскимъ художникомъ и помѣщена въ *Graphic's*, можно было бы подумать, что это—клевета на просвѣщенную націю.

Право, воскресшая культъ физической силы, пора подумать и о тѣхъ крайностяхъ, къ которымъ онъ можетъ иногда привести, если не найдетъ достаточнаго противоявія въ гармоническомъ духовно-нравственномъ развитіи людей съ здоровыми мускулами и крѣпкими нервами.

Остеокласть Лоренца. (Рис. на этой стр.)

Во всѣхъ газетахъ было сообщено о только что открывшейся въ Петербургѣ ортопедической лѣчебницѣ доктора медицины К. Х. Хорна.

Задача ортопедіи, какъ это видно уже изъ самаго ея названія, заключается въ исправленіи человѣческаго скелета, искавившаго свою форму подъ вліяніемъ болѣзни или различныхъ вѣншихъ воздействій. Всевозможныя искривленія позвоночнаго столба и конечностей, вывихи и другія неправильности въ строеніи сочлененій,—вотъ та обширная группа страданій, которыя подлежатъ вѣдѣнію хирурга-ортопеда. И—надо ей отдать справедливость, ортопедія быстрыми шагами подвигается впередъ, изъ года въ годъ совершенствуя свои методы врачеванія.

Среди множества ортопедическихъ аппаратовъ и инструментовъ, собранныхъ въ лѣчебницѣ д-ра Хорна и по большей части впервые появивающихся въ Петербургѣ, наибольшаго вниманія заслуживаютъ, пожалуй, два невидныхъ инструмента, носящихъ имя знаменитаго хирурга-ортопеда Лоренца, профессора вѣнскаго университета. Мы говоримъ о Лоренцовомъ винтѣ и о Лоренцовомъ остеокластѣ; рисунокъ послѣдняго читатели найдутъ на этой страницѣ. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ описанію этихъ инструментовъ, бросимъ взглядъ на недавнее прошлое ортопедіи.

Еще немного лѣтъ назадъ, косолапость, наиримѣръ, принадлежала къ числу трудно излѣчимыхъ страданій конечностей. Косолапая нога, т.-е., нога, вывернутая внутрь и внизъ, страшно затрудняетъ хожденіе, а иногда дѣлаетъ его и вовсе невозможнымъ. Всѣмъ извѣстно, какъ мучила такая косолапость знаменитаго поэта Байрона, которому она отравила всю жизнь. Не такъ давно еще, излѣченіе этого недуга требовало серьезной кровавой операціи, результатомъ которой было искаженіе скелета, устраненіе одной изъ его составныхъ частей,—именно, вырѣзывалась одна изъ косточекъ, составляющихъ пятку, такъ-называемая *talus*. И это—не единичный примѣръ:

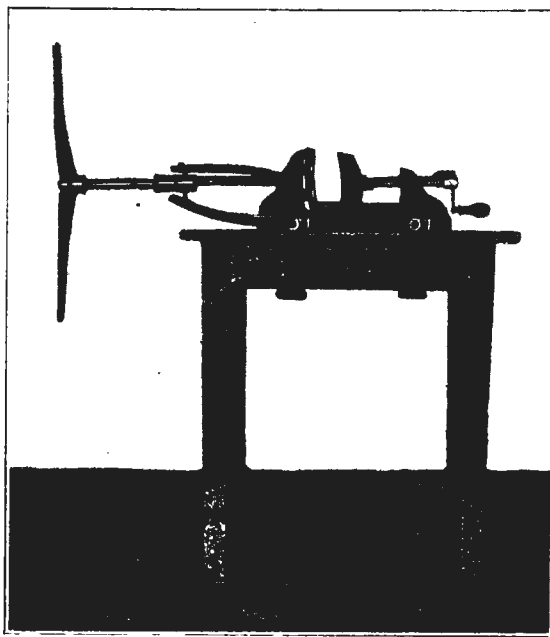
прежняя ортопедія вообще не очень церемонилась со скелетомъ, безъ сожалѣнія выбрасывая изъ него ту или другую его часть, лишь бы возстановить дѣятельность движущаго механизма человѣка. Но, съ одной стороны, возвращеніе прежнихъ страданій, рецидивизмъ болѣзни, а съ другой—исное пошпманіе принципиальной неудовлетворительности такихъ варварскихъ методовъ, давно вынудили хирурговъ-ортопедамъ стремленіе достигнуть возможности падить скелетъ больного и излѣчивать болѣзнь безъ нарушенія цѣлости скелета. И этотъ идеалъ въ настоящее время уже достигнутъ ортопедіей, по крайней мѣрѣ, для многихъ случаевъ.

Возьмемъ ту же косолапую ногу. Въ настоящее время врачъ уже не нуждается въ усраженіи изъ нея какой бы то ни было кости. Въмѣсто этого онъ осторожно, постепенно усиливаетъ давленіе, растягиваетъ связки пяточного сочлененія, затѣмъ медленнѣе, но постояннымъ давленіемъ, въ одинъ сеансъ, выводитъ стопу изъ ея аномальнаго положенія и, наконецъ, приводитъ ее въ положеніе нормальное, при чемъ всѣ пяточные кости остаются невредимыми. Небольшой подкожный разрѣзъ такъ-называемой ахиллесовой ляды завершаетъ операцію. Затѣмъ на стопу и пяточное сочлененіе налагается гипсовая повязка, которая поддерживаетъ стопу въ нормальномъ положеніи. Массажъ довершаетъ дѣло операціи,—и нога, прежде неспособная къ ходбѣ, получаетъ возможность двигаться, какъ совершенно здоровая.

То, что мы сказали относительно пяточного сочлененія, дѣлается и въ случаѣ пораженія другихъ суставовъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ природный вывихъ бедреннаго сустава. Еще нѣсколько времени назадъ этотъ случай считался неизлѣчимымъ, теперь же онъ излѣчивается съ поразительною легкостью, благодаря появленію упомянутого выше Лоренцова винта.

Кромѣ выправленія всевозможныхъ вывиховъ суставовъ, ортопедія занимается еще, какъ мы сказали выше, и лѣченіемъ всякихъ искривленій конечностей, выпрямленіемъ самихъ костей. Но для этого искривленную кость часто приходится предвзительно сломать, чтобы возможно было надлежащее выпрямленіе ея. Прежде это производилось руками операціонера, но при ручномъ переломѣ костей, никогда нельзя было имѣть ручательства въ томъ, что кость переломится именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ это нужно для оператора; часто переломъ происходилъ въ нежелательномъ мѣстѣ, и тогда лѣченіе не увѣнчивалось успѣхомъ, да притомъ же операторъ не могъ предугадать направленія перелома, и кость, вмѣсто того чтобы переломиться поперекъ, часто давала косые переломы, появлялись трещины, осколки... Наконецъ, человѣческая сила имѣетъ свои границы, и операторъ иногда долженъ былъ отказываться отъ перелома, по чрезвычайной твердости кости. Поэтому давно уже начали появляться спеціальныя инструменты для перелома костей, названные «остеокластами». Изъ ихъ числа наилучшимъ является въ настоящее время Лоренцовъ остеокластъ, дающій возможность произвести переломъ въ желаемомъ мѣстѣ кости, съ поразительною точностью, и притомъ никогда не дающій никакихъ трещинъ и осколковъ. Аппаратъ состоитъ изъ двухъ стальныхъ частей, укрѣпленныхъ на деревянной доскѣ, которая привинчивается къ столу. Оперируемая кость зажимается между обѣими стальными частями аппарата, прикрытыми толстыми кусками резины, и затѣмъ, помощью винта, на нее производится постоянное давленіе, равномерно усиливаемое до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведенъ переломъ. Мѣсто перелома опредѣляется положеніемъ упомянутыхъ выше кусковъ резины, на границѣ которыхъ онъ и совершается.

Но этотъ же остеокластъ оказываетъ хирургу неоцѣнимыя услуги и при выправленіи аномальныхъ суставовъ. Мы уже говорили выше, что при выправленіи, наиримѣръ, косолапой ноги оператору приходится работать силою рукъ. Но для такой операціи требуется значительная затрата силы, такъ какъ операція эта требуетъ довольно продолжительнаго времени и притомъ должна быть произведена въ одинъ сеансъ. Хорошо еще, если оперируемый субъектъ—ребенокъ, у котораго сопротивление мышцъ и связокъ не такъ велико; а если приходится оперировать взрослого человѣка,—какія силы выдержать долговременное давленіе, притомъ требующее постояннаго усиленія? Вотъ тутъ-то остеокластъ и является незаменимымъ: вмѣсто того, чтобы выгибать ногу больного своими

Остеокласть Лоренца. Съ фот. автотипія „Нивы“.

руками, операторъ зажимаетъ ее въ остеоласть, а стону, посредствомъ куска мягкой ткани, прикрѣпляетъ къ рамѣ вѣнга и затѣмъ, дѣйствуя на послѣдній, оттигиваетъ ее наружу; это совершается въ нѣсколько приемовъ, причѣмъ положеніе ноги въ приборѣ нѣсколько разъ измѣняется, сообразно направленію необходимаго выгибанія стоны, пока послѣдняя не приметъ нормальнаго положенія. Затрата силы со стороны оператора въ этомъ случаѣ совершенно ничтожна.

Филиппъ Меланхтонъ.

(Портр. на этой стр.)

4 (16) февраля всѣ школы, университеты, церкви въ Германіи торжественно праздновали исполнившееся четырехсотлѣтіе со дня рожденія одного изъ великихъ основателей евангелическаго ученія, глачнаго помощника Лютера въ дѣлахъ церкви и выдающагося ученаго, Филиппа Меланхтона. Какъ теологъ и проповѣдникъ новой религіи, Меланхтонъ по праву занимаетъ мѣсто рядомъ съ Лютеромъ на знаменитомъ памятникѣ въ Лейпцигѣ. Лютеръ самъ не разъ говорилъ про Меланхтона: „Этотъ маленькій грекъ превосходитъ меня даже и въ теологін“. Въ общемъ, Меланхтонъ составлялъ съ Лютеромъ одно цѣлое, и послѣдній значительной частью своей славы и успѣха своего ученія обязанъ именно Меланхтону. Меланхтонъ видѣлъ всегда въ Лютерѣ своего теологическаго вождя, но никогда не сходился съ нимъ въ воззрѣніяхъ на жизнь и дѣятельность. Лютеръ, это—олицетвореніе силы, мощи, Меланхтонъ—натура мягкая, искавшая поддержки, опоры. Въ этомъ характерная разниа между нимъ и Лютеромъ, и если онъ не былъ первымъ бойцомъ реформаціи, то только по своему мягкому характеру, болѣе склонявшемуся къ роли примирителя страстей во имя торжества идеи, чѣмъ грознаго публичнаго борца за нее. Вся теоретическая теологическая дѣятельность Меланхтона заключалась въ обоснованіи новаго реформаціоннаго движенія (имѣ дѣлкомъ составлено знаменитое „Аугсбургское исповѣданіе“, а также и „Этика“, представляющая сводъ ученія лютеранства), а вся практическая сводилась къ умиротворенію; онъ сглаживалъ все то, что было рѣзкаго въ словахъ и дѣйствіяхъ Лютера, онъ старательно убиралъ шипы, летѣвшія подъ мощными ударами реформаціоннаго топора Лютера, онъ бережно и терпѣливо развивалъ всѣ тѣ уаы, въ которыхъ спутывались религіозные вопросы, никогда не желая въ такомъ священномъ для него дѣлѣ слѣдовать примѣру Александра Македонскаго. На эту тяжелую работу мысли, на эти вѣчныя сердечныя заботы о будущности новой религіи, потратилъ онъ всю свою жизнь, и благодарное потомство свято чтить его память и его заслуги.

Филиппъ Меланхтонъ (по поводу 400-лѣтія дня рожденія). Гравюра на мѣди Альбрехта Дюрера, 1526 г.

Н. К. Случевскій (по поводу 40-лѣтія литературной дѣятельности). Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Но на ряду съ этими безсмертными заслугами предъ своей родиной, Меланхтонъ оставилъ по себѣ неувядаемую память, какъ выдающійся мыслитель, ученый, заслуживающій уваженіе всего міра.

Въ этомъ отношеніи Меланхтонъ былъ прямо феноменъ, предуготовленный къ ученой карьерѣ самой природой. Мать Меланхтона была племянница знаменитаго гуманиста Рейхлина, отецъ же его былъ оружейнымъ мастеромъ въ маленькомъ городѣ Бреттенѣ (въ нынѣшнемъ великомъ герцогствѣ Баденскомъ). Рейхлинъ былъ руководителемъ воспитанія и образованія своего богато одареннаго племянника. Фамилія „Меланхтонъ“ была дана ему тоже по слову Рейхлина, полагавшаго, что такому даровитому юншѣ, будущему великому ученому, гораздо болѣе подходитъ греческая фамилія „Меланхтонъ“ (черновозъ), чѣмъ однозначная настоящая его фамилія „Шварпердъ“. Двѣнадцати лѣтъ Меланхтонъ уже успѣлъ окончить курсъ въ училищѣ въ Пфорцгеимѣ; и поступилъ въ гейдельбергскій университетъ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что въ тѣ времена университетскій курсъ совѣщала въ себѣ и курсъ старшихъ классовъ гимназій. Вступивъ въ университетъ съ званіемъ греческаго языка, Меланхтонъ 15 лѣтъ уже признанъ былъ бакалавромъ свободныхъ искусствъ. Въ актахъ гейдельбергскаго университета

Меланхтонъ названъ „totius orbis miraculum“. Когда же онъ вскорѣ затѣмъ пожелалъ получить и степень магистра, ему было отказано „въ виду его слишкомъ молодого, дѣтскаго вида“. Онъ отправился въ Тюбингенъ, и тамъ сразу завоевалъ павѣстность, выказавъ всесторонность своего образованія; достаточно сказать, что его съ восторгомъ слушали и въ аудиторияхъ юристовъ, и богослововъ, и математиковъ, медиковъ и астрономовъ.

17 лѣтъ отъ роду онъ уже былъ магистромъ и читалъ лекціи о Виргиліи и Теренціи и выпустилъ въ свѣтъ греческую грамматику, сдѣлавшую его имя однимъ изъ популярнѣйшихъ въ учебномъ мірѣ и считавшуюся лучшимъ руководствомъ въ теченіе двухъ вѣковъ.

По приглашенію курфюрста Фридриха Мудраго, Меланхтонъ перешелъ въ Виттенбергъ. 25 августа 1518 г., когда этотъ „юный“ новый профессоръ прибылъ въ Виттенбергъ, никто не думалъ, что къ нимъ явился гений, которому суждено было прославить своимъ именемъ этотъ городъ. Это сразу почувствовали на первой же его вступительной рѣчи; его высокой лобъ, свѣтлый взглядъ его ясныхъ глазъ сказали сразу, что передъ ними недожизненный умъ, глубокой не по лѣтамъ мыслитель. Слушать его вдохновенныя лекціи сходились тысячи людей, въ числѣ которыхъ были, на ряду со студентами, учителя,

профессора. Нерѣдко слушателемъ его былъ и Лютеръ. Слано о Меланхтонѣ быстро разошлось по всей Германіи, и вскорѣ дано было ему безсмертное имя „Praesertor Germaniae“. Давъ глубоко уваженія къ Меланхтону воздалъ и знаменитый Альбрехтъ Дюреръ, въ своей извѣстной подписи подъ портретомъ его, воспронизведенной на стр. 209 и означающей слѣдующее: „Дюреръ могъ изобразить вѣнность Филиппа при жизни его, но искусная рука не могла живописать его ума“.

Въ Виттенбергѣ, этой колыбели реформаціи, Меланхтонъ оставался профессоромъ до послѣднихъ дней своихъ. Съ Виттенбергомъ его связывали еще узы семейныя—въ 1520 г. онъ женился на Катеринѣ Крампъ, дочери мѣтнаго бургомистра.

Въ Виттенбергѣ кончилъ Меланхтонъ свои дни, проведя послѣдніе годы жизни въ уединеніи и печали. Онъ пережилъ Лютера, многихъ своихъ лучшихъ друзей и свою любимую жену. 12 апрѣля 1560 г. прочелъ онъ свою послѣднюю лекцію, а 19 апрѣля, въ 7 ч. вечера (въ тотъ же часъ, какъ и родился) онъ скончался 63 лѣтъ и 63 дней отъ роду. Прахъ Меланхтона поконится въ замковой церкви въ Виттенбергѣ, рядомъ съ прахомъ Лютера.

К. К. Случевскій. (Портр. на стр. 209.)

Въ февралѣ н. г. исполнилось сорокалѣтіе литературной дѣятельности одного изъ извѣстныхъ современныхъ писателей, Константинна Константиновича Случевского.

Имя К. Случевского впервые появилось въ 1857 г. на страницахъ двухнедельнаго журнала *Общезанимательный Вѣстникъ* подъ шестью стихотвореніями, изъ которыхъ было два оригинальныхъ и четыре переводныхъ. Эти произведенія послужили началомъ поэтической дѣятельности К. Случевского, наиболее характеризующей литературный талантъ его. К. Случевскій—поэтъ по преимуществу, и своей извѣстностью обязанъ главнымъ образомъ своимъ стихотвореніямъ, сразу обратившимъ на себя вниманіе критики своей непосредственной искренностью, свѣжестью чувства, глубокимъ пониманіемъ красоты природы и яркой образностью. Съ 1860 года начали печататься стихотворенія К. Случевского въ *Современникѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*, и Аполонъ Григорьевъ, съ присутіемъ ему критическимъ пониманіемъ и художественнымъ тактомъ, встрѣтилъ его стихотворенія очень сочувственно и сразу увидѣлъ въ молодомъ авторѣ нарождающійся крупный талантъ. Такую же блестящую будущность К. Случевскому, еще на первыхъ шагахъ его литературной дѣятельности, предсказалъ и чуткій нашъ поэтъ-беллетристъ И. С. Тургеневъ. Но на ряду съ этими ободреніемъ, К. Случевскому пришлось съ первыхъ же шаговъ пережить и не мало горькихъ минутъ изъ-за ожесточеннаго отношенія къ нему другихъ критиковъ, издававшихъ на него, какъ на жреца чистаго искусства, слѣдовавшаго великимъ только своего таланта. Молодой поэтъ, не желая уступать требованіямъ тенденціознаго критики, прервалъ свою поэтическую дѣятельность, и, въ видѣ отвѣта и возмущенія на тогдашнее „антипоэтическое настроеніе“ литературныхъ кружковъ, написалъ три статьи: „Прудонъ объ искусствѣ“, „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ и „Какъ Писаревъ эстетику разрушалъ“. Эти три статьи составили собою цѣлую книгу, изданную К. Случевскимъ въ 1866 году подъ названіемъ „Явленія русской жизни подъ критикою эстетики“.

Долго длилось это подневольное молчаніе молодого поэта, какъ бы выжидавшаго лучшихъ временъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ появилось нѣсколько стихотвореній К. Случевского въ сборникахъ „Складчина“ и „Братская помощь“, но первымъ крупнымъ произведеніемъ его суждено было появиться только въ 1879 г. на страницахъ *Русскаго Вѣстника* и *Новаго Времени*. Это были двѣ поэмы: „Въ свѣгахъ“ и „Картинка въ рамкѣ“, доказавшія, что авторъ ихъ не переставалъ совершенствоваться своей поэтической даръ, и что онъ въ состояніи оправдать тѣ ожиданія, которыя въ самомъ началѣ его дѣятельности возлагала на него художественная критика.

Въ 1880 г. К. Случевскій выступилъ съ первой своей книжкой стихотвореній; вслѣдъ за нею появилась черезъ годъ вторая книжка его стихотвореній, встрѣченная критикой такъ же сочувственно, какъ и первая; въ 1883 году онъ издалъ свои „Поэмы и хроники“ и въ 1890 г. вышла въ свѣтъ его „Четвертая книжка стихотвореній“. Къ этимъ произведеніямъ нужно прибавить еще всѣ стихи, написанные имъ за послѣдніе семь лѣтъ. К. Случевскій продолжаетъ писать стихи до сихъ поръ, и всѣ они, какъ прежде, такъ и произведенія послѣднихъ лѣтъ, отличаются сложностью, многосторонностью и безконечнымъ разнообразіемъ поэтическихъ темъ, картинъ, мотивовъ и настроеній, обнаруживая въ авторѣ вдумчиваго поэта-созерцателя, оригинальнаго мыслителя и задумчиваго лирика. Его „Баллады и сказки“, „Картинки изъ черноземной полосы“, „Мурманскіе отголоски“, „Мгновенія“, выделяющіяся гармоническимъ сочетаніемъ мысли и чувства и фантастическихъ образовъ съ яркими картинками реальной жизни, могутъ служить украшеніемъ русской поэзіи.

Поэтическая созерцательность, колоритность описаній, свѣжесть темъ и оригинальность литературныхъ приемовъ является характеризующимъ свойствомъ и всѣхъ его беллетристическихъ

произведеній, возбуждающихъ большой интересъ въ публикѣ и весьма сочувственно встрѣчаемыхъ критикой. Его „Историческія картинки. Разные рассказы“ вышли въ 1894 г. вторымъ изданіемъ и были въ прошломъ году удостоены почетнаго отзыва Академіей Наукъ. Среди этихъ его произведеній, какъ и среди его стихотвореній, особенно выдѣляются небольшіе очерки и картинки изъ древней и новой исторіи, ярко обрисованные „типы“ и очерки изъ жизни поморовъ на Мурманѣ. Все это небольшое по объему произведеніи, могутъ быть названы стихотвореніями въ прозѣ, и по яркости обрисовки лицъ и картинности языка они превосходятъ крупныя произведенія К. Случевского, его романы „Застрѣльщики“, „Виртуозы“ и „Отъ подѣлу къ подѣлу“.

К. Случевскій очень удачно заявилъ себя и въ качествѣ драматурга—перу его принадлежатъ пользовавшіеся успѣхомъ на Императорской сценѣ: драма „Наканунъ ссылки“ (шла подъ псевдонимомъ Павловскаго) и извѣстная комедія „Городъ упрямлется“ (написана вмѣстѣ съ В. Крыловымъ).

Даръ талантливаго беллетриста блестяще сказался и въ описательныхъ, полунсторико-публицистическихъ его трудахъ „По сѣверу Россіи“ и „Балтійская сторона“, изданныхъ въ 1886—1888 гг. Въ этихъ обширныхъ путевыхъ очеркахъ, занимающихъ три большихъ тома и являющихся какъ бы отчетомъ поѣздкѣ автора по указаннымъ областямъ Россіи вмѣстѣ съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и великой княгиней Маріей Павловной, К. Случевскій даетъ не только подробное описаніе мѣстностей и всѣхъ ихъ достопримѣчательностей,—описаніе яркое, подчасъ въ высшей степени картинное,—но и прослѣживаетъ все историческое прошлое каждой мѣстности или города, указываетъ ихъ значеніе въ государствѣ, обнаруживая притомъ не малую субъективность, но субъективность умнаго государственнаго дѣятеля, понимающаго задачи страны и правительства. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Случевского приближается къ публицистическому, но этотъ элементъ ничуть не умалняетъ его крупнаго значенія, какъ цѣннаго историческаго наслѣдованія, изложеннаго беллетристически, въ рядѣ послѣдовательно смѣнявшихся картинъ.

Живой литературный талантъ сказался и въ дѣятельности К. Случевского, какъ главнаго редактора *Правительственнаго Вѣстника*, начавшейся въ 1891 году. Какъ извѣстно, редактрование такой официальной газеты, каждое свѣдѣніе которой должно быть строго вѣрнѣе, проверено и помѣщено въ высшей степени осмотрительно—задача очень нелегкая. Кромѣ того, исключительное положеніе официального изданія невольно суживаетъ рамки отдѣловъ газеты и не даетъ возможности разнообразить программу ея наравнѣ съ общей періодической печатью. Это ведетъ, да и вело къ тому, что *Правительственный Вѣстникъ* до 1891 г. представлялъ собою изданіе въ высшей степени однообразное, испещренное одними лишь приказами и правительственными распоряженіями. Почему-то считали такое положеніе совершенно нормальнымъ. И вотъ свѣдѣній литературный человекъ,—человѣкъ живой дѣятельности, врагъ всего мертвенно-блѣднаго, однообразнаго,—К. Случевскій сразу преобразилъ изданіе, и въ его умѣлыхъ рукахъ газета стала живой и интересной, составленной очень разнообразно и занимательно, стала вестись прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Какъ велика эта заслуга К. Случевского предъ государствомъ и обществомъ, можно вполне оцѣнить тогда, когда представивъ себя, что *Правительственный Вѣстникъ* служилъ главнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній, очерчиваемыхъ изъ него провинціальными изданіями.

Совершенно обновивъ *Правительственный Вѣстникъ*, К. Случевскій не остановился на этомъ, и въ своихъ стремленіяхъ къ расширенію круга читателей издающейся при *Правительственномъ Вѣстникѣ* еженедельной газеты для народа *Сельскій Вѣстникъ*, предпринялъ съ нынѣшняго года издавать при немъ безплатное ежемѣсячное приложение для народнаго чтенія, подъ названіемъ „Вѣтъ—помочь“. Изданіе это, руководимое К. Случевскимъ, вполне доступно народу и по содержанію, и по цѣнѣ, расходится въ количествѣ свыше 50,000 экземпляровъ, изъ которыхъ почти треть расдается безплатно.

К. К. Случевскій состоитъ, кромѣ того, членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ началась (въ 1874 г.) и протекла значительная часть служебной дѣятельности К. Случевского.

К. К. Случевскій родился 26 іюля 1837 г., въ Петербургѣ. Образованіе онъ получилъ сначала военное—въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и въ академіи генеральнаго штаба; но, не находя удовольствія въ военной службѣ, онъ вышелъ въ 1861 году въ отставку и отправился за границу, гдѣ слушалъ университетскія лекціи въ Сорбоннѣ (въ Парижѣ), Берлинѣ и Гейдельбергѣ. Въ гейдельбергскомъ университетѣ К. Случевскій получилъ, въ 1865 г., ученую степень доктора философіи.

60 лѣтъ жизни и 40 лѣтъ неутомимой литературной дѣятельности ничуть не ослабили энергіи К. К. Случевского. Онъ работаетъ съ прежней свѣжестью и бодростью, и можно только отъ души пожелать ему еще надолго сохранить здоровье и силы для продолженія его почтенной литературной и служебной дѣятельности.

Политическое обозрѣніе.

Пока вѣншія политика европейскихъ державъ сосредоточена на восстановленіи порядка, нарушеннаго вѣншательствомъ Греціи въ критскія дѣла, можно отмѣтить утѣшительный фактъ „устраненія недоразумѣній на дальнемъ Востоѣ“, гдѣ, какъ извѣстно, Японія успѣла быто создать порядокъ вещей, благоприятствующій преобладающему ей вліянію въ Корей. Въ среду, 12 февраля, опубликовано прайвительственное сообщеніе о соглашеніяхъ между Россіей и Японіей, подписанныхъ представителями этихъ державъ въ Сеулѣ 2 мая и въ Москвѣ 28 мая минувшаго года. Исходя изъ основного положенія японско-китайскаго симонсекскаго мирнаго договора о независимости Кореи, Россія и Японія своими соглашениями „свидѣтельствуютъ о своей взаимной готовности содѣйствовать прочному обезпеченію порядка“ въ Корей, предоставили ей правительству полную свободу дѣйствій во внутренней и вѣншей его политикѣ. Какъ только исчезнетъ всякое сомнѣніе въ безопасности корейскаго короля, обѣ стороны посоветуютъ ему возвратиться въ свой дворецъ. Признавая вѣншій корейскій кабинетъ составленнымъ, по свободному выбору короля, изъ людей просвѣщенныхъ и утѣренныхъ, представители обѣихъ сторонъ всегда будутъ стараться содѣйствовать королю назначать министровъ изъ такихъ же лицъ, а также выказывать милосердіе къ своимъ подданнымъ. Три строевыя роты японскихъ войскъ, охраняющія телеграфную линію Фусанъ-Сеулъ, при первой возможности будутъ замѣнены жандармами, числомъ не болѣе двухсотъ человекъ, которые будутъ постепенно отозваны, по мѣрѣ восстановленія порядка корейскимъ правительствомъ. Для охраны японскаго населенія въ корейской столицѣ и въ открытыхъ портахъ, Японія оставляетъ двѣ роты войска въ Сеулѣ, одну въ Фусанѣ и одну въ Генсанѣ, съ составомъ не болѣе двухсотъ человекъ въ ротѣ; войска эти будутъ отозваны съ исчезновеніемъ опасности нападенія туземной черни на японскія поселенія. До окончательнаго восстановленія спокойствія внутри Кореи, Россія, въ дѣлахъ охраны своей миссіи и консульства, можетъ также содержать стражу, не превышающую численности японскихъ войскъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ. Россія и Японія будутъ содѣйствовать корейскому правительству установленію равновѣсія въ бюджетѣ королевства и, въ случаѣ необходимости въ иностраннхъ займахъ, оба правительства общими силами окажутъ Корей свое содѣйствіе. Оба правительства предоставятъ Корей, соразмѣрно съ финансированіемъ и экономическимъ положеніемъ королевства, сформированіе и содержаніе туземной арміи и полиціи, въ дѣлахъ поддержанія внутренняго порядка въ странѣ. Японія сохранитъ за собою управленіе находящимися въ ея рукахъ телеграфными линіями, Россія же устанавливаетъ телеграфное сообщеніе между Сеуломъ и своей границей. Корей предоставляется выкупъ этихъ телеграфныхъ линій, когда у нея будутъ средства. Въ случаѣ необходимости, точное опредѣленіе принятыхъ Россіей и Японіей пунктовъ и новые вопросы по корейскимъ дѣламъ будутъ разрѣшаемы обоимъ сторонамъ.

Предоставивъ Критъ усмотрѣнію державъ, со времени греческой демонстраціи, Турція обратила свое вниманіе на пограничныя съ Греціей провинціи. Несмотря на разстроеныя финансы, турецкое военное министерство начало на греческой границѣ мобилизацію шести дивизій—въ составѣ 70 тысячъ человекъ. Портой сдѣлано распоряженіе о приведеніи въ порядокъ желѣзнодорожной линіи между столицей и Салониками для пропуска воинскихъ поездовъ. Самъ султанъ, принимая живѣе участіе въ военныхъ приготовленіяхъ, пожертвовалъ на военныя нужды значительную сумму изъ своихъ личныхъ средствъ. Въ видѣ скривнаго для Европы, у Турціи оказался секретный фондъ на военныя надобности. Даже захудалое турецкое морское вѣдомство сдѣлало распоряженіе о мобилизаціи флота, который долженъ образовать двѣ эскадры.

Въ разгаръ увлеченія панэллинизмомъ Греціи полагала, что европейскій миръ въ ея рукахъ: въ греческой печати высказывалось рѣшительное мнѣніе о необходимости объявленія войны Турціи, если европейскія державы принудятъ Грецію отказать отъ Крита, несмотря на то, что для грековъ существуютъ вѣкоторыя шансы на успѣхъ лишь на морѣ, тогда какъ рѣшительное столкновеніе, въ случаѣ его допущенія, могло бы произойти на сушѣ. По мнѣнію военныхъ авторитетовъ, востанувшей Греціи пришлось бы имѣть дѣло съ первокласснымъ боевымъ войскомъ, сравнительно съ которымъ греческая армія не только малочисленна, но неудовлетворительно организована и, сверхъ того, плохо дисциплинирована. Чрезмѣрною самонадѣянностью только и можно обмануть вѣншій греческаго правительства, рсточаемыя аѳонскому парламенту, что державы должны будутъ примириться съ совершившимся фактомъ. По поводу снѣтъ греческаго флота въ Каней, по настоянію адмираловъ европейской эскадры, Делансъ счелъ нужнымъ объяснить народному представи-

тельству Греціи, что этимъ обстоятельствомъ выражено согласіе державъ считать Критъ греческой территоріей, на которой, разумѣется, совершенно излишни греческія консульства, въ виду чего послѣднія закрываются, а генеральный консулъ назначается королемъ кимъ комиссаромъ Крита. И дѣйствительно, этотъ импровизированный комиссаръ, удаляясь въ лагерь полковника Васоса, уведомилъ о своемъ повоѣ назначеніи консуловъ другихъ державъ, которые, однако, отвергли это уведомленіе, согласившись на отсутствіе полномочій державъ принимать такіе сообщенія. Вообще со стороны Греціи всѣ мѣры направлены были къ тому, чтобы показать Европѣ, что греческое правительство твердо идетъ къ намѣченной цѣли. Въ виду такой серьезной зааааа, благодаря усидливой агитаціи, въ пустую кассу греческаго королевства стали поступать пожертвованія на эллинское дѣло извѣтъ отъ богатыхъ коммерсантовъ греческой національности.

Послѣ бомбардированія международной эскадрой позицій инсургентовъ, греческое правительство энергично протестовало передъ представителями державъ въ Аѳонахъ, продолжая вести дѣло такъ, какъ будто серьезной помѣхи его задачамъ не случается, и разчитывая на успѣхъ отряда Васоса. Между тѣмъ, хотя движенію этого отряда внутри острова нельзя было помѣшать, международная эскадра заняла такое положеніе, что греческимъ батальонамъ на Критѣ предостантъ остаться не только безъ боевыхъ, но и безъ съѣстныхъ припасовъ.

Он дѣлывшееся единодушіе державъ вызвало со стороны греческаго правительства готовность подчиниться воли Европы съ условіемъ, чтобы вопросъ о пр соединеніи Крита къ Греціи подвергнутъ былъ всенародному голосованію—плебисциту критянъ. Державы, однако, отвѣтили, что вопросъ о судьбѣ острова не можетъ быть принятъ въ соображеніе до тѣхъ поръ, пока не восстановленъ международный порядокъ, следовательно нарушеній Греціей.

Западно-европейская печать отмѣчаетъ непоколебимую рѣшимость русской политикѣ—покончить со всякимъ посягательствомъ на европейскій миръ. По предложенію Россіи, основанному на „вознаніи единенія съ Франціей и безусловномъ соглашеніи съ Германіей“, къ возвращенію которой примыкала Австро-Венгрія, признано и отложнымъ обратиться къ Греціи съ требованіемъ—отозвать эскадру и войска съ Крита въ кратчайшій срокъ, въ противномъ случаѣ послѣдуютъ репрессаліи.

По свѣдѣніямъ отъ 18 февраля, представили шесть великихъ европейскихъ державъ вѣншій коллективный ноты Порты и аѳонскому правительству. Турціи сообщено, что приняты мѣры объ устраниеніи притязаній Греціи на присоединеніе Крита, который, по рѣшенію державъ, получитъ автономію послѣ того, какъ греческія суда и войска очистятъ островъ. Сообщалъ въ то же время аѳонскому правительству о дарованіи полной автономіи Криту, державы потребовали отъ Греціи немедленнаго отозванія ея эскадры и войска.

С М Ъ С Ъ .

Двадцатипятилѣтіе товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ празднуется въ текущемъ году. По поводу этого юбилея художественная фототипія К. А. Фишеръ въ Москвѣ (Кузнецкій мостъ, д. 11) выпускаетъ альбомъ, въ который войдутъ не менѣе 270 фототипическихъ снимковъ съ картинъ, изъ числа появившихся въ теченіе 25 лѣтъ на выставкахъ товарищества. Для альбома выбраны картины: А. Б. Архипова, А. П. Боголюбова, А. М. и В. М. Васнецовыхъ, Н. Н. Ге, И. А. Касаткина, А. А. Киселева, М. П. Клодга, И. Н. Крамского, А. И. Куинджи, И. И. Левитана, К. В. Лемоха, А. Д. Литовченко, В. Е., К. Е. и Н. Е. Маковскихъ, Г. Г. Мясоедова, Н. В. Неврева, М. В. Нестерова, В. Г. Перова, В. Д. Полянова, И. М. Прянишникова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго, А. К. Саврасова, В. А. Серова, В. И. Сурикова, И. И. Шишкина, Н. А. Ярошенко и многихъ другихъ. Изданіе будетъ окончено въ теченіе года, причемъ первый выпускъ появится къ открытію XXV выставки товарищества въ началѣ марта этого года. Всѣхъ выпусковъ проектируется шесть, по 30 листовъ въ каждомъ, следовательно во всемъ изданіи 180 листовъ; на 90 листахъ отпечатывается по одной картинѣ, а на другихъ 90—по двѣ. При послѣднемъ выпускѣ будутъ приложены: 1) общее оглавленіе картинъ, съ обозначеніемъ ихъ названій и авторовъ, мѣста нахождения оригиналовъ, размѣровъ ихъ и проч.; 2) краткіи очеркъ движенія выставокъ товарищества за 25 лѣтъ, и 3) планъ для помѣщенія въ ней всей коллекціи. Цѣна по подпискѣ 9 руб., съ доставкой и пересылкой 12 руб.

Для любителей печатается въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ особое изданіе на эстампной бумагѣ, въ роскошныхъ панкахъ, съ золотыми тисненіями.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Контора журнала „Нива“ считаетъ долгомъ заявить, что: 1) По вновь утвержденнымъ Почтамтомъ правиламъ жалобы на неполученіе какого-либо номера должны быть заявляемы **немедленно** по полученіи слѣдующаго номера. 2) Если при номерѣ не оказывается обозначеннаго въ его заголовкѣ приложенія, то слѣдуетъ, не принимая самаго номера, немедленно заявить объ этомъ начальнику почтов. учрежденія для составленія надлежащаго акта. 3) Жалобы удовлетворяются лишь по выясненіи Почтамтомъ ихъ основательности на основаніи справокъ въ мѣстныхъ почтов. учрежденіяхъ. 4) При несоблюденіи подписчиками вышеозначенныхъ правилъ, контора лишена возможности передавать ихъ жалобы въ Почтамтъ и можетъ вторично высылать недополученное лишь за особую плату: №№ журнала по 20 к., книги соч. Боборыкина по 60 к. и „Литератури. Приложеній“ по 50 коп.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Голубой платокъ. (Изъ записокъ извѣстнаго.) Рассказъ Н. К. Случевского. (Продолженіе.)—„Мечтатель“. Рассказъ Опоста Блонделя. (Съ французскаго.)—Бъ рисункахъ: У ширсого. — Литературный альбомъ. „Переселенцы“, романъ Д. В. Григоровича. Фугаго, Версталь и дѣла Милгиръ.—Ссора.—Нагорная проповѣдь.—Возобновленіе олимпійскихъ игръ въ Афинахъ. Прибытіе вѣдателя въ бѣгъ на 40 километровъ.—„Пора!“—Остеональсъ Лоренца (съ рис.).—Филиппъ Меланхтонъ (съ портр.).—Н. Н. Случевскій (съ портр.).—Политическое обобщеніе.—Сибѣс.—Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.— О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) Сочиненія П. Д. Боборыкина, т. III (Сборникъ „Нивы“ за мартъ); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за мартъ съ 27 рис. и отд. листъ съ 32 черт. вымр. въ натур. вел. и 46 рис. руководящихъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
Продается во всѣхъ аптекахъ и въ аптекахъ, магазинахъ Россіи и въ Франціи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

КРАСИВО изучается вслѣдъ заочное (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
ПИСАТЬ Методъ преподаванія к. Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медалл. № 9942 6-2
За 2 семиклѣбныя марки высылается пробное письмо и условія, а за 4 семиклѣбныя марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условія и образцы пера и пера. заочн. учел. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

Требуйте новый каталогъ ружей, револьверовъ и принадл. охоты.
Цѣны понижены.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Я. ЗИМИНА ВДОВА и К^о.
Москва, Тверская, близъ Газетнаго, Ц. № 9987 д. Шабликина. 3-1

ЧЕ-СУ-ЧА
Настоящій каталогъ, много иллюстрацій и превосходной доброты
СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ.
Цѣна за полныя выписки, шифровъ въ 26—27 арш.:
Дамская: 10 руб., 18 руб. и высылка
Мужская: 18 руб., 20 руб. и высылка
Въ **СМЛАДЪ А. ИВАНОВА**
Москва, Тверская, Пискаревъ Пост-иневскій.
Складъ высылаетъ съ наложеннымъ платонемъ. № 9992 2-1
Обращаи за 2 семикл. марк.

Путешествіе
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
ПО РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.
РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ
Ахшарумова и Лапцкаго
вышло изъ печати, разсматривая подписчиковъ и послужило въ продажѣ: Троицкаго, 6, кв. 7. СПб. Гг. подписчиковъ разсматриваетъ въ 1 р. 60 к. высл. плат. № 9998 3-1
Подписка по 1 р. 80 к. предвѣщенія.
Въ отдѣльной продажѣ цѣна книги: 1 р. 80 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 11 р., 12 р., 13 р., 14 р., 15 р., 16 р., 17 р., 18 р., 19 р., 20 р., 21 р., 22 р., 23 р., 24 р., 25 р., 26 р., 27 р., 28 р., 29 р., 30 р., 31 р., 32 р., 33 р., 34 р., 35 р., 36 р., 37 р., 38 р., 39 р., 40 р., 41 р., 42 р., 43 р., 44 р., 45 р., 46 р., 47 р., 48 р., 49 р., 50 р., 51 р., 52 р., 53 р., 54 р., 55 р., 56 р., 57 р., 58 р., 59 р., 60 р., 61 р., 62 р., 63 р., 64 р., 65 р., 66 р., 67 р., 68 р., 69 р., 70 р., 71 р., 72 р., 73 р., 74 р., 75 р., 76 р., 77 р., 78 р., 79 р., 80 р., 81 р., 82 р., 83 р., 84 р., 85 р., 86 р., 87 р., 88 р., 89 р., 90 р., 91 р., 92 р., 93 р., 94 р., 95 р., 96 р., 97 р., 98 р., 99 р., 100 р.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Времѣ наденія Бироны и воеваренія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р 50 к.; въ роскоши. голени. перекл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Существуетъ съ 1849 г. Телефонъ № 1337.

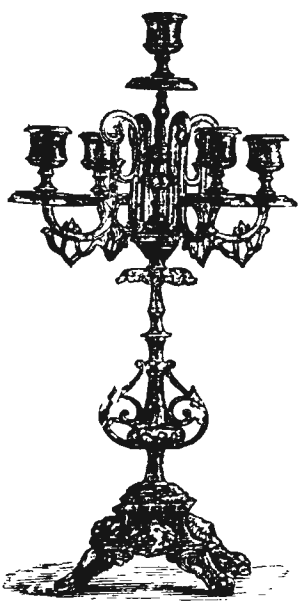
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ИВАНА ЕКИМОВИЧА
МОРОЗОВА.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, №№ 85, 86 и 87 (противъ Пажескаго корпуса).

БРИЛЛАНТОВЫЯ,
ЗОЛОТЫЯ
И
СЕРЕБРЯНЫЯ
ВЕЩИ
изготовляются въ собственныхъ мастерскихъ.

БРОНЗОВЫЯ
ИЗДѢЛІЯ
изготовляются въ собственныхъ мастерскихъ.

ЛАМПЫ
ВИСЯЧІЯ,
СТОЛОВЫЯ,
ПОЛОВЫЯ,
КАВИНЕТНЫЯ
И
СТѢННЫЯ
изъ
БРОНЗЫ,
фарфора, маіолики
и
композиціонныя.

МЕЛЬХИОРОВЫЯ
ВЕЩИ
въ большомъ
выборѣ
ЛУЧШАГО
посеребренія.

Постоянно громаднѣйшій выборъ готоваго товара. Приемъ заказовъ.
♦ Торговля оптомъ и въ розницу. ♦
= Торговый домъ нашъ не имѣетъ никакихъ отдѣленій. =
Подробные прейсъ-куранты высылаются бесплатно. № 9978
При заказахъ слѣдуетъ высылать 1/3 стоимости товара.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ
„Милотта“ 5 р. с.
„Уинья“ 7 р. с.
„СХЛОСВѢТЬ“
по 8 р., 10 р. и 12 р. с., въ зависимости отъ велич. объектива. Перес. на счетъ покупк.
„Схлосвѣтъ“ лучшей бинокль нашего времени, преимущественно его: 1) громадное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе, 3) повнѣчайшее поглощеніе свѣта.
ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ.
Новый адресъ:
27. Большая Морская 27.
Сокращенныя прейсъ-куранты безплатно.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
англ. рыболовн. принадлежн.
ГЕНРИ ВАРТЕЛЬСЪ
поставл. Моск. Общ. Люб. Рыб.
Агентъ англ. фабр. С. ОЛЬНОНЪ и К^о.
Безплатн. прейсъ-курантъ.
МОСКВА, Рождественка.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
Москва. * Рига. * СПБургь.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛОКЪ!

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Главное представительство Т-ва Проводникъ: Николай Э. Шейтцъ, Москва, Никольская, № 7. Ш. № 98-8 7-Я

CRÈME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъкрема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.
Р. № 9602 13-11

Большое депо часовъ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейс-Кур. Высыл. безпл.

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

ПРИГОТОВЛЕНІЕ
ИСКУССТВЕННЫХЪ
**МИНЕРАЛЬНЫХЪ
ВОДЪ,**

лимоновъ, фруктовыхъ водъ и винъ, меда, кваса, кислыхъ щей, уксуса и кефира домашнимъ и фабричнымъ способомъ. СПб., 1897 г. Цѣна 75 к.

НАБИВКА ЧУЧЕЛЬ
руководство къ изготовленію животныхъ для коллекцій и собранію насекомыхъ, съ 25 рис. въ текстѣ. Сост. И. А. Пашкевичъ. СПб., 1896 г. Цѣна 50 коп.

КУЗНЕЧНО-СЛЕДЯЩАГО
мастерства для любителей и самообученія, съ 108 рис. въ текстѣ. Составилъ И. А. Федоровъ. СПб., 1896 г. Цѣна 1 руб.

РУКОВОДСТВО КЪ ЖИВОПИСИ
масляными красками, Фридриха Юнника. Полный переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, исправленнаго и дополненнаго. СПб., 1896 года. Цѣна 1 рубль.

Вписывающіе въ книжной торговли А. Ф. Нарышкина, С.-Петербургъ, Апраксинъ дворъ, за персылку не платятъ. Наложенимъ платежъ прибавляется 10 к. за бандероль.

СТОЛИЧНОЕ МЫЛО

Т-ва „ГИГИЕНА“
Прытныи освѣжающій ароматъ, обильная нѣжная бархатистая пѣна. При каждомъ кускѣ 4 вида обѣихъ стюлицъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
Главные склады: СПб., Площ. Александр. театра, 9. МОСКВА, Никольская, д. Шереметова. ВАРШАВА, Ныный Свѣтъ, 37.

ЛОЗЕ МАЙГЛОСКЕН

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Бриллиантъ — Духи для комнатъ № 6412 (64)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ La Violetta—Muguet

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ муаферовъ.

ВЯЗАНОЕ ДЖУТОВОЕ БѢЛЪЕ (ХЛОПЧАТО-БУМАЖНОЕ)

ОЧЕНЬ ПРОЧНОЕ, особенно рекомендуется лицамъ, не носящимъ шерстяного бѣлья.

ФУФАЙКИ КАЛЬСОНЫ

ТОНИКА	— 85 к.	ЛЕГКАЯ	1 р. 18 к.
СРЕДНЯЯ	1 р. —	ПЛОТНАЯ	1 р. 50 к.
ПЛОТНАЯ	1 р. 20 к.	ТОЛОТНАЯ	1 р. 75 к.

Гг. виноградникъ вымывается на сухую не менѣе 1 рубль. Цѣны безъ пересылки.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ БѢЛЪЯ.

С.-Петербургъ, № 5, ВЛАДИМИРСКАЯ, № 5, близъ Графскаго.
Ц. № 9710 (9)
Для калсонъ: объемъ вокругъ пояса (талия) и длину отъ пояса до подошвы.
Для фуфайки: объемъ вокругъ груди подъ мышками.
Дополнительный прейс-куррантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

ВАЖНО для ДАМЪ!

КАЛОДЕРМА

Ф. ВОЛЬФЪ и Сынъ.
НЕЗАМѢНИМА для холи кожи.
Продава въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Ц. № 9375 11-7

НА ВОСТАНОВЛЕНІЕ И УЛУЧШЕНІЕ РАБОТЫ ВЪЗРАСТАЮЩИХЪ
СВѢДѢНІЯ
60
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ИМПЕРАТОРСКОГО
ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
ДѢЛОВАТЫХЪ ЛЮДЕЙ
ЖЕЛѢВЪТЬ СЕБѢ
НЕУЖИВЪЮЩИЯ ВЕЩИ
АУДИОНЪ
ПО СТРОИТЕЛЪ
СОСРТИТЪ
500
ТЕЛЕФОНЪ 1441

Людв. Бедоровъ. Шампизельъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,
рекомендуетъ: парничедѣлательныи и торфяныи машины, прессы для выдѣлки грубо съ рѣструбамъ, черныи съ фальсами, бритовыи; дагво: патентовъ. Шаровыи мельницы для измельченія и размола и одновременнаго просѣиванія материаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шпакля, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (45)

НЕ ПОПУАЙТЕ ружей, не прочитавши пламстр. прейс-куррантъ, высыл. безплатно
Оружейнаго магазина А. В. Тарнопольскаго.
Москва, Мясницкая ул., домъ Ситова.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго дома Генерала Блока. С.-Петербургъ, Невскій, 58.

МЫЛО ВЪРА-МЮСКЪ
Качество надъ конкуренци
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ 20 КЛАС.
ГЛАВНІЙ СЪВЕРНАЯ ФЛОРА
С. А. ПРОКОФЬЕВЪ и К.
ВЪ МОСКВѢ.
ВЪ 1896 г. ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Модели изъ бумаги и ВЫКРОЙКИ

для предстоящаго весенняго и лѣтняго сезоновъ 1897 г. Мужскія, дамскія и дѣтскія для нижняго и верхняго платья ПОЛУЧЕНЫ ВЪ ВОЛЬШОМЪ

МАГАЗИНѢ МОДНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ
И. А. ПОЗИНА,
Москва, Тверская, пассажъ Постникова, № 30/45.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на всѣ загранич. модные журналы: **Каталогъ высыл. безпл.** Допускается налож. платежомъ.

7 разъ удостоены первыи преміи.
СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ и пр. неподражаемыи по тону и качеству. Старин. итальянскіи инструменты въ громадномъ выборѣ.
ДЕДЪТЕРЪЛЪ, всемирно-извѣстныи по своему прекрасному тону и разнообразію работъ. Всѣ другіе музыкальные инструм. Иллюстр. каталогъ высылается безплатно.
БРАТРА ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ. Нрейцмахъ.

Новое собр. нотъ для рояля на 1897 г.

Ноты 12 тетрадей за 1 р. с.
а съ пересылкой 1 р. 35 к. Салонныи нѣсны для танцевъ и для кѣни, въ томъ числѣ находится весьма удобная и практичная
Фортепьянная клавиатура для легкаго и нагляднаго обученія игры по нотамъ.
Музыкальный магазинъ
Ю. ГИЛЬКНЕРЪ.
Москва, Тверская, д. Варгина.

Поты всѣхъ изданій вышлются и высылается съ первою нотой. 5-1
Пересылка по почтѣ безплатна.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ-ПРЕМЬЕ“.
Скорость, прочность, удобство. Последнѣи усовершенствованія.
Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
Пишущая машина
„КОСМОПОЛИТЪ“.

Самыи красн. шрифты. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Подарокъ. амать кой 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ объѣхъ нашить высылается безплатно.
Оптикъ О. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

**ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
АЛБОМЪ РАБОТЪ проф. А. Д. КИВШЕНКО.**

Посмертное изданіе, съ портретами, офортъ работа Мата, съ 51 фотографіей и автографіей, на слововой бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 5 руб. Складъ изданія: Кадетская линія, № 29, кварт. № 12. Кившенко. № 9979 2-1

Инженерное училище въ Цвейбрюкенѣ,

— въ Рейнфальцѣ. —

Высшее машиностроительное и электротехническое училище.

6-3

PARFUMERIE ORIZA

L. LEGRAND

11, Place de la Madeleine, 11
PARIS

СПЕЦІАЛЬНОСТИ

Violette du Czar

Parfums de l'Aigle Russe.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВИНКА

Parfums Grande-Duchesse.

Находятся въ продажѣ у главн. парфюмер. въ РОССИИ

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-выѣстима, единственно настоящія

Алициарновые чернила для письма и копирования

(мельнисто-орѣшкова 1-го класса по отанванъ государственнаго учре- № 9834 жденія), 20-3

ЛЕГКО - СТЕКЛЯЮЩАЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАНУЩА:

для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода. можно получить почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Лев. Леонгарди въ Дрезденѣ,

ИЗЪБРАТЕЛЬ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ФАБРИКАНТЪ. ИЗБѢГАТЬ ПОДЪВЛОНЪ.

1865.

1870.

1882.

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 951 26-5

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

Знаменитое бѣлье

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Поставщиковъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ - Плагвицъ.

нормо, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штука-только въ несколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неприятностей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усилеваемомъ потнѣи. Необходимо для военныхъ, путешественныхъ, и холостяковъ. Нижероименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Танфани и Штейнделъ, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая №. Максъ Тишбинъ, Рига. Фабианъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

СЕЗОНЪ:

май-октябрь. КУПАНЬЯ РЕЙХЕНГАЛЛЬ.

Разсолыни, сывороговыя купанья и самый большой ивменцій климатическій курортъ въ баварскихъ Альпахъ. Ванны изъ разсолотъ, маточнаго разсоло, травой и сосновомъ экстрактъ; козья сыворотка, морское молоко, кофиръ, соки альпійскихъ травъ, всѣ минеральныя воды свѣтлаго розлива; большіе пневматическіе аппараты, вдыханія всякаго рода, градирни, источники разсоло; лѣченіе по способу проф. Эртеля, холодное водолѣченіе и врачебная гимнастика. Наилучшія гигиеніческія условия, достигаемыя съ помощью ключеваго водопровода, канализаціи и дезинфекціи; обширныи паркъ съ крытыми верандами; площадки для крокета и лоуъ-тенниса; близость сосновыхъ лѣсовъ и хорошо содержимаго дороги по всѣмъ направленіямъ; телеграфно для концерта оркестра, театр, кабинетъ для чтенія, желѣзнодорожника, телеграфна и телефонна станціи. Болѣе подробныя свѣдѣнія высылаются безплатно пональнѣмъ комиссаріату К. Вадгоппенгауиу. В. № 9994 2-1

НОВАЯ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНО-УСОВЕРШЕНСТВОВААННАЯ МЕТОДА.

ПОЛЬЗУЙТЕСЯ РАДЖИМЪ СЛУЧАЕМЪ въ двадцать дней съ рачательствомъ за успѣхъ исправить самыи дурной почеркъ въ блестяще-красивый

всего за **ОДИНЪ** рубль **приобрѣтете**

Самочучителя каллиграфіи и спорниса профессора каллиграфіи С. ВОЛЬЧЕННА, издавша типо-литографіи Я. Н. Подзвѣснаго, выдержаннаго въ четыре года шесть задачій.

Самочучитель состоитъ изъ слѣдующихъ 4-хъ отдѣловъ: 1-й отдѣлъ а) полное подробное руководство въ правильному писму въроматическихъ, круглыхъ и полукруглыхъ буквъ съ литограф. примѣрами въ текстѣ и пробными прописками. б) Два извѣдно выполненныхъ рисунка правильнаго держанія пера и расположенія калыпера. в) Двадцать механическихъ элементовъ прописей, извѣдно исполненныхъ голубою краскою для обозначенія чертисама и усовершенств. тверд. рука. 2-й отд. г) Руководство въ изученію главныхъ буквъ по вновь замѣн. упрощенной методѣ. д) Элементы заглавной азбуки. е) Полныи дѣй азбуки, заглавная и строчная. ж) Дѣвятидѣть практическихъ прописей круглыхъ и мелкихъ каллиграфическихъ шрифтовъ, в-полненныхъ голубою краскою. 3-й отд. з) Полный курсъ заглавной скорописи съ двадцатью механическими прописками, исполненными голубою краскою; и 4-й отд. Французскія и ивменскія четыре азбуки съ извѣдными роостерами. и) Фондо, готическій шрифтъ и разныи извѣдныи шрифты для заголовковъ и фактуръ. Цѣна за весь курсъ одинъ рубль съ полною гарантіею за успѣхъ, и за пересылку всего курса одновременно прилагается двѣ 7 к. марки. При требованіи наложеннымъ платежемъ—1 руб. 30 коп. съ нересылкою.

Въ ожиданіи Вашего почтвеннаго требованія имѣю честь быть
Издатель Я. Н. Подзвѣсній.
Адресъ: г. Смоленскъ, содержателю Типо-Литографіи Я. Н. Подзвѣскому.

ПОХВАЛЬНЫЕ ОТЗЫВЫ И БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ ПИСЬМА.

1-е) Прилагаю при семъ деньги два руб., прому Васъ выслать мнѣ для утвержденія почерка два экз. прописей, адреса въ г. Павлодаръ, Екат. губ., Управленіе Воин. Начальника Дѣлопроизводителю Гончаренко. За прежніе экземпляры прому благодарствую за полезное руководство Ваше. Дѣлопроизводителю Коллежскій Ассессоръ Гончаренко. 12 февраля 1894 г.

2-е) Ваши рукописи въ обученію писарскихъ учениковъ многи отбывають дѣла, какъ я убѣдился въ минувшемъ году, и писарские ученики удостоились лучшихъ отбѣтокъ на экзаменѣ. Желательно, чтобы и настоящій годъ принесъ не худшіе успѣхи, прому Васъ не откажетесь выслать рукописей на три руб.—По полученіи, деньги будутъ высланы.—Высылайте по адресу: г. Свендьяи, Дѣлопроизводителю Свендьянскаго Уѣзднаго Воинскаго Начальника Колоколоу. Остатокъ съ почтеніемъ Штабсъ-Капитанъ Колоколоу. 20 іюля 1894 г. № 1674.

3-е) Состою четырнадцатъ лѣтъ учителемъ народныхъ школъ, я примѣняю на практикѣ различныи многообразныи методы по предмету чистописанія, но, по чувству справедливости, надо сказать, что ни одна изъ нихъ, ни въ отношеніи удобоисполнительности, ни въ практичности, не можетъ соперничать съ Вашемъ констивъ замѣчательнаго методомъ. Хотя я и обладаю недурными почеркомъ, но писалъ не каллиграфически и, только благодаря мнѣ вродившимъ Вами вати урокамъ, по изобрѣтенному способу, я сталъ писать каллиграфическии шрифтомъ, за что считаю долгомъ выразить Вамъ, Иисловителю Государъ, свою искреннюю признательность. Городъ Вилькомиръ, Ковенской губерціи, Мичалка Сергѣевичъ Валлаиовъ.

4-е) Одинадцатилѣтній сынъ мой писалъ весьма плохо и не обладавъ твердостью рука. После ивннадцати данихъ Вами уроковъ онъ началъ писать красиво и приобрѣлъ необходимую твердость почерка, за что выражаю Вамъ мою искреннюю признательность. Начальникъ Ивнбургской Крѣпостной Артиллеріи Генералъ-майоръ Рейнгольдъ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГЕ: ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЯ МЪРЫ ОТЪ ЧУМЫ.

Профес. Ю. Т. Чудовскаго.
Съ ивдѣн. въ 4-му изд. д-ра мед. А. А. Лисина о. Цѣна 30 к. съ пересылк. 35 коп.

МАТЬ и СЫНЪ.

Переводъ съ шведскаго В. Фирсова. Цѣна 80 коп. съ перес. 1 руб.
Складъ изд. въ Товариществѣ „Общественная Польза“. Б. Подъячская, д. 79.

САМЫЕ МОДНЫЯ ДУХИ

- ДУХИ — ФІАЛКА ДУСЛЭЭЭ — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЭЭ — туалетное мыло.
- Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлсруэ.

Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вилеръ, З. Брезвискаго, Р. Шасольскаго, у Копсталина Герца, Липана и Риска, А. Линда, А. Энгельда. Въ Москвѣ: у гг. Муръ и Моравицъ, въ магазинѣ „А-ла-туалета“, у Г. Бруноу, Л. Борхардъ, Р. Келеръ и К^о, Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9836 13-9
Представитель для Петербурга: Л. Герве, 2, Максимилиановскій пер.

Иодисто-селеное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.
Самая прѣкнаа іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и спеціальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныи лечебныи присоединенія (купанья и минеральныи воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажи, кофиръ).
Весьма благоприятныи климатическія условия. Желѣзнодорожная станціа. Путь черезъ Линцъ на Дунай или черезъ Штеберъ. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.
Ваннами можно пользоваться также съ 1 до 15-го мая.
Подробныи программы на разныхъ языкахъ высылаются безплатно
В. № 9995 4-1
Лечебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1810 году
СПБ., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700,
800 и 650 рублей.
ПИАНИНО въ 650, 500 и 480 р.
Прѣсть-куранти высылаются
безплатно.

Дѣло въ Москвѣ: Юл. Георг. Циммерманъ, Кузнецкій м., А. Захарына; въ Ригѣ
О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугана; въ Баку: Ф. И. Шрейбергъ; въ Тиф-
лисѣ: Б. М. Мириманіакъ. 13-10

КАРМАНЪ И БРАТЪЯ МЛЫНАРСКІЕ

С.-Петербургъ, Кузнецкій переулокъ, д. № 2. Телефонъ № 1887. ||| Мясницкая, д. Обидной, №. 2. Телефонъ № 1789.

Экономія овса окупаетъ

ГИГИЕНЧЕСКІЕ-ПАТЕНТО

АППАРАТЪ

ДИЯ КОРМЛЕНІЯ

ЭКОНОМИЧЕСКІИ ВАЖНЫИ

РАТЪ

ЛОШАДЕИ ОВСОМЪ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 9-ТИ МѢСЯЦЕВЪ.

Каждая лошадь по меньшей мѣрѣ въ день разбрасываетъ 4 фунта овса, что при цѣнѣ 75 к. за нудъ окупитъ извѣстъ патентованныи аппаратъ въ продолженіе 9 мѣсяцевъ.

При нашемъ аппаратѣ разбрасываніе овса устранено вполне.

Гигиена лошади.

Аппаратъ устанавливается въ углу стойла и занимаетъ очень мало мѣста. Благодаря этому аппарату, лошадь не можетъ набрать сразу много зерна и вынуждена медленно и тщательно пережевывать каждое зерно, вслѣдствіе чего устраняется колликъ въ желудкѣ, убывающіи большинство лошадей. Кроми правильнаго ивцераванія, содержащаго здоровые лошади въ порядкѣ, аппаратомъ этии устраняется разбрасываніе овса на полъ, что въ гигиеніческомъ, какъ и въ экономіческомъ отношеніяхъ играетъ большуи роль. Аппаратъ чугунныи, внутри эмальрованъ, вслѣдствіе чего весьма легко и удобно его чистить. Ц. № 9983

Проекты, описанія и подробныи свѣдѣнія высылають

Карманъ и Братъя Млынарскіе.

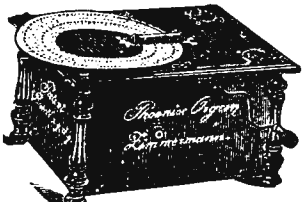
van Houtens Cocoa

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ. Одной чайной ложки достаточно для приготовления большой чашки превосходного шоколада на водѣ или на молокѣ.

Р. № 9207 3-1

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЫ!

механическіе музыкальные инструменты, играющіе посредствомъ верчения ручки. Стальные голоса. Металлическіе ноты. Звучный тонъ. Удобны для танцовъ.

16-тонный (Органъ-Иттона) . . . 10 р. — к.
Ноты къ нему по . . . . . 35 —
24-тонный (Фениксъ-Органъ) 26 —
Ноты къ нему по . . . . . 60 —
48-тонный (24 двойн. голоса) . . . 40 —
(Органъ-Фениксъ) . . . . . 40 —
Ноты къ нему по . . . . . 60 —
Списки катал. бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное дело и фабрика музыкальных инструментовъ. Складъ нотъ.

С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о.
ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!
ПАРФЮМЕРІЯ
ШАДАШЪ „САНЪ-ЖЕНЪ“.
◆ Духи. ◆ Пудра. ◆ Мыло. ◆
ПАРФЮМЕРІЯ
„РОЗА ДА-ФРАНСЪ“.
◆ О-де-колонъ. ◆ Духи. ◆ Мыло. ◆
„ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДРАЖАНІЙ“.

ШОРНО-СЫДЕЛЬНАЯ ФАБРИКА М. И. МАЛЫШЕВЫХЪ

Письменное преподаваніе двойной и простой итальянской

БУХГАЛТЕРІИ.

Ручается за отличные успѣхи, преподаваніе курса 4 мѣсяца. Проекты и пробныя письма высылаются безплатно. Обратитесь къ Вас. Вас. Рауэртъ, въ Либавѣ.

Новый прейскурантъ илюстр. за 1897 г. Оружейнаго Склада войдъ фирмъ: „Центральное дело оружія“ В. Кононовна, 29. Эд. Веннгъ. За приложеніемъ душекъ 7 к. почт. марокъ высл. безплатно. Много новостей.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„УТРО“ 6 Р.

Цена съ 1-го марта до конца года 6 руб. Допускается выносъ денегъ въ два срока: по 3 р. при подпискѣ и къ 1-му юлю. Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ конторѣ газеты „Утро“ (Пушкинская, 7).

ЕЖЕДНЕВНАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА

служитъ интересамъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Переохлаждаетъ статьи, торговые сообщенія отъ своихъ корреспондентовъ (свыше 300), данія о положеніи поштовъ, биржевыя корреспонденціи, хроника акціонернаго дѣла, фельетоны, обзоръ техническихъ новостей, поздній переверъ торговъ и поставокъ и ихъ результатовъ и проч.

Газета первое въ Россіи изданіе по количеству собственныхъ телеграммъ, ихъ точности, полнотѣ и своевременности.

6 рублей 4 рубля 2 рубля На мѣ- Разсрочка: 2 р. при подпискѣ, три сащъ 2 р. въ мартѣ, 2 р. въ юнѣ, въ годъ. полгода. мѣсяца. 75 к. Редакція и контора: С.-Петербургъ, Галерная улица, уголъ Замятна пер., д. Министерства финансовъ.

Жирная Пудра ДУРИХЪ
ДЛЯ БЛИЗИНЫ ЛИЦА
НЕЗАМѢТНА НА КОЖѢ
ВАСИЛІЙ ДУРИХЪ
С.-Петербургъ
Колокольная 18-19

ЗАИКАНИЕ

выдѣляется основательно въ спеціальномъ заведеніи Караа Эрнста. Принимаются приключенія и ПАНСИОНЕРЫ. СПб., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство въ самообученію 3 руб. 7-6

НОВОСТЬ!
ДУХИ
ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОНАЦИИ
ПОСТАВЩИКОВЪ
ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАЛЛЕ и К^о.
Москва, Кузнецкій мостъ.
С.-Петербургъ, Невскій, № 18. (18)

Способъ скорого и дешевого лѣченія **ЛЕГочной ЧАХОТКИ** доктора Евгения Гурина. 1-е изд. 5. 1897 г. Ц. 20 к. Кроме того, общедоступныя брошюры о лѣченіи дифтерита, холерныя осмы, кровая повонка, ревматизма (изд. II) сибирск. язвы, по 15 к. Пересылка 10 к. (марк. въ наказ. чис.) Адр. (письм. и телегр.) Киевъ, д-ру Гурину.

ТРЕБУЙТЕ
НА КАЖДОЙ МѢСТНОСТИ
АНТИПАРАЗИТЪ
ОТЪ
ЖЕЛТОУСЫ
ПРОИЗВОДИМЪ
Л. СТОЛКИНДА
Продается въездъ. Главный складъ Москва Бульварный проездъ д. Смольянинова. Нижегород. Ярмарка, главный домъ № 57. Л. А. Столкінда.

РУССКОЕ ОВЩЕСТВО

для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ** въ Г. Ригѣ

изготавливаетъ въ большихъ количествахъ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинныхъ и оубовыхъ конторахъ. Д. № 9859 13-8

Для научной экспедиціи въ Центральную Азію просятъ молод. чело. — 1000 руб., срокомъ на 2 года. Залогъ: коллекц. по зоологіи (птицы, змѣи, etc.) — до 1500 руб., научн. и друг. книги — 3000 руб. и ацѣны рукописей. Адресъ: С.-Петербургъ, Двѣной, Староангаровск. просп., № 43, Натуралисту В.

БИЛЬЦЪ. ГИГИЕНИЧЕСК. ЛѢЧЕБНИЦА.

2 врача. Особенно приспособлена для осени, и зимняго лѣченія. Одна изъ самыхъ большихъ и прекрасн. гигиенич. лѣчебницъ Германіи. Лѣченіе болѣзней женск. нерви., желудочн., груди., наложн., покров. орган., астми, ревмат., ожирѣн., малокр. и т. п. Подр. объявленія — безплатно. Владѣлецъ лѣч. — Ф. Е. Бильцъ, авторъ преміров. соч.: «Бильцъ. Гигиеническ. лѣченіе».

При этомъ № предлагается для гг. городскихъ и иногородныхъ водоснабженію отъ миннаго источника А. И. Зенского въ Москвѣ.

XXVIII

№ 10

Выданъ 8 марта 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедельно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣдныхъ литературныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, со-
державшихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Лите-
ратурныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- нцу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--------------------------------------	-------------------	---	-------------	--------------------	--------------

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. многог. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к.,
съ перес. многог. 3 р. 50 коп.

Рошгорсь въ своей мастерской. Съ фотогр. грав. Шлиперъ.

Голубой платокъ.

(Изъ записокъ выздоровѣвшаго.)

Разсказъ

К. К. Случевского.

(Окончаніе.)

4.

Продолженіе вчерашняго.

На островѣ Сескарѣ жить долгое время было нельзя, потому что всѣмъ намъ, пароходнымъ людямъ, пришлось бы умереть съ голоду. Чухонскій поселокъ маленький, — у смотрителя маяка только на себя да на жену припасовъ приготовлено; на команду его изъ трехъ человекъ — тоже мало. А у насъ на пароходѣ припасовъ взято всего на переѣздъ въ Киль, на четыре-пять дней, а команда большая — семнадцать человекъ.

Не знаю, что будутъ теперь дѣлать съ этимъ, но только... не это мнѣ важно, а она, она! Чудесную головку ея вижу я на каждомъ шагу, и она не покидаетъ меня и во снѣ... Утопленница... а если не утопленница... И я раза четыре садился писать Терезѣ письма. Добрая смотрительница общала непремѣнно переслать ихъ при первой возможности...

Но вѣдь это адъ, настоящий адъ! Я ничего не знаю, я видѣлъ, какъ она бросилась, видѣлъ! Нѣтъ, я положительно схожу съ ума... Быть отрѣзаннымъ отъ всего міра, не мочь шевельнуться, чтобы узнать что-нибудь на этомъ дикомъ островѣ. Все сосны, сосны, холодъ, и который ужъ день буря...

Сегодня вѣтеръ началъ стихать и рѣшено было послать въ Выборгъ баркасъ, съ просьбою о высылкѣ припасовъ. Рѣшено было, что поѣдетъ помощникъ капитана и я, и прямо къ датскому консулу.

Я не могъ дожидаться отплытія. Баркасъ стали готовить; на-ново, на-скоро просмолили; новую мачту сдѣлали, а вмѣсто скамеекъ поставили двѣ бочки. Я ходилъ смотрѣть на нихъ. Завтра утромъ тронемся. Парусъ будетъ рогожевый, и трое чухонъ проводниками, и съ ними малый парнишка.

Жду не дождусь отплытія. Ночью я не спалъ вовсе, и смотрительница тоже не спала и все сидѣла со мною. Не дождусь отплытія. Буря какъ будто слабѣетъ.

5.

Июль... .

Мнѣ кажется, что у меня воруютъ мой дневникъ. Вотъ и сегодня опять я не нахожу нѣсколькихъ страничекъ, а именно тѣхъ, которыя были писаны мною и сообщали о томъ, что совершилось отъ времени моего отплытія съ Сескара на баркасѣ въ Выборгъ, — до этой страшной встрѣчи Терезы въ морѣ... встрѣчи, отъ которой меня коробитъ и которая окончательно убѣдила меня въ томъ, что она утопилась.

Надобно повторить. Отплыли утромъ, на зарѣ. Я и помощникъ капитана сидѣли въ баркасѣ на двухъ поставленных на днище его бочкахъ; у рогожеваго паруса было двое чухонъ, на рулѣ сидѣлъ третій, подлѣ него паренекъ. Помню также, что все днище баркаса и его борта блестѣли рыбьими чешуйками. Все море бушевало бѣлыми вихрами волнъ, и сдвинуть баркасъ до извѣстной глубины оказалось не особенно легко, и для этого были пущены въ ходъ всѣ наличныя мужскія силы острова. Добрая смотрительница проводила меня съ молитвою и перекрестила. Я долго видѣлъ ее стоявшею у каменнаго основанія неуклюжаго маяка.

И зачѣмъ это люди лгали, что море стихло, не правда! а холодъ значительно увеличился.

Я очень удивился, когда понялъ, для чего были взяты съ нами въ баркасъ какія-то колотушки: онѣ назначались, какъ я скоро въ этомъ убѣдился, для

того, чтобы отбивать отъ бортовъ баркаса ледъ, который то и дѣло нарасталъ на немъ отъ прибоя волнъ; если не отбивать, то можно, значить, пойти ко дну.

Должно полагать, что опасно было плыть при такихъ условіяхъ. Баркасъ, сравнительно съ его величиною, былъ очень мало нагруженъ, и большія, крутя волны хозяйничали съ нимъ совершенно свободно. Иногда освобождалась отъ воды цѣлая половина его, то носовая, то кормовая, и висѣла секунду или три на воздухѣ, при чемъ съ очень не глубокаго обнаженнаго кила сливались въ море струйки воды. Иногда поднимался баркасъ такъ высоко, что все море, съ тысячами волнъ и ихъ вихровъ, видѣлось мнѣ далеко кругомъ, сѣрое, бушующее, страшное; но не проходило нѣсколькихъ секундъ, какъ скатывался баркасъ въ воронку между двухъ чудовищныхъ волнъ, и тогда, кромѣ этихъ двухъ волнъ, поднимавшихся стѣнами, сквозившихъ на свѣтъ холодною сѣризною и увѣчанныхъ скатывавшимися въ нашу сторону могучими вихрами, какъ бы готовыми влиться къ намъ въ баркасъ и затопить, — не было видно ничего. Въ эти минуты нахождения баркаса въ воронкѣ, кромѣ вихровъ волнъ надъ головами нашими, можно было наблюдать сотни расплывавшихся по поверхности волны какъ бы ползучихъ струекъ, снабженныхъ хорошенькими бордюриками изъ пузырей, а въ каждой изъ этихъ рамокъ видѣлъ я личико Терезы... все море было въ такихъ личикахъ!

Грохотъ вокругъ стоялъ страшный; хотя небо было подернуто облаками, но за многодневнымъ терзаніемъ ихъ вѣтромъ они были обращены въ какую-то совершенно одноцвѣтную массу, въ какой-то бѣлесоватый пологъ безъ всякихъ чертъ и отгѣнковъ. Вокругъ было чрезвычайно свѣтло...

Но затѣмъ... о! какъ страшно было это затѣмъ... такъ страшно, что послѣ этого я уже совершенно потерялъ сознание, и оно возвратилось ко мнѣ только тогда, когда я очутился въ этомъ домѣ подъ № 3 и сталъ писать этотъ дневникъ.

Помню, что, подражалъ совершенно безсознательно тому, что дѣлали другіе, и то отколавшая колотушкою образовывавшійся на бортахъ баркаса ледъ, то отливая ковшомъ захлестываемую вѣтромъ на днище его воду, я вдругъ, словно съ электрическимъ ударомъ, почувствовалъ подлѣ себя близость Терезы...

Да, да... и почувствовалъ ее подлѣ себя, раньше чѣмъ увидалъ, и... почему-то взглянулъ вправо, на вершину волны... баркасъ находился въ это время на самомъ днѣ воронки... И вижу я, на самомъ верху волны, подлѣ вихра, въ самой массѣ ея — вся освѣщенная бѣлымъ свѣтомъ... плыветъ Тереза! Голубой платокъ обвертываетъ ея тѣло и двигается по волнамъ своими углами; знакомое платье мелькаетъ подлѣ него... обозначаются руки, ноги... лица я не видѣлъ... Это она изъ Кронштадта приплыла!..

И вообще я не видѣлъ ничего больше до тѣхъ поръ, пока сталъ № 3.

6.

Весна, май, 14.

Мнѣ что ни день, то легче. Мнѣ очень нравятся ванны; мнѣ дѣлаютъ ихъ изъ какой-то душистой травы.

Сегодня мнѣ очень хорошо; теплый майскій день, и мнѣ позволили выйти въ садъ. О! какъ хороша весна, какъ живительно солнце.

Были у меня сегодня отецъ и мать; лица ихъ сіяютъ радостью; докторъ объявилъ имъ, что мнѣ гораздо

лучше. Особенно пріятна мнѣ доброта матери. Она какъ будто бы хочетъ загладить свою ошибку.

Она сообщала мнѣ въ очень неясныхъ выраженіяхъ, что не ошибалась ли я въ судьбахъ Терезы, что дѣйствительно ли ея не существуетъ.

Но въ такомъ случаѣ что же дѣлали мои глаза, мои соображенія... гдѣ же, наконецъ, правда...

Днемъ я очень доволенъ собою, но ночи боюсь, боюсь ужасно, потому что меня посѣщаетъ одинъ и тотъ же безсвязный, мучительный сонъ. Днемъ я уже не вижу повсюду голову Терезы, — о чемъ я и заявилъ Ивану Андреевичу, по ночью, ночью я не властенъ въ своемъ сознаниі.

Вернувшись въ свою комнату изъ сада, я былъ очень доволенъ собою; къ вечеру, неизвѣстно отъ кого, мнѣ былъ присланъ восхитительный букетъ цвѣтовъ. Розы и орхидеи чередовались однѣ съ другими. Кто же могъ прислать мнѣ этотъ букетъ? Что за таинственные намеки на Терезу. Развѣ мертвые воскресаютъ?

Сегодня въ нашей бильярдной, вечеромъ, былъ я невольнымъ слушателемъ одного разговора двухъ изъ моихъ товарищей по больницѣ, сидѣвшихъ на диванѣ.

— А вы ночью хорошо спите?—спрашивалъ одинъ.

— Очень дурно сплю.

— А сны бываютъ?

— Два, три сна повторяются, не больше того.

— И страшные?!

На этотъ вопросъ спрашиваемый ничего не отвѣтилъ; онъ быстро вскочилъ съ дивана, рѣзко захлестнулъ одну на другую полу своего халата, взглянулъ на меня и, показывая пальцемъ на своего собесѣдника, проговорилъ:

— Дурракъ!

А между тѣмъ ночь близилась. Я чувствовалъ тяжесть въ головѣ, я сознавала, что всѣ мои пріобрѣтенія силъ, сдѣланныя сегодня на прогулкѣ въ саду и при полученіи букета, сразу оставляютъ меня. Я ощущалъ глубокое паденіе духа, удрученность его, столь хорошо знакомую мнѣ за все время, съ Крестовскаго острова начиная. Больные мало-по-малу расходились, бильярдная опустѣла, въ коридорахъ видѣлось тоже не много народа. Я медленно поднялся съ мѣста и тихо, очень тихо, точно расслабленный, побрелъ въ свою комнату.

На столѣ стоялъ букетъ. Чей? отъ кого? А эти разговоры о Терезѣ, эти таинственные обѣщанія, эта увѣренность въ томъ, что я видѣлъ собственными глазами...

Ночь, ночь! зачѣмъ сходишь ты на землю? зачѣмъ терзаешь ты бѣдныхъ больныхъ?

7.

Этотъ сонъ мой дѣйствительно ужасенъ. Было уже около десяти часовъ вечера, когда я, вернувшись изъ нашего сумасшедшаго клуба и раздѣвшись, легъ въ кровать. Я боялся лечь въ кровать, боясь именно этого моего сна. Я лежалъ на-сторожѣ, какъ бы мнѣ, такъ сказать, по своей волѣ заснуть, въ хорошую минуту, какъ бы, засыпая и чувствуя, что ко мнѣ приходитъ опять тотъ же проклятый сонъ, — имѣть возможность проснуться. И вдругъ случилось такъ, что не сонъ ко мнѣ пришелъ, не я его подстерегъ, а я вошелъ въ него самъ, и, уже находясь въ немъ, созналъ, что попался.

Вотъ онъ опять—этотъ бѣлый газетовый гробъ, вотъ она—эта церковь, совсѣмъ, совсѣмъ знакомая, — Смоленскаго кладбища. Напрасно увѣряю я кого-то, какъ будто полицейскаго, что Терезу здѣсь хоронить нельзя, что она католичка, но полицейскій ничего не отвѣчаетъ.

— Здѣсь безпорядки будутъ, — говорю я ему, — здѣсь пляска пойдетъ...

— Ничего не знаю! — отвѣчаетъ голосъ.

Я въ отчаяніи. Я мечусь по церкви, отыскивая родственника, друга... Никого. Мое рысканье по церкви, какъ будто не имѣющей дверей, убѣждаетъ меня окончательно, что я опять несомнѣнно въ ней, съ тѣми же приглашенными на похороны, и хотя я, правда, выходилъ, отлучался изъ нея куда-то, но только на одну минуту; а между тѣмъ эта одна минута, по моему ясному соображенію, это тѣ три-четыре дня, которые прошли вслѣдъ за послѣднимъ сномъ, когда я стоялъ именно тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, нюхалъ этотъ самый ладанъ, слышалъ этого самаго священника и этотъ самый хоръ пѣвчихъ; вотъ онъ и знакомый дискантъ мальчишки-кантониста полкового хора, выводящій всѣмъ знакомое: „Плачу и рыдаю, егда помышляю“...

При этихъ словахъ я, какъ и тогда, совершенно безсознательно поворачиваю глаза мои къ покойницѣ... Да, да... неимущую лика, это правда... но, вѣдь это поется почти плясовая пѣсня... вотъ и пѣвчіе опять начинаютъ отбивать тактъ ногами, пошевеливаясь на клиросѣ; вотъ уже гдѣ-то въ углу, въ церкви, тамъ, подале, за приглашенными зрителями, какая-то парочка прямо пустилась въ плясъ... Господи! да неужели же повторится то же самое... да, вѣдь я сплю, вѣдь это только сонъ, не болѣе какъ сонъ...

— Ну, ужъ это вы извините, — говоритъ мнѣ кто-то, — это вовсе не сонъ, потому что сонъ никакого матеріальнаго слѣда не оставляетъ, а вы сами видите, что деревянные, золоченые лучи надъ иконами пошевеливаются отъ плясового вѣтра, идущаго изъ алтаря, они непременно подъ утро погнутся, отчасти поломаются, и вы убѣдитесь въ этомъ завтра утромъ, если прійдете въ церковь не во снѣ, а на яву...

— Да вѣдь я уже былъ въ церкви, послѣ второго моего сна, былъ, и самъ видѣлъ, что всѣ лучи на иконахъ такіе же прямые, и закоптѣлые, и запыленные, какъ были, но не было между ними погнутыхъ, поломанныхъ...

— Но ты ошибаешься, — говоритъ мнѣ другой голосъ, замѣнивъ любезное „вы“ болѣе дружескимъ „ты“. — Ты спалъ, когда ты ѣздилъ на кладбище осматривать эти лучи, а теперь — ты не спишь, теперь ты видишь на-яву!

— О! ради Бога! кто бы вы ни были, отпустите меня, — восклицаю я, дайте мнѣ возможность пошевеливаться, ну хоть мизинцемъ шевельнуть, чтобы хоть кто-нибудь изъ живыхъ, если такіе есть въ церкви, замѣтилъ, что я еще живъ, и спасъ меня! Дайте мнѣ возможность отойти отъ этого ужаснаго гроба убитой мною дѣвушки...

Но нѣтъ! никто меня не слушаетъ! ризы священника и дякона тоже двигаются на-отмашъ, и изъ боковыхъ дверей алтаря начинаютъ вытягиваться двумя живыми гириандами знакомыя мнѣ танцовщицы; въ прошлый разъ въ царскихъ дверяхъ стояла одна изъ нихъ, теперь, почему-то, царскія двери закрыты. Но эти танцовщицы, какія онѣ хорошенькія, какія у нихъ коротенькія газовыя платья, и какъ онѣ смотрятъ, какъ смотрятъ... ну ужъ про этихъ нельзя сказать „неимущія лика“. Впрочемъ, этихъ словъ и не помню больше, помню что-то совсѣмъ, совсѣмъ другое... Танцовщицы направляются къ намъ двумя бѣлыми вереницами, охватываютъ двумя гириандами гробъ и меня... Какая старая исторія. Зачѣмъ, зачѣмъ все это... Ну да, да, я убійца этой дѣвушки, но вѣдь на то есть судъ, есть цѣлое министерство, есть печать! это, по крайней мѣрѣ, будетъ публично, правильно, а тутъ... вѣдь это хуже тюрьмы инквизиціи...

Но, наконецъ, вотъ и самое страшное, вотъ оно подходитъ, наступаетъ; оно не могло не наступить, это уже совсѣмъ законно дѣлается... но, какъ же мнѣ спастись, какъ уйти, исчезнуть, провалиться... Господи!

Французская выставка в С.-Петербурге 1896 г. Борьба за счастье. Сь картины Рошросса грав. Уиоувь.

нѣдъ сны созданы тобою для величайшихъ наказаній... уничтожь его, погаси!..

Но я тоже уже пляшу. На правомъ плечѣ у меня лежитъ лѣвая рука моей Терезы, страшно тяжелая, тяжелая, какъ весь памятникъ Петра Великаго, правую сжимаетъ она своими холодными пальцами мои пальцы, давно, еще при жизни, за время моей болѣзни и столбняка, слежавшимися... Лицо ея... лицо должно быть гдѣ-то совсѣмъ близко, потому что отъ него въ мое лицо холодомъ вѣетъ, но я его почему-то не вижу... гдѣ лицо? Голубой платокъ, Богъ вѣсть откуда взявшійся, обвиваетъ насъ; удивительно, что онъ не мѣшаетъ намъ плясать, въ ногахъ не путается, а окружаетъ какую-то лазурную сферу, по которой играютъ отблески церковныхъ лампадъ и свѣчей...

— Ну, пляши, пляши, голубчикъ,—говоритъ она,— видишь ли какъ хорошо, не правда ли? Сколько лазури!

— Но вѣдъ тебѣ плясать неловко, въ твоемъ длинномъ бѣломъ балахонѣ,—отвѣчаю я,—ноги запутаются, да и я упаду...

— Ну, это не важно, что ты упадешь, а я-то своими мертвыми ногами, въ мертвыхъ складкахъ, отлично работаю. Видишь какъ ловко, видишь ли?

Музыка и пѣніе ускоряются, частятъ, уже всѣ люди плишутъ, уже всѣ деревянные лучи на иконахъ вьются какъ живые... Совершенно бессознательно отвѣчаю я какому-то непреодолимому теченію и двигаюсь, двигаюсь въ разиѣръ страстной плясовой пѣсни, исполняемой всѣми нами вмѣстѣ... Танцовщицы, это тоненькія, хорошенькія флейты въ бѣлыхъ юбочкахъ съ помпичиками на головахъ...

— И мы тоже дѣтей рожали,—говорятъ онѣ,—и мы тоже были счастливы и теперь тоже очень, очень счастливы! Пляши! Пляши съ нами! у тебя чудесная дама, единственная дама! вѣдъ ты, помнишь, цѣловалъ, обнималъ ее... тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла! Только твоя дама такая тяжеловѣсная, не то что мы! уложи ее скорѣе, уложи... Пойдемъ съ нами!

Нѣтъ! я не могу больше дышать... я—не я... меня нѣтъ, я ничего не вижу... сердце стучитъ ужасно... воздуха нѣтъ, а есть одинъ только ладанъ... Спасите, хоть убейте, но спасите!

Въ это самое время, рѣшительно не знаю откуда, появляется гдѣ-то на воздухѣ, выше пляшущихъ, ликъ Богоматери, и именно Казанской Богоматери, которой отецъ молился, когда я и Тереза ходили подъ колонадою... Этотъ ликъ много разъ являлся спасать меня отъ сна, и спасалъ; какъ это я не вспомнилъ о немъ, какъ не призвалъ спасать? Чудесное видѣніе несется, несется ко мнѣ изъ какихъ-то благодатныхъ пространствъ, оттуда, гдѣ есть спасеніе, гдѣ меня, наконецъ, услышали!.. Звуки, острые какъ ножи, звуки плясовой, смѣшавшіяся вмѣстѣ съ заукойными, быстро слабѣютъ, танцовщицы затуманиваются, правое мое плечо освобождается отъ гранитной тяжести, на немъ лежавшей... гроба нѣтъ... лазури нѣтъ... церкви нѣтъ, и первая струя живого, прохладнаго, чистаго воздуха, впервые послѣ долгаго отсутствія, побѣдно, какъ пасхальная пѣснь, врывается въ мою истерзанную, горячую, словно залитую кровью въ какой-то чудовищной бойнѣ, безсильную, одрябшую грудь.

Господи! какъ легко! какъ мнѣ хорошо!

IV.

Я привелъ нѣсколько выписокъ изъ моего „Дневника“, реденнаго мною когда я былъ „№ 3“. Въ немъ есть нѣкоторыя страницы, полныя безумнаго бреда. Теперь всѣ онѣ для меня одинаково любопытны.

Есть страницы замѣчательной послѣдовательности въ изложеніи, напримѣръ, хотя бы описанія пути съ Сескара въ Выборгъ и бури. Читаю я ихъ, и перечи-

тываю, и думаю: неужели же когда я писалъ такъ, я былъ сумасшедшій?

Но, какъ интересно смотрѣть на самого себя издали, безпристрастно, смотрѣть какъ на нѣчто совсѣмъ объективное, ничего общаго съ вами не имѣющее. То былъ одинъ я, а теперь существуетъ и смотреть другой я.

Передъ тѣмъ, чтобы быть выпущеннымъ изъ больницы, я выдержалъ опасную, острую, мозговую болѣзнь и, кажется, еще что-то въ родѣ тифа. Выздоровленіе мое шло медленно, и рѣшено было сообщить мнѣ съ великою осторожностью, что Тереза дѣйствительно жива. Мнѣ объяснили сначала появленіе въ больницѣ таинственныхъ букетовъ, затѣмъ сказали, что Тереза чудеснымъ образомъ спаслась, затѣмъ сказали, что она за границей у родныхъ, что она скоро пріѣдетъ и что, вотъ, мнѣ отъ нея письмо... Это письмо вручила мнѣ сама матушка моя.

Я схватилъ письмо и опустилъ съ нимъ руку. Въ глазахъ моихъ потемнѣло, и я ничего не помню. Можетъ-быть, мнѣ сообщили объ этой радости слишкомъ рано, не соразмѣривъ важности извѣстія съ возобновляющимися силами моими.

Тогда я пожелалъ свиданія съ Терезою, и оно устроилось...

И вотъ, не прошло года послѣ нашего послѣдняго свиданія въ Кронштадтѣ. О холодной осени, мглѣ, вихряхъ не было и помина; стояла прекрасная іюльская погода. Я, правда, былъ еще очень слабъ, но молодой организмъ быстро пересиливалъ эту временную немощь, и я чувствовалъ себя безконечно полнымъ жизни и радости.

Мнѣ сказали, что Тереза пріѣдетъ скоро, что она уже вѣхала изъ Парижа, что, вотъ, еще день, два, что вотъ это будетъ, наконецъ, завтра... и это завтра наступило.

Семья наша жила, опять-таки, на Крестовскомъ и на той же дачѣ; все, все имѣлось налицо, начинала отъ голубятни и Агаѣи, кромѣ, однако, кузины—такъ какъ она куда-то уѣхала. Мнѣ сказали, что Тереза пріѣдетъ сегодня около полудня.

Свиданіе наше устроили очень осторожно, въ томъ смыслѣ, что я очутился съ Терезою, съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей. Помню, что я, въ ожиданіи... долго ходилъ у себя по комнатѣ, нѣсколько разъ выходилъ въ садъ, возвращался, опять ходилъ и, наконецъ, усѣлся въ кресло. Сердце мое билось очень сильно; я думаю, что для того, чтобы выдержать такое клокотанье его, надобно имѣть очень сильную грудь. Помню, что, совершенно для меня неожиданно, когда я, измаявшись ожиданіемъ, сидѣлъ въ какомъ-то почти бессознательномъ состояніи, съ потерей самочувствія, въ комнату вошла Агаѣя.

— Барышня Тереза пріѣхали!—сказала она и, вслѣдъ за этимъ, немедленно вслѣдъ за быстрымъ уходомъ Агаѣи—на порогъ комнаты увидѣлъ я Терезу.

— Ты... ты!—воскликнулъ я и кинулся къ ней...

Все забылъ я, все рѣшительно: мать, отца, болѣзнь, страхъ, забылъ гдѣ мы, что мы, и, въ какомъ-то мгновенномъ опьянѣніи всѣхъ силъ моего возрождавшагося духа, обнялъ ее и цѣловалъ, цѣловалъ... Вѣдъ я цѣловалъ мою невѣсту, въ этомъ я не сомнѣвался ни одного мгновенья. Тогда, осенью, при отъѣздѣ, въ полной безнадежности отчаянія, поцѣловала она меня, теперь очередь была за мною и, должно полагать, что я исполнилъ свою обязанность не дурно.

Я подвелъ Терезу къ окну и сѣлъ съ нею на тотъ именно диванчикъ, стоявшій къ окну бокомъ, на которомъ такъ часто и такъ безнадежно сживалъ я, выслѣживая мелькавшую съ дѣтьми, въ зелени сада, Терезу.

Я наклонился къ ней и молча всматривался въ лицо. Тереза была тоже очень блѣдна, но прелестна, прелестна до безконечности.

— Можно мнѣ войти! — неожиданно услыхалъ я изъ-за дверей голосъ мамаша.

— О! да, да! войдите!

— Я не одна, я съ докторомъ, съ Иваномъ Андреевичемъ,—проговорила мамаша, входя въ комнату.

Оба они, дѣйствительно, имѣлись налицо. Отецъ отсутствовалъ, а Иванъ Андреевичъ, видимо, былъ приглашенъ на всякій случай, изъ опасенія.

— Докторъ! дорогой докторъ! Иванъ Андреевичъ! — воскликнулъ я и бросился обнимать его.

— Позвольте мнѣ, — сказала мамаша, обращаясь къ Ивану Андреевичу, — представить вамъ невѣсту моего сына.

Она подвела къ нему сильно озадаченную и безмолвную Терезу.

— Такъ это вы та Тереза, чью фотографію носилъ вашъ женихъ постоянно въ карманѣ? Задали вы намъ хлопотъ, нечего сказать. Ну, да слава Богу, все благополучно кончилось, слава Богу!

Тѣмъ временемъ я не удержался отъ того, чтобы не подойти къ моей матушкѣ и не поцѣловать ея рукъ. Я зналъ, что при ея непреклонномъ, вполне мужскомъ характерѣ, слова, сказанныя доктору, что Тереза моя невѣста, были совершившимся фактомъ.

— Ну, что же дальше? — спросилъ докторъ, обращаясь ко мнѣ, — дневника вашего писать больше не будете? Ну, конечно, не будете! А если будете, то уже навѣрное ни мнѣ, ни мамашѣ, никому другому не покажете, все секреты будутъ, ха-ха-ха...

И докторъ добродушно смѣялся.

Этой роскошной минуты моей жизни — свиданія съ Терезой, я, конечно, никогда не забуду, но не могу не помянуть, что, чувствуя всю великость жертвы, принесенной для меня, теперь уже давно умершею, матушкой, я оставался къ ней холоденъ, хотя и почтительно, навсегда. Должно отдать справедливость Терезѣ, что она, ставъ моею милою женою, сторицею вознаградила матушку мою своими къ ней ласками. Склоняясь передъ ея умомъ и авторитетностью, Тереза не пережила тѣхъ минутъ, что я переживалъ: ей становилась поперекъ дороги совершенно чуждая ей женщина, тогда какъ мнѣ мѣшала жить моя родная мать... Но, это только къ слову, потому что благодарность моя къ ней не имѣетъ границъ, и я къ памяти ея благоговѣю.

На самыхъ первыхъ дняхъ нашего счастья, на второй, или на третій день свадьбы, но не раньше, заговорилъ я съ Терезой о тяжеломъ времени нашего прощанія.

— А гдѣ же твой голубой платокъ? — спросилъ я ее.

— Какой голубой платокъ? Ахъ, да, тотъ, теплый, въ который я, помню, бывало, такъ куталась, онъ должно-быть гдѣ-то очень далеко въ морѣ. Когда твой пароходъ отошелъ, ты помнишь страшные порывы вѣтра. Я не могла стоять дольше, такъ сильны были эти порывы, и только что повернулась, чтобы уйти, какъ налетѣлъ вихрь, сорвалъ съ меня платокъ, въ который я хотѣла плотнѣе закутаться и для этого немного раскрыла его, и откинулъ въ воду... Но почему ты спросилъ объ этомъ платкѣ?

Тогда же объяснилъ я ей причину моего вопроса и страшное видѣніе въ морѣ. Позже узналъ я изъ разсказовъ: какъ прибылъ мой баркасъ въ Выборгъ, какъ меня, ничего не помнящаго, бѣднаго полупомѣшаннаго, сдали на руки датскому консулу, у котораго въ домѣ провелъ и цѣлую ночь, до утра, когда можно было отпавить меня въ Петербургъ; лица этого консула я совсѣмъ не помню. Смотрительницѣ маяка, какъ разъ вслѣдъ за свадьбою нашею, послали мы съ Терезою два простельныхъ столовыхъ прибора, на шесть человѣкъ: чайный и столовый; я помнилъ очень хорошо

полуразбитыя чашки и тарелки, въ которыхъ добралъ смотрительница поила и кормила меня.

Много лѣтъ миновало послѣ всего разсказаннаго. Еще живъ и до сегодня мой отецъ, очень старый, но, сравнительно, бодрый, давно передавшій мнѣ всѣ дѣла свои. Знакомы мы и съ кузиною Машею — нынѣ матерью обширной семьи; кузина титуруется „ваше высокопревосходительство“, и всѣ сыновья ея окончили Пажескій корпусъ. У насъ дѣтей нѣтъ, но нельзя же имѣть всѣ благословенія.

Въ довершеніе маленькая картинка. Я съ женою посѣтили въ текущемъ году Сескаръ. Устроилось это такъ, что одинъ изъ богатыхъ коммерсантовъ, англичанинъ, имѣющій свою паровую яхту, предложилъ намъ, вмѣстѣ съ другими, прогулку по Финскому заливу — въ Выборгъ, Нарву, Ревель и Гангё. Я напомнилъ о существованіи Сескара и просилъ, нельзя ли побывать на немъ.

— Это легче легкаго! — отвѣтилъ любезный коммерсантъ, — и мы сдѣлаемъ это по пути изъ Выборга въ Нарву.

Поездка устроилась.

Чудесный былъ вечеръ, когда наша красивая яхта подходила къ Сескару. Издали завидѣли мы знакомый мнѣ маякъ, который, когда мы бросили якорь, казался розовымъ въ сіяніи поздняго заката. Хотя лѣтняя ночь была совершенно свѣтла, но, въ видѣ роскоши, взошла также и полная луна. Рѣшено было, до ужина, съѣхать на берегъ, и наши шлюпки, — ихъ было на яхтѣ двѣ, — скоро доставили насъ къ берегу, при посредствѣ, конечно, мѣстнаго человѣка, лодмана; я вспомнилъ, какъ трудно было спустить на соотвѣтствующую глубину нашъ неуклюжій, плоскодонный баркасъ.

Зашли мы на маякъ. Смотрителя и его старушки жены даже не помнили; его смѣнилъ уже третій, а куда дѣлся тотъ, что былъ при мнѣ, и его старушка жена, никто не могъ бы сказать намъ, если бы не единственный свидѣтель, бывший на баркасѣ нашемъ парнишка. Такъ какъ все наше общество, приблизительно, знало мою исторію, а о крушеніи моего парохода подлѣ Сескара я самъ разсказалъ, то оно не только не удивлялось разспросамъ, но само помогало дѣлать ихъ.

— Такъ ты помнишь, — спросилъ я чухну лодмана, свезшаго насъ на берегъ, — когда тутъ датскій пароходъ „Occident“, на берегъ выкинуто?

— Помню. Давно было...

— А его потомъ сняли?

— Сняли весною.

— А помнишь ты баркасъ, и какъ онъ въ Выборгъ поплылъ, въ самую бурю?

Чухна улыбнулся во весь ротъ

— Помню... и васъ тоже помню! — произнесъ онъ неожиданно для всѣхъ насъ.

— Меня! — невольно воскликнулъ я, крайне удивленный, равно какъ и всѣ мои товарищи по яхтѣ. — Да кто же я такой?

— А ты баринъ на бочкѣ сидѣлъ... — чухна продолжалъ улыбаться: — молодой былъ.

— Ну, дальше!

— Ты... того былъ... шальной былъ, баринъ... говорилъ намъ: вотъ она, вотъ она плыветъ!.. а никакого она нѣтъ, только волны... мы тебя на берегъ свезли, къ консулу...

Сообщилъ намъ чухна также и о томъ, что смотритель съ женою давно уже куда-то съ острова отбыли, и что подлѣ Сескара суда и теперь нерѣдко разбиваются.

Во время разсказа чухны, я стоялъ, держа подъ руку Терезу, и чувствовалъ, какъ сильно прижалась она ко мнѣ.

Фіалка.

(На мотивъ изъ Ады Негри.)

Непорочна, какъ весталка
У священнаго огня,
Смотритъ блѣдная фіалка
Грустнымъ взглядомъ на меня.

Этотъ взглядъ меня смущаетъ...
Онъ такъ живо въ этотъ часъ
Мнѣ въ быломъ напоминаетъ
Пару чудныхъ грустныхъ глазъ.

Такъ же вдумчиво смотрѣли
На меня они тогда;
Но глаза тѣ потускнѣли
И сомкнулись навсегда.

Сердце, полное томленья,
Взоръ, проникнутый мольбой—
Унесли во мракъ забвенья
Всю любовь свою съ собой.

Если правда есть въ сказаньяхъ,
Что умершихъ духъ и прахъ
Вновь живутъ въ другихъ созданьяхъ—
Въ птичкахъ, бабочкахъ, цвѣтахъ.

Въ сокахъ зелени душистой,
Въ тучахъ, вѣтрѣ, влагѣ водъ,—
То въ тебѣ, цвѣтокъ мой чистый,
Часть ея души живетъ...

Д. Михаловскій.

Въ сорочкѣ родился.

Рассказъ Д. Р.

— Матрена! А, Матрена! Слышала? У Карпа молодуха сына родила.

— Какъ не слыхатъ? Слышала!

— Бабка баила: здоровый такой! Да еще сказывала, что въ сорочкѣ родился. Такъ вотъ, какъ есть, сорочка съ него свалилась!

— Ишь ты! Въ счастливый, видно, часъ принесла его мать-то...

А виновникъ этихъ толковъ, не понимая всей важности рожденія въ сорочкѣ, заливался самымъ нечестнымъ образомъ, требуя удовлетворенія полвившагося вмѣстѣ съ нимъ на свѣтъ аннетита.

— На, покорми сына-то, — сказала старуха-бабка, подавая ребенка матери, неподвижно лежавшей на скамьѣ.

Не мало, видно, стоило рожденіе счастливица этой бѣдной, худой женщины.

Ни кровинки на изможденномъ лицѣ. Тупо, равнодушно смотрятъ большіе черные глаза, не освѣщаясь улыбкой даже при видѣ первенца.

— Ну, что не смотришь на сына? — ворчала старуха. — Не рада? А рада, небось, будешь, — продолжала она, — какъ вернется хозяйинъ-отъ твой? Не такъ посмотришь, какъ поцѣлуешь за кормильца? Ишь, скажешь, какого крѣпыша мнѣ принесла! При воспоминаніи о мужѣ лицо большой немного оживилось.

— Охъ, кабы скорѣе вернулся! — простонала она. — Намучилась я, бабушка, ожидаяши: просто жисть не въ жисть!

— И то правда твою, красавица, легко ли одной въ дому безъ хозяина? Ну, гдѣ тебѣ со всѣмъ управиться!

— Писалъ: „это лѣто домой на побывку приду“. А вотъ ужъ лѣто къ концу приходитъ, а его все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Да, что и говоритъ, дѣло твое горькое! — соболѣзновала старуха.

— И надо же было старику помѣрты въ тотъ годъ, какъ ему въ солдаты игнги. Безиремѣнно оставили бы: вѣдь одинъ сынъ у отца считался.

Напрасно ожидала бѣдная Марья своего милаго мужа. Не удалось ей показать отцу сына.

Вскорѣ потребовали ее въ волость, гдѣ объявили, что мужа ея лошади убили, а вмѣстѣ съ тѣмъ передали ей пятьдесятъ рублей, присланныхъ вдовѣ убитаго великодушнымъ генераломъ, у котораго тотъ служилъ денщикомъ.

— Чего ревешь-то? — сказала ей старшина. — Другимъ ничего не достается, а тебѣ на, поди, сколько денегъ привалило.

— Ужъ, подлинно, Марьѣ счастье, — говорили на деревнѣ. — Мало ли солдатокъ ни съ чѣмъ остаются? Видно, для сына Богъ посылаетъ. Не даромъ младенецъ въ сорочкѣ родился.

Между тѣмъ время шло, а вмѣстѣ съ тѣмъ росъ, да крѣпчалъ ребенокъ.

Весело прошло дѣтство маленькаго Антона.

Души не чаяла въ немъ бѣдная Марья. Изъ силъ выбивалась несчастная, работалъ день и ночь. Не мало слезъ вылакала она за это время. А ребенокъ ничего этого не видѣлъ и не замѣчалъ. Ни у кого изъ деревенскихъ ребятшекъ не было такой любящей и заботливой матери, какъ у него, и онъ былъ совершенно счастливъ.

Но надорванныхъ силъ бѣдной женщины хватило не надолго, и она въ одинъ прекрасный день тихо угасла, оставивъ пятилѣтняго Антона круглымъ сиротой.

Надъ бѣднѣшкой сжался и взялъ его къ себѣ одинъ изъ самыхъ богатыхъ мужиковъ въ деревнѣ.

— Не обѣтъ меня сирота, — говорилъ онъ, — а на такихъ дѣтей и Богъ посылаетъ.

Не красно жилось Антону въ громадной семьѣ, гдѣ кромѣ него, было шесть душъ дѣтей. И кускомъ-то его обижали, и толкали, и били — всего приходилось.

Вѣдь простой человекъ и къ своему ребенку не „ахти“ какъ ласковъ бываетъ, а тутъ еще чужой — приемный.

Антону особенно чувствительно было переносить такое обращеніе послѣ ласкъ матери, любившей его до безумія.

Не мало слезъ пролилъ приемный по ночамъ и въ темныхъ уголкахъ. Плакать на виду онъ не смѣлъ.

— Плакать, нащепокъ этакой, — упрекали его въ новой семьѣ. — Поить, коряить его, а онъ и не чувствуетъ.

Не слышали этого, по всей вѣролжности, односельчане его. Не видѣли они горькихъ слезъ приемнаго и продолжали говорить:

— Ишь, что значить — въ сорочкѣ родился: и въ чужой семьѣ, что свой.

Не мало времени прошло еще, и Антонъ изъ ребенка превратился въ красиваго, рослаго парня.

Не обидѣлъ его Богъ ничѣмъ: и работникъ на славу, да и собой вялъ. Не сирота всѣ дѣвки на него заглядывались.

— Даромъ что бобыль, — говорили по деревнѣ, — а до всего дошелъ. И въ работѣ первый, и на послѣдкахъ не послѣдній. А все отъ того, что въ сорочкѣ родился.

Антонъ и самъ уже начиналъ вѣрить въ свою счастливую звѣзду.

Теперь онъ уже не чувствовалъ себя лишнимъ въ чужой семьѣ! Работникъ — какихъ мало — онъ вполне заслуживалъ свой хлѣбъ. Понимали это и его приемные родители, и заискивали въ немъ. Чего ему было желать: парня любилъ его, а дѣвки просто души въ немъ не чаяли.

Одна изъ нихъ особенно полюбила Антона. То была красивая Паша, дочь волостного старшины.

Насколько горячо отвѣчала Антону Паша, — знали лишь они да сосѣдній лѣсокъ, мѣсто ихъ частыхъ свиданій.

Староста тоже былъ не прочь принять къ себѣ въ домъ работающаго парня, да въ одно мѣсто не ладилось: Антонъ еще не отбылъ рекрутчины.

Наконецъ роковой день насталъ. Антона забрали. Да и какъ забирать такого молодца?

— Прямо въ гвардію, — сказала уѣздный воинскій начальникъ.

Съ плачемъ провожала повобранца за околицу Паша. Силой заставила она его взять десять рублей, подаренные ей отцомъ на obnovы.

— На что мнѣ, милый, безъ тебя obnovы? Кто мнѣ освѣтитъ ихъ, когда закатывается мое красное солнышко?

— Не плачь, пригожая, — утѣшалъ ее парень. — Вѣдь теперь солдатчина не то, что прежде. Оглянуться не успеешь — вернусь. А, можетъ, еще и раньше приду, какъ жребій вытану. Не даромъ я въ сорочкѣ родился.

На службѣ Антонъ тоже не ударилъ лицомъ въ грязь.

Сильный, ловкій, способный и грамотный, онъ сразу сталъ на виду у начальства.

Черезъ годъ онъ былъ въ учебной командѣ, а еще черезъ годъ — уже носилъ ефрейторскія нашивки.

Солдаты отъ души любилъ веселаго и добраго товарища, и если бы не печаль по милой Пашѣ, онъ былъ бы совершенно счастливъ.

„Хоть бы война, — думалъ онъ, — все бы скорѣе домой вернулся“.

О томъ, что его могутъ убить на войнѣ, онъ и не думалъ, — вѣдь онъ въ сорочкѣ родился.

Богъ вялъ его желаніямъ, — скоро объявили войну съ турками, въ 1877 году.

Онъ одинъ изъ первыхъ повиухалъ порохового дыму.

Счастье сопутствовало ему повсюду. Онъ уже отличился въ нѣсколькихъ стычкахъ съ турками, получилъ унтеръ-офицер-

Андромаха. Съ карт. Рошгросса грав. Цехомскій.

ское званіе, грудь его украшала Георгій, а между тѣмъ онъ ни разу не былъ раненъ.

— Въ сорочкѣ родился,—говорили солдаты.—Вокругъ него люди такъ и падаютъ, а онъ что заколдованный стоитъ!

Но скоро колдовству пришелъ конецъ, и онъ свалился.

Грамотой являло нѣсколько человѣкъ, а въ томъ числѣ и Антона.

Чудесная судьба хранила его и тутъ: всѣ окружающіе Антона были убиты, ему же осколкомъ гранаты раздробило только правую ногу.

Очнувшись, онъ увидѣлъ себя на койкѣ перевязочнаго пункта. Сначала онъ не понималъ, что съ нимъ, но нестерпимая боль въ ногѣ объяснила ему все.

— Счастливъ твой Богъ!—сказалъ ему на другое утро докторъ.—Другимъ, при такихъ пораненіяхъ, приходится всю ногу отнять, а тебѣ только ниже колѣна. Деревяжку приставимъ, и хошь въ ильсь,—шутилъ онъ.—Ты, братъ, видно въ сорочкѣ родился.

Но бѣдника не слышалъ утѣшеній доктора. Слезы не физической боли, а разбитыхъ надеждъ, давили его.

— Ну, куда и теперь похужь?—думалъ онъ.—Вѣдь теперь Паша на меня и смотрѣть не захочетъ, на калѣку. А если, —мелькнуло вдругъ у него,—она меня такъ любитъ, что не посмотритъ на это?.. Я еще могу отлично работать: руки у меня остались—утѣшалъ онъ себя.

Эта слабая надежда оживила его. Онъ все болѣе и болѣе вѣрилъ въ возможность такой любви къ нему Паша и, благодаря этому, быстро поправился.

Незадолго до выписки изъ госпиталя, онъ написалъ письмо своей дорогой Пашѣ.

У него не хватало терпѣнія ждать отвѣта до того времени, какъ онъ вернется домой.

Скоро пришелъ и желанный отвѣтъ, но не отъ самой Паша, а отъ отца ея. Тотъ извѣщалъ его, что Паша вотъ уже второй мѣсяцъ какъ замужемъ за сыномъ его пріемаго отца.

Не дождалась она своего Антона, не только Антона-калѣки, но и здороваго: еще онъ не былъ раненъ, какъ она обвинялась съ его названымъ братомъ. Горе Антона было такъ велико, что первое время онъ чуть съ ума не сошелъ.

Но время—хорошій цѣлитель, и обѣ раны его, и душевная, и тѣлесная, понемногу зажили.

Не разъ потомъ открывались эти раны, но онъ уже не такъ страдалъ отъ нихъ: бѣдника привыкъ къ ихъ боли.

Когда настало время Антону вернуться домой, онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Да и не было у него дома,—вѣдь онъ былъ бобыль.

Кому нуженъ былъ Антонъ въ деревнѣ, гдѣ онъ родился и выросъ!

Въ Петербургѣ за него похлопоталъ бывший его начальникъ, и хлопоты увѣнчались успѣхомъ: онъ получилъ единовременнаго пособія сто рублей, да четыре рубля ежемѣсячной пенсій.

Рожденіе въ сорочкѣ и тутъ помогло ему: другіе не могли получить такой пенсій. За нихъ цѣлому было хлопотать. Онъ купилъ шарманку и сталъ ходить по дворамъ; жалобные звуки шарманки привлекали къ нему вниманіе, а видъ калѣки-солдата, съ Георгіемъ на груди, заставлялъ охотнѣе подавать ему, чѣмъ другимъ.

Этими подаваніями, да пенсией, онъ кое-какъ перебивался. Такъ прошло семнадцать лѣтъ непрерывныхъ скитаній по дворамъ.

Несмотря ни на какую погоду, жалобно скрипѣла шарманка. Ни снѣгъ, ни дождь, ни зной, ни холодъ не могли унять этого скрипѣнья. На все ничто не дѣйствовало.

А на Антона это время положило свой отпечатокъ: въ сорочкѣ лѣтъ онъ казался совершеннымъ старикомъ.

Нажитые имъ, во время его артистическихъ турнѣ, кашель и ревматизмъ давали себя знать, а къ нимъ еще присоединилась боль раны.

Но старый солдатъ не унывалъ. Онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ какую-нибудь богадѣльню, и его обѣщали принять непремѣнно: онъ былъ всего сто шестьдесятъ седьмымъ кандидатомъ.

Въ теченіе пяти лѣтъ ежедневно навѣдывался онъ въ комитетъ о равныхъ и постоянно получалъ отвѣты:

— Теперь скоро.

Наконецъ, онъ уже не въ состояніи былъ ходить и не вставалъ съ своего убогаго ложа, въ сырость подвѣлъ.

Уже два мѣсяца какъ продала его лучшаго и цѣннѣшаго товарища—шарманку.

Да и па что она ему теперь? Вѣдь все равно, онъ не въ состояніи ее носить.

Даже за пенсией ходить сердобольная хозяйка, почти изъ милости держащая его.

— Господи, скорѣе бы въ богадѣльню. Тамъ тепло и хорошо—думаетъ Антонъ.

Наконецъ, желанный день насталъ.

Утромъ получили бумагу объ его принятіи въ богадѣльню, а вечеромъ онъ былъ уже водворенъ на новомъ мѣстѣ, показавшемся ему раемъ нослѣ сырого и грязнаго подвала, въ которомъ онъ провелъ много лѣтъ.

— Везетъ человѣку,—говорили окружающіе Антона бѣдники,—другіе по двадцать лѣтъ ждутъ и, не дождавшись, умираютъ, а ему, поди, какое счастье: черезъ пять лѣтъ пришли.

Но не долго наслаждался Антонъ своимъ счастьемъ. Черезъ недѣлю его не стало.

Хозяйка, пришедшая навѣстить своего постояльца, пошла какъ разъ на похороны.

— Хорошо, что Богъ привелъ умереть въ казенномъ мѣстѣ,—говорила она,—а умри онъ у меня, развѣ-бъ и ему такіа хорошіа похороны справила бы? Вотъ ужъ, подлинно, въ сорочкѣ родился!

„Мечтатель“.

Рассказъ Огюста Блонделя.

(Съ французскаго.)

(Окончаніе.)

Старинная хроника.

—...Вчера весь городъ былъ потрясенъ самыми неожиданными, грустными событіями.

Всѣ въ Нюрнбергѣ знали, всѣ любили прелестную Иду Геттисхаймъ, дочь богатого купца. Старъ и младъ радовался ей, какъ солнечному лучу, который все оживляетъ, всѣхъ утѣшаетъ своей теплотой и блескомъ. Всѣ ею любовались и долго слѣдили за ней глазами, когда она появлялась на улицѣ, ведя за руку своихъ маленькихъ братьевъ. Ея прелестное, невинное лицо, кроткое, какъ лицо Мадонны, золотистыя синеватые, обрамляли бѣловурныя, золотистыя волосы. Какой душевной, дѣтской чистотой и неперочностью звучала ея смѣхъ! Едва слышныя его серебряныя звуки, всякій оглядывался, ища ея глазами.

— Это Ида!.. Гдѣ Ида?..

—Ее всѣ любили; всѣ ей желали добра; всѣ завидовали тому счастливцу, для котораго впервыя забьется ея сердце жемчужной любовью.

—...Недавно стало въ городѣ извѣстно, что она невѣста одного изъ учениковъ нашего знаменитаго художника, Альбрехта Дюрера. Этого ученика звали Лука Хельмъ. Въ воскресенье женихъ съ невѣстой были на прогулкѣ,—на городскихъ стѣнахъ,—и общественное мнѣніе вполнѣ одобрило выборъ молодой дѣвушки. Трудно было бы найти человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе достойнаго своей невѣсты. Молодой художникъ былъ красавецъ лицомъ и образецъ душевной прелести и благородства.

— Но, увы! Не долго длилось ихъ счастье!.. Уже нѣсколько дней Ида чувствовала себя не совсѣмъ здоровой: ею овладѣло уныніе, страшная слабость, и мертвенная блѣдность разилась по лицу. Вчера у нея сдѣлался сильный жаръ и бредъ, а къ утру... она скончалась жертвой чумы—этой неумолимой гостыи, которая порой насъ посѣщаетъ и каждый разъ уноситъ въ могилу значительную часть населенія.

—Городъ охваченъ паническимъ страхомъ. Ужъ не эпидемія ли намъ угрожаетъ?..

—Вечеромъ мы сошлись въ шпикѣ „Bratwurstglöcklein“, гдѣ ежедневно собираются наши навѣстившіе художники и поэты.

—На этотъ разъ разговоръ касался исключительно несчастныхъ молодыхъ людей: Иды и Хельма, навѣки разлученныхъ неожиданной смертью.

— Что-жъ это не видно сегодня Альбрехта?—спросилъ одинъ изъ художниковъ.—Впрочемъ, онъ, вѣрно, пошелъ утѣшать своего злополучнаго ученика.

—Въ эту минуту дверь порывисто распахнулась, и на порогѣ показался самъ Альбрехтъ Дюреръ. На его блѣдномъ лицѣ выразилось отчаяніе.

— О, друзья мои!.. Товарищи!..—громкимъ шопотомъ вырвалось у него.—Сегодня ужасный, роковой день!.. На моихъ рукахъ только что испустилъ духъ мой бѣдный Хельмъ,—человѣкъ, которому предстоило прославить свою родину чудными твореніями искусства! Еще вчера вечеромъ меня поразила ужасная перемена у него въ лицѣ, а сегодня!.. Онъ только на полдня пережилъ свою невѣсту!

—Глухой ропотъ пробѣжалъ въ кучкѣ присутствующихъ.

— Бѣдный Лука! Или итъ: скорѣе счастливецъ! Онъ не могъ бы жить на свѣтѣ безъ своей Иды: смерть забавила его отъ ненасытимыхъ душевныхъ страданій!.. Когда я зашелъ навѣстить его и попробовалъ утѣшить или хоть сколько-нибудь ободрить, то засталъ его уже больнымъ, въ постели.

— Стойте, учитель! Не подходите!—прокричалъ онъ мѣлкими шепотомъ голосомъ.—Часы мои сочтены!.. Смотрите!

—И онъ распахнулъ на груди рубашку. Багровыя пятна на тѣлѣ ясно говорили, что конецъ близокъ.

— Не жалѣйте меня: я счастливъ, что умираю. Смерть, какъ желанный и великодушный избавительница, соединитъ меня съ моею Идой. Но, прежде чѣмъ отойти въ вѣчность, я хочу показать вамъ послѣднее твореніе моей кисти. Прика-

жите, чтобы въ это положно, какъ въ драгоцѣнный саванъ, обернули все тѣло!

«Съ этими словами онъ взглянулъ по направленію къ своему мольберту, и я поспѣшилъ исполнить его желаніе — отдернулъ завѣсъ, покрывавшія картину.

На больномъ полотнѣ, какъ живая, выступала Ида, — она сама, дѣвственно-чистая и прекрасная, полная жизни и обаятельной прелести! Неудержимый крикъ восторга вырвался у меня изъ глубины души при видѣ совершенствъ мастерской кисти художника, и я на минуту позабылъ, что творецъ этого непоправимаго произведенія искусства лежитъ при смерти, въ двухъ шагахъ отъ меня...

«Пасъ тому назадъ его не стало. Я лишился навѣки любимого ученика и друга...»

Голосъ Франца дрожалъ отъ волненія. Вердье слушалъ его напряженно.

— Какъ? И все тутъ? — воскликнулъ онъ. — Да нѣтъ: можетъ быть, это еще не все?

— Въ рукописи, — отвѣчалъ Францъ, — подъ числомъ: „6-го іюня 1516 года“, значится еще нижеслѣдующее:

«Сегодня утромъ, при громадномъ стеченіи народа, друзей и художниковъ, останки Луки Хельма и Иды Геттисхеймъ были опущены въ могилу. Ихъ скелеты вырыты рядомъ. Даже и по смерти своей, женихъ и невѣста остались почти неразлучны. Ходитъ слухи, что Альбрехтъ Дюреръ не рѣшился погубить твореніе великаго, хоть еще юнаго художника. Въѣсто того, чтобы обернуть въ него тѣло покойнаго, онъ туго скрутилъ картину и, заливъ свинцомъ въ свинцовомъ же футлярѣ, положилъ въ руки мертвецу...»

«...За ночь умерло отъ чумы еще двое. Чума идетъ быстрыми шагами... Да поможетъ намъ Богъ!»

— Вотъ и все! — заключилъ Ледербахъ и умолкъ.

Въ комнатѣ стало тихо, — такъ тихо, что громко раздавался подъ окнами ропотъ вутныхъ струй угрюмой рѣчки, журчавшей у берега и подъ каменнымъ сводомъ...

Какъ въ туманѣ вернулся къ себѣ Анри Вердье, и всю ночь ему чудились во снѣ самыя страшныя, самыя невѣроятныя видѣнія.

На утро онъ былъ радъ, что проснулся; голова у него была тяжела, словно налитая свинцомъ; передъ нимъ еще продолжали витать смутныя грѣзы, вызванныя наканунѣ чтеніемъ рукописи.

Мало-по-малу приходи въ себя, онъ старался додуматься до того, сколько въ передачѣ Франца истины, и сколько — воображеній? При его болѣзненнымъ увлеченіи, ничего не было бы мудренаго, если бы и все, разсказанное имъ со словъ лѣгониса — куца Вальтера, — оказалось всецѣло его собственнымъ вымысломъ.

— Нѣтъ, надо, непременно надо вырвать его изъ этой лѣтучки, изъ этого ненормально-возбужденнаго состоянія! Чтѣ бы такое придумать, чтобы увести его отсюда, гдѣ все раздражаетъ его волненіе и усиливаетъ его неестественныя грѣзы?.. Ахъ, да! Вотъ, чтѣ было бы прелестно: убѣдить его сдѣлать въѣстѣ большое путешествіе по образу иѣснаго хожденія, съ котомкой за плечами. Ничто не сможетъ такъ благотворно подѣйствовать на его расшатанные нервы, какъ движеніе на чистомъ воздухѣ, безграничный просторъ полей и самая настоящая, физическая усталость!

Такъ разсуждалъ самъ съ собою нашъ французъ и не замѣтилъ, что въ задумчивости тихо шелъ, да шелъ себѣ впередъ по дорогѣ къ кладбищу. Какое же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что поинию своей воли вдругъ очутился у воротъ этого историческаго мѣста упокоенія? Имъ овладѣло желаніе еще разъ взглянуть на могилу прелестной, чистой души красавицы — Иды и, кетати, провѣрить слова рукописи, въ которой (какъ онъ теперь припоминалъ) говорилось, что прахъ жениха былъ опущенъ въ соседнюю съ его невѣстой могилу.

Съ трудомъ пробирался Вердье между заглушениыя памятниками старинны, стараясь не пропустить интересующую его надпись и плиту, какъ вдругъ на него оглянулся какой-то колѣнопреклоненный чловѣкъ и назвалъ его по имени.

— Францъ! Это вы? — узнавъ друга, воскликнулъ Вердье ему въ отвѣтъ. — Кажется, вчера мы съ вами разошлись довольно поздно, а сегодня, чуть свѣтъ, вы уже тутъ, какъ тутъ!

— Ну, а вы-то гдѣ, позвольте спросить? — съ угрюмымъ укоромъ проговорилъ Францъ. Голосъ его звучалъ сдавленно и глухо. — Значитъ, и вы сами раздѣляете мое безуміе. Смотрите! Вотъ, рядомъ съ могилой Иды, и могила ея жениха. На плитѣ совершенно ясно сохранилось его имя: „Лука Хельмъ“. Но это еще не все. Помните, лѣтописецъ говоритъ, что послѣ нихъ умерло еще нѣсколько чловѣкъ?.. Его опасенія оправдались: въ тотъ годъ чума собрала въ Нюрнбергѣ особенно обильную жатву. Видите, здѣсь по близости еще до пятидесяти могилъ, на которыхъ стойтъ тотъ же годъ, и даже тотъ же мѣсяцъ, когда погибли бѣдные женихъ съ невѣстой.

— Конечно, — согласился Вердье, — это фактъ неоспоримый. Но, чертъ побери! чего ради намъ-то мучить себя тѣмъ, чтѣ

было болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ? Мы, слава Богу, живемъ въ концѣ XIX, а не въ XVI вѣкѣ. И, наконецъ, если вамъ ужъ такъ приспичило терзать себя, такъ въѣдъ и въ наше время вы можете найти къ тому сколько угодно поводовъ. Чего же вамъ соваться въ давно минувшія, чуждыя намъ бѣды и страданія?..

Ледербахъ молча слушалъ своего друга и безирекословно далъ себѣ увести съ кладбища.

Обѣдали молодые люди вмѣстѣ, и, за кружкой некритаго, литарнаго вина, Вердье приступилъ къ желанному вопросу.

— Отвѣдайте-ка этого нектара, дружнице! — весело хлопнувъ пріятеля по плечу, воскликнулъ онъ, — и чокиемся за успѣхъ нашей предстоящей прогулки: въѣдъ и завтра же уѣзжаю, то есть, собственно говоря — ухожу въ путешествіе и забираю васъ съ собой, въ высокомъ званіи и чинѣ моего „почетнаго, личнаго секретаря и переводчика“.

Францъ отрицательно качнулъ головой.

— Спасибо! Но я не могу, пока, никуда отсюда уѣхать: меня здѣсь задерживаютъ спѣшныя дѣла.

— Это еще какія, если позволите спросить?

— Конечно, не позволю... потому что и самъ пока ничего не могу сказать.

— Ужъ не напалъ-ли вы, чего добраго, на слѣдъ своей прелестной незнакомки?.. Послушайте, Францъ, право, я не шучу! Ѣдьте со мною; это даже необходимо! Давъ вамъ времени... до завтра, на размышленіе.

Ледербахъ отвѣтилъ только движеніемъ, полнымъ разочарованія и безнадежной тоски, и молча довелъ друга до дому. Но тутъ, повинуясь внезапному порыву, бѣдника-мечтателя загворилъ громко и лихорадочно:

— Пожаайте, пожаайте вы безъ меня!.. Вы правы: отсюда надо бѣжать! Просите на прощанье судьбы этого безумца Франца, который успѣлъ привязаться къ вамъ всей душой! А я... я поневолѣ долженъ оставаться, повинуюсь сверхъестественной силѣ, которая охватила меня, завладѣла мною! Простите и... прощайте! Ваша дружба для меня — незамѣнимая утрата!

И, схвативъ руки товарища въ свои мощныя длани, иѣжный душою великашъ крѣпко ихъ пожалъ. Затѣмъ онъ круто повернулъ назадъ и быстро пошелъ прочь, безъ оглядки, такъ быстро, что наумленный Вердье не дождался ни остановиться, ни окликнуть его. Онъ такъ и застылъ на мѣстѣ.

«Бѣдника! — думалъ онъ. — А въѣдъ, и въ самомъ дѣлѣ, у него въ мозгахъ что-то не ладно. Положительно необходимо прівести его умственныя силы въ равновѣсіе какими-нибудь энергичнымъ и неожиданнымъ толчкомъ. Впрочемъ, завтра же съ утра примусь опять къ нему приставать!»

Но на утро... (ночь ужъ подлинно: чловѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!) молодой чловѣкъ оказался въ постели, не въ силахъ шевельнуть ни рукой, ни ногой. Его трясла лихорадка; все тѣло ложило. Никакія снадобы, никакія мази и потогонныя добросердечной Леманъ не могли ему помочь. Пришлось позвать доктора... одного, другого; и всѣ они единогласно приказали выдержать больного подольше въ постели, чтѣ, впрочемъ, онъ исполнялъ въ точности и помимо ихъ приказаній. При всемъ своемъ желаніи, бѣдняга-студентъ не могъ бы пальцемъ шевельнуть.

Какъ только его лихорадка стала немного слабѣть, первую его мыслью было узнать, чтѣ случилось съ Францемъ. Вердье опасался, не случилось ли съ нимъ какой бѣды?

Добродушный г-жа Леманъ, — этотъ перлъ среди квартирныхъ хозяекъ, — предложила ему свои услуги и отравила къ Ледербаху ваниску, написанную со словъ ея постояльца. Къ сожалѣнію, эта записка осталась безъ отвѣта. Тогда добрая женщина сама отравила на квартиру студента; но и хозяйка его не знала сами, куда дѣвался ихъ жилецъ: знала только, что дверь его на замкѣ, а онъ самъ отлучился неизвѣстно куда.

Эта вѣсть странно встревожила его больного друга, и тотъ не помнилъ себя отъ радости, когда могъ, наконецъ, встать съ постели.

Едва держась на ногахъ, Вердье воспользовался отсутствіемъ хозяйки и самъ отправился на розыски товарища. Несмотря на то, что онъ ѣхалъ въ экипажѣ, и что пѣшкомъ ему пришлось сдѣлать всего два-три шага, онъ изнемогъ отъ усталости и собралъ послѣднія силы, чтобы постучаться въ знакомую дверь. Его стукъ остался безъ отвѣта, и молодой чловѣкъ вернулся домой ни съ чѣмъ. Ворочаясь съ боку на бокъ во время долгой, безсонной ночи, онъ, однако, рѣшилъ съ утра снова отравиться въ погоню за бѣглецомъ, и на томъ, наконецъ, уснулъ.

Чуть свѣтъ, его разбудилъ звонокъ, и какой-то мальчишка потребовалъ, чтобы его впустили прямо въ комнату молодого барина: ему, молъ, строго приказано передать записку прямо, изъ рукъ въ руки.

Вердье встрепенулся. Сердце его радостно забилося: онъ узналъ почеркъ Франца.

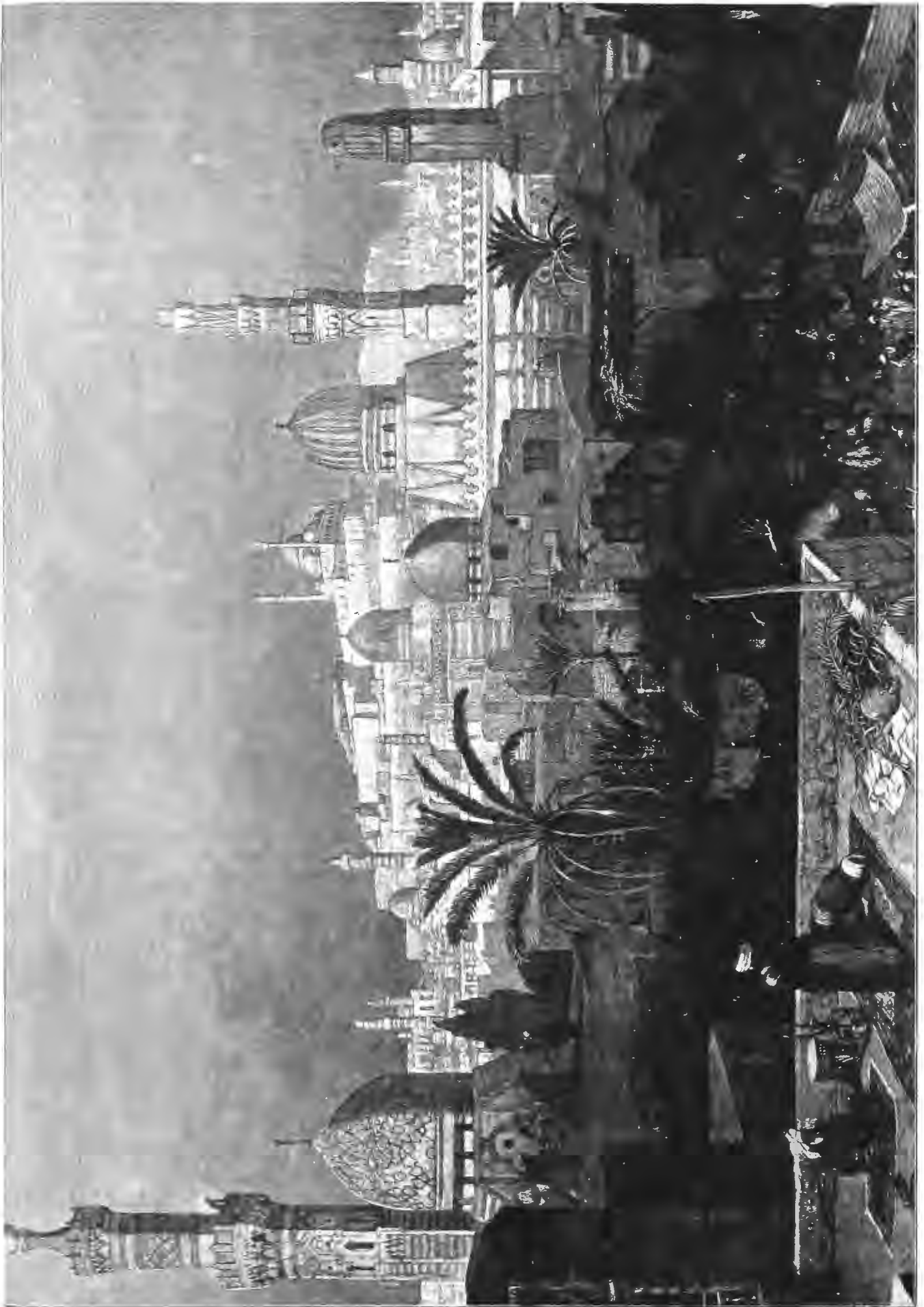
Записка была коротка:

„Другъ мой!

„Я думаю, вы ужъ успѣли вернуться изъ своего путешествія, и потому прошу васъ, если (какъ мнѣ всегда казалось) вы

Жакерія. Съ карг. Рошгросса грав. Павловъ.

Вечеръ въ Каирѣ. Съ карт. Эдуарда Берингера.

меня еще любите, поспешите за подателем этой записки, — он приведет вас в Ташытрассе, № 24, во третій этаж. Минуты мои сочтены. Поспешите! Мне надо во всем вам признаться!

„Француз“.

Миготъ собрался въ путь встревоженный студентъ и дорогой осыпалъ своего проводника разспросами: когда захворалъ студентъ? ходитъ ли къ нему докторъ? и т. п.

— Онъ недавно къ намъ переѣхалъ, — отвѣчалъ мальчикъ, — и съ самаго начала показанъ намъ какимъ-то страннымъ. Кормился онъ наскоро, большею частью шивомъ и колбасою, не выходилъ никуда. Цѣлыми днями его не было слышно, и только поздно вечеромъ, когда стемнѣеть, онъ выходилъ на прогулку, возвращаясь поздно ночью, и тѣмъ безпечною своихъ сосѣдей. Они, кромѣ стукотни дверей и шаговъ по коридору, жаловались еще и на длинные, громогласные разговоры съ самимъ собою неугомоннаго жильца-полуночника. Только вчера вечеромъ онъ остался дома, и то потому, что лежалъ въ постели, такъ что мама, безъ его вѣдома, послала за докторомъ. Онъ заперся у себя на замокъ и записку эту просунулъ мнѣ въ щель, изъ-подъ двери... Вотъ и все, что я знаю!

Дошли до высокаго дома пезатѣливой архитектуры, Вердье поднялся со своимъ провожатымъ въ третій этажъ и постучался въ низенькую дверь въ концѣ коридора.

— Французъ, это я, отойдите!.. Какъ видите, я не медлил ни минуты!

За дверью послышалось шлепанье босыхъ ногъ, и дверь приотворилась. Вердье проскользнулъ въ щелку и, очутившись лицомъ къ лицу со своимъ товарищемъ и другомъ, остолбенѣлъ отъ ужаса.

*

Неужели этотъ изможденный, мертвенно-блѣдный призракъ, который, шатаясь, какъ пьяный, новалился на кровать, — тотъ самый, потный силъ и здоровья великанъ, какимъ онъ былъ всего двѣ-три недѣли тому назадъ?

Неподвижно смотрѣли на друга его вылитые кровью, блуждавшіе глаза; силное, прерывистое дыханіе вылетало изъ той-шей груди; лицо было искажено, какъ у мертвеца...

— Сядьте тамъ... подальше... не подходите! — крикнулъ онъ слабымъ, надтреснутымъ голосомъ, указывая на стулъ у дверей, и рѣчь его пошла съ торопливнымъ, лихорадочнымъ потокомъ. — Падѣюсь, вы съѣздили благополучно?.. А вѣдь хорошо я отъ васъ укрылся, хорошо? Такъ мнѣ и надо было, чтобы никто не подѣлывалъ мнѣ важнымъ... очень важнымъ дѣломъ!.. Ха-ха-ха!..

И Французъ засмѣялся такимъ зловѣщимъ смѣхомъ, отъ котораго дрожь пробрала его друга.

— Вы, небось, думали, — продолжалъ онъ потомъ, — что можете мнѣ помѣшать? Дудки-съ! Все такъ и случилось, какъ должно было случиться: отъ судьбы, батенька, не уйдешь... шалишь!.. Вотъ и моя судьба... свершилась! Неужели вы могли допустить, что у меня на душѣ, хоть на минуту, могло быть спокойно съ тѣхъ поръ, какъ я все узналъ про Иду?.. А Лука Хельмъ?.. а ея портретъ?.. Вѣдь онъ — живое изображение ея совершенствъ: ея красоты, ея дѣвственной чистоты и прелесть! Но его итъ нигдѣ. Онъ зарытъ на кладбищѣ св. Іоанна... И вдругъ меня осенила мысль, что мнѣ предназначено судьбою возратить человечеству это сокровище, это чудо чистаго искусства. Эта мысль, какъ коммари, стала преслѣдовать меня; меня неудержимо тянуло взглянуть на ея дивныя, неподражаемо-прекрасныя черты. О, что за бѣшенство, что за злоба кипѣла у меня въ груди, когда я вспоминалъ, что этотъ прерванный эгоистъ, этотъ влюбленный женихъ ревниво охраняетъ, бережетъ для себя свое сокровище, что лишь тонкій слой земли отдѣляетъ меня отъ нея... Впрочемъ, все это лишнее... къ чему я говорю?.. Смотрите!

И дрожащей рукой умирающей вынулъ изъ-подъ подушки какой-то свертокъ и развернулъ его.

— Не подходите! — грозно крикнулъ онъ другу, который было рванулся впередъ, поближе къ нему.

Исхудалыми пальцами, Французъ медленно раскатывалъ большую картину, и глазамъ его товарища предстало нѣсколько поблекшее, но видимо написанное мастерскою кистью, школы безсмертнаго Дюрера, изображение молодой, идеальной красавицы.

— Это она сама! Это ея глаза! — восторженно шептала умирающей. — Я видѣлъ ихъ только два раза въ жизни... но такъ глаза не забудешь во вѣкъ!..

Вдругъ пологно, съ трудомъ державшееся у него въ рукахъ, выскользнуло, упало на полъ и покатилося, упримо свергиваясь въ трубку.

Больной поспѣлъ, потемнѣлъ еще больше и, корчась въ бреду, кричалъ, порой припадывая на постели:

— Мне! больно... больно! Боже, какія муки!.. Ахъ, да не все ли мнѣ равно? Зато она... какъ хороша... моя Ида! Я укралъ ее у тебя!.. Да, укралъ! Слышишь, Лука Хельмъ?.. Укралъ!.. А ты думалъ, что она достанется только тебѣ... тебѣ одному? Такъ итъ же, — она моя! Да, моя! Я знаю, ты золь на меня!.. Ты каленымъ желѣзомъ терзашь, жжешь мнѣ сердце... и голу... и грудь!.. Ага! Ты смѣешься? Ты радъ, что я умираю?.. Ты наслаждаешься моими мученьями? Прочь, прочь отъ меня, подлый!.. негодий!

Привставъ въ кровати, Французъ сверкающими глазами уставился въ лицо своего друга, котораго принималъ за ревниваго и мстительнаго жениха Иды Геггисхеймъ.

Вердье въ ужасѣ пошатился къ дверямъ и вышелъ изъ комнаты въ тотъ моментъ, какъ туда входилъ докторъ.

Поджидая его внизу, на крыльцѣ, онъ нѣсколько пришелъ въ себя; когда же докторъ уходилъ отъ больного, онъ остановился и сообщилъ ему свои опасенія, что другъ его, за котораго онъ ужъ давно тревожился, вѣролтно, сошелъ съ ума.

— Ничуть не бывало! — поспѣшно перебилъ его докторъ. — Я освидѣтельствовалъ больного и пока еще не могу сказать ничего положительнаго; но симптомы болѣзни крайне мнѣ подозрительны, и потому я совѣтовалъ бы вамъ, изъ боязни заразы, не входить къ нему больше. Вы его ужъ не воскресите: онъ, все равно, не доживетъ до утра и больше въ себя не придетъ.

Отправивъ молодого человѣка домой, докторъ поспѣшно забѣжалъ на лѣстницу и, вернувшись къ уходящему, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ сталъ всматриваться въ его поспѣшное тѣло.

— Это просто невѣролтно! — бормоталъ онъ въ удивленіи. — А между тѣмъ, сознѣніе невозможно: вотъ характерные волдыри и пятна!

Докторъ поправилъ очки на носу и, оставивъ несчастнаго въ бреду, бросился оповѣстить всѣхъ своихъ коллегъ и ученыхъ, призывая ихъ къ одру больного. Постояли они учеными, постояли, поочакали головой и разошлись, порѣшивъ предать уничтоженію все, до послѣдней нитки, принадлежавшее больному, а самый фактъ болѣзни хранить въ глубокой тайнѣ.

Ночью его не стало, и, не теряя времени, его тайкомъ опустили въ могилу; Вердье узналъ объ этомъ изъ письма доктора, который приглашалъ его зайти къ нему, если онъ желаетъ узнать все подробно.

Конечно, молодой человѣкъ не замедлялъ откликнуться на его зовъ и засѣлалъ доктора тревожными разспросами.

— Прежде всего, позвольте вамъ сказать, — началъ тотъ обстоятельно, — что за всю мою долгодѣльную практику не испытывалъ я такого возбужденія, какъ вчера. Я сразу замѣтилъ у покойнаго заинтересованіе меня симптоми; послѣ васъ я тщательнѣе вторично изслѣдовалъ его и убѣдился, что не ошибся... что мнѣ выпало на долю счастье (простите за неумѣстное выраженіе) видѣть на дѣлѣ то, о чемъ всѣ завѣснѣйшіе врачи и ученые знаютъ только изъ книгъ. Случай былъ крайне интересней и рѣдкостней: болѣе полугораста лѣтъ эта болѣзнь не посѣщала Европу... Я поспѣшилъ созвать на совѣтъ всѣхъ свѣтлыхъ, и они единогласно подтвердили мое мнѣніе... Съ тѣхъ поръ я еще не могу придти въ себя!..

— Но, докторъ, что же это за болѣзнь, которой даже вы такъ испугались?

— Это — съ чума!.. чума! Да-съ, чума у насъ, въ центрѣ Европы, въ концѣ XIX вѣка... чума, Богъ вѣсть откуда свалившаяся!.. Кто онъ такой, этотъ Ледербахъ? Откуда пришелъ и какимъ образомъ могъ заполучить эту заразу?

Облѣтый ужасомъ, Вердье уже не слушалъ его.

Чума? Такъ, значитъ, Французъ умеръ, зараженный этой ужасной болѣзью? Но какимъ образомъ, откуда?..

На мгновеніе у него мелькнула мысль все рассказать доктору, спросить его безпристрастнаго сужденія; но онъ раздумалъ, изъ боязни прослыть за сумасшедшаго. А между тѣмъ, вѣдь этотъ портретъ, которымъ Французъ любовался еще накануне, этотъ дѣйствительно чудный портретъ... Какъ знать? Не досталъ ли его бѣдный мечтатель, любитель старины, просто въ какой-нибудь лавчонкѣ древностей, не отрылъ ли его въ архивномъ хламѣ?.. И, наконецъ, къ чему подымать объ этомъ вопросъ теперь, когда эта дивная картина погибла жертвою строжайшей дезинфекціи, неумолимаго ауто-да-фа?

Вердье не понималъ, какъ вышелъ отъ доктора, и вдохнулъ свободу не только тогда, когда очутился въ вагонѣ, но обратномъ пути на родину, и поэтичныя очертанія средневѣковыхъ стѣнъ Нюрнберга стали постепенно исчезать въ вечернемъ туманѣ!..

Побѣдъ прибавилъ ходу, словно снѣжна исполнитъ его желаніе — скорѣй очутиться на родинѣ, подальше отъ заманчивой, но роковой исторической обстановки, стоившей столько страданій и даже смерти его бѣдному другу!..

Слѣды всемірнаго потопа.

Очеркъ Ю. Штінде. (Съ нѣмецкаго.)

Итъ на землѣ ви одного народа, у котораго не существовало бы преданій о страшномъ, бывшемъ во времена глубокой древности, потопѣ, послѣ котораго осталось въ живыхъ

лишь нѣсколько человѣкъ, сдѣлавшихся впоследствии родоначальниками новаго племени. Всѣ эти сказанія, собранныя фонъ-Люккеномъ въ его превосходномъ сочиненіи „Преданія

человѣческаго рода⁴, въ главныхъ частяхъ такъ сходны между собою, что приходится предположить въ основаніи ихъ одинъ и тотъ же фактъ. Трудно допустить, однако, чтобы одно великое наводненіе сразу затопило всѣ населенныя материкъ земного шара; слишкомъ много говорить противъ такого предположенія. Съ другой стороны, непонятно, какими образомъ европейцы, азиаты, суданскіе негры, готтентоты, старо-мексиканцы, индійцы Сѣверной Америки, перувианцы и даже обитатели австралійскихъ острововъ могли ознакомиться со сказаніемъ о потопѣ, когда международныя отношенія были чрезвычайно ограниченны, и когда Европа не знала о существованіи Америки, и наоборотъ. Остается признать одно—что преданія о потопѣ относятся къ болѣе крупнымъ мѣстнымъ наводненіямъ, которые оставляли послѣ себя сильное впечатлѣніе и не забывались, а въ болѣе или менѣе поэтической формѣ переходили въ преданіе. Но и здѣсь невольно является вопросъ: почему эти страшныя наводненія, бывшія въ древніи времена повсемѣстными, не повторяются иногда и нынѣ? Если въ наше время дожди и непогода производятъ кое-гдѣ опустошенія, то до всеобщаго потона, въ которомъ гибнуть народы, дѣло не доходитъ.

По мнѣнію Рудольфа Фальба, существовали въ былое время условія, производившія иное распрѣдѣленіе дождевой воды, нежели въ послѣпотопныя историческія времена. Дѣло въ томъ, что поднимающееся экваторіальное теченіе относитъ водныя пары, образуящіяся посредствомъ испаренія въ горничей полсѣ,—въ болѣе холодныя мѣстности, гдѣ пары сгущаются въ видѣ осадковъ. Чѣмъ сильнѣе эти испаренія, тѣмъ болѣе влажности содержитъ экваторіальное теченіе, и тѣмъ болѣе приносимо имъ количество дождей.

Испареніе обуславливается наибольшей близостью солнца къ землѣ, благодаря отвѣсно падающимъ на землю солнечнымъ лучамъ. Но въ настоящее время солнце не стоитъ къ намъ наиболѣе близко въ то время, когда оно бросаетъ свои лучи вертикально на водныя массы вблизи экватора, т.-е. 21 марта и 23 сентября. Четыре тысячи лѣтъ тому назадъ перигелий приходился на 23 сентября; экваторіальное теченіе должно было быть влажнѣе, и количество дождей—болѣе. Фальбъ утверждаетъ, что за 4.000 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія сильныя ливни и наводненія встрѣчались не только въ болѣе южныхъ широтахъ, но и гораздо чаще; и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода не имѣла возможности быстро стекать или впитываться въ землю, должны были образоваться болотистыя пространства, дѣлавшія мѣстность необитаемой и изгнавшія оттуда населеніе.

О томъ, куда спасались люди отъ напора разливающейся воды, сказанія также даютъ свѣдѣнія, какъ и о гибели цѣлыхъ народностей.

Александръ фонъ-Гумбольдтъ пишетъ въ дневникѣ своего американскаго путешествія, что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Энкамералы, среди саваннъ, находится скала, которую туземцы называютъ Генумеронъ или расписной скалою, вълѣдствіе высѣченныхъ на ней изображеній животныхъ и сивольическихъ фигуръ. Эти изображенія сдѣланы на такой высотѣ, что до нихъ можно добраться лишь при помощи высокихъ лѣсовъ. Если спросить туземца: какими образомъ можно было такъ высоко высѣчь эти фигуры, онъ отвѣтитъ съ улыбкой, точно говоря о фактѣ, который не можетъ быть извѣстенъ европейцамъ: „Во времена высокой воды наши отцы ѣздили тамъ въ челнокахъ“.

Китайское преданіе о потопѣ гласитъ такъ: „Огромныя массы воды разлились и все залили и затопили. Горы исчезли въ глубинѣ воды, холмы были погребены подъ ними (подъ водами). Когда вода поднялась къ небу, окружила горы и выступила выше холмовъ, тогда обезумѣвшіе отъ ужаса народы погибли и потонули въ ней“.

Персидское преданіе рассказываетъ слѣдующее: „Съ юга подошла большой огненный змѣй и уничтожилъ все. День превратился въ ночь. Звѣзды исчезли, Зодіакъ былъ покрытъ чудовищнымъ хвостомъ. Только солнце и луна видѣлись на небѣ. Сверху падала кипящая вода и сожгла деревья. При непрерывной молніи падали дождевыя капли, величиною съ человѣческую голову. Вода покрывала землю выше человѣческаго роста. 90 дней и 90 ночей длился бой; наконецъ, врагъ былъ уничтоженъ. Поднялась сильная буря: вода стекла, и змѣй исчезъ въ вѣдрахъ земли. Вскорѣ наступила зимняя стужа, которая сначала длилась только пять мѣсяцевъ въ году, но постепенно возросла до десяти мѣсяцевъ. Тогда страна не могла болѣе пропитывать своихъ жителей, и они переселились въ южныя равнины“.

Древній народъ басковъ, въ своихъ сказаніяхъ о потопѣ, также упоминаетъ о пещерѣ въ высокой горѣ, а у чилийскихъ арауканъ даже есть преданіе о горахъ, которые плавали по водѣ.

Фальбъ говоритъ далѣе, что нѣтъ древней исторіи тянется на 4.000 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія и затѣмъ обрывается. Тѣмъ не менѣе, изъ мрака исторіи передъ нами выступаютъ не ничтожныя зачатки умственаго развитія, а довольно высокая степень культуры. Уже древнѣйшія египетскія сооруженія указываютъ на сумму знаній и понятій, свидѣтельствующую о долгой жизни страны.

Если развѣвившаяся за 6.000 лѣтъ до Р. Х. болотистость долины постепенно вытѣснила населеніе на непривѣтливыя горныя вершины, то прекращеніе дождей дало ему возможность возвратиться на прежнія мѣста. Жители успѣли съ высотъ, построили себѣ новыя жилища, и не совсѣмъ еще забытая культура развилась при болѣе благоприятныхъ условіяхъ до такого уровня, который удивляетъ насъ даже въ дошедшихъ до насъ остаткахъ древнихъ памятниковъ.

Основнымъ элементомъ всѣхъ сказаній о потопѣ являются непрерывныя ливни, выступившая изъ береговъ вода, высоко лежащія пещеры и вершины горъ, служившія убѣжищемъ для гибнущихъ людей.

Нѣсколько отличается отъ большинства сказаній—персидское: кипящая вода, молнія, капли дождя, величиною съ человѣческую голову, и огненный характеръ всего явленія не могутъ быть сопоставлены съ наводненіями, происшедшими вълѣдствіе дождей. Графъ фонъ-Пфейль видитъ въ этомъ сказаніи народное описаніе столкновенія кометы или кометное теченіе метеорова. Вълѣдствіе напора массъ, падающихъ съ небесныхъ сферъ, океанъ внезапно разлился, материкъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ земного шара былъ затопленъ, и форма ихъ видоизмѣнилась. По нечисленіямъ графа Пфейля („Кометныя теченія“, 4 изд.), комета ударила въ Тихій океанъ на пространствѣ 150 миль, опорожнила до дна морской бассейнъ, между Америкой и Азіей, и выбросила воду въ обѣ стороны, но болѣе всего къ сѣверу. Внезапно наступившее наводненіе потопило безчисленныя стада малотоповъ. Тѣла животныхъ, не успѣвши еще разложиться, были выброшены на берегъ и замерзли.

Наступившая послѣ наводненія стужа указываетъ на таяніе большихъ ледяныхъ массъ и надвиганіе исполинскихъ глетчеровъ. За кометнымъ дождемъ слѣдовалъ періодъ холодовъ, вызванный распространеніемъ глетчеровъ.

Оба приведенныя нами въ общихъ чертахъ толкованія даютъ объясненіе повсемѣстному распространенію сказаній о потопѣ. Которое изъ двухъ вѣрнѣе,—вызвало ли экваторіальное теченіе дожди сверху, или комета выбросила массы воды снизу—остается рѣшить будущему. Но даже если бы была доказана безошибочность того или другого взгляда, не исключалась бы возможность предположить, что и болѣе мелкія, мѣстныя наводненія служили поводомъ къ сказаніямъ о всемірномъ потопѣ.

Профессоръ Эюссъ того мнѣнія, что въ основаніи библейскаго сказанія о потопѣ,—считающагося повѣршимъ геологами за сказку,—лежитъ дѣйствительное событіе, которое выразилось, конечно, не повсемѣстно, а на ограниченномъ пространствѣ. На глиняныхъ черепкахъ, хранившихся въ королевской виллѣйской бібліотекѣ, написано иллінообразнымъ письмомъ стихотвореніе въ двѣнадцать строфъ или вѣснѣхъ, соответствующихъ знакамъ Зодіака. Стихотвореніе это повѣствуетъ о подвигахъ героя Игдубара. Въ двѣнадцатой строфѣ, стоящей подъ знакомъ Водолея, профессоръ Эюссъ видитъ ссылку на всемірный потопъ, который можетъ быть объясненъ съ точки зрѣнія современной науки такъ: сильное землетрясеніе въ области Персидскаго залива и поднявшійся во время подземныхъ ударовъ страшный вихрь; повышеніе морского дна съ одной стороны и бури съ другой—причинили разливъ воды, который произвели опустошительное наводненіе въ месопотамской низменности. Объ этомъ наводненіи говоритъ и Библия; о немъ же упоминается въ отрывкахъ рукописи вавилонскаго жреца Бероза (330 по 260 гг. до Р. Х.). Наводненіе это, по Берозу, ссылающемуся на древній свідѣнный писаніи, случилось въ царствованіе Ксирузей, которому Богъ открылъ во снѣ, что 15 числа мѣсяца Данзоса весь родъ людской погибнетъ отъ потона. Богъ повелѣлъ ему зарыть рукописи въ Сиггарѣ, городѣ солнца, потомъ построить судно, снабдить его сълѣственными припасами, войти на него со своими родными и близкими, а также взять съ собою четвероногихъ животныхъ и птицъ. Ксирузей повиновался. Наступаетъ потопъ, вода покрываетъ землю, потомъ начинается снадать Ксирузей выпускаетъ птицъ, чтобы удостовѣриться въ состояніи земли, причаливаетъ къ вершинѣ горы и приноситъ богамъ жертву, вытѣсь съ своею семьей. За свое благочестіе онъ взятъ на небо, съ женой своею, дочерью и кормилицей. „Отъ корабля Ксирузей—заканчиваетъ Берозъ свой рассказъ, по изложенію Александра Полигистора,—который въ концѣ концовъ остановился въ Арменіи, нынѣ сохранилась часть въ кордрийскихъ горахъ. Люди соскабливаютъ смолу, которая покрываетъ эту часть судна, и употребляютъ ее въ видѣ амулета противъ болѣзней. Когда же и прочіе возвратились въ Вавилонъ и отыскали рукописи въ Сиггарѣ, они стали строить дома и воздвигать храмы, и такимъ образомъ Вавилонъ снова населенъ“.

Въ этомъ сказаніи, столь близко подходящемъ къ сказанію о Ноѣ, народы—прочіе—тоже возвращаются, по всей вѣроятности, съ высотъ и возобновляютъ старую культуру посредствомъ постройки храмовъ и городовъ и наученія древнихъ рукописей.

Что библейскій всемірный потопъ находится въ связи съ дѣйствительно происшедшимъ въ Азіи естественнымъ собы-

тием, не подлежит сомнѣнію; но объясненіе профессора Суэсса, по которому землетрясеніе и вихрь бросили на землю воды Персидскаго залива, вызвало столько возраженій, что было въ концѣ концовъ отвергнуто; чему способствовало и то обстоятельство, что сказаніе это плохо укладывается въ рамки общихъ сказаній о потопахъ. Въ новѣйшее время Францъ фонъ-Шварцъ, совершившій, по порученію русскаго генеральнаго штаба, нѣсколько научныхъ экскурсій въ Азію, сдѣлалъ открытіе, явнѣе всѣхъ предыдущихъ указывающее на слѣды потопа, а именно, онъ открылъ водные знаки, оставленные бывшимъ монгольскимъ моремъ. Это море занимало всю Джунгарію и смежную съ нею Монголію, а также пустыню Гоби и Тарымскій бассейнъ; вода его достигала значительной высоты, какъ видно по размытымъ мѣстамъ, разсыпаннымъ и выветрѣlostямъ на отрогахъ Алатау и Тянь-Шани, иначе сказать, по оставленнымъ воднымъ знакамъ. Оно занимало всю Центральную Азію и приближалось по размѣрамъ къ Средиземному морю.

Шварцъ въ высшей степени увлекательно рассказываетъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ упомянутымъ выводамъ, въ своемъ сочиненіи „Всемирный потопъ и переселенія народовъ“. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на приводимыхъ имъ доказательствахъ. Такъ, напримеръ, онъ рассказываетъ, что въ скалистыхъ отрогахъ Алатау онъ нашелъ дикое ущелье, по которому теперь течетъ лишь ручеекъ, но вырытое и размытое до такой степени, что несомнѣнно здѣсь когда-то бушевалъ могучій притокъ. По выраженію казака, „тутъ видно, до какихъ мѣстъ доходилъ всемирный потопъ...“ Шварцъ рассказываетъ, какъ у него закружилась голова, когда онъ понялъ все глубокое значеніе сдѣланнаго имъ открытія, когда онъ понялъ, что именно здѣсь прорвались массы воды, произведшія страшное опустошеніе,—иначе сказать, что здѣсь мѣсто библейскаго потопа, о которомъ говорятъ и азіатскія сказанія.

Въ долинахъ найдешь только одинъ водный знакъ, чѣмъ доказывается, что море спадало не медленно и постепенно, а сразу вылилось въ низменности.

Землетрясенія ли причинили прорывъ воды, или монгольское море разлилось вслѣдствіе ливней, и слабое мѣсто въ горахъ,

упомянутое выше ущелье, уступило напору воды—трудно сказать съ достовѣрностью; объ причины могли дѣйствовать одновременно. Но когда водяной потокъ, шириною отъ 20 до 30 километровъ и глубиною отъ 4,000 до 5,000 футовъ, разлился со стремительной быстротой 400 футовъ въ секунду, произошло такое страшное явленіе, что воспоминаніе о немъ не изгладилось у пережившихъ его народовъ. Въ эпоху монгольскаго моря климатъ въ Сибири долженъ былъ быть настолько мягокъ, что тамъ могли водиться мамонты и псорогги; но послѣ стока вода климатъ сталъ болѣе суровъ, и упомянутыя животныя вымерли. По всей вѣроятности, они погибли во время свѣжихъ бурь. Наводненіе уничтожило почти все населеніе Балхавской равнины и Арало-каспійской низменности. Послѣдующее измѣненіе климата вынудило большинство жителей Центральной Азіи выселиться и разсѣяться по всей землѣ. Это переселеніе народовъ существовало пзмѣнило существовавшія условія жизни, и Шварцъ утверждаетъ не безъ основаній, что послѣдствія всемирнаго потопа продолжаютъ и до сихъ поръ, что всѣ происшедшія съ тѣхъ поръ переселенія и большія войны, которыя велись съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, составляютъ лишь неизбежное слѣдствіе вызваннаго потокомъ нарушенія равновѣсія первоначальнаго, естественнаго наслоенія пластовъ и народовъ.

Слѣды потопа, которые послужатъ матеріаломъ будущимъ исследователямъ, сводится къ тому, что цѣлью наслѣдовацій должно быть отнынѣ монгольское море; а позитивскіе вымыслы должны быть, на основаніи преданій, согласованы съ естественными законами. Знаки воды на азіатскихъ горахъ раскроютъ передъ геологомъ давнипршедшія событія; то обстоятельство, что одинадцатая пѣсь объ Идубарѣ находитъ подъ знакомъ Водолея, докажетъ астроному, что потопъ наступилъ въ зависимости отъ дождей; а переселенія народовъ съ Востока укажутъ историку на великую причину этихъ переселеній, которую былъ, повидимому, всемирный потопъ. Такимъ образомъ, слѣды потопа имѣются въ камняхъ, въ знакахъ Зодіака на небѣ, въ исторіи, въ преданіяхъ и народнои рѣчи, и „сказка“, при упоминаніи о которой самоувѣреннѣе люди лишь пренебрежительно пожимаютъ плечами, все болѣе и болѣе приобретаетъ значеніе достовѣрнаго факта.

Къ рисункамъ.

Въ предыдущемъ номерѣ *Ивы* мы говорили объ одномъ изъ оригинальнѣйшихъ современныхъ нѣмецкихъ художниковъ—Удѣ; возьмемъ теперь для контраста художника совершенно другаго направленія,—хотя по внутреннему значенію его картинъ идущаго быть-можетъ къ той же конечной цѣли,—проповѣди мира и любви,—взглянемъ на французскаго Рошграсса.

Рошграссъ по преимуществу „художникъ ужаса“. Почти все, что онъ пишетъ, способно навѣять ужасъ: у него всездѣ кровь, всездѣ смерть, всездѣ разъяренная толпа людей, жаждущихъ мести, крови. Его первая же картина, съ которой онъ выступилъ въ Салонѣ въ началѣ 80 гг., „Вителліи“, свидѣтельствуемъ уже о страстномъ, неспокойномъ темпераментѣ художника, сквозящемъ въ каждой его вещи. Картина эта уже тогда обратила на себя всеобщее вниманіе. Она не блистала живописью, но въ ней былъ виденъ несомнѣнный художникъ, и художникъ, обличившій ставъ въ первые ряды современной исторической живописи. То движеніе, энергія, какими отличаются его произведенія, есть уже въ „Вителліи“. Посмотрите на эту безпорядочную толпу, издѣвающуюся надъ ненавистнымъ ей императоромъ, только что извергнутымъ преторіанцами. Каждый старается выместить на немъ весь гнѣвъ, прожорливостъ, раснущенность и развратъ котораго превзошелъ пороки всѣхъ его предшественниковъ, личную обиду, испытанную когда-то благодаря Вителлію. Здѣсь женщины и дѣти не отстаютъ отъ преторіанцевъ. Изъ оконъ улицы, одной изъ тѣхъ, по которымъ толпа гоняла злодучнаго Вителлія, передъ тѣмъ какъ его убить, видѣются грозныя лица, притягиваются кулаки. Несмотря на эту ужасную сцену во вкусѣ Делакруа, имѣвшаго, вѣдь великаго сомнѣнія, огромное вліяніе на Рошграсса, въ картинѣ нѣтъ еще одной особенности, которая позже составила вторую отличительную черту этого художника: въ ней нѣтъ его „стиля“. Изображая какую-нибудь сцену изъ временъ вавилонскаго могущества, онъ передаетъ ее съ тѣмъ особеннымъ стилемъ, какой, по его мнѣнію, идетъ именно къ вавилонянамъ, и не шелъ бы ни къ грекамъ, ни къ германцамъ. Когда намъ говорятъ „Вавилонъ“ или „Ассирійцы“, у насъ непременно ассоціируется представленіе о людяхъ, не похожихъ на людей нашего времени, и если бы сравнить представленія, полученные у десяти разныхъ лицъ, то они оказались бы различными въ зависимости отъ тѣхъ вавилонянъ и ассирійцевъ, которыхъ каждый въ свое время, можетъ-быть, въ дѣтствѣ, можетъ-быть, и позже, видѣлъ на рисункахъ, гравюрахъ и т. д. Отсюда понятію, какой творческой духъ, какое созидательное чутье нужно имѣть для того, чтобы сумѣть изобрѣсти своихъ собственныхъ вавилонянъ и ассирійцевъ, такихъ, какихъ раньше на картинахъ и гравюрахъ мы не видали. И Рошграссъ нашелъ ихъ, своихъ вавилонянъ,

Можно очень хорошо знать археологическую сторону вавилонскаго быта, отошедшаго уже въ прошлое, и все-таки, не обладая чутьемъ стили, не сумѣть передать настроеніе старинны. Это совершенно особенная способность, и ею въ большой степени обладаетъ Рошграссъ, несмотря на то, что живопись его не интересна, онъ не чувствуетъ хорошо краски, онъ не колористъ. Мы нарочно собрали здѣсь нѣсколько снимковъ съ совершенно различныхъ картинъ Рошграсса, чтобы дать болѣе или менѣе ясное представленіе объ этой сторонѣ его таланта. Въ его картинѣ „Андромаха“ (стр. 225), имѣвшей въ Салонѣ огромный успѣхъ, у него дѣйствуютъ греки, и притомъ греки гомеровскихъ временъ, временъ Троянскаго войны. Это не тѣ греки, которые были при Периклѣ или Александрѣ Македонскомъ: въ его грекахъ есть что-то, что значительно отделяетъ ихъ отъ эпохи расцвѣта эллинизма. Въ нихъ есть что-то восточное, въ особенности въ лѣвой фигурѣ съ татуированной рукой. Какъ всегда, въ картинѣ пронасъ движенія, еще болѣе ужаса и крови. Ужасны эти головы, лежащія внизу и напоминающія туркестанскія картины Верещагина, ужасны ноги повѣшенныхъ, видѣющіяся налѣво на стѣнѣ. Чрезвычайно удачно свирѣло-безучастное лицо воина, — Ахиллесова сына Пирра-Неонтолема, вырваваго изъ рукъ Андромахи злодучнаго сына Гектора для того, чтобы сбросить его со стѣны Троя. „Андромаха“ приобретена для Люксембургскаго музея. Еще болѣе ужаса въ картинѣ, слѣдовавшей за „Андромахой“ и появившейся въ салонѣ 1885 г., „Жакерія“ (стр. 228). Это одинъ изъ ужасныхъ эпизодовъ крестьянскаго возстанія, вспыхнуваго во Франціи въ 1358 году. Имъ „Жакерія“ носить оно отъ того, что французскіе дворяне въ шутку называли тогда, да и до сихъ поръ называютъ французскаго крестьянина „Jacques Bonhomme“, т. е. „добрыкъ Яковъ“. Художникъ вдохновился, по всей вѣроятности, вавилонскимъ изданіемъ Меримѣ „La Jaqueirie“. Возстаніе крестьяне ворвались въ замокъ какого-нибудь владѣтельнаго князя. Взломавъ тяжелыя двери и окна, они очутились въ роскошномъ залѣ, въ которомъ укрывались женщины и дѣти. Впереди всѣхъ стоитъ высокая старуха-бабушка въ какой-то полу-вдовьей, полу-монашеской одеждѣ. Она кажется привидѣніемъ въ своей застывшей позѣ, съ руками, собирающимися защищать ея дѣтей и внука. Голодныя, звѣрскія лица ворвавшихся страши.

Слѣдующія картины Рошграсса уже не отличались такими ужасами, хотя дѣло почти никогда не обходилось безъ крови. Такова, напримеръ, картина „Смерть Цезаря“, затѣнная очень смѣло и ново. Оригинальна была картина „Навуходносоръ“; послѣдній взять въ тотъ моментъ, когда онъ вѣлъ траву; здѣсь нѣтъ крови, но весь ужасъ на лицѣ. Послѣ „Навуходносора“ Рошграссъ исполнилъ цѣлую серію рисунковъ

иллюстрацій изъ жизни древней Вавилоніи и здѣсь постепенно нашель свой стиль. Онъ ѣздилъ въ Лондонъ и извлекъ изъ Британскаго музея все, что только современные раскопки намъ въ состояніи рассказать про вавилонянъ. Результатомъ этихъ занятій археологіей явилась его колоссальная картина „Гибель Вавилона“. Это самое крупное произведеніе Рошграсса.

Его можно упрекнуть въ нѣкоторой декоративности общаго, можно поставить въ вину то, что въ погонѣ за стилемъ онъ мало мѣста удѣлилъ живописи, но во всякомъ случаѣ это одна изъ самыхъ значительныхъ картинъ, какую знаетъ французская историческая живопись. Художникомъ взятъ тотъ моментъ, когда послѣ ужасной оргіи, продолжавшейся всю ночь, не отрезвѣвшіе еще люди просятся отъ страшнаго шума: ворота валомъ, и сквозь дымку занимающагося утра видны персы, ворвавшіеся въ стѣны Вавилона и вошедшіе въ этотъ храмъ разгугла. Нѣкоторые успѣли уже очнуться отъ сна, другіе еще не совсѣмъ сознаютъ свое положеніе, третьи еще спокойно спятъ на мягкихъ коврахъ. Въ глубинѣ видна фигура Вальтасара, и надъ нимъ пролетаетъ мрачный ангелъ смерти. Впечатлѣніе, и безъ того сильное, еще больше усиливается, благодаря хорошо выдержанной борьбѣ ворвавшася въ храмъ утренняго свѣта съ холоднымъ полумракомъ, которыми окутаны всѣ фигуры. Сказать, что все въ этой картинѣ удачно—нельзя, но есть въ ней нѣсколько фигуръ, въ которыхъ до такой степени много стиля, что онѣ одиѣ могутъ искушить всѣ недочеты этого колоссальнаго произведенія.

Въ своей картинѣ „Гуны въ римской виллѣ“ Рошграссъ сумѣлъ опять-таки дать своихъ гуновъ—такихъ, какихъ не писали до него другіе. Насколько эти гуны похожи на тѣхъ, которые когда-то нагнали страхъ на всю Европу, сказать, конечно, трудно. Написать ихъ точно никто не можетъ на основаніи тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ рукахъ археологовъ и историковъ. Во всякомъ случаѣ, пользуясь кое-какими данными и черпая изъ своего собственнаго чутья, Рошграссъ довольно близко подошелъ къ тому представленію о гунахъ,

какое навѣвають современныя лѣтописи, а крови и ужаса довольно и въ этой картинѣ.

Не менѣе ужасна, хотя и не поражаетъ глазъ зрителя потоками крови, картина Рошграсса „Борьба за счастье“ (стр. 220—221), обращавшая на себя общее вниманіе на французской выставкѣ въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1896 года. За призракомъ счастья, улетающимъ въ высь, гонится масса народа. Въ общемъ порывѣ всѣ эти люди стараются взобраться выше другіхъ, на вершину скалы, беспощадно растапываемой болѣе слабыми, сбрасывая ихъ въ пропасть, зияющую тутъ же. Труны валяются одинъ за другимъ и сейчасъ же помираются ногами болѣе сильныхъ...

Рошграссу теперь всего еще 37 лѣтъ (родился въ Версали въ 1859 г.), а онъ успѣлъ уже написать такую массу крупныхъ вещей. Свои первыя картины онъ написалъ, когда ему было 20—23 года. Онъ живетъ постоянно въ Парижѣ, и не проходитъ года, чтобы въ Салонѣ не появилось одно или два изъ его новыхъ произведеній. Мы уже сказали, что онъ не „живописецъ“, гармонія красокъ, тонкости задачъ живописи ему чужды, но онъ все же остается крупнымъ художникомъ, въ ешииъ огромный вкладъ въ исторію французскаго искусства.

И. Гр.

Wilhelm I

Императоръ германскій Вильгельмъ I (по поводу столѣтія со дня рожденія).

Ярки краски тропическаго міра, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и онъ можетъ позавидовать нашему умѣренному поясу. Тамъ, не зная тропическаго жителя, что такое наша заря: солнце восходитъ тамъ, точно сразу выплываетъ изъ-за горизонта, не предваряемое этою чудной смѣной радуги, и точно такъ же закатывается, какъ будто проваливается внизъ, и дневной свѣтъ сразу сменяется почвою тьмою. Тамъ не менѣе, и на югъ, какъ у насъ, восходъ и закатъ солнца наиболѣе плѣняютъ глазъ любители природы, представляя ему невиданное и поразительное по яркости красокъ зрѣлище. Нашъ рисунокъ на страницѣ 229 изображаетъ вечеръ въ Камерѣ. Очаровательная столица Египта съ ея палатными дворцами, мечетями и минаретами, всл залита, точно пожаромъ, лучами заходящаго солнца: какъ будто потоки расплавленнаго золота ринулись на городъ со всѣхъ

сторою, грозя потопить его въ своихъ волнахъ. Недвижимъ воздухъ, не шелохнутъ пальмы и агавы. На плоскихъ крышахъ домовъ правовѣрные обращаются съ молитвой къ про-року, и далеко разносится съ минаретовъ призывные возгласы муэдзинновъ... Еще мгновение—и солнце скроется за горизонтомъ, потухнетъ пожаръ его лучей, и городъ сразу погрузится въ ночной мракъ...

Германскій императоръ Вильгельмъ I. Къ столѣтней годовщинѣ его рожденія.

(Портр. и рис. на стр. 233 и 236.)

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, весною 1797 г., 10 (22) марта, родился въ Берлинѣ, у прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, сынъ — принцъ Вильгельмъ-Фридрихъ-Людвигъ. Это былъ второй сынъ короля, не имѣвшій, повидимому, никакихъ надеждъ на престолъ. Но судьбѣ угодно было надѣть на его голову не только королевскій вѣнецъ, но и императорскій, даровать ему долгое, славное царствование. Вильгельму I суждено было осуществить мечты своей благородной матери, которая была всегда руководительницей и наставницей его. „Будьте мужами и стремитесь къ славѣ великихъ подвигодцевъ и героев!“ — этотъ заветъ королевы Луизы, данный Вильгельму и его братьямъ, императоръ строго выполнилъ.

Вильгельмъ I покрылъ нѣмецкое имя славою и блескомъ, осуществилъ завѣтную мечту длиннаго ряда поколѣній — объединеніе раздробленной и раздираемой раздорами Германіи. Неуклонно-последовательно, съ спокойной энергіей проводилъ онъ свою задачу, главной основой которой была реорганизациа прусскаго войска. Грозный острія прусскихъ штыковъ утвердилъ германское единство. Вильгельмъ I доказалъ, что „la force fait l'union“. Не многие понимали эту его задачу, ставили ему преграды, народъ вначалѣ не сочувствовалъ его военной реформѣ, парламентъ отказывалъ въ кредитахъ, но Вильгельмъ былъ непоколебимъ, и результаты доказали, на чьей сторонѣ была правда, — правда политическая, государственная. Онъ сплотилъ нѣмецкія племена въ одну мощную державу, занявшую первое мѣсто въ ряду себя подобныхъ. Берлинъ сталъ столицей не маленькой Пруссіи, а обширной, могущественной Германской имперіи, ноты берлинскаго кабинета заняли почетное мѣсто на конгрессахъ державъ въ европейскомъ концертѣ. Все это сдѣлалъ Вильгельмъ со своими помощниками, таланты которыхъ онъ сумѣлъ угадать и которымъ онъ отвелъ подобающее, достойное мѣсто около себя.

Всѣ заслуги императора Вильгельма предъ Германіей, всю связанную съ его именемъ блестящую эпоху не только побѣдъ, славы и рѣшающаго вліянія въ мировой политикѣ, но и эпоху расцвѣта торговли и промышленности, наукъ и искусствъ твердо помнить каждый добрый нѣмецъ, и въ особенности каждый пруссакъ. Имя императора Вильгельма особенно читается въ средѣ германскихъ рабочихъ. По волѣ императора Вильгельма, при помощи Бисмарка, создано социальное благосостояніе рабочихъ классовъ, — создано законодательнымъ путемъ, введеніемъ обязательнаго страхованія рабочихъ на случай старости, болѣзни и инвалидности. Эта крупная социальная реформа, введенная по мысли извѣстныхъ политико-экономовъ Адольфа Вагнера и Альберта Шеффле и проведенная Бисмаркомъ, сказала се почитно не сразу, а спустя много лѣтъ. Колоссальная цифра ренты въ миллиардъ марокъ, выплаченной за послѣднія 10 лѣтъ десяти миллионамъ рабочихъ, впавшихъ въ болѣзни, инвалидность или старость, кратко и выразительно говоритъ о ея значеніи. Это обязательное страхованіе рабочихъ, подобно обязательному школьному обученію, незамѣтно, постепенно, ничтожными лептами со стороны рабочихъ высоко подняло матеріальное положеніе и самый духъ рабочаго класса, начавшаго сознавать свою обезпеченность въ будущемъ, постепенно создаваемую изъ его же трудовыхъ грошей при помощи правительства и хозяевъ, и вытѣснъ съ тѣмъ подняло и экономическое благосостояніе всей страны. Но на ряду съ этимъ образомъ „великаго“ монарха, создателя политической и экономической мощи своей страны, въ памяти народа, главнымъ образомъ берлинцевъ, видѣвшихъ постоянно передъ собою своего императора, живетъ образъ „геронческаго“ монарха, какъ простаго и добраго человека, о прямодушнъ и сиреведливости котораго ходятъ тысячи разсказовъ, все шире и шире распространяющихся его популярности. Эта широкая популярность императора и дала, очевидно, право его державному внуку, нынѣшнему императору германскому Вильгельму II, сказать въ послѣдней брауншвейгской рѣчи, что „въ средніе вѣка его дѣда провозгласили бы святымъ, и толпы пилигримовъ стекались бы изъ всѣхъ странъ, чтобы помолиться у его мощей“.

И если не изъ всѣхъ странъ, то изъ всей Германіи, дѣйствительно, стекутся „пилигримы“ на празднество, которое рѣшилъ устроить императоръ Вильгельмъ II въ честь своего дѣда.

Празднества будутъ длиться въ Берлинѣ три дня, съ 9 по 11 марта, при чемъ главная часть ихъ состоится 10 марта. Въ этотъ день состоится освященіе величественнаго памятника Вильгельму I, на площади передъ большимъ королев-

скимъ дворцомъ. Памятникъ этотъ, торжественно заложенный 6 августа 1895 года, — величественное произведеніе искусства. Проектъ памятника принадлежитъ знаменитому германскому скульптору Рейнгольду Бегасу. Императоръ Вильгельмъ изображенъ сидящимъ на конѣ, въ шпиль и каскѣ. Рядомъ съ конемъ, ведя его подъ уады, шествуетъ богиня Побѣды съ пальной вѣтвью въ рукахъ. Четыре фигуры побѣды, съ лавровыми вѣнками, стоятъ у его ногъ, по всѣмъ четыремъ угламъ пьедестала. На ступеняхъ, внизу, восходятъ съ одной стороны олицетворенная фигура бога войны, съ другой — бога мира. За этими фигурами, на ребрахъ пьедестала, помѣщены барельефныя эмблематическія изображенія войны и мира. Четыре покоящихся на трофеяхъ льва, на четырехъ выступающихъ углахъ, завершаютъ величественное впечатлѣніе, производимое этимъ грандіознымъ памятникомъ.

Послѣ освященія памятника, продефилируютъ предъ императоромъ, вслѣдъ за войсками, въ длинной процессіи, всѣ берлинскіе фрейны съ своими значками и оркестрами музыки, при чемъ открывать процессію будетъ фигура „Германіи“ (копія индериальденскаго памятника) на триумфальной колесницѣ, запряженной восьмеркой лошадей. Въ протянутой впередъ рукѣ „Германіи“ будетъ вѣнокъ, который будетъ затѣмъ возложить на памятникъ императору. Кругомъ колесницы будутъ ѣхать всадники въ древне-рыцарскомъ вооруженіи времени курфюрста Фридриха I. Участвовать въ процессіи будутъ также старые ветераны, участвовавшіе въ походахъ вслѣдъ съ императоромъ Вильгельмомъ I и награжденные военнымъ знакомъ отличія 1-го класса и золотымъ „крестомъ за заслуги“. Комитетъ по устройству процессіи созвалъ черезъ газеты ветерановъ на правднество, при чемъ обязалъ содержать ихъ въ Берлинѣ два дня на свои средства и исходатайствовалъ имъ право бесплатнаго проѣзда туда и обратно.

10 же марта, вечеромъ, состоится въ королевскомъ дворцѣ костюмированный балъ, на которомъ всѣ гости, по желанію императора, будутъ въ мундирахъ и костюмахъ, сшитыхъ по модѣ 1797 года. Передъ баломъ, на сценѣ опернаго театра, будетъ представлена драматическая легенда въ пяти картинахъ — „Wilhelm der Deutsche“ („Вильгельмъ Нѣмецкій“), специально написанная къ этому дню Эрнестомъ фонъ-Вильденбрухомъ, съ музыкой, сочиненной композиторомъ Фердинандомъ Гуммелемъ.

Академія искусствъ и „Verein für die Geschichte Berlins“ (общество для изученія исторіи Берлина) ознаменуютъ столѣтнюю годовщину рожденія своего императора выставкой художественныхъ, литературныхъ и другихъ сувенировъ, находящихся въ связи съ личностью и царствованіемъ „Heldenkönigs“ (императора-героя). Эта выставка, устраиваемая въ залѣ академіи, продлится шесть недѣль. Кроме того, магистратъ Берлина ассигновалъ 20,000 марокъ на отпечатаніе 100,000 экземпляровъ брошюры съ биографіей императора Вильгельма I, которые будутъ бесплатно розданы ученикамъ городскихъ училищъ.

С. В. Шидловскій. (Портр. на стр. 236.)

30 декабря 1896 года исполнилось двадцатипятилѣтіе служебной и ученой дѣятельности профессора гигиены Императорской военно-медицинской академіи Сергія Владиміровича Шидловскаго, и это даетъ намъ поводъ поздравить читателей съ биографіей этого популярнаго гигиениста.

Потомственный дворянинъ Воронежской губерніи, С. В. Шидловскій родился въ 1846 г. въ селѣ Благодатномъ, Бирючскаго уѣзда. Окончивъ курсъ въ 5-й с.-петербургской гимназіи, онъ поступилъ въ Императорскую medico-хирургическую академію, гдѣ и получилъ званіе лѣкаря 30 декабря 1871 г. Занявшись на службу при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ сверхштатнымъ медицинскимъ чиновникомъ, онъ продолжалъ работать въ академіи, неся обязанности ординатора въ клиникѣ покойнаго профессора Бессера до 1875 г. Въ 1872 г. занятія его въ академіи были временно прерваны командировкою на холерную эпидемію въ Орловской губерніи, по возвращеніи откуда С. В. Шидловскій сдалъ въ академіи экзаменъ на степень доктора медицинъ. Съ земскою врачебною дѣятельностью онъ ознакомился на практикѣ, исполняя временно обязанности земскаго уѣзднаго врача въ г. Тихвинѣ. Въ минувшую кампанію 1877—1878 г. С. В. поступилъ на военную службу и провезъ всю кампанію въ рядахъ кавказской арміи, участвуя сначала въ отрядѣ, усмирявшемъ возстаніе горцевъ, а затѣмъ въ дѣйствующей арміи въ карсскомъ временномъ военномъ госпиталѣ. Работая все время въ тифозномъ отдѣленіи, онъ, заразившись, дважды перенесъ самъ тяжелое заболѣваніе тифомъ. Вернувшись по окончаніи кампаніи въ Петербургъ, С. В. оставилъ занятія въ клиникахъ и всецѣло предался работамъ по гигиенѣ, устроившись при лабораторіи профессора Доброславина. Въ 1881 г. вышелъ его первый печатный трудъ: „Очистка несконъ воды для питья въ большихъ развѣтрахъ“, представляющій имъ какъ диссертациа на степень доктора медицинъ. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ работъ, изъ которыхъ мы перечислимъ только нѣкоторыя: „Дезинфекціонныя мѣры на случай появленія холеры“, „По вопросу о дезинфекціи жилищъ“,

„Обезвразивающее значение сѣрных патентов“, „О сѣрных патентах окуривающих“ и т. д. Въ декабрѣ 1886 г., по прочтеніи пробныхъ лекцій, онъ былъ удостоенъ званія приватъ-доцента Императорской военно-медицинской академіи и началъ чтеніе лекцій студентамъ по гигиенѣ. Въ 1890 г., по смерти профессора Доброславина, онъ былъ избранъ конференціею академіи замѣстителемъ его, и до сихъ поръ продолжаетъ работать въ академіи въ званіи профессора гигиены.

Но, помимо этой чисто научной и преподавательской дѣятельности, С. В., по отзывчивости своей натурѣ, проявляетъ и громадную общественную дѣятельность, помогая своимъ опытомъ и знаніями всякому живому дѣлу. Участвуя въ работахъ Общества охраненія народнаго здоровья, сначала въ качествѣ товарища предѣдателя I секціи, а послѣдніе годы предѣдателемъ III гигиенической секціи, онъ принималъ горячее участіе въ устройствѣ первой всероссійской гигиенической выставки, сначала какъ членъ бюро выставки, а потомъ какъ предѣдатель экспертной комиссіи — трудъ громадный, потребовавшій много энергіи и такта. Благодаря его энергіи, занятія III секціи привлекаютъ всегда большое число работниковъ, и многія земства и города начинаютъ по вопросамъ

гигиены, касающимся водоснабженія, устройства больницъ, канализаціи и т. д., обращаться за совѣтами въ эту секцію. Вопросъ о водоснабженіи Петербурга, вызвавшій такіе горячіе дебаты, въ настоящее время получаетъ надлежащее научное освѣщеніе въ той же секціи. Кроме того С. В. принималъ горячее участіе въ ялтомъ съѣздѣ русскихъ врачей (Шировскомъ), будучи членомъ правленія, а на послѣднемъ съѣздѣ земскихъ врачей Петербургской губерніи былъ выбранъ товарищемъ предѣдателемъ съѣзда. Съ 1890 г. онъ состоитъ также членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, членомъ губернской земской санитарной комиссіи г. Петербурга, принимаетъ участіе въ трудахъ чумной комиссіи и многія другія. Такая громадная научная и общественная дѣятельность создается не однимъ служебнымъ положеніемъ, но, главнымъ образомъ, личными качествами, дающими поддержку товарищамъ и привлекающими сотрудниковъ. Къ характеристикѣ С. В. Шидловскаго остается прибавить, что онъ не прерываетъ отношеній со своей родиной и состоитъ попечителемъ школы въ селѣ Благодатномъ, принимая живое участіе въ процвѣтаніи ея. Остается пожелать ему продолженія съ тѣмъ же успѣхомъ его плодотворной и симпатичной дѣятельности.

Политическое обозрѣніе.

Новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Макъ-Кинлей, скромно вѣхалъ 18 февраля въ Вашингтонъ, а черезъ день, 20 числа, согласно церемоналію, поселился въ Бѣломъ домѣ. Въ вступительномъ посланіи Макъ-Кинлей заслуживаетъ вниманія выраженіе президентомъ намѣреніе назначить ревизионную комиссію по вопросу о денежномъ обращеніи и приложить усилія къ установленію международнаго биметаллизма для достиженія правильнаго отношенія между серебромъ и золотомъ, соотвѣтственно ихъ стоимости. Макъ-Кинлей обѣщаетъ Штатамъ бережливость и устраненіе дефицита въ государственномъ бюджетѣ, но не путемъ заключенія займовъ, а повышеніемъ ввозныхъ пошлинъ, направленныхъ также къ охранѣ промышленности страны и удержанію золота въ ея предѣлахъ. По иностранной политикѣ Штатовъ новый президентъ выражаетъ стремленіе къ миру и дружбѣ со всѣми націями, воздержаніе отъ осложненій, завоеваній и нападеній на чужую территорію; наконецъ, въ посланіи высказывается желаніе, чтобы сенатъ принялъ англійскій договоръ о третейскомъ судѣ.

Западно-европейская печать отмѣчаетъ необыкновенную популярность новаго президента среди американскаго народа.

Новый кабинетъ Штатовъ составленъ 19 февраля, при чемъ статсъ-секретаремъ, т. е. министромъ иностранныхъ дѣлъ, назначенъ сенаторъ Шерманъ—выдающийся противникъ британскихъ притязаній и видный сторонникъ независимости острова Кубы.

Предвидя важность политической роли Абиссиніи, Англія отправляетъ къ негусу Менелику чрезвычайное посольство, которое передастъ императору Эіопіи письмо королевы Викторіи, приглашающей негуса прибыть въ Англію на празднества по случаю исполняющагося шестидесятилѣтія царствованія британской королевы. Начальника посольства предложено оставить постояннымъ дипломатическимъ агентомъ при негусѣ, если Менеликъ выразитъ на то свое согласіе. По заявленію британскаго правительства парламенту, чрезвычайная миссія въ Абиссинію имѣетъ задачей убѣдить негуса въ дружбѣ Англіи къ нему и разрушить въ некоторыхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ, а также позаботиться о британскихъ торговыхъ интересахъ. Дѣло въ томъ, что англійскіе вліятельные кружки нѣсколько озадачены слухами о намѣреніи Италіи очистить Эритрею, которую, въ такомъ случаѣ, не замедлитъ занять абиссинцы. Кроме того, нѣсколько педѣль тому назадъ, состоялся торжественный вѣздъ въ Абиссинію французскаго чрезвычайнаго посла, усиѣвшаго установить между Абиссиніей и Франціей самыя сердечныя отношенія.

Выдающаяся англійская печать вполне одобряетъ отправку британской миссіи, такъ какъ подозреваетъ Францію въ намѣреніи пріобрѣсти преобладающую роль въ верховьяхъ Нила: чрезвычайная миссія должна создать такое положеніе дѣла,

чтобы ничто не угрожало британскимъ интересамъ въ долинѣ Нила. По мнѣнію офиціознаго органа *Standard*, миссіи предстоитъ установить въ Африкѣ политику „британскаго первенства“. Въ доказательство британской дружбы къ эіопскому императору, миссіи поручено, отъ имени египетскаго хедива, прислать въ Абиссинію коптскаго епископа для помазанія негуса Менелика на царство. Если же абиссинскій дворъ не окажетъ вниманія дружественнымъ предложеніямъ Англіи и не согласится на ея требованія, миссіи, прибѣгнувъ къ угрозамъ, покинетъ Абиссинію.

На ноту державъ о Критѣ Турція изъявила согласіе даровать острову автономію, отозвавъ турецкія войска, въ „ожиданіи“, что державы войдутъ впоследствии съ Портою въ особое соглашеніе о подробностяхъ автономіи. По свѣдѣніямъ изъ Константинополя отъ 23 февраля, на совѣщаніи представителей державъ рѣшено уже урядовать комиссію, занимающуюся организаціей критской жандармеріи, которая, въ силу автономіи острова, теперь должна быть организована на новыхъ началахъ.

Потребованный державами отъ Греціи отвѣтъ въ шестидневный срокъ—по 24 февраля—послѣдовалъ. По мнѣнію греческаго правительства, проектъ автономіи Крита раздѣлитъ участъ предшествовавшихъ тщетныхъ проектовъ, между тѣмъ анархія и фанатизмъ попрежнему будутъ опустошать островъ, поэтому греческое правительство особенно убѣждаетъ державы не настаивать на автономіи, а лучше передать Критъ Греціи. Въ виду присутствія международной эскадры, пребываніе греческаго флота въ критскихъ водахъ можно считать бесполезнымъ, но пребываніе греческихъ войскъ на островѣ представляется-де желательнымъ для восстановленія порядка. Священный долгъ Греціи повѣлываетъ-де ей не выдавать голову критскій народъ мусульманамъ; если притомъ державы поручатъ греческимъ войскамъ восстановленіе порядка, это будетъ исполнено скоро. Въ заключеніе, Греція проситъ державы предоставить самимъ критянамъ заявить, какого управленія они сами желаютъ.

По отзывамъ парижской печати отъ 25 февраля, отвѣтъ этотъ, умѣренный и направленный на обсужденіе вопроса, даетъ возможность продолжать переговоры, составляя предвидѣть компромиссъ. Лондонская же печать сообщаетъ, что въ дипломатическихъ кружкахъ отвѣтъ этотъ признанъ неудовлетворительнымъ, не обещающимъ улучшенія патлинутыхъ отношеній державъ къ Греціи. *Times* полагаетъ, что европейскій концертъ едва ли одобритъ поступокъ строитваго государства; плебисцитъ на Критѣ не совмѣстимъ съ принципомъ цѣлости Турціи, на которомъ настаиваютъ три императора, да и, кроме того, былъ бы простымъ фарсомъ; скрытымъ отказомъ Греціи-де не отвратитъ мѣръ строгости.

Разныя извѣстія.

— 17 февраля, яхта „Зарница“, на которой путешествуетъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, вышла изъ Катаннъ въ Тунисъ, куда прибыла на другой день. 25 февраля Его Высочество отбылъ изъ Туниса въ Боле, а на слѣдующій день на яхтѣ „Зарница“ прибылъ въ Бизерту.

— Государь Императоръ, 28 ноября 1896 г., Высочайше соизволилъ, чтобы начальствующія лица и представители отѣльных сословій и учреждений, за исключеніемъ особо выдающихся случаевъ, не утруждали себя присылкою, вошедшихъ въ послѣднее время въ обычай, поздравительныхъ телеграммъ въ праздничные и высокоторжественные дни.

— 23 февраля, Его Величество Государь Императоръ принималъ, въ Царскомъ Селѣ, въ торжественной аудіенціи, прибывшаго въ С.-Петербургъ для

объявленія о востшествіи на престолъ шаха персидскаго, чрезвычайнаго посла шаха Эмиръ-Тумана Абуль-Насимъ-Хана, его свиту: совѣтника посольства Али-Кули-Хана, секретарей Мирза-Хасанъ-Хана 1-го и Мирза-Хасанъ-Хана 2-го, адъютанта Али-Хана и состоящаго при посольствѣ поручика казачьей бригады Мохамедъ-Хана, а также находящагося въ С.-Петербургѣ персидскаго посланника Мирза-Риза-Хана съ секретаремъ и состоящимъ при миссіи.

— Того же числа, Государь Императоръ принималъ прибывшаго изъ Берлина флигель-адъютанта императора германскаго, командира полка имени императора Александра, подполковника графа Мольтке. Во время пріема, подполковникъ графъ Мольтке вручилъ Его Императорскому Величеству письмо отъ

императора германскаго и фотографическіе снимки торжественной передачи полку имени императора Александра, пожалованныхъ Его Императорскимъ Величествомъ, лейт на знамена, доставленныхъ въ Берлинъ флигель-адъютантомъ Непокойничимъ.

— Министерство народнаго просвѣщенія, желая предоставить родителямъ, воспитывающимъ сыновъ снвоной у себя дома, способъ давать имъ возможно болѣе правильное образованіе и слѣдить за ихъ успѣхами, а съ другой стороны, желая поставить получающихъ домашнее образованіе въ условія, по возможности одинаковыя съ учениками среднихъ учебныхъ заведеній, признало цѣлесообразнымъ распространить на всѣ классы гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ порядокъ испытанія для лицъ домашняго образованія, существовавшій до настоя-

этого времени только относительно некоторых классов этих учебных заведений. Главнейшие правила нового порядка указанных испытаний заключаются в следующем: лица домашнего воспитания могут, по желанию их родителей, родственников или опекунов, в течение времени, назначенного в средних учебных заведениях для переводных испытаний, подвергаться испытаниям из всех предметов в объеме учебных программ тех классов, курс которых ими пройден при домашнем обучении. Испытания эти производятся во всем согласно с правилами, установленными для испытаний приемных. Одно и то же лицо, подвергаясь несколько раз последовательно указанным испытаниям, должно каждый раз сдавать испытание в полном объеме курса тех классов, за которые оно испытанию еще не подвергалось. Не выдержавшие испытаний из какого бы то ни было предмета или не окончившие их, если пожелают быть допущенными в следующем году к испытаниям в знаниях курса тех же классов или в следующего класса, подвергаются испытаниям из всех предметов в объеме пройденного в этих классах. Лица, выдержавшие испытание из курса какого-либо класса, при испытании из курса следующего класса не подвергаются испытанию из курса всех предыдущих классов только в том случае, если со времени получения ими свидетельства прошло не более двух лет. Промение о допущении к повторным испытаниям подается за месяц до начала экзаменов начальнику того учебного заведения, в котором родители желают экзаменовывать своих детей: если же учебных заведений этого типа в город несколько, то прошение подается на имя попечителя учебного округа, который и препроводяет прошение с документами и 10-рублевым взносом в пользу экзаменаторов в том или другое учебное заведение, по своему усмо-

С. В. Шидловский (по поводу 25-летия служебной деятельности). С фот. А. Ясвина авторства „Нивы“.

травлю. О результатах испытания выдается от учебного заведения свидетельство, с обозначением в нем, в случае удовлетворительности испытания, что свидетельство это предоставляет те же права, какие предоставляются как по гражданской службе, так и по отбыванию воинской повинности лицам, окончившим курс соответственных классов гимназий, прогимназий и реальных училищ.

— Мысль об учреждении у нас, в России, приморских санаторий для детей золотушных, страдающих туберкулезом (бугорчаткой) костей, обратила на себя внимание Их Императорских Величеств Государынь Императрицы. Признавая настоятельную необходимость в устройстве санаторий (на берегах Балтийского моря или Финского залива), преимущественно для детей бедного населения С-Петербурга, и вопли сочувствия этому доброду, Их Величества милостиво соизволили разрешить прием пожертвований на учреждение такого лечебного заведения. Пожертвования принимают: фрейлина Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Е. Е. Озерова (Фонтанка, 26), фрейлина Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Е. П. Васильчикова (Сергиевская, 52), д-р А. Н. Шабанова (Мал. Итальянская, 38), лейб-хирург проф. Н. А. Вельяминов (Кирочная, 18).

— 6 февраля исполнилось пятидесятилетие существования с.-петербургской купеческой управы. Купеческая управа, в ознаменование этого дня, постановила ассигновать: 50,000 руб. на эмеритальную кассу для купечества, 10,000 руб. — в эмеритальный фонд служащих в управе, 5,000 руб. — в пользу Высочайше утвержденного комитета о домах трудолюбия и о рабочих домах и 960 р. — на устройство бесплатных общевъ 8,000 бедных обывателей столицы.

Памятник императору Вильгельму I в Берлине. По проекту Р. Бегаса.

2 внутр. съ выигр. заемъ 1866 г.

62 тиражъ 1-го марта 1897 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

Table with 12 columns of lottery results, including serial numbers and winning amounts.

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

- List of 300 serial numbers: 79, 480, 772, 795, 1361, 1682, 1737, 1746, 1858, 1931, 1941, 2219, 2297, 2389, 2996, 3617, 3634, 3644, 3683, 3693, 3704, 4015, 4233, 4273, 4276, 4519, 4632, 4739, 5023, 5217, 5459, 5992, 6089, 6182, 6240, 6310, 6525, 6535, 6541, 6548, 6663, 7072, 7130, 7210, 7211, 7934, 8138, 8151, 8155, 8183, 8270, 8464, 8885, 8923, 9027, 9198, 9567, 9933, 9963, 10120, 10170, 10444, 10690, 10928, 11166, 11213, 11586, 11994, 12059, 12170, 12181, 12421, 12737, 12976, 13192, 13232, 13269, 13429, 13485, 13644, 13746, 14245, 14356, 14677, 15037, 15048, 15177, 15329, 15409, 15719, 15744, 16123, 16232, 16369, 16424, 16475, 16490, 16595, 16710, 16963, 16978, 17105, 17215, 17895, 18019, 18132, 18200, 18211, 18224, 18372, 18542, 18659, 18899, 19393, 19418, 19465, 19758.

Всего 116 серий, составляющихъ 5800 билетовъ, на сумму 754,000 рублей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала "Нива" проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Голубой платокъ. (Назъ записокъ издородившаго.) Рассказъ И. К. Слущанскаго. (Окончаніе.)—Филиа. (На могилѣ изъ Ада Ногри.) Стих. Д. Михалевскаго.—Въ сорочкѣ родился. Рассказъ Д. Р.—Мечтатель. Рассказъ Огста Блонделя. (Съ французскаго.) (Окончаніе.)—Слѣды всемірнаго погоста. Очеркъ Ю. Штанде. (Съ нѣмецкаго.)—Къ рисункамъ: Рошроссъ въ своей мастерской.—Французская выставка въ С.-Петербургѣ 1896 г. Борьба за счастье.—Андромеда.—Манерія.—Вечеръ въ Капрѣ.—Германскій императоръ Вильгельмъ I. Къ столѣтній годовщинѣ его рожденія (съ портр. и рис.).—С. В. Шидловскій (съ портр.)—Политическое обозрѣніе.—Разныя клябѣткі.—Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ.—О переѣздѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

СОЧИНЕНІЯ М. В. ЛОМОНОСОВА.

Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Съ біогр. очеркомъ и портретомъ Ломоносова, гравирован. на стали И. Ф. Дейнингеромъ въ Мюнхенѣ.

Источниками для нашего изданія соч. Ломоносова послужили всѣ лучшіе прежнія изданія его сочиненій, а въ особенности издѣній въ 1891 году пераи томъ академическаго изданія. Наше изданіе представляетъ собою самое полное и тщательно сѣтреное собраніе всѣхъ литературныхъ сочиненій творца русскаго литературнаго языка. Изданію изданыиъ томъ in 8°, 352 стр. СПб. 1897 года.

Содержаніе: Предисловіе и біографическій очеркъ А. И. Введенскаго. I. Оды духовныя.—12 одъ. II. Оды похвальные.—23 оды. III. Надписи.—55 стихотвореній. IV. Стихотворныя посланія и письма. V. Трагедіи: Тамара и Садимъ. Домофонтъ. VI. Петръ Великій, героическаго поема. VII. Разговоръ съ Анакреонтомъ. VIII. Переводныя оды: Ода Фенелона. Ода Руссо, на счастье. IX. Сатирическія и полемическія стихотворенія. X. Притчи и отрывки.—Краткія прилѣчанія.

Цѣна 1 р., а съ перес. 1 р. 30 к. Въ роскошномъ колѣнк. перепл. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22.

Путешествіе ихъ императорскихъ величествъ по Россіи и за границей.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ Ахшарумова и Лапицкаго

вышло изъ печати, раздается подписчикамъ и поступило въ продажу: Троицкая, 6, кв. 7. СПб. Гг. подписчикамъ раздается за 1 р. 60 к. вѣдом. плат.

Подписна по 1 р. 80 к. преплачена. № 9998 2—2 Въ отдѣльной продажѣ цѣна книги . . . . . 1 р. 60 к.

До выхода альбома назъ печати ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСАТЬСЯ со взносомъ денегъ. Изданіе съ альбомомъ 2 р. 80 к., съ альбомомъ въ роскошномъ переплетѣ 3 р. Желающіе могутъ имѣть то же изданіе на роскошной заграничной бумагѣ формата IN FOLIO въ названныхъ переплетѣхъ по подписнѣ—4 рубля.

ВАЖНО для ДАМЪ!

КАЛОДЕРМА

Ц. № 9975 11-8

Ф. ВОЛЬФЪ и Сынъ.

НЕЗАМѢНИМА для холи кожи.

Продажа въ лучшихъ парююверныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

Вильямсъ

Цѣна 250 р.

Наименьшій форматъ! Видный шрифтъ! Безъ лентъ! Верхъ совершенства!

Единственный представитель для всей Россіи американскій компанія "Вильямсъ" (The Williams Typewriter Co)

ГЕРМАНЪ ЭЙХЕНВАЛЬДЪ. Москва, Марсовска, д. Лебедева. 2—1

Advertisement for Russian pens, featuring the text 'РУССКОЕ ОВЩЕСТВО для производства СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ въ г. Ригѣ' and an illustration of a fountain pen.

ПАМЯТЬ

(лицу каждого возраста) укрепились лачно и вачно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской академіи, С. Файнштейнъ. Попредствоу моего метода, основаннаго на законахъ физиологіи, психологіи, логики и педагогіки, память возвращается потеряннымъ ее. Дѣлается хорошей у итѣющихъ плохую и лучшей — у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользы и цѣлесообразности моего метода убѣдились въ теченіи моей 10-лѣтней дѣятельности на попрѣхъ преподаванія мнемоники въ Россіи, г. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи др. лицъ (важныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ мнемоники и укрѣпленія памяти и удовольствившихъ меня благодарности. Методъ давался поперемѣноу Парижской академіей. Условія за курсъ преподаванія и брошю (въ 32 стр.) высыл. за одну 7 коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (7-е изданіе). Что такое искусство укрѣпленія памяти? за шесть 7 коп. марку, или велевой же бумагой за восемь 7 коп. марку. Адресъ: Одесса, въ главную контору „Бурсовъ“ заочнаго преподаванія мнемоники, Гаванная ул., (28-а), рад. съ Городскихъ садовъ, д. Бродскаго, № 6/28 а, кв. № 2-8, бель-этажъ, профессору мнемоники С. Файнштейну, или въ „отдѣленіе“ конторы, уг. Пушкинской и Базарной, собственн. домъ, № 46/28, профессору мнемоники С. Файнштейну. Адресъ для телеграммъ: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну. № 10010 5-1

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Модные духи — Виола Одората Ауриха
 О-де-колонь — Виола Одората Ауриха
 Жирная пудра — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Колокольная, 18/19. В. № 9734 16-8

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ДОБРЫЕ ХРИСТИАНЕ!

Помогите посылками приношеніемъ устройству, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1884 году древняго деревяннаго, панирестольнаго каменнаго храма въ честь Знамѣнія Пресвѣтлнхъ Богородицы, Святаго Великомученика Прокопія и Святителя и Чудотворца Николая въ Прокопьевско-Вѣльскомъ погостѣ, Вороничскаго уѣзда, Новгородской епархіи. Средства прихожанъ на устройство храма, при ежегодномъ урожаѣ хлѣба, такъ незначительны, что только теперь положены фундаменты и доколы и изготовлено до 300 тысячъ кирпича. По прихѣру добряшаго пастыря о. Іоанна Кропштадтскаго, сочувствующаго устройству храма и пожертвовавшаго болѣе 1,350 руб., не откажите, ради-тели храмовъ Воинскихъ, въ посылкѣ лентъ. Всякое приношеніе, какое Господь Богъ пожелаетъ на душу, прому адресовать такъ: черезъ гор. Боровичи, Новгородской губ., въ село Вѣлуу, священнику Іоанну Доброхотову. № 10008 3-1
 Священникъ Іоаннъ Доброхотовъ.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

- ДУХИ — ФІДЛКА ДУСЛЗЗЗ — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЯПОНСКАЯ ФІДЛКА — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЗЗЗ — туалетное мыло.
- Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прндв. пост., Карлсруэ.

Можно получить:

Въ С.-Петербургѣ: у гг. Вилеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Герца, Ламана и Риска, А. Инда, А. Энгелуда. Въ Москвѣ: у гг. Муръ и Меридилъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брускъ, Х. Борхардъ, Р. Калеръ и К. Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9386 13 10
 Представитель въ Петербургѣ: Л. Герце, 2, Максимилианскій пер.

Коллекція карманныхъ СЛОВАРЕЙ:

Русско-французскій	50 к.	Французско-русскій	60 к.
Русско-нѣмецкій	50	Нѣмецко-русскій	60
Русско-англійскій	60	Англійско-русскій	50
Русско-италійскій	50	Италійско-русскій	50
Русско-польскій	50	Польско-русскій	50
Русско-латинскій	60	Латинско-русскій	35
Русско-греческій	35	Греческо-русскій	50

Въ каждомъ словарѣ заключаются отъ 4000 до 6000 общеупотребит. словъ. Всѣ словари нѣются въ роскошн. колѣнкор. переплетѣхъ, съ прилатой по 25 к.

Карманный ореографическій словарь, содержащій болѣе 30000 словъ, въ правописаніи которыхъ можетъ встрѣтиться иногда затрудненіе. Сост. Д. Саславскій. Ц. 75 к.

Горбачевскій, Л. Новый и полный самоучитель польскаго языка. Учебникъ для самостоятельнаго и скорого изученія читать, писать и говорить по-польски. 2-е доп. изд. Ц. 1 р.

Пересылка 15% стоимости книгъ. Высылаются вложеннымъ платежомъ. Въ нижнемъ магазинѣ М. В. ПОПОВА. С.-Петербургъ, Невскій, 48.

Лѣчебница д-ра Эммериха

для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.

Бадень-Бадень.

24-5

Проспекты безплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейнница въ Берлинѣ. Звѣзды. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзень.

EAU DENTIFRICE
 BALSAMIQUE DE LOUZE
 БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (93)
 Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, прндв. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ПОКУПАЙТЕ ТОЛЬКО
 ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ и
 ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ
 ОСВѢЖАЮТЪ РОТЪ и ПРЕДОХРАНЯЮТЪ ЗУБЫ. 5-3

СПЕ. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ

Главныя склады: СПб., Площадь Александр. театра, 9.—МОСКВА, Никольская, д. Шоретова.—ВАРШАВА, Новый Сѣтъ, 37.

НА ВОСПИТАНІЕ И УСТРОЙСТВО БОЛѢЕ ДѢТЕЙ. БАНКА ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТИ
 СВЯТЫИ 60.
 ТЕЛЕФОНЪ 1360
 КОМПЕТЕНТНО
 ЗАЩЕЩЕНЫ
 ПРОСИТЪ
 АМЕРИКА ЛАНДИ
 ЖЕЩЕЩВАТЬ
 СМУ
 НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
 АМЦІОНЪ
 ПО СТРАХОВАНІЮ
 ГОСПИТАНЕ
 500 247
 ТЕЛЕФОНЪ 3672
 ТЕЛЕФОНЪ 1141

ДРАЖЕ
 въ часто-верблѣмой шерсти, цвѣтъ натуральной, сѣрой.
 Цѣна, для ознакомленія пробная, составляетъ только по 1 р. 50 к. за арш.
 Ширина 2 арш. Для дамскихъ платьевъ, пальто, костюмовъ, пальто, мужскихъ пальто, костюмовъ, охотничьихъ куртокъ, армакоровъ и дѣтскихъ вещей. Независимо по теплотѣ, легкости и прочности можно получить и высылать оптомъ и въ розницу исключительно въ фабрично-розничномъ магазинѣ
 А. ИВАНОВА.
 Москва, Театральн. пассажъ. Постки-ловъ. Высылаютъ вложеннымъ платежомъ по порученію требованію. 2-2

ТРЕБУЙТЕ
 НА КАЖДОЙ ЖЕЩАНКѢ
 АНТИПАРАЗИТЪ
 ОТЪ
 КЛОПОВЪ
 Л. СТОЛКИНДА
 Продается вездѣ.
 Главныя склады Москва
 Лубянской прорьдъ Д. Смольянинова.
 Нижегород. Ярмарка, Главныя домъ № 37.
 Л. А. СТОЛКИНДА.

Способъ скорого и дешеваго лѣченія
 ЛЕГОЧНОЙ ЧАХОТКИ
 доктора Евгенія Гурина. Изд. 3. 1897 г. Ц. 20 к.
 Кроме того, общедоступныя брошюры о лѣченіи дифтерита, холерныи, оспы, кровав. поноса, ревматизма (изд. 11) сибирск. лавы, по 15 к. Пересылка 10 к. (марк. въ наказ. пис.).
 Адр. (письм. и телегр.) Киевъ, д-ру Гурину.

1 рубль.
 Типо-литографія А. Лейфорта, С.-Петербургъ, Б. Морская, 65, высылаетъ
 100 ВИЗУИТНЫХЪ ИЗДАЧЪ. КАРТОЧЕКЪ.
 За 2 р. 50 коп. 100 лист. почтов. бумаги и 100 конвертовъ, съ бланкомъ и адресомъ.

КАРАМЕЛЬ
 изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
 „КЕТТИ БОССЪ“
 Б. Семадени въ Киевѣ.
 Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
 Главныя склады у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 31.
 Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-9

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро
 ре изучающъ въ 6 уроковъ вачно. Методъ удостоенъ золотой медаліи и благодарности короля Эллиновъ. За дѣтъ 7 коп. марки высылка условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Колларисъ. № 9852 10 5

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
 Заочное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій - корреспондентія, по повѣжанію, легчайшему и понятному для каждого методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются БЕЗПЛАТНО.
 Преподавательница Е. Д. Амшарина.
 Киевъ, Б. Житомирская, № 4.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896 г.
 А. М. ОСТРОУМОВЪ
 МОСКВА, ПЕТРОВЪ П. С. А.
 МЫЛО О ГОЛОВНОЙ ПЕРЮТН
 МЫЛО ДѢТСКОЕ
 ИЗЪ ТРАВЪ ЧЕРЕДЫ
 О-ДЕ-СОВЕРЪ
 ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ

СТОЛКИНДА
 КАПСЮЛИ
 ДЕЗОДОРАТЪ
 для уничтоженія
 ЗЛОВОНІА
 въ
 ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ
 КУХНЯХЪ и т. д.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 СКЛАДЪ:
 Аптекарская торговля Л. Столкинды,
 Лубянской прорьдъ Смольянинова.

Для фотографовъ — профессионаловъ и любителей:
 Бромистая бумага
 „N.P.G.“ и „БРОМАРИТЪ“
 для увеличенія и копированія.
 Въ магазинѣ
 А. Эбергардъ, бывш. Р. Ниппе.
 СПб., Демидовъ, № 2.
 Грейсъ-курартъ высылается по требованію безплатно.

ТРЕБУЙТЕ
 для отличія
 КОМИЛИЦА И РУКЪ
 КРЕМЪ ОРИЗА
 ПР. В. НИКОЛЬ
 Цѣна 20 к. Продава вездѣ

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
Москва. Рига. СПБургъ.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ.

ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕНЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЮ.

Главное предстванство Т-ва „Проводникъ“: Николаи Э. Швейцера, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: Швейцера, Москва.

Teichner's Fettmilde

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цена коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незаменима на кожѣ. Косметическое средство для улучшения красоты кожи.

Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлава. Карандаши для бровей.

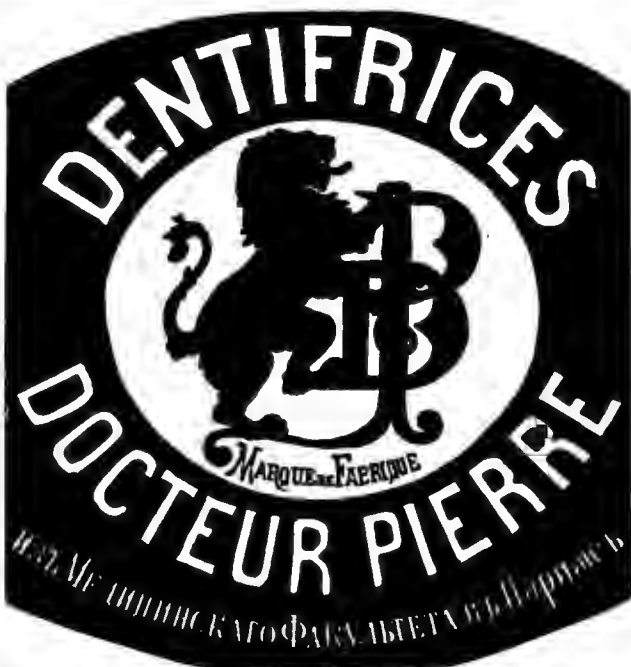
Идѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бельгийскихъ императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ.

В. № 9646 15 9

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

А. № 9861

26-5

ФРАНЦЕНСАДЪ.

Первая грязевая курортная. Обладаетъ очень сильными желѣзистыми источниками, чистыми целебными водами, содержащими глауберову соль и окиси литія, желѣзистыми ваннами съ богатыми содержаниемъ углекислоты, ваннами изъ минеральныхъ водъ, шипучими углекислыми ваннами.

Сезонъ съ 1-го мая по 30-е сентября.

В. № 10011 Проспекты высылаются бесплатно. 2-1

Подробныя свѣдѣнія даетъ упрямляющее курортное бюро г. Франценсбадъ.

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Ф. А. ЮГАНСОНА

въ Мостѣ и Харьковѣ.
ПЕЧАТАЕТСЯ И НА-ДНЯХЪ ПОСТУПИТЪ ВЪ ПРОДАЖУ
новая книга Г. РИВО

ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВЪ

пер. съ франц. Выслать деньги до 1 марта получать книгу за 1 руб. съ перес. (около 300 стр. 6. формата). Подробное оглавление книги высылаются бесплатно.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10007
5 1

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Псковскій пр., д. № 23.
Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАОВЪ собственной фабрики
съ полными ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Почти миллионъ продажъ и нѣдѣль выслушанъ, по требованію. Бѣзпа тно.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 1.

ЖИРНАЯ ПУДРА
БѢЛАЯ, РОЗОВАЯ и РАШЕЛЬ, 50 н. кор.
Пудра Велютинъ Пудра де Нионъ
Пудра Дютола Бѣлая и Румяна.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Вознесенскій просп. уголъ Казанской ул. домъ № 24-22.
НЕВСКІЙ ПР. № 32. НЕВСКІЙ ПР. № 66.

МАГАЗИНЫ ВЪ МОСКВѢ: на Хитровскомъ мосту дома № 10 и № 12.

Новое собр. нотъ для рояля на 1897 г.

Ноты 12 тетрадей за 1 р. с.

а съ пересылкой 1 р. 35 к. Салонныя пьесы для танцевъ и для вѣня, въ томъ числѣ находится весьма удобная и практичная

Фортепианная клавиатура

для легкаго и нагляднаго обученія игры по нотамъ.

Музыкальный магазинъ

Ю. ГИЛЬКНЕРЪ.

Москва, Тверская, д. Варгина.
Ноты всѣхъ изданій ищутся и высылаются съ первою почтою. 5-2

Пересылка по почтѣ безплатна.

МЫЛО ВЭРА-МОСКЪ
Качество въ конкуренціи
продается вездѣ 20 клас.
Патентная „СЪВЕРНАЯ ФЛОРА“
С. А. ПРОКОФЬЕВЪ И К.
ВЪ МОСКВѢ.
Въ 1896 г. золотая медаль.

1894 г.

1896 г.

Въ виду появившейся въ № 52 „Московскихъ Вѣдомостей“ замѣтки о подѣлѣ большинствомъ чаоторговцевъ къ китайскому чаю **ИНДІЙСКИХЪ И ЦЕЙЛОНСКИХЪ** чаевъ, имѣемъ честь заявить во всеобщее свѣдѣніе, что Товарищество наше не подмѣшивало и не подмѣшиваетъ къ китайскимъ чаямъ ни цейлонскаго, ни индійскихъ чаевъ, на что постоянно обращало вниманіе гг. потребителей въ своихъ прейсъ-курантахъ, печатая на этикетѣ каждой пачки чая своего развѣса крупнымъ шрифтомъ: **ЧАЙ ИЗЪ КИТАЯ**. Правленіе было всегда того мнѣнія, что всякая подѣлъ къ китайскому чаю какого бы то ни было другого чая **ИЗМѢНЯЕТЪ** вкусъ и достоинства китайскаго чая до неузнаваемости.

№ 10012 2-1

Правленіе **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного Товарищества
ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ И СКЛАДОВЪ

БРАТЯ К. и С. ПОПОВЫ.

БОРНЕТЫ-А-ЛИСТОНЪ
 въ 12, 15, 18, 22, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 90, 100, 150 и 250 р.
 (Отъ 40 р. и до 250 р. и до 250 р. и до 250 р.)
 Фабрика
 № 2, 4, 6, 8, 12, 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 90, 120, 160 и 250 руб.
 Въ 63 р. и дороже собственной фабрики; въ 85 и 120 р. флейты "под Циммерманъ", въ употреблении у хороших артистовъ.
 Пиколо-флейты по 1 1/2, 3, 5, 6, 10, 20 и 25 руб. Въ 30 и 35 руб. собственной фабрики.

БЛАРНЕТЫ
 по 6, 10, 15, 21, 25, 35, 45, 60, 75 и 90 р. и до 43 р. и дороже собственной фабрики.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное дело и фабрика музыкальных инструментовъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 31.
 Москва, Кузнецкій м. д. Захарьина.

ШОРИО-СЪДЕЛЬНАЯ ФАБРИКА
М. И. МАЛЫШЕВЫХЪ
 въ САРАТОВѢ.

К. Шликэйтзъ, Берлинъ 80.
 машино-строитель, заводъ для кирпичи, торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длинны, бетоннаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (53)
 Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу.
 Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

НАКАУЧИШИ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ
 Цѣна 1 шт. 2 р. 2 шт. 3 р. 3 шт. 4 р.

ПОРТМОЗЪ СО ШТЕПЕЛЕМЪ.
 Подробно и объясненія въ прокламационныхъ

Въ контору фабрики
 Америк. науки. штатманнъ
М. ФИШМАНЪ
 ВАРШАВА
 БЕЛЫНСКАЯ ВЪ.

БЫСТРО и ХОРОШО.

Пріятный вкусъ,
 Питательныя свойства,
 Быстрота приготовления

КАКАО
ВАНЪ-ГОУТЕНА

создаютъ изъ него превосходнѣйшій предметъ питания.

Чайной ложки какао Ванъ-Гутена достаточно для приготовления чашки превосходнаго шоколада на водѣ или на молокѣ.

№ 10015 3-1

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА

служитъ интересамъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Передовыя статьи, торговыя сообщенія отъ своихъ корреспондентовъ (свыше 200), данныя о положеніи рынковъ, биржевыя корреспонденціи, хроника акціонернаго дѣла, фельетонъ, обзоръ техническихъ новостей, полный перечень торговъ и выставокъ и ихъ результатовъ и проч.

Газета первое въ Россіи изданіе по количеству собственныхъ телеграммъ, ихъ точности, полнотѣ и своевременности. № 9926

6 руб. На мѣ. Разсрочка: 3 р. при подпискѣ, 4 р. въ годъ. 2 руб. три мѣсяца 3 р. въ мѣсяцъ, 3 р. въ годъ. 2 руб. въ годъ. 25 к. Редакція и контора: С.-Петербургъ, Галерная улица, уголъ Заматина пер. д. Министерства финансовъ.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К°
 ИЗВѢСТЯТЕЛИ

„Цвѣточнаго о-де-колона“,
 „Духовъ „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“,
 „Глицериновой пудры“,
 усовершенствованнаго № 9923 3-3
 „Глицериноваго мыла“.

„Остерегайтесь подражаній“.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
АЛЬБОМЪ РАБОТЪ проф. А. Д. КИВШЕНКО.

Посмертное изданіе, съ портретомъ, офортъ работа Матэ, съ 51 фотографіей и автографіей, на слоновои бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 5 руб. Складъ изданія: Кадетская линія, № 29, кварт. № 19. Кившенко. № 9970 5-2

КОЛЬЦО „БИЖУ“ — золотого 56-ой пробы, съ искусственно улитч. бриллиантами, издѣлано по-торого замѣчательно тонка, придаетъ блескъ, такъ что трудно отличить отъ настоящаго бриллианта. Мелкое кольцо английскій, какъ его теперь повсюду носятъ; требуется только нѣрна пальца. 1 шт. 4 р. 85 к., 2 шт. 9 р. 10 к., 3 шт. 13 р. 20 к. Большой выборъ золотыхъ надѣлій въ предстоящихъ праздникахъ св. Пасхи.

Всѣмъла наложеннымъ платежомъ. В. № 9884 5-3

ГЕРШАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей,
 С.-Петербургъ, Невскій пр., 82.
 Иллюстрированный прейс-курантъ новостей безплатно.

НОВОСТЬ! (11)
ДУХИ
БУББЪТЪ АМИРИСЪ
 ПОСТАВЩИКОВЪ
 Высочайшаго Двора
А. РАДЛЕ и К°.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
 Невскій пр., № 18.
 МОСКВА:
 Кузнецкій мостъ.

ВЫГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 алмазъ продаетъ
 БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, С.П.Б. 10-6

НОВОСТИ
 НА 1897 г.
 ТРЕБУЙТЕ
 НОВЫЕ КАТАЛОГИ
 АНГЛИЙСКИХЪ И АМЕРИКАНСКИХЪ
 ВЕЛОСИПЕДОВЪ
 ТОРГ. ДОМЪ
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ
 МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова

CRÈME SIMON
 (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon преледнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (когда въ время).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange, Парижъ
 Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.
 Р. № 9603 13-12

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши иллюстр. прейс-курантъ, вмѣст. безплатно, Оружейнаго магазина А. В. Тарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Сытова.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаетесь письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59.

Требуйте
 новый каталогъ ружей, револьверовъ и принадлеж. охоты.
Цѣны понижены.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Я. ЗИМИНА ВДОВА и К°.
 Москва, Тверская, близъ Газетнаго, Ц. № 9987 д. Шабаликина. 3-3

При этомъ не прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ, за исключеніемъ московскихъ объявленіе отъ торговаго дома „Базаръ Марокъ“ въ Петербургѣ.

XXVIII г.

№ 11

Выданъ 15 марта 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедельно (52 № въ годъ), съ приложениемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. Водовикина, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 15 в., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ **5 р.**   Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печовской, Петровскія торговыя лавки. **6 р.**   Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.**   Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи **7 р.**   За границу **10 р.**

При этомъ № подписчикамъ предлагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за Мартъ 1897 г.

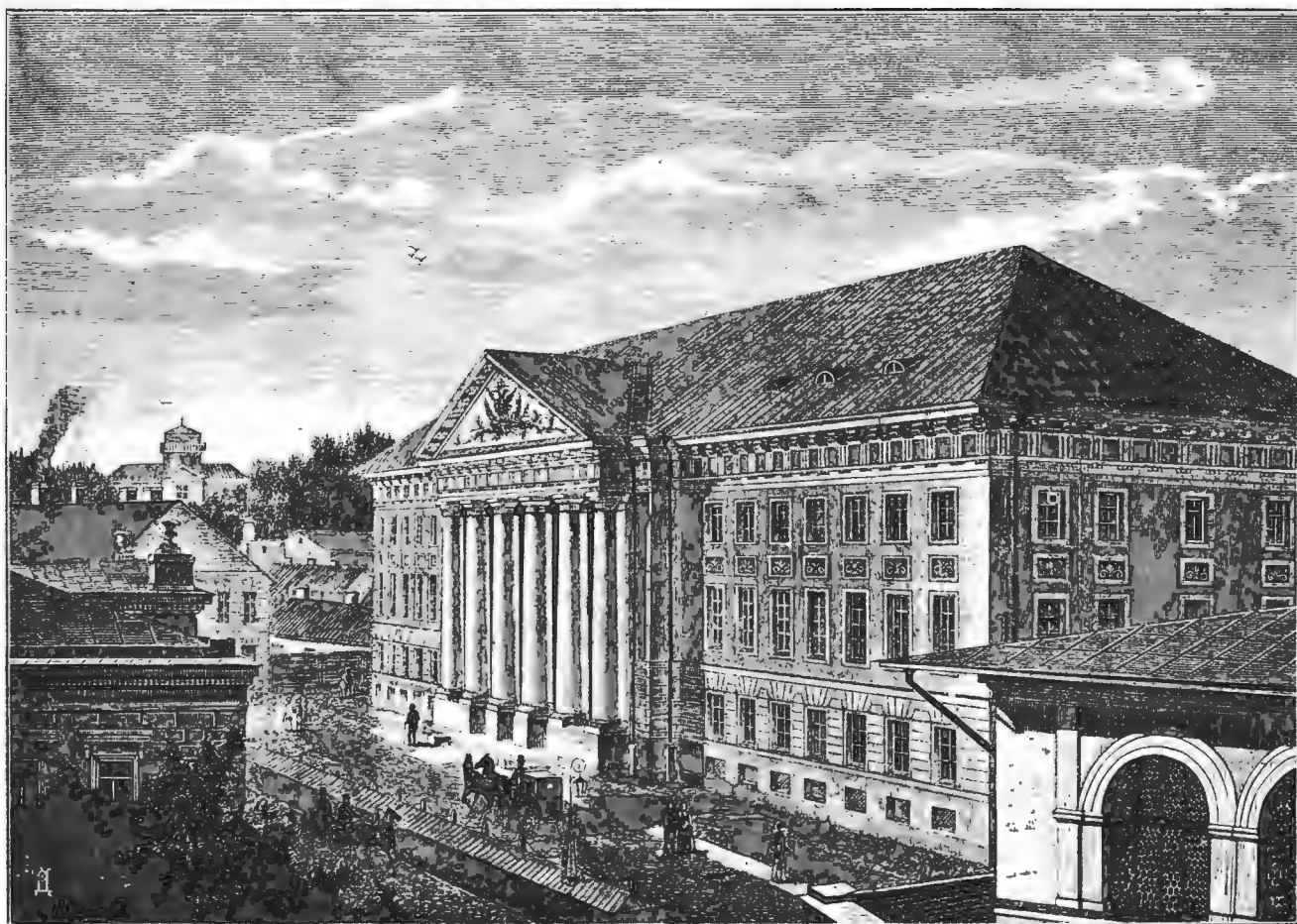
Юрьевъ.

Очеркъ И. М. Эйзена.

(Съ 13 рисунками.)

«Прибалтійскія провинціи—это музей историческихъ рѣдкостей социальнаго и общественнаго устройства, которыя вездѣ исчезли вмѣстѣ съ духомъ, ихъ породившимъ, и сохранились только подъ

сѣнью Россіи». Къ этимъ словамъ покойнаго И. С. Аксакова нужно прибавить, что музей этотъ охранялся около 200 лѣтъ русскими законами и Высочайшими указами и грамотами русскихъ

Юрьевъ. Зданіе университета. Рис. А. Векшинскаго, грав. Рашевскій.

императоровъ, отъ Петра I до Александра II, подтвердившихъ «дарованныя прибалтійскимъ провинціямъ права и преимущества, къ пользѣ сего края изданныя». Главнѣйшимъ центромъ этого «музея» являются два города, сохранившіе еще понинѣ характеръ «средневѣкового рококо», это — Рига и Юрьевъ; — Рига, какъ центръ торгово-промышленный и административный, Юрь-

чѣмъ на 20 миль, вплоть до русской границы. Триста-сорокъ-четыре года существовало независимое и властное дерптское епископство, и этотъ періодъ исторической жизни Дерпта, начавшійся съ первымъ епископомъ Германомъ фонъ-Апельдеренъ и закончившійся съ послѣднимъ епископомъ Германомъ Вейландомъ, былъ самымъ блестящимъ.

Юрьевъ. Университетъ. Анатомическій театръ.
Съ фот. К. Шульца автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

евъ,—какъ умственно-научный. *)

Названіе «Юрьевъ», которое было дано въ 1893 году старинному Дерпту, какъ извѣстно,—исковное, первоначальное названіе этого города, основаннаго въ 1030 году великимъ княземъ Ярославомъ I Владиміровичемъ, названнаго въ крещеніи Юриемъ. Городъ этотъ, находившійся на границахъ Руси, Ярославъ заложилъ для защиты отъ набѣговъ сосѣдей. Чудь, населявшая эти мѣстности и знавшая по слухамъ о татарскихъ набѣгахъ на Русь, смѣшивала татаръ съ русскими, и прозвала Юрьевъ «Тартулиномъ» (татарскимъ городомъ); названіе это сохранилось на долгія времена среди эстонцевъ.

Въ 1223 г. въ землю чудь явились, подъ предлогомъ распространенія вѣры, «Божьи дворяне», не постыжась однако первыхъ дѣломъ поднять мечъ. Меченосцы двинулись на Юрьевъ, принадлежавшій къ удѣлу, которымъ правилъ мужественный Вячко. Русскіе заодно съ чудью обороняли городъ отъ непріятеля, но не могли противостоять его силѣ и всѣ почти пали подъ мечами рыцарей. Жившая въ окрестностяхъ Юрьева и Ревеля чудь вступила въ ожесточенную борьбу съ пришельцами, обратилась за помощью къ русскимъ князьямъ въ Псковъ и Новгородъ, и общими усиліями отбила назадъ Юрьевъ, но не надолго. Въ слѣдующемъ году епископъ рижскій Альбертъ усмиривъ возставшую чудь и снова покорила Юрьевъ, основалъ въ городѣ епископство присоединивъ къ нему земли, находившіяся на двѣ мили вокругъ города. Самое названіе города «Дерптъ» (Dorpt Dorpat) объясняютъ даже отъ Dörfe:n (Dörfern)—деревцъ, которыя были присоединены къ дерптскому епископству.

Съ теченіемъ времени дерптское епископство все расширялось, и земли его распространялись болѣе

только нѣсколько сохранившихся историческихъ актовъ указываютъ на то, что Россія, владѣвшая Дерптомъ гораздо ранѣе меченосцевъ, не забываетъ своихъ стародавнихъ правъ на эти мѣстности и старается ограничить власть епископа. Такъ мы знаемъ, что въ 1463 г. Іоаннъ III заключилъ договоръ съ дерптскимъ епископомъ, обязавшимся оказывать въ Дерптѣ по-

Дерптъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ край. Это былъ періодъ расцвѣта и промышленной жизни города, благодаря его принадлежности къ ганзейскому союзу. Дерптъ былъ въ тѣ времена складочнымъ мѣстомъ товаровъ, ввозившихся и вывозившихся изъ Россіи по Чудскому озеру; въ виду этого въ немъ была даже верфь для постройки судовъ. До половины XVI вѣка въ Дерптѣ было до 50,000 жителей, такъ что не должно казаться большимъ увеличеніемъ утвержденіе лѣтописей, что отъ моровой язвы, бывшей въ епископское правленіе, погибло въ городѣ 15,000 человекъ «безъ примѣтнаго ущерба въ народонаселеніи».

Если вѣрить современникамъ, то старинный Дерптъ былъ очень обширенъ. Интересное, хотя нѣсколько наивное, описаніе Дерпта того времени имѣется въ путевыхъ запискахъ инока Симеона Суздальскаго, ѣздившаго съ митрополитомъ Исидоромъ на флорентійскій соборъ: «Градъ же сей Юрьевъ великъ и каменъ, вѣсть такихъ у насъ; палаты же въ немъ созданы вельми чудны; намъ же невѣданнымъ таковыхъ дивляшеся. Церкви и монастыри многи. Горы же у нихъ велики, поля и садове красны. Церкви христіанскія двѣ, святыи Никола и святыи Юрій».

Дерптъ процвѣталъ и богатѣлъ подъ властью епископа, и пришельцы съ запада стали исключительными вершителями судьбы города.

Юрьевъ. Астрономическая обсерваторія.
Съ фот. К. Шульца автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

кровительство православнымъ и «то держать по старинѣ и по стариннымъ грамотамъ»; тому же Іоанну III, по мирному договору съ орденомъ меченосцевъ въ 1502 г., дерптскій епископъ обязался, за ручательствомъ магистра ордена, платить Россіи старинную головную дань; эта дань была продолженіемъ той «дани вѣры» (Glaubenszins), которую выговорилъ съ Дерпта себѣ и своимъ преемникамъ еще князь Ярославъ.

Эту «дань вѣры», которой епископство не уплачивало, вспо-

*) Источниками при составленіи этого очерка служили: К. К. Случевскій. Балтійская сторона. Т. III. СПб. 1888; Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Прибалтійскій вопросъ. Т. VI. М. 1887; Андѣева. Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ. Дерптъ и его окрестности. 1842; «Дерптъ» — словарь Цихомара; Die Deutsche Universität Dorpat im Lichte der Geschichte und der Gegenwart. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1892; Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste. I. S. Ersch und I. Gräber. Leipzig, 1836; Hansmann. Aus der Geschichte der Stadt Dorpat. Dorpat, 1872.

мнил Иоаннъ Грозный и, какъ «отчину князей московскихъ», рѣшилъ взять Дерптъ и уничтожить власть ордена. Въ 1558 г. двинулись русскія войска въ Лифляндію, опустошили ее, перебили рыцарей, взяли Нарву и затѣмъ подошли къ Дерпту. Воевода кн. Петръ Ивановичъ Шуйскій осадилъ Дерптъ, и послѣ упорнаго сопротивленія, длившагося 6 недѣль, городъ сдался 18 іюля на капитуляцію. Епископъ Германъ Вейландъ былъ отправленъ изъ Дерпта въ Москву, гдѣ кончилъ свои дни въ бѣдности.

Съ этого времени начались злоключенія города, постоянныя осады, разрушенія, пожары.

Послѣ перваго завоеванія Дерптъ пробылъ во власти Россіи 24 года и за это время еще дважды былъ разоряемъ Иоанномъ Грознымъ. Прогнѣвавшись на жителей Пернова, умышлявшихъ передать городъ полякамъ, Иоаннъ выместилъ свой гнѣвъ не только на нихъ, но и на всѣхъ нѣмцахъ, въ томъ числѣ и на жителяхъ Дерпта, которые были «увлечены въ неволю», сосланы внутрь Россіи, а большая часть интеллигенціи—нѣмецкаго дворянства—была разсажена по темницамъ. Городъ совершенно опустѣлъ.

Во второй разъ Иоаннъ разрушилъ Дерптъ въ 1571 г., опять благодаря возмущенію. Виновниками возмущенія были два дерптскія дворянина Таубе и Краузе, которые не только не оправдали къ себѣ довѣрія Иоанна Грознаго, но и перешли на сторону поляковъ, пообѣщавъ имъ передать Дерптъ. Выбравъ для этого воскресный день, когда русскіе ратники отдыхали на квартирахъ, которыя были расположены за рѣкой Эмбахоми, измѣнники, войдя въ соглашеніе съ другими, съ двумя ротами солдатъ ворвались въ городъ и начали бить русскихъ; сначала перепуганные неоглядаемымъ нападениемъ, русскіе ратники и все русское населеніе быстро затѣмъ оправились, обратили возмущившихся въ бѣгство и въ общей свалкѣ перебили огромную массу нѣмцевъ. Много было перебито тутъ бюргеровъ, а кто остался въ живыхъ, тотъ былъ сосланъ внутрь Россіи, главнымъ образомъ, въ восточныя ея части, — Нижній-Новгородъ и его окрестности. Туда же повелѣлъ Иоаннъ сослать и колоколь съ главной церкви. Городъ снова опустѣлъ и заглохъ.

Въ 1582 г. русская власть надъ Дерптомъ смѣнилась польскою. По миру, заключенному Иоанномъ съ Стефаномъ Баторіемъ, Дерптъ переданъ былъ полякамъ, занявшимъ городъ подъ начальствомъ великаго гетмана Замойскаго. Почти полвѣка (съ небольшимъ перерывомъ — съ 1600 по 1603 г.) Дерптъ былъ въ ихъ рукахъ и постепенно приходилъ все въ болѣе упадокъ—въ немъ не хотѣли селиться ни русскіе, ни нѣмцы.

Въ 1625 г. Дерптъ перешелъ опять въ новыя руки—во власть шведскаго короля Густава-Адольфа. При Карлѣ X, когда тотъ вздумалъ завоевать нѣкоторыя польскія области, на Дерптъ двинулся, въ 1656 г., съ сорокатысячною арміею, царь Алексѣй Михайловичъ, и городъ сдался; при этомъ гарнизону, чиновникамъ и университету дано было позволеніе выступить изъ города. Это вторичное пребываніе Дерпта во власти Россіи длилось всего только пять лѣтъ, послѣ чего, въ 1661 г., городъ перешелъ по миру обратно къ Швеціи и черезъ 43 года снова и окончательно завоеванъ Россіею.

Покорителемъ Дерпта явился самъ Петръ I, самолично управлявшій осадой и овладѣвшій городомъ 13 іюля 1704 г. Долговременныя военныя дѣйствія въ Ливоніи совершенно опустошили страну. Б. П. Шереметевъ, командовавшій русской арміею, точно исполнилъ приказаніе Петра: «чтобъ неприятелю пристанища (найти) и сикурсу своимъ городамъ податъ было невозможно». Въ своемъ донесеніи государю онъ чистосердечно писалъ: «снину тебѣ извѣстно, что Всесильный Богъ и Пресвятая Богоматерь желаніе твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили безъ остатку; и только осталось цѣлаго мѣста Перновъ и Колыванъ (Ревель), и межъ ими сколько осталось около моря, и отъ Колывани къ Ригѣ около моря же, да Рига; а то все запустошено и разорено въ конецъ».

Четыре года спустя послѣ завоеванія Дерпта русскими, городъ, еще не успѣвшій вполнѣ оправиться отъ разоренія, снова постигло бѣдствіе. Обвиненные комендантомъ города Нарышкинымъ въ умыслѣ измѣны, жители были наказаны привычнымъ Дерпту наказаніемъ—сосланы въ заточеніе внутрь Россіи. Весь магистратъ и бюргеры были отправлены въ Вологду, но не мало было и казнено. Дерптъ снова обратился въ пустыню, и въ теченіе шести лѣтъ по улицамъ обезлюдѣвшаго города «жили гады и хищныя звѣри». Въ 1714 г. настала конецъ этимъ жестокимъ временамъ, жители были возвращены изъ ссылки, былъ образованъ магистратъ, возобновлены прежнія привилегіи; кромѣ того, была дана городу главнѣйшая привилегія—жители его могли свободно и спокойно жить, безъ опасности подвергнуться вдругъ по винѣ нѣсколькихъ преступныхъ лицъ массовому выселенію чуть ли не на край свѣта. Привилегія эта дарована была Дерпту закономъ эволюціи, постепеннымъ развитіемъ понятія о правѣ и свободѣ личности. И городъ сталъ оправляться отъ полуторавѣкового грома побѣды, торговля стала оживать.

Но на смѣну людскимъ опустошеніямъ явились стихійныя, и

Дерптъ за время съ 1760 по 1776 г. нѣсколько разъ былъ опустошаемъ пламенемъ. Особенно сильны были пожары въ 1763 и въ 1775 гг. Императрица Екатерина II пришла оба раза на помощь населенію, въ первый разъ построивъ зданія жителямъ, а въ 1775 г., въ виду страшныхъ размѣровъ бѣдствія, отпустивъ городу въ заемъ 100,000 р. сер. на 10 лѣтъ безъ процентовъ для постройки домовъ.

Эти пожары ничуть не послужили къ украшенію Дерпта; и наиболѣе интересными достопримѣчательностями города являются и понынѣ уцѣлѣвшія отъ огня старинныя рыцарскія строенія (большую

Юрьевъ. Городская ратуша.

Съ фот. П. Шульца автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

частью въ развалинахъ), которыми испещренъ вообще весь Прибалтійскій край. На ряду съ рыцарскими замками, подчасъ обнесенными каменною стѣною съ бойницами, землянымъ валомъ и ровомъ, напоминающими бывшее могущество «божьихъ дворянъ»,—то и дѣло встрѣчаются древніе храмы, послужившіе основой ихъ могущества.

Мало такихъ городовъ, какъ Дерптъ, съ такимъ «бурнымъ» прошлымъ, и мало сохранилось въ немъ остатковъ старины. Среди нихъ особенно цѣнны, какъ историческія памятники, два: первый—лютеранская церковь св. Иоанна (Johanniskirche). Церковь эта, въ готическомъ стилѣ, построена была въ XIV вѣкѣ. Въ пей совершается богослуженіе до сихъ поръ.

Второй главнѣйшей достопримѣчательностью считаются развалины церкви св. Діонисія (Domkirche), уныло воздымающіяся въ центрѣ города, на горѣ, среди живописно раскинувшагося тѣнистаго университетскаго парка, съ его мощными вѣковыми липами и каштанами. Она была главною, епископскою церковью; время ея построенія относятъ къ концу XIII или началу XIV вѣка, то-есть къ тому періоду, когда Дерптъ былъ епископствомъ. По своимъ обширнымъ размѣрамъ и по красотѣ она славилась по всей Ливоніи (рис. на стр. 244 и 245). Готическая гармонія горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій церкви, ея стройные восьмигранные съ вульстами столбы (всего 24), раздѣляющіе три нефа, ея острокопечныя арки и окна въ два свѣта не могутъ не поразить каждаго любителя цѣльнаго, строго выдержаннаго стила. Вся церковь построена изъ кирпича, но гораздо болѣе крупнаго, чѣмъ нынѣшній. Съ восточной стороны (тамъ помещался алтарь) зданіе церкви заканчивалось половиною двѣнадцатигуляника, западный же фасадъ замыкали двѣ огромныя башни. съ такими же готическими окнами и пирами, оживлявшими ихъ массивный корпусъ. Церковь сильно разрушена была пожаромъ, происшедшимъ 24 іюня 1698 г. отъ костровъ, которые были разложены вокругъ церкви жителями по обычаю въ ночь на Ивана-Купалу. Постигшія затѣмъ городъ бѣдствія не дали возможности жителямъ возобновить обгорѣвшую церковь, а случившійся затѣмъ сильный пожаръ, опустошившій городъ, не пощадилъ и развалилъ церковь св. Діонисія, оставивъ однѣ руины—только стѣны церкви.

Аллея парка на Домбергъ.

Развалины замковой церкви университетская библиотека.

Развалины церкви св. Діонісія.

Въ настоящее время развалины въ известной мѣрѣ еще могутъ дать представленіе о былой красотѣ церкви,—въ некоторыхъ мѣстахъ стѣны еще хорошо сохранились; поддерживаются развалины съ изумительною, примѣрной тщательностью. Разстилающіеся возлѣ развалинъ газоны и древесныя насажденія, обрамляющія листовою красною бока кирпичей, оживляютъ эту грустную

картину разрушенія. Часть развалинъ—восточная часть церкви—однако, возстановлена, при чемъ старательно сохранены прежнія ея очертанія. Въ ней теперь помѣщается богатая университетская библиотека (около 250,000 томовъ), занимающая три этажа; одна же изъ башенъ служитъ помѣщеніемъ для огромнаго водяного бака, снабжающаго водою зданія университета.

Недалеко отъ развалинъ церкви св. Діонісія, окруженный маленькимъ скверомъ, высится памятникъ Барклаю де-Толли:—громоздкій, во много разъ превышающій натуральную величину, бронзовый бюстъ фельдмаршала, великолѣпно передаетъ благородныя черты этого не опѣннаго по заслугамъ героя. Площадь, посреди которой стоитъ памятникъ, носитъ имя фельдмаршала (рис. на стр. 248).

Всего теперь въ городѣ 4 протестантскихъ церквей; изъ нихъ нѣмецкій лютеранскій соборъ, о трехъ корабляхъ, раздѣленныхъ массивными столбами, поддерживающими острые своды, очень красивъ. Въ Дерптѣ имѣется также и католическій костелъ. Затѣмъ изъ русскихъ церквей была маленькая деревянная въ форштадтѣ у р. Эмбаха, но она развалилась въ тридцатыхъ го-

Развалины церкви св. Діонісія. Часть стѣны развалинъ.

Развалины церкви св. Діонісія. Общій видъ развалинъ. Юрьевъ. Съ фот. Ангерера и Гейсла въ Вѣнѣ.

Развалины церкви св. Діонісія. Внутренній видъ средней части развалинъ.

дах, и вмѣсто нея была построена въ 1834 г. новая православная церковь, греческой архитектуры средних вѣковъ.

Вообще, существованіе православныхъ церквей въ край очень древнее, древнѣе даже нѣмецкихъ. Такъ, въ одномъ изъ отвѣтовъ Іоанна Грознаго датскимъ посланцамъ, въ 1559 г., упоминается о церквяхъ, стоявшихъ въ Юрьевѣ, Ригѣ и Ревелѣ «тому уже 600 лѣтъ». Это подтверждаетъ стародавнее существованіе православія въ землѣ эстовъ, ливовъ и латышей, зарожденіе котораго относить къ X вѣку. Въ 1472 г. Дерптъ посѣтила, проездомъ въ Москву, царица Софія Палеологъ, невѣста царя Іоанна III, сопровождаемая посланцами и приставами; дерптское православное духовенство встрѣтило царицу съ крестомъ и образами. Въ то время въ Дерптѣ было двѣ православныхъ церкви, и столько же и теперь. Главная православная церковь — небольшая, о трехъ приделахъ подъ восьмиграннымъ куполомъ.

Послѣ церкви вторымъ стимуломъ былого могущества Дерпта, административнымъ центромъ его общественной жизни, была ратуша. Старинное зданіе ея (рис. на стр. 243), украшенное башенкой, обитой жестию, высится на городской площади, какъ бы главенствуя среди подобныхъ же ей, стоящихъ подле, старыхъ зданій, съ типическими для архитектуры древнихъ нѣмецкихъ городовъ фасадами.

Какъ было упомянуто, блестящія времена Дерпта относятся ко времени его принадлежности къ ганзейскому союзу. Послѣдовавшіе затѣмъ штурмы и осады не только подорвали въ корнѣ благосостояніе города, но и сдѣлали излишнимъ всякое городское управленіе, такъ какъ не хѣли и не для чего было управлять — жители пребывали въ ссылке, въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ. Интересно сопоставленіе цифръ населенія Дерпта съ 1550 года, т. е. до завоеванія его Іоанномъ Грознымъ и вплоть до недавняго времени — до 1881 г. Въ 1550 г. въ Дерптѣ было болѣе 30,000 жителей, въ 1565 г. — почти ни души; весь XVII вѣкъ Дерптъ владил жалкое существованіе съ ничтожнымъ населеніемъ, но онъ начинаетъ все-таки понемногу приходить въ себя. Начало XVIII вѣка

способности, чтобы выдержать всю эту неустанную борьбу съ пороховыми и огненными стихіями, чтобы стать снова на былую высоту, и стать однимъ изъ крупнѣйшихъ городовъ всего края, не только какъ умственно-научнаго центра, но и какъ торгово-промышленнаго. По своей торговлѣ Юрьевъ въ настоящее время занимаетъ въ губерніи второе мѣсто послѣ Риги. Стоя у судоход-

Юрьевъ. Видъ на городъ изъ Рессурсенгартена.
Съ фот. К. Шульца автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

пой рѣки Эмбаха, при соединеніи балтійской и псково-рижской желѣзной дороги, городъ играетъ въ настоящее время видную роль по внутренней торговлѣ съ ежегоднымъ промышленнымъ производствомъ на 43 фабрикахъ и заводахъ почти въ миллионъ рублей. Изъ почти 40,000 жителей въ городѣ преобладающее большинство населенія нѣмецкое; православное не превышаетъ десятой части населенія.

Новое Городовое Положеніе, приобщившее прибалтійскія губерніи къ прочимъ русскимъ губерніямъ, было введено во всѣхъ городахъ Рижской и Ревельской губерній въ 1786 г. (Дерптъ въ 1783 г. былъ назначенъ городомъ Рижскаго намѣстничества; въ настоящее время Юрьевъ — уѣздный городъ Лифляндской губерніи.)

Императрица Екатерина, находившая несомнѣннымъ съ выгодами и достоинствомъ русской державы допускать существованіе въ имперіи мѣстности на особо привилегированномъ положеніи, особнякомъ отъ остальныхъ губерній, въ то же время дѣйствительно изливала свои милости и на прибалтійскія губерніи, горячо приходила имъ на помощь въ бѣдствіяхъ и сердечно пеняла о ихъ благоденствіи. Такъ, — мы упоминали уже, — императрица оказала широкую помощь жителямъ Дерпта въ 1775 г., послѣ постигнаго городъ страшнаго пожара. Одна изъ достопримѣчательностей Дерпта — великолѣпный, старинный гранитный мостъ черезъ р. Эмбахъ (рис. на этой стр.), воздвигнутый въ 1783 г. жителями Дерпта именно въ благодарность императрицѣ за эту помощь. На порталѣ Екатерининскаго моста со стороны города начертана надпись: *Siste hic impetus, flumen: Catharina II iubet cuius munificentia haec moles in commodum publicum exstructa Livoniae primo*

Юрьевъ. Пристань на рѣкѣ Эмбахъ.
Съ фот. К. Шульца автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

(1708 г.) застаётъ его опять опустошеннымъ, вмѣстѣ съ «гадовъ и хищныхъ звѣрей». Въ царствованіе Екатерины II городъ опять оживаетъ и постепенно разрастается — въ 1774 г. въ немъ 3,300 жителей, въ 1800 г. — 3,524, въ 1824 г. — 8,499, въ 1851 г. — 12,627, въ 1867 г. — около 21,000, а въ концѣ 1881 г. — около 32,000 жителей. Мы видимъ, такимъ образомъ, что 300 лѣтъ жизни города протекли для того, чтобы вернуть ему прежнее число жителей, прежнее благосостояніе. Много должно было быть въ немъ жизне-

пonte lapideo adornata, MDCLXXXIII. Мостъ этотъ своими гранитными очертаніями, высившимся надъ массивными каменными устоями, напоминаетъ Чернышевъ мостъ въ Петербургѣ. Постройка его обошлась очень дорого, такъ какъ камень приходилось везти издалека, да и, кромѣ того, пришлось устроить дамбу въ рѣкѣ, имѣющей 50 сажень въ ширину.

Рѣка Эмбахъ, по-старинному Амовжа, у своего устья имѣетъ въ ширину всего 20 сажень, и, извилаясь среди зеленѣющихъ бе-

реговъ, у самаго города значительно расширяется. Р. Эмбахъ суходонна, и по ней сплавляется много лѣса; короткія, широкія лодки съ дровами то и дѣло встрѣчаются по всему теченію рѣки.

Городъ расположенъ въ лошинѣ и раскинулся по обоимъ берегамъ рѣки, при чемъ на правомъ, высокомъ берегу находятся всѣ достопримѣчательности города: церкви, ратуша и зданія университета съ его знаменитымъ паркомъ на Домбергѣ (Domburg). Зеленью вообще городъ очень богатъ: если смотрѣть на него съ возвышеннаго мѣста, съ Домберга, то открывается дивная картина — весь городъ тонетъ въ зелени, съ своими узкими средне-вѣковыми улицами, сбѣгающимися, какъ ручейки, на площади, съ своими смѣшивающимися архитектурами домовъ, частью старинныхъ, частью современныхъ, то уныло, то весело смотрящихся въ тихія воды Эмбаха...

Одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ открывается съ такъ-называемаго «Ressourcengarten», находящагося близъ Ветеринарнаго института. Густая зелень обступаетъ небольшой прудъ, весь усѣянный по самому берегу небольшими двухэтажными строениями самой незатѣйливой архитектуры. Только кое-гдѣ еще вздымаются старинные домики, напоминающіе о быломъ Дерптѣ (рис. на стр. 246).

Красота, гордость Дерпта — его университетъ. Точно сознавая свое значеніе, онъ взобрался на гору, на самый видъ. Недалеко отъ него нѣмцы прозвали «сѣвернымъ Гейдельбергомъ». Тутъ царство науки, и храмы-дворцы ея — университетъ, клиники, анатомическій театръ, обсерваторія — если не блещутъ особой красотой архитектуры, то могутъ гордиться своей древностью, «тильностью».

Много вѣковъ существуетъ дерптскій университетъ, много превратностей судьбы онъ пережилъ, но роль его не измѣнилась — онъ былъ причиной, зерномъ жизнеспособности Дерпта, осевой постепеннаго роста города, центромъ, привлекавшимъ къ себѣ население всего края, — и такимъ онъ остался до сихъ поръ.

Высшій дерптскій, нынѣ юрьевскій, университетъ — древнѣйшій въ Россіи. Основанъ онъ былъ въ 1632 году, еще въ то время, когда вся Лифляндія принадлежала Швеціи.

Въ 1632 г. въ разгаръ тридцатилѣтней войны, шведскій король Густавъ-Адольфъ подписалъ въ лагерѣ подъ Нюрнбергомъ актъ объ основаніи университета. При открытіи университета, генералъ-губернаторъ Скитте указалъ, какъ на главную цѣль основанія университета, чтобы «воинственная Лифляндія была превращена на путь добродѣтели и нравственности». Въ память основателя, университетъ былъ названъ «Academia Gustaviana». Большинство профессоровъ были нѣмцы, и потому совершенно правильно названіе этого перваго періода жизни университета шведско-нѣмецкимъ.

Стремленія шведскаго правительства — «привести Лифляндію на путь добродѣтели и нравственности» путемъ университетскихъ лекцій, не встрѣчали сочувствія въ населеніи. Правительство привлекало въ университетъ студентовъ то угрозами, то обещаніемъ разныхъ льготъ, одной изъ которыхъ было даже освобожденіе студентовъ отъ военной службы. Не видя особенной притягательной силы въ этой льготѣ, правительство учредило для студентовъ богатые стипендіи и даже предоставило студентамъ пользоваться безплатно столомъ. Отчасти эта приманка подѣйствовала, но разныя «столовые злоупотребленія» вызывали гнѣвъ студентовъ и даже жалобы. Такъ, 26 декабря 1637 г. студенты подали ректору жалобу, въ которой указывали на то, что «ежегодно имъ ассигновывалось 3,454 тал. на рыбу, мясо, хлѣбъ, пряности и масло; но экономъ въ послѣднемъ году «сбросилъ» съ этой суммы 1,057 тал.; что они сидятъ въ грязи, столовыя комнаты не убираются, кухарки отвратительны, грязны и бьютъ студентовъ; поэтому они просятъ — «пусть попечители и патроны университета избавятъ ихъ отъ этихъ бѣдъ».

Двадцатичетырехлѣтнія безплодныя усилія шведскаго правительства къ насажденію образованія и нравственности въ Лифляндію неожиданно закончились въ 1656 г. разгромомъ самаго Дерпта русскими войсками. Студенты вмѣстѣ съ профессорами покинули университетъ и бѣжали изъ города. Тридцать четыре года не рѣшались они вернуться въ университетъ, и за это время пытались даже основать новый въ Ревелѣ, просуществовавшій съ 1657 по 1662 г., но затѣмъ закрывшійся.

Въ 1690 году университетъ снова возродился подъ шведскимъ владычествомъ и просуществовалъ 20 лѣтъ. Этотъ второй періодъ называется «Gustaviana Carolina». На содержаніе университета отведены были правительствомъ пригородныя земли, но собственно въ Дерптѣ просуществовалъ онъ всего 9 лѣтъ. Слухи о войнѣ Швеціи съ Россіей вынудили профессоровъ вмѣстѣ со студентами снова покинуть «alma mater»; они переселись въ приморскій городъ Перновъ, и тамъ основали университетъ, влчавшій жалкое существованіе до 1710 г. Этотъ второй періодъ жизни университета одинъ изъ самыхъ тѣневыхъ, университетская наука въ немъ если не угасала, то и не горѣла яркимъ свѣточемъ. Университетъ за этотъ второй періодъ былъ, въ противоположность первому, шведскимъ, — и по составу профессоровъ (24 шведа и 4 нѣмца), и по контингенту студентовъ. Профессора и студенты соперничали другъ съ другомъ въ нерадѣніи къ своимъ занятіямъ — лекцій не посѣщали ни учителя, ни ученики, но зато въ частной жизни студенчество было очень дѣятельно — тянулася непримиримая вражда шведовъ съ нѣмцами, возгорались драки и побоища. Какъ

вели себя тогдашніе студенты, лучше всего указываютъ правила, для нихъ установленныя: «осада домовъ, битые стекла въ окнахъ, выламываніе дверей, бросаніе свинцовыхъ шаровъ и огнестрѣльныхъ снарядовъ — наказываются исключеніемъ изъ университета; оскорбленія, тѣлесныя поврежденія, убійство и дуэль — по закону; игра въ кости и въ карты — четырехдневнымъ заключеніемъ въ карцерѣ; стрѣляніе по ночамъ, кричанье днемъ и ночью. «циклопическій ревъ» (Kyklopisches Gebrüll) — карцеромъ. Послѣ девяти (лѣтомъ послѣ десяти) часовъ вечера ни одного студента не должно быть въ трактирѣ. Каждый студентъ обязывается ежедневно читать Библию. Желающіе получить стипендію, должны обѣщать ректору подъ присягой не вступать ни въ какія сообщенія и землячества (nationalia collegia). Это преслѣдованіе всякихъ сообществъ и землячествъ объясняется стремленіемъ правительства умѣрить такимъ путемъ національную ненависть между нѣмцами и шведами и, главное, ея бурныя проявленія дѣльными объединенными группами, доходившія до массовыхъ столкновеній, закатившихся убійствами и тяжкими увѣчьями. Столкновенія эти происходили какъ въ первый періодъ существованія университета, такъ и во второй, и между студенческими группами, и между студентами и офицерами, и даже бывали случаи нападенія студентовъ на профессоровъ. Если въ этой картинѣ жизни и поведенія беззабашаго въ тѣ времена дерптскаго студенчества есть не мало грустнаго, то подчасъ въ своей заносчивости и требовательности студенты доходили до глубокаго комизма, усугублявшагося серьезностью тона этихъ требованій. Вотъ одинъ изъ перловъ. Въ 1699 году двѣнадцать студентовъ обратились въ верховную консисторію съ прошеніемъ на шведскомъ языкѣ, сводившимся къ слѣдующему: «вынужденные кормить себя сами, они бы желали для собственныхъ потребностей варить немного легкаго пива». Акцизный инспекторъ отказалъ имъ въ этомъ наотрѣзъ; тогда студенты пришли въ большое затрудненіе, такъ какъ въ городѣ нельзя было достать такого легкаго пива, какого имъ требовалось, и потому они обратились къ ректору, указывая на то, что они должны-де пользоваться своими «привилегіями». Ректоръ счелъ должнымъ поддержать ходатайство студентовъ, и написалъ бумагу къ канцлеру Дальбергу съ указаніемъ на § 6 студенческихъ привилегій. Къ сожалѣнію, неизвѣстенъ результатъ этого пивнаго ходатайства.

Завоеваніе Дерпта Петромъ I положило конецъ существованію университета. Войска наши, по точному выраженію Шереметева, «все разорили и запустошили безъ остатка». — до университета ли было въ тѣ времена разореннымъ жителямъ? Поэтому, хотя Петръ въ своихъ резолюціяхъ 12 октября 1710 г. на прошеніе, поданное ему лифляндскимъ рыцарствомъ, и отмѣтилъ въ 4-мъ пунктѣ по поводу «содержанія академіи или высокой школы въ Перновѣ», что «Его Величество о призваніи искусныхъ профессоровъ такое попеченіе прилагать изволитъ, чтобы высокая школа благоснабжена была, яко же о оной совершенномъ и довольномъ учрежденіи и содержаніи Его Царское Величество все чинить будетъ; но притомъ оставляетъ себѣ особливаго профессора высокой школы учредить, который славянскому языку обучати и оный бы тамо ввести могъ», — все-таки университета — этой «высокой школы» — не было учреждено въ теченіе почти дѣлаго столѣтія.

За эти сто лѣтъ, протекшія подъ неразрывной сѣнью мира, городъ успѣлъ понемногу оправиться отъ невзгодъ, развилась вся область, и постепенно появилась вновь нужда въ университетѣ. При этомъ необходимо упомянуть, что за эти сто лѣтъ Лифляндія и Дерптъ въ частности не пребывали безъ высшаго образованія, — въ ней были и проповѣдники, и учителя, и врачи, и юристы, но ихъ было немного, такъ какъ полученіе высшаго образованія сопряжено было съ поѣздкой въ германскіе университеты, а слѣдовательно и съ не малыми тратами. Понятно, гораздо удобнѣе было имѣть свой университетъ, — свой не только для нѣмцевъ, жившихъ въ Лифляндіи, но и для всей Россіи, далеко не изобиловавшей тогда университетами (первый русскій, московскій, университетъ основанъ въ 1775 г., второй — петербургскій въ 1819 г.), да къ тому же нуждавшейся и въ юристахъ, и въ образованныхъ техникахъ, и особенно во врачахъ. Къ тому еще, пребываніе русскихъ подданныхъ въ иностранныхъ университетахъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ концѣ XVIII вѣка, благодаря французской революціи. 9 апрѣля 1798 г. былъ изданъ Высочайшій указъ, гласившій, что, «по причинѣ возникшихъ въ иностранныхъ училищахъ зловерныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ, и вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія пользы тамъ гдѣ молодые люди пользы, пагубу имъ наносящихъ», государь императоръ Высочайше указалъ соизволилъ: «отправленіе ихъ въ чужестранныя воспитанія воспретить. Но дабы не ограничить тѣмъ способамъ къ образованію и просвѣщенію въ особености благородному юношеству лифляндскому, эстляндскому и курляндскому, и тѣмъ наипаче воздѣйствовать къ общему и частному благу, Всемилостивѣйшій государь императоръ соизволилъ оказать Высочайшею волю, чтобы рыцарство курляндское, эстляндское и лифляндское, по собственному ихъ согласію, избрали причинѣе для учрежденія университета мѣсто, и на основаніи, желаемой пользы соответственнымъ, устроили оный...» (П. С. З. № 18774.)

Въ виду этого, 4 мая 1799 г. былъ Высочайше утвержденъ «Планъ протестанскаго университета въ Дерптѣ» (Полное Собр.

Зак. № 18953). Въ этомъ планѣ сказано, что «курляндское рыцарство назначено удобѣйшимъ мѣстомъ для основанія университета городъ Митаву, но Сенатъ, согласно представленіямъ ливонскаго и эстляндскаго рыцарствъ, отдастъ преимущество г. Дерпту, ибо онъ находится почти въ срединѣ означенныхъ трехъ губерній; положеніе свое имѣетъ на сухомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ Митаву окружена болотами; употребляетъ россійскую монету и ассигнаціи и, сверхъ того, превосходить дешезвиною съѣстными припасовъ: слѣдовательно можетъ болѣе доставлять способъ недостаточнымъ родителямъ къ помѣщенію въ предполагаемое училище дѣтей своихъ». На содержаніе университета, при которомъ «назначается быть и богословскому факультету взаимнѣ семинарій...» потребно ежегодно 56,050 р. При этомъ, однако, въ § 1 плана сказано: «учреждается университетъ для всей Россійской имперіи, наипаче же для рыцарства ливонскаго, эстляндскаго и курляндскаго. Подчиненъ былъ университетъ «столку Сенату». Съ кончиной императора Павла планъ учрежденія дерптскаго университета перешелъ, какъ духовное завѣщаніе, къ императору Александру I, осуществившему его указомъ отъ 5 января 1802 г.

Въ указѣ этомъ императоръ выразилъ, что дерптскій университетъ создается «во уваженіе государственной пользы, отъ него ожидаемой». Университетъ получилъ самоуправленіе; право выбора профессоровъ и попечители было предоставлено дворянству; университету же поручено управленіе имѣніями, предоставленными на его содержаніе. Эта зависимость университета отъ мѣстнаго дворянства вызвала вскорѣ же неудовольствіе среди приглашенныхъ въ Дерптъ иностранныхъ профессоровъ, и по настоящему ходатайству извѣстнаго физика Паррота, ставшаго потомъ академикомъ и пользовавшагося большимъ расположеніемъ императора Александра I, 12 декабря 1802 года издана была Высочайшая учредительная грамота, лишившая дерптскій университетъ характера дворянскаго установленія, присвоившая ему имя «Императорскаго» и предоставившая назначеніе попечителя правительству, подчинивъ университетъ министерству народнаго просвѣщенія. Этимъ актомъ университету дано было «мѣсто, бывшее передъ симъ подъ дерптскою крѣпостію, называемое думою, и также мѣсто прежде бывшей шведской церкви, съ ихъ принадлежностями; сверхъ того, изъ казенныхъ мызъ 240 ливонскихъ гаковъ по шведской ревизіи», а до вступленія во владѣніе ими—по 120,000 р. асс. ежегодно изъ государственнаго казначейства.

Съ 1802 г. начиная, такимъ образомъ, третій періодъ существованія дерптскаго университета, длившійся до 1882 г. За эти 80 лѣтъ университетъ пережилъ столько же превратностей, сколько же измѣненій направленій, сколько и самъ Дерптъ. Всѣ эти реформы, направлявшіяся на университетъ, отражались на самомъ городѣ, и можно смѣло сказать, что съ начала нынѣшняго вѣка оба они слились настолько вмѣстѣ, что городъ существуетъ, какъ бы только ради университета и изъ-за университета. Періодъ этотъ, пока болѣе блестящій изъ всѣхъ, принято называть «нѣмецкимъ», въ виду ярко выражавшагося преобладанія нѣмецкаго вліянія, нѣмецкаго элемента и въ составѣ профессоровъ, и въ составѣ студентовъ, и въ характерѣ, и въ способѣ преподаванія. Нѣмецкимъ университетъ сталъ съ самаго начала потому, что преподаватели приглашены были изъ Германіи, — у насъ въ тѣ времена было своихъ немного. Затѣмъ уже пошли по этому проторенному пути, и въ результатѣ получилось, что университетъ самъ собою сталъ уголкомъ Германіи, пересаженымъ на русскую почву.

Нѣмецкіе были профессора, нѣмцы и попечители. Однимъ изъ первыхъ попечителей дерптскаго учебнаго округа, съ 1817 г., кстатіи оказавшимъ самому университету огромную услугу въ дѣлѣ его упорядоченія и расширенія, былъ князь Ливень, отставной офицеръ и курляндскій дворянинъ. Ректоромъ университета былъ при немъ профессоръ Эверсъ, родомъ изъ Вестфалии. Оба они, — нельзя

не признать, — не мало украсили университетъ богатѣйшими научными учрежденіями, но они же и наложили на университетъ первый, до сихъ поръ неизгладимый, отпечатокъ германизма. Князь Ливень былъ силенъ уже въ то время, а еще болѣе сталъ могущественъ съ 1828 г., когда былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ одномъ изъ писемъ къ ректору Эверсу кн. Ливень писалъ: «дерптскій учебный округъ и въ особенности университетъ, это—моя слабая сторона, и я испытываю относительно него нѣкоторую невѣроятную болѣзненную чувствительность». Какъ бы то ни было, стараніямъ кн. Ливена дерптскій университетъ обязанъ тѣмъ, что ежегодная смѣтная трата казны на университетъ была увеличена почти втрое, — съ 120,000 до 337,000 р. Кроме того, за время съ 1818 по 1830 г. онъ выхлопоталъ на клинику—15,000 руб., на ботаническій садъ—31,000 р., на библиотеку—55,000 р., на анатомическій театр—57,000 р., на обсерваторію—71,000 р., на хозяйство—65,000 р., на путешествія съ научною цѣлью—52,000 р., а всего на 1,002,166 р. ассигнаціями. Цифры очень почтенныя и вполне достойныя на употребленіе ихъ въ цѣляхъ просвѣщенія. Въ незначительной степени благодаря этимъ средствамъ дерптскій (юрьевскій) университетъ въ научномъ отношеніи обставленъ богаче всѣхъ другихъ нашихъ университетовъ, такъ какъ въ немъ имѣется, кроме перечисленныхъ учреждений, и музей изящныхъ искусствъ, фармацевтическій институтъ, химическій, физическій и математическій кабинеты, экономическій кабинетъ и лабораторія сельскохозяйственной химіи, минералогическій кабинетъ, зоологическій музей, метеорологическая обсерваторія, рисовальное заведеніе, институтъ сравнительной анатоміи, физиологическій и фарма-

Юрьевъ. Памятникъ Барклаю-де-Толли.
Съ фот. К. Шульца автотипія Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ.

кологическій институтъ, собраніе по библейской и церковной археологическій и статистическій кабинетъ и цѣльхъ шесть клиникъ: терапевтическая, поликлиника, хирургическая, офтальмологическая, родовспомогательная и гинекологическая, клиника нервныхъ и душевныхъ болѣзней и отдѣленіе окружнаго госпиталя. Все это богатство научныхъ учрежденій возросло если не по стараніямъ кн. Ливена, то по его благотворному почину.

Преемникомъ кн. Ливена въ Дерптѣ назначенъ былъ въ 1828 г. сенаторъ баронъ Паленъ, пробывшій въ должности попечителя до 1835 г. Тяжелыя времена іюльской революціи и польскаго возстанія вызвали стремленіе правительства ввести большую дисциплину въ университетахъ, и съ этой цѣлью назначенъ былъ попечителемъ генераль-лейтенантъ Крафтштремъ, своею строгостью оставившій по себѣ тяжелую память въ Дерптѣ.

Слѣдующій кн. Ливена на министерскомъ посту, С. С. Уваровъ явился провозвѣстникомъ новыхъ вѣяній. Уваровъ считалъ безусловно необходимымъ избавить цѣлый край, принадлежавшій Россіи, населенный русскими подданными, отъ какой-то обособленности, немислимой въ культурномъ государствѣ. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 7 іюня 1838 г. Уваровъ высказалъ взглядъ, что обрусѣнію края, безуспѣшно дѣлающемуся уже болѣе 100 лѣтъ, можетъ болѣе всего способствовать воспитаніе юношества въ русскомъ языкѣ и духѣ, и при этомъ указалъ, что на это обратилъ вниманіе самъ государь въ 1827 г., когда, посѣтивъ Ригу и Ревель, замѣтилъ въ казенныхъ гимназіяхъ слабыя успѣхи по отечественному языку, и потому приказалъ, чтобы этотъ недостатокъ, который былъ тогда всеобщимъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Остзейскаго края, былъ безусловно устраненъ. Поэтому рѣшено было, что лучший способъ обрусѣнія—начинать не съ университета, а снизу, «со школъ и съ гимназій, и такимъ образомъ своевременно могутъ быть подготовлены къ тому всѣ требуемые элементы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нельзя было въ ожиданіи обрусѣнія со школьныхъ скамей оставлять на прежнемъ обособленномъ положеніи и университетскія кафедры. Человѣкъ въ высшей степени мягкой, врагъ всякихъ крутыхъ мѣръ, Уваровъ дѣйствовалъ постепенно, стараясь мало-по-малу завоевать русскому языку право

Цирцея. Рисунокъ Ф. А. Каульбаха, грав. Геданъ.

гражданства. Въ числѣ этихъ мѣръ его можно указать: предписание еще 19 декабря 1836 г. о томъ, чтобы университетъ не давалъ ученыхъ званий безъ испытанія въ русскомъ языкѣ; пять лѣтъ спустя предписано было не принимать студентовъ безъ строгато экзамена по русскому языку; въ 1842 г. была учреждена кафедра по русскому праву (починъ этому сдѣлалъ, какъ мы упоминали, еще Петръ I), при чемъ чтеніе лекцій по нему было обязательно на русскомъ языкѣ; въ 1846 г. Уваровъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, кромѣ лекцій по русской словесности, на каждомъ факультетѣ введено было еще одно чтеніе на русскомъ языкѣ; но всѣ эти предписанія и повелѣнія плохо приводились въ исполненіе, и въ результатѣ обрусѣніе университета, а съ нимъ вмѣстѣ и края, подвигалось очень туго; въ видахъ безпристрастія, нельзя при этомъ упускать изъ виду и то, что край былъ до того германизированъ, что даже при желаніи ввести въ дѣло производство и преподаваніе русскій языкъ — сдѣлать это было очень трудно за полныиъ съ нимъ незнакомствомъ всѣхъ почти даже власть имущихъ. Не малымъ вмѣстѣ съ тѣмъ тормозомъ обрусѣнію края служило и то, что въ этомъ направленіи не было неуклонности, что проводники правительственныхъ мѣропріятій на мѣстѣ были далеко не одинаковыхъ взглядовъ на этотъ предметъ, и если при одномъ изъ нихъ дѣло обрусѣнія дѣлало нѣсколько шаговъ впередъ, то при другомъ, преемникъ—опять клонилось къ прежнейму statu quo, такъ что въ результатѣ всѣ мѣропріятія замирали при первомъ прибытіи къ мѣсту назначенія.

Такъ, мы видимъ, что послѣ Крафштрема, старавшагося проводить задачи правительства, но мало подготовленнаго къ роли руководителя учебнымъ дѣломъ, въ 1854 г. назначенъ былъ попечителемъ сенаторъ Брадке, а послѣ его кончины гр. Кейзерлингъ. Оба эти попечителя, люди очень почтенные и образованные, много сдѣлавшіе для увеличенія средствъ и учебныхъ пособій университета, не могли, однако, отрѣшиться отъ природнаго тяготѣнія ко всему нѣмецкому, что, понятно, являлось преградой обрусительнымъ стремленіямъ правительства. Понятно, что необходимо было установить противовѣсъ, и это достигнуто было вполнѣ только тогда, когда проводникомъ правительственныхъ стремленій явилось лицо, прекрасно знакомое съ учебнымъ дѣломъ, съ яснымъ и опредѣленнымъ взглядомъ на свою задачу въ этой мирной борьбѣ, требующей только мирныхъ культурныхъ средствъ. Такимъ первымъ дѣятелемъ—былъ А. А. Сабуровъ. Недаромъ сторонники нѣмецкаго владычества въ Дерптѣ называли его «самымъ опаснымъ попечителемъ дерптскаго учебнаго округа». Опасенъ онъ былъ имъ именно своимъ миролюбіемъ, тою популярностью, которую онъ скоро завоевалъ себѣ и среди профессоровъ, и среди студентовъ.

И что особенно знаменательно—Сабуровъ ничуть не обольщалъ надеждами на возвращеніе къ былому германизму, онъ прямо и открыто говорилъ, что призванъ обрусить остзейскія провинціи, но только не силой, не безцѣльной жестокостью, а мирно, постепенно. И за время своей дѣятельности, длившейся всего только пять лѣтъ — съ 1875 по 1890 г. — онъ не встрѣчалъ противодѣйствія своимъ мѣропріятіямъ, клонившимся къ явному обрусѣнію, въ родѣ учрежденія русской учительской семинаріи, для обрусѣнія крестьянъ, которые хотя и были освобождены здѣсь еще въ 1819 году, но стояли на весьма низкомъ образовательномъ уровнѣ и потому не могли и помышлять о борьбѣ съ нѣмецкимъ населеніемъ.

Но Сабуровъ былъ всего пять лѣтъ и, по примѣру кн. Ливена, былъ отсюда прямо назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Слѣдившій его въ должности попечителя сенаторъ баронъ Штакельбергъ строго держался правительственныхъ предначертаній и уступилъ мѣсто М. Н. Капустину, и по характеру, и по образованію, и по опытности близко подходящему къ Сабурову. За время его попечительства—съ 1883 по 1890 г.—дѣло преобразования прибалтійскихъ учебныхъ заведеній и дерптскаго университета двинулось очень сильно впередъ.

При М. Н. Капустинѣ дерптскій «протестантскій университетъ» пересталъ быть «протестантскимъ» и пересталъ, въ то же время, быть протестующимъ. Новый, четвертый періодъ жизни университета, начавшійся съ 1882 г. — со времени послѣ Сабурова, — можетъ быть уже названъ «русскимъ». Указами 1889 г. введено было, наконецъ, преподаваніе на русскомъ языкѣ, учреждены были новыя русскія кафедры, и постепенно преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ отведено было почти исключительно для предметовъ чисто нѣмецкихъ, какъ, напримѣръ, лекціи по мѣстному балтійскому праву. Въ 1889 же году уничтожена была и автономія университета, и управленіе имъ, какъ и прочими университетами, передано было министерству народнаго просвѣщенія. Труды М. Н. Капустина продолжались и продолжаютъ его преемникомъ (съ 1890 г.) Н. А. Лавровскимъ, бывшимъ до того ректоромъ варшавскаго университета. При немъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 января 1893 г. Дерптъ переименованъ въ Юрьевъ, и «юрьевскими» стали называться въ то же время всѣ городскія учрежденія съ университетомъ во главѣ.

На ряду съ этими коренными измѣненіями всей учебной системы университета, измѣнилась и жизнь студенчества. Въ былыя времена, какъ мы уже вскользь упоминали, каждый дерптскій студентъ принадлежалъ къ извѣстному сообществу, корпораціи, которыхъ было три: «Куронія», «Ливонія» и «Эстонія». Коренныя цѣли этихъ корпорацій были самыя почтенныя:—блюсти духъ чести

и порядка въ университетѣ; основнымъ правиломъ ихъ было: «избѣгай всего низкаго, уважай женщину и держи слово во всякомъ случаѣ»; потому университетское начальство относилось къ корпораціямъ вполнѣ благосклонно. Такъ, извѣстно, что кн. Ливенъ въ 1817 г. при вступленіи своемъ на постъ попечителя, созвалъ студентовъ и предложилъ имъ образоватъ «общій студенческой союзъ». Въ 1823 г. къ этимъ тремъ корпораціямъ, установившимъ себѣ для отличія особые цвѣта на шапкѣ, присоединилось четвертое—«Fraternitas Rigensis». Но между корпораціями происходили большія несогласія и столкновенія, оканчивавшіяся побойцами и дуэлями; достаточно сказать, что въ корпораціи «Куронія», считавшейся особенно буйною, было ежегодно среднимъ числомъ 150 дуэльей. Въ виду этихъ неурядицъ, въ 1833 г. правительство сочло необходимымъ распустить всѣ эти сообщества, но они продолжали тайкомъ существовать.

Во времена попечителя Брадке, въ 1855 году вновь было разрешено официально существованіе дерптскихъ корпорацій, но подъ условіемъ: онѣ обязаны были поручиться за все студенчество въ томъ, что будетъ сохраняться порядокъ. При гр. Кейзерлингѣ отмѣнена была введенная при Крафштремѣ форма для студентовъ. Кромѣ того, разрешено было открыто носить цвѣта корпорацій, которые возродились въ новой силѣ.

Организація корпорацій была очень сложная и весьма оригинальная. Не желавшіе участвовать въ корпораціяхъ назывались «wilden» (дикіе). У корпорацій были свои кассы, должностныя лица, на собраніяхъ велись протоколы, и отдѣльныя корпораціи обмѣнивались другъ съ другомъ формальными бумагами. У корпорацій было даже собственное оружіе. Для разбирательства споровъ между членами разныхъ корпорацій или между «дикими» былъ общій безапелляціонный судъ чести. Кромѣ того, имѣлся «Burschengericht» (судъ буршей), состоявшій изъ 12 судей—по два представителя отъ каждой корпораціи *). Жалобы на этотъ судъ допускались и направлялись въ «Chargirten-Convent», состоявшій также изъ представителей корпорацій. Интересно, что безъ разрѣшенія старыхъ дѣйствовавшихъ корпорацій не могло основаться ни одной новой. Въ послѣднее время корпораціи были запрещены правительствомъ и преобразились въ безобидныя «ферейны» (Verein—общество). Именно безобидныя, потому, что тѣ, прежнія, были обидны—и для государства, какъ блюстителя нормъ правопорядка, и для самого студенчества, какъ корпораціи дѣятельной трудящейся молодежи, готовящейся къ служебному обществу и государству. Дерптское студенчество, своими шумными коммерсами, своимъ буйнымъ правомъ, стало притчею во языцѣхъ и сгубило свой десятилѣтній слававшійся корпоративный строй. Стремленія созидателей этого строя были самыя достойныя,—достойныя осуществленія: сдѣлать изъ университета, его профессоровъ и студентовъ, одно цѣлое, живущее одною общею жизнью, общими интересами и стремленіями, указывающее пути для дѣятельности тѣхъ и другихъ, и каждого въ отдѣльности. Къ сожалѣнію, это не осуществилось по причинамъ съ виду незначительнымъ, но въ общемъ вызвавшимъ упраздненіе всего строя.

Что касается числа студентовъ университета, то нельзя не отмѣтить замѣчающагося за послѣдніе годы уменьшенія его. Такъ, судя по спискамъ, къ 1 сентября 1888 г. въ университетѣ было 1,639 студентовъ. въ 1889 г.—1,619, въ 1890 г.—1,664, въ 1891 г.—1,572, въ 1892 г.—1,519, въ 1893 г.—1,348, въ 1894 г.—1,247, въ 1895 г.—1,064, въ 1896 г.—1,185 студентовъ. Этотъ печальный фактъ, ставшій особенно рѣзкимъ съ 1890 г. (уменьшеніе достигло 36%), нельзя, понятно, не поставить въ связь съ обрусительными мѣропріятіями правительства; тѣмъ болѣе, что, по статистическимъ даннымъ, въ 1889 г. уроженцы прибалтійскихъ губерній составляли еще 63% общаго числа студентовъ университета, а въ 1895 г. ихъ было уже только 50%; при этомъ однако число уроженцевъ внутреннихъ губерній увеличилось всего на 1½%. Эти цифры краснорѣчиво доказываютъ, что теперь юрьевскій университетъ переживаетъ переходное время; недовольное обрусѣніемъ нѣмецкое населеніе края направило, очевидно, свою молодежь въ германскіе университеты, а пока время идетъ, нарастаетъ новое поколѣніе, воспитанное въ русскомъ духѣ, которое предъявитъ запросъ на высшее образованіе и найдетъ его тутъ же, въ юрьевскомъ университетѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ угаснутъ страсти, и то же нѣмецкое населеніе убѣдится, наконецъ, въ правотѣ стремленій русскаго государства уравновѣситъ взаимныя отношенія всѣхъ народностей въ край путемъ подчиненія ихъ общему имперскому праву, признанія для нихъ обязательными общаго государственнаго языка и общихъ государственныхъ законовъ, не касаясь ни ихъ вѣры, ни народной индивидуальности. Въ этомъ отношеніи должны быть памятыи всѣмъ «непримиримымъ» въ нѣмецкомъ населеніи слова гр. Герберта Бисмарка. Посѣтивъ Россію въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ былъ очень радушно встрѣченъ нѣмцами-остзейцами, и въ Ревелѣ, на обращенныя къ нему нѣмецко-патриотическія привѣтствія, отвѣтилъ сожалѣніемъ, что не можетъ отплатить имъ учтивостью за учтивость и отвѣтитъ имъ, балтійцамъ, на ихъ государственномъ языкѣ, т. е. русскимъ.

Обозрѣвая, въ заключеніе, прошлое юрьевскаго университета, нельзя не признать большихъ заслугъ его въ дѣлѣ русскаго про-

* «Куронія» (основана въ 1808 г.), «Эстонія» (1821 г.), «Ливонія» (1822 г.), «Fraternitas Rigensis» (1824 г.), «Neo-Baltia» (1879 г.), «Fraternitas Academica» (1881 г.). Въ 1882 г. основалась еще «Lethonia» (изъ молодыхъ латышей).

свѣщенія. Въ лѣтописяхъ дерптскаго университета красуются такія крупныя имена его профессоровъ, какъ А. Бульмерингъ, Э. Шмидтъ, Г. Драгендорфъ, Карль-Эрнстъ Бэръ (въ Юрьевѣ воздвигнуть ему памятникъ), Шренкъ, Гельмерсенъ, Ф. Шмидтъ, А. Миддендорфъ, А. Бригнеръ, Адольфъ Вагнеръ, знаменитый астрономъ В. Струве, состоявшій съ 1817 по 1839 г. директоромъ дерптской обсерваторіи (рис. на стр. 242), считавшейся въ свое время одной изъ первыхъ въ Европѣ,—въ ней находится знаменитый рефракторъ Фраунгофера. Многие изъ этихъ ученыхъ стяжали европейскую извѣстность и состояли членами Академіи Наукъ.

Дерптскій университетъ выпустилъ изъ своихъ стѣнъ не одну тысячу почтенныхъ дѣятелей, работавшихъ на пользу Россіи на разныхъ поприщахъ, въ качествѣ учителей, врачей, чиновниковъ, занимавшихъ высшія государственныя должности.

Дерптскій (нынѣ юрьевскій) университетъ былъ во времена слабаго культурнаго развитія Россіи очагомъ европейской культуры въ Остзейскомъ краѣ, въ силу историческихъ условій находившемся въ лучшемъ культурномъ положеніи, чѣмъ вся остальная Россія, и если теперь законы прогресса придвинули его къ сердцу Россіи, сравняли съ другими возникшими у насъ университетами, то ему предстоитъ лишь, какъ одному изъ старшихъ, стать въ рядъ съ прочими и продолжать свою великую культурную миссію на благо всего государства. Въ этомъ его будущность, достойная его великаго прошлаго, въ этомъ залогъ его успѣха. Этимъ овъ оправдаетъ великую задачу, указанную ему императоромъ Александромъ I—«распространеніе человѣческихъ познаній въ нашемъ государствѣ, и купно образованіе юношества на службу отечества».

Пара сапогъ.

Изъ разсказовъ стараго студента.

И. Н. Потапенко.

Это было въ 186* г. Въ небольшомъ двухэтажномъ домикѣ, съ виду похожемъ на благоустроенный сарай, нѣкогда выкрашенномъ въ коричневый цвѣтъ, вслѣдствіе долгодѣтнаго невозобновленія превратившійся въ бурый, въ улицѣ Лѣвннкѣ, Анна Карловна Фунтъ держала меблированныя комнаты. Несомнѣнно, что во время оно, устраивая это предпріятіе, Анна Карловна имѣла въ виду извлечь изъ него выгоду, но если принять во вниманіе, что изъ ея шести жильцовъ былъ только одинъ дѣйствительно платящій, т.-е. платящій какъ слѣдуетъ, каждое первое число, именно коллежскій регистраторъ Свигульскій, остальные же всѣ были у нея въ долгу, то можно усомниться въ томъ, что Анна Карловна достигала своей цѣли.

Странная женщина. Жизнь ея проходила въ томъ, что она вѣчно ворчала на неплатящихъ и вѣчно грозила выселеніемъ, упоминая при этомъ околоточнаго, городского и другихъ участковыхъ властей, и при этомъ никогда никого не выселила. Очевидно, у Анны Карловны было доброе сердце, которое и тиранило ее.

Событіе, о которомъ пойдетъ рѣчь, случилось въ концѣ мая, когда падъ московскими улицами носилась пыль, воздухъ былъ зараженъ всякаго рода скверными испареніями, стояла духота и вообще жилось отвратительно.

Комната, которую занимали вдвоемъ Пиратовъ и Камзолинъ, была по размѣрамъ совершенно достаточна для того, чтобы въ ней могли помѣститься узенькая кровать и короткій диванъ, на которыхъ спали жильцы. Диванъ былъ, какъ мы сказали, коротокъ и отличался тѣмъ свойствомъ, что какъ разъ посрединѣ его, изъ-за разодраной обивки выглядывало остріе сломанной пружины. Кромѣ того, поверхность его была необыкновенно волнистая, что въ общей сложности служило достаточной причиной для кошмаровъ. По сравненію съ нимъ кровать представлялась роскошью. Матрацъ на ней былъ очень твердъ, но изъ него не выглядывали пружины, такъ какъ ихъ вовсе въ немъ не было. Она была достаточно длинна для того, чтобы длинный Камзолинъ могъ вытянуться на ней во весь ростъ, и достаточно широка для того, чтобы плотно сложенный Пиратовъ могъ размѣститься на ней свое богатое тѣло. И такъ какъ основнымъ принципомъ ихъ сожителства была справедливость, то они спали на кровати по очереди.

Въ комнатѣ былъ еще столъ, одинъ на двоихъ стулъ и что-то похожее на этажерку, до такой степени заваленное книгами и исписанной бумагой, что, казалось, вся эта куча лежала просто на полу. Главнымъ украшеніемъ комнаты были многочисленные окурки, валяшіеся по угламъ, а также висѣвшая на гвоздѣ пара сѣрыхъ, въ достаточной степени потертыхъ, брюкъ, относительно которыхъ оба жильца не могли опредѣлить, кому они собственно принадлежатъ, такъ какъ употреблялись они обоими въ парадныхъ случаяхъ. Быть-можетъ, покажется нѣсколько страннымъ, что

одни и тѣ же брюки могли устраивать судьбу высокаго, тонкаго и длинноногаго Камзолина и широкоплечаго, толстаго и короткаго Пиратова, но человѣческой умъ превозмогаетъ еще и не такія затрудненія. Брюки были сшиты не на Камзолина и не на Пиратова, а на какое-то неизвѣстное существо, представлявшее по отношенію къ нимъ обоимъ среднюю величину, поэтому они были нѣсколько коротки на Камзолинѣ и нѣсколько длинны на Пиратовѣ,—маленькія неудобства, съ которыми легко примириться, даже не будучи философомъ.

Конечно, въ жизни товарищей были разные моменты. Случалось, что въ одно и то же время у каждаго оказывалось по совершенно новому пиджаку; одно время въ комнатѣ фигурировалъ великолѣпный черный сюртукъ, изъ хорошаго сукна. Но всѣ эти вещи были случайны и очень скоро сплавлялись въ кассу ссудъ или просто на толкучку. Висѣвшіе же на стѣнѣ брюки были постояннымъ украшеніемъ комнаты. Они были совершенно необходимы, это было признано разъ навсегда, и поэтому судьба ихъ была обезпечена.

Камзолинъ проснулся на диванѣ, Пиратовъ—на кровати. Разбудилъ ихъ звонъ колокола, раздавшійся на сосѣдней колокольнѣ. Такъ какъ ни у одного изъ нихъ не было часовъ, то этотъ колоколъ каждый день замѣнялъ имъ и часы и будильникъ. Они ему вѣрили безусловно, и онъ никогда ихъ не обманывалъ, своимъ первымъ ударомъ показывая восемь часовъ.

— Надо вставать,—промолвилъ Камзолинъ, вытягивая свои длинныя ноги такимъ образомъ, что онѣ выходили далеко за предѣлы дивана и болтались въ воздухѣ.

— Чортъ возьми, да, кому-нибудь одному надо вставать,—отозвался Пиратовъ.— Что касается меня, то я нисколько не расположенъ къ этому...

— Я еще менѣе, потому что эта проклятая пружина всю ночь вонзалась не только въ мое тѣло, но, кажется, и въ душу...

— Тѣмъ больше у тебя основаній стремиться къ тому, чтобъ разстаться съ диваномъ...

— О, да, но лишь въ томъ случаѣ, если его можно перемѣнить на кровать...

— Гм... я вижу, что ты не лишенъ вкуса... Но кровать и мнѣ нравится...

— Увы! я не могу сказать того же про диванъ...

— Но какъ же съ экзаменомъ-то?

— Будемъ держать его.

— А сапоги?

— Сапоги? Гм... Это вопросъ...

Прежде, чѣмъ вставать, надо было рѣшить вопросъ, кто надѣнетъ единственную пару сапогъ, которая была въ ихъ распоряженіи. Эта пара сапогъ стояла тутъ же. Это была пара скверныхъ сапогъ, съ стоптанными каблучками, съ заплатами на носкахъ, съ растянутыми резинками и вообще—пара сапогъ, которая имѣла всѣ шансы остаться нетронутой, если бы ее положить гдѣ-нибудь на улицѣ. Но у нея было одно несомнѣнное

Шарлатанъ. Съ картъ Жерара Доу (Мюнхенскій музей) грав. Бодъ.

Трусливы, нанъ зайцы. Съ карт. Г. Каульбаха по грав. Брендамура автотипія „Нивы“.

достоинство, именно то, что она все же была пара сапогъ, и про челоуѣка, идущаго въ ней по улицѣ, никто не имѣлъ бы права сказать, что онъ идетъ безъ сапогъ.

Какимъ образомъ произошло такое странное обстоятельство, что въ квартирѣ, занимаемой двумя взрослыми людьми, была одна только пара сапогъ, объ этомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ долго пришлось бы говорить, но несомнѣнно, что на это были весьма основательныя причины. Можно, впрочемъ, прибавить, что бывали времена, когда у Пиратова и Камзолина, у каждаго, были сапоги, иногда даже совершенно новые.

— Ты въ какой группѣ?—спросилъ Пиратовъ, сладко потягиваясь на кровати.

— Я въ третей, — отвѣтилъ Камзолинъ, у котораго не было никакихъ основаній потягиваться сладко, да не было и возможности, такъ какъ его длинныя ноги выходили далеко за предѣлы дивана.

— И такъ, дѣло ясно, — замѣтилъ Пиратовъ. — Сперва пойду я, а потомъ ты.

— Ой-ой-ой! Но вѣдь ты надуешь!

— Ну какъ же можно надуть въ такомъ серьезномъ дѣлѣ! — промолвилъ Пиратовъ и обидѣлся. Впрочемъ, обидѣлся онъ всего на двѣ секунды и затѣмъ съ добродушнымъ видомъ началъ вставать.

Едва только онъ освободилъ постель, и его коренастая, тяжелая фигура появилась на полу комнаты, какъ Камзолинъ моментально схватился съ дивана и перескочилъ на кровать.

— Ну, а я поблаженствую! — промолвилъ онъ, и вдругъ вытинулся съ такой энергіей, какъ будто сразу хотѣлъ удлиниться вдвое, въ чемъ, впрочемъ, у него не ощущалось никакой падобности.

Колоколъ между тѣмъ звонилъ не усталая, и каждый новый ударъ его напоминалъ о томъ, что минуты уходятъ. Приходилось дорожить временемъ: Камзолину, чтобъ насладиться сномъ въ кровати, а Пиратову, чтобъ выдержать экзаменъ.

Пиратовъ началъ одѣваться. Онъ одѣвался быстро, потому что костюмъ его былъ очень несложенъ и простъ, но на секунду онъ остановился, посмотрѣлъ на величественно висѣвшіе на стѣнѣ парадныя брюки и подумалъ о томъ, представляется ли нынѣшній экзаменъ достаточно параднымъ случаемъ для того, чтобы надѣть ихъ. Повидимому, онъ рѣшилъ въ отрицательномъ смыслѣ, потому что вотъ ужъ онъ совсѣмъ одѣтъ, а брюки продолжали украшать стѣну.

Захвативъ кое-какія тетрадки, Пиратовъ пожелалъ своему другу пріятнаго сна и ушелъ, а Камзолинъ завернулся въ одѣяло и заснулъ, при чемъ уже не видѣлъ тѣхъ страшныхъ сновъ, какіе, въ силу устройства дивана, обязательно свились ему черезъ ночь.

Однакожъ, принималъ во вниманіе то обстоятельство, какой огромный соблазнъ для Камзолина представляла возможность поспать на кровати, послѣ мучительной ночи на диванѣ, Пиратовъ, выходя изъ квартиры, напомнилъ Аннѣ Карловнѣ Фунтъ, что Камзолина надо непременно разбудить черезъ часъ. Это было нѣсколько странно. Пиратовъ очень хорошо зналъ, что Камзолину не зачѣмъ подыматься съ постели до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется и не принесетъ съ собою сапогъ. Тѣмъ не менѣе онъ это сдѣлалъ. Быть-можетъ, онъ самъ недостаточно вѣрилъ въ свое обѣщаніе своевременно вернуться и рассчитывалъ въ данномъ случаѣ на необыкновенную изобрѣтательность, каковую всегда проявлялъ Камзолинъ. Однимъ словомъ, сдѣлалъ онъ это на всякій случай, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что лучше выдержать экзаменъ безъ сапогъ, чѣмъ вообще не выдержать его.

И вотъ прошелъ часъ. Анна Карловна, отличавшаяся всегда аккуратностью, уже хотя по одному тому, что она была нѣмка, разбудила Камзолина. Камзолинъ

схватился съ постели, спросилъ — который часъ, и узналъ, что уже около одиннадцати. Въ полной увѣренности, что съ минуты на минуту придетъ Пиратовъ, онъ одѣлся во все, что у него было, при чемъ парадныя брюки опять остались висѣть на стѣнѣ, и ходилъ по комнатѣ чрезвычайно мягкими шагами, потому что ноги его были обуты только въ носки, довольно сомнительнаго качества. Онъ уже выпилъ чай, который ему принесла Анна Карловна, посидѣлъ у стола, перелистывая толстый учебникъ и повторяя нѣкоторые пункты для экзамена; по его соображеніямъ уже было около двѣнадцати, а Пиратовъ не являлся. Камзолинъ началъ страдать. Если бы это было нѣсколько дней тому назадъ, то можно было бы отложить экзаменъ, но сегодня послѣдній день для этого предмета, завтра профессоръ уѣзжаетъ, и не пойти на экзаменъ, значитъ испортить себя все дѣло.

Но Пиратовъ не являлся, и Камзолинъ начиналъ понимать, что онъ жестоко обманутъ. Онъ, разумеется, не приписывалъ Пиратову никакихъ злостныхъ намѣреній, онъ представлялъ себѣ дѣло совершенно просто. Если Пиратовъ благополучно выдержалъ экзаменъ, то совершенно естественно ему съ радости отпраздновать съ товарищами въ скверный ресторанъ „Шанхай“ и за стаканомъ пива совершенно забыть о своемъ другѣ. Это въ особенности правдоподобно для челоуѣка, который не очень-то привыкъ съ одного разу выдерживать экзаменъ. Пиратовъ былъ слишкомъ тяжелъ для этого, и у профессоровъ сдѣлалось обычаемъ приглашать его по крайней мѣрѣ по три раза для проверки его знаній. Если же Пиратовъ срѣзался (что весьма вѣроятно), то такъ же естественно ему съ другими товарищами отправиться въ тотъ же „Шанхай“ и выпить съ горя. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ у него достаточно причинъ не думать о судьбѣ Камзолина.

Размышляя такимъ образомъ, Камзолинъ все больше и больше приходилъ къ заключенію, что это такъ, да иначе и быть не можетъ, и умъ его усиленно занялся теперь изобрѣтеніемъ способа все-таки пойти на экзаменъ. Но какимъ образомъ это сдѣлать? Ему могло бы придти въ голову поговорить объ этомъ съ Анной Карловной. Случалось, что у нея находилась какая-нибудь старая пара сапогъ; могло быть также и то, что кто-нибудь изъ квартирантовъ оставался дома. Но дѣло въ томъ, что всѣ квартиранты были очень исправные чиновники, и едва ли на это можно рассчитывать. Изъ всего населенія мебелированныхъ комнатъ, только у одного коллежскаго регистратора Свигульскаго можно было предполагать присутствіе двухъ паръ сапогъ, но коллежскій регистраторъ, во-первыхъ, очень презрительно смотрѣлъ на всѣхъ остальныхъ квартирантовъ, а на двухъ студентовъ въ особенности, и, во-вторыхъ, былъ челоуѣкъ необыкновенно аккуратный, всегда запиралъ комнату и уносилъ съ собою ключъ.

Тѣмъ не менѣе, Камзолинъ все-таки пригласилъ Анну Карловну и повѣдалъ ей о своемъ горѣ. На толстомъ, но нѣсколько обрюзглomъ лицѣ безконечно доброй нѣмки тотчасъ же явно выразилось искреннѣйшее желаніе достать Камзолину пару сапогъ, но тутъ же, на этомъ же лицѣ, можно было прочесть и полную безнадежность. Всѣ чиновники ушли въ свои канцеляріи. Свигульскій, по обыкновенію, заперъ комнату.

— Развѣ вотъ мои возьмете, господинъ Камзолинъ, — промолвила Анна Карловна, и при этомъ приподняла юбку и показала ему свои туфли, очень похожія на калоши.

Камзолинъ скрестилъ на груди руки и, осмотрѣвъ ихъ, увидѣлъ полную невозможность воспользоваться этимъ страннымъ произведеніемъ искусства. Во-первыхъ, онѣ были слишкомъ велики, — Анна Карловна страдала отекомъ ногъ; затѣмъ форма ихъ была така странная, что, появившись въ нихъ, онъ обратилъ бы

на себя вниманіе всего университета. Однимъ словомъ, это было невозможно. А между тѣмъ часы съ будильникомъ, висѣвшіе въ маленькой каморкѣ, въ которой жила Анна Карловна, показывали безъ четверти часть, и съ каждой минутой Камзолинъ рисковалъ опоздать на экзаменъ.

Камзолинъ овладѣла досада. Вообще это былъ человѣкъ добродушный до послѣдней степени,—но когда онъ представилъ себѣ, что ему придется отложить экзаменъ на осень, то его взяла злость на товарища.

„Это уже слишкомъ,—мысленно говорилъ онъ.— Можно быть небрежнымъ, но не до такой степени. Я никогда не позволилъ бы себѣ поступить такимъ образомъ“.

Сперва онъ ходилъ по комнатѣ, потомъ это ему надоѣло, онъ бросился на диванъ, но сломанная пружина тотчасъ же напомнила ему о себѣ; онъ перешелъ на кровать, легъ на спину и съ бессильнымъ негодованіемъ сталъ глядѣть въ потолокъ.

Въ передней раздался хриплый звонокъ и произошло движеніе.

— А,—громко воскликнулъ Камзолинъ,—наконецъ-то!

И въ полной увѣренности, что это запоздавшій Пиратовъ, онъ соскочилъ съ кровати, растворилъ дверь и высунулъ голову въ коридоръ.

— Это называется свинство!—выразительно крикнулъ онъ фигурѣ, которая появилась въ полутемномъ коридорѣ.

— А?—промолвила изъ темноты фигура солиднымъ басовымъ голосомъ, какого никогда не бывало у Пиратова,—покорно благодарю!

Камзолинъ съ недоумѣніемъ остановился и, растворивъ дверь, началъ разсматривать вошедшаго, который, таща въ рукахъ довольно увѣсистый узелъ, направлялся прямо къ нему въ комнату.

— Да это что же?—воскликнулъ Камзолинъ.—Фу ты, да это вы, Назарьевъ?

— Ну, конечно, я. Я не понимаю, за что вы меня обругали?

— Это недоразумѣніе, извините. Я вообразилъ, что это вернулся Пиратовъ. Вы что же, прямо изъ деревни?

— Да, какъ видите. Я проѣдомъ. Ъду въ Тверь; поѣзда не сходятся, приходится сидѣть въ Москвѣ часовъ восемь, вотъ я и завернулъ къ вамъ.

И гость, втащивши свой узелъ въ комнату, снялъ пальто, сѣлъ на диванъ и видимо началъ отдыхать.

Назарьевъ былъ товарищъ Пиратова и Камзолина по гимназій. Но въ университетъ онъ не пошелъ, а сталъ заниматься своимъ маленькимъ хозяйствомъ въ деревнѣ. Между товарищами никогда не было особенной близости, но они навсегда остались въ хорошихъ отношеніяхъ. Имѣніе Назарьева было ничтожно, а семья, состоявшая изъ сестеръ и многочисленныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, родственниковъ, была велика. Вотъ онъ и бился, обрабатывая землю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, велъ еще какую-то небольшую торговлю. Когда онъ пріѣзжалъ въ Москву, то не забывалъ товарищей и заходилъ къ нимъ на часокъ.

Съ виду это былъ человѣкъ очень здоровый и крѣпкій. Его смуглое лицо, густо обросшее темными волосами, производило впечатлѣніе какой-то суровости, но когда онъ начиналъ говорить, то сейчасъ становилось яснымъ, что это выраженіе не соответствовало его намѣреніямъ; онъ оказывался мягкимъ и добродушнымъ.

Назарьевъ началъ спрашивать про Пиратова, про другихъ товарищей, про дѣла вообще и про московскія новости. Камзолинъ, во всякое другое время готовый принять его ласково и внимательно, теперь отвѣчалъ разсѣянно, и Назарьеву показалось даже, что онъ что-то имѣетъ противъ него.

— Послушайте, я, можетъ-быть, не во-время,—такъ вы прямо такъ и скажите!

— Ахъ, нѣтъ, вовсе нѣтъ... тутъ совсѣмъ не то.

— А въ чемъ же дѣло?

— Да это Пиратовъ все. Вы же знаете, какая это свинья.

— Пиратовъ? Вотъ никакъ не ожидалъ. Мнѣ казалось, что онъ человѣкъ порядочный.

— Да вы не подумайте чего-нибудь!—спохватился Камзолинъ:—онъ никакой подлости не сдѣлалъ...

— Ну, признаюсь, ничего не понимаю...

— Да вы можете себѣ вообразить... представьте себѣ, у насъ сегодня экзаменъ... и ужъ отложить никакъ нельзя... онъ пошелъ держать, потому что онъ въ первой группѣ... Пойдите, батюшка, вотъ мыслѣ!..

Назарьевъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на хозяина, который остановился передъ нимъ и почему-то съ радостнымъ выраженіемъ въ лицѣ глядѣлъ на его ноги. Онъ дѣлалъ это до такой степени выразительно, что гость невольно тоже наклонилъ голову и началъ внимательно разсматривать собственные ноги.

— Что это такое вы тамъ нашли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вы скажите: вы сколько еще времени будете въ Москвѣ?

— Да еще часа четыре осталось.

— Великолѣпно! Вы можете посидѣть часа два безъ сапогъ?

— Не понимаю...

— Ну, вотъ, вы сейчасъ поймете. Вы видите, что я безъ сапогъ. У насъ только одна пара сапогъ, ее взялъ Пиратовъ, по всей вѣроятности увлекся и забылъ обо мнѣ. А межъ тѣмъ сегодня надо быть на экзаменѣ, хоть тресни. Ну, теперь поняли?

— Гм... значить, вы хотите надѣть мои сапоги, такъ? Что жъ, я ничего... Ну, а если вы тоже увлечетесь?

— Нѣтъ, что вы? какъ же это можно? вѣдь я же знаю, что вамъ надо ѣхать. Вы меня выручаете, и вдругъ я сдѣлаю такую подлость! За кого же вы меня принимаете?

— Въ такомъ случаѣ извольте, -- промолвилъ Назарьевъ, — только ихъ надо почистить, а то они въ грязи. У насъ въ уѣздѣ дождь шелъ...

— Ну, вотъ еще! гдѣ тамъ! каждая минута дорогá. Такъ снимайте же.

Назарьевъ снялъ сапоги, а Камзолинъ съ необыкновенной быстротой надѣлъ ихъ.

— Тѣсноваты!—промолвилъ онъ.—Ну, да это ничего, какъ-нибудь приспособлюсь. Такъ вотъ что,—поспѣшно прибавилъ онъ,—вы тутъ оставайтесь, ложитесь спать, дѣлайте, что вамъ угодно, а я часа черезъ полтора вернусь.

Онъ почти на лету подалъ руку гостю, оставшемуся въ носкахъ и еще не въ достаточной степени освоившемуся съ своимъ новымъ положеніемъ, и, выбѣжавъ изъ квартиры, стремглавъ побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Когда онъ вошелъ въ университетскій дворъ, то встрѣтилъ двухъ-трехъ товарищей, которые, какъ онъ зналъ, были въ одной группѣ съ Пиратовымъ.

— Пиратовъ здѣсь?—спросилъ онъ, запыхавшись отъ быстрой ходьбы.

— Пиратовъ?—отвѣтили ему,—ну, его поминай какъ звали!

— А что?

— Онъ срѣзаялся.

— Ну?

— Да, и закатился въ „Шанхай“...

„Скотина! Я такъ и думалъ!“ промолвилъ себѣ подъ носъ Камзолинъ и пошелъ дальше.

Было нѣсколько странно, что сапоги у него, несмотря на совершенно сухую погоду, были въ грязи, и притомъ они какъ-то слишкомъ громко стучали, и онъ, благодаря тому, что узкіе носки давили ему мозоли,

ковылялъ въ нихъ. Но это все было, разумѣется, пустое. Онъ едва-едва захватилъ профессора и достаточно было двухъ минутъ, чтобъ положеніе его выяснилось. Это, должно-быть, произошло оттого, что онъ не успѣлъ еще перевести духъ, и кромѣ того весь онъ былъ охваченъ негодованіемъ противъ Пиратова, позволившаго себѣ поступить такъ вѣроломно. Онъ срѣзлся...

Разумѣется, изъ-за этого не стоило волноваться цѣлое утро, снимать сапоги съ прѣзжаго гостя и тѣмъ больше бранить Пиратова. Не стоило также бѣжать рысью по улицѣ и беспокоить профессора, который уже собирался уйти. Но надо же было выяснитъ. И когда онъ совершенно лѣтвенно убѣдилъ не только профессора, но и себя самого, что онъ не готовъ къ экзамену, то махнулъ рукой и уже обыкновенной, неспѣшной походкой пошелъ на улицу. Но онъ повернулъ не въ томъ направленіи, гдѣ находились меблированныя комнаты Анны Карловны Фунтъ, а совсѣмъ въ другомъ. Нужно было пойти сперва направо, затѣмъ завернуть въ небольшой переулочекъ, налево, войти въ грязный подъѣздъ, подняться во второй этажъ, чтобы очутиться въ скверномъ ресторанѣ „Шанхай“.

Если бы явился вопросъ о томъ, на что рассчитывалъ Камзолинъ, такъ смѣло отправляясь въ трактиръ и не имѣя въ карманѣ ни копейки, то пришлось бы сослаться на слишкомъ исключительныя обстоятельства, лишившія его возможности быть расчетливымъ и разсудительнымъ. Человѣку, срѣзавшемуся на экзаменѣ и видящему въ перспективѣ пренепріятную обязанность держать этотъ экзаменъ вторично осенью, было совершенно естественно направиться въ трактиръ, и именно въ „Шанхай“, который былъ уже какъ бы предпозначенъ для утѣшенія скорбящихъ. Кромѣ того, у Камзолина былъ еще такой блестящій примѣръ, какъ пребываніе въ томъ же „Шанхай“ Пиратова, у котораго денегъ было столько же, сколько у него. Была и еще одна мысль, которая могла объяснить его шагъ: онъ имѣлъ полное основаніе злиться на Пиратова и желать безотлагательной встрѣчи съ нимъ, чтобы высказать ему горькую правду.

Когда онъ вошелъ въ большой, но нѣсколько мрачный залъ съ низкимъ потолкомъ, съ многочисленными чайными столиками, съ хрипящимъ и свистящимъ органомъ, съ долговымими половыми, посившими длинными бѣлыми рубашки, повидимому съ тою цѣлью, чтобы на нихъ легче было разглядѣть безчисленныя сальныя пятна, — когда онъ вошелъ въ этотъ залъ и остановился на порогѣ, то, еще ничего не видя передъ собой, былъ сразу оглушенъ какими-то радостными криками, среди которыхъ нѣсколько голосовъ повторяли его фамилію. Тутъ онъ разглядѣлъ сидѣвшую за тремя соединенными столами группу товарищей, которые всѣ радостно привѣтствовали его и приглашали къ себѣ. Удивительнѣе всего было то, что всѣхъ энергичнѣе и всѣхъ восторженнѣе привѣтствовалъ и звалъ его Пиратовъ, который, разумѣется, былъ тутъ же. Все это были срѣзавшіеся. Но они были такъ веселы, разго-

ворчивы, добродушны и беззаботны, какъ будто всѣ получили по пятеркѣ. На столахъ было нѣсколько пустыхъ бутылокъ, рюмокъ и стакановъ и кое-какая, самая необходимая въ такихъ случаяхъ закуска.

— Другъ сердечный, Камзолушка! — произнесъ Пиратовъ, вставъ изъ-за стола и направляясь къ Камзолину съ раскрытыми объятіями. — Говори откровенно, срѣзался?

Камзолинъ, имѣвшій самое серьезное намѣреніе отчитать Пиратова, высказать ему нѣсколько горькихъ истинъ, — вмѣсто этого торжественно облобызалъ его и сказалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Срѣзался!

— Вотъ и превосходно. Ну, такъ присаживайся!

Камзолинъ присѣлъ, но при этомъ искоса посмотрѣлъ на своего друга и сожителя.

— Однако, Пиратовъ, — сказалъ онъ, — какая же ты, выходитъ, свинья!

— Я? за что же это ты такъ? А? — съ искреннимъ удивленіемъ спросилъ Пиратовъ.

— Какъ за что? А сапоги?

— Какіе сапоги?

— Очень скверные сапоги, по все же... все же это сапоги, безъ которыхъ я не могъ пойти на экзаменъ.

— Сапоги! Ахъ, я негодяй! — И Пиратовъ изо всей силы ударилъ себя кулакомъ по лбу. — Камзолушка! Забылъ, ей-Богу забылъ! Прости! Ты великодушень, — прости! Можешь вообразить, — когда я срѣзался, какъ это меня огорошило! Понимаешь, всѣ обстоятельства жизни въ головѣ моей перепутались... А тутъ компанія въ „Шанхай“ идетъ, ну, и я пошелъ за теченіемъ, а о сапогахъ-то и позабылъ... Но какъ же ты пришелъ?

— Назарьевъ прѣхалъ, вотъ я его и ограбилъ.

— Онъ, значить, у насъ?

— У насъ. Я его спать уложилъ... Общались скоро вернуться. Онъ сегодня хочетъ ѣхать, надо сейчасъ идти домой.

Но тутъ поднялись уже общіе протесты. Было рѣшено не пускать Камзолина. Было высказано основательное соображеніе, что, если человѣкъ спитъ, то, значить, онъ счастливъ и блаженствуетъ, и никто не имѣетъ права лишать его этого блаженства. Камзолинъ, по здоровомъ размысленіи, согласился съ этимъ и остался.

Срѣзавшіеся очень скоро соединились съ выдержавшими благополучно экзаменъ, и горе, смѣшавшись съ радостью, дало въ общемъ самые веселые результаты. Излишне прибавлять, что Пиратовъ и Камзолинъ вернулись домой на разсвѣтѣ, и что Назарьевъ въ это время уже спалъ, благополучно занявъ кровать и уступивъ товарищамъ на двоихъ диванъ съ выглядывавшей изъ него острой пружиной. Его не будили. Пиратовъ разлегся на диванѣ, а Камзолинъ — на полу. Назарьеву было такъ удобно спать на кровати, и онъ такъ хорошо выспался, что на другой день онъ даже позабылъ выбранить ихъ.

Къ рисункамъ.

Семейство Каульбаховъ дало міру нѣсколько крупныхъ художниковъ, изъ которыхъ знаменитѣйшимъ является художникъ по исторической живописи Вильгельмъ Каульбахъ; но и прочіе члены этого даровитаго рода также занимаютъ очень видное мѣсто въ нѣмецкой живописи. Намъ уже не разъ приходилось говорить о сынѣ Вильгельма Каульбаха, Гермагнѣ, который состоитъ теперь профессоромъ мюнхенской академіи художествъ. Его картина „Труслявы, какъ зайцы“ (стр. 253) — одинъ изъ новыхъ прелестныхъ жанровъ, которые мы не разъ давали на страницахъ *Нивы*. Какъ въ другихъ картинахъ Г. Каульбаха, такъ и въ этой, дѣтскія личики полны невыразимой прелести и наивности. Гляди на то, какъ они болтаютъ другъ другу звѣрковъ и въ то же время сами ихъ болтаютъ, не зная, кто тутъ трусливъ.

Фридрихъ-Августъ Каульбахъ, сынъ Фридриха Каульбаха, двоюроднаго брата Вильгельма Каульбаха, заслуживаетъ не меньшаго уваженія, какъ художникъ, и послѣ смерти Пилоти, съ 1886 по 1891 годъ, занималъ постъ директора мюнхенской академіи художествъ. Блестящій колоритъ его картинъ, преимущественно портретовъ и жанровъ, скоро создалъ ему громкое имя, и въ концѣ концовъ онъ и остановился на портретной живописи, въ области которой почти не имѣетъ соперниковъ. Помѣщаемый въ этомъ № *Нивы* рисунокъ его Цирцея (стр. 249) можетъ дать ясное понятіе о его искусствѣ: это набросокъ, стѣбкій иной законченной картины. Цирцея, какъ извѣстно изъ „Одиссеи“ Гомера, была дочерью Геліоса и Океаниды Персеи; жила она на одномъ изъ Ахейскихъ острововъ, во дворцѣ, охраняемомъ прирученными

львами и волками; когда Одиссей со своими спутниками был прибитъ бурей къ берегамъ ея острова, она полюбила Одиссея и, чтобы лишить его возможности уйти отъ ея чаръ, превратила его спутниковъ въ свиней; только благодаря Гермесу, принесшему волшебную траву, Одиссей могъ вернуть имъ человѣческой образъ и отплыть отъ острова Цирцеи доной, въ Итаку. Съ тѣхъ поръ слово „цирцей“ употребляется часто въ смыслѣ „преlestинца“, и именно такую очаровательницу — не столько красивую, сколько именно очаровательную — женскую фигуру и парисовалъ Ф. Каульбахъ: эта фигура принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ и одинаково привлекаетъ всѣ взоры.

Всякій изъ насъ знаетъ, что такое значить „шарлатанъ“; всѣмъ извѣстно, что этимъ именемъ называютъ особый видъ обмана, но немногимъ случилось читать, что слово это происходитъ отъ итальянскаго слова *ciarlare* — болтать, и еще рѣже можно встрѣтить людей, знающихъ, какую роль играютъ шарлатаны въ Западной Европѣ, потому что, если у насъ шарлатанство является лишь отвлеченнымъ понятіемъ, то на Западѣ оно выливается въ конкретную форму, и шарлатанъ по профессіи играетъ немаловажную роль въ общественной жизни, особенно вдали отъ крупныхъ центровъ. Главное занятіе его — продажа различныхъ лѣкарственныхъ снадобій, амулетовъ, талисмановъ и вообще всякихъ тайныхъ средствъ на всѣ случаи жизни. Въ красномъ платьѣ, обшитомъ мехомъ или позументами, въ шляпѣ съ перьями и галунами, иногда — верхомъ, а чаще — въ телѣжкѣ, которую можно въ любой моментъ превратить въ театральную сцену, шарлатанъ разбѣгаетъ по городамъ и селамъ, продавая свои чудодѣйственные порошки, эликсиры, пилюли, духи и пр. Путешествуя, онъ, при помощи трубы, или важная музыкантовъ, играющихъ на самыхъ провантальскихъ по звуку инструментахъ, собираетъ около себя на площади толпу народа и съ высоты своей подвижной трибуны на всѣ лады восхваляетъ дивныя свойства своихъ лѣкарствъ и волшебные результаты отъ ихъ приѣженія, — и все это переносится множествомъ остротъ, каламбуровъ, болѣе или менѣе удачныхъ анекдотовъ. Эти шарлатаны не такъ давно еще кишили-кишѣли въ Западной Европѣ, особенно же въ Англии, во Франціи, въ Испаніи и Италіи, да въ послѣднихъ двухъ государствахъ ихъ и до сихъ поръ не мало. Картина Жерара Доу (стр. 252) рисуетъ намъ такого шарлатана, рекламирующаго свой товаръ передъ деревенскою публикой. Жераръ Доу, голландскій художникъ XVII вѣка, ученикъ Рембрандта, принадлежитъ къ числу особенно цѣнныхъ старыхъ мастеровъ. Сюжеты для своихъ картинъ онъ бралъ преимущественно изъ сельской жизни или изъ быта мелкихъ городковъ, и его маленькія картинки — большихъ полотенъ онъ не оставилъ, — очень дорого цѣнились уже при его жизни.

Іерусалимскій патриархъ Герасимъ († 9 февраля 1897 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Е. В. Богдановичъ (по поводу 50-лѣтія служебной дѣятельности). Съ фот. Эдобнова авіоти іа „Нивы“.

Іерусалимскій патриархъ Герасимъ.

(Портр. на этой стр.)

Недавно іерусалимская патриархія, а съ нею и вся Восточ-

ная церковь понесли чувствительную утрату. Въ ночь съ 8-го на 9-е февраля (въ 1 ч. 30 м.), послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался блаженнѣйшій патриархъ св. града Іерусалима и всея Палестины Герасимъ.

Почившій владыка Герасимъ, въ мірѣ Константины Протопапъ, родился въ 1841 г., въ городѣ Астрѣ, на полуостровѣ Пелопонесѣ. Очень рано онъ долженъ былъ оставить свою родину, такъ какъ его дядя, лидскій архіепископъ Герасимъ, събѣду установившемуся въ Свѣтогробскомъ братствѣ общаю, вызвалъ его еще въ дѣтскомъ возрастѣ въ Іерусалимъ для воспитанія при названномъ братствѣ. Здѣсь, въ школѣ Св. Креста, молодой Константины Протопапъ и получилъ первоначальное воспитаніе. Блестящіе успѣхи, оказанные за это время даровитымъ юношей, не могли остаться незамѣченными. Онъ скоро обратилъ на себя вниманіе бывшаго въ то время Іерусалимскаго патриарха Кирилла II. Задавшись цѣлью поднять уровень образованія греческаго Свѣтогробскаго братства, патриархъ Кириллъ, для осуществленія этой цѣли, рѣшилъ отправить лучшихъ учениковъ школы Св. Креста въ западные университеты. Константины Протопапъ былъ назначенъ въ афонскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по физико-математическому факультету. Въ 1866 г., по возвращеніи въ Іерусалимъ, онъ занялъ должность преподавателя математики въ Крестной школѣ, въ которой и оставался до самаго закрытія ея, послѣдовавшаго въ 1873 г. Затѣмъ, уже въ санѣ архимандрита, о. Герасимъ (принявшій это имя въ память о своемъ дядѣ-архіепископѣ Герасимѣ) былъ посланъ въ качествѣ представителя іерусалимской патриархіи въ Константинополь. Но въ этой должности онъ оставался недолго и въ 1877 г., послѣ кратковременнаго исполненія обязанностей перваго секретаря патриархіи, былъ рукоположенъ въ санъ архіепископа филадельфійскаго. Послѣ русско-турецкой войны 1877—78 гг. архіепископъ Герасимъ ѣздилъ въ Берлинъ на открывшійся тамъ конгрессъ съ цѣлью ходатайствовать объ освобожденіи палестинской патриархіи, конфискованныхъ румынскими княземъ Кузюю. Но такъ какъ старанія его не привели къ желаемымъ результатамъ, то, по возвращеніи изъ Берлина, онъ вмѣстѣ съ никомидійскимъ митрополитомъ Филоеемъ Врѣннемъ велъ переговоры уже непосредственно съ румынскимъ правительствомъ по тому же вопросу о конфискованныхъ имуществвахъ. По окончаніи этихъ переговоровъ, блаженнѣйшій Герасимъ снова занялъ постъ представителя іерусалимской патриархіи въ Константинополь и теперь уже — на болѣе продолжительное время. Въ 1881 г. онъ былъ возведенъ въ санъ сѣмопольскаго митрополита. По смерти антиохійскаго патриарха Іерофея, онъ, согласно указанію іерусалимскаго владыки Николая, 30 мая 1885 г. былъ поставленъ на антиохійскій патриаршій престолъ. Въ 1895 г., когда праздновали десятилѣтіе пребыванія въ патриаршескѣмъ санѣ блаженнѣйшаго Герасима, въ *Нивѣ* помѣщена была (въ № 37) биографическая записка, въ которой очерчена дѣятельность блаженнѣйшаго Герасима въ антиохійскомъ патриархатѣ, сведенная главнымъ образомъ къ борьбѣ съ пропагандой като-

ликовъ и протестантовъ, къ умиротворенію борьбы арабовъ съ греками и поднятію экономическаго и религіозно-нравственнаго состоянія православнаго населенія въ Сиріи.

Въ 1830 г. Никодимъ отказался отъ Святѣйшаго Апостольскаго и Патриаршаго престола Іерусалима и всей Палестины, и на его мѣсто Святогробскимъ братствомъ единогласно былъ избранъ патриархъ Герасимъ, который и получилъ султанское утвержденіе въ новомъ званіи 4 марта 1891 г.

Прибывъ въ Іерусалимъ, блаженнѣйшій Герасимъ нашель вѣтренную ему патриархію въ крайне печальномъ положеніи: среди Святогробскаго братства царилъ раздоръ, традиціонный долгъ патриархин, доходившій при вступленіи на престолъ его предшественника до 900,000 руб., во время его шестилѣтняго управленія перешель за миллионъ. Новый іерусалимскій патриархъ началъ съ того, что уредилъ генеральную комиссію изъ шести архіереевъ и девяти архимандритовъ, для вынесенія общаго положенія дѣлъ и для пріисканія соответствующихъ мѣръ къ улучшенію его, а затѣмъ внесъ въ Синодъ проектъ относительно учрежденія контрольной комиссіи при патриархин, надобіе хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. Прешія безотчетность въ расходованіи общаго денегъ такимъ проектомъ его блаженства удалася совершенно. Комиссію должны были составить четыре члена Святогробскаго братства и пятый—кассиръ. Этотъ проектъ патриарха Герасима былъ принятъ Синодомъ. Вопросъ о школахъ также составлялъ одну изъ величайшихъ заботъ почившаго патриарха. Имъ была восстановлена Крестная богословская школа, закрытая его предшественникомъ, и приглашено въ нее нѣсколько молодыхъ талантливыхъ преподавателей; въ послѣдній годъ жизни владыки, установленны были нѣтъ періодическія публичныя чтенія и бесѣды по вопросамъ богословскіихъ, историческіихъ и естественныхъ наукъ. Заботами блаженнѣйшаго патриарха возобновлено и устроено нѣсколько храмовъ и заложено Феодосіевскій монастырь близъ лавры св. Саввы Освященнаго.

Заботясь о своей патриархин, блаженнѣйшій Герасимъ обратилъ вниманіе и на интересъ русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ. Известно, что провозженіе почей послѣднимъ въ храмѣ Гроба Господня служило къ соблаву всѣхъ и давало поводъ къ равнаго рода нареканіямъ на братство св. Гроба Господня и на самихъ поклонниковъ. Его блаженство распорядилася, чтобы русскіе поклонники ходили на ночь къ Гробу Господню одинъ разъ на первое время по своемъ прибытіи въ Іерусалимъ.

Усиленная дѣятельность патриарха Герасима рано подорвала его физическія силы. Тяжелая болѣзнь (ракъ печени), развивавшаяся съ каждымъ днемъ, особенно усилилася въ послѣднее время, такъ что его блаженство принужденъ былъ для леченія отравиться въ Парижъ. Теплый климатъ Франціи и медицинская помощь врачей нѣсколько облегчили его болѣзнь; но по возвращеніи въ Іерусалимъ, патриархъ Герасимъ снова сталъ чувствовать ухудшеніе въ состояніи своего здоровья и, наконецъ, 9-го февраля, въ 1 часъ 30 мин. пополудни, скончалася.

Е. В. Богдановичъ. (Портр. на стр. 257.)

20 февраля исполнилось пятидесятилѣтіе государственной и общественной дѣятельности тайнаго совѣтника Евгения Васильевича Богдановича. Чествованіе юбиляра состоялось въ Петербургѣ, но въ немъ приняла участіе почти вся Россія. Депутатин изъ Харьковской, Ярославской, Полтавской губерній, изъ Москвы и другихъ городовъ, депутатин отъ управленія сибирской желѣзной дороги, отъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, отъ главнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, отъ совѣта русскаго соединеннаго пожарнаго общества, отъ Исаакіевскаго кафедральнаго собора, отъ стрѣльцоваго Его Императорскаго Величества батальона, отъ морского вѣдомства, отъ московскаго общества хоругвеносцевъ и т. д., болѣе 400 телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы,—всѣ сердечно привѣтствовали Е. В. Богдановича по поводу исполнявшагося полулѣтняго его служенія государственнаго и общественнаго. Эта многочисленность депутатин, это многообразіе учреждений, приносившихъ свои привѣтствія, служатъ лучшимъ показателемъ разносторонней дѣятельности Е. В. Богдановича. Для каждаго изъ перечисленныхъ учрежденій онъ много и съ пользою поработалъ за истекшіе полѣтка, а за нѣкоторыя изъ нихъ даже выступалъ горячимъ борцомъ.

Духъ инициативы и непоколебимая энергія,—вотъ два цѣнныхъ качества, которые никогда не покидали Е. В. въ его дѣятельности и которые создали ему такую широкую популярность.

Управленію сибирской желѣзной дороги Е. В. Богдановичъ долженъ быть дорогъ, какъ инициаторъ самаго вопроса о сибирской желѣзной дорогѣ, какъ человекъ, четверть вѣка неустанно трудившійся надъ его разрѣшеніемъ и теоретически, и практически. Въ 1875 году, когда никто и не интересовался даже великимъ сибирскимъ путемъ, Е. В. Богдановичъ на международномъ географическомъ конгрессѣ во Франціи, при

докладѣ о проектѣ сибирско-китайской желѣзной дороги, первый указалъ на необходимость избрать вѣсто пріамурскаго направленія сибирской дороги путь на Манчжурію. Е. В. горячо доказывалъ, что въ интересахъ торговли и въ интересахъ самаго предпріятія „для примыхъ и постоянныхъ сообщеній необходимо продолжать эту линію до главныхъ центровъ Китайской имперіи“. Теперь эти мысли Е. В. осуществлены, и значеніе ихъ стало для всѣхъ очевиднымъ. Ратуя за наиболѣе благоприятныя направленія сибирской желѣзной дороги, Е. В. самъ, безъ субсидій правительства, снарядилъ нѣсколько экспедицій въ Сибирь, ѣздилъ туда и самъ, стараясь поднять интересъ къ новой дорогѣ въ мѣстномъ обществѣ. Одинъ изъ участковъ сибирской дороги—линія Екатеринбургъ—Камышловъ—Тюмень—сооруженъ по проекту Е. В. Богдановича. Въ ознаменованіе этихъ трудовъ Е. В., нѣсколько сибирскихъ городовъ избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ и учредили у себя стипендіи его имени; въ Томскомъ университетѣ учреждена въ честь его стипендія въ 8,000 руб., собранная по подпискѣ нижегородскимъ и московскимъ купечествами; узловая станція екатеринбургско-тюменской дороги названа „Богдановичъ“. Въ 1891 г., когда Императорское техническое общество справляло юбилей идеи колоссальной постройки сибирской дороги, заданы были Обществомъ всѣ печатные труды Е. В. Богдановича по вопросу о сибирской дорогѣ.

Такія же цѣнныя заслуги инициатора принадлежатъ Е. В. Богдановичу въ дѣлѣ борьбы съ страшнымъ для нашей деревенной Русы врагомъ—пожарамъ. Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, Е. В., молодымъ штабъ-офицеромъ, состоявшимъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Ланскомъ, командированъ былъ во многія губерніи для устройства тамъ общественныхъ пожарныхъ командъ. Сознавъ крупное значеніе этого дѣла для родины, Е. В. отдался ему со всѣмъ пыломъ души и достигъ наумительныхъ результатовъ,—все дѣло устройства вѣдншаго стрихованія и учрежденія вольныхъ пожарныхъ дружинъ и рѣчной противопожарной охраны обявано исключительно инициативѣ и энергіи Е. В. Рядъ городовъ, въ томъ числѣ: Харьковъ, Рыбнискъ и Муромъ, поднесли Е. В., въ признательность за его труды по борьбѣ съ огнемъ, званіе почетнаго гражданина; въ Муромѣ, кромѣ того, учреждены двѣ стипендіи имени Е. В. Нылъ, совѣтъ русскаго соединеннаго пожарнаго общества выбралъ Е. В. въ свои почетные члены.

Морское вѣдомство и стрѣльцовый батальонъ представляютъ собою тѣ два вѣдомства, въ которыхъ прошла первая половина жизни и служебной дѣятельности Е. В. Богдановича. Службу онъ началъ во флотѣ; окончивъ первымъ курсъ въ училищѣ, онъ, 16 лѣтъ отъ роду, произведенъ былъ въ 1848 г. изъ гардемариновъ Черноморскаго флота въ мичманы и затѣмъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ служилъ на кораблѣ „Память Азова“. Ко времени Крымской войны, Е. В., оставившій службу во флотѣ, состоялъ адъютантомъ при порусскаго генералъ-губернаторѣ, графѣ Остенъ-Сакенѣ. Въ Крымскую войну привелось Е. В. впервые выказать свою энергію и распорядительность дѣятельнымъ содѣйствіемъ безостановочному слѣдованію транспортовъ въ армію, а также въ дѣлѣ улучшенія санитарнаго положенія раненыхъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ адъютантомъ при генералъ-губернаторѣ, графѣ Строгановѣ, Е. В. перешель въ стрѣльцовый батальонъ Императорской Фаміліи. Въ память о пребываніи его въ батальонѣ учреждена стипендія его имени въ батальонной школѣ солдатскихъ дѣтей.

Перейдя съ 1861 г. на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Е. В. получалъ неоднократно командировки въ разныя губерніи съ особо важными порученіями. Состоя председателемъ министерства въ управленіи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, Е. В. много сдѣлалъ для охраны народнаго здоровья, путемъ наблюденія за примѣненіемъ санитарныхъ мѣръ на строящихся казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, особенно среди рабочихъ, а также унорядоченіемъ врачеванно-санитарной части по всей стѣн нашихъ желѣзныхъ дорогъ; особенно цѣнны въ этомъ отношеніи инициатива и труды Е. В. по сознанію особаго санитарнаго съѣзда изъ желѣзнодорожныхъ администраторовъ и врачей, выработавшаго подѣ председателемъ Е. В. рядъ полезныхъ мѣръ и правилъ, сослужившихъ службу особенно во время холерной эпидеміи 1892 г. Въ 1866 г. Е. В. командированъ былъ въ Вятскую и Пермскую губерніи, страдавшія отъ голода, а рядомъ рѣшительныхъ, быстрыхъ мѣръ устранилъ затрудненія по продовольствію этихъ губерній. Е. В. продолжаетъ и понынѣ свою службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, состоя членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

На ряду съ этой неустанной и энергичной государственной и общественной дѣятельностью, Е. В. много поработалъ и для религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, и въ этой сферѣ дѣятельности снискалъ себѣ всероссійскую извѣстность. Дѣятельность эта началась съ 1879 года, когда Е. В., будучи старостой Исаакіевскаго собора, задумалъ основать „кафедру Исаакіевскаго собора“. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, Е. В. выдалъ цѣлый рядъ частью поучительныхъ, частью полемиическихъ (противъ нашколцевъ) брошюръ для нравственнаго воздѣйствія на народныя массы; такихъ безъ

платныхъ брошюръ на ряду съ картинами религіознаго и патриотическаго содержания Е. В. Богдановичемъ распространено въ народѣ болѣе четырехъ милліоновъ экземпляровъ. Кроме того, Е. В. Богдановичемъ написаны и изданы рядъ интересныхъ военно-историческихъ монографій: „Наваринъ“, „Синоплъ“, „Гвардія русскаго Царя на Сѣвѣйской дорогѣ“, „Стрѣлки Императорской Фамиліи“, „Кронштадтъ—Туловъ“, распространенныхъ не только по всей Россіи, но и за границей въ переводахъ на многіе иностранные языки. Весь доходъ отъ продажи его военно-историческихъ сочиненій былъ пожертвованъ Е. В. въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ въ послѣднюю русско-турецкую войну.

Вся эта разносторонняя дѣятельность заставляетъ Е. В. сталкиваться съ самыми разнообразными слоями общества, отъ высшихъ сановниковъ до скромнаго участника вольной пожарной дружины, отъ иностраннаго дипломата до московскаго хоругвеносца; вслѣдствіе представителемъ этихъ слоевъ, имѣющихъ какіе-либо общіе интересы съ Е. В., встрѣчаетъ у него самый радушный приемъ, горячую поддержку, добрый совѣтъ, дѣльное указаніе. Достигшіи уже преклоннаго возраста, Е. В. Богдановичъ сохранялъ всю ту энергію и живой интересъ ко всѣмъ вопросамъ общественной жизни и неутомимо продолжаетъ работать на общую пользу. И. Э.

В. Я. Аврамовъ. (Портр. на стр. 260.)

Въ воскресенье, 9 февраля, въ Петербургѣ, въ помѣщеніи женскаго гимназіи М. Н. Стоюниной, оглашено двадцатипятилѣтнее педагогическое дѣятельности *народнаго учителя*, Вячеслава Яковлевича Аврамова.

Скромное амилу народнаго учителя не часто приводитъ къ общественному признанію заслугъ, выражающемуся въ чествованіи дѣятеля. Фактъ такого рода чествованія уже самъ по себѣ указываетъ на то, что дѣятельность юбиляра была выдающаюся. Но про В. Я. Аврамова можно, не боясь преувеличенія, сказать, что его дѣятельность на почвѣ народнаго просвѣщенія была исключительной. В. Я. Аврамовъ всею своею жизнью представляетъ примѣръ того, что значитъ всецѣло, безкорыстно отдать все свои силы горячо любимому дѣлу. Такіе примѣры непоколебимаго, стойкаго служенія разъ набранной свѣтлой идее имѣютъ огромное воспитательное значеніе для нашего общества, подчасъ страдающаго безхарактерностью и равнодушіемъ не только къ общему, но даже и къ своему личному благу, а также неустойчивостью и дриблостью дѣятельныхъ силъ.

В. Я. Аврамовъ родился въ Костромской губерніи, въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, въ дворянской семьѣ, и очень рано лишился отца. Онъ остался на попеченіи матери, на рукахъ которой, и помимо него, была большая семья. 10 лѣтъ поступилъ въ гимназію, но, встрѣтивъ непобѣдимого врага въ латыни, перешелъ въ кадетскій корпусъ въ Москвѣ. Въ кадетскомъ корпусѣ онъ оставался недолго. Онъ не чувствовалъ никакого призванія къ военнымъ наукамъ, его тянуло къ математикѣ и физикѣ, и вотъ онъ вышелъ изъ корпуса и поступилъ вольнослушателемъ въ московскій университетъ. Дѣятельно, съ горячимъ увлеченіемъ посѣщая лекціи не только математическаго, но и другихъ факультетовъ, онъ въ то же время долженъ былъ работать и для своего пропитанія. Въ это же время онъ женился на дочери полковаго командира, г-жѣ Кюоррингъ, но черезъ два года перенесъ тяжелую утрату: его жена умерла.

Изъ московскаго университета В. Я. перешелъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Но ему въ это время уже не давала покоя жажда практическаго безкорытнаго дѣла, которое могло бы дать удовлетвореніе его духовныхъ потребно-

стямъ. Хотѣлось наилучшимъ образомъ послужить народу и онъ, подъ вліяніемъ извѣстнаго педагога Ушинскаго, остановилъ свой выборъ на дѣятельности народнаго учителя. Онъ поступилъ учителемъ въ народную школу въ деревнѣ Волково, близъ Петербурга, и оставался неизмѣнно на этомъ мѣстѣ до послѣдняго времени, въ теченіе 25 лѣтъ.

Это былъ образцовый учитель, какъ въ дѣлѣ преподаванія (онъ сдѣлалъ свою школу образцовымъ учрежденіемъ, куда приходили учиться преподаванію лица, готовившія себя къ этой дѣятельности), такъ и въ смыслѣ нравственнаго вліянія на питомцевъ школы. Онъ отдавалъ ученикамъ все свое время, всѣ силы и всѣ свои скудные средства, устраняя для нихъ бібліотеку, игры, прогулки, отдавая собственное помѣщеніе подъ устройство для нихъ мастерской, гдѣ они обучались мастерству, и пр., и пр.

Но жажда широкой просвѣтительной дѣятельности не позволяла ему ограничиваться однимъ этимъ дѣломъ. Чуть только В. Я. узнавалъ, что гдѣ-нибудь могутъ быть полезны его знанія, какъ снѣжился предложить ихъ, лишая себя для этого даже воскреснаго отдыха. 13 лѣтъ велъ онъ преподаваніе въ воскресной школѣ, открытой по Шлиссельбургскому тракту, а затѣмъ отдавалъ все свои вечера всерннимъ техническимъ классамъ для рабочихъ, преподавая на нихъ ариметнику, алгебру, геометрію и тригонометрію. Все это требовало отъ В. Я. ежедневной работы отъ ранняго утра до полуночи, и все это онъ дѣлалъ безвозмездно. Далѣе, когда открылись высше женскіе курсы, В. Я. сталъ читать курсеткамъ частнымъ образомъ лекціи по математикѣ, желая помочь имъ разобраться въ новомъ для нихъ предметѣ.

Лѣтомъ В. Я. находилъ возможность, при помощи своихъ скудныхъ учительскихъ заработковъ, совершать путешествія. Онъ извѣдалъ, а болѣею частью исходилъ всю Россію, былъ въ главныхъ европейскихъ странахъ, путешествовалъ въ Палестину и пр. Всюду онъ началъ бытъ страню, присматривался къ особенностямъ постановки школьнаго дѣла, и затѣмъ, вернувшись домой, дѣлалъ богатые впечатлѣніями со своими учениками. Широкое пониманіе задачи народнаго образованія и посвященіе избранному дѣлу всѣхъ своихъ силъ,—вотъ основа дѣятельности В. Я.

Чуткій, отзывчивый на чужое горе, В. Я. въ недавнее время, когда во многихъ губерніяхъ открылся голодъ, не мало принесть пользы и на этомъ поприщѣ. Онъ обходилъ своихъ знакомыхъ и убѣждалъ ихъ жертвовать, и такимъ образомъ собралъ 4.000 руб. для голодающихъ въ Рязаньбургскомъ уѣздѣ; кроме того, онъ собралъ еще 800 р. на покупку лошадей для обдѣлывшихъ крестьянъ въ той же мѣстности и еще 1.000 р., на которые устроилъ тамъ же школу на 180 дѣтей, существующую и теперь. По признанію самого В. Я., это дѣло—сборъ пожертвованій—было для него самымъ труднымъ: въ чисто-учительской дѣятельности онъ могъ обходиться собственной энергіей и знаніями, а здѣсь приходилось просить другихъ...

Такова двадцатипятилѣтняя дѣятельность В. Я. Аврамова, который, при своихъ познаніяхъ и настойчивости въ достиженіи намѣченной дѣли, могъ бы добиться и виднаго положенія, и матеріальной обезпеченности. Онъ сдѣлалъ народнымъ учителемъ не по необходимости, какъ это случается со многими, а добровольно, единственно изъ горячаго желанія принести наиболѣе существенную пользу народу. Въ его лицѣ общество чествовало не только его личные заслуги, но также и тотъ для всѣхъ очевидный успѣхъ, какой совершило у насъ въ послѣдніе десятки лѣтъ дѣло народнаго образованія, благодаря дружной работѣ такихъ безкорыстныхъ, самоотверженныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, какъ В. Я. Аврамовъ. И. П.

Политическое обозрѣніе.

Критскій вопросъ обогатился новыми кровавыми событіями. Какъ сообщаютъ изъ Канеи отъ 26 февраля, подтвердился вѣстия объ набіеніи мусульманъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ острова, сопровождавшемся жестокими насиліями надъ женщинами и дѣтьми. Порта обратила вниманіе державъ на эти дѣйствія инсургентовъ. Отряды международной эскадры освободили нѣкоторые форты отъ блокады инсургентовъ, прибѣгнувъ къ бомбардировкѣ. Эти обстоятельства заставили адмираловъ потребовать отъ своихъ правительствъ присылки морскихъ отрядовъ для поддержанія порядка и тушенія пожаровъ. Между тѣмъ филлеливисты Англій, Франціи и Италіи подняли усиленную агитацію, перешедшую въ парламенты. Сто представителей англійской палаты депутатовъ отравили сочувственную денешу греческому правительству; примѣру ихъ послѣдовали французскіе радикалы. Оппозиція во французской палатѣ депутатовъ, не ограничиваясь выраженіемъ симпатій Греціи, внесла въ парламентъ формальный запросъ по критскимъ дѣламъ. Одинъ изъ вождей оппозиціи, Гобля, потребовалъ, чтобы Франція, оставаясь вѣрной своимъ традиціямъ, не принимала участія въ давленіи на Грецію, а скорѣе—поддержала бы ее; не нарушая союза съ Россіей, Франція можетъ-де отказаться идти на Критъ, такъ какъ ей вообще нечего дѣлать на Востокѣ. На этотъ запросъ г. Ганото прочиталъ па-

латѣ 3 марта декларацію министерства: правительство требуетъ отъ парламента утвержденія политикн кабинета, направленной къ сохраненію мира посредствомъ европейскаго концерта и автономіи Крита; вопросъ теперь сводится лишь къ удаленію съ Крита войска Вассоса, влезающаго помѣхой къ улучшенію положенія, почему державы единодушно требуютъ устраненія греческихъ войскъ. Затѣмъ г. Ганото сообщилъ рѣшенія державъ, а именно: создается автономія Крита подъ верховною властью султана; удалится войска греческіи и турецкіи, кромѣ сосредоточенныхъ въ пунктахъ международной оккупации—для обезпеченія порядка; каждая держава увеличиваетъ десантъ на 500 или 600 человекъ; при дальнѣйшемъ упорствѣ со стороны Греціи—примѣняется строгая блокада сперва къ Криту, а затѣмъ къ нѣкоторымъ континентальнымъ пунктамъ Греціи. Указавъ на европейскій концертъ, какъ на единственное авторитетное судилище въ этомъ вопросѣ, г. Ганото высказался, что правительство ожидаетъ со стороны парламента поддержки для окончанія начатаго дѣла. При сочувственномъ отзывѣ большинства палаты, раздался ропотъ лѣвой стороны, которой возражалъ премьеръ г. Меллишъ, указавшій палатѣ, что „Франція не идетъ на буксирѣ Россіи, но постоянно въ согласіи съ нею“, политика же крайнихъ радикаловъ исключила бы Францію изъ европейскаго концерта, что

усложнило бы ее международное положение. После бурных прений, палата одобрила декларацию правительства большинством 356 голосов против 143. Таким образом, попытка радикалов, под шумок филиппинской агитации, шантажировать министерство завершилась полным торжеством кабинета. На следующий день, по такому же запросу в сенат, прочитана была правительственная декларация, встреченная знаками одобрения, после чего вотировано было доверие правительству большинством 240 голосов против 32.

По сведениям из Лондона от 3 марта, все адмиралы международной эскадры получили уже приказание начать блокаду Крита, если же война эта окажется недостаточной, — приступить к блокаде греческих портов; греческую эскадру

предполагается удалить под ковоемь, если она добровольно не уйдет из критских вод.

Факт признания державами решения подтверждается британским правительством: на запрос в палату лордов, маркиз Салисбери заявил 4 марта, что оны, премьеры, могут лишь сообщить не оповещенный еще официально факт, что международной эскадрой приказано начать блокаду.

Таким образом, наступившая-было в некоторая нерешительность европейского конвента, на которую безспорно рассчитывали греки и их друзья, старавшиеся влиять на общественное мнение Европы, — разъяслась: Греция очутилась лицом к лицу с единодушием великих держав, исполненных твердого намерения водворить порядок на Востоке.

Разные известия.

— 6 марта, Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич прибыл из Бона в Аджарь.

— Его Императорское Высочество главнокомандующий войсками гвардии и петербургского военного округа, великий князь Владимир Александрович, 5 марта отбыл, по Высочайшему повелению, в Берлин, для присутствия на торжествах, имеющих там быть по случаю столетия со дня рождения императора Вильгельма I.

— На эскадренном броненосце „Сисей Великий“, находящемся у берегов Крита (Кадия), при учебной стрельбе из кормовых 12-ти-дюймовых орудий, произошедшей 3-го текущего марта, из одного орудия выстрелом при выстреле замком и провавшихся пороховыми газами сильно повредило крышу кормовой башни и самую башню. При означенном несчастном случае убиты: помощник старшего инженер-механика Иванъ Дерягинъ и 14 матросов; тяжело ранены — лейтенантъ Алексей Пешуровъ и 14 матросов, и 3 матроса ранены легко. Из числа тяжело раненых — лейтенантъ Пешуровъ и два матроса скончались в тот же день. По этому прискорбному случаю Государю Императору и Августейшему генерал-адмиралу выражено соболезнование от правителей европейских держав и их политических представителей. 6 марта, в церкви св. Спиридона (в Адмиралтействъ), в 12 часов дня, была совершена панихида по погибшим офицерам и нижним чинам. На панихиде присутствовали Их Императорские Высочества великие князья Алексей Александровичъ, Николай Николаевичъ, Михаил Николаевичъ, Александръ Михайловичъ съ супругою великою княгинею Ксениею Александровною и Кирилл Владимировичъ, а также участвовавшие лица морского ведомства и офицеры флота. Того же числа, по тому же печальному случаю, чинами морского ведомства отслужена панихида в гор. Кройштадтѣ.

— Министерство финансовъ сдѣлало, по сообщению *Биржевыхъ Вѣдомостей*, почти в дѣль уравнения прав преподавательницъ наравнѣ съ преподавателями, предоставивъ директору и преподавателямъ рисовальной школы Императорскаго общества поощрения художествъ и ее отдѣленийъ права на пенсію изъ средствъ государственнаго казначейства; министерство приняло тѣ же самыя условия на получение пенсій и къ преподавательницамъ этой школы съ ее отдѣлениями.

— Высочайше утвержденнымъ мѣтнемъ Государственного Совета постановлено, что учительницы приходскихъ училищъ, учрежденныхъ на основаніи устава 8 декабря 1828 г., пользуются равными съ учителями сихъ училищъ правами на получение пенсій и одновременно пособій изъ состоящихъ въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія особаго пенсионнаго капитала (ст. 403 уст. пенс. свод. зак. т. III, изд. 1876 г.), при чемъ изъ получаемого ими по службѣ жалованья производится установленный вычет в означенный капиталъ; при этомъ учительницамъ приходскихъ училищъ, состоящихъ нынѣ на службѣ, предоставлено право зачета ихъ прежней службѣ при этихъ училищахъ на получение пенсій и одновременно пособій, подъ условіемъ внесенія ими, за все время службъ, установленныхъ вычета въ вышеупомянутый капиталъ.

— Министерствомъ внутреннимъ дѣламъ разрѣшена доставка на домъ денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ малогрмотнымъ адресатамъ, умѣющимъ подписывать только свою фамилію, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и грамотнымъ, съ тѣмъ, чтобы означенные адреса приглашали стороннее грамотное лицо для написанія за нихъ текста расписки, а сами лишь подписывали свою фамилію.

— Въ Женевѣ, какъ известно, проживаетъ в бѣднотѣ, забытый людьми, великій филологъ Анри

Дюнанъ, основатель „Краснаго Креста“. Въ прошломъ году (въ № 1 *Искры* 1896 г.) мы помѣстили его портретъ и биографическую статью о немъ, въ краткихъ чертахъ обрисовывающую его великія заслуги передъ всѣмъ человѣчествомъ. Въ настоящее время судьба Дюнанъ значительно улучшилась. По Высочайшему

В. Я. Аврамовъ (по поводу 25-лѣтія учительской дѣятельности). Съ фот. грав. Шюблеръ.

чайшей воли Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Дюнанъ будетъ пожизненно получать отъ русскаго „Краснаго Креста“ по 1,000 рублей золотомъ ежегодно.

— Профессоръ-руководитель по архитектурному отдѣленію высшаго художественнаго училища при Императорской академіи художествъ, архитекторъ Высочайшаго Двора, академикъ архитектуры, статскій совѣтникъ Томишко назначенъ ректоромъ высшаго художественнаго училища, съ оставленіемъ его профессоромъ-руководителемъ, а также архитекторомъ Высочайшаго Двора.

— 16 февраля въ Петербургѣ, въ городскомъ домѣ въ Демидовомъ переулкѣ состоялось торжественное открытіе художественно-ремесленныхъ мастерскихъ Императорскаго общества поощренія художествъ. Пока открыты всего двѣ мастерскія, но, въ общемъ, ихъ предположено устроить десять, по разнымъ родамъ художественно-ремесленного производства, не считая общерусовальныхъ и некоторыхъ предметныхъ классовъ при нихъ. Цѣль мастерскихъ — давать лицамъ ремесленнаго сословія (въ томъ числѣ съ успѣхомъ окончившимъ курсы въ городскихъ начальныхъ училищахъ) — возможность получить художественную подготовку, которую служатъ къ усовершенствованію избранныхъ ремеслъ. Выборъ остановился на первое время на малярно-декоративной живописи и на связанной съ нею декоративной дѣлкой и формовкѣ украшеній для аданій — части потому, что еще въ мартѣ 1894 г. комитету общества было сообщено с.-петербургскимъ обществомъ архитекторовъ постановленіе перваго съѣзда русскихъ архитекторовъ, на основаніи доклада І. С. Китнера о пользѣ и важности открытія въ рисовальныхъ школахъ курсовъ для подготовки комматныхъ живописцевъ, а за годъ передъ этимъ, тѣмъ же докладчикомъ и П. П. Марсеру были представлены при особой докладной запискѣ — необходимости устройства разныхъ образцовыхъ мастерскихъ съ художественными отбѣнками, собственно для ремесленниковъ, — проекты школъ. Домъ, въ которомъ помѣщаются мастерскія, былъ совершенно перестроенъ І. С. Китнеромъ и уступленъ Обществу городомъ. Большое удобство для учащихся въ мастерскихъ будетъ представлять близость ихъ къ рисовальной школѣ Общества.

— Известная артистка Маріинской сцены, г-жа М. А. Славина получала званіе солистки Двора Ея Величества.

— Министерство земледѣлія, по сообщенію *Торгово-Промышленной Газеты*, приступаетъ къ изданію техническихъ рисунковъ для нуждъ некоторыхъ отраслей кустарной промышленности: столярно-мебельнаго и гончарно-керамическаго промысловъ, изготовления металлическихъ издѣлій и производства крашеной мебели и посуды.

— Въ мартѣ, сентябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, при III, IV и V классическихъ гимназіяхъ будутъ, по словамъ *Свѣд. Вѣд.*, происходить испытанія изъ латинскаго языка для лицъ, желающихъ поступить въ женскій медицинскій институтъ.

— Профессоръ Е. В. Павловъ выработалъ, какъ сообщаютъ *Новостямъ*, программу подготовительныхъ курсовъ сестеръ милосердія „Краснаго Креста“. Вѣдѣтъ съ тѣмъ въ обществѣ „Краснаго Креста“ разработать уже планъ организаціи дѣла подачи первоначальной помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

— Съ цѣлью помогать бѣднымъ дѣтямъ безпрепятственно посѣщать школы, снабжать ихъ теплой и краѣйкою обувью и одеждою, всѣмъ сколько зѣтъ тому назадъ возникло Обществу для пособія учащимся въ петербургскихъ городскихъ училищахъ. По сообщенію *Нов. Вр.*, первые годы своего существованія оно работало довольно успѣшно: школъ было мало, а пособій поступало сравнительно много; теперь же, съ каждымъ годомъ, количество школъ растетъ, а средства общества скорѣе уменьшаются, чѣмъ увеличиваются. Просьба поступать множество, а удовлетворить ихъ зѣтъ никакой возможности. Между тѣмъ, добрыхъ и отзывчивыхъ людей, и особенно на дѣтскія нужды, у насъ, къ счастью, не мало; если бы они пришли на помощь Обществу и внесли посильную лепту на это доброе дѣло, то, быть-можетъ, этимъ они дали бы возможность всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ безпрепятственно посѣщать училище. Членскіе взносы (3 р. въ годъ) принимаются у казначея общества (Литейный пр., зданіе Главнаго Управленія Удѣловъ) Э. Э. Крюгера.

— 25 февраля скончался одинъ изъ молодыхъ даровитыхъ литературныхъ работниковъ, Александръ Николаевичъ Цѣхановичъ. Покойный умеръ 31 зѣтъ. Въ послѣднія десять зѣтъ онъ написалъ вѣсколько романовъ, повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ въ журналѣхъ и газетѣхъ (*Петербургская Газета* и *Петербургскій Листокъ*). Изъ крупныхъ произведеній покойнаго можно назвать романы: „Мстивскіе трионы“ (помѣщенъ былъ въ *Литер. Прил. къ Искрѣ* за 1894 г., № 5 и 6), „Взѣтъхъ болыдичъ“, „Темный Петербургъ“ и др. Мелкихъ произведеній перу Цѣхановича принадлежало множество, и многія изъ нихъ имѣли успѣхъ.

Смѣсь.

Новая опера. На дняхъ, въ залѣ Императорскаго придворнаго оркестра, исполнены были отрывки изъ новой оперы М. М. Иванова „Забава Путятинна“ на сюжетъ комедіи того же названія В. П. Буренина. Отрывки давались при участіи оркестра, хора „Русскаго общества любителей пѣнія“ и солистовъ: артистовъ русской оперы, г-жъ Михайловой и Долиной и г. Морского, — и артистки г-жи Томской, подъ управленіемъ г. Козаченко, дирижировавшаго почти съ листа (это tout de force, рекомендующей его, какъ прекраснаго музыканта). Изъ отрывковъ новой оперы исполнены были: 4 оркестровыхъ №№, два хора и три аріи. Авторъ былъ привѣтствуемъ присутствовавшими, признавшими за новымъ его произведеніемъ талантливость; дѣйствительно, отрывки оказались очень мелодичными, оркестровка прозрачна и не многорумна, хори въ народномъ характерѣ, а сольныя партіи написаны съ большимъ знаніемъ голосовъ.

Картина „луной ночи“ поэтична; антракти къ третьему акту очень красивъ (особенно униссонъ струнныхъ инструментовъ); оригинально по темѣ и разработкѣ „Татарское намѣстие“. Аріи Василіиса, Забавы (съ флейтой) и Соловья очень мелодичны и прекрасны иллюстрируютъ настроенія этихъ дѣйствующихъ лицъ. Выразительны и речитативы (илии, Настасья и др.). Словомъ, судя по исполненнымъ отрывкамъ, надо полагать, что опера, которая уже совершенно закончена г. Ивановымъ, понравится на сценѣ при полной обстановкѣ еще больше.

В. Б.
Коллекція рисунковъ и акварелей кн. М. К. Тенишевой, въ залахъ Общества поощренія художествъ, обратила на себя вниманіе всѣхъ любителей живописи. Въ сужденіи объ этой только что закрывшейся интересной выставкѣ едва ли достаточно иривѣненіе того же приѣма художественной оцѣнки выставленныхъ произведе-

ний, какой обыкновенно приближается къ выставкамъ періодическимъ или къ отдѣльнымъ выставкамъ произведеній того или другого художника или группы художниковъ. Тамъ мы видимъ свободную пестроту всякихъ вкусовъ, направлений, пріемовъ, видимъ прогрессъ или упадокъ, исканіе новизны или вѣрность рутинѣ; здѣсь намъ приходится прежде всего счѣтаться съ личными вкусами собирателя картинъ. Если, вообще, картина есть лучъ жизни или природы, преломившійся чрезъ призму души художника, то частная коллекція картинъ есть лучъ искусства, преломившійся чрезъ призму вкуса коллекціонера. И надо отдать справедливость кн. Тенишевой—призма ея вкуса даетъ очень красивый, изящный спектръ. Выборъ сдѣланъ съ большимъ пониманіемъ красоты и чувства мѣры, но и не безъ ѣвоторой односторонности: нѣтъ въ этой коллекціи ничего рѣзкаго, грубаго, тенденціознаго, но нѣтъ и ничего смѣлаго, сильнаго, приковывающаго вниманіе и оставляющаго неизгладимое впечатлѣніе; а если такое и есть, то оно незамѣтно растворяется въ общемъ впечатлѣніи. Эта коллекція—радуга въ брызгахъ двор-

цоваго фонтана, а не знаменіе Божье на фонѣ черныхъ тучъ, разорванныхъ солнечнымъ лучомъ послѣ ливня. Но какъ собраніе произведеній въ художественномъ отношеніи безупречныхъ, а иногда и истинно прекрасныхъ, эта коллекція заслуживаетъ вслѣдственной похвалы и вниманія, и не останавливаясь на отдѣльных картинахъ, достаточно сказать, что тутъ почти всѣ картинны писаны знаменитыми или извѣстными художниками; достаточно назвать имена Айвазовскаго, Александровскаго, Бартельса, Бенуа, Брюлова, Буше, Гавария, Грѣза, Делароша, Ендогурова, Зичи, Калама, Княшенко, Крамскога, Маковского, Мейсоны, Менцеля, Рѣпина, Тинторетто, Фортунни, Шишкина, Фетодова... Во всякомъ случаѣ, эта акварельная выставка представляла неизмѣрно большій интересъ, чѣмъ ежегодная выставка акварелистовъ, бывшая въ Академіи Художествъ: за исключеніемъ двухъ, трехъ пейзажей, періодическая акварельная выставка этого года производила такое впечатлѣніе удивительной монотонности и общаго застоя, что о ней смѣло можно умолчать.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. изгороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и приложить 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Ю. Шев. Очеркъ М. М. Эйзена. (Съ 13 рисунками.)—Пара саловъ. Изъ рассказовъ стараго студента. И. Н. Потанина. — Въ рисункахъ: Цирица.—Ширатинъ.—Трусливъ, какъ зайцы.—Иерусалимскій патриархъ Герасимъ (съ портр.).—Е. В. Богдановичъ (съ портр.).—В. И. Абрамовъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя новости.—Смѣсь.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія. При этомъ № прилагается выпускъ „Смѣсь“. антверпенскій. прилож. за Мартъ.

Надатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

НА ВОСПИТАНИЕ И КУЛЬТУРУ ДЕТЕЙ ВЪ СЕМЬИ

СНАБЖЕН

60. ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРИТОРСКОГО ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЪ ДУБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛТАСВАТЬ СЕМУ

ПОНУЖНЫЯ ВЕЩИ

АУДИОНЪ ПО ЕТОФОНАМЪ СОСНАТІАНІЕ 500 ЛАТЪ

ТЕЛЕФОНЪ 1141

D.O.M + D.O.M

BENEDICTINE

de l'Abbaye de Fécamp

La Meilleure des Liqueurs Se defier des contrefaçons.

Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville

D.O.M + D.O.M

Письменное преподаваніе двойной и простой итальянской

БУХГАЛТЕРІИ.

Ручается за отличные успѣхи, продолженіе курса 4 мѣсяца. Проспекты и пробныя письма высылаются безплатно. Обратитесь къ Вас. Вас. Рауэртъ, въ Либавѣ.

Сѣмена огородныя, цвѣточныя и пр. 25 ш. за 6 р. комматъ растений и отборныхъ экземпляровъ, отъ 30 к. тысяча саженца разн. пор. декоративн., цвѣтнхъ и пр. Каталогъ безплатно. Саратовъ. Садоводство Корбутовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ Гостиница „ВИКТОРІЯ“

Казанская ул., д. № 29. Первоклассная гостиница съ большими просторными комнатами; электрическое освѣщеніе; ванна. Омнибусъ во всѣхъ возздахъ. Владелецъ **К. И. ЛАНГЕ.** 10-1

Учебный классъ пѣнія для школы. Новый методъ преподаванія, выработанный на курсъ пѣнія нар. учнт. Бессар. в Таур. губ. Состав. руководитель курс. Н. Ермошкин. Изд. 3-е. в. 40 к. Складъ изд. въ Одессѣ: музич. магаз. Бр. Блавыцъ и у автора 2-я гимназія.

КАЖДЫЙ

интеллигентный человекъ можетъ имѣть 2000 руб. въ годъ дохода или 100 руб. экономія, приобревъ мою книгу законно о химическихъ лабораторіяхъ и заводахъ и самоучитель парфюмерно-технохимической фабрикаціи. Цена 2 руб. 50 коп. съ пересылкой. Издатель-фармацевтъ **Р. РАКОВЩИКЪ** въ г. Винницѣ, Подольскаго губ.

ШТОРЫ

съ франц. ашвар., безъ гвоздей и безъ ком. обойд. Высмл. съ малож. платомъ. **ДАНЦИГЕРЪ** Невскій, 124. № 10083

Требуйте

новый каталогъ ружей, револьверовъ и принад. охотн. Цѣны понижены.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМНА ВДОВА и №.

Москва, Тверская, близъ Газетнаго, Ц № 9287 д. Шабликина. 3-3

ИЗЪ ДЕНЖКЪ.

Истор. романъ Вс. С. Солонькова въ проз. перекл. Империатора Николая I. Въ 2-хъ т. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ коллѣктор. переклѣтѣ 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 25 к. Требуемъ адресахъ въ контору издатель А. Ф. Мариса, СІБ., М. Морская, 22.

За 1 рубль сер.

12 ТЕТРАДЕЙ НОТЪ

фортепианныхъ для танцевъ, салонной игры и пѣнія, въ томъ числѣ и новыя танцы

„МИНЬОНЪ“

ФОРТЕПИАННАЯ КЛАВИАТУРА для легкаго обученія игры по нотамъ. Всѣ ноты 1 р. с., по почтѣ 1 р. 35 к.

Ю. ГИЛЬКНЕРЪ.

Москва, Тверская, д. Варгина, гдѣ № 10047 City и № 3-1

Резиновые накидки

отъ дождя стрѣны съ бахилками: длины 30 вер. по 5 р., черныя: по 4 р.—за каж. вер. длиннѣйшая короче по 20 и., изъ матовъ виситина по 2 р. 80 и., за каж. дѣй вер. длиннѣе или короче по 10 коп. предлагаетъ складъ

РИХАРДА КВОРНЕРЪ.

С.-Петербургъ, Офицерская ул., д. № 10. Образцы безплатно. Торговцамъ скидка.

Удостоено почетнаго диплома на Всероссийской выставкѣ 1896 года. О. А. НИКИТИНОЙ.

„Помощь молодымъ матерямъ“

Альбомъ выроекъ дѣтск. бѣл. и желт. въ натуральную величину до 10 лѣтъ включительно. Цѣна 1 р. 50 к. Пересылка на счетъ выкупателя. Продается въ книж. магазинѣхъ и у автора: СІБ., Владимірская ул., д. 6, кв. 8.

Знаменитое бѣлье

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Поставщиковъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ.

нзящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со спиркой неприятностей. Послѣ употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при уселенномъ погнѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Вышеупомянутыя представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Таифани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая Іъ. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Кнингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

САМЫЕ МОДНЫЯ ДУХИ

- ДУХИ — ФІАЛКА ДУСЛЭЭЭ — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
  - ДУХИ — ЛАДЫШЪ ДУСЛЭЭЭ — туалетное мыло.
- Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, привѣ. пост., Карлеруэ.

Можно получить: Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вилеръ, Э. Бранискаго, Р. Шасольскаго, у Константина Гершъ, Липана и Ризка, А. Лице, А. Зиглунда. Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мердизъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Врускъ, Л. Борхардъ, Р. Калеръ и Л. Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9386 13-11 Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Малояннинскій пер.

ВУРЫ СИСТЕМЫ Войслава. Ф. А. ЮГАНСОНА.

Привилегія № 19247. Развѣдочные и для глубокаго буренія можно получать только въ Бюро изслѣдованій почвы, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

ТОВАРИШЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПБургь.

Резина. * Липолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Превзда.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛОНЪ

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: г. Москва, Школьная ул., № 7. Адресъ для корреспонденціи: Швейцарскій перекрестокъ - Москва.

ПАМЯТЬ

(лицъ каждаго возраста) укрѣпить лично и заочно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской академіи, С. Файнштейнъ. Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологич. психологич. логики и педагогич., память возвращается потерявшимъ ее. дѣлается хорошей у забывающихъ всею и лучшей — у обладающихъ хорошею. Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдился въ теченіи моей 10-лѣтней дѣятельности на поприщѣ преподаванія мнемоники въ Россіи, г. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи др. лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ мнемоники и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. Методъ дважды премированъ Парижской академіей. Условія за курсъ преподаванія и брош. (въ 32 стр.) высыл. за одну 7 коп. марку, въслѣдъ съ книгой *) (7-е изданіе). Что такое искусство укрѣпленія памяти? за шесть 7 коп. марокъ, на зеленой же бумагѣ за восемь 7 коп. марокъ. Адресъ: Одесса, въ главную контору „Бурноеъ вѣчнаго преподаванія мнемоники“, Гаванная ул. (28-а), рад. съ Городскимъ садомъ. д. Бродскаго, № 6/28-а, кв. № 2-8, бель-этажъ, профессору мнемоники С. Файнштейну, или въ „отдѣленіе“ конторы, ул. Пушкинской и Вазарной, собственн. домъ, № 46/28, профессору мнемоники С. Файнштейну. Адресъ для телеграммъ: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну. № 10010 5-2

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

ФРАНЦЕНСБАДЪ.

Первыя грязевыя купальни. Обладаютъ очень сильными желѣзными источниками, чистыми щелочными водами, содержащими глауберову соль и окиси литія, магніевыми ваннами съ богатымъ содержаниемъ углекислоты, ваннами изъ минеральныхъ водъ, шипучими углекислыми ваннами.

Сезонъ съ 1-го мая по 30-е сентября.

В. № 10011 Пропскты высылаются бесплатно. 2-2
 Подробныя свѣдѣнія дѣютъ упрощающее курортномъ бюрогемистерство.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ АЛЬБОМЪ РАБОТЪ проф. А. Д. КИВШЕНКО.

Посмертное изданіе, съ портретомъ, офортъ работа Матъ, съ 51 фотографіей и автографіей, на слоновой бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 5 руб. Складъ изданія: Кадетская линія, № 29, кварт. № 12. Кившенко. № 9079 5-3

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстная, единственно настоящія

Алициариновыя чернила для письма и копированія

(магніето-орбитовыя 1-го класса по отпавнѣ государственныхъ учрежденій), № 9684 20-4

ЛЕГКО - СТЕКАЮЩІЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

ВАЖНОСТИ:

для книгъ, авторъ, документовъ и пасажностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди въ Дрезденѣ,

изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.

избѣгать поддѣлокъ.

CREME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon предельнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Очъ употребляется вмѣсто Cold cream (кожъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 13, Rue Grange, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

Р. № 9603 13-13

ТРЕБУЙТЕ НА КАЖДОМЪ ЛЕСТИКѢ

АНТИПАРАЗИТЪ

ОТЪ КЛОПОВЪ

Л. СТОЛКИНДА

Продается вездѣ. Главный складъ Москва. Лубянской профессъ д. Смольянинова. Нижегород. Ярмарка, главный домъ № 57. Л. А. СТОЛКИНДА.

МЫЛО ВЭРА-МУСКЪ

Качество въ конкуренціи

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ 20 КЛАС.

ПАРФЮМЕРІЯ „СЪВЕРНАЯ ФЛОРА“

С. А. ПРОКОФЬЕВЪ и К^о

ВЪ МОСКВѢ.

въ 1896 г. золотая медаль.

ЧЕ-СУ-ЧА

Настоящая англійская, чисто шипучая и превосходной доброты СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ. Цѣна за полн. бутылку, въросъ въ Давская: 10 руб., 13 руб. и высыл. сорт. 15 руб. Мушкетер: 18 руб., 20 руб. и высыл. сорт. 23 руб.

ВЪ СЛАДѢ А. ИВАНОВА

Москва, Тверская, Пассажъ Пискаревъ.

Складъ высылать съ наложеннымъ платежомъ. № 9012 2-2

Образцы за 2 сантим. марк.

Большая золотая медаль Парижъ.

МАССА БЛАГОДАРИ и ПОЧЕТИ. ОТЪВѢДЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ

многочисл. и основаніи посредств. лекцій-корреспонденціи. Вслѣдъ замѣняющихся лотомъ преподаванія. — ПЛАТА УПРЯМАЯ.

С. Я. ДИДЕНТАЛЬ

МОСКВА

Владимирская ул. д. № 37

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES

des RR. PP.

BÉNÉDICTINS

DE

Abbaye de Soulas,

Dom MAGUELONNE, Prieur.

Inventé en l'an 1373, par le Prieur P. BOURSAUD

VENTE EN GROS :

SEGUIN, BORDEAUX.

Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX Expos. Int. Lyon 1894. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Expo. Int. Bordeaux 1895.

EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR

Donnez Maguelonne S. O.

8-дѣ СИМФОНІЯ П. Чайковскаго

вышла для фортепiano въ 2 руки цѣна 3 руб.

и для 2 фортепiano въ 8 рукъ цѣна 7 руб., для фортепiano въ 4 руки цѣна 5 руб.

Оркестровая партитура 9 руб. Оркестровые голоса 20 руб.

Москва у П. ЮРГЕНСОНА.

СПБ. у И. Юргенсона, Варшава, — Г. Зеневальдъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Балгарскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, Невскій, 59.

Прекрасный, полезный подарокъ. Рельефныя карты пяти частей свѣта. Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія. Изданіе Ю. Сиппано и Глазунова. Вѣсто 9-ти руб. высылается за 4 руб., съ пересылкомъ. С.-Петербургъ, Вадимирск. пр., д. № 3, кв. № 7. М. Бурбатовъ.

PAPIER FAYARD ET BLAÏN.

Бумага Фаяръ и Блайнъ.

Плетеныя, раздѣльныя Медицинскія Свѣтки. Трѣбуютъ подлиннаго Fayard et Blain. Продается въ аптекахъ.

Berliner Tageblatt

hat jetzt: **64 500** Abonnenten!!!

Den Ruf eines Weltblattes hat sich das B. T. durch die allgemeine Verbreitung nicht allein in Deutschland, sondern in der ganzen gebildeten Welt, selbst in den entferntesten Ländern, erworben. Wo überhaupt im Ausland deutsche Zeitungen gehalten werden, da begegnet man sicherlich in erster Reihe dem B. T.

Diese universelle Verbreitung verdankt es seinem reichen, **gediegenen Inhalt**, sowie der **Schnelligkeit und Zuverlässigkeit** in der Berichterstattung (vermöge der an allen Weltplätzen angestellten eigenen Korrespondenten). Die Abonnenten des B. T. empfangen allwöchentlich folgende **fünf höchst werthvolle Separat-Beiblätter**: Das illustrierte Witzblatt „Ulke“, die feuilletonistische Montagsausgabe „Der Zeitgeist“, die „Technische Rundschau“, das belletr. Sonntagsblatt „Deutsche Lesehalle“, und die „Mittheilungen über Landwirthschaft, Gartenbau und Hauswirthschaft“.

Die sorgfältig redigirte, vollständige „**Handels-Zeitung**“ des B. T. erfreut sich wegen ihrer unparteiischen Haltung in kaufmännischen und industriellen Kreisen eines vorzüglichen Rufes. Auch haben zu dem grossen Erfolge des Blattes die ausgezeichneten Original-Feuilletons aus allen Gebieten der Wissenschaft und schonen Künste, sowie die hervorragendsten belletristischen Gaben, insbesondere die **vorzüglichen Romane** und Novellen, welche im täglichen Feuilleton des B. T. erscheinen, nicht wenig beigetragen. Im nächsten Quartal erscheint der höchst fesselnde Roman:

„**Frau Magdalena**“ von **H. Oehmke**.

Die Reiseberichte von Eugen Wolf

aus dem Innern **Chinas**, das unseren politischen und Handelsinteressen immer näher rückt, erregen allgemeines Aufsehen, zumal der kühne Forschungsreisende stets Gebiete wählt, die bisher noch wenig von Europäern bereist worden sind. Diese Artikel erscheinen ausschliesslich im «Berliner Tageblatt».

Vierteljährliches Abonnement kostet 3 Rbls 25 Kop. bei allen Postämtern. Probenummern franco. Inserate (Zelle 50 Pf.) finden erfolgreichste Verbreitung in allen Theilen Deutschlands sowie im Auslande.

1865.

1870.

1882.

1896.

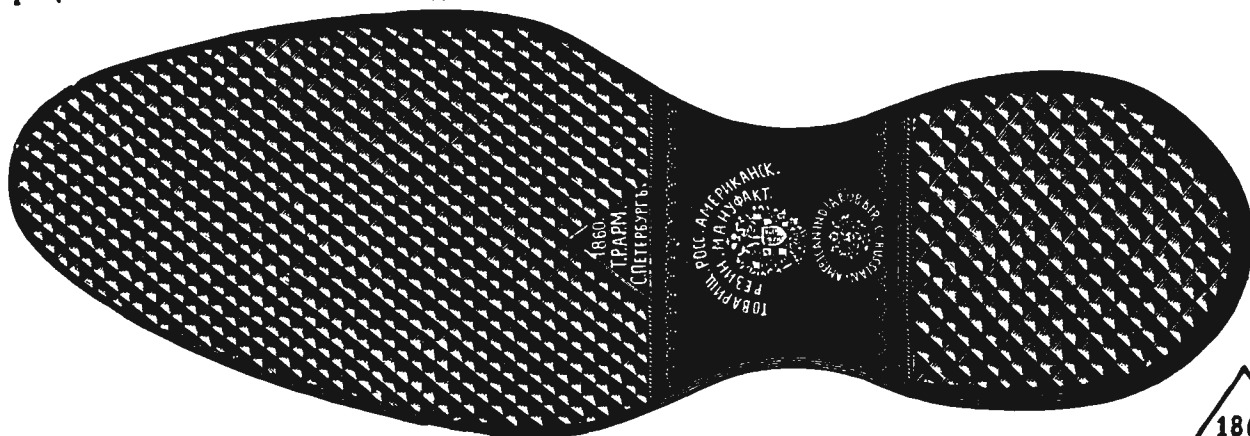
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ РЕЗИНОВАЯ МАНОФАКТУРА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 951 26-6

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

1860
Т.РА.Р.М.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

ВНОВЬ ПОДПИСАВШИЕСЯ ПОЛУЧАЮТЪ ЖУРНАЛЪ СЪ № 1.
Издается съ 1886 г.

РУВЛЕЙ
СЪ ДОСТ. И ПЕРЕС.

РУВЛЕЙ
СЪ ДОСТАВК.

ПОДЪ РЕДАКЦИЮ

А. И. ПОПОВИЦКАГО И ПРИ УЧАСТИИ

ОТЦА ЮАИНА КРОНШТАДТСКАГО

52 ИLLUСТРИРОВАННЫХЪ МЪМЪ || 12 ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ КНИГЪ
каждый въ 16 стр. бол. форм. каждый объемъ 100—120 стр.

И БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: КОПИЯ СЪ ИКОНЫ НОВАЯВЕННАГО ЧУДОТВОРЦА

СВЯТИТЕЛЯ БЕОДОСИЯ АРХИЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО.

Подробное объявление и пробный № высылаются за 14 к. маркам.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Стрѣмяная ул., № 12, собств. домъ.
Допускается разсрочка подлинныхъ денегъ. Издаватель П. П. Соѣкинъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЬ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 21.

С.-де-Колонъ двойной (Секрета) (Секрета) (Секрета)
С.-де-Колонъ тройной

МАГАЗИНЫ ВЪ СПЕТЕРБУРГѢ:
Вознесенскій пр. уголъ Казанской ул. домъ № 24-25
НЕВСКІЙ ПР. № 32. НЕВСКІЙ ПР. № 66.

„Гуниади Яносъ“
представляетъ собою продуктъ природы.

СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ
котораго извѣстно.

Для моря, вриана достаточно 1/2 обмы. озавана.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портрета, которая неизмѣнно находится на отвѣтъ каждой бутылки настоящей нашей вод.

Владимиръ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.
П. № 9157 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-10

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Блѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетовъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 48, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюберныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. П. № 9171

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены высшаго отлічія

ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА

Г. ВЕЙСЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56.

Мужская, дамская и дѣтская обувь

изъ наилучшаго матеріала, моднѣйшаго фасона, удобна сидѣнія, всегда въ болышомъ выборѣ.
◆ Иллюстрированный прѣбъ-куррантъ безплатно. В. № 10026 4-1
◆ Прошу остерегаться поддѣлокъ: каждый сапогъ долженъ быть снабженъ штампелемъ моей фирмы.

СПЕЦ. ТЕХНОХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ } **ТУАЛЕТНЫЯ**
„МЮСКЪ“ } **МЫЛА.**
„ПОДЪСПАНЪ“

Своими прекрасными достоинствами заслужили полное одобреніе со стороны многочисленныхъ потребителѣй. П. № 9671

ГЛАВНЫЕ СМЛАДЫ: СПБ., Пляц. Александр. театра, 9. — МОСКВА, Никольская, д. Шеремѣева. — ВАШАГА, Новый Свѣтъ, 37. 5-4

НОВАЯ КНИГИ:

Акуничъ, Г. Незинная жертва, ром. 192 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Брунуа, А. Станяный городъ, фантастическій ром. 217 стр. Ц. 75 к. съ перес.

Варистарна, В. На Бомбѣи пути, ром. 80 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Локай, М. Бомба вола, ром. изъ быта индусскихъ магнатовъ. 360 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 85 к.

Коллинго, У. Луиний камень, уголовный романъ. 490 стр. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 коп.

Ли, J. Современная Нюбеа, ром. 186 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Оленико, Э. Марталя. Историч. ром. изъ похи борьбы евреевъ противъ римскаго шадичества. 23 стр. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 коп.

Ранидо, Ш. Подъ волнами океана, фантастическій ром. 244 стр., съ иллюстраціи. Цѣна 1 р. съ перес.

Сервантесъ, М. Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Романъ, полный переводъ въ 2-хъ частяхъ. 154 стр. Цѣна 1 руб. 30 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

Тамъ, М. Приключеніе Фанна Гипперберина, шпористъ. ром. 153 стр. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 к.

Эберсъ, Г. Слово, ром. 224 стр. Цѣна 10 к., съ перес. 75 к. П. № 10083

Съ требованіями обращаться въ книжный складъ

П. П. СОЙКИНА
СПБ., Стрѣмяная, 12.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,
Москва, Петровка, № 2,
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ВЕСЕННИЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
на 1897 г. вышелъ и высылается **БЕЗПЛАТНО**
всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ во всѣ мѣста Европейской Россіи.

При выпискѣ на 50 руб. (въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ.
Охотно высылаемъ образцы великихъ матерій, но въ видѣтнѣ громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначить родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ предназначается.

НАШИ ОТДѢЛЕНІЯ: П. № 10045 2-1

Кружевное. Ленточное. Шелковыхъ матерій. Мануфактурное. Ситцевое. Полотняное. Бахромное. Дамскихъ рукодѣлій. Корсетное.	Чулочное. Зонтичное. Мужского бѣлья. Дамскаго бѣлья. Дамскихъ вещей. Дамскихъ платковъ. Дѣтскихъ костюмовъ. Мужскихъ платковъ. Дамскихъ шалей.	Мужскихъ шалей. Саломное. Галантерейное. Парфюмерное. Перчаточное. Игрушечное. Оружейное. Дорожныхъ вещей. Письмен. принадлеж.	Картиль и предп. росси. Хозяйств. принадлежи. Кроватей и умывальн. Серебра и мельхиора. Часовъ. Ламповое. Фарф., фаянса и хруст. Новоросе.	Небольшихъ матерій. Гардиннаго тюля. Клеенокъ. Мебели. Музыкальн. инструм. Электротехническое. Водопроводн. принадлеж. Печное.
---	--	--	---	---

Люда. Федоров. Шиннштейн,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,
рекомендуютъ причудливейшимъ и
торфянымъ машинамъ, прессы для вы-
давки трубъ съ раштрубами, пере-
лицъ съ фальцами, брикетовъ; дере-
вянотов. Шаровыя мельницы для
измельчения и размола и одновре-
меннаго просииванія материаловъ любой
крѣпости, какъ-то: шпота, цемента,
шлаковъ, руды, костей, стекла, фос-
форитовъ и т. п. (14)

КОНТОРА
„ВЪНСКІЙ ШИКЪ“
С.-Петербургъ, Невскій, 80.

Публикуетъ публичку, что въ осеннему и
лѣтнему сезону получили **АЛЬБОМЫ** и **ЖУР-**
НАЛЫ послѣдней моды, содержащія: дам-
скія наплечи, панталы, пальто, кофточки,
капоты и визитные туалеты, цѣномъ въ 1 р.
20 к., 1 р. 80 к. и 2 р.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Невскій пр. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. Высыл. Безпл.

Модели изъ марли и
ВЫКРОЙКИ
изъ бумаги
для предстоящаго весенняго и лѣтняго
сезоновъ 1897 г., мужскія, дамскія и
дѣтскія для нижняго и верхняго платья
получены въ **БОЛЬШОМЪ**
МАГАЗИНѢ МОДНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ
И. А. ПОЗИНА.
Москва, Тверская, пассажъ Пости-
нова, № 30/45.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на всѣ загранич. модные журналы
съ разсрочкой платежа.
Каталогъ высыл. безпл.
Допускается налож. платежомъ.

Православные Христіане!
Горькая нужда заставляетъ насъ призвать
къ вамъ о помощи; тѣло и стыдно безпо-
коить добрыхъ людей подобными просьбами,
но, къ сожалѣнію, только одно это средство
осталось въ нашихъ рукахъ, чтобы поддер-
жать здѣсь и благолѣіе нашего храма.
Воздвигнутый въ двадцатидесять годовъ настоя-
щаго столѣтія въ громадныхъ размѣрахъ
(22 с.—7 с.) сооробно тогдашнему, болѣе
чѣмъ трехъ-тысячному (и н.) приходу, въ
настоящее время, при уменьшеніи болѣе,
чѣмъ на половину прежняго прихода, чрезъ
устройство трехъ самостоятельныхъ церквей
Астроловской, Ивановской и Андреевской
и чрезъ отдѣленіе некоторыхъ деревень къ
Марьевскому приходу, намъ Дрегенской
храмъ быстро идетъ къ упадку; такъ—кримъ
храма во многихъ мѣстахъ прорывалась и
начала выскать сырость въ стѣны храма;
внутри и внѣ храма штукатурка обвалы-
вается, не говоря уже о настѣнной живописи,
иконостасѣ и др.; полъ прогнилъ и во мно-
гихъ мѣстахъ прогнилъ; ограда обваливается;
рѣки въ храмѣ отъ ветхости едва держатся
и т. д. Средствъ же, чтобы все это испра-
вить (снѣкъ требуется болѣе шести тысячъ
руб.) вовсе не видѣтся и не предвидѣтся,
такъ болѣе, что сами прихожане страдаютъ
отъ недорода хлѣба. Находясь въ такихъ
горестныхъ обстоятельствахъ, мы рѣшились
обратиться къ добрымъ людямъ съ снѣ-
воззваніемъ о помощи для нашего храма,
посвященнаго Божіей Матери, Св. пророку
Ілію и Св. Чудотворцу Николаю. Великую
помощь мы принимаемъ съ искреннею благо-
дарностью. Пожертвованія просимъ адресо-
вать: чрезъ г. Старушъ-Руссу, Новгородской
губ., въ село Дрегеню, Высидной вол., свя-
щеннику Александру Пылаву. № 1004а

Поступила въ продажу новая книга:
МНЕМОНИКА
или
РАЗВИТІЕ ПАМЯТИ
Пастора Д. Д. КИЛЬБУРНЪ.
Цѣна 10 рублей.
В. Ситтъ, В. Морская, д. 27, к. 1.

Способъ скорого и дешеваго лѣченія
ЛЕГочной ЧАХОТКИ
доктора Евгения Гурина. Изд. 5. 1897 г. Ц. 20 к.
Еромъ того, общедоступныя брошюры о лѣче-
ніи дифтерита, холернымъ осмъ, кровя. поло-
са, рошатиана (изд. II) сибирск. язвы, по
15 к. Пересылка 10 к. (марк. въ заказ. нас.).
Адр. (письм. и телегр.) Киевъ, д-ру Гурина.

На всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННАГО ТИТВА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО
основанная въ 1810 году
СНБ., Владимірская, № 8,
рекомендуютъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 800, 800, 700,
800 и 650 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 р.
Прейсъ-курранты высылаются
бесплатно.
Дено въ Москвѣ: Юз. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына; въ Ригѣ:
О. Зигельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугана; въ Бану: Ф. И. Шрейберъ; въ Тиф-
В. № 9588 листъ: В. М. Мириманіанъ. 13—11

ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ!
КАЛОДЕРМА Ц. № 9575
11—9
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ.
НЕЗАМѢНИМА ДЛЯ ХОЛИ КОЖИ.
Продажа въ лучшихъ парюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПАТЕНТОВАННЫЙ
Гуго Шиндлера АНТИКОРСЕТЪ
или **БЮСТГАЛТЕРЪ.**

Извѣстное и при-
знанное во всѣхъ Евро-
пейскихъ Государ-
ствахъ и въ Америкѣ
полезное для здоровья
изобрѣтеніе, заслу-
жившее отъ самыхъ
интеллигентныхъ по-
требительницъ тысячи
благодарственныхъ
писемъ, одобрено на-
вѣстнѣйшими въ ме-
дицинскомъ мірѣ про-
фессорами, какъ сред-
ство для избавленія отъ разныхъ недуговъ, при-
чиняемыхъ корсетомъ.

Въ ношеніи Бюстгалтеръ, патентован-
ный въ 13-ти государствахъ, даетъ въ про-
долженіе цѣлаго дня полное свободное дви-
женіе и рекомендуется всѣмъ безъ исклю-
ченія дамамъ, а также беременнымъ и кор-
мящимъ грудью хозяйкамъ.
Бюстгалтеръ обращаетъ на себя внима-
ніе изящностью отдѣлки и изготовленіемъ
изъ лучшихъ корсетныхъ материаловъ.
Цѣны: А В С D dryll frame. DD шелк.
4.50 к. 5.75 к. 6.75 к. 8 р. 9.50 к.
Детальные заказы высылаются почтой
повсемѣстно наложеннымъ платежемъ съ
причисленіемъ за пересылку за два фунта.
При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ
сантиметрахъ, верхкакъ или тесьмой по
рисунку:
1) Полную окружность, мѣряя на платьѣ
подъ мышкою отъ А до В.
2) Окружность талии отъ С до D и
3) Высоту бока отъ А до С.
Единственная продажа на всю Имперію
въ Варшавѣ у В. Rueqvart.
Адресъ для заказовъ:
Б. Риквертъ, Варшава.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ
„Малютка“ 5 р. с.
„Улинь“ 7 р. с.
„СИЛЕСЪВЪТЪ“
№ 8 р., 10 р. и 12 р. с., въ за-
висимости отъ велич. объек-
тива. Перес. на счетъ покуп.
„Силесъвѣтъ“ лучшій бинокль
нашего времени, преимущественно его: 1) про-
мадное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе,
3) незначительное поглоченіе свѣта.
ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ.
Новый адресъ:
27. Большая Морская 27.
Сокращеніе прейсъ-куррантъ бесплатно.

Возвзаніе.
Въ селѣ Частыхъ-Колодезяхъ, Краинен-
скаго уѣзда, Тульской губ., есть Іоанно-
Предтеченскій храмъ, построенный въ 1761
г. изъ еловатаго дѣла и въ настоящее время
примаетъ въ видѣости. Въ 1895 г. причтъ съ
церковными старостами испросили разрѣше-
ніе Начальства на постройку новаго трехъ-
престольнаго каменнаго храма во имя Пред-
течи и Крестителя Господня Іоанна, Святи-
теля и Чудотворца Николая и третій причтъ
въ честь того святаго, имя котораго нѣтъ
носить благодѣтель, устроившій сей причтъ
своими издѣвленіемъ, Мѣстныхъ средствъ
для этого оказывается очень мало, ибо при-
шлошало (въ числѣ 656 душъ мужск. пола),
состоитъ исключительно изъ однихъ крестьянъ
и до того бѣдны, что при всемъ своемъ
маломъ мало могутъ содѣйствовать къ осу-
ществленію начатаго благого дѣла. Посему
строительный комитетъ, съ разрѣшенія
Епархіальнаго Начальства, обращается ко
всѣмъ любящимъ благолѣіе храмовъ Вои-
нахъ и усердѣйте просить: добрые христі-
ане! помогите сдѣлать посылками пожертво-
ваніями въ сооруженіи означеннаго храма.
Пожертвованія просимъ вручать сборщику
Антону Тюльбаеву и адресовать: ст. Сергіе-
во, Тульской губ., село Частые-Колодези,
священнику Михаилу Зайцеву, или церковно-
му старостѣ Гомѣ Тюльбаеву.

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ.

Благодаря пріятному вкусу, питательности и легкости приготовления, — наилучшій шоколадъ для потребленія въ жидкомъ видѣ.

В. № 10438 4-1

ПИАНО-МЕЛОДИЖКО.

Салонный ручной органъ со струнами, играетъ всевозможныя вѣсы, имѣетъ очень пріятный, мелодичный тонъ, сходный съ оркестромъ изъ мандолинъ, и удобенъ какъ для салонной музыки, такъ и для танцевъ. Цѣна безъ нотъ 70 руб. Нотъ по 60 коп. за метръ (около 1 1/2 аршина). Прейсъ-куррантъ и списокъ нотъ высылаются бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное дело и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. Москва, Бульварный м., д. Захарьина.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА

служитъ интересамъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Передавая статьи, торговые сообщенія отъ своихъ корреспондентовъ (свыше 300), данные о положеніи посѣловъ, биржевыя корреспонденціи, хроника акціонернаго дѣла, фельетоны, обзоръ техническихъ новостей, полный переченьъ торговъ и поставокъ и ихъ результатовъ и проч.

Газета первое въ Россіи изданіе по количеству собственныхъ телеграммъ, ихъ точности, полнотѣ и своевременности. № 9926

6 Торгово-Промышленная Газета, являясь единственною большимъ коммерческою газетою въ Россіи, заключаетъ въ себя свѣдѣнія и по программамъ большихъ политическихъ газетъ.

6 рублей 4 рубля 2 рубля На мѣ- Разрочка: 2 р. при подпискѣ, въ годъ. 4 р. въ годъ. 2 р. въ мѣсяцъ, 2 р. въ кварталъ, 2 р. въ полугодіе. 75 к. въ годъ. Редакция и контора: С.-Петербургъ, Газетная улица, уголъ Заматина пер., д. Министерства Финансовъ.

КРАСИВО ПИСАТЬ (посредствомъ перьевки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 9912 6-3

За 2 семиклассныя марки высылаются пробное письмо и условія, а за 4 семиклассныя марки высылка пробное письмо и условія, подробныя условія и образцы исправленія потерь, высылка учеб. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дербасовская, д. № 19.

ЦВѢТЮЧНАЯ ВОДА РАЛЛЕ

Майоніи Лардмшъ, Илангъ-Илангъ, Геліотропъ, Вера-Вioletta и т. д. Продается во всѣхъ Аптекахъ, магазинахъ, Росіи, Европы.

РУССКОЕ ОВЩЕСТВО

для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ** въ Г. РИГѢ

изготавливаетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ числѣбулажныхъ магазинныхъ и оптовыхъ конторахъ. Д. № 9859 13-10

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА АЛЬБОМЪ "ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ТОВАРИШЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВОКЪ".

Изданіе художественной фототипіи **Н. А. ФИНШЕРЪ.** Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

Альбомъ будетъ состоять изъ 270 картинъ на 180 табл. съ обознач. названій, и им. автор. на русск. и франц. язык., in quarto; выходя въ 6 выпуск., по 30 лст., въ теченіе года. Первый вып. — въ мартѣ въ открыт. XXV Передвижной выст.

Подписная цѣна на все изданіе безъ пересыл. 9 руб., съ доставкою и пересыл. (въ пеналахъ) 12 руб.

Допускается разсрочка (только у издателя) при подпискѣ 3 руб., съ перес. 4 руб., при II вып. 3 руб., съ перес. 4 руб. и при IV вып. 3 руб., съ перес. 4 руб. Иногороднымъ высылка съ наклад. плат. (съ проб. почт. комисс.). Съ выходомъ II вып. (въ начал. мая) подписка прекратится и цѣна будетъ 12 руб. безъ пересылки, и 15 руб. съ пересылки.

При VI вып. будутъ приложены: 1) общее оглашеніе картинъ съ указан. ихъ владѣльцевъ, размѣра и проч., 2) описаніе движимаго выст. за 25 лѣтъ и 3) планка для помѣщенія всей коллекціи. № 10024 3-1

Для любителей будетъ напечатано небольшое количество экземпля. на остаточной бумагѣ; цѣна такого альбома въ роскошной наклѣ съ золотыми тисненіями безъ пересылки 30 руб.; пересылка (почт. комисс.) по разстоянію (разсрочка не допускается). Подписка принимается: на передвижныхъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ и у издателя **Н. А. Финшеръ.** Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

ФАБРИКА И СКЛАДЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ТОКАРНЫХЪ СТАНКОВЪ СКАВРОНСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГА

Литейный просп., № 43. Ставки отъ 65 р., съ суппорокъ 85 р. Прейсъ-куррантъ за 7 коп.

Главное дело часовъ **Э. БУРХАРДЪ СБЕ.** Гурьевская ул., у Крайняго моста, № 17. Часы никель отъ 10 до 15 р. Стальныя часы отъ 12 до 25 р. Регистры отъ 12 до 50 р. Регуляторы деуэлектрич. часовъ отъ 17 до 40 р. Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. прейсъ-куррантъ бесплатно.

ВИСБАДЕНЪ.

Лѣчебница д-ра Леера и купанья Нероталь. Санаторія для страдающихъ болѣзнями крови, нервными, ревматизмомъ и т. п. В. 9930 8-2 **Д-ръ Шубертъ.**

Съ разв. удостоенныя первыя награды

СКРИПКИ,

самыя лучшія и дешовыя въ настоящее время, неподражаемыя по тону и качеству, отъ 8-30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ — отъ 30-200 марокъ. Альфы, виолончели, басы. Смычки 1 1/2-50 мар. Футляры 3 1/2-40 мар. Цитры 18-300 мар. Гитары 6-50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовыя инструменты. Именная скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендациі отъ Вальдгейма, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куррантъ бесплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ. Фабрика струнныхъ инструментовъ. В. № 9869 Крейцманъ. 5-5

ШОРНО-СПЕДЕЛЬНАЯ ФАБРИКА М. И. МАЛЫШЕВЫХЪ ВЪ САРАТОВѢ.

Иллюстр. пр. кур. высылаются за двѣ 7к. МАРКЪ

ВЕРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. В. № 9970 2-2

Лѣтній курсъ 1897 г. начинается въ среду, 21-го апрѣля с. г. Программы и расписанія лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются изъ именной канцелярціи по желанію бесплатно.

КОРОЛЕНСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ Гогенгеймъ, мартъ 1897 г. Strobel.

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:** **ПРІОБРѢТЕНІЕ И ОТЧУЖДЕНІЕ ИМУЩЕСТВЪ.** (№ 3. „Популярно-юридической бібліотеки“, составл. Я. В. Абрамовичемъ). Цѣна 25 коп.

НОВОСТИ НА 1897 Г. ТРЕБУЮТЪ НОВЫЕ КАТАЛОГИ

АНГЛІЙСКИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ ТОРГ. ДОМЪ **АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ** МОСКВА, Яснинская, д. Сытова.

При этомъ не прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ объявленіе отъ И. М. Матвѣева въ Бузулукъ.

В. № 10004 10-8

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 12

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 22 марта 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ **5 р.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговыя линіи. **6 р.** Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу **10 р.**
 На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 40 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

Маленькая хозяйка. Съ карт. Г. Каульбаха.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Отецъ настоятель сегодня былъ гнѣвепъ. Еще у ранней заутрени монахи замѣтили это. Онъ супился на все кругомъ, молчалъ, даже на своего любимца Автопина ни разу не взглянулъ. Самый клубокъ у него съѣхалъ на затылокъ—вѣрный признакъ воинственнаго настроенія, а когда казначей, братъ Геронтій, по своей ственной ему суетливости, супился было къ игумену, тотъ грозно повелъ на него молодыми и горячими глазами, производившими на его старомъ и измученномъ лицѣ особенно сильное впечатлѣніе, и только и проговорилъ: „отстань, озой!“ Получивъ столь обидную отвѣдь, Геронтій вспыхнулъ-было, но, сообразивъ, что съ отцомъ Варлаамомъ шутки плохи, смирилъ себя, низко поклонился и подъ тѣмъ же пристальнымъ и сильнымъ взглядомъ отошелъ въ сторону. Монахи молились сегодня усерднѣе, истовѣе взмахивали широкими рукавами рясы, творя крестныя знаменія, хорошо зная, что всякая мелочь теперь архимандриту покажется важнымъ дѣломъ. Только братъ Автопинъ, на правой сторонѣ, по обыкновенію ни на что не обращалъ вниманія. Слабые лучи разсвѣта сквозь узкое, скорѣе похожее на бойницу, окно, падали прямо на лицо ему, и оно одно здѣсь выдѣлялось изъ общаго сумрака. Автопинъ весь былъ въ молитвѣ. За послѣдніе дни ему оиать дѣлалось тошно. Не-

давно пережитая былъ воскресала со всѣми ея терзаніями, не сбывшимися надеждами, съ мукою обманутыхъ привязанностей. Антонинъ не отводилъ глазъ отъ иконы Богоматери. Она была далеко, но, сквозь туманъ ладана и потемки монастырскаго собора, монахъ видѣлъ только ея, сверкающую золотомъ оклада и брильянтами вѣнчика. Пламя свѣчей дрожало предъ ея ликомъ, точно трепетавшимъ жизнью въ нагрѣтомъ воздухѣ. Особенно—кроткія очи Пречистой! Антонину казалось, что они шевелятся и своею святою печалью отвѣчаютъ его молчаливой тоскѣ. „Ты сама страдала и болѣла душой,—думалъ онъ, мысленно обращаясь къ ней,—помоги мнѣ, дай забвенія“. И весь храмъ куда-то уходилъ, расплывался и исчезалъ, и среди безконечности молодой монахъ оставался одинъ съ этою иконою, и молился ей и безмолвно плакалъ передъ нею. Такъ что, когда кругомъ послышался шорохъ, и темные ряды монаховъ тихо, шелестя рукавами и мантиями, двинулись къ выходу, братъ Антонинъ еще стоялъ, точно прикованный къ мѣсту. Онъ очулся только, почувствовавъ, что кто-то касается его плеча. Съ удивленіемъ оглянулся, будто въ первый разъ попалъ въ соборъ. Богоматерь уже тонула въ потемкахъ. Свѣчи тушили, и вмѣстѣ съ запахомъ ладана здѣсь носился тонкій, едва различимый, чадъ фитилей, налитанныхъ воскомъ. Въ окнѣ начинало розовѣть. Солнце тоже просыпалось за приозерными горами и чуть тронуло своимъ огнемъ спавшія въ ночныхъ небесахъ облака. „Застылъ? — добродушно спросилъ его Гермогенъ.— Пора, братъ, уходить“. Антонинъ поднялъ глаза на крупную и нескладную фигуру рослаго монаха, поблагодарилъ его и пошелъ къ себѣ. „Все мятется... Изнутри его палить,—сочувственно смотрѣлъ ему вслѣдъ Гермогенъ.— Не выжгло еще въ душѣ... Ну, да Богъ съ тобой... Авось полегшаетъ...“ Онъ вышелъ самъ на паперть. Въ листьѣхъ деревьевъ просыпались птицы. Какой-то нахальный чижъ черкнулъ въ воздухѣ у самаго его носа. Щеглы завозились въ вершинѣ клена, да такъ, что оттуда крохотное сѣрое перышко упало ему на рясу. Гермогенъ засмѣялся: „Бойцы! Начинается суета мірская... Тоже и у нихъ побѣдоудольнія“. По невѣжеству своему онъ это считалъ однимъ словомъ, такъ и произносилъ его. Это былъ монахъ особаго склада. Онъ самъ хвалился, что при блаженныхъ памяти Николаѣ Г-мъ служилъ фельдфебелемъ въ образцовомъ полку, и часто, увлекаясь, показывалъ, какъ въ его время маршировали. Ставилъ на клобукъ, точно на киверъ, стаканъ съ водой, и отбивалъ „правой-лѣвой“, да такъ, что отъ одного угла двора до другого не расплескивалъ ни капли. А то то же самое продѣлывалъ тихимъ шагомъ въ три пріема, при чемъ, по командѣ „два“—ухитрялся съ минуту держать лѣвую ногу приподнятою горизонтально, неподвижно стоя на правой, какъ журавль. „Медвѣдь—медвѣдь и есть“,—звали его монахи за нескладную фигуру—широкую, прямую, прочно срубленную топоромъ. Самъ онъ про себя говорилъ: „Меня Богъ силой обидѣлъ. Ткнутъся боюсь, какъ бы ненарокомъ не сломать чего, потому моему-то я легко, а отъ моей легкости у другого скулу вонъ выпретъ. Я и въ монастырь-то ушелъ изъ-за силы изъ-за моей. Молодого рекрута—убилъ ненарокомъ. Отдѣленный офицеръ кричитъ: „Харитоновъ, дай ему въ шею“. Развѣ я могъ послушаться? Ткнулъ со всей деликатностью, а у того становая кость пополамъ. Ну, судъ оправдалъ, а только я николи забыть не могъ. Отслужилъ свой терминъ и благословился у митрополита Филарета, — вонъ еще когда это было! — въ монахи... Отецъ Дамаскинъ правилъ тогда. Царствіе ему небесное. „Намъ,—говорить,—такіе обломы нужны—потому обитель лѣса корчевать вздумала. Ты бы и еще съ собою пару медвѣдей, тебѣ подлѣ-стать, привелъ — я приму“. Цять лѣтъ мени въ послухахъ

держалъ, а потомъ смиловался. „Ну,—говорить,— съ тебя довольно. Ты послужилъ—и сейчасъ въ рясофоръ“. Въ рясофорѣ я, положимъ, тоже не баловался. Стройка была—камни таскала на удивленіе. Бывало, какъ какой ипостасный господинъ въ монастырь пріѣдетъ, сейчасъ ведутъ меня показывать, какъ я за любого коня—кирничу вожу. Такъ меня и прозвали монахи въ рясофорѣ Самсономъ, хотъ имя мнѣ дано было „Георгій“. Ну, а десять лѣтъ назадъ возвели мени въ монотейные и объявили Гермогеномъ“. Нынѣшній архимандритъ отецъ Варлаамъ очень его цѣнилъ. Въ старомъ фельдфебелѣ до сихъ поръ было живо чувство дисциплины, часто слѣпой и безотвѣтной, что особенно нравилось властному и твердому игумену. „Прикажи я ему головой въ печь—онъ только перекрестится и ползетъ“. Отъ Гермогенъ и фигурой напоминалъ медвѣди. Онъ весь былъ какой-то сѣрый. Несмотря на годы, настоящей сѣдины у него не показывалось, а косматую бороду, и густыя патлы волосъ сильно тронула просѣдь. Голубые глаза у него тоже выцвѣли, хотъ такъ же довѣрчиво и кротко смотрѣли на Божій міръ изъ-подъ сѣрыхъ, грозно нависшихъ, бровей... Усы щетинились—звѣрь звѣремъ, да зато подъ ними въ такую дѣтскую и нѣжную улыбку складывались губы, что ребята безперечь тинулись къ этой страшной щетинѣ мягкими и крохотными пальчиками. Изъ всей службы церковной, трудной старому фельдфебелю образцоваго полка,—онъ одно выучилъ въ совершенствѣ и никогда не сбывался: это именно панихиды. Со дня своего рукоположенія въ священноиноки—посейчасъ, онъ каждое утро и вечеръ служилъ самъ панихиду по „убиенномъ рабѣ Божиемъ Алексѣ“, такъ звали ухлопаннаго имъ, по приказанію начальства, рекрута. Отецъ Гермогенъ собирался и сегодня сдѣлать это. Ему только зачѣмъ-то понадобилось заглянуть въ свою келью. Онъ туда входилъ согнувшись. Дверь все-таки была ниже этой „огромадины“. — „Ты какъ полагаешь, меня самъ императоръ Николай на правомъ флангѣ замѣчалъ. Бывало, какъ увидитъ, сейчасъ же: „а это ты, дылда?..“ Въ кельѣ у него висѣло единственное воспоминаніе всей большой, оставленной имъ позади жизни: ветхая оклочывшаяся солдатская шинель съ серебрянымъ Георгіемъ и нашивками на рукавѣ и погонахъ...—„Сколько я самъ въ ей побую принялъ“,—задумчиво говаривалъ онъ.—„Что-жъ, такое время было. Колошматомъ брали“. Теперь ему, впрочемъ, не удалось и минуты остаться у себя въ кельѣ. Только что было началъ онъ снимать сапоги, какъ въ дверь ему постучали: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...“—Аминь, — отвѣтилъ Гермогенъ, вставая.— „Ступай, отецъ, скорѣе къ игумену.“—Ну? еще что.— „Не знаю. Приказалъ звать... Благословилъ тебя, чтобъ сію минуту.“—Аль проштрафился въ чемъ?.. Ты, братъ Гавриилъ, какъ замѣтилъ? — „Что мнѣ замѣчать, есть когда! Вижу, грозенъ. Меня посулилъ въ кухню отправить—квашню мѣсить“.—Ну, значитъ, и я съ праздникомъ,—заключилъ отецъ Гермогенъ и, вздохнувъ, покорно направился къ настоятелю.

Отецъ архимандритъ вернулся отъ заутрени — еще мрачнѣе.

Прислуживавшій ему келейникъ зналъ, что игуменъ терпѣть не можетъ поклоновъ и всякаго внѣшняго выраженія монашеской почтительности. Поэтому онъ никогда не метался настоятелю въ ноги, а только просилъ его: „Благослови, владыко!“ Братъ Гавриилъ понималъ, что дѣло сегодня не ладно, направился—было къ себѣ, да у самой двери его настигъ окликъ:

— Ты куда?..

Послушникъ замеръ.

— Ты чего не дышишь... Смотри у меня. Сказано тебѣ, барынь безъ доклада не пускать. А вчера ты опять этимъ дурамъ-купчихамъ обрадовался. Цѣлковымъ они тебя ку-

пили, что ли?.. Вотъ пошлю мѣсить квашню на кухню—будешь помнитъ... Ступай, позови ко мнѣ отца Гермогена!

Огня большого кабинета отца игумена выходили въ монастырскій садъ. Отъ старой жизни и прежнихъ привычекъ архимандрита осталась эта любовь къ скромному комфорту. По крайней мѣрѣ, ни письменный столъ, заваленный книгами и духовными журналами, ни шкапы съ такими же, не напоминали обычной обстановки монашескихъ келій. Сквозь открытыя двери видна была спальня, но та ужъ на другую стать. Въ ней, кромѣ кіота и налож да простой, какъ и у другихъ иноковъ, постели, ничего не было. Слѣдующая комната, превосходившая разбрами эти двѣ, была устроена исключительно для приема гостей. Тамъ сверху необыкновенно важно и истово смотрѣли митрополиты и святители, заключенные въ простыя рамы. У стѣнъ стояли жесткіе, крытые волосяной матеріей диваны, которые, кажется, только и хранятся въ настоящее время что у духовныхъ особъ, и стулья съ тонкими растопыренными ручками краснаго дерева, съ такими же спинками, на которыя ни откинуться, ни опереться невозможно,—поневоли сидишь точно на вѣсу. Посрединѣ—столъ, круглый, покрытый необыкновенно нестрою скатертью—приношеміемъ одной изъ почитательницъ отца Варлаамъ... Онъ, впрочемъ, только въ кабинетѣ чувствовалъ себя хорошо. Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ здѣсь его портретъ лѣтъ двадцать пять назадъ, когда онъ былъ еще блестящимъ флигель-адъютантомъ, и если бы кто-нибудь тогда сказалъ ему, что онъ впоследствии сдѣлается монахомъ, воображаю, въ какую насмѣшливую улыбку сложились бы его красивыя румяныя губы. Блѣдное лицо игумена часто обращалось къ этому молодому и веселому офицеру. Если бы не глаза, сохранившіе ту же живость и огонь, — трудно было бы въ немъ и въ монахѣ отгадать одного и того же человѣка. Отецъ Варлаамъ за послѣдніе годы, когда онъ началъ прихварывать, какъ-то обрюзгъ и пожелтѣлъ. Даже сѣдая борода его чуть подернулась желтизной. Онъ мало занимался собою,—не до того было. Обитель захватывала его совсѣмъ. Поэтому и волосы его ложились назадъ серебряными космами, высоко открывая матовую бѣлизну хорошо скроеннаго и умнаго лба, съ прямою линіей бровей, обнаруживавшихъ горячій и сильный темпераментъ. Сухой и острый носъ расширился только у нервныхъ и движущихся ноздрей, про которыя монахи говорили: „ну, теперь ему не подайся“. — А что? — „Ишь ноздрями-то водить“. Отецъ Варлаамъ все дѣлалъ быстро—и ходилъ, и говорилъ. Ему точно было всегда и вездѣ некогда. Онъ не объяснялъ, а приказывалъ, почему—до этого никому изъ подначальныхъ людей дѣла не было. „Я за нихъ въ отвѣтъ“,—оправдывался онъ. Характеръ, смѣлый, боевой, позволялъ ему многое брать на себя и собственною волею кончать вопросы очень важныя, требовавшіе разрѣшенія свыше. Онъ и двигался, и къ столу садился, какъ будто собираясь что-то немедленно привести въ порядокъ. Тонъ его голоса былъ твердъ и не допускалъ вопросовъ. Онъ и подъ монашескою рясою сохранилъ привычки распорядительнаго военнаго николаевскихъ временъ. Медленность онъ ненавидѣлъ вездѣ и во всѣхъ. Случалось, идетъ по двору и замѣчаетъ, что послушникъ слишкомъ тихо сгребаетъ снѣгъ. Отецъ Варлаамъ самъ отнималъ у него лопату и опускалъ ее, только покончивъ дѣло. Завертываютъ ему что-нибудь, и не такъ быстро, какъ ему кажется, онъ выхватываетъ пакетъ у приказчика и додѣлываетъ его, какъ умѣетъ. На лѣсныхъ работахъ, въ монастырскомъ хозяйствѣ, на рыбной ловлѣ—онъ не ограничивался одними приказами. „Что вы, святые отцы, точно мертвые, прости Господи“,—и немедля бралъ у сосѣда топоръ, пилу или снасть—гдѣ и что приходилось, и давалъ тонъ работѣ, непрѣменно ускоряя ее, насколько

это было возможно. „Тяпучекъ“ онъ терпѣть не могъ. „Говори скорѣе, ради Христа, не томи ты меня. Въ могилѣ наспишься, будетъ время отдохнуть, не бойся“. Выслушивая васъ и понявъ, въ чемъ дѣло, онъ не давалъ вамъ окончить, а отвѣчалъ и распоряжался немедленно. „Кипитъ-кипитъ нашъ отецъ игумень,—шутили на его счетъ монахи,—любой котелъ бы лопнулъ, а онъ все дѣйствуетъ, дай ему Богъ здоровья“. Обитель онъ засталъ распущенною. Монахи были изъ дворянъ, богатые, съ барскими привычками и не очень твердые въ борьбѣ съ планнымъ бѣсомъ. Привыкли они жить по своей волѣ и не стѣснялись правилами и порядками монастырскаго обихода. Отецъ Варлаамъ съ перваго же дня объявилъ имъ войну не на животъ, а на смерть. Однихъ онъ смирилъ, другихъ заставилъ перебраться въ сосѣднія обители, третьихъ „училъ до сихъ поръ“. Были иноки съ крупными связями, но игумень и сихъ не убоился. „Я творю доброе дѣло—и жезла своего не сложу до смерти“. И не сложилъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ монастыря нельзя было узнать. Теперь это было строгое и безупречное учрежденіе, куда шли всѣ, кто не боялся подвига, жаждалъ спасенія, а не покоя и бездѣлья... Въ іеромонахи отецъ Варлаамъ выводилъ слѣпую и послушную массу изъ крестьянъ и солдатъ, на которыхъ и опирался въ борьбѣ со своевольными иноками „привилегированныхъ“ сословій. На запросы онъ даже не отписывался. Когда же къ нему приставали—онъ отвѣчалъ кратко: „мнѣ некогда пустяками заниматься. Коли я стану передъ вами оправдываться да объясняться, у меня здѣсь живое дѣло станетъ. Не правлюсь я вамъ—пошлите меня на смиреніе въ дальніе монастыри. Роптать не стану“. Такъ его и не трогали... Онъ подошелъ къ окну своего кабинета.

Утренній туманъ поднимался между деревьями. Ихъ вершины, казалось, плавали надъ сѣрой, однообразной массой. Вдали видна была колокольня скита. На ея золотомъ крестѣ уже сверкало солнце. Отецъ Варлаамъ взглянулъ на небо. Облака бѣжали на югъ, сіяя заревыми горячими красками. „Что жъ это отецъ Гермогенъ не идетъ?“ И онъ ужъ готовъ былъ направиться въ его келью, какъ его вниманіе отвлеклось въ сторону. У стѣны, противъ письменнаго стола, стоялъ другой, большой, простой, не крашеный, весь заваленный какими-то свертками, пузырьками, банками, конвертами... Отецъ Варлаамъ взялъ одинъ такой, развернулъ. Оттуда просыпалось „зерно“. „Коли такое и уродится—слава тебѣ, Господи. Значить, и я не обманусь. Выписать-то его дорого стоило, посмотримъ. А медъ у отца Харитона не въ удачѣ“. Онъ взглянулъ его на свѣтъ. „Мути много. Долженъ бы, какъ слеза, чистый быть, а онъ вотъ какой вышелъ“. Не знай онъ отца Харитона, своего же ставленника, за исправнаго и исполнительнаго монаха—не одобровать бы тому... „Значить, и со своими совѣтами—причина. Чего-нибудь да не доглядѣлъ... Зато скипидаръ гонять въ этомъ году чудесный. Въ аптекахъ стануть его продавать за французскій“. Онъ откупорилъ одинъ пузырекъ, понюхалъ. Даже на ладонь себѣ пролилъ и растеръ. Весь кабинетъ наполнился точно смолистымъ дыханіемъ лѣса... „Да“... А эти свертки съ сѣменами? Отецъ Варлаамъ не то чтобы не любилъ, а пренебрегалъ цвѣтами. Онъ еще мѣсяцъ назадъ выписалъ сѣмена, но они оставались у него тутъ. Есть дѣло поважнѣе... „Отъ цвѣтовъ-то кромѣ красы—толку другого нѣтъ. Это не существенно. Вотъ лѣсопильни—иное дѣло, и какъ-никакъ, а паровикъ я туда поставлю. Мои отцы на дыбы подымутся—да вѣдь не въ первый разъ. И прикрикну на нихъ въ случаѣ чего—смирятся. А цвѣты я Антонину отдамъ—пускай онъ на нихъ душу отводитъ“. И при воспоминаніи о печальномъ монахѣ, что-то необыкновенно нѣжное, жалостливое, доброе, блеснуло въ чертахъ суроваго отца архимандрита. За минуту назадъ,

Митрополитъ рязанскій Іона приводитъ дѣтей къ ослѣпленному князю Василю Темному.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. А. Лебедева, грав. Мультановскій.

Цыганка. Съ карт. Лематъ грав. Уніонъ.

глядя на него, нельзя было бы и ожидать этого. Даже губы, блѣдныя и узкія, сложились въ мягкую улыбку... „Да, въ самомъ дѣлѣ, пускай отецъ Антонинъ займется. Противъ своего окна... Онъ цвѣты любить... А вотъ кузня“...

Но тутъ лицо Варлаама сдѣлалось вдругъ грозно и гнѣвно.

Въ монастырѣ еще не знали, что стоящая отдѣльно кузня въ эту ночь сгорѣла. И не почему иному, какъ по небрежности монаха, смотрѣвшаго за нею. Въ ней, оказалось, курили—чего отецъ архимандритъ терпѣть не могъ. Онъ и это несчастіе приписывалъ „трубочкѣ“. „Вотъ я ихъ, „табачниковъ“! Вспомнить они меня. Старога отца Спиридона я въ скитъ ушлю, ну а молодые—не обезсудьте—вы у меня годъ на черныхъ работахъ пробудете“. Какъ всегда въ серьезныхъ случаяхъ, чтобы не „ослѣпнуть отъ гнѣва“, отецъ Варлаамъ срывалъ его на меньшихъ проступкахъ и потомъ уже переходилъ къ болѣе важнымъ. Поэтому онъ и потребовалъ къ себѣ отца Гермогена.

— Эй, кто тамъ? — крикнулъ отецъ Варлаамъ въ гостиную, гдѣ что-то заворожилось.

— Благословили явиться, — услышался отвѣтъ. Старый фельдфебель даже въ тонѣ его сказывался—только недоставало „ваше высокоблагородіе“.

— Это ты, отецъ Гермогенъ?

— Я самый.

— Ступай сюда.

„Ну, значить, не очень онъ на меня распалился“, — соображалъ тотъ, зная, что отецъ-игуменъ въ важныхъ случаяхъ выходитъ къ провинившимся въ приемную комнату и тамъ уже разноситъ. Отецъ Гермогенъ, горбясь, точно боясь ткнуться о потолокъ, и прибирая локти, чтобы не сдвинуть чего ненарокомъ, осторожно переступилъ порогъ своими медвѣжьими лапами и остановился.

— Благослови, отче.

— Богъ благословитъ. Ты это что же: дамъ за хвосты трепать.

Гермогенъ изумился. Онъ было раскрылъ ротъ—объясниться, но отецъ Варлаамъ, по своей привычкѣ, не далъ ему вымолвить ни слова.

— Дама къ тебѣ за утѣшеніемъ въ скорбяхъ, какъ къ путному монаху, а ты ее, коллежскую ассессоршу, вывелъ на дворъ и плюнулъ ей въ лицо.

— Не въ лицо, отецъ-архимандритъ, а въ затылокъ.

— Все равно. Ты это что-жъ, въ образцовомъ полку у себя, что ли, съ прачками? Кто тебѣ далъ право такъ распорядиться. Чего молчишь?..

Гермогенъ метнулся ему въ ноги, по правилу.

— Я тебя въ скиты ушлю... Что у меня вертепъ разбойный, что ли?

— Дозвольте объяснить...

— Чего объяснять. Миѣ отецъ Геронтій все уже доложилъ.

„Вотъ это чьи клеузы, — сообразилъ про себя отецъ Гермогенъ. — Ну, хорошо, погоди, отецъ Геронтій!“

— Она, эта самая дама, не для молитвы...

— А для чего?

— Для пакости, отецъ-архимандритъ.

— Къ тебѣ? Да ты на себя посмотри.

— То-то что не ко мнѣ, — немедленно согласился отецъ Гермогенъ.

— А къ кому же?

— Она дверью ошиблась, коллежская ассессорша.

— Какою дверью?

— Она, подлая, отца Антонина мутитъ вознамѣрилась.

— Ты почему знаешь?

— А потому, что она, какъ располыхавшись — то ткнулась ко мнѣ, сейчасъ захваталась руками, какъ утка — по сухому берегу съ воды, а сама такія слова: „А отецъ Антонинъ, который у праваго клироса, гдѣ?.. Я къ отцу Антонину...“ Ну, я ее вѣжливо, не сразу же

за косу-то: „зачѣмъ тебѣ, дурѣ, инокъ понадобился?“ А она какое мнѣ слово: „Это мой секретъ“.

У отца Варлаама гнѣвъ сползалъ точно облако съ души. Онъ даже улыбался въ бороду, и только отвернулся отъ монаха, чтобы тотъ этого не видѣлъ.

— И ты, отецъ, счелъ себя въ правѣ—сейчасъ же ее гонять.

— А то какъ... Онѣ ангельскія души мутятъ. Въ кое мѣсто влѣзла — въ келью къ инокъ. Гдѣ же спасаться? Положимъ, я ее со всей деликатностью...

— Ну, довольно, ты все-таки виноватъ... Вышелъ бы и послалъ къ ней гостинника, тотъ бы и водворилъ ее куда слѣдуетъ... А то, скажите пожалуйста, какихъ дѣловъ надѣлалъ. Смирения въ васъ нѣтъ. Помнишь, чтò сказано у Сираха: „чадо, въ кротости дѣла твои препровождай...“

— Такъ это не про нихъ. Не про дамовъ этихъ...

— Вотъ что... Я вижу—у тебя слишкомъ много здоровья и некуда тебѣ силы своей дѣть — ты и воинствуешь. Такъ я тебѣ на сей день послушаніе выдумалъ. Иди-ка ты на порубку—помнишь, въ лѣсу—полянка. Выверни мнѣ изъ земли корневища отъ сваленныхъ деревь. Я хочу на новомъ мѣстѣ посѣвъ попробовать. Какъ разъ по твоимъ медвѣжьимъ замашкамъ дѣло. Пять пней сегодня же къ вечеру очисти—и будетъ.

— Слушаю.

— Да впередъ не смѣй у меня своевольничать.

— Спасенія отъ нихъ нѣтъ, отъ вдовъ этихъ. Она, ваше благословеніе, въ обитель-то, какъ къ себѣ, полететь.

— А ты помнишь, что сказано въ притчахъ: „отврати отъ себя поносилыя словеса“.

— Какъ отворотить-то, коли она, какъ мурашка, въ каждую щель лѣзетъ...

— Не слѣдовало бы пускать ихъ совсѣмъ за ограду.

— И отлично бы.

— Ну, ступай, отецъ Гермогенъ.

Тотъ еще разъ поклонился въ землю, попросилъ благословенія, вышелъ. „Люте вамъ—спящій на одрѣхъ изъ костей словенныхъ и ласкосердствующіе на постеляхъ своихъ“—ни съ того, ни съ сего пришло ему въ голову. Онъ посмотрѣлъ на небо. Солнце еще не поднялось надъ гористымъ берегомъ. Времени будетъ много, и къ вечеру онъ постарается исполнить послушаніе, положенное на него отцомъ-архимандритомъ. А пока надо все-таки, хоть наскоро, отслужить панихиду „по убиенномъ воинѣ рабѣ Божиѣмъ Алексѣѣ“. Гермогенъ живо добѣжалъ до боковой маленькой церковки, надѣлъ на себя „дежурную“ ризу и совсѣмъ забылся въ скорбныхъ воспоминаніяхъ далекаго прошлаго. Какъ сейчасъ, въ холодномъ гатчинскомъ туманѣ, тянется передъ нимъ длинный рядъ рекрутовъ, пропадающій вдаль. Его нарочно прислали изъ образцоваго полка оболванить ихъ... Онъ и не замѣчаетъ лицъ — точно это передъ нимъ не люди, а деревьяжки... И только когда бѣдняга рухнулъ подъ его ударомъ и, поднятый, ужъ устремилъ на небо неподвижный взглядъ—фельдфебель точно въ первый разъ въ жизни увидѣлъ вздернутый круглый носъ, простодушное свѣжее лицо деревенскаго парня, слегка опушенное русыми усами. Полоткрытый ротъ... Оскаленные зубы. „За что ты меня?“ — безмолвно спрашивалъ его тотъ... „Вѣдь я человекъ убилъ, Господи“. — Такъ больно отдалось въ душѣ образцоваго муштровщика, что и до сихъ поръ боль этого удара жива въ ней, и до сихъ поръ при словахъ: „и сотвори ему вѣчную память“ громадный этотъ монахъ чуть не навзрыдъ плачетъ надъ бѣдною жертвою тоже „въ вѣчную память“ отошедшихъ порядковъ.

Выходя изъ церкви, отецъ Гермогенъ издали различилъ казначея.

— Отецъ Геронтій, поди-ко сюда... Дѣло у меня къ тебѣ.

Тотъ обернулся, узнавъ, кто его кличетъ, хотѣлъ

было уйти—да неудобно. Два рясофора и послушникъ смотрѣли. Богъ знаетъ, чѣмъ объяснить еще... Отецъ Геронтій тихо подошелъ къ Гермогену.

— Чего тебѣ, отецъ?

— Прости...

— За что?..

— А за то, что ты наябедничалъ на меня... Господь тебя разсудитъ, а у меня супротивъ тебя никакого зла... Геронтій поблѣднѣлъ.

— Ты что-жъ это, отецъ... смѣешься надо мною?

— Куда мнѣ... Мы вѣдь духами не прыскаемся.

Отъ Геронтія дѣйствительно пахло пачулями. По своей монашеской простотѣ, онъ считалъ это верхомъ изащества.

— Мы не изъ кунеческихъ выжигъ... А впрочемъ, согрѣшилъ я съ тобою... Подлинно, міръ во злѣ лежитъ. Иди—опять кудахтай на меня отцу архимандриту. Мало у него и безъ насъ заботъ да горя.. А только знаешь что: хорошо это у Амоса сказано. Вчера мнѣ читали: „люте вамъ первыми вонями мажущіяся“. И у Исаи тоже: „будетъ вамъ вмѣсто добрыхъ воний—смадь“. Иди, иди съ миромъ, отецъ Геронтій, и прости меня Христа ради... А я за твое здоровье въ лѣсъ теперь ни выворачивать... изъ земли-матушки... съ мясомъ самымъ. Прощай, будь спокоенъ...

И довольный собою отецъ Гермогенъ, широко размахивая рукавами рясы, направился за ворота обители къ смутно намѣчавшемуся въ туманѣ лѣсу.

II.

Идти по холоду было легко. Старый монахъ, сверхъ того, любилъ всякую работу, и на отданное ему игуменомъ приказаніе смотрѣлъ не какъ на кару, а именно какъ на послушаніе. „Что-жъ, и не пять, а всѣ, сколько смогу, выверну, и завтра приду, и послѣзавтра. Все обители на пользу. Небось и самъ-то—мысленно обращался онъ къ архимандриту—не скламши руки сидитъ. Вчера-то какъ завернулъ рясу да по колѣни за снастью въ воду влѣзъ. Дай Богъ другому рыболову такъ-то. Ну, и рыбы точно что благословилъ Господь... Осетровъ пару—завтра рушить будемъ. Звѣрь важный—архіерейскій звѣрь. Сказываютъ, у его преосвященства—какъ скоромный день, такъ и осетръ на столѣ... Ина слава солнцу, ина—лунѣ. Звѣзда же отъ звѣзды разнствуетъ во славу. Намъ-то хоть изрѣдка на него поглядѣть—какой онъ такой—и то лестно“... Дойдя до лѣсу, онъ оглянулся. Солнце уже стояло надъ берегомъ. Тумана какъ не бывало. Только листва деревьевъ казалась отъ него влажной и весело блестя подъ лучами. Трава тоже, только что умывшаяся, свѣжая, радостная, такъ и горѣла освѣвшими на нее яркими каплями росы... „Ишь, какъ тебя Богъ-то убралъ,—разсмѣялся невѣдомо чему отецъ Гермогенъ.—Богу золота да самоцвѣту не надо, Онъ и водицей простой такъ тебя украситъ, словно невѣсту... Расти, расти. Вотъ черезъ недѣлю придемъ косить, успокоимъ тебя. Питайся, у земли-кормилицы силушки много“... Въ лѣсу стояла тишина. Гермогену казалось, что онъ на паперти, и передъ нимъ въявь раскидывался дивный храмъ, зеленые купола котораго покоятся на вѣковыхъ стволахъ. Чѣмъ-то таинственнымъ и святымъ вѣяло изъ глубины этой дебри. Отъ обители она шла верстъ на двадцать впередъ до большой рѣки съ судами и пароходами, отъ которой монастырь будто заслонился заповѣднымъ чернолѣсьемъ... Вонъ и самъ онъ подъ горячей лаской солнца запылалъ золотыми крестами. Гермогенъ отсюда залюбовался... Двѣ колокольни точно вверхъ выскочили, торопясь разсмотрѣть, что тамъ дѣлается въ широкомъ и светломъ мірѣ за этою зеленою глушью... Церкви, соборъ пятиглавый,—недавно крышу подновили, и она радостно блещетъ въ свѣтѣ весенняго утра. Длинныя строенія келій. Ничего нѣтъ въ

нихъ красиваго, но послѣ казармъ и онѣ кажутся чуть ли не чудомъ вкуса и уюта старому солдату... Облака точно приостановились надъ монастыремъ въ голубой безднѣ. И вѣтра нѣтъ, и все застыло. Будто ждетъ какого-то таинства, не здѣсь ли въ безмолвіи вѣкового бора совершается оно невидимымъ священникомъ?.. По крайней мѣрѣ, когда монахъ вступилъ сюда, на него отовсюду повѣяло чѣмъ-то мистическимъ, благоговѣннымъ. Не проста молчали эти деревья, недаромъ безшумно выгнулась и замерла трава, ни одинъ ландышъ не шелохнется, и точно безчисленныя кадильницы, курятъ цвѣты свой оміамъ свѣтлomu Божеству счастливаго, безтревожнаго дня. Только старый листь да палаа сушь хрустятъ подъ тяжелыми ступнями отца Гермогена. Издали всякій подумалъ бы, что это и впрямь настоящій медвѣдь преть по лѣсу цѣлиною. Даже птицы послѣ утренняго концерта притихли. „Отзвонили раннюю,—замѣтилъ монахъ, оглядываясь на вершины.—Ишь одна только птаха и жалуется“. Дѣйствительно, откуда-то издали меланхолически по-свистывала она, да и то черезъ большіе промежутки времени. Порою на клубокъ и на лицо Гермогена падали съ листьевъ крупныя капли росы. Сапоги его были уже мокры, но онъ привыкъ къ этому. Даже немного спугнулъ остановился, разулся, закинулъ ихъ за спину и пошелъ босикомъ, наслаждался свѣжестью мокрой травы, ласкавшей его громадныя, несуразныя ноги. Мимо, черезъ едва намѣченную тропку, быстро извиваясь, какъ длинный кнутъ, ползла змѣя и оглядывалась на него яркими изумрудными глазами. „Чего ты, дурашка,—окликнулъ ее Гермогенъ,—нешто я тебя трону? Ишь, недовѣрокъ! Недаромъ въ тебя демонъ вселялся. Самая для него, подлеца, подходящая тварь“... Что-то пискнуло въ вершинѣ и заторпыхалось, и тотчасъ же вверху послышались глухіе и мѣрные размахи большихъ крыльевъ. „Ястребъ охотничаетъ, безжалостный, а впрочемъ, Господь съ нимъ, коли указано ему разбоемъ питаться. Съ него за это, небось, не спросится. Богъ тоже зналъ, зачѣмъ дѣлалъ. Значитъ, и птахѣ всякой своей судьба положена. Предѣлъ, его же не преидеши... Вотъ человѣку съ ружьемъ зря не подобаетъ. Онъ не ястребъ и безъ мелкаго звѣря пропитаться можетъ. Ему не велѣно зайпу въ хвостъ дробью палить, либо рябца на лету подъ крылья. Это уже совсѣмъ подлость, надо прямо говорить. А то еще пса съ собой водятъ—ищи-де, собачка. Животную—и ту развращаютъ. Съ тебя, братъ, небось и за пса спросится. Потому безъ тебя бы онъ зубами-то всякое дыханіе за горло не цапалъ. Охъ, грѣхи, грѣхи. Подлинно весь міръ во злѣ лежитъ“,—повторилъ онъ свое излюбленное выраженіе.

До недавно вырубленной и указанной ему отцомъ архимандритомъ полянки было недалеко. Чу... гдѣ-то стучитъ топоръ. Гулко въ лѣсу отдается. Можетъ-быть это версты за три-четыре, а въ этой тишинѣ слышишь, какъ будто рядомъ кто-то рубитъ. Ударъ за ударомъ, рушатъ вѣкового исполина. Должно-быть, отецъ Варлаамъ намѣтилъ, не безъ него. Тоже и дереву надо умирать, пусть и оно обители послужитъ. Тропка, какъ она ни была незамѣтна, пропала. Теперь Гермогенъ идетъ свѣжей и не измятой травой. Нахальный курослѣпъ такъ и горитъ на солнцѣ; передъ скромными и робкими цвѣтами лѣсными яркостью своей хвастается. Изъ чистаго золота-де. Желтая ромашка, та проще—какъ деревенская дѣвчонка за траву прячется. Можетъ-быть потому ее такъ и любить всякая козявка. Сорви и посмотри—въ махровомъ вѣнчикѣ непременно копошится что-нибудь живое. И бабочки тоже терпѣть не могутъ курослѣпа, хоть онъ имъ самъ навстрѣчу тянется, ласки проситъ. Онѣ непременно ромашку или другой какой цвѣтокъ выберутъ и радостно трепещутъ на немъ пестрыми крыльями. А лучше всего ландышъ. Онъ точно похвалы боится.

Сирячется въ самую глубь и нѣжно наклонить бѣлыя головки—матерью-землей любитъся. У стараго солдата Гермогена даже умиленіе на душѣ подымалось, когда онъ замѣчалъ ихъ внизу. „Божій цвѣтокъ, чистый, безгрѣшный. Дана ему красота, и онъ ею не хвалится, напротивъ, будто у всѣхъ прощенія просить за нее... Намедни барышня одна, богомолица, набрала до пропасти этихъ ландышей, да ими икону Божіей Матери и украсила. Страсть какъ хорошо было! Такъ ухитрилась, что и ризы не видать, только изъ-за бѣлаго благоуханнаго цвѣта и блестяли что брильянты вѣнчика да кротко смотрѣла сама Пречистая. И такъ же скромно и робко наклонялись надъ нею ландыши, точно и счастливы они были, и жутко имъ, и стыдно—въ какую-де честь попали. Даже отецъ Варлаамъ одобрилъ. Подошелъ, помолился, посмотрѣлъ. „Хорошо, — говорить, — хоть немного и напоминаетъ, какъ католики свою Мадонну лиліями убираютъ“. Ну, у нихъ климаты другіе, имъ лиліи, а намъ и ландыши слава Богу. Поди, еще лучше. Больше къ лицу намъ. Лилія-то ужъ очень величается издали своей невинностью, а пахнетъ такъ, что о небесахъ и не подумаешь, ужъ очень на землѣ хорошо. А ландышъ—и одинъ въ травѣ все передъ Богомъ клонится, будто молится Ему и головы на величіе Его поднять не смѣетъ. И пахнетъ онъ такъ, что мыслей не отбиваетъ. Чувствуешь его, и еще слаже и легче на душѣ. Коли бы въ Палестинѣ ландышъ былъ, чего бы о немъ псалмопѣвецъ Давидъ не сказалъ, да и „Пѣснь пѣсней“ помянула бы его... Вонъ „кашка“-то, какъ евангельская Марѳа, все о земномъ печется. Ишь какіе запасы собираетъ у себя, и самой-то ей поэтому некогда убратъся. А ландышъ—настоящая Марія, ей бы у ногъ Христа сидѣть да божественные глаголы слушать.“

Папоротникъ разлапистый пошелъ—цѣлые потолки выводить надъ землей. Заботливый—все-то ему что-то прикрыть, кого-то приберечь и защитить хочется. Сколько тайны въ этомъ—только надо видѣть и понимать. Въ каждой былинкѣ своя душа схоронилась, и старику Гермогену не даромъ это далось. Сначала и онъ не замѣчалъ ничего—топталъ все, что подъ ноги попадалось. Ну, а потомъ мало-по-малу начало ему открываться сокровенное. вмѣстѣ съ молитвой пришло. Пока онъ по уставу молился да указанное читалъ, ничего этого знать не зналъ. А охватило какъ-то порывомъ, да точно вихремъ душу унесло—и свои слова сложились—и съ той самой минуты все творенье Божіе сдѣлалось ему близко и родственно. Понялъ онъ, что не просто Богъ украсилъ кривъ сельный, да такъ украсилъ, что царь Соломонъ во всемъ великолѣпнѣй—ничто передъ нимъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Простой листокъ, напримѣръ, а сколько въ немъ ума. За солнцемъ тянется и у него благословенія просить. Травка—подъ росой стоитъ, какъ въ храмѣ—прямо-прямо вытянется и благоговѣетъ. Колокольчикъ тоже

свою линію наблюдаетъ. Повѣй-ко стужей, онъ сейчасъ лепестки зажметъ, закроется, а какъ съ полудня потянетъ тепломъ, онъ весь на распахку—откровенный цвѣтъ—во всю маленькую грудь дышитъ. А медвѣница-то—совсѣмъ шельма, такъ бы ее никто не замѣтилъ. Всякая козявка Божья мимо, потому другіе цвѣты куда лучше. Такъ она что же выдумала?—капельку меда выпустить, тотъ такъ и горитъ на солнцѣ, что твой камень самоцвѣтный. Ну, лѣтней мелочи и отраднѣе сладкаго дорваться. Чѣмъ богатъ цвѣтокъ, тѣмъ и радъ міру послужить. Тоже дѣлится—милостивно подаетъ, добрый. И во всемъ-то примѣръ намъ Господу указуетъ, только отверзи очи и учись. А мы точно слѣпыши—идемъ мимо и ничего этого не видимъ. Замкнемъ сердце—и кончено. А тутъ, вокругъ тебя, въ каждой былинкѣ какое наставленіе! Вонъ мурашъ, на что ничтожный звѣръ, а каждому человѣку сколь много объяснить можетъ. Ты только сообрази, какъ онъ труждается, да не на себя одного, а и на другихъ, и не ропщеть, знаетъ, что такой законъ ему свыше данъ. Пчела тоже—весь день впопыхахъ, медъ таскаетъ. Чѣмъ можетъ, міру Божьему способствуетъ... Самой-то когда лакомиться—и простою жижей довольна. Дерево сотпи лѣтъ растеть, соки земли-кормилицы неустанно пьеть и создаетъ слой за слоемъ. Придетъ человѣкъ, срубить его и защитится имъ отъ холода. Такъ бы и нашему брату слѣдовало—не все себѣ да для себя. Другъ для друга, а Богъ за всѣхъ. Въ этомъ и повятіе все, и никто еще ничего лучшаго для счастья человѣческаго не придумалъ...

Старый срубъ. Весь прозеленѣлъ насквозь, и деревянный крестъ на немъ еще цѣлъ. А около булькаетъ и смѣется ручей, пробираясь въ муравъ мимо оставленной кельи. Гермогенъ знаетъ, что нѣкогда тутъ спасался пустынный Теофилъ. И заправскимъ монахомъ не былъ, а какъ умеръ—обитель похоронила его у себя. Старый солдатъ еще засталъ его живымъ и помнить, какъ онъ по лѣсу бродилъ, тихій, безмолвный. Какіе грѣхи онъ замаливалъ? Кто его знаетъ. Разъ только—шелъ Гермогенъ рубить дрова и видитъ: сидитъ Теофилъ и горько плачетъ о чемъ-то. Ну, почтилъ чужое горе. Прихилился и такъ мимо проскользнулъ, что тотъ его и не замѣтилъ. Теперь за полянкою, въ глуши, другой старецъ спасается, но тотъ схимникъ настоящій. Всѣ монашескіе чины прошелъ. Сказываютъ, въ расофорѣ двадцать пять лѣтъ состоялъ и теперича іеросхимонахомъ величается. И прозорливецъ при этомъ. Его и отецъ Варлаамъ уважаетъ. Еще недавно сказалъ: „у старца Іоанна въ молчаніи больше ума, чѣмъ у отца Спиридона во многоглаголаніи“. А отецъ-то Спиридонъ нѣдъ не простой черноризецъ. Онъ изъ академіи. Всѣ какія есть науки насквозь произошелъ. Кака я звѣзда какъ называется, и почему сіе важно—онъ не подумавши скажетъ...

(Продолженіе будетъ)

* * *

Люблю я день съ его сяньемъ,
Люблю я жизнь съ ея тепломъ,
Весну—съ ея благоуханьемъ,
Съ влюбленнымъ нѣжнымъ соловьемъ.
Но онъ погасъ—мой день счастливый,
Она прошла—моя весна,

И въ полночь, осенью дождливой
Въ аллеяхъ нѣсна не слышна.

Душа тоскуетъ о лазури,
И сердце бредитъ теплымъ днемъ,
Но не о нихъ мнѣ голосъ бури
Напоминаетъ за окномъ.

А. Бругловъ.

Жизнь.

Поэма въ прозѣ Иины Биччи.

Отчего это случилось съ нимъ—никто не знаетъ: съ нимъ, съ этимъ цвѣтущимъ юношей, подающимъ такія блестящія надежды! Одинъ приписывали это наследственности, другіе говорили о первомъ параличѣ,—въ сущности это была загадка.

Но меньше всѣхъ понималъ случившееся его отецъ, старый учитель рисованія. Послѣ того страшнаго часа, когда къ нему принесли сына почти безъ признаковъ жизни, и когда затѣлъ онъ увидѣлъ и убѣдился, что вмѣсто здороваго, полного силъ

Въ Тильзитъ. Въ 1807 году. Съ карт. Ф. Госсе грав. Волерманъ.

юноши, будущего знаменитого художника (онъ былъ тогда глубоко увѣренъ въ этомъ), передъ нимъ былъ полуживой-полу-мертвецъ, не владѣющій ногами и лѣвой рукой, и что возврата къ прежнему нѣтъ, — онъ какъ-то сторбился, точно страшный громовой ударъ пригнулъ его къ землѣ, сразу посядѣлъ, словно огонь страданій испепелилъ его волосы...

— Но что же это?.. За что?.. Что же теперь дѣлать?.. Вѣдь онъ одинъ, одинъ у меня! — восклицалъ несчастный, разводя руками и вторя тихимъ стономъ, раздававшимся съ постели больного.

— На югъ скорѣе, за границу: быть-можетъ, сильная натура и благотворный климатъ возьмутъ свое, — отвѣчали доктора, чтобы что-нибудь сказать.

Они и не подозревали, какую животворную струю вливали этими словами въ замраченное отъ отчаяннѣй сердца бѣдняка. Опять вспыхнулъ и затеплился свѣтъ впереди, затеплился правда, слабо, еле-еле, ничего уже не освѣщая, такъ какъ освѣщала тотъ свѣтъ, что до рокового дня горѣлъ ярко, опредѣленно, тотъ свѣтъ, къ которому юноша шелъ такъ увѣренно... Но все же свѣтъ еще мерцалъ, слѣдовательно жить еще можно было...

Южное солнце клонится къ западу, заливая мягкимъ золотомъ темную зелень деревьевъ, желтый песокъ дорожекъ, голубяя волны моря, легкой рябью ласкающія и останавливающія взглядъ. На одной изъ дорожекъ сквера южно-французскаго городка, подъ большимъ парусиннымъ зонтомъ стоитъ болясочка, и въ ней, весь въ подушкахъ, полуживитъ больной. Худое, почти прозрачное лицо его носитъ отпечатокъ физической и нравственной муки, а какъ бы окаменѣвшій взоръ, устремленный въ морскую даль, полонъ такого жесткаго, немолчаливаго вызова, что, если бы онъ могъ, онъ бы, кажется, сжегъ, уничтожилъ, придавилъ все, что видитъ, всю эту роскошную, бездушную природу, такъ безопашдно смѣющуюся надъ его гибнувшей, угасающей молодой жизнью; природу, которую онъ думалъ наслаждаться, которую дерзостно мечталъ побѣдить, сдѣлать своей работой... Теперь онъ смирился... Онъ проситъ у нея лишь частичку ея силы, ея мощи... хоть каплю той жизни, которая кипитъ, бьетъ въ ней ключомъ, — а она нагло смѣется ему въ отвѣтъ, смѣется и этимъ яркимъ солнцемъ, и трепещущей листвою, и серебряной зыбью воркующихъ птицъ... Каждый день солнце, уходя на западъ, уноситъ частичку его жизни, а на утро фантастическими пятнами играстъ на его подушкѣ: каждый порывъ вѣтерка обдастъ его сыростью могилы — и въ то же время вѣткою перебиваетъ его волосы. Развѣ это не насмѣшка?.. Вотъ и теперь: то было жарко, а сейчасъ нахнулъ сырой морской вѣтерокъ и, какъ лезвиемъ ножа, пронизалъ его.

Большой, съ искаженными отъ страданія и раздраженія лицомъ, сталъ торопливо поправлять своей правой, еще не парализованной рукою пледъ на безжизненныхъ ногахъ, какъ бы не замѣчая молящаго, вопросительнаго взгляда и трясущихся рукъ, силвиныхъ помощъ ему.

— Вы не умѣете, оставьте... я самъ, — наконецъ зазвучалъ его надтреснутый голосъ.

Дрожашія руки безсильно опустелись, сбѣдая голова поникла на грудь, и двѣ жгучія слезы тяжело скатились по щекамъ отца, останавливаясь въ преждевременныхъ морщинахъ.

— C'est trop difficile pour vous! Permettez que je vous aide, — прозвучалъ вдругъ надъ ухомъ больного художника молодой женскій голосъ, отъ котораго онъ вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго тока. И гибкая женская фигурка, вся въ бѣломъ, съ чудными полудетскими личикомъ, наклонилась надъ нимъ.

Дальше онъ ничего не помнилъ: какой-то туманъ всталъ пе-

редъ нимъ, а сквозь него сияли ему лучистый взглядъ, лаская улыбка, и такъ тепло-тепло стало вкругъ.

Это былъ моментъ, и что случилось съ нимъ, онъ и самъ не знаетъ; но фигурка давно скрылась въ зелени аллеи, а его загорѣвшійся взглядъ все еще блестѣлъ по тому направленію, куда она исчезла.

— Вотъ такъ и жизнь... пришла на секунду и уйдетъ... вотъ такъ... — безсвязно зазеленѣлъ онъ.

И обильныя горячія слезы, незамѣтно для него, заструились по блѣдымъ щекамъ, — благодатныя тихія слезы примиренія. Какъ живительный бальзамъ подѣйствовали онъ на душу страдавшаго: ядъ мысли пересталъ жечь его, нервное напряженіе, томившее болѣе мѣсяца, прошло, вылилось въ этихъ слезахъ... Онъ обратилъ къ старику свое просвѣтлѣвшее лицо.

— Поѣдемъ домой, отецъ. Я надѣюсь еще пожить, чтобы оставить тебѣ кое-что на память: и еще, кажется, могу работать.

Прошло три недѣли. Въ небольшомъ номеркѣ плоховькой гостиницы, на мягкой постели, подъ легкимъ одѣломъ мечется больной. Возлѣ него на столикѣ лежатъ палитра и кисти, а на высокомъ, придвинутомъ къ кровати, мольбертѣ красуется его картина — «Эмблема жизни»: на морскомъ пескѣ, съ камнемъ подъ головой, лежитъ безжизненный трупъ юноши, и отъ него, въ видѣ свѣтлаго ангела съ ясной улыбкой, отлетаетъ «Жизнь» — молодая красавица, унося съ собой и раскиная по дорогѣ цвѣты и тернии. Картина эта поражаетъ художественностью и безукоризненною точностью исполненія, и для посторонняго взгляда вполне закончена.

Но не такъ думаетъ ея авторъ.

Вотъ уже третій день, какъ онъ мечется въ жару, какъ онъ терзается тѣмъ, что не можетъ кончить своей «Жизни», что не въ состояннн передать на полотнѣ свою мысль.

— Не то... не то, — чуть слышно шепчетъ онъ, сверкая горящими глазами. — Это не ея улыбка. Это не она... Боже, неужели не кончу!..

И онъ порывисто схватываетъ кисть, вливается глазами въ полотно, но черезъ секунду опять въ изнеможенин падаетъ на подушки.

— Отецъ, — стонетъ онъ, — вѣдь ты же самъ рисовалъ когда-то; научи меня, помоги мнѣ.

Старикъ въ безсильной тоскѣ лозаетъ руки. Чтобы скрыть душашя его рыданія, онъ отходитъ къ окну... и вздрагиваетъ: по противоположной сторонѣ улицы идетъ знакомая женская фигурка.

Старикъ выбѣгаетъ изъ комнаты и бросается къ ней, умоляя зайти къ больному сыну.

Умирающій художникъ лежитъ въ полузабытѣ, въ полномъ изнеможенин, съ закрытыми глазами, и не замѣчаетъ, какъ надъ нимъ близко, близко наклоняется его «Жизнь», настоющая, живая, озаряя его своей ясной, свѣтлой улыбкой... Но вотъ вѣки его дрогнули, расширенные зрачки блеснули, больной вскопчилъ и весь подался впередъ.

— Опять пришла... подожди... не уходи... постой... — звучитъ, дребезжа, какъ порвавшаяся струна, голосъ.

Рука судорожно сжимаетъ кисть; взглядъ впился въ прошедшую. Секунду царитъ молчаніе... и вдругъ два смѣлыхъ штриха моментально преобразили лицо отлетающей «Жизни»... Еще одинъ — и все будетъ готово; еще...

Рука дрогнула; слабый крикъ умирающаго огласилъ комнату, а съ потолка смотрѣла «Жизнь», съ теплой, рѣзкой чертой возлѣ полуоткрытыхъ губъ, искривившей ея лицо въ злоую, ядовитую улыбку.

«Жизнь» нагло смѣялась надъ холодѣющимъ трупомъ, безпомощно лежащимъ поперекъ кровати...

Новое зданіе консерваторіи.

(Съ 4 рис. на стр. 276 и 277.)

Торжественное открытіе новаго зданія консерваторіи состоялось 12 ноября прошлаго года въ большомъ залѣ при многочисленной публикѣ, состоявшей изъ высшихъ сановниковъ, петербургскаго high life'a, представителей артистическаго и художественнаго міра, всего персонала преподавателей консерваторіи и др. Торжество открытія заключалось въ чтеннн предѣдателемъ дирекціи с.-петербургскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества краткаго отчета о дѣятельности консерваторіи за время ея существованія, послѣ котораго исполненъ былъ гимнъ хороши (до 400 человекъ) и оркестромъ изъ учениковъ консерваторіи, подъ управленіемъ профессора Г. Галкина; промоласное «ура!» послѣдовало по окончаннн гимна и затѣмъ сыграна была увертюра А. Г. Рубинштейна, написанная на открытіе новаго зданія консерваторіи; въ увертюрѣ, кромѣ оркестра, участвовали солисты (сопрано и теноръ) и хоръ. Вторично исполненнымъ всѣми учащимися гимномъ закончилось официальное открытіе. Вечеромъ былъ балъ для учащихся.

«Увертюра», о которой мы сейчасъ упоминали, была послѣднимъ предсмертнымъ произведеніемъ нашего великаго радѣтеля отечественной музыки, основателя нашихъ консерваторій и по ихъ образцу музыкальныхъ школъ. И не суждено было Антону Григорьевичу дожить до радостнаго момента ввести

взлѣдѣнное имъ дѣтище на мѣсто собственной, и теперь уже постоянной, осѣдлости; всю жизнь свою мечталъ онъ (и по мѣрѣ силъ хлопоталъ) о расширеннн зданія консерваторіи, о такомъ помѣщеннн, которое вполнѣ соответствовало бы всѣмъ нуждамъ обучающихся музыкѣ, — и вотъ, когда всѣ его мечты, наконецъ, сбылись, и самыя сокровенныя его желанія, благодаря Монаршимъ щедротамъ, осуществились, — его-то и не было на этомъ торжествѣ, которое является вообще праздникомъ для всего нашего музыкальнаго міра, а для него было бы истиннымъ торжествомъ его личныхъ вождедѣній.

Любопытно познакомиться съ тѣмъ временемъ, когда создавалась наша консерваторія; конечно, въ будущихъ исторіяхъ нашей музыки, вѣроятно, будетъ сказано приблизительно такъ: «въ 1859 г. образовалось, благодаря инициативѣ и стараніямъ А. Г. Рубинштейна, русское музыкальное общество и при немъ музыкальные классы въ Михайловскомъ дворцѣ, которые въ 1862 г. переименованы были въ консерваторію»; но эта сухая формула даетъ весьма малое понятіе о томъ, что пережила инициаторъ дѣла, какія препятствія встрѣчало онъ на пути къ достиженнн своей цѣли, сколько эвергнн потрачено было имъ на проведеніе своей мысли въ жизнь и дѣйствительность и пр. Желающимъ познакомиться со всѣми этими

вопросами Рубинштейнъ даетъ отвѣты въ своей „Автобиографіи“, хотя онъ и тутъ ограничивается лишь краткими данными по совершенно ясной причинѣ: ему неудобно было описывать ту роль, которую онъ же и игралъ въ этомъ великомъ дѣлѣ.

Для нашей цѣли, однако, и нѣкоторыя его строки имѣютъ большое значеніе; вотъ что онъ разсказываетъ о возникновеніи русскаго музыкальнаго общества: „Враговъ возникающаго дѣла, какъ это ни странно, было множество; враги попадались чуть не на каждой улицѣ столицы; вооружались противъ общества, говорили, кричали, писали и печатали. Нанедали въ новомъ дѣлѣ на все, нанедали даже на дерзость нашу: какъ-де смѣтъ именоватъ „музыкальное общество“ — русскими... И не будъ просвѣщенной защиты великой княгини Елены Павловны и энергіи Кологривова (о своей Рубинштейнѣ, по свойственной ему скромности, совершенно умалчиваетъ), дѣло не могло бы стать такъ быстро и прочно. Надо, впрочемъ, сказать, что мы дѣйствовали осторожно“...

„Такъ, хорошо зная, какая волокита по всевозможнымъ канцеляріямъ предстала бы, если бы мы вздумали сунуться за разрѣшеніемъ и добиваться утвержденія *новаго* устава общества, — такъ какъ въ воздухѣ еще живы были вѣніи Николаевской эпохи, когда основаніе какихъ-либо *обществъ* было до крайности затруднено, — мы вспомнили, что при имѣвальной пѣвческой канцеллѣ, съ сороковыхъ годовъ, существовалъ разрѣшенный правительствомъ кружокъ любителей музыки и давались симфоническіе концерты. Дѣятельность этого кружка уже нѣсколько лѣтъ какъ прекратилась. И вотъ мы вздумали кружокъ этотъ воскресить и воспользоваться первымъ его уставомъ. И такъ, мы просили не болѣе, какъ *продолжить* дѣло, нѣкогда уже разрѣшенное: пѣть и играть, и съ этой цѣлью собираться... — „Ну, что жъ, хотите пѣть и играть — пойте и играйте, на это уже дано вамъ разрѣшеніе“, — такъ отвѣчали намъ; такъ и возникло на старыхъ будто основаніяхъ и подъ видомъ будто бы возрожденнаго только кружка любителей-симфонистовъ совершенно новое „Русское музыкальное общество“, имѣя посящее титулъ „Императорскаго“. Этотъ эпическій разсказъ весьма характеризуетъ то время.

А вотъ что разсказываетъ Рубинштейнъ о консерваторіи: „Въ стѣнахъ Михайловскаго дворца возникли *музыкальные классы*, которые и были предтечей явившейся въ 1862 г. консерваторіи. Въ томъ же дворцѣ быстро составился вполнѣ хорошій хоръ изъ любителей и любительницъ... Въ музыкальныхъ классахъ читались лекціи: Леметичкій былъ профессоромъ игры на фортепиано, Инсенсъ-Саломанъ обучала пѣнію, Венявскій — скрипкѣ и др... Лучшія музыкальныя силы того времени, бывшія въ Петербургѣ, отдали тогда свой трудъ и время почти даромъ, только бы положить основаніе прекрасному дѣлу; они брали лишь по рублю за урокъ; просто невѣроятное дѣло! Толпы учениковъ и ученицъ всѣхъ положеній, средствъ и возрастовъ быстро наполняли наши классы... Все это жаждало музыки, музыкальнаго высшаго образованія... Составились оркестры, хоры... Великая княгиня интересовалась дѣломъ живѣйшимъ образомъ, посѣщала классы, давала необходимыя средства, словомъ, являла покровительство не одною ласкою и платоническимъ вниманіемъ, но и вѣщественно, материально“...

„Концерты давались непрерывно, чуть не ежедневно, и все для собиранія средствъ на это учрежденіе; одушевленіе и соревнованіе были всеобщіи... Но роды новыхъ музыкальныхъ учрежденій были туги, весьма туги... Музыкальное искусство было у насъ въ печальномъ состояніи: русскіе артисты-музыканты, такъ сказать, артисты цеховыхъ, вовсе не было; были, какъ я уже говорилъ, любители, были менестрели, была масса любителей итальянской оперы, были помѣщики и чиновники-меломаны, но цехового въ этомъ отношеніи народа не было... И вотъ мы, — первые зачинщики и заводчики, — остановились на мысли неперемѣнно создать такое въ Россіи учрежденіе, изъ котораго выходили бы музыканты съ дипломомъ свободнаго художника, подобно тому, какъ Академія Художествъ выпускаетъ изъ своихъ вѣдръ живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ и пр... И вотъ: консерваторіи въ Россіи создали изъ своихъ воспитанниковъ и воспитаницъ цѣлый новый слой русскіхъ гражданъ и гражданокъ, вослѣдствіи званіе „свободныхъ художниковъ“ въ области музыки“...

„Но не мало было и сопротивленія... Оно гнѣздилося во многихъ официальныхъ сферахъ. Напр., разсказывали, что директоръ пѣвческой канцеллѣ А. Ф. Грозилъ подчиненнымъ ему нѣвчимъ отставкой, если кто изъ нихъ дерзнетъ въ посту участвовать въ нашихъ концертахъ; возникла „Безплатная школа“, также въ видахъ протеста противъ насъ, въ видахъ противодействія: у васъ-де берутъ за обученіе деньги, милости просимъ къ намъ, мы это все дѣлаемъ безплатно (кстати замѣтимъ, что эта „Безплатная школа“, никогда никого не выпускающая, не показывающая никакихъ результатовъ своей дѣятельности, не устраивающая никакихъ публичныхъ вечеровъ, по которымъ можно было бы судить о ходѣ занятій въ ней, о результатахъ, добытыхъ учащимися въ ней и пр., — существуетъ и въ настоящее время и, кажется, даже за маленькую плату; какъ ничтожна ея дѣятельность въ сравненіи съ дѣятельностью консерваторіи); А. Н. Сѣровъ громилъ насъ всюду,

на всѣхъ перекресткахъ, не стѣсняясь ничѣмъ... — „Это-де цеховой педагогамъ, это-де все нѣмцы!“ — декламировалъ онъ, гдѣ только могъ... Феофиль Толстой (писавшій подъ псевдонимомъ Ростиславъ) также былъ въ величайшемъ гнѣвѣ“...

Тѣмъ не менѣе, созданныи Рубинштейномъ общество и музыкальная школа продолжали постепенно свое дѣло... Терпѣніе и трудъ — все перетрутъ, говорятъ. Число учащихся въ консерваторіи все росло да росло; внослѣдствіи оно дошло до 700 въ одномъ Петербургѣ; это количество даже пугало Рубинштейна; онъ находилъ, что „консерваторія должна расти въ вышину, а она раздалась въширь и стала музыкальной фабрикой“. И теперь, — говоритъ онъ въ своей „Автобиографіи“, вышедшей по случаю исполнявшагося въ 1889 г. пятидесятилѣтія его артистической дѣятельности, — когда я, послѣ длиннаго ряда годовъ, вновь опять директоромъ, — и всѣ силы употребляю, чтобы изъ фабрики ее обратитъ въ художественную мастерскую и... не терю надежды на успѣхъ...“ Таковы были его завѣтные мечты; насколько онъ возставалъ противъ дилетантизма въ музыкѣ (извѣстна статья его „О музыкѣ въ Россіи“, появившаяся въ журналѣ *Внѣзъ* за 1861 г.), настолько же былъ онъ противникомъ ремесленничества въ искусствѣ. Онъ требовалъ, чтобы консерваторіи аттестовали только талантливыхъ дѣятелей, выдающихся способностями, а не всякую бездарность, окончившую ее.

Будемъ надѣяться, что послѣдователи Рубинштейна будутъ идти по его стопамъ. Во всякомъ случаѣ, плоды дѣятельности консерваторіи настолько очевидны, что едва ли въ настоящее время можетъ быть о нихъ два мнѣнія. Знаменательна Собственнооручная надпись Государя Императора Александра III на докладной запискѣ отъ 25 марта 1883 г.: „Желаю отъ души еще большаго развитія этому полезному и благородному учрежденію“ (Отчетъ о дѣятельности консерваторіи, напечатанный въ *Ирае*. Выст. за 1883 г., № 76).

Остается только желать, чтобы консерваторія въ новомъ помѣщеніи, болѣе удобномъ и приспособленномъ для музыкальныхъ нуждъ учащихся и учащихся, дала не менѣе блестящія результаты, чѣмъ въ старомъ помѣщеніи. А новое, по вышности по крайней мѣрѣ, дѣйствительно прекрасно устроено; въ этомъ можетъ всякій легко убѣдиться, такъ какъ его всѣмъ показывають.

Зданіе дѣлится на двѣ части: а) собственно консерваторію, состоящую изъ малаго концертнаго зала (здѣсь происходятъ квартетныя собранія), церкви, библиотеки, музея, квартиръ для служащихъ и помѣщенія для саужаителей, кромѣ классовъ для занятій, размѣщенныхъ во 2, 3 и 4 этажахъ и занимающихъ 35 комнатъ; сюда же слѣдуетъ прибавить оперный классъ, декоративный залъ и сборныя для преподавателей и учащихся обоихъ пола, и б) большой залъ (здѣсь происходятъ симфоническія собранія русскаго музыкальнаго общества и драмы итальянскія оперы) со сценой, аванзаломъ, фойѣ, парадной лѣстницей, на широкихъ площадкахъ которой будутъ разставлены бисты русскіхъ композиторовъ и статуи основателя консерваторіи А. Г. Рубинштейна, — съ уборными при сценѣ и пр.

Малый залъ расположенъ въ третьемъ этажѣ, окнами къ Мариинскому театру; рассчитанъ на 650 человѣкъ (400 мѣстъ внизу, кромѣ, конечно, эстрады, на которой можетъ уместиться человѣкъ сто, и 150 на хорахъ); при немъ имѣются хоры, аванзалъ, комнаты для солистовъ, курительныя и уборныя комнаты и буфетъ. Большой недостатокъ этого помѣщенія оказался на первомъ же квартетномъ собраніи со стороны акустики; рѣшили, что надо принять серьезныя мѣры для устраненія этого крайняго неудобства. Большой залъ расположенъ къ Торговой улицѣ и рассчитанъ на 1800 человѣкъ; имѣеть 20 саж. въ длину и 7½ въ вышину, съ хорами съ трехъ сторонъ и ложами въ партерѣ. Императорская ложа находится въ средней части лицевой стороны зала; при ней аванложа, гостиная, уборная, мраморная лѣстница, ведущая изъ вѣстибюля, съ особымъ подъѣдомъ со стороны Торговой улицы. И Большой залъ страдаетъ въ акустическомъ отношеніи. Кромѣ того неудобныи оказались: боковыя мѣста на хорахъ, съ половинны которыхъ уже не видно того, что происходитъ на сценѣ, — узкія крытыя лѣстницы, ведущія на хоры, — и наконецъ курительная комната.

Само собою разумѣется, что вездѣ проведено электрическое освѣщеніе; вездѣ имѣются подъемныя машины, приспособленныя также къ поднятію тѣлестей, напр., роллей и пианино, въ верхніе этажи. Перестройка Большаго театра въ консерваторію обоилась, по слухамъ, въ два милліона рублей, — сумма, за которую, по словамъ спеціалистовъ, можно было бы выстроить отдѣльно консерваторію, оставивъ Большой театръ для художественныхъ нуждъ столицы. На страницахъ 276 и 277 мы помѣщаемъ рисунокъ самаго зданія консерваторіи, находящейся въ немъ церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, большаго зала и плафона этого зала.

Пожелаемъ нашей музыкальной almae matris долгое время процвѣтать въ новомъ зданіи и продолжать служить отечественному искусству съ тѣми рвеніемъ и пользою, которые завѣщаны основателемъ ея, А. Г. Рубинштейномъ, всю жизнь свою не перестававшимъ заботиться о своемъ любимомъ дѣлѣ.

В. Басининъ.

Общій видъ зданія съ площади.

Церковь въ новомъ зданіи консерваторіи.

Новое зданіе консерваторіи въ С.-Петербургѣ. Съ фот. К. Булла автотипія „Нпвы“.

Большой залъ консерваторіи.

Плафонъ большого зала консерваторіи.

Новое зданіе консерваторіи въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нива“.

Великій филантропъ — Ф. П. Гаазъ.

(Портр. на стр. 280.)

Есть люди, о которых вспоминать мало; ихъ надо постоянно помнить, хранить въ сердцѣ своемъ, чтобы ихъ образъ согрѣвалъ и возвышалъ наши чувства, чтобы ихъ примѣръ направлялъ нашу дѣятельность. Къ числу такихъ людей принадлежатъ Федоръ Петровичъ Гаазъ, о которомъ, въ мастерскомъ очеркѣ, составляющемъ плодъ долгихъ разысканій, напомнилъ нашей забывчивой общественной совѣсти А. Ф. Конн (*Вѣстникъ Европы* 1897 г., № 1 и 2).

Многіе читатели съ недоумѣніемъ спросятъ, — кто же былъ этотъ вѣнецъ Гаазъ, по поводу котораго корить русское общество въ забывчивости? Дѣйствительно, никакихъ государственныхъ или литературныхъ заслугъ за нимъ не числятся: умеръ онъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ; по таблицѣ о рангахъ занималъ невысокій чинъ; былъ московскимъ штатд-физикомъ, затѣмъ старшимъ врачомъ московскихъ тюремныхъ больницъ и членомъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

Вотъ и все. Но къ этому сухому формулярному списку надо прибавить слѣдующее: Въ началѣ этого столѣтія онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ московскихъ врачей, имѣлъ обширную практику среди богатѣйшихъ жителей первопрестольной, нажилъ этимъ путемъ довольно значительное состояніе, домъ въ Москвѣ, подмосковное имѣніе въ селѣ Тинкахъ, гдѣ устроилъ суконную фабрику; а когда въ 1853 г. хоронилъ этого извѣстнаго московскаго врача, то оказалось необходимымъ сдѣлать это насчетъ полиціи. Куда же ушло его состояніе и тѣ значительныя суммы, которыя онъ, не зная отдыха съ утра до поздней ночи, успѣлъ собрать въ равнодушномъ къ чужому горю московскомъ обществѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти выяснитъ намъ нравственный обликъ Гааза: весь его достатокъ, всѣ имъ собранныя суммы пошли частью на больныхъ, но главнымъ образомъ на арестантовъ. Тѣ и другіе называли его „божьимъ человѣкомъ“, „святымъ докторомъ“, а онъ ихъ называлъ: „они“, потому что всѣ его чувства, всѣ его мысли были сосредоточены на „нихъ“, потому что онъ жилъ только для „нихъ“, дышалъ только „ими“. Когда его хоронили, гробъ его провозжала двадцатитысячная толпа, и эта толпа, состоявшая преимущественно изъ бѣднаго московскаго люда, слѣдовала за гробомъ своего доктора съ такимъ благоговѣніемъ, что пришлось отпустить, какъ совершенно ненужный, нарядъ казаковъ, командированный для поддержанія порядка.

Описать дѣятельность Гааза — значитъ перечислить безконечный рядъ случаевъ безкорыстной и самоотверженной помощи, оказанной имъ ближнему. Тамъ, гдѣ онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ отдѣльнымъ человѣкомъ, гдѣ онъ пользовался полной свободой въ проявленіи чувства христіанской любви, его дѣятельность всегда находилась на высотѣ воодушевленности его чувствъ: никто не уходилъ отъ него безъ добраго совѣта, слова утѣшенія и, когда требовалось, безъ матеріальной помощи. Въ этомъ смыслѣ Гаазъ былъ образцовый врачъ и самоотверженный человѣкъ... Но его дѣятельность распространялась не только на отдѣльныхъ людей; она обнимала цѣлую группу лицъ: населеніе больницъ, городскихъ и тюремныхъ, а затѣмъ вообще населеніе тюремъ. Тутъ ему приходилось дѣйствовать уже не всегда непосредственно, а часто черезъ посредство тюремнаго или иного начальства. Въ то сорокалѣтіе, которое насъ отдѣляетъ отъ смерти Гааза, сдѣлано очень много для населенія больницъ и тюремъ. Если бы Гаазъ воскресъ, его добрые глаза наполнились бы слезами умиленія при видѣ достигнутаго теперь: осуществлено то, о чемъ онъ и мечталъ не смѣя, хотя, конечно, и теперь его любвеобильное сердце нашло бы еще широкое поле дѣятельности. Но что представляли русскія тюрьмы и больницы 50—60 лѣтъ тому назадъ, когда жилъ и дѣйствовалъ Гаазъ? Старики и пожилые люди имѣютъ объ этомъ еще довольно ясное представление, а болѣе молодые, если лично и не видѣли этого ада, то составили себѣ о немъ понятіе по одному изъ классическихъ произведеній нашей литературы, посвященному безнадежному названію „Мертваго дома“. И что не менѣе ужасно: люди, ввергнутые въ этотъ адъ кромѣшныи, не возбуждали къ себѣ почти еще никакого состраданія ни со стороны администраціи, ни со стороны общества. Труды Достоевскаго и Максимова еще не пробудили общественную совѣсть, за преступникомъ отрицались почти всѣ человѣческія права и потребности; онъ признавался отверженнымъ, не нуждавшимся въ пощеніи. Ни администраціи, ни обществу не уяснили себѣ еще принципа, который нашелъ себѣ такое яркое выраженіе въ дѣятельности Гааза, — что между преступленіемъ, несчастіемъ и болѣзнью существуетъ очень тѣсная связь. Даже руководящіе дѣятели того времени еще далеко не вполне прониклись убѣжденіемъ, что преступникъ часто бываетъ человѣкомъ несчастнымъ, заслуживающимъ состраданія. Однажды московскій тюремный замокъ посетилъ императоръ Николай I, и враги Гааза поспѣшили указать ему на 70-лѣтняго старика-преступника, котораго Гаазъ, въ виду его дряхлости, не рѣшался отправить въ Сибирь. — „Что это значитъ?“ — спросилъ государь Гааза, ко-

торого зналъ лично. Въстѣ отвѣта Федоръ Петровичъ сталъ на колѣни. Думалъ, что онъ проситъ такимъ своеобразнымъ способомъ прощенія за допущенное имъ послабленіе арестанту, государь сказалъ ему: „Полю, и не сержусь, Ф. П. Что это ты! Встань“. — „Не встану“, — рѣшительно отвѣтилъ Гаазъ. — „Да я не сержусь, говорю тебѣ... Чего же тебѣ надо?“ — „Государь, помилуйте старика. Ему осталось немного жить. Онъ дряхлъ и безсилентъ; ему очень тяжело будетъ идти въ Сибирь. Помилуйте его; я не встану, пока вы его не помилите...“ Государь задумался... „На твоей совѣсти, Ф. П.“, — сказалъ онъ, наконецъ, и изрекъ прощеніе. Тогда счастливый и взволнованный Гаазъ всталъ съ колѣнъ.

Передадимъ другой случай со словъ г. Конн. Московскому митрополиту, знаменитому Филарету, предсѣдательствовавшему въ тюремномъ комитетѣ, накутили постоянныя ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за невинно-осужденныхъ арестантовъ. „Вы все говорите, Ф. П., — сказалъ Филаретъ, — о невинно-осужденныхъ. Такіяхъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ, значитъ, есть за нимъ вина...“ Гаазъ вскопился съ своего мѣста. „Да вы о Христѣ позабыли, владыко!“ — вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе — осужденіе невиннаго. Всѣ смуглились и замерли на мѣстѣ; такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ попрыгнулъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: „Нѣтъ, Ф. П., когда я произнесъ мои послѣдніи слова, не я о Христѣ позабылъ, — Христосъ меня позабылъ“, — благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Если самые просвѣщенные тогдашніе дѣятели не могли вполне понять и оцѣнить возвышенныхъ чувствъ, которыми руководствовался Гаазъ по отношенію къ преступникамъ, то что можно было ожидать отъ остальныхъ? Ф. П. принялъ вести безконечную, упорную борьбу съ представителями администраціи и съ обществомъ, чтобы придти на помощь населенію тюремъ и больницъ. На его заступничество смотрѣли, какъ на ненужныя вѣтви или даже какъ на вредныя начпанія, и по большей части они встрѣчали явное или скрытое противодѣйствіе. Такъ-называемыя условія были противъ него, но онъ не успокаивалъ себя стереотипною фразою, что „одинъ въ полѣ не воишь“. Одиночество его было подчасъ полное, безнадежное, и тѣмъ не менѣе онъ шелъ впередъ, ни на минуту не ослабѣвалъ въ своемъ состраданіи къ ближнему. Канцелярщина, формализмъ, тайное недоброжелательство, личная вражда къ человѣку, разоблачавшему злоупотребленія другихъ, и притомъ еще иностранцу, — все это создавало безконечныя препятствія. Но его энергія совершала чудеса. Одинъ изъ чиновниковъ московскаго оберъ-полицеймейстера рассказываетъ, что въ началѣ 50-хъ годовъ онъ былъ оторванъ отъ занятій старикомъ, назвавшимся членомъ тюремнаго комитета и наводившимъ справки о положеніи дѣла какого-то арестанта. Желая поскорѣе вернуться къ прерванному дѣлу, онъ рѣзко указалъ на какин-то формальныя неточности и отказалъ въ справкѣ. Старикъ торопливо поклонился и вышелъ. Между тѣмъ, разразилась гроза, одна изъ тѣхъ, которыя обращаютъ московскія площади въ озера, а улицы и переулки — въ рѣки. Черезъ два часа старикъ снова потревожилъ молодого чиновника. На немъ не было сухой нитки. Съ доброю улыбкою подалъ онъ самыя подробныя свѣдѣнія по предмету своей просьбы. Оказалось, что онъ ѣздилъ за ними на край города, несмотря на ливень и грозу. Это былъ уже 70-лѣтній Гаазъ, — и трогательный урокъ, данный имъ, вызывалъ черезъ много лѣтъ у разсказчика слезы умиленія.

Такъ заботился Ф. П. объ арестантахъ, такъ боролся онъ съ равнодушіемъ администраціи въ отношеніи его любимцевъ. До какой степени всѣ его помыслы были поглощены ими, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая. Однажды онъ пришелъ къ одной изъ немногихъ сочувствовавшихъ ему благотворительницъ, Н. М. Еропкиной, и заговорилъ съ нею объ арестантахъ. Въ разговорѣ онъ вынулъ изъ кармана вмѣсто платка какую-то ветхую тряпку. Хозяйка, незамѣтно доставъ изъ комода дюжину батистовыхъ платковъ, положила ихъ въ карманъ свѣсившейся фалды его фрака. Но Ф. П. почувствовалъ это, обернулся, досталъ платки — и вдругъ глаза его наполнились слезами. Онъ схватилъ хозяйку за руки и голосомъ, котораго она не могла позабить, сказалъ: „О, благодарю, благодарю; они такъ несчастны“. Онъ не могъ допустить, чтобы это была забота о немъ, а не о нихъ, ради которыхъ такъ свѣтло и чисто догорала его жизнь.

Но посмотримъ теперь, что сдѣлалъ для страждущихъ ближнихъ человѣкъ, которому пришлось выдержать такую упорную борьбу, въ суровый, „желѣзный“ вѣкъ съ его бессердечіемъ и ужасами? Мы ограничимся тутъ, за недостаткомъ мѣста, только голымъ перечнемъ нѣкоторыхъ изъ достигнутыхъ результа-

товъ: онъ достаточно краснорѣчивъ самъ по себѣ. Благодаря самоотверженнымъ и энергическимъ стараніямъ Гааза, претвореніе изъ Москвы ссыльныхъ на „путь“ было фактически отменено. Объ этомъ орудіи пытки теперь сохранились лишь воспоминанія. Въ то время какъ важнѣйшіе преступники, отправляемые на каторгу, шли свободно въ ножныхъ кандалахъ, менѣе важные, шедшіе на поселеніе, были напизаны на прутья и стѣснены во всѣхъ своихъ движеніяхъ и естественныхъ потребностяхъ; они претерпѣвали въ пути всевозможныя муки и были лишены всякаго отдыха при остановкѣ на полустанкахъ, даже снокойнаго сна. Они молила, какъ о благодѣяніи, объ обращеніи съ ними, какъ съ каторжными. Путьъ былъ замѣненъ подвижною цѣлью. Но кандалы были очень тяжелы; Гаазъ заплѣнулъ ихъ болѣе легкими и устроилъ для ихъ изготовленія кузницу, на которую жертвовалъ свои средства, пока они у него еще не изсякли. Какъ его занималъ этотъ вопросъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая: однажды къ нему заѣхалъ губернаторъ Спирявинъ и засталъ его непрерывно ходящимъ, подѣ аккомпанементъ какого-то лягга и звона, вездѣ и вперелъ по комнатѣ, что-то про себя сосредоточенно считая, съ крайне утомленнымъ видомъ. Оказалось, что онъ велѣлъ заковать себя въ свои облегченные кандалы и прошелъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу, до Богородска, чтобы звать, каково имъ идти въ такихъ кандалахъ. Далѣе онъ достигъ того, что повсемѣстно въ Россіи гайки у цѣпей приказано было обшивать кожей, а до того желѣзо при морозѣ и стужѣ обжигало и мёртвило своимъ прикосновеніемъ руку, такъ что, по выраженію С. В. Максимова, „мозгъ въ костяхъ, кашисъ, замерзаетъ сталь, таково было маство и больно, и не въ людскую силу, и не въ лошадину“. Гаазъ добился и того, что поголовное бритье головы было отменено Государственнымъ Совѣтомъ. Благодаря его неуныннымъ попеченіямъ, часть тюремнаго звѣрка, представлявшая „образецъ всѣхъ безобразій“, привила не только приличный, но и образцовый по тому времени видъ. Онъ ввелъ мастерскія для арестантовъ, переплетныя, столарныя, сапожныя и портняжныя работы; самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ системы одиночнаго заключенія, которую начали бредить и въ Европѣ, и у насъ; завелъ справщиковъ и ходатаевъ по арестантскимъ дѣламъ для того, чтобы установить связь между заключеннымъ и остальнымъ міромъ; роздалъ арестантамъ десятки тысячъ разныхъ книгъ, издѣывая на эту благу цѣль всевозможныя средства, не щадила усилій, чтобы ссылаемые по распоряженію помѣщиковъ не были разлучены съ своими семьями: такихъ ходатаевъ онъ напсала болѣе 217; всячески облегчалъ участь и посаженныхъ въ пресловутую московскую яму; значительно увеличилъ число кроватей въ тюремныхъ больницахъ, устроилъ на свои средства и на средства, добытыя у разныхъ благотворителей, отдѣльную больницу для арестантовъ, а когда и въ ней не оказывалось мѣста, онъ клалъ больныхъ въ своей квартирѣ и ухаживалъ за ними неустанно. Въ одной гаазовской больницѣ перебивало до 30,000 больныхъ, изъ которыхъ выдоровѣли 21,000. Когда въ Москвѣ разразилась холера и въ народѣ началось броженіе, генераль-губернаторъ посылалъ Гааза успокаивать народъ, который къ его словамъ, къ словамъ „своего доктора“, относился съ полнымъ довѣріемъ; а чтобы убѣдить народъ въ незаразительности холеры, Гаазъ самъ садился въ ванну послѣ холернаго больного...

Мы не можемъ перечислить здѣсь всего, что сдѣлалъ Гаазъ для своихъ любимцевъ: больныхъ и арестантовъ. Результаты его кипучей безкорыстной дѣятельности на пользу обездоленныхъ плохо оцѣнены обществомъ. Но обездоленный людъ его не забылъ. Простой народъ въ Москвѣ до сихъ поръ называетъ бывшую полицейскую больницу „гаазовскою“; арестанты, отправляемые по этапу, знаютъ, что надѣтые на нихъ облегченные кандалы зовутся „гаазовскими“; да въ отдаленномъ иерчинскомъ острогѣ теплятся лампада передъ иконой св. Теодора Тирона, сооруженная заключенными на свои скудные заработки и полученіи вѣсти о смерти „святого доктора“. Известный сенаторъ Арцимовичъ, въ бытность свою тюльскимъ губернаторомъ, обязывалъ въ 50-хъ годахъ свою губер-

нію и оставилъся у бывшего ссыльно-поселенца, жившаго очень зажиточно. Когда Арцимовичъ, уѣзжая, сѣлъ уже въ экипажъ—вышедшій его провожать хозяинъ, степенный старикъ съ сѣдою, окладистою бороδοю, одѣтый въ синій кафтанъ тонкаго сукна, вдругъ упалъ на колѣни. Думая, что онъ хочетъ просить какихъ-либо льготъ или полнаго помилванія, губернаторъ потребовалъ, чтобы онъ всталъ и объяснилъ, въ чемъ его просьба. „Никакой у меня просьбы, ваше превосходительство, нѣтъ, и я всѣмъ доволенъ, — отвѣчалъ, не поднимаясь, старикъ, — а только... — и онъ заплакалъ отъ волненія, — только скажите мнѣ: хоть вы, — ни отъ кого я узнать толкомъ не могу, — скажите: живъ ли еще въ Москвѣ Теодоръ Петровичъ?“

Мы видимъ, слѣдовательно, что если Гаазъ не удостоился популярности среди интеллигентнаго общества, относившагося къ нему скорѣе враждебно, то онъ въ высокой мѣрѣ приобрѣлъ народную любовь. Въ заключеніе мы приведемъ еще одинъ фактъ, чтобы читатель могъ намѣтить силу любви самого Гааза къ ближнему. Фактъ этотъ ставитъ его на ряду съ самыми выдающимися дѣятелями христіанской церкви, напиримѣрь, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Кони, съ Юліаномъ Милостивымъ, отогрѣвшимъ прокаженнаго собственнымъ тѣломъ. Однажды въ Екатеринбургскую больницу была доставлена крестьянская дѣвочка, пораженная ужасною болѣзью, воднымъ ракомъ, который въ нѣсколько дней уничтожилъ цѣлую половину ея лица вмѣстѣ съ носомъ и однимъ глазомъ. Разрушенныя ткани распространили такое зловоніе, что ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже нѣжно любившая дѣвочку мать не могли долго оставаться не только у постели, но даже въ комнатѣ, гдѣ лежала несчастная. Позванъ былъ Гаазъ, и онъ, тронутый ея страданіями, пребылъ при ней болѣе трехъ часовъ сряду и притомъ сѣлъ на ея кровати, обнимая ее, цѣлуя и благословляя. Такія посѣщенія повторялись и въ слѣдующіе два дни, а въ третій—дѣвочка скончалась.

Предъ такими подвигами любви, совершенными въ душевной простотѣ, нѣмѣютъ уста, растроганное сердце не находитъ словъ благодарности. Мы привели только немногіе факты изъ биографіи Гааза, рѣдкая страница которой не вызываетъ слезъ умиленія, не возвышаетъ души, не даетъ намъ чувствовать, какъ мы сами мелки и ничтожны въ сравненіи съ этимъ человекомъ, котораго нашъ народъ назвалъ „святимъ“. Нѣтъ проповѣди, хотя бы и самой краснорѣчивой, такъ насъ облагораживающей, какъ простой ризсказъ о забытомъ московскомъ „докторѣ“. Надо надѣяться, что г. Кони издастъ составленную имъ биографію Гааза отдѣльною книгою, — тогда всѣ получатъ возможность нагляднымъ примѣромъ возбуждать въ себѣ тотъ духъ дѣятельной любви къ ближнему, котораго такъ мало въ нашъ обществѣ, и убѣдиться въ малодушіи, заставляющемъ ихъ признавать отдѣльнаго человека безсильнымъ, а окружающія насъ условія всемогущими. Гаазъ, несмотря на полное свое одиночество, пришелъ на помощь десяткамъ тысячъ людей и первый далъ сильный толчокъ литературному и общественному движенію, которое облегчило страданія миллионовъ обездоленныхъ...

Несмотря на огромную популярность, распространившуюся далеко за предѣлы Россіи, Гаазъ, отличавшійся скромностью, нѣблгалъ всего, что могло носить характеръ прославленія его собственной личности, и поэтому не желалъ, между прочимъ, чтобы съ него былъ снсанъ портретъ, и отказалъ въ немъ англійскому библейскому обществу. Тогда оно за полученіемъ портрета Гааза обратилось къ тогдашнему московскому генераль-губернатору кн. Шерботову, а тотъ прибѣгъ къ хитрости. Онъ пригласилъ къ себѣ Гааза и долго съ нимъ бесѣдовалъ, при чемъ говорилъ почти все время самъ, представляя Гааза болѣе молчаливымъ, а въ это время скрытый за ширмами художникъ писалъ портретъ съ ничего не подозревавшего доктора. Послѣ смерти Гааза съ лица его была снята гипсовая маска, и вотъ по этой маскѣ и по копіи съ портрета, писаннаго для англійскаго библейскаго общества, былъ напсанъ портретъ Гааза, помѣщенный въ настоящемъ номерѣ *Нивы*; портретъ этотъ воспроизведенъ здѣсь по фотографіи, сдѣланной съ него фотографомъ К. Шаширо.

Къ рисункамъ.

Что можетъ быть трогательнѣе дѣтскаго возраста? и какъ не удивляться той силѣ отраженія жизни, которое проявляется въ каждомъ ребенкѣ?.. Мальчикъ — почти безъ исключенія — всегда мечтаетъ въ дѣтствѣ о славѣ героя; дѣвочка — уже рѣшительно безъ исключенія — непремѣнно воображаетъ себя матерью или хозяйкой. И надо видѣть, какой глубокой смыслъ вкладываютъ дѣти — особенно же дѣвочки — во всѣ свои игры. Вотъ хоть бы эта маленькая хозяйка (стр. 266): съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ она, не перекинула ли у нея молоко, гдѣ-то добытое ею и поставленное въ кастрюлю на холодную плиту, — и какую важную роль играетъ этотъ моментъ въ ея жизни: передъ нами какъ будто бы стоитъ настоящая хозяйка, и на лицѣ ея мы ясно читаемъ всѣ волнующія ее чувства. Въ этой школѣ дѣтства дѣйствительно воспитываются

будущія матери и хозяйки, и въ этомъ именно возрастѣ внѣшнія впечатлѣнія, примѣры окружающихъ закладываютъ фундаментъ для характера будущей женщины. И какія сѣмена вы бросите въ эту вѣжную душу, такіе плоды и возрастутъ въ ней.

Прошлое цыганскаго народа далеко еще не выяснено. Что цыгане — племя аріискаго происхожденія, въ этомъ уже не можетъ быть сомнѣнія, но условія появленія ихъ въ Европѣ остаются еще окутанными неизвѣстностью. Уроженцы далекой Индіи, родственные по крови ея вышшимъ жителямъ, они стали двигаться на западъ уже въ историческую эпоху, и даже сравнительно недавно — приблизительно во время великаго переселенія народовъ. Но, несмотря на свое аріиское происхо-

здение, цыгане, въ отличие отъ всѣхъ аріицевъ, остались при-
рожденными кочевниками. Всѣ успія прикрѣпiti ихъ къ
землѣ оканчивались неудачей,—цыганъ какъ будто бы не мо-
жетъ жить безъ бродячества, ослѣдность для него чуть не
равносильна смерти. А между тѣмъ это племя — безусловно
даровитое, и природный умъ сквозитъ въ каждомъ цыганѣ.
Лицо и все сложение ясно обличаетъ въ нихъ настоящихъ
аріицевъ; тонкія черты исполнены не только выразительности,
но и чарующей прелести, особенно благодаря восточному ко-
лориту, какой такъ свойственъ всѣмъ азіатскимъ аріицамъ.
Даже грязь и неряшливость, отличающія каждаго цыгана, не
могутъ отнять у него этой прелести. А красота цыганскихъ
женщинъ давно уже признана всѣми. И она безусловно кра-
сива — эта цыганина (стр. 269), торопливо идущая въ Карпа-
тахъ со своимъ ребенкомъ, со своимъ скуднымъ хламомъ на
головѣ, въ сопровожденіи вѣрнаго пса, ея единственнаго за-
щитника; она — въ лохмотьяхъ, но какъ живописно обнимаютъ
эти лохмотья ея стройное тѣло, и какой восхитительной кар-
тинной является она на фонѣ этихъ
горъ, съ ея, точно выточенными,
красивымъ лицомъ и съ блестя-
щимъ взоромъ, загадочнымъ, какъ
загадочна вся исторія ея блуждаю-
щаго, неостояннаго племени.

*

Тильзитскій миръ, положившій
конецъ войнѣ Наполеона съ Прус-
сіей и Россіей, былъ вѣнцомъ по-
бѣды Наполеона, надменно дикто-
вавшего условія мира. Какъ на-
вѣстно, условія эти были очень тя-
гостны для Пруссіи, которая вся
почти, отъ Везера до Нѣмана, бы-
ла въ рукахъ Наполеона.

25 іюня 1807 г. оба императора,
Наполеонъ и Александръ, сѣхъ-
лись въ Тильзитѣ; свиданіе ихъ
произошло безъ свидѣтелей, и толь-
ко послѣдующіе шаги французской
и, главнымъ образомъ, русской по-
литики, указали съ очевидностью,
что Наполеонъ сумѣлъ убѣдить на-
шего молодого императора (импе-
ратору Александру I было тогда
29 лѣтъ) въ томъ, что Россія и
Франція вмѣстѣ — державы руко-
водительницы цѣлаго полушарія, и
что у нихъ одинъ общій врагъ —
Англія. Знаменательный взглядъ,
высказанный 90 лѣтъ тому назадъ
и ставшій еще болѣе правильнымъ
и очевиднымъ въ настоящую ми-
нуту.

Россія обязалась быть союзни-
комъ Наполеона, а всѣ бѣдствія
Фридрихскаго пораженія обруши-
лись на Пруссію. Это стало ясно
уже на другой день, 26 іюня, когда
присутствовать при свиданіи императоровъ и прусскій король
Фридрихъ-Вильгельмъ III. Честный и застѣнчивый человекъ,
но натурѣ, король рѣшился превзойтись передъ силой. Была
сдѣлана только одна попытка умиловить „побѣдителя“.
Эту тяжелую роль приняла на себя супруга короля Фри-
дриха-Вильгельма — королева Луиза, переносившая вмѣстѣ съ
мужемъ всѣ тяготы войны и ободрявшая его въ горькія ми-
нуты жизни. Благородная женщина мужественно принесла
эту жертву и въ присутствіи своего супруга и императора
Александра I уговаривала побѣдителя снисловиться надъ
судьбой ея страны. Какъ рассказываютъ, она принуждена
была принять розу изъ рукъ. Но просьбы ея все-таки не
были услышаны,—тильзитскій миръ, заключенный четыре дня
сиуси, урѣзалъ у Пруссіи половину ея владѣній. И если этотъ
энергичный шагъ королевы не привелъ къ ощутительнымъ
результатамъ, то онъ окружилъ ея имя особымъ ореоломъ
славы въ памяти ея народа.

Картина Франсуа Гюссе, воспроизводящая эту одну изъ са-
мыхъ тяжелыхъ минутъ въ жизни королевы Луизы (рис. на
стр. 273), находится въ историческомъ музее въ Версали.

Митрополитъ рязанскій Іона приводитъ дѣтей къ ослѣпленному князю Василию Васильевичу Темному.

(Рис. на стр. 268.)

Быстрое возвышеніе Московскаго великаго княжества въ
эпоху ближайшихъ преемниковъ Калиты, и въ особенности
при Дмитріи Донскомъ, должно было, раньше или позже, дать
Москвѣ полный перевѣсъ въ значеніи надъ всѣми остальными
княжествами, а князи московскаго преобразилъ „въ самодержца
всей Руси“. Но для того, чтобы идея самодержавія оковча-

тельно восторжествовала надъ стремленіями остальныхъ удѣль-
ныхъ князей къ самостоятельности, нужна была борьба, дол-
гая, жестокая и кровавая, полная бурныхъ, трагическихъ эпи-
зодовъ, полная проявленій дикаго, необузданнаго произвола и
грубой суровости нравовъ.

Зачаткомъ борьбы послужило то обстоятельство, что сынъ
Донскаго, Василий I Дмитріевичъ, при кончинѣ своей, не могъ
благословить своего сына Василия великимъ княженіемъ, такъ
какъ ему не удалось войти въ соглашеніе съ роднымъ братомъ
своимъ, княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ (Га-
лицко-Меряжскаго, нынѣ города Костромской губерніи). Юрій
жилъ въ мирѣ съ братомъ, великимъ княземъ, но не отрекался
отъ своихъ правъ на великое княженіе въ пользу малолѣтняго
племянника.

По смерти Василия I, въ 1431 году, когда сыну его Васи-
лію II Васильевичу минуло 16 лѣтъ, престарѣлый князь Юрій
(подстрекаемый сыновьями своими, Василиемъ Косымъ и Дми-
тріемъ Шемякой) завязалъ о своихъ притязаніяхъ на старшин-
ство и поѣхалъ судиться съ пле-
мянникомъ въ Орду. Туда же явил-
ся и Василий Васильевичъ съ хит-
рымъ бояриномъ Иваномъ Все-
воложскимъ, который такъ ловко
повелъ дѣло своего князя, что от-
стоялъ его права передъ ханомъ,
и тотъ выдалъ юному Василию яр-
лыкъ на великое княженіе. Но
юный московскій великій князь
не соблюлъ договора, который былъ
у него заключенъ съ бояриномъ-
дипломатомъ, и тотъ, обманутый
въ своихъ ожиданіяхъ, отъѣхалъ
изъ Москвы къ князю Юрію и
сталъ побуждать его къ открытой
борьбѣ съ Василиемъ II.

Вскорѣ завязалась борьба дяди
съ племянникомъ; племянникъ по-
терпѣлъ жестокое пораженіе на
Клязьмѣ, а дядя овладѣлъ Москвою
и сѣлъ на великое княженіе.
Вслѣдъ за этимъ пораженіемъ про-
изошло примиреніе между дядею и
племянникомъ; Юрій такъ и умеръ
великимъ княземъ (1431 г.). Но
когда его старшій сынъ, Василий
Косой, вадумалъ утвердить за со-
бою престолъ великокняжескій—
на него возстали всѣ разомъ, даже
родной братъ его, Дмитрій Шемя-
ка. Василий Косой былъ разбитъ
княземъ Василиемъ II, вѣнчъ въ
плѣнъ—и ослѣпленъ по его прика-
занію.

Эта жестокость, къ которой, вѣ-
роятно, юный Василий Васильевичъ
былъ побужденъ своими суровыми
боярами, ожесточила противниковъ
его, заставила ихъ на время затанъ

свою злобу, но, въ то же время—страстно желать мести. На
время установилась тишина и спокойствіе, которыми, однако-
же, никто не довѣрилъ. Обѣ стороны готовились къ борьбѣ и
много лѣтъ сряду выжидали только удобнаго случая, чтобы
схватиться и еще разъ помѣряться силами. Случай къ этому—
и притомъ весьма удобный для противниковъ великаго кня-
зя—представился въ 1445 году. Около этого времени, Золотая
Орда, уже распадавшаяся, стала выдѣлать изъ себя меньшія
орды, которыя расходились въ разныя стороны, отсылавъ
себѣ новыхъ поселеній. Одна изъ такихъ орды, предводилъ
Улу-Махметомъ, перекочевала въ русскіе предѣлы и осѣла
близъ Нижняго-Новгорода. Великій князь московскій задумалъ
изгнать ее изъ русскихъ предѣловъ, выступилъ противъ нея
съ войскомъ, но самъ потерпѣлъ пораженіе, и, послѣ отчаян-
ной обороны, попалъ въ плѣнъ татарамъ. Отъ этого плѣна
великій князь, жестоко израненный въ битвѣ, могъ забыть
только тѣмъ, что пообѣщавъ татарамъ собрать съ народа тяж-
кій выкупъ, и сверхъ того обязавшись многимъ татарскимъ
князьямъ раздать помѣстья и города „въ кормленіе“. Все это
возбудило неудовольствіе многихъ противъ великаго князя, и
Дмитрій Шемяка ловко сумѣлъ имъ воспользоваться для сво-
ихъ цѣлей. Когда, въ февралѣ 1446 года, князь Василий Ва-
сильевичъ отправился на богомолье въ Троице-Сергіеву оби-
тель, Шемяка, при помощи своихъ друзей и сообщниковъ, за-
хватилъ его враслохъ, и въ то же время овладѣлъ Москвою.
Въ отщепеніе за брата, Шемяка ослѣпилъ великаго князя и
отправилъ его въ Угличъ въ заточеніе, вынудивъ у него кля-
твенное обѣщаніе отказаться отъ правъ на великокняжескій
столъ. Но двое малолѣтнихъ сыновей Василия Васильевича,
которые вмѣстѣ съ нимъ были на богомольѣ, успѣли укрыться
и были взяты рязанскимъ митрополитомъ Іоною „на епитра-
хиль“, т. е. подъ покровительство Церкви. И въ то время,

О. П. Гаазъ. (См. стр. 278.)

когда Шемяка спѣшилъ воспользоваться плодами своей победы и надѣть на себя великокняжескій вѣнецъ, Иона посѣдѣлъ въ Угличѣ и привезъ къ несчастному Василию Васильевичу его дѣтей—единственнѣе утѣшеніе для страдальца! Трѣгательно было это свиданіе отца съ дѣтьми, которыхъ онъ уже не могъ видѣть, а только осизать, какъ слѣпецъ... Но гордость его враговъ было непродолжительно. И года не прошло послѣ этой сцены, воспроизведенной художникомъ въ пылѣномъ номерѣ *Нивы*, какъ все измѣнилось разомъ въ пользу князя Василя Васильевича. Всѣ князья и города поднялись за него противъ Шемяки; духовенство силою съ Василя даныя имъ вынужденныя клятвы, и онъ вновь—въ третій разъ—возведенъ былъ на великокняжескій престолъ, на которомъ и утвердился окончательно; а Шемяка, всѣми покинутый, вынужденъ былъ бѣжать въ Новгородъ, и вскорѣ тамъ умеръ.

п. п.

А. Н. Майковъ.

(Портр. на этой стр.)

Въ прошломъ году, привѣтствуя маститаго поэта, по случаю 75-тилѣтія его рожденія *), и выражая пожеланія, чтобъ онъ еще долго „давалъ цвѣта и звуки чертамъ духовной красоты“, мы были увѣрены, что наши пожеланія не просто сказанныя къ случаю слова, а что они дѣйствительно осуществятся, и что поэтъ и проживетъ еще долгіе годы, и напишетъ еще не мало достойныхъ его произведеній. И вотъ онъ уже въ могилѣ!

Кто зналъ Аполона Николаевича, кто помнитъ его живые глаза, его бодрю рѣчь, его сильный умъ и отзывчивое сердце, тѣмъ и въ голову не приходило вести счетъ годамъ дорогаго поэта и предвидѣть возможность его скорой смерти. Потомокъ Никола Сорскаго, Майковъ въ памяти всѣхъ запечатлѣлся въ образѣ одного изъ тѣхъ старцевъ-подвижниковъ, у которыхъ бѣгущее время, какъ будто забывъ про ихъ земную оболочку, всегда работало только надъ укрѣпленіемъ ихъ духовной мощи.

А. Н. Майковъ умеръ не отъ старости и не отъ одного изъ тѣхъ недуговъ, которые наживаютъ годами и затѣмъ медленно, но неизбежно ведутъ человека къ роковой развязкѣ. Его свѣда въ могилу болѣзнь случайная, часто осипляющая даже молодые и сильные организмы,—крупозное воспаление легкихъ. Онъ заболѣлъ и слегъ 1 марта; но въ первые дни болѣзни чувствовалъ въ себѣ, однако, достаточно силъ, чтобъ интересоваться текущей жизнью, политическими новостями, и еще за день до смерти читалъ вслухъ стихи. Но въ пятницу 7 марта воспаление, сначала захватившее только лѣвое легкое, распространилось и на правое, больной впалъ въ забытіе и въ субботу, въ 7 часовъ утра, тихо скончался.

Имя Майкова извѣстно всей Россіи. Въ нѣкоторыхъ родахъ поэзіи ему, послѣ Пушкина, нѣтъ равнаго. Подобно пушкинской, его муза была всеобъемлющей, его мировоззрѣніе, несмотря на видныя проблески яркаго патриотизма, — всечеловѣческимъ. Инымъ оно, впрочемъ, и не могло быть. Майковъ, начавшій Эладой и Римомъ, откуда онъ вынесъ рядъ свѣтлыхъ впечатлѣній въ дни юности, жившій затѣмъ здѣсь, на сѣверѣ Россіи, гдѣ для яркаго ока изъ-за скванныхъ морозомъ лѣсовъ и покрытыхъ снѣгами гранитныхъ холмовъ видны всѣ

образы скандинавской мифологіи, столь близкой русскому народу еще со временъ варяговъ; Майковъ — сынъ художника-живописца, самъ готовившійся стать художникомъ и постигшій всѣ прелести земной красоты, и Майковъ — потомокъ аскета-подвижника, прочтѣвшаго болгскій кафтанъ на расу пустынножителя; Майковъ, послѣдникъ этого духа, отрѣшающагося отъ суеты мірской и возносящагося къ небу; Майковъ, поклонникъ античнаго міра, принадлежавшій, однако, душой и тѣломъ тому народу, гдѣ христіанскій мистицизмъ нашелъ свое наиболѣе яркое и чистое воплощеніе. — Майковъ, этотъ крупный талантъ и свѣтлый умъ, какъ будто прошелъ всѣ фазы развитія челоуѣчества отъ живерадостной, юной древности до нашихъ дней, когда усталый и обветшавшій „новый“ міръ снова начинаетъ тиготиться „мірской прелестью“ и готовъ броситься за каждымъ проводникомъ, который укажетъ ему путь къ тѣмъ горнымъ вершинамъ, гдѣ можно дышать чистымъ воздухомъ свободнаго, вѣчнаго духа.

Но Майковъ прошелъ эти фазы развитія безболѣзненно, безъ скачковъ, безъ блужданій, прямымъ путемъ непрерывнаго развитія всѣхъ сторонъ его духовной сущности. Преходящая красота земная не поработала въ немъ свободнаго, вѣчнаго духа, а этотъ свободный духъ училъ его любить эту красоту и воздавать кесарево кесарю и Божіе Богови. Оттого-то въ его жизни и произведеніяхъ такъ гармонично сливались эллинизмы съ христіанствомъ и западничество съ славянофильствомъ.

Не въ краткомъ некрологѣ давать оцѣнку литературныхъ заслугъ А. Н. Майкова; мы не будемъ повторять здѣсь и тѣхъ біографическихъ данныхъ, которые мы уже приводили въ *Нивѣ* въ прошломъ году; мы откладываемъ это до другого времени, чтобъ дать болѣе обстоятельную характеристику и жизнеописаніе почившаго поэта.

Похороненъ А. Н. Майковъ на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря. На панихидахъ въ квартирѣ покойнаго, выстѣсь съ представителями литературнаго міра, ежедневно была густая толпа почитателей скончавшагося поэта. Въ воскресенье 9 марта была отслужена у гроба покойнаго панихида въ присутствіи всѣхъ членовъ Академіи Наукъ съ Августѣйшимъ президентомъ, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ во главѣ. Покойный А. Н. состоялъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ.

Похороны были многочисленны, и въ числѣ присутствовавшихъ на выносѣ и при отпѣваніи находилось много литераторовъ, академиковъ, высокопоставленныхъ лицъ, представителей главнаго управленія по дѣламъ печати, профессоровъ и учащейся молодежи. Къ отпѣванію прибылъ Августѣйшій президентъ Академіи Наукъ, великій князь Константинъ Константиновичъ. Отпѣваніе совершалъ настоятель Исаакіевскаго собора, протоіерей о. Смирновъ, съ шестью священниками. Однимъ изъ нихъ было произнесено надгробное слово. На могилѣ была произнесена надгробная рѣчь и прочтено молодыми поэтами нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ памяти почившаго. На могилу возложены вѣнки отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, отъ комитета союза взаимопомощи русскихъ писателей, отъ городского общественаго управленія, отъ общества ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Але-

А. Н. Майковъ († 8 марта 1897 г.).
Съ фотогр. Ренца и Шрадера автотипія „Нивы“.

Н. А. Ермачовъ († 23 января 1897 г.).
Съ фот. Штаинскаго автотипія „Нивы“.

* „Нива“ № 24, 1896 г.

ксандра III, отъ редакцій многихъ газетъ и журналовъ, отъ гимназій Императорскаго человеколюбиваго общества, отъ VII гимназій, отъ частной гимназій Видемана, отъ командира и офицеровъ лейбъ-гвардіи павлаовскаго полка, отъ Румянцевскаго музея, отъ комиссіи по устройству народныхъ чтеній, отъ графа А. А. Голенничева-Кутузова, отъ А. Ф. Маркса, отъ предсѣдателя попечительства при сиверской церкви и масса другихъ.

Въ лицѣ А. Н. Майкова *Нива* потеряла одного изъ близкихъ друзей журнала. Много дѣлъ его произведенія украшали страницы *Нивы*. При самомъ основаніи журнала, онъ первый отозвался на призывъ падателя къ сотрудничеству, и первая строка первого номера *Нивы* принадлежала Аполлону Николаевичу. Проводивъ теперь въ могилу дорогого, незабвеннаго поэта, простимся съ нимъ, припомнивъ это его стихотвореніе, напечатанное въ № 1-мъ *Нивы* 1870 г.:

Мы—москвичи! что дѣлать, милый другъ!
Книжъ насъ судьба на сѣверъ иль на югъ,—
У насъ вездѣ, со всей своею славой,
Въ душѣ—Москва и Кремль золотоголавый.
Въ насъ заповѣдь великая жива,
И вѣра въ насъ доселѣ не извелася,
На коихъ древле создалась Москва,
И чрезъ нее—Россія создалася.
Тамъ, у гробовъ іерарховъ и царей,
Намѣтившихъ великія ей цѣли,
Онѣ видишь, и ты поймешь яснѣй,
Куда идти,—и какъ мы шли доселѣ,
И отчего, во дни народныхъ бѣдъ,
И внѣшнихъ бурь, и всякаго шатанья,
Для всей Руси, какъ дѣдовскій завѣтъ,
Родной Москвы звучало увѣщанье.
Храни-жь его, отцовъ завѣтъ святой,
Какъ Ермогенъ въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ сырой,—
И въ жизни путь всегда увидишь правый,
И посрамишь всякъ умисель лхой,
Всякъ вражій ковь, и всякъ соблазнъ лукавый.

Н. А. Ермаковъ. (Портр. на стр. 281).

23 минуваго января скончался тайный совѣтникъ Николай Андреевичъ Ермаковъ, имя котораго связано съ весьма многими нашими учреждениями.

Еще очень молодымъ человекомъ Н. А. Ермаковъ былъ приглашенъ, въ 1844 г., покойнымъ Н. А. Милютиннымъ на службу въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ и оставался до 1866 г., занимая въ послѣднее время должность начальника отдѣленія, при чемъ, независимо отъ прямыхъ обязанностей, на него возлагались и весьма важныя порученія по продовольственному дѣлу. Въ 1866 г. Н. А. Ермаковъ перешелъ на службу въ министерство финансовъ на должность вице-директора департамента торговли и мануфактуръ, а въ 1879 г. назначенъ былъ директоромъ этого департамента. Состоя въ должности вице-директора, Н. А. въ теченіе шести лѣтъ управлялъ также Технологическимъ институтомъ, при чемъ время его управленія институтомъ признается особенно плодотворнымъ для этого введенія.

Среди многосложныхъ обязанностей по должности директора департамента, соединенныхъ съ разработкою многихъ государственныхъ вопросовъ, Н. А. руководилъ дѣлами и всероссийской промышленно-художественной выставки 1883 года въ Москвѣ, равно участвовалъ въ самыхъ разнообразныхъ комиссіяхъ какъ по экономическимъ, такъ и другимъ вопросамъ, стараясь всюду внести въ дѣло свои знанія и опытность. Но отдавая свои силы государственному служенію, Н. А. находилъ время посвящать свои труды и на пользу другихъ различныхъ учрежденій. Такъ, онъ состоялъ съвыше двадцати лѣтъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго комитета грамотности, около двадцати пяти лѣтъ былъ предсѣдателемъ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія и руководилъ постройкой Елизаветинской дѣтской больницы, а также Клиническаго института великой княгини Елены Павловны; съ 1873 г. предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Дома призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей, около десяти лѣтъ управлялъ дѣлами Дома милосердія, принималъ самое дѣятельное участіе въ организаціи и судьбѣ Комитета для оказанія пособія вдовамъ и сиротамъ пострадавшимъ на войнѣ и одно время также предсѣдательствовалъ въ этомъ комитетѣ, принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи Добровольнаго флота, состоялъ членомъ Главнаго управленія Россійскаго общества Краснаго Креста, почетнымъ членомъ Императорскаго русскаго техническаго общества и многихъ другихъ обществъ, которымъ онъ оказывалъ свое содѣйствіе. Съ особеннымъ интересомъ покойный Н. А. относился къ вопросамъ народнаго просвѣщенія и не мало потрудился на своемъ вѣку на пользу распространенія въ нашемъ отечествѣ профессиональнаго и коммерческаго образованія, самое же живое участіе онъ принималъ въ Ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая, Женской руководимой школѣ Императрицы Маріи Александровны и Александровскомъ техническомъ училищѣ въ Череповцѣ, ко-

торому, въ годы его матеріальныхъ затрудненій, оказывалъ поддержку даже изъ своего жалованья, приглашая къ тому же и своихъ друзей.

Покойный Н. А. Ермаковъ былъ человекъ неутомимой энергіи, не знавшій отдыха, что, конечно, мало-по-малу и должно было подрывать его здоровье. По своимъ личнымъ качествамъ это былъ человекъ до крайности скромный, всегда готовый оказать помощь другимъ, кто къ нему за чѣмъ-либо обращался, и обращались къ нему весьма многіе, особенно молодые технологи, которые и находили въ немъ покровителя. Это былъ одинъ изъ тѣхъ друзей человечества, которые всю жизнь свою готовы посвятить на служеніе ближнимъ. Неожиданное несчастіе, постигшее Н. А. въ концѣ 1885 г., въ сильной степени потрясло его здоровье, и онъ долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ. Скончался Н. А. Ермаковъ на 73 году, оставивъ по себѣ самую добрую память во всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ когда-либо въ соприкосновеніе.

Выпрямленіе горбыхъ.

(Съ 3 рисунками на стр. 284.)

Недавно по всему міру телеграфъ изъ Парижа разнесъ вѣстие, что д-ръ Кало изобрѣлъ способъ выпрямлять горбыхъ. Вскорѣ затѣмъ состоялся докладъ д-ра Кало по этому предмету въ парижской медицинской академіи. Не ограничившись описаніемъ своего способа выпрямленія горба, д-ръ Кало представилъ академіи рядъ фотографическихъ снимковъ съ горбыхъ дѣтей и моментальный снимокъ самой операціи, а затѣмъ тутъ же показалъ ученой коллегіи двѣнадцать стройныхъ надѣченныхъ мальчиковъ, прежнія безобразныя фигуры которыхъ были только что представлены на фотографіяхъ.

Д-ръ Кало —врачъ госпиталя Ротшильда въ Berk-sur-Mer (гавань и мѣсто морскихъ купаній, въ округѣ Монтрейль департамента Па-де-Калэ) и специально занимается лѣченіемъ дѣтей рахитическихъ, чахоточныхъ, страдающихъ Поттовой болѣзью (воспаленіемъ сочлененія позвонковъ, съ нагноеніемъ, ведущимъ къ искривленію позвоночнаго столба и нерѣдко съ смертельнымъ исходомъ отъ истощенія) и т. п. болѣзнями. Онъ давно задумывался надъ вопросомъ, какъ избавить вѣрренныхъ его попеченію несчастныхъ дѣтей отъ уродства. Убѣдившись, что единственнымъ избавленіемъ отъ горба можетъ быть непосредственное, насильственное выпрямленіе горба, онъ не могъ однако не призадуматься надъ опасностями, которыми могутъ подвергнуться въ такомъ случаѣ правильная дѣятельность спинного мозга и даже самая жизнь ребенка. Строго держась точныхъ математическихъ соображеній, онъ стремился изобрѣсть способъ сохранять тѣло въ нормальномъ положеніи, въ случаѣ, если бы удалось его выпрямить, и создать вмѣстѣ съ тѣмъ такія условія, которыя дали бы возможность исправить аномалии, которыя могутъ явиться результатомъ болѣзни или хирургической операціи.

Какъ извѣстно, причина уродства горбыхъ заключается въ искривленіи позвоночнаго столба. Значитъ, для устраненія ея нужно подвить позвоночный столбъ, выпрямить его искусственнымъ образомъ и поддерживать его въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не явится на помощь сама природа и не образуетъ естественныхъ скрѣпленій.

Долголѣтними усиліями д-ру Кало удалось превозмочь всѣ эти трудности, и онъ приступилъ къ опытамъ, увѣнчаннымъ такимъ блестящимъ успѣхомъ. Операція (рис. на стр. 284) состоитъ въ слѣдующемъ: горбатаго ребенка хлороформируютъ и кладутъ на животъ, при чемъ двое помощниковъ д-ра Кало вытягиваютъ ребенка у головы и ногъ, стараясь вытянуть его настолько возможно, при этомъ двое другихъ помощниковъ поддерживаютъ ребенка подъ грудною костью и областью пупка. Затѣмъ наступаетъ моментъ самой операціи: д-ръ Кало изо всѣхъ силъ надавливаетъ руками горбъ, пока повонки не перемѣстятся и не придутъ въ уровень другъ съ другомъ. Операція длится минутой—двѣ.

Послѣ операціи предстоить не менѣ трудная задача—удержать позвонки, приведенные въ нормальное положеніе; для этого д-ръ Кало изобрѣлъ особый аппаратъ, надѣваемый на ребенка сейчасъ же послѣ операціи. Аппаратъ представляетъ собою гипсовый бандажъ, приспособленный къ ватнымъ повязкамъ такимъ образомъ, что въ мѣстахъ искривленія накрестъ расположены ватные компрессы, дающіе возможность сжимать ватныя повязки безъ вреда для правильнаго функционированія внутренней полости грудной кѣтки. Устройство и наложеніе этого аппарата длится 10—15 минутъ; гипсъ затвердѣваетъ, и операція закончена; ребенка приводятъ въ чувство.

Этотъ гипсовый бандажъ не снимается съ ребенка въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ его замѣняютъ новымъ, при чемъ позвоночный столбъ къ этому времени становится уже совершенно гладкимъ. Вслѣдъ за вторымъ бандажомъ надѣваютъ на ребенка третій, при чемъ каждый бандажъ не снимается ранѣе 3 мѣсяцевъ; послѣ 9-ти-мѣсячнаго бандажированія наступаетъ періодъ выздоровленія, на ребенка надѣваютъ корсетъ, и обыкновенно спустя десять мѣсяцевъ послѣ операціи ребенокъ вновь избавленъ отъ уродства. Изъ всѣхъ 37 операціи д-ра Кало ни одна не окончилась неудачно, ни одна не вызвала никакихъ осложненій.

Характернымъ, однако, для открытій д-ра Калд является то, что всѣ операциі его производились надъ дѣтми, у которыхъ горбъ находился въ періодѣ образованія. На взрослыхъ же горбятыхъ д-ръ Калд не дѣлалъ опытовъ, да и врядъ ли можно ожидать отъ нихъ усильныхъ результатовъ, такъ какъ разъ горбъ успѣлъ, такъ скажутъ, застарѣть, разъ всѣ другіе органы,

благодаря искривленію позвоночнаго столба, успѣли принять неправильное положеніе, — то кажется немалымъ вѣроятіемъ, путемъ выпрямленія позвоночника, прежнее нормальное положеніе. На это, между прочимъ, указывалъ еще и покойный нашъ великій хирургъ Пироговъ.

Политическое обозрѣніе.

Нѣскольکو дней тому назадъ въ германскомъ рейхстагѣ, при рассмотрѣніи бюджета морского вѣдомства, происходили, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, горячія пренія, направленныя противъ проекта германскаго правительства объ усиленіи флота. По заявленію имперскаго канцлера отъ 6 марта, «слиа—необходимое условіе развитія торговли и промышленности», между тѣмъ, германскій флотъ не соответствуетъ возрѣвшимъ требованіямъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, указывая рейхстагу на то, что «германскій купецъ и германскій судозаказчикъ имѣютъ мировые интересы, въ силу чего и политика Германіи стала мировою», наложилъ всѣ практическія основанія, почему необходимъ сильный крейсерскій флотъ. Морской министръ, въ свою очередь, настаивалъ на неотложности освѣженія флота въ размѣрѣ десяти процентовъ его стоимости, то-есть 33 милліоновъ марокъ. Наконецъ, министръ финансовъ сослался на финансовое положеніе, оправдывающее требуемый, въ силу необходимости, дополнительный кредитъ на флотъ. Вопреки, однако, этимъ основательнымъ доводамъ правительства, рейхстагъ поименнымъ голосованіемъ отвергъ требованіе кредита на постройку крейсеровъ большинствомъ 204 голосовъ противъ 143. Тѣмъ не менѣе, императоромъ Вильгельмомъ не принята отставка морского министра, вслѣдствіе чего пошла толка о возможности распущенія рейхстага.

Непріятность пораженія правительства въ вопросѣ о флотѣ, положеніемъ котораго особенно интересуется самъ императоръ, усугубилась тѣмъ обстоятельствомъ, что оппозиціонныя фракціи рейхстага восторжествовали въ разгарѣ грандіозныхъ приготовленій Берлина къ общенародному празднованію столѣтія со дня рожденія императора Вильгельма I.

На улицахъ Берлина, 9 марта, началось по случаю этихъ празднествъ большое оживленіе. Многоотысячная толпа восторженными кликами привѣтствовала шествіе императора Вильгельма II черезъ Бранденбургскія ворота, по Unter den Linden, во дворецъ Вильгельма I, во главѣ украшенныхъ лаврами знаменъ и штандартовъ иностранныхъ полковъ, шефомъ которыхъ былъ Вильгельмъ I. Манифестомъ къ арміи императоръ повелѣлъ носить отнынь германскую кокарду, которую вводять и союзные германскіе государи, какъ вещественное напоминаніе, что они должны отстаивать величіе Германіи. Въ память торжества учреждается медаль съ изображеніемъ Вильгельма I, отлитая изъ бронзы завоеванныхъ орудіи. По выраженію манифеста, каждый, удостоившійся носить на груди изображеніе великаго монарха, постарается слѣдовать его призыву въ искренней любви къ отечеству и безавѣтной преданности долгу, что сохранитъ Германію побѣдою средіи всѣхъ опасностей и бурь. Многія корпораціи устроили торжества; особеннымъ блескомъ отличались акты въ университетѣ, ратушѣ и рейхстагѣ. Даны были парадные спектакли, парадный обѣдъ у императора въ честь Августѣйшихъ гостей, а у имперскаго канцлера — въ честь министровъ союзныхъ государствъ и членовъ союзнаго совѣта. Берлинъ былъ блестяще иллюминированъ. На слѣдующій день, 10 марта, торжества начались посѣщеніемъ императорскою четкою мавзолея для молитвы, затѣмъ былъ обѣдъ выстроенныхъ войскъ и флотскихъ экипажей, при громкихъ привѣтствіяхъ многочисленной публики и ея восторженныхъ виватахъ въ честь императора. По выносѣ изъ дворца императора Вильгельма I знаменъ и штандартовъ, украшенныхъ свѣжими лавровыми вѣнками, блестящее шествіе двинулось къ мѣсту торжества, у королевскаго вѣнка, гдѣ состоялось открытіе памятника покойному императору Вильгельму I. Послѣ того, какъ императоръ съ своими гостями занялъ мѣсто въ парадномъ шатрѣ, передъ памятникомъ, началось прохожденіе процессіи изъ ветерановъ, дѣвухъ и представителей корпорацій въ роскошныхъ нарядахъ всѣхъ временъ, съ эмблемами и торжественной колесницей— всего около 30 тысячъ человекъ, при 150 хорахъ музыки, возложившихъ вѣнки на открытій памятникъ. Съ блестящей колесницы, женщина, изображавшая Германію, произнесла поэтическое привѣтствіе императору, провозгласивъ въ честь его „hoch!“, восторженно подхваченное всѣми присутствовавшими.

Въ королевскомъ дворцѣ императоръ произнесъ рѣчь о „глубокомъ чувствѣ, проникающемъ германскій народъ въ день празднованія великаго почившаго императора“, выражая глубокую сердечную благодарность собравшимся союзнымъ государямъ и представителямъ иностранныхъ государей, почтившихъ праздникъ участіемъ въ доказательство „объединенія государей и народовъ Европы общими великими семейными узами“. Въ заключеніе императоръ, высказавъ желаніе, чтобы память объ его дѣдѣ была новымъ побужденіемъ — „жить и работать для иѣмецкихъ народовъ, для дѣлей прогрессиру-

щей культуры, для сохраненія мира, дружбы и братства по оружію“, — приглашаетъ своихъ гостей поднять бокалы, кликушу „ура германскому народу, отечеству и государямъ!“

Берлинскія торжества откликнулись и въ Фридрихсруэ — мѣстѣ пребыванія князя Бисмарка: около двухъ тысячъ человекъ привѣтствовали бывшаго желѣзнаго канцлера факельными шествіемъ, при чемъ одинъ изъ ораторовъ въ длинной рѣчи прославлялъ „строители Германской имперіи“; съ разныхъ концовъ Германіи князь Бисмаркъ получилъ множество привѣтственныхъ телеграммъ.

По официальнымъ сообщеніямъ, блокада Крита, установленная съ восьми часовъ утра 9 (21) марта, касается всѣхъ судовъ подъ греческимъ флагомъ. Границы блокады опредѣлены точно градусами широты и долготы, о чемъ доведено до свѣдѣній Греціи, Турціи и нейтральныхъ государствъ. Суда шести великихъ державъ и нейтральныхъ государствъ могутъ входить въ оккупированные порты и выгружать товары, если только они не предназначаются для греческихъ войскъ на Критѣ и для внутреннихъ мѣстностей острова.

Адмиралы международной эскадры имѣли случай убѣдиться въ коварномъ образѣ дѣйствія грековъ относительно критянъ: начальникъ греческой эскадры не передалъ письменнаго предостереженія державъ инсургентамъ — не нападать на занятые державами пункты острова; греческое правительство съ своей стороны тщательно скрывало отъ критянъ фактъ дарованія автономіи, распространяя слухи, что державы преслѣдуютъ исключительную цѣль — снова подчинить Критъ Турціи. Въ виду этихъ обстоятельствъ, командующіе морскими силами шести великихъ державъ воззваніемъ къ критянамъ довели до ихъ свѣдѣній, что державы пришли къ бесповоротному рѣшенію даровать Криту автономію подъ верховною властью султана. Заботясь о благѣ критянъ, державы готовятъ рядъ мѣръ къ водворенію на островѣ самоуправленія для обезпеченія на каждомъ жителѣ острова, безъ различія религіи и національности, личной свободы и безусловной безопасности, чтобы вернуть населеніе къ его мирнымъ занятиямъ. Возвѣщая о наступленіи новой эры для Крита, державы приглашаютъ населеніе сложить оружіе, въ случаѣ же неповиновенія, державы располагаютъ достаточными средствами, чтобы внушить должное уваженіе къ авторитету Европы.

Среди всеобщаго тревожнаго настроенія европейскихъ политическихъ кружковъ, вызваннаго усложнившимся критскимъ вопросомъ, въ Софіи произошли торжественныя оваціи и миролюбивая, повидному, манифестация, — по случаю отвѣтнаго визита сербскаго короля, прибывшаго въ болгарскую столицу 17 февраля въ сопровожденіи двухъ сербскихъ министровъ, многочисленной военной и гражданской свиты, многихъ сербскихъ гражданъ, пожелавшихъ принять участіе въ софійскихъ торжествахъ.

Придворныя торжества, парадъ войскамъ 19 февраля, послѣ полобствія съ провозглашеніемъ многолѣтня славянскимъ государямъ, преждевременное открытіе недостроеннаго участка желѣзной дороги — для усиленія торжественности пребыванія сербскаго короля въ Болгаріи, застольныя рѣчи о „братскомъ сближеніи“ при крикахъ „ура“ и „живю!“, взаимная раздача орденовъ и, наконецъ, подписаніе сербско-болгарскаго торговаго договора, — вотъ выдающіяся черты такъ и называемаго иностранною печатью „братанія“ двухъ родственныхъ народовъ, или „заключенія сербско-болгарскаго союза“, въ качествѣ, будто бы, противовѣса притязаніямъ Греціи и гарантіи мира на Балканскомъ полуостровѣ.

Изъ Цариграда — пограничной болгарской станціи — и изъ Бѣлграда, куда сербскій государъ вернулся 21 февраля, король благодарилъ болгарскаго князя телеграммой за великодушный братскій приемъ, оказавшійся дѣйствительно блестящимъ, благодаря отпущенной народнымъ собраніемъ суммѣ въ сто тысячъ левовъ. Сербская печать, съ благодарностью за оказанный королю приемъ, выражаетъ желаніе, чтобы узы братства укрѣпились.

Отвѣтныи визитъ сербскаго короля выросъ до степени „знаменательнаго событія“, благодаря возбужденному состоянію умовъ на Востокѣ.

Очень можетъ быть, что оба правительства двухъ славянскихъ народовъ, ради восстановленія равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ, пытаются въ настоящее время войти въ кое-какія соглашенія насчетъ будущаго насильства — въ Македоніи. Обергая свои интересы въ этой турецкой области, Сербія, повидному, обнаруживаетъ необычайную энергію. Нѣсколько ведѣль тому назадъ, сербское правительство стало

усиленно хлопотать о недопущении въ Ускюбъ митрополита греческой національности (см. *Нива* № 4).

Вселенскій патріархъ, въ отпоръ притязаніямъ болгарскаго экзархата, какъ будто готовъ былъ удовлетворить желанію сербовъ, но оппозиція большинства синода въ Константинополѣ, не соглашаясь на равенство славянъ съ греками, довела дѣло до кризиса: патріархъ Аноній, по примѣру своихъ предшественниковъ, рѣшился удалиться на покой. Дѣло сербовъ пока остановилось на томъ, что патріархъ не соглашается отозвать назначеннаго на ускубскую кафедру грека Амвросія, а Порта отказываетъ сербскому правительству въ ходатайствѣ объ открытіи сербскихъ школъ въ салоникскомъ и монастырскомъ вилайетахъ. Это-то обстоятельство, можетъ-быть, и заставляетъ сербовъ стремиться къ соглашенію съ болгарами относительно раздѣленія пока сферы вліянія обоихъ соперниковъ въ Македонію, но, во всякомъ случаѣ, едва ли будетъ смѣлостью утверждать, что до заключенія сербско-болгарскаго союза еще очень и очень далеко.

Библиографія.

„Сименсъ и Гальске“, С.-Петербургъ, на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г.

Фирма „Сименсъ и Гальске“, владѣющая однимъ изъ лучшихъ въ Россіи заводовъ динамо-машинъ, электро-техническихъ приборовъ, телеграфныхъ и железнодорожныхъ сигнальныхъ аппаратовъ, занимала одно изъ первыхъ мѣстъ и на послѣдней всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ она была удостоена, за свои экспонаты, высшей награды—государственнаго герба. Въ память этой выставки фирма „Сименсъ и Гальске“ выпустила теперь роскошный альбомъ, въ которомъ цѣлымъ рядомъ великолѣпно воспроизведенныхъ фотографическихъ снимковъ иллюстрируется все богатѣйшее электро-техническое производство, полному усилению котораго должна еще способствовать масса плановъ и чертежей, приложенныхъ къ альбому.

Фирма „Сименсъ и Гальске“, раскинувшая свою дѣятельность на всю Россію какъ изъ центра своего заводскаго производ-

ства — Петербурга, такъ и изъ своихъ отдѣленій: въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ и Одессѣ, — расширяется съ каждымъ годомъ. Кроме обширныхъ заводовъ, у нея имѣются и собственные мѣдные рудники въ Кадабегѣ, на Кавказѣ, доставляющіе ежегодно до 140,000 пудовъ мѣди.

Упомянутый альбомъ даетъ полное представленіе о дѣятельности этой выдающейся русской фирмы и потому представляетъ большой интересъ для каждого электро-техника. Кроме того, альбомъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія и по своей изящной внѣшности, какъ образецъ типографской техники.

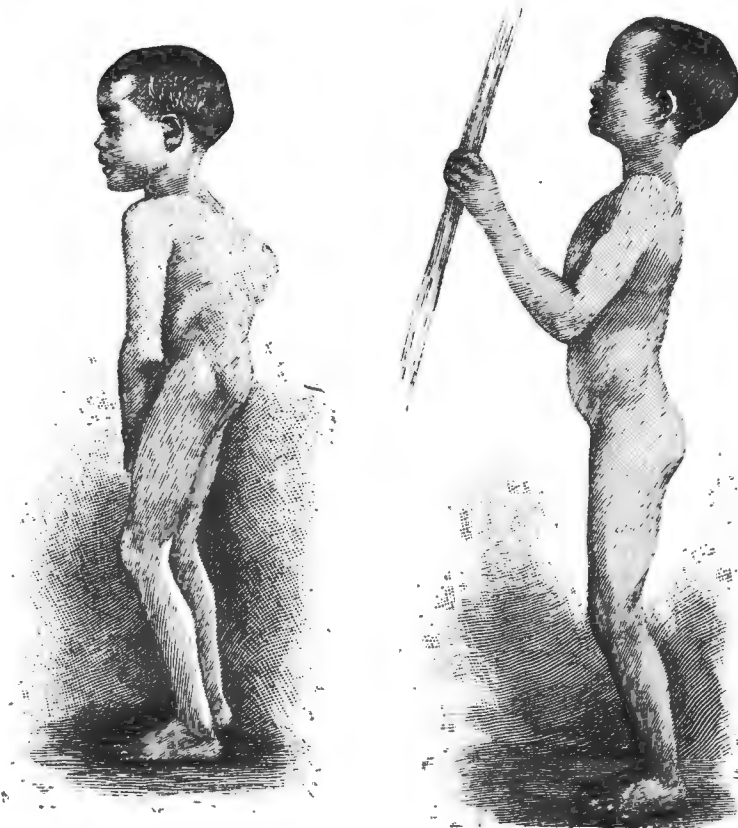
Описание путешествія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы по Россіи и за границей. Издатели С. Ахшарумовъ и Н. Лалицкий. Паровая скоропечатня „Надежда“. 1897. Ц. 1 р. 60 к.; цѣна альбома съ 12 гравюрами 2 рубля.

Изданіе это имѣетъ цѣлью дать полное описание Высочайшаго путешествія, совершеннаго Ихъ Императорскими Величествами прошедшимъ лѣтомъ по Россіи (въ Нижній-Новгородъ и Кіевъ) и за границей— въ Австро-Венгрію, Германію, Данію, Шотландію и Францію. Пребыванію Ихъ Величествъ во Франціи удѣлено особенно много мѣста — почти вся вторая половинка книги (около 80 страницъ). Описание путешествія составлено, очевидно, по официальнымъ источникамъ, въ свое время помѣщеннымъ въ временной печати, но это не умаляетъ значенія этого изящнаго изданія, сгруппированнаго весь этотъ матеріалъ въ одно цѣлое.

Вмѣсто предисловія, тексту описанія предшествуетъ стихотвореніе, темой котораго служитъ сближеніе Россіи съ Франціей, ознаменованное съ новой силой посѣщеніемъ Ихъ Величествами Шербурга и Паржа, которое образно выражено въ словахъ: „Надъ Франціей съ небезъ свои раскинулъ крылья Россійскій Царственный орелъ!“ Изданіе исполнено изящно, снабжено заставками и вѣтками, отпечатано на хорошей бумагѣ красивымъ четкимъ шрифтомъ. Вмѣстѣ съ описаніемъ Высочайшаго путешествія авторы предприняли изданіе альбома иллюстрацій къ нему. Альбомъ будетъ заключать въ себѣ 12 гравюръ.

Выпрямленіе горбыхъ. Операция. (См. стр. 282.)

Ребенокъ съ горбомъ, росшимъ въ теченіе 5 лѣтъ.

Черезъ 4 мѣсяца послѣ операци.

Выпрямленіе горбыхъ. (См. стр. 282.)

Разныя извѣстія.

— 14-го марта, въ 2 часа дня, въ Зимнемъ Дворцѣ состоялось годовое собраніе Попечительства о Домахъ Трудолюбія и работныхъ домахъ, на которомъ читался отчетъ комитета по 1-е января 1897 г. и установлены условия премій имени Ея Величества Императрицы Александры Феодоровны за лучшія сочиненія по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ.

— 27-го февраля исполнѣе сто лѣтъ со дня основанія императоромъ Павломъ I „Понернаго полка“, отъ котораго происходитъ гренадерскій саперный Его Императорскаго Высочества великаго князя Петра Николаевича батальонъ. Понерный полкъ

былъ родоначальникомъ почти всѣхъ нынѣшнихъ инженерныхъ войскъ. Ко дню юбилея Его Императорскому Величеству Государю Императору благоуходно было пожаловать батальону, при особой грамотѣ, новое георгиевское знамя съ ближайшими лѣтами и съ сохраненіемъ прежней надписи: „За отличіе при осадѣ и взятіи Браилова и Силистринъ въ 1828 и 1829 годахъ“, украшавшей старое георгиевское знамя батальона, пожалованное ему въ 1830 г. императоромъ Николаемъ I. Военныя инженерныя службы доблестнаго батальона въ турецкую войну 1828—1829 гг., а также всѣ выдающіяся событія бое-

вой, походной и мирной жизни и дѣятельности батальона (и тѣхъ ротъ, отъ которыхъ онъ произошелъ) въ теченіе исполнившагося столѣтія, подробно описаны въ исторіи этого батальона, составленной ко дню его юбилея однимъ изъ офицеровъ его, капитаномъ Ракинскомъ. Батальонъ, принадлежа къ составу войскъ московскаго военнаго округа, расположенъ въ г. Александровѣ, Владимирской губерніи (въ 106 верстахъ отъ Москвы по арславской желѣзной дорогѣ).

— 2-го марта послѣдовало торжественное открытіе выставки предметовъ любительскаго, промысло-

ваго и торгового судоходства, устроенной въ „Аква- рума“ состоящимъ подъ Августѣйшимъ покрови- тельствомъ великой княгини Ксении Александровны Невскоймъ ахтъ-клубомъ.

— Настоящимъ руссофи въ Англіи, Эд. А. Кана- летъ, фирма котораго поддерживаетъ давнишнія торго- выя сношенія съ Россіей, все болѣе и болѣе про- водитъ мысль о необходимости и пользѣ для англи- чанъ въ изученія русскаго языка. Въ настоящее время мысли эти раздѣляются болѣе широкимъ англи- чанъ, сознающимъ, что съ развитіемъ и подъемомъ культуры потребности 180 милліоновъ русскихъ бу- дутъ увеличиваться, и тѣ представители английскихъ фирмъ, которые способны будутъ объясняться съ потребителями и изучать ихъ нужды, конечно, будутъ имѣть преимущество при полученіи заказовъ.

— Въ ближайшемъ будущемъ въ Петербургѣ, по слухамъ, будетъ учреждена корейская миссія. Учре- жденіе вызвано постоянно возрастающими интереса- ми между Россіей и Кореей.

— Въ военной электротехнической школѣ (Ниже- дерная, 6), съ соизволенія Его Императорскаго Вели- чества Государя Императора, подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества великаго князя Александра Михайловича, откры- вается съ благотворительною цѣлью, въ пользу семе- йствъ нижнихъ чиновъ, погибшихъ на броненосцѣ „Сисой Великій“, выставка модели электрической иллюминаціи московскаго Кремля въ дни Священна- го Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Модель сдѣлана чинами военной электротехнической шко- лы съ учебною цѣлью. Выставка открывается 17-го марта и продолжится по 4-е апрѣля и съ 14-го апрѣля по 20-е апрѣля — включительно, ежедневно, съ 6 до 10 часовъ вечера. Модель будетъ показыва- ться каждые четверть часа, при чемъ осмотръ можетъ производиться группами до 50 человекъ. Плата за входъ: 1-й день — 2 рубля; 2-й, 3-й дни и поведальники — 1 рубль и въ остальные дни по 50 коп.

— Въ № 4 Врача помѣщено письмо въ редакцію д-ровъ Д. Н. Жбанкова и В. И. Яковенко: VI-й Съездъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова избралъ Комиссію для обоснованія ходатайства этого

Съезда объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія; Комиссія признала необходимымъ предварительно собрать имѣющимся матеріалъ по данному вопросу и поручи- ла сдѣлать это двумъ изъ своихъ членовъ. По- этому мы обращаемся съ убедительною просьбой ко всемъ товарищамъ:

1) Сообщить намъ факты изъ личныхъ наблюденій относительно вреднаго вліянія тѣлеснаго наказанія на физическое и психическое здоровье (случай за- болѣванія душевными, нервными и соматическими болѣзнями, случай вреднаго вліянія на нравственное чувство и т. п.).

2) Сообщить факты, свидѣтельствующіе, что тѣ- лесному наказанію подвергаются иногда лица, стра- дающія тяжелыми физическими (пороки сердца и пр.) и душевными разстройствами.

3) Сообщить факты изъ судебно-медицинской прак- тики, относящіеся къ данному вопросу.

4) Указать литературу вопроса, какъ изъ медицин- ской, такъ и общей печати.

Желательна присылка №№ газетъ, земскихъ жур- наловъ и вообще всѣхъ статей, касающихся тѣлес- наго наказанія.

Свидѣнія эти проситъ присылать по адресу д-ра В. И. Яковенко (Мещерское почтовое отдѣленіе, По- дольскаго уѣзда, Московскаго губерніи) или д-ра Д. Н. Жбанкова (г. Смоленск).

— Императорская военно-медицинская академія, изготовляя къ предстоящему въ 1898 г. праздни- ку столѣтняго своего юбилея исторію академіи и отдѣльных ея кафедръ (два особаго изданія) за сто- лѣть, убедительнѣе проситъ лицъ, владѣющихъ какими-либо документами, могущими освѣтить про- шлое ея (какъ, напр., записки современниковъ, днев- ники, биографическія свѣдѣнія, письма, рисунки, портреты дѣятелей и т. п.), оказать любезное со- дѣйствіе академіи присылкою (желательно нынѣ же и во всякомъ случаѣ до января 1898 г.) такъхъ до- кументовъ съ указаніемъ, требуется ли возвращеніе ихъ обратно. О всѣхъ присланныхъ документахъ, если ими можно будетъ воспользоваться, какъ ма- териаломъ для исторіи, съ благодарностію будетъ упомянуто на ея страницахъ. Посылки такого рода слѣдуетъ адресовать къ начальнику академіи, таи-

ному совѣтнику В. В. Пашутину. Деньги, нарасхо- дованныя на пересылку, будутъ возвращены акаде- міею немедленно по заявленіи о семъ.

— Въ министерствѣ земледѣлія и государствен- ныхъ имуществъ выработана, по сообщенію *Новое Время*, правила о присужденіи премій въ 1,000 и 500 рублей, пожертвованныхъ княгиней Тенгшеной, за лучшія руководства по сельскому хозяйству для тѣхъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ, въ кото- рыхъ сельское хозяйство введено въ число учебныхъ предметовъ.

— Приказчикъ Гостиннаго двора въ Петербургѣ сдѣлалъ благой починъ въ дѣлѣ улучшенія своего быта, основавъ общество взаимопомощи. Общество это открыло уже свои дѣйствія и начало пріемъ взносовъ. Учредителями общества, по словамъ *Но- вого Времени*, состоятъ И. Е. Бандицъ, Н. Д. Анд- реевъ и др.

— 10 марта состоялось открытіе выставки учени- ческихъ работъ въ состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Маринской практической школѣ кру- жевницъ (Знаменская улица, д. № 43). Выставка эта представляетъ большой интересъ для лицъ, сочув- ствующихъ поддержанію у насъ кустарныхъ про- мысловъ.

— 17 февраля скончался почетный опекунъ, ге- нераль-лейтенантъ Константинъ Александровичъ Блокъ. Онъ родился 6 февраля 1833 года, образо- ваніе получилъ въ Пажескомъ Его Величества кор- пусѣ. За время своей свыше 45-лѣтней службы (съ 1850 года) покойный послѣдовательно командовалъ: 6-мъ уланскимъ волинскимъ полкомъ, 1-ю бригадою 6-й кавалерійской дивизіи, 1-ю бригадою 5-й кавале- рійской дивизіи, затѣмъ съ 1884 г. — лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ, съ 1890 года — 2-ю бригадою 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи и 16 мая 1892 г. назначенъ почетнымъ опекуномъ опекунскаго со- дѣята учреждений Императрицы Маріи по с.-петер- бургскому присутствію. К. А. участвовалъ въ кам- паніяхъ 1853—56 и 1873 гг. и за боевыя отличія награжденъ орденами св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, св. Анны 2-й степени съ Импе- раторскою короною и мечами и золотымъ оружіемъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много- родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе рас- ходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ пред- ставлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Неме- ровича-Данченко. — Стихотвореніе А. Круглова. — Жизнь. Поэма въ прозѣ Нины Бички. — Новое зданіе консерваторіи. (Съ 4 рисунками). — Великій фланиртъ — Ф. П. Гаузъ (съ портретомъ). — Къ рисункамъ: Маленькая хозяйка. — Цыганка. — Въ Талынтѣ. Въ 18.7 году. — Матронушка разсказъ Іона приводеитъ дѣтъ къ ослабленному князю Василію Тенному (съ рис.). — А. Н. Майковъ (съ портр.). — Н. А. Ершовъ (съ портр.). — Выпращеніе горбачихъ (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“.
 Москва. * Рига. * СПБургъ.
РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕННОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай Э. Швейцаръ, Москва, Нивъ-дская, № 7. Адресъ для телеграммъ: Швейцаръ, Москва.

ИСКАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ вѣчно. Методъ удостоенъ золотой медали благодарности короля Эллиновъ. За двѣ коп. марку высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. ал. Э. Кошларскъ. № 9853 10-6

За 1 рубль сер.
12 ТЕТРАДЕЙ ВОТЪ
 фортепианныхъ для танцевъ, салонной игры и пѣнія, въ томъ числѣ и новый танецъ
„МИНЬОНЪ“
 ФОРТЕПИАННАЯ КЛАВИАТУРА для легкаго обученія игры по нотамъ. Въ нотѣ 1 р. с., но нотѣ 1 р. 35 к.
 Музыкальный магазинъ
Ю. ГИЛЬКНЕРЪ.
 Москва, Тверская, д. Варгина, гдѣ № 10037 Спб и Кр. 3-2

УСТРЕГАТЬСЯ ПОДЪ ДУХЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
 ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ УАЛЕТНОЕ МЫЛО
 ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 50 к. 1/2 к. 30 к.

Аполлонъ Николаевичъ МАЙКОВЪ.
 Биографическій очеркъ, составленный **М. Л. ЗЛАТКОВСКИМЪ.**
 Съ портретомъ А. Н. Майкова, гравиров. на стали Ф. А. Брокгау- зомъ въ Лейпцигѣ. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.
 Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Мариса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

!БЕЗПЛАТНО!
 Списокъ любимыхъ вальсовъ и пьесъ для фортепiano въ 2 руки съ начеаточными ихъ началами, высылаютъ вѣдальнъ нотъ Густавъ Фюрнеръ, Кіевъ, Крещатикъ, № 33.

БУРЫ СИСТЕМЫ Войслава.
 Привилегія № 19247.
 Развѣдочные и для глубокаго буренія можно получать только въ Бюро изслѣдованій почвы, С.-Петербургъ, Ма- лая Морская, 22.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЪ - ПРЕМЬЕ“.
 Скорость, прочность, удобство. Послѣднія усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЪ“
 Самый красивый шрифтъ. Съ 3-разными русскими и 3-разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полнораз. шрифтъ въ ней 10 р. Опаніи и образцы шрифтовъ обихъ нынѣ высылаются бесплатно.
ОТНѢ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Адмиралтейской просп., № 4.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Башкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59.

Въ привоажскихъ городахъ, а также въ Сибири, лицахъ, имѣющихъ со- дѣлныя знакомства съ мѣстными виното- рговцами и потребителями общества, пред- лагаютъ выгодную агентуру, обеспечивающую постоянный доходъ отъ 5 до 10%. Проло- женія адресовать: СНБ., 4-ое городское по- чтов. отдѣл., до востребов. И. А.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНА КНИГА
НОВЫЙ ПУТЬ
 въ самостоятельному и доходному **ЖЕНСКОМУ ТРУДУ!**
 Книга имѣетъ серьезное значеніе и для мужчинъ. Цѣна 25 к., съ порос. 45 к. Съладъ изданія въ книжныхъ магазинахъ бр. Башмаковскихъ въ С.- Петербургѣ (Башкирчинская, 2) и Ка- сани, а также продается во всѣхъ прочихъ мѣстныхъ книжныхъ ма- газинахъ. № 10065

ИЗГНАНИКЪ.
 Истор. романъ Вс. С. Соловьева изъ вре- мени Императора Николая I. Въ 2-хъ ч. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ коллекоръ портретъ 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 25 к.
 Требуванія адресовать въ контору изданій А. Ф. Мариса, СПб., М. Морская, 22.

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши из- ложстр. прескъ-куртъкъ, выемд. бесплатно, Оружейнаго магазина А. В. Гарнопольскаго, Москва, Мясницкая ул., домъ Ситова.

ТРЕБУЕТ
 АНТИПАРАЗИТЪ
 ОТЪ КЛОПОВЪ
 Л. СТОЛКИНДА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Главныя склады Москва Алѣксанскій прѣздъ д. Смоленскаго. Нижегород. Ямарка, Главныи домъ № 57 Л. А. Столкинда.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
 Знающее обученіе итѣя и прѣлѣтъ посред- ствомъ левній-корреспондентій, по повѣ- стому, логичному и почитному для каждого методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По оконча- нии курса свидѣтельство. Условія и про- грамму высылаются **БЕЗПЛАТНО.**
 Проводительница Е. Д. Амбарана. Кіевъ, В. Житомирская, № 4.

НАЙЛУЧШІЯ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ

ПОРТМОНЪ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ.

Цѣна 1 шт. 2 р. 2 шт. 3 р. 75 к.

изъ наилучшей черной оловяной заграничной выделки, съ матовыми догонками съ в отдушками, 1 внутренними карманами для золотыхъ монетъ и однимъ особо закрытымъ для долота. Корпусъ изъ одного куска съ металлическ. затворомъ, содержащимъ звукоуловительный штемпель, съ подушкой для краски.

Въ штемпелѣ можно констатировать имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и корону. Наружная велич. 2 1/4 X 7 1/4 вер. Также Дамскіе, изящныя, разнородныя 1 1/4 X 1 1/2 вершка по тѣмъ же размѣрамъ. Тѣ же изъ настоящей телячьей шкуры шагренирован. кожа шт. на 50 в. дорожкѣ.

Провѣ- Курать СЪМАНИНАМЪ	Разм. портм.		Цѣна въ руб.	
	Длина	Шир.	Самыя	Тяжелыя
Восточный	3	2 1/4	5	225 300
Кубанскій	3 3/4	2 1/2	7	250 350
Кавказскій	4	3	9	350 500
Самарскій	4 1/4	3	11	500 700

Всѣмъ лицамъ съ адресомъ въ Европѣ, Россіи, въ Азіатск. же — съ прибавленіемъ части вѣстовыхъ. Съ наложенными платежамъ на 10 коп. больше.

ПРЕДВАРІЯ ПРОШУ МАРШУАЛЬ:

Въ контору фабрики
Америк. научн. штемпелей
М. ФИШМАНЪ
ВАРШАВА
БѢЛАНСКАЯ 23.

Принять ест. лѣтъ въ вѣст. лице вѣнны

К. Шликэйнъ, Берлинъ 80.

машинно-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарнаго и известковаго производства, а также для изготовленія всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (59)

Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

CRÈME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣстѣ Cold cream (кольдъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange Batellière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.
Р. № 9603 13-14

РУССКОЕ ОВЩЕСТВО
для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**
въ г. РИГѢ

изготавливаетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.
Д. № 9859 13-11

БЕССАРАБСКОЕ УЧИЛИЩЕ ВІНОДѢЛІЯ
въ г. Кишиневѣ.

Пріемъ ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ. Подробныя свѣдѣнія высылаются по требованію бесплатно.
№ 10068 3-1

ВАЖНО для ДАМЪ!

КАЛОДЕРМА Ц. № 9373 11-10

Ф. ВОЛЬФЪ и Сынъ.

НЕЗАМѢНИМА для холи кожи.

Продама въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Эссенція для завивки волосъ ГРАЦІОЗА.

Самые красивыя и натуральныя локоны получаются посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и незначительною своей вѣдъ на отъ потѣнія, на отъ сурой погоды.

Флаконъ 60 г. и 1 р., съ пометкою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. Ц. № 10070

Складъ толико-химическихъ специальностей **ГЕБГАРДТА**. С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96-14, уг. Надеждинской.

Лѣчебница д-ра Эммериха
для нервныхъ, морфинистовъ и т. н. больныхъ.
Бадень-Бадень. 24-6

Пролетитъ бесплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принуденія и мученій. Складъ над. у Штейнманна въ Берлинѣ. Завѣдыв. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзель.

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ ТОЛЬКО РОСОШНАГО ЗАПАХА. 5-4

ПУДРА „ГИГИЕНА“ **„ТОВАРИЩЕСТВА ГИГИЕНА“** С.Пб., Плат. Александр. театра, 8. Москва, Никольская, д. Шереметева. Варшава, Новый Свѣтъ, 37.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
АЛЬБОМЪ РАБОТЪ проф. **А. Д. КИВШЕНКО.**

Посмертное изданіе, съ портретомъ, офортъ работа Матэ, съ 51 фотографіей и автографіей, на слоновою бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 5 руб. Складъ изданія: Кадетская линія, № 29, кварт. № 12. Кившенко. № 9979 5-4

№ 4711 РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, изысканный запахъ розы-вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ФАБРИКА ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТРОСТНИКОВЫХЪ СУНДУКОВЪ, несессеровъ и проч. всякаго качества.

Ю. МЮЛЛЕРЪ, С.Пб., В. Морская, 16-8.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и рестройки **ПАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ**

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ. W. H. Uhlend, Leipzig. Исключительныя аппараты. Пр.-вур. бесплатно.

СТОЛКИНДА МОСКВА

КАПСЮЛИ ДЕЗОДОРАТЪ для уничтоженія **ЗЛОВОНІЯ**

въ **ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ** и т. д.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ **Складъ:** **АПТЕКАРСКАЯ ТОРГОВЛЯ Л. Столкінда, Лубянской пр. д. Смольянинова.**

БРОМОЖЕЛАТИНОВЫЯ ПЛАСТИНКИ

любой чувствительности для портретовъ, моментальныхъ снимковъ, репродукціи и микрофотографіи,

Фотографическая лабораторія А. ЭБЕРГАРДЪ, С.-Петербургъ, Демидовъ пер., № 2.

При заказѣ проситъ указывать, для какихъ работъ предназначаются пластинки. Прейскурантъ высылается бесплатно по требованію. № 10064 2-1

МЫЛО ВЭРА-МОСКЪ

Качество вѣры конкуренціи

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ 20 К. ПУС.

ПАРФЮМЕРІЯ **С. СВЕРНАЯ ФЛОРА**

С. А. ПРОКОФЬЕВЪ и К°

въ МОСКВѢ.

въ 1896 г. ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Модели изъ марли и ВЫКРОЙКИ изъ бумаги

для предстоящаго весенняго и лѣтняго сезоновъ 1897 г., мужскія, дамскія и дѣтскія для нижняго и верхняго платья

получены въ большемъ **МАГАЗИНѢ МОДНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ И. А. ПОЗИНА.** Москва, Тверская, пассажъ Пестикова, № 80/85.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на всѣ загранич. модные журналы съ разсрочкой платежа.

Каталогъ высыл. безплн. Допускается налож. платежомъ.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІН

скоро и основательно иуч. всякаго постред. переп., вполнѣ замкн. успено пренод. Услов. вмс. бизнлат. А. П. Бобровъ. Киевъ, Кузн. 53.

НОВОСТИ на 1897 г. ТРЕБУЙТЕ НОВЫЕ КАТАЛОГИ

АНГЛИЙСКИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

ТОРГ. ДОМЪ **АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ** МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова

КОНТОРА „ВЪНСКІЙ ШИКЪ“

С.-Петербургъ, Невскій, 80.

Издѣваетъ публику, что въ осеннемъ и лѣтнемъ сезоны получаютъ **АЛЬБОМЫ и ЖУРНАЛЫ** послѣднихъ модъ, содержащія: дамскія наряды, наряды, пальто, фотограммы, камоты и визитные туалеты, цѣною въ 1 р. 20 к., 1 р. 60 к. и 2 р.

Высылаются съ наложеннымъ платежомъ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ПРАВИТЕЛИ И МЫСЛИТЕЛИ.

Биографическіе очерки Е. ЛИТВИНОВОЙ.

Содержаніе: Платонъ въ Сиракузахъ. — Фридрихъ Великій и философи. — Наполеонъ и Карно. — Александръ I и Лагарпъ. — Лейбницъ и Петръ Великій. — Христиана и Декартъ. — Екатерина II и философи, и др. Цѣна 1 руб.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ
на Всероссийской выставкѣ 1896 г. за „Мыло Дипозе“ П. Н. Виноградова.

НОВОЕ ИЗОБРЕДЕНІЕ
МЫЛО ДИПОЗЕ

ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ БЕЗЪ ПАРКИ

ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ мыла на оберткѣ и на мылѣ штанихъ. Мыло Дипозе* БѢЛЫЕ получается замѣчательно чистыми. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуется ВЪ ТРИ РАЗА МЕНШЕ простого. Совершенно безвредно для тканей бѣлыхъ. Удостовер. за № 3780. Экономично для бани. Продажа всѣхъ. Опт. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 100574-1

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
духи — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлсруэ.

Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вольера, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Герца, Лямава и Рикса, А. Линде, А. Зиглунда. Въ Москвѣ: у гг. Мюль и Меридаль, въ магазинѣ „А-ля-туалетъ“, у Г. Брууса, Л. Борхардъ, Р. Калера и Б°. Оскаръ Геттингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9338 13-12
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Мавскалліановскій пер.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ДЕНТИФРИСЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

А. № 9261 20-6

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Бриллиантъ — Духи для комнатъ № 6443 (65)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ La Violette—Muguet
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ДОБРЫЕ ХРИСТИАНЕ!

Помогите послѣднимъ приношеніемъ устройству, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1884 году древняго деревяннаго, пятипрестольнаго каменнаго храма въ честь Знаменія Пресвятыя Богородицы, Святаго Великомученика Прокопія и Святителя и Чудотворца Николая въ Проловско-Бальскомъ погостѣ, Боровичскаго уѣзда, Новгородской епархіи. Средства прихожанъ на устройство храма, при ежегодномъ неурожаѣ хлѣба, такъ незначительны, что только теперь возложена фундамента и цоколя и заготовлено до 300 тысячъ кирпичей. По призыву добройшаго пастыря о. Іоанна Кропштадтскаго, сочувствующаго устройству храма и пожертвовавшаго болѣе 1,250 руб., не откажите, ради дела храмоваго Возникъ, въ посильной помощи. Всякое приношеніе, каковое Господь Богъ возложитъ на душу, ярому адресовать такъ: черезъ г. Боровича, Новгородской губ., въ село Балуе, священнику Іоанну Доброхотову. № 10006 3-2
Свѣдѣнія къ Іоанну Доброхотову.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 71.

ДУХИ высшаго качества, самыя модныя:
Айва (Grab-Apple) Лѣсной ландышъ
Новая Фіалка Бунетъ Флориды
пріятный и долго сохраняющійся запахъ.

МАГАЗИНЫ въ С.-Петербургѣ:
Воскресенскій пер. у г. Казанскаго уа. Д. № 12
НЕВСКІЙ ПР. № 32 и НЕВСКІЙ ПР. № 36

КОЛЬЦО „БИЖУ“ — золотого 56-ой пробы, съ искусственнаго замѣчательно тонкаго, придаетъ блескъ, такъ что трудно отличить отъ настоящаго бриллианта. Фасонъ кольца англійскій, какъ его теперь повсюду носятъ; требуется только мѣрка пальца. 1 шт. 4 р. 61 к., 2 шт. 8 р. 10 к., 3 шт. 13 р. 20 к.

№ 817. Большой выборъ золотыхъ изделий къ предстоящимъ праздникамъ св. Пасхи.

Высмыка наложенимъ платонкомъ. В. № 9881 5-4

ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей,
С.-Петербургъ, Невскій пр., 82.
Иллюстрированный прейсъ-куррантъ новостей бесплатно.

Модные духи — Виола Одората Ауриха
О-де-колонъ — Виола Одората Ауриха
Жирная пудра — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
Колокольная, 18/19. В. № 9734 16-9
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

МЫЛО ЖЕЛЕ ПУДРА
35к. **ФИЛОДЕРМИНЪ ЛЕМЕРСЬЕ** 35к.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И БЛИЗКОСТИ КОЖИ РУКЪ И ЛИЦА.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ у Ф. ШАБЕРТЪ МОСКВА, ПОКРОВКА Д. СОБОЛЕВА

Ш. № 9975 4-2

ПАВЕЛЬ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23
Москва, во В. Дубинѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнѣйшимъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрированный прейсъ-куррантъ высылка по требован. бесплатно.

В. № 10007 5-2

1878 г.

1882 г.

1896 г.

ОТЪ ТОВАРИЩЕСТВА ШЕРСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ТОРНТОНЪ.

На русскихъ рынкахъ съ нѣкотораго времени появился въ продажѣ шерстяной товаръ, **умышленно поддѣланный подъ наши издѣлія** настолько, что, благодаря внѣшнему сходству (рисунковъ, убранства кусковъ и формы знаковъ), онъ приобрѣтается за наше произведение.

Но такъ какъ въ дѣйствительности товаръ этотъ **значительно ниже по качеству**, то въ виду общихъ интересовъ, Товарищество считаетъ обязанностью покорнѣйше просить гг. покупателей обращать **особое вниманіе на знаки**, находящіеся на нашихъ издѣліяхъ, а именно:

На кусочномъ товарѣ
изображеніе медали.

На платкахъ изображеніе Государственнаго герба.

На штучномъ товарѣ,
а также и на кусочномъ товарѣ чрезъ
каждые 5 аршинъ

ТОРНТОНЪ С.П.Б.

На Всероссийской Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году
Товарищество удостоено высшей награды

повторенія Государственнаго герба.

Пересылать наложенным платожем.
БАЗАРЪ
МАРОКЪ.
 С.Петербург,
 Новый пр., № 20-31.

Золотые вещи съ искусственными превосходными Бриллиантами
 56-ой пробы **БЕЗЪ ОБОЛКИ ИЛИ НАКЛАДКИ**, такъ что трудно отличить ихъ отъ настоящихъ бриллиантовъ.

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 на 9 р. 55 к., 3—за 13 р. 90 к.
 № 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
 № 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
 № 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2—за 37 р. 85 к.
 № 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2—за 13 р. 90 к.
 № 503. Золотая булавка. Шт. 2 р. 90 к., 2—за 5 р. 55 к.
 № 306. Золотая брошка. Шт. 10 р. 85 к., 2—за 19 р. 85 к.

№ 457. Браслетъ „Якорь“. Шт. 4 р. 95 к.
 № 267. Перстень. Шт. 9 р. 75 к. Гравировать 1 р. 50 к.
 Гарнитура **НАДЕЖДА**: съ настоящ. бирюзой на брасл. и брошкѣ, за серьгами настояш. жемчуги и искусство. бирюза:
 № 403. Браслетъ. Шт. 19 р. 50 к., 2—за 37 р. 75 к.
 № 302. Брошка. Шт. 13 р. 85 к., 2—за 25 р. 60 к.
 № 351. Серьги. Пара 9 р. 75 к., 2 пары 18 р. 75 к.

Вся гарнитура Надежда № 403, 302 и 351 вмѣстѣ
ТОЛЬКО 40 р. 85 к.

Leichner's Fettmilde

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

Цена коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незаменима на кожѣ. Косметическое средство для улучшения красоты кожи.

Театральная гримировка. Жирная румина и бѣлая. Наряды для бровей. Нибуты во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бельгийскихъ императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ.
 В. № 9646 15 10

Сезонъ 1897 года

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ

АЛЬБОМЪ НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАТУРАЛЬНЫМИ ОБРАЗЦАМИ **САРПИНОКЪ**
ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ И ВЪДЫ

высылается по требованію за 56 коп.,
 которыя могутъ быть прислаемы почтовыми марками.

АДРЕСЪ ДЛЯ ТРЕБОВАНІЙ:
 МОСКВА, Петровка, Саратовскимъ фабрикантамъ Торговому Дому
„А. БЕНДЕРЪ съ С-ми и В. БЕНДЕРЪ“.
 При альбомѣ прейсъ-курантъ мужского и дамскаго бѣлья.

1894 г.

1896 г.

Въ виду появившейся въ № 52 „Московскихъ Вѣдомостей“ замѣтки о подѣисъ большинствомъ чаесторговцевъ къ китайскому чаю **ИНДІЙСКИХЪ И ЦЕЙЛОНСКИХЪ** чаевъ, имѣемъ честь заявить во всеобщее свѣдѣніе, что Товарищество наше не подмѣшивало и не подмѣшиваетъ къ китайскимъ чаямъ ни цейлонскаго, ни индійскихъ чаевъ, на что постоянно обращало вниманіе гг. потребителей въ своихъ прейсъ-курантахъ, печатая на этикетѣ каждой пачки чая своего развѣса крупнымъ шрифтомъ: **ЧАЙ ИЗЪ КИТАЯ**. Правленіе было всегда того мнѣнія, что всякая подѣисъ къ китайскому чаю какого бы то ни было другого чая **ИЗМѢНЯЕТЪ** вкусъ и достоинства китайскаго чая до неузнаваемости.

Правленіе **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного Товарищества
ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ И СКЛАДОВЪ
БРАТЪЯ К. и С. ПОПОВЫ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,
 Москва, Петровка, № 2,
 УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ВЕСЕННИЙ ПРЕЙСЪ - КУРАНТЪ
 на 1897 г. вышелъ и высылается **БЕЗПЛАТНО**
 всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платожемъ во всѣ мѣста Европейской Россіи.

ПРИ ВЫПИСКѢ на 50 руб. (въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ.

Охотно высылаемъ образцы всякихъ матерій, но вслѣдствіе громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначать родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ предназначается.

НАШИ ОТДѢЛЕНІЯ: Ц. № 10045 2-3

Кружевное. Ленточное. Шелковыхъ матерій. Мануфактурное. Ситцевое. Полотняное. Бахромное. Дамскихъ рукодѣлій. Корсетное.	Чулочное. Зонтичное. Мужского бѣлья. Дамскаго бѣлья. Дамскихъ вещей. Дамскихъ платьевъ. Дѣтскихъ костюмовъ. Мужского бѣлья. Дамскихъ шляпъ.	Мужскихъ шляпъ. Сапожное. Галантерейное. Парфюмерное. Перчаточное. Игрушечное. Оружейное. Дорожныхъ вещей. Письменн. принадл.	Картинъ и предм. роск. Хозяйств. принадлежи. Кроватей и умывальн. Серебра и мельхиора. Часовъ. Ламповое. Фарф., фаянса и хруст. Ковровое.	Мебельныхъ матерій. Гардиннаго тюля. Клеенокъ. Мебели. Музыкальн. инструмъ. Электро-техническое. Водопроводн. принадл. Печное.
---	---	---	--	---

ПАМЯТЬ

(лицъ каждаго возраста) укрѣпляетъ лично и вично (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской академіи, С. Файнштейнъ. Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологии, психологии, логики и педагогики, память возвращается потерявшимъ ее. Дѣлается херошей умиющахъ плозую и лучшей—у обладающихъ хорешой.

Въ несомнѣнной пользы и цѣлесообразности моего метода убѣдились въ теченіе моей 10-лѣтней дѣятельности на поприщѣ преподаванія мнемоники: въ Россіи, гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи др. лицъ разныхъ профессій, аваній и возрастовъ, омычавшихъ у меня курсъ мнемоники и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. Методъ **двухъ** преподаванія Парижской академіи. Условія за курсъ преподаванія и брешъ (въ 32 стр.) выены. за одну 7 коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (7-е изданіе) „Что такое искусство укрѣпленія памяти?“ за шесть 7 коп. марокъ, въ валевозой же бумагѣ за восемь 7 коп. марокъ. Адресъ: Одесса, въ главную контору „Курсовъ вичного преподаванія мнемоники“, Галаваная ул., (28-а), рлд. съ Городскихъ садонъ. д. Бродскаго, № 6/28-а, кв. № 2-8, бель-этажъ, профессору мнемоники С. Файнштейну, или въ „отдѣленіе“ конторы, ул. Пушкинскои и Базарной, собственн.и домъ, № 46/28, профессору мнемоники С. Файнштейну. Адресъ для телеграммъ: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну. № 10010 5-3

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

ФАБРИКА НЕПРОМОНАЕМОЙ ОДЕЖДЫ
Я. ЮНКАСЪ

предлаг. резинов. и вичствон. накладки изъ лучшаго англійск. вичствана. СПБ., Вас. Остр., 7 лин., д. 40. Высылка налож. плат. теж. Прейсъ-кур. безпл.

Коль экононія хотѣте,
 То вотъ вамъ нѣзіе мое—
 Какъ другъ, скажу я вамъ: носите
 Вы Мей и Эдуса бѣлье.
 На свѣтъ нѣтъ его прятничай—
 Тонко, бѣло и какъ судитъ!
 Повадьте нѣтъ, оно прятничай
 И холотнанаго на видъ.
 Съ нѣмъ чисто вы всегда одѣты.
 Вѣдь каждый день за пачаточъ—
 Снѣннѣ вы можете наметы
 И новыи звать воротничковъ.
 Въ Меснитъ, Мостовскій вузуларенъ,
 Кто разъ здѣсь купитъ что-нибудь,
 Тотъ будетъ вично благодаренъ
 И ужъ въ другия забудетъ путь.
 Здѣсь выборъ (съ свѣдѣнью столицн)
 Нредметовъ писемныхъ хорешъ
 И для подарка ты вещицы
 Нгдѣ ващнѣй не найдены
 Всаго здѣсь много для прималки
 И бездѣлуемъ много есть...
 Вотъ точнаи адресъ: Москва, Лубанка,
 (складъ въ допѣ—номеръ 26.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ И К^о.
НОВОСТЫ
Средство для укрѣпленія волосъ
„Петроль“.
Качество „Петроля“ удостоено Москвитинскими Врачами. Урава.
Новский, 30.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ въ 12, 15, 18, 22, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 90, 100, 150 и 250 р.
(Отъ 40 р. и дороже собственной фабрики).
ФЛЕЙТЫ № 2, 4, 6, 8, 12, 18, 25, 35, 40, 50, 60, 75, 85, 90, 120, 160 и 250 руб.
Отъ 60 р. и дороже собственной фабрики; въ употребленіи у первыхъ артистовъ. Иколы флейты по 1/2, 3, 5, 6, 10, 20 и 25 руб.
Въ 20 и 25 руб. собственной фабрики.
КЛАРНЕТЫ по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60, 75 и 90 р. Отъ 45 р. и дороже собств. фабрики.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
Главное дело и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 31.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

НОВОСТЫ!
ДУХИ
ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОНАЦІИ
ПОСТАВЩИКОВЪ
ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАДЕКЪ.
Москва, Кузнецкій мостъ.
С.-Петербургъ, Невскій, № 18. (14)

НА ВОСТАНІЕ...
СВѢТЛАЯ
60.
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПРОСИТЬ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
ЖЕЛѢВАТЬ
СМУ
НЕУЖИВЪЕ ВЕЩИ
АВТОМОБИЛЬ
СОСТАВЛЕНІЕ
500
ТЕЛЕФОНЪ 2672

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА
служить интересамъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Передовыя статьи, торговыя сообщенія отъ своихъ корреспондентовъ (свыше 300), даныя о положеніи новостей, биржевыя корреспонденціи, хроника акціонернаго дѣла, фелетонъ, обзоръ техническихъ новостей, полныя перечни торговъ и поставокъ и ихъ результатовъ и проч.
Газета первое въ Россіи изданіе по количеству собственныхъ телеграммъ, ихъ точности, полнотѣ и своевременности. № 9926
Торгово-Промышленная Газета, являясь единственнымъ большимъ коммерческимъ газетомъ въ Россіи, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія и по программамъ большихъ нелицензійныхъ газетъ.
6 рублей 4 рубля 2 рубля
въ годъ полгода мѣсяца 75 к. Редакція и контора: С.-Петербургъ, Галерная улица, уголъ Замятная пер., д. Министерства Финансовъ.
На мѣ- Распродажа: 3 р. при подпискѣ, три слѣдъ 3 р. въ мартѣ, 2 р. въ апрѣ.
75 к. Редакція и контора: С.-Петербургъ, Галерная улица, уголъ Замятная пер., д. Министерства Финансовъ.

ВЫИГРЫШ-
ИМЕ 1, 2 и 3 выигрываетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, С.П.В. 10-7

ВСѢМЪ МАТЕРЯМЪ!
ДОУСАЯ ПИСЬМИНА
„ЗОНЪ“.
Лучшее антисептическое средство отъ прыщей, комариковъ, болячекъ, экземъ и т. п. „Дѣтскаго запаха“, присущаго новорожденнымъ и подрастающимъ дѣтямъ.
Разрѣшено Харьк. Врачебн. Отдѣл. № 5310.
Б. и. 30 к., шал. к. 20 к.
Ц. № 10071 Продажа всѣхъ. 6-1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиница „ВИКТОРІЯ“
Казанская ул., д. № 29.
Первоклассная гостиница съ большими просторными комнатами; электрическое освѣщеніе; ванна. Омыбуся во всѣхъ комнатахъ.
Владѣлецъ **К. И. ЛАНГЕ.**
10-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА АЛЬБОМЪ
„ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВОКЪ“.
Изданіе художественной фототипіи **М. А. ФИШЕРЪ.**
Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.
Альбомъ будетъ состоять изъ 270 картинъ на 190 табл., съ обознач. назван. и ил. автор. на русск. и франк. яз., въ 4-хъ частяхъ; выйдетъ въ 6 выпускахъ, по 30 лис., въ течение года. Первый вым. - въ мартѣ къ открыт. XIV Передвижной выст.
Подписная цѣна на все изданіе безъ пересыл. 9 руб., съ доставкой и пересылк. (въ номерахъ) 12 руб.
Доплачивается разсрочка (только у подателя) при подпискѣ 3 руб., съ перес. 4 руб., при II вым. 3 руб., съ перес. 4 руб. и при IV вым. 3 руб., съ перес. 4 руб.
Иностранцы высыл. съ налож. плат. (съ приб. почт. комисс.).
Съ выходомъ II вым. (въ начал. мая) подписка прекратится и цѣна будетъ 12 руб. безъ пересылки, и 15 руб. съ пересылк.
При VI вым. будутъ выложены: 1) общее оглавленіе картинъ съ указан. ихъ владѣльцевъ, размѣра и проч., 2) описаніе движимаго выст. за 25 лѣтъ и 3) планка для помѣщенія всей коллекціи. № 10024 3-2
Для любителей будетъ напечатано небольшое количество визитки, на оставшіи бумажкѣ; цѣна таково альбома въ розничной продажѣ съ золотыми тисненіями безъ пересылки 30 руб.; пересылка (почт. посылк.) по разстоянію (разсрочка не допускается). Подписка принимается: на передвижныхъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ и у издателя **М. А. Фишеръ.** Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

Машины для устройства
МЕЛЬНИЦЪ
паровыхъ и водяныхъ, съ жерновыми и вальц. для крестьянскаго и торговаго помолу.
ЛЪСОПИЛЪ. СТАНКИ
по толщине, переносные и перевозные на колесахъ.
Конструкторъ и изобрѣтатель
КИРПИЧЕДѢЛ. МАШИНЫ
новѣйшей патентов. системъ.
Маслобойные заводы.
 Стальные локомобили. Американскія турбины. Паровыя машины. Паровыя котлы. Ц. № 10060 Коросинные двигатели. 4-1 Свѣтъ и пройс-куралтъ высылаетъ
В. ЖУКОВСКІЙ
С.-Петербургъ, Невскій, 97.

ТРЕБУЮТЪ
НОЖИЦА ИРУНЪ
КРЕМЪ ОРИЗА
Пр. В. ШИЛЬ
Цѣна 70 коп. Продажа всѣхъ.

НА 15% ДЕШЕВЛЕ ФАБРИЧ-
НЫХЪ ЦѢНЪ.
Вновь откр. фабр. носовъ, лавитовъ замачива только на время Вел. Поста выстѣ 25% всего 5% пользы, т. е. до лавитовъ стоимъ въ розницу 1 р. 10 к. высланы въ 65 к. дюж. (меньше 6 дюж. не отускаются).
Цѣна выстѣ оптов. продажъ 6 дюж. за 4 р. 20 к. безъ перес., высланы за 4 р. 6 дюж. съ перес. до 1000 вер. на выстѣ свѣт. Случай этотъ не повторится, желаемъ ознакомить публику съ нашими новыми дѣлами и всю пользу 5% употреблемъ на пересылку. Платки большого формата съ изліи. заграничн. рисун. на бортихъ обшлаго матеіала. На этихъ же условіяхъ высланы чисто бататовъ. выстѣ 1 руб. 50 к. дюж. за 4 р. 4 дюж. (не меньше 4-хъ дюж.) съ пересылкой, а также голландскаго холста высш. сорт. 1 дюж. 3 руб. Требуется за наличныя деньги. За вѣрности объявленія ручаемся. Требуется адресовать: **Могилевъ губернскаго, спец. фабр. носовъ лавитовъ, Семому Вельчому.**

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоенъ высшаго отличія
ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРВА
Г. ВЕЙСЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56.
Мужская, дамская и дѣтская
обувь
изъ наилучшаго материала, новѣйшаго фасона, удобна садиться, всегда въ большомъ выборѣ.
Иллюстрированный прейс-куралтъ безплатно. В. № 10038 4-3
Прому остерегаться поддѣлокъ; выданный образецъ долженъ быть снабженъ штемпелемъ нашей фирмы.

ДЛЯ ПРОВИНЦІИ
„МУЗЫКАЛЬНО-НОТНАЯ БИБЛИОТЕКА“
(Абсолютно чистая нотъ)
устраиваетъ музыкальный магазинъ
Ю. ГИЛЬКНЕРЪ, Москва, Тверская, д. Вагана.

ПИСАЩАЯ
МАШИНА
„ВИЛЬЭМСЪ“
Цѣна 250 р.
ГЕРМАНЪ ЭЙХЕНВАЛДЪ. Москва, Маросейка, д. Лебедова. 2-2
РУССКІЕ ГЛАГОЛЫ И. ПАХМАНА.
Полная глава грамматикъ о глаголахъ, не безполезная для старш. учениковъ средн. уч. завед., съ табл. видовъ, спряженій, причастій, дѣящихъ и съ алфавитомъ, новиз. спряж. 1000 га - въ для начинающихъ, особенно иностранныхъ. 40 к. Складъ у Карбышева въ С.П.В. - гдѣ, Москвѣ и у автора въ Черной, Моск. губ. № 10089 2-1

Наименьшій форматъ!
Видный шрифтъ!
Безъ лентъ!
Верхъ совершенства!
Единственный представитель для всей Россіи американской компаніи „Вильэмсъ“ (The Williams Typewriter Co)

Огромный запасъ
Фруктовыхъ и Лѣсныхъ деревьевъ присто-плотъ въ осенней продажѣ. Цѣны отъ 80 к. за тысячу деревьевъ.
СѢМЕНА: Огородныя и др. дѣтскими и др.
КЛЕВЕРЪ 4 р. 75 к
Тысячекъ за 7 р. 60 к. Пересылка по особому льготному тарифу. Дровесный и сѣмянный прейс-куралтъ высылаетъ немедленно по требованію Садоводство **А. ВЫХАНОВЪ** въ Липецкѣ (Тамб. губ.).

Новый прейс-куралтъ иллюстр. за 1897 г. Оружейнаго Склада водъ фирмою: **„Центральное дело оружія“**
Б. Кошункина, 29. Эд. Венигъ. За приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ высыл. безплатно. Много новостей.

XXVIII г.

г. XXVIII

№ 13

1897

Выходитъ еженедельно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выдана 29 марта 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержашихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ	Безъ доставки въ	Съ достав-	Съ пересылкою	За
Петербургъ	Москву	кою въ Пе-	въ Москву и др.	гра-
5 р.	чр. контору Н. Н. Печковской,	тербургъ	города Россіи . . .	ницу. 10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 35 к., съ перес. ииогор. 1 р. 35 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. ииогороди. 3 р. 50 коп.	Петровскія торговыя линіи.	6 р.	6 р. 50 к.	

Новая модель. Съ картины А. Ширнига грав. Геданъ

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

Тишина, миръ и благоволеніе совѣмъ заполнили душу отца Гермогена. Лопату и топоръ на плечѣ онъ несъ какъ не вѣсть какую легкость. Даже не чувствовалъ тяжести ихъ и съ лѣваго не перебросилъ на правое плечо. Чтобы удобнѣе было идти, онъ подоткнулъ полы своей рясы и клобукъ спялъ... Вонь и полянка... Въ сторону что-то шелохнулось. Громадный сѣрый ушн мелькнули, какой-то комокъ кувырнулся въ воздухѣ... Монахъ засмѣялся: „трусю праздноешь, точно я тебя, малыша этакое, трону...“ Заяцъ еще разъ мелькнулъ, но уже далеко. Лѣсъ рѣдѣлъ. Изумрудное море зелени за нимъ все такъ и искрилось, и блистало, и горѣло подъ солнцемъ. Трава тутъ подымалась выше и гуще, и цвѣты были ярче. Пахло душиянкой—вотъ она бѣлыми пуховинами торчитъ и надъ нею рои всякой мошканы; даже сюда доносится ея веселое гудѣніе. Большіе жуки, сѣрые, съ сухимъ щекотомъ какимъ-то посята въ сильно уже нагрѣтомъ воздухѣ, точно на лету жесткія крылья ихъ трутса одно объ другое. Топора уже давно не слышно, зато дятель недалеко сухое, старое дерево долбитъ. Гулко отдается. Исправная птица, добрая. Знаетъ, что дереву все равно помирать отъ ветхости дней его, ну и старается надъ нимъ. Промышляетъ себѣ пропитаніе. Молодого да свѣжаго ни за что не испортить. Вонь и пни. Сколько ихъ, Господи. П срублены какъ. Точно бѣлые столы, блестя подъ лучами. На иные, будто слезы, смола выступила, а жизнь ужъ и ихъ заполняетъ. Видимо-не-видимо шерошить на нихъ всякой хлопотливой мелочи, жучки возятся, червяки суетятся, сквозныя стрекозы, отливаясь голубымъ мерцаніемъ, ровно и плавно посята надъ ними. Тутъ не на недѣлю, а на мѣсяць работы будетъ. Завтра онъ, Гермогенъ, попроситъ у отца архимандрита благословенія дать ему кого-нибудь изъ братіи,—они втроемъ всѣ эти пни вывернутъ и траву скосятъ, и землю паромъ подымутъ. Къ осени такая новь будетъ, что твоя бархатъ.

— Ну, благослови, Господи.

Отецъ Гермогенъ сбросилъ рясу и повѣсилъ ее на сукъ ближайшаго дерева. Туда же и клобукъ приставилъ. Остался онъ теперь въ одной рубахѣ и портахъ. Сапоги—отыскалъ сухое мѣсто и швырнулъ ихъ туда. Оглядѣлъ опытнымъ взглядомъ полянку—на свѣжій-то силы хотѣлъ выбрать пень потруднѣе. Вонъ онъ, какъ разъ въ тѣни теперь, громадный, съ бѣлымъ обрѣзомъ, точно цѣлому міру показываетъ, сколько лѣтъ потратила земля-матушка, чтобы поднять его, прежде чѣмъ пришли черноризцы и срубили крѣпкаго еще великана. И корни узлами да клубнями перевились. Кое-гдѣ изъ-подъ земли ихъ вышерло,—экая крупень какая! Такою и на цѣлые вѣка удержишься, какия ни налетай грозы и бури, не отцѣпять этакихъ лапъ... Даже Гермогену весело стало. Стоитъ потрудиться, недаромъ попотѣешь. Онъ одинъ, этотъ пень—ишь какую округу занялъ. „Держись, держись, я тебѣ живо руки-то обрублю. И сильныя руки-то. Ну-ко“. Монахъ взялъ лопату и давай подрываться подъ корни, бывшіе снаружи. Ишь, точно желѣзная змѣя, даже подъ ударами звучать не какъ дерево, а точно металлъ. Весь сѣрый, въ своей бѣлой рубахѣ, лохматый отецъ Гермогенъ производилъ на этой полянѣ впечатлѣніе некрушимои силы, и недаромъ ему казалось, что на шумъ его работы цѣлый лѣсъ отзывается стономъ, точно боится, что и до него дорвется этотъ медвѣдь несуразный... Пока онъ подъ одинъ корень подрылся, его самого въ потъ

бросило—и рубаха смокла, и лохмы полусѣдыхъ волосъ сдѣлались влажными. На свѣже взрытой землѣ, казалось, подымавшей творческой паръ въ сухой воздухъ, теперь извивался капризно и сильно громадный корень. Отецъ Гермогенъ поплевалъ себѣ на руки, взялъ топоръ, и давай рубить это вѣками окрѣпшее узловище. Пень вздрагивалъ отъ каждого удара, и въ глубинѣ земли, куда уходили другіе такіе же корни, что-то глухо и печально негодовало. Работа опыняла Гермогена. Точно застоявшійся здоровый конь вырвался изъ конюшни, несется по вольной волѣ и пьетъ одуряющій его свѣжій воздухъ полными ноздрями,—такъ и этотъ силачъ отводилъ теперь душу размахами могучихъ рукъ, не щадя ихъ на трудное дѣло. „Ахъ, хорошо. Господи помилуй, сколь радостно“,—восклицалъ онъ, и цѣлымъ дождемъ разлетались во всѣ стороны изъ-подъ его топора щепы сварившагося въ землѣ сѣраго корня... „Ахъ, хорошо!“ Черезъ нѣсколько минутъ онъ на нѣсколько кусковъ перерубилъ его, выкорчевалъ, подрылся подъ тонкій пруть, которымъ тотъ оканчивался, и его вытащилъ изъ земли съ мягкими, живыми мочками, которыми онъ Богъ вѣсть сколько времени пилъ у земли ея соки. Сложивъ остатки узловища въ одну грудку, Гермогенъ только сейчасъ замѣтилъ, что его рубаха совѣмъ мокра. Онъ ее снялъ и повѣсилъ тоже. „Ну, теперь,—засмѣялся онъ,—вся амуниція на своемъ мѣстѣ“. Тѣло его, когда онъ выходилъ изъ-подъ тѣни деревеньки, казалось бронзовымъ, даже блестяло, какъ бронза. Мускулы намѣчивались рѣзко. Хорошей лѣпки былъ человекъ... Не успѣло солнце выдвинуться изъ-за тѣхъ раинъ, близъ которыхъ онъ работалъ, какъ съ однимъ инемъ было уже покончено. Онъ еще стоялъ, но кругомъ горбинами валялась рыхлая парившаяся земля, откровенно торчали во всѣ стороны растопыренными лапами обрубъ корней, и сами эти корни были сложены отдѣльно. На кротовую нору наткнулся Гермогенъ и пожалѣлъ бѣднаго звѣря. „Потревожилъ пустынножителя. Спасался ты себѣ подъ землей, а я тебя на свѣтъ Божій. Ну, да ты скотина умная, живо себѣ другіе ходы выроешь. Лапы-то у тебя моей лопаты стоятъ. Въ обиду не дашься. Теперь пень вывернулъ, и дальше“. Онъ навалился всѣмъ своимъ громаднымъ тѣломъ на него. Медвѣдь-медвѣдемъ. Даже хрустнуло что-то въ немъ самою отъ натуги. Еще рѣзче и опредѣленнѣе выдавились наружу мускулы, глубже легли тѣни между ними, жилы выступили синими узлами, и пень вдругъ подался, медленно, шурша въ мягкой землѣ и подымая растопыренныя персты бѣлыхъ корней, накренился и, спустя минуту, тяжело упалъ на бокъ трупъ-трупомъ. Отъ земли, обнажившейся подъ нимъ, шель живительный, здоровый паръ. Отецъ Гермогенъ жадно вдыхалъ его. На работѣ онъ любилъ, разрывъ землю, бухнуться въ нее лицомъ, дышать ея творческою силою... Такъ и теперь.

— Ну и молодецъ же ты, братъ...

Гермогенъ живо поднялся.

— Да это отецъ Гермогенъ. А я диву дался, что за медвѣдь экая коряги ворочаетъ.

— Ты меня отколь знаешь?

— Кто-жъ тебя не знаетъ. Слава Богу. Не монахъ, а монументъ въ нѣкоторомъ родѣ. Ишь какъ тебя отляли. Поди молотомъ въ грудь стучи—не разобьешь...

Гермогенъ, разминаясь, пошелъ къ рубахѣ, снялъ ее и одѣлся.

— А ты откуда будешь?
 — Изъ города.
 — Вижу, что... А звать тебя какъ?
 — Должно-быть, и ты про меня слыхалъ?
 — Ну?
 — Тоже и обо мнѣ поди разговариваютъ... Николая Львовича Семигорова знаешь?
 — Ты и есть?..
 — Онъ самый.
 — Баринъ... а на кулачные бои ходишь... людей ломаешь. Кресть-то поди носишь?
 — Ничего. Вы, монашествовавшая братія, за насъ грѣхи замолите. Наше дѣло грѣшится, а ваше—за насъ молиться.
 — Не суесловь. Молодъ еще такія безстыжія слова произносить. Ты читалъ Соломона?..
 — А ты читалъ?
 — Не читалъ, да знаю. Наши отцы читали. У него это отлично сказано: „суето слово и ложно далече отъ меня сотвори“... Въ притчахъ это. А у Матѳіа, другъ, еще и лучше про вашего брата: „глаголю же вамъ, яко всяко слово праздно, еже аще рекутъ чловѣци, воздадутъ о немъ слово въ день судный“.
 Тѣмъ не менѣе отецъ Гермогенъ хотъ и не одобрялъ барина, стоявшаго передъ нимъ, самъ имъ искренно любовался. Оба стоили другъ друга. Такого же громаднаго роста, какъ и отецъ Гермогенъ, такой же широты въ плечахъ и, очевидно, той же желѣзной силы—Семигоровъ былъ тоньше въ станѣ и гибче стараго монаха. Въ Николаѣ Львовичѣ сказывалось что-то былинное. Богатырь-богатыремъ. И крупень, и ловокъ, и красивъ онъ былъ по-своему. Сбросилъ шапку—жарко ему—копромъ такъ и стали смолиные кудри, какъ у заправскаго дыгана. Загаръ на него ложился золотымъ матомъ, и отъ этого казались еще глубже и больше синіе, совсѣмъ синіе глаза, и наивные, и дерзкіе, съ длинными черными рѣсницами. Борода тоже завивалась, какъ и усы, но росли и та, и другіе еще плохо, отчего выраженіе лица хранило еще что-то дѣтски безшабашное. Привычному чловѣку, вглядывавшемуся въ Семигорова, сразу становился понятенъ характеръ этого великана. Ничего не боится—и всякому чувству отдается весь до тла. Можетъ сдѣлать великое нѣчто, героическое, и неожиданно крупную подлость, не считая даже ее таковою. Весь зависитъ отъ минуты, какъ и чѣмъ ему что скажется... Лить ему было не больше двадцати шести, хотя, когда онъ улыбался—можно ему дать и меньше. Зубы у Николая Львовича были такіе, что хотъ волку горло перегрызть, и то впору..
 — Ишь, какъ тебя вынесло... — тихо проговорилъ отецъ Гермогенъ.
 — А что?
 — Тебѣ бы въ военную службу... Въ христіюлюбивое воинство..
 — Да развѣ ты не слыхалъ? Былъ... Разжаловали даже..
 — Ну, за какія дѣла?
 — За разныя. Дурного ничего. Слава Богу—передъ войною случилось, съ четырьмя солдатскими и однимъ офицерскимъ Георгіями вернулся..
 — Ого! Ишь какъ тебя Господь превознесъ..
 — Ты это что ни выворачиваешь?
 — Отецъ архимандритъ благословилъ.
 — Давай-ко я тебѣ помогу.
 — Потрудиться на обитель хочешь, что ли?
 — Такъ. Нудить меня. Я, братъ, не въ себѣ... Тебѣ, монаху, хорошо. Шлюнулъ ты на все земное и ходишь... Никакъ до тебя никому не достукаться.
 — А ты помолись—легше будетъ.
 — Ты это оставь!
 Гермогенъ помоталъ головой.
 — Чего ты—точно баранъ на гумнѣ, башкой мо-

таешь. Не зли ты меня, ради Христа. Я тебѣ говорю, у меня на душѣ кошки скребутъ.
 — Случилось что?—тихо спросилъ его Гермогенъ.
 — Давно ужъ... Не твоего ума дѣло.
 — А може и моего?
 — Ты вотъ лучше разговори меня или давай вмѣстѣ пни ворочать.
 — Задумалъ что?
 — А и задумалъ—ты мнѣ не поможешь.
 — Почему знать..
 — Копровы къ вамъ въ обитель уже пріѣхали?..
 — А я развѣ знаю. Не гостинникъ. Это гостинника дѣло... Какой Копровъ—Мосей Лукичъ?
 — Одна цаца. Докучь анаемская..
 — Оставь ты эти слова, не хочу я ихъ слушать.
 — А какъ же мнѣ эту стерву звать иначе. Сына и жену сюда привезъ. По крайней мѣрѣ, вчера собирався везти..
 — Помолиться?
 — Онъ чорту молится.
 Отецъ Гермогенъ перекрестился и отодвинулся.
 — Помолиться. У него, отецъ, все для виду. Онъ и молится-то, когда на него другіе смотрятъ. Бога—и Того надуть хочеть.
 — Бога не надуешь.
 — Я тоже думаю.
 Семигоровъ помолчалъ, помолчалъ, но его точно изнутри палило всего. Онъ задыхался часто-часто.
 — Нѣтъ моего терпѣнія. Ты знаешь, чего онъ пѣвѣтку везеть сюда?
 — Ну?
 — Отчитывать къ отцу Варлааму.
 — Вонъ оно какъ. Ну, это, братъ, будь спокоенъ. Если къ отцу Варлааму—онъ отчитаетъ. Онъ всякаго отчитать можетъ..
 — Да я не хочу этого, пойми ты это, длинноволосая дура.
 — А ты имъ на что сдался?
 Отецъ Гермогенъ даже не обратилъ вниманія на ругательство.
 — Какъ на что?
 — Не тебя вѣдь отчитывать будутъ.
 — Ну?
 — Чего же ты въ чужое дѣло лѣзешь — умный чловѣкъ?
 Николаю Львовичу, видимо, дѣлалось все тошнѣе и тошнѣе. Онъ сбросилъ съ себя широкое парусинное пальто, легъ въ траву, закинулъ руки за голову и уперся пристальнымъ взглядомъ синихъ глазъ въ бездонную голубую пропасть, полную свѣта и тишины.
 — Суета суеть... Ахъ, міръ, міръ. Весь во злѣ лежить. А ты-то какъ сюда попалъ? Къ намъ въ обитель или такъ?
 — На крыльяхъ.
 — Чего на крыльяхъ?
 — Сказываю тебѣ, на крыльяхъ прилетѣлъ. И не къ вамъ, а около..
 — Ну, и летай.
 Отецъ Гермогенъ спокойно подошелъ къ слѣдующему пню и завозился съ нимъ... Скоро на полянѣ опять послышались ровные удары топора.
 — Эй, ты, сѣдая борода. Иди прочь. Щепки въ лицо мнѣ попадають.
 — Иди ты. Я здѣсь послушаніе исполняю. Мнѣ вѣлѣно. А ты дарма околачиваешься.
 — Дарма, точно, что дарма... Не зли ты меня, ради Христа.
 Гермогену кровь стала къ головѣ подступать. Онъ положилъ топоръ.
 — Да ты, грѣшникъ, чего лѣзешь?
 — Закаркала ворона Библиотека "Руниверс"

Первый опытъ. Съ карт. С. Симои грав. Пэне.

Жуана Романи вь своей мастерской. Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

— Ты что думаешь, управы на тебя нѣтъ?.. Только что мнѣ санъ мой не позволяетъ.

Монахъ съ усиленіемъ справился съ собой и опять за-работалъ.

— А то бы что? Если бы санъ позволилъ.

— Мокро бы отъ тебя осталось.

Семигоровъ засмѣялся и вдругъ ударилъ кулакомъ о-земь и простоналъ:

— Ты вотъ что, сдѣлай мнѣ такую милость, избежь меня всего въ кровь,—можетъ, мнѣ легче будетъ.

Старому монаху почудилось въ голосѣ молодого человека что-то такое горькое и больное, отъ чего у него самого всполохнулось сердце. Онъ бросилъ топоръ, подошелъ къ Николаю Львовичу и сѣлъ около.

— Дикой ты баринъ, посмотрю я на тебя. Передо мной, передъ простыми монахами, душу свою обнажаешь, а передъ Господомъ Вседержителемъ — не хочешь.

— Не не хочу, а не могу. Не такое мое дѣло, чтобы съ нимъ къ Богу лѣзть.

Но тутъ уже и Гермогенъ развелъ руками.

— Что ты это задумалъ? Богу, братъ, до всего есть дѣло. Онъ все видитъ и знаетъ. Чтò ты отъ Него, дурашка, спрятать вздумалъ?..

— Не то... А не дойдетъ такая молитва до Бога... Понялъ?.. Нѣтъ Ему до такихъ людей никакого касательства.

Гермогенъ поклонился, зорко взглянулъ на Николая Львовича. У того по лицу бѣжали тѣни. Вотъ-вотъ разрывается. Монахъ тихо благословилъ его. Семигоровъ схватилъ эту руку, хотѣлъ поцѣловать, да удержался и прочь откинулъ.

— Материнская кровь у меня. Отецъ мой на цыганкѣ женился. Огнемъ налить... Что задумалъ—подавай мнѣ, а то удавиться легче, либо удавить кого.

— Что ты, что ты, дитѣ... Экое слово какое...

— Пойми ты, какъ я къ Богу пойду съ моимъ дѣломъ, когда я чужую жену люблю.

Отца Гермогена отшатнуло. Онъ даже всталъ было на ноги, но потомъ опять сѣлъ.

— Да ты, грѣшникъ, въ своемъ умѣ?

— То-то что не въ своемъ.

— Въ церковь ты ходишь?.. Ахъ, мнѣ, мнѣ, мнѣ... Истинно по князю власти воздушныя. Ну, а она какъ?

— Кто она?

— Чужая жена, къ тебѣ-то? Тоже тебя любить?

— Развѣ я знаю—какъ. Если бы зналъ, не съ тобой бы теперь разговаривалъ, а на небесахъ былъ...

— Низменны твои небеса, братъ. Прямо, надо правду сказать, аду касаются... Смирись... Пади передъ Богомъ и умоляй послать ангела Своего образумить тебя. Ему, Господу, ничего не стоитъ. Одинъ лучъ Свой уронить тебѣ въ сердце—и всталъ ты здоровый и веселый... И отъ дури отъ твоей, какъ отъ мрака ночного—ни слѣда...

Гермогену страшно жаль было молодого человека.

— Что ты, шутъ, напуталъ? Пойми. Вѣдь она-то съ другимъ передъ алтаремъ вѣнчана. Съ чего ты-то лѣзешь? Спрашивали они тебя, звали? Ты заповѣди-то училъ?

— Ахъ, слыхалъ я это все, и самъ еще лучше знаю. Коли бы меня кто вылѣчилъ — я бы руки-ноги ему исцѣловалъ.

— Капитанъ Нечасвъ, тотъ бы тебя живо...

— Какой капитанъ?

— Былъ у насъ такой въ образцовомъ полку. Вся палъ бы онъ тебѣ сто — опомнилъ бы, сдѣлалъ одолженіе... А не очухался — онъ бы тебѣ еще всыпалъ. Щедръ былъ на это, на науку то-есть.

— Изорвалъ бы я его, кажется.

— Кого? Капитана?

— Какого капитана?

— Нечасова.

— Ну его! Что мнѣ твой Нечасовъ? Я про Копрова.

— Мосея Лукича?

— И его тоже.

— Ишь ты... На всѣхъ, братъ, рукъ не хватить, рвать...

— И его тоже... А сына Алешку — и еще скорѣй. Пойми ты, вѣдь онъ мнѣ другъ былъ. Закадычный. Вѣдь я для него въ ниточку вытягивался. Человека бы для него убилъ.

— Эко—цыганская кровь, — побачалъ головою Гермогенъ. — Вотъ что, Николай Львовичъ,—такъ тебя звать-то, а?.. Ну, такъ тебѣ я говорю. Непригоже мнѣ, монаху, такія слова слушать. Понялъ?

— Да монахъ что. Душа-то у монаха есть?

— Есть, чтобы васъ всѣхъ жалѣть и за васъ молиться. Коли ты каешься хочешь—кайся, и я съ тобой молиться стану. Господи-Вседержителю, воззри на насъ, грѣшныхъ, утиши бореиѣ страстей мрзнихъ. Отгони дѣвола лукаваго, да не погибнемъ мы отъ искушенія его... Хочешь, заплачу съ тобой?—потому и у меня по тебѣ сердце заболѣло. Сколько зла въ мнѣ, сколько горя! А только глупостей своихъ да пакостей ты мнѣ не рассказывай. Я ихъ слушать не стану.

И онъ рѣшительно взялся за топоръ.

Семигоровъ продолжалъ лежать, глядя упрямо въ голубую высь.

„Кто мнѣ поможетъ?..—думалъ онъ.—Вѣдь не отнимутъ у Алешки, хоть и прохвость онъ выходитъ, Елену Борисовну и не отдадутъ ее мнѣ. Чудесь все равно не жди... Да и къ тому же нѣтъ мужъ онъ ей. Подъ вѣнцами стояли, и Исая ликовалъ. И вѣдь знаю, что она ненавидитъ его и презираетъ. Вотъ эстолькой ласки онъ не добьется отъ нея, а всю жизнь будетъ она съ нимъ томиться. Оба, какъ каторжники, на одной цѣпи... Молись, не молись—все равно. Тутъ никто ничего не сдѣлаетъ. Чортъ и тотъ рога обломаетъ, если бы онъ, треклятый, вмѣшался... Господи, прости Ты мнѣ. Самъ не знаю, что я думаю. Откуда мнѣ это въ голову лѣзетъ? А только чтò Тебѣ стоитъ,—убей моську эту, Алексѣя Копрова. Ну, кому нужна слякоть этакая. Я бы самъ его убилъ, да вѣдь за убійцу Елена Борисовна не пойдетъ. А я безъ нея счастливъ быть не могу, не могу, и не могу... Зачѣмъ Ты меня создалъ такого? Кому на радость?..“

— Послушай-ко,—вдругъ оставилъ лопату отецъ Гермогенъ.

— Ну... Слушаю.

— Гдѣ-нибудь нынче есть война?

— А я почему знаю. Вѣрно, дерутся.

— Нѣтъ, чтобы наши православные за Христово дѣло.

— Этого нѣтъ.

— Жаль. Настоящее бы тебѣ занятіе. Возьми-ко топоръ, подсоби мнѣ.

„Все у него по́томъ малость отобьетъ дурь“, — соображалъ отецъ Гермогенъ по-своему.

Николай Львовичъ приподнялся-было — да опять легъ. Небо еще синѣе будто. Онъ точно тонулъ весь въ его глубинѣ. Ему казалось, что онъ давно оторвался отъ земли и летитъ въ лазурную бездну... Какая-то птица, широко размахивая сѣрыми крыльями, мелькнула мимо...

— А то бы взялъ топоръ... Потрудись на Божье дѣло.

Семигоровъ принудилъ себя встать, сбросилъ пальто.

— Ну, гдѣ рубить?

— Вишь, я тебѣ обнажилъ корягу—рушь ее таше-рича. А я другую почну.

Такъ они и принялись вдвоемъ. Гермогенъ истово и медленно подрывался подъ исковерканную узловину зарывавшагося въ землю корня, а Николай Львовичъ дѣлалъ такіе размахи топоромъ, что со стороны страшно бы стало.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!—злю повторилъ онъ, все

глубже и глубже врѣзывался остриемъ, да такъ, что иной разъ и вырвать-то его изъ желѣзнаго тѣла свившейся коряги былъ не малый трудъ.

Гермогенъ не хотѣлъ спрашивать, кому это: „вотъ тебѣ“. На новый грѣхъ наведешь только человѣка. Ишь онъ распалился, совсѣмъ не въ себѣ. Теперь, дѣйствительно, попадись ему кто-нибудь изъ Копрowychъ, также бы пожалуй топоромъ въ затылокъ свистнулъ. Что съ него полуцыгана возьмешь. Ужъ и то надо сказать—отпустить иной разъ Господь силы человѣку не въ мѣру, только искушеніе съ ней. Куда ее дѣнешь? На чемъ уходишь себѣ? Ну и бунтуетъ кровь. Самъ былъ молодой—хорошо помнить. Тогда, положимъ, капитаны Нечаевы существовали. Сейчас же приведетъ въ себя, бывало... Ну, а теперь какъ же?..

— Готово!—швырнулъ топоръ Семигоровъ.

— И у меня готово,—круши еще, Божій человѣкъ. Тебѣ это зачтется. На обитель работаешь—дѣло-то доброе выходить.

— Погоди—дай отдышаться.

— Что, небось трудовал водица наскрозъ прошибла.

Николай Львовичъ вытиралъ потъ... Размялъ руки и опять взялся за дѣло.

— Такъ-то лучше,—бормоталъ про себя Гермогенъ,—нежели бѣса языкомъ тѣшить.

На этотъ разъ корень ему попался такой, что сразу подъ него никакъ нельзя было подраться. Весь изогнулся спиралью, внизъ ушелъ и опять вверхъ выползъ, и толщина же! Любому древесному стволу равенъ. Отецъ Гермогенъ даже закрывалъ надъ нимъ. Цѣпко держалось за землю старое лѣсное чудище. Онъ помнить, какъ рубили это дерево. Семеро монаховъ шогѣли надъ нимъ,—а рухнуло съ такимъ трескомъ, точно громомъ ударило, и какъ пало навзничъ, чуть не всю долину загородило. Гнѣздъ-то, гнѣздъ было въ вершинѣ... Теперь налетѣли птицы—придется имъ новую вить. И дупловъ этихъ—видимо-невидимо. Бѣлкамъ тутъ самый водъ былъ. Одно это дерево сколько десятковъ ихъ пріючало. А пришелъ человѣкъ—и конецъ благостыни; ну, да не на дурное дѣло какое,—часовню въ новый скитъ рубить будутъ. Стѣны изъ него поставятъ прочныя, и суждено имъ слово Божье слышать... Иконы на нихъ повѣсятъ, святой водой покропать. Послужи Господу, лѣсной великанъ...

Гермогенъ поднялъ глаза на Николая Львовича.

Тотъ, видимо, если не успокоился совсѣмъ, то притихъ. И топоромъ взмахиваетъ не такъ злобно, и на лицѣ дикости не видно. На Божьемъ дѣлѣ, братъ, всегда чувствуешься! Ишь ты какая сутолока идетъ у Копрowychъ. Старика-то Мосей Лукича зналъ Гермогенъ. Лукавецъ и издоимецъ. Правда—осуждать грѣхъ, да какъ такого не осудишь. Вся округа на него Господу жалится. Сколько слезъ одѣхъ изъ-за него пролито. А онъ все по монастырямъ да по митрополитамъ жизнь свою препровождаетъ. И говорить сладко. Зажмурится и медотечетъ. Писаніе-то получше любого монаха произошелъ. Разъ даже какую на себя смѣлость взялъ, а?—отца Варлаама поправилъ. Тотъ къ какому-то случаю привелъ: „много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема“, да на Матеія сослался, а Копровъ, со всѣмъ почтеніемъ, только какъ змій, изогнулся—это, говоритъ, не у Матеія, а у Іакова. Отецъ архимандритъ покраснѣлъ даже, но не разсердился, только про себя произнесъ: „мудрому дай вину—премудрѣйшимъ станетъ“. Да, вонъ Мосей Лукичъ какъ возвысился. Простой кунецъ былъ, а теперь, сказываютъ, самъ въ генеральскихъ чинахъ по пріютамъ состоитъ и даже штаны съ лапсомъ носить можетъ. Архіереи-то его въ люди вывели... А все-таки, козенокъ лукавый. Никогда въ глаза прямо не можетъ—все мимо норовитъ, точно онъ укралъ что или украсть собирается. И голоса не подыметь, а только шипитъ. И на сына,—сколь-

ко разъ Гермогенъ слышалъ,—и на сына тоже все шипомъ, только со злостью. Вотъ, вотъ наловчится, да жаломъ... Вонзительный старикъ. Не дай Богъ такого отца. А Алексѣй Мосеевичъ что-жъ. Семигоровъ на него жалуется, только что не по правдѣ. Тихоня—воды не замутить. Ни рыба, ни мясо. Еще бы въ этакихъ ежовыхъ рукавицахъ выросъ. Будешь въ молчанку играть. Лихачомъ-то не выскочишь...

— Ну, будетъ...

— Усталъ?—ласково спросилъ его отецъ Гермогенъ.

— Не усталъ, а утомился. И спасибо тебѣ. Я тебя ругалъ не со зла, и если бы ты тогда прибилъ меня, и еще бы я тебѣ, отецъ, болѣе былъ благодаренъ.

— За что мнѣ тебя бить, когда ты самъ себя сморти какъ избилъ. Развѣ я не чувствовалъ, что тебѣ было куда больнѣй моего.

— И на Бога я хулу произносилъ—положимъ, мысленно.

— Ну, объ этомъ не печалуйся. Воздохни и скажи: прости мое ничтожество, Господи. Вотъ и все. Станетъ Онъ на всякаго червя вниманіе обращать. Ему ли считаться съ нами...

Вдали послышался тихій шорохъ и не то пѣніе, не то едва различимое рыданіе.

— Что это?

— Не кто другой, какъ старецъ нашъ... Схимникъ у насъ тутъ спасается.

— Плачетъ онъ?

— Нѣтъ, такъ — молитвы поетъ... Господа своего славить.

Николай Львовичъ засмотрѣлся въ зеленую глушь. Тамъ густо стояла тѣнь, только въ двухъ-трехъ мѣстахъ слабый лучъ свѣта, проникшій сквозь чащу, мерещился на сѣрыхъ корявыхъ стволахъ едва замѣтнымъ огнистымъ отраженіемъ... Папоротники тамъ торчали прямо и недвижно. Вѣтви деревъ какъ вытянулись, такъ и замерли. Чу... Дѣйствительно оттуда едва-едва бредетъ сюда что-то маленькое, слабенькое... Изъ тѣхъ старичковъ, что въ сказкахъ у корней древесныхъ изображаютъ,—и борода сѣденкая, ледачая, треплется, и голова въ черной схимѣ во всѣ стороны ходуномъ ходитъ, точно онъ, схимникъ, самъ по себѣ, и она тоже сама по себѣ, захочетъ—оторвется и улетитъ Богъ вѣсть куда...

— Онъ?—шопотомъ спросилъ Семигоровъ.

— Прозорливецъ, — благоговѣнно произнесъ отецъ Гермогенъ.—Самъ Варлаамъ ему въ ноги кланяется...

Схимникъ, не видя ни монаха, ни Николая Львовича, направлялся на эту полянку. Слабый голосъ его, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, дѣлался слышнѣе. Въ нерушимой тишинѣ притаившагося лѣса, теперь ужъ можно было различить слова: „Тебѣ вси Ангели, Тебѣ небеса и вся Силы, Тебѣ Херувимы и Серафимы непрестанными гласы зываютъ: Святы, Святы, Святы, Господь Богъ Саваоѣ, полны суть небеса и земля величества славы Твоя... Тебе преславный Апостольскій ликъ, Тебе Пророческое хвалебное число, Тебе хвалятъ пресвѣтлое Мученическое воинство...“ Тутъ старецъ вышелъ на полянку. Его всего облило солнцемъ. Онъ поднялъ въ кулачокъ съжившееся лицо съ слезящимися глазами и заслонилъ ладонью, точно рассматривая, кто тутъ... Замѣтивъ отца Гермогена, онъ медленно, точно съ трудомъ удерживаясь на коблущихся ногахъ, направился къ нему. Тотъ живо бросилъ лопату, одѣлъ клубукъ и рясу, чтобы какъ слѣдуетъ встрѣтить старца.

— Ну, что? — прошамкалъ тотъ, когда громадный монахъ упалъ ему въ ноги.—Одолѣлъ свою силу!.. Молись — молись! Господь пошлетъ скоро миръ Свой въ душу твою... А это кто?..

— Господинъ изъ города.

Николай Львовичъ подошелъ, попросилъ благословенія.

Блѣдная, совсѣмъ восковая рука поднялась надъ нимъ и вдругъ остановилась.

— Мнози испытанія твои, чадо... И гниитъ душа твоя... Адъ въ ней... Ай, какъ палить геенна... геенна. Молись Ему—молись. Онъ услышитъ... И услышитъ, и наставитъ, и силу тьмы одолѣетъ. Яко рабъ неопотребный усердно притеки къ Нему Всещедрому... Молитвы знаешь?: молитвы... а?

— Какія, св. отецъ?

— Кондакъ о ненавидящихъ и обидящихъ насъ: „О распенныхъ Ты молишься, любодушне Господи, и рабомъ Твоимъ о вразѣхъ молитися повелѣвый, ненавидящихъ и обидящихъ насъ прости, и отъ всякаго зла и лукавства ко братолюбному и добродѣтельному настави жителству,—смирненно мольбу приносимъ: да въ согласномъ единомыслии славимъ Тя единого Человеколюбца...“

Блѣдная, восковая рука опустилась, благословляя Семигорова.

— Прощай, отецъ Никодимъ...

— Кому вы это, отче?

— Тебѣ... Прощай, отецъ Никодимъ... Клобукъ чернѣй... Черный, чернѣй... Здѣсь вотъ...

И опять восковой палецъ схимника поднялся ко лбу Николая Львовича.

— Все пройдетъ, все утихомирится... Всякій грѣхъ замолишь... И покой душевный обрѣтешь. Прощай, отецъ Никодимъ!

И такъ же медленно, покачиваясь на слабыхъ ногахъ своихъ, схимникъ исчезъ за деревьями.

— Что это онъ? а?

Отецъ Гермогенъ смотрѣлъ большими своими глазами на Николая Львовича и вдругъ низко ему поклонился.

— Кому ты это, мнѣ?

— Не тебѣ, а ангельскому чину твоему... Не даромъ прозорливецъ указалъ тебѣ и святое имя Никодима... И попомни—не уйтить тебѣ теперь отъ монастыря... Нашъ схимникъ-то сквозь сокровенное видитъ...

И опять тихо стало въ лѣсу. Только дятель издали продолжалъ долбить старое дерево, да гдѣ-то вдругъ, точно проснулась и закуковала кукушка...

(Продолженіе будетъ.)

Нерѣшительность.

Разсказъ В. Васильева.

Мнѣ было 20 лѣтъ, когда я кончалъ курсъ въ миланскомъ политехникумѣ. Оставалось сдать послѣдній экзаменъ по химіи. Экзамена я не боялся—я кончалъ лучшимъ студентомъ и чрезъ директора заключилъ уже контрактъ съ владѣльцами мануфактуры возлѣ Александрии, братьями Бонелли, на три года, какъ помощникъ завѣдующаго заводомъ инженера. Полный надеждъ и здоровья, я смотрѣлъ радостно на свое будущее: никакія заботы не тревожили мое сердце, никакія мысли не беспокоили мою голову. Хотѣлось жить, потому что жизнью была полна каждая жилка моего организма, хотѣлось работать, потому что чувствовался избытокъ силъ.

Милая моя мама! Какъ она обривалась, когда я влетѣлъ какъ бомба на другой день послѣдняго экзамена въ нашъ уютный домикъ на озерѣ Комо: гдѣ отецъ имѣлъ хорошій и доходный фруктовый садъ. Господи, какъ это было давно! Сѣдые волосы покрываютъ теперь мою голову, лобъ весь въ морщинахъ, а все еще какъ бы слышится мнѣ это дорогое восклицаніе: «Santa Maria vergine. — это Луиджи!» Радостныя слезы, пичканье потомъ всевозможными съѣдобными вещами и сладостями. Какія дороги воспоминанія!

Среди этихъ воспоминаній, часто совершенно неясныхъ, среди массы лицъ, выступающихъ въ моемъ воображеніи, ясебѣ всехъ выдѣляется блѣднѣйшая головка съ чудными голубыми, нестесненно смотрящими на меня глазами.

Впрочемъ... по порядку!

Познакомился я съ ней чрезъ недѣлю послѣ приѣзда къ отцу, на танцевальномъ вечерѣ у синдака города Комо. Отецъ ея, обитавшій въ Берлинѣ, торговецъ шелкомъ, мать же—чистая неаполитанка.

Звали ее Диной.

Была ли она красива?

Конечно, да! И для меня тогда не было другой болѣе красивой, да и во всю мою жизнь,—говорю: во всю мою жизнь, потому что я теперь старикъ, смотрящій въ могилу,—я не встрѣчалъ лица болѣе правильнаго и симпатичнаго, взгляда болѣе добраго и глубокаго. Я влюбился до сумасшествия, *razzante*, какъ говорятъ у насъ въ Италіи.

Голубое небо и красота природы моей родины, Альпы съ ихъ таинственными чарами, лазурная поверхность озера Комо, на которомъ я съ такимъ удовольствіемъ бывалъ, занимался рыбной ловлей,—все было забыто, все, казалось, потеряло красоту въ сравненіи съ Диной. Само оживляющее солнце восходило, казалось мнѣ только для того, чтобы освѣтить ея блѣднѣйшею кожей, чтобы заллечь въ ея голубые глаза, поцѣловать ея розовыя губки. Понятно, что я совершенно не замѣчалъ времени. Дни летѣли какъ часы. Ложась спать, я счастливый, вспоминалъ только что прошедшій день, утромъ, вставая, я высказывалъ предлоги, чтобы снова увидѣться съ Диной. Такъ прошла большая половина моихъ каникулъ.

Въ концѣ августа приѣхалъ изъ Германіи ея двоюродный братъ по отцу. Блѣднѣйшій, какъ она, красивый и веселый малый—онъ внесъ много веселья въ нашу общую жизнь, но, странно, какое-то враждебное къ нему чувство овладѣло мной.

Съ его приѣздомъ участились прогулки въ горы: руководителемъ всегда былъ отецъ Дини—членъ общества альпинистовъ.

Особенно помнятся мнѣ поѣздки на горы: Женеозо (*Genozzo*), С.-Сальваторъ и Юнгъ-Фрау. Тогда еще не было фуникуларокъ, нужно было имѣть хорошія легкія и крѣпкія ноги, чтобы взобраться на эти вершины. Сколько разъ во время восхожденій я

помогалъ синьоринѣ Динѣ, и, казалось мнѣ, моя помощь была ей пріятнѣе, чѣмъ услуги ея кузена.

Въ послѣднюю мою поѣздку съ ними на гору Юнгъ-Фрау, мы все на полупути восхожденія замечались. Было уже не рано, заходящее солнце освѣщало блѣднѣйшую вершину горы. Казалось, лучезарный Фебъ не хочетъ разстаться съ землей и посылаетъ дѣвственной красавицѣ Юнгъ-Фрау свои прощальныя горячіе поцѣлуи. Другія, болѣе низкія вершины какъ бы нахмурились, ревную свою красавицу. Каждый болѣе или менѣе удачнымъ выраженіемъ старался выразить свой восторгъ, я же, наклонившись къ Динѣ, прошепталъ:

«Если бы я былъ Фебъ, а вы—Юнгъ Фрау, я не оставилъ бы землю ни на минуту». Легкій румянецъ и поворотъ головы въ сторону отъ меня былъ мнѣ отвѣтомъ. Когда мы спустились съ горы, почти въ совершенномъ сумракѣ, я старался держаться вблизи Дини, которая всегда нѣсколько отставала. Поскользнувшись на одномъ крутомъ спускѣ, она какъ бы упала мнѣ на руки... головы наши столкнулись, и не знаю, какъ это произошло, я поцѣловалъ ее въ щеку. Я и теперь плохо отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что произошло потомъ. Помнится мнѣ, что она какъ бы оттолкнула меня; послышалось сдержанное рыданіе, а можетъ-быть и смѣхъ. Не оборачиваясь, она побѣжала впередъ, я же машинально поспѣдовалъ за ней, а въ головѣ вихремъ пронеслись безсвязныя мысли, и какой-то голосъ отчетливо твердилъ: «наглець!» Всю дорогу въ диліжансѣ она молчала и забывала моихъ взглядовъ. Какія только обвиненія я ни придумывалъ себѣ, впрочемъ я цѣлую ночь на постели. Къ утру рѣшеніе было принято: я наскоро простился съ мамой, написалъ письмо отцу, который былъ въ отлучкѣ, и, какъ бы вызванный сѣшной телеграммой, уѣхалъ на заводъ. Мнѣ было стыдно показаться на глаза Динѣ послѣ этого маленькаго происшествія на горѣ.

Чрезъ 6 мѣсяцевъ я получилъ приглашеніе быть на свадьбѣ Дини съ ея кузеномъ. Я не поѣхалъ, составившись на болѣзнь директора фабрики и неотложность накопившихся дѣлъ.

Прошло 9 лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о моей красавицѣ. Мужъ увезъ ее въ Германію. Рана моя зажила, я велъ веселую жизнь, отдавалъ дань и Венерѣ, и Бахусу, но часто среди попойки или вакханаліи мнѣ казалось, что на меня смотрятъ голубые глаза съ знакомымъ выраженіемъ, и тогда я сразу отрезвлялся и оставлялъ пирушку. Жениться за это время какъ-то не удалось,—не подвернулась дѣвушка, которая хоть сколько-нибудь заинтересовала бы меня.

Однажды,—какъ сейчасъ помню,—былъ сѣрый туманный ноябрьскій день,—получаю письмо отъ отца, въ которомъ между прочимъ сообщалось, что Дина приѣхала къ своимъ роднымъ вдовой; мужъ ея погибъ въ одной желѣзнодорожной катастрофѣ. Точно горчичей волной обдало меня это извѣстіе, съ души сразу спалъ осадокъ девятилѣтней разлуки, сердце забило снова только для нея, а прилившая къ головѣ кровь, пульсируя, какъ бы выбивала: «къ ней, скорѣе къ ней!»

На другой день я обнималъ моихъ стариковъ, а въ часъ былъ уже у Дини. Какъ она была красива въ траурѣ! Чистота линий лица, глаза и чудная въ рамкѣ блѣднѣйшихъ волосъ голова выдѣлились рельефнѣе на темномъ фонѣ одежды. Фигура стала законченнѣе, движенія болѣе пластичны. «А, синьоръ Луиджи, какъ я рада васъ видѣть! Вы думаете, я васъ совсѣмъ забыла за эти 9 лѣтъ, хотя вы и не давали о себѣ знать?»—Я же безъ словъ стоялъ и смотрѣлъ ей въ глаза такъ упорно, что она въ концѣ сконфузилась и, приглашая жестомъ садиться, наклонилась къ маль-

Салонъ Елисейскихъ полей 1896 г. Дездемона. Съ карт. Жуаны Романи грав. Цехомскій.

чугуну 5—6 лѣтъ, черноволосому, какъ истый неаполитанецъ (вѣроятно, пошелъ въ бабушку), сказавъ ему что-то на ухо. Начался довольно натянутый разговоръ. Освободившись немного отъ своего оцѣсленія, я оживился, началъ вспоминать прошлое: наши прогулки, катанье на лодкахъ и т. д. Всякій разъ, когда я нечаянно вспоминалъ имя ея мужа, на глазахъ у нея навертывались слезы.

Визитъ затянулся.

Понятно, я зачастую къ ней, насколько позволяли приличія. Старики наши жили дружно, а потому не были особенно удивительны мои частыя посѣщенія.

Сколько чудныхъ вечеровъ провелъ я у нея, распивая прекрасное вино «*Asiaticum Christi*», сколько разъ признаніе было у меня на губахъ. Но я удерживался, боясь оскорбить ее, боясь отнестись такъ не деликатно къ ея трауру. Мальчикъ привязался ко мнѣ, какъ къ отцу. Звалъ его, какъ и меня—Луиджи. «Ужъ очень мнѣ нравится это имя»—замѣтила мнѣ какъ-то его мама.

Я то уѣзжалъ на свою мануфактуру, то возвращался опять въ Комо, словомъ жилъ въ постоянномъ движеніи, чувствовалъ себя великодушно и былъ счастливъ. Предложеніе рѣшилъ сдѣлать послѣ года траура.

Къ несчастію, хозяева мои, желая расширить дѣло, задумали устроить около Неаполя чудочную фабрику. Я долженъ былъ ѣхать въ Англію, чтобы закупить машины, долженъ былъ потомъ заняться ихъ установкой. Это заняло 7—8 мѣсяцевъ. Я находился въ перепискѣ со своими и съ Диной. Переписка имѣла дружественный характеръ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ она сообщала мнѣ о прїѣздѣ изъ Милана молодого доктора—очень умнаго и интереснаго человѣка. Черезъ нѣсколько писемъ она уже спрашивала моего совѣта относительно новаго замужества, такъ какъ докторъ сдѣлалъ ей предложеніе, прибавляя, что онъ ей нравится, что, конечно, любви нѣтъ, но что она надѣется прожить

съ нимъ спокойно до старости, а главное—дать хорошаго и образованнаго отца своему Луиджи.

Какъ было больно читать эти строки! Что она хотѣла сказать, спрашивая моего совѣта? Значитъ, я для нея только старый другъ, не больше!.. Могъ ли я написать ей о своей любви, умолять ее подождать съ рѣшеніемъ? Не значило ли это пасивовать ея волю? Онъ ей нравится, онъ будетъ полезенъ для ея сына...—а я? Нѣтъ, я не рѣшился предложить ей себя, я написалъ холодное письмо съ подчеркнутыми словами: «если онъ вамъ нравится, если онъ пужень для вашего сына»...

Проклятая нерѣшительность!..

Еще десятокъ лѣтъ промель.

Родители мои померли. Жизнь шла какъ-то глупо, безъ интереса, безъ цѣли: я дѣлалъ свое дѣло, получалъ жалованье, понемногу по-кучивалъ, ухаживалъ за балеринами въ Неаполѣ, даже чуть-было не подрался изъ-за одной на дуэли, словомъ, жилъ жизнью обезпеченнаго въ смыслѣ питанія животнаго.

Телеграмма изъ Милана вывела меня изъ этого прозябанія. Меня извѣщали мужъ Дины, что она смертельно больна и желаетъ меня видѣть. Крупное воспаление легкихъ убило ее.

Я засталъ ее за нѣсколько часовъ до смерти. Какая она была худая! Одни только глаза, сдѣлавшіеся синими и глубокими, глубокими...

Со слезами я опустилса передъ ея кроваткой на колѣни, припавъ къ ея почти прозрачной рукѣ.

— Какой вы нервный? Къ чему эти слезы? Я позвала васъ, чтобы сказать вамъ одну мою завѣтную мечту... Тогда я не рѣшалась, а теперь, умирающему, все можно. Наклонитесь ко мнѣ ближе.. Я всю жизнь мечтала сдѣлаться вашей женой!..

Теперь я сижу на балконѣ моей дачи возлѣ Неаполя, смотрю на приходящіе и уходящіе изъ Неаполитанской гавани пароходы и лодочки, а по щекамъ текутъ слезы, въ головѣ стоитъ неотступный вопросъ: зачѣмъ я не рѣшился?

Предупрежденіе заболѣванія железъ у дѣтей.

Дѣтскій возрастъ необычайно воспримчивъ къ болѣзнямъ железъ; можно даже утверждать, что лишь немногіе дѣти имѣютъ вполне здоровыя лимфатическія железы. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы врачебное освидѣтельствованіе 2,506 дѣтей въ школахъ кантоновъ Граубюндена и Ааргау, предпринятое нѣсколько лѣтъ тому назадъ д-ромъ Фолландомъ изъ Давосъ-Дерфула. Изъ 628 дѣтей, въ возрастѣ отъ 7 до 9 лѣтъ, у 607, т. е. у 96%, шейныя лимфатическія железы оказались распухшими. Чѣмъ старше возрастъ, тѣмъ меньше процентное отношеніе страдающихъ опухолью железъ къ общему числу учащихъ; однако, у дѣтей въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ оно все же составляло не менѣе 84%! Если эти цифры и не могутъ быть одинаково отнесены ко всѣмъ странамъ, опѣ, тѣмъ не менѣе, заставляютъ призадуматься. Опухоль лимфатическихъ железъ всегда вѣрнѣйшій признакъ слабаго здоровья, и хотя у многихъ железы съ теченіемъ времени уменьшаются, у большинства болѣзнь железъ все же объясняется расположеніемъ къ золотухѣ или даже зараженіемъ туберкулезными бактеріями. Доказано, что въ тяжелыхъ формахъ золотухи заболѣвшія лимфатическія железы дѣйствительно содержатъ туберкулезныя бактерии. Эти опасныя культуры грибокѣ облекаются непроницаемой оболочкой и, благодаря ей, могутъ долгое время не распространяться дальше. При хорошемъ уходѣ, ихъ можетъ уничтожить самъ организмъ. Носитель подобнаго болѣзнетворнаго разсадника подвергается постоянной опасности рано или поздно заразить ядомъ весь организмъ, и прежде всего мозговую оболочку и легкія, что обыкновенно имѣетъ смертельный исходъ. И дѣйствительно, многія золотушныя дѣти погибаютъ отъ скоротечнаго воспаленія мозговыхъ оболочекъ, или же въ болѣе зрѣломъ возрастѣ получаютъ легочную чахотку.

Въ послѣднее время вообще дозвано, на основаніи многихъ данныхъ, что заболѣванія железъ имѣютъ близкое отношеніе къ бугорчаткѣ. Въ дѣтскомъ возрастѣ очень обыкновенны заболѣванія миндалинныхъ железъ. Воспаленіе ихъ вызывается множествомъ болѣе или менѣе опасныхъ видовъ бактерій; въ результатѣ—очень часто гипертрофія, или ненормальное увеличеніе миндалинныхъ железъ. Въ заведеніи парижской медицинской академіи 18 апрѣля прошлаго года профессоръ Дѣлафао сообщилъ, что въ такихъ миндалинныхъ железахъ могутъ гнѣздиться туберкулезныя бактерии. Онъ изслѣдовалъ лишь съ увеличенными миндалинами, но безъ всякихъ признаковъ туберкулеза, бралъ у нихъ частички железъ и прививалъ ихъ морскимъ свинкамъ; оказалось, что большая часть животныхъ, которымъ была сдѣлана прививка, дѣлалась жертвою туберкулеза. Такимъ образомъ, гипертрофированныя миндалинныя железы могутъ при извѣстныхъ условіяхъ хранить въ себѣ опасныя зародыши, которые не причиняютъ вреда только въ такихъ случаяхъ, когда ребенокъ развивается нормально, при хорошемъ питаніи и на свѣжемъ воздухѣ; здоровый, крѣпкій организмъ одерживаетъ верхъ надъ болѣзнетворными началомъ. Но если ребенокъ поставленъ въ неблагоприятныя условія жизни, и его здоровье слабо, болѣзнетворное

начало легко можетъ взять верхъ надъ ослабленнымъ организмомъ и повести къ опаснымъ заболѣваніямъ.

Припавъ въ соображеніе подобныя факты, чрезвычайно важно привести въ извѣстность тѣ пути, которыми болѣзнетворное вещество проникаетъ въ железы; зная ихъ, легко предотвратить заразу.

Д-ръ Фолландъ не такъ давно высказалъ по этому поводу сужденіе, которое очень правдоподобно и потому заслуживаетъ вниманія матерей и плн. Онъ полагаетъ, что заразное начало проникаетъ въ органы большею частью еще въ то время, когда ребенокъ учится ходить. Онъ часто ползаетъ на четверенькахъ и при этомъ пачкаетъ ручки въ комнатной и уличной пыли. Въ этомъ возрастѣ, вслѣдствіе прорѣзыванія зубовъ, отдѣленіе слюны черезъ носъ и ротъ настолько сильно, что ведетъ къ маленькимъ незлавленнымъ угловъ рта и носдрей. Причиленное этими ранками раздраженіе заставляетъ ребенка тереть себѣ руками лицо и буквально втирать въ больныя мѣста покрывающія руки грязь и пыль. Если въ пыли случайно содержится туберкулезное начало, зараженіе дѣтскаго организма неминуемо.

Количество болѣзнетворнаго вещества обыкновенно чрезвычайно мало; сильными дѣтьми оно побѣждается, у слабыхъ же проникаетъ въ лимфатическія железы, гдѣ даетъ о себѣ знать, лишь только маленькій организмъ подвергнется вреднымъ влияніямъ.

Д-ръ Фолландъ рекомендуетъ поэтому слѣдующія мѣры для предотвращения опасности: мать или няня должны постоянно удалять обильно отдѣляющуюся слюну и ротомъ слюзу, во приближеніе незлавленной на лицѣ; онѣ должны внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы руки ребенка не приходили въ соприкосновеніе съ поломъ; каждая игрушка, которая лежала на полу, должна быть предварительно вычищена, прежде чѣмъ понасть въ руки ребенку. Послѣ каждаго паденія необходимо мыть ребенку ручки, — помимо устраненія опасности заразы, это пріучаетъ къ чистоплотности.

Подобныя предписанія давать легко, но въ практической жизни они чрезвычайно трудно выполнимы. Поэтому, смягчая ихъ, мы только имѣемъ въ обязанности материмъ держать дѣтей въ возможной чистотѣ. При соблюденіи этого условія будетъ соблюдено все, что въ предѣлахъ человѣческой возможности.

Если прослѣдить въ обыденной жизни, какимъ уходомъ окружены маленькіе дѣти, то неминуемо приходимъ къ заключенію, что въ этой области силлошь и рядомъ совершаются крупныя ошибки. Даже молодыя матери достаточныхъ классовъ общества рѣдко бываютъ сколько-нибудь подготовлены къ рациональному уходу за дѣтьми, а такъ какъ имъ, къ тому же, недостаетъ опыта, то уходъ за дѣтьми обыкновенно оставляетъ желать очень многого; счастливыми исключеніями изъ общаго правила являются тѣ семьи, въ которыхъ есть старая опытная бабушка, помогающая матери воспитывать малютку. Хуже всего, когда уходъ за дѣтьми порученъ старымъ нянюшкамъ, безъ всякаго образованія, но

зато со множеством предразсудков, или молодым деревенским дѣвухамъ. Хотя эти послѣднія обыкновенно убѣждаютъ родителей въ томъ, что они „очень любятъ дѣтей“, по этой, въ большинствѣ случаевъ сомнительной, любви отнюдь не достаточно. Д-ръ Фолландъ совершенно правъ, требуя, чтобы въ будущемъ спеціальныя заведенія вырабатывали образованныхъ нянь, знакомя ихъ съ основными правилами дѣтской гигиены. Получивъ цѣлесообразное образование, няня будетъ имѣть возможность предотвратить распространение заразныхъ болѣзней среди дѣтей. Кромѣ того, ихъ знанія будутъ чрезвычайно полезны въ дѣлѣ вскармливанія поворожденныхъ, ухода за кожей и первоначальнаго воспитанія малютокъ. Въ достаточныхъ семьяхъ такія знанія и хорошо испытанныя няни, любящія свое дѣло, будутъ желанными гостями и найдутъ хорошей заработокъ; они могутъ быть полезны и въ дѣтскихъ пріютахъ или въ ясляхъ, гдѣ бѣдные работники оставляютъ днемъ своихъ дѣтей. Осуществленіе этой мысли мы приветствовали бы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что оно расширило бы область женскаго заработка въ направленіи, наиболѣе отвѣчающемъ природѣ и характеру женщины.

Было бы ошибочно полагать, что предохраненіе отъ заразы достигается исключительно недопущеніемъ въ дѣтскій организмъ невидимыхъ вредоносныхъ микробовъ. Гораздо важнѣе поддерживать здоровье малютокъ и такъ укрѣпить его организмъ, чтобы они могъ побѣдоносно выдерживать борьбу съ пришлыми болѣзнетворными началомъ. Въ этомъ отношеніи остаются въ силѣ все давно испытанныя въ борьбѣ съ золотухой гигиеническія правила. Мы должны поставить уходъ за дѣтьми и питаніе ихъ на такую почву, чтобы въ нихъ не могла возникнуть и развиться склонность къ золотухѣ,—а это вполне въ нашей власти, разъ намъ извѣстны причины болѣзни.

Золотушными дѣлаются тѣ дѣти, которые съ самаго ранняго возраста получаютъ нецѣлесообразное питаніе, т. е. при отсутствіи материнскаго молока вскармливается коровнымъ, а при недостаточномъ количествѣ этого послѣдняго обречены поглощать всевозможныя, болѣе или менѣе неудобоваримыя, кашки и похлебки. Далѣе, золотушными дѣлаются тѣ дѣти, которыхъ послѣ кормленія грудью слишкомъ рано пріучаютъ къ пище взрослыхъ, шкварятъ хлѣбомъ и картофелемъ,—словомъ, кормятъ преимущественно растительной пищей. Склонность къ золотухѣ развивается подъ вліяніемъ недостатка въ чистомъ воздухѣ, подъ вліяніемъ сырого помѣщенія и плохого ухода за кожей. Тамъ, гдѣ совершаются эти упущенія въ воспитаніи дѣтей, растетъ слабое поколѣніе съ болѣе или менѣе тѣлесными тѣломъ и вялымъ обнѣжомъ вѣщества. Такія дѣти отличаются легко уязвимой и долго не заживающей кожей, часто страдаютъ сынью и варывами, катарамъ носа, зѣва, глазъ и ушей; расположеніе къ золотухѣ дѣлаетъ ихъ въ высшей степени воспримчивыми къ зараженію туберкулезными бактеріями, которыя водворяются въ железахъ и отсюда грозятъ всему организму. Если набѣгать подобныхъ грубыхъ ошибокъ въ уходѣ за дѣтьми, то съ увѣренностью можно сказать, что расположеніе къ золотухѣ, равно какъ воспримчивость

къ туберкулезу, будутъ предотвращены; мало того, при соблюденіи простыхъ правилъ гигиены можно уберечь отъ опасности даже тѣхъ дѣтей, которыя унаслѣдовали болѣзненные задатки отъ родителей, и воспитать изъ нихъ здоровыхъ людей.

Но если бы все предосторожности оказались тщетными, и коварный врагъ, въ видѣ первыхъ признаковъ золотухи и другихъ заболѣваній железъ, все-таки далъ о себѣ знать, то тогда слѣдуетъ не отчаиваться, но энергично примѣнять діететическія методы лѣченія. Чѣмъ раньше дитя будетъ подвергнуто лѣченію, тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ. Въ чемъ состоитъ лѣченіе, на это современная медицина даетъ достаточныя теоретическія указанія, а общество начинаетъ уже интересоваться практическимъ ихъ осуществленіемъ въ формѣ санаторій. За границей, особенно въ Германіи, санаторіи для золотушныхъ дѣтей даютъ каждый годъ блестящіе результаты, и эти результаты достигаются не столько лѣкарствами, сколько хорошимъ, цѣлесообразнымъ питаніемъ и движеніемъ на чистомъ горномъ или морскомъ воздухѣ, купаніемъ въ морѣ или ваннами изъ маточнаго разсала, возбуждающимъ обменъ веществъ и дающимъ ослабленному организму новую силу.

Къ сожалѣнію, діететическое лѣченіе доступно далеко не всѣмъ. Сколько семей лишено возможности предоставить дѣтямъ хотя бы простое помѣщеніе въ тѣсной, а периферіи и сырой городской квартирѣ, не говори уже о роскоши лѣтняго пребыванія на чистомъ воздухѣ деревни или дачи. Но и объ этихъ обездоленныхъ дѣтяхъ начинаетъ мало-помалу заботиться наше общество, устроявая, по образцу заграничныхъ, *школьныя дачи*—лѣтнія колоніи, въ которыхъ дѣти недостаточныхъ классовъ находятъ все условія, необходимыя для оздоровленія и укрѣпленія ослабленнаго организма.

Будемъ надѣяться, что стремленіе къ общему благу, отличающее наше столѣтіе, расширитъ со временемъ единичныя пока начинанія въ этой области благотворительности и дастъ могущественное оружіе въ борьбѣ съ двумя врагами—золотухой и туберкулезомъ, подтачивающими народное здоровье и силы. Теперь, въ виду наступленія весны, вспомнимъ лишній разъ о мертвенно-блѣдныхъ, зеленыхъ дѣтяхъ, личикахъ маленькихъ страдальцевъ, изатающихъ дань насладственности, а чаще—бѣдности и невѣжеству, и отъ души пожелаемъ и поможемъ своей лентою распространенію въ возможно болѣе широкихъ рамахъ спасительныхъ лѣтнихъ дѣтскихъ колоній, устройствомъ которыхъ озабочено недавно возникшее въ Петербургѣ спонсорное *Общество школьныхъ дачъ*, имѣющее свои дачи въ деревнѣ Куоккала по Финляндской жел. дор. (для мальчиковъ) и въ Ораніенбаумѣ (для дѣвочекъ). На эти дачи принимаются на каникулярное время ученики средне-учебныхъ заведеній отъ 9 до 14 лѣтъ, по ходатайству начальниковъ учебныхъ заведеній. Ту же благоую цѣль имѣютъ въ виду и учреждающіяся нынѣ по мысли проф. Н. А. Вельяминова и подъ покровительствомъ Ихъ Величества Государынь Императрицы приморскія санаторіи для золотушныхъ дѣтей; объ этихъ санаторіяхъ у насъ уже было упомянуто въ № 10, въ отдѣлѣ „Равныхъ вѣстий“.

Чума и голодъ въ Индіи.

(Съ 3 рисунками на стр. 302, 304 и 305.)

Родина чумы—Месопотамія, Сирія и Индія. Въ нынѣшнемъ году она сильно свирѣствуетъ въ Индіи, и особенно въ мѣстности, населенной парсами. Парсы исповѣдуютъ религію Зороастра; по своему происхожденію они персидские, оставшіеся върными Зороастру послѣ разрушенія имперіи Сасанидовъ арабами въ 652 году. Преслѣдуемые магометанами, они остались лишь въ небольшомъ числѣ въ Персіи, а большая часть ихъ переселилась въ Индію. Около 800,000 парсовъ живетъ теперь въ британской Ост-Индіи, при чемъ центромъ ихъ поселеній служатъ Бомбей, гдѣ насчитываютъ до 50,000 парсовъ. Выказывая больше всѣхъ другихъ восточныхъ народовъ склопность къ европейской цивилизаціи, парсы въ то же время строго слѣдуютъ всѣмъ велѣніямъ „парсанама“, современной формы религіи Зороастра; такъ, подобно своимъ дальнимъ предкамъ, они понынѣ сносятъ тѣла своихъ умершихъ въ „dakhmas“ (башни для труновъ), такъ называемыя „башни безмоливъ“, гдѣ тѣла подаютъ корнушамъ. Этихъ башенъ въ Индіи всего 115, и близъ одного Бомбея цѣлыхъ семь. Расположены они на вершинѣ одного изъ холмовъ Malabar Hill. Вопреки ожиданію, Malabar Hill представляетъ собой очень красивую мѣстность, усаженную изящными коттеджами, обитателей которыхъ ничуть не пугаетъ соседство этихъ „башенъ безмоливъ“; напротивъ, съ виду эти башни не представляютъ ничего грознаго и даже окружены роскошной тропической зеленью. Выстроенныя изъ гранита и сверху покрытыя известью, башни очень обширны и стойки, при чемъ самая большая изъ нихъ имѣетъ 90 футовъ въ диаметръ и 35 фут. высоты. Въ срединѣ башни помѣщается колодезь, въ 15 ф. глубины и 45 ф. въ диаметрѣ, изъ котораго идутъ четыре канала, оканчивающіеся каждый большою выдвинутою, наполненною угольями. Паранетъ изъ камня (въ 14 фут. вышины), высіящійся надъ вѣстиплицемъ для костей, раздѣленъ на 72 отдѣленія или открытыя

личка, раздѣленныхъ въ свою очередь на 3 ряда; ряды эти прерываются тремя проходами, пересѣкаемыми одной аллеей, ведущей къ единственной двери, черезъ которую входятъ носильщики труновъ. Въ первомъ ряду помѣщаются тѣла мужчинъ, въ среднемъ—женщинъ и въ послѣднемъ, самымъ маломъ—дѣтей.

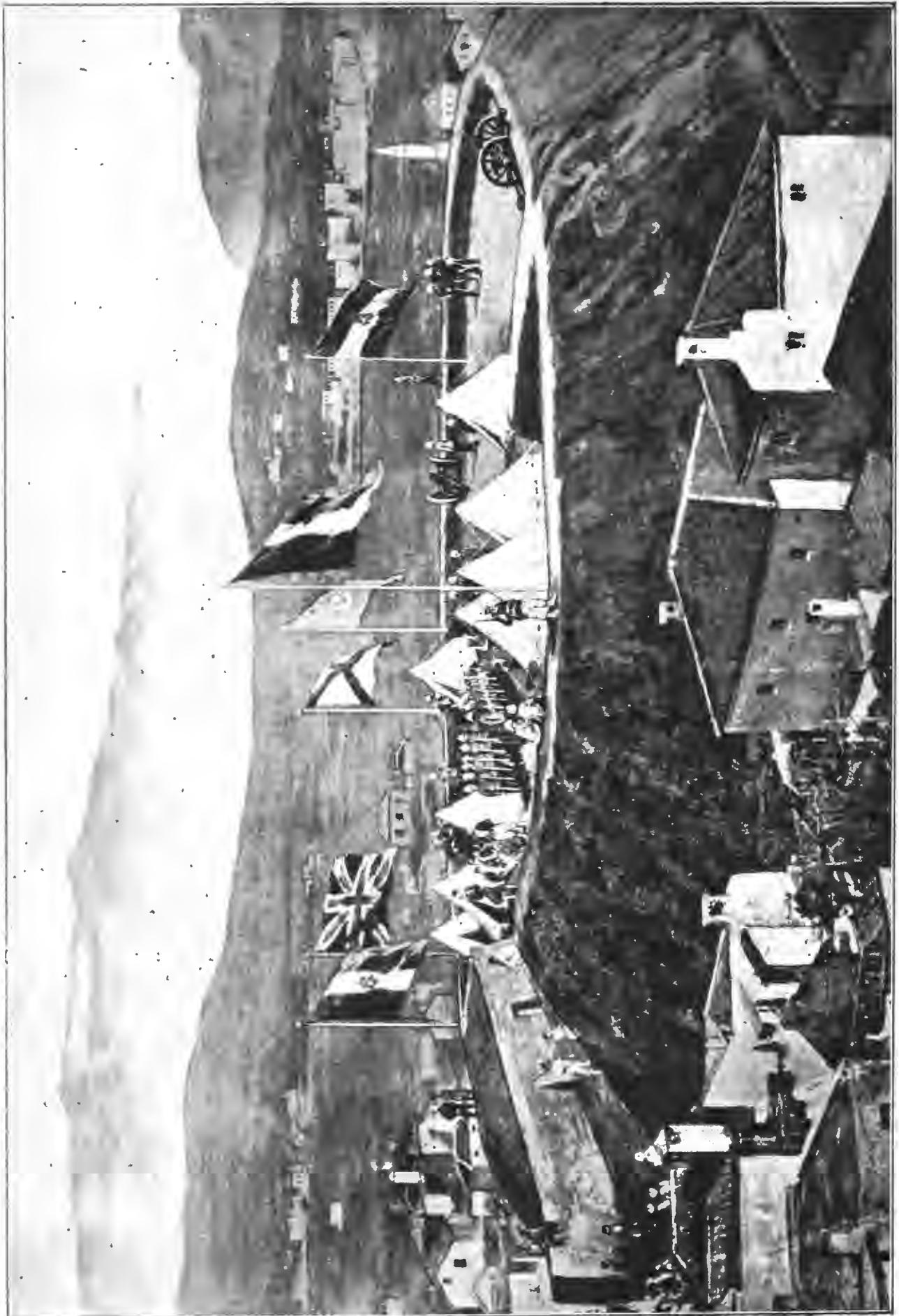
Прежде чѣмъ отнести трунъ въ „башню“, парсы возносятъ надъ нимъ молитвы и оставляютъ его подъ надзоромъ собакъ, которую они считаютъ священнымъ животнымъ. Затѣмъ обертываютъ тѣло бѣлымъ покрываломъ и кладутъ на желѣзныя носилки. Носильщики, одѣтые въ бѣлыя одежды, несутъ тѣло къ башнѣ; родные и друзья умершаго, тоже въ бѣлыхъ одеждахъ, слѣдуютъ за тѣломъ, но на разстояніи не менѣе 30 футовъ. Когда носильщики приблизятся къ башнѣ, провожающіе трунъ, въ числѣ 8 человекъ, заходятъ въ одну изъ молитвенныхъ домовъ, гдѣ возносятъ молитвы о томъ, чтобы душа покойнаго на 4-й день послѣ смерти обрѣла вѣчный покой. Два носильщика „pasasalars“, представляющіе собой особый классъ населенія, быстро отворяютъ дверь и вносятъ трунъ внутрь башни. Итѣ минуту спусти, они возвращаются съ пустыми носилками и покрываломъ. Погребеніе совершено, ихъ дѣло кончено, — наступила очередь „крылатыхъ могильщиковъ“ — стаи корнушновъ, жадно жаущихъ добычи на стѣнахъ „башни“. Еще издали завидѣвъ приближеніе печальнаго кортежа, хищники уже слетаются къ башнѣ съ окрестныхъ деревьевъ. Стоитъ только носильщикамъ залереть за собой дверь „башни“, какъ вся она наполняется шумомъ крыльевъ слетающихъ на паранетъ корнушновъ, и по истеченіи короткаго времени отъ труна остается одна скелетъ. И башня становится снова безмоливой до слѣдующей жертвы.

Но теперь, это безмоліе нарушается очень часто, такъ какъ чума въ Индіи и, въ частности, въ Бомбей свирѣствуетъ

Италия. Германия. Англия. Франция. Австро-Венгрия.
Оккупация Крита. Броненосная эскадра европейских державъ предъ Канеи. По рис В. Штёвера. автотипія „Нивы“.

Окупація Крита. Флаги європейських держав, розриваючіся на батареяхъ Нанен.
По рис. „Графіс“ автолпія „Нива“.

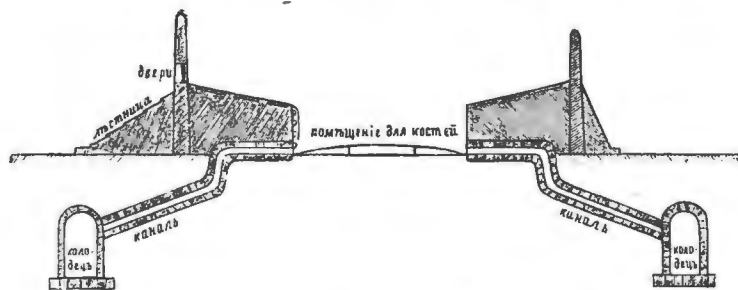
вала до послѣдняго времени очень сильно. Въ продолженіе 7—8 мѣсяцевъ отъ чумы умерло около 9,000 человекъ,—цифра, добытая изъ англійскихъ источниковъ и потому, вѣроятно, менѣе дѣйствительной. Кроме того, что чума начинается уже замѣтно ослабѣвать, для насъ, европейцевъ, должно быть утѣшительно то, что и въ самомъ гнѣздѣ чумы жертвами послѣдней были почти исключительно одни туземцы; европейцы же, за незначительнымъ исключеніемъ, не заболѣвали и спокойно продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Всѣ газетныя свѣдѣнія о паникѣ и бѣгствѣ населенія изъ городовъ слѣдуетъ отнести исключительно къ туземцамъ, умиравшимъ столько же отъ чумы, сколько отъ болезни ея, — покинувши свои жилища, дрожа отъ страха, жители бѣжали безъ оглядки въ чужія мѣстности, почевали подъ открытымъ небомъ, питались дурно, скудно, и въ результатъ заболѣвали чумой, разнося ее все далѣе и далѣе. Въ отсутствіи надлежащаго питания и въ плохомъ устройствѣ жилищъ коренится главная причина эпидеміи; въ вышнемъ же году была подготовлена для чумы богатая почва страннымъ голодомъ, охватившимъ всю Индію. Застыгнутое неурожаемъ населеніе, обидѣвшее и безъ того вслѣдствіе тяжелыхъ налоговъ и поборова индійскаго правительства, тысячами умерало съ голода, не вызывая ни участія, ни сожалѣнія въ своихъ завоевателей-англичанахъ, старавшихся скрыть это бѣдствіе отъ Европы. И только тогда, когда стоны голодающихъ индусовъ, перелетѣвъ тысячи верстъ, нанесли себѣ отзвукъ въ русскія сердца, когда чужой народъ, изъ чувства человѣколюбія, понесъ свои ленты на утоленіе голода несчастныхъ индусовъ, только тогда „первая въ мірѣ нація“ боля пужнымъ и у себя устроитъ борьбу пожертвованій въ пользу голодающихъ и послать имъ хлѣбъ. Тяжелыя, раздражающія душу сцены происходили на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ въ моментъ прибытія продовольственныхъ транспортовъ—нмощные человѣчскіе скелеты протягивали съ мольбою руки, прося хлѣба, тысячи голодающихъ поджидали на дорогахъ возы съ хлѣбомъ, направлявшіеся къ продовольственнымъ магазинамъ, и съ чисто животною жадностью подбирали съ земли просыпавшіяся хлѣбныя зерна. Что-жъ удивительнаго, если чума стала съ такой силой свирѣпствовать въ Индіи, среди нмощнаго населенія, усгѣвшаго уже наполовину умереть съ голода?

Теперь чума уже ослабѣваетъ,—главнымъ образомъ потому,

что наступило время ея ослабѣть, отчасти же благодаря дѣятельной борьбѣ съ нею врачей. Особенно сильною помощью приноситъ противочумная сыворотка, открытая недавно докторами Герсеномъ и Китагато. Предохранившіе себя предварительной прививкой этой сыворотки почти не подвергались дѣйствію чумы—заболѣвало не болѣе 10 процентовъ, и то въ легкой формѣ. Мы видимъ такимъ образомъ тутъ новую крупную побѣду бактериологій.

Сказать навѣрное, что эпидемія чумы замретъ въ мѣстѣ своего возникновенія, нельзя. Хотя она и ослабла, все-таки могутъ занести, главнымъ образомъ, чрезъ афганскую границу къ намъ на Кавказъ. Но тѣмъ не менѣе можно сказать, что намъ не слѣдуетъ болѣе бояться чумы. Если чума не трогала европейцевъ въ Бомбей, въ самомъ гнѣздѣ заразы, то тѣмъ менѣе она можетъ найти себѣ много жертвъ у насъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что смертоносная сила чумы ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія ея изъ своего гнѣзда. Для усгѣшной борьбы съ чумой требуется только чистоплотность и хорошія санитарныя условія. Эта чистоплотность должна касаться и жилищъ, и тѣла человѣка. На всемъ Востокѣ апаютъ, что чума бонтеи вода и масла. Такъ, на Востокѣ почти совершенно не заболѣваютъ чумою водоносы и продавцы масла.

Въ этомъ направленіи должно вести борьбу съ чумою. Правительство дѣлаетъ свое дѣло—учреждена, какъ мы уже сообщали, особая „Комиссія о предупрежденіи занесенія въ Имперію чумной заразы и о борьбѣ съ нею“, дѣятельно приготавливается античумная сыворотка, — для этого даже заняты

Чума въ Индіи. Башня безмольвія. Внутренній видъ башни въ разрѣзѣ.

дѣльный фортъ близъ Кроунштадта, отдѣленный отъ всего міра,—посланы спеціальныя комиссіи и отряды врачей въ приволжскіе города и на наши азіатскія границы для устройства карантинной. Однимъ словомъ, правительствомъ сдѣлано и дѣлается все возможное, чтобы обезопасить населеніе отъ губительной эпидеміи,—и общество, въ свою очередь, въ своихъ же интересахъ, должно придти на помощь властямъ въ дѣлѣ улучшенія

санитарнаго состоянія городовъ. Чиститесь и не заглядывайте себя и своихъ домовъ ни разныя „дѣвнныя“ старьемъ, добываемымъ Богъ знаетъ откуда, ни знаменитымъ „персидскимъ коврамъ“, ни вообще чѣмъ бы то ни было, идущимъ съ Востока. Помните, что теперь „его oriente pestilential!“

Оккупация Крита.

(Рис. на стр. 300 и 301.)

Политическія событія на Востокѣ сгруппировались теперь почти исключительно вокругъ острова Крита, являющагося лѣвкою раздора между европейскими государствами и маленкой Греціей. О постепенномъ ходѣ этихъ событій сообщается у насъ въ „Политическомъ обозрѣніи“. Настоящая же статья имѣетъ цѣлью дать нѣсколько географическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній о Критѣ.

Въ высшей степени удобное мѣстоположеніе Крита, отстоящаго въ одинаковомъ разстояніи отъ выходящихъ въ восточную часть Средиземнаго моря береговъ всѣхъ трехъ частей свѣта, прекрасный климатъ и плодородіе этого крупнѣйшаго острова въ Эгейскомъ морѣ, сдѣлали его предметомъ вожделѣній многихъ народовъ съ давнихъ временъ, начиная съ финкійцевъ. Никогда, ни въ древнѣйшія, ни въ новѣйшія времена, Критъ не представлялъ собой единого государственнаго цѣлаго, — до римскаго владычества онъ представлялъ смѣсь болѣе чѣмъ двадцати городскихъ республикъ или вольныхъ городовъ, а вслѣдствіи служилъ мѣстомъ безпрерывной борьбы двухъ кровныхъ враговъ — христіанъ съ магометанами. Населеніе Крита преимущественно состоитъ изъ грековъ, и въ силу того уже въ дунѣ тиготѣтъ къ свободной Элладѣ.

Поверхность острова, имѣющаго 260 килом. въ длину и отъ 12 до 57 килом. въ ширину, очень гориста; климатъ представляетъ смѣсь морского съ горнымъ. Главный предметъ вывозной торговли Крита,—оливковое масло, а затѣмъ миндаль, апельсины, лимоны, гранаты и другіе южные плоды, медъ и воскъ; хлѣбъ же и хлопковъ составляютъ главные предметы ввоза.

Населеніе острова не многочисленно. Въ то время какъ при владычествѣ венеціанцевъ на островѣ было до милліона душъ, теперь всего 294,000 чел. на пространствѣ 8,618 кв. килом. На 205,000 православныхъ приходится 88,000 магометанъ, причѣмъ только въ Гераклеюны живутъ истинные турки и лишь близъ Канеи ютится небольшая колонія арабовъ въ тысячу душъ; остальные же „правовѣрные“ въ городахъ и богатые

помѣшники въ селеніяхъ происходятъ изъ грековъ и говорятъ на своемъ родномъ греческомъ языкѣ. Эти греческіе магометане, послѣ завоеванія острова турками во второй половинѣ XVII вѣка, одни—добровольно, другіе—по принужденію, кланно отступились отъ вѣры своихъ отцовъ; природные же турки и арабы поселились на Критѣ лишь во времена египетской оккупации (съ 1822 по 1840 г.).

Главный городъ Крита, Канея, расположенъ въ плодородной долинѣ, густо поросшей оливковыми деревьями, на мѣстѣ древней Кидоніи. Въ Канеѣ 15,000 жителей; до событій послѣдняго времени Канея служила резиденціей турецкаго генералъ-губернатора, греческаго епископа и нѣсколькихъ европейскихъ консуловъ, переживавшихъ на тѣмъ въ ближнее предмѣстье Халеппу. На высотахъ, воздымающихся на Истмѣ, расположены тѣ пункты, которые подверглись 9 февраля бомбардировкѣ со стороны соединеннаго европейскаго флота. На маленькомъ мысу, на сѣверномъ берегу, смотритъ въ Эгейскія воды Ретимо, маленькій городокъ съ 9,000 жителей, древній Ритимна. Портъ Гераклеюны или, какъ его до послѣдняго времени называли ново-греки, Мегалокастроу (такъ онъ названъ и у насъ на картѣ о Критѣ, помѣщенной въ № 35 *Нивы* за прошлый годъ), былъ до послѣдняго времени однимъ изъ крупнѣйшихъ городовъ на островѣ; хотя въ немъ и живетъ православный архіепископъ, все-таки четырнадцать мечетей, находящіяся въ немъ, указываютъ на то, что изъ 12,000 жителей города большая часть исповѣдуетъ исламъ.

Исторія Крита за время новой эры не сложна. Завоеванный еще въ 68 г. до Р. Х. римлянами, подъ предводительствомъ Квинта Цецилія Метелла, островъ отошелъ въ 395 г., при дѣленіи имперіи, къ восточно-римской имперіи. Съ 650 г. Критъ много сградилъ отъ нашествія сарациновъ, пока они совершенно не отняли его отъ византійскаго императора, по въ 961 г. выпущены были вернуть островъ обратно Византіи. Въ 1204 г. Критъ, который стали называть Кандіей, перешелъ къ маркграфу Бонифацію Монфератскому, уступившему его венеці-

анцамъ; венеціанцы защищали островъ отъ пападеи и пропсковъ генуэзцевъ и турокъ вплоть до середины XVII вѣка. Въ 1645 г. отбили османы отъ Льва св. Марка Канею и Ретимо, и послѣ долголѣтней борьбы, только въ сентябрѣ 1669 г. удалось великому визирю Кѣприли взорвать на крѣпостномъ валу главнаго города Крита турецкое знамя. Тридцать лѣтъ спустя итальянцы должны были оставить и послѣдніи свои убѣжища Грабузу, Сипу Лонгу и Суду. Въ 1770 г. удалось наконецъ туркамъ заставить храбрыхъ фавіотовъ, ютившихся

въ непроходимыхъ горахъ на юго-западѣ острова, платить подати. Въ 1821 г. Критъ уже возсталъ противъ власти султана, но въ июнѣ слѣдующаго года явился на островъ египтяне, которые подавили восстаніе, и съ 1830 по 1840 г., по соглашенію съ Портой, были полноправными хозяевами острова. Въ 1858 г. возгорѣлось на островѣ сильное восстаніе, а въ 1866 и 1867 г. вѣнхизула междоусобная война, но какъ тогда, такъ и въ послѣдующіе 1887, 1889 и 1896 годы, всѣ потоки крови пролиты были безъ пользы и ничуть не улучшили положенія критовъ.

Абиссинская выставка.

Какъ извѣстно, въ началѣ весны прошлаго года, Главное Управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста отравило въ Абиссинію санитарный отрядъ для подавія медицинской помощи больнымъ и рапенымъ въ войнѣ съ итальянцами чернокожими христіанами. Съ мучительными препятствіями и трудностями пробрался санитарный отрядъ къ мѣсту назначенія. Въ Африкѣ ему также пришлось нести целое бремя, что не трудно себѣ представить, принявъ во вниманіе всѣ невагоды, которымъ подвергался санитарный отрядъ во время своей девятилѣтней экспедиціи. Тропическіи жары, дождлившія, порой, до 75° по Цельсію, проливные дожди, и на ряду съ тѣмъ холодъ на возвышенностяхъ, способны были ослабить самую стойкую энергію; но русскій санитарный отрядъ дѣлалъ свое дѣло, изумляя своею твердостью и выносливостью самихъ абиссинцевъ. Сестры милосердія не успѣли своевременно прибыть на мѣсто дѣйствія; ихъ задержали препятствія, то тамъ, то здѣсь неожиданно выраставшія по пути. Онѣ доѣхали только до Египта, и отсутствіе ихъ еще болѣе усугубило тяготы, выпавшія на долю санитарнаго отряда.

Одинъ изъ участниковъ русскаго санитарнаго отряда въ Абиссинію, К. С. Звиницъ, посетившій эту страну дважды и вывезшій оттуда различнаго рода предметы, устроилъ въ залахъ главнаго управленія Краснаго Креста санитарно-этнографическую абиссинскую выставку.

Вся выставка распадается на три отдѣла.

Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разныя діаграммы и таблицы о принятыхъ амбулаторіею больныахъ. Въ общемъ оказана помощь 27 тысячамъ людей, при чемъ прооперировано до 1,000 операций. Изъ этого числа около двухъ третей абиссинцы, остальное — прочіе народы Абиссиніи, а также еврпейцы. Количество мужчицъ, примѣрно, 70%, а 30% — женщины и дѣти. Надо замѣтить, что въ войнѣ, которую ведутъ абиссинцы, женщины и дѣти всегда принимаютъ дѣятельное участіе: онѣ подаютъ сражающимся воду, подносятъ патроны, ободряютъ менѣе храбрыхъ и т. п. При дворѣ Менелика въ настоящее время есть одна пожилая женщина, награжденная золотымъ вѣнкомъ на голову за ея храброе участіе въ послѣдней итальяно-абиссинской войнѣ и получившая право быть всегда въ свитѣ негуса.

По находящейся на выставкѣ (II отдѣлъ) довольно точной итальянской картѣ Абиссиніи можно прослѣдить 2000-верстный путь, сдѣланный русскимъ санитарнымъ отрядомъ, а другіе предметы на выставкѣ доверяютъ представленію объ этомъ пути. Вотъ несложная походная палатка, складная кровать (для офицеровъ), котлы, въ которыхъ они варили пищу, и прочіе походные предметы, а главное — хирургическіе инструменты, которые блестятъ здѣсь же въ витринахъ, тонкіе и изящные, — даже, сами по себѣ... заслуживающіе довѣрія.

Абиссинцы, однако, въ первое время не особенно довѣряли имъ, но первая же искусная операция разрушила это недовѣріе.

Въ одной изъ витринъ лежатъ пули и камешки, извѣщенные нашими докторами у раненыхъ абиссинцевъ; „баши-бузукъ“, то-есть туземная войска, находившаяся на службѣ итальянцевъ, нерѣдко стрѣляла камнями за недостаткомъ патроновъ.

Какими жалкими и смѣшными кажутся абиссинскіе хирургическіе инструменты, состоящіе чуть ли не единственно изъ маленькаго кривого ножичка, которымъ можно очипить карандашъ и вычистить и обрѣзать ногти, но не больше. Но абиссинцы не только не чистятъ ногтей, но даже никогда не умываются, и если правда, что культура страны пропорціональна количеству потребляемаго страшной мыла, то заключеніе будетъ не въ пользу Абиссиніи, такъ какъ тамъ совсѣмъ не употребляютъ мыла, зато сало въ больномъ ходу: имъ мазутъ и тѣло, и голову, иногда даже не смывая его.

Медицинская помощь въ Абиссиніи отсутствуетъ: повязки изъ камыша, накладываемыя при переломахъ, да металлическія выпуклыя накладки для язв — вотъ и все. Зато очень развито знахарство. Весьма распространены амулеты, при чемъ болѣе дѣйствительнымъ цѣлебнымъ средствомъ считается кровь изъ гребенка пѣтуха.

Понятно, что при такой гряди и такой „медицинѣ“ зарождаются и соответствующія болѣзни. На выставкѣ имѣются фотографіи прокаженныхъ и діаграммы болѣзней, свирѣпствующихъ среди абиссинцевъ.

Въ общемъ II отдѣлъ воспроизводитъ передъ зрителями всю ту походную обстановку, въ которой жилъ и работалъ русскій отрядъ, включительно до шакаловъ и гіенъ, этихъ ненавѣстныхъ спутниковъ отряда по Абиссиніи.

Но главныя предметы абиссинской выставки находятся въ III отдѣлѣ; это — оружіе всякаго рода, почетное и не почетное: сабли, ножи, конья.

Этотъ III отдѣлъ — этнографическій — представляетъ три народности: абиссинцевъ, галласовъ, сомали и родственныхъ имъ данакилей. Наиболѣе культурными, по выставленнымъ образцамъ, являются абиссинцы. Ихъ почетное оружіе, щиты и сабли, а также украшенія, носимыя мужчинами и женщинами на шеѣ, поражаютъ искусною филигранною работою*). Абиссинскія женщины, видимо, мастерицы вышивать шелками по позолоту и бархату.

На ряду съ оружіемъ обращаютъ на себя вниманіе на выставкѣ священныя книги и разныя церковныя предметы. Книги печатныхъ въ Абиссиніи нѣтъ; всѣ книги пишутся писцами. Азбука очень сложна; въ ней больше двухсотъ буквъ. Свѣдѣнія о содержаніи книгъ у абиссинцевъ не имѣются. Книга въ Абиссиніи вообще рѣдка и дорога, ее берегутъ и, несмотря на то, что она имѣетъ деревянный переплетъ, къ ней полагается еще не менѣе трехъ чехловъ.

Стѣнныя и иконостасныя изображенія абиссинскихъ храмовъ очень грубы и оляповаты.

Интересными образцами работъ представляется снаряженіе на муловъ и лошадей. Вообще все, что служитъ для войны, абиссинцы умѣютъ производить. Среди абиссинцевъ никто не занимается земледѣіемъ. Они или воины, или монахи. Въ Абиссиніи не мало монастырей, изъ которыхъ одинъ, — самый древній и красивый, Дебре-Дамо — въ царствѣ Тигре, служитъ также мѣстомъ ссылки для вѣрныхъ преступниковъ. Земледѣіемъ болѣе занимаются сосѣднія съ абиссинцами племена: галласы, сомали и др. Галласы — трудолюбивый народъ и единственныя работники, которымъ живутъ воиственныя абиссинцы. Галласы, будучи вооружены исключительно ножомъ, копьемъ, лукомъ или щитомъ, мастерами зато дѣлаютъ предметы домашняго обихода. Кувшины и корзинки, плетенныя галласскими женщинами изъ волоконъ пальмы съ украшеніями изъ раковинъ, весьма изящны. Сомали и данакили представлены на выставкѣ очень богатыми коллекціями ихъ оружія, предметовъ и вещей. Эти два народа, по ихъ развитію, видимо, стоятъ выже абиссинцевъ, а потому и все ими производимое много грубѣе и проще.

Костюмъ абиссинцевъ еще довольно пристоеетъ съ еврпейской точки зрѣнія, сравнительно съ костюмами другихъ эѳіопскихъ племенъ. Абиссинцы, мужчины и женщины, носятъ рубахи и штаны, то и другое вмѣстѣ, или порознь, смотря по состоянію, но остальныя племена ходятъ почти голыми. Бумажныя матеріи привозныя и покупаются, главнымъ образомъ, въ Харарѣ, хотя теперь абиссинцы, мало-по-малу, научаются ткать матеріи сами, но изъ привозной бумаги.

Конечно, таковы только костюмы простаго народа; аристократія же одѣвается нѣсколько изысканнѣе и сложнѣе: бархатъ, шелкъ, серебро и золото украшаютъ ихъ на удивленіе черни. Даже для лошадей и муловъ существуютъ разныя почетныя украшенія.

Въ качествѣ мѣнковой цѣнности идутъ куски соли, которую, между прочимъ, русскіе иногда употребляли преспокойно въ пищу, если въ соли ощущался недостатокъ. Единственнаго монета въ Абиссиніи — талеръ Маріи-Терезіи, но чеканки не позже 1780 года, равный въ настоящее время 3 фр. или 1 р. 17 к. Количество брусковъ соли, даваемыхъ за талеръ, смотря по мѣстности, колеблется отъ 5 до 12.

Въ описываемомъ же отдѣлѣ имѣются шкуры, рога и чучела звѣрей и птицъ, убитыхъ въ Абиссиніи. Среди послѣднихъ есть рѣдкій экземпляръ водной антилопы и особый видъ африканской зебры. Многочисленныя фотографическія снимки знакомятъ зрителя съ жизнью абиссинцевъ, съ ихъ жилищами, религіозными и военными церемоніями, церквями и т. д.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что абиссинская выставка представляетъ, безъ сомнѣнія, удачную попытку ознакомить русское общество съ далекою отъ насъ и, въ сущности, совершенно неизученною страной, возбуждающей къ себѣ, однако, у насъ съ каждымъ днемъ все болѣе живой интересъ.

*) Оригинальная золотая серьга съ длиною цѣпочкою и подвѣсками, которую получаетъ каждый абиссинецъ, убитый слономъ, въ обмѣнъ на одинъ изъ клыковъ, подносимый обязательно охотникомъ негусу. Число подвѣсковъ свидѣлствуетъ о количествѣ убитыхъ слоновъ владѣльцемъ серги, ногмоной изъ зубовъ ухъ Такиа серги имѣютъ много самовики, Менелика и Гасъ-Маконси. Убитъ слонъ считается въ Абиссиніи весьма почетнымъ.

Къ рисункамъ.

Быстро подкрадывается къ человеку старость: сегодня еще онъ бодръ и крѣпокъ, а завтра — глядишь — онъ ужъ ослабъ, согнулся станъ, опустилась голова, и передъ вами стоитъ на-стоящій старикъ. И нашъ мастеръ то же испыталъ на себѣ: недавно еще онъ былъ дѣловитымъ работникомъ на корабельной верфи, его цѣнили, какъ незауряднаго плотника, годнаго на самую ответственную работу; вдругъ его свалила болѣзнь, — провалился онъ въ постели, правда, недолго, но всталъ съ нею уже не тѣмъ, что былъ раньше: онъ самъ ясно со-

жетъ быть проще, какъ налить въ молоко воды? Надо было, однако, рѣшиться на это. Она очень хорошо знала, что всѣ сосѣдки занимаются этимъ, и понимала, что ничего не стбитъ получить за то же молоко вдвое больше, чѣмъ получалось раньше. Она рѣшилась, такъ, больше изъ любви къ делу: всего полстакана на литръ, — это совсѣмъ незамѣтно и притомъ же вода не что-нибудь вредное — всѣ пьютъ воду. Завтра нальется цѣлый стаканъ, потомъ два, а тамъ и весь литръ; лавочникъ дастъ ей столько же, сколько давалъ за молоко раньше, и на-

льетъ въ него своей городской и фильтрованной, совершенно уже безвредной воды тоже столько же, сколько наливала въ прежнее чистое молоко, и станетъ божиться, что лучшаго молока на всемъ свѣтѣ нѣтъ и не было. А мы дадимъ лавочнику столько, сколько давали прежде, и будемъ совершенно довольны. И хорошо еще, если „первый опытъ“ (стр. 292) ограничится этой примитивной химіей.

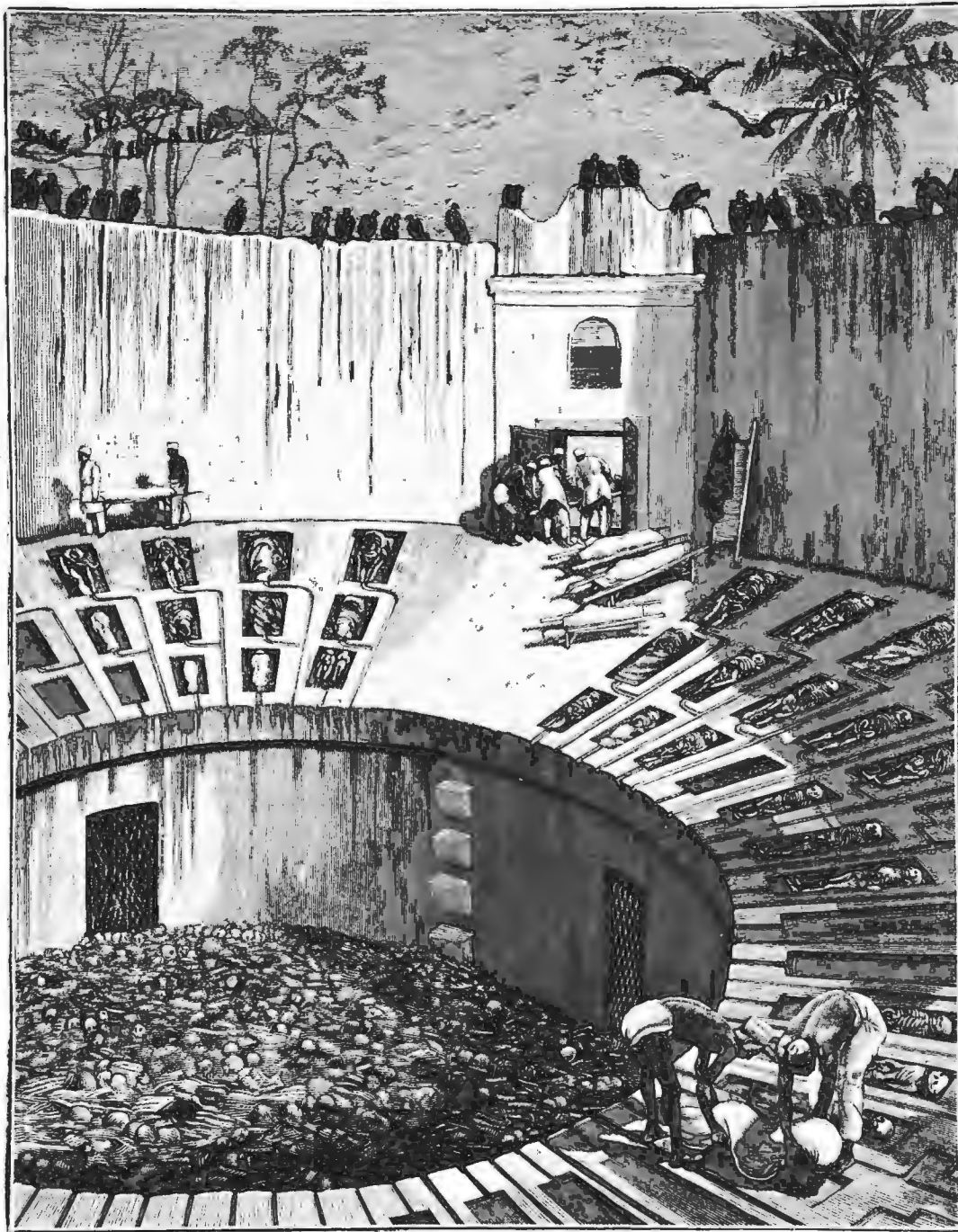
А „глупыя“ коровы смотрятъ съ недоумѣніемъ на этотъ „первый опытъ“, — впрочемъ, именно потому, что онъ первый — потому и онъ привыкнуть.

*

Ни на одной выставкѣ въ Европѣ нѣтъ столько картинъ, подписанныхъ женскими именами, сколько ихъ бываетъ ежегодно въ Салонѣ Елисейскихъ полей. Возьмите каталогъ любого года, и черезъ три-четыре номера вы непременно прочтете: m-me така-то, m-me така-то. Всему свѣту давнымъ-давно извѣстно, что французы самый элегантный и предупредительный народъ тамъ, гдѣ дѣло касается дамъ; французскіе профессора, члены жюри, однимъ словомъ, тѣ вершители художественныхъ судебъ, которыхъ на Мон-мартрѣ *) принято называть „monsieur le maître“, не только не отстаютъ въ элегантности такого свойства отъ простыхъ смертныхъ, но, по некоторымъ признакамъ, можно думать, что они въ состоянии дать простымъ смертнымъ на этотъ счетъ въсколько очковъ впередъ. Нигдѣ протекція не играетъ такой роли, какъ въ стѣнахъ Салона „Maître“, у котораго въ „académie“ ученикъ пробылъ три года, считается своей нравственной обязанностью „привести“ своего

питомца въ Салонъ. И онъ его всегда проводитъ, какъ бы тотъ ни былъ бездаренъ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то чувствуетъ на своей душѣ грѣхъ: питомецъ аккуратно платилъ всегда за обучение, былъ достаточно добросовѣстенъ и пробылъ три года у него, — этого слишкомъ довольно для того, чтобы его протектировать. И maître протектируетъ одинъ годъ и другой, и третій, и протектируетъ всѣмъ, кому пришло время, пока они сами не станутъ на ноги. Такихъ профессоровъ въ Парижѣ бездна и протектируемыхъ безчисленное множество. Дамы здѣсь преобладаютъ. Среди безконечной вереницы дамскихъ именъ вы очень рѣдко наталкиваетесь на что-нибудь стѣнное

*) Средотокъ всѣхъ écoles, académies и ateliers.

Чума въ Индіи. Башня безмолвія. Погребеніе парсовъ, умершихъ отъ чумы.
По рис. М. Тингера грав. Шлиперъ.

знаетъ, что уже миповало для него золотое времечко, что ему уже не мѣсто на верфи. Силы покинули его, — но за нимъ осталось умѣнье, и корабельный плотникъ превратился въ пекуннаго строителя судовыхъ моделей. Своими ловкими пальцами онъ до совершенства отдѣлываетъ мельчайшія части этихъ моделей и самъ восхищается плодами рукъ своихъ, когда изъ-подъ нихъ выходитъ новая модель (стр. 290). Да и какъ не восхищаться, когда каждая изъ нихъ дѣйствительно сдѣлана превосходно, — хоть сейчасъ спускай на воду?..

*

Это было такъ просто и между тѣмъ такъ трудно. Что мо-

випанія. Въ послѣдніе годы въ Салонѣ заставила о себѣ говорить дѣвушка, по происхожденію итальянка (изъ Беллетри), Жуана Романи. Ее несомнѣнно надо отнести къ числу самыхъ даровитыхъ художниковъ-женщинъ. Она пишетъ исключительно небольшія головки, иногда фигуры, необыкновенно смѣла и не по-женски рѣшительна въ своихъ пріемахъ въ живописи.

Ея техника энергична, характерна. Ей можно поставить въ вину однообразие этихъ головокъ, всегда похожихъ одна на другую, и не слишкомъ большую погоню за натурой, но, во всякомъ случаѣ, ея живопись блестяща и пронзаетъ впечатлѣніе. Въ прошломъ году она выставила предѣстную головку, назвавъ ее „Дездемоной“ (стр. 297), и эту цокетливую женщину, названную почему-то „Альпійскіи цвѣтъкомъ“. Обѣ вещи написаны кистью виртуоза, хотя, само собою разумѣется, вмѣсто имени Дездемоны можно было совершенно

спокойно подписать „Иродіада“, „Саломея“, „Офелія“ и т. д. до безконечности. Художника просто интересовала эта головка съ такимъ роскошнымъ волосамъ, красивыми голубыми глазами и такимъ мягкимъ, пѣжнымъ тономъ лица. Въ мастерской г-жи Романи, снимокъ съ которой помещенъ въ этомъ номерѣ (стр. 293), на двухъ мольбертахъ стоятъ еще двѣ головки, написанныя въ такомъ же вкусѣ; лучшая до сихъ поръ была та, которая взята въ профиль. И. Гр.

Б. Б. Корсовъ.

(Портр. на стр. 308).

Извѣстный баритонъ московской русской оперы, Богомиръ Богомировичъ Корсовъ, получивъ за двадцатипятилѣтнюю службу въ русской оперѣ петербургскихъ и московскихъ театровъ юбилейный бенефисъ, для котораго онъ выбралъ никогда не шедшую въ Россіи оперу Сенъ - Санса „Гейрихъ VIII“. Имя г. Корсова принадлежитъ къ тѣмъ именамъ нашихъ оперныхъ дѣятелей, которыми должна гордиться наша лирическая сцена; это—артистъ „съ головы до ногъ“, какъ сказалъ бы король Лиръ, и его заслуги передъ нашимъ искусствомъ, въ особенности въ первопрестольной, никогда не будутъ забыты, такъ какъ, благодаря его содѣйствію въ смыслѣ продуцированія русскихъ композиторовъ и участію въ качествѣ превосходнаго исполнителя, многіе произведенія увидѣли тамъ свѣтъ и получили права гражданства въ репертуарѣ. Но началъ онъ свою дѣятельность у насъ въ Петербургѣ съ 1 октября 1869 г., и случилось это слѣдующимъ образомъ.

До директора театровъ, Геденова, дошли слухи объ успѣхахъ молодого русскаго пѣвца, находившагося въ Италіи, гдѣ онъ занимался съ извѣстнымъ въ то время профессоромъ пѣнія Джіованни Корси (отсюда и псевдонимъ „Корсовъ“, въ благодарности къ своему профессору), а выступилъ онъ впервые въ Туринѣ, въ театрѣ Альфиери, въ „Лючій“ (Астонъ). Директоръ театровъ вызвалъ молодого артиста въ Петербургъ, прослушалъ его и пригласилъ въ составъ труппы. А Корсову было тогда 24 года (родился онъ въ Петербургѣ въ 1845 г.); онъ уже въ то время окончилъ строительное училище (теперь институтъ

гражданскихъ инженеровъ) и затѣмъ Академію Художествъ (1864 г.) съ званіемъ класснаго художника. Присутствіе голоса весьма рано обнаружилось у Б. Б. Корсова; еще 9 лѣтъ онъ учился пѣть, и никому, конечно, тогда въ голову не приходило готовить его къ артистической дѣятельности.

Познанія, приобретенныя г. Корсовымъ по своей специальности (архитектурѣ), сослужили однако ему большую службу впоследствии: рѣдкая опера ставилась и ставится въ Москвѣ безъ его указаній въ смыслѣ постановки. Превосходно зная архитектуру разныхъ эпохъ и время, отлично научивъ исторію костюмовъ, онъ приходитъ на помощь своими свѣдѣніями при постановкѣ новыхъ произведеній. Но слава нашего юбиляра заключается главнымъ образомъ въ прекрасномъ, большомъ и сильномъ его голосѣ и въ первоклассномъ сценическомъ талантѣ, признанномъ такими корифеями драматическаго искусства,

какъ Росси, Сальвини (см. „Мемуары“), Поссартъ, и др. Дѣйствительно, г. Корсовъ изъ каждой партіи, — будь она русскаго или иностраннаго репертуара, — создаетъ живой художественный образъ; его роли — это дѣланіе галлерей историческихъ и артистически задуманныхъ типовъ. Репертуаръ его обширенъ и охватываетъ около пяти десятковъ партій.

Особенно поражаетъ г. Корсовъ разнообразіемъ, которое онъ вноситъ въ каждый характеръ. Отлично образованный, литературно-начитанный, преданный всецѣло своему искусству, нашъ юбиляръ изучаетъ каждую роль по источникамъ, знакомится подробно съ эпохой, въ которой данный герой дѣйствовалъ, входитъ, такъ сказать, во внутреннюю жизнь изображаемаго имъ лица и, такимъ образомъ, является предъ зрителемъ во всеоружіи сценическаго искусства, поражая ихъ глубоко-здуманнымъ и мастерски-выполненнымъ художественнымъ созданиемъ. Нѣтъ роли, въ которой г. Корсовъ былъ неудаченъ. Его—Риголетто, Донъ-Жуанъ, Неверъ, Вильгельмъ Телль, Телльрамундъ въ иностранномъ репертуарѣ и Борисъ Годуновъ, Демонъ, Олофернъ, Мазепа, Уриель Акоста, Іуда Маккавей, Купецъ Калашниковъ, Петръ („Вражья сила“), Князь Вязминскій („Опричникъ“), Чортъ („Черевички“) — въ русскомъ репертуарѣ, — все это художественно законченные образы, неизгладимые изъ памяти видѣвшихъ его на сценѣ въ нихъ.

Такие артисты, какъ г. Корсовъ, служа украшеніемъ труппы, въ то же время служатъ образцомъ для молодыхъ артистовъ въ томъ смыслѣ, какъ слѣдуетъ относиться къ искусству. Пожелаемъ юбиляру еще много лѣтъ продолжать свою блестящую дѣятельность, принесшую такую громадную пользу русской оперѣ въ Москвѣ, въ особенности въ то время, когда онъ началъ ее тамъ, и когда русская опера, благодаря увлеченію итальянской, была въ полномъ заговѣ; много было тогда сдѣлано г. Корсовымъ...

В. Басинъ.

Голодъ въ Индіи (см. стр. 299). По дорогѣ къ продовольственнымъ магазинамъ. Драка изъ-за просыпавшагося зерна. По рисунку „Ill. Lond. News“ грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Рѣдко приходилось политическимъ кружкамъ Европы переживать такую усложненность дипломатической дѣятельности державъ, какъ въ текущемъ фазисѣ критскаго вопроса: нерѣшительность европейскаго концерта въ выборѣ мѣръ воздѣйствія на Грецію предоставила полный просторъ филэллинской агитаціи, стремящейся, безъ всякаго сомнѣнія, довести дѣло до международной катастрофы. Со времени появленія греческихъ войскъ на Критѣ, Англія держалась весьма характернаго направленія, чтобы всякія мѣропріятія державъ съ дѣлю обузданія греческаго штыля явились по меньшей мѣрѣ запоздалыми, если не вовсе бездѣльными. Европейскому концерту навѣстно было, что одной блокады Крита далеко не достаточно, чтобы заставить Грецію отозвать свои войска, между тѣмъ переговоры о дальнѣйшемъ шагѣ державъ слышкомъ затянулись. Когда же признано было необходимымъ приступить безоговорочно къ блокадѣ греческихъ портовъ, Англія стала увлоняться отъ рѣшенія державъ относительно Греціи. Въ то же самое время, возвысившій свой голосъ Гладстонъ, въ письмѣ своемъ къ герцогу Вестминстерскому, посоветовалъ Англіи не предпринимать дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій по критскому вопросу. Хотя консервативные и многие оппозиціонные органы печати осудили увлеченіе Гладстона эллиническими симпатіями, тѣмъ не менѣе, тревожное настроеніе не унималось. Въ виду очевидной опасности, вытекающей изъ неопредѣленности положенія, въ Западной Европѣ заговорили о намѣреніи Англіи выйти изъ европейскаго концерта. Поѣздка въ Парижъ англійскаго премьера маркиза Салесбюри, по дорогѣ въ Ниццу, его свиданія съ г. Гавото и президентомъ Форомъ—14 марта—какъ бы подтвердили предположеніе политическихъ кружковъ о какихъ-то предложеніяхъ со стороны британской дипломатіи французскому правительству относительно программы совмѣстнаго дѣйствія Англіи и Франціи. По отзывамъ, однако, западно-европейской офиціозной печати, послѣ свиданія англійскаго премьера съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, „Англія рѣшила не отступать отъ совмѣстныхъ дѣйствій державъ“; требованія ея сводятся-де теперь лишь къ установленію между Греціей и Турціей „нейтральной полосы“, что, впрочемъ, оказывается трудно осуществимой задачей, такъ какъ нѣтъ никакой возможности заставить турекія и греческія войска покинуть занятыя ими позиціи. Во всякомъ случаѣ, съ дѣлю ускорить развязку критскаго вопроса, державами рѣшено уже блокировать Пирей, Вою и Коринтъ.

Аѳинское правительство теперь держится относительно Европы политики энергичныхъ протестовъ: протестовало недавно противъ дѣйствій австрійскаго крейсера, потопившаго греческій корабль, съ котораго открыта была пальба по австрійцамъ, протестовало и противъ объявленной блокады, сообщивъ державамъ, что послѣдствія такой мѣры падутъ всецѣло на отвѣтственность Европы. За пять дней до начала блокады греческія суда, покинувъ критскія воды, примкнули къ фло-

тиліи, крейсирующей у ѳессалійскихъ береговъ. Вечеромъ, 15 марта, во набѣжавіе шумныхъ манифестацій въ Аѳинахъ, выѣхалъ въ Лариссу, послѣ трогательнаго семейнаго прощанія, королевичъ Константинъ—наслѣдникъ греческаго престола, назначенный главнокомандующимъ греческими войсками на ѳессалійской границѣ. По неоднократному заявленію греческаго правительства, событія въ Греціи текутъ, подчиняясь велѣніямъ народа, т. е. всеми греческими дѣлами теперь управляетъ національный комитетъ—„народная гетерія“. Съ требованіями этого комитета вынужденъ считаться самъ король Георгъ. Не находя выхода изъ нескотливаго положенія, аѳинское правительство дало понять державамъ, что отступленіе Греціи невозможно, но что она сочла бы себя удовлетворенной оккупацией Крита по примѣру австрійской оккупации турецкихъ провинцій Босніи и Герцеговины, или же, по крайней мѣрѣ, общаіемъ державъ присоединить Критъ къ Греціи влослѣдствіи, ограничившись пока назначеніемъ въ критскіе князья королевича Георгія. Понятно, что всѣ подобныя заявленія унорствующихъ грековъ оставлены державами безъ всякаго вниманія.

На Критѣ военные дѣйствія продолжаются. Австрійскій броненосецъ задержалъ греческій пароходъ и парусное судно, пытавшіеся прорвать линію блокады. Несмотря на то, что адмиралы обратились съ прокламаціей къ инсургентамъ не нападать на турецкія форты, необходимые для поддержанія порядка въ мѣстностяхъ международной оккупации, греки осадили нѣсколько турецкихъ блокгаузовъ, господствующихъ надъ бухтами, гдѣ стоятъ европейскіе броненосцы. По сообщенію *Kölnische Zeitung* отъ 13 марта, инсургенты напали на турецкіе аванпосты и при сильной бомбардировкѣ атаковали блокгаузъ Малакса, гарнизонъ котораго вынужденъ былъ, очистивъ это укрѣпленіе, начать отступленіе съ значительной потерей убитыми и ранеными. Завязавшійся горячій бой между турками и греками заставилъ международныя суда, стоящія въ Судской бухтѣ, открыть огонь, благодаря чему греки, свявши съ укрѣпленія греческій флагъ и предавъ пламени укрѣпленіе, отступили. Одновременно произошли атаки со стороны инсургентовъ и въ другихъ пунктахъ расположенія турецкихъ войскъ. По заявленію англійскаго правительства палаť общица, положеніе на Критѣ таково, какъ будто „Вассосъ объявилъ открытую войну великимъ державамъ“. Дѣйствительно, какъ сообщаютъ изъ Канен, отъ 19 марта, теперь дозвоно, что инсургенты дѣйствуютъ по приказаніямъ Вассоса. Нападенія грековъ возобновились, избравъ своей задачей овладѣть важнымъ укрѣпленіемъ, господствующимъ надъ Судской бухтой. Въ дѣйствіяхъ противъ нападающихъ принимаютъ участіе и броненосцы державъ. Въ виду опасности, угрожающей европейскимъ десантамъ, адмиралы потребовали высылки на Критъ—вторыхъ европейскихъ батальоновъ по 600 человекъ, которыми дѣло, по всей вѣроятности, едва ли ограничится.

Смѣсь.

Любительскій спектакль у гр. М. Э. Клейнмихель. Слова „любительскій спектакль“ вызываютъ у насъ обыкновенно представленіе о прайдной забавѣ кружка скачущихъ людей, которые не знаютъ какъ убить время и, увлекаясь призрачнымъ блескомъ жизни артистовъ, воспроизводятъ въ блѣдныхъ копіяхъ у себя дома то, что они видятъ въ театрахъ. Но такое общепринятое высокоумѣнное отношеніе къ любительскимъ спектаклямъ—и къ любительству, дилетантизму въ искусствѣ вообще—не всегда справедливо. *Свободное* творчество всегда носило и будетъ носить на себѣ печать любительства, дилетантизма. Таланты, въ большинствѣ, прежде чѣмъ сдѣлаются *мастерами*, начинали тѣмъ, что были *любителями*. Упадокъ театральнаго дѣла въ провинціи обуславливается въ извѣстной степени тѣмъ, что и тамъ любители часто достигаютъ большаго совершенства въ исполненіи пьесъ, чѣмъ странствующія труппы актеровъ. Въ Петербургѣ—любительскіе спектакли, устраиваемые любителями изъ высшаго петербургскаго общества, уже сослужили свою службу русскому искусству: нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые была поставлена кружкомъ любителей у гг. Приселковыхъ „Власть тьмы“ Л. Н. Толстого, перешедшая потомъ на сцену казенныхъ и частныхъ театровъ; у гр. Шереметева, тоже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, шла съ большимъ успѣхомъ трагедія гр. А. К. Толстого „Царь Феодоръ Іоанновичъ“, которой, вѣроятно, позднѣе суждено будетъ появиться и на театральныхъ сценахъ. Теперь вниманіе Петербурга привлекла новал пьеса новаго автора, разыгранная великосвѣтскими любителями у гр. М. Э. Клейнмихель и пять разъ—съ 5-го по 16-е марта—собиравшая полный залъ (200—300 человекъ) самаго избраннаго общества. На представленіяхъ присутствовали великіе князья и княгини, министры и высокопоставленныя лица, члены иностранныхъ посольствъ и высшее петербургское общество.

Пьеса эта, написанная съ несомнѣннымъ талантомъ русскимъ

авторомъ на французскомъ языкѣ, называется „Les châtelains de Beaugency“, авторъ ея—баронъ А. А. Гойнингенъ-Гюне.

Въ послѣднее время въ литературѣ начинается введеніе параллелей между тѣмъ, какъ жили люди въ далекія времена, какъ жили во времена болѣе близкія къ намъ, какъ живутъ въ наше время, и какъ одинакова драматическія коллизіи разрывались тогда и теперь. Такого рода параллелизмъ, придавая чисто-художественнымъ произведеніямъ извѣстную тенденціозность, оставляетъ большое впечатлѣніе и заставляя читателей—или зрителей—задумываться надъ такими сторонами произведенія и изображаемой въ немъ жизни, которыя ускользнули бы отъ его вниманія, не будь этой чисто внѣшней связи картинъ, повидимому, совершенно различнаго содержанія. Такъ и въ пьесѣ барона Гюне. Авторъ взялъ французскій аристократическій родъ Божанси въ разныя эпохи его существованія и въ трехъ послѣдовательныхъ дѣйствіяхъ пьесы показалъ намъ, какъ, живя въ томъ же самомъ родовомъ замкѣ, представители этого рода, слѣдуя духу времени, измѣнялись и дошли до вырожденія.

Мы видимъ въ первомъ дѣйствіи, происходящемъ въ 1099 году въ замкѣ Божанси, патриархальный бытъ французскихъ рыцарей эпохи крестовыхъ походовъ. Простыми, но яркими и симпатичными чертами рисуетъ авторъ дружную семью, взаимную любовь и уваженіе ея членовъ, вѣрность долгу, вѣрность слову, самопожертвованіе и въ маломъ и въ большомъ, гостеприимство, рыцарское поклоненіе женщинѣ, ищущую и кроющую любовь. Не обходится и безъ супружеской ищущей, но всѣ, начиная съ самого измѣнника, уѣзденца, что молодая гречанка, заставившая французскаго крестоносца нарушить супружескую вѣрность и удержавшая его на о. Кипрѣ—воздушья. Все это немного наивно, но невольно влечетъ къ себѣ юношеской свѣжестью тѣхъ еще не обветшавшихъ идеаловъ, которыми проникнуты всѣ дѣйствующія лица и относительно которыхъ

между ними вѣтъ ни малѣйшаго разногласія. У всѣхъ одинъ Богъ въ сердцахъ, всѣ единому Ему поклоняются, и у всѣхъ одинъ девизъ: *gardez l'honneur du beau pays de France, gardez l'honneur de Beaugency!*

Второе дѣйствіе переноситъ насъ въ эпоху первой французской революціи—1792 года. Предъ нами та же зала того же замка Божанси, что и въ первомъ актѣ, но прежнія дѣйствующія лица фигурируютъ здѣсь уже только въ видѣ старинныхъ фамильныхъ портретовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, а на сценѣ, въ другой обстановкѣ, живетъ и дѣйствуетъ новая семья—прямые потомки первыхъ Божанси. Они вѣрны традиціямъ своего древняго рыцарскаго рода, они такъ же твердо вѣрятъ въ Бога я, несмотря на торжество республики, сохранили вѣрность своему королю, не сумѣвшему сохранить свой тронъ. Но уже время наложило печать на все окружающее, и даже люди близкіе маркизу Божанси и по происхожденію, и по воспитанію, и по духу, начинаютъ относиться критически къ непоколебимости традицій. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, молодой аристократъ, сражавшійся въ Америкѣ въ войскахъ Лафайета и теперь состоящій въ рядахъ французскихъ войскъ,—республиканскихъ, но защищающихъ родину отъ вѣнскихъ враговъ, подстрекаемыхъ къ нападению на Францію монархистами,—влюбленъ въ дочь маркиза Божанси, любима ею, готовится стать ея женихомъ. Они друзья дѣтства, и онъ служить въ одномъ полку съ роднымъ братомъ своей возлюбленной. И вотъ этотъ молодой человекъ, въ то самое время, какъ любимая имъ Діана Божанси предлагаетъ отдать свою жизнь для спасенія арестованной королевской семьи, начинаетъ говорить ей о томъ, какія перемены произошли въ его взглядахъ. Онъ открываетъ ей, что онъ уже въ душѣ республиканецъ, свободный мыслитель, убѣжденный, что на свѣтѣ есть много благъ гораздо болѣе существенныхъ, чѣмъ традиціи и запыленные пергаменты. Его уже не увлекаютъ звучныя слова, которыми ублаживали его въ дѣтствѣ, и онъ умѣетъ ихъ анализировать. И сама молодая дѣвушка готова согласиться съ его взглядами на то, что всѣ люди имѣютъ одинаковыя права на свободу и счастье, но она убѣждена, что кровопролитіемъ не достигнешь ни того, ни другого. Это объясненіе ведетъ, однако, къ окончательному разрыву между двумя существами, любящими другъ друга, но понимающими жизнь каждый по-своему; и оба идутъ въ разные стороны, каждый своимъ путемъ. Но это разрывъ благородный, разрывъ во имя высшихъ идеаловъ, гдѣ каждый по-своему правъ. Еще не обладая истиной, здѣсь страстно ищутъ ее. Но какъ 900 лѣтъ тому назадъ, такъ и тутъ, у людей есть Богъ въ сердцахъ, хотя понятие о Немъ раздвоилось: одни вѣрятъ въ одно, другіе—въ другое, но всѣ дѣйствуютъ во имя своей вѣры.

Полное крушеніе всякихъ вѣрованій, идеаловъ, понятій о чести, о правахъ и обязанностяхъ, крушеніе самаго благосостоянія, унаследованнаго отъ предковъ, показываетъ намъ авторъ въ третьемъ дѣйствіи. Мы все въ той же залѣ замка Божанси, но уже въ наши дни, въ юнѣ 1896 г. На стѣнахъ прибавились еще фамильные портреты лицъ, прошедшихъ передъ нами въ такомъ симпатичномъ освѣщеніи во второмъ дѣйствіи; но эти портреты рѣшительно ничего не говорятъ уму и сердцу потомковъ, безпечно покачивающихся среди нихъ въ американскомъ *rocking-chair*. Въ дѣйствующихъ здѣсь теперь выродкахъ не осталось и слѣда тѣхъ благородныхъ свойствъ, которыми блистали ихъ предки, не приобрѣли они ничего и изъ тѣхъ лучшихъ завоеваній, которые дала эпоха борьбы за „право человека“. Критика и анализъ существующаго, вмѣсто того, чтобъ очистить золото человѣческой души отъ настигшей на него вѣковой пыли, какъ сѣрная кислота, совсѣмъ сожгла дряблыя сердца этихъ ничтожныхъ людей. Бога больше нѣтъ, нѣтъ никакого бога,—его замѣнили деньги, спортъ, игра, удовольствія. Титулы и имена вытѣснены кличками. Трубадуры и романтическую поэзію первыхъ двухъ дѣйствій смѣнили декадентскія вирши о „летающихъ бѣлкахъ“, открытыхъ французскимъ поэтомъ-виконтомъ и благосклонно одобряемыхъ русскимъ самозванцемъ „княземъ“, тутъ же поющимъ переведенную имъ на французскій языкъ пѣсню „Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ“. Старшая замужняя дочь маркиза бѣжитъ изъ дому съ богатымъ американцемъ, послѣ того какъ тотъ за нѣсколько сотъ тысячъ франковъ купилъ у ея проигравшагося въ рулетку мужа разводъ. Единственный сынъ маркиза Божанси, тоже проигравшійся въ рулетку, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ игры, кутежей и гдѣ бы добыть денегъ. Когда отецъ, отказывая ему въ деньгахъ, говоритъ, что онъ самъ безъ гроша, потому что затратилъ огромныя суммы на подкупъ избирателей, которые должны выбрать его депутатомъ въ парламентъ, юный маркизъ замѣчаетъ по этому поводу только одно, что эти деньги израсходованы безъ всякаго удовольствія. Когда, затѣмъ, отецъ говоритъ, что у сына, вѣроятно, еще нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, этотъ юный отпрыскъ древнихъ крестоносцевъ отвѣчаетъ, что онъ *jemenfichiste*. Да, ему „въ высокой степени наплевать“ на всѣхъ и на все, лишь бы ему было весело. А когда младшая сестра его напоминаетъ ему объ ихъ предкѣ, убитомъ революціонерами за то, что онъ кричалъ „да здравствуетъ король!“—современный *jemenfichiste* ничинчо заливаетъ,

что онъ сталъ бы кричать что угодно, лишь бы его оставили въ покоѣ. Самъ маркизъ, владѣлецъ замка Божанси, потомокъ того Божанси, который въ этой самой залѣ умѣлъ съ честью умереть за свои убѣжденія, ставитъ теперь свою кандидатуру въ депутаты, съ дѣломъ не столько служить Франціи, сколько „поправить свои растатанна дѣла“, и, не смущаясь, признается въ этомъ барону-ростовщику, прося у него займы, подъ обезпеченіе будущихъ услугъ, которыя онъ, въ качествѣ депутата, можетъ оказать барону. И баронъ-ростовщикъ, не бросающій денегъ на вѣтеръ, обѣщаетъ дать маркизу просимую крупную сумму, если маркизъ будетъ дѣйствительно избранъ. Но на выборахъ одерживаетъ побѣду не маркизъ, а сынъ его камердинера, человекъ болѣе серьезный и болѣе достойный званія депутата, чѣмъ Божанси со всѣмъ его аристократическимъ престижемъ. Послѣ того, какъ рухнула надежда маркиза поправить на казенный счетъ свои дѣла, баронъ-ростовщикъ, разумѣется, не даетъ ему денегъ займы, и маркизъ оказывается разореннымъ. Ему больше ничего не остается, какъ продать свой родовой замокъ, благо уже есть покупатель, сдѣлавшій маркизу выгодное предложеніе. Покупатель этотъ—м-г *Ernest*, содержатель ресторана „Медвѣдь“ въ Петербургѣ, желающій превратить замокъ Божанси въ отель для туристовъ. Въ то время, какъ маркизъ собирается телеграфировать ему о своемъ согласіи на продажу, слуга подаетъ визитную карточку: м-г *Ernest*, не дожидаясь отвѣта на свое предложеніе, самъ прѣхалъ въ Божанси. Обрадованный маркизъ велитъ просить его войти, а веселый сынокъ маркиза съ глупо-самоуверенной улыбочкой восклицаетъ: „конецъ вамъ, Божанси!“—и занавѣсъ падаетъ.

Пьеса, начавшись почти идилліей, переходитъ въ драму и кончается легкой комедіей, даже водевилемъ,—но водевилемъ съ довольно пессимистической подкладкой.

Картина разложенія этой семьи Божанси, представительницы итѣогда столь славнаго рода, была бы безотрадной и безнадежной, еслибъ на мрачномъ фонѣ современной пошлости авторъ не нарисовалъ эскизы, еще не совсѣмъ опредѣленные, но симпатичный образъ младшей дочери маркиза Божанси—Клоринды. Она—велосипедистка, она съ шикомъ умѣетъ пройтъ зазорный куплетъ, она физически сильна, какъ мужчина, она дитя нашего вѣка, нашего *конца вѣка*; но она полна и меланхолической граціи, когда она вспоминаетъ романтическую поэзію наввной любви *du temps de nos aïeux*; она любитъ домашній очагъ, тотъ очагъ, около котораго было такъ тепло въ доброе старое время; она хочетъ выйти замужъ по любви, потому что ея жизненнымъ наблюденіемъ убѣдила ее, что единственно удачные браки *по расчету* это тѣ, которые заключаются *по любви*; но она хочетъ, чтобы тотъ, кого она полюбитъ, былъ достоинъ ея уваженія, хочетъ, чтобы у него была дѣль въ жизни, чтобы онъ былъ ея другомъ и товарищемъ по оружію въ битвѣ жизни, потому что—говоритъ она—жизнь въ наше время давно перестала быть шуткой.

И образъ этой милой дѣвушки производитъ на насъ бодрящее впечатленіе, въ вѣрते, что еще не все погбло. Здоровое зерно еще есть въ этомъ обществѣ, и оно въ рукахъ женщины, матери будущей семьи, той семьи, которая не будетъ похожа на семью добраго стараго времени, но будетъ по-своему величественна и прекрасна.

Въ пьесѣ много тонкихъ, художественныхъ штриховъ, рельефно выдвигающихъ параллельность явленій одного и того же порядка въ разные эпохи, но отмѣтить ихъ здѣсь нельзя безъ очень подробнаго пересказа содержанія пьесы. Появленіе „вѣчнаго жда“ и обиліе номеровъ для пѣнія нѣсколько вредятъ дѣльно-сти впечатлѣнія и мѣшаютъ этой пьесѣ быть *чисто-художественнымъ* литературнымъ произведеніемъ; но, ради общей талантливости дѣла и во имя свободы искусства, можно допустить и эти частности, которыя отчасти придаютъ всей вещи характеръ пьесы для домашнихъ спектаклей. И несмотря на этотъ малый недостатокъ, нельзя не пожелать, чтобы „*Les châtelains de Beaugency*“ перешла теперь на сцену Михайловскаго театра, а затѣмъ явилась въ переводѣ и на другихъ нашихъ сценахъ: она достойна большаго успѣха. Тенершее же появленіе ея на любительскомъ спектаклѣ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ можно только горячо приветствовать. Это не пастораль, не картинка въ стилѣ Вагто, это—ѣдка сатира на самихъ себя, хотя и удачно вправленная въ обличье нашихъ добрыхъ друзей и нашихъ учителей... въ дѣлѣ упадка. Но аристократія, которая можетъ создавать, исполнять и такъ внимательно слушать такія пьесы, еще нечего бояться разложенія; ей есть что защищать въ этой жизни, у нея есть еще и запасъ силъ для этой защиты.

Исполненіе пьесы, подъ руководствомъ талантливаго артиста Михайловской сцены м-г *Andrieu*, вполне заслуживало того успѣха, который выпалъ на долю автора и исполнителей на этихъ блестящихъ представленіяхъ. Особенно удачно было исполненіе гр. Клейнмихель роли младшей дочери Божанси во всѣхъ трехъ дѣйствіяхъ. Это свѣжій талантъ, которому могутъ позавидовать многія изъ профессиональныхъ артистокъ.

Спектакли устраивались въ пользу Сергіевскаго братства, и значительный матеріальный успѣхъ ихъ вполне соотвѣтствовалъ ихъ успѣху сценическому.

Разныя извѣстія.

— 16 марта Ея Величество Государыня Императрица Марія Федоровна изволила отбыть по варшавской желѣзной дорогѣ изъ Петербурга, для слѣдованія въ Данію. Къ пяти часамъ дня на вокзалѣ

желѣзной дороги проводитъ Государыню Императрицу прибыли: Его Императорское Величество Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества великія княгини Марія Павловна, Елисавета Маври-

киевна и Ксенія Александровна, великія княжны Ольга Александровна и Елена Владиміровна, великіе князья Михаилъ Александровичъ, Андрей Владиміровичъ, Константинъ Константиновичъ, Николай Ни-

колаевич, Георгій Михайлович, Александръ Михайлович и Сергій Михайлович и Ихъ Высочества принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе и герцоги Георгій Георгиевичъ и Михаилъ Георгиевичъ Мекленбург-Стрелицкіе, а также придворныя дамы и лица свѣты Государя Императора. Вмѣстѣ съ Ея Величествомъ Государынею Императрицею Маріею Теодоровною отбыли до станции Александровской—Его Величество Государь Императоръ, а до Гатчины—великій князь Михаилъ Александровичъ и великая княжна Ольга Александровна. На станціи Александровскую проводить Государыню Императрицу Марію Теодоровну изволила выѣхать Государыня Императрица Александра Теодоровна. Государыню Императрицу въ заграничное путешествіе сопровождаютъ фрейлины Ея Величества Е. С. Озерова и состоящій при Ея Величествѣ генералъ-адъютантъ князь Варатинскій. 18 марта, въ 7 час. 50 мин., Государыня Императрица Марія Теодоровна прибыла въ Копенгагенъ. Со станціи Геддэеръ Ея Величество сопровождали наследный принцъ, принцъ Вальдемаръ, принцессы Ингеборгъ и Тира, а также члены русской миссіи. Въ копенгагенскомъ вокзалѣ Государыня Императрица встрѣчена была королею, принцессою Уальскою, принцессою Викторіею Уальскою, принцемъ Карломъ съ супругою и принцессою Маріею.

— Въ дополненіе къ извѣстію (въ № 12 Нивы, въ отдѣлѣ „Разныхъ извѣстій“) объ установленіи условій преміи Августѣйшаго Имени Государыни Императрицы Александры Теодоровны за лучшія сочиненія по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ, сообщаемъ, что комитетъ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ остановился на слѣдующихъ темахъ, которыя и предложены для соисканія премій: Для оригинальныхъ сочиненій: 1) Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. 2) Соотношеніе дѣятельности общественной и частной на поприщѣ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности. 3) Историческій обзоръ мѣръ общественаго призрѣнія и благотворительности въ Россіи. Для переводныхъ сочиненій: 1) Wilhelm Roscher, „System der Armenpflege und Armenpolitik“. Ein Hand- und Lesebuch für Geschäftsmänner und Studierende. 2 Aufl. Stuttg. 1894. 2) D'Haussonville, „Misère et remèdes“. Paris. 1890. 3) C. Loch, „Charity Organisation“. London. 1890. 4) E. Robin „Hospitalité et travail ou des moyens préventifs de combattre la mendicité et le vagabondage“. Paris. 1897, и 5) Louis Paulhan „Paris qui mendie“. Paris. 1893.—Главная, большая премія Имени Ея Величества установлена въ размѣрѣ 1,500 руб.: въ случаѣ, если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ удостоено такой преміи, то предназначенная на этотъ предметъ сумма обращается на образованіе двухъ малыхъ премій по 750 р. каждая; независимо отъ этого, въ каждомъ соисканіи начисляется 500 р. для поощренія переводовъ; первое присужденіе преміи будетъ происходить въ 1900 году.

— Русскіе экспонаты, отправляемые на стокогльскую выставку, открытіе которой состоится 8 (15) мая, перевозятся по сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ за полную плату при слѣдованіи туда, а при возвращеніи по тому же пути обратно будутъ освобождены отъ уплаты платы, а слѣдовательно, льгота за ихъ перевозку выражается скидкой въ размѣрѣ 50 процентовъ. Для направленія черезъ Ревель и С.-Петербургъ, срокомъ съ 15 марта, означенные экспонаты будутъ перевозиться съ особомъ льготомъ, а именно: какъ при слѣдованіи туда, такъ и при возвращеніи, будетъ дѣлаться скидка въ 50 процентовъ

этою цѣлью уже ведутся переговоры съ финляндскимъ обществомъ пароходства, предлагающимъ установить пять срочныхъ рейсовъ въ неделю, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ рейсовъ предполагается сдѣлать прямыми, безъ захода въ порты. Сообразно съ этимъ будетъ опредѣлено и время нахождения въ пути: отъ 28 до 32 и даже до 50 часовъ. Но самый кратковременный переѣздъ предполагается по слѣдующему маршруту: до Гельсингфорса по желѣзной дорогѣ—9 часовъ, и далее, моремъ,—14 часовъ—всего 23 часа пути. Финляндское пароходство, въ свою очередь, соглашается, какъ слышно, сдѣлать скидку для пассажировъ, запасавшихся билетами въ Стокгольмъ и обратно.

— Согласно постановленію совѣта по тарифнымъ дѣламъ, состоящему 12 сего марта и обращенному министромъ финансовъ къ исполненію, независимо отъ льготъ, установленныхъ на основаніи Высочайшихъ повелѣній 26 апрѣля 1895 г., 18 ноября 1898 г., 13 октября 1899 г. и 20 декабря 1891 г. для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ гвардіи, арміи и флота, подпоручиковъ, подхорунжихъ и естандартъ-юнкеровъ, военныхъ врачей и лицъ учебнаго состава Императорской военно-медицинской академіи,—предоставляется: 1) всѣмъ состоящимъ на дѣятельной службѣ высшимъ чинамъ арміи и флота, а именно: генераламъ, адмираламъ и пользующимся правами командировъ отдѣльных частей полковникамъ и капитанамъ 1-го ранга, а также военнымъ и морскимъ врачамъ, начиная съ V класса и выше,—право, при поѣздкѣ ихъ по желѣзнымъ дорогамъ, для собственной надобности, на основаніи особыхъ удостовѣреній, помѣщаться въ вагоны I класса, съ платомъ за проѣздъ по тарифу II класса, въ тѣхъ поѣздахъ, которые, по росписанію, должны имѣть въ составѣ своемъ вагоны I класса;—и 2) всѣмъ лицамъ, проезжающимъ по желѣзнымъ дорогамъ, на основаніи упомянутыхъ Высочайшихъ повелѣній, съ билетами III класса въ вагоны II класса, за исключеніемъ подпоручиковъ, подхорунжихъ и естандартъ-юнкеровъ,—право переходить въ вагоны I класса съ доплатомъ, установленною для пассажировъ при переходѣ ихъ изъ вагона II класса въ вагонъ I класса. Настоящій льготный тарифъ вводится въ дѣйствіе съ 5 апрѣля 1897 г.

Б. Б. Корсовъ (по поводу 25-лѣтія артистической дѣятельности). Съ фотогр. Г. Трунова въ Москвѣ автотипія „Нивы“.

отдѣльно съ провозной платы въ прямомъ направленіи и отдѣльно — въ обратномъ. По сообщенію *Торгово-Промышленной Газеты*, льгота эта имѣетъ приѣніе при условіи предьявленія свидѣтельствъ генеральнаго комиссара русскаго отдѣла. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ *Новосми*, принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы ускорить и удешевить проѣздъ отъ Петербурга до Стокгольма. Съ

По численію комиссіи по производству первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи оказывается, что крупнѣйше по количеству населенія города идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Петербургъ (1,250,000 чел. съ пригородами), Москва (около милліона), Варшава (свыше 600,000), Одесса (410,000), Лодзь (325,000), Рига (257,000) и т. д. Переписку отмѣчаетъ быстрый ростъ населенія Ростова-на-Дону, которое нынѣ достигаетъ почти 180,000. Вообще, отмѣчено, что населеніе портовыхъ и промышленныхъ городовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Въ „столицахъ“ Поволжья—Казани и Саратовѣ обнаружены диаметрально противоположныя явленія: въ Казани населеніе уменьшилось, въ Саратовѣ же значительно возросло.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Непорочича-Данченко. (Продолженіе). — Меркантильность. Рассказъ В. Васильева. — Предупрежденіе заболѣванія малезъ у дѣтей. — Чума и голодъ въ Индіи (съ 3 рисунками). — Окупация Ирита (съ 2 рисунками). — Абиссинская выставка. — Бъ рисункахъ: Новая модель. — Первый опытъ. — Жуана Романи въ своей мастерской. — Салонъ Емсейскіихъ полей 1836 г. Дезомелье. — Б. Б. Корсовъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Ситск. Любительскій спектакль у гр. М. Э. Клейнмихель. — Разныя извѣстія. — О перемѣнѣ адреса. — Объясненія.

Издатель А. Ф. Марісъ. Редакторъ А. А. Тихомовъ (А. Луговой).

ДЛЯ РЫВЛОВОВЪ.
Американск. платен. лоски, окрашен. лодъ цвѣтъ воды, легки и очень прочны. Крючки „Геркулесъ“ изъ бронзы-алюминія, наванзан. на тонкихъ сталяхъ, повозкахъ. Образецъ крючка и лоски высылаемъ за двѣ 7-коп. марки вмѣстѣ съ прейсъ-курantomъ.
И. Глазуновъ.
Москва, Столешниковъ пер., д. № 8.

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
В. Семадени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продается во всѣхъ антикахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-10

Большая золотая медаль Парижъ.
* **МАССА БЛАГОДАРИ. И ПОЧЕТИ. ОТЗЫВОВЪ:** *
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
иногородныхъ и московскихъ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
вполнѣ замѣняющіе устное преподаваніе. — ПЛАТА УЗРѢВАЯ.
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКАЯ НАУКА
С. Я. ЛИЛІЕНТАЛЬ.
УСЛОВІЯ ПРОБНОГО * МОСКВА * ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО *
Больш. Бутырская ул., д. № 27.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены высшаго отличія
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА
Г. ВЕЙСЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56.
Мужская, дамская и дѣтская обувь
изъ наилучшаго матеріала, новѣйшаго фасона, удобно сидящая, всегда въ болѣекомъ выборѣ.
Иллюстраціонный прейсъ-курantomъ безплатно. ♦ В. № 10026 4-3
Прому остерегаться поддѣлокъ: каждый сапогъ долженъ быть снабженъ штампелемъ моей фирмы. ♦

30% ЭКОНОМІИ
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ
М. РОЖИВЮ МОСКВА
МАРОСЕЙКА Д. ЛЕБЕДЕВОН
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕХЪ РОССІИ
ИМПЕРІИ ЦЕЙЛОНСКАГО КОМПАНИИ
Продается во всѣхъ лучшихъ колоніальныхъ и чайныхъ торговляхъ Россіи.

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбургъ.
Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Валата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛОНЪ!

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай Э. Швейцера, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: Швейцера-Москва.

ЦВѢТОЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ
Т-ва „ГИГИЕНА“
 разныхъ запаховъ, приятны, прочны, значительно превосходятъ существующіе до сихъ поръ цвѣточные одноклоны и туалетныя воды.
СПБ., площ. театра 9. — Москва, Никольская, д. Шереметова. — Варшава, Новый Свѣтъ, 37.

РУССКОЕ ОВЩЕСТВО
П для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**
 въ г. Ригѣ
 изготовляеть въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.
 Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ числѣбушащихъ магазиннахъ и оптовыхъ конторахъ. Д. № 9859 13-12

Жирная Пудра АУРИХЪ
 для бѣлизны лица
 НЕЗАМѢТНА НА КОЖѢ
ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
 С-ПЕТЕРБУРГЪ
 Колокольная 18-19

ПОМАДА „АНТИВЕСНУШИДЕНЪ“
 противъ веснушекъ и пятенъ на лицѣ и для смягченія и бѣлизны кожи.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 Главный складъ у изобрѣтателя **Р. РАКОВЩИКА** въ г. Выницѣ, Подольской губ.
 Цѣна банки 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOISE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
 Средство для полосканія рта, уничтожають запахъ во рту. № 5121 (94)
 Его изъясненіе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную форму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптекарей Россіи.

ТРЕБУЙТЕ
 на каждой жестянкѣ
АНТИПАРАЗИТЪ
 отъ **КЛОПОВЪ**
Л. СТОЛКИНДА
 Продается вездѣ. Главный складъ Москва, Лыбский провъздъ д. Смольянинова Нижегород. Ярмарка, Главный домъ № 157 Л. А. СТОЛКИНДЪ.

ПРОСИТЪ
ПЕЧАТНІЕ
НЕУЖИВЪ
 Печать и наборъ. Тел. № 1360. Адресъ: Невскій пр., д. 1360.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
АЛБОМЪ РАБОТЪ проф. А. Д. КИВШЕНКО.

Посмертное изданіе, съ портретами, офортъ работа Магъ, съ 61 фотографіей и автографіей, на слоновой бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 5 руб. Складъ изданія: Кадетская линія, № 29, кварт. № 12. Кившенко. № 9979 5-5

За 1 рубль сер.
12 ТЕТРАДЕЙ НОТЬ
 фортепианныхъ для танцевъ, салонной игры и пѣнія, въ томъ числѣ и новый танецъ
„МИНЬОНЪ“
 II ФОРТЕПИАННАЯ КЛАВИРАТУРА для легкаго обученія игры по нотамъ. Въ нотѣ 1 р. с., по нотѣ 1 р. 35 к. Музыкальный магазинъ **Ю. ГИЛЬКНЕРЪ.** Москва, Тверская, д. Варяна, гдѣ № 10087 Сіу и К. 3-3

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены **ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА**

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
 Фабрика **РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО**
 основанная въ 1810 году СШБ., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 600 и 560 рублей **ПИАНИНО** въ 650, 500 и 480 р. Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.
 Делю въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына; въ гитѣ О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шушманъ; въ Емцѣ: Ф. И. Шрейбери; въ Т. Ф. В. № 9388 листъ: В. М. Мирнашиахъ. 13-12

КРЕСТЬЯНСКІЯ БУМАГИ.
 12 образца дѣловыхъ и частныхъ бум., составилъ Жеденовъ, быв. земскій начальникъ 15 к., съ пересылкой 25 к. Его же „Дѣла работники“, 129 стран., 5 рисунк., 30 к., съ пересылкой 40 к. 066 вылетѣ съ пересылкой 55 к. можно почт. нарочно. Складъ Н. Асканарова, С.-Петербургъ, Троицкая, в. Ц. № 10-80

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генриха Блонкя, С.-Петербурга, Невскій, 59.

„ИЮЛИ“
 СОВЕРШЕННАЯ ПАЛЬМИРА
 ВЫСОКАЯ ДОСТОИНА
 ПРИЯТНАГО ВКУСА.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ
 С-ПЕТЕРБУРГЪ

Большой магазинъ „ЛУВРЪ“ на 61. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Обширѣйшій торговый домъ дамск. готовыхъ нарядовъ въ С.-Петербургѣ.

ПЛАТЬЯ	шерст. отъ . . . . . 20 р.	МАНТО	наряд. отъ . . . . . 35 р.
	шелков. . . . . 35 р.		прост. . . . . 25 р.
КАПОТЫ	шерст. отъ . . . . . 10 р.	ЖАКЕТЪ	драпов. отъ . . . . . 15 р.
	бумаж. . . . . 3 р. 50 к.		трико отъ . . . . . 12 р.
БЛУЗЫ	бумаж. отъ . . . . . 1 р. 25 к.	КОЛЛЕ	трико отъ . . . . . 5 р.
	шелков. . . . . 3 р. 50 к.		драпов. отъ . . . . . 10 р.
БЛУЗЫ	шелков. отъ . . . . . 5 р. 50 к.	ВАТЕРПРООФЪ	отъ . . . . . 12 р.
КОРСЕТЫ	кути отъ . . . . . 3 р. 75 к.	ЮБКИ	новіотъ отъ 3.50, трико отъ 6.50.

Принимаютъ заказы **полнаго приданаго.** Въ провинцію высылаютъ наложеннымъ платежемъ; на мѣрку просятъ высылатъ лѣфт и длину юбки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиница „ВИКТОРІЯ“
 Казанская ул., д. № 29.
 Первоклассная гостиница съ большими просторными комнатами; электрическое освѣщеніе; ванна. Обиліемъ во всѣхъ воздаемъ.
 Владѣлецъ **К. И. ЛАНГЕ.** 10-8

КРАСИВО ПИСАТЬ
 изучивается всякій звочко (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
 Методъ пренировавъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ **золотой медали.** № 9948 6-4
 За 2 семиклѣтнихъ марки высылаются пробное письмо и условія, а за 4 семиклѣтнихъ марки высла. пробное письмо и условія, подробнаго условія и образцы исправленія почтвр. звочк. учон. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

НА 15% ДЕШЕВЛЕ ФАБРИЧНЫХЪ ЦѢНЪ.
 Вновь откр. фабр. носов. платковъ каннатила только на время Вел. Поста вылетѣ 20% всего 6% пользы, т. е., дѣл платковъ стоить въ розницу 1 р. 10 к. высылаемъ по 85 к. дѣмъ (негдѣ 6 дѣмъ. не отускаемъ). Цѣна вылетѣ отов. продажѣ 6 дѣмъ. за 4 р. 20 к. безъ перес., высылаемъ за 4 р. 6 дѣмъ. съ перес. до 1000 вер. на нашъ счетъ. Служатъ этотъ не повторится, желаемъ ознакомить публику съ нашимъ новымъ дѣломъ и весю пользу 5% употреблемъ на переилку. Платки большаго формата съ измяци. заграничн. рисунк. на бортахъ областнаго наглаго материала. На этихъ же условія высылаемъ чисто бѣлыхъ, вылетѣ 1 руб. 50 к. дѣмъ. за 4 р. 4 дѣмъ (не гдѣмъ 4-хъ дѣмъ) съ пересылкой, а также голландскаго холста выем. сорт. 1 дѣмъ. 8 руб. Трѣбовать за вычисления дѣмъ. За вѣрность объявленія ручаемся. Трѣбованія адресовать: Могилевъ губернскаго, спеціал. фабр. носов. платковъ, Семому Вольченку.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ
 духи — **ФІДЖКА ДУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.
 духи — **ЯПОНСКАЯ ФІДЖКА** — туалетное мыло.
 духи — **ЭДЭЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
 духи — **ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.
 Можно получить: Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Виллеръ, Э. Вреанскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Герца, Липана в Риска, А. Ланде, А. Энгельда. Въ Москвѣ: у гг. Маръ и Мерцлякъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брунсъ, И. Боргардъ, Р. Келеръ и К°, Оскаръ Геллингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9636 13-13
 Представитель для Петербурга: Д. Герце, 2, Максимилиановскій пер.

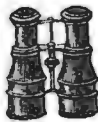
Имеется вездѣ. Делю фирмы въ Москвѣ, Губанская пл., д. Стр. 0-ва „Россія“.

КАТАЛОГ магазина модных журналов всего мира и выкройки И. А. Позина из Москвы, на Тверской, высылается по всей России бесплатно. Адрес для телеграмм: Позинь — Москва.

Резиновые накладки
отъ дождя стряпа съ башмаками длинн 30 вер. по 5 р., черныя по 4 р. — за кажд. вер. длиннѣе или короче по 20 к., изъ матов. выкатана по 2 р. 80 к., за кажд. вер. длиннѣе или короче по 10 коп. предлагается складъ

РИХАРДА КВЕРНЕРЪ.
С.-Петербургъ, Офицерская ул., д. № 10. Образцы бесплатно. Торговцамъ скидки.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛ
„Малютка“ 5 р. с.
„Унионъ“ 7 р. с.
„СИЛОСЪ“
по 8 р., 10 р. и 12 р. с., въ зависимости отъ велич. объектив. Перес. на счетъ покупки „Силосъ“ лучший бинокль нашего времени, преимуществъ его: 1) громадное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе, 3) незначительное поглощеніе свѣта.

ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ.
Новый адресъ:
27. Большая Морская 27.
Сокращенные прейс-курранты бесплатно.

Новый прейс-куррантъ иллюстрир. за 1897 г. Оружейнаго Склада въ фирмѣ:
„Центральное депо оружія“
В. Колюшенина, 29. Ох. Возвигъ. За приложеніемъ духъ 7 к. почт. марокъ высыл. бесплатно. Много новостей.

КОНТОРА
„ВЪНСКІЙ ШИКЪ“
С.-Петербургъ, Невскій, 80.
Навѣщаетъ публику, что въ осеннему и лѣтнему сезону получили **АЛЬБОМЫ** и **ЖУРНАЛЫ** послѣднихъ модъ, содержащія: дамскіе жакеты, накладки, пальто, кофточки, капоты и вышитыя туалеты, цѣною въ 1 р. 20 к., 1 р. 60 к. и 2 р.
Высылаются съ наложеннымъ платежемъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ СПБ.
Гороховъ ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы никель отъ 5 р. 50 до 15 р.
" стальн. жен. ст. 11 до 25 р.
" серебр. жен. ст. 12 до 50 р.
" золот. жен. ст. 24 до 500 р.
" репутации двухдѣльного.
" дамск. отъ 17 до 65 р.
Высылаю каталогъ, платежемъ иллюстр. прейс-курранты бесплатно.

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
отъ 9 р. за кусокъ ширью 26/28 аршинъ. Фанза, прель, павти, че-су-ча цвѣтная. **ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫЙ** мараванный китайскій чай 1 р. 60., 2 р., 3 р. 20 и 2 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. ЕПАНЪШНИНОВА, Москва, Никольская ул., д. Греческ. мост. Игнор. высыл. съ налож. платеж. при высылкѣ 10% на сумму заказа.

Люда. Федоров. Шампейзонъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковъхъ,
рекомендуетъ: изобрѣдательными и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черпачки съ фальцами, бракетовы; дабы: патентовъ. Шаровыя мельницы для измельченія и размола и одновременнаго просииванія матеріаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (47)

PAPIER FAYARD ET BLAYN.
Вумага Фаляръ и Блянь.
Пластикъ, разбѣивенный Медицинскій Солятомъ. Требуется подпись Fayard et Blayn. Продаются въ аптекахъ.

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
ОРГАНИЗАЦІЯ СВОБОДЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОЛГЪ
А. Прэнса.
Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго.
Цѣна 80 коп. № 10078

ПАВЕЛЬ БУРЕ
В. № 10007 5-8
оставивши Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8. противъ Кузнечнаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейс-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что трудно узнать отъ настоящаго бриллианта.
Перес. палоч. платкомъ. С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31. **БАЗАРЪ МАРОКЪ**

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“
(Биографическая бібліотека **Ф. ПАВЛЕНКОВА**).
За послѣднее время поступила въ продажу слѣдующія новыя біографіи: Лассалъ, Магометъ (сост. Владимиръ Соловьевъ), Рональ, Иосифъ, Францискъ-Ассизскій, Шекспиръ, Сократъ и Платонъ. Всякъ біографіи высыл. въ продажѣ 180. Цѣна каждой книжки 25 к.

GRAND PRIX
Expos. Int. Lyon 1894.
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Expo. Int. Bordeaux 1895.

ÉLIXIR, POUDRE et PÂTE
„DENTIFRICES“
des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
DE
„Abbaye de Soulac,”
Dom **MAQUELONNE**, Prieur.
Inventés en l'an **1373** par le Prieur **P. BOURSAUD**
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.
VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.
EXIGER LA SIGNATURE
DU PRIEUR *Maquellonne B. Prieur*
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1897 г.
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ

„НАШЕ ХОЗЯЙСТВО“
посвященный всемъ отраслямъ сельскаго хозяйства и экономіи.
ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:
1) Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, сельско-хозяйственной экономіи и статистики. 2) Статьи по животноводству, пчеловодству, рыболовству и рыбозоводству, земледѣлію, лѣсоводству, плодоводству, виноградарству и винодѣлію, огородничеству, садоводству, цѣтководству, шелководству, сельско-хозяйств. техническимъ производствомъ и др. 3) Статьи по сельско-хозяйственной экономіи и статистикѣ. 4) Торговля и промышленность всѣми продуктами сельско-хоз. производствъ. 5) Ветеринарный отдѣлъ: анатомія, физиологія, гигиена и леченіе животныхъ. 6) Сельское пожарное дѣло. 7) Сельско-хозяйственная архитектура. 8) Охота и охотничья промышленн. 9) Покровительство швотамъ. 10) Метеорологія. 11) Домоводство. 12) Корреспонденція изъ разныхъ мѣстностей Россійской Имперіи и изъ-за границъ. 13) Выдержки изъ газетъ и журналовъ. 14) Сѣбесъ (разныя свѣдѣнія, полезныя свѣдѣнія и сообщенія по всѣмъ отдѣламъ программы). 15) Отѣты на вопросы подписчиковъ. 16) Почтовый ящикъ редакціи. 17) Библіографія. 18) Объявленія.
Журналъ иллюстрируется рисунками, портретами, планами и т. п., какъ черными, такъ и въ краскахъ.
Въ журналѣ „Наше Хозяйство“ сотрудничаютъ извѣстные профессора и специалисты. Подписная цѣна на журналъ „Наше Хозяйство“ за годъ (12 выпусковъ въ 4-5 листовъ каждый) съ доставкой и пересылкой 2 рубль.
Подписка принимается въ конторѣ журнала (С.-Петербургъ, Лѣсной участокъ, Выборгское шоссе, № 31), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просить пересылать подписныя деньги, по возможности, прямо въ контору редакціи.
Издатель-редакторъ **А. И. ОСИПОВЪ.**

МЫЛО ВЭРА-МЮСКЪ
Качество въ конкуренціи
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ 20 К.К.С.
ПАРФЮМЕРІА „СЪВЕРНАЯ ФЛОРА“
С.А. ПРОКОФЬЕВЪ И К^о
ВЪ МОСКВѢ.
Въ 1896 г. ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Представителемъ Льежской мануфактуры на ружья со стволами изъ патентованной стали „Норриль“, Cockerill, состоитъ Оружейный магазинъ
И. И. ЧИЖОВА
С.-Петербургъ, Литейный пр., № 51.
Роскошно иллюстрированный прейс-куррантъ высылается бесплатно.

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“
— Цѣна книжки 50 к. —
Въ странѣ черныя христіанъ. (Очерки Абиссиніи). Ф. Волина. 128 стр. (съ 15 рис.).
Древіе и новѣйшіе колоссы. (Исторія и описаніе замѣчательныхъ статуя, начата въ древнѣйшихъ временахъ). Е. Лебазой. Перев. съ французскаго П. 224 стр. (съ 33 рис.).
Первые обитатели Москвы — рассказъ изъ архива съдой старинъ. В. Битнера. 184 стр. (съ 18 рис.).
Чудеса полярнаго міра. (Исторія путешествій. — Природа. — Жизнь и нравы обитателей). Е. Лебазой. Переводъ Е. Костко. 168 стр. (съ 35 рис.).
Южный полюсъ. (Исторія и описаніе антарктическихъ путешествій). В. Фоминъ. 150 стр. (съ рисунк.).
Вокругъ свѣта на великолѣдѣ. Т. Ступеница. 2 части. 316 страницъ.
Амуръ (Природа и люди Амурскаго края.) Состав. Ф. Волина. 144 стр. (съ 17 рис., 2 карт. и картой).
На верблюдахъ. Воспоминаніе изъ жизни въ Средней Азіи. Соч. Н. Уралова. 188 стр.
Письма изъ Африки. Генриха Сенковича. Переводъ М. Дружковскій. 271 стр. (съ 26 рис.).
Дюнь-Буль и его колонія. (Очерки изъ путешествій по колоніи Англіи). Максъ Д'Релли, переводъ съ англійск. Л. Водановича. 148 стр.
Выписывающіе изъ книжнаго склада

П. П. СОЙКИНА
(С.-Петербургъ, Стрѣмянная, 12) за пересылку не платитъ. Ц. № 10082
♦♦ Новый каталогъ — бесплатно. ♦♦

CRÈME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)
Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдкрема).
Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.
J. Simon, 13, Rue Grange, Парижъ
Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10089

СКРИПКИ
лучшаго качества:

въ 3 4
6, 8, 10,
12, 15,
20, 25,
30, 40, 50,
60, 75, 100 р.
и дорожно.
Смычки для
нихъ въ 30
к. 1 р., 1 1/2, 2, 3,
5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Футляры для скрипки
въ 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
Сѣтвѣя струны и другія принадлежности
Школа Баганца въ 1 р., 2 1/2 и 3 р.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо и фабрика
музыкальных инструментовъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ И К^о.
НОВОСТЫ

Средство для укрѣпленія волосъ
„Петроль“.

Качества „Петроля“ удостовѣр. Москов-
скими Врачами. Упралл.
Невскій, 30.

ПАМЯТЬ

(лицъ каждого возраста) укрѣпляетъ
лично и вѣчно (въ 10 ур.) профессоръ
мемоники, членъ Парижской академии,
С. Файнштейнъ. Посредствомъ моего ме-
тода, основаннаго на законахъ физиоло-
гич. психологич. логики и педагогич., па-
мять возвращается потеряннымъ ее,
дѣлается хорошей и уничтожаетъ плохую и
лучшею — у обладающихъ хорошою.
Въ лекціонной работѣ и цѣлесообраз-
ности моего метода убѣдились въ
теченіи нося 10-лѣтней дѣятельности
на поприщѣ преподаванія мемоники
въ Россіи, гг. врачи, педагоги, воен-
ные, студенты и тысячи др. лицъ раз-
ныхъ профессій, званій и возрастовъ,
окончившихъ у меня курсъ изобрѣтен-
ныя укрѣпленія памяти и удостовѣрив-
шихся въ благодарности. Методъ дважды
примѣряно Парижской академіей.
Условия за курсъ преподаванія и брош.
(въ 32 стр.) высыл. за одну 7 коп.
марку, вѣстѣ съ книгой *) (7-е изданіе).
Что такое искусство укрѣпленія
памяти? за шесть 7 коп. марокъ, на
зеленой же бумагѣ за восемь 7 коп.
марокъ. Адресъ: Одесса, въ главную
контору „Бурсовъ вѣчного препода-
ванія мемоники“, Гаванная ул.,
(28-а), рад. съ Городскимъ садомъ,
д. Бродскаго, № 6/28-а, кв. № 2-8,
бѣль-этажъ, профессору мемоники С.
Файнштейну, или въ „отдѣленіе“ кон-
торы, уг. Пушквинской и Базарной, соб-
ственный домъ, № 46/28, профессору
мемоники С. Файнштейну. Адресъ для
телеграммъ: Одесса, профессору мемоники
С. Файнштейну. № 10010 5-4

*) Книга эта продается также во
всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ
Россійской Имперіи.

**ЧИСТЫЙ,
легко растворимый
КАКАО
ВАНЪ-ГОУТЕНА.**

МАРКА DE FABRIQUE
GARANTI NE CONTENIR QUE DU CACAO SOLUBLE
ET DE PREMIER CHOIX ET LE POIDS NET

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА АЛБОМЪ
„ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВОКЪ“.**

Изданіе художественной фототипии **Н. А. ФИШЕРЪ.**
Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

Альбомъ будетъ состоять изъ 270 картинъ на 180 табл. съ обознач. назван. и ил.
автор. на русск. и франц. яз., in quarto; появится въ 6 выпуск., по 30 лис., въ те-
ченіе года. Первый выш. — въ мартѣ изъ отгарт. XXV Передвижной выст.

Подписная цѣна на все изданіе безъ пересыл. 9 руб., съ доставкой и пересыл. (въ
концахъ) 12 руб.

Допускается разсрочка (только у издателя) при подпискѣ 3 руб., съ перес. 4 руб.,
при II вып. 3 руб., съ перес. 4 руб. и при IV вып. 3 руб., съ перес. 4 руб.
Иногороднымъ высыл. съ наклад. влад. (съ вѣрб. почт. комисс.).
Съ выходомъ II вып. (въ начал. мая) подписка прекратится и цѣна будетъ 12 руб.
безъ пересылки, и 15 руб. съ пересыл.

При VI вып. будутъ приложены: 1) общее оглавленіе картинъ съ указан. ихъ владѣ-
льцевъ, размѣра и пров., 2) описаніе движимыя выст. за 25 лѣтъ и 3) планка для по-
мѣщенія всей коллекціи. № 10024 3-3

Для любителей будетъ напечатано небольшое количество экземпля. на эстампной
бумагѣ; цѣна такого альбома въ роскошной перепл. съ золотыми тисненіями безъ пере-
сылки 30 руб.; пересылка (почт. комисс.) по разстоянію (разсрочка не допускается).
Подписка принимается: на передвижныхъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ и у
издателя Н. А. Фишеръ. Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

НОВОСТЫ
**ХИМИЧЕСКІЙ
ЛАКЪ** для резиновыхъ
ГАЛОШЪ.

Дѣлаетъ старыя галоши блестящими какъ
новыя. Съ наставл. способа употре-
бленія высыл. немедленно. 1 фл. 1 р. безъ
пер. и 1 р. 25 к. съ перес., 2 фл. 2 р. съ
перес. Можно и съ наклад. Торговцамъ
уценка по соглашенію. Складъ въ г.
Вашинѣ, Тв. г., при Сѣменовогорьскѣ
А. Я. Череминя.

НОВОСТЫ!

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ГУМБЕРЪ И К^о, Москва

КОНТАГЕНТЫ
Георгій ЖЕМЛИЧКА и К^о,
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куррантъ по требованію. 12-1

Большое депо часовъ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
Невскій пр. № 42.
С. ПЕТЕРБУРГЪ

Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

Письменное преподаваніе двойной и
простой итальянской

БУХГАЛТЕРІИ.

Ручается за отличные успѣхи, про-
долженіе курса 4 мѣсяца. Про-
сульты и пробныя письма высыл-
аются безплатно. Обратиться къ
Вас. Вас. Гауртъ, въ Либавѣ.

**ЕЖЕДНЕВНАЯ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА**

служитъ интересамъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Передаютъ
статьи, торговыя сообщенія отъ своихъ корреспондентовъ (свыше 300), давшии
о положеніи поствозъ, биржевыя корреспондентскія, хроника акціонернаго дѣла,
фельетоны, обзоръ техническихъ новостей, колѣиный перекрестъ торговль и составовъ
и ихъ результатовъ и проч.

Газета первое въ Россіи изданіе по коли-
честву собственныхъ телеграммъ, ихъ точно-
сти, полнотѣ и своевременности. № 99:6

6 Торгово-Промышленная Газета, являясь единственнымъ большимъ
конверсическомъ газетомъ въ Россіи, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія и по
программѣ большихъ политическыхъ газетъ.

6 рублей 4 рубля 2 рубля На иѣ- Разсрочка: 3 р. при подпискѣ,
въ годъ. полгода. три сѣмь 3 р. въ мартѣ, 2 р. въ іюль.
Галерная улица, уголъ Заматина пер., д. Министерства Финансовъ.

НОВОСТЬ! (19)

**ДУХИ
ВУБГЪ АМИРЬСЪ**
ПОСТАВЩИКОВЪ
Высочайшаго Двора
А. РАЛЛЕ И К^о.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
Невскій пр., № 18.
МОСКВА:
Кузнецкій мостъ.

ДЛЯ ПРОВИНЦІИ
„МУЗЫКАЛЬНО-НОТНАЯ БИБЛИОТЕКА“
(Абонементъ чтенія нотъ)
устраняетъ музыкальный магазинъ
Ю. ГИЛЬКНЕРЪ, Москва, Тверская,
домъ Гавриина.

БУРЫ СИСТЕМЫ Войслава.
Привилегія № 19247.
Развѣдочные и для глубокаго буренія
можно получать только въ Бюро из-
слѣдованія почвы, С.-Петербургъ, Ма-
лая Морская, 22.

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирскаго дома Генриха Блокъ въ СПб.

НИВА.

Е. Самокиш-Будковская

"Пасхальный Номеръ,"
1897

Дозволено цензурою.

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПб.

Обнять весь миръ...

Разсказъ И. Потапенко.

Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и никто не понималъ, что это и есть моя болѣзнь. Да, молодость, это—болѣзнь, это лихорадка, нагрѣвающая кровь до бреда.

Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда со мной стряслась бѣда. Мой нравъ круто переиначился. Веселый, безпечный, готовый по цѣлымъ часамъ въ кругу товарищей болтать всякій милый вздоръ, по-дѣтски дурачиться и хохотать, несмотря на большой ростъ и робко пробивавшіеся на верхней губѣ основы будущихъ усовъ,—я вдругъ впалъ въ мрачную меланхолю. Я сталъ уединяться, избѣгать общества, запирался одинъ въ своей комнатѣ, задумчиво бродилъ изъ угла въ уголъ, не будучи въ состояніи отвязаться отъ одной назойливой мысли.

Въ какую-нибудь недѣлю я измѣнился до неузнаваемости. Съ моихъ щекъ сошли розы, глаза сдѣлались большими и глубокими, появились морщины на лбу и въ лицѣ выраженіе какъ бы глубокаго опыта. Ничто не могло вызвать моей прежней доверчивой улыбки, въ которой такъ много было дѣтскаго. Я отложилъ въ сторону всѣ мои книги, тупо смотрѣлъ на учителей, когда они задавали мнѣ вопросы, я—одинъ изъ лучшихъ учениковъ въ восьмомъ классѣ, котораго готовили для медали и котормъ гордились и наставники, и родители.

И, наконецъ, мнѣ суждено было вызвать ужасъ не только среди товарищей, школьнаго начальства и родственниковъ, но и среди жителей города. Всѣмъ стала извѣстна исторія о томъ, какъ я покупалъ револьверъ, писалъ прощальныя письма и уже готовъ былъ приложить къ виску холодное дуло... но въ это время, какъ почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, ко мнѣ вошли и помѣшали...

Тогда было рѣшено обратиться на меня особенное вниманіе. Изъ деревни пріѣхалъ отецъ, явились врачи, осматривали меня, спрашивали и приговорили меня къ отдыху.

Но никто не понималъ моей болѣзни, никто, никто! Мнѣ не отчего было отдыхать. Ученье давалось мнѣ легко, и я вовсе не утомился. Но мнѣ было восемнадцать лѣтъ, этого никто не хотѣлъ принять во вниманіе.

Это случилось въ Великому посту, недѣли за двѣ до Пасхи. Надѣялись, что за праздники я достаточно отдохну и такимъ образомъ не потеряю время и послѣ Пасхи вернусь къ своимъ занятіямъ.

Отецъ повезъ меня въ деревню. О, что за жизнь устроили мнѣ тамъ! Окруженный нѣжною заботливостью отца, матери и моей шестнадцатилѣтней сестры Нади, которая ради меня, чтобы я не чувствовалъ себя одинокимъ, оставила раньше пансіонъ, я былъ связанъ по рукамъ и ногамъ этими любовными путями.

Они и не подозрѣвали, какія муки доставляетъ мнѣ каждое проявленіе нѣжной предупредительности, а эти проявленія были ежеминутны. Но они слѣдовали совѣтамъ доктора, который пріѣзжалъ раза три въ недѣлю изъ города и повторялъ: «покой, покой, абсолютный покой! Какъ можно меньше впечатлѣній. Его мозгъ, его нервы должны спать; они должны выспаться, чтобы потомъ окрѣпнуть».

И, благодаря этому, никто къ намъ не ѣздилъ, нашъ домъ, такъ привлекавшій всѣхъ сосѣдей своимъ непринужденнымъ гостеприимствомъ, какъ будто былъ забытъ. Меня никуда не пускали, гдѣ было собраніе больше трехъ-четырехъ человѣкъ. Мнѣ позволяли только гулять въ нашемъ саду, примыкавшемъ къ усадьбѣ.

И три пары глазъ, лучившіеся нѣжной любовью ко мнѣ, слѣдили за мной ежечасно, ежеминутно, вѣчно.

Въ особенности мучительны были для меня взгляды сестры. Мы съ нею обожали другъ друга и всегда дѣлили наши душевные мысли и чувства. Мы вмѣстѣ выросли и научились думать и чувствовать вслухъ; не было между

нами тайнъ. А теперь она вдругъ почувствовала, что между нами стала стѣна; она, пріѣхавшая ради меня изъ города, даже не пыталась пробраться въ мою душу. По одному моему взгляду, котормъ я ее встрѣтилъ, она поняла, что я не впущу ее туда, что я не тотъ, совсѣмъ не тотъ.

И ея большіе прекрасные глаза, полные любви и нѣжности, съ глубокой грустью смотрѣли на меня, и въ нихъ мнѣ видѣлся тихій, молчаливый упрекъ.

Но я былъ тогда дикимъ эгоистомъ, я думалъ только о себѣ. Меня не трогали эти глаза.

Иногда, однако, мнѣ казалось, что сестра только одна понимаетъ меня. Въ инныя минуты упорнаго молчанія мнѣ чудилось, что у нея на устахъ готовы слова, въ которыхъ она могла бы выразить все пониманіе моей тоски. Но я отвѣчалъ ей холоднымъ взглядомъ, и слова замирали у нея на губахъ. Такъ мы ни разу ничего и не высказали другъ другу.

Но однажды для меня это стало совсѣмъ ясно. Наступила послѣдняя недѣля поста; уже начались приготовленія къ Пасхѣ; мы сидѣли за обѣденнымъ столомъ—отецъ, мать, сестра. И въ это время привезли изъ города письмо.

Я только искоса взглянулъ на почеркъ адреса и тотчасъ отвелъ глаза въ сторону. Мнѣ казалось, что въ моихъ глазахъ уже написано все, и они прочтутъ, прочтутъ. Я узналъ, что это—письмо отъ нашей троюродной кузины, Марьи Александровны (ее у насъ называли Мапоп). Она была въ то же время и подругой моей сестры Нади.

У Мапоп не было близкой родни. Жила она въ пансіонѣ, гдѣ училась и Надя, а праздники приходилось ей проводить у опекуна, котораго она не особенно любила. Она писала, что хочетъ пріѣхать къ намъ на всѣ праздники, и сообщала, чтобы завтра ее ждать.

Отецъ и мать отнеслись къ этому, какъ всегда, со спокойнымъ удовольствіемъ. Мапоп у насъ любила.

Хорошенькая, бойкая, живая, игривая, кокетливая, она оживляла домъ. Но тутъ-то я и понялъ, что Надя давно уже прочтала въ моихъ глазахъ истину.

— Мапоп?—воскликнула она, когда письмо было прочитано.—Мапоп!

И больше ничего не сказала, но въ ея взглядѣ, въ тонѣ, во всемъ лицѣ выразился ужасъ. Она поблѣднѣла и вскользь взглянула на меня. Да, я все это видѣлъ.

На другой день пріѣхала Мапоп. Это была странная встрѣча; на ея довольно простой привѣтъ я отвѣтилъ холоднымъ кивкомъ головы и едва коснулся протянутой руки. А она какъ будто ничего и не знала о моей «болѣзни», принялась болтать, смѣяться, рассказывать какой-то невѣроятной смѣшной случай въ дорогѣ и при этомъ производила своими чудными синими глазками такія чудеса, отъ которыхъ у меня сердце замирало. Отецъ и мать смѣялись, а сестра старалась смѣяться и все поглядывала на меня съ глубокимъ сочувствіемъ, а на нее съ укоромъ.

Да, она понимала. А Мапоп? Развѣ она не понимала? О, лучше, чѣмъ кто бы то ни было... И какъ безбожно она кокетничала со мной, безжалостно швыряя въ мое сердце стрѣлу за стрѣлой своими дивными лучистыми глазками. Ну, да, она просто потѣшалась надъ моимъ глупымъ восемнадцатилѣтнимъ сердцемъ.

И ужъ тогда я совсѣмъ ушелъ въ себя. Если до этого я иногда снисходилъ къ заботливости моихъ родителей и пытался отвѣчать имъ, то теперь я совсѣмъ замолкъ.

И я видѣлъ, что никого это такъ не трогаетъ, никто отъ этого такъ не страдаетъ, какъ сестра Надя. Послѣдніе дни она тоже похудѣла, какъ и я, какъ будто она переживала драму вмѣстѣ со мной.

А Пасха приближалась. Вотъ уже суббота. Весь домъ до того былъ поглощенъ приготовленіями, что даже меньше сталъ заниматься моей особой. А если бы на меня больше обращали вниманія, то замѣтили бы, что я вовсе не такъ безучастенъ ко всему, что происходило. Я и самъ былъ пораженъ, когда поймалъ себя на этомъ

участіи. Какъ? я, съ моей великой ношей въ сердцѣ, могу интересоваться какими-то тамъ удачами и неудачами въ печеній куличей и окраскѣ яицъ, вопросами о томъ, въ котормъ часу завтра должны быть поданы лошади, кто съ кѣмъ поѣдетъ въ церковь, кто будетъ приглашенъ къ розговнію?

А это было такъ. И странно было то, что все это доходило до меня не извнѣ, а словно изъ меня самого, изъ глубины моей души. Тамъ зашевелились воспоминанія дѣтства, когда въ эту пасхальную ночь я весь превращался въ радость и сливался съ ликовавшимъ народомъ, наполнявшимъ церковь, при яркомъ свѣтѣ сотенъ восковыхъ свѣчей, при торжественномъ пѣніи церковныхъ пѣсень... Сердце мое, которое словно замерло въ эти послѣднія недѣли, вдругъ начало усиленно биться, я его почувствовалъ, я вновь почувствовалъ, что оно какъ бы опять начинаетъ принадлежать мнѣ...

Наступила ночь. До меня долетали обрывки разговоровъ. Я узналъ, что отецъ поѣдетъ въ церковь съ Надей и Мапоп, а мать останется дома, потому что нельзя же оставить меня одного.

Надя попыталась-было сказать, что отчего бы и мнѣ не предложить поѣхать, что это могло бы развлечь меня.

Но отецъ отвѣтилъ: — Боже сохрани! Ему вредно многолюдство, шумъ, толпа. Докторъ прописалъ ему абсолютный покой...

И я видѣлъ въ полураскрытую дверь Надю, одѣтую въ бѣлое платье... Передо мной нѣсколько разъ промелькнула и тонкая стройная фигурка Мапоп, вся въ розовомъ. Мнѣ даже показалось, что она промелькнула не нечаянно. Она хотѣла, чтобы я ее видѣлъ.

Потомъ гулъ экипажа, подѣхавшаго къ крыльцу. Они вышли и уѣхали.

Прошло съ полчаса; въ мою комнату вошла мать. — Ты бы ложишься спать, голубчикъ, тебѣ вредно такъ поздно сидѣть!—нѣжно сказала она.

— Нѣтъ, я не лягу сегодня!—отвѣтилъ я. И это было для нея новостью. Прежде я никогда не отрицалъ предложеній, какія мнѣ дѣлались, потому что мнѣ было все равно. Можетъ-быть, въ моемъ голосѣ она уже не нашла прежней холодности. Но я замѣтилъ, что въ глазахъ ея, послѣднее время очень печальныхъ, какъ бы промелькнулъ лучъ свѣта.

— Ну, какъ хочешь, только это не хорошо... Какъ хочешь, голубчикъ!

Она вышла. Прошло еще около часу. Я часто подходилъ къ окну и прислушивался; до слуха моего долеталъ колокольный трезвонъ и какъ бы отдаленный шумъ голосовъ. Церковь была въ полуверстѣ отъ насъ.

Между тѣмъ въ домѣ происходила уже тихая возня. Начали раскладывать столъ въ нашей большой залѣ, носили блюда и разставляли ихъ. Я видѣлъ, какъ тамъ прибавилось свѣта и, подойдя къ двери, взглянулъ туда. Тамъ все было такъ красиво, сочно, вкусно. Вносили горшки съ цвѣтами, и я ощутилъ густой ароматъ гіацинтовъ.

И вдругъ что-то давнее, забытое, но въ то же время что-то сладостное поднялось въ моей душѣ. Мнѣ даже было какъ-то странно чувствовать, что съ нея спадаетъ какая-то тяжесть. Я привыкъ къ этой тяжести, и мнѣ было неловко.

Вотъ я опять у окна. Быстрымъ движеніемъ руки я распахнулъ его. Свѣжая прохлада ранней весны повѣяла на меня, я почувствовалъ тончайшій запахъ молодыхъ листьевъ. Надъ землей висѣло темное звѣздное небо, оно все отражалось въ темной стали поверхности рѣки. Я высунулъ голову. Вдали горѣли яркіе огни. Это—церковь была освѣщена. Широкіе огненные языки подымались къ небу отъ зажженныхъ смоляныхъ бочекъ. Выстрѣлъ, другой, третій. Таковъ обычай. Кровь живымъ потокомъ полилась по моимъ жиламъ. Что-то потянуло меня вонъ изъ комнаты. Я въ какой-то лихорадкѣ непонятнаго восторга схватилъ шапку и выскочилъ въ окно.

Оно выходило въ маленькій палисадникъ, примыкавшій къ дому; вотъ калитка, а затѣмъ дорога, и я почти

бѣгомъ пустился по направленію къ церкви. Волненіе все больше и больше охватывало меня. Я торопился, какъ будто боясь что-то пропустить, какія-то слова, которыя были мнѣ необходимы, неизбѣжны.

Вотъ и церковная ограда; въ ней толпится народъ; на лицахъ у всѣхъ праздничная радость. Два ряда бабъ стоятъ надъ своими куличами и разными пасхальными снадобьями, держа въ рукахъ восковую свѣчи, защищенная отъ вѣтра разноцвѣтной бумагой, въ ожиданіи священника, который долженъ все это освятить.

Изъ церкви слышится пѣніе деревенскаго хора. Оно раздается все ближе, и ближе, и вотъ появляется бабюшка въ свѣтлыхъ ризахъ, а позади его повалилъ народъ. Это крестный ходъ вокругъ церкви.

Я сталъ протискиваться поближе; меня знали и мнѣ давали дорогу. Съ сильно бьющимся сердцемъ, горящими глазами искалъ я сестру Надю. Мнѣ такъ страстно хотѣлось ее увидѣть и сказать ей... О, я не зналъ, что я ей скажу. Я только жаднымъ ухомъ прислушивался къ пѣнію, и въ душѣ моей раздавались слова: «другъ друга обьемемъ! ржемъ: братіе! и ненавидящихъ насъ простимъ вся воскресеніемъ, и тако возопиимъ: Христось воскресе!»

«Другъ друга обьемемъ... Обьемемъ...» — шептали мои губы, и я искалъ сестру, чтобы поскорѣе обнять ее и сказать ей: «прости», потому что я чувствовалъ себя страшно виноватымъ передъ нею.

Но вотъ и она. Она нечаянно отдѣлилась отъ другихъ. Отецъ и Мапоп шли далеко позади. Я схватилъ ее за рукавъ.

— Надя!
— Ты? Ты здѣсь?
— Надя! Христось воскресе!

Мы бросились другъ другу въ объятія.
— Надя, прости, прости!
— Чтѣ съ тобой? Чтѣ я должна простить? Мнѣ нечего...
— Нѣтъ, есть... есть за чтѣ! Я страшно виноватъ передъ тобой. Но это прошло. Да, да, я давно видѣлъ, что ты все понимаешь. О, какъ я теперь добродушно смѣюсь надъ собой и... надъ нею... Слышишь, Надя?.. «Другъ друга обьемемъ»... Еслибъ ты знала, Надя, какъ мнѣ хочется обнять всѣхъ, весь міръ! Да, она, эта наша милая Мапоп, была безжалостна. Она кокетничала со мною, а я былъ глупъ, какъ пятилѣтній ребенокъ. Но развѣ это любовь, Надя, милая, развѣ это та любовь, изъ-за которой стоило стрѣляться? И—самое ужасное—изъ-за которой стоить такъ глубоко обижать тебя, моего славнаго друга? Нѣтъ, вотъ она любовь: —я теперь люблю людей, вотъ этихъ сѣрыхъ людей и всѣхъ другихъ, всѣхъ, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ... Эта любовь наполняетъ мою душу. О, Надя!.. Я теперь совсѣмъ здоровъ.

И я, самъ не зная зачѣмъ и почему, христосовался со всѣми, кто только былъ близъ меня. Я весь горѣлъ какой-то новой, всего меня поглощавшей, любовью къ людямъ.

Дома я встрѣтился съ Мапоп.
— Христось воскресе!—сказала она мнѣ и при этомъ сдѣлала мнѣ кокетливые глазки.

— Воистину воскресе, Мапоп!—отвѣтилъ я такъ просто, что она даже не поняла. — Только, — прибавилъ я, усмѣхаясь,—не шурьте такъ очаровательно ваши прекрасные глазки. Это уже ни къ чему не поведетъ. Я уже здоровъ, совсѣмъ здоровъ, Мапоп!
— Тѣмъ лучше!—сказала Мапоп и звонко разсмѣялась.

Въ сущности, у Мапоп было хорошее сердце. Она только отдавала дань своей, всѣми признанной, красотѣ и своимъ дѣйствительно очаровательнымъ глазкамъ.

Какой искренній праздникъ былъ въ этотъ день въ нашемъ домѣ! За столомъ я громко рассказывалъ всѣ перипетіи моего маленькаго романа. Мапоп слегка краснѣла, всѣ смѣялись, и она въ томъ числѣ, и всѣмъ было очень весело.

Мы остались съ нею навсегда друзьями. Черезъ недѣлю я уѣхалъ въ городъ, благополучно догнавъ своихъ товарищей и вполне оправдалъ надежды, возлагавшіяся на меня начальствомъ и родными: я получилъ медаль.

Е. Глаголицына-Будковская —

XXVIII г.

№ 14

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежем. книг „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусков ежем. литературных приложений, 12 № „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

Выдав 5 апреля 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Цена этого № 20 к., с пер. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цена за годовое издание „Нивы“ со всеми приложениями за 1897 г.: 12 книг Сборника „Нивы“, содержащих собрание романов, повестей и рассказов П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книг „Литературных приложений“, и пр., и пр.

Без доставки в Петербург 5 р.	Без доставки в Москву чр. контору Н. Н. Печниковской, Петровский торговый лини. 6 р.	С доставкой в Петербург 6 р. 50 к.	С пересылкою в Москву и др. города России 7 р.	За границу 10 р.
На 1/4 года без дост. 1 р. 25 к., с дост. в СПб. 1 р. 75 к., с перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года без дост. 2 р. 50 к., с дост. в СПб. 3 р. 30 к., с перес. иногородн. 3 р. 50 коп.				

При семъ прилагаются: 1) СОЧИНЕНИЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. IV (Сборникъ «Нивы» за Апрель); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА АПРѢЛЬ 1897 г. съ 28 рис. и отдѣл. листъ съ 27 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 25 рисунками, содержащими два плана сельскихъ домовъ для небольшого семейства и 11 рис. вышивальныхъ работъ.

Перевозка въ распутицу. Съ карт. К. Гейбель грав. Геданъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

III.

Можетъ-быть, отецъ Варлаамъ потому такъ и любилъ „скорбнаго монаха“, какъ онъ называлъ Антонина, что тотъ вѣчно былъ гдѣ-то внѣ этого міра или уходилъ внутрь самого себя, нисколько не занимаясь всѣмъ его окружающимъ. Не терпѣвшій около ничей чужой воли, даже болѣе, не выносившій рядомъ съ собою слишкомъ опредѣленныхъ личностей съ рѣшительными запросами и требованіями отъ жизни, архимандритъ отдыхалъ душою на этомъ печальномъ ребенкѣ отъ „не здѣ пребывающаго града“. Игумену нужны были или простые и слѣпые исполнители его приказа, или такіе, какъ Антонинъ, въ которыхъ—онъ зналъ,—не встрѣтитъ даже безмолвнаго осужденія себѣ и своимъ мѣрамъ. Крутой характеръ непреклоннаго строителя и создателя, одинъ изъ тѣхъ, которые и на цустомъ мѣстѣ ухитрятся поднять нѣчто способное потомъ выдержать цѣлыя столѣтія,—невольнo смягчался, даже болѣе, умилился, встрѣчая такую полную затаенной тоски душу, кака была у Антонина. „Что же,—разсуждалъ самъ съ собою отецъ Варлаамъ,—монастырю нужны не одни работники. Этихъ сколько угодно. Ему надобны и иконописные иноки. По крайней мѣрѣ всѣ увидятъ, что это не только „артель“ во имя Отца и Сына и Св. Духа, но и мѣсто, гдѣ люди каются, плачутъ и страдаютъ. Безъ такихъ и богомольцу не лестно бы сюда заглядывать“. Правда, онъ рѣдко разговаривалъ съ молодымъ монахомъ, но зато онъ ни разу не назначалъ его на тяжелыя работы. Бывало, всѣ обитель на лѣсной порубкѣ мается или плотины ставить—рѣчка-то около каждую весну шалила, а то подъ жарю на сѣнокосѣ потѣеть,—а отецъ Антонинъ—возится въ библиотекѣ монастырской или въ канцеляріи править немудрое дѣлопроизводство. Отцу Варлааму вѣчно было некогда, можетъ-быть потому онъ ни разу и не полюбоществовалъ, что въ жизни его любимца случилось такое, отъ чего до сихъ поръ, несмотря на десять долгихъ лѣтъ монастырскаго затвора, большіе черные глаза его наполняются часто слезами, а по красивому исхудалому лицу бѣжитъ непрощенная боль тоски окаянной. Правда, игумень, чтобы окончательно подчинить своей властной душѣ не только волю и руки монаховъ, но и ихъ умы и сердца, давно уже задумывался—сдѣлаться общимъ ихъ духовникомъ, но, пока еще шла здѣсь стройка и ломка, ему было не до того. Это бы отняло у него слишкомъ много дорогого времени. Сначала, пока онъ не всмотрѣлся въ Антонина, онъ и его хотѣлъ обратить въ живую рабочую силу. „Что-жъ что университетскій,—разсуждалъ онъ,—пусть съ топоромъ обители послужитъ“. По съ перваго же раза убѣдился, что хотя „баринъ“ и старается, но отъ этого большого толку не будетъ. Впослѣдствіи развѣ бы приучился къ черному дѣлу, но отца Варлаама что-то словно въ сердце толкнуло. И жалко ему стало чело-вѣка, и вдругъ онъ различилъ въ новомъ послушникѣ нѣчто необычайное. Молится удивительно—весь въ пламенный порывъ къ небу уходитъ или замретъ—блѣдный, точно его въ гробъ сейчасъ, и съ ужасомъ въ округлившись глазахъ смотритъ въ какую-то ему одному видимую даль. Онъ не долго оставался и послушникомъ. Архимандритъ живо его въ рясофоръ постригъ, а тамъ въ скорости и въ іеромонахи произвелъ. А черезъ годъ, уже на отцѣ Антонинѣ и мантия красовалась, такъ что онъ прочно былъ прибитъ къ обители. „Мы его золотымъ гвоздемъ,—

говорилъ Варлаамъ,—чтобы онъ какъ-нибудь не ушелъ отъ насъ. А то мучится-мучится, мятется-мятется, да и не совладеетъ. Когда послухи—были въ монастырѣ и такіе; игумень, хотя ихъ и презиралъ, а все-таки не гонялъ отъ себя—докладывали, что Антонинъ слишкомъ уже скорбитъ и печалится, что отъ этого происходитъ соблазнъ, а другіе пожалуй подумаютъ про него дурно:—гордыня-де, ишь онъ какъ себя возмогаетъ; отецъ Варлаамъ гнѣвно стучалъ посохомъ и начиналъ шпынять доносчиковъ: „вы у меня отца Антонина оставьте. Онъ изъ другого тѣста замѣшанъ, ни вамъ его не понять, ни ему васъ... У него съ Богомъ свои счеты, и безъ насъ они лучше разберутся. Онъ въ себѣ огонь носитъ...“ Такъ его и бросили. Внѣшняя жизнь совсѣмъ не захватывала Антонина. Едва ли онъ даже давалъ себѣ отчетъ во всемъ, совершавшемся около. Видѣть ее онъ видѣлъ, но не думалъ о ней и проходилъ мимо, такъ она и не оставалась въ его памяти вовсе. Онъ строго исполнялъ все, что полагалось, но лучше чувствовалъ себя дома, въ кельѣ, одишь, лицомъ къ лицу съ своими воспоминаніями. Природа глубокая и сильно чувствующая—онъ вѣренъ былъ своей скорби, потому что кромѣ нея для него въ жизни не осталось ничего. Онъ слишкомъ любилъ прежде, чтобы забыть. И ударъ, нанесенный ему изъ-за гроба милою рукою, былъ не таковъ, чтобы сердце его зажило отъ времени. Напротивъ, съ каждымъ днемъ ему казалось, что оно болитъ сильнѣе и сильнѣе. Точно въ немъ росла и ширилась десять лѣтъ тому назадъ открывшаяся ранка. О, какъ хотѣлъ онъ оправдать память дорогого существа, хотя бы цѣною собственной вины. Онъ вѣчно рылся въ своей жизни, въ мысляхъ и поступкахъ, въ неувимомъ, но только ощущаемомъ, желая доказать себѣ, что онъ самъ былъ не правъ, что не на ней одной лежитъ отвѣтъ за все случившееся. Онъ бы утѣшился и оправдился, если бы могъ призвать себя злодѣемъ, въ самомъ себѣ найти причину того, что разбило всю его жизнь. Онъ бы молился на ея портретъ, считалъ бы ее святою и умолялъ о прощеніи—и эта молитва, это самообвиненіе дали бы ему грустное счастье, но все-таки счастье... И горе его было еще сильнѣе отъ того, что именно такихъ преступленій онъ не зналъ за собой. Какъ онъ ее любилъ! Можетъ-быть, онъ потому такъ и наказанъ небомъ, что нельзя къ смертному и воплощенному такъ привязываться всей душой, каждымъ помысломъ, каждымъ отбѣнкомъ впечатлѣнія, чувства, желанія, надежды и мечты. У одного изъ отцовъ церкви онъ читалъ, что подобная любовь преступна предъ Богомъ, такъ можно любить только своего Творца!.. Она, эта далекая теперь душа, была единственною привязанностью для него. Ранѣе онъ не зналъ другихъ женщинъ и не тянулся за ними, а послѣ вѣдь для него все померкло, въ потемки ушло, не оставивъ никакого просвѣта... Онъ и бродитъ во мракѣ съ однимъ отчаяніемъ: хорошо было блаженному Августину говорить: „не оглядывайся назадъ, забудь горе, ибо оно скверно передъ Господомъ“. Развѣ это можно вырвать изъ сердца и выбросить. Оно, какъ застарѣлый ракъ, пустило корни въ самую глубь, перевилося ими со всѣми жилами, нервами, прососало волокна его мускуловъ, потекло своимъ ядомъ въ его крови... Убить себя—этимъ только и уничтожишь его, а кто же будетъ за нее молиться, за нее плакать?.. Втайнѣ, въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что эта молитва очищаетъ ее, что эти слезы смываютъ съ нея ея ни-

кому невѣдомый грѣхъ. Въ една уловимомъ движеніи воздуха кругомъ ему чувствовалось ея присутствіе. Она невидимо и слышимо повторила за нимъ слова, вырвавшаяся изъ самой бездны его скорби, духовно плакала съ нимъ, и ему казалось, что она все выше и выше подымается изъ того низменнаго міра, куда ее заключили ея прегрѣшенія. Онъ и безъ толкованій отцовъ церкви понималъ силу молитвы, бессознательно чувствовалъ въ ней связь того міра съ этимъ, отраженіе ея въ душахъ, освобожденныхъ отъ земныхъ оковъ. Онъ вѣрилъ: достаточно помянуть въ пламенномъ порывѣ къ небу имя дорогого, оставившаго тебя существа, и изъ пропасти мірозданія, изъ-за безконечностей вселенныхъ—оно слетитъ къ тебѣ бесплотнымъ ангеломъ и овѣетъ тебя любовью, или, если было виновно предъ тобою—раскаяніемъ, наполнивъ священною тайною своего присутствія воздухъ, согрѣтый твоимъ молитвеннымъ жаромъ. Вѣдь духъ есть мысль, а для мысли нѣтъ разстоянія, нѣтъ ни прошлаго, ни настоящаго, ни будущаго—одно мистическое и благоговѣйное „днесъ“... И днесъ она съ нимъ, днесъ она прикована общею съ нимъ скорбью къ его молитвѣ... Что ихъ разлучило—смерть? да вѣдь смерти нѣтъ для вѣрующаго... Она не поняла его, она и виновна была только потому, что не могла узнать его душу. Теперь она его видитъ со всѣми сокровенными изгибами его помысловъ, и между нимъ и ею уже нѣтъ ничего, что бы ихъ застило другъ отъ друга... И онъ на минуту дѣлался счастливъ, но только на минуту. Въ его памяти опять воскресалъ этотъ день съ его неожиданнымъ открытіемъ—и отецъ Антонинъ чувствовалъ приливы грѣховной тоски, и душа далекой, любимой женщины опять отлетала въ осіянные бездны иного міра, къ другимъ, не здѣшнимъ берегамъ, доступъ къ которымъ дается только однимъ прощеніемъ... Невѣдомыя таинственные моря отдѣляютъ ихъ—и по нимъ стремится только челнокъ надежды, руководимый вмѣсто руля молитвою... Попутный вѣтеръ вѣры надуетъ парусъ его, и благо тому, для кого онъ—этотъ вѣтеръ,—не измѣнитъ своего направленія.

Сегодня было особенно горько отцу Антонину.

Въ этотъ день, сколько лѣтъ тому назадъ, онъ узналъ, что болѣзнь ея смертельна. Въ ея глазахъ онъ самъ прочелъ, что ей не суждено жить больше. Онъ еще надѣлся, молился, удерживалъ ее у порога земли—но чьи-то болѣе сильныя руки ее отнимали у него. Онъ видѣлъ, что она гаснетъ на его глазахъ съ каждымъ часомъ. Свѣтлыя отгорала медленно, и огонекъ ея все ниже и ниже падалъ передъ его, полнымъ ужаса, взглядомъ. Еще наканунѣ, когда онъ зашелъ къ ней, къ прикованной къ своей постели тяжкимъ недугомъ жентъ, за ширмы, его вдругъ поразило въ царившемъ тамъ полумракѣ, какъ велика кажется ея постель, и какъ мала она... Точно за эти нѣсколько мѣсяцевъ она опять обратилась въ ребенка. И личико стало крохотное, и руки слабыя, любимыя руки, исхудали до неузнаваемости, только глаза ея точно расширились, заглялись новымъ огнемъ, и онъ замѣчалъ, что они съ какимъ-то страннымъ упорствомъ остаются на немъ. Тогда онъ не понималъ, что это—вопросъ или сожалѣніе о чемъ-то, или безмолвная просьба. И когда онъ самъ удерживалъ на ней свой взглядъ дольше обыкновеннаго, она разволновывалась и съ болью спрашивала его: „зачѣмъ ты на меня такъ смотришь?“—и потомъ долго слѣдила за нимъ подозрительно и пристально, объясняя себѣ видимо смыслъ и значеніе его упорнаго взгляда. Какъ ему памятна та комната? Кто то теперь въ ней—въ ней, которая для него, въ его воспоминаніяхъ, является храмомъ его печали. Неужели тамъ просто живуть, смѣются, радуются, сердятся, тонуютъ въ мелкомъ будничномъ обиходѣ жалкихъ вожделѣній. Его оскорбляла такая мысль. Будь онъ богатъ,

онъ бы купилъ тотъ домъ и навѣки заперъ въ немъ свою квартиру, чтобы ничья чужая пога не нарушала благоговѣйнаго молчанія комнаты, гдѣ умирала его жена. Онъ какъ сейчасъ помнитъ малѣйшую подробность этихъ дней, и какъ ей читали что-то, а она, притворяясь слушающею, крѣпко сжимала вѣки и мысленно носилась гдѣ-то далеко, далеко. Только на зло ей самой, сквозь эти плотно сомкнутыя вѣки, нѣтъ-нѣтъ да и проступали предательскія слезы. Разъ ей принесли какую-то веселую книгу. Всѣ близкіе улыбались, и она тоже, и вдругъ—полный мучительной боли крикъ: „Боже мой, Боже мой, какъ страшно умирать!“ Да, она знала, что умираетъ, еще и тогда, когда всѣ кругомъ поднялись, и врачи, съ серьезными, дѣловыми лицами, разбирали—куда, къ теплему морю, весною, ей надо ѣхать купаться. Увы, иное море—таинственное и безбрежное, уже ждало ее, и по почамъ, среди безмолвія, она слышала зловѣщій прибой его невидимыхъ волнъ и, схватывая за руку мужа, умоляла его: „не пускай меня, не отдавай меня имъ... Я не хочу, не хочу умирать...“ Потомъ все это смѣнялось кроткою покорностью и робкимъ ожиданіемъ. „Такъ надо, ничего не сдѣлаешь“, и она лежала маленькая и блѣдная, въ бѣлыхъ подушкахъ, закрывъ глаза и видя что-то ей одной извѣстное и неотвратимое. Оно медленно, но неотступно приближалось къ ней... Случалось, она, подымаясь, протягивала руки передъ собою, точно защищалась, и когда онъ спрашивалъ ее: „что тебѣ приснилось?“—она удивленно смотрѣла на него и опять тихо опускала голову. „Такъ, ничего“,—чуть слышно отвѣчала она... Незадолго до послѣдняго дня, она вдругъ съ страннымъ упорствомъ начала добиваться у него: „скажи, ты былъ счастливъ со мною, да?..“—Развѣ ты сомнѣвалась хоть когда-нибудь въ этомъ?..—„Нѣтъ, по повтори мнѣ еще разъ. Я хочу слышать отъ тебя самого“. И онъ говорилъ ей о своей любви, о томъ, что только въ ней, въ его женѣ, всталъ для него солнце жизни и озарило его теплыми лучами. Она тихо клала на его руку свою, и онъ чувствовалъ, что та была холодна, какъ ледъ. Кровь уже переставала грѣть ее... Доктора хотѣли послать ее къ теплему морю, когда у нея не было силы самой вернуться въ постели. Она только порою просила отодвинуть ширмы. Свѣта хочу—солнца. Онъ кидался исполнить ея желаніе. Даже окна растворились. Весна, уносившая ее въ волнахъ благоуханій, стояла теплая и нѣжная, какъ улыбка ребенка. Умиравшая долго смотрѣла туда, гдѣ небо и земля тонули вдали, въ необъяснимомъ союзѣ любви и счастья. Лазурь одного сѣивалась съ таинственною воздушною синевою другой, и взглядъ напрасно искалъ предѣла между ними. Границы не было, какъ не было печали въ этой торжествующей обновленіе природѣ. Въ самое окно просилась вѣтка, опушенная еще мягкою, желтоватою зеленью молодыхъ листковъ, пока не разогнувшихся, полныхъ свѣжести и аромата. Раннія розы пахли сильно и неводержно. Птицы орали—пришелъ вѣдь и ихъ чередъ, и онѣ были опьянены тепломъ; свѣтомъ, дыханіемъ растеній, говоромъ воды, лазурью неба и живительными испареніями зацвѣтавшей повсюду земли... „Какъ хорошо, какъ хорошо!“—повторила его жена и вдругъ откидывалась назадъ, чуть не кричала: „затвори, затвори!“ И ширмы требовала, и плакала... „Что съ тобою?“—добивался онъ... „Нѣтъ, не надо, Богъ съ нами. Эти безстыдныя розы, сколько въ нихъ полноты жизни, силы, счастья, яркости. А я... я умираю. Вѣдь умираю, когда все кругомъ цвѣтетъ, радуется, и ничему до меня нѣтъ дѣла... Рѣшительно ничему“. И опять у ея изголовья густились потемки, и только слабый свѣтъ лампы и образа струился сюда, точно едва различимый привѣтъ какаго-то иного сумеречнаго царства... „Можетъ-быть тамъ будетъ лучше. Но вѣдь ни этого солнца, ни этого неба, ни этихъ цвѣ-

Нагорная проповѣдь. Съ картины Марено Карбонаро грав. Бодъ.

Моленіе о чашѣ. Съ картини-иконы В. Е. Маковскаго автотипія „Нпвы“.

товъ тамъ нѣтъ... И вдругъ она переходила къ другому, повидимому, ни съ чѣмъ не связанному, ни съ цвѣтами, ни съ солнцемъ. „Помни, никого, никого я такъ не любила, какъ тебя, и не цѣпила... Если мнѣ больно и мучительно умирать, такъ потому только, что я ужъ не увижу тебя“... Онъ старался внушить ей надежду, которой у него у самого не было. Онъ говорилъ ей о томъ, какъ они заживутъ. И не такіе больные, какъ она, оправляются... Онъ ей лгалъ, рассказывалъ ему лично извѣстные случаи необыкновенныхъ выздоровленій, но она упорно, глядя куда-то вглубь себя, повторяла одно и то же: „нѣтъ, я знаю, знаю... Ты меня не увѣришь“. И потомъ вдругъ, подымая на него большіе, полные внутренняго смятенія глаза, говорила ни съ чѣмъ не сообразное: „да мнѣ и самой жить не хочется. Здѣсь вотъ,—дотрогивалась она до груди,—нѣтъ эпертін жизни, нѣтъ силъ на борьбу за жизнь“... И такъ шли часы за часами, одна бессонная ночь за другою. Разъ онъ проснулся отъ страннаго шума. Смотритъ—его умирающая жена, собравъ послѣднія усилія, съ страшнымъ трудомъ цѣпляется за спинку кровати, на колѣняхъ, и тянется къ маленькому образку, висѣвшему надъ нею... „Что ты... Что ты...“—останавливалъ онъ ее... Она, точно прося прощенія, безсильно и слабо оглянулась, застыдившаяся, что онъ ее засталъ за этимъ. „Такъ, я задумала“...—„Что именно?—“ „Если мнѣ удастся поцѣловатьъ образъ—я буду жить, нѣтъ—не буду... И... и... и... не удалось. Силы не хватило дотянуться... Значитъ“...—„Какія глупости!— вырвалось у него, хоть въ немъ все похолодѣло и упало... И вдругъ, отъ напряженія и усилія, у его жены хлынула кровь горломъ...“

— Ты, Господи, могъ сотворить чудо—и не сдѣлалъ его, — горькимъ упрекомъ вырвалось у отца Антонина, когда онъ вспомнилъ этотъ эпизодъ.

Образокъ, къ которому тянулась она, и теперь у него. Вонъ онъ... Весь потемнѣлъ, только золотой вѣнчикъ слабо отдѣляется отъ маленькой серебряной ризки. И старое письмо полустерлось. Едва-едва замѣтны склоненная голова Пречистой къ ея Божественному Младенцу и глаза Ея... „У Тебя она ждала послѣдней помощи, къ Тебѣ она стремилась всѣмъ остаткомъ своихъ силъ; Пресвятая, и Ты не пожалѣла ея...“ И вдругъ въ его глазахъ открылись горячіе источники слезъ, и онъ, рыдая, припалъ къ старой иконѣ, не замѣчая, что сіяніе вѣнчиковъ царапаетъ ему лицо.

Она умирала легко, хотя ему казалось, что бѣдная жена его горы сдвигаетъ... Ни на одно мгновеніе она не забылась, не потеряла сознанія. Только все время, куда онъ ни отходилъ, она провожала его упорнымъ взглядомъ. Этотъ взглядъ до сихъ поръ на немъ. Онъ чувствуетъ его, со скрытыми въ немъ вопросамъ и мольбою, вотъ уже десять лѣтъ. Отчего она не сказала тогда всего. Они бы объяснились, примирились, и все бы прошло, какъ туманъ, унесенный вѣтромъ. Съ мертвою не станешь говорить—смерть оставляетъ одни пробѣлы, которыхъ ничѣмъ не наполнишь. Молишься, плачешь, но вѣдь это ты, оставшійся здѣсь. А она тамъ! Такъ устроено человѣческое сердце, что ему невыносимы недомолвки—лучше настоящій ударъ въ живое мѣсто. Этотъ упорный взглядъ остановился на немъ даже и тогда, когда пришелъ священникъ съ св. Дарами, посилавъ се на рукахъ, когда она была веселымъ и шаловливымъ ребенкомъ, а теперь призванный обрядить ее въ далекій, безвѣстный путь, откуда никто не возвращается къ дорогимъ и любимымъ людямъ. И старики были изволнованы, приступая къ послѣдней исповѣди. Слезы были въ его глазахъ. Вѣдь онъ и вѣнчалъ ихъ... Къ причастію—мужа позвали. Онъ сталъ у изголовья умирающей. Она лежала, сомкнувъ глаза,—теперь она не хотѣла видѣть никого, кромѣ Бога, призывавшаго ее къ Себѣ... Даже скорби не было въ ея лицѣ. На немъ

лежало что-то строгое и торжественное. Последнее прощаніе съ жизнью не бросало на него своего смягчающаго отвѣта. Не его жена лежала передъ священникомъ. Это была женщина, на половину уже отошедшая отъ всего земного. Только черезъ часъ она вдругъ открыла глаза, обвела ими всѣхъ присутствовавшихъ и неожиданно проговорила, остановивъ ими на мужѣ: „Прости, не кляни мою память...“ Она забилась, какая-то волна ходила по ея груди, то задушая ее, то оставляя страдальцу, пока вдругъ не нахлынула со всѣмъ и не увесла съ собою то, что уже не принадлежало землѣ... Строгое лицо—вовсе не лицо дорогого ему существа... Она сама закрыла глаза, никто не касался ихъ. Онъ позвалъ ее—она даже не вздрогнула. Крикнувъ ей въ уши ея имя—ни малѣйшаго движенія не отразилось въ восковыхъ чертахъ. Что было потомъ? Онъ и проклиналъ, и молился... Бросаясь къ ней, по руки его касались чего-то холоднаго, отталкивавшаго полнымъ отсутствіемъ жизни... Ночью, когда она уже лежала въ гробу, онъ подходилъ, всматривался въ нее, крестилъ ее, не слыша тихаго голоса монахини, читавшей около. Садился на диванъ и смотрѣлъ. Монахиня была тоже точно восковая, только желтѣе покойницы. Нѣсколько разъ она, обрывая фразу на срединѣ, говорила ему: „вы бы пошли, легли... Или бы помолились. Вѣдь ужъ не вернете. Господь знаетъ, зачѣмъ испытуетъ. Ему тамъ тоже ангелы нужны...“ Онъ даже и не отвѣчалъ ей. Какъ ей было объяснить, что это не жена его умерла, а умерло его сердце, вся его жизнь, съ его будущимъ и настоящимъ, и прошлымъ. Да онъ бы и не могъ объяснить. Онъ еще не созналъ всю огромность своей потери, онъ только былъ оглушенъ ударомъ этого обуха и тупо смотрѣлъ передъ собою. Ему кто-то даже чаю принесъ, и онъ хотѣлъ выпить, да глотокъ въ горлѣ застрялъ. Онъ раскисался, и чай ему показался горькимъ и противнымъ. „А можетъ-быть она жива?..“ Онъ думалъ это, по ему казалось, что онъ это слышитъ со стороны. Онъ опять подошелъ къ гробу и смотрѣлъ ей въ лицо. Восковыя свѣчи перевязаны бантами изъ чернаго крепа. Зажигаютъ только къ панихидѣ. Теперь свѣчи странно торчатъ въ залѣ, по которой такъ часто, весело смѣясь и напѣвая что-то, проходила она, когда они вдвоемъ возвращались поздно изъ гостей. Она любила черные цвѣта, и въ обрѣзѣ бархата ея плечи казались такъ красивы и пышны—онъ никогда не могъ удержаться, чтобы не поцѣловатьъ ихъ... А теперь? Потемки... Свѣчи только у монахини, и пламя шевелится, точно мимо летаютъ невидимыя крылья... Пламя шевелится, и лицо усопшей дрожить, будто по нему неуловимо бѣгутъ какія-то мысли. Вотъ-вотъ трепещущія рѣсницы откроются... Но вытянулось пламя неподвижно, нѣтъ невидимыхъ крыльевъ, колебавшихъ его, — и рѣсницы замерли, слиплись, и ничего, ничего въ этой мертвой маскѣ... Нѣтъ, этого не можетъ быть... Какой же смыслъ во всей этой жизни. Зачѣмъ ей дали перешагнуть за порогъ, и сейчасъ же увели куда-то. Вѣдь въ этомъ что-то дикое, безобразное, злобое... „Она жива!“ — кричалъ онъ монахинѣ. Та, видимо, привыкла, поднимаетъ на него спокойные и ясные глаза. „Господь съ вами, что вы“. И продолжаетъ свое: „прилѣпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну Тебе, аще не предложу Иерусалима, яко въ началѣ веселія моего. Помяни, Господи, сыны Эдомскіе, въ день Иерусалимль, глаголющія: истощайте, истощайте до основанія его...“—„Я вамъ говорю „жива“. Видите локти...—“ „Что такое, батюшка.“— Она глубоко въ гробѣ лежала, а теперь локти наружу... Монахиня тихо подошла, мимоходомъ перекрестила неподвижную блѣдную маску... „Это бываетъ... Покойники, господишь, пухнуть. Доктора сказываютъ отъ „гацовъ“, которые внутрѣ, ну и вылираетъ. Случается, даже трескаются... Гробъ-то тѣсповать—оттого

такъ и представляется... Вамъ бы лицо ея ваткой за-
крыть... —Зачѣмъ?.. — „Чтобъ не чернѣло... Если бы
доктора рѣзали, иные вѣдь рѣжутъ,—ну тогда ничего,
„гацу“ бы не было. изъ-подъ ножа бы вышла... А
какъ она цѣльная...“ Его отшатнуло прочь, онъ ушелъ
и бродилъ по осиротѣвшей квартирѣ... Потомъ вдругъ
заснулъ—точно камень въ воду, глухимъ и слѣпымъ,
будто ничего не случилось... Очнулся отъ страннаго
шума. Вскочилъ. Сонъ или явь?.. Нѣтъ. Пахнетъ ла-
даномъ. Въ залѣ возня. Кто-то топчется. Онъ нѣ-
сколько часовъ просидѣлъ въ столовой... Около него
обносить цѣфтами. Сквозь ладанъ—въ углу при-
сланные вѣнки сложены. Значить, правда,—а слезъ
нѣтъ, только огонь какой-то въ груди, жжетъ горло и
глаза. Отчего вѣнки не у покойницы?—„Нельзя,—объ-
ясняютъ ему,—тѣло портится“. —Какая чепуха! Она—
его жена станетъ страшна и отвратительна—предметъ
его вѣчнаго обожанія и любви. Людямъ будетъ про-
тивно даже проститься и дать послѣднее лобызаніе
этому разлагающемуся трупу. Или онъ не это любилъ,
не объ этомъ болитъ его душа и ноетъ сердце? А о
томъ, что недоступно тлѣнью и порчѣ, о томъ, что
плыветъ тешеръ по таинственнымъ волнамъ вѣчности
къ невѣдомымъ, хранимымъ безконечностью, цѣлямъ?..
„Кто тамъ?.. Кто это топчется въ залѣ?..“ —Пѣвчіе, сей-
часъ панихида... — „Чаю хотите?“ — Да уйдите вы, Христа
ради...

Какія равнодушныя лица у пѣвчихъ. Имъ что? Они
исполняютъ казенное дѣло, работу, а душа ихъ далеко
въ это время. У cadaго изъ нихъ своя забота. Самъ
поетъ: „Молитву пролю ко Господу, и Тому возвѣщу
печали мои, яко золь душа моя исполнися, и животь
мой аду приближися“, а черты каменные и въ мозгу
свои мысли: за квартиру деньги надо вносить, или са-
поги у дѣтей разорвались—каши просать, а новыхъ
купить не изъ чего, и жена злится—дома покоя нѣтъ.
А дьяконъ, ему что, расчесываетъ себѣ черную бороду
и патлы сѣніемъ вокругъ головы раскидываетъ, а до
той, что „земля есть и въ землю отъидеть таможи вси
человѣцы пойдемъ“,—никакого ему касательства. Толь-
ко въ голосѣ священника звучитъ скорбная нотка, и
онъ вздрагиваетъ, когда глаза старика встрѣчаются съ
лицомъ покойницы. Еще бы—маленькую зналъ ее. А
вотъ онъ живъ, и еще пожалуй лѣтъ двадцать про-
живетъ, несмотря на свою лысину и сѣдую бороду. А
ея уаъ нѣтъ...

Съ удивительною отчетливостью вспоминается вся эта
быль отцу Антонину.

Десять лѣтъ—онъ каждый день хоронитъ свою же-
ну—точно ее закопали не тамъ подъ зелеными раи-
нами кладбища у величавыхъ стѣнъ церкви, а опу-
стили въ его собственное сердце, и она до сихъ поръ
лежитъ въ немъ. Тому никогда не проститься съ то-
ской, кто носитъ могилу въ своей груди. Онъ это хо-
рошо узналъ на себѣ самомъ. Въ первый разъ тогда
у него слезы хлынули въ церкви, когда ее отпѣвали,
и хлынули неудержимо—онъ думалъ, что упадетъ, но
выстоялъ. Солнце свѣтило ярко, птицы пѣли—кругомъ
было весело, и сошедшіеся проводить ее друзья и зна-
комые смотрѣли только-только прилично. Даже говоръ
шелъ по церкви—всѣ какой-то скучный обрядъ испол-
няли, и онъ, ея мужъ, хорошо это чувствовалъ. Одно
его сердце болѣло по ней... Ему такъ хотѣлось выгнать
ихъ всѣхъ и остаться одному съ этимъ старикомъ—свя-

щенникомъ. Золотистая полоса свѣта изъ окна въ ку-
полѣ прямо падала на покойницу, окружая ее стран-
нымъ сѣніемъ—точно дорѣга, по которой на мгновение
изъ заоблачной лазури слетѣла ея душа—тоже про-
ститься со своими, уже никуда не годившимися остан-
ками. А потомъ вдругъ кто-то толкнулъ его... Онъ
оглянулся. — „Подите проститесь!.. Сейчасъ крышку
будутъ...“ А что такое „будутъ“? Но онъ пошелъ по-
койно. Да, это не она. Развѣ у нея былъ такой чер-
ный изъ-подъ савана лобъ, развѣ такая синева ложи-
лась на ея щеки?.. И никогда отъ ея губъ не вѣяло
подобнымъ насквозь пронизывающимъ холодомъ, кото-
рый его охватилъ всего и до сихъ поръ ему чув-
ствуется. Въ золотой полосѣ свѣта—ярко блеститъ обра-
зокъ въ восковыхъ и тоже холодныхъ рукахъ. Какая
пылинка играетъ и искрится въ этомъ лучѣ!.. По бѣ-
лому шелку платья мигко струится сѣніе. Вѣдь она
вѣнчалась въ этомъ платьѣ. Онъ помнитъ, какъ любо-
вался искоса всею ея фигурою, когда она стояла, вся
розовая отъ смущенія, рядомъ, въ этомъ самомъ платьѣ,
дышащая всею полнотою такъ прелестно развившейся
жизни... А пѣвчіе имъ пѣли совсѣмъ не это „Со свя-
тыми упокой“, которое такъ печально уносится подъ
самый куполь, гдѣ въ волнахъ ладана скрещиваются
широкіе лучи солнца, проникшіе сюда сквозь окна...
Бѣлая свѣтящаяся масса—онъ воображаетъ, что это
подняли крышку гроба... Кто-то въ черномъ сюртукѣ
возится надъ нею, завинчиваетъ ее... И больше уже не
видать его жены, и никто и никогда не увидитъ ея...

Длинный путь по ликующимъ и яркимъ улицамъ,
гдѣ никому нѣтъ дѣла до его печали. Ограда клад-
бища съ знакомыми, ранѣе прѣхавшими къ воротамъ,
встрѣтитъ гробъ, обнажающія головы... За рѣшет-
кою—смутно выдѣляющіяся кресты и памятники, ку-
поль ожидающей ее церкви, еще одна панихида тамъ,
и прощай... Безобразная рыжая яма съ комьями и гор-
бинами влажной земли вокругъ. Внизу возится кто-то—
могильщики. Зачѣмъ они тамъ? Ахъ, да. Вѣдь онъ
самъ приказалъ замуровать гробъ склепомъ. Когда?
Безсозпательно, вѣрно—не помнить... Бѣлую глазето-
вую массу опускаютъ внизъ—въ сумракъ. Теперь су-
мракъ,—а сейчасъ будетъ вѣчный мракъ... А какъ она
живал боялась темноты. Бывало, проснетелся, и испу-
гааннымъ голосомъ проситъ его: „ради Бога зажги свѣ-
чу—я боюсь...“ Точно предчувствовала, что онъ рано
унесетъ ее въ свое загадочное царство сна безъ сновъ,
ночи безъ звѣздъ, покоя безъ ощущенія этого покоя.
Неужели это онъ бросилъ горсть земли, и она съ мяг-
кимъ шорохомъ разсыпалась по ея крышкѣ... Еще двѣ-
три горсти—и могильщики начинаютъ свое дѣло. Реб-
рами ставятъ перекладины, задѣлывая ихъ кирпичами...
И опять голубое, радостное небо, шумныя улицы, куда-
то бѣгущій народъ, и никому не больно, никому не
скорбно, никому не жаль. Да что же это? Развѣ не
случилось ничего, развѣ не погасла сейчасъ дорожка
ему жизни? Хорошо имъ разсуждать: вся земля—боль-
шая могила. На каждой пядени ея кто-нибудь и когда-
нибудь умеръ и скороненъ. Вращающееся въ простран-
ствѣ чудовищное кладбище, на которомъ коношатся,
суетятся и посягаютъ живые—отходящіе туда же, пока
послѣднее существованіе не понесетъ на ней и она не
останется среди безконечности—громаднымъ и безмоль-
нымъ памятникомъ человѣчества...

(Продолженіе будетъ.)

Контрабандистки.

Разсказъ Бейфордъ Гариссона.

(Съ англійскаго.)

Городъ Брюссель, какъ всѣмъ извѣстно, производитъ большое
количество кружевъ самаго высокаго качества. Горы прелестныхъ
кружевъ лежатъ за витринами магазиновъ на соблазнъ проходя-
щимъ. Англичанки, путешествуя по Европѣ, непременно заѣзжа-

ютъ въ Брюссель, чтобы купить себѣ кружевъ и полюбоваться на
нихъ, купить которыя онѣ не въ состоянн. Если онѣ ѣдутъ домой
прямо изъ Бельгіи моремъ, то онѣ могутъ взять съ собою кру-
жевъ сколько угодно, не платя за нихъ пошлины. Если же плѣ-

приходится проѣзжать черезъ Францію, то съ нихъ берутъ пошлину за всёъ имѣющіяся при нихъ новыя брюссельскія кружева на французской пограничной таможенѣ. И все-таки много англичанокъ ѣдетъ домой черезъ Францію, потому что онѣ предпочитаютъ короткій переездъ моремъ изъ Кале въ Дувръ прямому, но безпокойному пути изъ Остенде.

Объ миссъ Уилли ужасно боялись моря и трепетали при мысли о морской болѣзни; это только и удерживало ихъ отъ полного кругосвѣтнаго путешествія. Страдать морской болѣзью, — фи! Одни только мужчины способны называть это вздоромъ.

Миссъ Уилли были двѣ очаровательныя лэди среднихъ лѣтъ, страшно любившія путешествія, наряды, кружева и безобразныхъ моряковъ. Онѣ только что объѣхали всю Германію и Швейцарію, сдѣлали прогулку по Рейну и провели недѣлю въ Брюсселѣ. Болѣе привлекательныя мѣстоми, нежели поле Ватерлоо, и болѣе интересныя, нежели знаменитый музей Виртца, оказалась само собою разумѣется, Galerie St. Hubert съ ея безконечнымъ рядомъ кружевныхъ магазиновъ. Миссъ Мелисса Уилли не могла устоять при видѣ бѣлыхъ брюссельскихъ кружевъ; миссъ Аннора Уилли не могла устоять передъ черными. Каждая изъ этихъ лэди купила себѣ кружевъ: увлекаемая соблазнами въ образѣ прелестной продавщицы, миссъ Уилли купили кружевъ fîchus, кружевъ colerettes, кружевъ на метр. День за день они прибавляли «еще чуть-чуть» къ своему запасу.

Наконецъ, оказалось все-таки необходимымъ ѣхать въ Англію и притомъ чрезъ эту ужасную Францію съ ея охранительными пошлинами. Тогда онѣ принуждены были обдумать свое положеніе: какъ быть съ кружевами?

— Мы не можемъ сказать по совѣсти, — замѣтила миссъ Мелисса, — что мы не имѣемъ ничего къ оплатѣ пошлиной — rien à déclarer, — потому что кружево подлежитъ пошлинѣ.

— Если мы его запакуемъ въ наши вещи, то это можетъ оказаться опаснымъ, — сказала въ свою очередь миссъ Аннора: — вѣдь имъ придется въ голову осмотрѣть наши чемоданы?

— Какъ же намъ провезти это кружево? — раздумывала старшая сестра.

— Но мы должны его провезти! — объявила младшая сестра.

Обѣ немножко подумали. Вдругъ Аннора воскликнула:

— Я нашла! Мы можемъ надѣть его на себя. За носимыя кружева не платится пошлины.

— Да, да, — сказала Мелисса: — но какъ же можно носить его? Оно испачкается и испортится въ дорогѣ. Кромѣ того, кружево на дорожныхъ платьяхъ и накидкахъ непремѣнно бросится въ глаза таможеннымъ чиновникамъ.

— Оно не бросится имъ въ глаза на вашихъ шляпкахъ, — возразила находчивая Аннора. — Намъ нужно лишь сумѣть помѣстить все наше кружево на такомъ небольшомъ пространствѣ.

Сестры принялись за работу и черезъ часъ превратили свои шляпки въ шедевры декоративнаго искусства. Онѣ перемѣнили черное съ бѣлымъ, фишю и оборки, чрезвычайно остроумнымъ образомъ, и хотя шляпки казались нѣсколько утрированными, но кружево все-таки помѣстилось на нихъ цѣликомъ, что, главнымъ образомъ, и требовалось. Было весьма вѣроятно, что мужскіе глаза чиновниковъ французской таможи не замѣтятъ ничего ненормальнаго на головахъ обѣихъ предприимчивыхъ лэди.

Миссъ Уилли восхищались своей ловкостью. Онѣ сѣли въ поѣздъ, отправлявшійся во Францію, съ чистою совѣстью и легкимъ сердцемъ. Онѣ могли теперь заявить «rien à déclarer» съ полнымъ правомъ; не имѣя ничего спрятаннаго.

Въ отдѣленіи съ ними былъ только одинъ пассажиръ, толстый мужчина съ добродушной физиономіей. Миссъ Уилли немедленно заключили по его чрезмѣрной и мягкой толщинѣ и по его чрезмѣрному добродушію, что это нѣмецъ средняго класса. Затѣмъ, всѣ нѣмцы, понимающіе по-англійски, обыкновенно, весьма общительны съ своими спутниками-англичанами. А такъ какъ этотъ нѣмецъ не адресовался съ разговоромъ ни къ одной изъ миссъ, то послѣднія и рѣшили, что онъ не понимаетъ по-англійски, и на этомъ основаніи болтали, нисколько не стѣняясь.

— Надѣюсь, — говорила Мелисса, — что видъ моей шляпки не дуренъ? Не бьетъ ли она въ глаза своей отдѣлкой, какъ ты полагаешь, Аннора?

— Отлично, — сказала со смѣхомъ Аннора, — она черезчуръ отдѣлана для хорошаго вкуса, это правда, но для этого случая не большая бѣда имѣть дурной вкусъ. А какъ моя?

— О, вполне артистически: «эскизъ чернымъ и бѣлымъ», какъ говорятъ художники.

Обѣ лэди разсмѣялись, полный веселости по поводу грядущаго триумфа надъ сообразительностью таможенныхъ чиновниковъ. На лицѣ нѣмца изображалась глуповатая улыбка, которую принимаютъ обыкновенно непонимающіе чужого языка, но желающіе показать, что они понимаютъ.

Поѣздъ замедляетъ ходъ, мелькаютъ вывѣски съ надписями «Blandain», — граница! Миссъ Уилли выпрыгнули изъ вагона, держа въ рукахъ свои маленькіе сакъ-воажи, и стали спокойно ожидать приближенія досмотрщиковъ. За ними вслѣдъ, тяжело поворачиваясь, выползъ изъ вагона и толстый нѣмецъ, съ своею глуповатою улыбкой. Онъ подошелъ къ одному изъ старшихъ чиновниковъ таможи.

— Rien à déclarer! — сказали обѣ лэди въ одинъ голосъ.

— Одеколонъ, кружева, табакъ, спиртные напитки... — бѣгло говорилъ чиновникъ, опрашивавшій пассажировъ.

— Rien, rien, — отвѣчали миссъ Уилли.

Чиновникъ прошелъ дальше, не сказавъ ничего, и лэди, въ ожиданіи крика — «En voiture, s'il vous plait!», чувствовали себя чрезвычайно счастливыми.

Но въ это время тотъ самый чиновникъ, съ которымъ только что говорилъ нѣмецъ, подошелъ къ нимъ и на прекрасномъ англійскомъ языкѣ произнесъ:

— Лэди очень любятъ кружева?

У бѣдняжекъ упало сердце.

— Да... отчасти, — прошептали онѣ.

— И носите ихъ на шляпкахъ, чтобы удобно избѣгать уплаты пошлины?

Онѣ пропали.

— Но мы носимъ ихъ! — взвизгнула въ отчаяніи Аннора.

Мелисса трепетала отъ ужаса.

— Mesdames, я восхищенъ вашей изобрѣтательностью, но такое количество новаго кружева не можетъ быть пропущено даже на вашихъ шляпкахъ. Три, четыре, пять метровъ, — считалъ чиновникъ, мѣряя на глазъ несчастное кружево. — фишю, оборка и такъ далѣе... Столько-то франковъ пошлины, или я конфискую кружево.

«En voiture, s'il vous plait!» — послышалось у вагоновъ.

Сумма, потребованная чиновникомъ, прибавленная къ тому, что онѣ заплатили за кружево въ Брюсселѣ, дѣлала это кружево такимъ дорогимъ, что имъ не случилось еще покупать такого. Миссъ Уилли сорвали съ себя свои шляпки, извлекли изъ нихъ безчисленное количество булавокъ и бросили цѣлое облако кружевъ въ руки таможеннаго чиновника. Послѣ этого, не переводя духу, бѣдныя лэди бросились бѣжать къ вагонамъ и, обезсиленные, упали на свои мѣста. Пристыженные и обиженные, онѣ чувствовали себя очень несчастными. Обманъ удѣлившійся, это — одно, но неудавшійся обманъ, это — совсѣмъ другое, ибо вмѣстѣ съ упреками совѣсти, приноситъ еще и матеріальный убытокъ.

— Это уже слишкомъ! — воскликнула Мелисса, какъ только поѣздъ тронулся. — Но мы получили лишь то, что заслужили.

— Это все тотъ нѣмецъ, — сказала Аннора. — Онъ понимаетъ по-англійски; онъ слышалъ, что мы говорили дорогой, и рассказалъ все чиновнику. О, мужчина можетъ улыбаться и улыбаться, и все-таки быть негодимомъ!

Такъ жаловались онѣ на свою неудачу. При первой остановкѣ поѣзда въ ихъ отдѣленіе вошелъ негодяй, улыбавшійся попрежнему. Онѣ бросили на него негодующія взгляды, но онъ все-таки улыбался; онѣ замкнулись въ молчаніи, онъ началъ говорить.

— Ladies, — сказалъ онъ на чистѣйшемъ лондонскомъ нарѣчьи, — Ladies, мнѣ было весьма досадно навѣче на себя ваше неудовольствіе, но я чувствовалъ, что мой долгъ былъ выдать вамъ таможи. Вы невинно рассказали мнѣ все относительно кружевъ на вашихъ шляпкахъ, и я, во имя кредита нашей родины, ради англійской честности, былъ вынужденъ указать чиновнику на ваши шляпки. Можете вы простить меня?

— Нѣтъ, — сказала Аннора.

Но Мелисса подумала, что, несмотря на такую возмутительную жестокость съ его стороны, было что-то чрезвычайно пріятное въ его улыбкѣ.

— Я умоляю васъ о прощеніи, лэди, — продолжалъ загадочный нѣмецъ, — даже болѣе, я смиренно прошу у васъ милости.

— Сэръ! — воскликнула Аннора.

— Миссъ Уилли, миссъ Аннора Уилли, — противный толстякъ успѣлъ уже прочитать ихъ имена на ихъ багажѣ, — вы сдѣлали мнѣ громадное одолженіе, если позволите мнѣ записать вашъ адресъ.

Аннора покраснѣла, Мелисса вспыхнула. Можетъ-быть, что онъ устыдился презрѣнной роли, которую только-что сыгралъ въ отношеніи ихъ, и хотѣлъ написать имъ что-нибудь въ свою защиту и извиненіе? Быть-можетъ, геройская твердость, съ которой онѣ перенесли свое несчастіе, тронула его; быть-можетъ, ихъ прелести одержали побѣду надъ нимъ, и онъ желаетъ видѣть ихъ еще разъ, съ цѣлью... На этомъ мѣстѣ ихъ предположенія внезапно оборвались.

Аннора посмотрѣла на Мелиссу, Мелисса взглянула на Аннору. Послѣ этого старшая сестра сказала:

— Мы живемъ — 113 Angelina Gardens, Edwin Square, London.

Нѣмецъ записалъ этотъ адресъ въ своей памятной книжкѣ. Мелисса чуть было не спросила у него его имя, но онъ предупредилъ ее, сказавши коротко:

— Вы скоро услышите обо мнѣ.

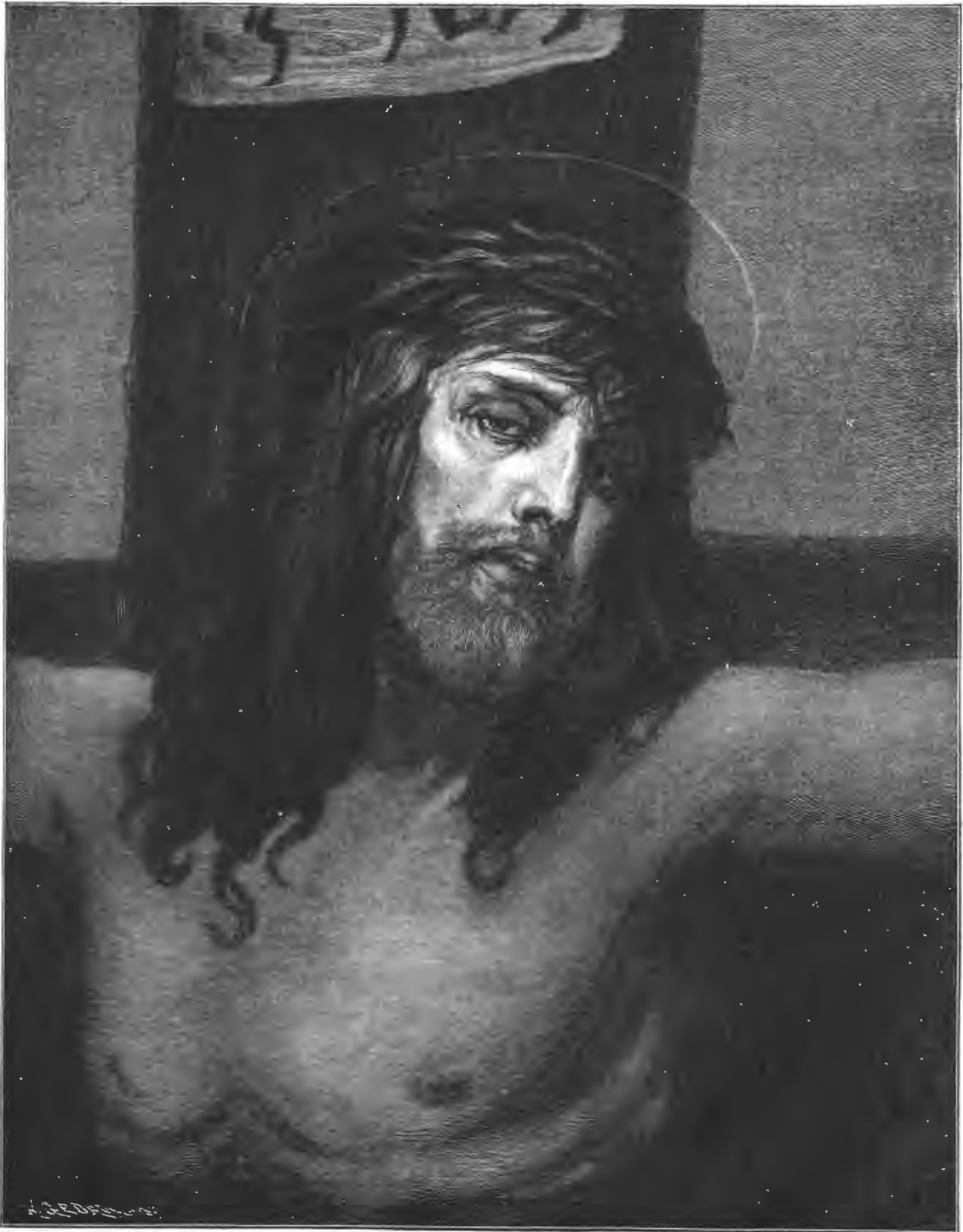
Затѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу красоты мѣстности, чрезъ которую они проѣзжали, и послѣ этого погрузился въ чтеніе «Figaro», прекративъ дальнѣйшій разговоръ. На слѣдующей станціи онъ произнесъ неожиданно:

— Доброго вечера, лэди!

И вышелъ изъ вагона. Больше онѣ и не видѣли его.

Миссъ Мелисса испытывала сильное волненіе въ своей груди. Она была романтическаго направленія ума и могла представить себѣ только одну причину, по которой этотъ иностранецъ могъ желать знать ихъ адресъ. Она все-таки оставалась въ увѣренности, что онъ былъ нѣмецъ, но только говорившій замѣчательно хорошо по-англійски: она видѣла, что онъ не былъ джентльменъ,

„Совершилось!“ Съ карт. Габрієли Макса грав. Геданъ.

и потому уже приготовилась отказать ему, когда онъ будетъ просить ея руки. Последнее, безъ сомнѣнiя, должно было вскорѣ случиться.

По прибытiи домой, миссъ Уилли дѣятельно принялись приводить въ порядокъ свое хозяйство, такъ что два дня прошли незамѣтно. На третiй день получилось по почтѣ письмо, сопровождаемое посылкой. Въ то время, какъ Аннора вскрывала тщательно запакованный пакетъ, Мелисса читала письмо. Сначала она прочитала его про себя, а потомъ вслухъ своей сестрѣ.

Письмо было слѣдующаго содержания:

«Mesdames! Я чувствовала себя крайне обязаннымъ вамъ въ тамошней станицѣ Blandain. Я человекъ въ дѣйствительности очень худой, но я былъ тогда обмотанъ кругомъ нѣсколькими сотнями ярдовъ дорогихъ брусельскихъ кружевъ. Я подумалъ, что луч-

шее средство отвлечь отъ себя вниманiе таможенныхъ чиновниковъ, это—направить ихъ на васъ. Вы видите, что я дѣйствую чистю вѣздахъ самозащиты. Но, будучи причиной потери вами вашего кружева, я считаю своимъ долгомъ вознаградить васъ за это, а потому беру на себя смѣлость послать вамъ кружевъ болѣе тонкихъ, нежели тѣ, которые вы потеряли.

Съ почтениемъ

вашъ толстый спутникъ».

Такимъ путемъ Аннора вступила во владѣнiе чудной черной оборкой, а Мелисса получила на свою долю дюжину ярдовъ бѣлаго кружева и вышитый носовой платокъ.

Онѣ окончательно простили толстому нѣмцу его жестокость и его толщину.

Къ столѣтiю Удѣловъ.

(Съ 2 портр. и рисункомъ на стр. 329).

Учрежденiе „Удѣловъ“ неразрывно связано съ Учрежденiемъ обѣ Императорской Фамилiи 5 апрѣля 1797 г. Въ этомъ знаменитомъ актѣ императора Павла I говорится:

„Когда поколѣнiе Фамилiи Императорской распространится до Князей крови Императорской, содержанiе Ея въ продолженiе времени могло бы быть Государству отяготительно, ежели не взять къ оному нужныхъ мѣръ: упреждаю сiе, съ надеждою въ томъ на милосердiе Божiе и на Святое Его благословенiе, и желая сколько обезпечить состоянiе Фамилiи нашей, столько облегчить и расходы Государства, опредѣляемъ быть удѣльнымъ имѣнiямъ; и для того назначаемъ отдѣлить изъ Государственныхъ владѣнiй, опредѣленную одинъ разъ часть деревень, и изъ государственныхъ доходовъ ежегодно по миллиону рублей“. Денежная ассигновка, впрочемъ, отмѣнена была уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Велѣдъ за тѣмъ въ актѣ подробно распределено, какую часть Удѣловъ „изъ доходовъ оныхъ суммы должны получать Великiе Князья и Князья Императорской крови, съ ихъ женами и дѣтьми, также всѣ Великiя Княжны и Княжны Императорской крови“, за исключенiемъ Императрицы, Наслѣдниковъ и всякаго старшаго Наслѣдника сына и ихъ женъ, получающихъ содержанiе изъ государственной суммы.

Предусмотрѣвъ такимъ образомъ на долгое время впередъ имущественное положенiе членовъ Императорской Фамилiи, императоръ Павелъ I говоритъ далѣе въ актѣ:

„Изъ предписанныхъ въ семъ учрежденiи постановленiй ясно видно есть, что для удовольствованiй происходящихъ отъ крови Императорской родовъ всѣмъ нужнымъ къ непосредственному имъ себя содержанiю, опредѣлены отъ Насъ немалыя недвижныя имѣнiя и знатныя денежные суммы, которыя, будучи особо отдѣлемы изъ общей Государственной массы имѣнiй и доходовъ, необходимо требуютъ и особеннаго оному управленiя; а на сей конецъ и разсудили Мы за благо учредить особый Департаментъ, подъ названiемъ *Департамента Удѣловъ*.“

Во главѣ Департамента Удѣловъ былъ поставленъ особый министръ и при немъ четыре товарища, изъ которыхъ одинъ былъ старшiй. Всѣ эти пять лицъ составляли коллегию, управлявшую удѣльными имѣнiями.

Кромѣ этого центральнаго управленiя, для мѣстнаго, непосредственнаго завѣдыванiя удѣльными имѣнiями учреждены были удѣльныя экспедицiи, которыхъ вначалѣ было девять. Кромѣ того, для управленiя удѣльными крестьянами въ районѣ каждой экспедицiи были особые приказы,—всего ихъ было 156. Первоначально эти мѣстныя удѣльныя учрежденiя находились въ зависности и отъ органовъ мѣстной администрацiи—казенныхъ налагъ и губернаторовъ, и только положенiемъ о департаментѣ удѣловъ отъ 15 мая 1808 г. они стали самостоятельны,—экспедицiи были замѣнены конторами, подчиненными уже непосредственно и исключительно Департаменту Удѣловъ. Этотъ порядокъ внутренняго устройства управленiя удѣлами почти не измѣнился до послѣдняго времени. Когда осуществлена была великая крестьянская реформа, и въ силу ея удѣльные крестьяне перешли въ вѣдѣнiе общихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствiй, удѣльные приказы были упразднены, а въ качествѣ органовъ мѣстнаго управленiя удѣльными имѣнiями явились особые окружные надзиратели, подчиненные удѣльнымъ конторамъ. Последнее преобразование удѣльнаго вѣдомства состоялось въ 1892 году,—Департаментъ Удѣловъ переименованъ былъ въ главное управленiе, удѣльныя конторы—въ удѣльные округа, которыхъ въ настоящее время двѣнадцать: алатырской, бѣловѣжской, вельской, вологодской, кievской, московской, инжгородской, самарской, сарапульской, саратовской, симбирской и с.-петербургской. Окружные же надзиратели стали именоваться управляющими имѣнiями. Кромѣ того, удѣльныя имѣнiя въ Крыму (Массандра и Айдаинль), имѣнiе Государя Императора „Ливадiя“ и Кавказскiя удѣльныя имѣнiя (Кахетинское, Абрау-Дюрсо, Чаквинское и др.) составляютъ самостоятельныя управленiя, непосредственно подчиненныя главному управленiю удѣловъ; кавказскiя имѣнiя, какъ особое исключенiе, находится подъ управленiемъ спе-

циальнаго инспектора кавказскихъ удѣльныхъ имѣнiй. Кромѣ этихъ общихъ административныхъ должностей, удѣльное вѣдомство имѣетъ въ составѣ своихъ служащихъ цѣлый рядъ специалистовъ по лѣсному хозяйству, по винодѣлiю, по оросительнымъ работамъ и т. п.

Главному управленiю удѣловъ подчинены также Государевы имѣнiя въ Московской и Владимирской губернiяхъ и мургабское въ Закаспiйской области; Государевы вотчины, царскоесельская и петергофская, и имѣнiя: Дагомысь, Таицкое, Гатчинское, Ропшинское и Гдовское; дворцы: Красносельскiе, Царскославянскiй, Екатерининскiй (Ревельскiй), Тверской, Ропшинскiй, Киевскiй и Ливадскiй и Императорская петергофская гранитная фабрика, поставляющая свои произведенiя главнымъ образомъ для Высочайшаго Двора.

Въ качествѣ особаго министерства, установленнаго императоромъ Павломъ I, Департаментъ Удѣловъ существовалъ тридцать лѣтъ.

Первымъ министромъ удѣловъ былъ кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, младшiй братъ извѣстнаго любимца императора Павла I, кн. Александра Борисовича Куракина (портр. на стр. 329). Кн. А. В. Куракинъ родился 19 сентября 1759 г. Первоначально онъ служилъ въ гвардiи, но затѣмъ перешелъ на службу по гражданскому вѣдомству, поступивъ въ канцелярiю генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго. При вступленiи на престолъ императора Павла I онъ уже былъ въ чинѣ тайнаго совѣтника и управлялъ 3-й экспедицiей для свидѣтельства счетовъ. Въ 1797 г. онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Государственнаго Ассигнацiоннаго Банка, затѣмъ генералъ-прокуроромъ и присутствующимъ въ Совѣтѣ Его Величества. Велѣдъ за назначенiемъ министромъ департамента удѣльныхъ имѣнiй, кн. А. В. Куракинъ, 39 лѣтъ отъ роду, уже въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, былъ пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго, а въ 1798 г. назначенъ сенаторомъ. Пробывъ недолгое время въ отставкѣ, онъ при императорѣ Александрѣ I былъ назначенъ малороссiйскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1807 году министромъ внутреннихъ дѣлъ. Назначенный въ 1811 г. членомъ Государственнаго Совѣта, онъ въ 1826 г. пожалованъ Канцлеромъ Россiйскихъ орденовъ, а 30 декабря 1829 года скончался.

Изъ послѣдующихъ министровъ удѣловъ слѣдуетъ отмѣтить: д. т. с. Д. М. Троицкаго, управлявшаго департаментомъ съ 1802 по 1806 г., а затѣмъ занимавшаго постъ министра юстицiи, и Д. А. Гурьева, состоявшаго министромъ удѣловъ продолжительное время,—съ 1806 по 1825 г. За время управленiя удѣлами Д. А. Гурьевъ возведенъ былъ въ графское достоинство и состоялъ одновременно—съ 1810 по 1823 годъ—министромъ финансовъ. Въ первые годы управленiя Д. А. Гурьева министерствомъ Удѣловъ и было издано положенiе 15 мая 1808 г., установившее самостоятельность мѣстныхъ органовъ удѣльнаго управленiя.

Въ 1826 г., когда образовано было министерство Императорскаго Двора, Департаментъ Удѣловъ подчиненъ былъ новому министерству. Первымъ министромъ Императорскаго Двора назначенъ былъ свѣтлѣйшiй князь П. М. Волконскiй, а по удѣльному вѣдомству ближайшимъ его сотрудникомъ былъ Д. А. Перовскiй, въ 1849 г. возведенный въ графское достоинство.

Графъ Д. А. Перовскiй—одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей по управленiю удѣлами за истекшее столѣтiе ихъ существованiя. Гр. Д. А. Перовскiй кандидатомъ московскаго университета, въ 1811 г., началъ службу въ военномъ вѣдомствѣ, участвовалъ въ бояхъ во время наполеоновскихъ войнъ, въ 1818 г. былъ уже въ чинѣ полковника, а въ 1823 г. переименованъ въ дѣйствительные статскiе совѣтники и три года спустя назначенъ членомъ Департамента Удѣловъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченiе почти тридцати лѣтъ, и вплоть до своей смерти, послѣдовавшей въ 1856 г., онъ не оставлялъ своей службы по удѣльному вѣдомству. Управленiе удѣлами началось для гр. Д. А. Перовскаго уже съ 1828 г., со времени назначенiя его вице-президентомъ Департамента Удѣловъ. Въ 1840 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра удѣ-

ловъ, а въ 1852 г., по кончинѣ кн. Волконскаго—министромъ удѣловъ, при чемъ сталъ во главѣ снова самостоятельнаго министерства Удѣловъ, отдѣльнаго отъ министерства Двора. Впрочемъ, министерскій постъ—по министерству внутреннихъ дѣлъ—гр. Перовскій занималъ еще ранѣе, съ 1841 г., и одно- временно съ тѣмъ, съ 1844 г., управлялъ Кабинетомъ Его Величества. Кромѣ этихъ двухъ министерскихъ постовъ, блестящій аванси члена Государственнаго Совѣта, сенатора и гофмейстера, гр. Перовскій состоялъ членомъ многихъ комитетовъ, особенно касавшихся улучшеній и устройства быта крестьянъ. Многими важными мѣропріятіями по устройству быта удѣльныхъ крестьянъ охарактеризовалась и его продолжительная и весьма плодотворная дѣятельность по удѣльному вѣдомству.

По смерти графа Л. А. Перовскаго, въ 1856 г., Департаментъ Удѣловъ былъ вторично и уже окончательно подчиненъ министерству Двора, во главѣ котораго тогда и вплоть до 1870 года находился гр. В. О. Адлербергъ 1-й. Управление же удѣльнымъ вѣдомствомъ было ввѣрено предсѣдателю Департамента Удѣловъ и состоявшему при немъ совѣту изъ нѣсколькихъ членовъ департамента. Послѣ гр. В. О. Адлерберга министромъ Императорскаго Двора и удѣловъ былъ назначенъ его сынъ, гр. А. В. Адлербергъ 2-й, и, наконецъ, съ 1881 г. преемникомъ его былъ на этомъ посту занимающій его и нынѣ генералъ-адъютантъ графъ И. И. Воронцовъ-Данковъ.

Преемникомъ гр. Л. А. Перовскаго, но уже въ качествѣ подчиненнаго министерству Двора предсѣдателя Департамента Удѣловъ, былъ генералъ-отъ-инфантеріи М. Н. Муравьевъ, впоследствии графъ и извѣстный виленскій генералъ-губернаторъ. Состоя во главѣ удѣльнаго вѣдомства, М. Н. Муравьевъ управлялъ одновременно и министерствомъ государственныхъ имуществъ, и межевою частью. Въ 1862 г., по выходѣ М. Н. Муравьева въ отставку, должность его по удѣльному вѣдомству замѣстилъ гр. Ю. И. Стенбокъ и управлялъ удѣлами до 1875 г. Дѣятельность гр. Стенбока ознаменована проведеніемъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ крестьянской реформы. Въ 1875 г. предсѣдателемъ департамента удѣловъ назначенъ былъ извѣстный ученый, профессоръ энциклопедіи права въ с.-петербургскомъ университетѣ и одно время ректоръ его, д. т. с. П. Г. Рѣдкинъ. При П. Г. Рѣдкинѣ въ 1882 году, уже во время управления министерствомъ Двора гр. И. И. Воронцова-Данкова, департаментъ удѣловъ былъ преобразованъ изъ коллегіальнаго установленія въ единоличное. Во главѣ департамента былъ поставленъ управляющій, подчиненный министру Двора, на правахъ товарища министра. При управляющемъ были установлены должности двухъ помощниковъ его на правахъ директоровъ департаментовъ министерствъ. Такимъ первымъ управляющимъ Департамента Удѣловъ былъ генералъ-лейтенантъ П. П. Дурново, преемникомъ ему съ 1884 по 1890 годъ былъ т. с. П. А. Рихтеръ, а съ 1890 г. во главѣ удѣльнаго вѣдомства сталъ его нѣпѣшній начальникъ, генералъ-лейтенантъ кн. Л. Д. Вяземскій.

Кн. Л. Д. Вяземскій (портр. на стр. 329) окончилъ курсъ Александровскаго лицей и въ 1867 г. поступилъ на военную службу, въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Полкомъ командовалъ тогда гр. И. И. Воронцовъ-Данковъ, нѣпѣшій министръ Двора, а кн. Л. Д. Вяземскій былъ полковымъ адъютантомъ. Въ 1875 г. онъ былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты къ государю императору Александру II, а въ слѣдующемъ году отчисленъ въ Свиту Его Величества. Во время послѣдней русско-турецкой кампаніи, кн. Вяземскій сначала состоялъ въ распоряженіи великаго князя Николая Николаевича Старшаго, затѣмъ былъ назначенъ командиромъ 2 бригады болгарскаго ополченія, участвовалъ въ цѣломъ рядѣ горячихъ боевъ и въ томъ числѣ въ оборонѣ Шипкинскаго перевала и подъ Шейновомъ, при чемъ два раза былъ раненъ. Съ 1884 г. начинался общественная дѣятельность кн. Л. Д. Вяземскаго въ качествѣ усманскаго предводителя дворянства, а затѣмъ 31 іюля 1888 г. онъ былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ астраханскихъ казачьихъ войскъ съ зачисленіемъ въ армейской кавалеріи. Въ этой должности онъ состоялъ до 19 апрѣля 1890 г., когда былъ назначенъ исправляющимъ должность управляющаго Департамента Удѣловъ.

При князѣ Л. Д. Вяземскомъ Департаментъ Удѣловъ переименованъ въ Главное Управление Удѣловъ и управление удѣльнымъ вѣдомствомъ приняло современный строй.

Удѣльное вѣдомство, владѣя въ настоящее время въ 37 губерніяхъ пространствомъ земли до 8 милліоновъ десятинъ, является самымъ крупнымъ послѣ казны земельнымъ собственникомъ въ Россіи.

При своемъ образованіи же Удѣлы обладали почти вдвое меньшимъ количествомъ земель,—они получили 4.162,000 десятинъ земли съ 460,000 душъ крестьянъ, при чемъ болѣе двухъ милліоновъ десятинъ лѣсовъ находилось до 30-хъ годовъ собственно въ завѣдываніи казеннаго управленія и лишь въ 1834 г. поступило въ фактическое распоряженіе удѣльнаго вѣдомства. Изъ этого количества земли 1.800,000 десятинъ состояло въ пользованіи крестьянъ. Къ моменту же освободительной реформы числилось въ удѣльномъ вѣдомствѣ до 10 милліоновъ десятинъ, при чемъ въ надѣлъ крестьянъ посту-

пило 4½ милліона десятинъ. Такъ какъ число душъ крестьянскаго населенія по послѣдней 10 ревизіи было почти 900,000, то въ среднемъ на душу пришлось около 4,1 десятины.

Крестьяне играли очень выдающуюся роль въ хозяйственной дѣятельности удѣловъ, какъ и всѣхъ прочихъ земельныхъ собственниковъ на крѣпостной Руси, и удѣльное вѣдомство, созиная это, вплоть до крестьянской реформы главную свою дѣятельность и сосредоточивало на устройствѣ быта крестьянъ, почетительныя мѣры о которыхъ были начертаны еще въ первоначальномъ учрежденіи императора Павла I. Въ ряду этихъ полезныхъ мѣропріятій особеннаго вниманія заслуживаетъ устройство общественныхъ запасекъ на огрѣбакахъ общественныхъ полей. Этими общественными запасками имѣлось въ виду образовать сельскіе запасы и хлѣбныя капиталы для общепользныхъ надобностей удѣльныхъ крестьянъ. Иалшки хлѣбныхъ запасовъ, за пополненіемъ хлѣбныхъ магазиновъ, поступали въ продажу и на вырученные деньги, составившія особый крестьянскій капиталъ, содержались больницы, школы, нѣвѣстное земледѣльческое училище на 250 учениковъ близъ Петербурга (на станціи Удѣльна), существовавшее болѣе 30 лѣтъ, ремесленные училища при всѣхъ почти приказахъ и другія общепользныя учрежденія.

Крестьянская реформа, лишивъ удѣльное вѣдомство, паравнѣ съ прочими собственниками, милліоновъ даровыхъ рабочихъ рукъ, вынудило удѣльное управленіе заняться устройствомъ его земель на новыхъ началахъ, при чемъ преимущественное вниманіе удѣльнаго управленія было обращено на оброчное и лѣсное хозяйство. И по прошествіи 30 съ лишнимъ лѣтъ арендныя земельныя статьи, занимавшія ко времени крестьянской реформы площадь до 700,000 десятинъ съ доходомъ до милліона рублей, въ настоящее время возросли до 2.000,000 десятинъ, ежегодно приносящихъ дохода до 5.800,000 рублей.

Объясняется это явленіе не только тѣмъ, что удѣльное вѣдомство навлекаетъ сколь возможно большую пользу изъ своихъ огромныхъ земельныхъ богатствъ, но что оно и постоянно занято ихъ улучшеніемъ, съ каждымъ годомъ расширяетъ ихъ культурировку.

Земли удѣльнаго вѣдомства разбросаны по равнымъ губерціямъ Россіи, на сѣверѣ и югѣ, а также и на востокѣ, и отрасли хозяйства въ нихъ очень разнообразны. Такъ, удѣльное вѣдомство владѣетъ огромной площадью лѣсовъ, превышающей 5½ милліоновъ десятинъ, въ Архангельской, Вологодской, Новгородской, Самарской, Сибирской, Гродненской и Костромской губерніяхъ. Лѣсъ эксплуатируется удѣльнымъ вѣдомствомъ главнымъ образомъ путемъ продажи его на корню, но за послѣднее время (5—6 лѣтъ) начинаетъ развиваться и хозяйственная система разработки лѣса, такъ что на два почти милліона сотенъ кубическихъ футовъ, въ послѣдніе годы продаваемыхъ Удѣлами, приходится до 10 процентовъ заготовляемыхъ хозяйственнымъ путемъ. Въ громадныхъ лѣсахъ, въ упомянутыхъ семи губерніяхъ ежегодно заготавливается болѣе полу милліона бревенъ, большая часть которыхъ отправляется, въ видѣ досокъ, черезъ Архангельскій и Кронштадтскій порты за границу.

Для заготовки досокъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ имѣются свои четыре лѣсопильныхъ завода: два—въ Архангельскѣ и на рѣкѣ Ковжѣ (Новгородской губ.)—разрабатываютъ сѣверный лѣсъ; одинъ при станціи Страблѣ юго-западныхъ ж. д., въ Гродненской губ.—пилятъ лѣсъ изъ Бѣловѣжской пушчи, и еще одинъ, Кантарскій заводъ близъ Козьмо-Демьянска (на Волгѣ) предназначенъ для лѣса, сплавляемаго по рѣкамъ Сурѣ и Ветугѣ.

Въ настоящее время эксплуатация лѣса даетъ удѣльному вѣдомству болѣе 5 милліоновъ рублей въ годъ, а при крестьянской реформѣ лѣса давали Удѣламъ всего до 500,000 рублей. Удѣльное вѣдомство разводитъ, кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ, лѣсные питомники, производитъ лѣсокультурныя работы и между прочимъ дѣлаетъ лѣсныя посадки въ степяхъ, очень важныя въ цѣляхъ ослабленія рѣзости степного климата, вредно отзывающейся на сельскомъ хозяйствѣ. Въ этомъ направленіи удѣльнымъ вѣдомствомъ сдѣлано очень много:—до 7,800 десятинъ земли искусственно облѣсено въ удѣльныхъ лѣсныхъ дачахъ и къ тому же около двухъ съ половиной тысячъ десятинъ лѣса разведено въ степныхъ пространствахъ въ Самарской, Оренбургской, Саратовской, Воронежской и Ставропольской губерніяхъ. Въ этихъ губерніяхъ удѣльному вѣдомству принадлежитъ до 700,000 дес. степного пространства. И удѣльное вѣдомство намѣрено не останавливаться въ этомъ благомъ дѣлѣ, имѣя въ виду въ теченіе ближайшихъ 20 лѣтъ облѣснить до 360,000 десятинъ степей.

Другою очень солидною отраслью хозяйства удѣльнаго вѣдомства является винодѣліе. Являясь однимъ изъ крупнейших владѣльцевъ виноградниковъ въ Россіи, удѣльное вѣдомство, благодаря своему образцовому хозяйству, много содѣйствуетъ развитію винодѣлія въ Россіи, представляя собою одновременно и прекрасную школу для другихъ винодѣловъ, и опытную станцію, примѣняющую всевозможныя улучшенія и производящую изслѣдованія. „Удѣльныя“ вина, своими выдающимися достоинствами, несомнѣнной натуральностью, тонкимъ ароматомъ и вкусомъ, сразу завоевали себѣ очень широкій сбытъ въ публикѣ. Такою видною отраслью удѣльнаго хозяй-

Иуда. Ориг. рис. (собств. „Плвы“) И. И. Имановича, грав. Мультаиовскій.

Положеніе во гробъ. Съ карт. М. Дегренъ грав. Бодъ.

ства винодѣліе стало однако лишь за послѣдніи шесть-семь лѣтъ, со времени приобрѣтенія Главнымъ Управленіемъ Удѣловъ кахетинскаго имѣнія на Кавказѣ и двухъ винодѣльныхъ имѣній въ Крыму: „Массандра“ и „Айдаинль“.

Вся площадь виноградниковъ, принадлежащихъ удѣльному вѣдомству, занимала въ прошломъ году 718 десятинъ, изъ которыхъ 497 находятся на Кавказѣ (343 десятины въ кахетинскомъ имѣніи и 154 десятины въ имѣніи „Абрау“, Черноморской губерніи), а 221 десятина въ Крыму (именно: 58 десятинъ въ „Ивадіи“ и „Ориандѣ“, 52 десятины въ „Массандрѣ“ и 111—въ „Айдаинль“).

Ежегодно выдѣлывается въ удѣльномъ вѣдомствѣ до ста тысячъ ведеръ вина. Особенность „удѣльныхъ“ винъ та, что каждое винодѣльное имѣніе вырабатываетъ лишь известныи типъ вина, свойственный данной мѣстности по почвеннымъ, климатическимъ и другимъ условіямъ. Такъ, въ кавказскихъ имѣніяхъ изготовляются исключительно легкія столовыя вина, а въ крымскихъ—наоборотъ, крепкія и ликерныя. На ряду съ этими типами вина, удѣльное вѣдомство, за послѣднее время, завязалось также изготовленіемъ шипучихъ винъ, для чего обязалось специальными сортами винограда, засаженными въ Абрау и Айдаинль.

Удѣльное вѣдомство, какъ известно, является не только главнѣйшимъ въ Россіи винодѣломъ, но и продаетъ изъ своихъ магазиновъ, исключительно въ стеклянной, закупоренной и обандероленной посудѣ, вино свое, выдерживаемое предварительно въ особыхъ принадлежащихъ удѣльному вѣдомству подвалахъ.

Къ 1896 году въ этихъ подвалахъ хранилось до 650,000 ведеръ вина; изъ этихъ подваловъ особенно замѣчательны по своимъ размѣрамъ и своему устройству центральный подвалъ въ Одессѣ, вмѣщающій въ себѣ 200 тысячъ ведеръ вина, въ Тифлисѣ (на 100 тысячъ ведеръ), Цинцидаляскій въ Кахетинѣ (на 140 тысячъ ведеръ), новые подвалы въ Абрау; построенные въ видѣ ряда туннелей, въ горѣ, каждый на 15 тысячъ ведеръ, а также строящійся подвалъ въ Массандрѣ (на 100 тысячъ ведеръ вина въ бочкахъ и болѣе чѣмъ на миллионъ бутылокъ).

Въ 1895 году продано удѣльнымъ вѣдомствомъ до 117,000 ведеръ или 1.872,000 бутылокъ вина, на 1.275,000 руб.; это составляетъ въ среднемъ 10 р. 90 к. за ведро или 68 к. за бутылку. Всего на выдѣлку и продажу вина, въ общемъ, къ концу 1895 года, удѣльнымъ вѣдомствомъ было затрачено болѣе 10,000,000 рублей.

Это громадное производство вина должно черезъ нѣсколько лѣтъ еще очень значительно увеличиться, такъ какъ оно еще не достигло своего полного развитія. Удѣльное вѣдомство, строго держась своей задачи—выпускать въ продажу только хорошо выдержаннаго вина—держитъ въ своихъ подвалахъ огромную массу своего вина.

Изъ сравнительно небольшихъ по размѣрамъ производствъ, но очень крупныхъ по своему значенію для промышленнаго хозяйства Россіи—нельзя не указать на предпринятое удѣльнымъ вѣдомствомъ сахарное производство и посадженіе чайныхъ плантацій въ Россіи.

Въ Самарской губерніи, близъ станціи Кротовки, Самаро-Златоустовской жел. дор., удѣльному вѣдомству принадлежатъ Тимашевское имѣніе, въ которомъ и устроены сахарный заводъ, изготовляющій нескіи и рафинадъ. Заводъ этотъ и свеклоное хозяйство въ имѣніи, какъ вообще и вся хозяйственная дѣятельность Главнаго Управленія Удѣловъ, учреждены не столько съ промышленными цѣлями, сколько съ цѣлью высленія возможности культуры свеклы на востокѣ Россіи. Десять лѣтъ постепеннаго развитія хозяйства и завода доказали эту возможность блестящимъ образомъ. Производство завода увеличивается съ каждымъ годомъ; вначалѣ на заводѣ изготовлялось въ годъ 85,000 пудовъ рафинада, а теперь уже 600,000 пудовъ ежегодно; при чемъ перерабатывается около 80,000 пудовъ собственныхъ несковъ изъ собственной свеклы, остальное же количество приобрѣтается главнымъ образомъ на южныхъ заводахъ. Сахаръ этотъ не навѣстень здѣсь, въ столицахъ,—онъ находитъ сбытъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей въ восточныхъ заволжскихъ губерніяхъ.

Такой же смѣлый начинъ въ дѣлахъ обще-промышленныхъ сдѣлавъ удѣльнымъ вѣдомствомъ и въ дѣлѣ культуры русскаго чая. Дѣло это находится еще въ зачаткѣ, но, вѣное въ крепкія, дѣятельныя руки главнаго управленія удѣловъ, обѣщаетъ въ будущемъ серьезное развитіе. Не слѣдуетъ забывать, что въ Россію ввозится чай на 40 миллионъ рублей.

Чай разводится удѣльнымъ вѣдомствомъ въ принадлежащемъ ему Чакинскомъ имѣніи, близъ Батума. Въ этомъ имѣніи засажено до 20 десятинъ китайскаго чая, сѣмена котораго выведены на Кавказѣ. Много посажено саженцевъ чая въ 1896 году; они доставлены съ Востока специальной экспедиціей, снаряженной въ 1895 г. главнымъ управленіемъ Удѣловъ въ Индію, Китай и Японію. Видимые результаты культуры мѣстнаго чая сважутся только года черезъ три, но уже теперь, на послѣдней нижегородской выставкѣ посадки чая съ кавказскихъ удѣльныхъ плантацій обратили на себя всеобщее вниманіе, какъ крупное завоеваніе въ области русской промышленности, ничуть не меньшее, чѣмъ русскій хлопокъ.

Въ заключеніе, для полноты очерка хозяйственной дѣятельности Главнаго Управленія Удѣловъ необходимо еще указать на цѣлый рядъ крупныхъ оросительныхъ и осушительныхъ работъ, предпринятыхъ управленіемъ удѣловъ въ своихъ имѣніяхъ и имѣющихъ по своимъ результатамъ безусловно общегосударственное значеніе.

Изъ осушительныхъ работъ заслуживаютъ вниманія работы, предпринятыя удѣльнымъ вѣдомствомъ въ Царскосельской Государевой вотчинѣ, на такъ называемой Шушарской фермѣ, гдѣ съ 1893 г. прорыты для осушки полей около 12,000 сажень канавъ, и работы эти будутъ продолжаться. Но особенно заслуживаютъ интереса оросительныя работы удѣльнаго вѣдомства, и изъ нихъ, въ свою очередь, орошеніе Мургабскаго Государева имѣнія въ Закаспійской области. Оросительныя работы въ этой мѣстности произведены были еще въ старину и превратили ее въ цвѣтущій садъ. Но, подъ натискомъ воинственныхъ движеній народовъ Азии, орошеніе было приостановлено, а затѣмъ и совсѣмъ заглохло, и вся страна превратилась снова въ безлюдную пустыню. Только въ послѣдніе годы Главнымъ Управленіемъ Удѣловъ предприняты колоссальныя работы по обводненію мертвой пустыни. Руслѣ рѣки Мургаба преграждено такъ называемой Гиндыкушской плотинѣю, путемъ цѣлаго ряда гидротехническихъ сооружений устроено скопленіе воды въ запасныя водохранилища до пяти миллионъ кубическихъ сажень вмѣстимостью. Эти водохранилища и служатъ источниками оживленія всей мѣстности. Зимѣю и весной въ нихъ собираются всѣ избытки воды р. Мургаба, которые все равно пропали бы безъ пользы, но въ пужное время, когда земля необходима влага, они орошаютъ своей скопленной водой поля, превращая мертвую отъ недостатка воды природу въ богатую лѣсовую почву, дающую богатѣйшіе урожаи. Теперь уже орошено такимъ путемъ до 2000 десятинъ невладекъ отъ г. Мерва, близъ усадьбы имѣнія „Вайрамъ-Али“ (по Закаспійской жел. дорогѣ); но площадь эта значительно расширится и достигнетъ 30,000 десятинъ, когда будутъ доведены до должной высоты земляныя насыпи, ограждающія водохранилища.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что удѣльное вѣдомство дѣятельно не только крупнѣйшій земельный собственникъ въ Россіи, но и самый образцовый. По своему производству и доходности оно съ каждымъ годомъ занимаетъ все болѣе видное мѣсто среди крупныхъ промышленныхъ хозяйствъ въ Россіи, но это промышленное производство является слѣдствіемъ въ высшей степени рациональной культуры, пользованія обильными природными богатствами своихъ имѣній. Особенно развилась дѣятельность удѣльнаго вѣдомства за послѣднее время, подѣ руководствомъ нынѣшняго его пачальника, кн. Л. Д. Вяземскаго. Масса существенныхъ реформъ, важныхъ усовершенствованій, предлагаемыхъ сельско-хозяйственной наукой, сдѣлано впервые въ Россіи удѣльнымъ вѣдомствомъ, и блестящіе результаты, достигнутые имъ, служатъ яркимъ указаніемъ полезности этихъ мѣропріятій для прочихъ сельскихъ хозяйствъ, не имѣющихъ возможности дѣлать эти первые опыты у себя и заимствующихъ ихъ уже по осуществленіи ихъ на практикѣ. Удѣльное вѣдомство является, такимъ образомъ, школою, образцомъ для другихъ хозяйствъ, школою, разбросанною по всѣмъ концамъ Россіи, принесшею за первый вѣкъ своего существованія значительную пользу государству и общающую еще болѣешую пользу въ будущемъ.

Въ ознаменованіе своего юбилея, который исполняется 5 апрѣля с. г. и будетъ торжественно отпразднованъ, Главное Управленіе Удѣловъ рѣшило издать подробную исторію удѣльнаго вѣдомства за истекшія 100 лѣтъ. Къ участию въ этомъ солидномъ трудѣ, который будетъ представлять собою два большихъ тома, приглашены ученые специалисты и писатели; общее же редактированіе всего изданія поручено чиновнику особыхъ порученій при начальникѣ Главнаго Управленія Удѣловъ А. Ф. Кублицкому-Шюттуху. И. Э.

Дѣтскіе сады въ Россіи.

Въ январской книжкѣ „Литературныхъ Приложеній“ къ *Нивѣ* за прошлый годъ была напечатана статья г. Крыжановскаго о дѣтскихъ и гимнастическихъ играхъ, какъ средства къ физическому воспитанію юности. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было указано на Кіевъ, какъ на городъ, который можетъ служить прекраснымъ образцомъ въ дѣлѣ устройства дѣтскихъ садовъ. Редакція, получивъ нѣсколько писемъ,

въ которыхъ указывалось, что Кіевъ—не единственный городъ, гдѣ имѣются сады такого рода, предложила автору статьи, помѣщенной въ январской книжкѣ, дополнить ее, и вотъ еще нѣсколько сообщенныхъ имъ данныхъ о подобныхъ же садахъ въ другихъ городахъ Россіи.

Собственно такихъ городовъ, гдѣ бы дѣтскіе сады были поставлены хоть на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ, очень

не много. Изъ крупныхъ, ихъ всего два: С.-Петербургъ и Одесса, изъ мелкихъ—Царское Село, Павловскъ и Молога.

Въ С.-Петербургѣ надъ устройствомъ дѣтскихъ садовъ одновременно трудятся: городъ, Общество содѣйствія физическому развитію и Фребелевское общество для содѣйствія первоначальному воспитанію. Инициатива города почти ничтожна, но онъ даетъ средства для устройства дѣтскихъ садовъ обоимъ изъ означенныхъ обществъ. Первое изъ нихъ—Общество содѣйствія физическому развитію, несмотря на непродолжительность своего существованія, успѣло уже довольно прочно поставить свое дѣло и даже съ успѣхомъ начало насаждать его въ провинціи. Дѣятельность его выражается въ слѣдующемъ: 1) ежегодно, зимою, оно устраиваетъ на Фонтанкѣ, противъ Соляного городка, катокъ, на который допускаются безплатно дѣти членовъ Общества и учащіяся въ начальныхъ городскихъ училищахъ,—послѣдніе отдѣльно отъ первыхъ и лишь по ходатайству и чрезъ посредство учащихся; 2) устраиваетъ игры для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ, какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и на открытомъ воздухѣ. Въ закрытыхъ помѣщеніяхъ игры производятся въ слѣдующихъ мѣстахъ: а) въ Александровскомъ залѣ городской Думы для ученицъ средне-учебныхъ заведеній за небольшую плату (посѣщаемость въ этомъ залѣ выразилась въ прошломъ году цифрою—514, при количествѣ дней, въ которые игры шли мѣсто.—18); б) въ педагогическомъ музеѣ для дѣтей младшаго возраста за небольшую плату (число дней—15, посѣщеній—210); в) въ манежѣ стараго адмиралтейства для дѣтей обоого пола младшаго и средняго возрастовъ (дней—15, посѣщеній—2,000 слишкомъ). На открытомъ воздухѣ игры устраиваются въ Александровскомъ саду, лѣтомъ, съ іюня по августъ, по два раза въ недѣлю, для дѣтей обоого пола и безплатно (количество посѣщеній въ прошломъ году выразилось числомъ—3,648). Была, впрочемъ, сдѣлана попытка устройства и зимнихъ площадокъ для игръ; но превратится ли она въ нечто систематическое, организованное,—сказать еще трудно. Наконецъ, 3) Общество устраиваетъ загородныя прогулки для дѣтей—въ прошломъ году такихъ прогулокъ было 11: изъ нихъ 7—безплатныхъ для учащихся въ начальныхъ городскихъ училищахъ и 4—за небольшую плату для учащихся обоого пола въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ этого, Общество учредило въ настоящемъ учебномъ году курсы для подготовки лицъ къ веденію физическихъ упражненій и игръ. Такова дѣятельность Общества.

Еще успѣшнѣе была дѣятельность другого с.-петербургскаго общества—Фребелевскаго. Въ 1893 году, по инициативѣ и при содѣйствіи Общества дешевыхъ столовыхъ, а затѣмъ и при участіи города, оно устроило на Прудкахъ народный лѣтній садъ. Садъ этотъ открывается ежегодно на три лѣтнихъ мѣсяца отъ 10 час. утра до 7 ч. вечера и предназначается для дѣтей обоого пола отъ 4 до 14 лѣтъ. Пользуются имъ почти исключительно дѣти бѣднѣйшихъ жителей столицы, которые, по условіямъ своего быта, цѣлые дни, съ утра до вечера, проводятъ внѣ дома. Приемъ въ садъ безплатный и не ограниченъ опредѣленнымъ срокомъ. Въ саду имѣются нѣкоторые несложныя приспособленія для гимнастики, а также закрытое помѣщеніе въ нѣсколько комнатъ. Игры въ саду ведутся по фребелевской системѣ, и потому на долю дѣтей приходится не только игры въ собственномъ смыслѣ и физическія упражненія, а и ручной трудъ и умственные занятія. Такъ, напримѣръ, при ручномъ трудѣ дѣти плетутъ изъ бумаги, изъ стружекъ, изъ полосъ матеріи, вышиваютъ по картону и по каувѣ, приготавливаютъ разныя вещицы изъ снѣжечъ и картона, вяжутъ крючкомъ, занимаются щеточнымъ ремесломъ, рисуютъ, лѣпятъ, ухаживаютъ за цвѣтникомъ и т. п. Во время умственныхъ занятій дѣлаются объясненія праздниковъ, приходившихся на лѣтніе мѣсяцы, разучиваются мотивы, ведутся бесѣды о разныхъ явленіяхъ природы, поются пѣсни и т. д.

Можно многое возразить противъ фребелевской системы, и мы сами не принадлежимъ къ ея защитникамъ; но нельзя отрицать, что, чуждая крайностей и примѣняемая разумно и не педантически, она можетъ принести много пользы. Кромѣ лѣтняго дѣтскаго сада, Фребелевскимъ обществомъ устроены зимній садъ, рассчитанный на 25—30 дѣтей, и при немъ—школа для подготовки нянь. Вотъ и все, что можно сказать о дѣтскихъ садахъ въ С.-Петербургѣ.

Въ Одессѣ на средства города устроены и содержатся три дѣтскихъ сада: Николаевскій, Александровскій и Дюковский. Всѣ три сада устроены по одному типу, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ первомъ изъ нихъ два раза въ недѣлю—по вторникамъ и субботамъ—устраиваются танцы съ музыкой. Садъ въ эти дни принимаетъ вполне увеселительный характеръ, и потому за входъ въ него взимаютъ, какъ со взрослыхъ, такъ и съ дѣтей, по 10—15 коп. Гимнастикъ въ садахъ по дѣтямъ—отдѣльно для мальчиковъ и отдѣльно для дѣвочекъ; Дюковский садъ въ силу этого даже раздѣленъ на двѣ совершенно особенныя части, изъ которыхъ одна предназначена для мальчиковъ, а другая—для дѣвочекъ. Всѣхъ приспособленій въ садахъ для физическихъ упражненій достаточно. Вообще, городъ не скупится на доброе дѣло: общая сумма, расходуемая имъ на сады, доходитъ до 3½ тыс. руб.

Что касается сада въ Мологѣ, то онъ устроенъ на болѣе широкихъ началахъ, но гораздо бѣднѣе одесскихъ и, вообще, не имѣетъ существеннаго значенія.

Гораздо интереснѣе сады въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскѣ; особенно въ послѣднемъ. Гимнастика въ павловскомъ паркѣ устроена на средства дворцоваго вѣдомства и содержитъ образцово. Среди всевозможныхъ гимнастическихъ приспособленій тутъ, между прочимъ, устроенъ столбъ для лазанья; столбъ сдѣланъ изъ настоящей высокой корабельной мачты, которая при этомъ снабжена всѣми снастями; внизу, на случай паденія, устроена сѣтка изъ туго натянутыхъ веревокъ. Дѣти играютъ здѣсь подъ наблюденіемъ старшихъ, которые для этого и являются въ паркъ вмѣстѣ съ ними.

Послѣднее нововведеніе очень важно. Отъ него лишь одинъ шагъ до того, чтобы снять съ гимнастическаго сада такъ мало идущую такому серьезному учрежденію специально-дѣтскую физиономію и сдѣлать изъ него настоящее народное учрежденіе. Но этого шага не сдѣлалъ ни одинъ изъ описанныхъ здѣсь садовъ. А между тѣмъ важность этого шага очевидна. Гимнастика, какъ средство къ физическому развитію и укрѣпленію организма, необходима не для дѣтей только, а и для людей всѣхъ возрастовъ, не исключая и стариковъ. Сознаніе этого должно войти въ умы всѣхъ безъ исключенія людей, чтобы сдѣлать существенной эту истину. Но этого не будетъ до тѣхъ поръ, пока гимнастическіе сады будутъ устраиваться на такихъ началахъ, на какихъ они устраивались до настоящаго времени. Мы тщательно прячемъ ихъ отъ сторонняго глаза и дѣлаемъ ихъ какъ можно болѣе закрытыми; тщательно ограничиваемъ число ихъ посѣтителей и вообще обстоятельствомъ пользованіе ими возможно болѣе стѣсненіями; возрастъ, полъ, нарядъ имѣютъ для насъ первостепенное значеніе, а приносима ими польза—второстепенное. Отъ этого и пропекутъ, что, вмѣстѣ того, чтобы быть живой наукой для всѣхъ, средствомъ къ народному оздоровленію, гимнастическіе сады носятъ на себѣ характеръ простой дѣтской забавы, на которую взрослые смотрятъ свысока, какъ на нѣчто унизительное для себя.

Единственную попытку уничтожить такой характеръ гимнастическаго сада и превратить его въ общенародное учрежденіе и сдѣлать Кіевъ. Попытка эта, правда, далеко не совершенная, осуществлена на Аносовскомъ садѣ. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ Кіевъ и названъ былъ въ выше упомянутой статьѣ пріятнымъ исключеніемъ изъ числа другихъ городовъ русскихъ, а Аносовскій садъ—образцомъ при устройствѣ гимнастическихъ садовъ въ другихъ мѣстахъ.

Къ рисункамъ.

Весна!.. Вся природа оживаетъ, все пробуждается отъ зимняго сна. Въ воздухѣ пахнетъ озономъ. Лѣсъ еще не зеленеетъ, но вершины деревьевъ становятся уже съ каждымъ днемъ все темнѣе и непроходимѣе; почки набухаютъ одна за другой на вѣтвяхъ, наливаются, крѣпнутъ. Свѣтъ осѣлъ, обнажились корни крупныхъ деревьевъ, обнажились кустарники, кое-гдѣ на пригоркахъ образовались проталинки, изъ-подъ бѣлаго снѣга выглянула пожелтѣвшая прошлогодняя трава. Но дни весенняго пробужденія природы являются днями мученій для всѣхъ, кому въ это время приходится бѣдить и въ особенности возить тяжести по грунтовымъ проселочнымъ дорогамъ. Наступаетъ распутица. Для жителей Петербурга, гдѣ весну, при первомъ же таянн снѣга на улицахъ, дѣлаютъ по приказанію вачальства въ 24 часа, это слово—*распутица*—ничего не говоритъ; но жители глухой провинціи знаютъ, что это за тягостное время, когда и по улицамъ ни пройти, ни проехать, и подвозка всякихъ продуктовъ приостанавливается, и почта запаздываетъ. У насъ даже такой городъ, какъ Казань, во время ледохода по Волгѣ, по два, по три дня не

получаетъ почты съ нагорнаго берега, въ томъ числѣ и изъ столицы.

За границей, въ особенности въ Германіи, гдѣ даже между деревнями проложены вполне благоустроенныя, хорошо содержимыя шоссе, отъ распутицы страдаютъ, конечно, гораздо меньше. Но и тамъ найдется, разумеется, не мало первобытныхъ путей сообщенія. На картинкѣ Гейбеля изображена перевозка въ распутицу (на стр. 313) тяжелаго дубоваго кряжа по одной изъ такихъ первобытныхъ дорогъ, временно проложенныхъ въ лѣсу при вырубкѣ деревьевъ. По такимъ дорогамъ лучше бѣднѣ зимой, когда всѣ неровности сглаживаются густымъ слоемъ снѣга. Поэтому-то у насъ, на сѣверѣ, всѣ работы въ лѣсахъ производятся почти исключительно зимой, на саняхъ. Но въ странахъ, гдѣ зимній путь держится очень недолго, приходится прибѣгать къ перевозкѣ на колесахъ. И если эта перевозка трудна по хорошей дорогѣ, то въ распутицу она еще труднѣе. Картина Гейбеля полна движенія и въ то же время превосходно передаетъ всѣ трудности перевозки; лошади, люди и, кажется, даже самыя колеса,—все соединилось въ одномъ об-

Вербное воскресение въ Абрुццяхъ.

Съ карт. К. Тирателли по фотогр. Ганфштегеля въ Мюнхенъ грав. Уионъ.

щель успѣли одолѣть переваль черезъ небольшое возвышеніе пути. Гейбель, талантливый веймарскій художникъ, умеръ въ началѣ пятидесяти года; воспроизведенная здѣсь картина была послѣдней, написанной имъ.

Съ весеннимъ пробужденіемъ природы, съ воскресеніемъ всего, что, храня въ себѣ жизнь, казалось мертвымъ въ теченіе зимы, совпадаетъ празднованіе Свѣтлаго Воскресенія Христова, воспоминаніе тѣхъ дней, когда Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, даруя вѣчную жизнь вѣрующимъ въ Него и смертью Своею искупивъ грѣхи міра. Но къ празднованію Пасхи и къ днѣмъ ликованій всѣ христіане приготавливаются путемъ поста и днѣмъ воспоминаній въ Страстную седмицу о земной жизни и страданіяхъ Спасителя. Эта жизнь, эти страданія вдохновляли религиозныхъ художниковъ всѣхъ временъ и народовъ, и изображенія ихъ въ картинахъ безконечно разнообразны, при всемъ кажущемся повтореніи содержанія этихъ картинъ. Но для вѣрующихъ малѣйшій оттѣнокъ въ изображеніи того, что вызываетъ религиозное настроеніе, всегда будетъ имѣть значеніе новизны, и евангельскіе сюжеты остаются такими же вѣчными, какъ вѣчна сама природа съ ея ежегоднымъ возрожденіемъ, какъ вѣчна вѣра въ Бога, какъ вѣченъ самъ Богъ. Вотъ „Нагорная проповѣдь“ (стр. 316) одного изъ старинныхъ мастеровъ—испанца Морено Карбонаро, жившаго въ Бургосѣ (род. 1642 г. † 1674 г.); его картины религиознаго содержанія—преимущественно изображенія Богоматери—украшаютъ стѣны Мадридскаго музея и королевскихъ дворцовъ въ Испаніи. Вотъ „Моленіе о чашѣ“ (стр. 317)—картина икона новѣйшаго русскаго художника В. Е. Маковского, находившаяся въ храмѣ Христа Спасителя, воздвигнутомъ на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда въ Боркахъ 17 октября 1887 года; объ этомъ храмѣ намъ уже приходилось говорить на страницахъ *Нивы*. Вотъ картина извѣстнаго Габріэля Макса (стр. 321), передающая ту торжественную и страшную минуту, когда Христосъ произнесъ: „Свершилось!“ и, преклонивъ главу, испустилъ духъ. Вотъ картина испанскаго художника Муњоца Дегрета — „Положеніе во гробъ“ (стр. 325). Вотъ, наконецъ, рисунокъ молодого художника Изакевича, изобразившаго „Иуду“ (стр. 324) въ тотъ моментъ, когда этотъ бывшій ученикъ Христа, такъ вѣроломно предавшій Учителя, одинокъ бродитъ по дорогамъ, мучимый раскаяніемъ и уже готовый на самоубійство.

Всѣ эти художники, каждый по-своему, воспроизвели въ своихъ картинахъ тотъ или другой изъ евангельскихъ сюжетовъ, хорошо извѣстныхъ каждому христіанину, къ какой бы національности и къ какому христіанскому вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ.

Но если основанныя на евангеліи представленія о земной жизни Христа одинаковы у всѣхъ народовъ, то нельзя сказать того же самаго про обрядовую сторону разныхъ христіанскихъ религій и про то, какъ эта обрядовая сторона отражается въ жизни того или другого народа. Нашъ рисунокъ **Вербное воскресение въ Абрुццяхъ** (на этой стр.) переноситъ насъ въ Италію, гдѣ празднованіе Вербнаго воскресенія отчасти напоминаетъ наши рождественскіе праздники съ ихъ традиціонной елкой, украшенной цвѣтными бумажками и фольгой. Въ Іерусалимѣ, встрѣчая Христа и крича: „Осанна! благословенъ грѣдый во имя Господне!“—народъ держалъ въ рукахъ *пальмовыя* вѣтви; въ большей части европейскихъ странъ, за отсутствіемъ пальмъ, берутъ

вѣтви дерева, раньше другихъ распускающаго весной свои почки — вербу. Но въ некоторыхъ странахъ, напримѣръ, въ Греціи, Италіи, Испаніи, берутъ и пальмовыя вѣтви и вѣтви сребролистной оливы. Въ листья ихъ закладываютъ искусственные цвѣты и разныя украшенія изъ цвѣтной бумаги, лентъ, фольги, и съ такими вѣтвями устраиваютъ процессіи къ церкви, гдѣ эти пальмовыя вѣтви кропятъ святой водой, а вѣтви приносятъ ихъ домой и обыкновенно вѣшаютъ надъ дверями и окнами. По итальянскому народному повѣрью, такія пальмовыя вѣтви предохраняютъ отъ пожара; посылка такой пальмовой вѣтви врагу служитъ знакомъ примиренія, а итальянскія дѣвушки гадаютъ о своей будущей судьбѣ, бросая листья этихъ пальмовыхъ вѣтвей на горячіе уголья, и если листья при этомъ съ трескомъ отскакиваютъ, то это считается хорошимъ знакомъ.

Я. П. Полонскій.

(Портр. на этой стр.)

10 апрѣля н. г. исполнится шестидесятилѣтіе литературной дѣятельности Якова Петровича Полонскаго, единственнаго оставшагося среди насъ изъ представителей „поэтического тройственнаго союза“ (Майковъ, Фетъ и Полонскій). Объ этомъ „тройственномъ союзѣ“ заявили, ровно десять лѣтъ тому назадъ, недавно почившій А. Н. Майковъ, именно — по поводу пятидесятилѣтняго юбилея Я. П. Полонскаго. „Тому ужъ больше, чѣмъ полвѣка, на разныхъ русскихъ широтахъ, три мальчика, въ своихъ мечтахъ, за высшій жребій человѣка считая чудный даръ стиховъ, имъ преданы везовратно“.

овладѣлъ формою стиха. Первымъ его поэтическимъ произведеніемъ, увидавшимъ свѣтъ, была привѣтственная кантата (на мотивъ гимна: „Боже, Царя храни“). Этой кантатой Я. П., тогда ученикъ шестого класса рязанской гимназій, привѣтствовалъ великаго князя наследника цесаревича Александра Николаевича, проѣзжавшаго черезъ Рязань вѣстѣ со своимъ воспитателемъ, В. А. Жуковскимъ, которому кантата очень понравилась. Наслѣдникъ цесаревичъ подарилъ ему за нее золотыя часы, а вѣтви В. А. Жуковскій помѣстилъ кантату въ „Военномъ сборникѣ для кадетъ“. Съ начала сороковыхъ годовъ, Я. П., уже будучи студентомъ московскаго университета по юридическому факультету, началъ отдавать свои стихотворенія въ печать. Однимъ изъ первыхъ его произведеній было стихотвореніе „Арабатъ“, не включенное имъ ни въ одно изъ собраній его стихотвореній. Въ 1841 году цѣлый рядъ его стихотвореній, подписанныхъ буквою „П“, напечатаны были въ сборникѣ кн. Мансурова „Подземные ключи“.

Я. П. Полонскій (по поводу 60-лѣтія литературной дѣятельности). Съ гравюры на стали автотипія „Нивы“.

Въ 1844 году, по окончаніи курса университета, Я. П. Полонскій выпустилъ первый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Гаммы“. Бѣлинскій встрѣтилъ эти первые „гаммы“ поэтической лиры Полонскаго очень сочувственно, и одобреніе критики все росло и росло вѣстѣ съ ростомъ его поэтической дѣятельности, все болѣе и болѣе выдѣлившей Я. П. Полонскаго въ рядъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Изъ этихъ критическихъ отзывовъ особенно характерны два отзыва, принадлежащіе такимъ глубокимъ знатокамъ поэзіи, какъ Тургеневъ и Стра-

Первый министр Департамента Удѣловъ, князь А. Б. Куракинъ.

Нынешній начальникъ Главнаго Управленія Удѣловъ, князь А. Д. Вяземскій.

Къ столѣтію Удѣловъ. Съ фотогр. А. Вильборга автотипія „Нивы“.

Дѣйствительно, шестидесять лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ этой стаи славныхъ, Я. П. Полонскій, юнымъ гимназистомъ уже обнаружилъ проблески поэтическаго таланта и быстро

ховъ, и высказанные тогда, когда поэзія Полонскаго занимала уже очень почетное мѣсто на русскомъ Парнасѣ. По мнѣнію Тургенева, „талантъ Полонскаго представляетъ особенную,

ему лишь одну свойственную, смѣсь простодушной граци, свободной образности языка, на которомъ еще лежитъ отблескъ пушкинскаго изящества". „Философъ въ поэзіи“ Н. П. Страховъ, какъ бы въ дополненіе къ тургеневской оцѣнкѣ красоты поэзіи Полонскаго, охарактеризовалъ ея духовную сторону. Въ поэзіи Полонскаго онъ видѣлъ „поклоненіе всему прекрасному и высокому, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть ко всякому насилию и мраку“.

Каждый, знакомый съ поэзіей Полонскаго, согласится, что эти двѣ краткія характеристики отразили ее всесторонне.

Мы не станемъ здѣсь приводить біографическія данныя о Я. П. Полонскомъ и перечислять и разбирать его произведенія. Біографія Я. П. помѣщена была недавно, въ № 50 *Нивы* за 1895 г.; оцѣнка его поэтической дѣятельности сдѣлана тоже недавно Вл. С. Соловьевымъ, по поводу выхода въ свѣтъ въ прошломъ году „Полнаго собранія стихотвореній Я. П. Полонскаго“, изданнаго А. Ф. Марксомъ (Лит. Приз. къ *Нивѣ* за 1896 г., №№ 6 и 7).

Имя Полонскаго дорого и близко всей читающей Россіи. Состоявшееся въ 1887 г. торжественное чествованіе пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности ярко выразило заслуги его передъ русскимъ обществомъ и то, какъ высоко оно ихъ цѣнитъ. Эти чувства выразились вновь еще разъ 6 декабря 1895 г., по поводу исполнившагося 75-лѣтія дня рожденія Я. П. Полонскаго.

Нынѣ исполнившееся шестидесятилѣтіе литературной дѣятельности Я. П. Полонскаго вызоветъ, мы увѣрены, съ новою силой чувства глубокаго уваженія къ маститому поэту. Шестидесятилѣтіе поэтической дѣятельности—рѣдкое событіе въ литературной и общественной жизни народа, и всѣ, кому дорого ея процвѣтаніе, съ радостью сознаютъ и повторяютъ въ душѣ слова послѣдняго привѣтственнаго адреса маститому поэту: „Ни время, ни недуги не имѣютъ силы не только разрушить, но даже сколько-нибудь ослабить поэтическое творчество славнаго нашего поэта, и Полонскій своихъ молодыхъ лѣтъ, съ чистотою души, свѣжестью и энергіею благородныхъ порывовъ, несокрушимостью убѣжденій и обаятельною прелестью воплощенія всего этого въ словѣ, остается такимъ же Полонскимъ и въ той почтенной старости, до которой дано ему было дойти и продолженія которой еще на многія лѣта желаютъ всѣ, кому онъ дорогъ, и какъ человѣкъ, и какъ писатель“.

Иоганнъ Брамсъ. (Портр. на стр. 332.)

22 марта н. г. скончался въ Вѣнѣ одинъ изъ наибѣстнѣйшихъ въ Европѣ композиторовъ, Иоганнъ Брамсъ. Имя Брамса такъ же популярно въ музыкальныхъ кругахъ Германіи, какъ имя Верди—въ Италіи, Сенсъ-Савеса—во Франціи и Рубинштейна и Чайковского—въ Россіи.

Спеціальностью Брамса была камерная и симфоническая музыка. За время его болѣе чѣмъ сорокалѣтней композиторской дѣятельности, имъ написано болѣе 100 пьесъ, въ томъ числѣ: секстеты, квинтеты, квартеты, тріо, симфоніи, концерты для фортепьяно съ оркестромъ, концерты для скрипки, увертюры, романсы. Изъ двухъ его увертюр: „Трагической увер-

тюры“ и „Академической торжественной увертюры“, послѣдняя написана для бреславльскаго университета, избраннаго Брамса своимъ докторомъ honoris causa. Наиболѣе извѣстными произведеніями Брамса считаются его „Нѣмецкій Реквиемъ“, написанный въ 1868 г., и „Венгерскіе танцы“, мотивы которыхъ онъ заимствовалъ у извѣстнаго венгерскаго скрипача Ременн.

Въ своихъ произведеніяхъ Брамсъ всегда былъ индивидуаленъ и своеобразенъ, и по глубинѣ чувства и безукорынной техникѣ музыкальнаго построенія онъ является достойнымъ преемникомъ великаго Бетховена. Симфоніи Брамса считаются лучшими изъ всѣхъ написанныхъ послѣ Бетховена.

Въ 1893 г. чествовали І. Брамса по поводу исполнившагося тогда шестидесятилѣтія дня его рожденія, и въ *Нивѣ* была помѣщена тогда же (въ № 10) подробная его біографія.

Къ катастрофѣ на „Сисой Великомъ“.

(Съ 3 рисунками на стр. 333.)

О печальной катастрофѣ, случившейся 3 марта на эскадренномъ броненосцѣ „Сисой Великій“, находящемся у береговъ Крита, уже было своевременно сообщено въ № 11 *Нивы*, въ отдѣлѣ „Разныхъ извѣстій“. Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ рисунки, посвященные этому грустному событію. Рисунокъ 1 изображаетъ положеніе орудій на броненосцѣ, сильно поврежденныхъ взрывомъ. По сообщенію очевидца, подтвержденному официально, куполъ кормовой башни былъ сорванъ взрывомъ, причиною тѣмъ, что замокъ орудія былъ не вполне запертъ. Половина купола башни упала въ море, другая, прорѣзавъ ванту, упала на налubu, гдѣ она раздавила 15 человѣкъ, одного лейтенанта (Алексѣя Пещурова) и помощника старшаго инженеръ-механика (Ивана Дерягина). Кромя того, три человѣка, обожженные въ башнѣ порохомъ, вечеромъ того же дня умерли отъ ранъ. Французъ, новаръ адмирала, служившій во французской арміи въ 1870 г., былъ раздавленъ, когда готовилъ обѣдъ.

Броненосецъ немедленно послѣ катастрофы вошелъ въ судскую бухту. Какъ только онъ бросилъ якорь, находящаяся поблизости суда тотчасъ прислали ему помощь, между прочимъ, французскій крейсеръ „Адмиралъ Шернергъ“. Съ эскадръ были присланы доктора для подачи помощи раненымъ. Трупы были до того изуродованы, что оказалось невозможнымъ опредѣлить личность убитыхъ.

Этотъ несчастный случай глубоко опечалилъ всѣ европейскія эскадры, выразившія тотчасъ русскимъ морякамъ, въ лицѣ командира броненосца, чувства своего искренняго соболезнованія. Каждая изъ европейскихъ державъ, приславшихъ свои суда къ берегамъ Крита, выслала почетные караулы для встрѣчи тѣлъ погибшихъ моряковъ. На рис. 2 изображенъ траурный вѣлѣбъ съ гробами моряковъ, торжественно встречавшими духовенствомъ, въ присутствіи офицеровъ и командъ всѣхъ европейскихъ судовъ. Послѣдній рисунокъ представляетъ общую братскую могилу погибшихъ жертвъ служебнаго долга, нашедшихъ себѣ вѣчный покой на чужбинѣ. Погребены моряки на англійскомъ кладбищѣ въ Судѣ.

Политическое обозрѣніе.

Рѣшительная поддержка, оказанная европейскими броненосцами турецкимъ гарнизономъ въ ихъ сраженіяхъ съ нападающимъ греческимъ отрядомъ на Критѣ, подтвердила въ глазахъ критскихъ инсургентовъ неуклонное стремленіе Европы добиться умиротворенія ихъ острова. При всемъ, однако, ихъ желаніи войти въ непосредственное сношеніе съ адмиралами, критскіе инсургенты не имѣютъ возможности сдѣлать это, такъ какъ вынуждены исполнять приказанія Вассоса: какъ сообщаетъ *Standard*, отъ 21 марта, большинство востанническихъ отрядовъ—иррегулярная греческая войска, дѣйствующія подъ предводительствомъ греческихъ офицеровъ, подчиняются тому же Вассосу. Эти-то предводители, выдавая себя за вождей инсургентовъ, требуютъ присоединенія Крита къ Греціи.

По свѣдѣніямъ авторитетной европейской печати, критяне довольны автономіей острова, и не согласны съ такимъ поворотомъ дѣла лишь отряды инсургентовъ, организованные греческими офицерами. Не участвующіе въ революціонномъ движеніи критяне держатся того мнѣнія, что присоединеніе Крита къ Греціи угрожаетъ острову непосильными финансовыми тяготами. Сами греки не полагаются на преданности критскаго населенія въ оккупированныхъ ими мѣстностяхъ: Вассосъ всѣми средствами противоѣдствуетъ распространенію международной прокламаціи, уничтожая перехваченные экземпляры. Командиры международной эскадры приняли съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы придать воззванію Европы къ критянамъ возможно болѣе гласность.

По греческимъ источникамъ, Вассосу приказано изъ Аѳинъ руководить всѣми дѣйствіями инсургентовъ на островѣ. Сообщеніе главной квартиры, перенесенной въ самую гористую часть острова, поддерживается съ разными частями Крита по-

средствомъ свѣтовой сигнализациі, для сообщенія же съ континентомъ устроены оптическіе сигналы на нѣсколькихъ промѣжуточныхъ островахъ между Критомъ и Греціей. Прогоняя Греціи къ рѣшительному моменту приходить къ концу. Какъ сообщаетъ *Berliner Tageblatt*, послѣдній полкъ выступилъ на ессалійскую границу; у входа въ заливъ Волю сдѣланы минныя загражденія. По увѣреніямъ военнаго вѣдомства, войска будутъ избѣгать столкновенія съ турками, но за волонтеровъ, подчиненныхъ-де комитету—„народной гетеріи“, поручиться нельзя, а потому война считается неизбежною, если Европа не потребуетъ удаленія турецкихъ войскъ съ ессалійской границы.

Одинъ изъ британскихъ правительственныхъ ораторовъ сообщилъ на дняхъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ, что державы не теряютъ надежды предотвратить бѣдствіе. До наступленія момента, когда Криту дарована будетъ новая конституція, слѣдуетъ-де установить на островѣ новую правительственную власть для водворенія спокойствія. Что же касается Греціи, то она совершитъ самое крупное преступленіе, если атакуетъ Турцію. Долгъ повелѣваетъ-де Англій оставаться въ европейскомъ концертѣ, образуемъ изъ себя кабинетъ націй, въ чемъ слѣдуетъ видѣть величайшій успѣхъ международнаго права и морали въ текущемъ столѣтіи.

Вскорѣ послѣ этого стало извѣстнымъ, что Россія и Англія вѣстѣ со вторыми батальонами отравили на Критѣ и горныя батареи; къ такому же шагу приступаетъ и Франція.

Съ цѣлю объединить дѣйствія на Критѣ, державами принято рѣшеніе—назначить генералъ-губернаторомъ острова европейскаго комиссара съ обширными полномочіями. Всѣ эти мѣры указываютъ, повидимому, на серьезное намѣреніе державъ покончить съ критскими дѣлами во что бы то ни стало, за-

ставивъ Вассоса съ его войсками вернуться въ Грецію, и окончательно освободивъ низ-подъ ея влияния Критъ, ввести на этомъ островѣ автономное управление.

Съ другой стороны, въ виду возрастающаго опасенія военныхъ дѣйствій на эссалийской границѣ, какъ сообщаютъ изъ Константинополя отъ 24 марта, Турція приступила къ всестороннему обсужденію приближающейся катастрофы на ежедневныхъ военныхъ совѣтахъ въ Ильдизъ-Кюскѣ, подѣ предсѣдательствомъ султана и въ присутствіи выдающихся турецкихъ полководцевъ: главнокомандующему войсками на греческой границѣ приказано быть готовымъ къ оборонѣ границы; рескриптомъ султана выражена надежда, что армія, оставаясь вѣрной славнымъ традиціямъ, исполнитъ свой долгъ. На случай войны, въ турецкихъ правящихъ сферахъ заговорили о возможности появленія во главѣ турецкой дѣйствующей арміи извѣстнаго начальника германскихъ инструкторовъ—генерала Гольца-паши.

При усилившемся въ Греціи энтузіазмѣ, раздуваемомъ къ тому же національнымъ комитетомъ, взявшимъ въ свои руки „эллиское дѣло“ и всецѣло подчинившимъ этому теченію афинское правительство,—создалась значительная вѣроятность новыхъ необдуманныхъ роковыхъ дѣйствій со стороны Греціи.

Это обстоятельство заставило наше правительство вполне определенно выразить свои взгляды на выходки Греціи. По сообщенію органа нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, *Journal de St.-Petersbourg*, отъ 23 марта, „вызывающей образъ дѣйствія Греціи вынуждаетъ великія державы приступить къ блокадѣ Аѳинскаго залива. Эллиское правительство подвергло всѣмъ бѣдствіямъ блокады островъ Критъ, нейтрализуя въ то же время миролюбивую задачу адмираловъ и ибшая державамъ узнать дѣйствительныя желанія критянъ: инсургенты поневолѣ подчиняются греческому отряду, начальникъ котораго, полковникъ Вассосъ, дошелъ до объявленія фактической войны великимъ державамъ“. По поводу предлажившагося 25 марта открытія военныхъ дѣйствій, въ этомъ сообщеніи нашего дипломатическаго органа сказано: „Не довольствуясь этимъ непостижимымъ поведеніемъ, экзальтировавшимъ и привыкшимъ ко

всякимъ анархическимъ нашествіямъ личности предсказываютъ начало военныхъ дѣйствій противъ Турціи въ день годовщины объявленія войны за независимость Греціи—25-го марта, или послѣ осуществленія державами блокады греческихъ портовъ. Если произойдетъ этотъ актъ безумія, нападающая Греція будетъ единственною отвѣтчицею за вызовъ, брошенный Европѣ, желающей мира и направляющей къ этой цѣли всѣ усилія. Иллюзіи могутъ привести къ печальнымъ разочарованіямъ для Греціи, такъ какъ ей, въ случаѣ войны, неоткуда ждать помощи. При любомъ исходѣ затѣваемой борьбы, державы отнюдь не позволятъ нападающей сторонѣ извлечь какія-либо выгоды. По истощеніи средствъ, направленныхъ къ тому, чтобы образумить Грецію для ея же блага, великія державы не будутъ особенно волноваться невагодами, которыя можетъ извлечь на себя сама Греція“. Въ заключеніе, сообщеніе удостоверяетъ, что полное согласіе державъ остается ненарушимымъ, а это-де—самая вѣрная гарантія окончательнаго торжества принциповъ порядка, права и справедливости, что служить лучшимъ залогомъ сохраненія мира, частное нарушение котораго державы сумѣютъ локализовать, а въ случаѣ надобности, и подавить.

Это сообщеніе русскаго правительства произвело въ политическихъ кружкахъ Европы прекрасное впечатленіе, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что европейскій концертъ рѣшительнымъ тономъ положитъ конецъ эллиской авантурѣ.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, отъ 26 марта, послы великихъ державъ, по инициативѣ нашего правительства, обратились къ Портѣ съ устною нотой, предупреждающей Турцію, что вся отвѣтственность за послѣдствія военныхъ дѣйствій на эссалийской границѣ падетъ на нападающаго. Содержаніе этой ноты сообщено также аѳинскому правительству. Такимъ образомъ Европой исчерпаны всѣ миролюбивыя средства предотвратитъ греко-турецкое кровавое столкновеніе, остается ждать дальнѣйшихъ событій въ этомъ безконечномъ политическомъ круговоротѣ, именуемомъ восточнымъ вопросомъ.

Смѣсь.

Новые туберкулиновые препараты Коха. Знаменитый нѣмецкій бактериологъ докторъ Робертъ Кохъ, упрочившій свою ученую славу открытіемъ микроба бугорчатки, названнаго по имени изобрѣтателя и по вишней формѣ—коховскою палочкою, какъ извѣстно, вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ и другое блестящее открытіе, прогрессившее по всему свѣту. Онъ извлекъ изъ разводокъ бугорчатнаго яля, иначе, туберкулезнаго микроба особенную матерію, которая, будучи впрыснута въ кровь больныхъ бугорчаткою, должна была останавливать болѣзненный процессъ яля, другими словами, открылъ средство противъ страшнаго бича человечества, противъ чахотки, такъ какъ чахотка одна изъ самыхъ обычныхъ формъ бугорчатки. Къ сожалѣнію, надежды, первоначально возлагавшіяся на туберкулинъ (такъ было названо средство Коха), почти вовсе не оправдались. Его примѣняли врачи на всемъ свѣтѣ, но почти нигдѣ не остались довольны имъ. Такимъ образомъ, новое средство, отъ котораго такъ много вначалѣ ожидали, въ весьма скоромъ времени было оставлено всѣми врачами. Однако, самъ Кохъ все еще продолжалъ вѣрить и надѣяться. Тысячи опытовъ, произведенныхъ имъ надъ всевозможными формами бугорчатки, убѣждали его въ томъ, что если туберкулинъ и не можетъ служить специфическимъ лѣкарствомъ противъ бугорчатки, то можетъ оказывать большую услугу при распознаваніи раннихъ, мало замѣтныхъ явленій такъ называемой жемчужной болѣзни. Подъ такимъ названіемъ извѣстна особая болѣзнь рогатаго скота, именно—бугорчатка вымени у коровъ, выражающаяся появленіемъ маленькихъ, похожихъ на жемчужины бугорковъ. Выдѣленіе этихъ бугорковъ очень легко попадаетъ въ молоко, а изъ него, разумеется, можетъ попасть и въ организмъ потребителей молока, особенно же дѣтей, и привить имъ бугорчатку. Такой путь распространенія туберкулезнаго процесса давно извѣстенъ и очень озабочивалъ врачей, именно со стороны надзора за пораженнымъ перловидею скотомъ. Давъ средство къ распознаванію самыхъ раннихъ степеней этой болѣзни, Кохъ, разумеется, оказывалъ однимъ этимъ весьма значительную услугу человечеству. Будучи впрыснутъ подозрѣваемому животному, туберкулинъ не оказывалъ на него никакого дѣйствія, если оно было здорово, но тотчасъ вызывалъ извѣстную, очень характеристическую болѣзненную картину, если животное уже несло въ себѣ хотя бы только зачатки бугорковой заразы. Сверхъ того, многочисленные опыты убѣждали Коха въ томъ, что и людямъ, страдающимъ легкими и ранними формами бугорчатки, туберкулинъ приноситъ пользу, и потому знаменитый бактериологъ не думалъ отказываться отъ своего открытія, а продолжалъ упорно работать надъ нимъ. Во время своихъ непрестанныхъ изслѣдованій, онъ напалъ на новые пути и идеи. Первоначально онъ обрабатывалъ разводки бугорковыхъ микробовъ глицериномъ, и его туберкулинъ представлялъ глицериновую вытяжку изъ этихъ разводокъ. Спустя нѣкоторое время ему пришло на мысль сдѣлать вытяжку изъ разводокъ посредствомъ жидкаго раствора ѣдкаго патра въ водѣ. Напомнимъ, что такой растворъ представляетъ не что иное, какъ тотъ самый

щелокъ, который употребляется при варкѣ мыла для обмыливанія жира. Этой щелочной вытяжкѣ изъ бугорчатныхъ разводокъ Кохъ далъ названіе туберкулезнаго *антитоксина*. Подъ антитоксинами вообще разумеются вещества, противодѣйствующія *токсинамъ*, а послѣдніе представляютъ собою тѣ яды, которые вырабатываются въ организмѣ микробами и вызываютъ ту болѣзнь, при которой развивается данный микробъ. Открытіе антитоксина, значитъ—указать вѣрное и притомъ рациональное средство противъ микробной болѣзни. Кохъ полагалъ, что такимъ антитоксинамъ бугорчатки и должна служить изготовленная имъ щелочно-натровая вытяжка изъ бугорчатныхъ разводокъ. Онъ тотчасъ же началъ опыты надъ животными. Впрыскивая имъ свой антитоксинъ, онъ убѣдился, что новое средство дѣйствуетъ такъ же, какъ и его прежній туберкулинъ, только вызываетъ болѣе значительное повышеніе температуры и вообще болѣе рѣзкую картину тѣхъ явленій, которыя врачи называютъ реакціей. Но когда дозу впрыскиваній начали повышать, обнаружилась болѣе существенная разница. Оказалось, что антитоксинъ вызываетъ болѣзненные нарывы въ мѣстѣ укола иглою шприца, которымъ производится впрыскиваніе. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что въ натровой вытяжкѣ было много мертвыхъ тѣлецъ бугорчатныхъ микробовъ; эти трупки и вызвали нарывъ. Надо было ихъ удалить. Съ этою цѣлью Кохъ тщательно профильтровалъ свою вытяжку. Послѣ того она уже не производила нарыва, а дѣйствовать продолжала такъ же хорошо. Такимъ образомъ, Кохъ добился очень важнаго вывода: онъ понималъ, что при изготовленіи вытяжекъ необходимо принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы въ нихъ не попадали трупы бугорчатныхъ микробовъ. Тогда ему пришло на мысль—нельзя ли устранять эти трупы механическимъ путемъ, т.-е. раздроблять ихъ, такъ, чтобы въ вытяжку могли попасть только ихъ частицы, а не цѣлыя трупы. Въ этомъ случаѣ удалось бы, вѣроятно, привести эти трупы, т.-е. массу тѣлецъ микробовъ, въ такое состояніе, что она свободно всасывалась бы въ кровь. Цѣлыя же микробы, очевидно, не всасывались, а только производили мѣстное раздраженіе, вызывая нарывъ. Коху еще при прежнихъ работахъ удалось открыть въ микробахъ бугорчатки два особые химическія вещества, которыя при ближайшемъ изслѣдованіи оказались оба жирными кислотами. Одна изъ нихъ легко растворяется въ крѣпкомъ спиртѣ и при обработкѣ натровымъ щелокомъ даетъ мыло, какъ и подобаетъ всякой жирной кислотѣ, другая же трудно растворяется въ спиртѣ и столь же трудно обмыливается. Обѣ кислоты легко принимаютъ окраску, которая придаетъ микробамъ при ихъ изслѣдованіи подъ микроскопомъ для болѣе отчетливаго ихъ распознаванія. Эти кислоты входятъ въ составъ наружной оболочки микробовъ и служатъ, надо думать, защитнымъ слоемъ, препятствующимъ дѣйствію вѣшнихъ разрушительныхъ факторовъ,—словомъ, представляютъ биологическую броню микробовъ. Значитъ, для того, чтобы сдѣлать массу тѣла микробовъ способною всасываться, надо было бы непременно разрушить этотъ защитный слой и притомъ по возможности разрушить

механически, такъ какъ разрушеніе химическими средствами могло вредно отозваться на химическомъ составѣ самихъ микробовъ. Послѣ цѣлаго ряда утомительныхъ и безплодныхъ изысканій, Коху

удалось на-пасть на желанный приемъ. Онъ высушилъ микробы бугорчатки и въ такомъ состояніи совершенно сухого порошка подвергнул ихъ продолжительному растиранію въ агатовой ступкѣ. Разсмотрѣвъ растертую массу подъ микроскопомъ, онъ убѣдился, что большая часть микробовъ раздроблена. Тогда онъ изболталъ растертую массу съ водою и подвергнул ее той самой операціи, посредствомъ которой теперь отдѣляютъ сливки отъ молока. Эта операція, извѣстная подъ названіемъ центрофужной обработки

(центрофугированіе), состоитъ въ томъ, что масса, подлежащая обработкѣ, подвергается чрезвычайно быстрому вращенію въ закрытомъ сосудѣ. При этомъ она раздѣляется на свои составныя части, въ силу ихъ разницы по удѣльному вѣсу. Боже тяжеля части откидываются къ краямъ сосуда, а легкія собираются въ срединѣ. Эта операція дала Коху средство для отдѣленія раздробленныхъ микробовъ отъ цѣлыхъ. Послѣдніе оставались въ первоначальной эмульсии и образовали плотный осадокъ, который Кохъ снова сушилъ, снова толочилъ и центрофужировалъ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока вся масса микробовъ не была раздроблена. Вотъ эту-то вытяжку изъ раздробленныхъ микробовъ бугорчатки Кохъ теперь и выпускаетъ въ обращеніе. Онъ убѣдился на опытъ въ томъ, что послѣ перваго центрофужирования получается жидкость, нѣсколько отличающаяся отъ тѣхъ, которая получается при послѣдующей обработкѣ. Онъ и различаетъ эти два вещества разными названіями. Продуктъ отъ перваго центрофужирования онъ называетъ *туберкулиномъ О*, а отъ послѣдующихъ — *туберкулиномъ Р*. Сокращенно они обозначаются литерами *ТО* и *ТР*. Первый содержитъ вещества, легко переходящія въ глицеринъ, второй же — вещества, малорастворимыя въ глицеринѣ. Первый туберкулинъ дѣйствуетъ вполнѣ подобно первоначальному коховскому туберкулину. Второй же препаратъ, *ТР*, по словамъ Коха, отличается весьма высокимъ иммунизующимъ эффектомъ, т. е. сообщаетъ животному организму способность сопротивляться зараженію бугорчаткою.

Примѣненіе препарата на практикѣ очень просто. Онъ вводится подъ кожу по приемамъ, хорошо известнымъ каждому врачу. Жидкость составляется въ такой пропорціи, что въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ ея содержится 8 миллиграммовъ дѣйствующаго начала. Впрыскиванія начинаютъ съ весьма малыхъ дозъ, именно съ $\frac{1}{500}$ миллиграмма

дѣйствующаго начала. Если такая доза не вызвала реакціи, то можно начать постепенно повышать дозу, въ противномъ же случаѣ необходимо выждать, пока всѣ явленія реакціи прекратятся, и тогда

вновь начать лѣченіе, но уже съ меньшей дозы. Вообще надлежитъ самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за наступленіемъ реакціи и непремѣнно выждать ея полнаго прекращенія, прежде чѣмъ продолжать лѣченіе. Впрыскиванія дѣлаются черезъ день, и доза повышается весьма медленно, причемъ врачъ долженъ внимательно сторожить, чтобы не наступало ни малѣйшаго по вышенія температуры и вообще никакихъ явленій реакціи. Доза въ такомъ порядкѣ постепенно повышается до 20 миллиграммовъ на

этомъ во всякомъ случаѣ останавливается, хотя бы все обшлося благополучно и ни малѣйшей реакціи не наступило. Черезъ двѣ недѣли послѣ вприскиванія высшей дозы обыкновенно наступаетъ полный иммунитетъ, т. е. такое состояніе организма, при которомъ онъ становится невосприимчивымъ къ зараженію бугорчаткою. Этотъ результатъ былъ Кохомъ тщательно проверенъ путемъ многочисленныхъ опытовъ надъ морскими свинками — животными, въ высокой степени восприимчивыми къ бугорчаткѣ.

Остается бросить взглядъ на послѣдній и существеннѣйшій пунктъ этой новой работы знаменитаго бактериолога — на примѣнимость и практическое значеніе новаго препарата при лѣченіи людей. Самъ Кохъ отводитъ своему новому туберкулину весьма скромную роль. Если туберкулезный процессъ подвинулся далеко, если больному можно предсказывать вѣрную смерть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то не стѣдуетъ и пробовать туберкулина, — онъ не принесетъ никакой пользы. Такъ же точно бесполезенъ туберкулинъ и во второмъ періодѣ чахотки. Пользы же настоящей можно ожидать отъ него лишь въ самомъ началѣ болѣзни; тутъ она, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Кохъ пользовался значительное число больныхъ въ первомъ, начальномъ періодѣ чахотки, а также многихъ страдавшихъ волчанкою, представляющею, какъ извѣстно, особую, сравнительно легкую форму бугорчатки, и о всѣхъ этихъ больныхъ онъ говоритъ, какъ о получившихъ значительное улучшеніе. Въ сущности, онъ имѣлъ бы право, приспособляясь къ современнымъ взглядамъ на лѣченіе чахотки, считать своихъ больныхъ прямо выздоровѣвшими, но онъ не рѣшается на это изъ осмотрительности, предпочитая выждать нѣкоторое время, чтобы убѣдиться въ томъ, что у вылѣченныхъ не будетъ возврата болѣзни.

Изъ столѣтію Удѣловъ. Зданіе Главнаго Управленія Удѣловъ въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту.

Іоаннъ Брамсъ († 22 марта 1897 г.).
Съ гравюры авторнія „Нивы“.

Разныя извѣстія.

— Государю Императору благоугодно было обратить внимание на постоянно увеличивающееся количество всеподданнѣйшихъ подношеній, въ видѣ образцовъ въ драгоценныхъ окладахъ, цѣнныхъ блюдъ и многихъ другихъ предметовъ. Его Императорское Величество, благосклонно относясь ко всемъ искреннимъ проявленіямъ вѣрноподданническихъ чувствъ и не желая огорчать отказомъ подносящихъ, милостиво принималъ подобные дары. Въ настоящее время, въ виду значительности суммъ, затрачиваемыхъ на эти подношенія, Государь Императоръ повелѣлъ оповѣстить во всеобщее свѣдѣніе, что единственный радостный для Его сердца даръ составляютъ пожертванія отъ достатка обществъ и частныхъ лицъ на благотворительныя и другія общепользныя учрежденія и притомъ преимущественно мѣстныхъ.

— Императорскою академіею художествъ въ 1896 году объявленъ конкурсъ на составленіе проектовъ здания музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Императорскомъ московскомъ университетѣ. На этотъ конкурсъ было представлено, подъ разными девизами, 15 проектовъ. Представленные проекты были рассмотрѣны комиссіею изъ членовъ академіи: В. А. Беклемышева, А. Н. Бенуа, П. А. Брюдлова, Н. В. Суданова, А. О. Томишко и М. А. Чижова, при чемъ, на основаніи заключенія комисіи, утвержденного Императорскою академіею художествъ, удостоены премій слѣдующія лица: первой въ 1.200 руб. — за проектъ, подъ девизомъ „Nic Rhodus hic salta A.“, академикъ архитектуры Г. Д. Гримм; второй въ 800 рублей — за проектъ, подъ девизомъ

городскими управленіями и мѣстными административными учрежденіями, часто бывають недостаточны. Плохое санитарное состояніе отдаленныхъ мѣст-

Катастрофа на «Сисоѣ Великомъ». Рис. 1. Поврежденные орудія послѣ взрыва.

ностей въ связи съ недостаточностью мѣропріятій дають возможность болѣзненнымъ разрастаться иногда до размѣровъ грозныхъ эпидемій (дифтеритъ, тифъ, бугор-

денбургской. Учредителями состоятъ: Его Высочество принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, высокопреосвященный Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій, протопрезбитеръ А. А. Желобовскій и многия другія лица, въ томъ числѣ нѣсколько врачей. Въ составъ общества входятъ почетные члены, оказавшіе особые услуги въ достиженіи преслѣдуемыхъ обществомъ цѣлей, учредители, соревнователи (вносятъ одновременно 100 руб. или ежегодно 5 р.) и сотрудники, принимающіе участіе въ дѣятельности общества личнымъ трудомъ. Заявленія о желаніи поступить въ члены новаго общества и взносы принимаются учредителями и въ конторѣ двора Его Высочества принца А. П. Ольденбургскаго (Марсово поле, дворецъ).

— Въ нынѣшнемъ году исполнилось 45-лѣтіе научно-литературной дѣятельности известнаго этнографа и литературнаго критика, А. Н. Пыпина. Срокомъ, съ котораго началась дѣятельность маститаго писателя, принято считать 24 марта 1857 года, — день защиты А. Н. Пыпинымъ диссертации на степень магистра: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Но первое печатное прозвѣніе почтеннаго юбиляра появилось въ свѣтъ гораздо раньше, а именно: въ *Сборникъ Академіи Наукъ* 1852 г., № 3, появилась первая статья, написанная А. Н. Пыпинымъ: „О новгородской лѣтописи“.

— 9 марта состоялось открытіе столовой для рабочихъ с.-петербургской синодальной типографіи. Число изъявившихъ желаніе обѣдать въ новооткрытой столовой достигло 80 чело-вѣкъ. Въ ней будутъ пріготовляться обѣды и ужины изъ двухъ кушаній. Въ цѣляхъ постояннаго пріобрѣтенія доброкачественныхъ продуктовъ, послѣдніе всякій разъ по доставкѣ въ кухню будутъ свидѣтельствоваться выборными изъ рабочихъ. Для обѣда и ужина каждый посѣтитель столовой получаетъ особый приборъ, состоящій изъ двухъ металлическихъ эмальированныхъ тарелокъ, ложки, ножа и вилки. Плата за обѣды и ужины опредѣляется въ концѣ каждого мѣсяца по раскладкѣ на всѣхъ пользующихся столовой расходо-въ по покупкѣ провiантa и содержанію повара и кухонной прислуги. По сообщенію *Вирассемъ Видомствей*, администрація типографіи позаботится, чтобы обѣды стоили каждому не свыше 10, а ужины не свыше 8 коп.

— 12 марта въ правленіе общества ночлежныхъ домовъ въ С.-Петербургѣ неизвѣстнымъ жертвователемъ внесено, по словамъ *Солма*, 16,973 р. 50 к. съ тѣмъ, чтобы, начиная со дня Благовѣщенія, 25 марта 1897 г., по день Благовѣщенія 25 марта 1898 г., въ устроенныхъ обществомъ ночлежныхъ домахъ въ С.-Петербургѣ I, II, III и IV ночлежныхъ домахъ впустъ ночлежниковъ былъ безплатный, считая по 930 ночлежниковъ въ день, по числу мѣстъ (нарѣ) въ ночлежныхъ домахъ, и считая по 5 к. за каждое входной платы, включая обычный подаваемый нынѣ ужинъ — вечеромъ и кружку чая, кусокъ сахара и полфунта хлѣба утромъ. Благодаря этому пожертвованію, ежедневно въ теченіе года почти тысяча бѣдняковъ будетъ обеспечена въ ночлегъ, а частью и въ кусокъ насущнаго хлѣба. Постановленіемъ правленія 14 марта три дня къ ряду во всѣхъ ночлежныхъ домахъ было отслужено молебствіе о здравіи жертвователя и такое же молебствіе будетъ совершаться и по воскресеньямъ.

— 10 марта скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ бывшій цензоръ драматическихъ сочиненій Сергій Ивановичъ Дюнауровъ. Отъ своего отца, известнаго композитора И. М. Дюнаурова, покойный унаследовалъ недюжинныя музыкальныя способности и поэтическое дарованіе. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, онъ занимался переводами стихотвореній нашихъ поэтовъ на французскій языкъ. Выше съ тѣмъ, его музыкальному творчеству принадлежить нѣсколько известныхъ романсовъ: „Пара гиздыкъ“, „Тихо на дороге. дремлетъ все вокругъ“, „Ожиданіе“ и др.

Катастрофа на «Сисоѣ Великомъ». Рис. 2. Траурный вельботъ съ гробами убитыхъ моряковъ.

„ЕАААС“, академикъ архитектуры Л. Я. Урлаубъ, и третью въ 500 руб. — за проектъ, подъ девизомъ „Паллада“, В. В. Фрейтенбергъ. Сверхъ того, по почину Императорскаго московскаго университета и съ рааршенія министерства народнаго просвѣщенія, въ вознагражденіе трудовъ составителей наиболѣ выдающихся изъ остальныхъ проектовъ, хотя и не удостоенныхъ премій, но представляющихъ достоинства, въ Императорскую академію художествъ препровождены университетомъ двѣ золотыя и двѣ серебряныя медали, для присужденія ихъ по усмотрѣнію академіи. Вслѣдствіе этого академія присудила по золотой медали авторамъ проектовъ, подъ девизами: „Мысль“ и „Анно МDCCCXCVII“ и по серебряной медали — авторамъ проектовъ, подъ девизами: „Москвичамъ“ и „Четыре святыхъ кольца“. Такъ какъ условіями конкурса присужденіе медалей не было предусмотрено, то академія проситъ авторовъ проектовъ подъ приведенными девизами заявить письменно — желаютъ ли они получить присужденныя медали, послѣ чего конверты съ ихъ девизами будутъ вскрыты и медали будутъ выданы.

— Съ созывленія Августѣйшей Покровительницы Россійскаго общества Краснаго Креста и по согласенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, при всѣхъ кассахъ общества Краснаго Креста открывается сборъ пожертвованій на усиленіе врачебной помощи нуждающимся переселенцамъ. Сборъ этотъ предназначается на устройство учрежденіями общества Краснаго Креста въ Сибири, въ мѣстахъ поселеній новоселовъ, наиболѣ пораженныхъ эпидемическими формами заболѣваній и лишенныхъ медицинской помощи, а также въ мѣстахъ большихъ скопленій переселенцевъ по пути ихъ движенія, амбулаторныхъ лѣчебницъ и читательныхъ пунктовъ Краснаго Креста и на командированіе, въ тѣхъ же цѣляхъ, санитарныхъ отрядовъ Краснаго Креста. Можно думать, что сочувствующіе этому добродѣлю дадутъ обществу Краснаго Креста матеріальныя для выполненія его средства. Въ С.-Петербургѣ касса главнаго управленія общества открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. дня.

— Сослуживцы А. Н. Майкова по комитету иностранной цензуры, желая почтить память бывшаго председателя и дорогаго поэта, открыли подписку на образованіе первоначальнаго фонда для устройства бібліотеки и читальни имени Аполлона Николаевича Майкова при Сиверской школѣ, которой онъ былъ основателемъ и почитаемъ.

— Мѣропріятія для борьбы съ проявленіями остро-заразныхъ и хроническихъ болѣзней, предпринимаемыя земскими и

чатка и др.). Въ виду этого, въ Петербургѣ организовалось новое общество подъ названіемъ „Общество борьбы съ заразы-

Катастрофа на «Сисоѣ Великомъ». Рис. 3. На братской могилѣ.

ми болѣзнями“, инициатива учрежденія котораго принадлежитъ Его Высочеству принцѣсѣ Ея Высочеству Евгении Максималовнѣ Оль-

— 16 марта исполнилось 50-лѣтіе с.-петербургской компаніи „Надежда“ для морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія, транспортнаго каждаго и страхованія отъ огня имущества.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ЦАРЬ-ДѢВЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., в 3 ч. Ром. этого обнимаютъ эпоху краденія и изломена Царенин Софьи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колонкор. перекл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

КАТАЛОГЪ магазина модныхъ журналовъ всего міра и выкроекъ М. А. Позина въ Москвѣ, на Тверской, высылается по всей Россіи бесплатно. Адресъ для телеграммъ: Позинъ — Москва.

К. Шликѣйзенъ, Берлинъ SO.

машинно-строительн. заводъ для кирпичи, торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (54)
Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляціонную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

НОВѢЙШІЙ СПОСОБЪ

превращенія фотографическ. отпечатка на бумагѣ, фарфорѣ и стеклѣ въ живописи. художеств. картину при абсолютномъ отсутствіи рисоваль

ОБУЧАЮ ЗАОЧНО

вспредствомъ письма. спешной этому новому способу всѣхъ, даже совершеннѣе незнакомыхъ съ живописью. Желающимъ выслать проспектъ въ видѣ пробнаго урока за одну 7 к. марку. Адресъ: Москва, Давы пер., д. Бра-Ц. № 10111 совсѣтъ. 5-1
Фотографія А. С. Шиманскаго.

ДЛЯ ГГ. КУРЯЩИХЪ.

Патентованная машинка для набивки кру-ченыхъ сигаретъ разныхъ размѣровъ „ВОЛГА“ практична и изящна. Удостоена почвального отзыва на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. 10 шт. выигреть въ 1 минуту.
Цѣна 6 рублей.

Гл. представитель для Россіи: Кошт. Род. С.-Петербургъ, Большая Подъячская, 23.

ПРАВОВОДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 в.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе.) — Контрабандисты. Рассказъ Байфордъ Гарисона. (Съ англійскаго.) — Въ столѣтіе Удѣловъ. (Съ 2 портр. и рисункомъ.) — Дѣтскіе сады въ Россіи. — Къ рисункамъ: Перевозка въ распутицу. — Нагорная провозка. — Моленіе о чашѣ. — „Соваршилось“. — Юда. — Положеніе во гробѣ. — Верное посредство въ Абриудлахъ. — Я. П. Полонскій (съ портр.). — Іоганнъ Браунъ (съ портр.). — Въ катострофѣ на „Сестѣ Вайковѣ“ (съ 3 рис.). — Политич. обзоръ. — Сѣвѣ. Новые туберкулиновые ядра отъ Нока. — Разн. известія. — О перемѣнѣ адреса. — Объясненія. При этомъ же прилагаются: 1) сочиненія П. Д. Боборыкина, т. IV (Сборникъ „Нивы“ за апрѣль); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за апрѣль съ 28 рис. и отд. листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. вел. и 28 рис., содержащими два плана сельскихъ домовъ для небольшого семейства и 11 рис. вышивальн. работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

За редактора А. Ф. Марисъ.

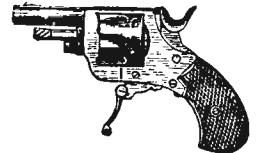
ПИСАТЬ не только красиво, но и споро изучивъ въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За дѣл 7 коп. марки выслать условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Кошадарисъ. № 9852 10-7

„СЧАСТЛИВЫЕ № 66“

Популярно-науч. книга, доказывающая на основ. „Теоріи вѣроятностей“
Выпущ. бнз. 1, 2 и 3 в. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
СПБ., Вознесенскій пр., 37, кв. 32, Красильниковъ (дома отъ 5 до 8 ч. веч.). 1 марта на доказан. №№ 254 выиграла на сумму 550 тыс. руб. 2-1

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.

Биографическій очеркъ, составленный М. Л. ЗЛАТКОВСКИМЪ. Съ портретомъ А. Н. Майкова, гравиров. на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп. Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Мариса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

Представителемъ Львешской мануфактуры на ружья со стволами изъ патентованной стали „Монриль“, Cockerill, состоитъ Оружейный магазинъ

И. И. ЧИЖОВА

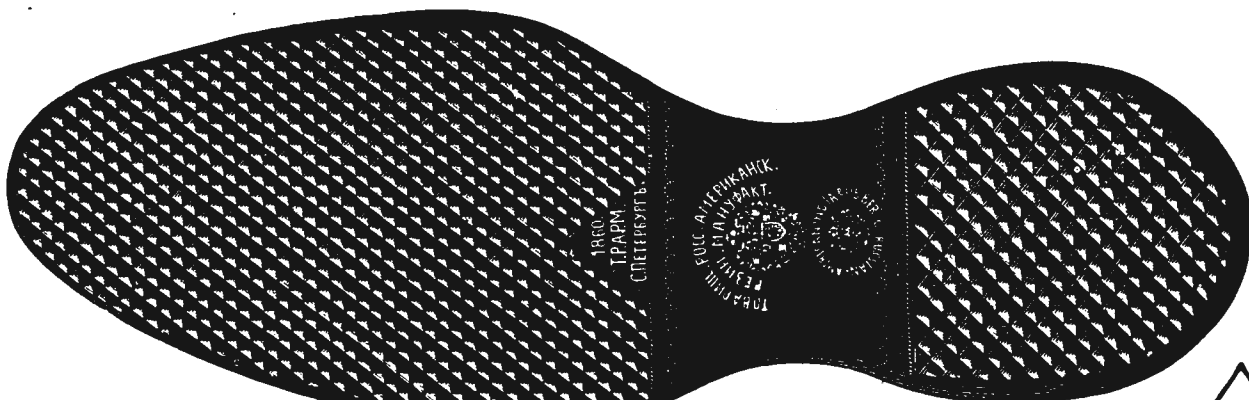
С.-Петербургъ, Литовскій пр., № 51. Роскошно иллюстрированные прейскуранты высылается бесплатно.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 951 26-8

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Гербъ.

СТОЛКИНДА Москва
КАПСУЛИ
ДЕЗОДОРАТЬ
ДЛЯ УНИЧОЖЕНІЯ
ЗЛОВОНІЯ
ВЪ ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНИХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ И Т. Д.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
Складъ:
Аптекарская торговля Л. Столкинда,
Лубянский прудъ Смольянинова.

Для фотографовъ—профессионаловъ и любителей:
Бронистая бумага
„N.P.G.“ и „БРОМАРИТЪ“
для увеличения и копирования.
Въ магазинахъ
А. Эбергардъ, бывш. Р. Ниппе.
СПБ., Демидовъ, № 2.
Прейсъ-куррантъ высылается по требованію бесплатно.

СТОЛИЧНОЕ МЫЛО
Т-ва „ГИГИЕНА“
Приятный освѣжающій ароматъ, обильная нѣжная бархатистая пѣна. При каждомъ кускѣ 4 вида обѣихъ стотѣтъ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
Главные склады: СПБ., Плом. Александр. театра, 8. МОСКВА, Николаевская, д. Шереметова. ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 37.

Сочиненія проф. С. РИББИНГА:
1) ПОЛОВАЯ ГИГИЕНА, 3-е изд., ц. 60 к. и 2) БРАКЪ. Совѣты и предостереженія врача, ц. 30 к., можно получить отъ издателя д-ра Лейненберга (Одесса, Почтовал 6) наложен. плат. за 1 рубль.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
В. № 10007
5-4
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, по В. Лубянкъ, № 8, противъ Кузнечкаго моста.
♦ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственн. фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый налюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиница „ВИКТОРИЯ“
Казанская ул., д. № 29.
Первоклассная гостиница съ большими просторными комнатами; электрическое освѣщеніе; ванная. Омибусы во всѣхъ поѣздахъ.
Владѣлецъ **К. И. ЛАНГЕ.**
10-4

ПАТЕНТЪ
Девисъ и Меткафъ
Ихжекторы
РАБОТАЮЩІЕ
МЯТЫМЪ ПАРОМЪ.
Большая выгода при всѣхъ паровыхъ машинахъ безъ котломоторовъ. Большая экономія топлива. Аругие ихжекторы и парогенераторы безъ затраты силъ и топлива. Исключительная продажа для России въ конторы
Л. Ф. Лло
въ Москвѣ,
Мясницкая, № 17.
Ц. № 9750 4-3

НАКЛУЧІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ
Цѣна 1 шт. 2 р.
ПОРТМОНЪ со ШТЕМПЕЛЕМЪ.
Подробности и объясненія въ прочихъ объявленіяхъ.
Прейсъ-куррантъ высылается по требованію бесплатно.
Въ контору фабрики Америк. шпунт. шпательной
М. ФИШМАНЪ
ВАРШАВА
БѢЛЯНСКАЯ 23.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптекарей Россіи.
№ 5121 1961

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
отъ 9 р. за кусокъ шириною 26/28 аршинъ.
Фанза, крепл., платки, че-су-ча цѣлѣная.
ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫЙ китайскій параванный китайскій чай 1 р. 60., 2 р., 3 р. 20 и 2 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. ЕПАНЪШИНОВА, Москва, Николаевская ул., д. Греческ. мон. Изюмор. высыл. съ налож. платокъ. при высылкѣ 10% на сумму заказа.
Новая брошюра д-ра Н. В.-на
ЧТО ТАКОЕ ЧУМА.
Продается въ книжныхъ магазинахъ и у автора (В. Садовая, д. № 18, к. № 14).
Цѣна 30 к., съ пересылкой 30 к. Можно выписывать налож. платкомъ.

ДОБРЫЕ ХРИСТИАНЕ!
Помогите носильнымъ приношеику устройству, на мѣстѣ спорнаго въ 1884 году древняго деревяннаго, патирестольнаго каменнаго храма въ честь Знамѣнія Пресвятыи Богородицы, Святаго Великомученика Прокопія и Святителя и Чудотворца Николая въ Прокосіевско-Вальскомъ погостѣ, Бороничскаго уѣзда, Новгородской губерніи. Средства приносятся на устройство храма, при ежегодиномъ урожаѣ хлѣба, такъ значительномъ, что только теперь положены фундаментъ и цоколь и изготовлено до 300 тысячъ кирпичей. Но прирѣду добройшаго пастыря о. Іоанна Кропитадскаго, сочувствующаго устройству храма и пожертвовавшаго болѣе 1,350 руб., не откажите, ради величавнаго Божіихъ, въ носильной лентѣ. Всякое приношеице, какое Господь Богъ положитъ на думу, прошу адресовать такъ: черезъ г. Бороничи, Новгородской губ., въ село Валу, священнику Іоанну Доброхотову.
№ 10006 3-3
Священникъ Іоаннъ Доброхотовъ.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащія кислотъ.

DENTIFRIGES
DOCTEUR PIERRE
MARQUE DÉPOSÉE

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
А. № 9861
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.
№ 7

ВЕСЬМА ВАЖНО ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ГЛАЗАМИ.

Очки и линзы со стеклами изъ новаго состава „Hemington-glas“ съ эксцентрическ. шифровкой по поверхности (а лаке) совершенно „застываютъ“ горимый хрусталь, не утолщаютъ зрѣнія, укрѣп. глаза, устраняютъ слѣзоточивость и воспаленіе. При высылкѣ объясняютъ страданіе и указываютъ возрастъ. Цѣна въ оправѣ изъ массивн. наладки, золота, никогда не чернѣютъ, съ нерос. 5 р. с.
По полученію задаточныхъ немедленно высылается. Адресовать: Оптическое заведеніе З. Варшавскаго, Граничная, 14, въ Варшавѣ.

Іодисто-салиное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.
Самая вѣрная іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ обихихъ и специалныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя присоединенія (куанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кофѣръ).
Весьма благоприятныя климатическія условія. Желѣзнодорожныя станціи. Путь черезъ Лицъ на Дунай или черезъ Штеберъ. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября. Вѣзнами можно пользоваться также съ 1 до 15-го мая.
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ бесплатно
В. № 9995 4-2
Лечебное управленіе куанья ГАЛЛЬ.

№ 4711. Кто любить запахъ настоящей Фіалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.
№ 4711 Sachets violette du rhin.
Всѣхъ одиозаконнато прѣвосходнаго качества.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.
Цѣна 4 р., 3 р., 2 р., 1 р. и 1 р. 25 к. за флаконъ, смотри по мелочамъ.
Агентъ для С.-Петербурга: Алекс. Тасъ и К. Пушкинск. б.

ТОВАРИШЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“.
 Москва. * Рига. * СПбуртъ.
РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ фирма: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ. ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕНОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай З. Швейцгеръ; Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: Швейцгеръ, Москва.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЫ:
 механические музыкальные инструменты, играемые посредствомъ верчения ручки. Ноты металлическія. Стальные голоса. Звучный тонъ. Удобны для танцевъ.

16-тоный Органъ - Итота, дѣла безъ нотъ . . . . . 10 р. —
 Ноты къ нему по . . . . . 35 —
 24-тоный Фениксъ - Органъ, дѣла безъ нотъ . . . . . 26 —
 Ноты къ нему по . . . . . 60 —
 48-тоный (двойные голоса) Оркестръ-Фениксъ, очень звучный, безъ нотъ . . . . . 40 —
 Ноты къ нему по . . . . . 60 —
 Списки въсь безплатно.
 По получеши задатка 1/3 стоимости требованое высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное дело и фабрика музыкальных инструментовъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій ш. д. Захарьина.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
 для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**
 въ г. РИГѢ
 изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.
 Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.
 Л. № 10105 20-1

О С О Б О
 УДОБНАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНАГО ПОКРОЯ, РУЧНОЙ РАБОТЫ, ОТЛИЧАЮЩИЕСЯ ПРОЧНОСТЬЮ
ЭЛАСТИЧНЫЕ ВЯЗАНЫЕ КАЛЬСОНЫ
 БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА
 ТОЛЬКО ВЪ СПЕЦІАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ БЪЛЫЯ
Ю. ГОТЛИБЪ. Владимирская, д. 2, уголъ Невскаго.
 Кружемы въ 2 нити 1 р. 50 к., въ 3 нити 1 р. 75 к., въ 4 нити 2 р. Цѣна вышесказанной необходимо: задатокъ, мѣра колѣса и длина. Мотивъ 3-го не высылается.

Лѣчебница д-ра Эммериха
 для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Бадень-Бадень. 24-7
 Проспекты безплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣчение хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ въ Штейнницѣ въ Берлинѣ. Завѣдывающій врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзенъ.

ЦВѢТЮЧНАЯ ВОДА
РАЛЛЕ
 (Фармацевтическая фирма)

 Магистръ Лейбманъ, Ильянгъ-Ильбергъ, Гельсгольцъ, Вера-Виллетта и т. д.
 Продаются во всѣхъ Антрек. магазинахъ Россіи. Имперіи

МЫЛО ВЭРА-МУСКЪ
 Качество и конкуренція
 продается вездѣ 20 клус.
ПАРФЮМЕРІЯ СЪБЕРНАУФЛОРА
С.А.ПРОКОФЬЕВЪ и К^о
 въ МОСКВѢ.
 въ 1896г. ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

ПАМЯТЬ
 (лицъ каждаго возраста) укрѣпляютъ лично и заочно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской академіи, С. Файнштейнъ. Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій психологій, логики и педагогикъ, память возвращается повторившимъ ее, дѣлается хорошей у забывающихъ плохую и лучшей — у обладающихъ плохой.
 Въ несомнѣнной пользы и дѣлается разнообразности моего метода убѣдился въ теченіи моей 10-лѣтней дѣятельности на поприщѣ преподаванія мнемоники въ Россіи, гг. врачи, педагоги, военные, студенты и т. д. и т. д. различныя профессіи, званія и возрасты, окончившихъ у меня курсъ изобретенія и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. Методъ дважды препровожденъ Парижской академіей. Условія въ курсъ преподаванія и брош. (въ 32 стр.) высыл. за одну 7 коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (7-е изданіе) „Что такое искусство укрѣпленія памяти?“ за шесть 7 коп. марокъ, на зеленевой же бумагѣ за восемь 7 коп. марокъ. Адресъ: Одесса, въ главную контору „Курсовъ заочнаго преподаванія мнемоники“, Гаванная ул., (28-а), рядъ съ Городскимъ садомъ. д. Бродскаго, № 6/28 а, кв. № 2-8, бель-этажъ, профессору мнемоники С. Файнштейну, или въ „отдѣленіе“ конторы, ул. Пушанской и Базарной, собственн. домъ, № 46/28, профессору мнемоники С. Файнштейну. Адресъ для телеграммъ: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну. № 10010 5-5
 *) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоенъ высшаго отличія
ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА
Г. ВЕЙСЪ
 С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56.
Мужская, дамская и дѣтская обувь
 изъ наилучшаго материала, новѣйшаго фасона, удобно сидящая, всегда въ большомъ выборѣ.
 ♦ Визитированный прѣст-курътъ безплатно. ♦ В. № 10026 4-4
 Прому остерегаться поддѣлокъ; каждый сапогъ долженъ быть снабженъ штемпелемъ моей фирмы.

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незаметная и неослабляющая.
ED. PINAUD
 PARIS

ЛѢЧЕБНИЦЫ О-ВА ВРАЧЕЙ
ГОМЕОПАТОВЪ.
 1) Невскій проспектъ, д. № 82 (близъ Литейной).
 2) Вас. Островъ, Университ. Набережная, д. 25.
 Приѣзжъ ежедневно отъ 10 час. утра до 3-ч. дня съ платой по 30 к. за совѣтъ врача. Бѣдныя безплатно. Аптеки Общества покрѣпляются тамъ-же и отпускаютъ и высылаютъ почтой домашнія аптечки въ капалахъ и кружиркахъ по цѣнѣ отъ 3 руб. до 25 руб. и дорожѣ.
 С.-Петербургъ, Невскій пр., 82.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Балкертъ домъ Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 58.

НОВОСТИ
 НА 1897 г.
 ТРЕБУЙТЕ
НОВЫЕ КАТАЛОГИ
 АНГЛІЙСКИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ
 ВЕЛОСИПЕДОВЪ
 ТОРГ. ДОМЪ
АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ
 МОСКВА, Мясницкая, д. Сѣтлова

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ
 дело и основательно изуч. всякаго посред. переп., выдѣл. заглѣ. устное предод. Услов. цѣс. безплат. А. П. Бобырь. Киевъ, Куз. 53.

Leichner's Fettquader
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
 Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера; козметичная на кожу. Козметическое средство для уменьшенія красоты кожи.
 Театральная гримировка. Мирныя румяна и бѣлыя. Карандаши для бровей. Выдѣл. во всѣхъ козметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ балетскихъ инвентарныхъ театровъ.
 Главный складъ для всей Россіи: В. Аурлахъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ.
 В. № 9646 15-11

ТРЕБУЙТЕ
 НА КАЖДОЙ МѢСТНОСТИ
АНТИПАРАЗИТЪ
 ОТЪ КЛОПОВЪ
 ТОВАРИШЕСТВО
Л. СТОЛКИНДА
 Продается вездѣ.
 Главный складъ Москва
 Лѣвскій переул. д. Смольянинова
 Нижегород. Ямарка, Главн. домъ № 57
 Л. А. СТОЛКИНДА.

XXVIII.

№ 15

Выданъ 12 апрѣля 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходить еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 вышуконъ еженѣдннхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на 1897 годъ. Подробности см. въ концѣ этого №.

**На пути
къ счастью.**

Романъ
въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
(Продолженіе.)

IV.

Какъ пусто, сиротливо было у него, когда онъ вернулся домой.

Къ нему напрашивались друзья: „мы тебя не можемъ оставить теперь одного“, — по напрашивались такъ, что когда онъ отказывался отъ ихъ услугъ, они торопливо жали ему руки, съ дѣланно строгимъ лицомъ роняли что-нибудь въ ро-дѣ: „Да, да, мы понимаемъ... Такъ, разумеется, лучше“... и исчезали, оставляя его одного съ его воспоминаніями, и какими недавними. Вчера — ужъ воспоминаніе, а четвертаго дня, когда она неотступно смотрѣла на него упорными пристальными глазами — уже далекое-далекое,

Весна. Съ карт. Л. Видличко грав. Геданъ.

безвозвратное. „Ты будешь еще не раз любоваться этимъ солнцемъ, лазурью неба, полетомъ ласточки, трепетомъ молодой листвы и скромною улыбкою цвѣтка, затеряшагося въ травѣ, а для меня ужъ ничего этого не будетъ“. Она глубоко зарыта, замазана цементомъ, задѣлана кирпичомъ, завалена землей, прижата мраморною доскою — и оттуда, изъ своей тьмы и тѣсноты, не увидитъ, не услышитъ, не узнаетъ! Прислуга ходитъ на цыпочкахъ, точно жена его здѣсь еще и ее болтаетъ разбудить... Спрашиваютъ его шопотомъ... Онъ отмахивается и уходитъ въ ея спальню, гдѣ она умирала столько долгихъ мѣсяцевъ, думая про себя скорбную думу, прикованная къ постели, — она, у которой еще недавно каждая фибра жаждала жизни, шума, движенія — и быстро-быстро, которое бы закружило и вихремъ унесло ее, куда — все равно, только бы поскорѣе...

Натура глубокая и сильная, онъ могъ любить только однажды, но зато уже всѣмъ своимъ существомъ. Разъ предметъ такой любви былъ у него отнятъ — для него не оставалось ничего. Когда онъ (не утѣшился — утѣшиться онъ не могъ) освоился со своею печалью, онъ началъ разбираться во всемъ, что осталось отъ его жены. Для вдовца это были сокровища, цѣнные особенно потому, что каждое, такъ или иначе, было связано съ его радостями въ прошломъ. Всякій хламъ и обноски онъ берегъ, ревниво запирая ихъ отъ посторонняго глаза. Ему показалось бы оскорбительнымъ, если бы кто-нибудь другой любовался ими, видѣлъ ихъ, замѣтилъ грустное обожаніе, съ которымъ онъ къ нимъ относился. Все, все — старыя платья, бѣлье его жены, ея ботинки напоминали ему что-нибудь изъ ихъ общаго прошлаго. Какой-нибудь полинявшій бантъ рассказывалъ ему цѣлую страницу ихъ жизни — и, по своему, вдовецъ не скучалъ, оставаясь наединѣ съ этими странными реликвіями. Зная, что покойная оставила большой гардеробъ — многіе бѣдняки обратились къ нему съ просьбой отдать имъ, что онъ признаетъ ненужнымъ. Онъ отъ нихъ откупился деньгами — и все оставилъ себѣ. Еще бы! Вотъ это голубое платье — какъ она была въ немъ хороша въ тотъ вечеръ, когда они стояли на террасѣ надъ обрывомъ Волги, а далеко-далеко передъ ними, въ радужномъ огнѣ, западъ гасъ, кидая прачальный отсвѣтъ и на разливы рѣки, и на смутныя очертанія уходившихъ на югъ береговъ, и на ея лицо, лицо его жены... Она тогда подняла голову прямо къ закатывавшемуся солнцу, и вся такъ и горѣла въ его живомъ золотѣ. Какъ сверкали ея глаза, какъ хороша была при этомъ освѣщеніи ея смуглая кожа... А кружевная накидка. Они выбирали ее подъ Прокураціями тонувшей въ лазури Венеціи. Этимъ пледомъ онъ прикрылъ ей ноги въ счастливую ночь, когда ихъ гондола замерла среди лагуны. Звѣзды свѣтили имъ такъ ласково и нѣжно, и падъ недвижными водами величаво подымались дивныя дворцы. Откуда-то, нервная и горячая, доносилась чудная южная пѣсня съ робкимъ аккомпанементомъ струвъ, казалось, не смѣвшихъ слишкомъ громко вмѣшаться въ ея поэтическія звуки... Эту книгу она держала въ рукахъ, когда онъ въ первый разъ сказалъ, что любить ее... И книга при этомъ упала изъ ея рукъ — даже переpletъ заломился — вотъ этотъ слѣдъ счастливой минуты. Какъ она подняла на него тогда рѣспницы, и какое удивленіе отразилось подъ ними! Она не ждала признанія! Вотъ другая книга — эта еще памятнае ему. Она не хотѣла писать ему писемъ. Какъ бы еще взглянула на это ея мать! Но она подчеркивала кое-какія буквы — на разныхъ страницахъ. Онъ и теперь читаетъ, что вышло изъ этого: „Мое сердце всегда съ тобою“. Коротко же было это „всегда“ — его и на нѣсколько лѣтъ не хватило. Цѣлые дни, часами, онъ рылся въ оставшихся послѣ нея комодахъ, все болѣе и болѣе увеличивая

архивъ святыхъ воспоминаній, связывая мертвымъ уломъ будущее съ этими безмолвными свидѣтелями прошлаго, рыдая и цѣлуя ихъ, рискуя сойти съ ума въ концѣ концовъ отъ вѣчнаго одиночества. Такъ она обратилась до рокового момента. Онъ разобралъ хранившіяся у него ея письма. Ему захотѣлось взять у нея свои и распредѣлить ихъ такъ, чтобы одно отвѣчало другому. Создалась бы такимъ образомъ или, лучше, — воскресла бы вся поэма ихъ любви, и, перечитывая ее, онъ и впоследствии не зналъ бы скуки. Онъ помнилъ, что она берегла каждую записку — но гдѣ онѣ были? Ни въ ея ящикахъ, ни въ комодахъ не оказывалось этихъ пачекъ, аккуратно перевязанныхъ, которыя, смѣясь, она когда-то называла лѣтописью „своей жизни...“ Вспомнилъ, что во время болѣзни она приказала унести на чердакъ цѣлый сундукъ, съ книгами должно-быть, судя по тяжести. Онъ занималъ лишнее мѣсто въ ея спальнѣ, гдѣ и безъ него было не особенно много воздуха. Вспомнилъ, и самъ пошелъ за нимъ. Отперъ, что-то шарахнулось около. Ему казалось въ потемкахъ, что ея тѣнь стоитъ позади... Тутъ еще больнѣе его сердце сжало тоскою. Что-то, какое-то предчувствіе говорило ему: „Не тронь, не разрывай могилъ: въ могилахъ, кромѣ труповъ, нѣтъ ничего“. Онъ медленно сбрасывалъ на полъ книжки журналовъ, кнш газетъ. Отъ нихъ подымалась удушливая пыль... Вонъ какія-то тетради... Ея дневникъ. Она вѣдь сначала вела его, еще дѣвушкой — потомъ бросила, ранѣе встрѣчи съ нимъ. Старые альбомы со смѣшными фотографіями. Какъ одѣвались тогда: раздутыя пузырями юбки — странная она въ нихъ. Онъ еще не видѣлъ этихъ ея карточекъ. О, онъ соберетъ ихъ всѣ, заведетъ для нихъ отдѣльный складень и будетъ любоваться ею... Вотъ она дѣвочкой: несложившаяся, угловатая, видимо застѣнчивая. Плечики торчатъ косячками — потомъ они налились, и всѣ любовались ихъ удивительною красотою... Смотритъ еще дичкомъ — а глаза все-таки мечтательные. Она сама сознавалась ему, что съ самаго ранняго дѣтства вѣчно строила себѣ испанскіе замки, воображая себя всѣмъ, чѣмъ угодно, только не заурядною женщиною. Одна лишь мысль о смерти, ранней и глупой, не приходила въ ея голову. На лазурный блескъ ея будущаго — черный силуэтъ этой костлявой странницы не кидалъ зловѣщей тѣни... Вотъ ея рисунки. Неувѣренныя, плохіе, поправленные гимназическими учителями — но и это говорить много его душѣ. И вдругъ — наконецъ-то вотъ онѣ! Онъ не обманулся. Пачки съ письмами были цѣлы. И сколько ихъ — неужели онъ это писалъ все? Нѣтъ, разумѣется нѣтъ. Тутъ и отъ ея сестры, и отъ брата, и отъ матери, и отъ подругъ... И еще какія-то, руку на которыхъ онъ не узнаетъ вовсе. Вся жизнь съ ея тайнами, вся жизнь съ невѣдомыми ему признаніями, впечатлѣніями, вопросами и запросами, маленькими грѣшными замыслами, лукавыми планами и Богъ знаетъ чѣмъ еще. Когда, сложивъ вмѣстѣ, онъ несъ ихъ внизъ, какаѣ-то странная жалость охватывала его. „Не трогай ихъ, не читай, уничтожь. Возьми написанное тобой — и сожги не глядя то, что не назначалось для тебя. Знай ее, твою покойницу, такую, какою она тебѣ казалась, и не трогай завѣсы, ею самою опущенной надъ своимъ внутреннимъ міромъ... Не трогай, не трогай, — шептало ему что-то, когда онъ уже разбирался въ нихъ. — Оставь — ты не смѣешь, это не твое“. Сердце его колотилось съ тревогой и предчувствіемъ опасности. „Какія глупости! — ободрялъ онъ самъ себя. — Развѣ въ этой святой женщинѣ было хоть что-нибудь заповѣдное для него, чего она могла бы стыдиться. Они — жизнь и души взаимно отдали другъ другу — и вдругъ онъ вздрогнулъ и какъ мѣлю отбросилъ отъ себя пожелтѣвшій листокъ. „Моя милая, дорогая, сердце мое родное...“ начиналось оно. И это было на-

писано не имъ, — а чужимъ и тоже мужскимъ почеркомъ. Буквы прыгали, слетались и растекались въ его глазахъ, зеленѣли, кружились, разсыпались искрами и пропадали. Онъ не повѣрилъ себѣ — этого не можетъ быть. Не можетъ — это письмо не ей, не его женѣ. Нѣтъ — вотъ имя „Вѣра“. Вѣрочка — онъ же ее называлъ такъ. Боже правый — почеркъ вѣдь знакомъ ему — лучшаго его друга, два года тому назадъ почему-то исчезнушаго отсюда и прекратившаго съ нимъ всякую переписку. Вдовецъ съ лихорадочною быстротою читалъ это письмо, прыгая черезъ строки, пропускалъ цѣлыя страницы и какъ разъ роковымъ образомъ попалъ на мѣста, не оставлявшія никакихъ уже сомнѣній въ его несчастіи, несчастіи болѣе ужасномъ, чѣмъ ея смерть... Каждая минута все больше и больше въ прахъ и пыль разбивала всю вѣру его жизни — а слѣдовательно и самую жизнь. Его обносило туманомъ. Жилы натягивались и бились, онъ самъ слышалъ стукъ своего сердца, трепеть пульсовъ. Ему чудилось, что какія-то ржавыя колеса вращаются въ его головѣ и съ страшною болью рѣжутъ острыми зубами его мозгъ. Куда-то выбѣжалъ, что-то крикнулъ — безмысленное, отчаянное, и рухнулъ на мостовую. Недалеко было отъ дома, его узнали, подняли, перенесли къ нему. Очнувшись — онъ вспомнилъ все, на одну минуту подумалъ, что ему почудилось, что больное и разстроенное воображеніе сбило его съ толку мучительнымъ призракомъ, — но, поднявъ голову, увидѣлъ эти проклятыя письма разбросанными на столѣ.

Онъ пропустилъ и девятый, и сороковой день.

Къ крайнему изумленію его друзей и знакомыхъ, въ газетахъ не появлялось объявленія объ обычныхъ панихидахъ въ эти сроки. Друзья заѣзжали узнавать — въ чемъ дѣло — улыбаясь по пути. Люди вѣдь подлецы и склонны все объяснить самымъ дурнымъ. „Утѣшился живо *неутѣшимый* вдовецъ.“ Но у него имъ объяснили, что баринъ лежитъ въ горячкѣ — и когда оправится, доктора сказать ничего не могутъ. Онъ поднялся только черезъ три мѣсяца. Выздоровивалъ — съ отчаяніемъ. Ему не зачѣмъ было жить, онъ не хотѣлъ жить — и бѣлый свѣтъ въ его очахъ только дразнилъ и раздражалъ его. У него теперь даже прошлаго не было. Эти письма — и его отняли. Онъ не уничтожилъ ихъ и, вставъ съ постели, нашелъ тамъ же, куда и сбросилъ ихъ — въ большомъ ящикѣ своего письменнаго стола. „Кому же вѣрить послѣ того, и во что вѣрить?“ думалъ онъ, подымаясь на локтѣ съ подушки, и допрашивался у тишины его комнаты: чѣмъ жить? Именно нечѣмъ жить. Она всю жизнь морочила его. За что? За чѣмъ? Вѣдь онъ ее такъ любилъ, что не сталъ бы стѣнять. Онъ далъ бы имъ разводъ, — но обманывать каждый день, каждую минуту! Обманывать человѣка, молвишаго на нее, способнаго отвергнуть Бога ради ея ласки... О, онъ жестоко-жестоко наказанъ былъ за то, что сотворилъ себѣ кумира. Но можетъ-быть все это чепуха, чепуха. Одно письмо — еще доказываетъ мало. Все объяснится совсѣмъ иначе. Вѣдь остальныхъ онъ и не смотрѣлъ даже... Вѣдь тамъ есть еще пачки, написанныя ея почеркомъ. Онъ угадываетъ, что когда между нею и имъ, его подлымъ другомъ, было все кончено, она потребовала, чтобы тотъ вернулъ ея письма... И вдругъ окажется, что она не такъ виновата. Не такъ, т. е. не вполне. И тутъ же онъ ловилъ себя въ малодушіи. Развѣ это не все равно, если она только позволяла поцѣловать себя, писать себѣ на „ты“ — все кончено, все кончено, все кончено. Онъ не понимаетъ дѣлежа въ любви. Если ему невѣрны были мыслью, мечтою, помыслами, тайною похотью — такъ не все ли равно, что тѣло при этомъ строго охранялось для него одного. Развѣ онъ только тѣла хотѣлъ, — того, что наполнило недавно срадомъ его залу

изъ своего гроба, — ему нужна была вся она, съ ея душою, чистою и святою душою... Чистою и святою! Да развѣ послѣ этого есть на свѣтѣ и святость, и чистота? Но чѣмъ онъ довелъ ее до паденія... Онъ узнаетъ это изъ ихъ писемъ. О, онъ ихъ прочтетъ отъ строки до строки. Онъ не пожалѣетъ себя. Пусть сердце окончательно разобьется. Наплевать ему на свое сердце, и на жизнь, и на все...

Но когда онъ всталъ съ постели, онъ не сразу принялся за проклятыя письма.

Нѣсколько разъ отворилъ ящикъ письменнаго стола и вновь задвигалъ его. Ему было страшно, у него дрожали руки и холодѣли, а голова горѣла. Если бы у него украли эти пачки, онъ благословилъ бы вора... Нѣсколько дней онъ провелъ въ такой нерѣшительности. Онъ вѣдь зналъ истину и теперь только трепеталъ ея подробностей. Сколько вечеровъ онъ хотѣлъ бросить въ каминъ зловѣщія листки, мелко-мелко исписанные знакомымъ и все-таки милымъ ему почеркомъ. Домашніе спрашивали его, поѣдетъ ли онъ на кладбище, онъ угрюмо отмалчивался и не отвѣчалъ ничего. По ихъ тревожнымъ и удивленнымъ взглядамъ онъ понималъ, что они, пожалуй, принимаютъ его за помѣшавшагося. „Молитесь, если хотите, я вамъ не мѣшаю“, — крикнулъ онъ разъ старой нянькѣ, вышествовавшей его Вѣру. Какъ-то въ бессонную ночь онъ забрался въ спальню жены, — ключъ отъ этой комнаты онъ все еще носилъ въ карманѣ, — и ножомъ изрѣзалъ нѣсколько платевъ, и каждый ударъ этого ножа производилъ острую боль въ его сердцѣ, точно онъ себя разилъ имъ. Наконецъ, надо было покончить со всѣмъ мучившимъ его. Нельзя было жить въ вѣчномъ кошмарѣ, тѣмъ болѣе, что ни откуда не могла придти со стороны помощь. Глубоко вѣрующій до сихъ поръ, онъ отворачивался отъ образа, не думалъ о Богѣ, не хотѣлъ о Немъ думать, а когда это приходило помимо его воли въ голову, онъ горько усмѣхался и слагалъ въ сердцѣ хулы, о которыхъ теперь въ тишинѣ и уединеніи кельи вспоминалъ съ ужасомъ и стыдомъ. Онъ хотѣлъ забыть Небо, отказывался отъ Него, и Оно не посылало ему ни одного свѣтлаго луча. Съ каждымъ часомъ онъ злобилъ все больше и больше. Онъ съ наслажденіемъ мечталъ о томъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы она, его Вѣра, была еще жива. Онъ представлялъ ее себѣ такою около, и мысленно терзалъ ее всѣми способами, которые только могла создать его фантазія. Онъ мучилъ ея душу и тѣло. Онъ наслаждался ея стыдомъ и до сладострастія утѣшался ея страданіями. О! онъ ей хорошо отплачивалъ за все, за все... Онъ тысячу разъ задавалъ ей вопросъ: „скажи, чѣмъ онъ тебя взялъ, что тышла въ немъ? Что его ласки были горячѣ моихъ?“ — и вдругъ одно обстоятельство разомъ обожгло его память, и онъ вздрогнулъ отъ бѣшенства и вскочилъ. Да, именно въ то время, къ которому относятся эти письма, она изумила его совсѣмъ, совсѣмъ не свойственными ей порывами... Этому она научилась у того, у „другого“, и дѣлилась своимъ новымъ знаніемъ съ нимъ, съ мужемъ... Онъ такъ крикнулъ отъ боли, подступившей къ самому его горлу, что прислуга вскочила къ нему. „Да, ты умерла во-время. Иначе... иначе, убилъ бы!“ Нѣтъ, убить мало. Чтò значитъ нѣсколько мгновений, въ сравненіи съ тою мѣлою, какую онъ испытываетъ теперь? Ничто, ничто!..

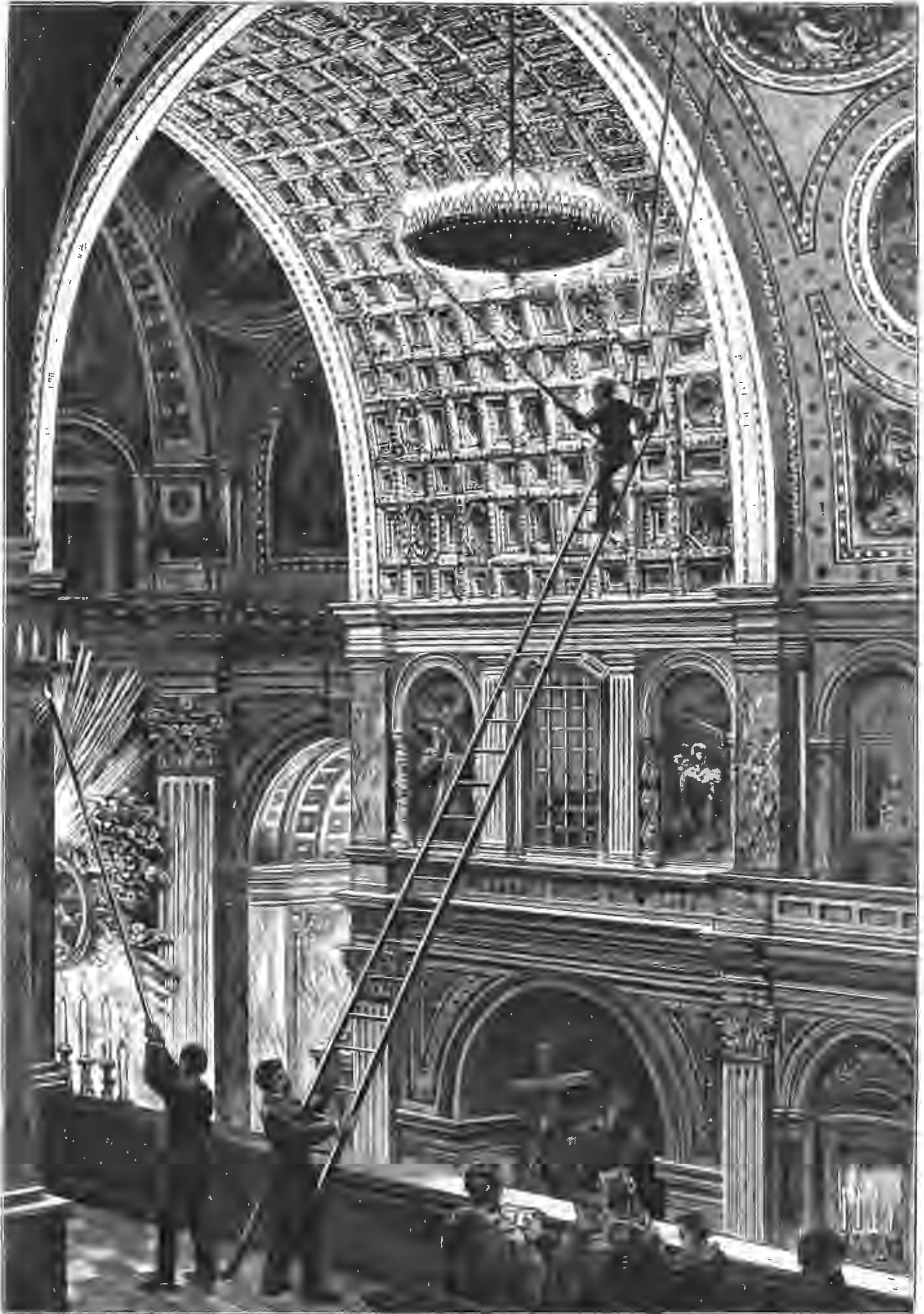
Надо было скорѣе выпить эту чашу!

„Подлецъ, подлецъ!“ — повторялъ онъ, читая строки, написанныя его „другомъ“. Ровные, съ заимствованнымъ откуда-то, только не у себя, пламенемъ, съ дѣланною страстью и ложью въ каждомъ звукѣ. Къ чему онъ обманывалъ ее? И зачѣмъ такъ медленно и тонко — для нея, наивной и глупой мухи — плелъ дьявольскую паутину. „Вѣра, — восклицалъ, обращаясь къ окружающей его ти-

Приемная при дворѣ императрицы Екатерины II. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Д. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Павловъ.

Освѣщеніе церкви въ Римѣ. Рис. Э. Гозанга.

шивѣ, несчастный мужъ,—да если-бъ ты не вионыхахъ, не тайкомъ, задыхался отъ страха, горя стыдомъ, читала эти письма, а вслухъ, громко, ты сама бы сейчасъ почувствовала всю ихъ неправду. Вѣдь это изъ книжекъ все, это общія мѣста дешеваго донжуанства, на это любой писарь—мастеръ. Кого же можно было поймать на такую наживку?“ И каждый слогъ ихъ раскаленнымъ свинцомъ падалъ на его душу, прожигая ее насквозь и оставляя по себѣ горячую рану... Вотъ письма любовника дѣлаются все холоднѣе и холоднѣе... А именно въ это время жена была особенно ласкова съ мужемъ... Онъ хорошо помнитъ, какъ она по цѣлымъ часамъ сидѣла прижавшись къ нему, точно искала у него утѣшенія и защиты... Именно... Когда тотъ ея не захотѣлъ, такъ она къ нему, къ дураку и рогносцу, вѣровавшему въ нее, какъ въ Бога, еще сильнѣе привизалась. Обманулась и была обманута сама—и вознаграждала себя здѣсь—ластись къ нему, какъ озябшая кошка, и только кошка. Онъ зналъ, что ея письма будутъ для него еще ужаснѣе... На зло проклятіямъ, срывавшимся съ его губъ, его порою охватывала мягкая грусть, и сквозь бѣшеную злобу—непонятная жалость проникала въ его сердце... Сжавъ зубы до боли, онъ развернулъ первое ея письмо... О, оно было совсѣмъ въ иномъ тонѣ. Другое, третье—они не отвѣчали заимствованному пламени посланій его друга. Странно, одно ему бросилось въ глаза: Вѣра точно была заморожена имъ, подлымъ оболстителемъ. Она какъ-то сдуру и слѣпо отдавалась, даже не понимая, что она дѣлаетъ. Въ ея строкахъ не было нѣжныхъ словъ, а какая-то тупая покорность, выражающаяся часто у людей восклицаніемъ: „теперь ужъ все равно“. Она будто съ горя летѣла внизъ, и ей не за что было ухватиться руками, чтобы удержаться на мѣстѣ. Она пала, казалось, печально, и потомъ продолжала только потому, что главное уже сдѣлано, а снявши голову—по волосамъ не плачутъ. Потомъ въ послѣднихъ письмахъ вдругъ прорвался ужасъ. Какъ будто только сейчасъ она сбросила съ себя околдовывавшія ее чары, повязку, закрывавшую ея глаза. Бурнымъ потокомъ пробивалось ея негодованіе и на него—этого мерзавца—и на себя-самоѣ... „Я не понимаю, что случилось, какъ вы меня взяли;—впрочемъ, вѣтъ, только теперь мнѣ ясно, что вы выжидали и воспользовались минутою затменія и слабости, овладѣвающими каждою женщиной. Только негодий могъ сдѣлать это, подсмотрѣть ихъ и, ради мгновенной прихоти, гадко, отвратительно погубить мою душу“... Да, она сама обрвала ихъ отношенія. Она сама потребовала писемъ назадъ, но вѣдь и тотъ въ это время холодѣлъ уже и можетъ-быть радовался разрыву—и сознание этого было еще больнѣе бѣдному мужу... А послѣднее, самое послѣднее ея письмо. Оно написано три года назадъ: „Я презираю себя, и подлѣе всякой дѣвки, которую нужда гонитъ на улицу. Я отдалась безъ любви, измѣнила человѣку, котораго любила. У меня начала болѣть грудь; когда докторъ шопотомъ сказалъ мужу,—подозрительность дѣлаетъ нашъ слухъ очень тонкимъ и чуткимъ,—что у меня поражено лѣвое легкое,—и обрадовалась этому. Я недостойна жить, я не хочу и не могу жить. Поймите это. Если я молчу, то не потому, что щажу себя или васъ—вы послѣдній, о которомъ я бы подумала. Нѣтъ, я боюсь убить благородную душу моего мужа... Я не труслива—и пошла бы смѣло на казнь. Но я бы истерзала его самого и испортила ему всю его жизнь, а онъ вѣдь не виноватъ ни въ чемъ. Я не говорю ничего, не каюсь ему, не подставляю свою голову подъ его ноги, чтобы онъ растопталъ ее, только потому, что такое покаяніе было бы еще большею и безощаднѣйшею подлостью. Оно могло бы примирить меня съ собою самою, но и тутъ—поль, и мнѣ себя не жалко. Кто согрѣшилъ, какъ я, тотъ

долженъ молчать и таить свой грѣхъ про себя. Пусть вся оставшаяся мнѣ недолгая жизнь, каждымъ своимъ мгновениемъ, будетъ посвящена его счастью. У меня хватить на это и силы, и любви къ нему. А когда я умру, и мы встрѣтимся тамъ, гдѣ всѣ мысли и поступки открыты другъ другу—можетъ-быть, за эти нѣсколько лѣтъ и за мою мѣрку онъ проститъ меня“...

Проститъ!..

Онъ до разсвѣта просидѣлъ, читая и перечитывая это, именно это письмо...

Проститъ!

Что-то плакало и жаловалось въ его душѣ, въ его груди, что-то нѣсколько разъ горячо подступало къ его глазамъ, но слезъ не было, они оставались сухи. Кто-то во мракѣ наклонился позади надъ нимъ. Ему чудилось, что онъ здѣсь не одинъ. Въ воздухѣ вѣяли чьи-то крылья, вспыхивали и смотрѣли на него умоляющіе глаза...

Проститъ!

Она, какъ нищій—милостыни, просила этого прощенья... Такъ вотъ почему она не боролась за жизнь, не цѣплялась за нее, вотъ почему она говорила ему, что не хочетъ жить больше... что ей нечѣмъ жить. Всѣ эти годы, часъ за часомъ, минута за минутою, она казалась и мучилась, и, когда ласкалась къ нему, ей нужна была не страсть его,—а жалость, состраданіе... О нихъ однихъ мечтала она и молилась... Теперь ему понятенъ тотъ загадочный и печальный взглядъ, который столько разъ онъ ловилъ въ ея глазахъ. Просыпаясь ночью, онъ часто заставлялъ ее не спавшей. Опершись на локоть, она съ подушки смотрѣла на него. И онъ могъ ее, бѣднаго ребенка, вѣреннаго его защитѣ и заботѣ, проклинать мысленно, мучить, осуждать въ мечтахъ, болѣзненныхъ и жестокихъ, на тысячи терзаний... Онъ не могъ понять сразу, что бывають наденія, гдѣ нѣтъ преступленій, а одно несчастье. Утро чуть тронуло своимъ разсвѣтомъ его окно. Слабо намѣтился за нимъ, весь въ сырости и точно въ хлопьяхъ ваты, садъ. Туманъ подымался, причудливыми и мѣняющимися фантомами минуя его стекла... И она всѣ эти дни *оттуда* видѣла и на своей чуткой душѣ испытывала его злобу! Какой же адъ постѣ того былъ бы ей страшенъ... И вдругъ онъ опустил голову на руки и зарыдалъ какъ ребенокъ. Эти первыя слезы были живоноснымъ источникомъ, очистившимъ его душу. Въ тотъ же день онъ и молился, и плакалъ на ея могилѣ, и каялся ей во всемъ, и уже у нея просилъ о прощеньи... Тамъ не было никого. Вѣтеръ только пробѣгалъ въ верхнихъ деревьяхъ, да трава колыбалась печально... Могилы молчали, торжественно стояли кресты—храни подъ собою можетъ-быть не одну такую же драму...

На другой день онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Онъ только взялъ съ собой письма своей жены и своего друга. Этому онъ не могъ и не смѣлъ простить. Не смѣлъ потому, что хорошо понималъ его вину: онъ не только укралъ у него счастье, онъ убилъ его жену. Вѣра не могла жить съ вѣчными укорами совѣсти, съ оглядками на прошлое и съ трепетомъ, что рано или поздно, а случай откроетъ его—и тогда она, лицомъ къ лицу, должна стать со своимъ неумолимымъ судьей. Такимъ она, по крайней мѣрѣ, считала мужа. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ на третій день. Стоялъ туманъ. Мокрая улица тонула въ немъ, стѣны домовъ точили слезы. Ничего не было видно—ни неба, ни дали. Подъ впечатленіемъ этой хмурой природы послѣднія искры жалости погасли въ душѣ обманутаго мужа. Онъ холодѣлъ здѣсь—и злобы уже не было, а какая-то спокойная фаталистическая рѣшимость совершить то, что, по его мнѣнію, определено самимъ Небомъ и, какъ онъ думалъ, загробною волею его жены. Онъ оставался даже равнодушнымъ; тѣхъ вслѣдствіе бѣшенства, которыхъ

онъ самъ боялся, не было. Точно и оно отсырѣло здѣсь... Онъ понималъ только одно: пока его „другъ“ живъ—онъ даже молиться за Віру не можетъ. Врагъ ему заглопалъ всю память о ней. Теперь отецъ Антонинъ знаетъ и съ мучительнымъ ужасомъ думаетъ часто, какъ онъ далека былъ тогда отъ высшей христіанской правды, но вѣдь перелома въ немъ еще не наступало; и онъ разсуждалъ, какъ всѣ во мракѣ бродящіе. Своей мести—онъ придавалъ значеніе простой справедливости и считалъ себя только судьей, забывъ, что нельзя въ одно и то же время быть и судьей, и палачомъ. „Злой человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое“—и напротивъ: „Чисто око, еже не видѣти зла“. Теперь цѣною всей постылой жизни радъ бы вернуть прошлое—да поздно... Совершенное уже отошло въ темную область прошлаго, лежащаго въ сквернѣхъ и грѣхѣхъ...

Да, онъ былъ именно слѣпымъ и бездушнымъ мстителемъ... Когда „другъ“ его кинулся къ нему—онъ отстранилъ протянутыя ему руки.

— Что съ тобою?

— Это твои письма?

Тотъ поблѣднѣлъ, и точно все въ немъ упало. Даже на ногахъ не удержался, сѣлъ.

— Да мои. Віра Николаевна не была виновата.

— Знаю.

— Что ты хочешь дѣлать?

Странно, что они оставались на „ты“, или въ подобный моментъ не обращалось вниманія на мелочи.

— Намъ обоимъ жить нельзя. Какъ ни великъ міръ, а намъ тѣсно. И потомъ ты убилъ ее! Простая справедливость...

Тотъ не далъ ему окончить.

— Довольно... Ты меня вызываешь? Присылай секундантавъ... Только ради Бога говори тише.

Онъ не понималъ въ чемъ дѣло, а можетъ-быть, если бы въ тогдашнемъ настроеніи и понималъ, еще упорнѣе бы утвердился въ своихъ намѣреніяхъ.

— Я не для скандала пріѣхалъ... И не для галереи дѣлаю все это, и приглашать меня говорить тише нечего... О дуэли—я не думаю. Театральная глупость!.. Это если бы мы съ тобой спяна поссорились, ну, стали бы въ тридцати шагахъ и обмѣнялись пулями. Предоставимъ это дуракамъ или трусамъ. Такія преступленія, какъ твое, и такая ненависть, какъ моя,—дуэлью не стираются... Я не объ этомъ шутовствѣ. Мы сейчасъ кинемъ жребій... Я остановился недалеко отъ тебя, въ Европейской гостинницѣ... Если выпадетъ мнѣ, ты черезъ часъ можешь захватить и узнать у швейцара.

Его „другъ“ поблѣднѣлъ, потомъ весь пошелъ красными пятнами. Мститель-мужъ въ первый разъ видѣлъ, чтобы люди такъ дрожали...

— Ты... ты предлагаешь... самоубійство по жребію.

— Да... А ты трусишь? У тебя храбрости только на мерзкія дѣла...

— Пстой... Пстой...

Онъ всталъ, выпрямился—видимо совладалъ съ собою, взялъ себя въ руки.

— Я хотѣлъ тебѣ сказать все, но вѣдь теперь ты это примешь за страхъ передъ тобою, подумаешь, что я вымалываю у тебя жалости... Я согласенъ... Когда?..

— Сейчасъ.

— Ты не подаришь мнѣ одного дня.

— Нѣтъ, я слишкомъ мучусь самъ...

— Помни... Я не требую этого отъ тебя. Если жребій выпадетъ тебѣ, я не хочу, чтобы ты умиралъ.

— Я не могу жить, если буду знать, что ты существуешь, на той же землѣ.

— Что-жь... Ты въ правѣ... Будь что будетъ... Я ждалъ всего, но не этого... Пусть...

Онъ хорошо помнить всякую мелочь этого утра. Его „другъ“ опять сѣлъ—не могъ удержаться на ногахъ,

только страдальчески, растерянно, съ необъяснимой болью и жалостью оглядывался назадъ па двери. Какъ у отца Антонина—этого кроткаго нѣмца монаха—хватило тогда жестокости. Онъ сорвалъ съ часовъ крошечный медальонъ съ миниатюрой покойной жены, зажалъ его въ кулакъ—и обѣ руки протянулъ приятелю. Тотъ задыхался часто-часто. По горлу его съ хрипѣніемъ и натугой точно прокатывалось что-то. Пальцы, коснувшіеся лѣвой руки мужа-мстителя, были холодны и мокры. Въ глазахъ—смятеніе и ужасъ... Отецъ Антонинъ—разжалъ лѣвую. Тамъ медальона не было.

— Тебѣ... Прощай...

Страшное дѣло—онъ до сихъ поръ слышитъ, какъ у того стучали зубы, когда тотъ спрашивалъ:

— Когда я долженъ сдѣлать это?

— До полудня... Я вечеромъ уѣзжаю отсюда...

— Ты не можешь?.. Впрочемъ, нѣтъ... Ступай... Я тебя прощаю.

— Ты... Меня.

Неужели у него хватило духу усмѣхнуться... А ему до сихъ поръ кажется, что онъ именно сдѣлалъ это.

— Больше не встрѣтимся... Помни еще: не она была виновата... Ты остаешься здѣсь—молись за нее... и за меня... Ты не хочешь пожать мнѣ руку...

Точно ему—приговоренному къ смерти—хотѣлось продлить эти два-три оставшіеся ему часа...

— Только послѣ узнаешь, на какую казнь ты меня обрекъ.

Все это проходило мимо ушей мстителя... Онъ слышалъ каждое слово, но не вдумывался въ нихъ, не хотѣлъ спрашивать, что они значатъ. Понималъ только, что жребій или судьба—обрекли его „жить“, хоть онъ охотно тогда разможилъ бы себѣ черепъ за этого, какъ ему казалось, „трусливаго и малодушнаго подлецъ“... Уходя, въ дверяхъ, онъ оглянулся—его „другъ“ смотрѣлъ куда-то далеко-далеко застывшимъ взглядомъ... Вернувшись въ отель, до полудня ходилъ изъ угла въ уголь. Часамъ къ одиннадцати—ему стало вдругъ такъ жутко, такъ душно, такъ скорбно, что онъ разорвалъ себѣ воротникъ и кинулся къ водѣ. Сердце сжалось... Что-то извнѣ молило, жаловалось, плакало, и рядомъ съ собою—онъ всей душой чувствовалъ эту безграничную муку... Голова у него кружилась... Топно было... и вдругъ онъ тянулся къ звонку. Но вмѣсто лакея—къ нему постучался посыльный.

— Что тебѣ?

— Записка вамъ.

— Кто передалъ?

— Господинъ... Сказалъ, что вы уже знаете. Я его на улицѣ встрѣтилъ. Онъ ѣхалъ на извозчикѣ.

Развернулъ клочокъ бумаги. Неровно, карандашомъ было на немъ набросано:

„Когда ты получишь это—моя обязанность будетъ уже исполнена... Успокойся—теперь тебѣ достаточно мѣста на землѣ... Помни *одно*, чего и тебѣ не сказалъ. Вѣдь ты и это принялъ бы за визистъ. Я уже годъ какъ женатъ—и третьяго дня мой бѣдная жена родила. И мать, и мой сынъ остаются нищими. Ты доволенъ? Кара стоитъ моей вины передъ тобою. Прощай!“

— Ничего не будетъ?—спрашивалъ его посыльный.

— Ничего... Ступай...

Подошелъ къ окну... Въ туманѣ колеблются дома. Балконы ходуномъ ходятъ... Улицу то вверхъ подымаетъ, то внизъ... Извозчики по ней какими-то зигзагами... И то вдругъ все это пропадетъ изъ глазъ, то опять выступитъ... Поздно... Поздно... Куда онъ поѣхалъ?.. Что съ тою, съ бѣдною?.. И какой холодъ въ душѣ, въ сердцѣ. Богъ отступилъ отъ него... Онъ не обратился къ Небу, и Оно забыло его. А во власти демона, въ вихрѣ своихъ страстей, къ чему онъ пришелъ, къ чему?.. Что покрыто этою карой? Развѣ мести дасть забвеніе?.. Отчего же ему не сладко? Вѣдь обо-

льститель его Вѣры наказанъ—и какъ... Эти два часа передъ смертью—были для того такимъ адомъ. Продался ли тотъ съ больною женою?.. Поцѣловалъ ли своего ребенка? Если да, то какое лицо у него было при этомъ, и что онъ сказалъ имъ? Или боясь, что рѣшимость измѣнить ему, какъ поръ бѣжалъ изъ дому? И жена ничего не знаетъ... Можетъ-быть, улыбаясь, счастливая своимъ материнствомъ, ласкаетъ ребенка, кормитъ его... Кто ей скажетъ обо всемъ—и въ первое мгновеніе? Что она сдѣлаетъ, когда узнаетъ? Вотъ они, дьявольскія правила „чести и мести“, какъ онѣ быстро и разомъ рѣшаютъ все, и какое море несчастій и горя ширится за ними... „И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“. Вѣдь это еще покойница-мать, ставя его на колѣни въ дѣтской постелькѣ и глядя ему голову, подсказывала ему... Онъ кинулся къ образу—но было уже поздно—сердце его не находило словъ для молитвы. Онъ восклицалъ: „Боже мой, Боже мой!“ и изъ его же внутренняго міра—до сихъ поръ невѣдомаго ему—кто-то кричалъ ему: „Каинъ, Каинъ, что ты сдѣлалъ съ братомъ своимъ?“ Кричалъ такъ, что онъ ушами слышалъ это, и ему казалось, что весь домъ слышитъ тоже и сейчасъ всѣ сбѣгутъ сюда... „Боже мой, Боже мой, если тотъ еще живъ, еще колеблется—останови его руку... Я ему скажу—пусть живетъ... Пусть живетъ. Я не хочу крови его, не хочу слезъ его жены, проклятій его ребенка, когда тотъ вырастетъ, пойметъ и узнаетъ все... Если не поздно. Сдѣлай такъ, чтобы не было поздно. Ты можешь... Ты все можешь!“ И это была не молитва, не свободный порывъ духа въ безконечность, а какой-то вопль, дикій и нестройный, вопль души, чувствующей себя жалкою птицей въ острыхъ и безпощадныхъ когтяхъ крупнаго хищника... Онъ побѣжалъ къ дому своего друга—швейцаръ ему коротко отвѣтилъ: „еще не возвращались“...—Куда онъ поѣхалъ, мнѣ очень нужно?—„Не знаю-съ. Развѣ они намъ говорятъ?..“ Гдѣ же искать его? Онъ цѣлый день, пересаживаясь съ извозчика на извозчика, ѣздилъ по городу, распахивался, чуть не кричалъ, когда его душила тоска, и только поздно ночью вернулся. Ему страшно было еще разъ спросить въ той квартирѣ: „вернулся ли баринъ?“ или „привезли ли барина?“ А между тѣмъ его такъ тянуло туда... И только къ разсвѣту въ его головѣ начали сказываться утѣшительныя соображенія. А можетъ-быть его пріятель ничего не сдѣлалъ съ собою... Можетъ-быть онъ уѣхалъ изъ города. Думаетъ: „пускай онъ (то-есть я) подождетъ-подождетъ и тоже уѣдетъ! Такъ все и останется... Такъ все и обладается.“ Ахъ, хорошо бы... Хорошо... Еще бы не хорошо. Пусть только это обойдется... Господи! И тогда онъ всю ему остающуюся жизнь проведетъ по правдѣ Твоей и по заповѣдямъ Твоимъ... Не отврати лица своего. Такъ, кажется, сказано? Гдѣ только? Онъ забывался на мгновеніе, но тотчасъ же просыпался на цѣлые часы и метался, какъ раненый и брошенный на произволъ судьбы. Его душили: и одѣяло, и подушки, и рубаха. Онъ кидался на полъ, но и тамъ его било и подбрасывало всего... Точно онъ былъ въ припадкѣ... Наконецъ онъ не могъ терпѣть больше... Посмотрѣлъ воспаленными глазами на часы. Было около восьми. Въ вискѣ стучали изнутри точно молотки, налитое свинцомъ теми давило мозгъ, сердце билось съ перерывами—то замретъ—и все закружится кругомъ и точно вотъ-вотъ смерть сейчасъ—то вдругъ заколотится, да такъ, что, кажется, разобьетъ клетку и выпорхнетъ на свободу... Онъ побѣжалъ къ звонку. Нажалъ пуговку—сонный лачей съ недовольнымъ лицомъ отворилъ двери. Очевидно, здѣсь не привыкли вставать такъ рано.

— Чего вамъ?—грубо спросилъ онъ.

— Комиссіонера мнѣ.

— Гдѣ теперь комиссіонеры—рано еще.

— Ну такъ, болвапъ, пошли мнѣ съ улицы посыльного, да сію минуту.

— Слушаю-съ.

„За что я его обругалъ? Чѣмъ онъ виноватъ?..“

И посыльный пришелъ. Онъ поручилъ ему пойти и узнать, „когда такой-то можетъ его принять?“ Не прошло получаса—тотъ вернулся. Не надо было и спрашивать—по лицу было видно: самое дурное, чего можно было ждать, исполнилось. Тотъ даже весь дрожалъ.

— Тамъ, баринъ, горе такое...

Баринъ сѣлъ.

— Господина этого еще вчера вечеромъ доставили въ пріемный покой. Мнѣ швейцаръ ихъ сказывалъ.

— Зачѣмъ? — неужели это онъ спрашиваетъ такъ покойно.

— Они себя застрѣлили... И записка при ихъ, что никто-де не виноватъ, а они сами, самовольно значить.

— Жена знаетъ?

— Нѣтъ... Женѣ они оставили письмо, что ихъ телеграммой въ Москву вызвали. Но только и онѣ безпокоятся: „что-жъ что телеграммой, отчего проститься не заѣхалъ? Разбудить боялся! Такъ развѣ подобными поступками поступаютъ?..“

— Хорошо...

— Ничего больше не прикажете?

— Ничего.

— Деньги велите за комиссію изъ конторы взять?

— Да, да... Оставь ты меня!—вдругъ крикнулъ онъ ему, когда посыльный еще мялся въ дверяхъ.

— Мозга-то у вашего барина попорчена,—сообщилъ тотъ лакею, выходя въ коридоръ.

И вдругъ оказалось, что онъ, обвинившій своего вѣроломнаго друга въ малодушіе и трусости, самъ былъ и трусливъ, и малодушнѣе его. У него не хватило силы и рѣшимости пойти къ его вдовѣ и покаяться ей во всемъ. Онъ бѣжалъ какъ подлецъ отъ этой встрѣчи, вернулся домой, къ могилѣ своей жены, и около нея не нашелъ ни успокоенія, ни примиренія. Уѣзжая отсюда, онъ мечталъ, какъ, наклонись къ мраморной черной плитѣ съ ея печальною бѣлою надписью, онъ скажетъ: „Вѣра—я оплатилъ за тебя. Спи спокойно—твой губитель наказанъ“, и какъ та изъ-за гроба, мыслью—мысли и душою—душѣ, отвѣтитъ ему: „Ты поступилъ хорошо, я люблю, люблю тебя“, и вдругъ все это оказалось навожденіемъ сатанинскимъ. Ни у него не нашлось этихъ словъ, ни она ничего не дала ему понять. Напротивъ, по холоду, охватывавшему его, по злобѣщей тишинѣ, царившей кругомъ, онъ сообразилъ, что она дальше отъ него, чѣмъ когда бы то ни было. Что она за свой маленький и оплаканный грѣхъ прощена и спасена и съ отвращеніемъ изъ глубины лазурнаго царства, изъ средоточія кроткаго свѣта, смотритъ на него, принесшаго ей сюда въ жертву свою звѣриную злобу и жестокость... Этихъ ли цвѣтговъ она ждала отъ него на свою могилу... „Каинъ, Каинъ, что ты сдѣлалъ съ братомъ своимъ Авелемъ?“ Онъ, впрочемъ, хуже Каина. Однимъ ударомъ онъ убилъ и жену своего брата, и его ребенка. Онъ зналъ, что у того ничего не было—его другъ жилъ службой, и только... Разумѣется, онъ тотчасъ же написалъ его вдовѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ ее, что былъ долженъ на слово ея покойному мужу значительную сумму, которую и перевелъ ей, для чего продалъ все, что у него было, и самъ остался ни съ чѣмъ. Въ низости своего паденія онъ думалъ, что это примиритъ его съ тѣнью убитаго имъ человѣка. Цѣна крови, — что она оплачиваетъ? Вдова едва-едва нашла въ себѣ силы написать ему нѣсколько благодарныхъ строкъ, и онъ понялъ, что какъ ни былъ справедливъ его поступокъ, а онъ имъ заградилъ себѣ на вѣки-вѣчныя путь къ ней, чтобы вымолить у нея прощеніе... Но какъ же ему было поступить иначе? Вѣдь на деньги, отданныя ей другомъ ея мужа,

Чась благовѣстити! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. М. Ишаевича, автотипія „Нивы“.

она могла жить и воспитывать ребенка, но на подачку, кинутую ей убийцей, — никогда. Она съ ужасом швырнула бы ее въ лицо ему, и сама обрекла бы тѣмъ самымъ себя и свое дитя нищетѣ, лишеніямъ, голоду и холоду, и, быть-можетъ, паденію. Надо было молчать и въ душѣ казнить. Въ себѣ самомъ нести свой грѣхъ, чтобы тамъ, скрытый ото всѣхъ, онъ разгорался и налилъ его адскимъ огнемъ. Сдѣлавъ это, отославъ „дѣну крови“, самъ пошелъ на могилу къ женѣ, но ея камень былъ холоденъ, крестъ безмолвенъ, и ошлѣ все кругомъ притихло — и листья, и вѣтви, и цвѣты, — точно притаились отъ страха. Сама бездушная природа видѣла его грѣхъ, онъ и ее мертвилъ своимъ присутствіемъ... Ему оставался одинъ путь — тяжкій путь покаянія и скрытыхъ мукъ... Миръ ужъ не горѣлъ для него прелестью жизни, не тѣшилъ его своими обманчивыми маревами. Ему хотѣлось заключить себя куда-нибудь, гдѣ бы онъ вѣчно былъ лицомъ къ лицу съ воспоминаніемъ объ убиенномъ. Если свершенное имъ не казнилось судомъ человѣческимъ, надо было идти и готовиться къ Божьему суду. И онъ, какъ нищій къ паперти за подаяніемъ — пришелъ въ эту обитель... Онъ падѣлся, что будетъ время, когда ему „оттуда“, изъ того таинственнаго міра, „идѣ же праведныя упо-

колются“, пошлется душевный миръ. Не умѣвший прощать, онъ теперь, какъ милостыни „Христа ради“, вымаливалъ прощенія, но онъ еще не ксенулось его мягкой души цѣлительными перстами. Въ ней не было тьмы, какъ прежде. Господь, въ вѣчномъ промыслѣнн Своемъ о спасеніи уповающихъ на Него, уже уронилъ въ ея мракъ свой лучъ... Но онъ освѣтилъ грѣшнику его прошлое, и казалось мало цѣлой вѣчности кровавыхъ слезъ, чтобы обмыть его, чтобы стереть изъ книги живота черныя строки, вписанныя туда о немъ безстрастнымъ ангеломъ возмездія и печали. Сколько лѣтъ прошло — онъ нашелъ молитву, но не покой. И молитва его была полна страданій. Въ покаянной тоскѣ онъ бродилъ по тихимъ аллеямъ монастыря, въ торжественной тишинѣ его храма простирался передъ иконами... Не одна боль о содѣянномъ, но и мѣла объ утраченномъ — не оставляли его... Вопреки ученію святыхъ отцовъ, онъ вѣчно оглядывался назадъ, откуда, если ему и удавалось не падолго забываться снова, кто-то, какъ ему казалось, рыдалъ и, стелая, кликалъ его... Душа, погубленная имъ, и душа, имъ любимая, обѣ еще не хотѣли примиренія.

(Продолженіе будетъ.)

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Какое чуткое молчаніе
Притекшихъ къ полночи минутъ —
Въ благоговѣнномъ ожиданіи
Земля и небо чуда ждутъ.

Въ селѣ неслышное движеніе..
Мелькаютъ тѣни тутъ и тамъ..
Молчитъ убогое селенье,
Молчитъ убогой, сельскій храмъ.

И вдругъ въ просторъ безвѣздной ночи,
Когда великій часъ насталъ,
Ударъ, мгновенія короче,
Проснувшись, колоколь послалъ.

За нимъ другой, звучнѣй и гуще,
Проплылъ, зовя изъ тьмы разсвѣтъ —
И лѣса сумрачныя кущи,
И скалы дрогнули въ отвѣтъ.

Судьбой обиженному люду,
Что жаждалъ чуда изъ чудесъ,

Колокола несли повсюду:
Христось воскресъ! Христось воскресъ!

А тамъ, у стѣнъ нѣмого храма
Дрожали свѣчи безъ конца,
Клубились волны ошима,
И умилялися сердца.

Забыто горе, зло забыто..
Пришла счастливая пора,
Когда душа, какъ храмъ, открыта
И для любви, и для добра.

Христось воскресъ! Востокъ яснеетъ,
Побѣждена разсвѣтомъ мгла..
Все громче, радостнѣй, звучитъ
Гудятъ-гудятъ колокола.

Когда-бъ еще дождался чуда,
Другого чуда изъ чудесъ —
Чтобъ и въ сердцахъ слѣпого люда
Христось воистину воскресъ!

Мих. Гербановскій.

Новая жизнь.

Пасхальный разсказъ О. Н. Чюминой.

Сырая мгла безлунной пасхальной ночи тяжело нависла надъ мѣстечкомъ Х, на сѣверѣ Польши, бывшимъ въ 1863 г. однимъ изъ наиболее оживленныхъ центровъ возстанія. Окружавшіе его густые лѣса, считавшіеся въ старину „зановѣдшими чудами“ литовскихъ боговъ, служили не разъ ареною столкновенія между скрывавшимися въ нихъ бандами повстанцевъ и отрядами русскихъ войскъ. Впрочемъ, за послѣднее время, послѣ того, какъ одна изъ главныхъ бандъ была разсѣяна, все кругомъ поуспокоилось; тѣмъ не менѣе мирные жители мѣстечка были постоянно насторожѣ, и даже въ самой тишинѣ великой ночи чувствовалось что-то тревожное.

Въ воздухѣ, вѣетѣ съ теплымъ весеннимъ вѣтеркомъ, уже повѣло запахомъ талаго свѣга. Нѣсколько плешекъ, зажженныхъ возлѣ русской церкви, находившейся въ концѣ единственной улицы, больше чадили, позинутно задуваемые вѣтромъ, нежели разсѣвали собою мракъ; блѣдые огоньки слабо выгали сквозь закрытые ставни и въ окнахъ занимаемыхъ русскими семьями домовъ, гдѣ готовились встрѣчать Пасху. Маленькая церковь съ потемнѣвшими ликами иконъ, передъ которыми заблило красноватое пламя свѣчей, быстро наполнилась молящимися, тѣнившимися вокругъ плащаницы, еще не унесенной въ алтарь. Нѣсколько дрожацій голось читавшаго надъ нею старика-священника въ черныхъ ризахъ,

плотно раздавался подъ низкимъ сводомъ старинной церкви. Вѣтъ, имѣвше возможность оставить домъ, собрались сюда, съ нетерпѣніемъ ожидая перваго удара колокола, первыхъ звуковъ пасхальнаго канона, возвѣщающихъ міру о торжествѣ Воскресенія. И несмотря на перенесенныя испытанія и утраты, многіе ждали его съ упованіемъ, съ безотчетною вѣрою въ свѣтлое будущее, и когда этотъ первый ударъ — глухой и дребезжацій — пронесся, наконецъ, въ воздухѣ, много удрученныхъ сердець радостно забило ему въ отвѣтъ.

Только въ одномъ домѣ, на окраинѣ мѣстечка, казалось, никто не ждалъ Пасхи. Домикъ, къ которому прилегалъ густой, запущенный садъ, стоялъ особнякомъ, у дороги; въ трехъ окнахъ его, выходившихъ въ палисадникъ, видѣлся слабый свѣтъ, и сквозь неплотно закрытые ставни можно было разглядѣть стройную женскую фигуру въ черномъ, словно тѣнь двигающуюся по комнатамъ. Ея красивое, но исхудалое и блѣдное лицо, съ прорѣзавшеюся между бровей глубокой складкою, казалось застывшимъ въ выраженіи скорби, которой плотно сжатыя губы и сдвинутыя черныя брови придавали что-то суровое. Какъ человѣкъ, пытающійся усиленнымъ движеніемъ заглушить боль, она ходила взадъ и впередъ по думѣ, просто, но со вкусомъ убраннымъ комнатамъ, безцѣльно останавливаясь по временамъ и словно къ чему-то прислушиваясь.

По затѣмъ, вспоминая, что ждуть ей нечего, она машинально двинулась даѣе — съ тѣмъ же мрачнымъ, окаменѣвшимъ лицомъ.

Въ небольшой столовой не было замѣтно никакихъ приготовленій къ празднику въ видѣ накрытаго стола съ куличами и пасхами; только въ углу тускло теплилась лампадка передъ иконою Божіей Матери; но когда взоры молодой женщины порою обращались туда, губы ея сжимались еще плотнѣе и въ мрачныхъ глазахъ мелькала выраженіе холоднаго отчаянія. Она туго глядѣла на огонекъ лампадки, заботливою заботливою рукою старой няни передъ уходомъ въ церковь, и въ умѣ у нея невольно мелькала мысль: къ чему? Молиться? Вѣрить? Она сама молилась и вѣрила всѣми силами души, но это упованіе на высшую справедливость и милосердіе — не спасло ее отъ безпредѣльнаго страданія. Ударъ разразился, разбивъ ея жизнь, а вмѣстѣ съ нимъ рухнулъ и прежній вѣрованіи, не оставивъ за собою ничего, кромѣ сознанія мертвящей пустоты и полнаго одиночества. Могла либѣ любимаго человека навсегда радѣла ея съ остальнымъ міромъ, гдѣ люди живутъ, борются, на что-то надѣются, во что-то вѣрятъ. Между ними и ею нѣтъ ничего общаго. Что они могутъ дать ей, кромѣ банальныхъ утѣшеній, еще большіе увлеченій ея измученную душу? Какъ безжалостно затравленное, раненое животное, свѣщающее укрыться въ самой глубинѣ лѣса, она желаетъ только одного: чтобы ее оставили въ покоѣ съ ея горемъ. Наединѣ съ собою ей дышится свободнѣе. Даже любящій, полный тревоги взоръ преданной женщины, окружившей попеченіями ея собственное дѣтство, тиснетъ ее по временамъ. Сегодня, когда старушка, со слезами на глазахъ, просила ее «смягчиться сердцемъ», ради великаго праздника — она нетерпѣливо отстранилась отъ нея... Какой горькой проніей прозвучали для нея слова о великомъ праздникѣ! Неужели они не понимаютъ, что для нея нѣтъ и не можетъ быть его, что въ такой день она еще мучительнѣе должна чувствовать свою утрату, свое горькое одиночество?

Глухой, протяжный, вѣстиво дошедшійся ударъ колокола заставилъ ее вздрогнуть въсемъ тѣломъ, почти физической болью отозвавшись въ ея сердцѣ, вдругъ забившемся съ удвоенной силой. Началось!.. По привычкѣ, она подняла руку, чтобы перекреститься, но рука эта машинально остановилась на поздорогѣ, и только блѣдная губа молодой женщины повело нервной судорогой. Опустивъ руки, она безвольно замерла на мѣстѣ. Свѣтлый праздникъ, торжество Воскресенія!.. Но развѣ тотъ, кто лежитъ теперь въ безвѣстной могилѣ, пропавшій навсѣгда въ вѣчныхъ мукахъ, — развѣ онъ можетъ воскреснуть?

Кто вернетъ ей ея недолгое счастье, кто властью озаритъ помятый свѣтомъ ея жизнь?

Дѣлать добро, посвятить себя людямъ, сдѣлавшимъ ей только зло?

Нѣтъ, она не способна на это!

Она всегда была несчастна и одинока, онъ одинъ полюбилъ ее такъ, какъ она желала быть любимою, онъ сталъ для нея всѣмъ, — и снова люди все отняли у нея: одинъ послалъ его на смерть, другіе убили его...

Судорожное рыданіе вырвалось у нея, она оглянулась вокругъ помутившимся взоромъ. Съ быстротою молнии мучительное воспоминаніе пронесло ея мозгъ. Она вдругъ увидѣла эту комнату, гдѣ вѣло теперь чѣмъ-то незнакомымъ — ярко освѣщенною, какъ въ прошломъ году, съ накрытымъ столомъ, который она убирала съ такою заботливостью. Въ ушахъ ея еще стоялъ веселый говоръ явившейся къ нимъ изъ церкви на разговорѣ полковой молодежи, и среди этихъ беззаботныхъ лицъ особенно ярко рисовалась ей одно лицо — красивое, открытое, симпатичное, съ яснымъ взглядомъ голубыхъ глазъ и доброю улыбкою... Боже, неужели она никогда больше не увидитъ этого лица, не услышитъ этого мягкаго, льющагося въ душу голоса?

Она со стономъ прикрыла глаза рукою, словно стараясь отогнать видѣніе. О! если бы она могла забыть! Но неутомимая память заставляла ее постоянно возвращаться къ прошлому, вызывая изъ мрака его тысячи полузабытыхъ мелочей, приобѣтающихъ теперь особый смыслъ и значеніе, заставляли вновь переживать все тѣ, чему уже не можетъ быть возврата.

Повинуясь непреодолимому побужденію, молодой женщина прошла въ сосѣднюю комнату, и, опустившись въ кресло передъ письменнымъ столомъ, на которомъ горѣла лампа, отворила одинъ изъ ящиковъ. Дрожавшими пальцами она достала оттуда смятый, очевидно, много разъ читанный и перечитанный листокъ, торопливо написанный крупнымъ мужскимъ почеркомъ и помѣченный началомъ февраля. Она давно уже знала его наизусть, но ея печальные глаза подолгу останавливались на этихъ строкахъ — послѣднихъ, полученныхъ ею отъ любимаго человека.

«Дорогая моя жена, — писалъ онъ ей: — послѣ сорокаверстнаго перехода по грязи мы достигли, наконецъ, вочлега... въ чистомъ полѣ. Слѣду воспользоваться отправкою полевой почты, чтобы дать тебѣ вѣсточку. За писанье не выжи: пишу тебѣ при свѣтѣ салыной, воткнутой въ бутылку, свѣчи, прилепясь на собственномъ чеподанчикѣ и держа на колѣняхъ «опись ротнаго имущества», съ уснѣхомъ забывающую бюваръ... От-

сюда вижу, какъ омрачается твое милое личико при мысли о „жестокыхъ лишеніяхъ“, вынавленныхъ на долю твоего „бѣднаго Сережи“. Вотъ, погоди, милая, кончится кампанія, и я снова вернусь подъ твоє крылышко, — тогда можешь опять баловать меня взуаски, вмѣстѣ съ писемъ. Сейчасъ взглянуть ко мнѣ въ палатку Лужковъ и, увидавъ меня за несомнѣно, поспѣшно скрылся, скорчивъ испуганную мину. Затѣмъ появился милѣйшій докторъ, „другъ Францъ“, и, освѣдомившись о томъ, кому и пишу, просилъ передать его почтительный привѣтъ „многоуважаемой Натальѣ Александровнѣ“, чгд и исполнью. Все наша молодежь попрежнему состоитъ въ твоихъ вѣрныхъ поклонникахъ (хорошо, что и не ревнуй), и послѣ того, какъ ты прискакала одна за сорокъ верстъ, чтобы повидаться со мною въ корчмѣ, — зовешь тебя не иначе, какъ героиней. А знаешь, дорогая моя, это послѣднее наше свиданіе положительно не выходитъ у меня изъ головы, и постоянно возвращаюсь къ нему, и если бы я былъ сусвѣрентъ... Но, нѣтъ, не будемъ говорить о предчувствіяхъ. Во всякомъ случаѣ, сколько бы мнѣ ни пришлось прожить, и никогда не забуду объ этихъ чудныхъ часахъ, полныхъ такого остраго, захватывающаго счастья. Мнѣ думается, нѣчто подобное должнъ были испытывать осужденные во время террора, когда ихъ женамъ и вѣстамъ дозволялось проводить съ ними послѣдніе часы передъ казнью. Прости за грустное, невольно подвернувшееся сравненіе, сегодня, должно-быть, вълѣдствіе усталости, странныхъ мыслей приходитъ мнѣ въ голову. Лучше разскажу тебѣ, какими образами пришлось намъ встрѣтить первый день Великаго поста. Наканунѣ мы прибыли въ село С—, гдѣ предполагалась трехдневная остановка, съ тѣмъ, чтобы полкъ успѣлъ отговѣть и запасти провизію. Но едва успѣли мы развести костры, какъ явилось приказаніе съ зарею выступить по направленію къ Г., гдѣ сосредоточились главныя силы повстанцевъ. Въ виду такой неожиданности, намъ приказано было собраться послѣ обѣда на площади. Священникъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, обратился къ намъ съ краткимъ словомъ, предлагая, въ виду выступленія въ походъ, не дозволяющаго отговѣтъ, согласно правиламъ, встрѣтить Великій постъ общемою молитвою и гласнымъ покаяніемъ, послѣ котораго онъ приобѣтитъ завтра всѣхъ исповѣдавшихся. Если же кто чувствуетъ за собою какіе-либо особые грѣхи — тѣхъ онъ проситъ зайти къ нему послѣ общей исповѣди.

«Это была торжественная минута, когда въ вечернемъ сумракѣ вся толпа, какъ одинъ человекъ, опустилась на колѣни, крестясь и шепча слова молитвы. Необычайная обстановка, близость опасности, все востраивало душу на особый, торжественный ладъ. И когда, по окончаніи исповѣди, священникъ простеръ руку надъ колѣнопрележенными людьми, именемъ Господнимъ разрѣшалъ и отпускалъ имъ совершившіе ими грѣхи, — я думаю, во всей тысячной толпѣ не нашлось человека, глаза котораго оставались бы сухими. На зарѣ мы приобидились св. тайнѣ и тотчасъ же выступили въ походъ, подъ звуки полковой музыки, игравшей: „Коль славеешь...“

«Съ тѣхъ поръ вотъ уже пять дней мы блуждаемъ по полямъ и лѣсамъ, не встрѣчая нигдѣ неприятеля, очевидно, уклоняющагося отъ встрѣчи съ нами. Сегодня наши лазутчики донесли, что отрядъ его маневрируетъ неподалеку. Даѣ Богъ, чтобы это было такъ...

«Донисывая писемъ, вернувшись отъ полковаго командира, сейчасъ приславшаго за мною. Черезъ три часа отправляюсь съ частью роты на рекогносцировку, надо приготовиться, а потому, моя родная, покуда — прости. Я радъ предостичь тебѣ; чѣмъ скорѣе мы встрѣтимся съ неприятелемъ, тѣмъ ближе конецъ экспедиціи, а слѣдовательно — и наше свиданіе. Береги себя, голубка, и не скучай; помни, что моя постоянная мысль, моя всегдашняя забота — о тебѣ...»

Затѣмъ слѣдовало нѣсколько словъ, которыя трудно было разобрать, такъ какъ чернила растеклись отъ пролитыхъ на нихъ слезъ.

Наталья Александровна закрыла лицо руками. Писемъ лежало передъ нея, но рука, писавшая ей слова любви и ласки, уже похолодѣла навѣки. Окруженный многочисленнымъ неприятельскимъ отрядомъ, мужъ ея налъ во главѣ своихъ людей, изъ которыхъ только двоимъ удалось спастись, и съ тѣхъ поръ, какъ она получила навѣстие о его смерти, въ тяжеломъ горячечномъ бреду, на яву и во снѣ, ей постоянно казалось, что она видитъ его истекающимъ кровью, безжизненно распростертымъ на снѣгу, подъ блѣдными змѣцкми небомъ... Ей чудились звуки выстрѣловъ, дикіе крики, стоны раненыхъ...

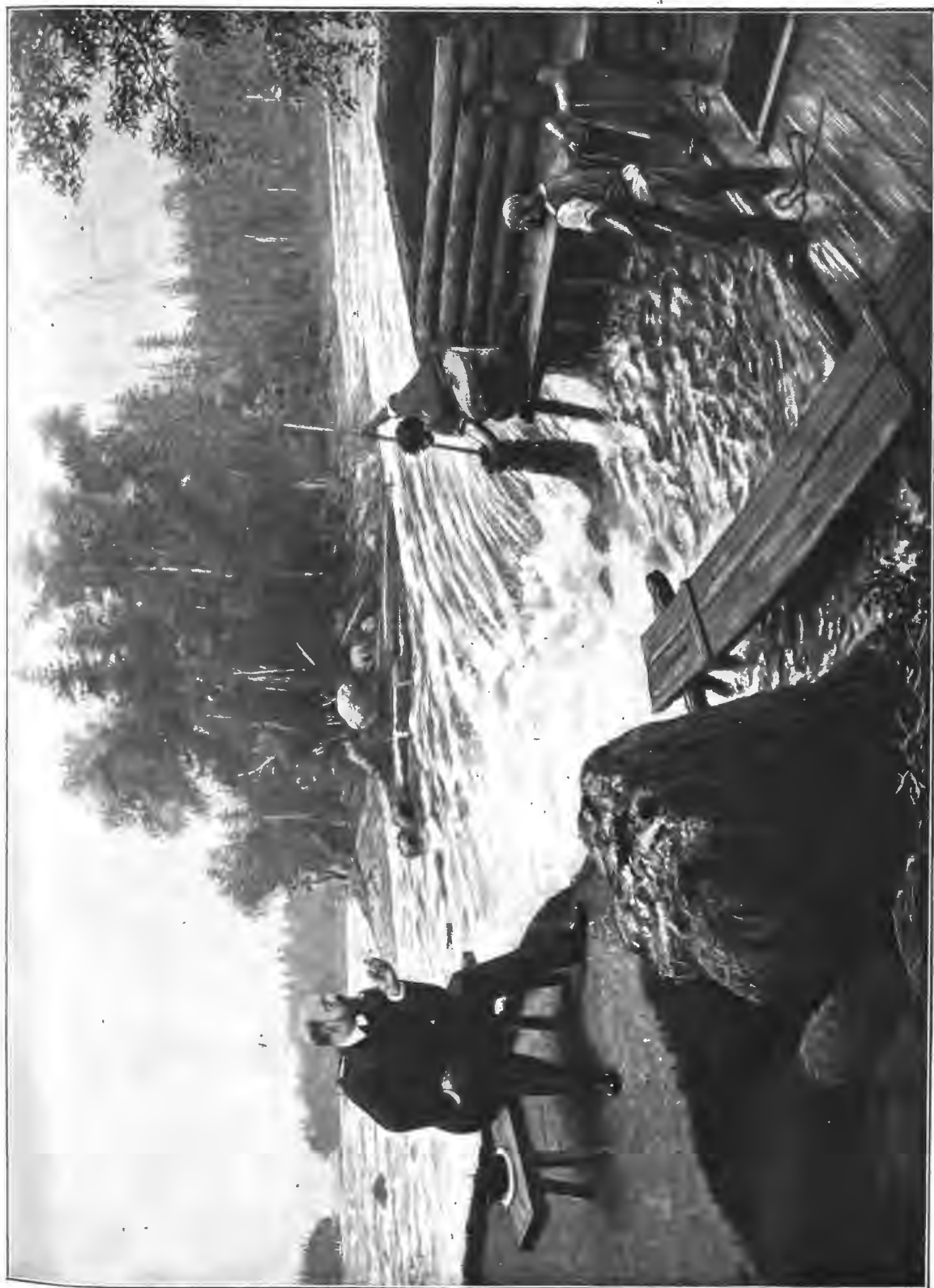
Вотъ и сейчасъ... Опять ее преслѣдуютъ тѣ же призраки, та же галлюцинація слуха... Рѣкая, сухая дробь выстрѣловъ, то одиночныхъ, то сливающихся въ общій залпъ. И все ближе, все отчетливѣе... Но, нѣтъ! Это уже не обманъ чувствъ. Въ лѣсу стрѣляютъ, она ясно различаетъ звукъ шальбы сквозь перевалы колоколовъ, возвѣщающихъ начало богослуженія.

Спрятавъ писемъ въ столикъ, молодая женщина быстро подвинулась съ тревожно бьющимся сердцемъ и дико расширенными глазами. Безъ сомнѣнія, русскій отрядъ столкнулся съ одною изъ укрывавшихся въ лѣсу бандъ. Опять — убійства, льющаяся кровь, страшныя сцены рѣзни и насилья, опять — человѣческія жертвы. Тамъ молятся, здѣсь — убиваютъ другъ

Къ празднику. Съ карт. А. Эрделята грав. Геддиг.

У выставка с.-петербургскаго общества художниковъ. На лонѣ финской природы.
Съ кад. Л. Ф. Лагерю авторитипи „Нивы“.

друга. И Богъ, правосудный, милосердый Богъ допускаетъ это!

Лихорадочная дрожь охватила ее. Вдругъ до ея болѣзненно пронзительнаго звука долетѣлъ какой-то шумъ, быстрые шаги и затѣмъ—тихий стукъ въ кухонную дверь. Не отдавая себѣ отчета въ своихъ побужденіяхъ, она кинулась туда. Стукъ повторился.

— Кто тамъ?—спросила она рѣзко и огрызнито.

— Откройте!. Именемъ Бога молю, откройте! — послышался задыхающійся голосъ.

Слова эти были произнесены по-польски, но Наталья Александровна не колебалась; чего ей было болѣе за себя, ей, не дорожившей жизнью? Она отодвинула тяжелый засовъ, и дверь отворилась.

У порога стоялъ, очевидно едва державшійся на ногахъ, молодой человѣкъ, почти юноша, лѣтъ восемнадцати, въ шегольской, теперь изорванной чамаркѣ, на которой зловѣще алѣли пятна, сразу приковавшій къ себѣ вниманіе молодой женщины. Лицо его было смертельно блѣдно, большіе голубые глаза глядѣли испуганнымъ, молящимъ взоромъ на незнакомку, въ холодныхъ чертахъ которой онъ тщетно старался уловить проблескъ состраданія.

— Кто вы такой? Что вамъ надо?—спросила она по-польски.

Онъ переступилъ порогъ и, затворивъ дверь, прислонился къ ней, съ усиленнымъ переводомъ духа.

— Спасите, панн, именемъ Бога живого укройте меня... За мною гонятся, сейчасъ они будутъ здѣсь.

— Кто?—голосъ ея звучалъ тѣмъ же жесткими, металлическими нотами.

— Москаки... Одинъ изъ нихъ видѣлъ, что я кинулся въ эту сторону.

— Вы дрались?

Онъ заговорилъ поспѣшно, прислушивался въ то же время и взирававшая при каждомъ шорохѣ паннѣ.

— Да... Мы хотѣли окружить ихъ отрядъ, но они замѣтили насъ, и завязалась отчаянная борьба. Ихъ оказалось больше, и панн должны были отступить... Многие убиты, другіе бѣжали, въ томъ числѣ и я. Какое это странное чувство, когда преслѣдуютъ... Я собралъ послѣднія силы, перелѣзъ черезъ заборъ, но, кажется, меня замѣтили... Сиричите меня, панн, нельзя терять ни минуты...

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, но она отступила. Глаза ея со страннымъ выраженіемъ были устремлены на его молодое лицо съ большими голубыми глазами и едва замѣтными темными пушикомъ надъ верхней губою. Новое, невѣдомое чувство поднималось въ ней, съ каждою минутой сильнѣе захватывая ее.

— Вы хотѣли, пользуясь темнотою, окружить ихъ, съ тѣмъ, чтобы перебить всѣхъ до одного, но они оказались сильнѣе. Будь вы на ихъ мѣстѣ, вы преслѣдовали бы ихъ такъ же, какъ теперь они преслѣдуютъ васъ...

Онъ глянулъ на нее въ свою очередь наумленнымъ взоромъ.

— Но вѣдь такого война, панн! — воскликнулъ онъ. — Мнѣ приказали—и я пошелъ; я былъ бы трусомъ, если бы измѣнилъ своему долгу. Какъ могъ я поступить иначе?

— Довольно! — прервала она, и ея темныя брови сдвинулись. — Чего вы хотите отъ меня? Убійница? И не могу укрыть васъ... Уходите.

Онъ съ мольбою протянулъ къ ней руки, не вѣря своимъ ушамъ.

— Но вѣдь это значить идти на вѣрную смерть? Нѣтъ, панн, вы не можете быть такъ жестоки, вы—женщина, вамъ должно быть доступно чувство состраданія.

— Вы думаете?—проговорила она, и первая улыбка повела ея губы.

На улицѣ послышался шумъ. Юноша вздрогнулъ и двинулся къ ней, голосъ его звучалъ еще горичѣе, еще убійтельнѣе.

— Вы слышите? Они уже близко... Вы такъ странно говорите, въ вашихъ глазахъ столько холоднаго безучастія, но я чувствую сердцемъ, что вы не злы... О, кто бы вы ни были—врагъ или другъ—спасите меня, если не ради меня самого, то ради моей матери! У нея нѣтъ никого кромѣ меня, она не перенесетъ моей смерти, это убьетъ ее...

На глазахъ его блеснули слезы. Наталья Александровна молча слушала его, строгая и холодная, какъ названіе, только грудь ея судорожно поднималась.

— Скажите, — продолжалъ онъ, — вы навѣрно много страдали, вашъ трауръ показывается, что вы знаете, что значить потерять горничю любимое существо...

Онъ вдругъ умолкъ въ испугѣ. Она подходила къ нему блѣдная, съ загорѣвшимися безумной ненавистью глазами.

— Да, я знаю, — проговорила она почти шепотомъ, — благодарю васъ и вашихъ братьевъ. Я—вдова русскаго офицера, паннаго подъ вашими руками; съ ними я тоже все потеряла, и я рада, что могу выдать правосудію хотя одного изъ его убійцъ. Вы сами произнесли свой приговоръ.

Ея голосъ, ея лицо дышали дикой злобою, страстною ненавистью.

Обезумѣвшій отъ страха юноша уналъ передъ нею на колѣни, стараясь схватить ее за руку. Она, вскрикнувъ, отшатнулась отъ него съ чувствомъ невыразимаго отвращенія.

— Не смѣйте прикасаться ко мнѣ... Ваши руки въ крови!

Онъ съ усиленнымъ подылелся. Его молодое, измученное лицо приняло почти спокойное выраженіе.

— Вы можете выдать меня, панн, рѣшительно проговорилъ молодой человѣкъ, — и не стану болѣе умолять васъ, но если вашъ мужъ былъ солдатъ и христіанинъ, онъ не осудитъ бы меня за то, что я исполнилъ свой долгъ.

Эти твердо и съ достоинствомъ произнесенныя слова странно потрясли ее. Лихорадочный блескъ въ глазахъ ея погухъ, губы дрогнули. Ея мужъ! Да, онъ былъ рыцаремъ чести, благороднымъ, великодушнымъ человѣкомъ, неспособнымъ на низкій поступокъ. А развѣ выдать беззащитнаго, доверившагося ей человѣка, почти мальчика, — не низость? Но вѣдь онъ—врагъ, онъ также проливалъ кровь... Гдѣ же возмездіе, гдѣ справедливость?

Все муталось въ ея головѣ, глухая, отчаянная борьба противоположныхъ чувствъ разрывала ея сердце, а на дворѣ между тѣмъ уже слышались тяжелые шаги солдатъ, громкіе голоса. Можно было различить отдѣльныя восклицанія. Сейчасъ постучатся въ дверь.

Не говоря ни слова, юноша двинулся къ выходу, но она вдругъ кинулась къ нему и загородила ему дорогу.

— Постойте! — проговорила она глухимъ, срывающимся голосомъ. — Ради того, о комъ вы упоминали — и спасу васъ... Скорѣе!

Она схватила его за руку, до которой минуту тому назадъ боялась прикоснуться, и почти втокнула его во вдланный въ стѣну шкафъ. Затѣмъ, замѣтивъ на полу мокрые слѣды отъ его ногъ, она опрокинула стоявшій у плиты зѣвный кувшинъ, и вода ручьями разлилась по полу, уничтожая предательскіе слѣды.

Едва успѣла она сдѣлать это, какъ раздался стукъ въ дверь, и чей-то громкій голосъ погребовалъ, чтобы ихъ немедленно выпустили.

Наталья Александровна повиновалась. Открывъ дверь, она очутилась лицомъ къ лицу съ молоденькимъ подпоручикомъ въ походной формѣ, позади котораго видѣлись усагы лица солдатъ.

Въ первый мигъ офицеръ нѣсколько растерялся, увидавъ передъ собою эту красивую, блѣдную женщину въ глубокомъ траурѣ, наружность которой поразила его.

— Простите, сударыни, — началъ онъ съ наклономъ, — но сейчасъ, въ лѣсу, у насъ произошла схватка съ повстанцами. Одинъ изъ нихъ бѣжалъ сюда, мой фельдфебель видѣлъ, какъ онъ перелѣзъ черезъ заборъ, мы полагаемъ, что ему удалось пробраться въ домъ.

— Это не могло случиться безъ моего вѣдома, — спокойно отвѣтила Наталья Александровна, — всѣ двери заперты, а я не ложилась и слышала бы шумъ.

— Вы—русская? — воскликнулъ офицеръ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Да, я вдова капитана Веригина, убитаго въ схваткѣ съ инсургентами шесть недѣль тому назадъ.

Во взглядѣ молодого человѣка выразилось почтительное сочувствіе. Онъ слышалъ о героической смерти капитана, о безпредельномъ отчаяніи его молодой жены, едва не преслѣдовавшей въ могилу за мужемъ.

— Простите, сударыни, что мы обезножили васъ, — сказалъ онъ, съ уваженіемъ кланяясь ей. — Такъ, значитъ, вы ничего не слышали подозрительнаго? По всей вѣроятности, онъ пробрался въ соедѣній садъ... Еще разъ прому навизитъ... но я счастливъ, что могъ засвидѣтельствовать свое почтеніе вдовѣ храбраго товарища, названъ котораго мы всѣ чтимъ.

Она молча наклонила голову, чувствуя, что слезы подступаютъ ей къ горлу. Такъ же молча она занерла за ними дверь и, затѣмъ, обезсиленная, прислонилась къ ней, прикрывъ глаза рукою.

Легкое прикосновеніе къ ея другой рукѣ привело ее въ себя. Юноша, стоя передъ нею на колѣняхъ, цѣловалъ эту руку.

— Какъ вы добры, какъ великодушны! Вы спасли мнѣ жизнь... Что могу я сдѣлать, чтобы отблагодарить васъ?

Она взглянула на него долгимъ, печальнымъ взглядомъ.

— Вернитесь къ вашей матери, чтобы ей не пришлось испытывать того, что испытываю теперь я! — вырвалось у нея съ мучительною болью.

И онъ вздрогнулъ, услышавъ этотъ шепотъ.

— Да, кланюсь вамъ! Скажите мнѣ ваше имя, чтобы я и мать моя всю жизнь могли молиться за васъ...

Въ это время глаза юноши, скользившіе по окружающимъ предметамъ, замѣтили висѣвшій на стѣнѣ большой портретъ въ черной рамѣ.

Онъ влился взоромъ въ красивыя черты этого незнакомаго ему, благороднаго лица.

На губахъ его дрожала вопросъ, котораго онъ не рѣшался предложить, но, встрѣтившись печально со взоромъ молодой женщины, отуманившимся набѣжавшею слезою, онъ прочелъ въ немъ отвѣтъ на свой безмолвный вопросъ. Вотъ тотъ, ради кого она спасала его.

Еще минута—и онъ снова стоялъ у выхода, въ горячихъ, безсвязныхъ словахъ благодаря ее за то, что она сдѣлала для него.

— Если бы я мог доказать вамъ мою признательность, пожертвовавъ той самой жизнью, которую вы спасаете теперь! — вырвалось у него юношески восторженнымъ порывомъ.

Она молчала, прислушиваясь къ тому, что происходитъ на улицѣ.

„Да, теперь все стихло, ему пора уходить. Пользуясь темнотою, онъ можетъ пробраться въ мѣстъ.“

— Прощайте, наши, да благословитъ васъ Богъ!

Опять съ рыцарскою почтительностью прижалъ къ губамъ край ея платья, и, быстро сбѣжавъ съ лѣстницы, исчезъ во мракѣ, между тѣмъ какъ она съ тревожно бьющимся сердцемъ прислушивалась къ его замарившимъ въ отдаленіи шагамъ, опасаясь услышать звукъ выстрѣла. Но нѣтъ, все кругомъ было спокойно, — онъ спасенъ.

Паталія Александровна тяжело перевела духъ; затѣмъ, постоювъ съ минутою на мѣстѣ, она прошла въ свою комнату, но едва успѣла она переступить порогъ, какъ странная, никогда не испытанная ею слабость заставила ее судорожно ухватиться за косякъ двери, для того, чтобы не упасть. Въ глазахъ у нея потемнѣло, ноги подкашивались, на лбу проступилъ холодный потъ. Не смерть ли это?.. Но въ то же мгно-

веніе она почувствовала какой-то внутренній толчокъ, какое-то сотрясеніе во всемъ своемъ существѣ, заставившее ее тихо вскрикнуть. Она замерла на мѣстѣ, чутко прислушиваясь къ совершавшемуся, какъ ей казалось, внутри ея, сложному, таинственному процессу, желая, надѣясь и еще не смѣя вѣрять... Неужели то, что она считала смертью — было трепетомъ новой, зарождающейся жизни, которой суждено озарить новымъ свѣтомъ ея существованіе, безрадостную, никому не нужную жизнь? Ребенокъ... его ребенокъ?.. Теперь она уже не одна, конецъ горькому одиночеству, мучительнымъ сомнѣніямъ! Ея утрата такъ же велика, такъ неизмѣрима, но въ душѣ своей она не чувствуетъ прежней горечи, прежняго возмущенія противъ постигнутой ея жестокой несправедливости. Въ самой печали ея есть что-то свѣтлое, умиротворяющее, и она чувствуетъ, какъ тихія слезы, струицися у нея по лицу, словно растопляютъ собою ледяную кору, которую она окружила свое сердце.

Она опустилась на колѣни передъ крестомъ и долго горячо молилась. Вотъ снова постылился колокольный трезвонъ, но теперь она уже прислушивалась къ нему съ инымъ чувствомъ. Губы ея тихо шевелились, шепча слова насильной молитвы, и въ сердцѣ у нея было также Воскресеніе...

Художественныя выставки.

Всѣ наши весеннія выставки картинъ открываются почти одновременно и поэтому гораздо удобнѣе говорить о нихъ сразу обо всѣхъ, чѣмъ о каждой порознь, — удобнѣе не только въ смыслѣ времени и мѣста, но, и еще болѣе, въ смыслѣ впечатлѣній. Выставка въ Академіи Художествъ, выставка передвижниковъ, выставка петербургскаго общества художниковъ, выставка „отверженныхъ“ и, наконецъ, стоящая особымъ образомъ, выставка англійскихъ и нѣмецкихъ акварелистовъ, — не считая выставокъ закрывшихся раньше, — вотъ масса художественныхъ впечатлѣній, которыя петербуржецъ долженъ воспринять и въ которыхъ долженъ разобраться въ короткій весенній сезонъ. А разобраться въ нихъ не легко. Съ одной стороны что-то отживаетъ свой вѣкъ, клонится къ упадку, съ другой — нарождается что-то новое, зарождается давно, но все еще не можетъ вылиться въ такія ясныя формы, чтобы примирить всѣ впечатлѣнія, всѣ вкусы, какъ въ доброе старое время, когда хорошее было просто хорошо, дурное — дурно, а не плохъ подъ флагомъ исканія новыхъ формъ въ искусствѣ, новыхъ задачъ и идеаловъ, представляющихъ то реставрацію стараго, заброшеннаго и позабытаго, то скачку съ пренятствіями чрезъ барьеры возможнаго и невозможнаго.

Наша публика теперь въ достаточной степени сбита самыми художниками съ толку и, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ дать себѣ отчета, худо или хорошо то, что ей показываютъ, какъ образцы повѣйшаго искусства. Прежде она знала академическую „школу“ и въ ней одной видѣла истинно прекрасное. Вдругъ явились революціонеры — передвижники, поколебали авторитетъ академическихъ темъ и приемовъ въ живописи и сразу завоевали себѣ общія симпатіи, заставили самихъ академиковъ сойти съ пути рутиннаго, создали свою школу. Ясно, стало быть, что прогрессъ былъ справедливымъ, что были какіе-то новые пути, на которые и слѣдовало вступить, чтобы достигнуть вотъ какихъ прекрасныхъ результатовъ. Потомъ оказалось, что передвижники стали уже во главѣ Академіи и частью внесли въ нее свои приемы, взгляды и вкусы, — не всегда хорошіе, — частью, и при этомъ, по собственному почину и безъ всякаго давленія со стороны — сожгли то, чему поклонялись, поклонились тому, что сжигали“. А рядомъ съ этимъ все шире разливаются новыя теченія въ живописи — импрессионизмъ, пле-неризмъ, прерафаэлитизмъ, виаантизмъ, — ничего не выражающее „декадентство“ и, наконецъ, просто шарлатанствіе. И публика, видѣвшая побѣду передвижниковъ надъ академіей, теперь уже и отъ каждаго новаго теченія готова ждать крутыхъ завоеваній и перестаетъ доверять своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ, ея вкусъ не дисциплинируется и если воспринимается, то воспринимается въ полнѣйшей безалаберности. И въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ разобраться? Вамъ нравится тщательно выписанная картинка, а какой-нибудь художникъ-неудачникъ говоритъ вамъ, что это выдуманно, мертво, олеографія, и вы принимаете, какъ вы же посторгалесь широкими мазками на лучшихъ картинахъ Рѣнина, готовы повѣрить, что и въ самомъ дѣлѣ спасеніе только въ широкости и даже нѣсколько небрежности письма. Вамъ не нравится какой-нибудь небрежно написанный Рѣнинскимъ портретъ, но вы не рѣшаетесь сказать этого, потому что боитесь впасть въ ошибку: можетъ-быть, въ этой небрежности простая небрежность или неудача, а можетъ-быть это-то и есть самое послѣднее слово искусства. Видѣ вы только-что видѣли великолѣпные портреты Лепбаха и, несмотря на то, что и въ нихъ вы видѣли мѣстами странную на первый взглядъ неаконоченность, эскизность, всемотри на то, что никто ничего не подсказывалъ вамъ о значеніи этихъ портретовъ и этого художника, они вѣрзились у васъ въ память, какъ живые. Вы не хотите признать достоинствъ въ акварелихъ г. Александра Бенуа, а васъ ведутъ къ акварели Мельвилля, и вы поражены: это не похоже ни на что,

что вы до сихъ поръ видѣли; вы смотрите вблизи и, вѣсто рисушка, видите просто какія-то капли красокъ, набросанныя безъ цѣли и смысла; но вы отошли на нѣсколько шаговъ, и картина оживла. Вамъ и въ голову не придетъ сомнѣваться, хорошо ли это: вы сразу скажете, что это безусловно прекрасно и... станете сомнѣваться относительно вѣрности того дурного впечатлѣнія, которое только-что вызвали въ васъ акварели г. Александра Бенуа: можетъ-быть, вы ошиблись, можетъ-быть, и то хорошо? И только ужъ развѣ предъ картиной г. Ционглинскаго „Любовь“ вы безнадежно махнете рукою и смѣло скажете: „чортъ знаетъ что такое!“

Пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ современныя шагатаи въ искусствѣ уступятъ мѣсто окончательно выработаннымъ формамъ, когда наконецъ при всемъ разнообразіи этихъ формъ и при всемъ индивидуализмѣ художниковъ у публики не будетъ сомнѣній при опредѣленіи того, что талантливо и что бездарно, что излетелъ смѣлостью большого мастера и что — простыми шарлатанствомъ неудачника.

Изъ нынѣшнихъ выставокъ лучшей слѣдуетъ признать выставку передвижниковъ. Это выставка юбилейная. Исполнилось 25 лѣтъ съ того времени, когда товарищество молодыхъ художниковъ, покинувшихъ Академію и рѣшившихся идти произведеній. Теперь оно дошло до двадцати лѣтъ. О славной и плодотворной дѣятельности товарищества за эти четверть вѣка будетъ сказано у насъ въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же мы отмѣнимъ только, что къ юбилейной выставкѣ, очевидно, всѣ члены товарищества постарались дать хорошія вещи, чтобы не ударить въ грязь лицомъ. Но хотя на выставкѣ видѣно ничего плохого, хотя общій уровень ея сравнительно высокъ, однако, къ сожалѣнію, нѣтъ и ничего такого, что бы захватывало васъ и заставляло говорить о себѣ. Прогрессъ общества видимо приостановился, каждый изъ извѣстныхъ художниковъ повторилъ самъ себя, обнаруживая иногда не только застой, но и нѣкоторый регрессъ. Хороши тины и жанровыя картины В. Е. Маковского, но мы видали ихъ у него много лучше и содержательнѣе; хороши пейзажи „съ настроеніемъ“ А. М. Васнецова, но у него были лучше этихъ по письму и силнѣе по настроенію. Мы всегда любовались картинами Н. А. Ярошенко, и такими тенденціозными, какъ „Всюду жизнь“, и такими безидейными, какъ „деревенскій хоръ“ рѣбить, обучаемахъ дьячкомъ; а теперь не безъ недоумѣнія останавливаемся предъ его картиной „Иуда“. Написана она съ достаточнымъ мастерствомъ, какъ это иначе и быть не могло у г. Ярошенко, но такъ и кажется, что эта картина попала сюда по ошибкѣ, что она написана не г. Ярошенко для передвижной выставки, а „на золотую медаль“ въ Академіи прежняго устава. Куда интереснѣе и художественнѣе выставленные на этой же выставкѣ этюды г. Ярошенко „Изъ путешествія на Востокъ“. Кстати, объ Иудѣ: пора давно перестать трактовать Иуду въ стилѣ злодѣя; предателей ее мало и въ наши дни, и между ними найдется, вѣроятно, великолѣпныя модели для ихъ библейскаго прототипа, главно предавшаго своего учителя и тотчасъ раскаявшагося и повѣсившагося. Люди съ слабой волей, съ шаткими убѣжденіями, натуры психопатическія гораздо были бы интереснѣе въ роли Иуды, чѣмъ тѣ мрачныя фигуры, которыя всего чаще изображаются художниками въ такого рода картинахъ.

Того, что пазывается „гвоздемъ“, на выставкѣ передвижниковъ нѣтъ. Больше другихъ обращаютъ на себя вниманіе картины г. Мисофдова „Искушеніе“ и г. Савицкаго „На межѣ“. Картина г. Мисофдова — тоже на академическій, библейскій сюжетъ — гораздо лучше задумана, чѣмъ исполнена. Чувствуется, что художникъ могъ написать выдающуюся картину и, казалось, все, все шло къ этому, но не совсѣмъ удалось. Портить

впечатлѣніе и черезчуръ растрепанные волосы и „подгримированныя“ вѣки глазъ, и жалкое выраженіе губъ. Въ картинѣ г. Савицкаго очень много жизни, движенія, хорошо выраженіе лицъ бунтующихъ бабъ и недоумывающаго, что съ ними дѣлать, начальства; но въ писемѣ много грубого, рѣзущаго глазъ: подойдите къ картинѣ чуть-чуть поближе, и вы увидите, что физиономіи и руки всего мужского персонала окровавлены; должно-быть, только что была здоровая схватка съ бабами.

Превосходно написана „Лагуна“ г. Полѣнова. Смотри на эту картину, вы такъ и чувствуете нестерпимый зной, какой можетъ-быть только въ Италіи. И такъ и хочется пойти на академическую выставку, взглянуть отсюда картину г. Шестеркина „Каменотесъ“, принести ее сюда, и поставить рядомъ съ „Лагуной“ г. Полѣнова, чтобъ показать, какъ одинъ и тотъ же свѣтовой эффектъ можетъ-быть разработанъ хорошо и худо.

Г. Рѣпинъ ничего не выставилъ, кромѣ портретовъ, изъ которыхъ отмѣтимъ, какъ наиболѣе жизненный, портретъ кн. М. К. Тепишевой. Изъ числа портретовъ, выставленныхъ другими художниками, особенно удачны: портретъ А. Н. Бепуа работы г. Кузнецова и портретъ гр. Мушиной-Пушкиной работы г. Сѣрова; удачно выступилъ въ качествѣ портретиста и г. Богдановъ-Вѣльскій. Портретъ г-жи М. работы К. Е. Маковского эффектенъ, но не производитъ художественнаго впечатлѣнія. Гораздо значительнѣе маленькая картинка того же художника „Въ раздумьи“. Г. Шиншнъ, по обыкновенію,

далъ чудные пейзажи соснового лѣса и въ высшей степени красиваго и привлекательнаго болота. Хороши, какъ всегда, и, какъ всегда, изящны пейзажи г. Волкова.

Перечислить, что есть на выставкѣ заслуживающаго въ большей или меньшей степени вниманія, значить перечислять имена почти всѣхъ ея участниковъ. Какъ мы уже сказали въ началѣ, *общій* уровень ея довольно высокъ. Когда вы уходите съ выставки, у васъ кромѣ тѣхъ картинъ, которыя мы уже отмѣтили, остаются въ памяти „Послѣ погрома“ г. Архинова, „У двери школы“ г. Богданова-Вѣльскаго, „Послѣдній лучъ“ А. М. Васнецова, „Царь Иоаннъ Васильевичъ Грозный“ В. М. Васнецова, „Въ коридорѣ окружнаго суда“ г. Касаткина, „Любитель“ г. Корина, хорошо скопанованная и хорошо написанная историческая картина г. Лебедева „Кочичина царица Теодора Алексѣевна“, двѣ картины г. Нестерова „Труды препод. Сергія Радонскаго“ и „На горахъ“, прекрасная картинка г. А. С. Степанова „Утренній привѣтъ“, „Веселая мишутка“ г-жи Ржевской, нѣсколько прекрасныхъ пейзажей гг. Дубовскаго, Кислева, Левитана, Полѣнова, Жуковскаго, Переплетчикова, Лрцева. Вы уходите съ чувствомъ удовлетворенія; но къ вашимъ пожеланіямъ дальнѣйшаго успеха и развитія обществу принимается пожеланіе, чтобъ въ кругу новыхъ примыкающихъ къ передвижникамъ экспонентовъ явились новые таланты, которые бы въ слѣдующее двадцатилѣтіе сдѣлали для русскаго искусства столько же, сколько сдѣлали старыми членами общества.

(Окончаніе будетъ.)

Пасха.

(Къ рисункамъ.)

Часъ благовѣститъ!..

Помните вы себя ребенкомъ? Помните, какъ васъ не хотѣли брать въ Пасху къ заутренѣ, какъ вы и просились, умоляли, плакали, общались не заснуть въ церкви, какъ, наконецъ, не желая огрѣвать вашими маленькими горемъ общаго большаго радостнаго настроенія, ваша бабушка брала васъ на свою отвѣтственность, и вы, счастливый, сіяющій, вѣхали вѣсть со старшими членами семьи въ церковь? Благовѣщаніемъ трепетомъ наполняя вашу душу первый ударъ колокола. Вы чувствовали, что совершается въ эту ночь что-то великое, необычайное, и вы не могли допустить мысли, что вы не будете причастникомъ этого торжества, къ которому всѣ готовились цѣлую недѣлю. Спать въ эту ночь! Это значить быть равнодушнымъ къ тому, что, очевидно, дорого и священно вѣжъ вашимъ близкимъ, всѣмъ старшимъ, что, очевидно, до такой степени велико и важно, что объединяетъ въ одномъ общемъ настроеніи и пану и маму, и вашихъ сестеръ и братьевъ, и няню и Дарью, и кучера Михайлу и Гринку, объединяетъ всѣхъ, кто ласкалъ и ласкался, кто бранился и ссорился, повѣлывалъ и слушался. И когда, въ церкви, раздавалось это торжественное „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“, это „рцемъ: братіе, и невидимымъ насъ простимъ всѣ...“ — вы чувствовали, какъ расширяется ваше дѣтское сердце, какъ вы становитесь больше, старше, значительнѣе... Вы не понимали сущности всего совершающагося вокругъ васъ, въ вашемъ дѣтскомъ мозгу еще не зарождалось и мысли проникнуть въ эту сущность, вамъ было все равно, какъ, зачѣмъ и почему совершается старшими это

торжество, вы безъ колебаній отдавались въ эту минуту въ ихъ власть, потому что, ничего не понимая умомъ, вы чувствовали, что все понимаете сердцемъ, и вы чувствовали, что

за всей этой виѣшней, не похожей ни на что другое, торжественностью еще *что-то есть* и что это *что-то* — велико и прекрасно.

И потомъ... когда годы, десятилетия жизни довели васъ до преждевременныхъ морщинъ и на лбу, и въ сердцѣ, довели путемъ борьбы, завоеваній и утратъ, быть-можетъ, надеждъ и покаяній, когда въ ра и въ Бога, и въ человека была утрачена не столько радости доводовъ разума, сколько за недосугомъ подумать о ней; когда незримо и что-то жпныхъ и светныхъ желаній и мыслей

Птенчики. Съ карт. Зюса.

лей въ вашей головѣ оставили васъ глухимъ къ самому оглушающему колокольному трезвону, — случилось вамъ встрепенуться при первомъ ударѣ колокола въ тихую пасхальную ночь? Случалось вамъ тогда, послѣ того, какъ вы въ теченіи многихъ лѣтъ безучастно проходили мимо большихъ и малыхъ храмовъ, никогда не заглядывая въ нихъ, пойти къ пасхальной заутренѣ?.. И вотъ предъ вами вновь воскресаютъ воспоминанія дѣтства, яркій свѣтъ храма разсвѣваетъ всѣ годами накопившіяся въ вашей душѣ тѣни, ликующее иѣніе пасхальныхъ каноновъ заставляетъ умолкнуть тревогу светныхъ желаній, и вы чувствуете, что становитесь чище, моложе, меньше, смиреннѣе... И вы сознаете, что, какъ и въ дѣтствѣ, вы все-таки не понимаете сущности того, что совершается въ эту минуту въ васъ и вокругъ васъ, но вы и не ищете этой сущности, вы только чувствуете, что за всей этой виѣшней, такъ поднимающей вашъ духъ, торжественностью *что-то есть* и что это *что-то*, должно-быть, велико и прекрасно.

Виленскій новенскій и гродненскій генераль-губернаторъ П. В. Оржевскій. († 31 марта 1897 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Директоръ департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскій. Съ фот. Дмитриева въ Нижнемъ-Новгородѣ автотипія „Нивы“.

Случалось вамъ встрѣчать Пасху въ Москвѣ? Слышали вы первый удар колокола Ивана Великаго? Слышали вы, какъ откликались ему всѣ сорокъ-сороковъ московскихъ церквей и величественный гулъ пасхальнаго благовѣста охватывалъ всю первопрестольную? И въ вашемъ сердцѣ, рядомъ съ чувствомъ религиознымъ, поднималось другое чувство — чувство любви къ своей родинѣ, къ своему народу, просыпалось сознание величія этого народа и его духовныхъ идеаловъ. Даже на иностранцевъ пасхальный звонъ въ Москвѣ производитъ глубокое, чарующее впечатлѣние, — въ русскомъ сердцѣ онъ будитъ воспоминаніе о дѣтскихъ годахъ русскаго народа, о томъ, какъ росла и строилась Русь, о ея подвижникахъ и наставникахъ, о ея борцахъ и печальникахъ, будитъ сознание ея славы и настоящаго и будущаго могущества. И если въ будніе дни мы такъ охотно забываемъ все это, если взаимныя дразни и ссоры, интересы борьбы, зависти, обиженихъ самолюбій, а иногда и дѣйствительное желаніе общаго блага, заставляютъ насъ чаще всего бичевать другъ друга, упрекать самихъ себя и въ косности и нерадѣніи, и въ безсиліи и нищетѣ, и во многихъ грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ, то одинъ ударъ колокола въ торжественную минуту въ состояніи заставить насъ встрепенуться и почувствовать свою духовную мощь, свои физическія силы. И кому изъ русскихъ въ пасхальную ночь въ Москвѣ не приходилось чувствовать, что за всѣмъ вѣщимъ нестроительствомъ и убожествомъ, которое мы иногда любимъ выставять напоказъ, и за всею нашею вѣдшею силой и славою *есть* еще *что-то* и это *что-то* — велико и прекрасно.

*

Да, Пасха — праздникъ особенный. Съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія поднимается въ эту ночь иной старый новачаръ на свою колокольню, когда наступаетъ часъ благовѣстити! Отворитъ ли молодая дѣвушка въ

Альбомъ-кюскъ, поднесенный В. И. Ковалевскому его сотрудниками и почитателями въ память все-россійской выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

первый разъ выставленное къ Пасхѣ окно, весенній воздухъ врывается въ ея комнату, радостный и ликующій, какъ бы говорящій: „воскресъ Христосъ, воскресъ весь миръ“.

Даже всѣ кулипарныя заботы посылтъ на Пасхѣ отпечатокъ совѣтъ особенный, какъ будто не похожій на то, что дѣлается въ другіе праздники. Когда на масленицѣ вамъ говорятъ о блинахъ, вамъ уже сразу становится тяжело, и вы чувствуете, что тутъ все дѣло нъ объединеніи; когда, напротивъ, на Святой идетъ рѣчь о куличахъ, пасхахъ, окорокахъ, вамъ кажется, что все это только очень пріятная принадлежность общаго ликования, весьма кстати являющаяся при возбужденіи аппетита весеннимъ воздухомъ.

Пасха, быть-можетъ, единственный изъ всѣхъ праздниковъ, когда отъ пріемной двора до послѣдней хижинки ликующее настроеніе разливается по всей землѣ, несмотря ни на какія постороннія обстоятельства.

*

Тихія, замкнутыя въ себѣ красоты финской природы находили себѣ живой откликъ въ душѣ въ Богѣ почившаго императора. Сюда удаллся онъ съ Августѣйшею Семейю для кратковременнаго отдыха отъ государственныхъ заботъ... Здѣсь, въ тихихъ водахъ финскихъ озеръ черпалъ онъ новыя силы для дальнѣйшихъ трудовъ. Здѣсь царитъ ненарушимый миръ въ природѣ, тотъ миръ, къ которому всегда стремилась его высокая душа, тотъ миръ, который вылился въ дѣяніяхъ его царствованія, тотъ миръ, который окружилъ вѣчнымъ ореоломъ его свѣтлый образъ въ памяти народовъ всего міра. Здѣсь, на лонѣ природы, въ непосредственной близости къ ней, душа его сливалась съ царившимъ вокругъ покоемъ и отдыхала отъ тѣхъ бурь, усмирять которыя онъ поставилъ себѣ священной задачей. Этотъ тихій задумчивый зѣсь, это полное почти отсутствіе жизни въ природѣ, точно благоговѣнно прислушивающейся къ чему-то, эти гру-

быя фигуры угрюмых рыбаков, спокойно занимающихся своимъ дѣломъ и пичуть, видимо, не стѣсняющихся близостью своего монарха, все это дышитъ какой-то первобытной простотой, исполнено какого-то необыкновеннаго духовнаго спокойствія.

П. В. Оржевскій. (Портр. на стр. 353.)

31 марта скончался въ Вильнѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, виленскій, ковневскій и гродненскій генерал-губернаторъ, генералъ-отъ-кавалеріи, сенаторъ Петръ Васильевичъ Оржевскій. На этотъ тяжелый и отвѣтственный постъ покойный призванъ былъ 1 января 1893 г., какъ выдающійся государственный дѣятель, умудренный долготѣлнымъ опытомъ прежнихъ своихъ занятій по администраціи. Служебная дѣятельность П. В. давно уже связана была съ высшей правительственной администраціей и особенно выдѣлилась за время съ 1882 по 1887 г., въ бытность его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. За примѣрно-отличное непрерывное въ теченіе пяти лѣтъ исполненіе обязанностей по означеннымъ должностямъ П. В. удостоенъ былъ въ 1887 г. Высочайшей благодарности.

П. В. Оржевскій, изъ дворянъ с.-петербургской губерніи, родился 11 августа 1839 г. Образованіе получилъ онъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ въ 1856 г. прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи жамайловскій полкъ. По окончаніи затѣмъ курса Николаевской академіи генеральнаго штаба, П. В. перешелъ въ кавалергардскій полкъ. Въ 1867 г. покойный былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1873 г. началась административная дѣятельность П. В. Состоя въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника варшавскаго жандармскаго округа. Въ слѣдующемъ году онъ былъ утвержденъ въ этой должности и за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-майоры, былъ назначенъ въ свиту Его Величества и зачисленъ по армейской кавалеріи. Эту должность покойный занималъ въ теченіе девяти лѣтъ, вплоть до 12 іюля 1882 г., когда на него возложено было высшее руководство дѣятельностью департамента полиціи и всѣми дѣлами вѣдѣнія жандармскаго управленія.

Въ 1884 году, состоя въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, П. В. назначенъ былъ сенаторомъ, и въ этой должности онъ присутствовалъ въ общемъ собраніи первыхъ двухъ департаментовъ и департамента герольдіи, а затѣмъ въ первомъ департаментѣ, въ соединенномъ присутствіи перваго и кассационныхъ департаментовъ и въ особомъ присутствіи Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

По поводу кончины П. В. Оржевскаго, Государь Императоръ удостоилъ вдову покойнаго, П. И. Оржевскую, телеграммою слѣдующаго содержанія: „Сейчасъ узналъ горестную вѣсть о кончинѣ вашего мужа. Всей душой раздѣляю вашу скорбь. Тяжело потерять такого вѣрнаго и высоко честиаго человѣка. Да подкрѣпятъ Господь ваши силы“.

В. И. Ковалевскій. (Портр. и рис. на стр. 353.)

Въ ряду выдающихся современныхъ государственныхъ дѣтелей одно изъ очень видныхъ мѣстъ занимаетъ директоръ торговли и мануфактуръ, д. с. с. В. И. Ковалевскій. Въ области русской торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскій сдѣлалъ очень много, не только какъ глава департамента торговли и мануфактуръ, но и какъ руководитель дѣлаго ряда комиссій по разнымъ отдѣльнымъ отраслямъ русской торговли и промышленности. В. И. Ковалевскій представляетъ собой рѣдкое соединеніе выдающагося администратора и неутомимаго работника, отдающаго своей службѣ всѣ свои силы, способности и все свое время.

Служебная дѣятельность В. И. началась въ 1879 г., въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по департаменту земледѣлія и сельской промышленности и продолжалась до 1884 г., при чемъ послѣдніе три года онъ заведывалъ статистическимъ отдѣломъ. Въ 1884 г. В. И. перешелъ на службу въ министерство финансовъ, занявъ должность вице-директора департамента окладныхъ сборовъ. Въ 1888 г. онъ былъ назначенъ представителемъ министерства финансовъ въ управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ слѣдующемъ году, когда былъ образованъ департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, назначенъ былъ также членомъ тарифнаго комитета и совѣта по тарифнымъ дѣламъ. Въ настоящей должности В. И. состоитъ съ 1892 года.

На ряду съ этими многотрудными служебными обязанностями, В. И. тѣсно связалъ свое имя съ всероссійской промышленной и художественной выставкой 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ. Его организаторскому таланту, его неутомимой энергіи выставка обязана очень многимъ. Въ качествѣ вице-предсѣдателя Высочайше учрежденной комиссіи по заведыванію устройствомъ всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, В. И. Ковалевскій несъ на себѣ почти всю тяжесть предварительной организаціи выставки и главнаго руководитель-

ства работами, не падая для этого ни времени, ни силъ, постоянно отлучаясь къ мѣсту работъ и снова съ необыкновенной быстротой возвращаясь къ своимъ занятіямъ по министерству и разнымъ специальнымъ комиссіямъ.

Такое же близкое отношеніе къ выставкѣ продолжалъ В. И. имѣть и по ея открытіи, и во все время ея существованія. Всѣ, кто только соприкасался съ выставкой, въ силу ли служебной дѣятельности, въ качествѣ ли экспонента, не могли не соприкасаться и съ В. И., какъ съ однимъ изъ главнѣйшихъ радѣтелей за ея судьбу, старавшимся сдѣлать ее дѣйствительно вѣрнымъ отраженіемъ современнаго положенія русской торговли и промышленности. Можно смѣло сказать, что В. И. Ковалевскій былъ однимъ изъ главныхъ работниковъ по устройству этой выставки, не только по служебному положенію, но и по количеству доставившей на его долю работы.

Если до прошлаго года, до выставки, неутомимую дѣятельность В. И. знали и цѣнили только товарищи его по службѣ и лица, близкія къ официальнымъ сферамъ, то въ настоящее время съ ней ознакомилась и стала ее глубоко и почитателемъ, безъ преувеличенія, вся Россія, всѣ тѣ многочисленные представители русской торговли и промышленности, которые выступили съ образцами своихъ работъ на этомъ всероссійскомъ конкурсѣ труда и искусства.

Выраженіемъ такого почтенія къ неутомимой и плодотворной дѣятельности В. И. Ковалевскаго по послѣдней всероссійской выставкѣ и былъ торжественный обѣдъ, устроенный 30 марта въ честь В. И. его сотрудниками и почитателями. Кромѣ того, на память о совместныхъ работахъ по выставкѣ былъ поднесенъ В. И. его сотрудниками и почитателями очень оригинальный по замыслу и исполненію подарокъ въ видѣ альбома-кіоска. Альбомъ-кіоскъ, внѣшній видъ котораго изображенъ на стр. 353, шестигранной формы, увѣнчанный куполомъ изъ матоваго хрусталя, весь сдѣланъ изъ бронзы, частью золоченой, частью серебряной. Всѣ шесть сторонъ кіоска представляютъ собою отворяющіяся дверцы, въ видѣ стеколъ, заключенныхъ въ рамы изъ золоченой бронзы и покрытыхъ съ наружной и внутренней стороны ажурной серебряной рѣшеткой, на которой помѣщены виды выставки и изображенія вѣтвильныхъ частныхъ лицъ, гравированные на круглыхъ серебряныхъ пластинкахъ, окаймленныхъ бронзовыми вызолоченными рамочками. На одной изъ этихъ дверецъ, средней, сдѣлана надпись: „Владиміру Ивановичу Ковалевскому отъ почитателей. Выставка 1896 г.“ Внутри кіоска устроена колонна, на которой подвѣшены 18 вращающихся бронзовыхъ рамъ съ паспарту; въ этихъ паспарту вставлены визитныя и кабинетныя фотографическія карточки лицъ, поднесенныхъ альбомъ. Весь альбомъ-кіоскъ поставленъ на шестигранный деревянный постаментъ изъ американскаго орѣха. Внутри постаментъ помѣщены аккумуляторы для трехъ электрическихъ лампочекъ накаливанія, подвѣшенныхъ сверху въ куполѣ и освѣщающихъ кіоскъ внутри. Этотъ роскошный альбомъ-кіоскъ, представляющій собой выдающійся образецъ художественно-ремесленнаго производства, изготовленъ фабрикой художественныхъ бронзовыхъ надѣлій Ф. Вишневаго.

Генрихъ фонъ-Стефанъ. (Портр. на стр. 356.)

26 марта телеграфъ оповѣстилъ весь міръ о смерти Генриха фонъ-Стефана, статсъ-секретаря германскаго имперскаго вѣдомства почты и телеграфовъ. Имя Генриха фонъ-Стефана извѣстно и дорого не только Германіи, но и всему цивилизованному міру, какъ имя инициатора и основателя всемірнаго почтоваго союза, поставившаго почтовое дѣло на современную высоту. Въ исторіи развитія международныхъ сношеній дѣятельность Генриха фонъ-Стефана займетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ.

Генрихъ фонъ-Стефанъ родился 7 января 1831 г., въ семьѣ простаго рабочаго, въ г. Штольцѣ (въ Помераніи). Почтовое дѣло было какъ бы его призваніемъ: семнадцатилѣтнимъ юношей онъ поступилъ на службу по почтовому вѣдомству и около полулѣтка непрерывно проработалъ въ немъ. Поступивъ младшимъ почтовымъ чиновникомъ въ почтовую контору въ своемъ родномъ городѣ, онъ настолько освоился съ дѣломъ, до того отдался ему, что обратилъ на себя вниманіе, и черезъ нѣсколько лѣтъ уже былъ переведенъ въ главный почтамтъ, въ Берлинъ. Сознавая громадное значеніе почты какъ для государства и общества, такъ и для частныхъ лицъ, видя въ широкой и правильной организаціи почтоваго дѣла одну изъ основъ культурнаго развитія государства и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ стимуловъ сближенія народовъ другъ съ другомъ, Стефанъ первымъ дѣломъ занялся преобразованиемъ существовавшихъ въ то время международныхъ сношеній, и съ этой цѣлью сталъ усленно добиваться, и дѣйствительно добился, заключенія Пруссіей почтовыхъ договоровъ почти со всѣми европейскими государствами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ объѣзжалъ почти всѣ страны, заключившія договоры съ Пруссіей, и изучилъ тамъ, на мѣстѣ, постановку почтоваго дѣла. Однимъ изъ крупнѣйшихъ дальнѣйшихъ шаговъ Стефана въ дѣлѣ преобразования почтоваго дѣла было отнятіе у княжества Туринъ и Такенсъ монополіи почтоваго дѣла. Какъ извѣстно, въ прежніе

въ почтовое дѣло было въ рукахъ отдѣльныхъ городовъ, университетовъ, частныхъ учреждений и даже частныхъ лицъ. Въ Германіи дѣйствовала въ XV вѣкѣ даже цеховая почта мясниковъ (Metzgerpost), содержавшая правильныя сообщенія между такими крупными пунктами, какъ Нюрнбергъ, Дрезденъ и Роттердамъ. Къ этимъ почтамъ присоединилась съ 1543 г. почта, учрежденная между Миланомъ и Тиролемъ богатымъ домомъ Турнъ и Таксисъ на основаніи патента Карла V. Съ теченіемъ времени Турнъ и Таксисъ все расширяли сѣть своихъ почтовыхъ сообщеній, и въ концѣ концовъ захватили въ свои руки почти все почтовое дѣло въ Германіи, Бельгіи, Голландіи и Австріи. Изъ рукъ Турнъ и Таксисъ, возведенныхъ за развитіе почтовыхъ сношеній сначала въ графское, а затѣмъ въ княжеское достоинство, и взялъ Стефанъ почтовое дѣло и передалъ вѣдѣніе его прусской коронѣ. Въ 1867 году, благодаря стараніямъ Стефана, почтовая регалия была сосредоточена въ рукахъ Пруссіи не только для себя, но и для всѣхъ государствъ, вошедшихъ въ составъ сѣверо-германскаго союза. Съ дальнѣйшимъ политическимъ ростомъ Пруссіи разрасталась и дѣятельность Стефана, и его заслуги въ почтовомъ дѣлѣ. Въ 1870 г., во время франко-прусской войны, Стефанъ организовалъ образцовую полевую почту; въ слѣдующемъ же году, когда образовано было общенѣмецкое почтовое управление, Стефанъ былъ поставленъ во главѣ его въ званіи генералъ-почтдиректора. По почину Стефана, учреждена была и почтовая служба международная; въ 1874 году была созвана въ г. Бернѣ почтовый конгрессъ, послужившій основой „всеобщаго почтового союза“, къ которому примкнули почти всѣ цивилизованныя государства Старого и Нового Свѣта. На этомъ конгрессѣ, по инициативѣ Стефана, установлена была однообразная такса для международной корреспонденціи, допущены открытыя письма, и въ г. Бернѣ было основано бюро „всеобщаго почтового союза“. На второмъ парижскомъ почтовомъ конгрессѣ, въ 1878 году, въ составъ союза изъявили желаніе войти еще нѣсколько государствъ, введены были новыя улучшенія въ международныхъ почтовыхъ сношеніяхъ, и всеобщій почтовый союзъ переименованъ былъ во всемірный. Благодаря этому союзу, являющемуся поистинѣ твореніемъ рукъ Стефана, пользованіе услугами почты значительно удешевлено, упрощено и облегчено.

Кромѣ этихъ заслугъ передъ всѣмъ міромъ, Стефанъ очень много сдѣлалъ для улучшенія почтового дѣла въ своей странѣ и, создавъ такимъ образомъ образцовую германскую почту, указалъ, вѣстѣ съ тѣмъ, и другимъ государствамъ путь и возможность къ совершенствованію и у нихъ почтового дѣла. Изъ отдѣльныхъ мѣръ, введенныхъ Стефаномъ, нельзя не указать на однообразный тарифъ для накетовъ, почтовые денежные переводы, удешевленные тарифы на пересылку книгъ, соединеніе въ одно учрежденіе почты и телеграфа, учрежденіе срочныхъ почтовыхъ рейсовъ германскихъ пароходовъ. Благодаря стараніямъ Стефана, вся Германія покрыта густою сѣтью почтово-телеграфныхъ станцій и сильно развито телефонное сообщеніе:—болѣе 200 германскихъ городовъ соединены между собою телефонами. Постоянно имѣли въ виду улучшеніе почтовыхъ сообщеній, Стефанъ не забывалъ и того многочисленнаго штата скромныхъ незамѣтныхъ труженниковъ, движущихъ своей тяжелой работой многосложный почтовый механизмъ. Заботясь о ихъ благосостояніи, онъ учредилъ цѣлый рядъ спеціальныхъ благотворительныхъ учреждений, союзы взаимопомощи; въ цѣляхъ подъема образовательнаго уровня почтовыхъ чиновниковъ—почтово-телеграфную высшую школу, почтовый музей и т. п.

За свои заслуги Стефанъ возведенъ былъ въ 1885 г. въ дворянское достоинство и назначенъ былъ членомъ прусской палаты господъ.

Г-жа Зигридь Арнольдсонъ. (Портр. на стр. 356.)

Г-жа Зигридь Арнольдсонъ, пользующаяся большою извѣстностью въ артистическомъ мірѣ, приглашена была въ нашу частную итальянскую оперу на весь великопостный сезонъ. Г-жа Арнольдсонъ уже пѣла въ Петербургѣ и равнѣ въ частныхъ театрахъ. Летъ десять-одиннадцать тому назадъ она впервые появилась у насъ и тогда уже обратила на себя вниманіе своей молодостью, миловидностью и свѣжимъ голосомъ. Г-жа Арнольдсонъ—шведка, воспитывавшаяся въ Парижѣ у извѣстнаго Стракоша, профессора знаменитой Аделины Патти. Стракошъ культивировалъ, главнымъ образомъ, колоратурное пѣніе, и г-жа Арнольдсонъ является въ настоящее время одной изъ первыхъ представительницъ колоратурнаго пѣнія. Сильный свѣжій голосъ чуднаго, ласкающаго тембра, выразительность пѣнія, выдающаяся музыкальность и въ то же время глубокое умѣнное драматизировать роль, придаетъ ей естественность и задумчивость—не могли не выдѣлить г-жу Арнольдсонъ въ ряды извѣстнѣйшихъ пѣвицъ и артистокъ въ Европѣ.

Г-жа Арнольдсонъ пѣла во Франціи, въ Англіи, въ Америкѣ и ведѣтъ создала себѣ славу перворазрядной пѣвицы. „Травіата“, „Риголетто“, „Севильскій Цырюльникъ“, „Дипнора“, „Лючия“, „Сомнамбула“, „Мишюна“, „Далла Рукъ“, „Фра-

Диаволо“, „Фаустъ“,—вотъ главныя оперы, въ которыхъ выступаетъ г-жа Арнольдсонъ.

Г-жа Зигридь Арнольдсонъ въ прошломъ году была примадонной итальянской оперы въ Москвѣ во время коронаціонныхъ торжествъ, удостоилась приглашенія пѣть въ присутствіи Ихъ Величествъ и имѣла выдающіеся успѣхъ. Съ такимъ же успѣхомъ пѣла затѣмъ г-жа Арнольдсонъ вторично въ присутствіи Ихъ Величествъ въ частномъ театрѣ графа Юсупова, въ его имѣніи „Архангельское“, близъ Москвы.

Издѣлія изъ яичной скорлупы. (Рис. на стр. 357.)

Курныя яйца ежедневно истребляются несметными количествами. Преслѣдуя исключительно интересы своего желудка, люди пользуются при этомъ, конечно, только тѣмъ, что имъ переваримо, а скорлупу бросаютъ. Но стбитъ нѣсколькимъ шуткамъ сырыхъ яицъ попасть въ руки какому-нибудь любителю занимательныхъ научныхъ опытовъ, и съ каждымъ изъ нихъ онъ можетъ продѣлать не по одному эксперименту, при чемъ успѣхомъ своихъ опытовъ будетъ обязанъ именно скорлупѣ яйца. Углекислая известь скорлупы очень легко поддается дѣйствію даже очень слабыхъ кислотъ; и вотъ, благодаря этому, опустивъ сырое яйцо во уксусъ и вынувъ его оттуда немного спустя, можно свободно пропустить его сквозь обручальное кольцо. Та же способность яичной скорлупы размягчаться подъ дѣйствіемъ кислотъ даетъ возможность выдѣлывать такъ-называемыя гравированныя яйца, на которыхъ рельефомъ изображаются надписи, узоры и даже цѣлыя рисунки. Стбитъ опустить яйцо во уксусъ, оно сейчасъ же начинаетъ само по себѣ подпрыгивать и вертѣться—отъ дѣйствія пузырьковъ съ углекислотою, развивающагося отъ разложенія его скорлупы. Мы не станемъ перечислять дальнѣйшаго ряда такихъ многочисленныхъ опытовъ съ яйцомъ, болѣею частью давно уже извѣстныхъ, такъ какъ не они составляютъ предметъ настоящей замятки. Теперь мы хотимъ лишь указать, какъ, не задаваясь никакими вопросами изъ области физики и химіи, можно легко утилизировать яичную скорлупу—для выдѣлки довольно изящныхъ и оригинальныхъ предметовъ. Несмотря на свою хрупкость, значительно превосходящую хрупкость стекла, яичныя скорлупки тѣмъ не менѣе могутъ служить интереснымъ матеріаломъ для любителей заниматься на досугѣ какими-либо легкими подѣлками.

Работа надъ яичною скорлупкою производится слѣдующимъ образомъ. Чтобы разрѣзать скорлупу, нужно укрѣпить яйцо въ томъ мѣстѣ, по которому долженъ идти разрѣзъ, въ металлическую, деревянную или, что всего проще, толстую палочку-рамку. Желая, напримѣръ, разрѣзать яйцо въ перпендикулярномъ направленіи къ его оси, надо вырѣзать въ палкѣ круглое отверстіе, такъ, чтобы діаметръ его былъ равенъ діаметру яйца въ данномъ мѣстѣ. Надѣвъ затѣмъ эту рамку на яйцо, прикрѣпимъ ее къ нему сургутомъ съ той стороны скорлупы, которая не пойдетъ въ дѣло. Тогда, съ помощью тонкой стальной пилочки, употребляемой обыкновенно часовыхъ дѣлъ мастерами, распилимъ всю окружность скорлупы, плотно прижимая пилочку къ рамкѣ. Покончивъ съ пилениемъ, сравнимъ края скорлупы кусочкомъ самой мелкой стеклинной или наждачной бумаги. И такимъ простымъ способомъ можно выдѣлать всѣ предметы, изображенные на нашемъ рисункѣ (стр. 357). Для распилки скорлупы въ направленіи, параллельномъ оси яйца, требуется вырѣзать рамку соответствующей овальной формы. На фиг. 7-й нашего рисунка показано, каковы образомъ изъ яичной скорлупы можно сдѣлать корзиночку. Двѣ круглыя рамки надѣваются на яйцо и служатъ, такъ сказать, линейками для пилочки, когда она оциливаетъ края ручки; конечно, илать при этомъ нужно только до половинны поперечной окружности яйца, такъ какъ отсюда уже должны начинаться края кузова корзиночки. Покончивъ съ ручкой, надо снять круглыя рамки, надѣть овальную, параллельную оси, прикрѣпивъ ее также сургутомъ, и илать по ней сперва съ одной, потомъ съ другой стороны, пока пилочка не коснется съ cadaго бока краевъ ручки. Получается корзиночка, изображенная на фиг. 6.

Если выдѣлываемый предметъ долженъ быть на ножкѣ, какъ, напримѣръ, маленькіе кубочки (фиг. 4 и 5), то она дѣлается изъ обрѣзка скорлупы другого яйца, съ тонкаго или широкаго конца его. На верхушку этого обрѣзка нужно надѣть какую-нибудь трубочку и залить ее до краевъ сургутомъ, а сверху прикрѣпить къ послѣднему и самый кубочекъ. И сургуца не будетъ видно, и обѣ части будутъ крѣпко склеены.

Края такого кубочка могутъ быть или вырѣзаны фестономъ, или пробурлены дырочками, какъ это видно на тѣхъ же фиг. 4 и 5. Прежде чѣмъ приступить къ этой работѣ, слѣдуетъ очень густо развести самаго мелкаго гнса и наполнять имъ кубочекъ. Какъ только гнсъ затвердѣетъ, къ скорлупкѣ можно приступить съ любымъ инструментомъ: пилкой, долотомъ, сверломъ и т. п.; она поддается всему, словно кусокъ мрамора. Застывшій гнсъ вынимается потомъ изъ кубочка безъ всякаго труда, такъ какъ внутренняя кожаца яйца не даетъ ему слиться со скорлупкой.

Въ заключеніе приведемъ устройство такъ-называемаго Геронова фонтана, изображеннаго въ фиг. 1 и 2. Для скрѣпленія между собою отдѣльных частей его требуются кусочки гипса, и кромѣ того онѣ закрѣпляются еще сургучомъ; трубками служатъ крѣпкія соломинки; вставной край состоитъ также изъ соломинки, на одномъ концѣ аллютой кусочкомъ сургуча; сургучъ этотъ прокалывается въ нѣсколькихъ точ-

кахъ горячей иглой, и такимъ образомъ получается крапъ съ нѣсколькими отверстиями. Устроенный такимъ образомъ фонтанъ выбрасываетъ воду на 7, на 8 сантиметровъ вверхъ. Вставной край можно также проколоть нѣсколькими разами и въ горизонтальномъ направленіи; тогда тонкія струйки воды будутъ спадать книзу въ разныхъ направленіяхъ. Это очень эффектно, въ особенности, если обставить фонтанъ цвѣтами.

Политическое обозрѣніе.

Въ Италіи, на новыхъ парламентскихъ выборахъ, министерство маркиза ди-Рудини одержало блестящую побѣду. Сторонники Криппи потерѣли полное пораженіе, утративъ около 80 парламентскихъ мѣстъ, которыми воспользовались социалисты. Особенно чувствительны потери партіи Криппи въ Сициліи: довѣряя намѣреніямъ правительства позаботиться о реформахъ, сициліяне подавали голоса за лицъ, одобряющихъ политику нынѣшняго премьера. Вообще итальянскій народъ осудилъ прежнюю политику съ ея печальными результатами въ Абиссиніи.

При открытіи парламента, 24 марта, тронною рѣчью отмѣчено нормальное положеніе дѣлъ въ Эритреѣ, позволяющее принять рѣшеніе о дальнѣйшей участи этой колоніи, согласно интересамъ Италіи.

Благодаря физаллинискому теченію въ нѣкоторыхъ парламентскихъ фракціяхъ, по адресу правительства посыпались рядъ упрековъ за участіе Италіи въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ противъ Греціи. На запросы ораторовъ оппозиціи министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста заявилъ палатѣ депутатовъ, 28 марта, что совместная съ державами политика Италіи, знаменавшая прогрессъ на Востоку, обезпечиваетъ европейскій миръ, не нарушая statu quo; выходъ же Италіи изъ европейскаго концерта нанесъ бы ей значительный ущербъ. Съ подобнымъ же заявленіемъ выступилъ 31 марта и маркизъ ди-Рудини, сообщившій народному представителю, что интересы Италіи на Средиземномъ морѣ требуютъ ея пребыванія въ концертѣ, такъ какъ изолированное положеніе, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, было бы въ высшей степени опасно. Палата громаднымъ большинствомъ выразила кабинету довѣріе.

Франція недавно безповоротно превратила мадагаскарскій вопросъ въ чисто домашнее дѣло французской республики. Резидентъ на Мадагаскарѣ генералъ Гальенъ положилъ конецъ прохвѣстамъ королевы Ранавало, дѣйствовавшей заодно съ представителями высшихъ частей острова, стремившихся подготовить новое возстаніе противъ французовъ. Королева острова нѣмаложе на, о чемъ резидентъ оповѣстилъ мальгашей - мадагаскарцевъ прокламаціей слѣдующаго содержанія: „Со времени объявленія Мадагаскара колоніей, королевская власть лишняя, почему королевы предложено сложить съ себя обязанности и разрѣшено отправиться на островъ св. Маврикія, гдѣ французскія власти окажутъ ей широкое гостепримство; единственная властительница острова — Франція — насаждаетъ на немъ правосудіе, спокойствіе и равноправность; невольничество уничтожено, установлены справедливыя и равногрядныя налоги; свобода вѣроисповѣданія предоставлена каждому; основаны многочисленные школы; смотря на мальгашей, какъ на своихъ дѣтей, Франція желаетъ имъ только одного блага; уважая мѣстные обычаи и законы, она стремится приобщить мальга-

шей къ цивилизаціи; ихъ долгъ содѣйствовать этой задачѣ, пребывая вѣрными и честными подданными Франціи“.

Преданнымъ Франціи генералъ обѣщаль благоволеніе, ослушникамъ же и бунтовщикамъ — безпощадное наказаніе.

Дѣйствія французскаго президента на Мадагаскарѣ послужили поводомъ къ парламентскимъ запросамъ, вызвавшимъ оживленныя пренія. Наконецъ, палата депутатовъ единогласно вотировала 23 марта одобреніе политики правительства на Мадагаскарѣ и „патриотическое поощреніе войскамъ, обезпечивающимъ умиротвореніе колоніи“. Такимъ образомъ, Франція окончательно утвердилась на Мадагаскарѣ. Послѣ принятія проекта конверсіи мадагаскарскаго долга, громадное большинство палаты депутатовъ вотировало, 27 марта, проектъ распространенія на Мадагаскарѣ общаго таможеннаго тарифа.

Въ Австріи составъ новаго рейхсрата обновленъ въ недавнихъ выборахъ всеобщимъ голосованіемъ по пятой куріи, въ которой оказалось до четырехъ милліоновъ избирателей, пославшихъ въ парламентъ 70 депутатовъ. Результатъ выборовъ — усиленіе существовавшихъ парламентскихъ группъ, постоянно враждовавшихъ съ нѣмцами-либералами. Нѣмцы-националисты опять выступили противниками другихъ австрійскихъ народностей. Нѣмцы-либералы или, какъ ихъ теперь называютъ, „прогрессисты“, въ противобѣдѣ федеративнымъ стремленіямъ, слова выдвинули свою программу политической и административной централизаціи монархіи. Во многихъ мѣстахъ, однако, прогрессисты побиты антисемитами, указывавшими во время выборовъ народной массѣ на то, что нѣмцы-либералы всегда поддерживали спекуляторовъ и финансистовъ, своекорыстная дѣятельность которыхъ значительно подорвала благосостояніе нѣмцевъ. Среди всевозможныхъ чрезвычайныхъ фракцій видное мѣсто въ рейхсратѣ заняли младочехи. Обездоленнымъ оказались мелкія группы, особенно представители русскаго населенія Галиціи, гдѣ выборы сопровождались кровавымъ насилиемъ надъ избирателями, принявшимъ весьма скадаженный характеръ.

Созванный 15 марта безпримѣрный по разновидному составу австрійскій рейхсратъ въ общемъ не далъ правительству такъ-называемаго парламентскаго большинства, которое послужило бы оплотомъ для всѣхъ начинаній австрійской государственной машины. Послѣ неудачныхъ переговоровъ объ образованіи большинства съ участіемъ прогрессистовъ, кабинетъ графа Бадени подалъ 21 марта въ отставку, но императоръ, сообщивъ 23 марта министру о своемъ рѣшеніи не принимать отставки кабинета, предложилъ министрамъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Послѣ этого графъ Бадени отложилъ вслекую заботу о созданіи оплота въ рейхсратѣ. Какъ полагаютъ австрійская влѣтельная печать, нынѣшній австрійскій премьеръ намѣренъ послѣдовать примѣру покой-

Статсъ-секретарь германскаго имперскаго вѣдомства почтъ и телеграфовъ, Генрихъ фонъ-Стефанъ († 26 марта 1897 г.).

Зигридъ Арнольдсонъ, примадонна итальянской оперы въ Петербургѣ. Съ фотогр. Рейтлингера въ Парижѣ автотипія „Нивы“.

наго Таафе, управлявшаго Австріей 14 лѣтъ безъ постояннаго парламентскаго большинства. Тѣмъ временемъ можно поздравить младочеховъ съ важной побѣдой: опубликованнымъ 25 марта правительственнымъ распоряженіемъ признана въ предѣлахъ Богеміи равноправность чешскаго языка съ нѣмецкимъ. Льготы чешскаго языка не касаются лишь военныхъ властей, желѣзнодорожной администраціи и жандармеріи; кромѣ того, въ казначействахъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ въ сношеніяхъ съ центральными учрежденіями обязательенъ нѣмецкій языкъ. Добились нѣкотораго успѣха и антисемиты: неоднократно отвергаемое правительствомъ избраніе въ городскіе головы Вѣны вожака антисемитовъ Люгера, наконецъ, утверждено.

По извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 25 марта, Порта приняла къ свѣдѣнію предостереженіе державъ, заявивъ, что границѣ лишь для ея охраны, и что нападающей стороной слѣдуетъ считать Грецію, высадившую войска на Критѣ. Въ циркулярныхъ нотахъ къ турецкимъ посламъ Порта настаиваетъ на ускореніи вѣшателства державъ, чтобы не содержать такъ долго значительной дѣйствующей арміи. Въ случаѣ же безуспѣшности воадѣйствія державъ, правительство султана испрашиваетъ для себя свободы дѣйствія. По послѣднимъ извѣстіямъ, горными отрядами Пинды нерегулярныя греческія войска пытались 28 марта перейти границу. Послѣ горчачаго боя, греки отброшены на греческую территорію съ большими потерями. Циркулярной депешей къ своимъ посламъ Турція называетъ грековъ нападающей стороной, возлагая на нихъ всю отвѣтственность за послѣдствія. Тѣмъ не менѣе, главнокомандующему Эдхеманшѣ приказано держаться строго оборонительнаго положенія и дѣйствовать наступательно лишь въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ нарушеніе границы греческими регулярными войсками. По заявленію британскаго правительства парламенту отъ 31 марта, Порта рѣшила не считать вторженія греческихъ шаекъ за поводъ къ войнѣ—casus belli, если только подобное намѣстіе не повторится.

СМѢСЬ.

Выставка предметовъ судоходства въ С.-Петербургѣ. Устроенная съ Высочайшаго соизволенія выставка предметовъ судоходства помѣщается въ зданіи „Акваріума“, на Каменноостровскомъ проспектѣ. Выставкою занято все обширное помѣщеніе громаднаго зданія, т.-е. не только театральныи залъ, но и всѣ боковыя комнаты справа и слѣва, а также и обѣ ложи верхняго яруса.

Все это весьма обширное пространство сплошь занято экспонатами, такъ что, въ общемъ, омущается даже нѣкоторая тѣснота. Выставка, вообще, вышла очень богатою и разнообразною. Главный, собственно театральныи залъ, вмѣстѣ въ себя отдѣлъ любителейскаго судоходства; здѣсь размѣщено весьма значительное число мелкихъ судовъ—яхтъ, шлюпокъ, гичекъ и т. п., а также многочисленныя модели, въ числѣ которыхъ многія блещутъ замѣчательнымъ изяществомъ исполненія. Въ ряду судовъ кидается въ глаза большая яхта „Тришъ-Трава“ работы мастерской г. Эша, который вообще очень полно представилъ свое обширное и мастерское производство. Отмѣтъ же экспонентомъ и многими другими громадная зрительная зала „Акваріума“ почти до тѣсноты уставлена всякаго рода мелкими и крупными судами, среди которыхъ несомнѣнно есть на что поинтересоваться нашимъ довольно многочисленнымъ любителямъ водного спорта. Любительскія суда явно преобладаютъ на выставкѣ надъ промышленными, что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ главнымъ зачинателемъ въ устройствѣ этой выставки былъ с.-петербургскій яхтъ-клубъ. Экспонаты этого клуба, издѣлія его прекрасной шлюпочной мастерской, занимаютъ обширный балконъ, противополож-

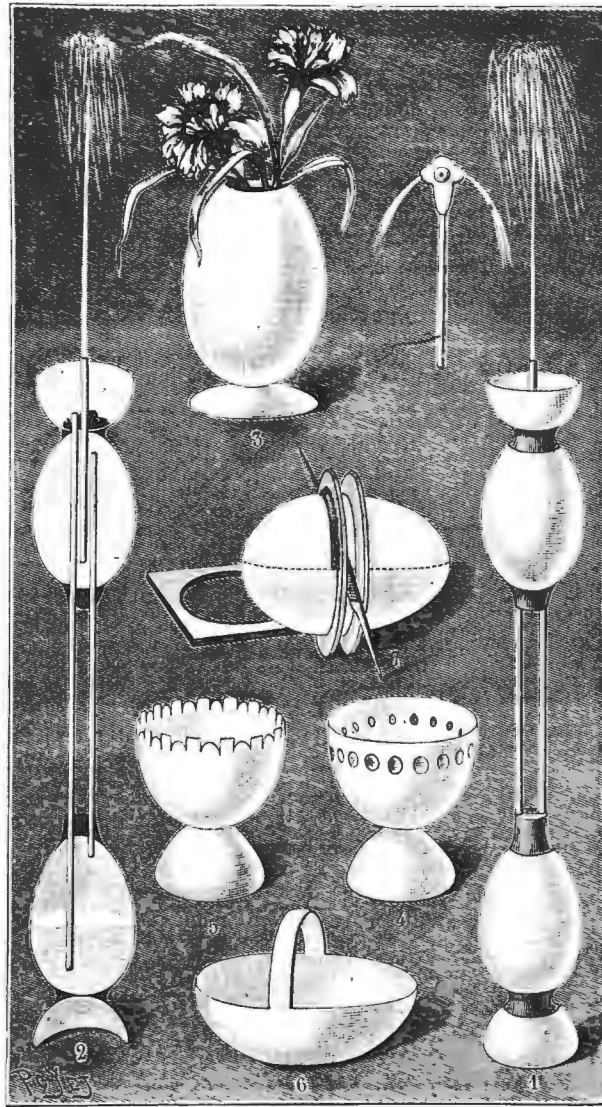
ный сценѣ. Онъ весь сплошь уставленъ изящными шлюпочками яхтъ-клуба. Съ этого балкона, кстати сказать, открывается общій панорамическій видъ той части выставки, которая занимаетъ зрительныи залъ. На помощь столѣчному собрату пришли провинціальныя яхтъ-клубы. Такъ, кievскій доставилъ на выставку хорошія шлюпочки, вызвавшія похвалы любителей и знатоковъ дѣла. Изъ числа моделей, собранныхъ въ залѣ, привлекаетъ вниманіе хорошая копія броненосца „Сисой Великій“, на которомъ недавно случилась извѣстная всему міру катастрофа. Весьма интересна также модель того парохода-ледокола, который предназначается для перевозки дѣльныхъ поѣздовъ черезъ озеро Байкаль. Въ залахъ, привлекающихъ къ зрительной, расположены другіе отдѣлы выставки. Въ неогромной комнатѣ направо можно видѣть нѣкоторыя вещи, сохраняющіяся какъ памятники о великомъ создателѣ русскаго флота—Петрѣ. Здѣсь, между прочимъ, поставленъ большой восьмиугольный

столъ, на которомъ Петръ собственноручно начерталъ карту Балтійскаго моря. Тутъ же можно видѣть модель катера, на которомъ Екатерина II переправлялась черезъ Волховъ. Всѣ даже дѣтныя площадки зданія и стѣны на дѣтныи ходы заняты экспонатами, для которыхъ не находилось иного мѣста. Здѣсь по стѣнамъ повсюду цѣлыя огромныя картины изъ фотографіи. Отмѣтитъ среди нихъ прекрасныя снимки мѣстностей, входящихъ въ сферу вѣдомства казанскаго округа путей сообщенія. Эти снимки составляютъ въ общемъ чрезвычайно цѣнный и полный интереса альбомъ приволжскаго края.

Въ залахъ, лежащихъ влѣво отъ зрительной, собраны экспонаты, представляющіе вспомогательныя предметы судоходства. Здѣсь можно видѣть превосходныя компасы, бинокли, морскія зрительныя трубы и телескопы, хронометры. Послѣдніе выставлены, между прочимъ, фирмою Эриксона. Разныя округи путей сообщенія выставили въ этихъ залахъ отчеты о своихъ работахъ, въ видѣ графическихъ таблицъ, моделей, чертежей, плановъ. Въ этой серіи можно не безъ интереса остановиться надъ работами по улучшенію судоходства на нашихъ алонолучныхъ рѣкахъ, годъ отъ году все болѣе и болѣе мелѣющихся. Наконецъ, въ одной изъ этихъ боковыхъ залъ поставленъ обширный бакъ съ водой, тотъ же самый, который, съ тою же цѣлью, былъ выставленъ на нижегородской выставкѣ прошлымъ лѣтомъ. Этотъ бакъ предназначенъ для упражненій водолазовъ, спускающихся подъ воду въ своихъ чудовищныхъ одеждахъ и производящихъ всякія водолазныя работы на глазахъ публики. Кто не видалъ этого любопытнаго зрѣлища въ Нижнемъ-Новгородѣ на выставкѣ, тому теперь представилъ случай наблюдать его въ Петербургѣ.

Интересныя данныя о винной монополіи за первый (1895)

годъ ея дѣйствія въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ: Уфимской, Пермской, Самарской и Оренбургской выведены теперь министерствомъ финансовъ. Валового дохода отъ винной операціи, помимо акциза, поступило 11.461,604 руб. и расходу—6.791,183 р. Чистой прибыли, такимъ образомъ, получилось 4.670,321 руб., а чистѣйшій акцизомъ на проданныя пияты (11.800,096 р.)—составить 16.470,417 руб. Доходъ казны по означеннымъ губерніямъ, сравнительно съ предидущимъ до-монополиямъ годомъ, увеличился почти на 5 миліоновъ рублей. Продано пивей всего 2.950,241,30 ведеръ; средняя продажная цѣна по всѣмъ четыремъ губерніямъ опредѣлялась въ 7 р. 75 коп. за ведро, по расчету въ 40°, а стоимость его казней отъ 6 руб. 24 к. до 6 р. 80 к. Количество винныхъ лавокъ всего 2.817 и 41 магазинъ при складахъ. Каждый продавецъ казенной лавки, кромѣ казенной квартиры и освѣщенія, получаетъ: до 600 р. въ лавкахъ перваго разряда, до 540 руб. въ лавкахъ втораго разряда и до 240 руб. въ лавкахъ третьяго разряда. Разряды лавокъ установлены сообразно количеству количеству продаваемой воды. Всѣхъ продавцовъ состояло 2,858 человекъ, изъ которыхъ 296 были женщины (10,3%). Законъ 6 іюня 1894 года придаетъ казеннымъ вин-

Издѣлія изъ яичной скорлупы. (См. стр. 355.)

- 1) Героновъ фонтанъ; 2) тоже (вертикальный разрѣзъ); 3) ваза для цвѣтовъ; 4 и 5) кубочки съ узорами на краяхъ; 6) корзинка; 7) способъ распылять яичную скорлупу.

нимъ лавкамъ характеръ всякаго другого торговаго заведенія, не побуждая народъ къ возможно большому пьянству и неоплатнымъ долгамъ. Съ уничтоженіемъ уничижительнаго званія кабацкаго, на должность сидѣльцевъ являлись люди лучшаго круга, чѣмъ прежде. Среди нихъ находится: дворянъ—4,6%, духовнаго званія—0,4, мѣщанъ—21,7, разночинцевъ—23,1, крестьянъ—34,3 и т. д. По образованію: окончившихъ среднія учебныя заведенія было 1,2%, низшихъ—31,4 и просто грамотныхъ—51%. Успѣхъ питейной реформы въ значительной степени зависитъ отъ наличнаго состава служащихъ лицъ на мѣстѣ. Отъ завѣдующихъ казенными очистными складами зависитъ выпускъ въ продажу доброкачественнаго вина, отъ сборщиковъ денегъ—правильное и своевременное поступленіе въ казначейства вырученныхъ отъ продажи вина денегъ, а отъ продавцовъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ—введеніе въ жизнь новыхъ началъ этой реформы: выпускъ въ продажу чистаго вина, безъ всякихъ примѣсей, воспрещеніе отпуска вина пьянымъ подъ залогъ вещей, урожаявъ и т. д. До сихъ поръ большинство нарушеній положенія о казенной продажѣ питей совершалось не въ средѣ слу-

жащихъ, а въ самомъ народѣ, такъ, напримѣръ, тайное водвореніе вина изъ винъ-монопольнаго района, торговля виномъ безъ надлежащаго разрѣшенія и т. д. Населеніе, однако, начинаетъ уже смотрѣть на казенную лавку, какъ на правительственное учрежденіе, гдѣ произволъ личности стѣсненъ закономъ, и у сидѣльца на опредѣленномъ жалованьи отсутствуетъ интересъ спавать народъ. Пречужній сбытъ вина, предоставленный своекорыстію частныхъ предпринимателей, приводилъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ обѣдненія и разврата населенія; въ до-реформенномъ кабакѣ производилась торговля не виномъ, а опьяненіемъ народа сивухой со всеми вредными его послѣдствіями. Нынѣ дѣйствующая казенная лавка представляетъ обыкновенную торговлю винными товарами и, конечно, не можетъ быть отвѣтственна за то, что народъ начинаетъ пить казенное вино дома или на улицѣ въблизи лавокъ, съ обычной для него невоздержанностью, воспитанной въ немъ прежними вольными кабацкими промисломъ. Правительству трудно опекать челоука въ его собственномъ домѣ или въ частныхъ его собраніяхъ: въ послѣднемъ случаѣ за наши пороки и нравы мы должны сами отвѣчать за себя.

Разныя извѣстія.

— Съ 1 января по 14 марта 1897 г. въ фондъ Имени Императора Александра III, на дѣло церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ сибирской ж. д., доставлено разными лицами 86,973 р. 58 к. Благодаря такому успѣшному поступленію пожертвованій, для подготовительной при комитетѣ сибирской ж. д. комисіи, на которую возложено руководительство дѣломъ построенія въ районѣ дороги церковей и школъ, представлялась возможность намѣтить сооруженіе 20 новыхъ храмовъ. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о поступившихъ пожертвованіяхъ и о приступѣ къ сооруженію поманутыхъ церковей Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: „Искренно радуюсь столь обильнымъ пожертвованіямъ на святое дѣло сооруженія церковей и при нихъ школъ въ районѣ сибирской ж. д. дор. Надюсь на скорое совершеніе предпринятыхъ построекъ“.

— Государь Императоръ, 15 марта с. г., Высочайше повелѣть соизволилъ: проходить въ г. г. частой бѣгомъ на церемониальномъ маршѣ отпѣвнѣ.

— Въ виду открытія пассажирскаго движенія по сибирской ж. дор., во всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, Высочайше повелѣно учреждать на вновь отстраиваемыхъ участкахъ сибирской ж. дор. перевозки арестантовъ, възвѣвъ пѣшаго препровожденія ихъ по главному сѣльному тракту; самый же трактъ этотъ, пролегающій отъ Москвы черезъ Нижній, Пермь, Тюмень и Томскъ, постепенно переносить на рельсовый путь отъ Москвы черезъ Рязань, Рижскъ, Пензу, Самару, Уфу, Челябинскъ и далѣе по сибирской ж. дор.; теперь же уредить перевозку арестантовъ на участкахъ сибирской ж. дор. отъ Челябинска до Красноярска и по томской вѣтви, уразднѣвъ конвойныя команды, расположенныя между Томскомъ и Красноярскомъ, за исключеніемъ ачинской, которую временно сохранить для конвойной службы въ Ачинскѣ; существующій порядокъ высылки сѣльныхъ изъ Тюмени водою до Томска временно сохранить въ 1897 г.

— Австрійскій императоръ Францъ-Иосифъ, по словамъ *Neue Freie Presse*, прибѣдетъ въ Петербургъ 15 (27) апрѣля утромъ на николаевскій вокзалъ. Почетный караулъ будетъ выставленъ отъ лейбъ-гвардіи кексгольмскаго императора Франца-Иосифа австрійскаго, короля венгерскаго, полка, который для этой цѣли прибылъ уже въ Петербургъ съ мѣста своей стоянки. Съ вокзала австрійскій императоръ по Невскому и Большой Морской прослѣдуетъ въ Зимній дворецъ; утромъ состоится парадный завтракъ, а вечеромъ—парадный обѣдъ. На другой день будетъ на Марсовомъ полѣ большой смотръ гвардейскому корпусу и завтракъ во дворцѣ принца Ольденбургскаго. Въ теченіе дня императоръ приметъ начальниковъ иностранныхъ дипломатическихъ миссій. На третій день никакихъ торжествъ не будетъ. Въ программу приема входитъ парадный спектакль въ Мариинскомъ театрѣ, парадный завтракъ у австро-венгерскаго посла и приемъ австро-венгерской колонны.

— 24 марта председателемъ перваго всероссійскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей А. А. Потвѣинымъ получена отъ управляющаго министерствомъ Императорскаго Двора генералъ-адъютанта барона Фредерика телеграмма: „Его Величество Государь Императоръ повелѣлъ: благодарить членовъ перваго всероссійскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей за выраженные върноподданническаго чувства и передать сценическимъ дѣятелямъ пожеланіе успѣха въ будущемъ“. Означенная телеграмма была отвѣтомъ на посланную председателемъ телеграмму слѣдующаго содержания: „При окончаніи своихъ занятій, первый всероссійскій съѣздъ сценическихъ дѣятелей, съ восторженнымъ единодушіемъ и проливая слезы умиленія, повергаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства и безпредѣльной върноподданнической преданности и благодарности за всѣ Ваши великія милости, оказанныя русскому театру и русскимъ сценическимъ дѣятелямъ“. Телеграмма съ Высочайшей благодарностью съѣзду прочитана была собравшимся въ театральномъ бюро артистамъ

и выставлена въ рамкѣ подъ стекломъ. Артисты открыли подписку на сооруженіе въ боре иконы Николая Чудотворца.

— Управляющій морскимъ министерствомъ издалъ, 12 марта, слѣдующій приказъ: На крейсерахъ „Востникъ“, ушедшемъ въ заграничное плаваніе въ 1896 году, оказалась столь значительная гниль въ фокмачтѣ, что мачта эта признана совсемъ неблагонадежною для дальнѣйшаго плаванія подъ парусами, и възвѣвъ ей пришлось нынѣ заказать новую. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ кроинградскаго порта, оказывается, что мачта крейсера „Востникъ“ служила съ 1886 года и была освидѣтельствована въ послѣдній разъ 10 июня 1896 года, при чемъ свѣдѣтельствовавшая ее комисія нашла необходимымъ лишь укрѣпить на упомянутой мачтѣ бейфутные бугеля. Такъ какъ со времени ея освидѣтельствовація прошелъ слишкомъ значительный срокъ, въ теченіе котораго, естественно, не могла образоваться въ мачтѣ столь значительная гниль, то изъ этого слѣдуетъ, что гниль уже существовала ранѣе, комисія же, свѣдѣтельствовавшая упомянутую мачту въ 1896 году, отнеслась крайне небрежно къ своему дѣлу, при чемъ вина ея усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что ей было извѣстно предстоящее назначеніе крейсера „Востникъ“ для заграничнаго плаванія. Въ комисіи принимали участіе: старшій офицеръ крейсера, капитанъ 2-го ранга Новаковский, младшій судостроитель Харгуларъ, старшій помощникъ судостроителя Величко, матушій мастеръ, старшій помощникъ судостроителя Сокольниковъ и исправляющій должность реинзора крейсера, мичманъ Муравьевъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, а въ особенности старшему помощнику судостроителя Сокольникову, объявлено строгій выговоръ за небрежное отношеніе къ исполненію служебныхъ обязанностей.

— Императорское челоуколюбивое общество, въ теченіе второй половины 1896 года, произвело изъ благотворительныхъ своихъ суммъ слѣдующіе расходы, въ С.-Петербургѣ: 1) на содержаніе подвѣдомственныхъ обществу 6-ти воспитательныхъ заведеній, 7-ми пріютовъ, 3-хъ богадѣленъ, одного учрежденія безплатныхъ квартиръ, одного убѣжища и учрежденія дешевыхъ квартиръ, всего 19 заведеній, въ которыхъ состояло 1,236 немущихъ; равно на содержаніе 4-хъ швейныхъ мастерскихъ и на уплату за содержаніе 25 пансіонеровъ въ учрежденіяхъ, не подвѣдомственныхъ обществу—на 126,577 р. 77 к.; 2) по медико-филантропическому комитету оказано медицинской помощи и пособій чрезъ посредство врачей для бѣдныхъ по всѣмъ частямъ города—12,498 лицамъ—на 9,220 р. 90 к.; 3) по попечительству для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство, которое призываетъ и обучало ремесламъ въ состоящихъ въ его вѣдѣніи: хозяйственно-руководильномъ для дѣвчонъ заведеніи—89 ученицъ, въ мастерской дамскихъ нарядовъ—32 ученицы, въ пріютѣ попечительства—55 дѣтей обою пола, имѣло подъ своимъ покровительствомъ въ частныхъ мастерскихъ столицы—296 дѣтей обою пола, платило въ постороннія благотворительныя учрежденія за воспитаніе одного малолѣтняго, выдало бѣднымъ родителямъ и роднымъ на прокормленіе и воспитаніе 36 бѣднѣйшихъ дѣтей и назначило денежное пособіе окончившимъ ремесленное обученіе 58 своимъ питомцамъ; всего оказана была помощь 567 дѣтямъ—на 41,379 руб., и 4) роздано денежныхъ пособій бѣднымъ въ кассы союита обществу: ежемѣсячныхъ на 15,507 р. 48 к. и единовременныхъ на 10,637 р. 97 коп. Всего, такимъ образомъ, обществомъ оказана помощь за упомянутое полугодіе на сумму 203,323 р. 12 к.

— Въ скоромъ времени подъ Петербургомъ будетъ, по словамъ *Новой Времени*, открыто (для мальчиковъ) учебно-воспитательное заведеніе совершенно новаго въ Россіи типа. Оно будетъ находиться въ ямънѣ, въ деревнѣ, и состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ гимназическаго (8 кл.) и реальнаго (6 кл.). Заведеніе учреждается преподавателемъ въ училищѣ св. Анны, Ф. Мюленбергомъ. Кромѣ изученія общеобразовательныхъ предметовъ, преподаватели бу-

дутъ устраивать занимательныя чтенія и принимать участіе во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ и играхъ на воздухѣ, а также предпринимать далекія образовательныя прогулки и экскурсіи въ свѣтъ съ учениками. Вообще же, какъ учредитель, такъ и наставники обратятъ главное вниманіе на индивидуальность каждаго воспитанника и на укрѣпленіе здоровья.

— По инициативѣ начальнаго юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, К. С. Немѣшова, при управленіи этихъ дорогъ учреждена, по сообщенію *Выраженія Видомости*, комисія для разработкіи вопроса объ организаціи воскресныхъ чтеній съ туманными картинками для желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ и рабочихъ на станціи Кіевъ I. На первыхъ порахъ предполагается устраивать по вечерамъ въ воскресные и праздничные нерабочіе дни чтенія для желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ и рабочихъ.

— Общество покровительства животнымъ учредило бронзовыя медали для учителей и учительницъ С.-Петербургской губерніи, сочувствующихъ цѣлямъ Общества и вселихшихъ въ души учащихся чувство состраданія къ животнымъ.

— Конференція Императорской военно-медицинской академіи исходатайствовала еще въ 1893 году разрѣшеніе, съ цѣлью утѣковченія памяти погибшихъ въ 1891 и 1892 годахъ—при исполненіи врачебныхъ обязанностей—воспитанниковъ академіи,—внести ихъ имена на особую мраморную доску въ академической церкви. Тогда же, сверхъ имѣвшихъ ранѣе въ церкви академіи трехъ траурныхъ досокъ съ именами убитыхъ на войнѣ врачей: Е. Бровкова (въ 1854 г.), С. Иванова (въ 1863 г.) и В. Петрова (въ 1875 г.), поставлены были еще двѣ мраморныя доски съ именами погибшихъ въ борьбѣ съ эпидеміями питомцевъ академіи: врачей—И. Александрова, И. Сеньковского, Р. Котата, Н. Лампскова, Н. Скворцова, Н. Благовѣщенскаго, Н. Дитровскаго, Н. Доускова, Е. Новикова, С. Подсосова, М. Попова и А. Молчанова, студентовъ—К. Тарасова, И. Карновича и В. Потапова. Съ особаго разрѣшенія на траурную доску внесены также врачъ В. Сверчковъ, потонувшій въ Балтійскомъ морѣ (въ 1893 г.), при крушеніи броненосца „Русалка“. Вопросъ отъ нынѣ поднятъ въ конференціи академіи вновь, въ виду недавно понесенной академіею утраты въ лицѣ заразнаго дифтеритомъ при выполненіи обязанности врача и умершаго отъ этой болѣзни, въ январѣ 1897 года, приватъ-доцента академіи И. И. Лебединскаго. Такъ какъ собраніе подвѣднѣхъ свѣдѣній сопряжено съ большими трудностями, то академія будетъ искренно благодарна всѣмъ лицамъ, которые примутъ на себя трудъ доставить ей желаемыя свѣдѣнія.

— 15 марта исполнилось 100 лѣтъ со времени сооруженія при морскомъ кадетскомъ корпусѣ храма во имя св. Павла Исповѣдника. По поводу этого событія, Государь Императоръ пожаловалъ настоятелю этого храма, протоіерееу Капитону Влѣцкому, во вниманіе къ его долговременнымъ отличнот-полезнымъ трудамъ, какъ по преподаванію въ классѣхъ корпуса, такъ и при исполненіи духовныхъ требъ, золотой наперсный крестъ съ драгоценными украшениями изъ Кабинета Его Величества.

— 5 апрѣля исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія извѣстнаго писателя А. П. Пятковскаго директоромъ с.-петербургскаго тюремнаго комитета. Въ теченіе всего этого времени А. П. Пятковский посвятилъ много времени и трудовъ доброму дѣлу облегченія положенія арестантовъ во время ихъ заключенія (въ качествѣ дѣйствительнаго члена попечительнаго о тюрьмахъ общества), облегченія участи выпущенныхъ изъ тюрьмы и устройству судьбы заброшенныхъ дѣтей арестантовъ. Особенно выдѣлилась дѣятельность А. П. по устройству и наблюдению за пріютомъ арестантскихъ дѣтей. Для этого пріюта А. П. составилъ новый уставъ, выхлопоталъ для него субсидію отъ города и доставилъ пріюту вполне прочное положеніе, обезпеченное широкимъ притокомъ пожертвованій, достигшихъ—за 15 лѣтъ попечительства А. П. надъ пріютомъ—почти 50,000 рублей.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. Безъ доставки въ Москвѣ 6 р. 50 к. Съ пересылкою 7 р. За
 Петербургъ 5 р. чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя лннн. 6 р. 50 к. въ Москву и др. города Россіи 7 р. ннцу. 10 р.
 На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 25 к., съ перес. иогор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 30 к., съ перес. иогорамъ. 3 р. 50 к.

О ПЕРЕМЪНЪ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе.)—Светлый праздникъ. Стихотв. Мих. Гербановскаго.—Новая жизнь. Пасхальный рассказъ О. Н. Чюминой.—Художественныя выставки.—Пасха. Къ рисункамъ: Весна.—Пріемная при дворѣ императрицы Екатерины II.—Освященіе церкви въ Римѣ.—Часъ благодѣтельности—Къ празднику.—На лонѣ финской природы.—Птенчики.—П. В. Ормевскій (съ портр.).—В. И. Новалевскій (съ портр. и рис.).—Генрихъ фонъ-Стефанъ (съ портр.).—Г-жа Зигридъ Арнольдсонъ (съ портр.).—Издѣлія изъ яичной скорлупы (съ рис.).—Полтавское обозрѣніе.—Объявленія.—Разныя извѣстія.—О подпискѣ на „Ниву“ 1897 г.—О переѣздѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбургъ.
Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛКИ!
Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай Э. Швейцгеръ, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: „Швейцгеръ—Москва“.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 27.
ТУАЛЕТНЫЙ УКУСОУЪ.
 РАВНОБРАВНЫЯ КОСМЕТИЧЕСКІЯ СВОЙСТВА ЭТОГО СОСТАВА СЛАВЯТЪ ЕГО ВАЖНОЮ ПОТРЕБНОСТЮ ДЛЯ ТУАЛЕТА.
 Туалетный Укусъ Виолетъ де Пармъ
 Карболовый Туалетный Укусъ
 Туалетный Укусъ де ла Ноблесъ.
 МАГАЗИНЫ БЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ:
 Вознесенскій просп. уголъ Казанской ул. домъ № 24, 50
 НЕВСКІЙ ПР. № 32. НЕВСКІЙ ПР. № 66

На Всероссийской выставкѣ въ Мининѣ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА
Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
 Фабрика **РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО**
 основанная въ 1811 году С. П. В., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 600 и 560 рублей **ПИАНИНО** въ 850, 700 и 450 р. Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.
 Дѣло въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнечій м. д. Захаркина; въ Ригѣ: О. Зигельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шутана; въ Баку: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: В. М. Мириманянъ.
 № 9388 13-13

D.O.M + D.O.M
BENEDICTINE
 de l'Abbaye de Fécamp
 La Meilleure des Liqueurs
 Se defier des contrefaçons.
 Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville
D.O.M + D.O.M

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
 Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Бриллианты — Духи для комнатъ № 0413 (65)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ La Violette—Muguet
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

№ 4711. Это любить запахъ настоящей Фіалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin.)
№ 4711. Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.
№ 4711 Seven violette du rhin. Въсѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.
№ 4711 Sachets violette du rhin. Продается въ парюмеръ

ЧАСТНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ
 принимаетъ веденіе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, **СПЕЦИАЛЬНО СЕМЕЙНЫЯ.**
 С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., 8.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для устройства и перестройки **КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ**
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Uhland, Leipzig.
 Прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

КИРПИЧНЫЯ МАШИНЫ
 рельсы, опрокидывающ. вагончики,
 ПРЕДЛАГАЕТЪ
АРТУРЪ КОППЕЛЬ,
 С. П. В., Невскій 18, уголъ Б. Морской,
 Москва, Мясницкая, № 48. 4-1

Цоуларно-изуч. книга, доказывающая на основ. „Теоріи вѣроятностей“
„СЧАСТЛИВЫЕ №“
 Выигр. бил. 1, 2 и 3 в. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
 С. П. В., Вознесенскій пр., 37, кв. 32, Красильниковъ (дома отъ 5 до 8 ч. веч.). 1 марта на доказан. №№ нало 254 выигрима на сумму 550 тыс. руб.
 2-2

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
 отъ 9 р. за кусокъ широкъ 26/28 аршинъ. Фанза, крепъ, платки, че-су-ча китайскія. **ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫИ** параванскій китайскій чай 1 р. 60, 2 р., 3 р. 20 и 2 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ **Д. А. ЕПАНЕШНИКОВА**, Москва, Никольская ул., д. Греческ. мов. Ингор. высыл. съ накладн. платж. при писмѣхъ 10% на сумму заказа.

ГЛАВНЫЕ ДѢЛЫ ЧАСОВЪ Э. ХАРДЪ С. П. В.
 Горьковская ул., у Краснаго моста, № 17.
 Часы никел. отъ 5 р. до 15 р.
 „ „ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
 „ „ серебр. отъ 12 до 50 р.
 „ „ золотыя отъ 25 до 500 р.
 регуляторы двухъ часовъ отъ 17 до 35 р.
 ЗАВОДА отъ 17 до 35 р.
 Высылаю наложим. платежѣмъ итнностр. Прейсъ-курранты бесплатно.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ-ПРЕМЬЕ“.
 Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цена 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЪ“.
 Самый изящн. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цена 95 р. Полнор. высылка ней 10 р.
 Описанія и образцы шрифтовъ объѣхъ машинъ высылаются бесплатно.
Оптажъ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4

ИЗГНАННИКЪ.
 Невр. романъ Вс. С. Соловьева изъ врем. царств. Императора Николая I. Въ 2-хъ ч. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 60 и, въ коллектор. переплетѣ 3 р. 75 и., съ перес. 4 р. 25 и.
 Требования адресовать въ контору изданія **А. Ф. Маркса**, С. П. В., Морская, 22.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ГУМБЕРЪ и №, Москва
 КОНТРАГЕНТЫ
Георгій ЖЕМЛЮЧКА и №,
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейсъ куранти по требованію. 12-3

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕДИНЪЕДИНСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
"ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО".

Подписчики получаютъ все вышедшіе номера.
 Ближайшее участіе въ журналѣ принимаетъ А. Р. Кугель.
 Помѣщены, между прочимъ, статьи и другаго рода произведенія слѣдующихъ лицъ:
 Асфенко, В. Г., Александрова, Н. А., Амфитеатрова, А. В., Арбенкина, Н. Ф., Барятинскаго кн., В. Я., Бахта, Л., Бастунова, Э. Д., Бенгониана, Б. И., Гейкена, В. Г., Гейдича, П. П., Далматова, В. П., Карова, Е. П., Кисорова, И. М., Колосова, М. М., Кравченко, Н. И., Кугеля, А. Р., Лейскаго, А. И., Любимова, М. А., Немчиновича-Данченко, В. И., Пасцова, А. А., Преображенскаго, В. П., Сакетти, Л., проф. Соложко, С. С., Тихолова, В. А., Федорова, М. П., Фруга, С. П., Ясинскаго, Л. Л. и др. Около 150 рисунковъ и портретовъ. Пьесы: "Водоворотъ", "Трильба", "Катастрофа", "Наказушъ" и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
 На годъ 42 руб. — на годъ 3 руб.
 Контора: С.-Петербургъ, Наблюдательная 12.
 Под-издательница Э. Тимофеева (Холмская)

№ 10152

Первоклассный минеральный источникъ, съ успѣхомъ принятый въ 1801 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ бесплатно. Контора отправитъ минеральную воду въ ОBERBRUNNEN, ФУРБАХЪ и СТРЕБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезію.
 5-1 Сладкая въ всѣхъ аптекахъ и гастрономическихъ магазинахъ. Ц. № 10156

Письменное преподаваніе двойной и простой итальянской

БУХГАЛТЕРІИ.

Ручается за отличные успѣхи, продолженіе курса 4 мѣсяца. Прогрессъ и пробныя письма высылаются бесплатно. Обратитесь къ Вас. Вас. Рауртъ, въ Либавѣ.

КАРАМЕЛЬ
 изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
"КЕТТИ БОССЪ"
 Б. Семедни въ Кіевѣ.
 Цена коробка 25 коп. Малая коробка 15 коп.
 Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 31.
 Продается по всѣмъ аптекамъ и гастрономическимъ магазинамъ Россіи. 12-11

PAPIER FAYARD ET BLAUN.
 Бумага Фаяръ и Вланъ.
 Пластырь, разрѣшенный Медицинскимъ Союзомъ. Требуется подписка Fayard et Blau.
 Продается въ аптекахъ.

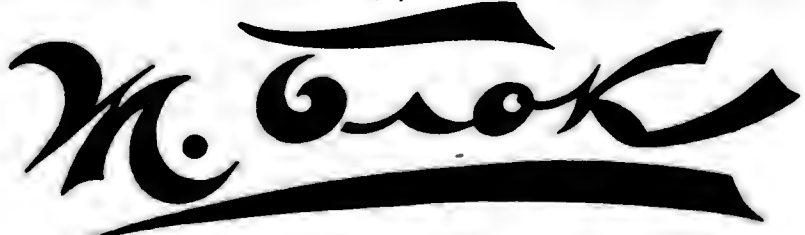
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
М. и И. Мандль.
 Невскій пр., № 16.
 вновь получаетъ громадный выборъ мужского и дѣтскаго платья.
 Последнія новости **ДАМСКИХЪ ВЕРХНИХЪ ВЕЩЕЙ.**
 Новое отдѣленіе: элегантныя верхнія и нижнія юбки и также юбки для гулянья.
 Прейсъ-куррантъ. Телефонъ № 2293.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 10007
 5-5
 оставилъ Дворъ Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
 Москва по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
 ♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАШОВЪ** собственной фабрики ♦
 съ великимъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
 Новые иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ
 на Всероссийской выставкѣ 1895 г. за "Мило Диспозе" П. Н. Виноградова.
НОВОЕ ИЗобр. МЫЛО ДИСПОЗЕ
ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ БЕЗЪ ПАРИ
 ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ мыла на оберткѣ и на мылѣ ставилъ "Мыло Диспозе". БѢЛЫЕ получаются замѣчательно чистыми. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуется ВЪ ТРИ РАЗА МЕНЬШЕ простого. Совершенно безвредно для тканей бѣлыхъ. Удостовер. за № 3780. Экономично для бани. Продажа въ кн. Огн. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 10057 4--3

ELIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE l'Abbaye de Souillac,
 Dom MAQUELONNE, Prieur.
 Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS : SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
 GRAND PRIX ESPRIT INT'L L'AN 1889. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY EXP. INT'L BORDEAUX 1895.

Торговый домъ Ж. Блокъ съ 1 января сего года преобразованъ въ
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Товарищество на паяхъ, учрежденное для распространенія

ВЪСОВЪ, ВЕЛОСИПЕДОВЪ, ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ, ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ.

Правленіе — МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Варшава,
 Кіевъ, Екатеринбургъ,
 Одесса, Кокандъ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ.

Ц. № 10155 2-1

Людв. Водоров. Шлинэйзент,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковых,
рекомендует: кирпичдѣлательныя и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раштрубами, черепицъ съ фальцами, брикетницы; даггер патентов. Шаровыя мельницы для измельченія в размолу и одновременнаго просииванія материаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (48)

Представительство лучшихъ и солидѣйшихъ заграничныхъ фирмъ.
Торговый домъ
„А. Д. ГРАЧЕВЪ и В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ“
МОСКВА, Мясницкая, близъ Красныхъ воротъ, д. Гусьнова.
!!!ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ ГЕРМАНИИ!!!
СТАЛЬНАЯ ШЕРСТЬ И СТРУЖКА,
ПОЛНАЯ ЗАМѢНА НАЖДАБА И СТЕКЛЯННОЙ БУМАГИ,
ГРОМАДНАЯ ЭКОНОМІЯ ДЕНЕГЪ И ВРЕМЕНИ.
Необходимъ для всѣхъ, занимающихся полировкой дерева и металла, для чистки машинъ и инструментовъ, паркетчиковъ и полоторовъ, въ домашнемъ хозяйствѣ и проч. Наклей въ 1/4 ф. по 1 р. 25 к., пересылка по таксу. При требованіи 40 н.п. № 10110 чекъ пересылка на счетъ Торговаго дома. 5-2
При заказѣ высылаются одна треть наличн., остальныя наложеннымъ платежомъ.

НА ВОСПИТАНІЕ И УХОДЪ ЗА ДѢТЯМИ
СВѢДѢНІЯ
60
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
ЖЕЛѢТЬ
СЕМЬИ
НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
ТАШКЕНТЪ № 2
ТАШКЕНТЪ № 141

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“
ЦѢНА КНИГИ 60 КОП.
Какъ узнать характеръ человѣка. Опре- дѣленіе характера по чертамъ лица (физио- гномія), по рукамъ (пироманія), по почерку (графологія) и по вѣнечному виду головы (френо- логія). Состав. Гр. Ф.—м. (Съ 50 рис. и 45 образцами почерковъ).
Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Перев. М. Голунова. Часть I. Кудесни- чества Кааіостро.—Магнетизмы—истинны.— Электро-біологія.—Ступачіе духи. 224 стр.
Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Часть II. Электрическіе люди.—От- зывчивыя улитки.—Вертающіе столы и ме- думы. 130 стр.
Подъ водою. Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Л. Фигье. Переводъ изъ редакцій и съ дополненіями Гр. Ф.—м. 120 стр. (съ 23 рисунк.).
Пять вѣнечныхъ чувствъ. Л. Фигье. Обрабо- тать и дополнить Д-ръ Ю. Жалиса. 152 стр. (съ 20-ю рис.).
Чудеса гипнотизма. Исторія и современ- ное положеніе вопроса о гипнотизмѣ.—Очерки В. Витнера. 266 стр. (съ 6 рис.).
Выписки изъ кн. св. П. П. СОЙКИНА (СПБ., Стрельбиная, 12) за перес. не платятъ.
▲ Новый каталогъ—бесплатно ▲

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы,
СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго из- вѣстно.
Для моря. приема достаточно 1/2 обмен. стакана.
Просимъ обра- щать вниманіе на нашу предо- хранител. марку портретъ, котора я неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки насто- ящей нашей воды.
Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
Ц. № 9157 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-11
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.
НѢЖНОСТЬ И СВѢЖЕСТЬ ЛИЦА
ПУХОВКА-ЮНОСТИ
Косметика В. Липше.
Замѣняютъ лучшую пудру, пуховку, пудреницу и зеркало.
Получать можно вездѣ.

ТРЕБУЙТЕ
АНТИПАРАЗИТЪ
ОТЪ КЛОПОВЪ
П. СТОЛКИНДА
Продается вездѣ.
Главный складъ Москва
Лубянский проездъ д. Смольянинова.
Нижегород. Ямарка, Главныи домъ № 57.
Л. А. Столкинда.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ.
ДЛЯ ВСКАРМЛИВАНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ
суррогатъ материнскаго молока.
ЦѢНА ЖЕСТЯНКИ 1 р. 50 к.
СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.
ЦѢНА ЖЕСТ. 1 руб. 10 коп. 6-4
Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*
Оптовый складъ въ центральн. депо перевозочныхъ и хирургич. материаловъ торговаго дома **АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ** въ С.-Петербурѣ, Гороховая, 33.
Въ С.-Петербурѣ можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ.

НОВОЕ СОБРАНІЕ НОТЪ за 1897 г.
12 ТЕТРАДЕЙ НОТЪ для РОЛЯ
за 1 рубль сер.
Сочиненія для танцовъ, салон. игры и пр., въ томъ числѣ и новый танецъ съ фигурами
МИНЬОНЪ и
ФОРТЕПИАННАЯ КЛАВИАТУРА
для легкаго изученія игры по нотамъ, всѣ ноты стоимостью около 5 р. с. про- даются за 1 р. с., по нотѣ 1 р. 35 к.
Музыкальный **Ю. ГИЛЬКНЕРЪ.**
Москва, Тверская, д. Варгина.

ВЛОСОУМЫДЫ
съ повѣнныи усовершенствованіями 1897 г. предлагаетъ въ огромномъ выборѣ предста- витель американскихъ, английскихъ и гер- манскихъ фабрикъ
РОБЕРТЪ ГЕТЦЪ
уголъ Садовой и Гороховой, д. Водникова.
Ц. № 10145 С.-Петербурѣ. 3-1
Принимаетъ въ починку велосипеды всѣхъ системъ въ спеціальной отдѣленіи моего механич. завода, 11 рога Изнайлов. поля, соб. д. 6. Прейсъ-курантъ бесплатно.

Попробуйте японскій чай
развѣнчанный подъ казенной бандерою. Сильный настои, превосходный вкусъ. От- правна отъ 3-хъ ф. по оптовой цѣнѣ съ налож. платеж. почтой и по ж. д. Прейсъ-курантъ японскимъ чаемъ:
ЦѢНА РОЗИ. ЦѢНА ОУГ.
№ 1. Ароматиче- ской съ сильн. наст. . . . . 1 р. 60 к. 1 р. 35 к.
№ 2. Розанетый букетный . . . . . 2 . . . . . 1 . 70 .
№ 3. Любительск. цвѣтанный . . . . . 2 . 50 . 2 . . . .
№ 4. Ландышъ-бу- кетн. сам. выс. сортъ . . . . . 3 . . . . . 2 . 40 .
Пересылка за сч. покупателя. Адресоваться къ представителю для всей Россіи япон- скихъ чаеплантаторовъ: **МОСКВА, Мясниц- кая, Харитоньевскій пер., д. Котова, М. ЛЕВЕНСОНУ.** Выписывающъ 50 ф. скидки увеличивается.

ПОКУПАЙТЕ ТОЛЬКО
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ и
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ
освѣжаютъ ротъ и предохраняютъ зубы. 5-4
СПЕ. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
Главные склады: СПБ., Площадь Александр. театра, 9.—МОСКВА, Николь- ская, д. Череметева.—ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 37. **ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.**

ВЫГРЫШ.
НЫЕ 1, 2 и 3 выигрываютъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Цесскій, СІВ. 10-9

КАТАЛОГЪ магазина модныхъ журналовъ всего міра и выкроекъ И. А. Позина въ Москвѣ, на Тверской, высылаются по всей Россіи бесплатно. Адресъ для телеграммъ: Позинъ — Москва.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.;
3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что трудно узнать отъ настоящаго брилліанта.
Перес. налож. платежнъ. С.-Петербурѣ, Невскій, № 20-31.

ЗАОЧНО (письменно)
Теорія и практика счисленія на счетъ по след. програм. поурочно—75 к. и 1 р. Подробныя условія письменно: Москва, Пат- никова, д. № 7.
Н. Фрейманъ.
НОВАЯ КНИГА В. ВЕЛЪЯМИНОВА:
НОВѢЙШЕ ЛЕГКІЕ СПОСОБЫ УКРѢПЛЯТЬ ПАМЯТЬ.
Необходимыя рукоп., главн. обр. для уча- щихся. Изд. II. СІВ. № 60 к., съ перес. 75 к. Выписывающіе (марками) изъ склада. Невскій пр., д. 108, кв. 42, за перес. не платятъ. Ц № 10142

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НѢЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая мудра незаметная и неослабляя.
ED. PINAUD
PARIS

Дачи, кумысь
въ основнои рождъ у города Ставрополя Самарск. губ. на Волгѣ.
До 200 дачъ разной величинъ, мебелиров., много совершенно новыхъ, съ отдѣльными кухнями и ледниками; сезонная цѣна 25—20) р.; ест. и общій столъ. Кумысь К. М. Кру- гова, Алешина и др., на дорожѣ 20 к. за бутылку, Аптека. Доктора. Купанье. Дешевый промывка. Почва сухая, воздухъ смолотный. Пароходими пристани въ 4 верстахъ. Ката- ные на лодкахъ въ Жигулевскія горы. Подробности въ г. СТАВРОПОЛѢ, отъ К. М. Круглова или И. О. Анкерь (аптека).

ОЦИНКОВАННОЕ НИКОГДА НЕ РИНАВЪЮЩЕЕ ГАЛЬВАНИЗИРОВАННОЕ ЖЕЛѢЗО ДЛЯ КРЫШЪ
НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.
заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
въ Москвѣ, Тв. вост., Петр. слоб., соб. д. Прейсъ-курантъ бесплатно.
БЕСПЛАТНО ВЫСЫЛАЕТЪ НАЖДОМУ книжку о кровлѣ и штыль и основательно обучаетъ кровлѣ и штылю заочно, т. е. письменно на русскіи и нѣмецкыи язы- кахъ, преподавательница практической кров- ли и штыля, М-ръ Найдичъ, Давидъ-Горо- № 10115 дожд. Минск. губ. 2-2

ФИСГАРМОНИИ
 известным фабрикам
ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА
 и других хороших фабрик в 85, 100,
 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225,
 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500,
 550, 750, 800 и 1000 руб.
 Прейс-курanty безплатно.
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо и фабрика
 музыкальных инструментовъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, 34
 Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Утренний напитокъ.

Для замены обыкновеннаго шоколада, бы-
вающаго нередко приторнымъ, можно при-
готовить себѣ чашку

ПРЕВОСХОДНАГО ЛЕГКАГО ШОКОЛАДА,
разведеннаго въ кипячей чайную ложку

какао Ванъ-Гоутена.

Для полученаго шоколада на молокѣ, напитокъ
нужно варить только полчаса, а остальное
доить молокомъ.

Какао Ванъ-Гоутена занимаетъ первое мѣсто
въ ряду этого рода продуктовъ и своимъ
неотъемлемымъ успѣхомъ обязанъ исклю-
чительно своимъ прекраснымъ качествамъ.

№ 10149 2-1

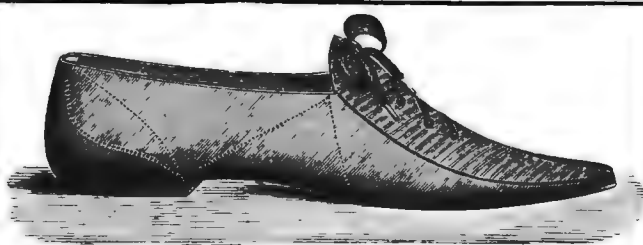
Литейный просп., № 43.
Станки для обработки дерева и металла
отъ 65 р. Прейс-курanty за 7 коп.

Большое депо часовъ
БАЛЬТШВАГЕРЪ
 НЕВСКІЙ ПР.
 № 42.
 С. ПЕТЕРБУРГЪ
 Прейс-Кур. Высыл. безпл.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиница „ВИКТОРИЯ“
 Казанская ул., д. № 29.
 Первоклассная гостиница съ большими
 просторными комнатами; электрическое
 освѣщеніе; ванна. Обиліе всего
 удобства.
 Владелец **К. И. ЛАНГЕ.**
 10-5

КРАСИВО выучивается всѣмъ заочно
 (посредствомъ переписки)
ПИСАТЬ въ 15 урокахъ у
 профессора каллиграфіи
А. КОССОДО.
 Методъ преподаванія въ Парижской
 всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ
 золотой медали. № 9442 6-5
 За 2 семиклассными нарисъ высылаются
 пробное выписе и условия, а за 4 семикл-
 ассными нарисъ выписе. Пробное выписе
 шрифтовъ, подробныя условия и образцы
 пера выписе высылать. Адресъ:
 профессору каллиграфіи Адольфу Кос-
 содо въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

КУШАНТЕ ГЕРКУЛЕСЬ.

Товарищество С.-Петербургскаго Меха- ническаго Производства Обуви.

Всеобщее одобреніе, которое заслужи-
ли наши „СКОРОХОДЫ“ во всѣхъ
частяхъ Россіи и даже далеко за пре-
дѣлы Россійской Имперіи, естественно,
вызвало множество поддѣлокъ; большин-
ство послѣднихъ страдаетъ такими не-
достатками, что имъ никакъ уже нельзя
присвоить названія, которое мы дали
этому виду обуви. Кто при закупкѣ не
желаетъ терпѣть убытка, тотъ, несомнѣн-
но, долженъ обратить вниманіе на наше
фабричное клеймо, которымъ снабжена
каждая наша подошва.

Новый пре-
фектурный
инструментъ
за 1897 г.
Оружіе Я-
наго Склада
подъ фирмою:
„Центральное депо оружія“
Б. Коммунальная, 29. Од. Венгг. За
приложеніемъ двухъ 7 к. почт. нарисъ
высылать безплатно. Много новостей.

Большая золотая медаль Парижъ.
 * МАССА БЛАГОДАРНОСТЕЙ ОТЪЗВОНЪ *
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
 ИНОГОРОДНЫХЪ И ВОСХОДНЫХЪ
ПОСРЕДСТВОМЪ ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
 ВЫСНОМЪ ЗАНИМАЮЩИХЪ УТОЧНО ПРОВО-
 ДАНІЕМЪ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
 ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СОВЕРШЕННЫМЪ НАУЧ-
 НЫМЪ МЕТОДОМЪ. ВЫСЫЛАЮТСЯ
 ПОСРЕДСТВОМЪ ПОЧТЫ. * БЕЗПЛАТНО *
С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ
 БОЛЬШАЯ БУТЪРСКАЯ УЛ., Д. № 27.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЪБЕРГЪ
 С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25.
 страхуетъ
 5% вѣд. съ выигр. ласт. Гос. Двор.
 Зем. Банка отъ тарама 1 мая 1897 г
 по 75 коп. 3-1

НОВОСТЬ!
ДУХИ
 ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОНАЦІИ
 поставщиковъ
 ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАЛЛЕ И К°.
 Москва, Кузнецкій
 мостъ.
 С.-Петербургъ, Нев-
 скій, № 18. (15)

Новѣйшее для дѣтей
ВОЛШЕБНАЯ ЖИВОПИСЬ.
 Дѣти проводятъ кисточкой съ чистою
 водою по картинкамъ, и онѣ сейчасъ же
 превращаются въ раскрашенныя.
 Очень забавно и удивительно.
 40 карт. 2 р. 25 к., 40—за 1.25, 20—за 70 к.
 Цѣны съ пересылкою. Деньги можно вы-
 слать марками. Съ высл. плат. 10 к. дорожн.
БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20-31.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
 съ 12 р. до 500 р. и выш.
 СОБСТВЕННЫМЪ МАСТЕРСКИМЪ,
 ЭМБИЛЬНЫМЪ
 П. П. П. КУРЯВЪ ЗА 40 К. МАР.
 МЪ П.
БРУНО ЗЕНГЕРЪ И К°
 С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20-31.

ЗАЯВЛЕНІЕ
 ѣдичится въ лечебномъ учрежденіи
 И. И. Гимиллера. Москва, Земля-
 ной валь, Яковлевскій пер., д. Ду-
 ханиной. **ПЛАТА ПО**
ИЗЛѢЧЕНІИ
 Условія высылаются безплатно.

ВАСИЛІИ АУРИХЪ
 Колокольная
 18-19
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
 Для поласканія зубовъ
 ДЕСЯТИЛѢТНЕГО ВѢКА
 С. ПЕТЕРБУРГЪ

НОВОСТИ
 на 1897 г.
ТРЕБУЕТСЯ
НОВЫЕ КАТАЛОГИ
АНГЛИЙСКИХЪ И АМЕРИКАНСКИХЪ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ
 ТОРГ. ДОМЪ
АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ
 МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова
ВЪЗДУШНЫЯ МАШИНЫ
 Шафгаузенской фабрики Гельмгольца про-
 дается у Ф. В. Гунъ и К°. С. П. Б., Нев-
 скій пр., № 5. 4-1

При этомъ въ прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ А. Ралле и К° въ Москвѣ.

XXVIII г.

№ 16

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти еженед. книг „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусков еженедельных литературных приложений, 12 № „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выданъ 19 апрѣля 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровский торговый линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 3 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.									

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Еженедельн. литерат. приложений» за апрѣль 1897 г.

Merveilleuse. Съ картины Фердинанда Резничека граф. Геданъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

V.

Да, сегодня было горько отцу Антонину.

Богъ знаетъ, въ который разъ онъ исповѣдался, и тоже Богъ знаетъ, въ который разъ грѣхъ его былъ ему отпущенъ духовникомъ, но онъ самъ еще не прощалъ его себѣ. Онъ не приходилъ мѣста. Именно въ этотъ день, у постели больной жены, онъ узналъ, что ея недугъ смертеленъ, и въ маленькомъ тогдашнемъ раю своемъ онъ впервые почувствовалъ дыханіе адаво. Да и полно, рай ли это былъ? Не капище ли, въ которомъ онъ молился сотворенному себѣ кумиру?.. Въ тоскѣ смитенной души, онъ вернулся въ келью и опять часъ за часомъ, мигъ за мигомъ, переживалъ прошлое... Онъ сидѣлъ на простомъ табуретѣ, у окна, не замѣчал, что по ту сторону его стекла, удѣлись маленькими лапками за гибкій кончикъ вѣтки, задорно пыжится и точно дразнить его назойливымъ крикомъ веселый щегленокъ... Какъ вдругъ, другой, болѣе сильный шумъ, вывелъ его изъ задумчивости... Къ нему въ дверь стучали. Онъ прислушивался. Если бы это былъ монахъ, до него бы дошло: „Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“... И онъ бы отвѣтилъ: „Аминь“.

Нѣтъ... Чей-то женскій голосъ.

— Отецъ Антонинъ, вы у себя?

— Войдите.

Онъ всталъ, страдальческое выраженіе не сбѣжало еще съ его лица.

— Здравствуй... Я опять здѣсь... Въ прошлый разъ не удалось тебя видѣть... Впрочемъ, что же это я на „ты“, все забываю, что вы уже давно монахи. Подъ благословеніе надо, да?.. Какъ это...

Она, очевидно, стѣснялась, конфузилась и искала настоящаго тона съ нимъ.

Отецъ Антонинъ ласково ей улыбнулся. Для другихъ—у него еще была улыбка...

— Все равно... Дай я тебя благословлю...

Она подставила ему голову.

— А ты... вы, то-есть, все такой же... блѣдный, красивый... Вы знаете, я такихъ монаховъ видѣла только на картинахъ итальянскихъ мастеровъ... Даже странно, что у меня такой кузень...—Вѣдь я еще дѣвочкой была—помню васъ—все въ шелку любовалась или въ замочную скважину... Какая глупость... правда?

Миръ съ его суетою ворвался къ нему. Отецъ Антонинъ только сейчасъ замѣтилъ, что оставилъ руку въ ея рукѣ, и тихо освободилъ ее.

— Вы такой веселый были... Да вѣтъ, не могу я вамъ — вы... Ну, васъ совсѣмъ, давайте попрежнему па „ты“.

— Говори, какъ хочешь, Елена Борисовна.

— И какая я вамъ Елена Борисовна... Леля... Или еще лучше Лелька... Развѣ ты забылъ, какъ меня звалъ?

— У каждаго есть христіанское имя.

— И не правда. Ты меня не христіанскимъ. Вспомнико... Можетъ-быть тебѣ теперь не прилично?..

— Грѣха не вижу.

— Фу, какъ все это важно... Вы-то здѣсь бываете когда людьми?.. Или вѣчно—точно нарисованные, нарочно... Такъ вспомнилъ кузину Брыську? А?

И звонко расхохоталась. Онъ даже удивленно повелъ на нее глазами. Смѣхъ въ его кельѣ—такъ это ему странно, дико, необычно. До сихъ поръ здѣсь все было полно его тоскою...

— И вѣдь нашелъ же тогда, какъ меня назвать—Брыська. Да вѣдь и правда. Приставала я. Взберусь, бывало, къ тебѣ на колѣни, схвачу за усы и, точно колоколь, голову тебѣ вправо-влѣво, а сама дилли-донъ, дилли-донъ, загорѣлся козій домъ, коза выскочила, глаза выпучила...

И она опять засмѣялась во всю. Смѣхъ очень шелъ ей. Онъ освѣщала какую-то внутренней радостью смуглое съ слишкомъ горячими глазами лицо... И губы въ это время не казались такими чувственными...

— Ты сюда съ мужемъ?..

— И съ мужемъ и...—она вдругъ точно потемнѣла вся,—и съ тестемъ... Знаешь ты, съ Моисеемъ Лукичемъ. Онъ вѣдь меня на правожь сюда...

— Зачѣмъ? Что ты сказала, на?..

— На правожь... Къ отцу Варлааму... Чтобы я съ мужемъ лучше жила...

— А ты развѣ дурно съ нимъ?

— Не хмурь, не хмурь бровей... И совсѣмъ тебѣ это не идетъ. Для кузины Брыски—ты вовсе не іеромонахъ отецъ Антонинъ, а просто братъ, котораго она очень любила... И теперь любить... Дурно? Исповѣдать ты меня хочешь? Такъ вотъ тебѣ—ни шатко, ни валко...

— То-есть, какъ это?

— А такъ—ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга.

— Елена!..

— Ахъ, я и забыла, что въ кельѣ у тебя. Это что же за большія книги такія?.. Страшно даже. Неужели тебѣ велѣно ихъ прочитать... И печатано какъ...

— Четы-миней... Оставь, оставь ихъ...

— Постой... Я загадать хочу... Что мнѣ выйдетъ.

Не мѣшай, не мѣшай. Хорошо меня поминишь, что вздумая, непременно сбѣлаю. Развѣ это грѣхъ?

— Сумасшедшая ты — вотъ что. Съ такихъ Господь и грѣха не спрашиваетъ.

— Рукой Онъ на такихъ махнулъ?..

— Елена!

— Виновата, виновата, не буду... Я все на сочиненія Пушкина гадаю. Разверну на удачу и, зажмурясь, пальцемъ... Только все чепуха выходитъ... Въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ сюда — ткнулась прямо въ совсѣмъ неподходящее: „съ пармезаномъ макароны—и личицу сварил...“ Можетъ-быть на четы-минелхъ мнѣ больше повезеть.

Но отецъ Антонинъ строго отнял у нея книгу и отнесъ въ сторону.

— Негоже, значить, грѣшно? Ну, я вотъ, на эту. Что такое и не понять ничего. „Невидимая брань“, „блаженные памяти старца Никодима святогорца“. Послушай, отчего это у тебя все непонятное? Ну, что такое невидимая брань, а?.. Кто же брань видѣть можетъ—ее только слышать. Вотъ, напримѣръ, когда мой тестюшка, Моисей Лукичъ...

— Тутъ не такая брань. Брань — то-есть „бореніе, борьба...“

— А, вотъ что... Постой, я загадаю. Зажмурилась, открыла... Разъ, два, три... Ну, что вышло: „людіе мои, блажащие васъ лстыятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ...“ Ничего не понимаю. Что это значить? Какъ это понять?.. Да ну же...

— Знаешь что, кузина Брыська, оставь ты меня, ради Христа, въ покоѣ.

— Это значить: пошла вонъ. Такъ?

— Не совсѣмъ. Мнѣ съ тобой неприлично въ такомъ тонѣ...

— А развѣ тебя за это накажутъ? Постой, погоди. Скажи пожалуйста, какъ отецъ Варлаамъ, большая или малая бука? А?

— Онъ вовсе не бука. Почтенный и сильный духомъ старецъ.

— Онъ меня бить не будетъ?

— Дура ты была, дура ты и осталась!

— Вотъ такъ-то лучше. А то напустилъ на себя святость — и молишь на него... Про тебя, знаешь, что рассказываютъ. Что ты и теперь ужъ совсѣмъ молчи. А умрешь — сейчасъ чудеса... Ты не сердись, а ты знаешь, я тебя вотъ вѣдь какъ боялась, только что отъ трусости нахальства на себя напустила, а передъ дверями твоими минуты три стояла, все не рѣшалась постучать... Думаю—вдругъ ты меня сейчасъ въ уголь и поклоны бить.

— Слѣдовало бы.

— Мало ли что. Развѣ я говорю, что пѣтъ...

— Ты вотъ что лучше объясни, почему это у васъ не лады дома?

— И не будетъ лады. Развѣ я мѣшаю тестю. Ну, пусть Моисей Лукичъ умретъ. Мнѣ больше ничего и не надо.

Отецъ Антонинъ перекрестился.

— Фу, ты,—чего только твой языкъ не болтаетъ.

— Ей-Богу—я такъ и думаю, какъ говорю. Алеша—смирный. Съ нимъ бы я сладила. А вѣдь ты знаешь—я вотъ на эстолько его не люблю,—зацѣпила она великолѣпными бѣлыми, какъ слоновою костью, зубами ного-токъ мизинца.

— Зачѣмъ замужъ шла?

— По глупости. Девятнадцать лѣтъ было, подружки уже покрутились, а я всѣхъ красивѣе—и въ дѣвкахъ сижу. Ну, кто первый пришелъ, тотъ и взялъ. Бѣднота въ домѣ—мать-покойница уговаривала. Вѣдь мы, хоть и княжны были, а на три дня разъ супъ варили...

— Ахъ, міръ, міръ...

— Что?..

— Нѣтъ, это мой сосѣдъ по кельѣ, отецъ Гермогенъ такъ... Грѣхъ-то, грѣхъ какой!

— То-есть, не то чтобы я его не любила. Слишкомъ я сильная да властная, а онъ покорный, ласковый... Хоть веревки изъ него вей... Думала, намъ вмѣстѣ хорошо будетъ. Потому манеры у него. Отецъ изъ купцовъ, а сына-то въ лицѣ воспитывалъ. Ну, и вальсъ онъ такъ танцевалъ, какъ пикто... Удивительно! Знаешь, точно въ небо летимъ... Ахъ, впрочемъ, и этого при тебѣ нельзя. Фу, какъ скучно. Ты мнѣ скажи, Саша... Виновата, отецъ Антонинъ, тебѣ это не надо было еще? А? Ну, такъ вотъ. И не будь Моисея Лукича, мы бы отлично жили. Я бы правила, а онъ бы, Алеша, слушался. А тесть тутъ какъ тутъ. И во все мѣшается. Все у меня не хорошо: зачѣмъ верхомъ съ офицерами ѣзжу, зачѣмъ изъ ружья стрѣляю.

— Изъ ружья?

— Да. Чего ты тарачишься? Я и на охоту хожу. У меня мужскіе сапоги такіе и короткій полубубокъ... И собаки свои Мосейка и Алешка. Это я въ честь мужа и тестя такъ, а имъ не правится.

— Кому понравится.

— Ты знаешь, онъ какой, Алеша? Вѣдь Моисей Лукичъ бьетъ его. А ему тридцать два года, и онъ ни слова. Все изъ-за денегъ—боится, что тотъ его наслѣдства лишитъ. Ну, какъ же мнѣ съ такими людьми?

— Надо было раньше смотрѣть, а подъ вѣнцомъ стояла—теперь ужъ...

— Постой, постой, ты это изъ катехизиса. Изъ катехизиса я сама знаю. У меня меньше двѣнадцати балловъ не было. Батюшка у насъ былъ добрый. Бывало войдетъ—сдѣлаешь жалостное лицо. Онъ сейчасъ же засмѣется: „ну, иди, иди, комедіантка“, и двѣнадцать балловъ.

— Но все-таки не несчастна же ты... Вотъ, я вижу, улыбаешься...

— А я вѣдь плакать не умѣю... У меня глаза на сухомъ мѣстѣ выросли... И потомъ—много у меня силы. Дѣлать некуда. А то другая давно бы ужъ въ петлю вѣзла. Вѣдь Моисей Лукичъ-то какой подлецъ...

— Елепа...

— Именно подлецъ. Онъ меня ссорить съ мужемъ вздумалъ... Разныя ему глупости про меня... Бывало, кто за мной начнетъ ухаживать, онъ сейчасъ и воображаетъ радости и мужу въ уши шипитъ... А у меня и мыслей нѣтъ такихъ.

— Ну, слава Богу.

— То-есть не было...

— Какъ же, значить, не было... А теперь?

— И теперь... Не мысли, а такъ—соображеніе... Ну, самъ подумай, какой онъ мнѣ мужъ?

И она гнѣвно встряхнула густой массой беспорядочно собранныхъ на головѣ волосъ.

— Какой же тебѣ надобенъ?

— А такой, чтобы подковы ломалъ... Чтобы его всѣ боялись, а не онъ передъ каждымъ терялся. Вотъ какой! На Алешу крикни—онъ сейчасъ и обомлѣетъ. А злости и у него тоже. Останется со мною одинъ, и давай нудить. Нудить, нудить... Въ глазахъ черти, а знаетъ, что ничего сдѣлать не можетъ. Какъ комаръ, ты знаешь—плачетъ, плачетъ, ну, думаешь, укуси ты меня ради Христа скорѣе, только отстань. А онъ совсемъ мовешка. Не комаръ—а мой-то. Цѣлый вечеръ будетъ пилить и все такъ ровно, тихо, головы не подыметъ. Точно парывъ—дергаетъ, дергаетъ... А прибить боится. Знаетъ, что я его обломаю. Ты чего больше глаза дѣлаешь? Словамъ моимъ удивляешься—такъ я еще и не такія знаю. Вотъ, если бы у меня такой мужъ былъ, какъ Семигоровъ... Николай Львовичъ... Ты знакомъ съ нимъ?..

— Товарищами были когда-то... То-есть онъ поступалъ въ гимназію, а я уже кончалъ.

— Ну, вотъ видишь... Тогда бы и умирать не надо.

— Леля, Леля, неужели до этого дошло?

— Ни до чего еще не дошло, но если одинъ будетъ нудить сирава, а другой шипѣть слѣва... Я не знаю, чего надъ собой не сдѣлаю. Я вѣдь огонь. Меня только раздуй—не обрадуешься. Вѣдь мы, Балкашипы,—изъ татаръ... У насъ не ваша кровь.

— Ты о Богѣ-то думаешь когда, молишься?

— Ахъ, ты это опять изъ катехизиса...

— Знаешь ли,—скорбно вырвалось у него,—что значить для мужа, который любить...

— Который любить,—перебила она его.

— Ну, да, разужьется.

— Такъ это не объ Алешѣ... Куда ему любить. Да и некогда. Передъ отцомъ цѣлые дни лапками вверхъ служить. До того ли ему. А для любви у него больше—швейки! Тутъ офицеръ былъ одинъ—красавчикъ. Только я на него, ей-Богу, никакого вниманія. Все равно, что вчерашній снѣгъ. Разъ шутя я Алешѣ: „а вѣдь я съ Влаховымъ убѣгу“. Что же онъ, ну, думаю, вспыхнетъ, хоть разъ человѣкомъ себя покажетъ. Да побей онъ меня, и бы къ нему какъ собака привизалась. Потому, я вѣдь привязчива. А онъ, какъ монументъ,—сидитъ и хоть бы глазомъ повелъ. „Ну,—приди раюсь,—что ты, соляной столбъ, сдѣлаешь въ такомъ разѣ?“—„А надо,—говорить,—у папаша спросить. Онъ законы знаетъ. Кажется, по этапу мы,—понимаешь, не онъ, а мы,—имѣемъ право тебя вытребовать“. Хорошо?

Отецъ Антонинъ отмахнулся. Это была совсѣмъ не та любовь, по которой у него душа болѣла.

— Ну, а тотъ... Семигоровъ... Я слышалъ, шалый...

— Онъ... Все сдѣлать можетъ.

И у нея даже глаза загорѣлись.

— Я разъ ему шутя—„пригните въ окно“. Что-жь бы ты думала, какъ онъ кинется. Хорошо, что дерево внизу было, только испарался весь. А вѣдь это третій этажъ.

— Ахъ, Брыська, Брыська. Ты и осталась такой же.

— И онъ, Николай Львовичъ, вездѣ за мной слѣдомъ... Какъ собака. Ты что думаешь, меня въ монастырь привезли, а онъ уже здѣсь, навѣрное. Я и то глаза себѣ на затылокъ ворочаю, не выглядываетъ ли онъ откуда-нибудь.

— А мужъ?

— Мужъ его страсть боится. Медвѣдемъ называетъ. Вчера онъ отцу—Моисей Лукичу—говоритъ: „такихъ Семигоровыхъ въ мирное время слѣдовало бы на цѣпи держать...“ А я это именно и люблю. Идешь подъ-руку съ человѣкомъ, и знаешь, что онъ ни передъ кѣмъ глазъ не опуститъ, а передъ нимъ, напротивъ, всѣ дрожать.

— Что хорошаго, Леля?..

— А то, что на такого положиться можно.

— Брось ты все это. Живи, какъ Богъ велѣлъ. Никто тебя не гналъ замужъ—не силой въ церковь волокли, не пугали... Подумай, вѣдь жить вамъ долго. Оба вы молодые, здоровые, сильные. И одинъ день ада нестершимъ, а вы себѣ цѣлые годы его готовите. Старикъ что—передъ нимъ и смириться можно. Покопись. Почти лице старче. Онъ за свои грѣхи самъ отвѣтитъ—не ты ему судья.

— Да ты вѣрно его не знаешь?

— Нѣтъ, слышалъ только.

— Я его, понимаешь ты...—у нея даже поздри раздулись и глаза загорѣлись такимъ блескомъ, что отецъ Антонинъ отвернулся.—Непавижу!.. Мужа презираю за ничтожество, а его не-павижу... Непавижу и непавижу! Онъ живого мѣста во мнѣ не оставилъ. Все запако-стилъ, оскорбилъ... Одними подозрѣніями своими...

— Можно?—послышалось у дверей.

Елена Борисовна такъ и сѣла... Вся вспыхнула и зашептала:

XVII Акварельная выставка. „Запорожский пикет“.
Съ картины С. И. Васильковского (исключительное право воспроизведения принадлежит „Ильи“) грав. Шюблеръ.

У выставке С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Возвращеніе волостного старшины на родину, послѣ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.“
 Съ карт. п. М. Геллера (исключ. право воспроизведенія принадлежить „Нивѣ“) грав. Павловъ.

— Скажи вѣтъ, скажи нельзя... Не пускай.

Но было поздно. Дверь кельи отворилась, и къ отцу Антонину вошелъ Николай Львовичъ Семигоровъ.

— Ты меня извини... Я по старой дружбѣ. Позволь мнѣ—не подь благословеніе, а обнять тебя. Елена Борисовна, и вы здѣсь... Да вы вѣдь родственники...

А самъ мнется передъ ней—кажется, дай себѣ волю, схватилъ бы и за тридцать земель, въ тридцатое царство уволокъ—зубами за загривокъ.

— Николай Львовичъ,—вдругъ рѣшительно проговорила она.

Тотъ поднялъ на нее синіе глаза.

— Васъ зачѣмъ сюда принесло?

— Да развѣ я не въ правѣ. Куда хочу, туда и ѣзжу.

— Вы не въ кусты—а по правдѣ. Чего прячетесь.

— Я не прячусь. Хотѣлъ васъ увидѣть и пріѣхалъ.

— Ступайте вонъ теперь. Сейчасъ ступайте. Уйду я отъ кузена, сколько угодно у него сидите. А пока я здѣсь—пошли хоть въ садъ, что ли. Что за радость мнѣ изъ-за васъ цѣлый вечеръ слушать съ обѣихъ сторонъ. Идите, идите...

— Ты что же это у меня респоряжаешься?.. А, впрочемъ, можетъ быть, такъ и лучше.

Николай Львовичъ покорно поклонился и вышелъ.

— Видѣлъ ты его?—обвела отца Антонина Елена Борисовна сіявшимъ взглядомъ.

— Видѣлъ!

— Правда, какъ въ сказкахъ... Всамодѣльные вовсе не такіе...

— Ну, теперь объ этомъ поздно тебѣ разсуждать.

— Я и не разсуждаю... Я никогда не разсуждала...

„Что я ей скажу?—думалъ отецъ Антонинъ, не подымая на нее печальныхъ глазъ.—Да и въ правѣ ли я, который и своего маленькаго счастья сохранить не сумѣлъ“.

И передъ нимъ, точно въявь, поднялся милый образъ покойной жены съ ея загадочнымъ, послѣдніе три года, точно о чемъ-то допрашивавшимся у него взглядомъ. „Вездѣ одна и та же скорбь, должно-быть на землѣ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ настоящаго благоденствія. Околочиваются люди углами другъ о друга. Обманываютъ и обманываются, увлекаются несбыточными надеждами и, не замѣчая дѣйствительности, пребываютъ въ вѣчныхъ миражахъ—и пока стоитъ такое марево кругомъ, какъ будто и счастливы. Только не касайся его, а коснулся—разочарованіе и скорбь. Да, міръ призраковъ, міръ иллюзій, измѣнчивыхъ какъ туманъ подь вѣтромъ. Зачѣмъ-то человѣку нужно пройти эту долину видѣній, извѣрнуться и обмануться во всемъ его окружавшемъ, разбить всѣ привязанности или слишкомъ рано утратить ихъ, надѣлать ошибокъ, сбиться на ложный путь и погибнуть или умереть, кляня все, что любилъ когда-то... И тѣ, кто считали себя умнѣе другихъ—еще большіе удары переносить отъ смѣющагося надъ ними „князя власти воздушный“. Хуже всего самонѣннымъ, отступающимъ въ малѣ отъ заповѣдей Господнихъ. Отступить въ малѣ—а завтра еще—смотришь, потомъ и не вернуться уже. Гордыня ума обманчива! Только чувство вѣрно направляетъ душу. Какъ это у Никодима сказано: „Воспротивляйся, обуздавай быстроту ума своего, будь буй изъ любви къ Богу, ежели желаешь быть премудрѣе Соломона“, и въ посланіи къ коринтянамъ тоже: „Аще кто мнитъся мудръ быти въ вѣдѣ семъ—буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ“... А въ то же самое время дорогаго ли стоитъ эта премудрость. Человѣкъ источаетъ на нее мозгъ костей своихъ, цѣною кровавыхъ слезъ и мучительнѣйшихъ болей добываетъ крупицу ея, для того, чтобы убѣдиться въ тщетѣ всего, и плоды Духа все-таки не даются, и Богъ, утаивъ ихъ отъ премудрыхъ и разумныхъ, открываетъ младенцамъ. И вотъ, эта мнущаяся душа. Развѣ она счастлива, Елена Борисовна,

хоть и смѣется такъ, что позавидуешь ей. А смотри не глазами—а внутренне прозираи, зажмурься, да послушай этотъ смѣхъ—вѣдь въ немъ сердце плачетъ. И мужъ ея тоже тяготу несетъ, и благоденствіе Николая Львовича аду приблизилось. А всему причина—старикъ Моисей Лукичъ—плель-плель свои паутины—и тоже навѣрное въ глубинѣ сердца жизнь клянетъ, поговори съ нимъ самимъ—несчастливымъ человѣкомъ себя считаетъ. Ахъ, міръ, міръ... Или все это такъ нарочно устроено Провидѣніемъ, чтобы мы здѣсь познали тщету всего и поняли, что истинное счастье тамъ, за рубежемъ смерти—въ Богѣ и для Бога“.

Его потянуло къ молитвѣ. Въ сердцѣ росло то нетерпѣливое желаніе одиночества, когда рождаются въ душѣ возвышенные порывы, и, разрастаясь въ вихрѣ, уносятъ все земное за предѣлы міра, къ инымъ, вѣчнымъ небесамъ съ ихъ божественною славою и непреходящимъ блескомъ...

Елена Борисовна и сама замѣтила, что засидѣлась...

— Моисей Лукичъ-то теперь горячку поретъ. Воображаетъ, что я бѣжала.

— Богъ съ нимъ,—какимъ-то упавшимъ голосомъ проговорилъ отецъ Антонинъ.

— Ты мнѣ позволишь еще разъ побывать у тебя? Мы вѣдь недѣлю останемся.

— Да, да...

— Ну, благослови меня, и я пойду.

Тотъ перекрестилъ ее. Она поймала его руку, поцѣловала ее и вдругъ заплакала.

— Что ты, что ты... Вѣрь, надѣйся на Бога, молись...

— Ахъ, ты это, отецъ, изъ катехизиса...

Какъ тихо у него въ кельѣ... За окнами смеркается... Монастырская стѣна вся въ золотѣ заката, а внизу, въ саду, уже потемки. Смутно въ нихъ намѣчиваются деревья. Къ ночи сильнѣе откуда-то запахло цвѣтами. Жукъ влетѣлъ въ комнату, съ ровнымъ гудѣньемъ пронесся подь потолкомъ, шлепнулся о стѣну и упалъ на полъ. Отецъ Антонинъ поднялъ и опустилъ за окномъ на листья... Самъ онъ нѣсколько минутъ оставался, глядя въ глубину небесъ... Потомъ, не оборачиваясь къ иконамъ, опустилъ на колѣна и наклонилъ голову. О чемъ была молитва его? Онъ ничего не желалъ, ничего не просилъ въ эту минуту. Но душа его, точно вся пропѣживалась съвозы это худое и большое тѣло, тянулася въ ниточку куда-то въ недосигаемую высь, стремясь къ источнику всякой жизни, къ вѣчному очагу бытія. Отецъ Антонинъ самъ не замѣчалъ, что его глаза влажны,—онъ былъ теперь внѣ себя и ощущалъ кругомъ присутствіе таинственнаго, невѣдомаго, ничего общаго не имѣвшаго съ міромъ красокъ и звуковъ... „Простите, простите меня, милыя тѣни“. И онъ будто тончайшими токама души пытался, отыскавъ ихъ за предѣлами познаваемаго, коснуться ихъ и хоть разъ добиться отвѣта... Но тотъ міръ, чуть открывшій его стремительному порыву свои загадочныя завѣсы—молчалъ. Тамъ было тоже безмолвіе, тамъ царило нѣчто чуждое его воплощенной душѣ... И онъ, какъ подстрѣленная птица, падалъ внизъ, бился крыльями о землю и уже не находилъ больше силы подняться туда. Начинался обычный припадокъ...

Отецъ Гермогенъ только что вернулся изъ лѣсу.

Онъ былъ весь въ поту еще. Послушаніе, данное ему игуменомъ, онъ исполнилъ. Вывороченные пни торчали теперь на недавно очищенной отъ деревъ полянѣ, корневищами вверхъ. Земля, обнаженная до глубины, испарялась въ холодѣющемъ воздухѣ вечера... Монахъ чувствовалъ себя отлично. Потрудился во славу Божью... Теперь сходить въ церковь и заснуть спокойно... Онъ сбросилъ смокшю рясю, клубокъ поставилъ на столъ, и въ одной рубахѣ, на выпускъ,—мужикъ-мужикомъ,—остался у себя, какъ вдругъ, изъ комнаты рядомъ, ему послышались стenanія.

— Опять съ отцомъ Антониномъ. Ишь мучится.

Онъ притаился, желая разобрать, что съ тѣмъ творится.

Глухой стукъ чего-то о полъ. Отецъ Гермогенъ всталъ, какъ былъ, вышелъ въ коридоръ и, постучась, отворилъ дверь къ сосѣду.

— Чего ты, отецъ?..

Антонина всего подбрасывало. Онъ ударился головою о доски пола. Горло его какъ-то выпирало наружу, рыданіе застревало въ немъ, не имѣя силы вырваться и освободить грудь.

— Ахъ ты—живая душа!

Гермогенъ какъ ребенка поднялъ его и положилъ на постель. Широко перекрестилъ.

— Ну, что... Ну, чего ты полыхаешься? Семь-ко я тебя святой водицей.

Забѣжалъ къ себѣ, взялъ богоявленской воды, прыпнулъ на него, разжалъ ему съ силою ротъ и далъ глотокъ. Отецъ Антонинъ поперхнулся, закашлялся и открылъ глаза.

— Чего ты? Нешъ у другихъ, думаешь, своего горя нѣтъ? Ты въ меня загляни. Всякій, братъ, кается. Такой души живой нѣтъ, чтобы ей не страшно предстать на судъ... А только ты чего это Бога обижаешь. Развѣ такъ метаться можно? Что-жъ ты въ Его милосердіи отчаялся, что ли? А еще монахъ. Ты бы къ отцу архимандриту сходилъ. Онъ тебѣ все это лучше моего расскажетъ.

Антонинъ пришелъ въ себя.

Что ему было отвѣчать? Онъ не прощенія искалъ—это было уже дано ему. Онъ жаждалъ примиренія и общенія съ дорогими и близкими мертвецами—и они-то не отзывались ему на мучительные поиски его души.

— Ахъ, мѣръ, мѣръ. Во злѣ лежитъ... Что я тебѣ скажу, коли ты умѣй меня. Я вѣдь солдатъ, а ты всѣмъ наукамъ обучался. У меня съ тобой плохой разговоръ будетъ.

Глухо ударилъ соборный колоколь. Торжественно прокатилась благовѣствующая молва бронзовыхъ языковъ по обители... Широко упрगीя волны вечерняго звона вливались въ кельи, наполняя ихъ своимъ трепетомъ и движеніемъ. Враздробъ понесся вдогонку за ними перебой маленькихъ колоколовъ... Солнце уже сѣло... Пора было идти въ церковь... Изъ гостиницы потянулись туда богомольцы... Въ окнахъ церкви свѣтились лампады и восковыя [свѣчи... Гермогенъ и Антонинъ вышли вдвоемъ.

— Такъ-то лучше,—ободрялъ первый,—нежели чорта-то тѣшить. Вѣдь онъ, подлецъ, кого радостью обмануть не можетъ, сейчасъ на старое горе ловить. У него на насъ разныя наживки есть. На одну не попадешь, онъ тебѣ другую выкинетъ... И сейчасъ тебя за жабры... А ты плюнь на него—и вся не долга.

Антонинъ молчалъ.

Онъ давно бился на этой наживкѣ.

VI.

Отецъ Геронтій—казначей, изъ разорившейся купеческой семьи—былъ настоящій картинный монахъ, такой, которыми особенно увлекаются первогильдейскія вдовы, старыя помѣщицы и богомольныя генеральши—жены упраздненныхъ за ненадобностью мужей. Злые языки не мало гадостей рассказывали объ этихъ поклонникахъ, но во всѣхъ этихъ сплетняхъ было слишкомъ много лжи. Отецъ Геронтій обладалъ не дюжиннымъ умомъ и ни на какіе соблазны не шелъ. Онъ былъ честолюбивъ и смотрѣлъ далеко. Мелкія увлеченія его не привлекали, а пользу извлечь онъ умѣлъ изъ всего, оправдываясь, что заботится не о себѣ и пріобрѣтаетъ не въ свой карманъ, а для обители. Съ этой стороны его и цѣнилъ и порою сдерживалъ отецъ Варлаамъ.

— Дай тебѣ волю, ты бы весь свѣтъ ограбилъ для монастыря.

— Что-жъ, деньгамъ-то лучше Богу послужить.

— Богу ли?

— А то какъ же?

— Я больше на иноческія руки надѣюсь. Только то и прочно, что потомъ поито. А эти капиталы—сколь ихъ не приумножай, толкъ отъ нихъ не великъ.

— Да вѣдь соборные купола-то еще не позлащены?

— Экое горе какое. Ты ихъ хоть брилліантами осыпь—жарче молиться отъ этого подъ ними не стануть.

— Дому Божьему подобаешь благолѣпіе.

— Душевное-то благолѣпіе превыше...

Тѣмъ не менѣе онъ дорожилъ по своему Геронтіемъ. Надо было лѣсу прикупить—депегъ не оказывалось. Отецъ Варлаамъ заскучалъ. Геронтій мигомъ понялъ, въ чемъ дѣло. Удивительное чутье было у этого монаха. Отпросился въ городъ, побывалъ у старухи Буйловой, навѣстилъ помѣщицу Слякину, поужиналъ у купца Трехполѣннаго, которому живописалъ адъ столь реально, что тотъ всю ночь кричалъ благимъ матомъ во снѣ, пугая домашнихъ, завернулъ къ городскому головѣ, ожидавшему золотую медаль и безпокоившемуся о томъ, на какой лентѣ ее дадутъ ему, ужли же только Станиславскою удостоятъ—и вернулся съ купчей крѣпостью.

— Ну, и ловокъ же ты,—удивился отецъ Варлаамъ.

— Господь помогаетъ.

— Такъ-то, такъ... Смотри, не пришлось бы на тебя чрезмѣрную эпитимію на исповѣди положить.

— Не за что будетъ. Я душу-то свою не дешеблю.

— То-то. А за лѣсъ спасибо. Теперь у насъ руки развязаны.

Большой мастеръ отецъ Геронтій былъ по части завѣщаній... Дай ему настоятель волю—никто бы въ округѣ не умеръ, не оставивъ своего достоянія монастырю. Но тутъ отецъ архимандритъ не только препятствовалъ, но даже и съ жестокостью.

— Ты что это вздумалъ—смертнымъ часомъ пугать. Ты знаешь ли, въ какую игру играешь? Подумай—вѣдь ты у Сливчаткина-то даръ этотъ изъ зубовъ чѣмъ вытащилъ? Геенной? Адскіе огни ему изобразилъ? Живописецъ. Нѣтъ моего согласія—пошелъ вонъ!

И праведные труды отца Геронтія пропадали даромъ.

— Онъ самъ своей охотой.

— Знаю я—не даромъ ты три дня у него околачивался. Ты бы Богу предоставилъ дѣйствовать.

— Да и я не безъ Его воли.

— Слишкомъ ужъ близко около себя Бога ищешь. Смотри, не съ рогами ли онъ у тебя.

— Что вы, что вы, отецъ архимандритъ...

— То-то. Оставилъ бы Сливчаткинъ свободно, безъ тебя—я бы ни слова не сказала. А то, на поди, какой адвокатъ выискался. Никто на сорокъ пять верстъ вокругъ помереть безъ тебя не можетъ. Специалистъ. Ты ужъ бы на Бога не ссылался.

— Онъ есть дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти и еже дѣяти.

— Вотъ пошлю я тебя, отецъ, лѣсъ рубить за краснорѣчіе похоронное, будешь помнить. И то свѣтскіе-то писатели на обители околчуются. И не всегда даромъ. Случалось мнѣ и правду читать... Ужъ очень—и это бываетъ, ужъ очень насъ, инокову, одолеваетъ жадность. Кажется, и то слава Богу, что работниковъ у насъ даровыхъ—сколько угодно.

— А какъ нужда или голодъ?—тѣ же работники къ намъ.

— Еще бы—рука руку моетъ. Не очень-то ширься, отецъ. Не простирайся столь неумѣренно. Я и то нахожу, что ужъ весьма мы въ трапезѣ нашей разно-

образно утучилемся. Рыба часто, — да какая еще — осетры. Не монастырское дѣло — осетры ѣсть. Трапеза вѣдь не въ утѣху проложена, а на плотскую надобность токмо. Изъ-подъ черева скотскія вождельнія рождаются, помнишь у Амоса: „лютѣ вамъ, ядущи козлища отъ паствъ и телцы млеко мѣтаемы отъ среды стадъ и шющии процѣженое вино“.

— А про осетра ни слова.

— Ладно, ладно, козводѣй... Истинно не казначей, а козводѣй. Ступай. Да, вотъ что — сними-ко съ себя порфиру и виссонъ. Ишь у тебя ряса-то — поди по семи рублей аршинъ плачено.

— Я не знаю. Это ииѣ Свербѣевы прислали.

— Не по чину. Одѣяніе у насъ должно быть грубое и не привлекательное.

— Мнѣ нельзя. Я по дѣлу своему долженъ съ такими людьми обращаться.

— Ну, ну, ладно. Тогда и надѣвай.

— Слушаю.

— А здѣсь у меня не финти. А то смотри, не испытай на себѣ угрозы пророка Іезекиила: „свергнеша вѣнецъ съ главы своея и ризу испещренную совлечеша съ себе...“

Отецъ Геронтій дѣйствительно съ такими господами и господами обращеніе имѣлъ, что щеголять ему надо было даже и поневолѣ, если бы у него отъ природы и не было къ этому расположенія. Высокій, красавецъ — онъ издали въ толпѣ монаховъ кидался вамъ въ глаза необычайнымъ благообразіемъ. Рядомъ съ отцомъ Антонимомъ — это были два полюса. У одного душа и внутренний пламень выжгли и выѣли тѣло и ярко горѣли въ мечтательныхъ и печальныхъ глазахъ — у отца Геронтія тѣло выросло на диво и душа съ нимъ ничего подѣлать не могла, напротивъ, чувствовала себя вѣчно узницей, заключенною въ надежный и крѣпкій стѣны, — такіе надежны и крѣпкія, что, пожалуй, ихъ бы не рушили никакія трубы іерихонскія. Онъ былъ даже на полголовы выше Гермогена. И отецъ Варлаамъ, не любившій теряться при комъ бы то ни было, случалось, не безъ обиды, выговаривалъ ему: — „Экъ, тебя вынесло. Ни съ чѣмъ не соотвѣтственно“. — Я въ корнусахъ своемъ не воленъ, — резонно отвѣчалъ Геронтій. — „Ты бы хоть держался согбенно — а то какъ индюкъ на птичьемъ дворѣ — тянешься...“ И прочь отходилъ съ недобрительнымъ видомъ. Геронтію было около пятидесяти лѣтъ, но ему нельзя было дать и сорока. Въ густой массѣ бѣлокурыхъ волосъ — ни единого сѣдого, на гладкомъ и правильномъ лицѣ — ни морщинки. Сѣрые глаза немного нависли; мягкіе сами по себѣ волнистые усы и борода, красиво и ровно падавшая на высокую грудь, — дѣлали его необыкновенно живописнымъ въ богатыхъ ризахъ, когда ему приходилось служить соборнѣ. „Очень тебѣ будетъ къ лицу митра“, сказалъ ему разъ митрополитъ. Геронтій даже покраснѣлъ, потому что тотъ такимъ образомъ обличилъ его сокровенная. Казначей мечталъ быть послѣ отца Варлаама архимандритомъ и игуменомъ. Онъ любилъ сниматься, при чемъ на каждой карточкѣ рука его — выхоленная и нѣжна — непременно держалась на виду. Монахи говорили про него, что онъ „умашается благовоными мазями“ и духами прыскается... Короче — это былъ настоящій свѣтскій монахъ, и въ католической странѣ ему бы цѣны не знали. Далекъ бы пошелъ. Ну, а у насъ, гдѣ народъ простецъ, да и картинность не въ особенномъ фаворѣ — Геронтій только и бралъ другими способностями. Безъ финансоваго гения — онъ

бы далеко не ушелъ. Сегодня онъ собирался въ гости. Близъ монастыря была усадьба двухъ старухъ дѣвъ, которыхъ попросту все звали Пуни и Нюня. Мюне и настоящихъ именъ ихъ не вѣдали. Сестры Барсуковы давно уже жили здѣсь, и вся ихъ маленькая, но хозяйственно устроенная держава была отовсюду окружена землями обители... Геронтію казалось вполне позволительнымъ, чтобы онъ оставилъ свое достоинствѣ монастырю. Этакъ выходило и проще, иначе черезполосица какая-то создавалась... Онъ давно хлопоталъ около нихъ, живописуя, сколь сладостно пребываніе за гробомъ душъ, о коихъ ипоки соборнѣ возносятся усердныя молитвы ко Господу... Онъ ихъ навѣщалъ частенько. Старшая, Нюня, которой уже было пятьдесятъ шесть лѣтъ, что-то начинала прихварывать, и за дальностью врача, ее лѣчилъ отецъ Мелетій, монахъ, постригшійся „изъ докторовъ“, какъ о немъ говорили другіе отцы. Сестрѣ Пуни было сорокъ два года, но она ни во что не входила и, разумѣется, обитель пожизненно оставила бы ее въ ея усадьбѣ, тѣмъ болѣе, что привыкшая къ чьей-нибудь опецѣ, но непременно опецѣ — Пуни одна, предоставленная себѣ самой, непременно бы пропала и очутилась нищей.

— Ее первый замлемѣрь съѣсть, — говорили про нее.

Нюня забыла уже думать о мужчинахъ, а когда вспоминала о нихъ, то презрительно выпячивала губу и дѣлала носомъ такое движеніе, точно въ комнатѣ пахло чѣмъ-то сквернымъ, хорошо если только козломъ. Пуни еще мечтала, напротивъ, объ этихъ двуногихъ козлахъ и даже послала въ карманѣ сигару. Оставалась одна, она оглядывалась, быстро вынимала ее и нюхала. „Точно мужчина стоитъ около“, — казалось ей. Нюня давно бы постриглась, въ недалекомъ стоявшій отсюда женскій монастырь, но она боялась за легкомысліе сестры. „Никакъ тебя оставить нельзя, Пуни. Вѣдь ты съ первымъ офицеромъ сбѣжишь...“ — А что бы ты думала, Нюня. Сбѣгу, ей-Богу сбѣгу. Потому у меня такіе фантазіи бываютъ. — Ну еще бы, соглашалась старшая. Ты вѣдь молоденькая, непременно у тебя долженъ вѣтеръ въ головѣ ходить. Тебя нельзя безъ присмотра оставить“. Обѣ были уроды — и уроды симметрическіе. У одной носъ былъ направо, у другой налево. Такъ что, когда онѣ стояли рядомъ, зрѣлище выходило правильное и соответственное. Точно ихъ нарочно заказывали. Одна косила на правый, другая на лѣвый глазъ... Шутники говорили, что матеріалы, изъ которыхъ природа ихъ дѣлала, чортъ перемѣшалъ — оттого все такъ и вышло. Нюня варила настойки, Пуни гадала на трефоваго короля и серьезно добивалась у сестры: „какіе у него усы? черные или русые? Черные лучше, — мечтательно признавалась она. — Мое воображеніе такое, чтобы черные и длинныя — въ ниточку... Пусть колются — это ничего“. Пуни мазалась, Нюня считала это малодушіемъ и перестала ей давать деньги. Но Пуни собственнымъ умомъ дошла, что можетъ и безъ денегъ — потому что свекла еще ничего не стѣдитъ. Лѣтъ десять тому назадъ на Пуню зарились почтовые и телеграфные чиновники, но она ихъ презирала тогда и все восклицала: „ахъ, я жду непременно, чтобы съ эксельбантомъ и при шпорѣ“. Нюня, съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ института, о глупостяхъ не думала, считая всѣхъ мужчинъ мерзавцами... Въ институтѣ онѣ были обѣ, и съ этимъ связывались лучшія ихъ воспоминанія...

(Продолженіе будетъ.)

Моя сосѣдка за столомъ.

Рассказъ В. Брахфогеля.
(Съ нѣмецкаго.)

Приглашеніе! Мнѣ не пужно было даже вскрывать конверта, чтобы узнать содержаніе пригласительной записки. Сегодня 5 января: меня, слѣдовательно, приглашаютъ на воскресенье

въ Д. къ моему старому другу, толстой баронессѣ Аудорфъ. Я даже заранѣе могъ сказать, какъ сойдетъ обѣдъ, потому что домъ баронессы былъ самымъ консервативнымъ, какой я

П. И. Чайковскій. Скульптура В. А. Беклемишева.
По фот. генер. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

когда-либо видѣтъ; ея семидесятилѣтняя кухарка слыла, съ пошлымъ на то правомъ, рѣдкой „жемчужиной“, но обѣденное меню было постоянно одно и то же, съ того дня, какъ я впервые воспользовался гостеприимствомъ баронессы—лососина и жаркое изъ дикой козули. „Ничего болѣе дорогого и вкуснаго невозможно предложить гостямъ“,—сказала однажды куховница жемчужина съ гордостью; баронесса съ минуту размыслила и одобрительно кивнула головой. Впрочемъ, еще хуже меню было то обстоятельство, что постоянно приглашались одни и тѣ же гости; а самое худшее, что и въ порядкѣ сидѣнья за столомъ никогда никакихъ перемѣнъ не бывало. И я уже заранѣе видѣлъ передъ собой свою участь въ лицѣ моей сосѣдки.

Это была единственная дочь полковника Ціерница, стройная, красивая брюнетка; къ сожалѣнію, она не принадлежала къ разряду безбидныхъ сосѣдокъ, которыхъ благосклонная судьба предназначаетъ сегодня молодому офицеру, завтра престарѣлому председателю управы,—и тѣмъ, среди подвижныхъ звѣздъ прекраснаго пола, назначеніе которыхъ сдѣлать сноснымъ трехъ-часовое сидѣнье за столомъ, она стала моей неизмѣнной, беззастѣнливой, неподвижной звѣздой. Но я долженъ начать издалека. Три года тому назадъ, въ одно воскресенье, Алиса фонъ-Ціерницъ была принята послѣдней новою личностью въ замкнутый кругъ баронессы. Только-что по выходѣ изъ института, она была милымъ, простодушнымъ подросткомъ, съ невыразимо приятными, карими глазами и полукрытыми, алмазъ, какъ вишни, ротикомъ. Отъ меня ожидали, какъ видно, сильнаго вліянія на ея развитіе, такъ какъ я тогда только-что возвратился изъ далекаго путешествія. Но я не оправдалъ этихъ ожиданій: бѣда наша вертѣлась неслыханно вокругъ баловъ, театровъ и катанья на конькахъ; мы все время звонко смѣялись, а это вѣдь самый вѣрный признакъ приятнаго проведенія времени. За кофе, которое мы пили въ салонѣ, въ кругу такъ-называемой молодежи, я совершилъ крупную неосторожность, сознавшись, въ присутствіи баронессы фонъ-Ціерницъ и ея отца, давно вышедшаго въ отставку министра, что Алиса очаровательное созданье—и въ этомъ была моя погибель.

Тогда я совсѣмъ не замѣтилъ, какъ это признаніе, которому я, въ сущности, не придавалъ никакого значенія, было принято присутствующими,—не замѣтилъ потому, что закурилъ въ то время сигару; но теперь я увѣренъ, что они одновременно, съ значительнымъ видомъ, переглянулись и эггъ взглядомъ составили разговоръ противъ меня. Четыре дня спустя, на обѣдѣ у одной старой придворной дамы и вѣдѣ затѣмъ у дѣда Алисы, я велъ баронессу къ столу, а на балу, который давалъ полковникъ фонъ-Ціерницъ, я былъ кавалеромъ Алисы за ужиномъ; мать ея, извѣщая меня объ этомъ счастьѣ, вынашемъ на мою долю, прибавила съ значительной улыбкой: „Надо же держать молодыхъ офицеровъ въ нѣкоторомъ отдаленіи“. И не успѣлъ я оглушиться, какъ въ обществѣ вошло въ обыкновеніе садить меня за столомъ всегда рядомъ съ маленькой Ціерницъ. Вначалѣ мы смѣялись надъ такой странной случайностью, потомъ я замѣтилъ маленькую складку на лбу Алисы. Такъ какъ я не могъ постоянно болтать съ ней о пустякахъ, она, естественно, скучала; да и я, сознаюсь, былъ не особенно доволенъ разговорами, которые можно было вести съ нею; въ обществѣ было много барышень, гораздо болѣе интересныхъ, чѣмъ она, да къ тому же я, откровенно говоря, отдавалъ предпочтеніе молодымъ дамамъ.

Затѣмъ наступилъ лѣтній перерывъ: мы не встрѣчались болѣе полугода. Но при первомъ же приглашеніи, по моему возвращеніи изъ деревни, интересная игра возобновилась; мы все еще смѣялись, но уже съ оттыкомъ горечи. Мало-по-малу мы привыкли другъ къ другу, т. е. мы съ достоинствомъ перенесли неизбежное. Я могъ бы, конечно, пойти ко всѣмъ нашимъ общимъ знакомымъ и просить ихъ не садить насъ болѣе рядомъ, но это повело бы къ безконечнымъ комментаріямъ и было бы совсѣмъ неучтиво по отношенію къ Алискѣ. Съ тѣхъ поръ наше сосѣдство за столомъ напоминало мнѣ браки, заключенныя по взаимному расчету: мы мирно сидѣли рядомъ, хвалили блюда, пили всегда нашъ первый бокалъ вина со взглядомъ, который долженъ былъ, вопреки дѣйствительности, выражать многое, и со столь же новымъ, какъ и остроумнымъ обращеніемъ: „За здоровье тѣхъ, кого мы любимъ.“ По окончаніи обѣда взаимный поклонъ.—„Прощу васъ, мой вѣтеръ.“—„Здѣсь, mademoiselle!“ И черезъ недѣлю эта облеченная въ свѣтскія формы, безсмысленная церемонія начиналась сызнова. Впрочемъ, маленькая баронесса предоставила занимать себя своему сосѣду справа, а я бесѣдовалъ со своей сосѣдкой съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ прошло три года, а мы все продолжали быть сосѣдами за столомъ, хотя физиономія баронессы Ціерницъ недовольно вытягивалась, когда она видѣла меня.

Госпожа фонъ-Аудорфъ была еще одна, когда въ воскресенье я пріѣхалъ въ Д.

— Хорошо, другъ мой, что вы такъ аккуратны, — сказала она, подавая мнѣ свою пухлую маленькую руку.

Она указала мнѣ мѣсто насупротивъ, и послѣ того, какъ

обычныя, удобныя для разговора, темы были исчерпаны, баронесса замѣтила:

— Вы, понятно, поведете къ столу Алису фонъ-Ціерницъ?

— Понятно,—машинально повторилъ я, и дѣйствительно нашелъ понятнымъ, что меня такъ, безъ лишннихъ разговоровъ, лишаютъ свободы; но вдругъ во мнѣ заговорилъ духъ противорѣчія; и неправильно неспешно, облокотился руками на колѣни и въ упоръ посмотрѣлъ на баронессу.

— Скажите, пожалуйста, баронесса, почему это, собственно говоря, понятно?

Добрая старушка совершенно смугилась при такомъ неожиданнымъ вопросѣ.

— Я полагаю, — пролетела она, — да что же я, собственно говоря, полагаю?.. Милѣйшій графъ!—проговорила она наконецъ съ усиліемъ,—развѣ вы такъ недогадливы? Мы наши, что вы оба составляете прекраснѣйшую пару.

— А-а!

Я, собственно, не былъ удивленъ, такъ какъ зналъ, что всѣ дамы ничѣмъ такъ охотно не занимаются, какъ опаснѣйшей изъ всѣхъ общественныхъ игръ—устройствомъ браковъ; но все же я громко расхохотался.

— Итакъ, я долженъ на ней жениться для того, чтобы избавиться отъ ея скучнаго сосѣдства за столомъ?—воскликнулъ я, забываясь.

— Скучнаго?—удивленно повторила баронесса.

Въ это время дверь открылась, и входъ семейства Ціерницъ положилъ конецъ нашему tête-à-tête. Но мысль эта заинтересовала меня; какою странною она мнѣ ни казалась, я не могъ отдѣлаться отъ нея. И такъ, жениться,—жениться только для того, чтобы больше не вести ее къ столу,—привосходно! Я снова громко разсмѣялся, и всѣ присутствующіе, кромѣ г-жи фонъ-Аудорфъ, вопросительно посмотрѣли на меня, не понимая причины моей веселости; также и Алиса обратила взоръ на меня. Она дѣйствительно была очень хороша,—можно было спокойно обсудить положеніе дѣла,— правда, она ничего не имѣла, но зато я богатъ за двохъ; въ такомъ случаѣ и дѣйствительно больше не долженъ буду вести ее къ столу и наконецъ-то сяду возлѣ какой-нибудь другой дамы. Это былъ, по крайней мѣрѣ, очень оригинальный, индѣ, вѣроятно, не слышанный мотивъ для женитьбы; я снова засмѣялся, но уже немного сдержаннѣе, чѣмъ прежде, и г-жа фонъ-Аудорфъ, уже не такъ близко принимавшая къ сердцу этотъ инцидентъ, тоже невольно улыбнулась. Остроумная выдумка нашего общества почти примирила меня съ Алисой, къ которой я было уже началъ питать положительное отвращеніе.

— Я, конечно, имѣю честь,—началъ я, подходи къ ней.

— Конечно,—отвѣтила она съ шутовской покорностью.

— Знаете ли вы, баронесса, что такое кismetъ?—спросилъ я ее тихо.

— Кажется, что такъ называютъ турки судьбу, рокъ?—отвѣтила Алиса.

— Да,—сказалъ я, удивленно взглянувъ на нее, такъ какъ полагалъ образовательный уровень баронессы немногимъ ниже.

Впрочемъ, она едва ли узнала это въ институтѣ—вѣрнѣе всего, знаніе этого слова происходило изъ „Фатиницъ“ Зюппе.

— Да, фатумъ турокъ. Это—увѣренность въ томъ, что человекъ не можетъ избѣгнуть того, что ему предопредѣлено свыше. И этому убѣжденію турки обязаны своею невозмутимостью во всѣхъ обстоятельствахъ знанія.

Она посмотрѣла на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто сомнѣвалась, въ здравомъ ли я умѣ, и въ это мгновеніе я замѣтилъ, что лицо ея было не только красиво, но и интеллигентно. Сморщивъ лобъ, она серьезно сказала:

— Скажите, пожалуйста, графъ, отчего вы такъ неохотно сидите воалѣ меня за столомъ?

— Какъ могла придти вамъ въ голову подобная ужасная мысль!—возразилъ я.—Наоборотъ!

— О! Оставьте эти фразы,—сказала она.

Насмѣливалъ улыбка, играющая въ уголкахъ ея рта, удивительно шла къ ней.

— Вы обращаетесь со мною, какъ съ тѣмъ наименьшимъ подросткомъ, какимъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые являлась въ общество и съ которымъ совсѣмъ не стоить говорить серьезно!

Она говорила истинную правду, но я горячо возразилъ:

— Какъ могли вы повѣрить чему-либо подобному?

Она пожала плечами и хотѣла отвернуться отъ меня, но въ это время слуга доложилъ, что кушакъ подано, и я предложилъ Алискѣ руку; она приняла ее съ надменнымъ и холоднымъ видомъ. Положительно, маленькая баронесса поразительно возмужала, — она начинала интересовать меня. Лишь послѣ устрицъ могъ я снова затронуть интересовавшую насъ тему.

— Я не такъ виноватъ, какъ вы полагаете, — началъ я, — мнѣ казалось, что мое сосѣдство вамъ не нравится.

— О, Боже!—сказала она съ насмѣшливой улыбкой,—недоразумѣніе за недоразумѣніемъ. Изъ этого вышелъ бы отличный сюжетъ для романа.

— Вы жестоки.

— О, нѣтъ! Я начинаю только терять терпѣніе и хочу серьезно поговорить съ вами, такъ какъ мнѣ хочется судить

справедливо. Наконецъ, это также и въ вашихъ интересахъ!

— Въ чемъ же дѣло?

— Васъ считаютъ остроумнымъ.

— Вы хотите сказать, что не раздѣляете этого мнѣнія?

— О, нѣтъ, по отношению меня вы слишкомъ много грѣшите. Я знакома съ вами съ тѣхъ поръ, какъ выѣзжаю—уже четвертый годъ—и еще никогда не слыхала отъ васъ ни одной лени выраженной мысли.

— Вы правы, баронесса,—сказалъ я, смущенный.—Я былъ очень неучтивъ по отношенію къ вамъ, но почему вы раньше не задали мнѣ головоломки?

Она посмотрѣла на меня, лукаво улыбаясь.

— Я еще не довѣрила себѣ,—отвѣтила она, и начала ѣсть супъ.—И, кромѣ того, я всегда похищала другого своего собесѣда у его дамы и отлично проводила время!

— Вы-то ничего не потеряли, баронесса, но я!—сказалъ я, и дѣйствительно искренно думалъ то, что говорилъ.

— „Слишкомъ поздно началъ ты мнѣ улыбаться“,—продеклампировала она.

— Ну, нѣтъ! Мы вознаградимъ себя за потерянность.

— Я могла бы опять возразить вамъ цитатой, но вы подумаете, что я хочу вамъ импонировать, и притомъ мой дѣдушка совершенно правъ, говори, что люди, которые постоянно цитируютъ чужія мысли, отвыкаютъ самостоятельно мыслить.

Рейнская лососина появилась на блюдѣ,—это было великолѣпное зрѣлище, и внезапно тишина воцарилась за столомъ.

— Лососина,—доложилъ я.

Она улыбнулась и покачала головой.

— Не будьте злы,—сказала она.—Самымъ главнымъ остается все-таки то, съ кѣмъ встрѣчаешься за столомъ. Представьте себѣ, графъ, я очень люблю общество, и лучшей часъ дня для меня—часъ вечерняго чаю, когда у насъ всегда бываетъ очень весело.

— Каждое ваше слово рѣжетъ мнѣ сердце,—жалобно сказала я.

— Почему?

— Потому что я такъ долго не пробовалъ сдѣлать мое общество споспымъ для васъ.

— Боже мой! Вы, графъ, или кто-нибудь другой, не все ли равно,—сказала она, пожмая плечами.—Положительно слишкомъ мало вниманіи обращаютъ на собесѣдство за столомъ. а вѣдь это такой важный пунктъ, который долженъ былъ бы обсуждаться хозяиномъ дома съ большей добросовѣстностью, чѣмъ меня,—вѣдь, въ концѣ концовъ, къ чему мнѣ самая дорогая лососина и сочивѣйшее жаркое изъ козули, если я скучаю.

— Я смиренно принимаю все ваши слова, какъ заслуженную кару. Но переимѣните, наконецъ, гнѣвъ на милость: простите меня и общайте, что забудете старое.

— Если вы исправитесь!

— Итакъ, за дружбу!

Мы чокулись, и взглядъ мой остановился на ея красивыхъ тѣло-карихъ глазахъ, при чемъ она сильно покраснѣла и быстро оглянулась на мать, сидѣвшую наспротивъ, но госпожа Цьерницъ не думала о насъ,—она именно въ это время накладывала себѣ во второй разъ лососину.

Ледъ растаялъ. Наша дальнѣйшая бесѣда не пошла уже серьезнаго характера; наоборотъ,—баронесса сдѣлалась очень веселой и оживленной. Странно было мнѣ только, что превосходительный дѣдушка и наня-полковникъ чокались съ ней съ значительными минами, чего я до сихъ поръ никогда не замѣчалъ. Баронесса Цьерницъ сдѣлала то же самое и, скользя взглядомъ по мнѣ, значительно шепнула Алисѣ черезъ столъ: „Que nous aimons“. Алиса при этомъ всхлинула какъ зарево и послѣ долго не могла освободиться отъ нѣкотораго смущенія. Казалось, со всѣхъ сторонъ уже замѣтили, что я воссламенился. Да, я воссламенился. Весь слѣдующій день я проходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ; я догонялся рѣшеціи. При этомъ я обошелъ мой старый прекрасный домъ, чего я не дѣлалъ съ того времени, какъ умерла моя добрая мать. Въ большой комнатѣ, выходящей окнами на югъ, въ которой я въ дѣтствѣ игралъ со старшими сестрами, я вдругъ сдѣлался сентиментальнымъ—эта комната будетъ когда-нибудь дѣтскою для моихъ дѣтей; затѣмъ шла спальня моихъ родителей съ громаднымъ пологомъ изъ пражскаго муселлина надъ кроватью и огромными шкапами для гардероба; въ первомъ этажѣ все осталось въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно было нѣкогда—будуаръ съ симметричною обстановкою изъ свѣтло отполированнаго кленоваго дерева, чехлами и портъерами изъ желтаго шелку и большими вазами изъ шимфенбургскаго фарфора, наконецъ, старомодный салонъ съ потемнѣвшею мебелью краснаго дерева.

Когда я снова возвратился въ свою комнату—я занимаю свѣтлыя комнаты нижняго яруса, возлѣ палисадника—слуга поднесъ мнѣ приглашеніе на ужинъ отъ превосходительнаго дѣдушки Алисы. А-а!—вотъ и случай—я снова поведу ее къ столу, объяснюсь, и, равнѣе, чѣмъ наступитъ весна, Алиса войдетъ въ этотъ домъ хозяйкою—и совершенно растрогался—палисадникъ снова будетъ воцаряться, какъ въ то время, когда жила моя мать,—въ мартѣ зацвѣтутъ крокусы, гадюгиты и нестрые тюльпаны, а затѣмъ каждый мѣсяцъ соответствующіе

цвѣты. Когда я снова пришелъ въ себя, я испугался: я былъ серьезно влюбленъ. Вотъ глупости! Влюбленъ въ Алису, мою скучную собесѣду за столомъ! И тѣмъ не менѣе, я дѣйствительно былъ влюбленъ; послѣднее доказательство я далъ себѣ сегодня полонудни, когда мнѣ захотѣлось пойти на чай къ баронессѣ Цьерницъ и не хватило мужества войти. Послѣ я встрѣтилъ г-жу фонъ-Аудорфъ и тайношвенно шепнулъ ей на ухо: „Вы будете мною довольны“.

Наконецъ, пришелъ вечеръ, когда я долженъ былъ увидѣть ее. Я тщательно обмысленнаго одѣлся, вдѣлъ розовый бутонъ въ петлицу, чтобы казаться немного моложавѣе, такъ какъ все же я былъ на шестнадцать лѣтъ старше ея. Для Алисы я послѣдно заказалъ букетъ свѣжихъ ландышей. Наконецъ, я стоялъ передъ нею, передалъ ей цвѣты и пожалъ ея ручку.

— О, какая любезность!—воскликнула она, видимо изумленная.

— Это запоздавшія почести; мы вѣдь недѣлю тому назадъ праздновали свой юбилей,—сказалъ я, довѣряиво.

— Мы?—спросила она удивленно,—мы оба?

— Да, конечно. Минуло вѣдь три года съ тѣхъ поръ, какъ васъ впервые послали рядомъ за столомъ.

— Вы помните это такъ точно?—спросила она, смѣясь, и спрятала покраснѣвшее лицо въ благоухающихъ ландышахъ, при чемъ, однако, пылливо смотрѣла кругомъ, какъ будто желая удостовѣриться, что никто этого не слышалъ.

— Конечно, я сегодня снова имѣю честь?

Теперь яркій румянецъ выступилъ у нея на щекахъ; она была восхитительно хороша въ своемъ смущеніи и дѣйстви-тельно стыдливости; я изумлялся только тому, что раньше не оцѣнилъ ея прелести. Но отвѣта, котораго я ожидалъ, не послѣдовало, она проворботала что-то въ родѣ: „я не знаю, я думаю“, и при этомъ безпомощно посмотрѣла вокругъ себя. Страхъ охватилъ меня.

— Неужели именно сегодня вамъ угодно было измѣнить порядокъ?—спросилъ я, мучительно задѣтый.

— Дѣдушка думалъ...—сказала она, заминаясь.

Какъ разъ въ эту минуту дѣдушка проходилъ мимо.

— Кого поведетъ графъ къ столу?—спросила она.

— Конечно, тебя,—отвѣтилъ его превосходительство, даже не глядя въ списокъ, который онъ держалъ въ рукахъ.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ, но Алиса была какъ будто испугана этимъ отвѣтомъ; она съ преувеличенною важностью шепнула что-то старику на ухо, онъ лукаво улыбнулся и точно такъ же шепнулъ ей нѣсколько словъ—она улыбнулась.

— Итакъ, конечно васъ,—сказалъ я, глядя на нее сіяющими глазами.

Охотно я сейчасъ бы открылъ ей свое сердце, но насъ могли ежеминутно прервать. Послѣ, за столомъ, когда каждый будетъ занятъ самимъ собою, или своимъ собесѣдомъ—быть-можетъ за десертомъ. Его превосходительство было въ духѣ, а количество приглашенныхъ было очень велико; я замѣтилъ много молодыхъ и очень молодыхъ людей, которыхъ я еще никогда не встрѣчалъ здѣсь,—между ними нѣкоего барона Гельдерна, богатаго помѣщика изъ Франконіи, который проводилъ у насъ только первую зиму. Онъ сидѣлъ за ужинкомъ возлѣ Алисы, съ другой стороны, и вѣлъ къ столу ея мать,—счастье, которому я не особенно завидовалъ. Алиса была тиха и казалась мнѣ въ какомъ-то первомъ возбужденіи, какъ будто предчувствуя, что ей предстоитъ. И, между тѣмъ, также мало говорилъ и обдумывалъ, какъ буду говорить съ нею—понятно, какъ можно прощѣ,—она была слишкомъ умна, чтобы можно было шегольнуть передъ ней фразами. Мое сердце усиленно билось, и сильная тревога охватывала меня мало-по-малу. Въ это время подали на столъ жаркое и поставили шампанское въ большихъ серебряныхъ ведрахъ—я имѣлъ еще полчаса времени.

Тогда произошло нѣчто необычайное! Его превосходительство поднялся со стула, позвонилъ пожомъ о стаканъ и открылъ ротъ, чтобы пронаести рѣчь. „Что это означаетъ!“ успѣлъ я еще быстро шепнуть Алисѣ и засмѣлся. Она покраснѣла и ничего не отвѣтила, но я видѣлъ, что руки ея задрожали, и я увидѣлъ еще болѣе, именно, что собесѣдъ ея сирава поймалъ одну изъ этихъ дрожащихъ маленькихъ ручекъ, пожалъ ее, и оба обмѣнились взглядомъ, значеніе котораго я могъ понять, безъ особаго труда. Да, да, они, нѣжно улыбаясь, смотрѣли другъ на друга, и смыслъ краткой, немного напыщенной рѣчи его превосходительства былъ таковъ, что обществу предлагалось чокунуться за благоденствіе жепниха и вѣбеты, его внучки Алисы и барона Гельдерна. Само собой разумѣется, что я за десертомъ ничего не говорилъ съ баронессою о моей любви; я, вообще, не помню, какъ окончился ужинъ. Въ сознаніи и пришелъ только ко мнѣ дома. Я вѣдѣлъ зажечь свѣчу и взомелъ въ первый этажъ. Въ будуарѣ я усѣлся на одинъ изъ кленовыхъ стульевъ съ прямой спинкой и устремилъ глаза на портретъ моей матери. Пламя свѣчи колебалось, и, при свѣтѣ ея, казалось, оживилось красивое, блѣдное лицо—конечно, она улыбалась. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе и засмѣлся, по звукъ моего голоса испугалъ меня.

Раннимъ утромъ. Съ карт. Мюллера грав. Кирязе.

У выставна картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Идолское мольбище“.
Съ карт. В. П. Овсянникова (исключит. право воспроизвед. принадл. „Пигъ“) грав. Рашевскій.

Черезъ нѣсколько дней я предпринялъ путешествіе на Востокъ, и вотъ прошелъ уже годъ съ того времени, какъ случилось разказанное. Лѣто я провелъ въ деревнѣ, осень во Франціи и третьяго дня возвратился домой. Два мѣсяца тому назадъ была отпразднована свадьба барона Гельдерна съ Алисой Цьеррицъ — они проводили медовый мѣсяцъ на Ривьерѣ. Вчера я былъ въ Д.; на моемъ столѣ лежитъ приглашеніе пожаловать въ будущее воскресенье къ г-жѣ фонъ-Аудорфъ. Впрочемъ, я могу вѣсь увѣрить, что думаю объ Алисѣ вполне спокойно, но сержусь я еще и теперь, сержусь, отчего давно рѣшенное обрученіе не объявлено было раньше недѣлей — Новый годъ или Рождество были самымъ подходящимъ временемъ для этого, — ибо, откровенно говоря, эта исторія въ свое время глубоко затронула меня, и я все думаю, что и давно уже, вѣроятно, былъ влюбленъ въ свою красивую сосѣдку, самъ того не зная; много вѣдь романовъ, въ которыхъ любовь вначалѣ выражается въ формѣ сильнѣйшей ненависти.

Post-scriptum. Только что вернулся съ обѣда у госпожи фонъ-Аудорфъ — кто опишетъ мой ужасъ?! Молодые Гельдерны

вчера возвратились и были уже тамъ. То же общество, прибавилъ только Гельдернъ, — меня: лососина и дикая козуля, — мой сосѣдка — Алиса! Италъ, все было напрасно, отъ нея мнѣ не набавится. Я вижу, какъ надвигаются безконечно-долгіе годы съ безчисленными приглашеніями и съ моимъ фатумомъ. Когда она была подросткомъ, я долженъ былъ содѣйствовать завершенію ея образованія; послѣ я служилъ охотомъ противъ преступна не подающихъ надеждъ офицеровъ; теперь я буду вести ее къ столу по той причинѣ, что никому нельзя ее такъ спокойно доверитъ; черезъ десять лѣтъ потому, что мы старше друзья; на свадьбѣ ея старшей дочери потому, что это почетная должность, и наконецъ потому, что старую женщину никому другому не захотятъ навязать. Причины намѣтились, но результатъ остался тотъ же. Я, вѣроятно, шучу не особенно остроумно, но это вѣдь смѣхъ сквозь слезы. Нѣтъ, нѣтъ, я буду бороться со своей судьбой; завтра же я пойду ко вѣсьмъ нашимъ общимъ знакомымъ и попрошу ихъ не сажать меня болѣе рядомъ съ баронессой Гельдернъ.

Художественныя выставки.

(Окончаніе)

Академическую выставку нынѣшняго года считаютъ почему-то удачною. Быть-можетъ потому, что въ жюри, отъ котораго зависѣлъ приемъ картинъ на выставку, участвовали, кромѣ профессоровъ академіи, еще и молодые художники? Такую мѣру, какъ привлеченіе въ академическое жюри совѣсьмъ молодыхъ художниковъ, нельзя не приветствовать; это освѣжаетъ атмосферу, устраиваетъ предвзятыя сужденія, разнообразитъ выборъ, можетъ открыть дорогу тому или другому новому таланту, придаетъ смѣлости молодымъ силамъ, желающихъ идти своимъ путемъ, а не слѣпо угождать учителямъ и т. д. Но въ частности такое жюри можетъ надѣлать ошибокъ еще болѣе, чѣмъ жюри академиковъ съ очень твердо выработанными взглядами и вкусами. И на нынѣшней академической выставкѣ рядомъ съ вещами хорошими — выдающимися нѣтъ ни одной — есть много вещей безусловно плохихъ, которыхъ не слѣдовало допускать на выставку и какихъ не встрѣчается, напримеръ, на нынѣшней выставкѣ передвижниковъ. Неужели можетъ, напримеръ, считаться пронаведениемъ мастера, а не ученика, картина г. Александрова, „Вероника передъ Тибериемъ“? Невольную улыбку и недоумѣніе вызываютъ и произведенія г. Гоффе: „Думы“ и „Благословеніе дѣтей при наступленіи суднаго дня“; едва ли ихъ авторъ желалъ достигнута неограниченнаго комическаго впечатлѣнія, каково оны достигли этими карикатурами. Г. Порфирьевъ имѣетъ пристрастіе къ большимъ холстамъ. Въ прошломъ году его картина „Сердце сокрушенно“ производила нѣкоторую сенсацію своими размерами, не совѣсьмъ соответствовавшими тому, что на ней было написано; но во всякомъ случаѣ на той картинѣ необъятность холста изображала, такъ сказать, символически необъятность гора распростертой посреди этого холста одинокой фигуры съ „сокрушеннымъ сердцемъ“ и несомнѣнно содѣйствовала впечатлѣнію. Въ нынѣшней же его картинѣ „Златые дни“ большой размеръ холста производилъ какъ разъ обратное, досадное впечатлѣніе, потому что для такого, далеко не великаго удачнаго, светлого этюда совершенно достаточно пуска холста въ аршинъ. Если такіе этюды будутъ писаться на саженьяхъ, то во что же должны превратиться сложныя композиціи à la Мансартъ, Мункачи, Ронгрессъ и т. п., и какіе музеи или сараи понадобятся для хранения „этиюдовъ“ г. Порфирова. Объ этомъ стремленіи многихъ молодыхъ художниковъ поражать не столько достоинствомъ написаннаго, сколько его объемами, не мѣшало бы имъ подумать, тѣмъ болѣе, что это стремленіе находится въ тѣсной связи съ приемами повѣшняго широкаго письма. Этой манерѣ и этимъ размерамъ должны соответствовать и широко захватывающіе сюжеты, которыхъ недостаетъ большинству нашихъ даже пѣвческихъ художниковъ, и которыми, наоборотъ, такъ богаты иностранные художники, умѣющіе, по рецепту *Fete, in's volle Menschenleben hineingreifen*.

За недостаткомъ собственныхъ сюжетовъ, художники, желающіе произвести сенсацію, берутся иногда иллюстрировать известныя, преимущественно громкія произведенія литературы. И на нынѣшней академической выставкѣ есть и „Крейцеровъ соната“, и „Холстомеръ“, и сцена изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. „Крейцерову сонату“ г. Саксева считають чуть ли не „гвоздемъ“ выставки. Да, на эту тему, въ особенности принимая во вниманіе подготовленность публики къ воспріятію сильнаго впечатлѣнія при одномъ названіи „Крейцеровъ соната“, можно было бы написать картину, предъ которой стояла бы такая же густая толпа, какую мы нѣкогда видѣли предъ картинами Рубина „Юанъ Грозный и сынъ его Иванъ“ и „Неутѣнное горе“ Крамского. Видѣвъ этого нѣтъ; небольшая толпа, холодно и спокойно останавливаясь на минуту передъ „Крейцеровою сонатою“ г. Саксева, очень скоро удаляется отъ нея къ другимъ картинамъ. И это понятно. Несмотря на всю драматичность момента, фигура „Позднѣшева“ на картинѣ г. Саксева производитъ комическое впечатлѣніе. Это натурщикъ,

шутки ради взявшійся изобразить въ „живой картинѣ“ свирѣное лицо обманутаго мужа, вставшій для этого въ театральную позу, выучившій глаза и... каждую минуту готовый прыгнуть со смѣху — такъ мало проникъ онъ чувствомъ Позднѣшева. Но надо отдать должное г. Саксену: съ технической стороны картина, за исключеніемъ нѣкоторыхъ погрѣшностей въ перспективѣ, написана прекрасно; nature morte — какъ живая. Художникъ уверяють даже въ излишней вылизанности деталей, въ приближеніи картины къ олеографіи. Уверять этого не лишнее оснований, если принять во вниманіе большіе размеры картины, при которыхъ эта тщательная выписка терпится; будь картина меньше, тщательную выписку нельзя было бы признавать недостаткомъ.

Все, что есть лучшаго на Академической выставкѣ, относится къ области пейзажа и скульптуры. Богатую коллекцію превосходныхъ пейзажей далъ г. Крыжницкій. Особенно поэтичны и, вѣсьмъ правдивы „Зима“, „Первый лучъ солнца“ и „Сумерки“. Чрезвычайно интересна и хорошо написана „Весенняя полярная ночь“ г. Борисова. Его этюды крайняго Сѣвера обратили на себя вниманіе еще на нынѣшней ученической выставкѣ въ Академіи, а выставленная теперь картина пріобрѣтена для Третьяковской галлерей. Не менѣе интересна, хотя мало понятна и чужда намъ другая картина г. Борисова „Полуночное солнце въ Ледовитомъ океанѣ“. Красиво и съ настроеніемъ написаны картины г. Федерса „Паръ и дымъ“ и „Нагрузка каменнаго угля“. Очень хорошо передано лунное освѣщеніе неба и берега въ картинѣ барона Таубе „Ночь на озерѣ“; освѣщеніе воды передано слабѣе и болѣе банально. Изъ пейзажей, обращающихъ на себя вниманіе, отмѣтимъ еще „Окрестности Вейсенберга“ и „Въ словомъ лѣсу“ г. Мещерскаго, „Лѣсную тишь“ г. Невдомскаго, „Пески“ г. Менца и, наконецъ, въ отдѣлѣ акварелей нѣсколько превосходныхъ пейзажей г. Альберта Бенуа. Акварельныя работы г. И. Саза показались намъ въ этомъ году менѣе интересными, чѣмъ въ прошломъ году; его манера писать превращается въ манерничанье, а картина „Передъ атакой“ совѣсьмъ плоха.

Въ скульптурномъ отдѣлѣ выдѣляются бюсты Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны — работы Антокольскаго. Затѣмъ прекрасныя работы г. Гинцбурга — бюсты С. П. Боткина, В. В. Матѣ и статуэтка „Послѣ урока“. Поэтична и изящна фигурка „Сибирючки“ — гипсъ г. Беклемишева.

Возвращаясь къ картинамъ, отмѣтимъ хорошо написанный „Погрѣтъ мальчика“ г. Маллинова, „На пути въ Египетъ“ г. Плотровича, портреты: К. Н. Вестужева-Рюмина — работы г. Фельдяна, и А. М. Желужникова — работы А. В. Маковского, „Императоръ Александръ III на охотѣ“ — г. Френца. Г. Бакаловичъ, обратившій на себя общее вниманіе своими первыми картинами изъ римской жизни, былъ уже гораздо слабѣе въ прошломъ году, оказался не на прежней высотѣ и вынче. Его картинка „Утромъ“ во всякъ отношеніяхъ блѣднѣе того, что оны давалъ раньше. Зато неизмѣнно сильна и вѣчно юна въ своихъ своеобразныхъ аквареляхъ г-жа Вѣтъ. Ея маленькія „Питеръ женится, Москва замужъ идетъ“ и „Княжка съ ностовицами“ собирають передъ собой такую большую толпу, какой не видно ни предъ однимъ изъ большихъ холстовъ въ другихъ залахъ.

Выставка „петербургскаго общества художниковъ“ успѣли уже завоевать себѣ прочное положеніе и симпатіи публики, и нынѣшня въ выставка этого общества въ Академіи Наукъ если не является шагомъ впередъ, то во всякомъ случаѣ укрѣпляетъ прежде занятую позицію. Если и попадаются вещи слабыя, то ихъ все-таки меньше, чѣмъ на предыдущихъ выставкахъ; если нѣтъ ничего поражающаго, зато общее впечатлѣніе довольно приятное и ровное. Незамѣнно хороши пейзажи г. Кодратенко, едва ли не больше, чѣмъ прежде ла-

скают глаза изящныя произведѣнія г. Васильковского, въ особенности такія полныя позіи, какъ „Весеннее утро“ и „Святогорскій монастырь“, очень хороши и некоторые пейзажи г. Федорова-Керченскаго. Прекрасныя вещи дали г. Ю. Клеверъ (старшій) — „Послѣдній лучъ солнца“ и г. Сергѣевъ — „Градобой“. Другая большая картина г. Сергѣева „Паровалъ молотилка“, въ сущности, не картина, а сдѣланная масляными красками иллюстрація сельскохозяйственныхъ работъ. Души художника въ на этой картинѣ не чувствуете, такое воспроизведѣніе жизни дается ничѣмъ не хуже и при помощи фотографіи. Въ этомъ отношеніи эту картину мы охотно противопоставили бы картинамъ г. Федерса „Дымъ и паръ“ и „Нагрузка каменнаго угла“ на академической выставкѣ, о которыхъ мы уже говорили выше. Затѣмъ г. Сергѣевъ выставилъ двѣ чрезвычайно красивыя, хотя немного слащаво написанныя картинки „Утро“ и „Весенній шѣси“. Хороши его же пейзажи „Тинистая вода“, хотя въ немъ больше мастерства, чѣмъ правды.

Изъ довольно большого числа недурныхъ портретовъ особенно удаченъ портретъ А. И. Майкова работы г. Галкина и портретъ г. Чаплина работы г. Егорнова. Зато картина того же г. Егорнова „Свершилось“ какъ по „глубинѣ“ замысла, такъ и по „силѣ“ выполненія можетъ смѣло конкурировать съ находящимися на той же выставкѣ картинами г. Малышева „Отче! прости имя!“ и „Прости... прощай!“ И для выставки, и для авторовъ этихъ картинъ было бы лучше, если бы онѣ остались въ мастерской художниковъ.

На выставкѣ нѣсколько картинъ, изображающихъ иллюминацію Кремля по случаю Коронаціи: правильно или неправильно переданы эти свѣтовые эффекты, но все эти иллюминаціи не производятъ того впечатлѣнія, какъ настоящая, и кажутся безжизненными и до нельзя скучными, несмотря на всю нестрогу и яркость положенныхъ на большія холсты красокъ.

Почему-то на этой выставкѣ появились, уже послѣ составленія каталога, двѣ картины г. Степанова, картины котораго всегда обращали на себя вниманіе на академической выставкѣ. Уже на прошлогодней выставкѣ мы не нашли въ картинахъ г. Степанова той законченности, тщательности письма и правильности рисунка, которыми отличались его первые картины; тѣ же, которыя находятся теперь на выставкѣ въ Академіи Наукъ — „Молодые ростки“ и „Чтеніе“ еще менѣе удовлетворяютъ поклонниковъ таланта г. Степанова. Въ особенности прискорбное недоумѣніе вызываетъ картина „Чтеніе“, гдѣ у одной изъ дѣвушекъ руки нарисованы такъ дурно, что кажутся присававшими, точь-въ-точь какъ у фарфоровыхъ куколъ плохой работы.

Что касается выставки въ домѣ Ганзена, что на Невскомъ противъ Казанскаго собора, то о ней будетъ всего лучше умолчать, да и публика уже произнесла ей свой приговоръ: въ пустыхъ залахъ картины нашихъ „отверженныхъ“, проявляющихъ иногда претензію сказать „новое слово“ въ искусствѣ, уныло смотрятъ другъ на друга, какъ бы недоумѣвая, зачѣмъ ихъ сюда повлекли.

И какъ это ни грустно, а заканчивая теперь нашу статью близкимъ обзоромъ первой въ Петербургѣ выставки англійскихъ и нѣмецкихъ акварелистовъ, въ музеѣ Штиглица, мы должны

сознаться, что „новыя слова“ все еще идутъ къ намъ съ Запада, а мы все еще только повторяемъ ихъ за нашими западными учителями и повторяемъ чаще всего съ дурнымъ акцентомъ.

На нашу акварельную выставку въ нынѣшнемъ году не попалъ, по печальному недоразумѣнію, ни одинъ изъ иностранныхъ художниковъ. Можетъ-быть, это и къ лучшему: тишь, гладь и Божья благодать на этой выставкѣ, свидѣтельствовавшая о мирномъ и покойномъ провѣганіи нашей акварельной живописи, не нарушалась ни однимъ кричащимъ пятномъ. Зато, какъ бы въ противовѣсъ этой художественной цензурѣ на нашей русской выставкѣ, была устроена частнымъ лицомъ, С. П. Дигилевымъ, человекомъ обладающимъ, повидимому, развитымъ художественнымъ вкусомъ, самостоятельная выставка иностранныхъ акварелей, помещавшаяся въ большой залѣ музея при рисовальной школѣ барона Штиглица. Выставка имѣла солидный успѣхъ и оказалась очень поучительной и для публики, и для художниковъ, хотя нельзя сказать, чтобы она была вполне удачна въ смыслѣ полноты образцовъ современной живописи на Западѣ. Такъ, наиримѣръ, такой художникъ, какъ Висслеръ, былъ представленъ очень незначительными картинками, а то, что выставлено изъ работъ Менцеля, совсѣмъ не даетъ понятія о значеніи этого художника. Точно такъ же не даетъ понятія о Бёклинѣ его рисунокъ „Битва центавровъ“. Но и за то, что дала эта выставка, нельзя не сказать большого спасибо ея устроителю. Портреты Ленбаха и картины Баргельса, настѣяи и акварели котораго ни въ чемъ не уступаютъ масляной живописи, сами по себѣ уже составили бы не большую, но цѣнную въ художественномъ смыслѣ выставку, а акварели Мельвилла, это—цѣлая школа, и очень жаль, если наша Академія Художествъ не приобрѣла ни одной изъ его вещей для своего музея. Мельвилъ не гонится за передачей деталей, — у него часто вмѣсто цѣлой человѣческой головы только одно пятно, одна капля краски, опущенная въ этомъ мѣстѣ на бумагу, но въ общемъ каждый изъ этихъ капель живетъ и дышитъ, и картины его въ цѣломъ производятъ неотразимое впечатлѣніе, онѣ полны жизни, движенія, воздуха, свѣта и правды. Изъ нихъ въ особенности хороши „Пойманный лазутчикъ“ и „Большой базаръ“. Чрезвычайно интересны пейзажи Людвигъ Дилли (Мюнхенъ) и глаговецкаго художника Патерсона; полонъ поэтическаго настроенія пейзажи другаго глаговецкаго художника, Ственсона — „Туманный вечеръ“, много прекрасныхъ вещей у другихъ болѣе или менѣе знаменитыхъ или совсѣмъ неизвестныхъ у насъ художниковъ. Между этими картинами встрѣчаются однако и такія, въ которыхъ еще замѣтно блужданіе художника въ поискахъ за новыми формами и способами выраженія охватившихъ художника впечатлѣній или настроеній; но и во всѣхъ почти такихъ картинахъ чувствуется, что это блужданіе талантливыхъ людей, дѣйствительно чего-то ищущихъ и продирающихся черезъ сумракъ неизвестнаго къ какой-то несомнѣнно стоящей за этимъ сумракомъ свѣтлой цѣли, а не простое желаніе во что бы то ни стало оборонить небывалымъ мазкомъ или сочетаніемъ красокъ. Можно только пожелать, чтобы подобныя выставки иностранныхъ художниковъ появлялись у насъ почаще публикѣ на удовольствіе, художникамъ нашимъ въ назиданіе.

Къ рисункамъ.

1797 годъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ годовъ въ жизни парижскаго общества. Директорія находилась въ апогѣе своей силы; генералъ Бонапарте только что собралъ значительныя контрибуціи съ итальянскихъ государей и республикъ, и даже съ самого папы; долотъ разстроенные французскіе финансы поправились; ужасы террора были позабыты, у богатыхъ людей болѣзнь раздражать червь обнаруживаніемъ своего богатства уступила мало-по-малу мѣсто долго скрывавшейся жаждѣ наслажденій и желанію щегольнуть, — и вотъ именно въ эту-то эпоху французскія моды дошли до крайнихъ предѣловъ изысканности. Щеголи и щеголихи того времени назывались *merveilleux* и *merveilleuses* — названіе непереводимое, но вмѣстѣ съ словомъ „петиметръ“ приобрѣвшее право гражданства во всѣхъ языкахъ. По-русски этому названію соответствовали бы, пожалуй, два слова одновременно: *чудный* и *чудной*. Нѣсколькими годами раньше французскіе щеголи носили названіе *incroyables* (невероятный), сохранившееся, впрочемъ, и до конца прошлаго столѣтія. *Incroyable* и *merveilleux* щеголяли въ голубыхъ и зеленыхъ фракахъ съ фалдами до пятъ и въ огромнѣйшихъ, составившихъ цѣлое сооруженіе, галстухахъ. Костюмы дамъ *merveilleuses*, изъ тонкихъ, часто прозрачныхъ тканей, были quasi-подражаніемъ греческимъ костюмамъ, съ чрезвычными обнаженіемъ не только рукъ, плечъ и груди, но и ногъ. Многія носили даже сандали и драгоцѣнные перстни на обнаженныхъ пальцахъ ногъ. Волосы носили распущенными, небрежно прикрывая ихъ треуголкой. Моралисты того времени возставали противъ дошедшей иногда до неприличія нескромности костюма *merveilleuse* и вадыхали о добромъ старомъ времени, когда разныя пирамидальныя прически, корсеты, буффы и нанье дер-

жали женщину, какъ въ крѣпости, и дѣлали ее волей-неволей неприступной. Стоить взглянуть на хорошенькую головку, изображенную на нашемъ рисункѣ (стр. 361), чтобы понять, что эта *merveilleuse*, навѣрное, очень мало обращала вниманія на моралистовъ и въ свое время вскружила голову не одному *incroyable*у.

*

И какой контрастъ представляетъ рядомъ съ ней это дитя природы, раннимъ утромъ (стр. 372) вышедшее изъ своей хижины въ альпійскихъ горахъ къ роднику за водой. Эта молодая, здоровая, сильная дѣвушка красива по-своему. Здѣсь понятія о красотѣ и привлекательности совсѣмъ другія, чѣмъ у *merveilleuses* и *incroyable*й. Для горца-охотника нужна добрая жена, не боящая ни бурь, ни холода, ни хожденія по высокимъ горамъ и опаснымъ троичкамъ, ни трудной работы. И въ этой трудовой и простой жизни для громаднаго большинства людей гораздо больше привлекательности и счастья, чѣмъ въ самыхъ утонченныхъ удовольствіяхъ извѣстныхъ и обесцѣленныхъ представителей высшей культуры всѣхъ временъ и народовъ.

*

А вотъ на картинѣ „Запорожскій пинетъ“, г. Васильковского (стр. 364), — передъ нами тоже дѣти природы, но совсѣмъ другаго характера, чѣмъ альпійскіе горцы. Это дѣти степей, вольные запорожскіе казаки, хорошо всѣмъ намъ извѣстные если не по учебникамъ исторіи, такъ по Гоголю. Это про нихъ говоритъ одинъ изъ гоголевскихъ героевъ: „люблю казаковъ за ихъ обычай: они коли не пьютъ, такъ турковъ бьютъ“. Впрочемъ, въ промежуткахъ между шпьемъ горялки и битьемъ турокъ они еще иногда играли и на бандурѣ или на кобзѣ,

как это и видно на воспроизведенной у нас картинкѣ г. Васильковскаго.

Картина г. Геллера (стр. 365), находящаяся на V-й выставкѣ с.-петербургскаго общества художниковъ, переноситъ насъ въ совсѣмъ иную обстановку. Передъ нами настоящая русская изба и добрая русская крестьянская семья, обступившая своего главу, только-что вернушагося на родину послѣ коронаціи Государя и Государини изъ Москвы, гдѣ онъ присутствовалъ какъ волостной старшина. Много подарковъ привезено имъ изъ столицы своимъ домохозяиномъ, но все они лежатъ пока нетронутые на полу, а общее вниманіе и старшихъ, и младшихъ привлечено картинной Священнаго Коронованія, которую старшина бережно развернулъ передъ присутствующими. Читателямъ *Нивы* хорошо извѣстно, какой благоговѣйный интересъ возбуждали во всемъ русскомъ народѣ коронаціонныя торжества, и эта картина напоминаетъ имъ одинъ изъ моментовъ, пережитыхъ ими въ тѣ торжественныя дни.

На той же V-й выставкѣ картинъ петербургскаго общества художниковъ находится и воспроизведенная на стр. 373 картина г. Овсянникова „Идолское мольбище“. Въ нашей историко-юридической литературѣ встрѣчается множество предположеній объ историческомъ значеніи памятниковъ древности, извѣстныхъ подъ названіемъ „городищъ“. Опираясь на изслѣдованія и выводы русскихъ ученыхъ, указывающіе, что такія „городища“ могли служить мольбищами для выполненія здѣсь разныхъ языческихъ обрядовъ, художникъ, пользуясь лѣтописями и другими документами, рисующими циклы обожанія кумировъ (Волоса, Стрибога, Ладо и друг.), и восстановилъ одно изъ такихъ городищъ въ характерѣ идольскаго мольбища.

Нельзя не пожалѣть, что на нынѣшнюю академическую выставку не попала воспроизведенная у насъ въ этомъ номерѣ на стр. 369 скульптура В. А. Беклемишева „П. И. Чайковскій“. Вероятно, гипсовая модель ея оказалась не готовой ко времени открытія выставки. У насъ она воспроизведена по фотографіи, снятой съ первоначальной модели, вылепленной художникомъ изъ глины. По этой глиняной модели, разбиваемой на куски, отливаются статуи гипсоваль, которая, въ свою очередь, послужитъ только моделью для настоящей мраморной статуи, предназначенной украшать одну изъ залъ вновь отстроенной петербургской консерваторіи, описанной въ № 12 *Нивы* и г. В. А. Беклемишевъ будетъ въ теченіе нынѣшняго лѣта работать эту статую изъ мрамора въ Италію, куда онъ увозитъ съ собою гипсовую модель ея. Осенью предполагается постановка статуи въ консерваторію. Для не знакомыхъ съ тѣмъ, какъ лепятся подобныя модели изъ глины, когда художникъ-скульпторъ хочетъ достигнуть совершенства формъ, не безынтересно будетъ узнать то, чему намъ случайно пришлось быть свидѣтелями въ мастерской В. А. Беклемишева: подъ видимыми снаружи складками платяна вытѣлена была предварительно вся мускулатура тѣла, обложена марлей, и уже поверхъ этого лѣпилась изъ глины же одежда; въ салогахъ вытѣлены всѣ пальцы ногъ. Все это черновая работа, которую никогда не видитъ публика, любующаяся только правдивостью складокъ одежды на высѣченныхъ изъ мрамора статуяхъ.

В. К. Случевскій. (Портр. на этой стр.)

Владиміръ Константиновичъ Случевскій—пресмыкъ А. Ф. Кошъ въ должности оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента. Имъ В. К. Случевскаго очень извѣстно въ юридическомъ мірѣ, какъ имя одного изъ лучшихъ въ настоящее время знатоковъ уголовного процесса, какъ талантливаго профессора и ученаго писателя.

В. К. Случевскій началъ свою службу въ 1866 году, вскорѣ послѣ великой судебной реформы 1864 года, въ тѣ, по выраженію В. К., „приваждещіе уже исторію жанерадостные дни“, когда „росло и крѣпло правовое чувство русскаго общества, нравственно поддерживая тѣхъ судебныхъ дѣятелей, которые имѣли счастье быть призванными волею Монарха въ первый призывъ для пополненія состава судовъ, долженствовавшихъ посвятить себя служенію интересамъ „правды и милости“.

Началъ онъ свою судебную дѣятельность въ томъ же высшемъ судилищѣ, куда призванъ онъ теперь, спустя тридцать лѣтъ, на постъ высшаго блюстителя уголовного правосудія. Воспитанникъ Императорскаго училища правовѣдѣній, онъ, въ 1866 г., 20 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ 4-й департаментъ Сената, откуда былъ вскорѣ переведенъ въ с.-петербургскую палату уголовного суда, гдѣ ему было поручено докладывать дѣла въ качествѣ секретари. Въ ноябрѣ того же года В. К. былъ назначенъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ министерства юстиціи, а два года спустя онъ былъ назначенъ на должность товарища прокурора воронежскаго окружнаго суда. Въ 1870 году мы его видимъ въ должности товарища прокурора уже въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ; въ 1877 г.—В. К. состоитъ уже товарищемъ председателя окружнаго суда; въ 1882 году—помощникомъ статъ-секретари Государственнаго Совѣта, по отдѣленію законовъ, а въ слѣдующемъ году, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ товарищемъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента и въ этой должности пробылъ до измѣненія своего назначенія, послѣдовавшаго 26-го декабря 1896 года. Кроме того, В. К. назначенъ былъ членомъ комитета по начертанію новаго уголовного уложенія, и съ 1895 г.—членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной.

Эта тридцатилѣтняя служба В. К. Случевскаго великими интересами „правды и милости“, выдвинула его уже давно въ рядъ выдающихся нашихъ юристовъ и создала ему вмѣстѣ съ крупною извѣстностью ту громадную юридическую опытность, которую онъ успѣлъ надѣлаться и продолжаетъ дѣлаться—съ профессорскою кафедрой—со своими слушателями въ военно-юридической академіи и Императорскомъ училищѣ правовѣдѣній.

Лекціи В. К. Случевскаго по уголовному судопроизводству издавна въ свѣтъ и представляютъ собою „Учебникъ русскаго уголовного процесса“. Этотъ солидный трудъ, выдержавшій уже два изданія, содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе догмы дѣйствующаго у насъ уголовно-процессуальнаго законодательства.

Такимъ же весьма полезнымъ руководствомъ и подспорьемъ при изученіи русскаго уголовного судопроизводства не только для студентовъ, но и для окончившихъ курсы юристовъ, можетъ служить и другой трудъ В. К. „Уголовно-процессуальная казуистика“. Этотъ сборникъ двухсотъ кратко изложенныхъ судебныхъ случаевъ, взятыхъ изъ судебной практикѣ или же придуманныхъ самимъ авторомъ,

даетъ возможность молодымъ юристамъ ознакомиться съ сложной техникой уголовно-процессуальной дѣятельности и разобраться среди обилия процессуальныхъ формъ, обрядовъ и принциповъ.

Выступая однимъ изъ строгихъ блюстителей отправления карательную дѣятельность строя уголовного правосудія, являющагося, по его словамъ, „однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ, хотя и не единственныхъ средствомъ социальной борьбы противъ преступности“, В. К. Случевскій не могъ и не можетъ ограничиться только дѣятельностью суда. Понимая, что „уголовный судъ имѣетъ дѣло съ человекомъ и его психическими функциями“, В. К. Случевскій зорко слѣдитъ за всѣми научными изслѣдованіями по психологіи, и время отъ времени дѣлится съ обществомъ и съ товарищами-юристами результатами своихъ работъ, въ видѣ ряда статей по вопросамъ изъ этой области, болѣе или менѣе относящимся къ уголовному праву. Изъ числа этихъ статей мы позволимъ себѣ остановиться на трехъ, какъ имѣющихъ большой интересъ не только для юриста, но и для всего общества.

Всѣ три эти статьи изслѣдуютъ въ основѣ одно и то же—внушеніе, гипнозъ. Какъ справедливо говорятъ В. К. въ первой своей статьѣ „Гипнозъ на уголовномъ судѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* за 1892 г., № 7—8), „не много найдется въ области уголовной политикѣ подлѣтыхъ за послѣднее время вопросовъ, которые возбуждали бы къ себѣ такой серьезный интересъ, какъ вопросъ о вліяніи гипнозизма на дѣло оглавленія уголовного правосудія“. Вся упомянутая статья посвящена выслѣженію научной постановки самаго гипнозизма, и въ этомъ отношеніи она близко соприкасается съ другой статьѣй В. К. „Достоверскій и внушеніе“ (книжки *Недѣли* за 1893 г., № 1—2), гдѣ авторъ приводитъ слова проф. Бергейма изъ его книги „Hypnotisme, suggestion, psychothérapie“: „внушеніе въ смыслѣ акта, чрезъ посредство котораго идеи вводятся и воспринимаются мозгомъ другого человека, старо, какъ міръ. Оно

В. К. Случевскій.
Съ фот. авторіи „Нивы“.

практиковалось въ религиозной, мистической и томатургической практикѣ, равно какъ въ терапевтикѣ. Внушеніе проявило свое господство во всей исторіи человечества, начиная съ перваго грѣха, внушеннаго Евѣ змѣль, а Евою—Адаму, до величайшихъ войнъ, зачатыхъ религиознымъ или политическимъ фанатизмомъ, равно какъ до кровавыхъ ужасовъ революціи и коммуны... "Вся жизнь человѣка въ семьѣ и въ обществѣ, въ сущности, вѣдь тоже цѣлый рядъ внушеній, оказываемыхъ на него другими людьми. Видя въ гипнотическомъ состояніи — психологическое состояніе, обуславливающееся психическою склонностью субъекта подчиняться внѣшнему внушенію, В. К. Случевскій въ своей первой статьѣ даетъ полный очеркъ научныхъ взглядовъ на гипнотизмъ, и тѣмъ выясняетъ роль послѣдняго на уголовномъ судѣ.

Статья „Достоевскій и внушеніе“ имѣетъ ту же цѣль выясненія роли гипнотизма въ жизни человѣка, и притомъ не путемъ научныхъ послѣдованій, а на произведеніяхъ одного изъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей, великаго писателя-психолога. Ближайшее рассмотрѣніе трудовъ Достоевскаго, въ отношеніи явленій внушенія, какъ явленія психологическаго свойства, доказываетъ, по мнѣнію В. К. Случевскаго, что Достоевскій, задолго до образованія существующаго нынѣ научнаго направленія о внушеніи, „познакомилъ насъ съ

Австрійскій императоръ Францъ-Юсифъ I.
Съ фотогр. автотипія „Нива“.

ся теперь при экспериментации внушеніемъ“. В. К. доказываетъ свою мысль подробнымъ разборомъ четырехъ произведеній Достоевскаго, представляющихъ въ этомъ отношеніи наиболее обильный матеріалъ: „Хозяйка“, „Село Степанчиково“, „Идиотъ“ и „Преступленіе и наказаніе“. Какъ извѣстно, повѣсть „Хозяйка“ при своемъ появленіи вызвала недоумѣніе и въ критикѣ, и въ публикѣ, и даже такой чуткій знатокъ, какъ Бѣлинскій, жестоко осудилъ ее. Между тѣмъ, въ „Хозяйкѣ“, какъ и въ „Селѣ Степанчиковѣ“, внушеніе является основой этихъ повѣстей. Признаки внушенія имѣются и въ „Идиотѣ“, но въ менѣе определенной формѣ. Внушеніе, но нѣсколько въ иной формѣ, извѣстной подъ названіемъ самовнушенія, сильно и проникновенно вѣрно изображено Достоевскимъ въ „Преступленіи и наказаніи“. Въ Раскольниковѣ объектъ и субъектъ внушенія сосредоточены въ одномъ лицѣ, „подпадающемъ подъ дѣйствіе одной зародившейся въ немъ и овладѣвшей имъ идеи“.

Такое же соединеніе внушенія и самовнушенія представляетъ и цѣлая толпа людей, „вооруженная единствомъ мысли, чувствъ или симпатій“, и въ качествѣ такого самостоятельнаго организма „проявляющая

самобытную психическую жизнь“. Исслѣдованію психики такой толпы и посвящена большая статья В. К. Случевскаго „Толпа и ея психологія“ (книжки *Нивы* за 1893 г. №№ 4 и 5). Въ ней

Великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ-Францъ IV.
Съ фотогр. автотипія „Нива“.

такимъ господствомъ человѣка надъ человѣкомъ, которое для людей, не обладающихъ наблюдательностью Достоевскаго, могло до послѣдняго времени показаться невѣроятнымъ и неестественнымъ, и которое, тѣмъ не менѣе, воспроизводит-

Великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ-Францъ III
(† 29 марта 1897 г.). По гравюрѣ автотипія „Нива“.

онъ подробно рассматриваетъ, при наличности какихъ условій такая живая, объединенная одною мыслью, толпа можетъ образоваться, разбираетъ отдѣльныя черты психической жизни толпы на дѣломъ рядѣ примѣровъ изъ жизни и литературы, а также

анализирует влияние толпы на человека и влияние, оказываемое отдельным человеком на толпу, к составу которой он присоединился. При этом В. К. делает очень интересный вывод, что „толпа обыкновенно, хотя и не исключительно, отдается злему делу разрушения, страдания и смерти; служение же делу созидания радости и счастья жизни, как о том свидетельствует история, в редких случаях сосредоточивается на себе деятельность толпы“. В виду этой „злонаправленности“ толпы, она представляет, по справедливому выражению В. К., „явление, вызывающее неизбежно действительное охранительных сил государства“. В заключение В. К. очень тонко и верно подмечает, что при объяснении явлений жизни толпы нельзя упускать из виду того, что значительное большинство лиц, входящих в состав толпы, принадлежат к низшим слоям населения, скромным, приобщенным к будничной жизни, но в душе мечтательным, чтобы, по выражению Некрасова, „хоть бы раз „Иванъ Мосѣвичъ“ кто меня назвал“. И вдруг такой субъектъ видят, что его действительно такъ величают, что за ним ухаживают, что онъ вызываетъ заботы, что изъ-за него мечется полиция, движутся войска, скачутъ казаки, гарцуютъ жандармы. Онъ наваль страхъ на всѣхъ этихъ представителей грубой силы, къ нему простираютъ руки за помощью потерпѣвшіе; онъ теряетъ голову и даже начинаетъ думать, что делаетъ хорошее дело—кого-то спасаетъ и кого-то по деламъ наказываетъ.

Въ этомъ характерномъ объясненіи психологіи толпы сказались большая наблюдательность, глубокое знаніе человѣческой души—два качества, необходимые судьѣ, желающему творить поспѣшныя „судь правды и милостивыя“, два качества, всегда одухотворяющія деятельность В. К. Случевского.

И. Эйзенъ

Австрийскій императоръ Францъ-Иосифъ I.

(Портр. на стр. 377.)

Его апостолическое величество, императоръ австрийскій, король венгерскій Францъ-Иосифъ I—одинъ изъ старѣйшихъ монарховъ въ Европѣ (старше императора Франца-Иосифа Христиана IX, король датскій—79 лѣтъ, и Викторія, королева англійская—78 лѣтъ.) Императоръ Францъ-Иосифъ родился 6 августа 1830 г., въ Вѣнѣ. Старшій сынъ эрцгерцога Франца-Карла (сына императора Франца II и брата императора Фердинанда) и принцессы Софій Баварской, онъ былъ воспитанъ подъ руководствомъ графа Бомбелли, при содѣйствіи лучшихъ учителей и подъ непосредственнымъ влияніемъ своей замѣчательно развитой матери. Помимо прекраснаго и разносторонняго образования, юный принцъ приобрѣлъ обширныя лингвистическія познанія, благодаря которымъ онъ всегда могъ говорить со всѣми народностями Австро-Венгріи на ихъ родныхъ языкахъ и нарѣчійхъ. Восемнадцатилѣтнимъ юношей онъ призванъ былъ уже на австрийскій престолъ, освобожденный вслѣдствіе добровольнаго отреченія отъ него—въ виду политическихъ соображеній—императора Фердинанда и вслѣдствіе отказа эрцгерцога Франца-Карла отъ престола. 1 декабря 1848 г. молодой эрцгерцогъ Францъ-Иосифъ объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ и на другой день сталъ императоромъ австрийскимъ и королемъ венгерскимъ. Въ 1867 году, послѣ войны съ Пруссіей, когда графъ Бейстеръ сталъ усиленно проводить новую систему государственнаго дуализма, т. е. признаніе Венгріи какъ бы автономнымъ государствомъ наравнѣ съ Австріей, но въ то же время политически слитымъ съ нею воедино, императоръ согласился съ взглядами своего министра и торжественно короновался 8 іюня 1867 г. венгерскою королевскою короною, бывшею до тѣхъ поръ неоспоримымъ атрибутомъ императорскаго дома Габсбурговъ.

Имя императора Франца-Иосифа съ благоговѣніемъ чтутъ всѣ многообразныя народы, входящіе въ составъ Австрийской имперіи. Всѣ они одинаково, несмотря на самыя противоположныя политическія взгляды и возрѣшій на политику имперіи, сливаются воедино въ общемъ почтеніи передъ благородной фигурой умудреннаго государственнаго оытмомъ магистрата своего монарха, всегда приносившаго свою личность въ жертву интересамъ страны, всегда охотно складывающаго на услуги различнымъ народностямъ, собраннымъ подъ его скипетромъ, всегда старавшагося—даже личнымъ вмѣшательствомъ—умиротворять разгоравшіяся страсти и неурядицы между этими народностями, всегда дѣлавшаго начинъ во всѣхъ либеральныхъ реформахъ, ведшихъ и ведущихъ Австрію по пути свободнаго развитія. Почти полувѣковое правленіе императора Франца-Иосифа выдвинуло австро-венгерскую монархію въ ряды первостепенныхъ державъ, выдвинуло не путемъ политическихъ и военныхъ успѣховъ, а путемъ широкаго экономическаго развитія, путемъ оживленія торговли и промышленности, основанія многочисленныхъ кредитныхъ учреждений, затраты значительныхъ капиталовъ въ дѣлахъ культивированія земли, расширенія до колоссальныхъ размѣровъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, учрежденія школъ, учительскихъ семинарій и высшихъ учебныхъ заведеній, основанія цѣлаго ряда специальныхъ учебныхъ заведеній по земледѣію, торговлѣ и ремесламъ, путемъ широкаго развитія и поощренія искусствъ и т. д.

Императоръ Францъ-Иосифъ состоитъ съ 24 апрѣля 1854 г. въ супружествѣ съ принцессой баварской Елисаветой, родившейся 24 декабря 1837 г. Отъ этого брака родились: 5 марта 1855 года—принцесса Софія (скончалась въ 1857 г.), 12 іюля 1856 г.—принцесса Гизела (состоитъ съ 1873 г. въ супружествѣ съ принцемъ Леопольдомъ баварскимъ), 21 августа 1858 года—наслѣдный принцъ Рудольфъ, и 22 апрѣля 1868 г.—младшая дочь Марія-Валерія (съ 1890 г. состоитъ въ супружествѣ съ эрцгерцогомъ Францемъ-Сальваторомъ). Трагическая кончина наслѣднаго принца Рудольфа, послѣдовавшая 30 января 1889 года, лишила императора Франца-Иосифа прямого наслѣдника престола, права на который императоръ передалъ своему племяннику, эрцгерцогу Францу-Фердинанду д'Эсте, сыну покойнаго эрцгерцога Карла-Людвига, родившемуся 18 декабря 1863 года.

За время своего долготѣлнго правленія императоръ Францъ-Иосифъ много путешествовалъ по Европѣ и имѣлъ свиданія съ правителями всѣхъ крупнѣйшихъ государствъ Европы, въ числѣ которыхъ однимъ изъ первыхъ былъ императоръ Николай Павловичъ; свиданіе съ императоромъ Николаемъ I состоялось въ Варшавѣ въ 1849 г.

Настоящее посѣщеніе Россіи магистромъ императоромъ является актомъ вѣжливости—отдачей визита, сдѣланнаго императору Ихъ Императорскими Величествами въ прошломъ году. Августѣйшему гостю русскаго Императора будетъ сдѣланъ очень торжественный приемъ, достойный магистаго монарха великой державы и соответственный тому блестящему, восторженному приему, который былъ оказанъ въ августѣ прошлаго года Ихъ Императорскимъ Величествамъ при посѣщеніи Вѣны.

Имя императора австрийскаго носитъ одинъ изъ русскихъ гвардейскихъ полковъ—лейбъ-гвардіи кексгольмскій полкъ; кромѣ того, августѣйшій императоръ состоитъ шефомъ 35 драгунскаго бѣлгородскаго полка.

Великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ-Францъ III и сынъ его, великій герцогъ Фридрихъ-Францъ IV. (Портр. на стр. 377.)

29 марта въ Каниѣ скончался великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ-Францъ III. Покойный герцогъ давно уже страдалъ грудной болѣзью и вслѣдствіе того долженъ былъ большую часть времени проводить внѣ своего государства, на югѣ, въ Каниѣ. Въ послѣднее время герцогъ сталъ сильно страдать болѣзью сердца, и состояніе здоровья его высочества ухудшалось съ каждымъ днемъ. По официальному сообщенію, 29 марта (10 апрѣля), въ 7½ час., великій герцогъ сталъ ощущать потребность въ отдыхѣ и пожелалъ, по обыкновенію, отдохнуть сиди въ креслахъ и чтобы всѣ вышли изъ комнаты. Врачъ и прислуга извнѣ прислушались къ дыханію больнаго. Вдругъ врачу показало, что великій герцогъ пересталъ дышать. Опасаясь, что великій герцогъ скончался, врачъ вошелъ въ комнату, но больнаго въ ней не оказалось. Немного спустя явился слуга съ докладомъ, что великаго герцога нашли распростертымъ на дорогѣ передъ виллою, что онъ получилъ сильныя поврежденія и что его уже внесли въ виллу. Какъ случилось съ нимъ и прежде, когда онъ чувствовалъ сильный припадокъ отдышки, великій герцогъ вышелъ, вѣроятно, изъ виллы, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, но при своей слабости не удержался на ногахъ и съ невысокой каменной оградой упалъ на дорогу, пролегающую на значительной глубинѣ—вдоль виллы. Здѣсь герцога нашла жена садовника и камерднеръ. Врачи констатировали поврежденіе спиннаго хребта. Тѣмъ временемъ собралась всѣ родственники и приближенные больнаго. Великій герцогъ успѣлъ еще сказать имъ нѣсколько сердечныхъ словъ, обнявъ сына и часть спустя тихо почилъ.

Великій герцогъ Фридрихъ-Францъ III родился 19 мая 1851 г. Отецъ покойнаго герцога, герцогъ Фридрихъ-Францъ II, скончавшійся 15 апрѣля 1883 г., принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ объединенія Германіи и вмѣстѣ съ сыномъ участвовалъ въ франко-прусской войнѣ и присутствовалъ при торжественномъ провозглашеніи Германской имперіи въ Версалѣ. Почившій герцогъ получилъ прекрасное образованіе и съ юности проявлялъ любовь къ искусствамъ и наукамъ. До тѣхъ поръ, пока тяжелей недугъ не заставилъ покойнаго герцога уѣхать изъ своей страны, покойный много занимался государственными дѣлами, и до послѣдняго времени считался во всей Германіи однимъ изъ самыхъ популярныхъ нѣмецкихъ государей.

Покойный герцогъ связалъ себя въ 1879 г. (24 января) узамъ родства съ Россійскимъ Императорскимъ Домомъ, женившись на августѣйшей дочери великаго князя Михаила Николаевича, великой княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ. Отъ этого брака родился: (28 марта 1882 г.) одинъ сынъ—наслѣдный герцогъ Фридрихъ, и двѣ дочери—герцогиня Александриня (род. 12 декабря 1879 г.) и герцогиня Цецилія (род. 8 сентября 1886 г.).

Юному герцогу исполнилось за день до кончины родителя всего 14 лѣтъ, и потому учреждено регентство, которое принялъ на себя братъ покойнаго герцога, герцогъ Мекленбургскій Іоаннъ-Альбертъ. Старшая дочь покойнаго герцога, гер-

погиб Александрина помолвлена недавно съ приидемъ датскимъ Христианомъ, старшимъ сыномъ датскаго наследнаго принца, племянникомъ Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны.

Въ Россію покойный герцогъ прѣѣзжалъ вѣскольکو разъ— послѣдній разъ посѣтилъ онъ своихъ августѣйшихъ родствен-

никовъ въ августѣ 1894 года. Герцогъ Фридрихъ-Францъ III состоялъ шефомъ двухъ нашихъ полковъ: 8-го гренадерскаго и князя-гребенскаго казачьяго полка терскаго войска.

Погребенъ герцогъ въ замкѣ Лудвигслустъ, въ Шверинѣ, въ склепѣ скончавшейся въ 1803 году наследной великой герцогини Елены Павловны.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ вторженія въ Турцію вооруженныхъ греческихъ шаекъ, „народная гетерія“, состоящая въ связи съ западно-европейскими тайными анархическими обществами, низвела, по отзывамъ англійской печати, правительственную власть Греціи до мннума, игнорируя министерство и короля. Немуудрено послѣ этого, что всякіе переговоры съ греческимъ правительствомъ сдѣлались невозможными. По свѣдѣніямъ иностранной печати, манифестаціи въ Аѣнахъ въ день годовщины независимости Греціи—25 марта—были довольно серьезны: окружающая дворецъ толпа, съ криками: „да здравствуетъ война!“, бросала въ дворецъ камни, стрѣляла, при чемъ одинъ изъ адъютантовъ короля былъ раненъ, словомъ, король какъ бы очутился въ плѣну у „народной гетеріи“. Тревожное настроеніе умовъ отразилось и на королевской семьѣ, въ которой текуція событія вызвали разногласіе: въ то время, какъ король и королевичъ-діадохъ (главнокомандующій) стремятся внести въ общее настроеніе дозу разсудительности, принцесса Софія—супруга королевича, наследника престола—стала главной опорой партіи войны, пріобрѣтая съ каждымъ днемъ чрезвычайную популярность въ массѣ населенія, послѣ своего демонстративнаго отказа отъ приглашенія брата—германскаго императора—ѣхать въ Берлинъ на недавнее юбилейное празднество въ такое время, когда „новое отечество“ принцессы нуждается въ ея „слабой помощи“.

Разбитыя турками шайки добровольцевъ не исполнили возложенной на нихъ задачи—завладѣть весьма важнымъ, угрожающимъ греческимъ позиціямъ, стратегическимъ пунктомъ—Мецово, служащимъ узломъ сообщенія между крыльями турецкой арміи. Позднѣйшія извѣстія относительно перехода греками границы не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что вторженіе добровольцевъ въ Турцію начато было съ вѣдома греческаго правительства. Представители державъ добились будто бы отъ аѣнскаго правительства обѣщанія принять мѣры, чтобы пограничные инциденты не повторялись.

Населеніе въ Аѣнахъ стало объяснять дѣйствія правительства шайковеніемъ его, оттягивая начало войны, дѣйствовать пока набѣгами добровольцевъ, чтобы добиться отъ державъ устроить Критъ на положеніи Болгаріи, но „народная гетерія“ дала понять, что Критъ—второстепенный вопросъ, такъ какъ главная задача—полное торжество „эллинскаго дѣла“.

Такой же взглядъ высказалъ и премьеръ Деланнсъ, но извѣстіямъ *Politische Correspondenz*,—поразившіи общественное мнѣніе Европы своею развязностью,—что Критъ—только предлогъ, цѣль же Греціи—отодвинуть сѣверныя границы королевства до предѣловъ, намѣченныхъ берлинскимъ трактатомъ, въ случаѣ же сопротивленія Европы, Греція создастъ „всеобщій пожаръ“.

Вообще образъ дѣйствія Греціи, повидимому, имѣлъ цѣлью истощить терпѣніе турокъ, заставивъ ихъ перейти въ насту-

пленіе, чтобы греки могли создать для себя предлогъ возложить всю отвѣтственность за послѣдствія на Турцію. По мнѣнію газетъ *Times*, Греціи предстояло начать войну или же оставить войска безъ продовольствія, распустивъ же армію—значило вызвать революцію, съ ея трудно предвидимымъ результатомъ.

По свѣдѣніямъ отъ 1-го апрѣля, изъ Константинополя дано было Эдхему-пашѣ приказаніе начать наступленіе, по вслѣдствіи приказъ этотъ отбывенъ, благодаря представленіямъ великихъ державъ, пригрозившихъ Портѣ снятъ блокаду Крита въ случаѣ объявленія султаномъ войны. Турція поняла маневръ Греціи дѣйствовать вызывающе, выставивъ застрѣльщико-добровольцевъ инсургентами и отказываясь отъ отвѣтственности за ихъ дѣйствія, но, по совѣту державъ, рѣшила не наступать до констатирования несомнѣннаго участія въ набѣгахъ греческихъ регулярныхъ войскъ.

Такое положеніе дѣлъ на ессалийской греко-турецкой границѣ не могло тянуться долго, а потому и случилось то, что должно было случиться и противъ чего оказался безсильнымъ европейскій конфертъ: война началась по всѣмъ правиламъ международнаго поединка. Послѣ новаго нападенія грековъ въ семи пограничныхъ пунктахъ—4-го апрѣля, состоявшійся во дворцѣ султана совѣтъ турецкихъ министровъ рѣшилъ, 5 апрѣля, отозвавъ посланника Ассима-бея изъ Аѣны, вручить, въ десятомъ часу вечера, отзывныя грамоты греческому посланнику Маврокордато и приказать Эдхему-пашѣ перейти въ наступленіе. Представителямъ Турціи при иностранныхъ дворахъ послана обстоятельная циркулярная депеша.

Указывая на участіе въ набѣгѣ греческихъ регулярныхъ войскъ, Порта выражаетъ надежду, что державы, по духу справедливости, признаютъ виновницею войны Грецію; не питая завоевательныхъ плановъ, въ доказательство своего миролюбія, Турція готова-де отозвать свои войска, если Греція отодвинетъ свои войска отъ границы и очиститъ Критъ. Въ оффиціальномъ сообщеніи о началѣ военныхъ дѣйствій Порта увѣряетъ, что сдѣлала все для соблюденія мира, и лишь образъ дѣйствія Греціи вынуждаетъ отвѣтить на него войною.

Въ тотъ же день съ дома греческаго посольства снятъ королевскій гербъ; греческимъ купцамъ предложено выѣхать изъ Турціи въ двухнедѣльный срокъ.

По турецкимъ свѣдѣніямъ отъ 7 апрѣля, атака грековъ отбита, завязался горячій бой по всей границѣ. Турки наступаютъ побѣдоносно. Ночная атака грековъ на Кранію отбита, турки двинулись на высоты у Малуны; послѣ унорнаго жестокаго боя въ теченіе 30 часовъ, турки взяли два укрѣпленія, непріятель бѣжалъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, 6 апрѣля, послѣ продолжительнаго кроваваго боя, турки заняли весь перевалъ Мелуна и стягиваютъ свои силы, чтобы начать наступленіе на Лариссу, до которой всего одинъ переходъ.

Разныя извѣстія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШЕЙ УКАЗЪ Правительствующему Сенату.

Прискорбныя смѣненія, возмущавшія западную охрану въ 1863 г., вызвали, въ числѣ прочихъ правительственныхъ мѣръ, установленіе особаго процентнаго сбора съ недвижимыхъ имѣній польскаго происхожденія. Въ продолженіе истекшихъ съ тѣхъ поръ тридцати сѣшкомъ лѣтъ, неизменно охраня общія начала, направленныя къ слянью западныхъ губерній съ прочими мѣстностями Имперіи, въ Божѣ почившіе Самодержцы Всероссийскіе желали милосердіемъ Своимъ постепенно изглаживать въ памяти народной слѣды преступныхъ заблужденій, вовлекшихъ польское населеніе въ нарушеніе вѣроподданческаго долга. Слѣдуя за вѣтамъ минувшихъ царствованій и неизменно стремясь къ упроченію въ Западныхъ краѣ русской государственности, Мы, въ заботахъ о водвореніи милости въ дѣлахъ правленія, признали за благо отмѣнить установленныя въ 1863 г. процентный сборъ съ имѣній польскаго происхожденія, уповавъ, что сей новый знакъ Монаршагонисхожденія вышше побудитъ польскихъ землевладѣльцевъ къ мирному развитію своего благосостоянія подъ сѣнью Россійской Державы.

Вслѣдствіе сего повелѣваемъ: взимаемый съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія въ девяти западныхъ губерніяхъ въ доходъ казны особый процентный сборъ отмѣнить съ 1-го января сего 1897 года.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственномъ Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ,
27 марта 1897 года.

— 5-го апрѣля состоялось торжественное празднованіе столѣтій со дня учрежденія капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ и департамента Удѣловъ (нынѣ главнаго управленія Удѣловъ). Въ 9½ часовъ, въ церкви главнаго управленія Удѣловъ началась Божественная литургія. На Богослуженіи присутствовали всѣ чины Удѣловъ и капитула орденовъ, во главѣ съ министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ канцлеромъ капитула орденовъ ген.-адъют. графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, а также многа приглашенная высокопоставленная лица. По окончаніи литургіи, высоко-

просвященнымъ митрополитомъ Палладіемъ было совершено молебствіе. Къ молебствію въ церковь прибыли Его Императорское Величество Государь Императоръ, Ихъ Императорскія Высочества великая княгиня Ксенія Александровна, княгиня Анастасія Николаевна Романовская, великія князья: Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ и Александръ Михайловичъ и Ихъ Высочества принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и герцогъ Михаилъ Георгиевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій. По окончаніи Богослуженія, всѣ присутствовавшіе перешли изъ церкви въ залъ, гдѣ Государю Императору имѣли счастье быть представлены старшіе чины капитула орденовъ и главнаго управленія Удѣловъ. Начальникъ главнаго управленія Удѣловъ прочелъ краткій историческій очеркъ учрежденія, послѣ чего министромъ Императорскаго Двора были прочтены пожалованныя Государемъ Императоромъ капитулу орденовъ и Удѣламъ грамоты. По отбытіи Высочайшихъ Особъ, было подано шампанское, министръ Императорскаго Двора, подаявъ бокалъ, провозгласилъ здоровье Государя Императора; въ отвѣтъ на тость загремѣло долго несмолкавшее „ура“. Торжество закончилось чтеніемъ адресовъ, поднесенныхъ различными учрежденіями.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

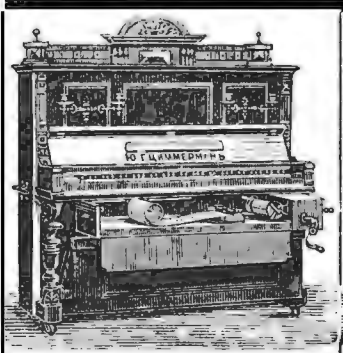
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многогородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыхъ марокъ на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благодарятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Мещерячича-Диченко. (Продолженіе.)—Моя сосѣдка за столомъ. Рассказъ В. Брахфогеля. (Съ вѣздого.)—Художественныя выставки. (Окончаніе.)—Къ рисункамъ: Мер-

вейше. — Запорожскій инквѣтъ. — Возвращеніе волостного старшины на родину, послѣ священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. — П. И. Чайковскій. Скульптура В. А. Бенкенишева. — Раннимъ утромъ. — Идиллическое молебствіе. — В. И. Случевскій (съ портр.). — Австрійскій императоръ Францъ-Иосифъ I (съ портр.). — Великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ-Францъ III и сынъ его, великій г. рцогъ Фридрихъ-Францъ IV (съ 2 портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. При этомъ М прилагается выпускъ „Ежемѣс. лит.: журн. прилож.“ за Апрель

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНО.
 Прекрасный и практичный инструмент. Можно играть посредством верчения ручек и какъ на обыкновенномъ пианино.
 Цѣны 550, 600, 700 и 800 руб.
 Ноты по 1 р. 25 к. за метръ.
 Списокъ пьесъ безплатно.
Юли Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
 Москва, Кузнецкій вл., Д. Захарына.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ
 горькая вода источника
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.
 Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.
 Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Булашептѣ.

НОВОСТЬ! (14)
ДУХИ
ВУБЕТЪ АМИРСЬ
 ПОСТАВШИКОВЪ
 Высочайшаго Двора
А. РАДЛЕ И К^о.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
 Невскій пр., № 18.
 МОСКВА:
 Кузнецкій востъ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
 НАИЛУЧШІЕ СЪ 12 Р. ДО 500 Р. БЛЕКЪ
СОБСТВЕННЫМЪ МАСТЕРСКИМЪ,
 ЭМБЛЕМА ЦѢНЫ
 ИЛЛ. ПРЕЙС-КУРАНТЪ ЗА 40 К. МАР
 СМѢТЬ БЕЗПЛАТНО
БРУНО ЗЕНГЕРЪ И К^о
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР. № 20
 ОПТ. СКЛАДЪ, НЕВСКІЙ ПР. № 20

БРОМОЖЕЛАТИНОВЫЯ ПЛАСТИНКИ
 любой чувствительности для портретовъ, комментальныхъ снимковъ, репродукцій и микрофотографій.
фотографической лабораторіи
А. ЭВЕРГАРДЪ,
 С.-Петербургъ, Демидовъ пер., № 2.
 Три заказа просить указывать, для какихъ работъ предназначаются пластинки. Пребъ-куррантъ высылается безплатно по требованію. № 10064 2-2

ТРЕБУЙТЕ
ДАВАЮЩИЕ
НОЖИЦА ИРУНЪ
И ОТЬ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
 ПА В. ШМОЛЬ
 ЦѢНА 20 К. ПОДАРИТЕ ВЕЗДѢ

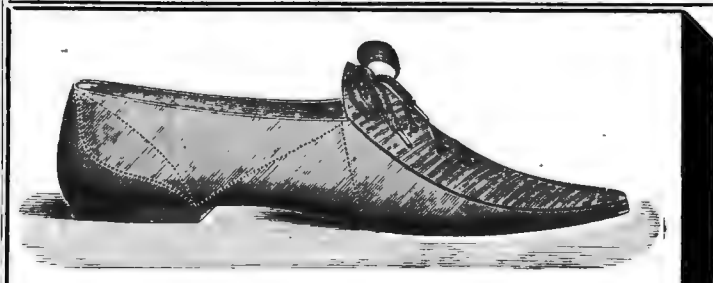
ВСѢМЪ МАТЕРЯМЪ
 дѣтская присыпка
„ЗОИНЪ“.
 Лучшее антисептическое средство отъ прѣ-сія, кожныхъ болѣзненныхъ явленій и т. п., дѣтскаго запаха, присущаго новорожден-нымъ и подрастающимъ дѣтямъ.
 Разрѣшено Харьк. Врачебн. Отдѣл. № 5310.
 Б. и. 30 в., мая. н. 20 н.
 I. № 10071 Продажа вездѣ. 6-3

НОВОСТИ
 НА 1897 Г.
ТРЕБУЙТЕ
НОВЫЕ КАТАЛОГИ
АНГЛІЙСКИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ
 ТОРГ. ДОМЪ
АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ
 МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ
ДОМЪ И ХОЗЯЙСТВО.
 Руководство къ рациональному веденію домашнего хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ.
Сочиненіе Маріи Ределинъ.
Со 161 иллюстраціей.

Въ 2 томахъ, всего болѣе 900 страницъ, въ 8-ю долю листа.
 „Домъ и Хозяйство“ представляетъ настоящую энциклопедію домо-хозяйства, вполнѣ пригодную для руководства хозяйки и хозяина, притомъ написанную въ соответствии съ данными современной науки и переработанную въ литературной работѣ.
 Первое изданіе, вышедшее въ серединѣ 1895 года, быстро разошлось, и уже къ концу минувшаго 1896 года оказалось необходимымъ приступить къ новому изданію. Этотъ успѣхъ перваго изданія служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, насколько предлагаемое руководство практично и соответствуетъ своему назначенію какъ по полнотѣ и разнообразію содержанія, такъ и по формѣ изложенія.
 Первый томъ книги г-жи Ределинъ даетъ прежде всего общія основанія въш-лаго домоустройства, напр., устройства комнатъ (спальни, дѣтской, столовой), кухни, кладовой, лавочна и проч., и подробно, весьма цѣпныя указанія объ уходѣ за садомъ, огородомъ, цветникомъ, комнатными растеніями, домашнею птицею, лошадью, коровою; затѣмъ слѣдуетъ масса вывѣсокъ практическихъ указаній о приемѣхъ внутренняго домохозяйства, напр.: о покупкѣ различныхъ съѣстныхъ припасовъ, товаровъ, о сохраненіи припасовъ, о фальсификаціи, о питаніи, о веденіи книгъ и счетной части, объ отопленіи, объ уходѣ за здоровыми и больными, о г-гіентѣ, о средствахъ поддержанія порядка и чистоты въ домѣ и проч. Алфавитный указатель 1-го тома заключаетъ въ себѣ болѣе 1800 названій.
 Второй томъ представляетъ **ОТЛИЧНУЮ ПОВАРЕННУЮ КНИГУ,** содержащую въ себѣ 1190 кухонныхъ рецептовъ, причемъ г-жа Ределинъ не упускаетъ изъ виду и требованій такъ называемой „рациональной кухни“. Во второмъ же томѣ книги сообщаются также рецепты пост-ныхъ кушаній и дается цѣпый рядъ указаній относительно заготовки въ прокъ плодовъ и овощей, приготовленія вареній, салатовъ и другихъ напитковъ, изго-товленія печеній, конфетъ и пр. Алфавитный указатель 2-го тома содержитъ около 1800 названій.
 Цѣна за оба тома бром. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к., а въ двухъ хорош. колени, переплетѣхъ 4 р. 80 к., съ пересыпкою 5 р. 50 к. Цѣна наждаго тома отдѣльно 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.; въ переплетѣхъ 2 р. 40 к., съ перес. 2 р. 80 коп.
 Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22.

КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.

Качество нашихъ **«СКОРОХОДОВЪ»** слѣдующее: они построены изъ наилучшаго матеріала, весьма прочной работы и отличаются фасономъ, удобно пригнаннымъ къ лю-бой ногѣ.
Товарищество С.-Петербургскаго Ме-ханического Производства Обувн.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
 С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,
 страхуетъ
 5% закл. съ вынгр. лист. Гос. Двор.
 Зем. Банка отъ тиража 1 мая 1897 г
 по 75 коп. 3-2

Машины для устройства
МЕЛЬНИЦЪ
 паровыхъ и водныхъ, съ жерновани и валки, для крестьянскаго и торговаго помолу.
ЛЪСОПЫЛЪ. СТАНКИ
 постоянные, переносные и перевозныя на колесахъ.
 Конюверн. и паровыя
КИРПИЧЕДѢЛ. МАШИНЫ
 новѣйшей патентов. системы.
 Маслосбойные заводы.
 Стальные локомотивы.
 Американскіе турбины.
 Паровыя машины.
 Паровыя котлы. Ц. № 10050
 Керосиновые двигатели. 4-3
 Сѣтки и прѣсы-куралты выслаеть
В. ЖУКОВСКІЙ
 С.-Петербургъ, Невскій, 97.

ДЛЯ
 СПОРТА **Костюмы.**
 СПОРТА **Фуфайки.**
 СПОРТА **Куртки.**
 СПОРТА **Брюки.**
 СПОРТА **Полса.**
 СПОРТА **Чулки.**
 СПОРТА **Подтяжки.**
 СПОРТА **Гамашы.**
Ю. ГОТЛИБЪ.
 Владимирская, 2, уголъ Невскаго.
 Иллюстрированный каталогъ
БЕЗПЛАТНО.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Бломъ. С.-Петербургъ, Невскій, 59.

КИРПИЧНЫЯ МАШИНЫ
 рельсы, опрокидывающ. вагончики,
 ПРЕДАГАЕТЪ
АРТУРЪ КОППЕЛЬ,
 СПб., Невскій 18, уголъ Б. Морской.
 Москва, Мясницкая, № 48. 4-2

Новѣйшее для дѣтей
ВОЛШЕБНАЯ ЖИВОПИСЬ.
 Дѣти проводятъ кисточкой съ чистой водою по картинкамъ, и онѣ сейчасъ же превращаются въ раскрашенныя.
 Очень забавно и удивительно.
 80 карт. 2 р. 25 к., 40—за 1.25, 20—за 70 к.
 Цѣпымъ съ пересыпкою. Денги можно вы-слать марками. Съ зал. плат. 10 к. дороже
БАЗАРЪ МАРКОУ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20-31.

ТОВАРИШЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва * Рига * СПбуртъ.
РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ. ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕННОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николая Э. Шлейтдоръ, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: Шлейтдоръ, Москва.

УДОБНО ВЫГОДНО и ВКУСНО
ЭКСТРАКТЫ
 для моментальнаго приготова
 СЛАДКИХЪ БЛЮДЪ:
 1) ЖЕЛЕ ФРУКТОВОЕ
 2) КРЕМЪ И
 3) МОРОЖЕННОЕ
 съ бесплатными мороженницами
 ТРЕБОВАТЬ ПОДПИСЬ
Д. ВРАЙНИКЪ
 МОСКВА, Большая Лубянка 28.

ТРЕБУЙТЕ
 для ЛЮБОЙ МЕСТНОСТИ
АНТИПАРАЗИТЬ
 отъ
Д. СТОЛКИНДА
 Продается вездѣ.
 Главный складъ Москва
 Лубянский проездъ, Смоленщина
 Нижегород. Ярмарка, Главный домъ №57
 Д. Я. СТОЛКИНДЪ.

К. Шликэйтэнъ,
 Берлинъ SO.
 машино-строителни, заводъ для
 кирпичи, торфяного, гончарнаго
 и известковаго производствъ,
 а также для изготовленія:
 всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной дли-
 ны, бетона, брикетовъ, огне-
 упорнаго кирпича, глиняныхъ
 и цементныхъ половыхъ плитъ
 и проч. (55)
 Далѣе: мѣшалокъ и формовоч-
 ныхъ машинъ для печныхъ, ли-
 тейныхъ, красильныхъ, клее-
 выхъ, мыловаренныхъ заводовъ
 и заводовъ, изготовляющихъ
 изоляціонную массу.
 Вальцы изъ твердаго чугуна
 разной величины и проч.

ПЕРВЫЙ въ ИПОНИИ
 магазинъ **РУССКИХЪ** товаровъ
И. ВУХОНЬКОВЪ.
 Покорѣнне прому производителей выслать
 мѣ свои прейсъ-курранты. Г. Нагасаки у
 Сагариматсу, № 42 А.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиница „ВИКТОРИЯ“
 Казанская ул., д. № 29.
 Первоклассная гостиница съ большими
 просторными комнатами; электрическое
 освѣщеніе; ванна. Омнибусъ ко всѣмъ
 вокзаламъ.
Владѣлецъ К. И. ЛАНГЕ.
 10-6

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
 съ 9 р. за кусокъ ширью 26/28 аршинъ.
 Фанза, крепъ, лавина, че-су-ча цѣтная.
 ИСХОДИТЕ ИЗВѢСТНЫМЪ китайскимъ
 чай 1 р. 60, 2 р., 3 р., 20 и 3 р. 50
 и оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А.
 ПАНЕШНИКОВА, Москва, Никольская ул.
 Пречек. мон. Изгор. висм. съ налогъ
 латекъ. при висмѣхъ 10% на суму заказа.

**ФАБРИКА НЕПРОМО-
 наемой ОДЕЖДЫ**
Я. ЮНАСА
 предлаг. резинов. и виска-
 тивов. нарядовъ изъ лубя-
 га англійск. вискалина.
 СПб., Вас. Остр., 7 лин.,
 д. 40. Висмѣла налогъ пла-
 теж. Прейсъ-куръ безпл.

НОВОЕ СОБРАНИЕ НОТЪ на 1897 г.
 12 ТЕТРАДЕЙ НОТЪ для РОЛЯ
 за 1 рубль сер.
 Сочиненія для танцевъ, салон. игръ и
 пр., въ томъ числѣ и новый танецъ съ
 фигурами

ВЕЛОСИПЕДЫ
 съ новѣйшими усовершенствованіями 1897 г.
 предлагають въ огромномъ выборѣ пред-
 ставитель американскихъ, англійскихъ и гер-
 манскихъ фабрикъ
РОБЕРТЬ ГЕТЦЪ,
 уголъ Садовой и Гороховой, д. Воденинова
 П. № 10145 С.-Петербургъ. 8-2
 Принимають въ починку велосипеды всѣхъ
 системъ съ спеціальною отдѣлкою моего
 механич. завода, 11 рота Невальдовъ поля,
 соб. д. 8. Прейсъ-курранты безплатно.

МИНЬОНЪ И
ФОРТЕПИАННАЯ КЛАВИАТУРА
 для легкаго изученія игры по нотамъ.
 съ ноты отомостью около 5 р. с. про-
 даются за 1 р. с., по нотѣ 1 р. 35 к.
 Музыкальный
Ю. ГИЛЬКНЕРЪ,
 Москва, Тверская, д. Варгина.

ПИСАТЬ не только красиво, но и спо-
 ра выучивая въ 6 уроковъ
 заочно. Методъ удостоенъ золотой медали
 и благодарности короля Эдвинговъ. За двѣ
 7 коп. марки выслать условія и пробное
 письмо. Одесса. Екатерининская, № 7. Проф.
 кал. Э. Кошдарисъ. № 9852 10-8

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРИИ
 скоро и основательно выуч. всякаго посред.
 переп., выдѣлъ замки, устное препода. Услов.
 вис. безплат. А. П. Бобыръ. Киевъ, Кузн. 53.

50% ЭКОНОМИИ.
 Попробовавъ, не будетъ
 употреблять другихъ
 Обращ. влѣк. канцеляр. коп-
 торъ и др. Цѣтныя карандаши
 Убавъ 7 цѣнт., замки алмазы.
 1 р. 80 и дмж. Торг. уступка.
 СПб. Невскій, 93. И. П. Мей-
 денсонъ. Висм. налогъ пла-
 теж. при полуз. задатка.
50% ЭКОНОМИИ.

Лѣчебница д-ра Эммериха
 для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Бадень-Бадень. 34-8
 Проспектъ безплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфи-
 низма безъ принужденія и мученій. Складъ влд. у Штейнница въ Берлинѣ.
 Звѣзда. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзенъ.

ОЦИНКОВААННОЕ
НИКОГДА НЕ РИМАВЪЮЩЕЕ
Гальванизированное желѣзо
ДЛЯ КРЫШЪ
 НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.
заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
 въ Москвѣ, Тв. заст., Петр. слоб., соб. д.
 Прейсъ-курранты безплатно.

ВЪЗДѢЛЬНЫЯ МАШИНЫ
 Шафтаузенской фабрики Гельсвудъ про-
 даются у Ф. В. Гунъ и К. СПб., Нев-
 скій пр., № 5. 4 2

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
 Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
 запахъ во рту. № 5121 (95)
 Его избѣжаніе часто вступаютъ въ продажъ под-
 дѣлокъ, требовать на этикеткѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
 и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для устройства и перестройки
ПАТОЧНЫХЪ И
ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Uhlend, Leipzig.
 Исчитанные аппараты. Пр.-куръ безплатно.

ПРОСИТЬ
 ДОБРОТА АНГЛИИ
 Жестко съ
СЕНУЖНЫЯ ВЕЩИ
 АУКЦИОНЪ
 ПО СТЕПАНОВУ
 СОСЛОВИТЪ
 500 руб.
 АУКЦИОНЪ
 ПО СТЕПАНОВУ
 СОСЛОВИТЪ
 500 руб.

ВЫГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 займа продають
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, СПб. 10-10

ЭКОНОМИИ
ЦЕЙЛОНСКІЙ
ЧАЙ
М. РОЖИВЮ МОСКВА
МАРОСЕЙКА Д. ЛЕБЕДЕВОН
 ПРЕДСТАВИТЕЛЬ для ВСЕХЪ РУССКИХЪ
 ТОВАРИШЕСТВА БЕЛОРУССКАЯ ПАЛІТАТОНЪ
 Продается во всѣхъ лучшихъ колоніальныхъ и чайныхъ торговляхъ Россіи.

Richner's Fettmilde
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
 Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ. Косметиче-
 ское средство для улучшенія красоты кожи.
 Театральная гримировка. Мирныя румяна и бѣла. Наряды для бровей.
 Вызываютъ во всѣхъ косметическихъ и автокарскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бельгійскихъ императорскихъ театровъ.
 Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Коловояная, 18-19, С.-Петербургъ.
 В. № 9646 15-12

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЯ НЪЖНЫЯ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго
 тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за
 волосами. Рисовая пудра незамѣтная и неослабляя.
ED. PINAUD
 PARIS

Высоч. Утв. Т. 100

ЭЙНЕМЪ в г. **МОСКВѢ**

Собств. Паров. Фабрика въ Симферополѣ (въ Крыму.)

ПЮРЕТОМАТЬ.

ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ

Компотъ.

№ 1018101

МЫЛО ЖЕЛЕ ПУДРА

35к. 35к. 35к.

ФИЛОДЕРМИНЪ ЛЕМЕРСЬЕ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И БЛИЗКОСТИ КОЖИ РУКЪ ИЛИЦА

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ У Ф. ШАБЕРТЬ МОСКВА, ПОКРОВКА Д. СОБОЛЕВА

№ 1018101

СПЕЦ. ТЕХНОХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

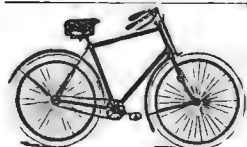
„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ } **ТУАЛЕТНЫЯ**

„МЮСКЪ“ } **МЫЛА.**

„ПОДЪСПАНЬ“

Своими прекрасными достоинствами заслужила полное одобрение со стороны многочисленных почитателей. Ц. № 9671

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ: СПБ., Плом. Александр. театра, 9. — МОСКВА, Нахольская, д. Шереметова. — ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 37. 5-5

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ

ГУМБЕРЪ и Ко, Москва

КОНТРАГЕНТЫ

Георгій ЖЕМЛИЧКА и Ко,

Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.

Прейс-куранти по требованію. 12-4

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**

въ г. **РИГѢ**

изготавливаетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ числѣбухажимыхъ магазинныхъ и охотничьихъ конторахъ. А. № 10105 20-2

Представительство лучшихъ и солиднѣйшихъ заграничныхъ фирмъ.

Торговый домъ

„А. Д. ГРАЧЕВЪ и В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ“

МОСКВА, Мясницкая, близъ Красныхъ воротъ, д. Гуськова.

!!!ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ГЕРМАНИИ!!!

СТАЛЬНАЯ ШЕРСТЬ И СТРУЖКА,

ПОЛНАЯ ЗАМѢНА НАЖДАБА И СТЕКЛЯННОЙ БУМАГИ,

ГРОМАДНАЯ ЭКОНОМІЯ ДЕНЕГЪ И ВРЕМЕНИ.

Необходима для всѣхъ, занимающихся полировкой дерева и металла, для чистки машинъ и инструментовъ, парничковъ и котловъ, въ домашнемъ хозяйствѣ и проч. Пакетъ въ 1 1/2 ф. по 1 р. 25 к., пересылка по таксу. При требованіи 40 п. л. № 10110

чекъ пересылка на счетъ Торговаго дома. 5-3

При заказѣ высылаются одна треть наличн., остальныя наложеннымъ платежомъ.

СЛАВЯНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

Харьковской Губерніи

НАГРАЖДЕНЫ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ

на С.-Петербургской Гигіенической выставкѣ 1893 года.

Сезонъ съ 15 мая по 25 августа.

Сообщеніе по К. Х. С. жгдкамъ, дорогѣ и мѣстной вѣтѣ. Директоръ водъ — профессоръ В. М. Академія С. Д. Нестюрманъ. Консультанты — профессоръ Харьковскаго Университета: Гиршманъ, Грубе, Лежиковскій, Оболенскій, Пенюшаревъ и Толочиневъ. Подробныя свѣдѣнія высылаются управленіемъ водъ безплатно.

№ 4711.

Кто любитъ запахъ настоящей Фіалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фіалки, который даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

№ 4711 Savon violette

№ 4711 du rhin,

№ 4711 Sachets violette du rhin.

Всѣхъ одинаковаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парюмерныхъ магазинахъ.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.

ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

Универсальный патентованный

Гуго Шиндлера АНТИКОРСЕТЪ или Бюстгальтеръ.

Извѣстное и признанное во всѣхъ Европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ изобрѣтеніе; полный антикорсетъ, придающее всякой талии граціозный видъ и заслужившее отъ самыхъ интеллигентныхъ и потребительницъ тысячи благодарственныхъ писемъ, давшее въ продолженіе цѣлаго дня полное свободное движеніе и рекомендованное всѣмъ безъ исключенія дамамъ и даже страдающимъ, беременнымъ, кормящимъ грудью, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующимъ, управляющимъ всякаго рода сферъ и т. д., въ чемъ свидѣлствуютъ отамы докторовъ, прилагающіеся къ каждому экземпляру.

ЦѢНЫ:				
A	B	C	D	DD
4 50 к.	5.75 к.	6.75 к.	8 р.	9.50 к.

Детальные заказы высылаются почтомъ наложеннымъ платежомъ съ причисленіемъ за пересылку за два фунта.

При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣру въ сантиметрахъ, вершкахъ или тесьмой по рисунку:

- 1) Полную окружность, вѣрнѣе на платѣ подъ мышкой отъ А до В. Ц. № 10168
- 2) Окружность талии отъ С до D и
- 3) Высоту бока отъ А до D. 2-1

Единственная продажа на всю Имперію въ Варшавѣ у В. Риквертъ.

Адресъ для заказовъ:

В. Риквертъ, Варшава.

DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

МАРКА ФАБРИКА

ВЪ МОНПЕЛІЕ

ВЪ ПАРИЖѢ

ВЪ МОНПЕЛІЕ

ВЪ ВАРИАНТѢ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.

ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

А. № 9881

БЕССАРАВСКОЕ УЧИЛИЩЕ ВИНОВАРИЯ въ г. Кишиневѣ.

Пріемъ ежегодно въ августѣ мѣсяцъ. Подробныя свѣдѣнія выслываются по требованію безплатно. № 10068 3-2

Модные духи — Виола Одората Ауриха
О-де-колонъ — Виола Одората Ауриха
Жирная пудра — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Колокольная, 18/19. В. № 9734 16-11

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ

состаненъ изъ 12 картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ, какъ напримеръ: Триумфъ Венеры; Иосифъ и Потифаръ; Леда съ лебедемъ; Судъ Париса надъ тремя граціями; Діана при купаніи; Посылъ цувана въ гаремъ; Венера, являющаяся тремя граціями и пр. Всѣ картины новѣйшей французской школы въ особенности замѣчательнымъ тѣмъ, что художники съ такою неподражаемостью искусствомъ изображали

ПРЕЛЕСТИ и гармоніи пластичныхъ линий

ЖЕНЩИНЫ, не оскорбля при всемъ этомъ глаза зрителя.

ЦѢНЫ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ въ ващной пакетѣ: 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 85 к.
НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ: Безъ 2 р. 5 к., 2 за 3 р. 60 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ. С.-Петербургъ, Невскій, № 23-31. (2)

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстна, единственно настоящія

Алициариновыя чернила для письма и копированія

(мѣсячно-оригиналы 1-го класса по отзывамъ государственныхъ упр-нъ № 9884 ждѣній), 20-6

ЛЕГКО-СТЕКЛЯЩИЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРочНЫЯ.

НАИЛУЧШИЯ: для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получить почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди въ Дрезденѣ, изобрѣтатель и единственный фабрикантъ. ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОНЪ.

СТОЛКИНДА

КАПСУЛИ

ДЕЗОДОРАТЪ

ДЛЯ УНИЧУЖДЕНІЯ ЗЛОВОНІЯ

въ ДѢЛЬСКИХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ и т.д.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

СКЛАДЪ: Аптекарская торговля Л. Столкінда, Лубянской пр. домъ Смольянинова.

БЕРНДОРФСКИЙ МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

АРТУРЪ КРУШЪ.

БЕРНДОРФЪ, въ Австріи.

Рекомендуетъ гостиницамъ и хозяйствамъ своего вѣдѣнія: изъ чистаго металла СЛѢПАНА... Сѣло-серебрянаго вѣста: въ натуральномъ видѣ, а также и покрыва густою слюскою чистаго серебра.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ для всей Россіи при старомъ заводѣ въ МОСКВѢ, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Зекермана.

Ц. № 10163

НАИЛУЧШИЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ

ПОРТМОНЪ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ.

изъ наилучшей черной оловяни заграничной выдѣлки, съ матовымъ лоскономъ съ 3 отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для златой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ механич. затворомъ, содержитъ каучуковый штампель, съ подушкой для краски.

Въ штампелѣ можно помѣстить нѣм., француз., англійск. и русск. языки, а также и корону. Наружная велич. 2 1/4 X 1 1/4 вер. Также Дамская, вышита, разноразм. 1 3/4 X 1 1/2 вершка по тѣмъ же цѣнамъ.

Изъ же изъ настоящей телячьей кожей шнуркомъ шнурована. Кожа шт. въ 50 в. дорожна.

БУМАЖНИКИ, изъ кожъ тоже доброты разныхъ сор. по слѣдующимъ цѣнамъ:

Провѣ-Курартъ СЪМАЖНИКАМЪ	Разм. вершк.		Цѣна съ нѣм.
	Длина	Шир.	
Бондарский	3	2 1/4	225 300
Кузнецкий	3 1/2	2 1/2	250 350
Камчатский	4	3	350 500
Башкирский	4 1/2	3	500 700

Всѣ цѣны съ пересылкою въ Европ. Россію, въ Азію, по-съ приближеніемъ части отсчетовъ. Съ наложеннымъ платежемъ на 10 коп. болѣе.

Въ контору фабрики Америк. каучук. штампелей **М. ФИШМАНЪ** ВАРШАВА БѢЛЯНСКАЯ 23.

Ц. № 10165 3-2

Торговый домъ Ж. Блокъ съ 1 января сего года преобразованъ въ

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Ж. Блокъ

Товарищество на паяхъ, учрежденное для распространения

ВЪСОВЪ, ВЕЛОСИПЕДОВЪ, ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ, ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ.

Правленіе — МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:
С.-Петербургъ, Варшава, Екатеринбургъ, Кіевъ, Одесса, Кокандъ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ.

Ц. № 10165 3-2

1878 г.

1882 г.

1896 г.

ОТЪ ТОВАРИЩЕСТВА ШЕРСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ТОРНТОНЪ.

На русскихъ рынкахъ съ нѣкотораго времени появился въ продажѣ шерстяной товаръ, **умышленно поддѣланный подъ наши издѣлія** настолько, что, благодаря внѣшнему сходству (рисунковъ, убранства кусковъ и формы знаковъ), онъ пріобрѣтается за наше произведение.

Но такъ какъ въ дѣйствительности товаръ этотъ **значительно ниже по качеству**, то въ виду общихъ интересовъ, Товарищество считаетъ обязанностью покорнѣйше просить гг. покупателей обращать **особое вниманіе на знаки**, находяшіеся на нашихъ издѣліяхъ, а именно:

На кусочномъ товарѣ
изображеніе медали.

На платкахъ изображеніе Государственнаго герба.

На штучномъ товарѣ,
а также и на кусочномъ товарѣ чрезъ
каждые 5 аршинъ

ТОРНТОНЪ С.П.Б.

На Всероссийской Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году
Товарищество удостоено высшей награды

повторенія Государственнаго герба.

XXVIII г.

№ 17

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ еженѣдн. литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдава 26 апрѣля 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ **5 р.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя дѣл. **6 р.** Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу **10 р.**

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
(Продолженіе.)

Отецъ Геронтій собрался провѣдать Нюню. Во-первыхъ, надо было поблагодарить. Она чуть не на цѣлый монастырь насолила огурцовъ и прислала ихъ вчера, а лично ему, отцу Геронтію, адресовала нѣсколько банокъ съ вареньемъ; во-вторыхъ, у казначея сложился своеобразный планъ: не продать ли она живою своей усадьбы обители — съ тѣмъ, чтобы по смерти обѣихъ старыхъ дѣвъ — деньги эти пошли на поминъ ихъ душъ. Такимъ образомъ въ ихъ положеніи ничего бы не измѣнилось, но за землю можно быть спокойнымъ. Она бы отъ монастыря никуда не ушла. Къ этому надо было подойти тонко. Нюня тоже вѣдь дѣвица хозяй-

Въ углу. Съ карт. Г. Каульбаха грав. Бонгъ.

ственная и въ суть вещей прозирала весьма недурно... Геронтій припомадился, опрыскавъ муаровую рясу духами и уже приказалъ обительскому кучеру — расофорному монаху Іонѣ, постригшемуся отъ панаго бѣса и дѣйствительно освободившемуся здѣсь изъ-подъ его власти, — запрятъ лошадь въ маленькую бричку. Пока казначей ходилъ по кельѣ и соображалъ „обстоятельства“, какъ вдругъ служившій ему послушникъ Веніаминъ постучался.

— Ну, чего еще? Сказалъ, чтобы не мѣшалъ никто мыслямъ... Я съ мыслями собираюсь...

— Прости, отецъ, но только особенный господинъ спрашиваютъ... Чтобы непременно сейчасъ...

— Не суетись, какой господинъ?

— Съ дамской муфтой и въ родѣ какъ бы въ бурнусъ...

Веніаминъ былъ „половымъ“ прежде и отсюда почерпнулъ всю свою образованность.

— Не Копровъ ли?

— Не знаю. Благослови пустить?

— Ну, проси, что ли... А, Моисей Лукичъ... давно ли?..

— Ужли вамъ не сказали... Я еще вчера вечеромъ.

— Надолго ли?

— Не знаю, какъ поживется... Шлѣнду свою привезъ съ тихоней—съ Іудой...

— Алексѣя Моисеевича.

— Ну, коли вамъ, отецъ Геронтій, нравится, пусть онъ будетъ Алексѣй Моисеевичемъ.

Копровъ дѣйствительно, несмотря на лѣто, былъ такъ забоекъ, что не расставался съ теплымъ платьемъ. Послушникъ, братъ Веніаминъ, не былъ ужъ такъ не правъ, сообщая, что господинъ въ бурнусъ. Широкое пальто, съ выѣденнымъ мѣховымъ воротникомъ, отъ старости утратившимъ опредѣленные признаки принадлежности своей той или другой зоологической особи, было похоже и на ротонду, и на бурнусъ, и на что хотите. Руки онъ пряталъ въ настоящую дамскую муфту, висѣвшую у него черезъ шею на длинной лентѣ.

— Ужели вамъ холодно, Моисей Лукичъ?

— Да-съ, какъ видите... Все забну-съ, отецъ Геронтій... Потому что во мнѣ жизненные соки истощены, а это происходитъ не отъ чего другого-съ, какъ отъ злыхъ мыслей домашнихъ моихъ.

— Н-ну!—осторожно протянулъ Геронтій.

— А вы бы какъ думали? Невидимыми токами — наши существа сообщаются одно съ другимъ и вліяютъ одно на другое. Отсюда-съ всѣ современные „фокусъ-покусы“: спиритизмъ, месмеризмъ, гипнотизмъ, мантевтизмъ и прочіе... И вотъ, какъ мой однородный Іуда— не желаетъ продолженія существованія моего, а напротивъ, мечтаетъ о смертномъ моемъ часѣ и тѣмъ незамѣтно и медлительно дѣйствуетъ на мое жизненное начало, умаляя оное. И въ семъ—шлѣнда ему вполне аккомпанируетъ. Она его тоже терпѣть не можетъ—и дай ей волю, сейчасъ бы ему въ чашку кофе мышьяку отъ крысы подсыпала, но что касается меня — то они оба въ полномъ дуэтѣ-съ... Очень, очень я несчастливъ въ присныхъ моихъ, отецъ Геронтій. Столь несчастливъ, что... короля Лира изволили знать?

— Нѣтъ. Что-то такихъ королей я не помню. Иностранныхъ много вѣдь. У насъ на ектеніи только своихъ поминаемъ.

— Это изъ театральныхъ. Пьеса старая, я думаю, вы еще, будучи свѣтскимъ, ее видѣли.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ — король Лиръ куда счастливѣе меня, потому что у него хоть достойная дочь Корделия была. А я какъ перстъ — а кругомъ враги... Я даже такъ полагаю,—и онъ конфиденціально наклонился къ отцу казначею. — Ежели бы я, примѣрно, заболѣлъ и былъ при послѣднемъ издыханіи — они бы врача ко мнѣ не позвали.

— Полноте, что вы.

— Богъ видитъ мое сердце. Ужли-жъ я бы да на единственное чадо. Не извергъ же я роду своему — помилуйте. Или и вы тоже, отецъ Геронтій, такое обо мнѣ понятіе имѣете, что я извергъ.

— Что вы, что вы, Моисей Лукичъ. Не первый годъ вы меня знаете.

— То-то. Люди мѣняются, и мысли тоже. Если бы лицо человѣческое подобно было волшебному фонарю, только что задумай — на немъ сейчасъ и отразится — другое бы дѣло. А такъ какъ чужая душа — потемки, то я и сомнѣваюсь во всѣхъ-съ. Вотъ вамъ доказательство, что они моей смерти желаютъ: на сихъ дняхъ—я ночью почувствовалъ ущемленіе желудка. Я слабъ-съ и старъ. Это молодому ослу ни по чемъ, а я долженъ всякую мелочь въ-серьезъ принимать. Мнѣ страхъ смерти — простителенъ, ибо чувствую, что не готовъ я еще—песъ смердищій, предъ престоломъ Судии моего предстать! Понимать это надо. Ну, разумѣется, разбудилъ я сейчасъ тихоню. Говорю ему. А онъ мнѣ — вы, батюшка, примите касторки, я вамъ дамъ ее сейчасъ,—все и обойдется. Видя его жестокость ко мнѣ, я возвысилъ голосъ и приказалъ ему сейчасъ доктора. И что-жъ бы вы думали — такъ до утра докторъ и не являлся. Я бы тѣмъ часомъ помереть могъ. Къ ихъ удовольствію! да-съ, къ ихъ удовольствію, и даже бы они надъ хладнымъ трупомъ моимъ балъ задали, и шлѣнда съ господиномъ Семигоровымъ—танцы бы надо мною исполняли.

Геронтій счелъ долгомъ укоризненно покачать головою.

— Я васъ попрошу отца Мелетія предупредить.

— Въ чемъ?

— Нашихъ свѣтскихъ докторовъ—я не признаю. Они всѣ на шлѣнду глаза пялятъ, а съ тихоней моимъ въ клубѣ въ карты играютъ.

— Ну-съ?

— Какъ же я имъ вѣрить могу? Въ газетахъ изволили читать, какъ французъ аптекарь — цѣлое семейство ядомъ отравилъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ-съ. Газеты врать не будутъ. Имъ не за это деньги платятъ. Ну, а отецъ Мелетій, монахъ, онъ меня осмотритъ и скажетъ мнѣ правду: какъ я въ своемъ здоровьи и какого мнѣ надо оборота вещей держаться, чтобы не улетѣть ранѣе своего предѣлу въ горнія. Онъ-то, отецъ Мелетій, въ свое время какимъ у насъ докторомъ былъ. Я его самъ помню. Сколь онъ умѣлъ вступать прозирать—даже удивительно. Купчиху Крупносову всѣ отъ невры лѣчили, а его позвали, вытасили онъ изъ неѣ солитера аршинъ двадцать — и никакой невры не стало. Она послѣ того благополучно обанкротилась и замужъ за отставного квартальнаго вышла. Вотъ какой онъ орелъ былъ въ свое время.

— Хорошо, я пошлю къ нему.

— И какъ я васъ очень уважаю, отецъ Геронтій, можно сказать, мало къ кому я такъ всей душой.

— Благодарю васъ. И въ семъ—мы взаимно-съ.

— Польщенъ. Потому что, развѣ я не вижу. Здѣсь ли вамъ процвѣтаетъ, въ монастырѣ. Вамъ бы управлять епархіей и на шести бѣлыхъ животныхъ ѣздить... Я все вижу-съ — и познаніемъ людей Господь-Богъ мой меня не обидѣлъ. И такъ я васъ цѣню, что въ душевной тоскѣ своей и скорби къ вамъ именно прибѣгнуть рѣшился. Къ вамъ... Отецъ Варлаамъ пусть мою шлѣнду разговоритъ и поучитъ ее, какъ мужу подражать... А съ моими тяготами я къ вамъ воію...

И вдругъ его всего перекосило, онъ всхлипнулъ, утеръ носъ себѣ муфтой и сунулъ къ Геронтію цѣловать ему руки.

— Скажите, отецъ Геронтій. Въ немощи своей къ вамъ съ воиросомъ этимъ: если бы я такъ положилъ

въ сердцѣ своемъ — келію здѣсь себѣ построить — пустилъ бы меня монастырь? Приялъ бы подѣ защиту и тѣбѣ укрылъ бы несчастнаго старца?

Геронтій даже вздрогнулъ.

Дѣло оказывалось гораздо серьезнѣе. Моисей Лукичъ съ его сотнями тысячъ, даже пожалуй съ миллиономъ, не Нюнѣ и Пунѣ чета. Отецъ казначей отвернулся, чтобы тотъ не прочелъ чего въ лицѣ у него. Справился съ собою и потомъ нерѣшительно отвѣчалъ:

— Какъ вамъ сказать, Моисей Лукичъ. Мы вѣдь этого не ищемъ.

— Не вы ищете, а я толпу... Отверзите мнѣ двери спасенія.

— И потомъ свѣтскіе мудрецы тоже: скажутъ, обитель къ себѣ богатыхъ людей привлекаетъ.

— Не обитель меня, а я къ ней. Есть такой физическій опытъ — иголка и магнитъ. Иголку, однако, и гвоздемъ замѣнить можно — и то же самое выйдетъ...

— А, впрочемъ, вы объ этомъ съ отцомъ Варлаамомъ. Онъ вѣдь у насъ вершитель судебъ...

— Я знаю...

— Что до меня касающе, то я, какъ монахъ, откровенно скажу — радъ бы такому сосѣдству. Потому что вы, Моисей Лукичъ, не только именитый своему отчеству столпъ, но и въ собесѣдованіи поучительны. Потомъ и совѣты ваши драгоценны. Вы въ коммерціи орлимъ зракомъ всю нашу юдоль видите. А на моихъ рукахъ и деньги, и прибыли обительскіе. Я бы вотъ какъ радъ...

— Вы, можетъ, думаете, что я духовную въ пользу монастыря хочу? — подозрительно вскинулся на него Копровъ.

— Очень мнѣ надо, — простодушно засмѣялся Геронтій. — Мало у насъ! Мы и тѣхъ, кто хочетъ, отговариваемъ. Вы побесѣдуйте-ко съ нашимъ отцомъ Варлаамомъ — онъ васъ за такія мысли...

— То-есть, можетъ я и оставлю на монастырь, но думаю, что смертный часъ мой далеко.

— Вы еще насъ схороните сначала.

— Потому у меня, отецъ Геронтій, здоровье дрянь, но жила мягкая. У другихъ въ эти годы известковья перерождения съ жилой, по наукѣ „склерозъ“, а у меня, изволите видѣть, какъ у младенца. Я жилой своей весьма доволенъ-съ. И не ропщу. Мнѣ о духовной думать рано.

— Да Богъ съ вами совѣмъ, Моисей Лукичъ, что вы за разговоры такіе заводите. Хотите чаю?

— Вы, мнѣ сказывалъ вашъ Веніаминъ, собирались куда-то.

— Успѣю. Надо мною не каплетъ.

— Стаканъ я выпью. Съ произволеніемъ.

— Вотъ и отлично.

Геронтій крикнулъ Веніamina.

— Самоваръ вздуй.

— Иона лошадь подалъ.

— Скажи, чтобы отложилъ, успѣю еще.

— Вы это куда-съ?

— Дѣвицы тутъ, старушки, живутъ... Въ утѣшеніи нуждаются.

— Ахъ, эти косогазенькія, кривоносенькія.

— Именно... Не благословилъ ихъ Господь красою, — засмѣялся Геронтій, — но все же душа! Хотя и въ непривлекательномъ тѣлѣ, а въ ласкѣ нуждается. Поговоришь съ ними отъ Писанія — имъ и радостно, точно бы и онѣ не даромъ на свѣтъ произошли, а тоже свою должность на сей землѣ имѣютъ. Да оно и то надо сказать — добродѣтельныя дѣвицы: „духомъ ходили и похоти плотскія не совершали“. Бога боялись, заповѣди Его блюли... Насъ, иноковъ, не забывали. Вотъ сейчасъ Веніаминъ подастъ свѣжаго варенья къ чаю — вчера прислали, и огурцовъ малосольныхъ на всю обитель... А варенье, я вамъ скажу, у нихъ съ секретомъ.

— Какъ это?

— Такъ, городскіе купцы добивались рецепту, но только нѣтъ, барышни не дали. Мать Клеопатру изволите знать — настоятельницу Устьянскія обители? И она тоже — какъ допрашивалась. Барышни ей наварили чуть не возъ и въ даръ послали, а рецепту не дали.

— Характерныя!

— Чего лучше!..

Моисей Лукичъ часа на два задержалъ отца Геронтія. Если бы кто-нибудь со стороны взглянулъ на нихъ въ это время, то подумалъ бы непременно, что у нихъ идетъ совѣтъ нечестивыхъ. Копровъ шепталъ что-то, наклонясь къ иноку, а отецъ казначей вздыхалъ, дипломатически качалъ головой, восклицая: „скажите“ — и, видимое дѣло, все ему передаваемое моталъ на усъ. Только, когда собесѣдникъ отпалъ отъ него, Геронтій вздохнулъ.

— Истинно, скверна мірская. Мы неизвѣстны въ такихъ поступкахъ. У насъ тишина и благоволеніе. Отецъ отцу подражаетъ, а рясофорная братія смиренствуетъ и покоряется; всѣми же повелѣваетъ Варлаамъ. Единъ пастырь и едино стадо. Оттого мы пребываемъ въ душевномъ покоѣ. Нѣтъ, намъ, инокамъ, даже дивно слышать объ этомъ, отвыкли мы отъ суетнаго посягательства. Работаемъ, Богу молимся за всѣхъ православныхъ, непрестанно бодрствуемъ да не впасть бы каждый часъ въ соблазнъ.

— Я такъ и думаю сдѣлать... если тихоня-то мой не опомнится — уйду въ монахи...

— Ангельскому чину сопричислиться желаете?

— Да, хоть остатокъ жизни провести въ святости.

— Никогда не поздно. Молитву Іoаннову знаетъ...

А, впрочемъ, подумать вамъ надлежитъ, Моисей Лукичъ.

— Чего еще?

— Иноческое бремя тяжкое — мы за весь міръ съ дьяволомъ и кознями его боремся.

— А ты какъ думаешь, отецъ, шлѣнда-то моя легче дьявола?

— Ну, все же, не такую силою искусительной обладаетъ.

— Какъ кому! Я было разъ ее отечески за косу... Могу я, какъ тебѣ, отецъ, думается, отвозить, не увѣча, чтобы съ офицерами на иностранныхъ языкахъ не блудила?

— Ну, и что же.

— Она-то: ноздри внаружу выпятила — кобыла-кобылой. Носъ-отъ такъ и заходилъ. А потомъ взглянула на меня, истинная вѣдьма, и глаза вѣдьмины сдѣлала, да и говоритъ: „Я княжна Балкапинская и не тебѣ, мужику, за меня хвататься. А если еще разъ это будетъ — такъ я, чѣмъ попадя, ножъ — ножомъ, стуло — стулой, щипцы — щипцами, тебя самого тресну“. Вотъ сколь она къ моей старости снисходительна. „Меня не для того разнымъ языкамъ обучали, чтобы я молчала на нихъ“. Хорошо? „Ты, говоритъ, это помни — я тебѣ въ предбудущій разъ не прощу“. И всего-то разъ за косу дернула. „У меня мужъ есть“. Это про моего Алешку. „Въ случаѣ чего, его дѣло со мной справиться“. Ты какъ полагаешь, что она вздумала — скудельница эта — сшила себѣ мужской костюмъ и въ штанахъ на охоту ходитъ. А? Благообразно? Все на ней въ обтяжку — любуйся. Я говорю ей: посмотри въ зеркало на себя — какіе по тебѣ теперь рисунки пошли, а она мнѣ на-отмашъ — это не рисунки, а преломленіе свѣта. Какова? Птицу на лету изъ ружья бьетъ. Намедни въ саду — задумался я это: какъ въ природѣ все благопотребно устроено — паукъ муху сосетъ, а паука ласточка на лету хватаетъ — и муха тоже пропитаніе себѣ находитъ, — и отъ сего получается кругъ вселенной, и вдругъ, бацъ надъ ухомъ — и шлепъ у самыхъ моихъ ногъ. Оглянулся — это шлѣнда ворону убила! А?

У выставна картина С.-Петербурзького общества художниковъ. „Послѣдніе защитники Малаховской башни. (Оборона Севастополя)“.
 Съ карт. (исключит. право воспроизвед. принадлеж. „Нпвѣ“) Г. П. Кондратенко, грав. В. Дехомскій.

XXV передвижная выставка. „Жертва на монастырь“.
Съ картины (исключит. право воспроизвед. принадлеж. „Нивъ“) В. Н. Пчелина, грав. В. Цехомский.

Торпыхается птица у дерева ввизу, клювомъ воздухъ хватаетъ, лапками дрыгъ-дрыгъ. „На что тебѣ, говорю, ворона сдалась?“ а она — какое слово: „для практическаго упражненія“. Ажъ я зубами заскрипѣлъ и отчиталъ ее тутъ же. Что же бы ты думалъ, отецъ, подѣйствовало? Вечеромъ, смотрю, амазонку надѣла, шляпу-цилиндръ, безстыдница, на носъ надвинула, хлысть въ руки и верхомъ кататься съ губернаторскимъ чиновникомъ, а мужъ позади, на сѣромъ своемъ, въ бѣговыхъ дрожкахъ, тормозится, ихъ догоняетъ... Я такъ думаю, не полегчаетъ ли, если постегать ее. Народъ у меня, самъ знаешь, — свистни, отца родного изувѣчить, — страхъ Божій знаетъ. Поймать ее — руки назадъ, да свѣжею лозою. А?

— Ну, это по нынѣшнимъ временамъ. Опять же она княжескаго рода.

— Мнѣ на ея родъ наплевать, потому, князья-то они были голые. Что за честь, коли нечего ѣсть. А только какъ это по закону?

— Ужъ не знаю, Моисей Лукичъ. Твое дѣло — ты глава.

— Дѣло-то мое, а только я во тѣмъ брожу. И притомъ же я, признаться, пристращаю ее, а она съ тѣхъ поръ револьверъ въ карманѣ носить. Я и жандармскому сказывалъ — онъ смѣется и отвѣчаетъ: „Съ хорошенькими дамами не воюю. Мое дѣло—образъ мыслей, а въ мысляхъ она ничѣмъ не замѣчена и у насъ по книгамъ не значитъ. Заведетъ такой образъ—сейчасъ вы ко мнѣ, и тогда я приму мѣры, потому у насъ инструкціи, и въ нихъ все предусмотрѣно, что какая мысль значитъ... Вы вѣдь, говорить, у нея точки зрѣнія не замѣтили?“ Пойди, толкуй съ нимъ. Смотрю, потомъ онъ самъ съ ней верхомъ, а мужъ опять позади, на бѣговыхъ дрожкахъ торпыхается. „Вы это что же?“ спрашиваю. „А я, по вашему же желанію, для наблюденія поступковъ, и вижу, что вы не правы, ибо у Елены Борисовны по всѣмъ параграфамъ никакихъ превратныхъ толкованій не замѣчается. Вотъ, что шенкеля она часто лошади задаетъ—такъ это отъ ея дамской нетерпѣливости, а въ сѣдлѣ сидитъ правильно!..“

VII.

Когда Моисей Лукичъ простился и ушелъ, отецъ Геронтіи нѣкоторое время оставался нѣсколько ополоумѣвъ. Отъ копровскаго разговора у него мельканіе въ головѣ пошло и тоска подъ ложечкой.

„Этакая зуда,—повторялъ онъ про себя.—Съ такимъ не только что на лошади заѣздишь, не знаю, чего не сдѣлаешь!“

— Вениаминъ!—крикнулъ онъ въ дверь,—скажи Іонѣ, чтобъ подавалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Геронтіи уже величественно сидѣлъ въ монастырской бричкѣ, — хоть картину съ него пиши. Клубокъ на немъ держался точно самъ на головѣ выросъ, мантия назадъ ложилась широкими и ровными складками. Бѣлокурые волосы падали, завиваясь по сторонамъ, а свѣтлая густая борода такъ и обрисовывалась на черной муаровой рясѣ. Руки онъ вложилъ одну въ рукавъ другой, и рукава тоже, громадные, падали правильно. Одна богомолка такъ была поражена симъ видѣніемъ, что замолилась на самой дорогѣ, издали кланяясь ему въ землю. Зато рисофорный монахъ, Іона, свернулся на облучкѣ—каракатиды-каракатидей. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ освободился въ обители отъ кознодѣйства пьянаго бѣса—никакъ расправиться не могъ.

— Іона!

— Чего-съ, отецъ?

— Ты кто?

— Монахъ...

— Ну, и сиди персвоей. Хорошъ ангельскій чинъ. Ишь, точно у тебя животъ болитъ.

— А ты думаешь, не болитъ. И болитъ, Богъ съ тобой.

— И ѣздить-то срамно такъ.

— Онъ, какъ бы ты думалъ, вылѣзть изъ меня вылѣзъ, а пустое мѣсто оставилъ... На зло мнѣ! Съ тѣхъ поръ и болитъ. Согнусь—ничего, а какъ вверхъ поддамся—сейчасъ и затрещитъ въ нутрѣ...

До Пуни и Ньюни было верстъ восемь.

Бойкіе и раскормленные монастырскіе кони бѣжали хоть и тяжеленько, но все-таки скоро. По пути отецъ Геронтіи хозяйскимъ глазомъ окидывалъ всѣ монастырскія урочища. Ишь сѣно скошено какъ? Онъ остановилъ Іону и, не сходя, присмотрѣлся. Небрежно работали послушники и рисофорные. Завтра же отцу Варлааму доложить надо. Щетинку-то высокую оставили — не подъ гребешокъ землю выстригли. Не одинъ пудъ сѣна пропалъ на этомъ, да и не порядокъ. И сушиться траву раскидали не важно. Вонъ сторожъ Евламіи! Старикъ на шестидесятомъ году—въ монастырь пришелъ, покормиться. „Кто работалъ сегодня?“—Ась! Кто работалъ? А развѣ я знаю, съ отцомъ Венедиктомъ нарядъ былъ.—А!.. больше Геронтію ничего и знать не надобно было. Слабъ, слабъ отецъ Венедиктъ, очень ужъ къ недостаткамъ людскимъ снисходить. Старецъ благопотребный и не смутьянтъ, не прекословъ, а, чтобы на рабочаго крикнуть—куда, не можетъ! Все „братикъ“, да „голуби“... А голуби-то спустя рукава. Напрасно отецъ архимандритъ и назначаетъ его. Его высокопреподобію давно бы слѣдовало знать свое воинство, кто на что способенъ. Послалъ бы Гермогена, онъ бы по-солдатски сейчасъ и другихъ подтянулъ, да и самъ за четырехъ наработалъ...

— Ну, трогай, Іона!

Тотъ шевельнулъ вожжи, и лошади, въ прохладѣ, съ перевальцемъ побѣжали сытенькой рысью по хорошо убитой дорогѣ.

„И дорога — мое дѣло! — думалъ Геронтіи. — Кабы я не настоялъ—по сей день въ пыли бы мучились. Правду сказать—послужилъ я обители довольно! Должны быть отцы мнѣ благодарны. Не для себя же я! У меня-то вѣдь кромѣ одежды ничего нѣтъ. Званіе свое соблюдаю въ святости. Умри я сегодня — у меня ни сивь-пороха не останется, и плотскимъ озлобленіемъ никто меня укорить не смѣетъ.“

— Стой, стой!—крикнулъ онъ Іонѣ.

Тотъ на минутку расправился, удержалъ коня и опять съезжился на облучкѣ.

— Никодимъ, подойди-ко.

Шустрый рисофорный подбѣжалъ къ нему.

— Что тебѣ лѣнь скласть дрова штабелями? Посмотри-ко, какъ разсыпались.

— Сейчасъ, отецъ Геронтіи.

— То-то, сейчасъ. Сегодня рубили?.. Покажи-ко по-лѣно... Кто работалъ?

— Отецъ Семень.

— Ишь длинная полѣнья какія! Скажи завтра, чтобъ покороче. Все равно сгоритъ, а обители убытокъ.

— Слушаю. Благослови, отче.

— Господь благословитъ. Іона, трогай!

Огороды пошли. Зорко присматривался къ нимъ отецъ Геронтіи, но придратся было не къ чему. Солнце весело играло въ крупныхъ листахъ свертывавшейся капусты, въ махрахъ картофеля, въ какихъ-то лопухихъ зеленыхъ всякой другой овощи. Хорошо было съ осени унавожено—земля и оправдала себя. Нигдѣ такой свежлы нѣтъ, какъ въ обители, а свекла-то здорово матушку-землю сосетъ. А капуста—молоткомъ ее бей. Желѣзо!.. Что хорошо, то хорошо, и сторожить послушникъ Евгенийъ отлично. Самъ огородникомъ былъ, любить и знаетъ дѣло! Отецъ Геронтіи ласково отвѣтилъ ему на поклонъ. Благословить хотѣлъ издали, да ужъ очень рукава красиво внизъ легли, рушить порядка

не желалъ... Даже у фотографа, когда снимался, не такъ было!.. Дальше ужъ не монастырскія угоды пошли... Сюда клиномъ врѣзалась копровская земля. Вотъ если Господь утвердитъ лукаваго старичишку въ спасительныхъ мысляхъ, и онъ пойдетъ въ постригъ—пожалуй и этотъ клинъ прирѣжетъ обители. А хлѣбъ тутъ родится чудесно. Не земля—а бархатъ. Осенью какъ разворочають, точно комья шоколаду лежать. За этимъ клиномъ опять монашеская земля, вплоть до усадьбы старыхъ дѣвицъ Барсуковыхъ, келейницъ, какъ шута называлъ ихъ отецъ Геронтій... Ему надобно смотреть по сторонамъ, а впереди кривая спина Ионы какъ-то совсѣмъ глупо качается на облучкѣ. Вотъ какъ его свело. Пьяный бѣсъ пустое мѣсто оставилъ! Выдумаетъ же.

— Иона!

— Ну?

— Ты бы съ Мелетіемъ посоветовался.

— О чемъ?

— Да объ пустомъ мѣстѣ.

— Нѣшто Мелетій понимаетъ?

— А то какъ же. Онъ первый докторъ былъ въ городѣ.

— Ну, и пушай его первый. Онъ сейчасъ порошокъ, либо каплевъ. А отъ нихъ какой толкъ. Нѣтъ, я вотъ благословлюсь у отца архимандрита—въ женскій монастырь: есть тамъ одна мать. Она бумажкой лѣчитъ. Пошепчетъ-пошепчетъ и дастъ проглотить съ молитвой, чтобъ...

— Такъ тебя и пустать. Грѣхъ это. Волхованіемъ зовется.

— И никакого грѣха. Она съ именемъ Господнимъ.

— Что-жъ. Грѣхи же многообразны суть. Сатана и монашеское облаченіе приемиетъ, чтобъ соблазнить челоука. Въ житіяхъ и не то еще найдешь. Онъ съ пустынниками на молитву становился и Бога призывалъ. А потомъ своевременно увлекалъ на путь нечестивыхъ.

— Что говорить, шельма естественная... Какъ я въ городу жилъ, у купцовъ Тимошеевыхъ, такъ у насъ козелъ былъ. Я такъ думаю—не своей онъ это волю. Умнѣй челоука. Бывало въ кабакъ бѣжишь,—откуда ни возьмись и онъ за тобой увяжется и башкой точно колоколомъ: справа—влѣво, справа—влѣво. Разъ ошибся. Я въ лавку посланъ былъ, такъ онъ меня зубами-то за полу и все же въ кабакъ привелъ. Вотъ, братъ, отецъ Геронтій. А этого поди и въ житіяхъ нѣтъ... Кто его, подлеца, описывать станеть?

Нюня и Пуня, издали, въ окошки, различили монастырскую брочку.

— Некому, какъ отцу Геронтію.

— Онъ и есть!—обрадовалась Пуня.

— Я побѣгу по хозяйству распорядиться... А ты встрѣть его. Да, пожалуйста, свеклой не притирайся. Онъ вѣдь монахъ.

— Знаю,—обидѣлась Пуня.

— То-то. Ты-то вѣдь молода еще. Вѣтеръ въ головѣ гуляетъ.

Обиду Пуни какъ рукой сняло.

— Да, да, молода,—повторила она.—Что-жъ за года мои такіе!

А сама торопилась къ подъѣзду. И отецъ Геронтій былъ еще шаговъ за триста, а она уже начала присѣдаться ему, и кланяться, и ручкой дѣлать. Тотъ подѣхалъ, посидѣлъ нѣсколько секундъ, не двигаясь. Ужъ очень хотѣлось картинному монаху позу свою запечатлѣть въ памяти старой дѣвицы. Удалась ему—пусть же не даромъ. И Пуня замѣтила это.

— Ахъ, отецъ Геронтій! Сколь вы великолѣпны сегодня.

— А сестра-келейница гдѣ?

— Она по хозяйству.

— Какъ евангельская Марфа, о многомъ печется... Ну, Марія, принимай гостя... Я васъ обѣихъ поблагодарить прѣхалъ. Огурцы на удивленіе, и отцы вамъ за нихъ весьма признательны. Отборные огурцы.

— Ужъ мы старались, старались... Разныхъ спецій въ рассоль клали. Сколько пробъ сначала сдѣлали!

— И за варенье, будь я въ свѣтскомъ званіи, въ ручку бы васъ чмокъ!

И онъ удовлетворился только тѣмъ, что потрепалъ косоглазенькую и кривоношенькую хозяйку по плечу. Сорокадвухлѣтній ребенокъ—покраснѣла, схватила его руку и поцѣловала... Отецъ Геронтій помолился въ гостиную на образъ, потомъ еще разъ благословилъ „боголюбивую Марію“ и, не ожидая приглашенія, сѣлъ за круглый столъ, покрытый вязанною бѣлою скатертью, въ гнѣздахъ которой въ настоящее время дѣтски доврчиво пребывали мухи, такъ что монахъ широкою ладонью сразу накрылъ нѣсколько.

— Ну-съ, по-нѣмецки, сказываютъ, орѣхъ... какъ вы, съ сестрою, въ своемъ здоровьи?

— Ахъ, отецъ Геронтій. Нюня ничего, что ей дѣлается. А у меня все сны...

— Сны? Это отъ крови. Молитвы на сонъ грядущій читаете со всеусердіемъ?

— Какъ же, помилуйте. Я съ института еще привыкла.

— Ну, вотъ видите, значить эти сны не отъ діавола, а отъ крови. Потому что сонъ сну рознь. Есть и пророческіе, отъ Бога! Примѣръ тому, Фараонъ египетскій. Есть отъ діавола, а есть и отъ крови... Отъ неравномѣрнаго распредѣленія оной. Она, знаете, мнѣ отецъ Мелетій объяснялъ это—нажимъ въ мозгу дѣлаетъ, и отъ сего воображеніе дѣйствуетъ. Но это ничего. На всякій случай, проснувшись—прочтите: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“... И вся недолга.

— Потомъ у меня тоска. Все влечетъ куда-то вдаль, а куда, не знаю... Хожу по саду, и точно кто меня кличетъ нѣжно-нѣжно.

— Ну, это отъ глупости.

— Ахъ, не скажите, бываетъ и отъ сочувственной души, которая другую ищетъ.

— Не по произволенію значить, а по науценію грѣховному?

Но тутъ вошла о мязоземъ пекущаяся Марфа,—Нюня; отецъ Геронтій поднялся благословить ее.

— За огурцы братія земно кланяется. И за ваше благополучіе—изъ просфоры завтра же частицу выну. Моя очередь служить. А за варенье—особо!

— На здоровье, батюшка, на здоровье. Огурцы у насъ удались.

— Арбузами и мы похвастаться можемъ и даже такъ, что дѣвать некуда. Презыблочно! Пять возовъ послали въ городъ продать. Будемъ солить на зиму.

— Не хороши они, соленные.

— Монахъ все съѣсть. Ъхалъ я сейчасъ—вашей землей любовался. Вся она, точно камень драгоценный въ оправѣ—монастырскими нашими угодыми окружена. Видимо и на ней посему почіетъ благодать. Потому и вы тоже дѣвство соблюли, васъ и отецъ Варлаамъ зоветъ келейницами, не иначе.

Нюня взвизгнула отъ радости.

— Его высокопреподобіе очень съ нами ласковы.

— Потому вы заслужили. Какъ же иначе. Живете соотвѣтственно.

— Я ужъ старуха, мнѣ что, а вотъ Пуня, дѣйствительно, трудно, она и въ институтѣ больше всего романы читала.

— Я и самъ, какъ бы вы думали, въ свѣтскомъ званіи романцами занимался.

— „Графиню Монсоро“ помните? — заколыхалась Пуня.

— Нѣтъ... Такой что-то не знаю. Мы больше патріотическими. „Кузьму Рощина“, „Юрія Милославскаго“, „Рославлева“... И то не скрозь, а въ перебивку...

— У насъ, сегодня, отецъ Геронтій, очень пироги съ грибами удались. Сейчасъ подадутъ къ чаю, и подовые, съ вареньемъ.

— Чревоугодницы. Ну, да что, это грѣхъ малый.

— Въ „Трехъ мушкетерахъ“ мнѣ больше всего д'Артаньянъ правился,—вставила вдругъ Пуня.—Настоящій герой. Особенно когда сраженіе.

— Не знаю... Я съ военнымъ сословіемъ не очень-то... Такъ я о вашей землѣ. Самимъ Господомъ она въ нашу межу включена... Какая въ этомъ предвѣдніи мудрость, ежели по-настоящему подумать, но и зло отъ сего можетъ произойти не малое. Живете вы теперь тихо, смирно, благообразно, настоящіи благородныя, воспитанныя госпожи, Бога чтите, насъ иноковъ уважаете, къ церкви всей душой прилежите. И мы радуемся, на васъ глядя, и даже такъ что ежечасно за такое сосѣдство добротолубивое Господа благодаримъ. Ни намъ соблазну отъ васъ, ни искушенія. Подлинно, одна краса...

Нюня даже глаза закрыла. Пѣвучій голосъ отца Геронтія растомлялъ ее. Точно у нея за ухомъ щекотали.

— И вотъ, всѣ мы подь Богомъ ходимъ. Сказано: „ни вѣсте ни дни, ни часа“. Вдругъ тамъ,—ткнулъ онъ выхоленною рукою въ потолокъ,—подумаютъ: дѣвицы пристойныя, благонравныя, къ добродѣтельнымъ упражненіямъ усердныя, чего имъ еще на землѣ окладываться, да тяготу тѣлесную носить, ежели имъ въ раю, идѣ же праведные обитаютъ,—давно мѣста уготованы? И вотъ вы въ славѣ и блаженствѣ. Вамъ хорошо. Лики ангельскіе кругомъ, дерева райскія, собесѣдованія съ отцами церкви, общеніе со святыми и во всемъ благое посѣщеніе, а обители? Обители мятется и соблазняется. Вы и сами-то не знаете, кому земля ваша досталась. Придохъ невѣдомый злоумышленникъ, и сейчасъ же на благопристойномъ мѣстѣ искушеніе. Завель шланство, буйство, козлогласованіе, танцы блудныя, тѣлдвиженія соблазнительныя, и иноки плачутъ!.. Хорошо это? И вамъ оттуда, вмѣсто радости, печаль. Грѣха на васъ нѣтъ, по все же сердце свербитъ. Смотрите сверху-то, изъ обителей пресвѣтлыхъ, и изнемогаете. Такъ вотъ что я надумалъ, госпожи благородныя. Потому люблю я васъ, и сострадаю вамъ, и пекусь о васъ, ибо вы одиноки на семь свѣтѣ.

— Ужъ это такъ.

— Покуда Господь васъ не призоветъ къ себѣ—сидите вы здѣсь домо- и землеправительницами, а до тѣхъ поръ...

Но отцу Геронтію сегодня не повезло.

И Нюня ротъ раскрыла, и Пуня даже ощущала сладость въ душѣ, глядя на красивое лицо монаха и на его крупныя, но бѣлыя и отлично содержанныя руки, которые онъ держалъ, разставивъ персты на столѣ. Обѣихъ „келейницъ“, какъ онъ называлъ ихъ, убаюкивала рѣчь отца казначея. Точно ихъ въ колысѣ качали. Нюня ужъ смыкать глаза начала, а въ ухахъ журчить что-то неуловимое и на душу прохладой вѣять, какъ вдругъ послышался близко-близко шумъ колесъ по твердой дорогѣ, чьи-то голоса, и у подъѣзда остановился большой крытый тарантасъ.

— Простите, отецъ Геронтій. Я сейчасъ,—выскочила Нюня.

— Кого это къ вамъ принесло?—недовольно спросилъ тотъ.

Въ прихожей слышались поцѣлуи и восклицанія Нюни.

— Вотъ радость!.. Вотъ радость!.. Не даромъ Машка у меня цѣлый день умывалась и Полканчикъ на переднихъ лапахъ тянулся. Этакихъ гостей наворожили.

И опять поцѣлуи, и вздохи, и шуршаніе снимаемыхъ одеждъ.

— Кто бы это?—казначей озабоченно смотрѣлъ на дверь.

— Простите, отче. Я сейчасъ...

И Пуня выпорхнула туда. Опять новые поцѣлуи и новыя излінія.

„Вотъ не было печали!—горестно соображалъ отецъ Геронтій.—Совсѣмъ было къ самой сути подошелъ... и вдругъ принесло кого-то“.

Но его ждало еще большее огорченіе. Онъ уловилъ чей-то рѣзкій голосъ въ передней. Онъ былъ знакомъ отцу казначею, только сразу ему не удалось разобрать—кто бы это была такая. Очевидно, своя, близкая. Чужие и просто знакомые такъ не встрѣчаются.

— А я къ вамъ, милыя мои, денька на три.

— Ужъ мы такъ рады, такъ рады... — разливалась Нюня.

— И за огурцы, и за варенье вамъ низко кланяюсь.

„Господи, да сколько же онѣ огурцовъ - то насолили?—обеспокоился Геронтій,—и кому еще послали?“

— Теперь нашей обители на всю зиму хватить.

„Обители?—соображалъ монахъ.—Да это мать Клеопатра, игуменья Усиньскаго женскаго монастыря. Ея и голосъ. Не проста она къ нашимъ келейницамъ приѣхала. Не проста. Тоже, поди, на усадьбу ротъ разинь. Хочетъ сладкаго! Хотя она не такая. Не затѣмъ. Отцу Варлааму подѣ-стать—на чужое не зарится. Властолюбивая инокиня и съ характеромъ. Будь мужчиной—римскимъ папой бы ей сдѣлаться; ну, а теперь и такъ, на коротенькой веревочкѣ бѣгаетъ.“

Желтая и болѣзненная, хотя и полная, инокиня медленно вошла въ комнату, оперлась на плечо молодой и хорошенькой дѣвушки, лукаво поблескивавшей яркими, луповатыми глазенками изъ-подъ черной шапки. Мать Клеопатра сначала, какъ будто не замѣчая отца Геронтія, продолжавшаго сидѣть, истово и не спѣша помолилась, потомъ еще разъ благословила Пуню и Нюню и опять расцѣловалась съ ними. Уже затѣмъ она все такъ же тихо подошла къ отцу казначею и низко ему поклонилась.

— Благослови, отче.

— Недостоинъ, мать Клеопатра. Не мнѣ, грѣшнику, благословлять тебя.

Они еще разъ низко поклонились другъ другу и сѣли.

— Отецъ Геронтій, если меня память не обманываетъ? Стара становлюсь.

— Хотѣлъ бы я удостоиться такой старости, мать Клеопатра. У тебя старость дѣятельная, строга.

— Господь силу даетъ.

— Все отъ Него, что говорить. Мы и то на тебя удивляемся. Ты да отецъ Варлаамъ—два у насъ адманта.

— Что я—слабая женщина.

Но при этомъ у нея глаза такъ все оглядывали кругомъ, что въ слабость ея какъ-то не вѣрилось.

(Продолженіе будетъ.)

Воровка.

Разсказъ А. де-Нора. (Съ нѣмецкаго.)

Мы ѣхали въ купѣ второго класса, въ курьерскомъ поѣздѣ Берлинъ-Віена. Разговоръ нашъ, переходя съ предмета на предметъ, коснулся теоріи Ломброзо о „врожденной преступности“. Докторъ Ассовъ защищалъ ее, а мой пріятель, адвокатъ изъ Берлина, горячо и убѣжденно оспаривалъ ее,

утверждая, что самый высокоправственный человѣкъ можетъ быть, силою обстоятельствъ, повлеченъ въ преступленіе. Они спорили уже довольно долго.

— А можете ли вы сказать съ увѣренностью, — спросилъ адвокатъ, — что сами исполнители застрахованы отъ подобной слу-

Въ субботу вечеромъ. Съ карт. К. Шторха грав. Эпслеръ.

чайности? Я, по крайней мѣрѣ, не могу!.. Въ человѣческой жизни бываютъ повстинѣ курьезныя вещи, и мнѣ, въ моей судебной практикѣ, приходилось встрѣчать множество самыхъ поразительныхъ случаевъ.

— Охотно вѣрно,—возразилъ врачъ,—но только вы относились къ нимъ, какъ юристъ и непосвященный, и врядъ ли задавали себѣ вопросъ о нравственномъ состояніи подсудимаго съ медицинской точки зрѣнія.

— Отчего же? — сказалъ адвокатъ. — Я обращался въ подобныхъ случаяхъ за указаніями къ свидущимъ людямъ, экспертамъ, и вы, конечно, не станете отрицать ихъ компетентность въ этомъ дѣлѣ?

Онъ поднялся съ мѣста и всталъ спиной къ дверямъ купэ, спокойно заложивъ руки въ карманы.

— Выбѣсто всякихъ доводовъ, позвольте рассказать вамъ одинъ случай, — проговорилъ онъ. — Мѣсяца два тому назадъ, мнѣ пришлось защищать одну пожилую женщину, укравшую, чтобы утолить голодъ, бутылку водки.

— Вотъ какъ своеобразно выражаются господа юристы, — замѣтилъ докторъ. — Вы, вѣроятно, хотите сказать, чтобы утолить жажду?

— Совсе нѣтъ; именно голодъ, а не жажду. Мужъ ея былъ пьяница; разорилъ всю семью и, въ концѣ концовъ, сдѣлалъ лучшее, что могъ при данныхъ обстоятельствахъ, — умеръ гдѣ-то въ канавѣ или въ госпиталѣ, — не сумѣю вамъ сказать. Жена стала искать работы; но ей никто не рѣшался дать, какъ вдовѣ нищого и бродяги. — Почему опять, — говорили безупречные люди, — можетъ-быть, она украдетъ въ десять разъ больше, чѣмъ заработаетъ. Много перенесшая въ жизни женщина относилась къ этому съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ животное переноситъ привычныя побои. Она шла опять и опять просила работы, но тщетно. Если бы она стала просить хлѣба или стараго платья, ей навѣрное подали бы; но она не хотѣла вынуждаться и потому голодала. Однако, голодъ можно терпѣть лишь извѣстное время, послѣ котораго природа вступается въ свои права. Послѣ трехъ-четырехъ дней голода, ей оставалось только одно изъ двухъ: или утолить голодъ во что бы ни стало, или умереть. Она стала разсуждать слѣдующимъ образомъ: „Мужъ мой никогда не ощущалъ голода и никогда ничего не ѣлъ, потому что нилъ водку и вѣдралъ, что водка лучше всякой пищи утоляетъ голодъ. Если я выпрошу краюху хлѣба, такъ черезъ два часа я опять буду голодна; если же мнѣ бы удалось добыть водки, я бы могла выдержать безъ хлѣба четыре-пять дней, а до тѣхъ поръ, кто знаетъ, можетъ-быть, нашлась бы и работа. Но водки мнѣ никто не подастъ; а, напротивъ, выгонять, какъ собаку. Я должна взять сама“. И вотъ она побрела въ водочный магазинъ, стала просить работы, и стащила со стойки бутылку водки. Это было ея первое воровство. Можете вы сказать, что эта женщина имѣла отъ рожденія преступныя задатки?

— Можетъ-быть, и нѣтъ, — отвѣчалъ докторъ, гася въ пепельницѣ окурокъ папиросы, — но она дѣйствовала въ состояніи не полной выѣяемости. Вслѣдствіе долгой голодовки и неудачъ, ея нравственное состояніе...

— Вотъ то же говорилъ и я, въ ея защиту, — перебилъ адвокатъ, — но судъ былъ другого мѣнія. Впрочемъ, это было ея послѣднее преступленіе.

— Какъ такъ?

— Она умерла, вскорѣ послѣ судоговоренія, не могу вамъ сказать отъ какой болѣзни, но думаю, что отъ истощенія.

— И вы желаете выставить эту женщину, какъ образецъ твердаго нравственнаго характера, вовлеченнаго въ преступленіе силою обстоятельствъ?

— До нѣкоторой степени — да. Согласитесь, что ей гораздо легче было бы просить милостыню, но она была для этого слишкомъ горда.

— Зачѣмъ намъ ходить такъ далеко за примѣрами, — вмѣшался я. — Развѣ мы не читаемъ чуть ли не ежедневно въ газетахъ, что такой-то изъ-за любви сдѣлался убійцей, а любовь во всякомъ случаѣ еще сильный стимулъ, чѣмъ голодъ.

Въ эту минуту отворилась дверь, въ купэ вошелъ новый пассажиръ. У него не было съ собой никакого багажа; онъ ѣхалъ налегкѣ. Сдѣлавъ намъ общій поклонъ, онъ уселся въ дальній уголокъ купэ. Ему было, повидимому, лѣтъ тридцать. Онъ былъ одѣтъ въ темный бархатный пиджакъ, широкія панталоны и имѣлъ видъ художника.

— Но врядъ ли вамъ часто приходится читать, чтобы одна любовь была мотивомъ преступленія, — возразилъ врачъ. — Большую часть тутъ примѣшивается ревность, месть, желаніе скрыть проступокъ или другой подобный же мотивъ, который даетъ вѣншиій толчокъ къ преступленію и дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе человѣкъ, чѣмъ сильнѣе въ немъ сказывается вырожденіе и чѣмъ онъ ниже стоитъ въ нравственномъ отношеніи.

— Вы имѣете въ виду человѣка вообще, — сказалъ я, — а я говорю о женщинѣ. Развѣ, наиримѣръ, дѣтубійцы должны считаться непремѣнно психически ненормальными?

— По крайней мѣрѣ, онѣ нѣрѣдко находятся въ состояніи болѣзненнаго умоизступленія, въ особенности, если совершаютъ свое дѣяніе вскорѣ послѣ рожденія ребенка.

— А любопытно знать, — вмѣшался адвокатъ, — въ какомъ состояніи онѣ находятся въ то время, когда кладутъ начало той жизни, которую впоследствии уничтожаютъ?

— Во всякомъ случаѣ, въ экзальтированномъ, — спокойно отвѣчалъ врачъ. — Я безусловно отрицаю, чтобы порядочная дѣвушка, если она отъ природы нормальна душевно, когда-нибудь отдалась человѣку до свадьбы. Помните, — у Ибсена, въ „Норѣ“ слова Гельмера: „никто не пожертвуетъ для любимаго существа своею честью“.

— „Однако милыя женщины дѣлаютъ это“, — возражаетъ, если не ошибаюсь, Пора.

Я нарочно отвѣтилъ доктору, чтобы выручить пріятеля, такъ какъ зналъ, что онъ довольно беззаботенъ насчетъ литературы. Да и самый разговоръ волновалъ меня. Мнѣ было интересно услышать, что отвѣтитъ скептикъ-докторъ, а пока я сталъ закуривать сигару.

Новый пассажиръ, который до тѣхъ поръ не обращалъ на насъ вниманія, попросилъ у меня огня, и я видѣлъ, что онъ напряженно прислушивается къ отвѣту доктора.

— Совершенно вѣрно, но именно потому и невѣрно, — былъ отвѣтъ. — Неужели вы серьезно думаете, что вполнѣ здоровая женщина станетъ рисковать цѣлѣюлкими годами тюремнаго заключенія изъ одной любви къ своему мужу?

— Почему же нѣтъ? — сказала адвокатъ. — Мнѣ случалось видѣть, что и изъ-за болѣе ничтожныхъ причинъ люди отправляются въ тюрьму.

Пассажиръ придвинулся къ намъ и вмѣшался въ разговоръ.

— Просите меня, милостивый государь, — обратился онъ къ доктору, — но почему вы считаете это невозможнымъ?

— Потому что я вообще не признаю за любовью той роли, которую она играетъ въ романахъ, трагедіяхъ и т. д. Любовь есть чисто физиологическое, чувственное проявленіе нашей духовной дѣятельности; поэтому она и связана съ извѣстными возрастными, и вліяніе ея на жизнь вполнѣ определенное, тѣсно ограниченное и совершенно ясное. Любовь между мужчиной и женщиной есть не что иное, какъ естественное влеченіе половъ, имѣющее цѣлю продолженіе рода. Для меня она можетъ быть мотивомъ, только пока служитъ этой цѣли. Все же остальное, что принято называть любовью, по моему мнѣнію, есть только болѣзненное напряженіе или, лучше сказать, напряженіе нервовъ. А если она ведетъ къ такимъ дѣяніямъ, которыя лежатъ совершенно внѣ ея цѣли и въ силу нравственнаго закона называются преступленіями, то она далеко выходитъ за предѣлы нормальнаго.

— Значитъ, вы полагаете, что такого рода любовь существуетъ болѣе въ фантазіи писателей, чѣмъ въ дѣйствительности, и въ тѣхъ случаяхъ, когда она ведетъ къ преступленію, отвѣтственность падаетъ не на нее, а на психическую ненормальность.

— Совершенно вѣрно, — замѣтилъ докторъ.

— А между тѣмъ мнѣ извѣстенъ одинъ случай, — продолжалъ незнакомецъ, — который можетъ-быть убѣдитъ васъ въ противномъ. Если позволите, господа, я расскажу вамъ этотъ случай.

Мы поклонились въ знакъ согласія, и онъ началъ какимъ-то странно вибрирующимъ голосомъ, но временамъ заглушая его жестомъ руки, которою онъ гладилъ свою густую темную бороду.

— Дѣвушка, о которой я поведу рѣчь, была дочерью учителя гимназіи, въ маленькомъ виртембергскомъ городкѣ. Кромѣ нея было четыре сына; всѣ они еще учились, и потому средства семьи были болѣе чѣмъ ограничены. Но семья скрывала отъ постороннихъ свою бѣдность и кое-какъ перебивалась. Отецъ отправлялся въ гимназію въ длинномъ черномъ сюртукѣ, тщательно вычищенномъ дочерью, а по его уходѣ, она съ матерью — Лоттѣ было тогда двадцать два года — принималась за хлопоты по дому и хозяйству, которое онѣ вели съ такимъ умнѣемъ и аккуратностью, что старикъ удивлялся, какъ все это возможно устроить при его маленькомъ содержаніи, и, въ кругу своихъ, скоро забывалъ всѣ раздраженія и неприятности, причиняемыя ему учениками. И вотъ, въ этомъ мирномъ уголкѣ однажды разразилась буря. Это случилось, когда Лотта привела въ домъ своего жениха, молодого художника, не имѣвшаго за душой ничего, кромѣ своего искусства и большихъ надеждъ на будущее. Лотта познакомилась съ нимъ у своей подруги. Отецъ произнесъ рѣшительное „нѣтъ“, и всѣ просьбы и доводы не привели ни къ чему. Однакоже любовь или — какъ вамъ угодно было выразиться, милостивый государь — естественное влеченіе половъ — не такъ легко подавить. Молодые люди продолжали переносываться потихоньку, и какъ это обыкновенно бываетъ у сильныхъ характеромъ людей, чувство ихъ только росло отъ противодѣйствія. Художникъ работалъ изо всѣхъ силъ, а Лотта старалась среди домашнихъ хлопотъ и за чтеніемъ его писемъ забыть о разлукѣ съ нимъ. Одно изъ такихъ писемъ оказалось роковымъ. Возлюбленный писалъ, что онъ собирается работать съ натуры, на конкурсѣ, и былъ бы увѣренъ въ успѣхѣ, если бы не несчастныя сотни двѣ марокъ, не хватанія на наемъ мастерской и покупку матеріала; безъ этихъ денегъ онъ не можетъ принятися за работу и долженъ отказаться отъ борьбы, не начавъ ея. Письмо это повергло Лотту

въ величайшее волнение. Она знала, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и была увѣрена, что женихъ ей только въ крайней необходимости обратится къ ней за помощью. Она поняла, что онъ ставитъ на карту всю свою будущность, и рѣшила, такъ или иначе, добыть эти деньги.

Рассказчикъ прервалъ свою рѣчь и обратился къ доктору, не безъ легкаго сарказма:

— До сихъ поръ, милостивый государь, вы не считаете дѣвушку большой психически?

— Миѣ кажется, что чувство, владѣвшее ею, было не столько любовью, сколько страхъ. Она начала все видѣть въ черномъ цвѣтѣ, боялась, что все потеряно, хотя ничего подобнаго не было въ письмѣ, и разумъ могъ бы подсказать ей, что эти двѣсти марокъ еще не давали увѣренности въ побѣдѣ на конкурсѣ.

— Я позволю себѣ замѣтить, что по-моему этотъ страхъ и надежда, эта увѣренность и довѣріе и составляютъ истинную любовь,—возразилъ незнакомецъ.

— И вотъ, среди этой всепоглощающей любви,—продолжалъ онъ,—ее преслѣдовала только одна мысль,—спасти своего возлюбленнаго. Гдѣ и какъ достать денегъ? Попросить у родителей? Но они сами ничего не имѣютъ и.. въ этихъ поискахъ денегъ увидѣли бы лишь доказательство собственнаго художника легкомыслія. Обратиться къ ростовщикамъ? Но вѣдь эти люди ничего не дадутъ безъ залога. А что она можетъ предложить имъ? Вавъсивъ все это, она пришла къ заключенію, что ей остается только одно — украсть требуемую сумму. Если бы она была мужчиной, она вычерпала бы себѣ сажей лицо и съ револьверомъ въ рукѣ вышла бы на большую дорогу, чтобы отнять деньги у какого-нибудь запоздалаго путника. Но она была не болѣе, какъ слабая женщина, и единственное, чего она боялась — это неудачи. Поэтому она составила планъ, который казался ей безусловно вѣрнымъ.

Незнакомецъ глубоко вздохнулъ и провелъ рукой по глазамъ, какъ будто внезапно, слишкомъ яркій свѣтъ ослѣпилъ его. Докторъ закурилъ новую сигаретку, давая понять знаками, что онъ предвидитъ конецъ исторіи. Прошло нѣсколько секундъ. Незнакомецъ продолжалъ спокойнымъ голосомъ:

— Такъ какъ у нея оставалась недѣля времени, она стала ходить каждый день къ ювелирному магазинчику, въ улицѣ X., и останавливалась передъ его витриной. На окнѣ, на бронированной перекладинѣ, были развѣшаны золотыя и серебряныя четки и часовыя цѣпочки. По ту сторону перекладины, отдѣляла окно отъ магазина толстая тюлевая занавѣска, изъ двухъ половинокъ, сквозь которую ясно можно было видѣть изнутри, но не внутри лавки. Окноная ниша была заполнена нѣсколько наклонно лежащей доской, обитой синимъ бархатомъ, и на ней, частью просто, частью въ открытых футлярахъ, были разложены брошки, булавки, браслеты, кольца съ драгоценными камнями, кольца для салфетокъ, маленькія золотыя чарочки, табакерки, и на каждой вещи были прикрѣплены маленькія картоныя билетикъ, съ помѣченной на немъ красными чернилами цѣной. По самой срединѣ, въ черномъ бархатномъ футлярѣ, красовалась бриллиантовая брошь, и позади ея, на маленькой подставкѣ, висѣлъ билетикъ съ цѣною: триста пятьдесятъ марокъ. Это была самая дорогая вещь на выставкѣ. На шестой день Лотта, наконецъ, рѣшилась войти въ магазинъ и обратилась къ старику-ювелиру.

— Можете вы починить миѣ это сейчасъ же?—спросила она, протягивая дешевенькую золотую серьгу, отъ которой она нарочно отломала застежку.—Миѣ она необходима, а я здѣсь работаю.

«Ювелиръ былъ сѣдой, близорукій старикъ, почему она не безъ умысла и избрала его.

— Можно, фрейлейшъ,—отвѣчалъ онъ.—Это скоро будетъ готово. Куда прикажете прислать вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Я лучше подожду здѣсь.

— Но на это потребуется все-таки съ полчаса времени, фрейлейшъ. Можетъ-быть у васъ найдется шюка другія дѣла?

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорила она торопливо,— я подожду. Только сдѣлайте, пожалуйста, поскорѣе, а я подожду здѣсь.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣчалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и вѣжливо предложилъ ей стулъ.

«Однако ей торопливость и смущеніе нѣсколько удивили его. Онъ былъ старій, опытный воробей и многое видалъ на своемъ вѣку. Лотта не могла дожидаться минуты, когда онъ уйдетъ изъ лавки. Она все дрожала; нервы ея были такъ возбуждены, что она едва могла заставить себя сѣсть на стулъ въ его присутствіи. Задняя часть лавки была отгорожена деревянной перегородкой и ламъ была устроена маленькая мастерская; тамъ стоялъ столъ съ паяльникомъ, лампочками, пинцетомъ, щипчиками и другими необходимыми инструментами, и два винтовыхъ деревянныхъ табурета. Въ перегородкѣ были проделаны отверстія, сквозь которыя можно было видѣть все, что происходило въ лавкѣ, незамѣтно для находящихся въ ней.

Старичокъ вышелъ за перегородку со сломанной сережкой и сталъ наблюдать. Лотта съ облегченіемъ вздохнула. Теперь надо присунуть къ рѣшительному шагу. Она твердо рѣшилась не медлить и не колебаться. Только бы никто изъ покупателей не вошелъ въ магазинъ. Старикъ сказалъ полчаса. За это время можно выбрать все, что стоитъ въ витринѣ. Но съ ней достаточно одной вещи, она ужъ знала какой, и могла бы отыскать ее въ темнотѣ. Лотта тихою подышалась со стула и подошла къ окну. Какъ хорошо видно сквозь занавѣску все, что лежитъ тамъ. Вотъ она, эта брошка въ черномъ бархатномъ лицыкѣ; какъ она переливается на солнцѣ тысячу цвѣтовъ. Глазъ дѣвушки, какъ прикованный, остановился на сверкающихъ бриллиантахъ; она протинула дрожащую руку подъ занавѣску... И вдругъ, кака-то тѣнь легла на брошку. Лотта подняла глаза и чуть не вскрикнула. На улицѣ стоялъ передъ витриной элегантно одѣтый молодой человѣкъ и разсматривалъ разложенныя вещи. Боже! Вдругъ онъ вздумаетъ купить что-нибудь и войдетъ въ магазинъ... А можетъ-быть онъ увидѣлъ ее и замѣтилъ, какъ дрогнула занавѣска... А что если бы сама она не увидѣла его во-время и не успѣла отдернуть руку? Что тогда? Она задрожала при одной мысли. Но не отъ страха, что ее поймутъ, нѣтъ!.. Она знала, что поступокъ ея долженъ открыться, и удѣломъ ей будетъ позоръ и безчестіе. Единственное, что пугало ее, это возможность неудачи. Можетъ-быть этотъ господинъ выберетъ какъ разъ бриллиантовую брошку — ся брошку, и купитъ ее для своей возлюбленной, какой-нибудь гнусной женщины, которая никогда не любила его и всегда обманывала, тогда какъ она, Лотта, готова идти на позоръ ради своей любви!.. Рука ея невольно сожалась въ кулакъ, и дѣвушка съ ненавистью слѣдила за движеніями молодого человѣка, въ то время, какъ два другіе глаза не менѣе внимательно наблюдали за нею изъ-за перегородки. А минуты все шли да шли. Наконецъ фразы промелькнули дальше. Лотта еще разъ оглянулась, нѣтъ ли кого въ лавкѣ, потомъ поспѣшно схватила личицекъ и сунула его въ карманъ. Занавѣска слегка заколыхалась отъ ея быстрого движенія, потомъ выпрямилась, и все было кончено. Лотта снова сѣла на стулъ и закрыла глаза. Голова ея кружилась, въ ушахъ стучало и звенѣло, и какой-то голосъ повторялъ въ тактъ: «ты воровка! ты воровка!» Но тѣмъ не менѣе она почувствовала такое блаженство и довольство, какъ будто обрѣла спасеніе души. У нея теперь было только одно желаніе, одна мысль: уйти поскорѣе изъ лавки, размотать украденную брошку, какъ можно скорѣе получить за нее деньги и затѣмъ бѣжать на почту и переслать ихъ любимому человѣку. А тамъ будь что будетъ!.. Но отчего же старикъ такъ долго не возвращается? О, если бы онъ пришелъ поскорѣе!.. А старикъ между тѣмъ послалъ мальчика въ полицію и спокойно принялся занавѣть сережку. Лотта слышала, какъ онъ возился за перегородкой, стучалъ молоточкомъ, какъ онъ всталъ съ мѣста. Она подумала, что онъ идетъ сюда, тоже поднялась со стула, но онъ опять сѣлъ, и старій табуретъ закричалъ при его движеніи. Лотта взывала отъ нетерпѣнія, а минуты все шли да шли!.. Наконецъ старичокъ появился. Одновременно съ нимъ вошелъ въ лавку какой-то господинъ. Ювелиръ подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Вотъ ваша сережка, фрейлейшъ,—проговорилъ онъ.— А теперь потрудитесь отдать ту вещичку, которую вы украла.

«Лотта поблѣднѣла, какъ полотно. Все закружилось передъ ея глазами; она отчаянно вскрикнула и унала бы, если бы полиційскій не поддержалъ ее.

— Знаемъ мы!—проговорилъ онъ и началъ обшаривать ее платье.

«Дѣвушка тотчасъ пришла въ себя. Она опустила руку въ карманъ, и пальцы ея, какъ когти хищной птицы, схватили футляръ. Полиційскій поднялъ ея руку выстѣлъ ей ящичкомъ. Онъ сталъ разжимать ея судорожно сжатые пальцы, а она смотрѣла на него неподвижными, широко открытыми глазами и не произносила ни слова. Только, когда онъ отнял у нея футляръ и пригласилъ ее идти за собою, она зааплакала.

— Новичокъ!—пробормоталъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, когда она вышла изъ лавки выстѣлъ съ полиційскимъ.— Надо еще поучиться,—продолжалъ онъ, верти въ рукахъ занавѣнную сережку. Лотта совсѣмъ забыла о ней.

Незнакомецъ смолкъ. Докторъ преспокойно отворилъ окно и выбросилъ окурочку.

— Печальная исторія,—проговорилъ адвокатъ.—Я понимаю, что въ свое время читалъ о ней въ газетахъ. Еще, если не ошибаюсь, отецъ дѣвушки утопился съ горя?

Незнакомецъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Застрѣлился!—проговорилъ онъ, погнувшись за шляпой, которая лежала наверху, въ сѣлкѣ.

Побѣдъ какъ разъ подошелъ къ станціи, и кондукторъ отворилъ дверь купѣ.

— А чѣмъ кончила дѣвушка?—спросилъ я, въ то время, какъ незнакомецъ пробирался между нами къ выходу.

— Она стала моею женою,—отвѣчалъ онъ и, поклонившись намъ, вышелъ изъ вагона.

Елена Коттанеръ похищает венгерскую королевскую корону. Съ карт. Ф. Пилотти, грав. Тегетмейеръ.

У выставка картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Не надо пици тѣлу.“
Съ карт. (исключит. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) И. А. Пелевина, грав. Ю. Шублеръ.

Въ пустынь.

Изъ путевыхъ записокъ В. А. Романова.

Пустыни!

Камни то темно-сѣрые, то глинисто-желтые, избородченные ямами и трещинами, застыли, какъ волны моря, поднявъ къверху свои острые ребра.

Точно вчера только произошелъ здѣсь великій геологическій переворотъ. Точно руками гигантовъ-титановъ наворожены эти груды камней и выброшены вверхъ террасой. Растетъ между ними остролиственный, сухая, какъ и эти камни, колючая трава, да блѣдно-розовые кустики душистого иссона. Порой открывается небольшая „уади“ (долина), тоже вся забросанная обломками камней, выжженная и безплодная, какъ и горы.

Проѣдешь долину—и снова террасы сѣрыхъ камней, снова безконечныя дѣли сплнхъ горъ! Заключили онѣ въ свои каменные объѣмы долины и голыя пространства желтаго, мелкаго, какъ пыль, песку, и сбѣжали широкими уступами къ Мертвому морю, охвативъ и его своимъ мертвымъ кольцомъ.

Нѣтъ жизни въ этой пустынь, не слышно ни крика, ни голоса, только скользятъ по камнямъ уродливыя сѣрыя лицирцы да съ тихимъ шорохомъ ползаютъ длинный, черный змѣй.

Порой сорвется со скалы громадный сѣрый грифъ, взлетѣвъ вверхъ, повиснетъ на своихъ широкихъ крыльяхъ, оглашая рѣзкимъ клѣкотомъ тишь сплнхъ пустыни.

Третій день, какъ я ѣду по ней, а нѣтъ ей ни конца, ни краю! Протянулась она отъ береговъ „Бахръ-эль-Лунъ“ (Мертваго моря) вплоть до Йемени, и отъ Йемени до мутныхъ водъ Краснаго моря.

Третій день я люблюсь ею, смотрю на ея каменный покой, на ея мертвую красоту. Смотрю я, какъ вечеромъ скользятъ по горамъ то розовыя, то фиолетовыя тѣни, какъ пурпурными пятнами умирать закатъ на далекихъ хребтахъ, какъ блестятъ на солнцѣ перламутровымъ отблескомъ голыя ребра стремнинъ.

Голубоватый туманъ, легкій какъ дымъ, стелется у подножій и тихо ползетъ вверхъ, окутывая фиолетовымъ облакомъ вершины. Быстро гаснетъ южная заря, темнѣютъ яркія краски заката, густѣютъ и наливаются надъ долинами вечерній тѣни.

Темнѣетъ сплнее небо, заглясь въ его глубинѣ перевал, яркая звѣздочка и повисла, какъ лампада, на длинной шнѣ серебряныхъ лучей.

Густѣетъ сумракъ, сливаются горы въ одну темную полосу. Надъ пустыней тихо спускается влажная, полная сонныхъ грѣзъ и чарующей прелести палестинская ночь.

Одна вслѣдъ за другой зажигаются крушия яркія звѣзды, и льются на сплнщую землю блѣдныя лучи трепетнаго свѣта.

Вотъ слегка освѣтлѣлъ, тронулся золотистымъ блескомъ востокъ и стали видны въ той сторонѣ вознистыя линіи горныхъ вершинъ.

Надъ Моавитскими горами, надъ Мертвымъ моремъ, надъ пустынею „Эль-Тихъ“ сквозь сплншій туманъ величаво и плавно встаетъ красный дискъ мѣсяца.

Серебристо-голубой, меланхолическій свѣтъ залилъ пустыню, все потонуло въ серебристомъ сплншнхъ лунныхъ лучей.

Какъ надучія звѣзды, борозды и перекрещивая воздухъ во всѣмъ направлениямъ, замелькали повсюду огненные рои свѣтлнхъ жучковъ. Тихо кругомъ, ни звука, ни шороха, и гулко разносится по пустынь стукъ копытъ моей лошади.

Вотъ какой-то звукъ задрожалъ въ воздухѣ и, оборвавшись, замеръ гдѣ-то въ глубинѣ пустыни. Вздрогнула лошадь, нервно повела ушами, злобно раздулись ея широкія ноздри.

Звукъ повторился снова, рѣзкимъ шорохомъ процесся онъ въ тишинѣ ночи,—это завывла гѣза.

Оправился на сѣдлѣ мой проводникъ Халиль, выше поднялъ онъ свою длинную тяжелую шку, прошептали проклетіе его губы.

Какъ истый арабъ, ненавидитъ онъ это порождение шайтана и собаки, это проклятую пророкомъ тварь, смущающую по ночамъ сонъ правдиваго.

— Ты слышала, „ховаджи“, этотъ крикъ?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.—Такъ кричитъ только одна хаммадъ.

Хаммадъ, это—птица мертвыхъ, птица кровавой мести, ко-

торал, по глубокому убѣжденію Халиля, вылетаетъ изъ головы убитаго араба и до тѣхъ поръ тревожитъ сонъ мертваго, пока родственники не отомстятъ за убитаго, не прольютъ кровь за кровь.

„Дайте мнѣ напиться!“—кричитъ эта птица, и кто хоть разъ въ жизни услышитъ этотъ крикъ, долженъ знать, что его кто-то изъ родныхъ призываетъ къ мести.

Какъ сынъ пустыни, Халиль знаетъ всѣ преданія своего народа, сѣбно вѣрить въ истину словъ старыхъ шейховъ и улемовъ, но въ то же время спрашиваетъ у меня мое мнѣніе обо всемъ; его видимо забавляютъ мои объясненія: онъ сначала выслушаетъ ихъ съ полнымъ вниманіемъ, а затѣмъ на лицѣ его заиграетъ дѣтски-лукавая улыбка. Все, что ново, что не вошло въ кругъ его міровоззрѣнія, разбивается какъ о каменистую стѣну объ его мусульманскій скептицизмъ. Строго держится онъ правотѣ своихъ предковъ, строго исполняетъ предписанія корана, творитъ утренній, полудневный и вечерній намазъ и даже, за неимѣніемъ воды для омовенія, замѣняетъ послѣднюю пескомъ.

Любитъ онъ свою пустыню, знаетъ онъ ее, по его собственному выраженію, „какъ ладонь руки своего отца“, и, кажется, разстался бы скорѣе съ жизнью, чѣмъ съ этою безплодною, выжженою пустыней. Самъ онъ вызвался проводить меня, за сравнительно ничтожную плату, но самой опасной и дикой мѣстности до Петры Аравійской и отъ Петры до Синая. Ѣдетъ онъ со мной ридомъ, всю дорогу болтаетъ безъ умолку, слагаетъ и поетъ пѣсни о всякомъ интересующемъ его явленіи, а великій мой постыжокъ съ его стороны вызываетъ чуть ли не цѣлую энею.

Онъ то поетъ о храбрости и удали прѣзжаго „москова“, то о какихъ-то красавицахъ, то о пустынь, то о звѣздахъ...

Ночью особенно оживляется Халиль, отстаетъ отъ меня, смотритъ на созвѣдіе Большой Медвѣднцы и поетъ какіе-то таинственныя пѣсни. Этихъ „ночныхъ пѣсенъ“ мнѣ не удалось записать, но однажды мой слухъ уловилъ въ обращеніи Халиля къ этому созвѣдію эпитеты „великая“ и „чудесная“. Очевидно, живы въ этомъ сынѣ пустыни преданія языческаго міра, міровоззрѣніе полуязычниковъ-арабовъ Гадрамаута и Геджаса.

Молятся они „Аллаху одному, многомилостивому“; кланяются его пророку Магомету, но въ то же время приписываютъ чудесную, почти божественную силу звѣздамъ.

Звѣзды для араба въ этой безиредѣльной пустынь замѣняютъ компасъ,—по нимъ онъ направляетъ свой путь, а первыя красавицы пустыни, въ пѣсляхъ арабовъ, зовутся „яркими алмазами на темномъ одѣяніи ночи“...

Здѣсь, въ глубинѣ этой безиредѣльной, каменной пустыни, вдали отъ жизненной суеты и борьбы, въ тихомъ безмолвіи южной ночи, становится вполнѣ понятной вся прелесть звѣзднаго неба, воспоминается преданіе „о людяхъ, звѣздамъ служащихъ, о звѣздѣ Внѣземѣ“.

Невольно созерцательно настраивается умъ, чаще смотритъ въ глубину собственной души человѣкъ, затерянный въ этомъ безконечномъ пространствѣ, ставшій лицомъ къ лицу съ вѣчной Изидой!.

Бѣшенъ пустыней, и невольно покоряешься ея загадочному молчанію, ея вѣчной тишинѣ. Странное состояніе овладѣваетъ душой: не думаешь о настоящемъ, не заглядываешь въ далекое, туманное будущее, а весь живешь въ картинкахъ и образахъ прошлаго. Какъ длинный свитокъ папируса—развивается предо мной вся моя прошлая жизнь, какъ призраки—толпятся воспоминанія, давно забытыя картины. Съ поразительной ясностью, точно выливаясь изъ волнъ этой серебряной мглы, встаютъ предо мной дорогія, давно умершія лица и будитъ въ душѣ то чувство невыразимой горечи и боли, то тихую, сладкую грусть!.

А южная ночь, фосфорически горящая въ тысячахъ крушихъ звѣздъ, въ пѣюмъ покоѣ плавно и торжественно плыветъ надъ пустыней, и только доносится вдали тихій плачъ шакала.

Баронъ Геронимъ фонъ-Мюнхгаузенъ.

(Съ портр.-и 2 рис. на стр. 400.)

22 февраля н. г. исполнилось его лѣтъ со дня смерти барона Мюнхгаузена, родоначальника такъ-называемыхъ „мюнхгаузадъ“, извѣстнаго враль, охотника, побѣдителя турокъ и проч., почти мюнхеской фигуры, составляющей въ которое подобіе храбраго рыцаря Ламаскаго или Тилля Эйленшннгеля.

Баронъ Геронимъ-Карлъ-Фридрихъ фонъ-Мюнхгаузенъ принадлежалъ къ одному изъ старѣйшихъ нѣмецкихъ дворянскихъ родовъ, съ родословіемъ, исходящей въ глубь восьми вѣковъ. Онъ явился на свѣтъ 11 мая 1720 года, въ родовомъ своемъ

помѣстьѣ Боденвердерѣ, близъ городка того же имени, въ Брауншвейгѣ. Воспитаніе получилъ общее въ тѣ времена со всѣми отпрысками нѣмецкихъ дворянскихъ фамилій. Достигнувъ юношескаго возраста, онъ поступилъ въ наші къ своему государю, герцогу Антону-Ульриху Брауншвейгскому, который, въ знакъ особаго благоволенія, подарилъ юношѣ трехъ лошадей, съ чепраками и шестолетями, а въ 1739 году опредѣлилъ его въ располоченный въ Ригѣ русскій кирасирскій полкъ, котораго Антонъ-Ульрихъ, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, состоялъ шефомъ. Годъ спустя Мюнхгаузенъ былъ

уже произведенъ въ поручики, а въ 1744 году сочетался бракомъ съ уроженкой Лифляндіи, Якобиной фонъ-Дугеншъ. Отличившись въ двухъ походахъ противъ турокъ, о чемъ обстоятельно упоминается въ его патентѣ на чинъ ротмистра, погребенномъ въ 1750 году, Мюнхгаузенъ удалился съ молодой женою въ свое родовое имѣніе Боденвердеръ, которое вскорѣ сдѣлалось сборнымъ пунктомъ для всего дворянства долины Везера, благодаря особымъ свойствамъ своего хозяина, какъ страстнаго охотника и неутомимаго рассказчика. Современники восхваляютъ импровизаторскій талантъ пресловутаго барона, его блестящее остроуміе и пенетрируемую фантазію. За трубкой и стаканомъ пушка, но только въ самомъ тѣсномъ пріятельскомъ кругу, онъ охотно рассказывалъ свои военные и охотничьи приключенія и необыкновенныя исторіи съ лошадьми и собаками, частью для того, чтобы занять гостей, частью чтобы осмѣять чужое хвастовство. Онъ употреблялъ сильные, чисто военные выраженія, но говорилъ просто, безъ всякаго пафоса, какъ будто рѣчь шла о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, дѣйствительно съ нимъ случившихся. Такъ прожилъ онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, безпечной и безначальной жизнью недоросля изъ дворянъ, пока его не постигъ, въ 1790 году, тяжелый ударъ, въ видѣ кончины горячо любимой жены, съ которой онъ прожилъ долгіе годы счастливаго, хотя и бездѣтнаго супружества. На свою бѣду, старикъ, четыре года спустя, далъ вовлечь себя въ новый бракъ, съ расточительной и недостойной женщиной, не замедлившей покрыть позоромъ имя своего супруга. Правда, онъ скоро развелся съ нею, но она затѣвала противъ него процессъ за процессомъ, и въ концѣ концовъ расходы на адвокатовъ и судебныя издержки поглотили и тѣ крохи, какія уцѣлѣли еще отъ ея расточительности. Хотя Мюнхгаузенъ и не дожился до горькой минуты — утраты родового имѣнія — его вторая жена умерла въ одинъ годъ съ нимъ, въ Голландіи, въ полной нищетѣ, — но тѣмъ не менѣе послѣдніе годы его жизни были глубоко омрачены. Неожиданно постигшей его литературной извѣстности Мюнхгаузенъ не придавалъ никакой цѣны. Когда поэтъ Бюргеръ издалъ въ свѣтъ „Мюнхгаузиады“ въ видѣ отдѣльной книги, старикъ почувствовалъ себя даже оскорбленнымъ, хотя ни Бюргеръ, ни его сотрудникъ Лихтенбергъ вовсе не имѣли намѣренія обидѣть Мюнхгаузена или выставить его въ смѣшномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, веселый, остроумный, жизнелюбивый дворянчикъ сдѣлался къ концу жизни отупѣлымъ, угрюмымъ, подозрительнымъ и скупымъ на слова старикомъ, ждавшимъ смерти, какъ набавительницы. Лишь парѣдка, въ послѣдніе годы, прорывался былой, своеобразный и хвастливый его юморъ. Такъ, напримеръ, когда, незадолго передъ его смертью, предавшая экономка и пивьяка замѣтила, что у него на ногѣ не хватаетъ двухъ пальцевъ, онъ отвѣтилъ: „Это мнѣ на охотѣ откусилъ бѣлый медвѣдь!“

Нашъ рисунокъ изображаетъ Мюнхгаузена въ двѣдцать лѣтъ, кавалерійскимъ офицеромъ русской службы. На второмъ рисункѣ изображенъ домъ его въ Боденвердерѣ, стояющій среди прекрасно содержимаго сада и огорода и сохранившійся понынѣ почти въ прежнемъ своемъ видѣ. Въ расположенномъ на скатѣ горы садикѣ, у подножья великолѣпной буковой рощи, находится каменная бесѣдка-гротъ, весьма усердно посѣщаемая въ лѣтнее время туристами. Стѣны грота сплошь покрыты всевозможными окаменѣlostями, кварцевыми образованиями, раковинами и т. п. Помѣщеніе надъ гротомъ служитъ для пріема посѣтителей. Стѣны его недавно украшены живописью, изображающей различные подвиги героя мюнхгаузиадъ: то онъ вылетаетъ изъ осажденнаго города на пушечномъ ядрѣ, то сидитъ верхомъ на серпѣ мѣсяца, то самъ себя вытягиваетъ

за косу изъ болота, или, проспавшись на кладбищѣ, съ удивленіемъ видитъ, что лошадь его виситъ на колокольнѣ.

Но какимъ же образомъ могло случиться, что Мюнхгаузенъ, помимо своей воли и желанія, сглотилъ себя столь широкую литературную извѣстность? Въ 1773 году бѣжалъ изъ Касселя въ Лондонъ безызвѣстный ученый минералогъ и археологъ Распе, обокравъ предварительно вѣренныя его пощеніямъ коллекціи старыхъ монетъ. Человѣкъ богатый одаренный, но страшно безхарактерный, онъ въ Англіи занялся писательствомъ и сумѣлъ составить себѣ почетное положеніе своими литературными трудами по археологіи. Вдохновившись комедіей брауншвейгскаго герцога Генриха-Юлія — „Виченціо Ладислао“, а также собственными воспоминаніями о своеобразномъ разсказчикѣ баронѣ Мюнхгаузенѣ, Распе издалъ въ 1785 году небольшую книжку, подъ названіемъ: „Baron Munchausens Narrative of his marvellous travels and campaigns in Russia“ *). Книга имѣла такой успѣхъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ вышла пятно изданіями. Распе умеръ въ 1794 году, въ Исландіи.

Успѣхъ ли Распе, или личное знакомство съ героемъ мюнхгаузиадъ подействовало на автора „Леноры“, Бюргера, трудно сказать съ достовѣрностью; какъ бы то ни было, но онъ перевелъ пятое изданіе книги Распе съ англійскаго на нѣмецкій. Первое изданіе его перевода вышло въ Геттингенѣ, въ 1787 году, подъ названіемъ: „Барона Мюнхгаузена удивительныя путешествія и приключенія на водѣ и на сушѣ, какъ онъ самъ рассказывалъ о нихъ за бутылкой вина, въ кругу друзей“. Оно вышло безъ имени издателя, съ фальшивой помѣткой: „Лондонъ“. Второе изданіе было снабжено предисловіемъ, въ которомъ переводчикъ, между прочимъ, говорилъ, что книжка его, какъ ни кажется она мала и легкомысленна, имѣетъ, можетъ-быть, большіе цѣны, чѣмъ многія толстыя, почтенныя книги, которыя не вызовутъ ни смѣха, ни слезъ и въ которыхъ не найдется ничего, что не было бы уже высказано сотни разъ въ другихъ толстыхъ и почтенныхъ книгахъ.

Включенные въ англійскій переводъ новыя фантастическіе рассказы и ученая замѣчанія, намеки на современниковъ и проч., доказываютъ участіе въ изданіи другихъ лицъ, и можно сказать съ увѣренностью, что вторая часть нѣмецкаго „Мюнхгаузена“, заключающая въ себѣ морскія путешествія и сатиры на ученыхъ, написана геттингенскимъ кружкомъ — Бюргера, Лихтенберга и Кестнера, тогда какъ первая часть, съ помѣщенными въ ней охотничьими рассказами и приключеніями въ Россіи и Турціи, переданными сильнымъ характернымъ языкомъ, принадлежитъ самому Мюнхгаузену.

Несмотря на презрительное отношеніе ученой критики того времени, мюнхгаузиады нашли себѣ массу читателей и даже послѣдователей и подражателей, но обыкновенно значительно уступавшихъ оригиналу. Мюнхгаузиады дали богатый матеріалъ не только писателямъ, но и художникамъ. Такъ, напримеръ, одна изъ позднѣйшихъ переработокъ (Эдмунда Цоллера) иллюстрирована знаменитымъ Густавомъ Доре, замѣчательно удачно сумѣвшимъ схватить и передать духъ и характеръ мюнхгаузиадъ. Тысячи картинъ и рисунковъ на мюнхгаузенскіе сюжеты, начиная съ высокохудожественныхъ до самыхъ зубочныхъ, нашли распространеніе въ нѣмецкомъ народѣ. Была написана, между прочимъ, и опера на мюнхгаузенскую тему, но невѣстна, гдѣ и когда она была поставлена на сцену. Даже въ наше время, по истеченіи столѣтій, книга Мюнхгаузена сохранила свою свѣжесть и интересъ, и нельзя не признать, что она, подобно немногимъ другимъ книгамъ, сдѣлалась достойнымъ какъ исторіи литературы, такъ и исторіи культуры.

Къ рисункамъ.

Картины Германа Каульбаха хорошо извѣстны нашимъ читателямъ; на страницахъ *Нивы* помѣщенъ былъ цѣлый рядъ его прелестныхъ жанровъ изъ жизни дѣтей. Какъ разнообразна эта жизнь „будущихъ людей“, такъ разнообразны рисующія ее картины Каульбаха. Пужно очень любить дѣтей и хорошо знать ихъ душу, чтобы дать такую замѣчательную галерею дѣтскихъ личикъ, полныхъ невыразимой прелести и наивности. Но спеціальности художникъ исторической живописи, Германъ Каульбахъ особенно любитъ изображать дѣтей не современнаго типа, а стародавней эпохи, главнымъ образомъ, средневѣковой. Этотъ средневѣковой характеръ придаютъ на его картинахъ, главнымъ образомъ, костюмъ, а также и окружающая обстановка. Въ остальныхъ дѣти тѣхъ отдаленныхъ временъ ничѣмъ не отличались отъ нынѣшнихъ, — они такъ же были шаловливы и проказливы, такъ же любознательны, а подчасъ и любознательны, какъ и теперь, такъ же старались избѣгнуть наказанія, и, подвергались тѣмъ же наказаніямъ, что и теперь. Пресловутая розга насаждала начала нравственности и благоуравнѣнныя дѣти тѣмъ же розгой, какъ и теперь, и, очевидно, съ тѣмъ же, какъ и теперь, успѣхомъ. Такъ же тогда тряслись и пугливо озирались бѣдняжки въ углу, гдѣ-нибудь въ темной комнатѣ, подъ сѣбною пучка розогъ, какъ Дамокловъ мечъ, висѣвшихъ надъ ихъ головой, и, быть-можетъ, только дольше, чѣмъ теперь, претерпѣвали они это наказаніе, въ виду большей суровости тогдашнихъ нравовъ. Эта крохотная согну-

тая фигурка наказаннаго ребенка, со страдальчески-пугливомъ выраженіемъ глазъ, съ безпомощно сложенными руками, — много говоритъ каждому сердцу родительскому, точно проситъ милости за всѣхъ ей подобныхъ, много будитъ воспоминаній въ душѣ cadaго изъ насъ, испытываюга на себѣ въ дѣтствѣ тяжелыя минуты заключенія между двухъ стѣнъ.

Точно такъ же воспоминанія дѣтства возбудитъ въ каждомъ читателѣ и прелестный рисунокъ Карла Шторха; но эти воспоминанія — свѣтлыя, радостныя, — о тѣхъ минутахъ, когда позволялось безнаказанно пошалить съ водой и порѣзвиться во время „генеральнаго“ предирядничнаго омовенія, совершаемаго обыкновенно въ субботу вечеромъ. Но эти минуты, какъ и всякая радость на землѣ, очень кратки — невнимое баюванство быстро приближается къ наказуемому преступнику, и въ послѣднемъ, третьемъ, своемъ фазисѣ уже принимается такой характеръ, который не можетъ быть терпимъ среди благонаправленныхъ дѣтей и требуетъ немедленнаго прекращенія путемъ припѣненія силы или даже физическаго воздѣйствія.

Картина Г. П. Кондратенко „Послѣдніе защитники Малаховской башни“, находящаяся на V выставкѣ картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ, воскрешаетъ въ нашей

*) „Рассказы барона Мюнхгаузена объ его удивительныхъ путешествіяхъ и походахъ въ Россію“.

памяти одинъ изъ славныхъ моментовъ севастопольской обороны и служить какъ бы иллюстраціей къ слѣдующему яркому описанію г. Богдановича, въ его „Восточной войнѣ 53—56 гг.“

„...Всѣ наши усилія отбить Малаховъ курганъ, занятый французами, оказались безуспѣшны, а въ развалинахъ башни все еще билась горсть храбрыхъ — 30 или 40 солдатъ Модлинскаго полка. Постави къ дверямъ нѣсколько матросовъ съ длинными абордажными пиками и открывъ стрѣльбу чрезъ бойницы пазъ ружей, нашъ небольшой отрядъ былъ почти неприступенъ среди нѣсколькихъ тысячъ французовъ. Неприятель кинулся ко входу, но былъ удержанъ пиками матросовъ, а между тѣмъ, на площадкѣ у башни безпрестанно валились ихъ солдаты, поражаемые пулями невидимыхъ противниковъ. Когда же французы стали по нимъ стрѣлять, наши заложили бойницы тюфками и подушками, оставивъ лишь небольшія отверстія для своей пальбы... Послѣ долгой, безуспѣшной борьбы французы поставили мортирку противъ входа въ казематъ и стали бросать туда гранаты. Одна изъ нихъ не разорвалась; другая разбила икону, взорвала нѣсколько мѣшковъ съ патронами и ранила осколками человѣка 15. Когда же, при разрывѣ третьей гранаты, почти всѣ наши люди были убиты, либо ранены, и всѣ патроны изстрѣляны, защитники башни сдались, послѣ пяти-часового сопротивления во сто разъ сильнѣйшему неприятелю.“

Съ той же выставки воспроизводимъ мы здѣсь еще одну интересную картину, принадлежащую кисти И. А. Пелевина и изображающую царя Ивана Грознаго въ минуты его раскаянія, въ періодъ того душевнаго перелома, который произошелъ въ немъ послѣ пресыщенія казнями и подозрительности ко всѣмъ. Какъ извѣстно, въ такіе минуты душевнаго самобичеванія царь удалился въ свою молельную и проводилъ тамъ цѣлые дни въ постѣ и покаяніи; царскій вѣнецъ смѣнился монашескою скуфейкой, царская одежда откладывалась въ сторону, онъ облачался въ скромную рясу, вмѣсто царскаго посоха въ рукахъ его были четки... Окруженный божественными ликами святыхъ угодниковъ, царь уходилъ въ себя, забывъ объ окружающемъ мірѣ, о запросахъ гѣла... Въ такіе дни только смятенная душа ждала пищи, успокоенія въ постѣ и молитвѣ... Рѣдко кто рѣшался входить въ покои къ царю въ такіе минуты, — только особо близкіи ему лица, особенно обремененные его довѣріемъ бояре, пытались иногда предложить царю хотя бы меду испить, но въ отвѣтъ имъ было смиренное „не надо пицитъ ѣлу“...

Не много есть сильныхъ людей, щупливыхъ спасенья души въ самобичеваніи, физическомъ и нравственномъ, въ полномъ отрѣшеніи отъ „скверны мірской“ за крѣпкими стѣнами духовной обители; большая часть, оставаясь въ мірѣ, какъ бы старается очистить себя отъ своихъ грѣховъ матеріальными „средствами“ при жизни или же думаетъ уготовать себѣ спокойную жизнь вѣчную, оставляя свои достатки на смерти на пользу церкви... Въ русскомъ народѣ, больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, сыщются эти жертвы на нужды церкви, для вящаго ея процвѣтанія и благолѣпія... Каждый русскій человѣкъ, во дни радости и горести, особенно при удачѣ дѣлъ житейскихъ, считаетъ первымъ долгомъ подѣлиться своимъ достаткомъ съ церковью, въ служителяхъ которой онъ видитъ предстателей за его физическое и духовное благополучіе предъ Престоломъ Всевышняго. На эти лепты и жертвы, идущія отъ души для души, и „вырастаютъ храмы Божіи по лицу земли родной“, этими жертвами и дается многимъ въручникамъ покой душевный... Картина „Жертва на монастырѣ“, В. Н. Пчелина, находившаяся на XXV передвижной выставкѣ, представляетъ намъ, какъ иногда подаются эти жертвы на церковь. Напряженные лица самого „благотворителя“ и внимательно слѣдящаго за нимъ молодого чело-вѣка, вѣроятно, сына, точно болшагося, чтобы отецъ „не очень расщедрился“, и смиренная фигура монаха говорятъ намъ, что здѣсь происходитъ одинъ изъ актовъ „спасенія души“, что здѣсь приносится „жертва“ не по влеченію сердца, а по другимъ побужденіямъ чисто мірскаго характера. Но вѣдь „всякое даіеіе благо“. Это, очевидно, и думаетъ смиренный служитель церкви на картинѣ г. Пчелина.

Герцогу Альбрехту V, вступившему на австрійскій престолъ послѣ своего тестя Сигизмунда, въ 1437 г.—достались, кромѣ австрійской, еще двѣ короны — Венгріи и Богеміи. Для того, чтобы съ достоинствомъ удержать ихъ на своей главѣ, требовалось большихъ усилій. Въ Богеміи волновались гуситы, въ Венгріи было не лучше. Король Альбрехтъ — одинъ изъ самыхъ даровитыхъ Габсбурговъ — несомнѣнно прекратилъ бы всѣ неурядицы въ той и другой странѣ, если бы не безвременная его смерть. Мужского потомства онъ не оставилъ, но его вдова, королева Елисавета, имѣвшая уже двухлѣтнюю дочь, ждала второго ребенка.

Австрійскіе государственные чины высказались въ пользу признанія будущаго сына Елисаветы — если у нея родится сынъ — законнымъ государемъ. Не то было въ Венгріи и Богеміи. Венгерскіе магнаты обратили вниманіе на юнаго польскаго короля Владислава и на сеймахъ было постановлено призвать его на венгерскій престолъ, при чемъ Елисаветѣ предложено было выйти за него замужъ, если она желаетъ остаться королевой.

Елисаветѣ такой планъ былъ не по душѣ. Однако, чтобы обезпечить за своимъ потомствомъ хотя бы шансъ на успѣхъ, ей было необходимо завладѣть государственными регалиями. Извѣстно, что королева св. Стефана считалась у венгерцевъ священною, и ни одинъ король не признавался законнымъ, пока его не короновали этой короной. Поэтому обладаніе національною святыней давало огромное преимущество каждому претенденту на венгерскій престолъ. Планъ овладѣть короной вскорѣ соаръль у вдовствующей королевы, но — какъ его выполнить?..

Но вотъ на помощь покнишутой королевы явилась одна энергичная женщина, не задумавшаяся пожертвовать жизнью для своей повелительницы. Елена Коттанеръ, родомъ изъ Вѣны, была камеристкой Елисаветы и внѣней ея двухлѣтней дочери. Благодаря своему уму, находчивости и неизмѣнной преданности, она сдѣлалась довѣреннымъ лицомъ, наперсницей королевы. Разскажъ намъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ похищеніе короны, заимствованъ изъ безпристрастныхъ записокъ этой престои, любящей души.

Священная корона св. Стефана находилась въ королевскомъ замкѣ Вышеградѣ въ Плинтенбургѣ. По смерти Альбрехта хранитель государственныхъ сокровищъ передалъ ее Елисаветѣ, которая хранила ее въ своей спальнѣ.

Въ ночь послѣ передачи короны въ спальнѣ королевы случился пожаръ отъ опрокинувагося ночника. Коттанеръ, со свойственнымъ ей присутствіемъ духа, потушила пожаръ, но ларецъ, въ которомъ лежала корона, сильно обгорѣлъ. Послѣ этого, корона была помещена въ подземелье замка, за замками и затворами.

Въ январѣ 1440 года Елисавета вернулась въ Вышеградъ, но, не чувствуя себя тамъ въ безопасности, уѣхала съ малолѣтней дочерью, 16 января, въ Коморнъ, въ сопровожденіи одной только Коттанеръ; придворныя дамы и женская прислуга королевы оставались въ замкѣ.

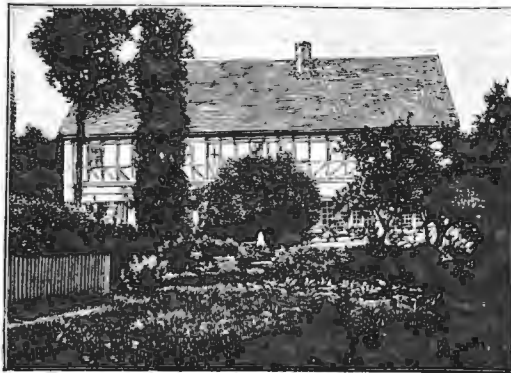
Въ Коморнѣ королева рѣшилась, наконецъ, попросить Коттанеръ похитить корону. Энергичная женщина колебалась всего нѣсколько мгновеній и рѣшилась пожертвовать собою для королевы. Не легко ей было найти помощника для рискованнаго предпріятія, грозившаго, въ случаѣ неудачи, неминуемой смертью. Нашелся, однако, одинъ венгерецъ — по словамъ Коттанеръ, „вѣрный, мудрый и мужественный“.

Въ Вышеградѣ былъ отправленъ гонецъ, который долженъ былъ доложить бургграфу, что Коттанеръ ѣдетъ за оставшимися прислужившими королевы.

Въ первую же ночь, когда въ замкѣ все успокоилось, помощникъ Коттанеръ пробрался съ однимъ подкупленнымъ рабочимъ въ ея комнату, чтобы взять отсюда привезенные изъ Коморна ключи, замки и печать королевы. Заключилъ работу. Прежде чѣмъ добраться къ замку, приходилось снимать окутывавшее ихъ пологно съ печати бургграфу. По счастью, никто въ замкѣ ничего не слышалъ, кромѣ Коттанеръ, которая въ это время на колѣняхъ

Баронъ Іеронимъ фонъ-Мюнхгаузенъ (по поводу 100-лѣтія дня смерти.)

Домъ барона Іеронима фонъ-Мюнхгаузена въ Боденвердерѣ.

Гербъ барона Іеронима фонъ-Мюнхгаузена.

пламенно молилась Богу. „Я больше боялась за свою душу, чѣмъ за свою жизнь,—разсказываетъ она.—Если все это совершается противъ воли Божіей, думала я, если я за это буду осуждена на вѣчную муку, или какое-нибудь несчастье постигнетъ народъ и страну, то пусть лучше Господь смилостивится надъ моею душой и пошлетъ мнѣ смерть тутъ же на мѣстѣ“.

На послѣдней двери въ подземелье замки были такъ тяжеловѣсны, что нанильники ихъ не брали; пришлось вырвать въ деревѣ отверстіе. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ мучительнаго страха и ожиданія, дѣло сдѣлано: корона въ рукахъ Коттанеря, венгерецъ засовываетъ ее въ красную бархатную подушку, изъ которой вынута часть перьевъ, и наглухо зашиваетъ ее.

Настало утро, начались сборы къ отъѣзду. Подушку помѣстили на сидѣніи въ саняхъ. Коттанеръ и закрыли ее кожей. Коттанеръ услалъ въ сани со своимъ сообщникомъ, въ другихъ саняхъ помѣстился женскій штатъ королевы, и кортежъ благополучно выбрался изъ замка. Но еще не всѣ опасности миновали. Во время переправы по льду черезъ Дунай, одна изъ саней едва не провалилась въ воду, при чемъ часть поклажи потонула. Наконецъ, послѣ многихъ тревоженій, Коттанеръ, поздно ночью, пріѣхала въ Коморнъ, гдѣ ее радостно встрѣтила Елисавета.

Въ ту же ночь Елисавета разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который во св. крещеніи нареченъ былъ Владиславомъ.

Немедленно послали гоцовъ въ Польшу отозвать посольство, которое должно было предложить корону Владиславу; но было поздно, — Владиславъ находился уже на пути въ Венгрію. Нужно было поторопиться съ коронованіемъ новорожденнаго короля. Елисавета поѣхала въ Штульвейсенбургъ, гдѣ короновались венгерскіе короли. Корону св. Стефана скрывали въ колыбели младенца, но совѣту той же Коттанеръ, которая сказала: „Король выше короны, положимъ же священную корону подъ королю; куда Господь направитъ короля, тамъ будетъ и корона“. По прібытіи въ Штульвейсенбургъ новорожденный король былъ торжественно коронованъ.

Коропа св. Стефана не принесла счастья Владиславу, прованскому *Postumus*’омъ; за безрадостной молодостью послѣдовало короткое царствованіе, давшее ему мало отраднхъ минутъ.

Похищеніе короны было поздно обнаружено враждебной партией: сообщники Коттанеръ, взявъ корону, снова заперли ближайшія двери на замокъ и припечатали полотно. Между тѣмъ, Владиславъ польскій успѣлъ утвердиться на венгерскомъ престолѣ, несмотря на то, что не былъ коронованъ короной св. Стефана; онъ держался до тѣхъ поръ, пока не былъ убитъ въ битвѣ при Варшѣ, въ 1444 г. Партія юнаго Владислава *Postumus*’а восторжествовала. Послѣ него борьба за венгерскую корону возобновилась, окончившись вскорѣ полнымъ торжествомъ Габсбурговъ.

Память же о геройскомъ поступкѣ Елены Коттанеръ до сихъ поръ глубоко чтится въ Венгріи.

Принцъ Христіанъ датскій и невѣста его, герцогиня Александра мекленбургъ-шверинская.

(Портр. на этой стр.)

Недавно обрученная съ датскимъ принцемъ Христіаномъ, великая герцогиня мекленбургъ-шверинская Александра —

Принцъ Христіанъ датскій и невѣста его, великая герцогиня мекленбургъ-шверинская Александра. По гравюрѣ Graphic автотипія „Нивы“.

старшая дочь скончавшагося 29 марта н. г., въ Копенгагенѣ, герцога мекленбургъ-шверинскаго, Фридриха-Франца III, портретъ котораго былъ помѣщенъ въ прошломъ номерѣ *Нивы*, и великой герцогини Анастасіи Михайловны, Августѣйшей дочери великаго князя Михаила Николаевича. Великая герцогиня Александра, родившаяся 12 декабря 1879 года, въ Шверинѣ, получила прекрасное образованіе и особенно интересуется изученіемъ исторіи и иностранныхъ языковъ. Лучшіе преподаватели въ Шверинѣ, а также и Копенгагенѣ, гдѣ юная герцогиня про-

вела вмѣстѣ съ августѣйшими родителями зимніе мѣсяцы, руководили образованіемъ герцогини и умѣлой ея постановкой сильно способствовали развитію ея богатыхъ природныхъ способностей. Въ Копенгагенѣ герцогиня познакомилась со своимъ женихомъ, принцемъ Христіаномъ, старшимъ сыномъ датскаго вельфаго принца. Принцъ Христіанъ родился 14-го сентября 1870 г. и получилъ серьезное научное образованіе. Восемнадцати лѣтъ сдать принцъ экзаменъ, открывшій ему доступъ въ университетъ. Принцъ Христіанъ — первый датскій принцъ, прошедшій университетскій курсъ въ тѣсномъ сообществѣ и на ряду съ прочими студентами; кромѣ того, принцъ состоялъ членомъ студенческаго союза и, въ качествѣ такового, позналъ всѣ радости веселаго, свободнаго студенческаго житья. Военную службу принцъ началъ въ чинѣ лейтенанта; недавно же онъ произведенъ въ капитаны. Принцъ Христіанъ, будущій король Дании, пользуется большою любовью и популярностью въ родной странѣ. Въстѣ объ обрученіи его съ герцогиней Александрой была очень радостно встрѣчена въ Дании. Однимъ изъ выраженій этой радости можетъ служить заявленіе „ютовъ“ о томъ, что они рѣшили поднести въ подарокъ „ютландскому принцу“ замокъ въ Ютландіи, который будетъ служить ему лѣтней резиденціей.

Высоковароченные женихъ и невѣста оба состоятъ въ родственной связи съ Россійскимъ Императорскимъ Домомъ: великая герцогиня — со стороны своей матери, великой княгини Анастасіи Михайловны, принцъ Христіанъ — со стороны отца, наследнаго принца Фридриха, роднаго брата Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

Высокопреосвященный Теофнонь, архіепископъ новгородскій и старорусскій (по поводу тридцатилѣтія служенія въ епископскомъ санѣ). Съ фот. Глазачева въ Новгородѣ автотипія „Нивы“.

Высокопреосвященный Теофнонь, архіепископъ новгородскій и старорусскій. (Портр. на этой стр.)

22 января текущаго года праздновалъ тридцатилѣтіе служенія въ епископскомъ санѣ одинъ изъ старѣйшихъ іерарховъ

русской Церкви, высокопресвященный Феоноста, архіепископ новгородскій и старорусскій.

Происходит изъ бѣдной семьи псаломщика Тверской губернии, высокопресвященный Феоноста, тогда еще Георгій Лебедевъ,—получилъ образование сначала въ тверской духовной семинаріи, а потомъ въ с.-петербургской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1853 году, со степенію магистра богословія. Постригнулся въ томъ же году въ монашество, преосвященный выступилъ прежде всего на педагогическомъ поприщѣ, сначала въ качествѣ смотрителя кирилловскаго духовнаго училища (Новгородской губ.), затѣмъ преподавателя с.-петербургской семинаріи, инспектора новгородской и, наконецъ, ректора орловской и подольской семинарій (съ 1853 по 1866 г.). Ласковый и обходительный со всѣми, преосвященный вездѣ пользовался любовью и уваженіемъ какъ учениковъ, такъ и сослуживцевъ. Съ 1867 года начинается служеніе высокопресвященнаго Феоноста на высшихъ ступеняхъ церковной іерархіи. Посвященный еще ранѣе (въ 1858 г.) въ санъ архимандрита, онъ былъ назначенъ тридцать лѣтъ тому назадъ епископомъ балтскимъ, викаріемъ подольской епархіи, откуда въ 1870 году переведенъ самостоятельнымъ епископомъ въ Астрахань. Въ 1874 году преосвященный опять былъ назначенъ въ Каменецъ-Подольскъ, а 9 декабря 1878 года переведенъ былъ въ г. Владимиръ, гдѣ пробылъ 14 лѣтъ, получивъ въ 1883 году санъ архіепископа владимірскаго и сурдальскаго.

Въ санѣ архипастыря владимірскаго, преосвященный Феоноста оставилъ по себѣ неизгладимую память своей высокополезной плодотворной дѣятельностью. Достаточно вкратцѣ перечислить лишь важнѣйшія заслуги архіепископа предъ вверенной ему владимірскаго пастырой. Обративъ вниманіе на неудобства и стѣсненное положеніе духовно-учебныхъ заведеній, архіепископъ привелъ въ порядокъ зданіе семинаріи, духовнаго училища и особенно женскаго епархіальнаго училища, на устройство котораго употребилъ значительную сумму изъ собственныхъ средствъ. Прекрасно устроенный свѣтлой заводъ во Владимирѣ также обязанъ своимъ появленіемъ заботѣ архипастыря о нуждахъ духовенства. Учрежденіемъ эмеритальной кассы высокопресвященный Феоноста облегчалъ и несравненно улучшилъ положеніе вдовъ и сиротъ духовенства (въ настоящее время касса располагаетъ суммою около 150,000 р.). Для распространенія въ населеніи духовно-правственнаго просвѣщенія, высокопресвященный Феоноста устроилъ Александро-Невское братство, на средства котораго содержится въ настоящее время 250 церковныхъ школъ, школа иконописанія и школа пѣнія. Весьма важную не для одного только г. Владимира, но и для всякаго русскаго человѣка заслугу преосвященнаго составляетъ реставрація имъ владимірскаго Успенскаго собора. Этотъ древній соборъ, сооруженный еще Андреемъ Боголюбскимъ, въ 1158 году,—усыпальница великихъ князей владимірскихъ и всея Руси, постепенно приходилъ въ упадокъ и терилъ свой цѣнный характеръ съдой старины. Преосвященный Феоноста около четырехъ лѣтъ трудился надъ возобновленіемъ фресокъ и восстановленіемъ въ соборѣ драгоцѣнныхъ образовъ древняго письма и блестяще достигъ желанныхъ результатовъ.

Въ 1892 году, 21 ноября, архіепископъ Феоноста назначенъ былъ на вновь учрежденную архіепископію въ Новгородѣ, гдѣ состоитъ и понынѣ. За четыре года преосвященный успѣлъ уже много сдѣлать и здѣсь. Укажемъ на устройство зданія для преподавателей семинаріи, на которое онъ употребилъ 3,000 руб. изъ собственныхъ денегъ, и на предпринятую имъ реставрацію новгородскаго Софійскаго собора.

Несмотря на свои лѣта (высокопресвященному 67 лѣтъ отъ роду) и неособенно крѣпкое здоровье, архіепископъ Феоноста отличается необычайной подвижностью и дѣятельностью. Еже-

годно, лѣтомъ, онъ цѣлый мѣсяцъ проводитъ въ разъѣздахъ по проселочнымъ дорогамъ, для ревизіи церквей, а зимой присутствуетъ въ Св. Синодѣ, гдѣ состоитъ, съ 1894 года, перемѣннымъ членомъ.

С. И. Мосинъ. (Портр. на стр. 404.)

Перевооруженіе нашей арміи новыми ружьями сдѣлается теперь законченнымъ. Наша армія вооружена теперь магазинными ружьями, дающими въ рукахъ опытнаго солдата 40 выстрѣловъ въ минуту. Наше магазинное ружье, занимающее одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду современныхъ европейскихъ ружей, изобрѣтено русскимъ, сдѣлано на русскихъ заводахъ, подъ руководствомъ русскихъ техниковъ, русскими рабочими.

Новое наше магазинное ружье явилось на свѣту ружья американца Бердана, которое доставлено было на образецъ готовымъ изъ Америки и работу котораго устанавливали на нашихъ заводахъ англійскіе рабочіе англійскими мѣрительными инструментами; притомъ новое ружье болѣе сложной системы и труднѣе въ разработкѣ, нежели ружье Бердана.

Изобрѣтатель новаго магазиннаго ружья — полковникъ Сергій Ивановичъ Мосинъ, исправляющій должность начальника Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, и ружье его системы носитъ названіе ружья образца 1891 года.

Лицо, близко поставленное къ дѣлу перевооруженія, къ популярно написанной статьѣ котораго (*Воен. Сборн.*, декабрь 1896 г.) мы отсылаемъ нашихъ читателей, говоритъ въ этой статьѣ, что въ теченіе 1890 года, когда въ руководящихъ военныхъ сферахъ еще не составилось твердаго убѣжденія въ томъ, какимъ должно быть новое ружье — однозаряднымъ или многозаряднымъ, — въ комиссію по выработкѣ новаго ружья были представлены три образца ружья: однозарядное Мосина и многозарядныя — его же и бельгійца Нагана. Надъ всѣми тремя образцами производились испытанія въ теченіе 1890 г. и части 1891 г., и въ апрѣлѣ того года состоялось Высочайшее соизволеніе на припѣтіе многозаряднаго ружья Мосина. Но такъ какъ въ новомъ ружьѣ калибръ ствола, число нарезовъ въ немъ и теленъ ихъ крутизна, не принадлежали изобрѣтателю, а система этого ружья въ изъкоторыхъ несущественныхъ частяхъ подверглась измѣненію, то новое ружье и стало называться подъ именемъ „образца 1891 года“. Тѣмъ не менѣе, полная оригинальность въ ружьѣ — замка, магазина, ствольной коробки, отсѣчки-отражателя была удостовѣрена, данной съ Высочайшаго разрѣшенія изобрѣтателю ихъ С. И. Мосину, привилегіей на означенныя вещи, составляющія главную суть всей системы новаго ружья, а Михайловская артиллерійская академія присудила С. И. Мосину 25 ноября 1891 года большую Михайловскую премію, которая выдается въ пять лѣтъ разъ за лучшее изобрѣтеніе или сочиненіе по артиллеріи за этотъ періодъ времени.

С. И. Мосинъ родился 23 апрѣля 1849 года и происходитъ изъ дворянъ Воронежской губернии. Воспитывался онъ въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, а специальное образованіе получилъ въ Михайловскихъ артиллерійскомъ училищѣ и академіи, въ которыхъ окончилъ курсъ по первому разряду. Въ офицерскихъ чинахъ С. И. состоитъ съ 21 июля 1870 г., а съ 19 июля 1875 г. посвящаетъ себя технику и занимаетъ должность начальника мастерской въ Императорскомъ Тульскомъ оружейномъ заводѣ. Съ 1889 г. онъ уже занимаетъ самостоятельный и отвѣтственный постъ предсѣдателя приемной комиссіи при Тульскомъ же заводѣ; въ 1890 г. получаетъ чинъ полковника, а 21 апрѣля 1894 г. ему поручено руководить оружейнымъ заводомъ въ Сестрорѣцкѣ. 17 декабря 1894 г., съ полученіемъ назначенія совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета, С. И. Мосинъ попадаетъ въ составъ того учрежденія, которое руководитъ дѣлами отечественнаго оружейнаго дѣла.

Библиографія.

Б. Головинъ. Русскій романъ и русское общество. СПб. 1897. Цѣна 3 р.

При почти полномъ недостаткѣ у насъ систематическихъ трудовъ по повѣстной русской литературѣ, книга г. Головина будетъ, конечно, встрѣчена съ живымъ интересомъ. Правда, авторъ поставилъ себѣ сравнительно узкую задачу: онъ исключилъ поэзію въ собственномъ смыслѣ и всю драматическую литературу, но и ограниченная такимъ образомъ задача выполняется до извѣстной степени всѣми чувствуемымъ пробѣлѣ. Чтобы дать читателю ясное представленіе о томъ, что онъ найдетъ въ книгѣ г. Головина, мы должны еще отмѣтить, что онъ касается русскаго романа только съ момента, произвольно имъ избраннаго. Не говоря уже о старыхъ нашихъ повѣстяхъ, въ родѣ повѣсти „Шемкинъ судъ“, „Повѣсти о Савѣ Грудцкѣ“, „Исторіи о Фролѣ Скабѣевѣ“ и т. д., читатель не найдетъ у г. Головина даже разбора такихъ произведеній, какъ „Бѣдныя Лиза“, знаменитыхъ романовъ и повѣстей Пушкина, Гоголя и др. Собственно онъ безъ всякихъ оговорокъ начинается съ Тургенева и продолжаетъ свой обзоръ русскихъ романовъ по настоящій день. Понятно, что при такихъ условіяхъ авторъ самъ себя лишаетъ возможности осуществить

свою, правда, трудную, но и очень благодарную задачу. Можно было бы подумать, что онъ поставилъ себѣ цѣлью научить только новый русскій романъ, безъ всякой связи съ старымъ романомъ и остальной литературою. Но и это оправдывается лишь отчасти. Такъ, повѣстныя русскія беллетристика посвящены лишь очень поверхностные очерки. Почти такъ же не полны и очерки, посвященные такимъ свѣтлымъ или выдающимся представителямъ русскаго романа, какъ Григоровичъ, Мельниковъ, Авдѣевъ, Лѣсковъ, Боборыкинъ и другіе. Главное содержаніе книги отведено Тургеневу, Достоевскому, графу Л. Толстому, отчасти Салтыкову, при чемъ не мало мѣста занимаютъ еще Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, которые либо вовсе не являются беллетристами, либо беллетристическое значеніе которыхъ совершенно ничтожно. Можно такимъ образомъ подумать, что авторъ подробно останавливается и на критикѣ русскаго романа, но на самомъ дѣлѣ онъ касается только трехъ упомянутыхъ критиковъ. Характеристики нерчисленныхъ главныхъ представителей нашего романа однако очень полны. Имъ отведено больше трехъ четвертей книги, и читатель найдетъ въ этихъ характеристикахъ очень много если не оригинальнаго, то продуманнаго, и при-

томъ продуманнаго съ знаніемъ дѣла и съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое такъ рѣдко встрѣчается у нашихъ критиковъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Головина не только очень интересна, но и поучительна: читатель чувствуетъ, какъ много выиграла бы отъѣвка нашихъ писателей, если бы критика отрѣшилась отъ пристрастной и по большей части шаблонной мѣрки, которою она мѣряетъ крупныя литературныя явленія. Что же касается до общихъ выводовъ, къ которымъ при-

ходитъ авторъ, и до основныхъ его идей, съ точки зрѣнія которыхъ онъ оцѣниваетъ нашихъ романистовъ, то мы не можемъ ихъ коснуться въ краткой библиографической замѣткѣ, и это удобнѣе будетъ сдѣлать въ одномъ изъ ближайшихъ критическихъ очерковъ, посвящаемыхъ *Нивой* этого рода вопросамъ. Пока же мы отмѣтили только основное содержание обширнаго произведенія г. Головина, т.-е. указали читателю, что онъ въ немъ найдетъ.

Политическое обозрѣніе.

Военныя дѣйствія между турками и греками въ полномъ разгарѣ, но добитыя точныя свѣдѣнія о ходѣ борьбы не легко, такъ какъ каждая изъ воюющихъ сторонъ передаетъ событія въ спеціальной окраскѣ. При всей, однако, сбивчивости военныхъ извѣстій, въ европейскихъ руководящихъ сферахъ утвердилось мнѣніе, что турки наступаютъ успѣшно. Въ политическихъ кружкахъ Европы, за немногими исключеніями, влившейся потока человѣческой крови считается Греція.

По извѣстіямъ отъ 10 апрѣля, центръ греческой позиціи у Малуискаго горнаго прохода сломенъ; сопротивление грековъ слабѣе, чѣмъ въ первые дни военныхъ дѣйствій. Въ то же самое время подтвердились слухи, что отряды греческихъ инсургентовъ въ Македоніи потерпѣли полную неудачу, встрѣтивъ непріязненное отношеніе со стороны сельскаго населенія, а небольшой греческій десантъ у Кавалы потерпѣлъ поражение. Какъ сообщаютъ въ *Morning Post* изъ Малуны, общій походъ турокъ начался утромъ 8 апрѣля, а въ полдень, послѣ упорнаго артиллерійскаго боя, турки взяли Тырнаво.

Греческія войска въ Эпирѣ, выступивъ изъ Арты, при поддержкѣ флота, одержали побѣду на рѣкѣ Луросѣ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, произошли нѣкоторые перемѣны въ турецкой дѣйствующей арміи. Руководство турецкими военными дѣйствіями было сосредоточено до сихъ поръ во дворцѣ султана—Илдызъ-Кіоскѣ, гдѣ всегда бывали разногласія по поводу каждаго шага наступающей арміи. Главнокомандующій Эдхемъ-паша и командиръ эпирскаго корпуса тщетно старались ограничить распоряженія, исходящія изъ султанскаго дворца. Какъ сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 11 апрѣля, главнокомандующимъ дѣйствующей арміей назначенъ извѣстный плевненскій герой газы Османъ-паша, уже выхавшій на театръ военныхъ дѣйствій. Эдхемъ-паша остается командующимъ восточной арміей, и назначенъ новымъ командующимъ яннической арміей. Появленіе Османъ-паши на театрѣ военныхъ дѣйствій имѣетъ цѣлью прекратить распоряженія военнаго совѣта въ Илдызъ-Кіоскѣ, шедшія очень часто въ разрѣзъ съ планами Эдхема-паши. По свѣдѣніямъ газеты *Times* изъ Малуны, доходящимъ до четверга—10 апрѣля, турки продолжаютъ походъ на Лариссу, греки же уклоняются отъ боя. Несмотря на нѣкоторый успѣхъ греческаго оружія въ Эпирѣ, положеніе признается въ Аѳонѣхъ въ высшей степени критическимъ, такъ какъ къ турецкой арміи съ каждымъ днемъ подходитъ значительныя свѣжія подкрѣпленія, Греція же выставила все, что только можно было, выключивъ въ дѣйствующую армію даже жандармерию и полицію, обязанности которой добровольно приняла на себя граждане.

По увѣренію *Neue Freie Presse*, отъ 8 апрѣля, можно считать безспорнымъ, что державы будутъ оставаться въ сторонѣ отъ греко-турецкой борьбы до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ воюющихъ не попроситъ европейскаго вмѣшательства. Съ объявленіемъ войны, по международному праву, неучаствующій въ борьбѣ обязанъ соблюдать строгій нейтралитетъ. На этомъ основаніи, предполагавшаяся державами, до начала войны, блокада греческаго побережья, теперь становится всецѣло архивнымъ достоинствомъ дипломатическихъ канцелярій. Въ строгой послѣдовательности съ требованіями нейтралитета, можно было бы ожидать, что также неумѣстнымъ является теперь европейское вмѣшательство и на Критѣ—составной части оттоманской территоріи, которая можетъ подвергнуться нападѣ-

ніямъ Греціи. И дѣйствительно, критскіе инсургенты стали готовить повсемѣстное нападеніе, что заставило занять важнѣйшія стратегическія пункты, въ которыхъ до сихъ поръ базировались турецкія гарнизоны,—усиленными международными отрядами. Вассосъ же прислалъ своихъ офицеровъ къ адмираламъ съ извѣщеніемъ, что, въ виду объявленія войны, онъ намерѣнъ напастъ на турецкія позиціи, а потому предлагаетъ европейскимъ войскамъ удалиться.

По сообщенію *Neues Wiener Tageblatt*, почерпнутому-де изъ влиятѣльныхъ комитетныхъ источниковъ, продолженіе международной оккупации Крита считается несомнѣннымъ. То же самое передаетъ изъ Вѣны, отъ 9 апрѣля, „Агентство Рейтера“, что война не повліяетъ на положеніе Крита, гдѣ державами гарантирована мусульманамъ безопасность и прилагаются усилія въ водвореніи порядка и введеніи на островѣ автономнаго управленія. По сообщенію западно-европейской печати, появилась новая циркулярная нота русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, рассматривающая вопросъ о вліяніи греко-турецкой войны на дальнѣйшій ходъ критскихъ дѣлъ. Устанавливая воззрѣніе, что Критъ и впродолженіе долженъ остаться подъ охраной европейскаго конферта, нота эта, по свѣдѣніямъ отъ 11 апрѣля, произвела на Западѣ благопріятное впечатлѣніе и одобрена всеми державами.

Греко-турецкая война не въ состояніи была отодвинуть на второстепенный планъ важнѣйшія миролюбивыя событія политической жизни Европы: свиданіе императоровъ германскаго и австрійскаго въ Вѣнѣ наканунѣ выѣзда императора Франца-Иосифа въ Петербургъ, и поѣздку германскаго канцлера князя Гогенлоэ въ Парижъ. На поѣздку австрійскаго императора въ Россію политическіе кружки смотрятъ не только какъ на доказательство вполнѣ дружественныхъ отношеній между двумя сосѣдними имперіями, но также какъ на фактъ устраненія всякаго разногласія между Россіей и Австро-Венгріей въ политическомъ воззрѣніи на дѣла Балканскаго полуострова.

Указывая на сердечныя привѣтствія австро-венгерской печати „могущественному, рѣшительному стороннику европейскаго мира“, императору Вильгельму, *Norddeutsche Allg. Zeitung* говоритъ, что „вышшія встрѣча двухъ союзниковъ служить новымъ доказательствомъ отличныхъ отношеній между двумя имперіями на радость не только ихъ подданныхъ, но и всѣхъ искреннихъ друзей европейскаго мира“. Приѣздъ князя Гогенлоэ въ Парижъ не лишень также, поиндигному, политическаго характера: продолжительный визитъ германскаго канцлера французскому министру иностранныхъ дѣлъ, Ганоту, истолковывается большинствомъ парижской и германской печати, какъ стремленіе Германіи установить съ Франціей общую точку зрѣнія на событія въ южной Африкѣ, гдѣ въ послѣднее время Англія заваята усиленными приготовлениями, какъ будто тамъ предстоятъ серьезныя военныя операціи.

Въ Римѣ итальянскій король, отправляясь 10 апрѣля на скачки, подвергся нападению какого-то фашиатика, направившаго свой книжалъ на короля, который счастливо избѣгъ опасностей, успѣвъ подняться на ноги въ коляскѣ. Благополучный исходъ этого покушенія на жизнь короля вызвалъ искренній овационный толпы, горячія поздравленія дипломатическаго корпуса и сердечный привѣтъ со стороны иностранныхъ государей и правительствъ.

Разныя извѣстія.

— 15 апрѣля, въ 10 часовъ утра, прибылъ въ С.-Петербургъ его императорское и королевско-апостольское величество императоръ австрійскій король венгерскій Францъ-Иосифъ.

По всему пути отъ николаевскаго вокзала до Зимняго дворца были расположены матчи съ гербами и хоругвами, украшенными государственными гербами и инициалами Русскаго Царя и австрійскаго императора. Тысячи русскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ флаговъ покрывали дома, убранные, сверхъ того, коврами и разнообразными матеріями.

По обѣимъ сторонамъ пути Высочайшаго слѣдованія расположились шпалерами войска. На флагахъ частей стояли хоры музыки и трубачей. Войска были въ парадной формѣ, въ мундирахъ. Всѣмъ войскамъ командовалъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками великій князь Владиміръ Александровичъ.

Съ девяти часовъ утра начался съѣздъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ на Николаевскій вокзалъ. На вокзалѣ собралась: городской голова, с.-петербургскій губернаторъ, министръ путей со-

общенія, лица свята Его Величества и чины австрійскаго посольства. Вслѣдъ затѣмъ прибыли: военный министръ и Ихъ Императорскія Высочества великіе князья: Владиміръ Александровичъ, Кириллъ Владиміровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Александръ Михаиловичъ, Георгій Михаиловичъ и Сергій Михаиловичъ и Ихъ Высочества принцы Александръ Петровичъ, Константинъ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе и герцоги Михаильтъ Георгіевичъ и Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе. Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ и Павелъ Александровичъ были въ австрійской формѣ тѣхъ полковъ, шефами которыхъ состоятъ Ихъ Высочества. Въ исходъ десятого часа повозка въ прибыть Его Императорское Высочество Государь Императоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Ровно въ 10 часовъ утра Императорскій поѣздъ

остановился у платформы. Императоръ австрійскій, бывший въ формѣ лейбъ-гвардіи кексгольмскаго имени своего полка и въ Австрійской лентѣ, вышелъ изъ вагона и, подойдя къ Государю Императору, шедшему навстрѣчу, облобызавъ съ Его Величествомъ, а затѣмъ направился къ великимъ князьямъ. Вслѣдъ за императоромъ шелъ эрцгерцогъ Оттонъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, императоръ Францъ-Иосифъ выѣхалъ съ Государемъ Императоромъ обошелъ почетный караулъ, поздоровался съ нимъ и принялъ ординарцевъ и посылаемыхъ. Вслѣдъ затѣмъ императоръ австрійскій представилъ Его Величеству Государю Императору лицъ своей свиты, во главѣ которой находился министръ иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора.

По окончаніи представленія, Ихъ Величества вошли въ Императорскія комнаты. Спустя немного времени, Государь Императоръ съ австрійскимъ императоромъ вышли изъ вокзала и заняли мѣста въ открытой коляскѣ. Въ другую коляску сѣли эрцгерцогъ Оттонъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. При выѣздѣ Ихъ Величества изъ воротъ вокзала

многотысячная толпа народа приветствовала Императора восторженными кликами „ура“. Войска держали на караул, музыка играла австрийский гимн.

Съ николаевскаго вокаала император Франц-Иосифъ и Государь Императоръ прослѣдовали въ Собственный Его Величества (Аничковскій) Дворецъ къ Государыни Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, возвратившейся изъ Дании 10 апрѣля. Въ исходѣ одиннадцатаго часа Ихъ Величества отбыли въ Зимній Дворецъ, при восторженныхъ привѣтствіяхъ народа и звукахъ австрийскаго гимна. Въ моментъ вступленія во Дворецъ императора австрийскаго раздался со стѣнъ Петропавловской крѣпости салютъ въ 31 выстрѣлъ.

При входѣ въ Зимній Дворецъ императора австрийскаго встрѣтила министр Императорскаго Двора, оберъ-гофмаршалъ, въ должности гофмаршала и начальникъ с.-петербургскаго дворцоваго управления. Къ этому времени въ Малахитовой гостиной собрались великія княгини и свитныя дамы. Императоръ австрийскій посѣтилъ Ея Величество Государыню Императрицу Александру Теодоровну, а затѣмъ Государь Императоръ и великіе князья проводили августѣйшаго гостя до предназначенныхъ для его величества покоевъ. Въ залѣ первой запасной половины императору были представлены министры, главноуправляющіе и высшіе придворные чины. Затѣмъ императоръ австрийскій принялъ депутацію отъ кексгольмскаго полка. Въ часъ дня, въ Собственныхъ покояхъ у Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялся семейный завтракъ, на которомъ присутствовали императоръ австрийскій и эрцгерцогъ Оттонъ.

Въ третьемъ часу, императоръ австрийскій и эрцгерцогъ Оттонъ, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта графа Пааръ, флигель-адъютанта графа ди-Поа, оберъ-гофмейстера свѣтлѣйшаго князя Монтенуово и лицъ, состоящихъ при его величествѣ и его высочества, посѣтили Петропавловскій соборъ, гдѣ императоръ возложилъ вѣнцы изъ живыхъ цвѣтовъ на могилы въ Бозѣ почивающихъ императоровъ Николая I, Александра II и Александра III. Въ четвертомъ часу, императоръ австрийскій позволилъ посѣтить великихъ князей и великихъ княгинь. Въ 7 час. веч., въ Николаевскомъ залѣ Зимняго Дворца, состоялся, въ Высочайшемъ присутствіи, парадный обѣдъ. Всѣхъ приглашенныхъ было болѣе двухсотъ человекъ. Государь Императоръ былъ въ австрийскомъ мундирѣ, а императоръ австрийскій — въ русскомъ. Когда подали шампанское, Государь Императоръ, поднявъ бокалъ, обратился, по сообщенію *Ира. Вѣстника*, къ императору австрийскому со словами: „Я счастливъ присутствіемъ вашего величества между Нами и не могу не выразить Своей признательности за это новое доказательство искренней дружбы, соединяющей Насъ. Эта дружба закрѣплена общими взглядами и принципами, направленными на обезпеченіе благъ мира для Нашихъ народовъ. Вашему величеству извѣстны сердечныя чувства, которыя я питаю къ вамъ, и особенное значеніе, которое Я придаю полной солидарности между Нами для достиженія высокой предлѣваемой Нами цѣли. Я нѣю за здоровье вашего величества, ея величества императрицы и всей императорской семьи“. Оркестромъ была исполнена австрийскій гимнъ. Въ отвѣтъ на слова Государя Императора, державный гость обратился къ Его Величеству съ слѣдующими словами: „Глубоко тронутый радужными и сердечными пріемами, оказанными мнѣ Вашимъ Величествомъ и неоднократно мнѣ Вашими Величествомъ, которыми я пользуюсь съ того момента, когда я переступилъ черезъ предѣлы Вашего государства, я съ особеннымъ удовольствіемъ выражаю Вашему Величеству мою горячую и искреннюю благодарность. Мнѣ пріятно видѣть въ этомъ новое доказательство тѣсной дружбы, которая Насъ соединяетъ и которая, будучи основана на взаимномъ довѣрїи и прямотѣ, составляетъ для Нашихъ народовъ прочную гарантію мира и благоденствія. Виоля преданный осуществленію этого дѣла, я всегда буду счастливъ разсчитывать для этой цѣли на драгоценное содѣйствіе Вашего Величества и, убѣжденный въ успѣхъ, обезпеченномъ Нашими общими усиліями, нѣю за здоровье Вашего Величества, Ея Величества Государыни Императрицы и всей Императорской Семьи“.

Во время обѣда оркестромъ, хоромъ и солистами Императорской русской оперы было исполнено нѣсколько пьесъ.

16-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, по случаю приѣзда его императорскаго и королевско-апостольскаго

скаго величества императора австрийскаго, состоялся на Марсовомъ полѣ Высочайшій смотръ войскамъ. На смотръ участвовало 53% батальона, 37 эскадроновъ, 15 сотенъ, 102 пѣхоты и 38 конныхъ орудій.

По окончаніи парада, Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества прослѣдовали во Дворецъ принца Ольденбургскаго, гдѣ вслѣдъ затѣмъ состоялся завтракъ.

Въ 4 часа дня императору австрийскому представлялись чины иностраннаго дипломатическаго корпуса.

Въ 7 часовъ вечера, въ Зимнемъ дворцѣ, въ Малахитовой гостиной, состоялся семейный обѣдъ, на которомъ присутствовали императоръ австрийскій и эрцгерцогъ Оттонъ. Вечеромъ состоялся въ Маринскомъ театрѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, парадный спектакль. Въ восьмомъ часу вечера въ партерѣ и въ ложахъ собрались придворныя и имѣющія прїѣздъ ко Двору дамы, высшіе придворные, военные и гражданскіе чины. Ровно въ восемь часовъ вечера въ среднюю Царскую ложу вошли императоръ австрийскій съ великою княгиней Елисаветою Теодоровною, Государь Императоръ съ великою

княгиней, Александръ Михайловичъ и Сергій Михайловичъ, принцы Константинъ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе и герцоги Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе. Въ театрѣ были даны два акта балета „Святая красавица“. Фойе театра было роскошно убрано цвѣтами и растеніями. Въ фойе и въ коридорахъ были устроены для гостей открытыя буфеты съ шампанскимъ, фруктами, конфетами, чаемъ и прохладительными напитками. Спектакль окончился около десяти часовъ вечера; послѣ чаю былъ исполненъ вторично австрийскій гимнъ, покрытый долго несмолкавшимъ „ура“.

17 апрѣля, въ 10 часовъ утра, императоръ австрийскій прїѣхалъ въ сопровожденіи графа Пааръ, генералъ-адъютанта Черткова и флигель-адъютанта князя Кочубея, въ помещеніе австрийскаго посольства, гдѣ былъ встрѣченъ всѣми чинами посольства, во главѣ съ посломъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Лихтенштейномъ. Въ Вѣдомъ залѣ императору были представлены депутація отъ австрийскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Россіи. Всѣхъ депутацій было три: отъ С.-Петербурга, Москвы и Одессы. Петербургская и московская депутація поднесли его величеству, въ роскошныхъ футлярахъ, адреса. По окончаніи приема, императоръ отбылъ въ Зимній дворецъ. Въ часъ дня въ австрийскомъ посольствѣ состоялся, въ присутствіи императора австрийскаго и эрцгерцога Оттона, завтракъ. Въ 7 часовъ вечера, въ Аничковскомъ дворцѣ, состоялся семейный обѣдъ, на которомъ присутствовали императоръ австрийскій и эрцгерцогъ Оттонъ. Въ 10 часовъ вечера, императоръ австрийскій и эрцгерцогъ Оттонъ отбыли изъ С.-Петербурга за границу. На вокзалѣ николаевской желѣзной дороги собрались проводить австрийскаго императора: министр Императорскаго Двора, министры иностранныхъ дѣлъ, военный министр, оберъ-церемониймейстеръ князь Долгорукій, министр путей сообщенія, генералъ-адъютанты, начальники воинскихъ частей, с.-петербургскій комендантъ и много другихъ военныхъ лицъ. Въ Императорскіе покои прїѣхали къ тому же времени Государь Императоръ, великіе князья Владиміръ, Алексѣй, Павелъ Александровичи и Николай Николаевичъ въ австрийскихъ мундирахъ. Австрийскій императоръ былъ въ мундирѣ кексгольмскаго полка, эрцгерцогъ Оттонъ — въ мундирѣ 24-го драгунскаго лубенскаго полка, шефомъ котораго онъ только что назначенъ. Послѣ сердечнаго прощанія Монарховъ въ Императорскихъ комнатахъ, императоръ австрийскій вышелъ съ Государемъ Императоромъ и Его свитой на перронъ, гдѣ были выставлены депутація лубенскаго драгунскаго и кексгольмскаго полковъ, съ ихъ командирами. Австрийскій императоръ обратился къ командіру кексгольмскаго полка со словами: „Очень радъ благодарить васъ еще разъ. Батальонъ былъ великолѣпенъ. Прощайте!“ Затѣмъ императоръ пошелъ въ вагонъ.

— 16 апрѣля отправился по варшавской желѣзной дорогѣ, въ Грецію, на театръ военныхъ дѣйствій, первый санитарный отрядъ „Краснаго Креста“, въ составѣ двухъ врачей, двадцати сестеръ милосердія и одного фельдшера-санитара, съ хирургомъ Тиле во главѣ. Съ отрядомъ слѣдуетъ транспортъ хирургическихъ инструментовъ, перевязочныхъ средствъ, медикаментовъ, бѣлья и прочіихъ принадлежностей для лазарета на 50 кроватей. По сообщенію газеты *Русь*, формируется другой такой же отрядъ, для отправки въ Турцію, на поле военныхъ дѣйствій.

— Киевъ вскорѣ обогатится крупнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ — политическимъ институтомъ, учреждаемымъ на частныя средства. Потребность въ такомъ учебномъ заведеніи чувствовалась уже давно на югѣ Россіи, и благодаря благому почину кievской городской думы, кievскаго биржевого комитета, ряда промышленныхъ и коммерческихъ учрежденій и частныхъ лицъ: Н. А. Терещенко, Л. И. Бродскаго, І. М. Зайцева, Н. С. Шенювскаго и н.л. І. Ф. Ярошинскаго, К. Я. Сулятицкаго, гр. И. П. Шувалова, гр. Г. А. и К. К. Потоцкихъ и др., собрано въ короткое время на учрежденіе политическаго училища около 800,000 рублей. Въ настоящее время уже открытъ комитетъ для устройства политическаго училища.

— Государь Императоръ, по засвидѣтельствуванію министра финансовъ о полезной дѣятельности и особые трудыхъ управляющаго контролю изданій А. Ф. Маркса, личнаго почетнаго гражданина Владі Грюнберга, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему званіе потомственнаго почетнаго гражданина.

С. И. Мосинъ, изобрѣтатель новаго русскаго магазиннаго ружья. Съ фотогр. автотипія „Нива“.

княгиней Елисаветою Маврикіевною, эрцгерцогъ Оттонъ съ великою княгиней Ксеніей Александровною, великій князь Владиміръ Александровичъ съ принцессою Еленою Георгіевною Саксенъ-Альтенбургскою, великіе князья: Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Его Императорское Величество былъ въ австрийскомъ мундирѣ, а императоръ австрийскій и эрцгерцогъ Оттонъ въ русскихъ мундирахъ. Лишь только императоры вошли въ ложу, оркестръ заигралъ австрийскій гимнъ, послѣ котораго въ театрѣ загремѣло долго несмолкавшее „ура“. Въ Царской средней ложѣ два Императора заняли мѣсто посрединѣ перваго ряда; рядомъ съ императоромъ австрийскимъ сѣла великая княгиня Елисавета Теодоровна, а съ Государемъ Императоромъ — великая княгиня Елисавета Маврикіевна. Кромѣ Высочайшихъ Особъ въ большой ложѣ занимали мѣста: министры Императорскаго Двора и иностранныхъ дѣлъ, австрийскій посоль, графъ Голуховскій, графъ Пааръ, князь Монтенуово, генералъ Бекъ и генералъ-адъютантъ Чертковъ. Въ боковой Царской ложѣ занимали мѣста: великіе князья Кириллъ Владиміровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Георгій Ми-

хонгаузенъ. (Съ портр. и 2 рис.) — Къ ружьямъ: Въ углу. — Послѣдніе защитники Малаховской башни. (Оборона Севастополя). — Жертва на минахъ. — Въ субботу вечеромъ. — Елена Коттанеръ покидаетъ венгерскую королевскую корону. — „Не надо вѣщи тѣлу“. — Принцъ Христианъ датскій и невеста его, герцогиня Александра менленбургъ-шверинская (съ 2 портр.). — Высокопроеванный Святолицъ, архіепископъ новгородскій и старорусскій (съ портр.). — С. И. Мосинъ (съ портр.). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Котора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній почтовый адресъ и прилгать 23 коп. почтовыхъ изрѣнками на типографіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благодолить представлять подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немчиновича-Данченко (Продолженіе). — Воровка. Рассказъ А. де-Нора. (Съ иллюстраціей). — Въ лугахъ. Изъ путевыхъ записокъ В. А. Романова. — Баронъ Іеронимъ фонъ-

Податель А. Ф. Марксъ. За редактора А. Ф. Марксъ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАВИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА **ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ** Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграничціи. Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

НОВОСТИ на 1897 г. ТРЕБУЙТЕ **НОВЫЕ КАТАЛОГИ** АНГЛІЙСКИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ ТОРГ. ДОМЪ **АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ** МССРВА, Мясницкая, д. Сытова

Только что отпечатано и поступило въ продажу **НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ** **ДОМЪ И ХОЗЯЙСТВО.** Руководство къ рациональному веденію домашняго хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ. Сочиненіе Маріи Ределинъ. **Со 161 иллюстраціей.** Въ 2 томахъ, всего болѣе 900 страницъ, въ 8-ю долю листа. Цѣна за оба тома брощ. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к., а въ двухъ хорош. коленк. переплетѣхъ 4 р. 80 к., съ пересылкою 5 р. 50 к. Цѣна наждога тома отдѣльно 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.; въ переплетѣ 3 р. 40 к., съ перес. 2 р. 80 коп. Съ требов. обращаться къ интору изданій А. Ф. МАРКСА, СПб., М. Морская, № 22.

Съ выходомъ разосланнаго теперь подписчикамъ 4-го выпуска законченъ первый томъ

„ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ“

въ популярномъ изложеніи П. П. ГНѢДИЧА.

Большой, объемистый томъ in quarto, заключающій въ себѣ 80 печатн. листовъ, 642 страницы, и множество иллюстрацій: 580 рисунковъ въ текстѣ и 15 раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографій, печатанныхъ около 20 красками, золотомъ и серебромъ) въ приложеніи.

Содержаніе I-го тома: Введеніе. — Египетъ. — Передняя Азія. — Эллада. — Римъ. — Древне-христіанская эпоха. — Арабы. — Зодчество на Западѣ. — Оглавленіи и алфавитные указатели именъ, предметовъ и рисунковъ.

„Исторія Искусствъ“ выходитъ въ 12-ти ежемѣсячныхъ выпускахъ, которые составятъ 3 тома in quarto, заключающихъ въ себѣ болѣе 2000 рисунковъ и 33 раскрашенныхъ таблицъ.

Подписка принимается также на все изданіе въ трехъ томахъ, въ прочныхъ и изящныхъ полушагреновыхъ переплетахъ, съ золот. тисненіями, по цѣнѣ безъ пересылки и упаковки — 16 р., причѣмъ изданіе высылается или сразу, по выходѣ послѣдняго тома, въ декабрѣ с. г., или отдѣльными томами, по мѣрѣ выхода таковыхъ, а именно: теперь — I-ый томъ, II-ой томъ — въ августѣ и III-й томъ — въ декабрѣ с. г. За упаковку всего изданія въ переплетъ взимается 1 руб., а наждаго тома отдѣльно — по 75 коп.

Лицамъ, получившимъ уже нѣсколько выпусковъ, могутъ быть высланы отдѣльно три полушагреновые крышки для переплета по цѣнѣ съ пересылкою 4 руб. Высылка же имъ дальнѣйшихъ выпусковъ въ переплетахъ, а равно возвращеніе имъ уже полученныхъ выпусковъ, для замѣны ихъ переплетенными томами, не допускается.

Разсрочка платежа на переплетенные экземпляры допускается: при подпискѣ — не менѣе 8 р., въ июлѣ — 4 руб. и въ октябрѣ — 4 р. Отдѣльные томы не продаются.

По указанію подписчика, все изданіе или отдѣльные томы въ переплетахъ высылаются по жел. дорогѣ или чрезъ транспортную контору — съ уплатою заказчикомъ на мѣстѣ стоимости пересылки, или почтою, причѣмъ слѣдуетъ приложить на пересылку почтою отдѣльно наждаго тома въ переплетѣ — за 12 фунтовъ, а всѣхъ трехъ томовъ вмѣстѣ — за 32 фунта по почтовой таксѣ (стоимость пересылки 1 фунта отъ СПб. до мѣста назначенія можно узнать въ каждой почтовой конторѣ).

Пробные экземпляры перваго выпуска (Египетъ, Передняя Азія и Эллада) продаются по 1 р. Иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно.

Для любителей особо роскошныхъ изданій ОТПЕЧАТАНО ТОЛЬКО 50 НУМЕРОВЪ. ЭКЗЕМПЛЯР.

на слоеной бумагѣ. Цѣна этого роскошнаго изданія — 50 р., съ перес. 55 р.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

Резиновые накладки отъ дождя стѣны съ бамбуками длинны 30 вер. по 5 р., черныя по 4 р. — за кажд. вер. длиннѣе или короче по 20 и., изъ латокъ выстѣпана по 2 р. 80 и., за каждый вер. длиннѣе или короче по 10 коп. предлагаетъ складъ **РИХАРДА КВЕРНЕРА** С.-Петербургъ, Офицерская ул., д. № 10. Образцы бесплатно. Торговцамъ скидки.

СЛАВЯНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

Харьковской губерніи

НАГРАЖДЕНЫ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮЮ

на С.-Петербургской Гигіенической выставкѣ 1893 года. Сезонъ съ 15 мая по 25 августа.

Сообщеніе по К. Х. С. желѣзн. дорогѣ и мѣстной вѣткѣ. Директоръ водъ-профессоръ В. М. Академія С. Д. Ностриковъ. Консультанты — профессора Харьковскаго Университета: Гиршманъ, Грубе, Лемковскій, Оболенскій, Помошаревъ и Толочиновъ. Подробныя свѣдѣнія высылаются управленіемъ водъ бесплатно.

PAPIER FAYARD ET BLAUN.

Бумага Фаяръ и Блаунъ. Пластикъ, разбѣженный Медицинскимъ Союзомъ. Требовать подписи Fayard et Blaun. Продается въ аптекахъ.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ „Малютка“ 5 р. с. „Унионъ“ 7 р. с. „Силосъ“ 7 р. с.

нашего времени, преимуществъ его: 1) громадное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе, 3) незначительное поглощеніе свѣта.

ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ.

Новый адресъ: 27. Большая Морская 27. Сокращенные прейс-курранты бесплатно.

Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Югансона въ Кіевѣ и Харьковѣ. Поступила въ продажу новая книга Рибо

ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВЪ

въ 2-хъ ч. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

МАССА БЛАГОДАРН. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ: ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ **БУХГАЛТЕРІИ** ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВЪ ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ВЪДОМО ЗАКОННИХЪ УСТНОЕ ПРЕОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. преподаватель коммерческаго наукъ **С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ.** ПОДЪ ГАРАНТІЕЙ УСТАВА * МОСКВА * ВЫСЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО * ИНЫЯ ЛЕКЦІИ * БЕЗПЛАТНО * **Больш. Бутырская ул., д. № 27.**

А. БОЛЬТЪ и К^о.

Москва, Ильинка.

Непромокаемая одежда:
ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ
мужскіе и дамскіе

изъ лучшихъ шотландскихъ и шерстяныхъ матеріаловъ, расшитою сезона 1897 г. Прейс-куррантъ съ образцами матерій высылается бесплатно. Бумажное блѣе Мей и Эдлинъ.

СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

(около 1000 штукъ въ наличности).
= Новости сезона 1897 г. =
АМЕРИКАНСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ „ВИКТОРЪ“ (первая марка Америки), „ГИКОРИ“ (съ деревянной рамой), а также испытанные лучшіе велосипеды „СВИФТЪ“, „ПРЕМЬЕРЪ“ и др.

ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО

М. Блок

Правленіе: Москва. — Отдѣленія: С.-Петербургъ, Одесса, Кіевъ, Гатчина, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ

ГУМБЕРЪ и К^о, Москва

КОНТРАГЕНТЫ **Георгій ЖЕМЛЮЧКА и К^о,** Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5. Прейс-курранты по требованію. 12-5

№ 4711. Это любить запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ точности нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся. **Всѣ однокласснаго качества.**

№ 4711 du Rhin. No. 4711 Sachets violette du rhin.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна 4 р., 2 р., 1 р., 75 к., 2 р. и 1 р. 25 к. за флаконъ, съ огля на содержимое.

Агентъ для С.-Петербурга: Агасъ, Тисъ и К^о, Пушкиска, 6.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
 новыя художественныя изданія:
 Альбомъ фототипій. 20 снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ (Черкасова, Вукина, Каванцза, Каралина, Ломоха, Грузинскаго, Крачковскаго, Прятинскаго, Алязовскаго, Матерскаго, Латоро, Бондратинко, и др.). Цѣна въ пакѣтѣ 1 руб.
 Крушеніе Императорскаго гоуба 17 окт. 1886 г. Большая историческая картина, отпечатанная въ 22 краски (выш. 21 д., шир. 30 д.), извѣстнаго художника Н. Н. Нарзина. Цѣна 1 руб.
 Альбомъ „Тины Россія“. Восемь рисунковъ художника К. П. Самокишъ-Судковской. Цѣна 1 руб.
 Водопадъ Ивачъ. Большая картина, печатанная масляными красками, съ оригинальнымъ владеніемъ В. Г. Казанцева (размѣръ картины 20×30 д.). Цѣна 1 руб.
 Драгуны на травѣ. Наброски художника Э. К. Соколовскаго. Текстъ В. Сельмова. Роскошное изданіе въ форматѣ альбома въ 4° д. 16 стр. съ 20 рисунками. Цѣна 50 коп.
 Басни Лафонтена съ рисунками Густава Дорэ, въ переводахъ Крылова, Вяземскаго, Дминскаго, Хемницкаго, Коринфскаго, Зарина, Лихачева, Жукова и друг. Большого формата въ 4-ю долю листа. Цѣна 1 руб.
 Въ извѣстныхъ шрихахъ. Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго. Сочиненія Лаврова и Графини. Пер. В. Семенова. Изд. 2-е. Томъ I. Путешествіе на луну.
 Томъ II. Вокругъ солнца.
 Каждый томъ представляетъ издѣліе законченнаго романа и заключаетъ въ себѣ до 400 стр. текста и 150 иллюстрацій, въ художественныхъ обложкахъ, исполненныхъ Н. Н. Карзининами. Цѣна каждого тома 2 р., въ пакѣтѣ 2 р. 50 коп.
 Выписки изъ кн. свт. П. П. СОЙНИНА (СПБ., Стремляная, 12) за перес. не платятъ.

Эссенція для завивки волосъ
ГРАЦІОЗА.
 Самые красивые и натуральныя локоны получаются посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и незыблительности своей вѣдь на отъ потѣи, или отъ сырой погоды.
 Флаконъ 60 к. и 1 р., съ переслакомъ 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. Ц. № 10186
 Складъ техно-химическихъ специальностей ГЕБГАРДА. С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96—14, уг. Нахондической.

СТОЛИЧНОЕ МЫЛО
Т-ва „ГИГИЕНА“
 Приятный освѣжающій ароматъ, обильная нѣжная бархатистая пѣна. При каждомъ кускѣ 4 вида обѣихъ столицъ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 Главныя склады: СПБ., Плом. Александр. театра, 8. КОСНВА, Никольская, д. Шереметова. ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 37.

МЕДАЛЬ ДЛЯ СЧЕТЧИК. МАР.
ПЕРЕПИСИ

высшій наложен. плат. съ лент. и бронт. 1 р. 80 к., франк. миниатюрн. 1 р. 65 к. съ перес. С.-Петербургъ. Ник. Фарфор. Заводъ, д. 27. М. Юргеня.

ÉLIXIR, POUDRE et PÂTE
DENTIFRICES
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE
l'Abbaye de Soulac,
 Dom MAGUELONNE, Prieur.
 Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
 GRAND PRIX Expos. Int. Lyon 1894. HORS CONCOURS. Membre du Jury. Exp. Int. Bordeaux 1895.
 EXCIPIENT SIGNATURE DU PRIEUR Don M. Seguin Prieur

НОВОЕ СОБРАНИЕ НОТЪ для 1897 г.
 12 ТЕТРАДЕЙ НОТЪ для РОЛЯ за 1 рубль сер.
 Сочиненія для танцевъ, салон. игры и пр., въ томъ числѣ и новый танецъ съ фигурами
МИНЬОНЪ И
ФОРТЕПИАННАЯ КЛАВИАТУРА
 для легкаго изученія игры по нотамъ, всѣ ноты стоимостью около 5 р. с. продаются за 1 р. с., по почтѣ 1 р. 35 к.
 Музыкальный Ю. ГИЛЬКНЕРЪ.
 Москва, Тверская, д. Варгина.

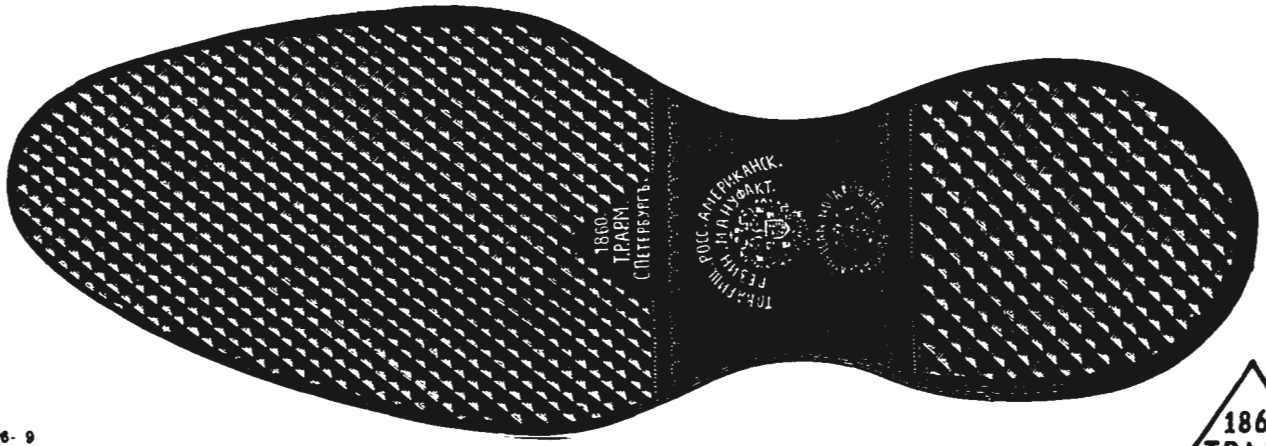
КРАСИВО пишется всѣмъ звонко (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи А. КОССОДО.
 Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6942 6-6
 За 2 семиклѣвныя марки высылается пробное письмо и условія, а за 4 семиклѣвныя марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія потерн. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

КИРПИЧНЫЯ МАШИНЫ
 рельсы, опрокидывающ. вагончики,
 ПРЕДЛАГАЕТЪ
АРТУРЪ КОПЕЛЬ,
 СПБ., Невскій 18, уголъ Б. Морской, Москва, Мясницкая, № 48. 4-3

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
 учрежденное въ 1860 году,
РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9:51 26-9
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).
 На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІА ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградой, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ТОВАРИШЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва * Рига * СПбурга.

Резина. * Липолеушъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ПОДЪ
 фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ!

Обращать вниманіе на блеймо (звѣзда) съ фирмой.

Гранно представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай Э. Швейцарск. Москва, Николаевск. № 7. Адресъ для телеграммъ: „Швейцарск-Москва“.

Самаго
 лучшаго
 качества

по
 дешевымъ
 цѣнамъ.

СКРИПКИ въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 16, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

Смычки къ нимъ въ 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 руб.

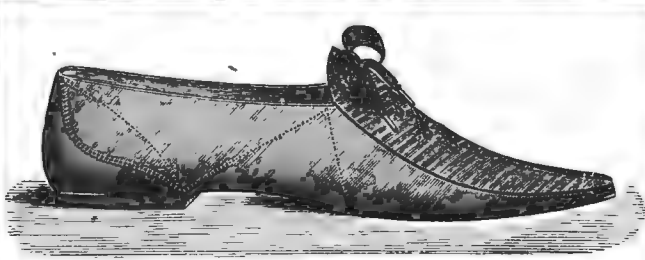
Принадлежности и свѣтлыя струны въ разныхъ цѣнахъ.

КОРНЕТЫ въ 12, 15, 18, 22, 26, 30, 40, 50, 60, 75, 90, 100, 150 руб.

ФЛЕЙТЫ въ 2, 4, 6, 8, 12, 18, 25, 35, 40, 50, 60, 75, 85, 90, 120 и 160 р.

КЛАРНЕТЫ въ 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60, 75 и 90 р.

По музыкальнымъ задачкамъ 1/2 стоимости высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, 34.
 Москва, Куликовскій м., Д. Захарьина.

СКОРОХОДЫ

представляютъ изъ себя исто-народную обувь; они очень прочны, весьма удобны и дешевы. Новѣйшіе сорта этой обуви шьются и въ весьма тонкой отдѣлкѣ и весьма изящнаго фасона—на что мы считаемъ долгомъ обратить особое вниманіе почтеннѣйшихъ покупателей.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
 НАЧИНАЯ СЪ 12 Р. ДО 500 РУБЛЕЙ
 СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,
 УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ,
 ИЛЛ. ПРЕМЬ-КУРАНТЬ ЗА ЧОК. МЕР
 СМѢТЬ БЕЗДЕЛАННО
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
 С.-Петербургъ, Певскій пр., № 25,
 страхуетъ
 5/0 закл. съ выигр. лист. Гос. Двор.
 Зем. Банка отъ 1 мая 1897 г.
 по 75 коп. 3-3

Молод. челоѡ, латышъ, ищеть мѣсто части для экономич. несомоводителя во внутр. губери. Адр.: Дифз. губ., чр. Альтъ-Штаиенбургъ, Лейской вол., Д. Д., до востреб.

Жирная Пудра АУРИХА
 для бѣлизны лица
 незаметна на кожѣ
ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
 С.-Петербургъ
 Колокольная 18-19

ВНИМАНИЕ
ОСОБЕННОЕ
 заслужило у публики съ дѣтства, похвалы
 вышшеннаго кондит. фабрикы
Д. БРАЙНИНА ВЪ МОСКВѢ
 Г. АНАНАСЪ (натур.) въ сахарн. „ДВОРЯНСК.“
 И. ЗЕФИРЪ фруктовый „ДВОРЯНСКІЙ“
 И. ДЕССЕРТЪ фрукт. „ПЫЛЬНИКЪ“
 Продается въ лучшихъ
 магаз. Россіи.

КАРАМЕЛЬ
 въ тридцать травъ
„КЕТТИ БОССЪ“
 В. Семедени въ Кіевѣ.
 Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
 Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН-ЦЕЛЛА, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 31.
 Продается во всѣхъ магазинахъ и лавочкахъ съ позволеніемъ Россіи, 11-12

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА
РАЛЛЕ
 (Самыя лучшія цвѣты)
 Малковъ Леонидъ, Илякъ-Илянгъ,
 Геніогорскъ, Вера-Вологга и т. Д.
 Продается во всѣхъ аптекахъ, магазинахъ Россіи, Имперіи

КУШАЙТЕ ГЕРКУЛЕСЬ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптекарей Россіи.

Главное депо: часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПБ.,
 Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
 Часы-никель отъ 6 р. 50 до 15 р.
 Стальныя черн. отъ 11 до 75 р.
 Серебряныя отъ 12 до 50 р.
 Золотыя отъ 25 до 500 р.
 Регуляторы двухнедельнаго завода отъ 17 до 65 р.
 Высылаю наложен. платежемъ иллюстр. прейсъ-куранты бесплатно.

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЯ НѢЖНЫЯ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незаметная и неослабляющая.
ED. PINAUD
 PARIS

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ. Потребленіе какао Ванъ-Гоутена, какъ пріятнаго напитка, растеть съ каждымъ днемъ. Это—наилучшій шоколадъ для питья.

XXVIII г.

№ 18

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ еженѣдн. литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выдаваъ 3 мая 1897 г.

Цена этого № 20 к., съ пер. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цена за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ доставкою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За границу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	---------------------------------	-------------------	---	-------------	----------------	--------------

На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/4 года безъ дост. 3 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

При семъ прилагаются: 1) **СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. V (Сборникъ «Нивы» за Май); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА МАЙ 1897 г. съ 28 рис. и отдѣл. листъ съ 25 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 82 рис. руководящихъ работъ.**

Онь далеко, далеко... Съ карт. Г. Кильбурна авторства „Нивы“.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

Мать Клеопатра была изъ рѣдкаго между православными женщинами типа „устроительницъ“. У строгихъ раскольницъ встрѣчаются такія державицы, неуклонныя и даже безжалостныя по-своему ради дѣли, въ святость и благо которой онѣ разъ навсегда увѣровали. Несмотря на шестьдесятъ пять лѣтъ, игуменья не знала еще отдыха. Ее одолевали монашескія болѣзни—одышка и слабость ногъ, къ горлу подкатывало; по ночамъ, особенно на лѣвомъ боку, дыханіе было затруднено. Съ мѣста трудно вставалось, но она все это побѣждала желѣзною волею,—и такую разностороннюю дѣятельностью, что при ней въ обители никого другого не нужно было. Да она бы никого и не потерпѣла! Какъ Варлаамъ, она не выносила чужую силу рядомъ съ своей. Недаромъ Геронтій говорилъ про нее: „будь она мужчиной—римскимъ папой сдѣлалась бы“. Она и въ маленькомъ масштабѣ своемъ была извѣстна далеко. Уже третью обитель она приводила въ порядокъ, да такъ, что ее смѣло снимали съ мѣста и посылали на другое, зная, что дѣло и послѣ нея прочно будетъ, не развалится. Она смотрѣла далеко впередъ—„распорухъ“, „роспусъ“ и лѣнивыхъ такъ сбивала на иной образецъ, что онѣ долго потомъ оставались вѣрны ей указаніямъ. По мелочамъ она не расходовалась, сразу взглядомъ опредѣляла корень зла и уже не колебалась вырвать его. На это у нея не было ни состраданія, ни страха іудейска. Ей все равно, чьи интересы задѣвались ея строительствомъ, тѣмъ болѣе, что, сама когда-то принадлежа къ высшему обществу, она, хотя и не любила вспоминать объ этомъ, но связи свои сохраняла и поддерживала. Въ монастырѣ она не прощала только противленкамъ. Своумокъ гоняла до того, что тѣ разомъ понимали тщетную борьбу съ игуменьею. Она казалась какимъ-то циклономъ—шла впередъ, точно подчиняясь не собственному произволу, и ломая по пути все, что осмѣливалось не преклониться передъ нею. Глаза ея, черные въ желтоватыхъ бѣлкахъ, не оставляли никакой надежды въ той, на которой они останавливались. Ихъ блескъ былъ холоденъ и неумолимъ. Носъ тонкій, съ горбинкой. Губы точно слиплись, цвѣта ихъ никто не видалъ. Мать Клеопатра нигдѣ не терялась, на сильныхъ міра сего смотрѣла такъ же властно, какъ на свою дѣвицу Еликониду, игравшую при ней роль посоха.

— У меня живой посохъ!—говорила она, указывая на нее.

Мать Клеопатра никогда не улыбалась, и душой, какъ овечьимъ хвостомъ, не вертѣла. Этимъ она сникала въ епархіи общее уваженіе, и даже самъ владыка говорилъ ей шутя: „Мнѣ къ тебѣ ѣздить не пригоже. У тебя и второй человекъ буду! Слишкомъ, мать, ты для меня умна!“

— Слышала я,—обратилась она къ Геронтію,—новую лѣсопильню ставите.

— Какъ же. Отецъ Варлаамъ благословилъ.

— Дай Богъ. Грѣхъ, а я завидую. Съ такимъ лѣсомъ, какъ у васъ, обитель не пропадетъ.

— Господь промышляетъ!

Отецъ казначей повелъ глазами на Нюню и Пуню. Но тѣ влюбленно смотрѣли то на мать Клеопатру, то на него, и восхищенные лица ихъ безъ словъ говорили: „какихъ гостей удостоились мы, а?“

— Упускать нельзя, для Бога устроимся.

— Я и не осуждаю.. Каждый долженъ по мѣрѣ своихъ силъ стараться и рукъ не складывать. Обители

не на десятки лѣтъ, а пока земля стоитъ, созидаются. Къ намъ же въ скудости и нуждѣ люди прибѣгаютъ. Мы, какъ трудолюбивыя пчелы, должны собирать запасы, чтобы при случаѣ не обидѣть отказомъ. Вотъ у насъ теперь дѣлал деревня Остафьево кормится. Не уродилось ничего у нея—не пропадать же.

— Хорошее дѣло!

— Какія у васъ новости, отецъ? Слышала я, что Кошровы гостятъ у васъ.

„А у тебя и по этомъ душа скулить!“ — не выдержалъ и подумалъ про себя Геронтій.

— Какъ же. Цѣлой семьей.

— Лелю-то я рада повидать... Спосылай-ко за ней завтра,—обратилась она къ Нюнѣ,—не чужіе мы. Балкашинскіе съ нами въ свойствѣ, да и у меня въ обители тетка ея, мать Александра—инокиня достойная.

— Нелюды у нихъ.

— Съ тестемъ?

— Да... Я стороной слыхалъ... А только и самъ вижу.

— Какіе же съ нимъ, мужикомъ, лады могутъ быть. Еще и то удивительно, что семья у нихъ держится.

— Шатко...

— Ужъ очень онъ... Какъ бы это сказать, точно рана открытая отъ всякаго пустяка нудится.

Подали самоваръ. Пирогі съ грибами и подовые съ вареньемъ дѣйствительно были великолѣпны. Отецъ казначей ихъ любилъ, и хоть стѣснился при умѣренной и строгой матери Клеопатрѣ, но когда на него потянуло горячимъ запахомъ малиноваго варенья, не выдержалъ, пододвинулъ къ себѣ дымившееся блюдо и чуть не дюжину уничтожилъ ихъ за первымъ же стаканомъ. Корки этихъ пироговъ были и жирны, и на зубахъ хрустѣли. Чтобы не видѣли его „жадности“, онъ и глаза воздѣлывалъ къ небу, и губы сжималъ постно, и вздыхалъ, даже не примѣчая, что дѣвица Еликонида чуть глазъ не выворачиваетъ, глядя на красиваго монаха. Когда лакомство оставляло ему свободную минуту, онъ пристально всматривался въ Клеопатру и задавался вопросомъ—отжилить она усадьбу у Барсуковыхъ или нѣтъ. „По-свѣтски,—разсуждалъ онъ про себя,—это конкуренціей называется. И руки у нея развязаны. Мнѣ-то еще отца Варлаама убѣждать надо, а она, что вздумала, то и сдѣлала. Сама себѣ голова и руки. Разброду-то у нея и нѣтъ. Настоящій полководецъ. И языкомъ-то она съ ними, съ келейницами, настоящимъ можетъ, по-образованному. Ишь по-французски сказала что-то. Не про него ли еще? Нѣтъ, не должно быть. Пупя и Нюня даже и не шелохнулись“. Онъ безотчетно со сладкихъ пироговъ опять на грибные перешелъ, а чаю-то уже четвертый стаканъ охолощиваетъ. Еликонида, сидя противъ него, держится прямо и, прихлебывая изъ чашки, губы старается сжимать, какъ ее учили старыя монахини, чтобы „каждый скромность твою видѣлъ“.

— Еликонида!—какъ умѣла, ласково позвала ее игуменья.

Дѣвица все-таки вздрогнула и чуть не уронила блюдечко.

— Что-жъ ты пироговъ? Дѣло твое молодое. Ты на меня не смотри.

Она торопливо схватила ближайшій, обожглась, но не подала и вида, а поскорѣе, чуть не давись, проглотила его.

— Вотъ этихъ, эти вкуснѣе!—приглашала ее Пупя.— Мы съ вами молодья, намъ сладкаго можно.— А сама

наклонилась къ ней и шопотомъ:—Душечка, какъ чай стонбуютъ, мы съ вами въ садъ.

— Если мать Клеопатра благословить,—опускала та лукавые и яркіе глаза.

— А ужъ это я выпрошу. Намъ съ вами есть о чемъ поговорить, да и пошалить можно,—побѣгать.

Сорокадвухлѣтняя Пуни чуть не ровесницей себѣ считала восемнадцатилѣтнюю Еликонида. И пока всѣ сидѣли за чаемъ, она уже создала цѣлый планъ, какъ она разговорится „обо всемъ, обо всемъ“ съ красной бѣлицей, потому „объ мы—дѣвушки“, оправдывала она сама себя. Отецъ Геронтій тоже скоро сообразилъ, что и ему пора домой. Едва-едва поспѣетъ къ вечернѣ, а архимандритъ въ этомъ отношеніи строгъ и отъ старшихъ пуцаго требуетъ примѣра. Да и подъ какую руку попадешь еще—при всѣхъ накричить. Только осрамить самолюбиваго и дорожившаго своимъ достоинствомъ отца казначей. Для формы посмотрѣвъ на часы, онъ всталъ и помолился на образа.

— Куда же вы, отче?

— Пора. Къ вечернѣ.

— Только-что вы было сладостную бесѣду завели тогда...

— Ну, въ другой разъ. Время еще будетъ. Помирать вѣдь не собирается?

Онъ низко поклонился матери Клеопатрѣ, та встала и отдала ему такой же поклонъ.

— Мы, какъ большіе корабли, — пошутить онъ, — салютуемъ другъ другу. Подъ разными флагами.

— А то бы остались поужинать. У насъ уха.

— И радъ бы, да не могу. Занятій по обители много. Вотъ герани вы мнѣ пришлите, — засмотрѣлся онъ на окна.—Герань я люблю. Отъ листовъ у нея хороший запахъ и растеть, не капризничаетъ. Безъ ухода подымается Божья травка.

Провожать его вышла даже мать Клеопатра, оказала ему эту честь, хотя онъ и увѣрялъ, что не достоинъ. Сѣвъ въ бричку и перекрестясь, онъ привялъ ту же картинную позу и приказалъ Ионѣ:

— Ну, благослови Господи.

Иона тронулъ. Лошади побѣжали. Отецъ Геронтій какъ будто и не замѣтилъ нѣсколько кульковъ, положенныхъ въ передокъ заботливыми хозяйками, только отъѣхавъ спросилъ:

— Что тутъ, Иона?

— Фруктой нахщеть... Потомъ соленія разныя.

— Чай пиль?

— А то нѣтъ? И пирогами угощала меня куфарка.

— Госпожи добрыя.

— Натуральныя!

И опять скрючился и началъ погонять лошадей. Смеркалось. Вдали уже ударилъ колоколъ, и звонъ его тихо донесся сюда, въ зеленую пустыню. Лѣсъ направо притихъ. Точно и онъ прислушивался къ благовѣсту.

VIII.

Еликонида, какъ почувствовала себя въ саду на свободѣ, такъ первымъ дѣломъ подобрала подолъ чернаго монастырскаго платья и влѣзла на дерево.

— Вы, барышня, тамъ не скажете?.. — просительно обратилась она къ Пуни.

— Съ чего еще. Наше дѣло молодое.

— Лѣзьте сюда ко мнѣ. Сукъ толстый, выдержать.

— Я не умѣю.

— А вы смѣлѣй. Давайте руку...

Но вмѣсто того, чтобы поднять къ себѣ ту, Еликонида сама полетѣла внизъ и на лету инстинктивно закрыла руками лицо. Шлепнулась, вскочила на ноги, перекрестилась и потомъ вдругъ расхохоталась.

— Вотъ искушеніе. Исцарапайся я—мать Клеопатра поѣдомъ бы меня съѣла.

— Она злая?

— Нѣтъ, не злая, а все видитъ, и, чтобы спуска дать—никогда. А можетъ и злая—ее не узнаешь.

— Зачѣмъ вы, такая молодая, въ монастырь пошли?

— Отъ жениха убѣгла. Да я вѣдь такъ живу... Не бѣлица...

— Отъ жениха? Ахъ, какъ интересно. Зачѣмъ же вы убѣжали? Душенька, расскажите. Я бы ни за что не убѣжала. Развѣ отъ жениховъ бѣгаютъ?

— Еще какъ. Вы думаете, я монастырь-то люблю? И не воображаю. Ишь я какал круглая. Мнѣ бы и танцы танцовать, а я вонъ подъ черную шапку пошла.

— А что-жъ, она вамъ къ лицу!

— Мало ли! Я и пошу ее такъ...

— Волоса у васъ, какъ лень... бѣлые... а глаза, какъ васильки.

— Ну, ужъ вы, барышня, скажете... Просто лупоглазая я, и ничего во мнѣ хорошаго нѣтъ. Только что я веселая—точно. И работать люблю.

— А женихъ-то у васъ кто былъ?

— Слопова слыхали, Милитона Саввича?

— Рыжій, лохматый такой?

— Вотъ-вотъ. Колокола леть. Иконостасы въ турецину посылаеть. Въ немъ расту сажень, а кулакомъ—овцу на-смерть бьеть. Самъ показывалъ. Вдарить—она такъ на землю и ляжетъ. Ну, думаю, ежели онъ да меня когда-нибудь... И убѣжала. Страшенъ онъ мнѣ сталъ! У насъ его сестра въ обители спасается—мать Агнія. Суровал, молчить все; сказываютъ, невѣдомый грѣхъ отмаливаетъ.

— А женихъ за вами не прѣзжалъ?

— Какъ не прѣзжалъ. Сколько разовъ. Кричать принимался, но только не на ту напалъ. Его мать Клеопатра такъ турнула! Потомъ пьяный ввалился искать меня. Я въ квасную, въ бочку спряталась. Какъ за такого замужъ выйти? Я хохотушка, а онъ—убьеть вѣдь. Давайте, барышня, бѣгать.

И она кинулась-было, но запуталась въ длинномъ платьѣ и покатиалась.

— Сглазили меня сегодня. То съ дерева сверзилась, то на ровномъ мѣстѣ въ землю поглядѣла, точно въ зеркало.

— А вы кого любили?

— Изъ мужчиновъ?

— Да.

— Еще-жъ бы. Вы думаете нѣтъ? У насъ, у мѣщанокъ, это просто. Только онъ на меня полъ вниманія.

— Кто же это?

— А вы никому не скажете?

— Ей-Богу, никому.

— Николая Львовича Семигорова знаете, красавчика?

— Да. Видѣла и его.

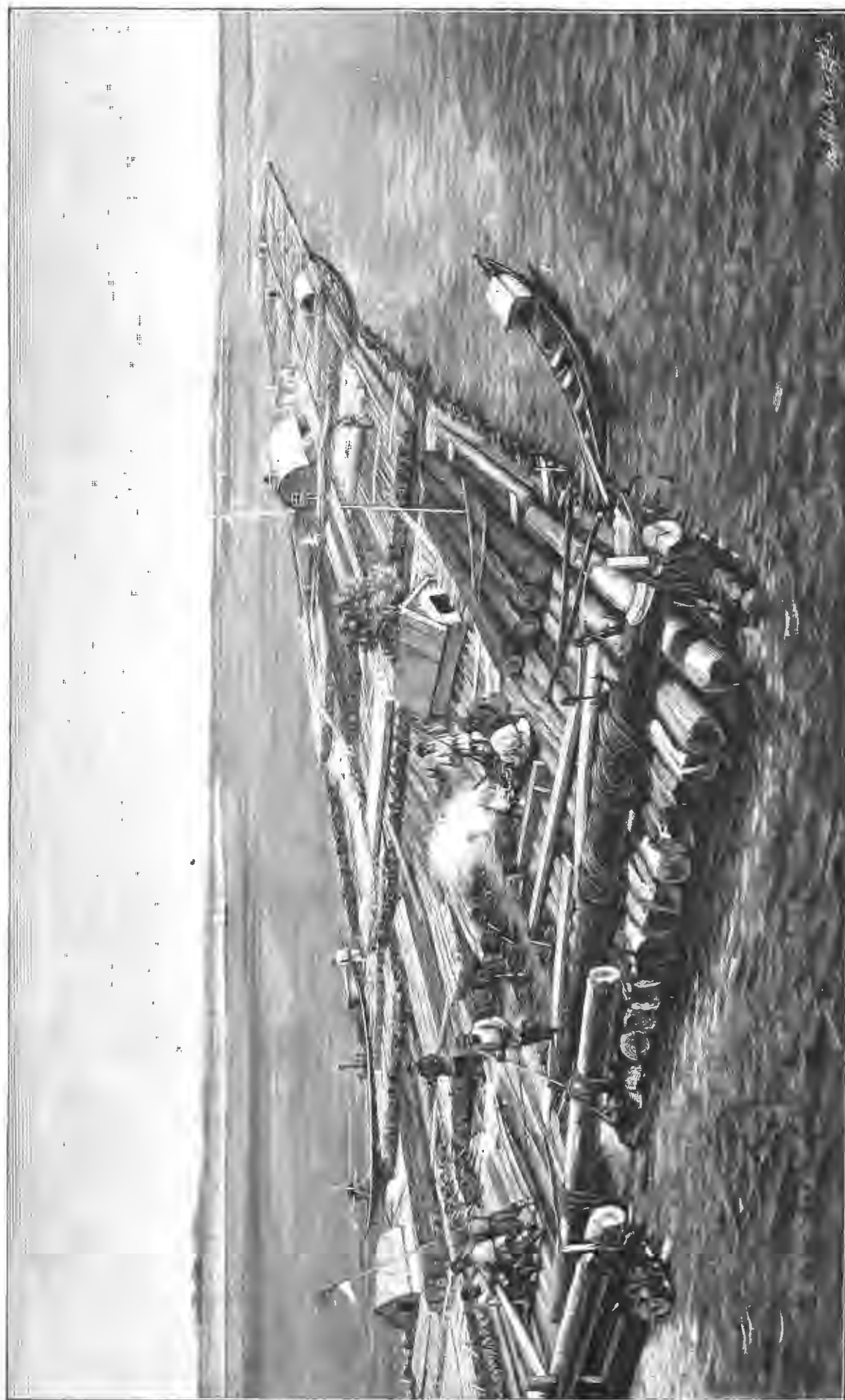
— Ну, вотъ. Самый предметъ. Я ему даже записку писала. Въ конвертѣ. Вотъ-те Христосъ, какъ осмѣлилась! Кажется, помани онъ меня, какъ собака бы за нимъ побѣжала. Ну, и онъ, истинно красота его чести, не какъ иные прочіе, которые возьмутъ нашу сестру для баловства одного, а потомъ „ступай Маша—ты не наша!“ Прямо онъ объявилъ: „я, говоритъ, въ другую до смерти втяпался. Ты меня прости, а только у меня отъ нея въ горлѣ даже сохнеть“. По всей правдѣ! Поцѣловалъ онъ меня прямо въ губы—„и тѣмъ будь довольна, и это я у другой для тебя укралъ“. Вотъ онъ какой, благородный господинъ. Плакала я, плакала. Навязался Слоновъ, и сдуру и дай согласіе... Потомъ только сообразила, что прямо подъ ножъ иду. И въ монастырь къ матери Клеопатрѣ подъ крыло. А вы знаете, въ кого Семигоровъ-то втемяшился?

— Ну?

— Про нихъ вы говорили сегодня за столомъ. Какъ помянули, такъ я даже подовымъ пирогомъ подавилась.

— Кто же бы это такая?

— Копрова... Елена Борисовна! Ну, что ужъ — по-

Выставка Императорской Академии Художествъ 1897 г. „На Днѣпрѣ“.
Съ карт. (исключит. право воспроизвед. принадлежатъ „Нивѣ“) и. А. Фельдмана. грав. Шлиперъ.

XXV передвижная выставка. „Труды преподобного Сергия Радонежского“.
 Съ карт. (исключит. право воспроизвед. принадлежить „Извѣ“ м. в. Несерова, грав. Ю. Шюблеръ.

длинно красавица. Сначала я ее страхъ какъ возненавидѣла. Даже, повѣрите, панихиду по ней служила. Сказывали мнѣ—сохнуть отъ этого. Ну, да глупости все. Богъ-то насъ, дурь, не очень слушаетъ. А теперь я такъ думаю: значить она стѣбитъ, ежели онъ ее полюбилъ. Нѣтъ на ней моей обиды. Я даже такъ, что всякаго ей добра.

— Да вѣдь она чужая жена.

— Что-жь что чужая?

— Вѣнчаться имъ нельзя.

— А ужъ это ихъ дѣло. Будь я на ея мѣстѣ—и не посмотрѣла бы на мужа. Стрѣлой бы улетѣла.

— Ахъ, романъ какой!

— Да ужъ тамъ романъ—не романъ, а только бы меня и видѣли. Зубами бы за хвостъ не удержали. И вотъ какъ: будь моя воля—и бы сама ее, Копрову, утащила—приволокла къ нему: получай изъ моихъ рукъ и помни!..

Пуня совсѣмъ ожила. Вмѣстѣ съ Еликонидой повая полоса жизни врывалась въ ея тихое и безвѣстное существованіе. Она о любви мечтала, какъ о чемъ-то смутномъ, далекомъ, безвѣстномъ, а тутъ нашлась такая бойкая дѣвица, которая съ этимъ смутнымъ и далекимъ обходится безъ всякихъ затрудненій. Точно это ея настоящее дѣло. Старая дѣва съ головою ушла въ госторженное состояніе, и когда Еликонида устала бѣгать, она обняла ее за талию, и онѣ такъ и ходили, пока не сѣло солнце. Точно въ тѣлѣ у Пуни открылись и забились новые пульсы. И ея жизнь сразу получила иной смыслъ, потому что чужая любовь бросила на нее теплый отсвѣтъ. Женщина ужъ такъ устроена. Она непременно должна жить сердцемъ. Лишили ее обстоятельства или природа возможности полюбить самой—она уйдетъ всей душой въ чужое чувство и будетъ волноваться, тревожиться и болѣть имъ, точно оно ея собственное.—„Неужели же опъ тебя поцѣловалъ?“—допрашивала она у бѣлицы.—А вы думаете какъ.—„Такъ-таки взялъ руками?..“—Да за голову—и въ губы. Вотъ тебѣ, говорить, и то у другой краду. И дура же я была—тогда какъ убивалась! а теперь отошло.

На верхушкахъ яблокъ и грушъ покоился золотистый свѣтъ, все въ розовыхъ тонахъ видно было небо сквозь вѣтви. Въ окнахъ гостиниой замигалъ огонекъ. Тамъ уже зажгли свѣчи. Заскрипѣлъ журавль колодца, гдѣ-то далеко залаяли собаки. Сюда донесло. Проснулся вѣтеръ, зашелестѣлъ листьями, сорвалъ съ куста нѣсколько лепестковъ жасмина и кинулъ въ лицо Еликониды.

— Сладость у васъ райская. Вѣкъ бы жила.

— Скушно!

— Чего скушно?—удивилась бѣлица.—Развѣ скушно бываетъ?

— Мы съ Нюней все однѣ.

— А вольно-жь! Я бы на вашемъ мѣстѣ такое завела...

Хотѣла было пояснить, чтѣ именно, да всмотрѣлась въ лицо Пуни и запнулась. Съ такимъ носомъ, да и въ лѣтахъ,—пожалуй дѣйствительно ничего не заведешь.

— Вы гдѣ Николай Львовича видѣли?

— И въ городѣ, и такъ... Въ монастырѣ случалось.

— Поди, тоскуешь теперь, душа рвется. Онъ вѣдь такой—ему вынь да положь.

— А та? Елена? Любитъ его?

— Не любить, такъ подлюбить... Нешто съ такимъ устоишь. А только я хочу, чтобъ онъ зналъ, какая я... Вотъ что, голубушка, милая. Что мнѣ въ голову пришло... Тогда мать Клеопатра монаху-то красивому, какъ его, Егорій, что ли?..

— Геронтій.

— Ну вотъ. Сказывала, чтобъ Елена-то Борисовна сюда пріѣзжала повидаться.

— Ну!

— То-есть какую мы съ вами интригу сочинимъ. Совсѣмъ, какъ въ романахъ. Или въ театрѣ—видѣла я—такое же представляютъ. Вы не знаете, въ городѣ теперь Семигоровъ? Нѣтъ, я думаю—около монастыря гдѣ, или въ монастырѣ. Спосылать бы кого узнать?

— Зачѣмъ?

— Ужли не поняли? Ай какъ хорошо выйдетъ.—И она даже разгорѣлась вся.—Прямо изъ моихъ рукъ: „на, почувствуй, какая я“. Какъ вы ее къ себѣ ждете будете—мы тайкомъ Николаю Львовичу дадимъ знать.

— Да мы-то съ нимъ незнакомы.

— Что-жь, что незнакомы—познакомитесь. Вы думаете, онъ, безсовѣстный, поцеремонится? Нисколько. Турманомъ упадетъ сюда въ тую же минуту. Да ему и въ комнаты входить не зачѣмъ. Онъ и въ саду ее повидаетъ.

— Однако, какая ты смѣлая. А тогда при Клеопатрѣ глаза внизъ.

— При ней хвоста не распустишь. Такъ какъ же? а?

— А что Нюня скажетъ?

— Ничего не скажетъ: пирогами угощать будетъ. Чтѣ сказать, если благородный господинъ съ визитомъ пріѣхалъ—познакомится желаетъ. Поворотъ отъ воротъ не покажешь. А ужъ какое я ему, голубчику, письмо напишу. Даромъ, что въ монастырѣ—такіи слова приберу. Что-жь—я не въ постригѣ, и всего только что въ услуженіи,—по своему усердію, мнѣ не грѣхъ. Да помри Слоновъ завтра—я сейчасъ изъ обители вонъ...

— Еликонида... Еликонида!—послышалось съ крыльца.

— Это безпремѣнно мать Клеопатра меня зоветъ. Только, барышня, смотрите—молчокъ, и чтобы никто не догадался даже. Повидаемъ мы съ вами опять здѣсь! Я вамъ такіе театры представлю.

Мать Клеопатра отказалась отъ ужина и хотѣла пройти въ уготованную ей комнатку. Еликонида вошла сюда совсѣмъ другимъ человѣкомъ. И рѣсницы внизъ, и губы въ точку. Даже румянецъ съ лица сбѣжалъ. Пуня смотрѣла и глазамъ не вѣрила. Точно бы и не та веселая воструха, что хохотала въ саду. Тихо подошла къ игуменьѣ, низко поклонилась.

— Помогите мнѣ, да и разобраться надо.

— Слушаю, матушка.

Та оперлась ей на плечо и тяжело встала. Поцѣловала Пуню и Нюню и пошла... Еликонида только въ дверяхъ бросила лукавый взглядъ на „барышню“, какъ будто приглашая ее не забывать уговора. Но этого Клеопатра не замѣтила. Бѣлица равняла свои шаги съ ея тяжелыми и медленными—и когда та стала у себя на молитву, Еликонида смиренно, сѣла на сундукъ и стала перебирать четки...

Пуни въ эту ночь долго не спалось. Она представляла себѣ, какъ въ ея саду будутъ происходить свиданія Елены Копровой съ Семигоровымъ. Непремѣнно при лунѣ, и чтобы цвѣты пахли и соловей пѣлъ, хотя и соловьи давно отлѣли, потому что соловьи уже высидѣли птенцовъ въ гнѣздахъ. Они—влюбленные—будутъ тамъ говорить другъ другу разные слова, отъ одной мысли о которыхъ сердце у старой дѣвы ходуномъ заходило—и потомъ Елена упадетъ къ ней на грудь и расскажетъ „все-все“... Только въ эту ночь бѣдная Пуня почувствовала, что жизнь далеко не такъ скучна, какъ ей казалась. Она ворочалась въ постели и долго не могла уснуть, а когда, наконецъ, сонъ незамѣтно подкрался къ ней,—ей примерещилось совсѣмъ что-то неподходящее. Подъ самымъ соловьемъ и луною въ саду сидѣла не Елена, а она, Пуня, но вмѣсто всякихъ „такихъ“ словъ Николай Семигоровъ брилъ ей бороду, а Еликонида, смѣясь, подносила ей пару черныхъ котятъ. „Чего хуже нельзя сонъ-то“, соображала она утромъ и по-

тому до чаю была мрачна. Но потомъ вспомнила, что не всякій такой въ руку, и если помолиться и перекинуть трилистникъ за плечо, то и подобному сну—отводъ бываетъ. Такъ она и сдѣлала...

IX.

Отцу Антонину эти дни сильно нездоровилось. Сердце болѣло, голова была тяжела. Искусь ему не даромъ дался. Елена Борисовна еще больше разбередила въ немъ вѣчно открытую рану его прошлаго. Послѣ свиданія съ нею онъ простоялъ въ церкви вечерню — и едва выдержалъ. Ему казалось, что все кружится около него, и ноги ослабѣли, такъ что онъ не разъ опирался на колонну позади. Притомъ все его раздражало—пѣніе монаховъ на клиросѣ, пристальные, какъ ему мерещилось, взгляды сосѣдей.

„Чего они у меня въ душѣ копаются?“—думалъ онъ.

Вчерашнимъ припадкомъ это не окончилось. Отецъ Гермогенъ утромъ навѣдывался къ нему. Даже отцу Мелетію сказалъ, но тотъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты что-жь, отецъ? Говорю тебѣ, Антонину невозможно.

— Его болѣзнь не въ нашей волѣ. Души-то микстурой не поправишь.

— Что-жь ему теперь?

— Пускай ему Богъ рецепты прописываетъ. Человѣку тамъ нечего дѣлать.

Антонинъ вышелъ-было въ садъ. Подъ его окномъ была скамейка. Вверху сладко пѣли птицы. Во всей природѣ и миръ, и благоволеніе, и красота, и любовь. Одни люди со своими искусственными потребностями затопляютъ ее злобою, ненавистью, ревностью, преступленіями. Бабочки вертѣлись у его лица, очевидно, принимая его черную, неподвижную фигуру за нѣчто не живое и вовсе имъ не страшное. Одна, бѣлая, даже уцѣпилась на мгновение за его клобукъ и потрепетала на немъ крылышками. „Коромысло“, блестя на солнцѣ лазурными отливами, съ тихимъ и сухимъ шумомъ, ровно проплыло въ воздухъ, казалось, даже не шевели широко расправленными сквозными крыльями. Въ травѣ что-то стрекотало и суетилось.

— Ну что-жь, можно къ вамъ теперь, никто меня не выгонитъ?

Антонинъ поднялъ глаза. И не замѣтилъ даже, какъ Николай Львовичъ подошелъ къ нему.

— Здравствуйте! Давайте руку, по-старому. Вѣдь мы почти что товарищи.

Монахъ подаль ему свою.

— Что, — принудилъ себя заговорить Антопинъ, — все за чужимъ хлѣбомъ бѣгаешь?

— За своимъ не бѣгаютъ, дома сидятъ.

— А ты бы опаматовался. Не дай Боже и другая, подобно тебѣ, голову потерять.

— Я найду.

— Ты-то найдешь. Только извѣстно ли тебѣ, какой адъ отъ этого бываетъ?

Семигоровъ упрямо встряхнулъ смоляными кудрями и промолчалъ.

— Все отъ слѣпоты нашей. Когда бы мы впередъ провидѣли и предугадывали — много бы злого не случилось.

— Это ты изъ какого святого отца?..

— Пойдемъ ко мнѣ. Здѣсь мнѣ что-то не можетъ...

— Вообще ты плохъ. Какъ исхудалъ, только глаза у тебя и живутъ. А помнишь, въ гимназіи ты мнѣ разъ уши отодрала, покажи-ка руку—есть моя мѣтка? Есть! Вотъ она! Какъ я въ тебя зубами вцѣпился. Пожомъ разнимали. И визжалъ же ты тогда.

Антонинъ слабо улыбнулся.

— Я вчера и не рассмотрѣлъ. Однако, и скудно же вы, монахи, живете... Ты хоть бы картину на стѣну повѣсилъ... Все веселѣе.

— Мы здѣсь не для веселости!

— Положимъ... Вотъ на этомъ самомъ табуретѣ вчера у тебя Елена Борисовна сидѣла. А теперь — я... Голо у тебя. У отца Гермогена на окнѣ цвѣтокъ. Жасминъ, кажется. И ты бы завелъ. Хочешь, и тебѣ подарю. А самое лучшее, пока ты молодъ — бросить монастырь... Ну, что тебѣ здѣсь дѣлать, подумай.

Антонинъ покачалъ головой.

— Ты находишь, я глупости все... Можетъ-быть, по-вашему. Что это у тебя за книга... Постой: „Когда же увидишь, что мысли твои утомляются и не могутъ болѣе держаться внутри сердца, тогда позволь имъ выйти внѣ и поимѣть просторъ въ божественныхъ созерцаніяхъ“. Ничего не понимаю. Для васъ и книги особья. Кто ихъ пишетъ? Я, впрочемъ, на этотъ счетъ всегда былъ глупъ. А Елена Борисовна тебѣ кузина вѣдь? Ты ея подлеца, Алешку Копрова, не видѣлъ? Не понимаю я, что мнѣ мѣшаетъ ему ребра переломать — да кстаги и Моисея Лукича на первую осину вздернуть... Самое ему мѣсто.

— За что?

— Какъ за что?

— Такъ! Ты подумай. Вѣдь правы они, а не ты. Они свое берегутъ, а ты на чужое заризишься...

— И вовсе не свое. Она не любитъ мужа.

— А ты почему это знаешь? Она тебѣ сказала?

— Скажетъ таковская! Держи карманъ. Ее падо, какъ коршуну, клювомъ въ голову, да когти ей подъ крылья. Тогда она скажетъ! А я вижу, мнѣ говорить нечего. Развѣ такую слякоть можно любить? И сколько съ кѣмъ я ни разговаривалъ, у всѣхъ у васъ одинъ резонъ: она съ нимъ вѣнчалась, ей „Исаія ликуй“ пѣли, у нея на рукѣ кольцо, на бракъ церкви благословила. Что же, что? Ну, и благословила — а разводу зачѣмъ? Коли бы не Моисей Лукичъ, котораго только можно уговорить, что ножомъ въ лѣсу — такъ онъ въ лѣсу не ходитъ! Коли бы не онъ — я бы съ Алешкой давно покончилъ миролюбиво. Взялъ бы его, мерзавца, за горло, стиснулъ, чтобы у него языкъ выпятился и глаза вылѣзли на лобъ, да и сказалъ ему: „отдавай жену!“ Небось бы, отдалъ.

— Ты въ умѣ?

— А что?

— Вѣчно жить собираешься? Не умрешь никогда? Ты подумай, какъ ты съ этимъ окаянствомъ къ Богу пойдешь.

— Ну, это не моего ума дѣло.

— Злость у васъ у всѣхъ, жадность!

— Постой... Это вѣдь ея платокъ.

— Оставь.

— Ну, нѣтъ, братъ. Караулъ вѣдь не закричишь, а и закричишь, такъ я въ окно выскочу, а не отдамъ. Ея и есть! Ишь буквы Е. и К. И духами ея пахнетъ. Я, братъ, этихъ духовъ искалъ долго, и нашель. Горничную подкупилъ, десять цѣлковыхъ ей въ зубы — она мнѣ пустую флакошку и принесла. Зовутся они Amargyllis du Japon, — слово иностранное, а что оно значить, чортъ его знаетъ!

— Да отдай же, глупый человѣкъ. Долженъ я ей вернуть.

— Послѣ дождика въ четвергъ.

Онъ спряталъ лицо свое въ батистѣ, пропитанномъ знакомымъ ему ароматомъ, уже не стѣняясь Антонина. Монахъ хотѣлъ ему сказать что-то, да вспомнилъ, какъ, послѣ смерти жены, разъ цѣлый день просидѣлъ съ ея платкомъ въ рукахъ и ему чудилось, когда онъ закрывалъ глаза, что она здѣсь, около него. Такъ и ждалъ, что легкая, теплая рука опустится къ нему на плечо и милый голосъ заговоритъ съ нимъ. Опять тѣнь страданія пробѣжала по лицу отца Антонина, онъ всталъ и подошелъ къ окну...

— Ты думаешь, я мало люблю ее, — вдругъ загово-

рилъ дрогнувшимъ голосомъ Семигоровъ. — Если бы меньше любилъ, давно бы ее уволокъ, какъ волкъ овцу въ лѣсъ. А только боюсь я сдѣлать ей больно, жаль мнѣ покой ея души нарушить—въ нитку бы я для нея вытянулся и обвилъ всю. Скажи она: „ури, Семигоровъ, на моихъ глазахъ“,—тутъ же бы голову себѣ о стѣну размозжилъ. Нѣтъ у меня своей воли—всю она у меня отняла. И какъ подумаю я, что другой, недостойный, тамъ. Про эту сволочь, про Моисея Лукича, я не говорю. Онъ ее мутитъ да бѣситъ. Это не страшно. Этого—поднялъ ногу да растопталъ и растеръ, чтобы мухи не сажались. Нѣтъ, а тихоня-то, вѣдь пойми, вѣдь онъ все-таки цѣлуется ея. Ахъ ты, Господи. Смерть легче!

Онъ вдругъ спряталъ опять лицо въ платокъ Елены Борисовны, и плечи у него заходили.

— Полно, полно! — подошелъ къ нему и положилъ на него свои руки отецъ Антонинъ.

— Что полно! Досталось ему, поганцу, сокровище этакое! — поднялъ онъ влажные глаза, видимо, едва сдерживая рыданіе, подступавшее къ горлу. Даже голосъ охрипъ у него. — Что же, мириться съ этимъ!

— Да тебѣ-то что?

— А ты какъ думаешь, она-то, — я тебѣ, какъ духовнику на исповѣди, никому бы не сказалъ, у меня бы здѣсь умерло? — съ силой ткнулъ онъ себя въ грудь. — Она-то какъ ко мнѣ? А отчего, какъ увидитъ меня, сейчасъ ей кровь въ голову и глаза, какъ звѣзды? Отчего? Разъ я съ ней верхомъ ѣхалъ — она ускакала впередъ, — ну, естественно, дуракъ-то на бѣговыхъ дрожкахъ позади остался. Я ей и говорю: „любишь?“ А она мнѣ: „пока жива — не скажу“. Такъ бы я ее и сорвалъ съ сѣдла, кабы другіе не подсказали. Потомъ уже я добивался, что это значить. А она мнѣ: „Николай Львовичъ, прыгните въ это окно“.

— Ты и прыгнулъ?

— А то какъ же. Камешкомъ шваркнулся. Хорошо что въ дерево сѣлъ, только всю морду себѣ исцарапалъ. А то поминали бы меня со святыми. Только бы и было.

— Она мнѣ это рассказывала.

— Ну, значить, она вспоминала обо мнѣ?

— Еще бы, если ты, какъ сумасшедшій, сюда влетѣлъ.

— А ты думаешь, я въ своемъ умѣ? Давно рехнулся. Голова, братъ, съ нею не уцѣлѣетъ. Я, какъ разжаловали меня тогда, на войну попалъ. Тридцатаго августа, помню, шли мы на турецкій редутъ. Изъ амбразуры пушка прямо на меня пасть свою выпятила, да какъ жарнетъ картечью — и трети насъ не уцѣлѣло

отъ этой дуры. Ну, а къ Еленѣ Борисовнѣ-то куда страшнѣй подходить... Ахъ, ты, Господи, вѣдь вотъ созданы люди другъ для друга, а вышло и стало между ними животное. И терши! По-твоему какъ, — терши?.. Да?.. А я не хочу... не хочу...

И вдругъ, когда Антонинъ вовсе не ожидалъ этого, онъ упалъ и заколотился объ полъ головой, ужъ не сдерживая рыданій. Глухіе удары разносились далеко. Хорошо, что иноки были теперь на работахъ, а то бы сбѣжались въ келью...

„Вчера я, сегодня онъ!“ — подумалъ монахъ, подымая Семигорова.

— Оставь, — забилъ онъ и ногами, и булаками о доски. — Оставь, не жалѣй, мнѣ такъ легче. Если бы не это — я бы что-нибудь и надъ собою, и надъ ними сдѣлалъ... дай мнѣ отойти... Тебѣ вѣдь легко — ты этого ничего не понимаешь.

— У каждаго своя мука въ душѣ, со стороны не видно, — тихо отвѣтилъ ему отецъ Антонинъ, отходя.

— Ты меня не презираешь! — вдругъ поднялся и сѣлъ на полу Николай Львовичъ. — Этакій мужчина! Кочергу могу галстукомъ завязать, а съ собою сладу нѣтъ... У меня вѣдь четыре Георгія! Собственно говоря: отнять бы ихъ у меня слѣдовало за малодушіе... А платка я тебѣ все-таки не отдамъ. Пусть онъ у меня останется сувениромъ. Надоѣлъ я тебѣ. Этакій спектакль, подумаешь, монаху устроилъ. Хорошее удовольствие.

— Жизнь намъ дана не для удовольствія...

— Все-таки ты меня прости — и прощай. Сколько времени пустяками отнял.

— А если ты это пустяками считаешь, брось ихъ, уѣзжай...

— Пустяками для тебя... да, пожалуй, еще для отца Гермогена. Я его истрѣтилъ сегодня — тоже и онъ вчера видѣлъ мою глупость. Потому, кипитъ вѣдь у меня, такъ наружу и претъ, не удержишь, а попробуй удерживать, котель лопнетъ и на воздухъ взорветъ. Ну такъ вотъ, онъ... „Все, спрашиваетъ, безумствуешь?..“ — „Съ вечера, отиѣчаю, не вылѣчился еще“. — „А хочешь я тебя ищѣлю? Вчера я тебѣ капитана Нечаева предлагалъ, а сегодня и самъ могу за его высокоблагородіе. Пойдемъ въ лѣсъ, паломая я прутьевъ и живо изъ тебя духъ этотъ высѣку“... Вотъ они какъ... Ну, не поминай лихомъ, а только чувствую я, что добромъ не кончу. Помолись за меня — самъ я не могу.

(Продолженіе будетъ.)

Исторія Искусствъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,

въ популярномъ изложеніи П. П. Гнѣдича.

(Иллюстрированная бібліотека „Нивы“ на 1897 г.)

Томъ I (вып. 1—4), съ 580 рисунками и 15 раскрашенными картинами — хромолитографіями, печатанными красками (до 20), серебромъ и золотомъ. Подписная цѣна за все изданіе, состоящее изъ 12 выпусковъ, въ трехъ томахъ, 12 руб.; съ перес. 14 руб.

Появившіеся четыре первыхъ выпуска этого обширнаго труда, о которомъ уже обстоятельно извѣщены читатели «Нивы», даютъ намъ ясное представленіе о достоинствахъ всего изданія. Бумага, шрифтъ, художественное воспроизведеніе лучшихъ твореній всемірнаго искусства, пояснительный текстъ въ послѣдовательномъ изложеніи и въ живой, общедоступной формѣ — все это сливается въ одно роскошное гармоническое цѣлое. Таково впечатлѣніе, которое мы выносимъ, обозрѣвая и читая первые четыре выпуска, посвященные древнему Египту, Ассиріи, Вавилону, Персіи, древней Греціи съ ея бессмертными художественными произведеніями, Риму, началу древне-христіанской эпохи, арабскому и средневѣковому зодчеству на Западѣ. Въ обширномъ введеніи, также снабженномъ многочисленными рисунками, рассмотрѣнъ доисторическій періодъ съ его каменными и бронзовыми орудіями, свайными постройками, указывается въ общихъ чертахъ на весь ходъ развитія искусствъ и, наконецъ, выясня-

Рис. XVI. Большой египетскій сфинксъ.

ются задачи эстетики. Таким образом из тумана давно исчезнувшей старины постепенно выступают как бы живые образы, слагающиеся в одну общую картину, говорящую много и уму, и сердцу, благодаря соединению искусно составленного текста с прекрасными рисунками, приходящими на помощь воображению в формах гравюр или художественно исполненных, раскрашенных картин. Эти иллюстрации, это воспроизведение тщательно избранных образцов зодчества, скульптуры и живописи удивительно как помогают нам воскресить в воображении всю жизнь отдаленных исторических эпох, вносят новый свет в наше представление о них, сближают нас с ними. Стоит только взглянуть на многочисленных гравюр, взятых из разных глав «Истории Искусств» и помещенных в настоящем номере, чтобы понять, до какой степени художественное воспроизведение памятников искусства приводит нас на помощь в изучении исторической жизни человечества. Самые совершенные описания не могут так скоро и полно познакомить нас с некоторыми сторонами минувшей жизни человечества, как эти рисунки. Какое ясное представление о таинственном величии древне-египетского ваяния и зодчества дают нам изображения сфинксов и статуй Мемнона или храма Абу-Симбель! Или взгляните на «Дискобола» («Метателя диска») знаменитого греческого скульптора Мирона, и вы сразу поймете, какой исполненный шаг съездало искусство, перенесенное на почву древней и в то же время вечно юной Эллады,—

Рис. XVII. Египет. Статуя Мемнона.

вечно юной потому, что произведения ее искусства бессмертны. Как грандиозно византийское зодчество, если даже судить о нем по сравнительно менее совершенным его образцам, каковы внутренний вид собора св. Марка в Венеции. Великолепие и пышность его бросаются в глаза. И возьмите рядом с ним Кельнский собор, несмотря на громадные свои размеры, воздушный, легкий, весь стремящийся в небо и упо-

Рис. XVIII. Египет. Статуя храма Абу-Симбель.

Рис. 132. Дискоболъ.

сящихъ съ собою помыслы и молитвы людей. Фасадъ флорентинскаго собора S. Maria del Fiore, какъ и арабскія капители изъ Альгамбры и мечети въ Дамаскѣ, несмотря на то, что это только оторванныя, разрозненныя части великаго цѣлага, даютъ намъ ясное понятіе о художественномъ и культурномъ развитіи средне-вѣковыхъ народовъ, а такія картины, какъ «Похищеніе Касторомъ и Поллуксомъ дочерей Левкиппа», или неподражаемая головка ангеловъ у подножія Сикстинской Мадонны, напоминаютъ намъ, что величайшіе живописцы эпохи Возрожденія, Рафаэль и Рубенсъ, еще нѣкъмъ до нашихъ дней не превзойдены. Но если не довольствоваться этими взятыми наудачу произведеніями искусства и познакомиться со всеми рисунками и картинами, помѣщенными въ первомъ томѣ «Исторіи Искусствъ», то мы получимъ цѣльное представленіе не только о живописи, скульптурѣ, зодчествѣ въ болѣе или менѣе отдаленныя эпохи жизни человѣчества, но и объ этой жизни вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ получимъ и существенное подспорье для историческихъ нашихъ знаній. Сухіе факты, усвоенные нами изъ историческихъ книгъ, приобретаютъ тутъ жизненность. Вы видите, какъ люди одѣвались, ѣли, пили, работали, веселились, сражались; ихъ вишній обликъ возстаетъ передъ вами, произведенія ихъ зодчества, скульптуры и живописи раскрываютъ и внутреннюю ихъ жизнь съ ея идеалами, радостями и страданіями быстрой, наглядной, полнѣе, чѣмъ длинныя объясненія или описанія. Такимъ образомъ «Исторія Искусствъ» приходитъ на помощь исторіи, самое талантливое изложеніе которой не можетъ обойтись безъ такого могущественнаго вспомогательнаго средства, какъ воспроизведеніе минувшаго въ живыхъ образахъ, принадлежащихъ рѣзцу и кисти лучшихъ художниковъ. Изучать исторію безъ этого вспомогательнаго средства — значитъ лишать и преподавателей, и учащихся одного изъ существенныхъ условій успѣха. Вотъ почему намъ кажется, что «Исторія Искусствъ» не должна отсутствовать ни въ одной библиотекѣ: она одинаково нужна какъ общимъ библиотечкамъ, такъ и библиотечкамъ *разныхъ учебныхъ заведеній*, а устроенная ея цѣна дѣлаетъ ее доступною и частнымъ лицамъ, т. е. родителямъ и наставникамъ, желающимъ придти на помощь подрастающему поколѣнію при изученіи имъ исторіи.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что у насъ, въ Россіи, нѣтъ книгъ, которыми въ этомъ отношеніи могли бы съ удобствомъ воспользоваться преподаватели, учащіеся и лица ищущія самообразованія. Монографій по разнымъ отраслямъ искусствъ или по оцѣнкѣ жизни и дѣятельности того или другого художника наберется у насъ не мало; есть и энциклопедическіе словари съ краткими и болѣе обширными статьями, посвященными художникамъ и произведеніямъ искусствъ. Но всѣ эти книги даютъ только отрывочныя свѣдѣнія. Трудъ же П. П. Гибдича соединяетъ въ себѣ богатство данныхъ по разнымъ отраслямъ искусства въ различныя эпохи, съ строго послѣдовательнымъ ихъ изложеніемъ... Такимъ образомъ онъ можетъ одновременно служить и руководствомъ для составленія себѣ ясной картины обо всемъ ходѣ развитія искусствъ, и справочною книгою *), въ которой однако каждый отдѣльный предметъ изложенъ не въ отрывочномъ видѣ, а въ связи со всеми остальными. Нельзя изучать и понять искусства эпохи Возрожденія, не будучи знакомымъ съ древне-классическимъ искусствомъ; нельзя изучать и понять отечественнаго искус-

ства, не уяснивъ себѣ искусства другихъ народовъ. Мы живо интересуемся искусствомъ, охотно посѣщаемъ выставки, читаемъ статьи, въ которыхъ оцѣниваются произведенія тѣхъ или другихъ художниковъ, но до сихъ поръ лишены были труда, который давалъ бы намъ общую картину эстетическаго развитія человѣчества, указывалъ бы намъ на связь отдѣльнаго произведенія съ остальными и служилъ бы намъ подспорьемъ для самообразованія въ этой области. Удовлетворить веѣмъ этимъ требованіямъ и имѣть цѣлью «Исторія Искусствъ».

Но разбираемый нами трудъ удовлетворяетъ еще другой, не менѣе существенной потребности нашего общества. Въ своихъ только-что появившихся «Замѣткахъ объ искусствѣ» нашъ знаменитый скульпторъ, г. Антокольскій, горько жалуется на упадокъ у насъ искусства, особенно въ его примѣненіи къ промышленности. «Несмотря на то, — говоритъ онъ: — что въ послѣдніе годы единичныя личности даже въ высшихъ сферахъ старались сдѣлать все возможное, чтобы поднять отечественное искусство и художественную индустрію, — они у насъ не только не подвинулись впередъ, но даже ушли значительно назадъ». Г. Антокольскій подтверждаетъ свою мысль цѣлымъ рядомъ очень убѣдительныхъ фактовъ. При Екатеринѣ II, при Александрѣ I и Николаѣ I, русское зодчество и скульптура не уступали европейскимъ. Но какая пропасть раздѣляетъ напредѣвъ памятникъ Петру I и современныя произведенія скульптуры. Еще неудачнѣе развивалось у насъ индустриальное искусство: послѣ блестящаго начала — жалкій конецъ. Г. Антокольскій не знаетъ, какъ помочь горю, и συμβтуетъ по возможности распространять снимки съ лучшихъ образцовъ искусства, какъ древняго, такъ и новѣйшаго. Мы указываемъ на все это, чтобы выяснитъ, какъ живо чувствуется потребность распространенія у насъ художественнаго вкуса: въ сравненіи съ Западомъ мы ужасно отстали, и произведенія нашей промышленности отличаются большою безвкусицею. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи такіе труды, какъ «Исторія Искусствъ», доступная широкому кругу читателей, могутъ оказать нашему отечеству значительную услугу. Обозрѣвая произведенія всемірнаго искусства въ художественно воспроизведенныхъ снимкахъ, имѣя ихъ такъ-сказать постоянно подъ рукою, сравнивая ихъ съ тѣмъ, что создаетъ современное искусство, мы инстинктивно развиваемъ въ себѣ художественный вкусъ и предохраняемъ себя отъ той безвкусицы, которая грозитъ овладѣть и нашимъ искусствомъ, и нашею промышленностью.

Педагогическое и промышленное значеніе подобныхъ трудовъ, слѣдовательно, весьма существенно, совершенно независимо отъ того наслажденія, которое они даютъ нашему глазу, сердцу и уму. А между тѣмъ и это наслажденіе очень велико: чисто-эстетическое удовольствіе, доставляемое «Исторіею Искусствъ», не уступаетъ пользѣ, которую книга можетъ принести. Въ лицѣ г. Гибдича соединяется художникъ и писатель: онъ горячо любитъ искусство, прошлое и настоящее котораго его живо интересуется, и вполне владѣетъ легкою литературною формою, которая придаетъ жизнь его изложенію главныхъ моментовъ исторіи развитія всемірнаго искусства. Обширное знакомство съ литературою предмета до послѣднихъ дней соединено съ воодушевленіемъ, вызываемымъ его горячею любовью къ предмету, такъ что занимательность книги не уступаетъ ея пользѣ. С.

Шапка Ивона.

Разсказъ Жана Энара.
(Съ французскаго.)

Ну, да, Боже мой! Это былъ неисправимый бретонецъ.

Бреговецъ по упрямству и по пылству.

Но зато отличный матросъ. Всѣ офицеры очень его любили. Я былъ лейтенантомъ на одномъ суднѣ съ Ивомъ, на „Грозномъ“, на бизань-мачтѣ котораго развѣвался адмиральскій флагъ.

*) Для облегченія справокъ первый томъ снабженъ двумя алфавитными указателями: однимъ — для рисунковъ, другимъ — для предметовъ и именъ. Такіе же указатели, конечно, будутъ составлены и для остальныхъ томовъ.

Ивъ, котораго звали также и Ивономъ, не шутилъ со службой. Работалъ онъ какъ волъ, послушаніемъ отличался примѣрными. Честное слово, это былъ отличный матросъ.

Долгъ прежде всего, — это было его выраженіе, и онъ ухитрился дисциплинировать свой порокъ! Ивъ пылствовала совершенно особымъ манеромъ; онъ вносилъ въ это порядокъ, важность, сознаніе своихъ обязанностей относительно морской службы, государства и самого себя.

Его наивности и упрямство бывали часто иреуморительны, но товарищи подсмѣивались надъ нимъ умѣренно или же въ его отсутствіи, хорошо зналъ, до чего онъ вспыльчивъ.

Славный малый отсылал женѣ почти весь свой заработокъ. Тѣ немногія деньги, что онъ оставлялъ себѣ, должны были понемногу накапливаться, пока не получалась достаточная сумма для оргіи въ его вкусѣ, для приличной попойки.

И такъ, пока что, Ивонъ велъ себя умно.

Онъ ждалъ, чтобы на днѣ его мѣшка образовалась та сумма, на которую онъ, наконецъ, купишь себѣ давно желанный девъ выпивки и грѣзь.

Цѣлая поэма—этогъ мѣшокъ. Формой онъ походилъ на валекъ изголовья кровати, какъ всѣ матросскіе мѣшки. Отличался онъ отъ другихъ тѣмъ, что одинъ изъ товарищей-матросовъ, обуреваемый нѣкогда приваніемъ къ живописи, напечаталъ его рисунками невыводимыми чернилами и даже клееными красками очень яркихъ и разнообразныхъ тоновъ. Какъ разъ посрединѣ красовался гербовый щитъ, надъ нимъ два скрещенныхъ флага, а на щитѣ, подъ сѣнью трехъ цвѣтовъ—подвыннившіе матросы, обильшіеся и пошатывающиеся, другіе совершенно пьяные и растянувшіеся на землѣ, а третьи, немного въ сторонѣ, подобно нѣкоторымъ фигурамъ изъ „Праздника“ Рубенса, возвращающіе землѣ виноградный сокъ. А внизу надпись: *Да здравствуетъ вино Франціи!*

Пока у него не хватало денегъ на кутежъ, на основательный кутежъ, Ивонъ никогда не просился на берегъ вмѣстѣ съ товарищами. Нѣсколькихъ рюмокъ ему было бы недостаточно; онъ долженъ былъ „нализаться во всю“. Чѣмъ дѣлать вещи наполювину, ужъ лучше, не правда ли, и не браться за дѣло? У Ива былъ свой идеалъ попойки. Его мечтой было пройти медленно въ продолженіе дня черезъ всѣ стенины оныиѣнныя, свалиться, наконецъ, замертво на землѣ, чтобы за всевозможными грѣхами слѣдовала ширвана забытъ! Ну, а для того, чтобы достичь этой драгоценной развязки, ему требовалось не мало крѣпкихъ напитковъ. Не ребенокъ же онъ, чортъ возьми! Заправскій матросъ, что и говорить. Бутылками Ивонъ одолѣть было нельзя. Онъ не отступалъ и передъ среднихъ размѣровъ бочкой. Готовъ онъ бывалъ только тогда, когда она оказывалась пуста... Въ такомъ родѣ надъ ничъ можно было подучивать. Онъ выслушивалъ все съ важнымъ видомъ. Когда совѣсть у вась чиста, пусть люди чешутъ себѣ языкъ—не бѣда.

Надо было видѣть, съ какой методичностью онъ принимался за свои праздничныя приготовления наканунѣ знаменательныхъ дней, тѣхъ дней, когда онъ сходилъ на берегъ тратить приколденныя денежки.

Сначала онъ набожно извлекалъ со дна своего знаменитаго мѣшка старый табачный кисетъ (изъ бараньяго пузыря), служившій ему кошелекомъ. Съ минуты онъ разсматривалъ его съ растроганнымъ видомъ, потому что одно это зрѣлище вызывало въ его умѣ полную картину тѣхъ наслажденій, которыми кошелекъ долженъ былъ доставить ему.

Онъ бережно укладывалъ этотъ кошелекъ въ карманъ, предварительно открывъ его, опять закрывъ и взвѣсивъ, а потомъ доставалъ изъ своего мѣшка маленькое круглое зеркальце и тщательно принимался себя разсматривать.

Это былъ красивый малый, съ широкими плечами, холеной бородой, съ короткоостриженными волосами, лоснящимися, какъ мѣхъ котика, и чувственными губами, открывавшими зубы акулы, острые и бѣлые-пребѣлые.

Шанка Ивона, плотно подбитая грубымъ холстомъ и натпуганная на легкомъ ивовомъ обручѣ, крѣпко сидѣла на головѣ, немного сдвинутая на затылокъ, выставляла какъ бы хвастливо напоказъ золоченая буква „Грозный“, а на плечахъ митко развѣшались по вѣтру концы лентъ, украшенные золотыми лкорими и совершенно похожіе на красивые кончики флаговъ.

Ивъ былъ всегда очень чисто одѣтъ; его голая, немного красная шея выступала изъ полосатой фуфайки, вся грудь рубашки была тщательно собрана въ мелкія складочки, большой воротникъ былъ слегка накрахмаленъ, вопреки предписанію.—Ивъ, въ праздничные дни, позволялъ себѣ отегупленія. Начальство его любило и многое ему спускало.

Командиръ судна выказывалъ Иву снціальное уваженіе, какое-то особенно лвное уваженіе, снисходительно-веселое, проявлявшееся въ отеческихъ фамильярностяхъ. Ивъ этилъ очень гордился.

Сойдъ на берегъ, чтобы кутнуть, Ивъ пронадалъ. Ушелъ, значитъ, нашъ Ивонъ въ свой славный походъ! Было ли то въ Брестѣ, въ Тулонѣ, въ Алжирѣ, въ Тунисѣ или въ Пирей,—всюду повторилось одно и то же.

Въ какихъ невѣдомыхъ вергенахъ сложился онъ весь девъденской, про то товарищи его, должно-быть, знали. Кабачки набережныхъ съ растворенными настеежъ дверьми на яркомъ солнцѣ, выставлявшие напоказъ прохожиямъ свои выставки жареной рыбы, для него не годились. Ивъ плавалъ въ невѣдомыхъ краяхъ. Онъ любилъ открытое море. Онъ ничего не боялся и смѣло шелъ навстрѣчу всему неизвѣстному.

Онъ былъ вѣренъ своей женѣ. Отъ подозрительныхъ трактировъ онъ не требовалъ ничего другаго, кромѣ права шумѣть во всю, да стучать своимъ страшнымъ кулакомъ по столу, заставленнымъ стаканами и бутылками. Онъ желалъ только свободно говорить тмъ женщинамъ, да обвинять ихъ рукой за талію, чтобы доставить себѣ, въ пьяномъ угарѣ, смутную грѣзу

настоющей, мимолетной любви... А если бѣднлжки становились съ нимъ фамильярны, онъ немного отстранялся отъ нихъ, съ полнымъ достоинства вѣдомъ, и замѣчалъ имъ, что разъ онъ ихъ угощаетъ, то къ дальнѣйшимъ любезностямъ ничуть не обязанъ.

Но вотъ, вдоволь нализавшись, накричавшись, шапѣвшись, да перевернувъ не мало столовъ и стульевъ во всѣхъ потайныхъ кабакахъ, Ивонъ въ концѣ концовъ чувствовалъ себя немного въ туманѣ и нетвердымъ на ногахъ. Его „кренило“, точно лодку. Положительно, его кренило то на правый, то на лѣвый бокъ, а то и качало во всѣ стороны сразу.

Какъ только онъ это замѣчалъ,—совѣсть его неусынно бодрствовала,—онъ бралъ подъ мышку бутылку абсенту или коньяку, на три четверти опустошенную имъ съ помощью случайныхъ собутыльниковъ, и принимался платить по счету съ большимъ вниманіемъ, разъ двадцать пересчитывая тѣ послѣднія деньжонки, что приходилось отдавать; а потомъ, еще довольно прямо держась на ногахъ, онъ покидалъ остальныхъ вѣтрогоновъ, недисциплинированныхъ людей, и оглядываясь обратно на набережную порта.

Ни за что на свѣтѣ Ивонъ не пропустилъ бы часть возвращенія на судно. „Долгъ прежде всего“. А потому нашъ молодецъ возвращался на набережную и даже къ тому самому пункту, гдѣ имѣла обыкновеніе приставать корабельная шлюпка. И вотъ тутъ, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, вполне увѣренный, что товарищи его увидятъ и подберутъ, какъ только лодка подѣдетъ, Ивонъ садился на землѣ, снималъ свою куртку, свертывалъ изъ нея подушку, допивалъ до дна свою бутылку, чтобы достойно завершить такъ хорошо начатое, и, мертвецки пьяный, достигши, наконецъ, своего идеала, засыпалъ своимъ мудрецовъ.

Привычка его была извѣстна, а потому, всякій разъ какъ онъ бывалъ на берегу, грѣбцы, только что причаливши, принимались со смѣхомъ искать его глазами. Рулевой, всматривавшійся впередъ, держась за руль и повернувшись лицомъ къ матросамъ, сидѣвшимъ спиною къ берегу, еще издали извѣщалъ ихъ о его присутствіи:

— Отсюда ужъ вижу нашего Ива. Это не человѣкъ, а чурбанъ. Смѣлѣй, ребята! Я правлю на него... ошибитесь никакъ нельзя!

Лодка причаливала—и каждый отпускалъ свое замѣчаніе:

— Онъ и есть! Ахъ, бездѣльникъ! Ишь ты, плутъ! Нализался во всю! Что твой бочка! Это онъ правильно съелъ себя пьянымъ, молодецъ! Пьянъ, точно въ дѣшъ судового праздника!

Двое человѣкъ поднимали Ивона, кто подъ мышки, а кто за ноги. Его складывали на дно лодки точно мертвеца, и привозили обратно на судно, подъ общій смѣхъ команды,—потому что съ каждымъ разомъ эта манера регулярнаго безпутства казалась имъ все уморительнѣе.

Хотите познакомиться хорошенько съ характеромъ Ива и непреоборимой силой его порока?

Случилось какъ-то разъ, что лодка бѣдла на берегъ зачѣмъ-то до наступленія вечера, и оказалось, что нашъ Ивъ былъ уже на сборномъ пунктѣ и, растянувшись на мостовой, спалъ непробуднымъ сномъ. Конечно, онъ разсчитывалъ „проспать на берегу“ еще часа четыре-пять, но, повѣрьте, что онъ былъ неспособенъ протестовать и даже соображать, что съ нимъ дѣлаютъ. Его отвезли на судно, а онъ все спалъ какъ убитый. Проснулся онъ только на другой день.

— Это ты, Ивъ, что же, остепенился? Ты вернулся вчера на судно нѣсколькими часами раньше, чѣмъ по праву требуется!

Въ отвѣтъ на эти слова насмѣшливаго товарища, Ивъ вскричалъ:

— Я вернулся раньше срока! Должно-быть, тамъ наверху что-нибудь измѣнилось, въ лунѣ, либо въ вѣтрадахъ. Ежели кто хочетъ смѣяться надъ Ивонкомъ, пусть выступитъ впередъ! Я вернулся, какъ слѣдовало по положенію,—товарищи не могли подобрать меня, пока не пришла лодка!..

— То-то, братецъ, наливался ты, что ничего и не знаешь! Да, старина, и пьянъ же ты былъ!.. несла тебя, ровню чурбанъ какой. Ну, да! что ловко, то ловко! преловкая штука!

Когда ему разъяснили смыслъ этихъ шутокъ, Ивъ пожелалъ „само собой, значить“ поговорить съ командиромъ.

Онъ подошелъ къ нему съ сосредоточеннымъ видомъ, верти въ рукахъ свою круглую суконую шанку, непрежнему плотно натпуганную на ивовомъ обручѣ, въ которой обыкновенно имѣлись, подъ жесткой и крѣпкой непромокаемой подкладкой, добрый запасъ табаку, наперстокъ, бѣлыя и черныя нитки, а можетъ-быть и амулеты, дорогіе его бретонскому сердцу.

— Ну, чего тебѣ, любезный?

Онъ развязно началъ:

— Меня обидѣли, ваше высокоблагородіе!

— Тебя, мой другъ? Это невозможно. Тебя всѣ любятъ, и твой товарищи, и начальники. Чѣмъ же могли тебя обидѣть? Начальникъ улыбался, Ивъ гордо поднялъ голову.

— Да, ваше высокоблагородіе, меня обидѣли.

— Какимъ же образомъ? Ну-ка, объясни.

Тогда Ивъ, дѣйствительно, все разсказалъ, не безъ того, однако, чтобы не понизить слегка голосъ въ шекотливомъ мѣстѣ признанія въ своемъ обычномъ пьянствѣ, но сейчасъ же онъ

Рис. XXIII. Византийское зодчество. Внутренний вид собора св. Марка въ Венеціи.

Рис. XXXIII. Фламандская живопись. Асторъ и Пеллукъ похищаютъ дочерей Левкиппа. Картина Рубенса.

Рис. XXVI. Готика. Кёльнскій соборъ.

Рис. 337. Капиталь изъ Альгамбры.

Рис. 336. Капиталь изъ мечети У-Лата въ Дамаскѣ.

Рис. 338. Капиталь изъ Альгамбры.

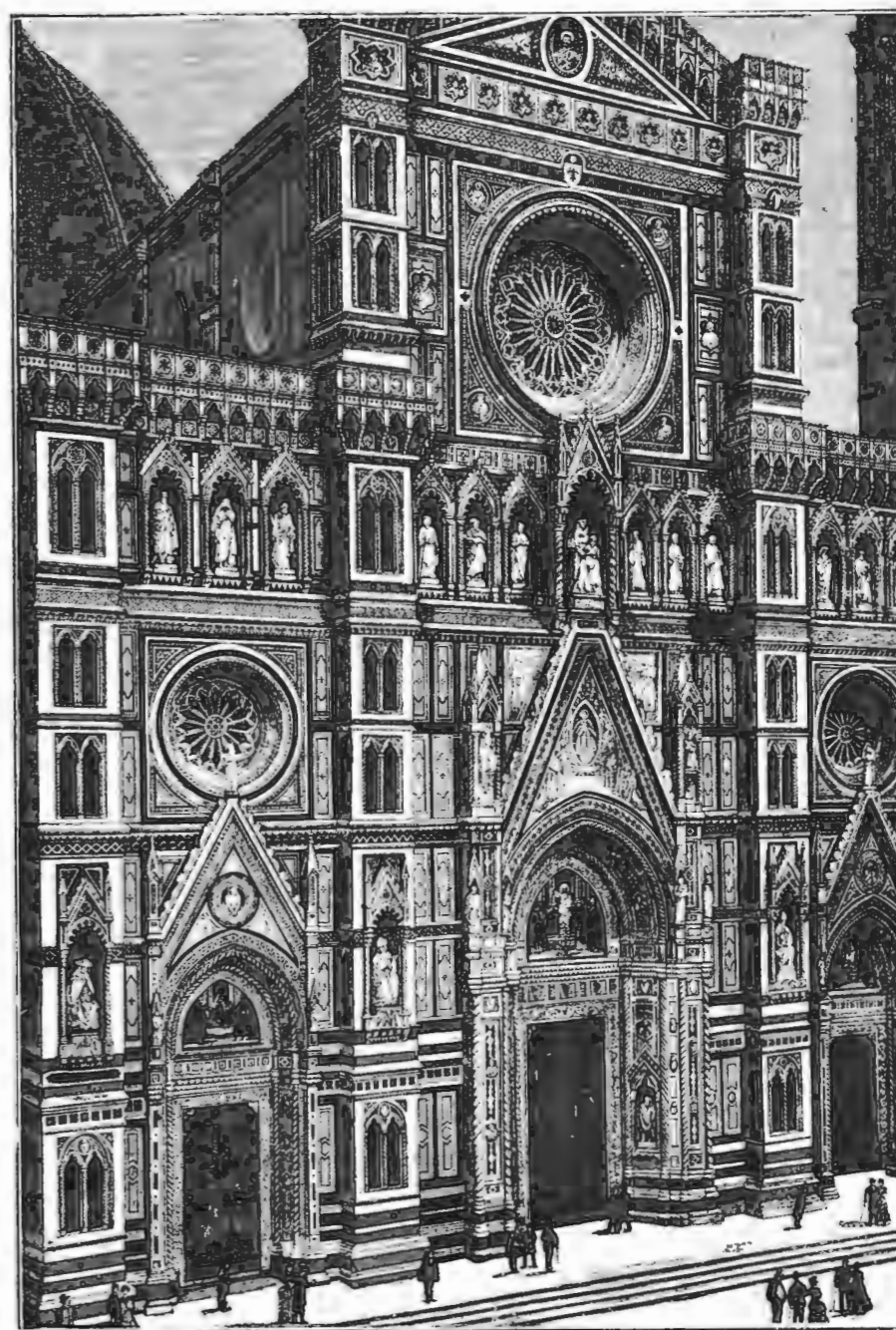

Рис. 531. вновь отремонтированный фасадъ флорентинскаго собора S. Maria del Fiore.

Рис. XLVII. Ангелы у подножія Сикстинской Мадонны. Рафаэль Сан'и.

снова возвысил голосъ, чтобы замѣтить, насколько правильность его дурныхъ привычекъ обезпечивала порядокъ его вседневной службы. Въ заключеніе онъ сказалъ:

— Я былъ отлученъ до десяти часовъ. А подобрали меня въ пять часовъ. Я имѣлъ право проспать пять часовъ на берегу, *на свободѣ!* Да, и говорю, что имѣлъ право быть на берегу! Худого я тамъ ничего не дѣлалъ, потому что я только спалъ, и все тутъ.

— Да разъ ты не зналъ даже, на берегу ты или въ другомъ мѣстѣ, — такъ поразмысли, Ивонъ, какое тебѣ дѣло, что ты спалъ на суднѣ, а не на набережной порта, точно бродяга?

— Они не имѣли права подбирать меня. Вотъ и все. Я имѣлъ право спать на свободѣ. А теперь прому прощенья, ваше высокоблагородіе, а только другіе меня высмѣиваютъ. А мнѣ это не по-вутру.

И, неслыханно-важный, онъ dokonчилъ почти торжественно: — На этотъ разъ ужъ куда ни шло. А только я, значить, ваше высокоблагородіе, надѣюсь, что вдругоридъ это не повторится!

Ивонъ дорожилъ своимъ правами. Если ихъ за нимъ обезпечивали, то, по всей справедливости, можно было твердо рассчитывать, что онъ всегда будетъ исполнять своей долгъ.

Командиръ принадлежалъ къ людямъ „понимающимъ“. Съ величайшимъ трудомъ удалось ему остаться серьезнымъ до конца; однако, это ему удалось, и онъ сказалъ Иву, радуясь въ душѣ:

— Ну, хорошо... иди себѣ съ миромъ... это больше не повторится, обѣщаю тебѣ. Но, ужъ разъ выпалъ такой случай, позволь мнѣ еще разъ дать тебѣ добрый совѣтъ... Откажись отъ своего главного недостатка, мой другъ. Исправься отъ своего порока. Сыграетъ онъ съ тобой какую-нибудь злую шутку. Самъ видишь, человекъ не знаетъ, ни что самъ дѣлаетъ, ни что дѣлаютъ другіе. Перестанешь и человекомъ-то быть. Послушай меня, Ивъ, не паникуй больше; такъ лучше будетъ.

Но Ивъ покачалъ головой. Онъ имъ дорожилъ, своимъ порокомъ; кромѣ выпивки у него не было другого удовольствія.

— Пусть просятъ отъ меня чего угодно, — говоривалъ онъ иногда, — лишь бы я могъ отъ времени до времени паниваться! Откажись отъ этого? Какъ бы не такъ! Развѣ что умру... а ужъ по мнѣ лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ выпивки!

Но вотъ, ко всеобщему удивленію, случилось такъ, что нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ Ивъ не ѣздилъ на берегъ. Ни разу, слышите, ни разу не спустился онъ больше на берегъ... Ужъ и впрямь не перемѣнилось ли что тамъ, наверху, на лушѣ или въ звѣздахъ? Да что случилось, Боже правый! Исчезъ накрахмаленный воротничокъ, исчезли складочки на рубашкѣ... Въ маленькое зеркальце больше не смотрѣлся. Куда дѣвался комедекъ, что вынимался изъ мѣшка да завѣшивался съ лукавой миной.

Товарищи его высмѣивали:

— Ишь, какой красной дѣвнцей сталъ, совсѣмъ святоша.

Да, Ивъ больше не панивался!

Онъ отказался отъ своихъ тайныхъ кутежей.

Мы стояли въ Тулонѣ; Ивъ служилъ непрежнему на „Грозномъ“, однимъ изъ самыхъ большихъ нашихъ броненосцевъ, на самомъ дѣлѣ грозномъ посреди всѣхъ этихъ судовъ. Это былъ обширный пловучій городъ, постоянный военный городъ, съ укрѣпленіями и башнями, съ желѣзными балконами, подвѣшенными къ желѣзнымъ мачтамъ и уставленнымъ пушками-мигальбѣрами, который висѣлъ такимъ образомъ въ прострѣтѣхъ и грозилъ одновременно всѣмъ пунктамъ горизонта.

И этотъ пловучій городъ населенъ былъ дѣльными народомъ.

— Ну, что же, — сказалъ я въ одно прекрасное утро Ивону, смотрѣвшему, какъ другіе уѣзжаютъ на берегъ, — сегодня твой день отпуса. Значить, ты больше туда не ѣдешь, старина, а? Донесли тебя въ концѣ концовъ наши совѣты?

Онъ слѣдилъ за удалявшейся наемной лодкой, увозящей его товарищей. Онъ смотрѣлъ на нее унылымъ, равнодушнымъ взоромъ. Такъ смотритъ монахи, когда въ глубинѣ своихъ келій они думаютъ о суетѣ мірской.

Ивъ не отвѣчалъ. Я разсмѣялся.

— Тѣмъ лучше, что ты такъ перемѣнился! Мы ли не совѣтовали тебѣ, бывало, перестать такъ паниваться!.. Помнишь, Ивъ? И ничего не пошло. Въ чемъ же дѣло, а? Повѣрка мнѣ свой секретъ! Что же тебѣ исправило?

Ивъ меня очень любилъ.

— О! я не исправился, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ. — И ужъ такъ-то мнѣ досады не ѣдять больше туда.

— Однакоже ты пересталъ вовсе ѣздить! И ты больше не пьешь. Давненько ты тамъ не бывалъ?

Онъ продолжалъ тѣмъ же глухимъ, разсерженнымъ голосомъ: — Я вовсе не для того не ѣзжу больше на берегъ, чтобы не пить. Вотъ ужъ нѣтъ! Говорю вамъ, что мнѣ чертовски досады.

— Такъ почему же?

Отвернувшись отъ меня, точно ему было стыдно, Ивонъ отвѣчалъ:

— Вамъ-то это можно сказать, ваше высокоблагородіе, потому что вы меня любите! Вотъ въ чемъ дѣло. Тамъ, въ Брс-

стѣ, наша сосѣдка — сосѣдка по этажу, значить, того дома, гдѣ мы живемъ, на самомъ верху, на чердакѣ... ну, такъ она умерла. Послѣ нея осталось двое ребятокъ, пяти и восьми лѣтъ, которыхъ, стало-быть, жена моя приютила у себя, какъ оно и слѣдуетъ... Ну, оно и выходитъ, само собой, что я больше не могу паниваться... Никакъ невозможно! Приходится посылать всѣ свои деньги этимъ бѣднымъ мальчуганамъ... Никакъ невозможно... Приходится все посылать!

Великодушный бѣдняга! Онъ подчинился безъ фразъ долгу, на который смотрѣлъ, какъ на заповѣдь... „Никакъ невозможно!.. Приходится все посылать!“ Слова эти выражали роковое значеніе долга, какъ онъ его понималъ. Онъ, простодушный, ничего не осаривалъ. Послѣ сосѣдки осталось двое дѣтокъ, *стало-быть*, онъ взялъ ихъ на свое поначеніе: а чтобы прокормить ихъ, онъ, *само собой*, отказался отъ единственнаго достижимаго ему удовольствія въ жизни, отъ того законнаго порока, котораго не могли исправить ни убѣжденія, ни совѣты, ни приказанія, ни присмотръ начальства и докторовъ, ни угрозы болѣзни и смерти. Пришла необходимость быть добрымъ и милосерднымъ дѣвомъ самого героическаго успія, и онъ оказался вдругъ готовымъ на это, безропотный, покорный, какъ ребенокъ. Онъ подчинился приказу Господа Бога, Который, навѣрное, представился ему въ видѣ весьма величественнаго, стараго-престараго и весьма почтеннаго адмирала.

И пока я смотрѣлъ вслѣдъ Иву, удаляющемуся по палубѣ „Грознаго“, и чувствовалъ, что слезы застилаютъ мнѣ глаза.

Черезъ недѣлю послѣ этого мы уѣзжали изъ Тулона. Дѣло было зимой. День былъ холодный, но яркое солнце сверкало на рейдѣ, а такъ какъ это былъ день какого-то праздника, то безчисленные группы любопытныхъ, разряженныхъ по воскресному, разбросанные тамъ и сямъ по берегу и по моламъ, присутствовали при нашемъ снятіи съ якоря и отплытіи.

Когда якорь былъ снятъ, величественное судно медленно тронулось и поплыло впередъ, удаляясь все съ болѣею и болѣею скоростью. Ивъ, помогая маневру, состоящему въ томъ, что якорь прицѣпляется къ борту, спустился на босу ногу на этотъ гигантскій якорь, висѣвшій надъ слегка волнованной водой; уже на взглядъ чувствовалось, что вода эта ледяная.

Такъ какъ мы стояли на якорѣ довольно близко отъ фарватера, то мы сейчасъ же вышли на рейдъ и поплыли въ нѣкоторое волненіе. Быстрота нашего хода увеличилась.

Вдругъ раздались крикъ, а за нимъ сейчасъ же послѣдовали прованцельскіе призывы судовыхъ свистковъ:

— Человекъ упалъ въ море!

Приходилось остановиться. Это дѣлалъ исторія; всѣ отдали уже приказанія паниваться, всѣ маневры прерываются и торжуются. Вахтенскій офицеръ ругался и съ досады тонаетъ ногой. Командиръ недоволенъ, адмиралъ также. Правильный маневръ отплытія испорченъ на глазахъ всѣхъ этихъ разряженныхъ жителей, глядящихъ съ берега и спрашивающихъ себя, что мы тамъ могли напутать.

Пренудная исторія!

Между тѣмъ я съ кормы, со своего поста, смотрѣлъ на воду, отыскивая упавшаго матроса, и увидалъ моего честнаго Ивона...

Я нимало не встревожился... Онъ плавалъ какъ акула; онъ развѣсивъ разсѣкалъ воду, но, странное дѣло, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за „Грознымъ“, гдѣ все и всѣ переполошились изъ-за него же, этотъ чудакъ удалялся отъ своего судна, да еще опрометью!..

Но сейчасъ же я нашелъ наглядное разъясненіе этого страннаго маневра.

Шанка Ивона, опрокинувшись внутренностью вверхъ, плавала какъ маленькій корабликъ, то поднимался, то опускался по зыби волнъ.

Онъ плылъ за своей шапкой!

Я видѣлъ, какъ онъ схватилъ ее и быстро подѣлъ на голову. Затѣмъ онъ повернулъ на другой галсъ и возвратился къ намъ.

Я внутренно смѣялся, хотя и порядкомъ жалѣлъ бѣднягу, навѣрное сильно продрогавшаго. Когда Ивона втащили снова на судно, съ него такъ и струилась вода; зубы его стучали. Не было еще и часу, какъ онъ поплылъ, а потому опасались прилива крови къ голодѣ. Его растерли и уложили въ постель въ каютѣ. А часъ спустя я принялъ его паниваться. Онъ напился чаю и рому. Лицо его такъ и дышало здоровьемъ, и подъ вѣнчаннымъ спокойствіемъ я отлично разбиралъ какое-то лукавство. Мнѣ захотѣлось узнать, въ чемъ дѣло.

— Послушай, Ивъ, — сказалъ я ему, — такой ловкачъ, какъ ты, не падаетъ въ море въ хорошую погоду, отправляясь на якорь. Старый морякъ умѣетъ вѣнчаться въ него ногтями и лапами, что твой паукъ въ стѣну!

Онъ улыбнулся... Тогда я поиробовалъ задѣть его за живое.

— Ишь ты какой неволкій верига! — сказалъ я ему. — Какъ, неужели ты и впрямь упалъ? Знаешь, это прямо стыдно!

— Шш! — сказалъ тогда нашъ Ивонъ съ лукавымъ взглядомъ. — Вы-то человекъ добрый, ну, такъ вамъ и сказать можно. Вы меня не выдадите! Ну, да чего ужъ!.. Совсѣмъ я и не падалъ; вы сейчасъ поймете... Другіе ни о чемъ не догадались. Упала-то только моя шанка, потому что ней хлестнуло веревкой и швырнуло ее въ море! А я-то стою на своемъ якорѣ и смотрю на нее, какъ дуракъ. Смотрите, какъ это она плыветъ

подъ понутымъ вѣтромъ, точно дѣтскій корабликъ. А сердце такъ и надрывается... Она плыла довольно быстро, потому что вѣтеръ толкалъ ее впередъ, а мы-то собирались плыть по пяти узловъ въ часъ, да въ противную сторону... Ну, тутъ ужъ и не выдержалъ... Моя шанка, вы только подумайте! Чего-чего въ ней не было, вещи разные: иглаки, нитки, мой наперстокъ, мой табакъ и разныя другія разности. Да и сама-то шанка денегъ стоитъ! Всего франковъ на пять наберется... Ну, видите, ваше высокоблагородіе: это были деньги тѣхъ двухъ бѣдныхъ малышей; могъ же „Грозный“ и остановиться,—не бѣда!

Онъ былъ правъ, нашъ Ивъ; онъ хорошо сознавалъ жизненные законы. Для тѣхъ двухъ крошекъ, которыхъ онъ кормилъ, для тѣхъ двухъ оспротѣвннхъ дѣтишекъ, правда, „могъ же „Грозный“ и остановиться,—не бѣда!“

Такимъ образомъ, шанка Ивона сама по себѣ смогла остановитъ на ходу одинъ изъ самыхъ страшныхъ бронепосцевъ Франціи, несннй на себѣ цѣлый военный арсеналъ, шесть-сотъ человѣкъ команды и заслуженнаго адмирала.

И всякій разъ потомъ, стоило мнѣ только взглянуть на скромную шанку Ивона, мени охватывало душевное умилеііе.

Къ рисункамъ.

Старая, но вѣчно-юная тема... Тема, вдохновлявшая почти всѣхъ художниковъ, не перестающая вдохновлять ихъ и нынѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не перестающая до сихъ поръ интересовать насъ, волновать наши сердца... Да и какъ можетъ пріѣхать эта тема, когда и теперь все такъ же остается она въ одиночествѣ, когда все попрежнему онъ далеко-далеко, гдѣ-нибудь въ дальнихъ краяхъ, оторванный отъ семьи, друзей, а подчасъ и отъ родины... Въ каждой странѣ, въ каждомъ городѣ, селеніи можно сіішше да рядомъ наблюдать такія картины... Особенно въ нынѣшнія времена, когда громадные города, точно колоссальные магниты, притягиваютъ къ себѣ всѣ рабочія руки, всѣхъ, кто только силенъ и крѣпокъ... Настоящая картина принадлежитъ англійскому художнику и представляетъ намъ скромный бытъ средней англійской рабочей семьи съ ея скромнымъ довольствомъ. Тутъ все есть: и „домашній очагъ“, и незаменимая „приляка“, и старушка-мать съ кофейникомъ, и цвѣты на оконкѣ, — но только далеко, далеко тотъ, трудами котораго это добыто...

Картина К. А. Фельдмана * „На Дитпрѣ“ представляетъ намъ бытъ „русскихъ мореплавателей“, нашихъ мужичковъ-гопщниковъ лѣса... Тутъ тоже уходятъ далеко-далеко, тутъ тоже направляются „въ городъ“... Тихо, подгоняемые теченіемъ да заунывной пѣсней, тиснутъ „гонки“ по рѣкѣ внизъ... Такія картины можно встрѣтить на любой славяной рѣкѣ, а особенно часто, понятно, на такихъ большихъ, какъ на Дитпрѣ. Волгѣ и ея громадныхъ притокахъ Окѣ и Камѣ и др. Издали посмотришь,—точно плывучій островокъ... Кое-гдѣ разбросаны домики, наскоро сколоченные изъ досокъ, посреди курится дымокъ—на очажкѣ котелокъ съ варевомъ, а кругомъ сгрученные лѣсные великаны, уложенные въ ряды и образующіе одну сплошную нѣмощь... Судно считается по международ-

ному праву оторванной частью территоріи,—такъ и эти гонки, это—оторванная часть деревни, съ ея обитателями, лнненіями и невзгодами... Такъ же, какъ и у себя на селѣ, трудятся они здѣсь день-деньской, до поту шапирал на руль, обыкновенно безсильный направить куда нужно эти громадные плоты... Такъ же безотрадно проходитъ для нихъ здѣсь день, и только утомленіе до окаменѣнія отъ такого страшнаго труда можетъ послать имъ крѣпкій сонъ на этихъ сырыхъ бревнахъ, надъ самой водой... Да и только крѣкое здоровье нашего крестьянина можетъ выдержать десятки лѣтъ такихъ „крѣпкихъ“ сновъ...

Святитель Сергій, игумень и чудотворецъ Радонежскій, основатель Троицко-Сергіевой лавры — одно изъ самыхъ дорогихъ именъ русскому сердцу... Уже болѣе полутысячелѣтія прошло со дня его блаженной кончины, и имя его всегда было и будетъ идеаломъ святаго подвижничества и трудовой жизни. Святительскою рукою преподобнаго Сергія Радонежскаго благословенъ былъ великій князь Дмитрій Іоанновичъ передъ боемъ съ Мамаемъ. Семьдесятъ семь лѣтъ пребывалъ на землѣ св. Сергія, и вся его жизнь, начиная съ ранняго дѣтства, была примѣромъ воздержанія и полнаго отрѣшенія отъ всего мірскаго. Примѣръ святителя привлекъ къ такой же жизни къ нему въ пустынь и другіе, и вскорѣ вокругъ него собралась братія и основалась обитель. Но чуждый всякихъ помысловъ о главенствѣ и почестяхъ, святитель трудился вмѣстѣ съ остальной братіей, со всѣми наравнѣ, исполнилъ всѣ тяжелыя работы, и, кромѣ того, самъ же, подобно св. Феодосію, служилъ всѣмъ. Въ неустанныхъ трудахъ на благо обители и церкви православнои и опочилъ святитель въ 1381 г.; мощи его найдены были въ 1422 г. Картина М. В. Нестерова, воспроизведенная здѣсь съ послѣдней XXV передвижной выставки, и даетъ въ яркомъ изображеніи „труды св. Сергія Радонежскаго“.

Пребываніе его величества императора австрійскаго Франца-Іосифа I въ С.-Петербургѣ.

(Съ 6 рисунками.)

Въ прошломъ номерѣ *Нивы*, въ отдѣлѣ „Разныхъ Извѣстій“, помѣщено было подробное описаніе, по официальнымъ свѣдѣніямъ, пребыванія его величества императора австрійскаго Франца-Іосифа I въ С.-Петербургѣ,—со дня прибытія—15 апрѣля, по день отъѣзда—17 апрѣля.

Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ рисунки, относящіеся къ этому радостному событію, горючо интересовавшему не только всю Россію, почтенную визитомъ мастиаго монарха, но и весь міръ. Рисунки эти воспроизводятъ частью нѣсколько моментовъ, непосредственно предшествовавшихъ пріѣзду его императорскаго и королевско-апостолическаго величества, частью нѣсколько интереснѣйшихъ моментовъ Высочайшаго смотра войскамъ на Марсовомъ полѣ, состоявшагосъ въ честь и въ присутствіи императора Франца-Іосифа.

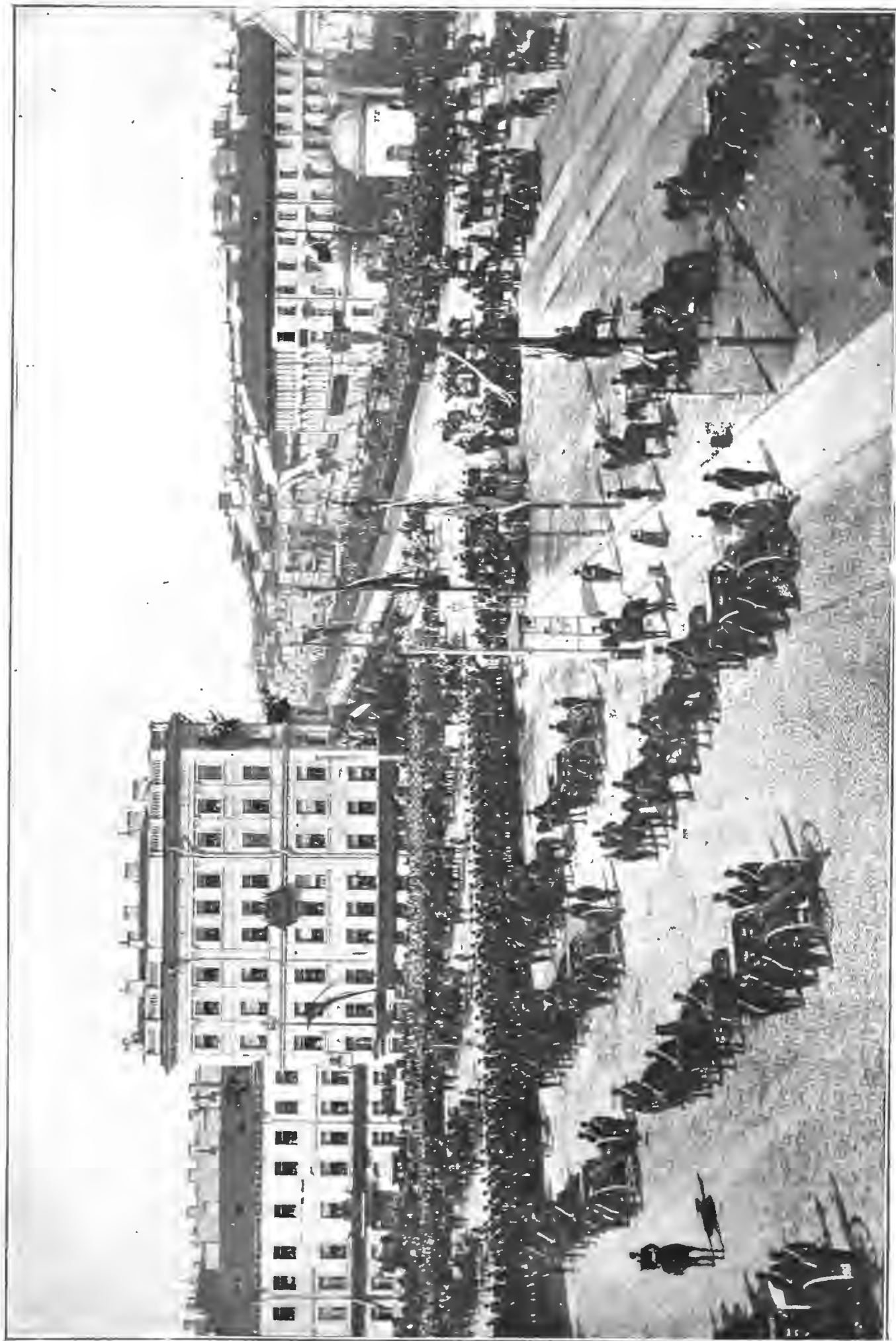
Встрѣча августѣйшаго гостя Іосударя Императора была обставлена очень торжественно. Торжественность всей картины усиливала ясная весенняя погода. Съ утра всѣ улицы, прилегающія къ Невскому проспекту, наполнились народомъ; народъ густой массой покрылъ тротуары Невскаго проспекта, множество головъ видѣлось въ открытыхъ окнахъ. Балконы вездѣ были переполнены, и даже на крышахъ домовъ находились зрители.

Съ 9 часовъ утра, по обѣимъ сторонамъ пути Высочайшаго слѣдованія начали располагаться шпалерами войска петербургскаго гарнизона. На площади около Николаевскаго вокзала стала артиллерія, Михайловское артиллерійское училище и лейбъ-гвардіи 1-я артиллерійская бригада въ конномъ строю съ орудіями; тутъ же выстроился гвардейскій полевой жандармскій эскадронъ (см. рис. на стр. 424). Вдоль Невскаго проспекта, съ лѣвой стороны пути до самаго Анничковскаго моста, протянулись яркой лентой полки гвардейской кавалеріи въ конномъ строю. Противъ кавалеріи и юнкеровъ, по другой сторонѣ Невскаго, построились полки 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Затѣмъ, до Каванскаго моста, обѣ стороны улицы были заняты шпалерами отъ полковъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Между Каванскимъ соборомъ и Полицейскимъ мостомъ стали: съ одной стороны—лейбъ-гвардіи

саперный батальонъ, военная электро-техническая школа и морской кадетскій корпусъ, съ другой—лейбъ-гвардіи резервный пѣхотный полкъ и с.-петербургское пѣхотное юнкерское училище. Построеніе шпалерами на Невскомъ заканчивалось гвардейскимъ экипажемъ и своднымъ батальономъ флотскихъ экипажей. На Большой Морской, вплоть до выѣзда изъ-подъ арки, построились: по лѣвой сторонѣ пути—18-й саперный батальонъ и Павловское военное училище, а по правой—батальонъ 200-го пѣхотнаго резервнаго александровскаго полка и батальонъ лейбъ-гвардіи кексгольмскаго императора австрійскаго полка. На Дворцовой площади опять расположилась артиллерія—двѣ батареи Константиновскаго артиллерійскаго училища, лейбъ-гвардіи 2-я артиллерійская бригада и три батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады. На флангахъ частей стояли хоры музыки и трубачей. Войска были въ парадной формѣ въ мундирахъ.

На Николаевскомъ вокзалѣ къ тому времени стали уже съѣзжаться высшіе военные и гражданскіе чины. Наружный фасадъ вокзала былъ украшенъ русскими, австрійскими и венгерскими флагами. Перронъ со стеклянннмъ галлерею роскошно украсенъ былъ матеріею, флагами, экзотической зеленью и цвѣтами. Входныя и выходныя двери Императорскихъ покоевъ, украшенныхъ живыми цвѣтами, были декорированы бѣлымъ сукномъ съ золотой бахромой и такими же кистями. По сторонамъ входа были художественно сгруппированы пальмы и другія тепличныя растенія, на темно-зеленой листьѣ которыхъ ярко выступали розы, азалии, сирени и гіданшты. Вдоль всей платформы былъ протянутъ красный коверъ. По расчету, вагонъ императора австрійскаго долженъ былъ остановиться шагахъ въ штидесати отъ Царскихъ покоевъ. Около мѣста остановки вагона были также художественно сгруппированы цвѣты и растенія. Къ 9 часамъ утра на желѣзно-дорожной платформѣ, между мѣстомъ остановки Императорскаго вагона и входомъ въ Царскія комнаты, построился почетный карауль—рота лейбъ-гвардіи кексгольмскаго императора австрійскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки. Въ исходѣ десятиаго часа, когда уже на вокзалѣ собрались Ихъ Император-

Прибытіе Его Величества австрійскаго императора Франца-Іосифа I въ Петербургъ. Расположеніе войскъ на Знаменской площади у Николаевскаго вокзала, въ ожиданіи прибытія императора. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нива“.

Прибытие Его Величества императора австрийского Франца-Иосифа I в С.-Петербург. Государь Император в форме 2-го австрийского пехотного императора Александра I-го полка, в ожидании прибытия императорского поезда, на платформе Николаевского вокзала. После обхода почетного караула от лейб-гвардии кенсгольмского полка. С фот. К. Булла авторизация „Нивы“.

Прибытие Его Величества императора австрийского Франца-Иосифа I в С.-Петербург. В ожидании прибытия императорского поезда на платформе Николаевского вокзала. Государь Император в форме 2-го австрийского пехотного императора Александра I-го полка обходит и здоровается с лицами свиты. С фот. К. Булла авторизация „Нивы“

скія Высочества великіе князья, лица Свѣты Его Величества и чины австрійскаго посольства, прибыли Его Императорское Величество Государь Императоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Сѣдѣя въ коляскѣ изъ Зимняго дворца, Его Величество милостиво здоровался съ выстроеными по пути войскамъ. Выйдя изъ Царскихъ комматъ на платформу, Государь Императоръ поздоровался съ карауломъ (рис. на стр. 425). Его Императорское Величество былъ въ формѣ 2-го австрійскаго пѣхотнаго императора Александра I полка и въ австрійской лентѣ ордена св. Стефана. Государь Императоръ обходилъ, милостиво здоровался, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, блестящую группу лицъ Свѣты Его Величества и августѣйшихъ особъ, вытянувшюся на правомъ флангѣ караула. Всѣ были въ парадной формѣ, многіе въ австрійскихъ орденахъ и лентахъ; справа расположились чины австро-венгерскаго посольства, въ числѣ ихъ совѣтникъ посольства маркизъ Паллавинни въ черной венгеркѣ и секретарь графъ Форгагъ въ роскошномъ національномъ костюмѣ венгерскаго магната, въ шелковой фиолетовой венгеркѣ, затканной золотомъ и олушенной соболемъ (рис. на стр. 426). Ровно въ 10 часовъ утра подошелъ къ платформѣ Императорскій полкъ, и Ихъ Императорскія Высочества, послѣ взаимныхъ сердечныхъ привѣтствій, представивъ другъ другу лицъ Своей свѣты, выѣхалъ съ его высочествомъ эрцгерцогомъ Оттономъ, наволзли, какъ было уже у насъ упомянуто, отбыть въ Зимній дворецъ, захавъ предварительно въ Анничковскій дворецъ, чтобы посѣтить Государыню Императрицу Марію Теодоровну.

На другой день, по прибытіи его императорскаго и королевско-апостолическаго величества, въ честь императора состоялся на Марсовомъ полѣ Высочайшій смотръ войскамъ, въ составѣ 53¼ батальона, 37 эскадроновъ, 15 сотенъ, 102 пѣшихъ и 38 конныхъ орудій. Но даже обширное Марсово поле не могло умѣстить на себѣ такого значительнаго числа войскъ, и потому часть ихъ заняла еще Дворцовую площадь и набережную Невы.

Въ 9½ часовъ утра войска вступили, по сообщенію *Ирав. Вѣстника*, на назначенныя мѣста. Пѣхота и пѣшая артиллерія построились на Марсовомъ полѣ фронтомъ къ Лѣтнему саду въ шесть линій. Кавалерія и конная артиллерія расположились: 2-я гвардейская кавалерійская дивизія — развернутымъ строемъ вдоль всей набережной отъ Лѣтняго сада до Дворцоваго моста, тыломъ къ Невѣ и правымъ флангомъ къ Зимнему дворцу; 1-я гвардейская кавалерійская дивизія стала въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ справа на Дворцовой площади. Войска были въ парадной формѣ, въ мундирахъ. Всѣми войсками командовалъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій великій князь Владиміръ Александровичъ; войскамъ, расположеннымъ на Марсовомъ полѣ, — командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ князь Оболенскій; кавалеріей и конной артиллеріей командовали: на Дворцовой площади — Его Императорское Высочество великій князь Павелъ Александровичъ, а на Дворцовой набережной — начальникъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Остроградскій.

Погода какъ нельзя болѣе благоприятствовала параду. Отсутствие пыли и яркое солнце придавали всей картинѣ особый блескъ, который еще усиливался благодаря новой недавно введенной формѣ нѣкоторыхъ полковъ гвардейской кавалеріи. Несмѣтныя массы народа заняли всѣ прилегающія къ мѣсту парада улицы. Обширныя трибуны, устроенныя на Марсовомъ полѣ вдоль Дебяльскаго канала (рис. на стр. 429), были плотно заняты многочисленной и парадной публикой.

Въ исходѣ десятаго часа на площади у Собственнаго Его Величества подъѣхалъ Зимняго дворца собрался верхами иностранные военные агенты, лица свѣты императора австрійскаго и состоящие при его величествѣ; лица Свѣты Государя Императора, среди которыхъ находились командующій императорскою главною квартирою и дежурство: генералъ-адъютантъ князь Долгорукій, Свѣты Его Величества генералъ-майоръ князь Голицынъ и флигель-адъютантъ графъ Шереметевъ, военный министръ, министръ Императорскаго Двора и ихъ императорскія высочества эрцгерцогъ австрійскій Оттонъ, великіе князья Алексѣй Александровичъ и Александръ Михайловичъ и его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Политическое обозрѣніе.

Налутствуя живѣйшей симпатіей знаменательное событие — свиданіе Императоровъ въ русской столицѣ, австро-венгерская печать выразилась, что визитъ императора Франца-Иосифа по-казываетъ передъ всѣмъ свѣтомъ дружбу Австро-Венгрии и Россіи. Въ этомъ-де весьма отрадномъ фактѣ, когда двѣ принадлежатъ къ различнымъ группамъ державъ имперіи свидѣтельствуютъ о своихъ взаимныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, — заключается громадный успѣхъ Европы за послѣдніе годы. Ручательствомъ въ недопущеніи европейской войны могутъ служить личности обоихъ Императоровъ. Восточнымъ событіямъ позднѣйшаго времени усидли значеніе свиданія въ смыслѣ дальнѣйшей дѣятельности обеихъ имперій для сохраненія мира.

Въ 9 ч. 55 м. утра изъ Дворца изволилъ выѣхать Государь Императоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Его Величество былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи 1-го Имени Своего стрѣльцоваго батальона, въ австрійской лентѣ ордена св. Стефана. Сѣвъ на коня и поздоровавшись со Свѣтою, Государь Императоръ сталъ ожидать выхода австрійскаго императора. Его величество Францъ-Иосифъ вышелъ изъ Дворца и сѣлъ на коня ровно въ 10 ч. утра. Императоръ былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи кексгольмскаго полка и въ Андреевской лентѣ. Войска отдали честь, музыка заиграла австрійскій гимнъ. Государь Императоръ подъѣхалъ и вручилъ магистру монарху, Своему августѣйшему гостю, строевой рапортъ. Затѣмъ, Ихъ Величества, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей Свѣты, направились вдоль фронта войскъ при восторженномъ „ура“ и звукахъ австрійскаго гимна. Высочайшій объѣздъ, начавшись на Дворцовой площади, направились по набережной къ Лѣтнему саду (рис. на стр. 427). Прослѣдовавъ черезъ Лѣтній садъ по средней аллеѣ, Ихъ Величества выѣхали къ правому флангу войскъ, построенымъ на Марсовомъ полѣ. Объѣхавъ всѣ шесть линій (рис. на стр. 428), Ихъ Величества прослѣдовали къ Царской палаткѣ, въ которой уже находились Ихъ Императорскія Высочества великія княгини Елисавета Теодоровна, Елисавета Маврикіевна и Ксенія Александровна, великая княгиня Елена Владиміровна и Ихъ Высочества герцогиня Авгастія Николаевна Лейхтенбергская и принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская (рис. на стр. 429). У Царской палатки, вокругъ Ихъ Императорскихъ Величествъ сгруппировались: эрцгерцогъ Оттонъ, великіе князья Михаилъ Александровичъ, Андрей Владиміровичъ, Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Николай Николаевичъ, Александръ Михайловичъ, принцы Александръ Петровичъ, Константины Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе, все военное начальство и свита.

Было 11 часовъ утра, когда войска построились къ церемониальному маршу. Во главѣ войскъ изволилъ стать Его Императорское Величество Государь Императоръ, имѣя за Собою Его Императорское Высочество генералъ-инспектора кавалеріи, военнаго министра, начальника главнаго штаба и свиту. Далѣе стали по уставу чины главнаго штаба и Августѣйшій главнокомандующій войсками со штабомъ и лицами, состоящими при особѣ великаго князя. По знаку Верховнаго Вождя, войска двинулись церемониальнымъ маршемъ.

Государь Императоръ, проѣхавъ мимо императора австрійскаго, салютовалъ его величеству, а затѣмъ, сдѣлавъ заѣздъ, занялъ мѣсто правѣ императора.

Войска прошли одинъ разъ. Пѣхота проходила въ батальонныхъ двухъводныхъ колоннахъ справа шагомъ. Лейбъ-гвардія навловскій полкъ пронесла, имѣя ружья „на-руку“, подъ звуки своего традиціоннаго для этого движенія марша. Пѣшіе артиллерійскіе батальоны прошли въ четырехъводныхъ колоннахъ. Пѣшая артиллерія прошла шагомъ, развернутымъ фронтомъ на сужитыхъ интервалахъ. Кавалерія также проходила шагомъ. Конная артиллерія шла по-батареино, развернутымъ фронтомъ, рысью.

Императоръ австрійскій парадировалъ передъ Государемъ Императоромъ на правомъ флангѣ л.-гв. кексгольмскаго имени своего полка. Кексгольмцы удостоились при этомъ особой благодарности своего августѣйшаго шефа.

За прохожденіе всѣ части удостоились Высочайшей благодарности. По окончаніи церемониальнаго марша, вся кавалерія построилась въ линію дивизионныхъ колоннъ вдоль Царцынскій улицы, тыломъ къ казармамъ лейбъ-гвардіи навловскаго полка. По командѣ Августѣйшаго генералъ-инспектора кавалеріи, вся эта масса конницы, блистая на солнцѣ своими касками и кирасами, бросилась въ карьеръ по направленію къ Царской палаткѣ. Картина была поразительна. Это стройное и стремительное движеніе и въ безупречномъ порядкѣ совершенная остановка въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Императора заслужила особую Высочайшую благодарность, встрѣченную кавалеріей громовымъ и долго несомкавшимъ „ура“.

Императоръ австрійскій сердечно благодарилъ Ихъ Императорскія Высочества Главнокомандующаго войсками и Генералъ-Инспектора кавалеріи.

Петербургскіе тосты, которыми обмѣнялись оба Императора, пронесли въ Австро-Венгрии самое отрадное впечатлѣніе: перюдическая печать откликнулась восторженными статьями, видными въ соглашеніи между Австро-Венгріей и Россіей новый залогъ европейскаго мира; всѣ газеты безъ различія партій полны горячихъ симпатій къ Россіи и къ ея Государю. Особенно отзывчиво отпелась къ событію венгерская печать. По выраженію *Pester-Lloyd'a*, тосты Императоровъ разнесли „радостную увѣренность въ существованіи великой солидарности, направленной къ высокой цѣли — сохраненію мира“. Теперь-де обезпечена общность стремленій всей Европы къ сохраненію спокойствія и существующаго порядка на Востока.

По мнѣнію правительственнаго органа — *Nemzet*, въ Венгріи теперь „вѣтъ никого, кто бы не испытывалъ удовольствія отъ этого сближенія“. Отнынѣ-де „Венгрія и Россія могутъ навсегда жить въ наилучшей взаимной дружбѣ“.

Вообще западно-европейская печать отмѣтила визитъ императора Франца-Иосифа, какъ политическое событіе первостепенной важности, упрочившее установившіяся между Россіей и Австро-Венгріей общій взглядъ на восточный вопросъ. Свиданіе обонхъ Императоровъ сопровождалось совмѣстнымъ дипломатическимъ шагомъ русскаго и австро-венгерскаго правительствъ, воздавшихъ похвалу балканскимъ государствамъ соблюдающимъ нейтралитетъ въ вышеишемъ фазисѣ восточнаго вопроса, понутно съ серьезнымъ, однако, предостереженіемъ по адресу этихъ претендентовъ на турецкое наслѣдство. По свѣдѣніямъ изъ Вѣны, отъ 18 апрѣля, графы Муравьевъ и Голуховскій равослали тождественныя ноты представителямъ Россіи и Австро-Венгріи — въ Бѣлградѣ, Софіи, Бухарестѣ и Цетиньѣ — съ извѣщеніемъ, что „при обмѣнѣ мыслей между

Турція не видитъ пока со стороны Сербіи и Болгаріи опасности для тыла арміи, дѣйствующей противъ Греціи. Довѣряя миролюбивымъ завѣреніямъ болгарскаго правительства, Турція распорядилась даже объ отправкѣ пятнадцати батальоновъ низама съ болгаро-македонской границы на театръ военныхъ дѣйствій.

По послѣднимъ извѣстіямъ, Порта всячески продолжаетъ ладить какъ съ болгарами, такъ и съ сербами. Султанъ поминловалъ вѣскольکو десятковъ ссыльныхъ болгаръ, осужденныхъ за участіе въ прошлогоднемъ возстаніи. Экзархатъ получилъ 500 лиръ въ видѣ пасхальнаго подарка султана и разрѣшеніе открыть 10 церквей. Султанъ общалъ въ ближайшемъ времени покончить съ вопросомъ о бератахъ на открытіе новыхъ епархій. Въ то же самое время совѣту министровъ поручено разрѣшить вопросъ о признаніи сербской національности.

По свѣдѣніямъ изъ Константинополя отъ 17 апрѣля, сербскій посланникъ Георгіевичъ, не получая удовольствительнаго отвѣта о македонскихъ школахъ и по вопросу о митрополитѣ въ Ускюбѣ, выѣхалъ въ Бѣлградъ. Вслѣдъ затѣмъ, однако, Порты въ тотъ же день увѣдомила сербское правительство, что грекъ Амвросій удаленъ изъ Ускюба административнымъ путемъ, а школьный вопросъ разрѣшается султанскимъ ираде. Это обстоятельство послужило поводомъ для новаго разлада въ патриархіи: вселенскій патриархъ протестовалъ противъ удаленія ускюбскаго митрополита.

На театрѣ военныхъ дѣйствій борьба идетъ теперь исключительно въ предѣлахъ греческаго королевства. После рѣшительной побѣды турокъ надъ Тырнаво, утромъ 13 апрѣля турецкій авангардъ вступилъ въ Лариссу, овладѣвъ 6 тяжелыми орудіями, горной батареей и захвативъ въ числѣ плѣнныхъ вѣскольکو человекъ офицеровъ. Вслѣдствіе происшедшей паники, отступление грековъ приняло характеръ бѣгства. Съ большими затрудненіями греческая армія стала стягиваться на второй оборонительной линіи

подъ Фарсаломи. Одновременно усилившейся натискъ турокъ въ Эпирѣ заставилъ грековъ и здѣсь начать послѣднее отступление. Щады своихъ солдатъ, турки по всей боевой линіи тщательно набѣгаютъ фронтальныхъ атакъ, достигая блестящихъ результатовъ ловкимъ обходомъ непріятеля, обращая его въ бѣгство. Въ среду 16 апрѣля, послѣ непродолжительнаго боя, турками занята Трикала. На слѣдующій день Эдхемъ-паша вступилъ съ своимъ штабомъ въ Лариссу, торжественно встрѣченный мусульманскимъ населеніемъ. Дальнѣйшія движенія турокъ направлены къ позиціямъ, господствующимъ надъ ларисской равниной. Греки сосредоточили подъ Фарсаломи до 30 тысячъ человекъ. По компетентнымъ отзывамъ, въ греческой арміи усиливается деморализація и полная распыленность организаціи, вслѣдствіе чего слѣдуетъ ожидать отступления грековъ въ Отрисскія горы для пассивной обороны на позиціяхъ, чрезвычайно удобныхъ для небольшихъ отрядовъ. Въ Аоннахъ начались враждебныя династич. движенія: республиканская агитація подняла голову. Для успокоенія умовъ король приказалъ Деліанису подать въ отставку, чего тотъ не исполнилъ. Затѣмъ, по порученію короля, вождь парламентской оппозиціи Ралли сформировалъ 17 апрѣля новый кабинетъ. Въ засѣданіи парламента 19 апрѣля новый министр-президентъ высказался за преобразование арміи, чтобы отстоять честь Греціи. После бурнаго засѣданія палата отсрочила свою сессію.

Во избѣжаніе неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ для королевской семьи, вѣкоторыя иностранныя военныя суда набрали пока своей стоянкой Пирей.

Высочайшій смотръ войскамъ въ честь Его Величества императора австрійскаго Франца-Иосифа I. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и императоръ Францъ-Иосифъ въ сопровожденіи лицъ свиты направляются изъ Зимняго дворца по Дворцовой набережной къ мѣсту смотра — Марсову полю. Съ фот. генер. А. А. Насвѣтвичя автотипія „Нивы“.

обонми Императорами представился случай отмѣтить съ чувствомъ удовлетворенія корректный образъ дѣйствія правительствъ Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Черногоріи въ переживаемомъ Европейской Турціей фазисѣ. Этотъ образъ дѣйствія тѣмъ болѣе отвѣчаетъ желаніямъ обонхъ Императоровъ, что они исполнены твердой рѣшимости поддерживать общій миръ на основаніи порядка *status quo*“.

Изъ Бухареста уже сообщено, что румынское правительство поручило своимъ посланникамъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ выразить по этому поводу „полное удовольствіе королевскаго правительства“, считающаго себя счастливымъ высказаннымъ одобреніемъ его миролюбивыхъ стремленій къ сохраненію всеобщаго мира. По извѣстіямъ изъ Софіи, сообщеніе русскаго правительства принято тамъ съ „большимъ удовольствіемъ“.

Официозная болгарская печать категорически опровергаетъ распространенныя было слухи о болгаро-сербскомъ союзѣ на почвѣ будущаго раздѣла Македоніи, ради чего пришлось бы отрѣшиться къ насильственному захвату оттоманской территоріи, за неприкосновенность которой высказалась единодушная воля Европы. Въ цѣляхъ предохранить себя отъ всякихъ неожиданностей со стороны Сербіи и Болгаріи, Порты выразила готовность признать сербскую національность въ предѣлахъ Европейской Турціи, принудивъ вселенскаго патриарха разрѣшить споръ о митрополитѣ въ Ускюбѣ — въ пользу сербовъ. Въ то же самое время обѣданы и болгарамъ вѣкоторыя уступки въ Македоніи, а князь болгарскій получилъ отъ своего суверена-султана официальное приглашеніе побывать въ Константинополѣ. Вообще, по отзывамъ вѣнской официозной печати,

Высочайшій смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ въ честь Его Величества императора австрійскаго Франца-Иосифа I. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и императоръ Францъ-Иосифъ объѣзжаютъ части войскъ. Съ фот. К. Булла австро-венг. „Нивы“.

Высочайшій смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ въ честь Его Величества императора австрійскаго Франца-Иосифа I. Царская палатка и трибуны для публики. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и императоръ австрійскій Францъ-Иосифъ смотрятъ прохожденіе войскъ. Съ фот. К. Булга автотипія „Нивы“.

Въ греческой арміи произошли важныя перемены. Діадохъ, его штабъ и фактической главнокомандующій арміей отчислены отъ должностей. Та же участь постигла командировъ какъ западной, такъ и восточной эскадры, бездѣйствіемъ которой особенно возмущаются греки.

Какъ сообщаютъ изъ Аѳинъ, отъ 22 апрѣля, полковникъ

Вассосъ отозванъ съ Крита и назначенъ командующимъ эпирской арміей. Его помощникъ назначенъ начальникомъ штаба королевича Константина.

По извѣстіямъ изъ Константинополя, до 15 тысячъ грековъ заняли позиціи въ тылу Фарсала, передъ которыми стоятъ турецкія войска. Греки энергично отстаиваютъ Велестино.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: I-я пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе.) — „Исторія Искусствъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“, въ популярномъ изложеніи П. П. Гнѣдича* (съ 12 рис.) — Шапка Ивана. Рассказъ Мана Зюара. (Съ французскаго.) — Въ рисункахъ: Омъ далеко, далеко... — „На Дятлѣ“. — „Труды преподобнаго Сергія Радонежскаго“. — Пробываніе его величества императора австрійскаго Франца-Иосифа I въ С.-Петербургѣ (съ 6 рис.). — Политическое обозрѣніе. — О переѣздѣ адреса. — Объявленія.

При этомъ же прилагаются: 1) Сочиненія П. Д. Боборыкина, т. V (Сборникъ „Нивы“ за май); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за май съ 28 рис. и отд. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. вел. и 32 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

Съ выходомъ разосланнаго теперь подписчикамъ 4-го выпуска

законченъ первый томъ

„ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ“

въ популярномъ изложеніи П. П. ГНѢДИЧА.

Большой, объемистый томъ in quarto, заключающій въ себѣ 80 печати. листовъ, 642 страницы, и множество иллюстрацій: 580 рисунковъ въ текстѣ и 15 раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографій, печатанныхъ около 20 красками, золотомъ и серебромъ) въ приложеніи.

Содержаніе I-го тома: Введеніе. — Египетъ. — Передняя Азія. — Эллада. — Римъ. — Древне-христіанская эпоха. — Арабы. — Зодчество на Западѣ. — Оглавленія и алфавитные указатели именъ, предметовъ и рисунковъ.

„Исторія Искусствъ“ выходитъ въ 12-ти ежемѣсячныхъ выпускахъ, которые составятъ 3 тома in quarto, заключающихъ въ себѣ болѣе 2000 рисунковъ и 33 раскрашенныхъ таблицы.

Подписка продолжается: за 12 выпусковъ безъ доставки 12 руб., съ пересылкою и доставкой 14 руб.

Подписка принимается также на все изданіе въ трехъ томахъ, въ прочныхъ и изящныхъ полушагреновыхъ переплетахъ, съ золот. тисненіями, по цѣнѣ безъ пересылки и упаковки — 18 р., причемъ изданіе высылается или сразу, по выходѣ послѣдняго тома, въ декабрѣ с. г., или отдѣльными томами, по мѣрѣ выхода таковыхъ, а именно: теперь — I-ый томъ, II-ой томъ — въ августѣ и III-й томъ — въ декабрѣ с. г. За упаковку всего изданія въ переплетъ взимается 1 руб., а наждаго тома отдѣльно — по 75 коп.

Лицамъ, получившимъ уже нѣсколько выпусковъ, могутъ быть высланы отдѣльно три полушагреновыя крышки для переплета по цѣнѣ съ пересылкою 4 руб. Высылка же имъ дальнѣйшихъ выпусковъ въ переплетахъ, а равно возвращеніе ими уже полученныхъ выпусковъ, для замѣны ихъ переплетенными томами, не допускается.

Разсрочка платежа на переплетенные экземпляры допускается: при подпискѣ — не менѣе 8 р., въ июлѣ — 4 руб. и въ октябрѣ — 4 р. Отдѣльные томы не продаются.

Такъ какъ пересылка по почтѣ стоитъ слишкомъ дорого, то въ требованіяхъ слѣдуетъ непременно обозначать ближайшую станцію желѣзной дороги или отдѣленіе транспортной конторы, гдѣ заказчикъ желаетъ получить изданіе, причемъ стоимость пересылки по жел. дороги или черезъ транспортную контору уплачивается адресатомъ на мѣстѣ. Если же заказчикъ желаетъ получить изданіе по почтѣ, то сверхъ стоимости изданія и упаковки, слѣдуетъ прислать на пересылку почтою отдѣльно каждаго тома въ переплетѣ — за 12 фунтовъ, а всѣхъ трехъ томовъ вмѣстѣ — за 32 фунта по почтовой таксѣ (стоимость пересылки 1 фунта отъ С.П.Б. до мѣста назначенія можно узнать въ каждой почтовой конторѣ).

Пробные экземпляры перваго выпуска (Египетъ, Передняя Азія и Эллада) продаются по 1 р. Иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно.

Для любителей особо роскошныхъ изданій

ОТПЕЧАТАНО ТОЛЬКО 50 НУМЕРОВЪ. ЭКЗЕМПЛЯР.

на слоеной бумагѣ. Цѣна этого роскошнаго изданія — 50 р., съ перес. 55 р.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса. С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
горькая вода источника

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Булавестѣ.

БЕССАРАВСКОЕ УЧИЛИЩЕ ВИНОВЪДІЯ
въ г. Кишиневѣ.

Пріемъ ежегодно въ августѣ мѣсяцъ. Подробныя свѣдѣнія высылаются по требованію бесплатно. № 10068 3-3

Schlesischer Obersalzbrunnen

Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ бесплатно.

Контора отправки минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЕНЪ.

ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

5-2 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. № 10156

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ
за Всероссийской выставкѣ 1896 г. за „Мыло Диспозе“ П. И. Виноградова.

НОВОЕ ИЗобр. МЫЛО ДИСПОЗЕ

ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ БЕЗЪ ПАРКИ

ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ мыла на оборотѣ и на мылѣ штанинъ „Мыло Диспозе“. БѢЛЫЕ высушаются замѣчательно быстро. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрая стирка. МЫЛА этого расходуется ВЪ ТРИ РАЗА МЕНѢЕ простаго. Совершенно безопасно для тканей бѣлье. Удостовер. за № 3780. Экономично для бани. Продажа во всѣхъ. Отв. у П. И. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. № 10057 4-3

ВЯЗАТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ
 Шафгаузенской фабрики Гальвекци продаются у Ф. В. Гунз в Б. СПб., Невский пр., № 5. 4-4

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
 отъ 9 р. за кусокъ широкъ 26/28 аршинъ. Фанза, крепь, платин, че-су-ча цвѣтная. **ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫЙ** нараванный китайскій чай 1 р. 60, 2 р., 2 р. 20 и 2 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. ЕПАНЕШНИНОВА, Москва, Никольская ул. д. Греческ. мон. Изгор. высыл. съ нѣлжъ платеж. при высылкѣ 10% на суммѣ заказа.

ОЦИНКОВАННОЕ НИКОГДА НЕ РЖАВЮЩЕЕ ГАЛВАНИЗИРОВАННОЕ ЖЕЛѢЗО ДЛЯ КРЫШЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.
ЗАВОДЪ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
 въ Москвѣ. Тв. вост., Петр. слоб., соб. д. Прейсъ-куранты безплатно.

НОВѢЙШІЙ СПОСОБЪ
 превращенія фотографическ. отпечатка на бумагѣ, фарфорѣ и стеклѣ въ живопись, художеств. картину при абсолютномъ неумѣнн рисоватъ **ОБУЧАЮ ЗАОЧНО** посредствомъ писемъ. сношеній этому новому способу всехъ, даже совершенно незнакомыхъ съ живописью. Желаніемъ высылать проспекты въ видѣ пробнаго урока за одну 7 к. марку. Адресъ: Москва, Девяъ пер., д. Краш. Ц. № 10111 совсѣнн. 5-9
 Фотографія А. С. Шиманскаго.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА
Московского Семеновскаго сталелитейнаго завода
 доводитъ до свѣдѣнія, что заводъ открылъ свое дѣйствіе и принимаетъ заказы на стальное литье вѣсомъ отъ 1/2 фунта въ штукѣ до ста пудовъ и болѣе. Заводъ помѣ- III. № 10198 щается въ Москвѣ близъ нѣмецкаго кладбища. 3-1
Телефонъ № 1959.

Лѣчебница д-ра Эммериха
 для нервныхъ, морфинистовъ и т. н. больныхъ.
Баденъ-Баденъ. 24-9
 Проспекты безплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейнница въ Берлинѣ. Завѣдыв. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзенъ.

Trichner's Fettwinder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
 Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незаменима на кожѣ. Косметическое средство для улучшенія красоты кожи.
 Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлала. Марандиши для бровей. Искются во всехъ косметическихъ и авторскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бельгійскихъ императорскихъ театровъ.
 Главннй складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ.
 В. № 9646 15-18

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ДЕНТИФРИЧЕС
МАРКА ФАБРИКЪ
ДОСТЕУР ПЬЕРРЕ
 ИЗЪ МЕДИЦИНСКАГО ФАКУЛЬТЕТА ВЪ ПАРИЖѢ
ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
 А. № 9861 **ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.** 24-9

ОБШИРѢЙШІЙ СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ (около 1000 штукъ въ наличности).
— Новости сезона 1897 г. —
АМЕРИКАНСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
 „ВИКТОРЪ“ (первая марка Америки), „ГИКОРИ“ (съ деревянной рамой), а также испытанные лучшіе велосипеды „СВИФТЪ“, „ПРЕМЬЕРЪ“ и др.
ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО
М. Блок
 Правленіе: Москва.—Отдѣленія: С.-Петербургъ, Одесса, Кіевъ, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н./Д.

СЕЗОНЪ: май—октябрь. КУПАНЬЯ РЕЙХЕНГАЛЛЬ.
 Разсолныя, сыворотковыя купанья и самый большой нѣмецкій климатическій курортъ въ баварскихъ Альпахъ. Ваннъ изъ разсолонъ, маточнаго разсолон, грязей и соевоно вѣстракта; козья сыворотка, коровье молоко, кефиръ, соки альпійскихъ травъ, всѣ минеральныя воды свѣжаго роулня; болшіе пневматическіе аппараты, вдыханія нѣскаго рода, градирни, источники разсолон; лѣченіе по способу проф. Эртеля, холодное водолѣченіе и врачеванія гимнастика. Наилучшія гигиеническія условія, достигаемыя съ помощью ключеваго водопровода, канализація и дезинфекція; обширный паркъ съ крытыми верандами; площадка для крокета и хоумъ-тенниса; близость сосновыхъ лѣсовъ и хорошо содержимыя дорожа во всехъ направленіямъ; ежедневно два концерта оркестра, театр, кабинеты для чтенія, шалънаторожня, телеграфы и телефонныя станція. Болѣе подробныя свѣдѣнія высылаются безплатно купальнымъ комиссаріатомъ (K. Badecommisariat). В. № 9994 2-2

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
 для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ** въ г. РИГѢ
 изготовляетъ въ болшомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.
 Продаются во всехъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинныхъ и оптовыхъ конторахъ. Т. № 10105 20-3

Д-РА ТОМСОНА *Послѣ употребленія средства.*
Денилаторій въ порошокѣ.
 Лучшее и совершенно безвредн. средство въ немедленн. удаленію волосъ на мѣстахъ, гдѣ ростъ ихъ нежелателенъ. Цѣна коробки 1 р. 60 к.
 Въ Петербургѣ этотъ денилаторій продается: у Г. Еомкина, Гостиный дворъ, № 19; Н. Ушакова, Гостиный дворъ, № 83; В. Шарикова и К^о, Гост. дворъ, № 78. Въ Москвѣ—у А. Ралеа и К^о.
 Требуйте только денилаторій ТОМСОНА. *тыхъ какъ болшинство друг. средствъ производятъ вредное дѣйствіе на кожу.*

ЛЕОНГАРДИ
 достоивательно-извѣстна, единственно настоящія
Алициариновыя чернила
 для письма и копирования
 (мелкнесто-орѣшковаго 1-го класса по отнѣванъ государственныхъ учре- № 9834 жденій), 20-7
ЛЕГКО - СТЕКЛЯЮЩАЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.
НАИЛУЧШИЕ:
 для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получить почти во всехъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.
 Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.
Авг. Леонгарди
 въ Дрезденѣ,
 изобрѣтатель и единственнй фабрикантъ.
 ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОНЪ.

ТОВАРИЩЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ.“
 Москва. * Рига. * СПбургъ.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ.

ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕННОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай Э. Швейтцеръ, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: Швейтцеръ, Москва.

НОВОСТЬ!
ДУХИ
 ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОПАЦКИ
 ПОСТАВЩИКОВЪ
 ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАЛЛЕ И К°.
 Москва, Кузнецкій мостъ.
 С.-Петербургъ, Невскій, № 18. (16)

ПИАНО-МЕЛОДИКО механический музыкальный инструментъ со струнами; играетъ оригинально звучащимъ тономъ, сходнымъ съ игрою оркестра изъ мажорныхъ. Большой выборъ нотъ. Очень удобны для танцевъ. Цена безъ нотъ 70 р. Ноты по 60 к. за метръ. Списокъ нотъ безплатно.

РЕКОМЕНДУЕТЪ
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное дело и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
 Москва, Бульварный м. д. Захарьина.

№ 4711.

О-ДЕ-ЛИ
 (EAU DE LYS)
 ВОДА ДЛЯ МЫТЬЯ КОЖИ ЛИЦА
4711
 ЛИЦОВО-МОЛОЧНОЕ МЫЛО.
 Чистое и вѣжное мыло для туалета, свободное отъ всякихъ острыхъ прикосновений. При покупке просить обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ.
 Цена 1 р. в 60 к. за флаконъ, смотря по величинѣ. 4-1

КУШАТЕ
ГЕРКУЛЕСЬ.

К. Шликэizenъ,
 Берлинъ SO.
 машино-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половъ и проч. (56)
 Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клееныхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу.
 Валцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

СТОЛКИНДА МОСКВА
 КАПСЮЛИ
ДЕЗОДОРАТЬ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ ЗЛОВОНІЯ
 въ ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ И Т.Д.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ Складъ: Аптекарская торговля А. Столкінда, Лубянской подомъ Смольянинова.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
 НАЧИНАЯ СЪ 12 РУБ. ДО 500 РУБЛЕЙ
 СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,
 УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ,
 ИЛИ КРЕДИТЪ-КУРАНТЬ. АБОКЪ УАВ.
 РѢШЕТЕ БЕЗПЛАТНО
БРУНО ЗЕНГЕРЪ И К°
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 25.
 ПЛТ. СКЛАДЪ: ГАБРИИЛЪ ФАДДЕЕВЪ.

Списокъ торговцевъ, торгующихъ нашими „СКОРОХОДАМИ“ и „САНДАЛИЯМИ“, перепечатанъ въ № 14 сего журнала. При покупкѣ слѣдуетъ всегда обращать вниманіе на нѣмощее на каждой подошвѣ фабричное клеймо, чтобы обезпечить себя отъ приобрѣтенія хотя бы и дешевыхъ, но зато и недоброкачественныхъ поддѣлокъ.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

Новѣйшее для дѣтей
ВОЛШЕБНАЯ ЖИВОПИСЬ.
 Дѣти проводятъ кисточкой съ чистомъ водою по картинкамъ, и оны сейчасъ же превращаются въ раскрашенные.
 Очень заѣвно и удивительно.
 80 картъ 2 р. 25 к., 40—за 1.25, 20—за 70 к.
 Цѣны съ пересылкою. Деньги можно выслать марками. Съ нал. плат. 10 к. дорожю.
БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20-31.

КИРПИЧНЫЯ МАШИНЫ
 рельсы, опрокидывающ. вагончики,
 ПРЕДЛАГАЕТЪ
АРТУРЪ КОППЕЛЬ,
 СПВ., Невскій 18, уголъ Б. Морской,
 Москва, Мясницкая, № 48. 4-4

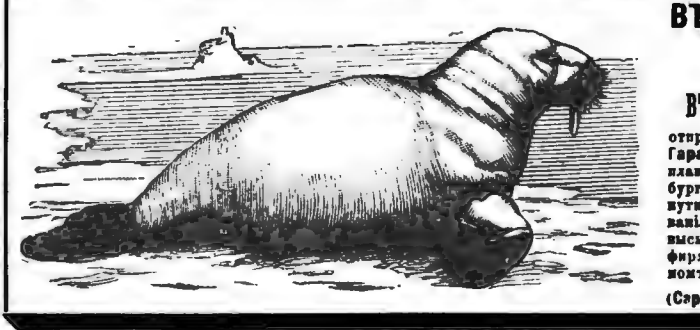
!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
 Заочное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій - корреспонденцій, по новѣйшему, легчайшему и понятному для каждаго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются БЕЗПЛАТНО.
 Преподавательница Е. Д. Ашмарина.
 Казань, Б. Житомирская, № 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиница „ВИКТОРИЯ“
 Казанская ул., д. № 29.
 Первоклассная гостиница съ большими просторными комнатами; электрическое освѣщеніе; ванна. Обиліе всего пожеланія.
 Владелецъ **К. И. ЛАНГЕ.**
 10-8

Кумысъ.
 Кумысо-завѣди. заведеніе д-ра Постякова открывається съ 1-го мая. Подробности: Самара, д-ръ Постяковъ. Кумысъ-экспортъ высылаются ящиками (60 бут. - 30 р.) 10 р. за датку. Ш. № 101842-2

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“.
 Скорость, прочность, удобство. Поставляемъ усовершенствованн. Цена 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина **„КОСМОПОЛИТЬ“.**
 Самый новис. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цена 95 р. Полнор. ящикъ съ ней 10 р. Описание и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются безплатно.
Оптикъ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

ВИСБАДЕНЬ.
 Лѣчебница д-ра Леера и купанья Нероталь.
 Санаторія для страдающихъ болѣзнями крови, нервными, ревматизмомъ и т. п.
 R. 9930 8-4 Д-ръ Шубертъ.

ВЪ НОРВЕГІЮ,
 на ШПИЦБЕРГЕНЪ,
 ВЪ СТРАНУ ВѢЧНАГО ЛЬДА

отправляется пассажирскій пароходъ „Менгъ Гарвальдъ“, подъ командою поларнаго мореплавателя капитана Баде. Отплытіе изъ Гамбурга 2-го августа и. ст.; продолжительность пути - 30 дней, изъ нихъ около 5 дней пребыванія на Шпицбергенѣ. Подробныя объявленія высылаются безплатно изъ всѣхъ отдѣльныхъ фирмъ Рудольфа Моссе, а также и капитаномъ В. Баде, изъ Висмара въ Мекленбургѣ (Capt. W. Bade, Wismar in Meckl.) 2-1

СПЕЦИАЛЬНАЯ выписка велосипедов лучших английских заводов. Сбыты выписывает Генрих Георгиевич Моманчик Москва, угол Тверской и Старого Гаванского пер., д. Фальц-Фейль, № 109.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучиваясь в 6 уроков заочно. Метод удостоен золотой медали и благодарности короля Эдвина. За два 7 коп. марки высылаю условия и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кат. Э. Кошдарист. № 9852 10-9

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ для устройства и перестройки **КРАХМАЛЬНЫХ ЗАВОДОВЪ** В. Г. Уландъ, Лейпцигъ. W. H. Umland, Leipzig. Прейс-кур. высылаются бесплатно.

ВСЕМЪ МАТЕРЯМЪ! дѣтская присыпка **„ЗОИЪ“**. Лучшее антисептическое средство отъ прыщей, кожныхъ болячекъ и т. п. „Дѣтскаго занаха“, присыпанаго порошочкомъ и подражающимъ дѣтямъ. Развѣшено Харьк. Врачебн. Отдѣл. № 5310. Б. и. 30 и. вал. и. 20 и. Ц. № 10071 Продажа всѣхъ. 6-4

НАКЛЮЧАЮЩАЯ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ
2 шт. 3 р. 75 к.
Цѣна 1 шт. 2 р.

ПОРТМОНЪ со ШТЕМПЕЛЕМЪ. Подробности и объясненія въ прилагаемыхъ объявленіяхъ.

Въ контору фабрики **Аморт. катуш. швейцарск. М. ФИШМАНЪ ВАРШАВА** БѢЛАНСКАЯ 28.

ТРЕБУЙТЕ для санитаріи **НОЖИЦА ИРУНЪ и ОТЪ ЗАГАРА КРЕМЪ ОРИЗА** ПР. В. ШМОЛЬ 1900 Ц. № 20357. ПРОДАЖА БЕЗПЛАТНО.

СЕРВАН 60. ТЕЛЕФОНЪ 1360. **ПРОСИТЬ** АЗЕРЫХЪ АКАДЕМІИ ЖЕЛѢЗОВАТЬ ему **НЕУЖИЖНЫ ВЕЩИ**

АУДИОНЪ ПО ВОСПИТАНІЮ ВОСПИТАНИЕ 500 руб. **РОССІЙСКИЙ ЦИРКЪ** ТЕЛЕФОНЪ 3872.

НОВОСТИ на 1897 г. **ТРЕБУЙТЕ** **НОВЫЕ КАТАЛОГИ** **АНГЛІЙСКИХЪ-АМЕРИКАНСКИХЪ** **ВЕЛОСИПЕДОВЪ** **ТОРГ. ДОМЪ** **АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ** **МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова.**

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ **ГУМБЕРЪ и №, Москва** **КОНТРАГЕНТЫ** **Георгій ЖЕМЛИЧКА и №,** Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5. Прейс-курanty по требованію. 12-6

СЛАВЯНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ Харьковской губерніи **НАГРАЖДЕНЫ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ** на С.-Петербургской Гигіенической выставкѣ 1893 года. **Сезонъ съ 15 мая по 25 августа.** Собщеніе по К. Х. С. жезлѣн. дорогѣ и мѣстной вѣткѣ. Директоръ водъ-профессоръ В. М. Академія С. Д. Костаринъ. Консултанты-профессора Харьковскаго Университета: Гаршманъ, Грубе, Лениковский, Оболенскіи, Пономаревъ и Телочниковъ. Подробныя свѣдѣнія высылаются управленіемъ водъ бесплатно.

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ ТОЛЬКО **ПУДРА „ГИГИЕНА“** **РООНОШНАГО ЗАПАХА.** 5-5 **ГЛАВНЫЯ СНАДЫ:** **„ТОВАРИЩЕСТВА ГИГИЕНА“** Спб., Плом. Александр. тѣнѣра, 8. Москва, Никольская, д. Шереметева. Варшава, Новый Свѣтъ, 37. ПРОДАЖА БЕЗПЛАТНО.

JOSE MAIGLÖCKSCHEN
Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Бриллиантъ — Духи для комнатъ № 6413 (67)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЯ ДУХИ:
JOSE La Violette—Muguet
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія. Самая пріятная іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болячекъ, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефара). Весьма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожныя станціи. Путь черезъ Лицъ на Дунай или черезъ Штуберъ. **СЕЗОНЪ** съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1 до 15-го іюля. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются бесплатно В. № 9995 4-3. Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА „ВИЛЬЭМСЪ“
Цѣна 250 р.
ГЕРМАНЪ ЭЙХЕНВАЛЬДЪ. Москва, Маросейка, д. Лебедевой.

Наименьшій форматъ! Видный шрифтъ! Безъ лентъ! Верхъ совершенства! Единственный представитель для всей Россіи американской компаніи „Вильэмсъ“ (The Williams Typewriter Co)

Модные духи — Виола Одората Ауриха
О-де-колонъ — Виола Одората Ауриха
Жирная пудра — Виола Одората Ауриха
ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
Колокольная, 18/19. В. № 9724 16-12
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Представительство лучшихъ и солиднѣйшихъ заграничныхъ фирмъ.
Торговый домъ „А. Д. ТРАЧЕВЪ и В. А. ХАТЕЛЬСТРЕМЪ“
МОСКВА, Мясницкая, близъ Красныхъ воротъ, д. Гуськова.
!!ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ГЕРМАНИИ!!
СТАЛЬНАЯ ШЕРСТЬ и СТРУЖКА,
ПОЛНАЯ ЗАМѢНА НАЖДАКА и СТЕКЛЯННОЙ БУМАГИ,
ГРОМАДНАЯ ЭКОНОМІЯ ДЕНЕГЪ и ВРЕМЕНИ.
Необходима для всѣхъ, занимающихся подпорошкой дерева и металла, для чистки напильн. и инструментовъ, паркетниковъ и подотерговъ, въ домашнемъ хозяйствѣ и проч. Платитъ въ 1 1/2 ф. по 1 р. 25 к., пересылка по талонѣ. При требованіи 40 в. Ц. № 10110 чрезъ пересылка на счетъ Торговаго дома. 5-5
При заказѣ высылаются одна треть наличн., остальныя наложеннымъ платежомъ.

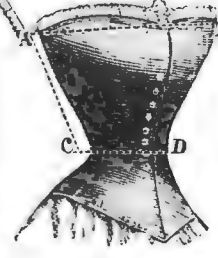
Универсальный патентованный Гуго Шиндлера АНТИКОРСЕТЪ или Бюстгальтеръ.
Извѣстное и признанное во всѣхъ Европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ изобрѣтеніе; имѣетъ замѣчательный видъ и заслужившее отъ самыхъ интеллигентныхъ и потребительницъ тысячи благодарственныхъ писемъ, даетъ въ продолженіе цѣлаго дня полное свободное дыханіе и рекомендуется всѣмъ безъ исключенія дамамъ и даже страдающимъ, беременнымъ, кормящимъ грудью, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ разныхъ биръ, ученицамъ, торговкамъ, путешественницамъ, управляющимъ всякаго рода сферъ и т. д., въ чемъ свидѣтельствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каждому бюстгалтеру.
Цѣны на Бюстгалтеры:
A B C D dryll DD шик. франс. черн.
4.50 к. 5.75 к. 6.75 к. 8 р. 9.50 к.

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЯ НЪЖНЫЯ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ. Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незаметная и неослабляющая.
ED. PINAUD PARIS

Детальныя заказы высылаются почтомъ посылкою наложеннымъ платежомъ съ припискою за пересылку за два фута.
При заказѣ слѣдуетъ прислать и вѣру въ континентѣ, верхнихъ или тесьмой по рисунку:
1) Полную образцовость, и вѣру на качество подъ мышкою отъ А до В. Ц № 10168
2) Образцовость талии отъ С до D и 3-3
3) Высоту бюста отъ А до D.
Единственная продажа на всѣхъ Имперію въ Варшавѣ у В. Риквортъ.
Адресъ для заказовъ:
В. Риквортъ, Варшава.

1878 г.

1882 г.

1896 г.

ОТЪ ТОВАРИЩЕСТВА ШЕРСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ТОРНТОНЪ.

На русскихъ рынкахъ съ нѣкотораго времени появился въ продажѣ шерстяной товаръ, **умышленно поддѣланный** **подъ наши издѣлія** настолько, что, благодаря внѣшнему сходству (рисунковъ, убранства кусковъ и формы знаковъ), онъ приобрѣтается за наше произведение.

Но такъ какъ въ дѣйствительности товаръ этотъ **значительно ниже по качеству**, то **въ виду общихъ интересовъ**, Товарищество считаетъ обязанностью покорнѣйше просить гг. покупателей обращать **особое вниманіе на знаки**, находящіеся на нашихъ издѣліяхъ, а именно:

На кусочномъ товарѣ
изображеніе медали.

На платкахъ из-
ображеніе Государ-
ственного герба.

На штучномъ товарѣ,
а также и на кусоч-
номъ товарѣ чрезъ
каждые 5 аршинъ

ТОРНТОНЪ С.П.Б.

На Всероссийской Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году
Товарищество удостоено высшей награды
повторенія Государственного герба.

В. № 10073 6-4

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородн. подписчиковъ пренсъ-курантъ отъ Высоч. утвержден. Товарищества Е. Н. Макаровой съ С-на въ Москвѣ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 19

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежене. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ еженебдннхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выданъ 10 мая 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ Спб. 1 р. 35 к., съ перес. иногор. 1 р. 35 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ Спб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.									

У выставна картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Сочиненіе письма“.
Съ карт. (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) И. Л. Горохова грав. Цехомскій.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

Х.

Семигоровъ пошелъ къ себѣ, въ монастырскую гостиницу, но, очевидно, сегодня ему не суждено было успокоиться. Легъ было на постель и засмотрѣлся въ потолокъ, подъ которымъ летала и билась, нища выхода, большая оса. Ея гудѣніе наполняло всю комнату, точно здѣсь дрожала кружная басовая струна. „Ишь ты, совсѣмъ какъ я. Тоже мечется и волнуется, а окно отворено — чего бы легче, кажется. Можетъ-быть, и у меня также есть гдѣ-нибудь, и близко, вылетѣть, а я его въ слѣпотѣ не вижу. Именно близко — только оглянись вокругъ себя. Вѣдь такъ жить дольше невозможно — съ ума сойти надо“... Сегодня онъ никуда не выходилъ до вечера, а какъ смерклося — пошелъ бродить подъ окнами другого дома, тоже отведеннаго монастыремъ богомольцамъ. Вонъ окна свѣтятся. Тамъ Копровы — въ трехъ кельяхъ. Зналъ бы, въ которой Моисей Лукичъ, хоть бы камнемъ швырнулъ туда. Пусть бы до утра труса праздновалъ. Наугадъ если — такъ, пожалуй, въ Елену Борисовну попадешь. Неужели всѣ они теперь вмѣстѣ сидятъ и какъ ни въ чемъ не бывало разговариваютъ, когда у него на душѣ кошки скребутъ. Хоть бы въ монастыряхъ, что ли, мужа съ женой раздѣляли, а то совсѣмъ даже неприлично выходить.

— Виновать-съ.

Что-то маленькое, тщедушное наткнулось на него. Едва въ сумракѣ можно было рассмотреть эту фигуру.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Созерцаете? — испательно продолжалъ тотъ. — Подлинно, что ежели подумать, много окрестъ насъ въ природѣ достойнаго удивленія.

— Вы монахъ, что ли?

Отъ нечего дѣлать, Николай Львовичъ готовъ былъ съ кѣмъ угодно коротать время.

— Нѣтъ еще! Увы мнѣ — не смѣю предстать-съ.

— Ничего не понимаю. Послушникъ?

— И въ послушники отецъ Варлаамъ не благословляетъ! Какой, говоритъ, отъ тебя толкъ обители? И дѣйствительно, предварительною дѣятельностью къ оной не приготовленъ.

Только немного погодя, Семигоровъ рассмотрѣлъ на этомъ пѣтушкѣ, сходство съ которымъ усиливалось даже его носомъ и бородкой, скуфейку и ни съ чѣмъ несообразный пиджакъ, нѣкогда бывшій бархатнымъ, а теперь стершійся, бѣлую жилетку и коротенькіе штаны, изъ-подъ которыхъ и ножки ихъ обладателя казались тонкими, совсѣмъ пѣтушиными.

— Я потому васъ спросилъ, что вы скуфейку носите.

— Это такъ, для единообразія, ибо при монастырѣ состою.

— Вы и живете тутъ?

— Нѣтъ, и на сіе благословеніе не дано. У меня надъ озеркомъ, въ верстѣ, хибарка малая. Самъ себѣ поставилъ. Братъ помогъ, ну, я и поселился. Позвольте рекомендоваться... Вѣрно, слышали-съ, — съ гордостью проговорилъ онъ. — Меня знаютъ, не даромъ путь странствія въ земной юдоли совершилъ. Я — Семень Гордеичъ Лелечкинъ...

— Не слыжалъ.

— Не можетъ быть! Благородныхъ зрѣлищъ, значить, не посѣщали. А я грѣшилъ. Въ Екатеринодарѣ казаки даже на моемъ бенефисѣ изъ пушекъ палили.. Помилуйте! Въ Нахичевани-на-Дону настоящая армянка отъ моей непреклонности застрѣлилась, а то еще вотъ

одинъ губернаторъ за меня на ярмаркѣ купца розгами выдралъ, чтобы тотъ отъ восторга людей на улицѣ не увѣчил!

— Вѣрно, я не попадалъ въ тѣ города, гдѣ вы играли. Вы, значить, актеръ.

— Артистъ! Былъ. Меня и теперь, случается, приглашаютъ для декламаціи. Но не безъ свинства. Я видите ли, сдѣнькій, маленькій, по гордый. Слонова знаете, Милитона Саввича?

— Какъ же, какъ же.

— Вотъ онъ. Позвать — позоветъ для монолога, а потомъ вдругъ какую-нибудь мерзость. Изъ пистолета надъ ухомъ выстрѣлитъ, либо, вѣдь онъ геркулесъ, подыметъ да на шканъ посадитъ или водкой изъ пьянаго графина обольетъ-съ. Я ему сверху-то: „дуракъ ты этакій, я королей и героевъ изображалъ, къ царственнымъ манерамъ привыкъ. Однихъ убійствъ и прочихъ злодѣяній на моей памяти сколько!“ А онъ, лужоное горло, — гогочетъ. Я такъ рѣшилъ, что больше ужъ для развлеченія почтеннѣйшей публики своей хибарки не оставлю. Помилуйте, передо мною милорды и придворные на вытяжку стояли — и вдругъ какой-нибудь Слоновъ. Господь съ нимъ, и безъ его сладкаго куска проживу... Пашироски палите?

— Да, угодно вамъ?

— Не откажусь... слабость эту еще имѣю... Люблю курнуть для распредѣленія времени... Вы какъ полагаете, я даже въ присутствіи высокихъ особъ игралъ. Обо мнѣ газеты писали, дамы портреты мои въ костюмахъ покупали. Вотъ я какой.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Спасаясь. Грѣха много было. Молюсь. Знаете, какъ апостолы, цѣлые дни рыбку ловлю и въ даръ монастырю приношу. Ну и отецъ Варлаамъ мнѣ тоже. То чаю съ сахаромъ, то хлѣба и крупы. Такъ я ни въ чемъ и не нуждаюсь. А въ монахи не беретъ. „Ты, говоритъ, „душевередень“ еще. Много памяти въ тебѣ, никакъ промлага забыть не можешь, да и какой отъ тебя толкъ. Такъ — нитайся около, помереть не дамъ...“ Сегодня я замѣтилъ, что ихъ высокопреподобіе въ веселыхъ духахъ и говорю имъ: „ради Христа — постригите вы меня, отецъ святой.“ А онъ мнѣ: „не поспѣлъ еще... Молодъ, подожди. Виси на вѣткѣ, пока созрѣешь.“

— А сколько вамъ лѣтъ все-таки?

— По метрическому или какъ я себѣ чувствую?

— По метрическому.

— Семьдесятъ... По душа у меня молодая... Я теперь къ себѣ. Не хотите ли вмѣстѣ? У васъ табачокъ, а у меня чай... Подѣлимся. Васъ звать-то какъ?

— Николай Львовичъ Семигоровъ.

— Льва Порфирьевича сынокъ?

— Да. А вы батюшку знали развѣ?

— Помилуйте, Господи, да вы меня спросите о немъ! На моихъ глазахъ онъ и Матрену Марковну изъ вышневолоцкаго хора укралъ. Матушку вашу... Онъ съ ней честно-благородно, не забывая домой, въ церковь, а потомъ банкеть на весь городъ. Актеровъ любилъ, и меня всегда за благородство души отличалъ. То-то я смотрю на васъ, а сердце вѣсть подаетъ. Дозвольте поцѣловаться. Вотъ такъ!

И Семень Гордеичъ вдругъ всхлипнулъ.

— Какіе люди были! Цыгане-то прискакали съ ножами и арапниками, а онъ ихъ такой палбой потчивалъ... До смертнаго бою. Кудри-то у васъ —

всмотрѣлся я теперь—мамашины, а глаза синіе—совсѣмъ какъ у покойнаго Льва Порфирьевича. Вѣдь вы знаете, Матрена Марковна съ своими волосами никакъ справиться не могла. Возьметъ, бывало, пожницы, да посерединѣ и отхватитъ у самой кожи, и то голову ей оттигивали. А какъ шла! Такой „Лучинуски“ теперь ужъ не услышать. Хотите мнѣ удовольствіе предоставить, благородное слово дайте!

— Ну, я и безъ слова... будьте увѣрены.

— Называйте меня Сеничкой. Покойный папаша вашъ всегда...

И онъ опять старчески растерянно всхлипнулъ.

— Моя хибарка здѣсь недалеко... И даже если вамъ въ монастырской гостиницѣ не приглянется, то пожалуйте совсѣмъ ко мнѣ. У меня воздухъ легкій. Между лѣсомъ и озеромъ. На лопѣ-съ, нѣкоторымъ образомъ, какъ Ципцинатъ, отъ почестей и славы удалившейся къ матери природѣ-съ... Меня цѣлый день дома нѣтъ... Я добровольно послушаніе свое совершаю—рыбку на обитель ловлю... Сегодня, напримѣръ, пять лещей и двѣнадцать карповъ, и карпы-то какіе—вотъ,—показалъ онъ на локоть.—Не рыба даже, а какъ бы отецъ-экономъ! Жириалъ, кожа палитая, сквозь трепещетъ... Вчера караси были удивительные. Сижу, зонть у меня прилаженъ, а самъ думаю: древле такъ галлейскіе рыболовы тоже время свое препровождали, и иде мимо Христосъ благодный: „Рыбарь, оставь свои сѣти. Отнынѣ ловить чловѣковъ будешь, и вышелъ изъ сего апостоль Петръ.“ Вотъ мы какъ.

У Лелечкина даже въ темнотѣ гордо и радостно сияли его маленькіе глазки.

Хибарка его оказалась чистенькимъ домикомъ въ одну комнату и кухню. Она дѣйствительно прислонилась къ лѣсу, точно пятакъ къ нему отъ тихаго озера, подступавшаго къ самому срубѣ. Рыбы здѣсь было много. Несмотря на ночь, она шлепала по водѣ. Глубокія воды стояли неподвижно. Молчали и деревья, точно прислушиваясь къ голосу Сенички, острому и крикливому, какъ у ночной птицы. Въ зеркалѣ озера мигали и мерцали звѣзды, золотясь зигзагами, когда отъ рыбы, поднимающейся вверхъ, бѣжали по небу большіе круги. Было прохладно. Пахло лѣсомъ и сыростью. Трава выстилала берегъ, и она теперь спала какъ очарованная, ни одно насѣкомое не шевелилось въ ней...

— Покой природы!—широко развелъ руки театральнымъ жестомъ Сеничка.—А теперь милости прошу въ мой дворецъ.

Внутри, когда онъ зажегъ свѣчу, Николаю Львовичу показалось даже уютно и нарядно. На стѣнѣ висѣли какіи-то мантии, короны, даже бутафорскій мечъ красовался въ пестрыхъ ножнахъ. Срубъ оклеенъ былъ газетами.

— Вы думаете это просто „вѣдомости“.

Онъ взялъ свѣчку и поднесъ ее къ нимъ.

— Прочтите, и всюду вы найдете имя „нашего высокоталантливаго“ Лелечкина. Это-съ все рецензи. И даже есть извѣстныхъ авторовъ, кои и въ гробахъ своихъ памятни благосклонному читателю. Я и здѣсь посреди воспоминаній. И по-своему счастливъ! Молюсь и каюсь, по въ полной безнадѣжности не пребываю.—нѣтъ. Какъ угодно его высокопреподобію, а только и мнѣ удавалось послужить Богу. Благородныя чувства на сценѣ въ сердцахъ публики сѣялъ. Прежде-то не съ, какъ нынче, когда подлость все изображается. насъ добродѣтели торжествовали, а пороки наказывались. Я вѣдь, что вы думаете: Каратыгина помню.

„Для душъ возвышенныхъ—священна добродѣтель:
По струнамъ оныхъ—переть бѣжить ей легко...
И, преклоняя слухъ, вселенная внимаешь
Гармоніи небесъ...“

Вотъ-съ какіе авторы бывали... А заставъ теле-

решнаго актера... Что онъ можетъ. Ему бы Торцовыхъ изображать...

Николай Львовичъ, знакомясь съ Лелечкинымъ, и не думалъ, что ему придется очень скоро воспользоваться его приглашеніемъ. Но тутъ какъ разъ вышло по словицѣ: „Чловѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“. Отъ Лелечкина онъ пришелъ къ себѣ поздно. Легъ спать, и сразу точно на дно опустился. Несмотря ни на какія волненія, онъ еще не зналъ, что такое бессонница, и очнулся, только когда постучали къ нему въ дверь. Съ трудомъ поднялся онъ съ постели.

— Кто тамъ?

— Благословите войти.

— Развѣ я монахъ, чтобы благословлять. Что вамъ угодно?

Юркій келейникъ сначала оглядѣлъ всю комнату, перекрестился на образъ.

— Долго спать изволите. Ранняя уже отошла.

— Ну, что же изъ этого?

— Его высокопреподобіе, отецъ архимандритъ, васъ къ себѣ просятъ пожаловать, послѣ трапезы.

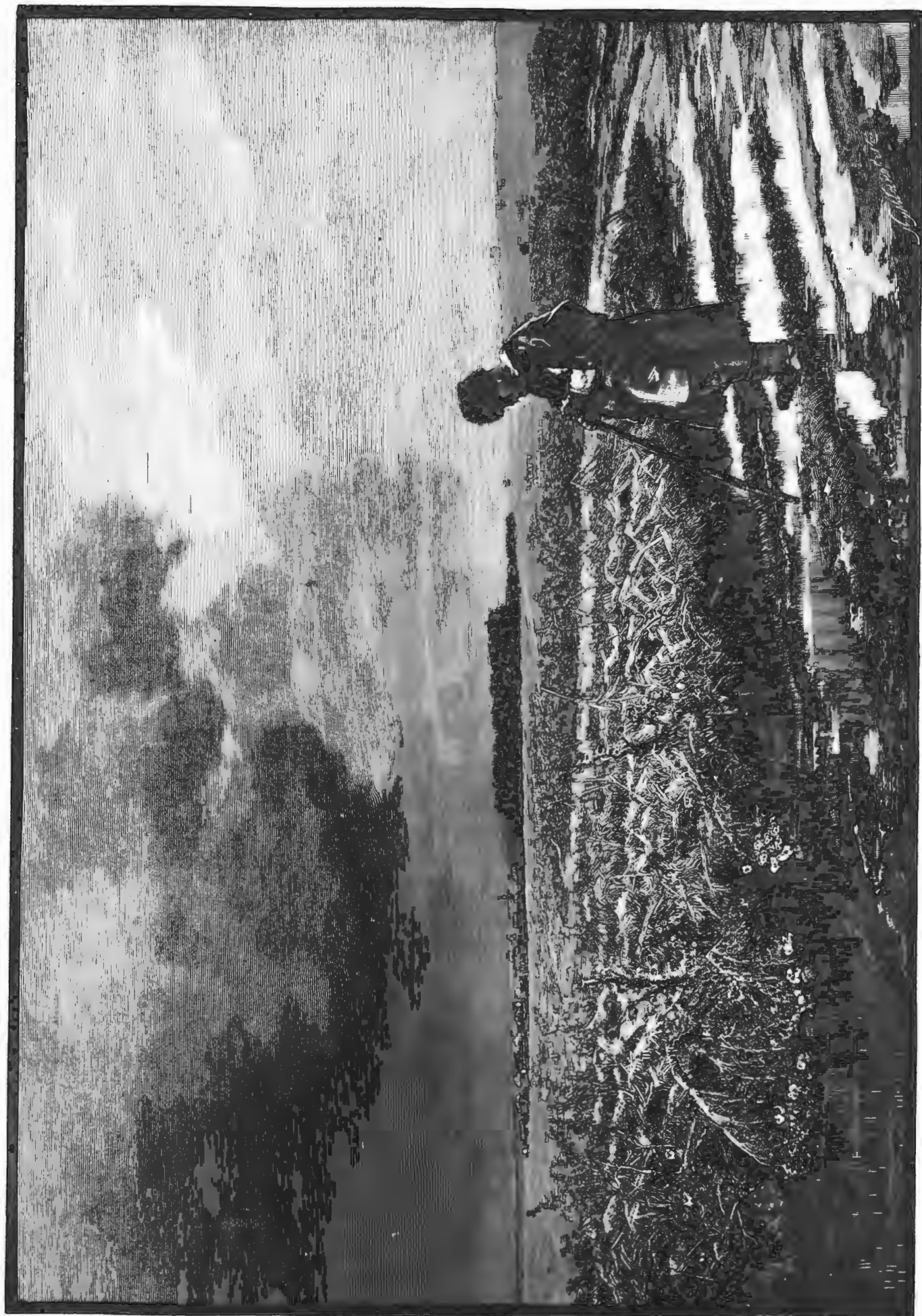
— Зачѣмъ?—удивился Семигоровъ.

— А это ужъ ихъ дѣло,—не мое. Они мнѣ не скажутся... Простите меня, грѣшнаго...

И незамѣтно, точно тѣнь, проскользнулъ въ дверь.

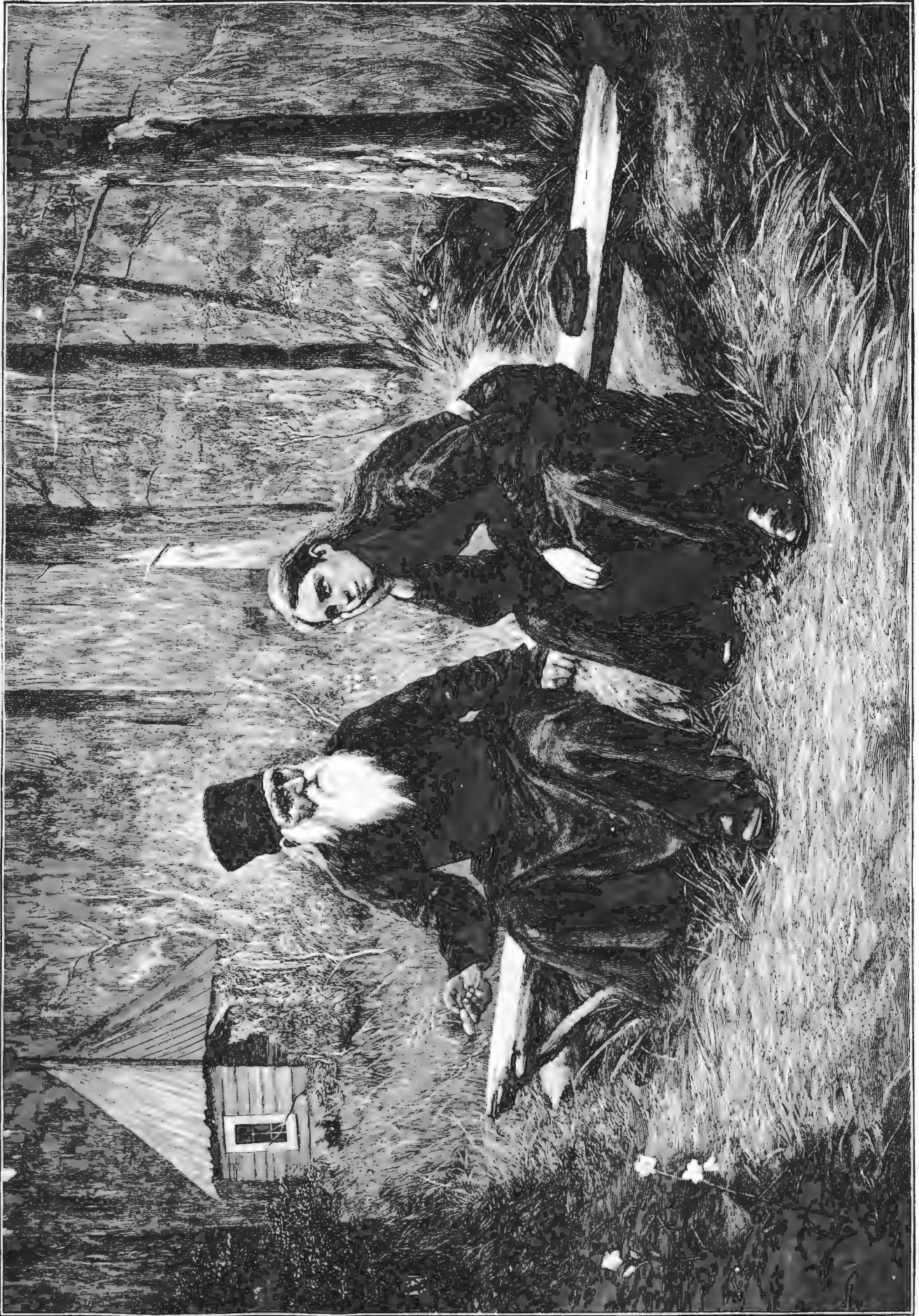
— Что еще тамъ такое?..

Николай Львовичъ отдернулъ бѣлую занавѣску. Солнце стояло высоко. Подъ его яркимъ свѣтомъ кресты обители горѣли точно раскаленные. Изъ церкви, въ мракѣ ея, блестѣло и лучилось множество восковыхъ свѣчей, огоньки которыхъ мигали въ дверяхъ. Выходили богомольцы, ковыляя хромые, на колѣняхъ передвигались безволие, медленно брели, опираясь на поводарей, слѣпые,—вся эта обычная армія нищенства, одинакова, гдѣ ее ни встрѣтишь: въ далекихъ ли Соловахъ или въ Кіевѣ. Такъ и идетъ она съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ, питаясь Христовымъ именемъ и не мѣняя нигдѣ своего облика. И лица у нея на одну стать, не разберешься съ ними, и одѣта она въ одно и то же. И зиму въ морозъ лютый, и лѣтомъ въ жару тотъ же полущубокъ рваный. Та же пергаментная шея, высохшая подъ вѣтромъ и опаленная огненными стрѣлами солнца, открыта изъ-подъ полущубка вѣсь стихіямъ, и тѣ же самозванные скуфейки на головѣ. Ими ницая братія лѣстится такъ или иначе соприсилится къ обители. Только что лапоть болѣе или мѣнѣе истоптанъ, да бороды однѣ посѣдѣе, другія еще не дошли, а то никакъ не разберешься съ ними. Варлаамъ у себя теритъ не могъ посетителей веригъ и тѣхъ паломниковъ, что вмѣсто шапокъ таскаютъ какіе-то мѣдные казаны. „Хочешь у Бога заслужить—ступай-ко у насъ поработай, а нечего дурить народъ веригами. Ступай, ступай“. Странникъ, грохоча желѣзомъ, шель по указанію, но къ вечеру обыкновенно оставлялъ обитель. „И-де не тѣсто мѣсить или не навозъ возить, а молиться хочу“. Вонъ Копровы,—всѣ вмѣстѣ... У Семигорова сердце захолоуло. Елена-то одна впередъ двинулась. Алексѣй Моисеевичъ нагналъ-было. Она обернулась, нахмурилась, сказала что-то,—онъ точно отлилъ отъ нея. А у Моисея Лукича, у отпа, лицо перекосило. Слава Тебѣ, Господи, не любить она ихъ. Теритъ даже не можетъ. Ишь старикъ Копровъ въ окно къ нему посмотреть. „Гляди—гляди!“ Семигоровъ нарочно растворилъ его. Елена-то Борисовна будто и не интересуется, взглядъ не бросить... Николай Львовичъ показалъ „Москѣ“ языкъ, тотъ только отплюнулся и палькой погрозилъ... Прогнали... Никого, одни воробьи суетятся по монастырскимъ дворамъ, да голуби ходятъ, переваливаясь и гулькая промежь себя о чемъ-то. Скучно. И зачѣмъ его сюда сунуло. Надѣлся съ ней повидаться, да гдѣ! Ни разу она одна не оставалась. У Антонина встрѣ-

У выставна картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ „Градобой.“
Съ карт. (исключит. право воспроизведенія принадлежить „Нивѣ“) Н. А. Сергѣева, грав. Ю. Мультановскій.

У выставка картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Въ сниту“.
Съ картины (исключит. право воспроизведени принадлежить „Нивѣ“) А. А. Муратова, грав. М. Рашевскій.

тились—выгнала она его. Пищи теперь другого случая. И не пайдешь. Въ церкви—совѣстно присуху свою въ храмъ Божій вносить и отъ молитвы отбивать Копрову. Чу!.. что это зазвонили.. И къ нему стучать.

— Въ трапезную угодно вамъ?—вошелъ монахъ-гостинникъ.

— Я ѣсть не хочу.

— Потому что послѣ вамъ къ отцу архимандриту предъявиться надо.

— Хорошо, хорошо. Чего еще загорѣлось?

Вонъ монахи истою, по два въ рядъ, въ трапезную идутъ. Благообразно. Манатейные впереди—въ клобукахъ и мантияхъ. Медленно двигаются — къ чревоугодію не спѣшать, а какъ бы въ созерцаніи и размышленіи, нѣхотя... И подобраны точно — фигура къ фигурѣ.

— У насъ рыба сегодня... Уха...

— Не хочу, сказано.

— Какъ угодно-съ,— обидѣлся тотъ.—А то я сюда принесу.

— И сюда не желаю.

За манатейными—простые, рясофорные. Эти потопыше будутъ и пониже какъ будто,—такое впечатлѣніе производили, и суетливѣе. Иеромонахи въ молчаніи шествовали, а эти пѣтъ-нѣтъ, да и перемолвятся. Кое-кто и засмѣется, и важности той нѣтъ, величія. Послушники такъ прямо оравой прутъ. Въ нихъ ужъ никакого порядка — орда-ордой. И эти всѣ прошли, и опять слетаются на пустое мѣсто воробьи да голуби. Тихо. Изъ трапезной чуть доносится пѣніе. Точно пчелы гдѣ-то гудятъ... Гу-гу-гу... Смокло. За церковью монастырское кладбище. Сѣрая плиты, въ зелени... По плитамъ бѣгутъ золотыя пятна солнечныхъ лучей и тѣни колеблющихся вѣтокъ... Вонъ Семень Гордеичъ торопится — куда это? Въ трапезную тоже — опоздалъ. Поди, своя надаѣла, монастырской рыбки захотѣлось. Остановился, помолился на соборъ и тоже исчезъ въ дверяхъ. Копровы, вѣрно, у отца архимандрита завтракаютъ. Моисей Лукичъ вѣдь по обителямъ благодѣтелямъ считается. Ему и честь особая, въ отличку отъ всѣхъ прочихъ. Небось, настоятель не пригласилъ его, Николая Львовича, вмѣстѣ съ ними, хоть бы посидѣть съ Еленой Борисовной, поглядѣть на нее, сердечную. Семигорова вдругъ позвало къ ней, да такъ, что онъ потянулся весь и вздрогнулъ, точно его ударило что-то...

— А все-таки будетъ моя.

Онъ замагалъ по кельѣ изъ угла въ уголь. Мимходомъ выпустилъ запутавшуюся въ паутинѣ муху, чуть не изъ-подъ самага носа крестовника, такъ что тотъ въ горестномъ изумленіи прервалъ свой бѣгъ къ добычѣ и только недоумѣло вытягивалъ длинныя колѣнчатыяжки.

— Что, съѣлъ, Моисей Лукичъ?—спросилъ его Николай Львовичъ.

Паукъ медленно вернулся назадъ и спрятался въ щель.

— Такъ бы и Елену распутать, да выпустить. Ума только моего не хватаетъ на это. И она вѣдь, какъ муха, попала въ копровскія сѣти.

— Господинь!—опять гостинникъ вставилъ въ двери свою на-двое расчесанную голову.

— Ну, что онять?

— Его высокопреподобіе изволили откушать. Васъ ждуть.

— Помню, помню.

— Потому, у насъ распредѣленіе. Никакъ невозможно опоздать. Вамъ ничего, а мнѣ достанется.

„Можетъ-быть, Копровыхъ у него застану еще“, — мелькнула радостная мысль у Николая Львовича, и онъ взялся за шанку.

— Я васъ провожу.

— Хорошо.

— Тутъ недалеко; не изволили бывать у отца архимандрита? Помилуйте, старецъ доступный, и всѣ къ нему съ почтениемъ. Какіе господа пріѣзжали, изъ сенаторовъ даже—подъ мышкой звѣзды, и то сейчасъ къ отцу Варлааму за благословеніемъ. Стратигъ онъ у насъ. Столь уважены, столь превозвышены, истинно свѣтильникъ, на веру горы возсіявшій,—торопливо общалъ гостинникъ, провожая Семигорова. — Владыко жаловалъ сюда, такъ, повѣрите ли, не далъ ему руки поцѣловать, а по-братски, въ плечо они другъ друга... Съ дамами на иностранныхъ языкахъ. Пожалуйте, вотъ крылечко. Тамъ доложуть-съ. Простите ради Бога.

И, низко поклонившись, гостинникъ такъ же сиѣшно пошелъ назадъ.

Николая Львовича встрѣтилъ другой келейникъ, внизу.

— Какъ прикажете о васъ?

Тотъ назвалъся.

— Пообождите.

Большая пріемная. Семигорову казалось, что всѣ эти пятнадцать митрополитовъ и игуменовъ смотрятъ именно на него, со стѣнъ, и смотрятъ строго, съ неодобреніемъ. Пахло мятой и ладапомъ. У образа горѣла большая лампада. По полу бѣжали тканья въ городѣ дорожки. Тихо было такъ, что Николай Львовичъ слышалъ черезъ двѣ комнаты скрипучій, нѣсколько козлиный голосъ Моисея Лукича. „Небось, туда меня не позовутъ, да можетъ-быть только старикъ и остался. О чемъ это онъ?“ Но колесо скрипѣло, а отдѣльно словъ различить нельзя было. Безшумно исчезъ, такъ же безшумно опять появился келейникъ. Какъ тѣнь, скользнулъ къ Семигорову.

— Сейчасъ... Обождите минуту!

И ужъ нѣтъ его. Точно сквозь землю провалился.

Хорошаго письма образъ. И риза какала богатая. Такъ вся и свѣтится бирюзой и аметистами, а вѣнецъ радужнымъ блескомъ горитъ. Спокойно здѣсь живетъ должно-быть. Не знаютъ они никакихъ тревоженій. И думается тихо. Въ душѣ нѣтъ смятенія. Точно въ воздухѣ святость какала-то... Шаги,—едва успѣлъ Николай Львовичъ обернуться, прямо на него быстро идетъ полный старикъ, съ властными глазами, такъ и пронизывая его ими издали. Точно боится, что бѣлая съ желтизной борода сорвется, рукою зажалъ ее. Со всѣмъ не по-монашески ходитъ, такъ что молодой человекъ долженъ былъ посторониться.

— Господинъ Семигоровъ?..

— Благословите, отче.

Рука сухая. Видно не изъ тѣхъ монаховъ, что о красотѣ кожи ради богомольческихъ губъ заботятся. И благословляетъ—точно рубить.

— Льва Порфирьевича сынокъ?.. Здѣшній землевладелецъ? Давно пожаловали?

— Четвертый день.

— Помолились?

— Да!—покрасилъ Семигоровъ, вспомнивъ, что ни въ церкви, ни въ скитѣ онъ еще не былъ.

— Значитъ, больше вамъ здѣсь дѣлать нечего?

Николай Львовичъ опѣшилъ.

— Да-съ. Здѣсь обитель, а не гостиница. Сюда пріѣзжаютъ къ Господу, чтобы у алтаря Его сложить ношу грѣховную и облегченіе въ скорбяхъ обрѣсти. Вы, молодой человекъ, простите меня, старика, а я тутъ никому шалить не позволю; особливо еще на чужое достоиніе простираюсь. Десятую заповѣдь помните: „Не пожелай жены ближняго своего“.

— Помилуйте, ваше высокопреп...

— Я-съ хорошо освѣдомленъ. И прошу васъ настоятельно нынче же уѣхать. Я здѣсь хозяинъ, и слава Богу моему—умѣю распорядиться.

Изъ тѣхъ комнатъ, что оставались позади, послы-

шался смѣхъ Моисея Лукича. Семигорова онъ точно хлыстомъ ударилъ этимъ смѣхомъ.

— Такъ пожалуйста, сегодня же. И впредь, прощу васъ, помнитъ: для молитвы—милости просимъ, а для соблазна—нѣтъ. Прощайте...

Николай Львовичъ остался одинъ. Отецъ Варлаамъ какъ вошелъ, такъ и вышелъ—стремительно, точно ему некогда было. Опять послышалось скрипѣніе колеса. Моисей Лукичъ распространяется о чемъ-то. Вновь тутъ тяжелый, слишкомъ ужъ неподвижный покой и пятнадцать черноризцевъ смотрятъ прямо въ душу Семигорову со стѣнъ... Онъ постоялъ-постоялъ, обернулся и направился къ выходу.

— Лошадки вамъ будутъ готовы черезъ часъ.

Очевидно, келейнику было отдано соотвѣтствующее приказаніе.

— Миѣ не пужно. У меня есть свои.

— Какъ угодно; прости васъ Господи.

И низко поклонившись, келейникъ шмыгнулъ куда-то. На деревянномъ лицѣ его Николай Львовичъ даже прочесть не могъ, извѣстно ли тому, что его только что выгнали изъ монастыря.

„Что жъ теперь дѣлать? Домой?.. Да вѣдь куда же больше?“

Онъ въ раздумьи шелъ по монастырскому двору. Безсознательно за ворота выбрался.

— Николай Львовичъ!

Онъ поднялъ голову и ожилъ.

— Что, досталось вамъ отъ отца архимандрита?

Въ окнѣ своей комнаты стояла Елена Борисовна.

— Да... Меня отсюда вопъ выгнали.

— Это на васъ Моисей Лукичъ нажаловался.

— Я знаю...

А самъ такъ и впился въ нее жаднымъ взглядомъ.

— Я васъ защититъ хотѣла, такъ отецъ Варлаамъ мнѣ что сказалъ: „ты, говоритъ, погоди щебетать, у меня съ тобой другой разговоръ будетъ“. И такъ мнѣ все это надоѣло, такъ надоѣло. Если еще что, я сбѣгу.

— Елена Борисовна, да вы мнѣ только прикажите... Я...

— И безъ васъ сумѣю. Не очень-то въ рыцаряхъ нуждаюсь. Платокъ мой у васъ?

— Да... Только я вамъ не отдамъ его.

— И не отдавайте, развѣ я требую. Вотъ вамъ еще.

Она вынула изъ волосъ розу, только что сорванную въ монастырскомъ саду, и бросила ему. Цвѣтокъ упалъ въ ниль. Онъ сдулъ ее и поцѣловалъ нѣжные, алые лепестки, только что касавшіеся волосъ Елены Борисовны.

— Эхъ, неловкій какой!—смѣялась она.—Ну, теперь идите.

— Минуту...

— Идите, идите. Сейчасъ Моисей Лукичъ вернется. Не хорошо, если онъ васъ увидитъ.

И она, поклонившись ему, отошла отъ окна. Онъ постоялъ еще — не покажется ли. Но ея горничная подошла и затворила рамы. Надо было уходить.

„Ужли же теперь уѣзжать?—думалъ Семигоровъ.—Послѣ „этого“,—чего „этого“, что случилось такого особеннаго, онъ толкомъ объяснить себѣ не могъ, но понялъ одно—она въ немъ приняла участіе, ей было жаль его. Она негодовала на тестя за Николая Львовича. И потомъ разрѣшеніе оставить у себя платокъ... И роза. Роза ему кружила голову. Нельзя же было это приписывать только ея аромату. У него были слишкомъ крѣпкіе нервы, и цвѣты на него не дѣйствовали... Нѣтъ, такъ нельзя. А какъ можно? Вѣдь не оставаться же здѣсь. Вынесутъ вещи на дворъ и на потѣху богомольцамъ передъ носомъ запрутъ дверь. Въ лѣсу жить тоже неудобно, все равно она не придетъ туда. Тѣмъ не менѣе, ему хотѣлось быть ближе къ ней. Мало ли что могло теперь случиться. Вотъ у нея вырвалось:

„я сбѣгу“. Какъ же это она безъ него сбѣжитъ, и куда? Тутъ бы и надо помочь. Во всякомъ случаѣ, если отсутствовать, то вблизи гдѣ-нибудь. Онъ такъ и болтался по монастырскому двору, не зная, что ему дѣлать, какъ вдали, все въ той же скуфейкѣ и бархатномъ пиджакѣ, при бѣломъ жилетѣ, показался Семенъ Гордеичъ. Боже, да какъ же ранѣе не приходило въ голову! Вѣдь Лелечкинъ еще вчера приглашалъ его къ себѣ. Вотъ оно нежданное спасеніе. Какъ судьба все къ ладу да къ складу устраиваетъ. Вѣрно, не даромъ, должно-быть, его что-нибудь ждетъ отрадное. Иначе съ чего бы все такъ располагалось...

— Семенъ Гордеичъ, голубчикъ!

— И не Семенъ Гордеичъ, а Сеничка.

— У васъ найдется уголокъ для меня?

— Уголокъ?—оскорбленнымъ тономъ переспросилъ тотъ.—Извините-съ. Весь мой дворецъ къ вашимъ услугамъ.

И онъ сдѣлалъ такой широкій жестъ, точно отдавалъ ему въ потомственное владѣніе весь этотъ монастырь, съ его лѣсами, полями, лугами и прочими угодами.

— Весь мой дворецъ, и даже весьма польщенъ я, что сынокъ Льва Порфирьевича удостоилъ падшее величіе своимъ пребываніемъ...

И Лелечкинъ гордо поднялъ пѣтушкой головку.

— Я вѣдь сейчасъ.

— И отлично.

— Только вы меня простите, я даромъ не хочу.

— Милостивый государь!—благородно отступилъ Семенъ Гордеичъ.—Въ прежнее время, за эти самыя слова, премьеръ Сальковской труппы поставилъ бы васъ къ барьеру. Я, батюшка, за тысячу шаговъ туза изъ пистолета навывлетъ! Вотъ какъ. А нынче я только вываю къ вашей чести: за что вы меня оскорбляете? Я самъ по мѣсяцамъ у вашего батюшки гащивалъ.

— Простите, ради Бога.

— Господь съ вами. Вотъ табачкомъ вашимъ я воспользуюсь-съ.

„Что взяла старая крыса?—смѣялся про себя Николай Львовичъ, вспоминая Моисея Лукича.—Что взяла Лиса Патрикѣевна? На чье вышло?“

Онъ живо собрался.

— Письма мнѣ будутъ изъ города, такъ я, знаете, въ домикѣ Семена Гордеича, у озера,—объяснилъ онъ гостиннику.

— Какъ же рыбака нашего не знать...

— Ну, вотъ. Вы такъ и скажите.

Изъ другого монастырскаго домика выбѣжала горничная Елены Борисовны.

— Софья! Подите-ка сюда.

— Что вамъ?

— Показалось это мнѣ, что ли: сегодня ваши именины?

— А вы перекреститесь, чтобы не казалось.

— Жаль. А я подарочекъ уже приготовилъ.

— Ловкіе какіе!..

Она отвернулась, однимъ глазомъ глядя на десятирублевку.

— Можеть-быть, на-дняхъ... А меня не будетъ,—такъ вы возьмите.

— Очень вамъ благодарна. Уѣзжаете?

— Да... Недалеко. Вотъ по этой дорогѣ—озеро... Къ нимъ на дачу,—показалъ онъ на Лелечкина.—Барынь кланяйтесь и передайте... Я тутъ... Меня только кликните.

— Да ужъ ладно, ладно, не учить, сама знаю. А только скажу, что кабы у барыни да такой мужъ былъ, меня бы и силой не оторвать. Умирать не надо!.. А теперь я думаю, куда бы уйти отъ нихъ.

И она, вильнувъ хвостомъ, вскочила въ подѣздъ.

— Субретка!—восхитился Семенъ Гордеичъ.

— Что?

— Въ наше время такихъ субретками звали, а нынѣ онѣ—инженю-комики. При мнѣ онѣ больше на цыпочкахъ, а теперь вона какъ на каблучкахъ вертятся. Что дѣлать—всякому овощу свой чередъ. И потомъ куплетъ отсутствуетъ. Прежде субретка безъ куплета не могла. Коротенькое платьице, чулочки и куплетъ. Выскочила—куплетъ, и ушла—куплетъ. Каменные стѣны куплетами прошибали... На куплеты особая публика ходила. Мы благородныя роли исполняемъ—у насъ своя: офицеръ съ ученымъ кантомъ, учитель словесности, студентъ,

забѣзжій купецъ - патриотъ. „Иголкина“, напримѣръ, дають—всѣ „ряды“ въ театрѣ. Ну, кончили переодѣваться, выйдешь передъ водевилемъ посмотришь скрозь дырочку въ занавѣсъ... Совѣмъ другой составъ: гусаръ, уланъ, помѣщичій сынокъ, коихъ мы „конопляниками“ звали, потому что они свое воспитаніе больше получали въ коноплѣ съ деревенскими дѣвками. Сидятъ, точно лакированные, ихъ праздникъ! Сейчасъ имъ куплетъ подавать будутъ...

(Продолженіе будетъ.)

Корона съ бериллами.

Изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ Конанъ-Дойль
(Съ англійскаго.)

— Холмсъ, — произнесъ я, стоя однажды утромъ у окна и оглядывая улицу, — вотъ идетъ сумасшедшій. Напрасно его родственники нускають его одного.

Мой другъ лѣниво поднялся съ кресла и, вставъ съ заложенными въ карманы халата руками, сталъ смотрѣть черезъ мое плечо. Стояло ясное, морозное февральское утро, и снѣгъ, выпавшій за день передъ этимъ, еще лежалъ густымъ слоемъ на мостовой, весело сверкая на зимнемъ солнцѣ. Вдоль середины Бэкери-стрита онъ былъ сбитъ ѣздою въ мелкую, коричневую массу, но по обѣимъ сторонамъ улицы и на приподнятыхъ краяхъ панели онъ все еще бѣлѣлъ, какъ будто только что выпалъ. Сѣрая панель была вычищена и выскоблена, но, несмотря на это, все-таки была странно скользка, такъ что прохожихъ было меньше обыкновеннаго. И дѣйствительно, никто не приближался отъ главной желѣзнодорожной станціи, за исключеніемъ одного этого господина, эксцентричное поведение котораго привлекло мое вниманіе.

На видъ ему было подлѣ пятьдесятъ, онъ былъ высокаго роста, осанистъ и представительнъ, съ крупными, рѣзкими чертами лица и величественной фигурой. Одежда его была скромна, но вмѣстѣ съ тѣмъ богата: черныя сюртукъ, ланцетная лоснящаяся шляпа, изящныя коричневыя галаны и хорошо сшитыя брюки цвѣта „gris de perle“. Несмотря на это, его движенія представляли смѣшную противоположность важности его одѣжанія и чертъ лица, такъ какъ онъ быстро бѣжалъ, временами припрыгивая, не будучи въ состояніи сдержать порывистыхъ движеній ногъ, какъ человѣкъ, удрученный какою-нибудь заботой. На ходу онъ размахивалъ руками и трясъ головою.

— Что ему нужно? — спросилъ я. — Онъ разсматриваетъ номера домовъ.

— Мнѣ кажется, онъ идетъ сюда, — сказалъ Холмсъ, потирая руки.

— Сюда?

— Да, я начинаю думать, что онъ желаетъ посоветоваться со мною лично. Что, говорилъ я вамъ!

Но успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ незнакомецъ, нахты и отдуваясь, бросился къ нашей двери и сталъ дергать звонокъ до тѣхъ поръ, пока весь домъ не огласился звономъ.

Спусти нѣсколько мгновений, онъ очутился въ нашей комнатѣ, все еще нахты и жестикулируя, но въ его взглядѣ было столько горя и отчаянія, что наши улыбки мгновенно замѣнились выраженіемъ ужаса и состраданія. Нѣкоторое время онъ не могъ произнести ни одного слова, весь изгибался и рвалъ на себѣ волосы, какъ человѣкъ, доведенный до потери послѣднихъ проблесковъ разума. Затѣмъ, внезапно выпрямившись, онъ началъ биться головою объ стѣну съ такою силою, что мы оба бросились на него и оттащили его въ среднюю комнату. Шерлокъ Холмсъ усадилъ его въ кресло и, подѣвъ рядомъ, похлопалъ его по рукѣ и заговорилъ съ нимъ тѣмъ легкимъ и успокоивающимъ тономъ, пріимѣя который онъ былъ такой мастеръ.

— Вы пришли ко мнѣ затѣмъ, чтобы рассказать мнѣ, что съ вами приключилось, не правда ли? — проговорилъ Холмсъ. — Вы странно утомились, торопитесь сюда. Пожалуйста успокойтесь, придите въ себя, и тогда я буду крайне счастливы выслушать любую загадку, какую только вамъ угодно будетъ предложить мнѣ.

Съ минуту или немного больше панъ незнакомецъ сидѣлъ молча, съ вздымающею грудью, стараясь побороть свое волненіе. Затѣмъ, проведя платкомъ по абу, онъ сложила губы и обратился лицомъ къ намъ.

— Безъ сомнѣнія вы считаете меня сумасшедшимъ? — спросилъ онъ.

— Я вижу, что васъ постигло большое горе, — возразилъ Холмсъ.

— Богъ тому свидѣтель! Да, горе, которое достаточно сильно, чтобы помутить мой разумъ, такъ внезапно случилось оно и до такой степени оно ужасно. Общественное презрѣніе

я могъ бы еще вынести, хотя я человѣкъ, репутація котораго еще ничѣмъ не была занята. Личная потеря также можетъ быть удѣломъ всякаго человѣка, но обоимъ этихъ ударовъ, поразившихъ меня одновременно и такъ жестоко, было достаточно, чтобы потрясти всю мою душу. Кроме того, не я одинъ затронутъ здѣсь. Самый благородный человѣкъ нашей страны можетъ пострадать, если не будетъ найденъ какой-нибудь исходъ въ этой странной исторіи.

— Пожалуйста успокойтесь, сударь, — прервалъ его Холмсъ, — и сообщите мнѣ ваше имя и подробности постигнутого васъ несчастія.

— Мое имя, — отвѣтилъ нашъ посетитель, — по всей вѣроятности знакомо вамъ. Я Александръ Холдеръ, принципалъ банковской фирмы Холдеръ и Стивенсонъ въ Треднидлегритѣ.

Имя это дѣйствительно было хорошо знакомо намъ; оно принадлежало старшему владѣльцу второго по величинѣ частнаго банка въ Лондонскомъ Сити. Мы стали напряженно ждать разъясненія. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ началъ свой рассказъ.

— Я сознаю, что время дорого, — началъ онъ, — вотъ почему я сѣлѣлъ сюда, когда полицейскій инспекторъ посоветовалъ мнѣ заручиться вашею помощію. Я добѣжалъ до Бэкери-стрита по подземной желѣзной дорогѣ и торопился сюда пѣшкомъ, такъ какъ невозможныя пролетки очень медленно поднимаются по этому сѣтѣ. Почти все расстояние до нашего дома я бѣжалъ и, такъ какъ я обыкновенно мало хожу, то пришелъ къ вамъ съ сильной одышкой. Теперь, однако, я себя чувствую лучше и позволю вамъ факты по возможности короче и, насколько сумѣю, ясно.

«Конечно, вамъ хорошо извѣстно, что удачное реченіе дѣлать въ банкѣ столько же завнѣтъ отъ возможности выгодно пустить фонды банка въ оборотъ, сколько отъ увеличенія свѣей и числа вкладчиковъ банка. Однимъ изъ самыхъ прибыльныхъ средствъ выдачи денегъ признали мы ссуду капиталовъ подлѣ залоги, такъ какъ вѣрность выгоды въ такихъ случаяхъ несомнѣнна. Въ продолженіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ мы много нажили такимъ путемъ, и я могъ бы назвать многія знатныя фамиліи, которыя мы снабжали крупными суммами подлѣ залогъ ихъ картинъ, библиотекъ и фамильнаго серебра.

«Вчера утромъ я сидѣлъ у себя, въ конторѣ банка, когда одинъ изъ клерковъ подаль мнѣ визитную карточку. Я привскочилъ на стулѣ отъ удивленія, прочтавъ имя посетителя, такъ какъ оно принадлежало не кому иному, какъ **, по можети-быть будетъ благодарнымъ, если даже вамъ я не скажу болѣе того, что оно извѣстно всему земному шару, — одно изъ самыхъ знатныхъ и благородныхъ имей въ Англии. Я былъ пренебреженъ сознаніемъ чести, мнѣ оказанной, и попытался, когда мой посетитель вошелъ, высказать ему это, но онъ сейчасъ же обратился къ дѣлу съ видомъ человѣка, который желаетъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ неприятной обязанности.

— М-ръ Холдеръ, — обратился онъ ко мнѣ, — мнѣ сообщили, что вы выдаете ссуды подлѣ залогъ.

— Да, банкъ производитъ такіа операціи, если залогъ вѣренъ, — отвѣтилъ я.

— Мнѣ необходимо, — продолжалъ онъ, — добыть пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ сейчасъ же. Разумѣется, я могъ бы десять разъ уже занять такую ничтожную сумму у моихъ друзей, но я предпочитаю обратиться къ финансистамъ и вынозитъ это дѣло самъ. Вы отлично поймете, что человѣку въ моемъ положеніи неудобно быть обязаннымъ кому-нибудь.

— На какой срокъ, осмѣлюсь я узнать, желаете вы получить эту сумму? — спросилъ я.

— Въ понедѣльникъ я ожидаю крупную сумму, и тогда безъ сомнѣнія, я возвращу вамъ деньги, которыми вы меня ссудите, съ процентами, какіе вы заблагоразсудите назначить. Но, повторяю, мнѣ крайне необходимо, чтобы деньги были выданы сейчасъ же.

Весна въ Провансѣ. Съ карт. Э. Майона грав. Ш. Бодъ.

— Я почелъ бы за счастье выдать требуемую сумму безъ дальнѣйшихъ замедленій изъ своего собственнаго кармана, — возразилъ я, — но опасаясь, что не буду въ состояннн сдѣлать это безъ особаго ущерба для самого себя. Если же, съ другой стороны, я выдамъ эти деньги отъ имени фирмы, то, во имя справедливости къ моему компаньону, я долженъ настоять на томъ, чтобы даже въ данномъ случаѣ были приняты всѣ мѣры предосторожности.

— Я также предпочитаю это, — сказалъ онъ, приподнимая черный сафьяновый четырехугольный футляръ, положенный ннѣ при входѣ рядомъ съ собою. — Вы, повнтно, слышали про берилловую корону?

— Да, она одно изъ самыхъ драгоценнѣйшихъ достояннй импернн, — отвѣтилъ я.

— Совершенно вѣрно.

— Онъ открылъ футляръ, и въ немъ, покоясь на мягкомъ темно-малиновомъ бархатѣ, лежала знаменитая корона.

— Въ этой коронѣ тридцать девять громадныхъ берилловъ, — продолжалъ онъ, — и цѣнность золотой оправы немалы- рима. По самой низкой оцѣнкѣ стоимость короны вдвое превышаетъ сумму, требуемую мною. Я готовъ оставить эту вещь у васъ, какъ залогъ.

— Я взялъ драгоценный футляръ въ руки и перевелъ взглядъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ на моего знаменитаго клиента.

— Вы сомнѣваетесь въ ея цѣнности? — замѣтилъ онъ.

— Нисколько. Я только сомнѣваюсь...

— Имѣю ли я право оставить ее у васъ?.. Вы можете быть совершенно спокойны на этотъ счетъ. Я никогда не рѣшился бы поступить такимъ образомъ, не будь я совершенно увѣренъ, что по прошествнн четырехъ дней я буду въ состояннн потребовать ее у васъ обратно. Это чистѣйшая формальность. Достаточно ли залогъ?

— За глаза.

— Вы согласитесь, м-ръ Холдеръ, что я даю вамъ вѣское доказательство довѣрнн, которое питаю къ вамъ, основываясь на всемъ томъ, что я слышалъ о васъ. Я полагаюсь на васъ не только въ соблюденнн тайны и въ воздержаннн отъ всякихъ разговоровъ по этому предмету, но болѣе всего въ сохраненнн этой короны со всевозможною предосторожностью, потому что мнѣ палиши напоминать вамъ, какал крупная неирннтность можетъ произойти, если съ этой короной приключилось бы какое-нибудь несчастье. Великая, даже малѣйшая порча ея была бы такъ же серьезна, какъ ея полная потеря, такъ какъ на всемъ свѣтѣ нѣтъ подходящихъ камней къ этимъ берилламъ, и поэтому не было бы возможности замѣнить ихъ въ случаѣ ихъ потери. Во всякомъ случаѣ я оставляю ихъ у васъ съ полнымъ довѣрннмъ и заѣду за ней лично въ понедельникъ утромъ.

— Замѣтивъ, что мой клиентъ порывается уйти, я не продолжалъ разговора и, понавъ за кассиромъ, приказалъ ему выдать пятьдесятъ банковыхъ билетовъ въ тысячу фунтовъ стерлинговъ каждый. Однако, когда я остался одинъ съ драгоценнымъ футляромъ, я не могъ не подумать о чрезвычайной отвѣтственности, которую эта вещь возлагала на меня. Я сталъ уже раскаиваться, что взялъ ее на храненнн. Но, во всякомъ случаѣ, дѣло уже было сдѣлано, и раскаиваться было поздно. Поэтому, заперевъ ее у себя въ несгораемомъ шкафу, я взялся снова за прерванную работу.

— Съ наступленнмъ вечера мнѣ показалось, что было бы неблагоприятно оставлять столь драгоценную вещь у себя въ конторѣ. И раньше вазамывались несгораемые шкафы банкировъ, почему не могло случиться то же самое съ мною? Въ какомъ ужасномъ положеннн очутился бы я тогда! Тревожннмъ этою мыслью, я рѣшилъ брать каждый разъ корону съ собою изъ конторы домой и изъ дому въ контору, чтобы постоянно имѣть ее возлѣ себя. Съ этимъ намѣреннмъ я, захвативъ ее, нанялъ возозника и отправился къ себѣ въ Стретгэмъ. Дыханнн у меня спрало отъ безпокойства до тѣхъ поръ, пока я не отнесъ ее на верхъ и не заперъ ее въ столъ моей уборной.

— А теперь нѣсколько словъ о моихъ домашнихъ порядкахъ, м-ръ Холмесъ, потому что я хочу, чтобы вы вполне уснаили себѣ подробности дѣла и могли бы ориентироваться. Мой гуру и нажъ не снятъ дома, сдѣловательно должны быть исключены изъ подозрѣннн. Я держу трехъ служанокъ, которыя прослужили у меня нѣсколько лѣтъ и честность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнню. Четвертая, Люси Парръ, горничная, прислуживающая за столомъ, находится у меня въ услуженнн всего нѣсколько мѣсяцевъ; однако она поступила въ мой домъ по превосходной рекомендацнн и всегда удовлетворяла всѣмъ нашимъ требованнямъ. Она очень хороша собою и привлекла поклонниковъ, слыяющихся довольно часто около нашего дома. Вотъ единственный недостатокъ, въ которомъ мы можемъ ее укорнть, но мы увѣрены, что она во всѣхъ отношенннхъ хороша дѣвушка.

— Вотъ все о моей прислугѣ. Что касается моего семейства, то оно такъ немногочисленно, что описаннн его не займетъ у меня много времени. Я вдовъ и имѣю единственнаго сына, Артура. Мнѣ пришлось разочароваться въ немъ, м-ръ Холмесъ, горько разочароваться. Я не сомнѣваюсь, что я самъ тому

виною. Люди утверждаютъ, что я заблаловалъ его. Очень можетъ быть, что это вѣрно. Когда скончалась моя любимая супруга, я почувствовалъ, что онъ составляетъ для меня все, что я могу любить. Я не выносилъ, когда улыбка на его устахъ исчезала хотя бы на одно мгновеннн. Никогда я не отказывалъ ему ни въ одномъ его желаннн. Можетъ-быть было бы лучше для насъ обоихъ, будь я съ нимъ строже, но я не думалъ, что своимъ добрымъ обхожденнмъ съ нимъ могу такъ испортить его.

— Моимъ естественнымъ желаннмъ было, чтобы онъ унаследовалъ мое дѣло, но онъ не былъ дѣловымъ мальчмъ. Онъ былъ вспыльчивъ и упрямъ, и, говоря откровенно, я не могъ довѣрить ему крупныхъ суммъ. Въ ранней молодости онъ сдѣлался членомъ одного аристократическаго клуба, и вскорѣ сталъ дружить съ нѣкоторыми людьми, обладающими толстыми бумажниками и широкими привычками. Онъ втянулся въ азартную картежную игру и привыкъ сорнть деньгами, и не разъ приходилъ ко мнѣ съ просьбой дать ему впередъ нѣкоторую сумму изъ денегъ, записанныхъ мною на его ежемѣсячные расходы, чтобы расплатиться съ своимъ долгами чести. Нѣсколько разъ уже онъ пытался порвать съ этимъ опаснымъ обществомъ, но каждый разъ влнннн его друга, сэра Джорджа Бѣрнуэлла, было достаточно, чтобы заманнть его опять въ эту компанню.

— И, дѣйствительно, я не удивляюсь, что такой человекъ, какъ сэръ Джорджъ Бѣрнуэллъ, имѣлъ на него влнннн. Артуръ часто приводилъ его въ мой домъ, и я самъ долженъ согласиться, что я едва могъ противостоять обворожительности его манеръ. Онъ старше Артура, свѣтскнй человекъ до корней волосъ, всюду бывавшнй, все видѣвшнй, прекрасный рассказчикъ и собесѣдникъ и человекъ поразительной красоты. Но все-таки, чѣмъ болѣе я къ нему присматривался, тѣмъ болѣе я убѣждался на основаннн его же ничныыхъ рѣчей и взглядовъ, что онъ человекъ, къ которому ни въ какомъ случаѣ нельзя питать довѣрнн. Это мое личное мнѣннн, и такъ же думаетъ моя маленькая Мэри, которая, какъ женщина, быстро узнаетъ человекъ.

— Чередъ за нею теперь; только она еще не описана мною. Мэри — моя племянница; пять лѣтъ тому назадъ, послѣ смерти моего брата, она осталась круглой сиротой; я усыновилъ ее и считаю ее съ тѣхъ поръ своею дочерью. Точно солнечный лучъ, озаряетъ она мой домъ радостнымъ свѣтомъ, она предупредительна, ласкова, удивительная хозяйка, тиха и спокойна, какою только можетъ быть женщина. Она мол правая рука. Я не знаю, что сталъ бы я дѣлать безъ нея. Только разъ поступила она противъ моихъ желаннн. Дважды мой мальчикъ просилъ ея руки, — онъ любитъ ее до самопожертвованнн, но оба раза она отказывала ему. Мнѣ кажется, что если кто-либо могъ направить его на вѣрннй путь, то это она, и что его женнтьба на ней могла бы измѣнить всю его жизнь, но, увы, теперь уже слишкомъ поздно.

— Теперь, м-ръ Холмесъ, познакомнвъ васъ съ людьми, которые живутъ подъ моихъ кровомъ, я буду продолжать свой грустный рассказъ.

— Вчера вечеромъ за послѣобѣденнымъ кофе, который мы пили въ гостиной, я рассказалъ Артуру и Мэри всю исторню съ короной, не упоминалъ только имени моего клиента. Я увѣренъ, что Люси Парръ, внесшая кофе въ гостиную, вынула изъ комнаты, но я не могу поклястися, что дверь была заперта. Мэри и Артуръ были сильно заинтересованы и выразили желаннн посмотреть на знаменитую корону, но я рѣшилъ лучше не трогать ее.

— Куда ты положилъ ее? — спросилъ Артуръ.

— Въ мой письменный столъ.

— Я надѣюсь, что домъ не будетъ ограбленъ за ночь, — продолжалъ онъ.

— Столъ закрыть на ключъ, — возразилъ я.

— О, какой угодно ключъ подойдетъ къ нему. Помню, въ дѣтствѣ, я самъ открывалъ его ключомъ отъ буфета, который стоить у насъ на чердакѣ.

— Онъ часто любилъ противорѣчить, такъ что я не придавалъ должнаго значеннн его словамъ. Когда я отправился въ свою комнату, онъ послѣдовалъ за мною съ мрачнымъ лицомъ.

— Отецъ, послушай, — пронзесъ онъ, потупнвъ глаза, — можешь ты дать мнѣ двѣсти фунтовъ стерлинговъ?

— Нѣтъ, не могу, — отвѣтилъ я поспѣшно. — Что касается денегъ, я былъ слишкомъ щедръ съ тобою.

— Ты былъ очень добръ, — возразилъ онъ, — но я долженъ имѣть эту сумму, иначе я не смогу показаться въ клубѣ.

— Это было бы превосходно, — воскликнулъ я.

— Можетъ-быть, — возразилъ онъ, — но ты не захотѣлъ бы, чтобы я покинулъ его обезпеченнымъ человекомъ. Я не перенесу стыда. Я долженъ добыть эти деньги какими бы то ни было образомъ, и, если ты откажешь мнѣ въ нихъ, я буду принужденъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ.

— Я былъ странно рассерженъ, такъ какъ это была его третья просьба въ продолженнн мѣсяца.

— Ты грожа отъ меня не получишь, — вскричалъ я, послѣ чего онъ поклонился и вышелъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова.

«Послѣ его ухода, я открылъ столъ, удостовѣрился, что мое сокровище въ сохранности, и вновь заперъ его на ключъ. Затѣмъ я принялся осматривать домъ, чтобы убѣдиться, все ли надежно,—обязанность эту я обыкновенно возлагаю на Мэри, но въ этотъ вечеръ я полагаю лучше исполнить ее самъ. Спустившись по лѣстницѣ, я увидѣлъ Мэри у бокового окна передней, которое она при моемъ приближеніи притворила и заперла на задвижки.

— Скажите, дядя,—сказала она, какъ мнѣ показалось, немного въ замѣнательствѣ,—вы позволили Люси отлучиться изъ дому сегодня вечеромъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Она только что вышла по черному ходу. Я не сомнѣваюсь, что она только дошла до боковыхъ воротъ, чтобы поглядѣться съ кѣмъ-нибудь, но все-таки я думаю, что этому надо положить конецъ.

— Ты должна поговорить съ ней объ этомъ завтра утромъ, или, если ты желаешь, я переговорю съ ней. Увѣрена ли ты, что вездѣ все заперто?

— Да, дядя, совершенно увѣрена.

— Ну, покойной ночи, въ такомъ случаѣ.

«Я поцѣловалъ ее и отправился опять въ свою спальню, гдѣ вскорѣ заснулъ.

«Я стараюсь сообщить вамъ все, м-ръ Холмсъ, что относится къ данному случаю, и прошу васъ задавать мнѣ вопросы, какъ только я стану разсказывать не достаточно точно.

— Напротивъ, ваше сообщеніе замѣчательно ясно.

— Я приближаюсь къ той части своего разсказа, въ которой желалъ бы быть по возможности послѣдовательнымъ. Я не очень крѣпко сплю, а безпокойство, овладѣвшее мною вчера, безъ сомнѣнія, заставило меня спать еще болѣе чутко. Около двухъ часовъ утра я былъ разбуженъ какимъ-то звукомъ въ домѣ. Онъ прекратился прежде, чѣмъ я успѣлъ совершенно проснуться, но звукъ этотъ оставилъ у меня впечатлѣніе, какъ будто гдѣ-то осторожно затворили окно. Я лежалъ, напрягалъ, насколько могъ, слухъ. Вдругъ, къ ужасу моему, я левую разслышалъ звуки шаговъ, мягко ступавшихъ въ соседней комнатѣ. Я вскочилъ съ постели, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, и заглянулъ въ уборную.

— Артуръ!—закричалъ я,—негодилъ! воръ! Какъ ты смѣешь прикасаться къ коронѣ!

«Газъ былъ попрежнему наполовину спущенъ, и мой несчастный мальчикъ, въ однихъ только брюкахъ и рубашкѣ, стоялъ у огня, держа въ рукахъ корону. Мнѣ показалось, что онъ всѣми силами старался или отломить отъ нея кусокъ или согнуть ее. Услыхавъ мой крикъ, онъ, поблѣднѣвъ, какъ смерть, выронилъ ее изъ рукъ. Поднявъ ее, я сталъ осматривать: одинъ изъ золотыхъ угловъ, въ которомъ находились три берилла, былъ оторванъ.

— Начальникъ!—кричалъ я внѣ себя отъ гнѣва.—Ты сломалъ корону! Ты обезчестилъ меня навѣки. Говори, гдѣ камни, которые ты укралъ?

— Укралъ!—вскрикнулъ онъ.

— Да, укралъ, воръ!—ревѣлъ я, трясъ его за плечи.

— Тамъ всѣ, тамъ должны быть всѣ,—возразилъ онъ.

— Не хватаетъ цѣлыхъ трехъ берилловъ. И ты знаешь, гдѣ они находятся. Долженъ ли я еще назвать тебя лжецомъ такъ же, какъ называлъ воровъ? Развѣ я не видѣлъ, какъ ты старался оторвать еще новый кусокъ?

— Ты достаточно обзывалъ меня различными именами,—возразилъ онъ,—я больше не потерплю этого. Разъ тебѣ желательно поносить меня, то я не промолчу ни одного слова о томъ, гдѣ находятся камни. Я оставляю твой домъ завтра утромъ и пробью себѣ самъ дорогу въ жизнь.

— Ты оставишь мой домъ въ сопровожденіи полиціи!—вскричалъ я, почти обезумѣвъ отъ гори и гнѣва.—Я прикажу разслѣдовать это дѣло.

— Отъ меня ты ничего не узнаешь!—сказалъ онъ съ жаромъ, какого я не подозрѣвалъ въ немъ.—Если ты намѣреваешься позвать полицію, пусть она находитъ, что можетъ.

«Къ этому времени мои крики уже подняли весь домъ на ноги. Мэри первая вбѣжала въ комнату и, увидя корону и измѣнившееся лицо Артура, повела все и съ крикомъ упала безъ чувствъ на полъ. Я послалъ горничную за полиціей, которой и поручилъ начать тотчасъ же разслѣдованіе. Послѣ того, какъ инспекторъ и полицейскій вошли въ домъ, Артуръ, стоявшій до сихъ поръ въ задорной позѣ, со скрепящими на груди руками, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: намѣреваюсь ли я обвинить его въ кражѣ? Я отвѣтилъ, что это дѣло перестаетъ быть частнымъ, а становится публичнымъ, развѣ сломанная корона составляетъ національное достояніе. Я твердо рѣшился дать полную свободу требованіямъ закона.

— По крайней мѣрѣ, ты не велишь арестовать меня тотчасъ же? Было бы полезно и тебѣ, и мнѣ, въ равной степени, если бы мнѣ разрѣшили выйти изъ дому на пять минутъ.

— Чтобы ты могъ скрыться или спрятать то, что укралъ,—сказалъ я.

— Затѣмъ, вспоминая то ужасное положеніе, въ которомъ я

находился, я сталъ умолять его не забывать, что онъ угрожаетъ не только моему чести, но чести лица, гораздо болѣе известнаго, чѣмъ я, и что онъ рискуетъ поднять скандалъ, который потрясетъ всю націю. Все это онъ устранилъ, если только согласится сказать, что онъ сдѣлалъ съ тремя неподходящими камнями.

— Подумай самъ хорошенько обо всемъ, что произошло!—сказалъ я.—Ты былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. Если же ты сдѣлаешь то, что въ твоей власти, если только взглядишь свою вину, сказавъ намъ, гдѣ находится бериллы, все будетъ прощено и забыто.

— Прибереги свое прощеніе для тѣхъ, кто въ немъ нуждается,—произнесъ онъ насмѣшливо, отвернувшись отъ меня.

«Я видѣлъ, что онъ слишкомъ очерствѣлъ, чтобы какія бы то ни было слова могли повліять на него. Оставался только одинъ исходъ. Я позвалъ инспектора и отдалъ Артура подъ стражу. Пристунили сейчасъ же къ обыску не только его самого, но его комнаты и каждой части дома, гдѣ только онъ могъ спрятать камни, но невозможно было найти ни малѣйшаго слѣда, а бѣдный мальчикъ отказался дать какія-либо указанія, несмотря на всѣ наши убѣжденія и угрозы. Сегодня утромъ его посадили въ одиночное заключеніе, а я, покончивъ со всѣми полицейскими формальностями, носилъ къ вамъ, умоляя васъ, употребить ваше искусство для разоблаченія этой тайны. Полиція открыто созналась, что въ настоящую минуту она ничего не можетъ подѣлать.

«Вы можете выдавать суммы, какія найдете нужными. Я уже предложилъ вознагражденіе въ тысячу фунтовъ. Боже, что стану я дѣлать! Въ одну ночь я потерялъ честь, мои камни и сына. О, что станется со мною?»

Онъ схватился руками за голову и, покачиваясь взадъ и впередъ, сталъ причитать, какъ ребенокъ.

«Шерлокъ Холмсъ сидѣлъ въкоторое время молча, со сдвинутыми бровями и устремивъ взглядъ на камень.

— Бываетъ у васъ много гостей?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Никого, кромѣ моего компаньона съ его семействомъ и иногда друга Артура. Сэръ Джорджъ Бёрнуэль былъ у насъ нѣсколько разъ за послѣднее время. Больше никого, если не ошибаюсь.

— Вы вращаетесь въ большомъ обществѣ?

— Артуръ, да. Мэри же и я—домосѣды.

— Это необыкновенно для молодой дѣвушки.

— Она любитъ покой. Кромѣ того, она не такъ молода, ей двадцать четыре года.

— Это происшествіе, судя по вашимъ словамъ, потрясло и ее также.

— Ужасно. Она опечалена даже больше меня.

— Какъ вы, такъ и она, не имѣете ни малѣйшаго сомнѣнія въ винѣ вашего сына?

— Какъ можемъ мы сомнѣваться, когда я своими глазами видѣлъ его съ короною въ рукахъ?

— Ну, я не считаю этого обстоятельства окончательнымъ доказательствомъ. Развѣ остальная часть короны совсѣмъ не была попорчена?

— Нѣтъ, она была согнута.

— Такъ не полагаете ли вы, что вашъ сынъ старался выпрямить ее?

— Да благословитъ васъ Богъ! Вы стараетесь, насколько можете, облегчить и его участь, и мою. Но это слишкомъ трудная задача. Вообще, что нужно ему было въ моей уборной? Если его намѣреніе было невинно, зачѣмъ онъ не сказалъ этого?

— Совершенно вѣрно. А если онъ виноватъ, почему не выдумалъ онъ какой-нибудь джи. Это молчаніе, кажется мнѣ, можно объяснить двояко. Въ этой исторіи нѣсколько таинхъ загадочныхъ пунктовъ. Какъ объяснила полиція шумъ, потревожившій васъ во время сна?

— Они думаютъ, что этотъ шумъ могъ произойти, когда Артуръ затворилъ дверь своей спальни.

— Хорошо объясненіе. Какъ будто человѣкъ, идущій на преступленіе, станетъ хлопать дверями, рискуя разбудить весь домъ. Что же они сказали объ исчезновеніи камней?

— Они все еще принощиваютъ половицы и осматриваютъ мебель, въ надеждѣ найти ихъ.

— Пришло ли имъ въ голову искать внѣ дома?

— Да, они выказали необыкновенную знергію. Весь садъ былъ уже основательно обысканъ.

— Теперь, мой дорогой сэръ,—сказалъ Холмсъ,—не ясно ли вамъ теперь, что это дѣло куда запутаннѣе, чѣмъ вы или полиція были склонны предполагать вначалѣ? Вамъ это дѣло представилось довольно простымъ, мнѣ же оно кажется чрезвычайно сложнымъ. Подумайте, что выводитъ по вашему объясненію. Вы предполагаете, что вашъ сынъ всталъ съ постели, пошелъ съ громаднымъ рискомъ въ вашу уборную, открылъ вашъ столъ, вынулъ корону, отломилъ безъ посторонняго усплія отъ нея небольшую часть, отправился въ какое-то другое мѣсто, гдѣ спряталъ три камня изъ тридцати девяти съ такимъ искусствомъ, что никто не можетъ ихъ найти, и затѣмъ вернулся съ остальными тридцатью шестью въ комнату, гдѣ

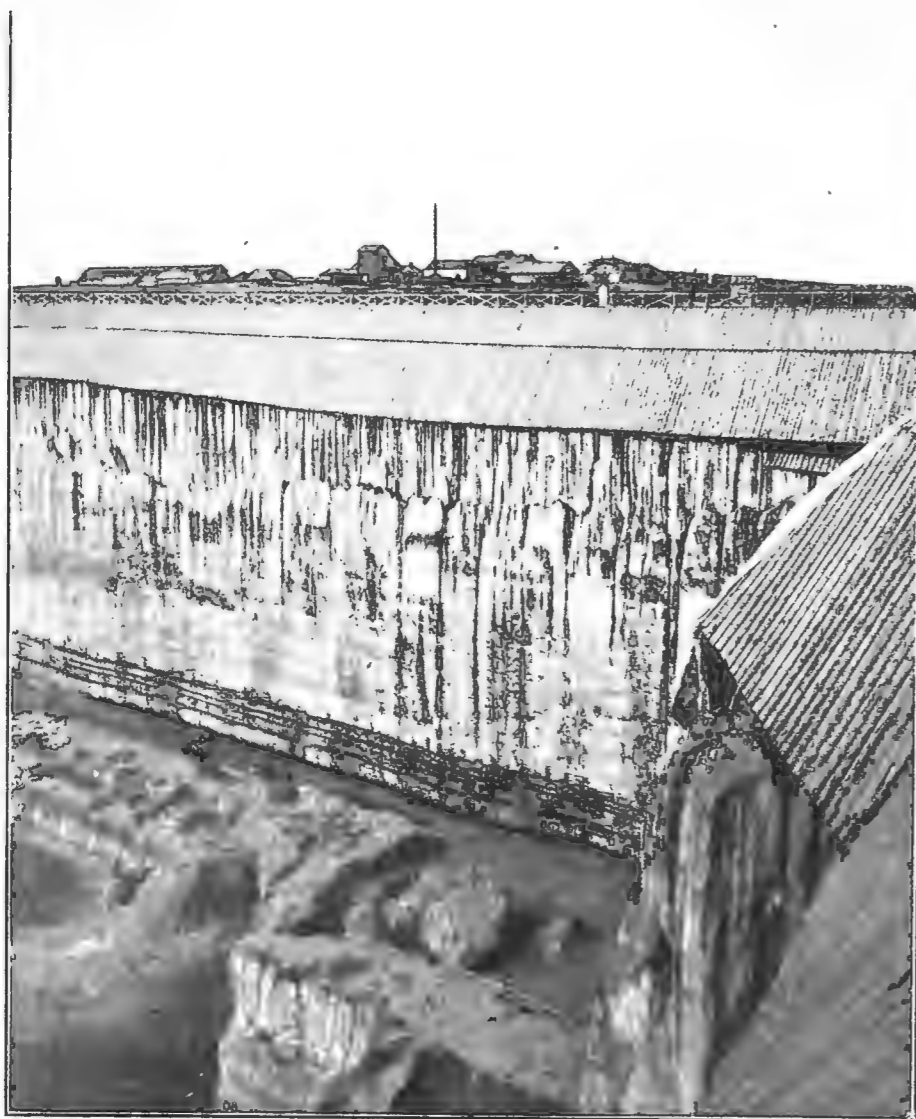

Рис. 1. Видъ части разносной ямы съ сѣверо-западной стороны. Автотипія „Нивы“

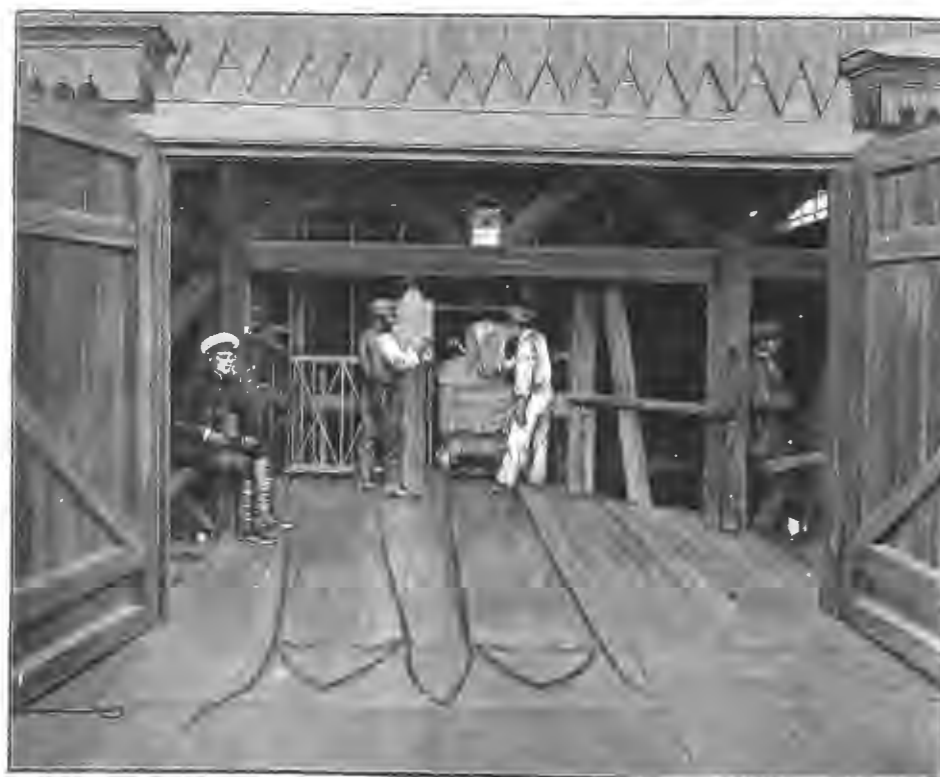

Рис. 2. Устье подъемной или рабочей шахты. Грав. Шлиперъ.

Рис. 3. Видъ рудничныхъ построекъ съ сѣвѣрной стороны, мельница для размола соли. Автотипія „Нивы“.

Рис. 4. Видъ рудничныхъ построекъ съ южной стороны. Ангаръ для склада соли. Автотипія „Нивы“.

Рис. 5. Паровая машина для подъема соли изъ рудника. Автотипія „Нивы“.
Илецкое соляное мѣсторожденіе и его разработка. Съ фот. К. А. Фишеръ.

Рис. 6. Внутренній видъ склада соли.
Грав. Шлиперъ.

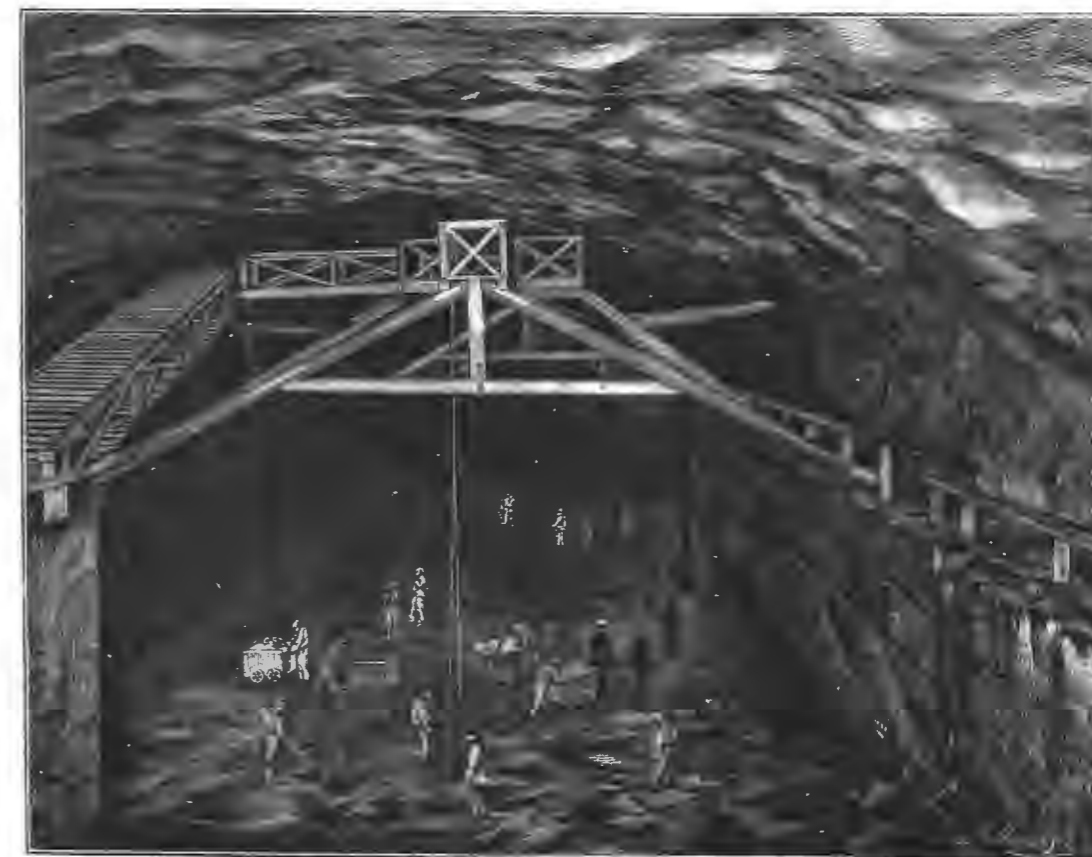

Рис. 7. Внутренній видъ одной изъ рабочихъ камеръ рудника.
Грав. Шлиперъ.

онъ странно рисковалъ быть накрытымъ. Я васъ спрашиваю теперь, вѣроятно ли такое предположеніе?

— Но какое же другое можетъ быть еще?— вскричалъ бакиръ съ жестомъ отчаянія. — Если его мотивы невинны, почему онъ не объяснитъ ихъ?

— Нйти ихъ составитъ нашу задачу,— возразилъ Холмсъ. — Итакъ, теперь, м-ръ Холдеръ, если вы желаете, мы отправимся вмѣстѣ въ Стретгэмъ и посвятимъ часть дня для болѣе близкаго ознакомленія съ подробностями.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Изъ весеннихъ пѣсень.

Съ лаской солнца золотого
Съ первымъ вѣяньемъ весны
Мнѣ слетѣли въ сердце снова
Упоительные сны...

Будто старья невзгоды,
Вмѣстѣ съ мракомъ зимнихъ дней,
Унесли съ собою воды
Въ глубь невѣдомыхъ морей...

Будто тамъ, межъ облаками,
Въ свѣтѣ радостнаго дня,

Ты лазурными очами
Ясно смотришь на меня...

Будто въ шопотъ сирени,
Въ тихой музыкѣ ручья,
Вся изъ слезъ и вдохновеній,
Рѣчь мнѣ слышится твоя...

Будто въ душу мнѣ пахнуло
И отградой и тепломъ...

Будто счастье мнѣ мелькнуло
Въ свѣтломъ образѣ твоёмъ...

Зоя Вухарова.

Илецкое соляное мѣсторожденіе и его разработка.

(Съ 7-ю рисунками на стр. 444 и 445.)

Илецкое мѣсторожденіе каменной соли расположено въ степной, холмистой мѣстности, у города Илецка Заслита, въ 63 верстахъ къ югу отъ Оренбурга. Оно считается однимъ изъ самыхъ большихъ въ мірѣ каменно-соляныхъ мѣсторожденій, и представляетъ собою необыкновенно огромный штокъ чистой, сплошной соли, залегающей весьма близко отъ поверхности. Кровлею соли служатъ рыхлый, болѣе или менѣе глинистый песокъ, перемежающийся въ низшихъ горизонтахъ съ красноватой глиной. Съ сѣвера мѣсторожденіе ограничено большимъ гипсовымъ холмомъ, саженъ 20 вышиною, который съ восточной и западной сторонъ отгибаютъ рѣчки Малая Елшанка и Песчанка. Обѣ эти небольшія рѣчки прорѣзываютъ, въ южномъ направленіи, соляное поле, протекая мѣстами почти надъ самою залежью. Вообще, соль въ развѣданной площади мѣсторожденія лежитъ на глубинѣ отъ 3 до 10 саженъ отъ поверхности; въ восточной же, болѣе низкой, части есть мѣста, гдѣ толщина прикрывающихъ соль наносовъ составляетъ всего лишь нѣсколько футовъ. Такое неглубокое залеганіе соли было причиной открытія илецкаго залежи киргизами еще задолго до занятія русскими, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, пограничной азиатской линіи по р. Уралу.

Въ 1754 году мѣсторожденіе поступило въ вѣдѣніе казны; изслѣдовано же оно было впервые въ началѣ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и второй разъ — въ 1850 году. Произведенныя тогда развѣдки показали, что соль залегаетъ на югъ отъ Илецкой Заслиту въ видѣ сплошнаго штока, захватывающаго пространство болѣе трехъ квадратныхъ перестъ. Толщина же штока не опредѣлена, такъ какъ заложившая съ этою цѣлью буровая скважина доведена только до глубины 68½ саж., постѣ чего, вследствие чрезвычайной плотности соли, бурение было остановлено. Все пройденное въ глубинну пространство состоитъ изъ чистой каменной соли съ тремя или четырьмя незначительными прослойками красной глины и гинса.

Благодаря сказаннымъ изслѣдованіямъ, явилась возможность вычислить, что *развѣданная часть* илецкаго мѣсторожденія заключаетъ въ себѣ до 100 миллиардовъ пудовъ полезнаго ископаемаго — запасъ, котораго хватило бы для снабженія солью всего нашего обширнаго отечества болѣе чѣмъ на полторы тысячи лѣтъ! Но такъ какъ произведенныя развѣдки не очерчиваютъ вполнѣ границъ соляной залежи ни въ вертикальности, ни въ горизонтальномъ направленіяхъ, то въ дѣйствительности такое богатство мѣсторожденія представляется еще болѣе колоссальнымъ.

Существуетъ имѣющая большую вѣроятность гипотеза, что илецкая залежь не только распространяется на значительномъ пространствѣ за предѣлы развѣданной площади, но даже подходит къ расположенному въ 15 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Илецкой Заслиту урочищу, называемому подъ именемъ — *Мертвыя соли*. Здѣсь имѣется довольно значительная гора, на сѣверной сторонѣ которой выступаютъ пласты известняка, а съ южной — вытекаютъ небольшой ключъ, вода котораго обладаетъ соленымъ вкусомъ. Киргизское преданіе говоритъ, что въ этой горѣ икогда выламывали соль, употребляли на работы русскихъ пѣвниковъ, но, что будто бы — какъ небесная кара за жестокое обращеніе съ рабочими — вся соль здѣсь внезапно превратилась въ негодный камень, откуда и произошло названіе *мертвыхъ солей*.

Добыча соли въ Илецкѣ началась съ незапамятныхъ временъ и производилась до 1806 г. самымъ простѣйшимъ способомъ, т. е. небольшими отдѣльными раскопками или ямами; въ 1806 же году отдѣльныя ямы въ сѣверной части мѣсто-

рожденія были соединены въ одну общую выработку, и введена разносная добыча правильными уступами. Образовавшаяся отъ разработки яма (разносъ) представляетъ теперь замѣчательно грандіозную поверхностную выработку. Она находится всего въ полуверстѣ отъ средней части города Илецка, и имѣетъ форму четырехугольника, длиною 120 саж., шириной до 85 саж. и глубиной отъ 10 до 18 саж. Яма эта окружена вертикальными стѣнами сплошной каменной соли, борты которой, т. е. верхніе края, вмѣстѣ съ обнаженными здѣсь наносами, защищены отъ размыва дощатою крышею, имѣющею скатъ внутрь вскрытаго пространства. На рис. 1 представлено видъ сѣверо-западной части разносной ямы съ береговъ ея укрѣпленіемъ.

По мѣрѣ углубленія разносной ямы отъ выемки изъ нее соли, добыча послѣдней становилась, однакожъ, все болѣе и болѣе затруднительною: выработка сдѣлалась мѣстомъ стока воды атмосферной и почвенной, которую пришлось выкачивать; дно ея покрылось иломъ, отвисныя стѣны соли требовали прочнаго укрѣпленія; наконецъ, вполнѣ выяснилось, что при такомъ способѣ разработки возможно вынуть только верхнія части соляной залежи. Въ виду этого, правительство, въ 1873 г., рѣшило прекратить поверхностную добычу и, взамѣнъ ея, ввести подземную разработку соли по правиламъ горнаго искусства. Для осуществленія же такого мѣропріятія, илецкое мѣсторожденіе въ 1877 г. передано казною въ долгосрочное содержаніе частной компаніи, избравшей своимъ представителемъ — горнопромышленника С. И. Пазарова.

Съ 1889 г. поверхностная разработка соли прекращена и всецѣло перенесена въ устроенный компаніею арендаторовъ, на свои средства, рудникъ. Послѣдній, въ настоящее время, снабженъ всѣми необходимыми, усовершенствованными механизмами и приспособленіями, обезопасенъ отъ воды и освѣщенъ, какъ внутри, такъ и на поверхности, электричествомъ.

Рудникъ сообщается съ земною поверхностью двумя шахтами, расположенными на разстояніи 20 саж. одна отъ другой, изъ которыхъ одна достигаетъ глубины слишкомъ 20 саж., а другая — около 28 саж. Шахты эти носятъ названія „подземной“ и „воздушной“. Подземная шахта (болѣе глубокая) служитъ для доставки выработанной соли на поверхность, и снабжена необходимыми для этого механизмами, которые приводятся въ дѣйствіе 40-сильною паровою машиною (рис. 5), помещающеюся въ надшахтномъ зданіи. Въ этой же шахтѣ расположена воздухопроводная труба, діаметромъ болѣе 3 фут., идущая отъ всасывающаго вентилятора и соединенная въ рудникѣ съ двумя рукавами трубъ, чрезъ которыя испорченный въ подземныхъ выработкахъ воздухъ выкачивается на поверхность. Воздушная, или путевая шахта служитъ исключительно для спуска и подъема рабочихъ, и въ ней устроены цологія, удобныя лѣстницы, съ перилами.

Для добычи соли, въ рудникѣ образованы двѣ *боканы* камеры, проведенныя въ массѣ сплошной каменной соли, на глубинѣ слишкомъ 20 саж. отъ дневной поверхности. Внутренній видъ одной изъ такихъ камеръ представленъ на рис. 7. Обѣ эти камеры, сливаясь съ главною камерою или, такъ называемымъ, *рудничнымъ дворомъ*, составляютъ одну огромную галлерею, имѣющую теперь 115 саж. длины и 10 саж. ширины, при высотѣ нѣсколько болѣе 9 саж. Принятая въ рудникѣ система работъ называется въ горномъ искусствѣ — *почвоуступною*, и состоитъ въ томъ, что въ ночвѣ соли (въ данномъ случаѣ — въ полу камерѣ), во всю ширину камеры, прорубаютъ, посредствомъ особыхъ топоровъ на длинныхъ ручкахъ, борозды (врубъ) глубиною въ 1¼ арш.; когда эти врубы сдѣланы, къ

нимъ проводить такіе же поперечныя врыбы и получаютъ, такимъ образомъ, отдѣльно стоящіе другъ отъ друга, цѣпки (кабаны) соли, которые прикрѣпляются къ почвѣ только нижней своею стороною. Затѣмъ, у основанія этихъ цѣпковъ просверливаютъ въ толщѣ соли, въ горизонтальномъ направленіи, узкія, круглыя отверстія (шпуръ) до 5-ти четвертей длиною, въ которыя закладываютъ патроны съ порохомъ и фитиль (затравку), выходящій нѣсколько наружу; всю остальную, свободную часть отверстія плотно забиваютъ мелкою солью, насыпанною въ бумажныя патроны. По командѣ надсмотрщика, бурлящія зажигаютъ фитили нѣсколькихъ шпуровъ и послѣднее убиваютъ въ отдаленную часть галлерей; черезъ минуту раздается оглушительный трескъ отъ взрыва пороха, и одновременно съ тѣмъ огромныя глыбы соли отрываются отъ почвы. Отдѣленные такимъ способомъ глыбы разбиваются молотами, съ помощью желѣзныхъ клиньевъ, на куски до 5 пуд. вѣсомъ; разбитая соль укладывается въ вагончики, и въ нихъ откатывается, по рельсамъ, къ подъемной шахтѣ; здѣсь вагончики устанавливаются на такъ-называемыя подъемныя клѣтѣ, въ которыя затѣмъ и поднимаются на поверхность. Клѣтѣ приводятся въ движеніе подъемной машиною, о которой было упомянуто выше; при чемъ онѣ устроены такимъ образомъ, что въ то время, когда одна изъ клѣтей поднимается съ грузомъ, другая опускается въ рудникъ пустою. Положеніе клѣтей въ шахтѣ, въ каждый данный моментъ, указывается особымъ приборомъ (индикаторомъ), имѣющимся при подъемной машинѣ, которая, кромѣ того, снабжена звонкомъ, предупреждающимъ машиниста о приближеніи клѣтѣ къ поверхности.

Поднятые по шахтѣ, до ея устья, вагончики съ солью принимаются изъ клѣтей рабочими (рис. 2), и отсюда, по особому устроеному деревянному помосту съ рельсами, передаются

въ верхній этажъ складочнаго амбара (рис. 6), гдѣ, посредствомъ опрокидывателей, вагончики разгружаются и соль сваливается въ закрома. Этотъ амбаръ представляетъ большую продолговатую постройку (рис. 4), сажень 10 шириною и до 35 саж. длиною, раздѣленную внутри (за исключеніемъ верхней части) деревянными перегородками на отдѣленія, которыя могутъ вмѣщать, въ общемъ, запасъ соли около 300,000 пудовъ. Въ числѣ другихъ устройствъ Илецкаго рудника, имѣется еще мельница для размола соли, помѣщающаяся въ особо предназначеномъ для нея зданіи, которое видно на рис. 3. Она приводится въ дѣйствіе 35-ти сильной паровой машиною, состоятъ изъ дробилки, 3-хъ элеваторовъ и 6-ти паръ жернововъ (поставовъ) и можетъ размалывать до 12,000 пудовъ соли въ сутки. Все устройство и обзаведеніе рудника обошлось компаніи арендаторовъ болѣе полмилліона рублей.

Илецкая каменная соль, въ залежи, представляетъ чрезвычайно плотную кристаллическую массу, крупно-зернистаго строенія; цвѣтъ ея бѣлый съ сѣроватымъ оттѣнкомъ. По содержанию хлористаго натрія (болѣе 99%), она является почти химически чистою, и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше солей выварочной—пермской и озерно-самосадочныхъ астраханской и крымской. Такимъ образомъ, при усердствованіи рудничныхъ устройствахъ и богатствѣ самаго мѣсторожденія, казалось бы, что илецкая соль должна расходоваться въ громадномъ количествѣ; на самомъ же дѣлѣ производительность промысла и сбытъ не достигаютъ даже 2 милліоновъ пудовъ въ годъ. Причина этого заключается частью въ отдаленности промысла отъ центральныхъ пунктовъ Россіи, а главнымъ образомъ—въ дороговизнѣ гужевой перевозки соли до г. Оренбурга, на разстояніи слишкомъ 60-ти верстъ.

Н. Шо—нъ.

Альбатросъ.

Очеркъ А. Зейтца.
(Съ нѣмецкаго.)

Если мы отъ Лондона пробурявимъ мысленно землю и оустимся на противоположной сторонѣ земного шара, то очутимся вблизи небольшого скалистаго острова, носящаго названіе острова Антиподовъ, и, по своей пустынности и безлюдью, составляющаго полное противорѣчіе своему антиподу, лондонскому Сити.

Однообразный шумъ морского прибоя нарушается здѣсь только крикомъ тюленей. Они плаваютъ большими стаями и выдѣлаютъ на скалистые отроги острова, чтобы погрѣться на солнцѣ. Здѣсь же, на этихъ пустынныхъ островахъ, куда никогда не ступаетъ нога человѣческая, вьютъ гнѣзда и царь морей—альбатросъ. Здѣсь вырастаетъ опъ, никѣмъ не преслѣдуемый, никѣмъ не тревожимый; здѣсь высиживаетъ онъ ежегодно одно большое, бѣлое яйцо и выкармливаетъ единственнаго птенца, пока тотъ не научится самъ расправлять свои могучія крылья. Тогда семья улетаетъ въ далекія морскія странствованія—къ мысу Добрая Надежда, къ далекимъ берегамъ Огненной Земли.

Альбатросъ несомнѣнно крупнѣйшая изъ существующихъ птицъ. Съ распушенными крыльями онъ достигаетъ пяти метровъ; по широтѣ и быстротѣ полета съ нимъ не можетъ сравниться ни одна птица. О быстротѣ этой можно составить себѣ нѣкоторое понятіе, если представить себѣ, что альбатросъ въ три-четыре секунды обогнать идущій полнымъ ходомъ океанскій пассажирскій пароходъ.

Летящаго альбатроса словно несетъ по воздуху какал-то невидимая сила. Онъ держитъ крылья широко распушенными, но при этомъ въ нихъ не замѣтно ни малѣйшаго движенія. Только каждыя пять, десять минутъ, при поворотѣ, онъ слегка махнеть раза три кончиками крыльевъ и затѣмъ снова замраетъ и, точно силой волшебства, плавно несетъ по воздуху.

Не мало заботъ доставилъ ученымъ полетъ альбатроса, испровергающаго, можно сказать, всѣ законы физики. Вопросъ и до сихъ поръ остается открытымъ. Одни, и въ томъ числѣ Бэгманъ, полагаютъ, что птица искусно пользуется теченіемъ вѣтра; другіе оснаряваютъ это положеніе и утверждаютъ, что альбатросъ, съ той же быстротой и точно такъ же не двигая крыльями, летитъ и противъ вѣтра. Равнымъ образомъ несостоятельной оказывается относительно альбатроса и новѣйшая теорія полета хищныхъ птицъ, по которой птицу поднимаютъ на воздухъ различныя колебанія въ силѣ вѣтра,—несостоятельной потому, что альбатросъ распускаетъ крылья при полетѣ не горизонтально, а вертикально.

Единственное явленіе того же порядка, которое можетъ быть поставлено на ряду съ полетомъ альбатроса, мы встрѣчаемъ у великаго Чарльза Дарвина въ его „Путешествіи натуралиста вокругъ свѣта“, гдѣ онъ говоритъ о кондорѣ, самой большой изъ сухопутныхъ летающихъ птицъ. Приводимъ это мѣсто въ вольномъ переводѣ:

„Полетъ кондоровъ изумителенъ. Иначе какъ при взлетѣ, я не видать, чтобы они когда-нибудь махали крыльями... Они летятъ широкими дугами, то поднимаясь, то опускаясь, и все

не дѣлая ни одного удара крыльями. Голову и затылокъ они напротивъ, двигаютъ часто и, повидимому, съ нѣкоторымъ напряженіемъ. Когда птица опускается, крылья на одинъ моментъ складываются; а когда, послѣ перемены направленія, кондоръ снова расправляетъ крылья, то развившаяся отъ внезапнаго паденія сила гонитъ его вверхъ плавнымъ, равномернымъ движеніемъ, какъ бумажный змѣй“.

У альбатроса удивительная манера складывать крылья, об условленная длиною его плечной кости (около пятидесяти сантиметровъ), а также особое строеніе позвонка, выгнутыхъ въ трубочки. Альбатросъ никогда не летаетъ высоко и притомъ держитъ корпусъ не горизонтально, какъ другія птицы, а болѣею частью такъ, что одно крыло направлено къ небу, а другое бороздитъ гребни волнъ. Онъ никогда не поднимаетъ изверху одновременно оба крыла. Воспроизводимый здѣсь, на стр. 448, рисунокъ знаменитаго художника-натуралиста Ф. Шнехта очень удачно передаетъ эти оригинальныя свойства птицы.

Разсмотрѣть альбатроса вблизи очень легко. Онъ идетъ на всякую удочку, на которую привязанъ кусокъ сала и даже—по свидѣтельству Вибры—нѣсколько разъ поды-ривать. Надо только, чтобы веревка была достаточно толста и крѣпка, потому что птица обладаетъ большою силой и легко перерываетъ ее. Если альбатроса вытащить на палубу, онъ не въ состояніи подняться на воздухъ; крылья его слишкомъ длинны и не хватаетъ ни пространства, ни вѣтра, чтобы поднять его. Движенія, которыя онъ при этомъ дѣлаетъ, и словесность, съ которой шатается ходитъ на своихъ перепончатыхъ лапахъ, въ высшей степени забавны. Прежде всего онъ старается уменьшить вѣсъ своего тѣла и съ этою цѣлью выбрасываетъ изъ зоба огромное количество маслянистаго, сильно пахнущаго рыбнымъ жиромъ вещества. „У него морская болѣзнь“,—говоритъ матросы, думающіе, что птица не переноситъ морской качки.

Пойманный альбатросъ вскорѣ самъ убѣждается, что ему не взлетѣть съ палубы. Онъ оставляетъ всякія попытки и, смирившись, складываетъ крылья. Убиваютъ птицу обыкновенно посредствомъ удушенія, хотя это сдѣлать не легко. Мясо альбатроса совершенно негодно въ пищу, вслѣдствіе отвратительнаго вкуса рыбьяго жира, и запахъ самой птицы черезъ нѣсколько времени дѣлается нестерпимымъ. Единственное, что годно въ ней, это шкурка для приготовленія чучель, которыя служатъ прекраснымъ украшеніемъ музеевъ и кусткамеръ.

Держать альбатроса живымъ на кораблѣ очень неудобно въ виду его необычнаго анатоміа, вполнѣ соотвѣтствующаго рамѣрамъ его тѣла. Это практикуется лишь натуралистами, для научныхъ цѣлей. На свободѣ альбатросъ питается животной пищей, но онъ далеко не прихотливъ въ этомъ отношеніи и готовъ ѣсть все: падалъ, тухлое мясо, различные корабельные отбросы и вообще все, что только находится плавающимъ на водѣ. Манерой хватать пищу онъ очень напоминаетъ коршуна. Если встрѣтится плавающей на водѣ трупъ, онъ торопливо онылаетъ вокругъ, жадно стараясь отдѣлать мясо отъ скелета своимъ крючковатымъ клювомъ. Манера

сеориться и драться за добычу у альбатроса также общая съ коршунномъ.

Бибра рассказываетъ о смѣлости, съ которой только что пойманный альбатросъ хватаетъ предложенное ему сало и потомъ, какъ собака, бѣгаетъ за человѣкомъ. Эту черту онъ раздѣляетъ со многими своими сородичами. Въ прежние время добѣрчивость морскихъ птицъ объясняли незнакомствомъ съ человѣкомъ и незнаемъ опасности, но мы предполагаемъ здѣсь другую причину. Такъ, напримѣръ, пливныи спокойно взираютъ, какъ убиваютъ одного за другимъ ихъ товарищей. Они воочию видятъ опасность, но имъ лѣнь улетѣть, и потому можно безъ труда убить одного за другимъ цѣлую стаю. Напротивъ, есть другія птицы, не имѣющія понятія о чело-вѣкѣ и между тѣмъ отличающіяся величайшей дикостью. Такъ, напримѣръ, въ бразильскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, въ мѣстахъ, гдѣ никогда не ступала нога человѣческая, намъ приходилось встрѣчать птицъ, чрезвычайно пугливыхъ, и въ томъ числѣ тѣхъ самыхъ колибри, которыхъ въ ботаническомъ саду въ Рио можно ловить простыми сачкомъ для бабочекъ, несмотря на то, что онѣ постоянно видятъ передъ собой людей.

Въ сущности, смѣлость альбатроса есть не что иное, какъ глупость и жадность. Последнее свойство составляетъ, между прочимъ, его отличительную черту. Онъ не только нападаетъ на собственного своего раненаго или безоружнаго товарища, убиваетъ и пожираетъ его, но нападаетъ и на человѣка, потерявшаго крушение и ищущаго спасенія при помощи какой-нибудь плавающей доски. Мнѣ пришлось убѣдиться собственными глазами, — на примѣръ черезчуръ дерзкаго мальчика — юнга, — какое почтенное орудіе составляетъ загнутый крыломъ клювъ альбатроса, длиною въ кисть руки, и у меня, признаюсь, пропала всякая охота къ близкому общенію съ опаснымъ цѣльникомъ.

Существуетъ, говорятъ, повѣрье, что въ альбатросѣ живетъ душа утонувшихъ матросовъ; но, съ своей стороны, я могу заявить, что нынѣшніе матросы далеко не такъ суевѣрны, какъ въ былое время. Они не только не отказываются убивать альбатроса, но охотно помогаютъ ловить его и прерасно умѣютъ укротить пойманную птицу и искусно готовятъ изъ нея чучело.

Если пойманнаго альбатроса столкнуть за бортъ, онъ прежде всего упадетъ въ воду, и оттуда уже взлетитъ на воздухъ. Не безъ труда расправляетъ онъ свои длинныя крылья и начинаетъ быстро перебирать перепончатыми ланями, какъ будто хочетъ убѣжать. Грузное тѣло постепенно поднимается все выше и выше надъ водой, настолько, что воздухъ начинаетъ, наконецъ, поддерживать его, и птица поднимается на воздухъ, еще нѣкоторое время продолжая, на-лету, перебирать ногами. Какъ только альбатросъ высвободится изъ воды, онъ принимаетъ свое любимое положеніе — одно крыло внизъ, другое — вверхъ. Въ такой позѣ, касаясь воды то правымъ, то лѣвымъ крыломъ, онъ сотни миль, днемъ и ночью, преслѣдуетъ корабль. При послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, бѣлые перья альбатроса сверкаютъ еще въ оставленной судномъ бороздѣ; и въ знуюю ночь его огромныя крылья парятъ надъ поверхностью воды, какъ таинственный, бѣлый привидѣніи.

Альбатросы встрѣчаются до сихъ поръ въ весьма большомъ количествѣ. Такъ какъ они ни на что не пригодны и въ то же время безвредны, то никто и не думаетъ охотиться на нихъ. Известно только, что въ своихъ странствованіяхъ альбатросы на огромныя пространства удаляются отъ своего жилья. Корабль они покидаютъ мильхъ во ста отъ твердой земли.

Опредѣлить географическое распространеніе альбатроса не легко, потому что онъ облетаетъ вокругъ земного шара. Даже въ новѣйшемъ изданіи „Жизни животныхъ“ Брема говорится, что наши познанія слишкомъ недостаточны для опредѣленія

географическаго мѣстопребыванія альбатросовъ. Мы лично можемъ сказать, что во время пятнадцатыхъ плаваній наблюдали этихъ птицъ вездѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются. По этимъ наблюденіямъ, альбатросы предпочитаютъ Южный Ледовитый океанъ, гдѣ обитаютъ въ лѣтніе мѣсяцы — съ октября по май — преимущественно въ морскомъ поясѣ между тридцатымъ и сорокъ пятымъ градусами широты. Между этими градусами они и совершаютъ свои главныя странствованія изъ Африки въ Америку и оттуда въ Австралію. Когда въ май начинается становиться холодно, они ищутъ тепла дальше на сѣверъ, а въ самое холодное время (юль и августъ) появляются даже на сѣверѣ Австраліи, откуда отдѣльные экземпляры, можетъ быть, залетаютъ и до индійскихъ острововъ. Такимъ образомъ, альбатросы должны быть причислены къ перелетнымъ птицамъ, совершающимъ правильныя передвиженія въ нѣсколько сотъ миль на сѣверъ или на югъ. Въ южной части Китайскаго моря мы встрѣчали альбатросовъ еще въ май, но въ іюнь ихъ уже не было. Они несомнѣнно въ это время пере-

рекочевывали въ болѣе холодныя страны. На сѣверѣ Атлантическаго океана альбатросы не водятся. Облетать сѣверное полушаріе, такъ, какъ облетаютъ южное, они не могутъ: имъ препятствуетъ материкъ, перелетѣть котораго они не въ силахъ.

Отъ состоянія погоды альбатросы очень мало зависятъ въ зависимости. Штормъ или „зубъ“ для нихъ не представляютъ разницы. Только во время сильной бури они покидаютъ слѣды корабля. Не для того, чтобы укрыться отъ бури, — куда бы они могли укрыться? — а просто потому, что на бурномъ морѣ имъ трудно схватить какіе-либо отбросы съ корабля, а это — единственная цѣль ихъ преслѣдованія судовъ.

Какъ ни удивителенъ и ни величественъ полетъ альбатроса, онъ имѣетъ одинъ крупный недостатокъ: колоссальная длина крыльевъ и короткій хвостъ не позволяютъ птицѣ дѣлать быстрые повороты или хватать что-нибудь на-лету. Птица должна сначала спуститься на поверхность воды. Удивительно забавную картину представляетъ альбатросъ, когда увидитъ въ водѣ какую-нибудь добычу. Онъ жадно поворачиваетъ къ ней голову,

но не можетъ остановиться. Крылья несутъ его дальше, онъ пролетаетъ мимо и только широкими кругами можетъ вернуться обратно къ добычѣ. Достигнувъ такимъ круговымъ путемъ желаемого пункта, онъ дѣлаетъ нѣсколько быстрыхъ, неуклюжихъ ударовъ крыльями, какъ бы тормозитъ свой полетъ, и быстро опускается на воду. Если добыча не требуетъ много времени, онъ не складываетъ крыльевъ; если же цель скоро справиться съ нею, птица складываетъ крылья, согнувъ ихъ сначала въ обоихъ сгибахъ. Длинная плечная кость не позволяетъ просто притянуть крылья къ тѣлу, какъ дѣлаютъ остальные птицы, и альбатросъ съ полынными покачивается на водѣ, удивительнымъ образомъ изогнувъ крылья, которыя кажутся сломаанными. Складываніе совершается медленно, постепенно, но и послѣ того птица долгое время двигаетъ крыльями, какъ будто они плохо приходятся или какъ будто такое положеніе неудобно для нея. Изъ этого можно вывести безошибочное заключеніе, что альбатросъ значительно большую часть своей жизни проводитъ на-лету, что было бы немислимо, если бы онъ, вмѣсто величественнаго паренія въ воздухѣ, долженъ былъ передвигаться посредствомъ утомительнаго маханія крыльями.

Въ настоящее время извѣстно до дюжины различныхъ видовъ альбатросовъ. Всѣ они, за исключеніемъ двухъ (*Diomedea olivaceocephalus* и *nigripes*), ограничиваются пребываніемъ въ южномъ полушаріи. На необычныхъ водныхъ равнинахъ, къ югу отъ тропика Козерога, они представляютъ для мореплавателя интереснѣйшихъ наблюденій и, на ряду съ бьющимъ вверхъ фонтаномъ китовъ, составляютъ лучшее украшеніе моря подъ Южнымъ Крестомъ.

Альбатросъ. Рис. и грав. Ф. Шнехтъ.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ еще три картины съ V выставки с.-петербургскаго общества художниковъ, общій обзоръ которой былъ данъ въ № 16 *Нивы*.

пеллажъ, и въ одинокой фигурѣ мужика тяжелое чувство горя и отчаянія, вызваннаго „градобоемъ“. Все прибито, никнетъ къ землѣ, бессильно вновь поднять голову къ небу,

Катастрофа въ Парижѣ. Тушеніе пожара. По рис. съ натуры Ж. Скоттъ въ Illustration автотипія „Нивы“.

При оцѣнкѣ картинъ этой выставки мы обратили особенное вниманіе на картину „Градобой“, Н. А. Сергѣева. На картинѣ этой очень ярко и правдиво переданы и въ

наславленію несчастью. Но стоитъ перейти отъ этой грустной картины къ другой, помѣщенной здѣсь же: „Весна въ Провансѣ“, и на душѣ становится теплѣе и отраднѣе.

Какъ на картинѣ г. Сергѣева вся природа проникнута горемъ, такъ здѣсь, наоборотъ, все дышитъ радостью, обновленіемъ, жизнью... Кто видѣлъ воочию этотъ весенній пейзажъ въ Провансѣ, тотъ при взглядѣ на эти бѣлѣющія вдали деревья, вспомнитъ ихъ бѣлоснѣжныя и розоватыя кусты, слышшь усѣяныя цвѣтами. Куда ни кинешь взглядъ, всюду только и видны эти чудные ковры изъ розовыхъ и бѣлоснѣжныхъ лепестковъ, спадающихъ или срываемыхъ вѣтеркомъ съ деревьевъ. И среди этой дивной природы, усыпанной цвѣтами и насыщенной ихъ благоуханіемъ, яркимъ пятномъ выдѣляется стройная фигурка дѣвушки, спокойно направляющейся изъ города на осликѣ къ себѣ домой, въ деревню... Съ легкимъ сердцемъ ѣдетъ она съ базара съ пустыми посудинами, — все продано, и въ душѣ ея полное довольство и счастье. Четырнадцатую или пятнадцатую весну встрѣчаетъ она, и ее, новидному, ничуть не трогаетъ вся эта окружающая красота; для нея это—обычная родная стихія.

Въ такой же родной стихіи чувствуетъ себя въ сниту, видимо, и старый монахъ, на картинѣ А. Д. Муратова, бесѣдующій или, скорѣе, наставляющій молодого послушника. Медленно, ровно летитъ трезвая, уминая рѣчь богоблизненнаго старца, а юный его собратъ и слушаетъ ее, и въ то же время мечтаетъ, видимо, о чьей-то другомъ, о томъ мирѣ, что осталась тамъ вдали отъ этого скита, о томъ мирѣ, отъ суеты котораго онъ

еще не въ страхъ отрѣшиться... Въ этой задумчивой, молодой фигурѣ художникъ нарисовалъ намъ ту мучительную душевную борьбу духа съ плотью, которую испытываетъ почти каждый, ушедшій отъ міра въ молодые годы, не успѣвшій еще насладиться его благами и вполнѣ познать тщету ихъ... Тяжелъ переходъ отъ жизни къ житію, и не скоро онъ совершается... Стоитъ повѣять дуновению весны, стоитъ радостно щебетнуть птичкамъ, и въ душѣ испытуемаго загорается съ новой силой жажда жизни, жизни шумной, яркой, именно той, отъ которой онъ кинулся прочь, въ порывѣ отчаянія или сильнаго гора, въ эту глушь, въ этотъ скитъ, гдѣ все хоронится отъ людского глаза, гдѣ даже голосъ человѣческой услышишь рѣдко...

Граціозная картина г. Горохова воскрешаетъ въ нашей памяти счастливое дѣтство, съ его ненасытной жаждой все узнать и особенно поскорѣй научиться „самому книжку читать“ и „письмо писать“... Предъ нами двѣ такихъ пытливыхъ головки за „сочиненіемъ письма“. Тяжело, напряженно работаютъ онѣ, стараются примѣнить всѣ свѣдѣнія, почеркнутыя ими и изъ отрывочныхъ разспросовъ у старшихъ, и изъ кубиковъ, и изъ книжки со сказками... Хочется написать получше, да покрасивѣе, а какъ на грѣхъ рука еле выводитъ буквы, да и слова какъ-то не ладятся... Тяжелая задача...

Катастрофа въ Парижѣ.

(Съ 4 рисунками, портретомъ и планомъ.)

22-го апрѣля въ столицѣ Франціи произошла катастрофа, напоминающая по своимъ ужасамъ и числу человѣческихъ жертвъ пожаръ въ вѣвскомъ Рингъ-театрѣ.

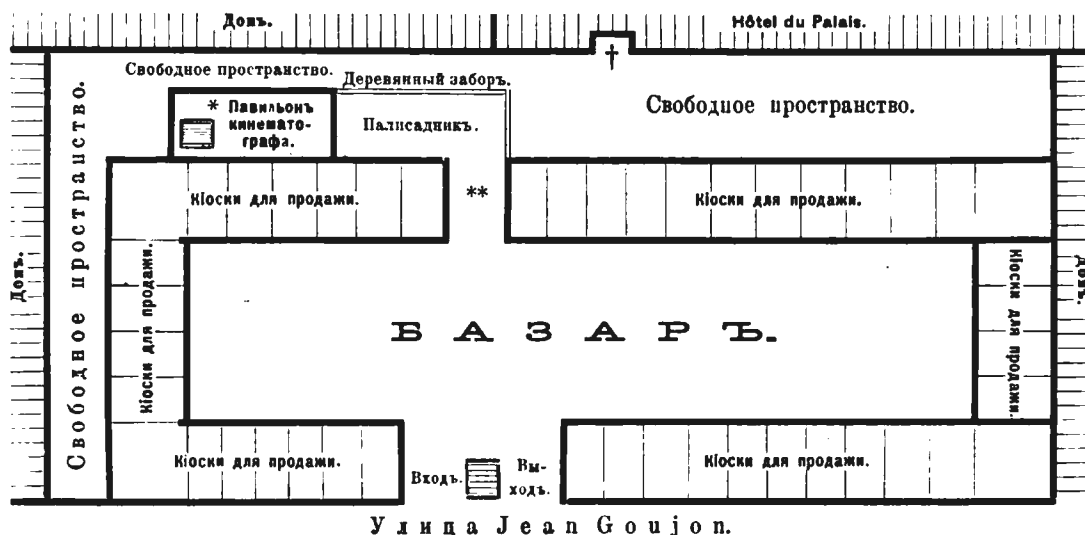
Съ 1885 г. представители парижскаго большаго свѣта ежегодно устраиваютъ благотворительный базаръ (Le Grand Bazar de la Charité), чистая выручка съ котораго иногда доходила до милліона франковъ. Пустопорожнее мѣсто, выбранное въ этомъ году для возведенія базарнаго павильона на улицѣ Жанъ-Гужонъ, находится противъ „Дворца Промышленности“, между Елисейскими полями и Сеной; улица Жанъ-Гужонъ ведетъ отъ avenue d'Antin къ Альмскому мосту.—Очень легкія постройки, изъ которыхъ состоялъ павильонъ, имѣли въ длину 80, въ ширину 20 метровъ; матеріаломъ для нихъ служили тонкія сосновыя доски, внутри обтянутыя по стѣнамъ и потолку просмоленнымъ полотномъ; за постройками находилось незастроенное мѣсто, имѣвшее въ глубину около 15 метровъ. Базаръ изображалъ улицу стараго Парижа съ средневѣковыми зданіями, выступающими лавками и харчевнями подъ историческими извѣстными вывѣсками. Для того, чтобы читатели могли лучше прослѣдить всѣ перипетіи катастрофы, мы помещаемъ здѣсь планъ базара.

шума и скакала, что самъ осторожно предупредитъ дамъ-продавицъ и публику. Но эта предосторожность оказалась бесполезной: огонь уже перешелъ на потолокъ надъ кіоскомъ герцогини д'Юезь, и опасность была замѣчена. Владелецъ кинематографа утверждаетъ, что пожаръ произошелъ отъ взрыва лампы, освѣщавшей аппаратъ.

Какъ бы то ни было, огонь появился въ маленькомъ павильонѣ кинематографа,—въ томъ мѣстѣ базара, изъ котораго труднѣе всего было выбраться; съ одной стороны былъ огороженный дощатымъ заборомъ палисадникъ, съ другой—узкій проходъ, соединявшій павильонъ кинематографа съ внутреннимъ пространствомъ базарнаго павильона. Люди, которымъ посчастливилось выбраться живыми изъ образовавшейся здѣсь страшной давки, попадали въ огненное море... Огонь съ бѣшеной скоростью перешелъ отъ кинематографа на сосѣдніе кіоски, а оттуда на потолокъ, съ котораго капли горящей смолы стекали на публику, зажигая платья, шляпы и волосы. Произошла невообразимая паника.

Публика въ безумномъ ужасѣ бросилась къ выходамъ. Богѣ слабые—женщины, дѣти, старики—падали подъ ноги бѣгущихъ, которые ихъ топтали; образовались груды мер-

Планъ базара.

*) Керосиновый моторъ для приведенія въ дѣйствіе кинематографа.

**) Проходъ отъ кинематографа къ базару.

†) Окно въ браунмауерѣ „Hôtel du Palais“, чрезъ которое, по валомѣ рѣшетки, было спасено болѣе 150 человекъ.

По словамъ парижскихъ газетъ, ко времени открытія на базарѣ собралось до 1,200 человекъ—дѣтя парижскаго общества. Около 4 1/2 часовъ пополудни, когда уѣхалъ панскій пунціи, благословившій открытіе базара, одинъ изъ рабочихъ при кинематографѣ бросился къ главному распорядителю базара, барону Мако, и шепнулъ ему, что въ павильонѣ кинематографа показался огонь. Баронъ велѣлъ рабочему не поднимать

твухъ тѣлъ, еще болѣе затруднившія бѣгство. Конюхи и грумы изъ конюшенъ барона Ротшильда, расположенныхъ напротивъ базара, успѣли вытащить изъ давки нѣсколько человекъ. Въ открытый дворъ конюшенъ бросались люди, на которыхъ горѣло платье. Генералъ Мюше, охваченный пламенемъ и обезумѣвшій отъ боли, бросился въ наполненную водою колоду. Горѣвшія женщины съ раздирающимъ душу

криком катались на мостовой двора; одни конюхи поливали горевших из большой лейки и спасли некоторым жизнь. Внутри барака нанка была тьма ужасная, что горевшие на потолке просмоленные пологие клочками надавали на головы бегущих. Спасшиеся от гибели очевидцы рассказывают, что мужчины, как сумасшедшие, кулаками прокладывали себе дорогу сквозь толпу, тогда как женщины, безпомощно прислонясь к стенам, будто в столбик, покорно ждали смерти. Одна монахиня рассказывает, что в то время, как она бегала к выходу, ей загорела дорога какая-то элегантная дама, криком обвила ее руками и восклицала: „Мы пойдем на небо вместе!“ С большими трудом монахиня удалось высвободиться из ее объятий. Г-жа де-Сильва, бразильянка, пробегала сквозь пламя на улице, закрывая платьем двух своих детей. Дети остались невредимы, но мать поплакала тяжелыми ожогами. На ряду с трагическими сценами было не мало и героических, глубоко трогательных поступков. Так, один рабочий, спасая горевших в бараке, несколько раз проникал на пожарнице, несмотря на уже полученные ожоги рук.

Как всегда бывает в таких случаях, люди, в ожесточенной борьбе за жизнь, стали дунуть и давить друг друга; перед главными выходами образовалась гора тьмы, мешавшая живым выходить. С диким криком дамы бегали внутри пожарница, будто живые факелы, ища и не находя выхода, потом падали, корчась в страшных мучениях. Те, которым удавалось выбраться из горевшего барака, падали на улицы, и многие тут же умирали. Наконец, рухнул фасад навильона и закрыл страшное пожарнице, в котором еще мелькали огненные силуэты горевших жертв. Через четверть часа, когда подошли пожарные, навильон был уже добычей пламени и похоронил под своими развалинами около 250 человек, по первоначальному предположению. Погибли почти исключительно женщины; многие из них принадлежали к высшему кругу; имена их опубликованы во всех газетах. Смерть сравнила маркизу и графиню с простыми буржуазками и облекла в траур баварский и австрийский дворы, с которыми была связана узлами родства, погибшая на пожаре, герцогиня Алансонская. По улице распространился душный запах горевшего мяса, от которого падали в обморок женщины в толпе, собравшейся недалеко от пожарница, оцепленного кордоном полицейских. В горевшем бараке около трехсот человек пробил одну из дощатых стенок и выбрались на незастроенное место позади навильона. Перед ними возвышалась задняя стена смежного дома с редкими отдушинами, позади—огненное море, треск горящих досок, свист пламени... Спасение явилось в лице одного полицейского, спустившего лестницу, по которой вскарабкалось до двадцати человек. В соседнем доме их принимали работники газеты *La Croix*. В другом углу незастроенного места было подвальное окно отеля „du Palais“ с крепкой железной решеткой. Множество рук протягивалось к нему с мольбой о помощи. Одному служащему в дом удалось вынуть решетку, после чего искавшие спасения могли проникнуть в отель, персонал которого озабочился подать равным первую помощь. Почти все спасенные были поурядиты и имели ожоги на лице и руках; некоторые были окровавлены. Давка между горевшей стеной барака и задней стеной смежного дома была так велика, что некоторые несчастные, спасшиеся из пламени, были задавлены в толпе. Первые вынесенные пожарными трупы лежали прямо на тротуар, пока не приехали городские больничные фургоны, которые и перевезли их в здание Palais de l'Industrie, оставшееся от последней всемирной выставки. Здесь трупы, постепенно прибывавшие, складывались рядами вдоль стенок в том самом зале, в котором номинировались в ящиках упакованные скульптурные произведения французских скульпторов, предназначенные к отправки на брюссельскую выставку. Трупы лежали в том виде, в каком они были найдены,—некоторые с оторванными руками и вышедшими внутренностями; рядом в куче сложены оторванные руки и ноги. На скорченных обгоревших руках жертв блестяли еще дорогие браслеты, к обуглившимся пальцам привалились кольца. Некоторые трупы почти не повреждены огнем,—это трупы погибших в давке. Почти во всех пострадала главным образом верхняя часть туловища; ноги и обувь остались почти неповрежденными. Один женский труп застыл с раскинутыми руками, у другого не хватало головы... Убитые горем родственники погибших бродили по залу до самого вечера, переворачивая груды обезображенных до неузнаваемости трупов и огыскивая между ними своих близких по драгоценностям и обрывкам платья. Поиски возобновились вечером, при свете смолистых факелов, бросавших неровный свет на мрачную картину человеческого горя и страданий...

Нужно заметить, что навильон базара имел несколько выходов; из них четыре задних предназначались для служебного персонала базара и были неизвестны публике. Когда распространился огонь, те, кто не успел обратиться к главному выходу, столпились у задней стеной барака. Под напором толпы закрылись два отпавшиеся внутрь двери, и

несчастные очутились в безвыходном положении. До приезда пожарных, которые, к несчастью, прискакали только спустя четверть часа, сбжавшийся народ дѣлал отчаянные попытки тушить огонь ручными насосами, добытыми из соседних конюшен барона Ротшильда; из окоп смежных домов люди ведрами воду, но напрасно,—слабые попытки были бессильны против разбушевавшейся стихии. Раздирающие крики о помощи, сливавшиеся в какой-то хаос звуков, мало-по-малу затихали в глубинах горевшего барака. К 5 1/2 часам пополудни на месте кокетливого навильона с веселой разбухавшими флагами была гора обуглившихся щеп.

Во время пожара можно было видеть раздирающую душу картины. Так, одна дама, потерявшая в давке своих детей, упорно бросалась в огонь,—ее с трудом удерживали. Ужасное зрелище представляла одна охваченная пламенем дама, выскочившая на улицу из барака. Позже в ней узнали по ручке зонтика, кошельку и визитным карточкам, неизвѣстно как удержавшим, очень популярную в Париже баронессу Дидье. Некоторые дамы старались прогнать в уаки промежутки между землей и стеной барака; они просовывали туда руки и ноги, но безуспешно; между тем никто не догадался открыть окна, которых было до десяти, и воспользоваться ими. Снаружи дѣлалась попытка пробить стѣну горевшего барака, при чем один кучер пользовался каретным дышлом как тараном, но все успел было тщетно. Когда прибыли пожарные, оставалось только отступать соседние дома.

Одним из наиболее трогательных эпизодов этого ужасного дня является самоотверженное спасение трех слѣпых дѣвочек сестрами монастыря, в котором дается приют слѣпым. Бѣдныя дѣвочки продавали в одном из огдѣлов базара рукодѣля слѣпых; все они, однако, были выведены с пожарница самоотверженными монахинями, из которых две поплакались за это знание.

Г-жа де-Флоресъ, супруга испанскаго консула, находилась со своими двумя дочерьми в одном из навильонов базара. Вот что рассказывает о катастрофѣ ея старшая дочь: „Каким чудом нам удалось спастись,—я рѣшительно не знаю. Говорят, я спасла четырехлѣтнюю дѣвочку, вытащив ее за руку,—но я этого положительно не помню. Спаслись сами, мы стали всюду искать мать. Наконец, нам сказали, что она в госпиталѣ Божонъ. Мы поѣхали туда и застали мать уже умирающей“.

Супруга генерала Варне была на базарѣ также с двумя дочерьми. Одна из них рассказывает: „Мы с предводительницею нашей стояли в глубинах базара за буфетом. Вдруг раздался страшный крикъ. Сначала я подумала, что кто-нибудь съ ума сошелъ, но сейчас же ясно разъяснила слово: „пожаръ!“ У меня как разъ в это время была в руках тарелочка съ золотыми и серебряными монетами. Я бросила ее и, вместе съ сестрой и маленькой племянницею, успѣла бѣжать. Пробравшись через какую-то дверь, мы очутились на пустошномъ мѣстѣ. Минуть пять мы не могли найти отдува выхода, находясь между глухой каменной стѣной и морем пламени, но наконецъ, выбрались. Матери, однако, съ нами не было. Вечера зять узналъ ее трупъ по двум недостающимъ зубамъ въ верхней челюсти“.

На совѣтѣ министровъ рѣшено наградить всѣхъ, принимавшихъ участие въ спасеніи жертвъ катастрофы. На первый планъ, конечно, будутъ поставлены: г-жа Ронш-Сотье, владѣлица отеля „du Palais“, которая съ неженскимъ мужествомъ и хладнокровіемъ распорядилась спасеніемъ погибающихъ, поваръ Жюль Гомери и другіе слуги отеля, работавшие подъ ея руководствомъ.

Министръ юстиціи, г. Дарланъ, замѣняющій отсутствующаго министра внутреннихъ дѣлъ, лично посетилъ отважнаго повара Жюли Гомери и распространилъ его о подробностяхъ его подвига. Вотъ какъ рассказываетъ Гомери о своемъ подвигѣ, изображенномъ на стр. 452: „Я только что собирался шинковать филе, какъ вдругъ слышу громкій крикъ. Сначала мы не обратили на это вниманія, но скоро рѣшили, что происходитъ что-то особенное, выбѣжали въ соседнюю комнату, вскочили на столъ и выглянули въ окно. Никогда не забуду этого мгновенія! Въ нѣсколькихъ метрахъ передъ нами бѣжали назадъ и впередъ женщины съ дѣтьми на рукахъ, стараясь найти выходъ, а пламя словно преслѣдовало ихъ по пятамъ. Одна изъ нихъ ухватилась за нашу решетку, и когда увидѣла насъ, изъ груди ея вырвался неистовый крикъ радости и надежды. Вся толпа сейчасъ же бросилась къ намъ; матери протягивали къ намъ дѣтей, прося взять ихъ. Вдругъ изъ пламени выбѣжали двѣ дамы, одна уже пожилая; какъ два факела, пробѣжали они нѣсколько шаговъ и упали, корчась отъ боли. Такъ они и не встали больше. Я поспѣшилъ въ кухню, принесть молотокъ, которымъ обыкновенно колемъ уголья, и мы принялись поочередно выбивать прутья решетки. Къ несчастію, дама, несмотря ни на какія наши пробы, продолжала крикомъ держаться за решетку; ни удары золотка, издаваемые ей по пальцамъ, ни падавшая на нее изъ отъ штуртурки, ни прутья, которые, ломаясь, ранили ее,—ничто на нее не дѣйствовало; она повторила лишь: „спа-

Катастрофа въ Парижъ. Поваръ Гомери спасаетъ публику чрезъ кухонное окно отеля „du Palais“.
По рис. Ф. Гаечена въ Illustration авторитетна „Нивы“.

сите меня! спасите!" Когда, наконец, было выбито четыре прута и образовалось отверстие, достаточное для прохода человека, мы втащили несчастную к себе. Дымъ, между тѣмъ,

Герцогиня Алансонская, погибшая въ огнѣ, во время катастрофы.
По портрету Illustration автотипія „Нивы“.

дѣлался невыносимъ. Сначала я думалъ-было спрыгнуть внизъ и начать подсаживать несчастныхъ къ довольно высокому окну, но толпа такъ тѣсно прижималась къ стѣнѣ, что я от-

Катастрофа въ Парижѣ. Видъ благотворительнаго базара до пожара.
По рис. Illustration автотипія „Нивы“.

Катастрофа въ Парижѣ. Розыски драгоценностей на мѣстѣ пожара. По рис. Illustration автотипія „Нивы“.

казался отъ этого плана. Мы ограничили тѣмъ, что спустили внизъ стулья; на него становились спасающіеся, а мы ихъ потомъ втаскивали. Между тѣмъ, къ намъ сбѣжали всѣ служащіе въ огель, и дѣлалъ три четверти часа мы чередовались въ спасеніи погибавшихъ. Всѣ спасенные были почти безъ чувствъ, не могли пронаести ни слова. Многие такъ въѣдлались въ пастъ, что только съ трудомъ можно было высвободиться; нѣкоторые еще горѣли. Были почти исключительно одніе дамы; только трое мужчинъ, да три дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати. Последними оставили мѣсто базара двѣ сестры милосердія; онѣ все время, пока мы спасали, неутомимо успокаивали дамъ и помогали имъ забираться на окно. Сами онѣ были подняты нами, когда уже некого было спасать, и ихъ платья уже начинали загораться. На самомъ базарѣ крики скоро замолкли; похъ тлѣющими грудями лежали только трупы.

Ужасную картину представляла также выставка труповъ во „Дворцѣ Промышленности“. Они лежали на доскахъ, огороженныхъ барьеромъ. Первое впечатлѣніе не было такъ ужасно, какъ можно было ожидать. При взглядѣ на мертвецовъ не хотѣлось думать, что они погибли отъ катастрофы, разразившейся всего наканунѣ. Скорѣе можно было подумать, что эти трупы сотни лѣтъ. Въ огнѣ они сморщились, засохли, какъ муміи египетскихъ гробницъ или мертвцы Помпеи, которыхъ можно видѣть въ неаполитанскомъ музеѣ. Кожа отъ огня совершенно высохла и потемнѣла. Человѣческаго въ этихъ останкахъ было очень мало; точно это деревянные или кожаныя куклы. Черты лица пельза было разобрать, да у большинства и не сохранилось головы. Крови тоже почти не было видно. Всѣ трупы или коричневаго, или чернаго цвѣта. У однихъ дамы пальцы сохранились бѣлыми; но они были такъ тверды, словно изъ воска или дерева. Нижняя часть тѣла у всѣхъ почти труповъ сохранилась лучше верхней, очевидно, потому, что несчастные были спущены въ толгѣ и начали горѣть сверху, отъ обрушившейся на нихъ горящей крыши. Если сохранились ступни, то онѣ большею частью были поломаны, отдавлены; ноги широко раздвинуты и согнуты въ колѣнахъ. Страшно, что на многихъ трупахъ пламя попало на чулки; башмаки обгорѣли, а чулки были цѣлы. На нѣкоторыхъ трупахъ сохранились остатки бѣлья, въ особенности лиловая юбка на какомъ-то женскомъ трупѣ. Всѣ эти остатки одѣянія тщательно собирались полиціей и клались на трупъ, такъ какъ по нимъ-то и можно было прежде всего признать покойника. Вотъ, на грудь какой-то полной женщины положены золотыя часы; на другомъ женскомъ трупѣ лежатъ три кольца; около третьяго, наконецъ, виденъ зонтикъ съ отломанной рукояткой, но съ совершенно сохранившейся лиловой обшивкой. Было еще не мало зонтиковъ, но отъ нихъ уцѣлели только металлическіе прутья, да рѣдко гдѣ небольшой клочокъ матеріи. У одного трупа ноги, начинали отъ колѣнъ, совершенно обгорѣли, и остались только голыя кости. Руки почти ни у кого не уцѣлѣли. Вообще, ни одинъ изъ труповъ не сохранился цѣлымъ.

Одинъ изъ очевидцевъ такъ описываетъ сцены, происходившія надъ трупами во „Дворцѣ Промышленности“: „На другой день послѣ катастрофы, съ 6-ти часовъ утра и до глубокаго вечера не прекращался приливъ несчастныхъ, отыскивавшихъ своихъ прощавшихъ родныхъ. Вотъ падъ какимъ-то трупомъ склоняется налицо одѣтый господинъ съ лейтенантомъ Почетнаго Легіона въ петлицѣ; его сопровождаетъ камеристка; оба закрываютъ платками ротъ и носъ, чтобы не вдыхать азовъ. „Вотъ, Мари,—говоритъ онъ,—это она!“—„Нѣтъ, сударь, у этой кольца, а барыня свои кольца всѣ да камнѣи оставила“. — „Вотъ эта, можетъ-быть?“ Камеристка внимательно рассматриваетъ сохранившіеся башмаки покойницы и снова отрицательно качаетъ головой: „Нѣтъ, сударь, у барыни были башмаки изъ цѣльной кожи“. Другой она останавливается передъ однимъ трупомъ и со слезами восклицаетъ: „Сударь! вотъ она, вотъ! Я узнаю ее по бѣлью и по подвязкамъ; я ихъ сама ей дѣлала“. И она снова шепчетъ и рассматриваетъ матерію, желая окончательно увѣриться; а мужъ, грустно склонившись надъ тѣмъ, что вчера еще было его женою, тщетно ищетъ въ этой безформенной массѣ какого-нибудь несомнѣннаго признака. Лицо совсемъ неопознано, только два ряда зубовъ ярко бѣлѣютъ на фонѣ темной, обуглившейся головы. А вотъ другая сцена. Входитъ старикъ съ двумя молодыми людьми, сыновьями. Они идутъ вдоль ряда покойниковъ, присматриваются, но не находятъ нужнаго. „Проидемте еще разъ“,—предлагаетъ одинъ изъ сыновей. И снова начинается осмотръ, снова снимаютъ они съ труповъ кусочки матеріи и рассматриваютъ ихъ. „Папа! вотъ, вотъ она! Вотъ ей кольцо, ей часы! О, мама!“ Со вздохомъ поднимаетъ сынъ глаза къ небу и плачетъ, плачетъ, и снова твердитъ: „Мама! Бѣдная, бѣдная мама!“ Отецъ тихо всхлипываетъ и безпопотно направляется къ писцу, чтобы получить бумагу на выдачу тѣла. Покойницу завертываютъ въ холотно и кладутъ въ еловый гробъ. Иногда гробъ оказывается недостаточно глубокимъ, такъ какъ нѣкоторые изъ погибшихъ сохраняли то положеніе, которое приняли, закинувшись отъ пламени. Вотъ, напр., молодая дама, закрывшая лицо руками; локти ея поднимаются высоко за края гроба. Но служитель, убирающій трупы, без-

жалостенъ; онъ придавливаетъ руки покойницы къ груди, и онѣ переламываются въ суставахъ, слегка хрустнувъ. Услышавъ этотъ звукъ, стоящій около брать покойницы съ ужасомъ отвращается...“

Тѣло г-жи Госкье, супруги извѣстнаго банкира, было также узнано на другой день ее служанкой. „Я узнаю ее,—говорила убитая горемъ женщина:—вотъ ея маленькая ножка, ея жемчужныя серьги, ея браслеты. О, Боже мой! А что будетъ съ г-мъ Госкье? Онъ только вчера уѣхалъ въ Россію и вѣроятно ничего еще не знаетъ. А вотъ тутъ, посмотрите, тутъ и дочь его лежитъ, madame Гослэпъ“. Какъ оказывается, г. Госкье находился какъ разъ у французскаго посла, графа Монтебелло, въ то время, какъ посольство получило телеграмму о катастрофѣ въ Парижѣ. Въ этой телеграммѣ упоминалось о томъ, что въ числѣ погибшихъ находится также жена и дочери г. Госкье, но графъ Монтебелло не рѣшился сообщить этого своему гостю. Г. Госкье, звавшій, что на благотворительномъ базарѣ находилась его жена и дочери, естественно возмущался и отправился къ себѣ въ гостиницу, гдѣ друзья постепенно его приготовили къ страшной вѣсти. Въ тотъ же день г. Госкье уѣхалъ въ Парижъ.

Судебное слѣдствіе направлено, главнымъ образомъ, противъ управленнаго кинематографомъ, но неосторожности котораго произошелъ пожаръ, а также противъ тѣхъ изъ устроителей базара, которые, какъ, напримѣръ, Блауитъ, заявили, что на базарѣ не будетъ ни электричества, ни какого-либо другого огня. Къ отвѣтственности привлечены также и строители балагана, не принявшіе во вниманіе предписываемыхъ въ такихъ случаяхъ противопожарныхъ мѣръ. Любопытно, что много жертвъ погибло только благодаря обилію декоративныхъ дверей, введенныхъ въ заблужденіе въ минуту пожара. Двери эти были болѣе значительны по размѣрамъ, чѣмъ настоящія дери.

Базаръ былъ выстроенъ съ невѣроятнымъ легкомысліемъ. Въ немъ былъ всего одинъ лишь выходъ. Внутри онъ весь былъ застроенъ разными навѣсьями, которые въ странную минуту оказались настоящими баррикадами. Плафонъ былъ обтянутъ легкой матеріей; все сдѣлано изъ дерева, панки, тканей. Неосторожно брошенной спички было бы вполне достаточно, чтобы сжечь все зданіе. Но такъ ужъ принято строить подобныя зданія въ Парижѣ, и „не случись варыва въ лампочкѣ кинематографа, ничего бы тогда и не было“.

Настоящимъ виновникомъ этой ужасной катастрофы, однимъ ударомъ уничтожившей часть наиболѣе блестящаго парижскаго общества, едва ли можетъ быть признана какая-нибудь единичная личность. Виновникомъ скорѣе всего является присутствіе французамъ вообще, а парижанамъ въ особенности, безличность. Всѣмъ еще памятный ужасный пожаръ Колической Оперы послужилъ во всей Европѣ урокомъ на будущее, и только въ самой Франціи прошелъ съ этой стороны безслѣдно. Нигдѣ, кажется, въ мірѣ нѣтъ такихъ опасныхъ въ пожарномъ отношеніи театровъ, какъ въ Парижѣ, и остается только благодарить Бога, что катастрофы тамъ случаются сравнительно рѣдко. Въ этомъ отношеніи опасны даже лучшие театры, а о многочисленныхъ „кабарэ“ и говорить нечего,—изъ нихъ, при возникновеніи паники, не уйти ни одному человѣку.

26 апрѣля состоялось отпѣваніе жертвъ катастрофы въ соборѣ Парижской Богоматери, въ присутствіи президента республики и представителей почти всѣхъ иностранныхъ державъ. Фасадъ собора былъ покрытъ черной тканью, вышитой серебромъ. Стѣны собора внутри также были увѣшаны темными съ серебряными узорами тканями, какъ и во время отпѣванія тѣлъ Карно и Пастера. Повсюду красовались буквы „R F“ (République Française). Посреди центрального корабля собора возвышался высочайшій катафалкъ, окруженный множествомъ свѣтъ и тридцатью серебряными паникадилами, отъ которыхъ струился зеленоватый свѣтъ. Катафалкъ былъ только символомъ смерти, такъ какъ на немъ не было гробовъ. Около катафалка было много великолѣпныхъ вѣнковъ, въ томъ числѣ вѣнки отъ иностранныхъ государей. Въ числѣ лицъ дипломатическаго корпуса находился около президента русскій посольскій баронъ Моренгеймъ, окруженный всѣми членами русскаго посольства въ парадныхъ мундирахъ. Въ соборѣ находились также герцогъ Евгений Максимиліановичъ Лейхтенбергскій; Прибылъ также специально посланный городомъ лондонскій лордъ-мэръ, въ сопровожденіи своей свиты. Впередѣ представителя Сити шли два ликтора, затѣмъ булавонсецъ и меченосецъ, оба въ средневѣковыхъ одѣжкахъ; самъ лордъ-мэръ былъ въ длинной, шитой золотомъ мантии, отороченной чернымъ плюмажемъ. Депутацию сопровождали двое англійскихъ гвардейцевъ въ красныхъ мундирахъ. Обращая на себя вниманіе представитель на этой церемоніи императора Вильгельма—князь Радзивилъ, въ полной формѣ прусскаго кавалерійскаго генерала. Тотчасъ по прибытіи президента республики, началась панихида, которую служилъ кардиналъ Ришаръ. Послѣ службы аббатъ Оливье (доминиканецъ) пронаесъ короткую рѣчь, и, по окончаніи церемоніи на площади Notre-Dame, сказалъ отъ имени республики нѣсколько словъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

„Несчастье соединило всѣхъ французовъ,—какъ выразился

парижскій архієпископъ въ письмѣ къ президенту.—Въ соборѣ Парижской Богоматери Франціи оказалась единой, сильной и великой въ общемъ горѣ и молитвѣ. Подъ сводами стараго собора, видѣнаго столько радостныхъ и грустныхъ событій во Франціи, собрался залить свою скорбь по почившимъ и найти утѣшеніе весь Парижъ, и въ лицѣ его вся Франція. Смерть изгладила всѣ социальныя перегородки, всѣ традиціонныя симпатіи и антипатіи — горе аристократіи, потерю лучшихъ представителей Сель-Жерменскаго квартала глубоко и искренно раздѣляли и буржуа, и пролетаріи, слившіеся съ ними въ одну понятіи французои. Весь Парижъ былъ убранъ въ трауръ, всѣ магазины были заперты.

На дѣла благотворительности, незабвенными жертвами котораго явились погибшія на базарѣ дамы-патронессы, собраны уже значительныя денежныя суммы. Такъ, по подпискѣ, открытой *Figaro*, собрано 750,000 франковъ. Лидо, жезаконное остаться неизвѣстнымъ, передало парижскому архієпископу 937,000 фр. въ видѣ неприкосновеннаго капитала съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ выдавались особіи тѣмъ учрежденіямъ, для которыхъ былъ устроенъ сгорѣвшій благотворительный базаръ. Кромѣ того, императоръ Вильгельмъ поручилъ германскому послу Мюнстеру передать 10,000 фр. комитету благотворительнаго базара, которые и переданы уже председателю комитета принцессѣ Ваграмъ.

На другой же день послѣ катастрофы уже возникла вполне естественная мысль объ устройствѣ на мѣстѣ ея памятника погибшимъ. Какого рода долженъ быть этотъ памятникъ,—на этотъ счетъ мнѣнія еще расходятся. Консервативные общинныя совѣтники 8-го парижскаго округа стоятъ за постройку часовни, и это мнѣніе имѣетъ такъ много сторонниковъ, что, вѣроятно, и будетъ осуществлено. Съ другой стороны, однако, при редакціи газеты *France* уже открыта подписка на устройство мавзолея, на стѣнахъ котораго были бы начертаны имена всѣхъ погибшихъ. Въ настоящее время уже идутъ переговоры объ уступкѣ участка подъ постройку памятника. *France*, между прочимъ, настаиваетъ, чтобы подъ мавзолеемъ этимъ были погребены тѣ жертвы пламени, которыхъ не были признаны родными и знакомыми,—ихъ всего пять.

Мы не можемъ не упомянуть, въ заключеніе этого бѣлаго очерка ужасной парижской катастрофы, о выдающемся героизмѣ герцогини Алансонской, также погибшей въ пламени (портретъ ея помѣщенъ нами на стр. 453). Она, какъ извѣстно, сестра императрицы австрійской. Дочь полковника Л., послѣдила, говорящая съ ней, рассказала герцогу Вандомскому, но его просьбѣ, слѣдующее: „Когда пожаръ начался, и крикнула герцогинѣ: „Уходите! Каждая минута дорога!“ — „Нѣтъ, пусть сначала выйдетъ публика“, отвѣтила герцогиня.— „Вы должны идти со мной“, — повторила я и схватила ее за талию. Она вырвалась и отступила въ сторону. Насъ разлучила толпа, но, обернувшись на минуту, я увидѣла герцогиню на томъ же мѣстѣ, съ глазами, устремленными вверхъ, какъ бы въ религиозномъ экстазѣ передъ какимъ-то ей одной доступнымъ видѣніемъ. Это было мое послѣднее сознательное впечатлѣніе“.

Обуглившійся трупъ герцогини, послѣ долгихъ поисковъ, былъ узнавъ зубнымъ врачомъ Давенпортъ, недавно вставившимъ ей нѣсколько зубовъ въ верхней челюсти.

Въ молодости принцесса-герцогиня была одарена замѣчательной красотой, отличавшею, впрочемъ, всѣхъ дочерей герцога Максимилиана. Званіе ее молодой дѣвушкой и теперь еще съ энтузіазмомъ говорятъ о ея красотѣ, граціи и подкупающей жизнерадостности. Эти качества очаровали и короли баварскаго Людвигъ II, который по свободному влеченію сердца, оставилъ на ней свой выборъ. Послѣ помолвки

двадцати-двухлѣтній король окружилъ свою восемнадцатилѣтнюю невѣсту страстнымъ поклоненіемъ,—настоющимъ обоженіемъ, о чемъ въ то время было не мало толковъ въ мюнхенскихъ придворныхъ кружкахъ. Лучшій мюнхенскій скульпторъ долженъ былъ паять бюстъ принцессы, король, по приказанію короля, помѣстилъ въ зимнемъ саду дворца, среди экзотическихъ растений, подъ волшебными свѣтовыми эффектами всевозможныхъ лампочекъ; сюда приходилъ помечтать король въ тѣ часы, которые онъ не могъ проводить въ обществѣ невѣсты. Каждый день живая фантазія Людвигъ II изобрѣтала новые сюрпризы, которыми онъ думалъ порадовать принцессу Софію. Въ одинъ рождественскій сочельникъ, когда въ королевскомъ замкѣ въ Гогеншвангау кончилась раздача подарковъ, король повелъ свою невѣсту въ темную комнату, выходящую окномъ на два горныхъ озера, и распахнулъ ставни. На крутомъ спускѣ къ озеру, подъ самымъ окномъ, возвышается одна изъ красивѣйшихъ елей въ Швангау. Эту ель король велѣлъ убрать восковыми свѣчами отъ вершины до самыхъ нижнихъ вѣтвей. Эффектъ получился сказочный; залитое свѣтомъ дерево удивительно красиво видѣлось на темномъ фонѣ хвойнаго лѣса. Пока приготавливалось роскошное приданое, король былъ озабоченъ изготовленіемъ гравированныхъ портретовъ будущей королевы, которые точно послѣ свадьбы предстоило распространить въ странѣ во множествѣ экземпляровъ. Мюнхенскому граверу Барфусу поручено было сдѣлать гравированный портретъ принцессы Софіи, для чего онъ предвзрительно сдѣлалъ ея портретъ во весь ростъ карандашомъ. Король каждый разъ сопровождалъ свою невѣсту въ мастерскую художника и просиживалъ тамъ весь сеансъ. Его интересъ къ портрету былъ такъ великъ, что онъ нерѣдко заходилъ къ художнику и видѣ сеансовъ. Въ одно изъ своихъ посѣщеній онъ долго разсматривалъ портретъ черезъ плечо художника, потомъ съ наэосомъ воскликнулъ: „Вотъ настоящая королевская невѣста!“ На этомъ портретѣ принцесса изображена въ декольтированномъ кружевномъ платьѣ, богатой парюрѣ и подвѣсичной фатѣ. Тонко очерченное лицо, обрамленное волнами темныхъ волосъ, чрезвычайно походитъ на лицо ея сестры, австрійской императрицы Елизаветы; только ротъ нѣсколько другой. Съ этого рисунка Барфусъ сдѣлалъ гравюру, съ подписью: „Софія, королева Баваріи“. При семъ же томъ, помолвка внезапно разошлась, по капризу короля, въ характерѣ котораго уже тогда замѣчалось странное неостойство настроеній и влеченій. Онъ устранилъ все, что могло ему напоминать о принцессѣ Софіи, и настоялъ на томъ, чтобы вырѣзанный на мѣди ея портретъ былъ въ его присутствіи вытравленъ. Придворные чиновники наблюдали за уничтоженіемъ всей выпущенной уже серіи гравюръ, а король собственноручно разбилъ мраморный бюстъ принцессы, швырнувъ его черезъ окно во внутренній дворъ замка. Лишь впоследствии было констатировано, что онъ уже въ эти ранніе годы жизни страдалъ приступами помѣшательства.

Въ 1868 году принцесса Софія вышла замужъ за герцога Алансонскаго, внука короля Людовика-Филиппа. Герцогиня осталась жить въ родной Баваріи, проводя большую часть года въ Мюнхенѣ. Въ ея гостеприимномъ домѣ собирались музыканты, художники, скульпторы и литераторы. Здоровье герцогини съ нѣкоторыхъ поръ пошатнулось, и послѣдніе годы, страдая нервною болѣзью, она проводила съ своимъ супругомъ или въ Парижѣ, или въ своемъ замкѣ Ментельбергѣ, въ Тиролѣ. Отъ брака съ герцогомъ Алансонскимъ она имѣла двоихъ дѣтей: принцессу Луизу — съ 1891 года состоящую въ бракѣ съ принцемъ Альфонсомъ Баварскимъ, и принца Эммануила, герцога Вандомскаго, женатаго на принцессѣ Геріэттѣ Бельгійской и числящагося лейтенантомъ австрійскаго драгунскаго ирени императора Николая I полка.

Библиографія.

М. П. Соловьевъ. По Святой Землѣ. Съ 34 рис. въ текстѣ. СПб. 1897 г.

Въ ряду описаній священныхъ для всякаго христіанина мѣстъ, гдѣ Богочеловѣкъ совершилъ Свой великій искупительный подвигъ, книга г. Соловьева, извѣстнаго тонкаго цѣнителя художественныхъ произведеній, особенно религиознаго содержанія, обратить на себя общее вниманіе и будетъ встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ. Это, если судить по заглавію и по бѣглому просмотру содержанія книги, — рядъ путевыхъ впечатлѣній, обнимающихъ не только святые мѣста, но отчасти и Россію, отчасти Аѳоніи съ ихъ безсмертными художественными произведеніями. Если, однако, ближе присмотрѣться къ содержанію книги, то мы найдемъ въ ней гораздо больше, чѣмъ сулитъ намъ заглавіе. Мы найдемъ въ ней очень цѣнныя указанія на дѣятельность разныхъ лицъ, посвятившихъ себя служенію интересамъ православія на Востоцѣ. Напримѣръ, укажемъ хотя бы на дѣятельность г-жи Черкасовой, создавшей, при небольшой субсидіи со стороны Палестинскаго общества и жертвуя своимъ имуществомъ, русскія школы въ Бейрутѣ съ его 30-тысячнымъ православнымъ населеніемъ. Мы не можемъ коснуться здѣсь всѣхъ затрудненій, которыя преодолѣла г-жа Черкасова, но результатъ получился тотъ, что

„строинныя молодыя дѣвчцы, илювидныя, какъ вообще сирійскія уроженки этой мѣстности, юныя наставницы отчетливо и сознательно налаживаютъ основныя понятія православной вѣры на русскомъ языкѣ, переводя сказанное дословно на арабскій языкъ, а молитвы поютъ русскими напѣвомъ“. У г-жи Черкасовой теперь 11 помощницъ, и число ученицъ во всѣхъ отдѣленіяхъ ея первоначальныхъ школъ простирается иногда до 600. Другой примѣръ. Нѣсколько вѣковъ среди сербы, румыны, греки, грузины, русскіе безъ счета съ полнымъ довѣріемъ передавали іерусалимской патриархіи огромныя суммы денегъ, а пользы для церкви и православія было немного; пожертвованія расходились по рукамъ у греческихъ монаховъ или шли на греческую идею. Теперь же русское подворье въ Іерусалимѣ представляетъ видъ полного благоустройства, русскіе паломники находятъ себѣ прекрасный приютъ, въ трехъ мѣстахъ выстроены церкви, съ которыми не могутъ соперничать католическія и протестантскія, и все это достигнуто преимущественно неусынными трудами одного человѣка, начальника нашей миссіи, архимандрита Антонина.

Но кромѣ этихъ дѣльныхъ указаній на дѣятельность лицъ, посвятившихъ себя служенію православію въ Святой землѣ или вообще на Востоцѣ, мы найдемъ въ книгѣ г. Соловьева

подробныя историческія указанія, свидѣтельствующія объ его обширной эрудиціи въ этой области и освѣщающія настоящее свѣтомъ прошлаго, безъ котораго нельзя обойтись и для правильной оцѣнки современныхъ явленій. Богатство историческихъ данныхъ очень значительно, и вслѣдствіе этого прошлое сливается съ настоящимъ въ одну общую картину, которая позволяетъ намъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ, куда должна быть направлена дѣятельность и какія средства наиболѣе дѣлсообразны. Авторъ посвящаетъ отдѣльныя главы и Иерусалиму, и Голгоѣ, и гробу Господню съ его храмомъ, и Сиону, и столь богатой воспоминаніями горѣ Морія, и Внолеему, и долину Иосафатовой, и многими еще святыми мѣстами. Такимъ образомъ читатель выѣстъ съ нимъ обозрѣваетъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ Иисусъ Христосъ совершилъ Свое земное странствіе. Они отчетливо представляются его духовному оку, а на помощь его воображенія приходятъ еще многочисленныя рисунки, такъ что и религиозное его чувство получаетъ полное удовлетвореніе.

Но мы не можемъ закончить этого бѣлаго отчета о книгѣ, не отбѣтивъ духа, которымъ она проникнута, потому что одна эрудиція или же публичность въ связи съ литературнымъ дарованіемъ не могутъ еще дать книги, которая захватывала бы единомыслиа съ авторомъ читателя. Какъ ни цѣны всѣ эти качества, они составляютъ только какъ бы матеріалъ, которымъ пользуется писатель для достиженія основной своей цѣли—служенія воодушевляющей его идеи. Авторъ книги „По Святой землѣ“ не ограничивается простымъ изложеніемъ бо-

гатаго запаса своихъ знаній и наблюденій. Онъ ввѣстъ въ свою книгу много любви. На что же направлена эта любовь? Отвѣтить на этотъ вопросъ, значитъ понять душу автора. Въ немъ гармонически сливаются глубокое религиозное чувство и большая любовь къ искусству. Такимъ образомъ вполне естественно, что наиболѣе сильно дѣйствуютъ на душу читателя тѣ мѣста его книги, которыя посвящены водчеству и живописи въ области религиозной. Особенно характерны для настроенія автора въ этомъ смыслѣ тѣ страницы его труда, которыя ошъ посвящаютъ описанію художественныхъ сокровищъ Аѳонъ. Знаменитый Акрополь, говоритъ онъ, сталъ исключительно ареной археологическихъ изысканій; но не развѣнчиваетъ ли древнюю славу храма такая секуляризація? И далѣе авторъ спрашиваетъ: „позволительно ли такъ рѣшительно вычеркивать изъ исторіи Акрополя ея долгій христіанскій періодъ?“ На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ: „Боже должно быть отдано Богу, а не сдану въ архивъ... Омертвѣлому Акрополю возвратитъ жизненную силу только христіанство“. Въ этихъ словахъ вполне выразилось основное настроеніе автора, воодушевляющія его мысли и чувства. Какъ мы уже отмѣтили, они встрѣчаются въ главѣ, посвященной очень тонкой оцѣнкѣ художественныхъ сокровищъ древнихъ Аѳонъ. Какъ, слѣдовательно, тѣсно соединены въ душѣ автора религиозное чувство и любовь къ искусству!

Послѣ всего сказаннаго намъ нечего уже посылать, что книга г. Соловьева прочтется съ большимъ интересомъ и человѣкомъ вѣрующимъ вообще, и ревнителемъ православія на Востоцѣ, и цѣнителемъ художественныхъ произведеній.

Политическое обозрѣніе.

Катастрофа на благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ вызвала со стороны европейскихъ политическихъ сферъ проявленія глубокаго соболѣзнованія. Всѣ европейскіе государи выразили президенту республики свое сочувствіе городу Франціи. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, телеграммой, просилъ Гавото передать президенту республики и французскому правительству выраженія глубокаго и искренняго чувства соболѣзнованія Императорскаго правительства“. Высказывая свое „огорченіе и прискорбіе“, султанъ Абдуль-Гамидъ „молитъ Провидѣніе предохранить впредь Францію отъ подобныхъ несчастій“. Въ политическихъ кружкахъ Франціи произвелъ сильное впечатлѣніе откликъ германскаго императора, не упускающаго ни одного случая засвидѣтельствовать свои симпатіи къ Франціи. На этотъ разъ императоръ Вильгельмъ II выразилъ свои рыцарскія чувства въ разныхъ формахъ. Послѣ прочувствованной телеграммы г. Форю, германскій императоръ послѣдилъ французскаго посла въ Берлинѣ, затѣмъ послалъ въ Парижъ своимъ представителемъ на печальной церемоніи генералъ-адъютанта князя Радзивилла, которому поручено возложить роскошный вѣнокъ. Съ своей стороны, германская императрица Августа дала подобное же порученіе княгинѣ Радзивиллѣ.

Германская печать выразила Франціи свое полное участіе. Почти вся парижская печать, за исключеніемъ нѣсколькихъ провинціальныхъ листовъ, отнеслась къ германскимъ симпатіямъ съ признательностью.

Одновременно съ печальнымъ парижскимъ событіемъ, которымъ европейскіе общественные кружки поглощены были въ теченіе нѣсколькихъ дней, стала обрисовываться нѣкоторая надежда на скорое прекращеніе греко-турецкаго кровопролитія.

Сперва, по заявленію британскаго правительства парламенту, отъ 22 апрѣля, между державами начался обитѣвъ мыслей съ цѣлью прекратить войну, но первымъ условіемъ поставлено желаніе самихъ воюющихъ сторонъ принять посредничество. Затѣмъ, по свѣдѣніямъ изъ Парижа, отъ 24 апрѣля, появилась нота русскаго правительства, выражающаго готовность, въ виду критическаго положенія Греціи, сдѣлать, по соглашенію съ державами, попытки къ посредничеству. Весь политическій міръ отнесся сочувственно къ предложенію Россіи. Отмѣчая новое доказательство гуманитарныхъ чувствъ Россіи и искренней дружбы ея къ греческому народу и королевскому дому, *Темпс* посоветовалъ греческому кабинету воспользоваться предложеніемъ Россіи, высказывая мысль, что при нынѣшнемъ жалкомъ положеніи королевства и его арміи, „отъ Ралли зависитъ судьба Греціи и ея династіи“.

Русскій посланникъ въ Аѳонахъ, Опу, обратился 26 апрѣля къ греческому премьеру Ралли съ официальнымъ сообщеніемъ, обѣдая, съ своей стороны, содѣйствовать прекращенію войны, если греческое правительство обратится съ просьбою объ этомъ къ Европѣ. Въ тотъ же день, вечеромъ, послѣдовала письменная просьба Греціи о посредничествѣ державъ: представители державъ расписались въ полученіи греческой циркулярной ноты, обѣщая свои услуги, лишь германскій представитель возражалъ, что греческій дипломатическій циркуляръ не признаетъ прямо и формально автономіи Крита. Послѣдовавшіе, однако, увѣренія Греціи по этому предмету послужили началомъ для дальнѣйшихъ переговоровъ державъ о посредничествѣ.

По свѣдѣніямъ изъ Аѳонъ отъ 27 апрѣля, Греціей сообщено державамъ объ отозваніи съ острова Крита 25 офицеровъ и двухъ ротъ саперовъ; прочія войска будутъ вызваны въ кратчайшій срокъ. По полученіи письменнаго согласія Греціи очистить Критъ, адмиралы международной эскадры дали приказъ допустить посадку греческихъ войскъ на судра.

Вечеромъ 28 апрѣля державы формально предложили Греціи свое посредничество, а на слѣдующій день русскій посланникъ вручилъ объ этомъ ноту греческому министру иностранныхъ дѣлъ.

Тѣмъ временемъ военныя событія продолжали развиваться съ поразительной быстротой. По свѣдѣніямъ изъ Константинополя, послѣ сильнаго боя подъ Фарсаломъ, греки въ теченіе ночи очистили всѣ позиціи. 24 апрѣля, послѣ атаки турками города, греческія войска обращены въ бѣгство и разсѣяны, преслѣдуемая непріятельской кавалеріей; при отступленіи брошено множество снарядовъ и провіанта. Константинопольская печать восторженно отзывается о „звѣнной храбрости турецкихъ солдатъ, ведущихъ себя, какъ настоящіе османскіе герои“.

Европейскіе военные корреспонденты свидѣтельствуютъ, что греки не выдерживаютъ огня и, при началѣ каждаго серьезнаго сраженія, обращаются въ бѣгство. Между тѣмъ, въ Аѳонахъ, послѣ шумныхъ манифестацій, принялись за странную мистификацію: пораженіе подъ Фарсаломъ греки отирадновали какъ блестящую побѣду, при чемъ генераламъ посланы благодарственныя телеграммы за умѣлое веденіе дѣла. По официальной депешѣ Эдхема-паши отъ 26 апрѣля, послѣ кроваваго боя, вѣстиво взято турками со всѣми позиціями, откуда греки бѣжали съ большими потерями. Покидая Воло, греки выпустили изъ тюремъ арестантовъ, наводя этой мѣрой ужасъ на мирныхъ жителей. Въ предотвращеніе безпорядковъ, иностранные консулы пригласили европейскій десантъ, навіщанъ въ то же время турецкую главную квартиру объ очищеніи Воло греками. Въ тотъ же день 10 турецкихъ батальоновъ вступили въ Воло, восторженно принятыя населеніемъ. Начальникъ турецкихъ войскъ подчинилъ городъ турецкой администраціи, гарантируя населенію полную безопасность. Потребована присылка таможенныхъ чиновниковъ для возобновленія торговли. Турками захвачено здѣсь много боевого матеріала.

По свѣдѣніямъ изъ Константинополя отъ 26 апрѣля, Гази-Османъ-паша вернулся въ столицу. Эдхема-паша возведенъ въ званіе маршала съ назначеніемъ главнокомандующимъ всѣми оперирующими противъ Греціи войсками.

Разсѣянные греческіе отряды стали стягиваться на послѣдней оборонительной линіи по хребту Отрисскихъ горъ къ цунку Дамокосъ, гдѣ ожидается серьезное дѣло.

РАЗСОЛАНЪ ПОДПИСЧИНАМЪ ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ

„ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ“

П. Н. Гнѣдича.

Подписная цѣна за все изданіе: безъ доставки въ СПБ. 12 р., въ Москвѣ у Н. Н. Печковской 13 р., съ доставкой въ СПБ. и съ пересылкою во всѣ мѣста. Россіи 14 р., за границу 16 р.

Требованія просить адресовать въ контору изданія

Только что отпечатано и поступило въ продажу **НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ**

„ДОМЪ И ХОВЯЙСТВО“.

Руководство къ рациональному веденію домашняго хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ. Очиненіе Марія Ределинъ.

СО 161 ИЛЛЮСТРАЦІЕЙ.

Въ 2-хъ томахъ, всего—болѣе 500 страницъ, въ 8-ю долю листа.

Цѣна за оба тома бром. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к., а въ двухъ хорошихъ коленіяхъ переплетомъ 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.

А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

5% съ выигр. заемъ Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г.

15 тиражъ 1-го мал. 1897 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.						
74	12	1000	1837	14	500	8799	45	500	5714	25	500	7401	89	500	9701	46	500	11703	14	500	13884	40	20000
89	9	500	1979	21	1000	8845	20	5000	5744	15	500	7438	34	1000	9917	31	500	11830	24	1000	13898	10	500
267	84	500	2024	17	1000	8866	2	500	5761	20	500	7510	16	1000	10172	25	500	11854	43	500	14083	25	500
271	1	500	2056	10	500	4086	11	500	5826	45	500	7547	41	500	10228	28	500	11889	1	500	14157	7	500
298	31	500	2097	39	500	4180	24	500	5936	28	500	7811	14	500	10256	40	500	11905	1	500	14215	41	500
327	14	500	2247	37	500	4185	43	500	5949	15	500	7815	38	500	10259	37	500	12289	31	500	14240	28	500
501	25	500	2268	18	500	4208	43	500	5972	40	500	7835	2	500	10311	31	500	12314	28	500	14304	10	500
506	1	10000	2218	31	500	4251	16	500	6167	23	500	7895	30	500	10404	31	10000	12537	36	500	14304	14	500
597	19	500	2248	2	500	4315	12	500	6150	38	500	7716	25	5000	10411	12	500	12648	17	8000	14318	15	500
682	48	500	2287	14	500	4337	47	500	6165	5	500	7718	19	500	10473	38	500	12626	18	500	14427	8	500
654	9	500	2218	42	1000	4508	3	500	6265	19	500	7754	48	500	10474	10	500	12641	27	5000	14503	12	500
801	42	25000	2287	27	500	4579	35	500	6285	30	500	7772	38	500	10477	12	500	12653	21	8000	14587	43	500
832	47	500	2278	1	500	4610	14	500	634	50	500	7851	43	500	10487	13	500	12746	23	8000	14636	13	500
895	16	500	2280	47	500	4848	43	75000	6384	16	1000	8015	37	500	10537	5	500	12781	47	8000	14839	45	8000
944	22	500	2238	33	1000	4850	32	500	6405	19	1000	8243	46	500	10545	2	500	12870	42	500	14857	43	500
993	31	500	2269	1	500	4861	29	500	6408	13	500	8243	47	500	10557	22	500	12921	9	500	14881	36	500
1013	19	500	2793	39	500	4881	35	500	6430	13	500	8235	29	500	10631	46	100	12928	31	500	14788	45	500
1025	16	500	2812	42	500	4905	43	500	6470	5	500	8337	10	500	10709	32	500	13052	10	500	14750	21	500
1094	38	500	2811	40	500	4972	31	500	6529	11	500	8358	18	500	10715	42	500	13053	37	500	14832	43	40000
1107	39	500	2868	29	500	5005	13	500	6549	14	500	8492	44	500	10809	18	500	13088	23	500	14885	32	500
1158	41	500	2879	3	500	5036	18	5000	6566	24	500	8694	35	500	10863	4	500	13201	41	1000	15173	46	500
1196	33	500	2920	50	500	5077	6	500	6660	37	500	8706	16	500	10815	2	500	13216	50	500	15175	41	1000
1237	19	500	3045	44	500	5081	13	500	6686	27	500	8715	33	500	10929	5	500	13247	15	500	15804	3	500
1273	11	500	3046	25	500	5092	16	500	6760	46	500	8864	18	500	10932	40	5000	13269	3	500	15337	45	1000
1274	32	500	3050	68	500	5106	37	1000	6778	40	500	8923	23	5000	10948	2	500	13307	50	500	15355	9	500
1413	11	500	3074	39	500	5137	20	500	6802	37	500	9054	27	500	11012	25	500	13320	35	500	15393	44	500
1449	15	500	3120	13	500	5139	43	500	6818	6	500	9160	30	500	11025	38	500	13329	30	500	15443	7	500
1489	39	500	3137	6	1000	5144	45	500	6831	8	500	9206	29	1000	11100	8	500	13331	2	500	15475	11	500
1552	20	500	3181	15	500	5168	33	500	6941	14	500	9260	29	500	11104	39	10000	13472	31	500	15492	35	5000
1572	7	500	3278	12	500	5313	27	500	6983	30	500	9291	14	500	11303	9	500	13492	16	500	15571	11	500
1645	48	500	3310	36	500	5335	21	500	7074	29	500	9301	16	500	11443	7	1000	13508	10	1000	15655	4	500
1654	41	500	3353	8	500	5394	3	500	7098	16	500	9302	4	500	11530	38	500	13526	24	500	15701	30	500
1663	47	500	3445	45	500	5443	41	500	7166	28	500	9408	43	500	11531	31	500	13589	14	500	15713	43	500
1681	26	500	3579	48	500	5473	19	500	7178	32	500	9565	45	500	11620	8	500	13634	34	500	15774	3	500
1685	19	500	3595	8	500	5479	1	500	7211	49	500	9624	2	500	11679	22	500	13604	28	500	15890	48	500
1704	26	500	3596	25	500	5643	5	500	7321	23	500	9631	13	500	11680	6	500	13608	8	500	15979	30	500
1730	20	1000	3758	40	500	5668	36	500	7328	40	1000	9684	28	500	11682	1	5000	13848	9	500	15985	9	500
1808	44	500	3769	38	500	5702	39	500	7361	25	500												

Всего 300 выигрышей на сумму 600.000 рублей.

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

8, 122, 143, 193, 223, 270, 319, 409, 414, 637, 835, 964, 1004, 1048, 1235, 1280, 1355, 1545, 1546, 1694, 1870, 2725, 2736, 2748, 2818, 2996, 3194, 3218, 3457, 3527, 3629, 3690, 3799, 4028, 4082, 4045, 4178, 4453, 4612, 4648, 4768, 4814, 4830, 5125, 5276, 5520, 5577, 5772, 5846, 5904, 5924, 6218, 6395, 6611, 7043, 7839, 7959, 8071, 8222, 8492, 8574, 8719, 8727, 8735, 9251, 9275, 9316, 9826, 9400, 9452, 9912, 9958, 10193, 11537, 11542, 10680, 10802, 10963, 10984, 11044, 11284, 11470, 11491, 11731, 11800, 11887, 11965, 12100, 12201, 12354, 12397, 12570, 12607, 12711, 12744, 13114, 13181, 13240, 13532, 13626, 13655, 13719, 13760, 14246, 14697, 14786, 14827, 14938, 15418, 15451, 15463, 15655, 15890, 15900, 15939.

Всего 116 серий, составляющія 5800 листовъ, на сумму 754.000 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе.)—Норона съ бериллами. Изъ воспоминаній о Шерлохъ Холмсе. Романъ-Дойла. (Съ англійскаго.)—Изъ весеннихъ пѣсень. Стих. Зои Бухаровой.—Ислеще солоное мѣсторожденіе и его разработка (съ 7 рисунками).—Альбатросъ. Очеркъ А. Зейтца. (Съ нѣмецкаго.) (Съ рис.)—Къ рисункамъ: Сочиненіе письма.—Градобои.—Въ снѣгу.—Весна въ провинці.—Настрофа въ Парижѣ (съ портр., планомъ и 4 рисунками).—Библиографія.—Политическое обозрѣніе.—Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

За редактора А. Ф. Марисъ.

БЫСТРО И ПРОСТО
получается чашка
САМАГО ЛУЧШАГО ШОКОЛАДА.
Пужно только облить вытѣкомъ въ чашкѣ
чайную ложку
КАКАО
ВАНЪ-ГОУТЕНА.

Чтобы получить шоколадъ на молокѣ, слѣдуетъ вытѣку налить только молока, а остальную половину долить молокомъ.

Шоколадъ, моментально приготовляемый изъ какао Ванъ-Гутена, отличается пріятнымъ вкусомъ, очень крѣпко, богатъ питательными веществами.

№ 10202 2—1

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАВИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграниціи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ "ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ" въ Будапештѣ.

ВОЛИЧІЙ дѣлать наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 ч. в. № 10214 7—1

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
В. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. Высыл. Безпл.

БЕЗПЛАТНО
ВЫСЛАДЕТЬ
ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ
спеціальный магазинъ бѣлая
Ю. Готлибъ.
Владимирская, 2, уголъ Невскаго.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ, С. ПЕТ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы никел. отъ 6 р. 50 до 15 р.
" стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
" серебряные отъ 12 до 50 р.
" золотые отъ 25 до 600 р.
регуляторы двухдѣльного завода отъ 17 до 35 р.
Высылаю наложен. платежемъ иллюстр. преісъ-куранты бесплатно.

Фабрика наученныхъ штемпелей и граверное заведеніе
И. Д. Левинсона
въ Варшавѣ, Электронная ул., № 17.
Заказъ исполняется скоро и аккуратно. Иллюстрированный преісъ-курантъ по требов. Ц. № 10209 высыл. бесплатно. 6—1

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Популярная біологія В. Лункевича.
Около 500 страницъ большого формата, съ 208 иллюстраціями и раскрашенной таблицей рисунковъ. Цена 2 руб.

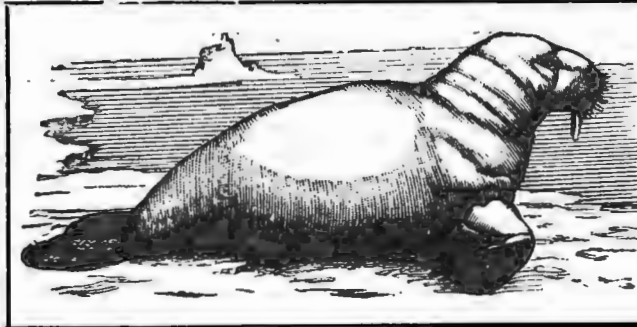
ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА
Московскаго Семеновскаго сталелитейнаго завода
доводитъ до свѣдѣнія, что заводъ открытъ свое дѣйствіе и принимаетъ заказы на стальныя литыя пѣсочныя отъ 1/2 фунта изъ чугуна до ста пудовъ и болѣе. Заводъ находится въ Москвѣ близъ нѣмецкаго кладбища.
Телефонъ № 1959. 3—2

№ 4711

О-ДЕ-ЛИ
(EAU DE LYS)
ВОДА ДЛЯ МЫТЬЯ КОЖИ ЛИЦА
4711

ЛИЦОВО-МОЛОЧНОЕ МЫЛО.
Чистое и нежное мыло для туалета, свободное от всяких острых прижиганий. При покупке просит обращать внимание на утвержденную фабричную марку № 4711.

ПРОДАЕТСЯ ВЪСЬДУ.
Цѣна 1 р. в 60 и. за флаконъ, смотря по величинѣ. 4-2

**ВЪ НОРВЕГІЮ,
на ШПИЦБЕРГЕНЪ,
ВЪ СТРАНУ ВЪЧНАГО ЛЬДА**

отправляется пассажирскій пароходъ „Монгъ Гаральдъ“, подъ командою колѣрнаго мореплавателя капитана Баде. Отплытіе изъ Гамбурга 2-го августа и. ст.; продолжительность плаванія — 30 дней, изъ нихъ около 5 дней пребыванія на Шпицбергенѣ. Подробныя объявленія высылаются бесплатно изъ всѣхъ отдѣленій фирмы Рудольфа Моссе, а также и капитаномъ В. Баде, изъ Висмаръ въ Мекленбургъ (Capt. W. Bade, Wismar in Meckl.) 2-2

**КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.**

**EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE**
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (96)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требуйте на этикеткѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

НОВОСТЫ!
ВАРХАТЕЛЬ ШАНЪ-ЯНЪ
Полонныя и прѣтварныя дѣланы танъ, для дамского платья, матер. 12 врш. Цѣна 50 к. Шарики 17 врш.

Можно получить въ магазинѣ въ фабрично-розничномъ магазинѣ **А. ИВАНОВА**, Москва, Тверская, Пассажъ Постникова, Николаевскій мѣстечекъ въ Коломенскѣхъ вѣсткахъ въ номерѣ 10221.

Ц. № 10201 4-1

ВАСИЛІИ АУРИХЪ
КОЛОДЦОВЫЯ
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
ДЛЯ ПОЛОСКАНІЯ ЗУБОВЪ
И ДЕНЕЖЬИ ОСЪЗНЕНІЯ РТА
СПЕТЕРБУРГЪ

Руководствъ по НИВОПИСИ: (Нѣд. В. С.)
1. Масл. красками, Іезикино. 5-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
2. Масл. красками, Фельера. (Портреты, пейзажи, жанры). 2-е изд. Ц. 1 р. 15 к.
3. Анварелью. (Пейзажи.) Ротгомакъ. Ц. 60 к.
4. Пастелью, по Ратчеру и Буффѣ. Ц. 6 к.
5. По фарфору и фаянсу, Іезикино. (Съ указ. какъ обжигать вещи дома). Ц. 1 р. 50 к.
6. Рук. къ изуч. перспективѣ и теоріи тѣней, Анри. Олобер. Уч. Ком. М. Н. Шр. какъ нос. при обуч. рис. въ ср. уч. зав. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. За пер. нѣд. вѣстекъ прил. 20 к. Независимо отъ кол. экз. Фонтанка, 90, кв. 11, В. С.

Новый прейсъ-куррантъ иллюстр. за 1897 г.
Оружейнаго Склада водъ фирмъ: „Центральное депо оружія“ В. Коппельманъ, 29. Эд. Венингъ. За приложеніемъ духъ 7 к. почт. марокъ вѣсмл. бесплатно. Много новостей.

ЦВѢТОЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ
Т-ва „ГИГИЕНА“
равныхъ залаховъ, критики, прочтѣ, значительно превосходятъ существующіе до сихъ поръ цвѣточные одеколонны и туалетныя воды.

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ: СПб., влоц. театра 9. — Москва, Никольская, д. Шереметьева. — Варшава, Новый Свѣтъ, 27.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиница „ВИКТОРІЯ“
Казанская ул., д. № 29.
Первоклассная гостиница съ большими просторными комнатами; внутреннее освѣщеніе; ванна. Обмѣнуемъ во всѣмъ вождныи.

Владѣлецъ **К. И. ЛАНГЕ**.

10-9

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“
Цѣна книги 50 коп.

Астрономъ-любитель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіями. Сост. д-ръ А. Русск. Астрон. Общ. Е. Предомельскій. 200 стр. (25 рис. и черт.).

Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. — Г. Шарвилл. Перев. подъ ред. проф. С. Глазенапа. 104 стр. (съ 20 рис.).

Минералогія и телескопъ. Зирмэр и Марголле. Перев. и доволн. Н. Салтскій. 140 стр. (съ 42 рис.).

Начало и конецъ міра. Ш. Ринара. Перев. и доволн. Н. Салтскій. 184 стр.

Міры дѣйствительныя и воображаемыя. Сот. Камилла Фламмариона. Перевелъ Н. Салтскій. 192 стр.

Жизнь земли. — Очерки популярной геологіи. Профессора Ф. Шузо. Перев. и доп. Н. Лажина. 164 стр. (съ 30 рис.).

Чудеса растительнаго міра. Составилъ Ф. Медведовъ. 148 стр. (съ 30 рис.).

Жизнь въ корѣ. К. Келлера. Переводъ Вл. Шацкого, подъ ред. проф. А. М. Никольскаго 400 страницъ. (съ 40 рис.). 2 книги.

Драгоценныя камни. Составилъ Н. Салтскій. 184 стр. (съ 38 рис.).

Выписки изъ кн. скл. П. П. Соинина (СПБ. Стремляная, 12) за перес. не платитъ.

◆◆ Новый каталогъ — бесплатно. ◆◆

КУРГАУЗЪ НАССАУ (Ланъ) БЛИЗЪ ЭМСА.
Водолѣчебное заведеніе. Массажъ. Электрическое лѣченіе.
В. № 10204 10-1 Завѣдывающій врачъ Д-ръ Э. Пѣнсенгъ.

А. БОЛЬТЪ и К^о.
Москва, Ильинка.
Непромокаемая одежда:
**ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДНИ**
мужскіе и дамскіе
изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, раскузовъ сезона 1897 г.
Прейсъ-куррантъ съ образцами матерій высылается бесплатно.
Бумажное бѣлье Мей и Эдакъ.

МЫЛО
ЧИСТОПЬЛЬ
Savlon. majus
Н. ЯКОВЛЕВА
въ Москвѣ.
Для смачиванія кожи рукъ и лица, а также противъ вѣснушекъ и загаръ. Ц. 40 к. кус.

НОВОСТИ
на 1897 г.
ТРЕБУЙТЕ
НОВЫЕ КАТАЛОГИ
АНГЛІЙСКИХЪ-АМЕРИКАНСКИХЪ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ТОРГ. домъ
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ
МОСКВА, Мясницкая д. СЫТОВА

Ц. № 10004 10-10

Люда. Федоров. Шлихтенъ,
Москва,
Мясницкая ул., л. Ермаковичъ,
рекомендуетъ: кармачедеятельныя и торфяныя машины, прессы для вырѣзки трубъ съ ратрубамъ, черепицъ съ фальцами, брикетовъ; даго; патентовъ. Шаровыя мельницы для измельченія и размола въ однороднаго просѣиванія материаловъ любой крѣпости, какъ-то: шихта, цементъ, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (30)

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE
DENTIFRICES
des RR. PP.

BÉNÉDICTINS
DE
Abbaye de Soulas,
Dom MAQUELONNE, Prieur.
Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
Expos. Int^l Lyon 1894.
HORS CONCOURS
Membre du JURY
Exo. Int^l Bordeaux 1895.

AVEC LA SIGNATURE
DU PRIEUR
Maqueillonne S. O.

ЭНГАДИНЬ

VULPERA-TARASP

ШВЕЙЦАРИЯ.

1270 метровъ надъ уровнемъ моря.

Отель Вальдгаузъ-Вульпера, съ виллами Вильгельмина и Постъ.
Перворазрядное заведение.

Отель Бельвю съ виллами Альпенрозе и Телль.

Сезонъ съ 1-го июня до конца сентября.

Въ 6 часахъ їзды отъ станціи Давосъ и въ 8 час. отъ Ландема. Ежедневно нѣсколько почтовыхъ сообщеній съ Вульпера. 10 минутъ разстояніи отъ всемірно извѣстныхъ Тарасперскихъ щелочно-соляныхъ и холодныхъ глауберово-соляныхъ источниковъ (равныхъ карлсбадскимъ, киссигенскимъ и маріенбадскимъ), на возвышенной, окруженной лѣсомъ равнинѣ. Чудесная дорога черезъ лѣсъ къ источнику. Близость Тарасперскихъ желѣзистыхъ источниковъ и купалень даетъ возможность одновременнаго пользованія и куаньемъ, и природой. Равномѣрная температура и полнѣйшее отсутствіе пыли въ атмосферѣ значительно содѣйствуютъ усѣху лѣченія. Превосходное сообщеніе съ близлежащими курортами Поштрезина, С. Моріцъ, Сильсъ и Малоба. По сравненію съ другими окрестными мѣстностями, въ Вульперѣ замѣчается менѣе колебаній температуры и влажности воздуха.

Новый отель Вальдгаузъ съ виллами Вильгельмина и Постъ.

Открывается 1-го июня 1897. — 300 комнатъ съ 400 кроватей.

Устроенъ съ полнымъ комфортомъ первоклассныхъ отелей. Грандіозный вестибюль и вранды окружаютъ цѣлый рядъ обширныхъ залъ, гостиныхъ, столовыхъ, отдѣльныхъ кабинетовъ, бильярдныхъ, читалень. Широкая лѣстница. Большой выборъ комнатъ съ балконами, бельведерами, альковами. Дровяное отопленіе. Образцовая система вентиляціи. Во всякое время чистая холодная и горячая вода. Канализаціи. Ванны, души. Лифтъ. Камера-обскура для любителей фотографіи.

Отель Бельвю съ виллами Альпенрозе и Телль.

Просто и удобно. 100 комнатъ съ 150 кроватями. Образцовый водопроводъ и канализаціи.

Почтовая, телеграфная и телефонная станціи. Электрическое освѣщеніе. Кромѣ большого парка, густые хвойные лѣса. Площадки для игръ. Лоунъ-теннисъ. Три концерта въ недѣлю.

Цѣны: въ Вальдгаузѣ—пансіонъ 7 фр. 50 с. и комната отъ 3 фр.
" въ Бельвю " " " 6 фр. 50 с. " " " 2 фр.

Рекомендуется записаться отъ Самадена, Давоса и Ландека прямыми билетами до Вульпера, во набѣжаніе хлопотъ съ багажомъ на промежуточныхъ станціяхъ.

Врачъ: Д-ръ Денцъ.

Директоръ: Caspar Pinösch.

ОБШИРНѢЙШІЙ СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ (около 1000 штукъ въ наличности).

— Новости сезона 1897 г. —

АМЕРИКАНСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

„ВИКТОРЪ“ (первая марка Америки),

„ГИКОРИ“ (съ деревянной рамой),

а также испытанные лучшіе велосипеды

„СВИФТЪ“, „ПРЕМЬЕРЪ“ и др.

ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО

М. Блок

Правленіе: Москва.—Отдѣленія: С.-Петербургъ, Одесса, Кіевъ, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н.Д.

Высоч. Утв. Тр. **МОСКВА.**

„ЭЙНЕМЪ“ въ **МОСКВѢ.**

Собств. Паров. Фабрика въ **ЗИМФЕРОПОЛѢ** (въ КРЫМУ.)

ПЮРЕТОМАТЬ.

ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ КОМПОТЬ.

Ш. № 10123 10-3

ЛОЗАНЬ (Швейцарія).

ГРАНДЪ-ОТЕЛЬ РИШЕ—МОНТЬ.

Гостиница 1-го ранга, самая большая и роскошная въ Лозаннѣ. Замѣчательное мѣстоположеніе. Среди роскошныхъ большихъ садовъ, при красивомъ видѣ на озеро и альпы. Всѣ удобства. Цѣны умеренныя. При долгомъ пребываніи цѣны по соглашенію. Зимой навісѣнные цѣны очень дешевыя. Подъемная машина, ванны, души. Близъ станціи, почты, телеграфа, парка и общественныхъ садовъ.

Ц. № 10174 2-2

Содержатель: С. Риттеръ—Волболдъ.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ **ГУМБЕРЪ и №, Москва**

КОНТРАГЕНТЫ

Георгій ЗЕМЛИЧКА и №,

Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.

Прейсъ-куррантъ по требованію. 12-7

ВИЛЬЯМА ЛАССОНА

ЭЛИКСИРЪ ДЛЯ ВОЛОСЪ.

СРЕДСТВО ДЛЯ УХОДА

за ГОЛОВНУЮ КОЖЕЮ И ВОЛОСАМИ.

Средство это не имѣетъ никакого вліянія на цвѣтъ волосъ и не содержитъ никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ.

Цѣна флакона 3 р. 50 к.

Въ Петербургѣ эликсиръ продается: у Г. Кошкина, Гостинный дворъ, 19; Н. Ушакова, Гостинный дворъ, 33; В. Парикова, Гостинный дворъ, 78.

К. № 10180 2-2

Въ Москвѣ—у А. Ралле и №.

PRECIOSA VIOLETTE

ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ. Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая мудра незамѣтная и неослабляемая.

ED. PINAUD

PARIS

ТОВАРИШЕСТВО **"ПРОВОДНИКЪ"**
 Москва. * Рига. * СПбурзь.
Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛОКЪ!

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай Э. Швейцгеръ, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: „Швейцгеръ—Москва“.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЫ!
 механические музыкальные инструменты, играющіе посредствомъ верчения рукою. Ноты металлические. Стальные голоса. Звучный тонъ. Удобны для

16-тонный Органъ - Итота, цѣна безъ нотъ . . . 10 р. — к.
 Ноты къ нему по . . . 35 „
 24-тонный Фениксъ-Органъ, цѣна безъ нотъ . . . 36 „ — „
 Ноты къ нему по . . . 60 „
 48-тонный (двойные голоса) Оркестръ-Фениксъ, очень звучный, безъ нотъ . . . 40 „ — „
 Ноты къ нему по . . . 60 „

Списки прѣстъ безплатно.
 По полученіи задатка 1/3 стоимости требуемое высылается съ наложенными платежамъ на остальную сумму.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, 31.
 Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Мы продали **СКОРОХОДОВЪ** въ:

1890 году	9.000 паръ
1891 „	32.000 „
1892 „	55.000 „
1893 „	81.300 „
1894 „	142.700 „
1895 „	169.000 „
1896 „	186.500 „

Вслѣдствіе громаднаго оборота намъ сдѣлалось возможнымъ значительно усовершенствовать техническую сторону нашего производства, послѣдствіемъ этого явилось удешевленіе цѣны на скороходы, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

НОВОСТЬ! (15)
ДУХИ
БЪБВЪ АМИРСЪ
 ПОСТАВЩИКОВЪ
 Высочайшаго Двора
А. РАЛЛЕ И К°.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
 Невскій пр., № 18.
 МОСКВА:
 Кузнецкій мостъ.

Пробовать попробовать самый лучший французскій ЛИБЕРЪ:
„ЛА-ГОЛОАЗЪ“.

LA GAULOISE
 LIQUEUR
 MÉDAILLES D'OR LES PLUS HAUTES
 DÉSIGNATION D'ORIGINE
 DÉPOSÉE
 REQUIER FRÈRES
 PÉRIGUEUX (Dordogne)

Продается во всѣхъ лучшихъ виноторговляхъ и ресторанахъ.
 Представитель для всей Россіи:
 Ф. И. Сирибановичъ, Москва.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ
 КИТАЙСКИХЪ, ЦЕЙЛОНСКИХЪ И ЯПОНСКИХЪ
 мосновскаго нупца

И. Е. ДУБИНИНА.
 (Фирма существуетъ съ 1886 года).
 Москва, Покровка, д. Тяжелова.

Краткій прейсъ-курантъ
 ИЗБРАННЫМЪ ЛУЧШИМЪ СОРТАМЪ ЧАЕВЪ:

ЧАЙ КИТАЙСКІЙ:	Цѣна розничн.	Цѣна оптова.
№ 9 Чай Семейный высочій	1.60.	1.35.
„ 5 Чай Карская Роза	2.	1.60.
„ 7 Чай Черный Лансинъ—замѣчательный	2.50.	1.90.
ЧАЙ ЦЕЙЛОНСКІЙ:		
№ 13. Розанетный, съ сильнымъ настоемъ	1.60.	1.85.
„ 14. Букетный, чрезвычайно ароматный	2.	1.60.
„ 20: Букетъ Ландима, рѣдкій сортъ	2.80.	2.20.
ЧАЙ ЯПОНСКІЙ:		
№ 26. Чай Брокенъ съ сильнымъ букетомъ	1.60.	1.35.
„ 27. Чай Кокуи мягкій и ароматный	2.	1.60.
„ 28. Чай Цекко самый высочій	2.80.	2.20.

Москва.
 Тверская, домъ Толмачева.
ДЕПО
 настоящихъ американскихъ **ФОНОГРАФОВЪ**
 Эдисона
 отъ 150 руб. до 500 руб.
 съ принадлежностями и въсами.
ГРОМАДНІЙ ВЫБОРЪ ЛУЧШИХЪ
ФОНОГРАММЪ.
 Запасная часть.
 Собственная мастерская.

Кинематографы
 проекція на экранѣ оживленныхъ фотографій въ натуральную величину.
Кинетоскопы
 оживленные фотографіи въ микротѣ.
ИКСЪ-ЛУЧИ
 демонстрація невѣроятныхъ предметовъ.
 Тверская, домъ Толмачева.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
 Замочное обученіе шитью и пройки посредствомъ лекцій - корреспонденцій, по швейному, легчайшему и понятному для всякаго метода. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются **БЕЗПЛАТНО.**
 Преподавательница Е. Д. Ашмарина.
 г.изъ. В. Жигонирская, № 4.

ФАБРИКА
И СКАДЪ
Бруно Зенгеръ и К°
 С. ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій Пр. № 25 (впередъ Камчатскій)
Фотогр. Аппараты
 и ПРИНАД.

КИРПИЧНЫЯ МАШИНЫ
 рельсы, опрокидывающ. вагоны,
 ПРЕДЛАГАЕТЪ
АРТУРЪ КОППЕЛЬ,
 СПБ., Невскій 18, уголъ Б. Морской,
 Москва, Мясницкая, № 48.

Предлагаю вниманію гг. любителей вновь полученныя, избранныя и по своему качеству, вкусу и аромату выдающіеся сорта чаевъ китайскихъ, цейлонскихъ и японскихъ, имъ можеть удостоверить, что эти сорта чаевъ представляютъ какъ бы экстрактъ главныхъ и лучшихъ чаевъ всего міра. Каждый сортъ чая имѣеть свою особенность, свой вкусъ и ароматъ, присутіи чая извѣстной страны, всѣ же сорта чаевъ составляютъ самый полный и совершенный ассортментъ чаевъ, изъ которыхъ каждый любитель можеть выбрать по своему вкусу, по жѣлтой водѣ и климатическимъ условіямъ. Ни одной отдаленной сорта имъ не рекомендую, но деять возможность желавшимъ ознакомиться со всѣми сортами чаевъ, для чего мы предлагаемъ слѣдующую льготу:
 На пробу можно выписать по оптовой цѣнѣ не меньше какъ три фунта всѣхъ или нѣкоторыхъ сортовъ чая, причѣмъ пересылка идетъ на счетъ покупателя. При выпискѣ чаевъ не меньше 25 ф.—особо-выгодныя условія. Подробный прейсъ-курантъ, состоящій изъ 29 сортовъ чая, а также условія и описаніе японскаго чая желавшимъ высылается безплатно.

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
 отъ 9 р. за кусокъ ширью 26/28 аршинъ.
 Фанза, прѣкъ, платки, че-су-ча цѣлѣныя.
ВСЕОБЩЕ ИЗВѣСТНЫМЪ маранский китайскій чай 1 р. 60, 2 р., 3 р. 30 и 3 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. ЕПАНЕШИНОВА, Москва, Никольская ул., д. Греческ. мостъ. Ингор. высыл. съ налож. платокъ. при высылкѣ 10% на сумму заказа.

Большая золотая медаль. Парижъ.
НАССА БЛАГОДАРЪ И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ:
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
 ИНОГОРОДНОМЪ И МОСКОВСКИМЪ
ПОСРЕДСТВОМЪ ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
 ОБЪЕМЪ ЗАДАЧИМЪ ЛУЧШИХЪ ПРИБО-
 РАДАНІИ.— ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
 ОБЪЕДИНЕННЫМЪ СОВѢЩАНІЕМЪ НАВЪ
С. Я. ЛИЛІОНТАЛЬ.
 ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬ
 ВЫСОКАГО УРОВ-
 НЯ ДѢЛАНІИ * МОСКВА * БЕЗПЛАТНО
 Волж. Вулгарская ул., д. № 27.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXVIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

№ 20

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежене. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ еженеделныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1897

Выходитъ 17 мая 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Почковской, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/2 года безъ дост.	1 р. 25 к.,	съ дост. въ СПб.	1 р. 75 к.,	съ перес. иногор.	1 р. 75 к.,	на 1/2 года безъ дост.	2 р. 50 к.,	съ дост. въ СПб.	3 р. 50 к.,
				съ перес. иногородн.	3 р. 50 коп.				

При этомъ № подписчикамъ предлагается выпускъ «Еженеделч. литерат. приложеній» за май 1897 г.

Серебряное изображеніе вселенной, въ видѣ шара, поддерживаемаго волной, раб. М. М. Антокольскаго.

9 блюдъ, поднесенныхъ отъ дворянствъ и городовъ. Наверху, надъ ними—подношениа бурятъ: четыре изображенія бурятскихъ идоловъ и два сіяніа.

Выставка старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ въ домѣ графа Строганова, въ Петербургѣ. Залъ I. Предметы, поднесенные Императорскимъ Величествамъ. Съ фот. генер. А. А. Насвѣтвичя автотипія „Нивы“.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

XI.

Тишина этой ночи была удивительна. Молчало озеро. Безмолвствовалъ лѣсъ. Ни одна сухая вѣтка его не хрустнула, ни одна сосновая шишка не упала въ мягкій песокъ. Николаю Львовичу показалось душно въ комнатѣ. Онъ взялъ пледъ и подушку и вышелъ. Звѣзды горѣли ярко. Отъ Юпитера даже чуть замѣтныя тѣни ложились на пустынные берега. Тускло поблескивала вода. Въ торжественномъ покоѣ природы слышалось Семигорову, какъ бьется его сердце. Когда подъ утро въ монастырѣ ударилъ колоколъ, все кругомъ точно издрогнуло. Николай Львовичъ проснулся. Надъ озеромъ подымался бѣлыми призраками туманъ. Такіе же столби между деревьями въ лѣсу. Онъ, этотъ лѣсъ, еще не сразу сбросилъ съ себя оцѣпенѣніе ночи. Робко и медленно сползала съ него дрема и тишина. Чу! встрепенулась птица и громко свистнула, въ отвѣтъ ей другая издали... Зажурчало и зажаловалось изъ глубины темнаго бора. Закинувъ руки назадъ, Семигоровъ прислушивался, но не могъ понять, что это. Крикнула, словно съ перепугу, ракша, заболтали чижъ и щеглы... Вѣтви деревьевъ опредѣлились на нобѣлѣвшихъ небесахъ. Въ переплетѣ вершинъ чьи-то черныя шапки-гнѣзда, всѣ наперечетъ. Туманъ бѣлыми фантомами къ нимъ тянется, растеть. Бѣлая пелена на озерѣ шевельнулась и нехоти ползеть подъ тихимъ дыханіемъ проснувагося воздуха. Монастырскіе колокола тоже сбросили съ себя чары этой ночи и все наполнили торжественною молвю. Ихъ мѣдныя лзыки разговаривали высоко надъ благоговѣнно прислушивавшеюся къ нимъ землею. Волны этихъ звуковъ тихо неслись надъ поблѣдѣвшимъ озеромъ, еще тише вилывали подъ зеленые своды лѣса и куда-то стремились, будя въ сочныхъ и темныхъ логовахъ мирно спавшаго звѣря... Николай Львовичъ потянулся.

— Какъ хорошо!—вырвалось у него, когда по тусклой стали неподвижнаго озера пробѣжали розовато-золотистые отсвѣты.—Какъ хорошо!—Туманъ тоже оживился, пожелтѣлъ вдали. И небеса обдало пожаращемъ. Тамъ, за лѣсомъ, вставало солнце во всемъ великолѣпнн тихаго, безоблачнаго утра.—Какъ хорошо!

Семигоровъ сбросилъ съ себя бѣлье и кинулся въ воду. Она мягко раздалась, холодомъ и свѣжестью обняла его, и далеко побѣжали по поверхности широкіе круги. Нога еще нащупывала чистый песокъ. Неподвизно стоявшая рыба шелохнулась и испуганно разметалась во всѣ стороны. Семенъ Гордеичъ тоже проснулся, вышелъ...

— Кунаетесь? Какова у меня ванна здѣсь?.. У царей пѣть такой. Только, поди, холодна.

— Это и хорошо.

— Такому богатырю, какъ вы... Вамъ бы въ театрѣ героевъ изображать. Чутьочку бы гримму подпустить...

Семигоровъ засмѣялся и поплылъ на середину.

— Осторожнѣе, тамъ омуты!

Но его и силою пельзя было утопить. Мускулы подъ его смуглою цыганскою кожей двигались рѣзко и красиво. Широкіе взмахи могучихъ рукъ отхватывали каждый разъ чуть не полсажени, вслѣдъ за ними быстро двигалось наслаждавшееся натугою и искавшее устали молодое тѣло. Ноги будто отбивали кого-то, отбрасывая назадъ цѣлые водопады огненныхъ брызгъ... Туманъ съ озера распозлся въ лѣсъ, да и тамъ его ужъ не видно было...

— Я вамъ самоварчикъ поставлю... А самъ въ монастырѣ побѣгу.

— Зачѣмъ?

— А потому, что я все, какъ полагается монаху, исполняю. И на заутреню, и на часы, и на рапнюю, и на позднюю обѣдню, и на вечерни. Старые грѣхи замаливаю!

— Ну, какіе у васъ грѣхи!

— Не скажите... Тоже и мой „животъ аду приблизился!“

Онъ вынесъ самоваръ на крылечко. Сизая струйка дыму завилась надъ нимъ и вытянулась. Съдѣнкій пѣтушокъ возился кругомъ, пресмѣшно взмахивая руками, точно оципаннми крыльями.

— У меня, у праваго берега, верши поставлены... Съ заутрени вернусь, посмотрю, что Богъ далъ. Къ ранней — въ обитель понесу... въ даръ. Чѣмъ могу, служу ей... А отецъ Варлаамъ говоритъ: ты еще не поспѣлъ. Развѣ я виноватъ, что у меня мускулы-то какъ у комара... Когда же мнѣ и поспѣть? Онъ вѣдъ съ одной стороны и смотреть: будетъ ли работникъ на обитель или пѣть.

Николай Львовичъ выплылъ на противоположный берегъ. Вышелъ и легъ въ сырую траву. Лѣсъ весь теперь трепеталъ жизнью. Казалось, каждый листокъ его проснулся и потягивается въ прохладномъ еще воздухѣ, и поеть, и свищетъ, и стрекочетъ. Между вѣтвями слышался веселый и торопливый шорохъ маленькихъ крыльевъ, какъ будто темные комочки мелькали въ тѣни, точно кто-то швырлся въ ней птицами. Замелькали пушистыя бѣлки. Одна сбѣжала по вѣткѣ, чуть не надъ самымъ лицомъ Семигорова кувырнулась и исчезла. Залчбы уши мелькнули въ травѣ. Еще... Гдѣ-то въ глубинѣ бора слышался тяжелый бѣгъ крупнаго звѣря. Подъ нимъ хрустѣло и шуршало.

— Семень Гордеичъ!—крикнулъ Николай Львовичъ.

— Ась!

— А медвѣди тутъ есть?

— Бываютъ.

— Вы ихъ не боитесь?

— А имъ что съ меня взять? И двухъ фунтовъ мяса-то не соскребеть съ костей.

— Да вѣдъ Мишка глупъ...

— Не скажите. Михаилъ Ивановичъ тоже соображаетъ. Я разъ на лодочкѣ сижу съ удою. Хорошій ловъ былъ: пара большихъ, аршина по полтора, шукъ ужъ у меня на днѣ была. Ну-съ, вдругъ чувствую—дергается лесу, да что-то крупное. Я тихохонько потяну-потяну и опушу... и опять его къ Иисусу... И намѣтилось уже сквозь воду. Гляжу—батюшки!—лещъ-то какой, жирный, громаднѣющій... Въ озерѣ-то онъ еще больше кажется, точно въ лупу его видишь. Ну, вотъ. Помни Боже, думаю, сорвется вѣдъ. Уже и спинка серебрится, и бока крутые. Совсѣмъ генераль! И вдругъ, что бы вы думали? Топъ-топъ-топъ—на берегу не кто иной, какъ самъ Михаилъ Ивановичъ. Подошелъ, мотаетъ головой, на меня изъ-подъ вудловъ своихъ смотритъ и ворчитъ. Потомъ сбѣлъ на заднія лапы, наблюдаетъ... Я его, а онъ меня. А лещъ, какъ замотается. Упущу, думаю, даръ Божій... Ну, немножко освободилъ я лесу—погуляй еще малость, а самъ снялъ шапку да и кричу: господинъ медвѣдъ, и не стыдно вамъ, почтенному звѣрю, такими глупостями интересоваться? Видите вѣдъ сами, что я дѣломъ занятъ—на святыхъ отцовъ труждаюсь, идите вы своей дорогой,

честь-честью, а то я изъ-за васъ рыбку упущу. Что же бы вы думали, всталъ, потянулся ко мнѣ на лапахъ, какъ собака, заурчалъ что-то, и прочь пошелъ. Только у деревеньки оглянулся—прощай-де... Потомъ рассказывалъ я отцу Варлааму, смѣялось его высокопреподобіе. „Эхъ ты,—говорить,—какой дался, даже и медвѣдь тебя не хочетъ“. А лещъ-то все-таки ушелъ!

— Ну!—принялъ Семигоровъ живое участіе въ его злоключеніяхъ.

— Ей-Богу... Фу, ты! все забываю: не помяпи имя Господа твоего всеу. Заплакалъ я даже. Теперь я его часто вижу въ озерѣ—гуляетъ. Шлепнется по водѣ, точно меня дразнить. Что взялъ-де!.. А ужъ я изъ него мысленно уху варилъ отцу архимандриту.

— Попадется еще разъ.

— Ну, нѣтъ-съ. Они тоже природу и ухищренія человѣческія опытомъ познаютъ. Разъ сорвался—не попадется больше. Теперь еще глаже сталъ, бока-то вынятилъ. Опущу я лесу—онъ вокругъ витаетъ, смѣется... Вотъ, видишь-де, хожу я кругомъ, а на твою наживку нисколько не зарюсь. Ты мнѣ хоть какихъ хочешь червяковъ насаживай, я и своимъ пропитаніемъ доволенъ... Вчера тоже показался, щеки-то надулъ, и смотритъ на меня, подлецъ. Я его весломъ хотѣлъ, а онъ виль хвостомъ—и нѣтъ его...

— Въ вершу попадетъ.

— Травленный. Всего опасается. Такъ ужъ, видно, ему суждено отъ щучьихъ зубовъ вѣкъ свой скончать. А отъ васъ въ обитель порученій не будетъ?

— Нѣтъ. Развѣ Моисей Лукича Копрова увидите, поклонъ ему отъ меня.

— Какъ истарину говорили: „салфетъ вашей милости—красота вашей части“.

— А вы сами пить чаю не будете?

— До обѣдни—ни-ни...

Николай Львовичъ опять кинулся въ воду. Нырнулъ нѣсколько разъ: въ зеленоватой глубинѣ ему почудились быстрые и капризные извивы какихъ-то тѣлъ. „Дѣйствительно,—подумалъ онъ,—рыбы здѣсь сколько хочешь. Хорошее мѣсто себѣ Лелечкинъ выбралъ“. Живо проплылъ назадъ, одѣлся, не вытираясь, только пятёрней волосы расправилъ, и, весело поблескивая синими оговорками глазъ, принялся за чай. Пустыня кругомъ дѣлалась все краше и краше. „Вотъ бы Елену Борисовну сюда, да и схорониться здѣсь отъ всего міра съ нею. Хорошо было бы!“ И его всего обдало молодымъ, горячимъ порывомъ, точно изъ раскаленной печи, страсть дохнула на него пыломъ, да такъ, что онъ чуть не на весь лѣсъ крикнулъ отъ страданія и предчувствія угаданнаго имъ блаженства: „Господи, помоги!.. Я бы чорту душу продалъ! Освободить бы ее только отъ этого дьявола... Пропадъ я безъ нея. И жить не хочу такъ“.

Къ десяти часамъ утра вернулся Семень Гордеичъ съ кулькомъ.

— Что это у васъ?—такъ-себѣ, чтобы только не молчать, спросилъ его Семигоровъ.

— И хлѣбъ, и крупа... Чаемъ меня сегодня отецъ Геронтій благословилъ, даже банку огурцовъ далъ.

Семень Гордеичъ сжарилъ рыбы.

Поѣли, помолчали...

— А Моисей Лукича не видѣли?

— Нѣтъ. Даму видѣлъ.

— Елену Борисовну?

— Ее самое. La grande coquette! Садилась въ экипажъ, уѣзжала куда-то.

— Съ мужемъ?

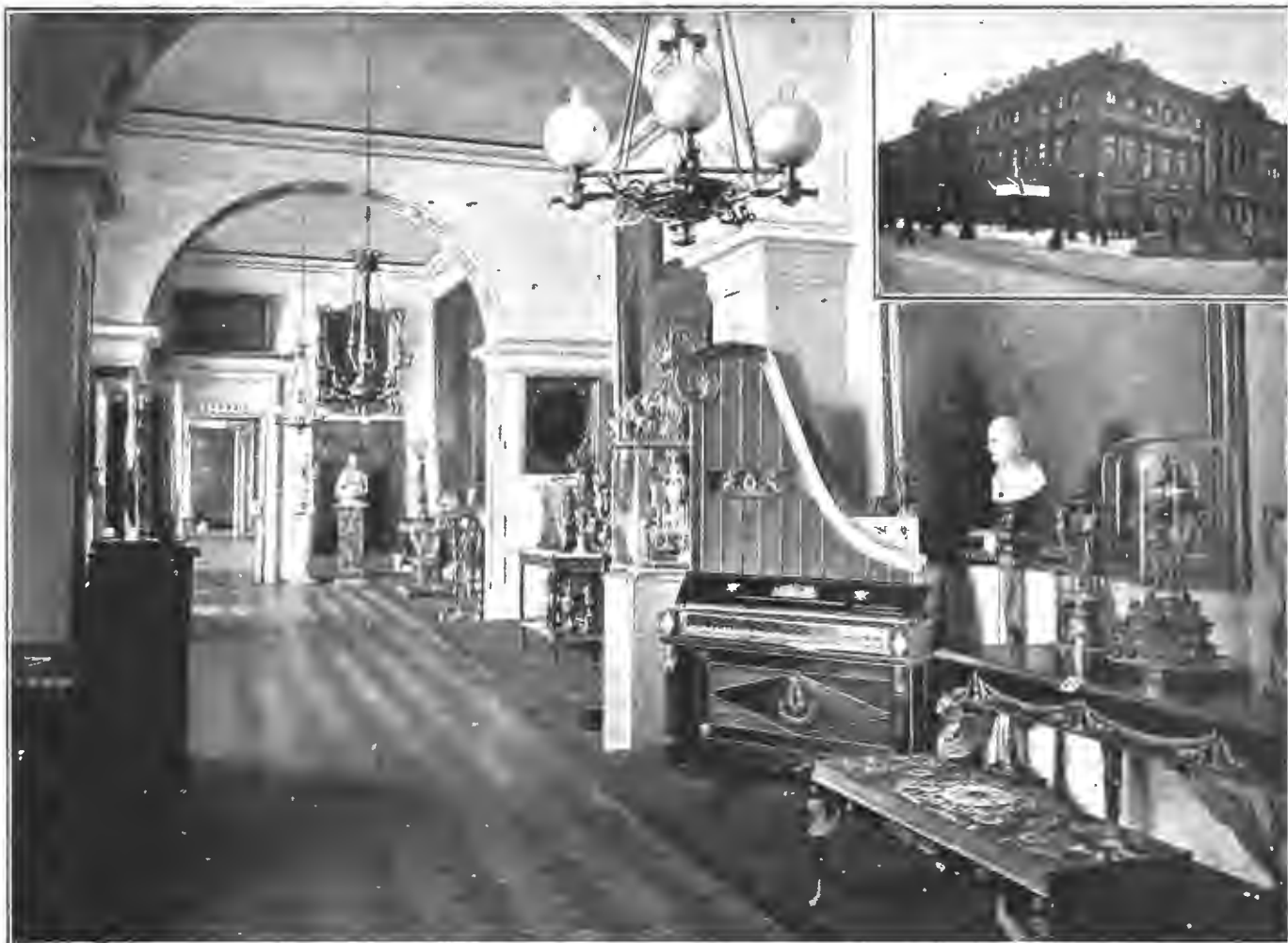
— Нѣтъ, съ горничной.

— Куда-жъ бы это?

— Спросить не смѣлъ. Зналъ, что вы интересуетесь, во не смѣлъ.

У Лелечкина слипались глаза. Солнце стояло уже высоко. Поль-озера такъ и горѣло подъ его огненнымъ, пристальнымъ взглядомъ. Другая половина уходила въ тѣнь и прохладу. Семень Гордеичъ перебрался туда, свернулся комочкомъ у какого-то пня, гдѣ песокъ былъ помягче, и заснулъ. И весь-то съ кулачокъ казался, и голову положилъ на скуфейку. Легкій вѣтерокъ трепалъ сѣденькія космы его волосъ. Какая-то безпокойная пичужка заорала надъ нимъ. Онъ съ усиленіемъ поднялъ отяжелѣвшія вѣки—посмотрѣлъ. „Ну, чего ты, дура! Не видишь—усталъ человѣкъ, спать“. Птица затрепетала крыльями и шею вытянула, точно въ самомъ дѣлѣ клонуть его хотѣла, и вдрогъ вспорхнула въ чащу зелени... Скучно Николаю Львовичу. Ружье бы—уйти въ лѣсъ и къ обѣду пабить бы всякой дичи. Да, во-первыхъ, въ монастырскомъ лѣсу запрещено ее трогать, монахи говорятъ: „У насъ всякому звѣрю милость“. А во-вторыхъ, Сеничка и Ёсть не станутъ—строго держатся иноческіхъ правилъ. Только что бѣлый жилетъ съ бархатнымъ пиджакомъ носить, да о роляхъ старыхъ вспоминаетъ, а то совсѣмъ монахъ. И жалко самому убивать. Это кроткое спокойствіе и мирная тишина природы свѣтлую печаль будили въ душѣ Семигорова. Какъ тутъ обижать живое существо—пусть его радуется, да въ волнахъ теплаго воздуха носится весело, и безъ меня есть кому злодѣйствовать; вонъ черной точкой коршунъ повисъ... Ближе и ближе... Широко раскинутыя крылья видны ужъ... И голова впизъ вытянута, высматриваетъ что-то. А когти острые, безошадные, каждый день обагрющіеся кровью, плотно прижаты къ тѣлу. Весь онъ въ этой злобной красотѣ своей, старый хищникъ. Хоть рисуй! Вдругъ шелохнулся... Подмѣтилъ что-то зоркимъ взглядомъ. Мгновенно свернулъ крылья и камнемъ улялъ въ лѣсъ... Трепещетъ теперь маленькая птица въ этихъ когтяхъ и пицить, и съ міромъ Божьимъ прощается, и перышки крохотныя топорщить... Сейчасъ ей и конецъ. Ключомъ въ голову разъ—и готово!.. А все-таки это лучше, чѣмъ у людей. Моисей Лукичъ, наприимѣръ, развѣ онъ сразу бьетъ, съ паскоку, ростовщицья душа?—по малу сосетъ, лакомится, мерзавецъ, исподволь душу изъ тебя выматываетъ...

Горящая въ полымѣ солнца часть озера все увеличивалась и увеличивалась. Медленно стягивались къ лѣсу его тѣни. Начинало жечь... Тучи всякихъ мушекъ—точно ихъ рождали горячіе лучи—опускались къ водѣ и хлопотали о чемъ-то на ея неподвижной поверхности. Бѣгали по ней какіе-то паучки на длинныхъ, точно ломаныхъ линіи, ножкахъ, скользили черные въ безчисленныхъ перехватахъ жучки, разставивъ широко лапки, точно лодочки, выбросившія весла. Бѣлыя бабочки мелькали и играли надъ озеромъ, трепеща веселыми крылышками надъ самою влагою, чуть не купаясь въ ней. Яркія зеленыя мушки изумрудною пылью разсыпались на ней же. „Коромысла“, привлеченныя горячимъ отраженіемъ близкаго къ полудню солнца, носились надъ этимъ отраженіемъ чуть не у самой воды, ровно держа сквозныя голубыя крылья и изгибалъ подъ ними длинное, металлическимъ блескомъ игравшее, сухое, какъ хворостъ, тѣло. Поминутно то здѣсь, то тамъ вскакивало что-то въ водѣ, шлепалось, и долго потомъ бѣжали по ней дрожащія круги, сплетаясь съ другими такими же, проскакивалъ одинъ въ другіе, дѣлая безчисленные узоры, цѣни, спирали... Началась обычная полуденная охота рыбы за ослѣпленною солнцемъ мошкарюю. Я думаю, всякій глупый карась вполне убѣжденъ въ томъ, что солнце имѣетъ единственную цѣль на Божьемъ свѣтѣ—привлекать къ нему, карасю, на воду насѣкомыхъ. Не будь этого—и солнца бы не было. Какъ въ этомъ случаѣ и мы—побольше поумнѣе карася—своею логикою напоминаемъ его!.. Когда

Видъ дома графа Строганова, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ помѣщалась выставка.
 Выставка старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ въ домѣ графа Строганова, въ Петербургѣ. Заль VI.
 Съ фот. генер. А. А. Насвѣтвича автотипія „Нивы“.

Угловой шкапчикъ изъ краснаго дерева, отдѣланный бронзой Louis XV.,
 и мраморный столъ въ бронзовой оправѣ Louis XVI.

Кухетка Louis XV. Собственность П. Н. Дурново.

Выставка старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ въ домѣ графа Строганова, въ Петербургѣ. Видъ зала VI съ
 противоположной стороны. Съ фот. генер. А. А. Насвѣтвича автотипія „Нивы“.

Собрание старинных русских ковшей, братиц, чашъ и чарокъ, составляющее собственность Его Императорскаго Высочества великаго князя Алексѣя Александровича.
 Выставка старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ въ домѣ графа Строганова, въ Петербургѣ.
 Съ фот. Черника автотипія „Нивы“.

Большой настольный приборъ, бронзовый позолоченный, въ стилѣ Empire, работы „Thomire à Paris“. Собственность Ея Высочества принцессы Клеми Георгиевны Альтенбургской, герцогини Саксонской. Шкалъ Буль, XVIII столѣтія. Собственность графа А. Д. Шереметова. На шкалу: пара вазъ изъ сѣраго гранита, украшенныхъ бронзою Louis XVI. Собственность князя Лихтенштейна. Большая синяя ваза китайскаго фарфора въ бронзовой оправѣ. Собственность графа Строганова.
 Выставка старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ въ домѣ графа Строганова, въ Петербургѣ. Заль VII.
 Съ фот. Черника автотипія „Нивы“.

солнце стало въ самой серединѣ неба, озеро казалось ослѣпительно горѣвшимъ круглымъ серебрянымъ щитомъ, забытымъ сказочнымъ богатыремъ посреди безмолвнаго, волшебнаго, очарованнаго лѣса... И самъ этотъ богатырь, вѣрно, спитъ гдѣ-нибудь въ тѣни, куда педурно бы пойти и Николаю Львовичу. Около хижины Семена Гордеича былъ вѣковой дубъ. Точно шатеръ, онъ раскидывалъ старыя узловатыя вѣтви, переплетавшіяся надъ землею. Туда, сквозь нихъ, не достигало солнце. Семигоровъ пошелъ къ этому дубу. Спать не хотѣлось—лѣнь такъ и безъ сна охватывала всего. И сознание замирало. Онъ дѣлался здѣсь частью этой природы. И въ немъ переливалась кровь, какъ двигаются соки по древесинѣ, и пульсы работали, какъ работаютъ они въ звѣрѣ, прижавшемся въ травѣ... Хорошо, мирно, покойно—вѣкъ бы не ушелъ отсюда, и странно, что Семенъ Гордеичъ такъ стремился въ обитель... Вотъ этотъ краешекъ озера—померкъ. Тѣнь отъ дуба легла длиннѣе и захватила его. Раскаленное серебро оставленнаго сказочнымъ богатыремъ щита похолодѣло, остыло тутъ, точно сѣрою пѣнкою гаснущаго металла кроется. Дальше и дальше—солнце тихо подвигается къ западу, совершая указанный ему кругъ... И Сенчикъ проснулся—возителъ съ лодочкой... Должно-быть, удить собирается...

— Николай Львовичъ!—крикнулъ онъ съ озера, прикладывая ладонь къ глазамъ и всматриваясь въ лѣсъ.— Къ намъ гости.

— Кто?

— Не знаю. У меня не бывають. Я здѣсь, какъ жукъ въ дуплѣ... Должно-быть, къ вамъ.

— Развѣ мои люди.

— Нѣтъ, горничная... Отъ барсуковскихъ барышень. Такъ и есть. Я ихъ въ обители встрѣчалъ, знаю...

— Я съ ними незнакомъ... Вѣрно, къ вамъ. Ай да отшельникъ! Хорошъ!

— Что вы, что вы!—Старый актеръ сконфузился.— Вы къ кому, милая? Кого вамъ надо?

Изъ лѣсу вышла молодая бабенка, въ шелковомъ платкѣ на головѣ.

— Не васъ... Кто въ васъ нуждается... Семигоровскій баринъ тутъ?

— Вотъ онъ. А что, Николай Львовичъ? Изволили надъ старикомъ тѣшиться... Апъ сейчасъ и видно, чья лапа залупчена. Ну-ко, оправдывайтесь теперь.

— Вы будете?—остановилась она передъ молодымъ человекомъ.

— Что—я?

— Семигорову приказали писунку отдать.

— Отъ кого?

— Тамъ видно... Читать-то умѣете? Я вѣдь не грамотнал. Мое дѣло—сторона.

— А вамъ кто передалъ?

— Дѣвица одна. Съ матерью Клеопатрою пріѣхала.

— Никакой дѣвицы не знаю... Ей-Богу, ничего сообразить не могу!

— И понимать нечего... Безстыдники, право, безстыдники. Пропадутъ на васъ нѣтъ. Какъ вы надъ нашей сестрой изгиляетесь.

— Ты чего ругаешься! Звать-то тебя какъ?

— Аннушкой. Спосылала-то меня молодая барышня, а писунку писала—дѣвица. Я сама видѣла.

— Да какъ ты мой адресъ узнала?

— Миѣ копровская горничная сказала.

— А ее ты гдѣ видѣла?

— Искать недалеко: еще утромъ съ барыней Еленой Борисовной къ намъ пріѣхали погостить.

Семигорова точно по сердцу ударило. Онъ развернулъ письмо. Прочелъ. И опять поднялъ недоумѣвающій взглядъ на горничную.

— И все-таки ничего, Аннушка, не понимаю.

— То-то какіе непонятные! Софья миѣ сказывала, что вы за кавалеръ...

— Хотя вы, Николай Львовичъ, меня и опровергли, и на мою откровенность въ любви соответствовать не пожелали, но я супротивъ васъ сердца не имѣю и за- всегда готова къ вамъ всей душой, даже и не въ своемъ антиресѣ. А какъ миѣ извѣстно, по комъ у васъ мысли блуждаютъ, и та особа таперича здѣсь, то, помня вашу деликатность и обращеніе, я хоть и маленький человекъ, и во всемъ своемъ суставѣ совѣмъ ничтожная, но хочу доказать вамъ свой характеръ. Младшей барышни, Паулины Яковлевны Барсуковой, я все про васъ сказывала, и она дрожмя-дрожить сдѣлать съ вами знакомство, и очень это просто, потому живутъ онѣ безъ церемоній, и всѣ, кто хочетъ, къ нимъ ѣздить. Будьте спокойны—и вамъ поворотъ отъ воротъ не укажутъ. А вы, вотъ что, если вы подлинно одну особу обожаете и сердце ваше по ней въ куски рвется, то времени не теряйте, а тѣмъ же тракторомъ—къ намъ сюда, въ Барсуковскую усадьбу, да не въ домъ, а въ садъ, потому въ домѣ-то на кого еще сразу напорешься. Неровенъ часъ, на мать Клеопатру—не дай Боже! Въ садъ васъ Аннушка проведетъ, вы и сидите себѣ тамъ, неглежа, а я сейчасъ пошлю къ вамъ знакомиться барышню Барсукову, она добралъ и пригласитъ васъ какъ бы со встрѣну чай пить... А въ протчемъ не забывайте, какая я для васъ выхожу,—ибо моей корысти, окромѣ вашего счастья, и здѣсь ни на копейку. Только, что я сама смѣлая, потому и за другихъ не боюсь“...

— И все-таки ничего сообразить не могу,—проговорилъ онъ.—И подписи нѣтъ. Какъ звать-то бѣлицу?

— Все знать захотѣли! Скоро состарѣетесь.

— Какъ же миѣ поѣхать! Лошади мои и человекъ остались въ монастырѣ.

— Николай Львовичъ, да я сейчасъ побѣгу... Въ вершахъ у меня довольно рыбки... Черезъ часъ и дрожки ваши будутъ около, на дорогѣ.

— Очень вамъ благодаренъ. Вы умѣете править?

— Помилуйте. Римскаго триумфатора игралъ—на парѣ выѣзжалъ на сцену-съ.

— Ну, такъ вотъ скажите кучеру, чтобы онъ тамъ оставался, а сами сюда.

— Отлично.

— Я васъ доведу, Аннушка.

— Тутъ и пѣшкомъ недалече. Я, какъ отзавтракали, и побѣжала.

— Ну, все-таки. На лошадихъ—все скорѣе. Вы со мной не поскучаете?

— Нѣтъ, что-жъ,—покраснѣла та.— Кто съ вами скучать-то будетъ, ишь, какъ васъ нарисовали. Картинка. Не даромъ дѣвица-то по васъ все ахаетъ. И младшей барышни нашей голову свертѣла: еще не видѣла—ужъ гадаетъ на трефоваго.

— Отчего же миѣ не прямо въ домъ идти?

— Потому, на старшую попадете, а она сурьзная. А тутъ какъ будто нечаянно встрѣтились и васъ пригласили чай пить.

— И все-таки не разберусь.

Еще бы онъ разобрался. Пуня нарочно придумала всю эту сложную программу, чтобы обставить дѣло возможно романтичнѣе. Что это—взялъ да пріѣхалъ въ домъ. Такъ никого не удивишь. А она выведетъ какъ будто нечаянно въ садъ Елену Борисовну и нежданно-негаданно поставитъ ее передъ Семигоровымъ. И выйдетъ, какъ бы у Поля Феналъ. Еликонидъ это тоже понравилось, только она по-своему пошла: „И лучше. Въ саду-то наединѣ они другъ съ другомъ столкуются!“

XII.

Семенъ Гордеичъ, какъ общалъ, такъ и сдѣлалъ. Не прошло и часу, какъ онъ подкатилъ на дрожкахъ

и остановился за полверсты отъ своей хатки. Онъ привязалъ лошадей къ дереву, а самъ быстро прошелъ къ озеру. На этомъ переходѣ дороги не было, и экипажъ переломался бы о сучья и корни деревьевъ, да въ иномъ мѣстѣ и не продрались сквозь чащу. Онъ проводилъ Николая Львовича съ Аннушкою туда и долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, когда даже облако поднятой ими пыли улеглось. У старика сердце размякло. Онъ готовъ былъ заплакать, вспоминая далекую-далекую молодость. Хорошо еще, что быстро взялъ себя въ руки.

„Держись, Семень,—рекомендовалъ онъ самъ себя.— Грѣхъ и думать-то. Ты о душѣ-то, о душѣ. Поздно тебѣ ужъ о земныхъ радостяхъ вздыхать!“ — и тихо побрелъ на озеро, въ свою пустыньку, гдѣ ему теперь вдругъ показалось и жутко, и скучно, и безиріютно.

Онъ опять поставилъ верши, завозился около дому и вообще старался сократить время, насколько это можно было. Николай Львовичъ пріѣдетъ поздно!..

Пуня волновалась до того, что у нея лицо пятнами пошло.

Она оставила Елену Борисовну съ сестрою и матерью Клеопатрою, а сама то и дѣло выбѣгала на дорогу и смотрѣла—не видать ли вдали кого-нибудь.

— Не пріѣдетъ! — восклицала она, встрѣчаясь съ Еликонидай.

Но та была спокойна.

— Онъ-то не пріѣдетъ? Не таковскій. Я думаю, ужъ во весь летъ сюда... Вы только смотрите, какъ бы сестрица ваша въ садъ не вышла.

— Она въ саду не бываетъ вовсе. А ваша мать Клеопатра?

— Ну, ее изъ дома и не выгонили.

— Ликочка, дуся! Знаешь, что мнѣ пришло въ голову, а?

— Что еще?

Пуня, забывъ что ей сорокъ два года, запрыгала.

— Ну, говорите ужъ, что тутъ.

— А если мы его оставимъ здѣсь... въ бесѣдкѣ. Пусть живетъ. Подушки ему туда, постель... Кормить его будемъ, какъ узника въ нещербѣ.

— А какъ узнаютъ?

— Некому. Аннушка не скажетъ, а туда вѣдь никто не ходитъ. Вотъ романъ-то выйдетъ, совсѣмъ настольщій, какъ у французскихъ графовъ. У Альфредовъ всегда такъ, знаешь, бываетъ: и страшно, и таинственно...

— Ладно... По-моему и еще лучше.

Елена Борисовна осталась здѣсь дня на два. Мать Клеопатра хорошо знала Копровыхъ и жалѣла молодую женщину. Когда та занюхалась, что пріѣдетъ къ нимъ, въ монастырь, старуха обрадовалась.

— Хоть на мѣсяць... Я думаю, мать Александра стосковалась,—вотъ какъ рада будетъ. Да и тебѣ отдохнуть не мѣшаетъ, намучилась...

— Моисей Лукичъ только...

— Смѣетъ онъ противъ меня...

— Я бы и совсѣмъ въ обитель ушла,—вырвалось у Елены.

— Нѣтъ. Не изъ такихъ ты... Изнеможешься у насъ. Наше призваніе трудно. Еще дѣвицамъ — свосиѣ, а такимъ, какъ ты, развѣ послѣ пятидесяти лѣтъ.

— Тети двадцати трехъ лѣтъ постриглась.

— У нея свое было. Во-первыхъ, родные умерли — по нимъ тосковала. Во-вторыхъ, болѣла... Ты поѣзжай сначала къ мужу, переговори съ нимъ, а потомъ къ намъ. Мы тебя душевно ждать будемъ. Всѣ тебѣ обрадуются. Мать Агнія — ужъ на что, кажется, высохла совсѣмъ, а и та оживетъ. У насъ вѣдь, если большого дѣла, какъ у меня, нѣтъ — тоска. Въ мужскихъ монастыряхъ другой разговоръ. Тамъ у каждаго забота. А у насъ тишина, — иной разъ подумаешь, да ужъ не въ могилѣ ли я!.. Моисей Лукичъ все такъ же?

— Да... Всѣмъ жизнь отравляетъ.

— А мужъ?

— Что мужъ! Мать Клеопатра, вѣдь не люблю и его. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже...

— Что ты, что ты! Опомнись. Терпи... Наша жепская судьба — терпѣть. И чѣмъ больше жаловаться, тѣмъ хуже. Онъ вѣдь смиренный?

— Слишкомъ!

— Ну, что-жъ, и это хорошо...

— Лучше пусть бы онъ мени билъ. А то надуется, молчать... Или пилить начнетъ, да вполголоса, тихо.

— Есть и такіе. А все переносить надо...

Мать Клеопатра, поговоривъ съ Копровой, устала. Она пошла къ себѣ. Старшая Барсукова въ это время тоже отдыхала до вечера... Елена вышла было въ садъ, какъ вдругъ передъ нею выросла Еликонида.

— Пожалуйте обратно въ гостиную.

— Зачѣмъ?

— Паулина Яковлевна такъ просятъ. Чтобъ, значить, сидѣть и ждать.

— Чего именно?

Еликонида, лукаво блеснула на нее глазами.

— Супризь онѣ вамъ готовить...

Та засмѣялась.

— У Пуни всегда выдумки.

— А изъ иныхъ выдумокъ счастье выходитъ для нѣкоторыхъ людей.

— Не понимаю...

— Авось, поймете...

Гдѣ-то послышались голоса. Еликонида вздрогнула и поблѣднѣла, потомъ оправилась и точно застыла.

Въ гостиную вбѣжала Паулина, вся въ такомъ восторгѣ, что ее раскосило еще больше отъ волненія.

— Ну, и герой! — мимоходомъ шепнула она Еликонидѣ, — совсѣмъ Виконтъ де-Мирофлеръ.

— Здѣсь онъ?

— Здѣсь.

Еликонидѣ сдѣлалось больно... Сердце скалось. Въ сто смѣха и радости — ей хотѣлось плакать.

— Милочка, Елена Борисовна... Пойдемте въ садъ.

— Я хотѣла, здѣсь душно. Да вотъ Еликонида не пустила меня.

— Тогда нельзя было, а теперь въ самый разъ.

— А ты, Лика, пойдешь?

— Нѣтъ. Я здѣсь. Мнѣ не по себѣ. Устала. Да и мать Клеопатру провѣдать надо.

Еликонида ушла. Елена Борисовна медленно двигалась по аллеѣ, не слушая восторженную Пуню, увѣрявшую ее, что она ее, Копрову, такъ любить, такъ любить! Для нея она бы разорваться готова, и если бы Елена тоже хоть немного удѣлила ей мѣстечка въ сердцѣ — лучшаго бы Пуни и желать не могла...

— Вы знаете, — расписывала та, — я хоть и молода, да вѣдь какая же моя жизнь. Все одна, все одна! Сестра да я, — я да сестра. Монахи бываютъ, да вѣдь они что-жъ для бѣдной женской души, которая жаждетъ сочувствія?.. Пойдемте сюда, въ бесѣдку... Я васъ такъ, душечка, люблю, что сюрпризь вамъ приготовила... Войдите, войдите...

Бесѣдка была вся въ зеленомъ плющѣ. Тамъ стоялъ полумракъ. Елена вошла — и ахнула.

Примо навстрѣчу ей подымался Николай Львовичъ...

Она протанула руки, точно отбиваясь отъ него.

— Вы, вы... Вотъ не ожидала такой подлости...

— Елена Борисовна... Я тутъ ни при чемъ... Я самъ только утромъ получилъ записку и пріѣхалъ.

— Такъ это не ваши фокусы?

Его растерянность ободрила ее. Будь опъ смѣлѣе — она бы убѣжала. Но онъ самъ былъ въ смятеніи и не зналъ, что ему дѣлать.

— Я съ вами на фокусы никогда не пойду...

Она помолчала, помолчала...

— Чего же вы-то дрожите?.. Такой большой, сильный. Ну, здравствуйте...

И она протянула ему обѣ руки.

XIII.

— Ну, что-жь мы будемъ дѣлать?—спросила Семигорова Елена Борисовна послѣ недолгаго молчанія.

— Ъхаль я сюда, думаль, увижу васъ—Богъ знаетъ, что наскожу.

— А теперь?

— Языка нѣтъ!

— Струсиль?

— Не то что струсиль... Другое совсѣмъ... Обидѣть боюсь, точно, а всего больше жалко мнѣ васъ.

— Значить, мнѣ еще больѣе.

Тихо взялъ онъ ея руку и припалъ къ шраму губами. Пальцы у нея дрожали. Онъ боялся, что она отниметъ у него. Но Елена Борисовна молчала. Только, когда онъ поднялъ на нее глаза, — ея и безъ того красныя губы алыми стали и взглядъ загорѣлся—жѣгъ совсѣмъ.

— Вы долго будете... Пустите.

А сама бессильно оставляетъ свою руку въ его.

— Разъ-то въ жизни, за долгіе будни, да не взять праздника!—вырвалось у Семигорова.

— Праздника?.. А послѣ...

Даже голосъ ея въ эту минуту погустѣлъ, совсѣмъ груднымъ сдѣлался, точно не она говорила.

— Хотъ трава не расти!

— Вамъ, разумѣется, лучше... Все равно.

№№ 106—124. Головки и портреты работы Ж. В. Греца и № 125 „Первый поцѣлуй“ Ж. О. Фрагонара.

Выставка старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ въ домѣ графа Строганова, въ Петербургѣ. Заль III.

Съ фот. генер. А. А. Насвѣтѣнча автогипсія „Нивы“.

— Нечего жалѣть, коли я сама себя не жалѣю.

— Да вѣдь долженъ кто-нибудь болѣть за васъ сердцемъ. Вѣдь не мужу вашему...

Тѣнь прошла по лицу Копровой. Она ничего не отвѣтила.

— И не пластырю этому... Моисею Лукичу... Настоящая гумоза.

Елена Борисовна сорвала вѣтку, далеко выдвинувшись въ прохладу и мракъ бесѣдки, и сильно ударила ею себя по рукѣ,—такъ сильно, что выступила красная полоса.

— Зачѣмъ вы это?

Она повторила еще сильнѣе. Николай Львовичъ отнял у нея вѣтку.

— Не вамъ больно, а мнѣ.

— Неправда... Послѣ того, я, можетъ-быть, голову себѣ разобью...

— Вы мою слячала... Экая у васъ рука горячая... Огонь бѣжитъ по ней. Что за жизнь у меня—каторга! Нѣтъ—каторга легче. Тамъ бы я хоть одна осталась, и никто въ душѣ моей грязными пальцами не копался бы...

— И изъ каторги люди бѣгаютъ, да еще какъ.

— Что-жь, мнѣ съ вами уйти, что ли?

— А то нѣтъ?

Она опустила голову. Кровь заливала ей щеки. Ухо, поближе къ нему, все стало краснымъ. Волосы ея, густые, пышные, волнистые, чуть не касались его лица.

— Вотъ именно... Любовницей вашей сдѣлаться?..

— Глубое слово!.. Любовница!.. Не любовницей, а

На лугу. Рис. Руксень, грав. Бодъ.

царицей моей. Я бы во всю жизнь не надышался на васъ, околѣвалъ бы—глазъ не спустилъ. Одна краса въ цѣломъ мѣрѣ—и здѣсь, и за гробомъ. И я не знаю, гдѣ еще тамъ.

— Пока не надоѣмъ?

— Это вы-то? Ахъ, пропади моя голова! Кажется, ворвусь я ночью къ вамъ да прирѣжу слякоть вашу, Моисея Лукича съ Алешкой. За старика-то вашего и Богъ не спроситъ, все равно, что паука раздавить; еще, пожалуй, сорокъ грѣховъ долой... Не мало на него народа плачется...

— Вотъ именно, а потомъ мнѣ бѣжать съ вами?

— Да. На землѣ мѣста много, тамъ схоронимся... По географіи-то выходитъ—пять частей свѣта. Неужели ни въ одной уголка для насъ не отыщется?

Видимо, ее самоё одолѣвала неутолимая жажда счастья. Грудь ея высоко подымалась, такъ что Николай Львовичъ слышалъ даже, какъ скрипѣлъ шелкъ ея лифа, и рука въ его рукѣ трепетала... Онъ ее тихо потянулъ къ себѣ, вслѣдъ за рукой. И голова Елены Борисовны упала ему на плечо, да такъ и осталась. Онъ теперь прижимался щекой къ ея волосамъ... Елена Борисовна сначала глаза закрыла, вся отдавался новому ей чувству раздѣленного счастья. Какая-то одуряющая волна подымалась въ ней, заливая ея мысли, ослабляя ея волю, такъ ослабляя, что она теперь и шевельнуться не могла. Семигоровъ въ эту минуту не разсуждалъ ни о чемъ, да и не могъ бы думать. Что-то властное, гораздо болѣе могучее, чѣмъ его воля, росло въ немъ.

— Два года,—шептала она,—понимаешь, и всѣ эти два года вотъ какъ любила тебя! Скажи ты мнѣ „умри“—и умерла бы. Ни минуты не было, чтобы я о тебѣ не думала. Вѣдь ты пойми, какъ я, бывало, останусь одна—сейчасъ ты предо мной... Бѣду, бывало, въ лѣсу верхомъ, а мысль такъ и работаетъ. Вотъ-вотъ ты явишься изъ-за деревьевъ, сорвешь меня съ сѣдла и унесешь съ собою... А ты, ты тоже?.. Ты въ это время что дѣлалъ... Вотъ что, ты мнѣ—только правду! Цѣловалъ ты кого-нибудь, ласкалъ? Впрочемъ, нѣтъ, лучше не говори, все равно соврешь, а и правду скажешь—мнѣ будетъ казаться, что ложь. Но ты смотри, Коля, отъ этой минутки, чтобы ни на одну женщину и не взглянуть... Увижу—конецъ тебѣ и мнѣ! Богъ свидѣтель—я свое слово исполню...

— Да развѣ тебѣ измѣнить можно? Ты посмотри на себя. Вѣдь какъ нарочно другъ для друга сдѣланы. Подбери-ка такую пару. А ты думаешь—я умереть боюсь? Ей-Богу нѣтъ. Теперь особенно—вѣдь ужъ большаго счастья жизнь не дастъ.

— Коля, ты это по ночамъ у меня подъ окнами дежурилъ?

— Я...

— Я такъ и думала, милый. Помнишь, какъ я нарочно нѣсколько разъ отворяла окно...

— Еще бы... Кажется, будь крылья, сейчасъ я бы къ тебѣ.

— Глупый, глупый... Я, бывало, сбоку изъ-за занавѣски смотрю—любуюсь.

— Ахъ, ты... Противная... А сама всегда—нахмурится, смотреть такъ, что на душѣ холодно... Попро-буй-ка достать.

— А ты этому вѣрилъ? Да вѣдь это единственное ору-жѣ наше. Чѣмъ же намъ и защищаться. Кабы сегодня не неожиданно—то же бы самое было. Да и тамъ, въ монастырѣ, меня ужъ очень разобидѣлъ... Моисей Лукичъ. Ты его благодари—безъ него я долго бы еще не сказалась.

— А теперь мол—значитъ, и навѣки?

— Я вѣдь, Коля, вполонину не умѣю. У меня отъ сихъ поръ своей воли для тебя не будетъ. Одно только помни—я да ты, а больше въ цѣломъ мѣрѣ никого нѣтъ... Постой, что это? Ровно кто-то ходитъ тамъ...

— Нѣтъ, это вѣтеръ.

— Ужъ очень зашелестѣлъ... А можетъ-быть Пуня... Да мнѣ теперь все-равно, и притаться не люблю.

— Вотъ я посмотрю.

Онъ вышелъ, но садъ молчалъ. Только вѣтеръ ходилъ вершинами деревьевъ, будто разбирая ихъ вѣтви и ища между ними чего-то. Онъ то раздвигались, открывая голубыя небеса, то опять сплетались, заслоняя ихъ... Облетали цвѣты, и въ воздухѣ носились ихъ пахучіе бѣлые и розовые лепестки, точно кто-то обрывалъ крылья у бабочекъ и развѣивалъ кругомъ. Въ аллеяхъ никого не было; вдали сливались тѣни. Вонъ мелькнуло чье-то платье... Горничная пробѣжала... Собака тявкнула вслѣдъ... Кошка крадется, припадая на переднія лапы... Глаза такъ и свѣтятся... Вонъ и предметъ ея вождельнѣй—воробей, будто и не его дѣло—прыгъ-прыгъ. Только, когда она швыркомъ на него кинулась, онъ ловко взлетѣлъ на вѣтку и радостно затрепеталъ крыльями, точно крича ей оттуда: „что взяла? Поймала?..“

— Никого, мы одни, моя радость...

— Вотъ что: дай слово, что ты исполнишь мою просьбу.

— Не дамъ.

— Трудно?

— Богъ знаетъ чего ты захочешь, можетъ-быть, чтобы я сейчасъ уѣхалъ.

— Угадалъ.

— Ни за что, Елена... Хотъ ножомъ меня рѣжь.

— погоди, не здѣсь же намъ видѣться, у барышень Барсуковыхъ, да и мать Клеопатра тутъ... Я не хочу такъ, тайкомъ, по-воровски. Сколько терпѣли, мучились... вдругъ какія-нибудь минутки урывать. Вѣдь того и гледи, что принесетъ Пуню и Еликониду...

— Тамъ будетъ видно. Вотъ тебѣ Христось, что теперь я не отдамъ тебя—тебѣ самой.

— Да я и не хочу, глухой... Я завтра вернусь въ монастырь и черезъ день уѣду къ теткѣ въ Устьинскую обитель. Понялъ... Тамъ я обдумую, какъ все это сдѣлать... А пока...

Онъ не давалъ ей отвернуть лица, всюду оно встрѣчалось съ его губами...

— Елена Борисовна!

Господи, что это! Хотя бы минутку еще.

— Николай Львовичъ!

Чей это голосъ... Кто-то зоветъ ихъ издали... нервно, возбужденно, злобно.

Елена Борисовна очнулась первая. Она выскользнула изъ рукъ Николая Львовича. Взлась за голову. Упала на скамью, бокомъ къ нему и отвернувшись. Онъ весь въ трепетъ и дрожи, точно хочетъ понять, что это за громовый ударъ раздался надъ ними... Идетъ къ дверямъ. Еликонида!..

На ней лица нѣтъ. Всю такъ и перекосило внутренней мукой. Куда дѣвались ея великодушныя намѣренія!..

— Николай Львовичъ!..

Хорошо, что она не видитъ его: все бы прочла въ этихъ чертахъ, еще отражавшихъ яркое полмя страсти.

— Николай Львовичъ! Паулина Яковлевна говоритъ—уѣзжайте скорѣй... Сейчасъ, сейчасъ... Не то скандалъ выйдетъ. А Елену Борисовну мать Клеопатра проситъ.

— Идите, идите!..—ужъ повелительно шептала ему Копрова.

— Елена, что-жъ это?

— Потомъ, послѣ... Я пришлю вамъ письмо... А теперь идите... постойте... Дайте я приглашу вамъ голову.

Она обвѣяла платкомъ его лицо. Привела въ порядокъ волосы.

— Потомъ, потомъ.

И вдругъ, точно въ залогъ, поцѣловала его.

— Вѣдь не на день мы, а навѣкъ. Умѣйте ждать.

Онъ идетъ. Съ ревнивымъ бѣшенствомъ смотритъ на него Еликонида. Куда дѣлась ея веселая, задорная улыбка. Эта толстая даже какъ будто похудѣла и съ лица сдалась въ нѣсколько минутъ. Лыняные волосы ея растрепались, она ихъ пальцами убираетъ такъ, какъ подъ скуфейку.

— Небось, сладко было миловаться?..

— Прочь, змѣя, убью!

— И убей. Небось—не заплачу... Коли любить не хочешь—убей.

И вдругъ она какъ спонъ упала въ кусты. Семигоровъ наклонился надъ нею. Ее всю било. Она прятала лицо въ листву, плакала и металась.

— Сама я въ себѣ не вольна, простите, Николай Львовичъ. Знаю, что подло все это я сдѣлала. А только что-жъ мнѣ, и такъ, пова вы тамъ въ бесѣдѣ были, у меня чуть сердце не разорвалось. Уйдите, уйдите, а

то я на весь садъ крикну... Душить меня... Хуже, если набѣгутъ.

Онъ быстро прошелъ къ калиткѣ.

Черезъ полчаса вбѣжала Пуня.

— А гдѣ наши Альфредъ и Элиза?

Еликонида уже справилась съ собой, только губы сжала и глаза у нея горѣли, какъ у волка.

— Николай Львовичъ уѣхалъ.

— Какъ?..

— Такъ, вышелъ и уѣхалъ.

— А Елена Борисовна?

— Сидитъ. Идите, тамъ она.

„Разорвала бы я васъ всѣхъ“,—и она съ силой ударила рукой по колющему розовому кусту. Боль принесла ей облегченіе. Она подняла кисть и смотрѣла, какъ по ея бѣлому, совѣтъ молочному тѣлу бѣжитъ кровь.

„Разорвала и ногами бы растоптала. Чтобы, уже если такъ, пусть ни мнѣ, ни собакамъ!..“

(Продолженіе будетъ.)

Корона съ бериллами.

Изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ. Романъ-Дойля.

(Съ англійскаго.) (Окончаніе.)

Мой другъ настоялъ на томъ, чтобы я сопровождалъ ихъ въ поѣздѣ, на что я охотно согласился, такъ какъ мое любопытство и участіе были глубоко затронуты разсказомъ м-ра Холдера. Признаюсь, что вина сына банкира была для меня такъ же несомнѣнна, какъ и для его несчастнаго отца, но все-таки я имѣлъ столько довѣрія къ сужденію Холмса, что допускалъ возможность нѣкоторой надежды, если мой другъ не довольствовался полученными объясненіями. Онъ почти не говорилъ въ продолженіе всего нашего пути въ южныя окрестности Лондона, но сидѣлъ, погруженный въ глубокое раздумье, опустивъ голову на грудь и надрывнувъ шлему на глаза. Намъ кліентъ, казался, возродился духомъ въ виду возможности нѣкоторой надежды и даже завизалъ со мною бесѣду о своихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ мы добрались до Фарбэнка—скромной резиденціи великаго финансиста.

Фарбэнкъ представлялъ довольно большой, квадратный домъ изъ бѣлаго камня, стоявшій въ сторонѣ отъ шоссе. Къ нему вела подъѣздная дорога, огнившая лугъ, загороженный сѣткою, и полукругомъ тянувшаяся отъ двухъ большихъ желѣзныхъ воротъ къ фасаду дома. По правую сторону дома находилась маленькая густая роща, и затѣмъ аллея съ красною оградою. Аллея эта вела къ кухонной двери и называлась аллеей торговцевъ. По лѣвую сторону отъ дома до службъ тянулось шоссе, не принадлежавшее къ владѣніямъ банкира. Холмсъ оставилъ насъ у дверей и медленно обошелъ вокругъ всего дома, мимо фасада, спустился по аллеѣ торговцевъ и, обойдя такимъ образомъ садъ, вышелъ къ дорогѣ у конюшенъ. Онъ такъ долго пробылъ тамъ, что м-ръ Холдеръ и я вошли въ столовую и ожидали его возвращенія у каміна. Мы сидѣли молча, когда дверь отворилась и въ комнату вошла молодая дѣвушка. Она была выше средняго роста, стройна, съ темными волосами и глазами, которые казались еще темнѣе вслѣдствіе поразительной блѣдности ея лица. Ея губы также были безкровны, а глаза были красны отъ слезъ. Когда она тихо вошла въ комнату, и окончательно убѣдился, какъ велико горе этой дѣвушки, обладавшей несомнѣнно сильными характеристиками. Несмотря на мое присутствіе, она направилась прямо къ дядѣ и провела рукой по его головѣ съ чисто женственной лаской.

— Вы отдали приказаніе, чтобы Артуръ былъ освобожденъ, неправда ли, дяди?—спросила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, моя дѣвочка, дѣло это должно быть разслѣдовано до конца.

— Но я такъ увѣрена, что онъ невиненъ. Вы знаете, что значить инстинктъ женщины. Я чувствую, что онъ не сдѣлалъ ничего дурного, и что вы будете раскаиваться, что поступили такъ жестоко?

— Зачѣмъ же онъ молчитъ, если онъ невиненъ?

— Кто знаетъ? Можетъ-быть, онъ возмущенъ тѣмъ, что вы заподозрили его.

— Какъ могъ я не заподозрить его, когда я самъ видѣлъ его съ короною въ рукахъ?

— Да вѣдь онъ вынулъ ее, только чтобы посмотреть на нее. О, повѣрьте мнѣ, повѣрьте моимъ словамъ, что онъ невиненъ. Прекратите это дѣло и не упоминайте болѣе о немъ. Такъ ужасно сознавать, что нашъ дорогой Артуръ заключенъ въ тюрьму!

— Я не позволю замять это дѣло, пока камни не найдутся,—нѣтъ, нѣтъ, Мэри! Твое расположеніе къ Артуру до такой степени ослабляетъ тебя, что ты забываешь ужасныя послѣд-

ствія, какія это дѣло можетъ имѣть для меня. Я далеко отъ мысли о прекращеніи этого дѣла и привезъ изъ Лондона одного господина, чтобы разслѣдовать его основательно.

— Этого господина?—спросила она, повернувшись лицомъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, его друга. Онъ пожелалъ, чтобы мы оставили его одного. Онъ теперь осматриваетъ шоссе у конюшенъ.

— Шоссе у конюшенъ?—Она приподняла свои темныя брови.—Что можетъ онъ найти тамъ? А, это вѣроятно онъ,—указала она на гошедшаго Холмса.—Я увѣрена, сударь, что вамъ удастся доказать, что мой двоюродный братъ Артуръ невиненъ въ этомъ преступленіи; я чувствую, что это такъ.

— Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе и надѣюсь съ вами, что намъ удастся доказать это,—возразилъ Холмсъ, возвращаясь къ коврику, чтобы стряхнуть снѣгъ съ сапогъ.—Мнѣ кажется, и имѣю честь говорить съ миссъ Мэри Холдеръ. Могу ли я вамъ задать одинъ или два вопроса?

— Пожалуйста, сударь, если это только поможетъ выяснитъ намъ это ужасное дѣло.

— Вы сами ничего не слышали въ прошлую ночь?

— Ничего, до тѣхъ поръ, пока мой дядя не сталъ говорить громко. Я услышала его голосъ и спустилась внизъ.

— Вы закрыли окна и двери прошлую ночью. Закрыли ли вы всѣ окна на задвижки?

— Да.

— Были ли они всѣ закрыты сегодня утромъ?

— Да.

— Вы держите горничную, у которой есть женихъ? Мнѣ кажется, вы замѣтили вчера вашему дядѣ, что она выходила, чтобы поглядѣть съ нимъ?

— Да, и это та самая дѣвушка, которая прислуживала въ гостиниой и которая могла слышать, какъ дядя разсказывалъ про корону.

— Я понимаю. Вы заключаете, что она вышла и сообщила о ней своему жениху, и что они оба могли составить планъ кражи.

— Но что толку во всѣхъ этихъ пустыхъ предположеніяхъ!—вскричалъ нетерпѣливо банкиръ.—Вѣдь я сказалъ вамъ уже, что я видѣлъ Артура съ короною въ рукахъ!

— Повремените немного, м-ръ Холдеръ. Мы должны вернуться къ этому вопросу. И такъ объ этой дѣвушкѣ, миссъ Холдеръ. Вы, слѣдовательно, видѣли, какъ она вернулась черезъ кухонную дверь?

— Да, когда я отиравилась посмотреть, закрыта ли дверь на ночь, я видѣла, какъ она вбѣжала въ домъ; я различила въ сумеркахъ и мужчину.

— Знаете ли вы его?

— О, да, онъ зеленщикъ, который привозитъ намъ зелень. Его зовутъ Францисъ Просперъ.

— Онъ стоялъ,—сказалъ Холмсъ:—по лѣвую сторону двери, т.е. немного въ сторонѣ отъ тропинки, которая ведетъ къ двери?

— Да, онъ стоялъ тамъ.

— И онъ чловѣкъ съ деревянною ногой?

Что-то въ родѣ страха промелькнуло въ черныхъ, выразительныхъ глазахъ молодой дѣвушки.

— Да, въ совершенный чародѣй, — сказала она.— Какъ вы это знаете?

Она улыбнулась, по худое, мрачное лицо Холмса оставалось безучастнымъ.

— Я былъ бы очень радъ подняться теперь наверхъ,—сказалъ онъ.—Вѣроятно, я еще разъ пожелаю пройтись по двору. Можетъ-быть, лучше взглянуть прежде на нижнія окна.

Салонъ Елисейскихъ полей. „Въ сладостномъ ожиданіи.“ Съ карт. А. Гофлингера грав. Бохъ.

XXV передвижная выставка. „Кончина царя Теодора Алексъевича.“
 Съ картин (исключ. право воспроизв. принадлеж. „Шивъ“) К. В. Лебедева авторлпнн „Шивъ“.

Опъ быстро прошель вдоль оконъ, остановившись только у большого окна, выходившаго изъ передней на шоссе. Это окно опъ открылъ и осмотрѣлъ подоковникъ очень внимательно въ увеличительное стекло.

— Теперь мы отправимся паверхъ,—сказалъ опъ, наконецъ.

Уборная банкира представляла маленькую, просто мебелированную, комнату съ сѣрымъ ковромъ, большимъ письменнымъ столомъ и длиннымъ зеркаломъ. Холмсъ подошелъ сперва къ письменному столу и внимательно осмотрѣлъ замочекъ.

— Какимъ ключомъ открыли его?—спросилъ опъ.

— Тѣмъ, на который мой сынъ самъ указалъ,—ключомъ съ буфета съ чердака.

— Опъ у васъ здѣсь?

— Вотъ опъ на туалетѣ.

Шерлокъ Холмсъ взялъ ключъ и открылъ столъ.

— Замочекъ беззвучный,—сказалъ опъ.—Не мудроно, что опъ не разбудилъ васъ. Въ этомъ футлярѣ, полагаю, корона. Мы должны взглянуть на нее.

Опъ открылъ футляръ и, вынувъ діадему, положилъ ее на столъ. Она представляла великолѣпное ювелирное надѣлие, и и никогда не видѣлъ болѣе драгоценныхъ камней. Однѣ уголь короны съ тремя камнями были обломаны.

— Теперь, м-ръ Холдеръ,—сказалъ Холмсъ:—вотъ уголь, соответствующій тому, который потеряли. Могу я васъ попросить отломить его?

Банкиръ отступилъ въ ужасѣ.

— И не подумаю ломать,—отвѣтилъ опъ.

— Тогда попробую я.

Холмсъ сразу налегъ всѣми силами, но безъ всякаго успѣха. — Я чувствую, что опъ поддается немного,— произнесъ опъ:—но хотя у меня необычайная сила въ пальцахъ, мнѣ пришлось бы приложить всѣ старанія, чтобы отломить этотъ уголь. Обыкновенный человекъ не могъ бы сдѣлать этого. Теперь, какъ вы полагаете, м-ръ Холдеръ, что произошло бы, если я отломилъ бы его? Раздался бы звукъ, подобный пистолетному выстрѣлу. Утверждаете ли вы, что все это произошло на разстояннн нѣсколькихъ шаговъ отъ вашей постели и что вы ничего не слышали?

— Я не знаю, что подумать. Вся эта исторія темна для меня!

— Но, можетъ-быть, она сдѣлается яснѣе, по мѣрѣ того, какъ мы станемъ подвигаться впередъ. На вашемъ снѣгѣ, продолжалъ опъ допрашивать:—не было ни сапогъ, ни туфель, когда вы его видѣли?

— На немъ не было ничего, кромѣ брюкъ и рубашки.

— Благодарю васъ. Безъ сомнѣнн, обстоятельства намъ благопрнятствуютъ, и мы будемъ кругомъ вышваты, если намъ не удастся разъяснить это дѣло. Съ вашего позволенн, м-ръ Холдеръ, и теперь продолжу осмотръ дома снаружи.

Опъ отправился одинъ, объяснивъ, что всякіе ненужные слѣды ногъ могутъ осложнить его задачу. Около часу или болѣе опъ отсутствовалъ и вернулся, наконецъ, съ сапогами въ снѣгу и лицомъ еще болѣе непроницаемымъ.

— Мнѣ кажется, я видѣлъ теперь все, что можно было видѣть, м-ръ Холдеръ,—сказалъ опъ:—и могу быть вамъ полезенъ болѣе всего, если возвратюсь домой.

— Но камни, м-ръ Холмсъ? Гдѣ они?

— Не сумѣю вамъ сказать.

Банкиръ ломалъ руки.

— Я никогда ихъ не увижу болѣе!—кричалъ опъ.—А сынъ мой? Подаете ли вы мнѣ надежду?

— Мое мнѣнне ни въ чемъ не измѣнилось.

— Въ такомъ случаѣ, ради Бога, что за темная исторія разыгралась въ моемъ домѣ прошлой ночью?

— Если вы можете зайти ко мнѣ въ „Бѣкеръ-стритъ“ завтра утромъ между девятью и десятью, и буду счастливъ разъяснить, насколько возможно, это дѣло. Я предполагаю, что вы мнѣ предоставляете полную свободу дѣйствнй, если и только добуду камни, и что вы не ограничиваете суммы, которая можетъ мнѣ понадобиться.

— Я далъ бы все свое состоянне, чтобы получить ихъ обратно.

— Огласно. Я займусь этимъ дѣломъ безъ огласки. До свиданн, очень возможно, что мнѣ придется вторично заѣхать сюда до наступленн вечера.

Для меня было очевидно, что мой другъ прннялъ уже рѣшенне, хотя и не могъ догадаться, какое именно. Нѣсколько разъ на обратномъ пути я старался вондировать его по этому пункту, но опъ сводилъ разговоръ на другнє преднеты, пока, наконецъ, отчаявшись, и не потерялъ всякую надежду разузпать что-либо. Еще не было трехъ часовъ, когда мы прнѣхали домой. Опъ поснѣшилъ въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ сонелъ опять внизъ въ костюмѣ простого поденщика. Съ поднятымъ воротникомъ, въ своемъ лоснящемся, поношенномъ платьѣ, въ красномъ галстукѣ и стоптаныхъ сапогахъ—опъ представлялъ совершенный образецъ человека этого класса.

— Мнѣ кажется, что костюмъ мой хорошъ,—сказалъ опъ, бросая бѣглый взглядъ въ зеркало надъ каминомъ.—Одного я желаю, Уатсонъ, чтобы вы отправились со мною, но опасуюсь, что это неудобно. Я могу папасть на вѣрный слѣдъ, могу и

ошибиться, но во всякомъ случаѣ я скоро буду знать, ошибаюсь я или нѣтъ въ своихъ предположенняхъ. Я надѣюсь возвратиться черезъ нѣсколько часовъ.

Опъ отрѣзалъ кусокъ мяса, стоявшаго на буфетѣ, захватилъ два ломтика хлѣба и, засунувъ этотъ завтракъ въ карманъ, двннулся въ путь.

Я только что окончилъ чай, когда опъ возвратился, очевидно, въ прекрасномъ расположенн духа, размахивалъ старымъ сапогомъ, съ резиновыми вставками по бокамъ. Опъ швырнулъ его въ уголь и налилъ себѣ чашку чаю.

— Я только забѣжалъ мимоходомъ,—сказалъ опъ.—Я сейчасъ же отправляюсь дальше.

— Куда?

— О, па ту сторону Вестъ-Энда! Можетъ пройти не мало времени прежде, чѣмъ я вернусь. Не ждите меня, въ случаѣ, если я возвращусь поздно.

— Какъ подвигаются ваши дѣла?

— Такъ себѣ. Не могу жаловаться, однако. Я былъ опять въ Стретгемѣ послѣ того, какъ простился съ вами, но въ домъ не заходилъ. Эта маленькая исторія очень мила, и я ни за что не откажусь отъ нея. Однако, чего я мѣшкаю: надо преобразиться въ высокопоставленную особу.

Я могъ заключить по его жестамъ, что опъ доволенъ. Его глаза блестяли, и на его блѣдыхъ щекахъ проступилъ румянецъ. Опъ торопливо пошелъ паверхъ, и нѣсколько минутъ спустя я услышалъ, какъ захлопнулась дверь въ переднѣй. Значнть, опъ вновь отправился на свою геннальную охоту.

Я ждалъ до полуночи и, не дождавннсь его, отправился спать. Я не знаю, въ которомъ часу опъ возвратился, по утромъ, когда я сошелъ къ завтраку, опъ уже сидѣлъ съ чашкою кофе въ одной рукѣ и газетою въ другой, свѣжнй и расфранченный.

— Вы извините меня, Уатсонъ, что я началъ безъ васъ,— произнесъ опъ:—но вы вспомните, что нашему клиенту назначено довольно раннее свиданне.

— Боже, да уже десятый часъ,—отвѣтилъ я.—Я не удивлюсь, если это опъ. Мнѣ показалось, что я слышалъ звонокъ. Дѣйствительно, это былъ нашъ другъ-фипансеистъ. Я былъ пораженъ переимѣною, которая произошла въ немъ, такъ какъ его лицо осунулось и въ волосахъ какъ будто прибавилось сѣдннхъ. Опъ вонелъ озабоченный, урюмый и грузно бросился въ кресло, которое и ему подоувнулъ.

— За что меня судьба такъ жестоко наказываетъ!—сказалъ опъ.—Всего два дня тому назадъ я былъ преуспѣвающимъ и счастливый человекъ. Теперь же меня ожидаютъ одиночество и поворъ. Одно горе неотступно слѣдуетъ за другимъ. Мои племянница Мэри покинула меня?

— Покинула васъ?

— Да. Ея кровать сегодня утромъ была найдена нетронутой, ея комната была пуста, и только записка лежала на столѣ въ передней. Я сказалъ ей вчера вечеромъ, убитый горемъ, что мой мальчикъ былъ бы исправенъ во всѣхъ отношенняхъ, если бы она вышла за него замужъ. Можетъ-быть это было необдуманно съ моей стороны. По поводу этого замѣчанн она пишетъ слѣдующее въ своей запискѣ: „Дорогой мой дядя, — я чувствую, что я виновница вашего горя, и что, если бы я поступила иначе, это ужасное несчастье, можетъ-быть, никогда бы не случилось. Я не могу съ этою мыслью быть когда-либо опять счастливой подъ вашимъ кровомъ и сознаю, что должна оставить васъ навсегда. Не беспокойтесь о моей будущности, — о ней позаботились; и, прежде всего, не пишите мени, потому что поиски будутъ бесполезны и окажутъ мнѣ плохую услугу. Остаюсь навсегда васъ любящей Мэри“. На что она намекаетъ этой запиской, м-ръ Холмсъ? Думаете ли вы, что это самоубнйство?

— Нѣтъ, нѣтъ. Можетъ-быть такое рѣшенне вопроса лучше всего. Мнѣ кажется, м-ръ Холдеръ, вы приближаетесь къ концу вашихъ неурнностей.

— Ага! Вы думаете! Вы слышали что-нибудь, м-ръ Холмсъ? Вы узнали что-нибудь? Гдѣ камни?

— Вы не полагаете, что тысяча фунтовъ за каждый—сумма чрезмѣрная?

— Я далъ бы десять тысячъ.

— Это бесполезно. Три тысячи фунтовъ покроютъ расходы; кромѣ того, вы назначили еще маленькое вознагражденне, мнѣ кажется. Ваша чековая книга съ вами? Вотъ перо. Лучше напишите чекъ на четыре тысячи.

Съ проблемскомъ радостн на лицѣ банкиръ написалъ требуемый чекъ. Холмсъ подошелъ къ своему столу, вынулъ оттуда маленькнй треугольный кусокъ золота съ тремя камнями и бросилъ его на столъ.

Съ крикомъ радости банкиръ схватилъ его.

— Вы нашли ихъ!—вскричалъ опъ.—Я спасенъ! Я спасенъ!

Проявленне радости его было столь же порывисто, какъ была его печаль, и опъ прнжималъ добытые камни къ груди.

— У васъ есть еще долгъ, м-ръ Холдеръ,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ сумрачно.

— Долгъ!—опъ схватилъ перо.— Назовите сумму, и я заплачу ее.

— Нѣтъ, вы меня не поняли. Вы должны смиренно извиниться передъ вашимъ сыномъ, этимъ благороднымъ ма-

дымъ, который велъ себя въ этомъ дѣлѣ такъ, что я гордился бы имъ на вашемъ мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ не Артуръ взялъ ихъ?

— Я вамъ сказалъ вчера и повторю сегодня, что не онъ.

— Вы увѣрены въ этомъ! Тогда поспѣшимъ къ нему сейчасъ же и сообщимъ ему, что правда выяснилась.

— Онъ знаетъ ее уже. Я имѣлъ съ нимъ свиданіе и, види, что онъ не сообщитъ мнѣ тайны, рассказалъ ему все, и онъ долженъ былъ совнаться, что я правъ, но въ некоторыхъ подробностяхъ для меня не ясны. Ваша сегодняшняя новость, однако, можетъ открыть ему уста.

— Ради самого Неба скажите мнѣ, что же это за необыкновенная тайна!

— Я сдѣлаю это и укажу вамъ, какъ я узналъ истину. Однако позвольте мнѣ сообщить вамъ то, что мнѣ болѣе всего тяжело произнести, а вамъ услышать: между сэромъ Джорджемъ Бёрнуеллемъ и вашею племянницею Мэри было соглашеніе. Они теперь обратились въ бѣгство вмѣстѣ.

— Моя Мэри? Невозможно!

— Это, къ несчастію, болѣе чѣмъ возможно, это сбылось. Никто изъ васъ: ни вы, ни вашъ сынъ не знали этого человека, когда вы допустили его въ вашъ семейный кругъ. Онъ одинъ изъ самыхъ спасенныхъ людей Англии — промотавшійся шулеръ, самый отчаянный негодяй, человекъ безъ сердца и совѣсти. Ваша племянница ничего не знаетъ о такихъ людяхъ. Когда онъ обольстилъ ее своими клятвами, подобно тому, какъ онъ уже сдѣлалъ это съ сестрою женщиной до нея, она была увѣрена, что она одна — избранница его сердца. Только дьяволъ знаетъ, что онъ наговорилъ ей, но въ концѣ концовъ она сдѣлалась его орудіемъ и видѣлась съ нимъ почти каждый вечеръ.

— Я не могу и я ни за что не повѣрю этому! — вскричала банкиръ съ поблѣвшимъ лицомъ.

— Затѣмъ я вамъ скажу, что произошло въ вашемъ домѣ прошлой ночью. Ваша племянница, когда вы, какъ она думала, ушли въ свою комнату, сбѣжала внизъ и говорила со своимъ возлюбленнымъ черезъ окно, выходящее на шоссе. Онъ продавилъ свѣтъ, такъ долго онъ тамъ стоялъ. Она рассказала ему о коронѣ. Его преступная страсть къ золоту разширилась при этомъ сообщеніи, и онъ склонилъ ее на свою сторону. Я не сомнѣваюсь, что она любила васъ, но существуютъ женщины, у которыхъ любовь заглушаетъ всякое другое чувство, и я полагаю, что къ такимъ женщинамъ принадлежитъ и она. Она едва успѣла выслушать его наставленія, какъ увидѣла васъ сходящимъ внизъ, послѣ чего она поспѣшно закрыла окно и объявила вамъ о проказѣхъ одной изъ служанокъ съ женихомъ. Вашъ Артуръ пошелъ спать послѣ разговора съ вами, но спалъ плохо вслѣдствіе безконечности о своихъ клубныхъ долгахъ. Посреди ночи онъ слышалъ шаги; онъ всталъ, и, выходя изъ комнаты, увидя свою двоюродную сестру, которая шла крадучись по коридору и исчисляла въ вашей уборной. Окаменѣвъ отъ удивленія, юноша набросилъ на себя первую попавшуюся одежду и ожидалъ въ темнотѣ, что будетъ дальше. Вотъ она появилась опять изъ комнаты и при свѣтѣ лампы въ коридорѣ вашъ сынъ различилъ, что она несла въ рукахъ драгоценную корону. Она спустилась по лѣстницѣ, а онъ, дрожа отъ ужаса, побѣжалъ за ней и спрятался за портъерами, откуда онъ могъ видѣть все, что происходило внизу въ передней. Тутъ онъ увидѣлъ, какъ она украдкой открыла окно, передала корону кому-то въ темнотѣ и затѣмъ, закрывъ его снова, поспѣшно вбѣжала въ свою комнату. Пока она находилась на мѣстѣ преступленія, онъ не могъ дѣйствовать, не разоблачивъ женщины, которую любилъ. Но не успѣла она исчезнуть, какъ онъ сообразилъ, какъ имъ подавляющимъ несчастіемъ этотъ поступокъ былъ бы для васъ и какъ важно исправить его. Онъ бросился внизъ, какъ былъ, босой, открылъ окно, выскочилъ въ свѣтъ и побѣжалъ по шоссе, на которомъ онъ могъ различить при лунномъ свѣтѣ темную фигуру. Сэръ Джорджъ Бёрнуелль пытался спастись бѣгствомъ, но Артуръ настигъ его, и между ними завязалась борьба, во время которой вашъ сынъ ухватился за одинъ конецъ короны, а его противникъ за другой. Въ схваткѣ вашъ сынъ, ударивъ сэра Джорджа, нанесъ ему рану надъ глазомъ. Затѣмъ что-то внезапно треснуло, и вашъ сынъ, почувствовавъ корону въ рукахъ, пустился бѣжать обратно, закрылъ окно, поднялся въ вашу комнату и здѣсь только замѣтилъ, что корона была согнута во время борьбы, и старался выпрямить ее, когда вы появились въ уборной.

— Возможно ли это? — прохрипѣлъ банкиръ.

— Потомъ вы вызвали его гнѣвъ, понося его въ ту минуту, когда онъ сознавалъ, что заслуживаетъ отъ васъ самой теплой благодарности. Онъ не могъ объяснить настоящаго положенія вещей безъ разоблаченія той, которая, конечно, не заслуживала снисхожденія съ его стороны. Однако онъ избралъ болѣе рыцарскій поступокъ и сохранилъ тайну.

— И вотъ почему она вскрикнула и упала въ обморокъ, когда увидѣла корону, — вскричалъ м-ръ Холдеръ. — О, Боже, какъ я былъ слѣпъ. А его просьба, позволить ему выйти на

пять минутъ. Дорогой мальчикъ хотѣлъ посмотреть, не находится ли недостающій кусокъ на мѣстѣ борьбы. Какъ они бочиво и судилъ о немъ.

— Когда я прибылъ къ дому, — продолжалъ Холмсъ: — я сейчасъ же обомшелъ его очень осторожно, чтобы посмотреть, не осталось ли какихъ слѣдовъ въ свѣту. Я зналъ, что съ предвѣдущаго вечера свѣта не выдало и что послѣ этого наступилъ сильный морозъ, который сохранилъ слѣды. Я прошелъ по аллеѣ торговцевъ, но нашелъ ее всю взбитою ногами, но тотчасъ же за нею, вдали отъ кухонной двери, женщина стояла и разговаривала съ человекомъ, круглый слѣдъ котораго показывалъ, что онъ имѣлъ деревянную ногу. Я даже могъ сказать, что ихъ потревожили, потому что женщина быстро побѣжала обратно къ двери, какъ показывалъ глубокой слѣдъ носка и легкой — каблука, между тѣмъ какъ деревянная нога подождала немного, а затѣмъ ушла. Я подумалъ, что это могли быть служанка и ея женихъ, о которомъ вы уже говорили мнѣ, и мои расспросы показали, что это дѣйствительно было такъ. Я обомшелъ вокругъ сада, не видя ничего болѣе, кромѣ случайныхъ слѣдовъ, которые и принялъ за слѣды полиціи; но, когда я вышелъ на шоссе, очень длинная и сложная исторія была начертана на свѣту предо мною. Тамъ была двойная линия слѣдовъ человека въ сапогахъ и вторая двойная линия, которая, какъ и съ радостью увидѣлъ, принадлежала человеку съ босыми ногами. Я сразу убѣдился изъ того, что вы мнѣ говорили, что послѣдній былъ вашъ сынъ. Первый прошелъ оба конца, но второй быстро бѣжалъ и, такъ какъ его слѣдъ былъ въ некоторыхъ мѣстахъ поверхъ отпечатка сапога, мнѣ стало ясно, что онъ пробѣжалъ послѣ него. Я послѣдовалъ за ними и увидѣлъ, что они ведутъ къ окну въ передней, гдѣ „сапоги“ протоптали весь свѣтъ во время ожиданія. Тогда я отправился къ другому концу, находящемуся на шоссе на разстояніи ста шаговъ или болѣе отъ окна. Я увидѣлъ то мѣсто, гдѣ „сапоги“ повернулись, гдѣ свѣтъ былъ помятъ, какъ будто тамъ происходила борьба, и наконецъ, гдѣ упало нѣсколько капель крови, что показывало, что я не ошибся. „Сапоги“ затѣмъ побѣжали по шоссе, и другая маленькая капля крови показала мнѣ, что это онъ былъ раненъ. Войдя затѣмъ въ домъ, я осмотрѣлъ, какъ вы помните, подоконникъ и оконную раму въ передней съ помощью моего увеличительнаго стекла и сразу могъ различить, что кто-то выскокитъ въ окно. Я могъ разобрать контуры слѣда въ томъ мѣстѣ, гдѣ кто-то входилъ въ домъ. Тогда мнѣ показалось возможнымъ составить себѣ нѣкое о томъ, что произошло. Какой-то человекъ ждалъ по ту сторону окна, кто-то принесъ ему корону; это дѣйствіе было усмотрѣно вашимъ сыномъ, который преслѣдовалъ вора, боролся съ нимъ, оба они рвали корону, причѣмъ ихъ соединенныя силы причинили ту порчу, которая никогда не могла быть произведена однимъ изъ нихъ. Онъ вернулся съ трофеемъ, но оставилъ кусокъ короны въ рукахъ своего противника. До сихъ поръ все было ясно. Вопросъ теперь заключался въ томъ, кто былъ этотъ человекъ, и кто могъ принести ему корону? Я зналъ, что вы не могли передать вору корону, поэтому оставались ваша племянница и служанки. Но, если это были бы служанки, почему вашъ сынъ позволялъ обвинить себя вмѣсто нихъ? Для этого не могло быть никакой причины. Но, съ другой стороны, такъ какъ онъ любилъ свою двоюродную сестру, то я могъ прекрасно объяснить себѣ, почему онъ желалъ сохранить ея тайну, тѣмъ болѣе, что тайна эта была отвратительна. Когда я вспомнилъ, что вы видѣли ее у окна, и что она упала въ обморокъ при видѣ короны, мое предположеніе перешло въ увѣренность. Кто же могъ быть ея сообщникомъ? Очевидно, возлюбленный, потому что кто же, какъ не избранникъ сердца, могъ вытѣснить ту любовь и то чувство благодарности, которыя она должна была питать къ вамъ? Я зналъ, что вы мало выходите и что кругъ вашихъ друзей крайне ограниченъ. Но между ними считался сэръ Джорджъ Бёрнуелль. Уже раньше я былъ о немъ слышалъ, какъ о человекѣ дурной репутации среди женщинъ. Только ему могли принадлежать эти слѣды сапоговъ, и слѣдовательно у него находились недостающіе камни. Хотя онъ и зналъ, что Артуръ уличилъ его, — онъ все-таки могъ надѣяться, что находится въ безопасности, потому что юноша не могъ промолвить ни слова, не компрометируя своей семьи. Ну, вашъ здравый смыслъ подскажетъ вамъ, какія мѣры я предпринялъ потомъ. Я отправился въ образѣ подешника къ дому сэра Джорджа, улучилъ случай познакомиться съ его слугою, узналъ, что его господинъ поранилъ себя голую прошлой ночью, и наконецъ за шесть шиллинговъ обратилъ все въ увѣренность, купивъ у него пару старыхъ сапоговъ его господина. Съ ними я отправился въ Стретгемъ и увидѣлъ, что они какъ разъ подходятъ къ слѣдамъ.

— Я видѣлъ вчера вечеромъ плохо одѣтаго бродягу на шоссе, — замѣтилъ м-ръ Холдеръ.

— Совершенно вѣрно. Это былъ я. Я видѣлъ, что попалъ на вѣрный слѣдъ, поэтому возвратился домой и переодѣлся. Я зналъ, что во избѣжаніе скандала нужно обойтись безъ предсказанія и что такой отчаянный негодяй угадаетъ, что мы связали по рукамъ въ этомъ дѣлѣ. Но я отправился къ нему и видѣлъ его. Вначалѣ, конечно, онъ отрицалъ все. Но

когда я ему сообщилъ всѣ подробности того, что случилось, онъ попытался сопротивляться и сшилъ со стѣны револьверъ. Но я приставилъ пистолетъ къ его головъ прежде, чѣмъ онъ могъ выстрѣлить. Тогда онъ сдѣлалъ немного благодарнаго. Я объявилъ ему, что мы дадимъ ему тысячу фунтовъ за каждый камень, который онъ имѣетъ. Тутъ только онъ обнаружилъ первые признаки печали. „О, чортъ возьми! — сказалъ онъ, — я спустилъ ихъ за шестьсотъ фунтовъ всѣ три“. Тутъ я ему обѣщала, что никакого преслѣдованія не будетъ, и мнѣ легко удалось узнать адресъ покупателя. Я послѣдилъ къ нему и послѣ долгихъ переговоровъ получили наши камни за тысячу фунтовъ каждый. Затѣмъ я заѣхалъ къ вашему сыну, сообщилъ ему, что все въ порядкѣ, и наконецъ добрался до кровати около двухъ часовъ ночи послѣ дня, который и могу назвать тяжелымъ.

Выставка художественныхъ предметовъ въ домѣ графа Строганова, въ Петербургѣ.

(Съ 6 рисунками.)

Выставка въ домѣ графа Строганова представляла собою рѣдкое собраніе старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ. Устроена она была въ пользу учреждений, состоящихъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества великой княгини Маріи Павловны. Коллекционеры и наиболѣе богатые аристократическіе дома Петербурга дали все, что было въ ихъ галереяхъ лучшаго и наиболѣе выдающагося. Громадной цѣнности gobelens, золотая посуда, старинная мебель, образа, картины, статуи и эмали различныхъ эпохъ, — все это сливалось въ роскошную картину и наполнило обширное помѣщеніе одного изъ наиболѣе старинныхъ барскихъ домовъ Петербурга. Трудно перечислить все, что было выставлено; но мы остановимся на наиболѣе выдающихся вещахъ.

На ряду со старинными предметами, въ особой комнатѣ помѣщались и новѣйшія произведенія искусства — драгоцѣнные подарки, въ разное время поднесенныя Ихъ Императорскимъ Величеству. Такъ, наприимѣръ, особенно интересно серебряное изображеніе вселенной, въ видѣ шара, поддерживаемаго волной, работы М. М. Антокольскаго. Это — подношеніе Ихъ Величества, сдѣланное религиозными еврейскими обществами С.-Петербурга, Москвы, Кіева, Варшавы, Риги и Одессы, ко двю Священнаго Коропованія Ихъ Величества. Общій видъ группы читатель найдетъ на прилагаемомъ рисункѣ (на стр. 457). Въ этой же комнатѣ были выставлены подарки китайскаго императора: нѣсколько вазъ, два подвѣсника въ видѣ ангеловъ и т. д., привезенныхъ послѣмъ Ли-Хунгъ-Чагома, затѣмъ девять золотыхъ блюдовъ, поднесенныхъ различными земствами, городами и дворянами нѣкоторыхъ губерній, а также подношенія отъ бурятъ въ видѣ изображеній бурятскихъ божествъ и проч. Здѣсь же находилась прекрасная фарфоровая ваза „Севръ“, присланная Ихъ Императорскимъ Величествомъ изъ Франціи.

Въ слѣдующихъ двухъ залахъ выставлено было болѣе ста двадцати картинъ старыхъ мастеровъ итальянской, испанской, голландской, французской, нѣмецкой и русской школы. Здѣсь были портреты и картины Рембрандта, Веласкеза, Мурильо, Тьеполо, Ватто, Деларюа, Грѣза, Рубенса, Гольбейна, Дюрера, Боровиковскаго и Ламна. Особенно много головокъ работы Грѣза (Жанъ-Батистъ 1725—1805 гг.), всего 18 номеровъ, изъ которыхъ тринадцать точно такъ же, какъ и четыре портрета Рембрандта (Ванъ-Рейнъ 1606—1669), принадлежатъ княгинѣ З. П. Юсуповой. Въ залѣ четвертой, въ особой витринѣ, выставлена была коллекція всевозможныхъ золотыхъ браслетовъ, ожерелій, бляшекъ, терракотовыхъ статуэтокъ, вазъ, флакончиковъ изъ стекла и прочихъ предметовъ, относившихся къ IV и III вѣкамъ до Р. X. и купленныхъ графомъ Д. И. Толстымъ въ Керчи. Здѣсь же помѣщается великолѣпная коллекція стариннаго хрусталя Е. И. В. великаго князя Павла Александровича. Въ витринѣ посреди зала съ одной стороны выставлены предметы, поднесенные Ихъ Величеству, а съ другой — чудный золотой туалетный приборъ Е. И. В. великой княгини Маріи Павловны, замѣчательно тонкой художественной работы. Въ особой витринѣ выставлено чрезвычайно интересное собраніе всевозможныхъ золотыхъ и серебряныхъ братицъ, чаръ и чарокъ, которыми такъ богаты были наши дѣды, особенно въ XVII вѣкѣ. Эта коллекція принадлежитъ кн. В. П. Орлову. Еще болѣе интересно собраніе (около 50 штукъ) золотыхъ и серебряныхъ ковшей, братицъ, чарокъ Е. И. В. великаго князя Алексѣя Александровича, среди которыхъ есть такіе, какъ, наприимѣръ, ковши, пожалованный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ полковнику Ангбю Шенелеву за участіе въ войнѣ съ гетманами Сапѣгою и съ Чернецкимъ. Большинство братицъ, чаръ и ковшей именны и украшены очень затѣливыми надписями. Преобладаютъ ковши временъ Петра Великаго, но есть и временъ Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой и др.

Среди богатой коллекціи всевозможныхъ эмалей русскихъ и иностранныхъ работъ особенно выдѣляются по своей необычайной цѣнности двѣ византійскія перегородчатыя эмали на

— День, который спасъ Англію отъ большого публичнаго скандала, — сказалъ банкиръ, вставая. — Сэръ, я не нахожу словъ для выраженія вамъ моей благодарности, но вамъ не придется назвать меня непризнательнымъ за то, что вы сдѣлали. Ваше искусство дѣйствительно превзошло всѣ мои ожиданія. А теперь я долженъ послѣднить къ своему дорогому сыну, чтобы извиниться передъ нимъ за свою несправедливость. Что же касается вашего сообщенія о моей бѣдной Маріи, то оно поражаетъ меня до глубины души. И такъ вы не можете сообщить мнѣ, гдѣ она находится теперь?

— Я полагаю, что мы можемъ съ увѣренностью сказать, — возразилъ Холмст. — что она находится тамъ, гдѣ находится сэръ Джорджъ Лёриселль, и что она скоро понесетъ заслуженное наказаніе.

золотѣ, работы X—XII вѣка, принадлежащія И. П. Балашеву. Какъ говорить, каждый изъ нихъ оцѣнивается въ 15,000 руб. Здѣсь же были образчики всѣхъ четырехъ сортовъ эмалей: восточныхъ или византійскихъ (эмали съ перегородками), эмали лимонной, затѣмъ эмали свѣзныя или прозрачныя и, наконецъ, четвертый видъ — эмали расписанныя (émaux peints). Послѣднія отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что для нихъ изготовленія металлическую поверхность предварительно покрываютъ безцвѣтными эмальнымъ составомъ, поверхность котораго уже пишутъ красками и золотомъ. Такимъ способомъ изготовляются преимущественно предметы для домашняго употребленія, какъ-то: солонки, блюда, кубки.

Севрскій и саксонскій фарфоръ всегда былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ предметовъ роскоши, и не мало чудныхъ образцовъ того и другого находилось на строгановской выставкѣ, хотя фарфоръ нѣмецкаго производства здѣсь преобладалъ. Изъ севрскаго фарфора хороша коллекція блюдовъ и тарелокъ графа А. Д. Шереметева, а изъ саксонскаго — удивительно красивый сервизъ, подаренный кн. Рѣвнину городомъ Дрезденомъ.

Въ отдѣлѣ старинной иконной живописи первое мѣсто занимаетъ коллекція большого знатока старинныхъ рукописей и старыхъ иконъ профессора археологій Н. П. Лихачева, у котораго есть экземпляры, писанные еще въ XIV и XV столѣтіяхъ. Украшеніемъ этого собранія служитъ деревянный рѣзной восьмугульный крестъ съ бирюзой, сдѣланный изъ дерева гробовъ ярославскихъ чудотворцевъ. Крестъ этотъ, помѣщенный 1610 г., произведеніе рукъ одного изъ Строгановыхъ.

Едва ли не больше всего на этой выставкѣ — старинной мебели. Съ давнихъ поръ на украшеніе мебели стали обращать особое вниманіе. Въ XVII и XVIII вв. искусство ея достигло верха совершенства. Среди мебельныхъ мастеровъ оказались такіе художники, которые сумѣли выработать особый стиль, скомбинировать нѣсколько совершенно разныхъ матеріаловъ и всему этому придать форму вполне художественнаго произведенія. Мебельные мастера пустили въ ходъ различное цвѣтное и дорогое дерево, въ родѣ краснаго, чернаго, палисандраваго и розоваго, прибавили къ этому удивительно изящно исполненные изъ бронзы орнаменты, и такимъ образомъ получились столы, шкапы, комоды и кресла, которые цѣнились въ десятки тысячъ франковъ и переходили изъ рода въ родъ, какъ фамильное серебро. Такова, наприимѣръ, вся мебель работы извѣстнаго Були съ наслѣдниками, бывшаго придворнымъ мастеромъ при Людовикѣ XV. Еще при жизни Були, благодаря огромному спросу на его мебель, его произведенія цѣнились страшно дорого, а теперь они достигли просто невѣроятной и баснословной цѣны. Такъ, наприимѣръ, знатоки по этой части говорятъ, что лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, кажется, въ Лондонѣ, были проданы два шкапа его работы болѣе чѣмъ за 300,000 франковъ. Имя Були настолько популярно среди собирателей старины, что предметы его производства просто называются „Буль“. Такихъ шкаповъ „буль“ на выставкѣ нѣсколько, и три принадлежатъ гр. А. Д. Шереметеву, одинъ изъ нихъ воспроизведенъ на рисункѣ (стр. 461). Кромѣ этихъ „булей“ есть еще одинъ шкапъ — собственность гр. Строганова, затѣмъ столяръ, сдѣланный очевидно по образцу Були, итальянской работы начала XVIII вѣка, собственность С. П. фонъ-Дервиза, и стулочки на подставкѣ работы Кафери, собственность кн. К. Ф. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Красива кунетка Louis XV, собственность П. П. Дурново, и шкапъ, столяръ со скамейкой и клавишны изъ краснаго дерева, украшенные бронзой стили Empire, принадлежащія С. П. фонъ-Дервизу (стр. 460). Стиль Empire, болѣе поздній и относившійся даже къ началу нашего столѣтія, у насъ, въ Россіи, встрѣчается чаще, хотя и подѣлокъ очень много. Это одинъ изъ самыхъ строгихъ стилей, отличающійся чистотой, прямыми линиями и небольшимъ количествомъ украшеній изъ свѣтлой бронзы, всегда строгаго и чисто исполненнаго орнамента и гирляндъ. Всевозможные часы, бра и канделябры изъ бронзы въ стилѣ Людовика XV

и Empire наполнили всё места на каминях и особых мраморных столиках.

Большой настольный прибор, бронзовый, позолоченный, в стилъ Empire, работы „Thomire à Paris“, — собственность е. в. принцессы Елены Георгиевны Альтенбургской, — воспроизведенный на одном из наших снимков (стр. 461), представляет очень красивое украшение для параднаго стола. Значительный исторический интерес представляют отдѣланная золотомъ парадная шпала Наполеона I, золотая каска Мюрата, нессеръ принца Жерома, брата Наполеона I, и два пистолета Фридриха Великаго изъ коллекціи князя П. Д. Львова. Кромѣ этого, въ собраніи князя П. Д. Львова есть еще кираса императора Павла I, столовый приборъ императрицы Елисаветы Александровны, двѣ игрушечныя пушки императора Павла I и

Столѣтіе вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Императрица Марія Теодоровна (1759—1828 г.). II гравюръ съ современнаго портрета автотипія „Нивы“.

пр. Всё эти предметы, за исключеніемъ сабли Стефана Баторія, бесспорно вещи историческія, и ихъ подлинность не подлежитъ сомнѣнію. Насколько цѣнны нѣкоторые изъ этихъ предметовъ, видно изъ того, что еще недавно къ владельцу ихъ изъ Франціи пріѣзжали агенты, съ цѣлью купить шпагу Наполеона I.

Въ этотъ же заглѣ, на стѣнѣ, висѣлъ большой, во всю стѣну, и великолѣпный гобелень, принадлежавшій г. С. П. фонъ-Дервизу. Это—огромная картина, изображающая сраженіе Александра Македонскаго съ Даріемъ. Говорятъ, что стоимость этого ковра—около ста тысячъ. Гобелены вообще были дороги, а теперь, когда всё гобелены, производимые въ Парижѣ на знаменитой фабрикѣ, стали національною собственностью, ихъ цѣнность еще повысилась. Въ Россіи гобеленовъ довольно много, и большинство

Столѣтіе вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Зданіе Собственной Его Величества канцеляріи и Опекунскаго совѣта по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

наших дворцов имѣютъ чудные ихъ образы. Прекрасны также четыре gobelena, украшающіе одно изъ залъ Императорской Академіи Художествъ и изображающіе четыре момента изъ жизни Христа. На выставкѣ были еще два gobelena, принадлежащіе кн. З. Н. Юсуповой; они украшали главный входъ

и покрывали огромныя стѣны дѣтницы.

Кромѣ того, не малый интересъ придавала выставкѣ и открытая одновременно съ нею майоратная галлерей графовъ Строгановыхъ. Н. И.

Къ рисункамъ.

Болѣзненный и перво-разстроенный юный царь Теодоръ Алексѣевичъ угасалъ на престолѣ, среди ожесточенной борьбы партій, которая дѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Одна изъ нихъ тянула на сторону старшихъ членовъ семьи покойнаго царя Алексѣя, отъ перваго его брака съ Милославской; другая—стояла горой за вторую сунругу царя Алексѣя, Наталью Кирилловну, и за ея подрастающаго сына, Петра... 27 апрѣля 1682 г. царь Теодоръ скончался, черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ втораго брака, не оставивъ по себѣ наследниковъ. Этотъ день былъ однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ дней въ нашѣмъ XVII вѣкѣ. Надъ смертнымъ одромъ царя-юноши, скончавшагося на 21 году, завязывалась

молодую царицу, овдовѣвшую послѣ двухдѣсячлаго супружества и принадлежащую къ матери, пытающейся ее утѣшить, и еще нѣсколько женскихъ фигуръ, и патриарха съ клиромъ, вступающаго въ палату, чтобы „поскпннить“ царя, и нѣсколько бояръ, мелькающихъ въ яркомъ освѣщеніи солнечныхъ лучей, искося западающихъ въ узкія окна терема... Въ общемъ, картина дышитъ жизнью и ярко передаетъ тотъ историческій моментъ, которому она посвящена. Тщны замѣчательно вѣрны съ сохранившимися намъ современными портретами; костюмы и бытовые подробности переданы съ тѣмъ тонкимъ знаніемъ нашей старины, которое всегда отличало произведенія К. В. Лебедева. П. П.

Главноуправляющій Собственной Его Величества Канцеляріей по учрежденію Императрицы Маріи, генералъ-адъютантъ графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ. Съ фот. Денъера автотипія „Нивы“.

борьба не на живогъ, а на смерти; разыгрывались страсти, разгоралась неупримиримая ненависть, готовились страшныя ковы и кровавыя замыслы... Царевна Софья, привыкшая къ властвованію и участію въ дѣлахъ государственныхъ при жизни болѣзненнаго брата-царя, чувствовала, что власть ускользаетъ у нея изъ рукъ. Царица Наталья Кирилловна, страстно преданная будущему величію своего сына Петра, съ радостью видѣла, что, послѣ царя Теодора, только ея богатырь-младенецъ можетъ вступить на престолъ, мимо старшаго брата своего, царевича Юанна Алексѣевича, „краснаго и лязкомъ, и разумомъ“... И вотъ этотъ-то историческій моментъ, полный глубокаго трагизма, художникъ и избралъ себѣ богатую темою для своей прекрасной картины. Юный царь кончается—его часы, его минуты сочтены; схица, въ которую его должны облечь, въ торжественный и страшный часъ разлуки души съ тѣломъ, лежатъ уже приготовленная у его наголовы; по ту сторону постели, соборный дьякъ уже читаетъ отходную... А кругомъ смертнаго одра шумитъ и волнуется безпокойное житейское море! Въ ногахъ, у постели умирающаго, стоитъ ближайшая къ нему особа, его пособница и совѣтница, царица Софья Алексѣевна; тревожно, съ замираніемъ сердца, съ трепетомъ и безсиленнымъ отчаяніемъ смотритъ она въ лицо брата, какъ бы прислушиваясь къ каждому изъ его вздоховъ, къ каждому изъ послѣднихъ биеній его сердца... Далѣе, за нею, въ глубинѣ картины, около кровати, стоитъ царевичъ Юаннъ, другой братъ царевны Софьи,—слабая опора ея честолюбивыхъ замысловъ. Около него видимъ хитрую и зловѣщую фигуру боярина Милославскаго—главнаго затѣйщика и заводчика будущей стрѣльцкой смуты; онъ смотритъ съ улыбкой пренебреженія на царицу Наталью Кирилловну, которую, очевидно, не ждали и не звали къ постели умирающаго царя Теодора... Но она явилась и нежданная, и незванная, по праву родства, объ-руку съ сыномъ своимъ, царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Явилась, полная величія и сознанія своего царственнаго достоинства, полная сознанія исполненнаго ею долга, полная сознанія своего права и правоты своего дѣла, готовая встрѣтить гнѣвные и непривѣтныя взгляды царской родни и отвѣтить на нихъ такими же пламенными грозными взглядами. Въ ея осанкѣ, въ ея снѣлой поступи, во всей ея мощной фигурѣ, готовой на борьбу, вы видите, что она рѣшилась придти къ смертному одру царя, чтобы занять около него мѣсто, подбавляющее ея сану и правамъ ея сына. Царевичъ Петръ, живой и бодрый, чернокудрый и черноглазый мальчишка лѣтъ десяти, оторванный матерью отъ игръ и любимыхъ забавъ, даже не принаряженный ею въ новый кафтанъ, пришелъ съ царицей, внало не созная того, что всѣ кругомъ его переживаютъ великій историческій моментъ; въ головѣ его трещатъ дѣтскіе барабаны и слышатся веселые клики его сверстниковъ по играмъ, и онъ не то съ любопытствомъ, не то съ недоумѣніемъ умнаго, зорко-наблюдающаго ребенка, смотритъ на все то, что происходитъ на глазахъ его въ опочивальнѣ его умирающаго брата-царя... Эта группа матери съ сыномъ, занимающая центръ картины, прекрасна по замыслу и по исполненію. Все остальное, что помѣщается за нею, въ глубинѣ и въ правомъ углу картины, уже не болѣе, какъ фонъ ея, не болѣе, какъ дополненіе главнаго сюжета. Тутъ видимъ мы и

Красивая лѣтная картинка. Эти двѣ милостивыя дѣтскія фигурки, весело играющія здѣсь на лугу, прекрасно гармонируютъ съ окружающей природой. Въ ихъ доврчивыхъ, радостныхъ глазкахъ свѣтится счастье; ихъ юное сердечко чувствуетъ свободу, солнце ярко-ярко свѣтитъ у нихъ въ душѣ, а вокругъ точно такъ же — „сілетъ“ солиде, воды блещутъ, на всеиъ улыбка, жизнь во всеиъ, деревья радостно трепещутъ, купаясь въ небѣ голубомъ. Поютъ деревья, блещутъ воды, любовью воздухъ растворяетъ, и миръ, цвѣтущій миръ природы, избыткомъ жизни уносеиъ“.

Сладостное омиданіе живо отражается на ея счастливо озаренномъ лицѣ. Каждый уходящій день приближаетъ ее все болѣе и болѣе къ тому моменту, когда она станетъ матерью,—выполнить свое великое назначеніе. Всѣ мысли, всѣ заботы направлены у нея на „него“,—будущаго ея ребенка. Она чувствуетъ его у себя подъ сердцемъ; она слышитъ тамъ биеніе его жизни,—его шѣтъ еще, но для нея онъ уже существуетъ, для него уже исподволь заготавливается заботливую материнскую рукою все „приданое“... Быстро спорится работа.

Каждую нелю, каждый стезжокъ освѣтитъ радостный, любовный ея взглядъ. Каждое платице, каждый кусочекъ матеріи близокъ и дорогъ ея сердцу. Она ждетъ „его“ съ замираніемъ сердца, съ неизъяснимымъ сладостнымъ чувствомъ, которое знаетъ только мать, и которое не выразить словомъ, которое уловить можно только въ ея глазахъ,—счастливыхъ, надѣющихся, мечтательно-сіяющихъ... Художникъ вполне справился съ своей трудной задачей—и въ выраженіи лица будущей матери, а также и въ углубившейся въ работу фигурѣ старушки, будущей бабушки, чувствуется омиданіе чего-то,—ихъ лица озарены, но въ этой заботѣ и работѣ онѣ находятъ наслажденіе, довольство жизнью.

Герцогъ Омальскій. (Портр. на стр. 481.)

25 апрѣля во Францію пришла горестная вѣсть изъ Сициліи о кончинѣ престарѣлаго герцога Омальскаго. Герцогъ, недавно отираившійся въ свое имѣніе Цукко (въ Сициліи), для восстановления разстроенаго здоровья, былъ странно потрясенъ извѣстіемъ о гибели на пожарѣ своей племянницы герцогини Алансонской и двухъ своихъ друзей—баронессы Сень-Дидье и маркизы д'Авенель, и обострившаяся волненіемъ сердечнаго болѣзнь вызвала параличъ сердца. Кончина герцога Омальскаго глубоко опечалила не только высшіе классы, но и все население Франціи.

Герцогъ Омальскій, четвертый сынъ короля Людовика-Филиппа, родился въ Парижѣ 16 января 1822 г. Семнадцати лѣтъ, по окончаніи курса въ Collège Henri IV, онъ вступилъ на военную службу и вскорѣ же отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Алжиръ. Послѣ цѣлаго ряда боевыхъ отличій, юный герцогъ въ 1843 г. уже въ чинѣ бригаднаго генерала, одержалъ знаменитую побѣду надъ эмирномъ Абдъ-эль-Кадеромъ, доставившую ему чинъ генераль-лейтенанта и славу выдающагося храбреца. Четыре года спустя, герцогъ ваялъ въ плѣнъ Абдъ-эль-Кадера, и въ томъ же году онъ былъ назначенъ алжирскимъ генераль-губернаторомъ. Но славной побѣ-

дой надъ эмиромъ Абдъ-эль-Кадеромъ закончились навсегда военные подвиги герцога.

Февральская революція 1848 года вынудила герцога передать его должность генералу Кавеньяку, а самъ онъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ съ тѣхъ поръ жилъ почти уединенно, не такъ уже горячо интересуясь политическими дѣлами и занимаясь почти исключительно литературой и исторіей. Такъ, въ *Revue des Deux Mondes* онъ помѣстилъ двѣ монографіи „Les Zouaves“ и „Les chasseurs à pied“, затѣмъ „Lettre sur l'histoire de France“, „Les institutions militaires de la France“ и, наконецъ, въ 1869 г. издалъ двухтомную „Histoire des princes de Condé“, вышедшую въ 1892 г. вторымъ изданіемъ въ шести томахъ.

Въ 1870 г., когда возгорѣлась франко-прусская война, въ герцога воскресъ съ новой силой прежній воинственный пылъ, и онъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе вступить въ ряды своей родной арміи, но предложеніе его было отклонено. Оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, онъ продолжалъ внимательно слѣдить за ходомъ войны. Послѣ сѣданскаго разгрома герцога, находившіяся въ Брюсселѣ, мечталъ собрать армію добровольцевъ и заготовилъ уже воззваніе къ нимъ, начинавшееся словами: „Франція сломана, но части ея все еще живы!“ Однако мечтамъ его не суждено было сбыться. Ту же мысль, но лишь въ иной формѣ, герцога высказалъ на засѣданіи военного суда надъ маршаломъ Базеномъ, въ 1873 г. Герцогъ состоялъ председателемъ этого суда, и, когда Базенъ заявилъ въ свою защиту, что послѣ Седана „ничего не оставалось“, онъ произнесъ свои знаменитыя слова: „Милостивый государь, оставалась Франція!“ Къ этому времени герцогъ Омальскій былъ уже академикомъ (съ 30 декабря 1871 г.) и состоялъ вмѣстѣ съ принцемъ Жуанвилскимъ членомъ національнаго собранія; несмотря на министерское запрещеніе доступа въ національное собраніе членами Орлеанскаго дома, онъ былъ все-таки избранъ департаментомъ Ойсе и вступилъ 19 декабря 1871 г. въ собраніе. 28 мая 1872 г., въ законодатель-

номъ собраніи, герцогъ открыто, съ высоты трибуны, призналъ „дорогое трехцвѣтное знамя“ Франціи, и съ тѣхъ поръ отъ него отвернулись легитимисты, считая его демократомъ, крайнимъ либераломъ.

По окончаніи суда надъ Базеномъ, длившагося съ іюля по декабрь 1873 года, герцогу Омальскому поручено было командованіе 7-мъ армейскимъ корпусомъ; въ 1878 г. онъ уже былъ инспекторомъ арміи. Въ 1883 году, пресловутымъ декретомъ, нагнаннымъ прицезъ изъ службы, онъ былъ смѣненъ съ должности дивизионнаго генерала; закономъ 23 іюня 1886 года вычеркнутъ изъ списковъ чиновъ войскъ, а 13 іюля изгнанъ изъ Франціи. Лишенный права носить военный мундиръ, герцогъ до послѣднихъ дней своихъ оставался горячо преданнымъ арміи и военному дѣлу вообще. Въ своемъ знаменитомъ замкѣ Шантильи, гдѣ покоится прахъ его идеала—принца Конде—герцогъ каждому новому посетителю говорилъ при встрѣчѣ: „здѣсь штатскіе имѣютъ право говорить объ арміи, но, предупреждаю, только въ пользу ея“.

Въ 1889 г. республика взглянула свой поступокъ предъ герцогомъ, разрѣшивъ ему возвратиться во Францію.

Покойный герцогъ принималъ широкое участіе въ дѣлахъ благотворительности. Среди его обычныхъ пожертвованій занимаетъ, понятю, первое мѣсто—принесеніе имъ въ даръ французской академіи знаменитаго громаднаго имѣнія Шантильи съ замкомъ и музеемъ. Въ академическихъ кружкахъ, какъ сообщаютъ, возникла уже мысль поставить въ паркѣ Шантильи конную статую герцога.

Покойный герцогъ былъ женатъ на дочери принца Леопольда Салернскаго, Маріи-Каролинѣ-Августѣ Бурбонской, скончавшейся послѣ 25-лѣтняго супружества, въ 1869 году. Оба сына покойнаго, принцъ Конде и герцогъ Гизъ, скончались въ молодыхъ лѣтахъ, одинъ 21 года—въ 1866 г., другой 18 лѣтъ—въ 1872 году. Герцогъ похороненъ 6 мал, въ фамильномъ склепѣ, въ Дрѣ, рядомъ со своей супругой.

Столѣтіе вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

(Съ 2 портр. и рис.)

2 мая с. г. исполнилось и торжественно отпраздновано столѣтіе существованія вѣдомства учреждений Императрицы Маріи. 2 мая 1797 г., по волѣ императора Павла I, супруга его, императрица Марія Теодоровна, объединила подъ главнымъ своимъ начальствомъ созданныя императрицей Екатериной II для призрѣнія несчастно-рожденныхъ мадеппцевъ Императорскіе воспитательные дома со всѣми состоявшими при нихъ учебными и больничными заведеніями. „Съ этого дня,—какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ, данной 2 мая с. г. Опекунскому Совѣту учреждений Императрицы Маріи,—въ Россіи возникло, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Императорскихъ Величествъ, новое учебно-благотворительное вѣдомство, которое, неизмѣнно руководясь завѣщаннымъ ему незабвенною его Основательницею священнымъ правиломъ—творить добро по мѣрѣ силъ и, черпая эти силы въ заботливомъ о немъ попеченіи его Верховныхъ Покровителей и въ сочувствіи населенія, постепенно расширилось и упрочивалось, и нынѣ проявляетъ свою дѣятельность на всемъ пространствѣ Нашего Отечества“.

Императрица Марія Теодоровна, именовъ которой навсегда украсено это обширное благотворительное вѣдомство, родилась 14 октября 1759 г. Дочь герцога вюртембергскаго Фридриха-Евгенія, она помолвлена была 12 іюля 1776 г. съ прибывшимъ въ Берлинъ наслѣдникомъ цесаревичемъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, а 26 сентября состоялось въ Петербургѣ бракосочетаніе Ихъ Высочествъ. Молодая чета пользовалась мирнымъ семейнымъ счастьемъ. По вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ I поручилъ императрицѣ главное начальство надъ Императорскимъ „воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ“. Человекъ рѣдкой доброты и въ то же время очень энергичная, императрица Марія Теодоровна сразу же дѣятельно принялась за расширеніе этого учрежденія, не жалѣя ни силъ, ни даже личныхъ средствъ. Принявъ затѣмъ на себя главное начальство надъ воспитательными домами и соединенными съ ними Сохранною и Судиною казною, императрица учредила для управленія ими Опекунскій Совѣтъ. Затѣмъ подъ непосредственнымъ руководствомъ и по личному почину императрицы основаны были Гатчинскій сиротскій институтъ, училище для лишенныхъ зрѣнія, повивальннй институтъ. Въ вѣдомствѣ учреждений Императрицы Маріи возникли первые и спеціальныя мужскія коммерческія училища, а также состоитъ и основанный императоромъ Александромъ I Императорскій Александровскій лицей. Кромѣ того, совершенно преобразовавъ весь планъ организаціи воспитательныхъ домовъ и значительно улучшивъ уходъ за „несчастно-рожденными дѣтьми“, императрица значительную часть своихъ материнскихъ заботъ посвятила устройству судьбы бѣдныхъ дѣвицъ, не имѣющихъ пріестанца, „безъ родни, имѣнія и приарѣнія, нерѣдко въ жертву пороковъ остающихся“. Съ этой цѣлью Императрица открыла въ 1797 и 1798 г. на собственные средства два

училища: Маріинское, переименованное въ 1800 году въ Маріинскій институтъ, и училище ордена св. Екатерины, переименованное затѣмъ въ Екатерининскій институтъ. Послѣ первыхъ шаговъ къ развитію женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, императрицу Марію Теодоровну постигли въ 1801 году двѣ тяжелыя утраты—вслѣдъ за кончиной 18-лѣтней дочери великой княгини Александры Павловны, состоявшей въ замужествѣ съ венгерскимъ палатиномъ, вскорѣ скончался Державный Супругъ императрицы. Овдовѣвъ, императрица посвятила себя всецѣло дѣламъ воспитанія и благотворительности и болѣе четверти вѣка, во все царствованіе императора Александра I и въ первые три года царствованія Николая I, императрица Марія Теодоровна дѣятельно продолжала управлять всѣми многочисленными учрежденіями, основанными ея ими. За это время вѣдомство императрицы обогатилось рядомъ новыхъ открытыхъ по ея указанію и болѣе частью на собственные ея средства—учебныхъ и благотворительныхъ учреждений; въ томъ числѣ: училище для глухонѣмыхъ, больницы для бѣдныхъ и вдовы дома, основанные въ Петербургѣ и Москвѣ и ихъ окрестностяхъ. Въ 1809 г. введена, по желанію императрицы, во всѣхъ институтахъ прививка оспы; пять лѣтъ спустя положено императрицей начало учрежденію „сердобольныхъ вдовъ“, которыя были первообразомъ сестеръ милосердія. Въ 1828 г. къ учрежденіямъ этимъ присоединены были и богоугодныя заведенія, состоявшія въ вѣдѣніи приказа общественного призрѣнія: Обуховская и Калішкннская больницы, домъ умалишенныхъ, сиротскій домъ и т. д. Но по мѣрѣ того, какъ разрастался кругъ учреждений вѣдомства Императрицы, источались силы императрицы, и 24 октября 1828 года престълась жизнь Выщеносной Благодѣтельницы, вся сотканная изъ любви къ ближнему. Горячо оплакивая кончину незабвенной Императрицы-Благотворительницы, Россія повторила въ душѣ слова Жуковского, сказанныя по поводу кончины Императрицы: „Благодаримъ, благодаримъ Тебя за жизнь Твою межъ нами“.

Дѣло, созданное сердцемъ, умомъ и трудами въ Божѣ почившей императрицы, перешло по ея кончинѣ въ вѣдѣніе учрежденнаго императоромъ Николаемъ I четвертаго отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, во главѣ которой поставленъ особый главноуправляющій, состоящій вмѣстѣ съ тѣмъ предѣвателемъ Опекунскаго Совѣта, управляющаго законодательною и финансовою частью вѣдомства. Въ царствованіе императора Николая I въ вѣдомствѣ состояло уже 365 учебныхъ и благотворительныхъ заведеній. При императорѣ Александрѣ II введенъ былъ общій уставъ для женскихъ институтовъ. Дальнѣйшее развитіе учреждений эти получили при покровительствѣ въ Божѣ почивающей императрицы Маріи Александровны, а 19 апрѣля 1859 года явилось первое въ Россіи открытое женское учебное заведеніе—женская гимназія. Въ это же царствованіе сохранныя казны перешли въ министерство финансовъ, но всѣ другія учрежденія вѣдомства

Крушение воинского поезда на псково-рижской жел. дорогѣ, близъ станціи Бокенгофъ. Паровозъ поезда, сошедшій съ пути и вѣзавшійся въ топксе болото. Съ фот. К. Шульда въ Юрьевѣ автотипія „Нивы“:

Крушение воинского поезда на псково-рижской жел. дорогѣ, близъ станціи Бокенгофъ. Расчистка пути. Съ фот. К. Шульда въ Юрьевѣ автотипія „Нивы“.

Крушение воинского поезда на псково-рижской жел. дорогѣ, близъ станціи Бокенгофъ. Соседній съ пути паровозъ и наиболее пострадавшіе при крушеніи первыя ближайшіе къ паровозу вагоны. Разборка обломковъ и вытаскиваніе клады.
Съ фот. К. Шульда въ Юрьевѣ автотягилъ „Нивы“.

Крушение воинского поезда на псково-рижской жел. дорогѣ, близъ станціи Бокенгофъ. Разбитые солдатскіе и офицерскій вагоны.
Съ фот. К. Шульда въ Юрьевѣ автотягилъ „Нивы“.

императрицы Марии сохранились за нимъ. Въ царствованіи императора Александра III, подъ сѣнью Главной Начальницы вѣдомства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, развивалась дѣятельность въ области женскаго образованія и прирѣнія бѣдныхъ. Учреждены маринскія училища и училища съ профессиональнымъ образованіемъ; основанъ былъ Ксєніинскій институтъ для полусиротъ. По кончинѣ великой княгини Екатерины Михайловны въ вѣдомство Императрицы Маріи перешли учреждения въ Божѣ почившей великой княгини Елены Павловны. Императрица Александра Ѳеодоровна припала предсѣдательство въ женскомъ патристическомъ обществѣ, въ то же время былъ Царствующему Государю Императору благоудбно было положить основаніе первому въ Россіи высшему женскому коммерческому училищу. Въ общемъ вѣдомствѣ имѣетъ 539 благотворительно-воспитательныхъ заведеній разныхъ типовъ: закрытыхъ и открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, съ общеобразовательными и профессиональными курсами, дѣтскихъ приютовъ и сиротскихъ домовъ, общедоступныхъ богадѣленъ, больницъ и специальныхъ лѣчебницъ, вдовскихъ и странноприимныхъ домовъ и домовъ прирѣнія трудящихся и увѣчныхъ.

Празднованіе столѣтняго юбилея состоялось 2 мая, въ помѣщеніи Собственной Его Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, куда собрались въ одиннадцатомъ часу утра всѣ служащіе въ Канцеляріи чины, во главѣ съ Главноуправляющимъ, почетные опекуны и многие приглашенные на торжество празднованія столѣтія высшіе придворные, военные и гражданскіе чины и лица Свѣты Государя Императора. Затѣмъ прибыли Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ съ супругою великою княгинею Ксєнією Александровною и Ихъ Высочества принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, принцы Александръ Петровичъ и Константинъ Петровичъ Ольденбургскіе и герцоги Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Въ двѣнадцатомъ часу изволили прибыть Государь Императоръ и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Ихъ Императорскія Величества у входа въ зданіе Канцеляріи были встрѣчены Главноуправляющимъ и всѣми почетными опекунами, а на площадкѣ лѣстницы всѣмъ персоналомъ служащихъ въ Канцеляріи. Главноуправляющей Собственной Его Величества Канцеляріею имѣлъ счастье подвести Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ роскошный букетъ двѣтоу пазъ желтыхъ розъ и лиловыхъ орхидей, перевязанный широкою голубою Андреевскою лентою, на бантѣ которой была вышита золотомъ Императорская корона, а на лентахъ шелками художественно исполнены гербы вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ видѣ пелюшки въ гнѣздѣ, вскармливающего птенцовъ. При входѣ, Ея Величество Главная Начальница вѣдомства Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна Собственнолично изволила пожаловать министру народнаго просвѣщенія графу И. Д. Делянову золотой знакъ съ голубой эмалью посреди, на фонѣ котораго художественно исполнены золотые инициалы Государыни Императрицы. Ихъ Величества прослѣдовали въ залъ, гдѣ началось благодарственное молебствіе, которое совершалъ соборнѣ высокопреосвященный Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій, въ сослуженіи высокопреосвященнаго Автопія, архіепископа выборгскаго и финляндскаго, преосвященнаго Наварія, епископа гдовскаго, и

многочисленнаго духовенства. Пѣли воспитанницы Николаевскаго сиротскаго института. По окончаніи молебствія, возглаголено многотѣе Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, а затѣмъ вѣчна память въ Божѣ почивающимъ императорамъ и императрицамъ, начиная съ императрицы Екатерины II, главнымъ начальницамъ вѣдомства, начиная съ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Высокопреосвященный митрополитъ Палладій обратился къ Ихъ Величествамъ съ прѣвѣственнымъ словомъ. По окончаніи молебствія, Ихъ Императорскія Величества прослѣдовали къ мѣстамъ, приготовленнымъ передъ портретами Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и въ Божѣ почившаго императора Александра III. Ихъ Императорскія Высочества великая княгиня Ксєнія Александровна, великіе князья и герцогиня Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская заняли мѣста позади Ихъ Величествъ. Главноуправляющей Собственной Его Величества Канцеляріею по учрежденіямъ императрицы Маріи генералъ-адъютантъ графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ, обращаясь къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ, прочелъ краткій исторической очеркъ вѣдомства, закончивъ его слѣдующими словами: „Я счастливъ, что на мою долю выпало всеподданнѣе представитъ на Высочайшее Ваше Императорскихъ Величествъ благоволеніе всѣмъ нахоженнымъ даннымъ. Данныя эти свидѣтельствуютъ, что вѣдомство, въ неустанномъ стремленіи оправдать милостивое вниманіе къ нему Вѣдечности его покровителей, достигло, по мѣрѣ силъ своихъ, существенныхъ результатовъ. Приносая Вашимъ Императорскимъ Величествамъ отъ лица Опекунскаго Совѣта, Главнаго Управленія, всѣхъ служащихъ, воспитанниковъ, учащихся и прирѣваемыхъ въ вѣдомствѣ, выраженіе безпредѣльной нашей вѣроподданнической благодарности за изымаемыя на насъ въ сей великій день благодѣлія, я позволяю себѣ выразитъ увѣренность, что доколѣ въ вѣдомствѣ сохранятся святыя завѣты прошлаго подъ сѣнью милосердной его Главной Начальницы, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и подъ непосредственнымъ покровительствомъ Вашихъ Императорскихъ Величествъ—учрежденіямъ Императрицы Маріи предстоитъ еще болѣе свѣтлое будущее, во славу Вашихъ Императорскихъ Величествъ и на пользу дорогой нашей родинѣ“. Затѣмъ графъ Протасовъ-Бахметевъ прочелъ Высочайшую грамоту, въ которой подтверждены всѣ привадежація вѣдомству привилегіи и преимущества, и дарованы чинамъ вѣдомства многія льготы.

По прочтеніи грамоты, своды зала огласились звуками гимна. Ихъ Величества изволили обходить и удостоить милостивыхъ словъ начальница институты, и затѣмъ Августѣйшая Главная Начальница вѣдомства пожаловала бриллиантовые перстни: управляющему дѣлами Собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, д. с. с. Воеводскому, управляющему контролемъ вѣдомства д. с. с. Алексѣеву и директору канцеляріи по управленію всѣми дѣтскими приютами Адеркасу. Всѣмъ чинамъ вѣдомства предоставлено носить значки съ инициалами Императрицы, для почетныхъ опекуновъ—значки, украшенные эмалью. Ихъ Величества, пройдя вдоль рядовъ служащихъ въ вѣдомствѣ и удостоивъ ихъ милостивыхъ поклоновъ, и въ сопровожденіи членовъ Опекунскаго Совѣта, прослѣдовали въ востыбли, откуда въ первомъ часу дня отбыли, при восторженныхъ кликахъ „ура“, изъ зданія канцеляріи.

Крушеніе воинскаго поѣзда на псково-рижской желѣзной дорогѣ.

(Съ 6 рисунками.)

Не успѣли мы еще опомниться отъ страшной катастрофы, обрушившейся на Францію, не успѣли еще смолкнуть печальныя звуки нагихъ, отслуженныхъ у насъ по несчастнымъ жертвамъ пожара въ Парижѣ, какъ едиподушно раздѣленное Россіей горе дружественнаго намъ народа уступило мѣсто повому, родному горю, вызванному крушеніемъ воинскаго поѣзда, слѣдовавшаго по псково-рижской желѣзной дорогѣ въ г. Юрьевъ.

Страшная катастрофа, загубившая сотни молодыхъ жизней, молнией облетѣла всю Россію и, проникнувъ въ ея предѣлы, вызвала тотчасъ горячіи чувства сожалѣванія, первымъ выразителемъ которыхъ былъ французскій народъ. Эта страшная катастрофа—чисто стихійное несчастье, которое нельзя было предвидѣть, съ которымъ немислимо было бороться, по о которомъ можно только глубоко, глубоко скорбѣть.

По сообщеніямъ изъ официальныхъ источниковъ, съ вопиющимъ поѣздомъ, состоявшимъ изъ 9 вагоновъ съ кладью, 2-хъ платформъ съ повозками обоза, 1 ковскаго вагона, 2 вагоновъ II класса для офицеровъ и 20 людскихъ, приспособленныхъ вагоновъ, слѣдовали изъ городовъ Вендена и Вольмара въ г. Юрьевъ 3 и 4 батальоны 95 пѣхотнаго красноярскаго полка, въ составѣ 24 офицеровъ, 745 нижнихъ чиновъ, 7 лошадей, 5 повозокъ и 3,750 пудовъ кладя.

Въ 4 часа дня, послѣ встрѣчи съ почтовымъ поѣздомъ № 3,

благополучно прибывшимъ изъ Юрьева, воинскій поѣздъ, согласно расписанію, отправился со станціи Бокенгофъ при вполне благоприятной погодѣ. Едва поѣздъ отошелъ версту или двѣ отъ станціи, какъ разразилась страшная гроза, съ ужаснымъ ливнемъ и крупнымъ градомъ.

Ливень былъ такъ силенъ, что моментально всѣ каваы превратились въ бурные потоки, а всѣ болѣе низменные мѣста оказались затопленными, такъ что, когда воинскій поѣздъ, пройдя 5 верстъ отъ станціи Бокенгофъ, спустился по уклону изъ небольшой выемки въ плоскую ложину, по которой желѣзнодорожный путь проходитъ весьма отлогимъ закругленіемъ и цулевою насыпью, путь оказался настолько размытымъ образовавшимся отъ ливня бурнымъ воднымъ потокомъ, устремившимся по этой ложинѣ съ востока на западъ, что, потерявши всякую устойчивость, верхнее строеніе не выдержало тяжести поѣзда, и паровозъ, сдвинувъ наружный (восточный) рельсъ, сошелъ съ пути и врылся въ всю свою массу въ неболюное, но очень тонкое болото, гдѣ, провалившись по верхній край колесъ, моментально остановился (рис. на стр. 476.)

Вслѣдствіе такой мгновенной остановки на полномъ ходу паровоза и сдвинувшихся вслѣдъ за нимъ съ рельсовъ двухъ вагоновъ съ кладью, остальные вагоны, въ силу пріобрѣтенной инерціи, насканивали другъ на друга, разбиваясь и сва-

ливаясь въ одну общую груду обломковъ, при чемъ разрушеніе ближайшихъ къ паровозу вагоновъ было завершено натискомъ двухъ болѣе тяжелыхъ офицерскихъ классныхъ вагоновъ, которые, оторвавшись отъ заднихъ вагоновъ, взгромоздились на образовавшуюся впереди нихъ груду обломковъ въ нѣсколько саженъ высоту, прикрывъ ихъ всею своею тяжестью; слѣдовавшіе же позади классныхъ вагоновъ 15 людскихихъ приспособленныхъ вагоновъ остались на пути безъ всякихъ поврежденій.

Въ то же время, продолжающійся ливень все болѣе и болѣе увеличивалъ скопившуюся въ болотистой долициѣ, на мѣстѣ катастрофы, массу воды. Вся желѣзнодорожный путь былъ покрытъ водою, а почва съ восточной стороны настолько разтворилась, что выскакивавшіе въ эту сторону люди стали тонуть.

Немедленно послѣ крушенія всѣ офицеры эшелона, уцѣлѣвшіе люди разбитыхъ вагоновъ и сбѣжавшіеся къ мѣсту катастрофы нижніе чины изъ неповрежденныхъ 15 заднихъ вагоновъ единодушно бросились выручать пострадавшихъ, извлекли ихъ изъ-подъ разбитыхъ вагоновъ и спасли утопающихъ, выскочившихъ на правую сторону и попавшихъ въ образовавшееся тамъ озеро. При этомъ командира 1 полуроты 9 роты, бросившагося спасать тонувшаго солдата, стало засасывать въ трясину. Ища точки опоры, онъ схватился за понавшуюся ему подъ руку стойку разбитого вагона, при чемъ, ударившись рукой о гвоздь, перерѣзалъ себѣ артерію и сталъ истекать кровью; увидѣвъ своего полуротного командира въ такомъ ужасномъ положеніи, двое солдатъ беззаветно бросились ему на выручку и, съ опасностью для своей жизни, вытащили его на сухое мѣсто.

Изъ конскаго вагона, совершенно уничтоженнаго, какимъ-то необъяснимымъ чудомъ, въ моментъ крушенія, благополучно выскочила одна изъ артельныхъ лошадей со своимъ конюхомъ, а затѣмъ выбрался изъ него конюхъ батальоннаго командира, уснѣвшій навлечь изъ вагона новое сѣдло своего начальника, съ которымъ онъ и бросился отыскивать послѣдняго и, найдя его, сдать ему сѣдло, доложивъ о гибели лошади; по вслѣдъ за нимъ самъ ушелъ мертвымъ, такъ какъ у него оказался разбитымъ черепъ и вся кожа съ головы сорвана.

Первая медицинская помощь была оказана слѣдовавшимъ при этомъ эшелонѣ полковымъ врачомъ и, вслѣдъ за нимъ, не болѣе какъ черезъ полчаса, прибывшимъ на дрезинѣ со станціи Бокенгофъ, случайно находившимся тамъ участковымъ врачомъ Балтійской желѣзной дороги, захватившимъ съ собою станціонный санитарный ящикъ съ перевязочными материалами. Тротательное участіе къ судьбѣ раненыхъ солдатъ выказали, по словамъ мѣстныхъ газетъ, ближайшіе къ мѣсту катастрофы помѣщики, съ г-жею Симоновъ во главѣ. Эта энергичная женщина, прослышавъ о несчастіи, быстро, не теряя ни минуты времени, собрала все, что только было въ домѣ — пищи, вина, одѣялъ, бѣлья и т. д. и, явившись на мѣсто катастрофы, все время служила дѣятельной сестрой милосердія.

Въ 7 часовъ вечера прибылъ на мѣсто крушенія сформированный распоряженіемъ начальника станціи Юрьевъ санитарный поѣздъ, съ которымъ прибыли: командиръ 18 армейскаго корнуса, профессоръ юрьевскаго университета докторъ Кохъ съ ассистентами и студентами, а также полковые и частные врачи города Юрьева. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ завѣдующій передвиженіемъ войскъ данаго района полковникъ Дедюлинъ, непосредственно руководившій все время работами по извлеченію убитыхъ и раненыхъ изъ-подъ обломковъ поѣзда и подачей имъ первоначальной помощи. Работы представляли страшныя затрудненія, такъ какъ кругомъ разбитыхъ вагоновъ все еще стояла вода и все время продолжалъ идти дождь. Наконецъ, къ 12 часамъ ночи съ 1 на 2 мая явилась утѣренность, что всѣ живые изъ-подъ вагоновъ извлечены и, по случаю наступившей темноты, работы были приостановлены, а всѣ извлеченные убитые и раненые отправлены на станцію Юрьевъ, гдѣ въ особомъ помѣщеніи, подъ руководствомъ профессора Коха, раненые были рассортированы по степени тяжести полученныхъ увѣчій и болѣе тяжело раненые отправлены въ университетскую клинику, а остальные — частью въ полковую лазаретъ 95-го пѣхотнаго красноярскаго полка, а частью въ приспособленное къ этому случаю офицерское собраніе полка.

Горячая пища, хлѣбъ и водка эшелону были доставлены изъ полковаго штаба экстреннымъ поѣздомъ на мѣсто катастрофы. Съ разсвѣтомъ работы по разборкѣ груды вагоновъ и по извлеченію труповъ были возобновлены, а всѣ нижніе чины эшелона, за исключеніемъ караула для охраны имущества, были отправлены экстреннымъ поѣздомъ въ Юрьевъ, куда и прибыли къ 9 часамъ утра. Для охраны и уборки имущества была доставлена на мѣсто катастрофы команда въ 60 человекъ отъ 1 и 2 батальоновъ 95 пѣхотнаго красноярскаго полка.

Въ теченіе 1 мая рабочею артелью балтійской желѣзной дороги, доставленной со станціи Валкъ, путь былъ очищенъ, при чемъ изъ-подъ обломковъ вагоновъ извлечены были еще 17 труповъ, которые вмѣстѣ съ частью убранныго и погруженнаго въ новые вагоны имущества были вечеромъ доставлены въ Юрьевъ. Утромъ 2 мая изъ Юрьева прибыла новая команда

рабочихъ, а въ 12 часовъ дня все остальное имущество пострадавшихъ частей было доставлено въ Юрьевъ и сдано полку.

При крушеніи этомъ болѣе пострадала 9 рота, занимавшая передніе вагоны, въ которой осталось налицо всего лишь 12 человекъ. Сверхъ того, многіе офицеры, въ пылу желанія помочь раненымъ товарищамъ, не замѣтили полученныхъ ушибовъ и, проработавъ всю ночь, только на слѣдующій день, почувствовавъ себя не хорошо, обратились къ врачамъ, которые у нѣкоторыхъ нашли весьма серьезныя поврежденія органнама. Многіе такимъ образомъ обращались къ врачамъ даже 4 мал.

Медицинская помощь, благодаря замѣчательно сердечному и энергичному единодушному участію профессоръ и студентовъ юрьевскаго университета, во главѣ съ докторомъ Кохомъ, и частныхъ врачей города Юрьева, была оказана и организована превосходно, а съ прибытіемъ командированныхъ въ Юрьевъ изъ С.-Петербурга врачей и санитарнаго отряда „Краснаго Креста“, высланнаго тотчасъ по волѣ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, уходъ за ранеными не оставляетъ желать лучшаго. Отправленные 3 мая съ курьерскимъ поѣздомъ два госпитальныхъ шатра и четыре офицерскія налатки дали возможность болѣе удобно размѣстить раненыхъ. Одновременно были отправлены приборы для изслѣдованій при помощи лучей Рентгена. Августѣйшій главнокомандующій войсками, чрезъ командированнаго Его Высочествомъ адъютанта, уполномочилъ профессора Коха на всѣ расходы изъ средствъ великаго князя, какъ по улучшенію пици для больныхъ, такъ и по приобрѣтенію необходимыхъ хирургическихъ приборовъ и средствъ, которыхъ не оказалось бы налицо въ мѣстныхъ хирургическихъ кабинетахъ. Военнымъ министромъ былъ командированъ завѣдывающій передвиженіемъ по желѣзнымъ дорогамъ войскъ и грузовъ, генералъ-лейтенантъ Головинъ, съ значительной суммой денегъ для раздачи пострадавшимъ. Изъ Петербурга же выѣхалъ извѣстный хирургъ Мультановскій. Согласно его телеграммѣ отъ 3 мая, раненыхъ воинскихъ чиновъ 99, изъ нихъ офицеровъ 6 и тяжело раненыхъ 48; послѣдніе сосредоточены въ клиникѣ профессора юрьевскаго университета Коха.

Какъ только объ этомъ несчастіи стало извѣстно Государю Императору, Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить Его Императорскому Высочеству главнокомандующему войсками великому князю Владиміру Александровичу передать пострадавшимъ чинамъ красноярскаго полка, по телеграфу, въ высокочинственныхъ выраженіяхъ, глубокое соболезнованіе Его Императорскаго Величества.

Эта Высочайшая телеграмма была прочитана во время похоронъ убитыхъ 42 нижнихъ чиновъ, въ Юрьевѣ, 3-го мая. Въ часъ дня около здания клиники университета выстроились шпалерами войска. Улицы и садъ, прилегающіе къ зданію клиники, были, по сообщенію корреспондента-очевидца, усыяны народомъ; учащаяся молодежь, врачебный персоналъ, представители города, во главѣ съ городскимъ головою, вслѣдъ за славя, юрьевская интеллигенція собралась отдать послѣдній долгъ жертвамъ катастрофы. Изъ покойницкой выносили одинъ за другимъ коричневые простые гробы. Скоро зеленый коверъ сада былъ покрытъ рядами гробовъ. Двое солдатъ заколачивали молоткомъ крышку, другіе подавали носилки. Вотъ, наконецъ, послѣдній гробъ вынесенъ. Духовенство уже стоитъ въ полномъ облаченіи. Блестятъ на солнцѣ ризы священниковъ... Высокая фигура ксенда въ черной расѣ выдѣляется среди толпы солдатиковъ. Въ числѣ убитыхъ восемь католиковъ, которыхъ хоронятъ по католическому обряду. Тамъ подъ стѣною большой развѣстной березы группа евреевъ. Они пришли отдать послѣдній долгъ своему единовѣрцу — также жертвѣ катастрофы. Раздалась команда на „молитву“. Воздухъ огласился звуками священническихъ иконопѣній. Всѣ обнажили головы. Въ толпѣ послышались рыданія. Женскіе нервы не вынесли грустнаго зрѣлища. Панихида окончилась. На гробы были возложены вѣнки съ надписями и безъ надписей. Особенно обращалъ на себя вниманіе вѣнокъ офицеровъ съ надписью: „погибшимъ красноярцамъ отъ собратіи по полку“ и вѣнокъ, на траурныхъ лентахъ котораго значилось: „отъ полицмейстера и чиновъ юрьевской городской полиціи красноярцамъ, погибшимъ при крушеніи поѣзда 1 мая 1897 г.“

Прежде чѣмъ печальный кортежъ тронулся въ путь, прочитана была телеграмма Государя Императора съ выраженіемъ соболезнованія, телеграмма, давшая нравственную поддержку и утѣшеніе оставшимся въ живыхъ красноярцамъ. Прошла минута, другая... Процессія двинулась въ путь... Нѣсколько гробовъ несли офицеры. Впереди шло православное духовенство; оно предшествовало первымъ 34 гробамъ, за которыми слѣдовали ксендазъ, съ раснатиенъ въ рукѣ, даѣе, миновавъ 7 гробовъ — равнинъ. На балконахъ, въ окнахъ домовъ — всюду видѣлись зрители (рис. на стр. 480.) Процессія спустилась въ нижнюю часть города, направилась къ кладбищу. Тамъ, въ мѣстѣ послѣдняго упокоенія, была приготовлена общая могила (рис. на стр. 480). Солдаты - католики были похоронены въ одной общей могилѣ, а гробъ съ останками солдата-еврея былъ погруженъ на еврейскомъ кладбищѣ. Когда послѣдній изъ 34 гроба были опущены въ землю, раздался прощальный залпъ изъ ружей.

Похороны 42 нижних чиновъ 95 пѣхотнаго красноярскаго полка, убитыхъ при крушеніи воинскаго поѣзда на псково-рижской жел. дорогѣ. Съ фот. К. Шульца въ Юрьевѣ автотипія „Нивы“.

Братская могила нижнихъ чиновъ 95 пѣхотнаго красноярскаго полка, убитыхъ при крушеніи воинскаго поѣзда на псково-рижской жел. дорогѣ. Съ фот. К. Шульца въ Юрьевѣ автотипія „Нивы“.

Дебюты на Марининской сценѣ.

Весною дебютировало на Марининской сценѣ семь человекъ: г-жи Мелодистъ, Дулова, Астафьева (сопрано), Марковичъ и Лузинова (меццо-сопрано) и гг. Раздольскій и Бухтояровъ (басы). Первая выступила въ „Демонъ“ (Тамара), вторая въ „Жизни за Царя“ (Антониды), третья въ „Аидъ“ (заглавная партія), четвертая въ „Аидъ“ и „Фаустъ“ (Амнерисъ и Зибель), пятая въ „Русалкѣ“ (Княгиня), шестая въ „Русалкѣ“ (Мельникъ), а седьмая въ „Фаустѣ“ и „Русланъ и Людмила“ (Мефистофель и Фарлафъ).

Г-жа Мелодистъ поетъ уже нѣсколько лѣтъ на сценѣ, выступала между прочимъ въ Петербургѣ, когда была частная русская оперы въ Маломъ театрѣ. Артистка эта имѣетъ свои достоинства: свѣжій голосъ (лирическое сопрано), достаточно обработанный для выходной рулады Тамары; ведетъ свою роль обдуманно, порою не безъ увлеченія, и вообще произвела очень выгодное впечатлѣніе, хотя выбранная ею для дебюта партія не заключаетъ въ себѣ такъ называемыхъ „выпрыгившихъ“ для пѣвицы „мѣстъ“. Г-жа Дулова—еще совсѣмъ юная пѣвица, обладающая металлическимъ голосомъ весьма небольшой силы. Она имѣла два выхода и оба раза съ успѣхомъ у немногочисленной публики Марининскаго театра. Г-жа Астафьева пріѣхала къ намъ уже совсѣмъ готовою артисткой, т. е. уже пѣвшей долгое время въ Италіи, гдѣ она и обучалась, и въ Кіевѣ, гдѣ она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимала ампула перваго драматическаго сопрано. Голосъ ея уже пострадалъ. При болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ на дебютѣ, всегда сопряженномъ для выходящаго съ волненіями, быть-можетъ, артистка произвела бы болѣе выгодное впечатлѣніе, но она имѣла только одинъ выходъ

и не могла расположить въ свою пользу нашу публику. Г-жа Марковичъ имѣла наиболѣе рѣшительный успѣхъ на обонхъ дебютахъ, и совершенно по заслугамъ. Она окончила нашу консерваторію нѣсколько лѣтъ тому назадъ по классу г-жи Ирецкой, не одну артистку уже давшей сценѣ. Г-жа Марковичъ достаточно известна нашей музыкальной публикѣ по концертамъ и симфоническимъ собраніямъ, въ которыхъ она неоднократно выступала и тоже съ большимъ успѣхомъ. Она еще никогда на сценѣ не появлялась, и такое толковце, осмысленное и увлекательное проведеніе двухъ ролей въ первый разъ въ жизни безспорно свидѣтельствуетъ о крупномъ сценическомъ дарованіи молодой артистки. Голосъ у нея свѣжій, ровный, фразируетъ она хорошо и музыкально. Къ сожалѣнію, мы этого не можемъ сказать о второй мѣццо-сопрано, г-же Лузиновой, тоже окончившей нашу консерваторію по классу г-жи Раабъ. Голосъ у нея есть, и недурной, но она такъ орбѣла, что совершенно не владела собой. Г. Раздольскій подвизался нѣсколько сезоновъ на провинціальныхъ сценахъ и выступилъ у насъ въ роли Мельника. У дебютапта голосъ высокий, но мало обработанный. Г. Бухтояровъ—ученикъ нашей консерваторіи по классу г. Габеля, пѣвшій нѣсколько сезоновъ въ провинціи, гдѣ онъ пріобрѣлъ навѣкъ къ сценѣ и извѣстный опытъ, необходимый начинающему карьеру артисту. Онъ очень поправился, какъ въ качествѣ Мефистофела, такъ и какъ Фарлафъ. Фигура и голосъ (basso cantante) у него сценические, и онъ имѣлъ солидный успѣхъ. Изъ всѣхъ дебютаптовъ, какъ намъ передавали, приняты въ составъ труппы—г-жа Марковичъ и г. Бухтояровъ. В. Басинъ.

Политическое обзорѣніе.

Въ текущей нашей хроникѣ мы должны отмѣтить два знаменательныя событія. Первое изъ нихъ—собственноручное письмо Государя Императора, переданное нашимъ посломъ при правительствѣ французской республики, барономъ Моренгеймомъ 1-го (13) мая президенту ея, г. Фору. Письмо это слѣдующаго содержания:

„Царское Село, 7-го мая. Господинъ президентъ, дражайшій и великій другъ. Императрица и Я выражаемъ вамъ глубокое волненіе, испытанное нами при извѣстіи объ ужасающей катастрофѣ на благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ. Вы слишкомъ хорошо знакомы съ нашими чувствами по отношенію къ Франціи, чтобы не быть увѣренными въ глубокое и искреннее участіе, принимаемое нами въ несчастіе, которое причинило столько душевннхъ раздирающей и жестокой скорби въ Парижѣ. Присоединяясь отъ всего сердца къ тому, что вы лично должны чувствовать въ виду подобнаго испытанія, мы спѣшимъ извѣстить васъ о всемъ нашемъ сочувствіи, равно какъ и о сочувствіи всей Россіи. Позвольте въ то же время, господинъ президентъ, дражайшій и великій другъ, повторить увѣреніе въ моей непамятной и искренней дружбѣ. Подписано:

„Николай“.

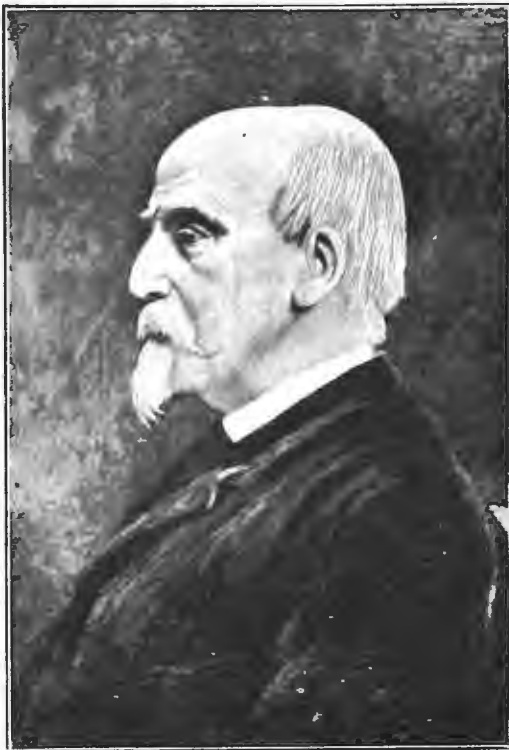
Легко себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе это письмо произвело въ Парижѣ и во всей Франціи. Жители Парижа, безъ различія партій, были глубоко имъ тронуты, а провинціальныя газеты сообщили о неопровержимой радости, вызванной во всемъ французскомъ народѣ выраженіями симпатій Русской Императорской Четы къ горю, постигшему Францію.

Второе знаменательное событіе—телеграмма, съ которою обратился Государь Императоръ непосредственно къ султану, въ день Своего рожденія, чтобы склонить его къ миру. Вѣдѣніе этой телеграммы, турецкому главнокомандующему, Эдхем-пашѣ, посланы уже инструкціи, въ силу которыхъ онъ дол-

женъ вступить въ соглашеніе съ главнокомандующимъ греческихъ войскъ насчетъ приостановки непріязненныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, благодаря вмешательству Царя, будетъ положенъ конецъ безполезной, но кровопролитной войнѣ. Событіе это встрѣчено во всей Европѣ съ ионитнымъ чувствомъ радости и удовлетворенія.

Въ виду прекращенія войны, западно-европейская печать стала усиленно заниматься обсужденіемъ требованій Турціи, насколько послѣднія выяснились изъ заявленій турецкихъ государственныхъ дѣятелей.

По извѣстіямъ, очерченнымъ, видимому, изъ вполне компетентныхъ турецкихъ источниковъ, служащихъ отголосками взглядовъ самаго султана, Турція надѣется, что Европа, по чувству сиреведливости, не станетъ возражать противъ слѣдующихъ требованій: 1) окончательнаго очинненія греками Крита, 2) отміны капитуляціи относительно греческихъ подданныхъ въ Турціи, 3) исправленія греко-турецкой границы въ смыслѣ соблюденія стратегическихъ выгодъ Турціи и 4) уплаты Греціей военной контрибуціи. Относительно этихъ требованій западно-европейская печать выражала взглядъ, что со стороны державъ встрѣтитъ отпоръ лишь пунктъ объ „исправленіи границы“. Это „исправленіе“, по замѣчанію газеты Nord, должно сводиться собственно къ установленію правильной и неизмѣнной пограничной черты между обоими государствами, такъ дурно проведенной на берлинскомъ конгрессѣ, что между Турціей и Греціей ежегодно происходили недораз-

Герцогъ Омальскій († 25 апрѣля 1897 г.). Съ гравюры Бода по портрету Вонна авторитинн „Нивы“.

умѣнія. Пунктъ о контрибуціи вызвалъ споръ о способѣ гарантіи ея исправной уплаты со стороны такого государства, какъ Греція, которая находится въ постоянныхъ денежныхъ затрудненіяхъ. Среди многихъ проектовъ наиболѣе естественнымъ представляется учрежденіе въ Греціи международной комиссіи погашенія долговъ королевства Эллиновъ.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе.)—Норона съ Бермудами. Изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ. Романъ Доула. (Съ англійскаго.) (Окончаніе.)—Выставка художественныхъ предметовъ въ домѣ графа Строганова, въ Петербургѣ. (Съ 6 рисунками)—Къ рисункамъ: На лууг.—Въ сладостномъ ожиданіи.—Кончина царя Ѳеодора Алексѣевича.—Герцогъ Омальскій (съ портр.).—Степльте вѣдѣнства учрежденій Императрицы Маріи (съ 2 портр. и рис.).—Крушеніе воинскаго поѣзда на псковско-рижской желѣзной дорогѣ (съ 6 рис.).—Дебюты на Марининской сценѣ.—Политическое обзорѣніе.—Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежедн. литературы. прилож.“ за Май

ТОВАРИЩЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ.“
 Москва * Рига * Сибирскъ.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.

ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕННОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

Главныя представительства Т-ва „Проводникъ“: Рига: А. Швантбергъ; Москва: Подъяпольскій, № 5; Харьковъ: для телеграфнаго: Шибирскъ; Митта.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:

ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ, въ Будапештѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА

Московского Семеновскаго сталелитейнаго завода

доводитъ до свѣдѣнія, что заводъ открылъ свое дѣйствіе и принимаетъ заказы на стальныя литья всѣхъ отъ 1/2 фунта въ штуки до ста пудовъ и болѣе. Заводъ помѣщается въ Москвѣ близъ извѣстнаго кладбища.

Телефонъ № 1959.

Ц. № 10217 4-3

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К^о.

Средство для смягченія кожи, рукъ и лица

ГЛИЦЕРИНОВЫЯ СЛИВКИ.

(Фабрика Карпентеръ въ 180 руб.)

ФИСГАРМОНІИ ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ
 въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 180,
 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450,
 500, 550, 750, 800 и 1000 руб.

Школа самоучительна въ 2 р.
 Прейсъ-куррантъ безплатно.
 По полученіи заказа съ стоимости
 иррегулярное высылаются съ наложеннымъ
 платежомъ на остальную сумму.

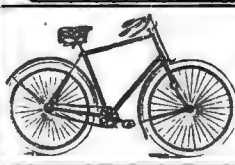
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо и фабрика
 музыкальныхъ инструментовъ.
 Складъ нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, 31 и 40.
 Уг. М. Кузнецкій м., д. Захарьина.

Наши «САНДАЛИИ» нашли большой спросъ среди с.-петербургскихъ и московскихъ дамъ, въ видѣ домашней обуви; онѣ даютъ широкій доступъ воздуху, весьма красивы и легки и не скрываютъ изящнаго чулка. Кроме этого, въ нашихъ сандаляхъ каждая нога кажется значительно менѣе, чѣмъ она есть въ дѣйствительности.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго
 Производства Обуви.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ ГУМБЕРЪ и К^о, Москва

КОНТРАГЕНТЫ
 Георгій ЖЕМЛИЧКА и К^о,
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейсъ-куррантъ по требованію. 12-8

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА
 РАЛЛЕ

(Самодѣльная и душистая)

Мафойдъ Ландманъ, Илангъ-Илангъ,
 Геліополь, Вера-Вюлетта и т. д.
 Производится во всѣхъ аптекахъ, магазинахъ Россіи. Импортъ

НОВОСТЕ!
ПАРКЕТЪ ШАНЪ-РАЙЪ,
 расположенъ въ прѣдѣлахъ дѣлать тамъ, для
 дѣлатьго наполь, въ 18 арш. Дѣла 50 в.
 Ширина 17 арш.
 Можно получить въ выпискѣ.
 въ фабрично-розничномъ
 магазинѣ А. ИВАНОВА,
 Москва, Тверская, Пассажъ Покотинова,
 Выписка съ наложеннымъ платежомъ по
 №10221

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
 Значное обученіе шитью и кройкѣ поперестомъ лентъ - коррекционнаго, по новейшему, легчайшему и экономному для выдѣлки методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются БЕЗПЛАТНО.
 Предоставительница Е. Д. Ашмарина.
 1-й этажъ, Б. Житомирская, № 4.

КИРПИЧНАЯ МАШИНЫ
 рельсы, сортировочныя, вагончики,
 ПРЕДЛАГАЕТЪ
АРТУРЪ КОППЕЛЬ,
 СПб., Песчій пр., уголъ Б. Морской,
 Москва, Мясницкая, № 48. 3-1

ВСѢМЪ МАТЕРЯМЪ! дѣтская присыпка „ЗОИНЪ“.

Лучшее антисептическое средство отъ прыщей, кожныхъ болѣзненныхъ явленій и т. п. дѣтскаго запала, приносящаго новорожденнымъ и подрастающимъ дѣтямъ.
 Разрѣшено Харьк. Врачебн. Отдѣл. № 5310.
 6. и. 30 и. квал. и. 20 и.
 П. № 10071 Продава вездѣ. 6-3

ЗАЙКАНИЕ

вызывается основательно въ спеціальному заведеніи Марка Эрстъ.
 Принимаются приходящіе и ПАНСИОНЕРЫ.
 СПб., Песчій пр., 100, кв. 7. Дачный адресъ: Шувалово, Фина. и дор., Варваринская ул., 36. Руководство къ самообученію 8 руб.

ОБШИРѢЙШІЙ СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ (около 1000 штукъ въ наличности).

== Новості сезона 1897 г. ==

АМЕРИКАНСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ:
 „ВИКТОРЪ“ (первая марка Америки),
 „ГИКОРИ“ (съ деревянной рамой),
 а также испытанные лучшіе велосипеды
 „ВИФТЬ“, „ПРЕМЬЕРЪ“ и др.

ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО

М. Блок

Практиченіе: Москва.—Отдѣленія: С.-Петербургъ, Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Екатеринбургъ, Ковландъ, Ростовъ и др.

Машины для устройства

МЕЛЬНИЦЪ

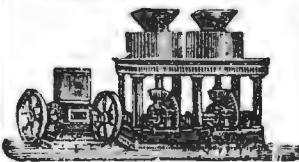
паровыхъ и водяныхъ, съ жерновыми и вальк. для прѣстѣнаго и торговаго помола.

ЛЪСОНВАЛЛ. СТАНКИ

по толщине, вероиспытные и перевозимые на колесахъ.

Конструктор. и паровыя **КИРПИЧЕДѢЛ. МАШИНЫ** новѣйшей патентов. системъ.

Маслобойные заводы.

Стальные локомотивы. Американскія турбины. Паровыя машины. Паровыя котлы. Керосиновые двигатели. Ц. № 10050 4-3 Смысли и прѣстѣ-куралтъ высылаетъ

В. ЖУКОВСКІЙ
С.-Петербургъ, Невскій, 97.

К. Шликѣйзенъ, Берлинъ 90.

машино-строителен. заводъ для кирпичи., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ; а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длинны, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половныхъ плитъ и проч. (57)

Датѣ: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

Мета-

морфоза

КРЕМЪ

КАЗИМЪ

ПРОТИВЪ

ВЕСНУШЕНЪ.

Остерегайтесь

поддѣлокъ.

СПБ. Центр. авт. чина, Невскій пр., 27.

НАРОДНОЕ ПИТАНИЕ

СВЯБОЯ

60

ТЕЛЕФОНЪ 1560

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ОБЩЕСТВО

ПРОСИТЪ

АВЕРЬКА ЛЮДЕЙ

ЖЕЛОВАТЬ

ЕМУ

НЕУЖИВЪ ВЕЩИ

АУДИОНЪ

ПО СТѢННЫМЪ

ВОСПИТАНІЕ

500

ТЕЛЕФОНЪ 1560

ТЕЛЕФОНЪ 1560

РУССКОЕ ОУЩЕСТВО

для производствъ СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ

въ Г. РИГѢ

изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ числѣбулажнхъ магазинхъ и сѣтскихъ чинторгахъ. Л. № 19105 29-4

Tiechmer's Fettender

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вѣчера, незаменима на кожѣ. Косметическое средство для улучшения красоты кожы.

Театральная гримировка. Жирныя румянца и бѣлала. Карандаши для бровей.

Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, настоящихъ бѣлгійскихъ императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ. В. № 9646 15-14

PRECIOSA VIOLETTE

ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ. Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незаменима и неослаемая.

ED. PINAUD

PARIS

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собой продуктъ природы.

СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго извѣстно.

Для моря. пріема достаточно 1: обильн. стакана

Проситъ обращать вниманіе на нашу предохранительную марку портрета, котораго неизвѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА

ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ. ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ. Ц. № 9157 ПРОСИТЪ ТРЕБОВАТЬ 12-12 **ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.**

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстима, единственно настоящія

Алжандарновыя чернила для письма и копированія

изготовленныя оршкима 1-го класса по отмысли государственныхъ учрежденій, № 9831 20-8

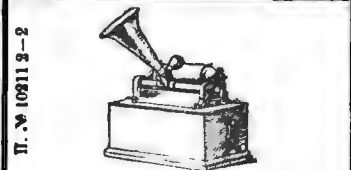
ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ВООЛЕЪ ЧЕРНЫЯ И ПРЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ:

для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно находить почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди въ Дрезденѣ, изобрѣтатель единственнаго фабриканта. ИЗВѢСТЪ ПОДЪБЛОКЪ.

Москва. Тверская, домъ Толмачева. ДЕПО

ИСТОЯЩИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ФОНОГРАФОВЪ

Эдисона

отъ 150 руб. до 500 руб. съ принадлежностями и писани.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ЛУЧШИХЪ ФОНОГРАММЪ.

Зависима части. Собственная мастерская.

Кинематографы

проекти на экранѣ оживленныхъ фотографій въ натуральную величину.

Кинетоскопы

оживленные фотографии въ миниатюрѣ.

Икеъ-лучи демонстрація невидимыхъ предметовъ. Тверская, домъ Толмачева.

№ 4711.

О-ДЕ-ЛИ

(EAU DE LYS)

ВОДА ДЛЯ МЫТЬЯ КОЖИ ЛИЦА

4711

ЛИЛОВО-МОЛОЧНОЕ МЫЛО.

Чисто и нѣжное мыло для туалета, свободное отъ всякихъ остритъ прирѣсей. При покупкѣ проситъ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711.

ПРОДАЕТСЯ ВЪСДѢ.

Цѣна 1 р. и 80 н. за флаконъ, смотря по величинѣ. 4-3

PÂTE DENTIFRICE

GLYCÉRINE

S'en servir une fois c'est l'adopter.

GELLÉ FRÈRES

8, Avenue de l'Opéra

PARIS

УДОЧКИ

и всѣ принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англіи въ бодномъ выборѣ въ магазинахъ С. И. Дойникова

СПБ. 1-й магазинъ: Невскій пр., Милютинъ рядъ, д. Исидоровой, 27-18. 2-й магазинъ: Гостиный дв., противъ Пажескаго корпуса, № 78. 3-й магазинъ: Чернышевскій пер., Блжковская лѣн., № 15. Иллюстриров. прѣстѣ-куралтъ рыболовныхъ принадлежн. высылается иагородѣ безплатно.

ТРЕБУЕТСЯ для снѣженъ **НОМИЛИЦИОНЪ** и **ОТЪ ЗАГАРА** **КРЕМЪ ОРИЗА** **ПЯВНИОЛЬ** **Цѣна 20000. Продажа въ 310**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиница „ВИКТОРИЯ“
 Казанская ул., д. № 29.
 Первоклассная гостиница съ большими просторными комнатами; электрическое освѣщеніе; ванна. Omnibus по вѣсу въѣздамъ.
Владѣлецъ К. И. ЛАНГЕ.
 10-10

Международная
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ДРЕЗДЕНЪ, ВЪ 1897 Г.
съ 1-го мая по 30-е сентября.

Новый прейскурантъ иллюстр. за 1897 г. Оружейного Склада въ фирмѣ: „Центральное дело оружія“ П. Конышевна, 19, 4д. Веннгъ. За приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ высыл. бесплатно. Много новостей.

Bad Homburg
 30 минутъ отъ Франкфурта н.М. Въ горахъ Таунусъ.
 Лѣчебно курортъ. Воздухотѣб. курортъ. Обширные рощи близъ города. Прекрасныя окрестности. Охота. Хорошо-содержимыя дороги. Новая дорожка для велосипедистовъ въ паркѣ. Площадки для тенниса, гольфа, крокета и пр.
 Квартиры, обставленныя со всевозможнымъ комфортомъ, на различныхъ цѣны.
 Лѣтній сезонъ съ 1-го мая по 15-ое октября. Лѣченіе званой. Въ подробности сообщать die Städtische Kur- und Badeverwaltung.

Лѣчебница д-ра Эммериха
 для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Баденъ-Баденъ. 24-10
 Проспекты бесплатно. См. сох. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ и зд. у Штейница въ Берлинѣ.
 Завѣдыв. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзинъ.

Эссенція для завивки волосъ
ГРАЦЮЗА.
 Самые красивые и натуральныя локоны получаются посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и неизмѣняющей свой видъ ни отъ потѣли, ни отъ сырой погоды.
 Флаконъ 60 к. и 1 р., съ пересылкою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. П. № 10234
 Складъ техно-химическихъ специально тей ГГБГАРДА.
 С.-Петербургъ. Цевскій пр., № 46-14, уг. Надеждинской.

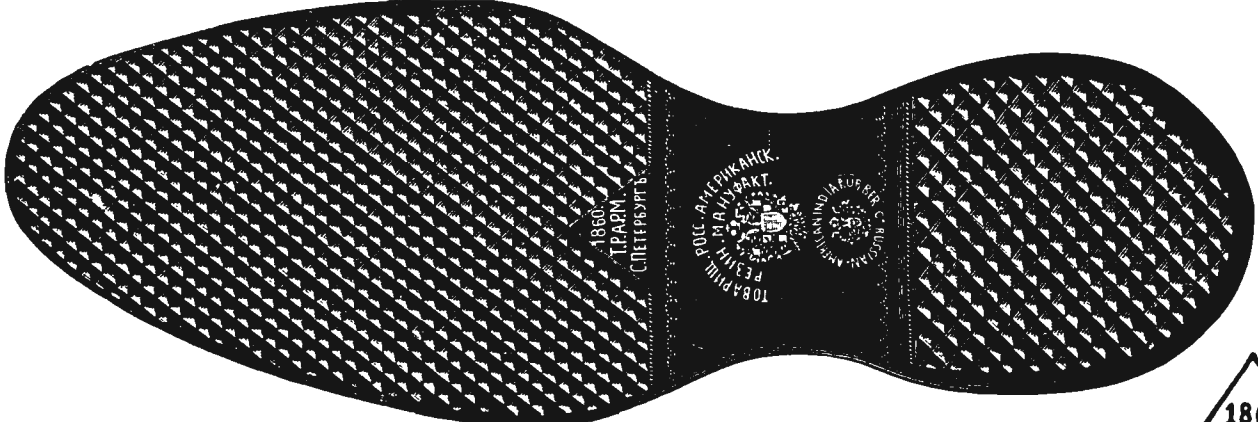
Модные духи — Виола Одората Ауриха
 О-де-колонъ — Виола Одората Ауриха
 Жирная пудра — Виола Одората Ауриха
ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
 Колокольная, 18/19. Н. № 9724 16-13
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ догистовъ Россіи. № 5-21 (98)

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
 въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
 обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 51 26-10
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ **ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО** Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

КРАСИВО ПИСАТЬ изучается всякий заочно (посредством пера и ручки) в 15 уроков у профессора каллиграфии **А. КОССОДО**.
 Методъ промывалъ в Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10230 6-1
 За 2 семиконечныхъ марки высылаются пробное письмо и условия, а за 4 семиконечными марки высылаются пробное письмо и условия, а за 4 семиконечными марки высылаются пробное письмо и условия и образцы исправления почерка. заочн. учен. Адресъ: профессор каллиграфии Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ФАБРИКА НЕПРОМОКАЕМОЙ ОДЕЖДЫ Я. ЮНХСА
 предл. резинов. и вискозныхъ накидокъ изъ лучшей английск. вискозы. СПб., Вас. Остр., 7 лин., д. 40. Высылка катал. платж. Прейс-кур. безпл.

СТОЛКИНДА МОСКВА
КАПСЮЛИ ДЕЗОДОРАТЬ для уничтоженія ЗЛОВОНІА въ ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНИХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ и т. д.
 ПРОДАЕТСЯ ВЪ СКАДѢ. Аптекарская торговля Л. Столкинда, Лубянской пр. домъ Смольянинова.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро изучаю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдвина. За двѣ 7 коп. марки высылаю условия и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Ковидарисъ. № 9852 10-10

НОВОСТИ на 1897 г. ТРЕБУЙТЕ НОВЫЕ КАТАЛОГИ
 АНГЛІЙСКИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ВЕЛОСИДЕЛОВЪ ТОРГ. ДОМЪ АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и перестройки **ПАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ**
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ. W. H. Uhlend, Leipzig. Испытанные аппараты. Пр-кур. безплатно.

ФАБРИКА СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ & Ко
 С. Петербурга, Невскій Пр. № 25 (входъ изъ Мещинской) **Фотогр. Аппараты и Принадл.**
 (Кратк. Прейс-Курантъ безплатно)

Вборанское Мыло
 СПЕЦИАЛЬНОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
 отъ 9 р. въ кусокъ мѣромъ 26/28 аршинъ. Фанза, ирель, платин, че-су-ча цвѣтная. **ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫМЪ** нараванымъ китайскій чай 1 р. 60, 2 р., 2 р. 20 и 2 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. ЕПАНЕШИИНОВА, Москва, Никольская ул., д. Греческ. мост. Ингор. высл. съ наклад. платж. при выслѣ 10% на сумму заказа.

!!! НОВОСТЬ !!!
 Трость съ вѣчнымъ огнемъ, для курищихъ. Трости новаго изобрѣтенія безопасны и удобны; зажигаются посредствомъ сжатого воздуха, удобнымъ для прогулокъ, для охотниковъ, рыболововъ и дачниковъ. Кто приобрѣтитъ трость новаго изобрѣтенія, тотъ не нуждается въ спичкахъ и имѣетъ даровой огонь навсегда. Продаются въ мѣхъ магазинахъ: Литейный пр., д. 31 и Знаменская, 35. Цѣна трости 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. 50 к., 4 р. 50 к., 5 р., 8 р. и дороже. За пересылку прил. одинъ рубль. Торговцамъ уступка. За отглаженный Сербскому Королю и президенту Французской республики трости удостоены высшей благодарности, а также бронзовой мед. на выставкѣ.
 Изобрѣтатель **Н. ПОПОВЪ**.

О С О Б О
 УДОБНАГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНАГО ПОКРОЯ, РУЧНОЙ РАБОТЫ, ОТЛИЧАЮЩИЕСЯ ПРОЧНОСТЬЮ **ЭЛАСТИЧНЫЕ ВЯЗАНЫЕ КАЛЬСОНЫ БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА** только въ спеціальномъ магазинѣ бѣлья **Ю. ГОТЛИБЪ**. Владимирская, д. 2, уголъ Невскаго. Крученые въ 2 нити 1 р. 50 к., въ 3 нити 1 р. 75 к., въ 4 нити 2 р. При выпискѣ необходимо: задатокъ, мѣра пояса и длина. Менье 3-хъ не высылаются.

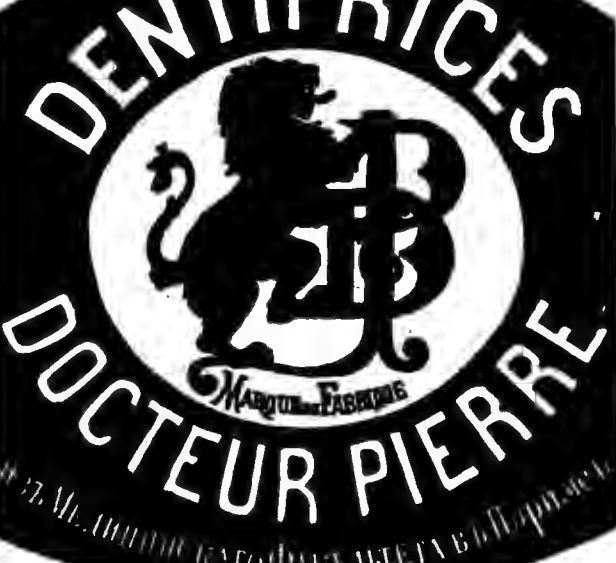
МЫЛО ЧИСТОТЪЛЬ
 Childon's soap
Н. ЯКОВЛЕВА въ Москвѣ.
 Для смачиванія кожи рукъ и лица, а также противъ веснушекъ и загару. Ц. 40 к. кус.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова:
АВТОБИОГРАФІЯ ЗЕМЛИ.
 Общедоступный очеркъ исторической геологіи Г. М. Гётчinsonа. Переводъ съ англійск. съ дополненіями М. А. Энгельгардта. Съ 63 рисунками. Ц. 80 коп.

Англійскіе велосипеды „ОЛДЕЙ“
 "Alldays & Onions, Limited", Matchless Works. Представитель **А. ЛАНГГАУЗЪ** въ Москвѣ, Мясницкая, д. Музея, рядомъ съ Почтамтомъ. Требуется иллюстриров. каталогъ на 1897 г.

До употребленія средства. **Д-РА ТОМСОНА** После употребленія средства
Депилаторій въ порошокъ. Лучшее и совершенно безвредн. средство къ немедленн. удаленію волосъ на мѣстахъ, гдѣ ростъ ихъ нежелателенъ. Цѣна коробки 1 р. 50 к.
 Въ Петербургѣ этотъ депилаторій продается: у Г. Кошкина, Гостинный дворъ, 19; Н. Ушакова, Гостинный дворъ, № 33; В. Парикова и К^о, Гост. дворъ, № 78. Въ Москвѣ—у А. Рале и К^о.
 Требуется только депилаторій ТОМСОНА, такъ какъ большинство друг. средствъ производятъ вредное дѣйствіе на кожу.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ. ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE
 Знамениты своими качествами. ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

30% ЭКОНОМІЯ
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ
М. РОЖИВЮ МОСКВА
 МАРСЕЙКА Д. ЛЕБЕДЕВОИ
 ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КОЛОНИАЛЬНЫХЪ И ЧАЙНЫХЪ ТОРГОВАЦАХЪ РОССІИ.

D.O.M + D.O.M
BÉNÉDICTINE
 de l'Abbaye de Fécamp
 La Meilleure des Liqueurs
 Se défier des contrefaçons.
 Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville.
D.O.M + D.O.M

1878 г.

1882 г.

1896 г.

ОТЪ ТОВАРИЩЕСТВА ШЕРСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ТОРНТОНЪ.

На русскихъ рынкахъ съ нѣкотораго времени появился въ продажѣ шерстяной товаръ, **умышленно поддѣланный** **подъ наши издѣлія** настолько, что, благодаря внѣшнему сходству (рисунковъ, убранства кусковъ и формы знаковъ), онъ приобрѣтается за наше произведеніе.

Но такъ какъ въ дѣйствительности товаръ этотъ **значительно ниже по качеству**, то въ виду **общихъ интересовъ**, Товарищество считаетъ обязанностью покорнѣйше просить гг. покупателей обращать **особое вниманіе на знаки**, находящіеся на нашихъ издѣліяхъ, а именно:

На кусочномъ товарѣ
изображеніе медали.

На платкахъ из-
ображеніе Государ-
ственного герба.

На штучномъ товарѣ,
а также и на кусоч-
номъ товарѣ чрезъ
каждые 5 аршинъ

ТОРНТОНЪ С.П.Б.

На Всероссийской Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году
Товарищество удостоено высшей награды

повторенія Государственного герба.

XXVIII г.

№ 21

Выходить ежедневно (52 № в год), с приложением 12-ти ежем. книг „Сборника“, соерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусков ежемѣдныхъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Выданъ 24 мая 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ **5 р.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя лннн. **6 р.** Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу **10 р.**
 На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к.; на ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

Последній кубокъ. Съ карт. Ф. Ф. Бухгольца грав. Шюблеръ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

Еликонида побоялась показаться Еленѣ Борисовнѣ, да и та не хотѣла выходить, прежде чѣмъ справится съ собою. Копрова съ полчаса оставалась въ бесѣдкѣ одна, приводя въ порядокъ мысли, кружившіяся съ страшною быстротою въ ея головѣ. „Взяла праздникъ, нечего сказать... — думала она. — Что онъ, Николай Львовичъ, подумаетъ обо мнѣ. Сразу да прямо въ руки... Стыда во мнѣ нѣтъ... захватана вся теперь. Живого мѣста не осталось“. И, дѣйствительно, все ея лицо горѣло и точно саднѣло. На шеѣ, на груди—она чувствовала какіе-то слѣды, будто его губы оставили ихъ, и стоить ей только выйти къ людямъ, всѣ сейчасъ же это замѣтятъ и поймутъ. Она безсознательно вынула платокъ и обтиралась имъ. Вымыться бы теперь и забыть все случившееся. Да какъ забудешь, вѣдь стоить ему придти да кликнуть—она на край свѣта за нимъ пойдетъ, даже не оглядываясь назадъ. А, впрочемъ, на что и на кого ей оглядываться. Что въ прошломъ удержитъ ее? Копровы въ ней обманулись и имъ, Копровымъ, она не нужна. Сѣдая лисица — Моисей Лукичъ, какъ сваталъ за нее сына, на родственника петербургскаго рассчитывалъ. Безприданницу-де въ домъ возьмемъ, нищую, да зато эта нищая—княжна и у нея дядя въ большихъ чинахъ и силенъ. Притомъ разбогатѣвшему ростовщику и кровопивцу, памятовавшему, какъ его почтеннаго родителя на конюшню водили для порки,—сладко и лесто было поувеличаться надъ настоящею княжною. „Теперь ты у меня, барское отродье, по стрункѣ заходишь!“ Да не на ту пачалъ. Петербургскій дядя скоро умеръ, ничего не успѣвъ сдѣлать для Копровыхъ, а невестка живо показала когти Копрову-отцу. И начался адъ несосвѣтимый, отъ котораго люди послабѣй въ петлю идутъ или въ рѣкѣ тонятся! Да во всякомъ случаѣ ужъ если дорожить, то не этою жизнью, не ея общимъ съ мужемъ прошлымъ. Съ Семигоровымъ, если и пропадешь, такъ отъ счастья задохнешься, въ волнахъ незнакомой ей радости захлебнуться можно... А тамъ—нитьте, да попреки, да ежедневная возня съ чужою волею!..

Нѣтъ, ей не въ чемъ каяться и краснѣть не передъ кѣмъ.

Разводъ? Она нѣсколько разъ предлагала его—Копровъ-старикъ на дыбы. „Родъ нашъ позорить“. Подумаешь, какой родъ: дѣда розгами пороли, и тоже фамильная честь. Пожалуй, память знатныхъ предковъ оскорбишь! Она усмѣхнулась. Разводъ! Она бы на себя готова взять все, только пусти ее. Вѣдь у нихъ ничего, что бы удержало ее. Даже дѣтей Богъ имъ не далъ, не благословилъ ими чудовищнаго брака. Будь ребята уже у нихъ — другое дѣло, все бы вытерпѣла, на мѣку пошла бы. Не даромъ она такъ любовно брала къ себѣ на руки всякаго деревенскаго мальчика, какой гризавою ни будь онъ... А теперь она свободна, и стѣсняться ей нечего. Не хотятъ по правдѣ, не даютъ развода—и безъ него обойдутся. Скандалъ на весь міръ сдѣлаетъ. Ей жалѣть не о чемъ. Этакъ и молодость и сила даромъ на натугу да на мелкую возню размотаются и безтолково состарѣется она. Не сходить же въ могилу, не попытаться счастья? Могилу! Она и это помнитъ. Какъ-то разъ Моисей Лукичъ, на ея просьбу: „да отпустите вы меня, съ разводомъ или такъ“, крикнулъ ей:

— Авось, голову сломишь или померешь. И безъ развода тогда обойдемся. Честь-честью похоронимъ... Погоди, тебя еще офицеръ въ трактирѣ кіемъ убьетъ.

Какъ ее оскорбляли и за что! Развѣ до сегодня она подавала хоть маленькій поводъ къ этому? Ну, да теперь ужъ будетъ по крайней мѣрѣ не даромъ. Разомъ сочтемся. Получай каждый на свою долю, что тебѣ приходится. Отнынѣ и спрашиваться не станеть, а для мужа—дверь ея будетъ заперта.

Ахъ, да! Она вспомнила, вѣдь Еликонида и ее кликала. Можетъ-быть, ее зовутъ и ждутъ въ домѣ. Опять притворство, ложь, сокровенность. А ей на весь міръ хочется крикнуть: „ну, да, я люблю, люблю, люблю его, и никому до этого нѣтъ дѣла. Что мы захотимъ, то и сдѣлаемъ! Передъ Богомъ да передъ собою только и въ отвѣтъ.“

Она встала, пора было идти.

Ноги такъ и колеблются. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и чуть не упала, за дверь схватилась. Сквозная, обвитая зеленою, стѣны заколебались. Листъ зашуршалъ. Она собралась съ силами, вышла, а въ ухахъ, и точно со стороны, звучало сожалѣніе:

„Еще бы часикъ оставили однихъ, а потомъ хоть бы камнемъ убили,—все равно“.

XIV.

Она пошла въ домъ. Какъ будто невзначай попалась ей Еликонида и, по монастырскому обычаю, низко ей поклонилась, сложивъ руки на груди.

— Кто меня звалъ?—остановилась на минуту Елена Борисовна.

Еликонида ей не отвѣтила, точно не разслышала: все ея вниманіе было занято выбишеюся прядью волосъ у Копровой, лежавшею на лбу надъ бровями, разившимся локономъ позади, падавшимъ той на шею. Острымъ и зоркимъ взглядомъ дѣвушка замѣтила смятое платье. Она посмотрѣла прямо въ глаза Еленѣ Борисовнѣ, и по нимъ прочла то, что та вовсе не хотѣла бы открывать постороннимъ.

— Кто меня звалъ?—повторила Копрова.

-- Матушка Клеопатра поминали.

И опять низкій поклонъ; можетъ-быть, для того, чтобы лучше скрыть бѣшенство, охватывавшее всю ее.

— Я сейчасъ... Ходила много... надо привести себя въ порядокъ.

Еликониду повело всю. Точно кто-то ворочаль у нея ножъ въ сердцѣ. „И я же дура еще помогла! Кабы твой Алешка не былъ такой кислый, отписала бы я ему писульку. Обрадовала бы! Да самой пакостно съ грязью такою возжаться. Ну васъ всѣхъ! Сердце-то себѣ дороже стоить“.

Она шла вслѣдъ за Еленой Борисовной, и отъ ея ревниваго взгляда ничто не могло укрыться. Она замѣтила, что та едва идетъ... Усталая отъ пережитаго волненія.

Копрова, къ своему удивленію, въ комнатахъ никого не застала.

Нюня еще спала; мать Клеопатра была у себя.

— Гдѣ же онъ?

— Ушли, должно - быть. Подождали - подождали, и ушли...

Цуни тоже не оказывалось. Она блуждала гдѣ-то, создавая себѣ по французскимъ романамъ сороковыхъ годовъ сны, какія должны были произойти въ саду между Еленой Борисовной и Николаемъ Львовичемъ. Что онъ ей сказалъ, и какъ она ему отвѣтила. Какъ онъ упалъ передъ пей на колѣни и она подала ему руку, которую тотъ почтительно прижалъ къ губамъ.

Обязанность точнаго и добросовѣстнаго лѣтописца заставляетъ меня прибавить, что во всѣхъ этихъ картинахъ не было ничего общаго съ настоящею дѣйствительностью. Тѣмъ не менѣе, Пуня, вся красная и восторженная, побѣжала въ бесѣдку. Воздухъ тутъ, казалось, былъ еще пропитанъ жаромъ призваній. Она дышала имъ. Безсильно оперлась о скамейку. Хоть бы ей, старой дѣвѣ,—она себя, впрочемъ, не считала старою,—пережить одинъ такой день. Чѣмъ она виновата, что Богъ не одѣлилъ ее красотой? Всѣ, всѣ имѣютъ право на свою долю счастья и радости. Способность къ наслажденію жизнью дана каждому. Что-жъ она одна за исключеніе въ общемъ порядкѣ мірозданія! Неужели только ей не суждено получить свою долю изъ этого безконечнаго богатства любви, разсѣяннаго повсюду? Сестра, да и у нея — Пуня слышала это — былъ свой романъ... Хоть памятью о немъ живетъ. А ей, Пунѣ, замкнутой здѣсь, какъ въ тюрьмѣ, придется дѣйствительно совершить величайшее преступленіе передъ закономъ, даннымъ людямъ. Ея душа ни разу не откроется великому зову природы. Такъ и умретъ она — получеловѣкомъ, не зная цѣлой и лучшей полосы жизни. И обѣдая, старая, уродливая дѣвушка упала на скамейку и заплакала. „Ну, полно-полно, — успокаивала она сама себя. — О чемъ ты, что случилось? И не все еще потеряно. Можетъ-быть, найдется кто-нибудь и для тебя, для кого и ты будешь сокровищемъ“. Она еще всхлипывала, осиливая свое волненіе и печаль, какъ взглядъ ея упалъ на что-то блестящее. Она нагнулась и подняла. Оказалась брошка — двѣ перевившіяся клубкомъ змѣи, откинувшія головы одна отъ другой и взаимно грозившія острыми жалами. Въ полутьмѣ здѣсь ихъ рубиновые глаза блестяли какъ небольшие чуть выступившія капельки крови. Сама не зная зачѣмъ, Пуня прижала эту брошку къ себѣ. Пора было вернуться... Сестра скоро проснется. Она тихо пошла, и въ гостиной встрѣтила у окна Елену Борисовну. Та смотрѣла на синѣющую даль, на золотившееся въ лучахъ заката поле, на стадо, лежавшее въ сторонѣ у рѣчки, но не ихъ видѣла передъ собою...

— Елена Борисовна, душечка.

— Что? — вздрогнула она, на минуту пробужденная отъ своихъ мечтаній.

— Я, милая, нашла вашу брошку... Вотъ она. Только, голубушка, позвольте мнѣ самой надѣть ее на васъ. Ахъ, это такое, такое счастье.

Она замѣтила, что Копрова, увидавъ брошку, вспыхнула, какъ зарево.

И вдругъ, сама не зная, что она дѣлаетъ, Пуня схватила руку Елены Борисовны и начала цѣловать.

— Что вы, что вы, Паулина Яковлевна!

— Оставьте... оставьте... Я васъ такъ люблю, такъ люблю... А меня, меня никто-никто не любитъ. И не полюбитъ никогда. Вы такая красивая, молодая, счастливая... Мнѣ бы хоть минутку...

Она, впрочемъ, сейчасъ же справилась съ собой. Вытерла глаза, принудила себя улыбнуться.

— Вы, Елена Борисовна, простите. Такъ это нашло на меня...

— Вамъ нравится эта брошка?

— Да... Еще бы.

Особенно теперь. Она была связана съ однимъ изъ рѣдкихъ въ ея жизни порывовъ.

— Хотите, я ее подарю вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, душечка...

— Да вы не беспокойтесь, она не дорого стоитъ.

— Знаю, знаю...

Не могла же она сказать, что „вѣдь этой брошки касались его руки“...

— Возьмите, дайте я вамъ приколю.

Она надѣла ей.

— Спасибо... А я вамъ, знаете... У меня есть браслетъ старинный. Сейчасъ...

Она ушла къ себѣ и прислала черезъ минуту филигранный золотой обручъ съ жемчугомъ.

— И если не возьмете, я обижусь...

Пуня и рада была подарку, и боялась его.

„Теперь съ нимъ я ни одной ночи не засну“.

Въ этой броши точно была заключена тонкая и незамѣтная отравла...

Елена Борисовна уѣзжала на другой день. Прощаясь съ матерью Клеопатрою, она просила ее передать тетѣ Александрѣ, что пріѣдетъ въ монастырь къ нимъ погостить и уже надолго. Отвести душу и забыться.

— И столько у насъ пробуду, сколько вы позволите.

— А намъ что... Намъ еще лучше. Мы живыхъ любимъ. Только ты у насъ соскучишься. Тихо въ обители.

— Все лучше, чѣмъ у меня дома.

Мать Клеопатра покачала головой.

— Усмири ты свое сердце, Елена. Ничего хорошаго вѣдь не выйдетъ изъ самовольства твоего.

— Дѣло не въ этомъ, матушка.

— Именно въ этомъ. Ты думаешь, жизнь намъ для радости дана? Радости тамъ будутъ. Какъ умремъ, тогда узнаемъ, что значитъ счастье въ Богѣ... А здѣсь мы призваны бороться и побороть врага нашего. Страдать, потому что въ страданіи спасеніе. Не любишь — заставь себя полюбить. Тебѣ и Господь въ этомъ поможетъ. Онъ всегда приходитъ къ тому, кто Его зоветъ къ благому дѣлу.

— Поздно! — вырвалось у Елены.

— Что — поздно?

— Богу со мною больше нечего дѣлать.

— Знаешь ли ты, какія слова говоришь? Что ты, отрекаешься отъ Него, что ли?

И монахиня перекрестила ее.

— Смотри, чтобъ Онъ отъ тебя не отрекся. Худо будетъ. Дастся сатанѣ власть надъ тобою — и обманешься ты во всемъ: и въ вѣрѣ, и въ надеждахъ своихъ. Все распадется прахомъ. Господь долготерпѣливъ, да и ты не возноси хулу на Него.

— Не могу я такъ... Зачѣмъ Онъ меня такой со-здалъ.

— Не Онъ, а сама ты себя сдѣлала на свой образецъ. Замужъ вылетѣла самовольствомъ, никого не слушала, богатства захотѣла, а въ этомъ Божьяго благословенія не могло быть. Ну, а потомъ — выбрала себѣ крестъ — неси его терпѣливо, съ сокрушеніемъ и покорностью; никто не неволилъ, а ты сейчасъ его — долой, и думаешь — права?..

— Ничего я не думаю, а и думала бы — не легче.

— Болѣзни проси у Бога...

— Зачѣмъ?

— Сократить она тебя — болѣзнь. Тѣла у тебя много, и здоровое тѣло. Ну сатана надъ нимъ и лютуетъ, въ капище свое обращаетъ его. Для души воздвигнуты стѣны слишкомъ крѣпкія. А болѣзнь разрушитъ ихъ — душѣ и легче сквозь видѣть истину. Не такъ къ землѣ ее тянуть будетъ; путь-то къ небу и не труденъ станетъ. Ты что думаешь — одна ты такая, что ли? Ты съ монахинями поговори по душѣ — узнаешь. Каждую мнозія страсти борять и мнутся матери, и къ Богу за помощью прибѣгаютъ. А ты — точно челнъ, а страсти твои — море. Сейчасъ подняла парусъ — и давай плыть по бѣсовскому навожденію. И челнъ разобьется, и море захлещетъ тебя. Вотъ у насъ, мать Агнія, высохла вся отъ боренія. По почамъ босикомъ изъ кельи въ храмъ бѣгаетъ, да на холодныя плиты крестомъ ляжетъ, и до утра такъ. Поняла? Ей и приложится, она и спасется. Ты не одна такая, только другія страсть свою цѣпами сковываютъ, а ты за нею, какъ слѣпецъ за поводомъ. Не дала тебѣ судьба опоры, и ищи ее у

XXV передвижная выставка. „Искупление“.
Съ карт. (псключ. право воспроизв. принадл. „Нивъ“) Г. Г. Мясодова авторнія „Нивы“

У выставна картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Сборщикъ на храмъ“.
Съ карт. (исключ. право воспроизвед. принадл. „Нивѣ“) А. Д. Муратова автотипи „Нивы“.

ангела своего. Онъ всегда около, и услышитъ. У насъ была инокиня одна. Такая же, какъ и ты, молодая. Знаешь, какъ она плоть свою смирила? Тоже была крѣпкая да здоровая, и красивая! А около такихъ-то бѣсу самый водъ и есть! Знаетъ онъ, гдѣ ему легче дѣла свои обдѣлывать. Мать Серафима ее звали. Насыпала она въ кельи у себя битого стекла въ уголь. Какъ сатана взволнуетъ ее грѣховными помыслами, да станетъ ей представлять соблазны міра сего—она сейчасъ съ постели и голыми колѣнями на стекло. Вотъ какія язвы были у нея. Ну хоть и не скоро поборола, да и поборола ли совсѣмъ—неизвѣстно, а все же сопротивлялась врагу рода человѣческаго, и въ томъ ея заслуга и за это ей простится. Къ намъ многія прибѣгаютъ—спокую ищутъ. Думаютъ—тишина—все въ душѣ замретъ. А въ безмолвіи-то этомъ еще пуще мысли разгораются и внутренніе голоса громче духовному уху говорятъ... Ну и замечется; тутъ-то ее промысломъ Божиимъ и прикрываемъ. Бѣсу надъ нами дана власть, чтобы мы сами заслуживали, свободною волею сопротивлялись ему, иначе за что бы насъ и миловать?.. Старцу одному видѣніе было—въ Четъяхъ Минейхъ сама я читала. Вынесъ пресвитеръ чашу со Святыми Дарами, а округъ ея бѣсы словно облако тонкое носятся... Такъ вотъ, видишь, какая у нихъ сила. Такъ и летаютъ, окайные, такъ и волнуются. Точно мошкара лѣтомъ надъ болотиной... Видятъ, зловредные, что отъ нихъ души человѣческія уходятъ въ царство небесное... Ты вотъ и подумай... И потомъ блюди за собой: не полагай, когда одна остаешься, что успѣешь своихъ мыслей теченіе прервать, когда онѣ дойдутъ до градуса. Бѣсъ и на этомъ узоры плететъ,—да какіе! Ювелиръ тоже вѣдь. Ему, окайному, оттуда легко прозирать внутрь, что у насъ тамъ дѣлается. Родилось у тебя помышленіе, и кажется, ничего въ немъ, если строго не слѣдитъ за собою. Понимаешь? Обыкновенное, житейское. Ну и развивается оно дальше, будто свитокъ. Чуть-чуть грѣхомъ запахло, только гдѣ-жъ человѣку распознать его. Мудрованіе свѣтское или смѣшное что. И безпокоиться, думаютъ, нечего, пустяки!.. А пустяки-то, будто плодъ на вѣткѣ висящій—грѣхомъ наливаются. И такъ занято, опомниться некогда, а вдругъ мысль-то созрѣла—и дѣло совершилось нечистое, опамитовалась ты—когда же это я?—и уловить нельзя когда, а дьяволы-то въ сторонкѣ стоятъ, смѣются, еще одной благопріобрѣтенной душѣ радуются. Не хочешь дѣла дурного дѣлать—мысли дурной не допускай, мечту обманчивую гони прочь. Не хочешь мысли допускать, такъ гляди внутрь, чтобы въ тебѣ сомнительный помыселъ не зарождался. Вырви его съ корнемъ. Такъ, какъ мать Серафима, натолки стекла, да трави язвы на колѣняхъ. Физическою-то болью и убьешь искушеніе...

— А если поздно?

— Что поздно? Ты знаешь ли, что для Бога хулы большій нѣтъ, какъ это самое слово: „поздно“. Никогда не поздно, и грѣхъ свершился—не поздно... Вознеси молитву, воздохни отъ сердца самага, смирись, нади передъ славою небесной и крикли: „прости, Владыко!“—и узнаешь, что не поздно. Демоны-то отчаяніемъ тожь дѣйствуютъ. Грѣшнику внушаютъ это самое „поздно“. Кончено-де, ты уже нашъ, и Богъ тебя не захочетъ. Лучше тебѣ о Немъ и не думать, а за нами идти. И слушаетъ ихъ овца заблудшая. Въ бѣсовскихъ рукахъ отчаяніе—мечъ обоюдоострый. Они имъ вотъ какъ разятъ. „Поздно“. Никогда не поздно. Вылетѣла душа твоя—ну, тогда поздно, а пока дыханіе въ тебѣ, пока, если ужъ не сказать, а только внутренне помыслить можешь: „Отецъ мой небесный, отпусти недостойному чаду Своему грѣхъ, передъ Тобою содѣянный!“ и то не поздно. Потому, что такое Богъ? Богъ есть любовь,—великая, безграничная, вѣчная любовь.

И міры, и души Онъ движетъ любовью, неужли же ты думаешь, что если у тебя сохранилась искра любви къ Нему, къ средоточію любви, такъ Онъ на слабое мерцанье твое не отвѣтитъ потоками слѣпящаго свѣта. Неужли мать на крикъ и дурного сына не прибѣжитъ къ нему. А Онъ превыше всякой матери, ибо и материнская любовь только тусклое отраженіе Его любви ко всѣмъ намъ, сотвореннымъ по образу Его и подобію. Поняла ты меня? Такъ вотъ, прежде всего, душа мятущаяся, покайся въ этомъ „поздно“.

И вдругъ болѣзненная и слабая мать Клеопатра, точно что-то ее подняло, встала, пошла къ дверямъ, заперла ихъ и вернулась къ Еленѣ Борисовнѣ.

— Встань... Сюда...

Она положила ей руки на плечи.

— Не передъ мною склони колѣна, а предъ величіемъ Его...

И сама опустилась рядомъ.

— Господи! Владыко мой любвеобильный, Отче, промышляющій о каждомъ дыханіи... Спаси душу, утратившую пути Твои, отыщи ее блуждающую въ пустынь, изми отъ враговъ Твоихъ, веселящихся тоскѣ ея и приведи въ стадо Свое! Боже мой, Боже! Мы безъ Тебя бессильны и жалки, призи на немощь нашу. Зачти намъ и то слабое влеченіе къ Тебѣ, что живетъ еще въ сердцѣ человѣческомъ. Прости намъ отчаяніе, ибо изъ добраго источника оно. Вѣдаемъ чистоту и святость Твою и видимъ свой грѣхъ и всю низость паденія нашего, и посему сомнѣваемся, чтобы Ты, Вѣчный и Милостивый, бросилъ намъ лучъ свѣта Своего. Уйми бореніе страстей и утиши ихъ пылъ, да не сожгутъ они дивныхъ даровъ Твоихъ... Смири насъ, дабы могли мы понять, что передъ величіемъ Твоимъ одинаково ничтожны и червь ползущій, и царь, шествующій въ блескѣ могущества земного. Самъ Ты сказалъ, Господи: уповающіе на Мя не погибнутъ, но спасутся... А у насъ, Отче нашъ, только и осталось, что упованіе...

— Повторяй за мною!—строго приказала она Еленѣ Борисовнѣ.

— Владыко Господи, Иисусе Христе, Боже мой! Твоего ради страданія, на крестѣ распятія и погребенія, не остави меня въ грѣсѣхъ погибнуть, зане же зѣло грѣшна есмь, но по множеству щедротъ Твоихъ очисти вся беззаконія моя, и даждь ми, Твоимъ заступленіемъ безъ напасти препроводить животъ мой и радости святыхъ причастника ми быти сподоби, яко благо и человѣколюбецъ!.. Аминь.

Она встала, радостно взглянула на потрясенную Елену Борисовну, положила ей опять руку на голову.

— Забудь это слово „поздно“, страстную душу оно ведетъ къ погибели... А у тебя въ сердцѣ огонь. Пусть онъ пылаетъ любовью не къ человѣкамъ, а къ источнику небеснаго огня... У тебя есть мужъ. Не лежитъ къ нему душа у тебя—исполнй долгъ свой... Твой тещъ преслѣдуетъ тебя—помолись за него: ему хуже, чѣмъ тебѣ, придется на страшномъ судѣ Христовомъ. Да не вмѣнить ему Господь слезы, пролитыя тобой. И безъ того ему будетъ тяжело...

— Онъ тоже молится.

— „Устами призываете Имя Мое, а въ сердцѣ бѣса содержите“. Я не о такихъ молитвахъ говорю... Ну, до свиданія, помни же. Мы, жепщины, лучше понимаемъ другъ друга и вѣрнѣе, и знаемъ, на что каждая изъ насъ способна. Молись Пречистой—Она Сама женщиной была и страдала, и мучилась. Искушенія не страшны тому, кто Бога ищетъ... Такъ мы будемъ ждать тебя, я и матери Александрѣ скажу... А мнѣ еще надо съ хозяйками переговорить...

XV.

Мать Клеопатра съ однимъ дѣломъ покончила; у нея на душѣ еще оставалось другое.

„Этот Геронтий не даромъ къ Барсуковымъ ѣздитъ, — думала она, вспоминая красиваго монаха. — Надо бы поговорить съ дѣвками-келейницами (такъ и въ Устьинскомъ монастырѣ звали Пуню и Нюню). А то надѣлаютъ глупостей, а потомъ плакаться будутъ“.

Но сразу она не могла еще настроить себя на болѣе спокойный ладъ. Бесѣда съ Еленой Борисовной подняла и на душѣ у старой игуменьи много давно забытыхъ былей. Она вспомнила несбывшіяся надежды, разочарованія, обманы, удары, нанесенные любимой рукою и потому еще тяжелѣе достававшіеся ей. И она металась и мучилась, и она въ ослѣпленіи восклицала „поздно“, а когда благодать посѣтила ее, и она узнала покой душевный, ей самой стало безконечно жалко всѣхъ, кто шелъ по той же дорогѣ и далеку еще былъ отъ тихой и мирной пристани. Благодать посѣтила, и она узнала покой, но вѣдь и до сихъ поръ въ бессонныя ночи ей случается задыхаться, вспоминая, сколько разъ счастье было возможно и упущено ею. Что въ этомъ грѣхѣ за сладость, что даже, не совершивши его, — плачешь о немъ. Есть натуры спокойныя и безстрастныя. Имъ легко, но вотъ такимъ, какою была она, мать Клеопатра, или какъ Елена теперь, — трудно достается жизнь. Страсти — плохіе свѣточы. Они, какъ блуждающіе огни на болотѣ, того и гляди заведутъ въ такую трясиину, гдѣ и не опомнишься, какъ съ головой уйдешь въ незамѣтные издали омуты... Да, жизнь есть именно послушаніе, надо пройти черезъ него, даже черезъ грѣхъ, чтобы потерять вѣру въ свою силу и только и укрѣпиться, что въ надеждѣ на Бога. Безъ грѣха бы всѣхъ насъ гордыня обуяла, пожалуй, поэтому и грѣхъ для нашего спасенія нуженъ...

Она подошла къ дверямъ.

— Еликонида.

— Что прикажете, матушка?

„Вотъ, въ этой душѣ, пожалуй, все ровно, — думала игуменья о своей дѣвушкѣ. — Ни бурь, ни омутовъ. А все же, ни я, ни Елена, пожалуй, не помѣнялись бы съ нею“.

— Позови ко мнѣ хозяекъ.

— Старшая-то — на кухнѣ.

— Скажи, чтобы бросила... Я не надолго.

Пуня явилась первая. На ней новая брошка. Она сегодня была не въ себѣ. Всю ночь ей снились „такіе“, какъ она ихъ называла, сны. Съ Еликонидой она уже подѣлилась ими.

— Только какъ засну — такъ и счастлива. За иной сонъ-то зубами кажется схватилась бы, а отъ него ничего не остается.

— А мнѣ такъ и сновъ не снится... Сплю какъ убитая, — отвѣчала та.

— Что я хотѣла у васъ спросить? — обратилась Клеопатра къ Пуни. — Этотъ монахъ у васъ часто бываетъ?

— Да, раза два въ недѣлю, — чай пить ѣздитъ. Ему дорога мимо изъ монастыря.

— Ага! Ну, а рѣчей насчетъ вашей усадьбы онъ не заводилъ?

— Какъ же. Всякій разъ.

— Вотъ какъ... Здравствуйте...

Нюня вошла вся красная — только что отъ плиты оторвали. Едва успѣла пригладить сѣдые волосы, лежавшіе у ней направо и налево наподобіе собачьихъ ушей.

— Спрашиваю я у вашей сестрицы о Геронтіи.

— Да... Монахъ хорошій... За все благодаренъ. Малость ему сдѣлаешь — сейчасъ пріѣзжаетъ благодарить.

— Вотъ-вотъ. Я и сама такъ думала. Дальновидный инокъ. Математикъ.

— Какъ вы сказали?

— Нѣтъ, это я такъ; расчеты хорошо дѣлаешь.

— Онъ вообще умный. И когда говоритъ, такъ на душѣ дѣлается такъ сладко.

— Уста медоточивыя. Я вотъ спрашивала ее, заводилъ онъ съ вами рѣчь о вашей усадьбѣ?

— Еще бы... Онъ, мать Клеопатра, выгодное дѣло предлагаетъ.

— Ну?

— Продать землю обители, а самимъ остаться здѣсь до смерти хозяйками.

— Не пойму. Обители землю и усадьбу, а вы все-таки хозяйки...

— По-ихнему хорошо это выходить... Жаль, вы съ нимъ не увидите, онъ бы это лучше объяснилъ.

— Ну, мнѣ, пожалуй, и не объяснилъ бы. Хотите моего совѣта послушаться? Я вѣдь вамъ добра желаю. Послѣ смерти — будь что будетъ, не ваша забота. Да и завѣщать вы можете кому хотите... А до тѣхъ поръ не продавайте земли. Ну, на что вамъ деньги?

— Да денегъ не будетъ.

— Вотъ тебѣ и на... Какъ же это такъ?

— Деньги въ монастырѣ останутся. Тамъ вѣрнѣй.

— Чего лучше! — Мать Клеопатра засмѣялась. — Все это глупости, милыя вы мои; земли чужой мнѣ не жаль, а о вашей судьбѣ моя душа сострадаетъ. Будете вы ни при чемъ. Вотъ что, ужъ если очень васъ отецъ Геронтий убѣдитъ, — сѣздите вы къ отцу Варлааму, архимандриту, да съ нимъ посовѣтуйтесь. Онъ старецъ справедливый. И какъ онъ скажетъ, такъ вы и сдѣлайте. Слышите? А безъ него — ни-ни. Благословить онъ, — хоть даромъ отдавайте, а не благословить — сидите смирно. Уговорить-то васъ легко, особенно такому убѣдительному иноку, какъ казначей ихній... А вы какъ потомъ будете? Вѣдь если земля не ваша, то васъ и согнать съ ней можно.

— Кто же это, помилуйте!

— Положимъ, самъ Геронтий не сдѣлаешь. Ну, а представьте — его назначать куда-нибудь игуменомъ, и онъ уйдетъ, или умретъ... А другому-то до васъ дѣла нѣтъ. Другой задумаетъ здѣсь скитъ поставить, либо монашеское хозяйство завести. Что вы тогда?

— Какъ же это онъ такъ необдуманно, отецъ Геронтий.

— Ну, нѣтъ, обдумалъ-то онъ это отлично... Да вы вотъ что, не хотите съ отцомъ Варлаамомъ, можетъ-быть, точно, что онъ слишкомъ высокъ для васъ, такъ вы скажите Геронтію, — пусть онъ ко мнѣ пріѣдетъ поговорить. А я ужъ васъ въ обиду ему не дамъ.

— Вотъ и отлично.

Нюня лишь бы самой ни о чемъ не думать.

— И онъ будетъ доволенъ! — продолжала Нюня.

— Ну, этого я не думаю. Довольнымъ ему быть нечего... А только жалко мнѣ васъ. Очень безцвѣтно живете вы.

Нюня удивилась. Чѣмъ это безцвѣтно? Лучше другихъ живутъ. Сегодня, на примѣръ, къ обѣду четыре блюда... Но Пуню дѣйствительно въ сердце ударило. Она на эти вещи была болѣе чутка, чѣмъ ея сестра.

— И безцвѣтно, и скудно! — продолжала Клеопатра. — Душа-то у васъ ни къ чему не приросла. А вы вѣдь знаете, намъ, женщинамъ, какъ улиткамъ, непременно за что-нибудь уцѣпиться надо, чтобы хорошо себя чувствовать.

— Да, это такъ! — тихо согласилась Пуня.

— Цвѣты такіе есть въ тропикахъ. Ползетъ стебель по землѣ и только одни листья даетъ. Потомъ перекинется къ дереву. Подыметъ по нему повыше... И сейчасъ же нижняя часть стебля отсыхаетъ, а то, что къ дереву прижалось, корни въ древесину ему пускаетъ. Пустить корни — и цвѣтъ дастъ, и благоухаетъ.

— Безъ привязанностей жутко! — еще тише проговорила Пуня.

— Оттого вы и Геронтія слушаете. Вамъ кажется, что онъ расположенъ къ вамъ, сочувствуетъ одиночеству вашему. А вы дѣтей любите?

— Да какъ же. Ихъ нельзя не любить.

— Ну, такъ вотъ. Я вамъ пришлю изъ монастыря дѣвочекъ. Есть у насъ такія — приведутъ матери да уйдутъ... Развѣ за богомолками усмотришь? Оставятъ

намъ—мы ихъ и поднимаемъ. Хотите, двухъ—позаботьтесь о нихъ: обшейте, обмойте, подучите,—а потомъ, если надобьсть, верните, у насъ имъ найдется и призоръ, и приютъ.

Пуня обрадовалась.

— Сегодня же вечеромъ я за ними сама приѣду.

— Ну, когда хотите. Онѣ не сбѣгутъ вѣдь...

Елена возвращалась въ монастырь къ мужу и тестю въ смутномъ состояннн духа. И умиленіе послѣ молитвы матери Клеопатры не сбѣжало еще съ ея молодой души, и самой ей хотѣлось смириться, пострадать, вынести мучительство, и въ то же время воспоминаніе о Николаѣ Львовичѣ палило ее всю и одурманивающимъ чадомъ окутывало голову. И вмѣстѣ съ этимъ понимала: это грѣхъ не по катехизису, а настоящей, потому что матери Клеопатрѣ она вѣрила. Нельзя было относиться къ этому такъ легкомысленно, какъ прежде. Тутъ всей жизни переломъ готовился, и новаго безвѣстнаго она начинала пугаться. Не оторви ихъ вчера другъ отъ друга—дѣло другого рода. Ну, взялъ бы онъ ее, и она пошла бы за нимъ... А сегодня не то что опомнилась, а страхъ какой-то или предчувствіе несчастья подымалось въ ней... Въ монастырѣ, когда она поднялась къ себѣ, ее въ коридорѣ встрѣтилъ Моисей Лукичъ.

— Насладились?—прошипѣлъ онъ.

Она даже вздрогнула. Откуда этотъ узналъ?

— Чѣмъ это?—прислонилась она къ стѣнѣ, подымая на него испуганные глаза.

— Какъ же, цѣлый вечеръ съ просвѣщенной монахиней проболтали.

— Ахъ... это!..

— Мужъ тутъ одинъ скучалъ... А жена въ чужомъ мѣстѣ ночевала, и какъ же это по-вашему понимать. Можеть-быть, такъ и слѣдуетъ, и я дуракъ, такъ вы меня извините, дурака.

— Охотно.

— Что охотно-съ?

— Извиняю.

— Вотъ какъ... Душевно благодаренъ. А ежели бы на мѣстѣ Алешки я былъ, знаете, какъ съ вами поступилъ бы? Даже въ „Сводѣ законовъ“ статья такая существуетъ... Вернемся въ городъ, я ее вамъ покажу. Прочтите и зарубите въ памяти. Мужу и законъ даетъ право бить жену. Да-съ, понимаете, бить, бить, только чтобы не увѣчить... А власть — сколько душѣ угодно, за косу да мордой въ стѣну, мордой въ стѣну-съ... Мордой... Потому что это не увѣче, ежели красоты лишится... И жизни не угрожаетъ!

Она всыпхнула, хотѣла-было отвѣтить, крикнуть на него, но вспомнила мать Клеопатру и ея наставленія, посмотрѣла на дрожащаго отъ злости старика, какъ на пустое мѣсто, и пошла... Тотъ, впрочемъ, ухватилъ ее за руку.

— Вы что-жъ, какъ это принимаете, а?.. Не удостоиваете отвѣтить?

— Жалкій вы человекъ, Моисей Лукичъ!

Тотъ такъ и приросъ къ мѣсту. Она ушла ужъ къ себѣ, а онъ еще стоялъ въ коридорѣ.

— Тѣфу ты!.. — обругался онъ. — Господи, да убери Ты ее къ себѣ. Освободи насъ...

И онъ со злости заскребъ себя ногтями до крови. Потомъ кинулся къ ней, хотѣлъ двери отворить. Оказались запертыми изнутри. Постучался—ни слова...

— Ну, сиди, сиди, какъ медъ кисни. Завтра васъ отецъ Варлаамъ къ себѣ ждетъ!—крикнулъ онъ ей, не стѣсняясь тѣмъ, что другіе богомольцы, высунувшись изъ келій, слушали его. — Вы съ нимъ поговорите. Старецъ премудрый, онъ васъ словами уязвить...

Она молчала, сидя у окна.

Обычная жизнь начиналась. За день она и отдохнуть отъ нея не успѣла... Помолиться хотѣла, но душа болѣла отъ оскорбленій. Не до молитвы было ей теперь...

„Хорошо разсуждать матери Клеопатрѣ,—подумала она.—Со стороны вѣдь все легко!“

(Продолженіе будетъ.)

Стихотворенія

Б. М. Фофанова.

I.

Въ часы раздумья рокового
Я встрѣтилъ спутника ночного;
Холодный выходецъ могиль,
Онъ былъ безмолвенъ и унылъ.
Какъ тихій вѣтеръ—влагой зыбкой,
Играли мертвою улыбкой
Его поблекшія уста,—
И вмѣсто глазъ—двѣ черныхъ щели
Огнемъ блуждающимъ блестѣли,
Какъ отдаленная мечта.
Онъ шелъ за мной—и саванъ пыльный
Сметалъ слѣды невѣрныхъ ногъ.
Не жаждалъ жизни онъ, безсильный,
А смерть постигнуть все не могъ!..

И я отъ спутника нѣмого
Бѣжалъ, раздумье позабыть,—
Упитья ядомъ зла людского
И умъ, и грудь ожесточить!
Извѣдавъ горечь пощѣлуя
И за любовью ложь прозрѣвъ,
Душа проснулась негодуя,—
И звалъ къ отмщенію мой гнѣвъ!
Въ тотъ часъ борьбы моей душевной, —
Опять явился спутникъ мой,
Теперь онъ весь дышалъ грозой,
Неумолимою и гнѣвной.
Ни передъ кѣмъ не трепеща,
Онъ не искалъ себѣ доврѣя,
На шлемѣ развѣвались перья,

И мечъ сверкалъ изъ-подъ плаща.
Онъ сыпалъ бѣшено проклятья
И звалъ воинственно на бой, —
Но устранился я пожатья
Его десницы роковой!

И я бѣжалъ его, смущенный,
Бѣжалъ въ затишье, въ лѣсъ зеленый,
Къ лугамъ, къ студеному ручью,
Чтобъ плакать тайными слезами,
Чтобъ злобу раздѣлить свою
Лишь съ кочевыми облаками.
И что-же?.. Снова спутникъ мой
Сидѣлъ у ногъ моихъ склоненный,
Какъ другъ, какъ геній неземной,
Съ вѣнкомъ и съ арфой золоченой.
Благословляя нашъ удѣлъ,
Онъ не просилъ ни мукъ, ни битвы...
Шепталъ забытыя молитвы
И пѣсни райскія мнѣ пѣлъ!..

II.

Въ ногахъ моихъ цвѣты; надъ головой лазурь,
А въ сердцѣ тайный шумъ невысказанныхъ бурь,—
Тревога смутная, безумная тревога!..
О, сердце, неужель еще ты ищешь Бога?
Ты не нашло Его!—Онъ Самъ пришелъ къ тебѣ!..
Смири же буйный вопль смятеній бесполезныхъ,—
Воскресла истина, и демонъ умеръ въ безднахъ!
Есть люди... есть борьба... есть счастье въ борьбѣ!..

XXV передвижная выставка. „Послѣ погрома“.
Съ карт. (исключит. право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“) А. Е. Архилова грав. Шюблеръ.

Романтика въ музеяхъ.

Очеркъ Э. Либермейстера.
(Съ 14 рисунками.)

По общему мнѣнію, поэзію и романтизмъ, все выходящее изъ рамокъ будничной жизни, все волнующее умъ и фантазію, можно найти, покинувъ суету столицъ, въ ущельяхъ и

Рис. 1. Портландская ваза.

долинахъ Альповъ, на берегахъ дивныхъ озеръ Комо и Маджоре, на сапфировыхъ волнахъ Средиземнаго моря. Но мало кому придетъ въ голову отыскивать романтическій элементъ въ тихихъ залахъ музеевъ и коллекцій, по которымъ неслышными шагами расхаживаютъ молчаливые сторожа. А между тѣмъ музеи имѣютъ свою поэзію, свои тайны, и если бы хранищіеся въ нихъ мертвые предметы могли разсказать о

своемъ происхожденіи, обо всемъ, что ими пережито, если бы вмѣсто померовъ и краткаго обозначенія въ каталогѣ они были снабжены листками, которые разсказывали бы ихъ исторію,

Рис. 2. Осколки портландской вазы.

наго сплава, подражающаго опиксу; цвѣтъ ея темно-аметистовый; стекло нѣсколько просвѣчиваетъ. Сосудъ украшенъ бѣлоснѣжными барельефомъ, представляющимъ превосходно выполненныя арабески и фигуры, вставленныя въ стекло общаго фона. По мнѣнію одного знатока, изготовленіе этой вазы потребовало много лѣтъ работы. Она найдена въ мраморномъ саркофагѣ, въ одной изъ могилъ Монте-дель-Грано близъ Рима. Согласно надписи на саркофагѣ, онъ былъ поставленъ въ склепъ въ 225 году по Р. Х., а въ урнѣ заключался прахъ императора Септимія Севера и его матери, Юліи Маммы.

Раскопки на Монте-дель-Грано были предприняты около половины XVII вѣка по распоряженію папы Урбана VIII (Барберини), и ваза болѣе двухъ столѣтій составляла главное украшеніе дворца Барберини. Въ 1796 году герцогъ Портландъ принесъ ее въ даръ Британскому музею, гдѣ она и хранилась въ стеклянномъ шкапикѣ на маленькомъ столикѣ въ первой залѣ. 7 февраля 1845 года посетители музея услышали въ этой залѣ громкій трескъ, и сбѣжавшіеся туда сторожа увидѣли на полу осколки драгоцѣнной вазы, разбившейся вмѣстѣ со стекляннымъ футляромъ въ мелкіедребезги.

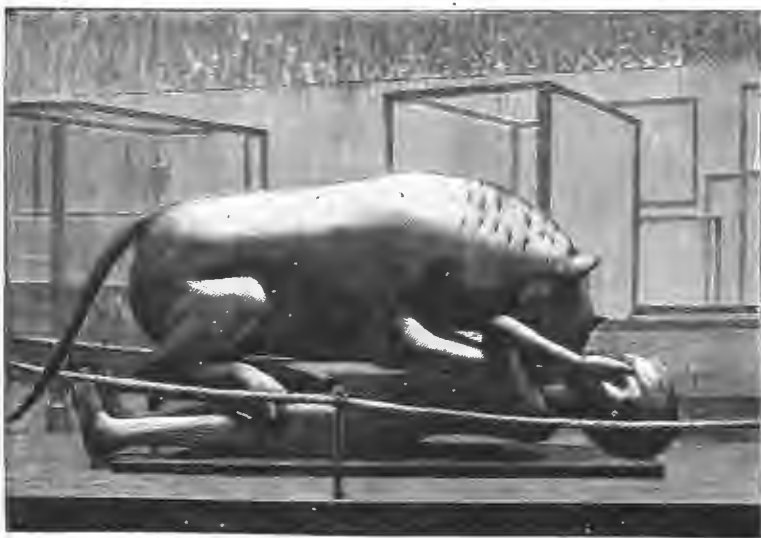

Рис. 3. Тигръ Типпу-Самба.

сколько матеріала для самыхъ замысловатыхъ романовъ и повѣстей всплыло бы на свѣтъ Божій къ удовольствію романистовъ и драматурговъ!

Привѣсивъ же подобныя билетки къ нѣкоторымъ предметамъ, видѣннымъ нами въ разныхъ музеяхъ, и, несмотря на неполноту приводимыхъ нами свѣдѣній, читатель несомнѣнно подивится тому, какъ много интереснаго въ торжественно тихихъ и на видъ скучныхъ залахъ музеевъ.

Въ томъ залѣ Британскаго музея въ Лондонѣ, гдѣ хранятся золотыя украшенія и драгоцѣнности, стоитъ подъ стеклышкомъ колакомъ на красномъ плюшѣ древняя греческая ваза, такъ называемая Портландская ваза (рис. 1). Въ вышину она имѣетъ 25 сантиметровъ, въ окружности—55. Она состоитъ изъ стекля-

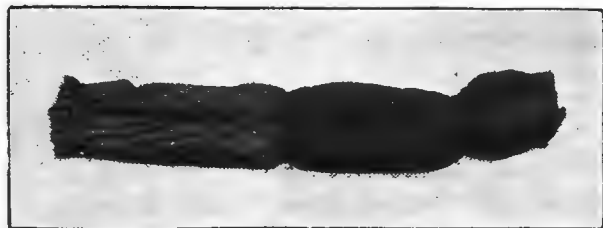

Рис. 4. Кусокъ каната изъ человѣческихъ волосъ.

Двери музея были тотчас же заперты, и по горячим следам проведены розыски виновного. Оказалось, что вазу разбил пёкто Вильям Лойд, художник-декоратор из Дублина. Сначала он прикинулся пьяным, думая избѣжать наказания, но на дальѣйшихъ допросахъ выяснилось, что этотъ человекъ совершилъ свой воамутительный поступокъ для того,

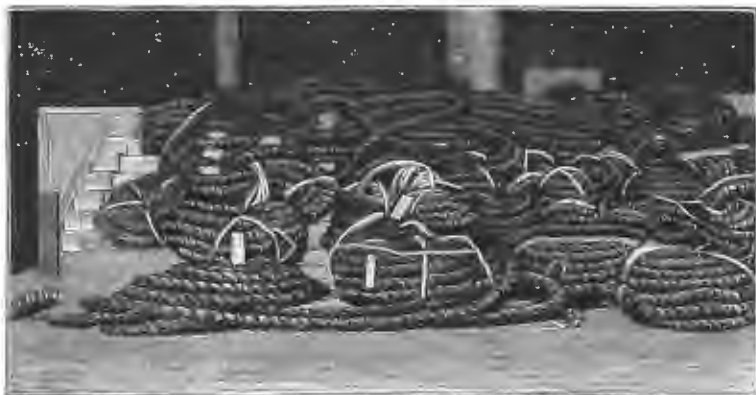

Рис. 5. Вѣрки изъ человѣческихъ волосъ, сплетенныя благочестивыми буддистами въ Японіи.

чтобы „прославиться“. Достоинно замѣчанія, что англійскіе законы въ то время не налагали другого наказанія за умышленную порчу чужой собственности, какъ только штрафъ въ пять фунтовъ стерлинговъ въ пользу владѣльца, замѣтившійся въ случаѣ несостоятельности виновнаго соответствующимъ арестомъ. И такъ, злодѣй былъ приговоренъ къ штрафу въ пять фунтовъ стерлинговъ, но такъ какъ у него нашлась только пара шиллинговъ, то рѣшено было посадить его на два мѣсяца въ тюрьму. Вскорѣ послѣ ареста этого человека тюремное на-

Рис. 6. Туалетный столъ Маріи-Антуанеты.

частью получило по почтѣ пять фунтовъ стерлинговъ отъ невѣстнаго „благодѣтеля“, съ просьбой внести эту сумму за Вильяма Лойда и выпустить его изъ тюрьмы. Злодѣй былъ освобожденъ, и его вандализмъ остался безнаказаннымъ. Съ невыразимымъ трудомъ ваза была составлена изъ кусочковъ, склеена и восстановлена въ прежнемъ видѣ; такую она красуется и до сихъ поръ въ залѣ драгоцѣнностей Британскаго музея. Рядомъ съ нею въ нишѣ виситъ рисунокъ, изображающій осколки разбитой вазы (рис. 2); подъ нимъ надпись: „Разбита 7 февраля 1845 года, восстановлена 10 сентября 1845 года. Джонъ Дубльдей“.

Другимъ, также замѣчательнымъ номеромъ нашей коллекціи, является такъ-называемый *тиръ Типпу* въ Кейптонѣ (рис. 3). Это музыкальный инструментъ изъ бронзы, сдѣланный для забавы храбраго индійскаго раджи Типпу-Саиба; онъ представляетъ англійскаго офицера въ костюмѣ прошлаго столѣтія, котораго новалилъ и терзаетъ тигръ, олицетворяющій Индію. Такимъ образомъ группа представляетъ карикатуру на Англію, противъ которой Типпу-Саибъ ожесточенно боролся. Раджа часто приказывалъ приносить тигра на придворныя празднества;

слуга вертелъ рукоятку, и лежащій англійчанинъ начиналъ судорожно двигать руками и издавать произзительные крики, а тигръ фыркалъ и глухо рычалъ. Звукъ производился инструментами, помѣшавшимися въ туловищѣ тигра и груди англійчанина. Послѣ ваятія Серингапатама ость-индская компанія приобрѣла эту интересную игрушку. Въ 1880 году коллекція компаніи, вмѣстѣ съ тигромъ Типпу-Саиба, перешли въ Британскій музей. Когда однажды, изъ-за какой-то помятки, пришлось вскрыть шкуру тигра, внутри оказалось множество клавишей изъ слоновой кости и четыре ряда трубъ, суди по надписи, изгоовленныхъ.. въ Лондонѣ.

Очень интересенъ тотъ стеклянный ящикъ въ Британскомъ музеѣ, въ которомъ хранится колоссальной толщины канатъ, свитый изъ человѣческихъ волосъ,— одинъ изъ тѣхъ, которые употребляютъ при постройкѣ деревянныхъ храмовъ въ Япоіи приверженцами религіи Шинто (рис. 4). Канатъ, имѣющій въ поперечникѣ полфута, представляетъ сумму головныхъ уборовъ многихъ тысячъ набожныхъ людей. Въ другомъ ящикѣ этого же отдѣленія хранится цѣлая груда веревочекъ изъ того же матеріала, пожертвованнаго благочестивыми буддистами въ Япоіи для постройки храмовъ (рис. 5).

Но это только маленькая частіца тѣхъ волосяныхъ жертвъ, которыя находятся въ распоряженіи главнаго жреца при храмѣ Гори—Гванъ и въ Киото. Когда въ 1813 году въ Германіи одна красавица молодая дѣвушка, по имени Фердинанда фонъ-Шметтау, обрѣзала

свои великолѣпные золотистые волосы, чтобы вырученныя деньги пожертвовать на освобожденіе родины отъ власти Наполеона, поступокъ ея былъ прославленъ и увѣковѣченъ поэтami и художниками. Сколько картинъ и стихотвореній потребовалось бы для прославленія великодушныхъ жертвъ благочестивыхъ японскихъ буддистовъ!

Можно было бы написать не одинъ романъ, воспользовавшись біографіей одного изъ тѣхъ страстныхъ коллекционеровъ, которые обогащаютъ музеи драгоцѣнностями и рѣдкостями. Примеромъ можетъ служить бывший питомецъ дома приватной бѣдноты, Джонъ Джонсъ, завѣщавшій Кейптонскому музею великолѣпную коллекцію произведеній искусства и старинной мебели, самыя замѣчательныя экземпляры которой—туалетный столикъ Маріи-Антуанеты и икаль Людовика XIV (рис. 6 и 7).

Этотъ интересный мистеръ Джонсъ былъ портнымъ; послѣ его смерти — въ 1882 году — осталось состояніе въ нѣсколько

Рис. 7. Шкапъ Людовика XIV.

милліоновъ рублей. Въ послѣдніе годы жизни онъ жилъ въ Лондонѣ въ маленькомъ домищкѣ, биткомъ набитомъ драгоцѣннѣйшею мебелью, произведеніями искусства изъ мрамора

Подъ сѣнью креста. Съ карт. Северо Альтамура грав. Веберъ.

„Ненасытный“. Съ карт. Г. Каульбаха грав. Брендамуръ.

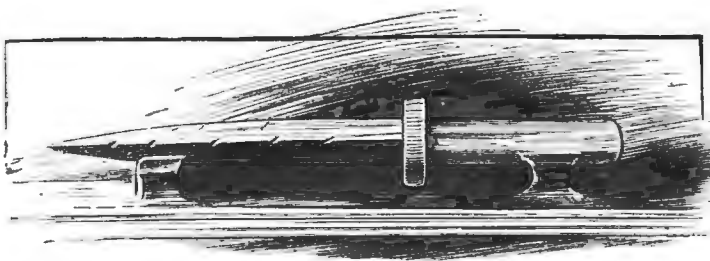

Рис. 8. Железный болт съ корабля «Джонъ».

и яшмы, вазаны и бездѣлушки. Столовая въ этомъ домикѣ имѣла не болѣе семи футовъ длины, остальные комнаты были соответственныхъ размѣровъ; но при всемъ томъ прислужные оцѣнщики оцѣнили заключавшуюся въ домикѣ коллекцію въ милліонъ рублей на наши деньги. Джонъ Джонсъ никогда не былъ женатъ и не имѣлъ близкихъ родственниковъ; онъ жилъ въ своемъ домикѣ одинъ со старымъ слугою и имѣлъ только одну страсть—собирать рѣдкости и драгоценности. По словамъ слуги, этотъ оригинальный старикъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не посѣтить всевозможныхъ распродажъ и аукціоновъ для обогащенія своихъ коллекцій. Такимъ образомъ домъ наполнился всевозможными драгоценностями чуть не до потолка; по комнатамъ едва можно было двигаться. Однажды онъ купилъ за 3000 фунтовъ стерлинговъ голубую северскую вазу съ медальонами. Нѣкоторые знатоки усомнились въ подлинности вазы вслѣдствіе ея темнаго цвѣта. Джонъ Джонсъ, не долго думая, отправилъ вазу съ нарочнымъ на знаменитую фарфоровую фабрику въ Севрѣ, во Франціи, предварительно застраховавъ цѣнную посылку и принявъ относительно нея всевозможныя мѣры предосторожности. Въ Севрѣ дали удостовѣреніе, что ваза настоящая. Это стоило большой суммы, но въ такихъ случаяхъ мистеръ Джонсъ денегъ не жалѣлъ.

Туалетный столъ несчастливой Маріи-Антуанеты составляетъ одно изъ украшеній коллекціи Джонса. Милліонеръ купилъ его въ пятидесятыхъ годахъ за 6000 гиней.

Неодрражаемо прекрасенъ въ коллекціи Джонса шкатель Людовика XIV, сдѣланный по рисункамъ Верани знаменитымъ Булемъ. Сколько странствовали объ эти вещи по бѣгу свѣту и чего онѣ не посмотрѣлись на своемъ вѣку, прежде чѣмъ попали въ домикъ портного Джонса!

Другая рѣдкость музея, хотя совершенно иного рода,—простой железный болтъ, имѣющій пятнадцать дюймовъ длины и семь футовъ вѣсу (рис. 8). Съ нимъ связанъ одинъ почти чудесный случай. Этотъ кусокъ желѣза былъ принадлежностью матчы на суднѣ «Джонъ» изъ Скарборо. Одинъ матросъ хотѣлъ ввести болтъ въ матчу, болтъ выскользнулъ у него изъ рукъ, полетѣлъ внизъ на палубу, попалъ въ плечо стоявшему внизу матросу Тэйлору, прошелъ сквозь его тѣло и вышелъ наружу въ нижней части спины. Такимъ образомъ, болтъ, подобно нулю, провалявъ навывлетъ, въ длину, туловище матроса и послѣ этого еще засѣлъ глубоко въ палубу. Какимъ-то чудомъ не былъ задѣтъ ни одинъ жизненный органъ пострадавшаго, который, несмотря на страшную рану, могъ быть черезъ нѣтъ мѣсяцевъ выпущенъ изъ больницы и занять прежнюю должность.

Очень странная исторія—одного необыкновеннаго удара молніи—связана съ хранящимся подъ стекломъ въ музеѣ принадлежностями костюма нѣкоего Ормана (рис. 9). Лѣтомъ 1873

года рабочій, по имени Джемсъ Орманъ, былъ занятъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, подрѣзывать ивлянка близъ Ашфорда, какъ вдругъ хлынулъ проливной дождь и разразилась гроза. Рабочіе посѣгнули укрыться въ сарай, только Орманъ остался подъ ивой, у самого сарая. Внезапно въ сарай ударила молнія съ такой силой, что оконная рама была вырвана и отброшена далеко въ поле. Рабочіе въ испугѣ кинулись вонъ изъ сарая и замѣтили, что дерево, подъ которымъ стоялъ Орманъ, было также задѣто молніей. Башмаки ихъ товарища лежали подъ деревомъ, тогда какъ онъ самъ, отброшенный въ сторону, лежалъ почти нагой, громко зывая о помощи. Когда они оставили его за нѣсколько минутъ до страшнаго удара молніи, на немъ была толстая бумажная рубаха, фланелевая фуфайка, куртка и

Рис. 9. Платье пораженнаго молніей рабочаго Ормана.

панталоны изъ бумажной матеріи, стлнутые кожаныя ремни. Кроме этого, на Орманѣ были галасы, подбитые гвоздями башмаки, шляпа и часы съ стальной цѣпочкой. Теперь на тѣлѣ пораженнаго молніей рабочаго не оставалось ничего, кромѣ лѣваго рукава фуфайки, зато поле на окружности тридцати метровъ было устлано обрывками платья. У Ормана были опалены брови и борода, на груди оказалось множество ожоговъ, одна нога была сломана, очевидно, при паденіи; часы оказались пробитыми насквозь; отъ цѣпочки оставалось всего нѣсколько звеньевъ, она расплавилась, такъ же, какъ монеты, которыя рабочій имѣлъ при себѣ. Порванное платье, часы, остатки цѣпочки, монеты и башмаки Ормана поступили въ музей, въ число рѣдкостей. По словамъ рабочаго, онъ внезапно почувствовалъ сильный ударъ въ грудь, потомъ его ослѣпилъ свѣтъ, и въ ту же минуту онъ былъ подброшенъ на воздухъ. Хотя онъ увѣрялъ потомъ, что все время былъ въ сознаніи, однако, когда его подняли и привезли въ больницу, онъ былъ глухъ и психически разстроенъ; пришелъ онъ въ себя и могъ быть выпущенъ изъ больницы только черезъ двадцать недѣль. Научно этотъ необыкновенный случай объясняется тѣмъ, что платье рабочаго было насквозь промочено дождемъ, что сильно увеличивало его электропровод-

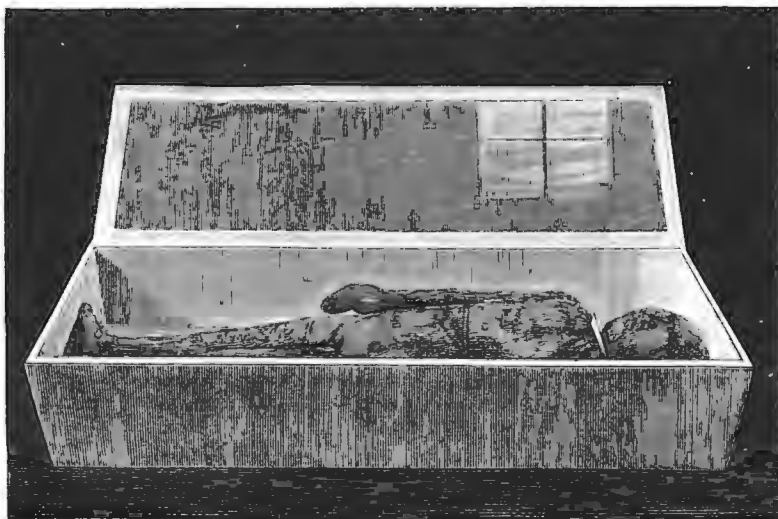

Рис. 10. Древнѣйшая въ мірѣ мумія.

пость. Электрический ток прошел по нему сверху вниз, про-
 наводя на всем своем пути пары, внезапное возникновение
 которых и было причиной того, что все платье отделилось от
 тела и было раскидано по полю. При этом особенного вни-
 мания заслуживает факт, что те части кожи, которая были
 покрыты фланелью, получили лишь легкие ожоги, тогда как

Рис. 11. Древняя и новейшая льняная ткань
 под микроскопом.

под бума-
 жными ткан-
 ми кожа бы-
 ла обожжена
 значительно
 сильнее.

Большой
 интерес в
 лондонском
 королев-
 ском музее
 представл-
 ет древней-
 шая в мире
 мумия (рис.
 10). По мнѣ-
 нию одного
 авторитета
 в области
 хирургии,
 профессора
 Флиндерс
 Петри, эта
 мумия отно-
 сится ко вре-
 мени четвер-
 той египет-
 ской дина-
 стии, слѣдо-

вательно ей шесть тысяч лѣтъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ
 поръ какъ похороненъ этотъ человекъ, но всей вѣроятности
 какой-нибудь сановникъ при дворѣ фараона, судя по способу
 бальзамированіи трупа!

Профессоръ Флиндерсъ Петри нашелъ мумію въ 1892 году
 въ одномъ изъ склеповъ меканской пирамиды, и самъ привезъ
 ее въ Англію. По словамъ ученаго, тѣло умершаго было пре-
 жде всего пропитано ароматическими маслами и эссенціями,
 потомъ покрыто слоемъ смолы и только тогда обернуто въ

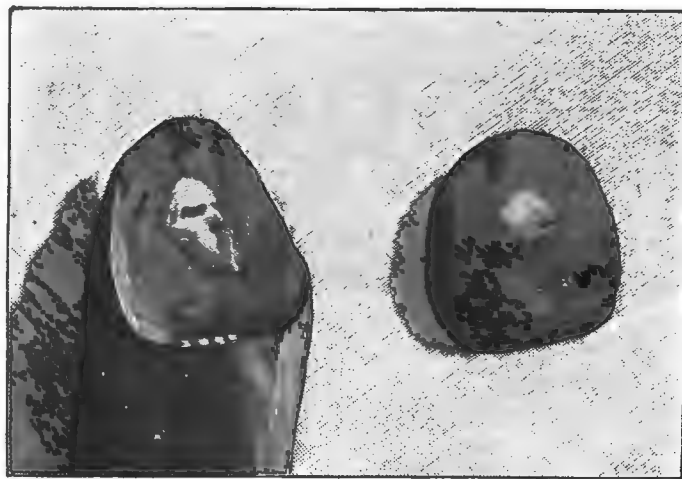

Рис. 13. Разбитая яшма съ портретомъ Чаусера.

полосы полотна. Лицо было разрисовано красками и имѣло
 видъ маски. Черезъ мѣсяцъ по прибытіи муміи въ Лондонъ
 ее осторожно освободили изъ покрывавшихъ ее оболочекъ.
 Бальзамированное тѣло имѣло видъ тонкаго пергамента.
 Мозгъ, превратившійся въ сухую пыль, оставался въ черепѣ;
 полость живота оказалась набитой льняными тканями. Мумія
 была обернута въ тонкое полотно. Профессоръ Флиндерсъ при-
 нялъ его сначала за папирусъ, но микроскопъ показалъ, что
 это льняная ткань. Ученый сравнилъ шеститысячелѣтнее по-
 лотно съ современнымъ, самымъ тонкимъ, какое нашлось въ
 Лондонѣ. Подъ микроскопомъ разница между обѣими тканями
 оказалась довольно существенной, древнее египетское полотно—
 еще болѣе тонкимъ, чѣмъ самое тонкое современное (рис. 11).

Кто повѣрить, что останки допотопнаго животнаго могутъ
 имѣть какое-либо отношеніе къ человѣческой судьбѣ? А между
 тѣмъ черезъ мамонта въ петербургскомъ музее имѣлъ громадное
 вліяніе на судьбу нашего великаго человека (рис. 12). Исторія,
 которую рассказываетъ этотъ огромный остовъ, гласитъ слѣ-
 дующее: въ верховьяхъ Волги жилъ на своемъ маленькомъ надѣ-
 лѣ тошаго сугливка бѣдный крестьянинъ Павелъ Петровичъ,

Рис. 12. Челюсть и клыки мамонта въ музее Императорской
 Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ.

занимавшійся обжиганіемъ кирпичей. Онъ былъ холостъ, не
 умѣлъ ни читать, ни писать и кое-какъ перебивался продажей
 кирпичей, которые формовалъ и обжигалъ самымъ первобыт-
 нымъ образомъ. Однажды онъ увидѣлъ во снѣ императора
 Николая, который велѣлъ ему выучиться читать и сказалъ,
 что тогда онъ разбогатеетъ. Павелъ сначала посягнулъ на
 странномъ своемъ, потомъ призадумался: сонъ былъ слишкомъ
 живъ, государь говорилъ такъ убѣдительно и смотрѣлъ на
 него такъ странно... Крестьянинъ пошелъ въ ближайшее мѣ-

Рис. 14. Крупнѣйшій изъ всѣхъ известныхъ метеоролитовъ.

стечко, въ разговорахъ трехъ часовъ ходьбы, къ школьному учителю и попросилъ научить его читать. Это была не легкая задача для человѣка тридцати пяти лѣтъ, но желѣзная воля превозмогла все, и черезъ полгода Павелъ Петровичъ могъ уже читать. Къ чему приложить теперь свое утѣбное? Учитель посоветовалъ ему подписаться на дешевую газету, чтобы знать, чтѣ дѣлается на свѣтѣ. Павелъ последовалъ совѣту, и газета помогла ему коротать длинные зимние вечера, отвлекая его въ то же время отъ пощенинъ деревенскаго кабака, гдѣ онъ прежде оставлялъ не одинъ трудовой рубль. Однажды ему попалась газетная замятка о предпринятыхъ въ Англии раскопкахъ для добычии костей доисторическихъ животныхъ, при чемъ ихъ предохраняли отъ разрушенія посредствомъ обмазыванія клеемъ. За хорошо сохраненный черепъ животного давали напереднемъ сумму, на русскіи деньги равную пяти тысячамъ рублей. Эта замятка поразила нашего крестьянина какъ громомъ: коналъ глину, онъ не разъ наткнулся на непонятныя кости, которыми всегда разбивалъ молотомъ и выбрасывалъ; онъ припомнилъ, что еще недавно наткнулся на черепъ, какъ онъ полагалъ, исподлинной лошади, отъ челюстей которой шли огромные загнутые клыки.

Павелъ досталъ клеемъ, распуталъ его въ киниткѣ и, поставивъ котелокъ съ клеемъ у огня, принялся осторожно освобождать остовъ изъ-подъ земли, смазывая вырытыя части клеемъ. Онъ замѣтилъ, что кости поглощали невѣроятно много клея, такъ много, что его сбереженій въ концѣ концовъ оказалось недостаточно для покупки клея, и ему пришлось войти въ долги. Не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями, онъ рылъ землю день и ночь, пока не отрылъ всего огромнаго черепа. Тогда онъ сообщилъ о своей находкѣ школьному учителю — раньше онъ никого не посвящалъ въ тайну своихъ поисковъ — и просилъ его дать знать кому слѣдуетъ въ Петербургъ. Учитель сдѣлалъ это, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Павелъ Петровичъ донелъ почти до шесты, изъ Петербурга явились къ нему трое господъ; велико было ихъ удивленіе при видѣ отличнаго состоянія найденнаго черепа; остальная костька мамонта крестьянинъ въ своемъ невѣдѣніи разрушилъ почти цѣликомъ. Петербургскіи археологи осмогрѣли нѣсколько уцѣлѣвшихъ костей, осмогрѣли и му и наконецъ предложили Петровичу продать имъ весь его падѣль.

Крестьянинъ имѣлъ смѣлость запросить десять тысячъ рублей; получивъ эту сумму безъ торга, онъ поѣхалъ въ Москву, открылъ тамъ торговлю старыми костями, желѣзомъ, оловомъ, и постепенно разбогатѣлъ. Онъ умеръ въ 1889 году собственникомъ большой фабрики оловянныхъ падѣлей. Голова мамонта была перевезена въ петербургскій музей, гдѣ и теперь находится. Раскопки на землѣ Петровича продолжались по распо-

ряженію правительства, и вскорѣ былъ найденъ еще одинъ, полный скелетъ мамонта, прекрасно сохранившійся; онъ считается однимъ изъ самыхъ большихъ въ мірѣ и составляетъ украшеніе петербургскаго музея. О величинѣ головы мамонта можно судить уже по тому, что каждый зубъ его, сидящій въ челюсти на глубинѣ 1' фута, имѣетъ въ длину, отъ корня до вершины, девять футовъ.

Еще одна рѣдкость — *сломяный камень*, мѣсто излома котораго представляетъ очертаніе человѣческаго лица (рис. 13). Камень хранится въ лондонскомъ естественно-историческомъ музее. Онъ не длиннѣе кисти руки и не шире трехъ пальцевъ; состоитъ изъ коричневой лины и имѣетъ форму футляра для очковъ. Одинъ погонщикъ, разсердившись на упрямство осла, поднялъ съ земли камень и бросилъ въ животное, при чемъ камень сломался. Погонщикъ увидѣлъ на сломанномъ мѣстѣ черты человѣческаго лица. Онъ показалъ камень одному англичанину, который нашелъ, что черты лица поразительно походили на портретъ поэта Чаусера, купилъ камень и отослалъ его въ лондонскій минералогическій кабинетъ, гдѣ онъ теперь хранится подъ стекломъ, какъ большая рѣдкость.

Въ заключеніе приводимъ исторію еще одного камня, а именно *крупнѣйшаго изъ найденныхъ до сихъ поръ метеоритовъ* (рис. 14). Этотъ унавишъ на землѣ осколокъ какого-нибудь разрушеннаго небеснаго тѣла вѣситъ 70 центнеровъ; найденъ онъ въ Мельбурнѣ, въ Австраліи. Пѣкко Брюсъ увидѣлъ въ хижинѣ одного крестьянина куски метеоритовъ и освѣдомился, имѣтъ ли по близости еще такихъ камней. Крестьянинъ повелъ его въ поле, гдѣ лежалъ огромный метеоритъ. Брюсъ купилъ камень за фунтъ стерлинговъ и послалъ его въ лондонскій музей. Когда этотъ фактъ огласился, жители Мельбурна предложили владѣльцу рѣдкостнаго камня большую сумму съ тѣмъ, чтобы метеоритъ остался въ Австраліи; но Брюсъ не согласился ни на какія предложенія. Между тѣмъ волненіе въ Мельбурнѣ дошло до такой степени, что было рѣшено послать судно водою за паромомъ, увозившимъ метеоритъ, и вернуть камень во что бы то ни стало въ Австралію. Наконецъ обратились къ англійскому правительству съ просьбой возвратить камень; однако, безъ согласія Брюса, эта просьба не могла быть удовлетворена, а упрямый англичанинъ не сдавался. Тогда австралійская колонія предложила раздѣлить камень на двѣ части и послать одну половину въ Мельбурнъ. Но и на это въ Лондонѣ не согласились. Предметъ споровъ, камень небеснаго происхожденія, остался навсегда въ лондонскомъ минералогическомъ кабинетѣ.

Этимъ мы и закончимъ нашу прогулку по музеямъ, въ увѣренности, что каждый, кто прочтетъ билетки, которыми мы снабдили нѣкоторые предметы, согласится съ нами, что въ тихихъ залахъ музеевъ можно найти много своеобразной поэзіи.

Къ рисункамъ.

Въ нашемъ отчетѣ о художественныхъ выставкахъ петербургскаго сезона, мы между прочимъ коснулись и картины г. Мисоѣдова: „Искушеніе“. Эта картина, какъ по своимъ размерамъ, такъ и по вѣчно цовой своей темѣ, привлекала къ себѣ вниманіе посѣтителей XXV-й передвижной выставки. Сколько художниковъ уже пытались изобразить на полотнѣ этотъ драматическій моментъ въ земной жизни Спасителя, когда послѣ сорокадневнаго поста въ пустынѣ дьяволъ началъ искушать Богочеловѣка! Г. Мисоѣдовъ не обозначаетъ въ точности, какой собственно эпизодъ онъ имѣетъ въ виду, — тотъ ли эпизодъ, когда Спаситель, чувствуя, что силы ему измѣняются, всталъ, и искуситель обратился къ нему со словами: „Если Ты—Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сии сдѣлались хлѣбми“, а Спаситель ему отвѣтилъ: „Не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ“; или же тотъ эпизодъ, когда дьяволъ взялъ его „на весьма высокую гору“ и показалъ ему „вѣсь царства міра и славу ихъ“, обещая дать ему все это, „если, падши, онъ поклонится ему“, а Исусъ ему отвѣтилъ: „Отойди отъ Мени, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему Единому служи“. Вслѣдствіе этого картина тернитъ въ опредѣленности, но художникъ, очевидно, хотѣлъ только воплотить въ образѣ общую идею искушенія: фигура дьявола устранена; мы не видимъ ни „царствъ міра“, ни „славы ихъ“; Спаситель стоитъ на высокой горѣ въ безплодной пустынѣ съ изможденнымъ отъ поста лицомъ, на которомъ выражено страданіе, но и сосредоточенная сила, вѣра, что онъ преодолеетъ всѣ искушенія, что духъ Его, обращенный къ Богу, восторжествуетъ надъ тѣломъ и надъ всѣми соблазнами міра. Эта вѣра, эта сила, тащащая въ изможденномъ тѣлѣ, сквозитъ во всей фигурѣ Христа, въ Его сжатыхъ рукахъ, въ спокойствіи, съ которымъ онъ предоставляетъ вѣтру бушевать вокругъ Него, трепать Его волосы, развѣвать Его одежду. И воодушевляющая Его сила дѣйствительно восторжествовала: душа побѣдила тѣло и всѣ соблазны, дьяволъ оставилъ Его, ангелы приступили и служили Ему.

Но если Богочеловѣкъ вышелъ съ торжествомъ изъ борьбы, если всѣ искушенія міра не могли сломить таявшуюся въ

Немъ нравственную силу, то не такъо удѣлъ слабымъ людей. Картина „Подъ сѣнью креста“ переноситъ насъ также на Востокъ, можетъ-быть въ страну, гдѣ совершилъ свое земное страданіе Спаситель. Предъ нами слабая женщина, поддающаяся естественному искушенію найти опору въ жизни, найти себѣ покровителя и мужа. И вотъ она брошена любимымъ человѣкомъ, изгнана изъ общества остальныхъ людей за свой грѣхъ, покинута, одинока. На кого ей надѣяться, въ комъ искать опоры? Обинмая своими слабыми руками сына, существо, наиболѣе ей дорогое на свѣтѣ, она преклонила голову и ждетъ спасенія не отъ людей, которые ее безсердечно отвергли, а отъ Того, Кто людекою злобою былъ Самъ пригвожденъ къ кресту и пострадалъ за грѣхи міра. Подъ могучею сѣнью Его любви она съ сыномъ ищетъ себѣ спасенія, потому что только эта любовь можетъ возвратить ее къ достойной человѣка жизни, избавитъ ее отъ злобы людей, быть-можетъ, возродитъ утраченное счастье. И оба, мать и сынъ, съ покорностью въярютъ свою судьбу любви, очищающей сердца людей, просвѣтляющей ихъ умы, ищутъ себѣ пріюта подъ любвеобильною сѣнью креста...

*

Этотъ „сборщикъ на храмъ“ — все тотъ же некрасовскій дядя Вася „въ армякѣ съ открытымъ воротомъ, съ обнаженной головой“...

Полонъ скорбью неутѣшномъ,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшномъ
По селянямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Быль у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собою говорить,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходить въ зимнюю студеную,
Ходить въ лѣтние жары,
Вызывая Русь крещеную
На послѣдныя дары...

На той же юбилейной передвижной выставкѣ обратила на себя вниманіе и публики, и цѣнителей искусства картина г. Архипова „Послѣ погрома“. Значительные размѣры картины вполне соответствовали ея темѣ и еще усиливали впечатлѣніе... Предъ глазами зрителя встаетъ темный, мрачный храмъ... Громадныя массивныя колонны, поддерживающія своды храма, посяты на себѣ слѣды разрушенія, страшнаго разгрома... Ту же безотрадную картину представляетъ и все вокругъ, у нихъ подножія. Всюду на полу валяются трупы убитыхъ воиновъ, и разбросаны въ безпорядкѣ ихъ доспѣхи... Здѣсь быть-можетъ думали они укрыться отъ преслѣдованія татарскихъ полчищъ, и здѣсь сразила ихъ нечестивая рука, обогривъ кровью землю. Эта рѣзкая картина смерти, убійства, эти безформенныя трупы въ храмѣ Божьемъ пронзительно уже сами по себѣ тяжелое впечатлѣніе. Снопъ яркихъ солнечныхъ лучей, врывающійся въ узкія окна храма, освѣщаютъ эту грустную картину давняго прошлаго.

„Послѣдній кубокъ!“ Быть-можетъ и лишній онъ, быть-можетъ тѣ, за которыми этотъ кубокъ идетъ „слѣдомъ“ — тоже уже превысили мѣру, но отъ „послѣдняго“ отказаться нельзя... Это вѣдь — что называлось въ старину — „посошокъ на дорогу“... И приходится уступить гостеприимному хозяину, лукаво-самоуверенно предлагающему принять изъ его рукъ „посошокъ“.

Ну, чѣмъ это не трагедія! Страшная трагедія дѣтскаго сердца! Понятно, главнымъ героемъ, злымъ гениемъ ея является этотъ „ненасытный“ узурпаторъ общей собственности. Онъ преспокойно уплетаетъ горячую булку, и по мѣрѣ того, какъ она приходитъ къ концу, все болѣе наступаютъ чередъ слѣдующей булки, на которую онъ уже предусмотрительно наложилъ свою властную руку. Противъ силы идти нельзя, и бѣдныя дѣтки только безотрадно хмурятъ свои лички, не ожидая добраго конца. „У, ненасытный!“ — вторятъ они въ душѣ общимъ хоромъ.

Баронъ В. Б. Фредериксъ.

(Портр. на этой стр.)

Высочайшимъ указомъ 6-го мая г. помощникъ министра Императорскаго Двора генералъ-лейтенантъ баронъ Владиміръ Борисовичъ Фредериксъ назначенъ управляющимъ министерствомъ Двора и удѣловъ и исправляющимъ должность канцлера Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, — въ виду увольненія, по болѣзни, отъ этихъ должностей графа И. И. Воронцова-Дашкова, назначеннаго членомъ Государственнаго Совѣта.

Баронъ В. Б. Фредериксъ болѣе сорока лѣтъ состоитъ въ военной службѣ, въ которую вступилъ 18-ти лѣтъ, получивъ общее домашнее образованіе. Начавъ съ должности командира эскадрона, а затѣмъ и дивизиона, баронъ В. Б. Фредериксъ въ 1875 г. получилъ уже въ командованіе лейбъ-гвардіи конный полкъ, которымъ руководилъ до 1881 г.; вслѣдъ

затѣмъ былъ назначенъ командиромъ первой бригады первой гвардейской кавалерійской дивизіи. Послѣ десятилѣтняго командованія бригадой, баронъ В. Б. и былъ назначенъ въ 1893 г. на тотъ постъ, который занималъ до послѣдняго времени.

Баронъ В. Б. Фредериксъ состоитъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта съ 1891 г., состоитъ италмейстеромъ Двора Его Величества и кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ до ордена Бѣлаго Орла включительно. Кроме того, баронъ В. Б. числится въ спискахъ лейбъ-гвардіи коннаго полка.

Барону В. Б. Фредериксу въ настоящее время идетъ 59-й годъ, — онъ родился 16 ноября 1838 г.

Профессоръ Хр. Я. Гоби.

(Портр. на этой стр.)

4-го мая исполнилось двадцать пять лѣтъ научной и педагогической дѣятельности извѣстнаго ботаника, ординарнаго профессора Императорскаго с.-петербургскаго университета Христофора Яковлевича Гоби. Почтенный юбиляръ родился въ С.-Петербургѣ въ 1847 году. Получивъ среднее образованіе въ 5-й с.-петербургской гимназій, Хр. Я. поступилъ въ с.-петербургскій университетъ на отдѣленіе естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. Уже сочиненіе, представленное имъ при окончаніи университета въ 1871 году на степень кандидата естественныхъ наукъ, обнаружилъ солидную эрудицію автора и, будучи доложено на III-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, обратило вниманіе отечественныхъ специалистовъ на молодого ученаго. Въ 1872 году Хр. Я. занялъ штатную должность хранителя ботаническаго кабинета въ с.-петербургскомъ университетѣ. Въ 1873 году онъ приступилъ къ чтенію лекцій въ томъ же университетѣ въ званіи приват-доцента. Въ 1876 году Хр. Я. защитилъ диссертацию на степень магистра ботаники подъ заглавіемъ „О вліяніи Валдайской возвышенности на географическое распространеніе растений“, а въ 1879 году ему, уже какъ доценту по кафедрѣ ботаники, поручено было университетомъ чтеніе курса морфологій и систематики споровыхъ и голосѣянныхъ растений. Стенени доктора ботаники Хр. Я. былъ удостоенъ въ 1881 году за сочиненіе „Флора водорослей Бѣлаго моря и прилегающихъ къ нему частей Сѣвернаго Ледовитаго океана“. Въ январѣ 1885 года онъ утвержденъ былъ въ званіи экстраординарнаго профессора с.-петербургскаго университета, съ 1887 года состоитъ секретаремъ физико-математическаго факультета, а въ 1888 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ, и эту должность занимаетъ по сіе время.

Христофоръ Яковлевичъ неоднократно бывалъ командированъ Императорскимъ с.-петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей, а равно с.-петербургскимъ университетомъ съ научными цѣлями въ различные области Россіи, а также и съ педагогическими цѣлями или въ качествѣ делегата за границу. Имъ исследована флора Финскаго залива, Бѣлаго моря, Валдайской возвышенности. Въ 1890 году с.-петербургскій университетъ командировалъ его въ качествѣ делегата для поднесенія адреса университету въ Монпелье, по случаю 600-лѣтняго юбилея этого университета. Въ декабрѣ 1890 года правительство французской республики препроводило ему знакъ отличія „Palme d'officier de l'Instruction

Управляющій министерствомъ Императорскаго Двора баронъ В. Б. Фредериксъ. Съ фот. В. Ясвинна автотипія А. Вальборга.

Профессоръ Х. Я. Гоби (по поводу 25-лѣтняго ученой и преподавательской дѣятельности). Съ фот. А. Семеновко автотипія А. Вальборга.

publique". Хр. Я. имѣеть большую серебряную медаль за безупречное исполненіе должности ученаго секретаря международнаго конгресса ботаниковъ и садоводовъ (1884) и малую золотую медаль, присужденную ему на международнои выставкѣ садоводства.

Имъ напечатано свыше 34 ученыхъ работъ и, сверхъ того, множество рефератовъ; съ 1886 года онъ издаетъ, вмѣстѣ съ проф. А. Н. Бекетовымъ, первый въ Россіи ботанической журналь *Ботаническія Записки*. Хр. Я. состоитъ дѣйствительнымъ членомъ и членомъ-корреспондентомъ многихъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ четырехъ иностранныхъ: въ Берлинѣ, Галле, Шербургѣ и Эро.

Благодаря ученымъ своимъ трудамъ, почтенный профессоръ, по справедливости, пользуется заслуженнымъ уваженіемъ современныхъ специалистовъ; существуетъ нѣсколько видовъ растений, названныхъ въ честь его—*Gobiella*, *Gobia* и т. д. нѣкоторыми русскими и иностранными учеными.

Профессору Гоби обязана своимъ возникновеніемъ повалъ превосходно обставленная ботаническая лабораторія с.-петербургскаго университета, не уступающая лучшимъ учреждениямъ этого рода въ Западной Европѣ.

Въ помѣщеніи этой лабораторіи и собрались въ день юбилея 4 мая сотоварищи-профессора, бывшіе ученики и почтители почтеннаго юбиляра. При этомъ поднесенъ былъ ему цѣнный подарокъ и въ цѣломъ рядѣ задуманныхъ поздравительныхъ рѣчей принесена была почтенному профессору вполне заслуженная имъ благодарность за его многолѣтнее, неутомимое и безкорыстное служеніе наукѣ и университету.

Крейсеръ „Самоѣдъ“. (Рис. на стр. 505 и 506.)

Воспроизведенный у насъ на снимкѣ крейсеръ „Самоѣдъ“ отправился недавно, въ началѣ марта, изъ Либавскаго порта, въ которомъ онъ стоялъ,—на дальній Сѣверъ, въ Ледовитый океанъ, нести тяжелую, хлопотливую крейсерскую службу—для охраны тамъ русскихъ тюленьихъ промысловъ отъ хищнической охоты на тюленей со стороны норвежцевъ. Кромѣ этого прямого своего назначенія, съ конца мая, когда заканчиваются тюленьи промыслы, крейсеру поручено исполнить еще другую задачу, очень существенную для развитія судоходства и промысловъ у насъ на Сѣверѣ,—именно: произвести гидрографическія работы и съемку береговъ, для исправленія морскихъ картъ. Работы эти, вѣроятно, продолжатся до глубокой осени, крейсеръ вернется обратно въ Кронштадтъ въ октябрь или ноябрь. Провизіи и всѣхъ необходимыхъ припасовъ, главнымъ образомъ, консервовъ, на крейсерѣ заготовлено на пять мѣсяцевъ; но, въ концѣ мая, къ открытію навигаціи,

крейсеръ зайдетъ еще въ Архангельскъ, гдѣ пополнитъ свои запасы. На воспроизведенномъ на стр. 506 фотографическомъ снимкѣ изображена группа офицеровъ крейсера, съ командиромъ его, капитаномъ 2-го ранга М. В. Озеровымъ, во главѣ.

Англійское посольство въ Абиссиніи.

(Рис. на стр. 506.)

Приближающееся празднованіе шестидесятилѣтія царствованія англійской королевы Викторіи, какъ извѣстно, послужило для англичанъ удобнымъ предлогомъ къ отправленію спеціальнаго посольства къ негусу Менелику, которое должно было передать негусу письмо королевы съ приглашеніемъ прибыть въ Англію на торжества. Но, подъ прикрытіемъ этого королевскаго письма, англійское правительство поручило своему посольству, съ полковникомъ Ренцеллемъ Роддомъ во главѣ, убѣдить негуса въ дружбѣ Англій къ нему, разрѣшить нѣкоторыя пограничныя недоразумѣнія и даже повзбодиться о британскихъ торговыхъ интересахъ; для большаго успѣха этихъ „практическихъ“ задачъ англійскаго правительства, предположено было даже, если только негусъ согласится, оставить министра Родда постояннымъ дипломатическимъ агентомъ въ Абиссиніи.

Негусъ Менеликъ успѣлъ уже на горькомъ опытѣ ознакомиться съ дѣйствіями англійской дипломатіи въ Африкѣ и съ ея неизмѣнной „политикой смуты и захватовъ“ и интеллектъ къ ней въ душѣ очень мало расположенъ. Несмотря на это, понятно, чрезвычайному посольству былъ оказанъ съ вышней стороны радушный приемъ, обусловливаемый требованіями международной вѣжливости. Навстрѣчу посольству выслались войска подъ предводительствомъ „раса“, отдавались воинскія почести, выслушивались громкія слова уваженія королевы къ повелителю черныхъ христіанъ, въ отвѣтъ, хотя и не столь развязно, но съ тѣмъ же неискреннимъ чувствомъ раздавались сердечныя увѣренія и т. д. На нашемъ рисункѣ изображена одна изъ такихъ встрѣчъ, въ Харрарѣ, расъ-Макопена съ полковникомъ Роддомъ и другими членами посольства. Но, очевидно, доказать „дружбу Англій къ негусу“ оказалось довольно мудренымъ дѣломъ, и въ самой Англій уже начинаютъ раздаваться голоса, что врядъ ли англійскому правительству удастся привить негусу расположеніе къ Англій или, точнѣе выражаясь, поколебать его расположеніе къ Франціи и Россіи. Такъ, *Times* сообщаетъ, что негусъ Менеликъ ведетъ уже съ давнихъ поръ переговоры съ дервишами о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Англій, захватами которой онъ-де очень недоволенъ.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи, 6-го мая, возобновились засѣданія парламента послѣ четырехнедѣльнаго перерыва. Президентъ палаты депутатовъ, Бриссонъ, въ блестящей рѣчи указалъ на выраженные Франціи всѣми странами міра братскія чувства по поводу катастрофы на благотворительномъ базарѣ. При горячихъ одобрительныхъ возгласахъ палаты, единогласно постановлено опубликовать рѣчь Бриссона во всѣхъ общинахъ Франціи. Въ сенатѣ президентъ Лубе, при громкихъ рукоплесканіяхъ, отмѣтилъ фактъ, что недавняя катастрофа указала на благородныя чувства солидарности, соединившія всѣхъ французовъ въ общей печали.

Текуція событія внѣшней политики дали поводъ одному изъ ораторовъ оппозиціи сдѣлать въ палатѣ депутатовъ запросъ министру иностранныхъ дѣлъ, заключавшій въ себѣ упрекъ министерству, что французское влияние въ Константинополѣ оказывается-де слабѣе германскаго, такъ какъ Франціи, вопреки традиціонной восточной политикѣ, идетъ по стопамъ другой державы.

Отвѣчая на этотъ запросъ, г. Ганото краснорѣчиво и категорически заявилъ, что задача Европы заключалась въ локализациіи войны для блага мира и общаго спокойствія. Благодаря рѣдкому согласію державъ, которое Франціи предпознала отдѣльному вѣшателю, греко-турецкая война не возбудила на Балканскомъ полуостровѣ никакихъ побочныхъ событій, опасныхъ для европейскаго мира. Рѣчь Ганото вызвала продолжительныя рукоплесканія палаты, послѣ чего инцидентъ былъ исчерпанъ безъ голосованія, а правительство заручилось полнымъ довѣріемъ палаты по восточной политикѣ, одобренной громаднымъ большинствомъ.

Въ итальянской палатѣ депутатовъ министр-президентъ, маркизъ ди-Рудини, сдѣлалъ 3-го мая весьма важное заявленіе, характеризующее нынѣшнее направленіе итальянской политики въ Африкѣ. По словамъ итальянскаго премьера, усилія правительства направлены къ тому, чтобы привести африканское дѣло къ его прежнему положенію, такъ какъ попытка превратить Эритрею въ сельскохозяйственную колонію оказалась тщетною, занятіе же Кассалы является лишнимъ бременемъ для Италіи. Сохраненіе нынѣшняго положенія колоніи потребовало бы 30 милліоновъ лиръ, при чемъ пришлось бы

учредить и колониальную армію. Если продолжитъ пребываніе на абиссинскомъ плоскогорьи, то понадобится увеличеніе налоговъ—поземельнаго и солянаго. Съ другой же стороны, отказъ отъ колоніи вызоветъ усложненія, да и не соответствуетъ итальянскому національному чувству. Возвращеніе колоніи негусу или уступка Массовы другой державѣ—создали бы международнаго недоразумѣнія. Въ виду этого, правительство намѣрено, по возможности, ограничить оккупацию одной Массовой, распредѣливъ остальную территорию между туземными вождями, по выбору Италіи, а въ ближайшемъ будущемъ—отказаться и отъ Кассалы, по соглашенію съ Англійей. Послѣ продолжительнаго обсужденія различныхъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ засѣданіи 10-го мая маркизъ ди-Рудини предложилъ друзьямъ министерства подать голоса за формулу одного изъ ораторовъ, принимающую въ свѣдѣнію декларацию правительства и одобряющую его колониальную политику. Наконецъ, по отклоненіи формулъ социалистовъ, радикаловъ и правой стороны, требовавшихъ очищенія Эритреи, палата, большинствомъ 242 голосовъ противъ 94, приняла формулу, за которую высказалось правительство. Такимъ образомъ окончательно установилась политика нынѣшняго итальянскаго правительства по отношенію къ Эритреѣ, принесшей Италіи цѣлый рядъ бѣдствій, которые завершились извѣстнымъ разгромомъ итальянцевъ при Адуѣ.

Въ имперіи Габсбурговъ совершаются событія первостепенной важности. Провозглашеніе равноправности чешскаго языка ожесточило нѣмецкую партію. Засѣданія парламента въ Вѣнѣ оказались настолько бурными, что парламентская дѣятельность парализована оппозиціей. Такъ, въ засѣданіи палаты депутатовъ, 6-го мая, невозможный шумъ, поднятый нѣмецкой партіей, помѣшалъ всякимъ занятіямъ, и пришлось закрыть засѣданіе. По возобновленіи засѣданія 12-го мая, нѣмцы снова не допустили обсужденія очередныхъ дѣлъ. Глава кабинета, графъ Бадени, бѣдиль къ императору, прося увольнить министерство, но отставка кабинета была отклонена. Кромѣ того, переговоры съ венгерскимъ министерствомъ объ установленіи доли участія Венгрии въ общегосударственныхъ расходахъ окончательно прерваны, и вопросъ этотъ разрѣшенъ самимъ императоромъ. При такомъ положеніи дѣлъ ожидается расущеніе парла-

мента. Въ случаѣ неблагопріятныхъ выборовъ придется приступить къ пересмотру конституціи этого равноплеменнаго государства. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, въ свѣдущихъ австрійскихъ кружкахъ возобновились толки о необходимости перестроить государственныя механизмы Австріи по германскому образцу съ союзными рейхсратами и съѣздомъ, предоставивъ всѣмъ областямъ государства полное самоуправленіе.

Греко-турецкій вопросъ теперь всецѣло въ рукахъ представителей державъ, направляющихъ дѣло къ заключенію мира между Греціей и Турціей. Портъ вручена 12-го мая

отвѣтная нота державъ на мирныя условія Турціи. Выражалъ благодарность за перемиріе, нота сообщаетъ, что послы уполномочены вести мирныя переговоры на слѣдующихъ основаніяхъ: Турціи предоставляется право на исправленіе границы лишь по стратегическимъ соображеніямъ и въ защиту отъ разбойничьихъ набѣговъ; военное вознагражденіе должно состоять изъ дѣйствительныхъ военныхъ расходовъ и убыткамъ и соображаться съ финансовыми силами побѣжденной стороны; наконецъ, возобновленіе договоровъ съ греческимъ королевствомъ не должно касаться привилегій, предоставленныхъ Греціи европейскими державами.

СМѢСЬ.

Японскія женщины. Какъ различны бываютъ нравы! Наши женщины охотно обнажаютъ и шею, и руки, если онѣ у нихъ красивы, японки же, наоборотъ, тщательно закутываютъ всю верхнюю часть тѣла, оставляя на виду только ноги. Онѣ очень любятъ наряжаться лѣтъ до 16—17, а съ этихъ поръ становятся въ этомъ отношеніи менѣе требовательными, а у насъ какъ разъ въ этомъ возрастѣ женщина и начинаетъ понимать толкъ въ нарядѣ. У насъ, европейцевъ, интеллигентными женщинами всегда бывають дамы изъ порядочнаго общества, въ Японіи же привилегія интеллигентности принадлежитъ преимущественно такъ-называемымъ „гейшамъ“ — своего рода балдеркамъ. Европейскія дамы носятъ въ знакъ траура черныя цвѣты, японскія — бѣлыя. У насъ въ обществѣ всегда отдается преимущество дамамъ: имъ и лучшее мѣсто за столомъ, имъ и первалъ услуги; въ Японіи же жена не смѣетъ сѣсть, пока ея супругъ изволитъ кушать; на всякіи же вечернія собранія женщины тамъ вовсе не допускаются. У насъ, европейцевъ, свадьбы устраиваются обыкновенно или днемъ, или подъ вечеръ; у японцевъ же — обязательно ночью. Въ Европѣ большою частью принято справлять свадьбу въ домѣ невесты, въ Японіи же — непременно въ домѣ жениха. У насъ въ парадныхъ случаяхъ при столѣ служатъ мужчины, японцы же предпочитаютъ женскую прислугу. Мы носимъ дѣтей на рукахъ, японцы — на спинѣ. У насъ въ

Крейсеръ «Самойдъ», ушедшій въ Стверный Ледовитый океанъ для охраны русскихъ тюленьихъ промысловъ. Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

люблю странъ женщинъ разныхъ классовъ различаются по костюмамъ; въ Японіи же всѣ женщины, начиная съ супруги микадо, носятъ одинаковое платье; вся разница состоитъ только въ качествѣ матеріи. Наши, европейскія, великобританскія женщины предпочитаютъ въ разговорѣ употреблять не родной языкъ, а французскій или англійскій; японскія же дамы никогда не изучаютъ иностранныхъ языковъ; зато большою честью для японки считается, если она ревностно изучаетъ свой родной языкъ, и такихъ дамъ въ японскомъ обществѣ не мало.

Потѣетъ ли собака? Этотъ вопросъ очень многіе разрѣшаютъ въ положительномъ смыслѣ, утверждая, что собака выдѣляетъ потъ языкомъ. Мнѣніе это, однако, совсѣмъ неосновательно. Собака не можетъ, подобно человѣку или лошади, потѣть, такъ какъ въ кожѣ ея вовсе не имѣется необходимыхъ для этого сосудовъ. То освѣженіе, которое мы получаемъ въ жару благодаря потѣнью, наши четвероногіе друзья должны доставлять себѣ другимъ способомъ. Въ нормальномъ состояніи собака дышитъ въ минуту отъ 20 до 30 разъ; если же она разбѣжится въ жаркое время, то быстрота дыханія повышается у нея иногда разъ въ десять и доходитъ до 300—350 дыханій въ минуту. Такое быстрое дыханіе удаляетъ изъ легкихъ большое количество заключающагося въ нихъ водяного пара. Французскій фізіологъ Рише вычислилъ, что если бы собака килограммовъ десять вѣсомъ продишала такимъ образомъ въ теченіе часа, то выдѣлила бы 130 граммовъ воды. Такимъ образомъ, быстрое дыханіе освѣжаетъ тѣло собаки. Вода, стекающая у собаки съ языка въ жаркую пору, не играетъ при этомъ почти никакой роли. Однимъ словомъ, предположеніе, что собака потѣетъ языкомъ, совершенно несправедливо; если и допустить у нея потѣніе, то во всякомъ случаѣ не черезъ языкъ, а черезъ легкія.

О дѣятельности государственныхъ сберегательныхъ кассъ находимъ въ *Вѣстникѣ Финансовъ* очень любопытныя свѣдѣнія. По даннымъ, собраннымъ Государственнымъ банкомъ, къ 31-му декабря минувшаго года во всѣхъ кассахъ Имперіи состояло вкладовъ на 428.812,782 рубля, поступившихъ по 2.119,888 книжкамъ. По сравненіи этихъ цифръ съ данными къ 31-му декабря 1895 года, оказывается, что за годъ количество книжекъ возросло

на 233,435, а сумма вкладовъ — на 51.647.430 рублей. Къ 1-му января текущаго года всѣхъ кассъ въ Имперіи насчитывалось 4,143, тогда какъ за годъ передъ тѣмъ ихъ было всего 3,907. Такое увеличеніе явилось почти исключительно вслѣдствіе открытія новыхъ кассъ при почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ; такихъ кассъ открыто въ 1896 году 205.

Къ катастрофѣ воинскаго поѣзда на псково-рижской желѣзной дорогѣ. *Сверло-Лифляндская Газета* рассказываетъ слѣдующія подробности о положеніи раненныхъ, пострадавшихъ при крушеніи воинскаго поѣзда у станціи Бокенгофъ: „Въ хирургической клиникѣ юрьевскаго университета находилось тридцать девять человѣкъ раненныхъ нижнихъ чиновъ. Считая со втораго дня поступленія больныхъ въ клинику, смертныхъ случаевъ среди нихъ не было, но большинство изъ нихъ пострадало, однако, очень жестоко. При крушеніи поѣзда несчастные были страшно сдавлены обломками разбитыхъ вагоновъ; ихъ стискивало со всѣхъ сторонъ, все тѣло, отъ головы и до ступней, подвергалось страшному давленію, а потому больше всего и пострадали наиболѣе выдающіяся части тѣла. Много раненныхъ съ разбитыми черепомъ, но, къ счастью, въ передней части его; не мало съ раздавленной грудью и поврежденными легкими, поврежденными настолько, что нѣкоторые больные, кашляя, выплевываютъ частицы ихъ. Много переломовъ тазовыхъ ко-

стей и другихъ поврежденій. Не рѣдки среди раненныхъ такіе, у которыхъ обѣ ноги, начиная отъ бедеръ и до пятокъ, сломаны спереди и сзади. Нижніе члены, получившіе одно лишь какое-нибудь поврежденіе, даже не помѣщены въ клинику. Среди тяжело раненныхъ находится и фельдфебель, жена и двое дѣтей котораго погибли при крушеніи; у него самого — трещина черепа и тяжкое поврежденіе груди, а къ этому присоединилось теперь еще и воспаленіе легкихъ. Всѣ раненные съ трогательнымъ мужествомъ выносятъ ужасныя страданія. Кромѣ нижнихъ чиновъ, въ хирургической клиникѣ лежатъ шестеро офицеровъ, изъ которыхъ двое, получившіе переломы костей и грудной клѣтки, признаны тяжело ранеными. Супруга одного подполковника, также принятая въ клинику, получила нѣсколько тяжкихъ ушибовъ, а у десятилѣтняго сына ея — переломъ бедренной и тазовой костей. У оберъ-кондуктора воинскаго поѣзда раздробленіе черепа и переломъ реберъ, а къ этому еще присоединилось сильное кровоизліяніе въ правое легкое. Военное министерство, стремясь по возможности облегчить страданія раненныхъ, выслало въ Юрьевъ латки, котормя и раскинута на дворѣ клиники; благодаря этому больнымъ не приходится, при настоящей жарѣ, томиться въ закрытомъ помѣщеніи. Юрьевскій дамскій комитетъ „Краснаго Креста“, съ своей стороны, тоже принимаетъ всевозможныя мѣры къ облегченію страданій. Но многого, все-таки, не хватаетъ, да это и понятно, въ виду исключительности случая. Большой наплывъ пожертвованій былъ бы, поэтому, крайне желателенъ. Въ дамскій комитетъ уже поступило такихъ пожертвованій на сумму 657 руб. 40 коп.; на эти деньги уже приобретены и еще приобретаются для клиники и для военнаго лазарета бѣлье, воздушныя подушки, перевязочныя средства, вино, сахаръ, чай и прохладительныя напитки. Пожертвованная одежда перейдетъ въ собственность раненныхъ, по выходѣ ихъ изъ клиники. При редакціи *Сверло-Лифляндской Газеты* открыта подписка въ пользу пострадавшихъ, давша пока только около 150 рублей. Изъ числа лицъ, пострадавшихъ при второмъ, бывшемъ на той же дорогѣ крушеніи, въ клиникѣ находятся въ настоящее время только двое; третій уже настолько оправился, что выписался“.

Разныя извѣстія.

— Въ день Коронованія Ихъ Величества Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Теодоровны, въ церкви Большого Царскосельскаго дворца было совершено 14 мая благодарственное молебствіе. На богослуженіи присутствовали: Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Марія Теодоровна и Государыня Императрица Александра Теодоровна, Ихъ Императорскія Высочества великія княгини и великіе князья и прибывшіе въ Россію принцы Іоанн Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскій, дядя Государыни Императрицы Маріи Теодоровны, и герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, братъ великой княгини Маріи Павловны, лица ближайшей Свѣты, командиры и офицеры Собственнаго Его Величества конвоя и сводно-гвардейскаго батальона. Послѣ молебствія, въ Александровскомъ дворцѣ состоялся Высочайшій фамильный завтракъ. Въ этотъ же день въ Исакиевскомъ соборѣ, послѣ божественной литургіи, было совершено благодарственное молебствіе. Въ соборѣ присутствовали высшіе придворные военные и гражданскіе чины, штабъ- и оберъ-офицеры гвардіи, арміи и флота. При возглашеніи многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ изъ Петропавловской крѣпости былъ произведенъ пушечный салютъ. Благодарственные молебствія были отслужены во всѣхъ храмахъ столицы. Петербургъ и Царское Село были украшены флагами, а вечеромъ иллюминированы.

— Въ Москвѣ точно такъ же во всѣхъ храмахъ столицы совершены были молебствія. Торжественное богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ совершалъ митрополитъ Сергій, въ сослуженіи высшаго духовенства. На молебствіи присутствовали великій князь Сергій Александровичъ, съ супругою великой княгиней Елисаветою Теодоровною, высшіе военные и гражданскіе чины, консулы и сословные представители. Столица была украшена флагами, вечеромъ иллюминирована. Въ 3 часа дня, на Грузинской улицѣ, состоялась торжественная закладка зданія студенческаго общежитія, въ присутствіи великаго князя Сергія Александровича, великой княгини Елисаветы Теодоровны, министра народнаго просвѣщенія, московскаго губернатора, городскаго головы, попечителя учебнаго округа, профессоровъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и студентовъ. При приѣздѣ Ихъ Высочества, ректоръ поднесъ великой княгинѣ букетъ. Молебствіе было совершено митрополитомъ въ шатрѣ, гдѣ находился бокъ Государя Императора, украшенный растеніями и цвѣтами. Митрополитъ произнесъ соответствующее торжеству слово. Послѣ многолѣтія состоялась закладка, при чемъ первые два камня положили Ихъ Высочества,

третій — митрополитъ, дажѣ — графъ Деляновъ, печатель округа Боголюбъ и архитекторъ Быковъ.

— Государь Императоръ, 13 апрѣля н. г., Высочайше повелѣть соизволилъ:

В. В. Астаховъ 2-й, А. фонъ-Шредертъ, В. В. Келицкій, Н. Т. Бѣховъ 2-й, вахтен. начальникъ, судовой врачъ, судовой механикъ, вахтен. начальникъ. И. Ф. Шмидтъ 1-й, М. В. Озеровъ, Н. Н. Глиноедкіи, Н. В. Морозовъ, старшій офицеръ, команд. крейсера, вахтен. начальникъ, старш. штурм. офиц.

Офицеры на крейсере «Самодѣ». Съ фотогр. автотипія «Нивы».

скій. Затѣмъ послѣдовало въ шатрѣ публичное засѣданіе совѣта московскаго университета, которое открылъ рѣчью ректоръ, указавшій на значеніе студенческаго общежитія.

тѣльности за благосклонное содѣйствіе, имѣе оказанное попечительству, въ полученіи права сбора пожертвованій и бесплатной ихъ перевозки на дѣлныя желѣзныя дороги: николаевской, с.-петербургско-варшавской и балтійской.

Англійское чрезвычайное посольство въ Абиссинію. Встрѣча начальника и членовъ посольства съ расъ-Маконономъ, въ Харрарѣ. По рис. Graphic автотипія «Нивы».

I. Для всесторонняго выясненія современныхъ нуждъ дворянскаго сословія и соображенія мѣръ, которыя могли бы обезпечить помѣстному дворянству способы вести и впредь его исконно-вѣрную службу Престолу и Отечеству, образована особое совѣщаніе, подъ предѣлительствомъ статсъ-секретаря Дурново, изъ: министра Императорскаго Двора и удѣловъ генераль-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, члена Государственнаго Совѣта гофмейстера Абазы, министровъ: внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи и финансовъ, статсъ-секретарей: Куломзина и Плева и егермейстеровъ: графа Шереметева и Сипягина.

II. Предоставить предѣлтелю особаго совѣщанія пригласять къ участію въ занятіяхъ оного и другихъ лицъ, отъ коихъ, по свойству дѣла, можно ожидать полезныхъ объясненій.

III. Управление дѣлами особаго совѣщанія возложить на товарища государственнаго секретаря, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стасинскаго.

IV. Заключенія особаго совѣщанія представлять на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, для дальнѣйшаго направленія ихъ согласно Высочайшимъ Его Величества указаніямъ.

— Въ общемъ собраніи дѣйствительныхъ членовъ попечительства Императорскаго человеколюбиваго общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство, постановлено: поднести почетному члену попечительства, сенатору Аладію Николаевичу Марковичу, адресъ за подписью всѣхъ членовъ, въ знакъ глубокой признательности за благосклонное содѣйствіе, имѣе оказанное попечительству, въ полученіи права сбора пожертвованій и бесплатной ихъ перевозки на дѣлныя желѣзныя дороги: николаевской, с.-петербургско-варшавской и балтійской.

— Государю Императору благоугодно было разрѣшить, 27 іюня 1894 г., повсемѣстный въ Россіи сборъ пожертвованій на постановку въ Орлѣ памятника Ивану Сергѣевичу Тургеневу, а 6 марта текущаго года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе комиссіи по сбору означенныхъ пожертвованій подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Константиновича, президента Императорской академіи наукъ. Приступая къ исполненію Высочества, къ сбору пожертвованій, комиссія, состоящая подъ предѣлительствомъ орловскаго губернатора А. Н. Трубинкова, изъ губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича, предѣлателя губернской земской управы С. А. Хаостова и

городского головы И. И. Чибисова, обращается ко всем учреждениям, обществам, установлениям, редакциям газет и журналов и частным лицам с просьбой принять участие в этом деле. При удачном его осуществлении, зависящем единственно от отечественного участия всех русских обществ и людей, явилась бы возможность не ограничиться постановкой памятника в честь рождения покойного писателя, а устроить, быть-может, даже в самом селе Спасском-Лутовиновъ, гдѣ росъ, такъ долго жила и такъ много писала И. С. Тургеневъ, достойное его имени просвѣдательное и полезное учреждение, какъ, напр., учительскую семинарию для народныхъ учителей, или образцовое начальное или сельско-хозяйственное училище. Пожертвования проситъ посылать: 1) на имя Августѣйшаго Покровителя комиссіи—въ контору Мраморнаго дворца въ С.-Петербургѣ; 2) на имя председателя комиссіи—орловскаго губернатора А. Н. Трубникова.

— Министерство иностранныхъ делъ приняло изъ Кабинета Его Величества и передало во Францію нашему послу, барону Морегейму, для представления президенту французской республики, г. Фуру, 12 русскихъ медалей за спасеніе погибавшихъ,—6 золотыхъ и 6 серебряныхъ,—на владимирскихъ лентахъ. Эти медали препровождены въ распоряженіе прозидента республики для раздачи по его усмотрѣнію лицамъ, отличившимся подвигами спасенія при страшномъ пожарѣ благотворительнаго базара въ Парижѣ.

— Исполнительный комитетъ предстоящаго международнаго съезда врачей въ Москвѣ получилъ слѣдующее уведомленіе: „Государь Императоръ, по ходатайству организационнаго комитета XII международнаго съезда врачей въ Москвѣ, въ 6-й день сего марта, Всемилостивѣше повелѣлъ съизволилъ на принятіе съезда, уже состоящаго подъ Его Императорскаго Высочества московскаго генералъ-губернатора покровительствомъ, и подъ Свое Высочайшее покровительство, а равно и на разрѣшеніе иностранныхъ посламъ представить Его Императорскому Величеству депутатовъ всѣхъ принявшихъ участіе въ съездѣ государствъ“. На нужды съезда, сверхъ прежде отпущенныхъ 60,000 руб., отпущено, какъ передаетъ Врачи, еще 25,000 руб. По русскимъ желѣзнымъ дорогамъ разрѣшено безплатный провозъ въ Москву и обратно для всѣхъ членовъ съезда, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ (для послѣднихъ даровой провозъ отъ границы до Москвы и обратно). Заявленія о пониженіи тарифа поступили, кромѣ того, отъ многихъ иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ компаній. Желѣзныя дороги

французскія, испанскія, норвежскія и восточныя (гурецкія) дѣлаютъ скидку 50 проц., итальянскія отъ 30 до 50 проц., смотря по разстоянію за провозъ отъ 100 до 400 и болѣе километровъ.

— Лондонское королевское географическое общество недавно присудило сенатору П. П. Семезову, вице-председателю Императорскаго русскаго географическаго общества, свою высшую награду „Royal Founders Medal“ за его первыя путешествія по Тянь-шаню, его труды по дополненію классическаго труда Риттера „Asia“ и тѣ заботы, которыя постоянно прилагались имъ къ возможно широкому и всестороннему изученію Центральной Азии, гдѣ, благодаря его усиліямъ, русскія экспедиціи сдѣлали такъ много для насладованія этой еще недавно почти что неизвѣстной страны.

— Почетный вольный общникъ Императорской академіи художествъ, Педагога Петрова Курларъ, удостоена за отличную усердную дѣятельность въ качествѣ комиссара всероссійской промышленно-художественной выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ и за особо-полезные труды по производству оцѣнокъ представленныхъ на выставку изделийъ отечественной промышленности,—золотой медали для ношенія на груди на альянсовою лентѣ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иигородскихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыхъ марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволить представлять подписные бѣготы.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Нешворича-Данченко. (Продолженіе.)—Стѣпаворенія И. М. Софанова.—Романтики въ

узелкѣ. Очеркъ Э. Анберштейера. (Съ 14 рисунками.)—Къ рисункамъ: Последний кубокъ.—Искушеніе.—Сборщикъ на хлѣбъ.—Послѣ погрома.—Подъ стѣною креста.—Ненасытныи.—Баронъ В. Б. Фредериксъ (съ портр.)—Профессоръ Хр. Я. Гомъ (съ портр.)—Крейсеръ „Самодѣль“ (съ 3 рис.)—Англійское посольство въ Абиссиніи (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Разныя новости.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА **ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ**
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграничьи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

Только что отпечатано и поступило въ продажу **НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ ДОМЪ И ХОЗЯЙСТВО.** Руководство къ рациональному веденію домашняго хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ. Сочиненіе Маріи Раделингъ. Со 141 иллюстраціей. Въ 2-хъ томахъ, всего болѣе 900 страницъ, въ 8-ю долю листа. Цѣна за оба тома брощ. 4 р. съ перес. 4 р. 50 к., а въ двухъ хорошихъ коленн. переплеткахъ 4 р. 80 к., съ перес. 5 р. 50 к.
Требованія проситъ адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, 22

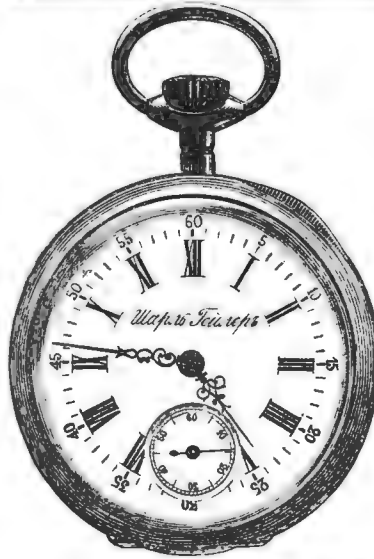
ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ **ГУМБЕРЪ и Ко, Москва**

КОНТРАГЕНТЫ **Георгій ЖЕМЛИЧКА и Ко,** Москва, Столѣнниковъ переулокъ, № 5. Прейсъ-куррантъ по требованію. 12-9

Благодаря громадному сбыту и усовершенствованному способу изготовленія часовъ въ кей женевской фабрикѣ, я имѣю возможность продавать, съ 1-го мая с. г., самыя пріятныя, прочныя и изящныя карманные часы Etui de Chronometre (удостоены серебр. мед. на выставкѣ въ Женевѣ, въ 1896 г.)

Мужск., средн. разм., открыт. алгверъ, 15 ками., черн. ворон. стали, вѣсото 50 франковъ (около 18 р.). **ТОЛЬКО ЗА 14 Р.** Такіе же серебрян. 84 пробы, вѣсото 65 франковъ (около 23 р.). **ТОЛЬКО ЗА 18 Р.** Часы эти, изящныя и вкусныя, равно и совершенствомъ механизма, могутъ, по справедливости, считаться шефъ-д'юувитомъ часового искусства; они, по вѣрности хода, не уступаютъ самымъ дорогимъ часамъ, извѣрля время съ математическою точностью. Настоятельно рекомендую ихъ всѣмъ, для кого вѣрный извѣритель времени—настоящая потребность.

Письменное ручательство на четыре года.

Всмыслаю по полученію задаточн. 2 руб., остальное при полученіи.

Адресъ: **Шарль Гейлеръ,** фабричный складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ.

Извѣст. изъ кѣвот. благо. писемъ:

Г-ну Шарлю Гейлеру, въ Варшавѣ. Не получ. отъ Васъ черн. открыт. часовъ изъ ворон. стали и т. д. Часы я очень доволенъ; они настоящій хронометръ. Я ежедневно вѣрляю съ часами на телегр. станціи и она ни на минуту не отстаетъ; вслѣдствіе чего, я считаю долгомъ отгредомовить всѣмъ своимъ знакомымъ и т. д. Съ совершен. почт. Графъ А. Келлеръ, Генералъ-Лейтенантъ. Гор. Красній, Смолен. губ. 3 апрѣля 1897 г.

М. Г. Г-въ Гейлеръ! Посылку съ черн. часами я получилъ и считаю своимъ долгомъ уведомить васъ, что все полученное, но говоря о крайне добросовѣст. цѣнахъ, отличается извѣст. отдалкою, вкусомъ и добросовѣстностью. Приношу мою искренн. благодарность. Я нахожу ихъ весьма хорошими и т. д. Съ соверш. почт. Фед. Петр. Вилло. Гор. Фридрихштадтъ, Курл. губ. 10 мар 1897 г.

Г-ну Шарлю Гейлеру въ Варшавѣ. Часы съ цѣпочкою я получилъ и остался очень нн доволенъ. Прилагаю 3 р. прому выслать еще 1 экземпляръ и т. д. С.-Петербургъ, Кавк. просп., 22. Подковникъ В. Н. Львовъ.

Лести. отамнн получ. также отъ слѣд. особъ:
Прейсъ. нов. Окр. Одесск. Суд. палаты Ф. Н. Литвинскій. Повѣр. Округ. Москов. Суд. палаты В. С. Бѣловъ. Окр. врачъ д-ръ Габоркоркъ, Ливанъ, Даг. обл. Баронъ Штенпель, Варошана. Начальникъ почт. отд. Кауровъ, Хотогъ, Ире губ., и мног. др.

КУШАЙТЕ ПЕРКУЛЕСЬ.

МЫЛО ЖЕЛЕ ПУДРА
35 к. **ФИЛОДЕРМИНЪ ЛЕМЕРСЬЕ** 35 к.
ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И БЪЛИЗНЫ КОЖИ РУКЪ ИЛИЦА
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ВЪ ШАБЕРЪ МОСКВА. ПОКРОВКА Д. СОБОЛЕВА

УРБАНА
БЕЗВРЕДНАЯ КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ
БЕЗЪ ЛЯПИСА
Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстрого окрашенія сѣдыхъ волосъ и бороды въ черныи русымъ темнымъ и желто-каштановымъ цвѣта цѣна, за 1 флаконъ 2 р. съ пересъ 2 р. 50 к. продается въ аптекахъ и косметич. магазинахъ. ГЛАВ. НЫЙ СКЛАДЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ, СПб. Большой Кокош., № 1.

ВОЛИЦІИЙ дѣлать нарушнн. внутреннн болѣзны электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 10214 7-2

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ Э. ШАРДЪ СПБ. ГОРОДСКАЯ УЛ., у Краснаго моста, № 17.
Часы никелъ отъ 6 р. Бѣдо 15 р. стали черн. отъ 11 до 15 р. серебряные отъ 12 до 50 р. золотые отъ 25 до 500 р. регуляторы двухъ цѣдельнаго завода отъ 17 до 30 р.
Высылаю наложемъ. платежѣмъ Иллюстр. прейсъ-куррантъ безплатно.

НОВОСТИ
на 1897 г.
ТРЕБУЙТЕ
НОВЫЕ КАТАЛОГИ
АНГЛІЙСКИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ТОРГ. ДОМЪ
АБАЧИНА И ОРЛОВЪ
МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова

Новый прейсъ-куррантъ иллюстр. за 1897 г. Оружейнаго Склада подъ фирмою: „Центральное дело оружія“ В. Коновалова, 29. Эд. Велигъ. За приложеніемъ двухъ 7 к. почт. марокъ высыл. безплатно. Много новостей.

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
отъ 9 р. за кусокъ широкъ 26/28 аршинъ. Фанза, крепъ, платки, че-су-ча цѣтныя. ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫИ караванныи китайскій чай 1 р. 60, 2 р., 3 р. 20 и 3 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. Епанешнинова, Москва, Никольская ул. д. Греческ. мон. Изогор. высыл. съ налож. платеж. при высылкѣ 10% на сумму заказа.

ПРОСИТЬ ЛУЧШІХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛѢЗОВАТЬ СЕМУ
НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
АУДИОНЪ ПО СТРОИАНІЮ
ВОССТАНАВЛЕНІЕ
500 руб.
ТЕЛЕФОНЪ 141.

МЫЛО ЧИСТОТЪЛЬ
Schiodon. majus
Н. ЯКОВЛЕВА
въ Москвѣ.
Для смягченія кожи рукъ и лица, а также зрѣтнѣе веснушекъ и загару. Ц. 40 к. кус.

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ. Одной чайной ложки достаточно для приготовления большой чашки превосходного шоколада на водѣ или на молокѣ.

просить попробовать самый лучший французский ЛИНЕРЪ:
„ЛА-ГОЛОАЗЪ“.

LA GAULOISE
LIQUEUR
MÉDAILLES D'OR 1889 1889
LES PLUS HAUTES RÉCOMPENSES (Médailles d'Or)

REQUIER FRÈRES
PÉRIGUEUX (Dordogne)

Продается во всѣхъ лучшихъ виноторговыхъ и ресторанахъ.
Представитель для всей Россіи:
Ф. И. Сирбановицъ, Москва.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ БАЛАЛАЙКИ
всѣхъ наименованій для составленія хора.
отъ 1 р. 50 к.
Струны, шпиль и коты для балалаекъ.
Магазины и мастерская
Ф. ПАСЕРВСКАГО.
С.-Петербургъ, Караванная 335.

Большое депо часовъ
БАЛЬТШВАГЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейс-Кур. Высыл. безпл.

Люда Федоровъ Шлэйхертъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковичъ
рекомендуетъ: изобрѣдательныя и торфанна машина, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черепицы съ фальцами, брикетовъ; дѣлаетъ патентовъ. Шаровыя мельницы для измельченія и размола и одновременнаго просѣиванія матеріаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпатель, цементъ, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (51)

JOSE MAIGLÖCKSCHEN
Эссенція для платяновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6413 (68)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
JOSE La Violette—Muguet
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27-18 УЛИЦА УЛИЦА
СЪ ПЕРЕС. 20 К.

ПРИБОРАТАЙТЕ ДЕШЕВО ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ХОРОШІЕ
КАРМАННЫЕ ЧАСЫ
Металлическіе съ заводомъ безъ ключа, накладного золота, вытѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, стоющіе 60 руб., **ЗА 5 РУБЛЕЙ.**
Прилагается ручательство за прочность и вѣрность хода на 4 года. Ц. № 10245 3-1
Часы выставляются по полученіи 1 рубля задатка.
Требованія прому адресовать:
Въ г. Варшаву, Складъ часовъ
А. Ш. Каплану.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
Зачное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій - корреспонденцій, по новѣйшему, легчайшему и понятному для всякаго метода. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы выслаются **БЕЗПЛАТНО.**
Преподавательница **Е. Д. Ашмарина.**
Низъ, В. Житомирская, № 4.

Жирная Пудра ДУРИХА
для бѣлизны лица
НЕЗАМѢТНА НА КОЖЬ
ВАСИЛІЙ ДУРИХЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Колокольная 18-19

КИНЕМАТОГРАФЪ
300 р. с.
Фонарь, лампа и всѣ принадлежн. 200 руб. Лучш. картинъ живою фотографіи (фильмъ) по 25 р. **ФОНОГРАФЪ**, настольн. Эдисона, электр. 350 р. Томе съ часов. механ. (Грамофонъ) 150 р.
Предлагаетъ контора **И. ВАНОНЪ**, Москва, Неглинный проѣздъ, 15, д. Молчанова, кв. 22, противъ Госуд. Банка.

„ГРАФОЛОГІЯ“.
Искусство узнаванія изъ почерка характера человека.
Обсужденія по полученіи 2 руб.
Г. А. ПАЛЬМЕ. Тамбента.

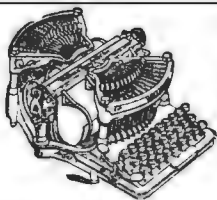
PAPIER FAYARD ET BLAUN.
Бумага Фаляръ и Блаунъ.
Платьиры, развѣшенный Медицинскимъ Союзомъ. Требовать ходись Fayard et Blaun.
Продается въ аптекахъ.

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“.
— Цѣна книги 50 к. —
Научныя развлеченія. (Собр. простыя физич. опытовъ) — д-ра **В. Вуринскаго.** 128 стр. (съ 104 рисунк.).
Домашняя лабораторія. (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи). Ф. Федо. Перевалъ и дополнилъ **Н. Лажинъ.** 160 стр. (съ 37-ю рисунк.).
Самочувствіе фотографія. — Теорія и практика фотографическаго искусства. Ф. Лизлей. Перев. подъ ред. **В. Вуринскаго.** 244 стр. (съ 35 рис.).
Гальваноластикъ. Общедоступное кратк. руководство для любителей. **С. Глазалева.** 64 стр. (съ 7 рис.). 2-е изд.
Электричество въ домашнемъ быту. Руковод. для люб. электротехн. Сост. **Н. Н. Долаковский.** 194 стр. (съ 117 рис.).
Комнатное животноводство. Сост. **Ф. Мединскій.** 141 стр. (съ 56 рис.).
Пѣвчія птицы. (Долга, содерж. въ нелогіч. правн и образъ жизни пѣвч. птицъ). Сост. **Ив. Святскій.** 238 стр. (съ 22 рис.).
Рыболовъ-любитель. (Жизнь, дола и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практическое руководство. **Ф. Нескова.** 180 стр. (60 рис.).
Прѣсноводный аквариумъ. Сост. **Т. Боданова.** 64 стр. (14 рис.).
Спортъ во всѣ времена года. Сост. **Гр. Ф. ма.** 200 стр. (съ 60 рис.).
Домашніе овиоды. (Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства). — Сост. **Ф. Г. 184+XIX** стр.
Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми. — Общедоступное рук. для подачи помощи до прибытія врача. Сост. по проф. Эмарку, Мозетигъ-Мооргофу и др. — д-ръ мед. **С. Г. 188** стр. (съ 45 рис.).
Популярная гигиена. (Общедоступное руководство здравоохраненія). Сост. по проф. Дорбраслану, Эрисману и др. **Ф. Г. 140** стр.
Выписки изъ кн. свл. **П. П. СОЙКИНА** (СПБ., Стремянная, 12) за перес. не платятъ.
◆ Новый каталогъ — бесплатно. ◆

№ 4711
О-ДЕ-ЛИ
(EAU DE LYS)
ВОДА ДЛЯ МЫТЬЯ КОЖИ ЛИЦА
4711
ЛИЛОВО-МОЛОЧНОЕ МЫЛО.
Чистое и нѣжное мыло для туалета, свободное отъ всякихъ острыхъ прикисей. При покупкѣ просить обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711.
ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ.
Цѣна 1 р. и 60 к. за флаконъ, смотря по величинѣ. 4-4

Поступили въ продажу новыя книги:
Е. Карповичъ.
РУССКІЕ ЧИНОВНИКИ
въ былое и настоящее время.
Цѣна 50 коп.
Выписыв. изъ Книжнаго Склада **П. П. Сойкина** (СПБ., Стремянная, 12) за пересылку не платятъ.
И. Захарыинъ (Якунинъ).
ЛЮДИ ТѢМНЫЕ.
Очерки и рассказы изъ народнаго быта.
Изд. 2-е. Цѣна 1 р.
Выписыв. изъ Книжнаго Склада **П. П. Сойкина** (СПБ., Стремянная, 12) за пересылку не платятъ.

**ПИШУЩАЯ
МАШИНА
„ВИЛЬЭМСЪ“**

Небольшой формат!
Видный шрифт!
Без лент!
Верхъ совершенства!
Единственный представитель
для всей Россіи американской
компани „Вильэмсъ“ (The
Williams Typewriter Co)

Цѣна 250 р.

ГЕРМАНЪ ЭЙХЕНВАЛЬДЪ Москва, Маросейка, д. Лебедевой.

**ТВОИМЪ
ШОКОЛАДЪ
КАКАО**

ВЕЗДѢ

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ
на Всероссийской выставкѣ 1896 г. за „Мыло Диспозе“ П. Н. Виноградова.

НОВОЕ ИЗобр. МЫЛО ДИСПОЗЕ

**ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ
ВЪ ТѢПЛОЙ ВОДѢ
БЕЗЪ ПАРКИ**

ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ мыла на оберткѣ и на мизѣ штанинъ „Мыло Диспозе“. БѢЛБЕ получается замѣчательно чистымъ. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуется ВЪ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ простого. Совершенно безвредно для тканей бѣлыхъ. Удостовер. за № 3780. Экономично для бани. Продажа вездѣ. Отг. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 100574-4

1897.
МЮНХЕНЪ
VII международная
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
въ Королевскомъ Стекланномъ дворцѣ.
Съ 1-го іюня до конца октября.
Устраиваемая мюнхенскимъ художественнымъ товариществомъ въ союзѣ
съ независимыми художниками. 2-1

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ ИЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незаметная и неослабляемая.

ED. PINAUD
PARIS

А. БОЛЬТЪ и К^о.
Москва, Ильинка.

Непромокаемая одежда:
ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ
мужскіе и дамскіе

изъ лучшихъ швейцарскихъ и норвежскихъ матерій, раскуновъ сезона 1897 г.
Прейс-куррантъ съ образцами матерій высылается бесплатно.
Бумажное бѣлье Мей и Эдликъ.

ТОВАРИЩЕСТВО

**РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,**

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 951 26-11

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшей наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбургъ.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛЮКЪ!

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: Николай Э. Швейцаръ, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: „Швейцаръ-Москва“.

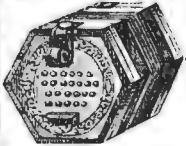

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К°.

НОВОСТЫ

СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЬ
„Петроль“. № 10250 5-1

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО,

небольшой инструментъ очень пріятнаго тона съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно долго вымучивать ся играть.

СОПРАНО 48-тонныя въ 24, 30, 40, 55, 70, 100, 125, 140 руб. и дороже, 56-тонныя въ 200 и 225 р.
БАРИТОНЫ 48-тонныя въ 85, 160 и 225 руб.
 Самоучитель Ротштедта 2 руб.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ОБШИРНѢЙШІЙ СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ (около 1000 штукъ въ наличности).

== Новости сезона 1897 г. ==
АМЕРИКАНСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

„ВИКТОРЪ“ (первая марка Америки), „ГИКОРИ“ (съ деревянной рамой), а также испытанные лучшие велосипеды „СВИФТЪ“, „ПРЕМЬЕРЪ“ и др.
ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО

Ж. Блок

Правленіе: Москва.—Отдѣленія: С.-Петербургъ, Одесса, Кіевъ, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и./д.

СВѢЖАЯ МАЙСКАЯ

сбора сего 1897 г.
(ФЕДРА) трава Кузьмича.

Высшій сортъ бороза, отборная, въ цѣнѣ и съ кореньями по 5 р. Второй сортъ бороза по 3 руб. Поступила въ продажу и вымывается во всѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи. Допускается наложен. платежъ, а за границу по получеши денегъ.
 Адресъ: Бузулукъ, Самарск. губ., въ конторѣ главнаго склада на мѣстѣ сбора Федыри.

ІОНА ЕФИМОВИЧА МАТВѢЕВА.
 Для телеграммъ: ІОНУ МАТВѢЕВУ.

НОВОСТЫ ДУХИ ЛЕВКОЙ
 поставщиковъ Высочайшаго Двора
А. Ралле и К°.
 За флаконъ 1 руб. 25 коп.

ФАБРИКА И СКЛАДЪ Бруно Зенгеръ и К°
 С.-Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (входомъ Кавказск.)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
 (Кратк. Прейсъ Курантъ Берлинск.)

Фабрика научныхъ штамповъ и граверное заведеніе
І. Д. Левинсона
 въ Варшавѣ, Электральной ул., № 17. Заказы исполняются скоро и аккуратно. Иллюстрированный прейсъ-курантъ по требов. Ц. № 10209 заказъ бесплатно. 6-2

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛЮКЪ!
Г. Ф. Юргенсъ
БОРНО-ТИМОНОВОЕ МЫЛО
 ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
 ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 50 x 1/2 и 30 x 1/2

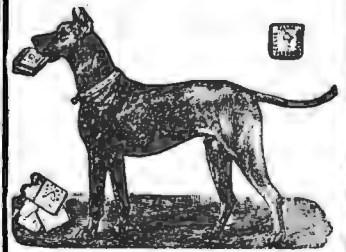
Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

Мы изготовляемъ всевозможнаго рода **ОБУВЬ**, не ограничиваясь только „спорходами“ и „сандалями“. Кто еще не знакомъ съ нашимъ товаромъ—можетъ въ достоинствѣ его убѣдиться на опытѣ. Фамиліи и адреса торговцевъ, торгующихъ нашимъ товаромъ, опубликованы въ № 14 сего журнала. Прейсъ-куранты и инструкцію для сниманія мѣрокъ—мы, въ случаѣ требованія, разсылаемъ бесплатно во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нашъ товаръ не имѣется въ продажѣ.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА.

Заводъ для разведенія и продажи породистыхъ собакъ въ Цанѣ (Пруссія).

Поставщики Его Велич. Императора Германскаго, Его Велич. Султана Турецкаго и многихъ другихъ Дворовъ. Золотыя и серебряныя медали. Рекомендуютъ

ЧИСТОКРОВН. ПОРОДИСТ. СОБАКЪ

всѣхъ породъ, сторожевыхъ, охотничьихъ, комнатныхъ, отъ самыхъ крупныхъ ульшскихъ договъ и горныхъ собакъ до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
И. АКИМОВЪ и Р. ЯКОБЪ
 въ Москвѣ
 СТАВЛЯЮТЪ ПРЯМО ТОВАРЫ И ДО ВЪЗВРАЩЕНІЯ

УДОЧКИ
 и всѣ принадлежности для рыбной ловли по дешевой цѣнѣ въ Англійи въ большомъ выборѣ въ магазинѣ **С. И. Домникова**
 С.Н.В. 1-й магазинъ: Невскій пр., Малютинъ рядъ, д. Дзюпкиной, 27-18. 2-й магазинъ: Гостиный дв., противъ Пажетскаго корпуса, № 73. 3-й магазинъ: Чернышевск. пер., Висковская лав., № 15. Иллюстрирован. прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежн. высылается погороду. бесплатно.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ-ПРЕМЬЕРЪ“
 Скорость, прочность, удобство. Последніи усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина „ВОСХОПОЛІТЬ“
 Самый преле. прѣфтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полнор. машинъ въ цѣнѣ 10 р. Описанія и образцы прѣфтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.
Опшанъ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Адмиралтейскій преса., № 4.

КИРПИЧНЫЯ МАШИНЫ
 рельсы, опрокидывающ. вагончики,
 ПРЕДЛАГАЕТЪ **АРТУРЪ КОППЕЛЬ,**
 С.Н.В., Невскій 18, уголъ Б. Морской, Москва, Мясницкая, № 48. 3-2
 ЦА-ДЪВИЦА. Вс. Соловьева. Ред.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к

XXVIII г.

№ 22

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ еженѣдн. литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выданъ 31 мая 1897 г.

Цена этого № 20 к., съ пер. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ
Петербургъ **5 р.**

Безъ доставки въ Москвѣ
чр. контору Н. Н. Печниковой,
Петровскія торговыя линіи. **6 р.**

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ **6 р. 50 к.**

Съ пересылкою
въ Москву и др.
города Россіи **7 р.** гра-
ницъ **10 р.**

При семъ прилагаются: 1) **СОЧИНЕНІЯ П. Д. БОБОРЫКИНА, т. VI (Сборникъ «Нивы» за Іюнь);** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ІЮНЬ 1897 г. съ 28 рис. и отдѣл. листъ съ 28 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 20 рис. вышивальныхъ работъ.**

Глава первая. Съ карт. К. Цевя грав. Геданъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

XVI.

Выходя изъ собора, отецъ Варлаамъ встрѣтилъ Елену Борисовну и ласково ей улыбнулся.

Она попросила у него благословенія.

— Хотѣлъ я побесѣдовать съ тобой... Зашла бы ко мнѣ.

— Когда прикажете?

— Что же мнѣ приказывать. Приди, скажись келейнику, я для тебя всегда „дома“...

— Мнѣ Моисей Лукичъ говорилъ,—смутилась она.

— А ты не бойся. Мы, авось, столкнемся. Я вѣдь тебѣ—не власть, а по душѣ разспросить хотѣлось бы, да успокоить тебя.

— И меня благословите зайти?—вмѣшался Моисей Лукичъ.

— Ну!.. О чемъ съ вами? Съ вами мы уже все обсудили... Не о чемъ больше!

— Какъ угодно...—обидѣлся тотъ.—А какъ Елена мнѣ не чужая...

— Знаю, что не чужая. И все-таки желаю ее видѣть одну.

— И отца архимандрита окружила!—прошипѣлъ ей влѣдъ Конровъ.—Настоящая сирена. И слова еще не сказала, а онъ уже къ ней съ лаской со всякой. Нѣтъ, коли бы у мужевъ власть была—закрутилъ бы я тебѣ руки назадъ, да вожжами...

Она на этотъ разъ не разсердилась даже...

— Вы вѣдь не мужъ.

— Былъ бы мужъ, я бы съ тобой справился.

Она пошла отъ него прочь.

— Видѣлъ, какимъ она аспидомъ на меня взглянула?—жаловался онъ Алексѣю.

— Нѣтъ... Я не смотрѣлъ,—уклонился тотъ отъ прямого отвѣта.

— Жаль... А и смотрѣлъ бы—промолчалъ. Тебѣ бы дѣвчонкой родиться. Ну, да ладно, я ее сокращу. Арапа-то, жеребца ея, я продать велѣлъ, да и все дома запереть, и рубье ея, и мужскую одежду, чтобы она впередъ не безобразила и не срамила меня.

— Какъ вамъ угодно, батюшка. Только...

— Что только?

— Арапа ей тетка ея подарила.

— Ну?..

— Какъ бы она исторіи не подпляла.

— Въ судъ меня не потянутъ, а потянутъ—я ее изъ дому выгоню.

— Она сама того и гляди уйдетъ.

— Нѣтъ не уйдетъ. И на это законъ есть—черезъ полицію, по этапу назадъ. Кормовья внесу, и приведу въ арестантскомъ халатѣ. Этакую-то кралю. Пока не выгоню—должна жить на своемъ мѣстѣ, гдѣ ей указано. Барская порода. Знаю я ихъ. Ты думаешь, она тебя ровней считаетъ? Какъ бы не такъ... Крестьянъ-то у нихъ отняли,—а они все привыкнуть не могутъ. Ну да и я съ ней не нѣжничая. А впередъ и еще хуже будетъ, не смирится передо мной—истираню, а не захочетъ—идите оба на всѣ четыре стороны. Хоть подъ окнами милостыню просите—мнѣ все равно. Я свое дѣло сдѣлалъ, тебя поднялъ, образование далъ, въ люди вывелъ. До „превосходительства“ тебѣ самую малость осталось, а тамъ твоя забота. Кому хочу, тому и отдамъ все. А можетъ-быть и самъ женюсь. У меня въ пріютѣ дѣвизъ много. Выберу любую; еще какъ благодарна будетъ. Всю жизнь передо мною какъ свѣча прогоритъ. Онѣ у меня тамъ въ смиреніи ра-

стутъ. А то въ монахи пойду да на монастырь отпишу все.

— Ваша воля.

— Я знаю, что не твоя. Куда жена ушла?

— Направо повернула.

— Въ садъ монастырскій. А тамъ, тѣмъ часомъ, никто ее не дожидаетъ?

— Въ этомъ, батюшка, ее упрекнуть нельзя. Шалить—шалила, а чтобы дурное...

— Ну, ну. Защищай. Она на тебя плевать хочетъ, а ты еще покрываешь ее... Развѣ я вчера почью не слышалъ, какъ она тебѣ подъ носомъ дверь заперла. Мужъ! Да я бы, доведись мнѣ, всю бы ее за это охальство искрованилъ. Красоты бы ей посбавилъ, кобылѣ. Скажите, какую моду взяла. Должна счастливой считать себя, что мужъ къ ней со вниманіемъ. Другая бы сейчасъ деликатную улыбку состроила, со всякой пріятностью, на колѣни бы тебѣ сѣла, цѣловать начала. А она тебя точно въ гимназій безъ обѣда оставила. Жаль, что дѣло-то въ обители, а то бы и тутъ же ее сократилъ. Руки ты на нее поднять не можешь, боишься—отсохнуть... Эхъ, старый я дуракъ, какъ барина, воспиталъ тебя. Обабился ты и съ наукой своей! Поди-ка погляди, что Елена въ саду одна дѣлаетъ? Тоже недарма ушла. Я тебѣ говорю—глазъ съ нея не спускай, чтобы она постоянное наблюденіе чувствовала.

Алексѣй Моисеевичъ охотно исполнилъ это. Онъ и самъ воспользовался возможностью уйти отъ отца. Онъ его не любилъ, а только боялся, но боялся зато выолнѣ. Даже во снѣ не смѣлъ бы возразить ему, не то что наяву. Отецъ за всякое сопротивленіе билъ его по карману, а къ нищетѣ младшій Конровъ не привыкъ и трепеталъ ея. Моисей Лукичъ съ дѣтства уничтожилъ въ немъ всякое сознаніе своего достоинства, всякое проявленіе воли. „Не твое дѣло разсуждать,—говорилъ онъ ему, хотя сыну было уже за тридцать пять лѣтъ.—Наживи самъ миллионъ—тогда и разсуждай. И твоихъ разсуждений другіе попросятъ. А пока меня слушай. Хоть шоры я на тебя надѣну—и прикажу: „бѣги“—сопротивничать не думай. Ты мнѣ Богомъ въ сыновья данъ—я тебя произвелъ на свѣтъ, и весь ты мой. Захочу помилую—захочу исказию и никому отвѣта не дамъ. Чиновникъ ты для другихъ, а для меня ничтожество. Безъ отца—дня не проживешь. На двѣ-то ты сичи въ годъ твоего жалованія не напьянешься. Особенно съ такою, какъ твоя Елена Борисовна. И чтобы ты ее при мнѣ лаской баловать не смѣлъ! Увижу—сейчасъ что-нибудь у тебя отниму, либо при гостяхъ срамитъ стану, при твоихъ, чтобы всѣ видѣли, какіе вы оба дряни. И умру—не обрадуется... Я впередъ обдумаю, какъ мнѣ дѣла устроить, чтобы вамъ не очень-то широко раскидываться!“

XVII.

Отецъ Варлаамъ чувствовалъ себя отлично. Эта боевая натура, несмотря ни на старость, ни на недуги, все болѣе и болѣе одолевавшіе его, только тогда и была въ своей тарелкѣ, когда ей удавалось что-нибудь трудное. Архимандритъ, впрочемъ, не успокаивался на этомъ—передъ нимъ сейчасъ же росла другая, часто еще болѣе непосильная задача, и онъ, не отдыхая, привнимался за ея осуществленіе. Какъ пастоящій работникъ, онъ не ослаблялъ себя размышленіями о томъ, хватить ли его на это. Богъ посылаетъ дѣло—Онъ же

и поможет совершить его... А будешь сомнѣваться въ себя — никогда и ничего не достигнешь. Даже если и „нару недостаточно“, все-таки надо попытаться. Часто кажется — „ай не осилю“ — вдругъ неожиданная помощь, откуда и не чуялъ ея. И притомъ, какъ все настоящие создатели — отецъ Варлаамъ былъ фаталистъ, хотя и на чисто русской подкладкѣ. Онъ вѣровалъ, что для добрыхъ цѣлей — мысли и начинанія рождаетъ сама судьба. Разъ явились такія, значить тебѣ положено ихъ осуществить, предназначено — и грѣхъ большой усомниться въ своей мощи. Препятствіями не огорчайся — и препятствія предопредѣлены тебѣ, только съ тѣмъ, чтобы ты ихъ устранилъ. Всякое сомнѣніе идетъ отъ врага твоего, отъ діавола. И это уже сомнѣніе не въ себя самомъ, — а въ томъ, что тебѣ поможетъ Богъ, значить — въ самомъ Богѣ. Онъ такъ и дѣйствовалъ — все выростающее на пути крушило точно молотомъ и, прорубаясь къ осуществленію своихъ цѣлей, загодя усматривалъ впереди другія. Монахъ воинствующій — онъ строилъ надолго, и выведенныя имъ просьбы не могли уже зарости опять. Онъ видѣлъ свѣтъ и служилъ свѣту, мало интересуюсь тѣмъ, страдаетъ отъ этого кто-нибудь или нѣтъ. Лѣсъ рубить — щепки летятъ, а безъ жертвъ никакое дѣло не обходится. Даже иногда казалось, что этотъ мощный духовно человекъ былъ жестокъ и въ жестокости своей отражалъ какую-то чисто библейскую свирѣпость. Онъ искренно думалъ, да и едва ли не былъ правъ, что всякая милость и чувствительность на крупномъ творчествѣ не нужны и даже вредны. „Какъ мнѣ о гнѣздахъ думать — подсѣкая дерево! А разъ Богъ велѣлъ, значить объ обиженныхъ птахахъ не моя, а Его забота.“ Такіе люди, слѣпо вѣрующіе, что они дѣйствуютъ не сами по себѣ — а высшимъ произволеніемъ — часто ошибаются и ошибаются горько, но еще чаще они создаютъ вѣковѣчное, и потомъ, когда и праха ихъ не останется здѣсь, позднѣйшія поколѣнія дивятся могуществу ихъ нерушимого творчества. Такъ же слѣпо и неуклонно работаетъ природа — въ рукахъ Господа, и тотъ же законъ, кажущійся намъ иногда злымъ, невыносимымъ — вложенъ и въ душу человека. „Я послалъ тебя, и Я знаю зачѣмъ“. Этотъ голосъ такіе люди слышатъ постоянно... Теперь отцу Варлааму удалось большое дѣло. Когда онъ началъ его — падъ нимъ одни смѣялись, другіе задумывались, третьи на него негодовали. Даже сверху его останавливали. „Куда-де“... Было одно озеро — въ межѣ монастырской — довольно большое, но кругомъ берега его гнили, распространяя лихорадки, надъ нимъ стояли весною и осенью нездоровыя испаренія — и съ этимъ люди поневолѣ мирились. Будучи еще простымъ іеромонахомъ, отецъ Варлаамъ косился на него. „Постой-де — и съ тобой справлюсь“. И онъ вспоминалъ: какъ въ Соловкахъ — монахи море завалили отъ острова къ острову и точно стихійно создали мостъ, связавъ ихъ каменной ниточкой; какъ на Валаамѣ иноки нагородили такихъ сооружений, которымъ и онъ дивился. Косился, косился — да какъ поставили его — править обителью, онъ и принялся за дѣло. Сначала прочиталъ кое-что, позвалъ къ себѣ свѣдущихъ людей, съ тѣми посоветовался, да благословясь, почти безъ денегъ, началъ... „Опомнись, безумецъ! — въ нѣсколько болѣе мягкой формѣ останавливали его іеромонахи. — Куда стремишься?“ — А вы покрутите-ко бороды — авось этимъ дѣлу поможетъ! смѣялся онъ надъ ихъ слѣпотою. „Да вѣдь кашиталовъ нѣтъ!“ ... — Зато рабочія руки есть — и вы первые со мною. И давай копать каналы — выводить воды этого озера въ мелѣвшую рѣку. — Даже и не спросился — времени на это терять не хотѣлъ. Первое время самъ съ лопатой цѣлыми днями по колѣно въ сырой и вязкой болотинѣ простаивалъ. Откуда у этого пожелтѣвшаго и опухшаго старца здоровье бралось — даже и не прихворнулъ.

Должно-быть ужъ очень нервы у него были подтянуты — немощь тѣлесную превозмогалъ возбужденіемъ. Направилось дѣло — и вдругъ деньги нашлись, неожиданно-негаданно. Принесъ какой-то мужикъ въ лаптяхъ — разворачивалъ гризныя тряпки — духъ отъ нихъ такой пошелъ, хоть носъ зажми. „Молитесь де, св. отцы, за великаго грѣшника, раба Божьяго Савву“. И прочь пошелъ, не сказавшись. Эти — израсходовались — отецъ Геронтій показалъ себя, цѣлую кучу промыслилъ ихъ — только къ свойственникамъ кушамъ въ городъ съѣздить. Да вѣдь и денегъ-то не столько надо было, сколько свѣтскимъ людямъ, задумай они въ міру что-нибудь подобное. Ни смѣть, ни инженеровъ, ни подрядчиковъ, ни надсмотрщиковъ. Смѣта — сколько выйдетъ, инженеромъ — самъ отецъ Варлаамъ оказался, артелью — весь монастырь съ добровольными рабочими — крестьянами, явившимися сюда по обѣту на полгода, на три мѣсяца. Руки не оскудѣвали, а присматривалъ за этимъ особый подрядчикъ съ небесе, — такъ и иноки подъ конецъ повѣрили, что ангелы надзираютъ за ними. И работа побѣжала широкимъ русломъ. Одинъ монахъ изъ обиженныхъ Богомъ — придурковатый былъ — все подымалъ посохъ и кричалъ отцу Варлааму: „уйязвленъ будешь, уязвленъ!“ Но и ему вдругъ что-то попритчилось: въ одно утро приходитъ настоятель на работу, — тронувшийся черноризецъ вмѣстообычнаго „уйязвленъ“ вдругъ повалился ему въ ноги. „Что ты?“ — Прости... Меня-то сегодня изъ-за тебя ночью ангелы бичевали! На иноковъ страхъ напалъ — опи вдвое принялись скорѣе за дѣло — а мірскіе добровольные рабочіе, глядя на нихъ, и еще пуще. „Ужъ если святые отцы трудятся, намъ, братцы-доброхоты — и подавно“. Такимъ образомъ вывели воды озера въ рѣку. Осушить его хотѣли — авъ на его мѣстѣ толь оказалась. И ее прорѣзали канавами — и вотъ сегодня отецъ Варлаамъ чуть свѣтъ ѣздитъ смотрѣть. Осень началась — былъ августъ въ концѣ, — а вода на старомъ днищѣ не проступала — оставалась жирная благодарная почва, настоящее лоно земное — всякому сѣмени благодѣйно раскрытое. Понялъ онъ: на этомъ мѣстѣ все произрастетъ, что ни захочешь, не боящееся зимы суровой. Отъ вѣтра лѣсъ обступилъ. И вреднаго пара не точатъ поры вскрытой человекомъ природы. Лихорадокъ въ этомъ году не было. Весь запасъ хипина — какъ всегда заготовленнаго въ обительской аптекѣ — остался на сей разъ неизрасходованнымъ... Завтра отецъ Варлаамъ назначилъ быть на новомъ завоеваніи инокескомъ — молебну соборнѣ съ крестнымъ ходомъ. Потому, что не земнымъ оружіемъ побѣждена была здѣсь натура, а истиннымъ засугупленіемъ Господнимъ. А къ сентябрю — такъ въ половинѣ онъ уже распредѣлилъ и посѣвы сюда. Особое зерно выписалъ для этого — и ждалъ благодѣяны свыше всякія мѣры.

Добившись этого, отецъ Варлаамъ не могъ отказать себѣ въ маленькой слабости, что дѣлать! Все человекъ! Позвалъ отца Геронтія.

— Ну, здравствуй, отецъ! — весело встрѣтилъ онъ его и благословилъ.

Тотъ метнулся, по обряду, въ ноги ему.

— Встань, встань... Не звони лбомъ. Терпѣть не могу.

Тотъ поднялся.

— Ну, ты вѣдь всегда, какъ это говорится, въ курсѣ дѣла. Что иноки?

— Безмолвствуютъ восхищенно, ваше высокопреподобіе.

— А сопротивцы?

— Уязвлены и унижены наипаче.

— То-то... Дураки. Развѣ я самъ — могу такое дѣло. Ежели начато, такъ не безъ Бога. И тебѣ спасибо — денегъ досталъ въ рѣшительную минуту.

— Тоже не безъ Господня произволенія, отче.

— Повятно. Чтѣ мы! Переть въ руцѣ Егъ. Только

XIV акварельная выставка. „Гайдамакъ“.
Съ карт. (исключит. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) С. И. Васильковскаго грав. М. Рашевскій.

XXV передвижная выставка. „Утренний привѣтъ“.
Съ картины (исключит. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) А. С. Степанова грав. Шиллеръ.

Имъ Однимъ и сильны. Крестнымъ ходомъ распорядись.. Всѣмъ рабочимъ — навари рыбы.. Разрѣшеніе вина и едеа на всю округу. Да чтобы не очень ужъ радовались, — а то въ грѣхъ впадутъ. Гордыни-то за спиной у каждаго. Ну, да это—пустяки, а вотъ — раз-узной-ко ты мнѣ, въ какомъ они духѣ.

— Насчетъ чего?

— Задумалъ я одно дѣло...

— Какое?..

— Ну, ужъ это—погоди. Когда утверждусь на немъ—тогда и скажу. А только оно еще труднѣе будетъ.

— Опять деньги потребуются?

— Да...

— Осмѣлюсь...—предстоящій моментъ отецъ Геронтій счелъ самымъ благовременнымъ.—Осмѣлюсь доложить. Моисей Лукничъ Копровъ колеблется, куда имъ свои капиталы пристроить?

— У него дѣти.

— Точно что, но какъ они по его указанію не хотятъ...

— Постой, постой,—нахмурился отецъ Варлаамъ,—ищи другого кармана! На новое дѣло намъ нужны будутъ деньги чистыя.. А отъ этихъ слезами пахнеть. Эти неправедно нажиты.

— На Божьемъ дѣлѣ оправдаются.

— Нѣтъ, Божьему дѣлу иное оружіе приличествуетъ. Помнишь, въ Паралипоменонѣ: „Тебѣ, Господи, величество, и слава, и одолѣніе, и исповѣданіе, и крѣпость...“

— Эти-то капиталы готовы, только возьми ихъ,—упорствовалъ Геронтій.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Если не найдешь другихъ—и безъ денегъ начну... Отъ Тебе, Господи, побѣда, а же точію рабъ Твой...

— Какъ угодно-сь. — А самъ про себя думалъ Геронтій: „Экое быдло—никакимъ его рычагомъ не своротить“...—Будемъ искать-сь. Что Богъ дастъ.

— Даже признать можно бы, безъ большихъ процентовъ. Дѣло вѣрное — сейчасъ само себя оплатитъ. Вотъ ужъ и, благодари осушенному озеру,—на всѣ рабочія руки, сколько ихъ ни приди къ намъ, найдется своя забота. Не даромъ будутъ околачиваться... Скажи, тамъ, келейнику, какъ придетъ барыня, Копрова Елена, такъ чтобы сейчасъ пропустилъ... А пока я по немощи своей отдохнуть прилягу.

„Хороша немощь,—думалъ Геронтій.—Горы сворачиваетъ... Кабы не упрямство только... Чѣмъ это деньги Моисея Лукича не сдались. Не пахнутъ вѣдь,—самъ того не зная, повторилъ онъ Веспасіановское соображеніе,—а и пахнутъ — никто не обезсудитъ, всякъ возьметъ. Правда, грабленныя,—да вѣдь лучше же имъ на добро пойти“...

Отцу Варлааму не спалось. Онъ лежалъ и думалъ все о той же обители, которой отдалъ лучшія свои силы. При немъ она выросла, окрѣпла, корни пустила, да такъ вывѣтвилась, что теперь ее, пожалуй, никакая буря не повредитъ. Развѣ что сухіе и негодные сучья обломаетъ—да такихъ и не жалко. Вотъ вѣдь конецъ жизни приходитъ, а руки все еще зудятъ—и еще бы что-нибудь сдѣлалъ крупное. Въ могилѣ отдыху будетъ много, успеетъ еще онъ належаться въ ней... Невольно мысль старца обратилась на весь имъ пройденный путь. Сколько тамъ было и хорошаго, и дурного вначалѣ. Ну, да съ дурнымъ-то онъ самъ справлялся, отженить его отъ себя. Вотъ бы теперь только не поддастся соблазнамъ и искушеніямъ. Онъ отлично помнилъ толкованіе св. Василія Великаго на слова 7-го псалма: „да не когда похититъ яко дѣвъ душу мою, не сущу забывающую, ниже спасающую“. Самые неутомимые бойцы, всю жизнь неопустительно сражавшіяся съ демонами и избѣгшіе ихъ сѣтей, устоявшіе отъ козней и ухищреній ихъ — въ концѣ вѣка подвергаются княземъ тьмы

осмотру: не окажется ли въ нихъ чего грѣшнаго, чтобы удержать ихъ во власти своей и не пропустить ихъ успокоиться со Христомъ. „Грядетъ міра сего князь—и во мнѣ не имать ничесоже“. Хорошо, если бы и онъ могъ съ Іоанномъ воскликнуть такъ же... А днище озерное къ будущей веснѣ пышно подымется! Опытъ смѣнялись его мысли на дѣловой ладъ. Мало-мало на первый разъ земля самъ-двадцать родить. Можно будетъ тогда новый корпусъ для келій выстроить—старья тѣсны ужъ очень, кладбище отпести на новое мѣсто—въ лѣсъ хотя бы. Построить лавки—для продажи образковъ, крестиковъ, картинъ со священными изображениями, духовно-нравственныхъ книжекъ и житій. Завести свою типографію при обители онъ давно думалъ. Некуда дѣвать грамотныхъ монаховъ, а тогда и они нашли бы себѣ занятіе... Да—десять бы лѣтъ ему жизни еще, увидѣть входы отъ всего посѣянаго имъ, порадоваться. Впрочемъ, вѣдь и оттуда онъ увидитъ ихъ... Если, это „добро-зѣло“ было,—возвысится душа его, а „нѣтъ“—авось тяжкаго отвѣта съ него не потребуется, не для себя онъ это вѣдь, а ради славы Божіей. Положимъ, какъ Никодимъ святогорецъ говорилъ: „есть глубоко въ сердцѣ кроющіяся чувства, кои иногда, мелькомъ проскользая въ дѣла и не бывъ замѣчены, обдають ихъ вонею грѣха...“ Но, что же дѣлать... Всѣ мы слѣпы. вмѣстѣ съ пророкомъ Давидомъ—возопію „отъ тайныхъ моихъ очисти ми“. Авось и оправлюсь...

XVIII.

Монастырскій садъ примыкалъ къ кладбищу... Оно и отдѣлено отъ него не было даже, такъ что мѣсто упокоенія иноческаго заняло часть сада, и новые корни деревьевъ разметывались въ землѣ надъ гробами монаховъ, а случалось и перевивали ихъ. Трава тутъ была гуще и свѣжѣе, надъ сѣрыми однообразными плитами задорнѣе шѣли птицы и громче звенѣли стрекоты и кузнечики. Елена Борисовна тихо шла между могилами, отъ нечего дѣлать читая имена, попадавшіяся на нихъ. Вонъ Іона, жилъ девяносто два года, Авраамъ—семидесяти восьми похороненъ, Веніаминъ—тутъ ужъ и надписи не разобрать, да и тѣни отъ вѣтвей густо легла на нее. Должно-быть старая. Прутьями разбросался кругомъ кустарникъ съ красными мелкими ягодами. Солнцемъ сквозъ шевельнувшуюся листву ударило—онѣ точно капли крови заблестали подъ нимъ... Пряный запахъ, гдѣ-нибудь въ травѣ пахучая „бурина“ къ землѣ припала и вся томится отъ одо-лѣвающей ее полноты жизни. Сквозъ кору деревьевъ чистыми яитарными слезами клей выступилъ... Какъ тихо, покойно. Ничто не напоминаетъ тѣхъ бурь, что немолчно шумятъ въ сердцѣ человѣческомъ... И Елена Борисовна невольно позавидовала безмолвію — да и тѣмъ, пожалуй, которые лежатъ теперь подъ сѣрыми плитами. Все кончено для нихъ, и суета мірская без-сильна коснуться успокоившихся душъ. Отъ сердець, что мучились и изнемогали, любили и ненавидѣли—ничего не осталось, кромѣ горсти праха. Мать Александра, ея тетка, говорила ей, что „значать всѣ страсти наши отъ земли, если и сердце и мозгъ нашъ—ихъ вмѣстилища истлѣваютъ—и только безсмертная любовь къ святому и возвышенному уносится къ источнику своему... Земля въ землю—душа въ небо... Такъ и разрушается этотъ временной союзъ тяжелой матеріи съ тонкимъ духовнымъ началомъ!“

— Елена!

Она оглянулась—мужъ. Именно теперь ей не хотѣлось видѣть его. Сначала она жалѣла Алексѣя... Даже была, пожалуй, близка къ тому, чтобы полюбить его. Но потомъ это безвольное существо сдѣлалось ей противно. Она притворилась, что не слышитъ, и пошла дальше.

— Елена!

— Что тебѣ?

— Меня отецъ послалъ.

— Разумѣется. Самъ бы ты не осмѣлился. Ну?

— Сидемъ... Вотъ тутъ хотъ.

Она мелькомъ взглянула на плиту: „Иеро-схимонахъ Антоній, житія его было восемьдесятъ девять лѣтъ и три мѣсяца“.

— Что ты хочешь сказать мнѣ?

— Знаешь. Я не могу больше... У меня вся душа вымотана.

— Ты объ отцѣ?

— Да... Пусть хотъ все отниметъ, всего лишитъ. Я вѣдь съ ума сойду... Уйдемъ отъ него. Авось и на мое жалованье проживемъ.

— Поздно!—съ страстнымъ порывомъ, долго сдерживаемымъ, вырвалось у нея.

— Что?

— Поздно, говорю. Ты помнишь, три года назадъ—ты и получалъ мало, и насъ настоящая бѣдность ожидала, что я тебѣ говорила: „Алеша, милый, бѣжимъ. У меня болитъ все. Оскорблена я и въ чувствахъ, и въ мысли, и въ тѣлѣ. Уйдемъ—бросимъ... Пусть Моисей Лукичъ, куда хочеть, туда свои богатства и дѣваетъ“. Я не боялась лишений и нужды. Первая звала тебя на это... Первая! Господи, да я бы, кажется, съ ума отъ счастья сошла тогда, помѣстись мы въ крохотной квартирѣ, да бѣгай я цѣлые дни по урокамъ. И любила бы такъ, какъ только могу. И рай, пойми, рай бы обоимъ открылся... А ты, что? Ты съ ужасомъ отъ меня прочь. — „У отца вѣдь — миллионъ, отецъ проклянетъ“. Да это для тебя не важно было, а то, что онъ наслѣдства тебя лишитъ — это другое дѣло. Ради этого миллиона ты душу продалъ и меня погубилъ. И за меня грѣхъ на тебѣ—если только есть высшая правда.

Она сама изумилась себѣ. За эти нѣсколько дней она точно измѣнилась вся: и думала, и говорила иначе. Въ ней настоящая женщина выросла, готовая на все—и на подвигъ, и на подлость, и на мученичество, и на ложь—ради своей любви.

— Ну, — подыалъ онъ на нее недоумѣвающіе глаза. — Я вѣдь тебѣ это и предлагаю. Я согласенъ съ тобою.

— Поздно! Я сказала... Поздно... Тогда бы я тебя полюбила, молилась бы на тебя...

— А теперь?

— А теперь. — Она грустно усмѣхнулась. — Хочешь знать правду, или ты боишься ей?

— Нѣтъ, говорю.

О, въ эти минуты ей было не жаль нисколько эту измотавшуюся въ работѣ и покорствѣ душу.

— А теперь, слушай хорошенько: я люблю другого. Не тебя.

— Ты лжешь. — Его отшатнуло — и онъ пересѣлъ отъ нея дальше.

— До сихъ поръ не лгала... И теперь, можетъ-быть, въ послѣдній разъ говорю тебѣ правду.

— Кого же?..

— Вотъ ты какой. Будь я на твоемъ мѣстѣ, да доведись мнѣ услышать это—я бы такую за горло и—вотъ тебѣ Богъ—задушила бы на этомъ самомъ иеро-схимонахѣ Антоніи. А у тебя и тутъ... Ты только дальше отъ меня отодвинулся. Задушила бы... И первая я бы съ того свѣта поблагодарила тебя—потому, мнѣ невыносимо жить...

— И онъ... тотъ, это знаетъ?

— Знаетъ.

— Ты ему сама сказала?

Она посмотрѣла на Алексѣя Моисеевича долгимъ,

полнымъ презрѣніи взглядомъ, поднялась и пошла дальше.

— Ты ему сама? Когда?—шипѣлъ онъ, догоняя ее. — Постой... Ты должна мнѣ—я мужъ.

— Ничего не должна, давно расплатилась.

Оглянувшись, встрѣтила его перекосившееся лицо съ сужившимися злобно глазами и вдругъ прочла въ немъ столько сходства съ отцомъ, что у нея вырвалось:

— Знаешь, я душой болѣла, что у насъ дѣтей нѣтъ.

— Да, тебѣ свободнѣе теперь подлости дѣлать.

— Не въ томъ совѣмъ. Подлость, не любя тебя, съ тобой оставаться... А въ томъ, что они были бы у такого отца, какъ ты, несчастны, какъ несчастливъ ты съ Моисеемъ Лукичемъ.

— Постой. Не Семигоровъ же? Это офицеръ твой, Ломакинъ.

Она разсмѣялась его растерянности.

— Тебѣ не все равно?

Какъ все это въ сущности легко. Она боялась объясненія, стыдилась его. Какъ она скажетъ, чѣмъ оправдается. И вдругъ, само все сдѣлалось, точно помимо нея. Елена Борисовна почувствовала, будто у нея съ души камень свалился. Главное окончено, а со старикомъ Копровымъ пускай онъ самъ столкуется. Ее это ужъ не трогаетъ.

— Ну, нѣтъ. Это такъ нельзя. Я не позволю надъ собою смѣяться. Я тебѣ покажу, что я не такой безхарактерный, какъ ты воображаешь. Мы тебя изъ нищеты, изъ ничтожества взяли.

— Что?—она вздрогнула и поблѣднѣла.—Ты мени вотъ чѣмъ коришь.

— Разумѣется... Одѣли, обули...

Она ушамъ не вѣрила: совѣмъ Моисей Лукичъ.

— Во сколько ты цѣнишь все это? пришли счетъ... Онъ залатить.

— Тварь продажная. Ты знаешь, что я могу съ тобой—по этапу, да, по этапу...

— Я еще мучилась, колебалась, душой болѣла... И знаешь, — топъ ея сталъ вдругъ сердеченъ и искрененъ.—Я такъ, такъ тебѣ благодарна за эти оскорбленія... Такъ благодарна!.. Теперь мнѣ легко. Ты ими успокоилъ меня. Теперь все улеглось на душѣ. Дѣйствительно, что-жъ стѣсниться съ такими. Надо о себѣ и о своемъ счастьи только и думать. А вы—живите, какъ вамъ угодно!..

— Ого, какимъ языкомъ заговорила!.. Да ты понимаешь ли—я убить тебя могу.

— Если бы ты это сдѣлалъ нѣсколько минутъ назадъ—я бы не пошевелилась. А теперь... Теперь—мнѣ мое дорого... И я... Не дамъ тебѣ.—Она вдругъ наклонилась и подняла камень.—Не тебѣ со мной схватываться... Попробуй. Нечего сжимать кулаки. Ты и силенкой-то своей похвастаться не можешь.

И въ ней вдругъ послышалась ему такая презрительная нотка здоровой женщины къ физической слабости недостойнаго и несоотвѣтствующаго ея силѣ мужа, что онъ свѣта не взвидѣлъ и кинулся было на нее, но какъ разъ въ эту минуту изъ-за деревьевъ показался благополучный и уравновѣшенный отецъ Геронтіи, быстро шедшій впередъ, широко размахивая громадными рукавами.

— Батюшки... Алексѣй Лукичъ. Что это вы? Елена Борисовна... Ай-ай. На коемъ мѣстѣ! Здѣсь старцы въ мирѣ и тишинѣ почиваютъ, души ихъ надъ надгробными памятниками, быть-можетъ, незримо присутствуютъ, а у васъ, о, Господи!.. Образованные люди—и вдругъ, такое жестоковѣйство...

— Вы это ему говорите, сыну своего отца.

И уже Елена Борисовна, не оглядываясь, пошла дальше.

(Продолженіе будетъ.)

Въ лапахъ.

Рассказъ В. В. Уманова-Наплуновскаго.

I.

Онъ въ первый разъ появился на фондовой биржѣ и былъ оглушенъ, ошеломленъ. На него повѣло такой живашеной волной, что онъ присѣлъ на первую попавшуюся скамейку, чтобы немного успокоиться и придти въ себя.

„Вотъ гдѣ настоящая жизнь!.. Все кипитъ, волнуется...“ Рядъ мыслей пробѣгалъ въ его головѣ, одинъ ярче другихъ.

Онъ былъ молодъ и красивъ. Густые черные волосы рельефно отбѣляли тонкія, изысканныя черты; нѣсколько утомленные сѣрые глаза поражали своей глубиной. Одѣтый по послѣдней модѣ, онъ въ то же время не производилъ впечатлѣнія столичнаго шикота и невольно останавливалъ на себѣ удивленные взгляды маклеровъ и постоянныхъ биржевыхъ посѣтителей.

— А, господинъ баронъ, вы уже здѣсь! — раздался вдругъ мягкій, вкрадчивый голосокъ крошечнаго пугатаго человѣчка, который широко улыбался, выставивъ клыкообразные зубы и высоко приподнявъ сѣрый англійскій котелокъ.

Блестящая лысина придавала этому лицу комическій видъ. Баронъ фонъ-Лейденъ очнулся и радостно протянулъ руку.

— Я здѣсь, какъ затерянный въ океанѣ.

— Съ непривычки. Вы навѣрно подумали, что тутъ собираются одни сумасшедшіе? Вспишь, какъ гадаютъ, а все безъ толку...

Акимовъ презрительно подавалъ шпичию губу и со злостью махнулъ рукой по направлению къ кучкѣ крикуновъ, которые съ такимъ ожесточеніемъ о чемъ-то спорили, что со стороны можно было подумать о близости наступательныхъ движеній.

— Пойдемте къ нимъ! Это меня такъ интересуетъ.

— Для васъ хоть на край свѣта, но безъ васъ ни за что бы къ нимъ не подошелъ ближе, какъ на разстояніе выстрѣла. Несчастные зайцы!

Лицо Акимова преобразилось и приняло такую гордую мину, точно онъ дѣлалъ величайшую услугу своему новому кліенту, который, конечно, оцѣнитъ его рыцарское самоотверженіе.

Но вотъ раздался ударъ пушки. Часы пробили 12. Биржа началась. Владѣльцы банкирскихъ домовъ и конторъ, банковскіе главари и прочіе дѣльцы заняли свои обычныя мѣста. На ихъ загадочныхъ физиономіяхъ ничего нельзя было прочитать, кромѣ покорности передъ неодолимыми канризами превратной судьбы. Въ залѣ на мгновенье все стихло, и эта страшная тишина дѣйствовала на нервы барона подавляющимъ образомъ послѣ того шума и крика, которые минутой раньше такъ одушевляли его.

— О, сегодня великій день! — таинственно процѣдилъ сквозь зубы Акимовъ. — Поэтому-то я и рѣшилъ, чтобы вы теперь же открыли у меня оп call... Недѣля—двѣ, самое болыное—три, и мы наживемъ съ вами не одну тысячу рублей. Я — честный человѣкъ и не желаю васъ обманывать и подводить, уважаемый господинъ баронъ. Надо всегда стремиться только къ тому, чтобы нажить, а не разбогатѣть. Это — мой принципъ. Сегодня очень крѣпкое настроеніе. Изъ Берлина ожидаютъ важныя вѣстия...

Они затерялись въ толпѣ. Вдругъ посреди зала раздался отчетливый голосъ высокаго, краснаго толстяка, съ фигурой котораго непремѣнно связывалось представленіе о протодіаконской октавѣ:

— Акціи общества „Паутина“... Пятьдесятъ штукъ отдамъ по сорока... Акціи „Паутина“!.. „Паутина“!..

Восклицаніе произвело свое дѣйствіе, — странно, потрясающее! Еще вчера всѣ кричали о небываломъ дивидендѣ для молодой бумаги и цѣну поднимали до трехсотъ восьмидесяти одного рубля; ее поддерживали и утромъ, а теперь — на сорокъ одинъ рубль дешевле...

Самъ Ширудель, извѣстный магъ и волшебникъ, не выдержалъ и, вскочивъ съ своего мѣста, снова медленно опустился на деревянную ручку дивана. Это всегда служило у него признакомъ сильнѣйшаго волненія. Впрочемъ, трудно было сказать, доволенъ ли онъ или огорченъ. Колѣчье глаза бѣгали съ пылкостью ищейки изъ-подъ массивныхъ золотыхъ очковъ. Рѣдкіе, длинныя усы неопредѣленнаго цвѣта дѣлали его похожимъ на морского льва.

— Teufel!.. Вотъ скачокъ!..

Ширудель наклонился къ уху своего помощника, и тотъ сейчасъ же принялъ подобострастное выраженіе.

— По какой цѣнѣ вы продали утромъ наши акціи?

— По восемьдесятъ.

— А какъ было сказано въ приказѣ?

— По биржевой цѣнѣ. Цѣна не была лимитирована.

— Gut, gut!.. Можете выставить по пятьдесятъ два съ четвертью. Не правда ли, прекрасная цѣна? Я люблю, чтобы все дѣлалось благородно. За комиссію и куртажъ, конечно, вычитаете особо. Ну что-жъ, господинъ Кузьминскій любитъ рисковать; купилъ по семьдесятъ семь... Я его отговаривалъ. По теперешнимъ временамъ, двѣ тысячи убытку — чистѣйшіе пустяки. Нельзя-съ, любимишь кататься, — люби и саночки возить. — И, успокоенный этой философійю, невозмутимый банкиръ сталъ дѣлать отмѣтки въ записной книжкѣ.

— Не надо ли паутинки?

— Паутинку возьмите! По двадцать отдаю.

Осаждали его важныя маклеры съ плавными тѣлодвиженіями и юркій еврейчикъ (изъ зайчиковъ), маленькаго роста, но съ большою головою и широкоплечій. Послѣдній особенно суетился и выказывалъ такое нетерпѣніе, что даже хваталъ всѣхъ проходящихъ за руки и отталкивалъ отъ Шируделя, точно охраняя свои права отъ непрошенной конкуренціи.

Ширудель, казалось, наслаждался этой сценой и не спѣшилъ отбѣгать.

— Да что же вы, Негг Ширудель, покупаете или нѣтъ?

— Паутину по двадцать?.. Пхе! — и онъ сдѣлалъ впусую гримасу. — У меня ее на чердакѣ сколько угодно, — даромъ отдамъ.

Нѣкоторые расхохотались; другіе наеушились, недовольные шуткой.

— Вы сами вчера кричали о феноменальныхъ заказахъ, первый стали проводить эти акціи, а теперь смѣетесь... Das ist Schweineerei! Совѣсья неблагородное дѣло для такого туза!

Юркій еврейчикъ, замѣтивъ, однако, что далеко зашелъ въ своихъ обвиненіяхъ, поспѣшилъ убраться и съ быстротой молніи наскочилъ на грузную фигуру хозяина мѣгильной лавочки, Ѳома Протасова, пріютившагося въ сиромомъ уголку. Онъ сидѣлъ въ безытежномъ спокойствіи, съ улыбкою фавна на загорѣломъ, бритомъ лицѣ. Онъ праяснулъ руками на толстый парусиновый зонтикъ стариннаго фасона и постукивалъ каблуками, старобрядецъ-финансистъ насмѣливо посмотрѣлъ на разгоряченнаго Штика, который кланялся ему подобострастно.

Протасовъ медленно кивалъ головою, и рыжіе глаза его, залпыше жиромъ, аноминали выраженіе кота, облюбовавшаго пойманную мышъ.

— Здравствуй, Абрамъ, здравствуй! Продаешь что-нибудь?

— Три акціи паутинки продамъ по тридцать и куплю по десять.

— Молодецъ! Ай да Абрамъ!..

— Развѣ можно въ такія минуты шутки шутить, Ѳома Лукичъ!

— Ужели съ тобой стану возжаться, тля ты этакая! Вспишь, три акціи ему подавай, чтобы цѣну сбить... Мы погодимъ, — авось и не проиграемъ безъ тебя.

Крики усиливались. Уже прозвонили во второй разъ, а группы не расходились.

— Запасный капиталъ израсходованъ. Получена анонимная телеграмма.

— Въ предѣлахъ Россіи появилась чума.

— Артедьчикъ сдѣлалъ громадную растрату.

— Флюгель отказался отъ участія въ дѣлахъ общества и вышелъ изъ состава правленія.

— Москва пошла на похищеніе.

Самые невѣроятныя слухи находили отголосокъ и росли на подобіе лавины. Акціи „Паутина“ падали съ головокружительной быстротой. На нерронѣ ихъ уже предлагали по двѣсти девяносто, и никто не бралъ.

— Крахъ, настояшій крахъ! — повторили десятки голосовъ, и навика усиливалась.

Баронъ фонъ-Лейденъ ходилъ по биржевой площадкѣ съ такимъ отчаяніемъ на лицѣ, что услужливому Штику захотѣлось его утѣшить, и онъ подскочилъ къ нему, но обыкновенію, кубаремъ, съ явными доказательствами самой искренней дружбы.

— Зачѣмъ же, право, такъ беспокоиться! Вы что-нибудь потеряли?

Баронъ, видя его впервые и чувствуя себя совершенно одинокимъ, съ радостью откликнулся на его зовъ.

— Какъ вы, право, добры!.. Скажите, пожалуйста, чѣмъ обьяснить...

— Банкируютъ, — перебилъ его Штикъ: — сегодня слабо, завтра крѣпко; чѣмъ ниже теперь, тѣмъ выше потомъ. Благородный господинъ имѣеть, вѣроятно, „Паутину“? Реализаціи не должны васъ пугать. Вы имѣете маклера, или одинъ спекулируете?.. Я всегда къ вамимъ услугама.

— Благодарю васъ. Я имѣю дѣла съ банкирскимъ домомъ.

Штикъ насторожилъ уши и сдѣлался тотчасъ же сухъ и серьезенъ.

— Осмѣлюсь спросить, чей домъ? У насъ, слава Богу, этихъ домовъ не меньше, чѣмъ кабаковъ.

— Я открылъ спеціальный текущій счетъ у Акимова. Солднкий домъ.

— У Акимова?! — завизгунулъ Штикъ. — Въ такомъ случаѣ не нѣйте на себя, если потеряете деньги. Такого помощника вы не найдете во всемъ мірѣ. Счастливо оставаться! — И онъ печально глядъ озадаченнаго барона.

Черныя мысли рисовали ему собственное положеніе въ доволно темныхъ краскахъ. Отсутствие Акимова, котораго онъ потерялъ еще при началѣ собранія, усиливало угнетенное состояніе духа. Началъ накрапывать холодный осенній дождь. Ежеминутно отбѣжали экипажи. Публика уныло расходилась.

„Поздравляемъ!“ Съ карт. Т. Эреста грав. Брендамуръ. Библиотека "Руниверс"

— Насилу-то я нашелъ васъ, господинъ баронъ! Гдѣ вы навзвали прятаться? Никакъ нанужались?.. Я рѣшилъ, что вы сбѣжали съ перепугу. Привыкнете...

Голосъ банкира звучалъ искусственной веселостью, что не укрылось отъ наблюдательнаго взора фонъ-Лейдена.

— Вы что-нибудь сдѣлали за мой счетъ?—спросилъ послѣдній, стараясь придать разговору дѣловой характеръ.

— Я вамъ купилъ „Паутинки“ по тридцать три рублѣка сотенку акцій. Бумага прекрасная, не огорчайтесь, голубчикъ! Правда, она немощко потомъ упала, но это—чистѣйшіе пустяки.

Слово: „голубчикъ“ козынуло барона въ самое сердце. „Нахалъ!—подумалъ онъ,—прежде господиномъ велчалъ, а теперь“... и, еле сдерживаясь отъ гнѣва, фонъ-Лейденъ обратился къ нему съ небрежнымъ видомъ:

— Послушайте, любезнѣйшій, зачѣмъ же вы покупаете, когда бумаги падаютъ, да еще въ такомъ громадномъ количествѣ? Вѣдь вы сразу сдѣлали мнѣ убытокъ въ нѣсколько тысячъ рублѣй, а у меня всего-то въ окольномъ счету семь... Такъ нельзя! Вы меня разорите... Я не затѣмъ вамъ отдалъ деньги.

— О, я знаю, что дѣлаю, господинъ! Я ручаюсь за благополучный исходъ. Иногда бываетъ реакція... Надо имѣть терпѣніе. Позвольте васъ прокатить на моемъ рысакѣ! Вы дома?

Самоуверенныя манеры Акимова успокоили барона, и они пошались, какъ ни въ чемъ не бывало, бесѣдуя о событіяхъ дня.

II.

Бывшій правовѣдъ, баронъ Викторъ Адриановичъ фонъ-Лейденъ (изъ чиновной семьи обрусѣвшихъ нѣмцевъ), подстрекаемый честолюбивыми соображеніями, опредѣлился въ одно изъ высшихъ аристократическихъ учрежденій, въ качествѣ причисленнаго съ видами на будущее, но безъ всякаго содержанія, если не считать наградныхъ, въ полученіи которыхъ болѣею частью приходилось только расписываться. Ему не хватало отцовскихъ писецовъ рублѣй, которые онъ получалъ разъ въ два мѣсяца, а между тѣмъ, свѣтскій образъ жизни требовалъ непосильныхъ тратъ (*usus luxuriosus*). Даже долги трудно было дѣлать! Современные ростовщики стали несомненно довѣрчиво относиться къ кутящей молодежи. Съ одной стороны, остерегались кары закона, а съ другой—помня безчисленные примѣры несостоятельности своихъ должниковъ, они категорически отвергали самыя обольстительныя обѣщанія. Лейденъ томился. Улыбки богатыхъ товарищей свидѣтельствовали, что его финансовое положеніе ясно для всѣхъ. Неужели вѣчно тянуться за ними въ рабскомъ униженіи?..

Пять лѣтъ, проведенныхъ барономъ въ такой тревогѣ, наполнили чашу терпѣнія. Надо было рѣшиться на что-нибудь. Отецъ выдавалъ все, что могъ; отъ другихъ родовъ ничего не предвидѣлось. Встрѣча съ багетнымъ критикомъ Рубинскимъ дала его мыслямъ неожиднное направленіе.

— *Mon cher, excusez moi, но ты совершеннѣйшій болванъ!* Кто же теперь, въ этотъ fin de siècle, занимаетъ деньги, когда золото лежитъ на мостовой?.. Только лѣнливый его не подбываетъ. На биржѣ ты не играешь, вѣтъ? Чудаки! Такъ легко. Я познакомлю тебя *avec m-r Akimov, protecteur de m-lle Sora Blanche*, и онъ тебѣ дастъ право на открытіе у себя *on call*'а. Кстати, ты не выдалъ ей въ послѣднее багетъ? О, *comme c'était splendide!* Техника, пуанты, элевация!.. совершенство!..

Баронъ схватился за биржу, какъ за лкоръ спасенія. Раньше никогда не приходила ему въ голову такая блестящая комбинація. Однако дальнѣйшее знакомство и объясненіе съ Акимовымъ нѣсколько расхолодили его: надо было достать не меньше семи тысячъ рублѣй вклада въ депо. Сначала банкиръ никакъ не хотѣлъ принимать кліента иначе, какъ съ минимальнымъ капиталомъ въ десять тысячъ, но протекція Рубинскаго поколебала его строгія правила, и три тысячи были великодушно отброшены. Оставалось только достать деньги.

Лейденъ вспомнилъ о добродушномъ старичкѣ-казначей, обремененномъ многочисленнымъ семействомъ, у котораго часто хранились большіе вносы въ пользу общества попеченія о бѣдныхъ вдовахъ, и рѣшился подѣйствовать на него силою неопровержимыхъ доводовъ.

Флегонтъ Сидоровичъ еще не уходилъ на службу, но уже сидѣлъ въ вициундирѣ и дочитывалъ фельетонъ *Петербургской Газеты*. Въ зубахъ у него торчала сигара, единственная роскошь, которую онъ себѣ позволялъ. Впрочемъ, дымъ отъ ней болѣе походилъ на чай и заставлялъ предположать, что російская регалія если и сдѣлана изъ табачныхъ листьевъ, то во всякомъ случаѣ съ прибавленіемъ жаренаго конята (для аромата). Негерпѣливый звонокъ и затѣмъ появленіе барона вывели его изъ беззаботнаго чтенія.

— А, ваше сіятельство (обычная манера Флегонта Сидоровича всѣхъ титуловать), чѣмъ обязанъ?.. Почтили меня, старика... Извините за убогое жилище. Живемъ помаленьку, какъ умѣемъ.

— Полноте, что вы! Я такъ радъ посидѣть у почтеннаго, всѣмъ уважаемаго человека... Гм!.. Погода сегодня плохая,—дуетъ съ моря... Наводненіе, пожалуй, будетъ... А я къ вамъ собственно по дѣльцу. Хочу предложить выгодное условіе.

Лицо Флегонта Сидоровича такъ и запрыгало; морщины раздвинулись; онъ почувалъ добычу и насторожилъ уши, какъ проголодавшійся песъ.

— Вѣрно, батюшка, денежки повадобились? Хи-хи... Это бываетъ, бываетъ,—и казначей забарабанилъ пальцами по газетѣ.

— Я прекрасно знаю, Флегонтъ Сидоровичъ, что у васъ частенько сохраняются нѣкоторыя суммы...

— Что вы, что вы, батюшка, развѣ можно чужія-то денежки раздавать! А подѣ судъ?—и онъ даже отодвинулся отъ барона, дѣлая видъ обиженнаго равнодушія.

— Зачѣмъ такъ мрачно смотрѣть на самыя обыкновенныя вещи!

— Да вамъ сколько же надобно? Не осерчайте за нескромный вопросъ. Слабость, видно, стариковская всюду совать носъ. Не осудите!

— Всего семь тысячъ на полгода. Процентомъ,—сколько хотите.

Старикъ почесалъ за ухомъ и помолчалъ.

— Да что тамъ проценты! Пустое дѣло... Цифра большая... Не имѣю такихъ капиталовъ, самъ перебиваюсь. Жалованье мое вѣдь, чай, извѣстно вамъ, ваше сіятельство,—не антикакое; откуда же взять такіе деньги, а изъ казенныхъ—Боже упаси! Это вы напрасно-съ,—и онъ перекрестился, точно призывая въ свидѣтели само небо.

Баронъ хотѣлъ уже встать, думая, что его обманули насчетъ створчивости казначей, какъ Флегонтъ Сидоровичъ нагнулся къ нему и не безъ лукавства прошепталъ:

— Письмецо отъ кого-нибудь имѣете?

Недовѣрчивый старикъ, очевидно, боялся ловушки. Баронъ повилъ его.

— Писемъ нѣтъ, но мнѣ говорилъ о васъ князь Горскій, которому вы помогли въ прошломъ году выйти изъ временнаго затрудненія. Со всѣми случается...

— Ну, такъ бы тотчасъ же и сказали, а то — проценты, да проценты!.. Проценты—сами собой, не уйдутъ, а сперва слѣдуетъ почву попробовать. Я—человѣкъ безпомощный, смиренный... Каждый меня обидитъ... Могу и выростакъ понасть, а на шеѣ-то, повимаете, дѣтки висятъ... И такъ на полгодочка семерочку? Не много ли, ваше сіятельство?

Онъ разомъ подобрлился и повеселѣлъ.

— Чѣмъ больше, тѣмъ вамъ же выгодыѣй, Флегонтъ Сидоровичъ.

— Не хорошо-съ все о выгодахъ говорить! Я по-Божьему хочу, а вы, батюшка, на каждомъ шагу, принизите меня желаете. Оно, конечно, и безъ выгоды несподручно... Все-таки поспокойнѣе будетъ, когда капиталецъ поменьше...

Послѣ долгихъ споровъ ударили по рукамъ. Добродушный отецъ многочисленнаго семейства предложилъ тяжелыя условія: полугодовой вексель на восемь съ половиной тысячъ и бланкъ князя Горскаго.

Баронъ шелъ на все. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду и не предавался философскимъ разсужденіямъ. Надо было, не теряя времени, ѣхать къ князю.

Князь жилъ одиноко, тратилъ на женщинъ безумныя деньги, но для другихъ былъ скуповатъ. Поэтому, фонъ-Лейденъ не безъ робости сообщилъ ему о своей просьбѣ.

Черныя густыя брови жуира сдвинулись и придали смуглому лицу суровое выраженіе.

— *Mon petit*, кто же ручается за такихъ талантовъ, какъ ты. Вино и женщины поглощаютъ не малые расходы, а и ты еще требуешь отъ меня матеріальныхъ жертвъ. Благо разумно ли это? Одна *Susanne* деретъ съ меня нѣсколько шкуръ.

— Но позволь, мой другъ, тебѣ не придется расплачиваться за пріятелей. Твой бланкъ—пустая формальность, которая, тѣмъ не менѣе, откроетъ мнѣ дорогу. Я связанъ по рукамъ и по ногамъ и не могу дѣйствовать.

Князь снисходительно улыбнулся.

— Охотно вѣрю въ твою предпримчивость, но у меня врядъ ли имѣть съ друзьями никакихъ денежныхъ счетовъ. Я лучше подарю что-нибудь, если ужъ такъ необходимо.

Бесѣда окончилась размолвкой.

Баронъ чувствовалъ себя отвратительно. Рушились всѣ планы; впереди не предвидѣлось ничего свѣтлаго... И вотъ въ головѣ навязчиво закружилась назойливая мысль; чей-то голосъ началъ напентывать страшныя слова. „Неужели поддаться порыву?“

Возмущенный и подавленный, Лейденъ негодовалъ на самого себя, съ озлобленіемъ отворачивался отъ прошлаго и ясно видѣлъ, что то же повторится и въ будущемъ. Страсть убивала раскаяніе и влекла стикійнымъ порывомъ въ соблазнительную бездну порока. „Денегъ, денегъ!“—слышалось ему всюду:—„въ вухъ твое счастье“. Онъ собралъ всѣ свои силы и на оборотной сторонѣ векселя твердой рукой подписалъ фамилію князя Горскаго...

III.

Прошло двѣ недѣли. Общество возмужалось; всѣ говорили о странномъ, ничѣмъ необъяснимомъ паденіи почти всѣхъ цѣнностей, котируемыхъ на биржѣ. Акціи „Паутина“ упали до

двухсот-семидесяти-пяти и замерзли на этой цѣнѣ. Сдѣлки съ ними временно прекратились.

Не спавши нѣсколько ночей, съ разстроенными нервами, баронъ забылся подъ утро тяжелымъ сномъ. Ему грезился вѣдний истуканъ, изрыгающій пламя; въ глубину его необъятной пасти бросались человѣческія жертвы, и удушливый запахъ горящаго мяса распространялся далеко кругомъ. Баронъ вскрикнулъ и вскопчилъ съ постели. Мутнымъ взглядомъ обвелъ онъ свою комнату и позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Газеты принесены?

— Давно-съ. Уже двѣнадцатый часъ... И письмоцо къ вамъ.

— Подайте.

Письмо оказалось отъ банкира и не предвѣщало ничего хорошаго. Лейденъ нетерпѣливо разорвалъ конвертъ; сердце ёкнуло, усиленно забилось. Письмо было кратко „Банкирскій домъ Ф. Ф. Ширудель, Н. С. Акимовъ и К^о, свидѣтельствуя совершенное почтеніе господину барону В. А. фонъ-Лейденъ, покорнѣйше проситъ отъ нижесписаннаго числа въ трехдневный срокъ представить добывочное обезпеченіе въ размѣрѣ шести тысячъ рублей“.

Баронъ поблѣднѣлъ и безсильно опустилъ руки.

— Мерзавцы! — вырвалось у него. — Обобрали и еще требуютъ. Какъ бы не такъ!

Онъ наскоро умылся, одѣлся и вышелъ въ столовую, гдѣ его ожидалъ кофе. Отецъ встрѣтился съ нимъ въ дверяхъ и пристально посмотрѣлъ на него.

— Мрачень, холоденъ и загадочень... Если ты влюбился, то опрогивѣешь своей волюбленной еще сильнѣй; если задолжалъ или проигрался, — я все равно не дамъ тебѣ ни одной копейки; если надоѣла жизнь, то не нортъ ей другимъ. Удивительная молодежь! Смотрите противно...

Онъ трянулъ красивой сѣдой головой и молодцовато прешель въ переднюю.

— Ежедневно какія-то цотаціи, — говорилъ баронъ послѣ ухода отца меньшей сестрѣ, только что окончившей курсъ въ частной гимназіи, самой модной и дорогой. — Это больше не можетъ продолжаться... Я не въ состояніи!

Знаа, блѣокурая дѣвушка, съ мелкими изящными чертами лица, посмотрѣла на него съ состраданіемъ.

— Рара любитъ веселыхъ, вотъ и сердится... Открой мнѣ свою тайну!.. Скажи имя!.. Кто она? Порядочная женщина или... такая?

Синіе глаза ея горѣли любовнымъ и задоромъ.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, болтушка!.. Ты ничего другого не хочешь себѣ представить, кромя любовныхъ оховъ и вадоховъ. Прелестное воспитаніе, нечего сказать!.. У меня горе, страшное горе! Судьба моя рѣшается на этихъ дняхъ, а она съ глупыми разпросами! Если я выиграю то, что задумалъ, — брошу сейчасъ же эту ненавистную жизнь и человѣкомъ стану, а проиграю — прости тогда. — И онъ сдѣлалъ рукой неопредѣленный жестъ.

Знаа продолжала смотрѣть на брата широко открытыми, наумленными глазами.

— Нехорошее что-то придумать ты, Victor... Я боюсь за тебя.

Но онъ уже не слушалъ ея и сѣднѣлъ къ Акимову.

— Прощай, прощай!.. Я долженъ ѣхать... Меня ждутъ.

Знаа обидѣлась и умоляла. Чувство, похожее на ревность, шевелилось въ ея груди. Она въ душѣ ненавидѣла ту оболстительницу, которая терзаетъ ея брата.

IV.

Въ банкирскомъ домѣ царило то вѣшнее уныніе, которое всегда сопровождаетъ биржевые крахи. Клерки углубились въ созерцаніе безконечныхъ цифръ и упорно глядѣли въ толстыя конторскія книжки. Ширудель и Акимовъ находились въ особомъ кабинетѣ. Это свѣтлице соединилось съ общей залой стекляннѣй дверью, охраняемой отъ непосвященныхъ двумя гарсонами, въ синихъ камзолахъ съ красивыми кантами и блестящими пуговицами. Оба финансовыхъ дѣльца, повидимому, были въ самомъ благодушномъ настроеніи, рѣзко прогнворившемъ настроеніи подчиненныхъ, особенно завѣдующаго отдѣленіемъ оп саль'я, высокаго, худого брюнета.

Ширудель и Акимовъ только что вернулись отъ Кюба, гдѣ сытно позавтракали и, между прочимъ, узнали свѣжую новость о скоромъ выпускѣ новыхъ акцій общества „Самокать“, сулящаго громадные выгоды.

— Не тужите, Захаръ Захаровичъ, — говорилъ Акимовъ завѣдующему оп саль'емъ: — скоро опять будетъ повышење, и васъ перестанутъ осаждать... Но объ этомъ пока ни слова!

Ширудель неодобрительно покачалъ головой.

— Вы всегда проболтаетесь!.. Сколько разъ я вамъ совѣтовалъ осерегаться!.. Скорое повышеніе, повѣрте, не принесетъ вамъ большой пользы, если о немъ узнаетъ публика.

— Но чтъ же мнѣ дѣлать? — въ отчаяніи проговорилъ Захаръ Захаровичъ, присѣдая все ниже и ниже отъ забытка уваженія къ такимъ важнымъ особамъ, осчастливившимъ его милостивымъ разговоромъ. — Публика волнуется, аится за добавочное обезпеченіе и во всемъ обвиняетъ меня, одного меня. Я терплю это только ради васъ.

Величавымъ жестомъ ему разрѣшили удалиться. Не успѣлъ Захаръ Захаровичъ пристѣсть къ своей конторкѣ, какъ показалась у входа заволнованная фигура барона.

Въ пальто, покрытомъ снѣгомъ, съ мокрыми усами и небрежно зачесанными волосами, онъ имѣлъ видъ чловѣка, готоваго на многое.

— Чтѣ это за письмо? Новыя продѣлки какія-то! Срамъ! Ни на что не похоже! — обрушился Лейденъ на бѣднаго Захара Захаровича, испуганное лицо котораго поналось ему первымъ на глаза.

Тотъ только пожалъ плечами.

— У васъ не хватаетъ обезпеченія. Вы подписали наши условія...

— Ахъ, условія, условія! Одиѣ формальности!.. Долго у васъ будетъ эта наипка? Какъ сегодня?

— Очень плохо; еще слабѣе... Поговорите съ господиномъ Акимовымъ или Шируделемъ. Я ничего не знаю. Они — великіе инквизиторы, мы — исполнители ихъ воли, — пытался онъ пошутить.

Баронъ снѣрилъ его сердитымъ взглядомъ и направился къ стекляннѣй двери. Синіе камзолы заслонили ему дорогу.

— Пальто-съ не угодилъ ли снять?

Лейденъ нехотя новиновался. „Святая-святыхъ“, — подумалъ онъ и вошелъ въ кабинетъ.

Акимовъ, хотя и замѣтилъ барона сквозь стекляннѣй дверь, однако, сдѣлалъ такой видъ, точно сейчасъ только его увидѣлъ, и весело протянулъ ему руку.

— А, дорогой баронъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Какъ живете-можете?

Ширудель смотрѣлъ въ окно, не оборачиваясь на вошедшаго.

— Чтѣ вы со мной сдѣлали? — съ дрожью въ голосѣ сразу обратился баронъ къ веселому банкиру: — вы ограбили меня и еще требуете приплатъ!

Игривое лицо Акимова перестало улыбаться, Ширудель съ недоумѣніемъ оглянулся.

— Только изъ уваженія къ моему другу, м-г Рубинскому, я прощаю вамъ, господинъ фонъ-Лейденъ, незаслуженное оскорбленіе, а затѣмъ, чтѣ прикажете? Я весь къ вашимъ услугамъ. Вы говорите о шести тысячахъ? Ихъ потребовалъ отъ васъ банкирскій домъ въ видѣ обезпеченія? Но вѣдь ваши бумаги ушли почти на сто рублей!..

— Да вы же купили ихъ, вы посовѣтовали!

— Я исполнилъ вашъ приказъ, я посовѣтовалъ, но не ручался. Я не Богъ. Еслибъ я все звалъ, я бы сдѣлалъ миліонеромъ... Мы васъ не притѣсняемъ. Не можете внести черезъ три дня, внесите черезъ недѣлю, а затѣмъ-съ извините, — мени ждутъ неотложныя дѣла. Негг Ширудель, подтвердите, пожалуйста, барону, что банкирскій домъ не отвѣчаетъ за цѣнность акцій и за настроеніе биржи.

— О, ја, ја! — вѣшался послѣдній, докуривая сигару: — Негг Акимовъ очень тонко понимаетъ дѣятельность нашего торговаго дома. Одишъ Всевышній располагаетъ судьбой чловѣка.

Возведи глаза къ небу, Ширудель наслаждался пронаведеннымъ впечатлѣніемъ.

Когда баронъ, уничтоженный и осмѣянный, какъ ему казалось, проходилъ черезъ общую залу, всѣ служащіе были углублены въ свои занятія. Онъ умоляюще посмотрѣлъ на Захара Захаровича, но никакъ не могъ поймать его взгляда. Швейцаръ распахнулъ дверь неособоно почтительно. Голова у него была точно налита свинцомъ. Глаза горѣли. Его душило.

По Невскому мчались экипажи; мелькали палачныя шляпки, роскошные воротники чернбурныхъ лисицъ, камчатскихъ бровей, тысячныхъ соболей. Сердце барона разрывалось на части.

Баронъ сознавалъ грозящую ему бѣду. Подлогъ и долгъ, котораго онъ не въ состояніи былъ уплатить не только черезъ полгода, но и вообще когда-либо, если не поправится биржа, угнетали его. Онъ долго ходилъ по набережной, затѣмъ, поѣхалъ было къ князю, чтобъ пристѣсти новинную, но у него не хватило храбрости, и онъ вернулся домой. Угрызеніе совѣсти не давало ему покоя.

— Отецъ дома? — спросилъ онъ у лакея.

— У себя-съ. Только что отъ министерскаго доклада изволили прибыть.

— А сестра?

— Къ княгинѣ Высоцкой на обѣдъ пожаловали. У васъ господинъ Христовоздвиженскій были-съ, оставили карточку.

Баронъ зачеръ отъ испуга; даже ноги подкосились.

„Пронюхалъ, бестія!“ — вырвалось у него безнадежное восклицаніе. На визитной карточкѣ Флегонтъ Сидоровичъ просилъ убѣдительно „безпремѣнно придти потолковать о дѣлѣ“.

Въ концѣ стояло: „а не послушаете старика, сожалѣть будете“. „Да, ясно, что все открылось! Я погибъ, погибъ! Боже, чтѣ мнѣ дѣлать!“ — твердилъ онъ, ходилъ по комнатамъ и ломая руки: — „если отецъ не поможетъ, у князя вымолю; на колѣнахъ буду молзть...“

Онъ вошелъ къ отцу такой разстроенный, что тотъ не рѣшился пронизировать и молча посмотрѣлъ на сына не то съ сожалѣніемъ, не то съ брезгливостью.

— Отецъ, я на краю гибели. Помогни мнѣ! — сказалъ онъ съ напращенной рѣшимостью.

Любовь. Съ карт. Юліуса Шмидта грав. І. Веберъ.

Отвѣта не было.

— Я проиграл на биржѣ.

— Ну, что-жъ, останешься безъ денегъ два мѣсяца. Вне-редь—наука. На биржѣ играютъ или дураки, или мошенники.

— Я не свои проигралъ. Я задолжалъ больше восьми тысячъ.

— Если братъ, значитъ видѣть возможность и отдать.

— Мнѣ дали за поручительство князя Горскаго.

— Жалѣю князя.

— Князь отказалъ въ своей подписи... Я самъ... расписался...

Викторъ еле произносилъ слова, стараясь не глядѣть на отца. Последнюю фразу онъ проговорилъ шопотомъ, но старый баронъ не столько услышалъ ее, сколько почувствовалъ, и равнодушнѣе его, наконецъ, засякло. Онъ приподнялся, побатровѣлъ.

— Негодяй! — крикнулъ онъ сдавленнымъ голосомъ: — вонъ изъ моего дома!

Сердечный припадокъ не далъ ему говорить. Онъ лежалъ съ открытымъ ртомъ и запрокинутой головой.

Вбѣжалъ слуга. Викторъ безучастно стоялъ и смотрѣлъ на задыхающагося отца. Спусти пѣсколько минутъ, онъ вышелъ, медленно надѣлъ пальто и сошелъ съ лѣстницы. На его губахъ амблалась нехорошая усмѣшка. Онъ шагнулъ прямо, машинально поворачивая въ ближайшіе переулки и плохо соображая, куда идетъ и зачѣмъ. Шанка его надвинулась на затылокъ. Прохожіе останавливались и смотрѣли съ удивленіемъ; иные посмѣивались.

— Вишь баринъ-то какъ наклюкался!—не вытерпѣлъ извозчикъ, обращаясь съ дворнику.

— Оно точно.. Нашего брата безпремѣнно-бъ въ участокъ сволокли.

Лейденъ шелъ не оборачиваясь, никого не замѣчая. Степѣло и зажгали газовые фонари. Невскій попрежнему ликовалъ, залитый электрическимъ свѣтомъ. Самодовольныя лица попадались на каждомъ шагу, и эти встрѣчи еще сильнѣе раздражали барона. Ему казалось, что на свѣтѣ онъ одинъ только несчастливъ.

„Вотъ она, жизнь, которая такъ манила меня“—съ горечью думалось ему. Мысли его путались, заслонили одна другую.—

„Что завтра будетъ? Весь городъ заговоритъ, что баронъ совершилъ подлогъ и попалъ на скамью подсудимыхъ... Срамъ!

Позоръ!.. Надо бѣжать, бѣжать... Нѣтъ, лучше перуться, покаяться... Книзь простить... О, нѣтъ, никогда! Опять эти памѣтки пойдутъ, презрительныя намеки... Одинъ униженъ... А если перенести все, выстрадать, принять муку въ наказанье, чтобъ искупить грѣхъ. Подвигъ!—съ большою мелькнуло у него въ головѣ. Какъ бы не такъ! Шалишь, баринъ! Не изъ такого ты тѣста выдѣлался, чтобъ каяться... Попалъ въ лапы, какъ звѣрѣкъ, и пикнуть не смѣю... Силы не хватаетъ претерпѣть, вынести на плечахъ заслуженный позоръ“.

Онъ остановился около Невы и посмотрѣлъ внизъ, въ воду. Сбѣрая волна ходила гребнемъ и лизала гранитъ. Въ воздухѣ стояла осенняя мгла. Набережная была пуста; только хромой нищій откуда-то ваялся и заковылялъ къ барону.

— Возьми,—сказалъ Лейденъ сердито и отдалъ ему кошель.—Не надо благодарности, уходи!

„Хоть одно доброе дѣло сдѣлалъ... Но чтѣ со мной? Развѣ нячѣмъ нельзя помочь?.. Отецъ выгналъ; общество отвергаетъ, прогонять со службы, а впереди—судъ, арестантская куртка... Лучше сразу...“

Онъ долго стоялъ въ нерѣшимости.

— Господи, помоги!—какъ-то вдругъ сказалъ онъ съ тупымъ отчаяніемъ и бросился въ волны.

Послышался плескъ. Волна захлестнула. Вѣтеръ вылъ съ остервенѣніемъ... Съ гавани слышались утраченные удары пушки... Вода прибывала...

V.

На другой день, слухи о выпускѣ акціи общества „Самокать“ оживили обороты спекулянтовъ, а чрезъ недѣлю акціи „Паутинна“ поднялись на полтора ста рублей.

Ома Протасовъ поменьку снискалъ свой товаръ, закупленный по дешевымъ цѣнамъ; Акимовъ подшучивалъ надъ новымъ кліентомъ, который боялся рисковать, и сулилъ ему золотыя горы; Штикъ изъ кожи лѣзъ, чтобъ овладѣть вниманіемъ Шпруделя, но тотъ преспокойно сидѣлъ на диванѣ съ закрытыми глазами и сладко мурлыкалъ.

О баронѣ никто даже и не вспоминалъ. Чиновному отду стоило не малыхъ трудовъ замѣть некрасивую исторію съ синономъ. Зина немощно поплакала и бранила „этихъ ужасныхъ жеванцовъ“, которая погубили ея Виктора.

Жизнь шла обычнымъ порядкомъ...

Исторія перваго велосипеда.

(Съ 4-я рисунками.)

Велосипедный спортъ, какъ извѣстно, распространился за послѣдніе годы повсюду съ неизмѣрною быстротою; во всемъ цивилизованномъ мірѣ найдется мало населенныхъ городовъ,

усиѣхомъ исполняютъ свою задачу. И, несмотря на такой сильный интересъ къ этому, повидному, совѣмъ новому, способу передвиженія, исторія велосипеда была до сихъ поръ

мало кому извѣстна. Въ послѣднее время во Франціи появилось по этому предмету нѣсколько веназданныхъ документовъ, которые даютъ возможность прослѣдить исторію велосипеда въ самомъ его зарожденіи.

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, въ 1693 г., членъ парижской королевской академіи наукъ, Озанамъ, сообщилъ, что у одного изъ его друзей, доктора, живущаго въ Ла-Рошелѣ, имѣется механической экипажъ. „Лакей докторъ, — писалъ Озанамъ:—валѣаегъ сади и приводитъ экипажъ въ движеніе, нажимая на двѣ деревянные ручки, приделанныя къ оси экипажа“. Но не ранѣе 1790 года поняли, что главнымъ условіемъ снаряда, предназначеннаго облегчать человѣку самостоятельное передвиженіе, должна быть простота устройства. Нѣкто де-Сивракъ прежде всего обратилъ вниманіе на самый сильный двигатель человеческого тѣла — ноги. Сварядъ, устроенный де-Сивракомъ, — *искриферъ* (отъ двухъ латинскихъ

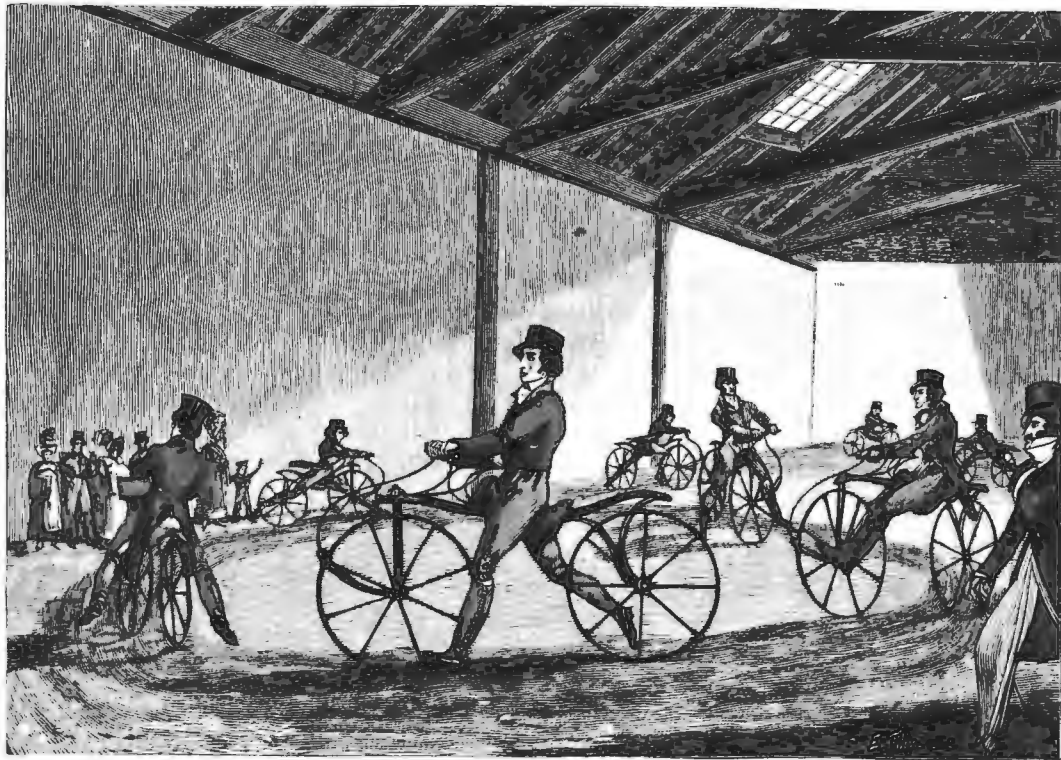

Рис. 1. Манежъ дрезинистовъ въ Лондонѣ, въ 1819 году. Съ современной гравюры изъ коллекціи Гастона Тиссанде.

гдѣ не существовало бы цѣлыхъ обществъ, клубовъ велосипедистовъ. Не оставаясь простымъ орудіемъ спорта, велосипедъ перешелъ и въ военное, и въ почтовое дѣло, гдѣ съ

словъ: *celer*—быстро и *fero*—несу), состоялъ изъ трехъ деревянныхъ частей: крѣпкаго дышла и двухъ колесъ. Дышло на концахъ было снабжено подобными двузубчатымъ вилкамъ,

между которых и помѣщались колеса. Оставалось только положить подъ себя на дышло подушку, и съ Богомъ—въ путь!

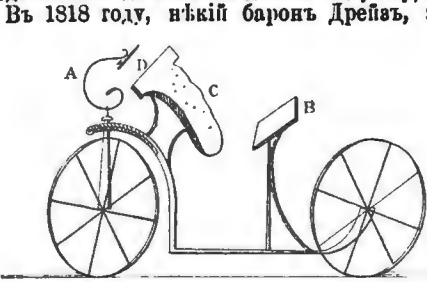

Рис. 2. Устройство дрезины, по оригиналу, изображенному на рис. 3.

дышлою, и такимъ образомъ колесо могло поворачиваться и вправо, и влево. Съ этихъ поръ уже не шло, какъ прежде, ударить рукой то справа, то слева, въ переднее колесо экипажа. Теперь это колесо было снабжено легкимъ рулемъ и, по волѣ ѣдущаго, направляло весь экипажъ въ любую сторону. Баронъ Дрейзъ такъ гордился своимъ усовершенствованіемъ, что назвалъ новый целериферъ *дрезиною* и приказалъ своему слугѣ пустить машину въ ходъ и показать ее публикѣ, прокатившись на ней въ саду Тиволи. Но сконфузился ли слуга, или недостаточно поваторѣлъ въ дѣлѣ, по ему, несмотря на все стараніе, не удалось достигнуть успѣха у публики. Появившись вслѣдъ за этимъ въ журналъ карикатурныя изображенія ѣзды на дрезинѣ оконча-

тельно разочаровали бѣднаго барона (одна изъ такихъ карикатуръ воспроизведена на рис. 4); баронъ забросилъ свой велосипедъ, покинулъ родину и удалился въ Карсруэ, въ монастырь. Умеръ онъ въ 1851 году.

Однако, имя барона Дрейза все-таки занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи велосипеда. Правда, дрезины были заброшены; но въ Англіи, наконецъ, воспользовались ими, признавъ ихъ слабою стороною то, что онѣ дѣлаются изъ дерева; при этомъ условіи дрезина не имѣла ни необходимой устойчивости, ни прочности. Англичане рѣшительно отказались отъ дерева, часто ломающагося, корябающагося отъ дождя, и прибѣгли къ желѣзу. И въ скоромъ времени велосипеды эти начали пользоваться успѣхомъ, посыл у англичанъ названіе „pedestrian-horses“ (пѣшеходная лошадь) или „hobby-horses“ (дѣтскій конекъ). Успѣхъ этихъ велосипедовъ былъ значительный. Правда, они очень немногимъ отличались отъ игрушечныхъ. Устройство ихъ чрезвычайно просто: велосипедъ поддерживается двумя легкими колесами, расположенными по одной линіи. Переднее колесо, держащееся на шарнирѣ, съ помощью коротенькаго руля поворачивается вправо и влево;

Рис. 3. Способъ посадки дамъ на дрезину. По гравюрѣ, изданной 12 мая 1819 года Аккерманомъ.

Рис. 4. Большая гонка на дрезинахъ, бывшая 4 апрѣля 1819 г. Англійская карикатура изъ коллекціи Гастона Тиссандье.

заднее же сохраняеть свое положеніе неизмѣнно. Наѣздинокъ садится на машину, какъ для верховой ѣзды, въ сѣдло, помѣщенное между двумя колесами. Ноги прикасаются ступнями къ землѣ, такимъ образомъ, чтобы, при первомъ шагѣ для приведенія машины въ движеніе, къ землѣ прикасалась прежде всего лѣтка. Впереди наѣздинка помѣщалась подушечка для локтей, чтобы не уставали руки, протягивая къ рулю и направляющія его.

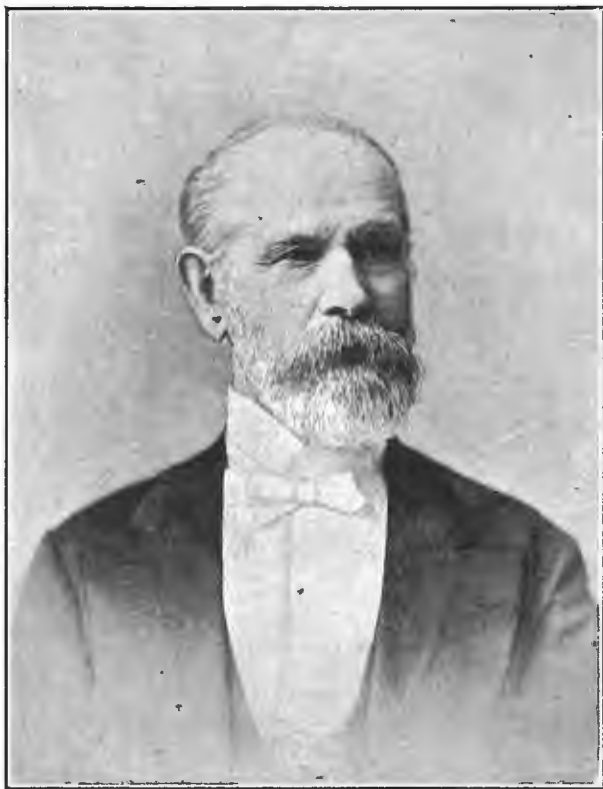
На рисункѣ 3 показано устройство дамской дрезины. Эта дрезина нѣсколько видоизмѣнена сравнительно съ первой, и дамамъ пользоваться ею было вполнѣ удобно. Наѣздинка усаживалась на маленькую скамеечку В (рис. 2) и опиралась на мягкую подушку СД. При такомъ положеніи платье свободно развѣвалось и

почти касалось земли, а ноги двигались по ней, как при бѣгѣ. Ручка рули была такъ устроена и настолько приподнята, что самого незначительнаго движенія спокойно лежащихъ на подушкѣ рукъ было достаточно, чтобы повернуть машину въ

ту или другую сторону. Устройство этой дрезны заслуживаетъ вниманія; въ 1819 году, т.-е. почти восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, дамы, благодаря ей, уже имѣли возможность заниматься велосипеднымъ спортомъ.

Къ рисункамъ.

Есть картины, не отличающіяся новизною сюжета и тѣмъ не менѣе привлекающія къ себѣ вниманіе. Вы невольно любуетесь ими, потому что художникъ сумѣлъ выразить знакомыя вамъ чувства въ новомъ оригинальномъ сочетаніи. Передъ вами двѣ дѣвочки, собирающіяся привѣтствовать кого-то своими поздравленіями. Вотъ-вотъ дверь откроется, и въ комнату войдетъ виновникъ или виновница семейнаго торжества. Дѣвочки приготовились къ этому рѣшительному моменту; онѣ стоятъ во всеоружіи: одна запаслась букетомъ, другая—горничкомъ съ расцвѣтшимъ гадантомъ. Еще минута, и онѣ провозгласятъ свое: „поздравляемъ“. Но пока онѣ ожидаютъ. И вотъ художникъ схватилъ именно этотъ моментъ напряженнаго ожиданія. Кажется, оно должно было бы выразиться одинаково у обѣихъ дѣвочекъ. А, между тѣмъ, взгляните на ихъ фигуры, на выраженіе ихъ лицъ, и вы будете поражены тѣмъ, какъ различно уже въ дѣтлахъ проявляется одно и то же чувство радостнаго возбужденія. У одной это чувство выражается гораздо напряженнѣе: она крѣпко стиснула букетъ въ рукахъ, все лицо ея смѣется, ротъ полуоткрытъ, обнаруживая хорошенкіе зубки, глаза блестятъ. Другая спокойнѣе: прижимая обѣими руками горничокъ съ цвѣтами къ груди, она съ видимымъ оживленіемъ, но какъ-то попросительно ожидаетъ наступленія торжественной минуты. Два темперамента, два характера обнаруживаются уже съ раннихъ лѣтъ; предчувствуешь, что, какъ бы ни сложились въ будущемъ жизни эгихъ двухъ дѣвочекъ, онѣ будутъ относиться къ своему счастью и несчастью различно, и что, можетъ-быть, и ихъ судьба сложится не одинаково, вслѣдствіе различнаго отношенія обѣихъ къ жизни: веселаго, непосредственнаго со стороны одной, болѣе вдумчиваго, осторожнаго со стороны другой.

М. М. Стасюлевичъ (по поводу 50-лѣтія ученой дѣятельности).
Съ фотогр. А. Вестли авторизіи „Нивы“.

Мы взялись предпринять ихъ судьбу, и вотъ передъ нами—хотя и въ другую эпоху, но человекъ вѣдь всегда остается человекомъ.—первая глава романа одной изъ нихъ. Не трудно угадать, что это—романъ той, которая вдумчиво, выжидательно относится къ жизни. И теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, лицо ея сіяетъ счастьемъ, она сидитъ въ фруктовомъ саду на скамейкѣ, а рядомъ съ нею молодой человекъ. Предъ ними развернута книга, по чтенію дальне первой главы не пошло. Ихъ отвлекла первая глава ихъ собственнаго романа. Они о чемъ-то бесѣдуютъ, что возбуждаетъ въ дѣвчкѣ сладостное чувство. Конечно, не въ словахъ тутъ дѣло и не въ мысляхъ: въ такіа минуты и слова, и мысли служатъ только проявленіемъ чего-то болѣе сильнаго,—душевной волны, охватывающей все существо человека и часто рѣшающей всю его дальнѣйшую судьбу. Какъ ни радостно охватившее ее настроеніе, какъ ни мила улыбка, озарившая ея лицо, вы все-таки и тутъ чувствуете нѣкоторую сдержанность: она поддается волнующему ее чувству первой любви, но это чувство такъ чисто, цѣломудренно и опредѣленно, что дальнѣйшія главы ея романа, насколько это отъ нея зависитъ, будутъ соответствовать первой. Быть-можетъ, она теперь всецѣло предается своей любви, но стѣнитъ этому юношѣ, задумчиво глядящему на нее, уклониться отъ чистаго чувства, которое ихъ обоимъ воодушевляетъ, и ея глаза съ длинными рѣсницами, въ смущенія теперь прикованные къ работѣ, снова взглянуть вопросительно, въ нѣмомъ недоумѣніи, какъ могло случиться и что совсѣмъ неожиданное. Будемъ вѣрить, что дальнѣйшія главы романа не нарушатъ поэзіи первой: слѣшкомъ она хороша, а въ жизни и безъ того столько разочарованій!

Г. Васильковскій стлжалъ себѣ славу одного изъ лучшихъ

нашихъ художниковъ-бытописателей Запорожья. Уроженецъ Малороссіи, г. Васильковскій знаетъ и любитъ Украину и, избравъ спеціальность пейзажиста, мастерски воспроизводитъ на фонѣ дивной малороссійской природы жизнь былой запорожской вольницы, съ ея вѣчно воинственнымъ настроеніемъ, съ постоянно устремленными взорами въ степную даль и горячимъ желаніемъ унести въ нее и помѣриться силою и удалью съ врагомъ. Въ каждомъ пейзажѣ г. Васильковскаго чувствуется эта жизнь, чувствуется эта ширь, вольница казакан, — не только въ характерныхъ гайдамацкихъ фигурахъ, то отдающихся въ степи, то только всматривающихся въ туманную даль, — но даже и въ самой этой дали, легкой, чуть колеблющейся, разстилающейся широко, безъ конца. Его „Гайдамакъ“, находившійся на послѣдней акварельной выставкѣ, отличается въ полной мѣрѣ всѣми этими достоинствами.. И замечившая фигура стараго запорожца, и полая фигура его „вѣрнаго друга“, и вся природа кругомъ полны какой-то суровой дикою красотой и въ то же время поэтической грусти.. Подъ пальцами лучами солнца все предалось покою, совершенію..

Отъ „Утренняя привѣта“ г. Степанова вѣтъ такимъ чистымъ, идиллическимъ настроеніемъ, что невольно залюбуешься этой изначной, любовно написанной картиной. Она произвела сильное впечатлѣніе на посетителѣ XXV передвижной выставки. Всѣ фигуры въ ней живутъ, написаны ярко и производятъ отрадное впечатлѣніе. Тема самая заурядная,—сколько мы перевидали такихъ старичковъ или старушекъ, страстно любящихъ птицъ, съ утра до вечера съ ними возицихся.. Но такова сила таланта — небольшая картинка г. Степанова обратила на себя общее вниманіе именно тѣмъ, какъ она написана: и въ смыслѣ техники, и въ смыслѣ экспозиціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Рафаэль впервые олицетворилъ „любовь“ въ видѣ матери, окруженной дѣтми,—очень много талантливыхъ и извѣстныхъ художниковъ трактовали идею любви въ образѣ, созданномъ великимъ мастеромъ изъ Урбино. Такую же чистую материнскую любовь изобразилъ и извѣстный вѣнскій художникъ Юліусъ Шмидтъ въ своей картинѣ „Любовь“, воспроизведенной въ этомъ номерѣ. Отрѣшившись отъ обычныхъ въ этомъ случаѣ академичныхъ приемовъ композиціи, онъ далъ намъ, не прибѣгая къ аллегоріи, правдивую, жизненную картину ненарушимаго сердечнаго счастья во взаимной любви матери и дѣтей. Всѣ лица и фигуры—и матери, и дѣтей — дышатъ непринужденнымъ счастьемъ. Вѣроятно, для того, чтобы выдѣлить свою картину изъ ряда обычныхъ жанровъ, художникъ избралъ фономъ для нея густой кустарникъ, усыпанный цвѣтами, и спереди, на первомъ планѣ, у ногъ, рассыпавъ розы — символъ счастливой, согласной любви, и не только любви, но и красоты. И сама картина дышитъ во всѣхъ деталяхъ красотой. Какъ дивно хороша мать—это воплощеніе материнской любви! Какъ хороши дѣти, льнуція къ матери и сливающимся съ нею въ общемъ чувствѣ. Они составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, которое дѣйствуетъ неотразимо своею прелестью, поэтичностью, обаятельнымъ выраженіемъ чувства, всегда живого, потому что имъ держится міръ, потому что оно служитъ залогомъ постояннаго возрожденія человечества къ новой, лучшей жизни. Въ этомъ смыслѣ картина художника не только доставляетъ лицу нашему стремленію къ красотѣ, но дѣйствуетъ на насъ ободряющимъ образомъ: въ нашъ нервный, матеріальный вѣкъ она, изображая силу, красоту, любовь, соединяя ихъ въ одно гармоническое цѣлое, укрѣпляетъ въ насъ вѣру, что человечество не

выродится, не погрязнет въ мелочных интересахъ, а вѣчно будетъ стремиться къ тому, что есть на свѣтѣ наиболѣе возвышеннаго и святаго.

М. М. Стасюлевичъ. (Портр. на стр. 526.)

31 мая т. г. исполнится пятидесятилѣтне служеніе обществу и наукѣ извѣстнаго публициста, ученаго и общественнаго дѣятеля, Михаила Матвѣевича Стасюлевича.

М. М. Стасюлевичъ родился въ Петербургѣ 28 августа 1826 года. Отецъ его былъ уѣзднымъ врачомъ въ Лужскомъ уѣздѣ, и тамъ же онъ получилъ первоначальное свое образованіе. Въ 1837 г. онъ перешелъ въ петербургскую ларинскую гимназію, а десять лѣтъ спустя уже окончилъ курсъ петербургскаго университета по историко-филологическому отдѣленію. Желая посвятить себя профессурѣ, г. Стасюлевичъ прошелъ затѣмъ еще дополнительный курсъ по предметамъ юридическаго и камеральнаго факультета, и въ 1849 г. получилъ степень магистра всеобщей исторіи. Вслѣдъ затѣмъ началась его преподавательская дѣятельность, въ качествѣ старшаго учителя исторіи, въ ларинской гимназіи и въ патристическомъ институтѣ. До 1851 года онъ занималъ эту должность, а въ слѣдующемъ году, выдержавъ экзаменъ на степень доктора историческихъ наукъ, началъ свою профессорскую дѣятельность въ петербургскомъ университетѣ, первоначально въ качествѣ приватъ-доцента по кафедрѣ всеобщей исторіи, а годъ спустя набравъ былъ адъюнкты-профессоромъ. Въ 1856 году онъ былъ командированъ за границу на два года, для ознакомленія съ преподаваніемъ исторіи въ университетахъ Западной Европы. По возвращеніи изъ командировки, онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ и, на ряду съ тѣмъ, годъ спустя, назначенъ былъ членомъ ученаго комитета при главномъ управленіи училищъ. Въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда выдвинутъ былъ на очередь вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, онъ, по порученію совѣта университета, участвовалъ въ комиссіи по этому важному вопросу и высказался за допущеніе женщинъ на всѣ факультеты наравнѣ со студентами.

Профессорская его дѣятельность продолжалась всего 9 лѣтъ и была прервана въ 1861 году. Въ этомъ году онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими профессорами, подалъ въ отставку. Оставивъ университетъ, онъ продолжалъ, до 1862 года, преподавать курсъ средней и новой (до XIX вѣка) исторіи въ Бовѣ починающему наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. Эти лекціи г. Стасюлевичъ началъ читать своему Августѣйшему ученику съ 1860 года, по приглашенію графа С. Г. Строганова.

Оставивъ университетскую кафедру, онъ занялся составленіемъ пособій для преподаванія исторіи среднихъ вѣковъ, и въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1862 по 1865 г., издалъ былъ имъ трехтомный солидный трудъ, подъ заглавіемъ „Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ“. Въ 1885—87 гг. книга эта вышла вторымъ изданіемъ и до сихъ поръ сохранила свое значеніе въ нашей исторической литературѣ.

Въ 1866 г. началась его публицистическая дѣятельность, которой онъ посвятилъ болѣшую часть своей жизни и которой вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ, главнымъ образомъ, своей извѣстностью. Публицистическая его дѣятельность началась вмѣстѣ съ появленіемъ въ свѣтъ *Вѣстника Европы*, съ которымъ неразрывно связано имя М. М. Стасюлевича въ теченіе слѣдующихъ тридцати лѣтъ. Первая книга *Вѣстника Европы* вышла 9-го марта 1866 г., вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе закона о печати 6 апрѣля 1865 г., отмѣниваша предварительную цензуру для столичныхъ періодическихъ изданій. Г. Стасюлевичъ далъ своему журналу названіе *Вѣстникъ Европы* въ память и въ честь Карамзина, который, какъ извѣстно, издавалъ въ 1802—1803 г.

журналъ *Вѣстникъ Европы* и столѣтіе рожденія котораго праздновалось въ 1865 г. Первоначально *Вѣстникъ Европы* выходилъ всего четыре раза въ годъ, и только съ 1868 г. сталъ выходить ежемѣсячно. Выступивъ со своимъ журналомъ въ періодъ сильнаго увлеченія естествознаніемъ, г. Стасюлевичъ поставилъ себѣ задачей бороться съ крайностями этого направленія общественной мысли путемъ разработки историко-политическихъ наукъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, — философіи, филологіи, исторіи и т. д. Эту серьезную окраску солиднаго журнала, приобретенную имъ съ самаго начала, *Вѣстникъ Европы* сохранилъ и понынѣ, всегда строго и неуклонно держась избраннаго направленія. Всѣ выдающіеся явленія общественной и государственной жизни находили себѣ отзвукъ и послѣдное обсужденіе на страницахъ журнала. Особенное же вниманіе удѣлялъ журналъ такимъ выдающимся вопросамъ, какъ земскія учрежденія и гласный судъ, съ самаго ихъ возникновенія; не мало мѣста отводилъ *Вѣстникъ Европы* и вопросамъ педагогическимъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Стасюлевичъ сталъ издавать и ежедневную газету *Порядокъ*, въ общемъ, въ своему характеру и направленію, мало чѣмъ отличавшуюся отъ *Вѣстника Европы* и выходящую очень недолго.

Съ 1881 года началась общественная дѣятельность г. Стасюлевича въ качествѣ гласнаго петербургскаго думы. Этой стороной своей дѣятельности онъ посвятилъ за истекшія 16 лѣтъ много силъ и труда, и если она не особенно была плодотворна въ первые годы, то заслуживаетъ особаго уваженія за послѣдующіе годы. Являясь однимъ изъ выдающихся гласныхъ по своему образованію и независимому общественному положенію, г. Стасюлевичъ исполнялъ не разъ спеціальныя порученія думы, много и съ большою пользою работалъ въ цѣломъ рядѣ исполнительныхъ комиссій; между прочимъ, онъ принималъ участіе въ составленіи „Исторіи перваго десятилѣтія с.-петербургскаго городского общественнаго управленія“. Особая заслуга приобрѣлъ онъ своей продолжительностью (съ 1884 г.) дѣятельностью въ училищной комиссіи, въ качествѣ сначала члена, а затѣмъ (съ 1890 г.) — предѣдателя. Широкимъ развитіемъ школьнаго дѣла и прекрасной постановкой городскихъ школъ, — какъ въ педагогическомъ, такъ и хозяйственномъ и санитарномъ значеніи, — городъ въ значительной мѣрѣ обязанъ трудамъ и инициативѣ М. М. Стасюлевича. Въ ознаменованіе этой его плодотворной дѣятельности на пользу школьнаго образованія, городская управа постановила, какъ сообщаютъ газеты, открыть въ честь М. М. Стасюлевича училище и учредить нѣсколько стипендій его имени.

Кромѣ того, г. Стасюлевичъ состоялъ съ 1884 по 1894 г. губернскимъ гласнымъ отъ города Петербурга и членомъ губернскаго и городского училищныхъ совѣтовъ. Въ 1893 году, по избранію думы, онъ былъ утвержденъ предѣдательствующимъ въ думѣ въ особыхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ новымъ городовымъ положеніемъ 1892 года.

Н. А. Любимовъ.

(Портр. на этой стр.)

6 мая т. г. скончался, на 68-мъ году жизни, послѣ тяжелой болѣзни, одинъ изъ видныхъ нашихъ ученыхъ, Николай Александровичъ Любимовъ. Профессорская его дѣятельность въ московскомъ университетѣ продолжалась почти тридцать лѣтъ. Онъ горячо любилъ науку и посвящалъ ей свои силы до послѣднихъ дней жизни. Къ учащейся молодежи онъ всегда относился участливо, стараясь ей помогать, какъ и гдѣ только могъ. Онъ издалъ нѣсколько учебниковъ по своей спеціальности, физикѣ, изъ которыхъ одинъ пользуется широкимъ извѣстностью. Все это несомнѣнная заслуга покойнаго ученаго, которыхъ вѣлѣя не отмѣнить и въ краткомъ некрологѣ.

Родился Н. А. Любимовъ 26 января 1830 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ проф. Ловецкаго, затѣмъ

Профессоръ Н. А. Любимовъ († 6 мая 1897 г.).
Съ фот. Шапиро авторинія А. Вильборга.

М. О. Рашевскій († 26 января 1897 г.).
Съ фот. Здобнова авторинія „Нивы“.

онъ былъ опредѣленъ въ третью московскую гимназію и по окончаніи курса въ 1847 г. поступилъ въ московскій университетъ на физико-математическій факультетъ. Уже въ университетѣ онъ почувствовалъ сильное влеченіе къ наукѣ и своими выдающимися способностями обратилъ на себя вниманіе профессоровъ. Такимъ образомъ, по окончаніи университетскаго курса, ему удалось побывать за границею, чтобы заняться въ Парижѣ и Геттингенѣ своею любимою наукою, физикою. Въ 1854 г. онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра физики, и съ тѣхъ поръ началась его профессорская дѣятельность, которая и продолжалась вплоть до 1882 г., когда Н. А. Любимовъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Укажемъ на главные его ученые труды. Въ 1856 г. онъ защитилъ магистерскую свою диссертацию на тему: „Объ основномъ законѣ электро-динамики“. Девять лѣтъ спустя появилась его докторская диссертация: „О Дальтоновомъ законѣ“, т. е. объ упругости газовъ и пара. Но любимымъ предметомъ покойнаго ученаго была исторія физики, которой онъ посвящалъ двухъ-томное сочиненіе и цѣлый рядъ монографій. Что касается до учебниковъ, составленныхъ Н. А. Любимовымъ, то тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ его учебникъ „Начальной физики“. Очень извѣстны также его „Начальныя основы физическою исторіею и публицистикою. Къ числу трудовъ перваго рода принадлежитъ его книга: „Крушеніе монархіи во Франціи“. Изъ его публицистическихъ работъ мы отмѣтимъ его книгу: „Противъ теченія“, представляющую синтезъ политическихъ взглядовъ покойнаго ученаго, и его интересныя воспоминанія о Катковѣ, помѣщавшіяся въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1888 и 1889 гг. и, независимо отъ цѣнныхъ биографическихъ данныхъ, содержащія много нѣгдѣ не напечатанныхъ и очень поучительныхъ официальныхъ документовъ. Эти воспоминанія вышли впоследствии отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „М. Н. Катковъ и его историческая заслуга“. Кроме того, покойный писалъ много о педагогикѣ, и статьи его этого рода собраны въ книгѣ: „Мой вкладъ“. Занимался онъ и философіею, и цѣлою его работъ въ этомъ направленіи была его книга: „Философія Декарта“. Мы должны еще отмѣтить его дѣятельность, какъ лица, имѣвшаго несомнѣнное вліяніе на систему нашего гимназическаго образованія и на организацію нашихъ университетовъ. Хотя покойный и былъ самъ естественныяспитателемъ, но онъ вмѣстѣ съ Катковымъ, сотрудникомъ котораго онъ состоялъ по *Московскимъ Вѣдомостямъ* и, главнымъ образомъ, по *Русскому Вѣстнику*, всегда энергически защищалъ классическую систему образованія, а относительно организаціи нашихъ университетовъ былъ горячимъ сторонникомъ новаго университетскаго устава, который разрабатывался при его содѣйствіи.

Вообще Н. А. Любимовъ былъ натурой очень дѣятельной. Мы указали только на главные его труды, а между тѣмъ и они уже позволяютъ составить себѣ понятіе объ обширности и многосторонности его работъ. Въ заключеніе отмѣтимъ еще, что онъ одинъ изъ первыхъ началъ въ шестидесятыхъ годахъ читать публичныя лекціи, сопровождалъ наложеніе соответственныхъ демонстрацій и опытовъ. Такимъ образомъ онъ является у насъ инициаторомъ столь распространенныхъ и полезныхъ публичныхъ чтеній.

И. Ѡ. Рашевскій. (Портр. на стр. 527.)

26 января скончался одинъ изъ выдающихся педагоговъ, директоръ Петровскаго училища с.-петербургскаго купеческаго общества и инспекторъ женскихъ педагогическихъ курсовъ, т. с. Иванъ Ѡдоровичъ Рашевскій.

Около полулѣтка трудился покойный непрерывно и неустанно на тяжеломъ педагогическомъ поприщѣ: педагогическое дѣло онъ горячо любилъ и всегда, до послѣдней минуты жизни, посвящалъ ему все свои силы.

И. Ѡ. Рашевскій родился 2 января 1831 г.; отецъ его былъ священникъ. Въ 1854 г. онъ окончилъ курсъ харьковскаго университета по историко-филологическому факультету и съ университетской скамьи прямо посвятилъ себя педагогической дѣятельности, на первыхъ порахъ, въ качествѣ „комнатнаго надзирателя благороднаго пансіона курской гимназіи“, а затѣмъ—преподавателя русскаго языка въ орловской гимназіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, увлеченный новыми педагогическими идеями, Рашевскій отправился въ Петербургъ. Здѣсь въ немъ принялъ участіе генералъ Даниловичъ, который предоставилъ ему сначала нѣсколько уроковъ, а вскорѣ затѣмъ, оценивъ выдающіеся его способности послалъ его вмѣстѣ съ Евтушевскимъ, Сеиъ-Иллєромъ и Семеновымъ за границу для изученія педагогическаго дѣла.

Въ 1865 г., когда при второй военной гимназіи основаны были „педагогическіе курсы“, генералъ Даниловичъ поручилъ Рашевскому должностъ преподавателя-руководителя по русскому языку. На этой должности онъ могъ, наконецъ, широко приложить къ дѣлу свои педагогическія знанія, которыя стали сразу очевидны всѣмъ и завоевали ему общее вниманіе и симпатіи. Въ то же время, горячо интересуясь дѣломъ народнаго образованія, онъ былъ однимъ изъ главныхъ учредителей андреевскихъ курсовъ, имѣвшихъ цѣлью подго-

товлять народныхъ учителей. Въ эти курсы онъ вложилъ много энергіи, труда и любви къ дѣлу, и ему они обязаны даже своимъ существованіемъ. Курсы эти переданы были въ вѣдѣніе с.-петербургскаго губернскаго земства и преобразованы въ земскую учительскую школу, которую Рашевскій лично руководилъ въ теченіе восьми лѣтъ. Кроме того, онъ руководилъ въ 1871 г. лѣтними учительскими курсами, създами народныхъ учителей—въ 1873 и 1877 гг. въ Петербургѣ и въ провинціальныхъ городахъ по приглашенію земствъ.

И. Ѡ. Рашевскій много потрудился и на пользу женскаго образованія. Онъ былъ однимъ изъ учредителей первыхъ женскихъ курсовъ, называвшихся безплатными частными курсами у Анничкина моста. Вслѣдъ за этими курсами явились уже педагогическіе, медицинскіе и другіе. Въ 1868 году онъ назначенъ былъ, по указанію покойныхъ Н. А. Вышеградскаго и И. Т. Осиннива, инспекторомъ василеостровской женской гимназіи; а въ 1875 году сталъ инспекторомъ педагогическихъ курсовъ при женскихъ гимназіяхъ. Въ 1877 г. онъ, по предствленію И. Т. Осиннива, назначенъ былъ помощникомъ начальника с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій. Три года спустя, когда было основано Петровское училище с.-петербургскаго купеческаго общества, попечительный совѣтъ училища предложилъ ему постъ директора. Въ этой должности онъ пробывъ до своей кончины. Получивъ въ его рукахъ сразу надлежащую организацію, Петровское коммерческое училище стало образцовымъ учебнымъ заведеніемъ. На ряду съ своей административной дѣятельностію, въ качествѣ директора, онъ не оставилъ до послѣднихъ дней преподавательской каеедры. Все приступы тяжелой болѣзни, которою онъ страдалъ въ послѣдніе годы, стихали какъ-то самою собою у дверей класса. И дѣйствительно, это былъ образцовый преподаватель, „учитель“ въ полномъ смыслѣ этого великаго слова. Къ сожалѣнію, покойный не высказывалъ печатно своихъ педагогическихъ наблюденій и убѣжденій; и единственными и въ то же время лучшимъ свидѣтельствомъ его выдающагося педагогическаго таланта могутъ служить лишь горячая любовь и уваженіе къ нему со стороны его многочисленныхъ учениковъ и ученицъ, никогда не забывавшихъ его и его уроковъ и впоследствии, по выходѣ изъ гимназій, курсовъ и училищъ.

И. Ѡ. Рашевскій преподавалъ, съ 1877 г., по приглашенію генерала Г. Г. Даниловича, русскій языкъ и словесность Августѣйшимъ Дѣтиамъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра III.

Двадцатипятилѣтіе неаполитанской зоологической станціи. (Рис. на стр. 530.)

14 апрѣля и. ст. въ Неаполѣ праздновался 25-лѣтній юбилей мѣстной зоологической станціи, основанной въ 1872 году германскимъ естественныиспытателемъ Антономъ Дорномъ. Чтобы оцѣнить по достоинству услугу, оказанную Дорномъ наукѣ своимъ учрежденіемъ, снабженнымъ образцово устроенными лабораторіями, богатыми опытными аквариумами и выработавшимъ цѣлый рядъ системъ консервированія препаратовъ, надо вспомнить, что для занимающагося изслѣдованіями зоолога прежде всего необходимъ всегда свѣжій матеріалъ для опытовъ. Такой матеріалъ требуется ему обыкновенно не на день, не на два, а иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, для разрѣшенія какого-либо вопроса изъ области физиологіи, эмбриологіи и т. п. Такимъ образомъ, возможность имѣть подъ руками во все время занятій свѣжій матеріалъ является необходимымъ условіемъ успѣха опытовъ. Къ тому же, задача зоолога состоитъ часто не въ одномъ изученіи лишь извѣстнаго типа животнаго, но и въ наблюденіяхъ за нимъ въ различныхъ фазахъ его развитія.

Въ виду всего этого не трудно себѣ уяснить, какое громадное значеніе въ изслѣдованіи жизни существъ, обитающихъ въ морѣ, должно имѣть учрежденіе, лежащее непосредственно на морскомъ берегу, имѣющее прекрасно организованый и обученный отрядъ рыбаковъ, суда и принадлежности ловли, а потому всегда доставляющее въ соответствующее время года ученымъ разновидности тѣхъ или другихъ морскихъ обитателей. Но заслуга неаполитанской зоологической станціи заключается не только въ томъ, что она избавляетъ ученыхъ отъ необходимости самимъ заниматься ловомъ; итѣ, этого мало: къ услугамъ работающих въ лабораторіяхъ натуралистовъ находится еще и обширная специальная бібліотека, состоящая изъ слишкомъ четырехъ тысячъ томовъ различныхъ сочиненій по соответствующимъ наукамъ. Благодаря этому, всякій изслѣдователь, работающій на станціи, тутъ же, на мѣстѣ, имѣетъ возможность проверить, составленъ ли сдѣланное имъ наблюденіе какое-либо новое открытіе, или уже было кѣмъ-нибудь сдѣлано раньше. При такой возможности ориентироваться, изслѣдователь забываетъ, конечно, не мало разочаровавшій и безполезной траты времени. Главная же цѣль бібліотеки состоитъ въ томъ, чтобы послѣднимъ давала возможность здѣсь же, въ Неаполѣ, заканчивать свои труды, не прибѣгая къ помощи бібліотекъ университетскихъ. Всѣмъ этимъ, однако, далеко не исчерпывается благотворное вліяніе, которое Дорновская станція оказываетъ на развитіе біологическихъ знаній. Надо вспо-

жить еще, что здесь, на этой станции, где всегда работает не мало ученых из всех стран, между ними неизбежно происходит оживленный обмен мнениями, который, раз-вигаясь, двигает науку вперед.

Внешний вид устроенной Дорном станции, как видно по прилагаемому рисунку, довольно изящен. Его блестящая бѣлая окраска красиво выделяется на темной зелени так-наз-ываемого Villa Reale—роскошного парка, среди котораго построена станция. Лучшаго пункта для такого учреждения нельзя было бы найти во всем Неаполѣ, въ особенности потому, что ближайшее соседство моря составляет, как уже сказано, необходимое условие для успешности занятий на станции. По подземным трубам вода из моря проходит прямо внутрь здания, къ аквариумамъ. Суда станции имѣютъ стоянку въ близкомъ разстояніи отъ пня, а это весьма существенное условие для успешной доставки морскихъ животныхъ, изъ которыхъ много погибли бы при другихъ условияхъ. Какъ видно по рисунку, здание станции имѣетъ продолговатую четырехугольную форму простого, но строго выдержаннаго стиля. Въ немъ два этажа: довольно низкій первый и значительно болѣе высокій второй. Въ верхнемъ, съ продольныхъ сторонъ его, большія полукруглыя окна, а съ боковыхъ сторонъ подобія балконовъ. Большой аквариумъ, открытый для обозрѣнія публикой, помещается въ нижнемъ этажѣ. Во всякое время въ немъ можно видѣть любопытнѣйшіе экземпляры морскихъ животныхъ и судить о богатствѣ фауны Неаполитанскаго залива. Въ верхнемъ этажѣ размѣщены рабочія помѣщенія, т.-е. лабораторіи и библіотека. На разставленныхъ здѣсь столахъ съ удобствами могутъ одновременно работать 40-50 натуралистовъ.

Со времени открытія неаполитанской зоологической станции и до настоящаго года въ ней занималось 950 ученыхъ — анатомовъ, зоологовъ, ботаниковъ, физиологовъ, врачей. Первое мѣсто по численности среди нихъ принадлежитъ германскимъ ученымъ; затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, идутъ ученые итальянскіе, русскіе, англійскіе, голландскіе, швейцарскіе, австрійскіе, американскіе, бельгійскіе, испанскіе и венгерскіе. Были также, въ небольшомъ числѣ, и ученые изъ другихъ странъ, между прочимъ, и изъ Японіи.

Съ первыхъ же лѣтъ своего существованія зоологическая станція Дорна приобрѣла солидную репутацію въ ученомъ мѣрѣ, и не мудрено, что субсидіи на ея содержаніе даются теперь почти всѣми культурными государствами. Но двадцать лѣтъ тому назадъ, молодому въ то время Антону Дорну стоило громадныхъ усилій осуществить свою заветную мысль. Никто не хотѣлъ оказывать поддержку ученому, и не будь у него большого запаса энергіи, предпріятіе его, быть-можетъ, и не осуществилось бы. Власть, къ которой въ первыхъ порахъ обратился за содѣйствіемъ молодой приватъ-доцентъ, ничего и слышать не хотѣла о его „затѣѣ“; даже прусская академія наукъ, передъ которой Дорнъ ходатайствовалъ о субсидіи, отнеслась къ его предложенію на первыхъ порахъ недоброжелательно. Ученому ничего не осталось, какъ начать предпріятіе на собственные средства и на свой страхъ. И только, когда въ первые же годы своего существованія станція Дорна заявила себя серьезными работами,—только тогда прусская академія послѣдила поддержать ее, подаривъ станціи народный доходъ совершенія болѣе отдаленныхъ научныхъ экскурсій. И съ тѣхъ поръ стали повсюду обращать все болѣе вниманіе на станцію и помогать ей денежными средствами.

Управленіе этимъ столь полезнымъ институтомъ сосредоточивается, независимо отъ профессора Дорна, до сихъ поръ стоящаго во главѣ своего дѣла, въ рукахъ десяти профессоровъ, завѣдывающихъ каждый своимъ специальнымъ научнымъ

отдѣломъ. Кромѣ нихъ, при станціи состоитъ еще до тридцати служащихъ при лабораторіяхъ, машинахъ, на судахъ и при каскѣ открытаго для публики аквариума.

Самъ директоръ станціи, Дорнъ, до сихъ поръ сохранилъ почти юношескую свѣжесть силъ. Родился онъ въ 1840 году въ Штеттинѣ, а зоологію изучалъ въ Кенигсбергѣ, Боннѣ, Іенѣ и Берлинѣ. Въ 1867 году онъ былъ причисленъ приватъ-доцентомъ къ іенскому университету. Тогдашнія работы его сосредоточивались по преимуществу на эмбриологіи насѣкомыхъ. Съ 1870 г. онъ окончательно переселился въ Неаполь.

Пожаръ на нефтяныхъ промыслахъ Каспійско-Черноморскаго товарищества, въ г. Баку.

(Рис. на стр. 530.)

Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ г. Баку, въ мѣстности Биби-Эйбатъ, случился страшный пожаръ на нефтяныхъ промыслахъ Каспійско-Черноморскаго товарищества, фактическиимъ хозяиномъ котораго состоитъ Ротшильдъ. Какъ извѣстно, пожары на нефтяныхъ промыслахъ въ Баку, сравнительно, не рѣдки; но такихъ значительныхъ и продолжительныхъ, какъ послѣдній пожаръ на ротшильдовскихъ промыслахъ, къ счастью, давно уже не было. Загорѣвшійся нефтяной фонтанъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ — онъ выбрасывалъ въ сутки до 900,000 ведеръ струей саженъ въ 50 вышины. И все эта огромная масса нефти горѣла огромнымъ столбомъ пламени. Пламя было настолько ярко, что въ самомъ Баку, отъ котораго горѣвшій фонтанъ отстоятъ на разстояніи трехъ верстъ, на улицѣ ночью можно было читать самую мелкую печать. Пожаръ этотъ длился 10 дней и прекратился лишь къ 15 апрѣля. Рисунокъ нашъ (на стр. 530), воспроизведенный съ фотографическаго снимка, представляетъ одинъ изъ моментовъ этого грандіознаго пожара.

Жетонъ, поднесенный Д. В. Григоровичу экспонентами X группы всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ.

(Рис. на стр. 531.)

Нашъ маститый писатель Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, глубокой знатокъ искусства и горячій поборникъ художественно-ремесленного образованія въ Россіи, состоялъ, какъ извѣстно, завѣдующимъ X группы художественно-промышленной всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Энергично явившись за это дѣло, Д. В. Григоровичъ задолго до открытія выставки поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ и самолично распорядился устройствомъ своего отдѣла, давалъ совѣты и указанія экспонентамъ въ дѣлѣ наилучшаго размѣщенія экспонатовъ, однимъ словомъ, всѣми силами старался создать изъ отдѣла стройное дѣло, которое могло бы дать действительно полное и всестороннее представленіе о современномъ положеніи художественной промышленности въ Россіи. Успѣхъ художественно-промышленнаго отдѣла, который былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ на выставкѣ, долженъ быть въ значительной мѣрѣ поставленъ въ заслугу его руководителю и устройтелю. Признательные Д. В. Григоровичу экспоненты X отдѣла, какъ извѣстно, ознаменовали уже труды его на пользу выставки, собравъ капиталъ въ 3,000 руб., переданный, по желанію Д. В., въ общество поощренія художествъ для выдачи пособій ученикамъ школы общества; кромѣ того, экспоненты поднесли Д. В. Григоровичу на память о его трудахъ по выставкѣ изящный золотой жетонъ, съ усыпанными бриллиантами инициалами его имени. Изображеніе этого жетона воспроизведено въ настоящемъ номерѣ.

Политическое обозрѣніе.

Прошлогоднія французскія торжества въ честь русской Державной Четы подготовили, какъ извѣстно, почву для новаго знаменательнаго событія, которое ожидаетъ политическій міръ въ текущемъ году. Всѣ пріятствія, создаваемые, по мнѣнію нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ фракцій, конституціей французской республики, устранены: поѣздка президента республики въ Россію считается уже вопросомъ рѣшеннымъ.

Парижская печать, по авторитетнымъ источникамъ, ставитъ вопросъ о поѣздкѣ президента въ связь съ недавнимъ пребываніемъ въ Парижѣ посла при петербургскомъ дворѣ графа Монтебелло. Возрастающей интересъ французскаго общества къ предстоящему событію вызвалъ усиленную полемику между органами печати различныхъ направленій. По мнѣнію *Figaro*, изъ-за партійныхъ счетовъ простое патриотическое дѣло разраслось до размѣровъ политическаго вопроса, тогда какъ единственнымъ серьезнымъ возраженіемъ является возможность министерскаго кризиса въ отсутствіи главы государства, но въѣздка можетъ быть совершена во время парламентскихъ ваканцій, когда кризисовъ не бываетъ.

По отзыву *Echo de Paris*, въ Парижѣ ожидаютъ изъ Петербурга нѣкоторыхъ свѣдѣній, чтобы официально объявить о поѣздкѣ президента. Извѣстно, съ какою предупредительностью относится германскій императоръ къ Франціи, въ видахъ, какъ полагаютъ въ компетентныхъ кружкахъ, расположить къ себѣ

французовъ, чтобы сдѣлать для себя возможнымъ посѣщеніе парижской выставки 1900 года. Съ цѣлью именно не поддѣвать повода императору Вильгельму къ одному изъ проявленій его изысканной любезности и преувеличенной вѣжливости къ Франціи, французское правительство, во избѣжаніе встрѣчи съ германскимъ императоромъ въ Балтійскомъ морѣ, избрало, будто бы, маршрутъ изъ Франціи на Одессу, желая придать путешествію президента характеръ исключительно французскій, т. е. характеръ блистательнаго проявленія симпатій между обѣими дружественными націями. Графъ Монтебелло привезъ въ Петербургъ согласіе президента Форы на выработанную программу празднествъ. Наконецъ, какъ извѣщаютъ изъ Парижа отъ 21 мая, во многихъ вліятельныхъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ офиціозныхъ органахъ печати, появилось сообщеніе, что поѣздка президента Форы въ Россію представляется шибкоинимъ лѣтомъ „весьма вѣроятною“.

Англія готовится къ торжественному празднованію 60-лѣтня царствованія королевы Викторіи. Со всѣхъ концовъ міра, гдѣ только развѣвается британскій флагъ, стекаются въ Лондонъ на праздники разноплеменные подданные королевы. Одна лишь Ирландія остается въ сторонѣ отъ предстоящаго торжества, подчеркивая свое печальное положеніе подвѣличественнымъ скинтромъ британской королевы.

По предложенію дублинскаго лорда-жера, весь муниципаль-

ный советъ столицы Ирландіи принялъ мотивированную резолюцію не участвовать въ юбилей королевы. Исходя изъ положенія, что шестидесятилѣтнее царствованіе королевы принесло Ирландіи одно лишь разореніе да полную политическую неволю, дублинскій муниципальный советъ не считаетъ возможнымъ праздновать юбилей, такъ какъ участіе въ немъ было бы сочтено явнымъ и предосудительнымъ лицемеріемъ со стороны ирландской столицы. Распространившіеся вслѣдъ за этимъ слухи изъ Лондона о намѣреніи правительства провести въ ближайшемъ будущемъ широкія реформы для Ирландіи не остановили ирландцевъ въ дальнейшей демонстраціи: вся ирландская національная партія палаты общинъ приняла 16 мая также резолюцію не участвовать въ празднествѣ. Манифестъ этой партіи перечислилъ причины недовольства ирландскаго народа царствованіемъ королевы Викторіи: если населеніе Англій и удвоилось въ теченіе царствованія королевы, благосостояніе увеличилось, свобода англичанъ расширилась, то населеніе Ирландіи за тотъ же періодъ времени уменьшилось наполовину и обѣднѣло. Это темное пятно на яркой картинѣ британскихъ торжествъ считается новой политической неуда-

чей консервативнаго кабинета. Подобныя обстоятельства, однако, едва ли смутятъ британскую политику, ни въ чемъ не мѣняющую своего направленія.

Въ Австріи парламентскій кризисъ принялъ необычайный характеръ. Бурныя засѣданія палаты съ обмѣномъ бранными словами между партіями исключили всякое представленіе о парламентскомъ порядкѣ. Наконецъ, въ засѣданіи 20 мая министръ-президентъ графъ Бадени, указавъ на фактъ насильственного противодействия конституціонной дѣятельности палаты, вызывающаго застой въ общественныхъ дѣлахъ, заявилъ, что дальнѣйшее существованіе такого порядка грозитъ общественной жизни, а потому прекращеніе его—дѣло государственной необходимости. Въ убѣжденіи, что исполняетъ волю большинства, и въ исполненіе воли императора, министръ-президентъ объявилъ сессію рейхсрата закрытой. При сильномъ возбужденіи депутаты покинули залъ засѣданій.

Зданіе зоологической станціи въ Неаполь (по поводу 25-лѣтія со дня учрежденія). По гравюрѣ „Ill. Z.“ автотипія „Нивы“.

Такимъ образомъ министерство получило полную свободу заняться обсужденіемъ ближайшихъ задачъ Австріи до слѣдующей сессіи рейхсрата, который, какъ полагаютъ, будетъ созванъ не ранѣе осени.

СМѢСЬ.

Страна, не знающая водобоязни. Норвежцы утверждаютъ, что во всей ихъ странѣ, какъ среди животныхъ, такъ и среди людей, никогда не бывало ни одного случая заболѣванія водобоязнью. Эта ужасная болѣзнь появляется, какъ извѣстно, вслѣдствіе зараженія особаго рода бациллою. И вотъ, чтобы избѣжать всякой

возможности занесенія въ страну такой заразы, ввозъ въ Норвегію иностранныхъ собакъ не допускается ни подъ какимъ предлогомъ. Запрещеніе это соблюдается съ крайнею строгостью; французскіе и англійскіе охотники, ежегодно въ немаломъ числѣ прѣзжающіе въ Норвегію, если имѣютъ при себѣ собакъ, то проускаются че-

Пожаръ на нефтяныхъ промыслахъ Каспійско-Черноморскаго товарищества, въ г. Бакю. Съ фот. Н. Новикова автотипія „Нивы“.

резу границу въ томъ лишь случаѣ, если отправить послѣднихъ образъ или убить ихъ. Даже просьбы иностранныхъ посланниковъ, ходатайствующихъ иногда о дозволеніи жить при себѣ старыхъ, вывезенныхъ изъ-за границы четвероногихъ друзей, — даже просьбы такихъ лицъ оставляются всегда безъ удовлетворенія. Эта суровая шѣра можетъ, на первый взглядъ, показаться многимъ черезчуръ стѣснительной, но въ цѣлесообразности и благотворности ея врядъ ли кто-нибудь станетъ сомнѣваться.

Бумажный змѣй, эта старинная любимая игрушка китайцевъ, перешелъ и къ намъ, въ Европу, въ качествѣ забавы; но у насъ онъ одною этою ролью не ограничился, а нашелъ себѣ примѣненіе и въ области научныхъ изслѣдованій и техники. Франклинъ, какъ извѣстно, онъ послужилъ главнымъ толчкомъ къ изобрѣтенію громоотвода. Вообще его роль въ научной области сводится прежде всего къ способности его привлекать къ себѣ электрическую энергію облаковъ, а въ технику его съ успѣхомъ примѣняютъ къ перекидыванію черезъ пропасти телеграфныхъ кабелей и даже мостовыхъ канатовъ. Наибольшей подземной силой, какую проявлялъ когда-либо бумажный змѣй, удалось недавно достигнуть, какъ сообщаетъ *Scientific American*, нѣкому Чарльсу

Ламсону... Устроенный имъ змѣй, пущенный 20 августа прошлаго года, поднялъ за собою грузъ въ 188 фунтовъ, т. е. тяжесть, равную вѣсу взрослога человѣка. Онъ поднялъ этотъ грузъ на высоту 280 метровъ и несъ его на протяженіи 1,000 метровъ, а затѣмъ медленно и спокойно спустился на землю, такъ какъ вѣтеръ стихъ. Такие бумажные змѣй могутъ оказывать немаловажныя услуги ученымъ при метеорологическихъ изслѣдованіяхъ въ высшихъ слояхъ атмосферы, такъ какъ къ змѣю можно прикрѣплять аппараты, автоматически записывающіе атмосферныя явленія. Пущенный 8 октября прошлаго года изъ бьюргальской обсерваторіи (въ штатѣ Нью-Джерсей) змѣй, пройдя сквозь облака, достигъ высоты въ 2,860 метровъ и отбѣгнулъ тамъ температуру въ —6,5 градусовъ, при полной сухости воздуха. Для увеличенія подъемной силы змѣевъ, ихъ соединяютъ по нѣскольку въ одну систему. Вообще, задача создать „научный воздушный змѣй“ настолько заинтересовала американцевъ, что въ Бостонѣ, подъ предѣлительствомъ профессора Пикринга, создано цѣлое общество, поставившее себѣ цѣлью изученіе теоріи подъема бумажнаго змѣя и разрѣшеніе, путемъ подъемовъ, различныхъ научныхъ вопросовъ.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Беодоровна съ Ея Императорскими Высочествомъ великою княжною Ольгою Николаевною, 17 мая, выехали переѣхать изъ Царскаго Села на лѣтнее пребываніе въ Петергофъ, на дачу Ея Величества „Александрію“.

— 18 мая въ Петергофѣ, въ церкви на дачѣ Ея Величества „Александрія“, послѣ литургіи была отслужена панихида по погибшимъ въ прошломъ году при несчастномъ случаѣ на Ходынскомъ полѣ. На богослуженіи присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Беодоровна.

— 18 мая, въ Москвѣ, на братскихъ могилахъ Ваганьковского кладбища было совершено заупокойное богослуженіе по умершимъ во время несчастнаго событія въ прошломъ году на Ходынскомъ полѣ. Къ 10 часамъ собралась на кладбище многотысячная толпа. Къ тому же часу съѣхались военные и гражданскіе высшіе чины, представители сословій и дамы высшаго общества. Вскорѣ прибылъ великій князь Сергій Александровичъ съ супругою великою княгиней Елисаветою Беодоровною. Его Высочество имѣлъ на рукавѣ креповую повязку, великая княгиня была въ глубокомъ траурѣ. Въ траурѣ были также всѣ дамы; высшіе чины имѣли траурную повязку. Для совершенія панихиды изъ кладбищенскаго храма были вынесены хоругви, запрестольные кресты и иконы, и процессія многочисленнаго духовенства, съ митрополитомъ. Ихъ Высочествами и начальствующими лицами во главѣ, направилась къ братскимъ могиламъ. Здѣсь, на возвышенномъ мѣстѣ, драпированномъ чернымъ сукномъ, совершена была панихида. При пѣніи „Вѣчная память“ и „Со святыми упокой“, Ихъ Высочества, всѣ присутствующіе и народъ благоговѣнно опустили на колѣна. Въ продолженіе всего дня, по желанію народа, совершались панихиды. На могилахъ возложено множество вѣнковъ.

— 17 мая, къ празднованію столѣтняго юбилея 95-го пѣхотнаго красноярскаго полка, въ Юрьевъ прибылъ Его Императорское Высочество великій князь Владиміръ Александровичъ. Въ полдень состоялся церковный парадъ, послѣ котораго Его Высочествомъ посѣщены юрьевскій университетъ и всѣ учебныя заведенія, въ которыхъ пользуются раненые и увѣчные при крушеніи вонскаго поезда. Великій князь обрадовалъ ихъ передѣлчъ Высочайшаго привѣта, а профессоромъ и студентами — объявленіемъ Монаршей благодарности за единодушіе и самоотверженіе, проявленными ими при достигшемъ полкѣ несчастьи.

Въ 6 часовъ была отслужена соборнѣ въ присутствіи великаго князя, на общей братской могилѣ безвременно погибшихъ, панихида, предъ совершеніемъ которой протопресвитеръ Желобовскій произнесъ протрувованное слово, тронувшее присутствовавшихъ до глубины души.

Жетонъ, поднесенный Д. В. Григоровичу экспонентами X группы всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ за труды по завѣдыванію художественно-промышленнымъ отдѣломъ.

Съ фот. автогипсѣ „Нивы“.

Затѣмъ Его Высочество вручилъ награды, Высочайше пожалованнаго наиболее отличившимся при подаии помощи: профессору Коху — орденъ Владиміра 4-й степени, профессору Афанасьеву — Высочайшее благоволеніе, врачамъ: Мантейфелю и Крупецкому — Анны 3-й степени, Куринскому и Штринбергу — Станислава 2-й степени, Волю и Лозинскому — Станислава 3-й степени, магистру Неготину — Анны 3-й степени, студенту Михневичу — медаль „за спасеніе погибавшихъ“. Подойдя затѣмъ къ бывшей среди публики помѣщицѣ г-жѣ Самсонъ, оказавшей, какъ извѣстно, первую помощь пострадавшимъ при крушеніи поезда 1 мая, въ виду всего полка, великій князь передалъ ей Высочайше пожалованный подарокъ — драгоценную брошь, украшенную брилліантами, и медаль „за спасеніе погибавшихъ“, выраженъ ей при этомъ въ высокопочтительныхъ выраженіяхъ благодарность за ея

плодотворную дѣятельность въ минуту печальной катастрофы.

— Государь Императоръ, 14 мая, Высочайше повелѣлъ министру юстиціи лично открыть иркутскую судебную палату и иркутскій окружный судъ, предоставивъ ему, статсъ-секретарю Муравьеву, возложить открытіе другихъ новыхъ судебныхъ установленій Сибіри, по ближайшему его усмотрѣнію, на высшихъ должностныхъ лицъ мѣстнаго судебного вѣдомства. Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, министръ юстиціи назначилъ днемъ повсемѣстнаго введенія въ Сибіри судебныхъ установленій, образуемыхъ по судебнымъ уставамъ императора Александра II, 3 іюля 1897 г.

— 18 мая исполнилось пятидесятилѣтіе со дня кончины архимандрита Макарія, основателя алтайской миссіи. Заслуга о. Макарія въ отношеніи къ Алтаю состоитъ въ томъ, что онъ ввелъ мѣстное населеніе въ семью христіанскихъ народовъ, энергически вырвалъ его не только изъ рукъ грубаго язычества, но и тяжелаго, гнетущаго варварства. Въ настоящее время во главѣ алтайской миссіи стоитъ викарный архіерей томской епархіи, въ вѣдѣніи котораго находится два мужскихъ монастыря и 14 ставровъ. По отчету 1895 года, всѣхъ служащихъ при миссіи около 80 человекъ, изъ нихъ болѣе 20 священноереверъ. Число школъ возросло до 41, въ нихъ находилось 1,246 учащихся (952 мальчика и 294 дѣвочки). Во главѣ школъ стоитъ бѣекомъ катипаторское училище, прекрасно отбывающее нужды края. Паства состояла изъ 28,147 человекъ, въ томъ числѣ 20,406 ииородцевъ. Церквей и молитвенныхъ домовъ было 54. Благодаря непрестанному учительству миссіонеровъ, быстро исчезаетъ мгла язычества и измѣняется къ лучшему бытъ населенія. Среди обращенныхъ нашлось не мало лицъ, которые сами начали служеніе великому дѣлу религіозно-гражданскаго просвѣщенія края, въ званіи учителей, переводчиковъ и священно-служителей.

— 19 мая скончался членъ техническо-строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ и совѣта института гражданскихъ инженеровъ императора Николая I, архитекторъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, академикъ архитектуры т. сов. Карлъ Яковлевичъ Маевскій. Покойный построилъ церковь Михаила Архангела, что въ Коломнахъ, въ Петербургѣ, Императорскій дворецъ въ Киевѣ, здание предварительнаго заключенія при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, многа здания въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, перестроилъ древнюю крѣпость въ Люблинѣ въ городскую тюрьму и т. д.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. ииогородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благодарить представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романы въ двухъ частяхъ Вас. И. Немровича-Дамченко. (Продолженіе). — Въ лапахъ. Разсказъ В. В. Уманова-Напумовскаго. — Исторія перваго велосипеда. (Съ 4-ми рисунками). — Къ рисункамъ: Глава первая. — XIV январская выставка. Гайданскъ. — XV передвижная выставка

„Утренній привѣтъ“. — „Поздравляемъ!“ — Любовь. — М. М. Стасюлевичъ (съ портр.). — Н. А. Любимовъ (съ портр.). — И. Ф. Раевскій (съ портр.). — Двадцатипятилѣтіе ииоволтапской зоологической станціи (съ рис.). — Помаръ на нефтяныхъ промыслахъ Каспійско-Черноморскаго товарищества. въ Г. Бану (съ рис.). — Жетонъ, поднесенный Д. В. Григоровичу (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — Разныя извѣстія. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. При этомъ не прилагаются: 1) Сочиненія П. Д. Еоборыкина, т. VI (Сибирскія „Нивы“ за іюнь); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за іюнь съ 28 рис. и отд. листъ съ 28 черт. вымп. въ натур. вел. и 20 рис. вымпичныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ: **ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Булапештѣ.**

УДОЧКИ

и всѣ принадлежноти для рыбной ловли получаютъ изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинѣ С. И. Дойникова

№ 1-й магазинъ: Невскій пр., Малютинъ рядъ д. Левякова, 27 — 18. 2-й магазинъ: Гостиный дв., противъ Пажескаго корпуса, № 73. 3-й магазинъ: Чернышевъ пер., Биконская лин., № 15. Иллюстриров. прейскурантъ рыболовннхъ принадлежн. высылается ииогороди безплатно.

АРБЕНЦА БРИТВЫ съ перьямииципниси лезвнми всернпно-и лнственн своино-и качествонъ и реком. какъ наилучшія благонад. и наимыгодн. бритвы. Деслн благодарностей. Полная гарантія за достовѣрство. Обращайте вниманіе на клеймо: А. Arbenz, Dougno, France. Прод. въ лучш. магаз.

„ГРАФОЛОГІЯ“. Искусство узнаваіи изъ черточа характера человека.

Обученіе по полученію 2 руб. Г. А. ПАЛЬМЕ. Тамбатовъ.

ЧАСТНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ

принимаетъ веденіе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, СПЕЦІАЛЬНО СЕМЕЙНЫМЪ. С.-Петербургъ, Дештуконъ пер., 8.

КИРПИЧНЫЯ МАШИНЫ

рельсы, опрессовывающ. вагончики,

ПРЕДЛАГАЕТ

АРТУРЪ КОППЕЛЬ,

СПБ., Невскій 18, уголъ В. Морской,
Москва, Мясницкая, № 48. 3-3

ВСѢМЪ МАТЕРЯМЪ!

ДОХОДАЯ ПРИБЫЛКА

„ЗОИЛЬ“.

Лучшее антисептическое средство отъ пры-
щей, кожныхъ болезненныхъ явлений и т. п.,
„дѣтскаго зноха“, приносящее поноорожден-
нымъ и подрастающимъ дѣтямъ.
Разрѣшено Харьк. Врачебн. Отдѣл. № 5310.
Б. и. 30 к., мал. и. 20 к.

Ц. № 10071 Препрода въездъ. 6-6

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhlund, Leipzig.

Прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

ПИСАТЬ не только красиво, но и спо-
ре выучиваю въ 6 уроковъ
заочно. Методъ удостоенъ золотой медали
и благодарности короля Эдварда. За двѣ
7 коп. марку вмѣстѣ условія и пробное
письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф.
кал. Э. Колиндарсъ. № 10263 10-1

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХЕНБЕРГА.

Цена коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незаменима на кожѣ. Косметиче-
ское средство для улучшения красоты кожи.

Театральная гримировка. Жирная румяна и бѣлава. Наряды для бровей.

Издѣяны во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХЕНБЕРГЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бадѣйскихъ императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: В. Дуринъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ.
В. № 9646 15-15

К. Шликѣйзенъ, Берлинъ SO.

машино-строительн. заводъ для
кирпичи, торфяного, гончарнаго
и известкового производствъ,
а также для изготовленія:
всякаго рода черепицы, гон-
чарныхъ трубъ различной дли-
ны, бетона, брукетовъ, огне-
упорнаго кирпича, глиняныхъ
и цементныхъ половыхъ плитъ
и проч. (58)

Далѣе: мѣшалокъ и формовоч-
ныхъ машинъ для печныхъ, ли-
тейныхъ, красильныхъ, кле-
выхъ, мыловаренныхъ заводовъ
и заводовъ, изготовляющихъ
изоляционную массу.
Вальцы изъ твердаго чугуна
разной величины и проч.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ т. Ц. 3 р., съ
пер. 2 р. 30 к

ДЛЯ

- СПОРТА Костюмы.
- СПОРТА Футболки.
- СПОРТА Куртки.
- СПОРТА Брюсы.
- СПОРТА Пояса.
- СПОРТА Чулки.
- СПОРТА Подтяжки.
- СПОРТА Гамашы.

Ю. ГОТЛИБЪ.

Владимирская, 2, уголъ Невскаго.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ
БЕЗПЛАТНО.

ЗАЯВЛЕНИЕ

вмѣшивается основательно въ спеціальномъ
заведеніи Нарда Эрнстъ.
Принимаются приходящіе и ПАНСИОНЕРЫ.
СПБ., Невскій пр., 100, кв. 7. Дачный адресъ:
Шуваево, Филл. ж. дор., Варшавская ул.,
86. Руководство въ самообученію 3 руб.

Англійскіе велосипеды „ОЛДЕЙ“

Alldays & Onions, Limited, Matchless Works.
Представитель А. ЛАНГАУЗЪ въ Москвѣ,
Мясницкая, д. Музея, рядомъ съ Почтамтомъ.
Требуйте иллюстриров. каталогъ на 1897 г.

Эссенція для завивки волосъ ГРАЦІОЗА.

Самые красивыя и натуральныя локоны получаются посред-
ствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность
завитыхъ локоновъ, и препятствующей своей водѣ изъ потѣны,
на отъ сырой погоды.
Флаконъ 60 к. и 1 р., съ погесмкомъ 1 р. и 1 р. 40 к. Въ
Азіатскую Россію по разстоянію. Ц. № 10260
Складъ тольк-химическихъ спеціальностей ГЕБГАРДА.
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96-14, уг. Надеждинской.

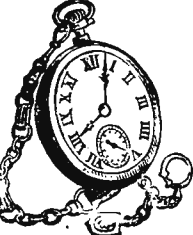

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ ГУМБЕРЪ и №, Москва

КОНТРАГЕНТЫ
Георгій ЖЕМЛИЧКА и №,
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ куранты по требованію. 13-10

Лѣчебница д-ра Эммериха

для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Баденъ-Баденъ. 24-11
Проспектъ безплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфи-
низма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейнцга въ Берлинѣ.
Знающ. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзенъ.

ПРИБОРАЙТЕ ДЕШЕВО ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ХОРОШИЕ КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

Металлическіе съ заводомъ безъ ключа, накладного золота,
ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, сто-
ящихъ 60 руб., ЗА 5 РУБЛЕЙ.
Прилагается ручательство за прочность и зѣрность хода
на 4 года. Ц. № 10245 3-1
Часы высылаются по получеію 1 рубля задатка.
Требованія прому адресовать:
Въ г. Варшаву, Складъ часовъ
А. Ш. Каплану.

ОБШИРѢЙШІЙ СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ (около 1000 штукъ въ наличности).

— Новости сезона 1897 г. —
АМЕРИКАНСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
„ВИКТОРЪ“ (первая марка Америки),
„ГИКОРИ“ (съ деревянной рамой),
а также испытанные лучшіе велосипеды
„СВИФТЪ“, „ПРЕМЬЕРЪ“ и др.
ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО
М. Блок
Правленіе: Москва.—Отдѣленія: С.-Петербургъ, Одесса, Кіевъ,
Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н.Д.

ФОТОГР. АППАРАТЫ К.И.ФРЕЛАНДЪ

С.ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№27-18 УЛИЦА УЛИЦА

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOUÏSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
запахъ во рту. № 5121 (97)
Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ под-
дѣловъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе
кислотъ.

DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

МАРКА ФАБРИКЕ

**ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.**

А. № 9961 20-11

1878 г.

1882 г.

1896 г.

ОТЪ ТОВАРИЩЕСТВА ШЕРСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ТОРНТОНЪ.

На русскихъ рынкахъ съ нѣкотораго времени появился въ продажѣ шерстяной товаръ, **умышленно поддѣланный** подъ наши издѣлія настолько, что, благодаря внѣшнему сходству (рисунковъ, убранства кусковъ и формы знаковъ), онъ пріобрѣтается за наше произведеніе.

Но такъ какъ въ дѣйствительности товаръ этотъ **значительно ниже по качеству**, то въ виду общихъ интересовъ, Товарищество считаетъ обязанностью покорнѣйше просить гг. покупателей обращать **особое вниманіе на знаки**, находящіеся на нашихъ издѣліяхъ, а именно:

На кусочномъ товарѣ
изображеніе медали.

На платкахъ из-
ображеніе Государ-
ственного герба.

На штучномъ товарѣ,
а также и на кусоч-
номъ товарѣ чрезъ
каждые 5 аршинъ

ТОРНТОНЪ С.П.Б.

На Всероссийской Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году
Товарищество удостоено высшей награды

повторенія Государственного герба.

ТОВАРИЩЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ.“
 Москва. * Рига. * СПбурзь.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ Фирма „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

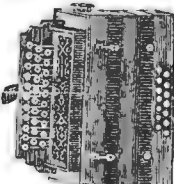
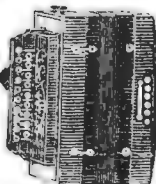
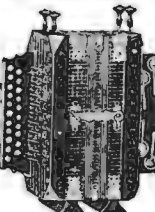
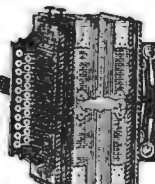
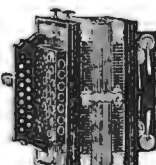
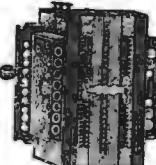
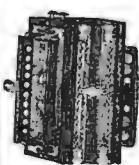
ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕНЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

Главное представительство Т-ва „Проводникъ“: николаевская ул. Швейцарь, Москва, Никольская, № 7. Адресъ для телеграммъ: Швейцарь, Москва.

ГАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ Г. Ф. КАЛЬБЕ И ЛУЧШЕЙ ВѢНСКОЙ РАБОТЫ.

№ 3623-4 р. 50 к.

№ 3626-5 р.

№ 3659-9 р.

№ 3700-10 р.

№ 3737-20 р.

№ 3750-25 р.

№ 3716-20 р.

№ 3780-28 р.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двухрядной 1 р., для трехрядной 75 к. Иллюстрированный прейсъ-курантъ **БЕСПЛАТНО**

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40.
 МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ И К^о.

Средство для смягченія кожи, рукъ и лица

ГЛИЦЕРИНОВЫЯ СЛИВКИ.

4-2

НОВОСТЬ!
 Цвѣточная вода
ЛЕВКОЙ
 ПОСТАВЩИКОВЪ
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и К^о.
 За флаконъ
 60 к. и 1 р.

Мы продали **СКОРОХОДОВЪ** въ:

1890 году	9.000 паръ
1891 "	32.000 "
1892 "	55.900 "
1893 "	81.900 "
1894 "	142.700 "
1895 "	169.000 "
1896 "	186.500 "

Вслѣдствіе громаднаго оборота намъ сдѣлалось возможнымъ значительно усовершенствовать техническую сторону нашего производства; послѣдствиемъ этого явилось удешевленіе цѣны на скороходы, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

№ 10261

НА ВОСПИТАНИЕ МУЖСКОГО ПОЛКА КАЗАКЪ И ДѢТЕЙ ВЪЗРАСТА 60. ТЕЛЕФОНЪ 1360. КОМПЕТЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО ПРОСИТЪ АСЕРИКА ЛЮБИЖЕВЪ И КОМПАНИИ

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО

ПРОСИТЪ АСЕРИКА ЛЮБИЖЕВЪ И КОМПАНИИ

НЕОУЖИВШИЕ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ ПО ВОСПИТАНИЮ ВОСПИТАНИЕ 500 штукъ

ТЕЛЕФОНЪ 1360. ТЕЛЕГРАФЪ № 1141.

ФАБРИКА СКИДЪ

Бруно Земгеръ и К^о

С.-Петербургъ, Невскій пр. № 25 (впередъ Каменистой)

Фотогр. Аппараты и Принад.

(Кратк. Прейсъ-Курантъ Берлинск.)

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА

этъ 9 р. за кусокъ ширю 26/28 аршинъ. Фанза, ир-ль, платки, че-су-ча цвѣтат. **ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫМЪ** мараваннымъ китайскій чай 1 р. 60, 2 р., 3 р., 20 и 2 р. 50 р. оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. ЕПАНЪШНИНОВА, Москва, Никольская ул. с. Греческ. мостъ. Иногор. вымѣл. съ нѣлжъ шитокъ. при гмслѣхъ 10% на счѣту заказъ.

ВЪ ВИДУ ПОЯВИВШАГОСЯ ПОДРАЖАНІЯ МЫЛА

„ЧИСТОТЪЛЪ“

прому обращать вниманіе, что на настоящемъ мылѣ

Н. Яковлева

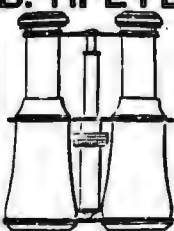
находится на каждомъ кускѣ мыла подпись.

КУШАЙТЕ

ПЕРКУЛЕСЬ.

В. ПРЕТЦЕЛЬ преемникъ **КАРЛЬ БОРХАРТЪ**

Москва, Рождественка, д. № 5.

БИНОКЛИ для театра и поля, съ большимъ полемъ зрѣнія и сильнымъ увеличеніемъ отъ 3 р. 50 к. до 30 рублей. № 10264-1

ОЧКИ И ПЕНСЭ пригодные для каждаго, съ лучшими стеклами, стальными 1 руб. 25 коп.; double (накладного золота), не отличающіеся отъ золотыхъ и не чернѣющіе, 4 руб.

КРАСИВО пишется лекій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО**.

Методъ прошированъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10230 6-2

За 2 семиклѣвчма марки высылается пробное письмо и условія, а за 4 семиклѣвчма марки высыл. пробное письмо и условія, подробныя условія и образцы ксеріграфіи почерк. заочи. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

ПРЕМЬ НАЗИМИ

ПРОГЛАВЬ ВЕСНУЩЕВЪ.

ПОНДРЕС МОСКОВЪ

МЕТАМОРФОЗА

СПБ. Центр. авт. дело, Невскій пр., 27.

НОВОСТИ на 1897 г. ТРЕБУЙТЕ **НОВЫЕ КАТАЛОГИ** АНГЛІЙСКИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ ТОРГ ДОМЪ **АБАЧИНЪ И ОРЛОВЪ** МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова

XXVIII

г. XXVIII

№ 23

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежем. книг „Сборника“, соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусков ежем. литературных приложений, 12 № „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

1897

Выданъ 7 июня 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложениями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговыя лннн.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу	10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. ииогор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. ииогородн. 3 р. 50 коп.									

Королева Викторія.

Царствованіе англійской королевы Викторіи составляетъ по своей продолжительности явленіе очень рѣдкое. Наша отечественная исторія насчитываетъ только одно царствованіе, приблизительно равняющееся ему въ этомъ отношеніи. Это—царствованіе Іоанна Грознаго, вступившаго на престолъ въ 1533 г. и скончавшагося въ 1584 г. Онъ царствовалъ слѣдовательно 51 годъ. Изъ монарховъ нашего времени особенно продолжительно было царствованіе бразильскаго императора Донъ-Педро II: онъ вступилъ на престолъ въ 1831 г. и отрекся отъ

него Іоанна Грознаго, и бразильскаго императора Донъ-Педро и даже своего дѣда, Георга III, царствовавшаго 59 лѣтъ. Она теперь вступаетъ въ 61 годъ своего правленія, пользуется сравнительно еще цвѣтущимъ здоровьемъ.

Шесть десятилѣтій отдѣляютъ ее отъ того дня, когда скончался ея дядя, король Вильгельмъ IV, и она, 18-ти лѣтъ отъ роду, внезапно призвана была занять англійскій престолъ. Но недолго она лишена была на немъ опоры въ дни своей молодости. Уже черезъ три года, въ 1840 г., она сочеталась бра-

Англійская королева Викторія въ годъ восшествія на престолъ. (1837 г.). По гравюрѣ Берике авторства „Нивы“.

ного въ 1839 г., слѣдовательно царствовала 58 лѣтъ. Но королева Викторія, вступивъ на престолъ 8 июня 1837 г., благополучно царствуетъ и нынѣ, слѣдовательно превзошла и на-

Англійская королева Викторія послѣ 60 лѣтъ управленія страной. (1897 г.). По гравюрѣ Берике авторства „Нивы“.

комъ съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ Альбертомъ и нашла въ немъ не только любимаго и любящаго супруга, но и крайне одареннаго совѣтника въ государственныхъ дѣлахъ. Такимъ

образом их супружеская жизнь сложилась чрезвычайно счастливо и доставила королеве Виктории полное семейное счастье, тем более, что Бог благословил их брак многочисленным потомством. Но в 1861 г. принц Альберт, или, как его официально называли в Англии, принц-супруг, скончался, и королеве Виктории пришлось опять в одиночестве, как тогда, когда она вступила на престол, управлять страной. Утрата супруга глубоко потрясла ее, однако, не только в этом отношении: ей сердцу был нанесен жестокий удар, от которого она долго не могла оправиться, и вся остальная ее жизнь была посвящена воспоминаниям о любимом муже и заботам о детях и внуках. До какой степени королева Викториа чтит память своего мужа, видно хотя бы из того факта, что она, желая внушить и другим чувство любви и уважения к покойному, выступила даже писательницей и издала в трех книгах свои воспоминания о совместной с ним жизни—две в 60-х годах и одну в 80-х. Таким образом, как супруга и мать, королева Викториа может служить примером семейных добродетелей.

Если теперь от частной ее жизни обратиться к ее роли правительницы великого государства, то мы должны прежде всего отметить, что в виду политического строя Англии роль эта не могла быть значительна. Было бы большою несправедливостью приписывать королеве Виктории отрицательные стороны ее царствования. Отчасти вследствие хода всей истории Англии, отчасти же вследствие собственного ее востроения и совести ее супруга, она всегда понимала свою задачу правительницы в смысле деятельности, умиротворяющей подчас страстную борьбу господствующих в Англии партий. Государственная жизнь этой страны определяется стремлениями преобладающих в ней партий, и роль короны может заключаться только в том, чтобы смягчить и по возможности ослабить столкновения между ними. Следовательно, все начинания, реформы и законодательные мероприятия исходят от различных партий, решаются в смысле компромисса между ними, и лишь в исключительных случаях и при том в очень ограниченной области могут исходить от короны. С этой оговоркою мы должны, однако, признать, что царствование королевы Виктории ознаменовалось с английской точки зрения крупными успехами как во внешней, так и во внутренней политике.

Что касается до внешней могущества британской империи, то оно в течение минувших 60 лет возросло в поразительных размерах. Колониальных приобретений сделано множество; при королеве Виктории возникла или по крайней мере политически организовалась громадная индийская империя, как неразрывная составная часть британского государства, и это приобретение окончательно скреплено тем, что английская королева приняла титул императрицы Индии. В ее царствование Англия фактически заняла господствующее положение в Египте, присоединила к своим владениям множество земель, островов и морских станций. Войны ее по большей части были успешны и сопровождалась новыми территориальными приобретениями, так что теперь Англия, пость Китай, является по численности населения самою обширною империею, насчитывающею до 350 миллионов жителей.

Не менее значительны и успехи, достигнутые Англиею во внутренней жизни государства. При королеве Виктории ее политической строй коренным образом видоизменился. Если этому изменению начало было положено еще набирательною реформою 1832 г., то только при королеве Виктории, благодаря целому ряду крупных политических реформ, Англия постепенно из чисто-аристократической страны превратилась в страну демократическую и в этом отношении больше или меньше сравнивалась с другими европейскими государствами. Благодаря более правильной организации местного самоуправления, делу народного образования, санитарная часть, призрачные бедных, надзор за фабриками и обезпечение рабочего люда сдѣлали громадные успехи. Столь же значительны и успехи Англии в экономической жизни. Мы имеем в виду не

столько промышленность, — так как в этом отношении Англия давно идет впереди всех остальных народов, которые с ней сравниться до сих пор не могут, — но преимущественно обезпечение наиболее бедных классов населения. Путем цѣлаго ряда коренных экономических реформ, в родѣ понижения и отмены хлебных пошлин, установления свободы торговли и т. д., Англия приостановила рост науперизма и обезпечила за собою непрерывный и правильный подвоз жизненных продуктов по сравнительно дешевым ценам. Благодаря этому обстоятельству, население Англии в тѣсном смысле удвоилось в царствование королевы Виктории, и общее его благосостояние возросло очень замѣтно. Исключение тут составляет только Ирландия, — это болезненное место в английском государственном организме. Но и тут нельзя сказать, чтобы в царствование королевы Виктории не были совершены или задуманы очень существенные реформы. Таковы были законы об упразднении ирландской национальной церкви, доходы которой обращены на устройство школ, закон об улучшении ирландских поземельных отношений, Высенные Гладстоном билли о более справедливых государственных отношениях между Англиею и Ирландиею, наконец, возведенный над них билли об организации местного самоуправления Ирландии на национальной основѣ и о понижении налогов с ирландских землевладельцев и фермеров. Великобританская казна даже обязывается платить ирландскому казначейству 6½ миллионов руб. ежегодно. Таким образом Ирландия будет до некоторой степени вознаграждена за непосильные поборы, которыми ее обременяла метрополия.

О вступлении королевы Виктории на престолъ один из самых тонких наблюдателей того времени, лорд Брумъ, писалъ слѣдующее: „Молодая 18-ти-лѣтняя дѣвушка, вѣнчанная изъ дѣтской на престолъ, не можетъ считаться подготовленной къ управленію великою страной въ трудное время, которое мы теперь переживаемъ, хотя бы способности ее и были очень значительны. Но все опасенія должны были немедленно исчезнуть при видѣ, съ какою лихорадочною преданностью вся страна отъ мала до велика привѣтствовала новую свою королеву“. Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, прошло почти 60 лѣтъ, и лишь немногіе старики помнятъ тотъ восторгъ, съ какимъ английскій народъ привѣтствовалъ свою королеву при ея вступленіи на престолъ. Но чувства его не забылись. И теперь, когда наступилъ новый знаменательный ея юбилей, вся страна, за исключеніемъ Ирландіи, спѣшитъ выразить ей свою преданность. Прѣзжихъ въ Лондонѣ такъ много, что населеніе английской столицы возрастаетъ во время предстоящихъ празднествъ съ 4½ до 7 миллионовъ. Гости стекаются отовсюду, изъ всехъ частей британской имперіи, т. е. со всехъ концовъ міра. Празднество приняло грандіозный характеръ: одно торжество сѣняется другимъ, въ томъ числѣ происходятъ такіа общеполозаны или интересныя и поучительныя, какъ открытіе новаго туннеля подъ Темзою длиною въ английскую милю или выставки времени королевы Виктории, на которой посетители убѣдятся во-очію въ успехахъ страны за время ея царствованія. О цѣнлвѣ гостей можно судить и по тому факту, что на площадяхъ, по которымъ пройдетъ торжественное шествіе, устраиваются мѣста для публики въ 15 ярусовъ. Движеніе по лондонскимъ улицамъ до того затруднено, что на перекресткахъ приходится иногда ждать около 15 минутъ. Все это свидѣтельствуетъ о восторженности чувствъ, съ какими англичане относятся къ своей королеве.

Само собою разумѣется, что подобное торжество не можетъ не возбудить и въ другихъ народахъ чувства симпатіи. Какъ бы ни расходились во многихъ отношеніяхъ пути Англии и другихъ государствъ, королева Викториа, какъ выдающаяся представительница крупнаго семейнаго начала и образованаго единственнаго ирландскаго народа, можетъ быть увѣрена въ сочувствіи, какое она встрѣтитъ всюду, гдѣ къ еѣ двумъ началамъ частной и государственной жизни относятся съ любовью и почтеніемъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

XIX.

Она сейчасъ вспомнила, что ее звалъ къ себѣ архимандритъ. Не даромъ въ голосѣ этого властнаго старика звучала непривычная и потому еще сильнѣе дѣйствовавшая ласка. Копровой вдругъ захотѣлось отъисповѣдаться ему. Пусть онъ и побранитъ ее и эпитимію на нее наложитъ, самую тяжкую—ничего кромѣ радости ей это не доставитъ. Она вдругъ почувствовала

себя, по отношенію къ нему, любящею дочерью, дѣвочкою, нуждающеюся въ его волѣ, въ его оправданіи или осужденіи. Она быстро пошла къ нему. Очевидно ее ждали. Келейникъ, наскоро уронивъ „пожалуйте“, побѣжалъ въ спальню къ отцу архимандриту и въ дверяхъ ея остановился, осторожно, одною головою наклонясь туда.

— Чего ты?.. Я не сплю...

— Барыня Копрова..

— Сейчас буду. Плесни-ко мнѣ воды на руки—да полотенце подай. Вотъ такъ... И готово.

Опъ вышелъ. Келейникъ убрался другими дверями.

— Ну, Елена Борисовна... А, впрочемъ, какая ты мнѣ Елена Борисовна. Я тебя и тогда зналъ, когда ты подъ столъ пѣшкомъ ходила... Ну—Леля, что у васъ?..

И опять его голосъ необычайно мягокъ, и яркіе молодые глаза съ этого одутловатаго, желтаго, старческаго лица смотрять на нее нѣжно, безъ осужденія. Она, подчинясь какому то порыву, встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ и опустилась передъ нимъ на колѣна. И голову къ нему положила. И до того осмѣляла, что взяла его большую блѣдную руку и спрятала въ ней лицо.

— Что ты наказана, что-ли? Кто тебя на колѣна поставилъ?—смѣялся онъ.

— Такъ... Мнѣ говорить будетъ лучше.

— Нашалила? Сама себя наказываешь?

— Да,—едва-едва прошептала она.

— А сама себя наказываешь — значитъ каешься. А каешься—и Богъ проститъ.

— То-то, что не каюсь.

— Не въ чемъ?

— Напротивъ.

— Ну, авось я тебѣ помогу. Мужа не любишь—знаю. Тестя тебя точитъ точно червецъ яблоко сладкое—и это знаю... Но Господь дастъ тебѣ силы вынести все это—и радуйся и молись Ему...

— Все это до третьяго дня было...

— А сегодня?..

— Сегодня, иное совсѣмъ.

— Говори.

— Другого люблю!

И она вдругъ разрыдалась, удерживая его руку и воображая, что онъ отниметъ ее. Но старецъ не дѣлалъ даже попытки къ этому. Только еще болѣе мягкимъ блескомъ загорѣлись его глаза, и лицо нѣжно стало при видѣ этой слабости человѣческой, въ тяжкую и скорбную минуту прибѣгнувшей къ нему.

— Ты это,—тихо началъ онъ,—не съ лету... Не кажется тебѣ?

— Нѣтъ, отецъ Варлаамъ, не кажется.

— Что-жъ сразу такъ?

— Не сразу... Давно накипало, да я сама разобраться не могла.

— Съ нимъ встрѣтилась?

— Да.

— Съ Семигоровымъ, Николаемъ Львовичемъ?

Она промолчала.

— Поздно я его выгналъ отсюда. Да все равно онъ бы ходы нашель. Не такой, чтобъ уйти—по-хорошему. Красавецъ. По тебѣ совсѣмъ. Ахъ, несчастіе какое. Вѣдь будь у тебя другой мужъ, да около настоящіе люди—цѣны бы тебѣ не было, потому изъ хорошаго ты воску вылита.

Онъ подумалъ. Посмотрѣлъ на свой портретъ въ молодости, висѣвшій какъ разъ прямо... Что-то тѣнью мелькнуло на его лицѣ, точно упрекъ.

— Какъ мнѣ съ тобой говорить, какъ отцу или какъ монаху?

— Какъ отцу, какъ отцу... Я и пришла къ вамъ съ тѣмъ.

— Хорошо. Вѣришь ты, что тотъ другой любитъ тебя?

— Еще бы.

И она подняла свое сквозь слезы улыбающееся лицо.

— И я вѣрю, пожалуй... Мудрено не любить такое твореніе Божіе. И не разлюбить? Да, впрочемъ, кто это знаетъ... Въ такомъ разѣ въ туманѣ и голова, и сердце. Надо думать,—нѣтъ... Связала себя ты этимъ бракомъ только; крѣпко связала — ну да никто какъ

Богъ. Церковь тоже допускаетъ разводъ. Я съ тобой не какъ отецъ Варлаамъ, а какъ старый князь Ардалионъ Петровичъ Бѣлгородовъ теперь. Оставаться тебѣ съ нимъ нельзя. И грѣхъ, и подлость подъ кровлей ихъ быть. Понимаешь ты это? Разубѣждать я тебя тоже не стану — давно вижу все и чувствую, что слова тратить въ этомъ направленіи не стоить. Твоего сердца не вернешь къ нимъ, да и ихъ не передѣлаешь. Скорбѣлъ я и тогда, когда о твоёмъ замужествѣ услышалъ. Жалко, что вѣщуномъ оказался. Не ждалъ я добра, такъ оно и вышло. Сказала ты имъ?

— Мужу сказала.

— Что-жъ онъ?

Она только плечами пожала. Онъ понялъ и грустно улыбнулся.

— Ну такъ вотъ, надо тебѣ отъ нихъ развода добиться и замужъ выйти. Другого конца нѣтъ, то-есть имѣются и другіе пути — только не для тебя они. Ты въ этомъ согласна со мною? Княжна Балкашинская до чего бы ни дошла, а себя должна блюсти свято, правда?

— Правда!—чуть слышно проговорила она.

— Трудно въ молодости—а нужно. Терять себя нечего... Разведешься—выходи замужъ. Я и благославаю тебя. Самое лучшее уѣхать тебѣ куда-нибудь. Куда бы только?

— Меня мать Клеопатра къ себѣ звала, въ Устиньскую обитель, и тетя тамъ.

— Знаю, знаю... Это отлично, и не придумаешь удобнѣй! И люди злословить не посмѣютъ. Монастырскіе колокола заглушатъ всякую предоступительную слетню. А мы тутъ стараться будемъ. Моисея Лукича—трудно уломать. Мужъ твой дѣйствительно не дорогого стоить! Трость вѣтромъ колеблемая! Съ нимъ бы сейчасъ покончили... Ну, да авось Богъ поможетъ...

Онъ всталъ съ кресла, и она поднялась. Взялъ ее за руку и подвелъ къ портрету своему.

— Видишь?

— Вижу.

— Похожъ? Это я былъ... Много лѣтъ тому назадъ еще при блаженныхъ памяти Николаѣ I-мъ. Флигель-адъютантскіе вензеля носилъ — при дворѣ меня любили... А какимъ путемъ меня Господь къ этой вотъ черной рясѣ привелъ, ты не знаешь и никто не знаетъ. А нѣчто сходное съ тобой было...

Она молча глядѣла на красавца, въ каждой чертѣ лица котораго лежали смѣлость и рѣшительность. Только глаза нынѣшняго отца Варлаамъ напоминали этого блестящаго придворнаго давно отошедшихъ и безвозвратныхъ временъ.

— Зарянокъ рисовалъ. Таковъ я былъ!... Ну такъ вотъ, обычаи тогда оказывались другіе—а грѣшить ни она, ни я не хотѣли больше.

— Кто она?—чисто по-женски вырвался у нея.

— Все равно—въ могилѣ давно. И молюсь я за нее (онъ широко перекрестился)... Мужъ-то ей похуже твоего достался. Съ тяжелой рукой. Вы нынѣ этого варварства не знаете, а тогда заурядъ было. Прости ему Господь. И онъ сынъ своего вѣка... Встрѣтились мы съ нею—точно однимъ огнемъ насъ обожгло...

— Какъ и мы.

— Знаю, знаю, у всѣхъ та же программа. Дьяволъ отлично понимаетъ, когда толкнуть другъ къ другу. Ну, такъ вотъ и мы. И вѣдь сразу. Мужа не было. Онъ корпусомъ командовалъ,—въ лагеряхъ жилъ... А мы, что ни вечеръ, то вдвоемъ. Сначала ничего не боялись. Такъ все чисто казалось. Грѣхъ и въ голову не приходилъ... Только будто оба въ раю были когда вмѣстѣ... И бѣсы-то не сразу — а мало-по-малу. Опомнились мы, когда ужъ поздно было. Въ тѣ времена — разводъ-то не слышали да и въ томъ кругу нельзя этого. И Николай I-й не допустилъ. У него вѣдь не правила по людямъ были, а люди для правилъ. Хотѣ

Выставка картинъ Н. Е. Маковского. „Хрупкое созданіе.“ (Собств. г. Голубева). Съ фотогр. грав. Цехомскій.

Поляки выгоняют боярынь из Кремля. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) К. В. Лебедева, грав. Ю. Шюблерг.

кровью истекай — а гнись въ рамку. Можеть-быть и черезъ это надо пройти. Господь самъ пути царей и народовъ блюдетъ. Не намъ осуждать ихъ или оправдывать. Ну такъ вотъ — вернулся мужъ „гроза-грозою“. Мы только думали, что никто ничего не видитъ — а кругомъ ужъ зловредные языки шептались. Адъ начался для нея. Императоръ на первомъ же дежурствѣ моемъ подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за свой вензель, потрясъ такъ да и говоритъ: „я не развратъ своимъ именемъ покрываю. Смотри“. И погрозилъ пальцемъ. Что было дѣлать? Однимъ я могъ все поправить... Пулю себѣ въ лобъ—великій па душѣ грѣхъ... Да и сказали бы „испугался“, а клеветать бы или, что еще хуже, нечистыми устами правду выбалтывать не перестали бы. Въ монастырь — дѣло другое. Слухи бы о ней разомъ упали! Значить — лгали де все. И мужъ бы успокоился, и ея положеніе улучшилось. Думалъ я думалъ — да и пошелъ по этой дорогѣ... Господь въ обитель свою путемъ грѣха привелъ. Черезъ годъ меня постригли въ Оптиной... Что вынесъ, какъ измучился, пока внутри все выгорѣло — объ этомъ не нынѣ судить. Теперь и чувствуютъ легче... Развѣ одинъ отецъ Антонинъ понималъ бы меня. У него своя тягота стѣбитъ моею... Такъ вотъ видишь — не спроста я говорю съ тобою, а самъ эту болѣзнь когда-то перенесъ...

Никогда еще Елена съ такимъ благоговѣніемъ и любовью не цѣловала эту блѣдную, безкровную руку, какъ сегодня, прощаясь съ отцомъ Варлаамомъ. И онъ послѣ нея — въ волненіи прошелся по своимъ комнатамъ.

— Грѣхъ-то — грѣхъ, а какъ за него карать человѣка? Ты, Господи, вселилъ любовь въ души наши, Ты, созданный Адама и Еву, положилъ взаимное влеченіе между ними. Какъ тутъ слѣпотствующимъ и во мракѣ блуждающимъ разобратся въ перелетахъ сердечныхъ чувствованій. Дотронься до нихъ — кровью истекутъ люди, адскія боли узнаютъ. Веди ужъ ты къ вѣдомому Тебѣ, Боже мой, предѣлу, а согрѣшившихъ прости. Этотъ грѣхъ сильнѣе человѣка!... Не одно тѣло тутъ, а и душа незрими нитями съ другою свивается. Попробуй разорвать — и ее убьешь. И Бога, пожалуй, въ ней уничтожишь. Правда, отцы церкви осуждаютъ ее, да вѣдь они и во многомъ хотятъ строже Тебя, Господи, быти. Мудрость-то наша передъ Твоимъ добротолюбіемъ и кротостью небесной — не высока оказывается...

Онъ пошелъ къ столу... Вынулъ оттуда старый выцвѣтшій дагеротипъ.

Посмотрѣть на эти слинявшія черты — ничего не разобратъ въ нихъ, а онъ очами сердца и памяти видѣлъ словно въ-льв женщину, полную красоты и жизни, въ жертву которой когда-то все припесъ и ни разу не упрекнулъ ее въ этомъ. Хорошо ли онъ сдѣлалъ? Не лучше ли было отпять ее у недостойнаго. Имѣлъ ли онъ право дарованное имъ Богомъ счастье — затоптать погами, какъ огонекъ, курившійся на пути... Не грѣшно ли отказаться и осудить это созданіе, привязавшееся всею своею природою къ нему, князю Аполинарію Бѣлгородову, на вѣчное пребываніе бокъ-о-бокъ съ пелюбимымъ мужемъ, на неописуемый адъ его животныхъ ласкъ и муку подчиненія его волѣ?... Почему знать?

— Смерть не за горами — скоро узнаемъ, тихо проговорилъ онъ, пряча портретъ въ столъ...

Въ странномъ состояніи духа шла домой Елена Борисовна. Она вся была полна и недоумѣнія, и счастья, и несла его въ себѣ — точно пролить боялась. Отецъ Варлаамъ — до краевъ наполнилъ ея сердце надеждою. Теперь ей чувствовалось легко и вѣрилось. И душѣ ея онъ сослужилъ великую службу. Въ ослѣпленіи страсти, еще утромъ попадись ей Николай Львовичъ — она бы отдалась ему безъ колебаній, безъ со-

жалѣній, сама пошла бы на огонь и спалила въ лемъ крылья. Теперь отецъ Варлаамъ очистилъ лаской горизонтъ ея зрѣнія, и она видѣла другіе пути. Она еще больше полюбила Семигорова, но теперь онъ бы ее не взялъ. Разумѣется, не ей падать, какъ падаетъ мѣщанская дѣвица, отъ того, что голова закружилась да въ это время попался на пути отчаянный малый, которому жизнь копейка, или какъ дворянскіе выхоленные подростки, для которыхъ въ этомъ паденіи ново только физическое ощущеніе того, что давно они знали головою и даже представляли себѣ это во всѣхъ видахъ и смыслахъ. Разводъ! Разумѣется, разводъ. Она и прежде думала о немъ — но была убѣждена въ невозможности склонить Моисея Лукича на нѣчто подобное. А теперь — разъ отецъ Варлаамъ брался за это дѣло, неужели Богъ ему не поможетъ спасти ея душу? Она не смѣла бы даже оскорбить Провидѣніе столь слабою вѣрою въ Его могущество и правду. Тяжко будетъ до тѣхъ поръ — что же дѣлать. Еще тяжелѣе было бы иначе. Ну, взялъ бы ее, увезъ Семигоровъ, спрятались бы они — отъ всего міра. Надолго ли? Ей бы этотъ міръ не понадобился. А ему? Что порукою, что жизнь не потянула бы къ себѣ живого, и ему, кромѣ ея поцѣлуевъ и ласкъ, не понадобились бы и люди. А съ какими бы глазами она вступила въ этотъ міръ, гдѣ всѣ знали бы и говорили о томъ, что принято называть „падениемъ“, хотя какое же тутъ паденіе и когда оно начинается? Можеть-быть — уже тогда, когда женщина только подумала о чужомъ ей человѣкѣ и мысленно отдалась ему. Вынесла ли бы она пренебреженіе однихъ, злорадство другихъ, обидное снисхожденіе третьихъ? Въ этой гордой душѣ чуткости было много, хотя она ее и не обнаружила бы ни за что. Но прежняго равновѣсія и спокойствія уже не стало бы — и это, разумѣется, сказалося бы во всемъ и раньше всего въ отшеніи ея къ любимому человѣку. На нихъ легли бы нежданныя тѣни. Кому же бы ей было и крикнуть „болно“, какъ не ему. Вѣдь онъ ближе всего къ ней. Счастье бы омрачилось, и первый онъ бы началъ имъ готиться; пожалуй, наступила бы такая минута, когда онъ ее проклялъ бы. Разумѣется, она бы ужъ взяла отъ жизни свое... Хоть годъ, хоть мѣсяцъ узнала бы всю полноту ея, весь блескъ... Но какую цѣной придется расплачиваться за это, какую цѣной! По силамъ ли она ей?

Такъ лучше.

Правда, надо ждать — но теперь и это не утомить ее. Ожидать безъ надежды мучительно, а такъ — напротивъ. Кто это сказалъ, что предвкушеніе счастья лучше самаго счастья?...

Прежде всего нужно было ухъать, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Оставалось только пройти черезъ рядъ спенъ и униженій, — но теперь ей это будетъ уже не такъ трудно... Впереди свѣтитъ радость. Она ей облегчитъ трудную дорогу... Да вѣдь и то — горько было бы, если бы эти люди — Моисей Лукичъ и Алексѣй Монсеевичъ — хоть чѣмъ-нибудь примирали съ собою. А вѣдь, не ихъ же спокойствіе будетъ она беречь теперь. Да и къ тому же сынъ навѣрное все рассказалъ отцу.

XX.

Копровъ младшій дѣйствительно вернулся въ гостиницу въ волненіи, странномъ Моисею Лукичу.

— Какая тебя муха укусила?

— Папенька... Виновать я передъ вами, что защищалъ эту мерзавку...

— Елену, да?.. Говори, что случилось.

— А то, что готовъ я ее сейчасъ этими вотъ руками...

— Ну, да что ты молчишь.

— Не жена она мнѣ больше.

— Давно бы такъ.

— Сама сейчас, на кладбищѣ этомъ, покаялась мнѣ, что другого полюбила.

— Ахъ, ты, мразь подколодная! Изъ нищеты взяли.

— Я ужъ ей говорилъ это... Ну, теперь я ей покажу.

— Заколотить мало. Съ кѣмъ же она спуталась?

— Не спуталась, а полюбила.

— Не спуталась!—разочарованно воскликнул Моисей Лукичъ.—Ну, такъ спутается, будь покоенъ. У такихъ удержу вѣтъ. Онѣ либо столбы столбами стоятъ, либо съ горы внизъ камешкомъ летать.

— Дѣлайте вы съ нею теперь что хотите.

Когда Елена вошла къ себѣ — у нея въ комнатѣ сидѣли Моисей Лукичъ и мужъ.

У мужа все лицо пятнами подернулось — тесть былъ повидимому спокоенъ.

— Ты все уже сказалъ отцу?—спросила она Алексѣя Моисеевича.

— Все,—отвѣтилъ за него Копровъ старшій.—Ну, невѣстуха, какъ же намъ теперь васъ въ разумнѣе приводить? Вы вѣдь съ Алешей не на улицѣ у трактира встрѣтились, а въ церкви вѣнчались, а?... Жена вы ему — и въ полной его власти: что онъ захочетъ, то надъ вами и сдѣлаетъ. Потому хоть вы и барской природы — княжна, положимъ, голая, а все княжна, — но для насъ это нисколько не обязательно, потому какъ вы часто сами намъ указывали — мы изъ мужиковъ и по-мужики съ вами дѣйствовать будемъ. Вотъ только завтра уѣдемъ изъ обители и начнемъ васъ учить. Ты это мнѣ предоставь, я такую афишку составлю, что опаматается твоя сѣтельная супруга, — обернулся онъ къ сыну.—Я такъ рѣшилъ: чтобы скандалу не было, мы поѣдемъ не въ городъ — а усадьба у меня въ лѣсу, есть и люди тамъ надежные.

— Вы что же это, разбойничать надо мною думаете?

— Нѣтъ... Не я, а твой мужъ, и разбойство это — наукой называется, — никакой законъ мужу запретить не можетъ жену учить. Ну, а какъ, — это наше дѣло? Покупаєте вы, мадамъ, и плетей отъ простыхъ мужиковъ. У меня Арефій тамъ есть, да и другіе — только мигни, въ болотѣ утопятъ.

Она засмѣялась.

— Я не боюсь васъ и съ вами не поѣду.

— Не поѣдете? На это полиція. Господину стовому объявку подадимъ — силой васъ привлекутъ, понятыхъ соберутъ. Не хотите безъ скандала — со скандаломъ-съ. Мы въ своемъ правѣ. А желаете знать, какъ тотъ же Арефій въ такомъ же разѣ съ собственною своею женою распорядился? По мужицки-съ, по нашему, ваше сѣтельство. Права-то вы княжескія вѣдь утратили. Такъ вотъ онъ — раздѣлъ ее для всеобщаго наблюденія — въ деревнѣ нравы простые-съ, — привязалъ ее за шею къ воротамъ, такъ что ей никакъ нельзя было шевельнуться — петли-съ душила, умственно онъ это сдѣлать все напередъ обдумалъ. Тоже какъ и я афишку для спектакля-съ, да. Ну, и началъ ее вожжами. Самъ усталъ — сосѣдей позвалъ. А у сосѣдей тоже жены, ну и сосѣди, чтобы своимъ-то виднѣе было, кто сколько могъ. Къ вечеру сняли ее, подлую, съ петли-то — нѣсколько мѣсяцевъ помучилась и отъ чихотки померла.

Елена Борисовна вздрогнула.

— Экое звѣрье какое!

— И нисколько не звѣрье. Это нашъ російскій судъ-съ. И нисколько не звѣрье, потому что тотъ же Арефій вскорости послѣ этого женился и вполне счастливъ, и дѣвица изъ того же села съ полнымъ удовольствіемъ за него пошла. Мужикъ онъ исправный! Тройку коней держитъ, двѣ коровы. Деньги имѣетъ. Не пьяница. Судьбу-съ благословляетъ.

— Вы кончили, Моисей Лукичъ?

— Да-съ.

— Такъ вотъ что, пожалуйста вонъ отсюда!

— Что?

— Пожалуйста вонъ.

— Да какъ ты, шкура, послѣ всего смѣешь!

Елена Борисовна подошла къ дверямъ, отворила ихъ и крикнула:

— Отецъ гостинникъ.

Юркій и бойкій монахъ, весь точно на винтахъ какихъ-то, подбѣжалъ.

— Попросите ихъ выйти вонъ.

Тотъ оторопѣлъ.

— Попросите ихъ выйти вонъ, — а то я въ окно начну кричать, да такъ, что весь народъ соберу, и отъ отца Варлаама вамъ достанется.

— Господа, пожалуйста.

Моисей Лукичъ вскочилъ и съ кулаками полѣзъ на Елену Борисовну.

— Господинъ, ваше благословеніе, — растерялся монахъ.—У насъ этого нельзя, мы скандалу не допускаемъ...

— Вы это видите, — вынула Елена Борисовна маленькій револьверъ изъ кармана.—Такъ и знайте, Моисей Лукичъ, еще разъ вамъ повторю: въ каторгу уйду, а васъ убью какъ собаку.

— Помилуйте, въ обители, и вдругъ уголовное... — суетился монахъ.—Пожалуйте, пожалуйста. Тихо, смирно, благородно, по хорошему...

Моисей Лукичъ выскочилъ, Алексѣй Моисеевичъ за нимъ.

— погоди!—крикнулъ ей старикъ въ двери.—Натѣшусь я надъ тобою... Будешь ты мнѣ ноги дѣловать да прощенія просить...

Она оттолкнула его и заперла двери...

На другой день утромъ Моисей Лукичъ началъ-было вчерашній разговоръ, но Елена Борисовна уже вполне владѣла собою.

— Такіе, какъ вы, только и сильны окружающимъ васъ безсиліемъ, а страшны — людямъ трусливымъ и безхарактернымъ.

Старикъ зашипѣлъ-было, но его позвали къ отцу Варлааму.

Онъ у него оставался долго и вернулся мрачнѣе тучи.

— Съ тобой говорить будетъ, — объявилъ онъ сыну.— Одно слово — безмозглый монахъ. Извѣстно — свой своему поневолѣ братъ, я и не дивлюсь, что онъ за нашу кобылу горой. Тоже княжеское отродье. Ну да ладно — была и прошла ихъ сила, нынѣ мы что хотимъ, то и дѣлаемъ... А я ужъ надъ ней, надъ сиреной нашей, натѣшусь... Вотъ что, будь готова, — крикнулъ онъ ей въ двери.—Слышишь. Завтра въ десять часовъ выѣзжаемъ — въ мою лѣсную дачу, тамъ тебѣ и судъ будетъ.

— Кто выѣзжаетъ?

— Ты съ нами, извѣстно.

Она такъ же спокойно заперла двери и ничего ему не отвѣтила. Алексѣй тоже скоро вернулся.

— Ну, что тебѣ отецъ Варлаамъ напѣлъ?.. Что бы-де по доброду, да по хорошему?

Тотъ былъ смущенъ.

— Чего морду воротить? Говори.

— У него связи есть въ нашемъ министерствѣ, въ Петербургѣ.

— Такъ. Ты хвостъ и завязилъ?

— Нѣтъ. А только могутъ быть большія неприятели.

— Пока ты со мной — какія тебѣ неприятели страшны? Съ милліонами въ карманѣ — на все плевать. Изъ одного мѣста уйдешь, въ другое примутъ, да еще какъ: отцу родному такъ не обрадуются. Сладкаго-то куска каждому хочется. О разводѣ онъ тебѣ?

— Да. То же, что и вамъ.

— А ты что?

— Я молчалъ сначала, а потомъ говорю: это какъ папашѣ будетъ угодно.

— Ну, пока и на томъ спасибо. Потому, Алексѣй, душа у тебя малая. Мнѣ-то онъ тоже пѣлъ, ну, да и я вѣдь не дуракъ. Такъ ему отвѣтилъ, что онъ только руками развелъ. Говорю: ужъ отъ кого, отъ кого, а отъ васъ, святой отецъ, я и не помышлялъ такое наставленіе въ дѣлахъ услышать... Не мнѣ васъ учить, а только я сызмальства помню: что Господь соединилъ, того людямъ ворошить нельзя!—Господь ли?—спрашиваетъ онъ меня.—Не вижу я на этомъ бракѣ благословенія Его!—А ужъ это,—рѣжу ему прямокомъ,— не знаю! Только они какъ слѣдуетъ въ церкви вѣнчаны. Можетъ-быть, дѣйствительно лучше у рабствоваго куста, въ лѣсу“... Ну, онъ всталъ, нравный старикъ.—Мнѣ, говоритъ, съ тобой толковать нечего. Вспомнишь и ты Бога—только будетъ поздно!—А я въ дверяхъ, знаешь, низко-низко ему поклонился и какъ будто такъ себѣ, безо всякаго расчета особаго: „Мы Бога всегда помнимъ, не какъ иные прочіе, кои Его по-своему объясняютъ.“ Что съѣлъ?—думаю.

— Большия, большія онъ можетъ неприятности сдѣлать! Ахъ, большія!

— Поджилки въ колѣняхъ затряслись? Поздно будетъ. Мы ее въ лѣсу у насъ такъ образуемъ, что либо покорится, страху Божій узнаетъ, либо... У Пафнутьевыхъ для тебя отличная невѣста растетъ. Тихая, богобоязненная. Въ глаза тебѣ смотрѣтъ станеть... А въ смерти и животѣ Господь воленъ, и всѣ мы не вѣчны.

Даже Алексѣя Моисеевича шатнуло прочь отъ злобщаго блеска его глазъ въ эту минуту.

Вечеромъ Елену Борисовну никто не тревожилъ.

Она легла спать рано—и чуть свѣтъ проснулась. На востокѣ тяжело и мрачно лежали тучи. Солнце изъ-за нихъ подымалось медленно, и все подъ окнами было тускло. И зелень смотрѣла мертвой, и земля уходила въ сырую мглу, и монастырскія стѣны, казалось, весь свѣтъ замыкали вдаль—нигдѣ сквозь нихъ не было выхода... Копрова сѣла къ столу. Съ минуту она колебалась, потомъ рѣшительно написала:

„Прощайте, мы больше не увидимся. Столковаться намъ нельзя—а разсудить насъ Богъ!

Елена“.

Одѣлась... Холодно должно-быть—шалю обернулась и вышла... Монахъ-гостинникъ тоже ужъ бодрствовалъ и вытиралъ стекла въ коридорѣ.

— Вотъ умницы! Настоящему богомольцу въ монастырѣ спать долго не полагается.

— Пожалуйста, когда мужъ проснется—передайте ему эту записку.

— Слушаю-съ. Нравный старикъ у васъ. Ну, да Господь всѣхъ утихомирить.

— Прощайте...

— Самоваръ-то прикажете?

— Мужъ встанеть—скажетъ.

— Вкупѣ и влюбѣ желаете чайку напиться—дѣло доброе. Тишкомъ да ладкомъ всякое дѣло надо оканчивать. Въ ссорѣ тоже сладости нѣтъ... У Сираха кратко выражено сіе: „Чадо, въ кротости дѣла твоя препровождай“. О семъ же предметѣ у Павла въ посланіи къ римлянамъ—изволили читать?

— Нѣтъ.

— Хорошо сказано, просто, а сколь премудро: „аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте“.

Но она ужъ быстро шла впередъ, не слушая его.

На каменныхъ ступеняхъ сидѣла плотная толпа богомольцевъ. Ночью пришли и привалились гдѣ попало, пока заблаговѣстятъ. Тоцій и худой монахъ, въ подрясникѣ, бѣжить куда-то... Вонъ и ворота обители открыты настезь и подъ ними дремлетъ старикъ-сторожъ. Его помнить Елена; еще ребенкомъ ее привозили сюда,

а онъ такой же сѣдой и сутулый и такъ же бывало сидитъ на скамейкѣ... И та же скуфейка на немъ, даже вата изъ нея торчала тогда, какъ и теперь торчитъ.

Неграмотный—потому всю жизнь и остался послушникомъ.

Дальше не пошелъ! „Я какъ песь вѣрный обитель берегу,—говаривалъ онъ.—Тутъ, у воротъ, и умру, подъ страшнымъ судомъ“.

Дѣйствительно, на стѣнѣ, надъ нимъ, были изображены грѣшники въ гееннѣ огненной. Толстая бабища съ такими персями, что даже мужики ахаютъ. Ее адово пламя лижетъ снизу, а она раскосила глаза на тонконогаго кавалера съ цвѣткомъ въ рукахъ и видимо привлекаетъ его ко грѣху. Подпись: „блудница“ и почему-то въ скобкахъ: (Шлѣвира)... За стѣнами обители—лѣсъ... Озеро. Сколько озеръ тутъ! Это глубокое, здѣсь и богомольцевъ монахи не пускаютъ купаться. Неравно—утонуть. Омуты въ немъ и просочивъ безъ счету. Сказываютъ, такъ и тянетъ тебя внизъ, точно кто за ноги хватаетъ оттуда. Со страху мало ли что почудится растерявшемуся человѣку. Вовсе здѣсь не такъ холодно, какъ думала Елена. Тишина въ воздухѣ, вѣтра нѣтъ. Напрасно она только шаль взяла. Да и вспомнила кстати: она ей, эта шаль, особенно ненавистна была. Ей подарилъ ее, на первыхъ порахъ, Моисей Лукичъ и потомъ долго корилъ ея цѣною. „Ничего-де для тебя не жалѣемъ, а ты этого не чувствуешь и благодарности отъ тебя никакой. Другая бы заслужить старалась“. И она это все выносила. Правда, подъ конецъ дурить начала. Стрѣлять выучилась, на охоту ходила, верхомъ ѣздила. Зачѣмъ это? Да вѣдь надо же было исходить дать всему, что накипало въ душѣ. Живой человѣкъ! Безъ этого и съ ума могла бы сойти. Шаль эта давитъ ее, точно Моисей Лукичъ обнялъ и держитъ ее. Она сняла ее, съ минуту поколебалась, потомъ швырнула на берегъ, и ужъ не оглядываясь, пошла дальше... Версты три такъ сдѣлала—на дорогу выбралась. Сонный мужиченко ѣдетъ. Телѣга у него съ переплетомъ. Бочонокъ съ чѣмъ-то въ ней болтается.

— Эй, дядя!

Онъ очнулся, посмотрѣлъ на нее и зѣвнулъ. Опять было заклокалъ носомъ.

— Дядя!

— Ты что ль меня кличешь?

— Я. Далеко ли до Устинской обители.

— Мнѣ мимо—садись, за гривенничекъ доведу.

Елена Борисовна засмѣлась и сѣла.

— Ишь ты какую барыню за жабры поймаешь. Ай да мы! Ну, да ладно. И безъ твоихъ гривенниковъ обойдемся... Молиться будешь—помни Акима. А въ бочонкѣ знаешь что?

— Ну?

— Вино!

— То-то и видно. Съ утра ты!

— А то какъ. Сына женю... Василья Акимыча. Ваську. Доселѣ былъ Васька, а нынѣ Василій Акимычъ. Персона! Ты что думала. Бабу съ дѣтьми въ домъ беремъ. Двое—работники будутъ. Вотъ онъ какой ахти-тоторъ—Васька-то...

Почему Василій Акимычъ оказался архитекторомъ—Елена Борисовна не поняла... Но ее поразило, что женить сына старикъ на бабѣ съ двумя дѣтьми и радуется. Она спросила его:

— Какъ же это?

— По-Божецки, барыня. Всѣ мы грѣшны. Въ дѣвкахъ-то—вольная душа, ну, а косу раслетутъ: блюди себя, рожай мужниныхъ ребятъ. А эти мальцы-то чѣмъ виноваты?... Вырастутъ—помогать стануть. Хозяйство поддержать!..

(Продолженіе будетъ.)

V выставка картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Побирушка.“
Съ карт. А. Д. Муратова (исключ. право воспроизведенія принадл. „Нивѣ“) грав. Шюблеръ.

INTERMEZZO.

Стихотворение Сергѣя Сафонова.

Не жди, мое дитя, отъ твоего пѣвца
Пророческихъ рѣчей и пѣсень громогласныхъ
О мукахъ тягостныхъ терноваго вѣнца,
О жгучемъ горѣ слезъ, что льются безъ конца
Въ юдоли сирыхъ и несчастныхъ.

Про ужасы борьбы тебѣ я не спою,
Не прокляню людей безумныхъ и порочныхъ:
Иную пѣснь въ душѣ лелѣю и таю;
Ее, какъ лучшей даръ, тебѣ передаю,
Невѣста грѣзь моихъ полночныхъ.

Есть дивная страна въ селеньяхъ красоты.
Тамъ выстроены давно для насъ дворцы воздушный.
Я въ томъ дворцѣ—король, а королева—ты,
И вѣрно служить намъ мои рабы-менты
Толпою стройной и послушной.

Не знаютъ тамъ вражды, потопленной въ крови;
Всѣ чувства, мысли всѣ тамъ дѣвственны и строги.
Для счастья одного не достаетъ: любви...
Зови ее къ себѣ, дитя мое, зови—
И приходи въ мои чертоги!

Въ больницѣ.

Разсказъ Фриды Шанцъ.

(Съ нѣмецкаго.)

Въ предмѣстьи небольшого города переѣхали маленькую дѣвочку, какъ разъ поровнившую, съ кустикомъ скороспѣлокъ въ рукѣ, перебѣжать черезъ дорогу между двумя быстро мчавшимися дрожками.

Кто-то изъ проходившихъ поднялъ дѣвочку: ея лѣвая рука беззвѣдно повисла, изъ маленькой ранки въ головѣ струилась алая кровь по тонкому, безжизненному лицу, по шелковистымъ русымъ волосамъ.

Вмигъ собралась кругомъ куча любопытныхъ.

— Господи,—раздался возгласъ состраданія,—этакая хорошенькая маленькая дѣвочка!

— Да кто же она?

Никто этого не зналъ.

Полицейскій уложилъ, наконецъ, блѣдную, какъ смерть, безчувственную дѣвочку на дрожки и отвезъ ее въ больницу.

И вотъ, очнувшись отъ дѣйствія ледяныхъ компрессовъ и успокоительныхъ капель, она въ своей бѣлой больничной кофточкѣ лежала съ ужасомъ въ глазахъ на красно-кѣтчатыхъ подушкахъ коротенькой дѣтской кровати.

Молодой докторъ и молодая сестра милосердія, въ бѣломъ передникѣ и черномъ платкѣ, стояли справа и слева возлѣ нея. Осмотръ и операція были окончены. Рука оказалась переломленною, и се пришлось загноивать. Долгіе дни болѣзни и терпѣнія предостали малютокъ.

Она, должно-быть, догадалась объ этомъ по рѣчамъ доктора и сестры.

Только что очнувшись, она спросила про свои скороспѣлки и, не узнавъ ничего, горько заплакала. Она упрямилась и ни за что не хотѣла сказать, кто ея родители, гдѣ она живетъ, какъ се зовутъ.

— Не могу. Нѣтъ, не могу!—все твердила она.

Потомъ, во время докторскаго осмотра, она собралась съ духомъ, успокоилась и вела себя благоразумно.

Но вскорѣ она захотѣла домой. Къ вечеру ей надо было дома,—объявила она рѣшительно. При этомъ она тревожно провела тошкою правою рукой по грубой ткани постели. Крупными, тяжелыми слезами текли неудержимо изъ прелестныхъ, ясно-карихъ дѣтскихъ глазъ по щекамъ, покрытымъ легкимъ горшечнымъ румянцемъ.

Докторъ рѣшилъ, однако, покончить съ маленькою упрямюю пациенткою. Черная дощечка въ головахъ кровати была еще пуста; очень серьезно и рѣшительно онъ спросилъ больную въ третій разъ, кто она. Надо же ему извѣстить ея родителей.

— Никакъ нельзя сказать!—отвѣтила дѣвочка наотрѣзъ.— Не скажу ни за что и не могу сказать.

Молодой медикъ взялъ ее съ отеческою нѣжностью за здоровую руку.

— У тебя отецъ и мать еще живы, дитя мое?

Дѣвочка угрюмо взглянула на него.

— Нѣтъ; жива только моя милая, милая мама!

— Ну, вотъ! Твою милую маму мы теперь и извѣстимъ.

Пусть она придетъ къ тебѣ.

Дѣвочка вздрогнула, приподнялась и вскрикнула съ ужасомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста, нѣтъ! Мама моя не должна знать, что я здѣсь: она не должна меня видѣть здѣсь. Я хочу домой! Ахъ, пожалуйста, отпустите меня домой.

Докторъ и сестра переглянулись въ недоумѣніи.

— Развѣ твоя мама такая строга?—спросила молодая сестра неодуманно.

Дѣвочка откинулась съ обиженною миною на подушки.

— Моя мама такая милая и добрая,—отвѣтила она просто. Докторъ сдѣлалъ молодой дѣвушкѣ знакъ отойти въ сторону и началъ опять любовно уговаривать свою маленькую пациентку. Вѣдь мать же будетъ тревожиться и болѣться, не будетъ знать, куда она пропала.

Но все это дѣвочка уже обдумала сама.

— До вечера мама не будетъ болѣться,—сказала она серьезно и спокойно.—Я была приглашена къ Ирѣ, и мама позволила мнѣ остаться до девятаго часа. А вернулась я только оттого, что увидѣла на окнѣ въ цвѣточномъ магазинѣ кустикъ скороспѣлокъ. Мама такъ любитъ розовыя скороспѣлки. Теперь горшечекъ разбился и цвѣты пропали. Но если я только къ вечеру вернусь домой, то не бѣда.

Самымъ твердымъ тономъ, на какой онъ только былъ способенъ, докторъ сказалъ, что нечего и думать вернуться домой къ вечеру. А впрочемъ, у него еще много дѣла. Другіе больные ждутъ. Пора ей кончить и назвать свое имя, какъ того требуетъ поридокъ. Надо же ей матери узнать, что случилось, и ничего тутъ не подѣлать. Или дать ей прочесть объ этомъ въ газетѣ? Лучше ли это будетъ? Дѣвочка сильно встревожилась.

— О, Боже, Боже! Что же мнѣ дѣлать?—воскликнула она, недоумѣвая.—Голубушка мама такъ сокрушается обо всемъ! Вы и представитъ себѣ не можете, какая она! Она ужъ и безъ того три дня такъ много плакала. И это всегда по лицу ея вижу. Если теперь еще случится горе, то она просто не вынесетъ!

Докторъ, все внимательнѣе вглядываясь въ тонкое, разгоряченное отъ волненія личико, сказалъ:

— Дитя мое, ты, вѣдь, можешь, но крайшей мѣрѣ сказать, какъ тебѣ зовутъ по имени?

Она подумала и кивнула головой.

— Шарлотта,—сказала она тихо.

— Милая Шарлотта, ну, не хочешь ли ты назвать хоть кого-нибудь изъ своихъ подругъ, или друзей, или родныхъ, кого мы могли бы попросить осторожно сообщить твоей матери о случившемся?

Малютка задумалась.

— Нѣтъ!—сказала она наконецъ, протяжнымъ тономъ и глубоко вздохнувъ.

Вѣдѣ затѣмъ на щекахъ ея вспыхнулъ яркій румянецъ, глаза ея засвѣтились, милое выраженіе какой-то застѣнчивости показалось на ея губкахъ.

— Одиного такого я знаю.

— Ну вотъ!

— Но, нѣтъ, нельзя!

— Почему же опять нельзя? Кто это, дитя мое, кто?—настаивалъ докторъ.

Она еще подумала съ полсекунды и произнесла потомъ, съ какимъ-то своеобразно-нѣжнымъ, стыдливымъ выраженіемъ:

— Дядя Куртъ!

— Добрый дядя!—воскликнулъ обрадованный докторъ.— Вотъ и чудесно! Ему мы сейчасъ же и напишемъ. А онъ ужъ и скажетъ все твоей матери, такъ, чтобы она не перенугалась.

Дѣвочка возразила, съ выраженіемъ задумчивости и глубокой озабоченности:

— Ахъ, нѣтъ, нельзя такъ!

— Да ну! Почему же нельзя, да нельзя?—спросилъ докторъ.

— Дядя Куртъ этого не сдѣлаетъ!

— Некогда ему, что ли? А?

Шарлотта оглянулась, не прислушивается ли кто изъ сестеръ или изъ ея блѣдныхъ сосѣдокъ на ближайшихъ кроватяхъ. Потому позвала доктора совѣмъ близко къ себѣ и шепнула ему доверчиво:

— Вамъ я скажу. Только вы никому не говорите! Мама и дядя Куртъ сердятся другъ на друга. Дядя Куртъ никогда больше не придетъ къ намъ, никогда. Оттого мама такъ и горюетъ... я вѣдь знаю...

— А, такъ оттого...

— Да, оттого!—малютка кивнула съ очень серьезнымъ видомъ. — Подумайте только, дядя Куртъ такой добрый, онъ такъ любилъ насъ. И мама вѣдь такая милая. И вѣдь они любятъ другъ друга, — и все-таки въ воскресенье такъ поссорились! Мама тряслась и плакала, а дядя Куртъ вдругъ какъ вспылить, какъ вспылить. Онъ такъ можетъ сердиться... Ахъ, Боже, Боже!

Съ усиленнымъ сдерживая улыбку, молодой докторъ сказалъ:

— Это не хорошо! Не надо такъ дѣлать!

Но этотъ упрекъ показался ей какъ будто бы уже и лишнимъ.

— О, да онъ не такой злой, право шѣтъ!—начала она горячо увѣрять. — Я вѣдь знаю, что всему причиною, хотя и не съблю показать вида передъ мамою. Они вѣдь иногда говорили такъ громко, что какъ я ни затыкала уши, а мнѣ все было слышно, — тихо, совсѣмъ тихо, пролетѣла она. — Дядя хочеть сдѣлаться моимъ паномъ, а мама думаетъ, что мой пана въ мнѣ можетъ на это разсердиться. Вотъ что.

— А, вотъ что!

— Кроме того, мама думаетъ, что дядя беретъ большую обузу на себя. На это дядя такъ ужасно разсердился, совсѣмъ разсердился. Онъ началъ бранить бѣдную маму, а она сказала, что не можетъ выносить этого, что это ее убьетъ. Она сказала еще, чтобы онъ никогда больше не приходилъ, если хочеть ее такъ мучить. И онъ ушелъ навсегда. Вотъ оттого вѣдь и невозможно послать его къ мамѣ, не правда ли?

Докторъ тотчасъ же энергически рѣшилъ вопросъ:

— Итъ, невозможности тутъ нѣтъ никакой.

— Значить, можно такъ сдѣлать? Вы думаете?

— Можно такъ сдѣлать! Виолитъ увѣрять!

— Но какъ мама пугается, когда его увидитъ!

— Ну, объ этомъ ты не безпокойся!

— Но когда она услышитъ, что со мною случилось?

— Это онъ скажетъ ей какъ нельзя осторожнѣе! Можешь на это положиться! Давай-ка, дитя мое, сейчасъ же мы ему и напишемъ!

— Ну, хорошо, если вы такъ полагаете! Но пусть онъ придетъ ко мнѣ, прежде чѣмъ идти къ мамѣ. Я должна поговорить съ нимъ.

Не прошло минуты, какъ у добраго доктора въ рукахъ оказался уже листикъ бумаги и чернильный карандашъ, и онъ тотчасъ же написалъ то, что она продиктовала ему тихо и ясно:

„Милый, добрый дядя!

„Меня переѣхали, и я лежу въ больницѣ; у меня сломана рука. А мама ничего не знаетъ. Ахъ, милый, милый дядя, зажди поскорѣе ко мнѣ! Цѣлую тебя крѣпко.

Твоя Шарлотта“.

— А адресъ?

Шарлотта еще медлила, точно боясь выдать тайну. Потомъ она сказала, отчеканивая каждый слогъ:

— Господину ротмистру Курту фонъ-Кростицъ, улица императора Фридриха III, бель-этажъ.

Письмо было отправлено съ посыльнымъ и, къ счастью, застало адресата дома. Не прошло и получаса, какъ онъ уже явился. Молодой докторъ былъ еще занятъ въ палатѣ и встрѣтилъ его въ дверяхъ.

Ротмистръ, худощавый, высокій, съ красивымъ смѣлымъ,

смуглымъ лицомъ и выразительными блестящими глазами, былъ видимо встревоженъ.

Какимъ пожатіемъ руки онъ поблагодарилъ доктора за его успокоительныя слова! Онъ сказалъ внятно и глубоко перевести духъ: „Слава Богу!“ — и шагнулъ весело, собирався произнести какую-нибудь утѣшительную шуточку, къ постели, на которой лежала дѣвочка.

Но видъ блѣдной малютки, въ грубомъ, нестройномъ больничномъ бѣльѣ, съ перевязанною рукою, съ мокрой повязкой на головкѣ, съ добрымъ взглядомъ горячечно-разгорѣвшихся глазъ, запахъ хлороформа вокругъ нея, — все это произвело на него потрясающее дѣйствіе.

Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ молча возлѣ кровати, только нѣжно держалъ ей маленькую здоровую ручку, гладилъ ее по худымъ щекамъ и выбивающимся изъ-подъ компресса шелковистымъ волосамъ. Видно было, что онъ сильно привязанъ къ этому ребенку.

Прошло не мало времени, пока онъ, наконецъ, не началъ ее бранить.

— Что ты надѣлала! Этакій легкомысленный, ужасный ребенокъ!

Она рассказала ясно и толково, какъ произошла вся бѣда, попросила его сходить къ матери и тоже побранила его:

— Какъ это ты недавно могъ такъ разсердиться? Какъ ты такъ долго могъ забывать про насъ?

Онъ сказалъ съ горечью:

— Я не хотѣлъ больше приходиться къ вамъ. Твоя мама меня вѣдь не любитъ!

— Ахъ, ты! — остановила она его, совсѣмъ разсердившись.

Загнѣвъ последовалъ, въ продолженіе немногихъ секундъ, шопотомъ, долгіи, многосодержательный разговоръ. Судорожно рыдая и глотая слезы, она высказала ему такъ много. На сердцѣ у нея было такъ тяжело. Всѣ слезы, которыя ей обожалаемая мать пролила за послѣдніе дни, накопились въ немъ. Для Курта-же въ этомъ миломъ, благоразумномъ дѣтскомъ лепетѣ звучало величайшее земное счастье. Свѣтъ же и исцѣле станювилось съ каждымъ словомъ его омраченное лицо.

— И не правда ли, милѣйшій, добрѣйшій дядя, теперь ты сейчасъ пойдешь къ мамѣ и скажешь ей, знаешь ли, такъ хорошо, такъ тихо, что со мною случилось, и утѣшишь ее, если ей станетъ грустно, и приведешь ее ко мнѣ? — неспросила, наконецъ, малютка такимъ задумчивымъ тономъ.

Крѣпко пожавъ ей руку, онъ обѣщалъ все сдѣлать.

Когда онъ ушелъ, маленькая больная погрузилась въ глубокій, горячечный, но тихій, сонъ.

Во снѣ она слышала, какъ гдѣ-то вдали звучатъ колокольчики, и видѣла цѣлыя поля розовыхъ скороспѣлокъ подъ свѣтло-голубымъ небомъ. Солнце сіяло, все было такъ свѣтло, такъ счастливо, ей дѣтское горе улетѣло куда-то далеко, далеко.

Она съ трудомъ очнулася, когда черезъ нѣсколько часовъ мягкой, тихій, полузаглушенный слезами голосъ окликнулъ ее по имени.

Сперва она слабо улыбнулась.

Сквозъ завѣсу горьчечнаго бреда она ясно чувствовала, что возлѣ нея сидитъ мать, и что мать скоро и благополучно избавится отъ того горя, которое теперь ненаглядиваетъ.

Голосъ дяди говорилъ ей такъ кротко о скоромъ выздоровленіи. И она отвѣчала ему такъ ласково.

Они уже не сердились другъ на друга.

Шарманка.

Очеркъ Е. Шмитта.

Въ самыхъ глухихъ мѣстахъ западной Европы и Россіи, въ забытыхъ углахъ Польши, вездѣ можно встрѣтить шарманку, появленіе которой нарушаетъ однообразие сельской жизни. Страстующіе музыканты, болѣею частью итальянцы, такъ какъ отечество шарманки — музыкальная Италия, забираются и по ту сторону океана, въ Америку, и тамъ улаживаютъ слухъ мирныхъ обывателей. Шарманка — очень распространенный музыкальный инструментъ. Но мало кто знаетъ, гдѣ и какъ онъ фабрикуется.

Въ старинныхъ шарманкахъ ручка приводила въ движеніе: во-первыхъ, два мѣха, надувавшіе органыя трубки; во-вторыхъ, — валь, на которомъ находились итифтики, нажимавшіе на клапаны органыя трубокъ.

Новѣйшія шарманки имѣютъ въ сущности ту же самую конструцію, хотя они неизмѣримо выше прежнихъ. Развитие техники въ Италіи и Франціи дало возможность сдѣлать существенныя улучшения, относящіяся главнымъ образомъ къ чистотѣ звука органыя трубокъ. Прежде онѣ визжали и шипѣли, да вдобавокъ, по модѣ начала шестнадцатаго столѣтія, каждый органчикъ снабжался „тремулантомъ“, придававшимъ ему жалобно-дрожащій звукъ. Теперь такія шарманки, старая, испорченныя, издающія по временамъ одно шипѣніе изъ переставшихъ дѣйствовать органыя трубокъ, составляютъ величайшую рѣдкость.

Какъ сказано выше, отечество ручного органа — Италия. Выс-

лѣдствіи фабрикаціей шарманокъ занялись французы, но панили себѣ сильнѣйшую конкуренцію въ Германіи, съ тѣхъ поръ какъ туда переселились многіи итальянскіи фирмы. Нѣмецкіи фирмы послѣдовали примѣру итальянскихъ, и фабрикація шарманокъ получила особое развитіе въ Саксоніи и въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ она находится еще въ рукахъ итальянцевъ, которые заняли здѣсь, въ сѣверной части города, цѣлый кварталъ. Изъ Берлина и Саксоніи шарманки вывозятся въ Англію, въ Сѣверную и Южную Америку, причѣмъ производители стараются приоровиться ко вкусу различныхъ національностей.

Сѣверные американцы и англичане любятъ церковную музыку, хоралы и серьезные отрывки паз знаменитыхъ оперъ. Южная Америка требуетъ пламенныхъ мелодій, и итальянскіи оперы почти цѣлкомъ переносятся на валы шарманки. Для самой Германіи есть спросъ также на итальянскіи оперы, затѣмъ на народныя нѣсни и, въ послѣдніе годы, на куплеты и опереточныя мотивы, которые съ необыкновенной быстротой распространяются изъ Берлина по всей Германіи. Появленіе какой-нибудь новой юмористической нѣсенки составляетъ событіе для фабрикъ механическихъ инструментовъ. Со всѣхъ сторонъ получаются заказы, и мелодія какъ можно скорѣе переносится на валы.

Публика думаетъ обыкновенно, что выборъ музыкальныхъ пьесъ зависитъ отъ фабрикъ, а шарманщики покупаютъ уже готовые инструменты. Но это невѣрно. Каждый шарманщикъ

Скандинавская и русская выставка въ Стокгольмѣ. Общій видъ выставки съ птичьего полета.

обходить свой собственный район, имѣеть собственную публичку и въ собственных интересахъ долженъ выбирать пьесы, соответствующія вкусу данной мѣстности. Шарманки устраиваются такимъ образомъ, что каждый валъ безъ всякаго затрудненія можетъ быть замѣненъ другимъ. Но стѣить это довольно дорого. Валъ, играющій не одну, а отъ шести до восьми пьесъ, стѣить около 40 р. Онъ болѣею частью такъ рассчитанъ, что можетъ играть отъ 40 до 60 тактовъ. Но новѣйшія крупныя фабрики выпускають валы, играющіе по двѣнадцати пьесъ въ 80—96 тактовъ длины.

Не безинтересно познакомиться съ производствомъ ручныхъ органовъ въ ихъ генеральныхъ размѣрахъ. Посѣтимъ же одну изъ большихъ берлинскихъ фабрикъ, на которой работаютъ круглый годъ около 150 человекъ рабочихъ. При входѣ въ здание, насъ встрѣчаютъ дикіе звуки, исходящіе изъ залы, гдѣ настраиваютъ органныя трубы. Настраиваютъ ихъ паромъ, то есть шквивъ паровой машины приводитъ въ дѣйствіе колесо, которое поддерживаетъ органныя мѣхи въ непрерывномъ движеніи.

Главные составныя части каждаго органа составляютъ: наружная коробка, мѣхи, трубки и валы. Второстепенныя части, клавиатура и клавиши, не представляютъ ничего новаго и во всѣхъ инструментахъ одинаковы.

Обыкновенный типъ органа, встрѣчающійся у странствующихъ шарманщиковъ, стѣить не менѣе 150 р. Если же онъ играетъ нѣсколько пьесъ и въ особенности имѣеть тромбонный регистръ, двойные тоны, нисколо, скрипичныя трубки, кларнетныя, колокольчики и т. д., то цѣна его доходитъ до 250 и даже 350 р. Такимъ образомъ, странствующій музыкантъ долженъ обладать извѣстнымъ капиталомъ, чтобы обзавестись хорошимъ инструментомъ.

Войдемъ въ столярный отдѣлъ. Здѣсь изготовляются наружныя коробки. Онѣ дѣлаются обыкновенно изъ дуба, съ украшеніями изъ дорогихъ древесныхъ породъ и очень часто съ наборной работой, инкрустаціей или маркетри. Коробки покрываются особымъ лакомъ, для того, чтобы дождь и вѣтеръ не могли нанести шарманкѣ вѣшняго вреда. Но, какъ читатели вѣроятно не разъ замѣчали, каждый шарманщикъ, кромѣ того, закрываетъ свой инструментъ зеленымъ сукномъ, которое продается тутъ же, на фабрикѣ.

Въ столярномъ отдѣлѣ, работающемъ также паромъ, изготовляются, кромѣ того, четырехугольныя, воронкообразныя коробки различной длины. Онѣ дѣлаются изъ тоненькихъ еловыхъ дощечекъ и служатъ для усиленія резонанса органныхъ трубокъ. Здѣсь же дѣлаются восьмигранные различной длины бруски; это—основаніе валовъ. Матеріалъ—тополовое дерево, легкое и въ тоже время мягкое. Эти бруски обклеиваются тоненькимъ же, такъ чтобы образовались правильныя восьмиугольныя призмы. На токарномъ станкѣ ихъ обтачиваютъ въ цилиндры, внутри пустые и забраныя съ верхняго и нижняго конца тоже тополевымъ деревомъ. Въ крышки ввинчиваются желѣзныя скобы для установкы валовъ.

Въ слесарномъ отдѣлѣ готовятъ паромъ же желѣзныя рамы для оправы и скрѣпленія ящика, шильки и т. д.

Мы видѣли до сихъ поръ лишь изготовленіе сырыхъ матеріаловъ, а теперь мы отираемся въ то помѣщеніе, гдѣ органныя трубки испытываются и приводятся въ порядокъ. Существуютъ различнаго рода органныя трубки: скрипичныя, которыя въ никакнхъ тонахъ угодобляются виолончели, кларнетныя, флейтовыя, тромбонныя и т. д., до полного обмана передающія звуки этихъ инструментовъ. Для большихъ оркестрионовъ или стоящихъ на мѣстѣ органовъ, тромбонныя трубки изготовляются изъ дерева. Соединенныя по нѣскольку штукъ группами, онѣ пріобрѣтають необычайную силу звука. Но такія трубы должны имѣть отъ пяти до десяти футовъ длины, что возможно, конечно, только для тяжелыхъ, стоящихъ на мѣстѣ органовъ. Для переносныхъ же употребляются метал-

лическія трубки, которыя часто имѣють раструбъ для усиленія звука. Иногда ставятъ только металлическія звуковыя воронки на короткія деревянные трубки, и тогда получается такой же сильный звукъ, какъ и отъ настоящей трубы.

Органная трубка состоитъ изъ расширенной части, такъ называемаго башмака, и дудки, въ которую для скрипичныхъ нотъ въ одномъ концѣ вставлена втулка, какая употребляется обыкновенно въ свистулькахъ. Трубки, въ такомъ неотдѣланномъ видѣ, изготовляются въ столярномъ отдѣлѣ сотнями и тысячами дюймовъ и всѣ безъ исключенія надають фальшивый, рѣзкій звукъ. Задача мастера состоитъ въ томъ, чтобы, вырѣзавъ иногда самый крошечный кусочекъ дерева изъ щели, сквозь которую выходитъ воздухъ, видоизмѣнить или исправить звукъ.

Мы подходимъ къ одному изъ такихъ мастеровъ. Передъ нимъ, на станкѣ, разставлены тридцать, сорокъ различной формы пилокъ и почти столько же пилочекъ. Онъ приглашаетъ насъ попробовать одну изъ неотдѣланныхъ трубокъ. Мы дуемъ въ нее и получаемъ отвратительный звукъ. Онъ дѣлаетъ на отверстіи трубки косою надрѣзъ; мы пробуемъ трубку снова: она надаеть уже звонкій, скрипичный, хотя еще нѣсколько дребезжащій звукъ. Мастеръ проводитъ валъ надрѣза нѣсколько разъ пилочкой, и мы извлекаемъ изъ трубки чистый и серебристый звукъ, какъ звукъ самой лучшей скрипки.

Какая масса опытности, ловкости и природнаго дарованія нужна для того, чтобы такими ничтожными средствами видоизмѣнить тоны!

Кромѣ трубокъ, одной изъ главныхъ составныхъ частей шарманки является валъ. Приготовленіе его далеко не просто, и вѣроятно не многимъ изъ нашихъ читателей извѣстенъ способъ, которымъ наносится на него различные мотивы, хотя, можетъ быть, имъ и случалось видѣть самый валъ, усыпанный тысячами штифтиковъ.

Насъ вводятъ въ музыкальную „святая святыхъ“ фабрики, гдѣ работаетъ одинъ изъ ея владѣльцевъ со своими помощниками. Въ работѣ находится какъ разъ маршъ изъ „Пророка“ Меллера, обрабатываемый для скрипичныхъ, кларнетныхъ и тромбонныхъ трубъ. Посредствомъ остроумно придуманнаго механизма фабрикантъ отмѣчаетъ на первоначальномъ валу спички точками и черточками науды между ногами и самыя ноты. Одна восьмая изображается черточкой около двухъ миллиметровъ длины; полунота гораздо длиннѣе. Такой валъ, по окончаніи работы, будетъ весь испещренъ длинными и короткими черточками, съ болѣе или менѣе длинными промежутками. На эту работу требуется до четырехъ или пяти дней. Первоначальный валъ, для снятія съ него копій, вставляется въ машину, и къ нему приставляется другой валъ, оклеенный картоной бумагой. При медленномъ вращеніи, знаки съ перваго вала перенечатаются на второй. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ сидятъ за длинными столами рабочіе и, при помощи особаго устройства щипчиковъ, совершенно механически, хотя съ удивительной точностью, вставляютъ на обозначенныя мѣста мѣдныя штифтики и болѣе или менѣе длинныя скобки. Штифтики эти входятъ въ валъ на одну и ту же глубину, что достигается уже самымъ устройствомъ щипцовъ. Чтобы приготовить валъ для оркестриона, работнику требуется отъ пяти до шести дней; валы меньшей величины, играющіе не болѣе четырехъ пьесъ, могутъ быть сдѣланы въ полтора, два дня. Цѣна такого вала для органовъ большихъ размѣровъ 80—100 р. и для оркестрионовъ 150—225 р.

Однако въ дѣлѣ устройства органовъ и болѣе скромныхъ шарманокъ еще не сказано послѣднее слово. Техника идетъ быстро впередъ; тошъ становится все чище и пріятнѣе.

Спросъ на механическіе музыкальные инструменты настолько великъ, что нѣкоторыя фабрики буквально завалены работой.

Скандинавская и русская выставка въ Стокгольмѣ.

(Съ 3 рис. на стр. 546—547 и 550.)

Говорятъ, что Стокгольмъ—вторая Венеція, но обилію водъ и красотъ мѣстоположеніи, и второй Парижъ—по элегантности и умѣнью жить его обитателей. И съ этимъ согласится всякій, побывавшій въ Стокгольмѣ. Вотъ почему все увеличивается волна туристовъ, направляющихся въ Швецію, и она мало-по-малу дѣлается модной страной для лѣтнихъ экскурсій. Но нужно снѣжить побывать въ Швецію и Норвегію, пока онѣ еще не превратились въ страну туристовъ, пока еще приходится путешествовать по нимъ въ течение недѣль на лошадахъ, пока берега фьордовъ и ледниковъ, спускающихся до моря, не обратились, подобно Швейцаріи, въ одинъ сплошной отель, наводненный англичанами, американцами и прочей международной публикой. Въ текущемъ году, къ тому же, есть и удобный поводъ—въ Стокгольмѣ теперь открыта скандинавская и русская выставка. О Стокгольмѣ и его дивныхъ окрестностяхъ мы поговоримъ подробно въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ *Нивы*, теперь же бѣгло осмотримъ выставку.

Но предварительно мы отвѣтимъ на вопросъ, который за

послѣднее время слышится все чаще,—какъ попасть въ Стокгольмъ? Самый удобный и дешевый путь—это на пароходахъ финляндскаго пароходнаго общества, отходящихъ пять разъ въ недѣлю отъ пристани у 10 линіи Васильевского острова. Пароходы эти очень удобны, комфортабельны, столь прекрасны и совершаютъ они рейсы въ 39 часовъ („Улеборгъ“, отходящій по понедѣльникамъ) или въ 59 часовъ, смотря по тому, идутъ ли они прямо черезъ Гельсингфорсъ и Гауге, или заходятъ еще въ Выборгъ, Або и Маріегамъ. Плата за перѣздъ очень умеренна: 23 рубли въ каютѣ I класса, а если вѣсть обратный билетъ, годный на 14 дней, то 35 р., т. е. со скидкой 25%.

Другой путь черезъ Финляндію. Финляндская желѣзная дорога съ текущаго года ввела круговые билеты, со скидкой 20% для проѣзда до Стокгольма на пароходахъ финляндскаго общества черезъ Гауге, Гельсингфорсъ и Або и со скидкой 25% для круговыхъ заграничныхъ поѣздокъ между Финляндіей, Швеціей, Норвегіей, Данією, Германією, Австро-Венгріей, Румыніей, Голландіей, Бельгіей и Швейцаріей.

Выставка, въ общемъ, очень красива; достаточно взглянуть на помещенные въ настоящеемъ номерѣ (стр. 546—547 и 550) рисунки общаго вида, чтобы понять, что, благодаря своему исключительно живописному мѣстоположенію, выставка не можетъ не быть привлекательной; широкая вода, которая красивыми излучинами окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, пригорки, паркъ со старыми развесистыми деревьями придаютъ выставкѣ оригинальный и парадный видъ. Выставка расположена почти въ городѣ; къ ней тянется роскошная, застроенная высокими интэриерными домами набережная, съ широкимъ бульваромъ и вѣчно оживленную пристанью. Вся эта набережная украшена теперь большими флагами на высокихъ мачтахъ. Пройдя черезъ мостъ, вступаемъ на участокъ земли, отведенный подъ выставку. Прямо—широкая площадка, вся зеленѣющая свѣжимъ газономъ съ разноцвѣтными на немъ клумбами цвѣтовъ. За нимъ высятся дворцы промышленности; они принадлежатъ къ типу тѣхъ, лишешныхъ всякаго стиля, построекъ, которыя все болѣе входятъ въ моду на современныхъ выставкахъ. Уже на прошлогодней выставкѣ въ Берлинѣ главное зданіе возбуждало всеобщее удивленіе своимъ страннымъ видомъ; по увѣренію официального путеvodителя, составителя проекта зданія преднамѣренно избѣгали „всякаго стиля“. Еще болѣе поразительно въ этомъ отношеніи главное зданіе скандинавской выставки: оно высоко, очень грандіозно и всемъ своимъ видомъ производитъ страшное впечатлѣніе; чувствуется, что художникъ не гнался за красотой, элегантною, не стремился выказать блескъ фантазіи, а хотѣлъ создать такое зданіе, которое рѣзкостью формъ, уклономъ отъ чистоты стиля и оригинальностью привлекло бы всеобщее вниманіе. И дѣйствительно, оно невольно врѣзывается въ память, при всякомъ воспоминаніи о выставкѣ вырисовывается въ это зданіе, и оно является какъ бы эмблемой всей выставки. Во дворцѣ промышленности помещаются: шведскій, норвежскій, датскій и русскій отдѣлы.

Иностранные отдѣлы организованы поистинѣ прекрасно; во многихъ случаяхъ экспонатъ не важенъ, но выставлены они очень эффектно; видно, что при постройкѣ витринъ руководствовались не соображеніемъ о томъ, чтобы создать нечто цѣльное, а художественнымъ вкусомъ. Въ норвежскомъ отдѣлѣ great attraction является выставка Хансена: его бѣлье, лодка, ружье, чучело собаки, модели судна и проч. Въ датскомъ наибольшее вниманіе привлекаетъ фарфоръ и затѣмъ серебро—подарки королю по случаю его золотой свадьбы.

Русскій отдѣлъ (такова уже наша участь) производитъ менѣе выгодное впечатлѣніе, такъ какъ онъ помѣщенъ въ сравнительно низкой пристройкѣ къ грандіозному зданію промышленности. Рассказываютъ, что сначала Россіи тоже было отведено мѣсто въ самомъ зданіи, но затѣмъ это предположеніе было отнято. Объясняютъ это тѣмъ, что русскій отдѣлъ

долгое время находился въ заведываніи вице-консула, самаго младшаго изъ представителей Россіи въ Стокгольмѣ, конечно, затруднявшася стойко возмнать свой слабый голосъ среди полномочныхъ генеральныхъ комиссаровъ другихъ странъ; кроме того, онъ не имѣлъ надлежащаго опыта въ этомъ дѣлѣ. Собственно говоря, русскій отдѣлъ, какъ мы слышали, былъ организованъ въ два мѣсяца, съ назначеніемъ въ половинѣ февраля чиновъ генеральнаго комиссарата. Тѣмъ не менѣе, отдѣлъ вышелъ недурнымъ, красивымъ и полнымъ; во главѣ почти каждой группы стоитъ крупная фирма. Русскій отдѣлъ украшенъ вестибюлемъ въ строго-русскомъ стилѣ; контуръ выдержанъ въ классическомъ сѣверно-русскомъ стилѣ, возмнмемъ, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ техническихъ условій стройки изъ круглаго дѣла и поэтому распространено на всемъ Сѣверѣ: въ Олонекскомъ и Архангельскомъ графѣ, въ Швеціи, Норвегіи. Въ деталяхъ и орнаментовкѣ составители проекта отнѣстились къ стилу, которые въ дальнѣйшемъ теченіи русской исторіи вліяли у насъ на первоначальный сѣверный стиль, именно мотивы нидо-персидскіе и византийскіе. Прямо противъ вестибюля русскаго отдѣла расположено наборъ русскихъ колоколовъ.

Большимъ отдѣломъ сѣверной выставки является международный художественный. Изъ русскихъ художниковъ отнѣстились Рѣпина, производящаго большое впечатлѣніе своими картинами: „Запорожцы“, „Бурлаки“, „Прощанье рекрута“ и проч.; Шишкина, Маковского и др. Изъ другихъ отдѣловъ заслуживаютъ полнаго вниманія: машиный, арміи и флота, рыбный, лѣсной. Но самымъ интереснымъ едва ли не является сѣверный музей, въ которомъ сгруппирована кустарная промышленность. Здѣсь около 40,000 экспонатовъ, для привлеченія которыхъ были составлены комитеты почти въ каждомъ сѣверномъ округѣ. Эта выставка является прекраснѣйшимъ матеріаломъ для изученія кустарнаго дѣла въ Швеціи, поставленнаго, какъ извѣстно, очень высоко. Очень кокетливымъ вышелъ отдѣлъ спорта со своимъ панорамамъ и рядомъ съ нимъ, а также, сказочный гротъ (Sago grotta). Здѣсь же на противъ устроены посреди озера fontaine lumineuse.

Любопытно взглянуть и на Gamla Stockholm—старый Стокгольмъ, воспроизведенный и интересно, и до мелочей вѣрно въ археологическомъ отношеніи. Здѣсь и сторожа, и прислуга въ ресторанахъ одѣты въ старинные костюмы, что еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе.

Выставка была открыта 3 (15) мая весьма торжественно самимъ королемъ, въ присутствіи многочисленной публики. На нашемъ рисункѣ представлено тотъ моментъ, когда послѣ нѣсколькихъ нарочно написанной для этого случая кантаты и рѣчи кронпринца, король приблизился къ балюстрадѣ балкона, чтобы начать свою блестящую рѣчь-импровизацію.

Къ рисункамъ.

Значительные художники достигаютъ своими картинами сильнаго впечатлѣнія, не прибѣгая къ кричащимъ эффектамъ. Картина К. Е. Маковского: „Хрупкое созданіе“ (Fragile), красующаяся на выставкѣ картинъ этого художника, подтверждаетъ эту истину. Въ обстановкѣ, состоящей изъ предметовъ изящныхъ, но хрупкихъ, сидитъ молодая женщина. Она пишетъ письмо. На козлы у нея лежатъ портреты. Одной рукой она сдерживаетъ бѣшеное сердце, другой—прислушивается къ кашлю, а, можетъ-быть, выслушиваетъ съ тѣмъ, и рыданіи, вырывающимся изъ большой ея груди. Мы не знаемъ, каково содержаніе этого письма, но очевидно, что немного требуется, чтобы подкосить жизнь этого хрупкаго созданія, выросшаго среди этой хрупкой обстановки. Разыгрывающаяся передъ нами драма дѣйствуетъ съ неотразимою силою. Безсилна, беззащитна эта женщина или дѣвушка, не пригвожденная къ жизненной борьбѣ. Малѣйшій ударъ судьбы можетъ ее сразить. Она красива, какъ красиво и изящно все, что ее окружаетъ. Сколько силъ, сколько стараній приложено къ тому, чтобы выработать изъ нея миловидное, изящное созданіе, напоминающее тѣ bibelots, тѣ пустячки, которые составляютъ фонъ ея собственнаго существованія. А суровая жизнь вытѣкаетъ надъ всѣми людьми, и достаточно одного прикосновенія жесткаго ея крыла, чтобы разбить это хрупкое созданіе, подобно тому, какъ достаточно малѣйшаго неосторожнаго движенія, чтобы разбить окружающіе его предметы. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы отъ индивидуальной драмы, разыгрывающейся передъ нами на картинѣ, переходимъ къ общей драмѣ, разыгрывающейся передъ нами въ жизни и составляющей удѣлъ безконечнаго множества женщинъ, которыя воспитываются и вырастаютъ въ такихъ же условіяхъ, въ такой же обстановкѣ. Физически онѣ слабы, потому что все ихъ воспитаніе было рассчитано на то, чтобы развить въ нихъ условное изящество, по большей части не мирящееся съ тѣлесною силою. Да и насльдственные причины дѣйствуютъ тутъ не менѣе рѣшительно, потому что подобныя хрупкія созданія по большей части—дочери столь же хрупкихъ созданій. Они и нравственно слабы, потому что воспитаніе оберегаетъ ихъ отъ всякихъ житей-

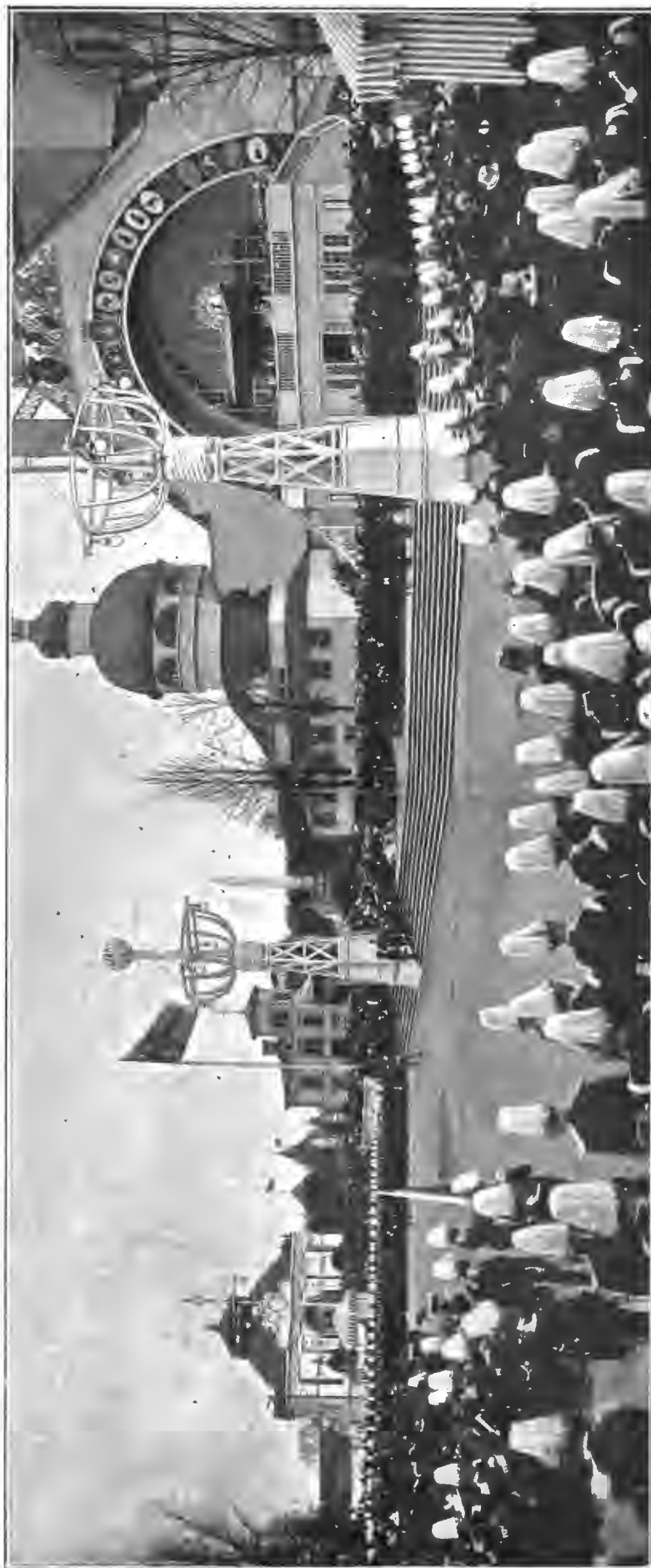
скихъ невзгодъ и бурь, потому что они о жизни имѣютъ лишь весьма смутное понятіе. Но вотъ привычное ей теченіе нарушено: настало сердечное или иное горе, надо быть стойкимъ, надо бороться,—а откуда взять силу? Ихъ нѣтъ и не можетъ быть, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ безмятежнаго житія начинаютъ страданія, и изящный цвѣтокъ гибнетъ подъ ледянымъ дыханіемъ пераго залорозка: онъ часто раньше отцѣпается, чѣмъ успѣлъ расцвѣсть. И вся роскошь, все изящество обстановки, все эти старанія вырастить тепличное растеніе становятся какою-то злою насмѣшкою, какимъ-то ѣдкимъ издѣвательствомъ надъ человѣческимъ существомъ. Вникая въ разыгрывающуюся передъ нами на картинѣ индивидуальную драму, мы чувствуемъ, что за нею скрывается широкая общественная трагедія, что горе этой единичной женщины служитъ указаніемъ на страданія безконечнаго числа женщинъ, на ихъ разбитыя сердца и не по собственной винѣ загубленную жизнь...

1612 годъ шелъ къ концу, а вмѣстѣ съ нимъ шла къ концу и та позорная политическая комедія, которую влился разыграть на Руси поляки, пользуясь самозванчивою и велими вызванными ею смутами. Поляки, засѣвшие въ Кремлѣ Московскомъ, осажденные сильными ополченіемъ изъ всѣхъ русскихъ областей, но въ началѣ съ Покровскаго и Трубецкого,—ждали со-дня-на-день гибели, потерявъ всякую надежду на избавленіе, потому что всѣ польскія войска, подходившія къ Москвѣ подъ командой Сапѣги и Хоткевича, были отбиты и отступили носѣбно. Къ тому же, всѣ запасы въ Кремлѣ истощились, и поляки терпѣли страшный голодъ. Вмѣстѣ съ ними ту же самую участь несли и захваченные ими русскіе бояре и вельможи, которыхъ они ни за что не хотѣли выпустить изъ своихъ рукъ *). Русскіе воеводы знали и предвидѣли, что для поляковъ изощены, что не сегодня—завтра голодъ вынудитъ ихъ къ сдачѣ, а потому и не спѣшили присту-

*) Въ числѣ ихъ, по странной волѣ судьбы, находился и бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, съ племянникомъ своимъ, Мигиломъ Теодоровичемъ—будущимъ родоначальникомъ Дома Романовыхъ.

Скандинавская и русская выставка въ Стокгольмѣ. Общій видъ главныхъ зданій выставки.

Скандинавская и русская выставка въ Стокгольмѣ. Торжество открытія выставки, состоявшагося 3 мая т. г.

29 мая, въ 10 часовъ 40 минутъ утра, Государыня Императрица Александра Θεодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени Дочерью, и Высоконоворожденная Великая Княжна при св. молитвѣ наречена Татяною. По поводу этого радостнаго событія обнаругованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 29-й день сего мая Любезнѣйшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Θεодоровна, благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Дочери, нареченной Татяною.

Такое Императорскаго Дома Нашега приращеніе пріема новымъ знаменованіемъ благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ ко Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Новорожденной.

Повелѣваемъ писать и именовать, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ причастствуетъ, Любезнѣйшую Нашу Дочь, Великую Княжну Татяну Николаевну, Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Петергофѣ мая въ день 29-й, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто седьмое, Царствования же Нашега въ третье.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ»

Къ молитвамъ Царя присоединятся и молитвы русскаго народа о благоденствіи Высоконоворожденной и Августѣйшихъ Ея Родителей. Радость Царя — радость народа какъ въ семейныхъ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ. Да послужитъ чистое семейное счастье нашей Царской Четы и новое радостное событіе, которымъ оно ознаменовалось, залогомъ долгихъ лѣтъ благополучнаго царствования на благо горячо любимой Россіи.

Принцъ Францъ-Іосифъ Баттенбергскій и супруга его принцесса Анна, княжна Черногорская. По рис. Illustration автотипія А. Вильборга.

помъ, не желая напраснаго кровопролитія. Въ половинѣ сентября Пожарскій послалъ даже въ Кремль грамоту „полковникамъ и всему рыцарству, вѣщамъ, черкасамъ и гайдукамъ, которые сидятъ въ Кремлѣ“, и въ этой грамотѣ увѣщавалъ ихъ прекратить напрасную распрю, указывая на бесполезность ихъ дальнѣйшихъ усилій и на безнадежность ихъ положенія. „Сберегите ваши головы и животы въ цѣлости“, — такъ заканчивалъ Пожарскій грамоту, — „присылайте къ намъ не мѣшкал, а я возьму на свою душу и у всѣхъ ратныхъ людей за васъ упрощу: которые изъ васъ захотятъ въ свою землю, тѣхъ отпустимъ безо всякой зацѣпки, а которые захотятъ служить московскому государю, тѣхъ пожалуемъ по достоинству“. На эту весьма гуманную грамоту поляки отвѣчали гордо и грубо, а между тѣмъ крайность уже дошла у нихъ до того, что они вынуждены были питаться падалью и даже человѣческимъ мисомъ; по весьма достовернымъ современнымъ свидѣтельствамъ, узнаемъ, что одинъ гайдукъ съѣлъ своего сы-

А. Г. Неболсинъ (по поводу 25-лѣтія общественной дѣятельности). Съ фот. Мрозовской автотипія „Нивы“.

на, другой — товарища. Ротмистръ, которому начальство поручило судить и наказывать виновныхъ, бѣжалъ изъ суда, опасаясь, что подсудимые и его растерзаютъ.

Видя, что переговоры не приводятъ ни къ чему, русское ополченіе двинулось на приступъ, и казаки взяли, 22 октября 1612 года, Китай-городъ. Но поляки рѣшились еще-таки держаться, выжидаи подмоги; но для того, чтобы забыть себя отъ лишнихъ людей, требовавшихъ пропитанія, они рѣшились на крайне жестокою мѣру: выгнать изъ Кремля всѣхъ женщинъ, а потому потребовали отъ бояръ русскихъ, чтобы и они выслали своихъ женъ и дочерей изъ Кремля и предоставили ихъ на произволъ судьбы. Зная разношерстный составъ московскаго ополченія и особенно опасаясь казаковъ, бояре, сидѣвшіе въ Кремлѣ, взмолились къ Пожарскому, Минину и другимъ воеводамъ, чтобы „приняли ихъ женъ безъ позора“. Пожарскій успокоилъ ихъ, а когда, на другой день, несчастныя, беззащитныя женщины были безжа-

лостно высланы из Кремля, Пожарскому стоило большого труда оберечь их от корысти и озлобления казаков, которые собирались боярину ограбить и очень злобствовали на князя-воеводу, принявшего их под свою защиту. Каждый из этих несчастных, выгнанных с теми жалкими пожитками, которые они вынесли из Кремля, была препровождена к своему знакомому, родичу или приятелю своего мужа или родителей, находившемуся среди ополчения. Вскорь послѣ того дѣло дошло и до сдачи Кремля, из котораго поляки вышли, выговоривъ себѣ только одно условіе — чтобы имъ была сохранена жизнь.

П.

Картины А. Д. Муратова выдѣлялись на послѣдней выставкѣ с.-петербургскаго общества художниковъ. Мы уже воспроизвели въ предыдущихъ номерахъ двѣ его картины „Въ скитѣ“ и „Сборщикъ на храмѣ“. Если въ первой изъ нихъ еще чувствовалась извѣстная виѣнная драматичность сюжета, то вторая и на это не претендовала; весь интересъ, весь смыслъ картины заключался въ скромной фигуркѣ мужичка-сборщика на храмѣ, простой, симпатичной, знакомой и всѣмъ намъ близкой. Этотъ старичокъ стоитъ предъ вами точно живой, и вы его запомните, и будете не разъ вспоминать, какъ только встрѣтите гдѣ-нибудь на улицѣ, на дорогѣ, его живого двойника. Такъ же проста и въ то же время симпатична „Побирушка“ г. Муратова. Несчастливая, оборванная нищенка проситъ милостыню. Ея жалкая фигурка рѣзкимъ пятномъ вырисовывается на фонѣ грязной, облѣзлой стѣны... Васъ невольно привлекаетъ къ себѣ эта дѣвочка. Въѣсто стѣны вы видите передъ собой настоящій фонъ,—ту грязную, суровую жизнь, которая высматриваетъ вамъ навстрѣчу этихъ несчастныхъ малютокъ, чтобы они эксцелотировали въ васъ лучшее чувство,—чувство жалости къ голодному, полунагому ребенку... Жизнь смотреть на васъ глазами этой „побирушки“; тысячи такихъ же обездоленныхъ сиротъ протягиваютъ вамъ въѣстъ съ ней руку за подавниемъ.. И въ васъ начинается шевелиться смѣшанное чувство любви и жалости и, быть-можетъ, даже желаніе подать и свою лепту, чтобы отогрѣть тѣло и душу бѣдному ребенку.

Принцъ Францъ-Іосифъ Баттенбергскій и его супруга принцесса Анна, княжна Черногорская.

(Портреты на стр. 551.)

6 мая т. г. въ Петинѣ состоялось бракосочетаніе княжны черногорской Анны съ принцемъ Францемъ-Іосифомъ Баттенбергскимъ. Въ виду того, что принцъ Баттенбергскій евангелическо-лютеранскаго исповѣданія,—обрядъ вѣчанія происходилъ въ двухъ церквахъ: сначала въ православномъ соборѣ, а затѣмъ въ англійскомъ посольствѣ.

Принцесса Анна, четвертая дочь князя Николая Черногорскаго, родилась 8 января 1873 г. Принцъ Францъ-Іосифъ родился въ Падуѣ 24 сентября 1861 г. Онъ—младшій братъ покойнаго принца Александра Баттенбергскаго, бывшаго князя болгарскаго. Пробывъ продолжительное время въ Болгаріи, принцъ Францъ-Іосифъ пережилъ съ братомъ и тяжелые дни принудительнаго его отреченія отъ княжескаго престола, въ сентябрѣ 1886 г. Принцъ Францъ-Іосифъ и нынѣ состоитъ на болгарской военной службѣ въ чинѣ полковника; кромѣ того, онъ числится капитаномъ гессенской пѣхоты. Результатомъ долговременнаго пребыванія принца въ Болгаріи явился написанный имъ въ 1891 г. спеціальнй трудъ объ экономическомъ положеніи Болгаріи, подъ заглавіемъ: „Сельско-хозяйственное развитіе Болгаріи съ 1879 г. по нынѣшнее время“. Принцъ Францъ-Іосифъ удостоенъ ученой степени доктора философіи. Одинъ изъ старшихъ братьевъ принца—принцъ Людвигъ—состоитъ въ супружествѣ съ принцессой Викторіей, старшей сестрой Государыни Императрицы Александры Феодоровны; другой братъ принца—принцъ Генрихъ Баттенбергскій, скончавшійся въ прошломъ году въ Африкѣ,—былъ вѣтемъ англійской королевы Викторіи. Принца Франца-Іосифа одно время усиленно прочили въ кандидаты на постъ критскаго губернатора.

А. Г. Неболсинъ. (Портр. на стр. 551.)

18 мая н. г., въ большой аудиторіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, въ Солиномъ-Городкѣ, Императорское русское техническое общество и постоянная коммисія по техническому образованію чествовали въ торжественномъ собраніи А. Г. Неболсина по поводу исполнявшагося 25-лѣтія его дѣятельности въ качествѣ члена постоянной коммисіи по техническому образованію, и десятилѣтіи—какъ ея председателя. Въ этомъ чествованіи приняли участіе болѣе двадцати ученыхъ и благотворительныхъ учреждений, представители города, учителя и учительницы школъ техническаго общества.

Съ именемъ А. Г. Неболсина неразрывно связана вся почти дѣятельность коммисіи по техническому образованію. Все, что было сдѣлано за послѣдніи 25 лѣтъ коммисіей по устройству школъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей рабочаго населенія въ столицѣ, а также и въ другихъ городахъ при посредствѣ провинціальныхъ отдѣленій техническаго общества, и по разработкѣ вопросовъ, касающихся техническаго

образованія и обученія ремеслу — путемъ привлеченія свѣдущихъ лицъ для докладовъ, устройства отдѣльныхъ подкоммисій, съѣздовъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, выставокъ, конкурсовъ и проч., — все это было, болѣею частью, результатомъ долгихъ и неустанныхъ трудовъ А. Г. Неболсина. Главной задачей его дѣятельности за истекшія двадцать пять лѣтъ было учрежденіе спеціальныхъ школъ для просвѣщенія взрослыхъ трудящихся людей, которые лишены были возможности получить образованіе въ дѣтствѣ, и, несмотря на отсутствіе значительныхъ матеріальныхъ средствъ, подходящихъ помѣщеній и недостатковъ сочувствія общества,—школы эти все росли и развивались, привлекали къ себѣ рабочихъ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Только въ послѣдніе годы школы коммисіи по техническому образованію встрѣтили болѣе горячее сочувствіе и содѣйствіе со стороны лицъ, завѣдующихъ начальнымъ и профессиональнымъ образованіемъ населенія столицы, и однимъ изъ главныхъ поводовъ къ тому были профессиональныя женскія школы для приходящихъ ученицъ, возникшія въ значительной степени при содѣйствіи коммисіи и первоначально состоявшія даже подъ ея покровительствомъ. Въ настоящее время городъ оказываетъ денежную помощь многимъ женскимъ профессиональнымъ школамъ и даетъ стипендіи ремесленному училищу техническаго общества. Насколько широко въ настоящее время дѣятельность коммисіи по техническому образованію, видно изъ ея бюджета, который исчисленъ былъ на нынѣшній годъ въ рамѣхъ 112,000 р.; при этомъ сдѣдуетъ отмѣтить, что эта сумма составляетъ почти исключительно изъ ежегодныхъ поступленій частныхъ лицъ, акціонерныхъ обществъ, казенныхъ и полуказенныхъ заводовъ (одна четверть) и изъ средствъ, отпускаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія (одна четверть). Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность этой коммисіи и учрежденныхъ ею 37 школъ, обремененныхъ своимъ развитіемъ главнымъ образомъ своему первому учредителю, покойному Е. Н. Андрееву, и его преемнику—А. Г. Неболсину.

Чествованіе 18 мая было чествованіемъ дѣятельности коммисіи по техническому образованію и неразрывно съ тѣмъ выраженіемъ благодарности и глубокаго уваженія русскаго общества къ неустанной дѣятельности А. Г. Неболсина, въ теченіе 25 лѣтъ тратящаго силы, энергію и знанія на пользу народнаго просвѣщенія и видящаго себѣ единственную награду за свои труды въ пруспѣваніи самаго дѣла, въ постепенномъ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ подъемѣ положенія рабочаго населенія.

Рѣдка сердечность, отличавшая чествованіе А. Г. Неболсина, указывала на то, что общество вполне оцѣнило его труды и относится съ исключительной симпатіей къ нему и къ его полезной дѣятельности.

Каждая изъ депутацій, привѣтствовавшихъ А. Г. Неболсина, старалась отмѣтить его заслуги адресомъ, съ указаніемъ на его неутомимость, на его энергію и желаніе работать всегда съ пользой для родины. Депутація Императорскаго техническаго общества, во главѣ съ генераломъ А. А. Савурскимъ, поднесла А. Г. Неболсину за его выдающіеся труды большую золотую медаль и дипломъ. Учителя и учительницы школъ техническаго общества поднесли ему роскошный фотографическій альбомъ и заявили о желаніи учредить стипендію его имени. Отъ учительницъ дѣтскихъ школъ юбиляръ получилъ лѣтѣ-соль на художественно-выполненіемъ подносъ, отъ имени с.-петербургской городской думы произнесъ привѣтственную рѣчь гласный В. Г. Дехтеревъ. Предсѣдатель отдѣла защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, В. Н. Герардъ, въ своей привѣтственной рѣчи отмѣтилъ значеніе дѣятельности юбиляра, какъ заступника фабричныхъ и заводскихъ дѣтей, постоянно отстаивавшаго дѣтскіе интересы путемъ сокращенія времени ихъ работы и учрежденія насчетъ фабрикантовъ и заводчиковъ школъ для нихъ. Депутація отъ обществъ женскаго профессиональнаго образованія въ Россіи, во главѣ съ предсѣдательницей С. В. Давыдовой, и отъ профессиональныхъ женскихъ школъ, въ своихъ адресахъ воздали ему должную дань за его заботливость о распространеніи женскихъ профессиональныхъ знаній. Кромѣ того, ему были поднесены многіе другіе адреса. Постоянная коммисія по техническому образованію поднесла своему предсѣдателю альбомъ, въ первыя страницы котораго удостоили вложить свои фотографическія карточки, съ Собственноручными надписями, Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Константинъ Константиновичъ и Александръ Михайловичъ и Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Коммисія по техническому образованію, желая отмѣтить дѣятельность юбиляра, ассигновала 6,000 р. для образованія капитала имени А. Г. Неболсина, проценты съ котораго будутъ выдаваться нуждающимся учителямъ и учительницамъ. Кромѣ того, собрали по иодпискѣ 1,469 р., для образованія при школахъ Техническаго общества стипендіи для дѣтей рабочихъ или устройства новой школы имени А. Г. Неболсина. Тронутый всѣми этими привѣтствіями, А. Г. Неболсинъ, въ своей благодарственной рѣчи, указалъ на необходимость скорѣйшаго распространенія общаго начальнаго образованія среди темнаго люда, замѣтивъ, что тогда коммисія по техническому образованію поставлена будетъ въ возмож-

постъ оставить заботы о распространеніи общаго образованія и направить всѣ свои труды на распространеніе спеціальныхъ техническихъ званій среди нуждающихся въ нихъ.

Александръ Григорьевичъ Неболсинъ родился въ С.-Петербургѣ 30 апрѣля 1842 г., образование получилъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1862 г. Онъ состоятъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, членомъ учебнаго комитета при департаментѣ торговли и мануфактуръ и кустарнаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а также членомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ.

Съ 1892 г. А. Г. состоятъ редакторомъ журнала *Техническое Образование*, издаваемого постоянною комиссіей по техническому образованію. Изъ ученыхъ трудовъ А. Г. заслуживаетъ особаго вниманія его „Историко-статистическій очеркъ общаго и спеціальнаго образованія въ Россіи“, составленный имъ по поводу всероссійской художественно-промышленной выставки 1882 г. въ Москвѣ.

Формы лейбъ-гвардіи кексгольмскаго полка.

(Рис. на стр. 554).

Лейбъ-гвардія кексгольмскій полкъ привлекъ къ себѣ общее вниманіе въ дни недавняго пребыванія въ Россіи его величества императора австрійскаго Франца-Иосифа, состоящаго шефомъ этого полка. Лейбъ-гвардія кексгольмскій полкъ принадлежитъ къ числу тѣхъ шести полковъ Россіи, Австро-Венгріи и Германіи, которые, по окончаніи великихъ наполеоновскихъ войнъ и при заключеніи священнаго союза, были отличены своими монархами назначеніемъ къ нимъ шефами высшихъ союзниковъ. Императоръ Францъ I назначилъ шефами своихъ двухъ полковъ императора Александра I и короля Фридриха-Вильгельма III; король прусскій назначилъ шефами императоровъ Франца и Александра, а императоръ Александръ Благословенный назначилъ Франца шефомъ кексгольмскаго и Фридриха-Вильгельма шефомъ гренадерскаго с.-петербургскаго полковъ. Съ тѣхъ поръ всѣ шесть полковъ носятъ имена своихъ первыхъ трехъ августѣйшихъ шефовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаются шефскими трехъ царствующихъ императоровъ. Во всѣхъ трехъ арміяхъ возникъ обычай именовать эти полки не официальными ихъ названіями, но прозвищами — по шефству. Такъ, въ Пруссіи и Австріи эти полки известны подъ именами „александровцевъ“, „русскихъ“, „францевцевъ“, наши же — кексгольмскій и петербургскій — известны подъ именами „австрійскаго“ и „прусскаго“ полковъ. Точно также сложился обычай вызывать полки въ мѣста свиданій императоровъ. Два русскихъ полка многократно представлялись своимъ шефамъ (въ Калинѣ, Кремзирѣ, Скерневицахъ, Варшавѣ и Петербургѣ), а прусскіе „александровцы“ и австрійскій полкъ имени императора Александра I прошлой осенью были впервые представлены своему новому Шефу Государю Императору Николаю Александровичу въ Вѣнѣ и Бреславлѣ. Тѣсная связь существуетъ между кексгольмскимъ полкомъ и Петербургомъ. Въ январѣ 1710 года, по волѣ Петра Великаго, былъ сформированъ „гренадерскій полкъ“, нѣмѣ 1-го кексгольмскій, по имени городка Кексгольма, который былъ взятъ при участіи въ дѣлѣ этого полка въ 1710 году. И позже полкъ много разъ бывалъ въ Петербургѣ. Предпоследнее его пребываніе относилъ къ 1862 году, когда, послѣ тридцатилѣтней стоянки въ окрестностяхъ Петербурга, 3-я гвардейская пѣхотная дивизія была окончательно командирована въ Варшаву. 17 апрѣля н. г. батальонъ кексгольмскаго полка, какъ известно, участвовалъ въ общемъ парадѣ на Марсовомъ полѣ, гдѣ представилъ своему державному шефу и удостоился Высочайшаго одобренія.

На нашемъ рисункѣ изображены чины 1-го кексгольмскаго полка въ тѣхъ формахъ, которыя послѣдовательно присваивались полку за все время его существованія.

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднее время приковываютъ къ себѣ вниманіе два важныхъ, волюшъ мирныхъ событія: грандіозныя приготовленія къ торжественному юбилею королевы Викторіи и рѣшенное уже посѣщеніе Россіи президентомъ Французской республики.

Въ виду предстоящихъ лондонскихъ празднествъ, англійскій парламентъ отсрочилъ свои засѣданія до 5-го іюня. Торжественное юбилей королевы Викторіи усугубилась върноподданническими демонстраціями въ колоніяхъ: министръ-президентъ Канады, французъ по происхожденію, предложилъ канадскому парламенту адресъ королевы, который признается, что царствованіе королевы Викторіи, по славы уподобляясь царствованію Людовика XIV, превзошло послѣднее благамъ мира; одобрилъ предложеніе премьера, всѣ канадскіе депутаты проѣхали въ палатѣ англійскій національный гимнъ; канскій парламентъ

Блэкуольскій подводный туннель.

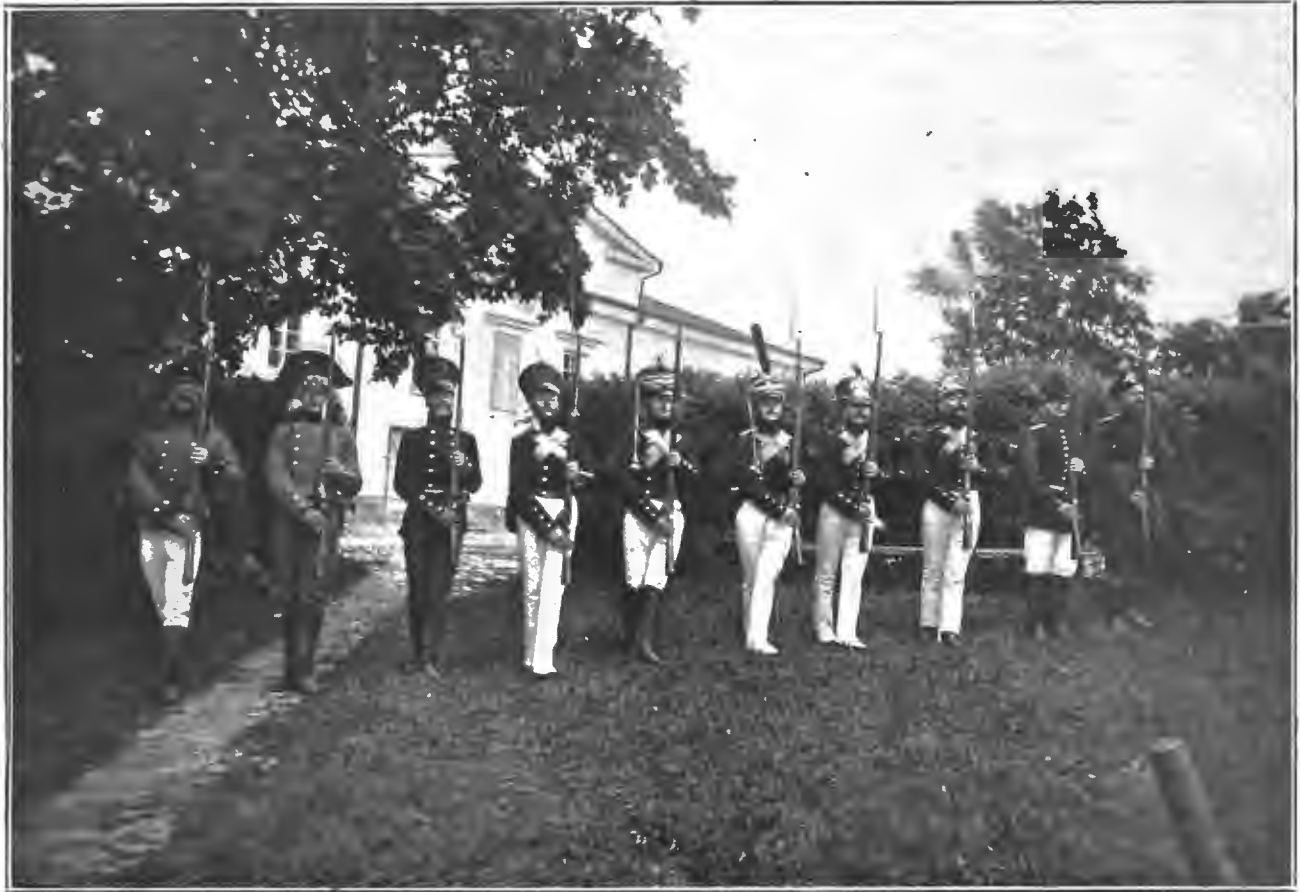
(Рис. на стр. 554 и 555.)

10 мая т. г. открыто въ Лондонѣ одно изъ самыхъ грандіозныхъ сооруженій нашего вѣка, именно блэкуольскій туннель подъ Темзою, далеко превышающій по своимъ размѣрамъ знаменитый брюнелевскій туннель, начатый въ 1825 г. и оконченный, послѣ невообразимыхъ затрудненій, въ 1842 году въ томъ же Лондонѣ. Это уже четвертый туннель, проведенный подъ Темзою. Послѣ брюнелевскаго туннеля, въ 1870 году открытъ тоуэрскій, представляющій, однако, только желѣзную трубу для движенія пѣшеходовъ. Въ 1890 г. открытъ туннель для электрической желѣзной дороги отъ монетнаго двора къ Тоуэру. Наконецъ, въ текущемъ году открытъ блэкуольскій туннель. Брюнелевскій туннель потребовалъ для своей постройки 17 лѣтъ и по размѣрамъ своимъ далеко уступаетъ новому туннелю, который сооруженъ въ пять лѣтъ. Какъ замѣтны, слѣдовательно, успѣхи строительнаго искусства въ теченіе послѣдняго полувѣка! Диаметръ новаго туннеля доходитъ до 27 фут.; ширина проѣзжей дороги — до 16 фут., а два пѣшеходные тротуара занимаютъ по 3 фута. Все сооруженіе обошлось приблизительно въ 8 милліоновъ рублей. Если принять во вниманіе, что у насъ сооруженіе Александровскаго моста обоилось въ 6 милліоновъ рублей, то надо будетъ признать, что въ Лондонѣ, несмотря на господствующую тамъ дороговизну рабочихъ рукъ и матеріаловъ, строятъ гораздо дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ.

Мы не можемъ входить здѣсь въ описаніе строительныхъ работъ и тѣхъ трудностей, которыя пришлось преодолѣть, чтобы благополучно окончить сооруженіе одного изъ величайшихъ рѣчныхъ туннелей въ мірѣ. Наши рисунки, впрочемъ, дадутъ читателю понятіе о томъ, какъ производились работы. Первый изъ нихъ изображаетъ поперечный разрѣзъ туннеля, рѣки и ея дна, т.-е. тѣхъ пластовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Глубина рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ сооруженъ туннель, доходитъ до 17½ фут., самый же туннель лежитъ на глубинѣ 32½ фут., такъ что его покрываетъ слой земли толщиной въ 15 фут. Окруженъ туннель пластами песка, глины, мѣла. Второй рисунокъ дастъ читателю ясное представленіе о томъ, какъ производились работы въ самомъ туннелѣ. Онъ былъ раздѣленъ на четыре этажа, и работы производились одновременно въ каждомъ изъ нихъ. По дѣрѣ того, какъ рабочіе подвигались впередъ, пролагая себѣ дорогу кирками, глина и земля удалялись черезъ особыя отверстія въ нижній этажъ, гдѣ онѣ нагружались въ особые вагончики и увозились на поверхность земли. Работа шла одновременно съ двухъ концовъ. И все было такъ прекрасно организовано, что внизу, на глубинѣ почти пяти саженъ подъ землею, рабочимъ дышалось такъ же легко, какъ и на поверхности земли. Свѣта, поистинно электрическаго, и воздуха было вдоволь. Чтобы составить себѣ понятіе, при какихъ благоприятныхъ условіяхъ дѣйствовали рабочіе, достаточно замѣтить, что за всѣ пять лѣтъ производствъ работъ умерло всего семь рабочихъ и притомъ вовсе не отъ недостатка воздуха, а по постороннимъ причинамъ. Санитарныя условія были образцовыя, такъ что и въ этомъ отношеніи прогрессъ въ дѣлѣ самыхъ трудныхъ сооруженій изумителенъ.

О значеніи туннеля для лондонскихъ жителей можно судить уже по тому факту, что въ восточной части Лондона, гдѣ сооруженъ туннель, насчитывается 1.700.000 жителей, т.-е. гораздо больше, чѣмъ въ столицѣ Россіи. Между тѣмъ, эта часть Лондона не мѣла на разстояніи почти 14 верстъ прямого сообщенія черезъ Темзу, и сообщеніе между обоими берегами было, слѣдовательно, сильно затруднено. Теперь же проѣзжіе и пѣшеходы имѣютъ непосредственное сообщеніе съ противоположными берегомъ, и, такимъ образомъ, блэкуольскій туннель, представляющій одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій, въ то же время принесетъ громадную пользу двумъ милліонамъ людей, вызвавъ значительное сбереженіе времени, а время, какъ иривыканъ говорить англичане и какъ все болѣе подтверждается опытомъ всѣхъ другихъ народовъ, — тѣ же деньги, и, можетъ быть, не только деньги, но и здоровье, и вообще благополучіе.

единогласно постановилъ участвовать въ расходахъ на увеличеніе британскаго флота; южно-африканскіе голландцы подносятъ върноподданнической адресъ. Вообще, проявленіе привязанности разноплеменныхъ колоній къ Британской имперіи стало событіемъ дня, обратившимъ на себя вниманіе всей англійской печати, по мнѣнію которой, всѣ эти патристическія заявленія различныхъ частей имперіи доказываютъ преданность ихъ единому и могущественному государству, обезпечивающему имъ вышнюю безопасность и внутренній миръ. Прочность имперіи усилится еще болѣе единствомъ военныхъ силъ и торговыхъ интересовъ. При такомъ подъемѣ британскаго патриотизма, домогательства Германіи въ Южной Африкѣ, по увѣренію политическихъ кружковъ, окажутся тѣпными, точно такъ же и проски Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки встрѣтятся въ Канадѣ сильный отпоръ со стороны французскаго на-

Формы лейб-гвардіи кенгольмского императора австрійскаго полка. Съ фот. ген. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

селенія этой колоніи. „Событіе дня“ дало толчокъ новымъ политическимъ проектамъ англичанъ: въ вліятельныхъ сферахъ ожидаютъ, что съѣхавшіеся на лондонскія торжества министры-президенты разноплеменныхъ колоній подпишутъ главныя основы федеративной Великобританской имперіи. Въ связи съ этимъ пріѣздъ колониальныхъ премьеровъ обставленъ былъ блестяще: послѣ парадной встрѣчи властями, прибывшіе министры-президенты колоній отвезены въ дворцовые апартаменты въ придворныхъ каретахъ. Съ другой стороны выступили на сцену проекты устранения ирландской обособленности, омрачающей, какъ извѣстно, предстоящаго торжества: вновь составившійся комитетъ постановилъ приступить къ разработкѣ давнишняго проекта постройки подъ морскимъ дномъ туннеля, соединяющаго Англію съ Ирландіей; въ то же время одинъ изъ богатыхъ ирландскихъ уніонистовъ поднесъ королеві имѣніе въ Ирландіи, надеясь, что королева будетъ по временамъ навѣщать своихъ ирландскихъ подданныхъ.

Крайніе ирландскіе націоналисты, подчеркивая обособленность Ирландіи, вырабатываютъ, однако, планъ празднованія въ будущемъ году столѣтія ирландскаго восстанія противъ Англіи, предполагая воздвигнуть въ Дублинѣ памятникъ одному изъ выдающихся мучениковъ ирландскаго войны за независимость и намѣреваясь сдѣлать этотъ праздникъ общимъ для ирландцевъ всѣхъ частей свѣта.

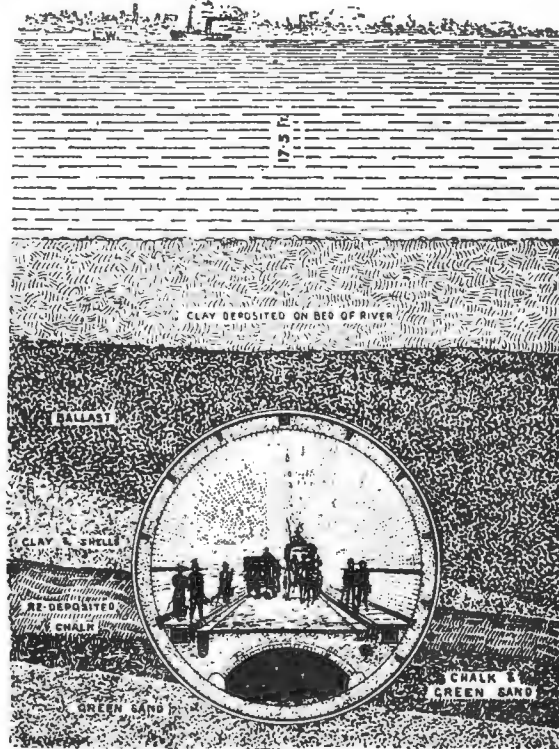
На предстояща британскія торжества индусы откликнулись просьбой—озаглавить юбилей королевы милостями: уменьшеніемъ налоговъ, установленіемъ постоянныхъ опредѣленныхъ

арендныхъ цѣнъ на землю и допущеніемъ образованныхъ индусовъ къ должностямъ, предоставленнымъ до сихъ поръ исключительно англичанамъ.

Всевозможные толки о побѣдкѣ президента Фора въ Россію наполняютъ французскую печать. Выясняется, что французская эскадра,wabъгая необходимости коснуться германской территоріи, пойдетъ на Копенгагенъ, гдѣ въ честь главы Французской республики готовится торжественная встрѣча. Президентъ выѣдетъ изъ Парижа 13 іюля, на слѣдующій день послѣ закрытія парламента, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ г. Ганото, генерала Буадефра, адмирала Жерве и другихъ членовъ многочисленной свиты президента. Путешествіе совершится на крейсереъ первого класса, конвоируемомъ нѣсколькими броненосцами. Окончательное установленіе подробностей побѣдки находится пока на разсмотрѣніи дипломатическихъ канцелярій обѣихъ дружественныхъ державъ.

СМѢСЬ.

Извѣстный египтологъ Флиндерсъ Петри недавно отыскалъ памятники совершенно неизвѣстнаго племени, нѣкогда жившаго въ странѣ фараоновъ. Въ сорока восьми километрахъ къ северу отъ Фивъ, недалеко отъ недавно открытаго египетскаго города Нуптъ, онъ нашелъ около двухъ тысячъ гробницъ, въ которыхъ не обнаружено никакого слѣда древне-египетской культуры вообще и мумій — въ частности. Напротивъ того, многіе признаки указываютъ на то, что древнѣйшіе обитатели этой мѣстности были каннibalами. Несмотря на низкій уровень ихъ культуры — они не

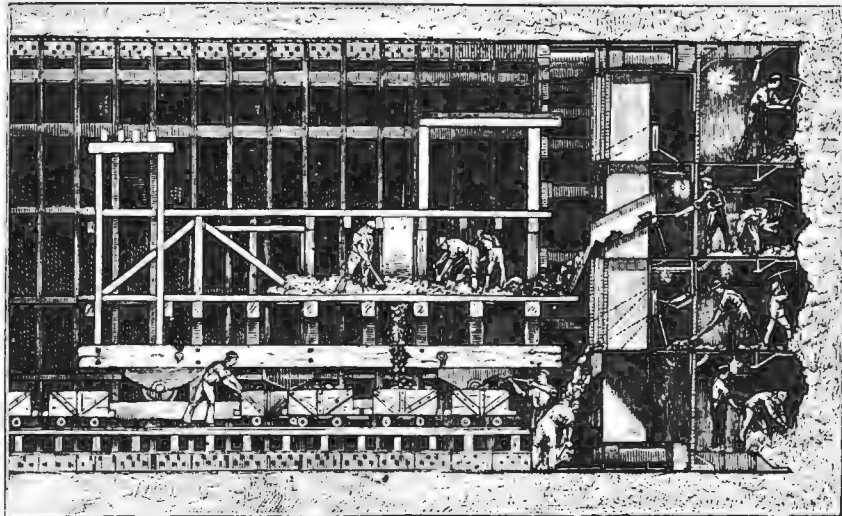
Блакуольскій подводный туннель. Поперечный разрѣзъ оконченнаго туннеля. По рис. Graphic автотипія А. Вильборга.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избежание остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1897 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

иногда никакихъ писемъ, — въ некоторыхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности они были выдающимися мастерами; въ могилкахъ найдены превосходной работы издѣлія изъ камня и глины; въ особенности хороши сосуды, одинаково художественно сработанные какъ изъ мягкаго алебастра, такъ и изъ самаго твердаго сѣнита. Желѣзныхъ издѣлій не найдено; зато найдены въ изобиліи жѣзные илы и кремневая утварь.

Свѣченіе стекла въ темнотѣ. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, Беккарія нашелъ, что безвоздушный стеклянный шаръ имѣетъ свойство слабо свѣтиться въ темнотѣ, когда его разбиваютъ. Это явленіе не было,

Базуольскій подводный туннель. Продольный разрѣзъ туннеля во время работъ. По рис. Graphic автотипія „Нивы“.

однакоже, изслѣдовано учеными. Недавно Джонъ Баркъ повторилъ опытъ съ стекляннымъ шаромъ. Если такой шаръ разбить въ темнотѣ молоткомъ, то глазъ каждый разъ замѣчаетъ слабый блѣдный свѣтъ, продолжающійся долю секунды. Сила свѣта зависитъ отъ величины шара, такъ что маленькіе шары, сантиметра два въ поперечникѣ, свѣтятся уже незамѣтно для глаза. Большой шаръ даетъ потокъ бѣлаго свѣта, содержащій яркія пятна, которыя соотвѣтствуютъ величинѣ осколковъ стекла. Причина этого явленія еще не выяснена; приведено въ извѣстности только то, что оно — не электрическаго происхожденія.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Королева Викторія (съ 2 портр.). — На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе). — Intermezzo. Стих. Сергія Сафонова. — Въ больницѣ. Рассказъ Фриды Шницъ. (Съ иллюстраціей). — Шарманка. Очеркъ Е. Шнитца. — Скандинавская и русская выставка въ Стокгольмѣ. (Съ 3 рис.). — Къ рисункамъ: Выставка картинъ И. Е. Маковского. „Хрунное созданіе“. — Поляки выгоняютъ боры изъ Креша. — У выставки картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Побируши“. — Высочайшій манифестъ. — Принцъ Францъ-Иосифъ Баттенбергскій и его супруга принцесса Анна, императрица Черногорская (съ 2 портр.). — А. Г. Небольсинъ (съ портр.). — Формы лейбъ-гвардіи менсольмскаго полка (съ рис.). — Базуольскій подводный туннель (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Заключеніе. — Слѣск. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

За редактора А. Ф. Марксъ.

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРЯДЫ БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстрого окрашенія свѣдлыхъ волосъ и бороды въ черныи, русыи, темныи и свѣтло-каштановыи цвѣта цѣны за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. продается въ аптекѣ и косметич. магазинѣ главн. ный складъ С.-ПЕТЕРБУРГЪ АПТЕКАРСКІЙ МАГАЗИНЪ А. Урбанъ, СПб. Больн. Конош., № 1.

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПБ. Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17. Часы никел. отъ 6 р. 50 до 15 р. „ стальной черм. отъ 11 до 25 р. „ серебряные отъ 12 до 50 р. „ золотые отъ 25 до 500 р. регуляторы двухдѣльного завода отъ 17 до 65 р.

Высылаю наложен. платежемъ иллюстр. прейсъ-курanty безплатно.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ.
Вс. С. СОЛОВЬЕВА.
Историческ. романъ-хроника конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ 2-хъ частяхъ. 711 стр. СПб. 1883. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. въ красн. каленк. пер. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ И МАТЕРІАЛЪ

И. АКИМОВЪ
В. ЯКОБЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СТАЦИОНАРЪ ПЕР. СЕВЕРНОГО Ц. ДОМЪ ДУКАЧА ПЕРЕСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ НЕВСКОЙ ПР. № 42.

БАЛЬТШВАГЕРЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Прейсъ-Кур. Высыл. безпл.

Остерегаться поддѣлокъ!

№ 4711.

ЛУЧШІЙ 4-1 ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4711. РЕЙНОНИЕ БУНЕТЫ слѣдующихъ заготовокъ: Подсѣнникъ, Гольдлайхъ, Масинитъ, Гелотропъ, Ландшпигъ, Опонанскъ, Реседъ, Рейнская Роза, Рейнская Флака, Рейнская цвѣты и Ясминникъ. Превосходные, продолжительные и дешенно души для платковъ. Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупкѣ проситъ обратить вниманіе на утвар. фаб. марку № 4711. Цѣна 1 р. 10 в. и 65 к. за флак., смотря по величинѣ.

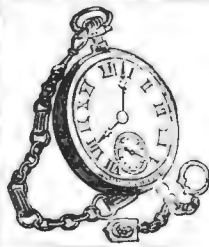
ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блѣкокрыхъ, желтая вода для брюнетомъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Предворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ drugistes Россіи. № 5120 (99)

ПРИБОРАТАЙТЕ ДШВЕВО ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ХОРОШІЕ **КАРМАННЫЕ ЧАСЫ**

Металлическіе съ заводомъ безъ ключа, накладного золота, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, стоющіе 60 руб., ЗА 5 РУБЛЕЙ.

Прилагается ручательство за прочность и вѣрность хода на 4 года. Ц. № 10245 3—3 Часы высылаются по полученіи 1 рубля задатка. Требования прошу адресовать: Въ г. Варшаву. Складъ часовъ **А. Ш. Каплану.**

Проситъ попробовать самыи лучший Французскій ЛИКЕРЪ: **„ЛА-ГОЛОАЗЪ“.**

LA GAULOISE
LIQUEUR HYGIENIQUE

LES PLUS HAUTES RÉCOMPENSES (Médailles d'Or)

REQUIER FRÈRES PÉRIGUEUX (Dordogne)

Продается во всѣхъ лучшихъ виноторговельныхъ и ресторанахъ. Представитель для всей Россіи: Ф. И. Скрибанавацъ, Москва.

„Пчеловодный атлас“

выпуск 1-й, закончен печатанием и поступил в продажу. Первый выпуск содержит, в изданной книжке, 50 расширенных таблиц in quarto, заключающих в себя сто великолепно исполненных рисунков медоносных растений в натуральную величину, с приложениями к ним пояснительного текста на отличной бумаге в отдельной книжке (in quarto). Рисунки отпечатаны за границей. „Атлас“ может служить также наглядным пособием при первоначальном изучении ботаники. Дешевые отзывы об этом издании помещены в „Русском Пчеловодном Листке“, 1896 г., № 7, стр. 211; № 8, стр. 243; в „Вестнике иностранной литературы пчеловодства“, 1896 г., № 1, сентябрь, стр. 11; в журн. „Земледелие“, 1896 г., № 50; „Натурное Обозрение“, февраль, № 2 и проч. Пчеловоды во всем мире издателю выражают свою благодарность за это прекрасное исполнение и безмерно полезное издание. Издание отпечатано в ограниченном количестве экземпляров. Цена повышена: без пересылки в изданной книжке 8 руб.; пересылка за 4 фута. Выписывать можно исключительно от автора-издателя, адресу:

Ставрополь-Кавказский, Георгию Васильевичу Парадлеву.

Желающие предварительно ознакомиться с достоинством рисунков могут выписать образчик одного рисунка за 25 коп. почт. марками.

Международная ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ДРЕЗДЕНЪ, ВЪ 1897 Г. съ 1-го мая по 30-е сентября.

В. № 102725 1

БЕРНДОРФСКИЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЗАВОДЪ АРТУРЪ КРУПЪ.

БЕРНДОРФЪ, въ Австріи.

Рекомендуетъ гостиницамъ и хозяйствамъ своего издѣлать изъ массеннаго металла (АЛЬПАНА) блѣно-серебрянаго цвѣта: въ натуральномъ видѣ, а также и покрытыя густою слюзою чистаго серебра.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ для всей Россіи при отдѣльномъ заводѣ въ МОСКВѢ, на Нумизматическомъ востокѣ, въ домѣ Захарьина.

Ц. № 10274

ВИСБАДЕНЬ.

Лѣчебница д-ра Леера и купанья Нероталь.

Санаторія для страдающихъ болѣзнями крови, нервными, ревматизмомъ и т. п.
П. 9930 8-5 Д-ръ Шубертъ.

В. ПРЕТЦЕЛЬ преемникъ КАРЛЬ БОРХАРТЪ

Москва, Рождественна, д. № 5.

БИНОКЛИ для театра и поля, съ большимъ полемъ зрѣнія и сильнымъ увеличеніемъ отъ 3 р. 50 к. до 30 рублей. № 10264 4-2

ОЧКИ И ПЕНСЭ пригодны для каждаго, съ лучшими стеклами, стальныя 1 руб. 25 коп.; double (накладного золота), не отличающіяся отъ золотыхъ и не чернѣющія, 4 руб.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10267 10-1
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
♦ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

Инженерное училище въ Цвейбрюкенѣ,

въ Рейнфальцѣ.

Высшее машиностроительное и электротехническое училище.

6-4

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстная, единственно настоящія

Алициариновыя чернила для письма и копирования

(желтисто-орѣховыя 1-го класса по отзывамъ государственныхъ учреждений), 20-9

ЛЕГКО-СТЕКЛЮЩИЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

Наилучшія:

для книгъ, актовъ, документовъ и писемъ всакаго рода, можно получить почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди въ Дрезденѣ,
изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.
избѣгать поддѣлокъ.

А. БОЛЬТЪ и К^о.

Москва, Ильинка.

Непромокаемая одежда:

ПАЛЬТО, МАКФАРЛАНЫ, ШИНЕЛИ, НАКИДКИ мужскіе и дамскіе

изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисункомъ сезона 1897 г.

Прейсъ-курантъ съ образцами матерій высылается бесплатно.

Бумажное бѣлье Мей и Эдличъ.

Юдисто-сѣнное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.

Самая прѣкрасная юдистая соль на континентѣ, цвѣтъ золотухи и всѣхъ обидныхъ и спазмическихъ болѣзней, при которыхъ юдь служитъ важнымъ лѣчебнымъ средствомъ. Превосходныя лѣчебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажи, кефиръ).

Весьма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Ландъ на Дунай или черезъ Штейеръ. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1 до 15-го мая.

Подробныя программы на различныхъ языкахъ высылать бесплатно.

В. № 9995 4-4 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

Высш. Ут. Т^о

ЭЙНЕМЪ въ МОСКВѢ.

Собств. Паров. Фабрика въ СИМФЕРОПОЛѢ (въ КРЫМУ.)

ПЮРЕТОМАТЬ.

ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ КОМПОТЬ.

В. № 10262 11-4

ГИТАРЫ

в 4, 5, 6, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дороже.

Отъ 7 руб. съ меха-низмомъ для струны Школа-самоучителя 1, 1 1/2, 3 руб.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ.
С.-Петербургъ. Б. Морская, 34.
Москва, Кузнецкий м., д. Захарьина.

СТОЛКИНДА МОСКВА

КАПСУЛИ **ДЕЗОДОРАТЬ** для уничтожения ЗЛОВОНІА

въ ДѢТСКИХЪ СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ и т.д.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ Складъ: Аптекарская торговля Л. Столкинда, Лубянский пр. домъ Смольянинова.

КАКАО Ванъ-Гутена

представляетъ собою пріятный, здоровый и педорогой напитокъ.

Разлюбить его невозможно.

Какао Ванъ-Гутена—напитокъ, въ одно и то же время и очень легкой, и питательный, благодаря счастливому содержанию въ немъ какъ бѣлковыхъ, такъ и жировыхъ веществъ. Вообще это очень крѣпкій шоколадъ, приготовляемый самимъ безупречнымъ способомъ.

В. № 10278 2--1

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и зочно профессоръ именованн С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Баз. ул., собственный домъ, № 28.

Условия и брощ. (въ 32 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.

№ 10269 10--1

НОВОСТЫ ДУХИ ЛЕВКОЙ

поставщиковъ Высочайшаго Двора **А. Ралле и Ко.**

За флаконъ 1 руб. 25 коп.

ВОЛИЦІЙ дѣлать наружныя, внутреннія большія электрофор. Невоікій, 51, кв. 7. Отъ 2--4 и отъ 6--7 1/2 ч. в. № 10214 7--3

Фабрика научныхъ штемпелей и граверное заведеніе

І. Д. Левинсона
въ Варшавѣ, Электоральная ул., № 17. Заказъ исполняется скоро и аккуратно. Иллюстрированный прейсъ-курантъ по требованію безплатно. Агенты приглашаются.

ТОВАРИЩЕСТВО **БРОКАРЪ и Ко.** **СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ „Петроль“.** № 10250 5--2

ФАБРИКА и Складъ Бруно Земгеръ и Ко.

С.-Петербургъ Невскій Пр. № 25 (бывшій Казанской) Фотогр. Аппараты и Принадл.

(Кратк. Прейсъ-Курантъ безплатно.)

ПРИРЕЙНСКОЕ техническое училище въ Вингенѣ. 4--1

Машиностроеніе и электротехника. Программы высылаются безплатно.

ROYAL-MONDAIN EXTRAIT TRIPLE **GELLÉ FRÈRES** Parfumeurs

6, Avenue de l'Opéra, 6 PARIS

УДОЧКИ

и всѣ принадлеж-ности для рыбной ловли получиши изъ Англіи въ боль-шомъ выборѣ въ магазинахъ **С. И. Дойникова**

СПБ. 1-й магазинъ: Невскій пр., Малютинъ рядъ, д. Левинкова, 27. 18. 2-й магазинъ: Гостиный дв., противъ Пашагого корнуса, № 73. 3-й магазинъ: Чернышев пер., Банковская див., № 15. Иллюстриров. прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежн. высылается многоруди. безплатно.

КУШАЙТЕ **ПЕРКУЛЕСЬ.**

П. № 10277 4--1

ОБШИРѢЙШІЙ Складъ ВЕЛОСИПЕДОВЪ (около 1000 штукъ въ наличности).

== Новости сезона 1897 г. ==

АМЕРИКАНСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ „ВИКТОРЪ“ (первая марка Америки), „ГИКОРИ“ (съ деревянной рамой), а также испытанные лучшіе велосипеды „СВИФТЪ“, „ПРЕМЬЕРЪ“ и др.

ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО М. Блок

Правленіе: Москва. — Отдѣленія: С.-Петербургъ, Одесса, Кіевъ, Варшава, Екатеринбургъ, Ковандъ, Ростовъ н/Д.

ФОТОГР. АППАРАТЫ К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ

НЕВСКІЙ ПР. № 27-18 МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК. УЛИЦА УЛИЦА

НОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ СЪ ПЕРЕС. 20 К.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ **ГУМБЕРЪ и Ко, Москва**

КОНТРАГЕНТЫ **Георгій ЖЕМЛИЧКА и Ко,** Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5. Прейсъ-курантъ по требованію. 12--11

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ **СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА** ИСТОЧНИКА **ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ**

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграничьи. Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

АРБЕНЦА БРИТВЫ съ перо-пильщиками лезвьями всемирно-извѣстны своимъ качествомъ и реком. какъ наилучшія безопасн. и надежныя. Бритвы. Тисачи благодарностей. Подлин. гарантія за достоверность. Обращайте вниманіе на лезвие: A. Arbenz, Jouigne, France. Прод. въ лучш. магаз.

ФИЛЬМЫ ИЗЪЛУЧЕНІЯ СУММЪ **САКАТЫКЪ И Ко** МОСКВА

МЕХАНИЧЕСКАЯ БЕЗЪ КЛЕТЪ ПРОДАВА ВЕЗДѢ

НОВѢЙШІЙ СПОСОБЪ провращенія фотографическ. отпечатки на бумагѣ, фарфорѣ и стеклѣ въ живописи, художеств. картину при абсолютномъ отсутствіи марку

ОБУЧАЮ ЗАОЧНО посредствомъ писемъ, сношеній этому новому способу всѣхъ, даже совершенно незнакомыхъ съ живописью. Желающимъ выслать просеніе въ видѣ пробнаго урока за одну 7 к. марку.

Адресъ: Москва, Девѣ пер., д. Кра-Ц. № 10111 совскихъ. 5--3

Фотографія А. С. Шиманскаго.

XXVIII г.

№ 24

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, соерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдавъ 14 іюня 1897 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, соержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москву чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- нцу.	10 р.
--------------------------------	-------------	---	-------------	--------------------------------------	-------------------	---	-------------	--------------------	--------------

На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 3 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемѣсячн. литерат. приложеній» за іюнь 1897 г.

Лѣтній этюдъ. Ориг. рисунокъ (собств. „Нивы“) А. Д. Кившенко, грав. Рашевскій.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича-Данченко.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе.)

XXI.

Моисей Лукичъ всталъ, когда ударили къ ранней обѣдѣ. Вышелъ.

— Лошади наши пришли?—спросилъ онъ у гостинника.

— Не видать что-то.

— Скажи, какъ будутъ. Она, — ткнулъ онъ пальцемъ по направленію къ комнатѣ Елены Борисовны, — спать еще?

— Вона! Чуть свѣтъ встали, одѣлись и вышли. На случай записку оставили Алексѣю Моисеевичу.

— Гдѣ?.. Какую?..—оторопѣлъ старикъ.

Тотъ ему подаль.

„Прощайте... не увидимся... разсудить Богъ...“

— Куда она убѣжала?

— Я глядѣлъ вслѣдъ... Да и дѣло у меня было—къ озеру обѣ...

Старикъ еще недоумѣвалъ, какъ внизу послышался шумъ. Молодой послушникъ звалъ отца гостинника.

— Что тамъ?

— Не вашей барыни шаль?

Тотъ показалъ ее Моисею Лукичу.

— Ея... Гдѣ нашли?

— У озера на берегу лежить.

„Утопилась... Неужли!“ Сначала что-то точно обожгло старика, и онъ вдругъ испугался... Но сейчасъ же опомнился.

— А наша причина въ чемъ? Мы тутъ въ сторонѣ!..

И вдругъ его всего охватило такую радостью, нечаянно, неожиданно, точно вѣтромъ обдуло.

— Вотъ моему дураку развязка, Господи! И похоропы устроимъ. Ничего не пожалѣю—честь-честью. Какъ-де любимую неѣстку погребемъ, прости ей, Боже! Алексѣй, Алеша!—стучался онъ къ нему.—Что спишь, вставай скорѣй! Подымай тревогу!

— Что такое?—полуодѣтый высунулся онъ.

— Это видѣлъ?

— Еленина шаль, панаша.

— На берегу нашли у озера. Гдѣ омуты, знаешь? Въ прошломъ году два богомольца тамъ утопи! Сказываютъ, мѣсто нечистое!

— Ну...

— А вотъ записка и тебѣ.

Тотъ прочелъ и зашатался. Побѣлѣлъ весь... Еще минута, и онъ едва ли не первый разъ далъ себѣ волю и заплакалъ.

— Это мы ее погубили!

— Ты чего, дуракъ-то, орешь? При чемъ мы. Ты ее къ озеру гналъ, что ли? Мы ее топили?

— Испугалась угрозъ вашихъ.

— Экое идолище уродилось. Радуйся — развязала она тебя... Глухой ты человѣкъ... Годъ пройдетъ — Пафнугтевская Аннушка какъ разъ поспѣетъ. Домъ вамъ подарю — и двѣсти тысячъ—живите, да за ней триста. Полмилліона у тебя будетъ. Считать умѣешь? А объ такихъ, какъ Елена твоя—и плакать грѣхъ. Ее бы по-настоящему, какъ самоубивцу, хоронить нельзя, — а въ поганую яму выбросить... Ну, да ужъ такъ, Копрова была все-таки — выхлопочемъ, владыкѣ поклонимся. Я ей такой памятникъ закажу. Всякой лестно полежать подъ нимъ. На этотъ разъ что-жъ, спасибо ей — развязала насъ... Безъ хлопотъ окончила. Все даже въ глазахъ прояснѣло. Вотъ теперь жить да жить.

Тревогу все-таки поднялъ не Алексѣй, а Моисей

Лукичъ. Вздуродилъ сначала гостинника, тотъ побѣжалъ къ намѣстнику доложить: Копрова-барыня утопилась. Намѣстникъ бросился къ отцу Варлааму — но архимандритъ чуть-свѣтъ убѣжалъ на осушенное озеро. Не прошло и четверти часа, какъ весь берегъ передъ воротами почернѣлъ отъ сбѣжавшихся туда монаховъ. Богомольцевъ они гнали въ сторону, и только растерянный Алексѣй да Моисей Лукичъ, какъ прикосновенные къ дѣлу суетились у самой воды.

— Должно купаться вздумала, бѣдняжка?—спрашивалъ отецъ Гермогенъ.

— Нѣтъ, какой купаться, — убѣждалъ его старикъ Копровъ.—Экстренно утопилась. Записку оставила.

— Ахъ, грѣхи-грѣхи... Какая дама была!.. Жить бы ей да жить!

Отецъ Антонійъ вышелъ узнать, въ чемъ дѣло — и заплакалъ. Такъ и встала передъ нимъ Елена Борисовна, какою онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ — и смущенная, и вся полная жизни, блеска, силы. Черные клобуки сновали во всѣ стороны у озера. Подымавшійся вѣтеръ развѣвалъ черныя мантии. Широкіе рукава рясъ взметывались въ воздухѣ—всѣ гуторили одновременно, возбужденно,—точно это могло помочь дѣлу. Рыболовы-монахи, тоже въ клобукахъ, спускали въ воду лодку — и готовились нащупывать дно баграми. Стремительно вынеслась къ берегу горничная Копровой и завыла, едва ее отвели къ богомольцамъ. Шель мимо придурковатый иннокъ отецъ Амвраамій, Христа ради юродивый — увидѣлъ Алексѣя Моисеевича и вдругъ крикнулъ ему въ самый носъ: „Гѣсто... Кислая опара... А Богъ видитъ!“ Тотъ смутился и прочь отошелъ... Не сообразившій въ чемъ дѣло, навернулся Моисей Лукичъ — и давай объяснять отцу Амвраамію, въ чемъ дѣло. Тотъ выслушалъ, какъ умѣлъ!.. Помолчалъ, помолчалъ — обернулъ вдругъ старика лицомъ къ солнцу — да и смазалъ его ладонью по щекамъ... „Сладкое любишь... Любишь сладкое... Ань сладкое-то ау! Ау сладенькое!“ Въ своемъ „разстройствѣ“ Копровъ-старикъ не понималъ, что это монахъ ему говоритъ, да отца Амвраамія онъ и не зналъ и потому переспросилъ: „о чемъ вы?“ Тотъ вспомнилъ свое любимое и, заплакавъ, заоралъ ему:

— Уязвленъ будеш... И вскорѣ... уязвленъ будеш... Отъ руки сильнаго палъ Гаваоовъ и отъ трубы рушились стѣны Иерихона... Воспоемъ-воспоемъ. И пѣть не крикеть, а ты уязвленъ будеш. Уязвленъ, уязвленъ...

Отца Амвраамія отвели. Это было легко. Ему достаточно было сказать, что за нимъ сынъ его, Іаковъ, пришелъ. Онъ на это спрашивалъ только:

— А гдѣ Исавъ косматый? Давно упелъ. Ну, и чортъ съ нимъ, — и „во Христѣ юродивый“ самъ бѣжалъ отыскивать Іакова, кидая по пути богомольцамъ: — Іакова съ дарами видѣли?

— Что это онъ: „уязвленъ будеш?“ — безпокойно добивался у монаховъ Копровъ.

— Такъ, слабоумный старецъ. А это, объ уязвленіи, у него постоянное.

— А я думалъ, пророчество какое.

Безпорядокъ былъ, пока не пришелъ отецъ Геронтію. Тотъ сейчасъ же распорядился спустить еще одну лодку въ воду. Монаховъ большую часть послалъ назадъ.

— Стыдно, отцы, ранняя идетъ, а вы здѣсь... Какое зрѣлище нашли, скажите!

И дюжіе отцы въ клобукахъ, сконфуженно глядя въ сторону и дѣлая видъ, что они такъ себѣ гуляютъ —

пошли въ обитель. Лодки во всѣхъ направленіяхъ плавали по озеру, то сближались, то расходились. Стоя на нихъ, монахи-рыбари щупали дно баграми, закидывали сѣти и мимоходомъ сбрасывали на дно челноковъ попадавшуюся рыбу. Они перекликались, слушая въ то же время совѣты съ берега.

— Посерединѣ-то, посерединѣ...

— Посерединѣ не ущупаешь. Провалы тамъ—багровъ не хватить.

— Съ краю, братцы... По самой по дужинкѣ, отцы.

— Гдѣ два лѣта назадъ рабочіе утопи?

— Пробовали тамъ... Чисто...

— А гдѣ прошлымъ лѣтомъ?

Голоса перекликавшихся уходили въ лѣсъ и гудѣли тамъ, точно изъ самой чащи кто-нибудь откликался недовольно и раздраженно на этотъ шумъ, нарушающій торжественное безмолвіе стараго бора. Часъ потѣбли и бились рыбаки надъ спокойнымъ озеромъ, а оно точно притаилось и не выдавало своей тайны.

— Молитвы почитайте, отцы... Да воскреснетъ...

И молитву читали, и потомъ опять пробовали, но тоже изъ этого ничего не выходило.

Съ берега всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за черными фигурами, то и дѣло наклоняющимися за борта лодокъ. Перекидывались замѣчаниями:

— Вода крѣпко держитъ...

— Точно крышкой покрыло...

— Сказано, стихія... И стихія бо повинуются Тебѣ.

— Грѣхъ-то, грѣхъ какой!..

— Грѣхъ по слѣду ходитъ.

— Нѣтъ, почему онъ это мнѣ именно, „уйязвленъ будешь?“ И даже съ личностью... Это не даромъ.

— Случается, господинъ.

— Что случается?

— А вотъ выкрикнетъ такое отецъ Авраамій — а потомъ вдругъ исполняется.

— Вы это къ чему?

— На вашъ вопросъ... Потому вы любопытствуете.

— Такъ вы думаете, онъ это не просто — „уйязвленъ“ — а съ экстренностью.

— Все, все бываетъ. У насъ чудесъ много. Богъ-то Себя вездѣ оказываетъ!

Моисей Лукичъ отходилъ къ берегу и опять суетился на немъ...

Наконецъ, кто-то крикнулъ:

— Отцы, да гдѣ шаль-то нашли?

— Братія, гдѣ шаль? кто шаль нашель?

Привели нашедшаго. Тотъ показалъ слѣва. Тутъ еще не ходили рыбаки. Челны тотчасъ тяжело поплыли туда, оставляя неровный слѣдъ. Весла съ шумомъ шлепали въ воду. Монахи гребли грузно, съ натугой. Черева были толстыя — работалось не легко. Пока откинешься, потомъ проймаешь. Ну, да дѣло такое, — нельзя. Начали съ того мѣста, гдѣ шаль была. Чуть отошли — дна нѣтъ. Новый омутъ оказался. Шаловливое озеро. Одинъ изъ рыбаковъ тихо проговорилъ сосѣду:

— Какъ тутъ его прощупаешь. Можетъ оно сквозь землю прошло...

— Куда?

— А я почему знаю. Подъ землей-то пространственно... Если и до ада — не удивлюсь. Тамъ, братъ, тоже — бѣсовскія руки внизу.

— Есть, — крикнули съ другой лодки.

Толпа шелохнулась. Отецъ Геронтій засуетился.

— Осторожиѣ, братія, осторожиѣ. Лица ей не повредите. Все для прилику лучше, ежели цѣло... Со вниманіемъ, отцы... Рачительно!..

Багры задѣли за что-то. Монахи навалились — не поддается. Пощупали еще разъ. Точно снизу что-то держитъ.

— Я тебѣ говорилъ, діаволы не пускаютъ.

— Постой-ка... — остановилъ другой монахъ. — Не трожь, не трожь... — Онъ легъ на животъ въ лодку, ли-

цомъ приналъ надъ водою. — Не шевелись, братія, дай водѣ успокоиться.

Круги разбѣжались по ней и улеглись. Морщины даже сгладились — теперь она стояла какъ жидкая сталь.

— Ничего тутъ нѣтъ, отцы... — доглядѣлся онъ-таки.

— Какъ ничего?

— Такъ. Одна мереть да камень въ ней лежитъ круглый. За него и цапались...

И опять начали... Затонувшую и засосанную иломъ корягу потревожили и вытащили... Она обросла чѣмъ-то чернымъ и длиннымъ, точно бороною. Два безобразные отростка ея глупо торчали вверхъ.

— У самого у водяного расческу отняли, отцы... — смѣялись богомольцы.

Недавнее напряженное и тягостное состояніе прошло... Даже монахи улыбаются и только при видѣ Алексѣя Моисеевича сжимали губы и покачивали клубками.

— Шабашъ! И искать — даромъ. Сложили багры на одной лодкѣ.

— Ничего не вызволишь, вода крѣпко держитъ! — послышалось на другой.

И обѣ поплыли къ берегу.

— Такъ какъ же, отцы, теперь? суетился Моисей Лукичъ.

— Ничего не подѣлаешь. Подождать надо, завтра либо послѣзавтра, вспучить ее, раздуетъ, она и сама подыметъ. Тогда сейчасъ ее словимъ... Ребенокъ поймаетъ. Она какъ чурбашка будетъ на водѣ по верху кататься.

Алексѣй, какъ услышалъ это — прочь ударился. „Елена, бѣдная Елена, — думалъ онъ. — Какой конецъ! Это ее — красавицу, вытащатъ вспученную, раздутую... Господи, да за что же!“... И никогда еще до такой степени въ немъ не доходила ненависть къ отцу, какъ въ эту минуту. Такъ что, когда Моисей Лукичъ въ суетѣ своей сунулся къ нему, онъ самъ, не зная откуда это у него взялось, крикнулъ на него:

— Оставьте меня, радуйтесь теперь.

— Ты что это? — растерился онъ, — ты въ умѣ? На кого кричишь?

Алексѣй Моисеевичъ ушелъ... Еще минута, и онъ, пожалуй, упалъ бы тутъ же, Моисей Лукичъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ вслѣдъ ему, хотѣлъ обругаться; да вдругъ неожиданная мысль пришла ему въ голову:

— Отецъ Геронтій, сами извольте знать — въ смерти и животѣ Господь воленъ, а только на этотъ счетъ и формальности существуютъ отъ начальства... И собственно касательно свидѣтельства о смерти... Какъ она теперь своей волей утопла — было на это такое ея желаніе — а мы въ это время благополучно спали.

— Ну-съ?

— Актецъ составить бы! Чтобы потомъ привязокъ не было.

— А ужъ это становой, его дѣло. Мы ему послали сказать.

— Уязвленъ, уязвленъ будешь... — опять появился отецъ Авраамій, почему-то видимо восчувствовавъ великую ненависть къ Моисею Лукичу. Подошелъ къ нему и, грозя перстомъ у самаго его носа, кричалъ:

— Уязвленъ, уязвленъ будешь...

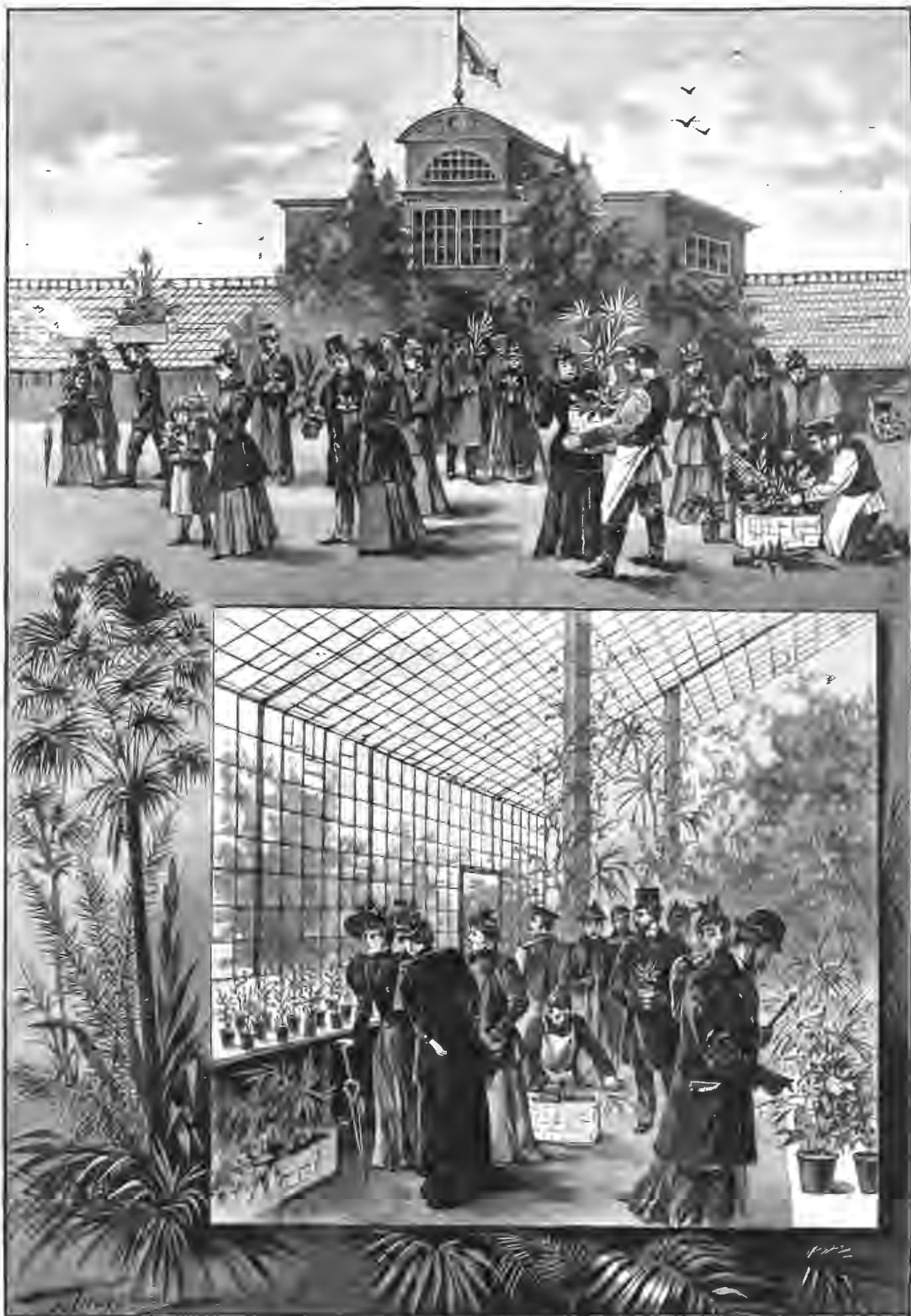
— Отецъ Геронтій, что же это, если у васъ богомольцы не въ безопасности, — вдругъ обидѣлся Моисей Лукичъ. — И еще въ такія горестныя минуты...

— Братіе, да уберите вы Авраама.

Того повлекли — на сей разъ пришлось употребить силу. Даже и Іаковъ съ дарами не подѣйствовалъ. Но отецъ Авраамій, влекомый прочь, не унимался и, отбиваясь, возвращался всякъ и кричалъ свое: „уязвленъ“. Очевидно, бѣднику раздражалъ Копривъ.

— Оставь его, — уговаривали юродиваго.

— Яко рукою ратуетъ Господь на Амалика... — потрясалъ тотъ освобожденный десницею.

Императорскій Ботаническій садъ. Продажа лишнихъ экземпляровъ растений.
 Орг. рпс. (собств. „Нпвы“) В. А. Табурица.

Полезное съ пріятнымъ. Рис. Ж. Жирарде, грав. Болгъ.

Мало-помалу разошлись всё — только три-четыре монаха смотрѣли безмолвно на озеро да Моисей Лукич, Богъ знаетъ въ который разъ, живописалъ имъ, какъ это случилось... Вода была спокойна. Последнія морщинки улеглись на ней, и справа лѣсъ отразился въ ея зеркаль—точно онъ и внизъ росъ такъ же, какъ и вверхъ. Небо было сѣрое—вода тоже не блестяла, а жидкимъ мутнымъ стекломъ лежала въ пологихъ берегахъ... Вдругъ позади послышался какой-то крикъ. «Не опять ли Авраамій?» — шевельнулась безпокойная мысль у Моисея Лукича. Крикъ повторился... Весь истерзанный, безъ шапки бѣжалъ оттуда Семигоровъ.

— Что это, что это, отцы... Гдѣ же Богъ-то? Гдѣ Богъ, спрашиваю? Елена, голубка...

Моисей Лукичъ, воспользовался тѣмъ, что Николай Львовичъ точно застылъ у озера. Подошелъ къ нему.

— Все-съ отъ легкомыслія.

— Что... Это Копровъ?—Точно онъ не узналъ старика.—Копровъ? Злодѣй, душегубъ... Убійца.

— Милостивый...

Но тутъ случилось что-то невѣроятное. Семигоровъ наклонился, схватилъ Моисея Лукича поперекъ — размахнулся и швырнулъ. Копровъ грузно шлепнулся въ воду, захлебнулся, выскочилъ, полѣзъ назадъ, ослѣпленный и онолѣвший...

— Нѣтъ, мерзавецъ, палачъ, извергъ! Отцы, это онъ ее убилъ. Онъ—негодная тварь!

И Николай Львовичъ вдругъ пошелъ въ озеро, схватилъ сильными руками старика, перекинулъ его ногами вверхъ и съ крикомъ, „иди и ты, подлецъ, за нею...“ погрузилъ его по самый поясъ головой въ воду. „Батюшки. Утопить!..“ крикнули монахи. Отецъ Гермогенъ кинулся и при помощи другихъ вырвалъ у обезумѣвшаго Семигорова его жертву... Все лицо Моисея Лукича было въ мути и илѣ... Вода лилась у него изо рта. Въ горлѣ хрипѣло. Глаза безсмысленно озирались...

— Дайте мнѣ—задушить этого гада...—рвался къ нему Николай Львовичъ.—Елена, голубка, клянусь тебѣ—сегодня же я его отдамъ на судъ Божій...—И вдругъ тутъ же онъ выкрикивалъ:—Нѣтъ, гдѣ же Богъ-то, отцы? Гдѣ Богъ?.. Гдѣ Богъ?.. Сомнѣваюсь... Ропщу... Нѣтъ Бога!..

Монахи хлопотали, приводя Моисея Лукича въ себя. И вдругъ изъ-за стѣнъ монастыря донеслось торжествующее: „уйявленъ — уйявленъ...“

— Вотъ оно!—глубокомысленно проговорилъ Гермогенъ.—Накликать отца Авраамъ... Тоже, поди, черезъ кого себя Господь оказываетъ.

Николая Львовича крѣпко держали. Лохмы кудлатыхъ волосъ свалились у него на лбу. Глаза горѣли, какъ у волка. Красавца узнать нельзя было въ эту минуту — столько ненависти, бѣшенства и тоски въ одно и то же время было въ его лицѣ. Онъ принимался рыдать — и проклиналъ... Топалъ ногами, представляя себѣ подъ ними Копрова... Не знали святые отцы, что дѣлать съ нимъ, когда вдругъ издали показался — точно щепокъ — со всѣхъ ногъ бѣгущій Лелечкинъ.

— Николай Львовичъ, Николай Львовичъ!

Тотъ перевелъ на него злобный, обезумѣвшій взглядъ.

— Я къ вамъ... Новость... Хорошая новость.

— Прочь, комедіантъ!

Онъ швырнулъ его ногой. Бѣдный Семень Гордѣичъ кувурнулся въ воздухѣ, растянулся въ пыли, но вскочилъ, какъ встрепанный, и видимо нисколько не обидѣлся.

— Выслушайте только одно слово — и сейчасъ вы меня дѣловать станете.

— Ты смѣешься, что ли?

— Смѣю ли я?—плаксиво воскликнулъ Сеничка, отряхиваясь, какъ пудель...

— Говори.

— Наединѣ...—А самъ показываетъ ему уголокъ какой-то бумажки.

— Пустите, отцы... Сейчасъ ничего не сдѣлаю. Га-

дину эту я и послѣ пришибить успѣю. Слышишь, животное,—обернулся онъ къ Моисею Лукичу. Съ разорванными воротомъ, мокрый, тотъ водилъ кругомъ полными испуга глазами.—Слышишь—ты отъ меня не уйдешь. Мерзавецъ! На днѣ морскомъ сыщу — и утоплю. Пиши завѣщаніе, гнусное существо... Пустите, отцы. Сейчасъ я его — и пальцемъ ни-ни!

Пустили.

— Ну, чего тебѣ?—обратился онъ къ Сеничкѣ. А самъ держится за грудь, тамъ рыданія влокочуть...

— Сюда. Мнѣ по тайности... Записка,—подскачивъ, шепнулъ онъ на ухо Семигорову.

— Записка... отъ кого?.. какая?..

— Ахъ, Боже мой... Тише... Отъ Елены Борисовны. Тотъ живо выхватилъ — развернулъ и глазамъ не повѣрилъ.

„Коли... Я въ Устинской обители у матери Александры — моей тетки. Къ мужу отсюда я не вернусь... А съ тобой поговорить мнѣ надо. Прїѣзжай завтра въ полдень... Мнѣ здѣсь хорошо и покойно. Отдыхаю душой. Вся твоя и навсегда Елена.“

Еще разъ прочелъ. Смилъ записку... Вдругъ ухватилъ Сеничку на руки, какъ ребенка, и давай его цѣловать, такъ что у того только сѣдыя космы во всѣ стороны заболтались.

— Сенька, молодецъ! Ура!

— Ну, спятилъ!—отмахнулся рукой Гермогенъ.—Готовъ... А какой парень-то былъ!

Николай Львовичъ часто-часто задышалъ.

Что-то съ души скатывалось...

— Фу, какъ хорошо...

Онъ подошелъ къ Моисею Лукичу. Тотъ живо отъ него за широкую спину Гермогена юркнулъ.

— Не бойся... Не бойтеся, Моисей Лукичъ. Теперь я васъ не трону. Зачтите это себѣ за прошлые грѣхи. Отецъ Гермогенъ, гдѣ мнѣ бы теперь благодарственный молебенъ?

— Какой тебѣ молебенъ...—жалѣлъ тотъ.—Ишь, что отъ горя случается... Николай Львовичъ — поди ты къ доктору.

Но тотъ съ громкимъ хохотомъ пошелъ прочь, нѣжно держа Сеничку за руку.

— Вотъ она, мірская любовь! Что дѣлаетъ, Господи!—качалъ головой ему вслѣдъ одинъ изъ монаховъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Елена Борисовна спала бы еще долго, да горячее солнце залило всю ея комнату живымъ огнемъ своихъ лучей. Копрова отвернулась къ стѣнѣ—но и тамъ они растекались трепетавшимъ золотомъ. Точно воздушныя струи отражались на бѣлой штукатуркѣ. Леля зажмурилась — не помогло. Натянула себѣ на лицо простыню — сквозило ея полотно яркій дневной свѣтъ дразнилъ и будилъ ее... Подъ одеяломъ было бы душно, а такъ хотѣлось еще полежать въ чудномъ покоѣ, котораго давно и жадно искала она. Тишина охватывала ее непривычною нѣгой. Елена Борисовна каждымъ нервомъ наслаждалась ею, слушала ее и мысленно повторяла: „какъ хорошо, какъ хорошо!“ Еще бы — ни воркотни злобнаго старика, ни вѣчныхъ жалобъ опротивѣвшаго ей мужа, ни его робкихъ, словно напрашивающихся на милостыню ласкъ. Только рядомъ въ залѣ едва-едва слышно, запертый въ деревянный ящикъ, стучалъ маятникъ... Черемуховая вѣтка колыхалась у окна, и ея тѣнь точно такъ же шевелилась на блестящемъ полу. Маленькая желтенькая птичка уцѣпилась за вѣтку, встопорщила крылышки, точно купалъ каждое перышко въ солнечномъ блескѣ, и крикнула что-то, такъ что ея „здравствуй“ услышала даже Копрова въ постели и невольно засмѣялась. Чему? Такъ,

ей было весело. Опа чувствовала полноту жизни и счастье быть одной, никѣмъ не волнуемой, не тревожимой. „Такъ бы всю жизнь!“ Она и Николая Львовича забыла... На время, разумеется, пока отходила ея усталая душа. Монахинимъ хорошо. Что имъ!.. Живутъ себѣ безъ заботъ и огорченій. И ей бы сюда же, къ теткѣ, матери Александрѣ, у которой въ домикѣ она теперь поселилась. При живомъ мужѣ нельзя, а-то и Лѣля пошла бы подъ черную шапку. Ужъ очень ее допалъ онъ съ его суетою и обманчивою прелестью. Она вспомнила, что часа три назадъ звонили монастырскіе колокола. Тягучіе, торжественные призывы мѣдныхъ языковъ широкою волною неслись надъ ея комнатою. Стекла окна вздрагивали, будто кто-то невидимый стучался сюда и звалъ ее. Раскрывъ глаза, она видѣла, какъ по мощеному дворику шли темныя фигуры... И не шли даже, а плыли въ утреннемъ туманѣ. „Молитесь идуть!“—сообразила она, хотѣла встать даже, но не осилила устали. Потомъ до нея доносилось тихое, печальное пѣніе... Одинъ тонкій голосокъ особенно. Онъ такъ и ластился къ ея изголовью. Его отзвучія какъ серебро сыпались сюда. „Неужели это Софья Владиміровна такъ?—подумала Копрова.—Какъ научилась, непремѣнно послушаю ее“. И она, улыбаясь, представила себѣ встрѣчу съ Агушевой—маленькою, русоволосою горбуньей, съ прелестными, горящими васильковымъ огонькомъ, глазами. Бѣдняжка оживала всегда, когда въ монастырь наѣзжала Елена Борисовна. „Съ вами—мертвые изъ могилъ встаютъ... Только и радости, пока вы здѣсь!“ Софья Владиміровна въ этотъ разъ еще не видѣла ея. Вчера Агушева, должно-быть, вернулась поздно, цѣлые дни она возилась въ школѣ для крестьянскихъ дѣтей около монастыря, потомъ ходила по больнымъ, принимала участие во всемъ, что творилось въ убогихъ, покривившихся избахъ. Въ одной надо помочь родильницѣ, въ другой усовѣстить мужа, тирапившаго бабу, въ третьей обмыть ребятокъ, въ четвертой кое-чему подучить молодуху, въ пятой помирить певѣстокъ. Недаромъ ее весь монастырь въ одинъ голосъ звалъ „мірскою печальницею“. За всѣхъ она мучилась и томилась, но зато, случалось, и радовалась тоже за всѣхъ. Она не была ни послушницею, ни монахиней, такъ жила при обители, потому что ей больше нигдѣ и мѣста не оказывалось. „Кому я нужна,—говорила она,—ишь какъ меня Богъ убилъ“.— „Вы, Соня, хорошенькая“,—увѣрила ее Копрова.— „А горбы!“— „Кто въ ваши глаза посмотреть, тотъ и горба не увидитъ“.— „То-то, должно-быть, я жмурюсь все. Глазъ никто не замѣчаетъ...“—смѣялась она; но въ этомъ смѣхѣ чувствовалось что-то грустное и больное, отъ чего щемило сердце... Должно-быть, ея нѣтъ еще, иначе она бы прибѣжала уже къ Копровой. Впрочемъ, вонъ чьи-то шаги. Въ этой тишинѣ слухъ ловитъ всякій шорохъ издали. Не Агушева ли?.. Ближе и ближе. Кто-то стучится...

— Войдите!

Елена Борисовна приподнялась на локтѣ и ждетъ. Ахъ, нѣтъ, это не Соня... Копрова опять опустила голову въ подушки.

— Что вамъ, Еликонида?

Круглолицая, бѣловолосая, крѣпкая бѣличка остановилась въ дверяхъ, опустивъ глаза.

— Отъ матери Клеопатры... Какъ вы въ своемъ здорově, спрашиваютъ?

— Благодарите... У васъ отлично... Вѣкъ бы не ушла!

„Какъ же,—подумала Еликонида,—такъ я тебѣ и новѣрю. Не ушла. Пройди-ка подъ окошкомъ Николай Львовичъ, турманомъ бы за нимъ полетѣла. Побѣгушка этакая!“

И луповатые глаза бѣлички вдругъ обдали Копрову злобнымъ огонькомъ.

„Такъ бы и разорвала тебя, доведись мнѣ, да будь моя воля“.

— Садитесь, милая...

— Некогда... Мать игуменя изъ церкви пришла, будетъ по слабости своей чай пить.

— Давайте, помѣняемся, — засмѣялась Елена Борисовна.

— Какъ это?

— А такъ. Вы на мое мѣсто къ мужу, а я на ваше къ матери Клеопатрѣ.

„Помѣнялась бы я съ тобой, только не на твоего мужа... Пожалуй, вернулась бы опить его зельемъ, да къ милому дружку...“

И Еликонида вздохнула.

— Еще матушка просили на трапезу къ нимъ въ покоѣ.

— Буду непремѣнно.

Еликонида понимала: ей пора идти, но что-то притягивало ее къ Еленѣ Борисовнѣ. Она и ненавидѣла эту „счастливицу“, какъ про себя она называла Копрову, и порою ей такъ и хотѣлось припасть къ соперницѣ и всю ее зацѣловать, на зло себѣ самой. И сейчасъ, глядя на эту смуглую головку съ горячими глазами и яркими, чувственными губами,—она невольно любовалась ею.

„Дура ты, дура,—думала бѣличка,—пусти-ка мени на свое мѣсто, такъ бы, небось, и оторвали меня отъ Семигорова, какъ же, держи карманъ... Съ такими-то косами, прости Господи...“

— Слушайте... сестра!..

Еликонида густо покраснѣла. Эта ласка тронула ее.

— Какая вы прелесть... Волосы какъ лень... А щеки—яблоко.

— Что придумали... Гдѣ же это бываетъ, чтобы лень на яблокахъ росъ...

И она неловко отвернулась.

„Ишь ты, какъ привораживаетъ... Такъ и его умѣла околдовать!.. Должно-быть, дитей была — въ любчикѣ тебя мыли...“

— Поди, сколько за вами бѣгало народу.

— Что вы, что вы... Въ обители, да такія слова...

А самой такъ и хотѣлось расхотаться, даже высокая грудь заходила.

— Что жъ, въ обители. Вѣдь вы еще не монахиня и не бѣлица даже.

— Почти.

— Почти не считается... Со всѣхъ сторонъ круглая... Здорověя у васъ... Изъ глазъ-то бѣсенята смотреть, а вы уже собрали губки бантикомъ и скромность на себя напустили. Вѣдь за вами Милитонъ Саввичъ Слоновъ сломя голову бѣгалъ. Отчего вы за него не вышли?

Та даже вздрогнула.

— А вы на него смотрѣли когда?

— Видѣла.

— Ну, то-то. Волчьи глаза изъ-подъ рыжихъ лохмъ. Среди бѣла дня до родимчика перепужаешься. Силы неимовѣрной.

— Это и хорошо!

— Кому какъ. Съ такимъ-то кулачищемъ несообразнымъ. Однимъ махомъ убьетъ.

— А онъ вамъ хотѣлъ домъ свой отписать и лавку?

— Кто вамъ рассказывалъ?

— Николай Львовичъ.

Еликонида вдругъ потемнѣла вся.

— Семигорову бознать, что снится... Ему бы самому за собой смотрѣть, а не... Впрочемъ, простите... Такъ я матушкѣ скажу, значитъ, что на трапезу вы будете.

И, низко поклонясь, она метнула чернымъ хвостомъ и громко захлопнула дверь за собою.

Елена Борисовна вовсе не замѣтила ея волненія и думала про себя: „славная, кровь съ молокомъ, а хоронится тутъ... Впрочемъ, почему хоронится,—поймала она сама себя на противорѣчій.—Вѣдь и мнѣ нравится обитель, сама бы здѣсь осталась... Я—дѣло другое,—оправдывалась Копрова мысленно,—у меня на душѣ живого мѣста нѣтъ... Все захватано да загажено. Одинъ тестюшка чего стѣбитъ...“

— Дёля, ты встанешь чай пить?
 — Вы уже вернулись, тети,—живо поднялась Елена Борисовна.
 — Слава Тебѣ, Господи,—давно.
 — Я сейчасъ.
 — Ты здорова?
 — Что мнѣ дѣлается. Другая на моемъ мѣстѣ...
 — У каждой, душа моя, свой крестъ.
 — Нѣтъ, что. У васъ легче. Такъ тихо, покойно. Не шелохнется ничто. Вотъ тутъ такъ дѣйствительно счастье.

— Тихо! Именно—на твой характеръ. Живо бы ты отъ этого покоя ушла. А что до счастья, такъ это, Дёля, кажущееся. Со стороны, всѣмъ позавидуешь. Въ каждомъ чужомъ дѣлѣ—рай. А попробуй этого рай—не обрадуешься ему. Такъ и здѣсь...

Мать Александра вошла въ комнату.

— И постели еще не оставила... Хороша! И здѣсь, въ каждой кельѣ, свои терзанія. У однихъ въ прошломъ. Не отболѣло еще. А другія создаютъ себѣ геены въ настоящемъ. Такъ ужъ сердце человеческое устроено. Нѣтъ у него дѣйствительнаго горя, измучится воображаемымъ. Зависть на помощь придетъ, сожалѣнія... Въ безсонницу—подушка подъ голову вертится. Вездѣ чувствуется обида. Мать Агнія прошла, не поклонилась: что она затѣяла противъ тебя. Сплетница набѣжить, наболтаетъ, а тебѣ ужъ чудится интрига. И ты мысленно воюешь со всѣми, побѣждаешь всѣхъ, унижаешь, а самоё себя Богъ знаетъ куда возносишь. Говорятъ, природа человеческая благородна, а по-моему—нѣтъ. Мнѣ уже пятьдесятъ два, навидалась я, и еще ни разу не встрѣчала никого, кто бы думать велухъ могъ. За первые полчаса онъ бы столько гадостей наговорилъ... Избави Господи!.. Еще Онъ, Всевышній, легкій крестъ намъ посылаетъ... Образумьтесь, не жадничайте, не вопируйте. Всѣ вы братья и сестры, и не о себѣ самихъ должны, а за всѣхъ: вѣдь молишься—то какъ: Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ, а не меня одну. Отче нашъ, а не Отче мой!.. А какъ останется человекъ одинъ, безъ молитвы, сейчасъ же для него весь міръ въ точку и эта точка въ немъ, въ одномъ, а для другихъ ничего... Ну, одѣвайся, одѣвайся. Однако, какъ ты похудѣла...

Елена Борисовна, натягивавшая въ эту минуту чулокъ, остановилась.

— Еще мало! Удивительно, что не извелась.
 — Неужели такъ жутко?
 — Ахъ, тети, тети! Если бы вы знали мою жизнь...
 — Кое-что и намъ здѣсь извѣстно.
 Копрова густо покраснѣла.
 — Я не объ этомъ. Это еще даетъ силу терпѣть. Безъ этого, я бы въ петлю...

Мать Александра нахмурилась.

— Этакое глухое слово я отъ тебя даже и не ожидала.

— Никакихъ силъ нѣтъ!
 — Помнишь хохлацкую поговорку: „бачили очи—що куповали“.
 — Ахъ, тети,—развѣ это утѣшеніе. Вы далеко стоите отъ всего. Я ужъ не говорю про мужа. Это просто слякоть. Ему бы жепщиной родиться, да въ терему сидѣть, не выходи изъ чужой воли. Но вы немного знаете Моисей Лукича. Вѣдь я съ нимъ и утромъ, и днемъ, и вечеромъ... И вѣчно—одно и то же: попреки, угрозы, оскорбленія... И какіе... Вы знаете, что третьяго дня онъ на меня замахнулся.

Мать Александра быстро встала. Ея молодежавое, несмотря на сѣдые волосы, лицо залило огнемъ.

— На тебя, на княжну Балкашинскую?
 — Да!
 — Хамъ этакій... Да у насъ въ роду...

И она вдругъ опомнилась... Сѣла... Перебрала четки зернышко за зернышкомъ.

— Какъ ты хочешь... Подумай—тотъ же Моисей Лукичъ твой, гдѣ и какъ онъ выросъ, что онъ видѣлъ? Не виновата ли ты сама... Если бы съ нимъ лаской...

— Лаской... съ Моисеемъ Лукичемъ?.. Полноте, тети! Мать Александра нахмурилась. Сама сообразила, что кротость съ Копровымъ—оружіе неподходящее.

— Да, но что жъ ты сдѣлаешь?.. Вѣнчанная жена.
 — Уйду!..
 — Что?..

— Пожалуйста, тети, не дѣлайте такихъ глазъ... Вы слишкомъ добрал, чтобы осуждать сразу... Уйду и уйду. Силь моихъ нѣтъ. Я и то, чтобы не сойти съ ума—юродствую: на охоту хожу, съ офицерами верстъ по тридцати въ день въ сѣдлѣ, фехтованью вздумала учиться. Нужно же мнѣ самоё себя утомить, отъ самой себя защититься, ну—и не могу, не могу, не могу...

И она вдругъ упала лицомъ въ подушку и глухо, тихо зарыдала.

Мать Александра видѣла, какъ вздрагиваетъ ея спина и судорожно движутся плечи.

— Ну, довольно, довольно. Ты пока здѣсь—и никто не посмѣетъ тебя тронуть.

Она отошла отъ племянницы къ окну. Высокая, топкая, въ черномъ монашескомъ платьѣ, мать Александра безмолвно смотрѣла оттуда строгими сѣрыми глазами на Елену Борисовну, давая ей выплакаться. Если бы не добрая улыбка на этомъ дѣйствительно молодежавомъ лицѣ, можно было бы подумать, что она совсѣмъ застыла для міра, сдѣлалась иконописною монахиней. Въ ней сказывался сильный характеръ, умѣряемый только страстнымъ жаждою любви ко всему, что слабѣе ея, что въ ней пужается. Она постриглась молодою. Въ мірѣ княжна Анна Сергѣевна Балкашинская жила не долго. За нею ухаживали, ея руки искали. Настоящей красавицей она не была, и притомъ уже и тогда во всемъ у нея проявлялись слишкомъ прямолинейные, опредѣленные взгляды. Мало было женственности и мягкости. Она была добра, но не умѣла казаться доброю, напротивъ, въ ней состраданіе и жалость были слишкомъ цѣломудренны и прятались отъ дневнаго свѣта. Поэтому ее звали солдатамъ въ юбкѣ, бригадиромъ, чѣмъ хотите, надъ ней смѣялись—она догадывалась и еще больше сдвигала брови. Елена Борисовна не знала, что привело княжну въ монастырь. Она уѣзжала за границу. Ее привезли оттуда больную, и, выздоровѣвъ, княжна пріѣхала въ стѣны обители и болѣе ихъ уже не оставляла. Когда кто-нибудь неосторожно или безцеремонно дотрогивался до ея прошилаго, она вся сжималась, точно открытая рана еще болѣла, смолкала и на недѣли зашпиралась въ своемъ домикѣ. Монахини говорили въ такіе періоды:

— Мать Александра самоё себя побораетъ.

Оправившись, она выходила спокойная. Только строже смотрѣли ея глаза и рѣже показывалась на губахъ, повидимому противорѣчившая этому суровому взгляду, мягкая, добрая улыбка. Отъ прежняго времени монахиня сохранила двѣ привычки: холить руки и носить тонкое бѣлье. На ней и платье сидѣло иначе.

— Княжну хоть въ семи водахъ мой—все княжной останется.

Смѣялась она надъ собою и своими маленькими недостатками. Она каялась въ нихъ духовникамъ, но тѣ смотрѣли на мать Александру благодушно: „Отъ этого—никому вреда, а мыло дешево. Да и на батистъ у тебя средствъ довольно... А ты—если хочешь успокоить свою совѣсть—такъ дѣлай такъ: истратишь на свою слабость рубль, сейчасъ же десять—на доброе дѣло. И Богъ тебѣ проститъ“.

(Продолженіе будетъ.)

Софія, королева шведская.

Оскаръ II, король шведскій.

Густавъ, наслѣдный принцъ шведскій.

Стокгольмъ. Памятникъ Густаву-Адольфу.

Стокгольмъ. Южный кварталъ.

Стокгольмъ. Телефонная башня.

Стокгольмъ.

Очеркъ М. Гандольфа.

(Съ 3 портретами и 15 рисунками.)

Вряд ли найдется другой городъ, который болѣе поражалъ бы подъѣзжающаго къ нему туриста, чѣмъ Стокгольмъ. Онъ внезапно, совершенно неожиданно вырастаетъ среди цѣлаго лабиринта острововъ и шхеръ Балтійскаго моря и знаменитаго озера Мелара.

Впечатлѣніе остается то же, съ какой стороны ни подъѣзжать къ Стокгольму. Пароходы, приходящіе съ Балтійскаго моря или снизу, по Готскому каналу, пробираются между скаль и вдругъ останавливаются въ самомъ центрѣ столицы, у подножія королевскаго дворца; а желѣзнодорожные поѣзда, приходящіе съ юга, бѣгутъ по узкимъ, безконечнымъ насыпямъ, омываемымъ морскими волнами, проходятъ по безчисленнымъ мостамъ, чуть не бокъ-о-бокъ съ пароходами, спускавая стан морскихъ чаекъ.

Невольно задаешь себѣ вопросъ, какимъ образомъ огромный городъ могъ основаться въ этой странѣ, о которой мѣстные жители до сихъ поръ говорятъ: „Когда Господь отдѣлялъ воду отъ земли, Онъ забылъ о насъ“. Стокгольмъ, со своими тонкими церковными шпицами, которыхъ почти нельзя отличить отъ корабельныхъ мачтъ, съ выросшими на водѣ зданіями, представляетъ какимъ-то фантастическимъ каменнымъ флотомъ, который лишь временно бросилъ здѣсь якорь и вскорѣ разсѣется по прозрачнымъ водамъ, въ которыхъ онъ отражается.

Въ этихъ отраженіяхъ, въ этой прозрачной лазури заключается одна изъ главныхъ и своеобразныхъ прелестей Стокгольма. Мягкій, пріятный свѣтъ окутываетъ всѣ предметы, смягчая ихъ рѣзкость. На всемъ городѣ разлитъ сіяніе естественной поэзіи, исключающей всякую банальность и придающей современной столицѣ, съ практической и промышленной культурой, прелесть сказочной декорации.

Стокгольмъ построенъ на цѣломъ архипелагѣ шхеръ. Занявъ вначалѣ весьма небольшое пространство, городъ впоследствии широко раскинулся, взгромоздившись на цѣлую группу новыхъ острововъ. Чтобы слить ихъ въ одно цѣлое, понадобились безчисленные плашкоутные мосты, паромы, пѣшеходные чугунные мостики, паровые баркасы, поддерживающіе перевозки, и т. п.

Нѣкоторые кварталы города возведены прямо на скалахъ и иногда на кручахъ, метровъ въ пятьдесятъ вышиною.

Первое знакомство съ городомъ полно неожиданностей. То вы наталкиваетесь въ концѣ улицы на широкій морской рукавъ, и вамъ приходится, для того, чтобы продолжать путь, прибѣгнуть къ помощи мелкихъ парходиковъ, сплывающихъ во все стороны; то васъ останавливаетъ отвѣсная гранитная стѣна, и вы увидите на ея вершинѣ дома, церковные шпицы, цѣлый висящій въ воздухѣ городъ; то поѣздъ гремитъ подъ сводами, то улицы врываются въ нѣдра горы, то элеваторъ поднимается на ея вершину. Въ новыхъ кварталахъ огромныя пространства еще пусты, выказывая свое гранитное строеніе; иногда лодка привозитъ васъ на совсѣмъ необитаемый островъ, покрытый садами. Но очень скоро начинаешь понимать постепенное образованіе города, весьма въ сущности простое и обуславливаемое его исторіей.

Первымъ обитаемымъ пунктомъ архипелага былъ маленькій островокъ Риддаргольмъ. Древніе усальскіе короли основали здѣсь укрѣпленную колонію, которая должна была служить оплотомъ противъ набѣговъ датчанъ. Риддаргольмъ сдѣлался ядромъ новаго города, и долго еще, въ камнѣ, сохранился у шведовъ привычка воздвигать здѣсь общественныя памятники. Въ настоящее время Риддаргольмъ представляетъ нѣчто въ родѣ замка, построеннаго въ разныя времена, — одну камен-

ную глыбу, возвышающуюся надъ водами Мелара и въ разныя эпохи различно обработанную. На островѣ почти нѣтъ домовъ современной архитектуры; посѣтители здѣсь рѣдки и, если бы не зданія сейма и государственнаго архива, то можно было бы себя чувствовать перенесеннымъ въ древнія времена.

Въ центрѣ острова находится въ высшей степени любопытная риддаргольмская церковь (рис. на этой стр.). Построенная въ готическомъ стилѣ, она постепенно разрасталась въ различные царствованія возведеніемъ королевскихъ усыпальницъ. Архитекторы съ неподдѣльной наивностью слѣдовали вкусамъ данной эпохи: часовня въ стилѣ Возрожденія была пристроена къ главному корпусу, и общее впечатлѣніе получилось страшно нескладное, — впечатлѣніе какой-то ретроспективной выставки. Церковь служить въ одно и то же время мѣстомъ погребенія царственныхъ особъ и музеемъ боевыхъ шведскихъ трофеевъ.

Рядомъ съ гробницей Густава-Адольфа находится гробница Бернадотта, съ надписью, начинающейся словами: „Въ продолженіе одиннадцати лѣтъ солдатъ и унтеръ-офицеръ французской арміи...“ и рядомъ — трехцвѣтный знамена, взятая бывшимъ унтеръ-офицеромъ имперіи во время саксонскаго похода...

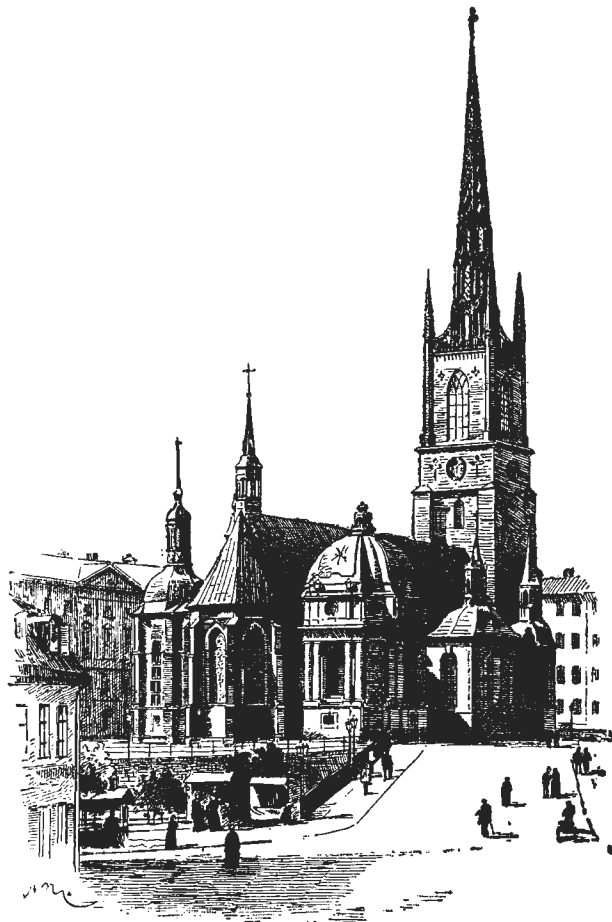
Риддаргольмъ соединяется мостомъ съ однимъ изъ острововъ, занятыхъ съ нимъ одновременно, но впоследствии сдѣланными истиннымъ центромъ Стокгольма. Здѣсь помѣщается королевскій дворецъ (рис. на стр. 570), и сюда каждый истинный шведъ поведетъ васъ прежде всего, восторженно укажетъ вамъ на жилище короля съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ такихъ же восторговъ съ вашей стороны.

Королевскій дворецъ представляетъ обширное зданіе въ стилѣ Возрожденія, съ правильными, нѣсколько тяжеловатыми линиями. Постройка его въ разные періоды прекращалась и потомъ возобновлялась снова; нѣкоторыя части были окончены лишь при Бернадоттѣ. Намъ кажется, что художественное значеніе этого зданія вообще нѣсколько преувеличено. Впрочемъ, нельзя не признать, что строитель прекрасно понялъ тѣ условія, которыми ему надлежало воспользоваться. Если разсматривать дворецъ слишкомъ близко, — терлется то величественное впечатлѣніе, которое онъ производитъ издали, съ моря, господствуя надъ нимъ своими террасами. Здѣсь чувствуется

настоящій центръ народной жизни Швеціи. Стоя при слияніи Мелара и Балтійскаго моря, откуда приходятъ суда, бросающія якорь вдоль гранитныхъ набережныхъ, королевское жилище какъ бы находится на стражѣ традицій и воспоминаній, которыми полонъ островокъ Риддаргольмъ; оно видитъ у своего подножія весь современный городъ, съ его кипучей дѣятельностью, а тамъ, дальше — море, лѣса и озера, гдѣ работаетъ счастливый шведскій народъ.

Передъ дворцомъ находится самый оживленный и самый оригинальный уголокъ города, такъ-называемый „Norrbrö“ или сѣверный мостъ (рис. на стр. 570), — длинный массивный мостъ, опирающійся на островокъ, на которомъ вскорѣ будетъ воздвигнуто новое зданіе сейма. Съ одной стороны моста возвышаются надъ водой низенькія каменные лавки; съ другой, на нѣкоторомъ подобіи волноразбивательнаго снаряда умудрились поставить павильонъ для музыкантовъ. Здѣсь весь день непрерывное движеніе, разнообразное и живописное: то и дѣло проходятъ офицеры, чиновники въ расшитыхъ мундирахъ, студенты въ бѣлыхъ фуражкахъ и далекарліеки въ высокихъ острокопечныхъ головныхъ уборахъ.

Норрбро соединяетъ двѣ крайнія части города. Къ югу, за королевскимъ дворцомъ и городомъ, по ту сторону новаго рукава Мелара, расположено густо-населенный рабочій квар-

Стокгольмъ. Риддаргольмская церковь.

талъ, причудливо раскинувшійся на скатахъ холма; кварталъ эксцентрической, весьма мало посѣщаемый элегантными стокгольмцами, съ кривыми переулками, круглыми лѣстницами и домами, большею частью деревянными, но живописными въ своемъ безобразіи, и съ высоты которыхъ тамъ и сямъ открывается великолѣпный видъ на портъ и городъ.

Въ другую сторону, за статуей Густава-Адольфа (рис. на стр. 567), стоящей противъ дворца, тянется современный Стокгольмъ, съ широкими набережными, отелями и музеями. Сохранилось нѣсколько узкихъ старыхъ улицъ, застроенныхъ сѣрыми каменными домами, но большею частью зданія новыя, блестящія своими сложными фасадами и мишурными витринами лавокъ; далеко убѣгаютъ вдаль прямыя, безжизненными лишіями банальныя улицы, въ которыхъ не было бы замѣтно ничего мѣстнаго, ничего характернаго, если бы не своеобразное, пріятное глазу освѣщеніе и характерныя фигуры гуляющихъ.

Приписывать жителямъ Сѣвера медлительность и скуку — право, устарѣвшій предрасудокъ. Въ Стокгольмѣ много движенія и веселости; только движеніе это не нервное, чѣмъ, напримѣръ, въ Парижѣ, а веселость болѣе пассивна, часто болѣе шумна и всегда ближе къ природѣ.

Въ улицахъ Стокгольма царитъ спокойная дѣловитость. Люди, не спѣша, идутъ къ своимъ дѣламъ или медленно прогуливаются. Никто не торопится, никто не бѣжитъ, не слышно зазываній торговцевъ, и одинъ только газетчикъ чинно предлагаетъ свой товаръ. Эта солидность кажется совсѣмъ естественной, и вскорѣ начинаешь находить въ ней особую искреннюю и сердечную прелесть.

Въ Швеціи замѣчательно развита общительность, и это особенно замѣтно на улицахъ Стокгольма. Всѣ встрѣчные какъ будто знакомы между собою или дѣлаютъ видъ, что знакомы. На каждомъ шагу кто-нибудь высоко поднимаетъ шляпу и крѣпко пожимаетъ кому-нибудь руку. У шведовъ особая манера горнично пожимать руку, пастойчиво трести ее и произносить цѣлый рядъ въжливыхъ привѣтствій, нигдѣ болѣе не существующихъ. Между всеми классами общества, хотя и довольно рѣдко отличающимися одинъ отъ другого, существуютъ одинаково въжливые и привѣтливые отношенія.

Для иностранцевъ привѣтливость эта особенно цѣнна. Первый попавшійся матросъ или рабочій бросаетъ свое дѣло и ведетъ васъ по своему кварталу, совершенно просто вступающій въ разговоръ и расспрашивающій о вашихъ впечатлѣніяхъ. Стокгольмскіе полицейскіе пользуются у туристовъ заслуженной популярностью.

Впрочемъ, о стокгольмской полиціи слѣдуетъ сказать особо нѣсколько словъ. Организованная широко, почти роскошно, она пользуется общимъ уваженіемъ и вербуетъ себя агентовъ, далеко не заурядныхъ, какъ и могъ убѣдиться при одномъ забавномъ случаѣ. Полицейскій префектъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе одного изъ комиссаровъ, чтобы руководить моими экскурсіями по городу. Комиссаръ пожелалъ непременно показать мнѣ одинъ изъ полицейскихъ постовъ, на выборъ. Мы подошли къ большому, свѣтлому, почти элегантному дому, съ огромными, широкими окнами. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась караульная комната, напоминающая общую парадную каюту по своей отдѣлкѣ изъ красного дерева и блестящей мѣди. Въ одномъ углу видѣлось нѣчто въ родѣ ложи, отдѣленной только деревянной рѣшеткой: это мѣсто заключенія для арестованныхъ. Есть и казематъ „для строптивыхъ“, но имъ рѣдко пользуются. Рядомъ съ караульной комнатой — канцелярія высшихъ и низшихъ чиновъ, а дальше — фехтовальная зала, гардеробы и ванны для живущихъ на самомъ посту людей.

Поднимаемся по лѣстницѣ, ведущей въ казармы. Я съ удивленіемъ слышу звуки скрипки, берущей несомнѣнно вагнеровскіе аккорды. Приставъ открываетъ дверь, объявляя: „общій

залъ конныхъ полицейскихъ агентовъ“, и одинъ изъ агентовъ, въ служебной формѣ, стоя у ногъ люстры, отдаетъ ему честь со смычкомъ въ рукѣ.

Эти образованные полицейскіе имѣютъ очень много свободного времени, чтобы предаваться любимымъ занятіямъ искусствами; нѣтъ города, гдѣ нравы были бы болѣе мирны и спокойны. Наиболѣе сложная обязанность полиціи состоитъ въ томъ, чтобы подбирать пьяныхъ, матающихся по набережнымъ. Преступленіе составляетъ въ Швеціи исключительное событіе; въ особенности воровство чрезвычайно рѣдко. Честность является племеннымъ свойствомъ, официально признаннымъ, на которое всегда и вездѣ рассчитываютъ.

Въ театрахъ, концертныхъ залахъ имѣются огромныя безплатныя раздѣвальные помѣщенія, гдѣ каждый оставляетъ свою шляпу и верхнее платье безъ малѣйшаго присмотра. При выходѣ, каждый самъ беретъ свое, и никогда не бываетъ никакихъ недоразумѣній.

Во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни обитатели Стокгольма привыкли полагаться на взаимную честность. Въ большинствѣ вагоновъ копюжелѣзныхъ дорогъ должность кондуктора упразднена. Каждый самъ владѣетъ свои деньги оровъ въ небольшую кружку, помѣщенную въ вагонѣ, за спиною кучера. Патриархально и экономно!

Чувство законности и честности, лежащее въ основѣ всѣхъ взаимныхъ отношеній и сохранившееся нѣкоторую наивность, выступаетъ съ особенной яркостью, если познанокомиться съ семейной и свѣтской жизнью Стокгольма. Традиционное гостепримство шведовъ дѣлаетъ такое знакомство особенно пріятнымъ.

Гостепримство — отличительная національная черта ихъ. Оно коренится въ мѣстныхъ обычаяхъ, церемоніяхъ, выраженіяхъ; множество привычекъ, даже жестовъ — имѣетъ связь съ первобытными нравами гостепримства, когда принять посѣтителя значило то же, что оказать ему помощь и защиту. Въ этой странѣ, гдѣ каждое продолжительное путешествіе сопряжено было съ опасностями и равнялось смѣлому предпріятію, гдѣ обитатели центры очень далеки одинъ отъ другого и расположены то среди лѣса, то среди пустыни изъ льдовъ и камня, нравы сохраняли простоту и искренность. Пришла цивилизація и уничтожила, можетъ-быть, кое-что изъ наиболѣе живописнаго съ вѣстной стороны; но именно только съ вѣстной. Является ли путникъ на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ, въ саляхъ зимою или на тележкѣ лѣтомъ, онъ всегда остается гостемъ, которому обязаны оказать почетъ и угощеніе. Нужно посѣтить отдаленнѣйшіе провинціальныя уголки, ничтожнѣйшія шхеры

архипелага, чтобы составить себѣ понятіе о приемѣ, ожидающемъ васъ у шведскаго рыбака или крестьянина.

Широкое гостепримство, оказываемое шведомъ иностранцу, точно такъ же въ ходу и во взаимныхъ отношеніяхъ мѣстныхъ жителей между собою. Оно какъ бы истинночестно. Въ дѣшнихъ садахъ нѣтъ никогда запертыхъ калитокъ. Гуляющій, рабочій, идущій мимо, найдя садъ по своему вкусу, свободно входитъ туда, располагается, какъ ему удобнѣе, и проводитъ часокъ-другой у незнакомаго владѣльца, оградившагося дружескимъ поклоненіемъ въ томъ случаѣ, если хозяину придется фантазія посмотреть на своихъ неожиданныхъ гостей.

Въ Стокгольмѣ, блестящей столицѣ, слѣдующей за европейской модой, такія старинныя формы гостепримства менѣе проявляются, но слѣды ихъ замѣтны во многихъ подробностяхъ свѣтской жизни.

Чувство уваженія къ себѣ, вмѣстѣ съ общительностью и сердечностью, придаетъ оригинальную и симпатичную форму всѣмъ официальнымъ манифестаціямъ. Ревниво оберегая свои права и традиціонно преданные монархическому режиму, шведы, при замѣчательной свободѣ, осуществили сіяніе наслѣдствій пропало съ новыми въявіями. Король Оскаръ (портр. на стр. 567) полагаетъ нѣкоторое кокетство, весьма симпатичное, въ томъ, что живетъ

Стокгольмъ. Длинная улица.

Стокгольмъ. Видъ на городъ съ вышины южнаго квартала.

Стокгольмъ. Общественный садъ и памятникъ Линнею.

Стокгольмъ. Видъ съ озера Мелара.

Стокгольмъ. Видъ съ моря на королевскій дворецъ.

Стокгольмъ. Рынокъ.

Стокгольмъ. Воздушная дорога съ элеваторомъ для сообщения между верхней и нижней частями города.

Стокгольмъ. «Норрбро» (сѣверный мостъ) съ городской стороны.

Стокгольмъ. Набережная.

Стокгольмъ. Пристань въ таможи.

„въ дружбѣ“ со всѣми, и я не думаю, чтобы у главы государства могли быть болѣе простыя отношенія къ своему народу. Большой любитель водного спорта, онъ проводитъ лѣто у шведскихъ береговъ, поднимая свой флагъ въ модныхъ пунктахъ и приглашая къ себѣ на яхту артистовъ, представителей мелкой буржуазіи и чиновниковъ. На ряду съ королемъ, наследный принцъ Густавъ (портр. на стр. 567), принцъ Карлъ и принцъ Евгений — талантливый живописецъ — раздѣляютъ эту спокойную, теплую привязанность народа, воплотивъ гармонизирующую съ индивидуальными его свойствами и выражающуюся въ широкой популярности. Шведы не имѣютъ обыкновенія шумно привѣтствовать своего короля, но всѣ хорошо знаютъ его и часто говорятъ о немъ.

И зимою на берегахъ Мелара очень весело. Балы, обѣды и вечера слѣдуютъ одинъ за другимъ. Это главная пора „обѣдовъ“.

Middag означаетъ и обѣдъ, и ужинъ, и вечеръ, и балъ, — какъ бы соединеніе всѣхъ формъ пріемовъ, очень остроумно скомбинированное съ тѣмъ общимъ правиломъ, чтобы какъ можно больше бѣть и пить. Middag начинается обыкновенно съ пяти часовъ.

Тотчасъ по прибытіи гости приглашаются „закусить“ освещенной формою: „Скушайте гартиночку“, и начинается церемонія smörgas'a. Въ одномъ изъ угловъ столовой, всегда роскошно убранной, освещенной и украшенной цвѣтами, воздвигается большой столъ со всевозможными закусками, самыми цвѣтотными и самыми разнообразными. Это и есть smörgas. Всѣмъ гостямъ, руководствуясь старшинствомъ, хозяйка раздаетъ тарелки. Каждый подходитъ къ столу, беретъ наудачу четыре-пять сортовъ закусокъ и удаляется куда-нибудь въ уголокъ, чтобы, стоя же, насладиться своимъ болѣе или менѣе удачнымъ выборомъ. Шведы дошли до удивительной ловкости въ этомъ отношеніи; они очень искусно лавируютъ между группами, съ вилкой въ одной рукѣ и тарелкой въ другой, и умудряются въ то же время разговаривать, спорить и ухаживать. Въ этомъ отношеніи русскіе, кажется, могутъ поспорить со шведами.

Smörgas заканчивается рюмкой водки для давалеровъ, послѣ чего садятся за столъ.

Однако, во время обѣда, правило skal'a, т. е. тостовъ, господствуетъ нераздѣльно. „Сколь“, который и некоторые фанатические приверженцы иностранныхъ обычаевъ хотя бы зачѣмъ-то нагнуть изъ употребленія, является однимъ изъ симпатичныхъ проявленій общепринятой вѣжливости, къ сожалѣнію, исчезающей. Каждый разъ, какъ шведъ беретъ стаканъ съ виномъ, онъ поднимаетъ его на высоту глазъ, дѣлалъ поклонъ своему визави или сосѣдкѣ, и тѣ отвѣчаютъ ему тѣмъ же. Такимъ образомъ, между гостями устанавливается обменъ любезностей, производящій самое симпатичное впечатлѣніе.

Кромѣ того, за обѣдомъ, помимо частныхъ сколей, произносится известное количество общихъ тостовъ: за гостей вообще, за иностранцевъ, за тѣхъ, кто въ первый разъ въ домѣ, за дамы; хозяйка дома произноситъ при каждомъ тостѣ небольшую сличку, на который ему отвѣчаютъ благодарственными рѣчами.

Шведы, не отличающіеся вообще большимъ даромъ импровизаціи, въ этомъ специальномъ жанрѣ большіе мастера. У нихъ выработалось особое, приспособленное къ даннымъ случаямъ, краснорѣчіе, остроумное и безирецензионное, прибѣгающее къ цитатамъ изъ старыхъ народныхъ пѣсенъ, къ пословицамъ и отличающееся не малою оригинальностью.

Обѣдъ составляетъ главную часть миддага. По окончаніи его, смотря по личнымъ вкусамъ хозяевъ дома, начинаютъ танцовать, или играть въ различныя игры, или заниматься музыкой. Все это, попеременно съ чаемъ и прохладительными напитками, длится часова до десяти или одиннадцати, когда появляется новый смѣргосъ, служащій прелюдіей къ ужину. А около полуночи отбѣгаютъ отъ дома цѣлыя вереницы садей, и подъ теплыми шубами дарятъ тихое веселье, слегка отуманенные винными парами и не замѣчающее ни мороза, ни падающихъ хлопьевъ снѣга.

Потребность въ движеніи и жизни сообща развила въ Швеціи безчисленное множество клубовъ и кружковъ, иногда литературныхъ или музыкальныхъ, иногда не имѣющихъ другой цѣли, какъ собрать въ ярко освѣщенной залѣ людей, которые будутъ пить пуншъ и провозносить сички.

Большинство этихъ кружковъ, обозначаемыхъ часто просто инициалами или девизами нѣсколько кабалистическаго характера, — представляютъ собою профессиональныя корпораціи. Художники, адвокаты, доктора, фотографы имѣютъ собствен-

ныя периодическія собранія. Кромѣ того, въ Швеціи существуютъ еще рыцарскіе ордена, какъ въ древнія времена, и модныя женщины изъ аристократіи и богатой буржуазіи принимаютъ почетныя званія и носятъ ленты разныхъ цвѣтовъ.

Миддаги, вечера и клубы занимаютъ почти всѣ вѣсныя вечера стокгольмца. Театры сравнительно посѣщаются мало, что объясняется обиліемъ частныхъ концертовъ и любительскихъ спектаклей. Одну изъ любопытныхъ чертъ скандинавскаго характера составляетъ именно это пристрастіе ко всему, имѣющему связь съ драматическимъ искусствомъ.

Стокгольмъ будетъ вскорѣ имѣть новое заданіе оперы, сооружаемое противъ дворца и выходящее своими фойе на море и нѣкеры. Во время антрактовъ публика будетъ любоваться такими картинками природы, отъ сопоставленія съ которыми проиграютъ самыя лучшія декораціи.

Въ драматическомъ театрѣ очень часто ставятся переводныя французскія пьесы. Шведскій темпераментъ, несмотря на свою флегму, прекрасно умѣетъ привыкаться къ требованіямъ французской сцены, и мнѣ приходилось видѣть въ Стокгольмѣ превосходную постановку французскихъ драматическихъ произведеній. Я помню въ особенности „Madame Sans Gêne“, поставленную и сыгранную со вкусомъ и оживленіемъ чисто южными. Когда я выразилъ свое удивленіе по поводу богатства и исторической вѣрности постановки, директоръ просто отвѣтилъ мнѣ: „Вся мебель привезена изъ дворца. Король самъ прислалъ обстановку императорскаго кабинета“.

Зимній холодъ вовсе не удерживаетъ обитателей Стокгольма въ ихъ жилищахъ; напротивъ, въ лѣсныя морозные дни дарятъ на улицахъ оживленное веселье. Все покрыто снѣгомъ и льдомъ; каналы между островами и озеро Меларъ представляютъ какъ бы полированную, блестящую поверхность; толстый слой снѣга лежитъ на улицахъ.

По городу есуетъ во всѣхъ направленіяхъ сани, вырѣзываясь въ чистомъ воздухѣ легкими силуетами. Лошади, запряженные парами въ дышло и покрытыя вышитыми сѣтками, украшенныя попонами и перьями, весело позваниваютъ серебряными колокольчиками. Изъ покрытыхъ шеемъ мѣховыхъ шубъ выглядываютъ хорошенькія розовыя личики, съ легкими завѣтками бѣлокурыхъ волосъ, а саади, на маленькомъ сидѣньѣ, въ сапогахъ до колѣн и мѣховомъ воротникѣ выше ушей, держа въ вытянутыхъ впередъ рукахъ красныя вожжи, возвышается колоссальная фигура кучера.

Среди такихъ элегантныхъ экипажей попадаются, конечно, и другіе, болѣе примитивные, а подчасъ и забавные. Простыя крестьянскія сани, состоящія всего изъ двухъ попеременныхъ перекладныхъ, явившихся изъ лѣсовъ и запряженныхъ маленькими мохнатыми лошаденками; вулгарный лаудъ, поставленный на полозья и мѣрно покачивающійся на своихъ рессорахъ, и, наконецъ, просто нагруженный тяжестью плетенныя корзины, подталкиваемые саади мальчиками на лыжахъ.

Зима въ Стокгольмѣ длится обыкновенно до конца марта, когда ледъ вскрывается и даетъ трещины. Тогда суда-ледорѣзы, поддерживающія всю зиму сообщеніе вокругъ порта, начинаютъ съ шумомъ прорѣзывать фюрды.

Такое плаваніе весьма оригинально. Мнѣ нужно было, напримеръ, сѣсть на пароходъ въ два часа дня, а между тѣмъ за ночь морозъ снова заткнулъ фюрдъ. Обледенѣлый пароходъ составлялъ какъ бы одно цѣлое съ замершимъ моремъ; казалось, что оторвать его отъ никакой возможности. Но вотъ люди ломами прорубили за его кормой маленькое свободное пространство. Пароходъ тихо двинулся впередъ; потомъ, давъ полный ходъ впередъ, онъ ринулся носомъ на массу льда, проламывая ее своею тяжестью, и повторилъ этотъ маневръ, пока не вышелъ на свободное ото льда пространство, между тѣмъ какъ оставленный имъ каналъ наполнился тотчасъ мелкими пловучими льдомъ и снова затягивался.

Свободное отъ льда море — первый припакъ весны въ Стокгольмѣ. Какъ только Меларъ снова покатытъ подъ Норр-бро свои сички воды, на которыхъ еще кое-гдѣ плаваютъ льдины, Стокгольмъ, уже безъ снѣга, но еще безъ листьевъ, съ нетерпѣніемъ ждетъ минуты, когда снова начнется его лѣтняя жизнь.

Первого мая весна официально наступаетъ въ Швеціи, и народъ традиціонно привѣтствуетъ ея возвращеніе. 1 мая, это — національный праздникъ, это общій энтузіазмъ, это цѣлыя сутки шумнаго веселья, вапнаго и грубоваго, смѣшаннаго со смутными мистическими чувствами и религиозными порывами къ природѣ.

Шведы питаютъ трогательную любовь къ деревьямъ, къ птицамъ, ко всему живому. Въ деревьяхъ ставятъ кадки съ тепло-

Стокгольмъ. Памятникъ Карлу XII.

ватой водой, чтобы воробьям было где выпить в долгие морозы, и кладут связки соломы, чтобы облегчить им постройку гнезд. Всякая естественная поэзия трогает и привлекает сердце шведа. Несколько лет тому назад, в парк одного большого города, приютился соловей и пел там каждый вечер. И что же? Каждый день, во время захода солнца, собралось сотни лиц послушать соловья.

Как только костры, зажигаемые на высотах в последнюю апрельскую ночь, возвестят об окончании зимы, стогольщики начинают жизнь на открытом воздухе, которая продолжается все лето. Город пустует. Вся жизнь отлетает на шхеры, и „сезон“ открывается в Дьюргордене.

Основанием Djurgarden'a (Thiergarten) послужил зоологический сад, и до сих пор еще несколько австрей скучают там за железными решётками. Но самый парк, великолепно раскинувшийся на скалистом острове, сдѣлался со своими ресторанами, музыкой и балами постоянным увеселительным местом. Каждый вечер пароходики привозят сюда толпы гуляющих; подъ развѣсистыми дубами раздается шипение хором и въ одиночку захватывающих куплетов Белльмана.—сѣвернаго Беранже, зауряднаго поэта, но выдающагося музыканта, а съ воды, съ плавнивоплавныхъ лодок вторитъ имъ другіе голоса.

Эти сады, омываемые водами Мелара, служатъ чрезвычайно оригинальной рамкой для выставки, выросшей въ Дьюргорденѣ. Старые норвежскіе дома, со скульптурными деревянными украшениями, выкрашенные въ красную краску, отражаютъ свои

оригинальные шпицы и колоколенки въ свѣтлыхъ водахъ озера; рыболовные тони устроены на свалхъ у близлежащихъ островковъ; суда всевозможныхъ типовъ свуютъ между берегами, а среди этой флотилии, стоящій на якорѣ „Фрамъ“, знаменитое судно Нансена, говоритъ о смѣлыхъ экспедиціяхъ къ сѣверу. На ряду съ этими воспоминаніями стараго и надеждами на будущее, Скандинавія выставила свое цѣнное настоящее: впервые полила выставка искусствъ сѣверныхъ народовъ присоединилась къ выставкамъ другихъ странъ. Нѣтъ недостатка и въ новѣйшихъ приспособленіяхъ. Король приказалъ приобрести и отдавать соответственнымъ образомъ для представителей прессы цѣлый замокъ — интернаціональный дворецъ репортеровъ. Но лучшую, оригинальную сторону выставки составляетъ, все-таки, ея естественное положеніе.

Вѣсть съ началомъ выставки, въ маѣ начался въ Стокгольмѣ долгій, четырехтысячный день. Къ вечеру солнце опускается, но легкій воздухъ и сверкающая вода какъ бы удерживаютъ въ себѣ его свѣтъ. Фиолетовая дымка, легкая и прозрачная, разливается на горизонтѣ и едва темнѣетъ на каки-нибудь два часа, потомъ снова возвращается и свѣтъ, и тепло. Въ этихъ сумеркахъ веселая жизнь города, разсыпавшагося по шхерамъ, приобретаетъ мечтательный характеръ и засыпаетъ въ тихой задумчивости.

Судите, послѣ этого, сами, — стоитъ ли побывать въ Стокгольмѣ.

Къ рисункамъ.

Знакомыя, родныя мѣста,—знакомая, родная картина! Корявые стволы ивъ, привезенные, морщинистые, старые, ни на что не годные, но дающіе вѣчно новые молодые побѣги. Они одно сохранились въ беззаботномъ просторѣ оголенной земли. Все вокругъ уничтожено, вырублено. Возвышается только у озера высокая болотная трава, бѣлѣютъ два большихъ камня, а затѣмъ вездѣ пустошь, по-своему поэтичная, но безплодная, какъ бы ожидающая хозяина стойкаго, умѣлаго, который воспользовался бы этими лежащими впускѣ просторомъ на пользу родины, съ ея неотложными нуждами.

Случайно въ эти пустынные мѣста забрели мужички, свернули съ проѣзжей дороги, чтобы напоить лошадежку. Старичокъ-мужикъ слѣзъ съ телеги и вмѣстѣ съ лошадежкой вошелъ въ воду. Парень съ дѣвкой, сиди другъ противъ друга, остались въ телегѣ и продолжаютъ свой разговоръ. Старикъ—представитель того поколѣнія, которое превратило всю окрестность въ безплодную пустыню. Что намъ ожидать отъ молодыхъ?..

Простой лѣтній этюдъ; но сколько онъ вызываетъ думъ,—невеселыхъ, несмотря на всю идилличность развернувшейся предъ нами картины. Это—одна изъ пейзажей покойнаго А. Д. Кившенко, который умѣлъ не только писать замѣчательныя батальныя картины, но и удивительно вѣрно схватывать характерныя черты русской природы, русской сельской жизни. И чѣмъ вѣрнѣе онъ ихъ схватывалъ, тѣмъ яснѣе, безъ всякой преднамѣренности со стороны художника, выступаетъ предъ нами русская дѣйствительность, тѣмъ больше она говоритъ уму и сердцу. Воспроизводила талантливыми художниками и писателями въ многообразнѣйшемъ видѣ, она повторяетъ намъ одну и ту же истину. Мы ее всегда охотно слушаемъ, но рѣдко проникаемъ истиннымъ ея смысломъ. Вотъ и поэзію этюда покойнаго Кившенко мы всѣ болѣе или менѣе способны воспринять, но дальше мы не идёмъ. А эта оголенная мѣстность, эти одинокія корявыя ивы, эта буйная болотная трава, этотъ старый, полусгорбленный мужичокъ, этотъ парень съ молодкою,—все это не одна только поэзія, все это и урокъ жизни. Хотѣлось бы вѣрнѣе и надѣлься, что молодая жизнь, играющая въ парѣ и молодкѣ, приведетъ къ чему-то лучшему, чѣмъ отцѣпная жизнь стараго возницы, такъ или иначе способствовавшего запустѣнію родной земли.

Предъ нами другая парочка, уносящая насъ въ прошлое столѣтіе, въ дружественную намъ Францію. Если въ этюдѣ покойнаго русскаго художника преобладаетъ природа, и человѣкъ въ ней кажется такимъ маленькимъ, ничтожнымъ, то на картинѣ французскаго художника поэзія природы смѣняется поэзіею любви, выступающею предъ нами съ большою выразительностью. Этотъ молодой человѣкъ, стоящій на лѣтвицѣ и собирающийся красить балконъ уютнаго уголка, забылъ о полезномъ и весь ушелъ въ пріятное. Объ этомъ свидѣлствуетъ и голова, приподнятая къверху, и сладостная улыбка на полуоткрытомъ ртѣ, и устремленные вверхъ глаза. Она забыла о дѣлѣ, она весь ушла въ пріятную бесѣду съ той, которая, сиди на балконѣ надъ нимъ, взираетъ на него съ высоты, увѣренная, спокойная: она побѣдила его сердце, она знаетъ, что наъ всѣхъ цвѣтовъ, которые во множествѣ ее окружаютъ, она является для него самымъ дорогимъ цвѣткомъ. Въ старомъ домѣ, съ его тяжелыми каменными сводами, зародилась новая, молодая жизнь. Отвѣтитъ ли эта жизнь такъ быстро, пройдетъ ли эта весна такъ скоро, какъ отцвѣтутъ расставленные на балконѣ цвѣты? Не хочется этому вѣрнѣе: столько

свѣта, тепла и поэзіи въ этомъ молодомъ человѣкѣ, вздумавшемъ соединить полезное съ пріятнымъ и позабывшемъ о полезномъ, и въ его самоуверенной новелительницѣ, и въ уютномъ гнѣздышкѣ, въ которомъ она живетъ и которое онъ собрался раскрасить въ цвѣтъ надежды и любви. Можетъ-быть, надежда его сбудется и горячая любовь превратится въ тихую, прочную дружбу, которая наполнитъ свѣтомъ и тепломъ дѣлнщю жизнь двухъ счастливыхъ существъ. Но и въ этой идилліи, какъ и въ этюдѣ покойнаго Кившенко, скрывается, хотя и болѣе затухавшая, трагическая нотка. Только тамъ источникъ трагедіи—недостатокъ культуры, а здѣсь—ложное направленіе чреватной культуры. Если этюдъ нашего отечественнаго художника напоминаетъ намъ о хищническомъ хозяйствѣ, вызвавшемъ запустѣніе родины, то картина французскаго художника напоминаетъ намъ о непорядочныхъ общественныхъ условіяхъ, созданныхъ во Франціи тѣми людьми въ палудренныхъ парикахъ, которые думали только о пріятномъ, забыли о полезномъ и этимъ привели родину на край гибели.

Петербургскіе жители, большую часть года окутанные мглой и обильными холодами суровой сѣверной зимы, принадлежатъ къ страстнымъ любителямъ зелени. Всякаго рода растеніями украшаютъ они свои комнаты и ухаживаютъ за ними не хуже профессиональныхъ садовниковъ. Въ отношеніи любви къ растеніямъ небогатые классы совершенно сходятся съ людьми, обладающими значительными средствами: вся равнина въ томъ, что первые—довольствуются „флорой Сѣнной площади“ и другихъ немногочисленныхъ рынковъ, гдѣ дешево можно купить какое-нибудь чудосочное дерево съ грустно-юными листьями, какъ будто уставшими жить подъ этимъ безпрочно-унылымъ, сѣрымъ небомъ, какъ будто мечтавшими о лучшихъ дняхъ и лучшихъ странахъ, залитыхъ солнцемъ, а вторые—имѣютъ возможность приобретать въ дорогихъ цвѣточныхъ магазинахъ столицы и даже выписывать изъ-за границы роскошныхъ представителей южной растительности: тропическія пальмы, кактусы, ауракаріи, всевозможныя вьющіяся растенія и даже разныя рѣдкостныя и дорогия деревья.

Одинъ изъ лучшихъ ботаническихъ садовъ Европы—петербургскій—приходитъ въ этомъ отношеніи на помощь любителямъ растеній. Ботаническій садъ самъ культивируетъ растенія, выписываетъ ихъ изъ-за границы и обмѣнивается экземплярами съ другими европейскими садами. Отъ всѣхъ этихъ операций остаются лишніе экземпляры и администрація сада разъ въ годъ, весной, производитъ распродажу живыхъ растеній; первая такая распродажа была въ 1823 г., когда садъ былъ преобразованъ и переименованъ изъ Аптекарскаго—въ Ботаническій. Основателемъ же Аптекарскаго сада былъ Петръ Великій, который указомъ 11 февраля 1714 года учредилъ его съ цѣлю разведенія лѣкарственныхъ травъ. Со времени его преобразования, Ботаническій садъ быстро развивался и обогащался научными коллекціями: въ настоящее время въ немъ множество цѣнныхъ и интереснѣйшихъ гербаріевъ, ботаническихъ коллекцій и собраній смѣлянъ, не говоря уже о драгоцѣнныхъ живыхъ растеніяхъ.

Въ день распродажи всѣ любители флоры отправляются въ садъ, несмотря на его отдаленность отъ центра города. Посѣтители обходятъ выставленные ряды растеній, осматриваютъ, облюбовываютъ ихъ и снимаютъ съ понравившихся экземпляровъ билетки. Это значитъ, что обладателю билетки принадлежитъ и растеніе. Черезъ два-три дня оно можетъ

явиться за своимъ экзаменляромъ, уплатить деньги и унести его съ собою. Между покупателями есть страстные охотники, воодушевленно бросающиеся на каждую травку; есть равнодушные, прѣхавшіе сюда просто побродить и поглазѣть; есть и паянныя, поображающіе, что разъ это „расиродажа“, то на ней можно кинуть за три цѣлковыхъ чуть не тѣ три гордыя палыки, которыми росли „въ пустынныхъ степяхъ аравійской земли“.

Но цѣны на всѣ растенія дѣйствительно поразительно дешевыя, и педовольныхъ встрѣчается мало среди публики. Большинство беретъ то, что есть, безъ всякой критики, и съ оживленными, веселыми лицами расходится по домамъ со своими пріобрѣтеніями.

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

(Портр. на этой стр.).

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ журналѣ *Заря*, издававшемся В. Каширинымъ, появилось небольшое лирическое стихотвореніе, безъ подписи, принадлежавшее перу графа А. А. Голенищева-Кутузова.

Промло двадцать пять лѣтъ... Нѣкогда такъ скромно дебютировавшій поэтъ сумѣлъ за это время составить себѣ имя и обратитъ на себя вниманіе того учрежденія, которому поручено зорко слѣдить за судьбами русской поэзіи, науки и литературы: Академія Наукъ избрала сперва графа А. А. Голенищева-Кутузова въ члены-корреспонденты и время отъ времени стала поручать ему оцѣнку поступающихъ на конкурсъ премій сочиненій, а въ 1894 году увѣчала изданные имъ два тома стихотвореній пушкинской преміей. Между тѣмъ, несмотря на наличность крупнаго таланта и указанные факты, которые нѣтъ нужды комментировать, имя графа А. А. Голенищева-Кутузова до сихъ поръ оставалось какъ-то въ тѣни. Кто изъ читателей, не только глухой провинціи, — кто изъ читателей, повсюду безучастныхъ къ отечественной литературѣ, можетъ признаться, что онъ основательно знакомъ съ проповѣдями нашего поэта? Малая популярность графа А. А. Голенищева-Кутузова — несомнѣнная и непростительная вина критики, къ мнѣнію которой русской читатель до сихъ поръ привыкъ внимательно прислушиваться. Критика семидесятыхъ годовъ, преслѣдовавшая улитарныя цѣли, по принципу встрѣчала поэтовъ презрительнымъ невниманіемъ и, строго слѣдуя завету „поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ“, предъизъяла къ начинающимъ узкія и одностороннія требованія, которымъ рѣдкіе и едва ли лучшіе могли удовлетворить.

Преобладающимъ мотивомъ въ поэзіи графа А. А. Голенищева-Кутузова является смерть. Герой „Рассвѣта“ — поэмы, написанной изумительными по изяществу стихами — равный на дуэли женихомъ любимой имъ дѣвушки, находитъ единственную отраду во взглядѣ смерти, въ-которомъ ему чудится „душѣ нессыханный привѣтъ“. Въ поэмі „Дѣдъ простила“, молодая женщина, убѣжавшая тайкомъ изъ дома суроваго отца, чтобы обвѣнчаться съ любимымъ человекомъ, точно такъ же находитъ успокоеніе только въ смерти, потому что счастье отравлено ослушаніемъ. Смерть фигурируетъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ; даже шумная и веселая встрѣча Нового года не заглушаетъ въ поэтѣ мысли о смерти: среди затихаго веселья, онъ слышитъ таинственный и нежданный ея привѣтъ, и видитъ, какъ она киваетъ ему головой „издалека, съ улыбкой ясной“.

Намъ кажется, что наиболѣе характерной чертой для поэзіи графа Голенищева-Кутузова является рѣзкое противоположеніе міра идеальнаго реальному. Нигдѣ у графа Голенищева-Кутузова жизнь не является въ своемъ неприкрашенномъ видѣ, нигдѣ не слышится ея живой, богатый всевозможными модуляциями голосъ — жизнь является отраженною въ мечтахъ, безъ рѣзкихъ контуровъ, безъ грубыхъ очертаній. Это не настоящая, не реальная жизнь, — это мечты о томъ, что было и что будетъ. Почти всѣ герои графа не живутъ, они только переживаютъ прошлое, то случайно натолкнувшись на забытый

дневникъ, то наведенные на воспоминанія подходящей обстановкой. Такимъ же мечтательнымъ характеромъ проникнута и любовь: то снится поэту, что „сердце отъ счастья любви разрывается“; то онъ грустно мечтаетъ „къ желанной и далекой“; но и тогда, когда наступаетъ радость свиданья, поэтъ предпочитаетъ мечтать подъ звукъ любимаго голоса — „Я внимаю тебѣ — и цѣлбвный обманъ сердце властной мечтой объемлетъ... Не смолкая, говори — въ ласкѣ рѣчи твоей мнѣ звучитъ безпредѣльное счастье“. Конечно, прекрасенъ міръ мечты, но нельзя создать для себя полной отрѣшенности отъ дѣйствительной жизни: ея кипучія волны съ дерзкимъ шумомъ врываются въ міръ мечты, тускнѣютъ „земного счастья бродячіе обманы“ и... тогда мечтается о смерти. Но опять-таки это не грозная и неутомимая сила — поэтъ въ угоду мечтѣ лишаетъ смерть ея обычныхъ качествъ: неутомимости и жестокости. Если поэтъ связываетъ еще съ жизнью „земного счастья отчаянный призывъ“, смерть проникается участливостью и готова вторично прійти къ поэту, когда погаснутъ всѣ мечты и жизнь потеряетъ для него всякую цѣну. Добрая смерть!..

Что касается вѣшняго выраженія мысли, формы ея выраженія, то — стихи неподобны. Безусловно справедливымъ представляется замѣчаніе Владиміра С. Соловьева, что въ стихѣ графа Голенищева-Кутузова „слабнѣетъ какое-то пушкинское вѣяніе“.

Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Онъ родился въ Царскомъ Селѣ 26 мая 1848 года. На одиннадцатомъ году, послѣ смерти отца, ему пришлось влѣсть съ семьей переселиться въ Москву, и тамъ онъ поступилъ въ четвертую гимназію, по окончаніи которой перешелъ на юридическій факультетъ московскаго университета. Служебная дѣятельность графа началась въ 1876 году (годъ женитьбы), сперва въ качествѣ тверскаго уѣзднаго предводителя дворянства (въ Тверской губ. родовое помѣстье графа, с. Шубино), а потомъ въ качествѣ предсѣдателя сѣзда мировыхъ судей въ Твери. Съ переездомъ въ Петербургъ, графъ переходитъ въ министерство финансовъ и до 1895 года занимаетъ постъ управляющаго дворянскими и крестьянскими земельными банками. Съ 1895 года онъ состоитъ секретаремъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Теодоровны. Наиболѣе плодотворными въ литературномъ смыслѣ

были для графа семидесятые и начало восьмидесятыхъ годовъ; въ семидесятыхъ годахъ графъ дѣятельно сотрудничалъ въ *Днѣ* (редакція Благосвѣтлова), гдѣ, кромѣ мелкихъ лирическихъ стихотвореній, напечаталъ поэму „Ганнибалъ“ и драматическую хронику въ стихахъ изъ эпохи смутнаго времени на Русѣ, подъ заглавіемъ „Смута“, вышедшую въ 1879 г. отдѣльнымъ изданіемъ. Кромѣ *Дня* графъ сотрудничалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Русской Мысли*, *Вѣстникѣ Европы*, *Русскомъ Обзорникѣ* и въ-которыхъ иллюстрированныхъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ *Нивѣ*. Первымъ сборникомъ стихотвореній графа былъ сборникъ „Затишье и буря“, изданный въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ которомъ большинство стихотвореній было написано подъ впечатлѣніемъ кровавыхъ событій русско-турецкой войны.

Въ настоящее время имя графа А. А. Голенищева-Кутузова очень рѣдко появляется въ печати. Между тѣмъ болѣе чѣмъ когда-либо намъ нуженъ свѣтъ истинной поэзіи, который бы озарилъ печальные потемки современныхъ блужданій и указалъ воочію, гдѣ правда. Окружающая темнота придаетъ особенную яркость каждому лучу, но этихъ лучей — такъ мало... Утынаемъ себя надеждою, что молчаніе нашего поэта — временное, и основаніе для этой надежды мы находимъ въ его же словахъ:

Когда, святялище душъ
Зажмуривъ предъ суетной толпою,
Поэтъ молчитъ — его покою
Не вѣрь — онъ бодрствуетъ въ тиши.

М. Гербановскій.

Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (по поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности).
Съ фот. Ренца и Шрадера автотипія „Нивы“.

Архимандритъ Игнатій. (Портр. на этой стр.)

Въ ночь на 16-е мая, тихо скончался на 87-мъ году жизни, пользовавшійся широкой извѣстностью настоятель Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ, архимандритъ Игнатій. Происходя изъ купеческой семьи Макаровыхъ, онъ еще совѣтъ молодымъ человѣкомъ, въ 1833 году, принявъ постриженіе и съ тѣхъ поръ всецѣло посвящалъ себя дѣятельности, направленной къ увеличенію благоустройства любимой обители. Въ немъ совмѣщались и художникъ, и строитель, и искусный администраторъ. Если Сергіева пустынь обявана своимъ благоустройствомъ и привлеченіемъ многочисленныхъ богомольцевъ изъ всѣхъ классовъ населенія главнымъ образомъ его предшественнику, знаменитому архимандриту Игнатію (Брянчанинову), то дѣло послѣдняго достойно завершено его преемникомъ, нынѣ скончавшимся архимандритомъ Игнатіемъ, который шелъ во всемъ по стопамъ своего знаменитаго учителя. Не даромъ Лѣсковъ, въ своемъ извѣстномъ очеркѣ „Инженеры - бесребреники“, отвелъ видное мѣсто Брянчанинову. Ему предстояла блестящая карьера; онъ уже въ инженерномъ училищѣ пользовался особымъ благоволеніемъ императора Николая I, но вдругъ отказался отъ всѣхъ благъ міра и посвятилъ себя иподческой жизни. Десять лѣтъ спустя, когда императоръ Николай I былъ сильно озабоченъ, какъ бы привести петербургскую Сергіеву пустынь въ благоустройство, московскій митрополитъ Филаретъ указывалъ ему на бывшаго инженера Брянчанинова, какъ на надежнаго администратора, уже приведшаго нѣсколько монастырей въ отличный порядокъ. Императоръ Николай I, несмотря на то, что имѣлъ основаніе быть недовольнымъ Брянчаниновымъ, отказавшимся отъ военной службы именно въ тотъ моментъ, когда Россія приступала къ войнѣ съ Турціею, послѣдовалъ совѣту Филарета, и Брянчаниновъ вполнѣ оправдалъ возложенное на него довѣріе. Сергіевская пустынь стала процвѣтать подъ его управленіемъ.

Затѣмъ Брянчаниновъ былъ отозванъ на другое служеніе Церкви въ качествѣ сперва костромскаго, а потомъ кавказскаго епископа. Его замѣнилъ въ Сергіевой пустынѣ архимандритъ Игнатій, управлявшій ею почти 30 лѣтъ. При немъ возникли новые храмы, новыя гостиницы для богомольцевъ, благочивіе церковныхъ службъ увеличилось, прекрасное цѣніе монашеской братіи обратило на себя общее вниманіе, возникъ новый соборъ съ оригинальнымъ иконостасомъ, и во всѣхъ монастырскихъ церквяхъ появились прекрасно исполненныя иконы, въ значительной степени принадлежавшія кисти самаго покойнаго настоятеля обители. О. Игнатій былъ ученикъ Брюллова и притомъ ученикъ очень талантливымъ, охотно посвятившій свои досуги иконописанію. Его любовь къ живописи равнялась его любви къ музыкѣ. Кромѣ того, онъ находилъ время для посвященія себя духовной литературѣ и написалъ не мало сочиненій, изъ которыхъ особенно извѣстны его книги: „Въ защиту монастырей“ и „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“. Но эти еще не ограничиваютъ дѣятельность и способности покойнаго архимандрита. Для того, чтобы поддержать Сергіевскую обитель на той высотѣ, на которую она была поставлена Брянчаниновымъ, и чтобы послѣдовательно расширить предпринятое имъ дѣло, требовались значительныя административныя, а слѣдовательно и практическія способности. Имъ вполнѣ обладалъ покойный архимандритъ и проявлялъ ихъ во всемъ, что онъ создавалъ и творилъ. Между прочимъ онъ, какъ строитель, воспользовался, повидимому, совершенно бесполезнымъ матеріаломъ, именно тѣми безчисленными камнями, которые

такъ сильно затрудняютъ земледѣіе на нашемъ Сѣверѣ и которые извѣстны подъ названіемъ валуновъ. О. Игнатій сооружалъ свои церкви изъ этого матеріала, содѣйствуя такимъ образомъ одновременно и возникновенію новыхъ храмовъ, и освобожденію почвы отъ препятствій для дальнѣйшихъ успѣховъ земледѣія.

Все совершенное и созданное покойнымъ архимандритомъ, несомнѣнно, въ значительной степени способствовало укрѣпленію религіознаго чувства. Сергіевская пустынь охотно посѣщалась богомольцами всѣхъ классовъ общества. Они любили ея прекрасными иконами, благоговѣнно слушали образцовое цѣніе монашеской братіи и поддерживались въ молитвенномъ настроеніи благочивіемъ и торжественностью церковныхъ службъ и поученіями настоятеля пустыни. Такимъ образомъ, вся его дѣятельность, несмотря на ея многосторонность, была въ сущности направлена къ достиженію одной цѣли, той высшей цѣли, къ которой должны быть устремлены помыслы людей, отрешившихся отъ міра, — къ поддержанію въ себѣ и другихъ вѣры и религіознаго чувства. О. Игнатій могъ тихо и безмятежно перейти въ лучшій міръ: онъ во всей полнотѣ исполнилъ свое земное дѣло.

Ю. И. Базанова.

(Портр. на этой стр.)

Недавно Москва и ея старѣйшій русскій университетъ обогатились новымъ медицинскимъ учрежденіемъ — клинкой болѣзней уха, носа и горла, построенной по инициативѣ и на средства частнаго лица. Особой клинкой этихъ болѣзней до сихъ поръ не было при московскомъ университетѣ, и благодаря этому новому учрежденію, явилась наконецъ возможность для студентовъ, желающихъ посвятить себя этой специальности, вполнѣ ознакомиться съ необходимыми практическими приемами по изслѣдованію и лѣченію болѣзней уха, носа и горла, а для врачей открылась возможность пополнить свои свѣдѣнія и приобрести ловкость въ выполненіи сложныхъ операцій. Кто знакомъ съ останковкой, при которой происходили до сихъ поръ практическія занятія студентовъ по этой специальности, тотъ можетъ оцѣнить значеніе новой клиники. Студентамъ и врачамъ не придется уже ютиться въ узкомъ коридорѣ, у четырехъ маленькихъ столиковъ, при свѣтѣ четырехъ керосиновыхъ лампъ, и „въ потѣ лица“, — отъ проходящихъ тамъ калориферныхъ трубъ и горящихъ лампъ, — добывать знанія. Всѣ эти неудобства и трудности устранены теперь по добруму почину извѣстной благотворительницы Юліи Ивановны Базановой, построившей клинику, единственную не только въ Россіи, но даже и въ мірѣ. Клиника снабжена всѣми необходимыми для наученія и лѣченія болѣзней уха, горла и носа физическими и медицинскими инструментами, сравнительно-анатомическимъ музеемъ, патолого-анатомическими препаратами, специальной библіотекой и постоянными кроватями, число которыхъ будетъ доведено до 30.

Клиника строилась около двухъ лѣтъ и открыта 22 октября 1896 г. Ежегодное содержаніе ея, исчисленное по проекту въ суммѣ болѣе 20,000 р., обезпечено капиталомъ свыше полумилліона рублей. Размѣры этого пожертвованія Ю. И. Базановой еще значительно возрастутъ, если прибавить стоимость земли (на углу Олсуфьевскаго и Божениновскаго переулковъ) и зданія (двухъэтажнаго корпуса съ выходящимъ на дворъ мезонинномъ и одноэтажнымъ флигелемъ) со всѣми принадлежностями и богатымъ обзаведеніемъ, въ видѣ цѣнныхъ учебныхъ пособій и прочнаго инвентаря. Главнымъ исполнителемъ воли Ю. И. Базановой и устройтеlemъ всей клиники состоялъ все время приватъ-доцентъ Е. Ѳ. фонъ-Штейнъ, назначенный пожизненно директоромъ клиники.

Архимандритъ Игнатій, настоятель Сергіевой пустыни († 15 мая 1897 г.).
Съ фот. Здобинова автотипія „Нивы“.

Юлія Ивановна Базанова, основательница клиники для болѣзней уха, горла и носа въ Москвѣ.
Съ фот. Шереръ, Наболицъ и К^о автотипія „Нивы“.

Ю. И. Базанова предоставила ему полную самостоятельность, въ проектѣ условій своего пожертвованія поставила лишь требованія, обезпечивающія успѣхъ задуманнаго ею добраго дѣла, и не шадла съ своей стороны никакихъ средствъ для достиженія этой цѣли. Въ виду этого совѣтъ московскаго университета, „высоко цѣня приносимое Ю. И. Базановой пожертвованіе и отдавая должную справедливость ея истинно добрымъ и высокимъ побужденіямъ“, единогласно признавъ, что „съ своей стороны долженъ, тѣмъ не менѣе, не только выразить свою глубочайшую признательность жертвователю за ея великодушный даръ, но и закрѣпить ея безкорыстную дѣятельность на пользу старѣйшаго русскаго университета, какъ наиздательный примѣръ потомству, всѣми вѣнскими знаками, которые приличествуютъ столь выдающемуся случаю“.

По опредѣленію совѣта университета о пожертвованіи Ю. И. Базановой доведено было чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія до свѣдѣнія Государя Императора, выразившаго жертвователю Высочайшую благодарность и въ видѣ особой Монаршей милости даровавшаго ей Свой портретъ съ Собственноручною подписью. Затѣмъ, кромѣ выраженія Ю. И. Базановой въ день открытія клиники глубокой благодарности отъ имени совѣта университета чрезъ особую депутацію, университетомъ исходатайствовано разрѣшеніе присвоить клинике имя Ю. И. Базановой, какъ поживленной ея почитательницы, и поставить въ клиникѣ ея бюстъ.

Такимъ образомъ Ю. И. Базанова является изъ частныхъ лицъ первой русской женщиной, которой будетъ поставленъ бюстъ въ общественномъ учрежденіи.

Дѣятельность Юліи Ивановны Базановой, недавно ознаменовавшаяся этимъ большимъ добрымъ дѣломъ, давно уже обращаетъ на себя вниманіе и извѣстна въ Россіи. Особенно пользуются ея благотвореніями Москва и Иркутскъ.

Иркутскъ—мѣсто рожденія Ю. И. Базановой. Тамъ она, лишившись въ раннемъ дѣтствѣ родителей, въ 1858 г., девяти лѣтъ, поступила въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1867 г. она окончила курсъ института и вскоре вышла замужъ за сына извѣстнаго богача — золотопромышленника И. Базанова; дѣвицы ея фамилія — Ледванская. Послѣ ранней смерти мужа, Ю. И. Базанова сдѣлалась наследницей миллионнаго состоянія, которое она рѣшила употребить на дѣла благотворительности. Съ изумительною чужестранностью къ нуждамъ ближняго, съ образцовой послѣдовательностью посвящая она свои труды и средства на пользу несчастныхъ, обездоленныхъ и слабыхъ, дѣтей и больныхъ. Грандіозными памятниками ея благотворительности служатъ въ Иркутскѣ, основанныя ею и ея дочерью В. П. Кельхъ, дѣтская больница на 30 кроватей, принесенная въ даръ городу, и воспитательный домъ на 60 человѣкъ съ родильнымъ отдѣленіемъ. Воспитательный домъ имени Базановыхъ принятъ въ вѣдомство учреждений императрицы Маріи, и за это крупное пожертвованіе Ю. И. Базановой пожалованъ былъ портретъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны съ собственноручной подписью Ея Величества.

Въ Москвѣ сосредоточилась благотворительная дѣятельность Ю. И. Базановой почти съ самаго ея пріѣзда туда, съ 1878 года. Особенно участливо и горячо относится она къ нуждамъ бѣднаго студенчества, для котораго она сдѣлала и дѣлаетъ очень много. Достаточно сказать, что въ теченіе двадцати почти лѣтъ она вноситъ ежегодно въ университетъ до 10,000 рублей въ видѣ платы за слушаніе лекцій. Кромѣ того, Ю. И. Базанова содержитъ на свои средства столовую, въ которой ежедневно, въ теченіе всего учебнаго года, пользуется даровыми обѣдами до 100 человѣкъ бѣдныхъ студентовъ. Другую бесплатную столовую на 300 человѣкъ, основанную въ память Н. Ф. Кельха, содержитъ дочь Ю. И. Базановой, В. П. Кельхъ. На средства Ю. И. Базановой воспитывается въ московскомъ университетѣ, консерваторіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ до 100 человѣкъ.

Кромѣ того, въ ряду благотворительныхъ дѣлъ г-жи Базановой нельзя не указать на обильныя ея пожертвованія въ пользу церкви, строящихся въ Сибири.

Итъ почти ни одного благотворительнаго учрежденія въ Москвѣ и въ Иркутскѣ, въ которомъ Ю. И. Базанова не состояла бы почетнымъ членомъ, и итъ въ этихъ городахъ почти ни одного человѣка, который не зналъ бы ея имени.

Гибель берлинскихъ воздухоплателей.

(Съ 2 рисунками на стр. 577.)

Конецъ малъ ознаменовался новою трагическою гибелью двухъ изъ тѣхъ смѣльчаковъ, которые жертвуютъ жизнью, чтобы подчинить человѣку одну изъ самыхъ строптивыхъ стихій—воздухъ. 31 мая, въ 6 часовъ вечера, извѣстный „воздухоплатель Вельфертъ, въ сопровожденіи механика Кнабе, поднялся съ берлинской ремесленной выставки на воздушномъ шарѣ, который снабженъ былъ рулевымъ аппаратомъ. Шаръ былъ наполненъ въ воздухоплательномъ парѣ на Темпельгофскомъ полѣ. Когда онъ достигъ высоты въ 1.000 метровъ, послѣдовалъ сильный взрывъ, и въ тотъ же мигъ шаръ загорѣлся, корзинка отдѣлилась отъ горящей оболочки шара и съ головокружающей быстротой, вся въ огнѣ, упала на землю близъ Темпельгофа. Оба пассажира найдены были мертвыми съ тяжкими ожогами на тѣлѣ. Очевидно, бензиновый двигатель случайно вспыхнулъ и тѣмъ вызвалъ катастрофу. Вельфертъ предпринялъ опытъ въ интересахъ общества, которое общало осуществить его идеи“.

Таковъ краткій отчетъ объ этой катастрофѣ, сообщенный намъ по телеграфу. Дальнѣйшія болѣе подробныя свѣдѣнія рисуютъ намъ личность воздухоплателя Вельферта въ очень симпатичномъ свѣтѣ. Онъ былъ истинный мученикъ идеи. Родился онъ въ Лейпцигѣ, гдѣ имѣлъ книжный магазинъ и занимался издаваніемъ книгъ. Дѣла его шли прекрасно, такъ что онъ обзавелся собственнымъ домомъ и пользовался почетнымъ общественнымъ положеніемъ. Но вдругъ онъ заинтересовался воздухоплатаніемъ, въ особенности же вопросомъ о возможности управленія воздушнымъ шаромъ, — вопросомъ, надъ которымъ трудится все еще безуспѣшно столько изобрѣтательныхъ умовъ. Всѣ его деньги, все его достояніе постепенно ушло на опыты и улучшенія придуманнаго имъ аппарата для управленія шаромъ. Онъ, наконецъ, вынулъ въ нужду, но отъ своей идеи не отказывался; напротивъ, чѣмъ больше онъ встрѣчалъ препятствій, тѣмъ настойчивѣе стремился къ своей цѣли. Онъ много разъ поднимался на воздушномъ шарѣ, все совершенствовалъ свой приборъ, и ему казалось, что онъ наконецъ рѣшилъ вопросъ. Какъ видно изъ нашихъ рисунковъ, онъ своему шару, какъ многіе другіе, придалъ сигарообразный видъ; двигательный аппаратъ состоялъ изъ бензинового мотора, приводившаго въ движеніе колесо въ двѣ лопасти; кромѣ того, къ корзинѣ былъ приделанъ руль. Уже во время приготовленій къ поднятію шара бензиновая лампа вспыхивала, и изъ нея вырывались огненные языки. Но это не устранило смѣлаго воздухоплатателя. Онъ былъ убитъ, что находится на картинѣ своего торжества и докажетъ всѣмъ сомнѣвающимся полную состоятельность сдѣланнаго имъ открытія. Вѣра его была такъ велика, что, несмотря на всѣ предостереженія, онъ велѣлъ спустить шаръ, взлетѣлъ высоко на воздухъ, чтобы вернуться на землю въ видѣ страшно обезображеннаго и обугленаго трупа. Та же участь постигла и его товарища, механика Кнабе.

Такимъ образомъ получились только двѣ новыя жертвы смѣлой идеи, страстнаго желанія подчинить человѣку не только землю, но и воздухъ. Хотѣлось бы вѣрить, что всѣ эти жертвы не пропадутъ даромъ, и что духъ человѣческій, проявляющійся въ нихъ такъ сильно, въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ тою стихією, которая наименѣе вещественна и, слѣдовательно, наиболѣе ему близка.

Политическое обозрѣніе.

Президентъ французской республики подвергся опасности, которая, къ счастью, миновала, не причинивъ г. Форю никакого вреда: на пути слѣдованія президента къ скачкамъ въ Лоннанъ, 1 іюня, у вѣска въ Булонскомъ лѣсу раздался въ кустахъ выстрѣлъ, сопровождавшійся густымъ дымомъ; послѣ нѣкотораго волненія, когда въ свѣтѣ президента удостоверились, что никто не пострадалъ, corteжъ продолжалъ свой путь. Полицейскіе агенты, посѣдившіе къ мѣсту взрыва, подыли осколки простой металлической трубки, пистолетъ и кинжалъ; на ручкѣ пистолета выгравировано: „Феликсъ Форъ осужденъ. Эльзасъ-Лотарингія. Кельнъ“; вмѣстѣ съ этими вещами оказалась бумага со словами: „Казнь Феликсу Форю“. Арестованныя тутъ же подозрительныя личности не дали никакихъ существующихъ показаній и въ тотъ же день освобождены. Негодующая толпа народа съ яростью накинулась на полицейскаго, подыавшаго осколки, принявъ его за преступника, и набила до крови. Вѣроятно, во время этой расправы преступнику

удалось скрыться. При возвращеніи со скачекъ г. Форъ былъ горячо привѣтствованъ массой публики. Отъ иностранныхъ государей получены сердечныя поздравленія; представители державъ, сенаторы и депутаты расписывались въ Елисейскомъ дворцѣ.

Въ день происшествія парижская печать полагаала, что имѣетъ дѣло съ сумасбродной выходкой какого-нибудь помѣшаннаго, но позднѣйшія свѣдѣнія изъ Парижа отъ 2 іюня не оставляютъ сомнѣнія въ серьезности покушенія: на мѣстѣ взрыва найдена еще трубка, начиненная порохомъ и кусками желѣза. Полиція подоарѣваетъ двухъ иностранцевъ и одного анархиста изъ провинціи; начались обыски въ кварталахъ, населенныхъ эльзасцами и поляками.

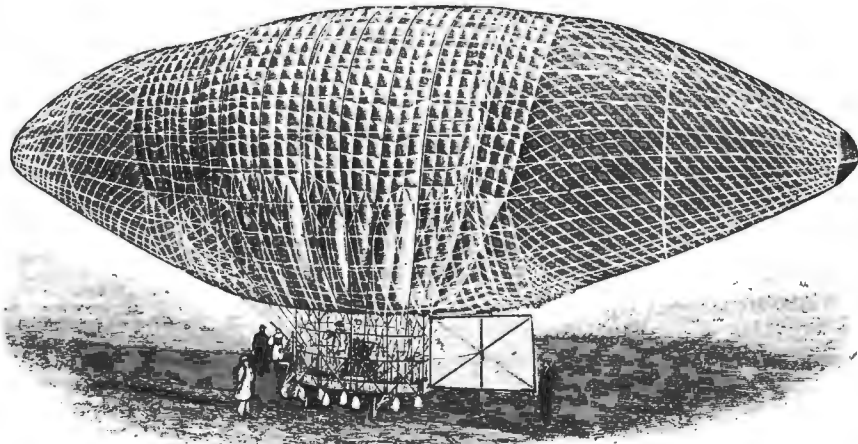
Къ юбилею королевы Викторіи британская политика успѣла добиться отъ Китая существенныхъ выгодъ. По сообщенію парижскаго офиціознаго органа *Темпс*, отъ 4 іюня, въ силу заключеннаго договора, Китай уступаетъ Англій области

въ 400 квадратных миль, господствующую надъ обширной провинціей—Юваномъ, въ которомъ разрушено учрежденіе британскихъ консульствъ, и допущена британская торговля въ двухъ пограничныхъ городахъ. Кроме того, Англія предоставлена въ аренду территория между Китаемъ и Вирмавией, къ восточнымъ границамъ которой англичане будутъ строить китайскую желѣзную дорогу концессионнымъ способомъ. Зато съ запада британской Индіи получены далеко не утѣшительныя вѣстия, нарушающія радостное настроеніе столицы Англіи. По вѣстиямъ изъ Сими, отъ 30 мая, отрядъ индійскихъ войскъ въ 300 человекъ, съ двумя орудіями, конвоировавшая британскаго комиссара, неожиданно былъ атакованъ вазириями, изъ племени маликовъ, въ долинѣ рѣки Точи, одного изъ правыхъ притоковъ Курама, выдающаго въ Индію. Англійскій полковникъ, два офицера и 25 нижнихъ чиновъ убиты; нападѣвшій въ подавляющей массѣ непріятель преслѣдовалъ отступившій отрядъ, при чемъ всѣ офицеры были тяжело ранены. Разгромъ

отряда произошелъ на территоріи, уступленной недавно афганскимъ эмиромъ Англіи. По мнѣнію англичанъ, виновникъ нападенія—фанатическій врагъ англичанъ, мулла Повиндаръ. Англійская печать требуетъ примѣрнаго наказанія вазиристовъ и немедленнаго возстановленія британскаго престижа. О важности событія говорятъ сдѣланныя уже распоряженія: одна изъ пенджабскихъ полковъ двинулся въ Таль, другой—въ Кохату, а два полка сейчасъ направляются къ Банну.

Возмутившіеся противъ Англіи вазиристы населяютъ долины сѣверной части Сулимановыхъ горъ и горные проходы, ведущіе къ афганскимъ центрамъ—Кабулу и Газни. Захватомъ территорій вазиристовъ англичане осуществляютъ давнишній стратегическій планъ, отодвигнувъ западную оборонительную линію Индіи. Представляется весьма вѣроятнымъ, что энергичныя мѣры къ возстановленію британскаго обаянія среди вазиристовъ могутъ вызвать такіа осложненія, которые выдвигнутъ на сцену новыя задачи для нашей среднеазиатской политики.

Гибель берлинскихъ воздухоплателей. Шаръ съ корзиной.

Разныя извѣстія.

— По сообщенію официальныхъ бюллетеней о состоянии здоровья Государыни Императрицы Александры Феодоровны, подписанныхъ лейбъ-акушеромъ Оттомъ и лейбъ-хирургомъ Гиршемъ, Ея Императорское Величество чувствуетъ себя вполне хорошо; послѣродовой періодъ протекаетъ во всѣхъ отношеніяхъ правильно. Равнымъ образомъ и состояние здоровья Ея Императорскаго Высочества великой княжны Татьяны Николаевны не оставляетъ желать лучшаго. Питаніе Высокопорожденной великой княжны идетъ вполне успешно.

— Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, при канцеляріи комитета министровъ открытъ приемъ пожертвованій на образованіе благотворительнаго фонда для оказанія помощи сибирскимъ переселенцамъ. Этотъ новый актъ попечительной Монаршей заботливости о переселяющихся въ Сибирь отвѣчаетъ самымъ неотложнымъ нуждамъ, самымъ настоятельнымъ запросамъ и требованіямъ переселенческаго быта. Во время совершеной статскъ-секретаремъ Куломзинымъ лѣтомъ 1896 г., съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, поѣздки по Сибири, онъ на каждомъ шагѣ имѣлъ случай наблюдать, какъ часто отъ безысходной нужды и по совершенному невѣдѣнію всѣхъ трудностей устройства на новыхъ мѣстахъ, въ Сибирь заходятъ люди маломощные, не имѣющіе никакихъ матеріальныхъ средствъ. Каждый день воочию онъ видѣлъ, сколько горя, страданій и всаческихъ лишеній выпадаетъ на долю этихъ труженниковъ и ихъ семействъ. Вотъ, пришла въ токалинскую округу семья харьковцевъ—мужъ, жена, съ тремя малолѣтними дѣтьми. Бодро принялись переселенцы за дѣло, но не выдержало здоровье дѣтей, и они умерли на горѣ родителей; мать не перенесла испытанія, вскорѣ лишилась разсудка и была помещена въ больницу для умалишенныхъ. Чуть не ежедневно въ каждомъ почти поселкѣ открывались тяжелыя картины безотраднанаго положенія оковѣвшихъ семейныхъ переселенцевъ. Имѣть хлѣба, въ нихъ случалось имѣть и земельныя надѣлы, и имѣть даже надежды на возможность какъ-нибудь устроиться, податся. А полярны, неурожайны, не прекращающіеся въ Сибири, эпидеміи сибирской явы, уносящія тысячами годовъ главное богатство переселенцевъ,—статскъ-секретарь Куломзинъ видѣлъ, какими тяжкими, непосильными бременемъ дажатся эти бѣд-

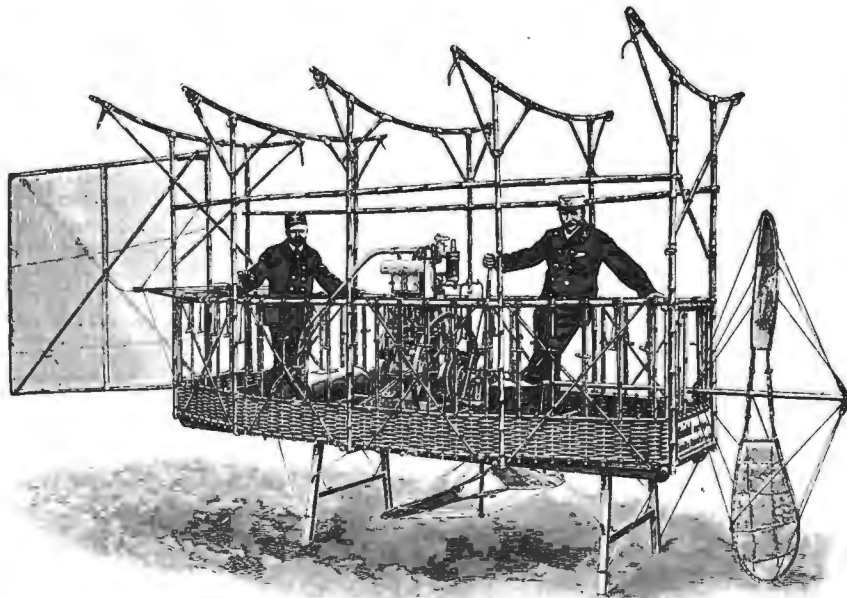
ствия на молодое, бѣдное средствами хозяйство переселенцевъ, онъ убѣдился, какъ нужна въ такихъ обстоятельствахъ бываетъ быстрая помощь! Имѣть никакой возможности помогать въ подобныхъ случаяхъ путемъ казенныхъ средствъ и пособій, выдаваемыхъ только разъ, въ определенномъ размѣрѣ, съ соблюденіемъ необходимыхъ условій и имѣющихъ исключительно хозяйственное назначеніе. Такие случаи—широкое поле для благотворительной дѣятельности; на немъ уже трудятся частныя благотворительныя общества, но силы и средства ихъ далеко недостаточны и, по общему признанію всѣхъ благо-

татѣ и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство, 27 мая осчастливлено высокою Монаршею милостию—принятіемъ его подъ Августѣйшее покровительство Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

— Государственный Совѣтъ, постановивъ мнѣніе объ отнѣтѣ сборовъ, взимаемыхъ въ казну съ иждивенъ на жительство, вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ всѣми зависящими мѣрами поставить населеніе въ вѣстѣность, что паспортные документы имѣютъ получаться бесплатно, съ возмѣщеніемъ лишь произведенныхъ на счетъ выбраннымаго паспорта необходимыхъ расходовъ, какъ то: уплата заготовительной стоимости паспортныхъ книжекъ, а также почтовыхъ и страховыхъ денегъ по пересылкѣ паспортовъ изъ мѣста приписки получающаго паспортъ въ мѣсто временнаго его пребыванія. Вслѣдствіе сего, министру внутреннихъ дѣлъ обратился 21 мая и. г. къ губернаторамъ съ циркулярной просьбой:

1) По полученіи на мѣстахъ упомянутаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, удостоеннаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества утвержденія 7 апрѣля и. г., безотлагательно поручить кому слѣдуетъ: 1) снабдить всѣми необходимыми инструкціями, мѣщанскимъ и ремесленными управами, а гдѣ таковыхъ управъ нѣтъ—установленія, исполненія обязанности по мѣщанскому и ремесленному управленію, печатными экземплярами означеннаго Высочайшаго повелѣнія, и 2) обязать упомянутыя установленія вывѣстивъ въ помѣщеніяхъ правленій и управъ, на видномъ мѣстѣ, особымъ объявленіемъ о томъ:

- а) что съ выдаваемымъ лицамъ сельскаго состоянія, мѣщанамъ и ремесленникамъ паспортныхъ книжекъ возмѣщается лишь заготовительная цѣна ихъ, въ размѣрѣ пятнадцати копеекъ съ каждой книжки;
- б) что всѣ прочіе паспортные документы, а также безсрочныя паспортныя книжки, выдаваемыя лицамъ, имѣющимъ право на полученіе отнѣменныхъ выѣздовъ безсрочныхъ бесплатныхъ билетовъ,—выдаются бесплатно,—и
- в) что лица, замѣченныя въ истребованіи при выдачѣ паспортныхъ документовъ какихъ-либо пороковъ, будутъ привлекаемы къ законной за сѣ отвѣтственности.

Гибель берлинскихъ воздухоплателей. Корзина съ бензиновымъ двигателемъ.

стоящихъ къ переселенцамъ лицъ, въ хозяйственно-неокрѣпимомъ переселенческомъ быту потребность въ усиленіи и расширеніи благотворительной помощи также сказывается на каждомъ шагѣ. Образумый мнѣтъ, по Царской волѣ, благотворительный фондъ имѣетъ свою цѣлью послѣднее удовлетвореніе этой потребности. Изъ средствъ его, черезъ мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ и отдѣльныхъ, заслуживающихъ довѣрія, лицъ, будутъ оказываться въ несчастныхъ случаяхъ пособия больнымъ и слабымъ, голоднымъ и непольно знающимъ въ бѣду переселенцамъ.

— Попечительство Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспи-

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1897 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подѣ которою получается ими „Нива“.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ министру финансовъ отъ 29 мая 1897 г. дарованы дворянамъ, заемщикамъ государственнаго дворянскаго земельного банка, новыя облегченія по исполненію лежащихъ на нихъ обязательствъ. Процентъ роста по всѣмъ выданнымъ до 1 мая 1897 г. ссудамъ, числящимся на имѣніяхъ потомственныхъ дворянъ, уменьшается съ майскаго того же года срока съ четырехъ до трехъ съ половиною въ годъ; продолжительность срока для выкупа имѣній изъ залога государствен-

ному дворянскому земельному банку владѣльцами, не принадлежащими къ потомственному дворянству, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 66 устава сего банка, исчисляется не въ пять, а въ десять лѣтъ, и при переводѣ имѣній изъ особаго отдѣла государственнаго дворянскаго земельного банка въ сей послѣдній банкъ сумма взноса, установленнаго въ п. 3 отд. I Высочайшаго манифеста 14 ноября 1894 г., для погашенія металлическихъ долговъ означенному отдѣлу уменьшается на два рубля съ каждой сотни

металлическаго долга, которые уплачиваются особому отдѣлу дворянскимъ банкомъ. Затѣмъ никакія дальнѣйшія измѣненія въ постановленіяхъ, относящихся къ платежамъ и всякаго рода льготамъ по ссудамъ изъ государственнаго дворянскаго земельного банка и особаго его отдѣла не должны быть допущены впередъ до завершенія конверсіи остающихся въ обращеніи 4½ проц. и 4 проц. закладныхъ листовъ названнаго банка. Таковыя главныя постановленія указа.

СМѢСЬ.

Морские гиганты. Заимствуемъ изъ журнала *Engineer* болѣе подробныя свѣдѣнія о строящемся въ Бельфастѣ быстроходномъ пароходѣ „Oceanic“. Въ настоящее время это самое большое судно въ мірѣ, къ радости англичанъ, которымъ, кажется, не давала покоя мысль, что величайшимъ пароходомъ владѣтъ Германія. Въ свое время два быстроходныхъ парохода „Campania“ и „Lucania“ давали Англии и въ этомъ отношеніи перевѣсъ надъ всѣми морскими державами, пока ихъ не затмилъ своими разбѣрами пароходъ Свв. Любда „Императоръ Вильгельмъ Великій“, стоящій на верфи „Вулканъ“ близъ Штеттина. Теперь и его затмилъ „Oceanic“. Послѣдній превосходитъ длиною даже знаменитый пароходъ „Great Eastern“, до сихъ поръ не знавшій соперниковъ. Пароходъ „Ими. Вильгельмъ Великій“ даетъ помѣщеніе 400 пассажирамъ 1-го класса, 350—второго и 800—третьяго; двойное дно имѣетъ 22 отдѣленія; 16 перегородокъ отъ самаго два до верхней палубы дѣлятъ внутреннее пространство судна на 18 большихъ, непроницаемыхъ для воды отдѣленій, что позволяетъ судну продолжать путь даже въ томъ случаѣ, если бы три изъ нихъ наполнились водою.

Аппетитъ наука. Известный англійскій натуралистъ сэръ Джонъ Лэббокъ, цѣнные труды котораго по исторіи эволюціи низшихъ растений и животныхъ переведены почти въ полномъ составѣ на большую часть европейскихъ языковъ, сообщаетъ, между прочимъ, о результатахъ своихъ опытовъ надъ прозорливостью пау-

ковъ. Онъ тщательно взвѣшивалъ множество этихъ насѣкомыхъ до и послѣ приѣма ими пищи и вычислялъ, что если бы взрослый человекъ могъ уничтожить за одинъ разъ относительно одинаковое съ паукомъ количество пищи, то ему пришлось бы съѣсть въ теченіе сутокъ двухъ быковъ, тринадцать барановъ, десять свиней и четыре бочки рыбы! Поэтому, гораздо правильнѣе говорить о „голодѣ паука“, чѣмъ о традиціонномъ „волчьемъ голодѣ“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ. *Ф. И. П.*..... у, Премі. Переплетъ полученнаго Вами I тома „Исторіи Искусствъ“—въ полной исправности. Это послѣдняя, только что привозившаяся у насъ французская система переплетанія книгъ. Стоя на полкѣ въ шкапу, книга пылится лишь сверху, поэтому только верхній обрѣзъ и покрывается золотомъ, которое не подвергается дѣйствию пыли. Нижний и боковой обрѣзы, уже по своему положенію въ шкапу, ограждены отъ пыли, а потому позолоты и не требуютъ. Наконецъ, силошной золотой обрѣзъ представляетъ еще то неудобство, что имъ до нѣкоторой степени склеиваются листы, такъ что книга свободно раскрывается на любомъ мѣстѣ только послѣ продолжительнаго употребленія. Что же касается до шероховатаго обрѣза двухъ остальныхъ сторонъ, то это опять-таки особенность вышеупомянутой французской системы.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немровича-Даниченко. (Продолженіе.)—Стоягольмъ. Очеркъ М. Гандофа. (Съ 8 портр. и 15 рис.)—Къ рисункамъ: Лѣтній этюдъ.—Императорскій Ботаническій садъ. Продажа лимонныхъ эссенціальныхъ растений.—Полезное съ пріятнымъ.—Графъ А. А. Геленшицевъ-Кутузовъ (съ портр.).—Архимандритъ Игнатій (съ портр.).—Ю. И. Базанова (съ портр.).—Гибель берлинскихъ воздухоплавателей (съ 2 рис.).—Поэтическое сообщеніе.—Разныя извѣстія.—Замѣтки.—Смѣсь.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературы. прилож.“ за июль.

Издатель А. Ф. Марисъ.

За редактора А. Ф. Марисъ.

ПРИРЕЙНСКОЕ
техническое училище
въ Бингенѣ. 4-2
Машиностроеніе и электротехника.
Программы высылаются безплатно.

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р.
эл.стр. прейсъ-кур.
БЕЗПЛАТНО.
Ш. Ш. ХАЗАНОВЪ.
Варшава, Электр., 17.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ГУМБЕРЪ и №, Москва
КОНТРАГЕНТЫ
Георгій ЖЕМЛИЧКА и №,
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куранти по требованію. 12-12

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К.И.ФРЕЛАНДЪ
С.ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№27-18 УЛИЦА УЛИЦА

№ 10263 10-4

ПИСАТЬ не только красиво, но и скорѣе изучивъ въ 6 уроковъ заочн. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдвина. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Кошидарскъ. № 10263 10-2

КАПИТАНЪ
ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева.
СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“.
 Скорость, прочность, удобство. Исключительное совершенство.
 Цена 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина **„КОСМОПОЛИТ“**
 Самый красивый шрифт. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами.
 Цена 95 р. Полиров. литье къ ней 10 р.
 Описание и образцы шрифтов объёмъ машинъ высылаются бесплатно.
ОПТИКЪ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербург. Адмиралтейскій просп., № 4.

Въ скоромъ врем. выйдетъ изъ печати въ ограничен. числѣ экз. книга:
«ВЪ БЕЗКОНЕЧНЫХЪ БЕЗДНАХЪ ВСЕЛЕННОЙ».
 Астроном. сказка А. А. Рождественскаго. Содержание: Вступленіе. Среди туманностей. Среди мировъ. Среди планетъ. На солнцѣ. Возвращ. на землю. Цена 75 к. съ пер. Можно налож. плат. Обращаться: Москва, Тубинск. пл., стрих. о-во „Волга“ къ С. П. Францеву.
 Ц. № 10289 3 - 1

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА
 отъ 9 р. за кусокъ шёроу 26/28 аршинъ. Фанза, ирель, платки, че-су-ча цвѣтная. **ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫЙ** китайскій чай 1 р. 60, 2 р., 2 р. 20 и 2 р. 50 ф. оптомъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. ЕПАНЕШНИКОВА, Москва, Никольская ул., Греческ. мост. Ингор. высыл. съ залож. платж. при мысли 10% на сумму заказа.

НА ВОСПИТАНИЕ И УСТРОЙСТВО БОЛЬНЫХЪ ДѢТЕЙ
СВЯБОЯ
 60. ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПРОСИТЪ
 ЛЮБЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ
 ЖЕРТВОВАТЬ
 ЕМУ
НЕУЖИВЪНЫЯ ВЕЩИ
 АУКЦИОНЪ
 ПО ВТОРИКАМЪ
 СОСПИТАНИЕ
 до 500 латъ
 ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1941.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для устройства и перестройки
ПАТОЧНЫХЪ И
ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Uhlend, Leipzig.
 Испытанные аппараты. Пр.-кур. бесплатно.
НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
 Вс. Соловьёва. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Остерегаться подделокъ!
№ 4711.
 Лучшій 4-9
ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
№ 4711.
РЕЙНОНИЕ БУКЕТЫ
 слѣдующихъ заводовъ:
 Подсѣвникъ, Гольдакъ, Мясницъ, Гелотропъ, Амиды, Оподонаксъ, Резеда, Рейнская Роза, Рейнская Флора, Рейские цвѣты и Ясинникъ.
 Превосходные, продолжительные и дешёвые духи для платковъ.
 Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.
 При покупкѣ просить обращать вниманіе на утвер. фабр. марку № 4711.
 Цена 1 р. 10 к. и 65 к. за флак., смотря по величинѣ.
 Агентъ для С.-Петербурга — Лавкс. Тисъ и Ко. Пушкиская, 6.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ.
ДЛЯ ВСКАРМЛИВАНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ
 суррогатъ материнскаго молока.
Цѣна жестянокъ 1 р. 50 к.
СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.
 Цѣна мест. 1 руб. 10 коп. 6-5
 Единственный агентъ для всей Россіи *Лавкс. Тисъ и Ко.*
 Оптовый складъ въ центральн. депо перевозочныхъ и хирургич. матеріаловъ торговаго дома **АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ** въ С.-Петербургѣ, Горюховая, 33. Въ С.-Петербургѣ можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
 Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (69)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ La Violetta—Muguet
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ нуаферовъ.

Лѣчебница д-ра Эммериха
 для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Бадень-Бадень. 24-12
 Проспекты бесплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейница въ Берлинѣ. Завѣдн. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герземъ.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА И ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.
DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
 Марка **FABRICE**
ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ. 26-13

К. Шликэizenъ, Берлинъ SO.
 машино-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длинны, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (59)
 Далѣе: мѣшалки и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляціонную массу.
 Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

МЫЛО
ЧИСТОТЪЛЬ
Chelidon. majus.
Н. ЯКОВЛЕВА
 въ Москвѣ.
 Для смягченія кожи рукъ и лица, а также противъ вѣснушекъ и загара. Ц. 40 к. бус.

УДОЧКИ
 и всё принадлеж-ности для рыбной ловли по лучеши изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинахъ **С. И. Дойникова**
 СПб. 1-й магазинъ: Невскій пр., Малотий рядъ, д. Успенской, 27—18. 2-й магазинъ: Гостиный дв., противъ Пажескаго корпуса, № 73. 3-й магазинъ: Чернышевск. пер., Банковская лин., № 15. Иллюстриров. крѣп. куратъ рыболовныхъ принадлеж. высылаются ингороду. бесплатно.

АРБЕНЦА БРИТВЫ съ переносимымъ лезвиемъ всемирно-извѣстнаго своего качества и реком. какъ наилучшія благодат. и наимыгодн. бритвы. Тисачи благодарностей. Полная гарантія за достоинство. Обращайте вниманіе на клеймо: **A. Arbenz, Jouigne, France.** Прод. въ лучш. магаз.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
 Вс. Соловьёва.
 Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 30 к.

НАКЛЮЧЕНІЯ
 безкурковыхъ ручныхъ **„ИДЕАЛЪ“**
 французской оружейной мануфактуры въ С.-Петербургѣ.
 Предлагаетъ по доступнымъ цѣнамъ торговлю и доми Я. Зинина вдова и
 №. Москва, Тверская, д. Шаблинскихъ. Прейсъ-куртъ бесплатно.

Берндорфскій металлическій заводъ
АРТУРЪ КРУППЪ,
 BERNDORF, въ Австріи.
 рекомендуютъ истиннымъ и союзникамъ своего завода:
КУХОННЫЯ ПОСУДУ ИЗЪ ЧИСТАГО МАССИВНАГО ЖЕЛЕЗА,
 тѣвутаго изъ одного куска, т. е. не вальнаго и не подлежащаго луженію. Исключеніе чего оны совершенно безвредны въ гигиеническомъ отношеніи, оны отличаются также особенною прочностью и изяществомъ выдѣлкой.
 ГЛАВНЫЙ СКАДЪ для всей Россіи въ отдѣлен. складѣ въ МОСКВѣ, въ Бр.-городкѣ Мостъ, въ домѣ Захарова.
 Ц. № 10283

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва * Рига * Спбуръ
РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ въ фирмѣ: „ПРОВОДНИКЪ“
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕННОЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

ТОВАРИЩЕСТВО **БРОКАРЪ и К^о** Средство для смягченія кожи, рукъ и лица
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ СЛИВКИ. 4-3

ГИТАРЫ
 21, 3, 5, 7, 10, 12, 20, 25, 40, 50 р. дорожъ.
 Отъ 7 руб. съ низомъ
 1, 3 руб.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ.
 Петербургъ Морская, 34.
 Москва, Садовая м., д. Захарьина.

КУШАЙТЕ **ПЕРКУЛЕСЬ.**
 Ц. № 10277 4-3

ПАМЯТЬ
 лица кажд. возр. укрѣпляетъ лично и эаочно профессоръ именованн С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской и Ваз. ул., собственный домъ, № 28.
 Условія и бромъ. (въ 3! стран.) смл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10269 10-2

ОБШИРНѢЙШІЙ СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ (около 1000 штукъ въ наличности).
 = Новости сезона 1897 г. =
 АМЕРИКАНСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ „ВИКТОРЪ“ (первая марка Америки), „ГИКОРИ“ (съ деревянной рамой), а также испытанные дупные велосипеди „СВИФТЪ“, „ПРЕМЬЕРЪ“ и др.
ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО
Ж. Блок
 Правленіе: Москва.—Отдѣленія: С.-Петербургъ, Одесса, Кіевъ, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и др.

НОВОСТЬ!
 Цѣбточная вода **ЛЕВКОЙ**
 ПОСТАВЩИКОВЪ Высочайшаго Двора **А. Ралле и К^о**
 За флаконъ 60 к. и 1 р.

ФАБРИКА СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ и К^о
 С.Петербургъ, Морская, 34.
 Москва, Садовая м., д. Захарьина.

ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАГЛАЗНЪ
А. А. ПОЛЕТАЕВА Казань.
 Новый изобретен. прейсъ-курантъ высылается за 20 к. пошт. марк.

Поповъ изданіе Д-ра Лейнгольда
Геморрой
 Вѣрный способъ скорого и полного излѣченія.
 Изданъ 1897 г., ц. 30 к. Продается въ аптекахъ. Отъ издателя можно получить за 10 коп. образчикъ, пошт. марку.

В. ПРЕТЦЕЛЬ преемникъ **КАРЛЬ БОРХАРТЬ**
 Москва, Рождественка, д. № 5.

БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЕТЪ ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ спеціальный магазинъ бѣлыя **Ю. Готлибъ.**
 Базарная, 2. 17025 Невскаго.

БИНОКЛИ для театра и поля, съ большимъ полемъ зрѣнія и сильнымъ увеличеніемъ отъ 3 р. 50 к. до 30 рублей. № 10264 4-3
ОЧКИ И ПЕНСЕН пригодные для каждаго, съ лучшими стеклами, стальныя 1 руб. 25 коп.; double (накладного золота), не отличающіеся отъ золотыхъ и не чернѣющіе, 4 руб.

Машины для устройства МЕЛЬНИЦЪ
 вертикальныхъ и водныхъ, съ жерновыми и валъ, для крестьянскаго и торговаго повола.
ЛѢСОПИЛЪ. СТАНКИ
 вертикальныя, переносныя и перевозныя на колесахъ.
 Бензиновые и паровыя **КИРПИЧЕДѢЛ. МАШИНЫ** новейшей патентов. системы.
 Маслосбойныя заводы.
 Станки автоматыч. Агрегатныя турбины. Паровыя машины. Паровыя котлы. Ц. № 10060
 Карбидныя двигатели. 4-4
 Слѣдуетъ и прейсъ-курантъ высылать
В. ЖУКОВСКІЙ
 С.-Петербургъ, Невскій, 87.

Новый прейсъ-курантъ иллюстр. за 1897 г. Оружіе и снаряженіе склада въ фирмѣ: „Центральное депо оружія“ В. Колюшнкая, 29. Эд. Венга. За приложеніемъ двухъ 7 к. пошт. марку высыл. бесплатно. Много новостей.

Эссенція для завивки волосъ ГРАЦІОЗА.
 Самые красивые и натурально локоны получаются посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и неизмѣняющіе свой видъ ни отъ погрѣшн, ни отъ сырости погоды.
 Флаконъ 60 к. и 1 р., съ пересылкою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. Ц. № 10000
 Габсбургъ-Лотарингскіе императоры ГЕБГАРДЪ, С.-Петербургъ, Литейскій пр., № 11, ул. Надрядинскій.

КРАСИВО ПИСАТЬ вышлѣтеся вамъ эаочно (инструменты перьевыя) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
 Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10230 6-3
 За 2 семиконечныя марки высылается пробное высьмо и условія, а за 4 семиконечныя марки высьмо. Пробныя высьмо высылаетъ въ фирмѣ: „Центральное депо оружія“ В. Колюшнкая, 29. Эд. Венга. За приложеніемъ двухъ 7 к. пошт. марку высыл. бесплатно. Много новостей.

Schlesischer Obersalzbrunnen Oberbrunnen
 Первоклассный алыкачическій источникъ, съ вкусомъ приятнымъ съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ бесплатно Ментора отправки книжечки минеральныя вода въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ. ФУРБАХЪ и СТИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.**
 Ц. № 10156

ВАШИЛИ АУРИХЪ
 РОДИЛЬНАЯ 19
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
 С.-Петербургъ, Невскій, 87.

XXVIII г.

№ 25

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ еженѣдн. литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVIII

1897

Выданъ 21 іюня 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставкн въ Петербургъ **5 р.** Безъ доставкн въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговыя лннн. **6 р.** Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу **10 р.**

Дѣвичьи сны. Съ карт. М. Блока грав. Кирязе.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ
Вас. И. Немировича - Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

Мать Александра давно могла быть игуменьей. У нея оставались связи. Переписка съ далекою знатною часто погружала простыхъ инокинь въ священный ужасъ, когда онѣ видѣли у нея конверты съ золотыми коронами и узнавали „откуда сіе“. Но монахиня, простая по натурѣ, не принимала никакихъ отличій, разъ навсегда отказалась отъ власти.

— Пора тебѣ, мать, верховодить обителью, — сказалъ ей разъ мѣстный епископъ. — Я тебя, кажется, назначу скоро.

— И не думайте, ваше высокопреподобіе.

— Отчего?

— Добра не будетъ. Распушу обитель. Мнѣ дай Богъ съ собой справиться.

— Съ собой труднѣе.

— Нѣтъ, ужъ вы меня освободите.

— Не хочешь — пасти стадо?

— Не достойна... Если бы у меня была хоть десятая доля способностей матери Клеопатры...

— Клеопатры! Клеопатра — такой родилась. Въ ней въ одной Святѣйшей Правительствующей Синодѣ сидитъ. Ей поручи арміей командовать, такъ она тебѣ дванадцать языкъ, — какъ жидовскую перину, — по воздуху пустить, — во всѣ стороны пухъ полетитъ. Ей равной въ Европѣ нѣтъ... Да и въ Америкахъ поищешь. Вонъ во Франціи пишутъ свѣтопреставленія — всѣ въ Панамѣ прокрались, и никакъ они разобратъся не могутъ: кому кого судить. Потому и у судей, и у подсудимыхъ одинаково рыльца въ пушку. Избери мать Клеопатру президентомъ — она бы ихъ живо расточила. Кого куда: всякому бы надлежащее мѣсто нашла... Забыли бы и думать. Ну, да ужъ Богъ съ тобой — оставайся простою инокиней, — смѣлся епископъ, благословляя ее.

— Мнѣ и то дѣла много.

— Отъ дѣла не бѣгай. Вонъ опять мать Клеопатра. Я ей вчера говорю,—хочу тебя послать Рождественскую обитель приструнить. Очень ужъ матери ослабли. Чорта погѣшаютъ и ангеловъ огорчаютъ. Она мнѣ только: „благослови, владыко, а я попробую“. Я и то думалъ—если бы ее съ отцомъ Варлаамомъ сразить, кто бы изъ нихъ побѣду одержалъ?..

— Ну, довольно тебѣ!—тихо проговорила мать Александра, замѣтивъ, что Елена Борисовна стала успокоиваться. — Слезы хорошему не научатъ. Отъ нихъ только слабнешь и волю тратишь попусту. Давай теперь говорить...

Елена Борисовна встала, подошла къ умывальнику и нѣсколькими вытерлась водою съ одеколономъ. Потомъ она завернулась въ большой платокъ матери Александры и тихо отвѣтила:

— Спрашивайте!

— Что у васъ такое вышло? Изъ-за чего?

— Изъ-за всего... Наша жизнь сдѣлалась совѣмъ невозможной. Вы, тетя, какъ женщина, меня поймете. Я бы съ чѣмъ не помирилась! И даже Моисея Лукича бы вынесла. Ну что-жъ—старикъ. Ему покорности нужна. Любитъ величаться — пускай. На его мерзости не обратила бы вниманія. Это все такъ легко побороть. Ну, онъ хорошо помнить, какъ дѣда его у насъ на конюшнѣ пороли. Росъ онъ — кругомъ были одни „наильники да обидчики“. Самъ онъ мнѣ это рассказывалъ. Какъ у всякой низкой души—въ немъ явилась жажда отмести. Поцалась княжна въ руки. Мои предки издѣвались надъ его. Давай-ка я теперь самъ тебя къ ногтю пригну... Ты у меня въ ежовыхъ рукавицахъ будешь... И надъ этимъ я бы только смѣялась, вѣдь не страшень онъ, если бы у меня мужъ былъ настоящій. Не растопша какая-то.

— Что такое?

— Ну, нарывъ, что ли. Мягкій, скверный и все нудитъ, все болитъ. На пальцѣ выскочилъ—а всей самой скверно. Этого я и не могу вынести. Жалкій, слабый, безвольный. Передъ Моисеемъ Лукичемъ—чуть не свѣчкой горитъ. Бровей его слушается. Ну, я понимаю—любилъ бы онъ отца, боялся огорчить. Какой! Ненавидитъ, потерянный ходитъ... Женихъ былъ—орелъ орломъ, а вышла я замужъ, такимъ обернулся—краще въ курятникъ сажаютъ. И того „не могу“, и этого „не смѣю“, какъ папаша,—а вѣдь самъ скоро „ваше превосходительство“ будетъ. Подумай, тетя, какая мнѣ опора въ немъ... Будь онъ человекъ—да я бы смѣялась надо всѣмъ, знала бы, что у меня позади есть и защита, и сила настоящая... А то самъ онъ дрожитъ, самого его покрывать надо, самъ онъ ни на что руки поднять не подумаетъ. Ахъ, если бы ты знала, какъ мнѣ эта слякоть ненавистна. Чуть что—онъ теряетъ голову. Вмѣсто того, чтобы меня поддержать, я же его должна въ себя приводить. Малодушный... Ну—палка въ чужихъ рукахъ да и только. И изъ-за чего. Ты знаешь нашъ родъ. И у насъ изъ-за денегъ гадости дѣлали,—но не надолго. Споткнется и подымется, и гордость настоящую узнаетъ—самъ себя стыдится. А тутъ вся жизнь—и его, и моя—изъ-за напенькиныхъ капиталовъ. За нихъ страшно. Я ему говорю разъ—да брось ты все. Неужели мы съ тобой на твое жалованье не проживемъ. Мы въ тысячу разъ счастливѣе будемъ. А онъ мнѣ,—ну что бы ты думала?—„Погоди еще немного, Лялька.—Это онъ меня звалъ тогда Лялькой. Противно вспомнить.—Погоди—доктора мнѣ говорили, что у отца ракъ въ желудкѣ начинается. А съ этимъ долго не промаешься. Ну, пускай онъ пока покомандуетъ: умереть—на нашей улицѣ праздникъ будетъ. Мы тогда и развернемся“. Точно мнѣ это надо! И нравственность какова, а? „Иначе, говорить, папаша со злости все состояніе на монастыри оставитъ. Неужели же я даромъ унижался столько времени.“ Нѣтъ, какъ тебѣ правится

это „даромъ“? Я сначала глаза широко открыла. Ежели я слышу! Опомнись, говорю, что ты! На что намъ эти деньги, если изъ-за нихъ и ты, и я терпимъ столько оскорбленій. А онъ на меня съ ужасомъ: „милліоны да въ чужія руки. Да я изъ-за нихъ все перенесу, а ужъ не упушу!“ Какъ мнѣ любить послѣ этого. Если бы ты слышала, какъ его отецъ ругаетъ. Что онъ надъ нимъ только не творитъ! И я же должна была утѣшать его, потому что онъ—тѣфу ты, гадость этакая—плачетъ какъ женщина. То-есть, что я, какъ женщина! И женщинъ такихъ лѣтъ кислыхъ. Повѣришь—вотъ ужъ третій годъ—у меня такое отвращеніе, такое отвращеніе. Ты, тетя, всегда лягушекъ боялась,—ну, представь, у тебя подъ бокомъ—жаба, склизкая, холодная, мокрая! А жаба лучше—ее прогнать можно. Вѣдь это я только въ послѣднее время, въ самое послѣднее—отошла отъ него. А то все время безмолвно терпѣла ласки, его ласки. Ты понимаешь—когда одно прикосновеніе отвратительно и ненавистно. И онъ еще меня упрекаетъ, что я холодна, и папаша его тоже: „отчего же это ты, Елена, не соотвѣтствуешь моему сыну. Забыла, что въ церкви тебѣ читали. А что какъ онъ на сторонѣ себѣ церкву заведетъ?“ Да заведи—сдѣлай милость, первая рада буду. То-есть вотъ что скажу тебѣ: сколько разъ бывало подымусь съ постели, отворю окно (наша спальня вверху), смотрю да и думаю: камень тутъ внизу, брошусь—одна минута мѣки. Голову о него размозжить, а отъ этихъ ласкъ цѣлые годы отвращенія. Разъ я помню—луна прямо свѣтила ко мнѣ. Я даже черезъ подоконникъ ногу перекинула. Хорошо, что Бога вспомнила, а то бы ты меня больше и не видѣла. Вѣдь ты знаешь, до чего дошло—у насъ здѣсь офицеры стоятъ. Пустой народъ—увлечется кѣмъ-нибудь изъ нихъ во всякомъ случаѣ не мнѣ. Я каталась съ ними верхомъ, какою, шампанское пила, сама себя одуряла... Но ничего—ни въ мысляхъ, ни на дѣлѣ—ни на столько,—показала она кончикъ мизинца. Такъ мой-то каковъ—вздилъ къ полицеймейстеру, вызвалъ тотъ сыщиковъ—и они ихъ подкупили накрыть меня. Хорошъ—это мужъ!.. Тѣ, разумеется, ничего не нашли. Онъ же первый является ко мнѣ съ радостнымъ лицомъ, рассказываетъ объ этомъ и цѣловаться лѣзетъ. Положимъ, я была легкомысленна. Очертя голову замужъ пошла, да и мамѣ помочь хотѣлось. Такъ больно было видѣть ее въ нищетѣ... Ну, мало я наказана за это? Всю жизнь еще должна терпѣть...

Мать Александра сложила на груди руки и раздумчиво прошла по комнатѣ. Потомъ она подозвала къ себѣ племянницу.

— Елена!

— Что вамъ?

— Взгляни мнѣ прямо въ глаза.

— Вы, тетя, мнѣ не вѣрите?

— Вѣрю, потому и спрашиваю. Иначе бы промолчала. Это все?

— Что все?

— То, что ты мнѣ рассказала.

— То-есть, какъ это? Разумеется, много еще мелочей... Развѣ припомнишь сразу.

— Я не о мелочахъ. Больше нѣтъ поводовъ къ отвращенію.

Елена Борисовна вся залилась кровью... Что называется, до корней волосъ покраснѣла. Съ ея смугливой она еще лучше стала, и глаза загорѣлись ярко-ярко. „Въ самомъ дѣлѣ,—подумала про себя и мать Александра.—Этакая, какъ она, и рядомъ Алексѣй Моисеевичъ. И винить-то какъ!..“

— Никто вамъ поперекъ дороги не сталъ?

— Развѣ и здѣсь говорятъ что-нибудь?..

— Вчера я съ матерью Клеопатрой бесѣдовала...

— Про Семигорова?

— Да.

— Ну, что-жь, если хотите—я его люблю. Это настоящий, цѣльный. Если есть на свѣтѣ мужчина — то именно Николай Львовичъ. Дурного я пока еще ничего не сдѣлала.

— Пока?

— Да. Пока,—твердо повторила она.—Я жду—пусть узелъ развяжется какъ слѣдуетъ. Но если они меня выведутъ изъ себя... Если... Я тогда—прямо говорю—не стану беречь знаменитое имя Копровыхъ. Уйду. Свѣтъ не клиномъ сошелся.

— Елена, ты въ умѣ?

— Слишкомъ долго безумствовала...

— Если бы твоя мать жива была, что она тебѣ сказала бы?

— Ахъ, къ чему эти „если бы“... Одно только: Семигоровъ честный человѣкъ, и самъ мнѣ сказалъ, что я буду его женою.

— Мужъ тебѣ не дастъ развода.

— Не знаю... не знаю и ничего знать не хочу. И вотъ что еще — тетя, добрая, милая... Пока я здѣсь—дайте мнѣ отдохнуть. Если бы вы могли себѣ представить, какъ я измучилась. Право, мнѣ иногда кажется, что я износила вся, какъ старое платье—въ лохмотья по всѣмъ швамъ ползу. Позволь мнѣ въ вашей тишинѣ оправиться. Тутъ такъ хорошо, покойно... я бы даже сказала: сладко. Хочется съ головой уйти на самое дно — и главное ни о чемъ, ни о чемъ не думать. Пусть вверху катятся волны, буря шумитъ. Фу, какъ я говорю... Но вы понимаете—лишь бы вокругъ меня было все такъ тихо. Чтобы внутри замерло, какъ будто ничего-ничего нѣтъ и не бывало, и меня даже нѣтъ. Мнѣ отдышаться надо... У меня—прямо скажу — цѣлаго мѣста не осталось: все замучено и опоганено...

— Елена!

— Ахъ, не гонитесь за словами. Еще не такія на языкъ и наворачиваются.

— Я тебѣ вотъ что скажу. Ты знаешь, я богата.

— Ну.

— Если на разводъ тебѣ нужны будутъ деньги...

— Тетя, вы воображаете, что Николай Львовичъ позволить хоть копейку кому-нибудь потратить на это дѣло? Да онъ самъ себя заложить, я не знаю что сдѣлаетъ... Боже мой—это Сонька, подъ окномъ пробѣжала...

— Она.

— Хорошая! Какъ я ее рада видѣть и вѣдь съ исповѣдью своей—я еще не одѣлась... Халда-халдой.

— Однако ты и говоришь ныпче!

— Извините, въ конюшнѣ живу, поневолѣ розами не пахну... Отъ Моисея Лукича еще и не тому научишься. Сонька, это ты?

Маленькая горбунья клубкомъ подкатила къ ней, становясь на цыпочки, хотѣла дорваться до ея губъ, чтобы поцѣловать Елену Борисовну, и не могла. Копрова наконецъ, смѣясь, подняла ее въ уровень съ своимъ лицомъ...

— Ну, давай твои васильки... Ты знаешь, когда я смотрюсь въ нихъ, мнѣ кажется, что все кругомъ одна прелесть, и никакого зла въ мѣрѣ нѣтъ. Теперь намъ съ тобою отлично будетъ...

— А я только утромъ услышала, что ты у насъ. Такъ торопилась, такъ торопилась... Все бросила. Ребяткамъ въ школѣ говорю — шабашъ, дѣтки, сегодня васъ учить не стану. У меня праздникъ. Какой? спрашиваютъ. Ты что-жь не упредила: мы бы тебѣ куръ, яицъ да холста принесли. Вотъ они какіе... Матушка—помните Ирину... Все на бокъ жаловалась... Еще у васъ мази просила.

— Какъ же... Еще ей надо.

— Ничего ей не надо. Побѣгу мать Клеопатру просить — гробъ ей и обрядить какъ слѣдуетъ. Ночью

умерла. Плакала. Жить хотѣлось ей еще. Всего вѣдь двадцать три года...

— И ты съ ней... Ишь глаза-то у тебя вспухли...

— Соня, ты напои чаемъ племянницу. А мнѣ надо къ игуменьѣ — потолковать кой о чемъ. Да и васъ слѣдуетъ оставить однѣхъ наговориться. Сколько времени не видались.

Мать Александра вышла.

— Ты и не знала, что я здѣсь? — спросила у Агушевой Елена Борисовна.

— Утромъ рано мнѣ сказали.

— Кто, монахини?

— Нѣтъ. Пари—не угадаешь?

Копрова опустила глаза. Горбунья пристально взглянула на нее и разсмѣялась.

— Хорошо, что пари не держала—проиграла бы.

— Онъ, вѣрно, еще вчера прѣхалъ?

— Да—вечеромъ.

— Гдѣ онъ остановился?

— Ты знаешь — новую избу въ сторонкѣ... Обитель Еремихѣ помогла поставить. Она еще и не перешла туда. Такъ Николай Львовичъ тамъ именно... Налетѣлъ вчера — все село взбудоражилъ. Точно туча съ молніей. Я была занята, — а то ночью бы узнала. Говорять, въ обитель порывался, да мать Степанида—привратница его не пустила. „Что ты, говорить—шалая твоя душа — куда прешь! Крестъ-то на тебѣ есть или нѣтъ? Тутъ мѣсто святое, замоленное. Матери спасаются,—а ты силкомъ норовишь. Приходи завтра, доложу игуменьѣ, какъ благословить—kozyряй. А то — ну-ко, какимъ прилетѣлъ. Рога вперед — хвостъ натлетъ“...

— Что же онъ?—смѣялась Елена Борисовна.

— Жаль, отвѣчаетъ, что ты дама, а не отецъ Гермогенъ. Я бы тебѣ показалъ... Мать Степанида пуще всего за „даму“ обидѣлась — до сихъ поръ плюется. Отродясь, жалуется, въ дамахъ не бывала, а тутъ, пако поди, набѣжалъ верхоплетъ и обозвалъ инокиню неприличнымъ словомъ. Она, знаешь, съ нимъ въ окошечко дверное разговаривала. Я ее и спрашиваю: какъ же ты мать ему отвѣтила? А никакъ! Плюнула ему туда да и захопнулась. Онъ еще стучался. Да, слава Богу, ворота у насъ желѣзомъ кованы. Толцмса сколько угодно—не отверзятся.

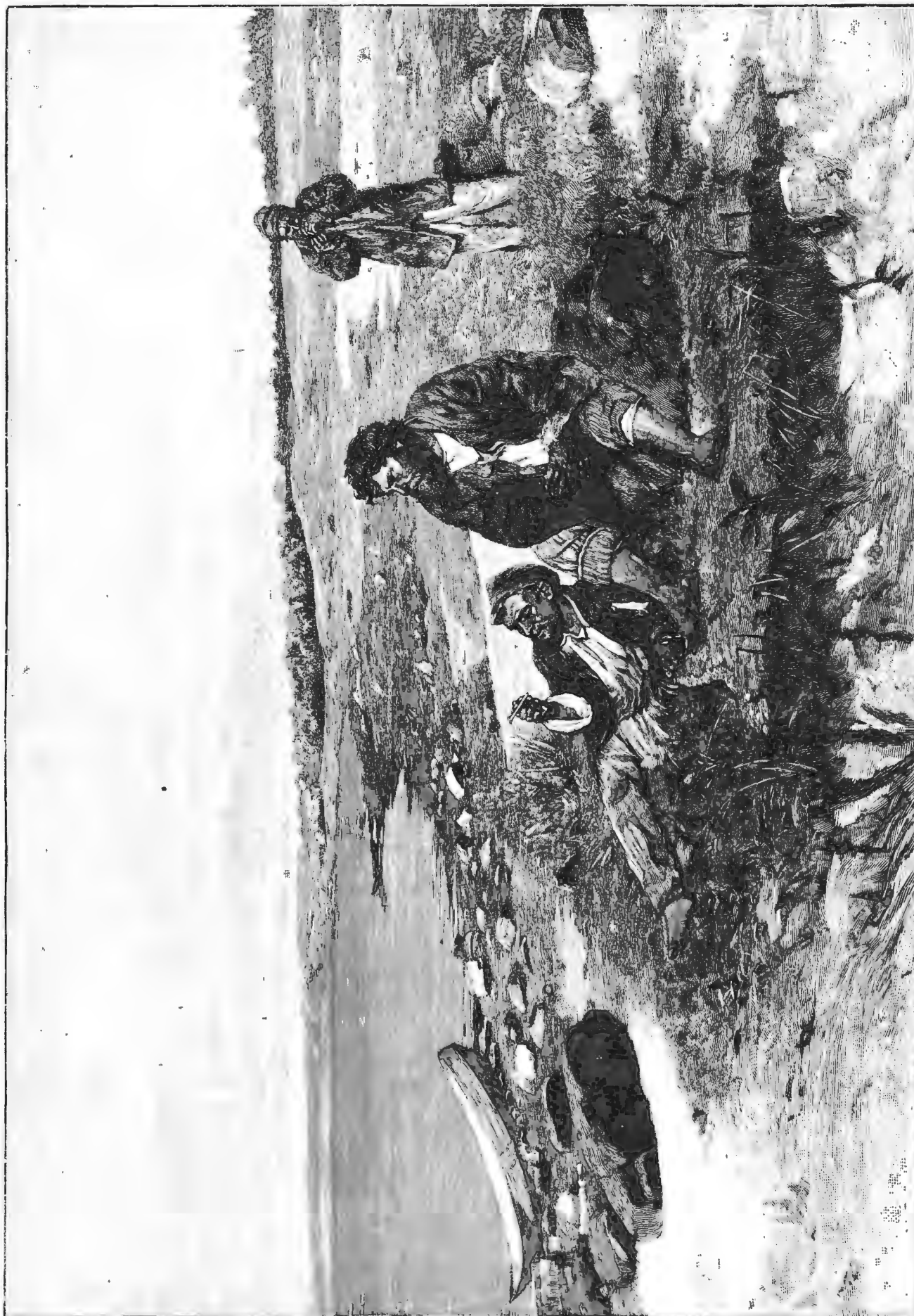
— Она не сказала объ этомъ игуменьѣ?

— Вотъ еще, Степанида да пожалуется. Такой человѣкъ. Она матери Клеопатры сама какъ огня боится. Безъ нея, говорить, — ничего. А увижу — сейчасъ въ поджилкахъ ноетъ. Слово ни вѣсть сколько грѣховъ на мнѣ, и всѣ они у меня на лицѣ написаны—каждому видно...

— Ну, слава Богу. Онъ самъ къ тебѣ приходилъ?

— Узналъ, что я въ селѣ—чуть крыльцо въ школѣ не сшибъ. Гдѣ она?—кричитъ. Я выхожу: „Что вамъ, Николай Львовичъ? Чего это вы народъ пугаете?“ А самъ-то избудораженный. Лица на немъ нѣтъ. Бормочеть: „вы знаете, какъ я васъ, Софья Владимировна, люблю и уважаю. Если кто вамъ осмѣлится что-нибудь обидное — бока ему отшибу“. Руки цѣлуетъ — точно знаки препинанія ставить. И красавецъ же, прости Господи! Огнемъ такъ и брызжутъ глаза. Не будь я уродъ — сейчасъ бы влюбилась. Вотъ какъ. Я, смѣясь, ему: „вамъ не меня,—а Елену Борисовну надо.“ А онъ съ маху: „разумѣется, не васъ.“ А къ ней и вечеромъ поздно пробивался — да меня старая корга (это онъ мать Степаниду—такъ!) — не пустила... Ради всего святого—устройте!“ И бацъ передо мной на колѣни. Въ окно изъ избы смотрѣла баба—Маланья—десятскаго жена—такъ она потомъ меня спрашиваетъ, въ чемъ это онъ, барченокъ-отъ Семигоровской, передъ тобой винился?

— Что же ты ему?

XXV передвижная выставка. „На берегу Волги“.
Съ карт. В. Е. Мановского (исключ. право воспроизв. принадлеж. „Нивы“) грав. Шилперь.

XXV передвижная выставка. „На родинѣ“. Съ карт. к. в. Лебедева (поключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) грав. И. Павловъ

— Да развѣ отъ него отобьешься, то молить, вотъ-вотъ заплачешь, — а то кричить: „схвачу я васъ въ охапку и въ первомъ колодцѣ утоплю“. Какой съ нимъ разговоръ можетъ быть! Я ему общала. Какъ разъ послѣ трапезы и пойдемъ. Ты вызовись проводить меня.

— Мужъ не знаетъ, что я здѣсь?

— Нѣтъ, они съ тестемъ тебя баграми искали въ озерѣ.

— То-то Моисей Лукичъ радовался!

— Должно-быть его Николай Львовичъ впопыхахъ здорово помялъ.

— А что?

— Ужъ очень смѣется, какъ вспоминаетъ старика Копрова. Онъ, говоритъ, меня не забудетъ.

— Одно мое горе: обѣдать мать Клеопатра звала къ себѣ.

— Ну? У нея вѣдь не долго сидятъ. Старуха сырая—на покой сама запросится.

— А вдругъ?

— Ничего. Семигоровъ и подождать можетъ... Остынетъ немного. Ему же лучше. А то весь такъ и кипитъ. Ключомъ! Того и гляди крышку паромъ сорветъ.

— Сонька, какая ты милая!..

И, подхвативъ ее на руки, какъ ребенка, Елена Борисовна зацѣловала подругу.

— Полегче, полегче. Ты смотри моего друга не сомни...—смѣялась та. Агушева другомъ называла свой горбъ.

— Да кстати,—опомнилась она,—Николай Львовичъ въ городъ за своими людьми послалъ.

— Зачѣмъ?

— На всякій случай. Если мужъ съ тестемъ явятся сюда.

— Ну?

— Я ихъ обоихъ, говоритъ, высѣку. И клянется. И вотъ что я тебѣ скажу—посмотрѣла я ему въ глаза и повѣрила, что высѣчетъ. Другой бы не осмѣлился,—а ему какъ съ гуся вода. Потомъ хотъ разстрѣляй его. Онъ самъ объяснилъ мнѣ: я никогда не думаю про „потомъ“. Что „потомъ“ будетъ — то и будетъ. А то этакъ-то и жить не придется—коли все обсуждать... И вкусный чай же сегодня... Я выпью еще...

Агушева налила себѣ.

— Знаешь, чтѣ я иногда думаю?

— Что?

— Я, вѣдь, счастливѣе всѣхъ васъ въ сущности. Посмотрите-ка. Точно подъ жерновомъ — вы. И мучитесь, и томитесь, и настоящаго покоя не знаете. Радость у васъ если и есть—такъ мелькомъ. Блеснетъ, и опять тучи заволакиваютъ. И добиваться ея трудно. Должно-быть красота — великій крестъ и тяжело его нести. Богъ-то ко мнѣ милостивѣе былъ...

— Не Богъ, а пянька.

— Безъ Него—она бы меня не уронила. Знаешь чтѣ о волосѣ сказано...

— Ну, ты, Сонька, монахиней стала совсѣмъ. Отчего ты не постриглась — теперь бы какая ужъ важная была бы. Хотъ картину съ тебя пиши.

— Мнѣ воля дорога. Такъ я, что хочу, то и дѣлаю. А тогда — не особенно мать Клеопатра отпустила бы меня по селамъ да городамъ шляться... Однако, ступай одѣнься. Послушай,—засмѣялась она.

— Ну, глупость какая-нибудь—по глазамъ вижу.

— Что бы даль Семигоровъ посмотрѣть на тебя теперь?

— Соня—за уши выдеру...

II.

Черезъ часъ Елена Борисовна привела себя въ порядокъ и, пользуясь оставшимся ей временемъ, рѣшила написать мужу. Въ самомъ дѣлѣ — тѣ вѣдь подымутъ на цѣлый уѣздъ шуму. По всѣмъ рѣкамъ и озерамъ

защутъ ее—баграми воду замутятъ такъ, что, пожалуй, и въ газеты попадешь въ качествѣ утопленницы. Ни мать Клеопатра, ни ея тетка, ничего не дадутъ знать туда. Не ихъ дѣло—и мѣшаться въ побѣгъ жены изъ-подъ супружескаго крова монахинямъ не совсѣмъ удобно и прилично. Она сѣла къ столу и взяла перо... начала даже: „Спѣшу увѣдомить васъ, Алексѣй Моисеевичъ, что я уѣхала къ тетѣ въ обитель и больше къ вамъ не вернусь — ни подъ какимъ видомъ“... И вдругъ точно кто-то у нея бумагу изъ-подъ рукъ вырвалъ. Въ самомъ дѣлѣ—чего ей бояться? Огласки?—такъ что дурного въ томъ, что она подъ монастырскіе купола спасается отъ невыносимой жизни. Это—разъ, а потомъ: только что противный Моисей Лукичъ узнаетъ — сейчасъ же начнется охота за нею. Минуты покоя не будетъ. Положимъ, заручка есть у нея. Мать Александра напишетъ и губернатору. Княжву Анну Сергѣевну Балкашинскую помятъ и поостерегутся очень ужъ ее оскорбить... Да все-таки обители безуюкойство. Монахини тихія, робкія, опасливыя. Всякаго шума бояться. Шишка сверху валится, и то вздрагиваютъ. „На инокъ-то нынѣ всякая собака лаеетъ невозбранно!—объясняла ей одна, — отъ горлопановъ покою нѣтъ“. Да и за этими свитыми стѣнами—осаду выдерживать неудобно. Копровымъ терять нечего, кто ихъ не знаетъ. Нѣтъ, лучше еще нѣсколько дней покой, тишины. Пусть отдохнетъ душа хотъ немного. Она разорвала начатое письмо, встала, взяла у тетки изъ комода черный платокъ и накинула его на себя. Въ монастырѣ вошло въ обычай: кто бы сюда ни приѣхала изъ богомолицъ — непременно надѣвать такіе черные платки. Мать Клеопатра строго этого требовала. „Не люблю я,—говорила она,—пестроты вашей. Въ глазахъ рябитъ — а въ церкви даже не прилично! Иной разъ стоятъ дамы, особенно изъ кунчихъ которыя,—и не знаешь, что ярче: иконостасъ или онѣ. Въ святомъ мѣстѣ и то норовятъ соблазнить чье-нибудь око. Мужчины на нихъ такъ и пялятся. Да и монахиня помоложе—позавидуетъ. У меня этого краснаго, зеленаго, голубого, да желтаго, чтобы не было. И буколекъ съ чѣлками — терѣть не люблю. Одна питерская объявлялась—до какого безстыдства дошла! На раннюю обѣдню разлетѣлась въ бигудяхъ этихъ... Ну, я не выдержала—вышла къ ней да при всемъ народѣ и говорю: сударыня, въ театры-то вы ѣздите прибрившись,—а къ Богу какъ попало! Извольте вернуться къ себѣ, снять эту мерзость, — а потомъ милости просимъ и на молитву!“

— Ну, бѣглянка! — ласково встрѣтила она Елену Борисовну.—Какъ спалось?

— Отлично, матушка!

И Копрова, наклонясь, поцѣловала ей желтую, выпѣвшую руку.

— А мнѣ все не можется. Въ груди точно дыханіе спираетъ. Выходу ему нѣтъ.

По обыкновенію блѣднѣя, вся въ отекахъ, игуменя сидѣла въ креслѣ, тяжело дыша. Глаза ея совсѣмъ ушли сегодня въ какіе-то мѣшки. На лицѣ ни кровинки, даже губы, и тѣ не отличались отъ него.

— Отдохнуть бы и мнѣ да некогда... Все кругомъ нестроеніе, баловство, неришество.

Елена Борисовна едва-едва сдержала улыбку. Обитель ходила по стрункѣ,—а мать Клеопатра была недовольна. Ей вѣчно, даже во снѣ чудился непорядокъ.

— Вѣдь здѣсь какъ. Распусти хотъ на вершокъ—у тебя все развалится на версту. Сегодня смотрю у амвона — наслѣдили. А еще и службы нѣтъ! Значитъ съ вечера такъ осталось, некому и подумать было... А тутъ и отецъ Геронтіи — положимъ, монахъ онъ суетный — больше по князю власти воздушныя дѣйствуетъ, но все же на немъ мантія—почти не его, а санъ, званіе: онъ, вѣдь, у алтаря рукоположенъ, и

вдругъ наши инокѣ при встрѣчѣ съ нимъ никакого ему уваженія не оказываютъ. Проходятъ мимо—не кланяются. Я такъ думаю: письмомъ онъ меня задѣть хотѣлъ. Вотъ-де мать—кичишься, а какіе у тебя безпорядки завелись... На-ко! Только бы мнѣ узнать кто это. Я бы отчитала ихъ...

Еликонида вошла въ комнату. Ей разъ навсегда приказано было—не сказываться.

— Матушка - игуменья. Тамъ старицы - коровницы пришли.

— Зови, зови!

Клеопатра ожила. Было на комъ сорвать сердце.

У нея даже желтые бѣлки глазъ изъ-подъ мѣшковъ выступили. Оправилась.

— Елена... Дай-ка мнѣ посохъ.

Взяла его въ одну руку, а другую положила на столъ передъ собою.

Двѣ монахини изъ простыхъ—точно ихъ нарисовали по трафареткѣ—одна въ одну: тѣ же провалившіеся рты, тѣ же морщины у глазъ... Еще въ дверяхъ метнулись въ землю...

— Ближе, ближе!..

Сдѣлали два шага и опять лбомъ о-полъ. Онѣ и кланялись будто по командѣ, вмѣстѣ. Сбоку посмотрѣть, показалось бы, что это одна, а не двѣ ихъ.

— Нечего, нечего по землѣ плавать... Сюда станьте... сюда.

Тѣ замерли на указанномъ мѣстѣ ни живы, ни мертвы. Обѣ устремили глаза на мать Клеопатру—и, точно очарованныя, оторвать ихъ не могутъ.

— Ну?

И игуменья застучала посохомъ въ доски пола.

— Виновати, матушка...

— Въ чемъ виновати—знаете?

— Нѣтъ, матушка... Куда намъ... Про то тебѣ вѣдомо.

— Вотъ неугодно ли?—обернулась мать Клеопатра къ Еленѣ Борисовнѣ.—И толкуй съ ними. Чего-жъ вы винитесь?

Старушки молчали, не отрывая отъ нея глазъ.

Она опять застучала посохомъ.

— Что я вамъ приказывала. Строго - настрого... Хвосты у коровъ подвязаны?

Тѣ опять метнулись въ землю.

— Стойте, вамъ говорить...

— Виновати...

— Ну, слава Богу, поняли въ чемъ одна вина! Подстилку сколько разъ мѣняете въ коровникахъ?

— Разъ...

— А велѣно—утромъ и вечеромъ... Сама я вамъ приказывала!

И посохъ еще громче забилъ о-полъ, точно подчеркивая слова игуменьи.

— Неряшество завели. Страшно войти къ вамъ. Грязь вездѣ. А потомъ оттуда молоко богомольцамъ пить носите... Въ посуду взглянула—не мытая.

— Виновати...

— Молчать! Я ваши вины сама лучше знаю. Мнѣ съ вашего „виновати“ не шубу шить. А ты это, мать Митрофанія, съ чего такую моду завела, чтобы съ богомольцевъ за молоко деньги брать. Да еще впередъ...

Старушка заморгала глазами, точно передъ нею кто-нибудь огнемъ замахалъ.

— Ослѣбла, что ли... Говори... Слышишь.

И опять стукъ-стукъ-стукъ...

— Я не для себя...

— Что?

— Я, матушка Клеопатра, въ кружку.

— Я тебѣ что сказала... Въ кружку пуская онъ самъ...

— Дозвольте мнѣ...—выступила другая.

— Ну!..

— Никакъ отъ него, отъ богомольца этого, не дожидаться, чтобы онъ самъ...

— Какъ это не дожидаться?

— Потому—онъ норовитъ какъ: выпьетъ, утретъ и сейчасъ у него глаза врозь. Такъ кружки и не видитъ. А напомнимъ ему—накричитъ, натопаетъ, воровками обзоветъ. А какія же мы воровки? Намъ и всего-то надобно, что гробъ сосновый да яма!

— То-есть такіе лукавцы между оними есть,—горячо заговорила другая,—не токмо что въ кружку, а сами норовятъ изъ кружки. Козонокъ одинъ непоратый объявился третьяго дни... Онъ у меня—шесть горшковъ молока схлебалъ. Не бойся, говоритъ, старуха, я тебя не забуду. Какъ уѣзжать стану—озолочу. Приходи съ своей кружкой, да товарку зови, а то не унесешь одна, столько я тебѣ насыплю... Жилу надорवेश. И господинъ, матушка, ипостасный. Штаны на немъ въ клѣтку, жилетка бѣлая, а по жилеткѣ цѣпка. И какая цѣпка! Собаку на ночь привяжи—не оторвется. А на цѣпкѣ-то штучки блестятъ... Какъ было не повѣрить. Прибѣжала ко мнѣ на-утрость бѣличка—кричитъ: уѣзжать баринъ собирается. Ну я, благослови Господи, кружку, да къ нему. Еще и на порогѣ споткнулась, а и не подумала, что не къ добру. Онъ это увидалъ меня издали. Жива еще?—спрашиваетъ. Я, извѣстно, кланяюсь.—Не разсыпалась, или на тебя обручи набили. Зачѣмъ пожаловала?—Шесть, говорю, крынокъ...—А счетъ у тебя есть?..—Какой счетъ тебѣ?—Какъ какой счетъ: на бланкѣ съ приложеніемъ гербовыхъ марокъ. Я—стою моргаю.—Ну, говорить, хорошо. Запиши пока въ трубѣ. Приѣду еще разъ, увижу по дыму сколько съ меня—и заплачу, а ты пока мнѣ квитокъ приготовь... Такъ и зазвенѣли, мать, колокольчики... Плакали наши шесть крынокъ... Какъ же съ ними иначе...

Мать Клеопатра успокоилась. Вина оказывалась не особенная. Желтое лицо игуменьи опало и глаза спрятались. Она прислонила посохъ къ креслу.

— Да вотъ какъ... Все-таки не законъ. У меня не спросились...

— Виновати...

— То-то. Я распоряжусь. Придумаю, что намъ дѣлать... Ступайте. Только о хвостахъ да о подстилкѣ не забудьте. Слышите?

— Слышимъ, слышимъ...

— Особенно ты, мать Митрофанія. У тебя отъ старости память слабѣетъ...

— Точно.

— А чтобы взбодрить ее... прочитай-ко ты сегодня на ночь двадцать разъ „Отче нашъ“, со вниманіемъ, да послѣ каждого раза три земныхъ поклона. Только ты смотри у меня—я вѣдь на духу спрошу, исполнила ли. Бога обсчитывать тоже не годится!.. Слышишь.

— Слушаю...

— Ну, идите... Если я еще разъ грязь замѣчу—пошлю васъ дрова колоть...

— Твоя воля, матушка.

Не успѣли уйти эти, какъ Еликонида опять показала въ дверяхъ.

— Мать Евдокія...

— А... Давно добираюсь. Зови, зови...

Въ келью вошла милостивая монахиня, съ лукавымъ, такъ и горѣвшимъ жизнью взглядомъ и смѣющимися губами. Странно даже было видѣть на ней иноческую шапку и черное платье.

— Здравствуйте, мать Евдокія.

Та низко поклонилась.

— Садитесь!

— Я постою...

А сама вспыхнула. Взглянула на Елену Борисовну и чуть-чуть ей улыбнулась глазами.

— Ну, какъ вамъ угодно... Что же маѣ, мать Евдокія, съ вами дѣлать...

Монахиня молчала.

— Кричать на васъ, какъ на коровницъ этихъ, да стучать посохомъ—не совсѣмъ хорошо. Вы изъ института и такъ же, какъ и я, понимаете дѣло. На эпитимію васъ ставить—только срамить. Простыя монахини скажутъ: „вонъ онѣ какія, образованныя-то, изъ баррыпъ“. За что же другія будутъ изъ-за васъ краснѣть... А?

Игуменья помолчала-помолчала, видимо, сдерживая себя, но это ей не удалось. Глаза опять блеснули. Тяжело опершись о ручку кресла, она встала, выпрямилась и медленно прошлась, нервно потирая себѣ сердце.

— Я ужъ и такъ не понимаю—какъ меня хватается. Гораздо лучше править десятью обителями, гдѣ однѣ мужички-монахини, чѣмъ одной такой, какъ наша. Доведете вы меня до того, что я грохнусь о полъ и не подымусь больше. Я на васъ именно рассчитывала—примѣръ подадите. Вѣдь вы изъ Смольнаго съ шифромъ. У васъ братъ профессоръ. Книги я вамъ разрешила, газеты. Отъ работъ васъ избавила... Кажется, могли бы цѣнить это. А тутъ... И на какой мелочи! Срамъ—просто. Христу себя обручили, міра отреклись, сатану и всю его прелесть отвергли—и что же. Сегодня опять шелкъ на васъ. Подымаете руку креститься—золотой браслетъ... Тьфу!.. Я даже покраснѣла—потому замѣчаю, что и другія матери видятъ, не одна я. Вы ужъ брилліантовые серьги въ уши и брошку на магію. Чего стѣсняться. Въ католическихъ монастыряхъ открыто это дѣлаютъ. А еще сегодня слышали въ церкви: „духомъ ходите и похоти плотскія не совершайте“... У меня власть, я бы могла послать васъ дворъ мести или еще хуже—къ матери Митрофаніи на помощь—за коровами ходить... Только что толку, если у васъ въ душѣ не монашескія чувства...

Мать Клеопатра тяжело раскашлялась и сѣла. Отдышалась и начала тихо:

— Говорить все это вамъ напрасно. Вы сами лучше меня знаете... А только я съ вами больше не хочу въ одномъ монастырѣ быть... Что-жъ, если у насъ вамъ не нравится—идите въ другой. Вы имѣете знакомыхъ, родныхъ, и очень сильныхъ. Вамъ помогутъ, переведутъ. Можетъ-быть и такая обитель найдется, гдѣ матери décolletées et manches courtes щеголяютъ... Пианино держатъ въ кельяхъ для легкихъ танцевъ. Я не знаю—поищите. Я вамъ дамъ отпускъ. Завтра уѣзжайте—и, пожалуйста, больше не возвращайтесь. Мнѣ васъ не нужно. Я лучше съ простыми сердцемъ. Съ ними легче.

Елена Борисовна незамѣтно вышла въ другую комнату.

Мать Евдокія низко-низко опустила голову. Игуменья взглянула на нее и замѣтила, что у той по лицу текутъ слезы.

— Да. Мнѣ лучше съ простыми сердцемъ. Тѣ боятся Бога и заповѣди Его хранятъ. Яко сіе всякъ человѣкъ! Онѣ серьезнѣе смотрятъ на свои обѣты и святѣе насъ, сверху пришедшихъ, исполняютъ ихъ. Если онѣ и грѣшатъ—то по забвенію, по непониманію... А мы! Безстыдство—иного слово найти не могу. Шелкъ на монахинѣ!.. Въ сущности намъ слѣдовало бы рубища надѣть, а наши отдать неимущимъ...

— Простите, ради Бога, мать Клеопатра...

И молодая монахиня уже неудержимо расплакалась.

— Нѣтъ, лучше уѣзжайте. Что намъ съ вами ссориться. Я на такихъ, какъ вы, какъ на опору смотрѣла. Устану, ослабѣю—вы поддержите добрыя начинанія, а оказывается, что съ вами-то съ первыми справится надо... Уходите...

Мать Евдокія опустила на колѣни у самага кресла матери Клеопатры и плакала, цѣлуя ея желтую руку. Въ глазахъ у игуменьи блеснуло уже что-то доброе и мягкое. Она даже подняла другую руку, чтобы положить ее на голову той,—да удержалась...

— Какъ вы въ самой себѣ не можете найти опоры и указанія. Вѣдь васъ не нужда гнала въ обитель... А чувствуете, что колеблетесь и суетное одождать начинаеть,—учитесь, ищите у св. отцовъ указанія. Они тоже на первыхъ порахъ не менѣе вашего смятенію подвергались... Апостоловъ прочитайте. Возъ у св. Павла, въ посланіи къ Римлянамъ, какъ это хорошо выражено: „обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ. Соуджаждоу бо закону Божию по внутреннему человѣку, вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противу воующъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ!..“ Ну, будетъ... Ей-ей, Евдокія—мнѣ съ тобой больше возни, чѣмъ съ цѣлымъ монастыремъ. Повѣрь ты этому...

— Я и сама себѣ не рада.

— А все-таки тянетъ на грѣхъ?.. Ну, Господь съ тобою. Только вотъ что—я тебѣ даромъ этого все-таки не прощу. На всю обитель соблазнъ былъ—передъ цѣлою обителью ты и покаяться должна... Бога стыдиться нечего. Мы сами въ себѣ многого не замѣчаемъ—а Онъ видитъ. Отъ Него не сирочешься. Ты вотъ что—завтра у обѣдни—изволь подойти ко иконѣ Божьей Матери у Царскихъ вратъ, сдѣлай передъ нею три земныхъ поклона и на вѣчикъ ей повѣсь свой браслетъ, чтобы всѣ видѣли...

— Слушаю-съ.

— Еще есть цѣнные вещи?

— Есть... Другой браслетъ.

— И его тоже... А шелковую накидку свою разстели на паперти, чтобы, проходя, простыя инокини попирали ее ногами. И сама стой около—и у всѣхъ проси прощенія... Согласна?..

— Согласна. Только не сердитесь.

Мать Клеопатра порывисто подняла ее, поцѣловала въ лобъ и отпустила, благословивъ.

— Ну, иди. А то я еще съ тобою расплачусь. А мнѣ это и совсѣмъ ужъ неприлично! Ты что ушла?—обернулась она къ Еленѣ Борисовнѣ.

— Вамъ мѣшать не хотѣла. Да и ей, сестрѣ Евдокіи, при мнѣ было бы хуже.

— Ничего. Монахиня все должна на міру дѣлать, чтобы всѣ видѣли... Ну... ты-то къ намъ зачѣмъ?

— Тетку навѣстить!—потушилась Копрова.

— И самой спрятаться... Ахъ, грѣхъ-грѣхъ. Помню и я, на институтской скамьѣ намъ чудилось издали—не вѣсть сколько счастья въ мірѣ. Все въ розовомъ свѣтѣ тонуло. Бывало, думаешь—и задыхаешься отъ радости, и ждешь—поскорѣ бы за собою стѣны оставить темничныя. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ намъ тогда Смольный тюрьма-тюрьмой казался. Последній годъ какъ мы отсчитывали. Были у насъ такія, что помножили мѣсяцы на дни, дни на часы, часы на минуты—и по нѣскольку разъ, съ утра до вечера, вычеркивали, сколько имъ остается. Я, помню, у одной спрашиваю:—ну, Нелѣва, покажи мнѣ, до выпуска еще много?—А она, не глядя въ тетрадку—„двѣсти тысячъ“, и затѣмъ точную цифру минутъ. Последнюю недѣлю, я думаю, не спала ни одна. Счастьемъ такъ и заливало... А вышли!.. Еще первое время одурь была, разобраться не могли, а потомъ глядимъ—и понять ничего не можемъ, гдѣ-жъ оно, счастье-то? Нѣтъ его ни у кого... Порой еще налетитъ какъ облачко лѣтомъ. Окрутитъ, обманетъ и прочь, и опять жутко...

Елена Борисовна смотрѣла на мать Клеопатру и не узнавала ея.

Точно и не было долгихъ лѣтъ болѣзней и страданий. Игуменья оживилась, глаза ея заблестали, къ щекамъ прилила кровь... Будто чужая—подмѣнили ее, что ли? Такъ ее приподняла сладкая память былого. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—единственное счастье на землѣ—мечта о счастьѣ, ожиданіе его, предчувствіе. Въ

Неожиданная встреча. Рис. Ф. Марольдъ, грав. Бонгъ.
Библиотека "Руниверс"

этомъ молодость. Она изъ далекаго-далекаго прошлаго новую жизнь, съ ея блескомъ и радостью, даетъ тому, у кого холодная старость не отшибла памяти, не застудила сердца. Случалось вамъ видѣть забытыя картины? Вся она пожухла, слиняла. Ничего не разберешь въ ней. Фигуры слились, не отличить ихъ отъ фона. Смотришь-смотришь и не поймешь: дерево это или солнце, или лицо. И вдругъ — брызни только водой — и въ яркости прежнихъ красокъ выступить передъ тобою все, что когда-то тѣшило и ласкало взглядъ... Но пройдетъ минута, высохнетъ вода — и вновь передъ вами пятна, поблекшая муть, намеки на что-то... Такъ было и съ матерью Клеопатрою. Преобразилась, засвѣтилась она. Легко встала съ кресла, твердою поступью перешла на диванъ и велѣла Копровой рядомъ сѣсть.

— Да, нѣтъ на землѣ счастья. Нигдѣ. Я семействъ сколько знала, и не сочтешь! — а спроси меня, хоть въ одномъ было счастье — не отвѣчу. Мерещилось что-то, а какъ я всмотрюсь бывало — точно туманъ падъ болотомъ. Нѣтъ его... Подуло вѣтромъ и разсѣялся. Ну, да у тебя другое дѣло...

Она взяла ея руку.

— У насъ тебя скоро не отымутъ. Сначала отписываться будемъ... А тамъ посмотримъ. Положимъ — не ипоческое дѣло. Да вѣдь какъ судить?.. Полагаю, что не подь обухъ же тебя. Я Моисей Лукича знаю — какое это сокровище. Легко сказать тебѣ — иди и терпи. Не думаю только, чтобы ты осталась намъ благодарна. Можетъ-быть я и грѣшу — ну, да авось Богъ проститъ. Единъ Онъ безъ грѣха... Это вѣдь какой крестъ дастся человѣку. Иной и не по силамъ. И Христосъ подь Своимъ крестомъ упалъ, пришелъ другой и понесъ его... Совѣтовать не трудно. Одно только скажу — зная, сколь слаба человѣческая природа — языкъ не повернется сказать: — подставь голову подь удары. Про себя вспомнишь — и такъ и ждешь, что тебѣ-жъ отвѣтять: „врачу, исцѣлся самъ“; „изми первѣе бревно изъ очесе твоего“... Такъ и Александрѣ скажи: „игуменья-де благословила меня въ монастырѣ пожить пока“. Оно и для души просвѣтъ. Все здѣсь больше помолишься, о Богѣ подумаешь!.. Я тогда тебѣ у Пуни говорила. А потомъ думаю, что же душу мятущуюся страшить. Лучше же ее успокоить. Можетъ-быть у насъ зло-то

съ тебя сползетъ, будто тѣнь отъ крыла. И ничего не останется, и ты очнешься, опамитуешься... Къ Богородицѣ прибѣгни. Она наша была — Она съ тобой поскорбится и думы отъ тебя удалитъ неподобныя... Поживи, поживи у насъ. Авось глаза твои очистятся — сама свой грѣхъ узнаешь и исповѣдуешь его. А тѣмъ временемъ Господь и Моисей Лукича утихомирить... Анъ оно и выйдетъ по-хорошему. Завязали-то узелъ на зловредное, а сверху-то его распутали на доброе. Онъ непременно сюда прѣдетъ — старикъ Копрровъ. Я поговорю съ нимъ...

Елена Борисовна слушала опусти голову.

Иначе игуменья по ея глазамъ угадала бы, что слова эти пали на почву каменистую. Да едва ли Копрова и поняла ихъ въ этомъ состояніи. У нея въ головѣ гвоздемъ сидѣло: Семигоровъ здѣсь, ждетъ ее. Она вѣдь его сама вызвала. Поди, бѣгаетъ теперь по селу и не знаетъ, на чтѣ всолохнувшуюся душу извести, такъ чтобы она дурью да бѣшенствомъ не мутилась. Потому, вѣдь, съ нимъ управы не будетъ. А что мать Клеопатра проповѣдуетъ, такъ, вѣдь, какъ же ей ипаче? Не взяты же на руки Лелю и не подать ее Николаю Львовичу: нате-де, получайте... Совѣты вамъ да любовь. Слава Богу, что пожить въ обители благословила! Копрова и этого не ждала. И то, вѣрно, потому, что старуха думала: очнется-де, баламутка, и домой къ мужу вернется... А то бы ни за что.

Елена Борисовна не была бы такъ спокойна, если бы знала, что Еликонида — ничего не пропустила изъ этой бесѣды. Вѣлица, наклонясь, подслушивала у дверей. Такъ налилась кровью, что вотъ-вотъ лопнетъ... Голову даже кружило и въ вискахъ стучало, а отойти не было силы.

— Ишь ты, побѣгушка... молчить. Ни слова... Ну, да погоди, я тебѣ устрою сюрпризъ съ амурнымъ антирекомъ. Будешь ты, мужняя жена, чужихъ кавалеровъ заманивать... Мало тебѣ своего молчальника?..

Отъ еще недавнихъ добрыхъ намѣреній у лупоглазой дѣвушки ничего не осталось. Напротивъ, всю ее такъ и распалило ревностью.

— Мнѣ не сладко, да и вамъ не рай!..

(Продолженіе будетъ.)

Сіамъ и его король.

(Съ 3 рисунками и 3 портретами на стр. 592, 593 и 596.)

Надняхъ къ намъ, въ Россію, прѣзжаетъ почетный гость, сіамскій король, одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ монарховъ дальняго Востока, впервые посѣщающій Европу. При отбѣздѣ сіамскаго короля изъ столицы, его сопровождала до самаго парохода огромная толпа народа. Выйдя изъ паланкина, король, прежде чѣмъ вступить на трапъ парохода, обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ принципамъ, членамъ своей семьи и министрамъ съ словами, вальоннающими имя, что въ его отсутствіе они должны прежде всего и больше всего заботиться объ интересахъ государства и народа.

— Не для своего удовольствія, — сказалъ онъ, — я покидаю мой дорогой Сіамъ, но для того, чтобы изучить законы и учрежденія западныхъ народовъ и посмотреть, чѣмъ я могу воспользоваться для своего народа.

Королева проводила короля до Палкнама. Прежде, чѣмъ разстаться съ нею, король торжественно и публично поклонился ей соблюдать вѣрность во все время своего отсутствія. Такую же клятву дала и королева.

Король находится подь сильнымъ вліяніемъ своей первой супруги, женщины очень умной. Даже во всѣхъ политическихъ дѣлахъ онъ настолько полагается на ея мнѣнія, что королеву, по справедливости, можно было бы назвать истинною регентшею Сіама.

Короля сопровождаютъ четверо дѣтей, чрезвычайно интересующихся путешествіемъ и новизною всего того, что имъ приходится видѣть.

Король Параминдръ-Мага-Чулаопкорнъ родился 20 сентября 1853 г. и вступилъ на престолъ 15 лѣтъ, 1 октября 1868 г. (портретъ въ европейскомъ костюмѣ на стр. 596). Онъ получилъ въ дѣтствѣ очень хорошее европейское образованіе, а затѣмъ, по сіамскому обычаю, провелъ нѣкоторое время

передъ своимъ коронованіемъ въ одномъ изъ буддійскихъ монастырей.

Король прекрасно говоритъ по-англійски. Въ своей столицѣ, Бангкокѣ, имъ устроено много учреждений по европейскому образцу: — школы, желѣзныхъ и конно-желѣзныхъ дорогъ и пр.; церемонія открытія одной такой желѣзной дороги и изображена на нашемъ рисункѣ на стр. 593. Съ 1885 года Сіамъ примкнулъ и къ всемірному почтовому союзу.

У него на службѣ имѣется не мало европейцевъ, и его империальный дворецъ, изображенный на нашемъ рисункѣ (стр. 593), построенъ однимъ итальянцемъ, въ стилѣ renaissance, но съ сохраненіемъ сіамской системы крышъ. Дворецъ помѣщается въ центрѣ города и окруженъ стѣною, имѣющей въ окружности около двухъ верстъ. Кромѣ дворца, за этою стѣною находится еще множество храмовъ и другихъ построекъ, между прочими и интереснѣйшей музей. Вообще жизнь за этой стѣной представляется такъ много интереснаго и оригинальнаго, что мы познакомили съ нею читателей подробнѣе, пользуясь для этого очеркомъ г. Вартегга, долго жившаго въ Сіамѣ.

Едва ли гдѣ-нибудь еще на бѣломъ свѣтѣ найдется городъ, который своимъ блескомъ и роскошью можетъ сравниться съ небольшимъ городкомъ дворцовъ и храмовъ, расположеннымъ по берегамъ рѣки Менама, недалеко отъ южнаго побережья такъ-называемой Задней Индіи. Крытая стѣна ограждаетъ этотъ городокъ отъ уличнаго и канальнаго шума азіатской Венеціи — города Бангкока, столицы Сіама, и тянется по живописнымъ берегамъ рѣки. Стѣна эта, однакоже, не слишкомъ высока и не скрываетъ многочисленныхъ башенъ и пирамидъ, своеобразно выдвигавшихся вверхъ крышъ и гигантскихъ статуй, сверкающихъ въ горячихъ лучахъ тропическаго солнца и ослѣпляющихъ пораженнаго, восхищеннаго путешественника.

Вашин все вызолочены вплоть до самых вершин; нагоды и храмовая постройка убрана великолѣпнѣйшей фарфоровой мозаикой, украшена маленькими фигурками, орнаментами, башенками, блестящими всеми цвѣтами радуги; на крышах— своеобразные, похожіе на оленья рога коньки и тысячи серебряных колокольчиков, мелодично звенящих при дуновении вѣтра; повсюду головы каких-то гигантов со страшными физиономіями и большими торчащими клыками; между ними— высокая нагода, сверху до низу украшенная фарфоровыми розами или голубыми и желтыми цвѣтами, каждый лепесток которых выдѣлан из фарфора; фономъ всего этого служить темная листва священнѣхъ буддѣйскихъ деревьевъ, а надо всей картиной высоко воздымается маята, съ развѣвающимися на ней красными флагомъ съ изображеніемъ благаго слона.

Дворцовый городокъ этотъ— резиденція послѣдняго изъ индѣйскихъ владыкъ, сохранившаго за собою абсолютную власть надъ независимымъ государствомъ; вокругъ него, отъ Гималайскаго хребта и до южнѣйшаго пункта Малакки, отъ Тонкина до Цейлона, все эти короли и султаны, все магараджи, низамы и раджи уже давно утратили свою независимость. Одинъ лишь сѣмскій король сумѣлъ сохранить ее. И сохранилъ не одну лишь независимость, но и всю роскошь восточной придворной жизни, такъ что едва ли гдѣ-нибудь еще можно увидѣть столько блеска, столько своеобразныхъ обычаевъ и приемовъ, облеченныхъ въ грандіозную церемоніальную форму. Нигдѣ путешественникъ не найдетъ такого гостеприимства и сердечности приема, нигдѣ не встрѣтитъ, подъ восточными одѣянными, столько образованности и просвѣщенности въ лицѣ самого монарха и многочисленныхъ принцевъ.

Король Чулалонкорнъ— пятый монархъ изъ своей династїи, созданной въ 1782 г. храбрымъ генераломъ Прайа-Такъ-Сипомъ. Уже отецъ нынѣшняго короля, Монгкутъ, былъ монархъ мудрый, глубоко уважаемый народомъ, создавшій много благодѣтельныхъ для послѣдняго реформъ; такъ, онъ отменилъ тяготившіе народъ налоги, открылъ иностранныя сношенія, создалъ армію, военный и торговый флоты. Дѣти его, въ числѣ восьмидесяти человѣкъ, воспитывались подъ руководствомъ европейскихъ учителей. По смерти короля Монгкута, въ 1868 г., сыну и наследнику его, Чулалонкорну, было всего 15 лѣтъ. За время его почти тридцатилѣтняго царствования имъ проведено множество еще болѣе значительныхъ реформъ, сравниться съ которыми могутъ въ Азіи развѣ лишь реформы японскія. Проводя эти реформы, король, однакоже, мудро сумѣлъ сохранить надлежащее чувство мѣры: онъ не стремился, какъ въ Японіи, однимъ ударомъ уничтожить все старое и насильно навязать своему государству европейскую цивилизацію,—нѣтъ, онъ старался соединить западную цивилизацію съ восточной.

Король Чулалонкорнъ— одинъ изъ 84 дѣтей покойнаго короля Пра-Мага-Монгкута. Хотя отецъ и былъ усерднымъ приверженцемъ старинныхъ сѣмскихъ правовъ и обычаевъ, но все же высоко цѣнилъ европейское образование, а потому и пригласилъ для своихъ дѣтей англійскую гувернантку, иѣкую миссъ Леоноуишъ. Вотъ что писалъ онъ ей въ своемъ приглашеніи: „Мы надѣемся, что вы сдѣлаете все къ тому, чтобы дать намъ и нашимъ дѣтямъ, пребывающимъ, какъ говорятъ англичане, въ странѣ мрака, образованіе и научить насъ англійскому языку, но не станете проповѣдывать христіанство, такъ какъ намъ прїятнѣе плавно говорить по-англійски и знать вашу литературу, чѣмъ изучать новую религію“. Миссъ Леоноуишъ приняла предложеніе и отправилась въ Бангкокъ, гдѣ и прожила шесть лѣтъ. При сѣмскомъ дворѣ она встрѣтила самыхъ усердныхъ учениковъ и такъ успѣла упрочить англійское вліяніе, что нынѣшній король послалъ своего наследника учиться въ Лондонъ, гдѣ онъ и находится по настоящее время.

Центральную часть обширнаго дворцоваго городка составляетъ широкая площадь, обильно освѣщаемая солнцемъ. Выйдя на нее,—говоритъ г. Вартеггъ,—и былъ пораженъ и буквально ослѣпленъ. Передо мной выдмался собственный дворецъ короля—грандіозное, миллионное сооруженіе въ два этажа по высокому фасаду, съ боковыми навѣсьями, выступающею впередъ среднею частью и тремя погодообразными башнями, поднимающимися къ вершинѣ семью ступенями, подобно сѣмской коронѣ. Двѣ широкія лѣстницы ведутъ къ первому этажу средней части зданія, въ которой помѣщаются приемныя покоя короля. Передъ дворцомъ раскинута широкая лужайка съ выхоленными цвѣточными клумбами и своеобразными, на китайскій ладъ подстриженными въ разные курьезныя формы соснами. Въ сопровожденіи королевскаго адъютанта мы вошли во дворецъ. По обѣимъ сторонамъ входной залы стоятъ королевскіе тѣлохранители съ большими металлическими гоугами, въ видѣ барабановъ; въ нихъ ударяютъ, когда король даетъ кому-либо аудіенцію или покидаетъ дворецъ. Мы бросились въ глаза два бронзовыхъ таза, вышньюю около метра каждый, стоявшие поблизости; оказалось, что это просто плевалницы. Въ Сѣмѣ, начиная отъ самой королевской четы и кончая послѣднимъ носильникомъ и служанкою, все жуютъ перечные орѣхи, обыкновенно завертывая ихъ въ перечный же листъ, смазанный известью. Поэтому-то плевалницы и являются самою необходимою принадлежностью въ каждомъ домѣ; такія плевалницы

и видѣтъ даже въ собственныхъ покояхъ короля, но конечно—литыя изъ чистаго золота и украшенныя драгоценными камнями.

Среднюю часть нижняго этажа занимаетъ приемный залъ съ массивными золотымъ трономъ, стоящимъ подъ семипаруснымъ балдахиномъ,—знакомъ наивысшаго достоинства въ государствѣ. Такого рода балдахинъ можно встрѣтить, какъ символъ власти, во всехъ монгольскихъ и малайскихъ странахъ, только съ меньшимъ количествомъ „прусовъ“; даже въ Корѣ такой балдахинъ носится вслѣдъ за королемъ и за маударинами при выходахъ. Только въ Японіи онъ не имѣетъ такого символическаго значенія. Вокругъ трона разложены древнія символическія оружія Сіама. По стѣнамъ красуются превосходно написанные портреты прежнихъ сѣмскихъ королей въ натуральную величину, а также портретъ королевы Савангъ-Вадданы, въ чрезвычайно нарядномъ сѣмскомъ костюмѣ (портр. на стр. 592). Поверхъ кофты, покрытой орденскими звѣздами и страусовыми перьями, спускается отъ лѣваго плеча подъ правую мышку „пахумъ“, то-есть грудная шаль; ноги до колѣнъ покрыты „нанунгомъ“ изъ дорогой золотой парчи; ниже колѣнъ онѣ обнажены, а голыя ступни обуты въ шитыя золотомъ туфельки. Хорошенькое, привлекательное личико обрамлено черными, коротко, по-сѣмски, стриженными волосами. Въ стеклянномъ шкапѣ съ драгоцѣнностями, помѣщенномъ подъ ея портретомъ, хранятся шкатулки съ портретами ста сорока или ста пятидесяти дѣтей его величества, ея супруга, Сіамцы придерживаются многоженства, какъ и все азіатскіе народы, и чѣмъ знатнѣе сѣмецъ, тѣмъ больше и женъ у него. Что касается королевскаго дома, то правоспособными королевами считаются только двѣ супруги короля: королева правой и королева лѣваго стороны. Только онѣ коронуются съ торжественнымъ церемоніаломъ.

Вдоль стѣнъ и на столахъ въ роскошныхъ покахъ развѣшаны и разставлены также подарки, полученные королемъ отъ многихъ европейскихъ царственныхъ особъ. Во время теперешняго своего путешествія по Европѣ, король щедро отблагодарилъ своихъ королевскихъ друзей за эти подарки.

Въ числѣ сотенъ громадныхъ бауловъ, привезенныхъ королемъ въ Европу изъ своей далекой родины, находится около пятидесяти большихъ ящичковъ, обитыхъ желѣзомъ и наполненныхъ безчисленнымъ множествомъ драгоцѣнныхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ приборовъ, предназначенныхъ въ подарокъ европейскимъ царственнымъ особамъ и высокопоставленнымъ лицамъ. Въ послѣднюю недѣлю своего пребывания въ Экевель король приказалъ раснаковать эти драгоцѣнности и разложить ихъ въ сошедшемъ съ его вилкою домѣ, чтобы избрать соответствующіе подарки для различныхъ дворовъ. Одному изъ иностранныхъ корреспондентовъ, въ числѣ другихъ очень немногихъ европейцевъ, удалось побывать на этой своеобразной выставкѣ, и вотъ какъ онъ ее описываетъ. Драгоцѣнныя вещи занимаютъ собою оба этажа дома и охраняются днемъ и ночью вооруженными сѣмцами. Тысячи роскошнѣйшихъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, оружія и всякаго рода драгоцѣнностей нагромождены цѣлыми пирамидами. Наибольшую цѣнность представляютъ предназначенныя для государей роскошныя сабли съ массивными золотыми ножнами и съ рукоятками, буквально усыпанными бриллиантами, рубинами и смарагдами. Замѣчательною красотою работы блестятъ стальные клинки со вкованными въ нихъ золотыми орнаментами,—работа сѣмцевъ, какъ, впрочемъ, и все остальное выставленное. Для королевы англійской предназначены драгоцѣннѣйшія чайныя сервізы, отлитыя изъ чистаго золота и украшенныя драгоцѣнными камнями. Цѣлыми дюжинами можно насчитать дорогихъ золотыхъ боубоньерокъ, сигарныхъ ящичковъ, портенгаровъ, большихъ блюдовъ и вазъ оригинальнаго сѣмскаго стиля, и все это также уснащено драгоцѣнными камнями. На большихъ столахъ разставлены канделябры, чернильницы, сигарочницы, прессы-папье, и тоже все въ громадномъ количествѣ, и тоже все изъ массивнаго золота. Въ нижнемъ этажѣ дома сложены тысячи такихъ же предметовъ изъ серебра, съ красивыми золотыми и эмалевыми узорами. Все работы изготовлены сѣмскими мастерами въ Бангкокѣ, которые могутъ работать только для самого короля. Въ Сѣмѣ имѣется нѣсколько орденовъ: орденъ „девятн драгоцѣнныхъ камней“, „магашакри“ (присвоенный только государямъ и принцамъ), ордена „благаго слона“, „сѣмской короны“ и „Чулалонкорна“; изъ нихъ третій и четвертый дается и иностранцамъ; но король въ раздачѣ ихъ не отличаетъ большою щедростью, и потому, вѣроятно, ордена будутъ замѣнены подарками.

Но возвратимся къ описанію дворца. Направо отъ аудіенцзала широкія двери ведутъ въ обширный залъ совѣта, гдѣ происходятъ засѣданія принцевъ и министровъ подъ председательствомъ самого короля. Назначаются эти засѣданія обыкновенно въ полночь, согласно восточному правилу, въ силу котораго каждый владыка долженъ такъ справиться съ государственными дѣлами, чтобы они разурьшались къ утру, когда народъ поднимается на дневныя труды. Иногда, въ теплыя лѣтнія ночи, засѣданія происходятъ на воздухѣ, при свѣтѣ факеловъ. Два раза въ недѣлю, по древнему восточному обычаю, король садится у воротъ дворца и лично принимаетъ тутъ

Король сямскій Параминдръ-Мага-Чудалонгорнъ и его супруга, королева Савангъ-Ваддана.

прошенія и всякаго рода жалобы своего народа. Въ захѣ совѣта король не сидитъ на тронѣ; онъ помѣщается на широкой, шитой золотомъ постели, а принцы, министры и прочіе сановники садятся на стулья и мягкія скамейки. До вступленія на престолъ вышшняго короля, Чудалонгорна, никому, даже принцамъ, не позволялось сидѣть или стоять въ присутствіи короля. Они должны были бросаться передъ нимъ ницъ или сидѣть на корточкахъ, не смѣя взглянуть на него, а сложенные руки—прижимать въ это время ко лбу. По вступленіи на престолъ, первую мѣроу Чудалонгорна было уничтожить этотъ „западный обычай“, какъ онъ выразился въ своей тронной рѣчи. Съ этого поръ никто не долженъ склоняться ницъ передъ лицомъ, выше стоящимъ. Народъ, однакоже, до сихъ поръ еще трудно отучить отъ этого низкопоклонства. Начальствующій арміей рассказывалъ мнѣ, что самое большое затрудненіе при обученіи рекрутъ составляетъ ихъ упорная привычка склоняться передъ высшимъ.

Еще бльшія богатства, чѣмъ въ нижнемъ этажѣ бангкокского дворца, приходится встрѣтить во второмъ.

Напротивъ королевскаго дворца, на противоположной сторонѣ двора,

Сіамъ. Качели въ Бангкоктъ.

стоитъ дворецъ недавно скопчавшагося послѣднаго принца и аданіе дворцоваго управленія. Болѣе же всего бросилось мнѣ въ глаза какое-то странное аданіе, подобнаго которому я никогда ничего не видѣлъ. На правой сторонѣ двора, обращенной къ храмамъ, выдвигается фантастическая постройка вышнюю съ самымъ дворцомъ; она представляетъ собою острокопечный конусъ, съ отдѣльно прилаженными утесами, древесными насажденіями и шумящими водопадами. По краямъ этой вызолоченной горы вьется дорожка къ очаровательному небольшому кіоску, красующемуся на вершинѣ. Скрывалась среди утесовъ, устроены золотой купальный бассейнъ; вода въ него льется изъ окружающихъ позолоченныхъ фигуръ львовъ, слоновъ, змѣй и другихъ животныхъ. Вся эта постройка производитъ волшебное впечатлѣніе, какъ будто осуществили давнишнюю фантастическую восточную сказку, слышанную еще въ дѣтствѣ.

На мой вопросъ, что представляетъ собою эта золоченая гора, проводникъ мой объяснилъ, что она построена для церемоніи постриженія волосъ наследному принцу. Какъ всякое событіе въ жизни знатнаго сямца, постриженіе волосъ производится съ невѣроятною тор-

Торжественное открытие желѣзной дороги въ Сіамѣ. Король прикрѣпляетъ послѣдній болтъ въ рельсъ. По рис. Гг. грав. Шюблеръ.

ж е с т в е н н о с т ь ю , в ь о с о б е й п о с т и , е с л и п о с т р и г а е м ы м я в л я е т с я н а с л ѣ д н ы й п р и н ц ѣ . В ь д ѣ т с т в ѣ с і а м ц ы н о с я т б р и т у ю г о л о в у ; т о л ь к о н а м а к у ш к ѣ о с т а в л я е т с я п р я д ь в о л о с ь , с л е т а е м а я , с ь п о м о щ ь ю т е с е м о к ѣ , в ь н е б о л ь ш о й к р у ж о ч е к ѣ . С м о т р я п о с т е п е н и р а з в и т я , м а л ь ч и к и м е ж д у д е с я т ь ю и т р и н а д ц а т ь ю г о д а м и у ж е н е р е с т а ю т ѣ б ы т ь д ѣ т ь м и и п о л у ч а ю т ѣ п р а в о о т р а щ и в а т ь н а г о л о в ь в с ѣ в о л о с ы в м ѣ с т о п р е ж н я г о м а л ь н ь к а г о ч у б а , к о т о р ы й о т г р ѣ з а е т с я с ь б о л ь ш о ю т о р ж е с т в е н н о с т ь ю . Т а к к а к н а с л ѣ д н ы й п р и н ц ѣ у ж е д о с т и г н ь н а д л е ж а щ а г о в о з р а с т а , т о о т е ц ь - к о р о л ь н а р а с п о р и д и л с я п р о з в е с т и ц е р е м о н і ю о б р ѣ з а н і я в о л о с ь , к о т о р а я с о в п а л а к а к ѣ р а з ѣ с о в р е м е н ь м о е г о п р е б ы в а н і я в ь Б а н г

Сіамъ. Дворецъ короля.

к о к ѣ . П л е с т я щ і е б а н к е т ы , п р і е м ы , н а р о д н ы я г у л я щ ы я , ф е й е р в е р к и , у г о щ е н і я — т а к ѣ с м ѣ н л и д р у г ѣ д р у г а с ь р а н н и ю у т р а и д о п о з д н е й н о ч и . О д н о н а з ѣ л ю б и м ы х у в е с е л е н і я с і а м ц е в ѣ , к а к ѣ и р у с с к и х ѣ , э т о — к а ч е л и . П о к а к и ѣ ? О б ѣ и х ѣ р а з м ѣ т р а х ѣ м о ж н о с у д и т ь п о н а ш е м у р и с у н к у (с т р . 5 9 2) . С а м ѣ к о р о л ь п р и н и м а л ѣ у ч а с т і е в ь н а р о д н о м ѣ п р а з д н и к ѣ . О д н и м ѣ и з ѣ о б ы ч а е в ѣ п р и е г о д в о р ѣ с л у ж и т ь р а з а д а ч а п а р о д у п о д а р к о в ѣ , н а к о т о р ы е к о р о л ь , п р и д о в о л ь н о ч а с т о м ѣ н о в т о р е н і я р а з н а г о р о д а п р а з д н е с т в ѣ , т р а т и т ѣ е ж е г о д н о г р о м а д н ы я с у м м ы д е н е г ѣ . Р а з а д а ч а п о д а р к о в ѣ п р о н а в о д и т с я т а к и м ѣ о б р а з о м ѣ : к о р о л ь в ы х о д и т ѣ н а б а л к о н ь , н е р е д ѣ к о т о р ы м ѣ с л о ж н о ю м а с с о ю т о л н и т с я д е

сятки тысяч людей всякаго звания; тут и принцы, и вицье, тут и министры, и простые рабочіе. И въ эту толпу король бросаетъ безчисленное множество фруктовъ, внутрь которыхъ всунуты золотыя и серебряныя монеты, а иногда и билеты особой лотереи. Давка въ погонѣ за этими подарками происходитъ, конечно, ужасная. Въ числѣ выигрышей такихъ лотерей, которые всегда выставляются предварительно во дворцѣ, встрѣчаются самыя разнообразныя предметы: тутъ золотыя и серебряныя кованыя сіамскіе чайныя сервизы, тутъ и часы, кольца, драгоценныя камни, одежды, оружіе, разныя украшенія, но есть и свидѣтельства на право владѣнія домою, участкомъ земли или судномъ. Всѣ эти выигрыши дѣлятся между счастливыми, схватившими удачный билетъ.

Если сіамскій король не можетъ удовлетвориться однимъ дворцомъ и принужденъ имѣть цѣлый дворцовый и храмовый городокъ, со множествомъ садовъ, переполненныхъ тропическими растеніями и орхидеями, то причина этого лежитъ во множествѣ принцевъ и женъ, состоящихъ при дворѣ. У предидущаго короля было болѣе восьмидесяти человѣкъ дѣтей; у нынѣшняго члено ихъ до сихъ поръ какъ разъ вдвое меньше, но есть надежда, что еще увеличится не на одинъ десятокъ. Такому счастливому отцу трудно было бы съ точностью поминуть количество своихъ дѣтей, а потому къ имени каждаго ребенка въ Сіамѣ прибавляется еще номеръ по порядку. Къ счастію, титулъ принца не имѣетъ въ Сіамѣ такого значенія, какъ на Западѣ; а то, при мѣстной плодovitости, могло бы въ концѣ концовъ дойти до того, что все Сіамъ былъ бы населенъ только принцами, и не было бы ни слугъ, ни простого народа. Только сыновья и внуки короля носятъ титулъ принца, имѣютъ свиту и свои дворцы, длинною веревяцею тянущіеся вокругъ королевскаго дворцоваго городка; болѣе отдаленныя родственники, правда, имѣютъ также титулы, указывающіе на ихъ родство съ королевскимъ домою, но уже не считаются принцами.

Что касается женъ короля, то изъ нихъ, какъ сказано, только двѣ считаются дѣйствительными королевами, остальные же сотни женщны, населяющія королевскій гаремъ, находятся часто въ положеніи простой прислуги. Во времена дѣтства царствующаго теперь короля, все население гарема состояло изъ девяти сотъ женщны и дѣтей, принадлежавшихъ къ семьѣ и женской прислугѣ его величества. Гаремъ широко раскинулся за стѣнами королевскаго дворца, спускался отъ нихъ до береговъ Менама, и былъ бы для путешественника, пожалуй, интереснѣе, чѣмъ самый дворецъ; но, за исключеніемъ самыхъ ближайшихъ родственниковъ короля, онъ недоступенъ ни для кого изъ мужчинъ. Королевами могутъ быть только принцессы королевской крови, а потому главныя супруги монарха и бывають обыкновенно его же сводными сестрами. И тѣмъ не менѣе, супружеская жизнь короля протекаетъ въ полномъ счастьи. Королевы появлялись на придворныхъ торжествахъ, принимали представителей иностранныхъ дипломатовъ, путешественниковъ и т. п. Остальныя супруги короля навсегда скрыты отъ постороннихъ взоровъ. Если король и беретъ въ супруги принцессу крови, то это не даетъ еще ей титула королевы. Она получаетъ этотъ титулъ лишь послѣ того, какъ супругъ признаетъ рожденнаго ею

сына достойнымъ быть наследникомъ престола. Съ этого времени счастливая мать получаетъ званіе первой королевы и принимаетъ всѣ положенныя ей почести.

Большую часть года король Чулалонкорнъ проводитъ въ Бангкокѣ и только на лѣто переселяется со всѣмъ придворнымъ штатомъ и сотнями гаремныхъ дамъ въ очаровательный замокъ Бангнаинъ, превосходящій своею роскошью всѣ европейскіе замки такого рода. Мнѣ удалось послѣдить этотъ вообще мало доступный дворецъ на любовно предоставленномъ въ наше распоряженіе придворномъ пароходѣ, и я увидѣлъ на яву какой-то волшебный сонъ. Точно также получилъ и разрѣшеніе осмотрѣть и другую дачу короля, только что отстроенную на одномъ изъ острововъ Сіамскаго залива, Ко-Си-Чаунгъ. Мы поѣхали на этотъ островъ на военномъ сіамскомъ кораблѣ. Около королевскаго дворца понастроены цѣлый рядъ роскошныхъ виллъ для ближайшихъ родственниковъ. На собственной виллѣ короля, „Магакрия“, былъ устроенъ завтракъ, и здѣсь мнѣ удалось познакомиться съ нѣкоторыми изъ принцевъ. Среди нихъ были: родной братъ короля принцъ Банурантъ, сводный братъ принцъ Дамрогъ, высокообразованный, воспитанный въ Европѣ человѣкъ, министръ юстиціи принцъ Битъ Призакоиъ и мн. друг. Вообще, большинство министерскихъ постовъ занято принцами крови; изъ нихъ особенно выдается министръ иностранныхъ дѣлъ, сводный братъ короля, принцъ Девавонгъ; это чрезвычайно интеллигентный, остроумный человѣкъ, съ большимъ тактомъ, очень могущественный и сдѣлавшій не мало добра Сіаму. Товарищемъ при немъ состоитъ бывший бельгійскій министръ Ролинъ-Жакменъ, пользующійся большимъ уваженіемъ. Вообще король очень счастливъ въ выборѣ иностранцевъ къ себѣ на службу; добрые его ни разу не было обмануто, а потому иностранцы и пользуются въ Сіамѣ сильными симпатіями, въ особенности датчани. Наибольшею любовью и вліаніемъ изъ приближенныхъ къ королю европейцевъ пользуется вице-командиръ военнаго флота, французъ де-Ришелье, горячо преданный интересамъ своей второй родины.

Въ 1895 г. король учредилъ законодательный совѣтъ, въ составъ котораго входятъ всѣ министры и двѣнадцать членовъ изъ среды высшей знати. Каждый изъ 41 провинціи страны управляется своимъ вице-королемъ; въ числѣ такихъ вице-королей насчитывается два родныхъ и двадцать сводныхъ братьевъ короля. Армія у него вымуштрована европейцами, а въ числѣ тѣлохранителей имѣется и женскій отрядъ. Онъ состоитъ изъ 400 красивѣйшихъ молодыхъ женщны Сіама. На службу онѣ поступають 13-ти лѣтъ, а черезъ 12 лѣтъ выходятъ въ отставку. Онѣ вооружены колыями и всегда появляются въ первыхъ рядахъ лейб-гвардіи.

Изъ всего изложеннаго нами ясно видно, что его величество король Парамидръ-Мага-Чулалонкорнъ сумѣлъ соединить старинную, укоренившуюся восточную роскошь съ современнымъ европейскимъ управленіемъ страной. Поэтому-то при сіамскомъ дворѣ, при всей его, на первый взглядъ, странности, сконпилось столько образованности, такта и благородства, присущихъ просвѣщеннымъ народамъ. И не удивительно, что при такихъ условіяхъ Сіамъ занимаетъ одно изъ наиболѣе независимыхъ и почетныхъ мѣстъ въ ряду азіатскихъ государствъ.

Самая дурная женщина Лондона.

Разсказъ Т. Филиппа.

Пробывъ нѣкоторое время адвокатомъ, Тедди Кеннингемъ убѣдился, что неспособенъ къ этой спеціальности, и, подобно сотнѣ другихъ, обратился къ литературѣ. У него всегда была склонность къ писательству. Еще будучи мальчикомъ, онъ писалъ такія исторіи, отъ которыхъ въ жилахъ стыла кровь, и въ училищѣ сотрудничалъ въ школьномъ журналѣ, но на писательство свое онъ не смотрѣлъ какъ на спеціальность. Однако, убѣдившись, что перомъ можетъ зарабатывать до сотни фунтовъ въ годъ, онъ очень удивился, но посвятилъ себя профессіи литератора.

Мать Кеннингемъ-отецъ былъ тоже удивленъ, хотя сильно сомнѣвался насчетъ приличія такого занятія. Составивъ себѣ состояніе торговлей хмелемъ, онъ предназначалъ сына адвокатуры и желалъ сдѣлать изъ него джентльмена. Выходъ же сына изъ храма правосудія и превращеніе его въ писака онъ считалъ социальнымъ паденіемъ. Если Тедди намѣревался мараить чернилами для того, чтобы существовать, то зачѣмъ же разглашать объ этомъ?—мысленно спрашивалъ себя старикъ. Неодобреніе свое онъ высказывалъ даже, когда Тедди сталъ окончательно считать себя писателемъ и совершенно отказался отъ юридическихъ занятій. Отецъ сохранилъ новоявленному литератору то же содержаніе, которое выдавалъ ему, когда тотъ работалъ въ судѣ, и иногда спускалъ даже до того, что читалъ въ журналахъ вещицы, подписанныя буквами Э. К. До тѣхъ поръ онъ читалъ одиѣ только газеты.

Такимъ образомъ, жизнь проходила, и Тедди началъ зарабатывать сто пятьдесятъ фунтовъ въ годъ. Какъ разъ въ это время онъ писалъ театральную хроникку въ *Общественномъ Зеркалѣ* и, по словамъ его отца, „возложилъ вѣнецъ глупости

на свою неудавшуюся карьеру“. Онъ жевился на Джесси Пембертонъ, хорошею актрисѣ, дебютировавшей въ Лондонѣ. Въ домѣ Кеннингемъ произошла настоящая буря.

Бракъ былъ заключенъ, несмотря на родительскія возраженія и угрозы. Тедди пришлось помириться съ фактомъ, что отнынѣ онъ будетъ жить только на свои собственные средства, и изъ квартиры въ Викторіи-Стритъ пришлось переѣхать въ меблированныя комнаты въ Блумсберри, гдѣ Джесси, хорошая дѣвушка, тоже зарабатывавшая кое-что, поджаривала булочки чаю, а Тедди отказался отъ *Таймса* и перешелъ въ *Телеграфъ*.

Джесси стояла на томъ, что ихъ положеніе не дозволитъ ей покинуть сцену, и Тедди поневолѣ пришлось согласиться. Послѣ спектакля онъ обыкновенно провожалъ ее домой, какъ дѣлалъ это и прежде. Дома, послѣ веселаго ужина, онъ выкуривалъ нѣсколько трубокъ, и въ облакахъ табачнаго дыма супруги видѣли радужныя картины того, какъ онъ сдѣлается знаменитымъ романистомъ и они займутъ цѣлый этажъ, съ мебелью изъ чернаго дерева и голубой обивкой, и какъ онъ будетъ получать невозможный гонораръ въ „четыре цифры“.

Послѣ рожденія ребенка идиллія и веселье нѣсколько уменьшились. Такъ какъ розы безъ шиповъ не бываетъ, то и бракъ безъ дѣтей сравнительно бываетъ мало. Джесси не могла играть нѣкоторое время, и потому Тедди пришлось работать за двоихъ.

Онъ былъ занятъ своей первой книгой и писалъ ее уже нѣсколько мѣсяцевъ. Между статейками и маленькими разсказами, онъ употреблялъ всѣ свои силы на отдѣлку своего новаго романа изъ современной жизни. Днемъ писалъ романъ

ему было некогда, и он сидеть за ним ночью, когда ребенок переставал кричать и всё в домѣ спал.

По мѣрѣ того, какъ работа подвигалась, ему все чаще и чаще приходилось откладывать ее въ сторону ради другихъ, болѣе срѣзныхъ работъ. Каждое утро онъ съ тоской смотрѣлъ на новые листы все болѣе и болѣе увеличивавшейся рукописи и затѣмъ бросалъ ихъ въ ящикъ стола, и съ сожалѣніемъ отрывался, чтобы приняться за прибыльные занятія. Въ то время, какъ онъ писалъ статьи, которыя началъ ненавидѣть и презирать, Джесси читала послѣднія страницы *magnum opus'a* и молча писала карандашомъ на обратной сторонѣ старыхъ писемъ замѣчанія, которыя приходили ей въ голову. Джесси была отличная женщина и по мѣрѣ силъ не давала кричать сыну и послѣднику въ то время, какъ Тедди писалъ, сидя за колченогимъ столомъ передъ глубокимъ окномъ. Она была хорошая женщина и отличный критикъ, и замѣчанія ея были дѣльными. Вислѣдствіи у ней оказалось еще третье качество — она оказалась необыкновенно способнымъ литературнымъ агентомъ. Это качество проявилось совершенно неожиданно, и она не подозрѣвала въ себѣ такого таланта.

Ребенку минуло четыре мѣсяца, когда романъ былъ конченъ, и окончаніе его они отпраздновали ужиномъ, болѣе роскошнымъ, чѣмъ ихъ обычные ужины, подающимъ, когда ребенокъ отравился спать. Теперь возникла вопросъ, какъ назвать этотъ романъ, по характеру героини развѣили трудный вопросъ, и Тедди и Джесси назвали его „Самая дурная женщина Лондона“. Тедди крупными буквами написалъ названіе наверху первой страницы. Точка же была принесена сбрая бумага и веревка, романъ былъ завернутъ, и, надписавъ адресъ, Тедди и Джесси пошли спать.

— Пожелай ему счастья, Джесси, — сказалъ Тедди, нѣжно поглаживая рукопись.

Джесси проговорила благословеніе, и на слѣдующее утро „Самая дурная женщина Лондона“ отправилась искать приключеній.

Только спусти шесть недѣль получены были извѣстія о ней, т. е. романъ вернулся съ запиской, выражающей сожалѣніе, что „въ виду настоящаго труднаго положенія книжнаго рынка, издатели лишены возможности принять любезное предложеніе м-ра Кенингема“. Тедди швырнулъ записку въ огонь и выругался.

— Ну, что за важность, — сказала Джесси, — мы пошлемъ ее къ кому-нибудь другому. Ты вѣдь самъ говорилъ, что издателей много и что всѣ они одинаковы. Наниши сейчасъ же записку, и мы отправимъ романъ.

И снова они стали жить надеждой. Но черезъ нѣсколько недѣль рукопись снова вернулась. Первое разочарованіе оказалось предвѣстникомъ многихъ другихъ. Нѣкоторые издатели держали рукопись долѣе, чѣмъ другіе... держали такъ долго, что Джесси начинала надѣяться, что рукопись принята; но несчастный свертокъ въ концѣ концовъ возвращался съ знакомымъ прощескимъ отвѣтомъ, пока, наконецъ, въ одно прекрасное утро... О, какое это было утро!

Джесси вышла завтракать первой и увидала на столѣ записку.

— Тедди! — крикнула она.

— Что случилось? — спросилъ Тедди.

— Отвѣтъ отъ Реджента и Рау о книгѣ, и Тедди...

— Ну, что же? — крикнулъ Тедди изъ-за двери, не меѣе ея взволнованнымъ голосомъ.

— Рукопись обратно не прислана!

— Еще будетъ прислана, — сказалъ Тедди. — Не безпокойся, дорогая, еще будетъ прислана; съ слѣдующей почтой мы ее получимъ.

Онъ старался казаться спокойнымъ, но руки его, взявшія письмо, дрожали. Господа Реджентъ и Рау писали ему, что желали бы поговорить съ нимъ относительно его рукописи: „Самая дурная женщина Лондона“, и надѣются, что м-ръ Кенингемъ зайдетъ къ нимъ какъ-нибудь на этой недѣлѣ между одинадцатью и часомъ. Теченіе переѣвилось. Тедди и Джесси, поблѣдѣвъ, смотрѣли другъ на друга.

— Я пойду сегодня, сейчасъ же... или не подождать ли день или два?

— Иди сейчасъ же... или нѣтъ, можетъ-быть, лучше подождать? Но мнѣ ужасно хочется знать, что они скажутъ.

Они пожали другъ другу руки, поцѣловались и запрыгали отъ восторга по комнатамъ. Было рѣшено, что авторъ немедленно упадетъ о своей судьбѣ, и, надѣвъ послѣ завтрака свою лучшую одежду и почистивъ щеткой свою шляпу, онъ приготовился въ путь.

Онъ уже раздумывалъ, сколько могъ взять за романъ, и мысленно представлялъ себѣ это свиданіе: издатель будетъ умолять его, а онъ снизойдетъ къ его просьбѣ.

Придя въ контору, онъ спросилъ у клерка, принимаетъ ли м-ръ Реджентъ или м-ръ Рау, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что, взглянувъ на его карточку, клеркъ сталъ любезнѣе.

— Не угодно ли вамъ присѣсть, сэръ, — сказалъ онъ: — м-ръ Реджентъ освободится черезъ нѣсколько минутъ.

Тедди угодно было присѣсть, а черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ введенъ во внутреннюю комнату, гдѣ его встрѣтилъ ласкій, благодушный джентльменъ.

Издатель сказалъ ему, что отзывъ о „Самой дурной женщинѣ Лондона“ полученъ самый удовлетворительный, — настолько удовлетворительный, что, несмотря на неизвѣстность автора, фирма рѣшается издать романъ.

— У васъ есть оригинальность, — продолжалъ онъ: — юморъ и стиль... то неощенное качество, которое мы называемъ „стилемъ“. Отзывъ дѣйствительно... очень благоприятенъ.

Отзывъ лежалъ передъ нимъ на столѣ, и онъ, положивъ на него руку, сталъ его перелистывать.

— Кажется, отзывъ очень большой, — сказалъ Тедди. — Развѣ ваши чтенцы всегда ищутъ вамъ такіе длинные разборы?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ великій человекъ: — это исключеніе, и, могу сказать, что эта статья до такой стѣни возбуждала мое любопытство, что я хочу самъ прочесть рукопись.

— Это очень лестно, — сказалъ Тедди, — а... а... относительно условій?

— Относительно условій, — развѣсно отвѣчалъ издатель, — мы предлагаемъ заплатить пятьдесятъ фунтовъ.

Тедди откинулся на спинку кресла, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ: — это невозможно. Я писалъ этотъ романъ чуть не дѣлѣтъ годъ.

— Если бы это было не такъ, — замѣтилъ м-ръ Реджентъ: — то въ немъ не было бы достоинствъ. Скороснѣбля венцы, дорогой мой сэръ, не имѣютъ цѣны какъ въ литературѣ, такъ и во всякой другой торговлѣ.

— Можеть-быть, — сказалъ Тедди: — но только если хорошо написанную вещь нельзя продать дороже пятидесяти фунтовъ, то ее лучше совсѣмъ не писать.

— Или, дорогой мой сэръ, — прищелкивая пальцами, сказалъ м-ръ Реджентъ: — все дѣло въ имени. Я не отрицаю, что когда публика привыкнетъ читать ваши книги, то за вашу рукопись я дамъ въ двадцать разъ болѣе, хотя она въ десять разъ будетъ хуже настоящаго романа.

— Вы хотите поощрить меня, — сухо отвѣтилъ Тедди: — но и журналистъ, и знаю, что вы совершенно правы. Дѣло однако въ томъ, что менѣе ста фунтовъ за эту вещь я взять не могу, а лучше положу ее къ себѣ въ столъ.

— Романъ этотъ, — продолжалъ м-ръ Реджентъ: — займетъ два тома... или, можетъ-быть... вы распределите иначе?..

— Позвольте, — сказалъ Тедди, — я... и раздѣлилъ этотъ романъ на три тома. Вы увѣрены, что три тома не выйдутъ?

— Насколько мнѣ кажется — выйдутъ. Все-таки я посмотрю... я посмотрю, м-ръ Кенингемъ.

— И если выйдутъ три тома, то могу я считать, что вы согласитесь на мои условія?

— Я посмотрю, что мы можемъ сдѣлать; мнѣ надо посоветоваться съ товарищемъ. Прощайте, сэръ, прощайте.

Онъ крѣпко пожалъ Тедди руку, и молодой человекъ съ тяжелымъ сердцемъ вышелъ на улицу, сѣлъ въ омнибусъ и, прѣбывъ домой, слово-въ-слово передалъ разговоръ Джесси.

Въ послѣдующіе два дня онъ боялся, что м-ръ Реджентъ напишетъ, что не можетъ дать болѣе пятидесяти фунтовъ, но когда пришла записка, что такъ какъ романъ этотъ можетъ быть изданъ въ трехъ томахъ, то фирма находитъ возможнымъ дать теперь сто фунтовъ и пять процентовъ, когда первое изданіе будетъ распродано, авторъ опять былъ недоволенъ.

— Къ чему это ведетъ? — говорилъ онъ. — Никто не будетъ знать о вѣходѣ книги. Сто фунтовъ, конечно, остаются ста фунтами, что же касается до процента...

Онъ не ожидалъ, чтобы разошлась и половина перваго изданія; о второмъ и третьемъ ничего было и думать.

— Или! — съ досадою повторялъ онъ слова м-ра Реджента. — Дорогая моя молодая особа, дѣло все въ имени!

— Ну, такъ создай себѣ имя, — сказала Джесси: — заставь говорить о себѣ и наниши во всѣ газеты извѣщенія, что ты пишешь романъ.

— Полно! — отвѣчалъ Тедди, и, закуривъ трубку, сталъ страшно дымить, разсуждая, имѣетъ ли онъ возможность заставить говорить о своей книгѣ до ея появленія?

Несмотря на неудовольствіе, чекъ г-р. Реджента и Рау очень пригодился. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, онъ гроша не получалъ отъ отца, и денежныя дѣла его находились въ самомъ печальномъ положеніи. Они пошли въ банкъ вѣстѣ съ Джесси, сдѣлали другъ другу небольшіе подарки, и говорили болѣе обыкновеннаго о животрепещущемъ вопросѣ: какъ будетъ принятъ романъ?

— Что касается до прессы, — говорилъ Тедди: — то въ ней я не сомнѣваюсь. Пресса отнесется искренно, и если найдетъ дарованіе, то прямо выскажетъ это. Но публика!.. Публика будетъ вертѣть книгу на прилавкѣ и говорить: „Эдуардъ Кенингемъ... что такое Эдуардъ Кенингемъ? Нѣтъ, не надо. Дайте лучше что-нибудь другое!“ Меня тревожитъ публика...

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ господа Реджентъ и Рау приняли романъ, Джесси поѣхала въ Гарри повидѣться съ одной своей замужней пріятельницей и вернулась домой съ раскраснѣвшимися отъ волненія щеками и сверкавшими глазами. Она благоговѣнно держала въ рукахъ таинственный свертокъ, и, когда Тедди, по ея требованію, развернулъ его, онъ,

къ немалому своему удивленію, увидаль, что это была знакома ему рукопись его романа.

— Джесси! Какимъ образомъ она попала къ тебѣ? — спросилъ онъ.

— Нашла! — гордо отвѣчала Джесси.

— Нашла? — повторишь она.

— Въ вагонѣ, Тедди, сидѣлъ добродушный, лысый господинъ и читалъ ее. Рукопись я сейчасъ же узнала. Съ нимъ былъ сакъ-воляжъ, съ буквами: „В. Р.“ Это вѣрно былъ м-ръ Реджентъ.

— Вѣроятно, — сказалъ Тедди. — Реджентъ, кажется, живетъ по дорогѣ въ Гарриу. Ну, и что же?

— Когда мы остановились на станціи, онъ спалъ.

— Надъ моимъ романомъ?

— Романъ онъ положилъ возлѣ себя. Когда поѣздъ остановился, онъ только уснѣлъ соскочить, схвативъ мѣшокъ и зонтикъ: я боялась, что старикъ сломастъ себѣ шею.

— И рукопись оставилъ?

— Да, рукопись оставилъ, — вотъ она, Тедди... Ахъ ты, милый дурачокъ, Тедди... Что за удивительное, божественное счастье выпало на нашу долю!

— Счастье?

— Дурачокъ! Замѣчательное счастье! Ты послушай только...

Она съ жаромъ говорила минутъ десять и, когда на минуту остановилась, то Тедди, затаивъ дыханіе, въ восхищеніи смотрѣлъ на нее.

— Джесси! — вскричалъ онъ.

— Отдаешься въ мое распоряженіе? — спросила она.

— Безусловно, — отвѣчалъ Тедди и, закуривъ другую трубку, засмѣялся.

Для черезъ три послѣ этого во всѣхъ газетахъ появилось объявленіе, что за оставленную въ вагонѣ второго класса, по дорогѣ между Эстономъ и Гарриу, рукопись, озаглавленную: „Самая дурная женщина Лондона“, предлагается 500 фунтовъ. Нашедшаго просить доставить рукопись гг. Реджентъ и Рау. Сумма вознагражденія, заглавіе и громкое имя издателей обратили на себя вниманіе публики.

Вѣроятно, счастливецъ, который такъ легко могъ получить такую крупную сумму, не замѣтилъ этого объявленія, потому что черезъ недѣлю оно было повторено. Городъ заговорилъ объ этомъ, и „500 фунтовъ“, и „Самая дурная женщина Лондона“, напечатанные громадными буквами, красовались въ окнахъ каждаго магазина.

Въ газетахъ стали появляться маленькіи замѣтки слѣдующаго содержанія: „Романъ изъ современной жизни, извѣстнаго журналиста, былъ проданъ гг. Реджентъ и Рау, и, къ несчастью, оставленъ на поѣздѣ самимъ м-ромъ Реджентомъ, который настолько былъ заинтересованъ этой вещью, что взялъ ее съ собой, чтобы внимательно прочесть дома, на свободѣ“. Какая-то раздражительная особа, подписавшаяся „Циникомъ“, написала саркастическое письмо въ одну изъ вечернихъ газетъ, и, увидавъ его напечатаннымъ, пустилась въ плясъ отъ радости. Особу эту звали Джесси.

Сиамскій король Параминдръ-Мага-Чулалонгкорнь въ европейскомъ костюмѣ. Съ фот. авторинія „Нивы“.

Волненіе на нѣкоторое время улеглось, но затѣмъ съ новой силой возобновилось. Рукопись нашлась. Повидимому, въ вагонѣ, гдѣ она была оставлена, сидѣлъ еще только одинъ пассажиръ, который, отъ нечего дѣлать, началъ читать ее. Но романъ до такой степени увлекъ его, что, доѣхавъ до Дивернуа, гдѣ онъ долженъ былъ съѣсть на пароходѣ, чтобы ѣхать въ Нью-Йоркъ, онъ не могъ рѣшиться отправить его по адресу, написанному на послѣдней страницѣ, не дочитавъ до конца. Онъ поступилъ нехорошо, въ чемъ теперь приноситъ часто-сердечное раскаяніе, и, взявъ рукопись съ собой на пароходѣ, читалъ ее во время дороги.

Всадившись въ Нью-Йоркѣ, онъ прежде всего хотѣлъ отправить рукопись въ Англію. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Его ждала телеграмма, совершенно измѣнившая его планы и заставившая забыть несчастную рукопись. Ему необходимо было тотчасъ же отправиться въ Санъ-Франциско, а оттуда немедленно проѣхать въ Китай. На третій день плаванія, онъ вспомнилъ о „Самой дурной женщинѣ Лондона“, а, прѣѣхавъ на мѣсто, снова забылъ о ней.

Выйдя въ море, по пути въ Китай, онъ опять вспомнилъ о рукописи, и очень упрекалъ себя, но не успѣлъ онъ высадиться въ Китай, какъ потерялъ сакъ-воляжъ, въ которомъ лежала рукопись. Его поиски сакъ-воляжи и отчаянныя старанія туземцевъ найти его, послужили матеріаломъ для нѣсколькихъ юмористическихъ статей. „Приключенія съ рукописью“ печатались въ вечернихъ газетахъ, и о нихъ упоминалось вездѣ.

Когда, наконецъ, книга появилась, то „Самая дурная женщина Лондона“ Эдуарда Кейнингема была извѣстна читающей публикѣ не менѣе „Жизни дяди Тома“, и спросъ на нее былъ громаденъ. Первое изданіе разошлось въ одну недѣлю и затѣмъ явилось второе изданіе, въ распродажѣ котораго Тедди былъ сильно заинтересованъ. Рецензенты хвалили романъ. Послѣ второго изданія появилось третье, а послѣ третьяго четвертое. Въ первые шесть мѣсяцевъ разошлось полдюжины изданій. Мистеръ Кейнингемъ-отецъ, гордясь славой своего сына, несмотря на свой гнѣвъ, протипулъ Тедди маслянистую вѣтвь, и сынъ при свиданіи расказалъ всю правду о приключеніяхъ съ книгой. Сущность его разсказа можно понять изъ отвѣта мистера Кейнингема.

Старикъ свистнулъ отъ изумленія и затѣмъ разразился хохотомъ.

— Однако, у тебя умная жена, Тедди, — проговорилъ онъ, вытирая лобъ: — замѣчательно умная жена. Хотѣлось бы мнѣ познакомиться съ нею. Я думалъ, что ты женился на актрисѣ; но она — дѣловая женщина, Тедди, дѣловая женщина, съ такой головой... да вѣдь она выведетъ тебя въ люди, ей-Богу!

Они дружески пожали другъ другу руки; изъ спальни была вызвана Джесси съ ребенкомъ и торжественно представлена отцу.

Къ рисункамъ.

Эта живая и прекрасно-написанная бытовая сцена, выхваченная талантливымъ художникомъ прямо изъ жизни, проповѣдуетъ тяжелое, удручающее впечатленіе своею правдивостью... За столомъ, въ крестьянской избѣ, собралась вся семья, сосѣдки, кумушки, сваты; всѣ собрались за самоваромъ и угощаются чайкомъ и водочкой, по поводу прѣѣзда дочки, давно отлучившейся изъ семьи и жившей много лѣтъ сряду въ услуженіи, въ Москвѣ или Петербургѣ. Собрались не для того, чтобы раздѣлить семейную радость, а больше для того, чтобы посмотрѣть на обновы прѣѣзжей гостыи, которая навезла ихъ много-премного, и не прочь ими похвастать и похвастаться передъ сосѣдями... И вотъ, среди безтолковой болтовни, среди безнабашнаго хвастовства и вранья, среди притворныхъ восхваленій и лицемѣрной лести, рассматриваются и одѣваются обновы, раздаются возгласы удивленій,

разгораются завистливыя взгляды; а сама дочка, нагло и нахально улыбаясь, выставляетъ всѣмъ напоказъ свои руки, съ дешевыми перстнями и кольцами на пальцахъ, купленными цѣною ея безстыдства. И только одинъ старикъ-отецъ, въ данную минуту всѣмъ забытый и шикѣлъ не замѣчаемый, стоитъ въ сторонкѣ у печки, и, скромно покуривая свою трубочку, смотритъ съ недоверіемъ и сомнѣніемъ на всю эту бабью суету и ликованье.

А между тѣмъ всѣ кругомъ его дочку хвалятъ, его дочкѣ льстятъ и завидуютъ; всѣ желаютъ такой же „удачи“ своимъ дочерямъ, готовы оторвать ихъ отъ здоровой почвы и пормальничьихъ условій сельской жизни и бросить на позоръ и постыдную наживу въ мутный водоворотъ столицы, изъ котораго рѣдкая дѣвушка-крестьянка выноситъ къ себѣ на родину честный заработокъ и ту простоту понатій и потребностей,

Св. Крещение Высоконоворожденной Великой Княжны Татьяны Николаевны. Обратное шествіе изъ Большого Петергофскаго Дворца въ Фермерскій Дворецъ. Съ фотогр. К. Булга автотипія „Нивы“.

которая неразлучна съ скромными средствами и еще болѣе скромными задачами трудовой крестьянской жизни. И вотъ, въ картинѣ талантливаго художника, наглядно и ясно для всѣхъ, намѣчается тотъ путь, которымъ ложная, поверхностная и развращающая цивилизація большихъ городскихъ центровъ вторгается въ деревню и вноситъ въ нее растлѣвающія начала, замѣняющія, но далеко не къ лучшему, основы прежней, вѣками установившейся жизни.

Вопросительно-вдумчивый взглядъ, сосредоточенность, робкое выжиданіе большого счастья или большой печали, и все это волноенное въ прелестной фигурѣ молодой дѣвушки. — вотъ что удалось прекрасно изобразить художнику на картинѣ **Дѣвичьи сны**. Трудно въ болѣе поэтической формѣ кистью передать расцвѣтъ женской весны.

Томныхъ желаній
Полны они, —
Смутныхъ страданій
Давные дни.

Вѣдь все, что сладостно выдымаетъ грудь, украшаетъ путь жизни, даетъ намъ силу, воодушевляетъ насъ и вѣчно цвѣтетъ, просить отвѣта въ тѣ динные дни дѣвичьихъ сновъ и грѣзъ. Соломенная шляпа небрежно брошена на садовую скамейку, платокъ скинутъ, въ рукѣ письмо, но глаза смотрятъ задумчиво вдаль, ищутъ тамъ разрѣшенія овлаѣваемаго душой вопроса, чѣмъ кончатся всѣ эти смутныя ожиданія. Письмо не даетъ отвѣта: оно только сулитъ что-то новое, неизданное, оно соблазняетъ, прельщаетъ, по, можетъ-быть, лучше не поддаваться искушенію, можетъ-быть, минутный порывъ приведетъ къ долговому раскаянію. Двѣ жизни должны слиться: свою знаешь, но чужая? Что если она обманетъ, если она не оправдаетъ надеждъ, если она приведетъ къ горькому разочарованію? И все-таки такъ сладко предаваться грѣзамъ о возможности большого счастья, — такъ сладко и жутко!..

Неожиданная встрѣча не всегда бываетъ пріятна; она подчасъ вызываетъ цѣлый рой тревожныхъ воспоминаній. Время затянуло старыя раны; улеглись мало-по-малу пережитыя печали, обиды и разочарованія, и вдругъ опять воскресаетъ былое въ знакомыхъ чертахъ когда-то близкаго лица... Такая встрѣча удачно воспроизведена художникомъ Марольдомъ. Нашему воображенію живо рисуется заброшенный дикій уголокъ, поросшій мелкимъ кустарникомъ и бурьяномъ. Полуизломанная изгородь отдѣляетъ его отъ ветхихъ развалинъ. Здѣсь, въ этой грустной обстановкѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, судьба вновь столкнула два существа, связанныхъ другъ съ другомъ тяжелымъ прошлымъ. Ихъ поэма любви окончилась безмолвнымъ разрывомъ. Наблванный успѣхомъ, холодный матеріалістъ, онъ не могъ безавѣтно любить и, легко увлекаясь новизной впечатлѣній, намѣнялъ своимъ клятвамъ и пламеннымъ увѣреніямъ... Мечты разлетѣлись, какъ вѣжные цвѣты, смятые бурей. Глубокая пропастъ, казалось, навѣки раздѣлила влюбленныхъ. Однако, жизнь распорядилась по-своему, и они снова столкнулись совѣтъ въ другой мѣстности, при иныхъ обстоятельствахъ. Отдѣлившись отъ веселой кавалькады, она отправилась къ сосѣднему пустырю взглянуть на развалины. Вдали отъ общества она, можетъ-быть, хотѣла углубиться въ собственные мысли и вспомнить давно прошедшіе дни. Стройная женская фигура въ черной амазонкѣ привлекла вниманіе ея бывшего героя, который тутъ же проѣзжалъ верхомъ. Онъ ловко соскочилъ съ лошади. Шаги вывели незнакомку изъ задумчиваго созерцанія. „Боже мой!.. Онь... онь...“ мелькнуло у нея въ головѣ. Она страшно поблѣднѣла. Опуская въ смущеніи глаза, она ясно сознаетъ, что еще не перестала любить, и робко ожидаетъ перваго слова. Зато онъ совершенно спокоенъ и смѣло глядитъ на свою старую любовь, небрежно заложивъ руки за спину и, повидимому, нисколько не удивляясь встрѣчѣ. Его вѣдь ничѣмъ нельзя удивить! До поры до времени онъ будетъ вновь разыгрывать знакомою роль влюбленнаго рыцаря, но на этотъ разъ, вѣроятно, уже менѣе успѣшно.

В. Е. Маковскій считается давно уже самымъ выдающимся русскимъ жанристомъ. Передвижныя выставки создали главнымъ образомъ знаменитость **В. Е. Маковского** и тѣ синагии, съ которыми публика встрѣчается каждую его новую картину. Довольно сказать, что онъ выставилъ за истекшее двадцатипятилѣтіе существованія передвижныхъ выставокъ болѣе 150 картинъ, почти исключительно жанровыхъ, и притомъ особаго жанра — юмористическаго, первыми представителями котораго были знаменитые **Одотовъ** и **Перовъ**. **В. Е. Маковскій** — прямой законный наследникъ ихъ въ этой области. Здоровый, неподдѣльный юморъ брызжетъ изъ каждой его картины, брызжетъ чистѣйшими блестящими любови, состраданія, негодованія противъ лжи и лицемерія, обмана и самошанія. Миръ его наблюдений широкъ и многообразенъ, какъ широка и многообразна окружающая жизнь. Все, что есть темнаго и кошачнаго въ ней, все воплощено художникомъ въ яркихъ образахъ, воплощено съ изумительной чуткостью, правдивостью и искрен-

ностью. Онъ показалъ намъ цѣлую галерею типовъ дальневосточной провинціи, изъ той глубины Россіи, гдѣ царитъ „вѣковая тишина“, и на ряду съ ними — типы шумной столицы, героевъ городской улицы. Эту обширную галерею дополнилъ почтенный художникъ теперь новой блестящей коллекціей жанровъ и типовъ, зарисованныхъ имъ въ послѣднее путешествіе по Волгѣ. Всѣ они находились на послѣдней юбилейной передвижной выставкѣ, и передъ зрителемъ проходила въ нихъ вся своеобразная жизнь Поволжья, съ его самобытной природой, съ его особыми типами населенія, главнымъ образомъ — рабочаго люда, для котораго великая рѣка является постояннѣйшей родной кормилицей-поплицей. Жизнь, какъ она кипитъ весною и лѣтомъ на берегу Волги, удивительно вѣрно отражена въ тишахъ и сценахъ г. Маковского.

Св. Крещеніе Высоковорожденной Великой Княжны Татьяны Николаевны. (Рис. на стр. 597).

8-го іюня въ Петергофѣ совершено таинство Св. Крещенія Высоковорожденной Великой Княжны Татьяны Николаевны. Въ одиннадцатомъ часу утра въ алтарѣ церкви Большаго Петергофскаго Дворца собрались члены Святейшаго Синода и придворное духовенство, а въ церкви — епископы иностранныхъ миссіонарій; въ дворцовыхъ залахъ начали занимать мѣста придворныя дамы, члены дипломатическаго корпуса съ супругами, высшіе придворные, военные и гражданскіе чины, лица Святи Государя Императора и великихъ князей и штабъ- и оберъ-офицеры гвардіи, арміи и флота. Къ 10½ часамъ во Дворцѣ собрались Ихъ Императорскія Высочества великіе князья и великія княгини. Высоковорожденная великая княжна была привезена въ парадной золоченой каретѣ изъ Фермерскаго Дворца; карету сопровождали два вавода Собственнаго Его Величества конвои, италмейстеръ Высочайшаго Двора, командиръ конвои, конюшенные офицеры и придворные конюхи, а въ парадныхъ экипажахъ слѣдовали: оберъ-гофмаршалъ Высочайшаго Двора и особы, назначенныя поддерживать подушку и покрывало. Церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора внесъ въ церковь на золотомъ блюдѣ орденъ св. Екатерины. По прибытіи во Дворецъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, начался, согласно церемониалу, Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ покоевъ въ церковь. За Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею Марією Ѳеодоровною слѣдовали Ихъ Императорскія Высочества. Высоковорожденную Великую Княжну несли гофмейстерина Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны свѣтлѣйшая княгиня Голицына, а подушку и покрывало поддерживали: оберъ-егерейстеръ князь Голицынъ и генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ. При входѣ въ церковь Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества были встрѣчены высокопреосвященнымъ митрополитомъ Палладіемъ съ прочими членами Святейшаго Синода и придворнымъ духовенствомъ, съ крестомъ и святою водою. Государь Императоръ, приложившись ко кресту и принявъ окропленіе святою водою, изволилъ выйти изъ церкви въ ближайшій покой. Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ приступилъ къ совершенію таинства Св. Крещенія. Воспріемниками присутствовали: Ея Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Ихъ Императорскія Высочества великій князь Михаилъ Николаевичъ и великая княгиня Ксенія Александровна. По совершеніи таинства, при пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“, зазвучали колокола петергофскихъ церквей, и загрѣвъ пушечный салютъ. Государь Императоръ вошелъ въ церковь. Высокопреосвященный митрополитъ Палладій приступилъ къ совершенію Божественной литургіи, во время которой Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволила поднести Высоковорожденную великую княжну къ причащенію снятыхъ Божественныхъ Таинъ. Во время пѣнія „Да исполнятся уста наша“, исправляющей должность канцлера русскіихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, поднесъ на золотомъ блюдѣ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ орденъ св. Екатерины, который Ея Величество возложила на Высоковорожденную великую княжну. По совершеніи литургіи все духовенство въ церкви принесло Ихъ Императорскимъ Величествамъ поздравленіе. Государь Императоръ, Государыня Императрица и всѣ Высочайшія Особы возвратились во внутренніе покои. Высоковорожденная великая княжна была отвезена, въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, изъ Большаго Дворца въ Фермерскій Дворецъ. Моментъ отъѣзда и воспроизведенъ на нашемъ рисункѣ. Въ Портретной галлерей Государь Императоръ принялъ чинъ дипломатическаго корпуса, а затѣмъ былъ поданъ завтракъ Особамъ Императорской Фамиліи, посланъ съ супругами, статусъ-дамамъ и камеръ-фрейлинамъ, членамъ Святейшаго Синода и придворному духовенству, епископамъ иностранныхъ миссіонарій и прочимъ приглашеннымъ высокопоставленнымъ особамъ.

По случаю святаго Крещенія Ея Императорскаго Высочества великой княжны Татьяны Николаевны, въ С.-Петербургѣ, въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ и во всѣхъ столицахъ

выхъ храмахъ совершени были благодарственные молебствія съ шлодневнымъ звономъ. Петергофъ и Петербургъ были украшены флагами, а вечеромъ иллюминированы.

А. П. Милюковъ. (Портр. на стр. 600.)

Въ лицѣ недавно скончавшагося Александра Петровича Милюкова русская литература лишилась одного изъ почтенныхъ своихъ дѣятелей, а русское общество одного изъ идеалистовъ, до послѣднихъ минутъ жизни горячо любившаго литературу и искусство.

А. П. Милюковъ родился въ 1817 г., въ г. Козловѣ, Тамбовской губерніи; образование получилъ онъ въ московской гимназіи и петербургскомъ университетѣ по филологическому факультету. По окончаніи университетскаго курса покойный посвятилъ себя педагогической дѣятельности, длившейся около 35 лѣтъ. Онъ преподавалъ русский языкъ и литературу во второй петербургской гимназіи, Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ и дворянскомъ полку. Знатокъ русской словесности, онъ извѣстенъ своей книгой „Очеркъ исторіи русской поэзіи“, вышедшей въ 1847 г., полѣвка служашей учащемуся юношеству пособіемъ къ ознакомленію съ отечественной литературой и до сихъ поръ занимающей почетное мѣсто въ педагогической литературѣ. Въ этомъ первомъ своемъ серьезномъ трудѣ Милюковъ обнаружилъ недюжинное критическое чутье, глубокое пониманіе задачъ критики и не малую долю самостоятельности въ дѣлѣ оцѣнки авторовъ. Тонкій литературный вкусъ и пониманіе поэзіи проявилъ онъ еще въ другомъ своемъ трудѣ: „Жемчужины русской поэзіи“, изданномъ въ 1864 г. и считающемся образцовой хрестоматіей русской поэзіи. Милюковъ извѣстенъ не только какъ критикъ, но и какъ беллетристъ, печатавшій свои романы, повѣсти, рассказы, на ряду съ критическими статьями, въ *Библиотекѣ для чтенія*, *Отечественныхъ Запискахъ* Краевского, *Русскомъ Словѣ*, *Сынѣ Отечества* и многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Нѣкоторыя изъ крупнейших литературныхъ произведеній его выдержали по нѣскольку изданій; въ томъ числѣ: „Царская свадьба“, бывшая въ время Іоанна Грознаго, сборникъ „Рассказы изъ обиденной жизни“, „Рассказы и путевыя воспоминанія“, очерки „Отголоски на литературныя и общественныя явленія“, „Путешествіе по Россіи“, „Аонны и Константинополь“, „Доброе старое время“.

Милюковъ состоялъ редакторомъ нѣсколькихъ изданій: *Стрелка* съ 1860 года, года его основанія, *Сына Отечества* съ 1869 по 1871 г. и *Русскаго Мира*. Сотрудничалъ покойный почти во всѣхъ крупнейших органахъ печати: *С.-Петербургскихъ Ведомостяхъ*, *Голосѣ*, *Русскомъ Мирѣ*, *Всмирномъ Трудѣ*, *Правительственномъ Вѣстникѣ*, *Историческомъ Вѣстникѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*. Долгое время Милюковъ состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ *Нивы*.

Вращаясь постоянно въ литературныхъ кружкахъ, Милюковъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойными Аполлономъ Григорьевымъ, Мееръ, Достоевскимъ и Плещеевымъ. Въ послѣдніе годы Милюковъ рѣшился подѣлиться своими богатыми воспоминаніями объ этой славной эпохѣ расцвѣта русской мысли и подъема общественного духа. Они помѣщались въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, а затѣмъ, въ 1890 г., вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Литературныя встрѣчи и знакомства“.

Какъ человѣкъ, покойный былъ рѣдкой душевной доброты, энтузіастъ до конца жизни, сохранившій молодую душу въ глубокой старости, горячо любившій юность и до конца дней старавшійся окружать себя молодежью. Въ этой любви восьмидесятилѣтняго старика къ молодежи было что-то трогательное. Покойный былъ страстнымъ поклонникъ Пушкина, и для него не было лучшаго удовольствія, какъ декламировать „Евгенія Онѣгина“. Подъ строфы „Евгенія Онѣгина“ сомкнулъ онъ и глаза.

Пятисотлѣтіе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

(Рис. на стр. 600.)

9 іюня исполнилось 500-лѣтіе со дня основанія первокласснаго теперь Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, который имѣетъ громадное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и въ частности въ исторіи сѣвернаго русскаго края. Основатель его преподобный Кириллъ, въ мѣрѣ Козьма, родился въ Москвѣ въ благородной семьѣ и получилъ по тому времени основательное образование. Оставшись сиротой въ дѣтствѣ, Козьма проживалъ у своего родственника боярина Вельяминова, околынича при Дмитріи Донскомъ. Несмотря на роскошь, окружающую Козьму, и довѣріе боярина, Козьма не прельщалась міромъ и настойчиво стремился въ монастырь, чему препятствовалъ бояринъ. Однако, послѣдній уступилъ доводамъ блаженнаго Стефана, основателя Махрицкой обители, и Козьма получилъ разрѣшеніе поступить въ Симоновъ монастырь. Здѣсь, подъ руководствомъ подвижника Михаила, впоследствии епископа Смоленскаго, онъ преданъ подвигамъ, строгости и тяжесть которыхъ привлекала къ нему особое уваженіе братіи. Преподобный Сергій, часто навѣщавшій обитель, очень любилъ Кирилла и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ, хотя Кириллъ

за 9 лѣтъ пребыванія въ монастырѣ занималъ только должность монастырскаго хлѣбника. Въ 1390 г. Кирилла назначили настоятелемъ обители. Слава о его подвижничествѣ росла, и благочестивые почитатели толпами стекались къ нему отовсюду. Проникнутый горячимъ желаніемъ подвиговъ, Кириллъ ушелъ изъ монастыря къ Бѣлоозеру въ Старое-Симоново. Среди дремучихъ лѣсовъ, въ безлюдной глухой мѣстности, на горѣ Млурѣ, преподобный водрузилъ крестъ и ископалъ себѣ землянку. Но и въ этой глуши отыскали преподобнаго его почитатели: скоро съ нимъ поселились иноки Зеведей, Діонисій, Навананъ и др. И вотъ въ 1397 г., вавадъ тому 500 лѣтъ, былъ поставленъ первый храмъ обители во имя Успешія Пресвятой Богородицы. Ко дню смерти преподобнаго Кирилла въ 1427 г. здѣсь было уже до 60 человекъ братіи.

Въ 1448 г. на Руси уже чтили преподобнаго Кирилла паравнѣ съ митрополитомъ московскимъ Петромъ. Уставъ, который далъ Кириллъ братіи, былъ простъ: онъ требовалъ отъ иноковъ воздержанія, смиренія, не дозволялъ имѣть въ кельяхъ ничего, кромѣ книгъ и иконъ, запрещалъ ходить въ мѣрѣ за подаяніемъ. Даже когда самъ бояринъ Романовскій прислалъ дарственную грамоту на село монастырю, преподобный отказался принять, опасаясь, чтобъ шумъ поселянниковъ не нарушилъ безмолвія обители. Преподобный любилъ просвѣщеніе, и эту любовь завѣщавалъ своей обители, которая долгое время была однимъ изъ центровъ просвѣщенія на Руси. Въ громадной библиотекѣ, сконченной монастыремъ, между 2092 рукописями, находится 16 книгъ, переписанныхъ самимъ Кирилломъ. Мало того, преподобный самъ составлялъ посланія къ русскимъ князьямъ, въ которыхъ внушалъ прекратить политическія распри и подробно указывалъ необходимыя улучшенія въ княжескомъ управленіи (ограниченіе налоговъ, таможенныхъ сборовъ, платы за перевозъ, пьянства и др.).

Послѣ Кирилла монастырь быстро расцвѣталъ. Много великихъ самоотверженныхъ духовныхъ труженниковъ воспиталъ въ его стѣнахъ. Подъ вліяніемъ Кириллова монастыря въ XV и XVI вв. возникло немалое число пустыней, изъ которыхъ многія стали монастырями. Эти пустыни были населены иноками, извѣстными подъ именемъ „бѣлозерскихъ старцевъ“. Въ этой многочисленной монашеской семьѣ сохранилась и поддерживалась искорка древне-русскаго церковнаго образованія и несмысленности. Когда митрополиту новгородскому Геннадію для борьбы съ жидовствующими понадобилось имѣть возможно болѣе полный комплектъ книгъ Св. Писанія, онъ прямо обратился въ Кирилловъ монастырь (XV в.). Вѣрные завѣщанія своего неслыхательнаго учителя преп. Кирилла, бѣлозерскіе старцы вели дѣятельную литературную полемику противъ іосифлянъ, отстаивавшихъ въ началѣ XVI в. право монастырей на владѣнія имуществами. Отсюда въ 1511 г. возникло „посланіе“ противъ казни еретиковъ.

По значенію своему Кирилловъ монастырь занималъ третье, послѣ Кіево-Печерскаго и Троице-Сергіева монастырей, мѣсто на Руси. Онъ пользовался особымъ вниманіемъ русскихъ князей, царей и бояръ, хорошо обстраивался и быстро обогащался обширными землями, на которыхъ проживало до 20,000 монастырскихъ крестьянъ. Это дало возможность ему широко развивать свою благотворительность, и въ голодные годы монастырь кормилъ до 600 человекъ нищихъ. Монастырю принадлежало много ремесленниковъ, такъ что онъ снабжалъ ими Москву и Серпуховъ. Обнесенный прочными стѣнами, Кирилловъ монастырь представлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ и въ XVII вѣкѣ (1612 и 1615 гг.) выдержалъ продолжительную осаду со стороны литовцевъ. Русскіе князья и цари любили посѣщать монастырь, какъ-то: Василій III, Василій IV, Іоаннъ Грозный, Петръ I. Грозный мечталъ даже принять здѣсь монашество. Въ XVI в. монастырь сдѣлался мѣстомъ ссылки оныхъ бояръ. Онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ: князя В. И. Патрикѣева-Кюгого, князя Ив. Шуйскаго, татарскаго царевича Симеона Бекбулатовича, патріарха Никона, Шереметевыхъ и т. д. Бояре завели въ монастырь пьянство, игры и т. п., за допущеніе чего Іоаннъ Грозный остроумно и колко обличалъ иноковъ въ своихъ посланіяхъ.

Въ настоящее время монастырь принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ въ Россіи. Онъ защищенъ толстыми каменными стѣнами, построенными въ 1633—1666 гг. Въ стѣнахъ до 700 помѣщеній для войска, 23 башни съ „каменными мѣшками“ (камеры одиночнаго заключенія). Церковь всего 11, изъ которыхъ старѣйшая—соборъ—и празднуеть, вмѣстѣ съ монастыремъ, свое 500-лѣтіе. Монастырю принадлежитъ богатѣйшая ризница, старинная библиотека и арсеналь. Много древнихъ вещей уже вывезено изъ монастыря. Изъ сохранившихся заслуживаютъ вниманія: риза преп. Кирилла, его посланія, посланіе Іоанна Грознаго монастырю, ступа Никона, многія древнія орудія, и особенно синодикъ Іоанна Грознаго, за который царь заплатилъ 2,200 р. Это—огромное поминанье, въ двухъ томахъ, всѣхъ убитыхъ и казненныхъ при Грозномъ, при чемъ они иногда даже не названы по имени. „Поминаніи 1505 новгородцевъ, ихже Ты Самъ, Господи, вѣси!“—такія фразы встрѣчаются въ этомъ любопытномъ историческомъ документѣ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Парижѣ, вслѣдъ за „покушеніемъ“ въ Буловскомъ лѣсу, произошелъ взрывъ бомбы на площади Согласія передъ статуей Эльзаса и Лотарингія, не причинившій, къ счастью, никому вреда. Виновики парижскихъ взрывовъ еще не обнаружены, и общественное мнѣніе теряется въ догадкахъ относительно этихъ инцидентовъ. По установившемуся, однако, взгляду предполагается, что эти анархистскія затѣи имѣютъ опредѣленную цѣль, преслѣдуемую врагами вышедшаго „засидѣвшагося“ французскаго кабинета, а именно — создать для правительства критическое положеніе, помѣшавъ, насколько возможно, такому грандіозному событію, какъ путешествіе г. Фора, которое безспорно еще болѣе упрочитъ министерство г. Мелина. Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ кабинетъ выходитъ побѣдителемъ; по послѣднимъ, повидимому, вполне достовернымъ свѣдѣніямъ, президентъ выѣдетъ на второй или третій день послѣ національнаго праздника 2-го іюля и прибудетъ въ Петербургъ 8-го іюля. Подробности программы путешествія президента еще не установлены; известно лишь, что путешествіе будетъ обставлено неслыханною роскошью. По мнѣнію газеты *Gauche*, братство по оружію будетъ закрѣплено окончательно.

Въ Англіи политическая сторона юбилея королевы обрисовывается рельефнѣе. На банкетѣ въ честь индійскихъ принцевъ и первыхъ министровъ британскихъ колоній принцъ Уэльскій, провозглашая тостъ за гостей, высказалъ пожеланіе, чтобы Богъ сохранилъ миръ еще надолго, но, въ случаѣ опасности для національнаго флага, чтобы всѣ слились воедино для сохраненія существующаго порядка и цѣлости имперіи. Лордъ Розберри, предлагая осушить бокалы за колониальные парламентаріи, выразилъ надежду, что премьеры колоній передъ своимъ отъѣздомъ скрѣпятъ узы колоній съ метрополією. Наконецъ, маркизъ Салисбери, указывая на то, что съѣздъ колониальныхъ премьеровъ имѣетъ въ виду дальнѣйшее развитіе

британской имперской территоріи, заявилъ, что при дружномъ дѣйствіи подданные королевы „создадутъ небывалую въ мірѣ имперію и окажутъ великую услугу прогрессу“. Изъ гостей канадскій министръ-президентъ Лорье заявилъ, что Канада и другія колоніи выступятъ на защиту Англіи, если она подвергнется нападению кавіи.

Блестящія лондонскія празднества прошли въ замѣчательномъ порядкѣ. Торжественный въѣздъ королевы въ Сити является безпримѣрнымъ въ исторіи Англіи по своему великолѣбію. Передъ главнымъ входомъ въ Букингемскій дворецъ поставленъ былъ телеграфный приборъ. Открывая торжественное шествіе, королева Викторія замкнула электрической токъ, и во всѣ пункты Британской имперіи передано аппаратомъ посланіе королевы: „Благодарю отъ всего сердца мой возлюбленный народъ! Да благословитъ его Господь!“

Величественная процессія вызвала въ Лондонѣ всеобщій восторгъ колоссальнымъ зрѣлищемъ могущества имперіи и привязанности къ ней всѣхъ колоній. Публика устроила сердечную ованцію первому министру Канады и шумный привѣтъ голландскимъ стрѣлкамъ изъ Южной Африки. Но на этой величественной картинѣ британскихъ торжествъ оказалось темное пятно. По улицамъ Дублина толпа носила черное знамя съ вышитыми на немъ серебряными надписями, перечисляющими всѣ несчастія, пережитыя Ирландіей за время царствованія королевы Викторіи, а также — черный гробъ съ надписью „Британская имперія“. Процессія двигалась при звукахъ траурнаго марша и въ сопровожденіи несметной массы народа. Само собою разумѣется, потребовалось внимательство полиціи.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца получены были вѣсти изъ Гонолулу, что Явонія предъявила гавайскому правительству требованіе объ удовлетвореніи за сопротивленіе, оказанное японцамъ-переселенцамъ, высаживающимся на Гавайскихъ пли

А. П. Милуковъ († 6 февраля 1897 г.).
Съ фот. Пазетти автотипія „Нивы“.

Пятисотлѣтіе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Общій видъ монастыря со стороны Копани. По автотипіи грав. Шюблеръ.

Сандвичевых островов, и что правительство никак не могло отказать. Эти известия напомнили политическому миру о возможности столкновения интересов Японии и Соединенных Штатов, давно заподозривших в намерении включить Сандвичевы острова в пределы великой императорской республики. Свидетель из Вашингтона подтвердил толки по этому предмету, а именно — 4-го июня подписан договор о присоединении названных островов к Штатам на следующих основаниях: 1) уступая всю свою территорию, Гавайские острова образуют отныне составную часть Соединенных Штатов; 2) обязуясь охранять и защищать острова, Штаты берут на себя и государственный долг их на сумму не свыше 4 миллионов долларов; 3) все жители островов, за исключением китайцев, признаются гражданами Штатов, и 4) нынешнее правительство островов и их парламент продолжают действовать до выборов конгрессом новой конституции. Договор, вместе с посланием президента Мак-Кинлея, внесен в сенат Штатов. Наставая на том, что дело идет не о присоединении, а о дальнейшем развитии существующей связи и более тесном сплочении двух народов, соединенных узлами крови и дружбы, президентское послание говорит, что объединение Гавайских остро-

вов и Штатов вполне согласно с давнишней политикой последних. Япония сперва протестовала, но затем японское посольство в Вашингтон успело объяснить, что Япония вовсе не протестует формально, а лишь просит об официальном уведомлении, предполагая потребовать подтверждения своих договоров с гавайцами и надеясь, что территория островов не будет закрыта для японцев, как территория Штатов — для китайцев.

Это колониальное приобретение Штатов признается в британских политических кружках важным началом нового направления американской политики, отказавшейся, по видимому, от учения Монро. При всех уверениях английской печати, что это направление представляет существенное значение лишь для Японии, Франции и Германии, англичане-политики видят опасность прежде всего для прямого пути из Канады в Австралию. Среди съехавшихся в Лондон именитых представителей британских колоний замкнуто было некоторое тревожное недоумение. Они спрашивали себя, почему со стороны Англии не было попытки помешать совершившемуся же событию, в котором видят ответный шаг на проект британской федерации.

Разныя известія.

ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТЪ, данный на имя министра внутренних делъ, действительнаго тайнаго советника Горемыкина.

Иванъ Логгиновичъ. Существенно изменившимся в последнее сорокалѣтне бытовым и хозяйственным условиям жизни русскаго народа обнаружилась существенная недостаточность прежних переписей населения, или ревизий, путь которых ограничивался установлением подумнаго обложения, сообразно чему ревизии эти вовсе не касались неподатных въ государствахъ сословий.

Извощениемъ незабвеннаго Родителя Моего прекращено внимание подумной подати, и, вследствие этой благой мѣры, оказалось возможнымъ присоединить народосчисленію соответствующее современному состоянию науки значение одновременно производимаго и периодически повторяемаго приведенія въ известность численности населения Имперіи, его состава и мѣстнаго распределения. Обновивъ основанный на этомъ началѣхъ и разсмотрѣнный въ Государственномъ Советѣ законопроектъ предшественника вашего, статсъ-секретаря Дурново, Я. 5 июня 1895 г., утвердилъ положеніе о первой всеобщей переписи.

Въ истекшіи съ тѣхъ поръ краткій срокъ, подъ неослабнымъ руководствомъ вашимъ, какъ председателя главной переписной комиссіи, выполненъ огромный трудъ подготовки переписи, самаго производства и первоначальнаго подсчета добытыхъ ономъ данныхъ.

Нынѣ, за закрытіемъ означенной комиссіи, съ честью разрѣшившей возложенную на нее задачу, оборачивая различныя ступени, которыя проходило это, близо приемлемое Мною къ сердцу, дѣло, Я

считаю отдаленнымъ для Себя долгомъ засвидѣтельствовать искреннее Мое уваженіе къ добросовѣстной и умной работѣ многочисленныхъ, центральныхъ и мѣстныхъ дѣятелей переписи, общими усиліями коихъ достигнута успѣшное ея осуществленіе.

При обширныхъ пространствахъ нашего Отечества, разнообразности его населенія и рѣзкомъ, нерѣдко, различіи въ уровняхъ умственнаго развитія отдѣльныхъ частей оного, подготовительная къ переписи работа, направленная названному выше главному комиссію и командированными въ губернии уполномоченными, заключалась не въ простомъ лишь повтореніи усвоенныхъ въ государствахъ Западной Европы приемовъ производства переписи, а въ приспособленіи сихъ приемовъ къ мѣстнымъ особенностямъ и въ разрѣшеніи новыхъ, вовсе даже не возникавшихъ въ иностранной статистической практикѣ вопросовъ. Та же земельная обширность Россіи осложняла заботы объ обеспеченіи матеріальной стороны переписи и вызвала особое напряженіе труда при разясненіи обязанностей участвовавшимъ въ оной многочисленнымъ учрежденіямъ и лицамъ.

Не менѣе достойномъ похвалы является усиленная дѣятельность мѣстныхъ органовъ, губернскихъ и уѣздныхъ переписныхъ комиссій, съ губернаторами и уѣздными предводителями дворянства во главѣ, и лицъ, призванныхъ къ завѣдыванію переписными участками въ городскихъ и сельскихъ населеніяхъ. Успѣшность производства работъ во многомъ зависѣла отъ ихъ распорядительной заботливости.

Съ радостнымъ чувствомъ удостоившись Я также въ томъ, что лица разнообразныхъ общественныхъ положеній, проникшись государственною важностью предпринимаго по Моему повелѣнію дѣла переписи, ревностно приняли въ немъ участіе и что, въ ка-

ждетъ счетчиковъ населенія, дружно и толково работали представителями землевладѣнія, духовенства и городскихъ сословій, офицеры Моей доблестной арміи, члены различныхъ отраслей гражданскаго вѣдомства, преподаватели, студенты и воспитанники учебныхъ заведеній на ряду съ болѣе развитыми изъ числа поселянъ.

Всѣмъ упомянутымъ сотрудникамъ первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи поручаю вамъ передать совершенную Мною благодарность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаю Себѣ въ особое удовольствие выразить лично вамъ Мое душевное признательность за ваше неутомимое и вполне дѣлоспособное завѣдываніе этимъ дѣломъ, въ которомъ участвовали около тысячи учреждений и свыше ста пятидесяти тысячъ отдѣльныхъ лицъ.

Я твердо убѣжденъ, что полученныя путемъ переписи полныя и точныя свѣдѣнія о населеніи Богомъ избранной Мнѣ Державы, по надлежавшей имъ разработкѣ, послужатъ полезнымъ подспорьемъ въ Моемъ начинаніи къ благо безгранично любимой Мною Родины.

Пребываю къ вамъ неизменно благосклонный
На подлинномъ Собственномъ Его Императорскаго Величества рукою написанно:

и благодарный НИКОЛАЙ.

Въ Петергофѣ,
8 июня 1897 года.

— Управляющій Государственнымъ дворянскимъ земельнымъ и крестьянскимъ поземельнымъ банками, въ должности шталмейстера Высочайшаго Двора, действительный статскій совѣтникъ князь Оболенскій назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ придворной должности.

Смѣсь.

Женщины-изобрѣтательницы. Правительственное учрежденіе, завѣдывающее въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ выдачею привилегій на всякаго рода изобрѣтенія, даетъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ довольно интересныя цифры, показывающія, въ какой быстрой прогрессіи развивается за последнее время изобрѣтательность среди американокъ. Дѣятельность этого учрежденія началась въ 1790 году. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ впервые была выдана привилегія лицу женскаго пола, за изобрѣтенный ею женщиною способъ изготовленія пражы изъ соломы съ примѣсью льна или шелка. Въ 1826 году разнаго рода привилегіи были выданы четырнадцати женщинамъ. Съ этихъ поръ женская изобрѣтательность сразу сильно ослабѣваетъ и пробуждается съ прежнею силою лишь во время великой американской войны. Въ это время множество привилегій выдается женщинамъ за изобрѣтеніе различныхъ перевозочныхъ средствъ и способомъ къ улучшенію лазаретнаго устройства. Съ шестидесятыхъ годовъ число привилегій, получаемыхъ женщинами, растетъ и растетъ. Въ 1870 году

такихъ привилегій выдано только 60, въ 1880 г. — уже болѣе 90, въ 1890 — болѣе 200, а въ 1893 г. — значительно свыше 300. Съ 1809 по 1888 годъ среднее годовое количество выданныхъ женщинамъ привилегій равнялось приблизительно 30, съ 1888 по 1892 годъ — 230, а съ 1892 г. по настоящее время — 280.

Электричество въ примѣненіи къ рыбной ловлѣ. Въ Англии задумали недавно сдѣлать попытку улова рыбы съ помощью электрическаго свѣта, и результаты произведенныхъ опытовъ превзошли всякія ожиданія. На обыкновенномъ рыбацкомъ суднѣ помѣстили электрическую батарею, достаточно сильную для того, чтобы дать свѣтъ въ пять свѣчей. Самая лампочка, хорошо огражденная мелкою сѣткой отъ всевозможныхъ поврежденій, была спущена въ воду на глубинѣ 7 1/2 метровъ. Какъ только былъ пущенъ токъ, все пространство воды вокругъ лампочки, метровъ на 50 въ окружности, освѣтилось довольно яркимъ свѣтомъ. Не прошло и минуты, какъ вокругъ лампочки скопилось уже громадная масса рыбы, и уловъ удался, какъ рѣдко удается: всѣ рыбацкія сѣти были переполнены добычей.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1897 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные бланки.

СОДЕРЖАНІЕ: На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Гас. И. Немировича-Данченка. (Продолженіе). — Слѣвъ и его король. (Съ 3 рисунками и 3 пор-

третями). — Самая дурная женщина Лондона. Рассказъ Т. Филиппа. — Къ рисункамъ: Дѣвочки см. — XIV передвижная выставка. „На берегу Волги“. — XIV передвижная выставка. „На рѣдинѣ“. — Неожиданный вѣстрѣч. — Съ Крещеніемъ Высочайшею повелѣніемъ Великой княжны Татьяны Николаевны (съ рис.). — А. П. Миллюковъ (съ портр.). — Пятидесятіе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя известія. — Смѣсь. — Загадки. — О вершинѣ адреса. — Объявленія.

Издатели А. Ф. Маршъ.

За редактора А. Ф. Маршъ.

ОСТОРЕГАТЬСЯ ПОД БЛЮЗКОМ
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЬ
БОРНО-ТИМОВОЕ МЫЛО
 ПРОТИВ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
 ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
 ПРОДАЕТСЯ БЕЗДЪ
 К. № 50 к. 1/2 к. 30

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРИИ

скоро и основательно ввуч. всякого посред. переи., влозий зкпик. устное предод. Услов. вмс. бизидат. А. П. Бочков. Невз. Кузи. 53

ПРИРЕЙНСКОЕ
ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ
ВЪ БИНГЕНЪ. 4-3
 Машиностроение и электротехника.
 Программы высылаются бездлатно.

Новый
 преис-
 курантъ
 иллюстр.
 за 1897 г.
 Оружей-
 наго Склада
 водъ фирмо:
 „Центральное депо оружия“
 Б. Коновенная, 29. Эд. Веигль. За
 приложениемъ двухъ 7 к. почт. марезъ
 вьсма. бездлатно. Много новостей.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться
 письменно: Банкирскай домъ Гемрихъ
 Бланшъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59.

ГЛАЗЫ
 ИЗЛУЧШЕЙ
ФИЛИГРАНЬ
САКАТЫКЪ И КЪ
 МОСКВА
 МЕХАНИЧЕСКАЯ БЕЗЪ
 ПРОДАЖА БЕЗДЪ

Фабрика изучившихъ итотолов и
 траверное заводское

И. Д. Левинсона
 въ Варшавѣ, Электротехническ. ул., № 17.
 Заказы исполняются скоро и аккуратно. Из-
 лустрированный преис-курантъ по требо-
 ванию бездлатно. Агенты приглашаются.

ТРЕБУЙТЕ
 НА КАЖДОМЪ МѢСТѢНІИ
АНТИПАРАЗИТЪ
 ОТЪ
КЛОПОВЪ
Л. СТОЛКИНДА
 ПРОДАЕТСЯ БЕЗДЪ.
 Главный складъ Москва
 Лубянской протъздъ д. Смольянинова.
 Нижегород. Ярмарка. Главный домъ № 57.
 Л. А. СТОЛКИНДЪ.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 10267
 10-3
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 23.
 Москва, по В. Лубянской, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
 ♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
 съ полнымъ ручательствомъ на прочность механизма и вѣрность хода.
 Новые клаустръ. преис-курантъ высыл. по требован. бездлатно.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
 Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
 запахъ во рту. № 5421 (98)
 Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ под-
 дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
 и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ПОСТАВЩИКЪ РУССКИХЪ ВИНЪ КЪ ИСПАНСКОМУ ДВОРУ

НИКОЛАЙ ЗВАРЫКИНЪ,

крошъ нѣмѣющихся 30 медалей съ разн. выстав., удостоенъ на послѣдней гигиенич-
 ской выставкѣ въ Парижѣ 1895 г., за отличное качество своихъ Астраханскихъ винъ,
 высшей награды: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ золотой медалью.
 Пробный ящикъ винъ въ 50 бут. разн. сорт., стоимостью по преис-куранту 35 руб.,
 высылается только за 25 руб., но при получении залатка 5 руб., а остальное 20 руб.
 наличными платитемъ. Провозъ отчислится на счетъ покупателя. Адресъ: г. Астра-
 хань, Николаю Андреев. Завръкину. собствен. домъ.

Ящикъ въ 50 бут. глбину около 5 вгд. Тарифъ жезлнн
 зоръ на русскіе вина укзано: самое 660 в. дуггъ
 Ц. № 10265 по VI классу.

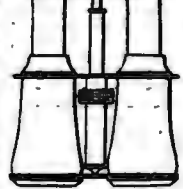

№	Вѣина вина:	ЦѢНА:	
		бут. 1/2 в.	Конт. в.
1	Го-Сотериъ	50	30
3	Икъвъ венгерск.юю годи	70	40
19	Го-Сотериъ оченъ старій	90	50
9	Рейнскихъ лозъ сухое	80	—
10	Венгерскихъ лозъ тоже	90	—
Красныя вина:			
8	Бердо кавказскихъ садовъ	50	30
12	Кагоръ кавказскихъ садовъ	60	—
17	Матраснское вѣино	60	35
18	Кавказское садовъ Шанна	70	40
19	Тоже старое	80	45
	Русское шампанское	150	—

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
 ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА
ФРАЩЪ-ЮСПФЪ.
 Прод. во всѣхъ аптекахъ и апте-
 карскихъ магазинахъ въ Россіи.
 Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАЩЪ-ЮСПФЪ, въ Булаештѣ.

В. ПРЕЦЕЛЬ преемникъ **КАРЛЪ БОРХАРТЪ**
 Москва, Рождественка, д. № 5.

БИНОКЛИ для театра и поля, съ большимъ по-
 лемъ зрѣнія и сильнымъ увеличе-
 ніемъ отъ 3 р. 50 к. до 30 рублей. № 10264 4-4
ОЧКИ И ПЕНСНЪ пригодные для каждаго, съ
 лучшими стеклами, стальныя
 1 руб. 25 коп.; double (накладного золота), не от-
 личающіеся отъ золотыхъ и не чернѣющіе, 4 руб.

ЭКОНОМІЯ
ЦЕЙЛОНСКІЙ
ЧАЙ
М. РОЖИВЮ МОСКВА
 ПАРОВСІЯКА Д. ПЕБДЕВОН
 ПРЕСТАВЛЕНО ДЛЯ ВСѢХЪ РОССІИ
 ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕКОТОРЫХЪ ВАШКИТОРОВЪ
 Продается во всѣхъ лучшихъ колоніальныхъ и чайныхъ торговляхъ Россіи.

Модные духи — Виола Одората Ауриха
 О-де-колонъ — Виола Одората Ауриха
 Жирная пудра — Виола Одората Ауриха
ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
 Колокольная, 18/19. В. № 9734 16-15
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

DOM + DOM
BÉNÉDICTINE
 de de
l'Abbaye de Fécamp
 La Meilleure des Liqueurs
 Se defier des contrefaçons.
 Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville.
DOM + DOM

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПБургь.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАВЛОКЪ!

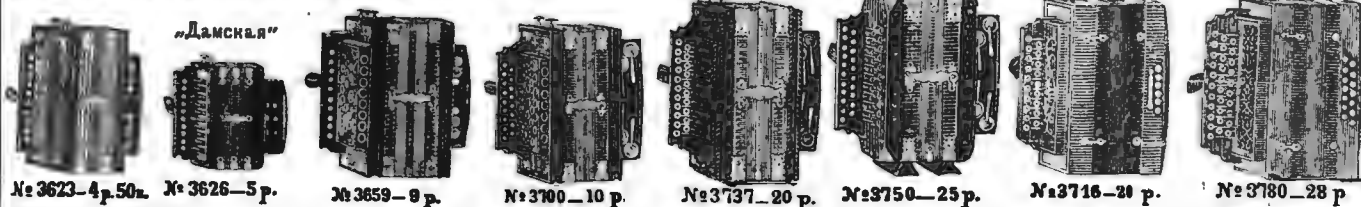
Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ оирной.

ГАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ I. Ф. КАЛЬВЕ И ЛУЧШЕЙ ВЪНШКОЙ РАБОТЫ.

№ 3623—4 р. 50 к. № 3626—5 р. № 3659—9 р. № 3700—10 р. № 3737—20 р. № 3750—25 р. № 3716—20 р. № 3780—28 р.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двух-рядной 1 р., для трех-рядной 75 к. МАЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ БЕЗПЛАТНО

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ КДНО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 31 и 40.
 МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о.

НОВОСТЬ!

СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЬ

„Петроль“

№ 10250 5-3

НОВОСТЬ
 ДУХИ
ЛЕВКОЙ
 поставщиковъ
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и К^о.
 За флаконъ
 1 руб. 25 коп.

КУШАЙТЕ ПЕРКУЛЕСЬ.

ЕСРАВНИМЫ
 по своей прочности
НАСТОЯЩІЕ ДЖУТОВЫЕ

НОСКИ И ЧУЛКИ ВЕЗЪ ШВА.
 Носки 5 р., чулки 7 р. Самые тонкіе носки 6 р., чулки 9 р.
 дюжина. Новость! Такие же черные не лняющіе: носки 7 р.,
 чулки 12 руб. дюж.

Ю. ГОТЛИВЪ ВЛАДИМИРСКАЯ, д. 2
 УГ. НЕВСКАГО ПР.
 При выпискѣ требуется: заплата и шпр.

ПАМЯТЬ
 знает кажд. возр. укрѣплеть лично и
 злочно профессоръ психоникъ С. Фиди-
 штейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Баз.
 ул., собственнй домъ, № 28.
 Условія и брош. (въ 31 стран.) вы-
 смл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10269 10-3

ПРОДАЕТСЯ
ВЕЗДѢ
ДѢТСКОЕ МЫЛО
 НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ
 МОСКВА ЦѢНА 1/2 к. 50 1/2 к. 30 к.
 СКЛАДЪ ЛЕНСКОГО ТОВАРА Л. Я. СТОЛКИНДА

ФАБРИКА
 и СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ и К^о
 С. ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій Пр. № 25 (бывшій Казанскій)
Фотогр. Аппараты
 и Принадл.
 (Кратк. Преисъ-Курантъ безплатно).

Въ скоромъ врем. выдѣтъ изъ печати въ
 огран. числѣ экз. книга:
«ВЪ БЕЗКОНЕЧНЫХЪ БЕЗДНАХЪ
ВСЕЛЕННОЙ».
 Астроним. сказка А. А. Ромешвенскаго.
 Содержаніе: Вступленіе. Среди туманностей.
 Среди мировъ. Среди планетъ. На солнцѣ.
 Возвращ. на землю. Цѣль 75 к. съ пор.
 Можно калож. плат. Обращаться: Москва,
 Лубянк. пл., строк. 6-во „Волга“ къ С. П.
 Францеву. Ц. № 10289 3-2

ТРЕБУЕТСЯ
 для снабженія
НОЖИЦАМИ И РИЗЪ
КРЕМЪ ОРИЗА
 ПР. В. ШИОЛЬ
 ЦѢНА 25 К. ВРЕМЯ ВЕЗДѢ

ВОЛИЦІЙ зѣчетъ шарушки. Оутреннѣ
 большаи аэстротер. Невскій, 53, кв. 7.
 Отъ 2—4 ноть 6—7 1/2 ч. в. № 10214 7-4

ЛЕОНГАРДИ

достоинственно-извѣстна, единственно
 настоящія

Алицариновыя чернила
 для письма и копированія

(желтисто-орѣшковаго 1-го класса по
 отамванъ государственныхъ учре-
 жденій), № 9834 20-10

ЛЕГКО - СТЕКЛЯЩИЯ, ВЪСОПЪ
 ЧЕРНЫЯ И ПРОЧІЯ.

НАКАЛУЩІЯ:

для книгъ, актовъ, документовъ и
 письменностей всякаго рода, можно по-
 лучать почтою во всѣхъ магазинахъ кан-
 целярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподдѣльно
 только съ соей
 предохранитель-
 ной маркой.

Лев. Леонгарди
 съ Дрезденъ,

изобрѣтатель и единственный
 фабрикантъ.

ИЗБѢГАТЬ ПОДАВЛОКЪ.

НАИЛУЧШІЯ
 безкурковая ружья
И ПУШКА
 французской
 оружейной ма-
 нуфактуры въ
 С.-Петербургѣ.
 Предлагаетъ
 по доступ-
 нымъ цѣнамъ
 торговый
 домъ Я. Зи-
 шина вдова и
 сыновья
 № 1. Москва, Тверская, д. Шабалинскихъ.
 По письму ружья безплатно.

ВЫИГРЫШ-
 № 1, 2 и 3 выигрываетъ
БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, С. П. В. 8-1

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
 НЕВСКІЙ ПР.
 № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ
 Преисъ-Кур. Высыл. безплатно.

При этомъ не прилагаются для гг. многогородныхъ подвизчиковъ (за исключ. московскихъ) объявленіе отъ Юда Ефимовича Матвѣева въ Бутулицѣ.

XXVIII г.

№ 26

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXVIII

1897

Выдана 28 июня 1897 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. собрание романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
<p>На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.</p>									

Мельница. Съ карт. В. Горюновича (искл. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) грав. Шляперъ.

На пути къ счастью.

Романъ въ двухъ частяхъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе.)

III.

Прошелъ день послѣ бѣгства Елены Борисовны.

Моисей Лукичъ такъ и не уѣхалъ изъ монастыря.

„Пока что — придется посидѣть. Нельзя же такъ... Гдѣ-нибудь да объявится тѣло Елены Борисовны. Сказываютъ, на третій день они поднимаются—тѣла-то. Двое сутокъ черти держатъ утопленника внизу, и душа его съ ними же на днѣ мятется и ужасается. А на третій—нечисть выпускаетъ мертвеца, и онъ идетъ на поверхность, гдѣ и колыхнется лицомъ въ небо, а душу въ это время бѣсы уносятъ въ адъ“.

Алексѣй плакалъ по ночамъ, вспоминая красавицу-жену. Днемъ онъ не смѣлъ. За нимъ зорко слѣдилъ безпощадный взглядъ старика.

— Ты чего не радуешься?

— Да развѣ можно этому радоваться?

— Еще-жь бы.. отъ самоубійцы Богъ избавилъ; значитъ, она уже была заранѣе проклята.

Тотъ опускалъ голову.

— Молебень бы отслужить благодарственный... за избавленіе... А ты...

Сынъ, пользуясь первымъ предложеньемъ, выходилъ изъ комнаты. Моисей Лукичъ, вздыхая, садился за книгу. Изрѣдка забѣгалъ къ нему отецъ Геронтій.

— Ну, что, не нашли?

— Нѣтъ... ищутъ... Все озеро баграми пережѣшали. Точно кашу. Начальство пріѣхало—тоже содѣйствуетъ...

— Мнѣ, отецъ Геронтій, что же. Я на ней такъ не помню. Пусть бы ее лежала. Нечего и тревожить. Мнѣ только для протокола, потому что какъ же иначе, ежели для вторичнаго брака свидѣтельство о смерти потребуется. Сами вы хорошо понимаете, у насъ на все законъ...

— Да... установленіе... незбылемо.

— Именно. А я закона никогда не нарушалъ. Непріятенъ онъ мнѣ—сталъ посередь дороги—закоулочка поищу: нельзя ли его обойти стороной, чтобы и его не тронуть, и самому цѣлымъ остаться. Я думаю, всякій патриотъ Россійской Имперіи долженъ уважать и даже такъ, что всѣ пятнадцать томовъ свода... не иначе. Оттого у насъ и совѣсть чиста—попробуй-ка придраться—я сейчасъ тебѣ оправдательный документъ...

Геронтій мечтательно смотрѣлъ въ окно и барабанилъ пальцами по столу.

— Вторительно женить сына думаете?

— Какъ же. Человѣкъ молодой... Вождельствъ тоже... нельзя.

— И церковь не позбраняетъ!

— Ну вотъ, притомъ у мени, падо вамъ сказать, такая мечта. Я вѣдь добръ, характеръ у меня есть, но я добръ и даже сердцемъ мягокъ... Насчетъ внука л. Чтобы онъ при мнѣ возросъ и разумомъ укрѣпился, такъ сказать, предъ моимъ окомъ.

— Да, оно точно пріятно... А по сему случаю,—наконецъ, рѣшился Геронтій,—по случаю утопленія...

— Ну?

— Ничего отъ васъ не очистится?

— То-есть, какъ же это?

— Иные прочіе... которые благочестивые и Бога помнятъ, дѣлаютъ вклады.

— Позвольте-сь, отецъ Геронтій, какая же въ томъ моя причина?

— Вашей причины нѣтъ, но на добротолубіе никакихъ причинъ и не полагается.

— Нѣтъ-сь, позвольте. Мнѣ даже странно. Само-

убійца—и вдругъ вкладъ... Вамъ ближе, чѣмъ кому, знать: о таковыхъ и молиться церковь воспрещаетъ.

— Но ежели она въ затменіи ума?

— Нѣтъ-сь, позвольте. Она въ полномъ разумѣнии. Ежели даже Господь сейчасъ меня призоветъ къ Себѣ свидѣтельствовать—я подѣ присягу, что она въ твердой памяти... А вы—вкладъ.

— Вкладъ не есть молитва. Все ея душѣ и въ адскихъ мукахъ легче будетъ. Вѣдь и на адскія муки степени полагаются—по заслугамъ. Кому больше, кому меньше. Напримѣръ, возьмемъ: Иуда, предавшій Христа, или римскій воинъ, по обязанности распинавшій Его—развѣ имъ можно одно и то же воздаяніе? Помыслите.

— А это ужъ не мое дѣло. Я ей по-христіански простилъ зло и на ней не помню его. Найдутъ—устрою ей похороны по первому разряду. Даже гробъ металлическій куплю—лежи. Оранжерея у меня—всѣ цвѣты срѣжу—пусть всѣ видятъ! Больше вамъ скажу:—въ первую субботу послѣ того, столъ на двѣсти нищихъ: щи съ грибами и кашу съ постнымъ масломъ. Чернаго мрамора монументъ. Креста надъ самоубійцей нельзя. Я надъ ней пирамиду и надпись золотомъ: „Какую судьбу ты себѣ уготовала! Прохожій, да будетъ сіе примѣромъ и твоему жестокосердью“. Хорошо? Ну, а отъ вкладовъ—увольте. Я, можетъ-быть, для вашей обители и нѣчто большее задумалъ... Все будетъ отъ Алексѣя зависѣть. У меня, вѣдь, не родовое... Кому хочу, тому и даю...

— Нѣтъ. Я что-жь... я, такъ сказать, вамъ навстрѣчу думалъ. Потому иные, прочіе...

— До иныхъ прочихъ, отецъ Геронтій, мнѣ дѣла нѣтъ. Я всю жизнь привыкъ самъ. И не жалѣю. Слава тебѣ Господи... И Опъ меня благословилъ прибыткомъ, значитъ, я себѣ табличку поведенія начерталъ правильно... Я, разумѣется, вашихъ легкосмысленныхъ словъ помнить не стану. Хотя, если бы о семъ, напримѣръ, рассказать преосвященному, едва ли онъ одобрилъ бы столъ либеральныхъ толкованій.

— Я отъ Писанія... мнѣ что-жь, — смутился отецъ казначей.

— И отъ Писанія разное бываетъ, извините вы меня,—не унимался злостный старичишка. — Вотъ въ вашей же книжкѣ „Невидимая брань“ столъ это прекрасно выражено. Я для души читалъ ее, и какъ разъ вы меня на семъ самомъ мѣстѣ застали. Это для насъ—должно-быть персть! Неудобно ли, я вамъ вслухъ—прекраснымъ слогомъ все это изображено — точно музыка: „И не древніе только, но и новѣйшіе мыслители, желая любомудрствовать и говорить о Богѣ и о божественныхъ, простыхъ и недоступныхъ воображенію и фантазіи (слова-то какія, а?), и приступивъ къ сему дѣлу прежде очищенія своего ума отъ страстныхъ видовъ и воображательныхъ образовъ страстныхъ вещей и чувственныхъ вождельній, вмѣсто истины нашли ложь. И что особенно многобѣдственно—они эту ложь свою заключили въ объятія души и сердца и держатъ крѣпко, какъ истину, выражающую дѣйствительность. И такимъ образомъ, вмѣсто богослововъ явились баснословами, предавшись по апостолу въ неискусенъ умъ“.

— Позвольте,—обидѣлся отецъ Геронтій.—Какіе же у меня, напримѣръ, „воображательные образы“?

— А насчетъ вклада. Я вѣдь не могу, какъ простой богомолецъ, десятку дать, непристойно мнѣ это. Гдѣ другой сотней отдѣляется, Копровъ и тысячей не откупится. Такъ? Это не фантастическое мечтаніе по-

вашему? Вѣдь это, позвольте, моихъ потроховъ дѣло касается.

Неизвѣстно, сколько бы времени шпынялъ и пилилъ Моисей Лукичъ отца Геронтія, если бы въ коридорѣ не послышался шумъ и въ комнату не вошелъ бы, быстро и задыхаясь, Алексѣй Моисеевичъ. За нимъ медвѣдь-медвѣдемъ, обломъ-обломомъ, внизъ наклонясь, точно боясь ушибить притолку, отецъ Гермогенъ.

— Папенька... Вотъ ужъ именно, не знаешь, гдѣ найдешь утѣшеніе.

— Ну?—строго нахмурился старикъ Копровъ.—Отдышись, а потомъ говори. Ишь у тебя языкъ-то заплетается.

— Отецъ Гермогенъ...

— Тѣло нашель что ли?..

— Нѣтъ, какое тѣло. Прости, отецъ Геронтій, а только плавалъ я плавалъ, и вдругъ такое мнѣ въ башку, якобы свыше: „чего ты, глупый монахъ, попусту воду Божью болтаешь. А ежели въ ней и утопленницы никакой нѣтъ“.

— Какъ никакой. Нѣтъ, позвольте, — вспылилъ Моисей Лукичъ. — Я самъ платокъ видѣлъ. Хоть сейчасъ подь присягу—ея! Я вамъ этого не спущу.

— Не ерпнись,—остановилъ его простодушный отецъ Гермогенъ. — Ишь ты на дыбки-то какъ сейчасъ... Твое слово будетъ потомъ... Думаю я думаю, съ чего бы это Николаю Львовичу Семигорову такъ тогда возрадоваться.

— Видите, папенька.

— Молчи, дуракъ!

— И не только возрадовался, но и васъ отпустилъ. А то вѣдь, я его силу знаю, не жить бы вамъ, господивъ почтенный. Онъ бы тебя, вотъ-те крестъ, ухлопалъ. Коли и я съ нимъ едва-едва. Мало-мала и меня онъ чуть не скрутилъ, какъ оглоблю. Можешь ты это понять?.. И сейчасъ у меня такое воображеніе. То онъ лютовалъ и плакалъ, то вдругъ набѣжалъ на него Семенъ Гордѣичъ — и точно Николай Львовичъ ожилъ. Не отъ Сенички же? Сеничка совсѣмъ пустой и ничтожный человѣкъ. А слѣдовательно, тотъ ему сказалъ что...

— Ну, нѣтъ. Это ужъ Богъ знаетъ. То утопла, то нѣтъ...

— Не мятись, душа окаянная,—огорчился наконецъ и отецъ Гермогенъ,—чего ты пузыришься. Молись Богу да радуйся.

Отецъ Геронтій могъ бы остановить Гермогена, но на этотъ разъ онъ только внутренно улыбался. Ужъ очень обидѣлъ Копровъ казначея.

„Повергись-ка теперь съ этимъ медвѣдемъ“, думалъ онъ про себя.

— И потомъ такое у меня сейчасъ понятіе: обернулся Николай Львовичъ живымъ манеромъ и въ тую же минуту: лошадей! Только его и видѣли.

— Точно, что...—смирненно вздохнулъ отецъ Геронтій.—Вклада-то пожалуй и не надо, да и металлическаго гроба тоже.

Моисей Лукичъ, ошеломленный, безсильно моргалъ глазами. Такъ вѣдь все отлично шло. И вдругъ сомнѣніе.

— Отецъ Геронтій, вы что же скажете?

Тотъ нахмурилъ брови, провелъ пальцами по великолѣпно расчесанной и выхоленной русой бородѣ, такъ чтобы шелковые рукава рясъ ложились на грудь широко и правильно, и опять вздохнулъ.

— Отецъ Геронтій, какъ вы все это понимаете?

— А такъ, Господь-то иной разъ простыхъ младенцевъ умудряетъ.

— Гдѣ же это младенецъ по-вашему?

— А вотъ отецъ Гермогенъ... Мы съ вами ужъ и похоронили Елену Борисовну, да такъ, что даже и мраморнымъ постаментомъ ее придавили, съ указаніемъ

проходимъ. А онъ шевельнулъ мозгами, и въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что и высокоумцамъ свойственно ошибаться.

— Такъ по-вашему она бѣжала?—вскочилъ Моисей Лукичъ.

— А то какъ. Крыльевъ вѣдь нѣтъ, летѣть не можетъ... Возблагодаримъ Господа за промышленіе Его!

Онъ широко перекрестился, опять стараясь раздуть возможно больше рукава рясъ.

— Нѣтъ... я не согласенъ на это,—бѣсновался Моисей Лукичъ.

— Ишь какъ тебя карѣжить, — вдругъ откровенно улыбнулся отецъ Гермогенъ.—Словно бересту на огнѣ. Я думалъ, ты обрадуешься.

— Что-жъ ты, подлець, ежели такъ—не ловишь ее?—наскочилъ старикъ Копровъ на сына.

— Гдѣ-жъ я ее поймаю, папенька.

— Первое дѣло,—солидно началъ отецъ Геронтій,—Лелечкина найти и допросить.

— Лелечкина?

— Да, Сеничку этого самаго.

— Ажесѣй! Бѣги за нимъ.

— Онъ тутъ въ кухнѣ,—вставилъ отецъ Гермогенъ,—рыбки принесть обители.

— А допросивъ, не спѣша, обдумать планъ дѣйствій, и за симъ предоставить все теченію событій.

— Вамъ хорошо—теченіе событій. Когда у меня все уже было обдумано.

— Довольно вамъ грѣшить-то, Моисей Лукичъ. Это ужъ очень явственно и очевидно,—то вы радовались, а теперь, когда оказывается, что великій грѣхъ существовалъ, такъ сказать, въ нашемъ воображеніи, вы обидѣлись и сокрушаетесь. Это даже и преосвященный—на него вѣдь вы ссылались—не одобрилъ бы.

— Ну, это мое дѣло.

— Я вѣдь не съ укоризною, а по долгу моему. На путь истины васъ навожу... Мнѣ мой санъ повелѣваетъ. Мудрому укажи вину — премудрѣйшимъ будетъ.

— Отецъ Гермогенъ, ежели бы вы Лелечкина этого ко мнѣ послали.

Семенъ Гордѣичъ сегодня былъ доволенъ собою. Еще бы, судьба его выбрала для исполненія великихъ предначертаній. Вчера онъ сидѣлъ у себя, какъ червь въ дырѣ, и никто о немъ и не думалъ. А теперь, на поди, въ самый круговоротъ попалъ, и не только въ круговоротъ, но даже роль сыгралъ, хоть бы и въ театрѣ. Теперь всѣ волнуются, суетятся, а онъ взираетъ на нихъ, именно „взираетъ“ и держитъ всѣ концы у себя въ рукахъ, и главное—ненавидный ему Моисей Лукичъ дуракъ дуракомъ оказывается. Это ли еще не торжество? И Лелечкинъ приподымался на каблучкахъ, гордо заламывалъ головку, такъ что чубъ надъ его лбомъ совсѣмъ назадъ отламывался.

— Ты понимаешь, — въ порывѣ горделивомъ объяснялъ онъ послушнику-повару. — Ты понимаешь, кто я?

— За рыбку, точно что спасибо. Рыбка натуральная.

— Я не про рыбу, смердь! Я быть-можетъ теперь въ рукахъ судьбы міра держу... А ты: рыбка...

— Вы люди образованные, съ понятіемъ...

— Тутъ не въ образованіи дѣло, а въ талантѣ. Я королей и героевъ изображалъ. Однихъ убійствъ на моей памяти: Дездемону удушилъ, Банко отравилъ. Полонія проткнулъ и короля зарѣзалъ. Передо мною придворные и благородные лорды навтыжку стояли...

Поварь смогрѣлъ на него съ ужасомъ.

— И такъ это вамъ все даромъ... Становой-то гдѣ-жъ былъ?

— Становой! Плевать мнѣ на твоего становаго. Я... Но тутъ свѣтъ въ окнѣ заслонила громадная фигура отца Гермогена.

XXV передвижная выставка. „Милостыня.“
Съ карт. И. А. Касаткина (искл. право воспр. принадл. „Нивъ“) грав. Шюблеръ.

Литературный альбомъ. „Нитай-городъ“, романъ П. Д. Боборыкина. Станицына показываетъ мужу его векселя.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. А. Табурина, автогипія Вильборга.

— Тебя-то мнѣ и надо. Ступай-ка сюда,—поманилъ онъ его перстомъ.

— Кто, я?..

— Ты.

— Да какъ ты со мною смѣешь... Меня публика...

Гермогенъ на мгновеніе обомлѣлъ отъ изумленія, но тотчасъ же опомнился, протянулъ обѣ свои ладони въ окно, зацѣпилъ Сеничку такъ, что тотъ, болтнувъ ногами въ воздухѣ, вдругъ оказался извлеченнымъ изъ кухни на монастырскій дворъ.

— Ступай, ступай... Въ тебѣ нужда есть... Богомолецъ одинъ желаетъ допросить.

Лелечкинъ, опаматовавшись, покосился на громадную фигуру монаха и покорно двинулся рядомъ.

Монахъ, впрочемъ, для пущей важности, велъ его за руку, точно ребенка. Отецъ Гермогенъ и шагъ укоротилъ.

— Тебѣ отдышаться не надо?

— Нѣтъ.

— То-то!.. Духомъ я скорблю. Извлекъ-то тебя изъ кухни извлекъ—и сомнѣваюсь.

— О чемъ это?

— Неѣшибъ ли ненарокомъ. Экой ты махонькій. У насъ и на лѣвомъ флангѣ такихъ не бывало. Развѣ что въ барабанщикахъ... Нѣтъ, и барабанщиковъ помню... Въ шведы да въ денщики сдавали—которые изъ бѣлоруссовъ, отъ земли не видать. Такъ не ушибъ?

— Меня ушибить нельзя...—Сеничку опять обуяло горделивое помѣшательство...—Если бы не вашъ санъ, отецъ Гермогенъ... Потому я иноческій чинъ очень уважаю... Вы къ лику ангеловъ сопричисляетесь!..

— Ну!—изумился ангелъ.—Что-й-то не похожъ я...

— А все-таки...

— Что жъ бы ты сдѣлалъ?

— Я?..—Фуражка Лелечкина взлетѣла на затылокъ, онъ приподнялъ плечи и напыжился.—Я бы васъ, святой отецъ, уничтожилъ.

Гермогенъ отъ удивленія выпустилъ даже его руку.

— Ты?

— Именно-съ я. И не въ первый разъ... Потому вы думаете—я Сеничка?.. Анъ нѣтъ—я Прокопій Ляцуповъ, вотъ кто.

— Нѣтъ, ты стой. Это самое слово... Какъ же бы ты меня изничтожить могъ?

— Не кулакомъ—извѣстно... Этакъ выше кузнеца никого и въ мірѣ нѣтъ, а благоразумнымъ монологомъ, въ кавычкахъ.

— Неудобопонятенъ ты нынѣ... Это что же посохъ съ набалдашникомъ, что ли?

— Экое въ васъ невѣжество сидитъ... Кажется, могли бы образовать себя... Въ такомъ санѣ.

— Оно точно, иной и маленький, а тоже можетъ.

Монахъ насупился. Вспомнилъ свой собственный великій грѣхъ и померкъ.

— Точно что злота лютѣе волка ловить. Дана тебѣ власть—сторожи себя какъ пѣтухъ. Потому, только ты забылся—и не отмолишься потомъ!.. Ты вотъ что, прости меня. Я тебя не со-зла вверхъ ногами, а потому, что благодѣтель храма приказалъ.

— Какой?

— Сейчасъ увидишь. А только ты прости. Я тебѣ въ ноги поклонюся.

И вдругъ отецъ Гермогенъ всей своей громадной и нелѣпой фигурой повалился и стукъ о-земь головою у разорванныхъ сапожишекъ Сенички.

Тотъ даже покраснѣлъ.

— И чего вы только себя унижаете передо мною! Прочіе старцы можетъ-быть въ окна смотреть.

— Не можешь ты понять меня,—замоталъ головою Гермогенъ.—Нешто я тебѣ кланяюсь, дурачку. Ахъ ты, шелава шиска. Я образу и подобію Божьему—вотъ

кому. А что до старцевъ—пускай. И на сіе отвѣтъ есть: унижающій себя—возвысится. Иноку смиреніе подобаетъ. Ступай сюда. Тутъ тебѣ и допросъ будетъ по формѣ.

Алексѣй Моисеевичъ выбѣжалъ на лѣстницу.

— Здравствуйте. Какъ васъ?..

— Отставной драматическій любовникъ и трагикъ, Семень Лелечкинъ.

— Радъ познакомиться. То-есть какъ вы меня обрадовали!.. Я вамъ благодаренъ такъ...

— Мнѣ... За что это?..

— Какъ же... Вотъ они мнѣ сказали,—указалъ онъ на отца Гермогена,—что Леля жива.

— Извините, милостивый государь мой. А я, вѣдь, никакой Лели не знаю...

— Жена моя... Мы думали, утопилась... И вдругъ такое извѣстіе.

— Это меня не касается. Если и топилась, такъ безъ меня.

— Говорятъ, вамъ извѣстно, гдѣ она.

Сеничка гордо взглянулъ на него и прошелъ въ комнату.

Тутъ онъ, впрочемъ, сбился съ тону. Передъ нимъ оказался отецъ Геронтій. Прокопій Ляцуповъ согнулся и мелкими шажками къ тому.

— Благословите...

Казначей снисходительно ткнулъ ему руку, благословилъ и всталъ.

— Куда же вы?—заторопился Моисей Лукичъ.

— Дѣла. Съ нимъ вы и безъ меня справитесь. Человѣкъ бѣдный, тоже понимаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Бѣдный, но благородный!—поправилъ его Лелечкинъ, кашля въ горсть.

— Ну, это твое горе... Вотъ они любопытствуютъ относительно... Помогите имъ... Тоже и тебѣ на чай перепадетъ.

Сеничка вдругъ покраснѣлъ.

— Это ужъ извините... Вы мнѣ духовный отецъ, и я васъ въ такомъ родѣ почитать долженъ, но на чай даютъ лакеямъ, а не артистамъ... Покойный Мочаловъ говорилъ, что выше артиста никого нѣтъ на землѣ, ибо онъ все изображаетъ собою: и царей, и полководцевъ, и даже кардиналовъ.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, твое дѣло...

— Садитесь, садитесь, Семень Гордѣевичъ. Отецъ Гермогенъ, садитесь.

— Ничего. Полъ подо мной не обвалится, прочно строенъ.

— Вы, сказываютъ, извѣстіе привезли Николаю Львовичу,—началъ допросъ старый Копровъ.

— Кто сказываетъ?

— Видали. Семигоровъ еще такъ обрадовался потому.

— Ну, такъ что же?

Моисей Лукичъ къ такому тону отъ малыхъ сихъ не привыкъ.

— Она вѣдь тоже намъ не чужая...

— Еще бы. Всѣ замѣтили, какъ вы огорчены были...

— Ты смотри,—вдругъ вспыхнулъ старикъ Копровъ.—Я только мигну...

— Ну-съ... Мигните... Мнѣ любопытно будетъ.

— Батюшка, дозволейте... Господинъ Лелечкинъ—я вѣдь мужъ...

— Къ общему прискорбію. Въ одной старой пьесѣ есть такой монологъ:

Ты мужъ дѣйствительно, по мужъ лишь по закону...

И лъзн-лъ тебя любить?.. И вижу въ семъ препону...

Не можно соединить съ красой ея великой—

Ничтожество твое? Скажи мнѣ, посланку

О семъ ты самъ вадвигъ—сію повосну рѣчь:

Какимъ путемъ ты могъ во бракъ ее вовлечь...

Алексѣй Моисеевичъ, выслушавъ это, хотѣлъ что-то

сказать, но вдруг поперхнулся. Вообще был малый ненаходчивый. Старикъ Копровъ замѣтилъ это и вспыхнулъ.

— Удивляюсь, что вы при своемъ ничтожествѣ... осмѣливаетесь съ особами такъ разговаривать.

Но Сеничка, терпѣвшій все отъ отцовъ, коихъ полагалъ въ ангельскомъ чинѣ, отъ Копрова снести поношенія никакъ не могъ. Опъ вскочилъ и пѣтушкомъ подлетѣлъ къ нему.

— Ты съ кѣмъ это, мужикъ, такъ разговариваешь...

— Я... мужикъ?...—оторопѣлъ Моисей Лукичъ.

— И не то что мужикъ. Мужикъ есть почтенный земледѣль. А ты мужланъ—вотъ кто.

— Да какъ ты смѣешь? Я дѣйствительный коммерціи совѣтникъ.

— Я у тебя твоей коммерціи не отнимаю. Что ты воображаешь—награбилъ денегъ, такъ все и всѣхъ кунить можешь.

— Ай да мы!—восхитился отецъ Гермогенъ.

— Ты сначала отдай сиротамъ то, что укралъ у нихъ. Я твои дѣла по опекамъ знаю... Съ твоимъ сыномъ разговаривать буду. А съ тобой... Ты заслужи сначала, а пока знай, что артистъ Лелечкинъ презираетъ тебя. А вамъ я, Алексѣй Моисеевичъ, вотъ что скажу:—не только что знаю, гдѣ и что, а даже самъ во многомъ принималъ участіе и благородной интригѣ содѣйствовалъ. Мы въ такихъ чувствахъ высокихъ росли. Да-съ... И отъ меня вы ничѣмъ—ни лаской, ни угрозой—и ничего. Поняли? Тайна здѣсь погребена!—ткнулъ онъ себя кулакомъ въ грудь. —И вѣки будетъ тутъ она!..

— Пстой!—первый пришелъ въ себя Копровъ старшій.—Все равно вѣдъ узнаемъ. Мнѣ хочется только раньше, чтобы времени не терять...

Онъ вынулъ бумажникъ и развернулъ его.

Сеничку окончателно охватилъ неистовый восторгъ. Жаль публики мало, а то какой случай показать возвышенность характера. Вѣдъ не Гермогенъ же „публика“! Сеничка сложилъ руки на груди. Вспомнилъ, какъ изображалъ когда-то Велизарія.

— Ну-съ?—подбодрилъ онъ Моисея Лукича.

— Сколько? Говори кратко.

— Чего—сколько?

— Снять съ меня хочешь.

Сеничка отставилъ ногу впередъ и протянулъ руку передъ собою.

— Ужели вы столь малодушны, что полагаете все на свѣтѣ подлежащимъ куплѣ и продажѣ... О, злоправный вѣкъ, о, паденіе челоуѣчества!.. Я бѣденъ, я въ рубищѣ, обувь моя истерзана кремнистыми путями, хламида—терніями. Кровь моя—небо, защита—невинность... Дожди кропятъ мои сѣдины, зимній хладъ студитъ мою кровь. Но доколѣ я дышу, честь мнѣ законъ и (онъ ступилъ шагъ впередъ) гордость мой щить... Богатствами, сокровищами вселенной, царскими вѣндами, алмазами Голконды, всѣмъ златомъ стяжателей іудейскихъ вы не вырвете тайны у того, кто презираетъ ваше величіе... Если бы даже мой языкъ захотѣлъ ее вамъ выдать—я бы перекусилъ его... Знайте, есть нѣчто въ мірѣ высшее неправедныхъ стяжаній...

Онъ отступилъ назадъ и поклонился, прижимая руки къ груди, какъ дѣлалъ когда-то передъ аплодировавшей ему залой. Наслаждаясь ошеломленіемъ слушателей, онъ обвелъ ихъ гордымъ взглядомъ и, сдѣлавъ такой жестъ, точно онъ еще разъ отстранялъ отъ себя всѣ соблазны, пошелъ къ дверямъ.

— Николай Львовичъ Семигоровъ мой другъ, и этого довольно. Я какъ собака умру у его порога, но не измѣню довѣрью...

— Н-ну!—только и могъ выговорить Моисей Лукичъ...—Поняли вы, отецъ?—обратился онъ къ Гермогену.

Тотъ только сейчасъ пришелъ въ себя. Изумленно оглянулся.

— Это онъ... отъ Писанія?

— Нѣтъ.

— И не отъ пророковъ?

— Нѣтъ же...

— Величественно и высоко!—восхитился монахъ.

Но очевидно судьбѣ наскучило преслѣдовать Копровыхъ.

Только что Моисей Лукичъ обратился къ сыну:

— Пиши къ становому. Подавай объявку. Нечего тутъ. Такъ и вырази: жена-де по вѣтренности и непристойности своей сбѣжала, а въ сильномъ подозрѣніи я имѣю въ виду не кого иного, какъ дѣшняка помѣщика Семигорова, извѣстнаго непотребнымъ поведеніемъ и нетрезвою жизнью...

Въ двери постучали.

— Кто тамъ?

— Изъ Устьинско-Рождественской обители.

— Входи.

Вошелъ худой и длинный мужикъ. Борода козломъ, глаза раскосые. Поискалъ образа—помолился.

— Ну? Къ кому ты?

— Письмецо.

— Отъ кого?

— Велѣла не сказываться, игуменьева бѣлица Еликонида.

— Ты и не сказывай, авось сами узнаемъ,—усмѣхнулся Копровъ.—Давай сюда.

— То-то, что велѣла. Строго-настрога. Отнюдь, говорить, потому старичишка-то Копровъ злющій. Ему попадись...

— Ну, ну. Доставай письмо-то.

— Чичась. За пазуху я его сунулъ... Ахъ, ты... Гапникъ-то ослабъ—въ штанину провалилось.

Мужикъ распоясался и досталъ изъ какихъ-то хлябей подземныхъ смятый конвертъ.

— Алексѣй, прочти, мнѣ еще очки искать...

— Которому это господину будетъ?—интересовался мужикъ.

— Мнѣ, мнѣ!

— То-то. А то я сумлѣваюсь. Велѣно: „въ руки отдай и не сказывайся“.

— Ну, отдай и ступай!

— Отдашь-то отдашь, а только...

— Что только?

— Сумлѣваюсь.

— Вотъ надоѣлъ!

— Потому прочіе въ такомъ случаѣ всегда нашему брату на водку.

— Вотъ возьми...

Алексѣй Моисеевичъ подалъ ему двугривенный.

Мужикъ опять перекрестился на образъ.

— Такъ и пойду.

— Иди, иди.

— То-то, что она велѣла отнюдь не сказываться.

Копровъ развернулъ посланіе.

— Читай, читай скорѣе. Чуетъ моя душа, что здѣсь вся разгадка.

— Сейчасъ, палаша, давайте разберу сначала... Фу, какъ странно начинается. „Впрочемъ, хотя вы обо мнѣ и не увѣдомились и, я такъ полагаю, что я для васъ никто иной, какъ мракъ неизвѣстности, но и отъ невѣдомыхъ людей въ случаѣ помощи бываетъ. И это не изъ корысти, а потому что побѣгушковъ покрывать считаю совсѣмъ даже подлостью, какая она есть въ самомъ составѣ. Опять же Елена Борисовна хоть урожденнаго княжецкаго приплodu и образованная дама, но я бы на такой срамъ ни за что не пошла, хотя изъ простыхъ.“

— Начала какъ мужчина, а теперь пишетъ „пошла“...

— Читай, читай!

— „Хотите вы милыхъ дружковъ накрыть—пріѣзжайте въ Рождественскій монастырь. Тутъ ихъ какъ изъ мышеловки руками возьмете и очень даже легко, потому самъ-то ясенъ мѣсяцъ въ деревнѣ недалеко, у солдатки Припы остановился, а Елена Борисовна у матери Александры гостить. И я тутъ ни при чемъ, а только жалѣючи—такіе господа и промежъ себя скандалы разводятъ, а обители соблазнъ и даже въ поношеніе. Скажутъ: хорошъ монастырь, что побѣгушковъ пріючаетъ... И вы это письмо мое разорвите, потому я вамъ добра хочу, а только Николай Львовичъ тутъ ни при чемъ, все она бровями поводитъ, да глазами колдуетъ. Изъ мускова полу кто устоитъ отъ прельщенія, особенно ежели чужое; краденое-то, хоть кому доведись, завсегда слаще...“

— Вотъ она гдѣ, твоя шельма. Мы думали—развязала насъ, утопла... Куды ей—въ воду, въ разврать лучше... Ну, погоди...

— Что вы хотите дѣлать, папаша?

— А вотъ, сначала увеземъ ее въ лѣсной хуторъ, а тамъ и натѣшимся... Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

— Я бы хотѣлъ знать, все-таки.

— Въ свое время узнаешь. Она вѣдь меня мужикомъ ругала, ну, такъ и я съ нею по-мужицки. У насъ—бабенку, которая сблудить, раздѣвнуть да въ телѣгу запрягутъ, а мужъ сидитъ погоняетъ. Вези!

И острые глаза Моисея Лукича блеснули непримиримую ненавистью.

— Такъ нельзя, папенька.

— Алексѣй!..

— Это даже закономъ предусматрѣно.

— Между мужемъ и женою законы нашель. Нѣтъ, она у меня въ ногахъ повалается... Мы еще понятыхъ соберемъ.

— Нѣтъ, извините. Меня со службы выгонять за такіе скандалы.

— Ну, такъ безъ понятыхъ обойдемся. Накроемъ голубчиковъ.

— Во-первыхъ, между ними ничего нѣтъ.

— Ахъ ты, тетеря. Что же они, вдвоемъ, книжки читаютъ, что ли?

— А если накроемъ—такъ разводъ.

— Вотъ именно—пустить рыбу въ воду. Нѣтъ, извести ее, чтобы и другимъ повадно не было. Я на ней все припомню. Ты въ холѣ росъ, въ баловствѣ. Ты не видалъ, какъ ихняя братія надъ нами свою волю оказывала. Я помню, какъ дѣдушку въ конюшню водили, а потомъ онъ заперся отъ сраму. Было ихъ время—они тѣшились. Ну, а теперь мы. Невѣсткѣ на отместку.

— Леля тутъ ни при чемъ.

— Нѣтъ у меня жалости къ барской природѣ. Слышь ты. Пикни еще...

(Продолженіе будетъ.)

Зубная боль.

Очеркъ Б. Н—ва.

„То было въ утро наканунѣ лѣтъ...“
А. Толстой.

Мнѣ было тогда всего 19 лѣтъ. Я перешелъ на второй курсъ университета. Зиму я провелъ въ Петербургѣ, а лѣтомъ, по обыкновенію, отправился на Каму, къ Заволжскіимъ. Я съ давнихъ поръ привыкъ гостить у нихъ лѣтомъ: это была своего рода традиція. Заволжскіе—мой хорошіе знакомые, почти родные. Я даже не помню, когда впервые познакомился съ ними. Вѣроятно, еще тогда, когда таранить удивленные глаза, выглядывая изъ пеленокъ на міръ Божій, и не могъ еще отличить одного человѣка отъ другого... Если не все лѣто, то добрую половину его я жилъ у Заволжскихъ, въ ихъ имѣніи, Мулянкѣ, на Камѣ, огорчая моихъ настоящихъ родныхъ, тщетно заманивавшихъ меня къ себѣ, въ уфинскую глушь.

Нужно сказать, что въ то время больше всего на свѣтѣ я любилъ Каму, небо съ землей и друга моего дѣтства, Лелю Заволжскую,—особенно послѣднюю,—и до описываемыхъ событій все шло хорошо, и ничто не возмущало моей любви ни къ небу, ни къ солнцу, ни къ Лелѣ. Но въ лѣто, предшествовавшее тому, о которомъ идетъ рѣчь, живя, по обыкновенію, у Заволжскихъ, я сдѣлалъ чрезвычайно тягостное для меня открытіе: я узналъ, что Леля (Елена Александровна Заволжская) любить вовсе не меня, своего друга дѣтства, какъ я думалъ прежде, но совершенно другого субъекта. Впрочемъ, я не могу, пожалуй, сказать, что „я узналъ“. Я просто лишь сталъ догадываться, на основаніи кое-какихъ наблюденій, что дорогое для меня существо стало уходить отъ меня и забывать меня, и что между нами съ нѣкотораго времени легла глубокая пропасть. Но уже одиѣ догадки въ вещахъ подобнаго рода причиняютъ бездну мученій. И я все прошлагоднее лѣто провелъ въ терзаніяхъ по этому поводу. Даже природа, даже лѣсъ, солнце и небо, даже сама Кама мало утѣшали меня. Все лѣто было испорчено. И отчего бы это?

Все дѣло въ томъ, что у м-ле Заволжской (теперь ее можно называть м-ле, въ виду того, что ей минуло 16 лѣтъ) отыскался какой-то трояродный братъ, какъ и я, молодецкій студентъ, къ которому она какъ-то сразу стала неравнодушна. Я, который думалъ, что Леля интересуется исключительно лишь мною и кромѣ меня знать никого не хочетъ, долженъ былъ убедиться, что это вздоръ. Прежняя Леля, маленькая двѣнадцати-тринадцатилѣтняя дѣвочка, дѣйствительно, очень была привязана ко мнѣ, какъ къ другу дѣтства, но съ тѣхъ поръ утекло много воды, и не успѣлъ я оглянуться, какъ вмѣсто любви уже оказалось что-то совсѣмъ иное. Леля меня не любила, а любила своего кузена, Николая Львовича.

Когда я увидѣлъ, какъ она обращается съ нимъ, какъ говорить съ нимъ, какъ глядитъ на него, тогда у меня, во-первыхъ, упало сердце, а во-вторыхъ, я узналъ, какъ обращаются, какъ говорятъ съ тѣми, кого любить не дѣтской любовью, не любовью игръ, не „любовью брата“, но любовью женщины,

любовью настоящей, отъ которой случается такъ много лишихъ катастрофъ на свѣтѣ...

Зимой, живя въ Петербургѣ, я твердо рѣшилъ, что слѣдующее лѣто проживу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и отнюдь не у Заволжскихъ. Вести борьбу съ „кузеномъ“ я не имѣлъ ни малѣйшей охоты и думалъ, что самое лучшее, это—удалиться отъ источника мученій, т.-е. отъ Лели, куда-нибудь за тридевять земель. Я думалъ, что это такъ легко сдѣлать. И для пріаданія себѣ энергіи я вспоминалъ слѣдующій прошлагодній эпизодъ.

Мы всѣ, все семейство Заволжскихъ и я, поѣхали однажды на островъ, за версту отъ Мулянки, для прогулки. Николаю Львовичу (кузену) нездоровилось, или онъ былъ чѣмъ-то разстроенъ, и онъ одинъ остался дома. Елена Александровна во все время прогулки была расхляпана, печальна, неохотно отвѣчала мнѣ, когда я пытался заговорить съ ней, да и вообще ни съ кѣмъ почти не говорила. А когда мы вернулись послѣ прогулки домой, она вдругъ исчезла изъ нашей компаніи, собравшейся на террасѣ за чаемъ. Меня почему-то стала преслѣдовать мысль, что Леля непременно отправилась къ кузену, и, надо сказать правду, мысль эта очень больно ударила меня по сердцу. Кузена дѣйствительно между нами не было. Я съ затѣнной тоской вышелъ въ садъ и, проходя мимо изгороди, отдѣляющей садъ отъ лѣса, увидѣлъ розовое платье, прятанное за изгородью. Мнѣ тогда пришла въ голову мысль назвать эту картину „эпизодъ съ розовымъ платьемъ“. Ахъ, это розовое платье! Не даромъ такъ затосковало мое сердце, когда Леля внезапно исчезла съ террасы. Кузень былъ именно тутъ: онъ стоялъ у той же самой изгороди, и розовое платье было такъ близко, такъ близко отъ него!..

„Разумѣется, я нынче не поѣду къ Заволжскимъ“,—говорилъ я себѣ, живя зимой въ Петербургѣ.

Но я все-таки поѣхалъ къ нимъ, когда наступило лѣто. Я сталъ убѣждать себя разными доводами, что слѣдуетъ пользоваться прекрасной природой Мулянки, что прожить дѣло лѣто въ уфинской глуши было бы еще тяжелѣе, чѣмъ томиться отъ любви и ревности на Камѣ. Заволжскіе, Кама, Мулянка—все это было что-то необъяснимо-прекрасное для меня. Опять, думалось мнѣ, увижу я чудную рѣку съ ея необъятною ширью, опять буду носиться въ лодочкѣ по ея разливу, подхваченный широкимъ вѣтромъ, опять буду встрѣчать и провожать солнце, сидя на нашемъ знаменитомъ мулянскомъ „утесѣ Стеньки Разина“ (какъ прозвали дѣти Заволжскихъ высокую мѣловую прибрежную гряду близъ Мулянки). Однимъ словомъ, я былъ убѣжденъ, что проживу это лѣто внолнѣ самъ по себѣ, а Леля останется тоже сама по себѣ, и что это такъ и пройдетъ для меня даромъ. Какъ бы то ни было, въ началѣ іюня я уѣхалъ въ N, а оттуда, на спеціальномъ дачномъ пароходикѣ, въ Мулянку. Встрѣтили меня

Молодая голландка. Съ карт. Г. фонъ-Гесниъ грав. Унионъ.

необычайно радостно. Даже Леля, как мнѣ показалось, была тронута моимъ прїѣздомъ. Кузена въ Мулянку не оказалось.

Она еще не прїѣхала, и его ждали не такъ-то скоро. Первую педѣлю поэтому все обстояло благополучно, и я вдругъ вообразилъ, что такое благополучіе будетъ продолжаться по все время моего пребыванія у Заволжскихъ. Елена Александровна была внимательна ко мнѣ, много болтала со мной, слегка кокетничала, и я расцвѣталъ подъ ея милымъ взоромъ до такой степени, что совершенно позабылъ все прошлогоднія сцены и даже знаменитый „эпизодъ съ розовымъ платьемъ“. Правда, если бы я былъ повнимательнѣе, я замѣтилъ бы, что мною занимался далеко не такъ усердно, какъ, напримѣръ, занимался кузеномъ минувшимъ лѣтомъ, но вѣдь я не былъ избалованъ, а поэтому даже простое вниманіе казалось мнѣ вѣрхомъ дѣятельности. И вдругъ катастрофа...

Однажды, въ чудесный юнскій вечеръ, спусти педѣлю послѣ моего прїѣзда, г. Заволжскій распечаталъ за вечернимъ чаемъ телеграмму и объявилъ, что кузень, Николай Львовичъ, ѣдетъ и завтра прїѣдетъ.

*

Все померкло вокругъ... Боже мой! Такъ ли ожидали меня здѣсь, какъ ожидали теперь кузена?.. Я тоже, помню, посылалъ въ Мулянку телеграмму съ дороги... Елена Александровна вдругъ какъ-то совсѣмъ упустила меня изъ виду, стала смотрѣть на меня, какъ смотритъ на пустое мѣсто, отвѣчала на мои слова невнятно или вовсе не отвѣчала, и все время пряталась по угламъ со своей прїятельницей-конфиденткой m-Ne Зинной и тайно бесѣдовала съ ней... разумеется о Николаѣ Львовичѣ. Ея милое личико всхлипывало по временамъ такимъ оживленіемъ и такой радостью, что сердце у меня опять начинало ныть невыносимо. Я хорошо сознавалъ, что была причиной этого оживленія и радости.

„О, Господи!—думалъ я,—завтра опять произойдетъ эпизодъ съ розовымъ платьемъ гдѣ-нибудь на пристани, или въ саду, или въ лѣсу, и опять мое бѣдное сердце будетъ терзаться, и опять я буду удаляться отъ людей въ лѣсъ или на рѣку или въ иное пустынное мѣсто, потому что мнѣ будетъ не втерпежъ сохранять спокойствіе духа и рыцарскую корректность, видя предъ собою двухъ счастливыхъ влюбленныхъ... И зачѣмъ я прїѣхалъ сюда?!—съ горечью и злобой задавалъ я себѣ бесполезный вопросъ.—Чтобы увидѣть Ромео и Джульетту?.. Да вѣдь я даже и въ оперѣ-то не могъ безъ зависти смотрѣть на нихъ, а тутъ не опера, а жизнь... Да и притомъ Джульетта кто?.. О, Господи!..“

*

Часовъ около 6-ти вечера, когда я лежалъ на кровати въ своей комнатѣ и читалъ (читалъ я, сказать по правдѣ, съ нѣтаго на десатое, прислушиваясь къ чирканью воробьевъ и аужжанью разной мелкоты, носившейся за окномъ между вѣтками деревьевъ... Къ тому же косые лучи вечерняго солнца такъ весело и ясно освѣщали стѣны и, казалось, приносили съ собой дыханіе недалекой рѣки, пропитанное острымъ ароматомъ сосны),—вдругъ среди всей этой благодати пронесся крикъ m-Ne Зина:

— Пароходъ сюда идетъ!.. Леля! Василій Николаичъ!.. Петя!.. Николай Львовичъ ѣдетъ!

„Вотъ оно!..—подумалъ я.— Сердце у меня упало...— Вотъ тебѣ и чудный, ясный вечеръ! Вотъ тебѣ и чирканье воробьевъ, и косые лучи солнца!“

— Василій Николаичъ!..—заливалась Зина, призывая меня. „На что же ныть меня-то?— съ сердцемъ бормоталъ я, вскочивъ съ постели.— Въ качествѣ благороднаго свидѣтеля, что ли, чтобы я присутствовалъ при радостномъ свиданіи Ромео и Джульетты?.. Замолкни, сумасшедшая, m-Ne Зина! Не пойду я любоваться на эпизоды съ розовымъ платьемъ и бѣлыми кителями! Волягу попреемъ—и basta!“

Но когда на террасу, какъ разъ рядомъ съ моимъ окномъ, выскочила взволнованная, раскрасѣвшаяся Леля и, не обращая вниманія на мои слова (я обратился къ ней изъ окна съ какимъ-то вопросомъ), оклинула задыхающимся голосомъ Зину, когда я увидѣлъ ее, растерянную, ошеломленную, не понимаящую того, что ей говорятъ, — мнѣ въ сердце словно ножъ проникъ... „Она его любитъ!.. Вотъ какъ она взволнована, какъ рада!“—пронеслось у меня въ головѣ. И, несмотря на жгучую боль, несмотря на то, что я уже зналъ, какою будетъ встрѣча и какою роль въ ней буду играть я,—мнѣ вдругъ показалось необходимымъ бѣжать за всѣмъ обществомъ, устремившимся на берегъ, догнать Лелю съ Зинной и узнать, убѣдиться, увидѣть собственными глазами свое несчастье...

Я догналъ ихъ... Леля не отвѣчала ни слова на мои замѣчанія. Она упорно смотрѣла сверкавшими отъ счастья глазами на приближавшійся бѣлый пароходъ, разводившій шумъ на всю окрестность... M-Ne Зина съ улыбкой поглядывала на меня; жалѣла ли она меня, догадывался, почему и такъ неестественъ и патинугъ, радовалась ли за Лелю?.. Я ее ненавидѣлъ въ эту минуту, ненавидѣлъ за ея плоскую улыбку, за розовую, кукольную мордочку и за солидарность съ Лелей...

Пароходъ далъ нѣсколько свистковъ, вызывая лодку... Кузень хотѣлъ высадиться прямо въ Мулянку, не заѣжая въ X... Г. Заволжскій уже воисли съ кучеромъ у берега, отвлаивая

память знаменитый мулянский фрегатъ „Медуза“... M-Ne Зина посылала меня на помощь къ нимъ, но я медлилъ... Несмотря на муки ревности, Леля возбуждала во мнѣ какой-то жгучій, необъяснимый интересъ своею измѣнившейся вѣнностью, манерами, своею возбужденностью... Я сравнивалъ ее съ прежней Лелей и оставался въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Когда же усѣбла она стать такою неповиной, незнакомою, совершенно чужой для меня Лелей?.. Когда усѣбла появиться въ ней эта страсть, превращавшая ее изъ дѣвочки въ настоящую женщину? Она вся пылала—красная, какъ нѣонъ. Она нетерпѣливо бѣгала по прибрежью, сжимала руки и буквально не слыша того, что ей говорятъ...

На берегу покаместъ были только мы трое. Лодка приближалась къ пароходу, остальное общество стояло наверху берега. Леля, не сдерживаясь, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, торопливо, задыхалась говорила Зинѣ про свою тревогу, свою радость, свою любовь... Можетъ-быть, она и въ салонѣ дѣлѣ не замѣчала меня...

— Это она!.. Она!.. Я его вижу!—радостно воскликнула она. И, съ непередаваемымъ выраженіемъ счастья, она обернулась къ Зинѣ, порывисто схвативъ ее за руку и указывая на нѣсколькихъ человѣчковъ, спускавшихся съ парохода въ подплывшую къ его борту лодку.

— Видишь ли? Вотъ онъ пробрался на коры!.. Вотъ мелькаетъ бѣлая фуражка... Видишь ли, Зина?..

Зина все это видѣла и непрережно улыбалась.

— Она прїѣхала!..

Сіяя счастливой улыбкой, Леля твердила эту фразу, прижавшись къ плечу Зины, раскрасѣвшаяся, съ блестящими глазами.

Она видѣла лишь одно: двигавшуюся къ намъ лодку... А я видѣлъ лишь одну ее—Лелю, страшную, неостыжливую для меня и такъ отдалившуюся отъ меня Лелю...

Зачѣмъ я продолжалъ торчать тутъ, рядомъ съ ней, не замѣчаемый, ненужный, смѣшной?.. Чего-жь еще было ждать? Въ чемъ еще было убѣждаться, когда теперь стало ясно какъ день, что она меня не хочетъ знать и видѣть?..

Но собственно эта-то ясность, внезапно открывшаяся мнѣ, и пришибла всю мою волю до такой степени, что я не могъ уйти отъ Лели... Я не хотѣлъ вѣрить, что мои подозрѣнія, до которой-то степени туманны и неясны, какъ вообще всякія подозрѣнія, вдругъ такъ жестоко, такъ чересчуръ ясно подтвердились. О, я ожидалъ, что Леля меня не любитъ, но я не ожидалъ, что она такъ любитъ другого... Я тутъ впервые увидѣлъ, что значить любить по-настоящему... Я учился понимать любовь, но только учился этому со стороны.

Зачѣмъ я продолжалъ стоять рядомъ съ этой чуждой для меня Лелей, когда мое мѣсто было тамъ, гдѣ-нибудь вдалькѣ, куда не доходилъ бы плескъ веселъ приближавшейся лодки, гдѣ я не видѣлъ бы этихъ ваволинованныхъ радостью свиданія лицъ?.. Зачѣмъ я узнавалъ этихъ людей, зачѣмъ сблизился съ ними?..

Но я не уходилъ! Я съ какимъ-то необъяснимымъ чувствомъ болѣзненнаго любопытства ждалъ, что будетъ дальше, точно мнѣ хотѣлось испить чашу до дна. Не такъ ли привлекаетъ насъ ужасная картина человѣческихъ страданій, когда мы, содрогаемся отъ ужаса, не можемъ оторваться отъ нея и стремимся рассмотреть всю ее—до конца?..

Я видѣлъ, какъ Леля побѣжала навстрѣчу высаживавшимся изъ лодки и думалъ:

„Ну, и пусть!.. и все-таки выдержу до конца!..“

— А точно подхлестывалъ себя мученими.

— А шу, еще! Сильнѣй! Еще разъ! Ага, ты еще этого хочешь! Такъ вотъ же тебѣ!..

*

Я кое-какъ поздоровался съ прїѣзжими, но уже не имѣлъ силы разговаривать ни съ кѣмъ и, разбитый, пришибленный, пошелъ вслѣдъ за обществомъ.

Я не знаю, какъ описать мое тогдашнее состояніе общаго отупѣнія, когда лица и картины проходили мимо меня, не вызывая уже никакихъ ощущеній въ душѣ. Мимо меня проходили какіе-то фантомы, что-то говорили, чему-то смѣялись... Окружающаго для меня не существовало—кромѣ Лели и ея возлюбленнаго. Они шли рядомъ, впереди меня, и по временамъ она оглядывалась, обдавая всѣхъ насъ лучами радости изъ своихъ такъ неожиданно загорѣвшихся глазъ, словно желая не то убѣдиться, всѣ ли сочувствуютъ ея радости, не то просто подѣлиться со всѣми этой радостью. Тогда я могъ видѣть ея милое личико, казавшееся мнѣ теперь вдвойнѣ прекраснымъ...

Кончено!.. На меня никто не обращаетъ вниманія. Кузень, Николай Львовичъ отбилъ у меня все семейство! Я не умѣю никого занять... Нельзя бороться съ соперникомъ, когда самый фактъ существованія его обезсиливаетъ васъ...

Я все время теперь причѣсъ отъ общества. Я уходилъ въ лѣсъ и лежалъ тамъ, обхвативъ голову руками и стараясь ни о чемъ не думать, желая уйти отъ самого себя. Порой до моего слуха отъуда-то доносились голоса, звонко раскатывавшиеся по лѣсу, и мнѣ казалось, что это зовутъ меня, шутятъ меня. Какъ будто мной еще могли интересоваться! Вотъ ужъ именно и былъ одиночъ!.. Даже лѣсъ, мой милый лѣсъ, въ которомъ я

никогда не чувствовал себя одиноким, на этот раз молчал... Словно будто даже неодушевленная природа отворачивалась и отъезжала, и отъезжала от моего несчастья.

Я уходил на рѣку, спускаясь къ ней изъ лѣса по крутому песчаному обрыву, вдоль котораго торчали оголенные, крѣпкіе корни. Я бродил по плотному, сырому песку прибрежья, раздавливая порой скрипящій подъ ногами раковины и давая волѣ лизать концы моихъ сапогъ. Солнце садилось, бросал послѣдніе лучи на противоположный низкій, ровной полосой тянувшійся берегъ, горѣвшій багровымъ блескомъ въ этихъ лучахъ. Спокойная тишь Камы переливалась голубымъ и розовымъ тонами—отраженіемъ неба и берега. Въ лазурной выси розовѣли неподвижныя, тонкія облачка. Вдали стучалъ парходъ.

Куда мнѣ было дѣваться?... Туда, гдѣ находились двое счастливыхъ влюбленныхъ, мнѣ смертельно не хотѣлось идти... Опять видѣть ихъ!.. Развѣ мало я перенесъ мученій сегодня отъ созерцанія ихъ радости...

*

Я такъ и не пошелъ домой, до глубокой ночи пробродивъ въ лѣсу и около рѣки. Я озлилъ и усталъ, но эта усталость заглушила мое горе и помогала лучше обсудить дѣло. Не могло же, очевидно, тянуться такое положеніе вещей! Очевидно, что, покаместъ Лели и Николай Львовичъ будутъ у меня передъ глазами,—я все время не буду выходить изъ дурацкаго, ненормальнаго состоянія ревности и угнетенности и наворою бездну глупостей. Я не могу при такомъ состояніи ни работать, ни обращаться по-человѣчески съ людьми, ни радоваться природѣ. Я буду здѣсь вѣчно въ тѣготѣ и, разумеется, прежде всего, буду въ тѣготѣ самому себѣ. Надо уѣхать!..

Не хочу я ихъ больше видѣть отнынѣ! Всѣ они—чужіе для меня люди, и если мой внезапный отъѣздъ удивитъ ихъ, то и пусть удивляются! Поудивятся и успокоятся. Да и, впрочемъ, стѣбитъ ли думать о томъ, что будетъ здѣсь послѣ моего отъѣзда? Вѣдь я этого не увижу и не узнаю! Пусть ихъ думаютъ обо мнѣ, что хотятъ! Я одного хочу: вышнуть поскорѣе всѣхъ ихъ изъ сердца, уѣхать, забыть ихъ.

Дачный парходъ отходитъ въ N завтра рано утромъ. Мнѣ придется не спать ночь, чтобы успѣть улечься... Надо будетъ соблюдать особую тишину при этомъ: стѣны дачи слишкомъ хорошо проводятъ всякій звукъ. Хорошо еще, что я помѣщаюсь въ отдѣльной комнатѣ и что никто не спитъ со мной.

Было уже около 12 часовъ ночи, когда я, измученный и голодный, пробрался къ дачѣ. Заволжскіе лодки, обыкновенно, очень рано, и я расчитывалъ, что застаю уже всѣхъ въ постели. Окно моей комнаты выходило въ садъ и не запиралось изнутри до моего прихода—я самъ ввелъ это—для того, чтобы возвращался поздно ночью, не тревожить спящее семейство, но попросту забирался въ свою комнату прямо черезъ окно.

Наверху, надъ комнатѣ г. Заволжскаго, еще свѣтился огонь, но въ остальныхъ окнахъ было уже темно: всѣ спали. Осторожно отворилъ я скрипящую калитку, заперъ ее за собою и, взойдя на террасу, сталъ влѣзать въ свое окно. Вдругъ съ верхняго балкона надъ террасой меня окликнула г-жа Заволжская:

— Это вы, Василій Николаевичъ? Гдѣ это вы были? Ужинъ оставленъ для васъ въ залѣ; сични тамъ же на столѣ. Возмите, впрочемъ, коробочку еще на всякій случай.

Около меня, на полъ террасы, свалилась коробка. Не отвѣчалъ Заволжской ни слова, потому что отъ внезапно выказанной ею ко мнѣ заботливости у меня сжали горло непрошенныя слезы, и торопливо влѣзъ въ комнату, зажегъ свѣчку и сталъ укладываться.

Наверху, надъ моей головой, ходили, разговаривали—семья на этотъ разъ долго не могла заснуть. Въ сосѣдней комнатѣ, смежной съ моею, за тонкой стѣною, слышалось чье-то шумящее и шепотъ, прерываемый временами тихимъ, сдерживаемымъ смѣхомъ. Тонкая стѣнка хорошо проводила всѣ звуки: обыкновенно тамъ помѣщались дѣти съ гувернанткой, но, прислушавшись, я узналъ шепотъ Лели. На этотъ разъ въ сосѣдней со мною комнатѣ почевали Зина съ Лелей. Такъ близко отъ меня!..

Боже мой! Слышать ея голоса! Звать, что она тутъ, рядомъ, со своими мечтами о влюбленномъ, со своимъ радостнымъ шепотомъ, поднимъ его—его одного!..

Погушивъ свѣчу, въ полутьмѣ мѣсячной ночи, пробивавшейся въ комнату блѣдными лучами, я, весь мокрый отъ росы, измученный горемъ и уставшій, бросился на постель и, сжимая изо всей силы голову, тщетно старался удержать отчаянный, бившій меня рыданіи. Я грызъ подушку отъ страшной, душившей меня боли въ сердцѣ. Она—рядомъ со мною! Лишь стѣнка отдѣляетъ насъ—и она смѣется своему счастью, денечетъ о немъ Зинѣ... О, презрѣнная, проклятая рыданіи! Неужели меня услышали? Неужели мой стонъ проникъ сквозь тонкую стѣнку и заставилъ шептавшихся дѣвушекъ стихнуть? Какъ могъ я допустить въ себѣ эту слабость!..

Я прислушался, замирая... Надъ головой опять скрипнула половица подъ чьими-то шагами. Наверху лѣстница въ сосѣднемъ коридорѣ, ведущей наверхъ къ Заволжскимъ, отворилась

дверь, и съ лѣстницы стали спускаться чьи-то легкіе шаги. Я пригнулся... Черезъ секунду къ дверямъ моей комнаты подошла Заволжская и тихо спросила—не болятъ ли у меня зубы? Внимательность ея окончательно сразила меня, и рыданія съ такой силой схватили меня за горло, что я едва могъ произнести слово. Но отвѣтить было нужно—и я, чрезвычайными усиліями подавивъ ихъ, отвѣтилъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ, что у меня, дѣйствительно, болятъ зубы.

Заволжская отправилась наверхъ, спустилась снова внизъ, разбудила затѣмъ мужа, чтобы спросить у него, гдѣ аптечка? Заволжскій также спустился—и они оба, сквозь закрытую дверь, давали мнѣ совѣты и возились съ лѣкарствами... Мнѣ было въ высшей степени совѣстно, что я солгалъ и заставилъ ихъ зря хлопотать и трудиться для меня. Да и сказать по правдѣ, зубная боль очень похожа на боль въ сердцѣ. Только лѣкарства употребляются разные, хотя, вѣрнѣе говоря, противъ этихъ болей лѣкарствъ почти что не бываетъ. И зубная боль, и та боль, которую я испытывалъ въ то время, проходила только тогда, когда пожелають пройти, когда наступитъ имъ конецъ!..

— Вотъ вамъ, Василій Николаичъ, ментолъ и вата!.. Сквозь дверную щель просунулась рука Заволжской съ этими снадобыями. Я принялъ ихъ и всталъ въ себѣ силы поблагодарить ее. Черезъ нѣсколько секундъ шаги ея снова прозвучали по лѣстницѣ, поднимаясь къверху. Скрипнула дверь, занавѣдлись половицы въверху—и все стихло... Барышни продолжали перешептываться.

„Нужно бѣжать!—вертѣлась у меня въ головѣ все та же настойчивая мысль. Она точно подхлестывала меня и приносила мнѣ какое-то страшное облегченіе.—Уѣхать! Пусть ихъ живутъ здѣсь со своимъ счастьемъ... Мнѣ нечего дѣлать у нихъ!..“

Еслибъ не этотъ, дразнившій меня, шепотъ за стѣной, я остался бы до утра, и на слѣдующій день придумалъ какой-нибудь предлогъ, честнымъ бы образомъ уѣхалъ изъ Мулянки, попрощавшись съ гостеприимными и милыми хозяевами,—и совершилъ бы то, что называется на военномъ языкѣ „отступленіе въ полномъ порядкѣ“. Но присутствіе по соседству со мною Лели и ея смѣхъ и шепотъ, смѣхъ надо мной, какъ мнѣ казалось, приводили меня въ состояніе утомленія... Да и, стыдно сказать, я предвкушалъ особаго рода удовольствіе отъ того аффекта, который я произведу своимъ внезапнымъ исчезновеніемъ... Пускай-ка поговорятъ обо мнѣ, пускай-ка попризадумаются надъ этимъ!

Я снова принялся за укладку и сборы. Я сталъ соображать—идти ли гдѣ-нибудь въ другихъ комнатахъ моихъ вещей? Да, въ залѣ оставались 2—3 моихъ книги; въ банѣ (въ саду), гдѣ я работалъ въ жаркую пору, оставались мои письменныя принадлежности; я забылъ принести ихъ сегодня обратно сюда. Ну, а бѣлье? Оно вчера только было принесено мнѣ отъ прачки... Значитъ, здѣсь ничего не могло оставаться... Гдѣ же пальто и калоши, которыхъ я не употреблялъ въ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда?

Но вотъ всѣ, кажется, успокоились—и наверху, и тамъ, за стѣной. Въ окнѣ уже стали краснѣть полосы зари... Ночь исчезала... За деревьями, окаймлявшими берегъ Камы, бѣлѣлъ туманъ, затинувшій всю рѣку. Парходъ отходитъ въ N въ 7 час. утра; въ N онъ будетъ въ девять... Въ девять же отходить внизъ Любимовскій парходъ—на немъ и поѣду. „Но не пойдетъ ли кто-нибудь изъ Заволжскихъ въ городъ утромъ?“—соображалъ я.—Кажется, хотѣли послать кучера за топорожъ?—Но я вспомнилъ, что кучеръ, обыкновенно, отправляется въ N сухимъ путемъ.

Свѣтало. Я вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, стараясь ступать безшумно и набѣгалъ знакомыхъ мнѣ скрипучихъ половицъ (я научилъ ихъ, часто путешествуя по ночамъ изъ своей комнаты въ залу, гдѣ мнѣ обыкновенно оставалась ѣда на случай позднего возвращенія). Я прошелъ въ залу, въ переднюю, отыскалъ пальто, калоши, каждую секунду останавливался и затаивал, когда подо мной выныгивала проснувшаяся половица. Затѣмъ я побывалъ и въ банѣ (пролѣзши черезъ окно) и добылъ оставленные тамъ рукописи и бюваръ.

Я упакował въ ремень подушку съ одеяломъ, увязалъ въ пачку свои книги, набилъ бѣлье и письменными принадлежностями свой небольшой чемоданчикъ и окончательно собрался въ какой-нибудь часъ. Идти на парходъ было еще рано.

Теперь, послѣ того, какъ мое душевное волненіе было нѣсколько успокоено сборами и укладкой, я почувствовалъ, что очень голоденъ. Я не ѣлъ почти съ утра, благодаря пыткамъ пріѣзда кучера... Скитаясь по лѣсу цѣлый день до глубокой ночи, нагуляясь превосходный аппетитъ. Я вспомнилъ, что въ залѣ былъ оставленъ Заволжской для меня ужинъ, и очень обрадовался этому обстоятельству...

Я унытожилъ все, что было оставлено на столѣ подъ салфеткой... Было все-таки еще очень рано, и мнѣ пришла въ голову мысль прогуляться по берегу въ ожиданіи того времени, когда парходникъ начнетъ разводить пары (онъ обыкновенно почевалъ у Мулянки). До пристани было всего нѣсколько шаговъ. Солнце уже взошло; за окномъ, въ саду, полномъ блеска и жизни, шумѣли деревья, щебетали и возносили

Церковь св. Олая.

Гавань.

Шувальда автотипия Ангерера и Гёшля въ Вьбѣ.

Вышгородъ. Лютеранскій соборъ (Домкирхе) и церковь св. Николая (Николайкирхе).

Старый городъ.

Виды города Ревеля. Съ фот. К. Шувальда автотипия Ангерера и Гёшля въ Вьбѣ.

Берегъ моря.

Гавань.
Виды Гунгербурга (Усть-Наровы). Съ фот. А. Лисмана автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Храмъ св. Владиміра.

птицы... В окно влило дивным ароматом утра, лѣса, рѣки... Где-то стучался пароходъ... Сквозь деревья сверкала рѣка, освобождавшаяся отъ тумана и загоравшаяся подъ солнцемъ...

Я вышелъ или, вѣрнѣе, вылезъ (черезъ окно) наружу. Свѣтъ, воздухъ, жизнь проснувшейся природы, а также усталость и сытная ѣда омыли меня: я едва стоялъ на ногахъ. Голова отяжелѣла... Я словно во снѣ видѣлъ все то, что происходило вокругъ. Присѣвъ на скамеечку у воротъ дачи, я съ ужасомъ почувствовалъ, что у меня слипаются глаза... Солнце, начавшее уже принекать, нагоняло на меня тяжелый, разламывающій сонъ. Я поднялся со скамьи, принялся ходить по росистой дорогѣ, но сонъ все-таки одолевалъ меня... После пережитой встряски на меня наило отупѣние; не хотѣлось ни о чемъ думать, не хотѣлось ничего дѣлать... Отгоняя отъ себя усиленъ воли это отупѣние, я опять ползъ черезъ окно въ свою комнату, чтобы взять багажъ и уже прямо уйти на пароходъ, спавшій подъ горою... Я чувствовалъ, что не вытерплю и усну прямо тутъ, на травѣ, подъ поднимавшимся солнцемъ...

Я надѣлъ пальто, калоши... Но кровать жестоко соблазнила меня... Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не улечься — полежать съ полчаса? Идти на пароходъ, положительно, рано! Вѣроятно, даже и каюты еще закрыты, и я не понаду туда...

— Нельзя же такъ безсовѣстно спать, милостивый государь!..

Я очулся отъ этого возгласа и отъ стука въ дверь... Боже мой, какой знакомый, милый голосокъ! Неужели это Леля зоветъ меня? Неужели это ся руки барабанитъ въ дверь?..

— Василий Николаичъ!.. Не желаете ли вы прекратить вашъ сонъ? Уже первый часъ! Мы все успѣли уже три раза выку-

паться. Пана сидитъ на берегу, а меня послалъ узнать, не хотите ли вы, наконецъ, проснуться, чтобъ идти съ нимъ купаться?..

Уже первый часъ!.. О, позоръ!.. Что я надѣлалъ!.. О, я несчастный!.. Лишь только тутъ я вполнѣ очнулся и понялъ, что за комедію я разыгралъ...

И не успѣлъ я принять мѣры предосторожности, какъ ко мнѣ въ комнату вошелъ самъ „пана“, который соскучился сидѣть на берегу.

— Мнѣ, я думаю, можно къ вамъ? Что ваши зубы?

„Что мои зубы? Какіе зубы?“ — хотѣлъ-было я спросить... Но онъ, изумленно вытаращивъ глаза, самъ подвергъ меня разспросамъ:

— Что это? Вы убажаете?.. Куда? Почему?!

Нужно же было поставить себя въ такое дурацкое положение!.. Я спалъ въ пальто, въ калошахъ, въ фуражкѣ, на голомъ тюфякѣ, съ упакованной въ ремни подушкой въ головахъ... Около постели валялись связанные книги и чемоданъ...

Съ видомъ пойманнаго школьника, я пытался объяснить, что хотѣлъ убажать съ утреннимъ пароходомъ въ N къ зубному врачу, но печально уснулъ.

— А чемоданъ-то зачѣмъ уложили? А зачѣмъ подушки увезли?..

Боже ты мой! Но что же было отвѣтить? Черезъ минуту въ комнату ко мнѣ явилась и Заволжская, и Леля, когда услышали, что я давно уже одѣтъ (даже слинкомъ одѣтъ!). За окномъ сіяли солнце и рѣка, чиркали воробьи и жужжали пчелы. Въ окно била свѣтлая волна сіяющей лѣтней жизни...

Я промолчалъ.

Ревель.

(Съ 4 рис. на стр. 616.)

Ревель—одинъ изъ немногихъ въ Прибалтійскомъ краѣ городовъ, сохранившихъ свою средневѣковую физиономію. Неширокая, ломаная улица, узкіе высокие дома съ маленькими фронтонами вверху, подъ крышей, съ оригинальными башенками, витыми лѣстницами, съ окнами, выходящими почти исключительно во дворъ, съ повѣшенными у воротъ кольцами для постукиванія, замѣняющими звонки, съ фонтанами на улицахъ и площадяхъ— все это живо переноситъ васъ за много столѣтій назадъ.

Упоминаніе о Ревелѣ находятъ еще въ скандинавскихъ сагахъ. Такъ, въ одной изъ нихъ, относящейся къ 1000 году и повѣствующей о побѣдѣ въ Эстляндію, упоминается мѣстечко Rafali. Названіе „Ревель“, вѣроятно, норманскаго происхожденія: датское слово „revle“ и шведское „rävel“ означаютъ „рифъ“. Первые же историческія указанія на городъ Ревель относятся ко времени завоеванія страны датскимъ королемъ Вальдемаромъ II. Въ началѣ XIII вѣка энергичный епископъ Альбертъ фонъ-Анольдернъ, упрочивая государственное устройство въ Инфляндіи, призвалъ для борьбы съ эстами рыцарскій Орденъ Меченосцевъ, который, завоевая Эстляндію, провѣкъ до самыхъ сѣверныхъ ея границъ. Кроме того, эстамъ грозила опасность и съ другой стороны. Лѣтомъ 1219 г. король Вальдемаръ II привелъ огромный датскій флотъ въ ревельскую бухту, ввелъ и разрушилъ эстонскій городъ Линданиссу и на его мѣстѣ приказалъ соорудить крѣпкій замокъ. Устрашенные эсты послали своихъ старѣйшихъ къ королю съ выраженіемъ покорности и просьбой о мирѣ. Король милостиво встрѣтилъ и щедро одарилъ пословъ, которые приняли крещеніе отъ датскихъ епископовъ. Вскорѣ, однако, эсты нарушили миръ. Собравшись въ громадномъ числѣ, они напали на лагерь датчанъ и чуть было не истребили все ихъ войско. Быстро оправившіеся датчане отразили натискъ и затѣмъ на голову разбили эстовъ. Умиривъ эстовъ, король Вальдемаръ оставался въ Ревелѣ до окончанія постройки замка. Подъ замкомъ этимъ нужно разумѣть не съ нынѣшній Вышгородъ (Домбергъ) съ его укрѣпленіями и башнями.

Датское владѣтельство было непродолжительно. Ненависть эстовъ къ чужеземному игу породила постоянныя возстанія. После того, какъ Вальдемаръ былъ разбитъ въ сраженіи при Борнѣведѣ (въ юль 1227 г.), эсты воспрянули духомъ. Хотя Орденъ и содѣйствовалъ датчанамъ при подавленіи возстаній эстовъ, тѣмъ не менѣе, онъ и самъ мало-по-малу вытѣснялъ ихъ изъ завоеванной страны. Вскорѣ магистръ Ордена Фольквинъ явился подъ Ревелемъ и, подкрѣпленный возстаніями эстами, принудилъ датскій гарнизонъ удалиться изъ замка. Фольквинъ усилилъ укрѣпленія Домберга, построивъ каменный орденскій замокъ, названный меньшимъ замкомъ (castrum minus), въ противоположность всему Домбергу, носившему названіе castrum magnum. Самое названіе горы Домбергъ болѣе позднего происхожденія и ведетъ начало отъ времени построенія на этой горѣ собора Вальдемаромъ II въ 1240 году.

Со времени взятія Ревеля рыцарями Ордена начинается заселеніе склоновъ горы туземцами и притокъ нѣмецкаго элемента изъ нижне-саксонскихъ и вестфальскихъ городовъ, изъ Любека и со скандинавскаго Сѣвера, такъ что городъ и его окрестности принимаютъ вполнѣ нѣмецкій характеръ.

Но и владѣтельство Ордена Меченосцевъ не могло быть прочно, такъ какъ Вальдемаръ не могъ равнодушно перенести потерю своихъ завоеваній въ Эстляндіи и всеми средствами пытался возвратитъ ихъ. Удалось это ему лишь съ помощью паны, въ 1238 г.

Подъ слѣдующимъ затѣмъ столѣтнимъ владѣтельствомъ Даніи въ Ревелѣ произошло мало перемѣнъ. Занутое положеніе дѣлъ въ Даніи и случившееся въ 1343 году возстаніе эстовъ, стоившее жизни многимъ датчанамъ и нѣмцамъ, заставили короля Вальдемара III принять предложеніе Нѣмецкаго Ордена относительно продажи ему датскихъ владѣній въ Эстляндіи. 29 августа 1346 года въ Мариенбургѣ былъ подписанъ договоръ, по которому Данія уступала великому магистру Нѣмецкаго Ордена Генриху Дусенеру свои владѣнія въ Эстляндіи за 19,000 кельнскихъ марокъ.

Если при датскомъ владѣствѣ въ Ревелѣ и Эстляндіи произошло мало перемѣнъ, то съ уступленіемъ ихъ Ордену, тамъ вновь началась кипучая жизнь. Завязалась оживленная сухопутная торговля Ревеля съ Новгородомъ и Псковомъ, содѣйствовавшая проложенію по всему краю удобныхъ для сообщенія дорогъ, и морская торговля съ Данцигомъ, Любекомъ, Брюгге и Антверпеномъ. Московскій государь Иванъ Васильевичъ III, желая остановить процвѣтаніе Ревеля и нанести чувствительный ударъ Ливоніи, уразднилъ 10 августа 1494 года нѣмецкій кунеческій дворъ въ Новгородѣ и отвелъ въ Москву въ плѣнъ 40 нѣмецкихъ купцовъ; но это послужило только новымъ источникомъ благополучія для Ревеля, такъ какъ Ганзейскій союзъ избралъ его главнымъ складочнымъ пунктомъ для торговли съ Новгородомъ. Начавшаяся вскорѣ война съ Россіей кончилась печально для послѣдней сраженіемъ подъ Псковомъ въ 1502 году, въ которомъ магистръ Ордена Вальтеръ фонъ-Шлеттенбергъ разбилъ русскій войска.

Борьба длилась еще два вѣка — въ 1710 году Ревель перешелъ въ руки Россіи. Въ 1721 г. Ревель былъ посѣщенъ Петромъ I, возвращавшимся изъ своего заграничнаго путешествія. Въ виду Ревеля происходило 1 мая 1790 г. знаменитое морское сраженіе съ шведскимъ флотомъ, завершившееся побѣдой Чичагова. Въ 1854 г., когда Ревель былъ объявленъ на военномъ положеніи, начальникомъ назначенъ былъ Бергъ, приказавшій съестн цѣлое предѣлье между городомъ и моремъ. По окончаніи восточной войны 1854—56 г., Ревель пересталъ быть крѣпостью. Открытіе въ 1870 г. Балтійской желѣзной дороги сильно подняло значеніе города, какъ торговаго пункта и порта.

Въ настоящее время, какъ портъ на Балтійскомъ морѣ, Ревель уступаетъ только Петербургу. Обладая прекрасно защищеннымъ рейдомъ, замерзающимъ на очень незначительное время, Ревель можетъ вести заграничную торговлю почти непрерывно, въ теченіе цѣлаго года. Какъ великія торговые обороты ревельскаго порта, можно судить по средней цифрѣ ежегоднаго вывоза и привоза товаровъ,—привозъ (болѣе чѣмъ на 50 милліоновъ рублей) въ 2½ раза превышаетъ вывозъ.

Кромѣ того, въ Ревелѣ 35 фабрикъ и заводовъ съ ежегоднымъ производствомъ почти на 7 милліоновъ рублей; изъ этихъ заводовъ болѣе трехъ четвертей—водочныхъ и винокурскихъ.

Несмотря на то, что Ревель искони эстонский город и что в настоящее время в нем эстов больше трех четвертей, всего населения, — чистоэстонского непосвященному глазу не встретить в городе почти ничего, если не считать старинной эстонской церкви Св. Духа, свидетельницы чужды ли всей многовековой истории города. Все остальное в городе говорит о былом владычестве немецкого ордена, сохранившем еще живые побег и помыслы.

Церковь была в те времена неограниченной властительницей, и о былой ей власти напоминают уже издали устремленные в высь шпили старинных лютеранских соборов.

Близ орденского замка, главная часть которого с крепкими стенами и громадной башней сохранилась поныне, высятся старейший лютеранский собор Домкирхе. Есть указания, что он существовал еще в 1240 году. Страшный пожар в 1684 г. сильно разрушил его, и красивые готические его основы, его три нефа, хоры, арки с поддерживающими их гладкими столбами, кажутся точно мертвыми. Великие стены собора с большими окнами, с простыми, не цветными стеклами, придают собору какой-то пустынный вид. Главный интерес собора и в то же время лучшее его украшение — величественные гробницы покоящихся в нем замечательных деятелей: известнаго шведского полководца графа Понгуса-де-Ла-Гарди, не раз бившагося с русскими войсками и утонувшаго перед Нарвою в Нарвѣ на старом судѣ, пробитою пушками Ивангородской крепости; участника чешенского боя адмирала Грейга, поразившаго шведский флот в 1780 г. при Гохландѣ (мраморный памятник ему воздвигнут по повелѣнію императрицы Екатерины II); знаменитаго адмирала Крузенштерна, первого русского моряка, совершившаго кругосветное плаваніе.

Если спуститься по лестницѣ, ведущей съ Домберга в городъ, то, пройдя через старыя двойныя ворота, очутимся прямо противъ церкви св. Николая (Nikolaikirche).

Св. Николая Чудотворца чтутъ все мореходы и русскіе, и немецкіе; понятно поэтому, что Ревель, торговое благосостояніе котораго зиждилось и продолжаетъ зиждиться на водѣ, на морѣ, имѣеть, подобно Гамбургу, Любеку, Штральзунду, свою церковь св. Николая. Внешній видъ ея хотя и внушительнѣе Домкирхе, но все-таки очень простъ. Въ церкви собрано множество драгоценныхъ памятниковъ искусства, славившихъ энергичными ифрами пріора церкви въ 1524 году отъ иконоборцевъ. Въ церкви св. Николая ифты столбныхъ историческихъ гробницъ, какъ въ Домкирхе, но одна изъ нихъ заслуживаетъ вниманія. Это гробница Дока де-Кроа. Герцогъ де-Кроа, по происхожденію бельгіецъ, служилъ раньше въ австрійской службѣ, потомъ перешелъ въ русскую и былъ взятъ въ плѣнъ шведами подъ Нарвою, гдѣ начальствовалъ русскими войсками. Объ этомъ упоминаетъ надпись на его гробѣ: „Герцогъ Карлъ-Евгеній де-Кроа (Duc de Croy), главнокомандующій русской арміей при Нарвѣ въ 1700 году. Скопчался 20 января 1702 г. въ гор. Ревель“. Прахъ его находился до послѣдняго времени въ склепѣ, въ особой канцелярѣ, вмѣстѣ со всякой рухлядью. Здѣсь тѣло его хранилось, но не было погребено. Говорили, что онъ не былъ погребенъ въ силу закона, запрещающаго хоронитъ людей, умершихъ въ долгахъ; а у де-Кроа долговъ было много. И вотъ только въ нынѣшнемъ году, 15 января, въ присутствіи эстляндскаго губернатора и высшихъ властей, состоялось, наконецъ, торжественное погребеніе его. Тѣло его, хорошо сохранившееся, было положено въ новый гробъ и опущено въ особо устроенный въ церкви склепъ.

На сѣверъ отъ церкви тѣсная улица ведетъ къ старому рынку; окруженный высокими домами съ остроконечными кровлями, рынокъ до сихъ поръ сохранилъ свой средневековой характеръ. Недалеко отъ него находится и ревельская городская ратуша, образецъ готической архитектуры, съ башнею, пристроенною въ 1663 г.

Недалекѣ отъ церкви св. Николая находится также и помѣщеніе гильдіи св. Капута, — древняго учрежденія, теперь сохранившаго свой оригинальный характеръ. Когда-то, шесть вѣковъ тому назадъ, гильдія представляла союзъ ремесленниковъ и мастеровыхъ. Во времена владычества Ордена гильдія принимала дѣлительное участіе въ разрѣшеніи политическихъ вопросовъ. Старога дома гильдіи ифты. — она помѣщается въ новомъ, построенномъ на средства русскаго казначейства.

Но выше всѣхъ церквей въ Ревель — церковь св. Олаи. Остроконечный шпиль ея колокольни воздымается на высоту 138,3 метра.

Король шведскій Олай, именемъ котораго названа церковь, умеръ въ 1033 г. и, по сообщенію древнихъ хроникъ, былъ главнымъ сокрушителемъ культа языческаго Тора и вносилъ въ канонизованъ. Въ 1270 г., по повелѣнію королевы датской Маргариты, церковь была приписана къ несуществующему уже теперь женскому монастырю св. Михаила, церковь котораго преобразилась въ Преображенскій православный соборъ. Гигантскій шпиль церкви не разъ притягивалъ къ себѣ молнію, особенно сильно ударившую въ 1820 г. и вызвавшую пожаръ. Императоръ Александръ I, посѣтивъ въ 1825 г. Ревель, обѣщавъ отстроить церковь; обѣщаніе это выполнилъ императоръ Николай I, отпустившій для этой цѣли полмилліона рублей.

Реставрированіе церкви длилось 12 лѣтъ. Внешностью своей церковь св. Олаи не превосходитъ Домкирхе — та же строгая готичность по общему плану — острые своды, красивыя основныя линіи, гармонично стремящіяся вверхъ, но въ то же время и та же пустота, та же отсутствіе прелести полусвѣта, задумчивости, которыя мы привыкли видѣть въ готическомъ стилѣ, тѣ же огромныя окна съ безцвѣтными бѣлыми стеклами, тѣ же столбы, отдѣляющіе нефы.

На ряду съ этими соборами-великанами совершенно теряется небольшой православный Преображенскій соборъ; величійной съ крупною сельскою церковью, приземистый, о двухъ алтаряхъ, соборъ этотъ служитъ лучшимъ указаніемъ, какъ еще слабо здѣсь русское вліяніе, какъ малочисленно русское населеніе. Изъ пятидесяти съ лишнимъ тысячъ населенія Ревели больше трехъ четвертей — лютеранъ, и только семь процентовъ — православныхъ. „Русская“ церковь упоминается уже въ 1413 году и даже съ прибавкой „старая“. Въ 1437 году въ ней не было выхода на улицу; сдѣлать такой выходъ ифмцы согласились лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы дозволено было въ Новгородѣ провести водопроводъ въ ифмецкій дворъ. По повелѣнію Петра церковь, тогда уже бывшая лютеранской, преобразена была въ православную. Такимъ образомъ, 294 года шло въ этой церкви католическое богослуженіе, затѣмъ 173 — лютеранское, и вотъ уже 183 года отирается православная служба.

Теперь, какъ извѣстно, строится въ Ревель, на Вышгородѣ, новый соборъ во имя св. Александра Невскаго. Собора этого давно уже ждетъ православное населеніе.

Но есть въ Ревель еще одинъ церковный приходъ — православныхъ эстонцевъ, тоже очень нуждающихся въ домѣ Божьемъ. Приходъ этотъ, ставшій самостоятельнымъ съ 1891 г., состоитъ изъ 2000 человекъ — эстовъ, принявшихъ православіе и не имѣющихъ ни соответствующей церкви, ни подобающей церковной утвари и облаченій, ни никовнаго дома. Церковная служба совершается въ маленькомъ кирпичномъ, ветхомъ и сыромъ зданіи, имѣющемъ видъ простаго обывательскаго дома и находящемся въ оградѣ Преображенскаго собора. Въ виду бѣдности прихода, состоящаго большей частью изъ бѣдныхъ, бездомныхъ чернорабочихъ крестьянъ, оставшихъ солдатъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ, построитъ церковь для православныхъ эстонцевъ можно лишь на частныя пожертвованія, которыя принимаетъ священникъ мѣстной Владимірскаго церкви о. А. Рамуль.

Выѣзжая изъ города по Нарвской дорогѣ, невольно восхищаемся красавою окрестностью Ревеля. Здѣсь, недалеко отъ города, на берегу моря стоитъ небольшой деревянный домикъ, построенный Петромъ Великимъ среди дубовыхъ и липовыхъ аллей. Домикъ этотъ построилъ Петръ I въ 1714 г. для себя, чтобы сдѣлать за работами по постройкѣ ревельской гавани. Домикъ сохранился поныне въ томъ видѣ, какъ онъ былъ при покойномъ Царѣ-Преобразователѣ. Возлѣ домика въ 1718 году архитекторъ Микетти, по повелѣнію императора, построилъ маленькій загородный дворецъ. Въ наружной стѣнѣ дворца видно нѣсколько кирпичей, положенныхъ самимъ императоромъ; ихъ никогда не заштукатуриваютъ. Вся эта мѣстность названа была Петромъ въ честь императрицы Катариненталемъ.

Въ часѣ пути отъ Катариненталя находится замѣчательныя развалины монастыря св. Бригитты, который былъ построенъ тремя ревельскими кундами, Швальбергомъ, Крузе и Гуксеромъ въ 1436 г.

Монастыри св. Бригитты относились къ рѣдкому типу *dubica* (двойные) или *mixta* (смѣшанные), въ которыхъ одновременно, подъ одной кровлей живутъ монахи и монахини, раздѣленные стѣной на два конвента. „Сестры“ готовили кушанье и стирали бѣлье „братьямъ“. Кушанье и бѣлье подавались въ отверстіе въ стѣнѣ. Братья монахи жили внизу, а сестры — верху; у тѣхъ и у другихъ были отдѣльныя церкви: верхняя и нижняя. Никогда они не сообщались другъ съ другомъ; каждая половина монастыря имѣла свое начальствующее лицо, но общая власть надъ всѣмъ монастыремъ была сосредоточена въ рукахъ женщинъ. Особенно характеренъ былъ обрядъ посвященія въ монахи. Послѣ годичнаго испытанія, посвящаемая (дѣвушка или вдова) направлялась въ церковь, при чемъ передъ ней несли красное знамя съ изображеніемъ Богородицы. Въ церковь она не входила до тѣхъ поръ, пока не освящали обручальнаго кольца ея; послѣ этого ее вводили въ церковь, снимали платье и затѣмъ вновь выводили. Возвратившись затѣмъ снова въ церковь, она въ одномъ изъ угловъ алтаря надѣвала на себя священное платье; послѣ того на нее насаживали корону, и самъ епископъ прикалывалъ ей булавкой черныя *velum* (покрывало). Послѣ пріятія причастія, новопосвященную сестру уносили въ монастырь на катафалкѣ. Убранство монастыря было тоже не обыкновенное. Посрединѣ монастыря всегда зяла открытая могила, у входа въ церковь стоялъ постоянно гробъ. На головномъ платкѣ „сестеръ“ и на канюнахъ „братьевъ“ нашивалось по пяти красныхъ точекъ, представлявшихъ символическое изображеніе пяти ранъ Спасителя. Монастырь св. Бригитты въ Ревель былъ очень богатъ и существовалъ еще полвѣка послѣ введенія реформации въ Ревель. Онъ былъ разрушенъ русскими, 1 февраля 1577 г., послѣ вторичной семинедѣльной осады Ревеля.

Усть-Нарова (Гунгербургъ).

(Съ 3 рис. на стр. 617.)

Въ Везенбергскомъ уѣздѣ, Эстляндской губерніи, на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, при самомъ впаденіи ея въ море, расположена Усть-Нарова или Гунгербургъ. Отсюда начинается рядъ морскихъ купальныхъ мѣстъ балтійскаго побережья — Шяецкъ, Мерреколя, Удріасъ, Вайвара, Корфъ и Спялмяги, но Гунгербургъ — самое любимое лѣтнее мѣстопробываніе для петербуржцевъ. Любопытна исторія возникновенія этого моднаго курорта. Лѣтъ двадцать тому назадъ, на этомъ мѣстѣ существовала деревушка, населенная лопманцами и рыбаками. Ни дачъ, ни какихъ-либо другихъ построекъ, кромѣ убогихъ хижинъ, не имѣлось; но красивое и возвышенное мѣстоположеніе Гунгербурга, живописныя очертанія береговъ устья Наровы, близость моря, сосновый лѣсъ, и въ результатъ всего этого — баллаическій морской воздухъ, представляли такое богатое сочетаніе благоприятныхъ условій для курорта, что Гунгербургъ не могъ надолго оставаться незамѣченнымъ. Первый примѣръ постройки здѣсь дачъ подавъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, бывшій городской голова города Нарвы, А. Ф. Ганъ. Его примѣру вскорѣ послѣдовали многие изъ жителей Нарвы и С.-Петербурга, и доболъ безжизненное и пустынное морское побережье начало застраиваться роскошными дачами. Въ настоящее время Усть-Нарова или Гунгербургъ имѣетъ прекрасный паркъ, кургаузъ, лопманскую и спасательную станцію, таможенную заставу. Съ 1894 г. въ Гунгербургѣ сдѣлано важное улучшеніе: вмѣсто существовавшаго здѣсь устарѣлаго заведенія теплыхъ морскихъ ваннъ, построена вблизи кургауза образцовая водолѣчебница, въ которой, кромѣ теплыхъ морскихъ и рѣчныхъ ваннъ, можно имѣть ванны грязевыя и паровыя, электричество, массажъ, дѣлать Шарко и проч. Однимъ изъ лучшихъ украшеній Гунгербурга является без-

спорно его величественный храмъ, закладка котораго состоялась 5 августа 1890 года въ присутствіи царицы въ Бозѣ почивающаго императора Александра III и Императрицы Маріи Феодоровны. Освященіе церкви во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра совершено 17 августа 1893 года. Храмъ этотъ, сооруженный архитекторомъ Ивановымъ на лѣвомъ возвышенномъ берегу Наровы, виденъ кругомъ на далекомъ разстояніи.

Морской берегъ въ Гунгербургѣ (Plage) представляетъ противоположность морскому побережью въ сѣверной части Финскаго залива: онъ не только совершенно отлогій, ровный, но на всемъ его протяженіи, около пяти верстъ, отличается отсутствіемъ камней и служить любимымъ мѣстомъ прогулокъ проводящихъ здѣсь лѣто дачниковъ.

Гунгербургъ — передовая гавань нарвскаго порта — имѣетъ свой малкъ и лопманскую команду. Въ прошломъ, 1894 году, Усть-Нарову посетило 60 пароходовъ и 43 корабля иностраннаго плаванія, общей вмѣстимости въ 56,826 тоннъ. При императрицѣ Екаторинѣ II здѣсь начаты были работы по урегулированію устья рѣки Наровы; съ восьмидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія въ Гунгербургѣ дѣйствуетъ землечерпательная машина, благодаря которой первоначальная семифутовая глубина фарватера доведена теперь до четырнадцати футовъ, такъ что большія морскія суда свободно входятъ въ устье Наровы.

Сообщеніе С.-Петербурга съ Гунгербургомъ довольно удобное: до города Нарвы, по балтійской желѣзной дорогѣ — 3¼ часа ѣзды (скорымъ поѣздомъ), а отъ Нарвы сообщеніе въ лѣтнее время поддерживается пароходомъ по р. Наровѣ; всего 45 минутъ ѣзды. Л. В.

Русскій колоколъ въ Шателъро.

(Рис. на стр. 624.)

Съ мѣсяцъ тому назадъ, во Франціи, въ Шателъро, торжественно праздновалось освященіе колокола, принесеннаго въ даръ мѣстной церкви св. Іоанна Богослова Его Величествомъ Государемъ Императоромъ.

Почему Высочайшій выборъ остановился именно на этой церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ не заинтересовать читателя.

Въ октябрѣ 1891 года въ Шателъро прибыла русская военная коммисія, присланная наблюдать за изготовленіемъ на тамошнемъ ружейномъ заводѣ 500,000 ружей для русской арміи. Коммисія эта состояла изъ полковника Сокерина и капитановъ: Севастьянова, князя Гагарина, Холодовскаго и Губерга фонъ-Грейффенфельза.

При содѣйствіи директора завода, полковника Кампа, и прикомандированныхъ къ заводу французскихъ офицеровъ, такой большой заказъ былъ исполненъ въ три съ половиною года; ежедневно заводъ изготовлялъ до тысячи ружей, и работало на немъ свыше семи тысячъ человѣкъ рабочихъ.

1-го ноября 1894 г. въ Шателъро получено было печальное извѣстіе о кончинѣ императора Александра III. По инициативѣ владѣльца завода, Адриана Трѣйля, сейчасъ же устроилась сочувственная манифестация. На торжественную панхиду, отслуженную въ церкви св. Іоанна Богослова мونسъиоромъ Пельже, епископомъ Пуатье, собрались всѣ гражданскія, военныя и духовныя власти, чтобы выразить дружественной Россіи свое соболѣзнованіе.

Докладъ объ этомъ богослуженіи былъ повергнутъ на Высочайшее вниманіе Государя Императора, и Его Величество было глубоко тронутъ этой дружественной манифестацией.

Съ этихъ поръ между офицерами русской коммисіи и аббатомъ Гереномъ, настоятелемъ церкви св. Іоанна Богослова, — приходской въ предмѣстьи Шатонёфъ, гдѣ находится заводъ, — завязались еще болѣе сердечныя отношенія.

При отѣздѣ русской коммисіи на родину, на торжественныхъ проводахъ, полковникъ Сокеринъ обратился къ аббату Герену съ просьбою указать, какимъ путемъ русское правительство могло бы сдѣлать ему что-либо приятное. Памятуя о колоколѣ, дарованномъ Парижу во время его посѣщенія адмираломъ Авеланомъ, свидѣнникъ и для своей церкви попросилъ колокола, который служилъ бы символомъ дружбы между Россіей и Франціей. Въ январѣ 1896 года вопросъ о дарованіи колокола былъ повергнутъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, и Государь Императоръ, одобрилъ проектъ, лично опредѣляя девизъ, отлитый на колоколѣ: на русскомъ и французскомъ языкахъ: „Благовѣсти миръ и братство народовъ!“

По поводу Высочайшаго посѣщенія Царскою Четвою Парижа, вышій видъ колокола былъ нѣсколько намѣненъ противъ первоначальнаго плана; съ цѣлью еще болѣе сильнаго выраженія дружескихъ отношеній двухъ народовъ, рѣшено было, съ двухъ сторонъ колокола, отлить медалыоны съ профильными портретами Императоровъ Александра III и Ни-

колая II и французскихъ президентовъ Сади-Карно и Феликса Форы.

Наконецъ, колоколъ былъ оконченъ отливкой на колокольномъ заводѣ Орлова, въ Петербургѣ, и въ мартѣ текущаго года аббатъ Геренъ получилъ объ этомъ извѣстіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, телеграфировалъ мэру города Шателъро, черезъ посредство вѣнзьяскаго префекта, что Императорскій даръ принесенъ городу „въ память императора Александра III и въ напоминаніе будущимъ поколѣніямъ о симпатіи и дружбѣ Россіи къ Франціи“. Мэръ, со своей стороны, поспѣшилъ поднести Государю Императору благодарственный адресъ отъ имени муниципальнаго совѣта, полный самой искренней преданности и благодарности.

Вскорѣ колоколъ былъ отправленъ въ Шателъро, на имя аббата Герена, какъ настоятеля церкви св. Іоанна Богослова. Теперь, по освященіи колокола, совѣтъ прихожанъ также собирается поднести адресъ съ выраженіемъ восторженной благодарности, раздающейся со всѣхъ сторонъ.

18-го мая колоколъ былъ привезенъ въ Шателъро; на слѣдующій же день послѣдовало его торжественное перевезеніе со станціи, въ присутствіи епископа мونسъиора Пельже. Представителемъ Россійскаго Императора былъ вышій управлюющій министерствомъ Императорскаго Двора, генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, а президента республики — генералъ Буржуа.

Такова, вкратцѣ, исторія этого прекраснаго, символическаго дара Россійскаго Императора Франціи, и вотъ почему онъ достался на долю церкви, въ приходѣ которой находится заводъ, изготовившій 500,000 русскихъ ружей.

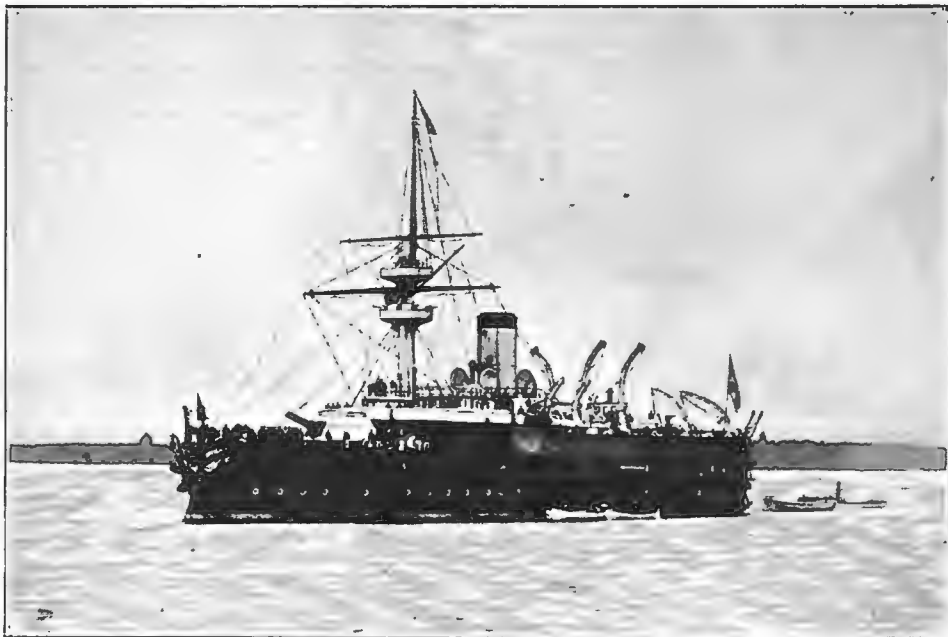
На рисункахъ, помѣщенныхъ на стр. 624, достаточно ясно виденъ общій видъ колокола, и мы добавимъ къ его описанію лишь самыя необходимыя подробности. Онъ весь высеребренъ и очень красивъ на видъ; высеребрена и платформа, на которой его везли. По городу, вплоть до предмѣстья Шатонёфъ, его сопровождала густая толпа народа. По прибытіи на мѣсто, онъ былъ сначала поставленъ передъ пантеономъ церкви св. Іоанна Богослова, а затѣмъ, со всѣми необходимыми въ такихъ случаяхъ приспособленіями, перемѣщенъ въ самую церковь, гдѣ его до глубокой ночи осматривалъ народъ.

Въ среду, 19-го мая, состоялось торжественное освященіе, совершенное многочисленнымъ духовенствомъ, съ кардиналомъ бордосскимъ Лека во главѣ. Съ боковъ, сквозь украшаніе колокола знамена, видѣлись съ одной стороны медалыоны Государя Императора и Феликса Форы, а съ другой — Императора Александра III и Сади-Карно. Съ двухъ другихъ сторонъ — надписи. На одной: „Даровавъ Его Величествомъ Николаемъ II, Самодержцемъ Всероссійскимъ, церкви св. Іоанна Богослова въ городѣ Шателъро. Благовѣсти миръ и братство народовъ! 2-го ноября 1894 г.“. Тотъ же девизъ повторяется, большими буквами, по-французски и по-русски, на нижнемъ

край колокола. На противоположной стороне — следующая надпись: „Освященъ монсеньеромъ Пельже, епископомъ Пуатье. При освященіи дано имя: Александрo-Николаевскій. Восприемникомъ былъ Адриенъ Трэйль, а восприемницей—супруга его, рожденная Жанна Дельфинъ де-ла Фушардьеръ. Приходскій священникъ Геренъ“. Наконецъ, на самомъ краю, надпись: „Колокольный заводъ В. Орлова, въ С.-Петербурѣ“.

Колоколъ вѣситъ свыше 145 пудовъ, а языкъ его—свыше 8 пудовъ. Вышина его — 2,03 метра, а диаметръ — 1,63 метра. Тонъ—басовой сибемоль.

Таковъ даръ, полный истиннаго и глубокаго символизма, указывающаго на взаимныя отношенія двухъ великихъ народовъ. Теперешняя ихъ дружба установилась въ тревожные дни, когда, казалось, Европѣ угрожаетъ непосредственная опасность войны. Но по мѣрѣ того, какъ франко-русская дружба крѣпла, политическій небосклонъ все болѣе прояснился. Дай Богъ, чтобы колоколъ еще долгіе годы „благовѣстилъ,—какъ прекрасно выражено въ его девизѣ, — миръ и братство народовъ“!

Броненосецъ «Гангутъ» до его гибели. Съ фотогр. Иванова авторгипія «Нивы».

Къ рисункамъ.

Талантливый рисунокъ г. Табурина воспроизводитъ одну изъ центральныхъ сценъ романа г. Боборыкина: „Имтай-городъ“, именно ту сцену, когда главный герой романа, красивый и энергичный Станицынъ показываетъ своему промотавшемуся мужу вкеселя и заставляетъ его передать ей веденіе всѣхъ дѣлъ. Наши читатели теперь хорошо знакомы съ капитальнымъ романомъ маститаго беллетриста. Они сами оцѣнятъ, какъ вѣрно художнику удалось воспроизвести фигуру худосочнаго, безхарактернаго, распутнаго кутяны Станицына. Достаточно бросить на него взглядъ, чтобы убѣдиться, что не такому человеку стоять во главѣ крупнаго фабричнаго пред-

пріятія, созданнаго его предками. Онъ усвоилъ себѣ изъ культуры, коснувшейся и его, этого представителя московскаго „темнаго царства“, только то, что въ ней есть отрицательнаго. Онъ, правда, прижмулъ къ жизни интеллигенцію, одѣвается по послѣдней модѣ, умѣетъ бросить пылъ въ глаза и своимъ

Столѣтіе 137-го пѣхотнаго ружичскаго полка. Группа офицеровъ съ двумя депутатами отъ французскаго 137-го пѣхотнаго полка. Съ фотогр. Либовича въ Рязани авторгипія «Нивы».

французским произволением, и всеми внешними приемами интеллигентного франта. Но все, что есть положительного в культуре, все, что могло бы ему помочь дать дальнейшее широкое развитие крупному предприятию, которое он наследовал, совершенно ему чуждо. Нет в нем и нравственных качеств, которыми обладали его отец и дядя, — стойкости, выдержки, упорства, смелости. Таким образом, входя в безконечные долги, соря деньгами направо и налево, заводя дорого стоящие любовные интриги, он обречен на верную гибель, и единственное его спасение заключается в том, чтобы другой человек взял его в руки и стал во главе предприятия, которым управлять он совершенно неспособен.

Таким человеком является его красивая и энергичная жена. Она рьятельно кладет конец его мотовству. Эти векселя, которые она держит в руках, составляют лишь ничтожную часть его долгов. В какие-нибудь одиннадцать месяцев он промотал сто семьдесят тысяч рублей. Нет состояния, которое могло бы выдержать такие расходы. И вот мы видим ее в тот момент, когда она силой сажает его в кресло и, нагибаясь к нему, раздельно, точно по тетрадке высчитывает ему все его прегрешения, кончая твердым заявлением, что отныне главою предприятия будет не он, а она.

Муж смиряется: он должен подчиниться жене, потому что в противном случае ему угрожает банкротство. В ее же делах, как и на ее фабрике, господствует образцовый порядок. Хотя она сама из купеческой семьи, но получила образование и сумела извлечь из него все, что необходимо для того, чтобы поставить фабричное дело на широкую европейскую ногу. Ее фабрика — благоустроенное царство, и муж чувствует, что без жены он погиб.

Вместе с тем нам открывается и основной смысл всего романа. Московские дворянские кварталы: Поварская, Пречистенка, переулки Арбата напоминают собою „катакомбы“. Дворянам нельзя тягаться с московскими коммерсантами. Но и московское купечество подтачивается опасным червем. Фигура Станицына ясно показывает нам, какой это червь. Как дворянство усвоило себя во многих отношениях отрицательные стороны культурной жизни, так и купечеству угрожает та же опасность. И вот в лице Станицына наш маститый беллетрист изображает ту силу, которая может спасти купечество от угрожающей ему гибели. Таким образом роман приобретает глубокое историко-общественное значение. Пред нами развертывается картина жизни одного из русских влиятельных общественных классов. Тот, кто знаком с романом г. Боборыкина и взглянет на рисунок г. Табурина, воссоздаст в своем воображении всю эту мастерски написанную картину, и так как всякое верное изображение жизни наводит на многие размышления, поучает нас иногда лучше всяких рассуждений, то, взглянув на рисунок, вспомнив содержание романа, он в то же время уяснит себе, чего наиболее настойчиво требует окружающая нас действительность. Ложная цивилизация, потворствующая дурным сторонам нашей природы, служить влиятельным нашим врагом. Станицына это — разорение, умственное и нравственное ничтожество, гибель торговых и фабричных предприятий; его жена — представительница дальнейшего развития источника природного богатства, а вместе с тем и, вообще, нашего благосостояния. В частной жизни Станицына представляет собою одного из тех бесчисленных людей, которые живут чужим умом, неспособны к самостоятельности и не пригодны для дела, а его жена, наоборот, умеет во всех обстоятельствах жизни сохранять свою самостоятельность, идти твердо к цели, служить делу. Будем верить вместе с г. Боборыкиным, что Станицыну принадлежит прошлое, а Станицыной — будущее.

Не знаменательно ли, добавим мы в заключение, что Станицына спасает от разорения не только мужа, но и здоровые элементы нашего дворянства в лице главного героя романа, Палусова? Вместе с тем получается рельефное указание на ту нравственную силу, которая одна может предотвратить крушение наиболее влиятельных классов русского общества.

*

Рядом с изображением сцены из романа г. Боборыкина, читатель найдет картину г. Касаткина „Милостыня“. Фигура владельца фабрики сближается фигурой одного из многочисленных его рабочих. Вокруг него гудят колеса, гремят машины. Ему дань кратковременный отдых для скромной трапезы тут же на фабрике. Вместо стола он пользуется своими колесами, вместо скатерти ему служит полотно. Он похлебывает щи, и в это время к нему подбирается нищенка. Многим ли он богаче ей? Но он находит возможность удилить ей отъ более чьей скромной своей трапезы, он лишает самого себя куса хлеба. Думают ли Станицыны об этом, проникаются ли они хотя бы только минуту тем чувством сострадания, которое живет в душе последнего из их рабочих? Если бы это великое чувство коснулось их хотя бы только слегка, то вероятно они менее

увлекались бы теми соблазнами, которые ведут их прямо к гибели. В душе Станицыной живет это чувство; в ней есть и те силы, которые могут привести к удовлетворению этого чувства, к деятельной помощи на пользу обездоленных. Станицына следовательно служит связующим звеном между высшими и низшими классами общества на почве деятельной и умной любви к ближнему. Заботясь о благополучии своей семьи, она в то же время успешно заботится и обо всех, кто так или иначе участвует в обширном ее предприятии. Такова истинная культура в отличие от той культуры, которая коснулась фабриканта Станицына, — и два наших рисунка прекрасно иллюстрируют эту мысль.

*

Личико молодой голландки, изображенное на картине современного художника фон-Геслина, вельюно вызывает в памяти старинные рисунки по фарфору, — те же тонкие изящные черты и нежный румянец, напоминающий весеннюю розу. Свежая, кокетливая, с ясным взглядом голубых глаз, то горящих лукавым задором, то вдохновенно свѣтлых в религиозном экстазе, голландка беззаботно смотрит на вас в кружевах, белоснежном чепце и ярко сверкающих на висках золотых украшениях, отлучается с нервною дрожью в голосе и точно говорит каждым своим движением: „Как хороша весна жизни! Как чуден Божий мир!“ Совсем другое дело, когда начинается бушевать море, крикнет вѣтер и печальными дьянами становится еще мрачнее под нависшими черными тучами! Тогда уроженка Зеландии (на нашем рисунке изображена жительница именно этой провинции), строгая кальвинистка, берет за библю, так как, по ее понятию, „море бонится божественных слов“, или поет священные псалмы, переносит мыслью к отсутствующему отцу, брату, другу и моится за них под шум пѣнящихся валов. Особенно весело глядеть на нее во время масленицы, или кермеса, когда оживает вся страна в порыве жадной развлечений. Посылки несколько не похожи тогда на крестьянские: затянута в узкие корсажи, в ослепительных фартуках и коротких раскидывающихся юбках, она более напоминает балетных, нежели голландок. Выхоленные руки, открыты до локтя, и маленькие красивые ножки в черных чулках и белых сабо сдѣлали бы честь любой свѣтской красавице. Попадали в праздничную веселую толпу голландок, вы чувствуете, что эти женщины действительно наслаждаются жизнью и умеют искренно любить. Говоря об уроженках Зеландии, нельзя не упомянуть о их пристрастии к различного рода украшениям. Теперь они уже не так богаты; но раньше ни одна женщина не надѣвала в праздничный день меньше, чѣм на несколько сот флоринов золотых и серебряных вещей и надѣлаи из жемчуга и драгоценных камней. Нет другого народа, который бы так обожал эти парадные бездѣлушки! Но это не мешает голландке быть образцовой труженицей и хорошей матерью.

*

Мы уже несколько раз помѣщали снимки с пейзажей г. Горюновича. В них всегда есть что-то знакомое, близкое. Столь же знаком нам и вид „мельницы“: налѣво тянется, исчезающая у снѣжающего на горизонтѣ дѣса, дорога, развѣсистые дубы возвышаются над кровлей мельницы, рѣчка, заросшая, затянувшаяся тиной и покрытая водорослями, подступает к плотине, образованной небольшою прудом. Знакомы, родныя мѣста!

Гибель броненосца „Гангутъ“. (Рис. на стр. 621.)

Русский военный флот вообще и, в частности, балтийский понесил 12-го июня чувствительную потерю. Погиб один из его броненосцев — „Гангутъ“, правда, наименее сильный эскадренный броненосец нашего балтийского флота, но все же представлявший внушительную опору нашего морского военного могущества. Он — молодое судно сравнительно с таким ветераном, как „Петръ Великій“, спущенный на воду еще в 1872 году. Но из других эскадренных броненосцев балтийского флота только „Императоръ Александръ II“ и „Императоръ Николай I“ старше его; все же остальные — моложе. По индикаторным своим силам, вооруженію и размѣрам „Гангутъ“ был изъ всех наших эскадренных броненосцев самым незначительным, и развѣ только это обстоятельство может служить, хотя и весьма слабым, утѣшением въ понесенной нами утратѣ.

Эскадренный броненосец „Гангутъ“ получил свое имя в память первой морской побѣды русского флота, 27-го июня 1714 г., при мѣстности Ганга-Удда въ Финляндіи. Незабвенное и дорогое имя этой побѣды носят уже третій корабль: первый окончил свое существованіе еще при Петрѣ Великомъ, второй же викаль одну изъ блестящихъ страницъ въ исторію нашего флота, участвуя 8-го октября 1827 г., подъ командой капитана первого ранга Авинава, въ Наваринскомъ сраженіи, гдѣ потерпѣлъ наиболѣе серьезные поврежденія послѣ адмиральскаго корабля „Азовъ“. Имяшій „Гангутъ“, славный преемникъ наваринскаго героя, получалъ отъ него

кроме имени еще и исторической образ Божией Матери, поднятый из воды на корабль в самый разгар Наваринской битвы и, конечно, спасенный при гибели броненосца 12-го июня г. г.

Къ постройкѣ „Гангута“ приступлено 20 октября 1838 года; заложенъ онъ — 20-го мая 1839 года; спущенъ онъ на воду — 6-го октября 1840 года. Въ прошломъ году почетнымъ гостемъ „Гангута“ былъ знаменитый ученый Рудольфъ Вирховъ. Когда окончился прошлогодній археологическій съездъ въ Ригѣ, г. Вирховъ совершилъ экскурсію въ Ревель, гдѣ тогда находился „Гангутъ“, и, между прочимъ, посѣтилъ, по приглашенію командира и офицеровъ, броненосецъ, въ память чего и снята была группа, помѣщенная въ № 45 *Искры* за 1896 г.

Причину гибели „Гангута“ окончательно выяснитъ только назначенное по этому поводу слѣдствіе. Пока извѣстно, что гибель произошла при тихой погодѣ, недалеко отъ Транаунда, между полуостровомъ Клиффортомъ и мысомъ Крюсфортомъ, отъ подводнаго камня, не нанесеннаго на карту. Извѣстно еще, что ударъ былъ очень слабъ, такъ что на верхней палубѣ никто не почувствовалъ толчка, но что пробойна оказалась очень значительною, длиною въ пять сажень. Наскочилъ на подводный камень „Гангутъ“ въ 4 ч. пополудни, и вода такъ стремительно ворвалась въ трюмъ судна, что произошла тотчасъ же остановка машины. Непрошцаемая переборки не спасли судна: напоръ воды былъ слишкомъ силенъ. Однако, „Гангутъ“ продержался на водѣ почти еще 6 часовъ. Затонулъ онъ въ 9 ч. 40 м. вечера.

Мы не можемъ не воспроизвести здѣсь рассказа если не очевидно, то человѣка, передающаго подробности о трагическомъ событіи со словъ очевидцевъ. „Вода прибывала, — рассказываетъ г. Гривенъ въ *Нов. Вр.* — Черезъ 20 м. ея были затоплены топки... Еще четверть часа, — и офицеры, и команда работали уже по поясъ въ водѣ. Наступилъ критическій моментъ. ...Адмираломъ былъ отпривленъ въ Транаундъ на вѣлобѣ подъ парусами младшій флагъ-офицеръ съ приказаніемъ командиру крейсера „Африка“... Къ счастью, въ тотъ день „Африка“ находилась подъ парами и имѣла возможность тотчасъ же отправиться на помощь; за нею немедленно послѣдовали пароходъ „Дибиръ“, крейсеръ „Воевода“ и всѣ бывшіе на рейдѣ миноносцы... Подходящія суда въ туманѣ наступившаго пасмурнаго вечера увидели „Гангутъ“ уже накренившимся до угла въ 28° и сбѣвшимъ въ воду по иллюминатору жилой палубы. Минуты броненосца были сочтены. Оставалось спасать только людей... Нельзя было не отнестись съ уваженіемъ къ тому порядку, въ которомъ былъ оставленъ погибающій броненосецъ. Отвалила съ иконой и знаменемъ первая шлюпка, за ней въ четыре смѣны переправилась команда, затѣмъ офицеры, командующій практической эскадрой адмиралъ Тиртовъ со штабомъ и, наконецъ, за десять минутъ до того, какъ, навалившись на лѣвый бокъ, броненосецъ пошелъ ко дну на 17-ти саженой глубинѣ, оставилъ свой корабль капитанъ первого ранга Тикоцкій... Въ эти торжественныя минуты никто не поддался мысли объ опасности, никто не измѣнилъ себѣ и долгу: ни офицеры, ни команда, наполовину только что ваятая отъ сохи для пополнения отвѣтственной и сложной морской службы... Отвалила послѣдняя шлюпка, и только тогда можно было вздохнуть свободно. 549 нижнихъ чиновъ и около 20 офицеровъ избавились отъ неминуемой смерти. Нечего и говорить, сколько потребовалось хладнокровія и распорядительности, чтобы достигнуть этого результата, тѣмъ болѣе, что погода переменилась, поудъ вѣтеръ, развелю сильную волну, которая хлестала въ шлюпки, заливая ихъ, и ненастная ночь все сгущалась... Еще нѣсколько минутъ, — и все должно было кончиться. Сотни сердецъ сжались невыразимою болью... Мелькнула красная подводная часть, и послѣдній вздохъ гиганта поднималъ столбы кипящей и пѣнящейся воды. „Африка“ скрестила реи, всѣ головы обнажились, пучина сомкнулась надъ затонувшимъ броненосцемъ.“

Доблесть чиновъ броненосца засвидѣтельствована въ приказѣ начальника практической эскадры вице-адмирала Тиртова слѣдующаго содержанія: „Дорогіе сослуживцы погибшаго „Гангута“. Я безмѣрно счастливъ, что имѣю возможность передать вамъ о высокопочтительномъ вниманіи, оказанномъ мнѣ Августѣйшимъ начальникомъ флота, Его Императорскимъ Высочествомъ генералъ-адмираломъ, а также управляющимъ морскимъ министерствомъ. Вниманіемъ этимъ и обязанъ вашему безукоризненному поведенію и честно исполненію долга при постигшемъ нашъ флотъ несчастіи — гибели эскадреннаго броненосца „Гангутъ“. Ваша беззаветная храбрость, полное пренебреженіе къ опасности и точное исполненіе всѣхъ приказаній доставили намъ вѣнчанный на землѣ даръ — милосердый Господь сохранилъ нашу жизнь. Вы доказали, что можете исполнить честно клятву, данную вами передъ Богомъ — не шадить своего живота при исполненіи службы нашему обожаемому Монарху и дорогой родинѣ. Вы цѣлко и съ дерзостью вырывали вѣтренный вамъ корабль изъ постигшей его печальной участи. Во время этого несчастія мнѣ, какъ вашему начальнику, отрадно было убѣдиться лично, что вы достойные потомки тѣхъ скромныхъ героевъ, подвигами которыхъ наполнена исторія нашего флота. Но мы не должны забыть на-

шихъ товарищей съ другихъ судовъ, посибившихъ къ намъ на помощь. Малѣйшее ихъ замедленіе стоило бы многимъ жертвъ, а потому я за всѣхъ васъ искренно благодарю всѣхъ оказавшихъ намъ помощь, въ особенности командировъ судовъ за ихъ бравую распорядительность. Выручка товарищей изъ опасности — великая заслуга въ военномъ дѣлѣ.“

Но и русское общество должно сказать сердечное спасибо морякамъ за то, что они своею распорядительностью предупредили гибель многихъ людей, жизнь которыхъ такъ необходима родинѣ.

Столѣтіе 137-го пѣхотнаго нѣжинскаго полка.

(Рис. на стр. 621.)

Въ числѣ русскихъ полковъ, отпраздновавшихъ въ этомъ году свое столѣтіе, 137 пѣхотный нѣжинскій Ея Императорскаго Высочества великой княгини Маріи Павловны полкъ, квартирующій въ Рязани, справилъ свой юбилей особенно торжественно и оживленно. Этому не мало содѣйствовало присутствіе на праздникѣ представителей арміи дружественной намъ страны, Франціи. Собственно прибывка знамени къ древку и освященіе его состоялось уже 1-го и 2-го мая. Но 13-го мая въ Рязань пріѣхала депутація отъ одноименнаго французскаго 137-го же полка, въ составѣ лейтенантовъ Дено и графа де-Периньона, чтобы поздравить полкъ съ его юбилеемъ и быть выразительницей той дружбы, которая въ послѣднее время установилась между войсками обѣихъ великихъ странъ.

Гости эти привезли своимъ товарищамъ — русскимъ офицерамъ фотографическіе снимки гг. офицеровъ 137 французскаго пѣхотнаго полка, ихъ знамени и почетнаго при немъ караула. Офицеры нѣжинскаго полка, вмѣстѣ со своимъ командиромъ, радушно принимали гостей. Казалось, каждый наперерывъ старался выразить свою душевную радость по поводу представившагося случая проявить свою любовь къ дружественному намъ народу.

Пріѣздъ гостей совпалъ съ торжественной годовщиной Священнаго Коронованія, вслѣдствіе чего они присутствовали на богослуженіи въ соборѣ и на парадѣ войскъ. Въ 5 час. того же дня полкъ далъ обѣдъ въ честь своихъ гостей. Присутствующихъ было около 100 человекъ. Залъ офицерскаго собранія былъ роскошно убранъ зеленью и національными флагами. Гг. Дено и де-Периньонъ за обѣдомъ занимали мѣста по обѣ стороны командира полка. За четвертымъ блюдомъ командиръ полка поднялъ бокалъ за здравіе Государя Императора, и тотъ этотъ сопровождался исполненіемъ народнаго гимна. Слѣдующій тостъ былъ провозглашенъ за г. президента французской республики, при исполненіи оркестромъ „марсельезы“, заглушаемой кликами „Vive la France“. Далѣе слѣдовали тосты за французскую армію, 137 французскій полкъ, за дорогихъ гостей и ихъ товарищей. Привѣтствуемые гости, глубоко тронутые оказаннымъ имъ приемомъ, отвѣтили тостами за здоровье Государя и всего Царствующаго Дома, за русскую армію, за ея 137 полкъ и за нашу родину. Г. Дено въ очень краснорѣчивыхъ выраженіяхъ высказалъ свое удовольствіе, что на его долю выпала честь выразить симпатіи французской арміи къ русской. Особенно любезно привѣтствовали гостей на французскомъ языкѣ г. командиръ полка и г. Талько, дивизионный врачъ. Во время обѣда игралъ хоръ полковой музыки и цѣлъ хоръ изъ школы мальчиковъ, обучающихся при полку грамотѣ и ремесламъ. Школа эта, какъ учрежденіе совершенно новое, возбудила особенный интересъ нашихъ гостей. Радужный приемъ, оказанный французскими офицерамъ ихъ товарищами, былъ только прелюдией къ тѣмъ оваціямъ, которыя имъ устроила публика въ городскомъ саду, гдѣ, по случаю торжественнаго дня, было народное гулянье. Наши гости появились на немъ совмѣстно съ офицерами полка послѣ обѣда, окончившагося въ 9 час. вечера. Восторгъ публики былъ неописанный; всякій старался подойти поближе къ гостямъ, чтобы обмѣняться съ ними привѣтствіями или рукопожатіемъ. По окончаніи гулянья гости были вынесены изъ сада на рукахъ.

На слѣдующій день, полкъ, въ 9 час. утра, выступилъ, имѣя во главѣ своей колонны дорогихъ гостей, въ лагерь. Здѣсь они присутствовали на молебнѣ, подробно осматривали лагерь и ознакомились съ нашей лагерной жизнью. Вечеромъ офицеры 138 пѣхотнаго болховскаго полка, квартирующаго также въ г. Рязани, чествовали въ лагерномъ офицерскомъ собраніи нашихъ гостей ужиномъ. Этотъ вечеръ прошелъ также весьма оживленно и подалъ поводъ къ обмѣну телеграфными привѣтствіями между французскимъ 138 и нашимъ 138 пѣхотными полками.

Гг. Дено и графъ де-Периньонъ оставили на другой день городъ, унося съ собою самыя лучшія воспоминанія какъ о русской арміи, такъ и о приемѣ, который они встрѣтили. Они просили своихъ рязанскихъ товарищей посѣтить ихъ полкъ, чтобы дать ему возможность привѣтствовать русскихъ товарищей и отблагодарить гостеприимствомъ за ихъ гостеприимство. По желанію офицеровъ были сдѣланы многіе фотографическіе снимки. На снимкѣ, предлагаемомъ нашимъ читателямъ, изображена группа офицеровъ 137 нѣжинскаго полка съ командиромъ его по серединѣ; по правую и лѣвую его руку

находятся наши французские гости, лейтенанты Дено и граф де-Периньонъ.

М. А. Шишковъ. (Портр. на стр. 625.)

Во Франціи, подъ Тулономъ, скончался на-дняхъ русскій художникъ, очень заслуженный передъ отечественною сценою. Имя его извѣстно всей образованной Россіи. Мы говоримъ о Матвѣѣ Андреевичѣ Шишковѣ. Онъ всю свою жизнь посвятилъ декоративной живописи. Невозможно перечислить всѣхъ драмъ, балетовъ и оперъ, которыя, благодаря его таланту, были поставлены въ Москвѣ и Петербургѣ съ небывалымъ еще у насъ пониманіемъ значенія декоративнаго искусства. Шумный успѣхъ такихъ балетовъ, какъ „Конекъ-Горбунокъ“, „Царь Кандавлъ“, въ значительной степени былъ вызванъ превосходными декорациями, а многія драмы и оперы, въ томъ числѣ первостепенныя, какъ „Власть Тьмы“, „Смерть Грознаго“, „Горе отъ ума“, „Жизнь за Царя“, „Русланъ и Людмила“, „Русалка“, „Рогнеда“, „Гроза“ обрѣли, главнымъ образомъ, Шишкову свою блестящую постановку. Его знаніе перспективъ было замѣчательно, и въ этомъ отношеніи онъ вѣдалъ и имѣлъ у насъ соперниковъ. Умѣнье достигать сценическихъ эффектовъ было другою характеристическою чертою его круп-

затѣмъ, въ теченіе почти сорока лѣтъ, въ Петербургѣ, декораций ко всѣмъ значительнымъ драмамъ, балетамъ и операмъ написаны имъ.

Шишковъ—москвичъ. Онъ родился въ первопрестольной столицѣ въ 1832 году, получилъ образованіе въ Строгановскомъ училищѣ и тотчасъ по окончаніи курса началъ работать при театрахъ, постепенно отвоевывая себѣ вполне самостоятельное положеніе, такъ что ему дѣлались непосредственно заказы на декорации. Когда покойный художникъ переселился въ Петербургъ, онъ сразу началъ усиленно работать по своей специальности при перестройкѣ Маріинскаго и Михайловскаго театровъ. Дѣятельность его была столь успѣшна, что уже въ 1869 г. онъ получилъ за свои многочисленныя и прекрасныя декорации званіе академика. Желалъ распространить въ Россіи декоративное искусство, онъ обратился въ академию художествъ съ предложеніемъ бесплатно преподавать это искусство ученикамъ академіи. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи оказалась столь полезною, что академія сочла нужнымъ открыть специальный классъ декоративной живописи, руководителемъ котораго, по вѣнью, назначенъ былъ покойный Шишковъ. Такимъ образомъ, онъ не только содѣйствовалъ распространенію своего искусства, но подготовилъ не малое число художниковъ, которые

Колоколъ, принесенный въ даръ Государемъ Императоромъ церкви въ Шательро.

паго дарованія. Но, кромѣ того, онъ всегда стремился къ тому, чтобы декорации, имъ написанныя, по возможности болѣе соотвѣтствовали духу пьесы, и если она была историческаго содержанія, то и исторической правдѣ. Достаточно указать на его декорации къ „Смерти Іоанна Грознаго“, „Борису Годуну“, „Рогнедѣ“, „Нижегородцамъ“, „Василиѣ Мелентьевѣ“, къ „Горю отъ ума“, „Власти Тьмы“, чтобы выяснить, какъ много обязана Шишкову русская сцена въ этомъ отношеніи. Наконецъ, мы должны еще отмѣтить, что, благодаря чрезвычайной своей даровитости, художникъ могъ работать очень быстро, такъ что въ пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ, а вслѣдъ-

продолжаютъ трудиться на пользу отечественной сцены по образцамъ Шишкова и руководствуясь шишковскими традиціями.

Несмотря на довольно крѣпкое здоровье, усиленная работа расшатала организмъ покойнаго, и онъ за послѣднее время часто хворалъ, стараясь поддерживать свои силы пребываніемъ въ болѣе умѣренномъ климатѣ. Такимъ образомъ, смерть застигла его, хотя и въ дружественной намъ странѣ, но на чужбинѣ. О покойномъ можно смѣло сказать, что жизнь его съ начала до конца была непрерывнымъ трудомъ, и трудомъ въ высшей степени плодотворнымъ, оставившимъ глубокіе слѣды въ той специальной области, которой онъ себя всецѣло посвятилъ.

Политическое обозрѣніе.

Англія подводитъ итогъ недавнимъ юбилейнымъ торжествамъ. На свѣтломъ фонѣ британскихъ празднествъ оказывается не мало темныхъ полосъ: въ Ирландіи юбилей королевы нигдѣ не праздновался, а въ Дублинѣ безпорядки были весьма серьезны; во многихъ городахъ Индіи, въ отвѣтъ на вѣрноподданническія демонстраціи со стороны англичанъ и цѣкоторыхъ сословіи индусовъ, расклеенныя афиши гласили, что въ странѣ, опустошенной голодомъ, чумой и землетрясеніемъ,—могутъ справлять праздникъ одинъ лишь безсовѣстные люди; въ Египтѣ населеніе не приняло никакого участія въ празднествѣ, а хедивъ воспротивился закрытію правительственныхъ учреждений въ день юбилея. Въ самомъ Лондонѣ празднества омрачены неурядицъ инцидентомъ: многіе члены палаты общинъ, преимущественно представители либеральной партіи, не были допущены въ тронную залу во время представленія королевы; адреса отъ имени палаты. Узнавъ объ этомъ изъ газетъ, королева приказала заявить парламенту, что она крайне огорчена случившимся и приглашаетъ всѣхъ депутатовъ съ ихъ женами пожаловать въ Винд-

зорскій замокъ. Такъ и умъ королевы восхваляется единодушно всѣми англичанами. Либеральная печать видитъ въ поступкѣ королевы косвенный выговоръ правительству за предвѣренное недопущеніе оппозиционныхъ депутатовъ на юбилейный приемъ. *Times* полагаетъ, что безцеремонное обращеніе съ членами палаты общинъ едва ли обойдется безъ формальнаго запроса правительству въ парламентъ, такъ какъ необходимо-де выяснить, на кого должна пасть отвѣтственность за то, что многіямъ представителямъ народа не удалось лично поздравить королеву.

Германія продолжаетъ воздавать должное императору Вильгельму I, воздвигая ему величественныя памятники въ разныхъ концахъ обширной имперіи Гогенцоллерновъ. Чествованія „великаго дѣда“ всегда даютъ поводъ императору Вильгельму II, со свойственнымъ ему краспорѣчіемъ, высказываться о направленіи германской политики. Такъ, недавно въ Кельнѣ, при открытіи памятника Вильгельму I, поблагодаривъ за вѣрноподданническія чувства, германскій императоръ выразилъ намѣреніе, идя по стопамъ дѣда, сохранить

миръ и всячески охранять „германскія права, поддерживая и обеспечивая германскіе рынки“. Выставляя ближайшей задачей Германіи энергичное соревнованіе на почвѣ промышленности, въ которой нѣмцы стремятся занять первенствующее положеніе въ мирѣ, императоръ Вильгельмъ II не преминулъ намекнуть, какъ и въ другихъ своихъ рѣчахъ, на необходимость борьбы съ усиливающимся социализмомъ.

Сессія рейхстага закрылась 13-го іюня послѣ того, какъ безъ преній окончательно былъ принятъ проектъ кредита на перевооруженіе артиллеріи. Этимъ вопросомъ Германія безшумно занималась съ 1899 года, и лишь въ концѣ прошлаго года были освѣдомлены объ этомъ различныя партіи рейхстага. Къ наименѣе иностранныхъ военныхъ агентовъ, новый артиллерійскій матеріалъ оказался уже введеннымъ въ нѣкоторыхъ корпусахъ германской арміи.

Немаловажнымъ политическимъ событіемъ текущаго мѣсяца было широкое гостепримство, оказанное германскимъ императоромъ въ Килѣ бельгійскому королю, зачисленному отнынѣ въ списки германскаго флота.

Послѣ закрытія рейхстага, изъ Берлина помли упорные толки объ „имперскомъ министерскомъ кризисѣ“. Преемникомъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, заболѣвшаго фонъ-Маршала, назначенъ германскій посолъ въ Римѣ, фонъ-Бюловъ, который займетъ свой постъ по возвращеніи императора въ Берлинъ. Въ германскихъ политическихъ кружкахъ полагаютъ, что „кризисъ“, однако, еще въ полномъ ходу, такъ какъ „имперское министерство“ находится наканунѣ крупныхъ переизмѣнъ въ личномъ составѣ кабинета. Сенсационнымъ извѣстіемъ является поѣздка имперскаго канцлера Гогенлоэ съ фонъ-Бюловымъ въ Фридрихсруэ къ князю Бисмарку, какъ полагаютъ, по привазиціи императора. Въ основѣ „кризиса“ видятъ невозможность справиться съ оппозиціей рейхстага, создавшей имперскому министерству рядъ затрудненій съ начала нынѣшняго года. Временно онъ разрѣшился 19 іюня назначеніемъ Посадовскаго статсъ-секретаремъ министерства внутреннихъ дѣлъ и замѣстителемъ имперскаго канцлера вмѣсто

вышедшаго въ отставку Беттхера, Микеля — вице-президентомъ прусскаго совѣта министровъ и Подбѣльскаго статсъ-секретаремъ имперскаго почтамта, вмѣсто покойнаго Стефана.

Взаимнѣ многочисленныхъ разнорѣчныхъ извѣстій о пріѣздѣ президента Фора въ Россію появился оффиціальный бюллетень *Агентства Гаваса*: въ совѣтѣ министровъ Франціи президентъ Форъ сообщилъ 17-го іюня о только-что полученномъ имъ письмѣ Государя Императора, извѣщающемъ, что Государю пріятно было бы принять президента въ нынѣшнемъ году въ Петергофѣ. Президентъ заявилъ совѣту министровъ о своемъ намѣреніи послѣдовать приглашенію въ первой половинѣ августа. Дорогой гость пріѣдетъ въ Петергофъ 11-го. Въ виду этого внесены будутъ въ парламентъ проектъ необходимаго кредита.

Со дня рѣшительнаго вмѣшательства Европы въ критскія дѣла, политическіе кружки заговорили о возможныхъ кандидатахъ на постъ критскаго генераль-губернатора. Послѣ того, какъ оставлена была мысль о пріицѣ греческаго королевскаго дома и о новомъ зятѣ черногорскаго князя — принцѣ Баттенбергскомъ, появились кандидатуры изъ нейтральныхъ европейскихъ государствъ, вовсе не заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ: на постъ критскаго генераль-губернатора стали прочтѣ Дрозъ — бывшаго президента швейцарскаго союза. По мнѣнію германской печати, однако, кандидатура эта встрѣтитъ рѣшительное сопротивленіе Порты, хорошо освѣдомленной о дѣятельности выставленнаго кандидата, состоявшаго въ прошломъ году во главѣ англо-армянскаго движенія въ Швейцаріи, гдѣ организованы были въ разныхъ городахъ отдѣленія лондонскаго центральнаго англо-армянскаго комитета. По свѣдѣніямъ изъ швейцарскихъ источниковъ, Дрозъ ставитъ свое согласіе занять постъ на Критѣ въ зависимость отъ окончательнаго установленія автономіи, а равно и отъ средствъ, какія предоставлены будутъ державами для организаціи критскаго управленія.

М. А. Шишковъ († 5 іюня 1897 г.).
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Разныя извѣстія.

— Государь Императоръ, при всеподданнѣйшемъ докладѣ Его Величеству обстоятельство гибели, 12-го сего іюня, днаго острова Рондо, всадренаго броненосца „Гангутъ“, обратилъ вниманіе на выказанна въ этомъ несчастномъ случаѣ, со стороны флагмана, командира и офицеровъ броненосца, энергію и распорядительность, благодаря которымъ, въ минуты крайней опасности, былъ сохраненъ на суднѣ образцовый порядокъ и удалось спасти всѣхъ находившихся на немъ людей. Усматривая изъ этого, что упомянутыя начальствующія лица и команда достойно исполнили свой долгъ, выказавъ себя въ рѣшительныхъ преданіяхъ нашего флота, Его Величество изъявляетъ Царское спасибо всѣмъ чинамъ погибшаго броненосца.

— Въ № 82-мъ *Собранія узаконеній и распоряженій правительсва* опубликовано Высочайше утвержден-

ное 2-го іюня мнѣніе Государственнаго Совѣта „о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заводныхъ фабрично-заводской промышленности“. Новый законъ вводится въ дѣйствіе съ 1-го января 1898 года, по подлежащимъ министрамъ предоставлено, по согласенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, пригнать этотъ законъ къ отдѣльнымъ районамъ, отраслямъ промышленности и заведеніямъ и ранѣе помянутаго срока. Дѣйствіе закона не распространяется на техническія заведенія, состояща въ вѣдѣніи военнаго и морскаго министерствъ. Работы распредѣляются на ночныя и дневныя. При рудничныхъ работахъ время, употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ и на подъемъ оттуда считается рабочимъ временемъ. Рабочіе дневные не должны работать болѣе 11½ час. въ сутки,

а по субботамъ и въ календы установленныхъ праздниковъ — 10 час. Для рабочихъ, занятыхъ хотя бы отчасти въ ночное время, продолжительность работы не должна превышать 10-ти час. въ сутки. Ночное время, при работѣ одной сменой, считается время отъ 9 час. веч. до 5 час. утра (или отъ 10 ч. веч. до 4 ч. утра — при работѣ 2-хъ сменъ). По согласенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, подлежащимъ министрамъ предоставляется издавать подробныя инструкціи.

— Скончавшійся недавно въ Москвѣ директоръ Лазаревскаго института Г. И. Канановъ заимчалъ, какъ сообщаютъ московскія газеты, четвертую часть всего своего состоянія, достигавшаго до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, въ пользу разныхъ армянскихъ благотворительныхъ учреждений.

Смѣсь.

Телеграфъ безъ проволоки. Старшій электротехникъ лондонской главной телеграфной станціи, В. Присъ, приступаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени къ опытамъ телеграфнаго сообщенія между островами Гернсеймъ и Серкомъ, устраиваемаго по новой, изобрѣтенной итальянскимъ физикомъ Маркони, системѣ, не требующей проведенія проводовъ. Самъ Маркони уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ работалъ въ специальной лабораторіи, предоставленной въ его распоряженіе лондонскимъ телеграфнымъ вѣдомствомъ, и съ помощью имѣвшихся у него тамъ подъ руками аппаратовъ ему удалось довести дальность передачи телеграфныхъ сообщений безъ проволоки на разстояніе девяти

англійскихъ миль. Для своихъ опытовъ изобрѣтатель пользуется такъ-называемыми герцескими электрическими токами. Они исходятъ отъ двухъ мѣдныхъ шаровъ, помѣщенныхъ въ кассетѣ изъ изолирующаго матеріала, наполненной сгущеннымъ воздухомъ. Отъ этихъ большихъ мѣдныхъ шаровъ идетъ соединеніе къ двумъ меньшимъ, каждый изъ которыхъ, въ свою очередь, соединенъ съ концомъ индуктивной катушки. Отъ величины последней находится въ прямой зависимости и дальность разстоянія, на которое можетъ быть передана телеграмма; такъ, катушка въ шесть дюймовъ отбрасываетъ токъ на четыре англійскія мили. На противоположной станціи электрическій токъ воспринимается очень простыми апа-

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1897 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

ратомъ, который подвергается дѣйствию электрическаго тока точно такъ же, какъ подвергается звуковой волнѣ камертонъ. Аппаратъ этотъ состоитъ изъ небольшой стеклянной трубочки, въ которой укрѣплены полюсы серебряной проволоки, отдѣленные другъ отъ друга смѣсью серебряныхъ и никелевыхъ опилокъ съ ртутью. Аппаратъ этотъ подвергается дѣйствию несущагося издалека тока даже въ томъ случаѣ, если помѣщенъ въ запертый ящикъ. Если предпринимать теперь опыты въ открытыя условия, то въ скоромъ времени маяки и суда въ открытомъ морѣ получатъ возможность сообщаться по телеграфу съ континентомъ.

Сиа́мскій король въ Швейцарии. Швейцарцы, въ странѣ которыхъ сиа́мскій король провелъ нѣсколько недѣль, въ восторгѣ отъ любезности, которую онъ проявлялъ на каждомъ шагѣ въ обращеніи съ ними. Мѣстные газеты отмѣчаютъ многіе факты, ярко рисующіе добродушіе короля. Такъ, между прочимъ, оказывается, что Чуалонгкорнъ очень любитъ дѣтей: при встрѣчѣ съ ними онъ обнималъ и цѣловалъ ихъ. Что же касается до его отношеній къ наслѣдному принцу, то онъ, при всей горячей любви къ сыну, воспитываетъ его довольно строго. Образцомъ этихъ разумно-строгихъ отношеній является слѣдующій фактъ. Собираясь на Бернскую возвышенность, король, по совѣту воспитателя наслѣднаго принца, боявшася, что непрерывныя торжества и развлечения могутъ неблагоприятно отозваться на научныхъ занятіяхъ юноши, рѣшилъ не брать его съ собою и оставить дома. Огорченный родительскимъ распоряженіемъ, наслѣдникъ обратился къ президенту республики съ просьбою замолвить за него словечко передъ королемъ. Президентъ исполнилъ эту просьбу, но безуспѣшно: король отвѣчалъ, что если сынъ довѣренъ воспитателю, то родительская власть не должна вторгаться въ распоряженія послѣдняго, чтобы не подорвать его авторитета. Къ старцамъ король всегда

относится съ самымъ глубокимъ почтеніемъ. Въ одной изъ деревень ему повстрѣчался старикъ на костыляхъ, страдающій ревматизмомъ; король первый поклонился ему и не позволилъ ему встать и обнять его голову. „Старость надо уважать“, — сказалъ онъ при этомъ.

Разведеніе черныхъ лисицъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному изъ натуралистовъ-натуровѣдцевъ пришла въ голову мысль заселить черными лисицами одинъ изъ необитаемыхъ островковъ, лежащихъ близъ гавани Бутбелъ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Заручившись правомъ собственности на островъ Оутеръ-Геронъ, онъ вошелъ въ соглашеніе съ аляскинскими охотниками о доставленіи ему извѣстнаго количества живыхъ черныхъ лисицъ. Охотники наволели въ капканы тридцать лисицъ и отправили ихъ въ Нью-Йоркъ. Большинство животныхъ не вынесло, однако, дальняго пути: двадцать три изъ нихъ пали въ пути, а семь лисицъ, благополучно добравшихся до Нью-Йорка, были выпущены на островъ на волю. Онѣ быстро размножились, и владѣлецъ этого своеобразнаго завода ведетъ теперь значительную мѣховую торговлю съ Лондономъ. Мѣхъ черныхъ лисицъ цѣнится вчетверо дороже мѣха черно-бурыхъ; лучшія шкурки цѣнятся на мѣстѣ въ 300—400 рублей. На островѣ Оутеръ-Геронъ имѣются всѣ благоприятныя условия для процвѣтанія лисьей колоніи: достаточное обиліе прѣсной воды и густые лѣса сосенъ, елей и хвоща; берега его очень круты и утесисты, а потому почти непреступны для постороннихъ охотниковъ. Къ тому же на островѣ живетъ стража, охраняющая рѣдкостныхъ животныхъ отъ постороннихъ нападений. Лисицъ кормятъ палыми лошадыми, привозятъ ихъ съ континента и разбрасываютъ по лѣсу. Кромя того, лисицы кормятся и рыбой, и моллюсками, вырасыаемыми моремъ на берегъ. Климатъ на островѣ достаточно суровъ и приближается къ тому, къ которому лисицы привыкли на родинѣ, въ Аляскѣ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ. На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе). — Зубная боль. Очеркъ Б. И. — Ревель (съ 4 рис.). — Усть-Нарова (Гунгербургъ) (съ 3 рис.). — Русский колоколъ въ Шателро (съ 2 рис.). — Къ рисункамъ: Литературный альбомъ „Итай-Городъ“, романъ П. Д. Боборичина. Станция показываетъ ему его вѣселя. — Милостыня. — Молодая голландка. — Мельница. — Гибель броненосца „Гангутъ“ (съ рис.). — Столѣтіе 137-го вѣкового итальнскаго гола (съ рис.). — М. А. Шаниновъ (съ портр.). — Политическое обобщеніе. — Разныя извѣстія. — Сѣсь. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

За редактора А. Ф. Марисъ.

Карман. ЧАСЫ отъ 2 р. малштр. прейс-кур. БЕЗПЛАТНО. М. М. ХАЗАНОВЪ. Варшава, Электор., 17.

ТРАВА КУЗЬМИЧА борозла и степная, свѣжа, вѣсота 3 и 5 р. какъ у прочихъ, ради конкуренціи 1 ф. — 50 к., 5 ф. по 45 к., 10 ф. — 85 к., 20 ф. — 25 к., выдѣл. 7 р. Цѣль травы отъ упори. и застар. болѣзн. 2 и 3 р. ф. Подробн. настав. Главные склады лѣкарствъ. почтой. гражд. Курія Николаев. Мутеминскаго въ Бузулукѣ, Самарск. губ. или для скорѣйш. доставки: Самара, Вознесѣнскаго, собств. дочъ.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ „Малютка“ 5 р. с. „Унионъ“ 7 р. с. „СИЛОСВѢТЪ“ по 8 р., 10 р. и 12 р. с., въ зависимости отъ велич. объектива. Перес. на счетъ покупки „Силосвѣтъ“ лучшей бинокль нашего времени, преимуществъ его: 1) громадное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе, 3) незначительное поглощеніе свѣта.

Въ скоромъ времени выйдет на печати въ оград. числѣ эта книга: **«ВЪ БЕЗКОНЕЧНЫХЪ БЕЗНАХЪ ВСЕЛЕННОЙ»**. Астроном. сказка А. Л. Ромешиевскаго. Содержаніе: Вступленіе. Среди туманностей. Среди мировъ. Среди планетъ. На солнцѣ. Возвращ. на землю. Цѣна 75 к. съ пер. Можно малож. плат. Обращаться: Москва, Лубянк. пл., стр. о-во „Воля“ къ С. П. Францеву. Ц. № 10289 3-3

МЫЛО ЧИСТОТЪЛЬ *Chetidon. majus* произв. Н. ЯКОВЛЕВА въ Москвѣ. Для смаченія кожи рукъ и лица, а также противъ веснушекъ и загару. Ц. 40 к. худ.

КИНЕМАТОГРАФЪ Живая фотография, 300 р. с. Новѣйш. конструкц. „безъ дроманія“. Фонографъ, лампа и всѣ принадлеж. 200 р. с. Лучш. ПАРТИНЫ Фильмы по 25 р. с. **ФОНОГРАФЪ** наст. Эдисона, электрическій, 350 р. с. Тоже, съ часов. механ. Графофонъ 150 р. с. Предлагаетъ А. Граге, контора И. Ваконы, Москва, Неглинный провъдъ, 15, д. Молчанова, кв. 22, противъ Государств. Банка.

ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ. Новый адресъ: 27. Большая Морская 27. Сокращенные прейс-курanty бесплатно.

ВЕСЕЛАТНО высматриваетъ программы и условия (вполнѣ общедоступныя) заочнаго (путемъ переписки) преподаванія искусства укрѣпленія и развитія памяти и устраненія разсѣянности лицъ каждаго возраста.

ПАМЯТЬ лицъ каждаго возраста укрѣпляетъ и развиваетъ, а также устраняетъ разсѣянность и невнимательность С. Бернович. **ОТЛИЧНЫЙ УСПѢХЪ ГАРАНТИРУЕТСЯ.** Книга о мнемоникѣ высматривается за 3 семилет. марки. Адресъ (для простой и денежной корреспонден.): въ контору издательства Ф. Я. Гольберга, Пушкинская ул., соб. д. № 41, въ Одессѣ.

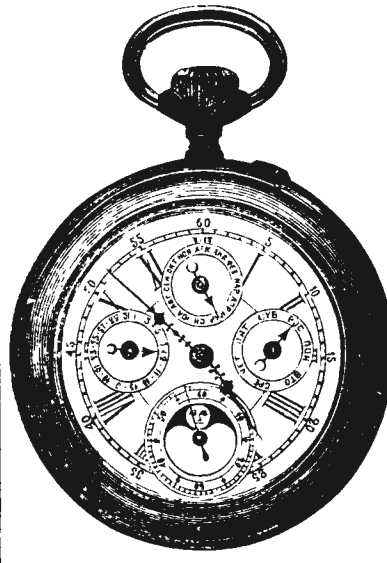
ПОСТАВЩИКЪ русскихъ винъ къ ИСПАНСКОМУ ДВОРУ НИКОЛАЙ ЗВАРЫКИНЪ,

кромя нѣмлющихся 30 медалей съ разн. выстав., удостоенъ на послѣдней гигиенической выставкѣ въ Парижѣ 1895 г., за отличное качество своихъ Астраханскихъ винъ, высшей награды: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ золотой медалью. Пробный литръ винъ въ 50 бут., разн. сорт., стоимостью по прейс-куранту 85 руб., высматривается только за 25 руб., но при полученіи затѣка 5 руб., а остальные 20 руб. наложеннымъ платежемъ. Провозъ относится на счетъ покупателя. Адресъ: г. Астрахань, Николаю Андреев. Зварыкину, собствен. домъ.

Литръ въ 50 бут., вѣснть около 5 пуд. Тарафъ вслѣдствіи нов. въ русскія вина. Уменьшен.: свыше 650 в. бут., по VII классу. Ц. № 10289.

№	Вѣднъ вина:	ЦѢНА:	
		БУТ.	1/2 б.
1	Го-Сотернъ	50	30
3	Ильмъ венгерскій ягоди	70	40
18	Го-Сотернъ очень стары	90	50
9	Рейнскихъ лозъ сухое	80	—
10	Венгерскихъ лозъ то же	90	—
Красныя вина:			
8	Бордо кавказскихъ садовъ	50	30
12	Кагоръ кавказскихъ садовъ	60	—
17	Маграсинское красное	60	35
16	Кавказское садовъ Шаняи	70	40
19	То же старое	80	45
	Русское шампанское	150	—

Благодаря большому сбѣту и новому усовершенствованному способу изготовления часовъ въ моей меновской фабрикѣ, я имѣю возможность продавать съ 10-го іюля с. г. самыя практичныя, прочныя и изящныя карманные **МУЖСКІЕ ЧАСЫ**, черныя, вороненой стали, старытые, анперъ, 15 лини., съ вѣчными календаремъ и элегантной цѣлочной американскаго золота chateleine, съ брасокомъ, вѣсто 15 и 17 руб.

только за 8 и 10 руб.

Часы эти отличаются весьма вѣрными ходомъ и, кромя обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни, число и фазы луны. Также же **СЕРЕБРЯНЫЕ** притя, съ три притяи 84 притя, на 4 р. 50 к. и дороже.

Письменное ручательство на шесть лѣтъ.

Высланъ по полученіи задатка. 2 р., остальное же налогъ платекъ.

Адресъ: **ШАРЛЬ ГЕЙДЕРЪ**, фабричный складъ меновскихъ часовъ въ Варшавѣ.

Множество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ.

БЪЛЪЕ МОНОПОЛЬ

ПРАКТИЧНО И ЭЛЕГАНТНО!
Вороти. 45 к. Машинки 65 к. дож. Машетки 90 к. дож. ларт.
Прейс-курантъ безплатно.

Г. ПЕТО О.-Петербургъ, Нараван-ная ул., 18.

Устерегайтесь п. датлом!

№ 4711.

ЛУЧШИЙ ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
№ 4711.
РЕЙНОНИЕ БУКЕТЫ
слѣдующихъ запаховъ:
Подсѣтѣнникъ, Гольдлаикъ, Жасминъ, Геліотропъ, Ландышъ, Ополонансъ, Резеда, Рейнская Роза, Рейнская Фіалка, Рейнские цвѣты и Ясминникъ.
Превосходные, продолжительные и дешевые духи для плитковъ.
Можно получить во вѣсь лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.
При покупкѣ просить обращать вниманіе на утвер. фбр. марку № 4711.
Цена 1 р. 1 к. и 65 к. за флак., смотря по величинѣ.

Лѣчебница д-ра Эммериха

для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.
Бадень-Бадень. 24-13

Проспекты безплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣченіе хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейница въ Берлинѣ. Звѣздыя. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Герзъ-нъ.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержаще кислотъ.

**ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.**

ПРИРЕЙНСКОЕ техническое училище въ Бингенѣ.

4-4
Машиностроеніе и электротехника.
Программы высылаются безплатно.

АРБЕНДА БРИТВЫ

съ парабленированными лезвьями всемирно-познатыми своимъ качествомъ и реком. какъ наилучшія благодат. и навигодн. бритвы. Тислячи благодарностей. Полная гарантія за достоинство. Обращайте вниманіе на клеймо: A. Arbenz, Jougue, France. Прод. въ лучш. магаз.

ПРИГЛАШАЮТЬ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскай домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59.

КИТАЙСКАЯ ЧЕ-СУ-ЧА

отъ 9 р. за кусокъ мѣромъ 26/28 аршинъ. Фанза, ирель, платни, че-су-ча цвѣтная. ВСЕОБЩЕ ИЗВѢСТНЫЙ караванный китайскій чай 1 р. 60, 2 р., 2 р. 20 и 2 р. 50 ф. ономъ и въ розницу въ конторѣ Д. А. ЕПАНЪШНИНОВА, Москва, Никольская ул., д. Греческ. жон. Иногор. вымы. съ налож. платеж. при высылкѣ 10% на суммъ заказа.

СТОЛКИНДА

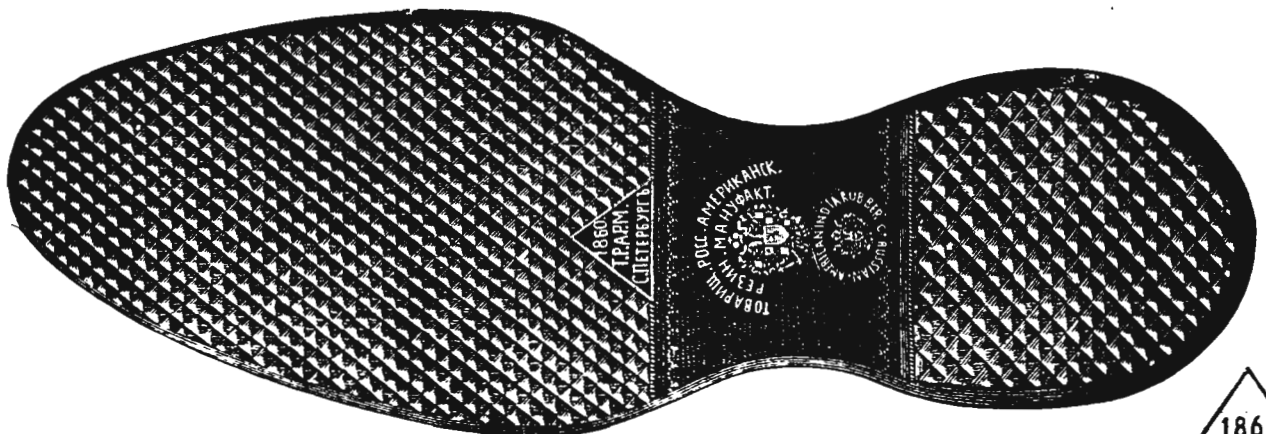
КАПСЮЛИ
ДЕЗОДОРАТЬ
ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ ЗЛОВОНІЯ
въ ДѢТСКИХЪ, СПАЛЬНЯХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ, КУХНЯХЪ и т. д.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
Складъ:
Аптекарская торговля Столкинды,
Лубянской пр. домъ Смольянинова.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 9 51 26 13
на Государственный гербъ и въ особенності на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградой, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ТОВАРИЩЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ.“
 Москва. * Рига. * СПбургь.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ 1-ГО СОРТА

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ.“
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ. ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ТИСНЕНЕ И КРАСНОЕ КЛЕЙМО (ЗВѢЗДА) СЪ ФИРМОЙ.

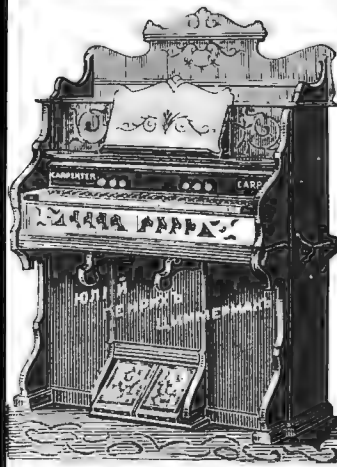

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К.

Средство для смягченія кожи, рукъ и лица
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ СЛИВКИ.

НОВОСТЬ!
 Цвѣточная вода
ЛЕВКОЙ
 ПОСТАВЩИКОВЪ
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и К^о.
 За флаконъ
 60 к. и 1 р.

(Карнеттеръ въ 160 руб.)

Лучше инструменты для духовной и свѣтской музыки, весьма легки для изученія.
ФИСГАРМОНИИ

знаменитой фабрики
ШИДМАЙЕРЪ,
 рекомендованна Главачемъ, Гензельтономъ, Листомъ,
 Американскія известной фабрики
КАРНЕТЕРЪ
 и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ въ 85, 100, 110, 125, 150, 140, 150, 160, 180, 190, 200, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 700, 1000 и 1800 руб.
 Самоучитель Паже 2 руб.
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ безплатно.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ,
 Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, 34. Москва, Кузнецкій м. д. Захарьина.

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпятъ лично и значно профессоръ психоники С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Баз. ул., собственный домъ, № 28. Условія и брош. (въ 32 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10289 10-4

КРАСИВО ПИСАТЬ
 изумительное средство (воспродѣланъ европейски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
 Методъ изобрѣтенъ имъ Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10290 10-4
 За 2 семиконечныя марки выслать пробное письмо и условія, а за 4 семиконечныя марки выслать пробное письмо иррегулярно, подробныя условія и образцы иррегулярнаго почерка. Значч. учин. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Зарубацкая, д. № 12

КУШАЙТЕ
ПЕРКУЛЕСЬ.

Новый прейсъ-курантъ иллюстр. за 1897 г.
 Оружіе и складъ подъ фирмой: „Центральное депо оружія“ Б. Коммунальная, 29. Эд. Веннгъ. За приложеніемъ другъ 7 к. почт. марку высл. безплатно. Много новостей.

ВЫДАЮЩАЯСЯ НОВОСТЬ!!!
СМѢХЪ И ЗАБАВА
 для всякаго возраста.
 Самодѣйствующій кинематографъ—живая фотографія
 фигуры вращаются какъ живыя.
 I. Супруги (Медовый мѣсяцъ). II. На трапеціи. III. Танцовщица. IV. Наконецъ одинъ (Пѣшій похлудъ). V. Драма. VI. Фокусникъ.
 Цѣна 30 коп. экзemplаръ.
 Оптowo-розничная продажа
 X. № 10810 **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ** 4-1
„СВѢРНАЯ ЗВѢЗДА“
 13, Большая Коммунальная, СВЕ.
 Всѣ 6 экз. выслать выслать по почтѣ, по прясмѣ 1 р. 50 к.

НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ ВОСПИТАНІЯ ВОЗРАСТАЮЩИХЪ ДѢТЕЙ
 ТЕЛЕФОНЪ 3672

Представителемъ Льежской мануфактуры на ружья со стволами изъ патентованной стали „Мокраль“, Cockerill, состоитъ Оружейный магазинъ
И. И. ЧИЖОВА
 С.-Петербургъ, Литейный пр., № 51. Рескомне иллюстрированный прейсъ-курантъ выслается безплатно.

ИЩУТЬ
 ля отвѣтствен. должности старшаго приказчика, который въ со- ошнн положить 2000—3000 руб. влога. Обращаться письменно, къ лит. К. З. № 4, Москва, Поч- тать, комм. ш. 316.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
 НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
 № 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

К. Шликэizenъ, Берлинъ SO.
 машино-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длинн., бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (60)
 Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу.
 Валцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптекарей Россіи. № 5197-11001

ПИСАТЬ не только красиво, но и спо- ре изучивъ въ 6 уроковъ значно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдвинго. За двѣ 7 коп. марки выслать условія и пробное письмо. Одесса. Екатерининская, № 7. Проф. кал. Ф. Колядарскъ. № 10263 10-3

Жирная Пудра АУРИХЪ
 для бѣлизны лица
 НЕЗАМѢТНА НА КОЖѢ
ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 Колокольная 18-19

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Umland, Leipzig.
 Прейсъ-кур. выслаются безплатно.

При этомъ предлагается для гг. с.-петербургскихъ и московскихъ подписчиковъ объявленіе отъ П. З. Полова въ Бываловъ.